

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

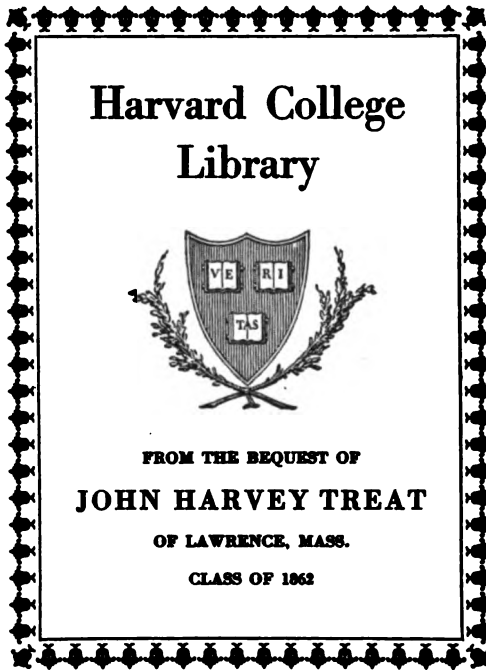
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

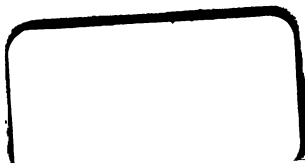
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

3 2044 021 940 5

CP 363.5

FROM A COLLECTION OF BOOKS
BOUGHT IN RUSSIA IN 1922 BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

Т. II.—Ч. I.

ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1903.

CP 363.5

HARVARD COLLEGE LIBRARY
-GIFT OF
ARCHBOLD BERT COULIDGE
JULY 8 1922

2. 2. 2. 2.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

⇒ Т. II.—Ч. I ⇐

ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ.

Факторы социальныхъ явленій.—*С. Глаголева* (стр. 1—34).

Нѣсколько замѣчаній по поводу одной изъ біографій Будды Сакья-Муни (*Lalitavistara*).—*Свящ. I. Трофимова* (стр. 35—46, 58—92, 105—126, 153—168, 197—218).

Ученіе Плотина о прекрасномъ.—*С. А. Ананьина* (стр. 47—57, 93—104).

О причинахъ, создавшихъ нынѣшнее положеніе дѣла воспитанія нашего молодого поколѣнія, и о средствахъ для выхода изъ этого положенія.—*С. Н. Беха* (стр. 127—152).

Мораль М. Горькаго. (Литературно-философскій очеркъ).—*Испектора Могилевской Семинаріи, Геромонаха Георгія* (стр. 169—196).

Историко-философскія воззрѣнія проф. Карѣева.—*Д. Боголюбова* (стр. 219—241, 259—276).

Фридрихъ Ницше—„антихристъ“ въ новѣйшей философіи, Лоренца Фишера. (Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцію М. Воскресенскаго).—*М. Воскресенскаго* (стр. 242—258, 277—292, 324—346, 368—398, 420—444).

Чешскій философъ 14-го вѣка Тома Штитный (*Tomás ze Stitného*).—*А. Вознесенскаго* (стр. 293—304).

Мораль эвдемонизма предъ судомъ общечеловѣческаго нравственнаго сознанія. (Критическій разборъ нравственнаго ученія Милля и Бентама).—*Павла Левитова* (стр. 305—323).

Ученіе Канта объ антиноміяхъ чистаго разума.—*Анатолія Орлова* (стр. 347—367, 399—419).

Признавалъ ли Кантъ бытіе вещей въ себѣ?—*М. Одитцова* (стр. 445—468, 483—498).

Понятіе объ „utile“ (о полезномъ) во второй книгѣ сочиненія Цицерона „De officiis“ (Объ обязанностяхъ).—*А. Покровскаго* (стр. 469—481, 499—510).

ФАКТОРЫ СОЦІАЛЬНЫХЪ ЯВЛЕНІИ.

П. А. Некрасовъ.—Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности. (Пересмотръ основаній соціальной физики Кетле). Изданіе Математическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Москва. 1902.

Изданіе Московскаго Математическаго Общества, заглавіе котораго выписано нами, не есть сочиненіе чисто математическое ни по своему содержанію, ни тѣмъ болѣе по своей цѣли. Авторъ его, занимающій высокій постъ въ ученomъ и учебномъ мѣрѣ, математикъ по специальности, математическую теорію снесенную съ опытомъ дѣлаетъ точкою отправленія для широкихъ выводовъ относительно познанія, предвидѣнія и регулированія массовыхъ проявленій человѣческой дѣятельности. На 138 стр. своей богато содержательной книги онъ опредѣляетъ факторы, которые опредѣляютъ и должны опредѣлять человѣческую дѣятельность. Исходя изъ выясненія этихъ факторовъ, онъ начертываетъ широкія и—должно прибавить—въ то же время строго опредѣленныя схемы общественной педагогики. Авторъ выступаетъ здѣсь какъ ученый, который свои богатые познанія и лично разработанныя теоріи пожелалъ примѣнить къ запросамъ и задачамъ наличной дѣятельности.

Книга съ такимъ богатымъ и широкимъ содержаніемъ должна найти себѣ многочисленныхъ и разнообразныхъ читателей. Она ставитъ и выясняетъ основныя проблемы объ изслѣдованіи наукъ о матеріи и духѣ, она устанавливаетъ методы изслѣдованія явленій духовнаго порядка, содержитъ строгую критику статистическихъ, соціологическихъ и историческихъ методовъ, развившихся на почвѣ детерминистическихъ убѣ-

жденій. Она устанавливаетъ основы жизни, какъ она есть—въ дѣйствительныхъ обществахъ, и основы жизни, какъ она должна быть—въ обществѣ идеальномъ. Два свойства книги дѣлаютъ ее особенно заслуживающею вниманія въ глазахъ православнаго философа и богослова: 1) авторъ—представитель строго точнаго знанія—въ вопросахъ о духѣ и явленіяхъ духовной жизни стоитъ на строго православной почвѣ. Этотъ фактъ уже самъ по себѣ доказываетъ тѣмъ, кто думаетъ, что наука несовмѣстима съ религіей, неосновательность ихъ воззрѣній. Точная наука не знаетъ ничего и не располагаетъ никакимъ матеріаломъ, который колебалъ бы христіанскія начала. Но авторъ идетъ далѣе. 2) Самыя данныя точнаго знанія онъ хочетъ употребить для обоснованія одной изъ важнѣйшихъ истинъ религіи и религіозной философіи—факта нравственной свободы человѣка и человѣчества.

„Потрудившись много, говоритъ авторъ, надъ чисто математическими вопросами по теоріи вѣроятностей, а именно—надъ новымъ ученіемъ о вѣроятностяхъ среднихъ величинъ, составляющихъ основу для раскрытія въ различныхъ родахъ массовыхъ случайныхъ явленій математической закономерности, я хочу теперь вернуться опять къ теоріи среднихъ величинъ, но съ другою цѣлюю.

По примѣру *Эюссмилла, Бюффона, Кондорсе, Лапласа и Кетле*, я хочу взглянуть на теорію вѣроятностей съ ея дисциплинами, какъ на вѣтвь *логики* точныхъ индуктивныхъ наукъ, имѣющихъ дѣло съ массовыми проявленіями политической, общественной и духовно-нравственной жизни людей, и предполагаю воспользоваться здѣсь успѣхами теоріи вѣроятностей, сдѣланными послѣ Кетле, для *усовершенствованія* этой логики въ соответствующихъ частяхъ. Такое усовершенствованіе сдѣлалось возможнымъ благодаря главнымъ образомъ знаменитому мемуару *Ш. Л. Чебышева*: „О среднихъ величинахъ“.

Эта усовершенствованная логика вмѣстѣ съ философіей, на которую она опирается, проливаетъ болѣе яркій свѣтъ на философіяскія категоріи *необходимости, свободы, стѣсненія, причины, вліянія и цѣли*, устраняя ту спутанность, какая существовала во взглядахъ на свободу, свободную волю и пр.,

оцѣнивая напряженіе или степень вліянія числовымъ мѣриломъ, ввучая стѣсненія и изоляторы, являющіеся спутниками свободы и независимости, и открывая математическую законность въ массовыхъ *независимыхъ* случайныхъ явленіяхъ *свободолюбиваго* человѣческаго сообщества.

Эта законность не та, которая опирается на фаталистическое дѣйствіе закона причинности, а та, которая, не противорѣча причинности, опирается однако на свободу и нравственный законъ и которую Эюссимыхъ удачно назвалъ божественнымъ порядкомъ. Эту законность можно назвать еще *свободною* (связанною съ независимостью).

Въ мировомъ порядкѣ существуетъ математическая регулярность *оухъ* родовъ: *фатальная* (связанная съ необходимостью) и *свободная*. Регулярность второго рода наукою о человѣкѣ до сихъ поръ не была правильно оцѣнена.

Для установленія правильнаго взгляда на законы, регулирующие явленія, авторъ обращается къ основнымъ понятіямъ теоріи вѣроятностей. Теорія вѣроятностей опредѣляетъ число благоприятныхъ или неблагоприятныхъ шансовъ для наступленія событія. Если въ урнѣ имѣется m шаровъ и n изъ нихъ бѣлые, то вѣроятность вынуть бѣлый шаръ выразится дробью, числитель которой равенъ количеству бѣлыхъ шаровъ а знаменатель есть число всѣхъ шаровъ. Эта дробь будетъ $\frac{n}{m}$. Представленный примѣръ есть простѣйшій. Но часто можетъ ставиться вопросъ о вѣроятности не одного, а нѣсколькихъ совѣстныхъ явленій. При рѣшеніи этого вопроса имѣетъ каждое значеніе обстоятельство—стоятъ или не стоятъ эти явленія въ связи между собою. Когда бросаютъ одновременно двѣ монеты, то паденіе одной изъ нихъ орломъ или рѣшеткой не зависитъ отъ того, какъ упадетъ другая. Напротивъ, вѣроятность для зданія сгорѣть стоитъ въ зависимости отъ вѣроятности пожара въ окружающихъ его зданіяхъ. Эти примѣры выясняютъ понятіе *независимости* явленій и *вліянія* явленій. Понятно, что степень вліянія можетъ колебаться отъ 0 до принудительной необходимости. Можно представить себѣ процессы, въ которыхъ имѣютъ мѣсто явленія А, В, при чемъ условія совершенія явленій остаются въ теченіе процесса неиз-

мѣнными. Незмѣнна независимость явленій, неизмѣнна ихъ степень вліянія. Такіе процессы авторъ называетъ стаціонарными. Имѣющіяся у нихъ независимость и вліяніе онъ тоже называетъ стаціонарными. Можно представить, что въ подобные процессы вторгаются новыя условія, измѣняющія въ нихъ взаимоотношеніе явленій, характеръ ихъ независимости, вліяніе. Такіе процессы и отношеніе въ нихъ явленій авторъ называетъ нестаціонарными. Ясно, что каждый нестаціонарный процессъ можно дробить на болѣе или менѣе мелкіе стаціонарные. При опредѣленіи вѣроятности независимыхъ явленій рѣшающее значеніе, по автору, имѣетъ теорема Чебышева о среднихъ величинахъ. Исходное начало ея—теорема Бернулли. Если вѣроятность какого-нибудь явленія при извѣстныхъ условіяхъ $=p$ (положимъ вѣроятность вынуть бѣлый шаръ изъ 10, въ которыхъ 7 черныхъ и остальные бѣлые $=3/10$) и если эти условія будутъ многократно повторяться, то чѣмъ больше будетъ число повтореній, тѣмъ больше число, выражающее осуществленіе явленія, раздѣленное на число повтореній, будетъ подходить къ p . Если число повтореній $=n$; число осуществленія $=m$, то при возрастаніи n разность $\frac{m}{n} - p$ можетъ быть сдѣлана менѣе всякой величины (въ приведенномъ примѣрѣ: если вынимать шары въ теченіе 10000 разъ, то вѣроятность вынуть 3000 разъ бѣлый приближается къ достовѣрности $m/10000 - 1/3 = 0$ или чрезвычайно мало). Пуассонъ расширилъ теорему Бернулли. Если вѣроятности осуществленія какого-либо явленія при повтореніи будутъ измѣняться и если ихъ обозначить соотвѣтственно черезъ p_1, p_2, p_3 , то при значительно большемъ повтореніи число, выражающее осуществленіе явленія, раздѣленное на число повтореній, будетъ равно суммѣ вѣроятностей, раздѣленныхъ на то же число, или, значить, число осуществленій m будетъ $=p_1 + p_2 + p_3$. Теорема Чебышева обобщаетъ теоремы Бернулли и Пуассона. Пуассонъ беретъ одинъ нестаціонарный процессъ. Чебышевъ предполагаетъ ихъ (взаимно независимыхъ) m . Смыслъ теоремы Чебышева таковъ. Отношеніе числа, показывающаго, во сколькихъ возможныхъ случаяхъ осуществились извѣстныя явленія, къ числу, опредѣляющему количество всѣхъ этихъ возможныхъ слу-

чаевъ съ увеличеніемъ числа случаевъ до бесконечности, разнится отъ средней арифметической вѣроятности явленія при всѣхъ этихъ случаяхъ менѣе чѣмъ на какую угодно данную величину. Математически она выражается такъ. Если величина x можетъ принимать различныя значенія x_1, x_2, x_3 , вѣроятности которыхъ соотвѣтственно $= p_1, p_2, p_3$, то сумма всѣхъ этихъ значеній, помноженныхъ на ихъ вѣроятности, носитъ имя математическаго ожиданія. Это ожиданіе, значить, въ данномъ случаѣ будетъ выражаться $x_1 p_1 + x_2 p_2 + x_3 p_3$. Если намъ дадутъ независимыя величины x, y, z ; если математическія ожиданія ихъ будутъ a_1, a_2, a_3 , а математическія ожиданія квадратовъ этихъ величинъ будутъ b_1, b_2, b_3 , и если мы имѣемъ нѣкоторое положительное количество T , то вѣроятность p , что среднее арифметическое этихъ величинъ m разнится отъ средняго арифметическаго математическихъ ожиданій ихъ не болѣе какъ на $T \sqrt{\frac{a_1 + a_2 + a_3}{m} - \frac{b_1 + b_2 + b_3}{m}}$ бываетъ всегда болѣе величины $1 - \frac{1}{mT^2}$ при чемъ, при возрастаніи m , это вычитаемое безпредѣльно стремится къ 0. Эта теорема имѣетъ значеніе лишь при взаимной независимости явленій. Статистика изучаетъ, какъ взаимно зависимыя, такъ и взаимно независимыя явленія. И вотъ въ послѣднихъ случаяхъ теорія вѣроятностей, опирающаяся на теорію среднихъ величинъ, и оказываетъ статистикѣ неоцннимыя услуги. Между явленіями можетъ существовать зависимость физическая, фізіологическая, психофізіологическая и, наконецъ, духовно-нравственная. Если низкая температура можетъ сдѣлать невозможнымъ взрѣваніе какого либо плода, то слово одного человѣка можетъ сдѣлать какой либо поступокъ невозможнымъ для другого. Въ общественной жизни имѣются или создаются условія благопріятствующія или стѣсняющія появленія тѣхъ или другихъ событій. Задача различныхъ наукъ изучать взаимную зависимость событій и количественно опредѣлять степень этой зависимости. Но кромѣ зависимыхъ общественная жизнь представляетъ рядъ явленій свободныхъ, взаимно-независимыхъ, случайныхъ. Задача науки выдѣлять эти явленія. Изъ даннаго понятія о теоріи среднихъ величинъ слѣдуетъ, что именно къ этимъ

явленіямъ можно и должно прилагать эту теорію, и что по отношенію къ каждой группѣ подобныхъ свободныхъ явленій теорія среднихъ величинъ даетъ возможность устанавливать точные свободные законы.

Теорія вѣроятностей должна быть приложена къ изслѣдованію массовыхъ проявленій человѣческой дѣятельности. Въ изслѣдованіи этой дѣятельности должно руководиться умозрѣніемъ и наблюденіемъ. Это будетъ точною логикою изслѣдованія. Умозрѣніе построяетъ апіорныя схемы, наблюденіе ихъ провѣряетъ. При построеніи таковыхъ схемъ авторъ предостерегаетъ отъ попытокъ и стремленій изъ низшихъ схемъ выводить высшіе факты. Матеріалистическія схемы на своемъ мѣстѣ при объясненіи физическихъ явленій, но изъ нихъ также нельзя истолковать духовныхъ явленій, какъ нельзя изъ геометрическихъ свойствъ протяженія вывести силы тяжести или упругости. Существуютъ силы физическихъ, дѣйствующія по тремъ началамъ, формулированнымъ Ньютономъ въ его Principia. Существуютъ силы сверхфизическія или психическія. Авторъ характеризуетъ ихъ, какъ *хотѣніе* или живое притяженіе. Онъ видитъ проявленіе этой сверхфизической силы уже въ фактахъ броженія, въ фактахъ растительной жизни. Онъ опредѣляетъ эту сверхфизическую силу, какъ выбирающую, распредѣляющую и размножающую. У существъ высшихъ хотѣніе проявляется, какъ сила дѣйствующая сознательно и разумно. Она является свободной волей. Фактъ свободы нашей воли представляетъ „достовѣрную апіорную самоочевидную аксіому (не менѣе очевидную, чѣмъ аксіомы геометріи“). Опредѣляетъ ее авторъ такъ: *свободная воля есть равнодѣйствующая всѣмъ психическимъ силамъ духовноразумнаго существа*. Свободная воля въ нѣкоторой сферѣ дѣйствуетъ, какъ причина, вызывая неизбѣжныя слѣдствія. Поскольку явленія человѣческой жизни имѣютъ свою причину въ свободной волѣ, постольку они случайны и независимы. Но въ такомъ случаѣ къ нимъ должна быть примѣнена теорема Чебышева и вытекающей изъ нея точный свободный законъ относительно массовыхъ проявленій человѣческой дѣятельности. „Въ стационарномъ массовомъ общественномъ процессѣ

случайныя явленія, представляющія результаты нестьсненной дѣятельности свободной воли, взаимно независимы и поэтому должны изъ года въ годъ повторяться въ одинаковыхъ приблизительно итогахъ. Если съ этими массовыми случайными явленіями связаны опредѣленные соответственныя числа, то и среднія арифметическія этихъ чиселъ должны повторяться изъ года въ годъ приблизительно въ однихъ и тѣхъ же величинахъ". Такимъ образомъ мы получаемъ у автора, что единообразіе статистическихъ данныхъ, которое обыкновенно приводится, какъ могучій аргументъ въ пользу детерминизма, на самомъ дѣлѣ обуславливается фактомъ существованія свободной воли. Авторъ обращаетъ вниманіе на то, что тѣ, которые должны быть названы творцами нравственной статистики—Зюсмильхъ и Кетле, открывшіе единообразіе статистическихъ цифръ, признавали фактъ человѣческой свободы, но что только послѣдующіе мыслители принципиально измѣнили взглядъ на значеніе этихъ цифръ и сообщили имъ детерминистическій смыслъ. „Къ какимъ слѣдствіямъ, спрашиваетъ авторъ о формулированномъ имъ законѣ, приводитъ этотъ законъ? Подтверждаетъ ли онъ наше внутреннее убѣжденіе о существованіи свободной воли? *Не только подтверждаетъ, но и утверждаетъ, какъ очевидное его слѣдствіе, что свободная воля есть великая реальная психическая мировая сила, могущественнымъ образомъ проявляющаяся тамъ, гдѣ существуетъ массовая духовно-нравственная разумная человѣческая дѣятельность*". Производя независимыя явленія, сила свободы кромѣ того можетъ еще оказывать вліяніе на другія явленія, и это вліяніе можетъ быть и благотворнымъ и вреднымъ. Ошибка Кетле заключалась въ томъ, что онъ свободу воли индивидуумовъ разсматривалъ, какъ силу пертурбаціонную, которая ступевывается въ массахъ. На самомъ дѣлѣ эта сила должна быть разсматриваема, какъ высшая, какъ регулирующая соціальную жизнь. „Нравственныя условія, въ сферѣ которыхъ дѣйствуетъ свободная воля, полагаются въ нравственномъ законѣ Творца, и предъ этимъ закономъ открыто преклонялись тѣ представители точныхъ знаній, коимъ приходилось встрѣчаться съ понятіемъ о нравственномъ законѣ, примѣняя статистическій методъ къ

моральнымъ явленіямъ". Наука о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности должна опираться на идеальный реализмъ, т. е., должна выходить изъ идеальныхъ началъ, но имѣть подъ собою опытную почву, и на точную логику. Въ изслѣдованіи жизни человѣчества авторъ предлагаетъ руководиться богочеловѣческимъ принципомъ, составляющимъ сущность христіанской морали и выразившимся въ православномъ вѣроученіи, и точными методами западной науки. „Весь неисчерпаемый запасъ духовно-нравственныхъ, психо-физиологическихъ, физиологическихъ и физическихъ силъ дѣйствуетъ во взаимныхъ отношеніяхъ людей, проявляясь осязательно въ ихъ жизни, нормируемой нравственными и гражданскими законами, какъ обязательствами, совмѣстимыми, съ одной стороны, со свободною индивидуальностью и приводящими, съ другой стороны, къ математической регулярности или закономерности въ массовыхъ независимыхъ проявленіяхъ. Эта математическая закономерность выражается въ *точныхъ* и притомъ *свободныхъ* законахъ, дѣйствующихъ тѣмъ не менѣе съ неуклонностью законовъ физики. Точные законы эти представляютъ собою выраженіе соотношеній между конкретными явленіями, обоснованное строгимъ умозрительнымъ выводомъ изъ данныхъ аксіомъ, понятій, постулатовъ и условій и проверенное наблюденіемъ.

При этомъ между точными свободными законами и законами, какъ нравственными и гражданскими обязательствами, не можетъ быть никакого противорѣчія по той причинѣ, что точные свободные законы, открываемые въ массовой человѣческой жизни, являются лишь выводами изъ обстоятельствъ и условій, въ которыхъ нравственные и гражданскіе законы имѣютъ первенствующую роль. Эти послѣдніе законы входятъ въ число основныхъ аксіомъ, понятій, постулатовъ и условій въ самое выраженіе точныхъ свободныхъ законовъ, а потому точные свободные законы являются подчиненнымъ послѣдствиемъ вліяній высшаго разряда, т. е., духовно-нравственныхъ. Поэтому правъ былъ не только Кетле, который назвалъ совокупность точныхъ свободныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ массовой человѣческой жизни, „соціальною физикою“, но и

Экземпляръ, который тѣ же законы назвалъ „божественнымъ порядкомъ“.

Индуктивная наука о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности изучаетъ какъ фатальные законы, такъ и этотъ божественный порядокъ, выражающійся въ точныхъ свободныхъ законахъ, какъ послѣдствіяхъ духовно-нравственныхъ, психофизиологическихъ, физиологическихъ и физическихъ вліяній. Притомъ наука эта въ ея примѣненіяхъ къ реформамъ человѣческой жизни оцѣниваетъ свободную благотворную регулярность (опирающуюся на свободные точные законы) безконечно выше, нежели фатальную благотворную регулярность (опирающуюся на фатальные точные законы). Эта разница въ оцѣнкѣ той и другой регулярности вытекаетъ изъ того, что одна связана съ высшими способностями человѣка, а другая съ низшими (физическими и физиологическими) свойствами его. Напротивъ, преступная свободная регулярность должна цѣниться самою низкою отрицательною цѣною, и практическая реформа должна стремиться къ искорененію такой свободы.

Въ этомъ опредѣленіи задачъ индуктивной науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности и практическаго значенія этой науки выражается вся сущность этой науки“.

Бетле, создавшій теорію средняго человѣка, опирающуюся на то, что все стоящее выше и ниже средняго уровня сглаживается и ступешивается въ массовыхъ явленіяхъ, тѣмъ самымъ открылъ широкій доступъ въ социальныя ученія теоріи большихъ чиселъ. Все дѣло въ массѣ. Авторъ обращаетъ вниманіе, что при развитіи такого воззрѣнія представляли, что масса съ *необходимостью* должна дать извѣстное количество преступниковъ, самоубійць, какъ, наоборотъ, въ ней должно быть заключено извѣстное число браковъ и т. д. Но на самомъ дѣлѣ теорія среднихъ величинъ можетъ опредѣлять и предвидѣть эти цифры лишь въ случаѣ существованія въ массѣ свободы. А разъ начало, управляющее массовыми явленіями, свободно, то долженъ быть отвергнутъ фатализмъ. Жизнь массъ регулируется свободой, находящею для себя опредѣляющіе мотивы въ моральныхъ и интеллектуальныхъ основаніяхъ. Для прогресса въ жизни массъ нужно на-

копленіе интеллектуальныхъ и моральныхъ силъ, а не безнадежное преклоненіе предъ фатальнымъ значеніемъ большого числа. Въ дѣятельности, направленной къ поднятію жизни массъ должно руководиться историческимъ идеализмомъ. Такой идеализмъ предполагаетъ собою вѣру въ нравственную силу и въ нравственное назначеніе человѣка. Но этотъ идеализмъ долженъ считаться съ реальною дѣйствительностію. Нравственное назначеніе человѣка высоко, но силы его слабы и кромѣ того на его дѣятельность часто вліяютъ начала злоторныя. Это должно имѣть въ виду при опредѣленіи средствъ для интеллектуальнаго и моральнаго поднятія массъ. Это упустилъ изъ виду Руссо. Это упускаетъ изъ виду въ настоящее время графъ Л. Н. Толстой, слишкомъ переоцѣнивающій наличныя качества человѣческой души. Темныя качества человѣка дѣлаютъ необходимымъ созданіе въ обществѣ или государствѣ средствъ задерживающихъ ихъ проявленіе.

Если грѣховныя и преступныя стремленія свободы должны быть парализуемы, то наоборотъ для свободы благотворной долженъ быть открытъ просторъ. Свобода есть высшее благо разумаго существа, стѣснять ее во имя принциповъ религіознаго ли фанатизма, капиталистическихъ или социалистическихъ безнравственно. Опредѣляющимъ началомъ для благотворной свободы является нравственный законъ. Дѣйствительность открываетъ многообразіе нравственныхъ понятій и различіе уровней этихъ понятій такъ, что можно построить лѣствицу этихъ уровней. Наибольше важное значеніе въ этой лѣствицѣ имѣетъ вершина, намѣчающая предѣльную цѣль, къ которой долженъ приближаться прогрессирующій нравственный процессъ. Высочайшій нравственный законъ, представляющій эту вершину, невыводимъ изъ эмпирическихъ данныхъ, онъ дается богооткровенной религіей. Наука должна принять это какъ фактъ необходимый ей для ея индуктивныхъ выводовъ. Такое отношеніе науки къ религіи и разграничиваетъ ихъ сферы (конечную и трансцендентную) и объединяетъ ихъ дѣятельность. Противоположеніемъ нравственнаго закона является нравственная анархія, она представляетъ свою отрицательную лѣствицу, по которой выпускается порокъ до низшихъ

ступеней. Въ особяхъ находятся въ смѣшанномъ состояніи положительныя и отрицательныя нравственныя качества. Этимъ порождаются коллизіи. Для того, чтобы эти коллизіи устранялись и преобъѣдались въ благотворномъ, нравственномъ направленіи, нужна дѣятельность особыхъ началъ. Такимъ началомъ является гражданскій законъ, проводникомъ и опорой котораго служить лучшая часть гражданъ. Сложныя условія регулируютъ общественный процессъ. Самый фактъ существованія общества доказываетъ присутствіе въ немъ нѣкоторыхъ связующихъ и организующихъ силъ. Важнѣйшими изъ таковыхъ являются: нравственное состояніе сообщества, интеллектуальное состояніе, состояніе экономическое. Факторами поддерживающими сообщество, являются: Церковь, государственныя учрежденія, общественные классы. То, что связываетъ общественный организмъ, можетъ быть названо именемъ моральныхъ сдѣпленій. Основа этихъ сдѣпленій—любовь. Но въ противоположность началамъ связывающимъ въ обществахъ существуютъ начала разлагающія—себялюбіе, зависть, месть. При изслѣдованіи факторовъ соціальной жизни открывается, что часть ихъ, именно тѣ, которые зависятъ отъ доброй или злой воли, не доступны наблюденію. То, что лежитъ внѣ ихъ, опредѣляется болѣе или менѣе механическими законами необходимости; явленія, опредѣляемыя свободными факторами, не подлежатъ этой зависимости. Это—явленія случайныя. Изслѣдованіе ихъ должно опираться на теорію вѣроятностей. Свободныя дѣйствія въ своемъ простѣйшемъ и прямомъ смыслѣ принадлежатъ особямъ—живымъ монадамъ Лейбница. Но въ обществѣ или государствѣ, какъ свободная особа, могутъ быть разсматриваемы и совокупности особей: семья, община, артель, цѣлыя сословія. Въ такихъ сложныхъ особяхъ дѣйствуетъ коллективная свободная воля. Изученіе и опредѣленіе ея проявленій обусловливается точнымъ свободнымъ закономъ о свободныхъ дѣйствіяхъ особей. Этотъ законъ долженъ быть распространенъ на свободныя дѣйствія массъ или обобщенъ въ теорему вѣроятности массовыхъ свободныхъ дѣйствій все равно, какъ теоремы Бернулли и Пуассона обобщены въ теорему Чебышева. Такъ какъ явленія должно клас-

сифицировать, точно также должно классифицировать и сложные особи, то, понятно, законовъ регулирующихъ дѣйствія этихъ особей должно быть постепенно устанавливаемо болѣе и болѣе. Прежде всего эти законы должны быть установлены по отношенію къ стаціонарному процессу, но затѣмъ они должны по расширеніи и измѣненіи быть примѣняемы и къ процессамъ не стаціонарнымъ. Законы эти должны быть устанавливаемы эмпирическимъ путемъ. Ихъ основаніемъ должно служить историческое изученіе, сравненіе историческихъ процессовъ. На этихъ законахъ должна быть построена логика прогресса и реформъ общественной жизни. Эта логика должна считаться съ существующими двумя понятіями о свободѣ. Признаютъ конкретную свободу, исторически сложившуюся и эмпирически изучаемую, и признаютъ свободу отвлеченную, представленіе о которой сложилось теоретически и попытки утвердить которую порой соединялись съ страшными насиліями. Дѣйствительная наука должна имѣть въ виду свободу дѣйствительную—конкретную. Для этой свободы должны существовать охраняющія начала—изоляторы. По отношенію къ пользующимся свободою, эти изоляторы суть благо, по отношенію къ посягающимъ на эту свободу они суть стѣсненія. Такимъ образомъ гражданской свободѣ необходимъ спутникъ, ее охраняющій: стѣсненіе, выражающееся въ нравственной и гражданской дисциплинѣ и въ другихъ условіяхъ. Реформа благотворной свободы должна совершаться въ идеально-реальномъ направленіи. Должны быть принимаемы во вниманіе историческія условія, особенности быта, національныя особенности народовъ. Не должно увлекаться теоріей подражаній и заимствованій. „Всякій великій народъ долженъ развивать *свою* національную идеально-реальную благотворную свободу. Вотъ почему, между прочимъ, славянофилы такъ убѣжденно и проникновенно защищали три столпа русской идеально-реальной благотворной свободы: Православіе, Самодержавіе и Народность“. Не должно увлекаться идеею отвлеченнаго космополитизма, попытки практически осуществить которую могутъ принести много зла.

Послѣднюю главу (VII) своей книги авторъ посвящаетъ за-

вѣщаніямъ о трудахъ русскихъ мыслителей по вопросу о свободѣ воли, описываетъ свойства свободной воли, какъ особой психической силы, дѣйствующей по цѣлямъ (по мотивамъ при свѣтѣ сознанія и разума). Какъ добрая, такъ и злая воля тяготеютъ къ счастью, добрая воля находитъ его въ подчиненіи своихъ рѣшеній нравственному закону, злая пытается его находить, нарушая требованія этого закона. Такъ какъ часто доводы не могутъ парализовать послѣднюю, то для борьбы съ нею необходимы репрессіи. Свободная воля дѣйствуетъ и какъ причина (независимая—своихъ дѣйствій) и какъ вліяніе (на дѣйствія другихъ). „Основные свойства свободной воли въ связи съ прочими силами и съ категоріей нравственнаго закона, говоритъ авторъ, выразимъ въ слѣдующихъ постулатахъ.

1. Кромѣ силъ физическихъ, дѣйствіе которыхъ на матерію опредѣляется ньютоновскими тремя законами (аксіомами) о движеніи, существуютъ свойственныя живымъ особямъ силы метафизическія, дѣйствіе которыхъ характеризуется слѣдствіями другого рода.

2. Метафизическая сила, разлитая въ органической жизни, есть *хотѣніе*. Сила эта *выбирающая, распределяющая и разносожающая*.

3. На высшей ступени органической жизни находится человекъ,—существо, сознающее свое „я“ и разумно относящееся къ цѣлямъ, къ позывамъ своего хотѣнія и къ выбору наиболѣе подходящихъ средствъ. Хотѣніе, опредѣляющее дѣйствіе по разумнымъ мотивамъ, есть свободная воля.

4. Вліяніе свободной воли на различныя подлежащія ему послѣдствія бываетъ различнымъ по напряженію, числовое опредѣленіе котораго (не только по величинѣ, но и по направленію) возможно устанавливать при посредствѣ вѣроятностей, какъ указано въ главѣ I (§ 4). Это вліяніе въ нѣкоторой сферѣ бываетъ нестѣсненнымъ или рѣшающимъ, т. е., переходитъ въ *причину*, которая опредѣляетъ дѣйствіе. Эта нестѣсненная дѣятельность свободной воли подчиняется въ *массовыхъ проявленіяхъ* точнымъ математическимъ законамъ, указаннымъ въ главахъ IV (§ 22) и VI (§§ 38 и 39).

5. Сфера нестѣпеннаго дѣйствія свободной воли человѣка ограничена въ зависимости отъ способностей души (отъ ея интеллектуальныхъ и сердечныхъ силъ) и отъ постороннихъ условій и вліаній.

6. Подчиненіе свободной воли нравственному закону есть *любовь*, лежащая въ основѣ нравственной жизни.

7. Нравственная жизнь съ ея основными категоріями предполагаетъ свободу воли и не объяснима съ матеріалистической точки зрѣнія

8. Направленіе свободной воли въ каждомъ ея рѣшеніи оцѣнивается отношеніемъ рѣшенія къ нравственному закону: добрая воля стремится согласовать свои рѣшенія съ нравственнымъ закономъ, а злая дѣйствуетъ противоположно.

9. Направленіе свободной воли консервативно, но можетъ измѣняться, благодаря пробужденію совѣсти, вслѣдствіе особыхъ внутреннихъ переворотовъ и подъ вліаніемъ воспитанія и личнаго опыта, оставляющаго внутренній слѣдъ въ состояніяхъ совѣсти. Условія этихъ переворотовъ не всегда доступны для познающаго ума.

Если бы образовалось общество, свободныя дѣйствія членовъ котораго опредѣлялись всецѣло любовью къ Богу и ближнему, то въ такомъ идеальномъ обществѣ были бы совершенно не нужны войско, полиція, суды. Но такого общества не существуетъ. Въ тѣхъ обществахъ, которыя знаютъ дѣйствительность, дѣйствуютъ силы не только моральнаго сцѣпленія, но и силы разлагающія, такъ сказать, силы диссоціаціи. Препობѣждая ихъ, правительства стремятся поднимать народъ по возможности на наибольшую высоту въ морально-интеллектуальномъ отношеніи. Когда верхніе слои морально-интеллектуальной силы дѣйствуютъ въ этомъ идеально-реальномъ направленіи, тогда является стройная правильно прогрессирующая свободонравственная гражданская жизнь. Теорія вѣроятностей предполагаетъ въ такой жизни математическую законѣрность, а данныя статистики и историческихъ наблюденій всегда будутъ подтверждать ее. Совмѣстно они констатируютъ и опредѣляютъ существованіе въ явленіяхъ соціальной жизни—„сверхфизическаго порядка, обусловливаемаго невѣсо-

ими и неосязаемыми, но тѣмъ не менѣ могучими вліяніями нравственнаго происхожденія. Эти вліянія, подчиненныя нравственному и гражданскому законамъ, не задѣваютъ свободы благотворной, когда эта свобода есть зрѣлый нравственный плодъ; но тѣ же вліянія являются необходимыми проводниками любви тамъ, гдѣ благотворная свобода еще не стала твердо на собственныя ноги, и являются также орудіемъ самоотверженной защиты свободонравственной жизни противъ ея враговъ².

Такowo въ общемъ содержаніе поучительной книги П. А. Некрасова. Должно оговориться, однако, что сдѣланное изложеніе далеко его не исчерпываетъ. Авторъ говоритъ сжато, говоритъ объ очень многомъ, и сокращать или резюмировать его разсужденія часто значить или дѣлать изъ нихъ выпуски или можетъ быть даже исказать ихъ. Но за всѣмъ тѣмъ самъ авторъ стремился въ своей книгѣ быть яснымъ и въ общемъ точнымъ такъ, что неправильное пониманіе книги обусловливается не виною автора. Пишущій эти строки рекомендуетъ читателямъ прочесть самимъ книгу П. А. Некрасова, не довольствуясь никакими изложеніями и рецензіями. Тѣмъ болѣе, что можно предвидѣть, что въ нѣкоторой части печати этотъ трудъ не встрѣтитъ къ себѣ объективнаго отношенія. Принципы автора не раздѣляются многими изъ тѣхъ, которые думаютъ, что они служатъ дѣлу культуры, что они правильно и безспорно понимаютъ требованія научныхъ методовъ и дѣйствительныя нужды людей и способы ихъ удовлетворенія. Безъ сомнѣнія и авторъ долженъ былъ предвидѣть, что съ нимъ не согласятся многіе. Но можно ли было предвидѣть, что его будутъ извращать, что его постараются не понять и станутъ настаивать въ такихъ истинахъ, не звать которыхъ безусловно не могъ, конечно, ни одинъ изъ студентовъ, учившихся у нашего автора? Образчикъ такого своеобразнаго отношенія къ книгѣ представляетъ рецензія ея, данная г. Z въ Русскихъ Вѣдомостяхъ №№ 292 и 295 1902 г. ¹⁾ Эта рецензія харак-

¹⁾ Относительно своего взгляда на книгу П. А. Некрасова авторъ настоящей статьи считаетъ себя обязаннымъ отмѣтить, что его взглядъ въ существенномъ жъ въ наибольшей части совпадаетъ съ взглядомъ его уважаемаго сотоварища проф.

терна и для написавшаго ее г. Z и для помѣстившей ее газеты. Г. Z начинаетъ свою критику съ того, что приписываетъ г. Некрасову мысль основать всю науку о массовыхъ явленіяхъ на „строгой математической логикѣ“ и поучаетъ, что теперь мы знаемъ, что основать науки на одной логикѣ нельзя, что нужны факты, наблюденія. Безъ сомнѣнія, это знаютъ всѣ. И скорѣе, пожалуй, самъ г. Z затруднится указать того, кто бы и въ прошломъ пытался основать какую-либо науку на одной логикѣ. П. А. Некрасовъ говоритъ въ своемъ трудѣ о безусловной необходимости индукціи при изслѣдованіи социальныхъ явленій, объ эмпирической установкѣ изслѣдуемыхъ явленій. Что г. Z не совсѣмъ понялъ рѣчь нашего автора, это видно изъ его дальнѣйшаго разсужденія, онъ порицаетъ предлагаемую г. Некрасовымъ теорію изолированія явленій (но, вѣдь, это одинъ изъ практичнѣйшихъ опытныхъ методовъ г. Z!), но чтобы онъ совсѣмъ не понялъ книги, этому повѣрить нельзя. Далѣе рецензентъ пишетъ: предлагаемое г. Некрасовымъ раздѣленіе законовъ на фатальные и свободные не совсѣмъ удачно въ томъ отношеніи, что и „законы природы, какъ замѣчаетъ проф. Оствальдъ, не суть приказы, а только свѣдѣнія; они не приказываютъ того, что должно произойти, а только извѣщаютъ, что происходитъ“. Рецензентъ не приводитъ цитата, но несомнѣнно, что онъ эти познанія почерпнулъ изъ конца 20 лекціи натурфилософіи Оствальда. Лекціи Оствальда очень хороши, но г-ну Z суждено, повидимому, брать изъ нихъ только то, что отсутствовало бы въ нихъ съ пользою для книги. Извѣщать о томъ, что уже совершается, нечего. Законы природы не извѣщаютъ, что сейчасъ идетъ снѣгъ. Это я вижу собственными глазами. Законы природы и не приказываютъ. Если бы они могли приказывать, то, значить, могли бы и не приказывать, тогда они и не были бы фатальными. Но законы природы опредѣляютъ намъ явленія, какъ необходимыя слѣдствія предшествовавшихъ условій. Поэтому они суть законы необходимости. Тѣ, кто

А. Ив. Введенскаго (см. рецензію труда П. А. Некрасова написанную проф. Введенскимъ — *Подчинены ли проявленія человеческой дѣятельности опредѣленнымъ законамъ?* Московск. Вѣдом. № 802, 2 ноября 1902 г.).

вѣрять въ свободу воли, противопологаютъ естественнымъ законамъ необходимости нравственные законы свободы. Связь между причиной и дѣйствиємъ тамъ иная. Я—причина настоящей статьи, но по моему убѣжденію я могъ бы ее и не писать и сдѣлать что-либо другое. Моя свобода управляетъ моими дѣйствіями. Многіе отрицаютъ свободу воли. Пусть такъ! Но они не могутъ требовать (потому что это невыполнимо), чтобы всѣ отрицали такую свободу. А кто ее призываетъ, тотъ необходимо долженъ дѣлить законы на фатальные и свободные. Разумѣется, необходимое не можетъ быть неточнымъ. Въ вопросѣ о социальныхъ преобразованіяхъ г. Z является, повидимому, сторонникомъ ломки, а не постепеннаго мирнаго развитія. Но едва ли онъ не согласится съ тѣмъ, что послѣднее было бы лучше, чѣмъ ломка, еслибы создались благоприятныя условія для послѣдняго. Между тѣмъ авторъ „философіи и логики науки“ указываетъ возможность такихъ благоприятныхъ условій въ признаніи принциповъ православія. Онъ указываетъ ихъ какъ идеальную вершину нравственнаго закона. Признаніе принциповъ, конечно, не есть осуществленіе. Но если лучшая часть гражданъ будетъ болѣе и болѣе воплощать въ себѣ эти принципы, то тогда и гражданскіе законы будутъ совершенствоваться и измѣняться въ духѣ этихъ принциповъ. Г. Z можетъ иначе смотрѣть на принципы православія, но любопытно, что онъ въ возраженіи г. Некрасову развиваетъ мысль послѣдняго: нравственный законъ, говоритъ онъ, понимался и понимается различно. Это именно и принимаетъ нашъ авторъ и такъ какъ пониманіе пониманію рознь, то онъ съ своей стороны полагаетъ, что православное ученіе о нравственности совершеннѣйшее. Но позволительно думать, что г. Z очень некомпетентенъ въ вопросахъ о религіи и морали. Г. Z говоритъ, что виновный по закону гражданскому можетъ быть невиннымъ по нравственному, „и это признаютъ *нерѣдко* присяженные, которые призваны судить по совѣсти“. Еслибы на самомъ дѣлѣ присяжные относительно лицъ, фактъ совершенія преступленія которыми въ сферѣ гражданскаго закона установленъ съ несомнѣнностью должны бы были давать отвѣтъ—виновны или невинновны таковыя предъ судомъ

нравственнаго закона, то въ самыхъ благопріятныхъ для подсудимаго условіяхъ имъ было бы болѣе, чѣмъ трудно сказать: невиновенъ. Ихъ задача несравненно проще: ихъ „невиновенъ“ значить только: не долженъ подлежать карѣ государственнаго закона. Или моральныя воззрѣнія г. Z очень своеобразны, или онъ говоритъ не то, что хочетъ сказать. У него такъ приведенъ примѣръ прощенія Христомъ блудницы, что какъ будто выходитъ, что она была виновна по закону гражданскому и невиновна по нравственному. Г. Z пишетъ: дѣленіе воли на добрую и злую, какъ это предлагаетъ г. Некрасовъ, слишкомъ категорично, и далѣе поучаетъ, что въ людяхъ перемѣшано добро и зло. Это разумѣется, извѣстно всѣмъ и въ книгѣ г. Некрасова это вездѣ предполагается. Г. Z отрицаетъ тѣсную связь добрыхъ дѣлъ съ вѣрою. Здѣсь у него очень явно выступаетъ непониманіе дѣла. Тѣсная связь христіанской вѣры съ добрыми дѣлами несомнѣнна, потому что дѣла эти естественное выраженіе этой вѣры, но дѣло въ томъ, что самая вѣра можетъ быть неправильною и ненормальною (не всякъ глаголай ми: Господи). Совершенно неправильно думаетъ г. Z, что искренно вѣрующій въ своего Бога магометанинъ долженъ относиться съ презрѣніемъ и ненавистью къ гяурамъ Нѣтъ, магометанинъ, искренно вѣрующій въ *своего* Бога, т. е., въ Бога Милостиваго и Милосердаго, каковымъ Онъ называется во всѣхъ сурахъ корана, обязанъ милостиво относиться и къ гяурамъ. Безсердечію религиозныхъ людей г. Z съ достоинствомъ противопоставляетъ благородныхъ послѣдователей рационалистической морали. Но у г. Некрасова прямо утверждается (см. 102 стр.), что люди невѣрующіе могутъ *восходить* по нравственной лѣстницѣ. Онъ утверждаетъ, что для морали и для долга нельзя найти разумнаго основанія ни въ чемъ, кромѣ религіи. Это—другое дѣло, и если г. Z нашелъ рационалистическое основаніе для того, чтобы слѣдовать требованіямъ нравственнаго долга, то пусть для блага человѣчества не хранитъ этого основанія въ секретѣ. Смѣемъ увѣрить г. Z, что наука о морали—независимо отъ направленія занимающихся ею ученыхъ—не знаетъ такого основанія. Самое научное направленіе въ безрелигиоз-

ной морали есть то, которое признает не долгъ, а факты и законы морали (физику нравовъ). Г. Z грубо и глубоко заблуждается, утверждая, что въ известныхъ предѣлахъ „свобода воли не отрицается и многими раціоналистами“. Не отрицается слово, г. Z, но отрицается фактъ. Свободными дѣйствіями они называютъ тѣ, которыя опредѣляются природою человѣка, а не внѣшними вліяніями. Такую свободу воли можно приписывать всякому упругому тѣлу, возстановляющему свою форму послѣ деформаціи изъ собственной природы. Такая свобода есть одинъ изъ видовъ необходимости и называть эту необходимость свободою значить, сознательно или безсознательно, содѣйствовать умноженію путаницы въ понятіяхъ. Г. Z очень много говоритъ о трудности соціологическихъ изслѣдованій, онъ совершенно напрасно думаетъ, что по мысли П. А. Некрасова достаточно г. Z прочитать его книгу, чтобы производить реформы или предсказывать событія. Нѣтъ, авторъ указалъ лишь религіозные принципы, которыми, по его мнѣнію, нужно руководиться во взглядѣ на соціальныя явленія, и дагѣ предложилъ г. Z, какъ и всѣмъ, прилагать къ изслѣдованію этихъ явленій научные методы, выработанные западомъ. Г. Z не благоволяетъ къ этимъ принципамъ, онъ полагаетъ, что служеніемъ наукъ о человѣкѣ требуется стоять „на высотѣ современнаго натуръ-философскаго міровоззрѣнія и обладать глубокими біологическими, психологическими и соціологическими познаніями“. Самъ онъ, повидному, думаетъ, что такими знаніями обладаетъ и поучаетъ, что въ духовныхъ явленіяхъ „мы имѣемъ дѣло съ особымъ родомъ превращенія энергіи, съ сознательной нервной энергіей“. Культурные люди относятся съ сожалѣніемъ къ двкарямъ, у которыхъ существуютъ безчисленные заговоры, нелѣпыя выраженія. Въ словахъ, лишенныхъ смысла, они порою видятъ какой-то глубокой таинственный смыслъ. Безъ сомнѣнія, это прискорбно, но на самомъ дѣлѣ, какое различіе имѣютъ изреченія средневѣковой магіи: „*шма. шма, беаа, беаа*“ и рѣчь г. Z объ особаго рода превращеніи энергіи въ духовныхъ явленіяхъ? Какъ тамъ произносимый не соединялъ ясной мысли съ произносимыми словами, такъ не соеди-

няетъ ихъ и г. Z. Но у пишущаго эти строки имѣется еще одно подозрѣніе. Г. Z дважды обращается въ своей рецензіи къ натуръ-философіи Оствальда, цитируетъ его, какъ авторитетъ. и въ концѣ объявляетъ обязательнымъ знаніе современнаго натуръ-философскаго міровозврѣнія. Но какъ же согласить съ этимъ рѣчь г. Z о превращеніяхъ энергіи? Вѣдь, это показываетъ, что онъ не понялъ книги Оствальда въ самомъ существенномъ. Не всякій на мѣстѣ Оствальда обрадуется такимъ почитателямъ. Г. Z опредѣляетъ, что долженъ знать человѣкъ, занимающійся наукою о человѣкѣ. Но его рецензія показываетъ, что онъ не знаетъ еще одного условія, безъ котораго невозможно служеніе никакой наукѣ. Нужно знать—хотя бы и немного,—но ясно, отчетливо и правильно. Нужно понимать книгу—все равно Оствальда или Некрасова—такъ, какъ хотѣли авторы, чтобы ихъ понимали, а не навыворотъ.

Будемъ надѣяться, что въ ряду читателей книги П. А. Некрасова найдется много такихъ, которые пожелаютъ понять книгу правильнымъ образомъ. Но и это, разумѣется, не устраняетъ еще возможности недоразумѣній и возраженій. Обширность вопросовъ и предметовъ, затронутыхъ авторомъ сдѣлала необходимымъ то, что по однимъ вопросамъ онъ явился слишкомъ схематичнымъ, по другимъ—догматичнымъ. Но споръ объ этихъ догматахъ находится внѣ рамокъ программы автора. Онъ объединяетъ съ авторомъ тѣхъ, кто вѣритъ въ эти догматы. Такое объединеніе—счастливое условіе для совмѣстной работы. Но и тѣ, кто не раздѣляютъ вѣры въ принимаемые авторомъ догматы, тѣ, для которыхъ эти догматы—„суевѣріе грубое и безмѣрное“ (отзывъ о христіанскомъ ученіи Плинія младшаго въ письмѣ къ Траяну), думается, во многомъ могутъ согласиться съ авторомъ относительно методовъ изслѣдованія, могутъ принять и многіе теоремы и постулаты автора. Вѣдь, ученіе автора объ организуемыхъ и дезорганизуемыхъ общественныхъ силахъ, о средствахъ укрѣпленія первыхъ во многомъ—не говоримъ: во всемъ—должно быть принято и тѣми сторонниками рационалистической морали, которые хотятъ высоко держать знамя нравственнаго долга.

Но есть положенія въ книгѣ автора, которыя являются вы-

зываются недоумѣнія и нуждаются въ разъясненіяхъ. Такая принимаемая авторомъ теорія хотѣнія или живого притяженія (см. 58 стр.). Авторъ, повидимому, является сторонникомъ витализма. Теорія послѣдовательныхъ ступеней органической и психической жизни справедлива безусловно. То, что высшіе типы жизненныхъ явленій не могутъ быть истолкованы изъ началъ вполнѣ объясняющихъ низшія, едва ли тоже можно оспаривать. Вѣдь, и г. Z, пытающійся объяснить члвчка при помощи глубокаго знанія біологіи, видитъ себя вынужденнымъ указать еще на потребность въ знакомствѣ съ психологіей и соціологіей для выполненія этой задачи. Но совсѣмъ другой вопросъ: гдѣ нужно мыслить границы психикѣ — на границѣ ли животнаго, растительнаго міра или ее нужно предполагать даже въ химическихъ явленіяхъ, такъ какъ всякое химическое соединеніе есть результатъ притяженія по выбору? Нашъ авторъ говоритъ, что Пастеръ замѣтилъ присутствіе этой силы въ процессахъ химіи—въ броженіи. Но броженіе есть процессъ, имѣющій для себя органическую причину (въ грибокѣ *Saccharomyces cerevisiae*) и затѣмъ должно ли силу дѣйствующую въ немъ обозначать терминомъ, взятымъ изъ психологіи? Можно ли принять взглядъ, что всякій физиологическій процессъ предполагаетъ въ себѣ психическую основу? Въ началѣ семидесятыхъ годовъ матеріалы для рѣшенія этого вопроса представили въ своихъ работахъ Дарвина—отецъ съ сыномъ (Чарльзъ и Френсисъ: *The power of movement in plants and Insectivorous plants*). Во второй половинѣ восьмидесятыхъ въ физиологіи стало развиваться направленіе (его ревностный сторонникъ Бунге), отрицающее возможность физическаго истолкованія физиологическихъ процессовъ. И вотъ, въ концѣ девяностыхъ годовъ мы встрѣчаемся съ заявленіемъ ботаника, что онъ не стѣсняется признать жизненную силу, какъ начало, управляющее растительными процессами, и не колеблется признать у растений инстинктъ и впечатлительность ¹⁾. Въ то же время ботаникъ совсѣмъ другого направленія въ нерѣшимости останавливается надъ вопросомъ: вла-

¹⁾ Проф. Кернеръ—Маршалаунъ, Жизнь растений. Переводъ подъ редакц. проф. Бородина. 1898 г. Т. 1, стр. 46—47.

дѣютъ ли растенія сознаниемъ или нѣтъ ¹⁾. Ряды фактовъ, повидимому, вели къ тому, чтобы отвергнуть различіе между растеніями и животными; оказалось, что трудно провести границу между растительнымъ и животнымъ царствомъ. Присутствіе психическаго начала всегда связывали съ существованіемъ нервной системы, но оказалось, что нервной системы не имѣетъ весь типъ protozoa (простѣйшихъ животныхъ) и цѣлый подтипъ coelenterata (кишечно-полостныхъ)—губки (spongiaria). Граница, раздѣляющая царства, исчезаетъ, и повидимому существованіе всего того, что есть въ животныхъ, придется признать и у растеній. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Нашему духу присуще убѣжденіе въ неодушевленности растеній и одушевленности животныхъ. Но справедливо ли это убѣжденіе? Были философы, отрицавшіе одушевленность животныхъ, и были философы и являются ученые, предполагающіе дремлющую душу у растеній. Чтобы оцѣнить сравнительное достоинство этихъ воззрѣній, обратимъ вниманіе прежде всего на то, что непосредственно сознаваемое нами различіе между растеніями и животными имѣетъ нравственно практическое значеніе. Мучить животныхъ безнравственно, и того, кто мучаетъ ихъ, мы считаемъ виноватымъ передъ ними; ломать и портить растенія тоже безнравственно, но того, кто дѣлаетъ это, мы считаемъ виноватымъ не передъ растеніями, а передъ ихъ владѣльцами и передъ требованіями пользы и красоты (идущими отъ людей, а не отъ растеній). То, что психическое начало и въ животныхъ иногда представляется весьма скуднымъ, трудно уловимымъ и даже совсѣмъ неуловимымъ для насъ, ничего не доказываетъ: у насъ нѣтъ органовъ для наблюденія весьма малыхъ величинъ, но за всѣмъ тѣмъ эти малыя величины отличаются отъ нуля цѣлою безконечностью.

Сторонники одушевленности растеній берутъ названія изъ психологій (*исканіе* растеніями свѣта, *чувствительность* мимовы, хотѣніе, живое притяженіе) и не хотятъ замѣчать, что этими названіями они обозначаютъ физическіе факты движенія. Одни изъ этихъ фактовъ теперь объяснены, для другихъ

¹⁾ Проф. Тимирязевъ, Жизнь растенія. Четв. издан. 1896 г. стр. 256—257.

высказаны предположительныя объясненія, наконецъ въ изслѣдованіи всѣхъ ихъ исходятъ изъ твердаго убѣжденія, что они суть чисто физическіе акты. Въ царствѣ низшихъ растений многочисленны факты передвиженія. Растеніе двигающееся отъ одного пункта по направленію къ другому, повидимому; поразительное явленіе, разбивающее всѣ наши представленія о растительномъ царствѣ! Но дѣло въ томъ, что этими движеніями регулируютъ или свѣтъ (фототаксисъ), или химическое воздѣйствіе среды (хемотаксисъ). Если въ каплю, наполненную микробами направить капиллярную трубочку, насыщенную, положимъ, хлористымъ калиемъ, то микробы устремятся въ эту трубочку. Если трубочку насытитъ щелочью, микробы устремятся отъ нея. Здѣсь мы имѣемъ притяженіе и отталкиваніе по выбору (нѣчто аналогичное съ химическимъ сродствомъ, а вовсе не произвольное движеніе). Допускающіе здѣсь участіе психическаго начала впадаютъ въ то затрудненіе, что имъ приходится признавать, что психическій элементъ преобладаетъ въ низшихъ, а не въ высшихъ растеніяхъ. Высшія растенія не передвигаются. У нихъ существуетъ только движеніе нѣкоторыхъ органовъ, особенно листьевъ. Сюда относится знаменитое опусканіе листьевъ у мимозы. Вотъ, какъ оно объясняется. „Спокойное положеніе листа у мимозы обуславливается тѣмъ, что обѣ половины коровой паренхимы ¹⁾ сочлененія (верхняя и нижняя) напряжены одинаково, но дѣйствуютъ прямо противоположно: верхняя стремится нагнуть листъ внизъ, нижняя поднять вверхъ. Вслѣдствіе раздраженія (вызываемаго, наприм., прикосновеніемъ) напряженіе нижней половины ослабѣваетъ, она выдѣляетъ часть воды въ межклетники, уменьшается въ объемѣ, дѣлается дряблою, какъ бы вянетъ: листъ опускается. Во время покоя, слѣдующаго за раздраженіемъ, клетки нижней половины снова насасываются водою, напряженіе ткани достигаетъ прежней величины—листъ поднимается“. Эфиръ, хлороформъ анестезируютъ мимозу. Надо полагать, что ихъ испаренія препятствуютъ выдѣ-

¹⁾ Паренхимой въ растеніяхъ называется ткань, состоящая изъ клетокъ, тѣсно соединенныхъ между собою и клетокъ приблизительно одинаковые размеры.

ленію воды изъ нижней корковой паренхимы и тѣмъ дѣлають безрезультатнымъ раздраженіе листа. Понятно, что вліяніе этихъ испареній можетъ быть только временнымъ. Отмѣчаютъ, что яды, дѣйствующіе на нервную систему, убиваютъ также и нѣкоторыя растенія. Можно предположить, что эти яды дѣйствуютъ на протоплазму растеній. Вѣдь, нервное вещество есть извѣстнымъ образомъ видоизмѣненная протоплазма. У животныхъ, не имѣющихъ нервной системы, послѣдняя функціонируетъ, какъ нервы. Должно предположить, что у животныхъ она служитъ аппаратомъ для передачи раздраженій ощущающему началу, въ растеніяхъ же измѣненія и движенія протоплазмы представляютъ собою только физическій актъ.

Но можно ли въ самомъ дѣлѣ фізіологическіе акты представить, какъ исключительно физическіе. Пока первые не истолкованы изъ послѣднихъ, остается возможность оспаривать такое истолкованіе и утверждать, что необъясненная часть явленій есть вмѣстѣ съ тѣмъ и необъяснимая. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ въ настоящее время не рѣшенъ. Имѣется ли особая фізіологическая энергія или нѣтъ? Мы не знаемъ этого, но во всякомъ случаѣ, полагаемъ, позволительно утверждать, что если она существуетъ, то она не заключаетъ въ себѣ ничего психическаго (ногти и бороды растутъ у покойниковъ; неужели это доказываетъ, что въ ихъ тѣлахъ сохранился нѣкоторый психическій останокъ?). Было бы весьма желательно, чтобы П. А. Некрасовъ высказался опредѣленно и полно о своемъ взглядѣ на силу хотѣнія, дѣйствіе которой онъ предполагаетъ во всемъ органическомъ царствѣ. Но должно признать, что самый методъ, по которому для группы родственныхъ явленій необъясненныхъ изъ дѣйствующихъ началъ предполагается существованіе особаго начала, былъ и всегда будетъ весьма плодотворнымъ. Дальнѣйшее изученіе этого начала по производимымъ имъ явленіямъ приведетъ или къ отождествленію этого начала съ прежде извѣстными или къ открытію новой стороны въ бытіи. Что такое электричество? мы говоримъ о немъ, какъ о какой то особой силѣ, но, вѣдь, оно является намъ, какъ движеніе, какъ свѣтъ, теплота, звукъ, какъ химическія соединенія; мы ощущаемъ его какъ

уколъ (извлеченіе искры статическаго электричества), какъ сотрасеніе (въ цѣпи), какъ сѣрный запахъ (носящійся въ воздухъ послѣ разряда). Отчего бы намъ не отвести всѣ эти явленія подъ соответствующія группы—тепловыхъ, свѣтовыхъ, химическихъ соединеній и перестать говорить объ электричествѣ? Но мы не дѣлаемъ этого, потому что руководимся мыслию, что во всѣхъ приводимыхъ случаяхъ свѣтъ, звукъ суть только замѣщеніе электрической энергіи, отличной и отъ свѣта и отъ звука. Электричество вызываетъ въ насъ какое то состояніе напряженія, какъ бы ощущеніе присутствія чего-то невидимаго, неслышимаго, неосязаемаго. Не есть ли оно обнаруженіе какого-то начала, для воспріятія котораго у насъ нѣтъ соответствующаго органа чувства. Не испытываютъ ли слѣпые, переходя изъ области мрака въ область свѣта, чувства подобнаго тому, какое испытываемъ мы, когда переходимъ изъ нейтральнаго въ наэлектризованное пространство. Люди, которые въ своихъ изслѣдованіяхъ руководятся принципомъ уменьшенія различій и сведенія неистолкованнаго (въ области духа) къ истолкованному (въ явленіяхъ матеріи), могутъ во многихъ случаяхъ явиться упорнымъ тормазомъ для развитія науки. Методы, предлагаемые въ изслѣдованіи „Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности“, во многихъ случаяхъ устраняютъ вредное дѣйствіе этого тормазы.

Важнѣйшій пунктъ, вызывающій недоумѣніе въ книгѣ П. А. Некрасова, это—его опредѣленія свободы воли. Въ сущности, это—центральный пунктъ книги. То, во что Кетле лишь вѣрилъ и что послѣдователи Кетле отвергли, авторъ устанавливаетъ на строго-научныхъ данныхъ: единообразіе статистическихъ цифръ имѣетъ не детерминистическое, а индетерминистическое значеніе. Это единообразіе обусловливается не существованіемъ детерминизма, а фактомъ свободы. Это положеніе автора имѣетъ высокую цѣнность. Его необходимо должны имѣть въ виду и обсуждать моралисты и философы. Но здѣсь именно рѣчи автора вызываютъ недоумѣніе. Онъ опредѣляетъ свободу воли то какъ особую высшую силу, то какъ равнодѣйствующую психическихъ силъ. Что нибудь одно: или

особая сила, или равнодѣйствующая. Вѣдь, понятіе равнодѣйствующей силы есть только фикція механики. Существуютъ лишь силы составляющія. Но зная направленіе и напряженіе этихъ силъ, механика мыслить возможнымъ замѣнить ихъ одною, дѣйствіе которой даетъ тотъ же результатъ, и затѣмъ и рассматриваетъ результатъ, какъ произведенный равнодѣйствующей. Но ясно, что это понятіе совершенно фиктивное. Мы желали бы думать и мы находимъ для себя опору и во многихъ отдѣльныхъ мѣстахъ и въ общемъ содержаніи книги, что нашъ авторъ смотритъ на свободу воли иначе. Онъ самъ опредѣляетъ ее еще, какъ силу регулирующую. Но равнодѣйствующая опредѣляется другими силами, а регулирующая опредѣляетъ дѣйствіе другихъ силъ. Если есть свобода воли, а нашъ авторъ фактъ ея существованія считаетъ самоочевидною аксіомою, то она есть сила регулирующая, она заключается въ способности выбора между рѣшеніями. Воля можетъ желать многого, должнаго, пріятнаго, одного она желаетъ сильнѣе, другого слабѣе. Свобода рѣшаетъ, къ осуществленію какого желанія должно стремиться. Это рѣшеніе дается независимо отъ силы мотивовъ, оно не имѣетъ своего *gratus* и его нельзя рассматривать, какъ слѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ. Результатомъ свободныхъ рѣшеній души являются физическія дѣйствія, движенія. Но если свобода есть причина нѣкоторыхъ движеній, то тогда, повидимому, законы причинности и сохраненія энергіи не имѣютъ всеобщаго значенія въ физическомъ мірѣ. Но они признаются имѣющими всеобщее значеніе; слѣдовательно, нельзя признавать существованія свободной воли. Противъ этого аргумента детерминистовъ направляются нѣкоторые ученые, наука которыхъ меньше всего терпитъ въ своей области произволь—механика. Для того, чтобы нарушить существующее равновѣсіе, достаточно какого угодно бесконечно малаго количества силы. Между тѣмъ малѣйшее нарушеніе равновѣсія иногда можетъ сопровождаться страшными послѣдствіями: паденіемъ страшной тяжести, взрывомъ и т. п. Но здѣсь все таки требуется хотя и бесконечно малое, однако нѣкоторое количество силы—больше нуля. Душа не можетъ располагать и такимъ количествомъ.

Но механика знакомитъ насъ съ случаями, когда для проявленія свободной дѣятельности не требуется никакого усилія для сообщенія направленія усилю. У Пуанкаре есть поучительная работа о дифференціальныхъ уравненіяхъ. Результаты интегрированія этихъ уравненій съ геометрической точки зрѣнія выражаются непрерывными кривыми линіями, имѣющими ту особенность, что онѣ развѣтвляются въ нѣкоторыхъ точкахъ. Движеніе явленія, протекающее по этимъ линіямъ, можно опредѣлить вполне дотолѣ, пока оно не вступитъ въ точку, откуда начинается развѣтвленіе. Здѣсь нельзя опредѣлить и напередъ сказать, по какому изъ направленій пойдетъ явленіе дальше. Буссинаскъ, имѣя въ виду подобныя задачи динамики, предположилъ, что нѣчто совершенно аналогичное происходитъ и въ области психической дѣятельности. Анализъ показываетъ, что движеніе предмета въ нѣкоторые моменты можетъ совершаться безразлично по многимъ направленіямъ. То же самое должно предположить и въ теченіе психической жизни. Уравненія, рѣшающія вопросъ о направленіи этого теченія, въ нѣкоторые моменты, можетъ быть и часто, можетъ быть даже непрерывно, дають нѣсколько рѣшеній, указываютъ нѣсколько направленій пути. Слѣдовательно, избраніе того или другого пути не требуетъ никакого усилія, свободный актъ, совершаемый душою, не производитъ никакой работы и ничего не прибавляетъ къ суммѣ міровой энергіи. Эти механико-математическіе факты должны привести въ соотношеніе съ состояніемъ вещества и энергіи въ организмѣ. Состояніе это крайне неустойчивое. Въ организмѣ постоянно происходитъ безчисленное множество физическихъ и химическихъ процессовъ. Его состояніе есть какъ бы состояніе особенныхъ точекъ. Поэтому съ физической точки зрѣнія признаніе свободной воли можетъ быть вполне соглашено съ принятіемъ принципа сохраненія энергіи.

Въ полномъ согласіи находится это признаніе и съ данными физиологіи. Свобода человѣческой воли предполагаетъ существованіе въ человѣкѣ такихъ физиологическихъ процессовъ, возникновеніе которыхъ нельзя представить, какъ необходимое слѣдствіе предшествовавшихъ физиологическихъ состояній или

внѣшнихъ воздѣйствій. Физиологія знаетъ такіе процессы. Они носятъ имя волевыхъ импульсовъ. Исходною точкою ихъ, по видимому, служатъ нервные центры сѣрой коры мозговыхъ полушарій, въ особенности въ ихъ переднихъ доляхъ. Это доказывается тѣмъ, что „область произвольныхъ движеній у животныхъ по мѣрѣ удаленія сѣрой коры мозговыхъ полушарій все болѣе и болѣе ограничивается и по вырѣзываніи обоихъ полушарій головного мозга животного превращаются, по видимому въ бессознательныхъ автоматовъ, способныхъ къ жизни, благодаря продолжающимся сердцебіенію и дыханію, но лишенныхъ возможности сдѣлать какое либо волеовое движеніе и отвѣчающихъ только на внѣшнія раздраженія отраженными актами“. Механизмъ возникновенія волевыхъ импульсовъ въ нервныхъ центрахъ полушарій большого мозга неизвѣстенъ. Всякому волевому импульсу по видимому предшествуетъ молекулярное измѣненіе нервного клѣточного вещества, выражающееся въ томъ, что въ части мозга, гдѣ предполагается начало импульса, возникаетъ отрицательное электрическое напряженіе, что обнаруживается гальванометромъ (одинъ электродъ приставляется къ переднему, другой къ заднему полушарию мозга лягушки). Оказывается, что токъ предшествуетъ движенію. Волевые импульсы центробѣжны, распространяются они перекрестными путями (черезъ продолговатый мозгъ переходятъ въ противоположную сторону мозга). Нервные центры, изъ которыхъ отправляются волевые импульсы, представляютъ собою особенныя точки въ организмѣ. При тождествѣ анатомо-физиологическаго и электрическаго состоянія они обуславливаютъ возможность движенія по различнымъ направленіямъ.

Такъ, механика, физика и физиологія не только не идутъ противъ свободы воли, напротивъ, ими признается нужда въ ней. Эти науки указываютъ особенныя мѣста и состоянія, когда вмѣшательство свободы воли требуется, чтобы въ дальнѣйшемъ сообщить явленіямъ опредѣленное направленіе. Остается еще услышать слово отъ психологіи. Здѣсь насъ ожидаетъ нѣчто странное. Въ то время, какъ вѣра математиковъ и физиковъ въ свою свободу въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ находила себѣ разъясненіе и основаніе въ наукахъ о

природѣ, въ психологіи неоднократно дѣлались утверженія, что вопросы о томъ, что такое душа и есть ли свобода воли, не имѣютъ значенія и собственно не входятъ въ область психологіи. Психологи обнаружили великодушную готовность уступить ихъ богословамъ и метафизикамъ. Но какъ ни называть ихъ, кто будетъ рѣшать эти вопросы, они во всякомъ случаѣ будутъ рѣшать ихъ на основаніи данныхъ психологіи. Одинъ изъ такихъ психологовъ самъ и устанавливаетъ вопросъ о свободѣ воли въ своемъ учебникѣ психологіи и представляетъ психологическія данныя, подсказывающія положительное рѣшеніе вопроса. Психологъ этотъ—Джемсъ. Человѣкъ къ дѣятельности побуждають разнообразныя мотивы. Джемсъ дѣлитъ ихъ на идеальныя (мотивы долга) и чувственныя (мотивы склонности). Въ области физической тѣло всегда двигается по линіи наибольшаго давленія или наименьшаго сопротивленія. Въ области духовной человѣкъ можетъ подчиниться мотиву, который представляется слабѣйшимъ. Для того, чтобы подчиниться такому мотиву, человѣкъ долженъ употребить нѣкоторое нравственное усиліе. Это усиліе нами самими сознается какъ первичный, ни отъ чего не зависящій факторъ. Прилагая къ психологіи математическій языкъ, Джемсъ называетъ это усиліе „независимой переменною“ (величиною). Эта „независимая переменная“, прибавляемая къ слабѣйшему мотиву, дѣлаетъ его сильнѣйшимъ. Если эта переменная (это усиліе) дѣйствительно ни отъ чего независима, то, значить, существуетъ свобода воли; если на сомомъ дѣлѣ она есть функція всѣхъ элементовъ душевнаго состоянія (если наприм., интенсивность этого усилія возрастаетъ прямо пропорціонально встрѣчаемому сопротивленію: усиліе, побуждающее противостать искушенію, возрастаетъ вмѣстѣ съ силой искушенія), то тогда свободы не существуетъ. Проверку этой дилеммы научно-психологическимъ путемъ Джемсъ признаетъ невозможной ¹⁾. Это заключеніе Джемса намъ представляется невѣрнымъ; мы считаемъ, что Джемса привели къ тому тѣ невѣрные пути, которые выбрали

¹⁾ Джемсъ, Психологія, перев. и предисл. Лапшинъ. 1896 г. См. трактатъ о волѣ, особен. объ усиліи (стр. 368 и слѣд.) и свободѣ (стр. 381 и слѣд.), также предисловіе переводчика стр. 30 и слѣд.

для своихъ изслѣдованій современные психологи. У Авенариуса въ его трактатѣ „О философіи, какъ мышленіи о мірѣ сообразно съ принципомъ наименьшей затраты силъ“ указывается, что успѣху опыта много вредятъ субъективныя примѣсы приносимыя въ опытъ наблюдателемъ. Авенариусъ перечисляетъ различные роды такихъ примѣсей и называетъ въ ряду ихъ міеологическія (источникъ ихъ—стремленіе человѣка объяснять вещи по аналогіи съ собою), но онъ не замѣтилъ, что современные психологи и философы и онъ, Авенариусъ, постоянно приносятъ въ свои разсужденія и противоположныя примѣсы источникъ которыхъ—стремленіе истолковывать свою душевную жизнь по аналогіи съ механическими явленіями. Въ эту ошибку впадаетъ и Джемсъ. Мотивы представляются ему чѣмъ то въ родѣ составляющихъ силъ въ механикѣ и свободно усилие какимъ-то контрдавленіемъ (дѣйствиемъ упругости встрѣченному сопротивленію. Но языкъ механики совсѣмъ и приложимъ къ душевнымъ явленіямъ. Въ механикѣ, когда на тѣло дѣйствуетъ нѣсколько силъ, оно обыкновенно не двигается по направленію ни одной изъ этихъ силъ, но по нѣкоторой равнодѣйствующей; въ душевной жизни человѣка обыкновенно подчиняется одному изъ мотивовъ, устраняя другіе. Въ механикѣ направленіе движенія тѣла болѣе всего приближается къ направленію наибольшей изъ дѣйствующихъ на него силъ (теорія контрдавленія со стороны тѣла здѣсь даетъ выводы совсѣмъ не тѣ, которые хочеть установить Джемсъ), въ душевной жизни рѣшеніе далеко не всегда совпадаетъ съ сильнѣйшимъ изъ мотивовъ. Безспорно, въ душевной жизни между предыдущимъ и послѣдующимъ есть связь, и эта связь называется причиною. Но эта связь совсѣмъ иная, чѣмъ въ мірѣ физическомъ, и причинность здѣсь должна мыслиться иначе. Душевыя явленія происходятъ, такъ сказать, въ особенныхъ точкахъ и въ ихъ послѣдующемъ бываетъ больше чѣмъ въ предыдущемъ. Въ мірѣ физическомъ послѣдующее отличается отъ предыдущаго только инымъ размѣщеніемъ элементовъ, въ психической жизни послѣдующее богаче содержаніемъ, чѣмъ предыдущее. Моя душа представляетъ собою сей

нѣтъ вѣчто гораздо большее, чѣмъ она была при рожденіи, и это большее не заимствовано ею отъ внѣшняго міра или отъ другихъ душъ (развитіе моей души не обуславливалось какою-либо физическою или психическою убылью въ другихъ мѣстахъ), какъ заимствована изъ внѣшняго міра матерія моего тѣла. Такъ, въ душевной жизни дѣйствуетъ принципъ не сохраненія, а возрастанія энергіи, и связь между предыдущимъ и послѣдующимъ является не однообразною, а многообразною. Анализъ душевной жизни показываетъ, что въ ней происходитъ *свободный прогрессъ* и потому должно считать несправедливымъ утвержденіе Джемса, что фактъ свободы на психологической почвѣ недоказуемъ. Работа П. А. Некрасова представляется намъ вносящею въ высшей степени цѣнное приращеніе къ даннымъ для рѣшенія проблемы о свободѣ.

Важность этой работы для богослова ясна. Христіанскій богословъ вѣритъ въ свободу и признаетъ возможность и обязанность для человѣка постепеннаго и болѣе и болѣе совершеннаго освобожденія отъ порабащующихъ его стихій. „Познаете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными“, сказалъ Господь. „Гдѣ духъ Господень, тамъ и свобода“, сказалъ апостолъ. Освобожденіе отъ заблужденій научныхъ, религіозныхъ, философскихъ, практическихъ, освобожденіе отъ грѣховъ, страстей, пороковъ, познаніе истины и свободное слѣдованіе нравственному закону въ единеніи любви, вотъ та идеальная цѣль, которой въ мѣру силъ и разумнія служить каждый богословъ, и это есть вершина той нравственной лѣстницы о которой говоритъ авторъ обсуждаемой книги. Математики и богословы, — представители наукъ — наиболѣе безспорной и наиболѣе оспариваемой, — оказываются совершенно согласными по своимъ воззрѣніямъ. Трудъ, изданный математическимъ обществомъ и появившійся въ математическомъ сборникѣ совершенно съ равнымъ правомъ могъ быть изданъ обществомъ богослововъ и быть напечатаннымъ въ сборникѣ богословскомъ. Для богослова должно быть отрадно, что идеи, которыя лежатъ къ основѣ его воззрѣній, раздѣляются представителями самой строгой и точной отрасли знанія. Поучительно отмѣ-

тять, что представители этой точной дисциплины въ новое время въ общемъ всегда стояли на сторонѣ христіанскихъ идеаловъ. Въ сущности это понятно. Отступленіе отъ христіанскаго міровоззрѣнія, созданіе антирелигіозныхъ теорій удобно и легко въ тѣхъ дисциплинахъ, гдѣ открывается сравнительно большой просторъ воображенію. Вотъ почему подемъ, на которомъ наиболѣе возникло и наиболѣе развилось антирелигіозныхъ ученій, является прежде всего безбрежная территория философіи. И здѣсь антирелигіозныя ученія обыкновенно создавались людьми, стоявшими далеко отъ точнаго знанія. П. А. Некрасовъ призываетъ обратиться къ идеямъ Декарта, Паскаля и Лейбница. Эти три великіе мыслители, для которыхъ фактъ бытія Божія былъ яснѣе собственнаго существованія, были великими математиками. Можетъ быть скажутъ, что и Огюстъ Контъ—творецъ позитивной философіи, былъ математикомъ. Но Контъ былъ очень посредственнымъ математикомъ и его занятія математикой обуславливались гораздо болѣе случайными обстоятельствами его жизни, чѣмъ его личными наклонностями и талантомъ. Строгіе и точные методы изслѣдованія всегда будутъ направлять мысль къ религіи. П. А. Некрасовъ въ своемъ трудѣ неоднократно упоминаетъ работу кіевскаго профессора Н. Н. Шиллера „Значеніе понятій о „силѣ“ и „массѣ“ въ теоріи познанія и механикѣ“. Въ этой работѣ мы опять можемъ видѣть, какъ мысль, отправляясь отъ точнаго анализа фактовъ, естественно обращается къ ихъ первопричинѣ¹⁾. Въ ряду работниковъ запада мы опять среди представителей точнаго знанія находимъ людей религіозной вѣры. Тамъ образовалась цѣлая школа, въ коей основныя проблемы математики, механики, принципъ сохраненія энергіи принимаются какъ исходныя начала для выясненія факта человѣческой свободы. Объ этихъ работахъ у насъ писали и будутъ писать еще. Но для того, чтобы видѣть, какъ крупный талантъ въ этой сферѣ

¹⁾ Объ этой работѣ намъ приходилось говорить въ разборѣ книги Гирно „Анализъ вселенной въ ея элементахъ“ (Богослов. Вѣстн. 1898, № 11 и 12) и въ нашемъ изслѣдованіи „Сверхъестествен. Откровеніе и естеств. Богопознаніе“. Харьковъ. 1900, стр. XII.

можетъ соединяться съ глубокою вѣрою, достаточно вспомнить о не такъ давно умершемъ Гермитѣ и совѣмъ недавно скончавшемся Корню.

Богословъ можетъ только желать, чтобы такое направленіе въ научной мысли сдѣлалось преобладающимъ. Его религиозная вѣра даетъ ему увѣренность, что при такомъ направленіи развитіе науки пошло бы гораздо успѣшнѣе и было бы гораздо болѣе благотворнымъ. Антирелигиозныя теоріи, всегда оказывающіяся заблужденіемъ, при своемъ появленіи, вѣдь, всегда вызываютъ протестъ со стороны нѣкоторой части общества, при чемъ создается настроеніе враждебное не только этимъ теоріямъ, но и несочувственное по отношенію къ наукамъ вообще. Призывъ замѣнить христіанскій символъ вѣры символомъ эволюціоннымъ, призывъ стать на высоту современнаго натуръ-философскаго и эволюціоннаго пониманія для какихъ-то практическихъ цѣлей, этотъ призывъ, не заключая въ себѣ никакого положительнаго содержанія, богатъ нѣкоторымъ содержаніемъ отрицательнымъ. Вѣдь, если и принять теорію эволюціи, какъ истину, отсюда нельзя въ настоящее время сдѣлать рѣшительно никакихъ практическихъ выводовъ для улучшенія формъ общежитія, устройства школъ, поднятія народнаго благосостоянія. Эволюціонистъ не найдетъ въ своей теоріи никакихъ руководительныхъ началъ по этимъ вопросамъ, все равно какъ алхимикъ стараго времени, опуская въ тигель сѣру и ртуть, никогда не находилъ тамъ золота. Но та же теорія даетъ нѣчто иное. Претендуя на свой союзъ съ положительною наукою, она стремится отрицать существующую религію. Не давая и не предлагая на самомъ дѣлѣ никакихъ методовъ общественнаго и даже семейнаго воспитанія, она отрицаетъ существующіе методы. Результаты такого отрицанія, разумѣется, могутъ быть только дезорганизующими. Изученіе природы въ духѣ вѣры, преобразование формъ жизни прежде всего путемъ собственнаго нравственнаго преобразованія—преобразование имѣющее для себя, такъ сказать, нравственную органическую основу, а не только преобразование механическое внѣшнепринудительное, вотъ, чего желаетъ и чему

долженъ служить христіанскій мыслитель. Требуется не ломка общественнаго организма на основаніи фантастическихъ познаній о превращеніяхъ нервной энергіи, а развитіе этого организма въ духѣ христіанскихъ началъ. Книга П. А. Некрасова есть капитальный трудъ на пользу этого великаго дѣла. Будемъ ждать отъ автора еще новыхъ подобныхъ трудовъ, будемъ ждать таковыхъ и отъ другихъ русскихъ ученыхъ. Да будетъ.

С. Глаголевъ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІИ ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ИЗЪ БЮГРАФІИ БУДДЫ САКЪЯ—МУНИ (LALITAVISTARA).

Въ послѣднее время замѣчается въ образованномъ обществѣ очень сильный интересъ къ буддизму; многіе интересуются имъ, говорятъ и пишутъ о немъ, такъ что изученіе буддизма стало своего рода модою. Особенно это надобно сказать о западномъ образованномъ обществѣ. Современное культурное общество Запада, по крайней мѣрѣ въ лицѣ своихъ поклонниковъ буддизма, даже стремится поколебать христіанство, въ пользу буддизма. Конечно, въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи объ обветшалости христіанскихъ основъ жизни и указывать на эту обветшалость въ объясненіе, или какъ на причину европейскаго движенія въ буддизмъ, едва-ли возможно. Современное „западное“ человечество не только „не переросло“ христіанства, но скорѣе не доросло еще до него... Какъ-бы то ни было, но фактъ сильнаго увлеченія буддизмомъ въ Европѣ на лицо ¹⁾; мы и не думаемъ отвергать его, а, такъ сказать, только констатируемъ наличность этого факта, несколько не задаваясь желаніемъ объяснять его.

Чудовище Востока, оживленное, какъ справедливо выражается кн. Э. Ухтомскій, стараніями самихъ европейцевъ, проснулось отъ своего многостолѣтняго сна, набралось силъ, вдохнутыхъ въ него стараніями тѣхъ же досужихъ европейцевъ, и генеръ „соблазномъ дышитъ на насъ, на самодержавіе

¹⁾ См., напр., брошюру свящ. Ин. Подкорбунскаго „Высшія блага и пути къ нимъ во ученію буддизма и христіанства“, ст. 80—81.

единой истинной культуры“¹⁾. Если мы вспомнимъ еще промелькнувшее въ 1901 году въ журналахъ и газетахъ извѣстiе о посылкѣ буддистами своихъ миссiонеровъ на Западъ, то движенiя пробужденнаго чудовища Востока станутъ для насъ очевидными²⁾. Дѣйствительно, Востокъ пробуждается и шлетъ свой вызовъ Западу; и это не поэтическая метафора; нѣтъ, это—настоящая правда, настоящая дѣйствительность, какъ бы неприятна она для насъ ни была.

Въ Европѣ давно уже многiе замѣтили возбужденное настроенiе Востока и ничего хорошаго не ожидали отъ него. Извѣстная аллегорическая картина германскаго императора Вильгельма 2-го, призывающаго всѣ государства Европы на борьбу съ надвигающимся съ Востока хаосомъ, можетъ служить яснымъ доказательствомъ бдительности въ этомъ направленiи многихъ европейскихъ умовъ³⁾. Положимъ, эти умы больше всего опасаются за политическую участь народовъ Запада, но опасность, думается намъ, одинаково можетъ быть сильною и въ другихъ отношенiяхъ. Конечно, опасаться окончательнаго устраненiя христіанства буддизмомъ—нечего; объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, и даже увлекающіеся поклонники буддизма изъ европейцевъ едва-ли могутъ серьезно думать объ этомъ. Вопросъ о томъ, кто устоитъ въ конечномъ исходѣ начавшейся борьбы, насъ, понятно, нисколько не можетъ тревожить. Пусть самообольщенные поклонники Сакья-Муни и ихъ приспѣшники, тайные и явные ренегаты христіанства, мечтаютъ о томъ, что весь міръ обратится въ буддизмъ⁴⁾; мы не можемъ раздѣлять съ ними ихъ нелѣпыхъ надеждъ, не можемъ вѣрить ихъ заявленiямъ о томъ, что рань-

1) Кв. Э. Ухтомскій „О состоянiи миссiонерскаго вопроса въ Забайкальѣ“; стр. 48; см. также въ „Русской Мысли“ за 1887 г., кн. 8 статью В. Лесевича „Новѣйшія движенiя въ буддизмѣ, поддерживаемыя и распространяемыя европейцами“ стр. 1—17.

2) См. журналъ „Міръ Божій“ за 1901 г. ноябрь мѣс. Отдѣлъ второй, стр. 40.

3) Можно еще, въ видѣ примѣра, указать на „Три разговора о войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемірной исторiи“ Влад. Оловьева. Изд. 2-е С.-Петербургъ. 1901 г. Предислов. стр. XVIII—XX и разговоръ 3-й, стр. 152—156.

4) См. у Le Bon'a въ его „Les civilisations de l'Inde“... Paris 1887, p. 380.

не или позже вся Европа уже готова обратиться въ буддизмъ, какъ иногда говорятъ нѣкоторые представители западной культуры ¹⁾. Такія заявленія не только лживы, но и положительно вредны; именно ихъ вліянію на буддистовъ надо приписать появленіе такихъ, напр., воззваній поклонниковъ Будды къ своимъ единовѣрцамъ, какъ воззваніе Бирманцевъ, въ которомъ правовѣрные буддисты призываютъ своихъ собратьевъ на борьбу съ христіанствомъ и увѣщаютъ ихъ не принимать вѣры Христовой, такъ какъ у себя—де дома, на Западѣ, христіанство совсѣмъ уничтожается, а на христіанскомъ Востокѣ, если и держится, то только, благодаря своему матеріальному богатству ²⁾.

Но каково-бы ни было движеніе буддистовъ, особенно сильнаго страха оно не можетъ внушить намъ. Мы знаемъ настоящую цѣну этого движенія, знаемъ его тайныя пружины, знаемъ, кто придавалъ и придаетъ силы мертвому чудовищу Востока и не особенно страшимся его. Чудовище Востока, какъ намагниченный кусокъ желѣза, только на извѣстный срокъ способно сохранить чуждую ему энергію и, израсходовавъ ее, скоро опять заснетъ своимъ глубокимъ сномъ.

Въ настоящее время много уже сдѣлано для того, чтобы въ истинномъ свѣтѣ выставить грозящее намъ чудовище Востока и этииъ, такъ сказать, предостеречь отъ увлеченія довѣрчивыхъ. Совокупными усиліями многихъ ученыхъ ясно показано, что прославляемый нѣкоторыми „свѣтъ Азіи“ есть ложный свѣтъ, и что совершенно напрасно людямъ подъ его руководствомъ искать рѣшенія скорбныхъ проблемъ своей жизни. Этотъ „свѣтъ Азіи“ не въ состояніи дать человѣку истинныхъ отвѣтовъ на мучительные вопросы и не можетъ успокоить мятущееся человеческое сердце. Только у подножія Креста человѣкъ мо-

¹⁾ См. по этому поводу небольшую замѣтку въ газетѣ „Волжскій Вѣстникъ“ (№ 246, суббота, 10 ноября 1901 г.) подъ заглав. „Контръ—миссіонеръ“; здѣсь сообщается о томъ, что въ Бирманіи появились буддисты—европейцы и убѣждаютъ туземцевъ не принимать христіанства, такъ какъ самъ—де Западъ готовъ обратиться въ буддизмъ.

²⁾ См. Журналъ „Міръ Божій“ за 1901 г., мѣсяць октябрь. Отдѣлъ „изъ иностранныхъ журналовъ“, стр. 47.

жеть обрѣсти себѣ утѣшеніе и покой, только туда онъ безбо-
язвенно можетъ идти со своими скорбями и всецѣло отдаться
Тому, Кто зоветъ къ Себѣ всѣхъ труждающихся и обременен-
ныхъ и общаетъ имъ покой ¹⁾. Онъ и только Онъ Одинъ
есть истина, животь и путь ²⁾. вмѣстѣ съ извѣстнымъ зна-
токомъ буддизма, проф. Билемъ, мы уже въ правѣ сказать по-
слѣдователямъ Сакья-Муни, что источника всего хорошаго у
нихъ въ религіи „надо искать тамъ, гдѣ съ первобытныхъ вре-
менъ существовало знаніе истины, дарованной Источникомъ
истины, и которое, хотя отуманенное съ теченіемъ времени
посторонними наслоеніями, все-таки настолько сохранилось,
что распространило, хотя въ слабой мѣрѣ, свѣтъ и надежду
среди націй, повергнутыхъ во мракъ“ ³⁾. Въ этомъ теперь уже
нельзя сомнѣваться, послѣ долгихъ и безпристрастныхъ науч-
ныхъ изслѣдованій. Истина остается и всегда останется исти-
ною, въ какомъ бы смѣшномъ видѣ ни старались ее выстав-
лять; насмѣшка, хотя и очень сильно дѣйствуетъ на людей,
но отъ истины она можетъ оттолкнуть только слишкомъ
довѣрчивыхъ.

Мы задались цѣлью сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу
одной изъ многочисленныхъ біографій основателя буддизма,
извѣстной подъ именемъ Лалиты-Вистары, переведенной фран-
цузскимъ ученымъ, г. Фуко, съ тибетскаго языка ⁴⁾. Біографія
эта пользуется величайшимъ уваженіемъ среди буддистовъ. Она
же, въ вопросѣ о взаимномъ отношеніи между буддизмомъ и хри-
стіанствомъ, имѣетъ очень важное значеніе. Извѣстная, „хри-
стіанско-буддійская“ гармонія, съ особенной настойчивостью

¹⁾ Матт. гл. XI, 28.

²⁾ Еван. Иоанна, гл. XIV, 6.

³⁾ Лекція проф. С. Били „Буддизмъ въ Китаѣ“, стр. 193 Сравни. съ кн. „Le Bouddha et le bouddhisme“ par. C. Schoebel. Paris. 1857. См. особенно livre VI pp. 87—112 и livre V chapitres V, VI, VII и VIII.

⁴⁾ Въ сравнительно недавнее время Фуко опубликовалъ новый переводъ Ла-литы-Вистары съ санскритской версія; къ сожалѣнію, намъ не удалось розыскать, его. См. сообщеніе о немъ въ „Journal Asiatique“ serie 8. t. IV. p. 48 и t. XX p. 66. (annuel garor.).

выдвигаемая нѣмецкимъ ученымъ, проф. Зейделемъ, опирается главнымъ образомъ на эту книгу. Нечего, конечно, и говорить о томъ, что выводы изъ упомянутой „христіанско-буддійской гармоніи“ дѣлаются совсѣмъ не въ пользу христіанства. Вся суть въ томъ, что предполагаемое историческое старшинство буддизма и, сравнительно съ нимъ, позднее появленіе въ мірѣ христіанства страшно запутываютъ дѣло, а отсутствіе надлежащихъ историческихъ документовъ, которые проливали бы ясный свѣтъ на этотъ вопросъ, открываетъ широкій просторъ для разнообразныхъ выводовъ, на которыхъ отзываются личные вкусы и наклонности часто очень тенденціозныхъ авторовъ. Такъ, опираясь, главнымъ образомъ, на историческое старшинство буддизма передъ христіанствомъ, защитники „христіанско-буддійской гармоніи“ отстаиваютъ ту мысль, что христіанство дѣлало заимствованія у буддизма, а не наоборотъ. „Наиболѣе замѣтныя совпаденія въ обѣихъ исторіяхъ, говорятъ намъ ученые этого направленія, прекращаются въ томъ пунктѣ, гдѣ заканчиваются легенды Лалиты-Вистары. Если бы, разсуждаетъ Зейдель по этому поводу, исторія буддистовъ дѣлала заимствованія у христіанскихъ писателей, а не наоборотъ, тогда сходства встрѣчались бы отъ начала до конца обѣихъ исторій; при обратномъ же предположеніи нельзя и ожидать такой встрѣчи сходствъ. Заимствованіе должно было окончиться именно тамъ, гдѣ прекращается исторія Будды въ Лалитѣ-Вистарѣ, именно вступленіемъ послѣдняго на путь своего служенія“¹⁾.

1) Возраженіе это можетъ показаться только съ перваго разу очень серьезнымъ. Какая бы сторона ни дѣлала бы заимствованія, сходство исторій въ такомъ случаѣ „отъ начала до конца“—совсѣмъ необязательно. Брать могли только подходящее; къ чему, напр., поклонникамъ Сакья-Муни было брать у христіанъ „трагическій“ конецъ исторій ихъ Основателя и переносить его на Будду, когда судьба послѣдняго была совершенно противоположна концу земной жизни Божественнаго Основателя христіанства? Приведенная выдержка изъ Зейделя взята у Кельога „Буддизмъ и христіанство“. Стр. 69—70. См. также изложеніе вратцѣ теоріи Зейделя у іеромонаха Алексія (Виноградова) стр. 366—369 въ его „Исторія Бабліи на Востоку съ обзоромъ метода и условій благопріятныхъ и неблагопріятныхъ ея переводамъ и распространенію съ христіанскою церковью у разныхъ народовъ“. С.-Петербургъ 1889—1895 г.

Въ опроверженіе этихъ ложныхъ мнѣній, мы изложимъ содержание Лалиты-Вистары по переводу г. Фуко и постараемся сдѣлать нѣсколько посильныхъ намъ замѣтокъ о томъ, дѣйствительно-ли Лалита-Вистара можетъ давать основаніе, „христіанско-буддійской гармоніи“ или, говоря иначе, дѣйствительно-ли она является такою книгою, изъ которой христіанская исторія могла дѣлать „свои заимствованія“.

I.

Сказаніе Лалиты-Вистары о Буддѣ таково.—Ананда, двоюродный братъ Сакья-Муни, ведетъ въ ней рассказъ и онъ же считается авторомъ этой книги, относимой буддистами къ числу пространныхъ Сутръ. Ананда передаетъ слышанное имъ, какъ заявляется о томъ въ самомъ началѣ книги.

Багава, (т. е. будущій Будда),—такъ начинаетъ свой рассказъ Ананда, предполагаемый авторъ всѣхъ книгъ класса буддійскихъ писаній, извѣстныхъ подъ именемъ Сутръ,—находился въ Сравасти, въ Джетаванѣ, въ Саду Анатапиндара. Будущій Будда окруженъ былъ 12,000 монаховъ, между которыми встрѣчаются имена его учениковъ, и 32,000 Бодизаттвъ, т. е., перешедшихъ, по техническому выраженію буддистовъ, „на другой берегъ“, или иначе—достигшихъ одного изъ высшихъ состояній буддійскаго просвѣтлѣнія,—и самъ рассказывалъ о событіяхъ, служащихъ предмостомъ содержанія интересующей насъ книги. Въ это самое время, въ первую ночную стражу,—продолжаетъ свой рассказъ Ананда,—Багава погрузился въ тихое размышленіе, извѣстное подъ именемъ „расположенія украшеній Будды“, и едва только Сакья-Муни пришелъ въ такое состояніе, какъ на маковкѣ у него образовалась шишка, благодаря которой Багава вспомнилъ всѣхъ предшествующихъ Буддъ. Вмѣстѣ съ этимъ для Багавы возсіялъ свѣтъ „безстрастнаго знанія“ и освѣтилъ жилища безчисленныхъ боговъ; всѣ эти божества явились къ Багавѣ и начали умолять его возвѣстити имъ часть закона, извѣстную подъ именемъ Лалиты-Вистары. Тронутый состраданіемъ къ богамъ и къ людямъ,

Багава молчаливо соглашается на эту просьбу и рѣшается сообщить имъ Лалиту-Вистару ¹⁾.

Такова первая глава и по ней уже видно, въ какой фантастическій міръ мы должны вступить вмѣстѣ съ рассказчикомъ. Войдемте же въ этотъ фантастическій міръ, какъ справедливо выражается французскій ученый Сентъ-Иллеръ;—міръ, которымъ наслаждаются буддисты и послушаемъ самого Будду, рассказывающаго про то, что совершалъ онъ прежде, чѣмъ воплотился среди людей ²⁾.

Прежде всего Будда говоритъ о своемъ пребываніи въ небесныхъ сферахъ, гдѣ онъ жилъ подъ именемъ Светакету (бѣлое знамя) и своими заслугами приобрѣлъ огромное уваженіе со стороны боговъ, такъ что былъ почитаемъ тѣми, кого почитаютъ, и получалъ выраженіе признательности отъ самыхъ высокихъ представителей браминскаго пантеона, каковы, напр., Сакра, Брама, Махесвара и другіе. Желаніе достигнуть высшаго разумѣнія заставило Будду покинуть свое жилище и родиться среди людей ³⁾. Подчиняясь ему, Будда покидаетъ небо Тушита и входитъ въ огромный дворецъ Dharshótchaуа, гдѣ онъ наставляетъ въ законѣ огромное собраніе небожителей, доходящее до 68 тысячъ Коти ⁴⁾ личностей. Затѣмъ Будда объявляетъ, что черезъ двѣнадцать лѣтъ Бодизаттва—это одинъ изъ эпитетовъ, часто прилагаемыхъ къ Буддѣ, но только въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ не достигъ еще мистическаго просвѣтлѣнія, т. е., говоря иначе, еще не сдѣлался Буддою—войдетъ въ нѣдра своей матери. Боги, узнавъ эту новость, принимаютъ на себя видъ браминовъ и идутъ въ Индію узнать изъ Ведъ, подъ какою формою, или подъ какимъ видомъ Бодизаттва долженъ будетъ войти въ

¹⁾ Bgya tch'er rol pa ou développement des jeux contenant l'histoire du Boudha Çakya-Mouni traduit sur la version tibétaine du Bkahhgour, et revu sur l'original sanscrit (Lalitavistara) par Ed. Toucaux Paris. 1848. Deuxième parti.—Traduction française, chapitre premier, pp. 1—9.

²⁾ Le Bouddha et sa religion, par S. Barthélemy Saint-Hilaire. Paris. 1860, chapitre 2.

³⁾ Lalitavistara, chap. II, pp. 10—12.

⁴⁾ Коти равняется десяти миллионамъ.

нѣдра своей матери; тамъ они узнаютъ, что Бодизаттва родится съ тѣломъ, надѣленнымъ тридцатью „двумя знаками великаго человѣка“ и, какъ надѣленный ими, можетъ быть только или царемъ *Чакравартиномъ*—всемірнымъ владыкою, обладателемъ семи извѣстныхъ драгоценностей, о которыхъ рѣчь будетъ еще, или же—всесовершеннымъ Буддою. Выборъ изъ предстоящей Бодизаттвѣ альтернативы будетъ зависѣть отъ него самого;—если онъ останется дома, то будетъ царемъ *Чакравартиномъ*, если же, наоборотъ, покинетъ домъ и станетъ вести жизнь нищенствующаго монаха, то обязательно достигнетъ достоинства всесовершеннаго Будды. Между тѣмъ, Бодизаттва, объявивъ такую интересную новость, какъ его готовящееся рожденіе въ мѣрѣ людей, занялся „четырьмя великими изслѣдованіями“, чтобы знать, гдѣ онъ долженъ былъ родиться; Бодизаттва изслѣдовалъ время, континенты, страны и фамиліи. Въ Лалитѣ-Вистарѣ приводятся объясненія причинъ всѣхъ этихъ изслѣдованій.—Багава, говорится въ Лалитѣ-Вистарѣ, „изслѣдовалъ время“ потому, что на первыхъ порахъ существованія міра Бодизаттвы не рождаются, когда же мѣръ начнется „изживаться“, когда появятся въ немъ старость, болѣзнь и смерть, тогда-то лишь и наступаетъ время появленія для Бодизаттвы. Если же, говорится далѣе, Бодизаттва „изслѣдовалъ“ континенты, то дѣлалъ это потому, что Бодизаттвы не рождаются въ пограничномъ континентѣ, а только лишь „въ срединной“ землѣ, на Джамбудвинѣ (въ Индіи), среди тѣхъ людей, которые могутъ понять и надлежащимъ образомъ оцѣнить его проповѣдь. „Изслѣдованіе фамилій“ также имѣетъ свою причину, такъ какъ Бодизаттвы не рождаются въ семьяхъ презрѣнныхъ міра сего, каковы, напр., по представленію Индусовъ, семьи игроковъ на флейтахъ, семьи каретниковъ, служителей и Чандалъ. Бодизаттвы рождаются только въ фамиліяхъ Кшатріевъ, или Браминовъ и при томъ въ той изъ этихъ двухъ кастъ, которая пользуется наибольшимъ почетомъ въ то время, когда наступаетъ срокъ для такого важнаго событія буддійскаго міра. Во время, напр., „явленія міру“ послѣдняго Будды Сакья Муни такая честь выпала на долю касты Кшатріевъ.

Пока Бодизаттва занимался вышеупомянутыми четырьмя исследованіями, боги тоже не оставались праздными. Они вели между собою рѣчь о томъ, въ какой же именно семьѣ родится Будда, ихъ любопытство было возбуждено въ высшей степени рѣшеніемъ этого вопроса. Они перебрали самыя блестящія фамиліи Индіи того времени и, всетаки не рѣшивъ вопроса, обратились за разъясненіемъ по этому поводу къ самому Багавѣ. Въ отвѣтъ на ихъ просьбу тотъ послѣдовательно перечислилъ 64 признака, которыми должна быть надѣлена семья, предназначенная для такого великаго событія, какъ рожденіе въ ней Бодизаттвы. По словамъ Багавы, фамилія эта должна быть знатная, по своему родословію, должна въ самый моментъ или во время „внѣщенія“ въ ней будущаго Будды пользоваться вліяніемъ, должна отличатся умомъ, владѣть огромнымъ богатствомъ и употреблять его на хорошія дѣла. Однимъ словомъ, семья, предназначенная для такой важной миссіи, какъ рожденіе въ ея нѣдрахъ Будды, должна быть совершенною во всѣхъ отношеніяхъ. Нисколько не должна уступать по своему достоинству, и та женщина, въ утробу которой войдетъ Бодизаттва. Эта избранница изъ прекрасной половины рода человѣческаго должна обладать тридцатью двумя совершенствами, перечислять которыя здѣсь было-бы крайне утомительно; достаточно будетъ сказать, что въ ней не должно быть ни одного недостатка: она—само совершенство какъ въ умственномъ, нравственномъ, такъ и физическомъ отношеніи—совершенство, на описаніе котораго Лалита-Вистара не жалѣла тратить красокъ или цвѣтовъ своей восточной богато-одаренной фантазіи. Возбужденное любопытство боговъ въ концѣ концовъ получаетъ удовлетвореніе, и боги узнаютъ, что для рожденія въ міръ Бодизаттвы самою подходящею фамиліею является фамилія Сакіевъ, семья царя Суддоданы. Суддодана и его жена Майя-Дева, по своимъ личнымъ качествамъ, вполне заслуживаютъ высокой чести быть родителями будущаго Будды; къ тому же оказывается, что и раньше, въ продолженіи пятисотлѣтняго странствованія души Бодизаттвы,

фамилія эта всегда и всюду удостаивалась этой высокой чести ¹⁾.

Итакъ, семья для рожденія въ ней Бодизаттвы найдена; послѣднему остается только выполнить свое намѣреніе и, разставшись съ небожителями, явиться на Джамбудвинѣ (въ Индіи). Передъ своимъ отходомъ Бодизаттва желаетъ въ послѣдній разъ преподать богамъ наставленіе въ законѣ и приглашаетъ ихъ внимательнѣе выслушать эту, послѣднюю его проповѣдь, послушать которую, какъ оказывается, собрались, „съ десяти точекъ или сторонъ пространства“ безчисленные Бодизаттвы. Свою рѣчь къ богамъ Бодизаттва начинаетъ перечисленіемъ „восьми сотенъ видимыхъ путей закона“, главные изъ нихъ, по словамъ Будды, слѣдующіе: вѣра, чистота, воздержаніе, благожелательность, благочестіе, скромность, самопознаніе, почтеніе, а также и знаніе магическихъ формулъ. Послѣ этого длиннаго и довольно скучнаго перечисленія „видимыхъ путей закона“—перечисленія, занимающаго въ Лалитѣ-Вистарѣ нѣсколько страницъ разсказа, почтительно выслушаннаго богами, Багава говоритъ имъ такую торжественную и въ то же время назидательную рѣчь: „старательно избѣгайте всякой нескромности... помните свои поступки..., живите въ согласіи, будьте другъ къ другу доброжелательны и помогайте одинъ другому. Упражняйтесь въ законѣ и не уклоняйтесь въ сторону зла; соблюдайте преданіе, будьте нравственны, подавайте милостыню и имѣйте совершенную чистоту и совершенное терпѣніе. Помните Будду, законъ и общество (вѣрныхъ)... Все сверхъестественное могущество,—продолжалъ Багава свою прощальную рѣчь богамъ,—какое вы видите во мнѣ, всѣ способности, знаніе и сила—все это результатъ добродѣтели; она—ихъ причина, а сама происходитъ отъ преданія, нравственности и скромности.. Всегда будьте кротки, никогда не отказывайтесь отъ справедливости и будьте прилежны на пути въ Нирвану. Бодрствуйте въ излѣдованіи пути (спасенія) и

¹⁾ Lalitavistara Foucaux, chap. III, pp. 18—36.

свѣтомъ мудрости разгоните мракъ невѣжества; силою знанія освободитесь отъ оковъ лжи. Что-же еще сказать вамъ? Законъ полонъ смысла и чистоты; когда я достигну разумѣнія, то „пролью дождь закона“, приводящаго къ безсмертію, и Вы, обладающіе совершенно чистымъ духомъ, приходите (тогда) послушать (проповѣдь) истиннаго закона“¹⁾. Но самая внимательность, самая задушевность рѣчи Бодизаттвы еще болѣе усиливаетъ печаль разлуки, и неутѣшныя небожители заявляютъ объ этомъ самому Багавъ. Для утѣшенія опечаленныхъ Бодизаттва назначаетъ, вмѣсто себя, ихъ руководителемъ Бодизаттву Майтрею, для чего на его голову возлагаетъ свою тиару и диадему и говоритъ ему: „знаменитый Пуруша, послѣ меня ты достигнешь полнаго и совершеннаго разумѣнія Будды“.

Послѣ этого между Бодизаттвою и богами происходитъ разговоръ по поводу того, подъ какою формою Буддѣ нужно войти въ нѣдра своей матери. Съ своей стороны боги указываютъ на нѣкоторыя формы боговъ и геніевъ, но все это оказывается неподходящимъ; тогда одинъ изъ боговъ, нѣкогда переродившійся изъ тѣла одного монаха (Риши), заявилъ, что книгами Ригведы для рожденія Будды указана форма слона, очень красиваго по своему внѣшнему виду, съ шестью клыками, съ величественною, красною головою, съ большими челюстями, покрытаго красивою золотою сѣтью. Подъ этою формою и долженъ былъ войти Будизаттва въ нѣдра матери изъ избраннаго рода Сакіевъ. Между тѣмъ, въ жилищѣ царя Суддоданы совершается восемь предзнаменованій или событій, указывающихъ на близкое появленіе въ мірѣ Бодизаттвы. Такъ, съ Гималайскихъ горъ всѣ птицы слетѣлись во дворецъ Суддоданы и пѣніемъ своимъ стали выражать радость по поводу имѣющаго совершиться событія; царскіе сады покрылись многочисленными цвѣтами, пруды наполнились лотосами. Различнаго рода кушанья, въ изобиліи разставленныя на царскихъ столахъ, оставались цѣлыми, не смотря на то, что ихъ пресерднѣйше кушали; въ женскихъ апартаментахъ царскаго

1) Ibidem. pp. 48—50.

дворца различные музыкальные инструменты сами собой издавали пріятные, чудные звуки; сами собой раскрылись всевозможные ларчики, въ которыхъ хранились разнаго рода драгоценности, и давали возможность видѣть въ нихъ содержащіяся сокровища и въ заключеніе всего весь дворецъ Суддоданы освѣщался чуднымъ свѣтомъ, затмѣвавшимъ свѣтъ солнца и луны.

Таковъ прологъ событія, раскрывающагося въ разсказѣ Лалитъ-Вистаръ. Въ немъ, какъ видно изъ сказаннаго, принимаютъ участіе „небо и земля“, и прежде, чѣмъ перенестись на землю, событіе это или, вѣрнѣе, корни его завязываются въ далекихъ небесныхъ пространствахъ, очень художественно расписываемыхъ богатымъ гениемъ Востока.

Свящ. І. Трофимовъ.

(Продолженіе будетъ).

УЧЕНИЕ ПЛОТИНА О ПРЕКРАСНОМЪ.

Илагаемые ниже взгляды великаго философа на сущность прекраснаго имѣютъ столь возвышенный нравственный характеръ и столь далеки отъ грубо чувственнаго пониманія красоты, исключительно почти господствовавшаго въ древнемъ греко-римскомъ обществѣ, что даже и понинѣ должны представлять глубокой интересъ, какъ попытка построения впервые метафизической эстетики, покоящейся на безусловно этическихъ началахъ.

Если мы вспомнимъ время, предшествовавшее появленію философа, время интенсивнѣйшаго проявленія грубыхъ инстинктовъ умирающаго классическаго міра, облакавшаго эти проявленія, въ цѣляхъ ихъ оправданія, въ стройныя философскія системы, если мы вспомнимъ ту жажду наслажденія чувственными прелестями міра, которую тогдашнее греко-римское общество такъ страстно и чрезмѣрно снѣшило удовлетворить, то мы съ глубокимъ уваженіемъ и интересомъ должны смотрѣть на человѣка, указывавшаго языческому міру иную красоту, красоту идей, разума, блага.

Онъ первый указалъ истинный критерій прекраснаго, его сущность и высшія конечныя цѣли, первый пояснилъ, въ чемъ и гдѣ его надо искать, и показалъ путь, идя по которому, наша душа, переходя отъ одной сферы красоты въ другую, болѣе совершенную, достигаетъ, наконецъ, самаго принципа прекраснаго, сливающагося съ любовью, благомъ, съ конечною первопричиною всего.

Много вѣковъ прошло со времени Плотина, много за это время человечество передумало, пережило идей, создалась

цѣлая отдѣльная дисциплина—эстетика, и все же, обратясь къ настоящему, мы видимъ, что нынѣ далеко не господствуютъ тѣ чистые возвышенные взгляды на красоту, искусство, представителемъ которыхъ, хотя, конечно, и своеобразнымъ, являлся философъ.

Весьма далеко отъ этого языческаго мыслителя находятся тѣ изъ теперешнихъ теоретиковъ и практиковъ въ различныхъ сферахъ искусства, имя которымъ, къ сожалѣнiю, легионъ, кои ставятъ искусству и красотѣ столь ограниченныя узкія цѣли, какъ служеніе личному наслажденію, и провозглашаютъ въ лучшемъ случаѣ принципъ самодовлѣющей красоты.

Сколь далека строгій философъ, пытавшійся возвести прекрасное съ земли на небо и приписывавшій красотѣ цѣль служить стимуломъ нравственнаго совершенствованія человѣка, сколь далека онъ отъ взглядовъ на прекрасное, высказываемыхъ современными, на примѣръ, „эстетиками“, „декадентами“, „символистами“, крайними „натуралистами“, или „реалистами“ и другими лицами, занимающимися вопросами о красотѣ и усвояющими послѣдней роль прислужницы своимъ зачастую уродливымъ извращеннымъ вкусамъ!

Какой удивительный урокъ дается всѣмъ имъ и подобнымъ и притомъ изъ глубины вѣковъ, человѣкомъ, взросшимъ среди народа, отдавашаго значительную часть своихъ силъ на удовлетвореніе желаній тѣла, когда въ аллегоріи, изображающей Улисса, убѣгающаго отъ чаръ Калипсо, отъ чувственныхъ наслажденій на островѣ нимфы, онъ вмѣстѣ съ древнимъ героемъ восклицаетъ:

— „Бѣжимъ, бѣжимъ! Наше отечество это та сфера, съ которой мы снизошли на землю, тамъ пребываетъ нашъ отецъ. Но какъ же возвратиться туда? Какими средствами перенестись туда? Ни нога, ни колесница, ни корабль намъ въ этомъ не помогутъ. Закроемъ же тѣлесные глаза и откроемъ глаза духа, для того, чтобы пробудить въ насъ другое зрѣніе, которымъ обладаютъ всѣ, а пользуются очень немногіе... Всякій человѣкъ для того, чтобы созерцать истинно прекрасное, долженъ самъ сдѣлаться прекраснымъ и божественнымъ“.

И ни наслажденіе тѣлесною красотой, ни созерцаніе чуд-

ной природы, ни прочія прелести міра не могутъ удержать Улисса отъ стремленія къ сферамъ высшей духовной красоты, красоты чуждой тѣла. Она лишь одна только достойна стремленій человѣка и для нея лишь онъ долженъ пройти тяжелый искусь нравственнаго самосовершенствованія.

Въ виду столь возвышеннаго, глубоко-нравственнаго пониманія задачъ прекраснаго, его сущности и способовъ усвоенія чело-вѣкомъ, не думаемъ, чтобы изложеніе взглядовъ Плотина по данному вопросу могло не представлять никакого интереса. Его весьма чистые взгляды на красоту должны быть намъ дороги, ибо они близки по духу христіанскимъ воззрѣніямъ, блики, конечно, насколько это можно требовать отъ языческаго писателя. Протекшіе вѣка не могли ослабить къ нимъ интереса именно въ настоящее время, когда, какъ уже было сказано, многіе уклонились отъ истиннаго пониманія красоты, этого, по словамъ мыслителя, горнила, очищающаго и возвышающаго душу, въ сторону грубаго чувственнаго пониманія ея, считая таковую прислужницей своихъ желаній и страстей.

Источникомъ, знакомящимъ съ эстетическими взглядами Плотина, служить главнымъ образомъ VI книга 1-й эннеады: *περὶ τοῦ καλοῦ* (о прекрасномъ), къ которой необходимо добавить VIII книгу 5 эннеады *περὶ τοῦ νοητοῦ κάλλους* (о мысленной красотѣ). Прочитавъ ихъ, мы можемъ объять ученіе великаго философа, касающееся прекраснаго.

Разсматривая прекрасное, мы, по словамъ Плотина, видимъ, что подъ понятіе его подходитъ множество весьма разнообразныхъ объектовъ въ различныхъ моментахъ и сферахъ бытія. Прекрасное является и зрѣнію, и слуху, и другимъ органамъ чело-вѣка. Статуя, картина, виды природы и пр., все это мы называемъ красивымъ, восхищаемся имъ, любимъ. Рядомъ съ подобными предметами и выше ихъ мы видимъ также, что существуетъ еще и другое нѣчто, о чемъ мы можемъ сказать, что оно прекрасно, напимѣръ, поступки и дѣйствія нравственнаго, добраго чело-вѣка, подвиги любви и самоотверженія, вообще добродѣтель, затѣмъ наука и т. п. умопостигае-

ные объекты. Отсюда возникает вопросъ о свойствѣ, которое дѣлаетъ прекрасными столь несхожіе по существу, какъ статуя и добродѣтель и пр., предметы.

Прежде чѣмъ опредѣлить сущность красоты, философъ считаетъ нужнымъ сначала опровергнуть тѣ понятія прекраснаго, которыя господствовали въ школахъ его времени. Онъ прежде всего (и главнымъ образомъ) полемизируетъ съ матеріалистическими воззрѣніями древности, наиболѣе типичными представителями которыхъ являлись стоики. Плотинъ, ссылаясь на то, что не всякое вообще тѣло прекрасно и что иногда одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть то прекраснымъ, то безобразнымъ, утверждаетъ, что прекрасное вовсе не есть нѣчто тѣлесное, пространственное, оно, хотя и участвуетъ въ предметѣ, но само по себѣ не является тѣломъ, не составляетъ осязаемую часть его. Такимъ образомъ, матеріалистическое учение стоиковъ, по которому свойства, силы и дѣятельности тѣлъ суть то же тѣла, пространственно проникающія въ первыя, смѣшивающіяся въ единомъ, въ цѣломъ, по мнѣнію Платина, нисколько не объясняетъ прекраснаго, а наоборотъ, даже находится въ явномъ противорѣчій съ понятіемъ его.

И дѣйствительно, если одно и то же тѣло, одно и то же явленіе можетъ быть и прекраснымъ и лишеннымъ красоты, то, слѣдовательно, свойства тѣлесности, всѣ признаки, характеризующіе послѣднюю, необходимо должны быть отдѣлены отъ свойствъ красоты, которая ни въ коемъ случаѣ, вслѣдствіе этого, не можетъ быть какимъ либо тѣломъ.

Но не есть ли она лишь сочетаніе пространственныхъ моментовъ, составныхъ частей тѣла, не зависитъ ли она отъ симметріи, отъ пропорціональности частей въ ихъ взаимномъ отношеніи и въ отношеніи цѣлаго? Такое представленіе о прекрасномъ было крайне распространено въ древнемъ мірѣ. Его раздѣляло большинство философскихъ школъ, главнымъ образомъ сенсуалистическаго направленія, помимо пифагорействующихъ. Противъ такого воззрѣнія Плотинъ выдвигаетъ нѣсколько аргументовъ, которые, по его мнѣнію, вполне опровергаютъ указанный выше взглядъ.

Прежде всего, названіе прекраснаго въ такомъ случаѣ мо-

зеть быть приложено исключительно лишь къ сложнымъ объектамъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ частей, такъ какъ лишь подобное можетъ быть симметричнымъ и диссимметричнымъ. Гдѣ нѣтъ составныхъ частей, образующихъ цѣлое, тамъ не можетъ быть симметріи, каковая и заключается въ известномъ соразмѣрномъ отношеніи частей къ цѣлому и между собою.

Далѣе, слѣдуя общепринятому взгляду, придется заключить, что отдѣльныя части предмета, признаваемого нами прекраснымъ, не сами по себѣ являются красивыми, а лишь въ силу соединенія въ цѣлое, между тѣмъ естественнѣе всего предположить, что отдѣльныя части этого предмета сами по себѣ прекрасны, черезъ что и цѣлое является таковымъ же, ибо изъ безобразныхъ частей не можетъ составиться цѣлое прекрасное“.

Затѣмъ, тѣ же лица, которыя отождествляютъ красоту съ симметрией и, слѣдовательно, прекрасное находятъ лишь въ сложномъ, тѣ же лица восхищаются и простыми несложными тѣлами, признавая на примѣръ, золото, молнію, музыкальные звуки за безусловно прекрасное. Кромѣ того, симметричныя лица иногда намъ кажутся прекрасными, иногда же нѣтъ, вслѣдствіе чего симметрія не всегда бываетъ въ связи съ красотой и поэтому, сами такія лица прекрасны вовсе не изъ-за симметріи, а въ силу чего-то другого, какого-то другого свойства.

Послѣдній аргументъ Платона переноситъ насъ въ міръ высшихъ объектовъ: науки, добродѣтели и т. п. Въ чемъ выражается симметрія науки, нашихъ мыслей, добродѣтели? Если мы за такую будемъ принимать внутреннее согласіе мышленія въ наукѣ или согласіе руководящихъ этическихъ принциповъ между собою и согласіе ихъ съ практическою дѣятельностью челоука, то вѣдь и зло обладаетъ таковымъ же согласіемъ, внутреннимъ единствомъ отдѣльныхъ его моментовъ. Равнымъ образомъ, ни мышленіе, ни добродѣтель, составляющія безусловно прекрасное, нельзя разсматривать, какъ величину или число, т. е., какъ таковой объектъ, къ которому можно примѣнить принципы симметріи, опирающейся главнымъ образомъ на законы математики, имѣющей дѣло съ ве-

личинами и числами. Въ концѣ концовъ, перейдя къ міру высшихъ умопостигаемыхъ объектовъ, мы должны будемъ совершенно отрѣшиться отъ отождествленія симметріи съ красотою и должны поискать другого объясненія ея сущности.

Что же такое, однако, красота?

— „Красота, говоритъ Плотинъ, есть нѣчто съ перваго взгляда чувственное; душа признаетъ ее близкой и симпатичной своей собственной природѣ и она воспринимаетъ и ассимилируетъ ее. Встрѣчая, наоборотъ, безобразный предметъ, она отступаетъ отъ него, отвергаетъ и отталкиваетъ его, какъ чуждый и антипатичный ея природѣ. И это потому, что душа, будучи такой, какова она есть, т. е., по своей природѣ высшей всѣхъ другихъ существъ, всякій разъ, когда видитъ предметъ родственннй ей по природѣ или даже имѣющій только слѣды такого родства, радуется, увлекается, приближаетъ этотъ предметъ къ своей собственной природѣ и сознаетъ себя самую и свою сущность. Какое же подобіе существуетъ между чувственной красотою и красотою разумнок? Вѣдь нельзя же не признать существованія такого подобія! Какимъ образомъ чувственные предметы могутъ быть прекрасными, такъ же, какъ и разумные объекты? Это потому, что чувственные объекты усваиваютъ форму. До тѣхъ поръ, пока объектъ безформенный, но могущій по своей природѣ получить разумную или чувственную форму, остается безъ формы, онъ *безобразенъ*“.

Такимъ образомъ, Плотинъ признаетъ принципомъ красоты форму, которая является общимъ основаніемъ для всего прекраснаго въ здѣшнемъ мірѣ. Сама по себѣ матерія, внѣ соединенія съ формой, какъ объ этомъ учить философъ въ своей книгѣ: $\mu\alpha\tau\acute{\eta}\rho\iota\varsigma\ \tau\eta\varsigma\ \delta\lambda\eta\varsigma$ (о матеріи) есть нѣчто „лишенное всякаго качества, одинаго простаго, несложнаго характера“, нѣчто совершенно неопредѣленное, не имѣющее даже извѣстнаго мѣста, но за то стремящееся къ соединенію съ формой. Внѣ формы матерія не познаваема чувствами: она не имѣетъ цвѣта, звука, запаха, вкуса и, слѣдовательно, наше чувство бесильно передъ нею. Только форма, такъ сказать, оживляетъ ее, даетъ ей опредѣленный видъ, дѣлаетъ ее способной къ воспріятію органами чувствъ и дѣлаетъ ее то болѣе, то менѣе

прекрасной. Пока же она является „безформеннымъ объектомъ“, она не только не можетъ быть прекрасной, но даже уму эстетически образованнаго грека и римлянина являлась безобразной. Благодаря своему стремленію, своей способности соединиться съ формой, матерія вмѣстѣ съ первою образуетъ въ мірѣ рядъ сущностей, являющихся совмѣстно съ остальными четырьмя родами существованія (категоріями): отношенія, количества, качества и движенія, главнѣйшими видами всякаго возможнаго бытія (существованія). Таковъ, по ученію философа, матеріаль здѣшняго чувственнаго міра, изъ котораго въ соединеніи съ формою является всякая земная красота, доступная созерцанію нашими органами чувствъ.

Какимъ же образомъ форма привноситъ въ міръ матеріи красоту? Отчего, какъ только часть матеріи вылилась въ извѣстную форму, объектъ дѣлается болѣе или менѣе прекраснымъ?

„Присоединяясь къ веществу, говоритъ Плотинъ, разумъ координируетъ различныя части, которыя должны составить цѣлое, соединяетъ ихъ и при посредствѣ ихъ гармоніи производитъ нѣчто единое. Когда объектъ достигаетъ единства, въ немъ пребываетъ красота и она сообщается какъ частямъ, такъ и цѣлому, ибо она проявляется и въ цѣломъ зданіи и въ одномъ камнѣ, и въ произведеніяхъ искусства, и въ произведеніяхъ природы: такимъ образомъ, тѣла (т. е. матерія плюс форма) дѣлаются прекрасными, благодаря ихъ участію въ идеѣ (μετοχῆ ἰδέου).

Мы видимъ, слѣдовательно, что объекты реальнаго міра являются прекрасными вслѣдствіе участія ихъ въ формѣ и идеѣ. Форма есть внѣшнее проявленіе идеи въ предметѣ; благодаря ей (формѣ), мы воспринимаемъ своими чувствами предметы и по степени совпаденія идеи объекта съ ея внѣшнимъ проявленіемъ, выражающимся въ формѣ, мы судимъ о красотѣ его. Сами же идеи, по ученію Плотина, являются умственными сущностями¹⁾, составляющими проявленія одного высшаго ума, который есть источникъ и причина всякаго существованія. Онѣ суть выраженіе энергіи этого ума и служатъ

¹⁾ ἡ νοερά οὐσία.

первообразами вещей; ихъ можно назвать идеальными типами предметовъ и отсюда, чѣмъ болѣе предметъ уклоняется отъ чистаго типа, тѣмъ онъ менѣе прекрасенъ. Центръ тяжести лежитъ въ идеяхъ и только онѣ безусловно прекрасны; объекты же матеріальнаго міра обладаютъ красотою не сами по себѣ, а чрезъ нихъ, и настолько хороши, насколько совершенную провѣрку идеи въ матеріи они составляютъ.

Такимъ образомъ, не отрицая красоты чувственнаго міра, Плотинъ видитъ ее въ самой идеѣ вещи, въ *λογος'ѣ*, въ ея идеальномъ первообразѣ (*εἶδος, λογος*). Міръ потому прекрасенъ, что до глубины весь проникнутъ и освѣщенъ божественнымъ умомъ, божественною сущностью. Это столь возвышенное понятіе красоты видимаго міра вытекаетъ, разумѣется, изъ идеалистическаго воззрѣнія философа на вселенную. Нетрудно опредѣлить и генезисъ изложеннаго выше ученія. Конечно, Платонъ и Аристотель дали основаніе ему для его теории, хотя тщетно искали бы мы у нихъ чего-либо яснаго, кромѣ отдѣльныхъ краткихъ, часто противорѣчивыхъ, замѣчаній. Заслуга Платина была въ ясной формулировкѣ прекраснаго.

У Платона понятіе прекраснаго было чѣмъ-то крайне неопредѣленнымъ, это понятіе онъ въ общемъ сводилъ къ понятію блага. То же надо сказать и по отношенію къ Аристотелю, въ этомъ отношеніи близко примыкавшему къ Платону. Онъ подобнымъ же образомъ сводилъ неопредѣленное понятіе прекраснаго къ понятію блага, расходясь съ Платономъ лишь въ опредѣленіи и оцѣнкѣ искусства. Первый очень невысоко, какъ извѣстно, ставилъ его, утверждая, что оно есть ни больше, ни меньше какъ „подражаніе“ и притомъ не сущности вещи, а ея чувственному явленію. Вытекая изъ смутнаго вдохновенія, когда человѣкъ ясно не можетъ проанализировать ни своихъ мыслей, ни ощущеній, оно способно одинаково вызывать, какъ сочувствіе къ ложному, такъ сочувствіе и къ истинному, одинаково и къ добру и ко злу, и т. д. Аристотель, хотя такъ же смотрѣлъ на искусство, какъ на подражаніе, но это подражаніе, по его мнѣнію, есть не копія видимаго міра, но является образомъ, типомъ, общимъ закономъ вещей; оно указываетъ, каковыми должны быть вещи, а не

каковы онѣ суть. Въ общемъ же, что касается всесторонняго анализа прекраснаго, оба философа ясностью понятій не отличались и въ этомъ отношеніи Плотинъ далеко оставилъ ихъ позади.

Опредѣливъ сущность красоты чувственныхъ объектовъ, принявъ за исходный пунктъ здѣсь форму, онъ далѣе задается вопросомъ о критеріи красоты. Въ самомъ дѣлѣ, откуда можетъ произтекать убѣжденіе у человѣка, что эта вещь дѣйствительно прекрасна? Не возможны ли здѣсь заблужденія? Гдѣ этотъ масштабъ, согласно которому онъ судить о красотѣ предметовъ, называя одинъ предметъ болѣе, другой менѣе прекраснымъ? Критерій такой найденъ Платиномъ и состоитъ, какъ можно догадываться, въ соответствіи идеи предмета, задренной въ нашу душу, съ самимъ предметомъ. То внутреннее содержаніе души человѣка, которое составляетъ въ ней міръ идей, и есть критерій прекраснаго для внѣшняго міра. Душа судить о чувственной красотѣ по сравненію съ духовной.

Внѣшній предметъ, говоритъ философъ, есть не что иное, какъ внутренняя форма, внутренняя идея, несомнѣнно раздѣляемая въ вещественной пространственности, но всегда единая, хотя и проявляющаяся во множественности. Благородный человѣкъ, замѣчая въ какомъ нибудь юношѣ свойства добродѣтели, пріятно поражается этимъ, потому что онъ находитъ его (юношу) гармонирующимъ съ типомъ добродѣтели, который заключается въ немъ самомъ. Такимъ же образомъ, красота цвѣта, хотя и простая по формѣ, подчиняетъ своей власти вещественный мракъ, благодаря присутствію свѣта, который есть безтѣлесное, разумъ, форма. Потому такъ же огонь по красотѣ выше другихъ тѣлъ, ибо по отношенію къ другимъ элементамъ онъ играетъ роль формы, занимаетъ самую возвышенную сферу; онъ самое утонченное изъ тѣлъ, такъ какъ болѣе другихъ приближается къ безтѣлеснымъ существамъ; кромѣ того, не будучи проницаемъ для другихъ тѣлъ, онъ самъ проникаетъ всюду, онъ даетъ теплоту не охлаждаясь... и все это потому, что онъ есть форма. По той же причинѣ скрытая гармонія звуковъ производитъ чувственную гармонію,

даетъ душѣ идею о красотѣ, указывая ей на красоту въ другомъ порядкѣ явленій. Вотъ что мы можемъ сказать о чувственной красотѣ, которая, нисходя на вещество, какъ образъ или какъ тѣнь, украшаетъ его и этимъ вызываетъ наше удивленіе“.

Изъ словъ Плотина мы видимъ, что *идеи* являются мѣриломъ красоты, критеріемъ прекраснаго, такъ какъ сама красота реального міра, воплощающаяся въ формѣ предмета, есть гармонія формы его съ идеей. Сравненіе обонхъ моментовъ формы и идеи опредѣляетъ сужденіе человѣка о прекрасномъ. Откуда однако душа почерпнула эти идеи, служащія критеріемъ прекраснаго, откуда эти типы, запечатлѣнные въ тайникахъ души? Идеи, по словамъ философа, остались въ душѣ отъ тѣхъ временъ, когда она принадлежала исключительно высшему міру. Мы сохранили въ себѣ впечатлѣнія иного бытія, бытія болѣе совершеннаго, чѣмъ земное, и теперь съ помощью особой душевной способности—воспоминанія вызываемъ эти образы прошлаго. Такимъ образомъ, мы уже рождаемся съ извѣстнымъ внутреннимъ душевнымъ содержаніемъ, съ цѣлымъ міромъ идей, которыя то смутно ощущаются, будучи за порогомъ сознанія, то ясно и опредѣленно встаютъ передъ духовнымъ окомъ человѣка, будучи вызваны къ жизни какимъ либо объектомъ, созерцаемымъ человѣкомъ, идею котораго (предмета) онѣ составляютъ. Воспріятіе доводитъ до свѣдѣнія души о тѣхъ образахъ и впечатлѣніяхъ, которые доставляются органами чувствъ изъ внѣшняго міра. Размышленіе сравниваетъ представленіе о вещи, образованное посредствомъ воспріятія, съ идеей вещи по ихъ сходству и подобію и отсюда построитъ сужденіе о степени красоты предмета.

Изъ всего реального міра объекты природы Плотинъ считаетъ болѣе прекрасными, чѣмъ предметы, созданные человѣкомъ, подражающіе лишь природѣ. Хотя въ оцѣнѣ искусства Плотинъ и разошелся со своими великими предшественниками, не одобрительно отзывавшимися о немъ, изъ которыхъ Платонъ даже изгналъ его изъ своего идеальнаго государства, однако все же онъ весьма большую область искусства, скульптуру, живопись, танцы, какъ исключительно подражающіе природѣ,

вовсе выключилъ изъ своего міра идей, міра верховнаго творящаго разума. Это не значитъ, однако, чтобы Плотинъ со-всѣмъ не признавалъ ихъ. Въ его цѣпи прекраснаго, однимъ концомъ упирающейся въ землю, другимъ достигающей неба, указанныя искусства являются лишь самыми нижними звеньями, съ чѣмъ и связано ихъ малое, въ глазахъ философа, значеніе. Для остальной области искусства онъ отводитъ мѣсто въ умопостигаемомъ мірѣ, вида, на примѣръ, въ архитектурѣ прообразъ идеи симметріи. Точно также нашлось мѣсто и для музыки, съ помощью которой даже можетъ совершаться переходъ отъ ощущенія, воспоминанія къ экстазу. Впрочемъ, главнѣйшимъ средствомъ къ достиженію послѣдняго Плотинъ считалъ все же діалектику и любовь съ молитвою.

Резюмируя все вышеизложенное, мы скажемъ, что по отношенію къ *міру реальностей* сущность красоты надо искать въ *формѣ* предмета, являющейся внѣшнимъ выраженіемъ его идеи. Степень красоты опредѣляется большимъ или меньшимъ со-отвѣтствіемъ объекта съ его внутреннимъ идеальнымъ перво-образомъ. Сужденіе о прекрасномъ является посредствомъ впечатлѣнія отъ предмета, доставляемаго нашими чувствами, и воспоминанія, вызывающаго при видѣ даннаго объекта до того времени не сознаваемую идею его. Весь чувственный ма-теріальный міръ проникнуть божественною сущностью, всѣ вещи являются выраженіемъ ея вовнѣ ¹⁾, и потому самому вселенная въ цѣломъ полна красоты и гармоніи, потому она прекрасна.

С. А. Ананьинъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Каждый предметъ есть идея, проявленная формою, сами идеи—божествен-ныя сущности, продуктъ творчества верховнаго разума, истеченіе (по необходи-мости) понятій Его.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ИЗЪ БЮГРАФІЙ БУДДЫ САКЪЯ—МУНИ (LALITAVISTARA).

(Продолженіе *).

Послѣ изложенныхъ въ Лалитѣ-Вистарѣ событій на небѣ и знаменіи на землѣ, Бодизаттва готовится спуститься на землю. Многочисленные боги и Бодизаттвы являются къ нему и сопровождаютъ Багаву въ моментъ его удаленія съ неба Тупита; земля, какъ-бы въ сочувственномъ изумленіи такому всякому событію, начинаетъ сильно колебаться, меркнетъ свѣтъ солнца и луны, меркнетъ свѣтъ Сакры, Браммы и стражей вселенной, но ни одно живое существо при этомъ не ощущаетъ ни страха, ни страданія; наоборотъ, миръ и любовь развиваются, если только можно такъ выразиться, надъ землею, и всеобщее довольство и радостное настроеніе боговъ и людей покрывается звуками чудной музыки ¹⁾. При звукахъ этой божественной музыки Бодизаттва подъ видомъ молодого бѣлаго слона черезъ правый бокъ входитъ въ нѣдра своей матери въ то время, когда она спитъ и въ этомъ снѣ видитъ все совершающееся событіе. Послѣ этого царица просыпается и, охваченная чувствомъ невыразимаго и неиспытываемаго дотолѣ блаженства идетъ въ ближайшую ко дворцу рощу, куда и призываетъ къ себѣ супруга-царя. Ему она рассказываетъ видѣнный ею сонъ, и оба они перепуганные призываютъ Браминновъ и отъ нихъ желаютъ поскорѣе узнать значеніе сна. Браминны успокаиваютъ перепуганныхъ супруговъ и объясняютъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 1.

¹⁾ Lalitavistara Foucaux, chapitre V, pp. 51—60.

рассказанный Майя-Девой сонъ, который, по ихъ толкованію, означаетъ то, что отъ Майя-Девы родится сынъ и будетъ или царемъ или Буддою. Такое предвѣщаніе имѣющаго родиться малютки приводитъ царя въ восторгъ и, обрадованный, онъ приказываетъ выстроить великолѣпный дворецъ для Майя-Девы, хотя услужливые боги наперерывъ другъ передъ другомъ предлагали ему для этой цѣли свои превосходныя жилища.

Спустившись въ нѣдра матери, Бодизаттва все время пребывалъ въ правомъ ея боку и сидѣлъ тамъ съ скрещенными ногами. Нѣкоторые боги чрезвычайно были изумлены снисхожденіемъ Бодизаттвы въ нѣдра матери; ихъ изумляло, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что „чистый и свободный“ отъ какой-бы то ни было нечистоты Бодизаттва, возвышающійся надъ всѣмъ міромъ,—Бодизаттва, наилучшій изъ всѣхъ живыхъ существъ, находится въ соприкосновеніи съ нечистой кровью матери, тогда какъ даже, сравнительно съ нимъ, низшіе боги всегда избѣгаютъ прикосновенія къ человѣческому тѣлу¹⁾).

Рожденіе Бодизаттвы, по сказанію Лалиты-Вистары, сопро-

¹⁾ Даже въ Лалитѣ-Вистарѣ, въ видѣ вставки, идетъ рассказъ Ананды, который, имѣлъ мѣсто въ послѣдующее время, когда именно самъ Будда, будучи уже на землѣ, рассказывалъ свою жизнь ученикамъ.—Ананда, какъ и боги, высказываетъ свое изумленіе по поводу „снисхожденія Будды въ утробу матери“, когда Багава въ повѣствованіи о своей жизни доходитъ до этого мѣста. „Пусть Багава, говоритъ Ананда, вошелъ въ нѣдра матери, свободной отъ страстей, какъ утверждаетъ это Татагата,—все таки такое обстоятельство—очень изумительное явленіе“. Бодизаттва старается разсѣять это недоразумѣніе и, въ видѣ объясненія, очень подробно говоритъ о томъ, чѣмъ именно онъ занимался въ утробѣ своей матери. Оказывается, что Багава не проводилъ тамъ время въ праздности, но занимался работою, которая носитъ специальное названіе упражненія Бодизаттвы. Описанію достоинствъ этой работы Бодизаттвы посвящено въ Лалитѣ-Вистарѣ нѣсколько страницъ, не особенно важныхъ и интересныхъ по своему содержанію. Кромѣ этой работы, Бодизаттва во время своего пребыванія въ нѣдрахъ матери занимался и другими дѣлами: Такъ, напр., „когда ему не спалось въ теченіе ночи, то онъ вытягивалъ свою правую руку и затѣмъ снова опускалъ ее“ и этимъ невнятнымъ занятіемъ развлекалъ себя; кромѣ того, Багава принималъ у себя визитеровъ, и все выдающееся въ Индійскомъ пантеонѣ являлось къ нему засвидѣтельствовавъ свое почтеніе и уваженіе; всѣхъ посѣтителей, боговъ и людей, Бодизаттва принималъ очень милостиво и всѣхъ очаровывалъ своею пріятною любезностію. Такимъ-то образомъ Бодизаттва проводилъ время въ теченіе десяти мѣсяцевъ своего пребыванія въ нѣдрахъ матери. Бодизаттва привлекъ все-таки за это время „къ тремъ Колисницамъ“ тридцать шесть милліоновъ людей. Lalita Vistara Foucaux, chap. VI, pp. 61—79.

вождалось многочисленными чудесами. Такъ прежде всего, въ паркѣ царя Суддоданы мужа Майи-Девы появилось 32 предзнаменованія, которыя яко-бы указывали на близкое рожденіе Будды; мы не станемъ перечислять эти „вѣщія событія“, такъ какъ въ общемъ характеръ ихъ мало чѣмъ разнится отъ такихъ же происшествій, которыя совершались въ саду того же царя передъ „нисхожденіемъ“ Бодизаттвы въ утробу своей матери; упомянемъ только, что чуть-ли не всѣ стихіи міра, солнце, луна, планеты, боги, звѣри, птицы—все это, по волѣ пылкой и богатой фантазіи восточнаго генія, было привлечено къ участию въ событіяхъ, указывавшихъ на предстоящее вскорости рожденіе Бодизаттвы. Майя-Дева, узнавшая черезъ самого Бодизаттву, приближеніе времени рожденія, идетъ къ царю Суддоданѣ и проситъ у него позволенія удалиться въ паркъ Лямбини.—Царь соглашается на просьбу и приказываетъ по этому случаю какъ можно лучше разукрасить садъ. Въ сопровожденіи блестящей свиты изъ небожителей и простыхъ смертныхъ Майя-Дева отправляется въ роскошный паркъ и тамъ, подъ деревомъ Плакша, безболѣзненно разрѣшается сыномъ. Индра и Брама прислуживаютъ ей и принимаютъ новорожденнаго на свои руки, который, кстати сказать, появляется на свѣтъ одѣтымъ въ прекрасныя бенаресскія одежды, что, однако, не помѣшало „небеснымъ акушерамъ“ омыть его въ двухъ, чудесно образованныхъ по этому случаю, источникахъ теплой и холодной воды. Новорожденный тотъ-часъ же послѣ своего появленія на свѣтъ сходитъ на землю, дѣлаетъ по семи шаговъ по направленію къ востоку, югу, западу, сѣверу, а также и по другимъ направленіямъ и каждый разъ при этомъ говоритъ о той миссіи, которую онъ пришелъ совершить на землѣ: „Я одолѣю демона и его армію,—таковы были слова новорожденнаго,—и изъ состраданія къ существамъ, находящимся въ адахъ и пожираемымъ адскимъ огнемъ, я возвѣщу благодѣтельный законъ, и они возрадуются и возвеселятся“. Нечего, конечно, и говорить о томъ, что „земля и небо“ ликовали по поводу совершившагося событія и, такъ сказать, сливались въ единомушномъ порывѣ радости¹⁾.

¹⁾ Далѣе въ Лалитѣ-Вистарѣ эпизодически идетъ изложеніе пророчества Будды, гдѣ онъ предсказываетъ появленіе въ послѣдующія времена „грубыхъ и невѣ-

Вмѣстѣ съ новорожденнымъ Бодизаттвою появилось на свѣтъ огромное число дѣвочекъ и мальчиковъ, рабовъ и рабынь, родилась также его бунующая супруга, Чандана—возница Сакья-Муни и любимый его конь—Кантака. Все это было предназначено во владѣніе только что родившемуся малюткѣ. Майя-Дева черезъ семь дней послѣ рожденія Бодизаттвы умираетъ, и тетка царевича, Мата Праджапата Гатама, по единодушному согласію всѣхъ Сакіевъ, замѣняетъ ему мать. Въ то же время къ его услугамъ прикомандировывается огромный штатъ служащихъ и, между прочимъ, 32 кормилицы, изъ которыхъ 8 носили его на рукахъ, 8 кормили грудью, другія 8 наблюдали за нимъ во время игръ и остальные 8 мыли его.

кальвиниста“ монаховъ, которые будутъ соблазниться роженіемъ Бодизаттвы. Они, говоритъ Будда, узнавъ, что совершенно чистый Бодизаттва снизшелъ въ утробу матери, не повѣрять этому и, собравшись въ кучку, стануть говорить одинъ другому: смотрите, какое несообразное дѣло: обладающій всемогуществомъ Бодизаттва находится въ утробѣ матери и былъ причастенъ ея нечистотамъ; во время родовъ онъ прошелъ правымъ бокомъ своей матери и не бѣлъ замаранъ ея естественными нечистотами. Съ чѣмъ сообразно это? Эга вставая изъ пророчества имѣеть очень близкое отношеніе къ бывшему раньше еще перерыву Анаандовъ повѣствованія Будды, когда Анаанда, вмѣстѣ съ богами, также выразилъ свое недоумѣніе относительно пребыванія Бодизаттвы въ недрахъ матери. Въ настоящемъ члѣстѣ Будда даетъ болѣе обстоятельное разъясненіе указаннаго недоумѣнія. Такъ, прежде всего, онъ указываетъ на то, что тѣла добрыхъ существъ, къ которымъ, безъ сомнѣнія, должна быть отнесена и Майя-Дева—мать Будды, не образуются изъ нечистыхъ элементовъ. Это одно, но самая главная причина такого, а не иного способа появленія Бодизаттвы въ міръ состоитъ въ томъ, что этотъ именно способъ,—человѣческое рожденіе, лучше всего соотвѣтствуетъ главной дѣлѣ прішествія Будды—спасенію людей. Для того, чтобы быть надлежащимъ образомъ понятнымъ людямъ, говоритъ Будда, чтобы лучше или удобнѣе принести имъ пользу—для всего этого необходимо быть для нихъ самымъ близкимъ существомъ, которое было-бы для нихъ болѣе доступнымъ и болѣе понятнымъ, а кого, какъ не человека, скорѣе всего можетъ понять другой человекъ? Если бы Бодизаттва явился богомъ, рассуждаетъ по этому случаю Будда, то онъ не могъ-бы «вращать колеса ученія», не могъ-бы проповѣдывать людямъ ученія, и, вмѣсто облегченія и утѣшенія, отъ такого оборота дѣла могли-бы быть для людей однѣ неприятности—уныніе и скорбь. Если-бы люди,—мы продолжаемъ излагать мысли въ рѣчи Будды къ Анаандѣ,—впали въ уныніе, и какой-нибудь Вагана Татагата, Архатъ, истинный и всесовершенный Будда, прішель-бы на землю въ образѣ бога, а мы, люди, оставались-бы людьми, то, будучи не въ состояніи сравниться съ нимъ, мы впали-бы, благодаря его приходу, въ уныніе. Такъ Будда разъяснилъ недоумѣніе, возникшее у очень многихъ, относительно способа его появленія въ міръ.

Въ это самое время, по разсказу Лалиты-Вистары, имѣлъ мѣсто и фактъ посѣщенія новорожденнаго пустыннокомъ Азитою. Этотъ отшельникъ, жившій въ Гималайскихъ горахъ съ своимъ племянникомъ, Нарадаттою, по совершающимся въ природѣ чудесамъ узналъ про рожденіе въ семьѣ царя Суддоданы будущаго Будды и явился туда. Онъ внимательно осмотрѣлъ малютку, пересчиталъ на его тѣлѣ 32 главныхъ и 80 второстепенныхъ признаковъ великаго человѣка и въ заключеніе объявилъ, что новорожденный обязательно достигнетъ верховнаго достоинства Будды. Такое открытіе приводитъ самого Азиту въ сильное огорченіе, и онъ начинаетъ горько плакать. Встревоженный царь спрашиваетъ у Азиты причину его плача, и старецъ, въ отвѣтъ ему, говоритъ: „великій царь, я оплакиваю самого себя, я—старъ и дряхлъ; этотъ же юный Сарвартавидда—таково было имя Бодизаттвы, виѣ всякаго сомнѣнія, достигнетъ всесовершеннаго вѣдѣнія Будды и будетъ проповѣдникомъ высочайшаго закона... А я,—я не увижу этого перла Будды“! Осыпанный подарками Суддоданы Азита удаляется опять къ себѣ въ пустыню. Предсказаніе Азиты о будущемъ величіи новорожденнаго какъ бы оказывается недостаточнымъ и множество боговъ снова является въ жилище Суддоданы и еще лишній разъ говорятъ ему, что сынъ его дѣйствительно сдѣлается Буддою ¹⁾.

Далѣе въ Лалитѣ-Вистарѣ говорится о посѣщеніи или, вѣрнѣе, о принесеніи въ храмъ молодого царевича; при этомъ Лалита-Вистара прибавляетъ, что едва только Бодизаттва былъ внесенъ въ храмъ, какъ всѣ находившіеся тамъ кумиры поднялись съ своихъ мѣстъ или, какъ говорится въ самой книгѣ, всѣ боги, изображенія которыхъ находились въ храмѣ, лично явились туда и произнесли стихи въ честь прибывшаго. Приводимъ отрывокъ этихъ стиховъ. „Какъ величайшая изъ горъ, говорили боги,—царица горъ, Меру, никогда не склоняется передъ горчичнымъ сѣменемъ, какъ Океанъ, жилище царя Навговъ, не преклоняется передъ водицею, содержащуюся въ отпечаткѣ коровьяго копыта, какъ солнце и луна, источники свѣта, не склоняются передъ свѣтащимся червячкомъ,—такъ точно и

¹⁾ Lalitavistara Foucaux, chap. VII, pp. 80—112.

тотъ, кто происходитъ изъ добродѣтельнаго и мудраго рода и кто самъ исполненъ добродѣтели, не преклоняется передъ какими-бы то ни было богами; верну горчичному, водѣ, содержащейся въ коровьемъ слѣдѣ, и свѣтляку—подобенъ тотъ—богъ или человекъ (кто-бы онъ ни былъ) во всѣхъ мірахъ трехъ тысячъ—кто упорствуетъ въ грубости; Свайальбу же (т. е. Бодизаттва), первенецъ міра,—подобенъ горѣ Меру, подобенъ Океану, солнцу и лунѣ, и міръ, воздающій ему почести, достигнетъ... Нирваны“¹⁾.

Когда молодой принцъ подростъ, то приступили къ его обученію. Бодизаттву вмѣстѣ съ десятью тысячами дѣвочекъ и мальчиковъ привели въ школу знаменитаго наставника Висвамитры, при чемъ все дѣло свелось къ тому, что царевичу, какъ обнаружившему обширныя познанія, превышающія познанія всѣхъ и cadaго, не исключая и самого наставника Висвамитры, совсѣмъ и не нужна была школа; Висвамитра былъ удивленъ познаніемъ Бодизаттвы въ искусствѣ письма и, отдавъ должную дань уваженія небывалому еще у него ученику, смиренно заявилъ: „я буду учиться у него; это—величайшій и самый ученѣйшій изъ всѣхъ боговъ; ему нѣтъ равнаго“²⁾.

Лалита-Вистара не особенно долго занимается дѣтствомъ и отрочествомъ своего героя. Послѣ случая съ наставникомъ Висвамитрою въ ней содержится всего только одинъ фактъ изъ этого періода жизни Сакья-Муни. Рассказывается именно о томъ, какъ однажды молодой принцъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми отправился въ деревню посмотреть на пахоту. При этомъ Сиддорта незамѣтно удалился въ сосѣдній съ пашнею лѣсъ и, усѣвшись тамъ подъ тѣнью одного дерева, погрузился въ глубокое размышеніе. Тѣнь дерева укрывала его отъ жары и нисколько не измѣняла своего положенія съ той поры, какъ усѣлся въ ея освѣжающей прохладѣ Бодизаттва.

Пять пустынниковъ, чудесно перелетавшихъ по воздуху въ это самое время, были остановлены невидимою силою надъ лѣсомъ, въ которомъ сидѣлъ погрузившійся въ глубокое размышеніе будущій Будда; узнавъ, при содѣйствіи богини лѣса,

¹⁾ Ibid chap. VIII, pp. 113—116.

²⁾ Ibid. chap. X, pp. 120—124.

дѣйствительную причину своей остановки, пустынники воздали Бодизаттвѣ должное поклоненіе и удалились.

Между тѣмъ отсутствіе молодого принца начало сильно беспокоить царя Суддодану, и онъ во все стороны разсылаетъ гонцовъ отыскивать затеряшагося. Скоро одинъ изъ царедворцевъ находитъ подъ деревомъ размышляющаго Сиддарту, замѣчаетъ чудо съ тѣнью отъ дерева, подъ которымъ сидитъ Бодизаттва и, удивленный всеѣмъ этимъ, подробно докладываетъ царю о случившемся. Суддодана поспѣшно идетъ къ мѣсту размышленія принца и, увидѣвъ Бодизаттву, свѣтлается чуднымъ блескомъ и поражающаго своимъ величіемъ, провозноситъ въ честь его хвалебные стихи¹⁾.

Какъ ни высоко было назначеніе Сиддарты, по предсказанію пустытника Азиты, но царь Суддодана счелъ бы себя, вѣроятно, не исполнившимъ своихъ родительскихъ обязанностей по отношенію къ сыну, если бы не женилъ его. Вопросъ о женитьбѣ Сиддарты служитъ предметомъ обсуждения даже общаго собранія Сакіевъ. Все приходитъ къ единогласному признанію необходимости женитьбы для Бодизаттвы, при чемъ нѣкоторые указываютъ на это, какъ на самое надежное средство добиться болѣе желательнаго для нихъ исхода изъ предстоящей Сиддартѣ альтернативы—быть или Буддою, или царемъ Чакравартиномъ. „Необходимо молодому человѣку имѣть жену, говорятъ они; окруженный множествомъ женщинъ и утопающій въ удовольствіяхъ, онъ не уйдетъ изъ міра, и такимъ-то образомъ не прекратится поколѣніе нашихъ Чакравартиновъ; мы же будемъ почитаемы всеѣми царями“. Высказавшись въ принципѣ за женитьбу царевича, окончательное все-таки рѣшеніе этого вопроса рѣшили предоставить самому Сиддартѣ. Послѣдній для отвѣта попросилъ семь дней сроку и, кажется, больше изъ подражательности примѣру прежнихъ Бодизаттвъ, которые все имѣли женъ и дѣтей, рѣшилъ, что женитьба нисколько не помѣшаетъ дѣлу его миссіи. Бодизаттва поставилъ только непременнымъ условіемъ своего согласія на женитьбу, чтобы женщина, предназначенная ему въ жены, обладала бы многочисленными хорошими качествами. Все требуемая имъ свойства Сид-

¹⁾ Lalitavistara, Foucaux, chapitre XI, pp. 125—129.

дарты изложилъ въ стихотворномъ реестрѣ и вручилъ его Суддоданѣ. „Если найдете подобная женщина, отецъ, говоритъ царевичъ, то дайте ее мнѣ“. Такъ какъ наличность извѣстныхъ качествъ у невѣсты Сиддарты поставилъ непремѣннымъ условіемъ своего согласія на бракъ, то Суддодана привываетъ Брамна, вручаетъ ему составленный принцемъ списокъ качествъ невѣсты и посылаетъ его отыскивать нужное сокровище, прося его не обращать вниманія на касты, такъ какъ, говоритъ царь, происхожденіе изъ той, или иной касты не имѣетъ цѣнности въ глазахъ его сына. Послѣ долгихъ изысканій нужная дѣвушка была открыта въ томъ же городѣ Банилавасту у Сакія Дандапани. Это была чудная красавица Гопа; она вполнѣ удовлетворяла всѣмъ требованіямъ Сиддарты. Но тутъ неожиданно возникаетъ препятствіе.—Отецъ Гопы объявляетъ Суддоданѣ, что онъ, по обычаю своего рода, отдастъ дочь царевичу въ томъ только случаѣ, если послѣдній побѣдитъ въ различнаго рода состязаніяхъ и искусствахъ всѣхъ претендентовъ, какіе только явятся на руку и сердце прекрасной Гопы. Дѣлать было нечего; пришлось подчиниться обычаю и вступить въ состязаніе съ другими искателями руки дочери Дандапани. Какъ и нужно было ожидать, царевичъ съ честью вышелъ изъ представившагося ему испытанія; онъ превзошелъ всѣхъ своихъ соперниковъ въ искусствѣ прыгать, писать, считать, въ знаніи математики, въ борьбѣ, въ умѣньи бѣгать, плавать, стрѣлять изъ лука, управлять слономъ, лошадю и колесницами; онъ превосходилъ всѣхъ своихъ соперниковъ гимнастическою ловкостью, умѣньемъ ставить силки, умѣньемъ нападать на противника и отражать его нападенія, пуская въ ходъ кулаки, ноги и голову, въ поэзіи, въ грамматикѣ, въ рисованіи, въ музыкѣ, въ пѣніи и въ танцахъ—ни въ чемъ онъ не зналъ себѣ соперниковъ; въ этомъ состязаніи царевичъ обнаружилъ знаніе магическихъ формулъ, умѣнье объяснять сны, понимать языкъ птицъ и въ другихъ многочисленныхъ отрасляхъ знанія и искусства, перечисленіе которыхъ занимаетъ въ Лалитъ-Вистарѣ нѣсколько страницъ. Какъ побѣдителю, ему въ награду досталась въ жены прекрасная дочь Дандапани—Гопа ¹⁾).

¹⁾ Lalitavistara Foucaux, chap. XII; pp. 130—154.

Впрочемъ, Гопа была не единственною женщиною, въ объятіяхъ которой отдыхалъ молодой царевичъ. Восточная натура его не особенно была воздержна въ этомъ отношеніи и доводила его до излишества. Цѣлыя десятки тысячъ прекрасныхъ женщинъ населяли дворцы молодого принца и готовы были исполнить малѣйшій капризъ своего юнаго повелителя ¹⁾).

Хотя Лалита-Вистара и говорить про своего героя, что онъ, живя среди женщинъ и пользуясь всевозможнаго рода удовольствіями, ни на одно мгновеніе не измѣнялъ закону, тѣмъ не менѣе потребовались особыя, экстраординарныя мѣры для того, что-бы вырвать „буддійскаго спасителя міра“ изъ засасывающей его тины земныхъ удовольствій. Праздная придворная жизнь Бодизаттвы возбудила даже нетерпѣніе боговъ и они съ боязливостью получить отрицательный отвѣтъ на свои вопросы, стали говорить ему: „Когда же мы дождемся того, что ты сдѣлаешься обладателемъ десяти силъ Татагаты, четырехъ его безопасностей, восемнадцати сущностей Будды“ и покатишь колесо наилучшаго закона? Какъ-бы то ни было, но потребовалось вмѣшательство боговъ въ дѣло освобожденія Бодизаттвы отъ пути придворной жизни. Передъ вопросомъ, какъ сдѣлать то, нисколько, конечно, не задумались, и изобрѣтательная фантазія Востока впила по этому поводу одинъ лишній поэтическій цвѣтокъ въ исторію Будды.

Боги, рассказывается въ Лалитѣ-Вистарѣ, устроили такъ, что въ звукахъ веселой музыки и возбуждающе—пріятнаго пѣнія, которымъ услаждали слухъ Бодизаттвы многочисленныя женщины, ему слышны были слова увѣщанія, звавія Будду на предстоявшій ему подвигъ. Чудныя мелодіи веселыхъ звуковъ говорили слуху Бодизаттвы о его прежнихъ добродѣтельныхъ подвигахъ, говорили о суетности и призрачности земного счастья и о его обѣщаніи спасти міръ. „Скорѣе, превосходный, говорили царевичу боги, скорѣе покинь этотъ блестящій городъ вступи на путь прежнихъ Ришей и уйди въ уединенную мѣстность. О, великій Риши, послѣ того, какъ ты приобрѣтешь себѣ высшее знаніе Джиновъ (Побѣдителей),—ты будешь

¹⁾ Число женъ Сидарты доходило до 84,000 см. Lalitavistara, p. 152, свесн pp. 159, 165—166, 200.

Буддою. О, ты пожертвовавшій нѣкогда всѣмъ своимъ богатствомъ, пожертвовавшій своими ногами, руками и своимъ прекраснымъ тѣломъ—о, Риши! теперь наступило самое удобное время возвѣститъ людямъ законъ... Освободи-же живыхъ существъ отъ ихъ многочисленныхъ бѣдствій и прояви свое состраданіе къ сотнѣ міровъ... Иди въ міръ и выполни свое обѣщаніе. Теперь, продолжала свою, неслышную для другихъ, рѣчь боги,—самое распущенное время, отличающееся испорченностью и бѣдствіями; его имѣя въ виду, ты предавался подвигамъ, упражнялся въ добродѣтели и воздержаніи; такъ пролей-же дождь Амрити (безсмертія) и напои издана жаждущихъ. Ты сказалъ нѣкогда: я достигну достоянства Будды и (напиткомъ) безсмертія (Амрити) напою тѣхъ, кого мучаетъ жажда. Вспомни-же этотъ благородный обѣтъ; скорѣе покинь великолѣпный городъ ты, умѣющій обратитъ въ пользу самую превосходную мудрость, ты, знаніе котораго—безпредѣльно и безупречно, и невѣждамъ, блуждающимъ по путямъ сомнѣнія, возжги свѣтъ мудрости“. Мы привели на удачу только самую незначительную часть этихъ увѣщаній, которыя въ общемъ отличаются большою художественностью и свидѣтельствуютъ о несомнѣнно глубокой поэтичности и сердечной мягкости ихъ творца; въ этихъ стихахъ сказывается теплая вѣра и любовь ихъ творца къ своему избавителю—Буддѣ, и всѣ они подернуты легкой дымкой печали о брѣвности и скороприходящей смерти всего существующаго... Все скоропреходяще и исчезающее въ мірѣ, въ этомъ постоянномъ круговоротѣ смѣнъ однихъ явленій другими, старыхъ формъ новыми—въ этомъ круговоротѣ, гдѣ нѣтъ возможности „разграничить начала отъ конца“—вотъ философія этихъ увѣщаній. Мудрецу не на чемъ остановить въ мірѣ своего вниманія; одно только „совершенное знаніе“ можетъ успокоить его мятущійся духъ и открыть ему настоящую цѣну всего существующаго. Къ этому-то „свѣтоносному знанію“ и звали боги Бодизаттву и просили его испѣлать, при посредствѣ этой панацеи, и весь міръ, разрушаемый тремя великими бѣдствіями—болѣзнію, старостью и смертию.

Такимъ образомъ, нисколько не подозрѣвая о томъ, забавницы молодого царевича, старавшіяся привязать его, какъ можно сильнѣе, къ міру и его прелестямъ, сами разрушали свое собственное дѣло ¹⁾. Выѣстъ съ этимъ совершались въ Канилавасту и другого рода событія.—Царь Суддодана видитъ сонъ, въ которомъ ему представляется, что—будто-бы Сиддарта, окруженный толпою боговъ, становится монахомъ. Обезпокоенный такимъ сномъ, царь удваиваетъ свою бдительность надъ дворцомъ принца и приказываетъ патыстамъ воинамъ охранять его, но старанія Суддоданы ни къ чему не приводятъ.

Боги нашли средство поддержать въ Бодизатвѣ настроеніе, навѣянное на него чудными молодіями увѣщаній и тѣмъ еще сильнѣе укрѣпить начавшееся въ его душѣ броженіе. Однажды, рассказывается въ Лалитъ-Вистарѣ, Бодизатва приказалъ своему возницѣ Чандакѣ приготовить колесницу и вздумалъ поѣхать въ увеселительный загородный садъ. Суддодана, во время извѣщенный объ этой поѣздкѣ, ничего не имѣлъ противъ нея, и въ назначенный день царевичъ выѣхалъ изъ города восточными воротами. Боги устроили такъ, что на дорогѣ ему въ это время попался престарѣлый болѣзненный человѣкъ. Видъ этого встрѣчнаго поразилъ царевича, и дѣйствительно, онъ былъ жалокъ по своей внѣшности. Жилы и нервы, говоритъ Лалита-Вистара, на тѣлѣ его выдавались страшнымъ образомъ, зубы качались, сильныя морщины избороздили его тѣло по всѣмъ направленіямъ, слабый голосъ прерывался и, обезсиленный, онъ въ изнеможеніи опирался на палку. Увидѣвъ этого встрѣчнаго, впечатлительный царевичъ поспѣшно сталъ спрашивать Чандаку о такомъ, странномъ для него, существѣ и узналъ, что такое состояніе является удѣломъ всѣхъ людей, что и для него лично наступить время, когда исчезнуть его молодыя силы, и безжалостная старость наложить свою печать и на его особу. Это открытіе лишаетъ спокойствія Сиддарту, и онъ приказываетъ своему возницѣ поворотить назадъ и возвращается во дворецъ.

Въ другой разъ царевичъ выѣхалъ на прогулку въ загород-

¹⁾ Lalitavistara, Foucaux, chap. XIII, pp. 155—179.

ный садъ южными воротами, но боги и на этомъ пути приготовили ему сюрпризъ: они показали ему безпомощнаго больного чловѣка, который валялся на землѣ, перепачканный своими собственными нечистотами. Заинтересованный этою встрѣчею, царевичъ опять принимается разспрашивать Чандаку и снова узнаетъ, что болѣзни—являются общимъ удѣломъ людей. Крайне разстроенный открытiемъ, Бодизаттва поворачивается назадъ и, глубоко опечаленный, возвращается къ себѣ во дворецъ.

Въ третiй разъ Сидарта отправляется на загородную прогулку западными воротами города. Здѣсь ему на встрѣчу попадаетъ похоронная процессiя: родственники (несли) своего умершаго и громкими криками выражали свою печаль, рвали свои волосы, посыпали пылью свои головы и били себя въ грудь. Сидарта опять спрашиваетъ своего кучера о причинѣ такого поведенiя встрѣтившихся и узнаетъ, что передъ нимъ на-лицо таинственный фактъ смерти, неизбежно совершающiйся надъ всѣмъ живущимъ; никому не суждено избѣжать его. Эта встрѣча горестью наполняетъ сердце царевича, и опечаленный онъ восклицаетъ: „О, горе молодости, уничтожаемой старостью, горе здоровью, разрушаемому разнаго рода болѣзнями, горе жизни, въ которой мудрецъ не живетъ долго; о если-бы не было ни старости, ни болѣзни, ни смерти!“ Онъ снова приказываетъ своему возницѣ повернуть назадъ колесницу и возвращается во дворецъ.

Въ четвертый разъ Сидарта выѣзжаетъ на прогулку съ-верными городскими воротами. На встрѣчу ему при этомъ попадаетъ богъ, принявшiй на себя величаво—спокойный видъ Бiшку, идущаго въ городъ за сборомъ милостыни. Монахъ своимъ спокойнымъ и величественнымъ видомъ производитъ сильное впечатлѣнiе на Бодизаттву и возбуждаетъ въ немъ желанiе подражать ему. „Монашескiй образъ жизни, говоритъ при этомъ принцъ, всегда былъ восхваляемъ мудрыми; этотъ путь будетъ моимъ путемъ и—путемъ другихъ тварей и при его посредствѣ я сразу дамъ живымъ существамъ хорошую жизнь и бессмертiе“.

Суддодана, между тѣмъ, въ свое время извѣщенный пре-

данными ему людьми о роковыхъ встрѣчахъ царевича, усиливаетъ бдительность и всѣми силами старается предотвратить надвигающуюся на его домъ бѣду. Онъ подымаетъ всѣхъ на ноги и, самъ не зная покоя въ своей хлопотливой заботливости удержать сына, призываетъ къ себѣ на помощь всѣхъ Сакіевъ. Всѣ входы и выходы жилища Сиддарты, улицы, переулки, городскія ворота—все было уставлено вооруженною стражею. Въ то же время Суддодана приказалъ придворному штату женщинъ усиленно развлекать царевича и не давать ему возможности впадать въ печаль. Чтобы поощрить еще больше ихъ старанія, женщинамъ были указаны многочисленныя печальныя послѣдствія ухода Сиддарты... Но боги продолжали свое дѣло и вѣрнымъ путемъ шли къ намѣченной цѣли—вырвать Бодизаттву изъ разлагавшейся атмосферы придворной жизни“.

Въ довершеніе вліянія искусно скомбинированныхъ богами явленій они послали супругѣ царевича Гопѣ вѣщій сонъ, который указывалъ на близкое достиженіе ея мужемъ верховнаго достоинства Будды. Этотъ сонъ Гопа рассказываетъ своему супругу и тѣмъ, такъ сказать, еще больше содѣйствуетъ цѣли боговъ, такъ какъ много вліянія, кромѣ естественнаго желанія поскорѣе на-яву добиться осуществленія видѣннаго Гопою сна, не могло вызвать это вѣщее сновидѣніе, истолкователемъ котораго, кстати сказать, и былъ самъ Бодизаттва ¹⁾.

Итакъ, для Бодизаттвы наступало время расстаться со всѣми прелестями роскошной праздной жизни, наступалъ срокъ порвать связывающія его узы любви и вступить на путь лишеній и нужды нищенствующаго монаха. Какъ почтительный сынъ, онъ попытался сначала заручиться на это разрѣшеніемъ отца. Въ глубокую полночь, когда весь городъ былъ погруженъ въ сонъ, Сиддарта явился во дворецъ Суддоданы и заявилъ ему о своемъ намѣреніи отказаться отъ міра. Царь, страшно опечаленный такимъ оборотомъ дѣла, пытается удержать сына; онъ предлагаетъ ему все, чего только ни пожелалъ бы прихотливый вкусъ изнѣженнаго царевича. „Скажи, говорить ему Суддодана, чего ты желаешь, я все тебѣ дамъ. Меня са-

¹⁾ Lalitavistara, Foucaux, chap. XIV, pp. 180—190.

ного, этотъ дворецъ, служителей и царство—все возьми“. Но не того жаждало неугомонное сердце молодого принца, которому обречено было скорбѣть за несчастія всего міра. „Я хочу четырехъ вещей, отвѣчалъ онъ отцу; если ты дашь ихъ мнѣ, я останусь около тебя, я навсегда поселюсь въ этомъ жилищѣ и не уйду отсюда. Я хочу, владыка, продолжалъ онъ свою рѣчь, чтобы старость никогда бы не овладѣвала мною, чтобы я всегда былъ молодъ, никогда бы не болѣлъ, и чтобы жизнь моя была бы безконечною“. Что могъ отвѣтить на подобную просьбу Суддодана? Онъ съ полнымъ сознаніемъ своей правоты здравомыслящаго человѣка, которому нелѣпыми могли показаться такіа бредни и который, можетъ быть, не сумѣлъ угадать за ними крика истомившейся глубоко впечатлительной души, изнемогающей въ безплодномъ стараніи разрѣшить мучительныя проблемы человѣческой жизни, могъ только сказать своему странному просителю: „о, сынъ мой, ты желаешь невозможнаго“, но этого ему какъ бы показалось мало и онъ сдѣлалъ еще попытку уронить въ глазахъ своего сына такъ сильно мавившее послѣдняго состояніе монашества. „Рѣши также, сказалъ царь, не избѣгаютъ ни старости, ни болѣзни, ни смерти“, но Сидарта возразилъ: „Если, владыко, сказалъ онъ, я не могу избѣжать ни старости, ни болѣзни, ни смерти, ни упадка силъ, и Вы не можете обезпечить мнѣ этихъ четырехъ вещей, то, по крайней мѣрѣ, постарайтесь дать мнѣ слѣдующее: сдѣлайте такъ, чтобы здѣсь, на землѣ, я не былъ бы подверженъ превратностямъ временной жизни“. Не добившись родительскаго разрѣшенія на такой важный шагъ своей жизни, какъ отреченіе отъ міра и принятіе монашества, Сидарта ушелъ къ себѣ во дворецъ.

Между тѣмъ, обезпеченный Суддодана собираетъ всѣхъ Сакіевъ и предлагаетъ имъ на обсужденіе вопросъ, какъ удержатъ царевича, если онъ вздумаетъ уйти безъ разрѣшенія. Рѣшено было прибѣгнуть къ насилію, какъ самому надежному средству въ такомъ случаѣ. „Владыко, говорили Суддоданѣ соплеменники, мы станемъ сторожить его, и такъ какъ родъ Сакіевъ многочисленъ, а онъ одинъ, то ему и не представится возможности уйти отъ насъ“. Свое рѣшеніе Сакіи тотъ-

часть же и привели въ исполненіе. Крѣпкими караулами былъ заставленъ весь городъ и дворецъ царевича; вся военная сила государства была призвана къ оружію, и даже самъ царь Суддодана во главѣ отряда въ 500 молодыхъ Сакіевъ, на коняхъ и на словахъ держалъ стражу у дверей жилища Сиддарты. Обитатели внутреннихъ покоевъ царевича не отставали также отъ охватывшаго всѣхъ желанія—удержать дома царевича и, съ своей стороны, всячески старались достигнуть этого. Они напрягали всѣ свои силы и особенно заботились о томъ, чтобы „невольный плѣнникъ“ ихъ не испытывалъ не малѣйшей скуки въ своей роскошной клѣткѣ. Однимъ словомъ, всѣ и всячески старались удержать дома Бодизаттву; но всѣ старанія не увѣнчались, да и не могли увѣнчаться успѣхомъ. Могущественные владыки боговъ съ безчисленнымъ множествомъ низшихъ небожителей пришли на помощь Сиддартѣ и помогли ему благополучно перебраться черезъ всѣ препятствія, какія только разставило ему эгоистически любящее сердце родственниковъ.

Боги навели на жителей города глубокой сонъ и открыли принцу городскія ворота. Одинъ же изъ боговъ, говоритъ Лалита-Вистара, показалъ Сиддартѣ всю толпу его придворныхъ женщинъ въ самомъ отталкивающемъ видѣ. Однѣ изъ этихъ красивыхъ прислужницъ принца лежали обнаженными, другія съ сбившимися и страшно перепутанными прическами, весь блескъ, вся мишура, украшавшая этихъ женщинъ, была сорвана съ нихъ и тутъ же, какъ бы въ видѣ контраста, еще сильнѣе подчеркивающаго общій тонъ представленной богомъ картины, валялась на полу; искаженные лица, налитые кровью и неподвижные, выкатившіеся глаза, раздающійся по временамъ кое-гдѣ скрежетъ зубовъ, голыя тѣла или же обнаженные нѣкоторыя части ихъ, относительно которыхъ, пожалуй, и не особенно прилично было бы распространяться—все это не могло не возбудить въ Сиддартѣ чувства отвращенія. На все онъ посмотрѣлъ испытующимъ окомъ, увидѣлъ оборотную сторону своей роскошной придворной жизни, изъ которой заботливою рукою удалялось все некрасивое, все несчастное, что только способно было навести на печальныя думы о несчастіяхъ людскихъ и подумалъ: „дѣйствительно, я нахо-

жусь на кладбищѣ“. Сердце его при этомъ сжалось отъ боли, и онъ воскликнулъ: „Увы! Тварь подвержена бѣдствію. Веселиться здѣсь, на землѣ, все равно, что веселиться среди труповъ (Якшасъ)“. И съ огорченною душою Бодизаттва устремилъ свой взоръ къ востоку и увидѣлъ всю толпу собравшихся къ нему на помощь небожителей, увидѣлъ звѣзду Пушія, взшедшую на небосклонѣ, и понялъ, что для него настала часъ покинуть дворецъ и порвать со всѣми своими земными привязанностями. Онъ тотъ-часъ же призываетъ своего кучера и велитъ ему привести коня Кантаку, на которомъ Бодизаттва рассчитываетъ выѣхать изъ города. Кучеръ Чандака дѣлаетъ отчаянныя усилія удержать дома царевича. Онъ перечисляетъ ему всѣ прелести придворной жизни и искусно старается задѣть въ принцѣ чувство собственности указаніемъ на то, что все царство Сакіевъ со всѣмъ его богатствомъ принадлежитъ ему, пробуетъ тронуть его тягостью разлуки съ любимыми существами, но все оказывается бесполезнымъ; Сиддартъ находитъ въ себѣ мужество отказаться отъ своей личной жизни и всецѣло принести ее въ жертву всеобщему, людскому счастью—этой заманчивой мечтѣ, которая влечетъ его вдалѣ отъ родительскаго крова. „Не здѣсь мое жилище, говоритъ онъ Чандакѣ. Я намѣренъ дать живымъ существамъ „превосходный корабль закона“... и переправивъ ихъ черезъ этотъ океанъ (тварности), я поселю этихъ безчисленныхъ пловцовъ въ спокойной и свободной отъ старости и смерти равнинѣ. Я рѣшилъ дать свободу живымъ существамъ и помогать имъ. Ни ужасная буря, ни топоры, ни пики, ни стрѣлы, ни раскаленное, какъ сверкающая молнія, желѣзо, ни объятая пламенемъ вершина горы, если-бы даже все это падало-бы мнѣ на голову при выходѣ отсюда, всѣ такіе ужасы не могли-бы удержать меня дома. Я далъ обѣтъ достигнуть состоянія Боди и выполняю его. Не задерживай же, Чандака, проводника твари и добровольно веди Кантаку—превосходнѣйшаго скакуна“. Чандака уступилъ желанію Сиддарты и съ горькимъ плачемъ подвелъ ему коня. Бодизаттва сѣлъ на него и въ сопровожденіи безчисленныхъ боговъ, прославлявшихъ его и служивавшихъ ему, двинулся изъ города, предсказавши предварительно

свое возвращеніе въ него, но только послѣ того, какъ положенъ будетъ конецъ рожденію и смерти и при томъ въ такое время, когда городъ Капала будетъ бодрствовать, а не спать.

Далеко за полночь уѣхалъ царевичъ отъ своего родного жилища, рѣшившись отречься отъ царства; онъ отпустилъ толпу сопровождавшихъ его небожителей, отослалъ кучера съ конемъ обратно домой, отдавши ему предъ этимъ свои украшенія и остался одинъ. Прежде всего бѣжавшій царевичъ постарался перемѣнить свой роскошный царскій костюмъ и вообще всю свою внѣшность приспособить къ новому своему состоянію. Роскошные свои волосы онъ обрѣзалъ мечемъ и бросилъ на вѣтеръ. Боги собрали волосы Бодизаттвы и теперь еще, замѣчаетъ Лалита-Вистара, совершаютъ въ честь ихъ „праздникъ волосъ“. Роскошныя свои шелковыя одежды Бодизаттва промѣнялъ подвернувшемуся богу на красноватое монашеское одѣяніе и, такимъ образомъ, принялъ видъ настоящаго нищенствующаго монаха.

Печаль покинутаго Бодизаттвою города была чрезвычайно велика. Описаніе въ Лалитѣ-Вистарѣ несчастія и сѣтованій царя Суддоданы, Гопы, Мага Праджапати Готами и обитательницъ дворца отличается особенною поэтичностью и затрогивающей душу выразительностью описываемаго горя¹⁾. Итакъ, Бодизаттва отказался отъ міра и его удовольствій и выступилъ на путь исканій общечеловѣческаго счастья. Тяжелъ былъ для него этотъ путь! Онъ долго переходилъ отъ одного учителя къ другому и нигдѣ не находилъ удовлетворенія своему уму.

Прежде всего, Сидарта присоединился къ Аратѣ Каламѣ, жившему въ г. Вайшалы, побывавъ предъ этимъ у трехъ другихъ Браминовъ—Сакія, Падмы и Реваты. Не найдя удовлетворенія въ доктринѣ Каламы, рѣшивъ, что она не даетъ истинной свободы человѣку, разочарованный Бодизаттва покинулъ этого наставника и пришелъ въ Магадскую страну, въ городъ Раджагриху, и поселился на сосѣдней къ нему горѣ Павдава. Явившись въ городъ за сборомъ милостыни, Боди-

¹⁾ Lalitavistara, Foucaux; chap. XV, pp. 191—225.

заттва своимъ величественнымъ и красивымъ видомъ вызвалъ въ Магадской столицѣ цѣлую сенсацію.—Все жители города побросали свои обычные занятія и собрались посмотрѣть на проходившаго по улицамъ чуднаго незнакомца. Самъ царь Магадскій, Вимбазара или Бимбисара по другой транскрипціи, чрезвычайно заинтересовался пришельцемъ и приказалъ выслѣдить его мѣстопробываніе. Узнавъ пристанище Бодизаттвы, Вимбазара на слѣдующее утро въ сопровожденіи блестящей свиты изъ своихъ царедворцевъ явился къ горѣ Пандава засвидѣтельствовать чудному существу свое уваженіе. Между ними происходитъ разговоръ на разнаго рода темы и въ заключеніе его Магадскій владыка предлагаетъ Бодизаттвѣ половину своего царства. „Я даю тебѣ половину всего моего царства, говоритъ онъ, очевидно, понравившемуся ему нищему монаху; уступи пожеланію и не уходи отсюда“.—„Я самъ покинулъ благоустроенное государство—отвѣтилъ Вимбазаръ Бодизаттву... Я не испытываю болѣе пожеланій... Я, какъ нечистоту, отбросилъ пожеланіе... Ради высшаго разумнѣя—этого величайшаго счастья—я отказался отъ счастливой жизни и покинулъ міръ“. Растроганный бесѣдою, Вимбазара проситъ Бодизаттву о томъ, что-бы онъ, по достиженіи имъ достоинства Будды, пришель-бы съ проповѣдью въ Магаду и обѣщается сдѣлаться его ученикомъ. На этомъ мѣстѣ прекращается визитъ Вимбазары, и Бодизаттва уходитъ на берегъ ручья Напронжана ¹⁾).

Вскорѣ онъ снова присоединяется къ Суддакѣ, сыну Рамы, жившему въ Роджагрихѣ, и знакомится съ его ученіемъ. Доктрина Суддаки также не даетъ удовлетворенія Бодизаттвѣ; онъ скоро догадывается, что путь, на которомъ стоитъ это ученіе, не можетъ дать ничего положительнаго. „Путь этотъ, рѣшилъ про себя Бодизаттва, не ведетъ къ безразличію, не ведетъ къ отрѣшенности отъ страстей, не ведетъ къ противодѣйствію превратностямъ, не ведетъ къ спокойствію, не ведетъ къ высшему знанію, не ведетъ къ совершенному Разумнѣю и къ Нирванѣ“. Послѣ такого вывода Бодизаттвѣ оставалось только

¹⁾ Lalitavistara, Foucaux, chap. XVI, pp. 226—232.

покинуть своего наставника, что онъ и сдѣлалъ и своимъ примѣромъ отторгъ отъ него, кромѣ того, еще пять личностей, по своему происхожденію принадлежавшихъ къ благородной кастѣ; эти пять бывшихъ учениковъ учителя послѣдовали за Бодизаттвою и вмѣстѣ съ нимъ поселились въ предѣлахъ Магадскаго царства, на горѣ Гайя. Скоро, однако, Бодизаттва, ушелъ отсюда и, прійдя въ деревню Урувилва и плѣнившись красотой ея окрестностей, поселился на берегу одного ручья. Здѣсь Бодизаттва рѣшилъ самъ, безъ всякихъ руководителей, вступить на путь достиженія такъ страстно желаемого имъ совершенствованія, и сталъ предаваться самымъ тяжелымъ лишеніямъ. Практикуемая Бодизаттвою суровости до того были необычайны и такъ изнурили его, что возникло даже мнѣніе о томъ, что онъ скоро долженъ будетъ умереть. Боги извѣстили о несчастномъ положеніи подвижника его мать Майя-Деву, пребывавшую послѣ своей смерти среди боговъ Трайастримсатовъ, и та въ сопровожденіи множества богинь явилась на землю взглянуть на своего сына. Видъ чуть не умирающаго сына привелъ Майя-Деву въ печальное настроеніе, и она въ горькихъ словахъ стала изливать свою скорбь, жалуясь на преждевременную, грозящую ея сыну, смерть, которая помѣшаетъ ему достигнуть верховнаго достоинства Будды.

Бодизаттва, узнавшій свою мать, утѣшаетъ ее и говоритъ, чтобы она не печалилась относительно исхода его послѣдней земной судьбы. „Не бойся ничего, говоритъ сынъ матери, я вполнѣ оправдаю предсказаніе Риши Азиты. Скорѣе земля разлетится на сто частей, драгоцѣнная вершина горы Меру упадетъ въ воду, солнце, луна и множество звѣздъ спадутъ на землю, скорѣе постепенно, одинъ за однимъ, перемрутъ всѣ люди,—а я не умру. Не печалься же, повѣтому; пройдетъ немного времени, и ты увидишь разумѣніе Будды“. Этотъ разговоръ съ матерью какъ будто придалъ силъ Бодизаттвѣ, и онъ еще болѣе усилилъ практикуемую имъ суровости. Онъ почти отказался отъ пищи и сталъ сѣдять только по одному зерну кола, или сезама, или же риса. Отъ такого чрезвычайнаго воздержанія тѣло Бодизаттвы совсѣмъ высохло. „Бока мои, рассказываетъ онъ самъ своимъ ученикамъ, выдались, какъ

бока краба и стали походить на развалившееся слоновое стойло, черезъ стропилы котораго можно видѣть небо. Какъ срѣзанная молодая тыква постепенно увядаетъ и въ концѣ концовъ совсѣмъ высыхаетъ, такъ точно высохла и моя голова. Какъ въ послѣдній лѣтній мѣсяцъ отображенія звѣздъ глубже опускаются въ колодцахъ, такъ точно, благодаря страданію, углубились и мои глаза. Плечи мои стали походить на ноги козы, или на ноги верблюда. Когда я прикоснулся рукою къ своему животу, то я подумалъ, что прикоснулся къ своему спящему хребту. И когда я вздумалъ встать и всталъ, то пошатнулся и упалъ навзничь. Поднявшись, я погладилъ рукою свое покрытое пылью тѣло, и вся испортившаяся моя кожа отстала“. Такая суровая жизнь Бодизаттвы, особенно его изможденное тѣло способствовали тому, что сосѣдніе жители стали привимать его за вампира и, кажется, даже стали смѣяться надъ нимъ и говорить по его адресу такія рѣчи: „Ахъ, вѣрно—Сраманъ Готама имѣетъ цвѣтъ рыбы Мадгура; ахъ, дѣйствительно, Сраманъ Готама—черенъ; ахъ правда, онъ—синеваго цвѣта. Красивый, великолѣпный цвѣтъ кожи, каковой онъ имѣлъ раньше, пропалъ у него“.

Такую-то суровую жизнь велъ Бодизаттва въ продолженіе шести лѣтъ, все время оставаясь съ скрещенными ногами въ одной и той же позѣ, нисколько не измѣняя своего положенія. „Палимый солнцемъ, говоритъ Лалига-Вистара, онъ не искалъ тѣни и изъ тѣни не выходилъ на солнце. Онъ не укрывался ни отъ вѣтра, ни отъ солнца, ни отъ дождя. Онъ не отгонялъ отъ себя ни мухъ, ни москитовъ, ни змѣй... онъ не спалъ на боку, ни на животѣ, ни на спинѣ. Сильные туманы, страшные ливни, дождь, градъ, осень, весна и зима—ничто не причиняло вреда тѣлу Бодизаттвы, незащищаемому даже и его рукою“¹⁾. Въ продолженіе этихъ шести лѣтъ демонъ Папійянъ все время слѣдилъ за отшельникомъ и выбиралъ удобную минуту съ цѣлью соблазнить его. Одинъ разъ онъ съ такою льстивою рѣчью обратился къ Бодизаттвѣ: „Любезное созданіе, говорилъ духъ жи, пользуйся живнью, въ жизни же ты будешь испол-

¹⁾ Lalitavistara, chap. XVII, pp. 293—250.

нять законъ. Все, что ни совершается въ жизни, продолжалъ демонъ свою рѣчь, должно совершаться безъ страданій, безболѣзненно. Ты исхудалъ и поблѣднѣлъ; ты приближаешься къ смерти. Тысяча есть способовъ, которые могутъ привести къ смерти—и только одинъ обеспечиваетъ жизнь. Какъ бы ни были велики твои заслуги, что толку въ нихъ, что можетъ получиться изъ воздержанія? Путь воздержанія—путь страданія“.

Попытка демона осталась безрезультатною. Бодизаттва отвергъ всѣ его льстивые совѣты и принудилъ его удалиться. Однако, Бодизаттва и самъ усумнился въ истинности избраннаго имъ пути для достиженія достоинства Будды и пришелъ къ такому выводу, что строгія лишенія—совершенно излишняя для него вещь. „Это не настоящая дорога къ разумѣнью, думалъ Бодизаттва; она и въ будущемъ не положитъ предѣла рожденію, старости и смерти. Путь разумѣнія, долженствующій въ послѣдствіи привести къ уничтоженію рожденія, старости и смерти, не этотъ путь, а другой. Начну я, продолжалъ свою думу Бодизаттва, принимать питательную пищу; сила моего тѣла востановится, и тогда я достигну трона разумѣнія“. Такая перемѣна въ образъ жизни Бодизаттвы чрезвычайно не понравилась пяти его ученикамъ, происходившимъ изъ благородной фамиліи; они даже усумнились въ его здравомысліи; не впалъ-ли онъ, рассуждали они по этому поводу, въ безуміе и оставили его, какъ чревоугодника, отъ котораго, по ихъ мнѣнію, нечего уже было ждать хорошаго и ушли въ Бенаресъ, въ рощу газелей—продолжать свой суровый образъ жизни.

Между тѣмъ, отъ питательной пищи силы Бодизаттвы скоро востановились, тѣло его приняло прежній красивый видъ, и на немъ снова появились исчезнувшіе 32 главныхъ и 80 второстепенныхъ признаковъ великаго человѣка.

Въ это же самое время съ Бодизаттвою произошелъ слѣдующій случай. За шесть лѣтъ его монашескія одежды сильно износились и Бодизаттвѣ во что бы то ни стало нужно было позаботиться о своемъ костюмѣ. Тогда онъ явился на кладбищѣ, гдѣ—онъ видѣлъ это—похоронили женщину, покрытую тканью. Не долго думая, Бодизаттва раскопалъ могилу и досталъ нужную ему ткань. Всѣ боги чрезвычайно были удив-

лены такимъ обстоятельствомъ, въ которомъ Лалита-Вистара старается подчеркнуть, главнымъ образомъ, величіе подвига самоотверженія Бодизаттвы и его особенное презрѣніе „къ міру“. Какъ бы то ни было, но боги сильно удивились такому событію, и въ небесныхъ сферахъ, по сказанію Лалиты-Вистары, долго раздавался ихъ крикъ: „Товаращи, восклицали боги, какое изумительное и чудное дѣло; сынъ знаменитой царской фамиліи, отказавшійся отъ царства Чакравартина, снисшелъ до ношенія погребальнаго савана“!

Когда силы Бодизаттвы возстановились, онъ выкупался въ ручьѣ Напранджана, причемъ боги собрали всю воду, въ какой мылся этотъ подвижникъ, и отнесли ее, какъ драгоценную для себя святыню, въ свои жилища съ цѣлью воздавать ей почести ¹⁾.

Омывшись въ ручьѣ Напранджана и возстановивъ свои тѣлесныя силы, Бодизаттва идетъ къ Бодиманда-танственному мѣсту, на которомъ всѣ его предшественники, прежніе Будды, достигали высшаго состоянія Боды—своеобразнаго мистическаго оваренія, о которомъ для насъ теперь чрезвычайно трудно составить понятіе. Лалита-Вистара довольно напыщенно описываетъ этотъ путь Бодизаттвы, который боги постарались всячески разукрасить. Подъ общее ликованіе боговъ, природы и людей шелъ Бодизаттва къ Бодиманда и, усѣвшись тамъ на ковръ мягкой зелени, онъ повернулся къ Востоку и далъ обѣщаніе не вставать съ сѣдалища до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ высшаго разумѣнія. „Здѣсь, на этомъ сѣдалищѣ, говоритъ Бодизаттва, пусть изсохнетъ мое тѣло, пусть разсыпятся мои кости, если я встану съ него, не овладѣвъ трудно достижимымъ разумѣніемъ“ ²⁾. Въ то время, когда Бодизаттва сидѣлъ на Бодиманда, изъ его тѣла исходилъ свѣтъ и освѣщалъ всѣ страны боговъ и людей. Многочисленные Бодизаттвы, возбужденные этимъ свѣтомъ, со всѣхъ сторонъ собрались на Бодиманда и свесли туда всевозможнаго рода драгоценности съ цѣлью сдѣлать изъ нихъ приношеніе будущему Буддѣ. Не отстали отъ нихъ въ своемъ усердіи и боги; они также сдѣ-

¹⁾ Lalitavistara, chap. XVIII, pp. 251—260.

²⁾ Lalitavistara, chap. XIX, pp. 261—278.

дали приношенія Бодизаттвѣ и послали дождь, вызвавшій у всѣхъ чувство радости и довольства и никому не причинившій вреда ¹⁾).

Сидя на Бодиманда, повѣствуетъ Лалита-Вистара, Бодизаттва вспомнилъ, что для безпрепятственнаго достиженія Боди ему необходимо будетъ побѣдить демона, порочнѣйшаго бога-похоти или Папійяна. Багава не отступаетъ передъ этою опасностью и зоветъ противника на бой. Изъ его бровей пробивается лучъ свѣта и освѣщаетъ жилища всѣхъ демоновъ. Подъ вліяніемъ этого свѣта, Папійянъ видитъ страшный сонъ или, вѣрнѣе сказать, тридцать два разнообразныхъ сна. Мы не будемъ излагать содержанія этихъ вѣщихъ сновъ демона, но скажемъ только, что предсказанія ихъ, хорошо понятыя и самимъ духомъ зла, не обѣщали ничего хорошаго его царству. Перепуганный и трепещущій демонъ просыпается и зоветъ на совѣтъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ демоновъ, для того, чтобы лучше обсудить мѣры, могущія отклонить надвигающуюся опасность.—„Отпрыскъ фамиліи Сакіевъ, говорилъ на собраніи демонъ своимъ подчиненнымъ, тотъ кто носитъ на своемъ тѣлѣ наилучшіе знаки и кто въ продолженіе шести лѣтъ предавался самымъ ужаснымъ лишеніямъ, пришелъ къ дереву разумѣнія. Этотъ Бодизаттва, сдѣлавшись совершеннымъ Буддою, дастъ разумѣніе (Боди) миллионамъ живыхъ существъ... Онъ обратитъ въ пустыню мое жилище“. Дѣйствительно, моментъ былъ рѣшительный для Папійяна; отъ этого момента зависѣла какъ судьба „міра“, такъ и судьба самого демона, и поэтому владыкѣ похоти надо было употребить всѣ усилія и пустить въ ходъ всѣ свои силы въ такой критическій для него моментъ. Если раньше демонъ пускался на хитрости и подъ видомъ доброжелательнаго совѣтника старался внушить Бодизаттвѣ дурныя мысли, то теперь князь тьмы мѣняетъ свою политику и рѣшается прибѣгнуть къ насилію. „Идемте къ нему, говоритъ демонъ своимъ приспѣшникамъ, со всею армією. Поразимъ Срамана, усѣвшагося подъ деревомъ Боди. Скорѣе соберите армію изъ четырехъ корпусовъ. Если вы, продолжалъ

¹⁾ Ibidem. chap. XX, pp. 279—285.

демонъ свою рѣчь, постараетесь выполнить то, чего я желаю, то міръ, хотя и переполнился-бы Архатами и Пратьека—Буддами, все-таки не погрузился-бы въ Нирвану, и моя власть не уничтожилась-бы". Но не всѣ сыны демона соглашались на такую крутую мѣру. Болѣе благоразумные и болѣе дальновидные изъ нихъ возстали противъ проекта Папійяна, и предвидя, что Папійяну не удастся навести свою грозную армію страхъ на Бодизаттву, сгруппировались около демона Sārthavaṇa, отошли вправо отъ князя тьмы и стали возражать противъ насильнаго образа дѣйствія въ борьбѣ съ Бодизаттвою; насиліемъ, говорили они, ничего нельзя будетъ сдѣлать съ сидящимъ подъ деревомъ разумнѣя; по ихъ мнѣнію, благоразумнѣе было бы совсѣмъ отказаться отъ борьбы съ Бодизаттвою, такъ какъ ему ничто не можетъ повредить. Но эти благоразумныя рѣчи демоновъ правой стороны какъ бы подливали масла въ огонь и еще больше, еще сильнѣе возбуждали воинственный задоръ сторонниковъ насилія, стоявшихъ по лѣвую сторону отъ Папійяна и слишкомъ уже надѣявшихся на силу своей грозной и чудовищной арміи. „Ну, что онъ (Бодизаттва) одинъ въ состояніи сдѣлать? надменно спрашивалъ сторонникъ насильнаго образа дѣйствія у одного представителя „правой“ стороны. Ты развѣ не видишь этой грозной арміи?“ Въ концѣ концовъ верхъ одержали задорные и воинственные представители лѣвой стороны. Начальникъ грозной арміи демона, Бадрасена, также въ принципѣ стоявшій противъ борьбы съ Бодизаттвою, но отъ командованія войскомъ все-таки не отказавшійся, сдѣлавъ послѣднюю попытку удержать демоновъ отъ роковаго для нихъ сраженія и, желая повліять на самого Папійяна, обратился къ нему съ рѣчью. Въ ней онъ указывалъ на то, что все предвѣщаетъ демонамъ ихъ поражение, и что нѣтъ теперь для нихъ никакой возможности помѣшать Бодизаттвѣ достигнуть высшаго разумнѣя. Это событіе, по мнѣнію демона, неминуемо должно было совершиться. „Онъ (т. е. Бодизаттва) достигнетъ универсальнаго знанія... Ужели—ты, спрашивалъ Бадрасена Папійяна, не слышалъ этого? Преодолевъ всѣ препятствія, онъ сдѣлается Буддою. Мое мнѣніе—лучше всего отступить“. Однако, Па-

пійанъ не внялъ и этому благоразумному голосу своего полководца, и чудовищная армія двинулась противъ Бодизаттвы¹⁾).

Демоны бросали въ Бодизаттву дымящіяся горы, изрыгали на него ядъ, пламя, бросали мечи, стрѣлы, копья, дротики, топоры, камни, песты, громовыя стрѣлы, палицы, молотки, вырванные съ корнемъ деревья, колотушки, цѣпи и желѣзные ядра, но все это или превращалось въ цвѣты и красивымъ сводомъ нависало надъ головою неустрашимого мудреца или же, превратившись въ цвѣты, ложилося около дерева разумнія. Видя бесполезность усилій своего войска, раздосадованный и разгнѣванный демонъ прибѣгаетъ къ другому средству: онъ при-

1) Нѣсколько словъ о томъ, что такое демоны; по изображенію Даята-Вестары. Демоны эти обладали способностью по произволу мѣнять свой видъ и являться подъ различнаго рода ужасными фигурами. По рукамъ и по ногамъ они обвиты были многочисленными гадами; вооружены были мечами, луками, копьями, дротиками, топорами, страшнымъ о трехъ остріяхъ оружіемъ, кремнями, пестами, дубинами, цѣпами, палками, дисками и громовыми стрѣлами. Головы ихъ, глаза и все вообще лице пышало пламенемъ. Животъ, ноги и руки имѣли отвратительный, страшный видъ; глаза были красные, блестящіе, какъ полные яда глаза чернаго змѣя. Одни изъ нихъ ѣли находящійся у нихъ въ пригоршняхъ ядъ, другіе пожирали человѣческое мясо, пили кровь, ѣли человѣческія внутренности, печеньку, ноги, руки, головы и проч. У однихъ тѣла были багроваго цвѣта или же червобатаго, синеватаго, краснаго и желтаго. У нѣкоторыхъ были огромныя, какъ щели, глаза или же просто—на мѣстѣ глазъ однѣ пустыя скважины. Были демоны съ ушами свиньи; у однихъ уши висѣли, какъ у слона или же были украшены сережками, какъ это бываетъ иногда у тѣхъ же свиней; были и совершенно безухіе. Нѣкоторые походили на скелеты—имѣли чрезвычайно исхудалое тѣло, огромный животъ и приплюснутый носъ; были съ обрѣзанными ушами, носами, руками и ногами, съ отрубленною головою и выколотыми глазами. Были демоны съ головою лисицы, съ головою шакала, свиньи, осла, быка, слова; были съ головою лошади, верблюда, дикаго осла, буйвола, зайца, яка, носорога, газели, кузнечика и другія отвратительныя, по своему виду, фигурны, внушающіе страхъ и отвращеніе. У однихъ, напр., туловище было льва или тигра, дикаго кабана, медвѣдя, обезьяны или леопарда, другіе походили на кошку, козу, барана, или змѣя, были съ туловищемъ крысы, рыбы, жабы, коршуна, ястреба и совы. Одни имѣли только одну голову, другіе же отъ 2 до 100.000 головъ; попадались, однако, и совсѣмъ безъ головы. У другихъ было отъ одной до 100.000 рукъ и ногъ, тогда какъ другіе не имѣли и совсѣмъ ихъ. Были демоны, увѣшанные цѣпями възъ человѣческихъ пальцевъ, изъ череповъ или же изъ костей. Они изрыгали ядъ, выбрасывали изо рта огонь и посылали дождь изъ кипящей мѣди, горячаго песку или изъ раскаленнаго желѣза. Громоздили другъ на друга черныя облака, вздымали страшныя шквалы дождя и вѣтра и сыпали стрѣлами. Сильная молнія и страшныя раскаты грома, поражающаго деревья, дополняли картину грозной арміи, устремившейся на Бодизаттву.

зываетъ своихъ дочерей, небесныхъ красавицъ Апсаровъ, и при содѣйствіи ихъ красоты и хитрости рассчитываетъ одержать верхъ надъ противникомъ.

„Богъ любви и смерти--Мара,
Дочерей своихъ собравши,
Имъ сказала: „идите дѣвы,
Къ древу знанья—убѣдитесь,
Точно-ль Будда Шакьямуни
Недоступенъ вождѣльнью,
Точно-ль онъ мудрецъ великій
Иль безумецъ дерзновенный,—
Зорко-ль видить острымъ взоромъ
Иль обвѣзанъ темнотою?“¹⁾

Небесныя красавицы—Апсары отправились къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ Бодизаттва, и попытались обольстить его при посредствѣ своего женскаго кокетства, пустивъ въ ходъ всѣ свои чары и всю свою ловкость. Но ни кокетство самаго утонченнаго свойства, ни черезчуръ прозрачныя намеки небесныхъ вакханокъ—ничто не могло пробудить вождѣльнью въ утихнувшемъ сердцѣ сидящаго мудреца. Какъ Меру, какъ горы Чакравалы онъ былъ непоколебимъ. Въ нѣсколько пріемовъ пытались Апсары достигнуть своей цѣли; первая неудача какъ бы придала имъ силы или, вѣрнѣе, еще сильнѣе раззадорила ихъ, и онѣ съ удвоенною энергіею снова приступили къ Бодизаттвѣ.

„Наступила весна, самое прекрасное время года, пѣли очаровательныя вакханки, проносясь передъ Бодизаттвою въ самыхъ соблазнительныхъ и въ самыхъ возбуждающихъ танцахъ. Давайте веселиться среди цвѣтовъ. Ты, съ прекраснымъ и граціознымъ тѣломъ, украшеннымъ знаками великаго человѣка, мы въ твоемъ распоряженіи. Мы рождены и воспитаны для того, чтобы доставлять наслажденіе богамъ и людямъ. Состояніе Боди трудно достижимо; отбрось всякую мысль о немъ. Скорѣе встань и пользуйся прекрасною молодостью. Не будь безумецъ, продолжали свою рѣчь Апсары, и въ своемъ воздержаніи отъ земныхъ наслажденій не

¹⁾ Стихот. В. Соловьева „Искушеніе Будды“. См. „Вѣстникъ Европы“ за 1874 г. кн. 12, стр. 630—636.

уподобляйся безумцу, бѣгущему отъ клада. Придетъ время, и ты будешь царемъ царей. будешь могущественнымъ земнымъ владыкою, но теперь отбрось всякую мысль о воздержаніи. Когда множество прекрасныхъ женщинъ играетъ на музыкальныхъ инструментахъ, что тебѣ дѣлать съ монашескою одеждою? Оставь ее и отдайся удовольствію. Взгляни, заговорили снова дочери демона, на этихъ женщинъ, лица которыхъ походятъ на полную луну, ротъ ихъ подобенъ свѣжему лотусу, у нихъ бѣлые, какъ серебро или какъ снѣгъ, зубы и пріятный очаровательный голосъ". Но непоколебимый мудрецъ остался глухъ къ всѣмъ мольбамъ, и Апсары, пораженные его величіемъ и его красотою, падаютъ въ ноги Бодизаттвѣ, восхваляютъ его въ стихахъ и, обошедши вокругъ побѣдителя, уходятъ къ Папійяну доложить о случившемся. „Эхъ, невѣжа и безумецъ, ужели онъ не видитъ вашей красоты?“ только и сказалъ опечаленный и раздосадованный царь похоти своимъ дочерямъ. Боги, явившись къ демону, своими насмѣшками надъ нимъ еще больше увеличиваютъ горечь его положенія; въ этомъ случаѣ небожители не поцеремонились съ могущественнымъ княземъ вождемъ, которому и они сами иногда не прочь были послужить, и дали полную волю своимъ языкамъ. „Папійянь, говорили боги, ты сталъ печаленъ и задумчивъ, какъ старый аистъ; ты—бессиленъ, какъ попавшій въ топъ старый слонъ; ты беспомощенъ, какъ брошенный въ лѣсу больной человѣкъ; ты унылъ, какъ поверженное вѣтромъ дерево. Ты, Папійянь, какъ заблудившійся путникъ, стоишь на дурномъ пути. Ты униженъ, какъ задолжавшійся нищій. Неблагодарный и невыдержанный, ты одержимъ гордостью. Ты, какъ шакалъ, гонимый рычаніемъ льва, побѣдишь сейчасъ (отъ Бодизаттвы); ты трясешься теперь, какъ птица, загнанная вѣтромъ. Какъ разбившійся грязный горшекъ, ты навсегда забытъ теперь. Папійянь, ты силенъ теперь, какъ человѣкъ, которому отрѣзали руки и ноги... Какъ сильный борецъ повергаетъ слабого, какъ вѣтеръ разметываетъ встрѣченную имъ на пути горсть соломъ и какъ солнце затмѣваетъ свѣтъ свѣтляка, дневной зной испушаетъ воду въ отпечаткѣ коровьяго копыта и огонь уничтожаетъ пчелиный воскъ, такъ и ты будешь пораженъ Бодизаттвою...

Такими то насмѣшками осыпали боги Папійяна, стараясь удалить его отъ дерева разумѣнія. Демонъ, вѣроятно, не особенно обращалъ вниманія на эти насмѣшки и совсѣмъ далеко былъ отъ мысли оставить въ покоѣ сидящаго подъ деревомъ мудреца. Онъ снова собираетъ свое разсыпавшееся войско и опять ведетъ его на Бодизаттву. „Соберитесь, сказалъ Папійянъ своимъ подначальнымъ, и убейте его. Къ нему не присоединяйтесь, такъ какъ, освободившись самъ, онъ и другихъ освободитъ отъ моей власти. Поднимайтесь и идите на него всѣ безъ изъятія и уничтожьте, говорю я вамъ, этого именно, а не другого Срамана“. Опять начались ужасы на Бодиманда, превосходящіе всѣ страхи вальпургіевыхъ ночей, когда вѣдьмы и разнаго рода нечисть, собравшись на различныя излюбленныя ею мѣста, устраиваетъ свои бѣсовскія вакханаліи. Опять полетѣли въ Бодизаттву огненные раскаленные горы, вырванныя съ корнемъ деревья, мѣдъ, желѣзо, проливные дожди изъ мечей, острыхъ дротиковъ и отравленныхъ топоровъ; сторукія чудовища сразу бросали въ Бодизаттву по сотнѣ стрѣлъ, изрыгали на него сильный ядъ и пламя... Но напрасны были всѣ старанія князя похоти. Однимъ мановеніемъ руки Бодизаттва разсыпалъ скопища демоновъ и обратилъ въ бѣгство грозную армію Папійяна, убѣжавшаго въ паническомъ страхѣ отъ Бодиманда; мѣсто около Бодизаттвы заняли теперь боги и стали пѣніемъ, музыкою и стихами прославлять неодолимаго мудреца, выражая свою увѣренность въ томъ, что онъ дѣйствительно достигнетъ достоинства всесовершеннаго Будды ¹⁾.

Послѣ побѣды надъ духомъ зла Бодизаттва погружается въ глубокое размышленіе и въ сильный мистическій экстазъ; онъ ощущаетъ въ себѣ сильную повышенность всѣхъ своихъ духовныхъ силъ; и духъ или, вѣрнѣе, умъ его становится чистымъ, свѣтлымъ умомъ. Бодизаттва отчетливо при этомъ припомнилъ всѣ свои прежнія существованія и всѣ ихъ подробности, припомнилъ нѣсколько періодовъ всеобщихъ, міровыхъ разрушеній и возстановленій, когда прекращалась и снова возстановлялась жизнь всего существующаго. Въ этотъ моментъ, говоритъ Лалита-Вистара, Бодизаттва отчетливо уразумѣлъ причины бо-

¹⁾ Lalitavistara, chap. XXI, pp. 286—327.

лѣзни и смерти и нашелъ средство положить имъ конецъ. Борень всего зла, рѣшилъ Бодиваттва, въ невѣдѣніи или въ невѣжествѣ. „По причинѣ невѣжества, размышлялъ онъ, появляются идеи, изъ идей возникаетъ познаніе, изъ него—имя и форма; изъ имени и формы образуются шесть сѣдалищъ (чувствъ) ¹⁾; шестью сѣдалищами (чувствъ) обусловлено осязаніе, осязаніемъ—чувствованіе, чувствованіемъ—пожеланіе, пожеланіемъ—зачатіе, зачатіемъ—бытіе, бытіемъ—рожденіе. Вслѣдствіе же рожденія появляются: старость, смерть, несчастіе, жалобы, скорбь и безпокойство. Такимъ то образомъ накопляется, рѣшилъ Бодиваттва, вся эта огромная масса несчастій“. Всеисцѣляющимъ лекарствомъ отъ этихъ несчастій должно быть знаніе, всесовершенная мудрость, которая дастъ людямъ мужество и силу поборотъ въ себѣ могущественный инстинктъ или жажду бытія. Это то и есть то свѣтоносное состояніе, котораго достигъ Бодиваттва послѣ побѣды надъ демономъ, погрузившись на зарѣ въ глубокое размысленіе. Вся природа ликовала по поводу достиженія Сакья-Муни достоинства всесовершеннаго Будды. Всѣ страны міра освѣтились чуднымъ блескомъ, земля всколыхнулась шесть разъ и всѣ боги закричали отъ удивленія и восторга ²⁾.

Къ новопросвѣтившемуся Буддѣ сочли своимъ долгомъ поочередно явиться боги всѣхъ классовъ, принесли ему разнаго рода подарки и наговорили ему массу всевозможныхъ похвалъ, изложенію которыхъ въ Лалитѣ-Вистарѣ посвящена отдѣльная глава, извѣстная подъ именемъ „главы хваленій“. Мы не будемъ излагать здѣсь ихъ содержанія, а скажемъ только, что всѣ эти хваленія на разные лады величаютъ новаго Будду и говорятъ о счастья, какое онъ дастъ міру своимъ новымъ закономъ ³⁾.

Послѣ своего таинственнаго озаренія, Будда остается подъ деревомъ Боди еще семь дней, при чемъ туда по истеченіи

¹⁾ Буддисты, кромѣ пяти вѣшнихъ чувствъ, признаютъ еще „manas“—внутреннее чувство, духъ или сердце, и присоединяютъ его къ общему счету чувствъ, такъ что у нихъ чувствъ насчитывается не пять, а шесть.

²⁾ Lalitavistara, chap. XXII, pp. 328—338.

³⁾ Ibidem., chap. XXIII, pp. 339—349.

7 дней приходять боги и омывають благовонною водою дерево разумѣнія и мудреца. Чѣмъ занимался Будда въ это время? Лалита-Вистара говоритъ, что онъ все время, не сводя глазъ и не моргая, глядѣлъ на дерево разумѣнія, наслаждался чувствомъ довольства, радости и размышлялъ.

Не ушелъ Будда съ Бодиманда и послѣ того, какъ прошли семь дней, и еще цѣлыхъ четыре недѣли оставался тамъ. По сказанію Лалиты-Вистары, онъ то неподвижно сидѣлъ на сѣдалищѣ, то непонятнымъ образомъ и способомъ путешествовалъ по странамъ трехъ тысячъ міровъ „великаго тысячемірія“, оставаясь тѣломъ на Бодиманда, то прогуливался отъ восточнаго моря къ западному, то снова рѣшался положить конецъ безначальнымъ скорбямъ рожденія, старости и смерти и въ какомъ то непонятномъ для насъ оцѣненіи созерцалъ мѣстность Бодиманда.

Въ это время къ нему опять приступилъ Папійянь—злой духъ и пытался соблазнить Будду. „Багава, говорилъ ему соблазнитель, теперь наступило для тебя время окончательнаго освобожденія; радуйся, Багава, веселись, Сугата, по поводу окончательнаго освобожденія“. Но Будда не поддался на хитрость демона. Онъ прямо заявилъ врагу, что до тѣхъ поръ, пока не обезпечено будетъ на землѣ существованіе „Будды, закона и собраніе вѣрныхъ“, пока ученики его не ознакомятся надлежащимъ образомъ съ ученіемъ, до тѣхъ поръ онъ, Будда, и не войдетъ въ нирвану, не погрузится въ небытіе. Три дочери демона—Рати (похоть), Арати (неудовольствіе, злоба) и Тришно (пылкая страсть) попытались успокоить опечаленнаго Папійяна; онѣ снова выступили съ своими соблазнами противъ Будды, но снова потерпѣли пораженіе. Но этимъ для нихъ еще не кончились несчастія. Будда изъ прекрасныхъ, полныхъ силъ и здоровья, женщинъ превратилъ дочерей Папійяна въ дряхлыхъ старухъ. Съ плачемъ онѣ воротились къ отцу и умоляли его пособить ихъ горю и возвратить имъ прежній видъ. Папійянь посовѣтовалъ дочерямъ скорѣе пойти къ Буддѣ, покаяться въ проступкѣ, и „онъ, сказалъ демонъ, возвратитъ вамъ прежнія тѣла“; тѣ послушались совѣта и получили вскорости желаемое.

Въ продолженіе пятой недѣли,—счетъ ведется со включеніемъ сюда и четырехъ вышеупомянутыхъ недѣль, новопросвѣтившійся Будда находился около жилища царя Наговъ, Мутшилинда, надъ Буддою въ это время разразился страшный дождь и вѣтеръ. Цари Наговъ повыходили изъ своихъ жилищъ, обвившись вокругъ Будды и защитили его отъ непогоды. Во время шестой недѣли Будда или, какъ его еще называетъ съ этого момента Лалита-Вистара, Татагата, отъ жилища царя Наговъ отправился къ дереву, смоковницѣ „Nyagrodha“, при чемъ его видѣли и привѣтствовали монахи или представители разныхъ школъ; изъ нихъ интересующая насъ біографія Сакья-Муни называетъ—Чараковъ ¹⁾, Паривраджаковъ ²⁾, старыхъ Сраванъ ³⁾, Готамовъ ⁴⁾, Ниргрантовъ ⁵⁾, Дживаковъ ⁶⁾ и даетъ замѣтить, что были, кромѣ этихъ, и другіе еще монахи. Въ продолженіе седьмой недѣли Татагата жилъ у подножія дерева „Tāgāyana“. Въ это именно время и произошелъ эпизодъ съ двумя купцами—Трапушею и Балликою. Эти купцы проходили со своимъ караваномъ мимо лѣса, въ которомъ находился Татагата и были поражены непонятными для нихъ явленіями въ обозѣ; узнавъ при помощи богини лѣса подлинную причину происходившихъ въ ихъ обозѣ событій, купцы воздали должное поклоненіе Буддѣ, угостили его обѣдомъ и, получивъ массу благожеланій, двинулись въ дальнѣйшій путь ⁷⁾.

Между тѣмъ съ самимъ новопросвѣтившимся Буддою стало твориться что-то неладное. Достигнувъ такъ страсто желаннаго просвѣтлѣнія, сдѣлавшись Буддою и открывъ секретъ спасенія міра, онъ впалъ вдругъ въ уныніе. Будду охватило сомнѣніе и боязнь, что люди не поймутъ открытой имъ истины, что его усилія разъяснить ее будутъ совершенно беспо-

¹⁾ Последователи философіи тіманва.

²⁾ Нищенствующіе монахи, переходившіе изъ одного мѣста въ другое.

³⁾ Слушатели, ученики.

⁴⁾ Потомки Готамы, основателя философіи „пуауа“ или, быть можетъ, потомки пустынника Готамы, родоначальника рода Сакіевъ (Voyez Appendice № 1 къ Лалитѣ-Вистарѣ, pp. 411—414).

⁵⁾ Монахи, ходившіе нагашонъ.

⁶⁾ Нищенствующіе аскеты, жившіе только милостынею.

⁷⁾ Lalitavistara, chap. XXIV, pp. 350—363.

лезны и ему лично принесутъ однѣ лишь непріятности. „Конечно—такъ думалъ Татагата—постигнутый мною законъ—возвышенъ,—это—законъ совершеннаго Будды. Онъ даетъ истинное успокоеніе; его трудно видѣть, трудно понять и нѣтъ возможности подвергнуть изслѣдованію; онъ доступенъ только свѣдущимъ лицамъ и мудрецамъ... Если мнѣ начать проповѣдывать этотъ законъ другимъ, то они не поймутъ меня; я буду напрасно только беспокоиться, что для меня утомительно. Я пребуду безмолвнымъ... Впослѣдствіи, когда на землѣ не станетъ ни рожденія, ни смерти, когда я достигну такого же терпѣнія, какое бываетъ у отрѣшившихся отъ индивидуальности,—тогда-то и исполнится предсказаніе Будды Дипанкары относительно меня“. Если бы кто спросилъ Будду отчего онъ не желаетъ проповѣдывать людямъ законъ? „Теперь, отвѣтилъ-бы Татагата такому совопроснику, „эти созданія т. е. индусы вѣрятъ въ Брамъ, вѣрятъ въ то, что онъ, по ихъ просьбѣ, можетъ „вращать колесо закона“. При этомъ онъ замѣчаетъ: „Никогда, въ теченіе безчисленныхъ сотъ тысячъ Колпъ (времени), проведенныхъ мною вмѣстѣ съ прежними Побѣдителями, никогда тамъ мое терпѣніе не подвергалось испытанію“... Подъ гнетомъ такихъ мрачныхъ мыслей и тяжелаго настроенія Будда рѣшается не открывать міру своего ученія. Такой оборотъ дѣла не могъ обѣщать ничего хорошаго, и боги дружными усиліями постарались дать теченію событій другое направленіе. Они долго уговаривали Татагату и въ концѣ концовъ Брамѣ удалось таки преодолѣть упорство Сакья-Муни и отогнать отъ него гнетущее чувство унынія. Тронутый состраданіемъ къ міру, Будда сдался на просьбы боговъ и тутъ же объявилъ, что въ Бенарессѣ онъ первый разъ начнетъ свою проповѣдь или, выражаясь буддійскимъ техническимъ терминомъ, „покатитъ колесо закона“¹⁾.

Высказавши твердое намѣреніе начать свою проповѣдь именно въ Бенарессѣ или, какъ выражается Лалита-Вистара,—въ Ванарази и даже немного поспоривши по этому поводу съ четырьмя богинями дерева разумѣнія, которыя находили Бенарессъ незаслуживающимъ такой высокой чести, какъ пер-

¹⁾ Lalitavistara, chap. XXV, pp. 364—375.

вая проповѣдь Будды, Татагата вдругъ снова начинаетъ колебаться. Онъ начинаетъ задумываться надъ вопросомъ, кому первому преподавать свое ученіе. Мысль его прежде всего останавливается на Рудракѣ и на Аратѣ Каламѣ—личностяхъ, которыя, по сказанію той же самой Лалиты-Вистары, жили въ другихъ городахъ, а не въ Бенаресѣ. И только смерть обоихъ этихъ ученыхъ—событіе, собственно говоря, чисто случайное, котораго даже и не предвидѣлъ Будда, когда давалъ свое обѣщаніе начать первую проповѣдь въ Бенаресѣ, помѣшала ему оказаться „плохимъ предсказателемъ“...

Скоро, однако, вниманіе Татагаты останавливается на своихъ бывшихъ пяти ученикахъ. По мнѣнію его, это были самыя подходящія и самыя достойныя люди, чтобы удостоиться великой чести сдѣлаться первыми причастниками новооткрытаго закона. „Если-бы я, размышляя по поводу этихъ личностей Будда, сталъ проповѣдывать имъ законъ, то они-бы поняли его и не причинили-бы мнѣ никакого вреда“¹⁾. Окомъ Будды“ осмотрѣлъ Татагата міръ и узналъ, что пять нужныхъ ему личностей находились въ Бенаресѣ, туда-то и устремился онъ. Описаніе этого путешествія въ Лалитѣ-Вистарѣ чрезвычайно запутано, такъ что нѣтъ почти возможности уяснить себѣ настоящій маршрутъ Будды до Бенареса.—Упомянувъ о рѣшеніи Татагаты идти съ проповѣдью въ Бенаресъ, Лалита-Вистара тутъ же продолжаетъ говорить слѣдующее: „Татагата поднялся съ Бодиманда и, пройдя всѣ страны трехъ тысячъ міровъ „великаго тысяче-мірія“, прошелъ, наконецъ, Магадскую область и достигъ страны Касиковъ“²⁾. Кажется, и дѣлу-бы конецъ, но нѣтъ. Вслѣдъ за этимъ Лалита-Вистара говоритъ о встрѣчѣ Будды около горы Гайя, „недалеко отъ Бодиманда“, съ однимъ нищенствующимъ монахомъ, описываетъ происшедшій между ними

¹⁾ Та же самая характеристика дается Буддой и двумъ предшествующимъ личностямъ—Рудракѣ и Аратѣ Каламѣ; при чемъ также высказывается увѣренность относительно обоихъ, что они не обидѣли-бы и не причинили-бы вреда проповѣднику. Эта постоянная и упорная боязнь обиды за свою проповѣдь—довольно характерное явленіе, могущее навести читателя на разнаго рода соображенія и догадки.

²⁾ Жители Каси или Бенареса.

разговоръ, въ которомъ Татагата заявляетъ, что онъ идетъ съ проповѣдью въ Бенаресъ; послѣ это собесѣдники расходятся въ противоположныя стороны, „Адживака пошелъ по направленію къ югу, а Татагата направился въ сѣверную сторону“. Затѣмъ, повѣствуетъ далѣе Лалита-Вистара, Татагату пригласилъ къ себѣ царь Наговъ Сударсана съ горы Гайя и предложилъ ему обѣдъ. Отъ царя Наговъ Татагата, продолжаетъ свой рассказъ писатель біографіи Сакья-Муни, отправился въ Рохитавасту, потомъ въ Урувилвакалпу, въ Аналу и затѣмъ въ Сарати ¹⁾. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, замѣчаетъ Лалита-Вистара, начальники домовъ приглашали къ себѣ Татагату и предлагали ему пищу. Наконецъ, Татагата прибылъ на берегъ рѣки Ганга. Здѣсь онъ чудесно, по воздуху, переправляется черезъ разлившуюся рѣку и, по словамъ біографіи—„переходя съ одной страны въ другую, онъ достигъ, наконецъ, великаго города Варанази“. Весь этотъ рассказъ очень запутанъ; впрочемъ къ этому разсказу Лалиты-Вистары мы будемъ еще имѣть случай вернуться впоследствии.

Прійдя въ Бенаресъ, Будда отправляется въ его окрестности, въ рошу газелей, гдѣ въ то время жили его прежніе ученики. Послѣдніе сначала не хотѣли имѣть съ Буддою никакого общенія, такъ какъ довѣріе ихъ къ бывшему учителю совсѣмъ пало съ тѣхъ поръ, какъ онъ прекратилъ свой суровый образъ жизни. „Вотъ идетъ Сраманъ Гатама, говорили эти люди по адресу приближавшагося къ нимъ Татагаты, онъ—отступникъ, онъ чревоугодникъ и извѣженный господинъ. Когда-то онъ былъ очень суровый образъ жизни, но въ настоящее время ѣстъ много пищи... не слѣдуетъ имѣть съ нимъ никакого общенія“. Но подъ влияніемъ какой-то непонятной и непреодолимой силы, неприязненность этихъ монаховъ къ Буддѣ, по мѣрѣ того какъ онъ подходилъ къ нимъ ближе, все уменьшалась и уменьшалась, и они кончили тѣмъ, что сердечно приняли прибывшаго и съ величайшимъ вниманіемъ стали слушать проповѣдь новаго учителя. Будда возвѣстилъ имъ ученіе о четырехъ возвышенныхъ истинахъ—о скорби, о происхожденіи скорби, о способѣ уничтоженія скорби

¹⁾ Незавѣстно, что это за города.

и о пути къ уничтоженію скорби. Вся пессимистическая философія этого ученія коренится на слѣдующемъ основномъ положеніи: „бытіе есть страданіе и средствомъ для избавленія отъ него служить глубокое знаніе, истинная мудрость которая приводитъ къ нирванѣ, къ безсознательному бытію“.—Первую проповѣдь Будды слушали, однако, не одни его прежніе ученики; по сказанію Лалиты-Вистары, въ числѣ слушателей Татагаты были какъ-представители земли, такъ и—неба.

Такимъ-то образомъ Будда и началъ свою проповѣдническую дѣятельность на благо своихъ современниковъ или, какъ говорятъ, буддисты—„покатилъ колесо своего закона“.

Первою проповѣдью Будды и заканчиваются собственно біографическія свѣдѣнія Лалиты-Вистары о Сакья-Муни; о его дальнѣйшей жизни, смерти и о погребеніи она умалчиваетъ. Заключительная же—двадцатьседьмая глава книги посвящена описанію очень пространныхъ объясненій боговъ о наградахъ, какія обѣщаются за чтеніе, слушаніе и распространеніе этой священной книги. Въ самомъ же концѣ книги,—въ тибетской только ея версіи,—въ видѣ приписки перечислены имена ученыхъ трехъ Индусовъ и упомянуто имя одного Тибетянина, которые „перевели“ Лалиту-Вистару, „исправили“ и „издали“ на новѣйшемъ тибетскомъ языкѣ ¹⁾.

Мы представили довольно подробно содержаніе Лалиты-Вистары. Полагаемъ, что даже изъ этого содержанія уже можно видѣть всю тенденціозность и лживость тѣхъ писателей, которые говорятъ о сходствѣ христіанства съ буддизмомъ, или о заимствованіяхъ евангельской исторіи изъ буддійскихъ рассказовъ. Но объ этомъ мы скажемъ подробнѣе въ слѣдующемъ отдѣлѣ нашего труда.

Свящ. І. Трофимовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Lalitavistara, chap. XXVII, pp. 401—408.

УЧЕНІЕ ПЛОТИНА О ПРЕКРАСНОМЪ.

(Окончаніе *).

Остановившись недолго на міръ тѣлесной красоты, философъ спѣшитъ далѣе перейти къ иной области прекраснаго, къ міру мысленныхъ объектовъ, отвлеченному, въ сферу умопостигаемыхъ сущностей, къ красотѣ болѣе достойной созерцанія разумнаго существа.

— „Оставимъ, однако, говоритъ Плотинъ, чувства въ ихъ низшихъ сферахъ и возвысимся до созерцанія красоты высшаго порядка, не воспринимаемой чувствами, но видимой и отмѣчаемой душою, безъ помощи органовъ. Если кто хочетъ наслаждаться тѣлесною красою, то пусть не стремится къ ней, пусть онъ бѣжитъ отъ нея, зная, что она есть только образъ, призракъ красоты Высшаго. Тотъ, кто будетъ преслѣдовать тѣлесные призраки, принимая ихъ за дѣйствительность, будетъ обладать только образомъ, столь же переходящимъ, какъ отраженная форма, движущаяся въ водѣ. Онъ будетъ подобенъ тому безумцу, который, желая схватить этотъ образъ, самъ исчезаетъ, увлекаемый потокомъ; тотъ, кто захотѣлъ бы обнять тѣлесную красоту, не отрываясь отъ нея, низвергаетъ не свое тѣло, а свою душу въ мрачную бездну, отъ которой разумъ приходитъ въ ужасъ; онъ осуждаетъ себя на полную слѣпоту и увидитъ на этомъ свѣтѣ, какъ въ аду, только живыя тѣни“...

Что можно прибавить къ этимъ столь возвышеннымъ словамъ философа? Истинное вдохновеніе, какое-то какъ бы предчувствованіе Истины, заставляло послѣдняго борца древне-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1903 г. № 2.

языческой философской мысли высказывать эти удивительныя, чуждыя, казалось бы, для всей окружающей обстановки, мысли.

Признавъ нѣкоторую долю красоты и за матеріальнымъ міромъ, Плотинъ приглашаетъ человѣка слѣдовать дальше, въ сферу безусловной красоты, въ „святилище“ духовной незримой тѣлесными очами красоты. Земная красота есть таковая не *per se*, а только съ помощью высшей. Какъ въ зеркалѣ мы видимъ не самый объектъ, а лишь его отраженіе, такъ и въ земной красотѣ мы видимъ отраженные лучи безплотной истинной красоты.

Но какъ же мы можемъ видѣть ее? Какими путями возможно созерцать эту безпримѣсную чистую красоту? Что наконецъ представляетъ изъ себя эта сфера прекраснаго высшаго порядка?

И на первый, и на второй вопросъ философъ даетъ такой отвѣтъ:

При созерцаніи матеріальныхъ объектовъ мы, по словамъ Плотина, пользуемся воспріятіемъ образовъ и впечатлѣній для сужденія о нихъ, сравнивая при этомъ идею предмета съ самимъ предметомъ. При созерцаніи же высшей красоты душа *непосредственно* обращается къ міру идей, созерцая ихъ не съ помощью органовъ чувствъ, какъ въ первомъ случаѣ, но высшей своей силою, внутреннимъ окомъ, тою стороною, которая соприкасается съ мысленнымъ идеальнымъ міромъ.

— „Совершенно такъ же, говоритъ философъ, какъ намъ было невозможно говорить о чувственной красотѣ, если бы никогда не видали ее и не признавали за красоту, если бы мы были подобны людямъ, слѣпымъ отъ рожденія, мы не были бы въ состояніи ничего знать о красотѣ искусства, науки и другихъ вещей того же рода, если бы мы уже раньше не обладали этого рода красотю“.

Такимъ образомъ, вынесенныя нашей душою изъ міра идей, къ которому нѣкогда она принадлежала, до соединенія съ тѣломъ, впечатлѣнія, вызываемыя теперь внутреннимъ духовнымъ зрѣніемъ, проясняются, дѣлаются способными къ созерцанію, являя образы далекаго чуднаго прошлаго. Здѣсь только эти воспоминанія вызываются не матеріальными объектами, какъ

это бываетъ въ мірѣ реальностей, а отвлеченными объектами: поступокъ нравственнаго человѣка вызываетъ въ душѣ идею добродѣтели, подвигъ любви—идею, самый принципъ любви и т. д. Позже, пройдя извѣстный путь нравственнаго совершенствованія, душа можетъ и безъ подобныхъ поводовъ, а непосредственно, такъ сказать, по собственной инициативѣ, вызывать и созерцать всю сферу идей, область, болѣе совершенную, чѣмъ земное, и восхищаться этими умопостигаемыми сущностями.

— „Красоту указаннаго выше рода слѣдуетъ созерцать при посредствѣ той способности, которою обладаютъ наши души; тогда при видѣ такой красоты мы испытываемъ болѣе удовольствія, удивленія и восторга, чѣмъ при видѣ чувственной красоты, потому что мы воспринимаемъ истинную красоту (*κράτος καλλόν*—перво-красоту). При созерцаніи прекраснаго мы испытываемъ удивленіе, сладкій восторгъ, желаніе, любовь, увлеченіе, смѣшанное съ наслажденіемъ. Таковы чувства, которыя должна испытывать и дѣйствительно испытываетъ почти всякая душа, но въ особенности душа любящая; такимъ же образомъ въ присутствіи прекраснаго тѣла не всѣ люди одинаково бываютъ взволнованы, хотя и всѣ его видятъ; наиболѣе живо чувствуютъ его красоту тѣ, которыхъ мы называемъ „влюбленными“.

Наслажденіе первокрасотою, слѣдовательно, доступно не всякому. Для этого надо быть человѣкомъ добрымъ, нравственно чистымъ, съ любящимъ открытымъ сердцемъ. Здѣсь снова мы получаемъ доказательство сліянія эстетическихъ принциповъ съ этическими.

„Но что испытываютъ тѣ люди, которые влюблены въ красоту безтѣлесную? Что чувствуете вы, говоритъ философъ, при видѣ благородныхъ дѣйствій, добрыхъ нравовъ, привычекъ, умеренности и вообще при видѣ добродѣтельныхъ дѣйствій и чувствъ, при видѣ того, что составляетъ красоту души? Что чувствуете вы при созерцаніи вашей духовной красоты? Отчего вы желаете тогда соединиться съ самимъ собою, сосредоточиться, отдѣляя самого себя отъ вашего тѣла? Именно это и испытываетъ истинно любящій. Каковъ же объектъ, вызывающій такія эмоціи? Это не фигура, не цвѣтъ, не величина,—

это невидимая душа, обладающая невидимою мудростью, душа, въ которой сіяетъ блескъ всѣхъ добродѣтелей; когда мы открываемъ въ себѣ или созерцаемъ въ другихъ величіе характера, справедливость сердца, чистую умѣренность, храбрость съ величественною фігурою, достоинство и стыдливость, съ твердыми и непоколебимыми и спокойными движеніями и въ особенностяхъ богоподобный и блестящій яркимъ свѣтомъ разумъ, когда мы чувствуемъ удивленіе и любовь къ этимъ объектамъ, то по какой причинѣ мы называемъ ихъ прекрасными? Они существуютъ, они проявляютъ себя, и тотъ, кто видитъ ихъ, не можетъ не сказать, что они реальныя существа“.

Итакъ, вторымъ видомъ прекраснаго является нравственное начало, нравственный принципъ. Какъ и полагается для языческаго писателя—идеалиста, центръ тяжести въ приведенномъ выше ученіи лежитъ не въ дѣятельномъ нравственномъ началѣ, а въ самой идеѣ нравственности, добродѣтели. Христіанинъ, разумѣется, долженъ былъ бы восхищаться, видя подвиги любви дѣятельной, видя проявленіе *воинъ* добродѣтели, такъ сказать, практическое осуществленіе, самую реализацію ея, древній же философъ приходитъ въ восторгъ при мысли объ одной лишь *чистой идеѣ* любви, о самомъ принципѣ ея и первая лишь помогаетъ понять, всесторонне обнять вторую. Такимъ образомъ, „невидимая душа, одаренная всѣми добродѣтелями“, т. е., самая идея добродѣтели является слѣдующимъ видомъ прекраснаго послѣ красоты чувственнаго міра. Переходную ступень между ними составляетъ душевная дѣятельность человѣка: безкорыстіе, мужество и проч. Онѣ вызываютъ у лица, наблюдающаго проявленіе у другого этихъ добродѣтелей, самыя идеи, прообразы ихъ.

Итакъ мы скажемъ, что слѣдующая за чувственною красотою ступень прекраснаго будетъ дѣятельность добраго нравственнаго человѣка, вызывающая въ умѣ его ближняго идея добродѣтели. Дѣйствительно же истинно высшую область прекраснаго составляютъ самыя эти идеи, уже внѣ связи съ ихъ практическимъ осуществленіемъ въ реальномъ мірѣ, которыя (идеи) наша душа можетъ созерцать послѣ долгаго искуса, продолжительныхъ упражненій, соединенныхъ съ чистыми по-

мыслими и добрымъ сердцемъ, непосредственно, вызывая ихъ съ помощью лишь однихъ своихъ собственныхъ усилій, своими средствами.

Возведеніе самого нравственнаго принципа въ сущность прекраснаго, не говоря уже о томъ, что оно вполнѣ гормонировало съ общимъ ученіемъ Плотина и вполнѣ вытекало изъ снстеты мірозданія и міропорядка, въ данномъ случаѣ было необходимо, какъ связывающее звено въ цѣпи прекраснаго, для того, чтобы перейти къ слѣдующей ступени красоты: къ высшему началу ея, къ самому верховному благу. Только здѣсь происходитъ отождествленіе красоты и перваго начала и только здѣсь душа успокаивается въ своихъ порывахъ къ прекрасному. Только безконечное можетъ удовлетворить ее и только здѣсь она склоняется передъ престоломъ вѣчно прекраснаго, передъ источникомъ всякой красоты. Изъ безконечнаго происходятъ всѣ ея формы, которыя душа послѣдовательно созерцала, восходя отъ чувственнаго міра, черезъ цѣпь идей къ верховному началу.

Что же, однако, заставляетъ нашу душу переходить отъ одной сферы прекраснаго къ другой? Гдѣ тѣ стимулы, которыя побуждаютъ ее такъ страстно искать красоты, томиться, жаждалъ ее? Она не успокаивается, даже достигнувъ царства идей, не склоняется и передъ чистымъ разумомъ, все безпокойно ища высшаго! Таковымъ стимуломъ служить заложенная въ душу потребность въ совершенной любви, что можетъ дать еще болѣе высшее начало, чѣмъ разумъ,—одно лишь верховное благо.

— Душа, учитъ Плотинъ, не подвергаясь вліянію добра, не чувствуетъ никакого увлеченія красотою разума (т. е. міромъ идей)¹⁾, ибо эта красота мертва, до тѣхъ поръ пока она не освящена добромъ. Но лишь только она воспринимаетъ нѣжную теплоту добра, она получаетъ силу, пробуждается и расправляетъ свои крылья и тогда, вмѣсто того, чтобы удивляться разуму, она возвышается до еще болѣе высокаго принципа. До тѣхъ поръ, пока существуетъ что-нибудь

¹⁾ Не надо забывать, что по Плотину, разумъ является творцомъ всего міра идей, каковыя суть части одного цѣлаго всеобразующаго и объемлющаго ума.

высшее, чѣмъ она уже обладаетъ, она стремится къ высшему, увлекаемая любовью къ тому, кто внушаетъ любовь; она выходитъ изъ предѣловъ разума и останавливается, наконецъ, на Благѣ, ибо выше Его нѣтъ ничего. Пока душа созерцаетъ идеи, она несомнѣнно наслаждается благороднымъ и великолѣпнымъ зрѣлищемъ; но она не обладаетъ вполне тѣмъ, чего она ищетъ. Это похоже на то, какъ лицо, несмотря на свою красоту, не привлекаетъ вниманія, потому что въ немъ нѣтъ граціи. И дѣйствительно, красота есть скорѣе то нѣчто, что освѣщаетъ форму, чѣмъ сама форма, и это—то собственно и заставляеть насъ любить ее. Почему красота всѣмъ своимъ блескомъ сіяетъ на живомъ лицѣ, а на мертвомъ видны только слѣды ея, хотя самыя черты и тѣло и не измѣнились? Почему самыя жизненные изъ статуй кажутся намъ наиболѣе прекрасными, прекраснѣе другихъ, даже съ болѣе совершенными формами? Почему живое животное прекраснѣе нарисованнаго, хотя бы форма послѣдняго и была болѣе совершенной? Потому, что живая форма кажется намъ болѣе желательною, что у нея есть душа, что она болѣе согласуется съ благомъ, наконецъ, потому, что душа освѣщается свѣтомъ добра, что, освѣщенная имъ, она какъ бы становится живѣе и легче и въ свою очередь облегчаетъ, оживляетъ и заставляеть участвовать въ добрѣ и тѣло, въ которомъ она пребываетъ.

Итакъ, душа стремится къ свѣту, теплу, къ благу, къ несовершеннѣйшей красотѣ.

— „Кто видѣлъ благо, восклицаетъ философъ, тотъ знаетъ, что я долженъ сказать о немъ и какова его красота!“

— „Дѣйствительно, благо желательно само по себѣ, продолжаетъ онъ далѣе, оно есть цѣль нашихъ желаній. Для достиженія его надо возвыситься въ высшую сферу, вернуться туда и сбросить одѣяніе, надѣтое нами, когда мы снизошли на землю, подобно людямъ, которые въ мистеріяхъ, допускаемые въ самое святилище, очищаются, снимаютъ съ себя одежды и входятъ туда обнаженными. Такимъ же образомъ поднимается и душа въ своемъ восходящемъ движеніи къ Богу: возвысившись надъ всѣмъ, что чуждо ей, она остается одна сама съ собою во всей своей простотѣ, во всей своей

чистотѣ и созерцаетъ Того, отъ котораго все зависитъ, къ которому все стремится, отъ котораго все получило существованіе, мысль и жизнь, ибо онъ есть начало бытія, жизни и мысли. Какое увлеченіе любви долженъ испытывать тотъ, кто созерцаетъ Его, съ какою страстностью онъ долженъ желать соединиться съ Нимъ, какой восторгъ долженъ охватить его! Тотъ, кто еще не созерцалъ Его, желаетъ Его, какъ блага. Тотъ, же, кто созерцалъ, удивляется Ему, какъ высшей красотѣ, охватывается изумленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наслажденіемъ, чувствуетъ восторгъ въ которомъ нѣтъ ничего страдательнаго; любить истинною любовью съ несравненною страстностью, отвергаетъ всякую другую любовь и презираетъ то, что онъ раньше называлъ красою.

— „Что же долженъ испытывать тотъ, кто созерцаетъ само Прекрасное, чистое Прекрасное, которое въ силу своей чистоты безплотно и безтѣлесно, внѣ земли и неба! Если можно созерцать Того, кто даетъ всѣмъ существамъ ихъ совершенство, оставаясь Самъ неподвижнымъ, ничего не получая отъ нихъ, если можно успокоиться на Его созерцаніи и наслаждаться имъ, сдѣлавшись Ему подобнымъ, то какую другую красоту можно пожелать созерцать? Онъ есть высшая красота, первая красота и дѣлаетъ прекрасными всѣхъ, кто Его любитъ, такъ что и они сами дѣлаются достойными любви. Такова великая, высшая цѣль души; къ этой цѣли она должна направить всѣ свои усилія, если не хочетъ лишиться этого возвышеннаго созерцанія, наслажденіе которымъ дастъ блаженство, лишеніе котораго есть величайшее изъ несчастій. Несчастливъ не тотъ, кто не обладаетъ ни прекрасными цвѣтами, ни прекраснымъ тѣломъ, ни могуществомъ, ни господствомъ, ни царствомъ, а тотъ, кто лишенъ обладанія красою, обладанія, за которое слѣдуетъ отдать всѣ царства, власть надъ всей землей, моремъ, даже небомъ, если только, оставивъ и презрѣвъ все это, можно достигнуть лицезрѣнія красоты!“

Какое удивительное сліяніе въ этихъ приведенныхъ выше словахъ формы съ содержаніемъ, какое соответствіе предмета съ самимъ изложеніемъ о немъ! И какъ близко былъ временами философъ къ христіанскимъ воззрѣніямъ, когда слагалъ

свой вдохновенный гимнъ прекрасному. Такъ и кажется, что высшая благодать рѣяла около мудреца и поэта, въ экстазѣ воспѣвавшаго величіе и красоту созданнаго имъ же самимъ Бога и, казалось, стоило ему, хотя немного наперечъ вниманіе, прислушаться къ голосу, тогда еще робкому, христіанства, и... истинный Богъ, истинное, не придуманное первоначало во всей своей красотѣ и величіи явилось бы предъ нимъ. Но увы! философъ считалъ, что нашелъ его въ школѣ Аммонія, въ твореніяхъ Платона и Аристотеля и другихъ философовъ и оставался слѣпъ, хотя истинное солнце горѣло на небѣ уже почти три столѣтія...

Въ виду высоко-нравственнаго характера прекраснаго, и достиженіе созерцанія и наслажденія имъ достается человѣку только послѣ цѣлаго ряда усилій. Надо сначала отречься отъ матеріальной красоты, надо отворотить свое лицо отъ тѣни, призрака настоящей красоты, являющейся намъ во внѣшнемъ мірѣ, и всецѣло наперечъ умъ къ пониманію красотъ иного высшаго міра.

— „Закроемъ тѣлесные глаза, говоритъ Плотинъ, и откроемъ глаза иные, глаза духа, для того, чтобы пробудить въ насъ другое зрѣніе“!

Прекрасное у мыслителя является мотивомъ, опредѣляющимъ душевную дѣятельность человѣка, направленную къ нравственному совершенствованію, оно не есть ничто самоудовлѣющее, оно играетъ служебную роль, привлекая своею сущностью человѣка и побуждая его къ работѣ надъ собою. Лишь послѣ продолжительнаго и всеобъемлющаго очищенія душа получаетъ способность созерцать конечную совершенную красоту.

Возведши послѣднюю въ область трансцендентнаго, Плотинъ для созерцанія ея допускаетъ единственное особое состояніе человѣческой души—состояніе экстаза.

Философъ не находитъ достаточно словъ, чтобы описать подобное состояніе—„неизрѣченное видѣніе“. Созерцающій здѣсь сливается съ созерцаемымъ, отказывается отъ своей личности, весь отдавшись чудному зрѣлищу необычайной красоты.

— Даже слово видѣніе, зрѣніе, по Плотину, не подходитъ,

кажется, въ этому случаю. Это скорѣе отреченіе отъ себя, жгучій покой, желаніе слиться съ тѣмъ, что созерцають въ святилищѣ. Богъ и душа составляютъ единое; тогда невозможно отличить душу отъ Бога, настолько она наслаждается Его присутствіемъ. Душа не чувствуетъ своего тѣла, не чувствуетъ, живетъ ли она, человѣкъ ли она, либо что другое; думать объ этомъ значило бы пасть, и душа въ такомъ состояніи не имѣетъ ни времени, ни желанія заниматься этимъ“.

Созерцаніе высшей красоты дѣлается доступнымъ душѣ только путемъ долгаго и тяжелаго искуса. Она должна постепенно возвышаться отъ конечнаго прекраснаго до перво-красоты, проходя дорогу съ многими препятствіями, проходя тернистый путь очищенія.

— „Чтобы достигнуть созерцанія прекраснаго и божественнаго, всякій человѣкъ, говоритъ Плотинъ, долженъ сдѣлаться прекраснымъ и боговиднымъ“.

Далѣе затѣмъ философъ указываетъ всѣ ступени прекраснаго, по которымъ человѣкъ, сообразно степени своего душевнаго состоянія, восходитъ до самой высшей первоначальной красоты. Сначала онъ созерцаетъ красоту видимаго реальнаго міра; величественныя картины природы, развертывающіяся передъ нимъ то въ видѣ безпредѣльнаго океана, то въ видѣ высочайшихъ увѣнчанныхъ снѣговыми вершинами горъ, то въ образѣ звѣзднаго неба, сверкающаго міриадами искръ, высокіе образцы античнаго искусства, живые человѣческіе образы, вотъ что составляетъ первый объектъ прекраснаго, самый низшій, доступный для созерцанія всякому. Затѣмъ человѣкъ переходитъ въ болѣе высшую область красоты, въ сферу духовной дѣятельности: наблюдаетъ поступки и дѣйствія добродѣтельнаго ближняго, подвиги любви, самоотверженія, безкорыстія, словомъ, весь кругъ дѣятельности истинно добраго и добродѣтельнаго ближняго. Но и это все служитъ лишь переходомъ къ иной области, болѣе возвышенной, къ созерцанію внутренней красоты души, всего духовнаго міра, заключающагося въ ней. Объектомъ созерцанія въ послѣднемъ случаѣ служатъ все содержаніе души, весь огромнѣйшій міръ идей, составляющихъ ея сущность. Здѣсь, по словамъ Плотина, намъ

предстоитъ большая работа надъ собою. Наслаждаться подобною красотою можетъ не всякій, а лишь тотъ, кто подавилъ въ себѣ страсти, кто чуждъ грѣховныхъ ¹⁾ желаній и помысловъ, кто возвысился надъ всѣмъ земнымъ и тѣлеснымъ.

Подобно скульптору, своимъ рѣзцомъ обрабатывающему безформенную массу мрамора, отсѣкающему часть его въ одномъ мѣстѣ, сглаживающему въ другомъ, углубляющему въ третьемъ и т. д., пока глыба не приметъ формы и образа прекраснаго тѣла, подобно такому художнику и мы должны заняться собою, дабы явиться достойными къ созерцанію самаго міра идей, міра верховнаго творящаго разума. Но душа все рвется впередъ, ввысь, пока не покинетъ совсѣмъ и царство разума и не взлетитъ въ „самое святилище красоты“, къ принципу прекраснаго, къ благу. Здѣсь только всѣ порывы смиряются, душа трепещетъ въ блаженномъ зрѣніи красоты и любви и трагизмъ неудовлетворенныхъ стремленій, страстныхъ исканій, смѣняется безконечнымъ и безпредѣльнымъ счастьемъ. Трагедія кончена, животворящіе лучи тепла и свѣта, истекающіе отъ Верховнаго блага ласкаютъ душу, трепещущую въ восторгѣ передъ тѣмъ, что есть начало всему прекрасному, что есть чистая совершенная красота!

Перехода, такимъ образомъ, отъ міра чувственнаго къ міру дѣятельнаго нравственнаго принципа, отъ него къ міру идей и, наконецъ, къ самому благу, душа проходитъ всѣ стадіи прекраснаго, которое само одною стороною примыкаетъ къ матеріальному міру, а въ дальнѣйшемъ развитіи славается съ благомъ. Параллельно такому переходу отъ одной ступени прекраснаго къ другой и сама душа очищается и возвышается, причемъ стимуломъ нравственнаго совершенствованія служитъ стремленіе къ созерцанію, жажда прекраснаго. Самый переходъ отъ одной сферы въ другую обусловленъ степенью такого совершенства души.

¹⁾ Т. е. такихъ, которыя относятся къ чувственной области, затѣмняющихъ умъ и отвлекающихъ человѣка отъ самосовершенанія, самоуглубленія, препятствующихъ экстазу.

Таково ученіе Плотина о прекрасномъ,—ученіе, исходившее изъ глубоко-нравственныхъ взглядовъ его на красоту. Историческая перспектива нисколько не умалила значенія взглядовъ философа для нашего времени и тѣмъ понятнѣе оно (значеніе) для далекаго прошедшаго. Столь яснаго систематическаго изложенія о красотѣ въ древнемъ мірѣ до Плотина вовсе не было. Эстетическими теоріями въ послѣднее время существованія языческихъ философскихъ школъ почти никто не занимался. Изъ философскихъ системъ самыми популярными ученіями во времена Плотина было ученіе Аристотеля и системы стоическихъ разнаго толка. Ни то, ни другое ученіе не занималось эстетикой; споры о матеріи, о категоріяхъ, о различныхъ сторонахъ формальной логики совмѣстно съ разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ этики, несравненно больше привлекали вниманіе ученыхъ, нежели научное, конечно по тогдашнему времени, обоснованіе сущности прекраснаго. Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, почтенія заслуживаетъ Плотинъ, построившій впервые доктрину прекраснаго на прочномъ научномъ базисѣ, съ котораго она долгое время не могла быть сдвинута, сдѣлавшій изъ принципа красоты одинъ изъ краеугольныхъ камней обновленной имъ идеалистической философіи, заставившій при томъ прекрасное служить человѣку въ его стремленіяхъ къ высшимъ цѣлямъ, подвигая его по пути нравственнаго совершенствованія.

Чувственная красота древняго міра была имъ погребена и погребена навсегда, и на мѣсто ея, изъ обломковъ ученія Плотина, родилась новая, вся проникнутая чистымъ чувствомъ, помогающая человѣку достигъ высшаго міра, манящая его всѣми радостями и блаженствомъ созерцанія первоисточника красоты и заставляющая его, ради этого, совершать подвиги добродѣтели. Выношенные въ умѣ и сердцѣ великаго философа идеи прекраснаго явились въ стройномъ, логически безукоризненномъ ученіи передъ глазами умирающаго классическаго міра, поражая своею возвышенностью, въ то же время являясь самымъ значительнымъ и оригинальнымъ плодомъ творчества бьющейся въ агоніи языческой мысли. Дни послѣдней были уже сочтены. Заря истиннаго солнца уже горѣла на небѣ, и

лишь немногіе философы, въ излишней привязанности къ старымъ догматамъ изжившей науки, закрывали глаза передъ лучами истинно животворящей любви, добра и красоты.

Чуждъ живительному свѣту Христова ученія остался и нашъ философъ, предпочитая бродить среди темнаго заколдованнаго круга различныхъ философскихъ отвлеченныхъ понятій, переходя отъ одной сущности къ другой, среди мертваго царства блага, разума, міровой души.

Вліяніе философіи Плотина, въ частности психологій, сказывалось даже на твореніяхъ такихъ великихъ Отцовъ Церкви, какъ Кириллъ Іерусалимскій, Василій Великій, Григорій Богословъ, самъ же философъ не пожелалъ покинуть своего учителя Платона, въ книгахъ котораго, ему казалось, онъ нашелъ истину, оставаясь вѣрнымъ ей до своей смерти.

С. А. Ананьинъ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ИЗЪ БІОГРАФІЙ БУДДЫ САКЪЯ—МУНИ (LALITAVISTARA).

(Проложеніе *).

II.

Не смотря на всю фантастичность и даже сказочность разсказовъ Лалиты-Вистары о Буддѣ, есть писатели, которые хотѣли бы отождествить біографію Будды Сакья-Муни съ евангельскими повѣствованіями о жизни Іисуса Христа. И прежде всего, они указываютъ на мнимое сходство въ чудесномъ рожденіи ихъ. Будда, до своего рожденія, пребываетъ какъ нѣкоего рода божественное существо въ небесахъ и, по собственному желанію, нисходитъ въ видѣ бѣлаго слона на землю въ утробу царицы Майи въ Капилаваствѣ, чтобы родиться отъ нея для спасенія міра. Небесные сонмы небожителей въ пѣснопѣніяхъ возвѣщаютъ о спасительной миссіи новорожденного младенца. Таково первое мнимое сходство въ повѣствованіи о рожденіи Будды и Іисуса Христа. Съ вершинъ Гимайлай спускается затѣмъ престарѣлый, близкій къ смерти браминъ Асота и, увидавъ младенца, возвѣщаетъ вдохновенными словами: это нѣкогда будетъ Будда, спаситель міра!—напоминая собою этимъ будто бы престарѣлаго Симеона Богопріимца нашихъ Евангелій. Мальчикомъ Будда входитъ въ храмъ и изображенія боговъ сходятъ съ мѣстъ своихъ, чтобы смиренно преклониться предъ нимъ. Зрѣлымъ мужчиною, лѣтъ около тридцати, онъ предается одиночеству, чтобы найти путь спа-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1903 г. № 2.

сенія. Здѣсь онъ трижды искушается Марой, княземъ смерти и зла; но онъ противостоитъ искушителю, побѣдоносно торжествуетъ надъ нимъ, и, сѣдя подъ смоквой, обрѣтаетъ высшее познаніе. Двое братьевъ—первые послѣдователи, которыхъ онъ приобрѣтаетъ еще сѣдя подъ деревомъ, напоминаютъ первыхъ учениковъ Христа, Андрея и Симона, какъ смоква—то дерево, подъ которымъ Христосъ впервые увидалъ только что присоединившагося Наанаила. Будда начинаетъ свою проповѣдь цѣлымъ рядомъ восхваленія блаженствъ, которыя сравниваются съ блаженствами нагорной проповѣди ¹⁾.. Мы не станемъ продолжать выписку дальнѣйшихъ совпаденій, приводимыхъ этими авторами—не станемъ потому, что въ разбираемой нами біографіи Сакья-Муни ихъ нельзя находить; онѣ отысканы учеными людьми въ другихъ буддійскихъ книгахъ и поэтому мы ихъ оставляемъ. Но допуская даже ихъ достовѣрность т. е. литературную подлинность, нельзя не видѣть, что они столько же сходны съ евангельскими повѣствованіями, сколько можно признавать сходными хаотическія черты, случайно наброшенные на бѣлой бумагѣ, съ живыми и реальными фигурами. Это дѣло разыгравшейся фантазіи, а не исторіи, какъ научной дисциплины. Можно, конечно, съ натяжками—какъ это и дѣлаютъ на самомъ дѣлѣ, отыскать и въ Лалитѣ-Вистарѣ нѣкоторыя совпаденія. Можно, напр., указать на Майтрею, какъ на параллель въ ученіи Иисуса Христа о Святомъ Духѣ, Котораго обѣщаль послать ученикамъ Господь, можно также указать на звѣзду Пушіа, появлявшуюся на небѣ во время нисхожденія Будды въ утробу своей матери и во время его бѣгства изъ дворца. Указываютъ еще на царское происхожденіе Будды и на его купаніе въ ручьѣ Напранжана, приводя все это въ параллель съ извѣстными фактами изъ исторіи Господа Нашего Иисуса Христа...

Что сказать по поводу этихъ совпаденій ²⁾? Конечно защит-

¹⁾ Слова проф. д-ра Л. Шредера изъ брошюры „Христіанство и буддизмъ“. См. брошюру „Минное сходство и существенное различіе между христіанствомъ и буддизмомъ“. С.-Петербургъ. 1896 г., стр. 29—31.

²⁾ Забѣгаемъ, кстати, что въ силу характера своей работы мы занимаемся исключительно только внѣшнею стороною дѣла и съ этой точки зрѣнія и разбираемся въ интересующемъ насъ вопросѣ.

нкою „буддійско-христіанской“ гармоніи нельзя убѣдить указаніемъ на то, что отставаемыя ими совпаденія не всегда въ обѣихъ исторіяхъ падаютъ на одно и то же время жизни Будды и Іисуса Христа; такъ напр., указываемая ими параллель о Святомъ Дудѣ и Бодизаттвѣ Майтрея—фигурируетъ въ исторіи Сакья-Муни не въ концѣ, а въ самомъ ея началѣ, въ ея прологѣ, происходившемъ, какъ извѣстно, въ небѣ Тушита; то же надобно сказать и объ исторіи съ звѣздою Пушія: она вставлена въ біографію Будды совершенно съ другимъ отнѣнкомъ ея значенія, чѣмъ вообще Вилеємская звѣзда въ исторіи Господа Нашего Іисуса Христа и пр. Защитники „буддійско-христіанской“ гармоніи не отвергаютъ этого, но они говорятъ, что Евангельская исторія, какъ позднѣйшая будто-бы по времени своего появленія, все это передѣлала, переставовила и всему матеріалу дала новую комбинацію и въ этомъ то, по ихъ мнѣнію, христіанская исторія и проявила только свою самостоятельность—самостоятельность передѣлки, а въ основѣ ея остаются все тѣ же рассказы—Лалиты-Вистары.

Въ отвѣтъ на подобнаго рода разсужденія, едва ли могуція возникнуть въ умѣ другихъ читателей названной біографіи Будды Сакья-Муни, постараемся разобратъ въ вопросѣ о времени появленія Лалиты-Вистары.

Данныя о времени происхожденія Лалиты-Вистары крайне неопредѣленны и очень сбивчивы. Такъ, прежде всего, намъ приходится натолкнуться на мнѣніе ученаго ея переводчика, г. Фуко; онъ, какъ видно это изъ предисловія къ сдѣланному имъ переводу, возрастъ Лалиты-Вистары опредѣляетъ очень древнимъ, гораздо раньше христіанской эры ¹⁾. Очень вѣроятно, говоритъ г. Фуко, что одною изъ первыхъ потребностей вѣрующихъ буддистовъ послѣ смерти своего учителя было желаніе знать его жизнь какъ для того, чтобы хвалиться совершенствомъ своего наставника, такъ равнымъ образомъ и для подражанія его добродѣтелямъ. Вотъ почему, думаетъ г. Фуко, и нельзя „первоначальную редакцію“ Лалиты-Вистары далеко отодвигать отъ года смерти Сакья-Муни ²⁾. Кромѣ этого, чисто

¹⁾ Lalitavistara, introduction, p. XVI.

²⁾ Ibid., p. XI.

психологическаго соображенія, г. Фуко какъ на доказательство справедливости своего мнѣнія о древности Лалиты-Вистары ссылается еще на то, что въ ней въ нѣсколькихъ мѣстахъ содержатся указанія и даже изложеніе четырехъ возвышенныхъ истинъ—обстоятельство, добавляетъ ученый переводчикъ, свойственное только самымъ древнѣйшимъ произведеніямъ буддизма ¹⁾. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній г. Фуко находитъ возможнымъ отнести „первоначальную редакцію“ Лалиты-Вистары къ первому собору буддистовъ, бывшему тотчасъ послѣ смерти Сакья-Муни. Но здѣсь же, слѣдомъ, г. Фуко съ особеннымъ усиленіемъ подчеркиваетъ ту мысль, что къ означенному времени онъ относитъ только „первоначальную редакцію“ книги, такъ какъ Лалита-Вистара—продолжаетъ онъ свою рѣчь далѣе—въ той ея формѣ, какой мы владѣемъ теперь, представляетъ очевидные слѣды позднѣйшей композиціи сравнительно съ „первоначальной редакціей“. вмѣсто того, чтобы быть простымъ рассказомъ съ однообразнымъ всюду слогомъ, нынѣшняя Лалита-Вистара—пишетъ г. Фуко, представляетъ собою смѣсь двухъ очень различныхъ языковъ; рядомъ съ санскритскою, въ общемъ довольно легкою прозою, въ ней находится стихотворный діалектъ, необычныя формы котораго дѣлаютъ его очень темнымъ. Характерною особенностью этихъ стихотворныхъ отрывковъ—мы продолжаемъ излагать мысли г. Фуко—является та черта, что всѣ они, за немногими исключениями, оказываются витіеватымъ повтореніемъ сказаннаго въ прозѣ—повтореніемъ значительно, по своей формѣ, удаляющимся отъ грамматически правильной санскритской прозы ²⁾.

Итакъ, по мнѣнію г. Фуко, только „первоначальная редакція“ Лалиты-Вистары должна быть отнесена къ эпохѣ перваго буддійскаго собора. Но тутъ возникаетъ вопросъ, что же такое это за „первоначальная редакція“ Лалита-Вистары и откуда г. Фуко могъ узнать про нее? Вѣдь онъ самъ въ томъ же введеніи прямо заявляетъ, что находящаяся у насъ въ рукахъ Лалита-Вистара, какъ представляющая собою очевидную форму протранныхъ сутръ, не должна быть относима къ первому со-

¹⁾ Ibid., p. XI.

²⁾ Ibidem, pp. XI—XII.

бору буддистовъ; она позднѣйшаго происхожденія и самое большее куда можно отнести ее, по мнѣнію самого же г. Фуко, —это ко второму или третьему собору ¹⁾; на страницѣ же шестнадцатой Фуко болѣе уже рѣшительно высказывается за дату именно третьяго собора ²⁾. Выходить, такимъ образомъ, что „первоначальной-то редакціи“ Лалиты-Вистары, о которой раньше велъ рѣчь г. Фуко, какъ будто-бы и нѣтъ совсѣмъ. Въ ея существованію, судя по ходу разсужденія г. Фуко, можно придти, очевидно, только путемъ приблизительно такого умозаключенія въ общей его связи съ ранѣе представленнымъ нами психологическимъ соображеніемъ г. Фуко.—Существующая у насъ теперь редакція Лалиты-Вистары представляетъ собою форму пространныхъ сутръ; этой же формѣ сутръ предшествовала—простая ³⁾; слѣдовательно, и у нашей книги есть предшествовавшая ей простая форма; она-то и является для г. Фуко „первоначальной редакціею“ Лалиты-Вистары.

О логической состоятельности такого умозаключенія мы не говоримъ; мы только замѣтимъ, что изъ разсужденій г. Фуко допустимо только одно заключеніе, справедливъ одинъ только выводъ: возможно было существованіе „первоначальной редакціи“ Лалиты-Вистары, но дѣйствительно-ли существовала она—этого совсѣмъ не видать; она могла быть, но могла и не быть, и солидныхъ доказательствъ за ея „esse“ г. Фуко, думается намъ, не представилъ.—По ходу разсужденій г. Фуко, положимъ, видно, что за „первоначальную редакцію“ Лалиты-Вистары, за слѣды ея существованія по крайней мѣрѣ, онъ намѣренъ считать „простую однообразную санскритскую прозу“ Лалиты-Вистары, которую онъ противопоставляетъ ея темнымъ стихотворнымъ отрывкамъ—этому позднѣйшему, по его мнѣнію, наслоенію вѣковъ ⁴⁾. Но, вѣдь, вопросъ еще въ томъ, чѣмъ руководиться намъ при отдѣленіи древняго въ буддійскихъ книгахъ отъ болѣе новаго? А, можетъ быть, обѣ части въ Лалитѣ-Вистарѣ—и проза и стихи—сравнительно поздняго

¹⁾ Lalitavistara, pp. XII—XVI.

²⁾ Ibid. p. XVI.

³⁾ Ibid. XII—XVI.

⁴⁾ Ibid. p. XII.

происхожденія или, по крайней мѣрѣ, во времени между ними нѣтъ такого именно отношенія, на какомъ настаиваетъ г. Фуко. Вѣдь, высказываютъ же нѣкоторые ученые такое, напр., мнѣніе, что „считать дошедшія до насъ собранія... буддійскихъ книгъ за „disjecta membra“ стараго преданія мы не имѣемъ права, потому что не знаемъ, съ какимъ „цѣлымъ“ ихъ сравнивать“¹⁾. То же самое, по нашему мнѣнію, возможно примѣнить и къ данному случаю; возможно задать себѣ вопросъ, съ чѣмъ сравнивалъ г. Фуко нынѣшнюю редакцію Лалиты-Вистары и откуда онъ вывелъ свое заключеніе о существованіи ея „первоначальной редакціи“? Вѣдь такое доказательство, какое г. Фуко даетъ въ своемъ введеніи въ пользу древности Лалиты-Вистары, едва-ли убѣдительно.—Онъ приводитъ изъ Бюрнуфа нѣсколько страницъ въ подтвержденіе того, что литература буддизма постепенно разрасталась, увеличивалась и пережила три эпохи съ ихъ характерными особенностями—эпоху простыхъ сутръ, затѣмъ—сутръ пространныхъ и, наконецъ, эпоху Тантръ²⁾.

1) См. стат. проф. С. Ольденбурга „Замѣтки о буддійскомъ искусствѣ“ въ „Восточныхъ замѣткахъ“, сбор. статей и исследований проф. и преподав. факульт. Восточныхъ языковъ Импер. С.-Петербург. Университета. 1896, стр. 839.

2) Теперь далеко не всѣ согласны съ мнѣніемъ Бюрнуфа относительно общаго хода и характера буддійской религіозной жизни, и сомнѣніе въ преимущественной древности книгъ палийскаго канона—самой древней, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (Ольденбургъ, Максъ-Мюллеръ, Рисъ-Давидъ и др.), формы буддизма—все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ раздаваться въ литературѣ. Изъ отечественныхъ ученыхъ этого направленія можно указать на Минаева и на Ольденбурга; но дальше всѣхъ ихъ въ этомъ направленіи идетъ проф. В. Пуссенъ. Онъ прямо выражается, что нѣтъ никакого резона довѣрять сомнительной древности палийскаго канона. По нему, выраженія — „сингапурская церковь и община“ „южный буддизмъ“—даютъ лишь пустой звукъ. Сетки Цейлона, говоритъ Пуссенъ, могутъ быть сведены къ единству только при помощи натяжекъ и при томъ наперекоръ положительнымъ свидѣтельствамъ. Къ чему же, спрашиваетъ В. Пуссенъ, держаться мнѣній, которое явно противорѣчитъ памятникамъ? Остроумный наборъ доводитъ „палийцевъ—индологовъ“ въ пользу своихъ воззрѣній рунуться самъ собою, и наденіе ихъ съ особенною ясностью обнаруживаетъ страшные пробѣлы, которыми изобилуетъ теперешнее наше знаніе буддизма. О школахъ, напр., буддизма, говоритъ Пуссенъ, въ виду неразработанности матеріаловъ, мы знаемъ совсѣмъ мало. Намъ едва извѣстны имена школъ, и мы почти не въ состояніи описать ихъ доктринъ, ихъ связей между собою и ихъ взаимнаго другъ на друга вліянія. Съ отверженіемъ же взгляда приверженцевъ преимущественной древности палийскаго канона мы, продолжаемъ рассуждать проф. В. Пуссенъ, совсѣмъ лишаемся руководителювой нити, и все-таки, не смотря на это, мы не должны вѣрить картинѣ, которую они

Пусть въ первую изъ нихъ, по мнѣнiю знаменитаго французскаго ученаго, Будда является только человекомъ, во вторую на ряду съ нимъ появляются другіе Будды и баснословные Бодиваттвы и самъ-то онъ принимаетъ на себя множество баснословныхъ черезъ и проч. Все это допустимо, но нисколько не убѣждаетъ въ томъ, что и наша Лалита-Вистара перешла именно черезъ всѣ эти стадіи. Пусть въ ней Будда является въ божественномъ ореолѣ, окруженный безчисленными Бодиваттвами, пусть онъ блещетъ всевозможными совершенствами, несвойственными даже совѣмъ человѣку,—все это нисколько не можетъ говорить въ пользу существованія „первоначальной редакціи“ Лалиты-Вистары. На основаніи приводимыхъ г. Фуко данныхъ можно сказать только одно: нынѣшняя редакція Лалиты-Вистары, какъ подходящая по своему содержанію къ книгамъ второй эпохи развитія буддизма, и могла дѣйствительно появиться въ это время; не переживая никакихъ предварительныхъ эпохъ, она, какъ появившаяся въ извѣстный періодъ жизни буддизма, и могла воплотить въ себя всѣ его характерныя особенности.

Мы тѣмъ сильнѣе настаиваемъ на вѣроятности только что высказаннаго нами предположенія о времени появленія Лалиты-Вистары, что и у самого Бюрнуфа, на авторитетѣ котораго главнымъ образомъ и основывается г. Фуко, въ концѣ концовъ говорится свѣдущее по поводу „буддійскаго священнаго каданты намъ о первоначальномъ буддизмѣ. Хиваяна, какъ древнее ученіе, раздѣляется на многочисленныя секты почти такъ же старыя, какъ и самая религія. Позволительно даже предполагать, говорить Пуссенъ, древнее существованіе Маханы и Тантризма или во всякомъ случаѣ снѣло было-бы отодвигать ихъ на задній планъ передъ Хиваяной, какъ неизмѣющія будто-бы важности, какъ въ отношеніи къ исторіи, такъ и въ отношеніи къ доктринамъ. Сведенная къ исторіи сингапезской церкви, окаментшшей къ первому вѣку нашей эры, исторія Будды, исторія его ученія и его общины—если все-таки она возможна—будетъ, пишетъ проф. Пуссенъ, страшно изуродованною. Все должно быть разсматриваемо въ совокупности и вовсе не слѣдуетъ думать о какой-то преимущественной древности палийскаго канона. Буддизмъ непальскій—только вѣтъ индійскаго тантрійскаго буддизма; это только одинъ эпизодъ исторіи буддизма, не содеркащій въ себя всей первоначальной религіи. См. V. Poussin. Bouddhisme. Etudes et materiaux; premier parti de l'histoire bouddhisme, introduction p. 1—6, 34. Въ Mémoires couronnés et mémoires des savants étrangers publiés par l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. t. LV Août 1896 et juin 1898.

нова“, какъ принято иногда выразатся о буддѣйской литературѣ — „Книги, его составляющія, — мы приводимъ выдержку изъ Бюрнуфа — пережили три эпохи; ихъ передѣлывали и измѣняли, то на первомъ, то на второмъ соборѣ и, наконецъ, послѣ послѣдняго авторитетнаго пересмотра монахами, современниками Канишки, книги приняты въ кононъ, но — добавляетъ Бюрнуеръ — на этомъ третьемъ соборѣ подѣ влияніемъ авторитета членовъ самого собора, или же подѣ влияніемъ какого-нибудь мудреца, какъ напр., Нагарджуны, могли внести въ канонъ и совершенно новыя книги“¹⁾). Такой взглядъ Бюрнуфа одинаково, думается намъ, можетъ говорить и за и противъ мнѣнія г. Фуко, да и не извѣстно еще на самомъ дѣлѣ, что говоритъ самая дѣйствительность.

Если и возможно говорить о какой-то „первоначальной Лалитѣ-Вистарѣ“ ко времени перваго буддѣйскаго собора, то только въ смыслѣ существованія въ то время біографическаго сырого матеріала въ видѣ общихъ воспоминаній о Буддѣ. Редакціи же Лалиты Вистары, хотя-бы даже и „первоначальной“, въ то время не могло быть. Сентъ-Илеръ въ своемъ трудѣ о буддизмѣ, сдѣлавъ разборъ баснословной, какъ онъ выражается, части Лалиты-Вистары и указавъ на то униженіе въ ней Брамы, Индры и всего выдающагося въ браминскомъ пантеонѣ, прямо заявляетъ, что Лалита-Вистара не есть трудъ непосредственныхъ учениковъ Сакья-Муни. Время самого наставника, говоритъ Сентъ-Илеръ, а также и ближайшее послѣ его смерти не могло говорить такимъ высокоумнымъ языкомъ. Вѣка три или четыре спустя, когда новое ученіе приобрѣло себѣ достаточное число послѣдователей, могло уже пожалуй съ такимъ оскорбительнымъ пренебреженіемъ, даже презрѣніемъ говорить о народныхъ святыняхъ. Иногда — мы продолжаемъ излагать мысли французскаго ученаго — иногда это самое излишество оскорбленій какъ-бы скандализируетъ даже самого автора, допустившаго такое поношеніе народной святыни. Царь, напр., Суддодана, присутствовавшій въ качествѣ зрителя при всѣхъ тѣхъ униженіяхъ, какимъ боги подверг-

¹⁾ См. Introduction à l'histoire du bouddhisme indien par E. Burnouf. t. 1. Paris 1844. p. 579.

лись предъ только что родившимся его сыномъ, не можетъ воздержаться отъ недоумѣнїя по этому поводу. Какъ ни радостенъ отецъ будущаго Будды, онъ все-таки изумляется и говоритъ по адресу своего сына слѣдующее: „онъ—богъ боговъ; четыре стража вселенной, Брама, Индра и другіе боги, соединившись, окружили его такимъ почетомъ; въ трехъ мірахъ ни одинъ богъ, ни одинъ Нагъ, ни Индра, ни Брама, ни одно, словомъ, существо не получило бы подобныхъ почестей безъ того, чтобы другіе не сорвали бы ему за это головы и не лишили бы его жизни. Но этотъ, потому что онъ чище боговъ, можетъ безопасно принимать всѣ эти почести“¹⁾. Все это Сентъ-Илеръ говоритъ, положимъ, о настоящей редакціи Лалиты-Вистары, но, вѣдь, и „первоначальная редакція“ ея для того, чтобы быть именно Лалитою-Вистарою, а не другой книгой, должна-же хоть отчасти походить на нынѣшнюю своимъ содержаніемъ. А разъ это такъ, то сомнѣваться въ существованіи первоначальной редакціи Лалиты-Вистары ко времени перваго буддійскаго собора мы имѣемъ законное право. Нисколько не можетъ поддержать мнѣнїя г. Фуко о древности Лалиты-Вистары и его указаніе на то, что въ ней есть упоминаніе и даже изложеніе четырехъ возвышенныхъ буддійскихъ истинъ. Фуко смотритъ на это присутствіе „четырехъ истинъ“ въ Лалитѣ-Вистарѣ какъ на пережитокъ или, лучше сказать, какъ на указаніе неизгладимыхъ слѣдовъ древняго времени появленія книги. Но по существу дѣла такой взглядъ едва ли основателенъ.—Присутствіе „четырехъ возвышенныхъ истинъ“ въ Лалитѣ-Вистарѣ можетъ только запрещать намъ отодвигать далѣе за Будду, въ глубь вѣковъ, время происхожденія этой книги—въ чемъ, конечно, надобности и безъ того совсѣмъ нѣтъ,—но свидѣтельствовать противъ позднѣйшаго ея происхожденія оно нисколько не можетъ. Упоминаніе и изложеніе теорій, фактовъ и событій въ трудахъ позднѣйшихъ сравнительно со временемъ появленія этихъ самыхъ теорій—самое обыкновенное дѣло въ исторіи каждой литературы; къ тому же, какъ біографу, излагающему жизнь своего вѣроучителя, не упомянуть

¹⁾ Le Bouddha et sa religion par. F. Barthélemy Saint-Hilaire. Paris 1860, chap. II, pp. 56—57.

было о „четырехъ возвышенныхъ истинахъ“—этой сути ученія Будды Сакья-Муни!

Итакъ, высказанный взглядъ г. Фуко о „первоначальной редакціи“ Лалиты-Вистары, будто-бы существовавшей во времена перваго буддійскаго собора, должно признать, по нашему мнѣнію, неосновательнымъ.

Насколько же состоятельно мнѣніе г. Фуко о томъ, что существующая теперь редакція Лалиты-Вистары должна быть отнесена къ третьему буддійскому собору, во времени Кашмирскаго царя Канишки?

Не одинъ г. Фуко держится такого взгляда на нынѣшнюю редакцію Лалиты-Вистары. Къ нему примыкаютъ французскіе ученые прошлаго столѣтія—Шебель, Сентъ-Илеръ и другіе ¹⁾. Шебель, напр., прямо заявляетъ, что Лалита-Вистара включена въ священный канонъ буддистовъ на четвертомъ (по счету же сѣверныхъ буддистовъ третьемъ) соборѣ при царѣ Канишкѣ ²⁾.

Не имѣя возможности вдаваться въ разборъ мнѣній всѣхъ указанныхъ ученыхъ, замѣтимъ только одно, что ихъ доказательность въ достаточной мѣрѣ подрывается существующими воззрѣніями на этотъ счетъ совершенно противоположнаго характера. Такъ, напр., по указанію французскаго ученаго Э. Сенара, на Лалиту-Вистару смотрѣли то какъ на компіляцію шестого ³⁾, то восьмого и даже девятаго вѣка ⁴⁾. Англійскій же ученый, индіанистъ проф. Рись-Дэвидсъ, прямо заявляетъ по поводу взгляда Фуко на происхожденіе Лалиты-Вистары, что его утвержденіе древности этой книги не имѣетъ „даже и вида доказательства“ ⁵⁾. Тотъ же Рись-Дэвидсъ относительно

1) У Senart въ его „Essai sur la légende du Bouddha, son caractère et ses origines par E. Senart. 2 édition revue et suivie d'un index. Paris 1882, introduction, p. XVII указаны напр., ссылки на Burnoufa, на Lassen'a и Wilson'a; у Saint-Hilaire см. его трудъ „Le Bouddha et sa religion“... pp. 56—57; C. Schebel. Le Bouddha et la bouddhisme“. Paris. 1857. См. livre II, chap. VII, p. 62.

2) Schebel. p. 92.

3) Senart. Essai sur la legende du Bouddha... introduction p. XVII, note 1 указано на Journ. Asiat. Loc. of Beng. 1851, p. 283.

4) Ibidem., note указано на Fergusson's tree and Serpent Worship, p. 70-71.

5) См. въ „Вѣрѣ и Разумѣ“ за 1887 г. т. 1-й, ч. 1-я статья свящ. А. Балазовскаго „Буддійскія легенды и Евангеліе“, стр. 262 ссылку на Buddhism Рись-

Лалиты-Вистары высказываетъ мнѣніе, что она составлена въ Тибетѣ какимъ-то буддѣйскимъ поэтомъ, жившимъ приблизительно между 600 и 1000 годами послѣ смерти Будды ¹⁾.

Нисколько не помогаютъ дѣлу при выясненіи времени происхожденія Лалиты-Вистары и извѣстные намъ ея переводы. Прежде всего, конечно, надо принять во вниманіе переводъ Лалиты Вистары на китайскій языкъ, такъ какъ въ Китай буддизмъ проникъ ранѣе, чѣмъ, напр., въ Тибетъ, имѣющей также свой переводъ Лалиты-Вистары, съ котораго и сдѣланъ французскій переводъ г. Фуко. Тибетская версія Лалиты-Вистары, относимая Фуко къ шестому столѣтію по Р. Хр. ²⁾, мало можетъ принести пользы при установленіи даты появленія санскритскаго оригинала. Единственная ея заслуга, по словамъ Сенара, состоитъ въ томъ, что она не позволяетъ появленіе извѣстной намъ санскритской редакціи Лалиты-Вистары отодвигать далѣе за 6-й вѣкъ нашей эры—и только; оказать болѣе существенной помощи эта версія Лалиты-Вистары не въ состояніи ³⁾, да на ней, впрочемъ, не особенно долго останавливается и самъ г. Фуко. Онъ указываетъ больше на китайскіе переводы Лалиты-Вистары и съ помощью ихъ думаетъ отстоять свой взглядъ о сравнительно раннемъ появленіи нынѣшней редакціи Лалиты-Вистары.

Четыре всего китайскихъ перевода указываетъ г. Фуко въ своемъ подстрочномъ примѣчаніи, заимствованномъ имъ у С. Жюльена ⁴⁾ Первый, по времени, китайскій переводъ, по С. Жюльену, относится къ 70—76 гг. нашей эры, второй—къ

Дэвидса, р. 11; срв. слова того же ученаго (Рисъ-Дэвидса) въ его книгѣ „Буддизмъ. Очеркъ жизни и ученій Гаутамы Будды; перев. съ 18 англ. изд. М. Э. Гюсбургера. С.-Петербург. 1901 г. стр. 232, примѣчаніе № 20: „Фуко, не приводя писанныхъ доказательствъ, приписываетъ санскритскій оригиналъ (Лалиты-Вистары) собору Кавашки. Наконецъ, на утвержденіе г. Шебеля, говорящаго, что на соборѣ при Кавашкѣ въ буддѣйскій канонъ включили „Lalita-Vistara“ и „Lotus de la bonne loi“, набрасываютъ тѣнь сомнѣній слова Сентъ-Илера, высказывающаго въ своемъ трудѣ (Le Bouddha et sa religion, р. 65) про „Лотусъ добраго закона“ такое мнѣніе, что Лотусъ по своему происхожденію болѣе новъ, чѣмъ Лалита-Вистара. А разъ это такъ, то одновременно эти книги, вопреки увѣренію Шебеля, не могли быть включены въ священный канонъ буддистовъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ мы владемъ ими теперь.

¹⁾ См. у Kelhoga „Буддизмъ и христіанство“ перев. О. Орнатскаго, Кіевъ 1894 г. стр. 30.

²⁾ Lalitavistara, introduction р. XVI.

³⁾ Senart. Essai sur la légende du Bouddha.. introduction, р. XVII.

⁴⁾ Lalitavistara, Introduction pp. XVI—XVIII, note 2.

308, третій къ 652 и, наконецъ, дата появленія четвертаго не указана имъ ¹⁾).

Всѣ эти переводы носятъ различныя названія, и только названіе одного изъ нихъ, именно четвертаго, слѣдовательно, самаго поздняго по своему происхожденію, соотвѣтствуетъ имени санскритскаго оригинала. Кромѣ того, только третій и четвертый изъ нихъ дѣлятся на столько же главъ, какъ и нынѣшняя Лалита-Вистара, а первые два—содержать въ себѣ по 30 главъ ²⁾. Въ интересахъ дѣла особенную важность въ нашихъ глазахъ, конечно, долженъ имѣть первый по времени китайскій переводъ Лалиты-Вистары. Онъ, какъ свидѣтельствуется о томъ Станиславъ Жюльенъ, долженъ быть отнесенъ самое позднѣе къ 70—76 гг. нашей эры.

Если это справедливо, то тогда существованіе санскритскаго оригинала мы не имѣемъ права отодвигать ниже указанного времени. А такъ какъ по естественному порядку вещей изъ показанной цифры надо еще вычесть болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени, необходимый на то, что-бы дать возможность санскритскому оригиналу изъ Индіи попасть въ Китай, то древность его должна увеличиться еще болѣе и, такимъ образомъ, очень близко подойти къ цифрѣ, показанной г. Фуко. Но законны-ли на самомъ дѣлѣ такіе выводы?—Совсѣмъ нѣтъ.

Такъ, прежде всего, переводъ, считающійся первымъ по времени своего появленія въ Китаѣ—переводъ, извѣстный подъ названіемъ Fang—teng—pen—ki—king, а также и подъ другимъ именемъ—Fopen—hing—king ³⁾, оказывается, какъ оказывается, какъ утверждаетъ Сенаръ, утеряннымъ ⁴⁾. Затѣмъ, тотъ же ученый въ подстрочномъ замѣчаніи своемъ приводитъ еще на этотъ счетъ интересное замѣчаніе англій-

¹⁾ У Иеромонаха Алексія (Виноградова) въ его „исторія Библіи на Востокѣ съ обзоромъ метода и условій благоприятныхъ и неблагоприятныхъ ся переводамъ и распространенію съ христіанскою церковью у разныхъ народовъ“, С.-Петербургъ 1889—1895 гг., именно въ указаніи жизнеописаній Будды на китайскомъ языкѣ приведены эти же самые переводы за исключеніемъ перваго. Только у него 2-й переводъ изъ Лалиты-Вистары въ 8 главъ отнесенъ не къ 308 г., какъ у С. Жюльена, а къ 300 г., третій въ 12 главъ и 27 отдѣловъ къ 676 и дата послѣдняго—Шэнь-тхувъ-ю-и-узинъ не указана; см. стр. 320—321.

²⁾ Lalitavistara, introduction, p. XVI, note 2.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Senart, Essai sur la légende du Bouddha... introduction, p. XVII.

скаго проф. Биля. Биль, между прочимъ, по словамъ Сенара, говорить слѣдующее по интересующему насъ вопросу: Fo—ren—hing—king Станислава Жюльена, родъ стихотворной Лалиты-Вистары, содержащей вмѣсто двадцати семи главъ тридцать одну главу, есть просто—на просто только переводъ Буддасариты ¹⁾. Кроме того, говорить тотъ же упомянутый нами французскій ученый Сенаръ, употребленіе у Китайцевъ одинаковаго названія для различныхъ трудовъ совсѣмъ подрываетъ довѣріе къ идущимъ съ ихъ стороны библиографическимъ даннымъ относительно интересующей насъ книги ²⁾. Точно такой же неблагоприятный отзывъ о китайскихъ переводахъ буддійскихъ книгъ даетъ и Д. П. Шантени-де-ля Соссей; по его словамъ, они сильно отличаются отъ извѣстныхъ намъ санскритскихъ и палийскихъ книгъ, такъ что „почти всѣ безъ исключенія указываютъ на происхожденіе ихъ отъ неизвѣстныхъ намъ оригиналовъ, или на несходныя редакціи послѣднихъ“ ³⁾. По поводу китайскихъ переводовъ жизни Будды съ увѣренностью, по мнѣнію Сенара, можно сказать только слѣдующее. Самымъ древнѣйшимъ изъ тѣхъ китайскихъ переводовъ, какими мы владѣемъ теперь, является Pou-yao-king въ 30 главъ и 8 книгъ ⁴⁾—второй по указанію Станислава Жюльена; датируется онъ у этого ученаго 308 г. по Р. Хр. ⁵⁾.

¹⁾ Ibidem., p. note 6. См. относительно Буддасариты у Burnoufa въ его Introduction à l'histoire... p. 556).

²⁾ Senart упомянутый уже трудъ pp. XVII—XVIII.

³⁾ „Иллюстрированная исторія религіи“, 7. 2. Москва 1899 г. См. стр. 78.

⁴⁾ Senart. „Essai sur la légende du Boudda... introduction, p. XVIII.

⁵⁾ Вотъ ея содержаніе или, стріе, омавленіе. Въ немъ, какъ уже сказано было, 8 книгъ и 30 главъ; говорится въ нихъ слѣдующее: книга 1-я, глава 1-я: разговоры о происхожденіи Бодизаттвы; глава 2-я: пути закона, глава 3-я: подъ какою формою Будда сойдетъ въ міръ; книга 2-я, глава 4-я: его оштеніе съ неба и его пребываніе въ вѣдрахъ своей матери; глава 5-я: время его рожденія, 32 предзнаменованія. Книга 3-я, глава 6-я: посѣщеніе храма; глава 7-я: урокъ письма; глава 8-я: онъ сидитъ подъ деревомъ и взираетъ на пахоту; глава 9-я: царь ищетъ жену для царевича; глава 10-я: испытаніе въ искусствѣ. Книга 4-я глава 11-я: четыре прогулки; глава 12-я: уходъ изъ дворца; глава 13-я: бѣгство. Книга 5-я, глава 14-я: три иновѣрныхъ школы; глава 15-я: шесть лѣтъ подвиговъ; глава 16-я: Нагъ Каза. Книга 6-я, глава 17-я: онъ дѣлаетъ вызовъ демону; глава 18-я: онъ побѣждаетъ демона; глава 19-я: онъ достигаетъ состоянія Бодхи; глава 20-я: поздравленія боговъ. Книга 7-я, глава 21-я: онъ погружается въ созерцаніе; глава 22-я: появленіе четырехъ Махараджовъ; глава 23-я: Брама уговариваетъ его проповѣдывать законъ; глава 24-я: обращеніе пяти учениковъ, Dharmasakrapravartana; глава 25-я: восемнадцать обращеніе

Насколько можно судить по оглавленію *Pou-yao-King*—эта книга, говоритъ Сенаръ, въ общемъ близко подходитъ къ Лалитъ-Вистаръ, но сходна съ нею только по существу своего содержанія, видѣть же въ ней буквальное воспроизведеніе Лалиты-Вистары совсѣмъ нельзя; китайская версія жизнеописанія Будды, какъ видно, длиннѣе санскритской редакціи Лалиты-Вистары, и это-то обстоятельство, говоритъ Сенаръ, и даетъ основаніе считать ее, по отношенію къ санскритской Лалитъ-Вистаръ, совершенно постороннимъ произведеніемъ¹⁾.

Итакъ, не помогаютъ нисколько Фуко, какъ мы видимъ это сейчасъ, и китайскіе переводы. Ссылка его на первый изъ нихъ—*Fo-rop-hing-King*, относимый Фуко къ 76 г. по X. Хр., не имѣетъ никакого значенія; такъ какъ переводъ этотъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, утерянъ и судить теперь о его сходствѣ съ Лалитой-Вистарой совсѣмъ нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе еще, что нѣкоторые считаютъ его за переводъ не Лалиты-Вистары, а Буддасариты. Остальные же переводы—второй, третій и четвертый, какъ поздно появившіеся, не могутъ помочь Фуко, такъ какъ дата раняго изъ нихъ восходитъ самое большее только къ началу четвертаго столѣтія по Р. Хр., да къ тому же еще этотъ переводъ и считается нѣкоторыми, по отношенію къ Лалитъ-Вистаръ, произведеніемъ совершенно постороннимъ. Остается, слѣдовательно, только два перевода—третій и четвертый, изъ которыхъ первый датируется 652—676 г.г. по Р. Хр., а второй вѣроятно, еще новѣе. Понятно, что для отстаиваемаго взгляда г. Фуко эти переводы не имѣютъ никакого значенія.—Въ силу всего сказаннаго значеніе китайскихъ переводовъ Лалиты-Вистары въ интересующемъ насъ дѣлѣ совсѣмъ падаетъ. Они не уясняютъ намъ вопроса и нисколько не проливаютъ свѣта на древность санскритскаго оригинала Лалиты-Вистары, относительно котораго, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, „съ увѣренностью нельзя сказать ничего положительнаго“²⁾. Рись-Дэвидсъ же относительно санскритской версіи Лалиты-Вистары

нѣй. Книга 8-я, глава 26-я: Будда идетъ въ Магаду; глава 27-я: обращеніе Сарипутры и Модгаліайны; глава 28-я: *Udāyin*; глава 29-я: смерть Будды, глава 30-я: заключеніе. Senart. *Essai sur la légende du Bouddha*, introduction, p. XVIII, note 1.

¹⁾ *Ibidem*.

²⁾ См. въ „Вѣрѣ и Разумѣ“ за 1887 г., т. 1-й, часть 1-ая, стр. 252 въ статьѣ свещ. Балановскаго „Буддаискіи легенды и Евангеліе“ ссылка на R. Mitra.

ри выражается слѣдующимъ образомъ: „трудно опредѣлить, говоритъ онъ, насколько нынѣшняя форма санскритскаго сочиненія старѣе“ (тибетскаго) перевода, относимаго Фуко къ 6 столѣтію по Р. Хр. ¹⁾). Нѣкоторые же ученые доходятъ до того, что не считаютъ даже возможнымъ положительно сказать, какой текстъ—санскритскій или тибетскій—надо принимать за первоначальный ²⁾).

Итакъ, мы не можемъ съ достовѣрностью опредѣлить времени появленія Лалиты-Вистары въ ея настоящей редакціи. Разность въ опредѣленіи ея возраста доходитъ до нѣсколькихъ сотенъ лѣтъ—обстоятельство вполне достаточное для того, чтобы отнестись къ свѣдѣніямъ такой книги съ совершенно законнымъ недоувѣріемъ. Въ силу же всего вышесказаннаго мы и не можемъ принять мнѣнія г. Фуко, относящаго настоящую редакцію Лалиты-Вистары къ буддійскому собору, бывшему при Кашмирскомъ царѣ Канишки.

Гораздо правдоподобнѣе, думается намъ, судьбу Лалиты-Вистары представлять приблизительно въ такомъ видѣ, руководствуясь при этомъ свѣдѣніями, заимствованными изъ разнаго рода источниковъ. Какъ извѣстно, самыя раннія указанія относятся Лалиту-Вистару ко времени третьяго буддійскаго собора. Эта самая древняя дата появленія книги ³⁾); самую же позднюю нельзя отодвигать далѣе шестого столѣтія по Р. Хр. время появленія тибетской версіи Лалиты-Вистары, до буквальной сходимости съ санскритской редакціей. Вотъ пограничные столбы, далѣе которыхъ никакъ нельзя отодвигать время появленія Лалиты-Вистары, какого-бы взгляда мы ни держались

¹⁾ См. „Буддизмъ“ Ризъ-Девидса, перев. Гюнсбурга, стр. 14.

²⁾ См. указанную уже выше статью свящ. Балановскаго въ „Вѣрѣ и Разумѣ“ за 1887 г., стр. 252.

³⁾ Какъ, однако, надо съ осторожностью относиться къ этой датѣ видно ужъ изъ того, что самая эпоха царствованія Канишки учеными опредѣляется далеко неодинаково, разница между ними доходитъ до цѣлаго столѣтія. Такъ одни время востшествія Канишки на престолъ относятъ къ концу послѣдняго столѣтія до Р. Хр., а смерть его—къ 18—33 гг. по Р. Хр. (См. въ *Journal Asiatique* 9 serie, t. 9, janvier-fevrier 1897, статью „Notes sur les Indo-Scythes, par M. Sylvain-Lévi, отд. III. Saint Thomas, Çondopharés et Mazgeo. pp. 5—42); другіе же наоборотъ, отставляютъ болѣе позднюю дату; помѣщаютъ именно эпоху царствованія Канишки къ концу перваго и къ началу втораго столѣтія нашей эры. (См. по этому вопросу статью въ *Journal Asiatique*, 9 serie, t. X—Juill et—Août, 1897. „Les Indo-Scythes et l'époque du regne du Kanichka par M. Ed. Specht, pp. 152—193.

на неё. Возможно, что объ даты вѣрны, и что лица, отстаивающія ту или другую изъ нихъ, одинаково правы, какъ это ни покажется страннымъ на первый взглядъ. Все дѣло сводится здѣсь къ тому, что въ разныя эпохи могли появиться и разныя редакціи Лалиты-Вистары; во время Канишки появилась одна, а въ шестомъ столѣтіи по Р. Хр.—другая, и эта-то послѣдняя редакція—замѣтимъ кстати—и извѣстна намъ теперь. Ничего невѣроятнаго и неправдоподобнаго въ такомъ предположеніи нѣтъ. Вѣдь, если первоначальный составъ буддійскаго канона намъ неизвѣстенъ, то тѣмъ болѣе, понятно, неизвѣстно и подробное содержаніе книгъ его составляющихъ, а это обстоятельство еще болѣе сообщаетъ вѣроятность высказанному нами предположенію относительно судьбы Лалиты-Вистары. Принимая же во вниманіе психологическую причину, указанную г. Фуко—именно воплѣть естественное и такъ понятное желаніе вѣрующихъ буддистовъ знать жизнь своего учителя, все-таки должны допустить, что свѣдѣнія о жизни Будды были; мы и допускаемъ это и признаемъ существованіе общаго сырого біографическаго матеріала, въ видѣ воспоминаній о Буддѣ; мы даже соглашаемся вмѣстѣ съ буддистами, что эти свѣдѣнія были рассмотрѣны на соборѣ при Канишкѣ и были объединены въ одномъ трудѣ, въ Лалитѣ-Вистарѣ, которая могла передаваться и изустнымъ путемъ, такъ какъ относительно письменности у буддистовъ того времени—существуютъ разныя мнѣнія. Одни, напр., говорятъ, что буддисты въ теченіе цѣлыхъ четырехъ столѣтій послѣ смерти Сакья-Муни пользовались однимъ только устнымъ преданіемъ¹⁾; другіе же еще рѣшительнѣе поступаютъ при этомъ и прямо заявляютъ, что письменность неизвѣстна была въ Индіи въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій послѣ Будды²⁾. Такъ или иначе, но Лалита-Вистара могла быть—допустимъ, что въ

¹⁾ См. „Ламаизмъ въ Тибетѣ, его исторія, ученіе и учрежденія. Опытъ историко-миссіонерскаго изслѣдованія свѣщ. Іоанна Попова. Казань. 1898 г., стр. 93, гдѣ авторъ ссылается на Кёппена и Зильбернагла.

²⁾ В. Васильевъ. „Буддизмъ, его догматы, исторія и литература, часть 1-ая С.-Петербург. 1857 г. стр. 26. См. еще статью того же автора въ „Восточныхъ замѣткахъ“ (сборникъ статей и изслѣдованій профессоромъ и преподават. факул. Восточ. языковъ Петерб. Унив. (СПб. 1895).—„Буддизмъ въ полномъ развитіи по Винаямъ“, здѣсь авторъ высказываетъ ту мысль, что книги буддизма и то не всѣ появились не ранѣе 3-го или 4-го вѣка нашей эры; см. стр. 7.

устной передачѣ—ко времени Канишки. Вопросъ теперь только въ томъ, въ какомъ видѣ Лалита-Вистара могла быть включена въ буддійскій канонъ на этомъ соборѣ? Прямое рѣшеніе этого вопроса было-бы чрезвычайно важно для насъ, но къ несчастью, оно, кажется, совсѣмъ недостижимо.

Мы постараемся инымъ путемъ подойти къ этой трудной задачѣ и, если не рѣшить ее, то все-таки отмѣтить то направленіе, въ какомъ она не должна быть никакъ рѣшаема.— Какъ было указано выше, мы не можемъ утвердительно сказать, въ какомъ видѣ была включена Лалита-Вистара на соборѣ при Канишкѣ, но за то мы имѣемъ твердое основаніе полагать, что нынѣшняя редакція ея не схожа съ нею. Достаточнымъ основаніемъ для такого заявленія будетъ служить мнѣніе французскаго ученаго Э. Сенара, смотрящаго на Лалиту-Вистару какъ на книгу, легко доступную для разнообразныхъ вставокъ ¹⁾. Можно также еще указать на Feer'a, который говоритъ относительно Лалиты-Вистары слѣдующее: „это грудъ сравнительно новый по формѣ, подъ которою онъ дошелъ до насъ; но онъ несомнѣнно содержитъ въ себѣ очень древніе отрывки“. По Feer'у, Лалита-Вистара—„это продуктъ послѣдовательныхъ передѣлокъ первоначальнаго труда“ ²⁾. Вотъ въ промежуткѣ указанныхъ нами датъ—между эпохою царя Канишки и VI вѣкомъ и сложилась Лалита-Вистара; въ шестомъ же вѣкѣ по Р. Хр. она и приняла видъ извѣстной намъ теперь версiи.

Такая исторія книги, по нашему мнѣнію, очень правдоподобна и при томъ вполне согласна съ эклектическимъ духомъ буддизма, на который, едва ли могъ наложить свое veto соборъ Канишки, такъ какъ то же религиозное сознаніе вѣрующихъ буддистовъ, какое дѣйствовало на этомъ соборѣ, еще ранѣе, на второмъ именно буддійскомъ соборѣ, возвело этотъ эклектизмъ въ прямой догматъ. И едва ли—повторяемъ мы свою мысль еще разъ—заправилы собора при Канишкѣ могли измѣнить мудрому и предусмотрительному завѣту своихъ предшественниковъ—завѣту, выразившемуся въ слѣдующемъ классическомъ правилѣ: „все, что соглаено съ здравымъ смысломъ,

¹⁾ Senart. Essai sur la légende du Bouddha... introduction, p. XXXI.

²⁾ См. Journal Asiatique, 6 série, t. VIII, 1866. Etudes bouddhiques; des premiers essais de predication du Bouddha Çakyamuni par. M. Leon Feer. 91. p.

или говоря вообще—съ обстоятельствами, то какъ согласное съ истиной и должно быть принято за руководство, то только и могъ преподавать учитель Будда¹⁾.

Другая не менѣ важная сторона въ интересующемъ насъ дѣлѣ—это вопросъ о личности писателя Лалиты-Вистары; важно вообще съ достовѣрностью знать, кто былъ авторомъ Лалиты-Вистары, такъ какъ одно это обстоятельство можетъ служить—а иногда дѣйствительно и служить—очень серьезнымъ подспорьемъ въ рѣшеніи различнаго рода возникающихъ трудностей. Если бы напр., было бы доказано, что писателемъ Лалиты-Вистары былъ непосредственный ученикъ, а, слѣдовательно, и современникъ Будды, то показанію такого лица нельзя было-бы не придавать важности, какъ современнику, а иногда, быть можетъ даже, и очевидцу описываемаго имъ событія, хотя правду надо сказать, что всѣ почти событія Лалиты-Вистары, какъ по своему характеру, такъ и по времени и мѣсту своего происшествія, и недоступны были наблюденію современниковъ; но все-таки авторство ученика и современника Будды могло бы имѣть значеніе. Вѣдь, для исторіи Господа Нашего Иисуса Христа, съ которою обыкновенно сравниваютъ буддійскія легенды, чрезвычайно важно—по крайней мѣрѣ для опроверженія нѣкоторыхъ возраженій—что писателями каноническихъ нашихъ евангелій были лица, находившіяся въ непосредственныхъ сношеніяхъ то съ Самимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ, то съ Его учениками и Его родственниками. Вѣдь, напр., когда заходитъ рѣчь о томъ,

1) Васильевъ, Буддизмъ его догматы, исторія и литература, часть 1 стр. 18—19; „Ламаизмъ въ Тибетѣ“... свят. І. Попова, стр. 96. Этотъ духъ эклектизма не исчезъ изъ сознанія вѣрующихъ буддистовъ даже и въ настоящее время. Въ подтвержденіе этого, можно указать на слѣдующій фактъ, приводимый г. Guimet во второмъ томѣ своихъ „Promenades Japonaises“. Когда я спросилъ, пишетъ г. Guimet, у одного японскаго бонзы, почему буддизмъ такъ легко слился со всѣми вѣрованіями тѣхъ народовъ, у которыхъ онъ былъ введенъ, тотъ отвѣтилъ мнѣ: буддизмъ принимаетъ отъ другихъ вѣрованій все, что въ нихъ есть хорошаго, потому что это хорошее всегда идетъ отъ Будды. У другихъ мы часто находимъ больше истинн., чемъ у себя; но—повторилъ бонза—все, что ни есть хорошаго, своимъ происхожденіемъ обязано „святому сердцу Будды“. См. у L. De Milloué въ его *Bouddhisme, son histoire, ses dogmes, son extension et son influence sur les peuples chez lesquels il s'est répandu*. Lion. 1882. pp. 22—23. Надо думать, что и члены собора при Каншикѣ были проникнуты тѣмъ же духомъ эклектизма, который, какъ видно изъ только что приведеннаго факта, не исчезаетъ и съ перекочевкою буддизма изъ своей родины въ другіе, часто очень далекіе, края.

какъ Евангелисты могли знать нѣкоторыя обстоятельства изъ жизни Иисуса Христа, предшествующія Его выступленію на общественное служеніе, то тогда всякій въ правѣ указать на ихъ общеніе съ Божіей Матерью. И дѣйствительно, Пресвятая Дѣва могла хорошо познакомить учениковъ съ тѣми событіями изъ жизни Ея Божественнаго Сына, которыя были неизвѣстны имъ, и память о которыхъ, конечно, всегда жива была въ Ея матерински-любящемъ сердцѣ. Она могла рассказать, напр., Апостоламъ о благовѣщеніи, о поклоненіи пастырей, о явленіи Ангеловъ, о бѣгствѣ въ Египетъ—словомъ, о томъ, что случилось „до, во время и послѣ“ рожденія Спасителя ¹⁾. Это другой и при томъ очень надежный источникъ, откуда могли черпать свои свѣдѣнія Апостолы и Евангелисты, къ которому можно прибѣгать всегда въ томъ случаѣ, когда отказываются вѣрить въ Богодуховенность ихъ писаній.

Итакъ, кто же былъ писателемъ Лалиты-Вистары? Авторомъ этой книги, какъ входящей въ составъ второго класса Трипитаки—*Sutra—Pitaka*, считается Ананда, но онъ не авторъ этихъ книгъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, а лишь только изустный передатчикъ словъ самого Будды ²⁾. Такимъ образомъ, Анандѣ, ученику и двоюродному брату Будды, приписывается передача Лалиты-Вистары ³⁾. Это очень гуманная личность въ буддизмѣ, отличающаяся особенною мягостью души; жизнь его украшена многочисленными легендами, повторять или перечислять которыя здѣсь совсѣмъ не къ чему. Для насъ гораздо важнѣе въ данное время разобраться въ вопросѣ объ „авторствѣ“ Ананды.

Заранѣе, конечно, можно догадаться на основаніи предше-

¹⁾ См. Прот. Т. Буткевича „Жизнь Господа Нашего Иисуса Христа“. Опытъ историко-критическаго изложенія евангельской исторіи. Москва 1883 г. стр. 171—191. Сравн. также привед. у него въ примѣчаніи № 62 на стр. 140 слова Люке, относящіяся къ данному вопросу. См. еще „Дѣтство Господа Нашего Иисуса Христа и Его Предтечи по Ев. свв. Ап. Матѳея и Луки. Историко-эзегетическое изслѣдованіе М. Богословскаго. Казань. 1893 г., стр. 99—113.

²⁾ „Ламаизмъ въ Тибетѣ“... свящ. І. Попова, стр. 88—91.

³⁾ *Lalitavistara*. p. 2, note 4 et appendice II, p. 417. Burnouf. *Introduction à l'histoire du Bouddhisme...* pp. 45, 578; Augustin Choboseau. *Essai sur la philosophie bouddhique...* p. 93; C. Schoebel. *Le Bouddha et le bouddhisme*, pp. 37—39; Saint-Hilaire. *Le Bouddha et sa religion...* pp. 48, 80, 272—273, 338—339 et Appendice № II, pp. 424—428; И. А. Подгорбунскій. „Буддизмъ, его исторія и основ. положенія его ученія, выпускъ 1-й. Иркутскъ. 1900, стр. 33, 36 и др.

ствующихъ замѣчаній о времени появленія Лалиты-Вистары, что довѣрятъ буддійскимъ сказаніямъ объ Анандѣ, какъ авторѣ интересующей насъ книги, совсѣмъ нѣтъ возможности. Извѣстную намъ Лалиту-Вистару не могъ написать Ананда; это очевидно само собою уже изъ представленной нами выше исторіи названной книги. Если же мы припомнимъ еще, уже разъ приведенное нами увѣреніе проф. Васильева, говорящаго, что письмо неизвѣстно было въ Индіи въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій послѣ появленія Будды, то вопросъ объ авторствѣ Ананды падетъ самъ собою ¹⁾. Для большей основательности отстаиваемого нами мнѣнія мы сошлемся еще на взгляды Рись-Дэвидса и Сентъ-Илера, категорически высказывающихся противъ авторства Ананды ²⁾; намъ думается, что авторитета этихъ ученыхъ вполне достаточно будетъ для того, что-бы разъ навсегда покончить съ даннымъ вопросомъ.

Итакъ, мы не знаемъ точно времени появленія Лалиты-Вистары; это одно; другое—мы не знаемъ также и личности, написавшей или составившей эту книгу. Такіе выводы очень важны для насъ; они даютъ намъ возможность яснѣе разобратъ въ дѣлѣ, а самое главное—они въ должномъ свѣтѣ выставляютъ намъ Лалиту-Вистару, какъ біографію Будды Сакья-Муни. Въ самомъ дѣлѣ, если—возвращаемся къ только что покинутому нами вопросу объ авторствѣ Ананды—если отвергнуть о немъ буддійское сказаніе,—а это и должны мы сдѣлать въ силу вышеизложенныхъ причинъ,—то тогда придется принять или мнѣніе проф. Рись-Дэвидса, считающаго авторомъ ея неизвѣстнаго буддійскаго поэта ³⁾, или же вмѣстѣ съ другими учеными принимать Лалиту-Вистару, какъ самый яркій образецъ легенды, за произведеніе коллективнаго религіознаго творчества Индійскаго народа ⁴⁾.

Такой взглядъ на Лалиту-Вистару нисколько не долженъ удивлять насъ. Историческая цѣнность этой книги не особенно велика и, пожалуй, кромѣ простого указанія на фактъ суще-

¹⁾ Васильевъ. Буддизмъ... стр. 19—20, 26 срав. „Буддизмъ“ Рись-Дэвидса, перев. Гюнсбурга, стр. 12.

²⁾ Келлогъ. Буддизмъ и христіанство... стр. 30 и Saint-Hilaire. Le Bouddha et sa religion. p. 56.

³⁾ Келлогъ. Цитир. уже трудъ, стр. 30.

⁴⁾ Мишаевъ: Буддизмъ. т. 1-й вып. 1-й pp. 3—7. Снеси цитир. уже трудъ. V. Poussin, Bouddhisme. pp. 34, 35, 36, 37, 66—67.

ствованія Будды вообще, въ ней другихъ исторически вѣр-ныхъ свѣдѣній и нѣтъ. Не даромъ же нѣкоторые ученые такъ рѣзко о ней и отзываются. „По нашему взгляду, говорить, напр., М. Мюллеръ, исторіографъ не можетъ пользоваться Лалитою-Вистарою, какъ документомъ въ пользу какого-нибудь историческаго факта, но только какъ иллюстраціей для той вѣры, которая была распространеною во время, когда была написана эта книга“¹⁾... „Легенды Лалиты-Вистары, пишетъ другой ученый—проф. В. Пуссенъ, не даютъ матеріала исторической критики: одинъ мифологъ можетъ объяснять ихъ“²⁾. Французскій же ученый Э. Сенаръ, разбирая легенды о Буддѣ и имѣя главнымъ образомъ въ виду Лалиту-Вистару³⁾, пришелъ къ такому заключенію, что всѣ онѣ возникли изъ солярнаго мифа⁴⁾. Впрочемъ, Сенаръ, такъ же какъ и другіе ученые, допускаетъ все-таки, что въ основѣ легендъ о Буддѣ есть доля исторической истины. Онъ, напр., прямо даже говорить, что буддизмъ, какъ и всѣ другія религіозныя системы, имѣлъ своего основателя и что заподозривать или опровергать существованія Будды совсѣмъ даже и не входило въ его задачи при составленіи книги⁵⁾. Сенаръ только старался показать и доказать, что на личность Будды перенесены черты солярнаго мифа, „вплетенныя, по выраженію проф. Минаева, въ канву первичныхъ разсказовъ о жизни аскета и мыслителя“⁶⁾.

1) См. цитир. уже стат. свящ. Балановскаго. „Вѣра и Разумъ“ 1887 г., т. I, ч. 1-я, р. 253.

2) Цитир. уже трудъ V. Roussin'a. Bouddhisme. р. 18. Срав. „Буддизмъ“ проф. Ризъ-Дэвидса, перев. М. Гюнсбурга, р. 14 и другой трудъ того же ученаго — „Буддизмъ“, перев. подъ редак. проф. С. Ф. Ольденбурга, изд. О. Н. Половой. 1899 г. стр. 45—46. См. еще „Иллюстриров. исторію религіи“ Шамтени-де-ля-Соссей, т. II. Москва 1899 г. р. 77. Гер. Ольденберга „Будда, его жизнь, ученіе и община“, перев. П. Николаева. Москва 1898 г. pp. 77—100.

3) Senart. Essai sur la legend. du Bouddha... р. XVI—XVII.

4) Ibid. conclusion, pp. 431—440. См. также о теоріи Сенара указаніе и изложеніе у Ризъ-Дэвидса въ его „Буддизмъ“, перев. Гюнсбурга р. 179.

5) Senart, упомян. трудъ, conclusion, pp. 441—442, срав. „Le Bouddha, sa vie et sa doctrine. Essai d'histoire des religions par Eugène Virieux. Paris 1884, pp. 47—48, Saint-Hilaire... (Le Bouddha et sa religion) pp. 46—47, 60. См. еще „Буддизмъ въ историческомъ, теоретическомъ и популярно-народномъ отношеніяхъ. Три чтенія о буддизмѣ Э. Этеля, перев. съ англійскаго свящ. И. Подгорбунскаго въ „Иркутскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ“ за 1896 г. №№ 18 и 19, р. 434; „Таманизмъ въ Тибетѣ“... свящ. I. Попова. р. 38.

6) Минаевъ. Буддизмъ, т. I. выпускъ 1-й р. 7. Если даже и не раздѣлять все-

Итакъ, многіе ученые смотрять на Лалиту-Вистару какъ на книгу, незаслуживающую довѣрія въ области исторіи. А что такой взглядъ ученыхъ относительно Лалиты-Вистары вполнѣ справедливъ и нисколько не грѣшитъ преувеличиваніемъ, мы постараемся показать это болѣе очевиднымъ способомъ.

Мы оставимъ въ сторонѣ рассказы Лалиты-Вистары о пребываніи Будды въ небѣ Тушита, о его нисхожденіи въ утробу матери подъ видомъ бѣлаго слона, о его рожденіи и прочіе сказочные вымыслы, составляющіе содержаніе книги. Мы остановимся только на такомъ событіи, относительно котораго скорѣе всего можно было-бы ожидать, что оно справедливо и что при его описаніи Лалита-Вистара не должна была-бы „лгать“. Мы имѣемъ въ виду рассказъ ея о мѣстѣ первой проповѣди Будды Сакья-Муни.

Мы воспользуемся при этомъ работою г. Feer'a, въ которой онъ превосходно разобралъ данный вопросъ¹⁾.

Свящ. І. Трофимовъ.

(Продолженіе будетъ).

цѣло взгляда Сенара на исторію Будды, то все-таки надо признать, что Сенару удалось очень обстоятельно доказать, какъ замѣчаетъ справедливо по этому поводу Ольденбергъ (Будда, его жизнь, ученіе и община, перев. П. Николаева, р. 90, примѣч. № 1-й), заимствованія буддѣйской легенды во многихъ случаяхъ „изъ запаса древнихъ народныхъ сказаній“.

¹⁾ Трудъ г. Feer'a помѣщенъ въ Journal Asiatique (6 série, t. 8. 1886). Etudes bouddhiques. Гер. Ольденбергъ (р. 125, примѣч. № 1-й. Будда... перев. со 2-го изд. П. Николаева. Москва 1898 г.) назвалъ работу Feer'a неудачною, но такое мнѣніе почтеннаго знатока буддизма не справедливо. Такъ, прежде всего, Ольденбергъ и самъ допускаетъ возможность замалчиванія первыхъ неудачъ Будды. „Очень возможно, конечно,—говоритъ онъ,—что традиція умалчиваетъ о прелествующихъ („первой“ проповѣди) тщетныхъ попыткахъ Будды пріобрѣсти себѣ учениковъ“. Значить, по существу дѣла почтенный знатокъ буддизма вполнѣ согласенъ съ Feer'омъ, но вся суть только въ томъ, что Ольденбергъ не желаетъ видѣть въ преданіи слѣды подобныхъ неудачъ Будды. Но самое отстранянье Ольденбергомъ запутанности маршрута побѣдоноснаго шествія Будды съ своею проповѣдью—шествія, о которомъ говоритъ Лалита-Вистара, его, такъ сказать, узаконеніе этой запутанности и сбивчивости буддѣйской традиціи еще болѣе усиливаетъ вѣроятность опровергаемаго имъ мнѣнія г. Feer'a о возможности найти въ преданіи слѣды или намеки на первыя неудачи Будды въ его проповѣднической дѣятельности. Впрочемъ, читатель самъ внослѣдствіи можетъ судить о томъ, кто правъ изъ двухъ ученыхъ. Во всякомъ же случаѣ, думается намъ, мы всегда должны дать предпочтеніе попыткѣ объяснить существующую и бросающуюся въ глаза запутанность по извѣстному вопросу простому узаконенію этой самой запутанности.

О причинахъ, создавшихъ нынѣшнее положеніе дѣла воспитанія нашего молодого поколѣнія, и о средствахъ для выхода изъ этого положенія ¹⁾.

Вопросъ этотъ чрезвычайно важный, подсказываемый чрезвычайными обстоятельствами времени, вопросъ самый дорогой, священный и близко касающійся насущнѣйшихъ интересовъ общества и, въ частности, отдѣльныхъ единицъ его—семей.

Въ послѣднее время мы были свидѣтелями движенія среди нашей учащейся молодежи. Въ видѣ результата этого движенія явились сотни исковерканныхъ, а то и загубленныхъ молодыхъ жизней, тревожное состояніе общества, скорбь и стоны отцовъ, слезы бѣдныхъ матерей и, что всего досаднѣе и при-скорбнѣе, злорадный, сатанинскій смѣхъ недруговъ нашихъ, нашего общественнаго и государственнаго строя.

Кто виновникъ несчастія нашей молодежи, нашей тревоги, родительскихъ стонровъ и воплей? Чтобы найти надлежащій отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы просимъ читателя сдѣлать съ нами совмѣстную маленькую экскурсію въ область движенія общественной мысли въ Россіи, начиная 60-ми годами минувшаго столѣтія.

Въ моментъ наивысшаго подъема духа въ русскомъ обществѣ, духа благородно-гуманнаго и величаваго, въ царство-

¹⁾ Печатаемая на эту тему статья представляетъ собою рѣчь инспектора Елатеринбургской гимназіи С. Н. Бехъ, произнесенную имъ—на торжественномъ актѣ въ гимназіи 22 октября 1902 г. Находя многія, высказываемыя въ этой рѣчи, сужденія очень цѣнными для нашего времени, редакция, съ согласія автора, печатаетъ ее лишь съ самыми незначительными измѣненіями. *Ред.*

ваніе Царя-Освободителя, обезсмертившаго свой царскій вѣнецъ славы дарованіемъ своему народу величайшихъ реформъ, которыя имѣли цѣлью поворотить и направить жизнь народную по исконному ея руслу, въ этотъ именно великій моментъ обозначается чуждое кореннымъ основамъ русской жизни, мутное и мутящее теченіе мысли въ извѣстной части русскаго интеллигентнаго общества, мысли не въ русской головѣ родившейся и не изъ русскаго сердца исходившей. Прекрасно понимая, чѣмъ жива и крѣпка Россія, чѣмъ опредѣляется ея исконное существо и что составляетъ ея историческіе завѣты, врагъ Россіи пускается въ атаку противъ коренныхъ основъ русской исторической жизни. Чувствуя и понимая, что православіе и самодержавіе составляютъ, по прекрасному выраженію Бѣлинскаго, *душу* русскаго народа и русскаго государства, нашъ врагъ грубо и святотатственно устремляется противъ этой души, повсюду разставляя сѣти для ея уловленія и истребленія. Русскій міръ оглашается проповѣдью о томъ, что Бога нѣтъ, что человѣкъ не вѣнецъ Божьяго творенія, а прямой потомокъ обезьяны; что вѣра—человѣческій предразсудокъ, придуманный для удовлетворенія эгоистическихъ потребностей извѣстнаго класса людей, что узмы брака, освящаемаго церковью, суть путы, придуманныя грубыми эгоистами—мужчинами для того, чтобы держать въ рабствѣ женщину и не давать ей свѣта свободы; что отцы и матери только по своей необразованности, неразвитію и вслѣдствіе тщеславія требуютъ отъ своихъ дѣтей исполненія какихъ-то глупыхъ правилъ приличія, благопристойности; что единственная главная потребность человѣка—это потребность пищи и одежды,—а пожалуй, можно признавать и другія потребности, подсказываемыя физическою природою человѣка. Все остальное, вытекающее изъ требованій природы духовной, объявлялось „вздорною потребностью“, окрещенною однимъ изъ отважнѣйшихъ представителей стихійнаго движенія 60-хъ годовъ именемъ *эстетики*. „Куда ни кинь, всюду на эстетику натыкаешься“¹⁾. Когда этою проповѣдью авторитетъ религіи, авторитетъ власти, авторитетъ родителей, нравственность семьи, эти основы об-

1) Д. Писаревъ.

щества и государства въ глазахъ значительной части молодежи были развѣнчаны и пошатнулись, то ради окончательнаго ихъ испроверженія врагъ нашей молодежи и нашей народности развязно вѣщаетъ: „молодежь должна проникнуться глубочайшимъ уваженіемъ и пламенной любовью къ распластанной лягушкѣ (образное обозначеніе естественныхъ наукъ). Тутъ-то именно, въ самой лягушкѣ, и заключается спасеніе и обновленіе русскаго народа“.

Вслѣдъ за симъ раздается и лъстачій самолюбію молодежи, и вызывающій въ ней отвагу кличъ: „прочь, отцы и матери, прочь старшіе, прочь ханжи и лицемѣры, прочь ретрограды, прочь царскіе холопы: „молодежи дорогу, молодежь впередъ!“ И ринулась молодежь бурнымъ потокомъ, захватывающимъ встрѣчавшихся ему на пути и обдававшимъ брызгами тѣхъ, кто находился въ сторонѣ его дико-стремительнаго бѣга, вырвавшимъ сына изъ объятій отца, дочь—изъ объятій матери, жену у мужа, у общества полезныхъ членовъ, у государства вѣрныхъ слугъ, всѣхъ ихъ вмѣстѣ таща съ собой на дикій пиръ, на разрушеніе существующаго общественно-государственнаго строя нашего и его коренныхъ основъ.

Неудержимый бѣгъ этого бурливаго потока, сопровождавшійся политическими убійствами въ самой дикой и безобразной формѣ, завершился событіемъ 1-го марта, заставившимъ весь міръ содрогнуться и покрывшимъ русское общество вѣчнымъ, несмываемымъ позоромъ. Послѣ этого потокъ былъ приостановленъ въ своемъ бѣгѣ, разлившись по всей обширной территоріи русской и образовавъ въ разныхъ мѣстахъ ея болота большія и меньшія, лужи большія и меньшія.

Объ этихъ болотахъ и этихъ лужахъ со стоячею, затхлою водой мы еще будемъ имѣть случай сказать нѣсколько словъ. Тутъ-же мнѣ хотѣлось-бы остановить вниманіе на одномъ знаменательномъ обстоятельстве.

Проповѣдь шестидесятниковъ, этого лагеря, породившаго цѣлую плеяду *анархическихъ и террористическихъ дѣятелей*, ратовавшихъ якобы за народное благо, не была вызвана условиями реальной общественно-государственной русской жизни; напротивъ, шла въ разрѣвъ съ народнымъ міровоззрѣніемъ,

она ему претила. Современники этого движенія прекрасно помнятъ, какъ недружелюбно относился народъ къ своимъ самозваннымъ благодѣтелямъ. Достоиню примѣчанія и слѣдующее обстоятельство. Проповѣдь нигилизма и анархизма, ратовавшая якобы за „спасеніе и обновленіе русскаго народа“, шла параллельно съ введеніемъ грандіозныхъ реформъ, имѣвшихъ своею цѣлью дѣйствительное благо русскаго народа и сулившихъ русскому государству силу и мощь непреоборимыя. Не ясно-ли повтому, что проповѣдь эта не изъ русскаго сердца исходила и не въ русскомъ умѣ она зародилась, созрѣла и дала свои печальные плоды, прибавивъ къ вѣнцу славы Царя-Освободителя вѣнецъ Царя-мученика?

Не русское происхожденіе этой проповѣди глубоко чувствовать такой недужинный человѣкъ, какъ Владиміръ Соловьевъ, который въ концѣ 70-хъ годовъ обратился къ русскому интеллигентному обществу со слѣдующими знаменательными словами: „мы, имѣющіе несчастье принадлежать къ русской интеллигенціи, которая, вмѣсто образа Божія, все продолжаетъ носить образъ и подобіе обезьяны,—мы должны-же, наконецъ, увидеть свое жалкое положеніе, должны постараться *возстановить въ себѣ русскій національный характеръ*, перестать творить себѣ кумира изъ всякой узкой и ничтожной идеи“. Для прозорливаго ума В. Соловьева не могло быть скрыто, что въ просвѣщенныхъ классахъ русскаго народа творилось что-то недоброе, что этимъ классамъ, по мѣткому выраженію одного нашего писателя и талантливаго и симпатичнаго публициста ¹⁾ „замѣнили натуральную, здравомыслящую русскую голову поддѣльною, приспособленною къ водворенію въ ней отвлеченнаго человѣка, человѣка выдуманнаго, человѣка несуществующаго въ дѣйствительности.“

„И доселѣ продолжается эта фальсификація такого существеннаго продукта, какъ человѣческая голова: „молодымъ людямъ съ очень раннихъ лѣтъ *дѣлаютъ голову*, съ такою же холодною жестокостью, какъ странствующіе акробаты уродуютъ ворованныхъ дѣтей, для балаганно-коммерческихъ цѣлей“.

¹⁾ Г. В. Величко, русск. В. іюль 1902 г.

Вѣдъ людей съ искусственными головами вполне позволительно считать украденными у матери—Россіи.

Но возвратимся къ болотамъ и лужамъ, которыя образовались отъ разлива потока, днею промчавшагося и пріостановленнаго въ своемъ бѣгѣ въ началѣ 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія.

Вода въ этихъ болотахъ и лужахъ стала съ виду спокойной и какъ-бы потерявшей свойства разрушительной стихіи. Но тутъ оправдывается пословица: „въ тихомъ омутѣ черти“. Вода отъ стоянія стала въ нихъ затхлой, эти болота и лужи наводнились міазмами, въ нихъ завелись лягушки, но лягушки *нераспластанныя*, сулившія въ 60-хъ годахъ русскому народу „спасеніе и обновленіе“, а лягушки живыя, просвѣщенныя и въ своей корректности самыя безупречныя, напѣвающія разныя космополитическіе мотивы, которыми онѣ пріятно ласкаютъ ухо своихъ слушателей. Выражаясь простымъ языкомъ, эти болота и эти лужи стали очагами заразы, которую на большіе районы свободно своимъ дыханіемъ распространяютъ лягушки, высовывая свои головы поверхъ воды и распѣвая свои пѣсни. Если въ этомъ районѣ появится свѣжая струя воздуха, способная оздоровить затхлую атмосферу, то все лягушечье царство болотъ и лужъ приходитъ въ переполохъ и дружными усиліями, не брезгая никакими средствами, старается отстранить вліяніе этой свѣжей струи, столь для него непріятной, а главное—столь для него невыгодной.

Убѣдившись въ непригодности и безуспѣшности террористическихъ дѣяній своихъ, анархическая партія вступаетъ на путь *мирной* пропаганды, поставивъ для себя задачей *разложеніе* коренныхъ началъ русской исторической жизни, разложеніе общественныхъ элементовъ, окончательное отторженіе русской интеллигенціи отъ родной почвы, къ сѣянію на русской нивѣ сѣмянъ чуждыхъ ей, органически съ нею несродныхъ и ею непріемлемыхъ. Потому-то и вырастаетъ изъ этихъ сѣмянъ одно лишь пустоколосье.

Завелись у насъ софисты, раньше на Руси невѣдомые, потому что въ то время русскій человѣкъ сердцемъ и умомъ *согласалъ* себя, крѣпко держалъ въ себѣ историческіе завѣты

русскіе, берегъ въ себѣ и для своего потомства свое исконное существо.

Теперь-же добрая часть русской интеллигенціи, оторванная отъ родной почвы или вовсе этой почвы незнающая, совершенно исключила изъ круга насущнѣйшихъ потребностей человѣческихъ потребность *самопознанія и самоопредѣленія*, содѣйствуя этимъ, сама того не подозрѣвая, успѣху проповѣди нашихъ софистовъ. Стоитъ софистамъ пустить въ ходъ абсурдную фразу, проивнесенную какимъ нибудь интеллигентомъ, подобную слѣдующей: „тѣло мое принадлежитъ Россіи, а душа Западной Европѣ“, и фраза эта, безъ опредѣленія ея внутренняго смысла и значенія, безъ вдумыванья въ ея сущность, быстро разносится въ интеллигентныхъ сферахъ, повторяется тысячами устъ и изъ ничтожнѣйшей, бессмысленной фразы возводится въ девизъ, а ея виновнику преподносится титулъ *великаго таланта* земли русской. Какимъ ироническимъ абсурдомъ, какой противоестественностью звучитъ тутъ слово *русской* (земли) и какъ оскорбительно оно для чувства истинно русскаго человѣка! Чтобы прослыть великимъ талантомъ земли *русской*, надо только отречься отъ *русской* души и воплотить въ себѣ душу западно-европейскую! А между тѣмъ этотъ абсурдъ, эта противоестественность какъ властно дѣйствуютъ и на недозрѣвшаго юношу, и на почтеннаго мужа, и на убѣленнаго сѣдиной старца. Властность этого абсурда до того сильна, что заглушаетъ въ человѣкѣ инстинктъ самосохраненія, ведетъ къ политическому самоубійству, вмѣстѣ съ тѣмъ подготавливая и очищая путь къ убійству политической самостоятельности русскаго народа. А въ этомъ и заключается конечная цѣль вождедѣній нашихъ софистовъ.

Но чтобы властное дѣйствіе ихъ проповѣди не ослабѣвало, чтобы не оживлялся природный инстинктъ у ихъ адептовъ, чтобы въ комъ нибудь изъ нихъ не воскресло чувство національное, чувство патріотическое, наши софисты, играя словомъ *человѣкъ*, убаюкиваютъ своихъ слушателей и своихъ читателей изобрѣтенною для этого фразой: „надо быть прежде всего *человѣчкомъ*, а потомъ уже русскимъ, нѣмцемъ, французомъ и проч. При этомъ тщательно маскируется истинный смыслъ

званія *человѣкъ*, чѣмъ извращается и правда логическая, и правда реальная: слово *человѣкъ* выставляется софистами какъ родовое понятіе, тогда какъ оно въ дѣйствительности есть одинъ изъ видовъ цѣлаго рода живыхъ, движущихся существъ. Поэтому и законы логики, и велѣнія правды реальной требуютъ измышленную софистами фразу перестроить такъ: надо быть прежде всего *человѣкомъ*, созданнымъ по образу и подобию Божію, одареннымъ умомъ и волею, а не быть звѣремъ свирѣпымъ, жаднымъ, не быть также представителемъ и другихъ видовъ царства животныхъ, лишенныхъ разума и воли. Затѣмъ въ естественномъ порядкѣ, *человѣкъ долженъ* быть русскимъ, нѣмцемъ, французомъ и проч. и хранить присущую каждому изъ нихъ сокровищницу духа. Объединяясь въ чувства принадлежності къ одному и тому же виду, всѣ под-виды (русскій, нѣмецъ, французъ) должны устанавливать взаимныя отношенія мѣрами и средствами, ихъ виду свойственными. Пренебрегать этими средствами и прибѣгать къ средствамъ и мѣрамъ, свойственнымъ другимъ видамъ царства животныхъ, называется *безчеловѣчностью, дикостью, звѣрствомъ* и т. п.

Но чтобы за своими космополитическими бреднями, вообще лишёнными реального смысла, обезпечить право существованія, софисты выдвигаютъ изъ своей кладовой разныя теоріи, одна другой абсурднѣе, но вышедшія изъ одного и того же источника и ведущія къ одной и той же цѣли—къ вытравленію и окончательному уничтоженію началъ, положенныхъ въ основу *человѣческихъ обществъ*.

„Въ чемъ настоящая зиждущая, животворящая сила *человѣческаго общества*, та сила, которая его организуетъ, которая, при крѣпкомъ, здоровомъ состояніи, выручаетъ людей изъ всѣхъ осложненій, бѣдствій и опасностей, и при захирѣніи которой, наоборотъ, *человѣческое общество хирѣетъ, слабѣетъ и погибаетъ*“¹⁾? Одна изъ теорій, вотъ ужъ полстолѣтія распространявшаяся въ массахъ, такъ называемая теорія „экономическаго матеріализма“ видитъ такую силу *въ эволюціи промышленности*. По этой теоріи *человѣкъ самъ по себѣ такой же нуль, въ смыслѣ самостоятельнаго источника силы, какъ лю-*

¹⁾ Г. А. Тихомировъ, „Моск. Вѣд.“ № 268.

бой атомъ природы. Онъ создается условіями накопленія и траты силы. Эти условія накопленія и потери силы выражаются въ условіяхъ *питанія*, которыя, въ свою очередь, сводятся къ *процессу производства*. Этимъ-то и создается будто бы человѣкъ, и вся его жизнь, и все его общество, котораго внутренній строй всегда таковъ, каковы техническія условія производства, и не можетъ быть инымъ. Измѣняются техническія условія производства—и рековымъ образомъ измѣняются человеческое общество, его строй, его формы власти, его нормы права и свободы“.

Эта теорія возникла, какъ противовѣсь дѣйствительности, которая свидѣтельствуетъ, что человеческое общество съ самаго того момента, когда человѣкъ почувствовалъ и созналъ свое отличие отъ остальныхъ живыхъ тварей, создается, начиная съ первичной формы общезитія (семьи), и развивается на основахъ не внѣшнихъ, а внутри человѣка пребывающихъ, на основахъ *психологическихъ*, по велѣнію души, внушившей человѣку чувство власти надъ собою какой-то высшей силы, потребность и стремленіе къ познанію которой и составляютъ сущность человеческого общества во всѣхъ стадіяхъ его развитія. Общественность покоится на началахъ нравственныхъ, а не матеріальныхъ. Отсюда и понятна ярая атака сторонниковъ экономическаго матеріализма противъ главнѣйшихъ источниковъ, создающихъ психологическую силу общества,—противъ религіи и всѣхъ ея установленій. Взаимъ создается „утилитарная этика“, вкусъ къ которой пріобрѣтается легко. „Въ результатѣ экономическіе процессы становятся могущественнѣе, а человѣкъ ничтожнѣе, вмѣстѣ-же съ нимъ хирѣетъ и общество. Такое общество охотно терпитъ явленіе, которое Шедринъ весьма мѣтко называлъ „животно—половымъ космополитизмомъ“.

Да и неудивительно: вѣдь наши софисты путемъ печати и устной проповѣди счумѣли пустить въ обращеніе принципы философіи Ницше. Этотъ одержимый страданіемъ головного мозга человѣкъ ставитъ на высокой пьедесталъ „силу лжи“ и преднамѣреннаго обмана. По Ницше, цѣль человечества—„преодолѣть себя во имя болѣе высокаго идеала. Чтобы до-

стигнуть этого, нужно развѣивать свои человѣческія страсти до алогей и въ нихъ пережить самого себя, отречься отъ себя, уничтожить себя и этимъ уготовать путь для „сверхъ-человѣка“ (Uebergensch), который такимъ образомъ является оовданиемъ *самою* *человѣка*. Стремленіе въ красотѣ „сверхъ-человѣка“ замѣняетъ прежнее стремленіе въ правдѣ и добру въ жизни“.

Усерднаго фотографа для принциповъ своей философіи нашель Ницше въ Россіи въ лицѣ Максима Горькаго, который въ своихъ картинкахъ рисуетъ „бывшихъ людей“. Сквозь призму анархическаго цинизма онъ уже видимо воображаетъ, что „сверхъ-человѣкъ“ уже народился взамѣнъ теперешняго, разившаго въ себѣ человѣческія страсти до алогей и въ нихъ пережившаго себя, отрекнагоса отъ себя, самоуничтожившаго себя, превратившись въ *навозъ*, подѣ дѣйствиємъ котораго и явился продуктъ его дѣятельности—вмѣсто прежняго человѣка—„сверхъ-человѣкъ“. Вотъ почему своихъ героевъ Максимъ Горькій величаетъ „бывшими людьми“.

Переходъ отъ беспочвенныхъ бредней космополитизма „къ животной философіи Ницше и анархическому цинизму его послѣдователя г. Максима Горькаго—есть явленіе неизбежное, требуемое, если можно такъ выразиться, логикой самой природы. Этотъ переворотъ имѣетъ свою аналогію въ растительномъ царствѣ: есть такіе цвѣты, ароматы которыхъ эмѣняется нестерпимымъ зловоніємъ, какъ только они начнутъ увядать. А можетъ ли не увядать все то, что лишено реальной почвы?¹⁾ Такими именно (беспочвенными) и являються всѣ теоріи, которыя пригвѣтають „многія головы російской интеллигенціи“.

Софисты нашего времени по своимъ замысламъ, цѣлямъ и задачамъ, представляютъ не какое-нибудь новое явленіе въ жизни человѣчества, они лишь воскрешаютъ въ своемъ лицѣ софистовъ древне-эллинскихъ: какъ тѣ, такъ и другіе обнаруживаютъ не истинную мудрость въ высокомъ значеніи этого слова, а „мудрость кажущуюся“ и избирають такую мудрость орудіємъ для преслѣдованія своихъ цѣлей и выгодъ, въ ущербъ интересамъ общества, народа. Эллинскіе софисты проповѣдывали, что естественное право—есть право сильнаго (ср. но-

¹⁾ Г. В. Велчко.

вую проповѣдь о борьбѣ за существованіе), а всѣ положительныя законы суть произвольныя постановленія разныхъ законодателей въ ихъ собственныхъ интересахъ.

Если всѣми такъ восхваляются нравственныя стихіи, на которыхъ будто-бы покоится строй человѣческаго общества, если всѣ такъ превозносятъ справедливость, то дѣлается это только потому, что масса людей находятъ въ этомъ свою выгоду. Кто-же чувствуетъ въ себѣ силу пренебрегать законами, тотъ имѣетъ на это и право. Исходя изъ такого представленія объ „естественномъ правѣ“ и изъ стремленія къ абсолютной анархіи, эллинскіе софисты возставали противъ многихъ существующихъ учрежденій, противъ всякихъ нравственныхъ основъ и обычаевъ. Всѣ авторитеты были испровергнуты и въ народное самосознаніе внесень элементъ разложенія. Это разрушительное движеніе не пощадило и религіи, отрицательное отношеніе къ которой въ концѣ концовъ выразилось въ полномъ атеизмѣ.

На защиту нравственныхъ стихій общественнаго строя выступилъ противъ софистовъ знаменитый Сократъ. Но защитникъ нравственной, отъ божества исходящей правды, былъ обвиненъ въ *непочтительномъ отношеніи къ отечественнымъ богамъ* и обвиненъ софистами, истинными разрушителями всѣхъ божескихъ установленій. Интересны слова Сократа, съ которыми онъ обратился къ афинянамъ послѣ своего обвиненія: „я не знаю, мужи афинскіе, какое впечатлѣніе произвели на васъ мои обвинители. Но что касается меня, то подъ вліяніемъ ихъ рѣчей я представлялся самъ себѣ, можно сказать, другимъ человѣкомъ, до того убѣдительно они говорили. Однако во всемъ томъ, что они говорили, почти не было правды“.

Не такъ-ли поступаютъ съ своими противниками и современные софисты, какъ поступили ихъ афинскіе коллеги съ Сократомъ? Всякое здоровое направленіе, всякій убѣжденный честный голосъ въ защиту дѣйствительныхъ общественно-народныхъ интересовъ наши софисты стараются осквернить въ глазахъ массы, изображать представителей здороваго направленія „ретроgrадами, людьми неискренними, лицемѣрами, торгизителями русскаго прогресса“, сулящаго обществу немсчис-

лимыя земныя блага, въ своемъ „мракобѣсіи“ преслѣдующими личныя интересы въ ущербъ интересамъ народнымъ; однимъ словомъ, подобно аѳинскимъ коллегамъ своимъ, свалившимъ свою собственную вину на Сократа, якобы разрушавшаго своимъ ученіемъ законы страны, и наши російскіе софисты— свою собственную вину сваливаютъ на своихъ противниковъ, уснащая свои обвинительныя рѣчи красивыми, но лишенными реального смысла фразами, вродѣ „гражданской скорби“, „вопля о меньшемъ братѣ“ и т. п. Стоитъ появиться въ печати какой-нибудь мысли, какому-нибудь проекту, несогласнымъ съ возжелѣніями и помыслами софистическаго лагеря, какъ всей строго дисциплинированной—надо отдать ей эту справедливость—арміи софистовъ отдается генералами ея приказъ къ наступленію, и—пошла софистическая трескотня по всей Россіи, ибо софисты расположили свою армію на всемъ ея обширнѣйшемъ пространствѣ, усиливая части ея въ мѣстахъ болѣе опасныхъ для себя и учреждая сторожевыя лишь посты (провинціальныя газеты и газетки) въ 5—10 человекъ, съ унтеръ-офицерами и даже капиталами во главѣ. Отъ трескотни софистической дѣлается переполохъ въ обществѣ, которое, недоумѣвая, изъ-за чего происходитъ эта оглушительная трескотня, слышитъ по адресу кого-то: „охранители, ретрограды, тормозители прогресса, мракобѣсы, эксплуататоры, кровопійцы народные“. Публика, испытывая частыя переполохи, отъ софистической трескотни, начинаетъ питать чувство неудовольствія къ „охранителямъ“, изъ-за которыхъ эта трескотня происходитъ, не желая или не имѣя досуга выяснить: дѣйствительно-ли „охранители“ являются противниками истиннаго прогресса народнаго и дѣйствительно-ли они народные кровопійцы! Такимъ образомъ наступленіе софистической арміи увѣнчивается желаннымъ успѣхомъ: въ глазахъ общества люди, крѣпко ратующіе за цѣлость этого общества и русскаго народа, являются его врагами, препятствующими ему достигнуть возможнаго благополучія; истинные же враги общества, поставившіе, въ личныхъ своихъ интересахъ, своею задачею ниспроверженіе основъ, дающихъ обществу право жить разумною и здоровою человѣческою жизнію, сообщающихъ этому обществу—крѣпость и

живучесть,—эти враги, драпируясь въ мантию „последнихъ словъ современности“, объявляются друзьями общества. Но маску долой, и предъ нами предстанутъ кровожадные и плотоядные люди—звѣри, съ нравственной стороны. Въ образѣ софистовъ предстанетъ передъ нашими взорами субстанція всеокрушающая и всеоживляющая.

Да, убѣдительно говорятъ наши г.г. софисты: подъ вліаніемъ ихъ рѣчей представляется бѣлымъ то, что вчера было чернымъ, что дѣйствительно чернымъ и есть. То распѣвая неотразимо—обольстительныя пѣсни сиренъ, то проливая крокодиловы слезы, они воздѣйствуютъ на общественную мысль мало развитыхъ людей. Отъ убѣдительной рѣчи софистовъ, отъ распѣваемыхъ ими пѣсней сиренъ и отъ ихъ крокодиловыхъ слезъ общественная мысль этихъ людей мается, воля парализуется. Подъ вліаніемъ этого народился среди нашей интеллигенціи немалочисленный сортъ людей, которые не могутъ отдать себѣ отчета въ томъ, чего именно имъ хочется; они, до мѣткому выраженію Щедрина, не могутъ уяснить себѣ: „хочется-ли имъ севрюжины, или конституціи“. Такое состояніе общества поддерживается софистами въ томъ расчетѣ, что въ мутной водѣ удобнѣе удить рыбу.

Теперь перстомъ можно указать: вотъ они, вотъ настоящіе виновники сотенъ и даже тысячъ изуродованныхъ или загубленныхъ молодыхъ жизней, виновники стоновъ и воплей родительскихъ, виновники тревожнаго состоянія общества. Но какое, спросите вы, отношеніе могутъ имѣть софисты къ дѣлу воспитанія подростовающаго поколѣнія нашего? А вотъ какое.

Нескромность и неосторожность со стороны нѣкоторыхъ софистическихъ неопитовъ дала возможность узнать слѣдующее мѣсто изъ катехизиса софистовъ: „удастся вамъ захватить въ руки школу, и тогда дѣло въ шляпѣ“. То есть: софисты считали свои корыстно разрушительныя цѣли достигнутыми, если они *по своему* поведутъ воспитаніе подростовающаго поколѣнія. (Вспомните про „распластанную лягушку“, въ которой полагалось спасеніе русскаго народа). Въ свое время это мѣсто было оглашено въ печати. Значить, планъ захвата школы созрѣлъ у софистовъ одновременно съ планомъ о испровер-

женіи общественныхъ авторитетовъ. Оня относится къ 60-мъ годамъ прошлаго столѣтія: Отсюда повятна та ожесточенная полемика между такъ называемыми классиками и реалистами, которая въ 60 годы породила объемистую литературу. Но когда софистамъ взять школу въ свои руки не удалось, тогда они поставили себѣ двойную задачу: 1) дѣлать возможно частыя вылазки противъ существующей школы и ея строя и дискредитировать школу въ глазахъ общества, и 2) вліять на подростящее поколѣніе помимо школы, чрезъ семью, а главнымъ образомъ чрезъ кружки „самообразования“.

Вотъ примѣры ихъ вылазки противъ школы. Историческій опытъ свидѣтельствуетъ, что трудъ, въ противоположность своей антагонисткѣ—праздности, этой родительницѣ всѣхъ пороковъ, есть надежный путь къ счастливой и благополучной жизни человѣка. „Безъ труда, нѣтъ плода“, говоритъ пословица. Люди труда всегда и вездѣ почитаются желанными членами общества. Одною изъ главнѣйшихъ задачъ школы есть задача—сообщить своимъ питомцамъ *привычку къ труду, къ самостоятельности*, дать имъ трудовое воспитаніе. Софисты, имѣя въ виду свои выгоды, а не счастье и благополучіе людей, стараются парализовать вліяніе школы, лишить ее возможности выработывать въ питомцахъ навыкъ къ работѣ. Вотъ потому-то и пускается ими въ обращеніе вновь изобрѣтенный и до того времени неизвѣстный терминъ *переутомленіе* учащихся. Журналы, газеты и газетки переполняются „переутомленіемъ“. Программы объявляются несоотвѣтствующими силамъ учащихся, строй школы непригоднымъ и *неприуроченнымъ къ современнымъ* требованіямъ общества, педагоги—вообще людьми безъ сердца, злобными мучителями подростящаго поколѣнія.

Столь убѣдительная проповѣдь софистовъ повліяла на отцовъ, матерей и на добрую часть интеллигентнаго общества нашего, а чрезъ нихъ и на учащееся поколѣніе. Слыша жалобы и хныканье старшихъ, поколѣніе это бралось за работу вяло, безъ вѣры въ необходимость труда для человѣка. А разъ потерялась вѣра въ необходимость спасительнаго труда, обезпечивающаго для человѣка счастье и благополучіе въ жизни, то къ праздности со всѣми ея послѣдствіями разстояніе уже не велико.

Въ средѣ учащихся не замѣчается бывалой бодрости, рвенія и соревнованія и самодѣятельности въ работѣ, а стала наблюдаться вялость и стремленіе взять тотъ или другой урокъ на прокатъ у товарища. Дѣло уже близилось къ отрицанію полезности всякой школьной науки, всякаго знанія, которое обыкновенно приобрѣтается въ школѣ. А этого только и добиваются софисты: имъ неуютны юноши съ *правильно дѣйствующимъ умомъ, съ дисциплинированной волей, съ фундаментомъ для самостоятельной работы, съ трезвымъ взглядомъ на жизнь и на назначеніе человѣка въ жизни, и неуютны потому, что такихъ юношей труднѣе уловлять софистамъ въ свои сѣти.*

О томъ, какъ вліяютъ софисты на подростующее поколѣніе чрезъ семьи и кружки „самообразованія“, расскажемъ словами нашего симпатичнаго литератора ¹⁾.

„Въ городской семьѣ ребенокъ слышитъ рѣчи, являющіяся отголоскомъ преимущественно безпочвенной и, въ большинствѣ случаевъ, противонаціональной печати. Старшіе члены семьи заняты торопливымъ добываніемъ средствъ къ жизни, либо прожитаніемъ жизни, либо копченіемъ неба. Некогда ни самостоятельно мыслить, ни систематично воспитывать дѣтей. Дай Богъ, чтобы эти послѣднія попали въ школу, переходили безъ переѣкзаменовокъ, получили дипломы и пристроились затѣмъ на службу... Семейные разговоры на общественныя темы отличаются крайнимъ и при томъ поверхностно критическимъ отношеніемъ ко всему существующему; правительство оказывается виноватымъ почти безусловно во всемъ. *Такия*-то высокія лица фрондируютъ или ведутъ свою особую политику. Печать оказывается чуть не задавленою „привиломъ“, самоуправленіе и учащаяся молодежь—тѣмъ паче. А тутъ еще какая-то латынь, какая-то хронологія! Приходится для Коли братъ репетитора, тратить деньги... Если бы „настоящая“ реформа, то можно бы и безъ репетитора обойтись. Затѣмъ, „побольше бы свободы“, нѣкоторая удача въ биржевой игрѣ,—и можно было провести лѣто въ Аббаціи, куда теперь укатилъ Иванъ Ивановичъ“. „Правда, Иванъ Ивановичъ человекъ недюжинный,

¹⁾ Цитую г. Величко, мы позволили себѣ необходимыя сокращенія, за что просимъ его извинить насъ.

настоящій американецъ: онъ нагрѣлъ казну на крупную сум му.. Бстати: какъ жаль, что „манджурка“ будетъ уже окончательно выстроена къ тому времени, когда Коля кончитъ курсъ, вообще, Колинъка, будь похожъ на Ивана Ивановича! онъ такой дѣльный, умный... и передовой: изъ газетъ онъ можетъ держать въ рукахъ только „Русскія Вѣдомости“, изъ журналовъ только чтонибудь марксистское... собирався надѣть звѣзду, чтобы поздравить Максима Горькаго... но поздравлять не пришлось.

„Годы идутъ и на смѣну отрывочнымъ впечатлѣнiямъ является нѣчто *систематическое*. Кое-кто изъ... (старшихъ), нѣсколько „передовыхъ“ товарищей, да два-три знакомыхъ студента „развивателя“ дѣлаютъ Колѣ голову. Ему даютъ хитро составленный списокъ книгъ и статей для прочтенiя: прочесть ихъ обязательно, „если онъ хочетъ быть развитымъ и свободнымъ человѣкомъ, а не обскурантомъ“... Одновременно приучаютъ Колю къ рѣзкимъ, безапелляционнымъ сужденiямъ о томъ, чего онъ не знаетъ. Писаревъ, Шелгуновъ, Михайловскiй, а въ послѣднее время великiй Максимъ Горькiй—генiальнѣйшiе, благороднѣйшiе умы, источники свѣта немеркнущаго. Пушкинъ устарѣлъ, Лермонтовъ—герой безвременья; жаль, что онъ былъ дворяниномъ и офицеромъ. Гоголь подавалъ надежды, но подъ конецъ впалъ въ религiозное помѣшательство, тѣмъ болѣе досадное, что религiя столь-же устарѣла, какъ и Пушкинъ. Вотъ Чернышевскiй—это настоящiй восторгъ! Онъ запрещенъ, но его можно достать. А потомъ Карлъ Марксъ“. Далѣе совѣтуется Колѣ остерегаться иракобѣсiа! Остерегаться признать правду зачѣмънибудь изъ того, что писали Катковъ и Аксаковъ и теперь пишутъ кн. Мещерскiй и Грингмутъ, потому что такое признанiе было бы поступкомъ нелиберальнымъ и неприличнымъ въ глазахъ людей порядочныхъ. А мнѣнiемъ этихъ людей Коля долженъ дорожить и для собственнаго блага твердо помнить, что правы только Писаревъ, Шелгуновъ, Михайловскiй, Карлъ Марксъ, Максъ Нордау, Ницше и вообще порядочные люди, а люди смотрящiе иначе, чѣмъ мы, непорядочные и производятъ ихъ имена безъ бранихъ эпитетовъ прямо неприлично; въ противномъ случаѣ всѣ передовые люди будутъ на Колю пальцами указывать, какъ на позорное явленiе.

„Годамъ къ 18-ти Коля уже думаетъ, прежде чѣмъ говорить, думаетъ не о томъ, какъ бы не погрѣшить противъ объективной истины, а о томъ, какъ бы не отступить отъ навязанной ему и терроризирующей его программы. У него въ душѣ вырастаетъ нѣчто въ родѣ пузыря съ рыбьимъ страхомъ, и этотъ новый органъ остается при немъ, большею частью на всю жизнь, превращая ее въ безпринципное, безвольное и бесплодное прозябаніе. Уста шепчуть прописныя партійныя формулы, спина гнется передъ каждымъ наглцомъ, произносящимъ ихъ болѣе громко и задорно, а личность Коли превращается въ какую-то безформенную, болѣзненно-самолюбивую слизь“.

Такъ дѣлается голова у подрастающаго поколѣнія нашего и съ такою головою оно вступаетъ въ высшія учебныя заведенія и затѣмъ въ жизнь. Тамъ, помимо вліянія и воли этихъ учебныхъ заведеній, юноша проходитъ *высшее самообразование* по программѣ софистовъ. Тамъ онъ усвоитъ себѣ идеаль политическихъ формъ жизни, формъ власти и нормы права западно-европейскаго человѣка и получаетъ внушеніе пересадить все это въ Россію якобы для блага русскаго народа, безъ соображенія и вопреки здравому смыслу о томъ, что историческое воспитаніе русскаго народа шло совершенно по другому пути, чѣмъ таковое же западныхъ народовъ, что политическія формы запада для русскаго народа не только не пригодны, но и прямо таки губельны въ смыслѣ самостоятельности его политическаго существованія. Отсюда періодически повторявшіяся обструкціи, проявлявшіяся въ столь длкой формѣ. Эти обструкціи имѣютъ значеніе военныхъ маневровъ мирнаго времени, служатъ упражненіемъ для молодежи, попавшей подъ знамена софистовъ, приучаютъ ее смотрѣть на себя какъ на пушечное мясо. Такого сорта молодежь софисты избрали орудіемъ для разложенія общественныхъ элементовъ; изъ ея же среды выбираютъ они бойцовъ, готовыхъ дѣйствовать съ оружіемъ въ рукахъ. Мастера своего дѣла наши гг. софисты: они сѣмъбли сдѣлать своей арміи изъ учащейся молодежи внушеніе, что *не усвоеніе наукъ* служатъ цѣлю поступленія въ высшее учебное заведеніе, *не исканіе истины*, столь свойственное молодому человѣку, а *отрицаніе всякой*

науки, всякой истинны во имя разложенія общественныхъ основъ, во имя безпорядковъ и смуть. Отсюда и противодѣйствіе, подѣ часть въ столь дикой формѣ высказываемое, когда другая часть молодежи не раздѣляетъ такихъ взглядовъ на науку и на отношеніе къ ней молодежи.

Сколько глубоко въ психологію общества проникло вліяніе софистовъ, какъ уменьшилось въ сознаніи общества значеніе важѣйшихъ авторитетовъ, иллюстрируемъ нѣсколькими свѣжими примѣрами. „Посоудѣйствуйте намъ, обращается инспекторъ къ матери ученика 3-го класса, внушить вашему сыну о необходимости исполненія обязанности человѣка къ Богу вообще и въ частности о томъ, что опаздываніе на поль-службы церковной, систематически практикуемое вашимъ сыномъ, есть нарушеніе этой обязанности“. *Мать.* „Бѣдный мой мальчикъ! единственный разъ въ недѣлю имѣетъ онъ возможность поспать лишній часъ и возстановить свои силенки, а его и этого лишаютъ. Суровыя у васъ требованія!“

— „Я взяла ложу на „Три мушкетера“, обращается черезъ нѣсколько дней та же мать къ инспектору: „разрѣшите взять съ собою и сына,—это вѣдь такъ рѣдко бываетъ“.

Инспекторъ. „Не только на „Три мушкетера“, но и вообще посѣщать учащимся оперетку у насъ не разрѣшается, потому что оперетка не даетъ *здоровой* пищи, ни умственной, ни нравственной, учащимся. При томъ же завтра учебный день, вашему сыну надо во время лечь спать, чтобы завтра со свѣжими силами идти въ гимназію!“

Мать. „Онъ у насъ привыкъ не досыпать. Представленіе вѣдь кончается всего лишь часовъ въ 11, много въ 12 часовъ, а когда у насъ гости, то сынъ ложится далеко за полночь. Для него это ни по чемъ“.

Балбаса такая мать; какъ ничтожны для нея интересы физическаго и нравственнаго воспитанія ея дитяти! Ради оперетки, ради гостей, сынъ, по ея мнѣнію, можетъ не досыпать, въ ущербъ своему недоразвившемуся организму; во избѣжаніе исполненія религіозныхъ обязанностей онъ долженъ поспать лишній часъ, въ ущербъ нравственному развитію! Несчастный мальчикъ! въ твоемъ умѣ и въ твоей душѣ уже посеяно тлетворное сѣмя!

— „Позвольте мнѣ сегодня сводить моего сынишку въ народный театръ, обращается другая мать.

Инспекторъ. Главная задача школы и родителей-заботиться о физическомъ и умственно-нравственномъ развитіи подросткающаго поколѣнія. Минуя уже вопросъ о пригодности для этого поколѣнія даваемыхъ пьесъ, минуя также вопросъ о томъ, что большинство современныхъ пьесъ не содержатъ въ себѣ здоровыхъ элементовъ для воспитанія, посѣщеніе театра въ учебные дни идетъ въ разрѣзъ съ указанной задачей и вотъ почему. Послѣ спектакля, оканчивающаго въ 12—1 ч., и послѣ впечатлѣнія, испытаннаго отъ спектакля, недоразвившійся организмъ требуетъ отдыха, сна. Естественно, что 5—6 часовъ для этого далеко недостаточно. Отсюда происходитъ, что, 1) добросовѣстный ученикъ проситъ маму разбудить его непременно во время, чтобы къ сроку явиться на занятія. Его разбудили, онъ, наскоро хлебнувши чаю, мчится въ школу, гдѣ въ теченіе 4—5 часовъ долженъ дѣлать надъ собою понятное для недосыпавшихъ людей усиліе, чтобы слѣдить за ходомъ уроковъ. Понятно, что все это дѣлается за счетъ молодого недоразвившагося организма и въ ущербъ его нормальному развитію. Никакая здоровая педагогика взять на себя такой грѣхъ передъ подросткающимъ поколѣніемъ не можетъ и не должна. Вотъ почему педагогическая корпорація гимназій противится посѣщенію учащимися вечернихъ спектаклей, разрѣшивъ въ интересахъ разумнаго, здороваго и несомнѣнно полезнаго развлеченія посѣщеніе дневныхъ спектаклей. Есть къ тому и другія, не менѣе важныя основанія, которыя будутъ видны изъ слѣдующаго. 2) ученикъ менѣе ретивый, не выспавшись послѣ спектакля, объявляетъ, когда его будятъ, что у него голова болитъ, или зубы, или что его тошнитъ. Обеспокоенные родители приказываютъ его не тревожить, посылаютъ за докторомъ. Выспавшись должнымъ образомъ, ученикъ встаетъ и головную боль, зубную и тошноту словно рукой сняло. Доктору приходится только констатировать, что у мальчика ничего нѣтъ и не было ничего серьезнаго. И слава Богу, что не было ничего серьезнаго въ смыслѣ физическаго здоровья. А такъ-ли обстоятъ дѣло относительно здоровья нравственнаго? Къ при-

скорбію, далеко не такъ: мальчикъ *солгалъ* родителямъ, „про-
велъ“ ихъ, солгалъ и почувствовалъ силу лжи, ибо мама на
другой день присылаетъ классному наставнику удостовѣреніе,
что ея сынъ не былъ на урокахъ по причинѣ головной боли.
И все это вышло изъ-за спектакля! Не меньшей жалости до-
стоинъ и этотъ примѣръ.

Намъ приходилось бесѣдовать недавно съ матерью этого по-
слѣдняго ученика: особа читающая, слѣдящая за движеніемъ
общественной мысли даже въ пустячныхъ ея проявленіяхъ.
Не думаю, г. инспекторъ, чтобы ваши требованія и требова-
нія вашей корпораціи отвѣчали духу времени и требованіямъ
общества, они отсылаются до—реформенностію, рутиню. Не
я одна говорю это, говорятъ и пишутъ объ этомъ и другіе.
Вотъ одна изъ здѣшнихъ газетъ по поводу вашего запреще-
нія учащимся посѣщать оперетку и другія представленія го-
ворить, что запрещенія эти, служа препятствіемъ *свободному
развитію личности*, несомнѣстимы съ здравымъ смысломъ“.

Инспекторъ. Люди давнымъ давно условились смотрѣть на ве-
щи въ настоящемъ ихъ видѣ: бѣлое называть бѣлымъ, черное
чернымъ, высокое высокимъ, низкое низкимъ. Но давно уже
въ мірѣ появилась и порода живыхъ существъ въ образѣ лю-
дей, которыя по побужденіямъ, имъ вѣдомымъ, стараются вну-
шать людямъ, что бѣлое надо называть чернымъ, черное бѣ-
лымъ, высокое низкимъ, низкое высокимъ. Точно такъ-же лю-
ди давнымъ давно установили взглядъ на свободное развитіе
личности. На установленіе этого взгляда подтолкнули людей
какъ природный, присущій веѣмъ тварямъ, инстинктъ, такъ и
требованія разума и нравственнаго закона. Разумно заботли-
вая мать и съ физической, и нравственной стороны охраняетъ
своихъ дѣтей, постепенно, шагъ за шагомъ расширяя для
нихъ районъ свободныхъ дѣйствій. Районъ этотъ увеличиваетъ
она до большихъ размѣровъ къ тому времени, когда у ея дѣ-
тей наступаетъ полный разцвѣтъ всѣхъ силъ, физическихъ и
умственныхъ. Но и послѣ этого мать остается матерью, въ
благожеланіяхъ своимъ дѣтямъ, въ молитвахъ за нихъ, пре-
достерегая ихъ отъ фальшивыхъ шаговъ въ жизни, утѣшая и
одобряя ихъ въ трудныя минуты жизни и своими совѣтами

удерживая ихъ отъ нечестной жизни, т. е., нравственно воздействуя на нихъ. Следовательно, и для свободнаго развитія личности полагаются известные предѣлы. Позволю себѣ къ словамъ: „свободнаго развитія“, прибавить: слово *разумно*, тогда получится фраза, разумно-свободнаго развитія личности.

Такого взгляда на разумно-свободное развитіе личности должна держаться всякая благоустроенная школа, должна его держаться и всякая разумно-заботливая семья. Обѣ онѣ должны расширять предѣлы самостоятельной дѣятельности по мѣрѣ роста разума и укрѣпленія воли въ питомцахъ. Отказаться же отъ выполненія такой задачи значитъ—отдать воспитаніе подрастающаго поколѣнія на произволь случая, предоставить этому поколѣнію воспитываться въ традиціяхъ улицы, чтобы оно, выйдя изъ культурнаго гнѣзда, *прогрессировало* по пути къ одичанію и озвѣрѣнію и стало бы жертвою какого-нибудь ворона или коршуна или орудіемъ въ рукахъ какого-нибудь софиста. Вѣдь этого требуете вы, сударыня, и ваши единомышленники. Вотъ это-то требованіе собственно и есть требованіе не только несомвѣстимое съ „здравымъ смысломъ“, но и заключающее въ себѣ *преступный* смыслъ, *преступную* цѣль въ отношеніи подрастающаго поколѣнія и всего общества.

Теперь вы убѣдились, сударыня, что въ наше время изъ блага хотять сдѣлать черное и наоборотъ? *Мать*. „Н-н-н-е з-на-ю“, протяжно произнесла она и мы съ нею разстались.

„У меня есть къ вамъ, г. инспекторъ, покорнѣйшая просьба“, обращается мать двухъ учениковъ, помѣщающихся въ пансіонѣ при гимназіи: „не разрѣшайте моимъ дѣтямъ ходить въ отпускъ туда-то и туда-то: тамъ дѣти распущены, предоставлены на произволь, безсовѣстно *мутъ* и обманываютъ родителей, бродятъ, когда хотять и куда хотять, и заводятъ неподходящія, даже совсѣмъ неприличныя для ихъ возраста знакомства. Я вовсе не желаю, чтобы мои сыновья бывали въ такой компаніи, вліяніе которой я уже замѣчаю. Подъ праздникъ, послѣ всенощной прошу разрѣшать имъ отпускъ только къ моей старшей сестрѣ. У нея есть свои дѣти, которыхъ она хорошо ведетъ, къ ней по праздникамъ ходятъ обѣ мои дочери-гимназистки. Вотъ тамъ всѣ они пусть и проводятъ сво-

бодное время въ кругу семьи, близкихъ людей. Пусть не отвыкаютъ отъ семьи, и ея порядковъ: вѣдь имъ тоже придется, Богъ дастъ, имѣть собственную семью, такъ пусть уже съ этихъ лѣтъ присматриваются, каковы должны быть отношенія между членами семьи. Въ балаганы и циркъ тоже прощу не пускать сыновей: ничего назидательнаго для себя тамъ они не увидятъ, ничему путному научиться не могутъ. Пусть лучше играютъ въ пансіонскомъ саду—а тамъ просторъ большой—въ мячъ, бабки, кегли и проч. съ своими товарищами“.

Вотъ это разумно-заботливая мать.

Счастливы ея дѣти, они въ горячихъ молитвахъ должны благодарить Бога за то, что Онъ послалъ имъ такую мать.

„Я хочу поговорить съ вами, г. инспекторъ, о весьма важномъ для меня дѣлѣ—только ради Бога пусть это будетъ между нами: „мой сынъ (ученикъ IV кл.) крайне меня огорчаетъ: не перекрестивши лба, садится чай пить, тоже дѣлаетъ онъ и вставая изъ за стола. На замѣчанія мои отвѣчаетъ рѣзко, что теперь это не въ модѣ, что старшеклассники такою-то учебнаго заведенія, бывшіе съ нимъ на вечерѣ у П., подняли его на смѣхъ, когда послѣ ужина онъ *по ошибкѣ* перекрестился; было тѣмъ болѣе стыдно, что тутъ были и гимназистки, которыя тоже очень смѣялись. Затѣмъ сынъ мой—замѣчаю я—подъ разными предлогами уклоняется отъ посѣщенія церкви. Ради Бога, пособите мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Хотя всѣ говорятъ, что это *несооруженно*, но мнѣ ужасно хотѣлось бы, чтобы сынъ изъ-подъ моего крова вышелъ въ жизнь съ такими же понятіями о Богѣ, о нравственности, съ какими выпустили насъ наши родители. Иначе я буду чувствовать тяжкій грѣхъ на душѣ. Потому пусть поступаетъ, какъ знаетъ самъ“.

Въ поляхъ кланяюсь этой матери. Воздадимъ ей должную дань уваженія и восхищенія за то, что среди лжи и мрака, повсюду разливаемаго нашими софистами, она сумѣла сохранить въ себѣ цѣлостность матери—христіанки, считающей ~~тяжкимъ~~ грѣхомъ выпустить изъ подъ своего крова въ міръ своего сына не христіаниномъ. Посочувствуемъ ей, что свои истинно материнскія, святые чувства она вынуждена скрывать отъ всѣхъ, зная, что они не поймутъ ея горя, не поймутъ ея

святыхъ чувствъ, а скажутъ еще: вы сами живете подъ вліяніемъ устарѣлаго предразсудка и сына такъ хотите воспитать. Это *несовременно*. Посмотрите кругомъ: кто теперь воспитываетъ своихъ дѣтей такъ, какъ вы хотите воспитать своего сына? Вы ставите препятствіе къ свободному развитію личности, а это теперь считается несовмѣстнымъ съ „здравымъ смысломъ“. Вы совершаете преступленіе, насилуя „естественныя“ склонности сына.

Не тревожься, достойная, честная мать! Не преступница ты, не преступны и твои святые чувства, знай это: ты тотъ свѣточъ, съ помощію котораго рельефно взорамъ наблюдателя представляются современные язвы, твое мѣсто въ числѣ тѣхъ праведниковъ, ради которыхъ Господь сохранить нашу страну, подобно тому какъ вѣкогда Онъ обѣщаль сохранить Содомъ и остальные четыре года страны Ханаанской, если въ ней найдется 50 праведниковъ. Но этихъ праведниковъ тамъ не нашлось, и страна погибла безслѣдно.

Нашей странѣ такая опасность еще не угрожаетъ: Господь сохранить ее, разъ въ ней найдутся такіе же достойныя матери, какъ ты. А онѣ несомнѣнно найдутся на пространствѣ обширной Россіи и найдутся не въ десяткахъ, а въ сотняхъ и тысячахъ. Твердо вѣримъ и надѣмся, что настанетъ наконецъ, время, когда этимъ матерямъ не придется уже, подобно тебѣ, скрывать отъ другихъ свои святые материнскія чувства. Вѣримъ и надѣмся, что духъ, угасшій въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, запылаетъ съ должною силою, оживитъ „всяку душу“ и водворитъ въ нашей странѣ миръ, спокойствіе и всякое благополучіе: Родители найдутъ въ дѣтяхъ утѣшеніе для себя, а дѣти будутъ всунать въ жизнь съ бодрымъ духомъ и сердцемъ полнымъ свѣтлыхъ надеждъ.

А вотъ и основаніе для такой нашей вѣры и нашей надежды.

Общій Отецъ нашъ, въ своей работѣ о благѣ чадъ своихъ, съ высоты Царскаго престола предвозвѣстилъ и предуказаль намъ средства и способы къ успокоенію мятушагося духа въ нашемъ обществѣ и къ устраненію разныхъ, еще въ 60-е годы начавшихся въ немъ, нестроеній. Воля царская выражена по сему предмету опредѣленно и ясно и сводится къ слѣдующему.

Поднимите авторитетъ религiи, восстановите авторитетъ нравственности, восстановите авторитетъ родительской власти, внушите молодому поколѣнiю уваженiе къ старшимъ; дисциплинируйте его умъ и волю, берегите его физическое здоровье, вырабатывайте въ немъ здоровыя понятiя и трезвый взглядъ на жизнь.

Государство, какъ семья въ обширнѣйшемъ смыслѣ, есть *воспитательное* учрежденiе. Свою воспитательную задачу оно выполняетъ чрезъ посредство своихъ органовъ,—чрезъ учебныя заведенiя разныхъ типовъ и видовъ.

Но государство, какъ обширная семья, состоитъ изъ безчисленнаго множества отдѣльныхъ единицъ—семей, какъ другъ съ другомъ, такъ и съ государствомъ скрѣпленныхъ органическою связью, этнографически и географически, историческимъ воспитанiемъ и ростомъ, совершавшимися подъ влiанiемъ данныхъ условiй, историческими завѣтами и вообще единствомъ своего мировоззрѣнiя. Ослабѣваютъ общiя, единящiя связи, начинаетъ шататься организмъ въ цѣломъ и въ своихъ частяхъ. Атрофируются части, и весь организмъ приходитъ въ неустойчивое положенiе, покачиваясь со стороны въ сторону, до тѣхъ поръ пока не налетитъ какая нибудь стихiя и не опрокинетъ его на землю: организмъ погибаетъ. Отсюда ясно, что части должны остерегаться воспринимать въ себя тѣ элементы, которые ихъ атрофируютъ; если же такiе элементы вкрадчиво уже вторгнулись въ существо нѣкоторыхъ изъ этихъ частей, то онѣ должны изгонять эти элементы посредствомъ прiема той пищи, которою онѣ были вскормлены до своего зараженiя, и—онѣ станутъ здоровыми. Ясно также, что школа должна быть посредствующимъ звеномъ между общей обширнѣйшей семьей и ея частями. Съ тою и другими школа должна быть связана тою же органическою связью, которою и онѣ связаны другъ съ другомъ. Она должна быть хранительницей и выразительницей тѣхъ же завѣтовъ и историческихъ преданiй, которыя составляютъ существо той и другихъ. Въ противномъ случаѣ, это посредствующее звено покрывается ржавчиной, которая разъѣдающимъ образомъ дѣйствуетъ на школу, а чрезъ нее распространяетъ заразу, въ

ширь и въ глубь, и на весь организмъ въ цѣломъ и въ частяхъ. Въ здоровомъ взаимномъ воздѣйствіи этихъ частей другъ на друга, въ дружномъ уходѣ всего организма за образовавшимся на немъ больнымъ мѣстомъ лежитъ вѣрный залогъ выздоровленія этого мѣста. Больное мѣсто у насъ оказалось, это — воспитаніе молодого поколѣнія.

Заботливый Отецъ ста тридцати миллионной семьи предугадалъ намъ роды здоровой и оздоравливающей пищи. Школѣ и семьѣ остается только цѣлесообразно распредѣлять эту пищу и слѣдить за правильными ея приѣмами.

Давайте же, школа и семья, дружно, въ единеніи сердца, примемся за работу, полюбимъ эту работу; вложимъ въ нее свою душу; пусть эта работа будетъ намъ „по душѣ“, и она окажетъ скорыя и радостныя послѣдствія. Освободимъ нашихъ дѣтей, освободимъ нашу молодежь отъ рабскихъ оковъ нравственной анархіи, преградимъ ей путь къ окончательному одичанію и озвѣрѣнію; введемъ дѣтей подъ родительскій кровъ, покажемъ на самихъ себѣ, какъ должно устривать семью на нравственныхъ началахъ и какія должны, на тѣхъ же началахъ, создаваться взаимныя отношенія старшихъ членовъ между собою и старшихъ и младшихъ членовъ семьи между собою; покажемъ, что достойная семья есть школа, въ которой приготавливаются и честные работники для общественной дѣятельности, и вѣрные слуги Государю и отечеству. По этому въ этой же семьѣ будемъ сѣять въ дѣтяхъ сѣмена здоровыхъ понятій на жизнь, на роль и назначеніе человека въ жизни и при бдительномъ совмѣстномъ уходѣ семьи и школы, расти эти понятія; внушимъ дѣтямъ, что мы произошли отъ одного изъ троихъ сыновей Ноя, но не отъ *Сима* или *Хама*, а отъ *Иафета*, потомству котораго суждено было вершить великія событія всемірной исторіи, выработать высокую культуру и удостоиться воплотить въ себѣ христіанскую идею; что мы — самая младшая отрасль арійскаго племени — славяне вообще и русскіе славяне въ частности позже другихъ выступили на сцену исторіи; но что русскіе славяне, еще до основанія своего государства, образовали подъ вліяніемъ присущихъ ей началъ, земельную общину, въ которой „всѣ связаны узами вза-

иной поддержки, гдѣ дарованіе, счастье, личные интересы добровольно подчиняются *общему* благу, гдѣ для зависти, корысти и честолюбія нѣтъ мѣста и гдѣ слѣдовательно царствуетъ *внутренняя* правда, *нравственное* начало". Это начало, сохранивъ свою цѣльность отъ вліянія культуры античныхъ народовъ, было освящено принятіемъ православія, которое *нерасторжимо* слилось съ русскою народностью, ставъ ея сущностью и сообщивъ особенность всей нашей исторіи, такъ рѣзко отличающую насъ отъ западнаго человѣка, который испыталъ совсѣмъ другое историческое воспитаніе, сообщившее ему міровоззрѣніе, органически неприемлемое русскимъ человѣкомъ, а искусственно навязанное, оно губительно дѣйствуетъ на духовный организмъ русскаго человѣка, отчуждая этого послѣдняго отъ родной стихіи и ввергая его въ опасную пучину, гдѣ онъ и гибнетъ нравственно, продолжая жить лишь зоологически. Поэтому на всѣ дѣлаемые молодежи внушенія сумасбродныхъ теорій и мечтаній о перенесеніи съ запада политическихъ формъ жизни и пр., будемъ едиными устами и единымъ сердцемъ твердить: домой, дѣти! Терзающіе васъ вопросы и сомнѣнія вы разрѣшите, источникъ и причину вашихъ сомнѣній и вашихъ подневольныхъ страданій вы можете объяснить здѣсь, только здѣсь, подъ благодатною тѣнью величественнаго древа, которое именуется „Матушкой Сваторусскою“.

Однимъ словомъ, для счастья нашихъ дѣтей будемъ бодро и дружно работать надъ тѣмъ, чтобы, при свѣтѣ неизблемыхъ истинъ Откровенной религіи нашей, подъ вліяніемъ высокихъ преданій отечественной исторіи нашей, при постепенномъ и постоянномъ упражненіи въ трудѣ, они могли *возрасти* физически, умственно и нравственно, „Создателю нашему на славу, родителямъ на утѣшеніе, Церкви, Царю и Отечеству на пользу“.

Еще два слова.

Само собой разумѣется, въ лагерѣ софистовъ эта моя рѣчь будетъ встрѣчена болѣе, чѣмъ недружелюбно. Такъ-же отнесутся они ко всѣмъ, кто думаетъ несогласно съ ихъ проповѣдью.

Не спору также, что и среди педагогической семьи, въ разныхъ мѣстахъ земли русской, могутъ оказаться лица, го-

лова которыхъ напичкана космополитической трухой, или лица, которыя изъ угодливости такъ называемому ими общественному (лагерь софистовъ) мнѣнію и въ погонѣ за дешевойкою популярностію способны забыть высокія и отвѣтственныя обязанности воспитателя молодого поколѣнія: или, наконецъ, лица, видящія цѣлебную силу лишь въ §§ и другихъ атрибутахъ *формальной* закона: они тоже будутъ осуждать меня, будутъ осуждать и васъ. Ни тѣ, ни другіе отвѣта отъ меня не получаютъ. Пусть они поищутъ для себя отвѣды тамъ, гдѣ мы найдемъ непреоборимую для себя защиту, въ заповѣди Законодателя жизни нашей: „Блажени есте, егда поносятъ васъ, и ижденуть, и рекутъ всякъ золь глаголь, на вы лжуще Мене ради: Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ!“

С. Н. Бель.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ИЗ БИОГРАФІЙ БУДДЫ САКЬЯ—МУНИ (LALITAVISTARA).

(Продолженіе *).

Мѣстомъ первой проповѣди Будды Сакья-Муни, по разсказу Лалиты-Вистары, былъ священный городъ Варанази или Бенаресъ ¹⁾. Что Бенаресъ былъ мѣстомъ первой проповѣди Будды, на это не разъ указывается и въ другихъ буддійскихъ книгахъ; въ этомъ именно городѣ Сакья-Муни, выражаясь языкомъ священныхъ книгъ буддистовъ, сталъ въ первый разъ „вращать колесо своего ученія“, здѣсь же онъ приобрѣлъ и своихъ первыхъ учениковъ ²⁾.

Лалита-Вистара говоритъ, что Будда „покатилъ колесо закона“ вслѣдствіе увѣщанія Брами, что передъ этимъ Будда, послѣ достиженія имъ верховнаго состоянія Боди, былъ въ уныніи и пришелъ къ мысли не возвѣщать людямъ своего съ трудомъ добытаго ученія ³⁾. Точно также и различныя указанія относительно мѣста, гдѣ пребывалъ Сакья-Муни въ теченіе своей жизни, единогласно говорятъ за то, что первый годъ онъ провелъ въ Бенаресѣ, въ лѣсу газелей, въ мѣстѣ, гдѣ лежали останки Ришей (Rishipatana). Ничто не даетъ намъ право ослаблять такъ часто повторяемаго свидѣтельства: этотъ фактъ, утверждаемый такимъ положительнымъ образомъ, безъ сомнѣнія есть одно изъ достовѣрнѣйшихъ событій жизни Будды,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 3.

¹⁾ Lalitavistara .. p. 374, 379.

²⁾ Ibidem. pp. 381—384.

³⁾ Lalitavistara, chap. XXV, pp. 364—375.

на него можно смотрѣть какъ на чисто историческое явленіе. И дѣйствительно, въ Бенаресѣ Сакья-Муни положилъ начало основаннаго имъ религіознаго общества.

Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что упоминаемая знаменитая Бенарестская проповѣдь по времени была именно первою изъ всѣхъ? До нея не было-ли у Будды напрасныхъ попытокъ распространить свою доктрину въ другихъ мѣстахъ? Правда-ли, что онъ пришелъ въ Бенаресъ непосредственно послѣ пріобрѣтенія достоинства Будды? Не было-ли до этого, хотя краткаго, но, тѣмъ не менѣе дѣйствительнаго, періода напрасныхъ усилій—періода, намѣренно затушеваннаго буддистами?

„Мнѣ думается, пишетъ г. Feer въ своихъ этюдахъ, что на основаніи внимательнаго изученія буддійскихъ книгъ возможно доказать существованіе такого періода; для этого достаточно въ надлежащемъ свѣтѣ выставить извѣстныя утвержденія священныхъ книгъ буддизма, и указанный періодъ самъ собою выступитъ изъ той массы туманностей, которыми хотѣли его затушевать“¹⁾.

Въ своемъ изысканіи г. Feer принимаетъ за основаніе рассказъ Лалиты-Вистары, но затѣмъ, съ цѣлью лучше обосновать свой взглядъ, онъ сближаетъ его съ рассказомъ одного бирманскаго произведенія, извѣстнаго подъ заглавіемъ Ma-la-lap-ga-ga-Wottoo—версіи книги, называемой палийской Лалитой-Вистарой, потомъ сближаетъ съ рассказомъ г. С. Гарди въ его „руководствѣ по буддизму“ и, наконецъ, съ содержаніемъ одного китайскаго произведенія—Shik-ka-ju-laï-Shing-taou-ku²⁾; этотъ трудъ, замѣчаетъ г. Feer, не изъ древнихъ; относится онъ къ VII вѣку нашей эры, но тѣмъ не менѣе этотъ трудъ интересъ какъ по самому своему текету, такъ и вслѣдствіе непрерывнаго комментарія, который къ нему приложенъ. Ссылается еще г. Feer на разборъ жизни Сакья-Муни, сдѣланный г. Шифнеромъ и на Буддасариту, поэму о жизни Будды³⁾. Но возвратимся къ дѣлу.

Если мы пожелаемъ знать, въ силу чего Сукья-Муни на-

¹⁾ Etudes bouddhiques. h. Feer. p. 90—91.

²⁾ Т. е. мемуары, замѣтивъ относительно совершенной мудрости Сакія Татагаты.

³⁾ Feer. Etudes bouddhiques, p. 91—92.

часть свою проповѣдническую дѣятельность въ Бенаресѣ, въ городѣ отстоящемъ на четыреста съ лишнимъ верстѣ отъ того мѣста, гдѣ онъ пребывалъ въ теченіе шести лѣтъ, то намъ скажутъ: это произошло отъ того, что всѣ до него бывшіе Будды начинали „вращать колесо ученія“ въ этомъ самомъ городѣ. Точно также отвѣтилъ и самъ Сакья-Муни божествамъ, когда они стали унижать Бенаресъ, какъ плохенькій городишко, совсѣмъ неподходящій, по ихъ мнѣнію, для такого великаго событія, какъ первая проповѣдь Будды, и старались отыскать для этого другой, болѣе соотвѣтственный городъ ¹⁾. Таково ужъ правило, что Будда начиналъ „катить колесо ученія“ съ Бенареса. Подобное основаніе вполне достаточно для буддистовъ, но мы лично можемъ найти въ этомъ обстоятельствѣ нѣкоторыя полезныя указанія, если станемъ искать въ немъ исторической основы. Что другое, какъ невосхваленіе приема, оказаннаго Бенарестцами историческому Буддѣ Сакья Муни, должны мы видѣть въ похвалѣ и прославленіи вѣрности г. Бенареса древнимъ мионическимъ Буддамъ? И чѣмъ усиленнѣе буддисты восхваляютъ усердіе и ревность Бенарестцевъ, тѣмъ болѣе мы имѣемъ права думать, что ихъ поведеніе представляло сильнѣйшій контрастъ съ поведеніемъ другихъ городовъ, дышавшихъ совершенно противоположнымъ чувствомъ по отношенію къ проповѣди Сакья-Муни ²⁾. Впрочемъ, Лалита-Вистара и другія буддійскія книги дадутъ первому путешествію Сакья-Муни въ Бенаресъ и другой мотивъ. Путешествіе это произошло потому, говорятъ они, что Бенаресъ былъ мѣстожительствомъ пяти учениковъ, покинувшихъ своего перваго наставника Рудраку, сына Рамы, и приставшихъ къ будущему Буддѣ; эти личности принимали участіе въ аскетическихъ подвигахъ Сакья-Муни и, наконецъ, бросили его, когда онъ пересталъ предаваться строгому самоумерщвленію ³⁾. Было вполне естественно, что Сакья-Муни, достигнувъ совершенной мудрости, пожелалъ сообщить имъ законъ. Но тѣ же буддійскія книги настойчиво говорятъ намъ о томъ, что прежде, чѣмъ заняться

¹⁾ Lalitavistara p.p. 374—375.

²⁾ Feer, Etudes bouddhiques, p. 98.

³⁾ Lalitavistara, pp. 236, 254—255.

обращеніемъ пяти учениковъ, убѣжавшихъ въ Бенаресь, Будда думалъ о другихъ лицахъ, обитавшихъ совершенно въ другой сторонѣ; думалъ о лицахъ, бывшихъ близко отъ него и отъ которыхъ онъ могъ ожидать наилучшаго приема ¹⁾). И вотъ именно это то самое обстоятельство и кажется намъ серьезнымъ мотивомъ, на основаніи котораго можно думать, что Бенарская проповѣдь Будды, привлекая къ нему пять учениковъ, была не первая. Будда обратился къ нимъ послѣ того, какъ испыталъ неудачу у другихъ. Для подтвержденія этого необходимо только внимательно прослѣдить рассказъ буддійскихъ книгъ.

Такъ, прежде всего, мы видимъ, что Сакья-Муни, достигнувъ состоянія Боди, испытывалъ сильное колебаніе: онъ боялся, что ученіе его не будетъ понято, что онъ самъ напрасно только будетъ тратить энергію и время на проповѣдь, и что эта проповѣдь можетъ принести ему лично однѣ лишь неприятности; въ силу такихъ соображеній Будда и рѣшился молчать ²⁾): Ужъ одна эта добровольная бездѣятельность кажется довольно подозрительною у такого существа, которое представляется намъ въ священннхъ книгахъ буддистовъ выработавшимъ себѣ планъ освобожденія міра отъ скорби задолго до своего выступленія на проповѣдь. Легко, впрочемъ, можно допустить, что въ моментъ выступленія на проповѣдь Будда колебался и даже отступалъ передъ своею задачею; такое психологическое состояніе чловѣка передъ рѣшительнымъ шагомъ въ своей жизни вполне допустимо и понятно. И не смотря даже на все усиліе, съ какимъ Лалита-Вистара настаиваетъ на фактѣ колебанія Будды, не было-бы возможности видѣть въ немъ намекъ на какую-нибудь неудачу Сакья-Муни, если-бы весь рассказъ, въ его цѣлости, не подкрѣплялъ-бы этой невольно навязывающейся уму мысли.

Узнавъ про настроеніе Будды, Брама, сойдя съ неба и позвавъ на помощь себѣ Индру, употребилъ всю силу своего краснорѣчія, чтобы заставить Будду выйти изъ того оцѣпенія, въ какое онъ впалъ ³⁾). И хотя Будда сначала доволь-

¹⁾ Ibid. chap. XXVI, pp. 376—378.

²⁾ Ibid. p. 364—366.

³⁾ Ibid. 366—369.

ствовався молчаніємъ, но затѣмъ онъ сдѣлалъ очень серьезныя возраженія; и Брама, Индра и ихъ свита удалились, не выполнивъ своего намѣренія ¹⁾. Эта неудача, однако, не обезкуражила Брамю; на другой день съ зарею онъ снова явился къ Буддѣ и вырвалъ у него обѣщаніе проповѣдывать законъ міру ²⁾. Вмѣшательство Брамы, къ которому Лалита-Вистара прибавляетъ еще и Индру, упоминается во всѣхъ буддійскихъ книгахъ. Было бы бесполезно трактовать здѣсь о этомъ вмѣшательствѣ, но необходимо все-таки отмѣтить въ немъ намекъ на историческій фактъ, скрытый подъ такой буддійской фантазмоморіей.

Такъ, среди эпизода о вмѣшательствѣ Брамы Лалита-Вистара содержитъ въ себѣ указаніе на сильныя заблужденія, царствовавшія въ Магадской странѣ: „Въ это самое время, читаемъ мы на стр. 370, жители Магадской страны держались дурныхъ возрѣвій. Такъ, одни изъ нихъ утверждали, что вѣтры перестанутъ дуть, огонь не будетъ жечь, прекратятся дожди, рѣки остановятся въ своемъ теченіи; другіе говорили, что хлѣба перестанутъ родиться, птицы летать и беременныя женщины не будутъ безболѣзненно разрѣшаться отъ бремени. Такъ говорили жители Магадской страны“ ³⁾. „Жизнь Гаутамы“, будучи не такъ ясна въ этомъ отношеніи какъ Лалита-Вистара, содержитъ все-таки намекъ на указанныя нами ненормальности; она влагаетъ въ уста Брамы, въ его рѣчи къ Буддѣ, слѣдующія выраженія: „въ Магадской странѣ, говоритъ она, есть много людей, находящихся подъ вліяніемъ дурныхъ страстей и держащихся ложной доктрины—доктрины, недостойной человѣка и открывающей имъ дверь уничтоженія“ ⁴⁾. Тотъ же намекъ на безпорядки въ Магадѣ содержатъ и слѣдующія слова Будды въ его рѣчи къ Брамѣ: „Брама, говорилъ новопросвѣщенный мудрецъ изъ рода Сакіевъ, для всѣхъ жителей Магады, имѣющихъ уши, открытыя для проповѣди, я отверзаю дверь безсмертія“ ⁵⁾; такъ говорилъ Будда и рѣшался проповѣдывать

¹⁾ Ibid. p. 370.

²⁾ Ibid., p. 373.

³⁾ Ibid. p. 370.

⁴⁾ Feer. Etudes p. 96.

⁵⁾ Lalitavistara, p. 373.

магадскимъ жителямъ, но тутъ же слѣдомъ, черезъ одно мгновеніе, когда другіе божества спросили у него, въ какомъ мѣстѣ онъ намѣренъ выполнить свое обѣщаніе относительно проповѣди, Будда отвѣтилъ имъ: въ Бенаресѣ ¹⁾. Странный оборотъ рѣшимости; постоянно проповѣдуя въ Бенаресѣ, Будда надѣялся привлечь къ себѣ Магаду! Естественно и вполнѣ правдоподобно предполагать, что было нѣчто съ Буддою въ другомъ мѣстѣ. Несомнѣнно, что успѣху Будды въ Бенаресѣ предшествовала попытка въ другомъ и при томъ очень отдаленномъ мѣстѣ, но въ какомъ именно—неизвѣстно. Достоверно одно—въ Магадѣ Будда побывалъ раньше, чѣмъ въ Бенаресѣ.

Прежде, чѣмъ идти дальше въ своемъ разсужденіи, мы укажемъ на слѣдующіе три твердо установленные пункта: 1) Будда колебался проповѣдывать открытый имъ законъ, боясь, что его не поймутъ и даже оскорбятъ, 2) въ Магадѣ происходили въ это время большіе беспорядки или большія неурядицы въ области нравственности и 3) Будда рѣшался проповѣдывать законъ Магадскимъ жителямъ. Изъ этихъ трехъ фактовъ одинъ только второй—оказывается чисто внѣшнимъ явленіемъ, другіе же два—это размышленія, мысли, чувства и желанія Будды. Взглянемъ на нихъ, какъ на выраженія чисто реальныхъ внѣшнихъ явленій или происшествій, которымъ въ буддійскихъ книгахъ приданъ характеръ чисто психологическихъ процессовъ, и мы получимъ слѣдующій рядъ событій: Сакья-Муни проповѣдывалъ свое ученіе въ Магадѣ, тамъ онъ встрѣтилъ заблужденія, сущности которыхъ онъ не могъ понять и не понялъ, и былъ осмѣянъ; обезкураженный Будда удалился въ то мѣсто, гдѣ онъ достигъ состоянія Бодхи.

Таковъ результатъ, къ которому насъ можетъ привести изъ ученіе первой части разсказа Лалиты-Вистары. Будда объявляетъ, что онъ намѣренъ проповѣдывать законъ въ Бенаресѣ, что онъ долженъ идти только въ этотъ городъ и однако, Будда не идетъ туда. Лалита-Вистара ясно, такимъ образомъ, гово-

¹⁾ Ibidem, p. 374.

реть намъ, что Будда—непостояненъ, переменчивъ; спрашивается, поѣтому, что оставалось дѣлать Буддѣ?—Ему нужно было найти расположеннаго къ себѣ слушателя, который бы не обидѣлъ его; и вотъ Будда попеременно думаетъ о двухъ личностяхъ, то объ Аратѣ Каламѣ, то о Рудракѣ, сынѣ Рамы¹⁾. Но каждый разъ при этомъ Будда узнаетъ, что объ указанные личности уже умерли—первый два, а второй семь дней тому назадъ²⁾. Что это за люди, которыхъ Будда желалъ сдѣлать своими учениками? Лалита-Вистара описываетъ ихъ намъ какъ ученыхъ, какъ начальниковъ школъ, проповѣдывавшихъ въ Вайшали³⁾ и въ Раджагрихѣ⁴⁾. Сакья-Муни зналъ ихъ обоихъ и былъ ученикомъ каждаго изъ нихъ въ то время, когда, уйдя изъ отцовскаго дома, онъ проходилъ г.г. Вайшали и Раджаграху въ поискахъ за мудростью⁵⁾. Въ свое время Будда покинулъ этихъ наставниковъ, такъ какъ ихъ доктрины не удовлетворяли его, хотя принципы его личнаго ученія имѣли много общаго съ ихъ доктринами, да и отношенія у нихъ были довольно дружелюбныя. Всего этого вполне было достаточно, для того, чтобы въ первое же время, когда Будда задумалъ основать свою религіозную общину, онъ прежде всего могъ подумать о привлеченіи ихъ на свою сторону⁶⁾.

Постараемся разобрать то различіе въ именахъ и личныхъ качествахъ этихъ двухъ наставниковъ, какое господствуетъ относительно ихъ въ священныя книги буддистовъ.—Одни представляютъ Рудраку и Арату Каламу то какъ философовъ—творцевъ или послѣдователей опредѣленной системы, то какъ учителей, окруженныхъ массою учениковъ; другіе выдаютъ ихъ за уединенныхъ аскетовъ, претендовавшихъ на обладаніе

¹⁾ Ibid. p. 376—377. Стоитъ только внимательно вчитаться и вдуматься въ рѣчи Будды объ Аратѣ Каламѣ и Рудракѣ, какъ невольно возникаетъ мысль о томъ, что Сакья-Муни мучило сознаніе какого-то перенасеннаго имъ оскорбленія: слишкомъ ужъ заботливо старается Будда при выборѣ лицъ, въ которыхъ онъ хотѣлъ обратиться съ своею проповѣдью, о томъ, что-бы они не обидѣли-бы и не оскорбили-бы его.

²⁾ Lalitavistara, pp. 376—377.

³⁾ Ibid. pp. 226—228.

⁴⁾ Ibid. p. 233—236.

⁵⁾ Ibid. p. 226—228; 233—236.

⁶⁾ Feer. Etudes bouddhiques, pp. 96—98.

сверхъестественнымъ могуществомъ. Но что для насъ важно—это опредѣленно знать мѣста ихъ пребыванія. Относительно Рудраки положительно извѣстно, что онъ жилъ въ Раджагрихѣ или въ ея окрестностяхъ, но свѣдѣнiя о мѣстѣ пребыванія Араты Каламы очень разнорѣчивы. Бюрнуфъ указалъ уже на разногласіе Лалиты-Вистары, помѣщающей его въ Вайшали, съ извѣстными книгами южнаго буддизма, отводящими ему мѣсто въ Раджагрихѣ ¹⁾. С. Гарди, не давая точныхъ подробностей, говоритъ, что Арата Калама и Рудрака, сынъ Рамы, оба жили около Раджагрихи. „Жизнь Гаутамы“ по этому поводу выражается еще яснѣе. Буддасарита называетъ Арату Каламу отшельникомъ, жившимъ въ окрестностяхъ Раджагрихи ²⁾. Если нужно рѣшать дѣло на основаніи историческаго старшинства свидѣтельствъ, то мѣстожителство Каламы надо будетъ искать въ Магадѣ. Тибетскій авторъ жизни Сакья-Муни нашелъ средство примирить между собою всѣ эти разногласія, но про его попытку нельзя сказать, сдѣлалъ ли это онъ на основаніи серьезныхъ данныхъ или же просто онъ самъ лично придумалъ свою комбинацію. По нему, все дѣло сводится къ тому, что Арата Калама жилъ сначала въ Вайшали, но потомъ со своими учениками переселился въ Раджагриху и именно въ то самое время, когда прибылъ туда Сакья-Муни. Тибетскій авторъ, кажется, держался такого рода эклектизма: собиралъ со всѣхъ сторонъ свѣдѣнiя и сглаживалъ ихъ противорѣчiя, какъ обыкновенно и поступаютъ въ сомнительныхъ случаяхъ. Указаніе мѣстожителства, какое онъ даетъ Аратѣ Каламѣ, не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Могущество царя Бимбисары, благосостояніе города Раджагрихи и, можетъ быть, даже почетъ и уваженіе, какое философъ чувствовалъ къ сыну царя Сакіевъ, а также и удивленіе его героической рѣшимости—все это могло заставить Каламу перемѣнить мѣстожителство. Кажется также, что въ Индіи начальники или руководители школъ сами добровольно переходили изъ города въ городъ. Что-же касается Араты Каламы, то мы впоследствии увидимъ, что пребываніе его въ Раджагрихѣ болѣе, чѣмъ дру-

¹⁾ Burnouf. Introduction à l'histoire bouddhisme. p. 385—386.

²⁾ Feer. Etud. bouddhiques, pp. 99—100.

гое какое либо мѣстожителство, можетъ быть оправдано изучаемыми нами текстами.

Упомянутое о смерти Рудраки и Араты Каламы, кромѣ Лалиты-Вистары, находится и въ другихъ версіяхъ разсказа, какія только извѣстны намъ; въ китайскомъ же трудѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Замѣтокъ о Сакья Буддѣ Татагатѣ“ этотъ эпизодъ представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ самъ по себѣ цѣлый періодъ. Такъ, 62 параграфъ или отдѣлъ названнаго труда напоминаетъ собою изысканіе, какое дѣлалъ Будда относительно человѣка, способнаго усвоить его законъ. Въ 64 отдѣлѣ того же труда говорится слѣдующее: „онъ (Будда) подумалъ съ радостью, что пять личностей были способны почувствовать перемѣну, производимую закономъ“ и выразить намѣреніе идти въ Бенаресъ, но слѣдующія выраженія предшествующаго отдѣла—,испытывая состраданіе къ двумъ монахамъ, которые не имѣли случая слышать громоноснаго голоса Будды“—очевидно содержать въ себѣ намекъ на Арату Каламу и Рудраку; мысль о намекѣ въ данномъ случаѣ на Арату Каламу и Рудраку навязывается сама собою, если-бы даже авторъ въ другомъ мѣстѣ и не говорилъ этого положительно. Что же случилось или что произошло съ этими двумя указанными личностями и отчего ихъ имена такъ тѣсно связаны съ исторіей Будды? Самъ Будда, при помощи своего всевѣдѣнія, зналъ, что они мертвы, боги подтвердили ему эту новость или, какъ говорится въ другихъ книгахъ, Будда узналъ въ мірѣ Брами или въ мірѣ „отсутствія формы“ этихъ умершихъ личностей. Какъ понимать всѣ эти указанія священныхъ книгъ? Замѣтимъ, что точность текста не позволяетъ видѣть въ смерти двухъ философовъ давнишняго факта, который, такъ сказать, лишь только вспомнился Буддѣ и какъ таковой и описывался бы въ книгахъ; напротивъ, это событіе представляется въ нихъ недавно только совершившимся ¹⁾. Еще менѣе есть возможности предполагать, чтобы къ Буддѣ приходилъ вѣстникъ съ извѣстіемъ о смерти двухъ философовъ или же думать, что это событіе по слухамъ, какъ достояніе народной

¹⁾ Lalitavistara (p. 377) говорить, что со смерти Араты Каламы прошло 3-аа, а Рудраки 7 дней.

молвы, дошло до него. Мы должны думать, что Будда въ своихъ странствованіяхъ по Магадской странѣ прилежно искалъ своихъ прежнихъ наставниковъ и не нашелъ ихъ, и что фантастическія указанія буддійскихъ текстовъ относительно этихъ личностей имѣли цѣлью только лишь скрыть или затушевать эту неудачу ¹⁾.

Принужденный искать въ другомъ мѣстѣ людей хорошей нравственности, Будда сталъ думать о пяти ученикахъ изъ хорошей касты. Ученики эти были тогда въ Бенаресѣ. Какъ Будда узналъ про ихъ мѣстопребываніе—мы увидимъ это сейчасъ. Прежде же всего отмѣтимъ извѣстную несообразность въ рассказѣ Лалиты-Вистары. Во 1-хъ, она говоритъ, что Будда отправляется въ Бенаресъ, потомъ говоритъ о встрѣчѣ его около горы Гайя съ Адживакою (нищенствующій монахъ) и, наконецъ, говоритъ о путешествіи его въ Бенаресъ дорогою, о которой текстъ содержитъ нѣкоторыя указанія. Мы послѣ постараемся указать, какой выводъ можно извлечь отсюда, изъ этихъ данныхъ; теперь же займемся встрѣчкою, имѣвшей мѣсто около самой горы Гайя. Будда встрѣтился съ однимъ пилигримомъ, котораго Лалита-Вистара обозначаетъ только однимъ эпитетомъ—Адживака, нищенствующій, не упоминая его имени ²⁾. По одному отрывку Divya Agadāna, цитируемому Бюрнуфомъ, имя встрѣтившагося монаха было Апагана ³⁾. Южные же буддисты называютъ его Упакою. Они говорятъ, что Сакья-Муни встрѣтился съ нимъ въ самомъ началѣ своего путешествія отъ горы Гайя въ городъ Бенаресъ, именно около дерева Боди. Лалита-Вистара же, рассказъ которой въ данномъ случаѣ вообще довольно неопредѣленъ, говоритъ про эту встрѣчу, что она произошла то во время самого путешествія Будды отъ горы Гайя въ Бенаресъ, то во время еще самого пребыванія его на горѣ ⁴⁾. Достоверно лишь одно, что описываемая встрѣча произошла на территоріи горы Гайя, и что послѣ нея Будда

¹⁾ Feer. Etudes bouddhiques, pp. 101—102.

²⁾ Lalitavistara, p. 378, note 4.

³⁾ Burnouf. Introduction à l'histoire bouddhisme, p. 389.

⁴⁾ Lalitavistara, p. 378.

отправился прямо въ Бенаресъ. Какой же могъ быть смыслъ этой самой встрѣчи? Идетъ-ли здѣсь рѣчь о двухъ личностяхъ, случайно встрѣтившихся въ пути и обмѣнявшихся нѣсколькими пустыми комплиментами? По мнѣнію Фееръа, въ этомъ эпизодѣ нужно видѣть нѣчто иное, а не чисто случайное событіе; по нему, эта самая встрѣча и опредѣлила путешествіе Будды въ Бенаресъ. Буддисты воздерживаются признавать это. Въ Divya Aśāṅga говорится, что Упагупта, показывая царю Асокѣ священныя, по воспоминанію о Буддѣ, мѣста, говорятъ ему: „здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, Багава, отправляясь въ Бенаресъ, былъ привѣтствованъ извѣстнымъ Апаяганомъ ¹⁾. Какъ бы то ни было, съ Буддою встрѣчается нищенствующій монахъ, онъ встрѣчается для того лишь, чтобы привѣтствовать Будду; по разсказу же Лалиты-Вистары онъ ведетъ съ Буддою довольно обширный разговоръ; вообще этотъ нищенствующій монахъ Упака или Апогана приплетается ко всѣмъ рѣчамъ, свидѣтельствующимъ о величіи Будды; кажется даже, что онъ дѣлается ученикомъ Сакья-Муни; по крайней мѣрѣ, Г. С. Горди приводитъ разсказъ о его обращеніи. Намъ нѣтъ нужды слѣдить за дальнѣйшей исторіей жизни этой личности; для насъ важно только опредѣлить истинную роль, сыгранную имъ при встрѣчѣ съ Буддою около горы Гайя. Нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ насъ думать, что Сакья-Муни нужно было знать, гдѣ, въ какомъ именно мѣстѣ находились его пять прежнихъ учениковъ. Это онъ узналъ отъ нищенствующаго монаха, по имени Упака. Упака, по всей вѣроятности, былъ однимъ изъ тѣхъ одинокихъ, а иногда и принадлежавшихъ къ какой-нибудь общинѣ, нищенствующихъ странниковъ, которыми изобиловала тогда Индія, такъ какъ и самое странничество Сакья-Муни не было единичнымъ, неизмѣющимся ничего подобнаго себѣ предпріятіемъ; оно и было собственно успѣшнымъ лишь потому, что отвѣчало стремленію массы. Кажется, что и Упака былъ однимъ изъ подобныхъ же искателей всеобщей мудрости изъ числа которыхъ Сакья-Муни былъ лишь первымъ по своему буддійскому достоинству. Проходя Бенаресомъ, онъ могъ видѣть пять прежнихъ учениковъ

¹⁾ Burnouf. Introduction à l'histoire bouddhisme... p. 389.

Будды, которымъ, быть можетъ, надоѣло уже продолжать свои самоумерщвления въ лѣсу газелей, прерванныя ихъ бывшимъ учителемъ; быть можетъ, Упака разговаривалъ съ ними и отъ нихъ же и узналъ о Сакья-Муни; быть можетъ, онъ и отправился къ горѣ Гайя потому лишь, что захотѣлъ повидаться и поговорить съ новымъ начальникомъ школы! По крайней мѣрѣ, впечатлѣніе, испытываемое при этихъ разсказахъ, таково, что Упака узналъ Будду, не видя еще его и что онъ имѣлъ сильное желаніе встрѣтиться съ Сакья-Муни. Если допустить такое толкованіе, то встрѣча Сакья-Муни съ Упакою, съ одной стороны, и путешествіе Будды въ Бенаресъ съ другой—будутъ вполне понятны. Каждое изъ этихъ событій въ такомъ случаѣ будетъ очень ясно и очень осмыслено, а въ общемъ они представляютъ такую цѣпь и такую взаимную зависимость, которая дадутъ чисто историческую основу нѣкоторымъ событіямъ. Если же отвергнуть наше толкованіе, то мы будемъ имѣть только несвязные между собою факты, не будемъ видѣть причинъ, вызвавшихъ эти факты или ихъ *raison d'être*, и должны будемъ допустить и принять на вѣру бредни или пустяки разглагольствованія буддистовъ ¹⁾.

Мы уже указывали на несвязность Лалиты-Вистары, говорящей намъ о томъ, что Будда два раза отправлялся въ Бенаресъ; между этими двумя путешествіями, изъ которыхъ одно вымышленно, Лалита-Вистара вставляетъ встрѣчу съ Упакою. Упомянувши о томъ, что Будда рѣшился наставить въ законѣ пять учениковъ, бывшихъ въ Бенаресѣ, Лалита-Вистара выражается тутъ же слѣдующимъ образомъ: „подумавши такъ, Татагава поднялся съ Бодиманда и, пройдя страны трехъ тысячъ великаго тысячемерія, онъ прошелъ Магаду и достигъ страны Касиковъ“ ²⁾. Отбросимъ, какъ совершенную несообразность путешествіе Будды въ страны великаго тысячемерія, и у насъ останется двойное упоминаніе—упоминаніе о путешествіи черезъ Магаду и упоминаніе о прибытіи въ Бенаресъ. Почему же такъ настаиваютъ или, вѣрнѣе, упоминаютъ здѣсь про путешествіе въ Магадскую страну? Замѣтимъ, что Магада

¹⁾ Feer. *Etudes bouddiques*, pp. 102—106.

²⁾ Касики—названіе жителей города Бенареса. *Lalitavistara*, p. 378, note № 2.

не непосредственно граничила съ Бенаресомъ. Почему же Лалита-Вистара упоминаетъ только покинутую Буддою страну и ту, куда онъ прибылъ? „Я нахожу въ этихъ данныхъ, пишетъ Фееръ въ своихъ этюдахъ—данныя, правда неточныя и туманныя, но потому-то именно и нахожу, что они неточны и туманны—намекъ на путешествіе, какое Сакья-Муни долженъ былъ сдѣлать по Магадѣ прежде, чѣмъ отправиться въ Бенаресъ—намекъ, о которомъ другія части текста даютъ право предполагать“.

Такъ, послѣ разсказа о разговорѣ съ Упакою или Адживакою Лалита-Вистара описываетъ намъ—довольно, впрочемъ, неполно, путешествіе Будды отъ горы Гайя до Бенареса и упоминаетъ при этомъ нѣкоторыя пройденныя имъ мѣстности—Rôhitavastou, Ougouvilvakalpa, Anâla и, наконецъ, Sârathi. Описавши переправу черезъ р. Гангъ, Лалита-Вистара вслѣдъ за этимъ выражается такъ: „Такимъ образомъ, монахи и Татагата, переходя изъ одной страны въ другую, прибыли, наконецъ, въ великій городъ Варанази“ (Бенаресъ). Можно думать, что эта фраза относится къ части путешествія, совершеннаго Буддою еще до переправы черезъ р. Гангъ, а равнымъ образомъ—и ко всему путешествію. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы Будда направился прямою дорогою въ Бенаресъ, то онъ долженъ былъ переходить Гангъ около самого города. Если же на пути отъ горы Гайя въ Бенаресъ перейти Гангъ выше этого города, то въ такомъ случаѣ необходимо будетъ сдѣлать обходъ, такъ какъ въ своемъ теченіи отъ Бенареса до возвышенности Будда—Гайи Гангъ дѣлаетъ изгибъ къ сѣверу. Между тѣмъ обстоятельства показываютъ, что Сакья Муни шелъ въ Бенаресъ не прямою дорогою. Поэтому то и переправу черезъ Гангъ онъ совершилъ во владѣніяхъ Магадскаго царя, освободившаго въ ознаменованіе этого событія, на будущее время всѣхъ монаховъ отъ платы пошлины, взимаемой при переправѣ. Въ Магадѣ, слѣдовательно, въ довольно большомъ разстояніи отъ Бенареса, Сакья-Муни перешелъ Гангъ, если только могущество Бимбисары, царя Магадскаго, не распространялось до самаго Бенареса. Но что особенно важно и что заслуживаетъ серьезнаго вниманія, такъ это то, что и

по Лалитъ-Вистарѣ и по Буддасаритѣ путешествію Сакья-Муни отъ Будда-Гаи въ Бенаресъ предшествовало другое его путешествіе по Магадѣ. Вотъ выдержка изъ Буддасариты: „тогда радостный Будда отправился въ путь, направляясь въ Каси и совершая, при помощи своей сверхъестественной силы, различныя чудеса“. Феер видитъ въ этихъ словахъ намекъ на небольшое путешествіе Сакья-Муни, путешествіе, совершенное имъ раньше своего отправленія въ Бенаресъ. И это путешествіе, говоритъ Феер, не можетъ быть отнесено ко времени, послѣдовавшему за встрѣчкою Будды съ Упакою, если только эта встрѣча имѣла тотъ самый характеръ, который приписывается ей Фееромъ, такъ какъ, разставшись съ Упакою, Будда не могъ имѣть другой мысли, какъ только сейчасъ же отправиться въ Бенаресъ. Однимъ словомъ, замѣчаетъ Феер, слабый намекъ на путешествіе Будды по Магадской странѣ можетъ только напоминать намъ собою бывшія попытки Сакья-Муни проповѣдывать свою доктрину въ другихъ мѣстахъ до посѣщенія имъ Бенареса ¹⁾).

Независимо отъ только что приведенныхъ нами соображеній есть и еще свидѣтельства, заставляющія предполагать существованіе періода неудачъ у Будды до его проповѣди въ Бенаресѣ. Такъ, прежде всего, укажемъ на обѣщаніе, данное Сакья-Муни Магадскому царю еще до приобрѣтенія состоянія Боди—прийти въ городъ Магаду въ случаѣ приобрѣтенія достоинства Будды и здѣсь произнести проповѣдь. Если принять во вниманіе правдивость Будды и его отвращеніе ко лжи—достоинство, на которомъ особенно настаиваютъ буддисты, то необходимо придется предположить, что Сакья-Муни исполнилъ свое обѣщаніе, да и, кромѣ того, Будда долженъ былъ постараться прежде всего распространить свое ученіе во владѣніяхъ очень расположеннаго къ нему государя, на территоріи котораго онъ и жилъ къ тому же; однимъ словомъ, Магада, по увѣренію Феера, была очень подходящимъ мѣстомъ для проповѣди Будды Сакья-Муни. Вопросъ только въ томъ, какой пріемъ онъ могъ встрѣтить тамъ? Монгольская сутра

¹⁾ Feer Etudes bouddhiques, p.p. 106—110.

о четырехъ истинахъ можетъ намъ дать свѣдѣнія на этотъ счетъ, и эти свѣдѣнія и будутъ для насъ новымъ свидѣтельствомъ для подтвержденія нашей мысли о періодѣ неудачъ у Будды. Рассказавъ о достиженіи Буддою состоянія Боди, Монгольскій трактатъ непосредственно за этимъ говоритъ слѣдующее: „Всесовершенный Будда началъ тогда „вращать колесо ученія“ и повсюду распространять свою доктрину, проповѣдуя, что онъ одержалъ побѣду надъ естественными немощами, что онъ разбилъ всѣ оковы, тяготящія душу, и что онъ сдѣлался Бурханомъ (Буддою), учителемъ міра. Среди народа нашлось нѣсколько личностей, смутившихся этимъ, и они-то сказали: „Царскій сынъ потерялъ рассудокъ и сталъ сумасшедшимъ“, другіе утверждали, что онъ покинулъ тронъ и очетство съ цѣлью жениться на дочери Сакіевъ, нѣкоторые, наконецъ, стояли за то, что царскій сынъ на самомъ дѣлѣ есть Всесовершенный“. Отмѣтимъ, что это первая проповѣдь, произведшая такое непріятное впечатлѣніе, представляется произнесенною непосредственно за пріобрѣтеніемъ состоянія Боди, свѣдѣтельно, въ Магадѣ. Уныніе Будды, его размышленіе, вмѣшательство Брамъ и Индры—все это произошло послѣ. Указанный монгольскій трактатъ во многихъ пунктахъ расходится съ другими рассказами, и эта-то сбивчивость и разногласіе свѣдѣній о Буддѣ и даетъ намъ право допустить, какъ достовѣрный фактъ, что первая проповѣдь Сакья-Муни была произнесена въ Магадѣ, что она не имѣла никакого успѣха и возбудила даже сомнѣніе относительно умственнаго состоянія Будды. Свидѣтельство монгольскаго трактата о томъ, что Будду при первой его проповѣди приняли за безумнаго, очень хорошо можетъ объяснить ту боязнь Сакья-Муни быть обиженымъ тѣми, кому онъ сталъ-бы излагать свою доктрину, боязнь о которой такъ много говоритъ Лалита-Вистара. Однимъ словомъ, заканчиваетъ свои доводы Геег, всѣ тексты свидѣтельствуютъ способомъ болѣе или менѣе скрытнымъ, но въ общей совокупности все-таки довольно яснымъ, что въ Магадѣ, прежде триумфа въ Бенаресѣ, былъ у Будды періодъ неудачи.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ, какая могла быть продолжительность этого періода? Буддисты говорятъ, отъ приобрѣтенія Буддою состоянія Боди до его отхода въ Бенаресъ прошло 60 дней, они даютъ описаніе всего этого времени по недѣлямъ и наполняютъ его, по своему обычаю, разнаго рода фантастическими подробностями. На этотъ счетъ есть масса небольшихъ разногласій между южными и сѣверными буддистами, но эти разногласія не измѣняютъ все-таки общей сути разсказа. Мы постараемся вкратцѣ представить здѣсь свѣдѣнія буддистовъ по данному вопросу.

Свящ. І. Трофимовъ.

(Продолженіе будетъ).

МОРАЛЬ М. ГОРЬКАГО.

(ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Въ настоящее время однимъ изъ модныхъ писателей, если не самымъ моднымъ, является Максимъ Горькій. Имя его, можно сказать извѣстно у насъ каждому образованному чело-вѣку. Книги его расходятся съ неслыханною у насъ быстро-стью. Его имя, говоритъ извѣстный публицистъ. Меньшиковъ, передается изъ устъ въ уста въ миллионахъ уголковъ, гдѣ только еще теплится интеллигентная жизнь. Куда бы вдалѣ ны ни поѣхали, отъ Петербурга до Тифлиса и отъ Варшавы до Владивостока, вы непременно встрѣтите восторженныхъ поклонниковъ этого новаго таланта, рѣже—хулителей его. О Горькомъ говорятъ, о немъ ведутъ горячіе споры ¹⁾. Особенною извѣстностью и популярностью пользуется Горькій среди нашей молодежи: онъ прямо кумиръ ея. Для молодежи Горькій—это новый пророкъ, глашатай новыхъ истинъ.

Въ виду такой извѣстности и популярности М. Горькаго и вліянія его особенно на нашу молодежь, едвали будетъ излишней нравственно-христіанская оцѣнка произведеній Горькаго, его взглядовъ, симпатій. Мы не будемъ касаться произведеній Горькаго съ художественной стороны. Въ художественномъ отношеніи Горькій занимаетъ, несомнѣнно, одно изъ видныхъ мѣстъ въ современной русской литературѣ. Особенно прекрасны его художественныя описанія моря, приволья степей, красотъ природы: искусство Горькаго здѣсь признано всѣми

¹⁾ Критическія статьи о произведеніяхъ М. Горькаго. Изданіе Гринберга. С.-Петербургъ. 1901. Статья: „Красивый цинизмъ“, стр. 181.

критиками. Не будемъ мы касаться въ своемъ очеркѣ и вопроса о вѣрности изображенія той среды, изъ которой Горькій преимущественно беретъ типы для своихъ произведеній, среды босяковъ. Одни критики признаютъ въ общемъ вѣрность изображенія этой среды, другіе находятъ изображеніе ея утрированными, рѣчи героевъ Горькаго считаютъ искусственными, ходульными... Для насъ въ настоящемъ случаѣ это не имѣетъ значенія, мы хотѣли бы выяснить, что проповѣдуетъ Горькій въ своихъ прекрасныхъ въ художественномъ отношеніи произведеніяхъ въ нравственномъ отношеніи, на сторонѣ какихъ нравственныхъ идеаловъ его симпатіи и какъ его моральные взгляды относятся къ морали христіанской и даже этикѣ здраваго смысла.

М. Горькій прямо отъ себя не высказываетъ своихъ этическихъ взглядовъ. Его моральные взгляды и идеалы высказываются устами его героевъ: на основаніи этическихъ взглядовъ его любимыхъ героевъ только и можно судить объ этикѣ Горькаго. Въ такомъ заключеніи отъ моральныхъ взглядовъ любимыхъ героевъ Горькаго къ его собственной морали едва ли будетъ какая-нибудь неправильность и ошибка. Общепринято, что всякій писатель, особенно не объективный, высказывается въ своихъ любимыхъ герояхъ. И это въ особенности нужно сказать о Горькомъ. М. Горькій менѣе всего можетъ быть названъ объективнымъ писателемъ,—онъ субъективенъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ современныхъ писателей. „Онъ, какъ говоритъ критикъ Поссе, пишетъ кровію своего сердца. Когда онъ говоритъ, онъ страдаетъ, любитъ, ненавидитъ. Читая его произведенія, чувствуешь, какъ бьется въ нихъ неспокойное, бурное сердце автора, и знаешь, что ему близко, что ему родственно, что онъ любитъ, что ненавидитъ¹⁾. Если такъ ясно отражается Горькій, со всѣми своими симпатіями и антипатіями, въ своихъ произведеніяхъ, то очевидно можно безошибочно уловить, на сторонѣ какихъ этическихъ взглядовъ его героевъ его симпатіи, какую мораль проповѣдуетъ онъ устами своихъ героевъ. Это мы и старались сдѣлать и, при-

¹⁾ Ibid. статья: „Пѣвецъ протестующей тоски“, стр. 13—14.

ведши въ систему одобряемы Горькимъ моральныя взгляды его героевъ,—представить этику самого Горькаго.

Что же въ общемъ нравится Горькому въ его герояхъ и ихъ поступкахъ, что онъ хвалить и чему симпатизируетъ, что придаетъ любимую Горькимъ окраску его героямъ и ихъ поступкамъ? Мы не ошибемся, если отвѣтимъ на этотъ вопросъ: *сила* героевъ, *сила* ихъ поступковъ. Въ „Пѣснѣ о Соколѣ“ и въ „Пѣснѣ о буревѣстникѣ“ ясно высказываются эти симпатіи Горькаго.—Соколы—это представители силы. Соколъ называется „смѣлымъ“, „храбрымъ“, „свободной птицей“. Онъ говоритъ ужу, на вопросъ послѣдняго: „что? умираешь?“—„да умираю... я славно пожилъ... я знаю счастье... я храбро бился.. я видѣлъ небо... ты не увидишь его такъ близко“¹⁾. Волны моря пѣли въ честь погибшаго смѣлаго и свободаго Сокола славу: „безумству храбрыхъ поемъ мы славу... Безумство храбрыхъ—вотъ мудрость жизни? О смѣлый Соколъ! Въ бою съ врагами истекъ ты кровью... Пускай ты умерь! Но въ пѣснѣ *славы* и *силы* духомъ всегда ты будешь живымъ призывомъ, призывомъ гордымъ къ свободѣ, къ свѣту“. Очевидно, смѣлость, храбрость сокола, стремленіе къ свободѣ, къ полетамъ въ небо—словомъ сила природы сокола и его поступковъ—вотъ чему симпатизируетъ Горькій. Такія же симпатіи къ силѣ высказываются Горькимъ и въ его „Пѣснѣ о буревѣстникѣ“... Буревѣстникъ носится надъ бушующимъ моремъ съ крикомъ. „Въ этомъ крикѣ жажда бури! слы гнѣва, пламя страсти и увѣренность въ побѣдѣ слышать тучи въ этомъ крикѣ“. Грохочетъ громъ. Буревѣстникъ, какъ стрѣла, пронзаетъ тучи. „Вотъ онъ носится, какъ демонъ, гордый, черный демонъ бури,—и смѣется и рыдаетъ. Онъ надъ тучами смѣется, онъ отъ радости рыдаетъ“! Онъ кричитъ: „пусть сильнѣе грянетъ буря“! Ясно, что буревѣстникъ тоже олицетвореніе силы, храбрости, при томъ необычной,—стремленія къ борьбѣ и побѣдѣ. Устами своихъ героевъ Горькій нерѣдко высказываетъ, что *сила*—самое прекрасное въ жизни и дѣятельности человека. Такъ, Ярославцевъ въ повѣсти „Ошибка“ разсуждаетъ о поступкѣ кузнеца Матеея, добившаго желѣной полосой упавшую

1) Т. I, стр. 238.

въ оврагъ телку: „морально это или не морально? Во всякомъ случаѣ это сильно, прежде всего сильно, а потому оно морально и хорошо. Въ этомъ разсужденіи Ярославцева можно было бы и не видѣть моральнаго взгляда Горькаго, если бы такое разсужденіе принадлежало только Ярославцеву, при томъ еще ненормальному, но такъ склонны смотрѣть, по справедливому замѣчанію критика Михайловскаго, всѣ босики Горькаго ¹⁾, на сторонѣ которыхъ симпатіи его,—вслѣдствіе чего нельзя сомнѣваться, что такъ смотреть и Горькій. Старуха Изергиль, въ разсказѣ этого же названія, съ восхищеніемъ разсказываетъ про людей прошлаго времени, ибо „это были веселые, сильные и смѣлые люди“ ²⁾. Грузинскій князь Шарко, въ разсказѣ „Мой спутникъ“, говоритъ: „Бто силенъ, тотъ самъ себѣ законъ“. Горькій вполне симпатизируетъ ему: „онъ (князь) умѣлъ быть вѣрнымъ самому себѣ. Это возбуждало во мнѣ уваженіе къ нему“ ³⁾. Горькій восхищается, что въ требованіяхъ князя „былъ характеръ, была сила“ ⁴⁾. Въ разсказѣ „Кайнъ и Артемъ“ Горькій съ сочувствіемъ разсказываетъ, какъ избитому Артему стало жалко себя, что его такого *сильнаго*, такого красиваго такъ изувѣчили, такъ обезобразили“ ⁵⁾. Въ разсказѣ „Проходимецъ“ бродяга Промтовъ, на сторонѣ котораго симпатіи Горькаго, самъ себя считаетъ силой: „большинство людей—пятачки, ходовая монета... и вся разница между ними въ годахъ чеканки. Этотъ стертъ, этотъ поновѣе, но цѣна имъ одна, матеріалъ ихъ одинаковъ и во всемъ они тошнотворно похожи другъ съ другомъ. А я вотъ не пятакъ, хотя можетъ быть я семишникъ“ ⁶⁾. Въ разсказѣ „Читатель“ послѣдній говоритъ писателю: „будь хоть на минуту *сильнымъ* и увѣреннымъ въ себѣ и я возьму назадъ то, что бросилъ въ лице твое. Я поклонюсь тебѣ. Смыслъ жизни въ красотѣ и *силѣ* стремленія къ цѣлямъ“ ⁷⁾. Въ разсказѣ „Еще о чортѣ“, чортъ издѣвается надъ Иваномъ Ивановичемъ, профессіей котораго было стремленіе къ совершенству, какъ надъ человекомъ, не отличающимся ничѣмъ сильнымъ. Онъ даже предла-

1) Крит. статьи. Статья: „О Максимѣ Горькомъ и его герояхъ“, стр. 103.

2) Т. I, стр. 126.

4) Т. I, стр. 189.

6) Т. III, стр. 201.

3) Т. I, стр. 185.

5) Т. III, стр. 146.

7) Т. III, стр. 254.

таетъ Ивану Ивановичу свои услуги вырвать все злое изъ его сердца—„Э... видите ли... вѣдь это, должно быть, очень болѣзненная операція? спрашиваетъ Иванъ Ивановичъ.—„Только для твердыхъ сердцемъ, отвѣчаетъ чортъ,—для тѣхъ, у кого чувства цѣльны и глубоко вросли въ сердце“.—„А я?“ спрашиваетъ Иванъ Ивановичъ.—„У васъ, отвѣчаетъ чортъ, вы извините, сердце мягкое, такое знаете драбное, какъ переросшая редиска, напримѣръ. Когда я буду извлекать стѣсняющія васъ страсти, вы почувствуете тоже, что чувствуетъ курица, когда у нея вырываютъ перья изъ хвоста“¹⁾). Изъ этого видно, что люди оцѣниваются у Горькаго по силѣ, интенсивности, стойкости и что слабые люди не представляютъ приманки ни для кого... Думаемъ, что указанныхъ ссылокъ и примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, что Горькій преклоняется предъ силой, что онъ оцѣниваетъ людей и ихъ поступки мѣркою силы, что, по нему, самое главное, и прекрасное въ человѣкѣ—сила.

Что же такое эта сила, которою восхищается Горькій въ своихъ герояхъ и ихъ поступкахъ? Изъ сказаннаго ранѣе ясно не видно, о какой силѣ говоритъ Горькій. Можетъ ли эта сила быть примирена съ нравственной силой любви и добра и, если не можетъ, то какъ надобно понимать восхваленіе ея Горькимъ? Сила, предъ которою преклоняется Горькій, считая ее и ея проявленія чѣмъ-то прекраснымъ и моральнымъ, не совпадаетъ съ нравственною христіанскою силою любви и добра. Сила, которую воспѣваетъ Горькій,—это сила во всѣхъ ея видахъ, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Для Горькаго важенъ не характеръ силы и ея качество, а важна самая сила, какъ сила,—ея интенсивность, напряженность, яркость, безразлично къ тому, имѣетъ ли она доброе направленіе или злое или даже никакого, но представляетъ собою чисто стихійную силу. Понятіе силы у Горькаго чисто формальное понятіе, могущее имѣть различное содержаніе. Всякая сила, какъ сила, прекрасна, и все, что вытекаетъ изъ силы, какова бы ни была эта сила,—что ярко само по себѣ и сильно, все это прекрасно, хорошо и морально: „это сильно, прежде всего сильно, и потому оно морально и хорошо“²⁾—вотъ общій основной

¹⁾ Т. III, стр. 298.

²⁾ Т. I, стр. 157.

взглядъ Горькаго. Наоборотъ, слабость, въ чемъ бы и какова она ни была,—вотъ то, изъ чего выходитъ все ничтожное, отвратительное, независимое отъ характера поступковъ... Вслѣдствіе этого, намъ кажется, Горькій можетъ восхищаться и нравственной силой любви и добра такъ же, какъ и всякой силой, только это восхищеніе будетъ объясняться не тѣмъ, что въ данномъ случаѣ проявляется нравственная сила любви и добра, а тѣмъ, что здѣсь проявляется именно сила, какъ сила—ярко, интенсивно... Словомъ, началомъ хорошаго и моральнаго у Горькаго служитъ сила вообще, какъ сила, независимо отъ ея качественнаго содержанія и направленія.

Что дѣйствительно это такъ, видно изъ того, что Горькій въ своихъ произведеніяхъ одинаково воспѣваетъ всякую силу, независимо отъ ея содержанія и направленія. Онъ воспѣваетъ: и физическую стихійную силу, и психическую стихійную силу стремленія къ свободѣ и волѣ, и силу воли, направленной на одно опредѣленное дѣло, и даже, наконецъ, силу религіозно-нравственную... Мы убѣдимся въ этомъ, если рассмотримъ хотя бѣгло произведенія Горькаго съ различными типами его героевъ.

Въ однихъ произведеніяхъ Горькій воспѣваетъ физическую стихійную силу,—силу мощнаго, здороваго, жизнеспособнаго, прекраснаго человѣческаго тѣла, восторгаясь и всѣми проявленіями этой силы. Подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить разсказъ Горькаго „Каинъ и Артемъ“. Артемъ—представитель физической, стихійной силы. Это здоровое, сильное, красивое животное. Симпатіи Горькаго на его сторонѣ. Онъ съ восторгомъ описываетъ намъ этого силача. „Этѣ бодь колосальный дѣтина, съ правильно круглой головой въ густой шапкѣ кудрявыхъ черныхъ волосъ... Носъ его былъ прямой, антично-правильный, губы красныя, сочныя. Широкогрудый, высокій, стройный, всегда съ безсознательно довольной улыбкой на губахъ онъ былъ грозой мужчинъ и радостью женщинъ. Большую часть дня онъ проводилъ, лежа гдѣ-нибудь на солнечномъ припекѣ, массивный, лѣнивый, врывающій воздухъ и солнечный свѣтъ медленными вздохами, отъ которыхъ его

молчаливая грудь вздымалась высоко и ровно¹⁾. Иногда Артемъ предпринималъ разрушительные выходы на улицу. Сочувственно рисуетъ эти выходы Горькій: „Онъ вставалъ и шелъ изъ своего логовища на улицу... Шелъ онъ медленно, какъ большая гровая туча. Улица знаетъ его повадки и уже по лицу видитъ, чего ей можно ждать отъ него. Раздается предупредяющій шопотъ: Артемъ идетъ! И красавцу торопливо очищаютъ дорогу, отодвигая лотки съ товарами, котлы и жарчаги съ горячимъ, заискивающе улыбаются ему, кланяются... и всѣ его боятся. Онъ же идетъ среди этихъ знаковъ вниманія къ нему и боязни предъ его силой, идетъ угрюмый, молчаливый и уже дико—прекрасный, какъ большой звѣрь. Вотъ его нога задѣваетъ за лотокъ съ рубцомъ, печенкой, легкимъ—и все это летитъ на грязную мостовую“²⁾. Каинъ—жидъ, слабый, похожій на мышенка, „на маленькаго трусливаго хищника“ и вслѣдствіе этого не пользующійся симпатіями Горькаго, воспѣваетъ хвалы Артему: „Я всегда со страхомъ любилъ васъ. Я смотрѣлъ на васъ и думалъ, что вы можете разорвать пасть льва и избить филистимлянъ. Вы били ихъ... и я любилъ смотрѣть, какъ вы дѣлали это. И мнѣ то же хотѣлось быть сильнымъ, но я какъ блоха“³⁾. Такимъ образомъ, симпатіи Горькаго къ Артему привлекаетъ его необыкновенность, стихійная сила, то торжественно дремлющая, когда Артемъ лежалъ въ своемъ логовищѣ, то арко и необычно вспыхивающая, когда Артемъ предпринималъ свои разрушительные выходы на улицу. Такое же преклоненіе Горькаго предъ физической стихійною силою, силою мощнаго жизнеспособнаго тѣла и ея различными проявленіями мы видимъ и въ другомъ его рассказѣ: „На плотахъ“. Здѣсь симпатіи Горькаго на сторонѣ Силана Петрова, живущаго съ женою своего сына, снохача, единственно потому, что онъ, Силанъ Петровъ стихійно силенъ, здоровъ и жизнеспособенъ, а антипатіи на сторонѣ сына—Митрія, мечтающаго о спасеніи души, потому что онъ слабъ, хилъ и нежизнеспособенъ. Съ удовольствіемъ рисуетъ намъ Горькій снохача—отца. „Гляди въ оба! раска-

1) Т. III, стр. 133.

2) Т. III, стр. 136—137.

3) Т. III, стр. 147.

тисто загремѣло по рѣкѣ и поплыло по рѣкѣ^а. Это кричалъ снохачъ—отецъ. „По силѣ звука, говоритъ Горькій, чувствовалось, что кричитъ человѣкъ *здоровый*, энергичный, довольный собой, человѣкъ съ большой и ясно сознанный жизнеспособностью. Кричалось не потому, что окрикъ былъ вызванъ славщиками, а потому, что душа была полна чѣмъ то радостнымъ и *сильнымъ*, и оно—это радостное и *сильное*—просилось вонъ, на волю, и вотъ вырвалось въ этомъ гремящемъ, энергичномъ звукѣ“.—Ишь, какъ тавкнулъ, старый чортъ! съ удовольствіемъ отмѣтилъ Сергѣй (работникъ) и зорко посмотрѣлъ впередъ, усмѣхался¹⁾. Такимъ образомъ, Горькій восторгается Силаномъ Петровымъ, вслѣдствіе стихійной физической силы послѣдняго, вслѣдствіе его физической сильной жизнеспособности, и безразвѣтная связь Силана съ женою сына для Горькаго не только не предосудительный поступокъ, но даже красивый и вполнѣ простительный, какъ проявленіе сильной жизнеспособности. „Герой у тебя отецъ—отъ, говоритъ Матрію работникъ Сергѣй... Смотри-ка 52 ему, а онъ какую кралячку милуетъ... И любить она его... Нельзя не любить козыря такого. Король козырей“²⁾! Сюда же, къ этимъ рассказамъ мы относимъ и рассказъ Горькаго: „Варенька Олесова“. Въ Варенькѣ Олесовой Горькій восхищается силою молодого, красиваго тѣла, силою цѣльной стихійной природы, непосредственно выросшей на лонѣ природы. „Я вѣдь сильная, пощупайте какіе у меня мускулы“³⁾, говоритъ она приватъ-доценту Полканову. Приватъ-доцентъ такъ опредѣляетъ Вареньку—„это существо, упоенное прелестью растительной жизни, полное грубой повѣи, ошеломляющее, красивое, но необлагороженное умомъ“⁴⁾. Полкановъ, говоритъ Горькій, смотрѣлъ на Вареньку „съ восторгомъ, благоговѣніемъ, какъ на что-то святое, такъ чиста и гармонична была красота этой дѣвушки, цвѣтущей силой юности“⁵⁾. Симпатіи Горькаго на сторонѣ Вареньки несомнѣнно, потому что она дѣвушка сильная, красивая, стихійная. Вслѣдствіе этого онъ позволяетъ ей такіе поступки, какъ бить слугу и отшлепать приватъ-доцента Полканова, и все это выходитъ такъ хорошо.

1) Т. I, стр. 248.

2) Т. II, стр. 284.

3) Т. II, стр. 378.

4) Т. I, стр. 249.

5) Т. II, стр. 344.

Въ другихъ произведеніяхъ Горькій восхищается другого рода силою своихъ героевъ—стихійной силою стремленія къ свободѣ, волѣ. Свобода, воля понимается при этомъ не какъ разумная свобода, а какъ жизнь по влеченіямъ своей природы. Такъ понимаемая свобода, воля есть въ большинствѣ случаевъ поправіе правъ ближняго, разнузданность, развратъ, ибо въ людяхъ живетъ больше злыхъ хотѣній, чѣмъ добрыхъ, вслѣдствіе чего жить по влеченіямъ природы все равно что жить, развратничая, грабя, убивая и вообще попирая права ближняго. Однако, такъ какъ стихійное стремленіе къ свободѣ, волѣ есть сила и говорить о силѣ, то Горькій—поклонникъ силы—восторгается своими героями и воспѣваетъ ихъ поступки, каковы бы они ни были, какъ проявленія силы и мощи, какъ прекрасные и позволительные. Чтобы подтвердить свое сужденіе, рассмотримъ этихъ вольныхъ и свободолюбивыхъ героевъ Горькаго. Вотъ предъ нами цыганъ Макаръ Чудра, на сторонѣ котораго симпатіи Горькаго,—человѣкъ свободный и вольный. Онъ смѣется надъ землешествомъ, такъ какъ землешество налагаетъ извѣстныя обязанности, стѣсняетъ: „неужели человѣкъ родился затѣмъ, чтобы поковырять землю, да и умереть, не успѣвъ даже и могилы самому себѣ выкопать? Вѣдома ему воля?... Онъ рабъ, какъ только родился, и во всю жизнь рабъ, да и все тутъ“¹⁾. Макаръ Чудра, какъ вольнолюбивый, и самъ любитъ такихъ людей, которымъ вѣдома воля и которые не хотятъ знать никакихъ стѣсненій. Онъ рассказываетъ съ упоеніемъ о цыганѣ Лойко, который въ любви къ волѣ убиваетъ влюбленную въ него и имъ любимую цыганку Радду. Лойко предлагаетъ Раддѣ быть его женою, но только съ тѣмъ, чтобы она не перечила его волѣ: „смотри, волѣ моей не перечь, я все таки свободный человѣкъ и буду жить такъ, какъ хочу“²⁾. Но къ сожалѣнію, и его возлюбленная оказалась такою же любительницею воли и свободы: „никогда я никого не любила, Лойко, а тебя люблю. А еще люблю волю! Волю-то я, Лойко, люблю больше, чѣмъ тебя“³⁾. Вслѣдствіе этого она не только не захотѣла подчиняться Лойко, но пожелала, что-

¹⁾ Т. I, стр. 2.²⁾ Т. I, стр. 10.³⁾ Т. I, стр. 12.

бы Лойко публично поклонился ей въ ноги. Лойко, любившій больше всего волю, не могъ этого сдѣлать. Онъ не желаетъ лишать себя свободы и вонзаетъ ножъ въ грудь Радды. Это весьма сильно, а потому, по Горькому, и позволительно, и хорошо. Макарь Чудра, рассказывая объ этомъ сильномъ поступкѣ, замѣчаетъ: „Что скажешь въ такомъ дѣлѣ?... Надо связать его... Не поднялись бы руки вязать его, ни у кого не поднялись бы!“¹⁾—Вотъ предъ нами другая свободолюбивая, широкая, сильная натура Емильянъ Пилая. Онъ не желаетъ стѣснять своихъ потребностей, ибо такъ поступаютъ только слабые, люди труда, рабы. „Ежели я знаю, что люди хорошо могутъ жить, то почему же мнѣ не жить?“²⁾ разсуждаетъ онъ. Но такъ какъ онъ хочетъ жить хорошо, не стѣсняя себя никакими обязанностями и трудомъ, не становясь рабомъ, то онъ желаетъ прибѣгнуть къ самому легкому средству къ устройенію хорошей жизни: „кlynуть денежнаго человѣка по башкѣ—что ни говори—приятно; особенно ежели умѣючи дѣло обставить. Это дѣло будетъ сдѣлано, вѣрь моей совѣсти“³⁾. Для обыкновеннаго смертнаго, слабаго человѣка это было бы, конечно, не хорошо, но для свободолюбивой, сильной натуры Емильяна Пилая—это, какъ представлено у Горькаго, даже красиво.—Еще болѣе силы, стремленія къ волѣ и свободѣ замѣчается у героя Горькаго Челкаша, въ повѣсти того же названія, вслѣдствіе чего о немъ и его дѣяніяхъ Горькій повѣствуетъ особенно сочувственно. Челкашъ представленъ натурой широкой, любящей сильныя ощущенія, отдающейя всѣмъ своимъ порывамъ, не стѣсняющей себя. Какъ натура сильная и не любящая стѣснять себя трудомъ, онъ занимается контрабандой—промысломъ весьма смѣлымъ и рискованнымъ. Одно изъ такихъ рискованныхъ предпріятій и описывается Горькимъ. Конечно, это предпріятіе сильному и смѣлому Челкашу вполне удастся. Благодаря этому предпріятію, онъ зарабатываетъ 540 рублей. Въ упоеніи своимъ поступкомъ и заработкомъ Челкашъ предлагаетъ невольному соучастнику своего подвига крестьянину Гаврилѣ: „гульнемъ мы съ тобой, пар-

1) Т. I, стр. 14.

2) Т. I, стр. 25.

3) Т. I, стр. 24.

нюга! съ восхищеніемъ вскрикнулъ Челкашъ: эхъ, хватимъ!“ Здѣсь-то происходитъ сцена, изъ которой видно, какъ высоко ставитъ Горькій Челкаша сравнительно съ Гаврилой. Гаврила униженно проситъ Челкаша отдать ему добытыя деньги для устроения своего хозяйства въ деревнѣ, ибо Челкашъ—де все равно ихъ пропьетъ. Челкашъ возмущенъ этимъ рабскимъ поступкомъ Гаврилы. „Дрожа отъ возбужденія острой жалости и ненависти къ этому жадному рабу, онъ вскрикнулъ: на, собака! и бросивъ деньги, онъ почувствовалъ себя героемъ. Никогда онъ не станетъ такимъ! Эта мысль и ощущеніе наполнили его сознаниемъ свободы и удали“¹⁾.—Такою же силою стремленія къ жизни по своимъ желаніямъ и волѣ воспѣваетъ Горькій въ рассказѣ: „Старуха Изергиль“. „Мы любили жить“, говоритъ Изергиль и въ примѣръ того, какъ живутъ сильные, свободные люди рассказываетъ о своей жизни. Она никогда не стѣсняла себя въ своихъ желаніяхъ. Она всегда и вполне отдавалась тому, кого любила, начиная съ 15 лѣтъ. Тутъ она не знала никакихъ препятствій: „какъ придетъ ночь, я бѣжала къ тому, кого любила, рассказываетъ Изергиль про первую свою любовь, 9 верстъ было до него. И обратно значить 9-же... Знаешь, сколько это выходитъ? И такъ вотъ бѣгала я три мѣсяца, пока была любовь... И вотъ до какой поры дожила—хватило крови“²⁾. Свои привязанности Изергиль часто мѣняла. Сначала она любила рыбака, потомъ какого-то турка и была въ его гаремѣ въ Скутари, потомъ сына этого турка и бѣжала съ нимъ, потомъ бѣжала съ какимъ-то послушникомъ въ Польшу, потомъ жила съ однимъ польскимъ паномъ, потомъ съ венгромъ, потомъ еще съ шляхтичемъ и такъ далѣе безконечная эпопея... Словомъ, Изергиль жила, какъ ей хотѣлось, не стѣняя своей свободы и воли и принадлежала къ числу тѣхъ сильныхъ, свободолюбивыхъ натуръ, которыя особенно по душѣ Горькому. „Теперь нѣтъ ничего такого, съ скорбью говоритъ Изергиль, ни дѣлъ, ни людей. И вижу я, что не живутъ люди, а все примѣряются. Всякихъ людей я нынѣ вижу, а вотъ сильныхъ нѣтъ“³⁾. Въ старину жили „сильные и смѣлые люди“⁴⁾.—Такою же свободолюбивою и сильною натурою,

1) Т. I, стр. 100.

2) Т. I, стр. 126.

3) Т. I, стр. 114.

4) Т. I, стр. 126.

даже еще болѣе, представлены у Горькаго Клеопатра морскихъ соляныхъ промысловъ—Мальва. Для Мальвы—самое главное—свобода, воля въ чувствованіяхъ, привязанностяхъ, жизни. Это ея стихія. „Я свободна, говорить она, своему поклоннику Василию. Я сама себѣ барыня и никого не боюсь. А ты вонъ сына боишься; давече какъ заюлилъ предъ нимъ—стыдь!“¹⁾ „Я здѣсь ничья,—свободная, какъ чайка! куда захочу, туда и полечу! никто мнѣ дороги не загородить! Никто меня не тронетъ“²⁾! „Я и отцу твоему, говорить она сыну Василию, не подвластна. Живу сама про себя“³⁾. Никому не подчиняясь, свободная въ своихъ чувствованіяхъ, Мальва съ своей стороны любитъ властвовать надъ другими, любитъ, чтобы изъ-за нея ссорились, дрались. Любящіе свободу, волю любятъ властвовать, ибо это даетъ просторъ ихъ волѣ. „Развѣ не пріятно смотрѣть, говорить Мальвѣ ея другой обожатель Серезка, какъ изъ-за тебя люди ребра другъ другу ломаютъ? Изъ-за однихъ только твоихъ словъ? Двинула ты языкомъ разъ-два и готово“..—А что? усмѣхнулась Мальва—хорошо бы“⁴⁾! Она поссорила Василия—отца съ его сыномъ—Яковомъ: „А вѣдь я нарочно поссорила тебя съ Яшкой-то“, говорить Мальва Василию. „Нитѣни раскаянія не звучало въ ея словахъ“.—„Зачѣмъ же это ты?“ спросилъ Василій.—„Не знаю... такъ“. Она пожала плечами, усмѣхаясь⁵⁾. Какъ Горькій относился къ этой свободолюбивой женщинѣ и ея поступкамъ, видно изъ всего сочувственнаго разсказа о Мальвѣ, особенно же видно изъ словъ, которыя онъ влагаетъ въ уста Серезки, достойнаго поклонника Мальвы, къ Якову—деревенскому парню, не пользующемуся симпатіями Горькаго, но тоже тяготѣвшему къ Мальвѣ; „дыцъ! и все тутъ! Что ты такое? Не тебѣ, собака, баранка пофдаты, скажи спасибо, коли дадутъ костей поглотать“⁶⁾. Въ томъ же родѣ рисуется предъ нашими глазами въ разсказѣ „Проходимецъ“ бродяга Промтовъ. Какъ натура свободолюбивая и широкая, онъ конечно не можетъ жить въ обществѣ. О себѣ онъ говоритъ: „я человѣкъ, которому въ

1) Т. III, стр. 30.

2) Т. III, стр. 42.

3) Т. III, стр. 76.

3) Т. III, стр. 35.

4) Т. III, стр. 76.

5) Т. III, стр. 78.

жизни тѣсно. Жизнь узка, а я—широкъ“. Какъ натура свободлюбивая, Промтовъ, не любитъ стѣснять себя работой, а питается болѣе легкими средствами и способами. На вопросъ сооего спутника: „а какъ вы добываете себѣ пропитаніе... работаете?—Промтовъ отвѣчаетъ: „работаю? нѣтъ, до этого я не охотникъ“.—„А какъ же“?—„А вотъ увидите“. Вошедши въ деревню и намѣреваясь снискать себѣ пропитаніе, Промтовъ вдругъ измѣнился: „на его выразительномъ лицѣ явилась скорбная мина, глаза стали глупыми, весь онъ согнулся, сжался и лохмотья на немъ встали стоймя, какъ плавники ерша“. Такъ преобразившись, Промтовъ сталъ зорко смотрѣть въ окна хатъ. „У одной хаты подъ окномъ стояла женщина, кормя грудью ребенка. Промтовъ поклонился и просительно сказалъ: „ненько моя! А дайте жъ страннымъ людямъ хлѣба“! Женщина отказала. „Чтобъ у тебя въ грудяхъ сперло“, сурово пожелалъ Промтовъ. Женщина взвизгнула, какъ ужаленная, и бросилась къ Промтову. Промтовъ, не двигаясь съ мѣста, смотрѣлъ ей въ лицо черными глазами, и выраженіе ихъ было дико и зловѣще. Баба поблѣднѣла, вдрогнула и, что-то пробормотавъ, пошла въ хату“. Изъ хаты она вынесла хлѣбъ и кусокъ сала: „пожалуйста, возьмите, человекъ Божій, не гнѣвайтесь“. Когда спутникъ Промтова спросилъ, что у него за странный способъ прошенія, то Промтовъ отвѣтилъ: „самый вѣрный... Если на бабу стрѣльнуть хорошенько глазами, она приметъ за колдуна, и не только хлѣба— всю мужнину кипешю цѣликомъ отдастъ. Для чего мнѣ просить и унижаться предъ ней, когда я могу приказать? Я всегда думалъ, что лучше вырвать, чѣмъ выпросить“ ¹⁾). Кромѣ этого способа Промтовъ, съ цѣлью снисканія пропитанія, употреблялъ еще болѣе нахальный, но въ изображеніи Горькаго красивый способъ. Онъ пускалъ иногда въ ходъ свое проходное свидѣтельство, данное ему, какъ высланному административнымъ порядкомъ изъ Петербурга. Придя въ деревню, онъ предъявлялъ это свидѣтельство старостѣ и говорилъ: „на основаніи этой бумаги ты долженъ дать мнѣ ночлегъ“. Староста давалъ. „Долженъ на-

¹⁾ Т. III, стр. 208.

кормить меня". Староста кормилъ. „Иначе, говоритъ Промтовъ, онъ и не можетъ поступить, потому что въ бумагахъ изображено—изъ Петербурга, административно“¹⁾. Съ тою же цѣлью кормленія Промтовъ иногда дурачилъ мужиковъ. Такъ, онъ выдавалъ себя за лѣкаря, совѣтуя напр. такія лѣкарства: „если ноетъ хребеть, то нарвать кропивы и велѣтъ бабѣ на ночь тою крапивой растереть хребеть, а потомъ смазать его конопляннымъ масломъ съ солью“. Или выдавалъ себя за чело-вѣка, знающаго всякія петербургія новости и распоряженія, и говорилъ мужикамъ, что вскорѣ имѣютъ отобрать у помѣщиковъ всю землю и раздать ее крестьянамъ. „Признано въ Петербургѣ, говоритъ Промтовъ мужикамъ, что истинный хозяинъ земли крестьянинъ и вотъ сдѣлано распоряженіе въ Сибирь не пускать, а ждать раздѣла“. Поилясь, замѣчаетъ Горькій, изъ устъ его мелодія наглѣйшаго вранья—сладкая музыка для всѣхъ слушателей“. На замѣчаніе своего спутника, что такимъ образомъ можно подвести мужиковъ подъ палку, Промтовъ отвѣчаетъ: „Какое мнѣ дѣло до чужой спины? Дай Боже, свою сберечь въ цѣлости! Это, конечно, не морально, но какое мнѣ опять таки дѣло до того, что морально и что не морально? Согласитесь, что ровно никакого дѣла нѣтъ!“ Горькій этотъ взглядъ одобряетъ: „Что-же? волкъ, т. е. Промтовъ, правъ“²⁾. Къ разряду такихъ же сильныхъ, свободолюбивыхъ людей должны быть отнесены также Коноваловъ въ рассказѣ того же названія, Григорій Орловъ въ рассказѣ „Супруги Орловы“, Ѳома Гордѣевъ въ повѣсти съ тѣмъ же названіемъ и Илья Луневъ въ повѣсти „Трое“.—Коноваловъ нигдѣ не можетъ долго устроиться, ибо его тянетъ воля, свобода. Онъ не можетъ долго стѣснять себя. „Экая тюрьма, восклицаетъ онъ, поступивши въ пекарню булочникомъ. Самъ посуди, отъ моря пришелъ я, въ Каспій на ватагахъ работалъ и вдругъ сразу—съ широты такой—бухъ въ яму“³⁾. Куда бы онъ ни поступилъ, чрезъ нѣкоторое время затоскуетъ по волѣ, запыетъ и уходитъ. „Я есть бродяга, говоритъ онъ, и не могу на одномъ мѣстѣ жить“⁴⁾. Какъ не могущій жить безъ воли, Коноваловъ

1) Т. III, стр. 205.

2) Т. III, стр. 211.

3) Т. II, стр. 6.

4) Т. II, стр. 86.

уходитъ босячить. Здѣсь онъ находитъ нѣкоторое удовлетвореніе своему стремленію къ волѣ и восхваляетъ свободную жизнь: „Легко и свободно. Никакого ни отъ кого стѣсненія. Захотѣлъ ѣсть—присталъ, поработалъ чего-нибудь на полтину; нѣтъ работы, попроси хлѣба—дадутъ“ ¹⁾. Горькій признается, что симпатія его насторонѣ Коновалова: „онъ внушалъ мнѣ какое-то странное уваженіе къ себѣ“ ²⁾.—Въ томъ же родѣ представленъ у Горькаго и сапожникъ Орловъ. Его широкая натура тоже не можетъ переносить стѣсненій, она жаждетъ свободы и простора, жаждетъ жить ³⁾. Отсюда запой у Орлова, драка съ женой: „Въ босяки бы лучше уйти... Тамъ хоть голодно, да свободно—иди, куда хочешь. Шагай по всей землѣ“ ⁴⁾. Въ другомъ случаѣ объ этой жаждѣ простора Орловъ говоритъ: „Горитъ у меня душа... Хочется ей простора, чтобы я могъ развернуться во всю мою силу. Эх! силу я въ себѣ чувствую необоримую“ ⁵⁾. Съ такою жаждою воли Орлову не остается ничего болѣе какъ стать босякомъ. Имъ онъ и становится: „я родился съ безпокойствомъ въ сердцѣ и судьба моя быть босякомъ... Самое лучшее положеніе въ свѣтѣ—свободно и все таки тѣсно“ ⁶⁾. Этому титану Горькій влагааетъ въ уста такія презрительныя слова о людяхъ: „хочется стать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты, и сказать имъ: ахъ вы, гады! зачѣмъ живете? какъ живете? жулье лицемерное и больше ничего“ ⁷⁾. Конечно, у такого титана въ изображеніи Горькаго все выходитъ хорошо и оригинально: и пьянство, и побой жены, и плеванье на всѣхъ людей.—Ома Гордѣевъ—купецъ, пользующійся симпатіями, Горькаго,—человѣкъ безпокойный, не укладывающійся ни въ какія рамки, жаждущій особенной широты и свободы—словомъ натура сильная. „Я просто жить хочу“ ⁸⁾, говоритъ онъ чиновнику Ухтищеву: „мнѣ темно и тѣсно“ ⁹⁾. Вслѣдствіе этого Ома Гордѣевъ бросается въ кутежи, топить барки съ людьми, бьетъ въ клубѣ чиновниковъ, обличаетъ всѣхъ въ уности интересовъ и стремленій и т. д. Дѣломъ купеческимъ, какъ мелкимъ для широкой

1) Т. II, стр. 63.

4) Т. II, стр. 93.

7) Т. II, стр. 151.

2) Т. II, стр. 6.

5) Т. II, стр. 127.

8) Т. IV, стр. 182.

3) Т. II, стр. 69.

6) Т. II, стр. 151.

9) Т. IV, стр. 183.

и не любящей стѣсненій природы Оома, конечно, не занимается. Да и ни какимъ дѣломъ не занимается: „гдѣ мое дѣло?... у меня силы не меньше, чѣмъ у любого... На что же она мнѣ?“ ¹⁾ Ища простора, Оома требуетъ, чтобы его крестный отецъ—купецъ Яковъ Маякинъ предоставилъ ему или полную свободу въ дѣйствіяхъ или чтобы взялъ все его торговое дѣло въ свои руки, а онъ, Оома, былъ бы свободнымъ: „онъ бы тогда могъ идти, куда хочется, дѣлать что угодно“ ²⁾, „я хочу жить свободно“, заявляетъ онъ Маякину ³⁾. И это желаніе свободы, говорить Горькій, все росло и крѣпло въ немъ, муча его своею силой. Оомѣ чуть ли не каждый день приходилось ощущать тяжесть лежащихъ на немъ обязанностей ⁴⁾. Оома оканчиваетъ тѣмъ, что его заключаетъ крестный въ сумасшедшій домъ, а потомъ уходитъ за Уралъ къ родственникамъ матери. Такова сильная натура Оомы, пользующагося симпатіями Горькаго.—Въ родѣ Оомы Гордѣева намъ представляется и Илья Луневъ въ повѣсти „Трое“. Онъ тоже хочетъ жить свободно, его широкая натура не укладывается въ обыкновенныя рамки, и нигдѣ онъ не можетъ найти для себя мѣста: все его стѣсняетъ. Какъ натура свободолюбивая и сильная, онъ разбиваетъ всякія стѣсненія, не оставиваясь даже предъ убійствомъ,—онъ убиваетъ старика купца Полуэктова, жившаго съ его любовницей Олимпиадой, при чемъ не чувствуетъ угрызеній совѣсти, ибо „грѣхъ не великъ паскудника раздавить“ ⁵⁾, ибо „совѣсти нѣтъ“ ⁶⁾. Нигдѣ Илья не находитъ жизни по себѣ: все не по нему и жизнь ему поэтому противна. Вслѣдствіе это онъ предаетъ себя въ руки правосудія, но не желая, чтобы его судили низкіе люди, недостойные его, на дорогѣ въ тюрьму вырывается изъ рукъ полицейскихъ, избѣгаетъ на гору, бросается внизъ и разбивается.—Наконецъ, къ такимъ же сильнымъ, желающимъ въ свою волю пожить натурамъ могутъ быть отнесены Ханъ и его сынъ въ рассказѣ того же названія. Ханъ и его сынъ любятъ одну и ту же женщину—казачку. Какъ люди, не желающіе ограничивать себя въ пользу другого, они рѣшаются бросить казачку со

¹⁾ Т. IV, стр. 220.

²⁾ Т. IV, стр. 237.

³⁾ Т. V, стр. 145.

⁴⁾ Т. IV, стр. 236.

⁵⁾ Т. IV, стр. 247.

⁶⁾ Т. V, стр. 395.

стали въ море, чтобы она не была ни чьей. Такъ они и поступаютъ. Казачка догадывается про это рѣшеніе, и Горькій впадаетъ въ уста ея такія слова: „ни тому, ни другому—такъ рѣшили? Такъ и должны рѣшать сильные сердцемъ. Иду“ ¹⁾).

Такимъ образомъ, въ лицѣ разсмотрѣнныхъ нами героевъ Горькаго воспѣвается стихійное стремленіе къ волѣ, свободѣ, жизни безъ стѣсненій, воспѣваются сильныя, вольнолюбивыя, жадныя широко жить натуры. Всѣ симпатіи Горькаго на сторонѣ этихъ героевъ и ихъ сильныхъ дѣлъ.

Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Горькій сочувственно относится къ людямъ, *сильнымъ* волю, направленною на какое-нибудь дѣло. Это уже не стихійныя натуры, а натуры опредѣленно стремящіяся къ развѣ намѣченной цѣли. Горькій симпатизируетъ этимъ героямъ, ибо они отличаются желѣзною силою воли, стойкостью, признавая, что и для такихъ натуръ все позволительно и хорошо. Такихъ героевъ мы находимъ въ повѣсти Горькаго: „Ома Гордѣвъ“. Это—отецъ Омы—купецъ Игнатъ Гордѣвъ, крестный отецъ Омы—Яковъ Маякинъ, купецъ Ананія Щуровъ и представители новаго купечества—сынъ Маякина Тарасъ и купецъ Смолинъ. Игнатъ Гордѣвъ—была натура мощная, онъ былъ человекъ, „охваченный страстью къ работѣ“ ²⁾). „Эта страсть горѣла въ немъ дни и ночи, онъ всецѣло поглощался ею и, хватая всюду сотни и тысячи рублей, кажется, никогда не могъ насытиться шелестомъ и звономъ денегъ“ ³⁾). Какъ натура широкая, онъ иногда „развратничалъ, пилъ, спавалъ другихъ, приходилъ въ изступленіе“ ⁴⁾), а потомъ вдругъ каялся, по нѣсколько часовъ выстаивалъ на колѣняхъ предъ образами, опустивъ голову на грудь ⁵⁾). Потомъ снова работалъ страстно и сильно. Стремясь къ наживѣ, Игнатъ не разбиралъ средствъ, ибо принадлежалъ къ тѣмъ излюбленнымъ Горькимъ натурамъ, которымъ все позволено, которыя не задумываются надъ выборомъ средствъ и помимо своего желанія не знаютъ другого закона. Совѣсть ихъ не стѣсняетъ, ибо „совѣсть—это сила необходимая лишь для слабыхъ духовъ; сильныя же быстро овла-

1) Т. II, стр. 72.

2) Т. IV, стр. 2.

3) Т. IV, стр. 2.

4) Т. IV, стр. 4.

5) Т. IV, стр. 8.

дѣлаютъ ея и порабащаютъ ее своимъ желаніямъ, ибо они безсознательно чувствуютъ, что если дать ей просторъ и свободу, она изломаетъ жизнь“¹⁾. Такою же силою, направленною на опредѣленное дѣло, выставляется у Горькаго и купецъ Яковъ Маякинъ. Онъ со всѣми умѣетъ обойтись, дѣйствуетъ стойко, сильно, умно и тоже не разборчивъ въ средствахъ. Онъ также держится того взгляда, что „сильному все простится, а слабому нѣтъ прощенія“²⁾, что „кто хочетъ отъ жизни толку добиться, тотъ грѣха не боится“³⁾. Купецъ Ананія Щуровъ представляетъ собою такую же силу. Онъ ведетъ свои дѣла умѣло, твердо и, какъ всѣ сильные герои Горькаго, неразборчивъ въ средствахъ. Яковъ Маякинъ его такъ характеризуетъ: „хитрый, старый чортъ. Преподобная лиса... возведетъ очи въ небеса, а лапу тебѣ за пазуху запустить, да кошель-то и вытащить“⁴⁾. Въ разговорѣ съ Ѳомою Гордѣевымъ Ананія Щуровъ высказываетъ ту мысль, что для сильныхъ грѣхи позволительны: „Судъ отъ Господа будетъ людямъ по силамъ ихъ. Тѣла ихъ будутъ взвѣшены и измѣрять ангелы кровь ихъ, и увидятъ ангелы Божіи, что не превыситъ грѣхъ тяжестью своей вѣса крови и тѣла.. понимаешь? Волка не осудить Господь, если волкъ овцу пожретъ... но если крыса мерзкая повинна въ овцѣ—крысу осудить Онъ! 5)“. Къ такимъ же сильнымъ, умѣлымъ, стойкимъ натурамъ, съ волею направленною на одно дѣло, но уже къ силамъ болѣе, культурнымъ относятся еще Тарасъ Маякинъ и купецъ Смолинъ. Тарасъ Маякинъ—человѣкъ бывалый, культурный, много читавшій⁶⁾ Онъ понимаетъ, какъ вести торговое дѣло. Онъ знаетъ, что „счастье человѣка обусловлено его отношеніемъ къ труду“. Ѳома составилъ о немъ такое понятіе: „твердый какой... въ отца... только не такъ счастливъ“... Тарасъ сила, все напередъ высчитавшая и идущая твердо, навѣрняка. Таковъ же и купецъ Смолинъ. Онъ увѣренъ въ своихъ силахъ. Онъ беретъ за дѣло, изучивши его. Онъ хочетъ открыть фабрику кожаннаго производства, изучивъ послѣднее детально за границей. Когда его старикъ Маякинъ спрашиваетъ: „о какомъ

1) Т. IV, стр. 1.

2) Т. IV, стр. 383.

3) Т. IV, стр. 161.

2) Т. IV, стр. 168.

4) Т. IV, стр. 156.

6) Т. IV, стр. 341—342.

ты процентъ мечтаешь?" Смолинъ отвѣчаетъ: „я не мечтаю, я высчитываю со всею точностью, возможною въ нашихъ русскихъ условіяхъ. Производитель долженъ быть строго—трезвъ, какъ механикъ, создающій машину. Нужно принимать въ расчетъ треніе каждаго самаго мѣлчайшаго винтика, если ты хочешь дѣлать серьезное дѣло серьезно. Я могу дать вамъ для прочтенія составленную мною записочку, основанную мною на изученіи скотоводства и употребленія мяса въ Россію“. „Ишь ты“, довольно усмыкнулся Маякинъ.—Такимъ образомъ, въ то время какъ Игнатъ Гордѣевъ, Яковъ Маякинъ и Ананій Щуровъ сила съ жизненной, практической сметкой,—Тарасъ Маякинъ и Смолинъ—силы, вооруженныя культурой. Всѣмъ этимъ силамъ Горькій, ясно, не отказываетъ въ своихъ симпатіяхъ, а, напротивъ, говоритъ о нихъ вполне сочувственно.

Наконецъ, Горькій симпатично и сочувственно рисуетъ иногда и силу, стойкость нравственную. Правда, это бываетъ рѣдко, больше онъ любитъ рисовать силу стихійную, физическую и душевную... Такъ, въ повѣсти „Трое“ онъ сочувственно рассказываетъ о старикѣ трапичникѣ Еремѣѣ, который въ теченіе семнадцати лѣтъ собиралъ деньги на построеніе храма въ своей деревнѣ. Онъ изображается ласковымъ, любовно относящимся къ главному герою—Ильѣ Луневу, обучающимъ его въ школѣ на свой счетъ и твердымъ въ преслѣдованіи своей цѣли: Незадолго предъ смертью онъ говоритъ Ильѣ: „Ильюша, дѣла моего я не сдѣлалъ! не успѣлъ! Деньги-то... деньги-то я копилъ, семнадцать годовъ копилъ. На церковь накопить думалъ. Думалъ въ деревнѣ своей храмъ Божій построить... Нужно это... охъ... нужно людямъ храмы Божіи имѣть“ ¹⁾). Этотъ трапичникъ былъ обворованъ предъ смертью. Илья съ добрымъ чувствомъ вспоминаетъ о немъ... „Какого человека вы ограбили“ ²⁾), говоритъ онъ однажды своему дядѣ Терентію.—Съ болѣею яркостью обрисованъ въ повѣсти „Ома Гордѣевъ“ старецъ Миронъ. Въ немъ чувствуется большая религіозно-нравственная сила. Горькій сочувственно рассказываетъ о немъ. На пароходѣ, гдѣ былъ и Ома Гордѣевъ, Миронъ разговариваетъ съ мужиками. „Броткій увѣщающій

¹⁾ Т. V, стр. 304—305.

²⁾ Т. V, стр. 150.

голосъ странника, говорить Горькій, обладалъ своеобразною силою, заставляя Оому вслушиваться въ глубокой, грудной звукъ его“¹⁾). Приглашенный Оомою въ каюту, онъ брезгливо осматриваетъ ее и когда садится на диванъ, обитый плюшемъ, подвертываетъ подъ себя полу подрясника, точно боясь запачкать его о плюшъ. Въ старцѣ замѣтна своеобразная сила и красота. Онъ строго говоритъ Омѣ, что нужно имѣть *ономъ ступреній*, чтобы видѣть все... Эта сила еще болѣе замѣтна, когда старецъ говоритъ о томъ, какъ всюду все говорить о Богѣ въ природѣ: „зашумать вокругъ тебя дѣса дремучіе сладкими голосами о мудрости Божіей, запоютъ тебѣ птички Божіи о святой волѣ Его, а степныя травы закурятъ ладаномъ пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ“²⁾). „Въ каждой травкѣ бьется сердце Господа; всякое насѣкомое, воздушное и земное, дышитъ св. духомъ Его; всюду живъ Богъ — Господь Иисусъ Христосъ“. Чувствуется убѣжденный и сильный голосъ, когда странникъ говоритъ Омѣ: „коли проснулась душа, коли просятся на волю—не усыплай ее насильственно, слушай ее голоса... Нѣтъ въ міру, въ его прелестяхъ никакой красоты и святости—чего ради подчиняться закону его?“³⁾ Ома плѣнился этими словами старца и просилъ его заходить къ нему, когда старецъ будетъ въ городѣ. Очевидны симпатіи Горькаго къ этому старцу, нравственно—и религіозно—сильному. Несомнѣнно, Горькій готовъ преклониться и предъ нравственно-религіозной силой, какъ и предъ всякой другой. Мы убѣждены, что сильные духомъ мученики христіанскіе и великіе аскеты могутъ привлечь къ себѣ симпатіи Горькаго не менѣе, чѣмъ его свободолюбивые босяки, ибо въ мученикахъ и аскетахъ чувствуется великая сила и мощь.

Изъ представленнаго обзорѣнія героевъ Горькаго и отношенія его къ нимъ и ихъ поступкамъ, ясно видно, что Горькій восхваляетъ всякую силу, какъ силу, независимо отъ ея качественного содержанія и направленія, и считаетъ для всякой силы все позволительнымъ и хорошимъ. На мѣсто нравственнаго начала дѣятельности—любви и добра Горькимъ ставится другое начало—сила. Мораль Горькаго, слѣдовательно,

¹⁾ Т. IV, стр. 316.

²⁾ Т. IV, стр. 319.

³⁾ Т. IV, стр. 321.

можетъ быть названа моралью силы. Этою силою можетъ быть и нравственная сила любви и добра, но ею же можетъ быть и злая сила, какою и обладаютъ почти все свободолюбивые герои Горькаго, грабящіе, развратничающіе, убивающіе. При этомъ различіи между поступками сильныхъ нравственною силою и силою злой воли никакого нѣтъ: и то хорошо, и это, ибо одинаково вытекаетъ изъ силы чловѣка. Качественная сторона поступка у Горькаго не имѣется въ виду. Мораль Горькаго; такимъ образомъ, есть безкачественная мораль—мораль всякой интенсивности и силы. Ее нельзя назвать ни моралью добра, ни моралью зла, ибо она есть то и другое вмѣстѣ, такъ какъ сила можетъ быть и доброю, и злою. Мораль Горькаго есть мораль безразличія добра и зла: все покрываютъ—собою сила, которую Горкій любить, какъ выражается критики Поссэ и Вогюэ, за то, что она сила ¹⁾. Одинъ и тотъ же поступокъ, по Горькому, можетъ быть и хорошимъ, и плохимъ, смотря по тому, кому онъ принадлежитъ и какъ совершенъ. Убиваетъ сильный, стремясь къ своей цѣли, волѣ, свободѣ—и это прощительно и даже хорошо,—убиваетъ слабый, не обладающій широтою и силою природы—и это возмутительно и плохо: „Волкъ пожретъ овцу, волка не осудитъ Господь; но если крыса мерзкая повинна въ овцѣ—крысу осудитъ Онъ“ ²⁾! Развратничаетъ Илья Луневъ, Мальва, Изергиль—это хорошо, красиво, развратничаетъ слабый старикъ Полуэвктовъ—это возмутительно. Словомъ, поступки чловѣка оцѣниваются у Горькаго не по своей качественности, а по своей интенсивности, по проявленію въ нихъ силы совершителя: нравственное и сильное у Горькаго, по замѣчанію Поссэ, почти синонимы ³⁾. Если таковъ основной принципъ морали Горькаго, то ясно, что его мораль не имѣетъ ничего общаго съ христіанскою моралью. Въ христіанствѣ поступки оцѣниваются не по тому, кому они принадлежатъ—сильной натурѣ или слабой, не по тому, какъ они совершены, сильно, храбро и ярко или осторожно, съ опасеніемъ, но по тому, добры ли они или злы въ своей основѣ, является ли въ нихъ

¹⁾ Крит. ст. стр. 14. Вогюэ. Максимъ Горькій, какъ писатель и чловѣкъ, стр. 38.

²⁾ Т. IV, стр. 161.

³⁾ Крит. ст., стр. 14.

любовь или злоба и ненависть. Убийство, кѣмъ бы оно ни было совершено, и какъ бы оно ни было совершено, все же грѣхъ, беззаконіе и евангелиемъ осуждается, ибо здѣсь отнимается жизнь ближняго. Будетъ ли воромъ сильный человѣкъ въ родѣ Челкаша или слабый въ родѣ Гаврилы, воровство все же остается воровствомъ, поступкомъ плохимъ, ибо здѣсь отнимается собственность ближняго. Развратничаетъ ли сильный молодой человѣкъ или слабый старецъ, развратъ остается все же развратомъ и христіанство никогда не можетъ признать разврата красивымъ и позволительнымъ поведеніемъ, какой бы сильный, здоровый и молодой человѣкъ ни развратничалъ. Словомъ, въ христіанствѣ всегда имѣется въ виду качество лицъ и поступковъ, берется во вниманіе, добры ли поступки или злы, — сила же природы совершителей и ихъ поступковъ не имѣетъ значенія: сила не можетъ превратить постыднаго въ похвальное, непозволительнаго въ позволительное, какія метаморфозы происходятъ у Горькаго вслѣдствіе того, что онъ въ основу жизни и дѣятельности поставилъ силу, какъ силу, а нѣтъ ея качественнаго содержанія и направленія.

Если мораль Горькаго — не христіанская мораль и почерпнута не изъ евангелія, то спрашивается, къ какой морали она наиболѣе приближается и гдѣ искать ея источника? Намъ кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что въ главныхъ своихъ чертахъ мораль Горькаго — мораль Нитцшеанская. Между моралью нѣмецкаго философа Нитцше и моралью Горькаго есть существенное сходство. Именно, такъ какъ мораль Горькаго есть мораль силы и сильныхъ, то въ то же время она есть мораль незаурядныхъ людей, но въ нѣкоторомъ смыслѣ сверхчеловѣковъ. „Всѣ герои разсказовъ Горькаго, говоритъ критикъ Скабичевскій, съ одной стороны мужчины въ родѣ Челкаша, Озорника, Орлова, Коновалова и др., — съ другой — безпашныя женщины въ родѣ Мальвы, Изергиль, Вареньки Олесовой — все это въ своемъ родѣ *человѣко-боги*“¹⁾). Въ Горькомъ, говоритъ тотъ же критикъ, мы замѣчаемъ наклонность среди босяковъ искать челоѣко-боговъ, которые при удовлетвореніи своихъ дѣрзкихъ желаній, не допускаютъ никакихъ

¹⁾ Крат. ст., стр. 135.

препонѣ, въ видѣ нравственныхъ правилъ, существующихъ конечно лишь для людей слабодушныхъ, рабовъ ничтожныхъ" ¹⁾. „Во всѣхъ произведеніяхъ Горькаго, говоритъ французскій критикъ Вогюэ, вы видите сверхчеловѣка" ²⁾. Однимъ словомъ, мораль Горькаго есть мораль сверхчеловѣковъ. Правда, слово сверхчеловѣкъ въ произведеніяхъ Горькаго не встрѣчается, но это не важно, такъ какъ по существу герои Горькаго—сверхчеловѣки. Такою же моралью сверхчеловѣковъ является и мораль нѣмецкаго философа Ницше, при чемъ самое слово „сверхчеловѣкъ" изобрѣтено Ницше. Мораль Ницше называется еще моралью „господъ", „аристократическою" моралью, такъ какъ сверхчеловѣки Ницше, какъ сильныя волею люди, есть въ нѣкоторомъ смыслѣ господа, аристократы. Такимъ образомъ, мораль Горькаго и Ницше имѣетъ въ виду не обыкновенныхъ людей, а сверхчеловѣковъ. Въ этомъ сходство между Горькимъ и Ницше. Но главное сходство между моралью Горькаго и Ницше то, что мораль Горькаго и Ницше есть мораль „по ту сторону добра и зла", стоящая выше добра и зла. Сверхчеловѣки Ницше, какъ и сверхчеловѣки Горькаго, живутъ право не стѣснясь понятіями добра и зла: имъ все позволено, у нихъ все хорошо... Заратустра говоритъ: „дѣлайте все, что хотите, не будьте раньше такими, которые утѣютъ желать" ³⁾, т. е., сильными волею. Слѣдовательно, сильные могутъ дѣлать все, что хотятъ. „Свободный человѣкъ, говоритъ Заратустра, можетъ быть и добрымъ и злымъ, а не свободный человѣкъ есть поворотъ природы и не имѣетъ части ни въ какомъ утѣшеніи—ни небесномъ, ни земномъ",—„привычкомъ душевнаго аристократизма, т. е. сверхчеловѣковъ, служить не бояться себя, не ожидать отъ себя ничего поворнаго, безъ колебаній летѣть туда, куда насъ тянетъ, насъ—свободно рожденныхъ птицъ, вѣря, что куда бы мы ни прилетѣли, кругомъ насъ будетъ свобода и солнечный свѣтъ" ⁴⁾. Въ примѣрѣ сверхчеловѣковъ Ницше указываетъ между про-

¹⁾ Ibid., стр. 130.

²⁾ Стр. 58.

³⁾ Проф. Риль. Фридрихъ Ницше, художникъ и мыслитель. Перев. съ нѣмецкаго. Москва. 1901 г. стр. 75.

⁴⁾ В. П. Преображенскій. Критика морали альтруизма. „Вопросы философіи и психологіи". 1892 г., кн. 15, стр. 146. 150.

чимъ Цезаря Борджіа—„насилъника, предателя и развратника“ и Наполеона—„синтезъ безчеловѣчности“. Изъ всего этого видно, что господская мораль Ницше состоитъ въ томъ, что сильные могутъ дѣлать все, что хотятъ, имъ позволено добро и зло,—что они могутъ летѣть, куда хочется, причеъ куда бы они ни прилетѣли, что бы ни дѣлали—все будетъ прекрасно, „кругомъ будетъ свобода и солнечный свѣтъ“. Очевидно, эта мораль совпадаетъ съ изложенною ранѣе моралью Горькаго. Большое сходство между Горькимъ и Ницше и въ отношеніи ихъ къ слабымъ людямъ, у которыхъ рабская мораль. Эти люди, по Ницше, позоръ земли ¹⁾, „стадные“, „эти люди должны быть подчинены благу высшихъ единичныхъ личностей“, т. е. сверхчеловѣковъ ²⁾. „Слабые и уродливые, по Ницше, должны быть уничтожаемы, надо всачески способствовать такому уничтоженію“ ³⁾. Горькій, какъ и Ницше, въ лицѣ своихъ героевъ тоже презрительно относится къ слабымъ, такъ напр. въ рассказѣ „Челкашъ“ Гаврила, какъ слабый, называется „жаднымъ рабомъ“, его расказаніе предъ Челкашемъ въ желаніи убить его осмѣивается: „гнусть! и блудить-то не умѣешь“ ⁴⁾. „Ежели видишь,—сильный, говоритъ Игнатъ Гордѣевъ своему сыну Оомъ, способный къ дѣлу человѣкъ, пожалѣй, помоги ему. А ежели который слабый человѣкъ, плюнь на него и пройди мимо“ ⁵⁾. Совпаденіе между Горькимъ и Ницше въ данномъ случаѣ поразительное! Такимъ образомъ, мораль Горькаго въ существенныхъ своихъ чертахъ можетъ быть названа ницшеанскою. Одно только, кажется, различіе между Горькимъ и Ницше въ ихъ морали сверхчеловѣковъ. Именно. У Ницше сверхчеловѣкъ никогда не можетъ быть представленъ, какъ христіанинъ, сильный силою нравственною, у Горькаго же сверхчеловѣкъ можетъ быть сильный нравственною силою христіанинъ. Сверхчеловѣкъ Ницше всегда долженъ быть господинъ, властолюбивъ, гордъ, т. е. не христіанинъ. „Гордое величіе властныхъ и надменныхъ взоровъ, безграничная воля, холодный, спокойный взоръ, рѣдко приходящій въ восторгъ, рѣдко любящій“—вотъ сверхчеловѣкъ Ницше. У Горькаго же

¹⁾ Ibid., стр. 151.

²⁾ Проф. Ряль, стр. 70.

³⁾ Т. IV, стр. 39.

⁴⁾ Проф. Ряль, стр. 85.

⁵⁾ Т. I, стр. 102.

сверхчеловѣкъ можетъ быть горячо любящимъ, сострадательнымъ, лишь бы въ этомъ была сила, твердость. Симпатичное отношеніе Горькаго къ старцу Мирону въ повѣсти „Ѳома Гордѣевъ“ можетъ служить доказательствомъ этого. Во всемъ остальномъ мораль Горькаго схожа съ моралью Ницше. Это сходство между Горькимъ и Ницше въ ихъ моральныхъ взглядахъ уже давно замѣтила критика. „Ницше, говоритъ Скабичевскій, со всѣмъ своимъ нравственно-политическимъ ученіемъ не былъ бы чужимъ среди философствующихъ босяковъ Горькаго“ ¹⁾. „Кто, какъ не Ницшевскіе прирожденные господа,—этотъ Челкашъ въ противоположность рабу Гаврилѣ, Соколю въ противоположность Ужу, Бузька—Косяку въ противоположность разной деревенщинѣ... или Макару Чудра, который учить: вѣдома ли ему (землепашцу) воля? Онъ рабъ, какъ только родился, и во всю жизнь рабъ“ ²⁾. „Босячество и Ницше, казалось бы, восклицаетъ Меньшиковъ, что общаго? На дѣлѣ оказалось все общее. Черезъ всѣ четыре тома Горькаго проходитъ нравственное настроеніе цинизма, столь теперь модное, столь сильное для историчнаго нашего времени“ ³⁾.

Откуда же Горькій позаимствовалъ ницшеанскую окраску своей морали, чѣмъ она объясняется? Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Горькій знакомъ съ нѣкоторыми произведеніями Ницше. По крайней мѣрѣ въ одномъ изъ своихъ произведеній онъ упоминаетъ о Ницше ⁴⁾. При этомъ нужно замѣтить, что Горькій усердно занимался и занимается своимъ самообразованіемъ и слѣдовательно могъ читать Ницше. Если же онъ непосредственно и не знакомъ съ произведеніями Ницше, то все же могъ ознакомиться съ его философійей отъ своихъ знакомыхъ, отъ нихъ „нашпиговаться ею“, по выраженію одного критика. „У насъ были ярые гегельянцы, никогда не читавшіе Гегеля, теперь имѣются такіе же ницшеанцы“. Еще болѣе понятно ницшеанство Горькаго, если принять во вниманіе, что ницшеанскія идеи теперь носятъ прямо таки въ воздухѣ и что онъ вышелъ изъ такой среды, гдѣ помимо

¹⁾ Крит. ст., стр. 96.

²⁾ Ibid. стр. 98.

³⁾ Крит. ст., стр. 195.

⁴⁾ „Еще о чортѣ“ т. III, стр. 290.

Ницше много ницшеанскаго—свободолюбиваго и хищнаго—изъ среды босяковъ.

Интересно въ заключеніе поставить еще одинъ вопросъ: разумна ли мораль Горькаго и полезна ли? Намъ кажется, что мораль Горькаго, насколько мы ее понимаемъ, неразумна и, какъ неразумная, вредна. Сила во всѣхъ ея родахъ и видахъ—настоящая, яркая сила ставить человѣка „по ту сторону добра и зла“, дѣлаетъ для человѣка все позволительнымъ—взглядъ Горькаго. Если принципъ силы поставить на мѣсто христіанскаго начала дѣятельности—любви и добра и перенести его въ жизнь, то получится страшный хаосъ въ человѣческихъ отношеніяхъ. Будетъ признано право всѣхъ силъ, какъ силъ: и силы здороваго человѣческаго тѣла—силы кулака, и стихійной силы воли, не знающей никакихъ препятствій, и силы воли, направленной на одно какое нибудь дѣло жизни, и силы нравственной, направленной на самоусовершенствованіе человѣка. Каждая изъ этихъ силъ можетъ проявляться различно, и всякое проявленіе ихъ законно. Конечно, за проявленія нравственной силы опасаться нечего, ибо нравственная сила не можетъ проявляться разрушительно. Но проявленіе другихъ силъ можетъ быть вполне разрушительнымъ. Если бы моральный взглядъ Горькаго получилъ практическое осуществленіе, то на землѣ былъ бы настоящій адъ: ломка, разрушеніе, давка людей, особенно слабыхъ. Мало этого... Если признать съ Горькимъ равноправіе всѣхъ силъ, какъ силъ, и позволить имъ всевозможныя проявленія, то тогда различныя силы, какъ силы, имѣютъ право и могутъ вступить въ борьбу и между собою и попираютъ одна другую. Тогда пожалуй изъ всѣхъ силъ окажется побѣдительницей сила здороваго тѣла и кулака,—тогда побѣдителями будутъ Артемы и Силаны Петровы. Остальныя же силы должны будутъ ступешаться... И не есть ли, такимъ образомъ, мораль Горькаго въ послѣднихъ своихъ выводахъ проповѣдь права силы кулака и не возвращаетъ ли она людей къ дикимъ временамъ, когда господствовалъ сильный,—выражаясь словами Ницше, человѣкъ—звѣрь? Наконецъ, моральныя взгляды Горькаго представляютъ еще одну серьезную опасность для человѣческихъ отношеній. Имен-

во: Горькій, замѣняя начало любви и добра началомъ силы, не опредѣляетъ, кто можетъ считать себя сильнымъ въ томъ или другомъ отношеніи и кому повтому можетъ быть все позволено? Вслѣдствіе такой неопредѣленности всякій можетъ посчитать себя сильнымъ, для котораго не должно быть никакихъ препонъ. Вѣдь человѣку всегда свойственно видѣть въ себѣ нѣчто большее того, что онъ представляетъ собою на самомъ дѣлѣ. Поэтому могутъ вообразить себя сильными тѣ, которые на самомъ дѣлѣ слабы: тогда уже и слабый будетъ жать и давить слабого. Тогда уже дѣйствительно общество людей будетъ похоже на общество хищныхъ звѣрей, даже хуже, такъ какъ однородные звѣри по крайней мѣрѣ не пожираютъ другъ друга, а здѣсь люди будутъ давить и пожирать себя. Словомъ, мораль Горькаго, если вникнуть въ нее, абсурдная мораль и вредная.

Одно только полезное указаніе можно позаимствовать изъ моральныхъ взглядовъ Горькаго, именно то, что наша христіанская мораль въ своемъ проявленіи въ отдѣльныхъ личностяхъ должна имѣть болѣе силы, что огонь любви и добра въ послѣдователяхъ Христова ученія долженъ горѣть сильнѣе и ярче, какъ горѣлъ онъ въ христіанскихъ мученикахъ, великихъ подвижникахъ и аскетахъ, какъ горитъ онъ напр. теперь въ сердцахъ кронштадтскаго пастыря... Тогда не будетъ никакого основанія оставлять христіанскую мораль, какъ слабую, и подмѣнять ее другою моралью—моралью силы.

Мы ранѣе замѣтили, что Горькій преклоняется и предъ нравственною силою, если только она дѣйствительно сила (въ чемъ состоитъ его различіе отъ Ницше), посему пожелаемъ, чтобы онъ, ничего не имѣющій противъ нравственной силы, впредь склонился предъ нею болѣе,—чтобы понятіе силы вообще, какъ силы, онъ въ своихъ будущихъ произведеніяхъ замѣнилъ понятіемъ силы нравственной—любви и добра, чтобы въ читателяхъ онъ пробуждалъ не преклоненіе предъ силою, какъ силою, не преклоненіе предъ любовью и добромъ, чтобы предъ глазами читателей его произведеній возникалъ не образъ Артема и Челкаша въ качествѣ идеала, но образъ нравственно-сильнаго человѣка, отдающаго всего себя на слу-

женіе ближнимъ, готоваго на самопожертвованіе и великій трудъ... И намъ кажется, Горькій отчасти уже переходитъ къ этому: сила тѣла и стихійной воли въ послѣднихъ произведеніяхъ его смѣняется отчасти силою труда въ одномъ направленіи даже культурною силою Тараса Маякина и Смолина и, наконецъ, нравственною силою, напр. въ лицѣ старца Мирона въ повѣсти „Ома Гордѣевъ“. Дикіе и свободолюбивые босяки менѣе уже изображаются Горькимъ. Дай Богъ, чтобы мораль Горькаго очистилась и преобразилась: тогда его произведенія сослужать службу, а теперь они могутъ быть названы вредными...

Инспекторъ Могилевской семинаріи, *Иеромонахъ Георгій*.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ИЗЪ БІОГРАФІЙ БУДДЫ САКЪЯ—МУНИ (LALITAVISTARA).

(Окончаніе *).

Искать смысла въ каждой сказочной чертѣ, изъ которыхъ состоитъ разсказъ о времяпрепровожденіи Буддою 60-ти дней послѣ своего просвѣщенія, было-бы, конечно, бесполезною тратою труда; достаточно указать общій характеръ этого періода, какимъ именно онъ представляется г. Feer'у. По мнѣнію послѣдняго, въ немъ можно различить три или даже четыре періода: первый, по Feer'у, обнимаетъ собою четыре недѣли, въ продолженіе которыхъ Будда проходилъ міры, сидѣлъ подъ деревомъ Боди, погружался въ экстазъ, боролся съ демономъ, однимъ словомъ, предавался упражненіямъ чисто буддѣйскаго характера; второй—въ двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ Будда пребывалъ на берегахъ рѣки Naiganjana и озера Michalinda. Третій періодъ обнимаетъ собою одну недѣлю, когда Сакья-Муни ничего не предпринималъ и четвертый—то время, анализомъ котораго мы занимаемся. Изъ этихъ четырехъ періодовъ первый указываетъ на состояніе нерѣшительности и колебанія Будды въ моментъ начала своей дѣятельности, его размышленіе о планѣ и способахъ пропаганды своей доктрины. Буддисты удлинняютъ этотъ періодъ, хотя вообще надо сказать, что онъ долженъ былъ быть не особенно продолжительнымъ; второй періодъ, по мнѣнію Feer'a, представляетъ собою неудачную попытку Будды приобрѣсти:

* Сл. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 4.

себѣ послѣдователей въ той же мѣстности, гдѣ онъ достигъ состоянія Боди. Тамъ дѣйствительно въ то время находились три брата Касіапы, о которыхъ буддійскія книги будутъ говорить позднѣе, когда Сакья-Муни привлечетъ ихъ къ себѣ въ слѣдующемъ году, вернувшись изъ Бенареса. И странное дѣло!—въ то время не понадобится никакихъ чудесъ для уничтоженія упорнаго противленія этихъ трехъ братьевъ. По разсказу о ихъ обращеніи мы видимъ, что братья достигли состоянія архатства—самая высшая ступень, которой только и можно достигнуть въ буддизмѣ или его іерахія, если только возможно такъ выразиться; названіе это прилагается къ самому Буддѣ и узурпація его считалась однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій. Эта притязательность братьевъ Касіаповъ даетъ намъ основаніе видѣть въ нихъ соперниковъ Сакья-Муни; она могла-бы быть даже доказательствомъ стремленія Будды къ пропагандѣ своего ученія до путешествія еще въ Бенаресъ, если-бы только было доказано, что слово архатъ буддійскаго происхожденія, что оно было изобрѣтено самимъ Сакья-Муни, а не позаимствовано имъ у какой-нибудь современной ему секты; къ сожалѣнію, для доказательства этого нельзя опереться ни на одно прямое свидѣтельство, но все-таки совокупность фактовъ и неясные намеки, разбросанные въ буддійскихъ книгахъ, даютъ намъ возможность, болѣе или менѣе основательно, догадываться о сопротивленіи этихъ братьевъ проповѣднической дѣятельности Сакья-Муни. Понятно, что послѣ этой первой неудачи, въ виду сопротивленія, встрѣченнаго имъ при первыхъ же шагахъ, въ виду господствующихъ заблужденій, надъ которыми трудно было восторжествовать, Будда удалился подъ одно изъ тѣхъ деревьевъ, тѣнь которыхъ такъ располагаетъ къ размышленію и здѣсь то впалъ въ состояніе унынія; за тѣмъ, когда этотъ кризисъ миновалъ, онъ снова принялся за работу съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ первый разъ, и продолжалъ дѣло до тѣхъ поръ, когда, наконецъ, третья его попытка, увѣнчавшись успѣхомъ, открыла Буддѣ карьеру триумфа и славы, нелишенную, впрочемъ, и разнаго рода опасностей.

Всѣ эти событія могли-ли совершиться въ 60 дней? Воз-

можно и это. Районъ, въ пространствѣ котораго могъ двигаться и двигался Сакья Муни, былъ не особенно великъ. Борьба его съ противниками, кажется, была не продолжительна. Въ этотъ періодъ верѣщительности и колебанія, въ періодъ, такъ сказать, осторожнаго зондированія почвы, Будда скоро могъ уступить и не противиться или, лучше сказать, не бороться съ препятствіями. Состояніе унынія Будды могло также быть не особенно продолжительнымъ, такъ какъ убѣжденіе въ своемъ призваніи, которое, безъ сомнѣнія, надо предполагать у Сакья-Муни, могло восторжествовать надъ неудачными послѣдствіями предшествующаго опыта. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что мы не обязываемся принимать за безусловно точный срокъ времени, показанный буддистами; возможно, если только это окажется нужнымъ, увеличить его однимъ или нѣсколькими мѣсяцами, но все-таки мы обязаны признать, что отстаиваемый нами періодъ былъ не особенно продолжительнымъ. Если бы онъ былъ продолжительнымъ, то буддисты не могли-бы легко затушевать его, какъ это они сдѣлали; въ такомъ случаѣ они были бы вынуждены дать болѣе обстоятельный разсказъ о немъ; даже болѣе—они не могли-бы тогда говорить, какъ это дѣлаютъ теперь, что Сакья Муни первый годъ по достиженіи состоянія Боди провелъ въ Бенаресѣ. Если же буддисты отнесли ко времени пребыванія въ Бенаресѣ и періодъ Магадскихъ проповѣдей Будды и не упомянули о нихъ особо, то, по всей вѣроятности, сдѣлали это потому только, что проповѣди въ Магадѣ не имѣли успѣха, а также и продолжались не особенно долго. Справедливость или, лучше сказать, несомнѣнность этого факта покоятся не только на подозрительной настойчивости буддистовъ относительно бенаресской проповѣди и предшествующихъ ей обстоятельствъ; нѣтъ, она опирается еще на данныхъ, вытекающихъ изъ совокупности фактовъ, изъ которыхъ состоитъ эта часть жизни Будды Сакья-Муни или, лучше сказать, изъ надлежащаго ихъ освѣщенія ¹⁾.

Вмѣсто „буддійскаго“ распредѣленія времени перваго періода жизни Сакья-Муни, г. Фееръ предлагаетъ слѣдующій ходъ событий послѣ достиженія Буддою состоянія Боди.

1) Feer. Etudes bouddhiques, pp. 110—118.

Прежде всего, говорить Геег, Сакья Муни, находясь въ состояніи размышленія о своей миссиі и утраченный трудностями предстоявшей ему задачи, думалъ о томъ, какимъ способомъ привести въ исполненіе свое намѣреніе. Естественно предположить, что ему пришла мысль распространить свою доктрину раньше всего въ той мѣстности, гдѣ онъ самъ жилъ и, безъ всякаго сомнѣнія, онъ обратился къ самымъ выдающимся умамъ окрестностей, именно къ тремъ братьямъ Касіапамъ, но потерпѣлъ полное пораженіе, былъ осмѣянъ и осрамленъ. Обезкураженный своимъ началомъ и отчаявшійся въ своемъ успѣхѣ, Будда приходитъ къ мысли отказаться отъ пропаганды открытаго имъ ученія. Однако, подѣ влияніемъ самовнушенія о своемъ призваніи и о своей великой миссиі, онъ скоро набирается храбрости и снова пытается, но уже вдали отъ мѣста первой своей неудачной попытки, достигнуть того, чего ему не удалось выполнить сначала; онъ идетъ въ Раджагриху съ цѣлью привлечь на свою сторону Рудраку, сына Рамы, и Арату Каламу. Можетъ быть, если Арата Калама оставался въ Вайшали, Будда ходилъ туда для его обращенія, но вѣроятнѣе всего, что Калама находился тогда въ Раджагрихѣ, и что Сакья-Муни не выходилъ изъ предѣловъ Магады. Можно думать, что онъ нашелъ обоихъ подвижниковъ, которыхъ уже считалъ мертвыми и, безъ сомнѣнія, не смотря на свою первую неудачу, предложилъ имъ все-таки свою теорію, но и здѣсь, какъ и на берегахъ Nairanjana, встрѣтилъ не лучшей пріемъ. Осмѣянный снова, Будда уходитъ въ ту мѣстность, гдѣ онъ пріобрѣлъ свое мнимое верховное достоинство. Здѣсь-то онъ узналъ отъ Упаки, въ какомъ мѣстѣ находились его пять прежнихъ учениковъ, покинувшихъ, правда, его, но не забывшихъ еще и, быть можетъ, въ тайнѣ даже сожалѣвшихъ о немъ. Подѣ влияніемъ мысли объ этихъ ученикахъ Будда рѣшился покинуть Магадскую страну, сдѣлавшуюся для него вторымъ отечествомъ, колыбелью его доктрины, но отвергшую первыя проповѣди новозавлеченнаго учителя и отказавшую ему въ первыхъ ученикахъ, рѣшился покинуть Магаду для того, чтобы искать въ болѣе отдаленной странѣ первыхъ успѣховъ, которые должны были быть залогомъ и началомъ послѣдующихъ. Этотъ ходъ событій,

по мнѣнію Фегг'а, вполне согласуется съ нѣкоторыми фактами позднѣйшей жизни Будды, а также и съ естественнымъ порядкомъ вещей; онъ же, по словамъ того же ученаго, находитъ себѣ подтвержденіе и въ самихъ буддійскихъ книгахъ, если только отнестись къ нимъ съ надлежащею критикою. Фегг соглашается, что во времена Сакья-Муни былъ очень благопріятный періодъ для религіознаго творчества, но въ силу именно этого самаго, такъ сказать, господствующаго настроенія, Будда, по мнѣнію этого ученаго, и долженъ былъ столкнуться съ различными противными или, вѣрнѣе сказать, несогласными съ нимъ системами. И понятно, что тотъ, кто стремился къ успѣху, могъ достигнуть его только послѣ усиленной борьбы утверженіемъ или обнаруженіемъ своего превосходства надъ противниками, что, конечно, всегда дается лишь усиленіемъ и временемъ. Можно еще, въ видѣ возраженія, указать на то, что Сакья-Муни съ самаго начала своей аскетической жизни встрѣтилъ къ себѣ сочувственное отношеніе. Шестъ лѣтъ прошло съ того времени, когда Сакья-Муни, покинувъ свой отчій домъ, пришелъ въ Раджагриху и возбудилъ тамъ къ себѣ всеобщее удивленіе; Будду въ то время приняли за бога; царь Бимбисара торжественно, съ многочисленною свитою посѣтилъ Сакья-Муни въ его убѣжищѣ на горѣ Пандава; этотъ царь даже обѣщалъ Буддѣ сдѣлаться его ученикомъ и настойчиво просилъ мудреца по достиженіи имъ высшаго достоинства придти въ Раджагриху проповѣдывать. Но прошло шесть лѣтъ, и Будда вмѣсто удивленія встрѣтилъ тамъ однѣ насмѣшки. Намъ нечего особенно поражаться такимъ явленіемъ—людская любовь и привязанность съ этой именно стороны хорошо извѣстны всѣмъ и каждому; въ шесть лѣтъ самая живая дружба могла измѣниться, могла перейти въ сильную ненависть или, по крайней мѣрѣ,—обратиться въ холодное равнодушіе. Къ тому же нельзя забывать и того, что въ продолженіе этихъ шести лѣтъ самъ Сакья-Муни мало заботился о своей популярности: онъ употребилъ ихъ не столько для того, чтобы быть забыту, но скорѣе для того, чтобы сдѣлаться смѣшнымъ. Лишенія, которымъ предавался Будда на горѣ Гайя, кажется, сдѣлались баснею окрестностей и произошло это не потому,

что такія лишенія были неслыханнымъ явленіемъ въ Индіи; нѣтъ, они очень были употребительны у стариковъ, но для человѣка 35 лѣтъ такія лишенія были необычайны¹⁾. Со времени аскетическихъ излишествъ Будду стали принимать за сумасшедшаго, и онъ сдѣлался, что называется, „притчею во явицѣхъ“; его осмѣивали на всевозможные лады; говорили: „аскетъ готами черепъ; онъ имѣетъ цвѣтъ рыбы Мадгура (Modgoura)“. Но самъ онъ лично пошелъ еще далѣе; онъ нашелъ, что эти столь тяжкія умерщвленія плоти и жестокости были бесполезными и опасными.—Сакья-Муни эти лишенія показали лишенными смысла, были результатомъ ложныхъ воззрѣній, и онъ отказался отъ нихъ. Конечно, всегда похвально сознаться въ томъ, что идешь ложнымъ путемъ и свернуть на истинную дорогу или, по крайней мѣрѣ, на ту—которая кажется истинною. Сакья-Муни именно и сдѣлалъ въ своей жизни такой опытъ и, благодаря такому обороту дѣла, потерялъ нѣсколькихъ изъ своихъ послѣдователей; пять учениковъ отвернулись отъ него, какъ отъ чревоугодника, какъ отъ человѣка, не заслуживающаго къ себѣ хорошаго отношенія, ихъ стала соблазнять перемѣна Буддою своего обычнаго образа жизни, да и вообще тѣ, кто прежде поражался его аскетическимъ героизмомъ, начали смотрѣть на Сакья-Муни, какъ на человѣка слабого духомъ или даже какъ на безумнаго. Не понимая того, чего желалъ Будда, такія личности могли смотрѣть на него, какъ на не умѣющаго управлять своими мыслями и своимъ поведеніемъ. А разъ человѣкъ попалъ въ такое безславное положеніе, то для своего восстановленія ему едва-ли достаточно было-бы достигнуть состоянія Боди, т. е. пережить непонятный умственный процессъ, о которомъ и понятія-то никто не имѣетъ. Для восстановленія своей чести, для пріобрѣтенія расположенія черни ему необходимо будетъ поразить народъ чѣмъ-нибудь выдающимся, чѣмъ-нибудь эффектнымъ.

1) Что таково именно было общее мнѣніе у современниковъ Сакья-Муни относительно возраста, въ который можно было начинать вести суровый образъ жизни—это видно и изъ рѣчей Чандаки къ Буддѣ въ ночь его бѣгства изъ дворца. Въ этихъ рѣчахъ Чандака прямо заявлялъ или, вѣрнѣе, упрашивалъ царевича сначала пожить въ свое удовольствіе, а послѣ, „подъ старость“—это подлинное выраженіе изъ рѣчи Чандаки—предаться и воздержанію. Lalitavistara, pp. 202, 205-

Часто достаточно бываетъ перваго успѣха, чтобы за нимъ послѣдовало множество другихъ; но все-таки безусловно нужно имѣть этотъ первый успѣхъ, нужно рѣшиться на первый шагъ; не останавливаясь передъ возможностью неудачнаго исхода. Конечно, если-бы Сакья-Муни сумѣлъ привлечь на свою сторону нѣсколько знаменитыхъ личностей, сумѣлъ-бы, напр., обратитъ въ свои послѣдователи Арату Каламу, Рудраку, сына Рамы, или братьевъ Касіаповъ, то, безъ сомнѣнія, царь Магады и чернь поспѣшили-бы примкнуть къ нему (какъ они и сдѣлали это черезъ годъ при его возвращеніи изъ Бенареса), но, къ его несчастію, Будда выступилъ на проповѣдь предъ ними безъ всякой что называется „обстановки“ и потерпѣлъ полное пораженіе. Печальный урокъ научилъ Будду осторожности, которую и можно указать въ его колебаніи при рѣшеніи вопроса, кому возвѣстить свое ученіе. Буддисты утверждаютъ, что въ данномъ случаѣ единственнымъ побужденіемъ для Сакья-Муни было состраданіе. Допустимъ это, но все-таки мы можемъ думать, что Сакья-Муни въ данномъ случаѣ руководился и другими соображеніями, именно принималъ въ расчетъ большую или меньшую вѣроятность успѣха своей проповѣди. Такъ напр., онъ имѣлъ благоразуміе не оставаться въ Магадѣ, гдѣ его не слушали, слѣдовательно, не упорствовалъ въ бесплодной борьбѣ. Будда прежде всего пытался пріобрѣсти учениковъ въ Магадѣ; тысячи причинъ могли побуждать Будду къ тому; но разъ его тамъ постигла неудача, онъ имѣлъ благоразуміе не упорствовать и немедленно удалиться въ страну, гдѣ могъ надѣяться на болѣе лестный пріемъ, могъ надѣяться, по крайней мѣрѣ, основательно быть выслушаннымъ и понятымъ, такъ какъ пять его прежнихъ учениковъ, покинувшихъ наставника въ минуту гнѣва, могли снова почувствовать и признать его превосходство.

Только при такомъ пониманіи перваго періода жизни Сакья-Муни, говоритъ г. Феер, и будетъ связной казаться эта половина или, вѣрнѣе, часть исторіи Будды, только при этомъ условіи событія развертываются въ ней и слѣдуютъ одно за другимъ въ причинной связи. Поведеніе, напр., Сакья-Муни въ пріодъ его унынія вполне объясняется неудачами, испытанными имъ во время проповѣди въ Магадѣ, съ своей стороны

эти неудачи дѣлають понятнымъ путешествіе Будды въ Бенарсь, гдѣ онъ достигъ такого желаннаго успѣха. Можно, пожалуй, говорить Фееръ, объяснить и причины этого успѣха. Будда все-таки цѣлою головою выдѣлялся изъ многочисленныхъ въ его время ¹⁾ искателей смысла жизни; мы должны признать это. И вотъ, когда кладнокровнѣе и обстоятельнѣе разобрали его доктрину, увидѣли все-таки ея оригинальность и обратили на нее вниманіе. Только при такомъ ходѣ дѣла и будетъ понятна особенная ужъ краткость—неудачнаго періода въ дѣятельности Сакья-Муни при учрежденіи имъ своей общины. Эта самая кратковременность неудачи Будды и дала возможность каноническимъ писателямъ буддизма, если и не открыто отрицать ея существованіе, то все таки—безъ особеннаго труда—скрыть ее при помощи общихъ мѣстъ и разнаго рода риторическихъ вычурностей. Но все-таки неудача—мы должны признать это—была у Сакья-Муни ²⁾.

Итакъ, историческая достовѣрность сказаній Лалиты-Вистары болѣе чѣмъ сомнительна. Этотъ выводъ еще болѣе убѣждаетъ насъ въ вѣрности ранѣе высказаннаго нами мнѣнія о ней какъ о продуктѣ послѣдовательныхъ передѣлокъ первоначальнаго труда—взглядъ, высказываемый относительно Лалиты-Вистары и г. Феер'омъ, трудомъ котораго мы воспользовались при разборѣ сказаній этой буддійской книги о мѣстѣ первой проповѣди Будды Сакья-Муни. Искать историческихъ указаній въ ней нельзя. Она должна служить матеріаломъ не историку, а миеологу, какъ справедливо выразился объ этой книгѣ проф. В. Пуссенъ ³⁾. Создать достовѣрную исторію Будды по Лалитѣ-Вистарѣ нѣтъ никакой возможности.

Усилія создать научную исторію Будды, говоритъ тотъ же проф. Пуссенъ,—совершенно бесполезны; можно даже прямо сказать, что и цѣль ихъ сама по себѣ иллюзорна.—Какой-бы періодъ буддійской исторіи мы ни принимались изслѣдовать—въ немъ не найти намъ „жизни Будды“; единственно, на что наталкиваются въ такомъ предпріятіи, пишетъ Пуссенъ,—это

¹⁾ Senar. Essai sur la légende du Bouddha... p. 448. См. также у С. Ольденбурга. „Буддійскія легенды и буддизмъ“. С.-Петербург. 1895 г. p. 168.

²⁾ Feer. Etudes bouddhiques, pp. 119—123.

³⁾ Цитиров. уже трудъ Louis de la Vallée Poussin. Bouddhisme. Etudes et matériaux, p. 18.

на догматъ почитанія „свѣтовоснаго“ состоянія Боди. Жизнь Гоамы, исторія первыхъ временъ, даже доктрина, благочестиво сохраняемая учениками—все это имѣетъ лишь побочный интересъ въ отношеніи къ этому догмату. По крайней мѣрѣ, въ принципѣ даже для самихъ буддистовъ, все служило только средствомъ для подтвержденія названнаго догмата, для обоснованія новой теологіи и морали. Въ случаѣ надобности оттуда также черпали матеріалъ для удовлетворенія благочестія вѣрныхъ, а иногда прибѣгали къ этой области и съ цѣлью утилизировать ее въ чисто корыстныхъ или самолюбивыхъ расчетахъ какой-нибудь секты или какого-нибудь монастыря. Личность Будды скрыта отъ насъ, по словамъ ученыхъ, туманомъ легендъ и мистическихъ вымысловъ¹⁾. „Въ массѣ легендъ и преданій о Буддѣ, пишетъ проф. Минаевъ, сказывается не стремленіе сохранить правдивый разсказъ объ его жизни, не историческое настроеніе ума, а исканіе идеала вѣрующимъ сердцемъ, творчество религіознаго чувства“²⁾. Искать въ этихъ легендахъ личныхъ подробностей, по мнѣнію того же ученика, — совершенно напрасная работа; въ нихъ выступаетъ не историческая опредѣленная личность, а общій типъ индійскаго аскета, коллективное творчество религіознаго сознанія вѣрующихъ, стремившихся съ самыхъ древнихъ временъ къ обоготворенію своего учителя³⁾. Этотъ вычерчивающійся изъ за легендъ общій типъ индійскаго аскета обставленъ такими фантастическими подробностями и въ высшей степени неправдоподобными чертами, что „вопросъ объ исторической личности изъ рода Сакіевъ, отъ котораго ведетъ начало буддизмъ, остается, говоритъ проф. Минаевъ, по сіе время открытымъ“⁴⁾. Но возвратимся къ тому, что говоритъ В. Пуссенъ, относительно исторіи Будды.

Возьмемъ-ли мы для возстановленія жизни Сакья-Муни сѣверныя или палійскія сказанія, они для насъ будутъ одинаково подозрительны; эти источники будутъ говорить намъ только о состояніи

1) „Буддизмъ на Цейлонѣ“ статья В. Лесевича въ прилож. къ „Свѣту Азіи“—вопомъ Э. Арнольда, перев. А. Аненской, изд. 2. Череп. 1893 г. р. 279.

2) Минаевъ. Буддизмъ; встѣд. и матер., р. 4.

3) Ibidem. р. 6—7.

4) Ibid. р. 5.

умовъ, создавшихъ ихъ. Относительно цѣнности сѣверныхъ источниковъ, пишетъ Пуссенъ, никто, конечно, не можетъ заблуждаться.— Легенды Лалиты-Вистары не дають матеріала исторической критикѣ, ихъ долженъ объяснять только миеологъ. На югѣ жизнеописаніе Будды составлено, положимъ, продолжаетъ В. Пуссенъ, сравнительно съ большимъ приближеніемъ къ вѣроятности, но если сингалезцы и принимаютъ ее какъ подлинную, то мы все-таки не можемъ раздѣлять ихъ вѣры. Такая жизнь есть только догматическое преданіе: рядомъ съ хронологическими подробностями и истинными происшествіями въ ней содержатся и quasi—историческія данныя, которыхъ принимать нѣтъ никакого резона. Всякая попытка возстановить жизнь Сакья-Муни по палийскимъ памятникамъ должна быть признана въ отношеніи къ исторической достовѣрности не заслуживающей большой цѣнности; извѣстный трудъ проф. г. Ольденберга не составляетъ исключенія въ данномъ случаѣ. Какъ палийцы представляли интеллектуальную и религіозную жизнь Будды, такъ Ольденбергъ и изучалъ ее. Да и изъ представлений палийцевъ онъ удержалъ только то, что не оскорбляетъ здраваго чувства, передѣлавъ и исправивъ предварительно все, что можно было передѣлать. Жизнь Будды, такимъ образомъ возстановленная, дасть только, говоритъ В. Пуссенъ, основательное объясненіе сингалезскихъ преданій, и напрасно мы будемъ искать въ ней точнаго обозначенія условій, при которыхъ жила и дѣйствовала Сакья-Муни. Единственный выводъ, какой находитъ возможнымъ допустить проф. В. Пуссенъ на основаніи извѣстныхъ намъ данныхъ о жизни Будды—это тотъ, что дѣйствительно былъ аскетъ изъ племени Сакіевъ—аскетъ, объявившій себя Буддою и только ¹⁾).

Для насъ важно, конечно, было бы прослѣдить постепенный ростъ легендъ о Буддѣ, но сдѣлать теперь этого съ надлежащею полнотою мы не въ состояніи. Въ литературѣ по данному вопросу царитъ полнѣйшее разногласіе. Многие—и особенно защитники преимущественной древности палийскаго канона—склонны представлять дѣло въ такомъ видѣ. Въ первое время послѣ смерти Будды въ обществѣ его послѣдователей сохра-

¹⁾ V. Poussin. Bouddhisme. Etudes et materiaux. pp. 17—19.

нялся буддизмъ въ болѣе чистомъ видѣ, а также, слѣдовательно, держались и болѣе правдоподобные рассказы о жизни учителя; но чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе затмѣвалась первоначальная чистота свѣдѣній. Рядомъ съ Хиннажной появилась Махаяна, а затѣмъ и Тантрійскія системы. Параллельно порчѣ или, если угодно, развитію ученія шла и порча біографіи учителя; легенды разрастались все болѣе и болѣе, и съ каждымъ шагомъ впередъ исторія вплетала въ вѣнокъ Сакья-Муни новыя и новыя цѣпты легенды. Таковъ, по представленію индіанистовъ этого направленія, ходъ исторіи буддизма ¹⁾.

Въ своихъ этюдахъ проф. В. Пуссенъ вноситъ небольшую поправку въ ихъ воззрѣніе.

Отдавать преимущество палийскому канону и считать его древнѣйшимъ сборникомъ буддійской священнон писменности— это, по мнѣнію Пуссена, чистѣйшее заблужденіе ²⁾. Индіанисты этого направленія, говоритъ Пуссенъ, жестоко въ своемъ мнѣніи ошибаются. Напрасно эти ученые думаютъ, что имъ извѣстенъ первоначальный буддизмъ и напрасно они смотрятъ на канонъ сѣверныхъ буддистовъ, какъ сравнительно новое произведеніе, въ которомъ нашли себѣ пріютъ еретическія доктрины разныхъ школъ. Оторвавшись отъ правобѣрнаго дерева, вѣтвь котораго устойчиво сохраняется въ буддизмѣ палийскаго языка, эти схизматическія школы подчинились, по мнѣнію ученыхъ указаннаго направленія, постороннимъ вліяніямъ и къ нѣкоторымъ сохраненнымъ имъ отъ древнихъ временъ принципамъ присоединили элементы, чуждые проповѣди Сакья-Муни. Но такой взглядъ на дѣло, по Пуссену, чистая иллюзія, тотъ-часъ же разлетающаяся, если только приступить къ надлежащему изслѣдованію источниковъ. Пали и канонъ на немъ, говоритъ Пуссенъ, это только одна изъ сектъ южнаго буддизма. Данныя названнаго канона имѣютъ цѣну лишь для эпохи—и

¹⁾ См. Ольденберга. Будда. Его жизнь, ученіе и община, pp. 79, 92—116; главный авторъ указать намъ здѣсь въ видѣ примѣра.

²⁾ Срав. мнѣніе о палийскомъ канонѣ и вообще о первоначальномъ буддизмѣ проф. Н. Миняева. Буддизмъ, т. 1-й, р. 11, а также и предислов. проф. С. Ольденбурга къ перев. брошюры Ризъ-Дэвидса—„Буддизмъ“ изд. Поповой, р. I—III и статью того же ученаго въ цитир. уже „Восточныхъ Забѣткахъ“, pp. 389—340.

при томъ сравнительно поздней—того же южнаго буддизма—не больше. Описывать судьбу общества, учрежденіе Санги, происхожденіе писаній, а также и жизнь учителя по документамъ перваго или четвертаго вѣка нашей эры—это говорить проф. Пуссенъ, чисто иллюзорное предпріятіе ¹⁾. Сохраненный вѣрою и благочестіемъ школъ, передѣланный по ученому, гордый своею точностью, намѣренно преувеличенною вѣкоторыми авторами,—канонъ палийскій кичится своею мало вѣроятною подлинностью. Европейскіе ученые, какъ и буддійскіе монахи, по своей вѣрности и отсутствію надлежащей критики, признають, не колеблясь нисколько, эту подозрительную подлинность палийскаго канона. Книги, говорятъ они намъ, записаны, положимъ, въ сравнительно позднее время, но Индія не даетъ ли намъ въ тщательномъ сохраненіи Ведъ чудесный примѣръ и въ то же время доказательство своей феноменальной мнемонической способности ²⁾. Но такая благочестивая гипотеза, замѣчаетъ проф. Пуссенъ, не выдерживаетъ критики.

Сами палийскія книги доказываютъ намъ, что буддизмъ вызвалъ въ Индіи цѣлую серію очень различныхъ, но въ то же время и очень родственныхъ между собою школъ; благодаря неразработанности матеріаловъ, мы очень мало знаемъ объ этихъ школахъ и о ихъ взаимной связи между собою, но все-таки мы имѣемъ право думать, что Хинаява раздѣляется на многочисленныя секты, и эти секты очень древни по своему началу и такъ же стары, какъ и самъ буддизмъ. Проф. Пуссенъ высказываетъ даже такую мысль, что возможно предполагать и древнее существованіе Махаяны и Тантризма. Во всякомъ случаѣ отдавать предпочтеніе сомнительной древности палийскаго канона Пуссенъ не совѣтуетъ. Исторія буддизма, по нему, сразу же началась массою разногласій и къ этому же самому времени, по его мнѣнію, возможно возвести начала и всѣхъ послѣдующихъ движеній въ буддизмъ ³⁾.

¹⁾ Срав. высказ. Васильевымъ взглядъ на происхожденіе буддійской священной письменности въ цитир. уже „Восточныхъ Замѣткахъ“ (см. его стат. Буддизмъ въ полномъ развитіи по Виналямъ, р. 7.

²⁾ См. такое разсужденіе по поводу буддійской литературы у Augustin Chabaseau въ его «Essai sur la philosophie bouddhique». Paris 1891. chap. III, pp. 87—88.

³⁾ V. Poussin Bouddhisme, pp. 1—6; 34. Проф. Минаевъ также не доврляетъ

Съ этого же времени началась, по мнѣнію проф. Пуссена, и важная для насъ въ данномъ случаѣ особая форма буддизма, именно его народная форма; начался тотъ видъ буддизма, въ какомъ онъ входилъ въ сознаніи народныхъ массъ.

Религіозная проповѣдь, говоритъ проф. Ольденбургъ, обращается къ двоякаго рода слушателямъ: однимъ нужно религіозно философское выраженіе для смутныхъ бродящихъ въ ихъ душахъ обрывковъ міровоззрѣнія—для нихъ стройная система догматовъ и каноны общества; другимъ нуженъ простой непосредственный отвѣтъ зачѣмъ жить, что дѣлать для того, чтобы сподобиться того блаженства, котораго жаждетъ ихъ душа среди тяготъ и горестей жизни—для нихъ благочестивое житіе, трогательная легенда; въ нихъ масса вѣрующихъ, простыхъ, нищихъ духомъ, находятъ свою религію¹⁾. Такъ было, надо думать, и въ исторіи буддизма; на первыхъ же порахъ появился для народной массы, для толпы тотъ видъ буддизма, который отличается особеннымъ энтузіазмомъ; появилась религія съ легендарными и личными божествами, сильно проникнутая мистическими идеями. И такое скорое появленіе народной формы буддизма не должно особенно изумлять насъ. Въ Индіи, говоритъ проф. Пуссенъ, всегда ждали святыхъ, Джановъ, или Буддъ. Чудесная звѣзда наивности всегда блестяла тамъ въ небѣ, и горные пустынники, какъ Азита, часто слышали голоса, раздававшіеся въ ихъ жилищахъ, способствующихъ мистическому настроенію: „только что родившійся будетъ верховнымъ Буддою“. Будда, продолжаетъ тотъ же ученый, это чисто буддійскій типъ—типъ человѣка, достигшаго истины, спасенія—человѣка, трудящагося для спасенія живыхъ существъ. Какъ Іудеи ждали Мессіа, какъ Персы мусульмане шіитскаго толка ждуть своихъ Бабовъ, такъ и Индія въ вѣковой надеждѣ ждала святыхъ, Джановъ, ждала Буддъ—людей, прошедшихъ черезъ различныя формы или виды бытія и объявившихъ себя сомнительной древности палийскаго канона и хиалнистическихъ обществъ. Его авторитетомъ пользуется Пуссенъ и прямо ссылается на нашего ученаго, какъ на спеціалиста по этому вопросу. (См. Минаевъ. Буддизмъ, р. 15—93).

¹⁾ С. Ольденбургъ. „Буддійскія легенды и буддизмъ“. (Отд. отгискъ изъ „Записокъ Восточ. Отд. Имп. Русск. Археолог. общ., томъ IX). С. Петербургъ. 1895. р. 157.

руководителями „каравана тварей“. И надо замѣтить, что каждый буддистъ допускаетъ реальность этого типа людей, разъ только онъ вѣритъ въ Будду прошедшаго, настоящаго и будущаго. За долго до того времени, когда западные ученые открыли Готаму, послѣдняго Будду, являлись многочисленныя святые, являлись мудрецы, являлись „озаренные“, ревнители знанія и суроваго образа жизни. Древняя Индія ждала и привѣтствовала ихъ появленіе, и такое ожиданіе было всеобщимъ ожиданіемъ. Намъ извѣстно, что ко времени появленія Сакья-Муни толпы аскетовъ наполняли Индію и зывали къ народу: „я—Будда, я—Будда“, а современные Готамѣ начальники школъ такъ же, какъ и онъ, претендовали на верховную миссію спасителей человечества. Культъ Буддъ, людей озаренныхъ, людей, достигшихъ божественности безпредѣльной любовью къ знанію, культъ основателей школъ былъ очень популяренъ въ Индіи, какъ и культъ Аватаръ—временныхъ воплощеній бога Рамы, Бригини и многихъ другихъ. Индійцы вѣрили въ возможность человѣку сдѣлаться богомъ, въ возможность быть причислену къ лику божествъ и высоко вознестись надъ скудными личностями современнаго имъ пантеона. Они почитали останки такихъ личностей и хранили ихъ слова и наставленія. Ортодоксальною вѣрою, положимъ, была вѣра въ Аватары, но все-таки и эта форма вѣрованій, если разобрать ее по существу, очень близко примыкала къ идеѣ обожествленія человѣка и ужъ безъ всякаго сомнѣнія могла наводить на мысль объ этомъ пытливаго человѣка.

Индія, говоритъ проф. Пуссенъ, ждала Будду; безъ сомнѣнія, она выработала уже типъ Магапуруши, Чакравартина и въ послѣдовательныхъ біографіяхъ персонифицировала подробности метеорологической жизни солнца¹⁾. Индія была уже „буддійскою“ по своему настроенію. Народъ и монахи уже группировались около учителей и аскетическая жизнь была въ полномъ расцвѣтѣ.

И вотъ въ такое-то время и появляется великій аскетъ. Онъ скоро попадаетъ въ тонъ господствующаго настроенія народа²⁾ или,

¹⁾ V. Poussin. Bouddhisme. p. 9—11, срав. Ольденберга. Будда, его жизнь, ученіе и община, p. 67, 72—73.

²⁾ Eugène Virieux. Le Bouddha, sa vie et sa doctrine. p. 85.

какъ думаютъ нѣкоторые, воплощаетъ въ себѣ наиболѣе возможную для чловѣка степень приближенія къ господствовавшему тогда идеалу и судьба его быстро устранивается. О Буддѣ въ данномъ случаѣ съ полнымъ правомъ можно сказать то же самое, что говорить о Зороастрѣ г. Мильсъ;—онъ „былъ только звеномъ въ длинной цѣпи учителей, которые являлись въ разные времена для совершенствованія и обученія народовъ. Его система была развитіемъ прежнихъ принциповъ; его ученіе предчувствовалось прежде, хотя прямо не высказывалось; міръ былъ готовъ для его воспріятія, и когда Будда явился, то ему оставалось только высказать и развить то, что уже носилось въ воздухѣ“¹⁾.

Самая личность Будды, кромѣ того, могла произвести сильное впечатлѣніе на толпу и при страстномъ мистическомъ темпераментѣ Индусовъ, не способна ли она была дать толчекъ ихъ пылкой фантазіи и содѣйствовать ея работѣ въ извѣстномъ направленіи? ²⁾ Во всякомъ случаѣ ~~сознаніе~~ ^{сознаніе} массъ скоро, надо думать, заработало надъ усвоеніемъ предлагаемаго ему матеріала и стало пропускать его черезъ призму собственнаго пониманія. Неспособный подняться на сравнительно большую высоту догматическаго ученія, умъ массъ едва-ли могъ примириться съ предлагаемымъ ему непонятнымъ теоретическимъ содержаніемъ буддизма; и вотъ почему буддійская община не сумѣла, да и не могла замѣнить въ народномъ представленіи страстнаго, напр., ожиданія небесныхъ наградъ холоднымъ обѣщаніемъ Нирваны; Нирвана не могла быть понятна народнымъ массамъ и ничего не говорила ихъ сердцу ³⁾; не изгнала та же доктрина изъ сердца народа и идеи живого Бога, котораго жаждетъ чловѣческая душа. Учитель Нирваны, идея мертваго или уснувшаго Будды — это идеаль аскетически настроенныхъ отшельниковъ; уму и сердцу народныхъ массъ онъ ничего не могъ сказать; „имъ. нуженъ нѣкто болѣе близкій, болѣе живой“. Вотъ въ силу чего община буддійская съ своею метафизикою и неспособна была поставитъ солидныя

¹⁾ „Буддизмъ въ Китаѣ“; лекціи проф. Бяля, р. 183. въ сбор. Тимирязева „Религіозныя вѣрванія“.

²⁾ V. Roussin. Bouddhisme, р. 23. „Ламаизмъ въ Тибетѣ“ сваяч. I. Поповъ, р. 39;

³⁾ Ольденбергъ. Буддійскія легенды и буддизмъ, р. 160.

препятствія чародѣйству и разнаго рода суевѣрiю. Психологически было невозможно и мыслимо удержать народныя массы на высотѣ спекулятивнаго богословствованiя буддизма. Разочаровавшись въ старыхъ богахъ, они искали себѣ новыхъ боговъ, умомъ и сердцемъ искали, чему молиться, что боготворить, и это настроенiе народной массы совершенно естественно должно было придать опредѣленную окраску всѣмъ легендамъ, бывшимъ въ обращенiи между вѣрующими ¹⁾). Историческая личность Сакья-Муни во всемъ этомъ процессѣ не имѣла никакого значенiя, ея роль въ данномъ случаѣ была чисто пассивнаго характера. Напротивъ, счастливая судьба сама преобразила эту личность.—Наслѣдница мифологическаго богатства прежнихъ временъ, личность Сакья-Муни въ то же самое время явилась и какъ высшее воплощенiе идеала Будды. Въ ней Индiя вынесла наружу и олицетворила всю свою вѣру и всё свое знанiе. Проповѣдь, приписываемая Сакья-Муни, сконцентрировала въ себѣ творческую энергiю религiознаго мышленiя Индуса, бывшаго поочередно то хинаяннистическимъ, то махаянистическимъ, то тантрийскимъ. Личная роль „основателя“ буддизма въ образованiи доктрины такъ же гипотетична, какъ и роль Ману въ происхожденiи идей законодательнаго кодекса того же имени. Ману, можетъ быть, никогда не существовалъ, Сакья-Муни—никогда не проповѣдывалъ: школы только сгруппировались около ихъ имени и ихъ личности ²⁾). Но возвратимся къ народному типу буддизма.

Нѣтъ сомнѣнiя, пишетъ проф. В. Пуссенъ, что вокругъ Будды Сакья-Муни составилось сначала общество чисто мѣстное, но затѣмъ это общество стало постепенно увеличиваться и захватило почти всю Индiю. Будда занялъ, по крайней мѣрѣ на короткое время, господствующее положенiе среди Индусовъ. Древнiе Татагаты, хотя и не были забыты при этомъ, но въ легендѣ, какъ и въ культѣ, отошли на заднiй планъ предъ фигурою Сакья-Муни. Даже самыя высокiе представители браминскаго культа—Брама, Индра стали третироваться съ обиднымъ пренебреженiемъ. Весь этотъ Олимпъ браминскiй едва достоинъ

¹⁾ Мпнаевъ. Буддизмъ... р. 4—5. Рязь-Дэвидъ. Буддизмъ, перев. М. Гюнсбургга. pp. 169—170, 172—179. V. Poussin. Bouddhisme, p. 26.

²⁾ V. Poussin. Bouddhisme. p. 12.

служить Буддѣ ¹⁾. И такая счастливая судьба Будды Сакья-Муни не должна особенно удивлять насъ или же казаться очень странною; такая судьба, прямо можно сказать, являлась даже неизбежнымъ слѣдствіемъ естественнаго хода вещей. Проф. С. Ольденбургъ говоритъ: „величавый и холодный образъ мірового наставника не могъ удовлетворить сердца людей, которые вѣрили въ могучаго Индру, побѣдителя Асуровъ, въ бога—вонна Кришну, владѣтеля волшебнаго города Дваравати, во весь сложный и красивый пантеонъ брахманскихъ боговъ. Неужели же тотъ, кому они подчинили всѣхъ этихъ боговъ, просто страствующій монахъ, хотя-бы и кшатрій? Нѣтъ, продолжаетъ тотъ же ученый свою рѣчь, нѣтъ онъ будетъ царскій сынъ, которому предстоитъ міродержавная власть, онъ родится чудеснымъ образомъ, онъ будетъ ходить и говорить тотчасъ послѣ рожденія, за каждымъ шагомъ его будутъ слѣдить боги и служить ему. И онъ, которому будетъ предоставлено всё, чего можетъ пожелать человѣкъ на землѣ, презреть всѣ блага земныя; онъ покинетъ царскіе чертоги, покинетъ любимую жену, малютку сына и уйдетъ въ пустыню нищимъ бродягомъ, что-бы найти истину, что-бы спасти людей отъ безконечности бытія. И въ пустынѣ ему предстанетъ злой духъ и будетъ искушать и соблазнять его всѣмъ, что составляетъ счастье людское, онъ будетъ устрашать его всяческими ужасами, но напрасно; царевичъ отвѣтитъ ему: „лучше умереть въ борьбѣ, чѣмъ жить побѣжденнымъ“, и искуситель исчезнетъ. И при ликованіи всей вселенной царевичъ станетъ всесовершеннымъ Буддою; тотъ, кто не захотѣлъ быть царемъ міродерждемъ, станетъ выше всѣхъ царей, выше всѣхъ боговъ—онъ сталъ спасителемъ міра. И долгую земную жизнь онъ посвятилъ на проповѣдь истины, обращая людей на путь, создавая общину, которая станетъ общиною четырехъ странъ свѣта и объединитъ одною вѣрою и индійца, и грека, и китайца, и перса. Онъ умретъ, и земля и небо содрогнутся, вселенная будетъ полна скорби о немъ, и всюду, гдѣ только найдутся вѣрующіе въ ученіе Вѣщаго—Будды, воздвигнутся величавыя памятники, напоминающіе о всѣхъ событіяхъ изъ жизни Учителя“ ²⁾. Вотъ

¹⁾ Ibidem., p. 43.

²⁾ „Буддійскія легенды и буддизмъ“. С. Ольденбурга. pp. 159—160.

правдивая и очень удачная картина, представляющая народную вѣру въ Будду; это картина того буддизма, который у проф. В. Пуссена извѣстенъ подъ именемъ народнаго. Онъ сложился въ общины, говоритъ Пуссенъ, и долго избѣгалъ ея вліянія. Лалита-Вистара представляетъ собою типичный образецъ этой народной формы буддизма ¹⁾.

Конечно, той формы, которая, такъ сказать, окристаллизовалась въ извѣстной теперь намъ Лалитѣ-Вистарѣ легенда достигла не сразу. Судя по времени появленія нынѣшней редакціи Лалиты-Вистары, дату которой мы старались выяснить въ первой части своей работы, окончательное сформированіе легенды или, вѣрнѣе сказать, достиженіе ею того фазиса развитія, который отмѣченъ нынѣшней редакціей интересующей насъ книги, надо отнести къ шестому вѣку нашей эры.

Къ этому времени наши каноническія сказанія о жизни Господа Нашего Иисуса Христа давнымъ давно были закончены ²⁾. Поэтому, собственно говоря, не можетъ быть и рѣчи о вліяніи легенды Лалиты-Вистары на евангельскія повѣствованія о жизни Господа, и исторія христіанская не могла дѣлать и не дѣлала, понятно, заимствованій изъ рассказовъ Лалиты-Вистары. И если намъ съ особенною настойчивостью станутъ указывать на будто-бы „поразительныя“ сходства Евангелій и рассказовъ данной біографіи Будды Сакья-Муни и отсюда дѣлать неблагоприятные выводы, то мы должны удивляться легкомыслію этихъ людей и имѣемъ право заявить, что подобные выводы—несостоятельны. Мы имѣемъ право даже указать лицамъ, смущаемымъ подобнымъ сходствомъ, на широкое распространеніе христіанства въ Азіи въ эпоху окончательнаго сформированія Лалиты-Вистары. Мы имѣемъ въ виду несторіанскую ересь.—Принужденные послѣ Ефесскаго собора (431 г.) покинуть имперію Феодосія II-го, эти

¹⁾ V. Poussin. Bouddhisme. p. 37.

²⁾ Время происхожденія нашихъ Евангелій указываютъ между 40—70 гг. перваго столѣтія. Даже по свидѣтельству отрицательной критики самый большой промежутокъ времени, прошедшаго отъ смерти Иисуса Христа до написанія книгъ, „которыя служатъ для насъ главными источниками свѣдѣній о жизни и ученіи Иисуса Христа“, будетъ равняться только сотнѣ лѣтъ и при томъ „многія изъ книгъ Новаго Завета и въ частности Евангелія Матвея, Марка и Луки существовали уже и при жизни современнаго Христу поколѣнія въ существенно такомъ же видѣ, какъ и нынѣ“. Келлогъ. „Буддизмъ и христіанство“ p. 21—22.

еретики удалились въ Персію, гдѣ у Сассанидовъ встрѣтили очень радушный пріемъ. Въ Ктезифонѣ, столицѣ имперіи Сассанидовъ, несторіане учредили даже свое патріаршество. Изъ Персіи несторіане быстро распространились между народами Азіи, двигаясь по той дорогѣ, какою изстари ходили торговые караваны Ирана—отъ сѣверо-востока р. Оксуса по жаркимъ и каменистымъ пустынямъ, граничившимъ съ западнымъ Китаемъ¹⁾. Волна несторіанства охватила тогда почти всю Азію, широко распространяясь въ глубь и по ея окраинамъ.—Такъ, историкъ Косьма, писавшій въ 525 г. нашей эры и плававшій въ моряхъ Индіи, говоритъ о церкви, которая въ его время существовала на островѣ Цейлонѣ. Эта церковь была обряда христіанъ, пришедшихъ изъ Персіи, и при ней находились священникъ и діаконъ—персы. Въ другомъ мѣстѣ Косьма говоритъ: „на о. Тапробанѣ (Цейлонѣ) есть церковь и при ней клирики и міряне. Церковь есть также и въ странѣ, извѣстной подъ именемъ Мали (Малабаръ), гдѣ растетъ перецъ. Въ мѣстѣ, называемъ Галліана (Galliana, въ окрестностяхъ Гоа) есть также епископъ, посвященный въ Персіи. Въ одномъ же греческомъ донесеніи, авторомъ котораго называютъ нѣкоего Pallodius'a разсказывается о Египетскомъ христіанинѣ по имени Схоластикъ, посѣдившемъ Цейлонъ и Малабарскій берегъ; этого христіанина взяли тамъ въ плѣнъ и продержали шесть лѣтъ, и только туземный царь, случайно узнавшій о немъ и сохранившій еще воспоминаніе о Римлянахъ, отпустилъ Схоластика на свободу²⁾.

Завоеваніе Персіи мусульманами въ 638 г. не только не было гибельнымъ для распространенія несторіанства, но, наоборотъ, еще помогло ему; мусульмане, говоритъ Шебель, покровительствовали христіанамъ, и послѣдніе, сопровождая завоевательныя ихъ экспедиціи въ глубь Верхней Азіи по извѣстной уже намъ дорогѣ³⁾, попадали въ Монголію, Тибетъ и

1) См. Le Bouddha et le bouddhisme par. C. Schoebel. Paris 1857. pp. 127.

2) См. Relations politiques et commerciales de l'Empire Romain avec l'Asie orientale (L'Irannie, l'Inde, la Bactriane et la Chine) pendant les cinq premiers siècles de l'ère chrétienne d'après les témoignages latins, grecs, arabes, persans, indiens et chinois. Journal Asiatique, 6 série, t. 1, мартъ—апрѣль и май—іюнь 1863 г. pp. 427—429.

3) Ibidem. Смотри описаніе сухопутнаго маршрута каравановъ между Китаемъ и Римскою имперіею. pp. 325—366.

Китай. Что много несторіанъ еще и раньше завоеванія Персіи магометанами находилось въ указанныхъ странахъ—это видно уже изъ факта посольства въ Индію и Китай въ 636 году епископовъ и священниковъ несторіанскихъ патріархомъ Селевкіи „Iseop-Iabouy'omъ“¹⁾.

Такимъ образомъ, фактъ знакомства буддійскихъ странъ съ христіанствомъ ранѣ появленія нѣтъшней редакціи Лалиты-Вистары не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. И если намъ хотятъ во что-бы то ни стало навязать вліяніе буддизма на наши каноническія сказанія о жизни Иисуса Христа и при этомъ въ видѣ доказательства ссылаются на легенды Лалиты-Вистары, то мы въ правѣ дать дѣлу иную постановку и выдвинуть вопросъ о внесеніи элементовъ „христіанской исторіи“ въ рассказы названной книги. И хотя это будетъ чужезаимствованіемъ, но его возможность въ буддизмѣ вполне естественна, такъ какъ склонность буддизма съ эклектизму, благодаря которой онъ „мало-мальски подходящее въ чужомъ культѣ преспокойно переноситъ на своего Будду“²⁾, достаточно извѣстна всѣмъ и каждому. Да развѣ я могъ искренно вѣрующій буддистъ, познакомившійся такъ или иначе съ исторіей Господа Нашего Иисуса Христа, приходившаго спасти человѣчество, устоять предъ соблазномъ и не перенести на своего учителя нѣкоторыя черты... Буддистъ даже и предъ своею совѣстью не совершалъ въ такомъ случаѣ ничего предосудительнаго. Вѣдь все, что есть хорошаго въ другихъ вѣрованіяхъ, хорошо лишь потому, что всегда идетъ отъ Будды, ему обязано своимъ происхожденіемъ³⁾. А развѣ это такъ, развѣ въ другихъ религіяхъ возможно даже присутствіе большей истины, чѣмъ въ буддизмѣ⁴⁾, то самый широкій плагіатъ для истинно-вѣрующаго буддиста становится даже законнымъ, нравственно обязательнымъ дѣломъ, превращается не въ чужезаимствование, а въ возвращеніе „затерявшагося“ истинному владыцѣ—монополисту всего хорошаго и прекраснаго—Буддѣ.

Итакъ, легенды Лалиты-Вистары не могли вліять на исто-

¹⁾ Schoebel. Le Bouddha et le bouddhisme. p. 127.

²⁾ Буддизмъ и его принципы (отискъ жур. „Пантеонъ Литературы“ за 1891 г.), взглядъ Мюнхенскаго проф. И. Зильбернагла. p. 23.

³⁾ De Millone. Bouddhisme, son histoire... p. 22—23. ⁴⁾ Ibidem, p. 22—23.

рическихъ сказанія нашихъ Евангелій о жизни Господа Ісуса Христа.

Загадывая свои замѣтки, мы считаемъ великимъ сказать, что между буддизмомъ и христіанствомъ, строго говоря, нѣтъ ничего общаго; мы не поднимаемъ вопроса о различіи буддизма и христіанства, какъ доктринъ; совершенно различно рѣшающихъ трудныя для человѣка проблемы жизни; наша работа, какъ мы заявляли уже разъ, болѣе „вышшаго характера“, если только можно такъ выразиться; но мы все-таки замѣтимъ, что буддизмъ и христіанство, какъ доктрины, совершенно противоположны другъ другу, они совершенно различны между собою уже по одной „той простой причинѣ“, что происходятъ отъ различныхъ источниковъ. Корень христіанства въ богооткровенномъ монотеизмѣ евреевъ, а дальнѣйшее развитіе въ ученіи Ісуса Христа, которое ставитъ причину, руководство и цѣль жизни внѣ той сферы, гдѣ можетъ властвовать умъ и воля человѣка. Корень буддизма въ аріискомъ пантеизмѣ, и основные принципы, унаслѣдованные имъ отъ браманизма, освобождаютъ его отъ всякой сверхъестественности, такъ какъ эти принципы относятъ причину, руководство и цѣль высшей жизни къ той силѣ, которой одушевляется и движется человѣкъ“. Въ христіанствѣ и буддизмѣ, повторяемъ еще разъ, нѣтъ ничего общаго. „Какъ передѣлка христіанства, буддизмъ вполнѣ не удовлетворителенъ. Онъ не даетъ авторитетнаго разсказа о сотвореніи міра и о томъ, какимъ образомъ грѣхъ и смерть впервые нарушили идеальныи порядокъ вещей; онъ не обѣщаетъ намъ взаимнѣ нашихъ молитвъ освобожденія отъ страданій и зла, или прямой поддержки божественныхъ силъ. Будда не провозглашаетъ себя спасителемъ, не беретъ на себя грѣхи всего міра. Напротивъ, онъ заявляетъ, что всякій человѣкъ долженъ самъ нести бремя своихъ грѣховъ, другими словами, что человѣкъ только самъ можетъ искупить свои грѣхи. Онъ не только не обѣщаетъ спасти учениковъ своими добродѣтелями отъ послѣдствій ихъ дурныхъ поступковъ, но заявляетъ, что никакое божество не можетъ совершить для человѣка того великаго дѣла побѣды надъ собой, или самоосвобожденія, которое въ религіи Будды замѣняетъ спасеніе души. „Самимъ человѣкомъ совершается зло“, говоритъ Будда; „самъ

человѣкъ страдаетъ отъ зла и оставляетъ его не искупленнымъ, самъ человѣкъ внутренно очищаетъ себя. Порочность и непорочность зависятъ отъ самого человѣка; никто не можетъ внутренно очистить другого* (Даманада, 163) ¹⁾. Генеалогическая связь Новаго Завета съ Ветхимъ, о которой мы только что сказали, такъ тѣсна, что на основаніи выдержекъ изъ послѣдняго можно представить подробный и вѣрный образъ Мессіи, образъ Господа Нашего Иисуса Христа, какъ бы начертанный самими Евангелистами. Мы не будемъ приводить здѣсь мессіанскія мѣста изъ Ветхаго Завета, но вмѣстѣ съ однимъ изъ западныхъ богослововъ скажемъ только, что тамъ указаны всѣ существенныя черты изъ жизни Господа Нашего Иисуса Христа. Тамъ указано: „Его происхожденіе отъ Авраама, Его родственная связь съ Іаковомъ и Давидомъ, Его зачатіе отъ Дѣвы, всеобщее чаяніе, котораго Онъ былъ предметомъ, Его рожденіе въ Вифлеемѣ, Его предвѣчное начало въ лонѣ Бога, Его божественное сыновство, Его имя Еммануилъ и Спаситель, бѣгство въ Египетъ, пребываніе въ Назаретѣ, пришествіе Его Предтечи; Его божественное помазаніе полнотою Духа; Его служеніе, какъ Пророка, Благовѣстника и Чудотворца; Его характеръ необычайной благости и смиренія, таинственность, окружающая Его божественную природу, неуспѣхъ Его посольства въ средѣ Его народа, гоненіе и вражда противъ Него; всѣ подробности смерти, Его ожидающей, Его предсмертныя страданія, предательство ученикомъ за тридцать сребренниковъ, оставленіе Его учениками, Его крестныя муки, погребеніе, Его воскресеніе и, наконецъ, Его чудное торжество, провозглашенное по всей вселенной при яркомъ свѣтѣ исторіи“ ²⁾. И все это содержится въ книгахъ, написанныхъ и составленныхъ за многіе вѣка до пришествія Спасителя! Къ чему же прибѣгать къ какимъ-то не выдерживающимъ критики заимствованіямъ исторіи Иисуса Христа изъ буддизма?

Святи. І. Трофимовъ.

¹⁾ „Будда и его ученіе“ Лекція Ф. Макдональда, р. 166—167 въ сборникѣ Тамирлева „Религіозныя вѣрованія“..

²⁾ См. „Вѣра и Разумъ“ 1890 г., т. I, часть I, стр. 774—775 статью: „Критика и исторія относительно жизни Иисуса Христа“.

Историко-философскія воззрѣнія проф. Карѣва.

I.

Имя проф. Карѣва не только извѣстно въ исторической наукѣ, но весьма популярно въ русскомъ обществѣ. Въ послѣдніе годы проф. Карѣвъ сдѣлался какъ бы знаменосцемъ нашей учащейся молодежи. Его „Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія“, его „Письма къ учащейся молодежи“ читались съ восторгомъ нашими образованными юношами. Поэтому знакомство съ собственными историко-философскими убѣжденіями извѣстнаго Петербургскаго профессора положительно необходимо для мыслящихъ православныхъ богослововъ.

Съ другой стороны, такъ какъ философскія убѣжденія проф. Карѣва тѣсно примыкаютъ къ его историческимъ воззрѣніямъ, то мы не будемъ разсматривать тѣхъ и другихъ отдѣльно, а *въ связи ихъ между собою*. Посильный разборъ въ заключеніи философскихъ убѣжденій проф. Карѣва явится нашимъ отвѣтомъ вообще эволюціонизму, который такъ распространенъ въ образованныхъ кругахъ русскаго общества.

„Ни одна наука такъ часто и такъ много, какъ исторія, не обращала на себя вниманія, какъ предметъ, достойный самаго тщательнаго и разносторонняго обсуждения именно съ точки зрѣнія теоріи, опредѣляющей цѣли науки и указывающей на пути для ихъ достиженія“¹⁾).

Такъ характеризуетъ проф. Карѣвъ положеніе исторіи въ

¹⁾ Карѣвъ: Основн. вопр. ф-ія исторіи, изд. 2-е, т. I, VII.

раду другихъ наукъ. Дѣйствительно, относительно задачъ и метода исторіи, какъ науки, ученые всегда такъ много разсуждали, что въ литературѣ по этому предмету накопилось не мало разнорѣчивыхъ взглядовъ. Не въ нашей цѣли перечислять здѣсь всѣ эти взгляды; но мы укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ, какъ на образецъ крайняго ихъ взаимнаго противорѣчія между собой,—на которыхъ сбывается старая латинская поговорка: *Si duo faciunt idem, non est idem*.

Сюда относятся прежде всего взгляды на исторію тѣхъ ученыхъ и философовъ, которые рѣшительно отвергаютъ всякое ея значеніе, какъ науки. Таковы взгляды *Шеллима*, полагавашаго, что *занятіе исторіей свойственно самымъ тупымъ головамъ*,—пессимиста *Шопенгауэра* и *Стенли Джевонса*. Последний говоритъ: „исторія, какъ наука, въ истинномъ смыслѣ этого слова, есть нелѣпное понятіе“¹⁾. То же въ сущности высказываетъ *Шопенгауэръ*²⁾.

Такимъ образомъ, по понятію этихъ ученыхъ и философовъ, исторія является правднымъ и никому ненужнымъ описаніемъ фактовъ.

Совсѣмъ съ другой стороны смотрять на исторію извѣстный критикъ *Ип. Тэнъ* и нашъ русскій писатель *Левъ Толстой*. По убѣжденію послѣднихъ, исторія должна стремиться къ познанію законовъ человѣческой жизни. „Задачу исторіи, говоритъ *Л. Толстой*, составляетъ уловить и опредѣлить законы движенія человѣчества“³⁾, ибо „дѣйствія людей подлежатъ общимъ, неизмѣннымъ законамъ, выражаемымъ статистикой“⁴⁾. Такимъ образомъ, по мнѣнію *Л. Толстого*, исторія, какъ наука, не только законна, но она имѣетъ весьма важную задачу—отыскать законы человѣческой жизни, руководствуясь которыми, мы, по словамъ *Тэна*, можемъ разгадать всю будущую судьбу міра⁵⁾. Само собой разумѣется, что съ признаніемъ подобныхъ законовъ, „выражаемыхъ статистикой“,

¹⁾ Вѣст. Евр. 1883 г., т. VI, 203.

²⁾ Міръ, какъ вол. и предств. т. II, гл. 38 „объ исторіи“ Ср. Кар.: Осн. вопр... 1 т. 117 стр. и ист. и филос... этюд., 1895, стр. 45.

³⁾ Война и Миръ. Изд. 1869 г., т. IV, заключен. гл. VI, 286.

⁴⁾ Ibid. VI, 269.

⁵⁾ Вѣст. Евр. 1890 г., I т. о Тэнѣ.

падаетъ великое значеніе свободѣ воли человѣческой въ ходѣ всемірной исторіи. И Левъ Толстой весьма опредѣленно говоритъ: „каждое дѣйствіе, наущающее насъ произвольнымъ для самихъ себя, въ историческомъ смыслѣ не произвольно, а находится въ связи со всемъ ходомъ исторіи и опредѣлено предвѣчно“ ¹⁾. Это „предвѣчное опредѣленіе“ есть не что иное, какъ дѣйствіе неизбежнаго закона ²⁾ или фатума ³⁾, исключающаго изъ хода человѣческой жизни всякую разумность ⁴⁾. Отсюда направленіе Льва Толстого въ исторіи извѣстно подъ именемъ фатализма.

Фатализму, какъ направленію въ исторической наукѣ, противоположенъ провиденціализмъ. Если фаталисты исключаютъ изъ исторіи человѣческой жизни всякую разумность и значеніе личной инициативы, то, по взгляду провиденціалистовъ, міромъ управляетъ всемогущая и высочайше-премудрая Рука Божія, направляющая, при посредствѣ свободной дѣятельности людей, ходъ исторической жизни къ добрымъ цѣлямъ. Такъ смотрятъ на исторію изъ древнихъ: Павелъ Орозій, Августинъ и др.; изъ новыхъ ученыхъ—Боскюеть, Лоранъ и пр. Отсюда и наука—исторія подъ перомъ, напр. Павла Орозія является изложеніемъ „наказанія и страстей людей грѣховныхъ, борева міра и суда Божія“ ⁵⁾. Какъ относится къ указаннымъ направленіямъ въ исторической наукѣ проф. Карѣевъ?

Онъ является примирителемъ крайностей или, какъ самъ выражается, „примирителемъ односторонностей“ въ наукѣ. Проф. Карѣевъ отрицаетъ съ одной стороны провиденціализмъ и „всякія метафизическія построенія въ исторіи“ (въ родѣ Гегеля), считая такой приемъ изложенія ея не научнымъ, произвольнымъ ⁶⁾; съ другой—онъ не признаетъ достаточно обоснованнымъ и то научное направленіе, по которому исторія должна изслѣдовать лишь одни законы человѣческой жизни, не задаваясь вопросами о смыслѣ и цѣли исторіи. Онъ говоритъ: „мы держимся примирительнаго принципа въ своихъ сочине-

¹⁾ Война и Миръ. IV, 7.

²⁾ Ibid. IV, 4.¹

³⁾ Ibid. VI, 265.

⁴⁾ Ibid. VI, 155.

⁵⁾ Евр. Осн. вопр. ф-ія ист. I т. 4 стр.

⁶⁾ Кар. I т. 90—91 стр. и 2 т. 286.

ніяхъ, отрицая метафизическія построенія философіи исторіи во имя положительной науки, но примиряя ея односторонній объективизмъ съ врожденною челоѣку способностью къ чувству идеаловъ, которые даютъ намъ субъективныя критеріи для оцѣнки реального міра и верховные принципы его деятельности“.

Насколько вообще состоятельна такая попытка Карѣва примирить объективизмъ и субъективизмъ въ исторіи—это вопросъ другой. Здѣсь же для насъ достаточно установить самый фактъ стремленія Карѣва къ примиренію въ своихъ воззрѣніяхъ наиболѣе рѣзкихъ научныхъ крайностей,—чтобы тѣмъ самымъ опредѣлить въ исторической литературѣ положеніе его собственныхъ воззрѣній.

Показавъ, такимъ образомъ, отношеніе историческихъ воззрѣній проф. Карѣва къ другимъ научнымъ взглядамъ того же рода, мы считаемъ не бесполезнымъ сказать нѣсколько словъ вообще о характерѣ его ученой дѣятельности.

Насколько можно судить по сочиненіямъ проф. Карѣва, онъ является эволюціонистомъ въ наукѣ. Въ основѣ же его философскихъ воззрѣній лежитъ позитивизмъ Конта. Какъ и этотъ философъ, Карѣвъ считаетъ научнымъ разсуждать лишь о такихъ предметахъ, которые подлежатъ нашему эмпирическому изученію. Поэтому предѣлы для „міросозерцанія“ онъ ограничиваетъ природой и челоѣкомъ ¹⁾. Все, непосредственно не относящееся къ этому міру, все, выступающее изъ границъ конечнаго, по взгляду Карѣва, принадлежитъ уже къ области творчества и, какъ таковое, въ строгомъ смыслѣ, не можетъ быть предметомъ науки ²⁾.

Исходя изъ этихъ философскихъ положеній, Карѣвъ въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ воззрѣній является чистымъ эволюціонистомъ. Подобно Спенсеру, онъ признаетъ основой эволюціи такое состояніе вселенной, въ которомъ господствующими элементами были—хаосъ, анархія и звѣрообразное состояніе людей. „Исходнымъ пунктомъ челоѣческаго существованія, говоритъ Карѣвъ, было такое состояніе, въ коемъ лич-

¹⁾ Кар. 2 т. 286.

²⁾ 1 т. 90 стр.

ность руководилась исключительно своими инстинктами грубо животнаго свойства ¹⁾, и въ другомъ мѣстѣ: „первобытныя общества дикихъ племенъ характеризуются: господствомъ силы, антагонизмомъ, борьбой за существованіе...,—анархіей“ ²⁾. Изъ этого первобытнаго состоянія, говоритъ Карѣвъ, мало-по-малу создавались въ исторіи „культурныя и соціальныя формы“. —На первыхъ порахъ „подъ сильнымъ вліяніемъ слѣпыхъ силъ природы“ ³⁾; но это были лишь зачатки будущаго прогресса, а не самый прогрессъ. Истинное развитіе началось лишь со времени работы критической мысли человѣка надъ безсознательною дѣятельностью „слѣпыхъ силъ природы“,—когда человѣкъ, по словамъ Карѣва, „пришелъ къ высшей степени самосознанія, нежели та, на которой онъ находился въ первобытныя времена“ ⁴⁾, „когда человѣкъ увидѣлъ, что самъ онъ творитъ всѣ соціальныя формы съ тѣмъ, чтобы онѣ дѣйствительно служили его потребностямъ“ ⁵⁾.—Какъ позитивистъ и проповѣдникъ естественной эволюціи человѣческихъ силъ, Карѣвъ безусловно отрицаетъ всякую мысль о врожденности идей. По его представленію, человѣкъ всѣ стороны своей духовной культуры: религію, этику и проч. пріобрѣтаетъ исключительно путемъ эмпирическимъ. „Нѣтъ, говоритъ онъ, расъ отъ природы монотеистическихъ и политеистическихъ... Человѣкъ рождается безъ врожденныхъ идей и идеи человѣка переходящи и измѣнчивы“ ⁶⁾...—Въ этомъ же смыслѣ понимаетъ Карѣвъ этику: „Человѣкъ, говоритъ онъ, самъ вырабатываетъ свою этику“ ⁷⁾. „Первобытная этика,—читаемъ у него въ другомъ мѣстѣ,—создалась потребностью въ общихъ нормахъ поведенія“ ⁸⁾; слѣд., этика явилась слѣдствіемъ работы человѣческой мысли, а не дана ему, вмѣстѣ съ рожденіемъ, какъ естественный законъ.

Сказаннаго, полагаемъ, вполне достаточно для того, чтобы составить себѣ представленіе о характерѣ и направленіи историко-философскихъ воззрѣній проф. Карѣва.

¹⁾ Кар. 2 т. 168.

²⁾ Ibid. 244.

³⁾ Ibid. 189 стр.

⁴⁾ Осн. Вопр.“... 2 т. 167.

⁵⁾ Ibid. 189.

⁶⁾ „Осн. вопр.“... 2 т. 145.

⁷⁾ Ibid. 287.

⁸⁾ Ibid. 240 стр.

Два слова еще о нашемъ изложеніи этихъ воззрѣній. Дѣло въ томъ, что проф. Карѣевъ въ своихъ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“ держится такого плана, который не отличается ни систематичностью, ни цѣльностью: объ одномъ и томъ же предметѣ онъ говоритъ часто въ разныхъ мѣстахъ и подъ разными заголовками (напр. о прогрессѣ, законѣ причинности и проч.). Кромѣ того, на ряду съ изложеніемъ собственныхъ воззрѣній, Карѣевъ въ своихъ сочиненіяхъ весьма большое мѣсто удѣляетъ критикѣ историческаго матеріала,— что совершенно мы не относимъ къ нашей задачѣ. Поэтому, въ виду указанныхъ неудобствъ, при передачѣ взглядовъ Карѣева, мы рѣшились отступить отъ его плана и составить свою систему изложенія, по нашему убѣжденію,—болѣе простую и естественную.—Именно: такъ какъ всякая наука предпосылаетъ своему содержанію *введение*, въ которомъ она устанавливаетъ общія точки зрѣнія на подлежащій ей изученію предметъ,—то мы сначала изложимъ взглядъ Карѣева на исторіософію, которая, по его убѣжденію, служитъ какъ бы „введеніемъ въ пониманіе всемірной исторіи“ и рѣшаетъ методологическіе вопросы этой науки ¹⁾. Затѣмъ, по возможности, словами самого же проф. Карѣева, представимъ опредѣленіе понятія „всемірной исторіи“, предмета ея, метода изложенія историческаго матеріала, задачъ всемірной исторіи, какъ науки, и, наконецъ, значенія этой науки для человѣчества. Въ заключеніе своего очерка скажемъ нѣсколько словъ относительно вообще историко-философскихъ воззрѣній проф.] Карѣева съ тѣмъ, чтобы выяснитъ, хоть отчасти, ихъ общественно-научное значеніе.

Вопросъ о томъ, *quo modo historia sit scribenda* (какъ надобно писать исторію), былъ извѣстенъ уже въ древности. Рѣшеніемъ этого вопроса занимался между прочимъ во 2 в. нашей эры извѣстный стоикъ Лукіанъ Самосатскій. Но всѣ попытки такого рода, которыя можно обобщить подъ однимъ заглавіемъ—*ars historica* (историческая наука),—включительно до конца прошлаго столѣтія, какъ справедливо замѣчаетъ

¹⁾ Оса. вопр... I. т. 16 стр.

проф. Карѣвъ, „имѣли болѣе литературный, чѣмъ научный характеръ“ ¹⁾. Только въ наше время исторіософія, изслѣдующая теоретическіе вопросы исторіи, заняла въ наукѣ подобающее ей мѣсто. И это вполне естественно. „Если всякая дѣятельность, говоритъ г. Карѣвъ, должна имѣть свои принципы и правила, чтобы быть вполне сознательной и цѣлесообразной, то тѣмъ болѣе это должно сказать о наукѣ—исторіи, въ силу крайняго разнообразія ея задачъ и пріемовъ“ ²⁾. Правда, въ этой наукѣ уже давнымъ давно существуетъ философія исторіи, но одна она не можетъ дать удовлетворительнаго рѣшенія всѣхъ возможныхъ вопросовъ. Съ другой стороны, философія исторіи, говоритъ г. Карѣвъ, хотя и есть „исканіе смысла дѣйствительной исторіи, судъ надъ ея ходомъ въ его результатахъ для отдѣльныхъ группъ личностей и всего человѣчества, въ отвѣтъ на вопросъ о направленіи судебъ человѣчества“ ³⁾, тѣмъ не менѣе, при достиженіи своей задачи, она часто превращается въ обыкновенную „всемирную исторію, только доведенную до извѣстной степени абстрактности въ изображеніи ея хода“ ⁴⁾. Поэтому главныхъ, такъ сказать, методологическихъ вопросовъ въ области историческихъ сочиненій философія исторіи, обыкновенно, не рѣшаетъ. —Этимъ обстоятельствомъ, въ связи съ трудностью и сложностью самого дѣла, объясняется, по мысли г. Карѣва, „необходимость, чувствуемая въ исторіософіи“ ⁵⁾. Последняя наука, рѣшая, „въ чемъ заключается сущность историческаго процесса, отвлеченно взятаго, такъ сказать, его механизмъ“ ⁶⁾, и какіе субъективные элементы мы имѣемъ право внести въ исторію,—тѣмъ самымъ указываетъ историку путь, по которому онъ долженъ идти въ своихъ научныхъ занятіяхъ.

Все содержаніе исторіософіи мы можемъ свести къ рѣшенію слѣдующихъ трехъ основныхъ вопросовъ исторіи: а) о сущности историческаго процесса, б) о значеніи личности въ исторіи и с) объ истинномъ смыслѣ исторической жизни лю-

¹⁾ „Ид. всем. ист.“ Рус. богат. 1885 г., нояб., стр. 4.

²⁾ Ид. вс. ист. 5 стр.

³⁾ Осн. вопр... I т. 14.

⁵⁾ Ид. вс. ист. 4 стр.

⁴⁾ Осн. вопр... I. т. 11 стр.

⁶⁾ Осн. вопр... I т. 15.

дей.—Посмотримъ сначала, какъ г. Карѣвъ опредѣляетъ сущность историческаго процесса.

Во 2 томѣ его „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“, на 53 стр. читаемъ: „сущность историческаго процесса состоитъ не во взаимодействіи чловѣка и природы, какъ думаетъ Бокль, а во взаимодействіи личности и надъ—органической среды“. Это значитъ, по мысли г. Карѣва, что ходъ исторической жизни людей зависитъ не исключительно отъ воздѣйствія на чловѣка природы, т. е., климата, растительнаго царства страны, географическаго положенія ея и т. п., а главнымъ образомъ зависитъ онъ отъ вліянія на чловѣка, такъ называемой, надъ—органической среды. Правда, долговременное пребываніе извѣстной расы въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ отражается на ея характерѣ и дѣятельности; но это вліяніе природы на чловѣка сильно лишь въ періодѣ дикости и младенчества людей. Въ зрѣломъ возрастѣ и при достаточной культурной развитости, чловѣкъ самъ порабощаетъ себѣ природу и производитъ въ ней весьма существенныя измѣненія, сообразно съ своими потребностями ¹⁾. Слѣдовательно, изъ вліянія на чловѣка одной природы нельзя, подобно Боклю, выводить всего хода исторіи.

Что же въ такомъ случаѣ г. Карѣвъ разумѣетъ подѣ „надъ—органической средой“, въ тѣсной зависимости отъ которой онъ полагаетъ ходъ исторической жизни людей?

Особенно обстоятельно значеніе этого понятія развито имъ во 2 гл., 2 т. его „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“. „Надъ—органическая среда,—читаемъ тамъ на 55 стр., вообще распадается на культурныя группы и соціальныя организаціи; частныя явленія, характеризующія эти группы и организаціи, составляютъ культуру... Культура общества есть не что иное, какъ совокупность постоянно и единообразно повторяемыхъ его членами мыслей, поступковъ и отношеній, въ зависимости отъ психическаго взаимодействія этихъ членовъ и условій общезжитія“. Эта не совсѣмъ удобопонятная тирада проще можетъ быть передана такъ. Надъ—органическая (духовно-обще-

¹⁾ Осн. вопр. 2 т. 120—123 стр.

ственная) среда, или культура, въ широкомъ смыслѣ, состоитъ изъ многихъ элементовъ. Одни изъ этихъ элементовъ составляютъ какъ бы содержаніе надъ—органической среды, а другіе—ея форму. Къ первымъ относятся: языкъ, идеи—теоретическія (научныя и религіозныя) и практическія (этика); ко вторымъ—политическія и социальныя учрежденія и пр. Разумѣется, далеко не всѣ элементы надъ—органической среды имѣютъ одинаковое значеніе для историка. Самыми важными онъ долженъ считать „деонтологическія“ (моральныя) идеи и учрежденія.

„Въ нихъ, говоритъ г. Карѣевъ, по нашему мнѣнію, существеннѣйшее содержаніе исторіи“ ¹⁾. И дѣйствительно, пока нѣтъ идей и учреждений, нѣтъ и самой исторіи. „Жизнь и идеи находятся въ вѣчномъ взаимодействіи: идеи создаютъ жизнь, жизнь порождаетъ идеи... Смѣна идей есть субъективная сторона исторіи, смѣна формъ жизни—объективная. Идея есть факторъ и продуктъ исторіи“ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ, развивая ту же самую мысль, г. Карѣевъ говоритъ: „гдѣ особи остаются на одной и той же ступени развитія, гдѣ не смѣняются идеи, тамъ, какъ у животныхъ и дикарей, нѣтъ исторіи“ ³⁾. „Исторія есть дѣятельность; ея процессъ складывается изъ поступковъ человѣка“ ⁴⁾; слѣд. поступки человѣка, являющіеся выраженіемъ его идей, суть главный факторъ исторіи.

Такимъ образомъ мы подошли къ весьма важному пункту историческихъ воззрѣній г. Карѣева, къ интересному и спорному вопросу „о значеніи личности въ исторіи“. Посмотримъ, въ какомъ смыслѣ разрѣшаетъ нашъ авторъ этотъ капитальный вопросъ въ исторической наукѣ.

„Нѣкогда, говоритъ г. Карѣевъ, велся споръ о томъ, кто производитъ движеніе исторіи—такъ называемые великіе люди или народныя массы, герои или толпа“ ⁵⁾, т. е., „увлекаетъ ли за собой дѣятельная единица инертную массу или, наоборотъ, постоянно движущаяся масса влечетъ за собой безсильную самое по себѣ единицу“ ⁶⁾?

Древность рѣшила этотъ вопросъ безусловно въ пользу ге-

¹⁾ Осн. вопр. 2 т., 59.

²⁾ „Осн. вопр.“ 2 т., 163 стр.

³⁾ Ibid. 161.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Осн. вопр. 2 т. 181.

⁶⁾ „Сущн. ист. проц.“ 27 стр.

роевъ. Массу человѣчества она считала за ничто. Въ наше время этотъ взглядъ потерялъ свое значеніе въ наукѣ. Но еще недавно его съ особенной силой развивалъ въ своемъ сочиненіи „О герояхъ“.. извѣстный историкъ Карлейль. По взгляду послѣдняго, „исторія есть дѣятельность великихъ людей, трудившихся на землѣ,—ихъ біографія“¹⁾).

Такое устарѣлое, а потому ненаучное, воззрѣніе Карлейля, естественно, на первыхъ же порахъ своего существованія, встрѣтило сильный отпоръ со стороны ученыхъ. Но, какъ всегда бываетъ, крайность и на этотъ разъ породила крайность. Въмѣсто того, чтобы ограничить законными предѣлами значеніе героевъ въ исторіи, явилось, какъ реакція Карлейлю, воззрѣніе, которое отвергло всякое значеніе личности въ историческихъ судьбахъ человѣчества. Выразителемъ этого направленія въ русской литературѣ былъ знаменитый нашъ романистъ Л. Н. Толстой. Въ своемъ романѣ „Война и Миръ“ онъ старался доказать, что исторіей движетъ „роевая сила“, „сумма произволовъ всѣхъ людей“; герои, по его убѣжденію,—лишь „ярлыки событій“; сами по себѣ они ничего не значатъ²⁾).

На чьей же сторонѣ правда?..—Этой правды нѣтъ ни на сторонѣ древнихъ историковъ съ Карлейлемъ во главѣ, ни на сторонѣ ихъ крайнихъ противниковъ. „Одно вѣрно, говоритъ г. Карѣвъ: Главный факторъ исторіи суть личности вообще,—личности, которыя создаютъ и распространяютъ новыя идеи и комбинируютъ силы общества для движенія“³⁾). При чемъ „дѣятельность личностей въ исторіи такъ или иначе обусловлена и подчинена законамъ психологическимъ и соціологическимъ“⁴⁾).—Этотъ основной тезисъ своихъ воззрѣній г. Карѣвъ развиваетъ слѣдующимъ образомъ. „Все въ исторіи существуетъ чрезъ личность“⁵⁾). Возьмемъ-ли мы культуру или соціальную организацію—на самой первобытной ступени. Сами по себѣ—ни культура эта, ни соціальная организація двинуться впередъ не могутъ. Но вотъ является болѣе другихъ даровитый чело-

1) Сущн. ист. проц. 27.

2) Война и Миръ. 1869 г., 2 изд. Прилож. гл. 3, 1—2 стр.

3) Осн. вопр. 2 т. 181.

4) Сущн. ист. проц. 278 стр.

5) Ibid. 12.

вѣкъ; его не удовлетворяетъ окружающая беспорядочная дѣйствительность. Онъ сознаетъ эту беспорядочность вѣшной среды и старается приладить ее къ идеальнымъ запросамъ своего духа.—Въ такомъ сознагельномъ уклоненіи человѣка отъ рутины,—отъ данныхъ формъ общежитія, и заключается первый толчекъ къ движенію исторіи впередъ, по пути прогресса ¹⁾. И „чѣмъ больше это уклоненіе, чѣмъ оно сознательнѣе, чѣмъ большее количество способно за собою увлечь,—тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ личная инициатива“ ²⁾.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы видимъ, такимъ образомъ, что движеніе исторіи производятъ дѣйствительно выдающіеся по своимъ дарованіямъ личности; но эти личности—далеко не то же, что герои Карлейля. Прежде всего, личная инициатива гениальныхъ людей,—которая служитъ какъ бы толчкомъ для историческаго движенія,—по мнѣнію г. Карѣева, вовсе не подобна „небесной молніи“ (Карлейль). „Инициатива, говоритъ онъ, есть продуктъ состоянія общества на данной ступени развитія, переработанный личною мыслью“; а потому, далѣе, „не можетъ играть роль историческаго фактора такая инициатива, которая не имѣетъ ничего общаго съ жизнью“ ³⁾.—Какъ видимъ, мысли г. Карѣева совсѣмъ не похожи на мысли Карлейля. Для того, чтобы личность могла тронуть съ мѣста толпу, по взгляду нашего историка, нужно, чтобы въ самой этой толпѣ были подходящія къ тому данныя. Личность гениальная, но отрѣшенная въ своихъ идеяхъ отъ жизни, неминуемо потерпитъ во всѣхъ предпріятіяхъ неудачи. Здѣсь, слѣдовательно, между толпой и инициаторами—самая тѣсная связь. На долю послѣднихъ, героевъ, остается, по мнѣнію г. Карѣева, лишь переработка, сознательное выраженіе тѣхъ неясныхъ стремленій, какія существуютъ уже въ обществѣ ⁴⁾, или, другими словами,—гениальность великихъ людей состоитъ въ умѣннѣи „комбинировать готовые элементы для достиженія той или другой заранѣе подготовленной“ цѣли ⁵⁾; а это далеко не то же, что всемогущій произволъ героевъ, по Карлейлю.—Съ

1) Осн. вопр. 2 т. 182 стр.

2) Ibid.

3) Осн. вопр. 2 т. 186 стр.

4) Осн. вопр. 2 т. 182 стр.

5) Осн. вопр. 2, 185 стр.

другой стороны, такъ какъ „каждый—сынъ своего времени и народа“ ¹⁾, и „такъ какъ великіе люди непосредственно дѣйствуютъ только на общество, въ которомъ родились, и на своихъ современниковъ, то этимъ самымъ даются границы для ихъ значенія: они не могутъ имѣть рѣшающаго вліянія на ходъ исторіи всего человѣчества“ ²⁾. Такой оговоркой г. Карѣевъ устраняетъ изъ представленія о герояхъ еще другую крайность, въ силу которой древніе считали этихъ героевъ способными производить, буквально, міровые перевороты. Оказывается, что, такъ называемые, великіе люди не только не могутъ двигать мірами, но они весьма сильно ограничены и въ самыхъ своихъ инициативахъ. Эти ограниченія идутъ, во 1-хъ, со стороны массы: чего нѣтъ, хотя бы въ задаткахъ, въ массѣ,—того не могутъ изобрѣсти самые великіе люди; во 2-хъ—со стороны надъ—органической среды: на воспитаніе и развитіе каждаго человѣка вліяютъ извѣстныя традиціи общества и его социальный строй.—Что касается до вліянія традицій, то оно сказывается особенно сильно на присущей всѣмъ намъ подражательности. Въ жизни мы весьма часто поступаемъ такъ, а не иначе, исключительно основываясь на общепринятыхъ обычаяхъ.

Не трудно показать также вліяніе на человѣка и социальный строй. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы извѣстный инициаторъ могъ провести въ жизнь свои идеи, нужно, чтобы народная волна вынесла его на такое положеніе, при которомъ онъ получилъ бы нѣкоторую власть, силу. Иначе самыя идеи и ихъ инициаторъ, останутся въ совершенной неизвѣстности.

Такимъ образомъ все значеніе въ исторіи инициативы сводится г. Карѣевымъ исключительно на возможность уклоненія нѣкоторыхъ передовыхъ личностей отъ общей нормы поступковъ и отношеній ³⁾. Но это уклоненіе единицъ отъ определенной нормы также не безпричинно; оно обуславливается цѣлымъ рядомъ причинъ, изъ которыхъ на долю свободы инициаторовъ остается лишь выборъ мотивовъ, сложившихся исторически и развившихся подъ необходимымъ воздействием законовъ эволюціи.

1) Ibid 183.

2) Ibid. 185.

3) Осн. вопр. 2 т. 187.

Таковы въ общемъ мысли Карѣева по вопросу о значеніи личности въ исторіи. Сводя эти мысли въ одно, мы можемъ формулировать ихъ кратко слѣдующимъ образомъ.—Личность, несомнѣнно, находится подъ сильнымъ вліяніемъ надъ—органической среды. Но это вліяніе среды на человѣка не безгранично. „Завися отъ современной среды (которая сама есть результатъ прошлаго), личность, скажемъ словами проф. Карѣева, можетъ и сопротивляться ея дѣйствию, если въ ней есть силы, накопленныя отъ прошлаго“¹⁾. Въ такомъ взаимодействіи личности и надъ—органической среды состоитъ, какъ мы видѣли выше, сущность историческаго процесса, какъ главнаго предмета всемірной исторіи.

Но такъ какъ „большая часть человѣческихъ поступковъ не имѣетъ историческаго значенія“²⁾, съ одной стороны; съ другой—и не всѣ идеи имѣютъ одинаковое значеніе для историка, то мы теперь же должны рѣшить вопросъ: какіе именно поступки человѣка и какія идеи могутъ быть предметомъ всемірной исторіи? Это въ свою очередь влечетъ насъ къ необходимости выработки одной какой-либо идеи, съ точки зрѣнія которой мы могли бы произносить свой приговоръ надъ историческими событіями. Такую „руководящую идею“ для историка г. Карѣевъ видитъ въ идеѣ всемірнаго прогресса. Посмотримъ, какъ смотритъ онъ на эту идею.

III.

„Должна-ли у науки существовать руководящая идея при выборѣ и группировкѣ фактовъ“? Такой вопросъ ставитъ г. Карѣевъ, приступая къ научному обоснованію своего историческаго критерія, и самъ же отвѣчаетъ себѣ: „никто не будетъ этого оспаривать“³⁾. „Наука не можетъ быть простымъ каталогомъ объективно-данныхъ фактовъ; нуженъ извѣстный ихъ выборъ, извѣстная группировка, которыя въ данномъ случаѣ зависятъ отъ руководящей идеи, т. е., отъ извѣстнаго субъективнаго взгляда, рѣшающаго въ данномъ случаѣ, что

¹⁾ „Сущн. ист. проц.“ 285.

²⁾ „Сущн. ист. пр.“ 18 стр.

³⁾ Оса. вопр. I т. 156 стр. Ср. истор.-философск. и соціол. этюдн, стр. 44—50, изд. Половой, 1895 г.

важно и что неважно, какіе факты и какъ должны быть сгруппированы, и какіе можно устранять, какъ несущественные¹⁾. Изъ этой тирады, которую, вслѣдствіе ея особенной выразительности, мы нарочно привели здѣсь цѣликомъ, такимъ образомъ видно, что проф. Карѣевъ положительно утверждаетъ необходимость для всѣхъ наукъ, даже и для эмпирическихъ, имѣть основной критерій. Этотъ критерій, по самому существу дѣла, долженъ быть субъективнымъ; ибо, „что важно и что неважно“, во всякой наукѣ рѣшается на основаніи субъективнаго взгляда того или другого ученаго. При такой постановкѣ дѣла однакоже рѣчи не должно быть о ненаучности: не все то ненаучно, что субъективно. Напр., если бы какой нибудь историкъ сталъ построить событія человѣческой жизни по одному опредѣленному плану, онъ дѣйствительно поступилъ бы ненаучно, ибо опытъ не говоритъ намъ о единствѣ и планомѣрности исторіи²⁾. Изъ опыта мы убѣждаемся лишь въ одномъ; что „ходъ исторіи не планомѣренъ“, и что „онъ есть не что иное, какъ хаотическое сцѣпленіе случайностей, происходящее во времени“³⁾.

Другое дѣло—субъективность, основанная на строго эмпирическихъ данныхъ. Такая субъективность не только возможна, но вполне законна, какъ выводъ изъ посылокъ; а къ подобнаго рода субъективностямъ именно принадлежитъ руководящій критерій историковъ—идея прогресса. Эта идея есть во 1-хъ „результатъ обобщенія многихъ дѣйствительныхъ фактовъ въ жизни человѣчества“⁴⁾, а во 2-хъ, она основана на твердыхъ данныхъ „общечеловѣческой логики“⁵⁾. Разсмотримъ тѣ и другія данныя для идеи прогресса порознь.

„Окидывая взоромъ все человѣчество въ пространствѣ и времени, мы можемъ сказать, говорить Карѣевъ, что оно прогрессируетъ“. Къ такому заключенію относительно направле-

1) Осн. вопр. I т. 155 стр. Ср. истор.-фил. этюд. стр. 67—70, особ. 74—76.

2) Великія, но неудачныя попытки такихъ обзоровъ исторіи дали въ своихъ историко-философскихъ трудахъ Гегель и Огюстъ Контъ. См. Hegel: „Philosophie der Geschichte“ и Comte: „Cours de philosophie“. Т. V—VI.

3) Осн. вопр. I т. 86 стр.

4) Осн. вопр. I т. 162.

5) Ibid.—2 т. 260 стр.

вія человѣческой исторіи приводятъ насъ прежде всего несомнѣнныя данныя: біологіи, психологіи и соціологіи ¹⁾).

Основной законъ біологіи, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что предки, путемъ органической наслѣдственности, передаютъ „прирожденные и приобретенныя во время жизни качества своимъ потомкамъ“ ²⁾). И чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ эта передача по наслѣдству, отъ родителей къ дѣтямъ, становится все содержательнѣй и содержательнѣй. Къ наслѣдственности физическихъ качествъ присоединяется мало-по-малу такая же передача культуры. Въ свою очередь болѣе высокая культура неминуемо влечетъ къ прогрессу всю природу человѣка. Выходить,—общество не только не должно дряхлѣть, но, напротивъ, должно „вѣчно обновляться новыми поколѣніями“ ³⁾). Этому естественному обновленію общества не можетъ быть предѣла. Правда, возможно вымираніе расъ; но это вымираніе происходитъ не отъ старости, какъ въ отдѣльныхъ организмахъ, „а отъ неблагоприятныхъ условій въ борьбѣ за существованіе“ ⁴⁾). „Общество же создано, такъ сказать, для безсмертія“ ⁵⁾). „Разсматривая внутреннее устройство его, изучая, какъ выражаются органисты, его анатомію, фізіологію, гистологію и т. д., мы, говоритъ Карѣевъ, не найдемъ ничего такого, что можно было бы сравнить съ постепеннымъ изнашиваніемъ тканей, а потому не можемъ представить, чтобы въ концѣ существованія общества было нѣчто, аналогичное естественной смерти“ ⁶⁾).

Разумѣется, что вѣчное развитіе общества въ физическомъ отношеніи возможно лишь при благоприятныхъ условіяхъ. Однимъ изъ такихъ условій для безконечнаго существованія общества можно назвать собственное его благоразуміе при пользованіи благами жизни. Эту мысль Карѣевъ высказываетъ въ

¹⁾ Мы не будемъ, вмѣстѣ съ Карѣевымъ, разсуждать о границахъ и взаимотношеніи этихъ наукъ,—для нашей цѣли это совершенно излишне. Мы укажемъ лишь существенное содержаніе ихъ, поскольку данныя—біологіи, психологіи и соціологіи способствуютъ научному объясненію историческихъ фактовъ.

²⁾ Осн. вопр. 2 т., 218 стр. Ср. бес. о выр. міросозерц., стр. 38—42 ио 3 изд.

³⁾ Осн. вопр. 2 т. 155 стр.

⁵⁾ Ibid. 87.

⁴⁾ Ibid. 87.

⁶⁾ Осн. вопр. 2 т. 87 стр.

слѣдующихъ словахъ: „если люди будутъ вести нормальную, здоровую жизнь, они не будутъ преждевременно состариваться отъ излишествъ и лишений, и дѣти у нихъ будутъ рождаться здоровые и умные“ ¹⁾).

Такимъ образомъ данныя біологіи приводятъ насъ, по мнѣнію Карѣева, къ несомнѣнному убѣжденію въ дѣйствительности прогресса человѣчества.

Къ такому же выводу относительно прогресса приходимъ мы чрезъ изученіе психологіи... Въ данномъ случаѣ мы разумѣемъ именно коллективную или общечеловѣческую психологію, выражающуюся въ психическомъ взаимодействіи людей. Результатомъ этого взаимодействія народовъ является прогрессъ въ области философіи и науки, религіи и этики.

Что касается философіи или вообще науки, то прогрессъ ея несомнѣненъ.—Въ первобытное время дикарь—человѣкъ смотрѣлъ на природу, какъ на огромное одухотворенное существо. Всѣ явленія вокругъ себя онъ объяснялъ дѣйствіемъ разумной, но непонятной воли. Съ этой волей онъ отождествлялъ силы природы. Въ основѣ міровоззрѣнія дикаря лежалъ, такимъ образомъ, строгій монизмъ. „Для первобытнаго человѣка, говоритъ Карѣевъ, все было одухотворено, и самый духъ онъ мыслилъ не иначе, какъ въ матеріальной оболочкѣ“ ²⁾).

Пришли средніе вѣка. Картезіанство породило дуализмъ. Духъ и матерія стали считаться непримиримыми противоположностями. По эта философія среднихъ вѣковъ,—какъ все въ мірѣ,—современемъ миновала. Насталъ третій періодъ общечеловѣческаго развитія. Въ новое время, говоритъ Карѣевъ, „философія, протянувъ руку наукѣ, взялась примирить въ высшемъ единствѣ духъ и матерію, какъ два проявленія одной и той же сокровенной сущности, познаваемой субъективно въ опытѣ внутреннемъ, какъ духъ, объективно въ опытѣ внѣшнемъ, какъ матерія“ ³⁾). Такимъ образомъ въ новѣйшей наукѣ объединились крайности древнихъ и среднихъ вѣковъ.

¹⁾ Осн. вопр. 2 т. 159 стр.

²⁾ Осн. вопр. 2 т. 277.

³⁾ Осн. вопр. 2 т. 277 стр. Бесѣд. о выработк. міросозерц. стр. 28—32, изд. 3-е.

Это объединеніе крайностей или синтезъ, по Гегелю, есть несомнѣнный прогрессъ чловѣчества въ умственномъ отношеніи...

Въ религіозномъ отношеніи, постепенно прогрессируя, люди прошли также три стадіи.—Древность безусловно утопала въ міеологіи; у дикихъ же народовъ и теперь еще сильна демонологія,—явленіе, невзбѣжное при міеологіи. Дѣйствіемъ добрыхъ и злыхъ духовъ дикари объясняютъ всѣ міровыя явленія. „Боги, по словамъ Карѣва, дѣлаются у людей въ перво-бытномъ состояніи источниками знанія, морали, гражданскаго общества“ ¹⁾. Но „утвержденіе міеологіи, какъ такой, можетъ сдѣлаться причиной застоя умственнаго, нравственнаго и соціальнаго, какъ мы видимъ это въ Индіи“ ²⁾. Поэтому „освобожденіе мысли и жизни отъ вліянія міеологіи“ составитъ несомнѣнный прогрессъ чловѣчества въ области религіи ³⁾. Но такое именно постепенное освобожденіе міровоззрѣнія отъ примѣси міеологіи представляетъ намъ вся новѣйшая исторія чловѣчества; слѣдовательно, религіозный прогрессъ въ исторіи есть фактъ дѣйствительный и, какъ таковой, долженъ быть признаваемъ всѣми.

Намъ остается показать еще изъ области коллективной психологіи нравственный прогрессъ въ жизни людей. Ходъ мыслей Карѣва объ этомъ предметѣ таковъ. „Чловѣкъ самъ вырабатываетъ свою этику, говоритъ онъ; но приписывая ей повелѣнія волѣ боговъ, придаетъ религіи воспитательное значеніе. Съ другой стороны, религія вноситъ въ этику часто такія требованія, которыя не имѣютъ нравственнаго характера“ ⁴⁾. Отсюда выводъ ясенъ: „прогрессъ этики долженъ совершаться посредствомъ уясненія ея содержанія и освобожденія отъ постороннихъ примѣсей“ ⁵⁾. Такое освобожденіе этики отъ „постороннихъ примѣсей“ равносильно, очевидно, провозглашенію полной автономіи чловѣческой нравственности. Въ самомъ дѣлѣ, если чловѣкъ самъ выработалъ себѣ нравственность; если религія часто лишь искажаетъ возвышенныя нравственныя истины, то стоитъ-ли чловѣку искать

¹⁾ Осн. вопр. 2, 282.

²⁾ Ibid.

³⁾ Осн. вопр. 2, 282 стр.

⁴⁾ Осн. вопр. 2, 287 стр.

⁵⁾ Ibid.

опоры своей дѣятельности въ чемъ-то иномъ, кромѣ самой этики, какъ таковой? Очевидно, что человѣкъ долженъ стремиться къ исполненію нравственныхъ правилъ не во имя награды или наказанія отъ Бога,—Который не имѣетъ никакого отношенія къ человѣческой этикѣ,—а во имя признанія важности самыхъ этихъ правилъ. Въ такомъ стремленіи людей къ повиновенію требованіямъ нравственнаго долга, во имя его самого, долженъ состоять нравственный прогрессъ человѣчества...

Но мы видимъ, говоритъ Карѣевъ, что первобытный дикарь жилъ исключительно животной жизнью. Его формулой было: „я живу, чтобы ѣсть, а для этого нужно жить только для плоти“¹⁾... О какихъ бы то ни было нравственныхъ истинахъ у дикаря, въ собственномъ смыслѣ, не могло быть рѣчи...

На второй стадіи своего развитія этика впала въ другую крайность. Средніе вѣка, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій жизни, выработавъ идеаль высшаго аскетизма, совсѣмъ отвергли даже законныя требованія плоти. Основнымъ правиломъ этого времени было—полное самоотреченіе,—умерщвленіе тѣла для духа, во имя исполненія закона или данной извнѣ божественной заповѣди²⁾.—Но „идеаль аскета, говоритъ Карѣевъ, умерщвляющаго плоть, чтобы жить духомъ, принимающаго трудный подвигъ, какъ средство развитія, за его цѣль, ведетъ къ искаженію человѣка, становится помѣхою развитія“³⁾. Поэтому, продолжаетъ онъ, „мы держимся другого принципа, ибо лучше средневѣковыхъ людей знаемъ настоящую зависимость души отъ тѣла“. Мы „проповѣдуемъ равновѣсіе обоихъ элементовъ нашей природы, дабы здоровое тѣло служило органомъ здороваго духа“⁴⁾.

Съ другой стороны, говоритъ Карѣевъ, „здравая мораль“ вовсе не требуетъ отъ человѣка полного самоотреченія. Напротивъ,—„принципъ морали требуетъ отъ человѣка личной работы для личнаго блага“⁵⁾, лишь бы при этомъ, такъ сказать, самоудовлетвореніи не нарушалась справедливость въ отношеніи къ другимъ. Что же касается полного самоотреченія

1) Осн. вопр. 2 т. 287.

3) Ibid. 280 стр.

2) Осн. вопр. 2, 288.

4) Ibid. 288.

5) Осн. вопр. 2, 230 ср. Бес. о выр. мірск. 105—123.

человѣка, то оно, кромѣ сказаннаго, противорѣчитъ еще само себѣ: „кто не дорожитъ своимъ „я“, говоритъ Карѣвъ, тотъ не можетъ придавать какое либо значеніе и „я“ другихъ“ ¹⁾.

Итакъ, нравственнымъ принципомъ нашего времени должно служить выраженіе: „каждый работай самъ для себя, но при этомъ воздай и ближнему, по его достоинству“ ²⁾. Въ новѣйшемъ принципѣ нравственности объединяются, слѣдовательно, сглаживая свои крайности, грубый эгоизмъ первобытнаго человечества и односторонній аскетизмъ, полное самоотреченіе средневѣковья.—Но, что всего замѣчательнѣе,—въ наше время проповѣдуется справедливое отношеніе къ ближнимъ не потому только, что это есть заповѣдь Божія, а вслѣдствіе внутреннего сознанія, что „всякій человѣкъ имѣетъ одинаковое право на то, чтобы мы не причиняли ему зла“ ³⁾; слѣд. новое время уже довольно близко подошло къ тому рубежу, за которымъ „люди не потому будутъ повиноваться своимъ убѣжденіямъ, что это будетъ непосредственно пріятно или полезно, а потому что будутъ чувствовать себя обязанными такъ поступать, такъ какъ убѣжденія эти будутъ безусловно для нихъ авторитетны, какъ. . умственные истины“ ⁴⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ нравственномъ отношеніи прогрессъ человечества не можетъ подлежать сомнѣнію..

Что касается социальнаго строя человечества, то прогрессъ его въ исторіи такъ очевиденъ, что объ этомъ не стоитъ много говорить. Въ самомъ дѣлѣ, если мы сравнимъ устройство социальнаго быта у дикарей съ такимъ же устройствомъ его въ новое время, то мы увидимъ, что въ этомъ отношеніи трудно подыскать болѣе рѣзкой противоположности. Въ то время, какъ въ первобытномъ обществѣ, вслѣдствіе неразвитости социальнаго строя, господствовали антогонизмъ личностей и грубое притѣсненіе сильными слабыхъ; во второмъ періодѣ исторической жизни людей—поглощеніе личности государствомъ,—въ наше время мы видимъ всеобщее стремленіе освободить личность „отъ социальныхъ стѣсненій посредствомъ присoble-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid. 290 {стр.

³⁾ Осн. вопр. 2, 220.

⁴⁾ Осн. вопр. 2 т. 239.

нія учреждений къ личной автотелии¹⁾; а это и есть социальный прогрессъ человечества..

Такимъ образомъ мы указали тѣ эмпирическія данныя біологіи, психологіи и социологіи, на которыхъ, по мнѣнію Карѣева, можетъ быть основано убѣжденіе въ прогрессѣ человечества.

Но здѣсь нужно оговориться. Дѣло въ томъ, что формула прогресса не можетъ быть построена исключительно эмпирическимъ путемъ, ибо, „становясь на эту почву, говорить Карѣевъ, доказывающіе и отрицающіе существованіе прогресса будутъ только бесполезно между собою препираться“²⁾. Что одному покажется прогрессомъ человечества, то другому можетъ показаться совсѣмъ противоположнымъ. Поэтому, пишетъ Карѣевъ, необходимо выработать „отвлеченную формулу прогресса“, независимо отъ того, „существуетъ-ли прогрессъ въ дѣйствительности или нѣтъ“³⁾. Эта отвлеченная формула прогресса не есть однако историческій законъ. Такихъ законовъ не знаетъ наука—исторія, ибо „законъ есть выраженіе опредѣленнаго постоянства въ отношеніи между какими либо явленіями“⁴⁾. Въ человѣческой же жизни явленія во всей своей совокупности никогда не повторяются,—они вполнѣ индивидуальны⁵⁾. Слѣдовательно законъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, въ исторіи,—какъ наукѣ о явленіяхъ, о переходныхъ ступеняхъ человѣческаго развитія,—не можетъ быть. Такіе законы свойственны лишь нѣкоторымъ сторонамъ человѣческой жизни, напр. социальной организаціи и др., но все „поведеніе общества не подчинено однимъ опредѣленнымъ законамъ“⁶⁾. Поэтому „теорія непрерывнаго прогресса“ есть не историческій законъ, говоритъ Карѣевъ, „а лишь опредѣленіе точекъ зрѣнія на исторію въ ея философіи и—отнюдь не построеніе плана самой исторіи“⁷⁾, ибо „исторія не можетъ быть построена иначе, какъ эмпирическимъ путемъ“⁸⁾.

Прилагая указанную теорію прогресса къ историческимъ событіямъ, мы не хотимъ тѣмъ показать, что исторія непре-

1) Осн. вопр. 2 т., 293—294 стр.

2) Осн. вопр. 2 т. 262

3) Ibid.

4) Осн. вопр. 1 т. 17.

5) Ibid. 18.

6) Осн. вопр. 1 т. 41 стр.

7) Ibid. 96.

8) Ibid. 43 стр.

мѣнно должна соответствовать нашему критерию, а лишь приобретаемъ, насколько она удовлетворяетъ той идеальной нормѣ, совпаденіе съ которой мы желали бы видѣть въ ея движеніи. Другими словами—сопоставленіе формулы прогресса съ дѣйствительнымъ ходомъ исторіи намъ нужно для того, чтобы узнать—прогрессируетъ человѣческая жизнь или регрессируетъ¹⁾...

Но имѣемъ-ли мы какое нибудь право прикладывать къ дѣйствительнымъ „феноменамъ“, фактамъ то, что, завѣдомо, субъективно?

Несомнѣнно, имѣемъ, говорить Карѣевъ, ибо идея прогресса есть „общечеловѣческой идеаль“²⁾, а мысль, при помощи которой выработана этотъ идеаль—„едина въ своемъ процессѣ и въ своихъ результатахъ: для человѣка въ сферѣ доступнаго его познанію можетъ быть только одна истина и одна справедливость, и одинъ путь для ихъ достиженія“³⁾. Поэтому историкъ „имѣетъ право вносить субъективный элементъ въ изученіи судебъ человѣчества“⁴⁾.

Что же это—за „одна истина, одна справедливость и одинъ путь“ для достиженія общечеловѣческаго идеала, на основаніи которыхъ мы можемъ построить теорію прогресса?

Обращаясь къ анализу нашего духа, мы не можемъ точнѣе формулировать его запросовъ, какъ слѣдующимъ выраженіемъ Гердера: „человѣчность есть цѣль человѣческой природы“. Это значитъ, что „полное и всестороннее развитіе силъ, вложенныхъ въ человѣческую природу“⁵⁾, составляетъ высшій идеаль для всѣхъ людей; слѣдовательно стремленіе къ умственному и нравственному совершенству, вотъ одна всеобщая истина человѣческаго рода. Но эта истина не можетъ иначе осуществиться, какъ путемъ постепеннаго освобожденія личности отъ гнета социальныхъ учреждений, поскольку послѣднія своими предрасудками часто мѣшаютъ индивидуальному развитію общества. слѣдовательно цѣлесообразность устройства социальныхъ отношеній, вотъ единственный удобный путь, идя по

1) Осн. вопр. 2, 262 стр.

2) Ibid. 269.

3) Ibid. 270.

4) Осн. вопр. 2, 263.

5) Ibid. 212.

которому, человѣчество можетъ достигнуть своего идеальнаго развитія.

Наконецъ, всѣмъ людямъ должна быть присуща „одна справедливость“. Всѣ мы имѣемъ одинаково задатки къ интеллектуальному развитію. Всѣмъ намъ свойственно человѣческое достоинство. Слѣдовательно, справедливость должна состоять не въ иномъ чемъ, какъ въ воздержаніи отъ обидъ нашимъ ближнимъ и въ предоставленіи каждому изъ нихъ свободно располагать своими силами ¹⁾).

Таково содержаніе общечеловѣческаго идеала. Мы видимъ, что основная тенденція его заключается именно въ стремленіи къ развитію, слѣдовательно къ прогрессу. Эти теоретическія или психологическія соображенія и позволяютъ намъ взять за критерій исторіи именно идею прогресса. А если мы припомнимъ, что эмпирическія данныя въ значительной степени оправдываютъ нашъ идеаль, тогда для насъ не будетъ никакихъ сомнѣній, что „самая общая, самая необходимая и самая ясная тенденція историческаго процесса именно и состоитъ въ идеѣ прогресса“ ²⁾. Стремленіе впередъ, къ прогрессу— вотъ, слѣдовательно, единственный смыслъ, который мы можемъ придать исторіи ³⁾.

Итакъ, кратко содержаніе общечеловѣческаго прогресса мы можемъ выразить въ слѣдующихъ словахъ Карѣва: „прогрессъ есть то, что способствуетъ развитію личности съ помощью цѣлаго“; „прогрессъ—то, что даетъ человѣку новыя средства въ борьбѣ за существованіе, но не съ ближнимъ, а съ окружающей природой, т. е. знанія, техническія изобрѣтенія въ добываніи средствъ къ жизни; прогрессъ—то, что развивается внутри человѣка, какъ помѣха для борьбы съ ближнимъ,—симпатія, альтруизмъ, совѣсть, чувство справедливости; прогрессъ—то, что въ соціальной организаціи создаетъ такія формы быта, которыя дѣлаютъ для него эту борьбу излишнею, ненужною, вредною, солидарность, регулированіе отношеній, кооперацію“ ⁴⁾. Всѣ перечисленные виды прогресса составляютъ

¹⁾ Осн. вопр. 2, 213—214 стр.

²⁾ Осн. вопр. 1, 97 ср. истор.-фил. этюд., стр. 102—113.

³⁾ Ibid. 155.

⁴⁾ Осн. вопр. 1, 95.

для историка идеальную норму, съ точки зрѣнія которой онъ подбираетъ матеріалъ для всемірной исторіи и оцѣниваетъ достоинство собраннаго матеріала.

На этомъ мы можемъ покончить съ исторіософіей, какъ введеніемъ въ философію исторіи и всемірную исторію, тѣмъ болѣе, что философскіе вопросы далеко не составляютъ всего центра тяжести въ исторической наукѣ. „Чтобы ни говорили новаторы различныхъ оттѣнковъ, проповѣдующіе радикальную реформу въ исторической наукѣ, читаемъ у проф. Карѣва,— исторія по существу своему останется наукой съ преобладаніемъ описательно—повѣствовательнаго элемента, способнаго въ дѣйствительности принимать разные образы и виды, характеръ конкретности и абстрактности“¹⁾. Къ этой-то наукѣ— исторіи „съ преобладаніемъ описательно—повѣствовательнаго элемента“ мы и перейдемъ теперь.

Д. Боголюбовъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Ид. всем. ист. 7

Фридрихъ Ницше— „антихристъ“ въ новѣйшей философіи, Лоренца Фишера.

(Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцію М. Воскресенскаго).

Предисловіе переводчика.

Нѣкогда царь вавилонскій Навуходоносоръ видѣлъ во снѣ удивительное зрѣлище: ему представился великій и страшный истуканъ. Онъ поражаель странною пестротою metalloвъ, изъ которыхъ состояли различныя части его тѣла: голова у него была изъ чистаго золота, грудь и руки изъ серебра, чрево и бедра—мѣдныя, голени—желѣзныя. Но ноги у этого колосса были частію изъ желѣза, частію изъ глины. И вотъ отъ горы оторвался камень, ударилъ въ желѣзныя и глиняныя ноги истукана,—и весь колоссъ обратился въ прахъ. Поднялся вѣтеръ и унесъ этотъ прахъ, такъ что отъ истукана, сіявшаго поразительнымъ блескомъ, не осталось и слѣда. А камень, разбившій истуканъ, сталъ великой горой и наполнилъ всю землю. Истуканъ, какъ открыто было Богомъ пророку Даниилу, представляель судьбу языческихъ царствъ древняго міра, враждебныхъ царству Божію. По предопредѣленію Божію, эти царства должно было смѣнить царство Божіе, которое уже во вѣки не сокрушится, оно сокрушитъ и разрушитъ всѣ враждебныя Богу царства, а само будетъ стоять вѣчно.

Въ недавнее еще время вся образованная Германія прислушивалась къ голосу талантливаго, но страннаго философа

Ницше. Послѣ значительнаго періода неизвѣстности въ литературѣ, на него обратили вниманіе. На глазахъ всѣхъ онъ вдругъ выросъ и сталъ колоссомъ. Однако къ нему скоро успѣли приглядѣться, поняли его, и Ницше уже перешелъ въ область исторіи философіи, какую участь претерпѣли и многія другія системы утопическаго характера.

Вслѣдствіе метафорическаго способа изложенія мыслей, чрезвычайно затемняющаго самую мысль, вслѣдствіе своеобразнаго лексикона словъ и выраженій, очень затрудняющаго переводъ произведеній Ницше на другіе языки, у насъ, въ Россіи, образованная публика стала ближе знакомиться съ Ницше весьма недавно. Появились на русскомъ языкѣ и очерки, комментирующіе философію Ницше; но они или имѣютъ своимъ предметомъ одну какую нибудь стадію въ развитіи философіи Ницше, или, хотя и даютъ болѣе или менѣе обстоятельное изложеніе всей этой философіи, но по чрезмѣрной симпатіи къ Ницше, смягчаютъ краски, которыя самъ Ницше сгустилъ до крайности, и даже замалчиваютъ о многомъ, что составляетъ оборотную сторону ницшеанства.

Предлагаемый переводъ критическаго очерка философіи Ницше, принадлежащаго перу Лоренца Фишера, даетъ намъ полный образъ философіи Ницше въ различныхъ стадіяхъ ея развитія: а) Ницше, какъ философъ—эстетикъ, б) Ницше, какъ рационалистъ—вольнодумецъ, с) Ницше—пророкъ о сверхчеловѣкѣ, d) Ницше—„антихристъ“.

Третья фаза философскаго развитія Ницше представляетъ уже окончательно сложившееся его міросоверпаніе, ради котораго Ницше самъ отвергъ все, что онъ сдѣлалъ въ первыхъ двухъ фазахъ своей философіи. По словамъ Лоренца Фишера, „большинство изъ тѣхъ, кто изучалъ его произведенія“, допускаютъ, что „Ницше въ своей научной дѣятельности не имѣлъ руководящей основной идеи“. Но Фишеръ находитъ „главную тенденцію, которая проходитъ красною нитью чрезъ всю литературную дѣятельность Ницше“, связывая „разрозненныя части его идей въ одно цѣлое“. Изложивъ философію Ницше въ третьей ея фазѣ, Фишеръ замѣчаетъ, что онъ представилъ

эту философскую фазу Ницше въ ея внутренней, систематической связи, какъ этого еще никто не сдѣлалъ.

Своему очерку философіи Ницше Фишеръ далъ заглавіе: Фридрихъ Ницше—„антихристъ“ въ новѣйшей философіи. Быть можетъ, кому либо, кто незнакомъ съ міросозерцаніемъ Ницше, это заглавіе покажется слишкомъ рѣзкимъ; но въ оправданіе такого заглавія авторъ ссылается на то, что самъ Ницше съ особою гордостью называлъ себя „антихристомъ“. Затѣмъ, и его послѣднее произведеніе, написанное незадолго предъ печальнымъ финаломъ его жизни, носить заглавіе: „Антихристъ“. Въ ряду представителей новѣйшей антихристіанской философіи Ницше является „величайшимъ, наиболѣе рѣзкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даровитѣйшимъ антихристіанскимъ философомъ“¹⁾.

Съ своей стороны, мы замѣтимъ, что вышеупомянутое весьма мѣткое заглавіе сочиненія Фишера какъ нельзя лучше характеризуетъ всю философію Ницше на всѣхъ ея стадіяхъ. Хотя Ницше выступилъ рѣшительнымъ врагомъ христіанства преимущественно въ послѣднемъ своемъ сочиненіи: „Антихристъ“, но еще раньше онъ велъ противъ него рѣзкую борьбу, отрицая всю современную культуру, созданную подъ благотворнымъ вліяніемъ христіанства. Онъ объявилъ войну всему идеальному въ жизни. Идея существа всесовершеннаго, абсолютнаго ему казалась абсурдомъ, и потому еще въ первый періодъ онъ отказался разъ навсегда отъ религіи вообще. Онъ выступилъ отъявленнымъ врагомъ нравственныхъ идеаловъ, которыми доселѣ жилъ христіанскій міръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ противникомъ права, которое имѣетъ своимъ предметомъ элементарныя нравственныя положенія, согласно общепринятому въ наукѣ мнѣнію²⁾. Если въ началѣ своей литературной дѣятельности Ницше и былъ своеобразнымъ энтузіастомъ—всте-

1) Въ январѣ 1889 года, за одиннадцать съ половиной лѣтъ до своей смерти Ницше сошелъ съ ума. Умеръ онъ отъ удара 25 августа 1900 года.

2) Ihering. Das Zweck im Recht, B. 2, 1886, S. 182—183.

Em. Durkheim. De la division du travail social. Paris, 1893, p. 114; 112—113.
В. Ф. Загѣскій. Власть и право, Казань, 1897, стр. 277—280.

Вл. Соловьевъ. Право и нравственность, С.-Петербургъ, 1897, стр. 24-32.

тикомъ, въ существѣ отрицая почти все эстетическое творчество человечества включительно до его дней,—то потому онъ разъ навсегда отказался отъ эстетическихъ идеаловъ, такъ какъ ему была ненавистна всякая романтика.

Словомъ, Ницше отвергъ все то, что философы-позитивисты стремились всячески раскрыть и обосновать. Правда, они старались эмансипировать всѣ идеалы человечества отъ положительной религіи, отъ христіанства, которое очистило ихъ и подняло на высоту, какая только возможна. Они не отрицали того, что сдѣлало христіанство, хотя и отступили отъ самаго христіанства. Въ особенности это дѣлается очевиднымъ изъ исторіи современной, такъ называемой, позитивной этики. Напримѣръ, Юдль ставитъ задачу для своей исторіи этики въ раскрытіи того, что сдѣлалъ тотъ или другой философъ для позитивной этики, стоящей внѣ всякой связи съ религіозными началами. Параллельно съ этимъ въ особыхъ параграфахъ онъ подвергаетъ строгой критикѣ каждаго философа, который разсматривалъ этику въ связи съ религіозными началами ¹⁾. Геффдингъ иллюстрируетъ это отношеніе позитивной этики къ религіи такимъ сравненіемъ: „Когда мы смотримъ издали на горныя вершины, покрытыя снѣгомъ, намъ кажется, что онѣ висятъ въ воздухѣ. Только подойдя ближе, мы ясно видимъ, что опорой имъ служитъ твердая почва. То же слѣдуетъ сказать и объ этическихъ принципахъ. При первоначальномъ увлеченіи ими, полагаютъ, что довѣряться имъ можно лишь тогда, когда для нихъ указано мѣсто, по возможности, превышающее природу и дѣйствительную жизнь. Но при ближайшемъ размысленіи и опытѣ, который часто пріобрѣтается весьма дорогой цѣной, оказывается, что эти принципы могутъ только тогда руководить жизнію, когда сами вытекли изъ жизни“ ²⁾.

Религіозную идею, отвергнутую философомъ Ницше, пози-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи особенно обращаетъ на себя вниманіе второй томъ сочиненія Фр. Юдля: „Исторія этики въ новой философіи“ Русск. переводъ подъ редакціей Вл. Соловьева, Москва, 1898.

²⁾ Har. Höffding. Ethik, Leipzig, 1882, Vorwort, S. III.

тивисты-философы не отрицаютъ, хотя и отвергаютъ ея раскрытіе, предлагаемое Откровеніемъ, и даютъ свое объясненіе проявленіямъ религіознаго чувства, основанное на опытной психологіи чувства. Въ такомъ направленіи работали Штраусъ и Фейербахъ ¹⁾. Содержаніе религіозной идеи, по мнѣнію одного изъ представителей такого направленія, составляетъ „космическое чувство жизни“, которое ставитъ въ связь нравственныя стремленія съ мировымъ развитіемъ и въ законномъ порядкѣ природы находитъ для себя опору ²⁾.

Но, принявъ такое направленіе, философія сбилась съ вѣрной дороги и скорыми шагами шла къ вырожденію. Въ ней уже были скрыты признаки того самоуничтоженія, которому она подверглась у одного изъ своихъ адептовъ, у Фр. Ницше. Она еще гордо поднимается, какъ величественный и блестящій колоссъ, но оказывается, что этотъ колоссъ на глиняныхъ ногахъ. Если бы было возможно сдѣлать еще шагъ дальше въ направленіи, принятомъ Ницше, то, кажется, самый дерзкій отрицатель не выдержалъ бы и поворотилъ бы назадъ И кто знаетъ, быть можетъ, и самъ Ницше испытывалъ это? И не въ этомъ ли заключался скрытый нервъ его психическаго расстройства, не здѣсь ли положено было начало трагедіи его жизни? Самый принципъ философіи Ницше—воля къ власти—не отчаянный ли это вопль человѣка, у котораго изъ подъ ногъ уходитъ почва и которому грозитъ неминуемой гибелью віяющая бездна? Не стонъ ли это больного, который чувствуетъ полное безсиліе?

Ницше самъ разбилъ величественный колоссъ родственной ему позитивной философіи. А камень, предъ которымъ высился разбитый колоссъ, христіанская религія, по прежнему стоитъ и будетъ вѣчно стоять...

М. Воскресенскій.

¹⁾ См. объ этомъ у Höffding'a, Geschichte der neueren Philosophie, Leipzig, 1896, В. II, S. 299—300; 305—306.

²⁾ Гефдингъ. „Очерки психологіи, основанной на опытѣ“. Переволь съ нѣмецкаго подъ редакціей Колобовскаго, С.-Петербургъ, 1896, S. 285—286.

Ницше, какъ философъ-эстетикъ.

Приступая къ изложенію о оцѣнкѣ философіи Ницше, мы прежде всего должны рѣшить вопросъ, имѣлъ ли Ницше въ своей научной дѣятельности руководящую идею, или онъ философствовалъ только наудачу, какъ ему представлялись проблемы и мысли?

Большинство изъ тѣхъ, кто изучалъ его произведенія, допускаютъ послѣднее, въ особенности вслѣдствіе почти безпрестаннаго афористическаго способа ихъ изложенія. Но мы утверждаемъ, что это пониманіе не вполне соответствуетъ фактамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы будемъ не только обзрѣвать литературныя произведенія Ницше, но и вникать въ нихъ, то, при всей фрагментарности его произведеній, мы замѣтимъ главную тенденцію, которая проходитъ красною нитью черезъ всю литературную дѣятельность Ницше и связываетъ разрозненныя части его идей въ одно цѣлое. Но что это за главная тенденція? Это, какъ мы увидимъ, несомнѣнно есть стремленіе къ высшей, лучшей культурѣ человѣчества.

Да, обновленіе культуры—это составляло руководящій мотивъ и настоящую конечную цѣль всѣхъ его идей, это было какъ бы солнце въ центрѣ всей его философіи.

Поэтому, если желательно характеризовать Ницше въ формѣ наиболѣе краткой и правдивой, то должно сказать, что онъ былъ культурфилософъ и притомъ не только въ теоретическомъ смыслѣ, но и въ практическомъ; ибо мало того, что онъ философствовалъ о культурѣ: онъ пытался создать новую высшую культуру.

Ницше всецѣло былъ недоволенъ современной культурой, такъ какъ, рассматривая ее строго пессимистически, онъ полагалъ, что она находится въ упадкѣ. Поэтому онъ скорбѣлъ со всею страстностію своего пылкаго сердца о лучшей культурѣ и постоянно отыскивалъ средства и пути для ея проведенія.

Первымъ средствомъ для этой конечной цѣли онъ считалъ въ началѣ своей философской дѣятельности древнѣйшее трагическое искусство грековъ. Да, искусство имѣло для него

тогда значеніе идеала по преимуществу, посредствомъ котораго современная, будто бы разлагающаяся, культура опять можетъ возродиться.

Но, спросить, какъ Ницше пришелъ къ этой собственно идеѣ? Съ одной стороны, благодаря изученію Шопенгауера, котораго въ то время онъ еще почиталъ, какъ наиболѣе значительнаго философа; съ другой стороны, подъ вліяніемъ музыкальныхъ драмъ Рихарда Вагнера, котораго звѣзда тогда восходила и съ которымъ Ницше былъ въ самой задушевной дружбѣ, и, наконецъ, благодаря своей спеціальности, которая въ то время у него главнымъ образомъ состояла въ изученіи античнаго греческаго міра, высоко имъ цѣнимаго.

Все это содѣйствовало возникновенію „первой философіи“ Ницше, которую онъ раскрылъ въ сочиненіи: „Происхожденіе трагедіи изъ духа музыки“—*Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik* (конецъ 1871 г.).

Стало быть, основаніемъ, изъ котораго Ницше первоначально исходилъ въ своей философіи, былъ пессимизмъ Шопенгауера и музыкальная драма Рихарда Вагнера; поэтому въ своемъ только что упомянутомъ произведеніи онъ перваго высоко чтить, а послѣднему, какъ своему „высокому поборнику“, посвятилъ это произведеніе. И такъ какъ и у Шопенгауера, и у Вагнера искусство составляло нѣчто самое высокое, то и Ницше, тогдашній ихъ ученикъ, былъ того убѣжденія относительно искусства, что оно представляетъ высшую задачу и настоящую метафизику этой жизни. Итакъ, выходитъ, что первая философская точка зрѣнія Ницше, имѣя свои корни въ его кипучемъ энтузіазмѣ чувства, была эстетическая. Онъ искалъ и преслѣдовалъ *искусство-метафизику*.

Въ этомъ воззрѣніи онъ исходилъ изъ метафизической предпосылки, что „истинно сущее и первоединое“ вѣчно страждетъ, что оно преисполнено противорѣчій и въ силу этого „нуждается въ постоянномъ искупленіи“¹⁾. Съ этой цѣлью оно производитъ „эмпирическую реальность“, или видимый міръ,

¹⁾ *Die Geburt der Tragödie*. Leipzig, 1871, S. 15 f.

къ которому и мы принадлежимъ. Правда, по Ницше, этотъ міръ вмѣстѣ съ нами есть простой миражъ, но для истинно-сущаго и первоединого—„восхитительное видѣніе“ и поэтому „вождедѣнный миражъ“¹⁾, благодаря которому оно отъ вѣка искупляется отъ присущаго ему страданія (Urschmerz).

Теперь, то, что первоединое производитъ въ нѣдрахъ міра въ большомъ размѣрѣ,—человѣкъ совершаетъ въ миниатюрѣ: какъ первоединое создаетъ призрачный безпредѣльный міръ для того, чтобы освободиться отъ присущаго ему страданія, такъ и человѣкъ создаетъ себѣ прекрасный призрачный міръ въ миниатюрѣ, именно—въ искусствѣ, и съ той же самой цѣлю, чтобы избавиться отъ омерзенія къ бытію. Въ самомъ дѣлѣ, „только искусство“, говоритъ Ницше, „могло превратить отвратительныя мысли объ ужасномъ или нелѣпомъ въ бытіи въ представленія, съ которыми можно жить, таковы: возвышенное, какъ художественное укрощеніе ужаснаго, и комическое, какъ художественное освобожденіе отъ омерзенія къ нелѣпому“²⁾.

Значитъ, искусство, по Ницше, имѣетъ цѣлю освобождать человѣка отъ пессимизма, чтобы онъ не пришелъ въ отчаяніе отъ жалкаго бытія, какъ и міръ, величайшее произведеніе искусства, какое только можетъ быть, не менѣе имѣетъ цѣлю искуплять творческое начало отъ присущаго ему страданія, чтобы, вслѣдствіе абсолютнаго пессимизма, оно не пришло къ полному разочарованію. Такимъ образомъ, Ницше достигаетъ результата: „бытіе и міръ вѣчно оправдываются только какъ эстетическій феноменъ“³⁾; ибо если бы не было міра съ его постоянно мѣняющимися видами, то первоединое, или абсолютное, было бы вѣчно несчастнымъ, и если бы не было искусства съ его прекрасными образами, то жизнь для людей была бы несносна, и небытіе было бы для нихъ лучше бытія. Міръ есть, слѣдовательно, искупитель божества отъ присущаго ему страданія, какъ искусство есть искупитель человечества отъ-

1) Ibidem. S. 16.

2) A. a. O. S. 36.

3) A. a. O. S. 25.

„мірового страданія“. Поэтому способствованіе искусству есть лучшая, превосходящая культура.

Величайшими художниками были древніе греки, и трагедія была ихъ высочайшимъ искусствомъ.

Такъ возникла, стало быть, для Ницше проблема „Происхожденія трагедіи“. Онъ пытался разрѣшить ее слѣдующимъ образомъ.

Какъ лежащее въ основаніи всѣхъ явленій первоединое, или міровой принципъ, имѣетъ двѣ существенныя силы: волю и представленіе, изъ взаимодействія которыхъ возникъ міръ; такъ и человѣку присущи обѣ эти силы, и онъ обнаруживаетъ ихъ не только въ своихъ обычныхъ дѣйствіяхъ, но и въ своемъ высшемъ дѣяніи,—въ художественномъ творчествѣ. Отсюда, по взгляду Ницше, у человѣка можно различать два основныя художественныя влеченія и соотвѣтствующіе имъ роды искусства: нефигуральное и фигуральное искусства. Первое есть непосредственное выраженіе воли и открывается въ музыкѣ, второе есть преимущественно продуктъ представленія и обнаруживается въ остальныхъ искусствахъ. Этимъ обоимъ родамъ искусства Ницше даетъ имена „діонисіевскаго“ и „аполлоновскаго“ искусства. При этомъ онъ замѣчаетъ: „мы заимствуемъ эти имена у грековъ, которые дѣлаютъ доступными для вникающаго сокровенныя ученія своего художественнаго созерцанія именно не въ понятіяхъ, но въ убѣдительно ясныхъ образахъ своего міра боговъ. Разсматривая типы двухъ боговъ искусства: Аполлона и Діониса, мы находимъ, что въ греческомъ мірѣ существовала рѣзкая противоположность, по источнику и дѣламъ, между искусствомъ фигуральнымъ, аполлоновскимъ, и нефигуральнымъ искусствомъ музыки, какъ искусствомъ Діониса. Оба столь различныя влеченія возникаютъ другъ подле друга, по большей части въ открытомъ разладѣ другъ съ другомъ. Они возбуждаютъ другъ друга всегда къ новымъ болѣе сильнымъ проявленіямъ, чтобы въ нихъ не прерывалась борьба этой противоположности, черезъ которую, очевидно, перебрасываетъ мостъ общее слово „искусство“,—пока, наконецъ, они явятся, по метафизическому чудодѣйству эллинской воли, другъ

съ другомъ соединенныя и въ этомъ соединеніи, какъ „діонисіевское“, такъ и „аполлоновское“ влеченія создаютъ въ концѣ концовъ изящное произведеніе аттической трагедіи“¹⁾).

Перейдемъ къ частностямъ. Ницше полагаетъ, что греки первоначально были настроены пессимистически, такъ какъ они вслѣдствіе своего тонкаго чутья совершенно вѣрно ощущали горечь бытія. Доказательствомъ этого были ихъ древнія преданія относительно первобытныхъ временъ и эпохи титановъ. Силенъ, спутникъ Діониса, далъ особенно краснорѣчивое выраженіе первоначальному пессимистическому настроенію грековъ, когда на просьбу царя Мидаса открыть, что составляетъ самое лучшее для людей, овъ отвѣтилъ: „жалкій однодневный родъ, дѣти случая и страданія, зачѣмъ ты вынуждаешь меня сказать тебѣ, чего полезнѣе тебѣ не слышать? Нилучшее совершенно недоступно для тебя, а именно: не родиться, не быть, ничѣмъ не быть. Но затѣмъ болѣе лучшее для тебя—скоро умереть“.

Чтобы земная жизнь, по крайней мѣрѣ, хоть сколько нибудь была сносна, греки создали въ своей фантазіи, какъ думаетъ Ницше, прекрасную надземную жизнь съ свѣтлыми олимпійскими богами и въ этомъ блестящемъ видѣніи Олимпа примирились съ печальной жизнію на землѣ. Въ самомъ дѣлѣ, теперь только жизнь казалась имъ достойной того, чтобы жить, такъ какъ надъ нею господствовали столь прекрасные боги, которыхъ они словно похищали съ неба на землю въ своихъ великолѣпныхъ художественныхъ произведеніяхъ для восхищенія ихъ красотою. Все это было дѣломъ аполлоновскаго эстетическаго влеченія грековъ.

Но и діонисіевскій духъ пробудился въ нихъ съ особенною мощію. Дѣйствительно, какъ только онъ распространился во всемъ античномъ мірѣ, то онъ завладѣлъ имъ, какъ это показываютъ шумныя торжества въ честь Діониса. Эти торжества вытекали изъ кипучей природной силы и природной страсти и потому праздновались съ такою страстностію. Отсюда

¹⁾ Die Geburt der Tragödie; S. 1.

мало-по-малу возникла греческая трагедія. Начало ея образовалъ хоръ сатировъ. Сатиръ у грека имѣлъ значеніе совершеннаго существа природы, которое казалось ему божественнымъ и вмѣстѣ человѣческимъ. Сатиръ казался божественнымъ, потому что онъ былъ въ близкомъ отношеніи къ богу Діонису, такъ что близость этого бога приводила его въ восторженное состояніе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ казался и человѣкомъ, потому что былъ символомъ самыхъ могучихъ человѣческихъ инстинктовъ, въ особенности влеченія къ размноженію рода.

Хоръ сатировъ былъ, по Ницше, первоначально представителемъ всего народа, объятаго діонисіевскимъ опьянѣніемъ. Музыкой и танцами онъ возбуждалъ во всемъ существѣ зрителя сильный восторгъ, и если всѣ сердца въ упоеніи этимъ восторгомъ сливались въ единомъ біеніи пульса, тогда возникало въ фантазіи восторженнаго хора лучезарное видѣніе бога Діониса, которое сообщалось собранію зрителей. Такъ діонисіевское опьянѣніе дало жизнь аполоновскому міру грезъ, и этотъ міръ былъ не чѣмъ инымъ, какъ яснымъ и пластическимъ осуществленіемъ того неопредѣленнаго музыкальнаго состоянія души, которое производилъ діонисіевскій восторгъ.

Словомъ, единственнымъ героемъ греческой трагедіи былъ собственно богъ Діонисъ, и прежде всего, конечно, не болѣе, какъ видѣніе хора сатировъ. Хоръ сообщалъ объ этомъ видѣніи въ гимнѣ, который воспѣвался имъ въ честь божества. Позднѣе это видѣніе объектировалось и мимически представлялось на театральной сценѣ, чтобы сила воображенія зрителей запечатлѣла его еще живѣе; а еще позднѣе Діонисъ уже болѣе не открывался въ своей божественной формѣ, но скрывался въ различныхъ образахъ героевъ, подъ трагической маской Прометея или Эдипа.

Такъ, по мнѣнію Ницше, греческіе трагики воскрешаютъ міръ гомеровскихъ боговъ, лучезарный блескъ которыхъ тогда уже начиналъ потухать, и собственно пользуются этими аполоновскими призраками, какъ типическими символами, съ помощью которыхъ они приводили свое пониманіе вселенной въ болѣе понятную форму. Миѳы поэтому были не чѣмъ инымъ, какъ философій въ лицахъ.

И такъ такъ трагическое искусство у древнихъ грековъ, по взгляду Ницше, было разцвѣтомъ культуры, то Ницше полагалъ, что новое пробужденіе этого искусства въ музыкальныхъ драмахъ Рихарда Вагнера будетъ и въ Германіи наиболѣе пригоднымъ средствомъ для возвышенія культуры. Вотъ почему, твердо убѣжденный въ этомъ, онъ тогда восклицалъ съ мечтательнымъ воодушевленіемъ: „Никто не могъ бы омрачить нашу вѣру въ предстоящее возрожденіе эллинской древности; ибо только въ ней мы находимъ нашу надежду на обновленіе и очищеніе нѣмецкаго духа черезъ чарующій огонь музыки. Въ противномъ случаѣ, на что мы могли бы указать такое, что могло бы въ заступствѣ и одряхлѣнн современной культуры возбудить какое нибудь утѣшительное ожиданіе для будущаго? Напрасно мы старались бы отыскать хотя бы то одинъ сильный корень съ молодыми побѣгами, напрасно мы высматривали бы плодоносное мѣсто и здоровую почву: вездѣ пыль, песокъ, оцѣпенѣніе, изнеможеніе. Тутъ безутѣшный житель не могъ бы избрать другого лучшаго символа, кромѣ рыцаря со смертію и чертомъ, какъ его изображаетъ намъ Дюреръ, грознаго рыцаря съ стальнымъ и суровымъ взоромъ, который рѣшаетъ пуститься въ свой страшный путь одинъ съ конемъ и собакой и притомъ безнадежно, хотя его и не собьютъ съ дороги ужасные спутники. Таковымъ Дюреровскимъ рыцаремъ былъ нашъ Шопенгауеръ: потерявъ всякую надежду, онъ все же искалъ истину. Не было подобнаго ему!

Но какъ внезапно измѣняется эта мрачная пустыня нашей одряхлѣвшей культуры, только что изображенной, когда къ ней прикоснутся чары Діониса! Вихрь увлекаетъ все отжившее, обветшалое, разбитое, испорченное, кружась скрываетъ его въ тускломъ облакѣ пыли и подобно коршуну носить его въ воздухѣ. Наши взоры смущенно слѣдятъ за исчезнувшимъ, ибо что они видятъ, какъ бы восходить изъ пучины къ золотому свѣту, такъ полно и зелено, такъ пышетъ жизненностію, до безграничности такъ полно страсти. Трагедія возсѣдаетъ среди этого избытка жизни, страданія и радости, съ возвы-

пеннымъ восторгомъ она внимаетъ отдаленной унылой пѣснѣ, эта пѣсня говоритъ о матеряхъ сущаго, имена которыхъ таковы: мечта, воля, горе. Да, мои друзья, вѣрьте со мной въ діонисіевскую жизнь и въ возрожденіе трагедіи. Времена сократовскаго человѣка миновали: увѣнчайтесь плющемъ, возьмите тирсъ въ руку и не удивляйтесь, если тигръ и пантера, ласкаясь, лягутъ къ вашимъ ногамъ. Теперь только имѣйте мужество быть трагическими людьми, ибо вамъ предназначено искупленіе. Вы должны сопровождать торжественное шествіе Діониса отъ Индіи до Греціи! Вооружитесь на жестокую борьбу, но вѣрьте въ чудеса вашего бога¹⁾.

Такимъ образомъ, Ницше былъ пламенно восторженнымъ эстетикомъ. Мы изложили въ главныхъ чертахъ первую философскую точку зрѣнія Ницше. Теперь перейдемъ къ ея разбору?

Что касается прежде всего взглядовъ Ницше о происхожденіи греческой трагедіи, то обсужденіе ихъ относится собственно къ области древнеклассической филологіи, но эта послѣдняя по большей части отклонила ихъ, усмотрѣвъ въ нихъ комбинаціи хотя и даровитыя, но фантастическія, не соотвѣтствующія фактамъ. Такъ, напримѣръ, невѣроятно то положеніе, что всѣ извѣстные типы греческой сцены должны быть только масками первоначальнаго героя сцены Діониса, стало быть, и Ксерксъ, персидскій царь, есть маска греческаго бога, и тѣмъ болѣе это положеніе невѣроятно, что оно не было извѣстно самимъ грекамъ, ихъ поэтамъ и философамъ. Равнымъ образомъ, таково же мнѣніе Ницше, будто древніе трагики, и прежде всего Эсхилъ, были не менѣе великими музыкантами—композиторами, и будто въ ихъ драмахъ до насъ дошелъ только текстъ къ ихъ утерянной музыкѣ! Это не что иное, какъ неосновательныя положенія, которыя имѣютъ свой корень въ фантазіи своего автора.

Не будемъ далѣе останавливаться на историческихъ соображеніяхъ: насъ болѣе интересуютъ философскіе принципы, вы-

¹⁾ А. а. О. S. 117 f.

двинутые нашими философами въ первую эпоху. Каковы они предъ судейской трибуной критики?

Возьмемъ прежде всего его космическій принципъ. Ницше считалъ такимъ принципомъ „истинносущее и первоединое“; „исполненное противорѣчій“ и „вѣчно страдающее“, которое отъ вѣка, искупляется отъ „присущаго ему страданія“ только черезъ мѣръ, созданный имъ ради „воспитательнаго видѣнiя“; но посему этотъ мѣръ не—мѣръ дѣйствительности, а только—мѣръ видимости.

Тутъ возникаетъ вопросъ, откуда Ницше знаетъ то, что „первоединое“ дѣйствительно само въ себѣ исполнено противорѣчій и вѣчно страдаетъ? Гдѣ доказательство для этого основного метафизическаго утвержденiя? Ницше нигдѣ даже и не попытался дать такого доказательства, но „выпалилъ“ свой космическій принципъ изъ фантазiи, „какъ изъ пистолета“. Однако мы отнюдь не страшимся такихъ выстрѣловъ, ибо они по большей части холостые и потому безопасные.

И даже не смотря на то, что Ницше не привелъ ни малѣйшаго доказательства въ пользу принятаго имъ космическаго принципа, хотя онъ непосредственно вовсе не очевиденъ, не смотря на это,—спрашивается далѣе: какъ возможно, чтобы этотъ самый космическій принципъ существовалъ, если онъ дѣйствительно исполненъ противорѣчій? Высшiй основной законъ всякаго разумнаго мышленiя говоритъ, что само себѣ противорѣчащее не можетъ существовать. Слѣдовательно, нѣтъ и первоединаго, о которомъ идетъ рѣчь, если оно исполнено противорѣчій. Или, быть можетъ, Ницше ставитъ ни во что логическiй законъ противорѣчiя?

Во всякомъ случаѣ, онъ выражался нерѣдко очень пренебрежительно о разумѣ и его логикѣ; но если Ницше серьезно отрицаетъ основные законы мышленiя, въ такомъ случаѣ онъ разрушаетъ фундаментъ всякаго научнаго изслѣдованiя, и тогда съ нимъ вовсе не слѣдуетъ имѣть дѣла.

Далѣе было отмѣчено, что первоединое, по Ницше, „вѣчно страдаетъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть „вѣчно вседовольнымъ“, благодаря восхитительному видѣнiю мiра. Здѣсь Ниц-

ше вновь противорѣчить самому себѣ, вслѣдствіе чего принятый имъ принципъ еще разъ оказывается невозможнымъ.

Почему, далѣе, первоединое, или абсолютное, должно вѣчно страдать? Что должно причинять ему врожденное страданіе? На всѣ эти вопросы, возникающіе здѣсь съ необходимостію, Ницше не далъ никакого отвѣта.

А потомъ: почему міръ, который произвело первоединое, міръ, которому и мы принадлежимъ, есть простой миражъ? И для этого поспѣшнаго утвержденія онъ не привелъ никакого доказательства; стало быть, оно всецѣло виситъ въ воздухѣ и не имѣетъ ни малѣйшей научной цѣны. Въ самомъ дѣлѣ, если эмпирической міръ и не имѣетъ абсолютной реальности, каковую имѣетъ только начало, лежащее въ основаніи міра, то все же онъ имѣетъ относительную реальность и потому онъ не есть простой миражъ.

Но если бы міръ на самомъ дѣлѣ былъ простымъ миражемъ, то какъ первоединое черезъ „видѣніе“ его можетъ искупляться отъ присущаго ему страданія? Не будетъ ли въ такомъ случаѣ это искупленіе кажущимся?

Затѣмъ, если бы міръ, какъ утверждаетъ Ницше вмѣстѣ съ Шопенгауеромъ, былъ всецѣло преисполненъ страданія и превратностей, такъ что небытіе было бы для него предпочтительнѣе бытія, то какъ твореніе міра и созерцаніе его могло давать такое удовлетвореніе? И какимъ образомъ, далѣе, художественное подражаніе человѣка этому столь дурному міру могло примирить его съ безотраднѣйшей жизнію и превозмочь пессимизмъ? Это значило бы изгонять бѣса силою Веельзевула.

Итакъ, не чтонибудь другое, а именно рѣзкія и неразрѣшимыя противорѣчія лишаютъ научной опоры первоначальную философію Ницше!

Что касается, наконецъ, его тогдашней основной идеи, будто черезъ возрожденіе трагическаго искусства въ музыкальной драмѣ Рихарда Вагнера нѣмецкая культура пробуждается отъ своей теперешней летаргіи, стремится къ мощному оживленію и прогрессу, поднимаясь на высшую ступень,—то это точно также была только чистая фантазія, какъ позже самъ Ницше

это призналъ и открыто заявилъ: Въ этой книгѣ ¹⁾ есть много кое чего дурного; о ней я еще болѣе сожалею, чѣмъ о томъ, что діонисіевскія чаянія затемнились и извратились шопенгауеровскими формулами; пусть я извратилъ въ общемъ именно грандіозную *греческую проблему*, какъ она у меня возникла, черезъ привнесеніе новѣйшихъ матерій! Пусть я обнадежилъ, гдѣ во-все нельзя было надѣяться, гдѣ все совершенно ясно указывало на конецъ! Пусть, на основаніи послѣдней нѣмецкой музыки, я началъ рассказывать сказки о „нѣмецкомъ гениі“, какъ будто намѣренъ былъ только раскрыть себѣ самому глаза и опять искать—и это въ то время, когда нѣмецкій духъ, который недавно еще имѣлъ мощь господствовать надъ Европой и обладалъ силой руководить ею, точно при смерти, окончательно отказался отъ приоритета и, подъ блестящимъ предлогомъ основанія имперіи, перешелъ къ посредственному уровню, къ демократіи и новымъ идеямъ. Дѣйствительно, тѣмъ временемъ, какъ я привыкалъ думать о „нѣмецкомъ гениі“ довольно безнадежно и безпощадно, я сталъ равнымъ образомъ думать о современной нѣмецкой музыкѣ, какъ о такой, которая насквозь пропитана романтикой, и изъ всѣхъ формъ искусства есть менѣе всего греческая; а поэтому, она первѣйшая губительница нервовъ и вдвойнѣ опасна для народа, который любитъ опьянѣніе и почитаетъ неясность, какъ добродѣтель, именно въ ея двоякомъ свойствѣ, какъ опьяняющее и вмѣстѣ съ тѣмъ отуманивающее усыпительное средство“ ²⁾.

Какъ Ницше разсуждалъ по поводу этого собственно пункта, именно относительно оцѣнки вагнеровской музыки, такъ точно онъ поступилъ далѣе, отказавшись и отъ всего своего философскаго произведенія—первенца. Онъ пишетъ: „Теперь это для меня несносная книга,—я сознаюсь, что она написана дурно, тяжелымъ языкомъ, гадко, съ ужасной безтолковой фигуральностію, чувствительно, по мѣстамъ слащаво до женственности, неодинаково по приему, безъ логической обаятельности, очень убѣжденно, почему и *лишена доказательности*. Она

¹⁾ Именно: „Die Geburt der Tragödie“.

²⁾ А. а. О. S. XIV.

написана неудовлетворительно по убѣдительности доказательства, какъ книга для посвященныхъ, какъ музыка для тѣхъ, которые выросли на музыкѣ, книга высокоумная и мечтательная, которая закрыта прежде всего для невѣжественной толпы образованныхъ еще болѣе, чѣмъ для „народа“¹⁾.

Итакъ, поодвѣ Ницше самъ понялъ, что неудачна была его первоначальная философская точка зрѣнія, по которой онъ представлялъ возрожденіе греческаго трагическаго искусства у нѣмцевъ въ смыслѣ наиболѣе годнаго средства для проведенія лучшей культуры, и поэтому онъ обратился къ новому направленію.

М. Воскресенскій.

(Продолженіе будетъ)

¹⁾ А. а. О. S. VII.

Историко-философскія воззрѣнія проф. Карѣва.

(Окончаніе *).

IV.

Древніе не имѣли представленія о всемірной исторіи. Для нихъ могла быть исторія Египта, Ассиріи, Греціи, Рима, но до исторіи въ ея универсальномъ смыслѣ они не возвышались. Причина такого обстоятельства объясняется просто. У древнихъ не было ясно сознаваемого понятія о единствѣ человѣческаго рода. Въ каждомъ отдѣльномъ народѣ они видѣли нѣчто совершенно независимое отъ другихъ народовъ какъ по происхожденію, такъ и по культурному развитію. Естественно, поэтому, что древніе историки не имѣли представленія о всемірной исторіи. Но уже во 2 вѣкѣ до Рождества Христова, грекъ Полибій пришелъ къ убѣжденію писать именно всемірную исторію. Онъ говорилъ: „Судьба свела вмѣстѣ всѣ происшествія вселенной..., перепутавъ дѣла Италіи и Африки съ дѣлами Азіи и Греціи, такъ что частныя исторіи не могутъ дать представленія о цѣломъ, и только всеобщая исторія сообщаетъ намъ знаніе связи событій, ихъ причинъ, слѣдствій и сопровождающихъ обстоятельствъ“¹⁾. Съ тѣхъ поръ всемірная исторія, какъ наука, постепенно развивалась и достигла наконецъ въ наше время высокаго положенія. Но въ основѣ ея лежала всегда одна и та же идея,—хотя въ большей или меньшей степени сознательности,—идея эта есть „взаимодѣйствіе между націями, придающее общее направленіе ихъ исторіямъ“²⁾. Съ точки зрѣнія этой идеи все, „что важно

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1908 г. № 6.

1) Ид. вс. вст. 9 стр.

2) Ibid.

только для судеб и развитія одной страны, говоритъ Каррѣвъ, но не оказываетъ вліянія на дѣла міра, въ общей исторіи утрачиваетъ до значительной степени свой интерес¹⁾. Отсюда фигурально мы можемъ дать всеобщей исторіи такое опредѣленіе: всеобщая исторія есть то „центральное бюро, гдѣ изъ частныхъ плановъ и картъ (частныхъ исторій), снимаемыхъ съ отдѣльныхъ мѣстностей, изъ разныхъ вообразимыхъ линій, проводимыхъ по земной поверхности для обозначенія всевозможныхъ явленій, на ней встрѣчающихся, составляется общая карта земли“²⁾.

Изъ сказаннаго объ идеѣ всемірной исторіи ясно вытекаетъ опредѣленіе ея предмета. Въ самомъ дѣлѣ, если всемірная исторія имѣетъ въ виду то, что особенно характеризуетъ духъ и направленіе общечеловѣческой жизни, то естественно, что предметомъ ея научнаго изложенія могутъ быть лишь выдающіеся факты этой жизни, оказывающіе болѣе или менѣе сильное вліяніе на ходъ историческаго процесса. Но мы еще прежде видѣли, что историческій процессъ слагается изъ взаимодействія личности и надъ—органической среды. Личность производитъ „дѣла, въ смыслѣ дѣйствій и событій“³⁾; а эти послѣднія, взятая вмѣстѣ, составляютъ прагматическую сторону всемірной исторіи. Надъ—органическая среда тоже, какъ мы видѣли, обуславливаетъ дѣятельность личностей и опредѣляетъ направленіе этой дѣятельности. Она, слѣдовательно, составляетъ также важный факторъ въ историческомъ процессѣ. Этотъ факторъ извѣстенъ въ наукѣ подъ именемъ *культуры* или культурной стороны всемірной исторіи. Отсюда вышеизложенное опредѣленіе историческаго процесса⁴⁾ можно замѣнить еще слѣдующимъ: *историческій процессъ есть взаимодействие прагматизма и культуры*.

Такимъ образомъ, имѣя въ виду основную идею всемірной исторіи, мы можемъ сказать, что содержаніе этой исторіи составляютъ „прагматическіе факты съ важнымъ значеніемъ для культуры и факты культурные, обуславливающіе прагматическое движеніе исторіи,—однимъ словомъ, все, что ближайшимъ

1) Ид. вс. ист. 9 стр.

2) Ibid. 10.

3) Ид. вс. ист. 11 стр.

4) См. выше стр. 226.

образомъ играетъ роль факторовъ въ этомъ постоянномъ и сложномъ взаимодействіи¹⁾.

Всѣ науки Карѣвъ раздѣляетъ на номологическія и феноменологическія²⁾. Первыя наследуютъ законы въ своей области; вторыя имѣютъ дѣло исключительно съ феноменами, открывая между ними причинную связь и объясняя эту связь известными законами, взятыми изъ чужихъ областей. Къ послѣдняго рода наукамъ, т. е. феноменологическимъ, принадлежитъ исторія; слѣдовательно ея задачи опредѣляются уже самимъ ея положеніемъ.—По мнѣнію Карѣва, исторія „должна констатировать факты, приводить ихъ въ причинную связь, обнаруживать между ними существенныя, сводить ихъ къ общимъ формуламъ и объяснять послѣднія психологическими и социологическими законами“³⁾. Такимъ образомъ, о какихъ бы то ни было законахъ, принадлежащихъ исключительно исторіи, эта наука не должна мечтать. Она разъ навсегда должна убѣдиться въ томъ, что законовъ исторіи нѣтъ и быть не можетъ⁴⁾; есть лишь законы психологическіе, социологическіе и—отчасти—біологическіе, при помощи которыхъ можно дать научное объясненіе исторіи⁵⁾. Поэтому научная исторія должна безусловно отвергнуть всѣ попытки вывести ходъ исторической жизни какъ изъ одного какого-либо закона (божественнаго промысла, напр.), такъ и изъ многихъ, будто бы специально принадлежащихъ исторіи. Ея постоянной задачей, при обработкѣ историческаго матеріала, должно быть одно, говоритъ Карѣвъ—„разрушить ту предвзятую мысль: что всемірная исторія есть единый и цѣльный процессъ съ строго логическимъ планомъ въ своей основѣ“⁶⁾.

Что касается метода, которымъ могутъ быть достигнуты указанныя задачи исторіи, то его можно подраздѣлить на слѣдующіе три частныхъ вида. Во первыхъ, исторія, какъ наука, должна быть *объективной*, въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова; во вторыхъ, къ открытію общихъ положеній, выработка которыхъ составляетъ одну изъ главныхъ задачъ исторіи,

1) Ил. вст. вст. 16 стр.

2) Осн. вопр. 1 т. 9.

3) Осн. вопр. 1, 35.

4) См. выше стр. 239.

5) Осн. вопр. 1, 10.

6) Ibid —21.

она должна идти *путемъ синтеза* историческихъ событій и въ третьихъ, исторія, какъ наука универсальная, должна излагать лишь такіе факты; которые такъ или иначе *свѣдѣніи на ходъ исторической жизни человечества*.—Укажемъ частіе, въ чемъ должны состоять всѣ эти виды правильного историческаго метода.

Исторія должна быть наукой объективной. Это значитъ, по объясненію Карѣева, что „ходъ исторіи мы должны воспроизводить съ объективной вѣрностью, что возможно только, если мы откажемся,—какъ отъ чего-то дѣйствительнаго въ исторіи,—и отъ постоянной связи между всѣми частями человечества, и отъ плана, по которому совершается исторія, и отъ цѣли, постоянно господствующей въ движеніи, и отъ свободной воли, производящей то или другое, ибо, принимая все это,—добавляетъ Карѣевъ,—мы очутимся въ необходимости, вмѣсто констатированія объективнаго хода исторіи, заниматься ея субъективнымъ конструированіемъ“¹⁾. Слѣдовательно, для того, чтобы исторія была дѣйствительно наукой, а не романомъ, историкъ долженъ освободиться рѣшительно отъ всѣхъ предвзятыхъ и одностороннихъ убѣжденій. Его точка зрѣнія не должна быть—ни русской, ни французской или нѣмецкой, а просто—„точкой зрѣнія общаго человѣческаго разума“²⁾. Такого объективизма историкъ достигнетъ тогда, когда свои собственные воззрѣнія будетъ провѣрять обще-человѣческимъ судомъ надъ исторіей³⁾...

Относительно необходимости построенія исторіи именно синтетическимъ путемъ находимъ весьма обстоятельныя разсужденія Карѣева въ его статьѣ объ „*Идеи всемірной исторіи*“. Въ этой статьѣ, установивъ общее положеніе, что историческій процессъ слагается изъ взаимодѣйствія прагматизма и культуры, Карѣевъ дѣлаетъ выводъ, что по этому самому наука исторія должна быть объединеніемъ или синтезомъ этихъ двухъ элементовъ⁴⁾. На вопросъ: „какъ“ происходитъ историческій синтезъ?—онъ разсуждаетъ приблизительно такъ.—Изучая прагматическую исторію, мы устанавливаемъ длин-

1) Осн. вопр. 1, 155.

2) Ibid.—167.

3) Ibid.—273—274.

4) Ид. вс. Ист. 13 стр.

ную цѣпь причинъ и слѣдствій,—указываемъ, что такое-то лицо было причиной такого-то событія.—Но установленіе подобной причинной связи между историческими событіями составляет далеко не все въ исторической наукѣ. Для полнаго представленія извѣстнаго событія, необходимо показать еще тѣ культурныя условія, при какихъ оно произошло, равно какъ и тѣ, для которыхъ оно само было причиной. Тогда изучаемое событіе будетъ для насъ ясно во всѣхъ, такъ сказать, своихъ деталяхъ.

То же самое нужно сказать относительно изученія культурной исторіи.—Указывая на формы быта, степень цивилизаціи и нравственный уровень человѣчества за извѣстный періодъ времени, мы не можемъ ограничить все объясненіе дѣла лишь указаніемъ на одну естественную эволюцію культуры. Намъ нужно показать еще при этомъ, какія „прагматическія причины“ способствовали образованію надъ органической среды въ такомъ, а не иномъ видѣ,—и только тогда наше пониманіе культурной исторіи будетъ полно и вѣрно.—Такъ именно должна построиться всякая истинно научная исторія. Она, правда, можетъ давать иногда перевѣсъ въ своей области прагматизму или культурѣ; но она не имѣетъ рѣшительно никакого права „исключать изъ своего изслѣдованія одно ради другого: полное разъединеніе обояхъ элементовъ немислимо ¹⁾.

Наконецъ, въ 3), всемірная исторія должна излагать лишь важныя факты, которые вліяли на ходъ міроваго прогресса, въ положительномъ-ли то, или отрицательномъ смыслѣ.—Слѣд., все, что не имѣло ближайшаго отношенія къ идеѣ прогресса, должно быть безусловно выкидываемо изъ массы историческаго матеріала. Съ этой точки зрѣнія, въ исторію не могутъ войти, напр. всѣ виды естественной органической эволюціи, поскольку они лишены разумности и индивидуальнаго разнообразія, какъ произведеніе слѣпыхъ силъ природы. Не могутъ войти во всемірную исторію народы, мало или вовсе не послужившіе человѣческому прогрессу ²⁾. Во всеобщей исторіи —мѣсто лишь всему индивидуальному, развивающемуся, про-

¹⁾ Ил. вс. истор. 15 стр.

²⁾ Основ. воп. 1,160.

являющему господство разума надъ слѣпыми силами природы.—Построить такъ исторію, не значить однако-же, говорить Карѣевъ, произвольно искажать факты, или навязывать имъ такое значеніе, котораго они не имѣютъ. За научность идеи прогресса, мы видѣли, ругаются какъ эмпирическія, такъ и апріорныя данныя.—Что же касается самаго подбора фактовъ для исторіи, то относительно ихъ достоинства свое мнѣніе историкъ долженъ провѣрять общечеловѣческимъ судомъ¹⁾; а при такомъ отношеніи къ дѣлу, по мнѣнію Карѣева, трудно впасть въ крайность или личный произволь.

— Намъ остается указать еще на то значеніе, какое имѣть для человѣка изученіе всеобщей исторіи,—и наше изложеніе историческихъ воззрѣній проф. Карѣева можетъ считаться вполне законченнымъ.

Въ древности, говоритъ Карѣевъ, исторію считали весьма полезной наукой. Относительно нея существовало въ то время всѣмъ извѣстное изреченіе: „*historia est magistra vitae*“²⁾. И дѣйствительно, исторія есть наставница, учительница жизни. Представляя намъ вѣрное и всестороннее изображеніе прошлой дѣйствительности, ова тѣмъ самымъ уясняетъ для насъ смыслъ настоящаго,—показываетъ, къ чему должны мы стремиться, какъ существа нравственно-разумныя. Въ этомъ отношеніи значеніе всемірной исторіи тождественно для насъ съ значеніемъ художественной драмы. Какъ хорошая драма заставляетъ насъ плакать слезами умиленія при видѣ торжества добродѣтели—и съ презрѣніемъ отвращаться отъ порока, при созерцаніи всей ея гнусности, низости, такъ и исторія. Изображеніемъ состоянія нравовъ и цивилизаціи въ разное время она можетъ вдохнуть въ насъ—то искреннее желаніе подражать древнимъ въ ихъ доблести, то такое же желаніе избѣгать ихъ пороковъ. Слѣд., исторія является для насъ, какъ и художественная драма,—„богатою сокровищницей жизненной мудрости, цѣлой школой для нравственнаго поученія“³⁾.

Но изученіе исторіи можетъ дать намъ еще другое, болѣе высшее назиданіе. Слѣдя за тѣмъ, какъ развивалась на про-

1) Осн. вопр. 1,273 ст.

3) Ид. вс. ист. 17 стр.

2) Ид. вс. ист. 17 стр.

таженіи многихъ вѣковъ основная идея всеобщей исторіи— прогрессъ человѣчества; какія при этомъ колебанія испытывала эта идея; какъ постепенно, хотя медленно, но вѣрно—шла она къ своему торжеству,—мы сами незамѣтно укрѣпляемся духомъ, и начинаемъ бодрѣе смотрѣть въ неизвѣстное будущее— на задачи и смыслъ своей жизни... Но предоставимъ слово объ этомъ самому проф. Карѣеву. „Идея прогресса, говоритъ онъ, примиряетъ чувство разлада съ дѣйствительностью, указывая на времена прошедшія, когда разладъ этотъ былъ больше, и видя въ прогрессѣ устраненіе этого разлада: она отвращаетъ отъ грубаго матеріализма преслѣдованія личныхъ, своекорыстныхъ цѣлей и вноситъ въ жизнь спасительную дозу здороваго идеализма; она противодѣйствуетъ развитію печальнаго пессимизма, видящаго зло въ самомъ корнѣ бытія вещей, и оживляетъ душу пріободрающей дозой не пошлаго оптимизма, довольнаго всѣмъ и самимъ собой, а оптимизма идеала, оптимизма надежды, безъ котораго нѣтъ жизни и дѣятельности, а есть тупое и инертное прозябаніе червя въ земномъ прахѣ“¹⁾. Основываясь на столь важномъ значеніи идеи прогресса для человѣка, мы еще разъ повторяемъ, что идея эта вполне научно и безъ ущерба для дѣла можетъ быть внесена въ исторію, въ качествѣ ея субъективнаго элемента. Только одна эта идея способна воспитать въ человѣкѣ „настоящую гуманность, интересъ и уваженіе къ человѣческой личности, къ какой бы расѣ и національности, къ какому бы вѣроисповѣданію и государству, къ какому бы культурному слою и социальному классу она ни принадлежала. Поэтому историческому образованію— заключимъ словами Карѣева—должно принадлежать по полному праву воспитательное значеніе, если только мы будемъ изучать прошлое человѣчества съ гуманитарной и универсальной точекъ зрѣнія“²⁾.

V.

Намъ не придется много говорить о достоинствахъ историко-философскихъ воззрѣній проф. Карѣева. Эти достоинства признаны огромной частью нашего интеллигентнаго общества.

¹⁾ Идея всеобщ. ист. стр. 18. Ср. Истор.-соціол. этюд. стр. 21—41.

²⁾ Истор.-соц. эт. стр. 41.

Объ этомъ свидѣтельствуесть то обстоятельство, что каждая брошюрка, вышедшая изъ подъ пера проф. Карѣева, раскупалась на расхватъ: словно люди видѣли въ этихъ брошюрахъ новое и дивное откровеніе!

Въ чемъ же кроется причина столь выдающагося успѣха историко-философскихъ воззрѣній проф. Карѣева среди русскаго общества?

Коренная причина популярности этихъ воззрѣній—*от ихъ строгой научности* прежде всего. Проф. Карѣевъ, въ самомъ дѣлѣ, съ огромной эрудиціей развернулъ въ своихъ сочиненіяхъ выводы *современнаго* знанія по наиболѣе жизненнымъ вопросамъ. О чемъ бы онъ ни говорилъ,—въ его рѣчахъ слышится „последнее слово науки“.—При этомъ, какъ позитивистъ и эволюціонистъ, Карѣевъ вѣритъ лишь въ *положительную* науку. Поэтому въ своихъ сочиненіяхъ онъ всегда держится *ясныхъ и точныхъ* данныхъ естественно-научнаго знанія.— Эта черта пришлась весьма по вкусу современному настроенію русскаго образованнаго общества, ищущаго вездѣ фактическихъ данныхъ и недоувѣрающаго „гуманной метафизикѣ“. Здѣсь лежитъ главная и важнѣйшая причина необычайнаго успѣха сочиненій Карѣева въ русскомъ обществѣ.

Вторая причина этого успѣха заключается въ его умѣнѣи *подъ однимъ угломъ* собрать и освѣтить всѣ выводы естественныхъ и историко-философскихъ наукъ.—Признавъ, что коренной сущностью историческаго процесса является *идея прогресса*, Карѣевъ для обоснованія этой мысли весьма искусно обращается отъ одной науки къ другой. Отовсюду онъ собираетъ доказательства своего ученія. Съ этой точки зрѣнія получаетъ силу въ общей системѣ всякая даже сухая положительная наука. То, что прежде многимъ казалось „узкой спеціальностью“,—это въ рукахъ даровитаго профессора приняло совсѣмъ другой видъ. Вдумываться въ данныя біологій или химіи оказалось необходимымъ не однимъ специалистамъ: всякій, желающій обосновать *центральную* идею исторіи,—которая съ тѣмъ вмѣстѣ есть и самая *высокая* научно-философская идея,—долженъ также углубиться въ послѣдніе выводы точныхъ наукъ, чтобы выработать себѣ *научное* міровоззрѣніе.

И вотъ общество,—учащееся особенно,—съ необычайнымъ восторгомъ отозвалось на зовъ своего многоученаго профессора. Выстъ съ нимъ и за нимъ оно охотно принялось знакомиться съ положительными науками, видя предъ собой твердо намѣченную цѣль, которой многіе прежде не имѣли, а потому блуждали въ потемкахъ. Карѣвъ, слѣдовательно, для русской молодежи явился глашатаемъ научно повѣтвнаго міровозрѣнія. Въ такомъ смыслѣ она его возвеличивала и эту черту ставила ему въ особую заслугу.

Не менѣе важенъ въ сочиненіяхъ Карѣва *общій тонъ*, такъ сказать—господствующее настроеніе автора. Это настроеніе намъ довольно знакомо. Мы видѣли, какъ гуманно и свѣтло смотритъ Карѣвъ на естественныя силы культурнаго человѣка, сколько надеждъ онъ возлагаетъ на будущее нашей исторіи. Проникнутый самъ благороднымъ оптимизмомъ, онъ эту жизнерадостность вливаетъ въ души своихъ читателей. И, кажется, съ этой стороны заслуга проф. Карѣва предъ русскимъ обществомъ по истинѣ огромна. Если кто въ послѣднее время поработалъ для разсѣянія гнетущаго нашу молодежь пессимизма, если кто особенно боролся противъ общественной косности и дряблости,—такъ это преимущественно нашъ почтенный профессоръ путемъ распространенія въ обществѣ своихъ историко-философскихъ сочиненій. Нельзя поэтому не привѣтствовать ихъ быстрого распространенія; нельзя не пожелать, чтобы впечатлѣніе отъ нихъ оказалось прочнымъ, надолго осѣвшимъ настроеніемъ.—Пусть же вѣра въ прогрессъ и силы людей будетъ всегдашнимъ знаменемъ вашей молодежи,—что ей такъ талантливо и искренно проповѣдуетъ проф. Карѣвъ! .

Но рядомъ съ несомнѣнными достоинствами историко-философскихъ воззрѣній проф. Карѣва, мы должны отмѣтить въ нихъ, къ сожалѣнію, существенныя односторонности и неправильности. Онѣ объясняются характеромъ міровоззрѣнія автора. Желая оставаться до конца строго *позиционнымъ* мыслителемъ, онъ въ своей исторіософіи явился защитникомъ механическаго эволюціонизма, врагомъ всякой „цѣлестремительности“, по выраженію нѣмцевъ. Въ этомъ направленіи онъ до-

шелъ до *внутреннего* противорѣчія съ самимъ собой и до разлада съ несомнѣнными философско психологическими фактами. — Это мы сейчасъ постараемся показать.

Мы видѣли, что *единоственно* возможной субъективной точкой зрѣнія на исторію Карѣвъ считаетъ идею *прогресса*. Достоинство этой идеи онъ основываетъ съ одной стороны на обобщеніи „многихъ дѣйствительныхъ фактовъ въ жизни человечества“; съ другой — на данныхъ „общечеловѣческой логики“. Посмотримъ, насколько состоятельны обѣ эти основы, на которыхъ, по Карѣву, можно будто бы построить идею прогресса.

Относительно эмпирическихъ данныхъ для идеи прогресса Карѣвъ самъ сознается, что научность ихъ весьма сомнительна. Стоя на почвѣ голыхъ фактовъ, говоритъ онъ, можно лишь до бесконечности препираться о томъ, есть ли прогрессъ въ человѣческой жизни, или нѣтъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе „научную формулу прогресса, безъ которой не мыслима философія исторіи, по словамъ Карѣва, оказывается необходимымъ построить именно на данныхъ биологіи, психологіи и социологіи“ ²⁾. „Однако, читаемъ далѣе, мы не имѣемъ пока прочно установленныхъ основъ социологіи: наука эта находится еще въ періодъ формировація“ ³⁾. То же въ сущности, нужно сказать относительно психологіи, не говоря уже о биологіи ⁴⁾.

Что отсюда слѣдуетъ?

Логическій „общечеловѣческій“ выводъ изъ сказаннаго ясенъ самъ собой: мы не имѣемъ права построить „научно“, подобно Карѣву, теорію прогресса на такихъ шаткихъ основаніяхъ, каковы данна психологіи, социологіи и биологіи. Нашъ выводъ получить еще большее значеніе, если мы сопоставимъ его съ слѣдующими словами Карѣва; „въ развитіи общества нѣтъ возможности объективно отличить существенное отъ несущественнаго, необходимое отъ случайнаго“ ⁵⁾, слѣдовательно, того, что *способствуетъ* прогрессу человечества отъ того, что *вредитъ* ему. А если такъ, то *объективная цѣнность* создан-

1) Осн. вопр. 2 т. 262 стр.

2) Осн. вопр. т. 1, стр. 13.

3) Ibid.

4) Осн. вопр. т. 2, стр. 157.

5) Осн. вопр. 1, 25 стр.

ной Карѣевымъ идеи, по „общечеловѣческой логикѣ“, должна быть подвергнута сильному сомнѣнію.

Съ другой стороны, если „вся человѣческая исторія есть только громадная случайность“ ¹⁾, если въ ней нѣтъ ни опредѣленнаго плана, ни сознательной цѣли ²⁾, то можемъ-ли мы къ ней прилагать, въ качествѣ мѣрила, идеалы своего разума и ждать отъ хода исторіи ихъ осуществленія?

Здѣсь чтонибудь одно: или человѣческая исторія идетъ, *дѣйствительно*, по опредѣленному пути,—тогда мы можемъ ждать отъ нея осуществленія известной цѣли; или же она есть „хаотическое сдѣвленіе случайностей“, движимое „слѣпымъ рокомъ“,—и тогда мы не имѣемъ права прилагать къ ней никакой *нормирующей* идеи... Изъ разсужденій же Карѣева вытекаетъ, что исторія сама въ себѣ бессмысленна, безцѣльна, но въ то же время „на основаніи принципа прогресса, мы можемъ предвидѣть будущее, когда жизнь особнякомъ отдѣльныхъ націй сдѣлается невозможностью“ ³⁾, ибо „исторія разныхъ народовъ постепенно объединяется“ ⁴⁾; слѣдовательно, идетъ къ *опредѣленной цѣли*. Выходитъ, что „принципъ прогресса“, хотя—не историческій законъ, однако исторія, рано или поздно, *осуществитъ* требованія этой „идеальной нормы“!...

Въ этомъ пунктѣ исторіософіи Карѣева мы видимъ *неудачную* его попытку согласить *механическій эволюціонизмъ* съ запросами человѣческаго разума и сердца, ищущими въ исторіи смысла и вѣрными въ цѣлесообразность своихъ исканій.

Эту вѣру поддерживаетъ особенно то ссображеніе, что механической эволюціонной теоріи никогда не удастся объяснить замѣчаемой цѣлесообразности въ человѣческомъ и животномъ организмахъ. Допустятъ-ли, въ качествѣ основнаго жизненнаго закона, борьбу за существованіе, или приспособляемость животныхъ къ средѣ, или половой отборъ,—все равно: безъ признанія въ основѣ органической жизни *сознательной воли* не понятно будетъ, почему полезныя особенности животныя организмы сохраняютъ, а вредныя уничтожаютъ.

То же должно сказать относительно *всей* человѣческой

¹⁾ Оса. вопр. т. 1, 203 стр.

³⁾ Оса. вопр. т. 1, стр. 162.

²⁾ Оса. вопр. т. 1, 155.

⁴⁾ Ibid. стр. 158.

исторіи: если она простая куча случайностей, если въ ней объективно нѣтъ ни какой „цѣлестремительности“, то странно: почему міръ все болѣе и болѣе совершенствуется и идетъ къ улучшенію во всѣхъ видахъ бытія, а не разлагается, какъ трупъ, въ которомъ нѣтъ дыханія?..

Ясно, что Карѣвская *механическая* точка зрѣнія на мировую эволюцію должна быть исправлена приспособительно къ тѣмъ теоріямъ, которыя развиваютъ ученіе о разумной цѣлесообразности въ мірѣ ¹⁾.

Что касается *априорныхъ* соображеній, на которыхъ главнымъ образомъ Карѣвъ созидаетъ идею прогресса, то, конечно, мы не станемъ оспаривать самого факта сознанія людьми своего великаго предназначенія. Дѣйствительно, коль скоро человѣку даны разумъ и воля, то ясно, что они даны для ихъ развитія (Ме. 5, 48). Несомнѣнно также то, что идеаломъ этого развитія для *всѣхъ людей* служатъ всесторонне „развитая и развивающаяся личность, мыслимая лишь при индивидуальной свободѣ и при общественной солидарности“ ²⁾. Мы признаемъ также, что человѣчество далеко ушло по пути прогресса. Но мы должны замѣтить, что цѣль человѣческаго развитія и средства для его достиженія Карѣвъ поцмываетъ односторонне—скорѣе, какъ выразитель научно-позитивнаго мировоззрѣнія, чѣмъ какъ представитель „общечеловѣческихъ“ вѣрованій.

Окончательнымъ завершеніемъ нашего развитія, по его мнѣнію, будетъ такое состояніе, при которомъ разумъ достигнетъ полной автономіи, сбросивъ съ себя оковы всего „миинческаго“ ³⁾. Проще сказать: въ концѣ своей исторіи человѣкъ совершенно покинетъ религію, которая станетъ ему не нужной.

Но здѣсь-то и заключается большая ошибка Карѣва. Религія никогда не переживетъ себя. Будутъ исчезать съ лица земли несовершенныя ея формы, но *сущность* религіи вѣчна. Она коренится не въ догматико-философскихъ построеніяхъ,

¹⁾ Превосходное изложеніе этого рода мировоззрѣнія можно найти у Паульсена въ сочиненіи: „Введеніе въ философію“, гл. „теорія разв.“ и „прічин. и цѣлесообразность“.

²⁾ Осн. вопр. т. 2, 260.

³⁾ Осн. вопр. 2, 282.

также не въ ясныхъ доводахъ разсудка—ея сила: *источникъ религіи, ея неизблемое основаніе—въ сердцѣ и воли чловѣка.* И пока чловѣкъ будетъ жить на землѣ, пока онъ не перестанетъ задумываться надъ великой загадкой, предлагаемой ему явленіями жизни и смерти,—до тѣхъ поръ не умретъ религія. Въ чувствѣ *страха* предъ таинственной неизвѣстностью загробной жизни нашей, въ чувствѣ *радости и изумленія* предъ дивной красотой и величіемъ окружающей насъ вселенной, наконецъ—въ чувствѣ *усталости и разочарованія* отъ земной среды, во всемъ этомъ вѣра въ Бога, религія найдетъ для себя *отъчужденную опору*. Изъ этихъ твердынь ее никто не изгонитъ, да и невозможно чловѣку остаться безъ религіи. Онъ никогда не помирится на *обрывочныхъ* данныхъ положительныхъ наукъ. Какъ гейнѣвскій юноша, онъ постоянно будетъ искать яснаго и глубокаго отвѣта на свои міровые вопросы, на которые авторитетный и повелительный отвѣтъ можетъ дать лишь одна религія. Прекрасно объ этомъ пишетъ Паульсенъ: „позитивизмъ думаетъ, что чловѣкъ уже готовъ вычеркнуть то влеченіе къ Безконечному и Трансцендентальному, которое характеризовало до сихъ поръ религію. Я считаю это заблужденіемъ. Стремленіе за предѣлы дѣйствительнаго, выражающееся въ неопредѣленномъ желаніи безконечнаго и всеблагаго, есть *врожденное* чловѣку и неутрачиваемое имъ влеченіе. Въ благахъ и образахъ земли, этой подлежащей опыту дѣйствительности, онъ не находитъ себѣ полнаго удовлетворенія; по крайней мѣрѣ наступаютъ иногда минуты, когда все земное и временное начинаетъ казаться ему ничтожнымъ и малымъ, когда его охватываетъ желаніе вѣчнаго и непреходящаго. Да и не только для души, но даже и для ума данная дѣйствительность становится слишкомъ тѣсною: если бы ты дѣйствительно постигъ всякую науку, если бы у тебя имѣлся отвѣтъ на всѣ вопросы, надъ которыми неустано трудятся историки и естествоиспытатели, что было бы тутъ великаго? Дѣйствительное и совершенное находится по ту сторону познаваемаго, представимаго, выражимаго словами... Въ этомъ смыслѣ религія совмѣстима съ философіей, вѣра—съ самымъ свободнымъ мышленіемъ. Религія требуетъ отъ насъ не того,

чтобы мы мыслили то, что не можетъ быть мыслимо, а того, чтобы мы *вырвали* въ то, что отвѣчаетъ душѣ и волѣ, мышленію же не противорѣчить¹⁾.

Такъ понимаемая, религія, конечно не можетъ вносить въ нравственность какихъ либо вредныхъ элементовъ. Напротивъ: подъ дѣйствіемъ и освященіемъ со стороны религіи нравственность человѣческая возвышается, очищается и достигаетъ замѣчательнаго обаянія для людей.—Намъ поэтому кажутся плохо обоснованными разсужденія Карѣева о превосходствѣ чисто автономной морали предъ евангельско-аскетическими заповѣдями. Въ чемъ состоитъ это превосходство?

Карѣевъ думаетъ, что аскетическая мораль *средство* ставить на мѣсто *цѣли* и дѣлается помѣхою развитія²⁾. Тогда какъ автономно-научная мораль проповѣдуетъ равновѣсіе обоихъ элементовъ нашей природы—и тѣмъ лучше способствуетъ здоровому развитію нашего духа. Съ другой стороны, „здоровая мораль“ требуетъ будтобы отъ человѣка „личной работы для личного блага“, тогда какъ аскетизмъ зоветъ непременно къ пожертвованію собой ради блага другихъ...

Достаточно неглубокаго анализа, чтобы замѣтить въ приведенныхъ разсужденіяхъ непростительную *поверхностность*. Въ самомъ дѣлѣ: откуда Карѣевъ взялъ, что христіанскій аскетизмъ средство ставить на мѣсто цѣли? Гдѣ онъ прочелъ, что для подвижниковъ важно умерщвленіе плоти ради самого умерщвленія, а не для духовнаго усовершенствованія во Славу Божию и на пользу людямъ? Если въ исторіи средневѣковыхъ латинскихъ монаховъ были примѣры *извращеннаго* аскетизма, то это ничего не доказываетъ,—какъ не свидѣтельствуетъ противъ „научной“ морали безчестное поведеніе иныхъ ея проповѣдниковъ.

Не на пользу себѣ обмолвился Карѣевъ сопоставленіемъ содержанія аскетическаго и научно-моральнаго принциповъ. Къ какому бы интеллигентному лагерю мы ни принадлежали, всѣмъ очевидно, что человѣкъ, жертвующій собой ради счастья другихъ, выше морально того, кто ищетъ прежде всего своего

1) Введ. въ ф-ію, перев. годъ ред. Преображ. 1894 г., стр. 341—342.

2) Осн. вопр. т. 2. 230 стр.

личнаго счастья. Съ этой стороны Ап. Павелъ, желавшій быть вычеркнутымъ изъ книги жизни для братьевъ своихъ, стоитъ, безъ сомнѣнія, на недостигаемой высотѣ для всякаго ученаго эгонста.

Впрочемъ, для доказательства своей мысли Карѣвъ прибѣгаетъ къ слѣдующему софизму. Онъ говоритъ: „кто не дорожить своимъ „я“, тотъ не можетъ придавать какое либо значеніе и „я“ другихъ“¹⁾.

Но это скорѣе жалко и убого, чѣмъ доказательно. Развѣ аскетъ,—положимъ Св. Іоаннъ Столпникъ,—переносившій холодъ, голодъ, зной, чтобы закалить духъ свой на служеніе людямъ, не дорожилъ своимъ „я“. Если бы не дорожилъ, то и не переносилъ бы трудовъ для своего самоусовершенствованія.

Съ другой стороны, христіанинъ можетъ не дорожить своимъ личнымъ счастьемъ, своей судьбой,—и въ то же время цѣнить глубоко „я“ другихъ. Помимо указаннаго примѣра, въ лицѣ Св. Ап. Павла, довольно здѣсь припомнить одинъ историческій фактъ, чтобы согласиться съ нами. Предъ полтавской битвой—рассказываютъ историки—царь Петръ говорилъ солдатамъ: „о Петръ вѣдайте, что ему жизнь не дорога; была бы Россія въ счастьи и благоденствіи“. Кажется, это очень сильное доказательство за то, что личное самоотреченіе у истинныхъ подвижниковъ соединяется *всегда* съ самой сердечной заботой о благѣ другихъ людей.

Итакъ, только желаніе найти въ религіозной нравственности *средные* элементы побудило Карѣва унижать ее предъ утилитарно-эволюціонной этикой. На самомъ же дѣлѣ положеніе вещей должно быть *обратнымъ*. Въ натуралистической этикѣ трудно искать *безкорыстныхъ* побужденій для высокой и самоотверженной человѣческой дѣятельности; тогда какъ этими свойствами богато евангельское правоученіе. Потому-то великіе и безпристрастные мыслители считали его безконечно превосходящимъ всякую другую нравственную систему.

На томъ же основаніи мы не можемъ согласиться съ Карѣвымъ, будто бы со временемъ автономная мораль замѣнитъ

¹⁾ Оса. вопр. 280 стр.

религіозную нравственность. Для такой замѣны у эволюціонизма, по нашему мнѣнію, нѣтъ данныхъ. Если онъ скажетъ, что тотъ поступокъ чище, который совершается во имя *самого добра*, а не ради награды на небесахъ, то здѣсь нѣтъ еще превосходства предъ религіознымъ правоученіемъ. Вѣдь и религія требуетъ святости отъ человѣка въ сущности потому, что *Святъ Господь Богъ нашъ* (I Петр. 1, 16), т. е., ради величія и святости источника истинной нравственности. Если же Евангеліе допускаетъ, въ качествѣ поощренія къ добродѣланію, награды и блаженство, то слѣдуетъ помнить, что награда въ этихъ случаяхъ разсматривается, какъ *естественный результатъ* добраго поведенія, а не какъ причина и исключительное побужденіе къ нему. Причину всякаго добраго настроенія религія полагаетъ въ Богѣ. Блаженство же для благочестивой души состоитъ въ исполненіи воли Бога,—въ такой жизни, чтобы человѣкъ непрерывно видѣлъ надъ собою око Божіе. Слѣдовательно, съ Евангелійской точки зрѣнія дѣлать добро тоже значить, что богоуподобляться, блаженствовать. Съ этой точки зрѣнія христіанину не приходится завидовать эволюціонной „автономной“ морали.

Но этого мало. Религіозная нравственность безконечно превосходитъ „научную мораль“ *ясностью, логичностью и обоснованностью своихъ требованій*. Христіанство, напр. учитъ насъ любить другъ друга, потому что Богъ, спасшій насъ и умершій ради насъ на крестѣ, есть любовь. Эта любовь призвала насъ изъ ничтожества къ бытію; съ этой же любовью мы будемъ соединены послѣ смерти. Причемъ—отъ нашего земнаго поведенія зависитъ: станемъ-ли мы послѣ радоваться этому единенію, или будемъ страдать отъ невозможности нашего приобщенія къ божественной жизни вслѣдствіе развитія въ насъ злой и эгоистической воли. Въ христіанскомъ ученіи, такимъ образомъ, побужденія къ добродѣланію доведены до прозрачной ясности.

Не то въ эволюціонной морали. Во имя чего зоветъ она людей къ доброму поведенію, а иногда прямо къ подвижничеству для торжества извѣстной общественной идеи?—Эволюціонная мораль считаетъ высшей опорой разумности своихъ

требованій—*пользу* отъ хорошаго поведенія для общества, обоюдную выгоду ограниченія нашего эгоизма ради интересовъ ближнихъ. Но это побужденіе крайне сомнительно, ибо самое понятіе пользы совершенно субъективно: то, что одному представляется полезнымъ, другому можетъ казаться вовсе не нужнымъ и вреднымъ. Какъ же изъ-за такихъ *спорныхъ* принциповъ буду я *ограничивать* свои пожеланія, свою волю?

И далѣе: что эволюціонная мораль можетъ указать въ послѣднемъ результатѣ добраго человѣческаго поведенія? Будущій прогрессъ и счастье нашихъ потомковъ? Но довольно странно утѣшать самоотверженнаго борца тѣмъ, что его страданія, тяжелыя для него лично, будутъ сладкой пищей послѣдующимъ поколѣніямъ. Если съ моей смертью *лично* для меня все кончается и изъ меня начнетъ расти лопухъ, по словамъ тургеневскаго Базарова, то не все-ли равно мнѣ, какъ будутъ тогда жить люди? Приносить жертвы можно и должно, но съ яснымъ сознаніемъ, что эта моя *земная* жизнь не кончается вмѣстѣ со смертью тѣла и что духъ человѣческой *бессмертно* будетъ жить въ Богѣ.

Вотъ почему христіанское ученіе о нравственности всегда сильнѣе волновало и будетъ волновать души людей, чѣмъ холодная и расчетливая мораль эволюціонистовъ. Потому же не слѣдуетъ видѣть въ автономной нравственности какого-то волшебнаго средства къ перерожденію людей.

Правда, человѣчество, освободившись отъ религіозныхъ представленій, поставившее *научныя* идеи *закономъ* своей жизни, будетъ безконечно самоувѣренно, гордо; можетъ быть, оно съ огромной силой развернетъ богатство своихъ способностей. Но одно вѣрно: счастья и душевнаго мира,—изъ за чего гордится вся современная вавилонская башня цивилизаціи,—безъ религіи, безъ Христа люди не найдутъ. На землѣ трудно устроить рай. Если все мое—*здѣсь*, если цѣль моихъ стремленій—удовольствіе и наслажденія *на этой* землѣ, позвольте,—скажутъ намъ евдемонисты, искать этого счастья страстно, до самоубвенія. Если при этомъ другіе люди, въ погонѣ за тѣмъ же призрачнымъ счастьемъ, мѣшаютъ мнѣ взять *свое*, или даютъ мнѣ *полсчастья*,—я буду страдать и въ иныхъ случаяхъ—

прямо отчаяваться. Гдѣ же остается *страданіе*, гдѣ есть мѣсто отчаянію, тамъ неизбежно овлбленіе. За овлбленіемъ же слѣдуютъ такіе поступки, которые сдѣлаютъ изъ предполагаемаго рая на землѣ тяжелый и мучительный адъ. И—какъ знать—не затоскуютъ-ли тогда люди по небесному счастью, испробовавъ мечту о земномъ раѣ? Не кинутся-ли они опять въ объятія религіи, какъ дѣти, спасая другъ отъ друга святыя завѣты культурнаго человѣчества?...

Правъ былъ Ф. М. Достоевскій, когда говорилъ, что безъ религіи на землѣ никогда не будетъ мира и покоя,—что люди, покинувъ Бога, ужаснутся своего безпомощнаго одиночества.. На этомъ основаніи мечту Карѣева о концѣ человѣческаго развитія мы считаемъ именно мечтой ученаго позитивиста, слишкомъ слабо оцѣнивающаго запросы человѣческаго сердца,—эту „мистику“, столь надоедливую многимъ, но безъ которой нѣтъ и не можетъ быть всесторонняго прогресса.

На этомъ же основаніи позитивизмъ не страшенъ истиннымъ христіанамъ. Не слѣдуетъ намъ опасаться *крайностей* въ сочиненіяхъ проф. Карѣева, а то, что въ нихъ есть цѣннаго, намъ должно прилежно изучать и все приносить къ подножію Креста Христова...

Д. Боголюбовъ.

Фридрихъ Ницше—„антихристъ“ въ новѣйшей философіи; Лоренца Фишера.

(Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцію М. Воскресенскаго).

(Продолженіе *).

Ницше, какъ рационалистъ-вольнодумецъ.

Одно только искусство—и даже высшее—не въ состояніи возвысить человѣка надъ прежнимъ уровнемъ культуры. Теперь Ницше призналъ это и потому оставилъ свою первоначальную точку зрѣнія. Но что же теперь должно занять ея мѣсто?

Искусство покоится на чувствѣ, ибо чувство играетъ въ немъ главную роль. Но чувство, а слѣдовательно, и его продуктъ—искусство, отнюдь не главная сила и не высшая дѣятельность души человѣческой. Выше чувства стоитъ разумъ, стоитъ умъ (Geist) и наивыше *свободный умъ*, который становится выше всѣхъ до сихъ поръ лелѣянныхъ взглядовъ и ученій и принимаетъ только то, что кажется ему вѣрнымъ.

Это былъ ближайшій второй шагъ въ философскомъ развитіи Ницше. Такъ изъ философа-эстетика метафизическаго направленія онъ сталъ теперь рационалистомъ—„вольнодумцемъ“¹⁾ и именно крайнимъ вольнодумцемъ, не желающимъ признавать никакихъ границъ²⁾. Поэтому онъ отрѣшился теперь не только

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 6.

1) Сюда относятся слѣдующія произведенія Ницше, въ которыхъ онъ развилъ главнымъ образомъ свою новую точку зрѣнія: „Человѣческое, слишкомъ человѣческое (Menschliches, Allzumenschliches); книга для свободныхъ умовъ“ (1876—77) и „Странникъ и его тѣнь“ (Der Wanderer und sein Schatten—1880).

2) Поэтому вольнодумцы 18 вѣка ему казались отнюдь не вполнѣ радикальными, почему онъ говоритъ о нихъ: „образъ вольнодумца въ прошломъ столѣтіи

отъ всѣхъ религіозныхъ, но и отъ всѣхъ философскихъ и эстетическихъ авторитетовъ. „Мы должны потерять вѣру въ Бога, въ свободу и безсмертіе, какъ первые зубы,—тогда только вырастутъ настоящіе зубы“¹⁾.

Да, все это: вѣру, христіанство, религію вообще онъ оставилъ теперь, и зубы у него, дѣйствительно, все больше вырастали, какъ мы еще увидимъ. Богъ, по-его мнѣнію, есть простая „гипотеза“, въ которой никто здравомыслящій болѣе не нуждается“²⁾, ибо „нѣтъ Бога“³⁾. И по этому поводу полный радости онъ взываетъ: Уже дознано, что „Богъ мертвъ“, что вѣра въ христіанскаго Бога сдѣлалась недостовѣрной. Это новѣйшее событіе начинаетъ уже бросать свои первыя тѣни надъ Европой. По крайней мѣрѣ, немногимъ, у которыхъ зрительная недовѣрчивость сильна и довольно остра для этого зрѣлища, кажется, что сейчасъ гдѣ нибудь зашло солнце, гдѣ нибудь старое глубокое довѣріе превращается въ сомнѣніе: нашъ старый свѣтъ⁴⁾ имъ долженъ казаться въ самый день вечерѣющимъ, ненадежнымъ, чуждымъ, „старымъ“. На самомъ дѣлѣ, мы—философы и „свободные мыслители“, при извѣстїи, что „древній Богъ мертвъ“, чувствуемъ себя, какъ бы озаренными новой утренней зарей; наше сердце преисполнено благодарности, изумленія, предчувствія, ожиданія. Наконецъ, горизонтъ кажется намъ опять свободнымъ, хотя бы онъ былъ даже и не ясенъ; наконецъ, наши корабли снова могутъ выплыть, готовые на всякую опасность; отвага познающаго снова позволительна; море, наше море снова лежитъ предъ нами открытымъ“⁵⁾. Такимъ образомъ, Ницше примкнулъ къ полному атеизму.

И такъ какъ у Ницше нѣтъ Бога, то нѣтъ у него и вѣч-
остался несовершеннымъ: они сдерживались и отрицали слишкомъ мало. „Плуживъ („Die Pflugscher“); сочиненіе для умственнаго освобожденія“ (гѣто 1876); W. W. XI, 17.

¹⁾ Тамъ же, XI, 125.

²⁾ Menschliches, Allzumenschliches; W. W. II, 46.

³⁾ Тамъ же, III, 125.

⁴⁾ То есть, Европа (прям. переводчика).

⁵⁾ „Die fröhl. Wissenschaft“, Leipzig, 1887, S. 259, 260.

ной, загробной жизни, „нѣтъ никакихъ вѣчныхъ фактовъ такъ же, какъ нѣтъ абсолютныхъ истинъ“, но „все есть временная являемость“¹⁾. И именно все порознь происходитъ черезъ постепенное преобразование и развитіе: изъ минерала растеніе, изъ растенія животное и изъ животнаго человѣкъ. Значить, Ницше примкнулъ и къ крайнему трансформизму, или дарвинизму, и отрицалъ какое бы то ни было твореніе міра.

Точно также онъ рѣшительно отвергъ существованіе чело-вѣческой души, какъ субстанціи, соединенной съ тѣломъ. „Нѣтъ души“²⁾ говоритъ онъ. Физиологическая, или органическая жизнь, по Ницше, имѣетъ преимущественное значеніе для чело-вѣка, а психическая жизнь: сознаніе, воля и такъ далѣе, это есть сопутствующее проявленіе первой. И посему, по взгляду Ницше, тѣло и уходъ за нимъ должны быть предметомъ особенныхъ заботъ чело-вѣка, почему Ницше и цѣнилъ такъ высоко грековъ, возведшихъ тѣлесную жизнь въ культъ. Такъ онъ замѣчаетъ: „Жребій народа и чело-вѣчества рѣшается тѣмъ, что культура начинается въ надлежащемъ мѣстѣ—не въ душѣ, каково было роковое суевѣріе жрецовъ и полужрецовъ. Надлежащимъ же мѣстомъ для культуры служатъ тѣло, поведеніе, діета, фізіологія, а все остальное отсюда слѣдуетъ.. Греки поэтому остаются первымъ культурнымъ явленіемъ исторіи“.

Слѣдовательно, Ницше—сторонникъ матеріализма, хотя, по случайности, онъ и выразился по поводу его уклончиво.

Но если нѣтъ въ чело-вѣкѣ относительно самостоятельной души, то нѣтъ въ немъ и свободной воли. Дѣйствительно, Ницше учитъ: „Вѣра въ свободу воли есть изначальное заблужденіе всего органическаго, она такъ же стара, какъ существующія въ немъ логическія дѣйствія“³⁾.

Также и отвѣтственность, по Ницше, есть заблужденіе⁴⁾ и самая мораль это—вынужденная ложь: „Мы должны обману-

1) „Menschliches, Allzumenschliches“, Werke II, 19.

2) Götzendämmerung; W. W. VIII, 161.

3) Menschliches, Allzumenschliches. W. W. II, 36; III, 30, 37.

4) Ibidem II, 64.

вать скрывающагося въ насъ звѣря; мораль есть вынужденная ложь съ тою цѣлію, чтобы онъ не растерзалъ насъ. Безъ заблужденій, которыя содержатся въ положеніяхъ морали, человѣкъ остался бы животнымъ, вслѣдствіе же этихъ заблужденій онъ сталъ считать себя чѣмъ-то высшимъ и подчинился болѣе строгимъ законамъ“¹⁾).

Отсюда дальнѣйшій выводъ: ни въ чемъ не должно раскаяваться. По этому поводу Ницше замѣчаетъ: „Никогда не слѣдуетъ давать мѣста раскаянію, но тотчасъ же говорить себѣ: это значитъ прибавлять къ одной глупости другую.—Причинивъ вредъ, думаютъ затѣмъ сдѣлать добро; подвергшись же наказанію за свои поступки, переносятъ его съ намѣреніемъ уже что нибудь сдѣлать: страшась другихъ, впадаютъ въ подобную глупость. Каждый наказанный злодѣй можетъ чувствовать себя благодѣтелемъ человѣчества“²⁾).

Что между такими принципами Ницше вѣтъ безсмертія души, понятно само собою. Поэтому, по его мнѣнію, „какъ только наступитъ часъ смерти“³⁾, то со смертію все кончено такъ же, какъ у животного.

Послѣ того, какъ для Ницше исчезло всякое религиозное основаніе, вѣтъ ничего удивительнаго, что онъ ни во что цѣнитъ религію. Онъ говоритъ: „еще никогда религія не заключала въ себѣ истины ни посредствомъ, ни непосредственно, ни какъ догма, ни какъ символъ“⁴⁾).

Не только религію, и всю прежнюю мораль Ницше выбросилъ за бортъ, чтобы освободиться отъ всякихъ обременительныхъ оковъ, но и какую бы то ни было *метафизическую философію*. Онъ разсматриваетъ теперь метафизику, какъ „науку, которая трактуетъ о коренныхъ заблужденіяхъ человѣка, но такъ, какъ бы они были основными истинами“⁵⁾. Источникъ

¹⁾ Ibidem. II. 65.

²⁾ Ibidem W. W. III, 864.

³⁾ Ibidem. W. W. II, 36. Здѣсь Ницше трактуетъ и объ истинной религіи такъ же, какъ о языческой религіи гомеровскихъ боговъ. Эти послѣдніе, по Ницше, были лишь аполоновскими призраками и типическими символами, съ помощью которыхъ греческіе трагики приводили свое пониманіе вселенной въ болѣе понятную форму.

⁴⁾ Ibidem. Werke, III, 48.

⁵⁾ Ibidem. W. W. II, 118.

метафизики онъ усматриваетъ въ снѣ: „Въ вѣка грубой, первобытной культуры человѣкъ думалъ, что въ снѣ онъ видитъ второй реальный міръ; здѣсь источникъ всякой метафизики. Безъ сна не нашли бы никакого повода къ раздѣленію міра. Раздѣленіе на душу и тѣло стоитъ въ связи съ древнѣйшимъ пониманіемъ сна, также признаніе призраковъ, а, стало быть, происхожденіе вѣры въ духовъ и, вѣроятно, вѣры въ боговъ“.

Поэтому, по Ницше, „всякая положительная метафизика— заблужденіе“. Вслѣдствіе этого взгляда онъ отказался теперь даже и отъ своего прежняго лейбъ-философа и любимца Шопенгауера. Въ особенности онъ вооружился теперь противъ его основного метафизическаго принципа, по которому „воля“ должна быть сущностію всѣхъ вещей. По этому поводу Ницше справедливо замѣчаетъ: Уже слово „Wille“ (воля), которое Шопенгауеръ образовалъ для общаго обозначенія многихъ человѣческихъ состояній и восполнилъ имъ пробѣлы языка, съ большою выгодною для себя самого, какъ моралиста,—такъ какъ теперь ему предоставлялась свобода говорить о „Willen“ (волѣ), какъ сказалъ Паскаль,—уже „Wille“ (воля) Шопенгауера вышла изъ рукъ своего виновника черезъ неистовство философскаго обобщенія на бѣду для науки: ибо, утверждая, что всѣ вещи имѣютъ волю, очевидно, употребляютъ слово „воля“, какъ поэтическую метафору; наконецъ, этой волей злоупотребляли, примѣняя ее при разномъ мистическомъ безчинствѣ съ претензіей на ложную реализацію ея. Всѣ модные философы говорятъ о ней: кажется, они вполне точно знаютъ, что всѣ вещи имѣютъ волю, и мало того, что они являются этою одною волей. И эту всеединую волю изображаютъ такъ, какъ бы хотѣли имѣть богомъ дурака“ (den dummen Teufel“¹⁾) Это—очень правдивая критика на шопенгауеровскій принципъ.

Еще рѣзче онъ судитъ о прежнемъ идолѣ своей философіи слѣдующимъ образомъ: „Такого раздражительнаго и властолюбиваго человѣка, какъ Шопенгауеръ, можно поздравить съ тѣмъ, что онъ не отгадалъ, какъ будетъ непродолжителенъ

¹⁾ Werke III, 16, 17.

тріумфъ его философіи, и какъ скоро всѣ прелести его вымысла признаны будутъ призраками“¹⁾).

Изъ всего этого легко можно видѣть, какъ въ теченіе короткаго времени Ницше очень измѣнялся въ своихъ взглядахъ на лица и вещи.

Въ качествѣ золотого лозунга онъ разсматриваетъ теперь на второй стадіи своей философіи освобожденіе отъ трехъ великихъ ересей: религиозныхъ, моральныхъ и метафизическихъ представленій. Онъ говоритъ: „у человѣка развелось много ересей, благодаря которымъ онъ пересталъ вести себя, какъ животное. И дѣйствительно, онъ сдѣлался мягче, умнѣе, радостнѣе, разсудительнѣе, чѣмъ всѣ животныя. Но онъ страдаетъ теперь еще отъ того, что долго держался этихъ ересей, что долго ему не доставало чистаго воздуха и свободнаго движенія: эти ереси, опять и опять повторяю, суть вышеупомянутыя заблужденія моральныхъ, религиозныхъ и метафизическихъ представленій,—заблужденія, тяжкія и дающія себя сильно чувствовать. Если болѣзнь ересей пройдетъ, въ такомъ случаѣ вполнѣ будетъ достигнута первая великая цѣль. Теперь мы стоимъ въ срединѣ нашей работы по освобожденію отъ ересей и при этомъ по необходимости наблюдаемъ величайшую осторожность. Только облагороженному человѣку можно предоставить свободу ума; только къ нему приближается успокоеніе и помазываетъ его раны. Онъ впервые можетъ сказать, что онъ живетъ для радости, а не ради какойнибудь дальнѣйшей цѣли; во всякихъ же другихъ устахъ былъ бы опасенъ его избирательный приговоръ; „міръ существуетъ ради меня“ и „всѣми ближайшими вещами я пользуюсь въ свое удовольствіе“²⁾).

Да, Ницше цѣнилъ теперь изслѣдованіе „ближайшихъ вещей“, оставивъ болѣе отдаленныя метафизическія,—цѣнилъ это изслѣдованіе въ смыслѣ единственной задачи науки и философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно сталъ на точку зрѣнія позитивизма, хотя онъ и говоритъ о его основателѣ Огюстѣ Контѣ: „это былъ умнѣйшій іезуитъ, который хотѣлъ вести

1) Vorarbeiten und Nachträge zur „Morgenröte“. W. W. XI, 203.

2) „Der Wanderer und sein Schatten“. W. W. III, 371.

своихъ французовъ окольными путями науки въ Римъ“¹⁾. Подобно Конту, и Ницше разсматриваетъ только непосредственно ощущаемый чувственный міръ, какъ дѣйствительный міръ, а все остальное, какъ воображеніе. „Чувства“, говоритъ онъ, „вообще не обманываютъ. Только то, что мы дѣлаемъ на основаніи ихъ свидѣтельства, это вводитъ въ обманъ; напримѣръ, обманъ единства, обманъ субстанціи, времени... „Разумъ“ есть причина того, что мы искажаемъ свидѣтельства чувствъ. Насколько чувства показываютъ намъ возникновеніе, исчезновеніе, перемѣну, они не обманываютъ. Гераклитъ всегда будетъ правъ въ томъ, что бытіе есть фикція. „Видимый“ міръ есть единственный міръ: только, такъ называемый, „истинный“ міръ—обманчивъ“²⁾.

И такъ, Ницше применилъ въ своемъ второмъ философскомъ періодѣ къ открытому сенсуализму.

Добавимъ еще, что онъ примкнулъ и къ скептицизму. Такъ онъ говоритъ: „что же такое въ концѣ концовъ истины, которыми владѣетъ человѣкъ? Это—неопровержимыя заблужденія человѣка“³⁾. Поэтому, думаетъ Ницше, „познаніе въ существѣ дѣла ложно“⁴⁾. Отсюда, по Ницше, „скептики—единственный достопочтенный типъ между двусмысленнымъ и пятисмысленнымъ народомъ философовъ“. Но Ницше превзошелъ даже и скептиковъ, говоря: „Въ теперешнемъ положеніи философія достигла новаго убѣжденія, котораго еще не имѣлъ ни одинъ вѣкъ. Оно гласитъ, что *истины мы не имѣемъ*. Всѣ прежніе люди, *имѣли истину*“, даже скептики“⁵⁾.

Но если бы даже раціональная наука не имѣла истины, то что же въ такомъ случаѣ въ ней заключается? На это Ницше отвѣчаетъ: „вѣроятность“! Да, „вѣроятность, но не истина; кажущаяся свобода, но не истинная свобода: это—плоды, вслѣдствіе которыхъ дерево познанія не можетъ сростись съ деревомъ жизни“.

Но, вопреки этому очень скептическому взгляду на человѣ-

¹⁾ „Götzendämmerung“. W. W. VIII, 119.

²⁾ W. W. VIII, 77.

³⁾ Fröhliche Wissenschaft, 1887, S. 118.

⁴⁾ W. W. XI, 268.

⁵⁾ A. a. O. XI, 268.

ческое познаніе, Ницше все таки съ энтузіазмомъ превозносить во второмъ своемъ періодѣ науку и мудрость и воодушевленно взываетъ къ своимъ ученикамъ: „Впередь!—Да, впередь по пути мудрости, успѣха, благой надежды! И пока ты существуешь, служи себѣ самому, какъ источникъ опыта! Брось неудовольствіе на жизнь; не чуждайся своего собственнаго я: ибо въ каждомъ случаѣ ты имѣешь въ себѣ лѣстницу съ сотней ступенекъ, по которымъ ты можешь восходить къ повзанію. Вѣкъ, въ который, къ твоему прискорбію, забросила тебя судьба, возвеличитъ тебя за это счастье. Онъ взываетъ къ тебѣ, чтобы ты принималъ участіе въ опытахъ еще теперь, въ чемъ люди позднѣйшихъ временъ, быть можетъ, не будутъ нуждаться.

Не пренебрегай религіей; исчерпай до конца вопросъ, какъ ты провиналъ въ тайники искусства. Можешь ли ты съ помощью этихъ вѣковѣчныхъ опытовъ пойти въ слѣдъ за человѣчествомъ, какъ можно болѣе разумно? Развѣ не выросли на почвѣ, которая тебѣ не нравится, на почвѣ неяснаго мышленія, многіе чудеснѣйшіе плоды древнѣйшей культуры? Религію и искусство должно любить, какъ мать и кормилицу, иначе нельзя стать разумнымъ. Но мы должны смотрѣть и выше нихъ; если останемся на ихъ пути, то мы не поймемъ ихъ. Тебѣ должны быть извѣстны исторія и осторожная игра съ чашками вѣсовъ, колеблющимися „то сюда—то туда“. Если ты возвратишься назадъ по слѣдамъ, по которымъ человѣчество совершало черезъ пустыню прошлаго свой великій путь, полный страданія,—то ты наиглубже постигнешь, куда все позднѣйшее человѣчество не можетъ и не смѣетъ снова ити. И въ то время, какъ ты всѣми силами хочешь предугадать, какъ завязывается узелъ будущаго, твоя собственная жизнь получаетъ цѣну орудія и средства для познанія. Стоить тебѣ рукой подать, и ты достигнешь, чтобы раскрылось въ твоей цѣли все безъ остатка тобою прожитое; опыты, заблужденія, ошибки, обманы, страсти, твоя любовь и твоя надежда. И этой цѣли предстоитъ самой сдѣлаться необходимымъ звеномъ въ культурной цѣпи, повлечетъ необходимость за необходимостію въ общемъ теченіи культуры. Если взоръ твой сдѣлался довольно сильнымъ для того, чтобы видѣть дно въ темномъ колодцѣ твоего существа и твоего позна-

нія, то, быть можетъ, тебѣ стануть видны, какъ въ зеркалѣ, отдаленныя созвѣдія будущихъ культуръ. Ты, можетъ быть, думаешь, что такая жизнь съ такою цѣлію слишкомъ тяжела и лишена всѣхъ пріятностей? Въ такомъ случаѣ ты еще не позналъ, что *нѣтъ меда слаще, чѣмъ медъ познанія*, и что вависнія облака судьбы должны служить тебѣ выменемъ, изъ котораго ты будешь донять молоко своего наслажденія. Наставетъ время возмужалости, когда ты убѣдишься, что ты слѣдовалъ голосу природы, той природы, которая черезъ похоть владѣетъ всѣмъ міромъ: та самая жизнь, которая достигаетъ своего зенита въ возмужалости, имѣетъ свой зенитъ и въ мудрости, въ постоянной душевной радости, лучезарной, какъ ласково сіяющее солнце: ты встрѣтишь обѣ, какъ возмужалость, такъ и мудрость, на однѣхъ и тѣхъ же высотахъ жизни: такъ хотѣла этого природа. А затѣмъ, не будетъ тяжело, если настанетъ пора, когда повѣетъ на тебя холоднымъ дыханіемъ смерти.

Достаточно мы характеризовали вторую философскую точку зрѣнія Ницше его собственными словами: именно, то время, когда онъ является крайнимъ рационалистомъ— „вольнодумцемъ“; когда культура „разума“, а вмѣстѣ съ тѣмъ культура „позитивной науки“ имѣли у него наивысшее значеніе; когда для него не было меда слаще, чѣмъ медъ познанія,— словомъ, время его интеллектуализма.

Теперь возникаетъ вопросъ: насколько вѣрна эта точка зрѣнія Ницше? Справедлива ли она въ частностяхъ? Итакъ, подвергнемъ ее критикѣ.

1) Какъ мы выше видѣли, въ этой фазѣ философскаго развитія Ницше проповѣдывалъ полный атеизмъ. Онъ совершенно открыто и не разъ выражается въ своихъ сочиненіяхъ: „нѣтъ Бога“; или еще: „Богъ мертвъ“.

Какія основанія побудили его къ такому утвержденію? Они должны быть очень принудительными, очевидными и убѣдительными, чтобы можно было высказать такое сужденіе, имѣющее въ высшей степени важныя послѣдствія. Да, именно такъ должно полагать.

Но замѣчательно! въ высшей степени замѣчательно! Безбоязненно проповѣдуя атеизмъ въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, Ницше въ оправданіе его не привелъ ни одного научнаго основанія. Мало того, онъ ни разу не сдѣлалъ даже и попытки доказать свое столь роковое для жизни утвержденіе!! Какъ? не странно ли это въ высшей степени? Или, быть можетъ, уже прежде его кто нибудь другой это сдѣлалъ, такъ что, пожалуй, онъ могъ утверждаться на немъ и ссылаться на него?

Отнюдь нѣтъ! Ибо отъ начала дней никто не привелъ ни одного въ какомъ либо отношеніи вѣрнаго, неопровержимаго доказательства противъ бытія Бога. Правда, пытались привести такое доказательство, но это никому еще не удалось.

Именно стремились обезсилить общепринятія до сихъ поръ доказательства бытія Божія и представить ихъ неосновательными, какъ, на примѣръ, это сдѣлалъ Кантъ. Допустимъ даже, но вовсе не согласимся, что можно было бы считать попытку Канта удачной. Однако отсюда могло бы слѣдовать только то, что до сихъ поръ приводимыя философскія доказательства бытія Божія въ научномъ отношеніи въ существѣ дѣла были неосновательны, но это ничуть не доказывало бы, что нѣтъ Бога; ибо, какъ мною выше было отмѣчено, этого до сихъ поръ еще никто не доказалъ! И это слѣдуетъ, какъ можно тверже, помнить.

Поэтому, вовсе ненаучно прямо утверждать, какъ Ницше и другіе дѣлали, что „нѣтъ Бога“. При этомъ, такъ какъ здѣсь идетъ дѣло о серіозномъ вопросѣ, имѣющемъ роковыя послѣдствія, — то такой образъ дѣйствія въ высшей степени дерзокъ, и не стоитъ слишкомъ много обсуждать его. Въ самомъ дѣлѣ, какъ много бѣды причиняетъ такое дерзкое, воплотивъ несправедливое утвержденіе тѣмъ людямъ, которые не обладаютъ острымъ критическимъ мышленіемъ, чтобы понять его несостоятельность, и вмѣстѣ съ тѣмъ готовы бывають извлечь отсюда практическія слѣдствія и выбросить за бортъ религію и мораль!

2) Но мало того, что, отрицаніе бытія Божія у Ницше не доказано: онъ противорѣчитъ даже самому себѣ. Какъ такъ?

Ницше, какъ мы видѣли выше, учить именно о томъ, что всякая метафизика есть заблужденіе; ибо мы будто ничего не можемъ знать о сверхчувственномъ бытіи. Но вопросъ о бытіи Бога, конечно, метафизическаго характера. Слѣдовательно, если вышеупомянутый взглядъ Ницше вѣренъ, то мы не можемъ дѣлать никакихъ научныхъ рѣшеній по этому вопросу. Стало быть, нельзя такъ утверждать, какъ дѣлаетъ Ницше, будто нѣтъ Бога; ибо если поступать по справедливости, то должно прибавить, что извѣстно нѣчто истинное о сверхчувственномъ, метафизическомъ мірѣ, что, слѣдовательно, не всякая метафизика—заблужденіе. Такимъ образомъ, Ницше опровергаетъ самого себя.

3) Выше были приведены еще такія положенія ницшеанской философіи: „нѣтъ вѣчныхъ фактовъ, равно какъ нѣтъ и абсолютныхъ истинъ; ибо все есть временная являемость“.

Опять спрашивается: откуда Ницше это знаетъ съ такою увѣренностію! И какія основанія онъ имѣетъ для этого необычайно важнаго, какъ и серіознаго по послѣдствіямъ, ученія?

И здѣсь я долженъ констатировать, что онъ опять не привелъ ни малѣйшаго доказательства въ пользу своего отрицанія вѣчности, но просто заявляетъ это, какъ выше относительно бытія Божія. А извѣстно, дѣлать голословныя заявленія безъ особеннаго труда можетъ всякій, даже и глупѣйшій человѣкъ. Посему въ наукѣ и вообще для разумнаго человѣка такой способъ мышленія не можетъ имѣть никакой цѣны, но, напротивъ, въ области здраваго мышленія имѣетъ значеніе слѣдующее положеніе: все, что непосредственно—не ясно для разума, должно доказывать.

Но именно доказываніе, слѣдовательно, важнѣйшее въ наукѣ, было слабою стороною Ницше, между тѣмъ какъ, напротивъ, онъ былъ величайшимъ мастеромъ въ безцеремонно рѣзкихъ утвержденіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ слѣдовалъ такому принципу: „утвержденіе дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ аргументъ, по крайней мѣрѣ, на большую часть людей, ибо аргументъ пробуждаетъ недоувѣріе“. Быть можетъ, это справедливо по отношенію къ человѣку вполнѣ необразованному; но для образо-

ванныхъ людей и особенно въ наукѣ этотъ принципъ, безспорно, ложенъ, ибо здѣсь требуются доказательства для всякаго непосредственно неочевиднаго утвержденія. Тутъ разъ навсегда сохраняетъ значеніе древнее изреченіе: *in philosophicis nihil dicit, qui nihil probat.*

Далѣе, откуда Ницше знаетъ, что дѣйствительно „нѣтъ вѣчныхъ фактовъ, равно какъ и абсолютныхъ истинъ“? Этотъ вопросъ, очевидно, опять метафизическаго характера. Но если мы, какъ самъ Ницше говоритъ, не имѣемъ и не можемъ имѣть познанія о метафизическомъ мірѣ, тогда Ницше совсѣмъ не можетъ знать и о небытіи „вѣчныхъ фактовъ и абсолютныхъ истинъ“. Ибо только тотъ въ правѣ высказать такое утвержденіе, кто знаетъ метафизическій міръ до послѣдняго предѣла и при всемъ томъ не нашелъ въ немъ ни одного вѣчнаго факта и абсолютной истины.

Стало бытъ, Ницше и здѣсь противорѣчитъ самому себѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицая вполне категорически вѣчное и вѣчность и не приведя ни одного доказательства въ пользу этого, онъ поступаетъ такъ же дерзко, какъ это мы отмѣтили относительно его заявленія о небытіи Бога. Въ самомъ дѣлѣ, что нѣтъ вѣчности, нѣтъ вѣчной жизни, нѣтъ загробнаго міра, этого ни Ницше, ни кто-нибудь другой аподиктически вовсе не доказалъ, все равно, какъ и положеніе, что нѣтъ Бога. Поэтому, какъ въ научномъ отношеніи, такъ и въ нравственномъ, совсѣмъ неизвинительно проводить во имя науки такія смѣлыя необоснованныя утвержденія и возвѣщать міру въ качествѣ истинъ, какъ это дѣлаютъ Ницше и многіе другіе меньшаго калибра.

4) Въ томъ же самомъ мѣстѣ, о которомъ идетъ рѣчь, Ницше далѣе утверждаетъ: „все есть временная являемость“. Теперь, если это вѣрно, въ такомъ случаѣ и сама временная являемость должна отъ чего нибудь возникать, ибо, по Ницше, ничто само по себѣ никогда не возникнетъ. Слѣдовательно, должно прежде всего что нибудь существовать, благодаря чему началась временная являемость. Всеобщая временная являемость предполагаетъ, стало бытъ, реальное бытіе, благодаря

которому она возникла, но которое само не возникало и, слѣдовательно, вѣчно и абсолютно.

И вотъ если бы Ницше вывелъ всѣ необходимыя слѣдствія изъ своего положенія: „все есть временная являемость“, то онъ привелъ бы тогда къ результатамъ какъ разъ противоположнымъ; ибо тогда онъ долженъ былъ бы допустить, что есть „вѣчные факты“ и „абсолютныя истины“ и само вѣчное безусловное бытіе, которое въ принципѣ обуславливаетъ временную являемость и безъ котораго эта послѣдняя необъяснима и непонятна.

5) Но если мы принуждены, въ силу сказаннаго, на основаніи неопровержимой эмпирической являемости и относительности бытія, принять вѣчное абсолютное бытіе, какъ основной принципъ, тогда падаютъ и дальнѣйшія безастѣнчивыя заявленія Ницше о томъ, что всякая метафизика невозможна и что религія ни прямо, ни посредственно, ни какъ догма, ни какъ символъ, никогда не имѣла истины“, а потому слѣдуетъ отвергнуть религію. Но дѣло въ томъ, что и метафизика и религія достигаютъ апогея въ вѣчномъ абсолютномъ бытіи, а если абсолютное бытіе, какъ показано, есть научная необходимость и, слѣдовательно, научная истина, тогда и метафизика, признающая это, и религія принципиально покоятся на истинѣ.

Поэтому, если Ницше огульно выдвѣтъ „религіозныя, метафизическія и моральныя представленія“ человѣчества за „тяжкія заблужденія“ и „дѣпи“, и если онъ думаетъ, что только тогда послѣдуетъ „отдѣленіе чловѣка отъ животныхъ“¹⁾, когда эти „дѣпи“ будутъ сняты и „болѣзнь дѣпей“ пройдетъ,—то все это чистая ложь. Въ самомъ дѣлѣ, если бы взглядъ Ницше былъ вѣренъ, въ такомъ случаѣ люди должны были бы имѣть вмѣстѣ съ животными общія „религіозныя, метафизическія и моральныя представленія“ и посредствомъ ихъ объединяться съ животными. Но въ данномъ случаѣ выходитъ совершенно противное, и это—фактъ неопровержимый. Дѣло въ томъ, что какъ разъ посредствомъ „религіозныхъ, метафизическихъ и моральныхъ представленій“ люди существенно отличаются отъ

1) Der Vanderer u. sein Schatten; W. W. III, 371.

животныхъ, такъ какъ послѣднія совершенно не могутъ имѣть такихъ представленій потому именно, что эти представленія сверхчувственнаго характера, а животное неспособно познавать сверхчувственное.

Если бы, слѣдовательно, вышло согласно желанію философа Ницше, если бы люди оставили „религіозныя, метафизическія и моральныя представленія“ и предались чувственному, „ближайшимъ вещамъ“, то вслѣдствіе этого наступило бы не „отдѣленіе человѣка отъ животныхъ“ но, наоборотъ,—приближеніе человѣка къ животному, наступилъ бы не прогрессъ, а напротивъ—полный регрессъ! Дѣйствительно, люди, стоящіе наиболѣе низко, какъ показываетъ опытъ, наиболѣе заняты чувственнымъ міромъ и „ближайшими вещами“ и вслѣдствіе этого, безспорно, стоятъ ближе къ животнымъ, которыя совершенно уже не выходятъ за предѣлы этихъ „ближайшихъ вещей“. Напротивъ, чѣмъ выше человѣкъ по образованію, тѣмъ болѣе онъ возвышается въ своихъ мысляхъ и интересахъ надъ простымъ чувственнымъ, надъ „ближайшими вещами“, которыя Ницше восхваляетъ.

Эти неопровержимые факты ниспровергаютъ въ основаніи главное воззрѣніе Ницше.

6) Подобно тому, какъ Ницше не доказалъ своихъ положеній, отрицающихъ Бога и вѣчность, а равнымъ образомъ, метафизику и религію, онъ не доказалъ далѣе и небытія человѣческой души, а также небытія свободы воли. И въ этихъ очень важныхъ вопросахъ онъ довольствовался только простыми утвержденіями и завѣреніями. Но такому способу мышленія, какъ уже было выяснено, наука, да и вообще никто здраво-мыслящій не придаетъ никакой цѣны. Если бы Ницше, дѣйствительно, держался научныхъ приемовъ, то онъ критически провѣрилъ бы въ своихъ сочиненіяхъ всѣ основанія, какія приводились до сихъ поръ въ философіи въ пользу субстанціоальности человѣческой души и въ пользу свободы воли, и долженъ былъ бы доказать ихъ безосновательность посредствомъ убѣдительныхъ и очевидныхъ противныхъ основаній. Но онъ вовсе не сдѣлалъ этого, и потому его положенія не имѣютъ никакого значенія.

Что касается собственно его горячей борьбы противъ свободы воли, то онъ и въ этомъ отношеніи только противорѣчить себѣ самому.

Дѣло въ томъ, что въ одномъ мѣстѣ ему хочется быть совершенно свободнымъ умомъ, и это онъ рассматриваетъ, какъ высшую цѣль человѣчества,—а въ другомъ мѣстѣ онъ рѣшительно отрицаетъ свободу человеческой воли. Но спрашивается: какъ согласить то и другое? Если воля несвободна, то какъ умъ можетъ быть свободнымъ или, все равно, мысль, которая, безспорно, зависитъ отъ воли? Это невозможно. Здѣсь необходимо допустить или да, или нѣтъ: или, дѣйствительно, нѣтъ свободной воли у человѣка, тогда не можетъ быть и настоящаго свободнаго ума; или есть „свободный умъ“, въ такомъ случаѣ должна быть и свободная воля; ибо безъ свободной воли нельзя свободно мыслить.

7) Что касается, наконецъ, гносеологическихъ взглядовъ Ницше, то, благодаря имъ, обнаруживается вполне очевидно, что вся его философская позиція утверждается на глиняныхъ ногахъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, во второмъ періодѣ онъ считалъ высшимъ культурнымъ идеаломъ человѣчества науку, мудрость, познаніе истины, такъ какъ для насъ „нѣтъ слаще меда, чѣмъ медъ познанія“, съ другой стороны, онъ утверждаетъ, что наше познаніе въ существѣ дѣла ложно, что „мы не имѣемъ истины“, такъ какъ чувственный міръ—единственное, что намъ доступно—есть только наше представленіе, или, что то же, „заблужденіе“¹⁾.

Но если, дѣйствительно, дѣло обстоитъ такъ, какъ здѣсь утверждаетъ Ницше, тогда человеческое познаніе и „наука“ находятся въ весьма дурномъ положеніи; ибо что это за познаніе и наука, которыя не представляютъ истины, но только обманъ и „заблужденіе“? Это, очевидно, не познаніе и не наука, но нѣчто совершенно противное тому.

Значитъ, Ницше подрываетъ самого себя своими гносеологическими взглядами, всей постановкой своей философіи и разрушаетъ ее собственными руками.

¹⁾ Menschliches, Allzumenschliches W. W. II, 47.

Вслѣдствіе этого, культурный идеалъ нашего философа, который до сихъ поръ онъ считалъ высочайшимъ и который во второй періодъ своей философіи онъ возвысилъ на степень свѣточа и чтилъ съ энтузіазмомъ, ниспровергся въ прахъ и все болѣе и болѣе терялъ свой нимбъ и ореолъ. Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что Ницше мало-по-малу отстранился отъ своего прежняго идеала и обратился затѣмъ къ новому, высшему культурному идеалу.

М. Воскресенскій.

(Продолженіе будетъ).

Чешскій философъ 14-го вѣка **Тома Штитный** (**Tomás ze Stitného**).

Биографія Тома Штитнаго. Краткій обзоръ западно-европейскаго просвѣщенія до времени Тома Штитнаго. Значеніе Тома Штитнаго въ исторіи западно-европейскаго просвѣщенія и въ частности философскаго. Метафизика Тома Штитнаго. Заключение.

Праотець чешской философіи, образцовый писатель богословскихъ и философскихъ трактатовъ, творецъ чешской философской терминологіи, послѣдній въ ряду предшественниковъ Яна Гуса, Тома Штитный родился ок. 1330 г. въ деревнѣ (помѣстьѣ) южной Чехіи—Штитномъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ родной семьѣ подъ руководствомъ знатныхъ по происхожденію, высокообразованныхъ и набожныхъ родителей, а довершилъ оное въ пражскомъ университетѣ, въ который поступилъ, вѣроятно, въ годъ открытія его (1351). Обучаясь на артистическомъ факультетѣ (соотв. нынѣшн. философскому), Т. Штитный съ особенною любовью занимался мистическими науками и христіанскою моралью, изучилъ свящ. Писаніе, латинскій языкъ и научился цѣнить родную чешскую рѣчь. Кромѣ того, онъ былъ усерднымъ слушателемъ знаменитыхъ пражскихъ церковныхъ проповѣдниковъ, Войтеха Ранковни, Яна Милича и Вальдгаузера. Въ университетѣ будущій философъ не получилъ ученой степени бакалавра или мистра; несмотря на то, любовь къ наукѣ онъ сохранилъ до самой смерти (1401 г.). По окончаніи университета, Т. Штитный долго жилъ въ родной деревнѣ, гдѣ по смерти родителей занимался сельскимъ хозяйствомъ совмѣстно съ сестрами, женился и затѣмъ обучалъ своихъ дѣтей, съ которыми нерѣдко посѣщалъ

Прагу, бывшую тогда очагомъ просвѣщенія цѣлой Европы ¹⁾. По смерти же своей супруги (ок. 1376 г.), Θ . Штитный окончательно переселился въ Прагу и всецѣло отдался ученымъ трудамъ.

Первыми литерат. произведеніями Θ . Штитнаго были переводы и передѣлки ученыхъ трактатовъ съ латинскаго на родную рѣчь: „Книжки босака Давида о семи вступникъ“, „Книжки св. Августина о бойовани гриховъ съ плехетности“, „О корабу Ноемове“, „Размлювани душе съ свѣдомимъ“. Затѣмъ онъ писалъ и собственные трактаты, изъ коихъ самыми замѣчательными считаются: „Книжки шестеры о обещныхъ вецехъ крестьянскихъ“, изд. Эрбенемъ въ 1851 г. въ память 500-лѣтія пражскаго университета (по рук. 1376 г.), и „Бѣсѣдни рѣчи“, изд. Враткомъ въ 1873 г. въ память 100-лѣт. юбилея со дня рожденія чешскаго филолога Юнгмана и вторично въ 1897 году Чешскою Академіею Наукъ. Трактатъ „Книжки шестеры“—богословскаго содержания, а трактатъ „Бесѣдни рѣчи“, преимущественно содержания философскаго.

Для оцѣнки значенія этого философа въ исторіи зап.-европейскаго просвѣщенія вообще и въ частности философскаго, а также въ виду нѣмецкихъ тенденцій, свившихъ себѣ гнѣздо въ русской научной литературѣ, считаемъ нужнымъ предварительно представить краткій очеркъ исторіи зап.-европейскаго просвѣщенія среднихъ вѣковъ до времени Θ . Штитнаго на основаніи давнихъ чешской исторіи.

Распаденіе сначала политическое, а потомъ и церковное, греко-римскаго міра самымъ печальнымъ послѣдствіемъ своимъ для западной Европы имѣло постепенный упадокъ просвѣщенія, которое на Западѣ все болѣе и глубже утрачивало свой общечеловѣчскій характеръ. Римскій міръ освобождался, вслѣд-

¹⁾ Современникъ Θ . Штитнаго Венешъ зъ Вейтмиле свидѣтельствуетъ о пражск. университетѣ слѣдующее: „Въ Прагѣ столь знаменито обученіе, что ничего подобнаго не было во всѣхъ земляхъ и приходило туда изъ чужихъ земель—Англии, Франціи, Угорска, Ломбардіи, Польши и изъ всѣхъ окрестныхъ земель студенты—сыновья пановъ и князей и прелаты различныхъ краевъ свѣта. И городъ Прага былъ знаменитъ и славенъ въ чужихъ земляхъ“. По изысканіямъ Ф. Палацкаго и В. Томка въ праж. университетѣ было студентовъ въ 1389 году 11,000, а въ 1408 году 30,000.

ствіе ненависти къ Востоку, отъ благотворнаго вліянія греческаго языка и литературы. Римская народность вымирала, потому что высшіе классы римскаго общества еллинизировались, а низшіе, смѣшиваясь съ новыми народностями, вырождались, такъ что на римской почвѣ *недостойною носителницею и распространительницею* просвѣщенія встала галльско-франкская имперія, наслѣдовавшая чисто *отъише* латинскую рѣчь и литературу и вмѣсто истинной культуры распространявшая идеи папской политики. Феодальный строй государственной и общественной жизни новой имперіи довершалъ глубокой упадокъ просвѣщенія, и на западѣ не сохранилось бы и искры стараго греко-римскаго просвѣщенія, еслибы не помогли ему въ этомъ монастыри и крестовые походы (т. е. тотъ же Востокъ).

Въ монастыряхъ, единственныхъ хранилищахъ просвѣщенія, равно какъ и старыхъ рукописей—источниковъ просвѣщенія, прозябала и философія въ убогомъ видѣ школьной діалектики, или схоластики, какъ составная часть мопастырскаго студіума „trivium“. Содержаніе этой науки составляли разсужденія о вопросахъ римско-католическаго вѣроученія, при чемъ формировку вѣроученія заимствовали у древнихъ греческихъ философовъ—главнымъ образомъ у Платона и Аристотеля. Въ философскія рамки этихъ философовъ укладывали католическое вѣроученіе и вели безконечныя диспуты, коими студенты подготавливались къ учительской должности.

Главными вопросами, интересовавшими схоластиковъ и въ особенности римскую церковь, были слѣдующіе: имѣютъ ли общія понятія дѣйствительное существованіе (какъ утверждали реалисты), или же они—только—пошпа (какъ думали номиналисты); возможна-ли перемѣна субстанціи хлѣба и вина въ евхаристіи, или же измѣняются только ихъ акциденціи; можетъ-ли человекъ спастись своею волею, или же спасается только благодатію Божіею и под. Окончательное рѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ происходило въ духъ папской политики, такъ какъ римская церковь утверждала ихъ въ качествѣ своихъ догматовъ. Такъ являлось научное утвержденіе римскихъ лжеученій, если схоластика заслуживаетъ имени науки.

Крестовые походы на Востокъ, познакомившіе западно-евро-

пейскій міръ съ греческою и арабскою культурами, внесли болѣе свѣжую и здравую жизнь въ западно-европейскую школу, и монастырскій студіумъ сталъ постепенно превращаться въ студію генералія, или *universalia*, которыя долгое время мало отличались отъ прежняго студія монастырскаго. Преподаваніе по-прежнему велось на латинскомъ языкѣ и слѣдовательно наука была достояніемъ только немногихъ, а учителями были священники, замыкавшіе науку въ тѣсныя рамки католическаго богословія. Университетскіе диспуты продолжались съ удвоенною силой, а народъ все *глубже и безвозвратнѣе* упалъ духовно и положительно коснѣлъ въ невѣжествѣ.

Первымъ благороднымъ борцомъ на западѣ противъ латыни и отчасти противъ самой схоластической формы науки за права народнаго (чешскаго) языка въ наукѣ и за участіе цѣлаго народа (чешскаго) въ просвѣщеніи ¹⁾ всталъ Тома Штитный, который принималъ участіе въ спорахъ номиналистовъ съ реалистами, высказалъ свое собственное сужденіе объ общихъ понятіяхъ ²⁾; о транссубстанціаціи ³⁾ и значеніи воли человѣка

¹⁾ Такъ писалъ Т. Штитный во многихъ мѣстахъ своего трактата „Бесѣды рѣчи“: „св. апост. Павелъ къ евреямъ писалъ по еврейски, къ грекамъ по-гречески, всѣмъ писалъ на понятномъ каждому языкѣ. Почему-жу бы и мѣнѣ не писать по-чешски къ моимъ землякамъ (краянамъ)? Я буду писать по-чешски, потому что я—чехъ, а Господь Богъ любить чеха такъ же, какъ и латиняка“... Дабы ко всѣмъ людямъ (различныхъ состояній и положеній) пришла латыня, я пишу по-чешски, хотя я подвергаюсь за это нареканіямъ со стороны тѣхъ, которые повсюду все, чего не понимаютъ (гл. 1)... Нужно держаться народной рѣчи, какъ училъ тому и языческихъ народовъ философія; пусть смѣются надомною, пусть даже скрежещутъ зубами на меня тѣ, которые желаютъ оставаться монополистами науки („хитцы сами—ещѣ видѣны быти, бы разумѣли“) (Гл. 10). Итакъ, дѣтяв, я надеюсь, что вы и всѣ, кому подѣ руки попадутся эти книги, будете читать въ нихъ—въ городѣ, въ храмѣ, въ полѣ и въ собраніи, въ особенности же въ деревнѣ, гдѣ не бываетъ вовсе и даже церковнаго поученія“... „Я прошу всѣхъ нелатиниковъ читать внимательно въ моихъ книгахъ. Если же чего не поймете, не бесѣдуйте о моей рѣчи (чешской) съ латиниками и въ особенности съ гордыми: вы не найдете среди нихъ столь благородно и высоко-настроеннаго, которому бы истина была столь дорогою, что съ удовольствіемъ выслушалъ бы ее и отъ ослицы“ (Гл. 26).

²⁾ Т. Шт. б. на сторонѣ реалистовъ, но совершенно самостоятельно. Разумъ представлялъ ему Бога „въ всеобщности“ (*universalia*), между тѣмъ какъ вѣра представляла Бога „въ конкретной единственности“. Разумъ, соединяясь съ вѣрою, можетъ подняться на высоту вѣры только по лѣстницѣ общихъ представленій.

³⁾ Въ рѣшеніи вопроса о транссубстанціаціи Т. Шт. держался мнѣній Вой-

въ спасеніи ¹⁾ и памятникомъ своего сужденія оставилъ глубоко философскій трактатъ „Бесѣдны рѣчи“ ²⁾, характеризующій философское міровоззрѣніе *Томы Штитнаго*.

Философію *Томы Штитнаго*, насколько въ этомъ трактатѣ она является связнымъ цѣлымъ, слѣдуетъ отнести къ отдѣлу метафизики и раздѣлить ее на двѣ части: *общую*, содержащую *онтологію*, или ученіе объ истинномъ бытіи и отчасти *символическую* (ученіе о пространствѣ, времени и измѣненіи), и *частную*, содержащую ученіе о Богѣ, мірѣ и душѣ человѣка.

Тѣмъ, Рамкови, брата Давида босака, Милча, Бонавентурн, *Томы Аввината*, *Бернарда*, *Августина*, *Иеронима* и, вѣроятно, имѣлъ свою партію въ университетѣ Пражскомъ.

¹⁾ Относительно мнѣнія бл. Августина о спасеніи человѣка только благодатию Божіею *Т. Шт.* высказываетъ свои сужденія, сходныя съ православн. ученіемъ: 1) сообразно съ тяжестью грѣха возрастаетъ и нужда въ помощи Божіей. 2) Воля человѣка способна беречься отъ грѣховъ и не совершать зла; однако своею силою не можетъ освободиться отъ грѣха, если впала въ него. Эту мысль онъ подтверждаетъ сужденіемъ св. *И. Златоустаго* (гл. 42). 3) Если обращеніе грѣшника къ Богу есть прежде всего дѣло благодати Божіей, то все же оно зависитъ и отъ нашей воли, потому что Всемогущій Господь, благоволившій привести человѣка ко спасенію, прежде всего даруетъ ему даръ благодати своей, но свободн. воли не отнимаетъ, такъ что самъ человѣкъ долженъ хотѣть добра. Когда же человѣкъ будетъ хотѣть добра и полюбитъ добро, тогда Господь дастъ ему даръ помощи выполнить добро на дѣлѣ (гл. 48).

²⁾ Въ изд. 1897 г. (по будишинской рукоп. этотъ трактатъ состоитъ изъ предисловія переписчика, предисловія автора, 72 главъ и заключенія: форма трактата — бесѣды отца съ дѣтьми или души съ совѣстью. Первые главы трактата имѣютъ слѣд. заголовки (вопросы дѣтей): что есть Богъ и какъ познать Его (гл. 1). Что ближе ведетъ къ Богопознанію (гл. 2). Какимъ обр. Богъ всюду присутствуетъ (гл. 3). Какіе пути къ познанію и любви къ Богу (гл. 4 и 5). Какъ познавали Бога древніе мудрецы (гл. 6). Какъ познать величіе, мудрость и благодать Бога (гл. 7). Что и какъ творитъ Богъ своею силою (гл. 8). Как. обр. познаемъ мудрость Божію въ твореніи (гл. 9). Въ чемъ и какъ проявилась мудрость Божія (гл. 10). О четырехъ родахъ движенія въ мірѣ (гл. 11). О вещи въ себѣ и о томъ, что разумѣется въ вещахъ подъ терминами: *forma* и *qualitas* (гл. 12). Как. обр. все твореніе являетъ благодать Божію (гл. 13). О единствѣ Божіемъ (гл. 14) О неизмѣяемости Божіей (гл. 15 и 16). Почему Богъ не раскаивается и не иститъ злымъ и почему ненарасна молитва къ Богу (гл. 17). Существенная особенность процесса человѣческой мысли несовершенной въ сравненіи съ мыслию Божіей (гл. 18). О троячности лицъ въ единствѣ Божіемъ (гл. 19). Подобія сего въ видимомъ мірѣ (гл. 20). Какъ нужно вѣрять въ единство и троячность Божію и воочеловѣченіе Сына Божія (гл. 21). Как. обр. только Сынъ Божій—вѣчная мудрость Божія—принялъ человѣческое естество (гл. 22). Почему нужно любить мудрость Божію болѣе саму въ себѣ, чѣмъ сотворенное Ею (гл. 23). Какъ направить мысль отъ творенія къ Творцу (гл. 24). О страхѣ Божіемъ, Его правдѣ (истинѣ) и милости (любви)..

I.

По примѣру схоластиковъ своего времени Θ . Штитный главнымъ предметомъ своего философскаго изслѣдованія ставитъ истинное бытiе („права бытость“), которое онъ отличаетъ отъ „бытства“, „быту“ (essentia) и отъ „йсоуцности“ (existentia). Единственное, къ чему приложимъ терминъ „права бытость“, по возвращенiю Θ . Штитнаго,—это Богъ. „Нѣтъ другого слова, которымъ бы можно было удачнѣе обозначить понятiе той вѣчности, которая есть Богъ, какъ слово „есть“. Ибо скажемъ-ли, что Богъ—великiй, благiй, блаженный, мудрый и т. п., все это разумѣется, когда говоришь: Онъ „есть“. Тому, кто „есть“, все это присуще. Еслибы придалъ и сто атрибутовъ (такихъ вейци), ничего новаго не сказалъ бы, какъ то, что онъ „есть“. Прибавишь-ли что къ тому, не сдѣлаешь болѣе понятнымъ; опустишь какой атрибутъ, ничего не отнимешь изъ понятiя, ибо Богъ неизмѣняемъ („безъ промѣны“): всегда—тотъ же, вездѣ—тотъ же, всюду самъ въ себѣ. Ни о чемъ другомъ, кромѣ Бога, нельзя сказать въ собственномъ смыслѣ „есть“, ибо ничто, кромѣ Бога, не остается безъ движенiя, измѣненiя и переменъ („безъ погнути а безъ промѣны“), самимъ въ себѣ. Итакъ Богъ есть, а безъ Него—ничего. Ибо какъ онъ самъ не безъ себя, такъ и безъ него ничего не можетъ быть. Онъ себѣ „есть“, онъ всему „есть“ И такъ единственно только Богъ „есть“: Самъ въ самомъ бытiи и во всемъ чрезъ него существующемъ такимъ образомъ Богъ—начало всего (гл. 2). Очевидно, Θ . Штитный признаетъ единственную субстанцию бытiя въ собственномъ (истинномъ) смыслѣ—Бога. „Богъ единый есть“, Самъ въ себѣ, начало всего“.

Выясняя понятiе объ истинномъ бытiи, въ началѣ 3-й главы трактата, философъ говоритъ: „Истинное бытiе не имѣетъ пространства („простору“) отъ себя. Въ Богѣ—все, но не такъ, какъ въ городѣ, въ домѣ, въ мѣшкѣ: все—въ его силѣ, мудрости и милости (любви). Гдѣ же онъ—самъ? спросите. Вы сами произнесите (въ молитвѣ): иже еси на небесѣхъ! А пророкъ говоритъ: Аще възду на небо—ты тамо еси; аще сниду во адъ—тамо еси. . словомъ Богъ—вездѣ. Но въ одномъ мѣстѣ такъ, въ другомъ иначе—подобно душѣ въ тѣлѣ чело-

вѣка. Нѣтъ ни единого мѣста, гдѣ бы не было Бога и какъ все—въ Немъ, такъ и Онъ во всемъ“.

Начатки синехологіи, т. е. ученія о пространствѣ, времени и измѣненіи, Θ. Штитный излагаетъ въ 4-й и 5-й главахъ трактата. Однако не ставитъ синехологию предметомъ спеціальнаго сужденія, а только пользуется ею, дабы „взявъ то одно (пространство), то другое (время), то третье (измѣненіе), какъ бы тропинками отыскивать путь, ведущій къ познанію единого Бога—Источника мудрости, добра и красоты“.

II.

Вторая часть метафизики Θ. Штитнаго содержитъ ученіе о Богѣ, мірѣ и душѣ человѣка.

Ученіе о Богѣ въ Его сущности Θ. Штитный излагаетъ въ слѣдующихъ главныхъ положеніяхъ: Человѣкъ не можетъ постигнуть Бога своимъ разумомъ; но постигаетъ Его вѣрою. Самаго вѣрнаго удовлетворенія потребности богопознанія человѣкъ достигаетъ разумомъ только въ единеніи съ вѣрою.

„Все твореніе взываетъ о томъ, что Богъ—творецъ, ибо ничто не происходитъ само собою. А потому язычники, евреи, христіане, еретики и философы всегда считали что нибудь богомъ. Но что есть Богъ, этого не постигаетъ человѣческая мысль. А потому скажу, что Богъ есть неизреченное совершенство, такъ что ничего лучшаго, достойнѣйшаго, и блаженнѣйшаго и т. п. не можетъ быть и мыслимымъ¹⁾. Ибо въ Немъ—все превосходящее мысль не только людей, но и ангеловъ. Что—не есть Богъ, мы знаемъ; но что есть Богъ, того не постигаемъ (гл. 1.) Богъ—непостижимъ въ своемъ величіи („заврешь въ све велебности“) (гл. 2).

Выяснивъ мысль о непостижимости Божіей, Θ. Штитный ставитъ вопросы: есть-ли Богъ? и какъ познать Его? Отвѣтъ на второй вопросъ онъ даетъ въ слѣдующихъ словахъ: *ex ignorantia spero*. Θ. Штитный считаетъ разумъ человѣка маломощнымъ въ Богопознаніи—въ особенности вслѣдствіе извращенія человѣческой природы грѣхомъ. Въ отвѣтъ же на

¹⁾ Это опредѣленіе понятія о Богѣ повторяетъ Янъ Гусъ во многихъ мѣстахъ своихъ твореній.

вопросъ: Есть-ли Богъ? онъ приводитъ онтологическое (въ двухъ видахъ) и физико-телеологическое доказательства.

Два вида онтологическаго доказательства Θ . Штитнымъ приведены кратко, и въ нихъ повторяются только мысли Ансельма (1034—1109). Смысль перваго такой: Есть добрые и прекрасные предметы; слѣдов. доброта и красота существуютъ и сами по себѣ независимо отъ предметовъ, именуемыхъ добрыми и прекрасными. Слѣд. есть Богъ. Второе доказательство Θ . Штитный излагаетъ во 2-й главѣ трактата слѣдующими словами: „Многія вещи обыкновенно называются началами другихъ вещей; но и онѣ имѣютъ свое начало въ другихъ, такъ что, постепенно отыскивая начало, дойдешь къ началу всего—Богу“. Оба эти доказательства, изложенныя у Ансельма въ сочиненіи *De divinitatis essentia Menologium*“, до времени Канта считались единственно основательными и истинными доказательствами бытія Божія.

Физико-телеологическое доказательство, творцомъ коего былъ Пинагоръ и развивателями Сократъ, Платонъ и Цицеронъ, у Θ . Штитнаго проведено съ особеннымъ вдохновеніемъ и подробностями въ главахъ 10—12. „Поймите, какъ величенъ по замыслу и дивенъ мудростію весь кругъ творенія въ цѣломъ и какъ согласенъ и связанъ („сочетанъ“) въ частяхъ, что и несходные элементы („неподобне страны“) соединены въ одномъ цѣломъ творенія („въ едне оборѣ створу“). И не только несходные, но даже и противоположные элементы, какъ напр. тѣлесные и духовные („тѣлесне прирожени а духовне“) находятся въ гармоническомъ сочетаніи между собою“... „Развѣ огонь не противоположенъ водѣ, а вода—огню? А между тѣмъ мудрость Божія все это соединила въ одномъ мірѣ и по волѣ Божіей одно не уничтожаетъ другого. Мудрый Архитекторъ, сочетавшій жиръ въ такой дивной гармоніи, всему, что живетъ и произрастаетъ въ этомъ мірѣ, даруетъ все потребное и самую жизнь. Кто не видитъ величайшей мудрости въ уложеніи и сочетаніи элементовъ всего міра? А какъ связаны наивышшія небеса, которыя стоятъ, не двигаются, не бѣгутъ и все тѣлесное окружаютъ („йсу обкличила“), какъ скорлупою яйцо, всюду кругомъ—сверху и снизу! Но надъ всѣмъ этимъ,—оное

духовное славное небо, называемое пламенемъ, а по-гречески Еμπρεισμη. Философъ-мудрецъ раскрываетъ еще шире и подробнѣе картину цѣлесообразности, красоты и благости („милости“—любви), проявляющихся въ мірѣ, и дѣлаетъ выводъ словами псалмопѣвца: Дивенъ въ высокихъ Господь!“ (гл. 10).

Заслуживаетъ вниманія общій краткій обзоръ исторіи древней философіи, представляемый Θ. Штитнымъ въ 6 главѣ: „наибольшіе философы познали, что Богъ не есть тѣло; они поняли, что всѣ тѣла—грубы, даже и свѣтила небесныя, какъ солнце и звѣзды, тоже грубы, а потому они искали того, кто выше (совершеннѣе) всего этого, кто есть Богъ. И поняли они, что все, что подвержено измѣненію, что не всегда и вездѣ одинаково, не можетъ быть началомъ всего, но само происходитъ отъ того, Кто въ себѣ есть, безъ всякаго измѣненія. Философы обмыслили и ангельскихъ духовъ, но поняли, что и въ ангелахъ есть измѣненіе, такъ какъ они могутъ быть и добрыми и злыми и доброта ангеловъ не самостоятельна, а стоятъ въ той наивысшей истинѣ („правдѣ“), отъ Коей—все добро. Есть нѣчто и злое въ этихъ духахъ, такъ какъ они не утвердились во всей той святой истинѣ, которая есть Богъ. Философы уразумѣли также и то, что духовныя свойства („прироженіи“) имѣютъ преимущество предъ тѣлесными свойствами, что иная красота („оздоба“) тѣль и иная духовъ и что одни тѣла болѣе красивы, другія менѣе. Также и души различны: одни души—ангельскіе, другіе—человѣческія души. При томъ каждый изъ этихъ духовъ имѣетъ свою индивидуальную красоту. Изъ всего этого философы поняли, что Богъ есть Тотъ, отъ Кого и чрезъ Кого—все это и въ Комъ—первая и неизмѣнная красота. Все это познали философы“.

Если Богъ—единственное истинное бытіе, творецъ и источникъ гармоніи (мудрости), красоты и добра, то міръ (космосъ), или по терминологіи Θ. Штитнаго—„весміръ“ есть полнота неисчислимыхъ, мощныхъ и постоянныхъ перемѣнъ въ мудромъ сочетаніи и единеніи, или полнота неисчислимыхъ твореній (тварей), призванныхъ къ усовершенствованію въ добрѣ. Каждая вещь, каждое явленіе въ природѣ и каждое со-

бытіе въ исторіи человѣческой жизни стоять въ тѣсной зависимости и глубочайшей связи: нигдѣ не найдешь ничего самостоятельнаго, безъ связи съ другими. Всюду—взаимное сочетаніе и отношеніе ко всему цѣлому (космосу), который въ свою очередь не имѣетъ въ самомъ себѣ своего основанія („заклада“) и корня.

Перемѣны, или движенія, какъ сущность „бытства“ міра (космоса), указываемыя Θ . Штитнымъ, суть слѣдующія четыре: 1) перемѣщеніе съ мѣста на мѣсто; 2) измѣненія при естественномъ развитіи (ростѣ) или одряхлѣніи и умираніи; 3) симпатическія влеченія у животныхъ и 4) измѣненія въ разумѣ (процессы мыслительной дѣятельности) человѣка (гл. 11). Но съ особенною подробностью онъ остававливается на первомъ родѣ движеній и рисуетъ скорѣе поэтическій, чѣмъ научный образъ движенія (теченія) небесныхъ свѣтилъ, смѣну дня и ночи, время года и под. (гл. 10).

Но все это постоянно и согласно движущееся (космосъ) представляетъ собою не самостоятельное бытіе, но лишь отраженіе, проявленіе мудрости (гармоніи), красоты и добра Бога.

Красота, по мнѣнію Θ . Штитнаго, состоитъ и проявляется въ слѣдующихъ общихъ фактахъ: 1) все—на своемъ мѣстѣ; 2) все имѣетъ свое собственное движеніе („гнути“); 3) все имѣетъ свою приспособленную форму (или „тварность“) и 4) все имѣетъ свою собственную (спеціальную) окраску („барву“) или *qualitas* (свойства, выражающ. идеи добра, любви).

Добро, какъ идея, проявляющаяся въ мірѣ совмѣстно и нераздѣльно съ идеями гармоніи и красоты, представлялась философу не менѣе отчетливо, какъ и эти идеи, и разсматривается въ главахъ 7, 13 и 27, въ коихъ онъ обозначаетъ ее терминомъ *qualitas*.

Ввиду скромной задачи отмѣтить только главныя положенія метафизики Θ . Штитнаго, не вдаемся въ подробности.

Наиболѣе ясное отраженіе „правой бытости“, съ одной стороны и суммирование космоса съ другой—представляется въ человѣкѣ (микрокосмосѣ). По ученію Θ . Штитнаго, человѣкъ состоитъ изъ двухъ несходныхъ между собою природъ: духа (разумной души) и тѣла. Обѣ эти природы составляютъ одно

гармоническое цѣлое, при чемъ духъ долженъ влечь за собою тѣло (тѣлесную грубость), такъ, чтобы все способствовало человѣку къ познанію Бога и участию въ благѣ („добротѣ“) Его.

Духъ человѣка (душа) единъ, но имѣетъ въ себѣ три силы, которыя Θ . Штитный называетъ то мыслью, разумомъ и милостью (любовью), то мыслью, знаніемъ и чинностью (гл. 20). Каждая изъ этихъ силъ имѣетъ свою особенность, но неотдѣлима одна отъ другой, такъ что душа человѣка есть образъ единого въ существѣ и тринчаго въ лицахъ Бога. Мысль какъ бы родитъ изъ себя разумъ и отъ нея же происходитъ милость ¹⁾, которая обращается къ разуму и отъ разума къ мысли. „Мысль знаетъ себя и любить себя, но не могла бы любить, если бы не знала себя. Она знаетъ себя, что она есть и мило ей, что она знаетъ себя“ (гл. 20).

Мысль ($\nu\omicron\delta\varsigma$), по воззрѣнію Θ . Штитнаго, есть основа (стредъ, или „закладъ“) всей душевной жизни. На языкѣ современной научной терминологіи мысль Штитнаго—то же, что сердце, и соотвѣтствуетъ первому лицу Св. Троицы, Богу Отцу. „Разумъ“, или „знаніе“ соотвѣтствуетъ Богу Сыну, а въ современной терминологіи уму. „Милость“ (любовь), принадлежность пріятнаго стремленія, дѣйствія („чинности“), соотвѣтствуетъ третьему лицу Св. Троицы—Духу Святому, а въ современной терминологіи репрезентируетъ волю.

Раскрытіе нераздѣлимости, но при всемъ томъ и нѣкотораго различія („розезнани“), душевныхъ силъ наполняетъ душу философа восторженнымъ удивленіемъ и онъ восклицаетъ: „такъ дивна троица въ нашей душѣ!“ Въ этомъ случаѣ Θ . Штитный могъ бы служить образцомъ для психологовъ даже 18-го вѣка, еслибъ внимая этому психологу, они не раздѣляли душевныхъ силъ въ особые отдѣлы или камеры.

Заслуживаетъ вниманія ученіе Θ . Штитнаго о „пяти смыслахъ“ (ощущеніяхъ при помощи органовъ внѣшнихъ чувствъ), о „гнути души“ (процессахъ душевной дѣятельности человѣка) и о результатахъ извращенной грѣхомъ души человѣка: „не-

¹⁾ Слѣдуетъ отмѣтить, что въ ученіи о Св. Троицѣ въ Богѣ Θ . Штитный согласенъ съ православнымъ вѣроученіемъ. Здѣсь причина—почему Θ . Штитный почти игнорируется католическою (богослов. и философ.) наукою.

розумъ“ (вмѣсто разума), „жадности“ (страсти, злой воли), равно какъ немощи, болѣзней и смерти тѣла.

Обобщая сказанное о метафизикѣ Ѳомѣ Штитнаго, прибавимъ слѣдующее: Метафизика Ѳ. Штитнаго не укладывается въ тѣсныя рамки средневѣковой схоластики; она коренится не въ ней, а въ древне-греческой философіи. Какъ славянинъ и происходящій изъ чешскаго народа, первоначальная культура коего была восточно-славянскою, Ѳ. Штитный является отголоскомъ древнѣйшей формы богословскаго и философскаго міровоззрѣнія (восточной). Ѳому Штитнаго можно по справедливости назвать восточнымъ мудрецомъ по духу (хотя тѣломъ онъ принадлежалъ западу), тѣмъ болѣе потому, что и философія для него—не теорія только, а (въ противоположность западно-европейскимъ философамъ) и самая жизнь, которую онъ сообразовалъ съ своимъ міровоззрѣніемъ, какъ свидѣтельствуемъ о томъ ранній переписчикъ разсмотрѣннаго трактата „Бесѣдни рѣчи“ въ отзывѣ о Ѳомѣ Штитномъ: „всѣмъ шлехетнемъ животу до старости заховалъ“.

А. Вознесенскій.

Мораль эвдемонизма предъ судомъ общечеловѣческаго нравственнаго сознанія.

(Критическій разборъ нравственнаго ученія Милля и Бентама).

Эвдемонистическая этика внутреннимъ основаніемъ или психологическимъ мотивомъ нравственной дѣятельности признаетъ стремленіе къ личному счастью, а ея объективною цѣлью: или свою собственную пользу, или же общечеловѣческое благо. Первое мнѣніе принадлежитъ Бентаму, второе Миллю.

Съ точки зрѣнія Бентама верховнымъ принципомъ нравственности должно быть признано удовольствіе, которое является единственнымъ мотивомъ человѣческой дѣятельности и ея единственною цѣлью. „Природа, говоритъ онъ, поставила человѣчество подъ управленіе двухъ верховныхъ властителей: удовольствія и страданія. Имъ однимъ предоставлено опредѣлять, что мы можемъ дѣлать, и указывать, что мы должны дѣлать. Къ ихъ престолу привязаны, съ одной стороны, образчикъ хорошаго и дурнаго, съ другой, цѣль причинъ и дѣйствій. Они управляютъ нами во всемъ, что мы говоримъ, что мы дѣлаемъ, что мы думаемъ; всякое усиліе, которое мы можемъ сдѣлать, чтобы отвергнуть это подданство, служить только къ тому, чтобы подтвердить и доказать его. На словахъ человѣкъ можетъ претендовать на отрицаніе ихъ могущества, но въ дѣйствительности онъ всегда остается подчиненъ имъ“ (Бентамъ. „Введеніе въ основанія нравственности и законодательства“, перев. Пыпина и Невѣдомскаго С. П. Б. 1867 г. стр. 1). Въ значительной противоположности съ эпикурейцами, не чуждавшимися мимолетныхъ наслажденій, совѣтовавшими ловить

благопріятные моменты счастья, Бентамъ въ погонѣ за послѣдними совѣтуетъ быть благоразумными и жертвовать кратковременными удовольствіями для пріобрѣтенія болѣе прочныхъ благъ и избѣжанія страданій въ будущемъ. Отсюда идонистическое начало переходитъ у него въ принципъ пользы, „который одобряетъ или не одобряетъ извѣстное дѣйствіе, судя по тому, имѣетъ ли оно, какъ намъ кажется, стремленіе увеличить или уменьшить счастье той стороны, объ интересѣ которой идетъ дѣло“ (стр. 2). На вопросъ, что побуждаетъ человѣка заботиться о счастіи другихъ, Бентамъ отвѣчаетъ теоріей совпаденія личной и общественной пользы, совпаденія, благодаря которому пожертвованіе своими интересами въ сущности клонится къ выгодѣ жертвующаго и должно за кратковременное страданіе вознаградить большимъ и продолжительнымъ удовольствіемъ. „Обыкновенно, говоритъ онъ, представляютъ добродѣтель въ противоположность пользѣ. Добродѣтели, говорятъ, есть пожертвованіе нашими интересами нашему долгу. Чтобы выразить мысль яснѣе, слѣдовало бы сказать, что интересы бываютъ разнаго рода и что различные интересы въ извѣстныхъ обстоятельствахъ бываютъ несовмѣстимы. Добродѣтель есть пожертвованіе меньшимъ интересомъ большому интересу, мнугнымъ интересомъ продолжительному, сомнительнымъ—несомнѣнному. Всякая идея добродѣтели, не проистекающая изъ этого понятія, столь же темна, сколько ненадеженъ ея мотивъ“ (стр. 9). Еслибы случилось, что между личною и общественною пользою возникло бы непримиримое противорѣчіе, то человѣку не оставалось бы ничего другого, какъ оказать предпочтеніе первой предъ послѣдней Удовольствіе, испытываемое злодѣемъ при совершеніи преступленія, дурно только потому, что оно со временемъ должно сопровождаться такимъ количествомъ страданій, которое превратитъ въ ничто доставляемое имъ наслажденіе. Въ противномъ случаѣ оно не могло бы быть осуждено нами (стр. 8). Все, что признается нами дурнымъ и несправедливымъ, получаетъ такую оцѣнку потому, что, сопровождаясь иногда видимою кратковременной пользою, оно должно современемъ сдѣлаться источникомъ тягчайшихъ страданій. „Если упреки, ко-

торые дѣлають Макіавели основательны, то не потому, что онъ руководился принципомъ пользы, а отъ того, что онъ не вѣрно примѣнялъ его... Дурная нравственность есть дурная политика" (стр. 20). Извѣстныя слова Аристиды о проэктѣThemistocles: „онъ выгоденъ, но несправедливъ“ означали, „что проэктъ Themistocles былъ бы полезенъ на одну минуту и вреденъ на цѣлые вѣка: то, что онъ намъ даетъ, есть ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ у насъ отнимаетъ“ (стр. 20).

Такимъ образомъ, ученіе Бентама кратко можетъ быть формулировано въ слѣдующихъ четырехъ положеніяхъ. 1) Единственнымъ мотивомъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій является стремленіе къ удовольствію и отвращеніе отъ страданія. 2) Всякая добродѣтель является таковою лишь въ той степени, въ какой влечетъ за собою сумму наслажденій, перевѣшивающую количество страданій. 3) Для извлеченія изъ жизни наибольшаго количества наслажденій необходимо жертвовать мимолетными удовольствіями, что повлечетъ за собою приобрѣтеніе болѣе прочнаго счастья. 4) Ограниченіе своихъ интересовъ для блага ближнихъ необходимо въ цѣляхъ собственной выгоды, вслѣдствіе совпаденія личной и общественной пользы.

1. Но прежде всего нельзя согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ Бентама, раздѣляемымъ Миллемъ, что человѣкъ можетъ желать только наслажденія или того, что является средствомъ къ достиженію послѣдняго, и дѣйствовать лишь сообразно съ этимъ желаніемъ. Помимо удовольствія есть множество другихъ цѣнныхъ вещей, которыя также желательны для человѣка. Таковы: истина, добровольное страданіе для искупленія своей вины, благо ближняго, къ которому мы равнодушны сердцемъ, но котораго мы стараемся любить по чувству долга и т. п. Всѣ дѣйствія вопреки склонностямъ, идущія въ разрѣзъ съ инстинктами нашей природы, не имѣютъ и тѣни эвдемонистической подкладки. Иногда человѣкъ хорошо сознаетъ, что если онъ станетъ бороться съ дурною стороною своего существа, ему придется испытать множество страданій, наоборотъ, если станетъ плыть по теченію своихъ разнузданныхъ страстей, скоро заглушить въ себѣ послѣдніе упреки

совѣсти и станеть испытывать только наслажденія. Однакоже онъ предпочитаетъ болѣе благородный образъ поведенія болѣе пріятному. Правда, эвдемонисты могутъ сказать, что, подавляя склонности ради долга, пресѣкая порочныя влеченія изъ за идеи, мы въ концѣ концовъ дѣйствуемъ такъ потому, что это для насъ пріятнѣе, что противоположное поведеніе стало бы сопровождаться еще большими страданіями. Положимъ, человѣку представляется случай убить слабое невинное существо, чтобы завладѣть его наслѣдствомъ и превратить прежнюю, исполненную бѣдствій и лишеній жизнь, въ жизнь, полную наслажденій. Онъ не сдѣлаетъ этого, съ точки зрѣнія эвдемонизма потому, что тѣ удовольствія, которыя онъ получить, совершивши преступленіе, не могутъ вознаграждать его за то мученіе совѣсти, которое онъ испытаетъ въ моментъ убійства и послѣ него. Разсуждая такимъ образомъ эвдемонисты видятъ во всякомъ самоотверженномъ дѣйствіи идонистическую подкладку и грозятъ превратить всю нравственность въ колоссальный продуктъ эгоизма. Теорія эта на первый поверхностный взглядъ кажется удовлетворяющей существу дѣла. Она основывается на психологическихъ данныхъ, имѣетъ въ свою пользу свидѣтельства внутренняго опыта. Послѣдній дѣйствительно показываетъ, что многія изъ нашихъ дѣйствій, повидимому добродѣтельныхъ, въ концѣ концовъ вытекаютъ изъ самолюбія, такъ что, благотворя нашимъ ближнимъ и одушевленно работая на благо человѣчества, мы въ сущности болѣе заботимся о самихъ себѣ, чѣмъ о другихъ. Эта мысль, явившись впервые въ нашемъ сознаниі, не привыкшемъ углубляться внутрь самого себя, поражаетъ своею новостью и кажущеюся истинностью. Но при болѣе глубокомъ изслѣдованіи мотивовъ нашихъ дѣйствій оказывается, что она расширена и преувеличена и вслѣдствіе этого частію прямо невѣрна; частію же должна быть значительно ограничена. Внимательный анализъ показываетъ, что во 1) не всѣ желаемыя нами дѣйствія сопровождаются удовольствіемъ (и объ этомъ мы знаемъ, когда желаемъ); во 2) когда они дѣйствительно доставляютъ намъ наслажденіе, послѣднее является только ихъ необходимымъ слѣдствіемъ, но не имѣетъ

значенія въ качествѣ мотива, опредѣляющаго наше поведеніе. Далеко не всегда, отказываясь отъ безнравственнаго поступка, мы дѣлаемъ это потому, что въ противномъ случаѣ опасаемся испытать большее страданіе, или же потому, что сознаніе побѣжденнаго искушенія способно дать большее наслажденіе, чѣмъ тѣ блага, которыя мы приобрѣли бы въ случаѣ подчиненія ему. Иногда преступленіе сулитъ намъ въ будущемъ столько счастья, что предъ нимъ обращается въ ничто то маленькое страданіе, которое придется испытать человѣку въ моментъ его совершенія. Вѣдь онъ хорошо знаетъ, что это страданіе скоро пройдетъ, будетъ заглушено массою новыхъ еще неизвѣданныхъ неслаждений, совершенно заглухнетъ въ чадѣ эпикурейской жизни, и, тѣмъ не менѣе, не рѣшается на него. Очевидно, не соображенія личнаго счастья, а что-то другое, высшее, непреодолимо влечетъ человѣка къ себѣ своею духовною мощію и удерживаетъ его на скользкомъ пути порока. Точно также, поступая добродѣтельно, человѣкъ отлично сознаетъ, что то состояніе удовлетворенія, которое онъ испытываетъ тотчасъ по совершеніи добраго дѣла и которое чрезъ нѣсколько минутъ исчезнетъ изъ сознанія, смѣнившись равнымъ настроеніемъ духа, далеко не способно вознаграждать его за тѣ лишенія, которыя ему придется испытать вслѣдствіе его жертвы и которыя, быть можетъ, станутъ простираться на всю его жизнь.

Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда наши добродѣтельные поступки сопровождаются нравственнымъ удовлетвореніемъ, переживающимъ непріятное чувство напряженія воли, когда самопожертвованіе влечетъ за собою пріятное сознаніе исполненнаго долга, дѣйствительнымъ мотивомъ нашихъ дѣйствій является не это чувство удовольствія, а представленіе цѣли самой по себѣ, независимо отъ ея отношенія къ эмоціональной сторонѣ нашей природы. Во всякомъ актѣ воли можно различать представленіе цѣли и то чувство удовольствія или страданія, которое слѣдуетъ за ея достиженіемъ. Мотивомъ, опредѣляющимъ наше дѣйствіе, можетъ быть какъ то, такъ и другое. Утилитаристы признаютъ единственно возможнымъ послѣднее побужденіе и въ этомъ грубо противорѣчатъ психоло-

гическимъ даннымъ. Внутренній опытъ свидѣтельствуешь, что большинство нашихъ дѣйствій обуславливается именно представленіемъ самой цѣли и лишь немногія мыслью о томъ удовольствіи, которое отъ того произойдетъ. Лишь извѣденные рефлексіей люди нашего времени, да древніе римляне времени паденія имперіи намѣренно ставили цѣлю своей дѣятельности наслажденіе и, надобно замѣтить, именно благодаря этому, не достигали его. Удовольствіе во всей его свѣжести можетъ испытываться только тогда, когда оно является естественнымъ слѣдствіемъ какого либо дѣйствія, не сопровождаясь рефлексіей и оцѣнкой его по сравненію съ тѣмъ, что ожидалось. Поэтому-то дѣти и люди природы болѣе способны къ чистому наслажденію, чѣмъ испорченные цивилизаціей сыны культуры, поэтому-то часто, заранѣе намѣтивъ цѣлю своей дѣятельности удовольствіе и употребляя рядъ различныхъ средствъ для достиженія его, мы, совершенно неожиданно для себя самихъ, болѣе наслаждаемся этими средствами, чѣмъ самою цѣлю. По достиженіи послѣдней мы нерѣдко испытываемъ горькое разочарованіе, убѣдившись, что искомое не стоило того, чтобы его искать. И это вполне понятно. Когда удовольствіе возникаетъ неожиданно, не будучи предварительно поставленнымъ въ качествѣ цѣли дѣйствія и идеально воспроизводимымъ, оно испытывается во всей своей непосредственности и всецѣло сосредоточиваетъ на себѣ наше вниманіе, именно какъ на удовольствіи. Когда же послѣднее намѣчено, какъ цѣль, то по достиженіи ея тотчасъ же начинается сужденіе ума: насколько хорошо испытываемое наслажденіе, удовлетворило ли оно ожиданію и стоило ли столькихъ хлопотъ. Уже вслѣдствіе одного этого вниманіе отвлекается отъ чувства въ сторону мыслительныхъ процессовъ и понижаетъ интенсивность удовольствія. Къ этому присоединяется досада, что ожидаемое не сбылось, что собственно не стоило хлопотать изъ за того, что испытывается, а отсюда мысль о суетности жизни, тоска и разочарованіе.

Такимъ образомъ, мотивомъ дѣйствія не всегда является чувство, слѣдующее за достиженіемъ цѣли, но весьма часто представленіе самой цѣли, независимо отъ того или другого отношенія ея къ нашей эмоціональной природѣ. И надобно замѣ-

тить, что истинно нравственную цѣнность мы придаемъ только тѣмъ дѣйствіямъ, которыя опредѣляются идеальнымъ воспроизведеніемъ возвышенной цѣли самой по себѣ, а не того удовольствія, которое послѣдуетъ за ея достиженіемъ. Человѣкъ, который помогаетъ бѣднымъ потому и настолько, насколько это для него пріятно, который прежде чѣмъ подать нищему размышляетъ о томъ удовольствіи, какое доставитъ ему его благотворительность, не возбудитъ въ насъ ничего кромѣ отвращенія. Если бы было вѣрно мнѣніе утилитаристовъ, что мотивомъ всѣхъ нашихъ дѣйствій служить наслажденіе, то непонятно было бы то различіе между поступками опредѣляемыми представленіемъ цѣли и антиципаціей чувства, имѣющаго возникнуть вслѣдъ за ея достиженіемъ, которое всегда дѣлается людьми, непонятно было бы и предпочтеніе, оказываемое нашимъ нравственнымъ сознаніемъ дѣйствіямъ перваго рода. Все то поведеніе, которое мы признаемъ истинно моральнымъ, опредѣляется представленіемъ цѣли самой по себѣ. Неужели мать, жертвуя жизнью для спасенія ребенка, поступаетъ такъ потому, что заранѣе наслаждается тѣмъ удовольствіемъ, которое она вслѣдствіе этого испытаетъ? Неужели, еслибы она знала, что ея жертва не доставитъ ей наслажденія, она не бросилась бы къ нему на помощь? О, какъ возмутилась бы добрая женщина, еслибы ей сказали, что, отрекаясь отъ себя, она дѣлаетъ это только изъ за своего эгоистическаго стремленія къ счастью! И она была бы права. Пусть всякій приглядится къ глубинамъ своего духа и онъ пойметъ, что удовольствіе, хотя и является часто слѣдствіемъ добродѣтели, но есть ея результатъ, а не цѣль, результатъ, представленіе о которомъ часто не играетъ никакой роли въ ряду мотивовъ, опредѣляющихъ дѣйствіе.

2. Добродѣтель, по мнѣнію Бентама, заслуживаетъ уваженія лишь постольку, поскольку служитъ къ увеличенію нашихъ удовольствій; порокъ достоинъ наказанія только вслѣдствіе того, что онъ влечетъ за собою страданіе. То гнусное наслажденіе, которое испытываетъ злодѣй, совершивши звѣрское преступленіе, дурно лишь потому, что оно носитъ въ себѣ залогъ будущихъ непріятностей; еслибы оно не угрожало несчастіемъ, въ немъ не было бы ничего предосудительнаго. Здѣсь мы ви-

димъ, насколько возмутительно съ нравственной точки зрѣнія ученіе утилитаристовъ. Представимъ себѣ, что негодяй, измучившій жевщину, мать многочисленнаго семейства, и затѣмъ сжегшій ее на глазахъ ея дѣтей, настолько заглушилъ въ себѣ искру религіи и голосъ совѣсти, что послѣдняя его уже совершенно не мучитъ; допустимъ, далѣе, что онъ совершаетъ это преступленіе безъ свидѣтелей, или же въ такой странѣ, гдѣ по какому нибудь случаю, напримѣръ вслѣдствіе государственныхъ беспорядковъ, не дѣйствуютъ законы, а общество настолько испорчено, что не оплатитъ ему своимъ негодваніемъ. Неужели въ такомъ случаѣ преступленіе перестанетъ быть безнравственнымъ и то наслажденіе, которое извлечетъ изъ него злодѣй, будетъ добродѣтельнымъ? Утверждать это—значитъ совершенно расходиться съ постулатами нравственнаго сознанія человѣчества, игнорировать которое въ вопросахъ о добрѣ и злѣ было бы крайне не логично. Если же Бентамъ назоветъ этотъ поступокъ дурнымъ вслѣдствіе того, что онъ причинитъ страданія не самому злодѣю, а его жертвѣ и близкимъ къ ней лицамъ, то долженъ уже будетъ отказаться отъ принципа личнаго удовольствія и считать истинно нравственнымъ только такое дѣйствіе, которое направляется къ общечеловѣческому счастью. А между тѣмъ онъ придаетъ цѣнность поступкамъ, направленнымъ къ благу другихъ, лишь постольку, поскольку они совершаются по мотиву личнаго счастья, и считаетъ безнравственнымъ лишь то, что угрожаетъ личнымъ страданіемъ. Если же въ данномъ случаѣ ничего не пріятнаго для себя отъ истязанія своей жертвы злодѣй не ожидаетъ, то, слѣдовательно, онъ имѣетъ право причинять ей жесточайшія страданія и въ этомъ, съ точки зрѣнія утилитарной этики, не будетъ ничего безнравственнаго. Вообще, считать извѣстное поведеніе дурнымъ лишь постольку, поскольку оно сопровождается въ настоящемъ или ведетъ въ будущемъ къ личному неблагополучію,—это значитъ совершенно отрицать всякую нравственность и оправдывать то, что всѣмъ человѣчествомъ всегда признавалось отвратительнымъ и гнуснымъ. Весьма часто человѣкъ имѣетъ возможность поступать безнравственно, не опасаясь никакой отвѣтственности и зная навѣрное, что

это увеличить его благополучіе. Законъ караетъ далеко не всегда, общественное мнѣніе не всевѣдуще, не для всякаго дорого и не всегда справедливо, религія и совѣсть дѣйствуютъ только у людей не вполне падшихъ. Послѣдніе могутъ совершать всевозможныя преступленія, могутъ находить высшее наслажденіе въ страданіяхъ своихъ жертвъ, могутъ для своего удовольствія жечь ихъ на медленномъ огнѣ, вытягивать жилы и ломать ихъ кости, и они не только не заслужатъ порицанія, но, наоборотъ, должны вызвать въ насъ особенное уваженіе, какъ вполне послѣдовательные утилитаристы. Въ противоположность Бентаму мы не только не оправдываемъ тѣхъ преступленій, которыя сопровождаются удовольствіемъ, но и считаемъ ихъ самыми возмутительными актами человѣческой воли. Мы еще находимъ возможнымъ отвести съ снисходительно къ преступнику, который мучится о совершенномъ, постоянно терзается сердцемъ и страдаетъ (въ этомъ мы видимъ свидѣтельство сохранившейся въ немъ совѣсти и способности къ исправленію), но мы признаемъ извергомъ того, кто наслаждается своими злодѣяніями, съ удовольствіемъ вонзаетъ ножъ въ грудь жертвы и въ послѣдствіи не обнаруживаетъ никакого сожалѣнія о сдѣланномъ.

3. Для достиженія счастья, по мнѣнію Бентама, необходимо жертвовать мимолетными наслажденіями, могущими повлечь за собой страданія въ будущемъ. Изъ этого принципа должны бы были, повидимому, вытекать по крайней мѣрѣ добродѣтели умѣренности и аскетизма. Если утилитаризмъ безсиленъ оправдать альтруистическія обязанности по отношенію къ другимъ людямъ, то не можетъ ли онъ доказать необходимости обязанностей къ самому себѣ, которыя также входятъ въ область моральной оцѣнки. Но и на этотъ вопросъ мы должны отвѣтить отрицательно. Не говоримъ уже о томъ, что воздержаніе отъ чувственныхъ наслажденій и умѣренность въ пользованіи благами жизни, разъ они вытекаютъ не изъ принципа долга или любви къ людямъ, а изъ того же себялюбія, лишаются всякаго нравственнаго значенія и обращаются въ правила житейскаго благоразумія. Но и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ они едва-ли могутъ показаться обязательными для че-

ловѣка, ищущаго въ жизни только удовольствій. Свое счастье всякій понимаетъ по своему и старается достигнуть его своеобразнымъ способомъ. Одинъ предпочитаетъ умѣренную и покойную жизнь, тихія удовольствія, отсутствіе сильныхъ ощущеній. Другой желаетъ болѣе жгучихъ наслажденій, полного простора въ проявленіи страстей, постоянныхъ, другъ друга смѣняющихъ возбужденій, напряженія всѣхъ силъ и нервной системы. Пусть все это съ теченіемъ времени повлечетъ болѣзненное состояніе организма, быть можетъ, тоску, разочарованіе и горечь, но вѣдь во всякомъ случаѣ все это не уничтожитъ моментовъ уже испытанныхъ интенсивнѣйшихъ удовольствій, такъ что въ общемъ сумма счастья такого чловѣка будетъ не меньшею счастья умѣреннаго и аккуратнаго, а можетъ быть даже и больше. Тихія удовольствія дружеской бесѣды, семейной жизни, покойнаго отдыха, пріятнаго чтенія никогда не сравняются въ своей интенсивности съ тѣми наслажденіями, которыя можетъ дать, на примѣръ, половая любовь и другія страстныя порывистыя удовольствія, въ которыхъ даже присущій имъ элементъ страданія заключаетъ въ себѣ болѣзненную привлекательность. И если, съ одной стороны, возможно, что юноша, расточившій свои силы въ поговѣ за наслажденіями, въ старости пожалѣетъ, что не былъ воздержаннымъ и осмотрительнымъ, то не менѣе возможно и то, что старецъ приближающійся къ смерти, окинувши умственнымъ взоромъ всю свою прошлую жизнь, пожалѣетъ, что не пользовался въ свое время доступными наслажденіями и что не извѣдалъ всего того счастья, которое могъ бы извѣдать. Да это можно сказать не объ однихъ только старцахъ. Неужели люди, съ самой ранней юности привыкшіе обдумывать каждый свой шагъ, напередъ разсчитывать и взвѣшивать послѣдствія каждаго удовольствія, опасующіеся всякаго свободнаго проявленія чувства и влеченія, никогда не испытываютъ зависти при видѣ своихъ сверстниковъ, беззаботно черпающихъ изъ жизни наслажденія, берущихъ отъ нея все, что можно взять при помощи молодости, красоты и силы? Благодѣтельные мальчики, затѣмъ аккуратные юноши надѣются современемъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ воротить потерянное и возна-

градить себя за тотъ аскетизмъ, которому подвергались въ молодости. Но проходятъ года, слабѣетъ чувство жизни, пропадаетъ душевная свѣжесть и они убѣждаются, что теперь, если бы и захотѣли они не могли бы такъ наслаждаться жизнью, какъ наслаждается юность. Въ такія минуты представитель умѣренности и воздержанія, быть можетъ, пожалѣетъ, что былъ излишне благоразуменъ, и при взглядѣ на ликующую наслаждающуюся молодежь не безъ зависти подумаетъ, что лучше кратковременная, но исполненная жгучаго счастья жизнь, чѣмъ долговременное прозябаніе. Такимъ образомъ, и обязанности къ самому себѣ не могутъ быть выведены изъ утилитарнаго принципа.

4. По мнѣнію Бентама, дѣлая что либо для благо общества, мы тѣмъ самымъ служимъ своей собственной пользѣ, обезпечиваемъ себѣ наибольшую сумму счастья. Напротивъ, принося вредъ другимъ, мы необходимо потерпимъ его сами. Трудно повѣрить, чтобы это мнѣніе принадлежало трезвому реалисту мыслителю, до такой степени оно наивно и расходится съ показаніями всѣдневнаго опыта. Всякій, кто приглядывался къ жизни, знаетъ, какъ рѣдко принесенная нами обществу польза возвращается къ намъ въ той степени, въ какой потребовала отъ насъ жертвы. Конечно, если бы всѣ люди постоянно заботились другъ о другѣ и не полагали различія между своими и чужими интересами, условія жизни улучшились бы до такой степени, что мое благосостояніе, какъ и счастье всякаго другаго, было бы обезпечено. Но вѣдь на самомъ то дѣлѣ этого нѣтъ. Я хорошо сознаю, что отказавшись для общей пользы отъ своего личнаго счастья, я буду исключеніемъ или найду себѣ лишь очень немногихъ раздражателей. Большинство станетъ по прежнему жить для себя и не обнаружитъ ни малѣйшаго желанія вознаграждать меня за мою жертву. Такимъ образомъ, все раздавъ, я ничего не получу обратно и, слѣдовательно, останусь въ проигрышѣ. Ясно, что съ утилитарной точки зрѣнія всякая жертва есть глупость. Таковою и считаютъ ее дѣйствительные утилитаристы, не теоретики философы и моралисты, обыкновенно по жизни стоящіе выше своихъ убѣжденій, а практика, *на самомъ дѣлѣ* живущіе только для

собственного удовольствія. Они бы только посмѣялись надъ Бентамомъ, совѣтующимъ для достиженія личнаго счастья отрекаться отъ него въ пользу своихъ ближнихъ, и предпочли бы достигать своего благосостоянія другими болѣе вѣрными средствами. Такъ это и бываетъ въ дѣйствительности.

5. Во главѣ всякой этики должна стоять идея долженствованія или обязанности: въ противномъ случаѣ она сольется съ психологіей индивидуальной или коллективной, составивши ту ея часть, которая выясняетъ генезисъ и характеръ волевыхъ актовъ. Оставаясь строго послѣдовательнымъ, Бентамъ долженъ былъ бы дать намъ такую психологію явленій, называемыхъ нами нравственными, описывая ихъ и выясняя ихъ внутреннія причины. Такъ было бы въ томъ случаѣ, если бы сказавъ, что всѣ дѣйствія совершаются по мотивамъ удовольствія и страданія, онъ на этомъ остановился и не началъ указывать правилъ поведенія, которыми мы могли бы достигнуть наибольшей суммы счастья. На самомъ же дѣлѣ онъ разсуждаетъ о томъ, что мы *должны* дѣлать, какіе законы *должно* издавать правительство и т. д. Если и безъ этого всякій *необходимо стремится* къ счастью, то какое значеніе могутъ имѣть различныя доказательства, что къ нему *нужно* стремиться. Вся человѣческая жизнь управляется двумя верховными законами: жаждою удовольствія и отвращеніемъ отъ страданія. Они всегда станутъ опредѣлять человѣческую дѣятельность и никакія разсужденія, теоріи, усилія мысли и воли не могутъ измѣнить абсолютно-необходимаго характера человѣческаго поведенія. Утвержденіе эвдемонистовъ, что единственнымъ мотивомъ человѣческихъ дѣйствій является стремленіе къ наибольшему удовольствію приводитъ, такимъ образомъ, къ чистѣйшему моральному детерминизму, къ утвержденію, что все, что есть, есть, и инымъ быть не можетъ. Заботится ли человѣкъ о своемъ счастьи или повидимому не прилагаетъ къ этому никакихъ стараній, жертвуетъ ли онъ мимолетными удовольствіями для болѣе прочнаго блага или же сожигаетъ жизнь, какъ свѣчу съ обоихъ концовъ, предается ли онъ разврату или аскетизму, самоотреченію или эгоизму, милосердію или жестокости, онъ одинаково дѣйствуетъ

абсолютно необходимо, подчиняясь единственно возможному мотиву—стремленію къ удовольствію. Итакъ Бентамъ не имѣетъ права сказать, что человѣкъ *долженъ* стремиться къ наслажденію, не только потому, что такое стремленіе не имѣетъ нравственнаго характера, но и вслѣдствіе его внутренней безсмыслицы. Требованіе, чтобы кто либо поступалъ такъ, а не иначе съ точки зрѣнія утилитаризма такъ же странно, какъ желаніе, чтобы онъ дышалъ легкими, а не какимъ либо другимъ способомъ. Нельзя требовать, чтобы что нибудь было, если оно уже есть, и чтобы было не таково, если инымъ быть не можетъ. Какъ нелѣпо было бы обращенное къ человѣку требованіе: имѣй тѣло, существуй, такъ странно съ точки зрѣнія его собственнаго принципа и требованіе Бентама: стремись къ счастію.

Соглашаясь съ Бентамомъ въ томъ, что единственнымъ мотивомъ человѣческихъ дѣйствій служить стремленіе къ личному счастію и что только послѣднее желательно, какъ цѣль, а все прочее, какъ средство, (Милль „Утилитаризмъ“, пер. Невѣдомскаго. С.-П.-Б. 1882 г. стр. 18 и др.), Милль восполняетъ Бентама въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) въ различеніи удовольствій не по количеству только, но и по качеству (19—21 и въ утвержденіи неестественности для человѣка, испытавшаго высшія духовныя наслажденія, предпочитать послѣднимъ низшія, чувственныя (22—24); 2) въ признаніи высшею цѣлію дѣятельности не личнаго, а универсальнаго блага всѣхъ живыхъ существъ (28); 3) во взглядѣ на добродѣтель самопожертвованія и самоотреченія, какъ на средство достиженія удовольствія, которое, однакожь, вслѣдствіе привычки превращается въ самоцѣль, совпадая въ то же время съ однимъ изъ моментовъ счастія и являясь частію или элементомъ послѣдняго (стр. 83—84).

1. По мнѣнію Милля удовольствія могутъ различаться между собою не только количественно, но и качественно. „Я не вижу, говоритъ онъ, никакого противорѣчія утилитаріанскому принципу признать, что известнаго рода удовольствія болѣе желательны и цѣнны, чѣмъ удовольствія другого рода, а, напротивъ, было бы, по моему мнѣнію, совершенною нелѣпостью

утверждать, что удовольствія должны быть оцѣниваемы по ихъ количеству, тогда какъ при оцѣнкѣ всякаго другого предмета мы принимаемъ во вниманіе и количество и качество“ (ibid. стр. 20). Подъ качествомъ удовольствія Милль разумѣетъ то, благодаря чему изъ двухъ равныхъ по силѣ наслажденій одно признается всѣми, кто его испыталъ, болѣе цѣннымъ, чѣмъ другое (стр. 21). Въ виду того, что, не измѣняя своей точки зрѣнія, утилитаристъ не можетъ ввести въ свою систему понятіе долженствованія и доказать, почему человѣкъ *долженъ* предпочитать высшія удовольствія предъ низшими, Милль указываетъ только на фактъ, что всякій, кто испыталъ духовныя наслажденія, не можетъ не почувствовать ихъ превосходства надъ чувственными и отдавать предпочтеніе послѣднимъ. „Безспорно, что человѣкъ, равно испытавшій два удовольствія и равно способный цѣнить и пользоваться обоими, отдастъ предпочтеніе тому изъ нихъ, которое удовлетворяетъ высшимъ его потребностямъ. Мало найдется такихъ людей, которые бы ради полной чаши животныхъ наслажденій согласились бы промѣнять свою человѣческую жизнь на жизнь какого нибудь животнаго. Умный человѣкъ не согласится превратиться въ дурака, образованный въ невѣжду, чувствительный и честный въ себялюбиваго и подлаго“ (стр. 22)... „Лучше быть недовольнымъ человѣкомъ, чѣмъ довольной свиньею, недовольнымъ Сократомъ, чѣмъ довольнымъ дуракомъ. Дуракъ и свинья думаютъ объ этомъ иначе единственно потому, что для нихъ открыта только одна сторона вопроса, тогда какъ другимъ открыты для сравненія обѣ стороны“ (24). Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ Милля гораздо больше нравственнаго благородства, чѣмъ логической послѣдовательности и доказательности. Необходимость предпочтенія высшихъ удовольствій предъ низшими и даже преимущество первыхъ предъ послѣдними никакимъ образомъ не могутъ быть согласованы съ основнымъ принципомъ его этики. Духовныя, разумно нравственныя наслажденія лишь въ томъ случаѣ должны бы были признаваться болѣе обязательными для человѣка, если бы они были сильнѣйшими или еслибы мы оцѣнивали ихъ не съ точки зрѣнія эвдемонистическаго принципа, а руководствуясь другими, болѣе возвы-

шенными соображеніями. Первое невѣрно, второе несогласно съ основнымъ духомъ утилитаризма. Если единственнымъ мотивомъ человѣческой дѣятельности и единственнымъ критеріемъ нравственности должно быть признано только удовольствіе то, очевидно, человѣкъ долженъ заботиться лишь о его степени, не обращая вниманія на его качественное содержаніе. Если истязаніе ребенка мнѣ болѣе нравится, чѣмъ пожертвованіе собою для общаго блага, то съ точки зрѣнія утилитаризма нѣтъ никакихъ основаній предпочитать послѣднее первому. Дикарь, убившій своего друга, чтобы его саломъ вымазать себѣ сапоги, такъ же правъ, какъ и мученикъ за идею, жертвующій жизнью для блага человѣчества. Если же утилитаристъ скажетъ, что все же удовольствіе самопожертвованія выше наслажденія жестокостью, то въ противорѣчіе себѣ станетъ оцѣнивать явленія не по доставляемому ими наслажденію, а по какому-то высшему принципу. Для напряженности удовольствія самого по себѣ совершенно безразлично его качественное содержаніе. Что же касается мнѣнія Милля, что всякій извѣдавшій духовныя и чувственныя наслажденія, непременно остановится на первыхъ, то оно явно противорѣчитъ фактамъ. Мы знаемъ множество людей, которые, испытавши высшія удовольствія, не потеряли охоты къ низшимъ, а наоборотъ, отдавали предпочтеніе послѣднимъ. Надобно слишкомъ идеализировать человѣка, чтобы вѣрить, что разъ испытавши наслажденіе умственного труда или счастье благотворительности, онъ уже никогда не захочетъ извѣдать удовольствій чревоугодія, опьяненія или сладострастія. Не только обыкновенные люди, но и гении человѣческой мысли нерѣдко предпочитали духовнымъ радостямъ науки и добродѣтели, сознанію своей честности и исполненнаго долга,—комфортабельную жизнь, богатство и высокое общественное положеніе. Милль совершенно вѣрно замѣчаетъ, что никто не захочетъ перемѣнить высшее состояніе своей природы на низшее, хотя бы послѣднее и сопровождалось большимъ довольствомъ, но это зависитъ отъ того, что человѣкъ оцѣниваетъ явленія не съ точки зрѣнія удовольствія, а по какому то высшему принципу, признать который утилита-

ризмъ не можетъ. Если же человекъ руководствовался бы въ жизни только наслажденіемъ, то въ тяжкую минуту онъ не задумался бы превратиться въ свинью или идіота.

2. Ученіе Милля объ универсальномъ счастьи, какъ послѣдней цѣли нравственной дѣятельности, представляетъ огромный шагъ утилитарной этики на пути приближенія къ истинно-нравственному идеалу. Если его опредѣленіе добродѣтели, какъ стремленія къ общечеловѣческому счастью, и не вполне вѣрно, то во всякомъ случаѣ оно весьма близко къ истинѣ. Но оно не гармонируетъ съ общимъ духомъ эвдемонизма, что уже видно изъ его обоснованія у Милля. Мотивомъ къ пожертвованію своими интересами для общаго блага этотъ мыслитель признаетъ опять таки стремленіе къ своему собственному удовольствію. Такимъ образомъ, человекъ долженъ одновременно преслѣдовать *только личное наслажденіе* и жертвовать имъ для общаго блага ради того же индивидуальнаго удовольствія. Но что же дѣлать, если мое личное наслажденіе ни въ какомъ случаѣ не мирится съ пользою другихъ людей. Почему въ такомъ случаѣ я долженъ жертвовать имъ для универсальнаго счастья? Вѣдь послѣднее не можетъ доставить мнѣ наслажденія, а наслажденіе и есть та единственная цѣль, которая сама въ себѣ находитъ оправданіе, и тотъ мотивъ, который одинъ только является истинною причиною человѣческихъ дѣйствій. Въмѣсто того, чтобы показать, почему человекъ долженъ жертвовать своими удовольствіями для общаго блага, Милль разъясняетъ, почему онъ иногда ими жертвуетъ и можетъ жертвовать въ будущемъ, перенося, такимъ образомъ, рѣшеніе проблемы съ этической на психологическую почву. Человекъ, разсуждаетъ онъ, привыкаетъ отождествлять свои интересы съ интересами ближнихъ и мало по малу убѣждается, что, заботясь объ общемъ счастьи, жертвуя собою для другихъ, онъ вѣрнѣйшимъ образомъ обезпечиваетъ свое собственное благосостояніе. „Человекъ не можетъ не чувствовать себя въ необходимости воздерживаться, по крайней мѣрѣ, отъ самыхъ грубыхъ нарушеній интересовъ своего ближняго и, хотя бы изъ чувства самосохраненія, но онъ непременно протестуетъ противъ такихъ нарушеній. Отсюда

неизбѣжно вытекаетъ дѣйствіе сообща и цѣлью поступковъ человѣка, хотя на время, становится уже не индивидуальнѣй, а коллективный интересъ. При этомъ, хотя и временномъ дѣйствіи сообща цѣли человѣка отождествляются съ цѣлями другихъ и въ человѣкѣ возникаетъ сознаніе, что интересы ихъ могутъ быть и его личнымъ интересомъ. По мѣрѣ того, какъ общество растетъ и общественные узлы крѣпнѣютъ, растетъ и крѣпнѣетъ непосредственною силою опыта и личный интересъ каждаго индивидуума сообразовать свои поступки съ интересами другихъ; индивидуальныя стремленія все болѣе и болѣе отождествляются съ общимъ благомъ... Съ каждымъ годомъ по пути умственнаго прогресса постоянно усиливаются тѣ вліянія, которыя по самой природѣ своей тяготѣютъ возбудить въ каждомъ индивидуумѣ чувство единенія съ другими людьми и чувство это можетъ развиваться до такого совершенства, что для человѣка сдѣлается невозможнымъ не только желаніе, но и самая мысль о такомъ личномъ благѣ, которое въ то же время не было бы благомъ всѣхъ" (стр. 72—73). Однакожь едва ли надежда Милля когда нибудь оправдается на самомъ дѣлѣ. Въ настоящее же время очевидно, что если иногда интересы людей и совпадаютъ между собою, то въ большинствѣ случаевъ они расходятся и противорѣчатъ другъ другу. Известная истина, что построить свое счастье всего легче на несчастіи другихъ. Чувство общественной солидарности въ лучшемъ случаѣ заставитъ человѣка воздерживаться отъ грубѣйшихъ нарушеній чужихъ интересовъ, но дальше этого пойти не можетъ. Въ доказательство желательности для каждаго общаго счастья Милль приводитъ слѣдующее разсужденіе: что общее счастье желательно, на это можетъ быть только одно доказательство, что каждый человѣкъ желаетъ себѣ счастья, насколько считаетъ его для себя достижимымъ. Желаніе такого счастья есть фактъ; существованіе такого факта составляетъ полное доказательство того, что счастье есть благо, и если для каждаго человѣка его счастье есть благо, то общее счастье есть общее благо, и слѣдовательно, тотъ фактъ, что человѣкъ желаетъ себѣ счастья, составляетъ полное доказательство того, что счастье есть одна изъ цѣлей человѣческихъ

поступковъ, а стало быть и одинъ изъ критеріевъ нравственности“ (78). Легко замѣтить ту подмѣну понятій, которую допускаетъ въ приведенномъ разсужденіи Милль, смѣшивая желаніе всѣми людьми личнаго блага, съ желаніемъ каждымъ индивидуумомъ общаго блага. Изъ того, что каждый стремится къ личному счастью, ничего не слѣдуетъ кромѣ этого стремленія и никакимъ образомъ не можетъ быть выведена необходимость для индивидуума желать общаго блага и дѣйствовать сообразно съ этимъ желаніемъ.

3. Милль не могъ игнорировать того факта, что общечеловѣческое сознаніе всегда высоко цѣнило добродѣтель независимо отъ того, сопровождалась ли она увеличеніемъ общечеловѣческаго, а тѣмъ болѣе личнаго счастья, или нѣтъ. Онъ объясняетъ это обстоятельство привычкой, благодаря которой то, что цѣнилось сначала только, какъ средство, обратилось въ самоцѣль. Свою мысль онъ иллюстрируетъ такимъ примѣромъ. По существу деньги для насъ не болѣе желательны, чѣмъ какіе нибудь другіе блестящіе камешки. Главное ихъ достоинство въ нашихъ глазахъ состоитъ въ томъ, что на нихъ можно купить другія вещи, и слѣдовательно, если они составляютъ для насъ предметъ желанія, то не сами по себѣ, а какъ средство имѣть желаемое. Однако не только любовь къ деньгамъ какъ къ средству имѣть другія вещи, есть одинъ изъ главныхъ двигателей въ жизни человѣка, но мы нерѣдко видимъ, что деньги становятся предметомъ нашего желанія сами по себѣ и ради самихъ себя... Сильная привлекательность власти и славы заключается въ томъ, что они составляютъ могущественное средство для достиженія другихъ нашихъ желаній, и что тѣсная связь между ними и другими нашими желаніями даетъ имъ иногда такую привлекательность, что они сами по себѣ становятся главнымъ желаніемъ человѣка (81—82). „Добродѣтель есть такого же рода благо. Человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшаго побужденія, ни малѣйшаго желанія быть добродѣтельнымъ ради только того, чтобы быть добродѣтельнымъ: добродѣтель возбуждаетъ его желаніе только потому, что составляетъ средство получить наслажденіе и въ особенности устранить страданіе, и единственно вслѣдствіе своего

значенія, какъ средства къ достиженію счастья, можетъ она стать для человѣка сама благомъ, и даже наиболее желательнымъ, чѣмъ какое либо другое благо“ (стр. 84). Но приводимая Миллемъ аналогія на самомъ дѣлѣ совершенно не убѣдительна. Никто не любитъ денегъ самихъ по себѣ, а всякій цѣнитъ ихъ лишь постольку, поскольку видитъ въ нихъ средства для достиженія извѣстныхъ наслажденій. Когда скрага раскладываетъ предъ собою золотыя монеты и любитъ ими, онъ наслаждается не ими самими, а представленіемъ тѣхъ возможныхъ благъ, которыя онъ можетъ пріобрѣсти на нихъ, если захочетъ. Какъ справедливо замѣчаютъ критики миллевскаго утилитаризма, ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не сталъ бы любить денегъ и стремиться къ ихъ пріобрѣтенію, если бы вдругъ узналъ, что они потеряли въ государствѣ всякую цѣнность и обратились въ простыя блестящія вещицы или камешки. Слѣдовательно, никто не желаетъ денегъ какъ цѣли а всякій стремится къ нимъ только какъ къ средству. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится добродѣтель. Она представляется намъ чѣмъ то абсолютно цѣннымъ и именно сама по себѣ независимо отъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ ведетъ она относительно личнаго счастья.

Павелъ Лезитовъ.

Фридрихъ Ницше— „антихристъ“ въ новѣйшей философіи, Лоренца Фишера.

(Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцію М. Воскресенскаго).

(Продолженіе *).

Ницше—пророкъ о сверхчеловѣкѣ.

Ницше самъ мало-по-малу понялъ неудовлетворительность и неосновательность своей второй философской точки зрѣнія, состоящей въ томъ, что позитивная наука или познаніе должны быть высшею цѣлію стремленій человѣка. Поэтому Ницше, оставилъ и такой образъ мыслей и перешелъ на путь, который его болѣе удовлетворялъ. Здѣсь-то и начинается третья фаза въ развитіи его философіи.

Въ первомъ періодѣ своего умозрѣнія Ницше считалъ за высшій культурный идеалъ эстетическое чувство и созданное посредствомъ его искусство, въ особенности же трагедію; затѣмъ во второмъ періодѣ у него стоитъ на первомъ планѣ разумъ, свободное мышленіе и вытекающая отсюда позитивная наука, какъ преимущественное достоинствѣе человѣка и какъ конечная цѣль его жизни.

Но послѣ того, какъ Ницше призналъ несостоятельность обѣихъ этихъ точекъ зрѣнія и оставилъ ихъ, на чемъ еще онъ могъ бы остановить вниманіе? Тутъ оставалось одно: высшая сила духа человѣческаго—воля. И дѣйствительно, теперь онъ перенесъ спеціально на нее все свое вниманіе и восторгъ. Вотъ что онъ говоритъ на этотъ счетъ: нѣтъ „ничего болѣе отраднанаго на землѣ, кромѣ непреклонной, сильной воли;

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 7.

она есть ея прекраснѣйшее прозябеніе¹⁾. Потому-то, съ этихъ поръ у Ницше стоновится лозунгомъ слѣдующее положеніе: „Наше спасеніе заключается не въ познаніи, а въ дѣланіи!“ Вѣдь „и ты, познающій, только стезя и слѣдъ моей воли“²⁾, и „хотѣніе есть дѣланіе“.

Итакъ, воля выше познанія, а потому Ницше направилъ на нее все свое вниманіе.

Эта третья философская точка зрѣнія Ницше постепенно была проведена имъ въ двухъ сочиненіяхъ: „Утренняя заря“ (Morgenröthe—1881) и „Радостная наука“ (Fröhliche Wissenschaft—1882). Въ нихъ уже обнаруживается начинающійся поворотъ въ воззрѣніяхъ Ницше, переходъ отъ періода „познанія въ періодъ хотѣнія“ и „созиданія“, отъ рационалистически-моральной фазы въ „сверхморальную“. Однако полное выраженіе послѣдняя точка зрѣнія получила въ главномъ произведеніи Ницше: „Такъ говоритъ Заратустра“ (Also sprach Zarathustra—1883 и 1884), за которымъ въ качествѣ дополненія слѣдовали сочиненія: „По ту сторону добра и зла“ (Jenseits von Gut und Böse—1886), „Генеалогія морали“ (Zur Genealogie der Moral, 1887), „Сумерки кумировъ, или какъ философствуютъ съ молоткомъ“ (Götzendämmerung oder wie man mit dem Hammer philosophirt—1889) Ницше самъ называлъ сочиненіе—„Заратустра“ своимъ лучшимъ произведеніемъ и увѣрялъ, что „онъ далъ человѣчеству глубокомысленнѣйшую книгу, какую только оно имѣетъ“³⁾. Поэтому его ученики видѣли въ ней свою „библію“ и самаго „Заратустру“ Ницше считали ея величайшимъ пророкомъ,—тайнозрителемъ и провозвѣстникомъ новаго лучшаго будущаго. Здѣсь Заратустра, очевидно, представляетъ самаго Ницше, а съ основателемъ древне-персидской религіи имѣетъ только общее имя⁴⁾.

1) W. W. VI, 408.

2) W. W. VI, 168.

3) Werke, VIII, 165.

4) Ницше обезьянчаетъ въ этой книгѣ, подражая Священному Писанію Новаго Завета. Онъ выставляетъ Заратустру, какъ новаго искупителя и влагаетъ въ его уста многія изреченія Христа, но въ извращенномъ видѣ, переодѣланномъ согласно его взглядамъ. Однако какая громадная разница между возвышенной личностію Христа, Его образомъ дѣйствій, какъ изображаютъ ихъ евангелія, и Заратустрой Ницше съ его ученіемъ! Они отстоятъ другъ отъ друга, какъ небо

Тутъ, прежде всего, возникаетъ вопросъ: какъ Ницше пришелъ къ своей Заратустровой мудрости, или къ „философiи воли“?

Естественно опять, подъ влiянiемъ личныхъ, индивидуальныхъ настроенiй и побужденiй, ибо онъ былъ болѣе личнымъ, индивидуальнымъ, субъективнымъ философомъ, какой когда либо былъ. Поэтому онъ и представляетъ кульминационную точку новаго антихристiанскаго мiросозерцанiя, основной характеръ котораго составляютъ также индивидуализмъ и субъективизмъ.

Теперь спрашивается, изъ какого субъективнаго настроенiя вытекала у Ницше его „мудрость—Заратустра“?

Ницше былъ отъ природы тѣлесно и духовно крѣпкимъ, но все-таки, со времени его добровольной лазаретной дѣятельности въ нѣмецко-французскую войну, его часто терзала въ семидесятихъ и восьмидесятихъ годахъ мучительная головная боль, мигрень. Такъ какъ теперь это страданiе сильно тормозило его умственную работу, то онъ противостоялъ ему всею своей физической и психической силой, стараясь преодолѣть его, и такимъ образомъ, завоевать себѣ полное неослабное здорье. Такъ годами боролся онъ съ самимъ собою, до конца истощая свою силу воли ради здоровой и полной силъ жизни. Теперь онъ цѣнилъ здорье, какъ высшее благо, потому что именно частое недомоганiе такъ мучительно отзывалось на немъ. Такимъ образомъ вышло, что его мысли преимущественно направились на проблему жизни. Вотъ изъ этой именно проблемы онъ и исходилъ въ своей третьей философской точкѣ зрѣнiя, конечно, не высказывая и не выдвигая этого ясно и отчетливо въ своихъ сочиненiяхъ. Дѣло въ томъ, что Ницше былъ даровитымъ, но не систематическимъ умомъ, и менѣе всего систематическимъ въ своемъ способѣ изложенiя, который вращался только въ безсвязныхъ афоризмахъ. Однако этимъ еще не сказано, что и его идеи сами по себѣ не имѣли никакой связи,—тогда онъ вовсе не былъ бы ученымъ мыслителемъ—философомъ; но онъ лишь не давалъ себѣ труда, при отъ земли! Поэтому, только величайшiй глупецъ можетъ предпочитать Заратустру—Ницше и его мудрость—Христу Спасителю и Его евангелiю.

составленіи своихъ сочиненій, въ особенности вслѣдствіе головной боли, развивать свои мысли систематически.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ при уясненіи философіи многое, почти все зависитъ отъ пониманія ея внутренней связи, то я самъ могу взять на себя трудъ восстановить систематически—цѣлое изъ его мыслей, разсыянныхъ повсюду въ его сочиненіяхъ, какъ я уже сдѣлалъ выше относительно первой и второй фазы его философскаго развитія.

Уже выше было замѣчено, что Ницше въ своемъ третьемъ періодѣ исходилъ изъ факта здоровой жизни, къ чему его привело тогда почти постоянное болѣзненное состояніе. Съ горячей страстью тосковалъ онъ по здоровью, потому что, какъ онъ самъ говоритъ, „издавна онъ любилъ только жизнь“¹⁾—здоровую жизнь. Поэтому онъ воодушевленно взывалъ: „О жизнь, недавно я смотрѣлъ въ твои очи. Я видѣлъ, что въ твоихъ глазахъ черныхъ, какъ ночь, блистаетъ золото,—мое сердце замерло предъ такимъ сладострастіемъ“²⁾.

И поэтому онъ громко заявлялъ въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи: „Во время меланхоліи“, что „онъ жаждетъ жизни, жизни, жизни!“

А такъ какъ жизнь протекаетъ на землѣ, то онъ любилъ пылкой любовью и эту послѣднюю³⁾. Поэтому ему были ненавистны „презиратели міра“, утомленные міромъ“, „порицатели міра“, „дѣтяти земли“, и ему хотѣлось бы высѣчь ихъ розгами⁴⁾, потому что они „имѣютъ злобный взлядъ на эту землю“⁵⁾. Для него земля—божественная трапеца⁶⁾.

Поэтому онъ и любитъ только радостныхъ и смѣющихся. Такъ, онъ говоритъ устами Заратустры: „Вотъ вѣнецъ веселыхъ, вотъ корона—вѣнокъ изъ розъ: я самъ увѣнчалъ себя этой короной, я самъ священнодѣйственно возглашалъ свой смѣхъ... Но отучитесь вы у меня отъ жалобъ на горькую судьбу и отъ всякой печали, которая свойственна черни“⁷⁾.

1) Zaratustra. Werke VI, 158.

4) Ibidem.

2) Zaratustra, W. W. VI, 328.

5) W. W. VI, 427.

3) W. W. VI, 302.

6) W. W. VI, 336.

7) Здѣсь Ницше выступаетъ рѣзкимъ противникомъ своего прежняго

Изъ этого сильнаго энтузіазма нашего философа въ отношеніи къ свѣтлой, радостной земной жизни выросла его философская рефлексія, и онъ поставилъ вопросъ: въ чемъ заключается сущность жизни? какова—ея главная тенденція?

И его отвѣтъ гласитъ: „прежде всего, что бы то ни было живое, все это хочетъ израсходовать свою силу“ ¹⁾. „Жизнь есть въ существѣ дѣла присваиваніе, поврежденіе, порабощеніе чужого и болѣе слабого, угнетеніе, жестокость, навязываніе собственныхъ формъ, присоединеніе и, по меньшей мѣрѣ, эксплуатация“, коротко сказать: „жизнь есть воля къ власти“ ²⁾.

Да, неисчерпаемая, производящая воля къ жизни есть воля къ власти ³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ я находилъ жизнь, тамъ я находилъ желаніе власти, и даже въ волѣ служащаго я находилъ желаніе быть господиномъ. Пусть слабѣйшій служить сильнѣйшему. Къ этому побуждается все живущее своею волей, которая желаетъ быть господиномъ надъ слабѣйшимъ еще болѣе: и безъ этого удовольствія живущее не можетъ обойтись. Подобно тому, какъ меньшее подчиняется большому, чтобы послѣднее находило въ немъ удовольствіе и имѣло надъ нимъ власть,—такимъ же образомъ и большее покоряется и ради власти рискуетъ жизнью“ ⁴⁾.

Благодаря такому воззрѣнію, Ницше вышелъ изъ подвліянія своего прежняго учителя философіи Шопенгауера. Этотъ послѣдній училъ, что сущность всѣхъ вещей есть воля къ жизни. А Ницше говоритъ: нѣтъ; тотъ не попалъ въ истину, кто выстрѣлилъ въ нее выраженіемъ: „воля къ жизни“, этой воли нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего нѣтъ, то не можетъ хотѣть; но что существуетъ, какъ можетъ еще оно хотѣть бытія! Только гдѣ есть жизнь, тамъ есть и воля: но не воля къ жизни, а, какъ я учу, воля къ власти. Мірѣ, разсматриваемый

любимца-философа Шопенгауера, который всегда направлялъ изоръ на горечь жизни, презиралъ и міръ, и жизнь, вслѣдствіе чего училъ людей отрицать волю къ жизни. Стало быть, въ то время, какъ Шопенгауеръ былъ крайнимъ пессимистомъ, его прежній ученикъ Ницше съ теченіемъ своего философскаго развитія сдѣлался величайшимъ оптимистомъ.

1) *Jenseits von Gut und Böse*. Leipzig, 1886, S. 17.

2) *Jenseits von Gut und Böse*. S. 229, 230.

3) *Zarathustra*, W. W. VI, 166.

4) *Zarathustra*. W. W. VI, 168.

въ своемъ основаніи, міръ опредѣляемый и обозначаемый по его „интеллектуальному характеру“—это именно есть воля къ власти и больше ничего.

Итакъ, вотъ каковъ космическій и жизненный принципъ Ницше. Отсюда теперь онъ извлекаетъ дальнѣйшія свои заключенія.

Воля къ власти, рассматриваемая ближе, есть не что иное, какъ воля къ жизни, пока она еще здорова,—имманентное стремленіе къ дальнѣйшему и болѣе широкому развитію, къ высшему образованію. „Да, жизнь хочетъ созидать себя вверхъ столбами и ступенями, жизнь хочетъ восходить и восхода преодолѣвать себя“.

Доказательствомъ этого, по Ницше, служить образованіе вселенной. Она прошла чудовищно необъятный процессъ развитія. Изъ первоначальнаго газообразнаго состоянія матерія перешла въ жидкое состояніе, а затѣмъ въ твердое состояніе неорганическихъ тѣлъ. Изъ неорганическихъ тѣлъ потомъ мало-по-малу образовались органическія и, конечно, прежде всего въ простѣйшихъ формахъ, а тамъ изъ низшихъ растений возникли высшія и изъ эгихъ—наивысшія. Изъ растений развились далѣе животныя, также первоначально въ простѣйшихъ видахъ, которые затѣмъ, въ теченіе тысячелѣтій, восходили къ все высшимъ родамъ путемъ естественнаго подбора,—вплоть до челоѣкообразныхъ обезьянъ. И обезьяны мало-по-малу усовершенствовались, а отсюда уже съ теченіемъ времени развивается челоѣкъ—челоѣкъ въ примитивномъ состояніи: грубый естественный челоѣкъ. Этотъ челоѣкъ позже возвышается до культурнаго челоѣка, который опять прошелъ длинный рядъ степеней образованія.

Итакъ, Ницше исключительно и рабски сталъ слѣдовать въ своемъ міросозерцаніи принципу абсолютнаго развитія всѣхъ вещей, крайнему дарвинизму, хотя онъ отчасти и смотрѣлъ черезъ плечо на основателя его: онъ причисляетъ Дарвина къ посредственнымъ умамъ наряду съ его двумя другими земляками, Д. Стюартомъ Миллемъ и Г. Спенсеромъ, по ихъ незначительности въ наукѣ. Конечно, они не были такъ высокопарны въ области фантазіи, какъ Ницше.

Сообразно съ сказаннымъ, мѣръ во всей своей совокупности представляетъ мощно возрастающую жизнь. Ея главная тенденція состоитъ въ томъ, чтобы преодолевать низшія ступени бытія и все выше взбираться. Сокровеннѣйшимъ жизненнымъ нервомъ ея является стремленіе къ раскрытію силы, все болѣе широкому и къ увеличенію крѣпости.

Но если это такъ, то въ такомъ случаѣ останется ли человѣкъ на своей теперешней ступени бытія и культуры? Если жизнь до сихъ поръ производила все высшіе роды, то должно ли это естественное стремленіе прекратиться вмѣстѣ съ родомъ человѣка?

На это Ницше возражаетъ: нѣтъ, трижды нѣтъ, ибо это было бы противно прежнему теченію развитія міра, было бы противно „смыслу земли“. Но какъ изъ неорганическаго возникло органическое, изъ растений животное и изъ животнаго человѣкъ, homo sapiens: такъ изъ обычнаго человѣка долженъ образоваться „высшій человѣкъ“ и изъ этого послѣдняго „сверхчеловѣкъ“. Разсмотримъ дѣло ближе.

Нынѣшніе люди, по Ницше, почти сплошь и рядомъ заурядные и во многихъ отношеніяхъ низкіе люди. Дѣло въ томъ, что, вопреки новѣйшему культурному прогрессу въ различныхъ областяхъ жизни, и при томъ въ самое послѣднее время, Ницше думаетъ, будто люди, несмотря на это, въ настоящее время впали въ *décadence*, клонятся къ полному упадку. Ему казалось, что онъ наблюдаетъ упомянутое явленіе вездѣ, и это причиняло ему величайшее огорченіе ¹⁾. Поэтому онъ усматривалъ высшую задачу своей собственной жизни въ томъ, чтобы бороться всѣми силами ума противъ этого упадка въ человѣческой культурѣ и его причинъ и призывать грубымъ звукомъ къ облагороженію, подъему и возвышенію типа „человѣкъ“. Въ самомъ дѣлѣ, думаетъ онъ, если бы упадокъ и ухудшеніе въ характерѣ европейскаго культурнаго человѣка такъ продолжался безъ задержки, въ такомъ случаѣ конечнымъ результатомъ былъ бы: „послѣдній человѣкъ“, который не былъ бы способенъ болѣе ни къ чему великому. Этому человѣку онъ изображаетъ слѣдующимъ образомъ:

¹⁾ Zarathustra W. W. VI, 421.

Увы! Настанетъ время, когда человѣкъ не произведетъ уже ни одной звѣзды. Увы. Настанетъ время презрѣннѣйшаго человѣка, который уже не въ состоянїи презирать самого себя.

Смотрите! Я показываю вамъ послѣдняго человѣка.

Что такое любовь? Что такое творчество? Что такое страсть? Что такое звѣзда?—такъ вопрошаетъ послѣднїй человѣкъ и и мигаетъ глазами.

Земля стала маленькой, и по ней прыгаетъ послѣднїй человѣкъ, который дѣлаетъ все малымъ. Его родъ неуничтожимъ, какъ родъ земляной блохи; послѣднїй человѣкъ живетъ наибольше.

Мы нашли счастье,—говорятъ послѣднїе люди и мигаютъ глазами.

Они покинули страны, гдѣ жить было тяжело; ибо они нуждаются въ теплѣ. Любятъ еще сосѣда, трутся возлѣ него, ибо нуждаются въ теплотѣ.

Быть больнымъ и недоувѣрчивымъ у нихъ считается грѣхомъ: они ходятъ осмотрительно. Глупецъ тотъ, кто еще спотыкается на камни или на людей!

По временамъ немного яду: это производитъ прїятные сны. И много яду въ концѣ концовъ для прїятной смерти.

Они еще трудятся: трудъ есть развлеченїе. Но они заботятся, чтобы развлеченїе не утомляло.

Нѣтъ болѣе ни бѣднаго, ни богатаго: и то, и другое слишкомъ стѣснительно. Кто желаетъ еще господствовать? Кто повиноваться? И то, и другое слишкомъ затруднительно.

Нѣтъ пастыря, одно лишь стадо! Всякій стремится къ равенству, всѣ равны: кто иначе чувствуетъ, тотъ добровольно отправляется въ домъ умалишенныхъ.

„Нѣкогда весь мїръ былъ сумасшедшимъ“,—говорятъ наиболѣе эlegantные и мигаютъ глазами.

Они мудры и знаютъ все, что произошло, поэтому они смѣются безъ конца. Они еще ссорятся, но скоро примиряются, иначе это разстроило бы желудокъ.

Немножко удовольствїя для дня и немножко для ночи: они почитаютъ здоровье.

Мы нашли счастье,—говорятъ послѣдніе люди и мигають глазами ¹⁾).

Философъ Ницше чувствовалъ величайшее омерзение къ этому „послѣднему человѣку“; ибо какъ самъ онъ былъ пристрастенъ ко всему великому, могущественному, сильному, возвышенному, высочайшему,—такъ хотѣлъ видѣть и людей всегда великими, всегда могущественными, всегда сильными, всегда высшими.

Поэтому онъ мучился мыслями о появленіи „высшаго человѣка“ и ставилъ себѣ вопросъ: что дѣлать, чтобы воспитать такого человѣка? Исторія, говоритъ онъ, даетъ на это отвѣтъ: именно „исторія возникновенія аристократическаго общества“. Дѣйствительно, высшіе люди—это истинные аристократы, подлинно именитые люди, настоящіе философы. Но чему учить насъ вышеупомянутая исторія?

„Разкажемъ себѣ безъ боли“, отвѣчаетъ Ницше, „какъ на землѣ до сихъ поръ начиналась каждая высшая культура! Люди съ непочатыми еще силами, варвары съ трусливымъ недалекимъ умомъ, хищники, при обладаніи непреклонной силой воли и властолюбіемъ, бросались на расы слабѣйшія, болѣе облагороженныя, болѣе жирныя, въ своемъ родѣ промышленно-торговья или ското-промышленныя, или на отживающія культуры, въ которыхъ вспыхивала именно послѣдняя жизненная сила въ блестящихъ фейерверкахъ духа и виѣсть съ тѣмъ обнаруживалось внутреннее разложеніе. Передовая каста всегда была первоначально варварской кастой“ ²⁾).

Такъ было нѣкогда. А теперь? И теперь такъ же должно быть, если надлежитъ высшимъ людямъ возникать и являться въ мірѣ; но все постепенно усовершенствуется, все постепенно одухотворяется! Въ самомъ дѣлѣ, человѣчество становится съ теченіемъ времени болѣе утонченнымъ, болѣе одухотвореннымъ. Поэтому „высшіе люди“ должны быть, по Ницше, не столько людьми физической силы, сколько незаурядными людьми ума, они должны быть философами.

¹⁾ Zarathustra, W. W. VI. 19 f

²⁾ Jenseits, S. 227.

Но истинные, настоящие философы, не простые „работники въ области философіи“, какихъ теперь весьма много.

Они и не простые скептики! ибо „скепсисъ есть наилучшее выраженіе того извѣстнаго сложнаго фیزیологическаго состоянія, которое въ обыденной рѣчи называется нервной слабостію и болѣзненностію“ ¹⁾).

Они и не простые критики! ибо „критики только орудія, которыми пользуется философъ, и именно потому, что они орудія, имъ самимъ далеко до философа!

Да и самъ великій китаецъ изъ Кенигсберга былъ только великимъ критикомъ ²⁾. Во всякомъ случаѣ, по Ницше, и истинные философы должны быть критиками, но не въ этомъ только дѣло: они должны быть еще творцами, иначе они уподобятся „старымъ дѣвамъ“, которыя бесплодны и дурны, а потому завистливы и злобны ³⁾).

„Настоящіе философы“, увѣраетъ Ницше,—„повелители, законодатели: они говорятъ: такъ должно быть! они заранѣе опредѣляютъ предназначеніе и цѣль человѣка и распоряжаются при этомъ предварительной работой всѣхъ философовъ—работниковъ. Они налаживаютъ творческую руку на будущее, и все, что есть и было, служитъ имъ въ этомъ случаѣ средствомъ, орудіемъ, молотомъ. Ихъ познаніе—творчество, ихъ творчество—законодательство, ихъ стремленіе къ истинѣ—воля къ власти“ ⁴⁾).

Таково было понятіе Ницше объ истинныхъ философахъ, первыхъ представителяхъ „высшаго человѣка“, истинно „именитыхъ“, аристократахъ по духу.

Но и на этихъ послѣднихъ, по Ницше, не должно останавливаться: изъ нихъ долженъ произойти „сверхчеловѣкъ“. И вотъ это именно было высшимъ культурнымъ идеаломъ нашего философа.

Поэтому онъ взываетъ съ напыщенностію: „Я учу васъ о сверхчеловѣкѣ. Человѣкъ есть нѣчто такое, что должно усту-

¹⁾ Jenseits, S. 145.

²⁾ Jenseits, S. 140.

³⁾ Jenseits, S. 152.

⁴⁾ Jenseits, S. 154.

пить мѣсто вышнему. Но что вы сдѣлали, чтобы стать выше его?

До сихъ поръ всё существа создавали нѣчто, что превосходило ихъ, а вы хотите быть отливомъ этой волны и предпочитаете возвратиться въ состояніе животнаго, чѣмъ стать выше-человѣка?

Что такое обезьяна по сравненію съ человѣкомъ? Посмѣшище или мучительный позоръ. И именно этимъ долженъ быть-человѣкъ для сверхчеловѣка: посмѣшищемъ или мучительнымъ позоромъ.

Вы прошли путь отъ червя до человѣка, но многое въ васъ еще осталось отъ червя. Нѣкогда вы были обезьянами, и теперь еще человѣкъ—болѣе обезьяна, чѣмъ любая изъ обезьянъ.

Даже мудрѣйшій изъ васъ есть только разладъ и гермафродитъ между растеніемъ и призракомъ. Но развѣ я указываю-вамъ сдѣлаться растеніями или призраками?

Смотрите, я учу васъ о сверхчеловѣкѣ!

Этотъ сверхчеловѣкъ есть смыслъ земли. Пусть ваша воля придетъ къ такому рѣшенію: сверхчеловѣкъ есть смыслъ-земли“¹⁾).

Этими словами Ницше полагаетъ основаніе своему ученію о сверхчеловѣкѣ. Какъ животныя развивались отъ червя до обезьяны, и обезьяна преобразовывалась въ человѣка, и какъ изъ низшихъ людей происходили высшіе, мудрые: такъ и эти послѣдніе въ свою очередь должны переродиться въ сверхчеловѣка. Это было „величайшей мыслию и величайшей надеждой“ Ницше²⁾).

„Человѣкъ есть канатъ, говоритъ онъ, связывающій животное и сверхчеловѣка,—канатъ надъ бездною. Опасно—оступиться, опасно—на пути, опасна оглядка, опасна дрожь и остановка. Велико въ человѣкѣ именно то, что онъ есть мостъ, но не цѣль; достойно любви въ человѣкѣ то, что онъ—переходная и послѣдняя ступень...

Я люблю тѣхъ, которые не только ищутъ основанія за звѣздами, чтобы погибнуть и стать жертвой, но и тѣхъ, которые

¹⁾ Zarathustra, W. W. VI, 13.

²⁾ Zarathustra, W. W. VI. 68.

приносятъ себя въ жертву, чтобы земля когда нибудь сдѣлалась землею сверхчеловѣка.

Съ этой точки зрѣнія, стало бытъ, человѣкъ самъ по себѣ не есть цѣль, но только средство для цѣли: онъ долженъ вполнѣ привосить себя въ жертву землѣ, чтобы впослѣдствіи возникъ сверхчеловѣкъ. Пока еще, по Ницше, никогда не было сверхчеловѣка; но онъ явится: ибо въ немъ заключается цѣль мірового развитія; онъ есть „смысль земли“. И такъ какъ люди, полагаютъ Ницше, по крайней мѣрѣ, большинство образованныхъ оставили вѣру въ Бога, то въ качествѣ наивысшаго идеала остается сверхчеловѣкъ. Этотъ послѣдній, стало бытъ, долженъ занять мѣсто умершаго Божества. Послушаемъ объ этомъ самого Ницше:

„Прежде говорили: „Богъ“, когда смотрѣли въ морскую даль, но теперь я учу васъ говорить: сверхчеловѣкъ.

Богъ есть предположеніе; но я хочу, чтобы ваше предположеніе не простиралось дальше, чѣмъ ваша творческая воля.

Можете ли вы создать Бога? Такъ молчите вы у меня о всѣхъ богахъ! Но вы можете создать сверхчеловѣка.

Быть можетъ, не вы сами, мои братья. Но вы можете пересоздать себя въ отцовъ и предковъ сверхчеловѣка: и это ваше наилучшее дѣяніе!...

Но я вполнѣ открою вамъ, друзья, мое сердце: если есть боги, то какъ я могъ бы утверждать, что нѣтъ Бога! Слѣдовательно, нѣтъ боговъ.

Я вывелъ заключеніе и увлекаюсь имъ“. Прекрасное заключеніе выводитъ здѣсь Ницше!! Конечно, оно настолько цѣнно, чтобы быть патентованнымъ!

Конечно, народъ, или „чернь“, какъ Ницше обыкновенно его называетъ, все еще держится вѣры въ Бога и эта чернь вовсе не произведетъ „высшихъ людей“, пока говорятъ:

„Нѣтъ высшихъ людей, мы всѣ равны, человѣкъ есть человѣкъ, предъ Богомъ—мы всѣ равны!“ На это Ницше возражаетъ:

„Предъ Богомъ!—Но умеръ этотъ Богъ. Предъ толпой мы не хотимъ быть равными. Вы, высшіе люди, идите прочь съ рынка.

Съ тѣхъ поръ, какъ Онъ въ могилѣ, вы опять воскресли. Только теперь наступаетъ великій полдень, теперь только высшій человѣкъ сдѣлается господиномъ!

Поймите эту рѣчь, о братья мои! Это головокружительно для вашихъ чувствъ, и вы испугались? Зіаегъ предъ вами здѣсь пропасть? Или на васъ лаетъ Церберъ?

Ну! ладно! Вы высшіе люди! Окружите гору человѣка будущаго. Богъ умеръ: теперь мы хотимъ, чтобы жилъ сверхчеловѣкъ“¹⁾).

Итакъ, сообразно съ этой философіей сверхчеловѣкъ у высшихъ людей долженъ занимать мѣсто Бога.

Что теперь слѣдуетъ понимать, по Ницше, подъ этимъ сверхчеловѣкомъ? Отдѣльная ли это личность, могучій исключительнаго характера богатырь, который могъ бы появиться не сегодня—завтра, или весь родъ, вся порода?

Допустимъ послѣднее; ибо Ницше всегда говоритъ о возвышеніи человѣческаго рода. Конечно, эта новая высшая порода, которая должна превзойти теперешняго человѣка, прежде всего должна была бы явиться въ одномъ или нѣсколькихъ выдающихся экземплярахъ. Изъ нихъ разрослась бы новая порода сверхчеловѣка. „Какъ говорятъ о человѣкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ думаютъ о существѣ, о родѣ человѣка,—такъ Ницше говоритъ о сверхчеловѣкѣ, какъ о породѣ, превзошедшей человѣка. Какъ изъ животнаго возникъ человѣкъ, такъ изъ человѣка долженъ возникнуть сверхчеловѣкъ, и какъ человѣкъ превосходитъ животное, такъ и сверхчеловѣкъ долженъ стоять выше человѣка“²⁾).

Но спрашивается: какимъ образомъ появится этотъ сверхчеловѣкъ?

Ницше отвѣчаетъ: путемъ естественнаго подбора подобно тому, какъ изъ животнаго посредствомъ естественнаго подбора образовался человѣкъ. Но въ чемъ будетъ состоять естественный подборъ? Какое средство здѣсь было бы болѣе подходящимъ? Ницше замѣчаетъ: „Разсматривая очень внимательно и добросовѣстно вопросъ, гдѣ и при какихъ условіяхъ выросло всего выше растеніе—„человѣкъ“, думаемъ, что это произошло среди разныхъ превратностей и что чѣмъ болѣе увеличивалась опасность его положенія, тѣмъ болѣе развивались подѣ

¹⁾ Zarathustra W. W. VI, 417 f.

²⁾ Horneffer E. Vorträge über Nietzsche, 1900, Göttingen, S. 43.

долгимъ давленіемъ и гнетомъ, пріобрѣтая остроту и смѣлость, его изобрѣтательность и мыслительныя способности (его „духъ“), а вмѣстѣ съ тѣмъ и его воля къ жизни должна была возрасти до неограниченной воли къ власти. Мы думаемъ, что жестокость, насиліе, рабство, опасность физическая и нравственная, скрытность, стоицизмъ, шарлатанство и всевозможная дьявольщина, какъ и все злое, страшное, тираническое хищническое и змѣиное въ человѣкѣ,—благопріятствуетъ возвышенію породы „человѣкъ“, какъ его контрастъ¹⁾.

Вотъ вкратцѣ—главныя средства, чрезъ которыя, по мнѣнію Ницше, высшіе люди должны произвести сверхчеловѣка. Но разсматривая эти средства, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ: дѣйствительны ли они и позволительны ли въ нравственномъ отношеніи. Тутъ мы подошли къ важному пункту: въ какомъ отношеніи къ морали, по мнѣнію Ницше, стоятъ высшіе люди и далѣе сверхчеловѣкъ?

Что касается прежде всего источника морали вообще, то онъ, по мнѣнію Ницше, находится пожалуй, въ самомъ человѣкѣ. По этому поводу онъ замѣчаетъ: „Поистинѣ, люди создали себѣ все доброе и злое. Поистинѣ, они не позаимствовали его, они не нашли его, оно не упало къ нимъ, какъ голосъ съ неба. Впервые именно человѣкъ придалъ вещамъ такую или иную цѣнность, чтобы спасти себя этимъ,—онъ впервые сообщилъ смыслъ вещамъ, человѣческой смыслъ! Поэтому онъ называется „человѣкомъ“, то есть, оцѣнщикомъ.“

Оцѣнивать значитъ создавать: слушайте вы, созидающіе! Оцѣнка сама по себѣ это драгоцѣнное сокровище среди всѣхъ оцѣненныхъ вещей. Только благодаря оцѣнкѣ, впервые открывается цѣнность; а безъ оцѣнки зерно бытія было бы пусто²⁾.

Теперь, какъ на самомъ дѣлѣ возникли въ исторіи человѣчества моральныя оцѣнки или оцѣночныя сужденія?

На это Ницше отвѣчаетъ: „Еще въ самую раннюю эпоху исторіи—ее называютъ доисторической—каждый поступокъ оцѣнивался по его послѣдствіямъ; при этомъ, поступокъ самъ по себѣ принимался въ соображеніе столь-же мало, какъ его“

¹⁾ Jenseits, S. 58 f.

²⁾ Zarathustra, W. W. VI, 85 f.

происхождение, подобно тому, какъ теперь еще въ Китаѣ отличіе или позоръ дѣтей падаютъ и на родителей. Здѣсь сказывалась обратно дѣйствующая сила успѣха или неуспѣха, и люди считали извѣстный поступокъ хорошимъ или дурнымъ по его хорошимъ или дурнымъ послѣдствіямъ. Назовемъ этотъ періодъ до моральнымъ періодомъ человѣчества: императивъ— „познай самого себя“! былъ тогда еще неизвѣстенъ. Въ послѣднія десять тысячелѣтій, напротивъ, въ большей части земной поверхности шагъ за шагомъ люди зашли такъ далеко, что оцѣниваютъ поступки не по ихъ слѣдствіямъ, а по ихъ происхожденію. Смотрѣтъ на важное событіе какъ на нѣчто цѣлое, разсматривать его съ необыкновенною проницательностію, прилагая къ нему болѣе точный масштабъ, въ чемъ видно вліяніе господства аристократическихъ оцѣнокъ и вѣры въ „происхожденіе“,— все это признаки періода, который въ тѣсномъ смыслѣ можетъ быть названъ моральнымъ. Этимъ была сдѣлана первая попытка къ самопознанію. Въмѣсто послѣдствій— происхожденіе: какаѣ перемѣны перспективы! И безспорно, эта перемѣна была достигнута путемъ долгой борьбы и колебаній ¹⁾ Само собою разумѣется, что, благодаря этому, получило преобладаніе опасное суевѣріе, особенная узость толкованія. Начали объяснять происхожденіе поступка въ самомъ опредѣленномъ смыслѣ, ваходя источникъ его въ цѣли. Всѣ единодушно увѣровали, что оцѣнка поступка состоитъ въ оцѣнкѣ его цѣли. Цѣль—условіе поступка и его предшествующая исторія: подъ вліяніемъ этого предразсудка почти до новѣйшаго времени и хвалили, и порицали, и судили, и даже философствовали.

Но не будемъ ли мы принуждены еще разъ рѣшиться на переворотъ и коренную перемѣну цѣнности, благодаря тому обстоятельству, что человѣкъ еще разъ пришелъ въ себя и сталъ мыслить глубже? Не стоимъ ли мы на порогѣ періода,

¹⁾ *Примчаніе переводчика.* Однако послѣдняя точка зрѣнія, въ которой исходнымъ пунктомъ служатъ источникъ поступка—мотивы и настроеніе, не завоевала себѣ исключительнаго господства въ новѣйшей этнкѣ. Еѣ приходится считаться съ другой точкой зрѣнія, о которой Ницше говорилъ немного выше и по которой оцѣнка поступка производится по его послѣдствіямъ и дѣйствіямъ во вѣншемъ мірѣ. Наиболѣе типичными представителями одной служатъ Кантъ, другой—Бентамъ. См. Н. Höffding. Ethik, Leipzig, 1888, S. 21—22.

который слѣдуетъ назвать отрицательнымъ и прежде всего внѣморальнымъ? Теперь, когда у насъ, имморалистовъ, по крайней мѣрѣ, шевелится подозрѣніе, что настоящая оцѣнка поступка состоитъ въ томъ, что мы можемъ опредѣлить, что есть ненамѣреннаго въ поступкѣ и что вся его ненамѣренность, все, что можно видѣть въ немъ и знать о немъ, все, что можно сознавать, принадлежитъ къ его внѣшности, составляетъ его оболочку, которая, какъ и всякая оболочка, кое что обнаруживаетъ, но больше скрываетъ. Словомъ, мы думаемъ, что намѣреніе есть только признакъ или симптомъ—явленіе, требующее сначала объясненія—и при томъ признакъ, который имѣетъ разнаго рода значенія и слѣдовательно, самъ по себѣ ничего не значить. Мы думаемъ, что мораль въ теперешнемъ ея смыслѣ, то есть, мораль, вытекающая изъ намѣченной цѣли, есть предрасудокъ; что она опрометчиво забѣгаетъ впередъ; что она относится къ области астрологіи и алхиміи, и, во всякомъ случаѣ, есть то, что должно искоренить. Искорененіе морали, въ великомъ духѣ даже преодолѣніе морали въ самомъ себѣ, вотъ что пусть будетъ названіемъ той долгой скрытой работы, которою исключительно занимаются самые тонкіе, самые правдивые, а также самые злобные умы нынѣшняго времени, являющіеся какъ бы живыми пробными камнями души¹⁾.

Сообразно съ этимъ, по Ницше, можно различать три эпохи въ исторіи человѣчества въ отношеніи къ морали: доморальную, моральную и внѣморальную, или сверхморальную. Последняя эпоха есть эпоха сверхчеловѣка, но, заведя рѣчь о морали этой послѣдней эпохи, Ницше хотѣлъ бы уже теперь видѣть ея осуществленіе, и потому онъ считаетъ ее обязательной для себя и для высшихъ людей.

Но даже и въ предѣлахъ моральной эпохи, по взгляду Ницше, мораль не была единственной. Въ существѣ дѣла можно различать въ ней два рода: „мораль господъ“ и „мораль рабовъ“²⁾. Откуда же это произошло?

Ницше усматриваетъ внутреннее основаніе для этого въ значительномъ различіи естественномъ и классовомъ. Дѣло въ

¹⁾ Jenseits. S. 45 ff.

²⁾ Jenseits. S. 231.

томъ, что, по его мнѣнію, „существуютъ до безграничности различныя устои классовъ и классовая пропасть между однимъ человѣкомъ и другимъ“¹⁾, и сообразно съ этимъ обостренное чувство („пагость“) разстоянія между ними²⁾. Одни—тѣлесно и духовно сильны, имѣютъ свѣтлый умъ, очень энергичную волю при властолюбивыхъ инстинктахъ: это—урожденные „господа“ и „повелители“; другіе, напротивъ, тѣлесно и духовно слабы, озабочены болѣе пассивно, чѣмъ активно; они кротки и добродушны: это—урожденные подданные и слуги, которые въ силу обстоятельствъ дѣлаются рабами³⁾.

И сообразно съ этимъ искони была, какъ думаетъ Ницше, различная по существу, двоякая мораль: мораль господъ и мораль рабовъ. При этомъ онъ прибавляетъ, „что во всѣхъ высшихъ и сложныхъ культурахъ обнаруживаются попытки сближенія той и другой морали, еще чаще смѣшеніе ихъ, взаимное непониманіе, а иногда рѣзкое совмѣстное пребываніе

¹⁾ Jenseits, S. 94.

²⁾ Jenseits, S. 227.

³⁾ Именно по причинѣ этихъ очень различныхъ естественныхъ и характерныхъ свойствъ и по причинѣ вытекающаго отсюда классоваго различія людей, Ницше былъ рьянымъ врагомъ демократическаго движенія, которое, все инвектируя, или уравнивая, обнаруживается въ особенности въ новое время. Это демократическое движеніе кажется ему не только формой упадка политической организаціи, но и формой упадка именно въ смыслѣ уменьшенія человѣка, какъ переходъ къ посредственности и къ пониженію въ цѣнности (Jenseits, S. 129). Поэтому онъ ненавидѣлъ не только французскихъ революціонеровъ съ ихъ пустымъ крикомъ о „равенствѣ“, но и социалистовъ новаго времени, и называлъ ихъ „болванами“ (Tölpel. A. a. O. S. 131), а равнымъ образомъ ненавидѣлъ и анархистовъ, которыхъ онъ называетъ прямо „собаками“ (A. a. O. S. 138).

По указанному основанію, Ницше далѣе былъ отъявленнымъ врагомъ женской эмансипаціи новаго времени. „Женщина“, говоритъ онъ, „хочетъ сдѣлаться самостоятельной. Съ этой цѣлю она начинаетъ разъяснять мужчинамъ, что такое „женщина сама по себѣ“. Это относится къ наихудшимъ успѣхамъ всеобщаго опошленія Европы. Въ самомъ дѣлѣ, что показываютъ эти неуклюжія попытки женской научности и саморазоблаченія во всемъ! Женщина имѣетъ такъ много поводовъ къ тому, чтобы оконфузить себя: въ женщинѣ такъ много педагогическаго, поверхностнаго, наставническаго, мелочно-притязательнаго, необузданнаго, нескромнаго—посмотрите только, какъ она обращается съ дѣтьми! Пока это въ самомъ основаніи отгнѣсилось и обуздывалось больше всего изъ страха предъ мужчиной. Увы, если только „вѣчноскучное въ женщинѣ“—а этого къ тому же въ ней довольно много!—будетъ въ состояніи дерзновенно возвыситься! Увы, если стануть учиться ея умничаво и искусственности, частице, ея искусству милости, кокетничавья, трусливаго уклоненія отъ заботы, искусству послабленія и пользованія, какъ говорить, „дурницей“, наконецъ, ея тонкой ловкости въ пріятныхъ страстяхъ!“ (A. a. O. S. 133 f.).

ихъ—даже въ одномъ и томъ же человѣкѣ, въ одной и той же душѣ. Различія моральной оцѣнки возникли или среди класса господствующихъ, который съ удовольствіемъ признавалъ разницу между собою и подчиненными, или среди подчиненныхъ, рабовъ и зависимыхъ всякаго рода. Въ первомъ случаѣ, если господа опредѣляютъ понятіе „хорошо“, моральныя оцѣнки суть не что иное, какъ возвышенныя гордыя состоянія души, которыя производили впечатлѣніе отличительнаго характера, опредѣляющаго классовые устои. Знатный человѣкъ чуждается такихъ существъ, у которыхъ обнаруживаются свойства, противоположныя такимъ возвышеннымъ гордымъ состояніямъ; онъ презираетъ ихъ. Не трудно замѣтить, что въ этомъ первомъ родѣ морали противоположныя понятія „добрый“ и „дурной“ являются синонимами противоположныхъ понятій „знатный“ и „презрѣнный“. Противоположеніе „добрый“ и „злой“—другого происхожденія ¹⁾. Если аристократы презираютъ человѣка трусливаго, боязливаго, мелочнаго, думающаго о ничтожной пользѣ; равнымъ образомъ,—человѣка недовѣрчиваго съ его подозрительностію, самоуничиженнаго, эту собачью породу человѣка, который позволяетъ, чтобы съ нимъ обращались дурно; если аристократы презираютъ льстеца съ его попрошайничаньемъ, въ особенности же лжеца, то основное вѣрованіе всѣхъ аристократовъ будетъ состоять въ томъ, что простой народъ вообще лживъ. „Мы правдивы“, такъ говорили о себѣ въ древней Греціи аристократы. Какъ на ладони, ясно, что обозначенія моральной оцѣнки впервые прилагались къ отдѣльнымъ людямъ и только, а позже отнесены были къ поступкамъ, почему историки—моралисты допускаютъ крупный промахъ, если заимствуютъ исходную точку изъ такихъ, напримѣръ, вопросовъ: почему сострадательный поступокъ похваленъ? Классъ знатныхъ считаетъ себя въ правѣ дѣлать оцѣнку, онъ не нуждается въ одобреніи; онъ такъ судитъ: „что для меня вредно, то само въ себѣ вредно“; онъ видитъ въ себѣ то, что вообще сообщаетъ вещамъ достоинство, онъ оцѣнщикъ. Что о себѣ онъ знаетъ, все это и почитаетъ: такая мораль, понятное дѣло, есть самовозвеличеніе ²⁾.

¹⁾ См. ниже стр. 242.

²⁾ Jenseits, S. 281 f.

Иначе дѣло обстоитъ со вторымъ типомъ морали, морали рабовъ. Положимъ, что люди угнетенные, обезсиленные, страдающіе, несвободные, недоувѣряющіе самимъ себѣ и усталые начнутъ проповѣдывать нравственность. Каковы будутъ ихъ моральныя оцѣнки? По всему видно, въ нихъ выразится пессимистическое недовольство всякимъ положеніемъ человѣка и, быть можетъ, осужденіе человѣка съ его положеніемъ. Взглядъ раба неблагосклоненъ къ добродѣтелямъ знатнаго: онъ относится къ нимъ скептически и не довѣряетъ имъ; онъ обладаетъ изворотливой недоувѣрчивостью ко всему „доброму“, что почитается у знатныхъ, онъ почти убѣжденъ, что само счастье тамъ не настоящее. Наоборотъ, получаютъ особое значеніе свойства, которыя способствуютъ облегченію жизни страдающихъ; сюда относятся состраданіе, угодливая, готовая на помощь рука, теплое сердце, терпѣніе, усердіе, смиреніе, благорасположенность къ честному, ибо въ данномъ случаѣ это полезныя свойства и почти единственныя средства, чтобы выдержать гнетъ жизни. Мораль рабовъ есть въ существѣ дѣла мораль пользы. Здѣсь—очагъ для возникновенія вышеупомянутаго громкаго противоположенія „добрый“ и „злой“. Власть признается зломъ и источникомъ опасности, а равнымъ образомъ—самоувѣренная запугивающая суровость, ловкость и сила. По понятіямъ морали рабовъ, „злой“, стало быть, возбуждаетъ боязнь; по понятіямъ морали господъ, именно тотъ и есть добрый, кто возбуждаетъ боязнь и хочетъ возбудить ее, между тѣмъ какъ „злой“ человѣкъ разсматривается въ смыслѣ презрѣннаго. Противоположность доходить до своего крайняго предѣла, если, сообразно съ слѣдствіями морали рабовъ, въ концѣ концовъ придется вздохнуть по поводу пренебреженія къ добрымъ и этого рода морали, столь легкой и благожелательной. Дѣло въ томъ, что по убѣжденію рабовъ, добрый, во всякомъ случаѣ, долженъ быть безопаснымъ человѣкомъ; онъ добродушенъ, и его легко обмануть, быть можетъ, онъ—немного глупый человѣкъ, *le bon homme*. Повсюду, гдѣ только мораль рабовъ становится преобладающей, языкъ обнаруживаетъ склонность сближать другъ съ другомъ слова „добрый“ и „глупый“¹⁾.

¹⁾ Jenseits, S. 234 f.

Первоначально, по Ницше, была лишь „мораль господъ“, то есть, мораль знатныхъ, побѣдителей, храбрыхъ. „Добрый“, по воззрѣнiямъ этой морали, это—то же, что храбрый, отважный, а „дурной“ это все равно, что трусъ¹⁾).

Мораль рабовъ, согласно Ницше, возникла лишь изъ противоположнiя морали господъ, и потому-то угнетенные превратили оцѣнки угнетателей, какъ своихъ враговъ, просто въ противоположныя сужденiя. Посему мораль рабовъ произошла изъ озлобленiя, изъ мести низшихъ высшимъ и властямъ. И Ницше называетъ это стачкой рабовъ въ морали.

Стачка рабовъ въ морали начинается тѣмъ, что озлобленность сама становится творческой и производитъ цѣнные результаты: это озлобленность существъ, которымъ предстоитъ собственная реакцiя, реакцiя дѣла, которыя остаются безвредными, благодаря только воображаемой мести. Между тѣмъ, какъ всякая мораль знатныхъ вырастаетъ изъ триумфирующаго реченiя „да“, обращеннаго къ себѣ самой,—мораль рабовъ съ самаго начала говоритъ „нѣтъ“ на все, что происходитъ „внѣшнѣ“, что представляется „иначе“, что „не она сама“: и это „нѣтъ“ есть ея творческiй актъ. Эта перемѣна взгляда въ оцѣнкѣ, это неизбежное направленiе къ внѣшнему, вмѣсто направленiя, обращеннаго на себя самого,—обуславливается именно озлобленностью. Мораль рабовъ всегда нуждается для своего возникновенiя прежде всего въ противоположности, ка-

1) Zagatustra, W. W. VI, 279. Ницше пытался подтвердить свое пониманiе филологически. Онъ говоритъ: „На вѣрную дорогу меня натолкнулъ вопросъ, что собственно можетъ обозначать употребляемое различными языками наименованiе „добрый“ въ филологическомъ отношенiи: и вотъ я нашелъ, что все здѣсь сводится къ одному и тому же,— что вездѣ „знатный“, „благородный“ въ сословномъ смыслѣ суть основныя понятiя, изъ которыхъ съ необходимостiю развиваются понятiя: „добрый“ въ смыслѣ челоука, знатнаго по духу, и „благородный“ въ смыслѣ челоука высокаго духовнаго происхожденiя, челоука духовно-привилегированнаго. Это развитiе понятiй всегда протекаетъ параллельно другому, которое заставляетъ понятiя „простой“, „грубый“, „низкiй“ перейти въ концѣ концовъ въ понятiе „худой“. Наиболее выразительный примѣръ для этого послѣднiаго развитiя понятiй, представляетъ нѣмецкое слово „schlecht“ (дурной, худой), которое тождественно со словомъ schlicht (простой) сравн. schlechtweg (просто), schlechterdingъ (просто, безцеремонно). Первоначально слово schlecht обозначало простаго, зауряднаго челоука еще безъ побочнаго презрительнаго намека, просто въ противоположность знатному челоуку. Приблизительно около времени 30 лѣтней войны, значитъ, довольно поздно, это значенiе измѣняется въ обычное теперь значенiе. Zür Genealogie der Moral. 2 Aufl. Leipzig 1892, S. 6.

кую образуетъ въ отношеніи къ ней міръ, именно внѣшній міръ, она нуждается, такъ сказать, физиологически во внѣшнемъ возбужденіи, чтобы была въ состояніи дѣйствовать,—ея дѣйствіе въ самомъ основаніи есть реакція. Совсѣмъ не то мы видимъ въ оцѣнкѣ знатныхъ: она по собственному побужденію дѣйствуетъ и процвѣтаетъ, она ищетъ своей противоположности, чтобы сказать себѣ самой „да“ еще съ большимъ удовлетвореніемъ, еще съ большимъ торжествомъ,—ея отрицательныя понятія „низкій“, „простой“, „дурной“ (schlecht)—не болѣе, какъ прирожденный простой контрастъ въ отношеніи къ ея положительному принципу, который насъ сквозь проникнуть жизнью и страстію. Вотъ этотъ принципъ: „мы знатны, мы добры, мы прекрасны мы счастливы! 1)

„Стачка рабовъ въ морали“, согласно Ницше, по даннымъ исторіи, была начата іудеями: „іудеи—народъ рожденный для рабства“, какъ говоритъ Тацитъ, а съ нимъ и весь древній міръ, „избранный народъ между народами“, какъ они сами говорятъ о себѣ и убѣждены въ этомъ,—іудеи совершили это чудо переворота въ цѣнностяхъ, благодаря которому жизнь на землѣ получила толчекъ въ новомъ опасномъ направленіи на два тысячелѣтія; ихъ пророки слили въ одно выраженіе „богатый“, „безбожный“, „злой“, „насилъственный“, „плотной“ и впервые на слово „міръ“ положили печать дурного слова. Этотъ переворотъ въ цѣнностяхъ (сюда относится употребленіе слова „бѣдный“ въ качествѣ синонима со словами „святой“, „другъ“) и составляетъ значеніе іудейскаго народа: съ него начинается стачка рабовъ въ морали.

Эта „рабская мораль“ іудеевъ—ее Ницше называлъ и „стадной моралью“ (Herdentier—Moral) послѣ была продолжена и очищена въ христіанской морали. Вслѣдствіе распространенія христіанства въ міръ она одержала побѣду надъ „моралью господъ“, собственно римлянъ, и подчинила „блуждающаго бѣлаго звѣря“, арійско-германскую рассу, и теперь еще господствуетъ среди цивилизованныхъ народовъ.

Теперь Ницше ставитъ вопросъ: имѣетъ ли право на существованіе и теперь эта „мораль рабовъ“ и заслуживаетъ ли она одобренія?— На это онъ отвѣчаетъ рѣшительнымъ нѣтъ!—А

1) Zur Genealogie, S. 16 f.

почему нѣтъ? Потому что она, по его мнѣнію, не соответствуетъ существу здоровой жизни, даже враждебна ей. Какъ такъ?

Здоровая жизнь развивается въ формы все болѣе высокія; она поднимается на высшія ступени и ее характеризуетъ стремленіе къ власти, все болѣе возрастающей. Но мораль ведетъ людей къ противоположному: къ упадку, ослабленію, вырожденію человѣческаго типа. И поэтому, по Ницше, она не годится, какъ мораль, противорѣчащая основной тенденціи мірового развитія: вмѣсто того, чтобы возвышать людей, она ихъ понижаетъ. Поэтому онъ принялъ за лозунгъ слѣдующее положеніе: должно оставить мораль, которая до сихъ поръ имѣла значеніе у цивилизованныхъ народовъ. „Старыя скрижали цѣнностей должно разбить и соорудить новыя. Если прежде имѣло силу положеніе: добро есть то, что согласуется съ нравственнымъ закономъ,—то теперь это положеніе не можетъ имѣть значенія, ибо „нравственный законъ“ не есть что либо безусловное (абсолютное), но только нѣчто относительное, онъ измѣняется съ теченіемъ времени, какъ и нравы, изъ которыхъ онъ возникаетъ. Смотри по духовному развитію, смотри по познанію и взгляду человѣка, онъ образовывался не одинаково. Но единственно вѣрный взглядъ на это спорное воззрѣніе мы находимъ въ такомъ соображеніи: только принципъ, только сущность здоровой жизни вообще, согласно свидѣтельству ежедневнаго опыта, можетъ указать намъ вѣрный путь къ тому, какъ слѣдуетъ устроить собственно человѣческую жизнь. А такъ какъ здоровая жизнь по своему существу, какъ мы раньше видѣли, есть не что иное, какъ „воля къ власти“, то есть, стремленіе къ раскрытію силы, какое только возможно, и стремленіе къ возвышенію силы,—то весьма подходящимъ для человѣка будетъ слѣдующій принципъ, которому принадлежитъ значеніе всеобщаго наивысшаго максима настоящей морали: добро есть все, что споспѣшествуетъ человѣческой жизни, что ее усиливаетъ и возвышаетъ: напротивъ, мерзко или худо все то, что вредитъ человѣческой жизни, что ее ослабляетъ и понижаетъ.

Эго, можно сказать,—квинтэссенція „морали господъ“. По-смыслу, по Ницше, очень многое, что по прежней морали признавалось добрымъ, теперь вслѣдствіе этого новаго принципа

стало мерзкимъ и худымъ, и наоборотъ: очень многое, что по прежней морали считалось злымъ и дурнымъ, въ силу названнаго новаго принципа почитается добрымъ, то выходитъ, что прежнія цѣнности подлежатъ переоцѣнкѣ. Выѣстъ съ этимъ мы уже стоимъ „по ту сторону добра и зла“.

Что касается этого замѣчательнаго выраженія Ницше, которое служитъ даже заглавiемъ его сочиненiя, но часто понимается не вполне вѣрно, то, согласно раскрытому выше, его слѣдуетъ понимать не въ абсолютномъ, но только въ относительномъ смыслѣ, т. е., въ отношенiи къ морали, которая доселѣ была господствующей, а не къ морали вообще.

То же слѣдуетъ сказать о названiи „имморалистъ“, которое Ницше часто давалъ самому себѣ. Дѣло въ томъ, что Ницше не былъ полнымъ „имморалистомъ“, такъ какъ не всякую мораль выбросилъ за бортъ, но былъ имморалистомъ только отчасти. Онъ лишь отвергалъ мораль, которой до сихъ поръ въ общемъ придавали значенiе, такъ называемую „мораль рабовъ“, въ виду ея бессодержательности; напротивъ, морали господъ онъ отдавалъ должное уваженiе.

Но замѣчательно! и эта мораль обязательна не для всѣхъ безъ исключенiя, но только для настоящихъ „господъ“, для истинно знатныхъ, для „аристократическихъ умовъ“, для „настоящихъ философовъ“, коротко сказать, для высшихъ людей, да и ихъ-то немного въ мiрѣ. Поэтому устами Заратустры онъ возглашаетъ: „я законъ только для своихъ, я не законъ для всѣхъ“¹⁾. Стало быть, для остальныхъ, для огромной массы людей, для большинства, по Ницше, „мораль господъ“ не имѣетъ значенiя, но прежняя старая мораль должна ли для нихъ оставаться въ силѣ, какъ это было прежде?

Почему она не имѣетъ значенiя для высшихъ людей, мы уже слышали: потому что эта мораль, какъ Ницше думаетъ, противорѣчитъ существу здоровой развивающейся жизни, ибо человекъ черезъ нее не возвышается, но ниспадаетъ. Въ этомъ, по Ницше, заключается ея первый недостатокъ.

М. Воскресенскiй.

(Продолженiе будетъ).

¹⁾ Zarathustra, W. W. VI, 415.

Ученіе Канта объ антиноміяхъ чистаго разума.

Вопросъ объ „антиноміяхъ чистаго разума“, при рѣшеніи космологической проблемы, былъ вопросомъ, надъ которымъ задумывалась уже философская мысль древней Греціи. Имѣеть ли міръ пространственную и временную границу, или же существуетъ вѣчно и простирается въ безконечность? Дѣлима ли матерія до безконечности, или же существуютъ нѣкоторые абсолютно простые элементы ея—атомы? Можно ли признавать въ рядѣ причиннаго и случайнаго бытія какое-либо свободное и необходимое бытіе? Вотъ вопросы, въ которые нашъ разумъ, повидимому, чѣмъ болѣе вдумывается, тѣмъ съ большимъ правомъ отвѣчаетъ и „да“ и „нѣтъ“. „Такимъ образомъ, разумъ видитъ себя раздвоеннымъ, въ противорѣчій съ самимъ собою,—состояніе, по замѣчанію Канта, радующее скептика, критическаго же философа повергающее въ безпокойство и раздумье“ ¹⁾. Предъ философомъ возникаютъ двѣ нелегкія проблемы: 1) выяснить причину этого страннаго гносеологическаго факта,—вывести его изъ организаціи нашихъ познавательныхъ способностей и 2) рѣшить вопросъ, какъ примирить этотъ фактъ принципиальнаго разлада въ нашемъ разумѣ съ требованіемъ единой объективной истины,—„остается-ли при этомъ противорѣчій и какимъ образомъ открыть для разума путь къ достовѣрности?“ ²⁾ Если Зенонъ былъ первымъ софистомъ, который пользовался этимъ фактомъ противорѣчія разума самому себѣ, какъ доказательствомъ его несостоятель-

¹⁾ Прологомени... (Переводъ Соловьева), § 52.

²⁾ Критика чистаго разума (перев. Соколова)... 305 стр.

ности въ поискахъ за объективною истиною, то Кантъ былъ первымъ философомъ, который далъ этому вопросу объ антиноміяхъ чистаго разума вполне научную постановку. Самъ Кантъ придавалъ этому вопросу важное значеніе въ системѣ своей философіи. „Не изслѣдованія о бытіи Божіемъ, писалъ онъ къ Garve, но антиноміи чистаго разума въ первый разъ пробудили меня изъ догматической дремоты и побудили къ критикѣ самаго разума“ ¹⁾. „Я желаю, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—чтобы критическій читатель занялся преимущественно этою антиноміею, такъ какъ повидимому сама природа создала ее, чтобы остановить разумъ въ его дерзкихъ предпріятіяхъ и принудить къ самоиспытанію“ ²⁾. Ученіе Канта объ антиноміяхъ чистаго разума, *implicite* заключаая въ себѣ всю доктрину трансцендентальнаго идеализма, вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ главный боевой пунктъ, съ котораго Кантъ направляетъ свою убійственную критику догматической философіи. Соответственно этой двойственности задачъ, которыя Кантъ преслѣдовалъ въ этомъ отдѣлѣ своей „Критики“ и самый трактатъ объ антиноміяхъ раздѣляется на двѣ части: 1) постановку проблемы и изложеніе антиномій съ догматической точки зрѣнія, съ цѣлію „представить ихъ въ ихъ ослѣпительномъ, но ложномъ блескѣ“ ³⁾, и 2) рѣшеніе отмѣченныхъ выше вопросовъ—объ условіяхъ, причинѣ и конечномъ гносеологическомъ значеніи этой антиноміи, съ критической точки зрѣнія.

Характерною чертою философіи трансцендентальнаго реализма, на почвѣ которой возникаютъ космологическія антиноміи, является догматическое убѣжденіе въ полномъ соответствіи нашего познанія съ объективною дѣйствительностію, некритическое отождествленіе познаваемыхъ нами явленій съ вещами въ себѣ. Правда, сознаніе глубокаго различія между непосредственно представляющеюся дѣйствительностію и подлинною сущностію вещей всегда было живо въ философской мысли, но философія, вмѣсто того, чтобы посмотреть прямо въ

1) Vaehinger. Kommentar zu Kants Kritik. r. Vern. II B. 515 p.

2) Пролегомены... § 52.

3) Критика чистаго разума... 297 стр.

глаза этому факту, констатировать принципиальную относительность (субъективизмъ) нашего познанія, стремилась къ примиренію разлада въ нашемъ сознаніи между чувственною стороною бытія и его метафизическою сущностію. Такія тенденціи къ метафизическому объединенію познанія ко времени Банта приняли два основныя направленія въ школахъ Лейбница и Локка. Если интеллектуалистъ Лейбницъ указывалъ источникъ познанія истинно-сущаго въ разсудкѣ, искусственно превратилъ всѣ явленія въ чисторазсудочныя объекты (умопостигаемыя монады), и на самое чувственное познаніе смотрѣлъ лишь какъ на смутное разсудочное, то сенсуалистъ Локкъ отдавалъ предпочтеніе чувственному познанію, и съ меньшими натяжками, чѣмъ Лейбницъ, пытался свести всѣ разсудочныя понятія на чувственныя воспріятія, какъ ихъ элементы. Но ни Лейбницъ, ни Локкъ строго не различали между явленіями и вещами въ себѣ, и на познаваемые объекты смотрѣли, какъ на самыя вещи.

Исходя изъ того взгляда, что формы, законы и идеи нашего духа имѣютъ непосредственное приложеніе къ вещамъ въ себѣ, сторонники догматической метафизики, въ частности, на пространство и время смотрѣли, какъ на объективное бытіе, или какъ на свойства и опредѣленія внѣ насъ лежащей дѣйствительности. Пространство разсматривалось или какъ вѣчто совершенно *sui generis*, не зависимое отъ бытія, не какъ вещь, но мѣсто для вещей, и, поэтому, необходимое условіе ихъ существованія, или какъ система объективныхъ отношеній вещей, — *ordre de coexistence* (Лейбницъ). Подобнымъ образомъ и время понималось, какъ особаго рода реальность, существующая, съ одной стороны, независимо отъ вещей въ собственномъ смыслѣ, а съ другой, и отъ нашей мысли. Не мѣте реальное значеніе имѣеть и наше разсудочное познаніе, распредѣляющее опытный матеріалъ по присущимъ нашему духу категоріямъ. Отрицать объективное значеніе за категоріями — значитъ открывать дверь абсолютному скептицизму. Да отрицать ихъ не станеть ни одинъ здравомыслящій человекъ. Кто, напр., станеть утверждать, будто категорія *причинности*, выражающая, что не бываетъ дѣйствія безъ при-

чины, не имѣеть объективнаго значенія? Наконецъ, философія некритическаго реализма приписывала реальное значеніе и всѣмъ „необходимымъ“ идеямъ нашего разума. Въ числу такихъ идей, отъ которыхъ мы не можемъ отрѣшиться никакими умствованіями, принадлежитъ идея міра, какъ даннаго цѣлаго, или космоса, которая какъ бы врождена намъ, подобно идеѣ Бога, какъ абсолютнаго бытія,—души, какъ простаго принципа (носителя) психическихъ явленій, и которая, ерго, имѣеть несомнѣнно объективное значеніе. Отрицать объективность этихъ идей, какъ самоочевидныхъ свидѣтельствъ нашего самосознанія, значитъ въ корнѣ подрывать достовѣрность нашего познанія,—таковъ любимый аргументъ въ защиту этихъ понятій у сторонниковъ трансцендентальнаго реализма.

Становясь на почву догматической метафизики, Кантъ предлагаетъ защитникамъ этой философіи задачу, которая по своимъ условіямъ не выходитъ за предѣлы ихъ компетентности, но предъ которою самымъ блестящимъ образомъ должно обнаружиться ея банкротство. Такимъ пробнымъ камнемъ некритическаго реализма и являюся пресловутыя космологическія проблемы о конечности или безконечности міра до пространству, времени и причинности (условности), которыя нашъ разумъ одинаково склоненъ рѣшать и въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ. „Хорошо, обращается Кантъ къ философамъ—догматикамъ, если вы претендуете въ вашей метафизикѣ на знаніе самой дѣйствительности, если ваши стройныя системы являются точнымъ отраженіемъ бытія, то вы обязательно должны разрѣшить эти противорѣчивые вопросы, ибо дѣйствительность не можетъ противорѣчить себѣ самой“.

Трудности этихъ проблемъ сводятся къ установкѣ отношенія идей безконечнаго и безусловнаго къ міровому бытію. Корень этихъ трудностей, представляющихся даже неустранимыми антиноміями, лежитъ въ самой организаціи нашихъ познавательныхъ способностей. Съ одной стороны, наше чувственное познаніе убѣдительно говоритъ намъ, что синтезъ или цѣль міровыхъ явленій (условій)—безконечна, какъ въ пространственномъ и временномъ отношеніи, такъ и съ точки зрѣнія ихъ причинности и условности. Съ другой стороны, нашъ ра-

зумъ „въ синтезѣ условій, производимомъ въ формѣ ряда, и притомъ регрессивно“, настойчиво „ищетъ безусловнаго, которое всегда заключается въ абсолютной цѣлкупности ряда“, ибо нашъ разумъ убѣжденъ, что „для даннаго обусловленнаго данъ и весь рядъ подчиненныхъ ему условій“. Хотя онъ не знаетъ, „возможна ли такая полнота и на чувственной почвѣ, но идея этой полноты заключается въ разумѣ, безразлично къ возможности или невозможности соединять адекватно съ нею эмпирическія понятія“¹⁾.

Если матеріальный принципъ космологическихъ антиномій заключается въ разладѣ между чувственно-разсудочномъ познаниемъ, идущимъ въ регрессивномъ рядѣ условій (явленій) въ бесконечность, и требованіемъ разума—мыслить безусловную полноту этого ряда, то формальный ихъ принципъ, опредѣляющій число и логическую форму антиномій, также выводится Кантомъ изъ „самой природы нашего разума“²⁾. По мнѣнію Канта, всякая трансцендентальная иллюзія чистаго разума (т. е. мнимо-объективныя идеи души, міра и Бога) основывается на діалектическихъ умозаключеніяхъ, схему которыхъ логика даетъ въ трехъ формальныхъ видахъ умозаключенія вообще, подобно тому какъ категоріи имѣютъ свою логическую схему въ четырехъ функціяхъ сужденій³⁾. Въ частности, космологическая идея, требующая вообще безусловнаго единства объективныхъ условій въ явленіи, ставится Кантомъ въ параллель съ гипотетическимъ умозаключеніемъ, а каждый изъ указанныхъ четырехъ видовъ космологической идеи соответствуетъ четыремъ рубрикамъ категорій. Параллель между гипотетическимъ умозаключеніемъ и космологическою идеею Кантъ усматриваетъ въ томъ, что въ основѣ какъ того, такъ и другой лежитъ законъ основанія, выражающійся въ формулѣ: „если дано А (обусловленное), то должно быть дано и В (условіе)“. Этотъ же законъ основанія опредѣляетъ и выборъ отдѣльныхъ категорій разсудка, возводимыхъ разумомъ, „освобождающимъ разсудочныя понятія отъ ограниченій возможнаго опыта“, въ трансцендентальныя идеи. Въ трансцендентальныя

1) Критика чистаго разума... 302 стр.

2) Прологомены... § 51.

3) Критика ч. разума... 296 стр.

идеи обращаются „только тѣ категоріи, въ которыхъ синтезъ представляетъ рядъ, и притомъ подчиненныхъ (а не соподчиненныхъ) условій для даннаго безусловнаго“ ¹⁾. Такою категоріею прежде всего является категорія количества, которая, по отношенію къ космологической проблемѣ, будучи возведена до безусловнаго, даетъ идею о безконечномъ синтезѣ прошедшаго времени и окружающаго міръ пространства. По идеѣ разума, всё прошедшее время, какъ условіе даннаго мгновенія, должно быть мыслимо, какъ данное“ ²⁾.

Категорія количества можетъ быть обращена въ трансцендентальную идею и по отношенію къ пространству. Правда, по отношенію къ пространству, повидимому, не можетъ быть рѣчи о взаимной (цѣлокупной) обусловленности его частей (подобно тому, какъ настоящій моментъ времени обуславливается истеченіемъ предшествующаго времени), „такъ какъ пространство представляетъ изъ себя агрегатъ, а не рядъ, ибо всѣ его части даются одновременно“ ³⁾. Но если въ самомъ пространствѣ не имѣется необходимыхъ условій для цѣлокупнаго регрессивнаго синтеза, то такіа условія представляются въ его „измѣреніи“, ибо каждое ограниченное пространство можетъ быть рассматриваемо, какъ обусловленное, „поскольку оно предполагаетъ другое пространство, какъ условіе своихъ границъ“ ⁴⁾. Такимъ образомъ, изъ категоріи количества получается космологическая идея „безусловной полноты въ *составленіи* даннаго цѣлаго всѣхъ явленій“. Категорія качества въ космологической проблемѣ имѣетъ приложение къ реальности въ пространствѣ, или матеріи. Само собою разувѣется, что матерія, какъ нѣчто обусловленное, составленное

1) Критика ч. разума... 297—8 стр. Такъ какъ основное требованіе разума сводится къ положенію: „если дано обусловленное, то дана и вся сумма условій“, то понятно, что это требованіе имѣетъ приложение лишь къ восходящему ряду условій, а не нисходящему. „Ибо только условія для даннаго обусловленнаго уже предполагаются, и какъ бы даются“, а „относительно слѣдствій можно и не заботиться, прекращается-ли ихъ рядъ, или нѣтъ; и вообще здѣсь вопросъ объ ихъ цѣлокупности не есть предположеніе разума“. Другими словами, разумъ требуетъ полноты лишь „регрессивнаго синтеза“, а не „прогрессивнаго“ (Критика чист. разума... 298—9 стр.).

2) Критика ч. разума... 299 стр.

3) Ibidem, 299 стр.

4) Ibidem, 300 стр.

изъ частей, представляетъ благопріятныя условія для регрессивнаго синтеза, отъ котораго разумъ требуетъ абсолютной цѣлокупности, и поэтому категория качества легко обращается въ космологическую идею, требующую „абсолютной полноты *дѣленія* даннаго цѣлаго въ явленіи“. Наконецъ, что касается категорій реальныхъ отношеній между явленіями (категорій, помѣщенныхъ у Канта подъ рубриками *relatio* и модальности), то изъ нихъ только двѣ представляютъ нужныя условія для превращенія въ идеи разума—это категоріи причинности и случайности. Категория причинности „даетъ рядъ причинъ для даннаго дѣйствія; въ ней отъ дѣйствія, какъ обусловленнаго, можно подниматься къ причинамъ, какъ условіямъ“. Поэтому нашъ разумъ съ полнымъ правомъ обращаетъ эту категорію въ требованіе „абсолютной полноты въ *возникновеніи* явленія вообще“. Подобнымъ же образомъ, категория случайности, заключающая въ себѣ мысль, что „случайное въ существованіи всегда должно быть разсматриваемо, какъ обусловленное“ другимъ условіемъ, которое въ свою очередь—„другимъ, вышшимъ“, съ полнымъ правомъ обращается въ требованіе (идею) „абсолютной полноты *зависимости* существованія, измѣняемаго въ явленіи“ ¹⁾. Эти открытія Кантомъ трансцендентальныя идеи въ переводѣ на болѣе конкретный языкъ и суть идеи—ограниченности міра по пространству и времени, существованія недѣлимыхъ элементовъ матеріи (атомовъ), свободы и безусловно необходимаго Существа. Эти идеи разума, разсматривающія міръ, какъ законченное цѣлое, въ своемъ столкновеніи съ чувственно-разсудочнымъ познаніемъ, которое нигдѣ въ мірѣ не находитъ этой законченности, а всюду видитъ лишь безконечныя ряды временныхъ, пространственныхъ, причинныхъ и условныхъ явленій, и образуютъ тотъ радикальный разладъ въ нашемъ познающемъ духѣ, который Кантъ назвалъ „антиномією чистаго разума“. Какъ та, такъ и другая стороны, отстаивая правильность своего пониманія міровой жизни, выставляютъ *contra* утвержденій противника одинаково сильныя аргументы, по своему значенію взаимно уничтожающіе другъ друга.

¹⁾ Ibid. 301 стр.

Сущность доказательствъ антиномій сводится къ слѣдующему. Тезисъ 1-й антиноміи гласитъ: „міръ имѣетъ начало во времени и заключенъ въ границахъ въ пространствѣ“. Если допустить (гласитъ доказательство), что міръ не имѣетъ начала во времени, то необходимо признавать, что до каждаго настоящаго момента времени прошла вѣчность (т. е. бесконечный рядъ всѣхъ отдѣльныхъ моментовъ времени). Если же въ минувшей вѣчности прошли *есть* возможные моменты времени, то значить прошелъ уже и настоящій моментъ. Получается, такимъ образомъ, внутреннее противорѣчіе. Значить, если настоящій моментъ существуетъ (что несомнѣнно), то только подъ тѣмъ условіемъ, если міръ существуетъ конечное время. Доказательство 2-й половины тезиса состоитъ въ указаніи на то внутреннее логическое противорѣчіе, въ которое намъ неминуемо придется встать, если мы допустимъ противоположное тезису положеніе, что міръ по пространству есть *безконечное данное цѣлое*. Корень противорѣчія заключается въ томъ, что мы, съ одной стороны, должны мыслить міръ, какъ данное цѣлое, а съ другой, какъ данное безконечное. Такъ какъ міръ, какъ цѣлое, не данъ намъ въ непосредственномъ созерцаніи, то и мыслить его мы можемъ лишь путемъ послѣдовательнаго, и притомъ цѣлостнаго (поскольку онъ есть цѣлое) синтеза его частей, или „заключеннаго сложенія единицъ“ ¹⁾. Теперь, если міръ есть цѣлое безконечное, то этотъ послѣдовательный цѣлостный синтезъ постулируетъ безконечное время, необходимое „при перечисленіи всѣхъ вмѣстѣ существующихъ вещей, что невозможно“. По этому и міръ, какъ цѣлое, по протяженію въ пространствѣ не безконеченъ, но заключенъ въ границахъ.

¹⁾ Правда, въ созерцаніи мы можемъ представить полноту „даннаго разомъ одновременно“, безконечно-протяженнаго міра,—именно „посредствомъ умышленнаго движенія отъ цѣлаго къ его частямъ“. Но возможность такого представленія еще не является достаточнымъ „оправданіемъ“ понятія о мірѣ, какъ цѣломъ безконечно протяженномъ въ пространствѣ. Разсудочное оправданіе понятія возможно лишь посредствомъ логическаго анализа его признаковъ. Но этотъ анализъ вскрываетъ въ данномъ понятіи внутреннее противорѣчіе. Признавъ „цѣлостн“, міра предполагаетъ возможность полнаго синтеза его частей, а признавъ его, безконечности предполагаетъ что „этотъ синтезъ долженъ образовать нескончаемый рядъ“. (Крит. чист. разума... 312, 314 стр.).

Антитезисъ 1-й антиноміи утверждаетъ безконечность міра какъ по времени, такъ и пространству. Сущность доказательства обѣихъ частей антитезиса сводится къ выясненію невозможности мыслить абсолютно пустое время, предшествующее возникновенію міра, и абсолютно пустое пространство, окружающее міръ. Если допустить, что міръ существуетъ конечное время, то ему должно предшествовать „пустое“ время, въ которомъ ничего не существуетъ и ничего не происходитъ. Но самое возникновеніе міра есть происшествіе. Въ пустомъ времени, такимъ образомъ, происхожденіе міра—невозможно. Такова же аргументація и 2-й половины антитезиса. Если допустить, что міръ—по пространству ограниченъ, то придется признать не только отношеніе вещей въ пространствѣ, но и „отношеніе ихъ къ пространству“. Но если міръ есть „абсолютное цѣлое, внѣ котораго нѣтъ предмета для соверпанія“, то „пустое“ пространство, окружающее міръ, есть чистое „ничто“. Но отношеніе къ „ничто“, а стало быть и ограниченіе міра пустымъ пространствомъ—невозможно.

Тезисъ 2-й антиноміи гласитъ: „всякая сложная сущность состоитъ изъ простыхъ частей, и вообще существуетъ только простое, или сложное изъ него“. Доказательство этого тезиса съ неумолимою логикою приводитъ насъ къ тому выводу, что если мы будемъ отрицать существованіе недѣлимыхъ, простыхъ субстанцій, то „у насъ не будетъ существовать ни сложныхъ, ни простыхъ частей, т. е. не останется ничего, никакой сущности“. Въ самомъ дѣлѣ, разъ мы не допускаемъ существованія простыхъ субстанцій, eo ipso не допускаемъ существованія и сложныхъ, ибо сложныя тѣла, по самому понятію, должны быть сложны изъ простыхъ; а разъ нѣтъ ни сложныхъ, ни простыхъ тѣлъ,—значитъ вообще нѣтъ никакихъ тѣлъ. Получается, такимъ образомъ, чистѣйшій абсурдъ. „Отсюда непосредственно слѣдуетъ, что вещи въ мірѣ вообще суть простыя существа, что сложность есть внѣшнее состояніе ихъ, и что, хотя намъ не удастся вполне выдѣлить и соединить составныя сущности, тѣмъ не менѣе разумъ долженъ представлять ихъ себѣ, какъ первые субъекты всякаго сложенія, и, слѣдовательно, какъ простыя сущности“.

Антитезисъ 2-й антиноміи доказываетъ, что „ни одна изъ сложныхъ величинъ въ мірѣ не состоитъ изъ простыхъ частей“. Предположимъ, что сложная вещь (или сущность) состоитъ изъ простыхъ частей. Такъ какъ сложенеіе возможно только въ пространствѣ, то „необходимо предположить, что изъ какого количества частей состоитъ нѣчто сложное, изъ такого же состоитъ и занимаемое имъ пространство“. Но пространство состоитъ не изъ простыхъ частей, но изъ пространствъ, и значитъ дѣлимо до безконечности. Поэтому, каждая часть субстанціи, въ силу своей пространственной протяженности, является также безконечно сложной по своей сущности.

Третья антиномія касается вопроса объ естественной причинности и свободѣ. Тезисъ утверждаетъ, что „причинность по законамъ природы не есть единственная. Для объясненія явленій въ мірѣ необходимо допустить еще причинность черезъ свободу“. Въ самомъ дѣлѣ, сужденіе, что все въ мірѣ совершается только по законамъ природы, и слѣд.—условно, въ своей неограниченной всеобщности противорѣчитъ самому себѣ, ибо, съ одной стороны, оно утверждаетъ, что „ничто не совершается безъ достаточной а priori опредѣленной причины“, а съ другой оно выражаетъ, что въ мірѣ есть только условное, а не первое начало причинности. Выходитъ, что міровая жизнь есть рядъ причинъ и дѣйствій, но самъ этотъ рядъ не имѣетъ для себя причины. Значитъ, необходимо допустить особаго рода причинность свободы, *causa sui*, обладающую абсолютною самодѣятельностію, въ силу которой она можетъ сама по себѣ начинать рядъ дѣйствій.

Антитезисъ 3-й антиноміи утверждаетъ, что „свободы нѣтъ, но все въ мірѣ совершается по законамъ природы“, и убѣдительно доказываетъ немыслимость свободы, которая „противорѣчитъ закону причинности“, „нарушаетъ связь и порядокъ міровыхъ событій“, исключаетъ „единство опыта, слѣдовательно ни въ какомъ опытѣ не встрѣчается“, и, значитъ, „представляетъ пустую мысленную вещь“.

4-я антиномія трактуетъ о безусловно-необходимомъ Существовѣ. Аргументація какъ тезиса, такъ и антитезиса этой антиноміи существенно сходны съ предыдущей. Тезисъ, утвер-

ждающій бытіе необходимаго Существа, доказываетъ свое положеніе въ формѣ такого силлогизма: всѣ явленія въ мірѣ—условны; но каждое обусловленное предполагаетъ полный рядъ условій вплоть до вполне безусловнаго, какъ основанія всѣхъ условій; значить, это нѣчто необходимое должно существовать.

Антитезисъ 4-й антиноміи, оспаривающій бытіе безусловно-необходимаго принципа міра, въ своей аргументаціи, подобно предыдущей антиноміи, исходитъ изъ понятія о неограниченномъ господствѣ закона причинности. Если допустить, что безусловно необходимое бытіе составляетъ отдѣльная часть міра, отдѣльный рядъ его явленій, то его существованіе, понятно, противорѣчитъ закону причинности. Если же необходимымъ бытіемъ является весь міръ въ его цѣломъ, то такое допущеніе страдаетъ внутреннимъ противорѣчіемъ, ибо „если ни одна изъ частей міра не обладаетъ въ себѣ необходимымъ существованіемъ“, то и совокупность этихъ частей не можетъ быть таковою. Наконецъ, нельзя допустить безусловно-необходимой причины міра и внѣ міра, ибо, какъ причина міровыхъ измѣненій во времени, она должна бы и сама относиться къ совокупности явленій, т. е. къ міру, а это противорѣчитъ нашему предположенію.

Представивъ, такимъ образомъ, наглядно „всю діалектическую игру космологическихъ идей“, и признавъ догматиковъ—философовъ безсильными вскрыть ихъ ошибку, Кантъ приступаетъ къ разрѣшенію этого неизбежнаго, повидимому, разлада въ нашемъ познаніи со своей критической точки зрѣнія. Прежде всего, спрашивается, разрѣшимъ ли вообще этотъ вопросъ о внутреннемъ разладѣ нашего разума? Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть данъ утвердительный. Разъ этотъ вопросъ касается лишь природы нашего познанія, то „никакія ссылки на неизбежное невѣдѣніе и глубину задачи не освобождаютъ отъ обязанности отвѣчать на это основательно и сполна“¹⁾. Разумъ долженъ сумѣть—отдать себѣ отчетъ въ своихъ собственныхъ законахъ и функціяхъ. Правда, здѣсь дѣло, повидимому, касается и эмпирическаго матеріала, а въ такомъ случаѣ вѣрность и самая возможность рѣшенія про-

¹⁾ Критика ч. разума... 847 стр.

блемы ставится въ зависимость отъ правильности собраннаго матеріала, и вообще случайныхъ условій опыта, но—только повидимому. Эмпирический міръ здѣсь является, т. о., лишь поводомъ, по которому обнаруживается „антиномія чистаго разума“, сама же она возникаетъ „только изъ идеи созданія разума, который, слѣдовательно, не можетъ отъ этого вопроса уклониться и ссылаться на какой-то неизвѣстный предметъ“¹⁾.

Уже изъ самой природы проблемы видно, какимъ путемъ должно идти къ ея разрѣшенію. Такъ какъ разрѣшенія космологическихъ задачъ о конечности и безконечности міра нельзя найти ни въ какомъ опытѣ, ибо никогда мировое цѣлое не можетъ быть объектомъ нашего представленія, то для рѣшенія этой проблемы нашъ разумъ долженъ обратиться къ „самоиспытанію“, —разсмотрѣть „тотъ фундаментъ познанія“, на которомъ основывается наша антиномія. Рѣшеніе вопроса, значить, должно быть не догматическое, а критико-скептическое.

Обращаясь къ критическому разсмотрѣнію спора между тезисами и антитезисами, мы видимъ, что какъ тѣ, такъ и другіе представляютъ собою извѣстнаго рода сужденія, подкрѣпленныя доказательствами. Слѣд., ихъ судебный процессъ всецѣло входитъ въ компетенцію разсудка, нашей судящей и умозаключающей способности, и долженъ рѣшаться на основанія его законовъ. Между прочимъ, основнымъ требованіемъ разсудочнаго познанія является условіе, что только такіе объекты могутъ быть разсудочными понятіями, которые представляютъ полный синтезъ своихъ частей; въ противномъ случаѣ эти объекты не могутъ быть поняты разсудкомъ. „Если мы предположимъ такой объектъ, полный синтезъ котораго требуетъ болѣе частей, нежели сколько ихъ дано въ объектѣ, то такой объектъ не подходитъ подъ разсудочное понятіе, онъ слишкомъ малъ для этого понятія. Если мы предположимъ такой объектъ, данныя части котораго никогда не могутъ быть взяты въ полной совокупности, то и такой объектъ не подходитъ ни подъ какое разсудочное понятіе: онъ слишкомъ великъ для этого понятія“²⁾. Но таковы именно всѣ сужденія тезисовъ и антитезисовъ. Если тезисы

¹⁾ Ibid. 348—50 стр.

²⁾ Куно Фишеръ. Исторія новой философіи, III т. 471—2 стр.

предполагаютъ ограниченную вселенную, то такое понятіе слишкомъ узко для разсудка; для понятія вселенной онъ требуетъ болѣе частей, чѣмъ сколько ихъ дано во всякой ограниченной вселенной. Объекты антитезисовъ, которые предполагаютъ неограниченную вселенную, напротивъ, оказывается слишкомъ великъ для разсудочнаго понятія. Такимъ образомъ, положенія какъ тезисовъ, такъ и антитезисовъ, оказываются предъ судомъ разсудка одинаково невозможными.

Выяснивши матеріальную (принципіальную) ошибку утвержденій антимомій, какъ мнимыхъ разсудочныхъ сужденій, теперь нужно раскрыть матеріальную ошибку (иллюзію) тѣхъ доказательствъ, которыми онѣ подтверждаютъ свои положенія. Разгадку космологической діалектики Кантъ указываетъ въ паралогизмѣ основнаго умозаключенія всѣхъ антимомій. Всѣ положенія антимомій, какъ мы видѣли, основываются на слѣдующемъ умозаключеніи: если дано условное, то данъ и полный рядъ его условій; но условное дано; значитъ, дана и полнота его условій. Несмотря на очевидную формальную правильность этого силлогизма, онъ представляетъ діалектическій софизмъ, т. е. *sophisma figurae dictionis*. Каждая изъ посылокъ этого умозаключенія—правильна, но онѣ не могутъ быть связаны (подчинены) между собою, ибо трактуютъ о различныхъ предметахъ. Большая посылка утверждаетъ, что условное предполагаетъ рядъ всѣхъ своихъ условій. Это положеніе—совершенно вѣрно, поскольку оно „беретъ обусловленное въ трансцендентальномъ значеніи чистой категоріи“¹⁾, какъ требованіе нашей мысли, независимо отъ условій чувственности. 2-я посылка: „условное дано“—также справедлива, но она трактуетъ уже объ условномъ, данномъ не въ мысли, а въ явленіи, посредствомъ возвращенія. 1-я посылка, значитъ, говоритъ о вещи въ себѣ, предметѣ, независимо отъ нашей чувственности, а 2-я объ явленіи, которое есть лишь наше представленіе. 1-я посылка говоритъ: „если дано условное въ себѣ (не какъ явленіе, а какъ умопостигаемый предметъ), то дано и мірозданіе“. 2-я посылка говоритъ: „условное дано не въ себѣ, а какъ явленіе“. Если же средній членъ (въ нашемъ случаѣ

¹⁾ Критика част. разума, 861 стр.

условное) понимается въ посылкахъ въ различныхъ смыслахъ, то получается *quaternio terminorum*, при которомъ невозможно никакое умозаключение. Но этотъ паралогизмъ—„не искусственный обманъ, но вполне естественная ошибка обычнаго разума“¹⁾. Избѣжать этой діалектической иллюзіи можно лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ строго различать между вещами въ себѣ и явленіями,—если будемъ помнить, что міръ, какъ цѣлое, не данъ намъ ни въ какомъ умозрѣніи,—что мы можемъ знать лишь ограниченный рядъ явленій въ тѣсныхъ предѣлахъ нашего опыта,—словомъ, если будемъ стоять на точкѣ зрѣнія трансцендентальнаго идеализма.

Выяснивъ основную матеріальную ошибку, какъ утвержденій, такъ и доказательствъ космологической діалектики, критическое изслѣдованіе ея теперь обращается къ разсмотрѣнію ея формально-логической стороны. Теперь на очереди стоитъ вопросъ: къ какому типу логическихъ сужденій должно отнести утвержденія тезисовъ и антитезисовъ—къ противорѣчающимъ или противоположнымъ? Если ихъ положенія, утверждающія: „міръ конеченъ“ и „міръ бесконеченъ“ суть сужденія противорѣчающія (А и non А), то одно изъ нихъ должно быть съ формально-логической точки зрѣнія правильнымъ, хотя бы со строго критической точки зрѣнія они и были сужденіями невозможными. Несмотря на то, что они по своей формулировкѣ (А и non А) представляются именно противорѣчающими сужденіями, они въ дѣйствительности лишь противоположныя сужденія, ибо, какъ показываетъ предыдущее изслѣдованіе, между ними можно поставить 3-е сужденіе, тогда какъ между сужденіями А и non А, по закону исключеннаго третьяго, *tertium non datur*. Въ самомъ дѣлѣ, тезисы и антитезисы, какъ мы видѣли, въ сущности утверждаютъ лишь то, что „каждая данная величина или ограничена или неограничена“. Здѣсь нѣтъ третьяго. Но основная ошибка антиномій въ томъ и заключается, что міръ не есть данная величина, ибо иначе величина (а также и пространство и время, поскольку величина можетъ существовать лишь въ нихъ однихъ) должна быть чѣмъ то даннымъ независимо отъ нашего

¹⁾ Критика чист. разума... 361 стр.

возврѣнія, сама по себѣ. Поэтому между всѣми сужденіями тезисовъ и антитезисовъ вполне можно поставить 3-е сужденіе. Такъ, между утверженіями 1-й антиноміи: „міръ, какъ данная величина, по времени и пространству—ограниченъ“, и „міръ, какъ данная величина, по времени и пространству,— не ограниченъ“, можетъ быть поставлено сужденіе: „міръ, какъ не данная величина и не могущая быть данной), по времени и пространству, ни конеченъ, ни безконеченъ“. Такимъ образомъ, оказывается, что антиноміи суть только противоположныя сужденія, которыя и въ логическомъ отношеніи могутъ быть оба ложными. Такія противоположныя сужденія, которыя имѣютъ лишь видимость противорѣчащихъ, Кантъ называетъ „діалектической оппозиціей“.

Но если космологическія идеи, порождающія антиноміи, оказываются несостоятельными ни съ матеріальной, ни съ формальной стороны, то возникаетъ вопросъ: какой же смыслъ онѣ имѣютъ въ нашемъ познаніи (ибо существованіе ихъ въ нашемъ разумѣ, при всей ихъ внутренней иллюзорности, психологически несомнѣнно)? Отвѣтъ на этотъ вопросъ Кантъ даетъ въ ученіи о „регулятивномъ принципѣ разума“. Хотя міръ никоимъ образомъ не данъ намъ, какъ цѣлое, а извѣстенъ лишь въ ограниченномъ кругѣ нашего опыта, однако космологическія идеи объ абсолютной полнотѣ и законченности мірозданія играютъ очень важную роль въ нашемъ познаніи: онѣ являются тѣмъ стимуломъ, который побуждаетъ насъ не замыкаться въ предѣлахъ уже познанныхъ нами условій (явленій), но постоянно расширять кругъ нашего познанія, для найденныхъ условій искать новыхъ и т. д. Будучи сами по себѣ, въ своемъ истинномъ значеніи, существенно-необходимыми въ составѣ нашего познанія, эти идеи являются источникомъ діалектическихъ противорѣчій лишь тогда, когда изъ регулятивныхъ принциповъ обращаются въ конститутивные, когда ихъ основное содержаніе формулируется такъ: „міръ данъ (а не заданъ), какъ цѣлое“.

Хотя предъ судомъ критическаго идеализма всѣ антиноміи оказываются несостоятельными, поскольку онѣ вообще основываются на томъ неправильномъ предположеніи, что міръ, какъ

цѣлое (вещь въ себѣ) данъ намъ въ явленіи, однако для однихъ антиномій эта ошибка оказывается роковою, непоправимою, а для другихъ она, при нѣкоторыхъ оговоркахъ и разъясненіяхъ, является лишь мнимой. Первыя двѣ, т. н. „математическія“ антиноміи, какъ мы видѣли, трактуютъ о величинѣ міра и о количествѣ его составныхъ частей. Будучи заняты величиннымъ (количественнымъ) опредѣленіемъ мірозданія, онѣ, понятно, заняты синтезомъ однороднаго, ибо „математическая связь необходимо предполагаетъ однородность соединяемаго“ ¹⁾, слагаемыхъ частей между собою и цѣлымъ. Мы не можемъ складывать версты съ годами, или пуды съ ведрами и т. п. Иначе дѣло обстоитъ съ двумя послѣдними, т. н., „динамическими антиноміями“, трактующими о причинной и условной конечности или безконечности мірозданія. „Въ связи причинъ и дѣйствій однородность хотя и можетъ встрѣчаться, но она не необходима; ибо ея по крайней мѣрѣ не требуетъ понятіе причинности, гдѣ посредствомъ одного полагается нѣчто другое, совершенно отъ него отличное“ ²⁾, гдѣ причина можетъ относиться къ одному виду бытія, а дѣйствіе—къ другому. Это различіе между математическими и динамическими антиноміями имѣетъ громадное значеніе по отношенію къ вопросу объ ихъ истинности. Если математическія антиноміи высказываютъ сужденія о величинѣ мірозданія, онѣ высказываютъ абсурдныя сужденія: величина есть продуктъ возвращенія, а мірозданіе—лишь идея, вещь въ себѣ. Ошибка ихъ, слѣд., состоитъ въ томъ, что онѣ „противорѣчащее себѣ (именно явленіе, какъ вещь въ себѣ) представляютъ соединимымъ въ одномъ понятіи“ ³⁾. Для математическихъ антиномій нѣтъ выхода изъ этого противорѣчія. Динамическія антиноміи, повидимому, представляютъ такую же нелѣпость, ибо и онѣ судятъ о причинности (которая есть отношеніе лишь между явленіями) мірозданія (вещи въ себѣ), но для нихъ есть возможность сгладить эту нелѣпость. Если причина и дѣйствіе вообще неоднородны, то отчего не предположить, „чтобы они были со-

¹⁾ Прологомени... § 53.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, §§ 52—53.

срещенно неоднородны, чтобы дѣйствіемъ было явленіе, а причину его составляла бы вещь въ себѣ,... чтобы идея была *причиною* явленія, условіемъ чувственнаго бытія?“¹⁾ Кантъ утверждаетъ, что это не только возможно, но и дѣйствительно—такъ. Необходимость и свобода вполне могутъ совмѣщаться въ міровомъ бытіи: „ложность предположенія динамическихъ антиномій состоитъ въ томъ, что соединимое представляется противорѣчающимъ“²⁾. Такимъ образомъ, если въ математическихъ антиноміяхъ и тезисы и антитезисы должны быть признаны ложными, то въ динамическихъ, наоборотъ, какъ тѣ, такъ и другіе, могутъ быть истинными.

Вопросъ о примиреніи принципа свободы съ всеобщимъ закономъ естественной причинности, по признанію самого Канта, является вопросомъ „въ высшей степени темнымъ“³⁾. Если допустить реальное существованіе свободы, „способности начинать состоянія изъ себя, независимо отъ законовъ природы“, въ мірѣ явленій,—это значитъ отрицать „основной законъ трансцендентальной аналитики о непрерывной связи всѣхъ событій чувственнаго міра по неизмѣннымъ законамъ“⁴⁾. Значитъ, нужно отнести свободу къ міру вещей въ себѣ. Различіе между вещами *an sich* и явленіями—необходимое условіе мыслимости свободы. „Свободы не спасти, если явленія суть вещи въ себѣ“⁵⁾. Но ясно, что „спасеніе“ свободы только тогда имѣетъ реальный смыслъ, если остается какая нибудь возможность связи этого принципа съ міромъ явленій. Возможность этой связи Кантъ выясняетъ въ ученіи объ „эмпирическомъ и умопостигаемомъ характерѣ“ вещей. Каждый предметъ по своей природѣ, т. о., двойственъ: одну (эмпирическую) сторону его составляетъ то, что доступно нашимъ чувствамъ, а другую (внтеллигибельную т. е. умопостигаемую)—присущая предмету „способность, которая уже не есть предметъ чувственнаго созерцанія, но черезъ когорую этотъ предметъ можетъ быть причиною явленія“⁶⁾. 1-я изъ указанныхъ сторонъ и составляетъ эмпирическій характеръ вещи, который вполне подчиненъ за-

1) Куно-Фишеръ. Цит. соч. III т. 483 стр.

4) Ibid., 384, 386 стр.

2) Прологомены... § 53.

5) Ibid. 386.

3) Критика ч. разума... 387.

6) Ibid. 388 стр.

конамъ естественной причинности, а 2-я—характеръ умопостигаемый, который хотя и является причиною эмпирическаго, но „самъ не стоитъ подъ условіями чувственности и самъ не есть явленіе ¹⁾. Этотъ умопостигаемый характеръ и есть принципъ свободы, который, будучи трансцендентнымъ, является „причиною дѣйствій“ чувственнаго міра. Эта „причинность черезъ свободу“ ощутительнымъ образомъ открывается въ „разумѣ“ человѣка, съ его нравственнымъ закономъ, выражающимся въ формѣ безусловнаго „долженствованія“ ²⁾

Подобнымъ же образомъ разрѣшается и 4-я антиномія. Такъ какъ условное бытіе и условіе суть понятія различныя по роду, то они могутъ быть и существенно различны между собою по природѣ; слѣд., условное бытіе можетъ быть случайнымъ, тогда какъ условіе его будетъ совершенно необходимымъ бытіемъ. Но такъ какъ всѣ эмпирическія явленія представляются условнымъ бытіемъ, то необходимое существо должно быть бытіемъ, внѣмѣрнымъ (*ens extramundatum*). Такимъ образомъ, какъ тезисъ, такъ и антитезисъ 4-й антиноміи—оба правильны посколькy 1-й говоритъ о мірѣ вещей въ себѣ, а 2-й объ условномъ мірѣ явленій.

Résumé изложеннаго ученія Канта объ антиноміяхъ чистаго разума—такое. Отвѣчая на 1-й изъ поставленныхъ вопросовъ, какъ объяснить разладъ разума съ самимъ собою въ космологической проблемѣ, составляетъ-ли онъ радикальное противорѣчіе его, или же только случайное,—Кантъ отвѣчаетъ: „да, четыре космологическія антиноміи имѣютъ корень въ самой природѣ нашего познающаго духа; этотъ разладъ неизбѣженъ, если нашъ разумъ берется разрѣшать метафизическія (трансцендентальные) вопросы о мірозданіи, какъ цѣломъ,—если мы

¹⁾ Ibid. 389 стр.

²⁾ Хотя „умопостигаемый характеръ при данныхъ условіяхъ даетъ именно этотъ эмпирическій характеръ“, однако эти 2 стороны бытія обладаютъ полною самостоятельностью. Доказательство независимости принципа свободы отъ эмпирической причинности Кантъ указываетъ въ томъ, что мы порицаемъ преступника за совершенное злодѣйство, хотя бы оно обуславливалось обстоятельствами его воспитанія и среды. „Это порицаніе основывается на законѣ разума, при чемъ въ разумѣ видать причину, которая можетъ и должна опредѣлять поведеніе людей независимо отъ всѣхъ эмпирическихъ условій (ibid. 399—400 стр.).

покидаемъ единственно доступную намъ область опытнаго знанія. Разрѣшеніе антиномій, въ которыя нашъ разумъ „неизбѣжно запутывается“ при этомъ предпріятіи, въ сущности сводится у Канта къ выясненію ихъ неразрѣшимости. На проблему о конечности и безконечности міра (въ ея различныхъ формахъ) трансцендентальный идеализмъ налагаетъ строгое veto. Разумѣется, 2-й изъ намѣченныхъ у Канта вопросовъ,—сохраняется ли при этомъ раздвоеніи разума „путь къ достоверности“, уже не имѣетъ значенія, ибо касательно тѣхъ вопросовъ, гдѣ обнаруживается это раздвоеніе разума, не можетъ быть дано никакого отвѣта, ни истиннаго, ни ложнаго.

Справедливъ-ли этотъ строгій приговоръ Канта въ судебномъ процессѣ антиномій, безапелляціонно отказавшій въ искѣ обѣимъ тяжущимся сторонамъ,—и тезисамъ и антитезисамъ? Критико-скептическое рѣшеніе антиномій есть ли единственно-возможное? За отвѣтомъ на эти вопросы мы обращаемся къ позднѣйшей (послѣ—кантовской) исторіи философіи, не разъ пересматривавшей громкое и запутанное „дѣло“ о космологическихъ антиноміяхъ.

Въ ближайшее время послѣ Канта приговоромъ критическаго идеализма, повидимому, всѣ оставались довольны. Изъ всѣхъ пунктовъ кантовской философіи отдѣлъ объ антиноміяхъ всего менѣе вызывалъ возраженій ¹⁾. Принципъ антиномій, какъ неизбежныхъ противорѣчій нашего духа, былъ принятъ Фризомъ, Фихте, Гегелемъ и др., и даже былъ положенъ въ основу ихъ философскихъ системъ. Но уже этотъ громкій успѣхъ кантовскихъ антиномій говорилъ не столько о внутренней жизненности этого ученія Канта, сколько объ его искусственности и односторонности. Если Кантъ выводилъ изъ „законовъ нашего разума“ лишь „четыре антимоніи, не болѣе и не менѣе“, то Гегель распространилъ этотъ законъ на все наше познаніе, которое все основано на принципѣ противорѣчія. Далѣе, если Кантъ находилъ антиноміи лишь въ нашемъ разумѣ, когда онъ регулятивные принципы познанія принимаетъ за конститутивные, то Гегель находилъ антиноміи

¹⁾ Ср. Шопенгауэръ. Миръ, какъ воля и представленіе. Черев. Черняговца, 153 стр.

въ самой природѣ, объявлялъ ихъ принципомъ міроваго бытія, которое развивается по діалектическому закону положенія, отрицанія и синтеза ¹⁾. Такимъ образомъ, ученіе Канта объ антиноміяхъ разума послужило основаніемъ для воздушнаго замка конструктивнаго идеализма. Конечно, нельзя обвинять Канта въ ошибкахъ его послѣдователей, но эта удивительная метаморфоза кантовскаго принципа показываетъ, что открытый Кантомъ „законъ разума“, на которомъ зиждутся 4 космологическія антиноміи, не можетъ претендовать на такую же самоочевидность, какъ логическіе законы тождества, противорѣчія и др.

Первымъ наиболѣе серьезнымъ критикомъ кантовскаго ученія объ антиноміяхъ былъ Шопенгауэръ ²⁾. Шопенгауэръ, прежде всего, оспариваетъ тотъ формальный принципъ, изъ котораго Кантъ выводитъ свои антиноміи. Искусственность связи между схемою гипотетическаго заключенія и космологическою идеею, съ одной стороны, и между количествомъ категорій и числомъ антиномій, съ другой, является очевидною для каждаго непредубѣжденнаго критика. Самая схема категорій, выведенная Кантомъ изъ природы сужденія, оказывается очень сомнительною. Известно, что число категорій, какъ до Канта, такъ и послѣ него, опредѣлялось почти каждымъ мыслителемъ различно (Шопенгауэръ, напр., всѣ категоріи свелъ къ субстанціи и причинности), что было бы, по крайней мѣрѣ, странно, если бы открытая Кантомъ схема категорій была какимъ либо объективнымъ „закономъ“ мышленія. По Шопенгауэру, если съ нѣкоторыми натяжками можно допустить выведеніе космологической идеи изъ категоріи количества, то никакъ нельзя оправдать выведеніе идеи о пространственной дѣлимости матеріи изъ категоріи качества. „Механическая, а не химическая, дѣлимость матеріи сводится какъ разъ къ ея количеству, а не качеству. Но (что и того больше) вся эта идея о дѣлимости матеріи вовсе не принадлежитъ къ слѣдствіямъ по закону основа-

¹⁾ Гегель. Логика § 58. Переводъ Чижова. 198—9 стр.

²⁾ Существенно сходится во многихъ пунктахъ съ критикою Шопенгауэра взгляды Франца Эрхардта (F. Erhardt), брошюрою котораго „Kritik d. Kantisch. Antinomien lehre (Leipzig. 1888) мы пользовались.

нія, изъ котораго, какъ изъ содержанія гипотетической формы заключенія, должны вытекать всѣ космологическія идеи. Утвержденіе Канта, будто отношеніе частей къ цѣлому есть отношеніе условія къ условливаемому, т. е. отношеніе по закону основанія, — тонкій софизмъ¹⁾. Такая же искусственность наблюдается въ формальномъ обоснованіи и динамическихъ антиномій Канта. Въ третью рубрику категорій (*relatio*), — говоритъ Шопенгауэръ, — слѣдовало бы помѣстить идею о 1-й причинѣ міра. Но Кантъ долженъ былъ прибегнуть къ 4-й — модальности, похъ которую онъ „втискиваетъ“ эту идею на томъ ложномъ соображеніи, что случайное (т. е. каждое слѣдствіе изъ своего основанія) посредствомъ 1-й причины становится необходимымъ. Вслѣдствіе этого, въ угоду симметріи, въ качествѣ 3-й идеи является понятіе свободы, равнозначущее понятію 1-й причины. 3-я и 4-я антиноміи представляютъ, такимъ образомъ, тавтологію²⁾. Будучи внесена въ угоду искусственной симметріи, 4-я антиномія между тѣмъ нарушаетъ естественную симметрію антиномій, привнося въ космологическую проблему онтологическій элементъ. Если сущность динамическихъ антиномій сводится къ противоположенію между условнымъ и безусловнымъ, то эта противоположность съ космологической точки зрѣнія вполне исчерпывается 3-ею антиноміей (о причинности и принципѣ свободы). 4-я антиномія лишь поясняетъ природу этого принципа съ онтологической стороны. Но вопросъ, — безусловно ли необходимо это свободно дѣйствующее бытіе съ космологической точки зрѣнія, представляется излишнимъ, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ спеціально разсматривается Кантомъ при критикѣ онтологическаго доказательства бытія Божія³⁾.

Анатолій Орловъ.

(Окончаніе будетъ).

1) Міръ, какъ воля и представленіе, 142—3 стр.

2) Ibid. 142—4 стр.

3) Ср. Erhardt. Op. cit. 35—38 pp.

Фридрихъ Ницше—„антихристъ“ въ новѣйшей философіи, Лоренца Фишера.

(Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцію М. Воскресенскаго).

(Продолженіе *).

Другой и даже главный недостатокъ общепринятой морали состоитъ въ томъ, что она есть „мораль рабовъ“; она указываетъ людямъ выше земного на небесное, вѣчное, божественное, коротко говоря, она—религіозна; религіозна въ своемъ источникѣ и религіозна въ своей конечной цѣли. Это существенный ея недостатокъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы подошли къ вопросу, какъ Ницше относился къ религіи въ третій періодъ своей философіи?

Съ этого времени, до конца своей жизни, Ницше былъ полнымъ атеистомъ, и потому онъ былъ отъявленнымъ врагомъ религіи, „Богъ мертвъ“, говоритъ Ницше, „да и всѣ боги—мертвы“! Это было для него, какъ мы уже слышали, настоящимъ евангеліемъ, отраднѣйшею вѣстію, которую онъ часто сообщалъ своимъ послѣдователямъ съ великой радостію.

Но если Богъ для него мертвъ, въ такомъ случаѣ и небо и вѣчность естественно для него теряли свой смыслъ, и у него оставались еще только видимый міръ, земля и временное. Вотъ почему „небесное“ ему казалось „выдумкой больныхъ и умирающихъ, которые презираютъ тѣло и землю“¹⁾: Потому-то онъ взывалъ къ своимъ послѣдователямъ: мое „я“ научило меня новой гордости, которой я научаю людей: не зарывать болѣе

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 8.

1) Zarathustra W. W. VI, 43.

голови въ песокъ небесныхъ вещей, а носить ее свободно, какъ принадлежащую землѣ и сообщающую землѣ смыслъ". Далѣе, онъ такъ проситъ и закликаетъ своихъ приверженцевъ: „силою вашей добродѣтели оставайтесь вѣрными землѣ, братья мои! Ваша щедрая любовь и ваше познаніе пусть служатъ смыслу земли“!

И эта религіозная, или лучше сказать, безрелигіозная точка зрѣнія Ницше подобно тому, какъ и его моральныя воззрѣнія, должна быть обязательной только для него и для высшихъ людей, собственно сверхчеловѣка, но отнюдь не для остального человѣчества, не для большинства. Напротивъ, онъ полагаетъ, что религія для большей части человѣчества составляетъ нѣчто весьма превосходное и знаменательное, почему онъ весьма рѣзко бичуетъ тѣхъ современниковъ, которые или вслѣдствіе своего „вольномудства“ или вслѣдствіе своего вѣчнаго гешефтмахерства уклоняются отъ споспѣшествованія религіи. При этомъ онъ говорилъ рѣзкую правду въ глаза въ особенности религіозно-индифферентнымъ ученымъ и профессорамъ нашего времени. Послушаемъ снова самого Ницше:

„Между нѣмцами, уклонившимися отъ религіи, я нахожу вольномудцевъ, но больше всего такихъ людей, которые старательно изъ рода въ родъ разрушали религіозныя инстинкты, такъ что они не знаютъ болѣе, какова польза религіи, и только съ какимъ то тупымъ удивленіемъ какъ бы заносятъ въ реестръ ея существованіе въ мірѣ. И они еще думаютъ, что съ нихъ этого вполне достаточно, эти молодцеватые люди, будто дѣло идетъ объ ихъ обычныхъ занятіяхъ, объ удовольствіяхъ, не говоря уже о „фатерландѣ“, газетахъ и семейныхъ обязанностяхъ. Кажется, у нихъ совершенно не остается времени для религіи; особенно для нихъ неясно, трактуется ли при этомъ о новомъ дѣлѣ или объ удовольствіи; ибо невозможно, говорятъ они себѣ, идти въ церковь, чтобы всецѣло испортить хорошее расположеніе духа. Они не враги религіозныхъ обычаевъ; если въ извѣстныхъ случаяхъ требуется участіе въ такихъ обычаяхъ, напримѣръ, со стороны государства, то они исполняютъ это требованіе подобно тому, какъ дѣлаютъ и многое другое, съ терпѣливой и скромной важно-

стію и безъ излишняго любопытства и неудовольствія; они подлинно слишкомъ далеки отъ того, чтобы находить для себя нужнымъ хотя бы только одно „за“ и „противъ“ въ такихъ вещахъ.

Къ этимъ равнодушнымъ принадлежитъ теперь большинство нѣмецкихъ протестантовъ среднихъ сословій, особенно въ рабочихъ, большихъ центрахъ торговли и оборота; также большинство трудолюбивыхъ ученыхъ и цѣлыхъ университетскихъ корпорацій (исключая теологовъ, существованіе и возможность которыхъ тамъ представляетъ психологу для рѣшенія все болѣе и болѣе трудную загадку). Набожные или только церковные люди уже рѣдко думаютъ о томъ, что если нѣмецкій ученый серьезно занимается проблеммой религіи, то въ этомъ заключается много доброй воли, можно сказать, самоотверженной воли. Вслѣдствіе всего своего ремесла (или, какъ было сказано, вслѣдствіе ремесленнаго трудолюбія, къ которому обязываетъ его научная совѣсть повѣйшаго времени), онъ склоненъ къ сознательной, почти благосклонной забавѣ въ отношеніи къ религіи, къ чему пока примѣшивается легкое пренебреженіе, вызываемое неискренностію, которую онъ предполагаетъ вездѣ, гдѣ признаютъ церковь. Ученому удается только съ помощью исторіи (значить, не изъ своего личнаго опыта) прийти предъ религіей въ благоговѣйную серьезность и удѣлить ей въ нѣкоторомъ смыслѣ осторожное вниманіе; но если бы онъ повысилъ свое чувство даже до благодарности къ ней, то онъ лично ни на шагъ не приблизился бы къ тому, что составляетъ церковь или благочестіе; быть можетъ, вышло бы наоборотъ. Практическое равнодушіе къ религіознымъ предметамъ, въ которомъ онъ родился и воспитался, обыкновенно у него достигаетъ осторожности и чистоты, которая боится соприкосновенія съ религіозными людьми и предметами. Въ этомъ, быть можетъ, заключается глубина его терпимости и человѣчности, побуждающей его уклоняться отъ малѣйшаго стѣсненія, которое приноситъ съ собою его терпимость.

Каждое время имѣетъ свой собственный диковинный родъ наивности, приобрѣтенію которой могутъ позавидовать другіе вѣка. И какъ много наивности важной, дѣтской, безгранично глуповатой наивности заключается въ этой чрезмѣрной вѣрѣ

ученаго, въ доброй совѣсти, свойственной его терпимости, въ недалекой простой увѣренности, съ которой онъ инстинктивно трактуетъ религіознаго человѣка, какъ малоцѣнный, низкій типъ, изъ котораго онъ давно уже выросъ,—онъ маленькій заносчивый карликъ и чернорабочій, усердно—проворный рабочій ума и руководѣльникъ „идей“, „новѣйшихъ идей“¹⁾).

Такъ Ницше судить о своихъ собственныхъ нерелигіозныхъ коллегахъ. Но и самъ Ницше, будучи профессоромъ университета, былъ чуждъ религіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ заразъ онъ произноситъ приговоръ и надъ самимъ собой.

Но хотя бы „вышіе люди“ въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаетъ Ницше, были сами нерелигіозны, все же, въ отличіе отъ обыкновенныхъ враговъ религіи, они цѣнятъ религію въ другихъ, съ одной стороны, какъ воспитательное средство для этихъ послѣднихъ, съ другой стороны, какъ средство утѣшенія и усовершенствованія: „Для людей сильныхъ, независимыхъ, призванныхъ и предопредѣленныхъ къ владычеству, въ которыхъ воплощается разумъ и искусство правящей расы, религія скорѣе есть средство преодолѣть препятствія къ владычеству: когда связь, соединяющая вмѣстѣ властителей и подчиненныхъ, и совѣсть послѣднихъ, ихъ сокровенное и по-таенное, чего нельзя привести къ добровольному послушанію,—когда все это измѣняетъ первымъ и уклоняется отъ нихъ; когда отдѣльные личности такого знатнаго происхожденія, въ силу возвышеннаго образа мыслей, склоняются къ отшельнической и созерцательной жизни и предоставляютъ себѣ только тончайшій родъ владычества (надъ учениками и братьями ордена),—тогда религіей можно пользоваться даже, какъ средствомъ создать себѣ покой отъ шума и трудности грубаго царствованія, какъ средствомъ стяжать чистоту отъ неизбежной грязи всякаго политиканства“.

Такъ понимали это, напримѣръ, брамины: съ помощью религіозной организаціи они приобрѣли себѣ власть назначать народу королей, хотя они держались въ сторонѣ и вдали, какъ люди высшихъ и неправительственныхъ задачъ. Религія даетъ

¹⁾ Jenseits, S. 76 f.

классу подчиненныхъ наставленіе и указаніе подготовиться къ непоколебимому господствованію и приказанію: именно тѣмъ медленно возвышающимся классамъ и сословіямъ, въ которыхъ, благодаря счастливымъ брачнымъ правамъ, сила и хотѣніе воли, а вмѣстѣ съ тѣмъ самообладаніе, все болѣе возвышаются. Но въ то же самое время религія представляетъ и этимъ послѣднимъ много соблазновъ и искушеній проложить пути къ высшему состоянію духа, испытать чувства строгаго самоотреченія, молчанія и уединенія: аскетизмъ и пуританизмъ—почти необходимыя средства воспитанія и облагороженія, если раса хочетъ стать выше своего происхожденія, стать повелительницей черни и достигнуть непоколебимаго господства.

Наконецъ, обыкновеннымъ людямъ, большинству тѣхъ, которые существуютъ для услугъ, во всеобщую пользу, и этимъ только живутъ, религія даетъ несоцѣннмое довольство своимъ положеніемъ и видомъ, производитъ душевный миръ во всѣхъ отношеніяхъ, облагораживаетъ послушаніе, приноситъ съ собою счастье и еще болѣе горе и тому подобное, частью преобразяетъ и прикрашиваетъ, частью подаетъ оправданіе во всякое время, во всякой низости, во всякомъ полуживотномъ убожествѣ ихъ души. Религія и религіозное значеніе жизни озаряетъ солнечнымъ сіяніемъ такихъ постоянно измученныхъ людей и дѣлаетъ для нихъ сноснымъ даже собственное положеніе. Она дѣйствуетъ, какъ обыкновенно дѣйствуетъ эпикурейская философія на страждущихъ высшаго типа, успокаивая, ослабляя, какъ бы употребляя во благо страданіе, наконецъ, даже освящая и оправдывая¹⁾.

„Необходимо благодарить религіи за безцѣнныя услуги: кто довольно богатъ благодарностію, тотъ не станеъ прежде всего бѣднымъ, что, напримѣръ, до сихъ поръ дѣлали для Европы „духовные люди“ христіанства!“²⁾.

Поэтому Ницше цѣнилъ также церковь, и она у него имѣла значеніе института болѣе важнаго, чѣмъ государство³⁾, такъ какъ она обезпечиваетъ существованіе духовныхъ людей высшаго типа.

¹⁾ Jenseits, S. 79 ff

²⁾ Ibidem, S. 82.

³⁾ Fröliche Wissenschaft, Leipzig, 1887, S. 296

По той же причинѣ, несмотря на то, что Ницше происходилъ изъ протестантской, собственно лютеранской семьи и былъ сыномъ лютеранскаго пастора, онъ питалъ болѣе симпатіи къ католической церкви, чѣмъ къ протестантизму, потому что католическая церковь стремится осуществитъ въ своихъ священникахъ идеаль „высшаго человѣка“, между тѣмъ Лютеръ поставилъ своихъ священниковъ наряду съ мірянами.

„Лютеранская реформація на всемъ своемъ протяженіи была возстаніемъ простоты противъ чего то „многосложнаго“, или, говоря съ осторожностію, она была грубымъ, честнымъ недоразумѣніемъ, въ которомъ многое слѣдуетъ извинить. Сторонники реформаціи не понимали выраженія—„побѣдоносная церковь“ и видѣли только порчу нравовъ, они не понимали блестящаго скепсиса, той роскоши скепсиса и терпимости, которая позволяетъ себѣ побѣдоносная, самоувѣренная сила... Теперь довольно часто выпускаютъ изъ виду, какъ Лютеръ увлекался во всѣхъ кардинальныхъ вопросахъ просто роковымъ образомъ, поверхностно, неосторожно, такъ что его предпріятіе, его намѣреніе преобразовать римскую церковь было только началомъ разрушенія, хотя этого онъ не хотѣлъ и не сознавалъ. Съ честнымъ негодованіемъ онъ расторгалъ и распускалъ тамъ, гдѣ старый паукъ наистарательнѣе и наидлиннѣе ткалъ свою паутину. Онъ далъ священныя книги всякому въ руки. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ попали въ руки филологовъ, то есть, отрицателей всякой вѣры, которая покоится на книгахъ. Онъ разрушилъ понятіе „церковь“, отвергнувъ вѣру въ богодуховенность соборовъ; ибо это понятіе сохраняетъ свою силу только подъ тѣмъ условіемъ, если животворящій Духъ, основавшій церковь и въ ней живущій, еще созидаетъ и продолжаетъ созидать свое жилище.

„Всякій самъ для себя священникъ“, за такими формулами и ихъ крестьянской хитростію скрывалась у Лютера безграничная ненависть къ „высшему человѣку“ и господству „высшаго человѣка“, какъ его постигала церковь,—онъ разбилъ идолъ, котораго онъ не могъ постигнуть; между тѣмъ ему казалось, что онъ поборалъ противъ вырожденія этого идеала. Въ дѣйствительности, этотъ несносный монахъ отвергъ гос-

подство *hominum religiosorum*; стало быть, въ нѣдрахъ церковно-общественнаго порядка онъ дѣлалъ именно то самое, противъ чего въ отношеніи къ гражданскому порядку возставалъ съ такою нетерпимостью, именно, противъ возстанія крестьянъ“¹⁾).

Эти весьма достойныя вниманія, очень интересныя сужденія Ницше—тѣмъ интереснѣе, чѣмъ менѣе всего можно было ожидать ихъ съ его стороны.

Итакъ, Ницше цѣнилъ и религію, и церковь, признавая ихъ важное значеніе для человѣчества, хотя онъ самъ въ эту послѣднюю эпоху своей философіи не исповѣдывалъ болѣе религіи, отрекшись отъ Бога и вѣчной жизни.

Послушаемъ самого Ницше.

„Всякое вождельніе хотеть себя самого, повтому оно хотеть и сердечнаго страданія! О счастье, о страданіе! О, разорвись сердце! Внимайте же, „вышіе люди“: хочется страстно вѣчности, страстно хочется вѣчности всѣхъ вещей, хочется глубокой, глубокой вѣчности“²⁾!

И повтому Ницше тоскуеть по вождельнной и блаженной вѣчности, какъ это ясно слѣдуетъ изъ его собственныхъ словъ: „О какъ же страстно не стремиться мнѣ къ вѣчности, къ брачному кольцу колець,—кольцу вѣчности! Никогда я не встрѣчалъ еще женщины, отъ которой мнѣ хотѣлось бы имѣть дѣтей, да будетъ жа она любимой моею женою: люблю же я тебя, о вѣчность“³⁾).

Но такъ какъ, по Ницше, всѣ вещи временны и преходящи, а съ ними и хотѣніе ихъ, то какъ возможна ихъ вѣчность?

На это Ницше отвѣчаетъ: „всѣ вещи вѣчно возрождаются“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хотѣніе. Первымъ провозвѣстникомъ этого ученія онъ считаетъ себя самого. Такъ онъ говоритъ: „Смотри, мы знаемъ, чему ты учишь: ты учишь, что всѣ вещи вѣчно возрождаются, а вмѣстѣ съ ними и мы, и что мы уже существовали безконечное число разъ, какъ и всѣ вещи. Ты учишь, что существуетъ великій годъ бытія, чудовищно великій годъ: онъ долженъ совершать круговращеніе всякій разъ“

1) Fröliche Wissensschaft, 1887, S. 293 ff. 2) Zarathustra, W. W. VI, 334.

3) Zarathustra, W. W. VI, 470.

опять сызнова, какъ песочные часы, чтобы сызнова протекать и втекать, такъ что всѣ эти годы походятъ сами на себя, какъ въ величайшемъ, такъ и въ самомъ маломъ,—и мы сами въ каждомъ великомъ году походимъ на самихъ себя, какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ“¹⁾).

Все уходитъ и все возвращается; вѣчно вертится колесо бытія. Все умираетъ, все вновь расцвѣтаетъ, вѣчно годъ за годомъ протекаетъ въ бытіи.

Все распадается, все вновь смыкается; вѣчно воздвигается все тотъ же домъ бытія. Все разстается, все вновь встрѣчается; вѣчно остается вѣрнымъ себѣ кольцо бытія.

Въ каждомъ мгновениіи зарождается бытіе; вокругъ каждого „здѣсь“ обращается „тамъ“. Середина повсюду. Кривая—это стезя вѣчности“.

Вотъ мы ясно представили и третью философскую фазу Ницше въ ея внутренней и систематической связи, какъ этого еще никто не сдѣлалъ, а теперь намъ надлежитъ пробнымъ камнемъ испытать ея состоятельность.

1. Міросозерцаніе Ницше въ его третьемъ періодѣ основывается, какъ мы видѣли выше, на существенномъ въ жизни, собственно на здоровьѣ, по которомъ онъ больно тосковалъ, такъ какъ очень часто долженъ былъ претерпѣвать его недостатокъ. А значеніе существеннаго въ жизни для него имѣлъ „инстинктъ роста, прочности, накопленія силъ, инстинктъ власти“. Да, жизнь есть воля къ власти; ибо, говоритъ Ницше, гдѣ я находилъ жизнь, тамъ я находилъ волю къ власти“. Поэтому, по его мнѣнію, жизнь состоитъ въ постоянной борьбѣ и безпрестанномъ преодолѣніи.

Это принципиальное пониманіе жизни для Ницше было за разъ и основнымъ принципомъ его міросозерцанія; ибо на немъ покоится вся его философія въ его послѣдней фазѣ развитія. Спрашивается теперь, согласно ли съ истиной и дѣйствительностію это пониманіе жизни?

¹⁾ Zarathustra, W. W. VI, 821.

На это мы отвѣтимъ: только отчасти согласно, но не вполне. Въ самомъ дѣлѣ, если влеченіе къ росту и существуетъ въ жизни, то все же оно не постоянно; ростъ не господствуетъ на всемъ продолженіи здоровой жизни, но онъ продолжается только въ извѣстное время, пока существо не достигнетъ высшей точки своего развитія; тогда онъ ослабѣваетъ и прекращается, хотя бы еще и не наступила болѣзнь.

То же самое слѣдуетъ сказать и о „накопленіи силъ“: и это послѣднее продолжается не во все теченіе здоровой жизни, но только въ извѣстное время. Значить, накопленіе силъ также не составляетъ сущности жизни.

Что же касается затѣмъ ницшеанскаго основнаго понятія жизни, какъ „воли къ власти“, то и это понятіе отнюдь не свободно отъ возраженій. Дѣло въ томъ, что Ницше употребилъ здѣсь слово „воля“ въ широкомъ смыслѣ. Но, согласно общепринятому словоупотребленію, подъ волей „слѣдуетъ понимать только сознательное стремленіе существа къ цѣли“. Но такое стремленіе, согласно вашему опыту принадлежитъ только человѣку между земными существами, а остальнымъ живымъ существамъ оно не принадлежитъ. Тѣмъ не менѣе, подобно своему учителю Шопенгауеру, Ницше приписываетъ волю всѣмъ живымъ существамъ безъ исключенія, стало быть, и растеніямъ и животнымъ, рассматривая уже просто всякое смутное влеченіе, какъ волю.

Но все это, очевидно, ни съ чѣмъ несообразно и недопустимо. Да, прежде Ницше самъ понималъ это и порицалъ Шопенгауера, а теперь онъ впадаетъ въ ту же самую ошибку. И замѣчательно! спустя нѣсколько лѣтъ у него еще разъ произошелъ переворотъ въ этомъ отношеніи; тутъ воля обратилась у него уже въ простое слово! Въ сочиненіи: „Сумерки кумировъ“ онъ говоритъ: „важныя послѣдствія вытекаютъ изъ коренной ошибки, будто воля есть нѣчто дѣятельное, будто воля есть способность... Теперь мы знаемъ, что она есть простое слово ¹⁾. Сперва, слѣдовательно, воля имѣла у него значеніе воли и вмѣстѣ съ тѣмъ воли къ власти, какъ нѣчто

¹⁾ Götzendämmerung (1889). W. W. VIII, 80.

высшее и выдающееся по своему значенію на землѣ, и прямо таки, какъ міровой принципъ, а нѣсколько лѣтъ спустя она стала для него „простымъ словомъ“!

Здѣсь открывается опять обычное непостоянство Ницше даже въ его основныхъ взглядахъ. Безспорно, повѣтому прекрасно говорятъ J. E. v. Grotthus: Ницше—перемѣнчивъ, какъ море, бесконечно непостояненъ, какъ море, опасенъ, какъ море. Повѣтому не довѣрайся вѣроломному, а только вѣрному! ¹⁾. Кажется, будто съ его глубокаго дна блещутъ въ золотѣ зубы и башни потонувшихъ царственныхъ городовъ. Но это только художественный обманъ, только отрадное видѣніе ²⁾.

2. И дальнѣйшее пониманіе Ницше относительно сущности жизни односторонне и, по крайней мѣрѣ, не вполне справедливо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и извлекаемыя изъ него слѣдствія. Такъ, на примѣръ, онъ говоритъ: „жизнь есть въ существѣ дѣла присваиваніе, поврежденіе, поработеніе чужого и болѣе слабо, угнетеніе, жестокость, навязываніе собственныхъ формъ, присоединеніе и по меньшей мѣрѣ эксплуатація“ ³⁾. „Эксплуатація присуща всему живому, какъ органическая основная функція; она есть слѣдствіе настоящей воли къ власти, а эта послѣдняя есть воля къ жизни“ ⁴⁾.

На это слѣдуетъ возразить: организмъ, во всякомъ случаѣ, воспринимаетъ въ себя матеріалы извнѣ для поддержанія жизни и усваиваетъ ихъ себѣ. Но черезъ то матеріалы не портятся и не лишаются силы, они не попираются и не расхищаются, но, напротивъ, получаютъ черезъ это усвоеніе живымъ организмомъ высшую форму бытія, чѣмъ они имѣли прежде.

И Ал. Риль въ этомъ отношеніи вѣрно возражаетъ Ницше: жизнь состоитъ не только изъ борьбы, распри и измѣны; основной характеръ ея составляютъ согласіе, гармонія функцій, объединенныхъ для общей цѣли или успѣха ⁵⁾.

Равнымъ образомъ, J. E. v. Grotthus удачно замѣчаетъ: „Почему находятъ признакъ жизни именно въ понятіяхъ

¹⁾ Да и себѣ самому Ницше былъ вѣренъ въ одномъ только—въ невѣрности.

²⁾ J. E. v. Grotthus, Probleme u. Charakterköpfe. Stuttgart, A. 3, S. 38.

³⁾ Jenseits, 229 f.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ A. Riehl, Fr. Nietzsche, Der Künstler und der Denker; A. 2, 1898, S. 97.

борьбы и насилія, которыя къ тому же можно примѣнять только къ царству животных? Почему съ такимъ же правомъ не находятъ принципа жизни въ гармоническомъ содѣйствіи, въ страстномъ стремленіи другъ къ другу? Борьба и насиліе суть субъективныя и прикрашенныя понятія; противоположность имъ составляютъ нравственныя достоинства: миръ и самоотреченіе. Мы въ правѣ говорить только о движеніи силъ, о сближеніи и сліяніи вещей для произведенія новыхъ формъ и явленій. Но гдѣ въ природѣ появляются эти движенія и сближенія въ качествѣ исключительно звѣрскаго стремленія къ разрушенію и порабощенію? Не наблюдаемъ ли мы такъ ясно въ природѣ противоположный принципъ пощады, сохраненія, рачительнаго ухода и помощи? Пусть меньшее животное подвергается преслѣдованію со стороны большаго; но поѣтому будетъ ли состоять его назначеніе исключительно въ томъ, чтобы служить кормомъ для большаго животнаго. Какъ тотъ родъ, такъ и этотъ не получилъ ли свое бытіе и свое право на бытіе отъ одной и той же творческой силы, напримѣръ, малѣйшее насѣкомое наряду съ величайшимъ хищнымъ животнымъ? Нѣкоторыя породы надѣлены способностію поддѣлываться подъ окраску своей окрестности и ускользаютъ вслѣдствіе этого отъ глаза преслѣдователя. Что иное, какъ не принципъ пощады и защиты природа сама противопоставила принципу разрушенія, какъ уравновѣшивающую силу?

Принципъ жизни находитъ свое побѣдоносное, наиболѣе типичное выраженіе въ рожденіи, въ сохраненіи и передачѣ жизни. Но кто могъ бы разсматривать рожденіе, какъ борьбу и порабощеніе? Не скорѣе ли слѣдуетъ разсматривать его, какъ взаимную преданность, какъ пылкое обоюдное объятіе и сліяніе другъ въ другъ¹⁾? Итакъ, все это противорѣчитъ тому, что Ницше выдалъ за сущность жизни!

А потомъ слѣдуетъ помнить, что Ницше всегда имѣетъ въ виду только физическую жизнь и отсюда извлекаетъ свои заключенія о человѣкѣ и его культурѣ. Но человѣкъ въ дѣйствительности не только тѣлесное, но и духовное существо, и именно послѣдняя природа составляетъ специфическую, от-

¹⁾ J. E. v. Grotthus, a. a. O. S. 34.

личительную, а потому и преимущественно важную его особенность. Теперь, конечно, и духовной жизни человека свойственны „присвоеніе“ и „усвоеніе“ чужого. Дѣйствительно, и духъ вуждается для своего развитія и образованія въ возбужденіи и матеріалѣ извнѣ и получаетъ его посредствомъ обученія, обращенія съ другими людьми и чтенія. Но въ то время какъ человѣческій духъ заимствуетъ отъ другихъ мысли и чувства и дѣлаетъ ихъ своими, онъ вслѣдствіе этого не похищаетъ ихъ и не вредитъ другимъ, такъ какъ обучающій и воспитатель ничуть не теряетъ чегонибудь черезъ сообщеніе своихъ мыслей и чувствъ другимъ, какъ это бываетъ при физической и тѣлесной передачѣ,—но напротивъ, благодаря обученію и разговору онъ испытываетъ приливъ возбужденія и подъемъ въ своей собственной душевной жизни. Отсюда слѣдуетъ, что духовная жизнь существенно отличается отъ физической органической жизни. Непониманіе этого было главной ошибкой Ницше, откуда у него вытекаетъ рядъ ложныхъ слѣдствій; ибо изъ ложнаго принципа вытекаютъ, понятное дѣло, и превратныя слѣдствія.

3) Далѣе, по Ницше, жизнь въ природѣ стремится къ дальнѣйшему и высшему образованію. Она началась съ простѣйшихъ, самыхъ низкихъ формъ бытія, осилила ихъ съ теченіемъ времени и вступила въ высшія формы бытія. Затѣмъ она осилила и ихъ и стала подниматься еще выше и выше: отъ различныхъ родовъ растений до порога царства животныхъ, до перво-животнаго, и отсюда до высшихъ породъ обезьянъ, изъ которыхъ затѣмъ путемъ полового подбора мало-по-малу развился человекъ, и конечно, сперва въ примитивномъ состояніи: грубый, неразвитый естественный человекъ. Затѣмъ, и этотъ послѣдній возвышался до культурнаго человека, который въ свою очередь прошелъ различныя степени образованія. Изъ культурныхъ людей потомъ выдвигаются „высшіе люди“, а изъ этихъ послѣднихъ, по Ницше, въ будущемъ должны возникнуть „сверхчеловекъ“. Итакъ, міросозерцаніе Ницше всецѣло основывается на ученіи Дарвина объ эволюціи, которое Ницше просто продолжаетъ въ антропологической области.

Но какова твердость и крѣпость фундамента, на которомъ покоится философія Ницше? Проченъ ли онъ и надеженъ ли?

Отнюдь нѣтъ! Въ самомъ дѣлѣ, ученіе Дарвина есть теорія, вовсе недоказанная неопровержимыми основаніями, но только гипотеза, въ которой, на первый взглядъ, иное сказано хорошо, но, по ближайшемъ разсмотрѣніи, не имѣетъ доказательной силы, какъ я показалъ въ своемъ сочиненіи: „Der Triumph der christlichen Philosophie am Ende des 19 Jahrhunderts“ (S. 224—235). Такъ какъ, значить, ученіе Дарвина само утверждается на слабыхъ основахъ, то и міросозерцаніе Ницше, опираясь на него, также имѣетъ слабыя основанія.

Ницше стремился въ своей философіи именно къ тому, чтобы, на сколько возможно, возвысить человѣка, возвысить его даже надъ теперешнимъ уровнемъ человѣческаго рода. Онъ чувствовалъ себя вынужденнымъ къ этому по основаніямъ двоякаго рода: во-первыхъ, въ силу своей вѣры, будто это—всеобщая тенденція мірового развитія, будто въ этомъ заключается „смыслъ земли“; во-вторыхъ, вслѣдствіе мнѣнія, будто человѣчество послѣдняго времени въ культурномъ отношеніи на самомъ дѣлѣ идетъ назадъ, вмѣсто того, чтобы идти впередъ.

Но Ницше впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Въ самомъ дѣлѣ, если дѣйствительно основная тенденція мірового развитія и собственно „смыслъ земли“ заключается въ томъ, что человѣчество все дальше прогрессируетъ, и изъ него образуется высшій, болѣе совершенный типъ, и если все въ мірѣ, какъ и Ницше допускаетъ, совершается съ необходимостію, такъ что нѣтъ мѣста свободѣ, въ такомъ случаѣ невозможно, чтобы современное человѣчество въ культурномъ отношеніи шло къ упадку. Оно должно, волей или неволей, прогрессировать и подниматься выше, и совершенно напрасно Ницше черевчуръ горячился по этому поводу. Если же допустимъ, что, дѣйствительно, современное человѣчество, какъ думаетъ Ницше, въ культурномъ отношеніи клонится къ упадку,—въ такомъ случаѣ, или невѣрно, что существуетъ его прогрессивное развитіе, „смыслъ земли“, или же нужно допустить, что развитіемъ человѣчества заправляетъ не простая необходимость, что напротивъ въ немъ обнаруживается и свобода воли. Слѣдовательно, противорѣча себѣ самому въ этихъ ос-

новныхъ пунктахъ своего міросозерцанія, Ницше могъ вращаться, какъ ему угодно, но вмѣстѣ съ этимъ онъ испровергаетъ ихъ.

4) Теперь, что касается „высшихъ людей“ Ницше, которые должны образовать посредствующія ступени между заурядными людьми и сверхчеловѣкомъ, то въ общемъ нельзя возражать противъ того, что онъ предъявляетъ къ людямъ такое требованіе; ибо они по преимуществу носители культуры и пионеры въ ея усовершенствованіи и распространеніи. И Ницше справедливъ, рѣшительно выступая противъ республикански-демократической огульной нивелировки въ человѣческомъ обществѣ; ибо люди на самомъ дѣлѣ въ значительной степени различаются другъ отъ друга какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи, а потому различаются и въ своихъ дѣйствіяхъ, вслѣдствіе чего высшій и низшій порядокъ между ними вполне умѣстенъ.

Но Ницше и здѣсь, какъ прежде, заходитъ въ своихъ воззрѣніяхъ и притязаніяхъ слишкомъ далеко, устанавливая между одними людьми и другими до безграничности различный порядокъ и проводя между ними пропасть. Вслѣдствіе этого онъ впадаетъ въ свою старую коренную и главную ошибку: преувеличеніе,—и черезъ это преувеличеніе дѣло принимаетъ ложное положеніе, а равно становятся ложными и заключенія, извлекаемыя изъ него. Дѣйствительно, при всѣхъ различіяхъ въ естественныхъ способностяхъ и степеняхъ образованія, между людьми на самомъ дѣлѣ нѣтъ такой глубокой и широкой пропасти, какъ полагаетъ Ницше. Въ сущности они всѣ—одни и тѣ же люди, и между ними различіе только въ степени.

Посему неумѣстно и презрѣніе Ницше къ простому народу, выразившееся, вапримѣръ, въ такихъ словахъ: „Народъ есть не болѣе, какъ окольный путь природы, ведущій къ шести, семи людямъ, да и то съ дѣлюю миновать ихъ“¹⁾. Говоримъ, такія выраженія неумѣстны, ибо если въ народѣ и есть много всякаго сброду, то все же народъ, особенно въ деревнѣ, заключаетъ еще здоровое, природное зерно, что подтвердить всякій, кто долго обращался съ народомъ дружески и гуманно.

¹⁾ Jenseits, S. 95.

Да и самъ Ницше допускаетъ это, какъ видно изъ его словъ: „возможно, что въ народѣ, въ простомъ народѣ, именно между крестьянами, найдется, въ нѣкоторомъ смыслѣ, гораздо болѣе совершенства во вкусѣ и тактичной скромности, чѣмъ въ полунинтеллигентномъ свѣтѣ, читающемъ газеты,—у образованныхъ“¹⁾. Въ этомъ и на самомъ дѣлѣ я убѣждался много разъ. Стало быть, нельзя такъ презирать народъ, за исключеніемъ его подонковъ, какъ дѣлаетъ Ницше. Конечно, нѣтъ спору, что здоровое зерно народа подвергается все большей и большей порчѣ; особенно становятся рѣдкими простота, бережливость, умѣренность и вѣрность, по мѣрѣ распространенія „новой образованности“, которая, имѣя очень много хорошаго, заключаетъ въ себѣ немало и темныхъ сторонъ. Это—плачевное послѣдствіе огульной нивелировки,—Ницше съ полнымъ правомъ рѣзко ее осуждаетъ,—именно той нивелировки, которую создало наше „демократическое время“, часто стремящееся быть „партернымъ“,—черта, доходящая даже до крайностей, выражающаяся въ одеждѣ, поведеніи, въ образѣ жизни, во всемъ. Я считаю заслугой Ницше энергичную борьбу противъ этого „коммунизма“ и „тривиализма“, какъ я могъ бы назвать черту, о которой идетъ рѣчь.

б) Что касается затѣмъ взгляда Ницше на философовъ, вѣрно то, что они не должны быть „простыми работниками“ въ наукѣ, въ качествѣ историковъ и аксегетовъ въ области философіи. Правда, эти ученые оказываютъ философіи хорошія услуги, но они не подвигаютъ впередъ разрѣшенія великой проблемы знанія.—Еще менѣе „простые скептики“ могутъ быть настоящими философами, ибо они менѣе всего способны мудрости. Но настоящіе философы не должны быть и „простыми критиками“, такъ какъ рѣзкая отрицательная критика не даетъ ничего положительнаго, и умъ не удовлетворяется ею. Поэтому Ницше справедливо требуетъ отъ настоящаго философа гораздо большаго: именно положительной производительности.

Но и здѣсь въ своей требовательности онъ заходитъ слишкомъ далеко, претендуя на то, чтобы истинные философы бы-

¹⁾ Jenseits, S. 242.

ли „законодателями“, которые только опредѣляли бы предназначеніе и цѣль человѣка; ибо „ихъ познаніе, по Ницше, есть творчество, ихъ творчество—законодательство и ихъ стремленіе къ истинѣ—есть воля къ власти“¹⁾.

Тутъ Ницше опять впалъ въ свою обычную погрѣшность преувеличенія и утверждалъ неправду; ибо чего онъ здѣсь требуетъ отъ истинныхъ философовъ, того имъ невозможно сдѣлать, потому что это вообще выше человѣческой силы и находится во власти Божіей. Поскольку не во власти философа происхожденіе людей, хотя бы онъ былъ и величайшимъ, постольку же, конечно, не въ его силахъ окончательно опредѣлять ихъ назначеніе и цѣль. Онъ не можетъ распоряжаться человѣческой природой, такъ какъ онъ не верховный владыка ея.

Далѣе, и познаніе его отнюдь не творчество въ собственномъ смыслѣ слова; только божественное мышленіе имѣетъ такое свойство: ибо человѣкъ—даже и самый знаменитый философъ—не можетъ творить истины, а равнымъ образомъ, субстанціи и законовъ, но онъ можетъ изслѣдовать только существующія истины и достигать пониманія ихъ. И даже это не вполне ему доступно; ибо такъ какъ мы не абсолютныя существа, а только относительныя, то мы имѣемъ и познаніе только относительное, какъ показываетъ ежедневный опытъ, ограниченное познаніе, или, какъ говоритъ апостолъ Павелъ, „мы отчасти знаемъ“. Въ этой непреложной дѣйствительности ничего не могъ измѣнить и Ницше и раньше его Гегель, который также хотѣлъ подняться до творческаго мышленія. Только при своей мечтательной фантазій и въ громкихъ словахъ Ницше могъ поставить въ отношеніи къ философамъ такія высокія требованія, которымъ въ дѣйствительности никто не можетъ удовлетворить.

6) Точно также дѣло обстоитъ и съ сверхчеловѣкомъ Ницше. Какъ животное развилось изъ растенія, и изъ животнаго, собственно обезьяны, развился человѣкъ: такъ и изъ человѣка, по Ницше, долженъ возникнуть сверхчеловѣкъ; ибо „человѣкъ есть нѣчто такое, что должно уступить мѣсто высшему“; „сверхчеловѣкъ есть смыслъ земли“²⁾.

1) Jenseits, S. 154.

2) Zaratustra, W. W. VI, 13.

Да, говорю я, если бы истинно было учение Дарвина о томъ, что всѣ виды и роды существъ мало-по-малу развились одинъ изъ другого и преобразовывались все дальше и дальше, въ такомъ случаѣ и Ницше былъ бы въ правѣ пророчествовать о сверхчеловѣкѣ и признавать появленіе его желательнымъ. Но тогда нельзя было бы понять, почему именно развитіе въ родѣ человѣческомъ должно на этомъ остановиться. Напротивъ, если ужъ такъ, то развитіе должно послѣдовательно идти и еще дальше, и послѣ сверхчеловѣка стремиться къ виду существъ еще болѣе высшему, чѣмъ сверхчеловѣкъ!

Мало того, развитіе должно подниматься еще дальше; но какъ далеко? Въ безконечность! Слѣдовательно, должно допустить безконечное развитіе вещей.

Но именно въ этомъ своемъ необходимомъ слѣдствіи теорія Дарвина терпитъ крушеніе. Почему? Потому что безконечное развитіе вещей было бы безконечнымъ развитіемъ конечнаго, но такое развитіе невозможно; ибо конечное не можетъ раскрываться въ безконечное, такъ какъ оно иначе должно стать безконечнымъ, чего быть не можетъ. Поскольку относительное бытіе не можетъ когда либо стать абсолютнымъ; постольку же и конечное бытіе не можетъ когда либо стать безконечнымъ. Такъ, слѣдовательно, гипотеза Дарвина опровергается своими собственными слѣдствіями.

Что касается далѣе собственно развитія и возвышенія человѣка на степень сверхчеловѣка, то самъ даже Ницше противорѣчитъ этому положенію, понятное дѣло, не замѣтивъ этого. Какъ такъ! Да вѣдь онъ постоянно съ особеннымъ удареніемъ заявлялъ, что современное человѣчество находится въ состояніи упадка. Если же это вѣрно, то какъ можетъ изъ него возникнуть сверхчеловѣкъ? Этотъ послѣдній можетъ образоваться только подъ условіемъ сильнаго подъема человѣческаго рода. Но если человѣчество въ дѣйствительности, какъ утверждаетъ Ницше, идетъ подъ гору вмѣсто того, чтобы подниматься вверхъ, тогда относительно возникновенія сверхчеловѣка дѣло обстоитъ дурно. Согласно этому, сверхчеловѣкъ имѣетъ мало или очень немногo шансовъ на свое появленіе.

Да и самъ даже Ницше понималъ невозможность этого воз-

никновенія еще незадолго предъ составленіемъ своего сочиненія—„Заратустра“, въ которомъ онъ предсказывалъ о появленіи сверхчеловѣка. Такъ, въ своемъ сочиненіи: „Утренняя заря“ онъ говоритъ: „далеко ли предстоитъ человѣчеству развиваться? Быть можетъ, оно станетъ въ концѣ концовъ ниже, чѣмъ вначалѣ: для него нѣтъ перехода въ высшій порядокъ, все равно какъ муравей и улитка въ концѣ своего „земного пути“ не становятся ближе къ Божеству и къ вѣчности“¹⁾.

Ученіе Ницше о сверхчеловѣкѣ, очевидно, находится въ прямомъ противорѣчій съ этимъ образомъ мыслей.

7) Подобный же отрицательный результатъ относительно сверхчеловѣка явствуетъ и изъ закона способностей. Этотъ законъ въ сущности не что иное, какъ специальная форма закона причинности; онъ гласитъ: высшее можетъ развиваться изъ низшаго только тогда, когда оно въ немъ заключается въ скрытомъ видѣ. Что истина этого принципа неоспорима, это ясно слѣдуетъ изъ слѣдующаго соображенія: если мы не допустимъ этого принципа, то должны допустить, что изъ ничего можетъ произойти что нибудь, а вслѣдствіе этого излишекъ, свойственный высшему въ сравненіи съ низшимъ, не имѣлъ бы причины. Но это невозможно; ибо все, что дѣлается или дѣлалось, должно имѣть причину, согласно безусловному требованію закона причинности. Слѣдовательно, и излишекъ, являющійся въ высшемъ вслѣдствіе развитія, долженъ имѣть причину. И эта причина можетъ заключаться по существу дѣла только въ сокровенныхъ способностяхъ низшаго, изъ котораго развивается высшее. Въ самомъ дѣлѣ, если внѣшнія воздѣйствія имѣютъ мѣсто при всякомъ развитіи, то все же одни только они не могутъ быть производящей причиной высшаго, такъ какъ невозможно, чтобы внѣшнія воздѣйствія могли создать въ природѣ какого либо существа совершенно новыя свойства, которыхъ они сами не имѣютъ. Поэтому, путемъ внѣшняго воздѣйствія нельзя развить или воспитать свойствъ въ природѣ какого бы то ни было существа, если оно не имѣло въ себѣ соответствующихъ способностей²⁾.

¹⁾ Die Morgenröte, S. 44.

²⁾ Сравн. мое сочиненіе: „Der Triumph der christlichen Philosophie, 1900, S. 288.

Но теперь сверхчеловѣкъ, по Ницше, долженъ обладать специфически высшими свойствами природы, чѣмъ теперешній человѣческій родъ, изъ котораго онъ долженъ произойти. Спрашивается: откуда онъ ихъ получить?

Путемъ воссоединенія съ теперешнимъ человѣческимъ родомъ, думаетъ Ницше.

Но кто же долженъ ввести ихъ въ общеніе съ человѣческимъ родомъ? Естественно, сами люди, такъ какъ вѣдь, въ противномъ случаѣ, некому было бы это сдѣлать.

Посему, стало быть, сами люди должны развивать въ своей природѣ специфическія высшія свойства, чѣмъ какія они имѣли прежде! Но откуда они возьмутъ ихъ, остается равнѣ лишъ украсть ихъ? Да и послѣднее не годилось бы въ данномъ случаѣ, такъ какъ эти свойства вѣдь еще не существовали бы.

Слѣдовательно, ничего другого не остается, какъ только создать ихъ.

Однако откуда человѣку добыть силу „творчества“, то-есть, неограниченной производительности? До сихъ поръ онъ, какъ относительное, конечное существо, не имѣлъ этой силы, и онъ не будетъ ее имѣть, пока остается относительнымъ, конечнымъ существомъ. Неограниченная производительность, или—что то же—„творчество“, безусловно свойственны только всесовершенному существу. Но такъ какъ человѣкъ, будучи относительнымъ и ограниченнымъ по своей природѣ, никогда не можетъ стать совершеннымъ существомъ, то онъ не въ состояніи когда либо достигнуть неограниченной производительности, или творчества, и потому никогда не можетъ выработать въ своей природѣ свойствъ, которыя стоятъ выше его природы. Слѣдовательно, онъ никогда не можетъ переродиться въ сверхчеловѣка въ смыслѣ Ницше. Да и самъ Ницше вовсе не бойко выполнилъ эту выдумку. По этому и его сверхчеловѣкъ не что иное, какъ простая фикція, чистая фантазмгорія, которая никогда не осуществится, потому что человѣкъ не можетъ этого осуществить.

Итакъ, предсказаніе Ницше о сверхчеловѣкѣ одна лишь вода, какъ и другое предсказаніе изъ его „вѣщихъ“ усть. Какое же именно? Ницше, какъ извѣстно, твердо вѣрилъ и съ

особенной настойчивостью высказалъ, что вслѣдствіе его новой философіи въ возрѣвѣніяхъ человѣчества произойдетъ въ нѣсколько лѣтъ великій переворотъ. По этому поводу 20 ноября 1888 года онъ писалъ своему другу Брандесу: „клянусь вамъ, что черезъ два года у насъ земля будетъ въ конвульсіяхъ. Я—злой рокъ ¹⁾“. Но какъ во многомъ другомъ, такъ и въ этомъ Ницше, къ счастью, сильно обманулся. И какъ не наступила предсказанная имъ здѣсь всеобщая революція идей, такъ не появится предвозвѣщенный имъ сверхчеловѣкъ.

8) Итакъ, согласно вышеприведеннымъ соображеніямъ, ницшеанскій сверхчеловѣкъ есть простая фантазмагорія. И эта члстая фикція должна быть, согласно нашему философу, для людей новѣйшаго времени замѣною умершаго Божества. Полный воодушевленія, онъ взываетъ: „ну! ладно! Вы высшіе люди! Теперь окружите только гору человѣка будущаго. Божество умерло: теперь мы хотимъ, чтобы жилъ сверхчеловѣкъ“ ²⁾.

Но спрашивается прежде всего, дѣйствительно ли Богъ умеръ? Почему въ сознаніи Ницше Онъ умеръ?—Послушаемъ его „широковѣщательнаго“ слова!

„Я вполне открыю вамъ, друзья, мое сердце: если есть боги, то какъ я могъ бы утверждать, что нѣтъ Бога! Слѣдовательно, нѣтъ боговъ“ ³⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, у Ницше это въ высшей степени достопримѣчательныя выраженія! Они вполне характеризуютъ его особу и его философствованіе. Этотъ человѣкъ, слѣдовательно, не утверждалъ бы, что нѣтъ Бога, если бы боги были! Это поистинѣ настроеніе злополучнаго Люцифера: величайшее высокомеріе, какое можно себѣ представить.

Далѣе, поелику Ницше не могъ бы, по его мнѣнію, утверждать, что нѣтъ Бога, если бы Онъ былъ, то, значить, нѣтъ боговъ!—Это великолѣпное доказательство противъ бытія Бога. Во всякомъ случаѣ, это—новѣйшая логика новѣйшей философіи. Этой аргументаціей, конечно, никто не можетъ уничтожить мысль о Богѣ, по крайней мѣрѣ, въ сознаніи еще сколько нибудь разумнаго человѣка и Ницше долженъ въ силь-

¹⁾ Brandes. Menschen u. Werke, S. 223.

²⁾ Zarathustra, W. W. VI, 417.

³⁾ Zarathustra, 123

ной степени страдать скоротечной чахоткой мозга и ума, если онъ осмѣливается посредствомъ такихъ доказательствъ убѣждать въ небытіи Бога. Однако такихъ жалкихъ декадентовъ есть на самомъ дѣлѣ слишкомъ много между „образованными“ въ духѣ новаго времени, „полуобразованными“ и „образованными на всякіе лады“.

И дальнѣйшее основаніе Ницше относительно небытія Бога точно такъ же ничтожно, какъ вышеупомянутое. Вотъ какъ онъ разсуждаетъ.— „Если бы было высочайшее существо, если бы былъ Богъ—все равно въ какой формѣ,—то міръ теперь былъ бы заключенъ въ твердыя и невыблемыя рамки и разъ навсегда законченъ, и людямъ въ мірѣ ничего не оставалось бы дѣлать“. Вотъ почему Ницше спрашиваетъ: „что можно было бы творить, если бы были боги?“

Отсюда онъ извлекаетъ слѣдующее заключеніе, чтобы люди могли еще что нибудь дѣлать въ мірѣ, для этого не должно быть Бога. Слѣдовательно, нѣтъ Бога и боговъ.

Этотъ аргументъ противъ бытія Бога, очевидно, такъ же основателенъ, какъ и предыдущій и подходитъ подъ тѣ же самыя рамки. Итакъ, Ницше думаетъ, что если есть Богъ, въ такомъ случаѣ міръ былъ бы уже теперь заключенъ въ твердыя и невыблемыя рамки и разъ навсегда законченъ. Спрашивается: такъ ли это? Почему міръ не долженъ развиваться, если существуетъ Богъ? Это ничуть непонятно. Какъ будто Богъ составляетъ границу міра! Однако это неизвѣстно нашему философу. Поэтому мы утверждаемъ, что есть Богъ и что тѣмъ не менѣе существуетъ развитіе міра, а также человѣка: одно съ другимъ находится въ полномъ согласіи.

И если Ницше полагаетъ дальше, что для человѣка ничего болѣе не оставалось бы дѣлать при существованіи Бога, то это—взглядъ вполне неосновательный. Въ самомъ дѣлѣ, „творить“ въ собственномъ смыслѣ слова человѣкъ вообще не можетъ, какъ уже было отмѣчено, разъ ему не дано это отъ Бога. Напротивъ, творить въ смыслѣ созданія образовъ и переработки вещей—это человѣкъ вполне можетъ и долженъ, хотя Богъ и есть. Да, человѣкъ можетъ и долженъ сотрудничать въ развитіи міра и становиться все болѣе господиномъ

природы, или собственно земли. Въ этомъ Богъ менѣе всего ему пріятствуетъ; напротивъ, Онъ даже вмѣнилъ ему это въ качества культурной задачи.

Слѣдовательно, основанія Ницше противъ бытія Бога лишены какой бы то ни было основательности.

Далѣе, какую чудную замѣну, вмѣсто мнимо умершаго Божества, Ницше предлагаетъ въ своемъ сверхчеловѣкѣ всѣмъ потерпѣвшимъ крушеніе въ религіи!

Прежде всего этотъ новѣйшій, наиболѣе современный, богъ въ дѣйствительности вовсе еще не живетъ, но существуетъ только въ фантазіи своего виновника, гдѣ ему предоставлена уютная жизнь. Но если онъ выйдетъ изъ своей фантастической тихой жизни, что, къ счастью никогда не случится,—тогда онъ окажется лютейшимъ тираномъ, какой когда либо былъ на землѣ. „Жестокость, насиліе, рабство... дьявольщина всякаго рода, все злое, ужасное, тираническое, животное-хищническое и змѣиное“,—все это образуетъ его свиту.

И неужели люди должны вѣрить въ этого Молоха—сверхчеловѣка, какъ въ высшее для нихъ существо, должны надѣяться на него, любить его отъ всей души, должны приносить себя ему въ жертву, служа ему въ качества рабовъ? Итакъ, вотъ что должно быть новѣйшей религіей!

Спрашивается: кто будучи хоть сколько нибудь разумнымъ, позволить себѣ принять такую религію? Я твердо убѣжденъ: пророкъ Ницше найдетъ мало послѣдователей для своей новѣйшей религіи. Теперь за нимъ слѣдуетъ только крошечное стадо, но и это, спустя нѣкоторое время, заблудится.

Ницше сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы принялъ во вниманіе знаменательное изреченіе Наполеона I, котораго онъ весьма почиталъ. Дѣло было сто лѣтъ тому назадъ. Когда посолъ англійскаго министра Питта старался уговорить Наполеона, чтобы онъ создалъ во Франціи религію по своему собственному усмотрѣнію,—Наполеонъ сказалъ ему: „что? создать религію! Кто желаетъ создать религію, тому должно взойти на Кальварійскую гору, но этого я не намѣренъ сдѣлать ¹⁾“

¹⁾ См. мое сочиненіе: „Кардиналъ Ковсальви; жизнь и характеристика великаго министра папы Пія VII“, 1899, S. 78.

9) Сказанное о новѣйшей ницшеанской религіи подтверждается еще болѣе, если мы примемъ въ соображеніе взгляды Ницше на мораль.

Что касается прежде всего происхожденія морали, то оно заключается, по Ницше, не въ чемъ либо внѣ человѣка, не въ божественной волѣ, но въ самомъ человѣкѣ, въ его инстинктѣ. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію Ницше, всѣ наши поступки, волевые акты и мысли происходятъ собственно изъ нашихъ инстинктовъ, и эти инстинкты всѣ вмѣстѣ можно въ концѣ концовъ свести къ одному основному инстинкту: „волѣ къ власти“. Если человѣкъ, напримѣръ, стремится къ добродѣтели, истинѣ или искусству, то дѣлаетъ это вслѣдствіе естественнаго влеченія, которое, въ цѣляхъ своего удовлетворенія, побуждаетъ его къ извѣстнымъ поступкамъ и глубочайшее, мощное побужденіе къ этому есть воля къ власти.

Такъ и мораль, говоритъ Ницше, которую часто понимаютъ въ качествѣ божественнаго откровенія, въ дѣйствительности только „человѣческое изобрѣтеніе“ удовлетворенія опредѣленному инстинкту. Инстинкты человѣческой природы—это главная причина нравственности. Человѣческая природа—единственный источникъ какъ науки и искусства, такъ и морали ¹⁾).

На это мы замѣтимъ: во всякомъ случаѣ и мораль покоится на существѣ человѣческой природы и именно на духовной природѣ человѣка; ибо всеобщіе нравственные законы, какъ и законы мышленія, врождены намъ, то есть, сосредоточиваются въ нашемъ существѣ. Но именно поэтому, вопреки Ницше, мораль не простое „человѣческое изобрѣтеніе“, какъ, напримѣръ, телеграфъ, слѣдовательно, не что либо внѣшнее для насъ, чуждое, но, напротивъ, поелику мораль коренится именно въ нашей природѣ, она составляетъ неотъемлемую принадлежность нашего существа.

И такъ какъ наше существо, будучи относительнымъ, подобно всѣмъ другимъ условнымъ существамъ, происходитъ отъ абсолютнаго существа, отъ Бога, то и присущій ему нравственный законъ и покоящаяся на немъ мораль—божественнаго происхожденія: онъ заключаетъ въ себѣ „божественное откровеніе“, какъ физическіе законы природы.

¹⁾ Сравни. Zarathustra. W. W. VI, 85 f.

Слѣдовательно, по моему мнѣнію, можно вполне примирить двѣ точки зрѣнія, которыя до сихъ поръ въ морали были діаметрально противоположны, именно: воззрѣнія морали автономной и гетерономной. Да, обѣ эти точки зрѣнія, согласно сказанному, вѣрны: мораль покоится на человѣческой природѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ основывается на божественномъ законѣ. Вотъ что можно сказать о происхожденіи морали.

10) Что касается содержанія морали, то, по Ницше, есть два основныхъ типа морали: мораль господъ и мораль рабовъ. Онѣ существенно различаются одна отъ другой, какъ и ихъ виновники: „господа“ и „рабы“, господствующіе, сильные и угнетенные, независимые. Первоначально, по Ницше, была только мораль господъ, то есть, мораль знатныхъ, властителей, храбрыхъ, побѣдителей. Мораль рабовъ возникла только въ качествѣ противодѣйствія морали господъ, когда угнетенные превратили оцѣнки своихъ угнетателей просто въ противоположное. И Ницше называетъ это „стачкою рабовъ въ морали“. Стачка эта была начата впервые іудеями. Само собою разумѣется, Ницше считаетъ только мораль господъ настоящей, вѣрной и предпочтительной моралью; напротивъ, мораль рабовъ—достойной презрѣнія и низкой. Однако и эта послѣдняя мораль, согласно его мнѣнію, все еще умѣстна для заурядныхъ незначительныхъ людей, для массъ, для „слишкомъ-многихъ“.

Итакъ, спрашивается теперь, правдоподобны ли эти взгляды Ницше на мораль или нѣтъ? Дѣйствительно ли существуетъ мораль двухъ родовъ, одна другой противоположная, и если это такъ, то имѣетъ ли она право на существованіе?

На это мы отвѣтимъ: безспорно слѣдуетъ допустить, что въ мірѣ были и есть люди, являющіеся представителями такого рода взглядовъ, которые не согласуются съ взглядами значительнаго большинства другихъ людей, но стоятъ въ противоположности другъ въ другу. Но изъ этого отнюдь еще не слѣдуетъ, что эти противорѣчающія другъ другу моральныя воззрѣнія имѣютъ и право на существованіе, какъ думаетъ Ницше. Если, дѣйствительно, человѣческое существо въ самомъ основаніи подверглось раздвоенію, то это только случайность.

Однако основной взгляд Ницше таковъ: „если есть люди, существенно различные другъ отъ друга, въ такомъ случаѣ должна быть и существенно различная мораль. И вотъ онъ воображаетъ, что между людьми существуетъ до безграничности различный порядокъ и пропасть“ ¹⁾). Поэтому онъ и допускаетъ, что имѣютъ право на существованіе два рода морали. Вотъ почему, по его мнѣнію, „общеобязательность морали причиняетъ ущербъ высшимъ людямъ“. Ему кажется несомнѣннымъ, что если по рангу одинъ человѣкъ отличается отъ другого, то и мораль ихъ отличается одна отъ другой.

Однако это заключеніе ложно, потому что оно покоится на ложной предпосылкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если и есть значительныя различія между людьми въ тѣлесномъ и духовномъ отношеніи, то всетаки, какъ вообще учить опытъ, эти различія не представляютъ чего либо существеннаго; по существу же тѣлесно-духовная природа человѣка одна и та же у всѣхъ людей. Поразительнымъ доказательствомъ этого служить не только то, что всѣ люди и самыя различныя расы въ общемъ сходны другъ съ другомъ относительно тѣлеснаго устройства; сходство между ними существуетъ такъ же въ мыслительной дѣятельности и въ чувствахъ. Дѣйствительно, всѣ мыслятъ и чувствуютъ въ сущности по однимъ и тѣмъ же законамъ, а потому и всѣ должны въ существѣ дѣла переживать процессъ хотѣнія, а также производить оцѣнку поступковъ и вещей по однимъ и тѣмъ же законамъ, то есть, имѣть одну и ту же мораль.

Въ этомъ отношеніи и А. Риль справедливо замѣчаетъ противъ Ницше: „неоспоримо глубокія различія по рангу и нравственному достоинству людей заключаются въ самомъ понятіи „человѣчество“, а не внѣ его; посему существуетъ общечеловѣческая мораль, основанная на этомъ понятіи, или вѣрнѣе, можетъ и должна существовать“ ²⁾).

Поэтому ошибочны и слѣдствія, которыя Ницше извлекъ изъ своего означеннаго ложнаго принципа, въ особенности его взглядъ, состоящій въ томъ, „что обязанности слѣдуетъ наблюдать въ отношеніи къ равнымъ, а въ отношеніи къ ли-

¹⁾ Jenseits, S. 53.

²⁾ A. Riehl, a. a. O. S. 102.

цамъ низшаго класса можно поступать по благоусмотрѣнiю, или, какъ подскажетъ сердце,—сюда можетъ относиться со-страданiе“. Но вопреки этому Риль удачно замѣчаетъ: „въ этой монополизации права личности, которое равно подобааетъ какъ высшимъ, такъ и низшимъ, всякiй человѣкъ, а въ особенности истинно благородный человѣкъ, усмотритъ противное благороднымъ навыкамъ, благородному образу мыслей“¹⁾).

То же самое слѣдуетъ сказать относительно дальнѣйшаго ученiя Ницше: „Сущность всякой хорошей и здоровой аристократiи состоитъ въ томъ, что она считаетъ себя не функцией общаго дѣла, но его смысломъ и высшимъ оправданiемъ, что она съ покойной совѣстiю принимаетъ жертву несмѣтнаго числа людей, которые ради ея должны унижаться и умиляться до состоянiя полулюдей, рабовъ, орудiй“.

По мнѣнiю Ницше, это точно настоящая мораль „господъ“, или лучше сказать мораль „тирановъ“, но она не обнаруживаетъ подлинно благороднаго, высокаго образа мыслей.

И эта мораль опять находится въ примомъ противорѣчiи съ прежнимъ взглядомъ самого Ницше. Въ своемъ сочиненiи „Утренняя заря“ онъ съ особеннымъ ударенiемъ заявляетъ: „справедливость должна стать выше всего. Лучше погибнуть, чѣмъ ненавидѣть и бояться, и вдвое лучше погибнуть, чѣмъ причинять себѣ ненависть и боязнь“. „Жестокiя и деспотическiя натуры—отсталые люди, у которыхъ мозгъ не такъ тонко и многосторонне развитъ; они показываютъ намъ, какими мы были всѣ“²⁾).

Здѣсь Ницше оказывается опять въ самомъ рѣзкомъ противорѣчiи съ самимъ собою; ибо у него то „жестокiя, деспотическiя натуры“ не что иное, какъ „отсталые люди“, то, напротивъ, они слывуть у него за „высшихъ людей“, и представителемъ ихъ служить даже „сверхчеловѣкъ“!

Дѣйствительно, если бы было вѣрно, будто „все хорошее есть истиннѣе“³⁾ и будто человѣкъ тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе онъ развиваетъ въ себѣ деспотическихъ, воинственныхъ, власто-

1) A. Riehl, ibidem.

2) Morgenröte Leipzig, 1887, S. 33. Menschliches, Allzumenschliches, W. W. II, 97.

3) W. W. VIII, 93.

любивыхъ, жестокихъ, животно-хищническихъ инстинктовъ и отдается ихъ господству, въ такомъ случаѣ онъ былъ бы въ существѣ своемъ не чѣмъ инымъ, какъ задранированнымъ, очень опаснымъ звѣремъ и вмѣсто того, чтобы возвыситься до истиннаго „сверхчеловѣка“, онъ ниспалъ бы до получеловѣка. Это было бы дѣйствительнымъ слѣдствіемъ ницшеанской „морали господъ“, слѣдовательно, совершенно противное тому, что, по его мнѣнію, она должна произвести 1).

11) Что касается затѣмъ пресловутаго выраженія Ницше— „стачка рабовъ въ морали“ при посредствѣ іудеевъ, то это— очень интересная, новая фраза, но ничуть не болѣе; ибо всемірная исторія ничего не знаетъ о такой революціи. Спрашивается, противъ какихъ же „господъ“ іудеи должны были въ древности возстать въ области морали? И дѣйствительно ли были древніе израильтяне отъ природы такими заурядно слабыми людьми, такими трусами, такими рабами по своему духовному складу, что они сдѣлались виновниками „морали рабовъ“? Напротивъ, не постоянно ли они боролись энергично и храбро противъ своихъ угнетателей и враговъ, несмотря на свое меньшинство? И не имѣетъ ли древне-іудейская исторія такъ много чудныхъ примѣровъ истинно героическихъ мужей и женъ?

Далѣе спрашивается, дѣйствительно ли іудеи имѣли въ сущности иную мораль, чѣмъ остальные народы древности? Къ счастью, мы имѣемъ отъ наиболѣе замѣчательныхъ людей изъ іудеевъ ихъ древнѣйшія священныя писанія, какъ отъ индійцевъ Ригведу, отъ персовъ—Авесту, отъ вавилонянъ и ассириянъ клинообразныя надписи, отъ египтянъ іероглифы, которые знакомятъ насъ съ религіозными и нравственными воззрѣніями этихъ народовъ. Я изучалъ ихъ, но вовсе не нашелъ, чтобы они въ существенныхъ пунктахъ различались отъ морали іудеевъ 2).

Поэтому Гроттусъ справедливо говоритъ.— „Въ дѣйствитель-

1) Сравн. и сужденіе Е. Гартмана о ницшеанскомъ идеалѣ сверхчеловѣка въ его *Geschichte der Metaphysik*, 1900, В. II, S. 582.

2) Сравн. мое сочиненіе: *Heidentum und Offenbarung; religionsgeschichtliche Studien über Berührungspunkte der ältesten heiligen Schriften der Inder, Perser, Babylonier, Assyrer und Aegypter mit der Bibel*“. Mainz, Kirchenheim, 1878.

ности стачки рабовъ въ морали никогда не было. Ницшеанская эволюціонная исторія морали—генеологическая сказка для обоснованія апріорныхъ идей. Она построена на фантастическомъ обобщеніи случайно столкнувшейся противоположности, именно противоположности христіанской „морали рабовъ“ и римской „морали господъ“. Между обѣими этими силами, по Ницше, разразилась рѣшительная для всего міра борьба за мораль. Римъ, это монументальное зданіе, былъ взорванъ „христіанскимъ динамитомъ“. До сихъ поръ господствовала „мораль господъ“, потомъ „мораль рабовъ“.—А дохристіанскіе народы, по свидѣтельствамъ своихъ величайшихъ мыслителей и поэтовъ? А индійцы? А греки? Или намъ кажется безнравственнымъ то, чему учатъ Будда, Сократъ, Платонъ? Правда, греки понимали моральныя обязанности уже, чѣмъ христіанство; имъ казалось, что они свободны отъ этихъ обязанностей въ отношеніи къ чужимъ народамъ. Ихъ альтруистическій идеалъ имѣлъ въ общемъ свои границы въ идеалѣ государства. Въ своемъ народѣ и поколѣніи для нихъ воплощалось истинное человѣчество... Но это было слѣдствіемъ тогдашней культуры, политическихъ и экономическихъ отношеній, и вовсе не нуждается для своего объясненія въ допущеніи возвышенной, вышнеморальной силы воли и „благороднаго пабоса разстоянія“. Греческая мораль не находилась въ принципиальной противоположности въ отношеніи къ нашей морали. Намъ принципъ нравственности въ общемъ и имъ казался таковымъ же; только они думали съ своей культурной точки зрѣнія,—что должно наблюдать границы въ его примѣненіи. Между ихъ моралью и нашей существуетъ различіе только степени, развитія интеллекта, культуры,—не принципиальное различіе“ ¹⁾).

12) Прежняя мораль и прежняя религія, Богъ, свобода и безсмертіе, всѣ до сихъ поръ высшіе идеалы человѣчества, думалъ Ницше, теперь мертвы для „высшихъ людей“. И Ницше искалъ для нихъ замѣны: вмѣсто прежней морали рабовъ онъ придумалъ мораль господъ, вмѣсто прежней религіи—новую религію, вмѣсто Бога—сверхчеловѣка, вмѣсто относи-

¹⁾ J. E. v Grotthus, a. a. O. S. 36.

тельной свободы, доселѣ признававшей обязанности,—полную необузданность и вмѣсто безсмертія души—вѣчное возрожденіе всѣхъ вещей“. Собственно послѣдняя идея образовала вѣнецъ его міросозерцанія.

Среди величественной, уединенной окрестности природы „на Силсъ-Маріи, на высотѣ 6000 футовъ надъ уровнемъ моря и гораздо выше всѣхъ человѣческихъ вещей“ эта мысль озаряла его, какъ онъ самъ говоритъ, и онъ считаетъ себя „первымъ провозвѣстникомъ этого ученія“. „Ахъ“, взываетъ онъ устами Заратустры, „человѣкъ вѣчно возвращается! Мелкій людъ вѣчно возвращается! Слишкомъ мелокъ и величайшій человѣкъ! И вѣчно возвращается самое мелкое! Ахъ, отвращенье, отвращенье! отвращенье!“

Но позже Ницше примирился съ этой мыслью вѣчнаго возвращенія, потому что онъ надѣялся, что изъ человѣка произойдетъ нѣчто высшее—сверхчеловѣкъ, его „величайшая надежда“. Теперь онъ самъ желалъ „брачнаго кольца колець“, „кольца вѣчнаго возрожденія“,—какъ послѣдняго подтвержденія и отпечатка воли къ жизни.

Насколько вѣрно это ученіе Ницше? Мы можемъ смѣло сказать: какъ мало Ницше доказалъ появленіе сверхчеловѣка или только вѣроятность этого появленія, столь же мало онъ доказалъ вѣчное возрожденіе всѣхъ вещей. Это—прямо таки иллюзія, какъ и его вѣра въ грядущаго сверхчеловѣка. Правда, Ницше сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, слабую попытку обосновать истину своего ученія о возрожденіи. Но она ему вовсе не удалась. Послушаемъ его! „Почти всѣ вещи не такъ ли связаны, что данное мгновеніе обуславливаетъ собою грядущія вещи, а слѣдовательно,—и себя самую?“

Очевидно, это—ложное заключеніе: онъ напередъ считаетъ истиннымъ именно то, что долженъ былъ доказать. Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ вещи такъ крѣпко „связаны“, что „данное мгновеніе обуславливаетъ собою грядущія вещи“, то и изъ этого не слѣдуетъ, что оно обуславливаетъ въ будущемъ „и себя самого“, такъ какъ все же мгновеніе не „грядущее“, но *настоящее*. Станетъ ли оно „грядущимъ“, или будущимъ, то

есть, возвратится ли оно, это—именно вопросъ, который подлежитъ разрѣшенію.

Видѣть съ тѣмъ разсматриваемое положеніе Ницше заключаетъ въ себѣ нѣчто невозможное, ибо какимъ образомъ вещь можетъ вызвать послѣ себя самое же себя, или быть причиною себя самой. Это противорѣчіе, ибо ничто не можетъ быть въ томъ же самомъ отношеніи причиною и слѣдствіемъ.

Далѣе слѣдуетъ принять во вниманіе, что если должно быть вѣчное или безпрестанное возрожденіе всѣхъ вещей, то прежде всего всѣ вещи, а слѣдовательно, и міръ должны вѣчно приходить къ концу въ своемъ развитіи. И очевидно, только то можетъ возрождаться, что уже прежде существовало; равнымъ образомъ, если что нибудь должно вѣчно возрождаться, то оно должно прежде этого вѣчно существовать. Посему всѣ вещи, а слѣдовательно, и міръ должны вѣчно зарождаться, вѣчно развиваться и вѣчно разрушаться.

Но это невозможно, потому что приведенное положеніе противорѣчиво само въ себѣ; ибо если вещи зарождаются, развиваются и уничтожаются, то они временны, хотя бы это происходило съ ними неоднократно. Понятное дѣло временно вѣчное или вѣчно временное есть само въ себѣ противорѣчіе и потому нѣчто невозможное.

И наконецъ, если вѣрно завѣреніе Ницше, будто еще никогда не было сверхчеловѣка, то и по этому основанію ложно его ученіе о „вѣчномъ возрожденіи всѣхъ вещей“. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ, по этому ученію, всѣ вещи въ мірѣ уже часто бывали и всегда вновь появлялись, то, слѣдовательно, и сверхчеловѣкъ долженъ былъ уже часто бывать и всегда вновь появляться. И однако, по Ницше, онъ еще никогда не долженъ былъ существовать! Какъ это согласовать. Тутъ у Ницше опять противорѣчіе, а потому—явная неправда.

Слѣдовательно, согласно выясненному, и „вѣнецъ“ ницшеанскаго міросозерцанія не имѣетъ цѣны, потому что онъ чистая иллюзія; ибо невозможно „вѣчное возрожденіе всѣхъ вещей“, каковое ученіе, впрочемъ, было проведено впервые не Ницше, но уже древними пифагорейцами. Это вѣчное возрож-

деній вещей невозможно, потому что оно было бы вѣчно временнымъ, а это было бы противорѣчiемъ само въ себѣ.

Если теперь, наконецъ, извлечемъ общій выводъ изъ нанеи приведенной критики, то окажется, что философское и жизненно-практическое міросоверпаніе Ницше и въ третьемъ періодѣ своего развитія, въ научномъ отношеніи, въ самомъ корнѣ шатко, такъ какъ оно въ важнѣйшихъ пунктахъ не соотвѣтствуетъ истинѣ и часто противорѣчитъ даже себѣ самому.

М. Воскресенскій.

(Продолженіе будетъ).

Ученіе Канта объ антиноміяхъ чистаго разума.

(Окончаніе *).

Признавъ формальный принципъ антиномій искусственнымъ, Шопенгауэръ отрицаетъ и самое существованіе ихъ въ нашемъ разумѣ, какъ принципиальнаго разлада въ нашихъ познавательныхъ способностяхъ. „Я нахожу и утверждаю, что вся антиномія есть просто фехтованье предъ зеркаломъ (Spiegel-fecht), кажущаяся борьба... Только утвержденія антитезисовъ дѣйствительно основаны на формахъ нашей познавательной способности, а утвержденія и доводы тезисовъ не имѣютъ никакого основанія, кромѣ субъективнаго... И только съ большимъ трудомъ и благодаря своему искусству могъ Кантъ удерживать на ногахъ тезисъ и заставлять его дѣлать примѣрные нападенія на одареннаго самобытною силой противника“¹⁾. Съ приговоромъ Шопенгауэра согласенъ Эргардтъ, и отчасти—Гефдингъ, Милль, Спенсеръ и др. По словамъ Эргардта, „если Кантъ при разрѣшеніи антиноміи стоитъ на сторонѣ антитезисовъ, то это происходитъ не изъ основаній трансцендентальнаго идеализма, но потому, что единственно антитезисы являются доказуемыми съ догматической точки зрѣнія“²⁾.

Основнымъ принципомъ критики антиномій у Шопенгауэра и Эргардта является убѣжденіе въ исключительной значимости

^{*)} См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 9.

¹⁾ Шопенгауэръ, Цит. соч. 144—145 стр.

²⁾ Erhardt. Op. cit. 35 p. Ср 45, 80 pp.

(достоверности) апіорныхъ элементовъ познанія. Такими „необходимыми, а ргіогі извѣстными намъ законами міра, какъ представленія“, по Шопенгауэру, являются безконечность міра по времени, пространству, и безусловное значеніе закона причинности. Всѣ эти общія формы явленій суть лишь видоизмѣненія основнаго принципа міра, т. е., закона о достаточномъ основаніи (т. е. опредѣленіи каждаго явленія посредствомъ другого). „Если безначальность временнаго бытія или міра заключаетъ для насъ большія трудности,—разсуждаетъ Эргардтъ, развивая взглядъ Шопенгауэра, онѣ, однако, должны отступить предъ фактомъ, что самое время не имѣетъ начала, какъ мы знаемъ а ргіогі... А ргіогі извѣстная безконечность пространства и времени одна достаточна, чтобы обезсилить кантовскія доказательства въ пользу 1-го тезиса“¹⁾... „Дѣло съ проблемой о свободѣ и причинности,—продолжаетъ Эргардтъ, —обстоитъ какъ разъ такъ же, какъ и съ вопросомъ о временномъ началѣ міра. Что самое время не имѣетъ начала,—мы должны признать, если мы удовольствуемся не понимать, какимъ образомъ мы дошли до настоящаго момента“... „Что не можетъ быть дано никакой 1-й причины“, „это мы также должны признать, хотя при этомъ допущеніи „мы не поймемъ наступленія настоящаго дѣйствія“²⁾.

Признавая безусловную гносеологическую цѣнность за принципами антитезисовъ, Шопенгауэръ и Эргардтъ, напротивъ, чрезвычайно строго относятся къ утвержденіямъ и доказательствамъ тезисовъ. По взгляду Шопенгауэра, они „зигдуются единственно на слабости мудрствующаго индивидуума, воображеніе котораго утомляется при безконечномъ регрессѣ (отступленіи по цѣпи причинъ и дѣйствій) и потому закапчиваетъ его посредствомъ произвольнаго предположенія, стараясь прикрасить оное наилучшимъ способомъ, причемъ сверхъ того еще и сила сужденія индивидуума бываетъ парализована въ этомъ пунктѣ рано и прочно ввѣдренными предразсудками“³⁾. Если защитники антитезисовъ, по Эргардту, утверждаютъ лишь то, что „основано на пониманіи силъ на-

¹⁾ Erhardt. 10 p.

²⁾ Ibidem. 27 p.

³⁾ Шопенгауэръ. 144 стр.

шего разума“, то защитники тезисовъ утверждаютъ „нѣчто противъ разума“¹⁾).

Отмѣченные сейчасъ принципы красною нитью проходятъ по всей критикѣ кантовскихъ антиномій у Шопенгауэра и Эрхардта. „Софизмъ“ 1-го тезиса, утверждающаго, вопреки требованію разума, начало самаго времени, состоитъ въ томъ, что „вмѣсто безначальности ряда состояній, о чемъ начата рѣчь, внезапно подсовывается его безконечность (нескончаемость) и затѣмъ доказывается (въ чемъ никто не сомнѣвается), что каждое настоящее есть все-таки конецъ прошедшаго“²⁾).

Что касается пространственной ограниченности міра, которую защищаетъ 1-й тезисъ, то критика ея доказательствъ у Шопенгауэра и Эрхардта направлена противъ „произвольно“ допущеннаго Кантомъ предположенія, какъ „даннаго цѣлаго“,—предположенія, которое въ сущности и „требовалось доказать“³⁾. „Такъ какъ міръ—безконеченъ по пространству—говорить Эрхардтъ,—то онъ имѣ давъ лишь какъ отдѣльная часть, не больше. Но какъ цѣлое, безконечное (по самому понятію) не можетъ быть дано имѣ. Хотя я могу говорить о данномъ безконечномъ, но на самомъ дѣлѣ я разумѣю лишь дѣйствительно данный міръ, которому я приписываю безконечность... Что онъ безконеченъ, въ этомъ я могу хорошо убѣдиться, но только не черезъ выполнение послѣдовательнаго синтеза, какъ того хочетъ Кантъ, а напротивъ, лишь черезъ невыполнимость этого синтеза“⁴⁾. Если тезисъ 1-й антиноміи произвольно допустилъ понятіе „безконечнаго міра, какъ даннаго цѣлаго“, и въ сущности занимается безцѣльнымъ разъясненіемъ этой имъ самимъ допущенной нелѣпости, то тезисъ 2 й антиноміи допускаетъ такое же произвольное предположеніе—матеріи, какъ даннаго „сложнаго“. Сложное, конечно, предполагаетъ свои части, но матерія можетъ быть не *compositum*, а *totum*, подобно пространству. Дѣйствительно, „матерія есть лишь ставшее воспріемлемымъ пространство“, и, какъ таковая, дѣлима до безконечности⁵⁾. Наконецъ, „Софизмы“ 3-го и 4-го тезисовъ заключаются въ

1) Erhardt. 27 p.

2) Шопенгауэръ. 145 стр.

3) Шопенгауэръ. 147 стр.

4) Erhardt. 14 p.

5) Шопенгауэръ. 150 стр.

томъ, что они произвольно предполагаютъ, будто данное дѣйствіе и условіе. А могло произойти лишь въ томъ случаѣ, если ему предшествуетъ полный *рядъ* условій, тогда какъ это дѣйствіе и условіе можетъ быть результатомъ наличной совокупности причинъ и условій, данныхъ одновременно, разомъ.

Признавая исключительную самодовлѣющую истинность за антитезисами, и признавая доказательство тезисовъ за „сплошные софизмы“, Шопенгауэръ утверждаетъ, что „критическое разрѣшеніе Кантомъ антиномій въ сущности есть простое подтвержденіе антитезисовъ, путемъ разъясненія ихъ смысла“¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, если внимательнѣе всмотрѣться въ утвержденія антитезисовъ и рѣшеніе антиномій у Канта, то оказывается, что трансцендентально-идеалистическая точка зрѣнія Канта *implicite* содержится и всюду предполагается антитезисами. Дѣйствительно, предположеніе антиномій—будто вмѣстѣ съ обусловленнымъ дается и замкнутый рядъ его условій, лежитъ въ основѣ лишь тезисовъ, а антитезисы, напротивъ, „опровергаютъ его и утверждаютъ противное“²⁾. Другая коренная ошибка, лежащая въ основѣ антиномій, предположеніе, будто міръ данъ намъ, какъ цѣлое, *an sich*,—раздѣляется также лишь тезисами, а антитезисы, напротивъ, руководясь закономъ основанія, утверждаютъ, что безконечность ряда можетъ существовать лишь постольку, поскольку совершентъ регрессъ, „не независимо отъ этого“. „Если бы антитезисъ утверждалъ, что міръ состоитъ изъ безконечныхъ рядовъ основаній и слѣдствій и при томъ все таки независимо отъ нашего представленія и его регрессивнаго ряда, т. е, существуетъ самъ въ себѣ и по себѣ, и потому составляетъ данное цѣлое, то онъ противорѣчилъ бы не только тезису, но и самъ себѣ, потому что безконечное никогда не можетъ быть дано цѣликомъ, нескончаемый рядъ не можетъ существовать внѣ безконечнаго регресса, ни безграничное составлять цѣлаго“³⁾.

Кантовское разрѣшеніе антиномій, будучи лишь мнимымъ разрѣшеніемъ, оказывается также и догматичнымъ, несоответствующимъ самымъ принципамъ кантовскаго критицизма.

1) Ibidem, 154 стр.

2) Ibid., 154 стр.

3) Ibid., 155 стр.

Догматизмъ Канта проявляется именно въ разрѣшеніи динамическихъ антиномій. Какъ мы видѣли, Кантъ призналъ и тезисы и антитезисы ихъ правильными, отнеся 1-е къ умопостигаемому міру вещей въ себѣ, а антитезисы къ міру явленій. Но на какомъ основаніи Кантъ допускаетъ это разграниченіе? Если вещи въ себѣ, по Канту, являются въ лучшемъ случаѣ лишь мыслимыми (т. е., постулатами теоретическаго разума), но ни въ какомъ случаѣ—не извѣстными намъ по своимъ свойствамъ, то какимъ образомъ мы можемъ приписывать имъ предикаты свободы и безусловной необходимости? По какому праву Кантъ утверждаетъ, что умопостигаемый характеръ является причиною эмпирическаго, а самъ, какъ безусловный, не зависитъ отъ дальнѣйшей причины? Правда, Кантъ основываетъ это право на томъ, что причинность, какъ понятіе разсудка, можетъ относиться лишь къ явленіямъ, а не вещи въ себѣ, но ясно, что онъ самъ *одну* сторону понятія причинности обращаетъ на нее, когда объявляетъ умопостигаемое за причину эмпирическаго, и только *другую* сторону этого понятія почему-то считаетъ неприложимой къ вещи *an sich*, именно,—поскольку всякая причина въ свою очередь должна быть мыслима, какъ дѣйствіе далѣе лежащей причины¹⁾.

Шопенгауэръ, порицая Канта за то, что онъ вопреки главному тезису своей критики, по которому „примѣненіе формъ нашего ума и въ частности категоріи причинности къ вещамъ по ту сторону опыта рѣшительно невозможно“²⁾, допустилъ причинную связь между умопостигаемымъ и феноменальнымъ мірами,—въ сущности признаетъ кантовское различіе между умопостигаемымъ и эмпирическимъ характерами самымъ цѣннымъ „изъ всего, что когда либо было сказано человѣкомъ“³⁾, и вноситъ въ него лишь нѣкоторыя поправки и разъясненія. По Шопенгауэру, умопостигаемый характеръ есть „воля къ жизни“,—то, что „не будучи само явленіемъ,... посредствомъ явленія раскрывается, становится познаваемымъ, объективируется“⁴⁾. Но не трудно видѣть, что эта метафизическая концепція Шопенгауэра плохо вяжется съ принципами

1) Ср. Erhardt. 43—44 p.

2) Ibid. 164 стр.

3) Шопенгауэръ. 169 стр.

4) Ibid. 166 стр.

кантовскаго критицизма. „Кантъ,—заклучимъ словами Вундта, —вѣроятно неодобрительно отвернулся бы отъ этихъ плодовъ своего ученія объ умопостигаемой свободѣ. У него воля остается лишь узкимъ мостомъ, который ведетъ изъ міра явленій въ царство сверхчувственнаго. Это „ограниченіе придаетъ остальнымъ частямъ его гносеологіи критическій характеръ, чтобы eo ipso сдѣлать очевиднѣе въ этомъ пунктѣ произволь допущенія *causa sui*“¹⁾).

Подводя итоги сдѣланнаго нами обзора критики кантовскихъ антиномій у Шопенгауэра и Эргардта, мы приходимъ къ тому заключенію, что эта критика—справедлива въ томъ, что она утверждаетъ, и не справедлива въ томъ, что она отрицаетъ. Нельзя не согласиться съ Шопенгауэромъ, что анти-тезисы покоятся на „объективныхъ формахъ“ нашей познавательной дѣятельности, что въ основѣ ихъ лежитъ несомнѣнная потребность нашего духа мыслить пространство, время и причинность безконечными. Необходимо признать и то, что аргументація тезисовъ мѣстами является діалектичной,—но нельзя согласиться съ Шопенгауэромъ въ томъ, что въ основѣ ихъ лежитъ исключительно „субъективное“ начало, случайныя тенденціи извращеннаго предразсудками мышленія. Потребность мыслить конечность міра, недѣлимую субстанцію, свободу и абсолютное бытіе, относится къ разряду такихъ потребностей нашего духа, которыя издавна живо сознавались большинствомъ людей (притомъ философски развитыхъ), и, по-этому, объявлять ихъ лишь субъективною фикціею является поспѣшнымъ. Кантъ, который хотя и призналъ утвержденія антиномій недоказуемыми съ точки зрѣнія разсудочнаго познанія, но не отрицавшій извѣстнаго психологическаго основанія, за тенденціями какъ тезисовъ, такъ и антитезисовъ, смотрѣлъ на проблему антиномій глубже и объективнѣе, чѣмъ Шопенгауэръ, который не разрѣшилъ трудностей антиномій, но обошелъ ихъ, не распуталъ, но разрубилъ этотъ Гордіевъ узелъ. Является вопросъ, можетъ быть, ошибка кантовскихъ антиномій заключается не на сторонѣ однихъ только тезисовъ,

¹⁾ Wundts, Kants kosmologische Antinomien und das Problem d Unendlichkeit (Philosophische Studien. B. II, 517 p.).

но и антитезисовъ, не въ логической только діалектикѣ первыхъ, но въ общей спутанности тѣхъ понятій, надъ которыми оперируютъ какъ тезисы, такъ и антитезисы? Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ у Вундта.

По взгляду Вундта, главный корень, создающій діалектическую видимость антиномій заключается въ спутанности понятія „бесконечность“, надъ которымъ оперируютъ какъ тезисы, такъ и антитезисы антиномій. Понятіе „бесконечность“, которое мы такъ часто употребляемъ не только въ обыденной рѣчи, но и научныхъ работахъ, не отдавая себѣ яснаго отчета въ его содержаніи, на самомъ дѣлѣ имѣетъ двѣ существенно различныя между собою формы—законченной бесконечности (transfinite, vollendete Unendlichkeit) и незаконченной бесконечности (infinite, unvollendbare). Различіе между этими формами состоитъ въ томъ, что „infinitum всегда означаетъ бесконечную величину по отношенію къ ея возникновенію, а transfiniteum—къ ея бытію (Sein)“¹⁾. Infinitum, значитъ, опредѣляетъ бесконечное, какъ нескончаемо тянущійся процессъ (рядъ), а transfiniteum характеризуетъ бесконечное въ его статическомъ состояніи, какъ нѣчто цѣлостное. „Такъ рядъ всѣхъ чиселъ представляется нескончаемымъ (infinitum), когда мы мыслимъ его дѣйствительное перечисленіе, но онъ—сверхконеченъ (transfiniteum), когда мы мыслимъ его сумму соединенную въ одномъ понятіи“²⁾. Такимъ образомъ, хотя infinitum можетъ переходить въ transfiniteum, но этотъ переходъ возможенъ лишь по отношенію абстрактно-математическимъ понятіямъ, но никогда не возможенъ при конкретно физическомъ употребленіи математическихъ понятій, ибо transfiniteum есть „чисто трансцендентное понятіе, а эмпирическое никогда не допускаетъ отношенія къ трансцендентному“³⁾. Если понятіе transfiniteum, очевидно, по самому смыслу своему, не

¹⁾ Wundt. Op. cit. 530. Нѣкоторые называютъ transfiniteum въ собственномъ смыслѣ или истинною бесконечностію (Гегель), а infinitum—въ несобственномъ. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Вундтъ, основательнѣе наоборотъ transfiniteum назвать въ несобственномъ смыслѣ бесконечностію, ибо оно очевидно замѣтаетъ свой признакъ законченности отъ конечнаго и представляетъ въ сущности *contradictio in adjecto* (ibid. 532 p.).

²⁾ Wundt. 530 p.

³⁾ Ibidem, 520 стр.

можетъ быть примѣнимо ни къ какимъ эмпирическимъ объектамъ, то *infinitum*, повидимому, имѣетъ примѣненіе какъ къ чистымъ формамъ нашего опыта (пространству, времени и причинности), такъ и къ его эмпирическому содержанию. Но результаты этого примѣненія въ обоихъ случаяхъ бывають совершенно различныя. Когда понятіе незаконченной безконечности (*infinitum*) примѣняется лишь къ формамъ нашего опыта, безъ всякаго отношенія къ даннымъ въ пространствѣ объектамъ, и происходящимъ во времени событіямъ, то въ результатѣ получается истинный регрессъ *in infinitum*. Какъ далеко мы ни шли бы въ чисто пространственномъ или временномъ регрессѣ, мы никогда не дойдемъ до такого пункта, на которомъ нашъ разумъ могъ бы окончательно остановиться. Когда же понятіе незаконченной безконечности примѣняется къ эмпирическимъ объектамъ, напр., при дѣленіи элементовъ матеріи, тогда *infinitum* трансформируется въ „неопредѣленную“ (уже не истинную) безконечность (*indefinitum*).

Понятіе регресса *in indefinitum* представляется наиболѣе коварнымъ изъ тѣхъ, въ сущности конечныхъ, величинъ, которыя „лишь являются въ призрачной одеждѣ безконечности“¹⁾. Если понятіе незаконченной безконечности (*infinitum*) требуетъ продолженія регресса сверхъ всякой *мыслимой* границы, то регрессъ *in indefinitum* ничуть не препятствуетъ остановиться на известной ступени регресса, которая можетъ быть эмпирически послѣднею его границею. Этотъ въ сущности конечный регрессъ легко можетъ быть принятъ за безконечный, ибо съ нимъ связывается сознаніе, что достигнутая граница есть только относительная, сверхъ которой возможенъ дальнѣйшій регрессъ. Такъ, при дѣленіи матеріи, въ результатѣ этого регресса получаютъ уже опредѣленныя конечныя величины ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ и т. д.). Фактически дѣленіе кончается на опредѣленной величинѣ, которая—уже недѣлима доступными намъ средствами. Правда, если найдены будутъ надлежащія средства, и эта величина можетъ быть раздѣлена на дальнѣйшія части, но это дѣленіе всегда будетъ имѣть опредѣленную эмпирическую границу. Этотъ конечный характеръ

¹⁾ Wundt. 580 p.

дѣленія (регресса) принимаетъ видимость безконечнаго (in infinitum) лишь потому, что мы эмпирическіе объекты его мысленно подмѣниваетъ чистыми (blossen) формами опыта ¹⁾. Образцомъ, когда регрессъ in indefinitum можетъ остановиться навсегда на извѣстной эмпирической границѣ, является представленный у самаго Канта примѣръ регресса по восходящей линіи предковъ извѣстнаго человѣка, когда нашъ регрессъ дойдетъ до 1-го человѣка вообще.

Выяснивъ эту „двойственную природу безконечнаго“, Вундтъ открываетъ, что тезисы кантовскихъ антиномій, оспаривающіе безконечность міра, имѣютъ въ виду законченную (transfinitum) безконечность, а антитезисы, защищающіе безконечность міра, понимаютъ ее въ смыслѣ незаконченной (indefinitum) безконечности ²⁾. Соответственно своей основной точкѣ зрѣнія на безконечность, тезисы въ своихъ доказательствахъ отъ противнаго и предполагаютъ, какъ замѣтилъ еще Шопенгауэръ,— безконечное время въ смыслѣ полной истекшей вѣчности;— безконечное пространство—въ смыслѣ законченнаго (даннаго) безконечнаго цѣлага; безконечный рядъ причинъ и условій— въ смыслѣ безконечнаго цѣлостнаго регресса явленій. Напротивъ, антитезисы въ своихъ доказательствахъ всюду защищаютъ понятіе о незаконченной безконечности,—въ смыслѣ нескончаемаго регресса условій. Если же тезисы и антитезисы антиномій стоятъ на различныхъ точкахъ зрѣнія, борются и защищаются противъ различныхъ понятій безконечности, то и самая борьба ихъ есть лишь „призрачная борьба“ (Scheingefecht), основывающаяся на взаимномъ непониманіи. Какъ тезисы, такъ и антитезисы выходятъ изъ этой битвы съ призрачнымъ, выдуманномъ врагомъ побѣдителями. Тезисы, доказавшіе несостоятельность понятія законченной безконечности въ примѣненіи къ міру, воображаютъ, что они устранили возраженія антитезисовъ, и антитезисы, доказавшіе мыслимость незаконченной безконечности по отношенію ко вселенной, думаютъ, что они уничтожили доводы тезисовъ.

Но этотъ мнимый обоюдный успѣхъ тезисовъ и антитези-

¹⁾ Ibidem. 530 p.

²⁾ Wundt. Op. cit. 520 p. Cp. Wundt. Logik. II B. 375—76 pp.

совъ оказывается совершенно призрачнымъ, если мы дадимъ самой проблемѣ антиноміи нѣсколько иную, болѣе соответствующую сущности дѣла, постановку. Причина обоюднаго успѣха тезисовъ и антитезисовъ заключается въ томъ, что понятіе о мірѣ, надъ которымъ оперируетъ космологическая проблема, взято въ слишкомъ абстрактной, и поэтому неточной формѣ. Міръ, о временныхъ и пространственныхъ границахъ котораго идетъ рѣчь въ 1-й антиноміи, не есть какая либо абстрактная, геометрическая фигура, обладающая лишь формальными свойствами, но система силъ, нѣчто конкретное, обладающее известными физическими свойствами. Причина мнимаго успѣха данной антиноміи заключается въ томъ ложномъ предположеніи, „будто свойства матеріи совершенно сходны со свойствами пространства, въ которомъ протяжена матерія“. Но неотъемлемымъ свойствомъ матеріи является свойство „плотности, которое конструируется изъ пространственной протяженности, плюсъ масса матеріи. Поэтому установленіемъ безконечной протяженности матеріи еще ничего не сдѣлано для безконечности ея массы“¹⁾.

Хотя Вундтъ въ цитованной сейчасъ статьѣ требованіе цѣлостнаго и конкретнаго представленія о матеріи предъявляетъ лишь по отношенію къ вопросу о пространственной протяженности міра, но это же требованіе съ полнымъ правомъ можно предъявить и къ проблемѣ о временной ограниченности міра. Разъ мы допустимъ такую поправку, и эта антиномія принимаетъ иной видъ и можетъ быть доказана въ иномъ смыслѣ, чѣмъ у Канта. Ибо иное дѣло—вопросъ о безконечности времени, какъ чистой формы нашего опыта, и иное дѣло вопросъ о временной конечности міра, какъ реально-конкретнаго бытія. Если при разсмотрѣніи вопроса о временныхъ и пространственныхъ границахъ міра мы будемъ отправляться отъ понятія о мірѣ, какъ конкретной величинѣ, то нашъ регрессъ хотя не достигнетъ безусловной границы міра (какъ думаютъ тезисы), но онъ не будетъ и регрессомъ въ безконечность (*in infinitum*), а будетъ лишь регрессомъ *in indefinitum*, т. е., онъ будетъ останавливаться на опредѣленной эмпирической гра-

¹⁾ Wundt. Op. cit. 497 p.

ницѣ, съ проблематическою (а не аподиктической, какъ если бы рѣчь шла о чистыхъ формахъ времени и пространства) возможностью дальнѣйшаго регресса. Кто знаетъ, тѣ туманныя звѣзды, которыя едва доступны нашимъ телескопамъ, составляютъ ли границу міра, или за ними открываются новыя міры? Кто знаетъ, тѣ миллионы лѣтъ, которые, по мнѣнію астрономовъ, нужны для образованія небесныхъ тѣлъ и для появленія на землѣ лучей отдаленнѣйшихъ звѣздъ совпадаютъ ли съ числомъ лѣтъ всей міровой жизни, или и прежде ихъ протекли многіе годы?

Что сказано относительно 1-й антиноміи, должно быть при-мѣнено и къ вопросу о конечной или безконечной дѣлимости матеріи. Доказательство тезиса этой антиноміи, очевидно, имѣетъ въ виду лишь чисто абстрактное понятіе о безусловно-простомъ (субстанціи), а не понятіе о конкретныхъ элементахъ матеріи въ собственномъ смыслѣ. Аргументація тезиса въ сущности воспроизводитъ лейбницево-вольфганское заключеніе отъ сложнаго къ простому. Но если это заключеніе было умѣстно въ системѣ Лейбница, который признавалъ простыя субстанціи (монады) чисто умозрительными объектами, то оно рѣшительно неумѣстно въ космологической проблемѣ, которая должна быть разрѣшаема не на діалектической почвѣ, а на реально-эмпирической. Равнымъ образомъ, нельзя не признать одностороннею и аргументацію антитезиса, который исходитъ изъ понятія о матеріи, лишь какъ „ставшемъ воспріемлемымъ пространствѣ“. Если мы при разрѣшеніи этой проблемы дѣйствительно встанемъ на реально-эмпирическую почву, то наше дѣленіе обратится въ регрессъ *in indefinitum*, т. е., какъ мы уже видѣли, мы будемъ постоянно получать опредѣленные конечныя величины съ неопредѣленною возможностью дальнѣйшаго регресса ¹⁾.

1) Замѣчательно разрѣшеніе этой антиноміи у Канта. Онъ утверждаетъ, что регрессъ при дѣленіи матеріи бываетъ регрессомъ *in infinitum*, тогда какъ чистый временно-пространственный регрессъ (въ 1-й антиноміи) является лишь регрессомъ *in indefinitum*,—т. е., совершенно обратно взгляду Вундта. Причину этой спутанности Вундтъ указываетъ въ томъ, что Кантъ въ данномъ случаѣ слѣдовалъ ложному аристотелевскому различенію безконечности черезъ сложное и безконечности черезъ дѣленіе (*ἀπειρον κατὰ σύνθεσιν* и *ἀπειρον κατὰ διαίρεσιν*).

Отмѣченная ошибка въ постановкѣ и рѣшеніи математическихъ антиномій такъ же ясно выступаетъ и въ динамическихъ антиноміяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ динамическихъ антиноміяхъ рѣчь идетъ о связи реальныхъ условий (явленій), о связи эмпирическихъ объектовъ, а не чистыхъ формъ опыта, то ясно, что регрессъ въ данномъ случаѣ не можетъ быть ни конечнымъ (въ строгомъ смыслѣ), ни бесконечнымъ, но такимъ же регрессомъ *in indefinitum*, какъ и въ предыдущихъ антиноміяхъ ¹⁾.

На 1-й взглядъ результатъ критики Вундта можетъ показаться очень незначительнымъ. Регрессъ *in indefinitum*! Да развѣ это не то же самое, къ чему пришелъ самъ Кантъ въ своемъ разрѣшеніи антиномій? Развѣ регрессъ *in indefinitum* означаетъ не то, что мы не можемъ судить о безусловной конечности или бесконечности міра, а должны въ своемъ познаніи замкнуться въ тѣсную сферу доступныхъ нашему опыту явленій? Но на самомъ дѣлѣ, при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что критика Вундта даетъ вопросу о космологическихъ антиноміяхъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ какой онъ имѣетъ у Канта.

Прежде всего, оказывается, что космологическія антиноміи вовсе не представляютъ такого радикальнаго противорѣчія въ нашемъ познаніи, какъ ихъ выставляетъ Кантъ. Такимъ противорѣчіемъ онъ являлись бы лишь въ томъ случаѣ, если бы тезисы и антитезисы представлялись дѣйствительно противорѣчащими положеніями, аргументированными одинаково сильно,

„Аристотель считаетъ существованіе бесконечной величины въ пространствѣ за невозможное, ибо мы, поскольку мы можемъ мыслить тѣло увеличеннымъ посредствомъ присоединенія новыхъ частей, всегда можемъ достигнуть лишь конечныхъ величинъ. Бесконечное въ дѣлности, напротивъ, представляется ему, какъ дѣйствительное, ибо дѣлимое въ бесконечность тѣло дано намъ непосредственно, какъ цѣлое, со всеми своими частями... Но какъ аристотелевское, такъ и кантовское различіе покоится на ложно избранномъ *tertium comparationis*. Когда мы сравниваемъ дѣленія въ бесконечно-малое съ регрессомъ въ бесконечно-великое то цѣлое тѣло, которое должно быть раздѣлено, аналогично не съ цѣлымъ міромъ, но съ его конечной частью, съ которой начинается регрессъ, а никогда не достижимому универсу, напротивъ, соответствуетъ также никогда недостижимая бесконечно-малая часть протяженнаго“. (Wundt. 498—9).

¹⁾ Wundt. 518 p.

и если бы лишь при помощи критическаго идеализма можно было представить ихъ только противоположными, „діалектическою оппозиціею“. Если же теперь оказывается, что въ этой діалектической оппозиціи нѣтъ настоящей нужды, что тезисы и антитезисы сами по себѣ представляются лишь противоположными, а не противорѣчащими утверженіями, то можно думать, что спутанный космологическій вопросъ можетъ быть рѣшенъ безъ помощи такихъ радикальныхъ средствъ (безусловное veto на цѣлую область познанія), какія предлагаетъ критическій идеализмъ.

Далѣе, критика Вундта проливаетъ свѣтъ на самый источникъ мнимыхъ космологическихъ антиномій, выясняетъ несостоятельность самаго ихъ матеріальнаго принципа. Если тезисы и антитезисы, какъ мы видѣли, оспариваютъ и защищаютъ понятія безконечности, одинаково неприложимыя къ міру, какъ реально-конкретному бытію, а лишь къ чистымъ формамъ нашего опыта, то ясно, что діалектическій корень антиноміи заключается въ спутанности этихъ двухъ видовъ бытія. Отсюда матеріальный принципъ антиномій заключается не въ мнимомъ разладѣ разума съ самимъ собою, а въ вопросѣ объ отношеніи потенциальной безконечности чистыхъ формъ опыта къ его эмпирическому содержанію, — въ вопросѣ, — нельзя ли допустить эту потенциальную ихъ безконечность и по отношенію къ наполняющему эти формы міру? При такой формулировкѣ вопроса самъ собою намѣчался и иной, чѣмъ у Канта, путь къ его разрѣшенію. Сущность вопроса требовала точнаго разграниченія между формами созерцанія и ихъ конкретнымъ содержаніемъ, а не смѣшенія ихъ. Если немислимо начало времени и ограниченность пространства и причинности, какъ чистыхъ формъ созерцанія (опыта), безконечность которыхъ сама а priori, то ограниченность міра по времени, пространству и причинности — вполне мыслима. На перенесеніи специфическихъ свойствъ пространства и времени, какъ чистыхъ свойствъ созерцанія, на наполняющей ихъ міръ, основывались еще старые софизмы Зенона. Такъ, перенесеніе свойства непрерывности, которымъ отличается наше пространственное бытіе, послужило діалектическою основою для извѣстнаго

софизма объ Ахиллесѣ и черепахѣ. Ахиллесъ, дѣйствительно, никогда не догналъ бы черепахи, если бы реальное разстояніе между ними, подобно чистому пространству, могло дѣлиться (уменьшаться) до бесконечности. Кантъ въ своихъ антиноміяхъ лишь повторилъ эту старую ошибку Зенона.

Намъ кажется, что двѣ тѣсно связанныя между собою причины обуславливаютъ эту неправильность постановки космологической проблемы у Канта: 1) общая критико-полемиическая тенденція его трактата объ антиноміяхъ, направленного противъ философовъ—догматиковъ, въ частности признававшихъ пространство и время какимъ-то обсолютно-реальнымъ бытіемъ, въ которомъ находится и развивается міръ,—и 2) собственный взглядъ Канта на природу пространства и времени, какъ субъективныя, и только субъективныя, формы возрѣнія. Задачу Канта составляло, съ одной стороны, выяснитъ, къ какимъ непримиримымъ противорѣчіямъ приводитъ признаніе объективной реальности пространства и времени, а съ другой,—показать, что единственный исходъ изъ этого противорѣчія—въ признаніи діаметрально противоположнаго взгляда,—ихъ исключительной субъективности. Отсюда, какъ тезисы, и антитезисы антиномій говорятъ о конечности или бесконечности пространства и времени, какъ объективныхъ предикатахъ вселенной, имманентно входящихъ въ содержаніе самаго понятія о ней. Непримиимость антиномій ясно показала несостоятельность такого взгляда. Но ошибка тезисовъ и антитезисовъ, не отдѣлявшихъ времени и пространства отъ міра въ строгомъ смыслѣ, не устраняется и въ кантовскомъ разрѣшеніи антиномій. Сущность разрѣшеній антиномій у Канта, какъ извѣстно, сводится къ выясненію феноменальной реальности познаваемого нами міра и недоступности для нашего познанія вещей въ себѣ. Но это разъясненіе относительной реальности чувственного міра, по справедливому замѣчанію Эрхардта, нисколько не разрѣшаетъ антиномій, но „лишь переноситъ ихъ съ вещей въ себѣ на эмпирической регрессы нашего познанія“¹⁾, въ которомъ міръ данъ въ субъективныхъ формахъ пространства, времени и причинности. Въ самомъ

¹⁾ Erhardt. Op. cit. 42 p.

дѣлѣ, если нашъ, познаваемый нами, міръ есть только міръ явленій, а отъ явленій неотдѣлимы ихъ временныя и пространственныя опредѣленія,—то антиномія возникаютъ сами собою. Въовъ возникаетъ неотвязный вопросъ: что же, этотъ эмпирический регрессъ явленій, представляющійся намъ въ несомнѣнно—безконечныхъ (какъ мы знаемъ а priori) формахъ времени и пространства, будетъ также безконеченъ, какъ и эти самыя формы? Здѣсь вопросъ ясно касается лишь явленій (а не вещей въ себѣ), но и здѣсь можетъ быть поставлено лишь искусственно—догматическое „veto“. Вопросъ объ антиноміяхъ, значитъ, разрѣшается не кантовскимъ феноменализмомъ, а абсолютнымъ скептицизмомъ ¹⁾. Дальнѣйшія разсужденія Эргардта еще яснѣе раскрываютъ бесполезность кантовскаго различенія явленій отъ вещей *an sich* для рѣшенія собственно космологическихъ антиномій. Оказывается, что если Кантъ хочеть признать какую-нибудь объективную дѣйствительность внѣ нашего познающаго духа, хотя бы въ формѣ абсолютно неизвѣстнаго намъ явса—вещи въ себѣ, то кантовское различіе между субъективностію и объективностію пространства, времени и причинности почти совершенно ступевывается. „Такъ какъ міръ вещей *an sich* является въ формахъ чувственнаго познанія, то онъ долженъ, поскольку онъ доступенъ намъ въ нихъ, управляться и ихъ законами, какъ будто бы онъ заключался во времени и пространствѣ. Поэтому, если бы я захотѣлъ, напр., что нибудь изслѣдовать о природѣ измѣненій, данныхъ мнѣ во времени, и изслѣдовать, имѣеть-ли ихъ рядъ начало, или нѣтъ, то это было бы возможно лишь черезъ тѣ же самыя соображенія, какими я руководился бы при естественномъ допущеніи абсолютной реальности времени. Такъ какъ теперь природа времени ясно и настойчиво учитъ меня, что она не можетъ имѣть начала, равно какъ и рядъ временныхъ перемѣнъ, то если бы я за-

¹⁾ Такой же въ сущности взглядъ на кантовское разрѣшеніе антиномій высказываютъ Вундтъ (Op. cit. 516 p.) и Трейдеденбургъ. Послѣдній утверждаетъ, что относительно явленій также можно спросить, безконечны они или ограничены во пространствѣ и времени. „Въ этихъ вопросахъ возникаетъ точно такое же столкновеніе (*Widerstreit*) понятій конечнаго и безконечнаго, и антиномія не разрѣшена“ (Цит. у Cohen'a въ „Kants theorie d. Erfahrung“, 267—8 pp.).

хотѣлъ идти къ началу самаго міра, я долженъ былъ бы при этомъ предположить отъ этого начала другой рядъ измѣненій, т. е., природа этихъ измѣненій *an sich* въ данномъ случаѣ совершенно безразлична¹⁾.

Не входя въ разсмотрѣніе трансцендентальной эстетики Канта, замѣтимъ лишь, что если трудности „антиномій“ не устраняются ни исключительной объективностью, ни безусловною субъективностью пространства и времени, то онѣ могутъ быть примирены, когда мы признаемъ пространство и время субъективно-объективными формами бытія. Съ субъективной стороны, пространство и время суть принципы нашего чувственного возрѣнія, тѣ формы, въ которыхъ мы созерцаемъ какъ вѣдншій, такъ и психическій міръ. Равнымъ образомъ, причинность, въ строгомъ смыслѣ, есть лишь субъективная разсудочная форма (раціональнаго) познанія. Но субъективность этихъ формъ возрѣнія не исключаетъ возможности ихъ соответствія какому-либо объективному бытію, подобно тому какъ феноменализмъ нашего познанія вообще не только не исключаетъ, но даже постулируетъ существованіе объективнаго, вѣдншаго сущаго бытія (вещи въ себѣ). Разумѣется, пространство и время нельзя признать самостоятельными сущностями, но ихъ можно разсматривать какъ символы взаимоотношенія и измѣняемости вещей. Если мы допускаемъ, что чувственныя свойства вещей (цвѣтъ, запахъ и т. п.) имѣютъ свое основаніе не только въ нашей психо-физической организаціи, но и во вѣдншнихъ объектахъ, то и пространственныя и временныя опредѣленія вещей въ извѣстномъ смыслѣ являются выраженіемъ ихъ сущности. Такимъ образомъ, пространство, съ объективной стороны, есть символъ взаимоотношенія субстанцій, а время—символъ ихъ измѣняемости (движенія). Это разграниченіе въ понятіи пространства и времени даетъ возможность признать, что пространство и время—бесконечны, лишь какъ чистыя формы нашего возрѣнія, но—конечны, какъ реальныя опредѣленія вещей,—и такимъ образомъ открыть путь къ дѣйствительному разрѣшенію антиномій. Сказанное о пространствѣ и времени, *mutatis mutandis*, можно примѣнить

¹⁾ Erhardt. Op. cit. 42—43 p.

и въ понятію причинности, какъ одному изъ принциповъ нашего рациональнаго познанія. Нетрудно замѣтить, что данное опредѣленіе двойственной природы пространства и времени напоминаетъ ихъ опредѣленія у Лейбница, и, значитъ, было извѣстно Канту. Дѣйствительно, самъ Кантъ въ примѣчаніи къ антитезису 2-й антиноміи считается съ этимъ опредѣленіемъ. „Я согласенъ,—пишетъ онъ,—что пространство есть только форма внѣшняго созерцанія, но не какой либо дѣйствительный предметъ, могущій быть представляемъ внѣшнимъ образомъ, не коррелятъ явленій, а одна только форма самихъ явленій... Поэтому, пространство (наполненное или пустое) можетъ быть ограничиваемо явленіями, но явленія не могутъ быть ограничены пустымъ пространствомъ. То же самое и о времени“. Но,—замѣчаетъ онъ далѣе,—„допустивъ все это, необходимо согласиться, что, принимая предѣлъ міра по пространству или времени, мы допускаемъ двѣ фантазіи: пустое пространство внѣ міра и пустое время до него“. Это выраженіе Канта намъ представляется несовсѣмъ основательнымъ. Правда, чистое „ничто“ (то, что Кантъ не совсѣмъ точно называетъ „пустымъ временемъ“ и „пространствомъ“, ибо пространство и время, въ строгомъ смыслѣ, существуютъ лишь въ насъ) для насъ трудно представимо, но это нисколько не говоритъ противъ его мыслимости. Извѣстное понятіе только тогда должно быть совершенно отвергнуто, когда оно заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе.

Хотя сдѣланные нами выводы изъ критики кантовскихъ антиномій у Вундта, выяснивъ истинную сущность космологической проблемы, разграничивъ ее съ проблемою о природѣ пространства и времени, еще не рѣшаютъ вопроса о конечности или безконечности міра въ положительномъ смыслѣ, однако есть основанія думать, что тезисы въ этомъ отношеніи имѣютъ больше шансовъ, чѣмъ антитезисы. Если всмотрѣться въ то понятіе регресса *in indefinitum*, къ которому приводитъ насъ понятіе о мірѣ, какъ реально-конкретномъ бытіи, то оказывается, что это понятіе ничего не разъясняетъ, да и по существу не можетъ разъяснять, относительно процессовъ міроваго бытія, а скорѣе выражаетъ собою формально-

методологическій принципъ естественно-научнаго изслѣдованія. Какъ конститутивный принципъ, это понятіе въ сущности совершенно совпадаетъ съ понятіемъ конечности міра. Не ставя своею задачею доказать конечность мірозданія по пространству и времени, замѣтимъ лишь, что допущеніе безконечности міра ведетъ къ значительнымъ затрудненіямъ въ естествознаніи. Такъ, если мы допустимъ, что міръ по пространству—безконеченъ, то любое мѣсто въ массѣ міра можетъ быть принято за ея центръ. Но такъ какъ въ центрѣ тѣла вся масса его можетъ быть мыслима соединенной, то всякій пунктъ безконечной массы являлся-бы носителемъ безконечныхъ силъ. Такимъ образомъ, конечныя дѣйствія физическихъ силъ опредѣленной величины, какъ ихъ должно представлять для объясненія явленій физика и механика, были-бы невозможны. Равнымъ образомъ, если допустить, что масса матеріи—дѣлима до безконечности, то въ концѣ концовъ, по выполненіи безконечнаго дѣленія, не оставалось бы ничего, что могло еще проявлять дѣйствія, такъ какъ дѣйствія силъ въ матеріи прямо пропорціональны массѣ. Но такъ какъ изъ этихъ элементарныхъ дѣйствій, которыя въ совокупности равняются нулю, не можетъ возникнуть никакого конечнаго дѣйствія, то послѣдніе элементы матеріи сами должны обладать конечною массою¹⁾.

Такимъ образомъ, наука для объясненія явленій природы нуждается въ нѣкоторыхъ конечныхъ элементахъ матеріи, будутъ-ли то въ собственномъ смыслѣ элементы матеріи, или центра силъ. Если по отношенію къ вопросу о временной и пространственной величинѣ міра понятіе регресса *in indefinitum* совпадаетъ съ понятіемъ конечности, то по отношенію къ антиноміи о причинности и свободѣ (равно какъ и къ онтологическому вопросу о необходимомъ Существовѣ) оно оказывается совершенно безразличнымъ и къ положительному и отрицательному рѣшенію. Такъ какъ регрессъ *in indefinitum*, какъ мы видѣли, можетъ удовлетворяться послѣднимъ эмпирически-найденнымъ звеномъ въ цѣпи условій, то онъ ничуть не препятствуетъ признать въ качествѣ такого звена въ эмпирическомъ регрессѣ и свободу воли, какъ специфическую

¹⁾ Wundt. 507—8 p.

силу активной самодѣятельности, если существованіе этой силы будетъ достаточно аргументировано, какъ опытной наукой, такъ и философій.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ теоретико-научныхъ затрудненіяхъ, какія будто бы необходимо возникаютъ, если допустить пространственную, временную и причинную ограниченность міра, о томъ „теоретическомъ интересѣ“, какой имѣетъ нашъ разумъ въ борьбѣ тезисовъ и антитезисовъ. Въ сущности на этомъ теоретическомъ интересѣ построены двѣ послѣднія антиноміи. Говорятъ, что допустить временную и пространственную ограниченность міра—значитъ полагать предѣлы научному изслѣдованію; допускать понятіе свободы, какъ агента среди міровыхъ силъ, или признавать необходимое Существо, царящее надъ міромъ, значитъ нарушать связь и единство опыта, вносить въ міропониманіе принципъ случайности и произвола; наконецъ, понятіе свободы есть понятіе чуда, какъ нарушенія закона причинности, и поэтому не можетъ имѣть никакого мѣста въ наукѣ. Но нетрудно видѣть, что всѣ эти возраженія основываются лишь на недоразумѣніи. Относительно перваго возраженія нужно замѣтить, что, съ одной стороны, предѣлы міра по пространству и времени (если эти предѣлы существуютъ)—такъ далеки, что наукѣ нечего смущаться ихъ существованіемъ; цѣпи причинъ и пространственные горизонты—такъ необъятно далеки и широки, что наука въ своемъ регрессѣ по цѣпи причинъ и изученіи окружающихъ насъ міровъ едва-ли когда нѣбудь дойдетъ до предѣльныхъ границъ вселенной. Съ другой стороны, принципъ научнаго ограниченія лежитъ скорѣе въ ограниченности нашихъ познавательныхъ способностей, чѣмъ въ существованіи какихъ-либо внѣшнихъ границъ объекта нашего познанія. Прогрессъ науки заключается не въ расширеніи подлежащихъ нашему разсмотрѣнію объектовъ и явленій, а преимущественно въ сведеніи ихъ къ возможно-меньшему числу принциповъ (законовъ). Понятія „силы“, „закона“ природы, къ которымъ приводитъ насъ научное изслѣдованіе, являются естественною границею нашего познанія, за которою нашъ вопросъ „почему“? уже не находитъ отвѣта.

Равнымъ образомъ, несостоятельно и то общее возраженіе противъ тезисовъ антиномій, что допущеніе принципа свободы вноситъ въ общее теченіе міровой жизни случайность, дисгармонію. Мысль, что творческая самодѣятельность свободы своимъ вмѣшательствомъ въ міровую жизнь измѣняетъ ея процессы—справедлива, но въ качествѣ обвиненія противъ индетерминистической точки зрѣнія тезисовъ она можетъ быть выставлена лишь по недоразумѣнію. Если со словомъ „случайность“ не соединять совершенно неправильнаго представленія о какомъ-то ниспроверженіи законовъ природы, а разумѣть подъ этимъ названіемъ лишь совпаденіе двухъ независимыхъ одинъ отъ другого причинныхъ процессовъ, то такого рода случайность—неизбѣжна и при допущеніи строго детерминистическаго принципа антитезисовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если я иду по улицѣ, и на мою голову падаетъ съ крыши какого-нибудь дома глыба снѣга (—результатъ извѣстнаго причиннаго процесса—таянія), то эта „случайность“ измѣняется-ли въ сущности отъ того, иду ли я по свободному самоопредѣленію, или въ силу механической причинности? И исторія природы, при всей ея механической закономерности, не представляетъ ли цѣлый рядъ случайностей, совпаденія, борьбы отдѣльныхъ причинныхъ процессовъ? Наконецъ, нельзя признать основательнымъ и то общее возраженіе антитезисовъ противъ допущенія свободы, что признаніе ея равносильно отрицанію закона причинности. Не трудно замѣтить, что здѣсь смѣшивается общее понятіе причинности съ болѣе узкимъ по объему понятіемъ физической причинности. Законъ причинности обозначаетъ лишь ту истину, что всякое дѣйствіе предполагаетъ силу, достаточно могущественную, чтобы произвести его. Но сила эта можетъ безконечно—различнымъ образомъ проявляться въ различныхъ формахъ бытія. Повтому нѣтъ ничего логически—немыслимаго въ томъ, если въ нашей волевой жизни эта причинность проявляется въ формѣ, совершенно непохожей на физико-механическую причинность, господствующую во внѣшнемъ мірѣ. Правда, мы не можемъ вполне уяснить себѣ сущность нашей творческой силы,—причины нашихъ волевыхъ явленій, но „если ясность полагать масшта-

бомъ истины и логическую понятность условіемъ реальной возможности, то что останется отъ нашего познанія? Насколько понятна для насъ сущность какой угодно вещи, какой угодно физической силы, происхожденіе дѣйствія изъ причины, наше собственное „я“, наше собственное мышленіе?“¹⁾... Говорятъ, что воля, какъ творческая причина нашихъ дѣйствій есть чудо. Да, чудо, если чудесными называть всѣ явленія, которыя не могутъ быть объяснены извѣстными намъ физико-механическими причинами; но съ точки зрѣнія такого понятія о чудѣ—чудесныхъ явленій окажется едва ли не больше, чѣмъ естественныхъ, хотя съ точки зрѣнія болѣе широкаго понятія объ естественной причинности эти явленія представляются вполне мыслимыми.

Анатолій Орловъ.

¹⁾ Wichert. Notwendigkeit und Freiheit (Zeitschrift für Philos. 1888. 93. Band. 33 p.).

Фридрихъ Ницше—„антихристъ“ въ новѣйшей философіи, Лоренца Фишера.

(Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцію М. Воскресенскаго).

(Окончаніе *).

Н и ц ш е — а н т и х р и с т ь .

Эту кличку Ницше самъ далъ себѣ и именно въ заглавіи своего послѣдняго труда, который долженъ былъ образовать по его плану первую часть его наибольшаго по объему произведенія „Воля къ власти“. Въ этомъ сочиненіи онъ хотѣлъ за разъ обнять свое міросозерцаніе и жизненно-практическое воззрѣніе. Но онъ не могъ выполнить этого плана, такъ какъ уже, по окончаніи первой части, онъ впалъ въ безуміе.

Итакъ, эту часть намѣченнаго произведенія Ницше назвалъ, какъ было замѣчено, „Антихристъ“,—названіе весьма мѣткое какъ для означеннаго сочиненія, такъ и въ особенности для его автора. Въ самомъ дѣлѣ, хотя христіанство въ теченіе своей исторіи имѣло уже очень многихъ и весьма рѣзкихъ противниковъ, но все же не такого безчинно страстнаго и глубоко радикальнаго врага, какъ Ницше. Поэтому, онъ—антихристъ по преимуществу въ новой философіи: въ немъ антихристіанское направленіе умовъ нашего времени достигаетъ своей кульминаціонной точки.

Но тутъ возникаетъ вопросъ: почему же Ницше былъ такимъ отъявленнымъ фанатичнымъ врагомъ христіанства, несмотря на то, что онъ и родился, и былъ строго воспитанъ въ христіанской религіи, и даже происходилъ изъ духовной семьи?

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 9.

Понятно, почему:—потому, что христіанская религія находится въ діаметральной противоположности къ его философіи, къ его міросозерцанію, въ истинѣ котораго онъ былъ глубоко-убѣжденъ.

Однако послушаемъ самого Ницше, какія главныя обвиненія онъ возводитъ на христіанство и какое выраженіе онъ даетъ имъ! Онъ пишетъ: „Я осуждаю христіанство, я выставлю противъ христіанской церкви ужаснѣйшее изъ всѣхъ обвиненій, какое когда либо обвинитель имѣлъ въ устахъ. Она для меня высшее изъ всѣхъ мыслимыхъ нравственныхъ развращеній, она допустила послѣднюю порчу нравовъ, какая только возможна. Христіанская церковь не оставила ничего неприкосновеннымъ отъ своей порчи, она сдѣлала изъ всякой цѣнности безцѣнокъ, изъ всякой истины ложь, изъ всякой правды душевную нивость. И смѣютъ еще говорить мнѣ о своихъ „гуманитарныхъ благословеніяхъ!“ Создавъ какое нибудь бѣдствіе, она шла противъ своей глубочайшей пользы, она жила бѣдствіями, она создавала бѣдствія, чтобы увѣковѣчить себя. Червь грѣха, на примѣръ, этимъ только бѣдствіемъ церковь обогатила человѣчество! „Равенство душъ предъ Богомъ“—эта фальшь, этотъ предлогъ для злопамятности всѣхъ низко настроенныхъ, этотъ взрывчатый матеріалъ понятій, это равенство вызвало, наконецъ, революцію, стало новой идеей и началомъ упадка всего общественнаго порядка,—вотъ христіанскій динамитъ! Гуманитарныя благословенія христіанства! Изъ гуманности создали самоотреченіе, искусство самоосужденія, продажную удобопреклонность ко лжи, противодѣйствіе, презрѣніе въ отношеніи ко всѣмъ добрымъ и правымъ инстинктамъ. Самыя благословенія христіанства для меня вотъ что: паразитизмъ, какъ единственная практика церкви; загробный міръ, какъ побужденіе къ отреченію отъ всякой реальности,—загробный міръ, испивающій посредствомъ церковныхъ идеаловъ блѣдной немочи и „святости“ всякую кровь, всякую любовь, всякую надежду на жизнь; крестъ, какъ символъ наивысшаго смертельнаго заклія, какое когда либо было,—противъ здоровья, красоты, удачи, храбрости ума,... противъ самой жизни...

Я хочу написать эту вѣчную жалобу на христіанство на всѣхъ стѣнахъ, гдѣ только есть стѣны,—я имѣю такія буквы, что сдѣлаю и слѣпыхъ зрячими... Я призываю на христіанство великое проклятіе, окончательную погибель въ самомъ его корнѣ, могучій инстинктъ мести, для котораго ни одно средство не ядовито, не опасно, не смертоносно,—я считаю его неуничтожимымъ позорнымъ клѣймомъ челоуѣчества“¹⁾.

Здѣсь предъ нами—воплощенный „антихристъ“! Дѣйствительно, по собственному сознанію Ницше, никто иной не изрекалъ когда либо такого ужаснаго осужденія, какъ это онъ дѣлаетъ здѣсь съ самой крайней злобой. И всякій, кто читаетъ эти слова Ницше, проникнутыя величайшей ненавистью къ христіанской религіи, согласится, конечно, со мною, если я скажу, что прежніе, какъ ученые, такъ и прочіе враги христіанства, какъ, напримѣръ, въ новое время Давидъ Штраусъ, Ренанъ, Шопенгауеръ, Е. Гартманъ, Геккель, въ сравненіи съ Ницше прямо таки „невинныя дѣти“. Ницше явно довелъ враждебность къ христіанству до ея кульминаціонной точки. Поэтому онъ поп—plus ultra антихристіанскихъ философовъ.

Теперь намъ надлежитъ разобрать въ отдѣльности его ужасныя обвиненія и взвѣсить основанія, которыя побуждали его къ этому.

1) Ницше прежде всего упрекаетъ христіанство за то, что оно, по его мнѣнію, всецѣло противорѣчитъ его основному и жизненно-практическому принципу, именно „волѣ къ власти“. Онъ говоритъ:

Что хорошо?—Все, что возвышаетъ въ челоуѣкѣ чувство власти, волю къ власти, самую власть.

„Что худо?—Все, что происходитъ изъ слабости.

„Что такое счастье?—Чувство того, что власть возрастаетъ, что сопротивленіе преодолевается.

Не довольство, но болѣе того, власть; не миръ, но война; не добродѣтель, но храбрость (добродѣтель въ стилѣ возрожденія *virtù*, неморальная добродѣтель“)²⁾.

¹⁾ Antichrist, W. W. VIII, 312 f.

²⁾ Antichrist, W. W. VIII, 218.

Отсюда Ницше извлекаетъ слѣдующія заключенія:

„Слабые и неудачники должны погибнуть,—это первое положеніе нашей любви къ людямъ. И въ этомъ мы должны еще помогать имъ.

Что вреднѣе такого порока, какъ состраданіе ко всѣмъ неудачникамъ и слабымъ? А это и есть сущность христіанства...

Я полагаю проблему не въ томъ, что должно смѣнить человѣчество въ порядкѣ существъ (проблема эта: человѣкъ есть конецъ всему развитію), но въ томъ, какой типъ человѣка должно размножать, какого должно хотѣть, какъ наиболѣе цѣннаго, наиболѣе достойнаго жизни, несомнѣннаго въ будущемъ. Этотъ наиболѣе цѣнный типъ очень часто уже бывалъ, но какъ случайность, какъ исключеніе, и никогда, какъ явленіе, вызванное необходимостію ¹⁾.

Мы не должны хвалить и превозносить христіанство: оно объявило беспощадную войну этому высшему человѣческому типу, оно осудило основные инстинкты этого типа, оно изгнало изъ этихъ инстинктовъ зло, злого человѣка: сильный человѣкъ представляется типически мерзкимъ, отверженнымъ человѣкомъ. Христіанство приняло сторону всего слабого, низкаго, неудачнаго; оно сдѣлало идеаль изъ противорѣчія инстинкту сохраненія сильной жизни“. Вотъ каковъ Ницше!

Теперь подвергнемъ критикѣ эту хулу на христіанство!

Высочайшій идеаль, согласно сказанному, по мнѣнію этого

¹⁾ Здѣсь также слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что самъ Ницше въ выше-цитированномъ мѣстѣ опять уже отвергаетъ два своихъ главныхъ мнѣній, изложенныхъ въ предшествовавшей главѣ. Между тѣмъ, какъ въ „Заратустрѣ“ онъ повторилъ и рѣшительно утверждалъ: „человѣкъ есть нѣчто такое, что должно уступить мѣсто высшему“, а поэтому долженъ появиться „сверхчеловѣкъ“, то есть, существо, превосходящее человѣческой родъ,—здѣсь, напротивъ, онъ говоритъ: „человѣкъ есть конецъ всему развитію“, человѣческой типъ въ дальнѣйшемъ развитіи долженъ стать только выше по достоинству. Далѣе, между тѣмъ, какъ въ „Заратустрѣ“ онъ утверждалъ, что до сихъ поръ еще никогда не было сверхчеловѣка,—здѣсь онъ снова противорѣчатъ самому себѣ: „Этотъ болѣе цѣнный типъ довольно часто уже бывалъ!“ Здѣсь опять мы имѣемъ два поразительныхъ примѣра того, что Ницше въ своихъ взглядахъ и ученіяхъ былъ непостояннѣе и измѣнчивѣе подобно погодѣ. И такіа непостоянныя философы, колеблющіяся въ разныхъ стороны подобно флюгерамъ, въкоторыя принимаютъ въ качества своего міросозерцанія и жизненно-практическихъ воззрѣній и избирають ихъ въ проводники отъ временной жизни къ вѣчности! Не безпримѣрное ли это легкомысліе?

философа, есть возвышеніе власти въ человѣкѣ; ибо по нему „все хорошо, что возвышаетъ въ человѣкѣ чувство власти, волю къ власти, самую власть.

Тутъ возникаетъ вопросъ: что слѣдуетъ понимать подъ этой властію?—вопросъ отнюдь не излишній, такъ какъ это слово имѣетъ много значеній.

Но замѣчательно! именно въ этомъ важнѣйшемъ пунктѣ своего ученія Ницше никогда не высказался ясно и вразумительно, у это уже большой недостатокъ его философіи. Въ самомъ дѣлѣ, ясность и устойчивость въ основныхъ понятіяхъ прежде всего должны быть на лицо въ серіозной философіи, иначе все окажется шаткимъ. Вотъ именно это послѣднее мы и находимъ у Ницше. Такъ какъ теперь онъ не объяснилъ намъ прямо своего основного понятія „власть“, то намъ ничего иного не остается, какъ найти значеніе его косвеннымъ путемъ. Какъ же именно?

Слово „власть“ можно употреблять въ пяти смыслахъ: въ физическомъ, интеллектуальномъ, моральномъ, политическомъ и социальномъ.

Какое изъ указанныхъ пяти значеній Ницше могъ усвоить этому выраженію? Такъ какъ онъ, мы знаемъ, ни во что ставилъ все моральное, равно какъ и все политическое и социальное, то эти три означенныхъ понятія власти должны быть у него исключены. Но онъ мало придавалъ значенія и области интеллектуальнаго, духовнаго, какъ мы уже слышали, и только лишь органическая, физическая жизнь имѣла у него значеніе существеннаго, какъ альфа и омега, какъ „истинно вѣчная жизнь, какъ путь къ ней и рожденіе въ нее, какъ священный путь“¹⁾.

Изъ этого слѣдуетъ заключить, что подъ „властью“, которая должна возвышаться въ человѣкѣ, Ницше понималъ собственно физическую силу. Поэтому онъ и отвергаетъ, какъ ея противоположность,—„слабость“, „слабыхъ“ и неудачниковъ.

Слѣдовательно, вотъ что, по Ницше, было бы для человѣка наивысшимъ идеаломъ жизни: стать, какъ можно болѣе, физически сильнымъ! Выдающійся силачъ въ тѣлесномъ отно-

¹⁾ W. W. VIII, 172, 173.

пени, подобный тѣмъ, которые выступаютъ въ циркахъ и въ политическихъ клубкахъ, былъ бы, по этому учению, совершеннѣйшимъ человѣкомъ!!!

Но спрашивается: какъ? неужели въ этомъ долженъ заключаться высшій идеалъ человѣка? Тогда многие африканскіе дикари и нѣкоторые мясники были бы великолѣпными и достойными подражаній образцами человѣка! Нужно только ясно высказать этотъ ницшеанскій взглядъ и вывести его на чистую воду, и мы увидимъ его полную несообразность. Въ самомъ дѣлѣ, какой разумный человѣкъ будетъ серьезно допускать, что, дѣйствительно, въ жизни людей все зависитъ исключительно отъ количества тѣлесной силы!

Конечно, тѣлесная сила имѣетъ для человѣка немаловажное значеніе; ибо она составляетъ основаніе жизни и дѣятельности. Но оттого она не имѣетъ въ человѣкѣ существеннаго, важнаго значенія, да и не можетъ имѣть для него подобнаго значенія. Сущностію человѣка, бесспорно, является его духовно-моральная природа и нравственная дѣятельность, черезъ которую она собственно и отличается отъ животныхъ. Дѣйствительно, значеніе человѣка заключается не въ обиліи власти и силы, но собственно въ томъ, какъ и для чего онъ ими пользуется, и этикъ опредѣляется его духовно-моральное достоинство. Последнее поему есть важнѣйшее достоинство въ человѣкѣ, и слѣдуетъ болѣе всего заботиться о воспитаніи и развитіи моральнаго настроенія.

И именно этого хочетъ христіанство. Да, болѣе и болѣе возвышаясь въ духовно-нравственномъ отношеніи, становясь по настроенію и поступкамъ все болѣе благороднымъ и совершеннымъ,—человѣкъ черезъ это уподобляется Вѣщившему Весовершеннѣйшему Существо, Самому Богу, согласно слову Христа: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“! ¹⁾ Этотъ возвышенный христіанскій идеалъ человѣка имѣетъ съ тѣмъ есть и высшій идеалъ, какой вообще можетъ быть.

Самъ Гете, котораго Ницше очень почиталъ, какъ „высшаго человѣка“, допускалъ это, откровенно сознавшись своему

¹⁾ Мѡ. 5, 48.

другу Эккерману 11 марта 1832 года: „Я признаю вполнѣ подлинными все четыре евангелія, ибо въ нихъ отражается величіе, которымъ облеченъ былъ Христось и которое было величіемъ Божества въ такой полнотѣ, въ какой только божественное когда либо могло явиться на землѣ. Если спросить меня, въ моемъ ли духѣ оказывать Христу благоговѣйное почитаніе, то я скажу: непременно! Я преднонаюсь предъ Нимъ, какъ предъ божественнымъ откровеніемъ высшаго принципа нравственности“¹⁾.

Это сужденіе о Христѣ и христіанствѣ величайшаго нѣмецкаго поэта, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и философомъ, не полная ли противоположность тому, чему укилъ на аютъ счетъ Ницше? Такъ, слѣдовательно, Гёте и Ницше здѣсь совершенно расходятся во взглядахъ. Кто изъ двухъ правъ? Безспорно, Гёте, который при своей геніальности умъ былъ мыслителемъ несравненно болѣе глубокимъ, чѣмъ Ницше, тѣмъ болѣе, что это сужденіе и подтверждается убѣжденіемъ наиболѣе выдающихся людей стараго и новаго времени.

Да и въ самомъ дѣлѣ, если сравнить наивысшій идеалъ челоѣка въ духѣ вѣрно понятаго христіанства съ ницшеанскимъ идеаломъ челоѣка, то для всякаго, у кого разумъ не омраченъ закоренѣлыми предрассудками или слѣпыми страстями, тотчасъ станетъ ясна крупная разница, краснорѣчиво показывающая въ пользу перваго. Дѣйствительно, вопреки мнѣнію Ницше, не физическая сила челоѣка, пышущая избыткомъ крѣпости, но, какъ учить христіанство, интеллектуальная и нравственная сила въ ея высшемъ и гармоническомъ развитіи, — вотъ что можетъ быть наивысшимъ достояніемъ челоѣка.

Далѣе, хотя христіанская религія и цѣнитъ выше эту послѣднюю силу, чѣмъ первую, имѣя на то полное право, но все же тутъ вовсе нѣтъ враждебности къ тѣлесной силѣ челоѣка. И въ христіанствѣ заботы о тѣлѣ и его питаніи имѣютъ значеніе положительнаго долга, такъ какъ тѣло есть органъ души. Поэтому и въ христіанствѣ величаютъ значеніа принципъ: въ здоровомъ тѣлѣ — здоровая душа.

¹⁾ Eckermann, Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens; Leipzig, Reclam B. III, S. 263.

Мало того, апостолъ Павелъ даже называетъ тѣло христіанина „храмомъ Святаго Духа“, приписываетъ ему слѣдовательно, особенно высокое достоинство, несравненно высшее, чѣмъ Ницше. Въ то время, какъ христіанство въ нѣкоторомъ смыслѣ возвышаетъ до апогеоза сподобившееся божественной благодати человѣческое тѣло,—Ницше дѣлаетъ тѣло человѣка звѣроподобнымъ, низводя его на степенъ тѣла животнаго.

Отсюда теперь явствуетъ совершенно противное тому, въ чемъ Ницше упрекалъ христіанство, выставивъ его въ качествѣ смертельнаго врага тѣлесной жизни. Согласно изложенному, этотъ упрекъ волюнѣ несправедливъ, ибо христіанство не презираетъ тѣла, но, напротивъ, оно, какъ никакая другая религія, усваиваетъ ему наивысшее достоинство, въ какомъ только оно способно. Оно признаетъ, что тѣло въ концѣ міра даже воскреснетъ по силѣ Божіей и будетъ принимать участіе въ вѣчной блаженной жизни, какъ и душа. Слѣдовательно, христіанство ставитъ человѣческое тѣло гораздо выше, чѣмъ Ницше, при всей его „философіи тѣла“, и въ этомъ отношеніи христіанство стоитъ такъ высоко надъ нимъ, какъ звѣзды надъ землею.

Что касается загнѣмъ упрека Ницше, что христіанство привало сторону слабыхъ, низкихъ, неудачниковъ, то это совершенно вѣрно, но тутъ для него нѣтъ никакого безчестія, а, напротивъ,—величайшая честь. Въ самомъ дѣлѣ, оно вступается за „низшую братію“, чтобы укрѣпить слабыхъ, возвысить низкихъ по происхожденію, сдѣлать тѣхъ, которме уродились неудачниками; возможно болѣе успѣдающими, слѣдуя при этомъ примѣру своего великаго Основателя, Который постоянно утверждалъ, что Онъ пришелъ „выискать и спасти погибшее“. Конечно, это лишь высоко и достохвально.

Теперь опять сравнимъ съ этимъ ученіемъ христіанства выше отмѣченное ученіе Ницше. Оно прямо отвратительно! Вотъ что Ницше говоритъ: „слабые, неудачники должны погибнуть,—это первое положеніе нашей любви къ людямъ. И въ этомъ мы должны еще помогать имъ“¹⁾). Прекрасная, чудная любовь къ людямъ!

¹⁾ Antichrist, W. W. VIII, 218.

Слѣдовательно, по Ницше, мы должны столкнуть съ дороги, какъ можно скорѣе, всѣхъ слабыхъ, всѣхъ неудачниковъ, всѣхъ больныхъ,—должны безжалостно умерщвлять ихъ. Для чего? Для того, чтобы избежать „мрачнаго и сомнительнаго почтенія съ ихъ стороны, ихъ печальныхъ взоровъ“. Какъ вдругъ „сильный“ Ницше оказывается перво-слабымъ!

Здѣсь его ученіе въ нравственномъ отношеніи получаетъ характеръ философіи самаго низкаго звѣрства, между тѣмъ какъ христіанство, напротивъ,—религія благороднѣйшей гуманности ¹⁾.

Хотя христіанство справедливо вступаетъ за людей слабыхъ и низкихъ по происхожденію, но оно поэтому еще отнюдь не отвергаетъ людей сильныхъ и высокопоставленныхъ. Здѣсь у Ницше опять совершенно ложное заключеніе; ибо, призывая къ мужеству и утѣшая людей бѣдныхъ и низкихъ по происхожденію съ цѣлю поддерживать и укрѣпить ихъ, такъ какъ въ античномъ мірѣ ихъ совершенно презирали,—Христосъ поставилъ на видное мѣсто однихъ, но поэтому еще не отвергъ другихъ. Поразительнымъ доказательствомъ этого служитъ образъ дѣйствій Христа во время Его земной жизни. Дѣйствительно, Онъ обращался снисходительно и милостиво не только съ простымъ народомъ, но имѣлъ въ числѣ своихъ учениковъ и друзей и знатныхъ, богатыхъ, высокопоставленныхъ, таковы, папримѣръ: Никодимъ, Іосифъ Арииматейскій, Лазарь изъ Вифаніи, далѣе Марія Магдалина, Марфа, Іоанн ²⁾, Сусанна и другіе.

И подобно Христу, христіанская церковь не только вступалась за простой народъ, бѣдныхъ и людей низкихъ по происхожденію, но и относилась дружелюбно къ сильнымъ, богатымъ, знатнымъ и благороднымъ, ученымъ и образованнымъ, гдѣ только ей представлялся случай. Приведемъ только изъ

¹⁾ Мы не станемъ отвергать, какъ обыкновенно дѣлаютъ: и въ христіанскую эру, къ сожалѣнію, конечно, совершались великія жестокости, но въ этомъ не была виновна христіанская религія; ибо она не учила этому и не рекомендовала этого. Виноваты были лишь ограниченныя люди, которые должно истолковывали и превратно прѣмляли къ жизни христіанскіе принципы.

²⁾ Іоанна, жена Хузы, домоправителя Продова (Лук. VII, 3). Прях. переводчика.

первыхъ времяхъ христіанства, на примѣръ, Діонисія Ареопагита, Іустина Философа, римскаго сенатора; Пуденса, начальника императорскихъ тѣлохранителей Серастіана, даже благородную Пуденціану, святую Цецилію, святую Агнесу и многихъ другихъ знатныхъ римлянъ и римлянокъ первыхъ времяхъ христіанства.

Затѣмъ, укажемъ на средневѣковыя рыцарей, которые всецѣло были преданы христіанству и все же были личностями сильными, мощными, знатными. Слѣдовательно, христіанство вовсе не тормазъ для раскрытія физической силы и не врагъ высшихъ сословій. Дѣйствительно, уже съ самаго начала, какъ было выше показано, она была не только религіей простого народа, но и образованныхъ, знатныхъ и сильныхъ, если они ей посвящали себя, и такую она остается дониндѣ. Въ христіанствѣ открытъ доступъ для всѣхъ сословій и націй; ибо оно, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ религій,—универсальная религія.

Такъ совершенно опровергается вышеупомянутое обвиненіе Ницше, выставленное имъ противъ христіанства.

2) Ницше дѣлаетъ дальнѣйшій упрекъ христіанской религіи за то, что она проповѣдуетъ добродѣтель состраданія: „Христіанство“, говоритъ онъ, „называется религіей состраданія. Состраданіе составляетъ противоположность тоническимъ аффектамъ, которые возвышаютъ энергію живеднаго чувства: оно дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ. Мы теряемъ силу, если испытываемъ состраданіе. Черезъ состраданіе увеличивается и возрастаетъ потеря силы, и это уже одно составляетъ для жизни страданіе. Само страданіе становится заразительнымъ черезъ состраданіе. Иногда вслѣдствіе его можетъ наступить общій упадокъ жизни и жизненной энергіи, который будетъ чистымъ абсурдомъ, если принять во вниманіе его производящую причину (случай смерти Исаарянина). Это одна точка зрѣнія; но есть еще болѣе важная. Положимъ, если мы не будемъ имѣть сочувствія къ цѣнности: реакцій, которыя представляютъ обыкновенное явленіе, то опасный для жизни характеръ состраданія окажется въ освѣщеніи еще болѣе яркомъ. Оно ставитъ крестъ вообще на законѣ развитія, или

законъ естественнаго подбора. Поддерживается то, что свергло въ паденію; оказывается покровительство вырождающимся и обужденнымъ живнiю; вслѣдствіе частыхъ житейскихъ неудачъ всякаго рода, на самую живнъ складывается мрачный и скептическій взглядъ. И хватаетъ же смѣлости считать состраданіе добродѣтелью (во всякой благородной морали оно имѣетъ значеніе слабости...). Ничего нѣтъ болѣе нездороваго между нашими болѣзнетворными новшествами, чѣмъ христіанское состраданіе: Здѣсь нужно быть врачомъ, здѣсь нужно быть неумолимымъ, здѣсь слѣдуетъ пустить въ дѣло ножъ,—вотъ нашъ родъ любви къ людямъ, дабы мы были философи и типерборями!¹⁾

На это можно замѣтить: если Ницше выше говоритъ, что христіанство есть религія состраданія, то въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ представляетъ дѣло,—это невррно; ибо состраданіе отнюдь не играетъ принципиальной или первой роли въ христіанской религіи, но занимаетъ въ ней подчиненное мѣсто.

Напротивъ, наивысшая добродѣтель въ христіанствѣ—любовь,—дѣятельная любовь къ Богу, къ ближнимъ и къ самому себѣ, какъ видно въ особенности изъ опредѣленныхъ и ясныхъ словъ Христа, Его любимаго ученика Іоанна и апостола Павла. Особенно послѣдній восторженно восхвалялъ христіанскую любовь и изобразилъ ее, какъ добродѣтель по преимуществу, какъ вѣнецъ всехъ добродѣтелей. Поэтому мнѣ кажется непонятнымъ, какъ Ницше могъ о немъ сказать: „Павелъ былъ по мести величайшій изъ всѣхъ апостоловъ“. Однако, съ истиной согласно совершенно противное; ибо не месть, но любовь влекла его къ дѣятельности; и любовь онъ ставилъ выше всего.

Напротивъ, состраданіе занимаетъ въ христіанствѣ только низшую ступень. Въ самомъ дѣлѣ, состраданіе собственно нигдѣ не представляется въ немъ въ качествѣ добродѣтели, такъ какъ оно естественное слѣдствіе всякой неистощенной страстями и дурными привычками души. По христіанскому ученію, мы должны помогать всѣмъ несчастнымъ созданіямъ, по мѣрѣ силъ своихъ, не просто изъ состраданія, но гораздо

1) Antichrist, W. W. VIII, 222 f.

быть, — по любви. И. отъ этой любви нельзя, конечно, сказать того, что говоритъ Ницше о состраданіи и что было причиной, почему онъ возставалъ противъ него: „Состраданіе противно томическимъ аффектамъ, которые возвышаютъ энергію жизненнаго чувства; оно дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ. Мы теряемъ силу, если испытываемъ состраданіе“. Дѣйствительно, въ любви мы видимъ совершенно обратное: она именно приподнимаетъ жизненное чувство, она возвышаетъ и увеличиваетъ силу; ибо „любовь дѣлаетъ пуше смерти“.

Поэтому все возраженіе Ницше, направленное противъ христіанской религіи изъ-за состраданія, обращается въ ничто.

3) Ницше отвергалъ даже христіанство потому, что оно казалось ему заклятымъ врагомъ природы вслѣдствіе своего будто бы отрицательнаго отношенія къ ней. По этому поводу онъ замѣчаетъ: „Послѣ того, какъ найдено было, что понятіе „природа“ противно понятію „Богъ“, — слово „естественный“ должно было замѣнить слово „мерквій“ — весь этотъ фиктивный міръ ¹⁾ имѣетъ свой корень въ ненависти къ естественному — дѣйствительности, — онъ есть выраженіе глубокой неприязни къ дѣйствительному... Но этимъ объясняется все. Кто имѣетъ основанія отнѣживаться отъ дѣйствительности? кто отъ нея страдаетъ? На самомъ же дѣлѣ страдать значитъ быть неудавшейся дѣйствительностію“ ²⁾.

Итакъ, во Ницше, христіанство должно быть заклятымъ врагомъ природы. Но спрашивается: когда прежде всего Основатель христіанской религіи выражался или обращался враждебно въ отношеніи къ природѣ? Наоборотъ, будучи другомъ природы, Онъ дѣлалъ даже разъ зротивное. Онъ часто пребывалъ среди природы, часто въ Своихъ рѣчахъ указывалъ на нее, замѣствуя изъ нея: для своихъ рѣчей большую часть образовъ; Онъ восхвалялъ земныя просябненія, въ особенности цвѣты, за ихъ красоту.

Подобно Христу, и христіанство изначала съ любовью взирало на природу; ибо, по христіанскому воззрѣнію, природа

¹⁾ Къ этому міру Ницше отнесъ христіанство, объяснилъ всѣ его воззрѣнія въ смыслѣ „образованныхъ“ представленій, то есть, въ смыслѣ чистой выдумки.

²⁾ Antichrist, W. W. VIII, 231.

есть грандіозное твореніе Божіе, Его видимое откровеніе, черезъ разсмотрѣніе котораго, во слову апостола Павла, мы должны познавать Бога.

Поэтому, если Ницше утверждаетъ, что въ христіанствѣ „природа“ — понятіе противное понятію „Богъ“, то это чистая ложь; ибо, по истинному христіанскому ученію, природа не составляетъ противоположности Богу, но между ними существуетъ тѣснѣйшая гармонія: она — Его свободное твореніе, а Онъ — ея творецъ; она прославляетъ Его, а Онъ сохраняетъ ее и промышляетъ о ней. Поэтому въ псалмахъ, которые издревле до нашихъ дней, по установленію церкви, читаются на богослуженіи, всѣ явленія и силы природы призываются хвалить и славословить Бога, своего Творца.

Что же? Развѣ опять не доказываютъ эти неопровержимые факты совершенно противное тому, въ чемъ Ницше упрекаетъ христіанство? Вѣдь тутъ нѣтъ и черты „ненависти“ къ природѣ.

4) Подобно этому дѣло обстоитъ и съ дальнѣйшимъ обвиненіемъ Ницше, будто христіанство „ненавидитъ“ міръ, и потому оно — врагъ матеріальной культуры, — упрекъ, который, впрочемъ ему часто дѣлали и съ другой стороны.

Что сказать на это? То правда, что въ грѣхахъ Христа неоднократно проводится противоположность между царствомъ Божіимъ и міромъ. Но эта противоположность не абсолютная, только относительная; ибо она относится только къ тѣмъ людямъ и учрежденіямъ, которые стоятъ въ противорѣчій въ основнымъ заповѣдямъ Христа. Если поэтому у евангелиста Іоанна говорится: „не любите міра“¹⁾, то подъ этимъ разумѣется: не любите грѣховнаго, боговраждебнаго въ мірѣ. А что въ мірѣ бываетъ на самомъ дѣлѣ много превратнаго и незаконнаго, чего никто благомыслящій не можетъ одобрять и гораздо менѣ любить, съ этимъ долженъ согласиться всадій, и самъ Ницше; ибо, въ противномъ случаѣ, затѣмъ они оставалъ бы такъ страстно противъ всѣхъ, кто не согласенъ съ его принципами?

Слѣдовательно, и самъ Ницше былъ во враждебномъ отношеніи къ міру и даже къ большей части міра, ядл. что то же, человѣчества.

¹⁾ I Иоан. 2, 15.

Что касается затѣмъ матеріальной культуры, то христіанство въ принципѣ не отвергаетъ ея. Напротивъ, даже есть нарочитая божественная заповѣдь о разрабатываніи матеріальной культуры!

Но тутъ, быть можетъ, спросятъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ: гдѣ же находится эта заповѣдь?

На это мы отвѣтимъ: на самой первой страницѣ Священнаго Писанія ветхаго завета, который признаетъ и Христомъ, а затѣмъ христіанствомъ и понынѣ. Здѣсь мы прочтемъ о томъ, какъ Богъ далъ людямъ въ началѣ ихъ бытія такую заповѣдь: „плодитесь; и размножайтесь; и наполняйте землю, и обладайте ею и владычествуйте надъ рыбами морскими, и надъ птицами небесными и надъ всякимъ животнымъ, пресмыкающимся по землѣ!“¹⁾

Слѣдовательно, согласно ясной волѣ Божіей; главная задача людей состоитъ въ томъ, чтобы подчинить своей власти внѣшнюю природу съ ея силами и разнообразными явленіями и обладать ими, чтобы онѣ служили къ поддержанію человеческой жизни, къ улучшенію и украшенію ея.

Стало быть; здѣсь мы имѣемъ въ оправданіе божественную великую хартію; которая вмѣстѣ съ тѣмъ обязываетъ людей усиленно споспѣшествовать матеріальной культурѣ. Это была самая первая заповѣдь, которую Богъ далъ людямъ, и Христомъ ея позже не отменялъ. Онъ даже сказалъ, что Онъ не пришелъ нарушить ветхій законъ Божій, но исполнить его.

И дѣйствительно, Онъ сдѣлалъ это; давъ людямъ также великую хартію, новый высокій культурный идеалъ: именно идеалъ нравственной культуры въ словахъ простыхъ, но весьма глубокихъ по содержанію: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“²⁾.

Итакъ, по христіанскому ученію, есть двѣ великія культурныхъ задачи для человечества: постоянное разрабатываніе матеріальной культуры и поведеніе о нравственной культурѣ. Обѣ должны идти гармонически одна съ другой: рука объ руку и всегда подвигаться впередъ. Слѣдовательно, въ христіанской религіи есть и принципъ истиннаго прогресса, и если,

1) Быт. 1, 28.

2) Матѣ. 5, 48.

какъ часто случается, о ней утверждаютъ противоположное, то это тяжкая клевета.

Христіанство съ этимъ двоякимъ культурнымъ идеаломъ соответствуетъ двойственной природѣ человѣка: его тѣлесной и духовной сторонѣ. Въ этомъ заключается его внутреннее, вещественное оправданіе. Напротивъ, тѣ, которые отстаиваютъ только матеріальную культуру, впадаютъ въ односторонность и пренебрегаютъ важнѣйшимъ въ человѣкѣ. И вотъ къ этому одностороннимъ мыслителямъ принадлежить именно Ницше, у котораго фізіологическая, тѣлесная жизнь всегда имѣла существенное значеніе. Стало быть, и въ этомъ случаѣ христіанство, такъ горячо имъ оспариваемое, стоитъ выше его и вовсе не заслуживаетъ упрека во враждебности къ культурѣ.

5) Ницше осуждаетъ далѣе христіанство: потому, что оно требуетъ отъ людей вѣры, а эта вѣра унижаетъ ихъ. Они говорятъ: „Теперь еще не мало такихъ людей, которые не знаютъ, насколько непристойно быть „вѣрующимъ“,—или: насколько это признакъ упадка (de la décadence), надломленной воли къ жизни, но уже скоро они узнаютъ это.“ Мой голосъ достигаетъ и тугихъ на ухо“¹⁾. „Вѣра, какъ императивъ есть нечто, противъ науки, а въ жизни—продажная вещь“²⁾. Вѣра это не что иное, какъ произвольное, невѣдѣніе того, что истинно“³⁾.

На это мы замѣтимъ: прежде всего, это ницшеанское понятіе вѣры, скорѣе комично, чѣмъ вѣрно, такъ какъ Ницше опять ставитъ дѣло вверхъ дномъ, въ чемъ онъ вообще владѣлъ особой виртуозностію, какъ мы уже часто видѣли. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы не хотимъ звать чего либо истиннаго, тогда мы не вѣримъ, тогда у насъ нѣтъ вѣры, но остается одно безвѣріе. А Ницше, наоборотъ, говоритъ: вѣра вотъ въ чемъ состоитъ: не старайтесь и знать о томъ, что истинно! Но это значитъ совершенно извратить дѣло. Въ вѣрѣ потому только находятъ нѣчто истинное, что хотятъ признать это истинное, а въ такомъ случаѣ нѣтъ другого средства къ познанію, кромѣ вѣры.

У человѣка есть двоякаго рода средства къ познанію, какъ

¹⁾ Antichrist, W. W. VIII, 285.

²⁾ A. a. O. S. 281.

³⁾ Ibidem, S. 290.

есть для него и два рода предметовъ познанія. Последніе или видимы, или невидимы, иначе сказать, или чувственно-видимыя вещи, или чувствомъ невосприимаемыя. Для первыхъ мы имѣемъ, въ качествѣ средства къ познанію, созерцаніе, или ощущеніе; но если мы хотимъ узнать о томъ, чего мы не можемъ видѣть, по крайней мѣрѣ теперь, то намъ не остается иного средства, кромѣ вѣры, то есть: мы принимаемъ за истину то, чего мы сами не видимъ, на томъ основаніи, что объ этомъ свидѣтельствуемъ другой, которому мы вѣримъ. Это общечеловѣческое и вмѣстѣ съ тѣмъ научное понятіе вѣры. И христіанская религія не имѣетъ другого понятія. Самъ Христосъ говоритъ Оамъ: „блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе“¹⁾. Подобно этому, и апостолъ Павелъ говоритъ: „вѣра есть осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ“²⁾.

Безспорно, во вселенной гораздо больше вещей, которыхъ мы не можемъ воспринимать нашими чувствами, а это бываетъ вслѣдствіе того, что онѣ или слишкомъ далеки отъ насъ, или слишкомъ малы, или вообще невидимы для нашего тѣлеснаго ока. Если же все-таки мы хотимъ приобрести познаніе о нихъ, то въ очень многихъ случаяхъ у насъ не остается въ распоряженіи другого средства, кромѣ вѣры. Такъ выходитъ, что даже большая часть нашего познанія покоится на вѣрѣ: напримѣръ, почти всѣ наши историческія познанія, наибольшая часть нашихъ географическихъ и астрономическихъ познаній. А какъ относительно мало мы знаемъ по собственному опыту! Даже о важнѣйшихъ жизненныхъ отношеніяхъ мы имѣемъ познаніе только посредствомъ вѣры, напримѣръ: эта особа, дѣйствительно, — нашъ отецъ, та особа, дѣйствительно, — наша мать, этотъ человѣкъ, дѣйствительно, нашъ братъ, та женщина, дѣйствительно, наша сестра; и такъ далѣе; ибо мы сами не были свидѣтелями ихъ происхожденія.

Поэтому безъ вѣры въ міръ нельзя и шагу ступить. Посему и нѣтъ ни одного разумнаго человѣка на землѣ, который бы не имѣлъ на самомъ дѣлѣ вѣры. И Ницше, конечно, не составлялъ исключенія изъ этого правила; и онъ владѣлъ большинствомъ своихъ познаній посредствомъ вѣры. Поэтому, если

¹⁾ Іоан. 20, 29.

²⁾ Евр. 11, 1.

думаютъ, что только въ области религіи требуется вѣра, то это чистая ложь. Въ самомъ дѣлѣ, вѣра необходима также во всѣхъ другихъ областяхъ, не исключая даже науки, такъ какъ непосредственному воспріятію подлежатъ не всѣ объекты и такъ какъ всякая наука имѣетъ историческую часть, которая всегда покинута на вѣрѣ. Поэтому Ницше говоритъ неправду, будто „вѣра, какъ императивъ, есть veto противъ науки“; ибо и въ наукѣ нельзя обойтись безъ вѣры.

Но было бы еще болѣе неразумнымъ утверждать вѣротъ съ Ницше, что „непристойно быть вѣрующимъ“. Въ самомъ дѣлѣ, если бы это было вѣрно, тогда все человечество было бы непристойно, включая и Ницше, такъ какъ нѣтъ разумнаго человека, который былъ бы безъ всякой вѣры.

Да и почему непристойно имѣть вѣру? Для меня, но крайней мѣрѣ, это неясно. Какъ разъ наоборотъ: явная непристойность не вѣрить честному, благонадежному свидѣтелю; напротивъ, вполне прилично вѣрить такому свидѣтелю.

6) Но, возражаетъ Ницше, христіанство отъ начала до конца—неправда, фикція, ложь, и потому ему не слѣдуетъ вѣрить. „Ни мораль, ни религія въ христіанствѣ не соприкасаются ни съ однимъ пунктомъ дѣйствительности. Въ христіанствѣ мы находимъ чисто воображаемыя причины (Богъ, душа, „я“, духъ, свободная воля или даже и несвободная воля); чисто воображаемыя дѣйствія (грѣхъ, искупленіе, благодать, наказаніе, прощеніе грѣховъ); общеніе съ воображаемыми существами (Богъ, души, души); воображаемое естествовѣдѣніе (естествовѣдѣніе антропоцентрическаго характера, въ чемъ замѣчается отсутствіе надлежащаго понятія о естественныхъ причинахъ); воображаемую психологію (чистыя самообольщенія, изъясненія пріятныхъ или непріятныхъ общихъ чувствованій, на примѣръ, состояній *peritus sympathicus*, съ помощью мимики, религіозно-моральной идіосинкразіи;—слѣда принадлежатъ: раскаяніе, утисненія совѣсти, искушеніе діавола, близость Бога); воображаемую теологію (царство Божіе, страшный судъ, вѣчная жизнь)“¹⁾ „Христіанство есть искусство свѣтлгать“. „Все! человечество, даже лучшія головы лучшахъ вре-

¹⁾ Antichrist, W. W. VIII, 251.

ить (за исключеніемъ одного, который, быть можетъ, просто не человекъ) позволяли обманывать себя этимъ". Подъ этимъ однимъ", который не допустилъ христіанству обмануть себя, Ницше разумѣетъ конечно себя самого, дѣлая весьма замѣчательное прибавленіе: этотъ одинъ, "можетъ быть, просто не человекъ!" Безспорно, очень интересная характеристика самого себя!

Итакъ, Ницше выдаетъ всё ученія христіанства за воображеніе и ложь. Но спрашивается, гдѣ доказательство для этого слагаго утвержденія? Гдѣ Ницше, дѣйствительно, доказалъ полную несостоятельность христіанскихъ идей? Нигдѣ! Онъ часто и дерзко говорилъ о нихъ, но никогда не доказывалъ, и этимъ дѣломъ ограничивалось. Въ самомъ дѣлѣ, легко утверждать; на это способенъ всамій; но доказать!—Вотъ въ чемъ сущность дѣла; а у Ницше это только побочное дѣло.

Да и можетъ ли ктонибудь, соизвѣщаясь и разубѣждаясь во всякой истинѣ, подобно Ницше, имѣть право утверждать съ такою рѣшительностію, будто въ христіанствѣ все ложь?

Послушаемъ его собственныхъ замѣчательныхъ словъ по этому поводу: „Слѣдуетъ ли еще повторить, что во всемъ новомъ завѣтѣ встрѣчается только единственный образъ, который должно уважать? Это—Пилать, римскій намѣстникъ. Желая обойтись серьезно съ иудеями торговцемъ, онъ не пускается въ разсужденія: Такой или иной иудей,—что жель этого?... Благородный смѣхъ римлянина, предъ которымъ падаетъ безстыдное злоупотребленіе словомъ „истина“, обогатилъ новый завѣтъ единственнымъ принятымъ словомъ,—этого критика; это отряпаніе: „что есть истина“!

Когда читаешь это, невольно спрашиваешь, говорить ли здѣсь человекъ во снѣ или наяву, или—? Что связать на такую непристойную для повторенія рѣчь?

Итакъ, Пилать, оказавшійся именно въ осужденіи Христа слабымъ человекомъ, такъ какъ, онъ, вопреки своему убѣжденію въ невинности Іисуса, предалъ Его позорнѣйшей смерти изъ простаго страха предъ иудеями,—этотъ Пилать—„во всемъ новомъ завѣтѣ единственный образъ“, который должно уважать! Не возмущительно ли это?

А какъ прекрасно Ницше противорѣчить здѣсь самому себѣ, понятное дѣло, совершенно не замѣчая этого! Какъ именно?

Обыкновенно онъ всегда утверждаетъ, что слабыхъ людей и трусовъ слѣдуетъ презирать; а здѣсь восклицаетъ такого человѣка и воздаетъ ему высшую похвалу! Это называется послѣдовательностію.

И „единственно цѣннымъ словомъ“ въ новомъ завѣтѣ, по Ницше, должно быть скептическое изреченіе Пилата: „что есть истина“!

Итакъ, разочарованность во всякой истинѣ, которая скрывается въ этомъ изреченіи—единственно цѣнное слово въ новомъ завѣтѣ! Слѣдуетъ ли считать такой взглядъ допустимымъ? Во всякомъ случаѣ, онъ стоитъ въ исторіи особнякомъ, и Ницше—„единственный“ человекъ, въ головѣ котораго онъ впервые возникло. Но поэтому мы отнюдь не считаемъ его завиднымъ.

Если бы Пилатъ былъ правъ съ своимъ скепсисомъ, то у людей не было бы никакого истиннаго познанія, слѣдовательно, и у Ницше! Тѣмъ не менѣе онъ всегда утверждаетъ впрямь рѣшительно, что христіанство—система жизни. Но чтобы имѣть право такъ говорить, Ницше долженъ знать, что такое истина; ибо никто не можетъ уличить во лжи, если самъ не знаетъ истины.

Такимъ образомъ, и здѣсь Ницше впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою,—это уже сколько разъ? И если бы это скептическое изреченіе Пилата: „что есть истина“ было опроверженіемъ христіанства, то оно было бы опроверженіемъ и ученія Ницше, какъ всякой другой философіи, и вообще всякой науки. Но такими выраженіями христіанство менѣе всего опровергается, какъ доказываютъ съ очевидностію исторія и настоящее; ибо, вопреки „цѣнному“ слову Пилата, христіанство отнюдь не пошло къ основанію. Напротивъ, оно все болѣе преуспѣвало, въ короткое время распространилось по всему цивилизованному міру, къ величайшей досадѣ Ницше, завоевавъ всю римскую имперію¹⁾, и существуетъ теперь уже двѣ тысячи лѣтъ! Отъ такого „опроверженія“ можно легко отказаться.

7) Далѣе обращаетъ наше вниманіе обвиненію Ницше противъ

¹⁾ Antichrist, W. W. VIII, 305.

христіанства, будто оно учитъ о „равныхъ для всѣхъ правахъ“! По этому поводу онъ замѣчаетъ на преимуществу христіанство повсюду разлило адъ ученія: „равныя для всѣхъ права“; христіанство изъ потаенныхъ угловъ „дурныхъ инстинктовъ“ объявило безпощадную войну всякому чувству благоговѣнія и разницы между однимъ человекомъ и другимъ человекомъ, то есть, понятію всякаго подлема и всякаго роста культуры, оно выковало себѣ изъ озабоченности массъ плавающее оружіе противъ насъ, „противъ всего благороднаго, отраднато, великодушнаго, противъ нашего счастья на землѣ“¹⁾. „Равенство душъ предъ Богомъ—эта фальшь, этотъ предлогъ для злопамятности всѣхъ низко настроенныхъ!“ этотъ взрывчатый матеріалъ понятій, это равенство вывало, наконецъ, революцію, стало новой идеей и началомъ упадка всего общественнаго порядка, вотъ христіанскій динамитъ“²⁾.

Здѣсь почти въ каждомъ словѣ Ницше заключается неправда. Прежде всего заявленіе этого философа, будто христіанство провозгласило принципъ: „равныя права для всѣхъ“ это заявленіе—не болѣе, какъ чистое воображеніе. Этого христіанство не дѣлаетъ ни теоретически, ни практически. Не ввелъ ли Основатель христіанской религіи очень рано между Своими послѣдователями различіе въ степени, возвысивъ однихъ изъ нихъ въ апостолы, и даровалъ имъ особенно важныя полномочія и права; и между ними опять отличилъ апостоловъ Петра, Павла и Іоанна. Значитъ, мы имѣемъ здѣсь прочное основаніе для церковной іерархіи, которая, какъ и сама церковь, съ теченіемъ времени все болѣе развивалась, и такимъ образомъ возникла сложная система церковной организаціи. О принципѣ: „равныя права для всѣхъ“ тутъ и рѣчи быть не можетъ; напротивъ, большія различія въ степеняхъ и правахъ получаютъ особенное значеніе.

Поэтому такъ и вполнѣ ошибочно утвержденіе Ницше: „христіанство объявило войну не на жизнь, а на смерть, всякому чувству благоговѣнія и разницы между однимъ человекомъ и другимъ человекомъ“. Въ самомъ дѣлѣ, въ христіанствѣ, безспорно, истребленіе существуетъ никакъ въ ученіи, такъ, и несом-

¹⁾ Antichrist, W. W. VIII, 273. ²⁾ A. a. O. S. 313.

нѣвно, и въ практикѣ „чувство благоговѣнія и разницѣ“. Напримѣръ, это съ точностію предписано по поводу отношеній между учителемъ и ученикомъ, господиномъ и слугою, родителями и дѣтьми, начальствомъ и подчиненными, царемъ и подданнымъ. И собственно въ церковной іерархіи точно поддерживается различіе въ степеняхъ между высшимъ и низшимъ, какъ доказываютъ эпитеты, титулы и одежда. Да, уже названія „прелаты“ и „фратъ“ его существованія должны были бы подсказать Ницше, что, несомнѣнно, въ христіанской церкви, и именно официально, существуютъ „инвентивѣ“ и „внативѣ“, которымъ приличествуютъ особыя привилегіи и права. Все это говорить противъ Ницше и его вышеозначенныхъ положеній.

Что касается собственно отношенія людей къ Богу, то и тутъ христіанство вовсе не учитъ, какъ воображаетъ Ницше, о полномъ равенствѣ. Дѣйствительно, хотя въ Священномъ Писаніи и говорится: „нѣтъ лицепріятія у Бога“¹⁾, но подъ этимъ разумѣтся, что при назначеніи награды или наказанія Богъ не взираетъ на внѣшнее состояніе и классъ людей, какъ на руководящее начало, но образуется съ ихъ истинными заслугами и ихъ внутреннимъ достоинствомъ. Даже и въ вѣчности и на небѣ, по христіанскому ученію, вовсе нѣтъ равенства, но и тамъ есть божащія различія въ степеняхъ, смотря по заслугамъ, какъ показываютъ внѣшніе и низшіе лики ангеловъ и изреченія Христа о „мелкихъ обителяхъ въ доміи Отца Его“²⁾ и о „престолахъ“ апостоловъ³⁾.

Поэтому, если Ницше извѣщаетъ французскую революцію на христіанство и собственно на его ученіе о равенствѣ, то это также крупная историческая ложь и тяжкая несправедливость. Во первыхъ, въ христіанствѣ нѣтъ такого ученія, какъ было только что показано; а во вторыхъ, тѣ, которые провозглашали во время французской революціи равенство съ качествомъ принципа, не могли называться христіанскими, но какъ разъ наоборотъ: величайшими врагами христіанства, противъ которого они зѣреки возстали и даже особнѣмъ закономъ отмѣнили его! Дѣйствительно, нуменъ рѣдкій фанатизмъ и презвычадное осаньвленіе, чтобы наинонать, какъ вышло у Ницше, этихъ ясныхъ историческихъ фактовъ!

1) Римл. 2, 11.

2) Іоан. 14, 2.

3) Лук. 22, 30.

8) Наконецъ, Ницше и потому врагъ христіанства, что онъ рьяный противникъ его священниковъ. Послушаемъ его самого по этому поводу: „Ми ни съ чѣмъ не можемъ примѣриться до тѣхъ поръ, пока священникъ не произнесетъ слова „истина“. Но, даже при самомъ скромномъ притязаніи на правду, теперь слѣдуетъ намъ знать, что теологъ, священникъ, папа, нарекая каково бы то ни было положеніе, не только заблуждается, но и жетъ, что ему невозможно теперь гдѣ, по „престоту“, по „невѣднію“. И если бы священникъ зналъ, то и всякій бы хорошо зналъ, что нѣтъ болѣе „Бога“, „грѣховъ“, „Искупителя“, что „свободная воля“, „нравственный міропорядокъ—ложь—не знать этого никому не позволяютъ болѣе серьезность и строгая воздержанность ума¹⁾).

Конечно, трудно читать эти яростныя обвиненія безъ негодованія. Но, несмотря на это, желая сохранить достоинство науки, я сохраняю хладнокровіе и прежде всего совершенно спокойно спрашиваю; откуда же Ницше знаетъ съ такою увѣренностію, что всякій священникъ безъ исключенія сознательно жетъ во всемъ, что онъ говоритъ о предметахъ религіозной вѣры? Чтобы имѣть право на такое сужденіе, Ницше долженъ былъ видѣть насвоѣмъ умъ и сердце каждаго священника, заглянуть въ тайники его сердца; иначе совершенно невозможно произнести вѣрнаго, справедливаго сужденія объ убѣжденіи священниковъ. Но Ницше ни разу не провѣрялъ мыслей и чувствъ хотя бы только одного священника, а еще менѣе многихъ тысячъ, разсѣянныхъ по всему лицу земли, потому что это просто невозможно для человѣка.

Слѣдовательно, мы въ полномъ правѣ оборотить оружіе и бросить ему самому назадъ тяжкій упрекъ во лжи, который онъ сдѣлалъ безъ всякаго права всѣмъ священникамъ. Но этого однако я не дѣлаю, потому что я допускаю для него „смягчающія обстоятельства на патологической почвѣ“.

Далѣе, если бы Ницше былъ правъ въ томъ, что всѣ священники гдуть въ своемъ религіозномъ ученіи, то какъ понимать то обстоятельство, что столь многіе изъ нихъ приносили ежегодно такія великія жертвы и часто платились даже соб-

¹⁾ Antichrist, W. W. VIII, 264.

ственной жизнию—только ради этой „лжи“? Это вовсе не понятно; ибо въ такомъ случаѣ всѣ эти священники должны быть полными глупцами. Но и этого отнюдь нельзя допустить, такъ какъ они обыкновенно—люди очень разумные, люди, серьезно мыслящіе и поступающіе.

Что касается затѣмъ дальнѣйшаго замѣчанія Ницше: „всякій знаетъ, что нѣтъ бога“, то и здѣсь опять—таки вѣрно какъ разъ противное; ибо фактически никто съ увѣренностію не знаетъ этого, такъ какъ ни одинъ человекъ не исследовалъ всего бытія и не постигъ всей истины. И пока дѣло такъ обстоитъ, до тѣхъ поръ никто не въ правѣ отрицать бытіе Бога. Да и здѣсь Ницше опять противорѣчитъ самому себѣ; ибо между тѣмъ, какъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, будто отнынь „всякій знаетъ, что нѣтъ Бога“,—спустя нѣсколько листовъ дальше, онъ говоритъ, что „теперь еще каждый третій человекъ въ „образованной Германіи“ вѣритъ въ божественное провидѣніе“¹⁾. Какъ примирить то и другое? Здѣсь еще разъ Ницше опровергаетъ самого себя.

Если же мы спросимъ этого философа, почему же священники такъ ужасно лгутъ, то онъ отвѣтитъ: все лишь ради власти—чтобы итти къ власти и сохранить ее²⁾.

На это я скажу: положимъ, но отнюдь не допустимъ; если бы было такъ, какъ здѣсь Ницше утверждаетъ, въ такомъ случаѣ священники поступали бы по ницшеанскому идеалу и, слѣдовательно, поступали бы, сообразно съ нимъ, вѣрно, вслѣдствіе чего Ницше долженъ былъ бы хвалить ихъ вмѣсто того, чтобы осуждать. Дѣло въ томъ, что наивысшій идеалъ человека, по этому философу, заключается въ слѣдующемъ: всякій долженъ стремиться къ возвышенію власти и именно всѣми средствами, какія у него въ распоряженіи. При этомъ, всякое средство, способствующее достиженію этой высшей цѣли, хорошо, и это даже единственный критерій нормальнаго положенія дѣла. Если бы, дѣйствительно, священники стремились къ тому, чтобы возвысить и сохранить власть, и если бы они пользовались для этого даже „вымыслами“ и „ложью“, въ такомъ случаѣ они вполне соответствовали бы высшему ницшеан-

¹⁾ Ibidem, S. 291.

²⁾ Ibidem, S. 297.

скому идеалу, и Ницше не имѣлъ бы ни малѣйшаго права, съ своей точки зрѣнія, отсюда сдѣлать имъ упрекъ, а на самомъ дѣлѣ онъ такъ поступилъ и притомъ въ самой рѣзкой формѣ. Итакъ, Ницше еще разъ впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, и взрываетъ свою собственную позицію на воздухъ.

Въ заключеніе выскажемъ вкратцѣ общее сужденіе объ этомъ философѣ. Ницше былъ очень даровитымъ, но не яснымъ, не вдумчивымъ, не спокойнымъ мыслителемъ; ибо иначе онъ не противорѣчилъ бы самому себѣ такъ невозможно. Онъ провѣлъ не много мѣткихъ взглядовъ, но много предвзятыхъ, превратныхъ идей. Собственно его понятіе о личности и ученіи Христа было очень односторонне и ограничено, и потому неудачно. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя цѣпляться лишь за отдѣльныя выраженія Христа и Его апостоловъ, но должно принимать во вниманіе всю совокупность христіанства. Вѣдь всѣ рѣчи Спасителя были рѣчами по случаю, и потому онѣ имѣли особое отношеніе къ личностямъ и поводамъ, которые ихъ вызвали. Посему, если Христосъ по какому нибудь поводу выдвинулъ одну сторону истины, то отсюда еще нельзя заключать, какъ дѣлали Ницше и другіе, что Онъ представилъ всю истину въ томъ видѣ, какъ Онъ ее постигъ; ибо если мы будемъ тщательно изслѣдовать Св. Писаніе, то найдемъ, что Христосъ въ другихъ случаяхъ въ дополненіе выставилъ другую сторону истины. Дѣло въ томъ, что какъ истина, такъ и Христосъ, а потому и христіанство многосторонне, именно: христіанство имѣетъ стороны пассивную и активную, страдательную и дѣятельную, кроткую и суровую, мягкую и строгую, мирную и воинствующую, естественную и сверхъестественную, догробную и загробную, земную и небесную. И подобно тому, какъ его великій Основатель въ Своей личности объединилъ эти различныя стороны удивительно гармонически и на Своемъ жизненномъ пути, смотря по различнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ Ему случалось быть, Онъ открывалъ то одну сторону, то другую,—такъ было и въ исторіи христіанства.

Въ пору дѣтства христіанской церкви, въ первые вѣка хри-

стіанства, въ противодѣйствіе кровавымъ гоненіямъ, воспитывалась болѣе пассивная, чуждая міру, аскетическая сторона. Позже выступила болѣе активная, могучая сторона христіанства. Церковь стала идти рука объ руку съ государствомъ, пользуясь покровительствомъ гражданскихъ властей. Она приобрѣла значеніе правящаго института, сфера дѣятельности котораго строго разграничена и обезпечена на раду съ гражданскими правительственными учрежденіями. Въ достигавшихъ ее бѣдствіяхъ она была несокрушимой твердыней, одержавъ побѣду надъ разными ерессями, возмущавшими ее спокойное могучее развитіе.

Далѣе, въ первыя времена христіанства и средніе вѣка преобладала болѣе сверхъестественная, идеалистическая, мистическая жизнь. Въ новое время болѣе обнаруживается естественная, реальная, живая жизнь. Истинное христіанство, взятое въ своей совокупности, не относится враждебно ни къ одному изъ этихъ различныхъ направленій, но оно совмѣстимо со всѣми ими, такъ какъ оно не односторонне, но многосторонне; однако ограниченные люди часто понимали и трактовали его односторонне, а о Ницше нужно сказать это въ особенности. Впрочемъ, самъ по себѣ Ницше былъ гораздо лучше, чѣмъ его ученіе.

Теперь онъ кажется намъ какъ бы пронесшейся сильной грозой. Подобно востовствующему урагану онъ бушевалъ въ литературѣ, рѣзко и страшно сверкали молніи его мыслей, какъ оглушительные раскаты грома гремѣли его слова; онъ даже сломилъ нѣкоторыя слабыя деревья, оторвалъ многія сухія вѣтви, подкосилъ нѣжныя цвѣты. Теперь буря миновала, — какъ миновала для христіанства многія другія бури. Какъ далекія зарницы еще мерцаютъ его произведенія, но критика сломила ихъ силу, какъ надломилась сила ихъ автора.

М. Воскресенскій.

Признавалъ ли Кантъ бытію вещей въ себѣ?

Ученіе о вещахъ въ себѣ излагается въ различныхъ отдѣлахъ „Критики чистаго разума“ по большей части въ отрицательной формѣ (сравнительно пониже и систематичнѣе оно представлено въ заключительныхъ отдѣлахъ аналитики: „объ основѣ различія всѣхъ предметовъ вообще на рѣшопмена и пошмена“ и „объ амфиболіи рефлективныхъ понятій черезъ смѣшеніе эмпирическаго разсудка съ трансцендентальнымъ“). Но такая отрывочность ихъ формъ не препятствовала бы ясному пониманію ученія о вещахъ въ себѣ, если бы между отдѣльными положеніями его, находящимися въ различныхъ частяхъ критики, не было взаимнаго противорѣчія. Между тѣмъ эти положенія, по отношенію къ вопросу о реальномъ существованіи вещей въ себѣ, настолько противоположны, что повиданному вполне отрицаютъ другъ друга. Если пересмотрѣть всѣ положенія Канта, отвѣчающія на этотъ вопросъ, какъ они непосредственно даны въ разныхъ отдѣлахъ критики, то ихъ можно будетъ свести къ тремъ основнымъ типамъ. Въ указанныхъ отдѣлахъ аналитики заявляется, что дѣленіе міра и предметовъ на рѣшопмена и пошмена въ положительномъ смыслѣ допускаемо быть не можетъ и что о вещи въ себѣ мы не можемъ сказать, возможна ли она или невозможна. Въ другихъ мѣстахъ критики (преимущественно въ эстетикѣ) утверждается несомнѣнное существованіе вещей въ себѣ на томъ основаніи, что онѣ воздѣйствуютъ на нашу чувственность и производятъ въ ней ощущенія, какъ матеріалъ нашего познанія, безъ этого воздѣйствія необъяснимый. Нако-

нецъ, въ разрѣшеніи третьей антиноміи (и въ §§ 57, 58 и 59 пролегоменъ) дается иной отвѣтъ на вопросъ о существованіи вещей въ себѣ—здѣсь утверждается ихъ реальность, какъ безусловныхъ причинъ міра явленій въ его цѣломъ. Вотъ три отвѣта Канта на вопросъ о существованіи вещей въ себѣ; первый отвѣтъ—отрицательнаго характера (хотя не безусловно), второй и третій—утвердительнаго, но съ различной мотивировкой. Какое же изъ трехъ рѣшеній нужно приписать Канту, какъ его действительное убѣжденіе? Признавалъ онъ бытіе вещей въ себѣ или не признавалъ, и если признавалъ, то на чемъ его обосновывалъ?

Признаніе существованія чего либо есть актъ познанія, исследование возможности и основъ котораго составляетъ непосредственное содержаніе „Критики чистаго разума“. Поэтому рѣшеніе вопроса о томъ, признавалъ ли Кантъ бытіе вещей въ себѣ, должно быть дано на основаніи исследования общаго вопроса о возможности и основахъ познанія по Канту,—такое исследование дастъ возможность установить какъ, именно относился Кантъ къ акту признанія бытія вещей въ себѣ съ точки зрѣнія своихъ гносеологическихъ принциповъ. Если подъ эти принципы должны будутъ подойти одинъ изъ выше указанныхъ отвѣтовъ Канта относительно существованія вещей въ себѣ, то какъ нужно тогда смотрѣть на два другіе отвѣта? Признать ихъ противорѣчiami? Но противорѣчiя возможны только тогда, когда тезисъ и антитезисъ лежатъ, такъ сказать, въ одной плоскости мысли, когда что либо утверждается и отрицается съ одинаковыхъ основныхъ точекъ зрѣнія. Слѣдовательно, необходимо подвергнуть исследованію природу аргументацій Канта, остающихся въ выясненіи его гносеологическаго воззрѣнія, необходимо открыть ту основу, на которой онѣ построены. Только тогда возможно будетъ опредѣленно рѣшить вопросъ о томъ, признавалъ или нѣтъ Кантъ бытіе вещей въ себѣ. Общій планъ рѣшенія этого вопроса будетъ, такимъ образомъ, слѣдующій: 1) Исследование принципиально-гносеологическаго отношенія Канта къ признанію бытія вещей въ себѣ, какъ акту познанія, на основаніи общаго ученія Канта о возможности и основахъ позна-

ніа. 2) Исслѣдованіе природы и сущности отвлѣтовъ Канта на вопросъ о существованіи вещей въ себя, остающихся за выясненіемъ его гносеологическаго воззрѣнія. 3) Заключительный выводъ о действительномъ смыслѣ ученія Канта о вещахъ въ себя.

Фактъ познанія предполагаетъ познавательныя способности, какъ орудія, посредствомъ которыхъ осуществляется человѣческое познаніе. Кантъ признаетъ *четыре* познавательныхъ способности: *чувственность, разумъ, способность сужденія и разумъ* (три послѣднія у Канта часто объединяются подъ общимъ именемъ *разсудка*). Опредѣленіе функций и общаго гносеологическаго значенія каждой изъ этихъ способностей занимаетъ очень важное мѣсто въ гносеологіи Канта. Чувственность есть способность, посредствомъ которой намъ даются предметы познанія (его матеріаль), разумъ (въ общемъ смыслѣ)—способность, посредствомъ которой эти предметы нами мыслятся ¹⁾. Въ частности, разумъ въ собственномъ смыслѣ есть способность понятій или правилъ познанія, способность сужденія есть способность, подводящая матеріаль познанія (доставляемый чувственностью) подъ правила разсудка, разумъ—способность принциповъ, простирающихся на все разсудочное познаніе его въ цѣломъ ²⁾. Изъ такого пониманія познавательныхъ способностей и ихъ функций необходимо вытекаетъ существенное, родовое различіе чувственности и разсудка, какъ познавательныхъ способностей. Именно, чувственность—способность пассивная, разумъ—активная (самодѣятельная); содержаніе чувственности возникаетъ не изъ нея самой, а только дается въ ней, т. е., сознаніе находитъ его въ чувственности какъ данное, разсудочное же познаніе (мышленіе о предметѣ) образуется, т. е., въ сознаніе входитъ (или можетъ входить) самый процессъ его образованія. Это общее различіе чувственности и разсудка даетъ тотъ важный выводъ, что познаніе, поскольку оно есть опредѣленіе предметовъ въ

¹⁾ Критика чистаго разума. Пер. Н. Соколова. 1897 г. Стр. 49.

²⁾ Кр. ч. раз. Стр. 75, 138, 250.

мышленіи, не есть дѣло какой либо одной изъ нравственныхъ способностей, а есть ихъ общее произведеніе, такъ какъ чувственность только даетъ матеріалъ, не опредѣляя его, разумъ же безъ чувственности не имѣетъ матеріала для своей опредѣляющей дѣятельности; слѣдовательно, созерцанія чувственности безъ понятій разсудка слѣпы, понятія безъ созерцаній пусты ¹⁾. Предметы познанія даются въ чувственности въ ея примѣненіи къ опыту, съ котораго, слѣдовательно, и начинается все наше познаніе. Но познаніе не адекватно опыту, т. е., не объясняется во всемъ своемъ объемѣ и содержаніи однимъ опытомъ. Такъ заставляеть думать уже одно то обстоятельство, что одинъ изъ необходимыхъ элементовъ познанія—разсудочный—возникаетъ изъ чистой самодѣятельности разсудка. Слѣдовательно, вполне возможно, что существуетъ познаніе, независимое отъ опыта и впечатлѣній внѣшнихъ чувствъ—познаніе а priori, въ противоположность познанію а posteriori, т. е. опытному. Если же такое апіорное познаніе существуетъ, то оно непременно должно обладать двумя характерными свойствами—всеобщностью и необходимостью,—отличающими его отъ познанія апостериорнаго, обязаннаго своимъ происхожденіемъ опыту, который, показывая намъ, что нѣчто существуетъ съ тѣми или другими свойствами, не говоритъ, что это нѣчто не могло бы существовать иначе и что нѣтъ никакого исключенія изъ того или другого правила существованія ²⁾. Указанныя положенія имѣютъ значеніе гносеологическихъ предпосылокъ, обнимающихъ познаніе по его источникамъ. Относительно формы познанія Кантъ предпосылаетъ раздѣленіе всѣхъ познавательныхъ сужденій на аналитическія и синтетическія, т. е. на такія, въ которыхъ или только раскрывается содержаніе даннаго понятія (чрезъ расчлененіе его признаковъ), или же къ данному понятію присоединяется другое, и ихъ связь (синтезъ) мыслится въ той или другой формѣ какъ дѣйствительное познаніе. Кантъ утверждаетъ, что познаніе въ собственномъ смыслѣ, какъ расширеніе и обогащеніе нашего сознанія, можетъ быть только

¹⁾ Крит. чист. раз. Стр. 76.

²⁾ Кр. чист. раз. Стр. 28.

синтетическимъ, потому что при анализѣ понятій лишь проявляется уже имѣющееся познавательное содержаніе, но не расширяется за свои предѣлы. Понятіе синтеза, необходимо требуетъ, кромѣ соединяемыхъ элементовъ, еще основы, на которой происходитъ самый синтезъ, потому что въ самихъ понятіяхъ нѣтъ ничего взаимно соотносящагося, что дѣлало бы возможнымъ переходъ отъ одного изъ нихъ къ другому. Гдѣ нѣтъ такой основы, тамъ невозможно и синтетическое познание. Апостериорное (эмпирическое) познание всегда синтетично, потому что опирается на основѣ котораго оно возникаетъ, представляетъ изъ себя именно синтетическую связь соображеній, но эта опытная синтетическая связь не всеобща и не необходима. Наоборотъ, логическое познание (только изъ понятій) всегда аналитично, такъ какъ разлагаетъ понятія на ихъ составные элементы, но поскольку оно априорно, ему присущи свойства априорности—всеобщности и необходимости. Идеаль познания, какъ опредѣленія предметовъ въ мышленіи, требуетъ, чтобы оно, во-первыхъ, было действительнымъ обогащеніемъ сознания новымъ содержаніемъ, во-вторыхъ, имѣло не случайный, но всеобщій и необходимый характеръ, т. е., требуетъ, чтобы въ познаніи синтетичность соединялась съ априорностью. Существуетъ ли такое синтетическое познание а priori и если существуетъ, то какъ оно возможно при отсутствіи въ априорномъ мышленіи связывающей основы опыта.—рѣшеніе этого вопроса составляетъ основную задачу „критики чистаго разума“. Права на синтетическое познание а priori предъявляются со стороны математики и метафизики (въ широкомъ смыслѣ), какъ наукъ, совершенно независимыхъ отъ опыта,—поэтому для Канта необходимо выясненіе возможности и основы познанія метафизическаго, а такъ какъ метафизика вообще противопоставляетъ себя опыту, то является необходимымъ и выясненіе возможности познанія эмпирическаго.

Математика есть наука о величинахъ въ пространствѣ (геометрія) или во времени (арифметика). Ея положенія отличаются безусловной всеобщностью и необходимостью, слѣдовательно, она наука—априорная. Съ другой стороны, всѣ основныя положенія математики—синтетичны, такъ какъ создаются

не посредствомъ анализа чистыхъ понятій (напр. понятій о линіи въ геометріи или числѣ въ ариметикѣ), но посредствомъ представленія понятій въ созерцаніяхъ (пространственныхъ и временныхъ чувственныхъ образахъ). Пространство и время, такимъ образомъ, составляютъ, какъ созерцанія, необходимыя условія синтетичности математическаго познанія. Но какимъ образомъ всеобщность и необходимость синтетическихъ положеній математики соединяется съ конструированіемъ ихъ въ созерцаніяхъ, образахъ чувственности, имѣющихъ, повидимому, только эмпирическое значеніе? Въ данномъ случаѣ математика конструируетъ понятія величинъ въ пространствѣ и времени прежде всякаго опыта (опытнаго воспріятія предметовъ въ пространствѣ и времени) и въ то же время свои положенія, созданныя путемъ такой конструкціи, она распространяетъ безусловно на всѣ возможные предметы опыта. Но чтобы созерцаніе предшествовало въ качествѣ познанія а ргіогі дѣйствительному предмету, это возможно, говоритъ Кантъ, въ томъ единственномъ случаѣ, если такое созерцаніе не содержитъ въ себѣ ничего; „кромѣ формы чувственности, формы, предшествующей въ нашемъ субъектѣ всякимъ дѣйствительнымъ впечатлѣніямъ, получаемымъ нами отъ предметовъ“ ¹⁾. Слѣдовательно, пространство и время—созерцанія, которыя чистая математика полагаетъ въ основу всѣхъ своихъ познаній—должны быть признаны априорными формами чувственности, предшествующими всякому дѣйствительному воспріятію предметовъ и обуславливающимъ его, какъ воспріятіе пространственное и временное. Только при такомъ пониманіи пространства и времени возможно математическое познаніе. Такимъ образомъ, пространство и время, въ качествѣ априорныхъ формъ чувственности, обнимаютъ все содержаніе внѣшняго и внутренняго опыта, какъ чувственнаго познанія, и въ этомъ смыслѣ они реальны (эмпирическая реальность пространства и времени), но если мы выбросимъ условія возможности всякаго опыта, то должны будемъ признать трансцендентальную идеальность пространства и времени, потому

¹⁾ Пролегомена ко всякой буд. метафизикѣ, пер. В. С. Соловьева (II выпускъ Тр. М. Цсх. Об.—ва). § 9 стр. 41—2.

что въ опытнаго познанія они, какъ апіорныя формы его, — ничто ¹⁾.

Въ рамкахъ пространства и времени, какъ чистыхъ чувственныхъ формъ, сознаніе находитъ вставленнымъ разнообразное содержаніе (ощущенія), слагающееся въ этихъ формахъ въ эмпирическое созерцаніе, которое и является непосредственнымъ предметомъ эмпирическаго познанія. Разнообразное содержаніе эмпирическаго созерцанія смѣняется и намѣняется сообразно съ тѣми впечатлѣніями, которыя испытываетъ наша чувственность (называемая иначе восприимчивостію впечатлѣній). Наше сознаніе относитъ эти впечатлѣнія и соотвѣтствующее имъ содержаніе эмпирическихъ созерцаній (ощущенія) на счетъ объектовъ, воздѣйствующихъ на чувственность, и потому эмпирическое познаніе содержанія созерцаній понимается какъ познаніе этихъ объектовъ. Это познаніе не можетъ совершаться въ самой чувственности, въ которой только даются эмпирическія созерцанія безъ всякаго дальнѣйшаго ихъ опредѣленія, тогда какъ эмпирическое познаніе есть именно опредѣленіе эмпирическаго созерцанія, во-первыхъ, въ его качествахъ, во-вторыхъ, въ его отношеніи къ объекту, въ третьихъ, въ его отношеніи къ другимъ эмпирическимъ созерцаніямъ. Слѣдовательно, въ эмпирическомъ познаніи, какъ таковомъ, необходимо существуетъ, кромѣ пассивныхъ элементовъ чувственности, элементъ активный, — именно мышленіе, какъ опредѣленіе предмета эмпирическаго созерцанія.

Эмпирическое (опытное) познаніе, какъ было отмѣчено выше, синтетично по своей формѣ и состоитъ вообще въ синтезѣ:

¹⁾ Такое (основанное на возможности математическаго познанія) доказательство апіорности пространства и времени, какъ формъ чувственности, Кантъ называетъ трансцендентальнымъ. Кромѣ него онъ выставляетъ (въ эстетикѣ) метафизическое (положительное) доказательство, сущность котораго въ слѣдующемъ: пространство и время не могутъ имѣть эмпирическаго происхожденія, потому что одновременность, послѣдовательность и мѣстоположеніе предметовъ опыта не могли бы быть восприняты, если бы въ чувственности уже а priori не находилась чистое созерцаніе пространства и времени, какъ неустраняемая изъ сознанія форма представленія предметовъ; съ другой стороны, пространство и время, какъ единичныя представленія, части которыхъ не предшествуютъ въ качествѣ составныхъ элементовъ, но только мыслятся въ нихъ, какъ ихъ ограниченія, суть именно созерцанія, а не общія (дискурсивныя) понятія.

эмперическихъ созерцаній. Функціей разсудка, въ которой выражается этотъ синтезъ, является эмперическое синтетическое сужденіе. Разсудокъ не есть способность созерцанія, и потому разсудочное эмперическое познаніе не есть познаніе чрезъ созерцанія (интуитивное), какъ разсудочное, оно дается означеніемъ чрезъ понятія (дискурсивнымъ)¹⁾; отличіе понятій; какъ продуктовъ самодѣятельности разсудка, отъ созерцаній состоитъ въ томъ, что созерцаніе, какъ единичное представленіе, относится къ предмету непосредственно, понятіе же посредственно, въ силу признака, общаго для многихъ вещей²⁾. Разсудокъ въ тѣсномъ смыслѣ есть, по Канту, способность понятій. На основаніи понятій создаются опытные сужденія притомъ эта функція принадлежитъ способности сужденія. Общая форма опытныхъ сужденій состоитъ въ томъ, что для познанія предмета вмѣсто непосредственнаго представленія берется одно высшее (понятіе), которое включаетъ въ себя многія представленія, и въ числѣ ихъ и данное представленіе, которое уже непосредственно относится къ предмету³⁾. Такимъ образомъ, сужденіе есть посредственное познаніе предмета, представленіе его представленія, какъ говоритъ Кантъ. Функція разсудка (въ общемъ смыслѣ) при эмперическомъ познаніи чрезъ понятія въ сужденіяхъ состоитъ, въ подведеніи подъ высшія понятія представленій единичныхъ (будутъ ли они созерцаніями или снова понятіями),—въ объединеніи представленій на основаніи высшихъ понятій; поэтому Кантъ называетъ всѣ сужденія вообще функціями единства. Объединеніе представленій есть ихъ синтезъ; всякій синтезъ необходимо требуетъ, кромѣ синтезируемыхъ элементовъ, еще ихъ единства, какъ основы синтеза. Это единство должно принадлежать разсудку, такъ какъ въ чувственности всѣ созерцанія совершенно обособлены и между ними нѣтъ никакого единства, и должно выражаться въ чистыхъ разсудочныхъ понятіяхъ, потому что формами самодѣ-

1) Кр. ч. раз. Стр. 86.

2) Тамъ же. Стр. 263.

3) Кр. част. раз. стр. 87. Отъ опытныхъ сужденій нужно отличать простые сужденія воспріятія, которыя обозначаютъ только субъективную связь созерцаній и не относятся къ эмперическому познанію, поскольку оно есть познаніе объектовъ (объективно).

тельности разсудка служатъ понятія. Въ сужденіяхъ разсудокъ и синтезируетъ представленія на основаніи единства чистыхъ разсудочныхъ понятій. Поэтому анализъ объединительныхъ функций разсудка, по Канту, необходимо долженъ привести къ открытію чистыхъ разсудочныхъ понятій, какъ основъ синтеза. Соответственно такому анализу функций сужденія (по ихъ количеству, качеству, отношенію и модальности) Кантъ и даетъ таблицу чистыхъ разсудочныхъ понятій или категорій, состоящую изъ четырехъ трехчленныхъ группъ (количество: единство, множество, всеобщность; качество: реальность, отрицаніе, ограниченіе; отношеніе: принадлежность и самостоятельность, причинность и зависимость, общеніе; модальность: возможность—невозможность, существованіе—несуществованіе, необходимость—случайность). Всѣ эти категоріи суть высшія объединительныя понятія, на основаніи которыхъ синтезируются представленія въ сужденіяхъ, составляющихъ эмпирическое познаніе. Это же послѣднее, какъ было указано, обычно понимается какъ познаніе объектовъ, воздѣйствующихъ на нашу чувствительность и производящихъ въ ней содержаніе эмпирическихъ созерцаній, хотя непосредственнымъ предметомъ эмпирическаго познанія являются только эти созерцанія. Следовательно, сущность эмпирическаго познанія по категоріямъ состоитъ, во-первыхъ, въ синтезѣ субъективныхъ элементовъ познанія (понятій и созерцаній), во-вторыхъ, въ объективированіи этого синтеза. Но какъ возможенъ объективный синтезъ субъективныхъ элементовъ познанія?

Эмпирическое познаніе, какъ таковое, заключаетъ въ себѣ двѣ стороны—интеллектуальную, поскольку объекты эмпирическаго познанія мыслятся чрезъ понятія въ сужденіяхъ, и чувственную, поскольку эти объекты находятся какъ данныя въ воспріятіяхъ. Въ первомъ отношеніи объекты синтетически познаются, во второмъ отношеніи эти объекты представляются какъ таковыя, т. е., въ воспріятіяхъ наши субъективныя эмпирическія созерцанія получаютъ для насъ значеніе объектовъ. Этотъ послѣдній познавательный актъ такъ же синтетиченъ, какъ и первый: какъ сужденіе представляетъ синтезъ понятій, такъ и воспріятіе является синтезмомъ отдѣльныхъ

соверщаній. Поэтому дедукція возможности эмпирическаго познания должна выяснить его возможность въ двухъ отношеніяхъ, какъ синтеза интеллектуальнаго и какъ синтеза чувственнаго (фигурнаго). Какъ уже указано, оба синтеза имѣютъ то общее между собою, что они оба объективны. Поэтому прежде всего должна быть выведена ихъ объективность.

Элементы эмпирическаго познания (какъ въ его интеллектуальной, такъ и въ чувственной формѣ) — понятія и соверщанія — сами по себѣ суть только различныя опредѣленія сознанія субъекта и имѣютъ значеніе только относительно этого послѣдняго. Но въ эмпирическомъ познаніи ихъ субъективныхъ и индивидуальныхъ они становятся объективными, какъ элементы всякаго возможнаго сознанія, т. е., признаются всеобщими и необходимыми (когда, напр., въ сужденіи утверждаютъ; — тѣла суть тяжелы — или въ воспріятіи опредѣляютъ: домъ существуетъ, то во всѣхъ этихъ случаяхъ выходятъ за предѣлы индивидуальнаго эмпирическаго сознанія и элементы послѣдняго понимаютъ какъ необходимые элементы всякаго возможнаго сознанія). Обычное мышленіе относитъ причину такой объективности субъективныхъ элементовъ сознанія на счетъ объектовъ, существующихъ внѣ сознанія и во него воздействующихъ. Но въ этомъ случаѣ то, что нужно объяснить (объектъ, какъ постулатъ сознанія) принимаютъ какъ данное и объясняютъ его имъ же самимъ. (*petitio principii*). Какъ разлагаетъ эмпирическое познаніе и въ немъ самомъ находятъ причину объективирования субъективной наличности сознанія. Онъ констатируетъ, что всѣ познавательные акты (какъ въ сужденіяхъ, такъ и въ воспріятіяхъ) сопровождаются тождествомъ самосознанія — субъектъ сознаетъ себя, однимъ и тѣмъ же во всѣхъ своихъ познавательныхъ актахъ, хотя его эмпирическое самосознаніе, обусловленное наличнымъ содержаніемъ сознанія, мѣняется съ измѣненіемъ послѣдняго. Это сплошное тождество самосознанія само по себѣ аналитично (аналитическое единство апперцепціи), но его возможность обусловлена высшимъ синтетическимъ актомъ: такъ какъ единство самосознанія выражаетъ принадлежность субъекту всего содержанія его сознанія, то оно возможно только потому, что субъектъ

может а priori назвать своимъ все возможное содержаніе своего сознанія, т. е., может а priori синтезировать это содержаніе, какъ ему принадлежащее; безъ такого трансцендентальнаго синтетическаго единства самосознанія не было бы возможно и его аналитическое единство. Такъ Кантъ приходитъ къ трансцендентальному синтетическому единству апперцепціи. Въ этомъ единствѣ и коренится причина объективности всего нашего познанія. Какъ, показано выше, эта объективность состоитъ въ перенесеніи содержанія субъективнаго сознанія за его предѣлы въ качествѣ содержанія всякаго возможнаго сознанія. Следовательно, объектъ познанія (по своему гносеологическому опредѣленію) есть то, въ понятіи чего объединяется разнообразное содержаніе сознанія¹⁾, потому что только такое соединеніе выдѣляетъ эмпирическое содержаніе изъ рамокъ индивидуальнаго сознанія и переноситъ его за предѣлы послѣдняго. Но то, что прежде не соединено внутри насъ (въ нашемъ сознаніи); то не можетъ быть представляемымъ и соединеннымъ внѣ насъ. Трансцендентальное синтетическое единство апперцепціи именно и соединяетъ а priori все возможное содержаніе нашего сознанія, и такъ какъ это единство не эмпирическое, а априорное, то и создаваемое имъ соединеніе вообще и необходимо, следовательно, объективно въ выше указанномъ смыслѣ. Отсюда слѣдуетъ, что объективность вполнѣ и безусловно объясняется функцией трансцендентальнаго синтетическаго единства апперцепціи и въ силу свойства этого единства выражаетъ только отношеніе всего содержанія сознанія къ одному трансцендентальному субъекту. Такимъ образомъ, объективное существованіе должно быть познаваемо изъ законовъ человѣческаго самосознанія и объясняемо только ими; такъ какъ трансцендентальное синтетическое единство апперцепціи, обуславливающее объективное существованіе, есть единство субъективныхъ элементовъ познанія, сопряженныхъ одному субъекту, то объективное существованіе простирается только на эти элементы, которые, въ свою очередь, сводятся къ эмпирическимъ созерцаніямъ,

1) Кр. ч. р. Стр. 113.

Даже чистыя созерцанія (пространство и время) не были бы объективными, если бы не были формами эмпирических созерцаній.

Объективированіе содержанія субъективнаго сознанія осуществляется въ эмпирическомъ познаніи въ формѣ сужденія (какъ познанія объекта путемъ интеллектуальнаго синтеза) и въ формѣ воспріятія (какъ сознанія объекта—путемъ фигурнаго синтеза). Въ основѣ сужденій (ихъ логическихъ объединительныхъ функций) лежатъ чистыя расудочныя понятія—категоріи. Всякое сужденіе утверждаетъ или отрицаетъ (что въ гносеологическомъ отношеніи безразлично) объективное существованіе своего (логическаго) объекта по той или другой категоріи (въ той или другой формѣ); следовательно, всякое опытное сужденіе, въ силу выше сказаннаго, выражаетъ не что иное, какъ отношеніе эмпирическаго содержанія индивидуальнаго сознанія къ трансцендентальному синтетическому единству апперцепціи, причемъ категоріи суть формы и способы этого отношенія.

Интеллектуальный синтезъ является расудочнымъ познаніемъ объекта, фигурный же создаетъ самъ объектъ въ воспріятіи. Воспріятіе основывается на эмпирическомъ созерцаніи и есть объективированіе послѣдняго. Какъ такое, воспріятіе, по выше указанной причинѣ, непременно должно стоять подъ первоначальнымъ синтетическимъ единствомъ апперцепціи и категоріями, какъ формами этого единства. Если такъ, то воспріятіе, какъ объективный синтезъ отдѣльныхъ созерцаній, образуется расудкомъ въ его приживленіи къ чувственности. Но расудокъ не есть способность созерцаній и потому онъ не можетъ непосредственно воспринять въ себя созерцанія чувственности для объективнаго синтезирования ихъ по категоріямъ, какъ своимъ формамъ. Отсюда Кантъ выводитъ необходимость посредствующаго передаточнаго звена между расудкомъ и чувственностью при воздѣйствіи перваго на послѣднюю и открываетъ такое звено въ продуктивномъ воображеніи его трансцендентальныхъ функціяхъ. Воображеніе, по опредѣленію Канта, есть способность представлять предметъ и безъ

его присутствія въ созерцаніи ¹⁾. Такъ какъ всякое созерцаніе чувственно, то воображеніе, воспроизводящее предметъ въ созерцаніи, относится къ чувственности, но такъ какъ съ другой стороны воображеніе есть проявленіе опредѣляющей самостоятельности (въ воспроизведеніи предмета безъ его присутствія), то синтетическая функція воображенія есть функція разсудка. Поэтому воображеніе не можетъ быть передаточной средой при воздѣйствіи разсудка на чувственность. Сущность этого воздѣйствія состоитъ въ объективномъ синтетическомъ опредѣленіи эмпирическихъ созерцаній по категоріямъ (въ ихъ отношеніи къ трансцендентальному синтетическому единству апперцепціи), причемъ самый синтезъ созерцаній происходитъ въ двухъ формахъ—какъ синтезъ апперцепціи и какъ синтезъ репродукціи; первый синтезъ есть одновременное объединеніе (схватываніе) элементовъ созерцанія, второй—ихъ объединеніе въ ихъ послѣдовательности. Но какъ первый, такъ и второй синтезъ возможны только при синтетическомъ единствѣ апперцепціи, объективирующемъ синтезъ воображенія, потому что самый актъ синтеза необходимо требуетъ, какъ своего основанія, единства въ объединяемыхъ элементахъ; такимъ единствомъ въ субъективныхъ элементахъ сознанія и является синтетическое единство апперцепціи, по отношенію къ которому эти элементы и объединяются, какъ принадлежащіе одному и тому же субъекту; формами объединенія являются категоріи.

Такова краткая схема кантовой дедукціи возможности эмпирическаго познанія, какъ объективнаго синтеза эмпирическаго содержанія сознанія. Элементы этой дедукціи выражаются слѣдующимъ образомъ: 1) объективность эмпирическаго познанія, какъ имѣющаго значеніе для всякаго возможнаго сознанія, основывается на трансцендентальномъ синтетическомъ единствѣ апперцепціи; 2) синтетичность эмпирическаго познанія (съ его чувственной стороны), являясь постулатомъ трансцендентальнаго единства апперцепціи, зависитъ отъ функціи трансцендентальнаго воображенія; 3) категоріи суть формы синтезирова-

1) Кр. ч. лр. Стр. 121.

нiя равнообразнаго созерцанiя и возведенiя полученнаго синтеза къ объективному единству апперцепцiи; 4) дедукцiя возможности эмпирическаго познанiя есть дедукцiя возможности опыта вообще, такъ какъ опытъ, по опредѣленiю Канта, именно и состоитъ въ синтетическомъ соединенiи воспрiятiй въ сознанiи, насколько это соединенiе имѣетъ характеръ необходимости, который придается ему чрезъ подведенiе воспрiятiй подъ категорiи и синтетическое единство апперцепцiи. Такъ какъ, далѣе, возможность опыта есть имѣть съ тѣми возможностями и предметами опыта, а совокупность всѣхъ предметовъ опыта, связанныхъ закономѣрностью опредѣленiй, составляетъ, по Канту, природу, то дедукцiя эмпирическаго познанiя есть дедукцiя возможности природы какъ съ ея формальной (закономѣрностью), такъ и матеріальной (объективностью) стороны (*natura formaliter spectata* и *natura materialiter spectata*).

Эмпирическому познанiю, основанному на опытѣ, противопоставляется познанiе метафизическое, какъ познанiе изъ однихъ чистыхъ понятiй разсудка безъ всякаго отношенiя къ опыту. Какъ возможно такое познанiе? Дедукцiя познанiя математическаго и эмпирическаго съ несомнѣнностью показала, что объективность, являющаяся существеннымъ признакомъ всякаго дѣйствительнаго познанiя, исключительно зависитъ отъ двухъ условiй — трансцендентальнаго синтетическаго единства апперцепцiи и эмпирическаго созерцанiя. Ни одно изъ этихъ условiй не можетъ выпасть, не лишивъ тѣмъ познанiя его объективности. Если отнять синтетическое единство апперцепцiи, то познанiе будетъ лишь хаотическимъ агрегатомъ ощущенiй, наполняющихъ индивидуальное сознанiе и не имѣющихъ видъ предѣловъ послѣдняго никакого значенiя; если же устранить эмпирическiя созерцанiя, то синтетическое единство апперцепцiи будетъ совершенно пустымъ за отсутствiемъ матеріала для его синтетическiхъ функцiй; сама апперцепцiя, какъ тожество самосознающей личности, будетъ при этомъ невозможна, потому что сознавать себя тожественнымъ можно только по отношенiю къ чему либо, а здѣсь это отношенiе устраняется. Естественнымъ выводомъ изъ этихъ положенiй является тотъ, что метафизическое познанiе, осуществляемое

посредствомъ однихъ чистыхъ разсудочныхъ понятій при полномъ устраненіи всякаго опыта, никогда не можетъ быть объективнымъ, т. е., быть действительнымъ познаніемъ, имѣющимъ значеніе для всякаго, возможнаго сознанія, потому именно, что оно устраняетъ опытъ и тѣмъ лишаетъ себя возможности быть подведеннымъ подъ трансцендентальнѣйшій синтезъ апперцепціи. Такое метафизическое познаніе можетъ имѣть только субъективно индивидуальную цѣнность.

Какъ было отмѣчено выше, опытъ въ его цѣломъ, вполне обусловленъ апріорными законами разсудка и чувственности: трансцендентальнымъ единствомъ апперцепціи, категоріями, трансцендентальнымъ воображеніемъ, пространствомъ и временемъ. Эти апріорные законы создаютъ опытъ и все опытное познаніе, какъ таковое, въ апостеріорномъ приложеніи (въ начальныхъ эмпирическихъ условіяхъ опыта, обращая эмпирическія созерцанія въ воспріятія и сужденія воспріятія въ объективно необходимыя). Но въ силу своей апріорности, эти законы могутъ относиться къ опыту, и имѣ апостеріорнаго приложенія, именно съдѣять въ отношеніи къ возможному опыту вообще, какъ его условія. Въ этомъ случаѣ возможны апріорныя синтетическія сужденія, съ объективнымъ значеніемъ, такъ какъ они вполнѣ удовлетворяютъ указаннымъ условіямъ объективности познанія вообще (вполнѣ отношеніемъ къ возможному опыту). Какъ именно образуются такіе синтетическія сужденія а priori, и что они выражаютъ?—Выше было отмѣчено, что разсудокъ, какъ несовершенная способность, можетъ (апостеріорно) прииматься къ опыту (къ формѣ внутреннего чувства—времени—къ которому сводится опытъ, какъ опредѣленіе сознанія) только при посредствѣ воображенія. То же самое имѣетъ мѣсто и при образованіи въ разсудкѣ синтетическихъ сужденій а priori, относительно возможнаго опыта. Здѣсь роль воображенія состоитъ въ схематизированіи чистыхъ разсудочныхъ понятій (категорій) во времени, какъ формъ внутреннего чувства, въ рамкахъ котораго стоитъ все эмпирическое познаніе. Результатомъ такого схематизированія являются схемы категорій, т. е., синтетическія опредѣленія времени по категоріямъ а priori, раздѣляющіяся по порядку

категорій на рядъ времени, на его содержаніе, на его порядокъ и на совокупность времени для всѣхъ возможныхъ представленій. На основѣ времени, какъ общей схемы категорій, и создаются апріорныя синтетическія сужденія, какъ условія возможнаго опыта, называемыя Кантомъ основоположеніями чистаго разсудка. Эти основоположенія Кантъ дѣлитъ по руководящей нити категорій на четыре группы: аксіомы созерцанія, антиципаціи воспріятія, аналогіи опыта и постулаты эмпирическаго мышленія вообще.

Принципомъ первыхъ (аксіомъ созерцанія), представляющихъ примѣненіе къ эмпирическимъ созерцаніямъ категорій величины, служитъ положеніе: „всѣ созерцанія суть величины экстенсивныя“¹⁾, такъ какъ они воспринимаются во времени не иначе, какъ только путемъ соединенія однороднаго и сознанія его синтетическаго единства, т. е. такъ, что представленіе частей дѣлаетъ возможнымъ представленіе цѣлаго и, слѣдовательно, необходимо предшествуетъ послѣднему. Антиципаціи воспріятія представляютъ примѣненіе къ созерцаніямъ категорій реальности. Такъ какъ эта категория въ ея схематическомъ примѣненіи указываетъ на наполненное время, а ея противоположность—отрицаніе—на пустоту, незаполненность времени, то между отрицаніемъ (пустотой) и высшей степенью реальности (наполненности) существуютъ промежуточныя стѣпени, хотя сама реальность въ воспріятіи не имѣетъ измѣренія (т. е. синтетическаго представленія всѣхъ своихъ частей). Это свойство реальности и антиципируется въ синтетическомъ сужденіи а priori: „во всѣхъ явленіяхъ реальное, которое есть предметъ ощущенія, имѣетъ интенсивную величину, т. е. степень“²⁾. Категорій отношенія при ихъ схематическомъ приложеніи къ воспріятіямъ (т. е. при трансцендентальномъ опредѣленіи взаимоотношенія моментовъ времени, въ которомъ стоитъ всѣ воспріятія) даютъ аналогіи опыта, какъ формы соединенія воспріятій во времени. Трѣмъ категоріямъ отношенія (субстанціальности, причинности и общенію) соответствуютъ три „modi“ времени: устойчивость,

¹⁾ Кр. ч. р. Стр. 152.

²⁾ Кр. ч. р. Стр. 155.

смысла и сосуществованіе. Категория субстанции (субъекта, который не можетъ быть ничѣмъ предикатомъ) во временной схемѣ устойчивости требуетъ, чтобы въ воспріятіяхъ былъ субстратъ, какъ нечто устойчивое, по отношенію къ которому только и возможно опредѣленіе воспріятій во времени. Этотъ субстратъ не смѣняется, но инаѣняется, т. е., вслѣдствіе смѣны возникновенія и уничтоженія своихъ опредѣленій (акциденцій) онъ переходитъ, не уничтожаясь самъ по себѣ, изъ одного состоянія въ другое. Взаимоотношеніе во времени смѣняющихся опредѣленій субстанции опредѣляется категоріей причинности (по второй аналогіи опыта) въ формѣ послѣдовательности причинъ и дѣйствій. Субстанции при инаѣненіи своихъ состояній существуютъ одновременно; какъ возможна эта одновременность, если порядокъ въ синтезѣ аппрегеніи (въ воспріятіи) всегда послѣдователенъ? На это отвѣчаетъ третья аналогія опыта: „всѣ субстанции, поскольку онѣ могутъ быть воспринимаемы въ пространствѣ, какъ сосуществующія, находятся въ постоянномъ взаимодействіи“¹⁾; иначе невозможна ихъ одновременность при субъективной послѣдовательности синтеза аппрегеніи.—Категоріи модальности (возможность, дѣйствительность, необходимость въ ихъ схематическомъ примѣненіи создаютъ постулаты эмпирическаго мышленія, касающіеся не опредѣленія объектовъ воспріятія, но только ихъ отношеній къ разуму въ его эмпирическомъ примѣненіи. Эти отношенія могутъ быть тройными: „1) что соответствуетъ формальнымъ условіямъ опыта (по созерданію и по понятіямъ), то возможно, 2) что совпадаетъ съ матеріальными условіями опыта (ощущенія), то дѣйствительно, 3) то, связь чего съ дѣйствительнымъ опредѣляется по общимъ условіямъ опыта“ (по закону причинности), „существуетъ необходимо“²⁾. Такимъ образомъ, возможное, дѣйствительное и необходимое существованіе опредѣляется только по отношенію къ опыту и его условіямъ. Таково возможное онѣтетическое познаніе а priori (метафизическое); оно есть, слѣдовательно, познаніе необходимыхъ условій всякаго возможнаго опыта (метафизика опыта, чистое естествовѣдѣніе); никакая другая метафизика невозможна.

1) Кр. ч. р. Стр. 188.

2) Кр. ч. р. Стр. 191.

Представленная схема общаго ученія Канта о возможности и основахъ познанія должна быть заключена общимъ опредѣленіемъ природы и дѣйности познанія въ его дѣломъ. Познаніе является общимъ произведеніемъ познавательныхъ способностей. Чувственность даетъ матеріалъ познанія (соверщанія), причемъ формы этого матеріала (пространство и время) апіорны (независимы отъ опыта), а содержаніе (ощущенія) апостеріорно (возникаетъ черезъ опытъ); разумъ даетъ чистыя разумочныя понятія, какъ формы синтетическаго единства апперцепціи; способность сужденія подводитъ (при посредствѣ схемъ чистаго воображенія) соверщанія чувственности подъ эти понятія и создаетъ воспріятія и сужденія, изъ синтеза которыхъ и состоитъ познаніе. Если это познаніе соверщается въ наличныхъ условіяхъ опыта, то оно является эмпирическимъ (апостеріорнымъ), если же оно относится лишь къ возможному опыту вообще, какъ познаніе его необходимыхъ условій, то оно метафизическое; если же предметомъ познанія являются лишь общія формы предметовъ опыта (пространство и время, какъ величины), то такое познаніе—математическое. Всякое познаніе, къ какому виду оно бы ни относилось, является познаніемъ объективнымъ, т. е. такимъ, которое имѣетъ одинаковое значеніе для всякаго возможнаго сознанія. Такая объективность сообщается познанію функцией трансцендентальнаго синтетическаго единства апперцепціи. По своей природѣ познаніе, такимъ образомъ, есть область субъективныхъ представленій, строго координированныхъ по законамъ познавательныхъ способностей и свою гносеологическую дѣйность (объективность) получающихъ только вслѣдствіе трансцендентальнаго синтеза апперцепціи (фактора, по своей природѣ, субъективнаго), а не вслѣдствіе дѣйствительнаго существованія (въ полѣ сознанія) объекта, производящаго познаніе, какъ полагаетъ обычное мышленіе, объясненіе котораго призрачно; мы сами создаемъ объекты нашего познанія, и только такіе объекты мы познаемъ. Наше познаніе есть, слѣдовательно, познаніе явленій, возникающихъ въ нашемъ сознаніи и обусловленныхъ законами нашихъ познавательныхъ способностей. Соответствуетъ ли объектамъ нашего познанія (явленіямъ)

бытіе вещей, совершенно независимыхъ отъ всякаго возможнаго сознанія и его законовъ (вещей въ себѣ), вотъ пунктъ, въ которомъ кантовская гносеологія приходитъ къ вопросу о вещахъ въ себѣ. Мы должны выяснитъ смыслъ этого вопроса у Канта (понятіе о вещи въ себѣ) и отношеніе Канта къ признанію бытія вещей въ себѣ, какъ акту познанія, на основаніи изложеннаго общаго ученія его о гносеологической возможности и основахъ познанія.

Мысль о бытіи въ себѣ вообще возникаетъ какъ антитеза мысли о бытіи только въ нашемъ познаніи въ указанномъ выше смыслѣ. Наше познаніе имѣетъ дѣло съ явленіями, какъ предметами опыта; непосредственно данными въ созерцаніяхъ нашей чувственности. Поэтому эти явленія могутъ быть названы явленіями чувственными или „чувственными сущностями“. Бытіе въ себѣ, по самому понятію о немъ, противоположно бытію въ нашемъ познаніи, поэтому оно понимается какъ совершенно отличное по своимъ свойствамъ отъ свойствъ чувственныхъ сущностей, и такъ какъ чувственности (какъ познавательной способности) обыкновенно противопоставляется разумъ, то бытіе въ себѣ понимается въ формѣ „разсудочныхъ сущностей“—ноуменовъ, которые уже не могутъ быть объектами нашего чувственнаго познанія. „Въ самомъ нашемъ понятіи, говоритъ Кантъ, — если известные предметы, какъ явленія, мы называемъ чувственными сущностями (феноменами), ибо тотъ способъ, какъ мы ихъ созерцаемъ, мы отличаемъ отъ ихъ свойствъ въ себѣ,—заключается то, что мы противопоставляемъ ихъ по этимъ послѣднимъ свойствамъ, хотя объ этихъ свойствахъ мы и не имѣли созерцанія, другимъ возможнымъ вещамъ, которыя не объекты нашихъ вѣдѣнныхъ чувствъ, какъ предметы, только мыслимые разумомъ, и называемъ ихъ разсудочными сущностями (ноуменами)“¹⁾. Эта общая мысль о бытіи въ себѣ, какъ противоположности бытію въ нашемъ познаніи, получаетъ предметное значеніе, когда признаки бытія въ себѣ переносятъ на общій (трансцендентальный) объектъ нашего познанія, долженствующій существовать независимо отъ нашего познанія

¹⁾ Бр. ч. раз. стр. 219.

какъ вещь въ себѣ. Возникновеніе мысли о вещи въ себѣ, какъ общемъ объектѣ нашего познанія, основывается на томъ, что „всѣ наши представленія черезъ разсудокъ приравниются къ какому либо объекту“¹⁾, по функции трансцендентальнаго единства апперцепціи, и когда объ этой функции забывають, то воплѣтъ естественно и неизбежно возникаетъ мысль, что основаніемъ объективности нашего познанія служатъ существующій въ себѣ объектъ, какъ его производящій факторъ. „Изъ понятія явленія“, говоритъ Кантъ, (т. е. изъ наличности познанія, безъ трансцендентальнаго изслѣдованія его возможности) „вообще естественнымъ способомъ слѣдуетъ тотъ выводъ, что ему должно соответствовать нѣчто такое, что не есть явленіе, ибо явленіе въ себѣ самомъ и внѣ нашего способа представленія есть ничто“²⁾. Итакъ, трансцендентальный объектъ, какъ общій „коррелятъ единства апперцепціи для единства разнообразнаго въ чувственномъ созерцаніи“³⁾, превращается въ вещь въ себѣ. Этотъ въ себѣ существующій объектъ представляется намъ мыслимымъ чрезъ чистыя понятія разсудка (категоріи), которыя въ ихъ чистомъ значеніи „мыслятъ объекты вообще, не обращая вниманія на тотъ особенный способъ чувственности, въ которомъ они могутъ быть даны“⁴⁾ (въ качествѣ явленій). Чистый разсудокъ поэтому представляется единственнымъ источникомъ познанія этихъ объектовъ (ноуменовъ). Такъ возникаютъ категорическія сужденія, утверждающія 1) существованіе вещи въ себѣ, 2) ее познаваемость посредствомъ чистыхъ категорій разсудка. Но какова гносеологическая цѣнность этихъ сужденій?

Первое сужденіе есть признаніе въ понятіемъ о вещи въ себѣ объективнаго значенія. Согласно съ тѣмъ выясненіемъ возможности объективнаго познанія, которое было изложено выше, какъ основа кантовской гносеологіи, всякое понятіе, чтобы имѣть объективное значеніе, непременно должно относиться къ соответствующему созерцанію, потому что трансцендентальный синтезъ апперцепціи, дающій познанію объективное значеніе, возможенъ только относительно созерцаній. „Всѣ понятія, говоритъ Кантъ, ничѣмъ не могутъ быть дока-

1) Кр. ч. раз. стр. 217.

2) Кр. ч. р. стр. 218.

3) Кр. чист. раз. 217 (1-е изд.).

4) Кр. чист. раз. 221.

заны и поэтому не можетъ быть доказана и ихъ реальная возможность, если здѣсь устраняютъ всякое чувственное созерцаніе (единственное, что мы имѣемъ); тогда остается только логическая возможность, т. е., то, что возможно понятіе (мысль); но рѣчь здѣсь вовсе не объ этомъ, а о томъ, имѣетъ ли это понятіе отношеніе къ объекту и, слѣдовательно, имѣетъ ли оно какое либо значеніе¹⁾. При этомъ объективность познанія указываетъ не на объектъ, существующій внѣ сознанія и независимо отъ него, но только на отношеніе субъективныхъ состояній сознанія къ трансцендентальному единству апперцепціи. Но понятіе о вещи въ себѣ совершенно не имѣетъ никакого соответствующаго ему созерцанія и имѣть не можетъ по самому опредѣленію вещи въ себѣ, какъ совершенно независимой отъ всѣхъ условій чувственнаго познанія. Слѣдовательно, оно не можетъ имѣть и объективнаго значенія. Поэтому Кантъ и говоритъ, что „объективная реальность (понятія о noumenon) не можетъ быть доказана никакимъ образомъ“²⁾, что „понятіе о noumenon не есть понятіе объ объектѣ“³⁾. Понятіе можетъ имѣть объективное значеніе или какъ возможное, или какъ дѣйствительное, или какъ необходимое. Согласно съ ученіемъ о постулатахъ эмпирическаго мышленія (выше изложеннымъ) объективная возможность, дѣйствительность и необходимость имѣютъ значеніе только въ примѣненіи къ понятіямъ схемы воображенія—времени. Понятіе о вещи въ себѣ не можетъ быть подведено подъ эту схему, потому что не имѣетъ созерцанія, на которое только и можетъ простираться эта схема. Отсюда, не только нельзя утверждать дѣйствительность или необходимость вещи въ себѣ, но даже и ея объективную возможность, ибо „возможность вещи никогда нельзя показать только изъ отсутствія противорѣчія въ понятіи; она доказывается только тѣмъ, что данному понятію дается соответствующее ему созерцаніе“⁴⁾. Слѣдовательно заключаетъ Кантъ, о вещи въ себѣ мы не можемъ сказать, „возможна ли она или невозможна“⁵⁾. Не утверждая за понятіемъ о вещи въ себѣ реальной возмож-

1) Кр. част. р. стр. 214 прим.

2) Кр. част. р. Стр. 242.

3) Кр. част. р. Стр. 221.

4) Кр. ч. р. Стр. 220.

5) Кр. ч. р. Стр. 242.

ности, Кантъ и не отрицаетъ такой возможности, потому что вообще для отрицанія реальной возможности чего либо нужно уставить несоответствіе съ формальными условіями опыта (1-й поступать), а вещь въ себѣ никакого отношенія къ опыту имѣть не можетъ. Изъ того, что мы не можемъ дать понятію о вещи въ себѣ объективнаго значенія, уже вытекаетъ и то, что мы не можемъ и познавать вещи въ себѣ посредствомъ категорій, какъ чистыхъ понятій разсудка. Категоріи (въ схемѣ чистаго воображенія—времени) суть формы синтеза созерцаній въ единствѣ апперцепціи. Понятіе о вещи въ себѣ не есть созерцаніе и не можетъ быть схематизировано во времени, поэтому къ нему не приложима ни одна категорія. Тамъ, гдѣ нѣтъ трансцендентальнаго единства по времени, „значить и въ ноуменѣ, совершенно исчезаетъ всякая возможность примѣненія категорій и даже всякое значеніе ихъ“¹⁾. Слѣдовательно, вещи въ себѣ, если бы даже онѣ и существовали, никогда не могутъ быть познаны нами черезъ разсудокъ и его категоріи. Но въ тоже время мы не можемъ доказать, „что чувственное созерцаніе есть единственное возможное созерцаніе вообще“²⁾, и поэтому мы не можемъ безусловно отрицать познаніе вещей въ себѣ вообще, хотя не можемъ доказать и возможность такого познанія.

Итакъ, выводы Канта относительно гносеологической цѣнности сужденій о существованіи вещей въ себѣ и ихъ познаваемости черезъ разсудокъ выражаются слѣдующимъ образомъ. 1) Понятіе о вещи въ себѣ никогда не можетъ имѣть объективнаго (въ смыслѣ Канта) значенія, такъ какъ къ нему совершенно не приложимы гносеологическія условія объективности познанія вообще (созерцаніе, схема и синтезъ апперцепціи); 2) Къ понятію о вещи въ себѣ, какъ не имѣющему никакого отношенія къ опыту, совершенно не приложимы категоріи разсудка, служація условіями опыта, и поэтому относительно вещей въ себѣ не можетъ быть никакого разсудочнаго познанія. 3) Понятіе о вещи въ себѣ не можетъ имѣть имманентной объективности (по отношенію къ единству апперцепціи), принадлежащей эмпирическому познанію,—тѣмъ болѣе нельзя приписывать ему трансцендентную объективность (бытіе, независимое отъ

¹⁾ Кр. част. раз. Стр. 220.

²⁾ Кр. ч. р. Стр. 218 (1 изд.).

всякаго познанія и трансцендентальныхъ познавательныхъ законовъ), которая вообще не можетъ принадлежать никакому познанію. („Если мы снажемъ, говоритъ Кантъ, что внѣшнія чувства представляютъ намъ предметы такъ, какъ они являются, а разумокъ, какъ они существуютъ, то это послѣднее надо понимать не въ трансцендентальномъ, а только въ эмпирическомъ отношеніи, именно какъ они, какъ предметы опыта, должны быть представляемы въ непрерывной связи явленій, а не въ томъ, чѣмъ они могли бы быть внѣ отношенія къ возможному опыту и, слѣдовательно, внѣ чувственности вообще, т. е., какъ предметы чистаго разсудка, ибо это всегда останется для насъ неизвѣстнымъ“ ¹⁾. 4) Въ тоже время понятіе о вещи въ себѣ не допускаетъ и безусловнаго отрицанія его реальности, такъ какъ оно не имѣетъ никакого отношенія къ тѣмъ формальнымъ условіямъ опыта, которыя опредѣляютъ возможность вещи. Такова гносеологическая цѣнность сужденій, утверждающихъ существованіе вещей въ себѣ и ихъ познаваемость въ чистыхъ понятіяхъ разсудка. Въ чемъ теперь состоитъ гносеологическое значеніе понятія о вещи въ себѣ?

Когда понятіе о вещи въ себѣ разсматривалось, какъ имѣющее объективное значеніе, то оно разсматривалось въ положительномъ смыслѣ: подъ вещью въ себѣ понимался разсудочный объектъ (объектъ нечувственного, слѣдовательно, интеллектуальнаго созерцанія). Кантъ показалъ, что понятіе о вещи въ себѣ не можетъ быть объективнымъ. Слѣдовательно, это понятіе не должно имѣть положительнаго характера, обозначать объектъ, какъ разсудочную сущность. Если же отъ понятія о вещи въ себѣ отнять его положительное значеніе, то оно будетъ только обозначать объектъ, который не есть объектъ чувственнаго созерцанія, т. е., станетъ чисто отрицательнымъ. „Ученіе о чувственности есть внѣстѣ съ тѣмъ и ученіе о ноуменахъ въ отрицательномъ смыслѣ, т. е. о вещахъ, которыя разумокъ долженъ мыслить внѣ отношенія къ нашему способу созерцанія, значить, не какъ явленія, а какъ вещи въ себѣ“ ²⁾, безъ всякаго ихъ дальнѣйшаго опредѣленія. Это отрицательное ученіе о ноуменахъ ограничиваетъ чувственность, показывая, что „чувственное познаніе обнимаетъ не всю ту

¹⁾ Кр. ч. р. Стр. 224.

²⁾ Кр. чист. р. Стр. 220.

область, которую мыслятъ разумъ¹⁾, но простирается только на явления. Въ этомъ ограниченіи объективнаго значенія чувственнаго познанія и состоитъ гносеологическое значеніе отрицательнаго понятія о вещи въ себѣ, которое Кантъ въ этомъ отношеніи называетъ проблематическимъ (Я называю, говоритъ онъ, проблематическимъ то понятіе, которое не заключаетъ въ себѣ противорѣчій и которое, какъ ограниченіе данныхъ понятій совпадаетъ съ другими познаніями, хотя его объективная реальность не можетъ быть доказана никакимъ образомъ. Понятіе noumena, т. е. вещь, которую должно мыслить, не какъ предметъ высшихъ чувствъ (исключительно чрезъ разумъ), противорѣчій въ себѣ не заключаетъ, ибо нельзя утверждать, что чувственность есть единственный возможный способъ созерцанія; дажѣ, это понятіе необходимо для того, чтобы чувственное созерцаніе не простираетъ на вещи въ себѣ и, слѣдовательно, чтобы ограничить объективное значеніе чувственнаго познанія²⁾). Такимъ образомъ, хотя дѣленіе міра и предметовъ въ положительномъ смыслѣ на феномены и noumena допустимо быть не можетъ, но понятія несомнѣнно допускаютъ дѣленіе ихъ на чувственные и интеллектуальныя, причѣмъ послѣднія ни въ какомъ случаѣ нельзя выдавать за понятія, имѣющія объективное значеніе³⁾).

Итакъ, Кантъ съ точки зрѣнія своихъ основныхъ гносеологическихъ принциповъ не допускаетъ признанія бытія вещей въ себѣ (хотя и не отрицаетъ его, удерживая понятія о послѣднихъ только въ его субъективно—гносеологическомъ значеніи. Слѣдовательно, изъ отмѣченныхъ въ началѣ сочиненія трехъ отвѣтовъ Канта на вопросъ о существованіи вещей въ себѣ въ качествѣ чисто гносеологическаго воззрѣнія Канта нужно признать первый—отрицательный—отвѣтъ. Но для того чтобы былъ ясенъ дѣйствительный смыслъ ученія Канта о вещи въ себѣ, необходимо исследовать природу и сущность двухъ положительныхъ кантовскихъ рѣшеній вопроса о вещи въ себѣ, что и составитъ задачу дальнѣйшаго изложенія.

М. Одинцовъ.

(Окончаніе будетъ).

1) Кр. ч. р. Стр. 222. 2) Кр. чист. р. 221—222. 3) Кр. ч. р. Стр. 222

Поняте объ „utile“ (о полезномъ) во второй книгѣ сочиненія Цицерона „De officiis“ (Объ обязанностяхъ ¹⁾),

Изъ трехъ книгъ De officiis, Цицеронъ разсуждаетъ объ „utile“ во 2-й по порядку. Разсужденіе объ „utile“ у Цицерона тѣсно связано съ разсужденіемъ о „honestum“, о которомъ онъ разсуждаетъ въ 1-й книгѣ „De officiis“. Подъ понятіемъ „honestum“ Цицеронъ разумѣетъ то, что достойно похвалы само по себѣ, по своей природѣ, хотя бы другими и не было хвалимо ²⁾. Общее же положеніе объ „utile“, раскрываемое Цицерономъ во 2-й книгѣ „De officiis“, слѣдующее: нѣтъ ничего полезнаго кромѣ того, что честно; печальный предрасудокъ отдѣлять полезное отъ честнаго и говорить о нихъ, какъ о двухъ различныхъ и иногда даже противоположныхъ вещахъ; человѣкъ имѣетъ обязанности къ ближнимъ и принадлежитъ себѣ самому не вполне; онъ долженъ соблюдать общественные интересы, чтобы достигнуть своей пользы. Частнѣе опредѣляя „utile“, Цицеронъ говоритъ, что оно относится къ удобству и

¹⁾ Предлагаемый нашъ трудъ находится въ тѣсной связи и можетъ служить ему бы продолженіемъ напечатанной въ этомъ журналѣ статьи А. Верондова: „Поняте о „honestum“ (о честномъ) въ 1-й книгѣ соч. Цицерона „De officiis““ (см. Вѣра и Разумъ за 1902 г. мартъ и апрѣль). При составленіи этого изслѣдованія мы пользовались извѣстнѣйшимъ на западѣ „Собраніемъ римскихъ авторовъ съ переводами ихъ на французскій языкъ подъ редакціей Навары“ („Collection auteurs latins avec la traduction en français, publiés sous la direction de M. Navard, t. IV, Paris, 1852“). Конечно, латинскій текстъ для насъ былъ самымъ главнымъ: постоянно имѣя его предъ глазами, мы сравнивали, сличали и проверяли нашъ французскій переводъ. На это изданіе мы и будемъ дѣлать ссылки въ своемъ сочиненіи.

²⁾ Кн. I, л. IV, стр. 428: „Si a nullo laudetur, natura est laudabile“.

приятности жизни, увеличенію богатствъ, силы, могущества и того, что помогаетъ намъ и „нашимъ“ (ad vitae commoditatem jucunditatemque, ad facultates rerum atque copias, ad opes, ad potentiam, quibus et se potest juvare et suos ¹⁾). Нельзя не замѣтить, что разсуждая объ „utile“, Цицеронъ имѣетъ въ виду, преимущественно, знатныхъ и благородныхъ римлянъ и выясняетъ „utile“, главнымъ образомъ, съ патриціанской точки зрѣнія: такъ, онъ говоритъ, какъ нужно поступать, будучи на должности адвоката, эдила и вообще государственнаго чловѣка. Оттого-то нравственный положеніи Цицерона въ этомъ сочиненіи можно назвать кодексомъ патриціанской мудрости. Но это только одна видимая сторона морали Цицерона. Кромѣ правилъ, полезныхъ и необходимыхъ для всякаго гражданина римской республики того времени, въ сочиненіи Цицерона мы находимъ еще много *возвышенныхъ взглядовъ и благородныхъ наставленій касательно чловѣческой дѣятельности вообще*. Въ этомъ отношеніи Цицеронъ занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи философской естественной морали, служащей, въ лучшихъ ея проявленіяхъ, доказательствомъ вѣчнаго стремленія чловѣческой души къ Богу. А потому весьма интересно будетъ посмотреть, насколько, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, естественная чловѣческая мысль могла возвыситься до идеальнаго нравственнаго строя, *безъ помощи и внѣ христіанскаго откровенія*.

Что касается до плана, котораго держится Цицеронъ, въ выясненіи объ „utile“, то онъ очень простъ. Сначала, Цицеронъ перечисляетъ всѣ полезные предметы для чловѣка и всѣ виды полезной чловѣческой дѣятельности и приходитъ къ тому заключенію, что люди всею пользою, какую они получаютъ отъ полезныхъ вещей, обязаны, главнымъ образомъ, согласію и взаимной помощи людей (conspirationi hominum atque consensui) ²⁾. Доказавши эту истину разными примѣрами, Цицеронъ переходитъ ко *второй, обширнѣйшей части* своего разсужденія (начиная съ VII главы), въ которой онъ указываетъ разнообразнѣйшія средства *воздѣйствовать на*

¹⁾ Кв. I, гл. III, стр. 427.

²⁾ Кв. II, гл. V, стр. 467.

думу *namque benignitas et склоняетъ изъ къ нашей пользѣ: conciliare animos hominum et ad usus adjungere* ¹⁾). Наконецъ, въ третьей части (XXIV глава) Цицеронъ кратко касается о здоровьи (*valetudo*) и о богатствѣ (*rescopia*). Мы, кажется, не впадемъ въ ошибку, если будемъ въ своемъ сочиненіи держаться того же самаго плана, которому слѣдовалъ и самъ Цицеронъ въ своемъ разсужденіи.

Объ „*utile*“ Цицеронъ говоритъ, какъ мы сказали, во 2-й книгѣ сочиненія „*De officiis*“, и „*utile*“ есть то, что относится, или способствуетъ *ad commoda vitae, copias, facultates* ²⁾). Какіе же это предметы, которые способствуютъ удобствамъ нашей жизни, относятся къ богатству, имуществу, къ власти? или что то же: какіе полезные предметы? Есть, отвѣчаетъ Цицеронъ два рода полезныхъ вещей: однѣ—предметы неодушевленные, другія существа одушевленные; эти послѣднія, въ свою очередь, дѣлятся на одаренныя разумомъ и лишеныя его. Полезные предметы изъ неодушевленныхъ—это: золото, серебро, произведенія земли и т. под. Они служатъ на пользу человѣку и въ необработанномъ видѣ. Но особенно они становятся полезными въ разныхъ видахъ промышленности человѣческой и искусствахъ, напр.: въ мореплаваніи, земледѣліи, ввозѣ и вывозѣ товаровъ, медицинѣ, постройкѣ домовъ и т. под. Что касается до полезныхъ одушевленныхъ существъ, то они дѣлятся на боговъ и людей, которые суть разумныя существа, и животныхъ, которые суть существа неразумныя. Самыми близкими къ богамъ становятся тѣ люди, которые могутъ принести наибольшую пользу своимъ ближнимъ ³⁾). Изъ животныхъ самыми полезными для человѣка являются кроткія домашнія животныя, какъ, напр.: лошади, быки и проч.

Что же даетъ человѣку силу и способность употреблять различные предметы въ его пользу? Всѣмъ этимъ люди обя-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Кн. II, гл. III, стр. 465.

³⁾ Кн. II, гл. III, стр. 466: *proxime autem et secundum deos homines hominibus maxime utiles esse possunt*. Положеніе это, высказанное измѣнникомъ Цицерономъ, весьма замѣчательно. Въ немъ можно усматривать указаніе на важнѣйшую христіанскую заповѣдь, именно, любовь къ ближнимъ. Исполненіе этой заповѣди, по ученію христіанской Церкви, наиболее приближаетъ и уподобляетъ человѣка Богу.

заны труду челоѣвческихъ рукъ и генію искусствъ, а чтобы пользоваться ими, люди должны помогать другъ другу¹⁾. Эта истина открывается изъ многоразличныхъ явленій жизни. Такъ, желѣзо, мѣдь, серебро и золото, столь глубоко скрытыя въ землѣ, не могли бы выйти наружу и служить на пользу людямъ, безъ труда рукъ челоѣвческихъ. При постройкѣ новыхъ домовъ и возстановленіи разрушенныхъ, также необходима помощь людей. Медицина, мореплаваніе, земледѣліе, орошеніе полей, устройство плотинъ, искусственныхъ гаваней, которыхъ природа не ископала и проч.—все это труды челоѣвѣка и безъ взаимной помощи людей они не мыслимы. Если перейти отъ неодушевленныхъ предметовъ къ одушевленнымъ, то увидимъ то же самое. Люди, помогая другъ другу, сумѣли укротить самыхъ дикихъ животныхъ и изъ каждаго животного стали извлекать соответствующую пользу: пасутъ стада, охраняютъ ихъ и получаютъ отъ этого выгоды; истребляютъ дикихъ и вредныхъ животныхъ, захватываютъ для себя полезныхъ и проч. Взаимной помощи люди обязаны и тѣми искусствами, которыя украшаютъ, облагораживаютъ и столь отличаютъ жизнь людей отъ жизни животныхъ. Взять, напр., облегченіе въ болѣзни, удовольствія въ здоровьи, прекрасныя и удобныя одежды и т. п. Особенно очевидно становится необходимость взаимной помощи людей для благоустройства и процвѣтанія челоѣвческой жизни, при разсмотрѣніи крупнѣйшихъ фактовъ исторіи. Безъ содѣйствія людей, города не могли бы быть устроены, суды и законы не могли бы возникнуть, гражданская и государственная жизнь не могла бы начаться и продолжать свое существованіе. Цицеронъ, вопреки Панэтію²⁾, даже не считаетъ нужнымъ, для доказательства разбираемой нами истины (что польза получается отъ единенія и общности людей), приводить примѣры знаменитыхъ государственныхъ мужей и полководцевъ, какъ, напр.: Фемистокла, Перикла, Кира,

1) Ibid.: Ea enim ipsa, quae inanima diximus, pleraque hominum operis effecta, quae nec haberemus, nisi manus et ars accessisset, nec his sine hominum administratione uteremus.

2) Панэтію—это философъ стоикъ, послѣдователемъ котораго былъ Цицеронъ.

Агвезая, Александра и других и утверждать о нихъ, что они не могли бы схватить ничего великаго и полезнаго, безъ помощи людей ¹⁾: Въ этомъ случаѣ, по Цицерону, указанная истина очевидна для всѣхъ и не требуетъ разсужденій.

Итакъ, единеніе и согласіе людей есть главное условіе для „utile“. Но, вѣдь, какъ показываетъ человеческая жизнь и какъ ясно изобразилъ ученый перипатетикъ Диккархъ въ своей книгѣ „De integritate hominum“ ²⁾, отъ единенія и согласія людей съ извѣстными направленіемъ можетъ происходить не только добро, но и зло; и зло, причиняемое людьми, какъ, напр., войны и возмущенія, гораздо больше и значительнѣе физическаго зла, напр., наводненій, моровой язвы, нападенія дикихъ звѣрей и проч. Слѣдовательно, единеніе и согласіе людей можно направлять и къ великой пользѣ, и къ великому вреду для нашихъ ближнихъ. Затѣмъ, наблюдая тѣ же явленія въ человеческой жизни, мы видимъ, что разныя событія нашей жизни, и благопріятныя для насъ и бѣдственныя, часто зависятъ отъ судьбы ³⁾. Таковы, напр., не благопріятныя событія: пожары, караблекрушенія, укушенія дикихъ звѣрей, пораженіе арій, изгнаніе изъ отечества и т. под.; и благопріятныя: успѣхи, почести, побѣды и т. под. Но нужно признаться, что, будучи зависимы отъ судьбы, они въ то же время суть дѣло воли людей и расположенія ихъ къ намъ ⁴⁾. Отсюда послѣдовательно вытекаетъ слѣдующій вопросъ: какъ же намъ поступать, чтобы привлечь къ намъ расположеніе ближнихъ и побудить ихъ дѣйствовать къ нашей пользѣ (ad usus suos)? ⁵⁾

¹⁾ Кн. II, гл. V, стр. 467.

²⁾ Ibid.

³⁾ Кн. II, гл. VI, стр. 468: Magnam vim esse in fortuna in utraque partem, vel nocidas ad res, vel ad vitam, quae ignorat. — Знать ли кто видѣлъ некогда дѣланіе древняго мудреца предъ неволатыми явленіями человеческой жизни. (То же самое мы встрѣчаемъ еще ранѣе въ кн. Іова). Судьба (fatum, fortuna, μοῖρα — по греч.) — Что она можетъ сдѣлать уму и сердцу человека? Между тѣмъ какъ явившійся въ міръ Сынъ Божій открылъ, что все въ мірѣ имѣетъ опредѣленную кѣль и назначеніе, и безъ воли Отца Небеснаго ничто не совершается.

⁴⁾ Ibid: Quaequam (haec occasiones) fortunae sunt, tamen sine hominum opibus et studiis neutram in partem effici possunt.

⁵⁾ Кн. II, гл. V, стр. 467.

На это у Цицерона есть общій принципъ: можно достигнуть этого *честными воззрѣніями и добрыми дѣятеіями, но никогда—зломъ и несправедливостію* (*honestis consiliis justisque factis, non fraude et malitia*) ¹⁾. А какіе частные виды этого общаго принципа, Цицеронъ подробно указываетъ во 2-ой части своего разсужденія.

Главное основаніе того, чтобы привлечь къ себѣ расположеніе людей и тѣмъ побудить ихъ приносить себѣ пользу,—это пріобрѣтать любовь и дружбу людей; противоположное любви дѣйствіе оказываетъ страхъ, внушаемый нашимъ ближнимъ ²⁾. Польза, получаемая отъ внушаемой нами любви, лучше всего выясняется отъ противоположнаго,—что бываетъ съ тѣмъ, котораго боятся. По словамъ Эннія: *quem metunt, odere; quem quisque odit perisse expetit* ³⁾, т. е., кого боятся, того ненавидятъ; а кого кто ненавидитъ, желаетъ, чтобы онъ погибъ. Никакое богатство не можетъ противостоять народной ненависти. Въ особенности народное нерасположеніе преслѣдуетъ тирановъ, которые, обыкновенно, любятъ внушать страхъ своимъ подчиненнымъ. Но зато изъ нихъ нѣтъ никого, кто не погибъ бы ужасною смертію. Самая жизнь этихъ тирановъ исполнена всякихъ тревогъ и безпкойствъ за свою жизнь и безопасность. Ибо тотъ, кто желаетъ, чтобы его боялись, по необходимости, самъ долженъ бояться тѣхъ, которые подъ нимъ трепещутъ. Такъ, тиранъ Діонисій Древній, вида повсюду покушенія на его жизнь, опасался даже давать свою бороду для бритья брадобрѣю, но самъ всегда опалалъ (сжигалъ) еѣ горящими углями. А другой тиранъ, Александръ Тирскій, не довѣрялъ даже своей женѣ, которую онъ очень любилъ; и потому, опасаясь за свою жизнь, прежде чѣмъ идти въ ея спальню, онъ всегда посылалъ туда вооруженнаго мечемъ воина, грубаго варвара,

¹⁾ Кн. II, гл. III, стр. 466.—Этотъ цидероновскій принципъ дѣлаетъ честь его уму и явнѣе соответствуетъ высотѣ настоящихъ христіанскихъ требованій относительно жизни и дѣятельности человека.

²⁾ Кн. II, гл. VII, стр. 468: *Omnium rerum nec aptius est quidquam ad opes tuenilas ac tenendas, quam diligi, nec alienis, quam timeri.*

³⁾ Ibid.

который долженъ былъ осмотрѣть, не спрятано-ли у жены гдѣ-нибудь подъ мебелью и даже въ ея платьяхъ какое-нибудь оружіе. Предчувствіе Александра сбылось: жена убила его за подозрѣніе ея въ невѣрности. Власть такихъ людей не прочна. *Какую бы власть ты ни имѣлъ, если ты управляешь страхомъ, она не можетъ долго продолжаться* ¹⁾. Эта истина, именно, что любовь пріобрѣтаетъ и сохраняетъ привязанность и расположеніе людей, а страхъ только разрушаетъ ихъ,—можетъ быть примѣнена не только къ отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлымъ государствамъ; въ частности, къ римской республикѣ. Пока римляне поступали съ побѣжденными народами кротко и справедливо, оказывали имъ даже защиту, они обладали прочною властью надъ союзными народами (*clientes*). Покровительство ихъ надъ народами было скорѣе властью надъ всѣмъ міромъ. Но какъ скоро въ управление римскаго государства вошли насилія, несправедливости и жестокости надъ гражданами, когда нѣкоторые тираны стали продвигать съ аукціона на публичномъ рынкѣ имущество лучшихъ и благороднѣйшихъ гражданъ, какъ свою добычу (*Suam praedam*), когда нѣкоторые тираны стали продавать съ молотка даже цѣлыя провинціи и цѣлыя народы, когда стали грабить и опустошать своихъ вѣрныхъ союзниковъ,—тогда произошло упадокъ и ослабленіе римскаго могущества, появились гражданскія войны, которыя стали еще болѣе истощать государство. Поэтому по всей справедливости можно сказать, что римляне дошли до такихъ несчастій только потому, что старались болѣе внушать страхъ, чѣмъ любовь и уваженіе. Изъ этого можно понять, что благорасположеніе нашихъ ближнихъ есть наша крѣпкая защита: *benivoleantiae vis est magna*, и, следовательно, намъ должно стараться о томъ, чтобы имѣть преданныхъ друзей и чтобы они интересовались всѣмъ тѣмъ, что насъ касается ²⁾. Друзей необходимо имѣть

¹⁾ Бл. II, гл. VII, стр. 469: *neq. ulla vis imperii tanta est, quae premente metu possit esse diuturna.*

²⁾ *Ibid.* Primum et maximum necessarium, familiaritatis habere fidas amantium nos amicorum et nostra mirantium.

всякому, ибо всякій можетъ нуждаться въ чемъ-либо. Почести, слава, народная любовь не такъ необходимы для человѣка, какъ друзья; но пользующійся всеми этими вещами имѣетъ то преимущество, что благодаря имъ, онъ можетъ извлечь для себя множество разныхъ выгодъ и приобрести друзей ¹⁾. Отсюда необходимо рассмотретьъ, чѣмъ же можно привлечь къ себѣ любовь и дружбу нашихъ ближнихъ и вообще всего народа. Одно изъ величайшихъ средствъ приобрести себѣ любовь и дружбу людей—это слава (gloria).

Понятіе „славы“ (gloria) составляется изъ трехъ элементовъ, именно: во-первыхъ, обладающаго этой славой любить народъ, во-вторыхъ, народъ имѣетъ довѣріе къ нему, и въ третьихъ, народъ удивляется ему, и считаетъ его достойнымъ величайшихъ почестей ²⁾. Показавши, изъ чего состоитъ слава. Дидеронъ разбираетъ сначала внутреннія качества человѣка, привлекающія и сохраняющія ему славу, а затѣмъ, подробно говоритъ о вѣшнихъ качествахъ, тоже сообщаемыхъ и сохраняющихъ человѣку славу. Итакъ, сначала намъ слѣдуетъ сказать о внутреннихъ достоинствахъ человѣка, какъ мотивахъ къ приобретению ему славы.

Первое условіе къ приобретению славы—любовь, или благорасположеніе (benevolentia) приобретается, главнымъ образомъ, благотѣніями (beneficiis) ³⁾. Если же у человѣка недостаточно матеріальныхъ средствъ, чтобы помочь другому, то одно пожеланіе добра (benefica benevolentia), съ участившимъ выраженіемъ другому, трогаетъ и возбуждаетъ его любовь къ намъ. Наконецъ, весьма сильно привлекаетъ народную любовь (amore multitudinis) извѣстность щедрости, благотворительности, справедливости, праводумія и другихъ добродѣтелей (fama et opinio liberalitatis, beneficentiae, justitiae, fidei et ceterorum) virtutum ⁴⁾. Всѣ эти указанная средства приобретаютъ чело-

¹⁾ Кн. II, гл. VIII, стр. 471.

²⁾ Кн. II, гл. IX, стр. 471: Summa et perfecta gloria constat ex tribus his: si diligit multitudo, si fidem habet, si cum admiratione quadam honore dignos putat.

³⁾ О нихъ мы скажемъ подробно въ отдѣлѣ о вѣшнихъ средствахъ къ достиженію славы

⁴⁾ Кн. II, гл. IX, стр. 471.

вѣку, обладающему имъ, любовь и благорасположеніе народа потому, что это суть добродѣтели, отвлекающіяся къ честности и благоприличію—„*honestum et decorum*“; и, следовательно, какъ само „*honestum*“, по своей природѣ, своимъ образомъ привлекаетъ къ себѣ души всѣхъ *animas omnia natura et specie sua commovet*,—то, подобно сему, оно возмущаетъ (*reflucet*) всѣхъ и указанными выше добродѣтелями; поэтому, мы, по природѣ (*natura*), обязываемся любить тѣхъ, въ которыхъ, какъ мы предполагаемъ, находятся тѣ указанныя добродѣтели. Второе условіе къ приобрѣтенію славы—довѣріе (*fides*) внушаетъ, или приобрѣтаетъ тотъ человѣкъ, въ которомъ замѣчаютъ благоразуміе, соединенное съ справедливостью (*con-junctam cum justitia prudentiam*¹⁾). Дѣйствительно, наше до-вѣріе получаетъ только тотъ, котораго мы считаемъ просвѣщеннѣе насъ, въ которомъ мы замѣчаемъ даръ предусмотрительности, талантъ искусство вести дѣла и т. под.; а такой человѣкъ и называется благоразумнымъ (*prudens*). Тѣмъ болѣе мы довернемъ тому лицу, которое мы считаемъ совершенно неспособнымъ ни на малѣйшій обманъ; ни на малѣйшую неправду; а такой человѣкъ и есть справедливый (*justus*). Людямъ благоразумнымъ и вѣстѣ справедливымъ мы съ совершенною увѣренностью вручаемъ, въ случаѣ необходимости, наше здоровье, наше богатство, дорогихъ и близкихъ нашему сердцу родныхъ лицъ и т. д. Но изъ этихъ двухъ добродѣтелей, привлекающихъ наше доверіе, справедливость болѣе способна возбудить его: одна справедливость, безъ благоразумія, имѣетъ еще нѣкоторую силу; но одно благоразуміе, безъ справедливости, можетъ сдѣлать человѣка только хитрымъ, плутоватымъ и даже возбудить къ нему ненависть людей. Итакъ, послѣ сего остается несомнѣннымъ, что, для приобрѣтенія полнаго доверія, необходимо соединить вмѣстѣ благоразуміе и справедливость. Третье условіе къ приобрѣтенію славы—удивленіе (*admirationis*) и достоинство чести, или почета (*honoris dignitas*) приобрѣтаютъ тѣ люди, которые, какъ всѣмъ кажется,

¹⁾ Ibid.

имѣютъ въ себѣ что-то великое и необыкновенное и, особенно, обладающіе рѣдкими качествами своихъ добродѣтелей (*excellentes quasdam et singulares virtutes* ¹⁾). И, наоборотъ, больше всего порицаютъ и презираютъ тѣхъ, въ которыхъ не видятъ ни доблести, ни одушевленія, ни силы (*nihil virtutis, nihil animi, nihil nervorum*) и которые, слѣдовательно, не могутъ принести никакой пользы *pec sibi, pec alteri*. Особое удивленіе для насъ производитъ то, что люди, обладающіе высокими добродѣтелями, не поддаются тѣмъ низкимъ увлеченіямъ и страстямъ, которымъ подвержено большинство. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не удивляться тѣмъ, которые остаются совершенно спокойными, когда идетъ вопросъ объ ихъ жизни и смерти; о богатствѣ и бѣдности, и презираютъ всѣ тѣ блага и несчастія, которыя такъ волнуютъ большинство?—Но три указаннныя чувствованія—любовь, довѣріе и удивленіе—объединяются въ одной особенной добродѣтели—справедливости (*justitia*), которая приводитъ человѣка къ славѣ и которая одна даетъ ему имя „добраго человѣка“ (*bonus vir*) ²⁾. Справедливый (*justus*) человѣкъ, дѣйствительно, возбуждаетъ къ себѣ, во-первыхъ, любовь, потому что онъ желаетъ приносить пользу (*prodesse*) какъ можно большому числу людей; во-вторыхъ,—довѣріе, по той же самой причинѣ, и, въ третьихъ, удивленіе, потому что презираетъ все то, что воспламеняетъ страсть у большинства людей: не боится смерти, скорби, изгнанія, бѣдности, не предпочитаетъ справедливости никакого изъ благъ міра. Справедливость совершенно необходима человѣку въ его жизни для достиженія какихъ бы то ни было его желаній. Какже, въ самомъ дѣлѣ, быть любимымъ и получать помощь, если не прослынешь за честнаго человѣка? Она необходима во всѣхъ видахъ человѣческой дѣятельности—въ куплѣ и продажѣ, въ занятіи и отдачѣ денегъ, при заключеніи торговыхъ сдѣлокъ и т. д. Но что всего поразительнѣе, справедливость считается необходимою и соблюдается даже въ воровскихъ и разбойниче-

¹⁾ Кн. II, гл. X, стр. 472.

²⁾ Кн. II, гл. XI, стр. 472.

ских шайкахъ. Тѣмъ, если воръ пользуется своимъ искусствомъ, примѣняя его на комъ-нибудь изъ людей своей шайки, то его не терпятъ ни на одну минуту; если начальникъ пиратовъ сдѣлаетъ несправедливый раздѣлъ добычи, то онъ скоро будетъ преданъ на смерть, или отставленъ. Можно съ увѣренностью сказать, что справедливость (justitia) есть начало и основаніе всякаго союза и всякихъ человѣческихъ обществъ ¹⁾. Учрежденіе царскаго достоинства (reges constituere) и законовъ (leges constituere) объясняется не чѣмъ инымъ, какъ намѣреніемъ пользоваться и наслаждаться справедливостью (justitiae fruendae causa) ²⁾ во всевозможныхъ отношеніяхъ людей между собою. Поэтому, людямъ нужно особенно стараться поступать по справедливости, во-первыхъ, ради нея самой (иначе это уже не была бы справедливость) а, во-вторыхъ, потому, что она—то и ведетъ людей въ почестямъ и славу ³⁾.

Но недостаточно только приобрѣсть своими внутренними качествами славу: нужно тѣмъ же способомъ и сохранять её. Для этого нѣтъ пути болѣе краткаго и болѣе надежнаго, какъ тотъ, который былъ указанъ еще Сократомъ, это—*чтобы, от дѣятельности, быть такимъ, какими желаешь казаться: ut qualis haberi (quis) vellet, talis esset* ⁴⁾. Напротивъ, ду-

¹⁾ Частѣйшее раскрытіе принципа „справедливости“ (justitia) можно видѣть въ 1-ой книгѣ Цицерона: „De officiis“, въ которой онъ излагаетъ понятіе о „honestum“. См. объ этомъ вышеуказанное изслѣдованіе А. Воронцова—Вѣра и Разумъ 1902 г., мартъ, кн. 2, № 6 в, стр. 273—274.

²⁾ Кн. II, гл. XII, стр. 478.

³⁾ Ibid.: *Omni igitur ratione colenda et retinenda justitia est, quum ipsa per sese (nam aliter justitia non esset), tum propter amplificationem honoris et gloriae.*

⁴⁾ Кн. II, гл. XII, стр. 474. Это нравственное правило, указанное Цицерономъ только какъ средство поддержанія славы, имѣетъ и можетъ имѣть весьма широкое приложеніе въ челоѣческой дѣятельности. По своему характеру, оно направлено прямо противъ весьма распространеннаго въ челоѣческомъ обществѣ порока *лицемѣрія*. Челоѣкъ всегда желаетъ являться предъ глазами другихъ людей въ лучшемъ и болѣе привлекательномъ свѣтѣ, нежели каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Но Цицеронъ, за справедливости, считаетъ это одно недостаточнымъ: нужно быть такимъ и въ дѣйствительности.

мать, что можно сохранять продолжительную славу лицемеріемъ и пустымъ тщеславіемъ—значитъ странно обманываться; ибо *всё, что основано на лжи и обманѣ, быстро блекнетъ и разрушается*. Взять, напр., двухъ египтянъ Тиверія Гракка, который прославился своими заслугами для государства: они своими безчестными поступками возбудили такое неудовольствіе добрыхъ людей (bonorum), что смерть ихъ считали справедливымъ наказаніемъ.

Теперь нужно сказать о вѣщныхъ мотивахъ происхожденія, или приобрѣтенія славы. Слава, прежде всего, можетъ быть наследственна: отъ отца она переходитъ къ сыну. Также слава можетъ быть обязана своимъ происхожденіемъ богатству, или некоторымъ чрезвычайнымъ событіямъ въ жизни извѣстнаго человѣка. Тѣ же, которые родились въ низкомъ состояніи и въ неизвѣстной семьѣ, сами должны стремиться къ великимъ дѣламъ, открывать себѣ поприще для благородныхъ стремленій. Первое, что можетъ дать молодому человѣку извѣстность для славнаго имени (*commendatio ad gloriam*)—это поприще военныхъ усилій: молодой человѣкъ скорѣе всего можетъ отличиться на войнѣ. Кроме того, молодой человѣкъ считается достойнымъ похвалы по своей скромности (*modestia*), любви къ родителямъ (*pietas in parentes*) и по привязанности къ родственникамъ (*in suos benevolentia*). Одно изъ лучшихъ средствъ привлечь вниманіе на себя и сдѣлаться извѣстнымъ въ лучшемъ смыслѣ—это имѣть ближайшее общеніе съ знаменитыми людьми, которые усердно стремятся приносить пользу своей странѣ. Основаніемъ славы для такого молодого человѣка служить то, что народъ, видя, какъ молодой человѣкъ обращается въ такомъ обществѣ, естественно, надѣется, что онъ сдѣлается подобенъ тѣмъ великимъ гражданамъ, которыхъ онъ взялъ себѣ за образецъ. Такъ, П. Рутилій вошелъ, въ своей молодости, съ домоу Муція, и вотъ—происхожденіе его репутаціи, какъ вѣрнаго человѣка и искуснаго законовѣда. Есть еще другіе случаи, когда молодой человѣкъ можетъ приобрѣсти себѣ славу,—это, когда человѣкъ обладаетъ

краснорѣчїемъ (oratio): Есть два рода краснорѣчїа: простая, или безыскусственная рѣчь, бесѣда, разговоръ (sermo), и рѣчь убѣдительная, или краснорѣчїе въ собственномъ смыслѣ (contentio или eloquentia) ¹⁾. Оба эти вида краснорѣчїа имѣютъ важное значеніе въ дѣлѣ прїобрѣтенїа славы; однако должно сознаться, что предвѣтительнѣе прївѣтливая безыскусственная рѣчь (sermo), потому что ораторская рѣчь (oratio), соединенная съ намѣренїемъ убѣдить (contentio), часто только возмущаетъ народъ. Что же касается собственно до краснорѣчїа (eloquentia), то оно можетъ доставить человѣку славу на разныхъ поприщахъ его служебной карьеры, но въ особенности на поприщѣ судебномъ. Судебное краснорѣчїе бываетъ двухъ видовъ, которые носятъ свои особыя спеціальныя названїа: обвинительная рѣчь (accusatio) и защитительная рѣчь (defensio). Съ обвинительною рѣчью должно выступать не часто: hoc non saepe est faciendum ²⁾. Исключеніе можно сдѣлать развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда ораторъ выступаетъ ради государственныхъ интересовъ (rei publicae causa), или съ цѣлью отомстить (ulciscendi causa), или изъ-за отцовскаго наслѣдства (patrocinii causa). Выступая часо въ роли обвинителя рискуешь прїобрѣсти себѣ репутацію человѣка жестокаго (duri), что, очевидно, не полезно. Особенно должно остерегаться, чтобы не подвергнуть обвиненію невиннаго человѣка (innocentem). Что касается до защитительной рѣчи, то съ нею должно выступать въ защиту обвиняемыхъ. Можно даже защищать и виновнаго по отношенію къ религїи, исключая, конечно, тѣхъ случаевъ, когда виновный будетъ намѣреннымъ врагомъ религїи (modo ne nefarius impiusque) ³⁾. Но вообще виновнаго противъ религїи не слѣдуетъ защищать слишкомъ усердно. Но этого желаетъ народъ, допускаетъ обычай, терпитъ человѣколюбіе ⁴⁾. Къ этому нужно еще присоединить, что оправданіе совершившаго незна-

1) Кн. II, гл. XIV, стр. 475.

2) Ibid.

3) Кн. II, гл. XIV, стр. 475.

4) Ibid.: vult hoc multitudo, patitur consuetudo, fert humanitas.

чительную вину доставляетъ его адвокату (patroni) славу. Но величайшую славу и благодарности получаетъ тотъ человѣкъ, который своимъ краснорѣчіемъ приходитъ на помощь къ несчастному, котораго преслѣдуетъ и хочетъ притѣснить какой-нибудь могущественный человѣкъ ¹⁾.

А. Покровский.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Ibid.: Maxime et gloria paritur et gratia defensionibus eoque major, si quando accidit, ut ei subveniatur qui potentis alicujus opibus circumveniri urgente videatur.

Признавалъ ли Кантъ бытіе вещей въ себѣ?

(Окончаніе *).

II.

Гносеологическій анализъ познанія показалъ, что вся совокупность познаній раздѣляется на двѣ совершенно различныя части—познаніе апріорное—независимое отъ всякаго опыта—и апостеріорное—такое, которое возникаетъ въ процессѣ опыта. Гносеологическая дедукція установила степень и условіе правомѣрности того и другого вида познанія, но она не касалась процесса возникновенія (генезиса) ихъ,—какъ апріорное, такъ и апостеріорное познаніе въ гносеологическомъ отношеніи рассматривались какъ данныя. Генезисъ познанія есть задача психологическаго анализа. Объясненіе апріорнаго познанія съ его *психологической стороны* затрудненій не представляетъ—формы этого познанія (чистыя созерцанія и чистыя понятія) возникаютъ въ силу самодѣятельности познающаго субъекта и вполне объяснимы изъ нея. Но апостеріорное познаніе не есть результатъ одной самодѣятельности субъективныхъ познавательныхъ силъ (которая, правда, входитъ въ него); если бы дѣло было такъ, то апостеріорное познаніе ничѣмъ бы не отличалось отъ апріорнаго. Между тѣмъ апостеріорное познаніе потому именно и отличается отъ апріорнаго, что въ немъ къ чистымъ формамъ присоединяется опытное содержаніе—ощущеніе, образующее въ рамкахъ этихъ формъ эмпирическое созерцаніе, которое потомъ, вслѣдствіе

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 11.

самодѣятельности разсудка, становится объективнымъ воспріятіемъ. Что же составляетъ причину и условіе возникновенія ощущенія, какъ отличительнаго свойства апостеріорнаго познанія? Кантъ опредѣляетъ ощущеніе, какъ „дѣйствіе предмета на способность представленія, поскольку этотъ предметъ на насъ дѣйствуетъ“¹⁾. Слѣдовательно, психологическое возникновеніе ощущеній, въ силу такого опредѣленія ихъ, приписывается какому то постороннему воздѣйствію на чувственность, какъ способность воспринимчивости. Вотъ основа, на которой покоится утвержденіе Канта, что для психологическаго объясненія апостеріорнаго познанія мы должны предполагать объекты, воздѣйствующіе на нашу чувственность,—чувственное познаніе, по словамъ Канта, возможно въ этомъ отношеніи „только потому, что способность представленія субъекта воспринимаетъ воздѣйствіе отъ объекта“²⁾. Этотъ объектъ, „воздѣйствуя на чувственность, тѣмъ производитъ явленіе, какъ непосредственный предметъ познанія; самъ онъ, слѣдовательно, не есть явленіе, а существуетъ въ себѣ. Такъ развивается на психологической основѣ ученіе о вещи въ себѣ. Такъ какъ психологическій элементъ въ „критикѣ чистаго разума“ занимаетъ второстепенное и (въ большинствѣ случаевъ) случайное мѣсто, то такая форма ученія о вещи въ себѣ нигдѣ не излагается прямо и непосредственно, но вставляется отдѣльными положеніями въ различныхъ мѣстахъ „Критики“ (въ общемъ—немногихъ), гдѣ къ тому представляется поводъ. Въ качествѣ примѣровъ, кромѣ приведенныхъ цитатъ изъ трансцендентальной эстетики, можно указать на слѣдующія мѣста: безъ предположенія объектовъ въ себѣ „слѣдовалъ бы нелѣпный выводъ, что существуетъ явленіе безъ того, что въ немъ является“ (Предисл. къ 2 изд. стр. 15); „считая, какъ и слѣдуетъ, предметы чувствъ за простыя явленія, мы, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ пренебрегаемъ, что въ основѣ ихъ лежитъ вещь въ себѣ, которую мы знаемъ не ея“ (тамъ же стр. 16); „такъ какъ мы не знаемъ, что это неизвѣстное, то мы не можемъ сказать, что это неизвѣстное, а только то, что оно неизвѣстно“ (Пролегомены. С. 49).

1) К. К. стр. 49.

2) Тамъ же стр. 73.

Въ отношеніи этой формы ученія Канта о вещи въ себѣ представляется вопросъ, считаетъ ли Кантъ психологическое предположеніе объекта въ себѣ, какъ причины воспріятій, имѣющимъ объективное значеніе, или же только субъективное. Форма выраженій, въ которыхъ Кантъ говоритъ о вещи въ себѣ, какъ причинѣ ощущеній, въ однихъ случаяхъ такова, что позволяетъ думать, что Кантъ признаетъ объективное значеніе за рассматриваемымъ понятіемъ (объектъ дѣйствительно существуетъ и воздѣйствуетъ на чувственность—по преимуществу въ трансцендентальной эстетикѣ), въ другихъ—напротивъ—выдвигаетъ на первый планъ допустимость и необходимость понятія о вещи въ себѣ, какъ причинѣ ощущеній („представленіе такихъ существей, лежащихъ въ основѣ явленій, т. е., чистыхъ умственныхъ существей; не только допустимо, но и необходимо“—цитирован. стран. 91 пролегоменъ). Если мы приложимъ къ данному понятію общій кантовскій критерій объективности, то, конечно, изъ этого понятія нельзя будетъ вывести существованія объектовъ въ себѣ,—„быть“—не есть предикатъ, который можно аналитически вывести изъ понятія, это положеніе вещи или извѣстныхъ опредѣленій ея ¹⁾, обусловленное функціей синтетическаго единства апперцепціи и данностію вещи или ея опредѣленій въ созерцаніи (временномъ или пространственномъ), какъ условіемъ самого трансцендентальнаго синтеза. Понятіе объ объектѣ въ себѣ не удовлетворяетъ этимъ условіямъ, такъ какъ объектъ въ себѣ никогда не можетъ быть созерцаніемъ. Независимо отъ этого, съ точки зрѣнія Кантовой гносеологіи никакъ не можетъ быть допущено приложеніе категоріи причинности къ вещамъ въ себѣ, такъ какъ всѣ категоріи могутъ быть прилагаемы только къ опыту. Въ критикѣ четвертаго парадоксизма трансцендентальной психологіи (по 1 изданію, стр. 643—651). Кантъ, между прочимъ, даетъ спеціальное выясненіе невозможности признавать за понятіемъ о вещахъ въ себѣ, какъ причинахъ нашихъ воспріятій, объективное значеніе. Когда на воспріятіе, говоритъ Кантъ, смотрятъ какъ на дѣйствія, которыя выз-

¹⁾ Ср. кр. ч. раз. стр. 429.

ваны въ насъ ихъ предметами, какъ вещами въ себѣ, находящимися внѣ насъ, то въ этомъ случаѣ умозаключаютъ отъ даннаго дѣйствія къ опредѣленной причинѣ ¹⁾. „А заключеніе отъ даннаго дѣйствія къ опредѣленной причинѣ его всегда непрочно, ибо дѣйствіе можетъ возникнуть и не изъ одной только причины. Поэтому въ отношеніи воспріятій къ ихъ причинѣ всегда остается сомнительнымъ, внутренняя ли это причина, или внѣшняя, и всѣ эти такъ называемыя внѣшнія воспріятія не игра ли только нашего внутреннего чувства, или же относятся къ внѣшнимъ дѣйствительнымъ предметамъ, какъ къ своимъ причинамъ“ ²⁾. Понятіе о вещахъ въ себѣ, какъ причинахъ воспріятій, допустимо и необходимо, но безъ права на объективную реальность, вотъ, слѣдовательно, принципиальное отношеніе Канта къ психологическому предположенію объектовъ въ себѣ, какъ причинъ воспріятій. Что же касается тѣхъ случаевъ, когда Кантъ, повидимому, говоритъ о вещи въ себѣ, какъ причинѣ воспріятій, въ объективномъ смыслѣ (какъ въ эстетикѣ), то возможно понимать такіа выраженія примѣнительно къ общему смыслу принципиальнаго отношенія Канта къ разсматриваемому психологическому предположенію и видѣть въ нихъ неточность языка (опущеніе ограничительнаго условія „въ понятіи“).

Такое рѣшеніе вопроса о дѣйствительности объектовъ нашихъ воспріятій, какъ вещей въ себѣ, не приводитъ Канта къ эмпирическому идеализму, признанію всего нашего внѣшняго опыта и внѣшнихъ воспріятій призванными (игрою внутреннего чувства). Напротивъ, Кантъ (въ критикѣ 4-го парадоксизма (1 изд.) и въ опроверженіи идеализма (2 изд.)) очень ясно настаиваетъ, что его трансцендентальный идеализмъ признаніе апріорности формъ внѣшняго опыта—пространства и времени—и основъ его объективности—категорій—никогда не переходитъ въ идеализмъ эмпирической. Кантъ, напротивъ, утверждаетъ, что эмпирически—онъ реалистъ, т. е., признаетъ за внѣшней матеріей, какъ явленіемъ, непосредственную дѣйствительность, только онъ понимаетъ внѣшніе предметы, со-

¹⁾ Стр. 646.

²⁾ Стр. 643.

образно съ своимъ ученіемъ объ идеальности пространства и времени, не въ трансцендентальномъ смыслѣ (какъ вещи въ себѣ, отдѣльно отъ насъ существующія)—въ такомъ смыслѣ ихъ и невозможно понимать, потому что пространство—только представленіе и „внѣ насъ“ собственно есть въ насъ же, только понимаемое какъ „внѣ“—но въ смыслѣ эмпирически-внѣшнихъ предметовъ. Мы не измышляемъ сами себѣ ощущеній и воспріятій въ пространствѣ и времени; но дѣйствительно имѣемъ эти воспріятія и ощущенія. „Всякое внѣшнее воспріятіе, слѣдовательно, непосредственно доказываетъ нѣчто дѣйствительное въ пространствѣ или скорѣе оно само есть дѣйствительность“¹⁾, такъ какъ реальное въ нашихъ явленіяхъ дѣйствительно только въ воспріятіи и никакимъ другимъ способомъ дѣйствительнымъ быть не можетъ. Даже болѣе,—въ опроверженіи идеализма (2 изд. стр. 196—199) Кантъ доказываетъ, что дѣйствительность внѣшняго опыта (пространственныхъ воспріятій) необходима для возможности опыта внутренняго: послѣдній совершается во времени, а всякое опредѣленіе времени предполагаетъ нѣчто устойчивое въ воспріятіяхъ и именно въ пространственныхъ, такъ какъ въ смѣнахъ времени нѣтъ ничего устойчиваго, само же время воспринимается быть не можетъ (слѣдовательно, не можетъ быть и устойчивымъ); не можетъ имѣть значенія устойчиваго для опредѣленій времени и сознание себя самого въ представленіи „я“, потому что оно, какъ интеллектуальное, не есть созерцаніе. Только внѣшній опытъ, т. е., дѣйствительное пространственное представленіе внѣшнихъ вещей, обуславливаетъ возможность внутренняго опыта (во времени), т. е., эмпирически опредѣленнаго сознанія моего собственнаго существованія.

Познаніе въ гносеологическомъ отношеніи изслѣдовалось со стороны его возможности и правомѣрности, въ психологическомъ—со стороны его генезиса. Но кромѣ гносеологической и психологической возможна еще одна точка зрѣнія на познаніе,—точка зрѣнія идеальная, обнимающая разсудочное познаніе во всемъ его цѣломъ, во всей его совокупности. Эта точка

¹⁾ Кр. чист. р. Стр. 648.

рѣшѣнія принадлежитъ разуму. Участіе разума въ познаніи, говоря вообще, состоитъ въ объединеніи разсудочнаго познанія; подобно тому, какъ гносеологическая функція разсудка логически выражалась въ сужденіяхъ, такъ и объединительная функція разума, какъ способности принциповъ, выражается, въ его логическомъ примѣненіи, въ умозаключеніяхъ, значеніе которыхъ вообще въ томъ, что въ нихъ частное, посредствомъ понятій, познается въ общемъ, подъ которое оно подводится, или въ принципѣ („умозаключеніе разума есть форма вывода познанія изъ принципа“¹⁾). Объединяя частныя познанія въ общія принципы, разумъ никогда не можетъ остановиться на положеніяхъ сравнительно общихъ, но постоянно стремится къ такимъ принципамъ, которые уже не допускаютъ высшихъ (по общности), но всецѣло объединяютъ все частное познаніе, т. е., разумъ всегда ищетъ „безусловнаго для обусловленнаго разсудочнаго познанія, чтобы единство его было законченнымъ“²⁾. Въ такомъ стремленіи къ безусловному разумъ необходимо предполагаетъ, что если дано обусловленное, то дается (т. е. заключается въ предметѣ и его соединеніи) и весь рядъ его условій, который самъ безусловенъ. Какъ въ основѣ сужденій—логическихъ функцій разсудка—лежали чистыя разсудочныя понятія—категоріи, такъ и въ основѣ умозаключеній—логическихъ функцій разума—лежатъ чистыя понятія разума—идеи, на основаніи которыхъ и происходитъ объединеніе въ разумъ разсудочнаго познанія. Такъ какъ разумъ въ своей дѣятельности стремится къ безусловному, которое никогда не можетъ быть дано въ опытѣ, поскольку послѣдній всегда условенъ, то идеи разума, какъ безусловныя принципы (понятія о безусловной цѣлокупности условій въ данному обусловленному³⁾), превышаютъ возможность опыта. Идеи разума, будучи вообще принципами безусловнаго, различаются смотря потому, къ какому рода обусловленному они подыскиваютъ безусловное. Поэтому въ разумѣ существуютъ: 1) идея безусловнаго по отношенію къ субъекту, 2) идея бе-

¹⁾ Кр. ч. р. стр. 250.

²⁾ Кр. ч. р. стр. 255.

³⁾ Кр. ч. р. стр. 263—4.

зусловнаго по отношенію къ разнообразному объекту въ явленіи, 3) идея безусловнаго по отношенію ко всѣмъ вещамъ вообще. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ разумъ стремится къ безусловному синтетическому единству всѣхъ условій вообще и въ трансцендентальномъ примѣненіи своихъ идей создаетъ рациональную психологію, рациональную космологію и трансцендентальную теологію.

Изложенныя положенія составляютъ исходныя начала второго положительнаго отвѣта Канта на вопросъ о существованіи вещей въ себѣ (именно, какъ причины міра явленій въ его цѣломъ). Это положительное рѣшеніе развивается на основѣ второй—космологической—идеи слѣдующимъ образомъ.

Міръ явленій данъ въ эмпирическомъ познаніи какъ обусловленный (во категоріяхъ) во всѣхъ отношеніяхъ синтезъ явленій, т. е., 1) какъ агрегатъ въ пространствѣ, всѣ части котораго являются границами (слѣдовательно, условіями) другъ друга, и какъ рядъ во времени, каждый моментъ котораго обусловленъ всѣми предыдущими и въ свою очередь обуславливаетъ моменты послѣдующіе, 2) какъ матерія, обусловленная суммою всѣхъ своихъ частей, 3) какъ безконечная цѣпь причинъ и слѣдствій, каждое звено которой обусловлено въ отношеніи къ предыдущему и послѣдующему причинной связью, 4) какъ синтезъ случайныхъ по своему существованію элементовъ, обусловленныхъ причинностью внѣшней. Для разсудка такая всеобщая обусловленность міра явленій не представляется во всей своей цѣлости, такъ какъ онъ только создаетъ фактъ познанія, но для разума, который обнимаетъ разсудочное познаніе во всемъ его цѣломъ съ цѣлію объединенія по идеямъ, какъ принципамъ безусловной цѣлокупности условій, мірская обусловленность открывается вполне и всецѣло. Разумъ ищетъ: 1) безусловной законченности міра, какъ агрегата въ пространствѣ и какъ ряда во времени, 2) безусловной законченности матеріи міра въ простыхъ субстанціяхъ, не разложимыхъ на части, 3) безусловной законченности цѣпи эмпирической причинности, 4) безусловнаго существованія, какъ необходимаго завершения ряда мировыхъ условій. Но ни въ какомъ отношеніи разумъ не находитъ въ мірѣ безусловнаго.

Причина этого въ томъ, что міръ—только совокупность явленій (представленій), возникающихъ въ качествѣ элементовъ эмпирическаго синтеза. Поэтому въ мірѣ, какъ данномъ обусловленномъ, этимъ не дается еще вся полнота его условій (безусловное), а только *дается*, т. е., отъ каждаго условія дается переходъ къ другому условію въ неопредѣленную даль, возможный по мѣрѣ продолженія эмпирическаго синтеза. Отсюда—не можетъ быть и рѣчи о цѣлокупности условій въ синтезѣ міровыхъ явленій; послѣдняя была бы возможна только при объективномъ, независимомъ отъ эмпирическаго синтеза, существованіи міра, т. е., въ томъ только случаѣ, если бы міръ былъ вещью въ себѣ, а не явленіемъ. Поэтому въ стремленіи разума найти безусловное для міра, какъ обусловленнаго, въ немъ же самомъ, нужно признать діалектическое заблужденіе разума. Это заблужденіе вовлекаетъ разумъ въ безысходныя противорѣчія (антиноміи) разума съ самимъ собой: слѣдуя своимъ идеямъ, онъ утверждаетъ безусловное въ мірѣ (въ указанныхъ четырехъ отношеніяхъ), слѣдуя разсудку, онъ долженъ съ такимъ же правомъ отрицать существованіе въ мірѣ безусловнаго (въ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ) или объявлять, что міръ безусловенъ во всей своей цѣлокупности, т. е., безконеченъ (въ двухъ первыхъ отношеніяхъ). Послѣднее утвержденіе разума также не можетъ быть приложено къ міру, какъ явленію,—въ качествѣ явленія, міръ не можетъ быть ни конечнымъ, ни безконечнымъ, такъ какъ онъ не данъ во всей своей совокупности, а возникаетъ по мѣрѣ продолженія эмпирическаго синтеза. Следовательно, тезисъ и антитезисъ первыхъ двухъ антиномій (относительно міра, какъ величины въ пространствѣ и времени и какъ матеріи)—оба ложны и не могутъ быть иными, такъ какъ рассматриваютъ міръ, какъ цѣлое (слѣдовательно, въ идеѣ), по категоріи величины, непремѣнно требующей синтеза однородныхъ элементовъ,—міръ, какъ явленіе никогда не можетъ быть однороднымъ съ міромъ, какъ цѣлымъ, и соединенъ съ нимъ по категоріи величины. Двѣ послѣднихъ антиноміи (называемыя Кантомъ въ противоположность первымъ—математическимъ динамическими) рассматриваютъ міръ по категоріи

причинности (по взаимоотношенію элементовъ міра и вытекающей изъ этого взаимоотношенія условности ихъ существованія). Синтезъ по категоріямъ причинности не требуетъ однородности соединяемыхъ элементовъ, и потому здѣсь Кантъ находитъ возможнымъ примирить идею безусловнаго съ условностію міра, какъ явленія. Въ причинномъ отношеніи условность міра состоитъ въ томъ, что каждое состояніе соединяется съ предшествующимъ ему въ силу правила, по которому оно слѣдуетъ изъ него съ необходимостію. Такъ какъ общая форма, въ которой существуетъ міръ, какъ явленіе, есть время и сама причинность явленій основывается на условіяхъ времени (по второй аналогіи опыта), то предшествующее состояніе (причина), если бы оно существовало всегда, не производило бы никакого дѣйствія, которое возникаетъ во времени (*совершается*); слѣдовательно, и сама причина возникаетъ во времени, т. е., стоитъ въ причинной связи съ предшествующимъ ей состояніемъ и т. д. Такова условная міровая причинность. Идея безусловнаго, приложенная къ міру въ причинномъ отношеніи, требуетъ для міра причинности безусловной, т. е., такой, по которой состояніе начиналось бы *изъ себя*, нисколько не завися отъ предшествующаго, т. е., причинности въ формѣ свободы. Дѣйствіе изъ себя должно стоять внѣ условій времени, такъ какъ въ послѣднемъ событія совершаются, т. е., возникаютъ въ силу предшествующихъ условій; если бы дѣйствіе возникало изъ себя во времени, то необходимо предположить причину, по которой оно не возникло ранѣе или позднѣе даннаго момента; слѣдовательно, дѣйствіе изъ себя во времени или совѣзмъ никогда не можетъ возникнуть, или возникаетъ какъ дѣйствіе причины сторонней (и потому не изъ себя). Въ міръ, поскольку онъ—явленіе, свободы (какъ безусловной причинности), такимъ образомъ, нѣтъ и быть не можетъ. Но слѣдуетъ ли отсюда выводъ, что свободы и вообще не существуетъ? Кантъ отвѣчаетъ отрицательно. Если бы міръ, какъ мы его познаемъ, былъ бытіемъ въ себѣ (т. е. при трансцендентальномъ реализмѣ); тогда дѣйствительно свободы вообще не могло бы существовать совершенно. Но мы знаемъ, что міръ—только явленіе, т. е., обусловленъ функціями на-

шихъ познавательныхъ способностей, что онъ бытіе только въ познаніи, а наше познаніе не есть единственное возможное познаніе; слѣдовательно, бытіе въ нашемъ познаніи не есть единственно возможное бытіе. Какъ выше было показано, мы можемъ (въ понятіяхъ) противопоставить бытію въ явленіи бытіе въ себѣ. Слѣдовательно, мы можемъ отнести безусловную причинность (свободу) въ бытіе въ себѣ; именно потому, что оно (по отрицательному о немъ понятію) свободно отъ всѣхъ чувственныхъ условій и, значить, свободно отъ времени, въ которомъ не можетъ быть свободы. Но какъ соединить тогда эту свободу съ общими законами эмпирической необходимости, и не противорѣчатъ ли послѣдніе первой? Такое соединеніе, отвѣчаетъ Кантъ, возможно. Если всѣ дѣйствія въ мировыхъ явленіяхъ въ смѣнѣ времени предполагаютъ, говорить, онъ, причины, которыя, въ свою очередь, суть дѣйствіями другихъ причинъ, то необходимо ли, чтобы *причинность* эмпирическихъ причинъ и сама была исключительно эмпирической? Нѣтъ, не необходимо; возможно мыслить, что сама эта эмпирическая причинность (*характеръ* причинной связи въ явленіяхъ) есть дѣйствіе причинности свободной (интеллигибельной, поскольку она относится къ области noumenon), хотя, какъ членъ въ цѣпи природы, относится къ чувственному міру. Такое допущеніе не производитъ ни малѣйшаго перерыва въ причинномъ соотношеніи явленій, хотя бы даже оно было вымысломъ, потому что *дѣйствія* свободной причинности вполне соответствуютъ всѣмъ законамъ эмпирической причинности, и только по своему общему эмпирическому характеру относятся къ причинѣ интеллигибельной. Слѣдовательно, свобода не противорѣчатъ физической необходимости и вполне можетъ быть съ нею соединена. Но эта возможность—только мысленная, а не реальная, и Кантъ вполне признаетъ это („мы не можемъ узнать, говорить онъ, возможность а priori какой либо реальной основы и какойнибудь причинности только изъ понятій“¹⁾). Имѣетъ ли мысленное допущеніе интеллигибельной свободы, какъ безусловной причины эм-

¹⁾ Кр. ч. раз. стр. 400.

прической причинности, право на объективную реальность? Только въ понятіи такого права быть не можетъ, но Кантъ приходитъ къ признанію его другимъ путемъ. Человѣкъ, говоритъ онъ, есть одно изъ явленій чувственнаго міра, и, какъ такой, онъ долженъ имѣть эмпирическій характеръ, какъ и всѣ другія вещи въ природѣ, т. е., всѣ дѣйствія его должны безысключительно стоять въ цѣпи эмпирической причинности, быть взаимно обусловленными, и они дѣйствительно таковы, поскольку рассматриваются съ своей внѣшней стороны (наблюдаются). Но совершенно иначе обстоитъ дѣло съ внутренней стороны,—если мы будемъ тѣ же самыя дѣйствія человѣка рассматривать по ихъ отношенію къ разуму, поскольку онъ можетъ быть причиною, чтобы производить ихъ (въ практическомъ отношеніи). Здѣсь разумъ относится къ дѣйствіямъ съ совершенно особенной точки зрѣнія,—именно—*долженствования*: относительно однихъ дѣйствій, хотя они еще не произошли, разумъ признаетъ, что они *должны* случиться, относительно другихъ, уже происшедшихъ, признаетъ, что они *не должны* были случиться, относительно третьихъ (настоящихъ) практической разумъ сознаетъ себя ихъ *производящей* причиной, хотя они опредѣляются предшествующими и сопутствующими эмпирическими условіями. Таковъ категорическій императивъ пракческаго разума. Его воздѣйствіе на поступки, какъ явленія, нужно отнести именно къ *свободному* причинному воздѣйствію, такъ какъ оно не возникаетъ во времени, но существуетъ независимо отъ него,—иначе оно не могло бы относиться къ уже совершившемуся какъ къ недолжному и—наоборотъ—къ будущимъ поступкамъ, какъ къ должнымъ. Воздѣйствіе разума, какъ свободное, опредѣляетъ самый эмпирическій причинный рядъ во времени,—оно есть способность начинать изъ себя рядъ обстоятельствъ, осуществляющихся въ эмпирическомъ ряду послѣдовательныхъ дѣйствій во времени (почему Кантъ и называетъ въ этомъ отношеніи чистый практической разумъ формой времени). Въ самомъ практическомъ разумѣ по отношенію въ его причинности временной послѣдовательности нѣтъ. Такъ какъ эмпирическій рядъ поступковъ есть дѣйствіе свободнаго разума,—хотя въ взаимоотношеніяхъ

своихъ элементовъ онъ связанъ строгой эмпирической необходимостью,—то разумъ, находясь, въ качествѣ безусловнаго условія послѣдовательнаго ряда событій въ зависимости отъ этого ряда, въ тоже время относится къ нему. Такимъ образомъ, въ практическомъ разумѣ дана безусловная причинность (свобода) по отношенію къ условной причинности (необходимости) явленій въ формѣ а) независимости отъ эмпирическихъ условій (времени) и б) способности начинать въ себя рядъ обстоятельствъ (способности безусловной инициативы). А такъ какъ свобода, въ качествѣ безусловной причинности, въ силу выше изложеннаго понятія о ней, можетъ относиться только къ бытію въ себѣ, то въ свободѣ практическаго разума намъ дано бытіе въ себѣ (вещь въ себѣ). Данность практическихъ постулатовъ не то, что данность теоретическихъ—она имѣетъ характеръ непосредственный и объективный (всеобщій и необходимый); поэтому Кантъ и признаетъ за свободой практическаго разума объективную реальность, т. е., *признаетъ бытіе вещей въ себѣ*. Это—не выводъ изъ понятій, который не имѣлъ бы, какъ таковой, объективной реальности, но непосредственное—интуитивное—заключеніе изъ данныхъ нравственнаго сознанія. Если же вещи въ себѣ существуютъ, то (въ силу данныхъ того же нравственнаго сознанія, обнаруживающагося какъ сознаніе свободы въ качествѣ безусловной причины эмпирической причинности,—а не отдѣльныхъ элементовъ дѣянія явленій, какъ таковыхъ) онѣ существуютъ какъ *причины міра явленій въ его цѣломъ*. Такъ Кантъ совершаетъ признаніе объективной реальности вещей въ себѣ на практической почвѣ, при чемъ самое понятіе о вещахъ въ себѣ (какъ безусловной причинности по отношенію къ міру явленій) создается чистымъ (теоретическимъ) разумомъ въ его идеальномъ примѣненіи къ дѣлному разсудочнаго познанія.

Идея чистаго разума о вещи въ себѣ, какъ причинѣ міра явленій въ его цѣломъ сама по себѣ не имѣетъ, по Канту, правъ на объективную реальность и получаетъ объективное значеніе на практической почвѣ. Тѣмъ не менѣе Кантъ старается обезпечить нѣкоторую теоретическую возможность для пракческаго призванія реальности вещи въ себѣ. Наиболее

ясно стремится онъ къ этой цѣли въ §§ 57, 58, 59 Прологоменъ, хотя основы развивающейся здѣсь аргументаціи находятся и въ ученіи о свободѣ въ разрѣшеніи третьей антиноміи (въ „Критикѣ“).

Съ чисто гносеологической точки зрѣнія понятіе о вещи въ себѣ было призвано отрицательнымъ понятіемъ, полагающимъ предѣлы чувственному познанію, какъ простирающемуся только на явленія; кромѣ ограниченія чувственнаго познанія оно не содержало ничего положительнаго. Разумъ въ своихъ идеяхъ обвиняетъ расудочное познаніе во всемъ его цѣломъ, и соотвѣтственно съ этимъ для него измѣняется смыслъ расудочнаго понятія о вещи въ себѣ. Разумъ ставитъ себѣ задачей абсолютную полноту познанія, сведеніе его, какъ условнаго, на безусловное, но онъ не можетъ выполнить этой задачи съ помощью познавательныхъ средствъ расудка, предназначенныхъ для эмпирическаго употребленія. При отвѣтѣ на вопросы разума опытъ (какъ цѣлое расудочнаго познанія) отсылаетъ разумъ къ бытію въ себѣ, такъ какъ только послѣднее, согласно всему выше сказанному, можетъ заключать въ себѣ безусловное, и слѣдовательно, удовлетворить стремленіе разума. Такимъ образомъ, разумъ совершенно не можетъ обойтись безъ понятія о бытіи въ себѣ, тогда какъ расудокъ въ своемъ эмпирическомъ примѣненіи вполне могъ обходиться безъ него. Поэтому для расудка понятіе о вещи въ себѣ было только *предѣломъ* (Schranke) по отношенію къ чувственному познанію, для разума же оно есть *граница* (Grenze), такъ, по опредѣленію Канта, предѣлы суть „простыя отрицанія, которымъ подлежитъ извѣстная величина, насколько она не имѣетъ абсолютной полноты“, границы же (напр. у протяжаемыхъ существъ) „всегда предполагаютъ нѣкоторое пространство, находящееся внѣ извѣстнаго опредѣленнаго мѣста и его заключающее“¹⁾. Всякая граница, слѣдовательно, есть нѣчто положительное. Разумъ въ своихъ трансцендентальныхъ идеяхъ, относящихся къ бытію въ себѣ, доходитъ до этого бытія, какъ необходимой границы опыта, слѣ-

¹⁾ Прологомены, стр. 147.

довательно, какъ чего-то положительнаго и необходимаго. Если разумъ отвергнетъ бытіе въ себѣ за міромъ явленій, то онъ долженъ будетъ, въ силу указанной необходимости для него мыслить бытіе въ себѣ вообще, признать самый міръ явленій за бытіе въ себѣ, что нелѣпо, потому что условное не можетъ быть бытіемъ въ себѣ (напротивъ, именно эмпирическая условность и требуетъ для своего объясненія отличнаго отъ нея бытія въ себѣ) ¹⁾. Если же такъ, то для разума необходимо мыслить связь и соединеніе области разсудочнаго познанія (опыта) съ его границей (бытіемъ въ себѣ). Сама граница, какъ она существуетъ, для разума совершенно непознаваема, и на познаніе ея разумъ не имѣетъ никакого права. Но поскольку граница соприкасается съ ограничиваемымъ (міромъ явленій), постольку для разума возможно опредѣленіе ея отношеній къ этому міру. Такое опредѣленіе возможно только по *аналогіи* (опредѣляемой Кантомъ какъ совершеннаго подобія двухъ отношеній между совершенно неподобными вещами) и именно въ *причинномъ* смыслѣ, потому что единственное возможное средство довести употребленіе разума относительно всего возможнаго опыта до высочайшей степени внутренняго единства,—это признать разумную причинность, какъ причину всѣхъ связей въ мірѣ ²⁾. Поскольку это опредѣленіе касается лишь отношенія абсолютнаго бытія къ явленію, но не его сущности, постольку оно законно. Такъ Кантъ обосновываетъ теоретическую возможность признанія бытія вещей въ себѣ и причиннаго отношенія ихъ къ міру явленій (признанія, совершаемаго на практической почвѣ) посредствомъ пограничнаго понятія о вещи въ себѣ въ положительномъ смыслѣ. Такое понятіе, невозможное въ разсудкѣ, создается разумомъ въ его идеальномъ примѣненіи къ цѣлому разсудочнаго познанія.

III.

Непосредственной задачей нашего сочиненія было поставлено рѣшеніе вопроса о томъ, какъ понимать дѣйствительный смыслъ ученія Канта о вещи въ себѣ (какой именно изъ находимыхъ въ „Критикѣ чистаго разума“ отвѣтовъ на вопросъ

¹⁾ Пролег. стр. 145.

²⁾ Пролегом. стр. 157.

о существованіи вещей въ себѣ нужно признать въ качествѣ дѣйствительнаго убѣжденія Канта). Послѣ всѣхъ сдѣланныхъ изслѣдованій, рѣшеніе поставленной задачи можетъ быть дано въ такомъ общемъ видѣ.

Понятіе о вещи въ себѣ имѣетъ три формы: 1) форму гносеологической антитезы бытія въ себѣ, какъ независимаго отъ условій вѣдѣнаго возможнаго познанія, и бытія только въ познаніи (въ качествѣ явленій), 2) форму психологическаго допущенія вещи въ себѣ какъ причины чувственнаго познанія по его возникновенію, 3) форму постулативнаго понятія (идеи) разума о бытіи въ себѣ, какъ, общей (безусловной) причинѣ міра явленій въ его цѣломъ (по отношенію къ его эмпирической причинности). Во всѣхъ своихъ формахъ понятіе о вещи въ себѣ исполнѣ законо и необходимо и имѣетъ свое гносеологическое значеніе: 1) какъ ограниченіе чувственнаго познанія предѣлами явленій, 2) какъ объясненіе факта познанія, 3) какъ регулятивный принципъ безконечности эмпирическаго синтеза въ познаніи. Но ни въ какой формѣ понятію о вещи въ себѣ не принадлежитъ право на объективную реальность, и никогда не можетъ принадлежать, потому что въ области теоретическаго познанія непремѣннымъ условіемъ объективности—въ смыслѣ подведенія подъ синтезъ трансцендентальной апперцепціи служитъ данность въ эмпирическомъ созерцаніи, а вещь въ себѣ никогда не можетъ быть предметомъ опыта. Поэтому Кантъ считаетъ невозможнымъ переходить отъ понятія о вещи въ себѣ къ признанію ея существованія. Но въ категорическомъ императивѣ практическаго разума намъ непосредственно дана нравственная свобода, какъ самостоятельная причинность, независимая отъ всѣхъ чувственныхъ условій (времени и его послѣдовательности), выражающаяся въ предлагаемомъ нами къ нашимъ поступкамъ предвѣтъ долженствованія и; относящаяся къ бытію въ себѣ. Свидѣтельство практическаго разума какъ данное непосредственно (не чрезъ понятіе) и съ характеромъ всеобщности и необходимости, имѣетъ объективную цѣнность. На основаніи его Кантъ и признаетъ бытіе вещей въ себѣ, какъ общихъ причинъ міра явленій въ его цѣломъ, причемъ находитъ въ разумѣ, какъ способности принциповъ, обнимаю-

щихъ цѣлое разсудочнаго познанія и не находящихъ въ немъ своего удовлетворенія, теоретическую возможность признанія существованія вещей въ себѣ въ указанномъ смыслѣ (посредствомъ пограничнаго понятія о вещи въ себѣ въ положительномъ значеніи).

Въ такомъ видѣ представляется ученіе Канта о вещахъ въ себѣ. Слѣдовательно, изъ тѣхъ трехъ отвѣтовъ Канта на вопросъ о существованіи вещей въ себѣ, какіе можно находить (по ихъ вышнему выраженію) въ „критикѣ чистаго разума“, нужно приписать Канту въ качествѣ его дѣйствительнаго убѣжденія, утвердительный отвѣтъ въ той его формѣ, по которой вещи въ себѣ признаются общими причинами міра явленій какъ цѣлаго. При этомъ утвержденіе Кантомъ дѣйствительности вещей въ себѣ покоится на практической основѣ. Въ теоретическомъ же отношеніи Кантъ ни за одной формой понятія о вещи въ себѣ не признаетъ правъ на объективную реальность (что и выражается въ первомъ—отрицательномъ—отвѣтѣ Канта). Что же касается второго отвѣта (психологическаго) то, если брать его въ обособленномъ видѣ, въ ученіе Канта о вещи въ себѣ вносится серьезное и рѣшительное противорѣчіе. Но не говоря уже о случайности и сравнительной рѣдкости у Канта такой формы ученія о вещи въ себѣ (на психологической основѣ), нужно принять во вниманіе, во-первыхъ, то, что самъ Кантъ очень ясно и опредѣленно заявляетъ о невозможности придавать объективное значеніе разсматриваемой психологической аргументаціи, во-вторыхъ, то, что является полная возможность понимать приданіе объективности этой психологической аргументаціи (въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не можетъ быть объяснено неточностію изложенія—опущеніемъ того, что признавать вещи въ себѣ причинами воспріятій необходимо лишь въ понятіи) какъ выводъ, сдѣланный изъ аргументаціи на практической основѣ (изъ того, что вещи въ себѣ—необходимыя причины міра явленій въ его цѣломъ, съ несомнѣнностію слѣдуетъ, что онѣ и объективныя причины воспріятій и, слѣдовательно, всего чувственнаго познанія).

М. Одицковъ.

Понятіе объ „utile“ (о полезномъ) во второй книгѣ сочиненія Цицерона „De officiis“ (Объ обязанностяхъ).

(Окончаніе *).

Указавши внѣшнія средства къ достиженію славы, Цицеронъ указываетъ еще другія качества въ человѣкѣ—благотворительность (*beneficentia*) и щедрость (*liberalitas*), какъ внѣшнія же средства къ поддержанію, или сохраненію славы. Въ этихъ качествахъ онъ усматриваетъ собственно два рода благотворительности: первый—отъ своего кошелька (*rescipia*), и второй—своимъ трудомъ (*opera*)¹⁾. Сначала Цицеронъ указываетъ на нихъ свой общій взглядъ, а потомъ разсуждаетъ о каждомъ порознь. Такъ же поступимъ и мы.

Изъ двухъ указанныхъ родовъ, благотворительность „*opera*“—гораздо благороднѣе, возвышеннѣе и достойнѣе доблестнаго и славнаго мужа²⁾. Ибо въ обоихъ видахъ есть желаніе дѣлать добро (*gratificandi liberalis voluntas*), но различіе въ томъ, что тамъ участвуютъ деньги (*arsa*), а здѣсь—добродѣтель (*virtus*). А затѣмъ, кто благотворитъ первымъ способомъ, т. е. „*rescipia*“, тотъ исчерпываетъ самый источникъ благодѣяній, и тѣмъ болѣе онъ оказалъ услугъ, тѣмъ менѣе способенъ еще оказать ихъ. Между тѣмъ дѣлающій добро „*opera*“ приобретаетъ самыхъ преданныхъ друзей, которые въ свою очередь помогутъ ему оказать добро другимъ, и, слѣдовательно, такой

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1903 г. № 11.

1) Кв. II, гл. XV, стр. 476.

2) Ibid.: Illa (*beneficentia „opera“*) est lautior, splendidior, et viro forte clarioque dignior.

человѣкъ способенъ помогать весьма большому числу людей (*plurimis*). Затѣмъ, источникъ этихъ благодѣяній не только не уменьшается, а, напротивъ, увеличивается все болѣе и болѣе — благодаря тому, что привычка сѣять такимъ способомъ добро отъ упражненія облегчаетъ путь къ благотворительности. Можно также согласиться съ мнѣніемъ Филиппа Македонскаго, который въ письмѣ къ сыну своему Александру назвалъ щедрость (*largitio*) порчею (*corruptela*). Въ самомъ дѣлѣ, получающій отъ другого денежную помощь всегда готовъ еще протянуть къ нему руку за помощію. Однако не слѣдуетъ совершенно воспретить этотъ родъ благотворительности: иногда находятъ въ нуждѣ честныхъ людей, которымъ должно помочь изъ своего кошелька, „*rescipia*“. Только помогать деньгами нужно сознательно и умѣренно (*deligenter et moderate*), а никакъ не съ безразсудною щедростью (*inconsulte largiendo*)¹⁾. „Ты любишь дѣлать добро, говоритъ Цицеронъ, и въ то же время стараешься поставить себя въ невозможность сдѣлать его; что можетъ быть безразсуднѣе этого?“²⁾ Кромѣ того, нерѣдко случается, что многіе, расточивши свои отцовскія наслѣдства, налагаютъ руку на чужое добро (*aliena bona*) и, такимъ образомъ, приобрѣтаютъ не столько благорасположеніе (*benevolentia*) тѣхъ, которымъ помогли, сколько ненависть (*odia*) тѣхъ, у которыхъ отнята ихъ имуществва. Итакъ, общій принципъ которымъ должно руководствоваться при подачѣ денежной помощи, это—давай умѣренно и соотвѣтственно своимъ средствамъ³⁾. Лучшее всего различать два вида щедрости (*largitio*): а) расточительность (*prodigalitas*) и б) истинную щедрость (*liberalitas*).

Расточительность состоятъ въ томъ, что человѣкъ, преданный ей, разоряется на пиры, общественныя раздачи, на торжества и зрѣлища, игры гладіаторовъ и т. под. Руководствующимъ началомъ здѣсь является тщеславіе; а результатомъ всѣхъ этихъ безумныхъ тратъ является только короткое воспоминаніе о нихъ, а иногда даже и того не бываетъ

1) Кн. II, гл. XV, стр. 477.

2) *Ibid.*

3) *Ibid.*: *modus adhibeatur isque referatur ad facultates.*

(*memoria brevis aut nulla omnino*) ¹⁾. Поэтому, распространенный въ то время обычай истрачиваться на народныя увеселенія никакъ не можетъ быть одобренъ. Ибо, по словамъ Аристотеля, всѣ подобныя траты не вызваны никакою необходимостью (*necessitate*), которая иногда можетъ требовать чрезвычайныхъ издержекъ,—не прибавляютъ никакого достоинства (*dignitatem*) тѣмъ, которые ихъ производятъ, доставляютъ народу удовольствіе (*delectationem*) только на весьма короткое время, а потомъ, когда наступитъ пресыщеніе (*Satietas*), память объ удовольствіи тотчасъ же исчезаетъ. Эти удовольствія нравятся только дѣтямъ, женщинамъ, рабамъ и тѣмъ, которые на нихъ похожи; но человѣкъ солидный, оцѣнивающій все по настоящей стоимости (*homo gravis et iudicio certo ponderans*) ²⁾ никогда не можетъ ихъ одобрить. Съ этой точки зрѣнія, нельзя одобрить тотъ вошедшій въ силу въ Римѣ обычай, по которому эдилы за свою должность должны были расплачиваться роскошными и великолѣпными празднествами, устраиваемыми для народа. Хотя противоположное расточительности качество—скупость (*avaritia*) не можетъ быть одобрено, однако же не слѣдуетъ и истощать свое состояніе, но должно ограничиваться мѣрою. Тѣмъ не менѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда щедрость (*largitio*), обращенная на народъ, можетъ принести какія-нибудь великія и серьезныя выгоды (*aliquam rem majorem atque utilitatem*) ³⁾, тамъ не должно колебаться. Такъ, Эдилъ М. Сей достигъ величайшей славы и уваженія народа, когда, во время голода, продавалъ по одному ассу ⁴⁾ за четверикъ хлѣба. Вообще нельзя порицать щедрость (*largitio*) въ томъ случаѣ, когда она необходима, или полезна (*Si aut necesse est, aut utile*) ⁵⁾. Такимъ образомъ, лучше всего употреблять деньги (*impensae*) на полезныя общественныя работы, какъ-то: стѣны городовъ, гавани, морскія верфи, водопроводы и т. под., потому что онѣ доставляютъ ихъ строителямъ благодарную память о нихъ въ потомствѣ (*in posterum gratiora*).

Другой видъ щедрости (*largitionis*) есть великодушіе, или

¹⁾ Кв. II, гл. XVI, стр. 477.

²⁾ Кв. II, гл. XVI, стр. 478.

³⁾ Кв. II, гл. XVII, стр. 478.

⁴⁾ Мелкая римская монета.

⁵⁾ Кв. II, гл. XVII, стр. 478.

истинная щедрость (*liberalitas*). Истинно щедрый человекъ употребляетъ свое богатство на то, чтобы, выкупать плѣнныхъ изъ рукъ пиратовъ, платить долги своихъ друзей; онъ помогаетъ имъ выдавать замужъ ихъ дочерей, приобретаетъ какія нибудь новыя преимущества, или увеличивать тѣ, какія у нихъ есть. При оказаніи благодѣяній, необходимо обращать вниманіе на различныя положенія (*disparēs causae*) тѣхъ, которые требуютъ нашей помощи. Ибо иное состояніе человека, находящагося въ несчастіи (*qui calamitate premitur*), и иное состояніе человека, который старается сдѣлать свое положеніе лучшимъ (*qui res meliores quaerit*) ¹⁾. Хотя не должно отказывать и во второмъ случаѣ, но скорѣе и ближе всего помочь дѣйствительно несчастнымъ (*calamitosus*). Вообще съ щедростью всегда должно соединять благоразуміе (*prudētia*). Поэтому, истинны слова Энія: *bene facta male locata male facto arbitror*, т. е. неумѣстное благодѣяніе, на мой взглядъ, есть дурное дѣло ²⁾. Между тѣмъ какъ щедрость, употребленная съ благоразуміемъ, привлекаетъ благодарность не только въ человекѣ, на котораго она была излита, но и сохраняетъ эту благодарность въ его потомствѣ. Полезная для государства щедрость гораздо предпочтительнѣе блистательнѣйшихъ раздачъ. Затѣмъ, съ щедростью всегда необходимо соединять справедливость (*justitia*). Оказывая щедро благодѣянія народу, можно требовать и себѣ того, что принадлежитъ намъ, но безъ принужденія и жестокости. Иногда даже слѣдуетъ уступать нѣчто изъ своихъ правъ; и эта уступка не только требуется истинною щедростью, но иногда еще бываетъ полезна (*fructuosum*) для насъ самихъ. Общій выводъ, слѣдовательно, будетъ таковъ: нужно вездѣ, гдѣ только можно, употреблять свое богатство, конечно, не растрачивая его неразумно, на пользу людямъ; такимъ-то образомъ, можно извлечь величайшую пользу изъ своего имущества ³⁾. Какъ частный видъ щедрости (*liberalitatis*), сюда можно отнести еще

¹⁾ Кн. II, гл. XVIII, стр. 479.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ Кн. II, гл. XVIII, стр. 480: *Posse liberalitate uti non spoliāntem se partimonio, nimirum is est pecuniae fructus maximus.*

одну добродѣтель—гостепріимство ((*hospitalitas*). Гостепріимство можетъ быть добродѣтелью какъ частнаго человѣка, такъ и цѣлаго государства. Польза отъ гостепріимства очевидна: гости могутъ быть преданными и надежнѣйшими друзьями для своего гостепріимнаго хозяина. Какъ на образецъ гостепріимства. Цицеронъ указываетъ на Кимона—афинянина, который приказывалъ слугамъ въ своемъ загородномъ домѣ, чтобы, даже во время его отсутствія, всякаго гражданина изъ Латіума, слѣд., его соотечественника, они безпрекословно принимали и старались, какъ можно, лучше угостить его.

Услуги, оказанныя не изъ кошелька, не деньгами, „*rescipia*“, а отъ самого себя, своимъ трудомъ, „*orega*“, бывають также двухъ видовъ: однѣ относятся къ частнымъ лицамъ, а другія —къ цѣлому государству.

Сначала слѣдуетъ сказать объ услугахъ перваго вида. Среди подобныхъ услугъ весьма важное мѣсто занимаетъ помощь, оказываемая своимъ ближнимъ благодаря знанію законовъ, именно: имѣть заботу о нихъ на судѣ (*in jure cavere*), помогать имъ совѣтомъ (*consilio juvare*) и этимъ знаніемъ приносить пользу какъ можно большому числу людей (*hoscscientiae genere prodesse quam plurimis*¹⁾). Подобная дѣятельность сильно увеличиваетъ значеніе оказывающаго такую помощь и вызываетъ къ нему благодарность: *ad opes augendas pertinet et ad gratias*²⁾. Затѣмъ, слѣдуетъ краснорѣчіе, или искусство говорить (*facultas dicendi*), которое оказываетъ великія услуги людямъ. Но о краснорѣчій Цицерономъ сказано въ томъ отдѣлѣ его разсужденія, гдѣ онъ говоритъ о средствахъ къ приобрѣтенію славы. Чтобы не повторяться въ другой разъ, мы опустимъ этотъ видъ услугъ, оказываемыхъ краснорѣчіемъ. Такъ какъ только небольшая часть людей могутъ быть законовѣдами, или адвокатами, то большинство людей оказываетъ услуги своимъ ближнимъ другими разнообразными способами: просятъ благодѣній несчастнымъ у другихъ (*beneficia petere*), одобряють ихъ предъ судьями и магистратами (*commendare iudicibus magistratibusque*), наблю-

¹⁾ Кв. II, гл. XIX, стр. 480.

²⁾ Ibid.

даютъ интересы другого (*vigilare pro re alterius*), ходатайствуютъ за тѣхъ самыхъ, которые просятъ у нихъ совѣта, или которыхъ защищаютъ (*eos ipsos, qui aut consuluntur aut defendunt, rogare* ¹⁾). Но оказывая другимъ услуги, должно тщательно остерегаться того, какъ бы не оскорбить ихъ достоинство (*offendere*) и принести имъ огорченіе. Будетъ-ли это оскорбленіе обдуманное, или необдуманное, во всякомъ случаѣ, должно извиниться предъ потерпѣвшими обиду и постараться загладить свою вину и зло, какое было допущено, другими дѣлами и заслугами ²⁾).

Такъ какъ несомнѣнно, что не всѣмъ людямъ слѣдуетъ оказывать одинаковую помощь и услуги, по различію ихъ качествъ и состояній, то, естественно, возникаетъ вопросъ, чѣмъ руководствоваться при оказаніи своихъ услугъ и, въ частности, кому отдать предпочтеніе въ дѣлѣ помощи—богатому, или бѣдному. Въ принципѣ должно помогать всѣмъ людямъ; но если предстоитъ выборъ, то лучше оказать благодѣяніе бѣдному, но честному и скромному человѣку (*inopi, probo tamen et modesto*), нежели богатому и счастливому (*opulento fortunatoque*) ³⁾. Въ пользу бѣднаго, но честнаго человѣка можно привести слѣдующія два соображенія. Бѣдный человѣкъ, если онъ честенъ, положимъ, не будетъ въ состояніи заплатить за себя, но онъ будетъ благодаренъ; и эта благодарность у него останется даже послѣ того, когда онъ чѣмъ-нибудь засвидѣтельствуетъ ее: онъ всегда будетъ предавать оказавшему услугу и, гдѣ понадобится его помощь и услуга, онъ употребитъ все свое мужество до истощенія. Напротивъ, богатые и счастливые не желаютъ быть обязанными чужими благодѣяніями; они даже думаютъ, что они-то и оказываютъ тебѣ услугу и доставляютъ тебѣ удовольствіе, когда принимаютъ отъ тебя услугу, какъ бы она велика ни была. Для нихъ—смерть подумать, что они какъ бы въ долгу предъ тобою и что ты равно, или повдно можешь потребовать отъ нихъ уплаты за оказанное имъ благодѣяніе. Во-вторыхъ если ты оказываешь помощь

¹⁾ Кн. II, гл. XIX, стр. 481.

²⁾ Ibid.: *Ceteris operis et officii erit id, quod violatum est, compensandum.*

³⁾ Кн. II, гл. XX, стр. 481.

богачу и могущественному человѣку, то онъ только одинъ, или еще его жена и дѣти будутъ тебѣ благодарны; а если ты оказываешь помощь бѣдному, но честному человѣку, то всѣ граждане, которые будутъ находиться въ подобномъ же состояніи (а такихъ большинство въ народѣ) будутъ смотрѣть на тебя, какъ на своего ангела—хранителя; такимъ-то образомъ, ты достигнешь величайшей славы. Богатство человѣка, однако, не можетъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы ему помогали: только не слѣдуетъ помогать человѣку ради одного его богатства, а нужно смотрѣть на достоинство человѣка ¹⁾. Дѣйствительно, богатство оказываетъ весьма много услугъ тому, кто имъ владѣетъ; но дѣлаетъ-ли оно его лучшимъ? *Часто богатство только извращало нравы людей* ²⁾; а это не полезно (non utile), потому что полезно только то, что достойно уваженія (honestum). Слѣдовательно, и въ томъ случаѣ, когда предстоитъ выборъ между богатымъ и бѣднымъ, въ дѣлѣ оказанія имъ благодѣянія, должно руководствоваться принципомъ справедливости (justitia), въ которой нѣтъ ничего достойнаго похвалы—sine qua nihil potest esse laudabile ³⁾.

Что касается до второго вида благодѣяній, то между ними есть такія, которыя, относясь ко всѣмъ гражданамъ (ad universos cives), въ то же время касаются каждаго въ частности (partim singulares); такія благодѣянія для народа суть наиболѣе пріятныя (gratiosa) ⁴⁾. Но не должно думать только объ одномъ благѣ гражданъ, не обращая вниманія на интересы государства, какъ, напр., сдѣлалъ Кай Гракхъ, который провозвелъ большія реформы хлѣба, но истощилъ тѣмъ общественную казну. Но, съ другой стороны, заботясь о благѣ гражданъ, должно заботиться и о томъ, чтобы въ то же время быть полезнымъ для государства, или, по крайней мѣрѣ, не нарушать его интересовъ ⁵⁾. Слѣдовательно, самый лучший политикъ есть тотъ,

¹⁾ Кн. II, гл. XX, стр. 482: Sit omne iudicium, non quam locuples, sed quilibet quisque sit.

²⁾ Ibid.: Corrupti mores depravatiq̄ue sunt admiratione divitiarum. Это нравственное положеніе вполне оправдывается и историческимъ опытомъ и евангельскимъ откровеніемъ.

³⁾ Кн. II, гл. IX, стр. 482.

⁴⁾ Кн. II, гл. XXI, стр. 482.

⁵⁾ Ibid. ut ea res aut prosit, aut certe ne obsit reipublicae.

кто заботится вмѣстѣ и о пользѣ гражданъ, и о пользѣ государства (*utile civiumque reipublicae*); таковъ былъ М. Октавій, умѣреннѣйшій изъ людей. Заботѣ о сохраненіи пользы какъ частныхъ гражданъ, такъ и всего государства противоположны, прежде всего, усилія тѣхъ лицъ, которыя старались ввести въ римское законодательство аграрный законъ (*lex agraria*). Это, именно, имѣлъ въ виду трибунъ Филиппъ, когда говорилъ народу: *non esse in civitate duo millia hominum, qui rem haberent* ¹⁾, т. е. въ государствѣ нѣтъ и 2-хъ тысячъ чело-вѣкъ, которые имѣли бы свою собственность. Эта возмущительная рѣчь клонилась ни къ чему иному, какъ къ равенству въ имуществѣхъ (*ad aequationem bonorum*), которое есть величайшій бичъ для чело-вѣчества: *qua peste quae potest esse major?* Ибо государства и города для того, главнымъ образомъ, и учреждались, чтобы владѣть своею собственностью ²⁾. И если правда, что люди собрались, сначала, по естественному влеченію (*duce natura*), то все таки они искали себѣ убѣжища за городскими стѣнами въ надеждѣ лучше сохранить свою собственность (*spe custodiae rerum suarum*). Другое, что должны наблюдать государственные люди,—это, чтобы не отягощать народъ податями (*tributum conferre*). Бываютъ такіе случаи, напр., продолжительныя войны, когда сама необходимость заставляетъ прибѣгать къ большимъ налогамъ на народъ; но чтобы этого не случилось, государственный мужъ долженъ предусматривать событія, задолго до ихъ появленія (*multo ante id erit providendum* ³⁾). А если бы, сверхъ ожиданія, случилось такое событіе, то, въ этомъ случаѣ, самое лучшее средство ко спасенію—всѣмъ поддерживать другъ друга въ этой нуждѣ: *necessitati est parendum*. Желаніе сдѣлаться любезными народу (*populares*) высказываются на счетъ только что указанныхъ двухъ пунктовъ въ слѣдующемъ смыслѣ: во-первыхъ, они предлагаютъ аграрные законы, съ цѣлью выгнать законныхъ владѣльцевъ изъ ихъ владѣній—*ut possessores pellantur suis sedibus*; а во-вторыхъ они тре-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid. *Han enim ob causam maxime, ut sua tenerent, respublicae civitatesque constitutae sunt.*

³⁾ Ibid.

бываютъ, чтобы всѣ долги были прощены должникамъ—*ut pecuniae creditae debitoribus condonandae sunt*¹⁾. Но то и другое одинаково вредно и можетъ произвести только разрушительныя послѣдствія для всего государства и для самихъ гражданъ. Люди, дѣлающіе такіе предложенія, подкапываютъ самое основаніе (*fundamenta*) всего государства, а именно: прежде всего, *concordia* (согласіе), которое не можетъ болѣе существовать, когда грабятъ однихъ, чтобы вознаграждать другихъ; затѣмъ, *aequitas* (справедливость), которая совершенно уничтожается съ того времени, когда каждый не можетъ сохранить свою собственность. Затѣмъ, эти люди, если бы и привели въ исполненіе свои планы, то, все таки, не достигли бы себѣ никакой благодарности отъ народа. Ибо тотъ, кого они ограбили, сдѣлался бы ихъ врагомъ; а тотъ, кого они вознаградили, постарался бы скрыть свое удовольствіе, чтобы не показать, что онъ прежде нуждался²⁾. И во всякомъ случаѣ, обиженная часть будетъ сильнѣе и значительнѣе противоположной партіи своею нравственною силой. Особенно постыдно и отвратительно пользоваться государствомъ для своей личной выгоды³⁾ Поэтому, завѣдующій общественными дѣлами долженъ тщательно избѣгать даже малѣйшаго подозрѣнія въ *avaritia* (корыстолюбіе⁴⁾). Корыстолюбіе способно только разрушить государство. Такъ, оракуломъ было предсказано Спартѣ, что она погибнетъ только отъ своего корыстолюбія (*avaritia*); но это предсказаніе относилось не только къ однимъ лакедемонянамъ: оно было изречено для всѣхъ богатыхъ народовъ. Посему-то, бекорыстные государственные люди пользуются величайшею славой среди своихъ согражданъ. Въ этомъ отношеніи особенно извѣстенъ Сципіонъ Африканскій, который вернулся домой съ пустыми руками, послѣ разрушенія Карфагена—богатѣйшаго изъ городовъ⁵⁾. Государственные люди не только

1) Кн. II, гл. XXII, стр. 484.

2) Слѣдовательно, здѣсь будетъ дѣйствовать *мелочное тщесловіе*.

3) Кн. II, гл. XXII, стр. 483: *habere quaestui rempublicam non modo turpe est, sed sceleratum etiam et nefarium.*

4) Кн. II, гл. XXI, стр. 483.

5) Кн. II, гл. XXII, стр. 483.

не должны употреблять государства для своихъ личныхъ выгодъ, но даже, въ случаѣ столкновенія интересовъ гражданъ и государства, должны отличаться безкорыстіемъ и вѣрностью (*abstinentia et continentia*) и должны сумѣть разрѣшить представившееся затрудненіе по справедливости, не нарушая ни интересовъ государства, ни интересовъ гражданъ. Благороднѣйшій образецъ государственной мудрости и справедливости можно видѣть въ Аратѣ Сикіонскомъ, правителѣ Аргоса. Обстоятельства, среди которыхъ ему пришлось дѣйствовать, были слѣдующія. До него въ Аргосѣ болѣе 50 лѣтъ господствовали тираны. Когда ему удалось изгнать тирановъ изъ Аргоса и сдѣлаться тамъ властителемъ, то онъ вызвалъ около 600 изгнанниковъ, которые были богатѣйшими гражданами государства. Но сейчасъ же для него представилось затрудненіе. Съ одной стороны, онъ смотрѣлъ какъ на весьма несправедливое, чтобы оставались въ нуждѣ тѣ, которыхъ онъ призвалъ и имуществами которыхъ владѣли другіе; а, съ другой стороны, онъ думалъ, что весьма несправедливо нарушать владѣніе, которое простиралось до 50 лѣтъ—тѣмъ болѣе, что большая часть этихъ имуществъ перешла по наслѣдству, или посредствомъ покупки, или въ качествѣ приданнаго въ руки людей, которые пользовались ими честно. Раздобывши денегъ, Аратъ оцѣнилъ имущества, о которыхъ шелъ споръ, по высшей цѣнѣ, какую могъ дать кто-нибудь изъ прежнихъ, или новыхъ владѣтелей и, послѣ того, однихъ убѣдилъ остаться владѣтелями имѣній, заплативши за нихъ деньги, другихъ—получить стоимость и отказаться отъ своихъ правъ на ихъ имущество. Такимъ образомъ, Аратъ сохранилъ интересы тѣхъ и другихъ; и согласіе было возобновлено ¹⁾. Подобно Арату, должны поступать и всѣ государственные люди, и при управленіи государствомъ они пусть преслѣдуютъ слѣдующія цѣли: чтобы законы и суды увѣряли cadaго въ свободномъ владѣніи его имуществомъ; чтобы не притѣсняли бѣдныхъ гражданъ, не могущихъ защищаться; чтобы зависть не препятствовала богатымъ спокойно пользоваться ихъ богатствомъ и добиваться

¹⁾ Кн. II, гл. XXIII, стр. 484—485.

возвращенія ихъ денегъ, отданныхъ въ займы ¹⁾. Но для государственныхъ людей есть возможность приносить пользу своей странѣ еще другими способами. Въ военное и мирное время можно найти множество способовъ увеличить ея доходы, ея территорію ея владычество (*vectigales, agros, imperium*) ²⁾. Тѣ, которые оказываютъ такія услуги государству, доставляютъ ему самыя прочныя выгоды и сами достигаютъ вершины народнаго расположенія и славы ³⁾.

Къ полезнымъ предметамъ (*utiles res*) должно еще отнести: здоровье (*valetudo*) и богатство (*rescopia*) ⁴⁾. Но о нихъ Цицеронъ говоритъ кратко, какъ бы мимоходомъ, потому что польза ихъ для всякаго очевидна (*certe utiles*). Здоровье сохраняется знаніемъ нашего тѣлосложенія (*notitiisni corporis*), наблюденіемъ надъ тѣмъ, что ему можетъ быть благопріятно, или вредно (*observatione quae res phodesse soleant aut abesse*), воздержностью въ жизни и разными заботами, какія должно принимать о тѣлѣ (*continentia in victu omni atque cultu, corporis tuendi causa*), обузданіемъ страстей (*praetermittendis voluptatibus*) и, наконецъ, искусствомъ тѣхъ, къ знанію которыхъ это относится (*arte eorum, quorum ad scientiam haec pertinent*) ⁵⁾. А средства, какими должно приобрѣтать богатство, это только *честныя*. Именно: искать богатство должно только тѣми средствами, которыя не позорны, сохранять его должно бдительностью и бережливостью, увеличивать—тѣми же самыми способами ⁶⁾.

Изъ изложеннаго нами можно видѣть, какіе предметы и какія средства Цицеронъ считаетъ полезными (*utiles*) и что онъ думаетъ объ этихъ предметахъ и средствахъ. Не вдаваясь въ

¹⁾ Кн. II, гл. XXIV, стр. 485: *ut juris et judicorum aequitate suum quisque teneat, et neque tenuiores propter humilitatem circumveniantur, neque locupletibus ad sua vel tenenda vel recuperanda obsit invidia.*

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.: *Haec genera officiorum qui persequuntur, cum summa utilitate reipublicae magnam ipsi adipiscenturea t gratiam et gloriam.*

⁴⁾ Кн. II, гл. XXIV, стр. 486.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Ibid.: *Res familiaris quaeri debet iis rebus, a quibus abest turpitudine; conservari autem diligentia et parsimonia; eisdem rebus etiam augeri.*

подробный разборъ его положеній ¹⁾, мы замѣтимъ, съ своей стороны, что понятіе „utile“ у Цицерона, съ нравственной точки зрѣнія, очень высоко. Предлагая своимъ современникамъ кодексъ житейской мудрости и практической морали, основанной на естественной добродѣтели (стоическій принципъ: *homo res sacra homini*) Цицеронъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего правоученія разсматриваемой нами 2-ой книги его сочиненія „De officiis“, весьма близко подходитъ къ христіанскому ученію. Для примѣра можно припомнить и указать на его основной принципъ—согласіе понятій полезнаго и честнаго (*utile et honestum*), или его правила: а) достиженіе полезнаго одними лишь честными средствами; б) отвращеніе ко всякаго рода лжи и лицемерію; в) приобрѣтеніе расположенія другихъ людей любовью, а не страхомъ; г) предпочтеніе въ оказаніи помощи бѣднякамъ, чѣмъ богатымъ и проч. и проч. Вообще, какъ философъ—моралистъ, Цицеронъ долженъ быть поставленъ выше многихъ даже современныхъ представителей утилитаристическаго и эвдемоническаго ученія въ разныхъ направленіяхъ.

А. Покровскій.

¹⁾ Нѣкоторыя краткія замѣчанія, впрочемъ, сдѣланы нами въ соответствующихъ мѣстахъ изслѣдованія внизу текста.

Критическая замѣтка: „Необоснованныя „благопожеланія“

(ОТВѢТЪ Г. Е. М—ВУ).

Сектантская пропаганда въ Россіи всегда цѣлко держалась за темноту православной массы,— за ея неумѣнье „отъ Библии“ постоять за православныя вѣрованія.

Съ темнотою народною усиленно боролась наша противосектантская миссія; но до послѣдняго времени у нея не было *цѣлесообразно* составленныхъ руководствъ и листовъ для народа, располагая которыми православные могли бы сектантскими соблазнами *„дать отвѣтъ въ своемъ упованіи“* (I Петр. 3, 15).

Имѣя въ виду это обстоятельство, мы приняли на себя трудъ и снѣжность хоть *отчасти* заполнить пробѣлы въ нашей противосектантской литературѣ. На основаніи своего почти десятилѣтняго служебнаго опыта мы составили *„Православный противосектантскій катихизисъ“*, въ который внесли все существенное изъ того, что намъ извѣстно по обличенію сектантства и что раньше вошло въ изданную нами книгу— *„Миссіонерскія бесѣды съ штундо-баптистами“*.

Мы надѣялись, что своимъ послѣднимъ трудомъ—Катихизисомъ—приведемъ *дѣйствительную* помощь православному русскому народу, но г. Е. М—въ въ 21 № „Церковн. Вѣстн.“ за текущій годъ заявилъ, что „польза отъ составленнаго (нами) катихизиса *въ высшей степени проблематична“*.

Прочитавъ эти суровыя строки, мы заскорбѣли душой... Потомъ принялись *буквально* изучать тѣ замѣчанія, какія нашли въ библиографіи г. М—ва о нашемъ Катихизисѣ,—и нѣсколько *ободрились*. Намъ показалось, что г. Е. М—въ „обозрѣвалъ“ нашу работу *поверхностно*, съ маху, безъ разсужденія о миссіонерскихъ нуждахъ. И потому онъ нани-

саль много такого, съ чѣмъ нельзя согласиться и противъ чего, въ интересахъ миссіонерскаго дѣла, необходимо представить возраженія.

Прежде всего трудно понять—какъ слѣдуетъ смотрѣть на „критику“ г. М—ва: является-ли она „солиднымъ“ произведеніемъ ученаго богослова, или это—простое *упражненіе* въ стилѣ начинающаго литератора—пока библиографа?

Наше недоумѣніе опирается на данныя, представляемыя замѣткой г. М—ва. Онъ то утверждаетъ, что составленный нами Катихизисъ содержитъ въ себѣ „довольно солидную выборку соображеній и св. текстовъ“ въ защиту прав. вѣроученія и для обличенія сектъ, то подѣ конецъ утверждаетъ, что польза отъ него „въ высшей степени проблематична“.

Сопоставленіе въ *одной* замѣткѣ такихъ взаимно *уничтожающихъ* себя мыслей разрѣшается грубымъ противорѣчіемъ ихъ. Этому не могъ бы не замѣтить и написать библиографъ изъ „ученыхъ“.

Съ другой стороны, несомнѣнно, что г. М—въ *много учился*; онъ знаетъ греч. языкъ и знакомъ съ приемами „научной экзегетики. По этому самому къ его „критикѣ“ мы считаемъ долгомъ отнестись серьезно, „со всякимъ разсмотрѣніемъ“..

Г. М—въ „критикуетъ“ насъ за первый же отвѣтъ на вопросъ: „что есть православ. противосектантскій катихизисъ?“—Вму не нравится, что *этотъ* катихизисъ мы опредѣляемъ, какъ „изложеніе въ вопросахъ и отвѣтахъ православно-христіанскихъ истинъ, основанныхъ на Библии“... Онъ спрашиваетъ: развѣ на Библии *только* основываются православныя истины?

Конечно, нѣтъ,—отвѣтывъ мы. Онѣ основываются и на Св. Преданіи. Но сектанты *не отрицаютъ* доказательствъ отъ Преданія. И потому, обличая ихъ, православное вѣроученіе мы основывали только на чтимой *осьми* Библии.

Какъ видно, мы поступали осмотрительно. Г. М—въ напрасно упрекаетъ насъ въ томъ, за что слѣдовало бы хвалить...

Г. Е. М—въ „даже возмущается, зачѣмъ *русское* слово „православіе“ мы сблизали съ ст. 1, Пс. 32?

Это сближеніе явилось у насъ само собой. Сектанты говорятъ, что во всей *Русской* Библии *нѣтъ* слова Православіе. Мы нашли изреченіе, откуда можно заимствовать это слово. И потому должны-ли были мы умолчать объ этомъ?..

Г. М—въ говоритъ, что въ Пс. 32, 1 ст. нѣтъ слова ἡ ορθοδοξία. Вѣрно. Но людямъ, желающимъ удариться въ научную филологію по поводу слова „православіе“, мы указывали иное библейское мѣсто.

Мы, так. обр., почитаемъ себя безусловно правыми въ этомъ вопросѣ.

Г. М—въ возревновалъ, зачѣмъ въ отвѣтъ о достоинствѣ каноническихъ книгъ Библіи мы сослались на слова Ап. Павла, а не Христовы?

Считаемъ долгомъ заявить *orgi eturbi*, что того требовали миссіонерскія соображенія. Примѣръ Христа въ *данномъ* случаѣ нашихъ сектантовъ не убѣждаетъ. Они говорятъ, что ему надлежало исполнить *законную* правду... Вотъ, въ обличеніе ихъ, мы приводимъ одно *безспорное* доказательство изъ жизни Апостола...

Но особенно горячо упрекаетъ насъ г. М—въ за рѣчи о свящ. Преданіи. Въ этихъ рѣчахъ нашихъ онъ усматриваетъ „смутное“ представленіе дѣла...

Г. М—въ удивляется, что подъ преданіе мы подводимъ все Новозавѣтное ученіе. Такъ. Но Ап. Павелъ во 2 Сол. 2, 15 ст. *подтверждаетъ* наше пониманіе. Все ученіе Господа и Апостоловъ есть преданіе для христіанъ. *Часть* этого преданія вошла въ Новозавѣтн. канонъ, другая лишь послѣ Апостоловъ была записана ихъ учениками. Безъ Преданія повяты Писанія правильно нельзя. Это—догматическая азбука. Ее мы и проповѣдуемъ въ Катихизисѣ.—Въ чемъ же наша вина предъ г. М—вымъ?

Несправедливо также „критикуетъ“ г. М—въ наше опредѣленіе Церкви. Въ Катихизисѣ мы говоримъ: „Церковь есть собраніе вѣрующихъ христіанъ, исповѣдующихъ *правую* Евангельскую вѣру“... Г. М—въ къ этому опредѣленію добавляетъ: „Церковь есть собраніе *православныхъ* христіанъ“... Конечно, но эту мысль *буквально* мы выражаемъ словами: „исповѣдующихъ *правую* евангельскую вѣру“...

Не понимаемъ, почему г. М—ву не нравится существительное „собраніе“ въ приложеніи къ Церкви! Употребивъ это существительное, мы пошли за Ап. Павломъ (Евр. X, 25) и за *традиционнымъ* выраженіемъ о Церкви въ Большомъ Катихизисѣ. А г. М—въ написалъ, что данное нами опредѣленіе Церкви „неудовлетворительно!“...

Аттестация жестокая, но нами не заслуженная и потому *заслуженно* возвращающая на главу нашего безпощаднаго критика!..

Не будемъ утомлять вниманіи читателей разборомъ другихъ „критическихъ“ вылазовъ г. М—ва противъ нашего Катихизиса. Уже изъ представленныхъ примѣровъ видно, что г. М—въ не нашелъ за нами серьезныхъ погрѣшностей. Так. обр. онъ не имѣлъ *строго-обоснованныхъ* данныхъ заключать, что „польза отъ (нашего) катихизиса весьма проблематична“...

Будем надѣяться, что изложенный нами Катхизисъ окажетъ серьезное подспорье миссіонерамъ въ ихъ борьбѣ съ сектантствомъ и при вразумленіи колеблющихся православныхъ въ родной вѣрѣ!...

Д. Боголюбовъ.

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

Т II.—Ч. II.

ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1903.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

—» Т. II.—Ч. II. «—

ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ.

Исходныя начала логики.—*С. Глаголова* (стр. 1—22, 59—77, 109—144).

Николай Яковлевичъ Гротъ (1852 † 1899 г.) и его философскіе труды.—*Александра Никольскаго* (стр. 23—58, 78—108, 145—172, 211—228, 254—284, 409—432, 433—449, 471—485, 513—534).

Объ общественномъ мнѣніи —*Мв. Соколова* (стр. 173—210).

Дѣйствіе прекраснаго на душу. (Къ вопросу о взаимоотношеніи добра и красоты).—*Павла Левитова* (стр. 229—253).

При какихъ условіяхъ жизнь можетъ имѣть смыслъ и цѣнность?—*Свящ. Николая Литскаго* (стр. 285—299, 315—333, 257—376).

Святоотеческое ученіе о единствѣ души при разнообразіи ея способностей; душа и духъ.—*В. Давыденка* (стр. 300—314).

О границахъ научнаго сомнѣнія.—*П. Мурашкинцевв* (стр. 334—356).

Сужденія философовъ XIX-го вѣка въ защиту христіанской вѣры.—*Прот. Ст. Остроумова* (стр. 377—390).

„Теодицея“ Лейбница, разсматриваемая въ связи съ его метафизическимъ ученіемъ.—*Н. Соколова* (стр. 391—408, 450—470, 486—501, 535—562).

Основныя черты панпсихизма.—*В. И—скаго* (стр. 501—512).

ИСХОДНЫЯ НАЧАЛА ЛОГИКИ.

Логика есть наука о мышленіи, какъ орудіи познанія. Мышленіе есть прежде всего душевная дѣятельность и, какъ и всякая душевная дѣятельность, является предметомъ изученія для психологіи. Иадавна психологія различаетъ въ душѣ три душевныя силы: умъ (способность мышленія въ широкомъ сммслѣ), сердце (способность чувствованій) и волю (способность опредѣленій или рѣшеній). Эти три силы практически нераздѣлимы и соучаствуютъ въ каждомъ самомъ элементарномъ психическомъ актѣ. Простѣйшій элементъ душевной жизни есть ощущеніе. Ощущеніе, чтобы быть психическимъ актомъ, должно сознаваться, затѣмъ всякое ощущеніе воспринимается или какъ пріятное или какъ непріятное. Степень такой пріятности или непріятности можетъ быть очень ничтожною, неуловимою, но она всетаки всегда есть, и сообразно съ этимъ воля желаетъ или сохранить или уничтожить чувствованіе, вызванное ощущеніемъ. Нельзя испытывать непріятное чувствованіе и не желать его удаленія, но чувствованіе и желаніе удаленія чувствованія въ одушевленномъ существѣ непременно формируются въ мысль. Нераздѣлимые на практикѣ мысль, чувство и воля должны непременно быть раздѣляемы въ теоріи. Мы не можемъ изучать предметъ—въ данномъ случаѣ душу—сразу со всѣхъ сторонъ, мы должны мысленно расчленивъ данный объектъ изученія, должны особо изслѣдовать его отдѣльныя стороны, чтобы потомъ, изучивъ ихъ взаимоотношеніе представить себѣ образъ цѣлаго предмета по-

этому и изслѣдованіе мышленія составляетъ всегда особый отдѣлъ въ психологіи. Но психологія, изучая мышленіе, какъ дѣятельность субъекта, не имѣетъ своюю прямою задачею изслѣдованія отношенія продуктовъ этой дѣятельности къ объектамъ. Мысль всегда есть мысль о чемъ либо. Очень часто мысль есть опредѣленіе невзвѣстной части предмета по извѣстной, нахожденіе по данному А неданнаго В. Поверхности никогда не измѣряются непосредственно. Измѣряются ограничивающія ихъ линіи, углы, подъ которыми встрѣчаются эти линіи, принимается въ расчетъ законъ образованія самихъ поверхностей, если онѣ не плоскія. И по этимъ даннымъ, совокупность которыхъ можно назвать А, опредѣляютъ то, что не измѣрено и не дано—площадь поверхности, которую можно обозначить черезъ В. Образованіе мыслей, законы ихъ образованія должна изслѣдовать психологія, но спеціальною задачею психологіи не можетъ быть изслѣдованіе отношенія этихъ мыслей къ дѣйствительности, рѣшеніе вопроса о томъ, насколько правильно въ первыхъ отражается вторая и затѣмъ въ задачу психологіи никоимъ образомъ не входитъ установленіе такихъ правилъ и нормъ, при слѣдованіи которымъ дѣйствительность отражалась бы въ мышленіи наилучшимъ образомъ. То и другое составляетъ предметъ и задачу логики. Логика изслѣдуетъ мышленіе въ его отношеніи къ бытію. Для психологіи мышленіе есть послѣдняя цѣль изслѣдованія, для логики мышленіе въ сущности есть исходный пунктъ: психологія хочетъ знать только міръ мысли, а логика хочетъ знать мысль только въ ея отношеніи къ міру. Таково въ наиболѣе рѣзкой формѣ различіе между логикой и психологіей, но помня это различіе, не должно забывать ихъ тѣснаго родства: весь свой матеріалъ логика беретъ изъ психологіи; въ концѣ концовъ логика всетаки представляетъ только развитіе одного изъ отдѣловъ психологіи и приложеніе этого отдѣла къ практическимъ цѣлямъ. При обсужденіи взаимоотношенія логики и психологіи особенно удобно видѣть и ту тѣсную связь, которая существуетъ между различными научными дисциплинами, и тѣ затрудненія, которыя вызываютъ попытки поставить науки въ отношеніе взаимнаго

подчиненія. Логика беретъ свой матеріалъ изъ психологій. Изъ этого повидимому слѣдуетъ, что логика подчинена психологій, стоитъ въ зависимости отъ нея, а психологія независима отъ развитія логики, подобно, на примѣръ тому, какъ развитіе физики зависитъ отъ развитія математики, а развитіе математики можетъ идти независимо отъ физики. Но на самомъ дѣлѣ въ области психологій и логики мы видимъ не то. Психологія есть система мыслей и представленій о человѣческомъ духѣ. Цѣнность этихъ представленій зависитъ отъ ихъ соотвѣтствія дѣйствительности. Но это соотвѣтствіе должно достигаться тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе строго логическіе методы были приложены къ психологическимъ изслѣдованіямъ. Такимъ образомъ, логика оказывается не только обуславливаемой психологіей, но и обуславливающей психологію. Успѣхи логики зависятъ отъ разработки психологій, но и успѣхи психологій зависятъ отъ разработки логики. Такимъ образомъ здѣсь, какъ и вездѣ въ области науки, какъ въ сущности и во взаимоотношеніяхъ физики и математики, мы видимъ, царствуетъ не начало подчиненія, а принципъ взаимопомощи. Какъ и многія науки, многіе логику опредѣляютъ различно. Это различіе опредѣленій не всегда показываетъ на различіи въ пониманіи дѣла. Задача научнаго опредѣленія состоитъ въ томъ, чтобы въ наиболѣе краткой формѣ указать наиболѣе характерный признакъ предмета. Эта задача при единствѣ предмета допускаетъ различныя, имѣющія различную степень удовлетворительности рѣшенія. Но должно признать, что есть различіе и въ пониманіи задачъ и существа логики. Такъ многіе настаиваютъ на томъ, что логика есть наука чисто формальная, что она обсуждаетъ только форму умозаключеній, рассужденій, что, изслѣдуя послылки по формѣ, она не можетъ считаться съ матеріаломъ этихъ послылокъ. Я думаю, что такой взглядъ основывается на недоразумѣніи. Дѣйствительно, если намъ дано умозаключеніе правильное по формѣ, мы говоримъ, что его выводъ правиленъ формально, хотя фактически онъ можетъ быть и ошибоченъ. Положимъ такое умозаключеніе: если кто начинаетъ дѣло въ пятницу, то оно ему не удастся; а началъ дѣло изученія логики въ пятницу, слѣ-

довательно, оно мнѣ не удастся. Само по себѣ это умозаключеніе правильно, но логика не помирится съ нимъ. Первая посылка въ этомъ умозаключеніи—дѣла, начатыя въ пятницу не удаются—требуетъ логическаго обоснованія: почему съ понятіемъ пятницы соединяется понятіе неудачи. Нельзя доказать и не доказано теоретически, что съ наступленіемъ пятницы наступаетъ дѣйствіе какой то силы, противодействующей начинаніямъ. Остается еще логическій анализъ данныхъ опыта о результатахъ начинаній, произведенныхъ въ пятницу, они сравниваются съ результатами начинаній въ другіе дни, причемъ самыя сообщенія объ этихъ результатахъ должны подвергаться логическому анализу—они могутъ быть противорѣчивы, подозрительны и т. д. Въ концѣ концовъ логическій анализъ устанавливаетъ фактъ, что нельзя найти связи между пятницею и удачею и неудачею нашего дѣла. Поэтому, заботясь объ удачѣ, я долженъ искать себѣ опоры не въ счастливыхъ и несчастныхъ дняхъ, а въ собственномъ трудолюбіи. Въ эпоху среднихъ вѣковъ однажды въ какой то области Германіи распространился слухъ, что родился ребенокъ съ золотымъ зубомъ. Было немедленно предложено множество истолкованій этого событія—истолкованій не каузалистическихъ, а телеологическихъ, говорили не о причинѣ, а о цѣли событія усматривали въ немъ знаменіе, пророчество, прообразъ будущаго. Было ли это логически правильнымъ отношеніемъ къ дѣлу? Конечно, нѣтъ; логика требовала прежде всего логической провѣрки слуха о фактѣ. И если мы вездѣ, гдѣ это требуется дѣломъ, будемъ восходить логическимъ путемъ до послѣднихъ основаній—общепринятыхъ истинъ, аксіомъ, непосредственныхъ ощущеній, воспріятій или провѣренныхъ наблюденій, то логическая правильность нашихъ выводовъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и правильностью матеріальною. Г. Спенсеръ представилъ объясненіе, почему птицы, никогда не выдавшія человѣка, пугаются при его появленіи. Онъ предположилъ, что отдаленные предки этихъ птицъ имѣли дѣло съ человѣкомъ, одни не боялись его, становились его добычею и гибли, въ другихъ почему то являлся спасительный страхъ, онѣ удалялись отъ человѣка, жили и размножались въ безопасности, причемъ наи-

болѣе пугливыя изъ нихъ переживали въ борьбѣ за существованіе, и укрѣпившійся въ ряду поколѣній страхъ передъ человѣкомъ сдѣлался наследственнымъ и сохранялся даже тогда, когда не встрѣчался объектъ страха—человѣкъ. Дѣло вкуса—признать это объясненіе хорошимъ или плохимъ, но вотъ Хэдзонъ—ислѣдователь южно-американской природы показалъ, что не существуетъ самого факта, что при первомъ появленіи человѣка на необитаемыхъ мѣстахъ птицы, оказываются, вовсе не боятся его. Логика, мнѣ думается требовала отъ Спенсера, чтобы онъ отнесся къ факту нѣсколько иначе, чѣмъ такъ, какъ онъ отнесся дѣйствительно, тогда бы и не явилось объясненія не существующаго факта. Было уже сказано, что операціи мышленія въ значительной степени состоятъ въ томъ, что по извѣстному А дѣлается заключеніе о неизвѣстномъ В. Но, вѣдь, напередъ само А должно быть установлено, оно опредѣляется С, С тоже должно быть рассмотрѣно и такъ далѣе до послѣднихъ возможныхъ основъ. Задача логики опредѣлить и установить методы для полученія выводовъ правильныхъ не только по формѣ но и по содержанію (по матеріи). Она ислѣдуетъ условія правильного познанія, т. е. такого, содержаніе котораго отвѣчаетъ дѣйствительности. Это—цѣль логики. Обращаясь отъ ея цѣли къ ея исходному началу, мы видимъ, что таковыми являются *опытныя* (фактическія) данныя о нашемъ мышленіи. Логикѣ уподобляютъ наукамъ математическимъ, которыя считаютъ строго формальными, развивающимися а priori изъ самихъ себя. Это утвержденіе нельзя признать вполне справедливымъ и о математикѣ. Но логика рѣзко различается и отъ математическихъ наукъ. Если бы мы захотѣли дѣлать выводы только тогда, когда они съ необходимостью слѣдуютъ изъ основаній, т. е. выводы математическаго характера, мы остались бы совсѣмъ почти безъ выводовъ. Мы составляемъ характеристику лица на основаніи его дѣйствій и словъ,—такъ строятся историческія характеристики. Съ математической точки зрѣнія мы рѣшаемъ на основаніи недостаточнаго матеріала, по одному уравненію хотимъ найти нѣсколько неизвѣстныхъ ($X+y+Z=A$), но опытъ принуждаетъ насъ поступать такъ, и логика рекомендуетъ подчиняться необходимости.

Построя умозаключенія на недостаточныхъ данныхъ, мы призываемъ на помощь и чувство и волю, въ умозаключеніяхъ характера формальнаго—въ математическихъ выкладкахъ—чувство не оказываетъ на выводы никакого вліянія. Въ сужденіяхъ религіозныхъ, судебныхъ, практическихъ чувство является могучимъ факторомъ, и мы увидимъ, что логика не имѣетъ права его игнорировать.

Мы опредѣлили, что такое логика, чѣмъ она должна быть, но можетъ ли вообще она быть? Чѣмъ обуславливается возможность логики? Она обуславливается тѣмъ же, чѣмъ обуславливается возможность всякой науки и возможность всякой практической дѣятельности—*признаніемъ факта соотвѣтствія между мышленіемъ и бытіемъ*. Всякій выводъ, всякое умозаключеніе представляетъ собой построеніе факта a priori. Умозаключенія это суть антиципаціи (предвосхищеніе) фактовъ.

Эти антиципаціи необходимы для жизни. Если бы между мыслью и дѣйствительностью не было соотвѣтствія, тогда была бы невозможна жизнь. Маленькое перышко могло бы насъ убивать, ударъ свинцовой гири оказывался бы безрезультатнымъ. Могло бы быть, что мы разбивали голову о пустоту и безнаказанно проходили сквозь каменные стѣны. Несоотвѣтствіе между ожидаемыми нами переменными и переменными дѣйствительными дѣлало бы невозможнымъ съ нашей стороны приспособленіе къ средѣ и имѣло бы своимъ слѣдствіемъ нашу гибель. Если теперь часто мечты юности жестоко разбиваются о суровую прозу жизни, то тогда бы сама жизнь, если бы только она возникла, непрестанно сокрушалась о дѣйствительность. Только при соотвѣтствіи мысли и дѣйствительности возможна жизнь. Но однако для возможности жизни не требуется безусловнаго соотвѣтствія, нужно соотвѣтствіе во многомъ въ главномъ въ существенномъ. Наше мышленіе предупреждаетъ дѣйствительность мы предызображаемъ себѣ будущее и дѣйствуемъ сообразно съ этими предызображеніями. Приѣзжая въ Москву, я соображаю, гдѣ я найду около вокзала извозчика, за какую цѣну онъ меня повезетъ, во сколько минутъ доставитъ до желательнаго мнѣ пункта. Подѣзжая къ знакомымъ мѣстамъ, мы заранѣе ждемъ, какъ

покажутся знакомыя колокольни, вѣданія. Вообще мы не рѣдко предвидимъ то, что увидимъ, но во 1) многого мы не предвидимъ, и во 2) нерѣдко наши предвидѣнія не оправдываются, мышленіе не совпадаетъ съ дѣйствительностью. Положимъ мнѣ задали задачу: найти число, которое будучи умножено само на себя, равнялось бы двумъ. Я говорю себѣ: это число не 2, потому что $2 \times 2 = 4$ и не 1, потому что $1 \times 1 = 1$, это число 1 съ дробью. Полагаю его $= 1^{1/2}$. Умноженное само на себя оно $= (3/2)^2 = 2^{2/4} = 2^{1/4}$. Нужно, очевидно, брать меньшее число. Полагая его $1^{3/8}$ получаю $(\frac{11}{8})^2 = \frac{121}{64} = 2 - 7/64$; ошибка въ другую сторону и уже меньше предыдущей. Полагаю да-
 лѣе $= 1^{7/16}$; $(\frac{23}{16})^2 = \frac{529}{256} = 2 + 17/256$; далѣе $1^{13/32}$; $(\frac{113}{32})^2 = 2 - \frac{23}{1024}$; при
 каждомъ дальнѣйшемъ приближеніи ошибка ставится все
 меньше и меньше. Естественно подсказывается выводъ, что,
 двигаясь въ области приближеній далѣе и далѣе, мы на-
 конецъ найдемъ такую неправильную дробь, которая, будучи
 умножена сама на себя, дастъ равно 2. Но этотъ выводъ не
 вѣренъ. Такого числа не существуетъ и не можетъ существо-
 вать. Мое соображеніе о томъ, что такое число существуетъ
 и его можно найти, оказывается не соответствующимъ дѣй-
 ствительности, никакая дробь, умноженная сама на себя, не
 можетъ равняться цѣлому числу. А между тѣмъ мое разсуж-
 деніе представлялось мнѣ такимъ простымъ, яснымъ и убѣди-
 тельнымъ, и самый случай чрезвычайно простъ. Но жизнь
 задаетъ задачи неизмѣримо болѣе трудныя, и человѣческая
 мысль, оказывается, запутывается въ нихъ. Предположенія не
 сбываются. Сколькимъ людямъ сегодняшній день принесеть
 неудачи, разочарованія, обмана или, что еще хуже, прамья
 несчастья: внезапную болѣзнь, потерю денегъ, мѣста или
 даже большаго. Сколько людей встрѣтило сегодняшній день
 съ улыбкой свѣтлыхъ надеждъ и проводить его со слезами отъ
 неожиданно постигнаго горя. Причина этого кроется въ несо-
 вершенствѣ духовныхъ силъ человѣка, въ несовершенствѣ его
 познавательныхъ способностей, въ несовершенствѣ его мы-
 шленія.

Между мыслящимъ духомъ и физическою природою есть и
 соотвѣтствіе и несоотвѣтствіе. Принципіально однако ме-

жду ними открывається соотвѣтствіе, и на этомъ утверждается и познаніе и живнѣ. Дѣятельность мышленія есть процессъ, которымъ имѣется въ виду всегда достигнуть какой либо цѣли. Явленія природы это суть тоже процессы, которыми всегда достигаются какіе либо результаты. Наступила осень, вмѣстѣ съ нею является грязь. Прослѣдимъ за человѣкомъ, пробирающимся по грязи, онъ пытается выбрать мѣста, сравнительно менѣе грязныя, онъ ищетъ путь наиболѣе удобный, хочетъ двигаться по линіи наименьшаго сопротивленія. Посмотримъ на молнію, какъ движется она отъ одного пункта къ другому? Не произвольно, не какъ попало, а по линіи наименьшаго сопротивленія. Еслибы всѣ пути, ведущіе отъ точки А къ В,—конечные пункты грозового разряда—были бы одинаковы, молнія пошла бы по прямой. Такъ двигается и человѣкъ на удобномъ пути. Но прямой путь не всегда кратчайшій. Тогда человѣкъ выбираетъ удобнѣйшую дорогу; такъ поступаетъ и молнія. Посмотримъ на человѣка, спускающагося съ горы, и затѣмъ разсмотримъ путь ручья, спадающаго съ горы на долину. Ручей, какъ и путникъ, не направляются по прямому направленію: они выбрали удобнѣйшій путь. Движеніе молніи, теченіе ручья совершаются по законамъ природы. Наши дѣйствія, аналогичныя этимъ явленіямъ, опредѣляются нашимъ мышленіемъ, законами нашего мышленія. Между законами природы и законами мышленія открывається параллелизмъ. Можно сказать, что законы природы, это—мышленіе природы. Мы сами можемъ быть названы произведеніемъ природы. Мышленіе природы произвело наше мышленіе, мышленіе природы опредѣлило природу нашего мышленія. Поэтому изученіе природы нашего мышленія должно насъ вести къ уразумѣнію мышленія природы. Можно привести примѣры, гдѣ имѣется на лицо вся видимость мышленія, и гдѣ на самомъ дѣлѣ мышленіе отсутствуетъ и дѣйствуетъ лишь природа. Если раздражать кожу на ногѣ лягушки, у которой спинной мозгъ перерѣзанъ, то лягушка цѣлесообразно отдернетъ ногу. Принимая во вниманіе цѣлесообразность дѣйствія лягушки, мы должны бы допустить, что оно вызвано непріятнымъ ощущеніемъ раздраженія, но законъ о потерѣ чувстви-

тельности заставляетъ насъ утверждать, что это дѣйствіе совершенно ею безсознательно. Далѣе, если на кожу лягушки, несомнѣнно лишенную чувствительности вслѣдствіе разобщенія съ нервными центрами, полить уксусной кислоты или уксусу, то лягушка подниметъ конечность съ той же стороны тѣла и лапкой начинаетъ стирать уксусную кислоту. Если загнать эту конечность такъ, что лягушка не будетъ имѣть возможности употреблять ее въ дѣло, то она мало по малу начнетъ шевелить лапкой противоположной стороны, обведетъ ее около тѣла и будетъ ею тереться. Далѣе: вынемъ у лягушки мозговья полушарія; несомнѣнно, что способность ощущеній будетъ ею потеряна, она ничего не видитъ, не слышитъ, скорѣе умретъ съ голода, чѣмъ схватитъ что нибудь, хотя, если пишу положить ей прямо въ ротъ, она ее проглотитъ. Но любопытно, если ее посадить на ладонь, то она усядется спокойно поджавъ ноги. Если начать наклонять руку, то лягушка задвигаетъ передники лапами къ краю руки, она начнетъ влѣзать съ большею осторожностью и разсудительностью, подвинетъ лапки одна за другой и остановится наконецъ въ полномъ равновѣсїи. Такъ и кажется, что за всѣми этими дѣйствіями скрывается разсужденіе, которое влагаетъ въ уста лягушки Гексли, у котораго заимствованъ приведенный примѣръ: „мнѣ неловко; я чувствую, что скользю; поэтому я выставляю лапки впередъ, чтобы укрѣпиться. Зная, что я упаду, если не подвину ихъ, я подвигаю ихъ впередъ, и воля моя порождаетъ всѣ тѣ превосходныя приспособленья, результатомъ которыхъ будетъ мое безопасное положеніе“ (Гексли. Автоматы ли животныя? Природа. 1875 г. кн. I, стр. 30—31). Но несомнѣнно, что во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ лягушка не разсуждала и не могла разсуждать. Гораздо раньше чѣмъ фізіологическія лабораторіи сдѣлали лягушекъ истинными мучениками науки, въ философіи возникла теорія, что всѣ мыслительные процессы и соединенныя съ ними волевыя опредѣленія на самомъ дѣлѣ могутъ быть исключительно механическими актами. Это воззрѣніе развилъ Декартъ. Для всѣхъ фізіологическихъ явленій онъ предлагалъ механическія объясненія, и за тѣми дѣйствіями животныхъ, за которыми мы

предполагаемъ психическія состоянія и рассудочные акты, онъ не предполагалъ ничего. Всѣ такія дѣйствія онъ объяснялъ теоріей отраженныхъ движеній, т. е. рефлексовъ: движеній *undulatione reflexa*. Такъ, напримѣръ, при видѣ страшнаго предмета, изображеніе котораго образуется въ мозгу, говоритъ Декартъ о человѣкѣ, животныя силы нервной жидкости, отраженныя изображеніемъ, направляются отчасти въ тѣ нервы, которые служатъ для того, чтобы повертываться спиной къ предмету и двигать ноги такъ, чтобы убѣгать. У другихъ лицъ, которыя имѣютъ храбрый темпераментъ, живенныя силы, отраженныя изображеніемъ могутъ войти въ поры мозга, которыя ихъ приводятъ къ нервамъ способнымъ двигать руки, чтобы защищаться и такимъ образомъ проявлять храбрость. Изъ этого Декартъ заключалъ, что если бы человѣкъ обладалъ достаточными знаніями, онъ могъ бы сдѣлать автомата совершающаго всѣ функціи человѣческаго тѣла и способнаго даже отвѣчать криками и движеніями на удары и угрозы. Декартъ приводилъ при этомъ такое сравненіе. Во вкусѣ его времени было устраивать въ княжескихъ садахъ гроты и фонтаны, въ которыхъ только одна сила воды заставляла машины двигаться, играть на инструментахъ и даже произносить слова. Входили въ гротъ, и купающаяся Діана убѣгала. Декартъ сравнивалъ нервы съ трубами машинъ въ этихъ фонтанахъ, мускулы и сухожилія съ различными снарядами и пружинами, служащими для того, чтобы ихъ двигать нервной жидкостью съ водой, которая приводитъ ихъ въ движеніе. Внѣшніе предметы, которые однимъ своимъ присутствіемъ дѣйствуютъ на органы чувствъ и которые этимъ способомъ опредѣляютъ различнаго рода движенія, похожи на тѣхъ незнакомцевъ, которые входя въ эти гроты, сами причиняютъ, не думая объ этомъ, движенія, которыя происходятъ въ ихъ присутствіи, потому что они не могутъ туда войти безъ того, чтобы не ходить по нѣкоторымъ плитамъ, такъ расположеннымъ, что онѣ производятъ то или другое движеніе (Фулье, Декартъ. Переводъ подъ редакц. Грота 1894) Декартъ иллюстрировалъ свою теорію примѣрами на человѣкѣ, но онъ приложилъ ее только къ животнымъ. Чувства гнѣва и страха,

удовольствія и страданія, привязанности и отвращенія, которыя мы видимъ, обнаруживаются у животныхъ, на самомъ дѣлѣ по Декарту только своеобразныя движенія мускуловъ, вслѣдствіе которыхъ глаза выпячиваются изъ орбитъ, поднимается шерсть, виляетъ хвостъ, выпускаются когти, оскаливаются зубы. Никакого душевнаго содержанія не скрывается за этими движеніями, животныя не страдаютъ и не наслаждаются; поэтому животныхъ можно бить и не должно нисколько смущаться, если они будутъ издавать крики страданія; за этими криками не скрывается ничего точно также, какъ ничего не скрывается за жалобными завываніями осенняго вѣтра или за плачемъ мелкаго осенняго дождя. Говорятъ, что добрыйшій Малекраншъ, исходя изъ этихъ началъ, безвинно колотилъ свою собаку, думая, что она не ощущаетъ боли. Будемъ надѣяться, что этого не было. Но всѣ эти теоріи, примѣры съ несомнѣнностью показываютъ намъ возможность совершенія въ природѣ безъ участія мысли и сознанія тѣхъ процессовъ, которые у насъ являются при свѣтѣ сознанія и регулируются дѣйствіями мышленія.

Можно указать на примѣрахъ, что начало мышленія и начало, опредѣляющее явленія природы иногда оказываются тождественными по существу. Одно изъ опредѣленій, которыя даются мышленію, состоитъ въ томъ, что мышленіе есть дѣятельность сравнивающая, мышленіемъ постоянно опредѣляются сходство и различіе предметовъ и затѣмъ степень сродства и различія ихъ. Шопенгауеръ на своемъ своеобразномъ языкѣ такъ рассуждаетъ объ этомъ свойствѣ нашего мышленія и пріемѣ нашего познанія.

„Божественный Платонъ и изумительный Кантъ соединяютъ свои вѣскіе голоса въ указаніи правила, касающагося метода всякаго философствованія, даже всякаго знанія вообще. Должно говорить они, равнымъ образомъ удовлетворятъ двумъ законамъ, *однородности* (Homogenität) и *обособленія* (Spezifikation), а не одному изъ нихъ въ ущербъ другому. Законъ однородности заставляеть насъ посредствомъ усмотрѣнія сродства и одногласія вещей, различать виды, соединять ихъ въ породы, а послѣднія равнымъ образомъ въ роды, пока мы нако-

нецъ достигаемъ до высшаго, всеобъемлющаго понятія. Такъ какъ этотъ законъ трансцендентальный, нашему разуму присущій (по природѣ, а ргіогі раньше опыта), то онъ предполагаетъ согласіе съ нимъ природы, каковое предположеніе выражается старымъ правиломъ: *entia praeter necessitatem non esse multiplicanda* (существующее не должно быть умножаемо безъ нужды). Законъ обособленія (спецификаціи, различія) Кантъ выражаетъ напротивъ слѣдующимъ образомъ: *entium varietates non temere esse minuendas* (разнообразіе существующаго не должно быть уменьшаемо безразсудно). Законъ этотъ требуетъ, чтобы мы хорошо различали подъ однимъ многообъемлющимъ родовымъ понятіемъ соединенныя породы и снова подъ ними подразумѣваемые высшіе и низшіе роды, остерегаясь сдѣлать какой либо скачекъ и пожалуй даже низшіе виды или наконецъ самыя индивидуумы непосредственно подвести подъ родовое понятіе, такъ какъ всякое понятіе еще способно раздѣленію на низшія, и даже ни одно не нисходитъ до простой созерцаемости. Кантъ учитъ, что оба закона трансцендентальные, основные законы разума, а ргіогі предполагающіе согласіе съ ними вещей, а Платонъ повидимому выражаетъ тоже самое, говоря что эти правила, которыми всѣ науки обязаны своимъ происхожденіемъ, сброшены съ жилища боговъ вмѣстѣ съ огнемъ Прометея (о четверномъ корнѣ достаточнаго основанія, стр. 1—2 перев. Фета. Москва 1891). Можно дѣйствительно показать, что правило отмѣчать сходство и подчеркивать различіе есть правило самой природы. Нальемъ въ стаканъ нѣсколько родовъ жидкостей, имѣющихъ различный удѣльный вѣсъ и не смѣшивающихся между собой, положимъ воду, масло. Взболтаемъ ихъ и затѣмъ предоставимъ самимъ себѣ. Они постепенно начнутъ обособляться: жидкость наиболѣе тяжелая пойдетъ ко дну, наиболѣе легкая поднимется вверхъ. Природа здѣсь обособляетъ тождественное отъ различнаго и располагаетъ различное по степенямъ сродства. Жидкости наиболѣе сходныя по вѣсу помѣщаются наиболѣе близко. Развѣ это не та самая дѣятельность, разсужденіе о которой мы читали у Шюппенгауэра? Но Шюппенгауэръ говорилъ о мышленіи, а мы имѣемъ дѣло съ физической природою. Есть всѣ основанія полагать,

что приведенный примѣръ распредѣленія жидкостей съ различнымъ удѣльнымъ вѣсомъ въ стаканѣ аналогиченъ распредѣленію веществъ на земномъ шарѣ. Наиболее легкія вещества находятся на поверхности или лучше—надъ поверхностью, это воздухъ, далѣе—земная кора, глубже граниты, базальты, далѣе, полагаютъ металлы все болѣе тяжелыя по мѣрѣ приближенія къ центру земли. Этотъ основной принципъ классификаціи тѣлъ на земномъ шарѣ видоизмѣняется вслѣдствіе сложности явленія. Тяжелыя металлы пороку выступаютъ на поверхность или близъ поверхности. Но и здѣсь они являются съ опредѣленнымъ сосѣдствомъ, обусловленнымъ сходствомъ и родствомъ, и здѣсь ихъ распредѣленіемъ управляетъ какая то логическая классификація, разгадать которую и составляетъ задачу геологіи. Какъ природа сближаетъ сходное, такъ она обособляетъ и отдѣляетъ различное. Если животный міръ отражаетъ въ себѣ законы природы, то мы можемъ видѣть, что чужая птица, залетѣвшая въ стадо, заклевывается или изгоняется. Но мы можемъ видѣть это самое и прямо въ неорганическомъ мірѣ. Бросимъ резиновый мячъ въ воду. Онъ погрузится и затѣмъ вода выброситъ его на поверхность. Онъ не сроденъ водѣ по своему вѣсу. Видѣть, этотъ актъ, которымъ сила упругости выбрасываетъ мячикъ изъ глубины на поверхность воды совершенно аналогиченъ тому, по которому мы, отбирая, положимъ, бѣлые грибы отъ сѣрыхъ, соединяемъ первые и отбрасываемъ въ сторону подвертывающіеся подъ руку вторые.

Такимъ образомъ: какъ въ природѣ, такъ и въ мышленіи дѣйствуютъ принципы сродства и различія, и, какъ въ природѣ, такъ и въ мышленіи, дѣйствуютъ и иные тождественныя принципы. Если бы человѣкъ былъ только продуктомъ природы то между его мышленіемъ и природою всегда было бы полное соотвѣтствіе. Смола, выдѣляемая деревомъ, безусловно подчиняется физическимъ и химическимъ законамъ; пары, собравшіеся въ воздухѣ, осуществляютъ принципы молекулярнаго притяженія, законовъ о насыщенности, подчиняются власти вѣтра. Всякій продуктъ природы подчиняется природѣ, но человѣкъ стремится предупреждать природу, приспособлять

ее къ себѣ и приспособляться къ ней. Выражаясь метафорически, можно сказать, что камень, падающій на землю, въ каждый данный моментъ не видитъ и ничего не хочетъ видѣть дальше своего настоящаго положенія. Человѣкъ хочетъ видѣть то, чего еще нѣтъ. Онъ мыслить о будущемъ. Онъ не останавливается на констатируемыхъ имъ фактахъ сходства и противоположности явленій, онъ хочетъ предвидѣть сходства и противоположности будущаго и онъ дѣйствуетъ соответственно съ этимъ предвидѣніемъ. Вся дѣятельность продуктовъ природы опредѣляется воздѣйствіями извнѣ; дѣятельность человѣка, стоящая въ глубокой зависимости отъ такихъ воздѣйствій, обуславливается еще самоопредѣленіемъ. Человѣкъ, какъ существо волящее, хотящее, не есть только пассивный наблюдатель того, что производитъ съ нимъ природа, но онъ самъ реагируетъ на природу. Между ними связь не безусловнаго подчиненія, а уже взаимодѣйствія. Для того, чтобы мысли человѣка о будущемъ совпадали вполне съ будущимъ, нужны два условія: во 1) человѣкъ долженъ знать все настоящее, во 2) нужно, чтобы будущее всецѣло опредѣлялось настоящимъ, чтобы въ мірѣ не было свободы. Вопросъ о свободѣ рѣшается различно. Многие отрицаютъ фактъ ея существованія. Мы присоединяемся къ тѣмъ, которые ее признаютъ. Но и оставляя въ сторонѣ вопросъ о свободѣ, нетрудно видѣть, что уже изъ невыполнимости 1 условія (знанія человекомъ всего настоящаго) слѣдуетъ, что человѣческое мышленіе не можетъ точно антиципировать (предвосхищать) будущее. Поле яснаго сознанія у человѣка узко, матеріалъ, которымъ онъ располагаетъ, очень ограниченъ и вслѣдствіе несовершенства тѣхъ органовъ, которыми онъ добываетъ, не всегда доброкачественъ (т. е. не всегда даетъ хорошій символъ дѣйствительности). Между тѣмъ разъ человѣкъ долженъ дѣйствовать, онъ долженъ и на основаніи недостаточнаго и недоброкачественнаго матеріала рѣшить вопросъ, какъ дѣйствовать. Сельскій хозяинъ съ вечера долженъ приготовить все къ косебѣ, но съ утра начинается лить сильный дождь, и всѣ приготовленія оказываются напрасными.

Чѣмъ больше человѣкъ познаетъ дѣйствительность, тѣмъ правильнѣе становятся его представленія о будущемъ дѣйстви-

тельности. Прогрессъ и состоитъ собственно въ увеличеніи соответствія между антиципаціями нашего мышленія и дѣйствительностью. Успѣхи медицины обуславливаются тѣмъ, насколько медикъ правильно мыслить настоящее положеніе больного, и насколько онъ правильно предвидитъ, какое дѣйствіе произведутъ въ будущемъ на больного употребленныя имъ средства. Успѣхи техники обуславливаются правильностью расчетовъ дѣйствія машинъ въ будущемъ, сдѣланныхъ въ настоящемъ. Успѣхъ государственныхъ реформъ, успѣхъ воспитательныхъ приемовъ обуславливается умѣньемъ по настоящему опредѣлить будущее, умѣньемъ предвидѣть и точно опредѣлить дѣйствіе тѣхъ или иныхъ реформъ. Вездѣ мы видимъ, что отъ познаваемаго А человекъ направляется къ представленію непознаваемаго и даже еще несуществующаго В, и вездѣ въ своихъ размышленіяхъ человекъ руководится идеєю свободы. Онъ мыслитъ: А существуетъ; какъ слѣдствіе А, должно явиться В, но *можно* ввести нѣкоторыя новыя условія, новыя факторы и В измѣнится въ С. Надъ засѣяннымъ полемъ проходитъ грозовая туча, долженъ выпасть градъ и выбить поле. Но человекъ размышляетъ: если стрѣлять изъ пушекъ въ образующееся градовое облако, сотрясенія воздуха, измѣненіе въ атмосферѣ разсѣять это облако. Угрожающая опасность будетъ устранена.

Прогрессъ обуславливается количествомъ и качествомъ знаній. Орудіемъ для приобрѣтенія познаній является мышленіе. Нельзя достигнуть хорошихъ результатовъ безъ знанія тѣхъ орудій, которыми они достигаются. Должно изучать орудіе нашихъ познаній—мышленіе. Чтобы стать предметомъ изученія, мышленіе должно предварительно стать предметомъ наблюденія. Не всѣ мыслительные процессы мы можемъ наблюдать, а только процессы сознательные. Должно различать между мышленіемъ сознательнымъ и безсознательнымъ. Положимъ, мнѣ сообщили, что широта Москвы= $55^{\circ} 45'$ и широта Парижа= $78^{\circ} 50'$ и что разность ихъ долготъ= $35^{\circ} 17'$. Пользуясь формулами сферической тригонометрии, я на основаніи этихъ данныхъ легко вычисляю, что разстояніе между данными городами приблизительно равняется 2400 верстамъ. Я

представляю себѣ ясно, какимъ образомъ у меня получился этотъ числовой результатъ и на какихъ основаніяхъ я долженъ признать его правильнымъ. Въ то время, какъ я мыслить, процессы моего мышленія были наблюдаемы мною. Это — мышленіе сознательное. Теперь представимъ другой примѣръ. Я бѣгу по лугу, мнѣ встрѣчается на пути канава, я замедляю на мгновение движеніе, затѣмъ дѣлаю прыжокъ и оказываюсь по другую сторону канавы. Для того, чтобы сдѣлать совершенный прыжокъ, я долженъ былъ подумать о ширинѣ канавы, о томъ усилии, которое я долженъ употребить для того, чтобы перепрыгнуть ее, моя воля должна была дать рѣшеніе произвести такоео усиліе, и уже послѣ этого долженъ былъ послѣдовать прыжокъ. Но въ своемъ сознаніи я не наблюдалъ того сложнаго мыслительнаго процесса, который начался съ момента, когда я усмотрѣлъ канаву, и заставилъ меня сначала замедлить движеніе и который въ концѣ привелъ меня къ прыжку. Этотъ процессъ происходилъ гдѣ то внѣ поля моихъ духовныхъ очей и для моего наблюденія оказался доступнымъ лишь его результатъ. Это — мышленіе безсознательное, оно называется такъ потому, что протекаетъ внѣ поля сознанія, не сознается мыслящимъ. Человѣкъ пользуется и сознательнымъ и безсознательнымъ мышленіемъ, и нетрудно путемъ самонаблюденія убѣдиться, что на долю послѣдняго приходится наибольшая часть нашей мыслительной дѣятельности. Каждый можетъ прослѣдить это на себѣ. Есть всецѣло безсознательные процессы мысли. Положимъ, меня занималъ какойнибудь вопросъ. Положимъ, ктонибудь, съ кѣмъ я былъ въ очень дружественныхъ отношеніяхъ, встрѣтилъ меня холодно и недружелюбно. Меня беспокоитъ мысль, отчего произошла эта переменна, я стараюсь отогнать отъ себя эту мысль и заняться чѣмъ либо другимъ. Я стараюсь всецѣло погрузиться въ чтеніе газеты, мнѣ хочется сосредоточиться на разсужденіяхъ газеты о дѣйствіяхъ министерства Комба, но что-то мѣшаетъ мнѣ ясно и быстро схватывать напечатанное. Происходитъ какая то задержка въ воспріятіи прочитаннаго, и вотъ когда моя мысль повидимому всецѣло успокоилась на томъ, что такое-то предложеніе министерства.

прошло въ палатѣ при подавляющемъ большинствѣ голосовъ, и вдругъ меня внезапно озаряетъ свѣтъ—мой другъ сердится на меня за то, что я не далѣе какъ третьяго дня въ обществѣ другихъ друзей осмѣялъ его книги, по обыкновенію человѣческой дружбы напелелъ кое что на него самого, съ свойственнымъ людямъ легкомысліемъ забывъ объ этомъ, и что все это теперь до него дошло, и вслѣдствіе этого онъ измѣнилъ ко мнѣ свое отношеніе. Очевидно, въ то время когда я читалъ газету и старался вникать въ ея содержаніе, въ моей душѣ совершился другой безсознательный логическій процессъ, онъ препятствовалъ содержательности сознательнаго, мысль искала рѣшенія, но мой духъ, мое сознаніе не наблюдали этой мысли, и ея открытіе явилось моему духу *ex abrupto*, внезапно. Это—процессъ всецѣло безсознательный. Но самонаблюденіе открываетъ намъ, что въ каждомъ сознательномъ процессѣ сознаніемъ освѣщаются въ сущности немногіе, только выдающіеся пункты. Все содержаніе нашего мышленія въ данный моментъ можно уподобить холмистой мѣстности съ солнцемъ на горизонтѣ. Солнце—это сознаніе. Еслибы оно было въ зенитѣ, оно освѣщало бы намъ всю нашу душевную жизнь въ данный моментъ, ничто не совершалось бы въ тѣни нашей души. Но сознаніе подобно солнцу, близкому къ горизонту; оно освѣщаетъ лишь возвышеніе, выдающіеся пункты мѣстности. Большая часть окутана сумракомъ тѣней. Такъ, изъ того, что мы переживаемъ, изъ того, что мы мыслимъ, только небольшое открывается самонаблюденіемъ. Попробуемъ рѣшить какую либо арифметическую задачу. Прослѣдимъ за собою. Если задача эта для насъ не шаблонна и связь между условіями не открывается механически, то способъ рѣшенія, надъ которымъ мы будемъ думать, всегда откроется намъ внезапно, открытіе чего либо новаго всегда совершается какъ-то внезапно, неожиданно, его нельзя вывести изъ предыдущаго, какъ механическую необходимость. Но несомнѣнно, что какой то логическій процессъ, неуловимый и не наблюдаемый, подготовлялъ это открытіе въ закрытомъ для сознанія сумракѣ нашей души. Въ дальнѣйшемъ процессѣ опять многое будетъ у насъ совершаться незамѣтно, неуловимо. Результатъ умноженія мы нерѣдко можемъ писать, думая

о другомъ. Мы догадываемся, можемъ понимать и выяснить эти бессознательные логическіе процессы только потому, что владѣемъ сознательными. Достоинство человѣка въ его сознательномъ мышленіи. Животное владѣетъ исключительно мышленіемъ бессознательнымъ. Лань, преслѣдуемая собаками, и прыгнувшая черезъ пропасть безъ сомнѣнія совершила сложный процессъ умозаключеній прежде, чѣмъ сдѣлать свой отчаянный прыжокъ. Но объ этомъ логическомъ процессѣ лань никогда не узнаетъ, какъ никогда не узнаетъ слѣпой отъ рожденія старикъ, что въ юности его кудри были черны, какъ смоль, а потомъ стали бѣлы, какъ снѣгъ. Смотря на дѣйствія, игры, бои животныхъ мы можемъ видѣть очень сложные маневры и приемы, о которыхъ никто не скажетъ, что они совершаются инстинктивно или что они являются плодомъ сознательнаго размышленія, нѣтъ, животныя прибѣгаютъ къ этимъ приемамъ, потому что путемъ бессознательныхъ логическихъ процессовъ пришли къ бессознательному признанію ихъ цѣлесообразности. Попугай беретъ орѣхъ и бросаетъ его опять, не пытаясь его разгрызть. Онъ нашелъ, что орѣхъ легокъ. Опытъ установилъ для него истину, что зерно бываетъ у тяжелыхъ орѣховъ и не бываетъ у легкихъ. Отсюда попугай по известному данному (вѣсъ орѣха) дѣлаетъ умозаключеніе къ неизвѣстному (отсутствіе зерна въ орѣхѣ). Всѣ легкіе орѣхи пусты, этотъ орѣхъ легокъ, слѣдовательно, онъ пустъ. Но попугай не наблюдаетъ этихъ своихъ мыслительныхъ процессовъ, какъ не наблюдаютъ ихъ всѣ птицы, не наблюдаютъ всѣ животныя. Поэтому у животныхъ не можетъ быть логическихъ теорій, какъ у слѣпыхъ не можетъ быть теорій цвѣтовъ, и потому мы должны рассуждать такъ, что осель не можетъ написать логики не потому что онъ глупъ, но потому что онъ никогда не наблюдалъ логическихъ процессовъ. Результаты логическихъ выводовъ являлись для его наблюденія всегда ex abrupto, какъ ex abrupto являются для насъ театральныя превращенія на сценѣ, механизмъ которыхъ скрытъ за кулисами.

Для того чтобы логическіе процессы стали предметомъ изслѣдованія, они должны быть въ полѣ сознанія и стать предметомъ самонаблюденія. Познакомившись посредствомъ само-

наблюденія съ сознательными логическими процессами, человѣкъ можетъ косвеннымъ путемъ дѣлать заключенія о логическихъ процессахъ у другихъ людей и о собственныхъ и чужихъ бессознательныхъ мыслительныхъ процессахъ. Но исходнымъ началомъ для изученія логики должно быть самопознаніе, познаніе собственной разсудочной дѣятельности.

Первые опыты самонаблюденія открываютъ человѣку, что его выводы суть результаты и сознательной и бессознательной работы, и что часто нужда заставляетъ человѣка въ своихъ выводахъ идти гораздо далѣе посылокъ. Небогатый N встрѣчался нѣсколько разъ съ человѣкомъ, который былъ съ нимъ въ высшей степени ласковъ и любезенъ. N рѣшилъ: займу ка я у него денегъ, онъ ко мнѣ расположенъ и мнѣ ихъ дастъ. Но лишь только N изложилъ ему свою просьбу, его обворожительная любезность исчезла и онъ холоднымъ и дѣловымъ тономъ заявилъ N, что у него денегъ нѣтъ и что поэтому онъ ихъ не можетъ дать. Вообще говоря, опытные люди знаютъ, у кого можно просить въ долгъ и у кого нѣтъ, кто дастъ денегъ и кто нѣтъ. Это знаніе составляется на основаніи характеристикъ лицъ, а характеристики составляются на основаніи тысячи мелкихъ неувидимыхъ признаковъ. Было сказано выше, что факторомъ нашихъ умозаключеній являются не одни теоретическія соображенія, но и чувство. Въ сферѣ нашихъ отношеній къ людямъ это замѣтно всего болѣе, и если бы здѣсь устранить элементъ бессознательныхъ довѣрія и недоувѣрія, симпатіи и антипатіи, мы положительно бы не могли ориентироваться въ житейскихъ отношеніяхъ. Этотъ фактъ важнаго значенія чувства въ нашихъ сужденіяхъ приводитъ насъ къ обсужденію вопроса о такъ называемой женской логикѣ. Это выраженіе употребляется въ ироническомъ смыслѣ. Имъ хотятъ обозначать такіа умозаключенія, выводы въ которыхъ не имѣютъ связи съ посылками ($2 \times 2 = \text{стеаривовая свѣчка}$), выводы которыхъ продиктованы чувствомъ, а не умомъ. Женской логикѣ противопоставляютъ мужскую, какъ неизбежную скалу истины. Но эта неизбежная скала осталась бы навѣки неподвижною, если бы на самомъ дѣлѣ мужской или какой бы то ни было умъ стремился бы составлять исключительно

непогрѣшимыя умозаключенія. Въ поискахъ за истинною уму приходится хвататься за все и за указанія чувства. Ихъ можно переоцѣнить и конечно не должно переоцѣнивать, но ими не должно пренебрегать. Наибольше характернымъ образчикомъ женской логики, т. е. того, что называютъ женской логикой, мнѣ представляется разговоръ дамы просто пріятной съ дамой пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, въ „Мертвыхъ Душахъ“ Гоголя. Дамы обсуждали вопросъ о распространившемся слухѣ, что Чичиковъ скупаетъ мертвыя души. Это однакожь странно, сказала во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама: чтобы такое могли значить эти мертвыя души? Я, признаюсь, тутъ ровно ничего не понимаю. Вотъ уже во второй разъ я все слышу про эти мертвыя души; а мужъ мой еще говоритъ, что Позд-ревъ вретъ: что нибудь вѣрно же есть“.

„Но представьте же, Анна Григорьевна, каково мое было положеніе, когда я услышала это“...

„Но только, воля ваша, здѣсь не мертвыя души, здѣсь скрывается что-то другое“.

„Я, признаюсь, тоже“, произнесла не безъ удивленія просто пріятная дама и почувствовала тутъ же сильное желаніе узнать, чтобы такое могло здѣсь скрываться. Она даже произнесла съ разстановкой: „а чтожь, вы полагаете, здѣсь скрывается“?

„Ну какъ вы думаете“?

„Какъ я думаю?.. я, признаюсь, совершенно потеряна“.

„Но, однакожь, я бы все хотѣла знать: какія ваши на счетъ этого мысли“?

Но пріятная дама ничего не нашлась сказать.

„Ну слушайте же, что такое эти мертвыя души“, сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, и гостыя при такихъ словахъ вся обратилась въ слухъ: ушки ея вытянулись сами собою...

„Мертвыя души“...

„Что, что“? подхватила гостыя вся въ волненіи „Мертвыя души“...

„Ахъ, говорите ради Бога“.

„Это просто выдуманно только для прикрытія, а дѣло вотъ въ чемъ: онъ хочетъ увести губернаторскую дочку“.

Это заключеніе, точно, было никакъ неожиданно и во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенно пріятная дама, услышавъ это, такъ и окаменѣла на мѣстѣ, поблѣднѣла, какъ смерть, и, точно, встревожилась не на шутку. „Ахъ, Боже мой!“ вскрикнула она, всплеснувъ руками: „ужъ этого я бы никакъ не могла предполагать“.

А я, признаюсь, какъ только вы открыли ротъ, я уже смекнула, въ чемъ дѣло“, отвѣчала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ“. Какъ ни странно и ни неожиданно это заключеніе дамы о значеніи мертвыхъ душъ, оно по существу ближе къ истинѣ, (мечтъ Чичикова—обогатиться и приобрести пріятную жену), чѣмъ предположенія представителей мужского пола въ повѣсть; (Чичиковъ—дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, подсланный чиновникъ, капитанъ Копейкинъ, не имѣвшій руки и ноги, переодѣтый Наполеонъ), послѣднія были ни на чемъ не основаны и частію прямо нелѣпы, заключеніе же дамы было продиктовано ей ревнивымъ инстинктомъ, подсказавшимъ ей, что Чичикову понравилась не она и не какая либо изъ подобныхъ ей дамъ, а совершенно непохожая на нихъ молоденькая губернаторская дочка. На самомъ дѣлѣ, конечно, нѣтъ никакой ни женской ни мужской логики. Есть люди въ своихъ сужденіяхъ дающіе слишкомъ много воли чувству, пристрастные люди—и существуютъ слишкомъ осторожные умы, преувеличенно не довѣряющіе тому, что они называютъ недостаточными данными. Нѣтъ нужды спорить о томъ, гдѣ излишне преобладаетъ разумъ и гдѣ излишне преобладаетъ чувство, какой вредъ и какую пользу приносятъ то и другое преобладаніе. Намъ должно констатировать, что умъ, безусловно не довѣряющій чувству навсегда бы остался неподвижнымъ. Припомнимъ скептика Пиррона, учившаго, что наши чувства насъ обманываютъ. Говорятъ, что, когда на него напала собака и стала его кусать, то онъ началъ кричать и ни на одну минуту не остановился на мысли, что его обманываютъ чувства. Напротивъ, онъ былъ очень недоволенъ, когда другіе вмѣсто того, чтобы избавить его отъ собакъ, успокаивали его этой

теоріей иллюзіи. Точно также и чувство, если оно не руководится разумомъ, можетъ завести насъ въ неизслѣдимыя дебри. Для того, чтобы человѣкъ съ успѣхомъ искалъ истины, нужно, чтобы у него умъ былъ въ ладу съ сердцемъ.

Установивъ это, мы будемъ теперь заниматься умомъ.

Резюмируемъ кратко тѣ выводы, которые слѣдуютъ изъ предыдущаго разсужденія. 1) Логика занимается мышленіемъ, какъ орудіемъ познанія.

2) Познаніе дѣйствительности возможно при существованіи соответствія между мышленіемъ и дѣйствительностью (фактъ параллелизма и символизма).

3) Соответствіе между мышленіемъ и дѣйствительностью существуетъ, но оно не безусловно (еслибы оно было безусловно логика была бы ненужна, существовало бы абсолютное предвѣдніе будущаго; еслибы соответствія не было, логика была бы невозможна).

4) Процессы мышленія суть акты сознательной жизни человѣка (хотя сознаніе охватываетъ ихъ далеко не всѣ) и потому доступны наблюденію и изслѣдованію.

5) То обстоятельство, что въ нашемъ мышленіи есть сторона безсознательная и что жизнь заставляетъ насъ спѣшить съ выводами изъ недостаточнаго матеріала, часто лишаетъ наши выводы значенія абсолютной достовѣрности. Чистое мышленіе порою оказывается совершенно бессильно и принуждено бываетъ обращаться къ помощи чувства.

С. Глаголевъ.

(Продолженіе будетъ).

Николай Яковлевич Гротъ (1852 + 1899 г.) и его философскіе труды.

Вмѣсто предисловія.

Есть много мотивовъ изучать философскую дѣятельность Н. Я. Грота (р. 1852 г. † 1899 г.). Эти мотивы заключаются и въ выдающемся значеніи Грота, какъ писателя по философскимъ наукамъ, и въ его исключительномъ значеніи, какъ организатора Московскаго Психологическаго Общества,—перваго въ Россіи спеціально-философскаго Общества.—Чтобы опредѣлить—пока, конечно, лишь въ общихъ чертахъ—значеніе Грота, какъ философскаго писателя, нужно, прежде всего, выяснитъ то, каково было положеніе русской философской мысли въ эпоху выступленія на философское поприще Грота, и что предстояло дѣлать выразителямъ этой мысли, чтобы направить ее на путь плодотворнаго развитія.—Изучая исторію русской философской мысли на всемъ ея протяженіи и особенно за новый ея періодъ (вторая и третья четверти истекшаго XIX столѣтія), мы видимъ, что самымъ характернымъ признакомъ ея была подражательность: русскія философскія сочиненія не выходили изъ рамокъ простой подражательности Западу—русская философская мысль робко слѣдовала за указаніями западно-европейской мысли: она поклонялась тѣмъ же богамъ, которымъ кланялась западная мысль, она интересовалась тѣми же идеями, которыми интересовалась западная мысль, она даже и ставила только тѣ вопросы, которые ставила западно-европейская мысль. Это отношеніе къ западнымъ философамъ было, повторяемъ, общимъ тономъ всѣхъ разно-

образныхъ аккордовъ русской философской мысли. Но наряду съ такими подражательными произведеніями русской философіи встрѣчались и оригинальныя явленія; это именно—славянофильство. Но славянофильство было, безъ сомнѣнія, преждевременнымъ явленіемъ: оно заговорило о новыхъ началахъ философіи тогда, когда русскими еще ничего не было сдѣлано по философіи; но претендовать на „новыя слова“ въ той области, гдѣ претендующими еще ничего не сдѣлано для развитія этой области—дѣло во всякомъ случаѣ преждевременное и ненадежное въ своихъ результатахъ. И потому то славянофильство, какъ преждевременная попытка сказать свое „новое слово“ въ философіи, не имѣло успѣха. Итакъ,—подражательность,—болѣе того, часто копировка западно-европейской мысли—съ одной стороны,—стремленіе сразу же,—безъ предварительной подготовки, сказать въ философіи свое „новое“ слово,—съ другой,—вотъ характерныя признаки состоянія русской философіи къ половинѣ 70 годовъ, времени вступленія на философское поприще Грота. Что же тогда оставалось дѣлать всѣмъ ревнителямъ развитія русской самостоятельной философіи. Продолжать ли все состоять въ ученикахъ Запада, питаться крохами со стола его мысли, попрежнему набрасываться на новыя имена и направленія, поглощать ихъ, восторгаться ими съ тѣмъ, чтобы при появленіи новѣйшихъ именъ бросать прежнія и переходить къ новымъ; или же, ставши въ оппозиціонное положеніе къ западной философіи и игнорируя все долгое историческое развитіе этой мысли на западѣ, порываться сразу сказать свое новое слово?—Цикль русскихъ философскихъ писателей, выступившихъ почти одновременно, въ 70-хъ годахъ, къ счастью, рѣшилъ дѣло иначе; онъ отвергъ выборъ, предлагаемый этою дилеммою, и отнесся къ своей задачѣ съ глубокимъ пониманіемъ дѣла. Писатели этого круга, иногда подъ взаимнымъ вліяніемъ, а большею частію независимо другъ отъ друга, поняли, что прежде, чѣмъ составлять свои собственныя системы и мечтать о самобытной русской философіи, необходимо сперва получше—пошире и поглубже—самимъ познакомиться съ плодами западно-европейской философіи, съ современнымъ состоя-

ніемъ въ ней различныхъ философскихъ наукъ, а затѣмъ познакомиться съ этою же философіей и ея результатами и другихъ. И вотъ, въ видахъ осуществленія этихъ задачъ и цѣлей, начинается усиленная дѣятельность этихъ писателей по работѣ или частныхъ философскихъ наукъ: гносеологіи, логики, психологіи, исторіи философій, метафизики, этики, методологіи и другимъ философскимъ дисциплинамъ. Кто же были эти писатели? Писатели эти были слѣдующіе: Владиславлевъ, Козловъ, Вл. Соловьевъ, Дебольскій, Милославскій, Снегиревъ, Оболенскій, Каринскій, Астафьевъ, Цертелевъ и др.; въ центрѣ же, если не во главѣ ихъ, сталъ Н. Я. Гротъ: онъ болѣе всѣхъ другихъ перечисленныхъ писателей потрудился въ дѣлѣ обработки отдѣльныхъ философскихъ дисциплинъ,—и въ этомъ его несомнѣнная заслуга и значеніе: онъ сумѣлъ угодать истинныя потребности эпохи, сумѣлъ дать то, что требовалось въ данную минуту исторіи русскаго философскаго самосознанія. Это значеніе его еще болѣе уяснится намъ, если мы примемъ во вниманіе, что Гротъ стоялъ на высотѣ современнаго развитія философій на Западѣ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что труды Грота не уступаютъ западно-европейской научной мысли: нѣкоторыя изъ его работъ прежде печатались имъ въ западно-европейскихъ философскихъ журналахъ, а потомъ уже появлялись на русскомъ языкѣ. Къ этому же нужно добавить и то, что всѣ работы Грота отличаются глубокою добросовѣстностью въ исполненіи и научною объективностью въ изложеніи: и въ этомъ опять новая сторона выдающагося значенія трудовъ Грота: изучая его произведенія, русская публика могла быть увѣрена, что она изучаетъ такія произведенія, которыя стоятъ на высотѣ развитія западно-европейской философій и которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, проникнуты полною добросовѣстностью въ изслѣдованіи. Итакъ, научная разработка частныхъ философскихъ дисциплинъ, стоящая на высотѣ уровня развитія западно-европейской философій—вотъ чѣмъ, прежде всего, выражается значеніе философской дѣятельности Грота. Но значеніе Грота далеко не ограничивается однимъ этимъ, ибо дѣятельность его далеко не ограничивалась одними литературными трудами. Нѣтъ, какъ извѣстно, онъ потрудился

для русской философіи не только тѣмъ, что разработывалъ много важныхъ и въ высокой степени интересныхъ философскихъ вопросовъ, но и тѣмъ, что онъ сумѣлъ оранизовать первое въ Россіи общество, поставившее своею задачею разработку философскихъ проблемъ.—Организація Московскаго Психологическаго Общества,—основаннаго корпораціей профессоровъ Московскаго Университета, во главѣ съ профессоромъ Троицкимъ, есть всецѣло дѣло Грота. И нѣтъ сомнѣнія, что это дѣло должно быть зачтено ему въ важную заслугу, ибо, безъ всякаго преувеличенія, можно сказать, что только съ возникновеніемъ и устройствомъ Московскаго Психологическаго Общества русская философія стала на твердую почву и упрочила свое положеніе на столько, что не стало основаній опасаться за ея будущность. А чтобы понять, на сколько велика роль Грота въ дѣлѣ организаціи Психологическаго Общества, достаточно просмотрѣть хотя бы только заголовки статей органа этого общества—журнала: „Вопросы философіи и психологій“. Уже изъ этихъ заголовковъ можно видѣть, что имя Николая Грота повторяется чаще другихъ, что статьи его захватываютъ самые глубокіе и важные вопросы философіи. Если же мы взглянемъ въ протоколы засѣданій Общества, то тамъ увидимъ еще болѣе слѣдовъ самой горячей, самой убѣжденной дѣятельности Н. Я. Грота для поддержанія и развитія русской философской мысли, для систематизаціи главныхъ выраженій ея. Ни одно, кажется, засѣданіе Общества, ни одно преніе по какому либо философскому реферату, ни одинъ вопросъ, касающійся внѣшняго положенія Общества,—не обходятся безъ самаго дѣятельнаго, руководящаго участія Грота.—Повторяемъ, значеніе Н. Я. Грота, какъ организатора и самаго дѣятельнаго члена Психологическаго Общества, въ высшей степени, важно. И нѣтъ сомнѣнія, что будущій историкъ судебъ философіи въ Россіи, добрымъ словомъ помянетъ горячую дѣятельность главнаго организатора перваго русскаго философскаго Общества и сумѣетъ отдать ему полную дань уваженія за его глубокую любовь къ дѣлу философіи въ Россіи. Но въ томъ фактѣ, что Гротъ былъ представителемъ перваго русскаго философскаго Общества, и заключается особый

интересъ изученія его трудовъ: изучая его философскія произведенія, мы какъ бы присутствуемъ въ центрѣ той умственной лабораторіи, въ которой отливался процессъ развитія русской философской мысли; въ 80 и 90 годы XIX столѣтія: нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что процессъ этотъ болѣе всего отражался въ трудахъ членовъ нашего Психологическаго Общества, а между ними—прежде всего и—опять болѣе всего—въ трудахъ Предсѣдателя Общества, какъ самаго дѣятельнаго и центральнаго члена этого Общества. Итакъ, пониманіемъ запросовъ эпохи, а отсюда представленіемъ сочиненій, удовлетворяющихъ этимъ запросамъ—съ одной стороны,—организацией Психолог. Общества съ другой, опредѣляется значеніе философской дѣятельности Грота. Но и помимо этого труды Грота имѣютъ значеніе еще съ иной стороны: они служатъ какъ бы иллюстраціей того, насколько русская философская мысль полно и рѣшительно отражала въ себѣ всѣ теченія западно-европейской мысли, и какъ она легко переходила отъ одного направленія къ другому. И въ этомъ отношеніи изученіе сочиненій Грота особенно интересно и поучительно: трудно найти другого русскаго мыслителя, который такъ бы беззавѣтно отдавался всякому новому вѣянію западно-европейской философіи, какъ Н. Я. Гротъ.

На его произведеніяхъ мы можемъ особенно рельефно видѣть эти черты неустойчивости русской мысли. Изучая сочиненія Грота, мы видимъ, какъ постоянно колебалась русская философская мысль въ своихъ симпатіяхъ, какъ она ударялась изъ одной крайности въ другую, какъ она легко переходила отъ одного направленія къ другому, ему противоположному: однимъ словомъ, изучая произведенія Грота, мы этимъ самымъ изучаемъ процессъ „шатавія“ русской философской мысли. Гротъ можетъ служить самымъ яркимъ и типичнымъ представителемъ этого „шатавія“ и въ этомъ несомнѣнный историческій интересъ изученія его произведеній. Но и историческимъ интересомъ значеніе трудовъ Грота не ограничивается: они интересны, не только какъ иллюстрація прошлаго, но и какъ „знаменіе“ будущаго. Дѣло въ томъ, что философскія работы Грота представляютъ иллюстрацію не только отрицательныхъ

чертъ русской философіи, но и положительных: ея горячаго исканія истины, ея глубокой серьезности и искренности. Одновременно и въ связи съ указанными выше чертами—постоянными колебаніями въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, постоянными переходами отъ одной крайности къ другой, Гротъ своимъ горячимъ стремленіемъ къ истинѣ, своимъ глубокимъ желаніемъ добиться въ каждомъ вопросѣ истины, добиться окончательнаго (по крайней мѣрѣ, для данной минуты) рѣшенія проблемы—своею безусловною искренностью, добросовѣстностью и настойчивостью въ исканіи истины, представляетъ иллюстрацію и лучшихъ чертъ русскаго ума, русской философіи, тѣхъ чертъ, которыя могутъ служить залогомъ для самыхъ широкихъ надеждъ на глубокое и всестороннее развитие русской философской мысли.

Въ этомъ разностороннемъ значеніи трудовъ и философской дѣятельности Грота и заключаются мотивы, побудившіе насъ заняться систематическимъ обзоромъ его философскихъ произведеній.

Г л а в а I.

Первый (позитивный) періодъ философской дѣятельности Грота (1877—1884 г.)

Работы по теоретической философіи и разработкѣ частныхъ философскихъ дисциплинъ: „Критическій очеркъ о философскихъ этюдахъ Козлова“; Психологія чувствованій; „Философія, какъ вѣтъ искусства“; „Къ вопросу о реформѣ логики“; „О критеріяхъ истины“; „Основные типы философскихъ построеній въ разные эпохи: „Классификація наукъ“.

Прежде, чѣмъ начать систематическое обзорѣніе философскихъ произведеній Грота, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о характерѣ той эпохи, во время которой онъ выступилъ на философское поприще. Первымъ философскимъ трудомъ Грота былъ „Критическій очеркъ о философскихъ этюдахъ Козлова“. Очеркъ этотъ появился въ печати въ 1877 году; слѣдовательно, Гротъ выступилъ на философское поприще во второй половинѣ 70 годовъ. Что же представляла собою въ исторіи русской мысли вторая половина 70 годовъ. Намъ уже приходилось давать въ печати характеристику направленія

этой мысли въ 70 годы ¹⁾. Мы приведемъ здѣсь существенныя черты этой характеристики. 70-годы были въ исторіи русской философской мысли временемъ подавляющаго господства матеріализма и позитивизма. Матеріализмъ и особенно позитивизмъ проникли въ то время и въ журналистику, и въ публицистику, и на ученыя кафедры. Особенно силенъ былъ позитивизмъ, всѣ, наиболѣе видныя, научныя журналы того времени, напр. „Знаніе“, а также и обще-литературныя журналы, напр. „Отечественныя Записки“ были проникнуты позитивистическимъ духомъ; всѣ эти журналы наводнялись переводами иностранныхъ матеріалистовъ и позитивистовъ (Бюхнера, Фохта, Молашотта, Дарвина, Спенсера, Милля) и произведеніями нашихъ собственныхъ русскихъ позитивистовъ (Лаврова, Михайловскаго, Лесевича, Троицкаго и др.). Среди общества вліяніе позитивизма было также очень сильно, особенно между учащеюся молодежью. Большинство изъ нея, если и признавало и понимало какую-либо философію, то именно только философію позитивизма. Всякая же другая философія была въ большомъ загонѣ ²⁾. Общими богами были: Контъ и Спенсеръ, а для многихъ даже Бюхнеръ и Фохтъ съ ихъ единомышленниками. Но какъ ни было сильно господство позитивизма въ 70 годы, а все же реакція ему послѣдовала еще въ первую половину этого десятилітія. Такъ уже въ 1874 г. появился „Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ“ В. Соловьева; и въ томъ же году позитивизмъ вызываетъ себѣ строгій разборъ съ кафедръ двухъ старѣйшихъ, высшихъ Московскихъ учебныхъ заведеній: Университета и Академіи. 12-го января 1874 г., въ актовомъ рѣчи въ Московскомъ университетѣ, профессоръ Цигнеръ рѣшительно высказывается противъ позитивизма съ точки зрѣнія естествознанія, а 1-го октября 1874 г., тоже въ актовомъ рѣчи—Московской Духовной Академіи, извѣстный профессоръ В. Д. Бударцевъ даетъ еще

¹⁾ См. объ этомъ начала нашихъ статей: „О философскихъ воззрѣніяхъ пр. Псконора, архіеп. Одесскаго“ (Вѣра и Разумъ 1901 г., № 16 и слѣд.) и „Русскій Оригенъ XIX в. (В. С. Соловьевъ)“—(Вѣра и Разумъ—1902 г. № 10 и слѣд.).

²⁾ См. объ этомъ указанія въ статьѣ самого Грота: „О направленіяхъ и задачахъ моей философіи“ 1886 г.

болѣе строгій разборъ позитивизма—уже съ точки зрѣнія религіи и философіи. Но и помимо этого, въ 70 годы стали появляться отдѣльные симптомы новыхъ интересовъ и увлеченій русскаго мыслящаго общества. Такъ, въ 70 годы начали много писать о Шопенгауэрѣ (о немъ первыми стали писать: Козловъ, Цертелевъ, Оболенскій, Ѡ. Гусевъ); о Гартманѣ (его произведенія стали появляться въ переводѣ съ 1873 г.); Дюрингѣ (о немъ одними изъ первыхъ заговорили Милословскій (проф. Казан. Дух. Акад.) и Козловъ). Но все же въ общемъ всѣ эти отдѣльные голоса противъ позитивизма, всѣ эти выраженія симпатіи другимъ направленіямъ философіи, были очень слабы: реакція позитивизму была очень незначительна, и почва для выработки и развитія у насъ болѣе широкаго философскаго міровоззрѣнія была еще очень мало подготовлена, очень плохо расчищена. Насколько она была мало подготовлена, это видно изъ того, что когда явился Соловьевъ съ своимъ „Кризисомъ западной философіи“, то большая часть молодежи рѣшительно его не понимала и безусловно отвергала его точку зрѣнія ¹⁾. Вообще, повторяемъ, позитивизмъ въ 70 годы еще царилъ, и почва для другихъ философскихъ системъ еще не была приготовлена, хотя вниманіе и интересъ и къ другимъ системамъ, и вообще къ философіи, стали возникать въ русскомъ образованномъ обществѣ, что можно видѣть хотя бы изъ того, что общество отнеслось къ факту оживленной журнальной полемики Кавелина, Сѣченова и Самарина по поводу „Задачъ психологіи“ перваго. Итакъ, вотъ каковы были главныя черты умственнаго настроенія той эпохи, среди которой выступилъ на философское поприще нашъ мыслитель Н. Я. Гротъ.

Николай Яковлевичъ Гротъ, сынъ извѣстнаго ученаго и вице-президента Академіи Наукъ Я. К. Грота, родился, въ 1852 году. Высшее образованіе онъ получалъ въ Петербургскомъ Университетѣ. Философское призваніе его, а также его философскія симпатіи опредѣлялись, когда онъ былъ еще студентомъ. На первыхъ порахъ онъ всецѣло примкнулъ къ по-

¹⁾ См. объ этомъ указанія въ цитированной статьѣ Грота: „О направленіи и задачахъ моей философіи“.

зитивизму и философію рѣшительно отождествлялъ съ психологіей. Въ 1876 г., послѣ окончанія Петербургскаго Университета и годичнаго приготовленія за границей, онъ, 23 лѣтъ отъ роду, сталъ профессоромъ въ Нѣжинскомъ Институтѣ, а въ слѣдующемъ—1877 году уже выпустилъ въ свѣтъ свой первый трудъ по философіи—„Критическій очеркъ о философскихъ этюдахъ Козлова“¹⁾. Въ этой статьѣ авторъ стоитъ рѣшительно на позитивной точкѣ зрѣнія: онъ здѣсь, какъ самъ о себѣ въ послѣдствіи говорилъ²⁾, отрицаетъ всякую философію внѣ наукъ психологическихъ, исходя изъ той истины, что всякое истинное знаніе есть наука и что двухъ наукъ, специальной и общей (философіи), объ однихъ и тѣхъ же предметахъ быть не можетъ, ибо и специальныя науки стремятся къ общимъ выводамъ. Онѣ по Гроту и даютъ то общее, что могутъ, а большее, чѣмъ то, что онѣ въ состояніи дать, будетъ уже лежать внѣ науки, будетъ опираться на чувство, на субъективное въ душѣ; но субъективное, по нашему автору, то же, что и личное; отсюда же тотъ выводъ, что общей, для всѣхъ обязательной, философіи быть не можетъ: каждый въ правѣ философствовать и подводить итоги специальнымъ знаніямъ только для себя: таково резюме взглядовъ Грота въ первой его статьѣ.

Для болѣе яснаго знакомства съ его взглядами мы разберемъ нѣсколько подробнѣе эту статью. Свои философскіе взгляды Гротъ высказываетъ, исходя изъ критики этюдовъ Козлова.

¹⁾ При изложеніи воззрѣній Грота мы будемъ держаться преимущественно хронологическаго порядка, такъ какъ, если чьи взгляды необходимо изучать исторически, то именно Грота. При установленіи генезиса философіи Грота, мы удѣлимъ особенное вниманіе статьѣ самого Грота „О направленіи и задачахъ моей философіи“ (въ отвѣтъ Прессѣ. Никанору), гдѣ Гротъ выясняетъ генезисъ—своей философіи (до 1886 г.). Конечно, авторъ могъ ошибаться въ опредѣленіи хода своей философской дѣятельности. Извѣстно даже, что иногда со стороны виднѣе бываетъ ходъ развитія человѣка; но все же мы не сочли себя въ правѣ игнорировать заявленія самого Грота о ходѣ его философскаго развитія. Всю 22 лѣтнюю философскую дѣятельность Грота (1877—1899 г.) мы раздѣляемъ на 3 періода, по господствующему тову его міровоззрѣнія: 1-й періодъ—позитивный (съ 1877 по 1884 г.) (приблизительно); 2-й—идеалистическо-метафизическій (1885—1894 г.) и 3-й—научно-идеалистическій (съ 1895 г.—по 1899).

²⁾ См. „О направленіи и задачахъ моей философіи. Прав. Обоз. 1886 г. 12, 796 стр.

По Козлову, философія имѣеть своимъ предметомъ міръ, какъ цѣлое—состоящее изъ суммы всѣхъ вещей, явленій, событій, входящихъ въ сознание человѣческое; по его (Козлова) мнѣнію, философія, какъ наука о мірѣ въ его цѣломъ, есть особая наука. Доказательство вѣрности своего опредѣленія философіи Козловъ видитъ, въ томъ, что лишь въ томъ случаѣ можно примирить всѣ часто противоположныя философскія системы и направленія въ понятіи философіи ¹⁾, когда мы примемъ за ея предметъ міръ; только тогда эти направленія образуютъ виды по отношенію къ общему родовому понятію: міросозерпаніе.

Гротъ находитъ, что опредѣленіе предмета такимъ способомъ едва ли можетъ быть основательнымъ. „Мы позволяемъ себѣ спросить читателей, говоритъ онъ ²⁾, достаточно ли собрать всѣ сходныя черты въ дѣятельности людей, случайно признаваемыхъ общественнымъ сознаниемъ за философовъ, выразить эти сходныя черты въ одномъ опредѣленіи и приставить это опредѣленіе къ термину „для“—чтобы доказать, что такое то содержаніе философія дѣйствительно можетъ и должна имѣть въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ? Для того, чтобы согласиться съ такимъ приѣмомъ доказательства, необходимо было бы признать непогрѣшимость абсурднаго принципа: то, что существовало прежде, этимъ самымъ фактомъ своего прошедшаго существованія доказываетъ свои неизмѣнныя права на неизмѣнное существованіе въ будущемъ. Но такое положеніе есть явное *prouton feyddos*; отсюда и основанный на немъ выводъ не выдерживаетъ критики“. Но авторъ находитъ несостоятельнымъ и взглядъ Козлова на характеръ работы, которая должна выпасть на долю философіи. При раздѣленіи труда между науками, при дифференцированіи ихъ задачъ, Козловъ находитъ, что эта работа философіи должна быть синтезомъ результатовъ, добытыхъ всѣми прочими отраслями знанія. Но спрашиваетъ авторъ, возможна ли и нужна ли подобная наука, которая имѣла бы спеціальностью своей такой высшій синтезъ? Историческій опытъ, отвѣчаетъ Гротъ ³⁾, по-

¹⁾ Хотя бы напр. такіа противоположныя системы, какъ Шиллинга и Конта; Фихте и Спенсера, Тренделенбурга и Фейербаха, Гегеля и Дюринга и др.

²⁾ Гротъ. Крит. оч. объ этюд. Козлова, стр. 5.

³⁾ Стр. 7.

казалъ противоположное. Самъ Козловъ, основываясь на данныхъ исторіи, говоритъ: „предметы естественныхъ наукъ обозначаются ясно, точно, однообразно, не подавая повода къ недоразумѣніямъ; между тѣмъ какъ ученые философы до сихъ поръ разногласятъ въ обозначеніи предмета своей науки“. Но, очевидно, иронически заключаетъ на это Гротъ, наука въ которой предметъ еще не опредѣлился, не есть еще наука въ своемъ прошедшемъ и настоящемъ; а если такъ, то можетъ ли она сдѣлаться такою въ будущемъ? Трудно сомнѣваться въ отрицательномъ отвѣтѣ. Да при томъ, продолжаетъ свои возраженія Гротъ, еще вопросъ, нужна ли она въ будущемъ. Нашъ мыслитель находитъ, что и частныя науки иногда слишкомъ далеко заходятъ за предѣлы строго индуктивнаго синтеза и этимъ самымъ уже съ избыткомъ удовлетворяютъ всѣмъ синтетическимъ потребностямъ науки, а философія, какъ особая наука, съ этой точки зрѣнія уже совершенно излишня.

Но этого мало; она была бы по Гроту и невозможна, если бы даже ея задачи и не выполнялись другими спеціальностями. Такъ, прежде всего она отличалась бы крайнею шаткостью, какъ гипотеза, построенная на гипотезахъ; но кромѣ того, она по строгой логикѣ здраваго смысла, не могла бы имѣть никакой самостоятельности въ характерѣ своихъ построений. Гротъ эту свою мысль такъ выясняетъ: „въ частныхъ наукахъ исходными точками служатъ твердые, неизмѣнные по существу, факты, но и въ ихъ разработкѣ часто нужны поправки, вслѣдствіе возможнаго измѣненія наблюдаемыхъ формъ предметовъ, а вмѣстѣ съ ними и точекъ зрѣнія науки. Въ философіи матеріаломъ были бы неустойчивыя гипотезы другихъ вѣтвей знанія. Если бы задача философіи состояла въ синтезѣ этихъ гипотезъ, то, очевидно, съ каждымъ новымъ открытіемъ науки, философія должна была бы механически перестраивать свои теоріи. Будучи же равнодѣйствующей всѣхъ положительныхъ наукъ, она принуждена была бы лавировать, смотря по направленію, какое принимаютъ частныя науки въ ту или другую сторону. Нашъ философъ находитъ, что такъ именно и было въ ея исторіи. Слѣдовательно, по нашему философу выходитъ, что философія, какъ прочная спеціальность, могущая дать

какіе нибудь неопровержимые и устойчивые принципы человечеству, невозможна по самому отношенію своему къ другимъ наукамъ. Но она, по его мнѣнію, невозможна и потому еще, что, съ увеличивающимся запасомъ фактическихъ знаній, задачи философа дѣлаются практически неосуществимыми. „Хорошо, говоритъ Гротъ, было философствовать Thalесу и Пифагору, когда почти весь эмпирический фундаментъ, на которомъ они возводили свое зданіе, былъ ими же и положенъ. Но гдѣ же намъ и нашимъ потомкамъ обнять всѣ области науки, когда мы рѣдко обнимаемъ, какъ слѣдуетъ, одну вѣточку ея вѣтвей. Полагаться же на авторитеты немислимо, ибо самые авторитеты часто противорѣчатъ другъ другу; да и самое понятіе „авторитетъ“ совершенно „субъективное“. Выводъ изъ этихъ разсужденій тотъ, что „философія, какъ особая наука о мірѣ въ его цѣломъ, выходящая изъ общихъ положеній другихъ наукъ, не только не нужна, но и не возможна, какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки „зрѣнія“¹⁾.

Но, отрицая общее значеніе философіи, Гротъ все-таки допускаетъ возможность и даже необходимость личнаго философствованія. Пока частныя вѣтви знанія не пришли въ естественномъ ходѣ своей эволюціи къ удовлетворительному синтезу законовъ, управляющихъ міромъ, до тѣхъ поръ каждый развитой человѣкъ непремѣнно обязанъ—самъ про себя—подвести итоги своимъ знаніямъ, отдать отчетъ въ своихъ отношеніяхъ къ окружающей его сферѣ явленій; и на дѣлѣ люди всѣ совершаютъ, иногда даже безсознательно, это обобщеніе. Но, подчеркиваетъ нашъ мыслитель, не слѣдуетъ возводить эти субъективные итоги мышленія въ объективныя нормы науки. При ограниченности того, что человѣкъ можетъ узнать и изучить въ теченіе своей жизни, наши общія идеи о мірѣ всегда будутъ условны, годны для насъ однихъ, пока онѣ не разовьются въ средѣ самой науки, создаваемой десятками вѣковъ и сотнями поколѣній. „Муравей, приводитъ аналогію Гротъ, не можетъ одинъ построить муравьиной кучи“ (11 стр.).

Итакъ, философскій синтезъ долженъ считаться дѣломъ

1) 10 стр.

празднымъ, и ни къ чему не ведущимъ только въ томъ случаѣ, если придавать синтетической работѣ нашего ума объективную научную цѣну; но если такъ называть только экзотерическій по отношенію къ наукѣ умственный процессъ, то этотъ процессъ также необходимъ для каждой развитой личности, какъ необходима крыша для cadaго обитаемаго зданія, какихъ бы она ни была цвѣтовъ и очертаній.

Но нашъ мыслитель, не признающій значенія философіи со стороны теоретической, держится и того мнѣнія, что философія совершенно бесполезна и съ практической стороны. Человѣчество можетъ совершенно обойтись безъ философскихъ системъ при устройствѣ разумнаго социальнаго быта; она совершенно излишня рядомъ съ такими реальными основами человѣческаго воспитанія, какъ напр. психологическая педагогика.

Подводя итоги своей критикѣ, Гротъ находитъ, что философія, какъ специальность изучающая міръ въ его цѣломъ и занимающаяся синтезомъ результатовъ, добытыхъ частными вѣтвями знанія, уже невозможна въ будущемъ. Конечно, наука вообще будетъ проходить въ своемъ развитіи снова и не разъ фазы философскаго синтетическаго характера, но это будетъ совершаться по почину существующей совокупности частныхъ наукъ, направленныхъ только къ разрѣшенію иныхъ вопросовъ, чѣмъ какіе ихъ занимаютъ теперь. Философія, какъ синтезъ, есть неизбежная ступень въ развитіи познавательной дѣятельности, потому то она и является характернымъ направлениемъ частныхъ изслѣдованій въ отдѣльные періоды времени, слѣдующіе за переполненіемъ научныхъ архивовъ всевозможнымъ, какъ драгоценнымъ, такъ и сорнымъ матеріаломъ анализа; но какъ явленіе, наступающее періодически, синтезъ, конечно, не можетъ составлять задачи особой, вѣчно пребывающей специальности; отсюда — полная неудача тѣхъ философовъ, которые являлись со своими системами не во время.. Гротъ находитъ, что нашъ вѣкъ есть именно такое неподходящее для синтеза время. Оттого, замѣчаетъ Гротъ, всѣ столпы такъ называемой современной философіи суть либо реалисты психологи, либо историки. Выясняя далѣе современное значеніе философіи, Гротъ говоритъ, что

въ наше время ¹⁾, если смотрѣть на дѣло со строго-логической точки зрѣнія, правильно пониманіе философіи только какъ родового термина для нѣсколькихъ, сходныхъ по предмету, наукъ. Въ этомъ смыслѣ терминъ „философія“ можетъ быть употребляемъ въ двухъ значеніяхъ: или для объединенія частныхъ наукъ психологическаго характера,—такой смыслъ, придаваемый философіи, оправдывается и историческимъ фактомъ отдѣленія означенныхъ специальностей послѣ всѣхъ прочихъ отъ философіи, какъ общей матери наукъ;—или же этотъ родовой терминъ получить еще больший объемъ, если обозначить имъ всѣ специальности, изслѣдующія данныя субъективной жизни, сознанія, въ противоположность объективнымъ фактамъ,—и тогда философію будутъ составлять столько же психологическія науки, какъ и историческія, юридическія, филологическія; философія, въ противоположность естествознанію, будетъ означать всѣ гуманитарныя науки. Но есть еще и третій способъ пониманія термина „философія“, способъ школьный, объединяющій въ названіи „философія“ кругъ наукъ полуисторическаго и полутеоретическаго характера, преподаваемыхъ въ неразрывной связи въ университетахъ,—способъ, оправдываемый лишь академическими традиціями.

Видя въ терминѣ „философія“ въ первомъ и третьемъ случаяхъ только извѣстный *Natus vocis*, а во второмъ только *conceptus mentis*, нашъ мыслитель находитъ также мало основательнымъ признать возможность особой науки философіи, которая бы не была ни психологіей, ни логикой, ни исторіей философіи, какъ мало основательно и неестественно признавать особую науку *αὐτό καὶ αὐτό*, такую науку, которая не была бы ни фізіологіей, ни химіей, ни вообще какой либо изъ частныхъ вѣтвей природовѣдѣнія (27).

Въ заключеніи Гротъ высказываетъ свои *ria desideria*, отъ будущихъ работъ русскихъ философовъ, указываетъ на направление, въ которомъ должны работать русскіе „философы“, желающіе создать „русскую философію“. Всякій народъ, какъ и всякая личность, долженъ стремиться начинать тамъ, гдѣ

¹⁾ Т. е. въ эпоху появленія настоящаго очерка (1876 г.).

зючили его предшественники. Философіи системы отжили свое время, и нашъ мыслитель находить, что русскимъ философамъ по профессіи не только надо навсегда отказаться отъ построеній подобныхъ системъ, но на время воздержаться и отъ спеціального разбора таковыхъ съ исторической точки зрѣнія.

Вмѣсто этого, по Гроту, мы—русскіе—должны устремиться прямо на вопросы дня, а вопросами дня въ философіи Гротъ считаетъ спеціальныя психологическіе вопросы. Спеціальныя работы надъ этими вопросами, на ряду съ переводомъ и популяризацией лучшихъ западныхъ сочиненій той же категоріи, вотъ по Гроту наша русская задача. Нашъ мыслитель выражаетъ увѣренность, что только выполненіемъ ея мы можемъ надѣяться избѣгнуть переливанія изъ пустого въ порожне¹⁾. Таково содержаніе перваго философскаго труда Грота. Мы остановились довольно долго на анализѣ этого произведенія въ тѣхъ видахъ, чтобы яснѣе обрисовать исходную точку отправленія философскихъ построеній разбираемаго нами автора, и чтобы этимъ самымъ предоставить читателю самому ясно увидѣть, въ чемъ и въ какую сторону, были уклоненія Грота въ послѣдующихъ его произведеніяхъ.

Итакъ, мы видѣли, что точка зрѣнія автора въ первомъ философскомъ опытѣ была строго позитивная. Но, благодаря своимъ серьезнымъ научнымъ занятіямъ, своему знакомству съ новѣйшими движеніями мысли, благодаря, наконецъ, своему искреннему стремленію къ истинѣ, Гротъ не могъ на всю жизнь замереть на одной точкѣ зрѣнія, на одной системѣ, особенно такой односторонней, какъ позитивизмъ. На чистомъ позитивизмѣ Гротъ стоялъ только три года. Философскія занятія скоро привели его къ другимъ научнымъ выводамъ: изъ позитивиста конца семидесятыхъ годовъ Гротъ, какъ извѣстно, сдѣлался, въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девятидесятыхъ годовъ,—метафизикомъ. Какъ совершилась эта метаморфоза, мы постараемся выяснитъ въ нашемъ очеркѣ; пока же обратимъ вниманіе на то, что уже въ первомъ, разобранномъ нами очеркѣ, проглядывали, хотя довольно скрытно, нѣкоторыя

1) 28 стр.

положенія, которыя могли, со временемъ, стать поворотными точками въ замѣнѣ однихъ убѣжденій другими. Однимъ изъ такихъ положеній было мнѣніе Грота о высокомъ значеніи, личнаго творчества. Это положеніе и было основною посылкою и исходнымъ пунктомъ его слѣдующихъ философскихъ изслѣдованій и построеній.

Спеціальныя занятія Грота въ первые годы его профессорской дѣятельности были посвящены психологическимъ изслѣдованіямъ ¹⁾. Работая же надъ психологіей, какъ спеціальной наукой, онъ особенно занялся вопросомъ о природѣ чувствъ и чувствованій. Занялся этимъ онъ, какъ и самъ говоритъ ²⁾, прежде всего, подъ воедѣйствіемъ философскаго инстинкта, побуждавшаго его точнѣе выяснить роль и значеніе чувства, какъ основы общихъ построеній каждаго философа. Результатомъ изслѣдованій въ области этого вопроса явилось большое сочиненіе—„Психологія чувствованій“—въ ея исторіи и главныхъ основахъ (магистерская диссертація) (1880 г.) Анализомъ этого сочиненія мы и займемся теперь. „Психологія чувствованій“ состоитъ изъ двухъ частей—исторической (1—410 стр.) и теоретической (410—551). Въ исторической части Гротъ излагаетъ исторію анализа и синтеза чувствованій. Послѣ предварительныхъ замѣчаній онъ излагаетъ „исторію классификаціи феноменовъ и взглядовъ на отношеніе чувствованій къ прочимъ явленіямъ психической жизни“. Всю эту исторію онъ дѣлитъ на 4 періода: 1) древній 2) средне-вѣковій, 3) новый (до Канта и 4) новѣйшій (съ Канта). Затѣмъ, во второй части исторической половины, Гротъ излагаетъ исторію ученій объ удовольствіи и страданіи и различныхъ способовъ классификаціи чувствованій. Во второй (теоретической) половинѣ своего сочиненія Гротъ даетъ основы анализа и синтеза чувствованій. Здѣсь онъ разбираетъ значеніе чувствованій (въ связи съ классификаціей психическихъ явленій), показываетъ условія ихъ образованія и даетъ основы

¹⁾ Самая первая работа его по психологіи была посвящена частному вопросу—„О снѣ и сновидѣніяхъ“.—1878 г.

²⁾ См. объ этомъ въ статьѣ самого Грота „О направленіяхъ и задачахъ моеѣ философіи. (Прав. Обзор. 1886 г. Дек., 797 стр.).

ихъ классификаціи. Въ заключеніе своего сочиненія авторъ подводитъ итоги работъ. Задача сочиненія, по словамъ автора, такова (см. 551 стр.); при помощи историческаго и теоретическаго разбора выяснитъ точныя задачи Психологіи чувствованій и основы этой науки, которыя могли бы, какъ содѣйствовать объединенію всѣхъ разрозненныхъ попытокъ анализа, такъ и дать имъ правильное и вполне сознательное направленіе.

Для ознакомленія со взглядами Грота на этотъ предметъ и вообще для выясненія генезиса его философіи не имѣетъ большого значенія историческая часть „психологіи чувствованій“, такъ какъ здѣсь самостоятельно является только группировка различныхъ философскихъ ученій о чувствованіяхъ, и собственные взгляды автора не высказываются ясно. Другое дѣло—теоретическая часть: здѣсь авторъ далъ общія обоснованія своей теоріи, и потому мы прямо перейдемъ къ этой части. Но нужно замѣтить, что въ теоретической части выводы Грота являются не ex abrupto, но какъ результаты серьезнаго историческаго анализа психологическихъ воззрѣній выдающихся философскихъ системъ. Авторъ признаетъ великое значеніе за исторіей психологіи ¹⁾. „Историческое изученіе вопроса, говоритъ онъ, позволяетъ не только во многомъ исправить и расширить свои выводы, но и опредѣлить въ точности отношеніе своей работы ко всѣмъ предшествующимъ, а это ведетъ къ болѣе скромной оцѣнкѣ своихъ личныхъ заслугъ въ разработкѣ вопроса: чѣмъ большее количество чужихъ работъ изучаетъ изслѣдователь, тѣмъ болѣе онъ убѣждается, какъ мало значатъ личные труды одного человѣка при разработкѣ какой нибудь, хотя бы весьма тѣсной области знанія“. Значеніе отдѣльныхъ работниковъ на почвѣ науки умалется еще тѣмъ, что каждый изслѣдователь безсознательно и произвольно бываетъ подчиненъ не только извѣстному числу предразсудковъ, свойственныхъ всякому моменту развитія той или другой науки, но и тому спеціальному направленію въ изслѣдованіи даннаго вопроса, которое является продуктомъ времени и его условій и составляетъ послѣдній фазисъ развитія вопроса. Нашъ авторъ находитъ, что

¹⁾ Психол. чувствованій 1879—80 г. 414 стр.

такое подчиненіе объясняется законами ассоціаціи. Опровергая своихъ ближайшихъ предшественниковъ, мы уже тѣмъ самымъ безсознательно и неизбежно становимся до нѣкоторой степени на ихъ точку зрѣнія при постановкѣ вопросовъ; стараясь исправить выводы, мы невольно ищемъ подтвержденія своимъ мыслямъ въ той самой области фактовъ, которая служила матеріаломъ и для ихъ обобщеній. Все это устанавливаетъ тѣсную, хотя бы и незамѣтную съ перваго взгляда, связь между новой работой и предыдущими и имѣетъ послѣдствіемъ строгую преемственность въ развитіи каждой вѣтви знанія. Изъ такого взгляда на значеніе научной традиціи въ исторіи каждой науки Гротъ выводитъ опредѣленіе характера своей работы. „Если мы,—говоритъ онъ ¹⁾, въ связи съ собственными наблюденіями критически разберемъ направленія и опредѣленія, данныя нашими предшественниками, то, очевидно, будемъ въ состояніи оказать наукѣ лучшую услугу, чѣмъ если, порвавъ связь со всѣми предшествующими изслѣдованіями, начнемъ всю работу съ начала, т. е., начнемъ съ новаго собранія фактовъ, новаго описанія ихъ и самостоятельнаго разбора. Такіе взгляды на значеніе предшествующихъ работъ по психологіи и даютъ Гроту задачу,—не отвергая этихъ работъ, но пользуясь ими, опредѣлить критическимъ путемъ хотя бы только нѣсколько правильныхъ основъ для будущей, болѣе подробной, разработки психологическихъ явленій. Отсюда задача теоретическаго очерка „Психологіи чувствованій“ состоитъ только въ опредѣленіи основъ анализа и синтеза чувствованій для будущей психологіи. Частныя задачи изслѣдованія Гротъ опредѣляетъ такъ: 1) Прежде всего необходимо выяснитъ, какія явленія должно обнимать понятіе чувствованій; 2) затѣмъ надо опредѣлить законъ генезиса чувствованій на самой первоначальной стадіи ихъ развитія; 3) надо разобрать основы правильнаго распредѣленія всѣхъ чувствованій, имѣющихъ примитивный характеръ, и попытаться сдѣлать примѣрное ихъ распредѣленіе; 4) надо изслѣдовать и точно формулировать законы осложненія примитивныхъ чув-

¹⁾ Псих. чувств. 416 стр.

ствованій; 5) въ связи съ этими законами необходимо точнѣе выяснить отдѣльные фазисы осложненія чувствованій и приемы описанія, распредѣленія и изслѣдованія сложныхъ чувствъ и волненій ¹⁾. Сообразно плану своей работы, Гротъ и начинаетъ свое изслѣдованіе съ уясненія понятія „чувствованіе“. Терминъ „чувствованіе“, по Гроту, долженъ обнимать собою только ограниченныя душевныя состоянія, но зато всю совокупность явленій удовольствія и страданія, т. е. всѣ тѣ пассивныя психическія состоянія, которыя можно разсматривать, какъ продуктъ субъективной оцѣнки дѣйствующихъ на нервную систему раздраженій, какой бы источникъ они не имѣли—внѣшній или внутренній. При изслѣдованіи вопроса о чувствованіяхъ однимъ изъ первыхъ является вопросъ о зависимости чувствованій отъ ощущеній. Но авторъ „Психологіи чувствованій“ находитъ, что въ рѣшеніи этого вопроса пока еще сдѣлано очень мало. По Гроту, вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ чувствованія фізіологически отдѣлимы отъ ощущеній, и есть ли особый центръ для чувствованій, и въ настоящее время находится въ такомъ же положеніи, какъ 100 лѣтъ тому назадъ. Помощь фізіологіи въ уясненіи этого вопроса въ настоящее время можетъ быть лишь весьма ничтожна. Но Гротъ находитъ, что это обстоятельство не должно лишать изслѣдователя всякой надежды на рѣшеніе вопроса. Фізіологія пока по преимуществу наука частная и она должна и можетъ оказывать помощь психологу преимущественно въ спеціальному анализѣ. И нашъ авторъ рѣшительно проводитъ ту мысль, что въ общихъ различеніяхъ своихъ психологъ долженъ опираться не на фізіологію, а на біологію, т. е. на общую науку о жизни и ея развитіи, такъ какъ психическая жизнь несомнѣнно составляетъ только частную область цѣлой жизни организма ²⁾. Что же касается значенія біологіи для психологіи, то Гротъ рѣшительно убѣжденъ, что біологія можетъ оказать требуемое содѣйствіе для психолога, ибо, вслѣдствіе сравнительнаго характера своихъ приемовъ, она значительно опередила фізіологію въ опредѣленіи законовъ существованія и развитія организмовъ. Но, въ рѣшеніи даннаго вопроса—о

¹⁾ Ibid, 417 стр.

²⁾ Псах. чувств., 422—3 стр.

зависимости чувствованій отъ ощущеній—помощь биологiи необходима лишь въ весьма скромныхъ размѣрахъ. Гротъ находитъ, что достаточно будетъ заимствовать изъ нея общее опредѣленіе жизни, чтобы изъ этого опредѣленія вывести опредѣленіе психической жизни и ея элементовъ. Но такъ какъ такое общее опредѣленіе жизни биологiя несомнѣнно можетъ дать, то Гротъ полагаетъ, что дедуктивнымъ путемъ изъ данныхъ биологiи можно будетъ извлечь основанія для прочнаго установленія важнѣйшихъ психологическихъ терминовъ. Но, имѣя намѣреніе, на основаніи общаго опредѣленія жизни, выработать естественное распредѣленіе элементовъ психической дѣятельности, авторъ „Психологiи чувствованій“ однако считаетъ необходимымъ рѣшить еще одинъ вопросъ, а именно: какой общій характеръ имѣютъ эти элементы. Нашъ авторъ находитъ, что для рѣшенія этого вопроса достаточно и тѣхъ фактовъ, которые даетъ самонаблюденіе. Самонаблюденіе же представляетъ намъ слѣдующія данныя: всѣ наши психическія состоянія въ дѣйствительности весьма сложны: каждое содержитъ въ себѣ извѣстное число простыхъ элементовъ и всякое, такъ назыв. „чувство“, вытекаетъ изъ множества „ощущеній“ и чувствованій. Гротъ находитъ, что уже на основаніи простаго воспроизведенія въ своемъ сознаніи тѣхъ состояній, которыя въ предшествующее время составляли содержаніе нашей психологической жизни, мы можемъ заключить, что развитіе психическаго процесса подобно дѣйствіямъ весьма сложной машины, и что элементы этого процесса никогда не бывають даны въ опытѣ порознь, а всегда вмѣстѣ, и обнаружить ихъ можно только путемъ особыхъ приѣмовъ анализа.

Но какого же именно характера эти элементы, съ какими другими элементами въ природѣ ихъ можно сравнивать? Авторъ находитъ, что психическія явленія могутъ быть уподобляемы съ извѣстной точки зрѣнія, физическимъ процессамъ, и только потому и могутъ быть доступны научному изслѣдованію. Психическіе элементы имѣютъ ту особенность, что они (хотя бы 2 изъ нихъ) не могутъ происходить одновременно или послѣдовательно, не входя въ непосредственное соприкосновеніе другъ съ другомъ и не связываясь въ одинъ, болѣе или

менѣе цѣльный, процессъ. Процессъ этотъ по нашему автору имѣетъ свое начало въ ощущеніяхъ органовъ чувствъ и конецъ—въ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ или движеніяхъ организма по поводу ощущеній; такимъ образомъ, общій оборотъ психической дѣятельности въ теченіе дня слагается изъ цѣлага ряда переходящихъ другъ въ друга частныхъ оборотовъ съ самостоятельными началами и концами. Именно, каждый полный оборотъ психического процесса заключаетъ въ себѣ 4 момента: 1) внѣшнее впечатлѣніе на психическій организмъ—ощущеніе 2) переработка этого внѣшняго впечатлѣнія во внутреннее (чувство). 3) Вызванное этимъ внутреннимъ впечатлѣніемъ такое же внутреннее движеніе (стремленіе или хотѣніе). 4) Внѣшнее движеніе организма на встрѣчу предмету. Для большаго удобства контрастъ внутреннихъ и внѣшнихъ психическихъ моментовъ Гротъ считаетъ удобнѣе всего выразить обычными терминами „объективный“ и „субъективный“, такъ что по обычной терминологіи различіе четырехъ моментовъ психического процесса можно передать слѣдующими наименованіями:

1. Моментъ объективной воспріимчивости.
2. Моментъ субъективной воспріимчивости.
3. Моментъ субъективной дѣятельности.
4. Моментъ объективной дѣятельности.

Классификацію эту Гротъ не признаетъ—новою: принципы ея даны уже были нѣкоторыми психологами напр.: Кругомъ, Шмидтомъ; нашъ авторъ—психологъ далъ только этимъ принципамъ новое выраженіе и развитіе. Общею основою смѣны психическихъ явленій Гротъ признаетъ тотъ законъ, что ни одно чувствованіе не можетъ возникнуть безъ участія ощущенія, какъ ни одно стремленіе безъ участія чувствованія, ни одно движеніе безъ участія стремленія. Тотъ же законъ по нашему автору примѣнимъ и къ смѣнѣ сложныхъ психическихъ явленій, и потому его можно формулировать такъ: ни одно психическое явленіе, простое или сложное, не можетъ возникнуть безъ настоящаго, или хоть прошедшаго участія явленія, соотвѣтствующаго предыдущему моменту въ правильномъ типѣ психического оборота. Указавши положеніе чув-

ствованій въ ряду психическихъ явленій, Гротъ далѣе (въ X главѣ разбираетъ условія образованія первоначальныхъ ощущеній). Чувствованіями всего правильнѣе называть состоянія сознанія, которыя вытекаютъ изъ субъективной оцѣнки ощущеній. Такая *оцѣнка* выражается въ противоположныхъ состояніяхъ *удовольствія* и *страданія*, которыя служатъ первоначальными единственными источниками для образованія стремленій и движеній, т. е. для отвѣтной реакціи организма въ направленіи къ ви́шнему міру. Явленія же удовольствія и страданія уже по тѣмъ признакамъ, которые лежатъ въ самыхъ понятіяхъ, могутъ быть опредѣлены, какъ явленія сознанія, вытекающія изъ субъективной оцѣнки гармоніи или дисгармоніи какихъ-либо отношеній. Нашъ авторъ убѣжденъ, что мнѣніе большинства современныхъ психологовъ о томъ, что чувствованія удовольствія и страданія имѣютъ источникомъ бессознательную и относительную субъективную оцѣнку внутренней гармоніи и дисгармоніи въ организмѣ, или въ какой нибудь части его,—должно считаться твердою истиною, приобретенной психологіею. Послѣ анализа главнѣйшихъ изъ этихъ мнѣній Гротъ приходитъ къ тому чисто физиологическому выводу, что чувства удовольствія и страданія вытекаютъ изъ бессознательной и относительной оцѣнки двоякой гармоніи и двоякой дисгармоніи между тратою нашихъ веществъ и ихъ направленіемъ. Особенности своей теоріи касательно условій образованія первоначальныхъ чувствованій, сравнительно съ ученіями ближайшихъ предшественниковъ, Гротъ видитъ въ слѣдующемъ ¹⁾ онъ старался болѣе сознательно, чѣмъ прежде, противопоставить гипотезу о зависимости удовольствія и страданія отъ извѣстной оцѣнки внутреннихъ отношеній—всѣмъ гипотезамъ о происхожденіи ихъ изъ оцѣнки различныхъ другихъ отношеній. 2) Пользуясь физиологическою теоріею положительныхъ и отрицательныхъ молекулярныхъ процессовъ, авторъ стремился точнѣе предшественниковъ опредѣлить характеръ этихъ внутреннихъ отношеній, изгнавъ изъ этого опредѣленія рядъ отвлеченныхъ и относительныхъ понятій: совершенства и несовершенства, силъ и способностей.

¹⁾ Псих. чувств. 464—5 стр.

пользы, самосохранія и т. д. 3) Авторъ противопоставилъ другъ другу положительныя и отрицательныя удовольствія и страданія, выяснивъ и взаимныя отношенія этихъ явленій, т. е. законы ихъ преемства и отношеніе ихъ къ моментамъ общаго психическаго процесса. Но, обосновывая эту свою новую теорію, Гротъ не отрицаетъ того, что нѣкоторые намеки на его теорію можно встрѣтить уже у Декарта, Гоббеса и др. писателей XVII в., затѣмъ у Горвица, Дюмона, Спенсера и др. новѣйшихъ.—Но нашъ авторъ—психологъ подчеркиваетъ лишь то, что онъ пытался воспользоваться всѣми дѣльными обобщеніями своихъ предшественниковъ, чтобы изъ взаимнаго сочетанія и при помощи неизбѣжно связанныхъ съ такимъ сочетаніемъ поправокъ и дополненій, создать полную и точно формулированную теорію въ той области, гдѣ до сихъ поръ исключительно приходилось имѣть дѣло съ отдѣльными остроумными обобщеніями, никогда не удовлетворявшими новыхъ специалистовъ, принимавшихся за изслѣдованіе того же предмета. Сдѣлавши это замѣчаніе, Гротъ (въ XI главѣ) переходитъ къ выясненію основъ классификаціи, первоначальныхъ чувствованій. Классификація какихъ нибудь частей предмета, или явленій, въ немъ совершающихся можетъ быть, по нашему автору, признана естественною только въ томъ случаѣ, если она находится въ строгой связи съ свойствами, обнаруживаемыми цѣлымъ предметомъ, и съ общими законами его дѣятельности... Это требованіе должно быть примѣнено и къ распредѣленію психическихъ явленій, какого бы то ни было класса, если желательно, чтобы оно было естественно. И Гротъ находитъ, что распредѣленіе психическихъ явленій должно непременно вытекать изъ общихъ свойствъ организма и общихъ законовъ его дѣятельности, а потому должно быть поставлено въ связь съ общимъ дѣленіемъ всѣхъ его отправленій. Но такой принципъ еще ни разу не былъ примѣненъ во всей своей широтѣ къ классификаціи чувствованій. До сихъ поръ по Гроту ¹⁾ было три главныхъ начала классификаціи:

1) Или чувствованія попрежнему распредѣлялись по ступенямъ совершенствованія души; 2) или ихъ распредѣ-

¹⁾ 469 стр.

леніе основывалось на разнообразіи объектовъ, на которые они направлены; 3) или оно вытекало изъ разнообразія источниковъ чувствованій, а иногда условій ихъ образованія. Нашъ авторъ держится того мнѣнія, что классификація первоначальныхъ ощущеній должна быть произведена въ связи съ классификаціею ощущеній; и затѣмъ, классификація чувствованій, какъ и классификація ощущеній, должна стоять въ прямой зависимости отъ классификаціи всѣхъ отправленій организма, сколько нибудь доступныхъ контролю сознания. Слѣдовательно, по нашему автору необходимо только сдѣлать правильное распредѣленіе главныхъ группъ отправленій организма—и основы для классификаціи первоначальныхъ чувствованій, вмѣстѣ съ тѣмъ, будутъ найдены.

Распредѣляя внѣшнія и внутреннія ощущенія, связанныя съ обмѣномъ веществъ, Гротъ различаетъ слѣдующія 4 главныя группы растительныхъ отправленій организма: 1) кровообращеніе; 2) дыханіе; 3) пищевареніе; 4) воспроизведеніе—выдѣленіе. Подобное же распредѣленіе ощущеній, связанныхъ съ обмѣномъ силъ, приводитъ къ дѣленію животныхъ отправленій также на 4 группы: 1) движеніе; 2) воспроизведеніе; 3) субъективная дѣятельность сознания; 4) объективно-познавательная дѣятельность.—Итакъ, заключаетъ Гротъ, чувствительность, сопровождающая правильное развитіе каждаго общаго отправленія организма, можетъ содержать въ себѣ до 8 раздѣльныхъ элементовъ, а число всѣхъ элементарныхъ чувствованій, сопровождающихъ главныя отправленія, можетъ доходить до 64. Мы приведемъ здѣсь лишь одну первую таблицу этихъ чувствованій ¹⁾.

I.

Чувствованія, связанныя съ процессомъ кровообращенія, возникаютъ:

— Странія—при ощущеніи замедленія кровообращенія, застоя крови.	При ощущеніи холода.
— Удовольствія—при ощущеніи правильного кровообращенія.	При ощущеніи теплоты.

¹⁾ Желающихъ ближе познакомиться съ этою оригинальною классификаціей отсылаемъ къ самому сочиненію, см. 475—81 стр.

— Страданія—при ощущеніи слишкомъ напряженнаго и быстраго кровообращенія.

— Удовольствія—при ощущеніи восстановления кровообращенія.

При ощущеніи чрезмѣрнаго жара.

При ощущеніи вѣшней прохлады.

Въ слѣдующей (XII) главѣ авторъ изслѣдуетъ законы сложения чувствованій. Онъ находитъ, что законы психическаго развитія необходимо поставить въ связь съ двумя главными процессами интеграціи и дифференціаціи психическихъ явленій. Термины эти: „интеграція“ и „дифференціація“ Гротъ понимаетъ въ Спенсеровскомъ смыслѣ: ¹⁾ дифференціаціею признавая такое перераспредѣленіе матеріи и движенія, при которомъ одна дѣйствующая единица распадается на нѣсколько дѣйствующихъ единицъ, въ видахъ болѣе правильнаго и гармоническаго распредѣленія общей работы,—интеграціею же признавая, наоборотъ, такое переустройство матеріи и движенія, при которомъ элементы одной дѣйствующей единицы тѣснѣе сплачиваются въ одно цѣлое для болѣе согласнаго выполненія какихъ-нибудь дѣйствій. Прежде, чѣмъ выяснитъ условія интеграціи и дифференціаціи, нашъ мыслитель касается вопроса объ ассоціаціи; онъ указываетъ на то, что главными законами ассоціаціи новѣйшая англійская школа признаетъ законы смежности и сходства психическихъ явленій; но сходство, по воззрѣнію Грота, является лишь извѣстнымъ видомъ смежности; а именно—это есть особая внутренняя смежность „возбужденій“, смежность ихъ въ центрахъ психической дѣятельности, насколько послѣдніе участвуютъ въ воспріятіи каждаго впечатлѣнія,—смежность въ сензоріумѣ, какъ бы подраздѣленномъ на различные ящики, въ которыхъ сберегаются слѣды однородныхъ возбужденій. Ассоціація, такимъ образомъ, основана на вѣшней смежности раздраженій или внутренней смежности возбужденій.

Общими же условіями ассоціаціи по Гроту являются: вѣшняя смежность раздраженій или внутренняя смежность психическихъ возбужденій, одновременная или разновременная. Ус-

¹⁾ 488 и слѣд. стр.

ловія диссоціаціи обратны условіямъ ассоціаціи: внѣшнее разобщеніе раздраженій или внутреннее разобщеніе возбужденій, одновременное или разновременное—вотъ условія диссоціаціи. Въ связи съ указаніемъ условій ассоціаціи и диссоціаціи Гротъ и опредѣляетъ условія интеграціи и дифференціаціи. Условіями интеграціи психическихъ явленій тоже, прежде всего, являются условія памятованія ассоціаціи. Но, сверхъ того, есть и новыя условія, безъ которыхъ интеграція невозможна; такими условіями являются: внѣшнее органическое единство возбужденій, одновременнаго или разновременнаго характера. Условія *дифференціаціи* психическихъ явленій, помимо косвенныхъ условій забвенія и диссоціаціи, опять обратны условіямъ интеграціи: всякое распаденіе единства раздраженій и возбужденій на нѣсколько меньшихъ единствъ, т. е. дифференцированіе ихъ на меньшія группы, ведетъ къ дифференцированью несоотвѣтственныхъ агрегатовъ психическихъ явленій; иначе сказать, внѣшнее распаденіе группъ раздраженій, или внутреннее распаденіе образовавшихся группъ возбужденій, имѣющее то одновременный, то разновременный характеръ, ведетъ къ дифференціаціи и психическихъ агрегатовъ.

Таковы по Гроту общія условія различныхъ моментовъ психическаго развитія. Совокупность этихъ условій и составляетъ совокупность психическаго развитія.

Въ слѣдующей (XIII) главѣ Гротъ изслѣдуетъ развитіе первичныхъ чувствъ въ связи съ основами ихъ классификаціи. Онъ находитъ, что въ сущности всѣ феномены сознанія возникаютъ разомъ, т. е. другъ изъ друга, на неизмѣримо малыхъ промежуткахъ времени и безсознательной связи между собою. Несомнѣнно, что въ ребенкѣ уже съ самаго рожденія существуютъ зародыши извѣстныхъ чувствъ и волненій, ибо признаки радости и печали, любви и гнѣва, страха и надежды и т. п. могутъ быть замѣчены у дитяти уже въ самые первые мѣсяцы послѣ его рожденія. Несомнѣнно также, что ни одинъ ребенокъ не рождается съ готовою способностью немедленно испытывать эти состоянія, какъ не рождается съ готовою способностью сразу воспринимать предметы въ формѣ—представленій и понятій. Нашъ мыслитель того мнѣнія ¹⁾, что

¹⁾ Псих. чув. 501 стр.

такъ называемыя чувства и волненія суть сложныя проявленія чувственности, которыя и въ индивидуумахъ и въ расахъ составляютъ продуктъ сочетанія другъ съ другомъ отдѣльныхъ элементарныхъ чувствованій удовольствія и страданія. Для доказательства и обоснованія своихъ мыслей Гротъ дѣлаетъ разборъ осложненія чувствъ; такъ, онъ очень остроумно доказываетъ происхожденіе чувствъ злобы и гнѣва изъ факта голода и борьбы за пищу и ея добываніе; чувство и отвращенія—изъ чрезмѣрнаго переполненія органовъ пищеваренія; чувство снисходительности—изъ правильнаго питанія; чувство страха—изъ стѣсненія дыханія и т. под. ¹⁾). Итоги, съ которыми отходитъ авторъ отъ анализа развитія первичныхъ чувствованій, таковы: 1) всѣ, такъ называемыя, общія чувства волненія, имѣютъ сложное происхожденіе.

2) Каждое изъ общихъ чувствъ можетъ быть поставлено въ связь по преимуществу съ тою или другою группою первоначальныхъ чувствованій удовольствія и страданія.

3) Всѣ они должны быть распределены въ родственныя группы.

4) Каждая изъ этихъ первичныхъ группъ волненій и чувствъ имѣетъ такую же спеціальную связь съ какою нибудь группою отравленій организма, какъ и каждая группа первоначальныхъ чувствованій удовольствія и оправданія.

Осложненіе чувствованій въ первичныя чувства, совершается постепенно и составляетъ рядъ переходныхъ ступеней, которыя прослѣдить трудно. Задача психологической науки, по Гроту, и будетъ состоять въ томъ, чтобы отличать и различать главныя ступени превращенія чувствованій въ чувства.

Въ послѣдней главѣ своего сочиненія авторъ анализируетъ развитіе изъ первичныхъ вторичныхъ (обобщенныхъ первичныхъ) и еще болѣе сложныхъ чувствъ. Отсылая читателя къ самому сочиненію ²⁾, мы укажемъ лишь на одинъ, приведенный Гротомъ, примѣръ интеграціи первичныхъ чувствъ во вторичныя—на образованіе идеи вреда, ущерба изъ чувства страха. Спеціальныя формы страха, возникшія изъ перене-

¹⁾ См. объ этомъ 513—523 стр. „Психологій чувствованій“.

²⁾ См. объ этомъ 537 стр. ид. „Психол. чувств.“.

сенія этого чувства, вслѣдствіе извѣстныхъ условій борьбы за существованіе, на нѣсколько раздѣльныхъ и вполне опредѣленныхъ группъ объектовъ, напр. на нѣсколько видовъ животныхъ, болѣе сильныхъ и способныхъ питать въ себѣ злонамѣренные замыслы противъ даннаго организма, должны въ послѣдствіи вновь интегрироваться въ одно общее чувство страха подъ знаменемъ новой, болѣе общей, идеи вреда, причиненнаго намъ, т. е. всему нашему организму въ цѣломъ, другими враждебными существами или силами. Источникомъ образованія такой общей идеи служить опытъ. Ходъ развитія этой идеи по нашему мыслителю здѣсь такой: сперва, конечно, организмъ не имѣетъ никакого понятія о вредѣ, который можетъ быть причиненъ ему внѣшнимъ предметомъ; потомъ, подъ вліяніемъ первой борьбы съ другими, болѣе сильными существами, образуется органическое чувство страха, вызываемое стремленіями этихъ существъ задушить и задавить данный организмъ, послѣ нѣсколькихъ случаевъ такой борьбы происходитъ ассоціація этого чувства страха, сперва съ общими представленіями о животномъ, стремящемся задавить данный организмъ, потомъ—съ представленіями о нѣсколькихъ опредѣленныхъ видахъ существъ, грозящихъ организму подобною опасностью, и съ тѣмъ вмѣстѣ, вслѣдствіе различныхъ приемовъ, употребляемыхъ этими существами въ борьбѣ и различныхъ исходовъ ея, первичное чувство вскорѣ спеціализируется на нѣсколько частныхъ формъ; затѣмъ, каждая форма страха, отвлекаясь отъ частныхъ борьбы, прикрѣпляется къ представленіямъ объ извѣстныхъ существахъ, какъ „символахъ“ дурныхъ для организма послѣдствій. Откуда же, отъ всѣхъ этихъ, все болѣе и болѣе обобщающихся представленій, легко можетъ быть отвлечена идея вреда или ущерба, наносимаго организму враждебнымъ ему началомъ во внѣшней средѣ, и въ то же время всѣ первичныя чувства даннаго класса естественно совокупаются въ одинъ цѣльный агрегатъ (вторичное чувство). Аналогичнымъ же образомъ интегрируются и вторичныя въ болѣе сложныя (третичныя, четверичныя и т. д.) чувства.

Въ заключеніе ко всему своему сочиненію Гротъ подводитъ

итоги теоретической части своей работы. Такъ какъ эти итоги могутъ служить къ большому уясненію взглядовъ автора, то мы сдѣлаемъ резюме ихъ. Свое заключеніе авторъ даетъ въ видѣ 5 положеній: 1) I) анализъ и синтезъ чувствованій, прежде всего, должны опираться на правильное пониманіе отношенія чувствованій къ другимъ психическимъ явленіямъ. Это отношеніе опредѣляется теоріею психическихъ оборотовъ, теоріей, основанною на опредѣленіи психической жизни въ связи съ понятіями жизни вообще, заимствованными изъ біологіи. Чувствованія съ этой точки зрѣнія, представляются продуктомъ субъективной оцѣнки ощущеній и соотвѣтствуютъ второму моменту психическаго оборота. Результатомъ такой оцѣнки могутъ быть только явленія удовольствія и страданія, между которыми нѣтъ ничего средняго, но которыя могутъ представлять различную степень сложности; II) но различіе сложности явленій сознанія и должно лежать въ основѣ всего послѣдующаго анализа чувствованій, какъ вообще и въ основѣ всякаго психологическаго анализа. Элементарныя явленія чувствительности удобнѣе всего обозначать терминомъ „первоначальныхъ чувствованій“, осложненныя—терминомъ „чувствъ“.

III) Основами анализа всѣхъ первоначальныхъ чувствованій должны служить слѣдующіе принципы: 1) первоначальныя чувствованія возникаютъ изъ бессознательной и относительной оцѣнки какихъ либо внутреннихъ отношеній, 2) всѣ эти внутреннія отношенія сводятся къ отношеніямъ положительной и отрицательной молекулярной работы въ тканяхъ организма; таковыхъ отношеній можетъ быть четыре. 3) Согласно съ 4 типами внутреннихъ отношеній различаются и 4 возможные продукта субъективной оцѣнки ощущеній, а именно—двѣ формы удовольствія и двѣ формы страданія, 4) контрастъ между этими продуктами ощущеній выражается терминами—положительная и отрицательная форма удовольствія и страданія. 5) Эти четыре типа внутреннихъ отношеній въ соотвѣтствующихъ явленіяхъ чувственности тѣсно соединены между собою, какъ моменты новыхъ, болѣе частныхъ оборотовъ пси-

1) „Псих. Чувств.“ 546—9 стр.

хической дѣятельности; это различіе 4 послѣдовательныхъ моментовъ въ развитіи чувствительности и должно служить главнымъ принципомъ при распредѣленіи спеціальныхъ классовъ первоначальныхъ чувствованій, другимъ же принципомъ должно служить разнообразіе отправления организма, доступныхъ сознанию; причемъ первый принципъ долженъ подчиняться второму.

IV. При анализѣ осложненій первоначальныхъ чувствованій, соответствующихъ различнымъ отправлениямъ организма, первымъ основаніемъ должно быть послѣдованіе и опредѣленіе общихъ законовъ психического развитія. Такихъ законовъ 6 (памятованія, забвенія, ассоціаціи, диссоціаціи, интеграціи, дифференціаціи); законы эти и служатъ основой для объясненія всѣхъ осложненій чувствительности, основой для синтеза всѣхъ простыхъ чувствованій и чувствъ въ болѣе сложныя.

V. Ходъ этого синтеза такой: прежде всего чувствованія сочетаются съ ощущеніями и другъ съ другомъ въ первичныя чувства—волненія и чувства—настроенія, еще сохраняющія связь съ мѣстными или периферическими раздраженіями, изъ которыхъ они возникли. Потомъ, изъ первичныхъ чувствъ постепенно образуются вторичныя, въ которыхъ связь съ периферическимъ и мѣстнымъ ихъ источниками уже утрачена и которыя представляются какъ бы отвлеченными первичными чувствами.

Таковъ итогъ „Психологія чувствованій“. Въ связи съ этимъ итогомъ Гротъ старается, хотя очень кратко, опредѣлить задачи будущей психологіи, чувствованій. На долю будущей психологіи, по нашему автору, ¹⁾ остается лишь прослѣдить путемъ „наблюденія“ и при содѣйствіи „самонаблюденія“, условія и особенности развитія каждаго уже образовавшагося, общаго или спеціальнаго, чувства въ индивидуумахъ различныхъ видовъ организмовъ, начиная съ низшихъ животныхъ и кончая человекомъ. Въ частности, Гротъ, пользуясь Спенсеромъ, такъ опредѣляетъ характеръ этихъ задачъ: 1) психологъ прежде всего долженъ направить свои наблюденія и самонаблюденіе

¹⁾ См. 550—551 стр. „Псих. Чувств.“

на трансформацию чувствъ въ развитыхъ человѣческихъ индивидуумахъ; 2) затѣмъ онъ долженъ стараться опредѣлить условія образованія и превращенія чувствъ въ неразвитыхъ человѣческихъ индивидуумахъ (дѣтяхъ и дикаряхъ); 3) онъ долженъ опредѣлить характеръ и предѣлы развитія чувствъ въ различныхъ видахъ высшихъ животныхъ, устроенныхъ, приблизительно, по тому же типу, какъ человѣкъ; 4) наконецъ онъ долженъ обратить свои наблюденія и на низшихъ животныхъ и стараться опредѣлить, насколько и они способны испытывать чувствованія и чувства.

Приведенными указаніями на задачи „будущей психологіи чувствованій“ Гротъ и оканчиваетъ свое сочиненіе. Изложивши „Психологію чувствованій, мы естественно должны задаться вопросомъ: какое значеніе имѣетъ это произведеніе въ общемъ ходѣ философскаго развитія Грота?

Самъ Гротъ, въ цитированной уже нами статьѣ: „О направленіи и задачахъ моей философіи“, такъ выясняетъ это значеніе: главная, центральная идея „Психологіи чувствованій“ та, что чувство и мысль—двѣ равноправныя области душевной жизни, сферы одинаково законныхъ—объективной и субъективной воспримчивости. Сначала человѣкъ оцѣниваетъ вещи объективно, какъ онѣ есть (мысль), а затѣмъ тѣ же вещи оцѣниваетъ субъективно, въ ихъ значеніи, или цѣнѣ для насъ (чувство). Изъ чувствъ рождается воля, изъ воли же—дѣйствіе: получается теорія психическихъ оборотовъ. Сообразно этому пониманію, нашъ авторъ, какъ мы видѣли, построилъ всю теорію чувствъ, ихъ различій и классовъ. Но и въ этомъ трудѣ Гротъ признавалъ ¹⁾ еще чувства оцѣнкою вещей только въ значеніи ихъ для личности, упуская изъ виду, что если личность есть отраженіе міра и проявленіе законовъ міра, то субъективная оцѣнка вещей личностью можетъ граничить съ выраженіемъ и субъективной цѣны вообще и вѣ личности. Поэтому, признавъ въ человѣкѣ чувство равноправною съ его мыслью сферою сознанія, авторъ возвысилъ значеніе философіи (рядомъ съ наукою) для личности и призналъ это зна-

¹⁾ См. объ этомъ указ. самого Грота (Пр. Обзор. 1886 г., 12, 797.

ченіе не менѣе важнымъ, чѣмъ какимъ признается значеніе искусства въ жизни личности

Но такъ какъ искусство имѣетъ цѣну не только для личности, а и для общества, то Гротъ въ слѣдующей статьѣ: „Философія, какъ вѣтвь искусства“¹⁾, и указалъ на относительно общую цѣну основаннаго на чувствѣ личнаго философскаго творчества. Поводомъ къ появленію этюда: „Философія, какъ вѣтвь искусства“ была статья Оболенскаго: „Опытъ построенія научно-философской религіи“, представляющая собою разборъ „Критики отвлеченныхъ началъ“ Соловьева. Въ этой статьѣ встрѣчается, между прочимъ, такое опредѣленіе философіи: „философія, какъ и поэзія, есть лирической порывъ человѣка къ синтезу, и въ этомъ смыслѣ съ философомъ можно пережить его мировую поэмю, какъ съ поэтомъ вы переживаете его поэмю, вовсе не соглашаясь вѣрить тому, что тамъ написано“. Гротъ соглашается съ этимъ опредѣленіемъ философіи и развиваетъ его далѣе: „чувство, говоритъ онъ²⁾, вотъ что болѣе всего сближаетъ философа и поэта и что служитъ исходнымъ пунктомъ и конечною цѣлью въ построеніяхъ того и другого“. Далѣе нашъ авторъ припоминаетъ, что и въ своемъ первомъ трудѣ „О философскихъ этюдахъ Козлова“, онъ старался доказать, что философія, какъ наука о мірѣ въ его цѣломъ, излишня и невозможна, рядомъ съ другими, частными науками. Но Гротъ находитъ, что онъ тогда признавалъ ту истину, что личная философія—личный синтезъ—вполнѣ возможная и законная вещь, ибо удовлетворяетъ законнымъ потребностямъ ума. Мы и теперь, продолжаетъ онъ, остаемся при томъ же убѣжденіи, да едвали когда и въ будущемъ ихъ измѣнимъ³⁾, но намъ представляется возможнымъ значительно расширить и развить свой взглядъ при помощи сравненія философіи съ поэзіей“⁴⁾. Спрашивается, какъ

1) Мысль 1880. Августъ 136.

2) Мысль 1880, 8, 137 стр.

3) Увы! самоувѣренность молодого автора въ своей стойкости оказалась совершенно преждевременною, не оправдавшеюся на фактахъ: Гротъ, какъ будетъ видно изъ нашего изслѣдованія, радикально измѣнялъ (и не одинъ разъ) свои философскія воззрѣнія.

4) Мысль, 1880, 8,—философія, какъ вѣтвь искусства.

примирить тѣ два факта, что философія невозможна, какъ синтетическая наука о мірѣ въ его цѣломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ,—что эта самая философія, или синтезъ понятій, составляетъ самую коренную *потребность* человѣческаго ума, которую не могутъ искоренить никакія логическія разсужденія и доказательства? Примиреніе этихъ двухъ фактовъ возможно, по нашему автору, только однимъ способомъ, именно, постановкою философіи на новое мѣсто въ системѣ занятій и интересовъ человѣческаго ума. Раздѣленіе послѣднихъ на науки и искусства давно признано и вполне законно. Задача наукъ—проникнуть во всѣ отношенія внѣшнихъ предметовъ и явленій, съ тѣмъ, чтобы вполне подчинить ихъ управленію человѣка. Задача искусствъ—пользуясь результатами познанія и науки, искусственно воспроизвести дѣйствительныя или только возможные отношенія вещей, съ цѣлью удовлетворить высшимъ, субъективнымъ потребностямъ человѣческой природы, т. е. потребностямъ чувства. Въ сущности, науки и искусства, по возрѣнію нашего мыслителя, образуютъ только два послѣдовательные и тѣсно связанные момента при взаимодействіи человѣка съ окружающею его природою; но смѣшивать эти моменты все таки невозможно въ виду ихъ различнаго механизма и назначенія. Науки—это анализъ; основа ихъ—усвоеніе, орудіе—наблюденіе; искусства—это синтезъ; ихъ основа—творчество, орудіе—воображеніе ¹⁾. Таково отношеніе искусства и науки; выяснивъ же это отношеніе, уже не трудно придти къ выводу, что философія, какъ синтезъ, какъ отраженіе субъективнаго, какъ результатъ творчества, и есть искусство, а не наука. Гротъ находитъ, что такая перемѣна клички не сводится лишь къ простому спору о словахъ: она способна произвести коренной переворотъ во взглядахъ на философію. Нашъ мыслитель убѣжденъ, что всѣ недостатки, въ которыхъ упрекали эту послѣднюю, пока считали ее за науку, окажутся естественными ея свойствами и отчасти даже достоинствами, съ той минуты, какъ она будетъ признана вѣтвью искусства. Общество сейчасъ же примирится съ фи-

¹⁾ Въ этомъ своемъ разсужденіи Гротъ, очевидно, стоитъ въ прямой зависти отъ автора „Исторіи матеріализма“—(Ланге) и вообще новокавказцевъ.

лософіей и философиями, какъ скоро узнаетъ въ этихъ послѣднихъ братьевъ поэтамъ и художникамъ, которые не истину должны ему открывать, а только изображать предъ нимъ внутренній міръ человѣческаго сознанія съ его высшими потребностями, влеченіями и идеалами.

„То, что должно быть, а не то, что есть,—вотъ что раскрываетъ философія“ говоритъ Гротъ ¹⁾. Изъ абсолютныхъ—ея истины сдѣлаются относительными: противорѣчія и разногласія становятся въ ней естественными и даже неизбѣжными, служа признакомъ уже не бѣдности, а богатства; наконецъ—диллетантизмъ многихъ философовъ въ наукахъ дѣлается вещью извинительной и понятною: въ дѣлѣ творчества талантъ и геній всегда еще важнѣе, чѣмъ положительныя знанія, хотя послѣднія, конечно, въ извѣстной мѣрѣ необходимы. Въ отношеніи сферы своего вліянія, философскія произведенія, какъ и поэтическія, всегда удовлетворяютъ только извѣстныхъ лицъ и въ извѣстныя эпохи; они—дѣло вкуса и въ этомъ отношеніи составляютъ полную противоположность наукѣ, гдѣ о вкусахъ смѣшно было бы говорить. Отсюда же по нашему мыслителю, и приходитъ извѣстный круговоротъ преимства въ господствѣ различныхъ философскихъ системъ, какъ и въ преобладаніи различныхъ школъ музыки и живописи, или извѣстныхъ видовъ поэзіи. Тѣмъ не менѣе, не смотря на разнообразіе и перемѣнчивость вкусовъ въ отношеніи къ произведеніямъ музыки, поэзіи, философіи, всѣ они обладаютъ въ одинаковой мѣрѣ способностью,—если только они хороши,—всегда вызывать въ насъ впечатлѣніе чего-то великаго или высокаго, волновать насъ чувствомъ красоты и гармоніи, хотя бы мы вовсе не раздѣляли общую ихъ идею и не одобряли ея исполненія въ частностяхъ. Нашъ мыслитель находитъ, что Платонъ, Аристотель, Декартъ, Спиноза, Контъ во всякомъ человѣкѣ возбуждаютъ такое же изумленіе и уваженіе къ своимъ твореніямъ, какъ Фидій, Софокль, Рафаэль, Моцартъ и Шекспиръ. Затѣмъ, сходство философскихъ произведеній съ твореніями искусства обнаруживается по Гроту и въ томъ, что философ-

¹⁾ Стр. 138.

скія системы, какъ и всѣ творенія художниковъ и поэтовъ, всегда остаются достояніемъ личностей и незарывно связаны съ именемъ своего творца. Въ подтвержденіе этого положенія Гротъ указываетъ на обычное словоупотребленіе; мы говоримъ напр.: монодологія Лейбница, трансцендентальный идеализмъ Канта, какъ говоримъ: Гамлетъ Шекспира, Мадонна Рафаэля, Реквиемъ Моцарта и т. под. Въ этомъ нашъ мыслитель также видитъ доказательство субъективности философскихъ произведеній въ противоположность объективности научныхъ, гдѣ ученныя системы совершенно безличны. Таково по Гроту сходство философіи съ искусствомъ. Но все же онъ находитъ и различіе между философскими и художественными произведеніями. Но это отличіе касается лишь различной степени сложности и непосредственности тѣхъ и другихъ. Тогда какъ художественныя произведенія вращаются въ сферѣ конкретныхъ, болѣе простыхъ понятій, въ философіи—творчество вращается въ области сложныхъ, отвлеченныхъ понятій; въ силу этого, пониманіе философіи и наслажденіе ея созданіями менѣе доступно и болѣе рѣдко, чѣмъ наслажденіе произведеніями другихъ искусствъ. Міръ философскихъ идей доступенъ лишь немногимъ избраннымъ. Таково, по Гроту, значеніе философіи въ ряду искусствъ. „Откажемся же, приглашаетъ онъ, отъ тысячелѣтней иллюзіи, что философія есть наука, и преклонимся предъ нею въ новой, болѣе идущей къ ея лицу, одеждѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ перестанемъ вѣрить въ абсолютную цѣну ея созданій и ожидать, что она откроетъ намъ тайну мірозданія“. Нашъ мыслитель допускаетъ мысль, что этой цѣли чрезъ сотни или тысячи лѣтъ достигнуть, быть можетъ, настоящая наука въ ея медленномъ поступательномъ движеніи. „Къ философіи же, продолжаетъ Гротъ, станемъ прислушиваться съ вниманіемъ, какъ къ вѣчно юной изобразительницѣ—нашей внутренней жизни и выразительницѣ потребностей нашего чувства. Безъ чувства жить нельзя—будемъ же сознательно платить ему дань въ этой хотя и старой, но до сихъ поръ неправильно понятой формѣ“ (140 стр.).

Таково воззрѣніе Грота на философію въ изложенномъ очеркѣ. Въ сравненіи съ тѣмъ воззрѣніемъ, которое авторъ

проводилъ въ 1-мъ своемъ трудѣ („Этюды о Козловѣ—1877 г.), это былъ большой шагъ впередъ, опредѣлившій и слѣдующіе шаги развитія автора: сначала онъ совсѣмъ не признавалъ общаго значенія личнаго философскаго творчества, теперь же, въ статьѣ „Философія, какъ вѣтвь искусства“, призналъ его ¹⁾).

Оставалось идти далѣе. Но прежде, чѣмъ идти далѣе, Гротъ еще разъ занялся спеціальною работою, и въ 1882 г. выпустилъ свою докторскую диссертацию „Къ вопросу о реформѣ логики“.

Александръ Никольскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ См. объ указ. самого Грота въ его статьѣ: „О напр. и зад. моей филос. Пр. Об. 1886, 12.

ИСХОДНЫЯ НАЧАЛА ЛОГИКИ.

(Продолженіе *).

Мышленіе есть дѣятельность, процессъ, имѣющій цѣлью познаніе. Такимъ образомъ, познаніе есть результатъ мышленія. Но чтобы мыслить что либо, нужно исходить изъ чего нибудь уже познаннаго. Мысль всегда исходитъ изъ какихъ нибудь признанныхъ и установленныхъ началъ. Такимъ образомъ, мы подходимъ къ странному кругу: съ одной стороны, познаніе есть результатъ мышленія, съ другой—оно есть условіе мышленія. Мышленіе не можетъ начаться безъ познанія, познаніе не можетъ явиться безъ мышленія. Повидимому, значить, ни то, ни другое никогда не можетъ существовать. Но они существуютъ. Несомнѣнно, что они возникаютъ и развиваются параллельно. Въ самомъ простѣйшемъ и первичномъ актѣ душевной жизни—ощущеніи—есть уже и познаніе и мысль. Но, вообще говоря, можно принять, что познаніе предшествуетъ мышленію, есть познаніе до мышленія, такъ сказать, познаніе не критическое. Это познаніе состоитъ въ простомъ воспріятіи фактовъ, его можно назвать созерцаніемъ. Поднявшись на гору, вы увидѣли передъ собою картину, вы еще не анализируете ее, не оцѣниваете. Ваше мышленіе покоится. Вы воспринимаете созерцаемое. Конечно, на самомъ дѣлѣ ваше мышленіе работаетъ и при этомъ созерцаніи, но однако здѣсь созерцаніе значительно преобладаетъ надъ мышленіемъ, и мы можемъ мысленно представить процессъ,

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1903 г. № 13.

первымъ актомъ котораго будетъ чистое воспріятіе; а уже вторымъ мышленіе.

Для выясненія себѣ принципозъ мышленія самое удобное представить сначала мысль дѣйствующею въ простѣйшихъ условіяхъ. Попытаемся представить дѣло въ схематической формѣ. Вообразимъ самые обыкновенные, самые простые пружинные вѣсы. Все ихъ устройство состоитъ въ томъ, что верхній конецъ спирально завитой пружины укрѣпленъ неподвижно, а къ нижнему можно прикрѣплять различныя тяжести, сообразно съ вѣсомъ которыхъ пружина будетъ вытягиваться болѣе или менѣе и по удаленіи которыхъ будетъ приходить въ первоначальное положеніе. Представимъ себѣ, что такіе вѣсы снабжены мыслительнымъ аппаратомъ, что они мыслятъ. Посмотримъ, какъ они будутъ мыслить. Пока механизмъ не будетъ испытывать никакихъ воздѣйствій, не будетъ подвергаться перемѣнамъ, онъ не имѣетъ матеріала для мысли, мысль спитъ. Но вотъ подъ вліяніемъ какихъ либо, можно сказать, неуловимыхъ воздѣйствій, въ механизмѣ началась дѣятельность, положимъ, произошло слабое дрожаніе пружины. Мысль должна будетъ тогда воспринять свое состояніе и отсюда утвердить фактъ собственнаго существованія. Первая мысль есть утвержденіе мыслящимъ существомъ факта собственнаго существованія. Субъектъ ощутилъ собственное существованіе и его мысль констатировала фактъ этого существованія. На нѣкоторое время мыслительный аппаратъ пусть на этомъ успокоится. Но вотъ мы подвѣсили къ пружиннымъ вѣсамъ гирьку А. Пружина вытянулась. Состояніе вѣсовъ рѣзко измѣнилось. Мыслительный аппаратъ констатировалъ это измѣненіе. Субъектъ не самъ опредѣлилъ это измѣненіе, оно вызвано извнѣ, нѣчто измѣнило его. Значитъ, кромѣ него существуетъ еще какое то нѣчто. Кромѣ „я“ существуетъ „не я“. Существуетъ какое-то А. Снимаемъ гирьку А, пружина переходитъ въ первоначальное состояніе. А не есть. Есть я, есть А, А не есть, таковы первыя мысли мыслящаго духа. Онъ познакомился прежде всего съ существованіемъ сначала своимъ, а затѣмъ другого предмета. Конечно, мы не должны представлять себѣ, чтобы первыя мысли могли принять ту ясную, от-

четливую и точную форму, въ которой они представляются вамъ. Нѣтъ, они должны явиться смутными, темными сужденіями едва начинающей пробуждаться мысли. Повѣсимъ снова гирьку на пружинные вѣсы. Если эта гирька А, мыслящая пружина снова испытываетъ то состояніе, въ которомъ она уже была отъ нея. Отъ тожества состояній мыслящій аппаратъ заключаетъ къ тожеству началъ, которыя производятъ эти состоянія. Устанавливается положеніе, что тожественное воздѣйствіе, *coeteris paribus*, производится тожественными объектами. Если состояніе, въ которое пришли вѣсы, когда подъ нихъ подвѣсили А, обозначить черезъ М, то когда гирька вторично была подвѣшена, опять явилось тоже состояніе М. Мыслящій духъ утверждаетъ, что М есть М, тожество есть тожество. Но такъ какъ это состояніе онъ объективировалъ, какъ тяжесть А, то поэтому во второй разъ, когда онъ испыталъ ту же тяжесть А, онъ долженъ былъ установить принципъ тожества: А есть А. Допустимъ, что вмѣсто А будетъ подвѣшена затѣмъ рѣзко отличающаяся отъ А гирька В. Наши мыслящіе вѣсы испытываютъ совершенно новое состояніе. Это состояніе будетъ не М, объектъ его не А. Оказывается, мысль не можетъ мыслить въ одно и тоже время одинъ и тотъ же предметъ и такимъ и инымъ, мыслить А обладающимъ и одною и другою тяжестью. А есть А, и В не можетъ быть вмѣстѣ и А и не А, и такъ какъ оно не А, то значить оно есть нѣчто иное. Въ мышленіи устанавливается нѣсколько принциповъ 1) при мысли объ одномъ и томъ же предметѣ мы должны его мыслить тожественнымъ самому себѣ. Пока мы разсуждаемъ о какомъ либо А, какъ объ одномъ и томъ же, мы должны мыслить подъ нимъ одно и тоже. (принципъ тождества). 2) Въ одно и тоже время объ одномъ и томъ же предметѣ мы не можемъ и утверждать и отрицать одно и тоже. Мы не можемъ вмѣстѣ и утверждать и отрицать, что данный предметъ имѣетъ вѣсъ А (принципъ противорѣчія). 3) Одинъ и тотъ же признакъ мы можемъ или усвоить предмету, или отрицать его принадлежность у предмета (предмету или принадлежить вѣсъ А, или не принадлежить), но мы не можемъ допустить ничего третьяго (*tertium non datur*, принципъ исключеннаго третьяго).

Представимъ себѣ, что далѣе мы будемъ подвѣшивать къ нашимъ вѣсамъ два рода гирекъ: а, b, c, d и e, f, g, h, первый рядъ по вѣсу близокъ къ А, второй—близокъ къ В. Пружина, когда на нее начинается воздѣйствовать тяжесть, сначала дрожитъ и потомъ приходитъ въ спокойное состояніе. При подвѣшиваніяхъ а, b, c, d она будетъ испытывать состоянія подобныя, какъ отъ А. Отсюда выводъ а, b, c, d похожи на А, e, f, g, h похожи на В. Устанавливаются начала сходства и различія. Допустимъ, что какія нибудь гирьки, порознь различныя отъ А, m и n въ своей совокупности равны А, устанавливается положеніе $m+n=A$, затѣмъ и другое, что если отъ А отнять вѣсъ одной изъ этихъ двухъ гирь то получится вѣсъ другой, $m+n=A$; когда мы отъ $m+n$ отбрасываемъ n, остается m; слѣдовательно когда и отъ А, тождественнаго $m+n$, мы отбросимъ n, останется тоже m. Это заключеніе слѣдуетъ съ необходимостью. Но то обстоятельство, что двѣ гирьки m и n оказались по вѣсу равными А, и есть фактъ, есть дѣйствительность констатированная мышленіемъ, однако самъ въ себѣ не заключающій признаковъ необходимости. Мыслительный аппаратъ, ознакомившись съ различными тяжестями, естественно долженъ прійти къ заключенію, что возможны и иные типы тяжестей. Однако, утверждать рѣшительно факта ихъ существованія нельзя. Такъ, рядомъ съ констатированіемъ дѣйствительности мысль создаетъ два типа умозаключеній: необходимости и возможности. Въ своей дѣятельности мышленіе неуклонно опирается на принципъ логическаго основанія. Воспринявъ наличные факты, какъ несомнѣнную дѣйствительность, мысль отправляется отъ этихъ фактовъ къ представленіямъ возможности и необходимости непривольно, опираясь всегда на какія либо основанія. Послѣ того, какъ нашъ мыслительный аппаратъ познакомился съ тяжестями типа А и типа В и узналъ совершенно новый вѣсъ (и предметъ) С, естественно заключеніе, что существуютъ или возможны тяжести близкія къ С, какъ существуютъ близкія къ А и В (это—принципъ основанія).

Такъ представляется дѣло въ схематическомъ и теоретическомъ видѣ. Но какъ на самомъ дѣлѣ возникаетъ и разви-

вается мышленіе въ человѣкѣ? Физиологическое и психологическое изслѣдованія показываютъ, что не всѣ части тѣлеснаго организма находятся въ одинаковомъ отношеніи къ душѣ. Способность ощущеній не принадлежитъ всему тѣлу, а лишь нервной системѣ. Мы всѣ знаемъ, что волосы и ногти ничего не чувствуютъ, что ихъ можно рѣзать, не испытывая боли. Но въ сущности и все наше тѣло ничего не чувствуетъ, чувствуютъ только пронизывающіе его безчисленные нервы. Тѣло—это сложный фуляръ, въ которомъ заложенъ тонкій и богатый аппаратъ нервовъ. Конечно—это сравненіе, а не разъясненіе дѣла: свое питаніе нервы получаютъ изъ тѣла, а машины не увлекаютъ питательнаго матеріала изъ своихъ чехловъ. Нервы раздѣляются на два рода: центростремительные и центробѣжные. 1-е—орудія ощущенія, они сообщаютъ человѣку о состояніи его собственнаго тѣла (зубная боль) или о воздѣйствіяхъ на него внѣшняго міра (о свѣтѣ свѣчи), 2-е суть орудія движенія. Духъ, получивши впечатлѣніе отъ внѣшняго міра или отъ своего тѣла, рѣшаетъ реагировать на это впечатлѣніе, его воля опредѣляетъ это рѣшеніе, центробѣжные нервы несутъ его въ ту область тѣла, гдѣ должно совершиться движеніе (напримѣръ въ палець). Когда двигательные нервы поражены, наступаетъ параличъ. Есть центральная нервная система и есть кромѣ этого еще симпатическая нервная система, въ области которой движенія не произвольны, не зависятъ отъ воли (напримѣръ, регуляція движенія крови).

Нервная система есть источникъ первѣйшихъ и простѣйшихъ элементовъ познанія—ощущеній. Процессъ образованія ощущеній таковъ. На органы чувствъ (зрѣніе, слухъ, осязаніе) въ которыхъ сосредоточены специфическіе нервы, воздѣйствуютъ внѣшніе предметы. Различаютъ воздѣйствіе непосредственное (напримѣръ, при осязаніи) и черезъ посредствующую среду (воздуха при звукѣ, эфира при свѣтѣ). Воздѣйствіе внѣшняго предмета производитъ раздраженіе чувствительнаго нерва. Раздраженіе это происходитъ на периферической оконечности нерва и передается отъ нея нервному центру—въ головной мозгъ. Если нервъ перерѣзанъ, сообщеніе съ головнымъ органомъ порвано, то ощущеніе произойти не можетъ

Послѣ передачи раздраженія является ощущеніе, которое несколько не похоже на раздраженіе. Ударъ по рукѣ и боль въ рукѣ—два совершенно различныя явленія. Удары воздушныхъ волнъ о барабанную перепонку—и звукъ рояля (наши ощущенія) точно также совершенно различны. При отсутствіи сходства однако между ощущеніемъ и раздраженіемъ существуетъ опредѣленная зависимость. Естественнѣе всего подсказывается мысль, что это отношеніе прямой пропорціональности. Что при двухъ свѣчахъ вдвое сильнѣе ощущеніе свѣта, что два фунта вдвое сравнительно съ однимъ усиливаютъ чувство тяжести. Безъ сомнѣнія ощущенія трудно переводить на языкъ цифръ, позволительно даже думать что въ строгомъ смыслѣ невозможно. Но во всякомъ случаѣ возможно показать, что зависимость между раздраженіемъ и ощущеніемъ далеко не такъ проста, какъ это подсказывается мыслью а priori. Оказалось, что при нѣкоторыхъ слабыхъ измѣненіяхъ раздраженія измѣненіе въ содержаніи ощущеній бываетъ неумовимо для сознанія. Такъ намъ былъ приведенъ схематическій примѣръ, что послѣ тяжести A подвѣшивалась къ мыслящимъ вѣсамъ тяжесть a (малое), близкое къ A большому. Должно установить, что если эти мыслящіе вѣсы мы замѣнимъ человѣкомъ, на руку котораго положили сначала одинъ фунтъ а потомъ одинъ фунтъ десять золотниковъ, то онъ не замѣтитъ что на его рукѣ тѣло иной тяжести, разница въ десять золотниковъ окажется въ данномъ случаѣ неумовимой. Теперь выяснено, что не всякій приростъ раздраженія сказывается замѣтнымъ приростомъ въ ощущеніи. Нужно для послѣдняго, чтобы приростъ раздраженія удовлетворялъ нѣкоторому опредѣленному условію. Приростъ раздраженія, сказывающійся замѣтнымъ (мимолетнымъ) измѣненіемъ содержанія ощущенія, всегда стоитъ къ первоначальной величинѣ раздраженія въ одномъ и томъ же опредѣленномъ отношеніи. Такъ, къ вѣсу въ три фунта должно прибавить одинъ фунтъ, чтобы приростъ давленія сталъ замѣтнымъ; къ вѣсу въ 9 фунтовъ надо прибавить 3 фунта, чтобы человѣкъ ощутилъ различіе въ вѣсѣ. Вообще, къ данному вѣсу нужно всегда прибавлять одну его треть, чтобы измѣнилось ощущеніе: къ 9 фунтамъ

3, къ 12—4. Для того, чтобы измѣнилось ощущение силы свѣта, нужно къ данному свѣту, положимъ къ 100 свѣчамъ, прибавить $\frac{1}{100}$ его силы, въ данномъ случаѣ одну свѣчу. Веберъ установилъ, что при возрастаніи различныхъ ощущений раздраженія должны возрастать такимъ образомъ: при свѣтовыхъ на $\frac{1}{100}$, мускульныхъ $\frac{1}{17}$, звуковыхъ, термическихъ и давленія—на $\frac{1}{3}$. Фекнеръ далъ математическую формулу для выраженія зависимости ощущения отъ раздраженія. $da = \frac{d\beta}{\beta} x$, отсюда a равняется $x \cdot \lg \beta + c$ (a —ощущеніе, β —раздраженіе, x —постоянная), но за этой формулой можно признать лишь условное значеніе. Добытыя эмпирическимъ путемъ цифровыя отношенія тоже не могутъ считаться вполнѣ точными и не идутъ неизмѣнно: раздраженія могутъ возрастать до безконечности, а ощущения при сильныхъ раздраженіяхъ прекращаются совсѣмъ. Если, такимъ образомъ, существуютъ раздраженія, не вызывающія ощущений, то съ другой стороны, существуютъ ощущения, не обусловленные раздраженіемъ. Существуютъ субъективныя ощущения; они вызываются не раздраженіями со стороны вѣшняго міра, но состояніемъ самого организма, при чемъ каждая система нервовъ воспринимаетъ свой родъ ощущенийъ. Болѣзнь слуха даетъ шумъ въ ушахъ, передъ глазами можетъ являться болѣзненный блескъ, въ лихорадкѣ человекъ при нормальной температурѣ испытываетъ холодъ и жаръ. Иногда ощущения продолжаются послѣ того, какъ прекратилось раздраженіе, особенно это бываетъ при сильныхъ свѣтовыхъ ощущенияхъ (послѣобразы = Nachbilder). Ощущенія раздѣляются на простыя (какой либо краски, звукового тона) или сложныя (радуги, музыкальнаго инструмента, который мы вмѣстѣ и видимъ и слышимъ).

Ощущенія, прекращаясь вмѣстѣ съ прекращеніемъ раздраженія, не теряются для сознанія. Ощущеніе можетъ быть воспроизведено въ душѣ, какъ воспоминаніе и тогда развивается представленіемъ. Должно различать ощущения, воспріятія, анперценціи, представленія. *Ощущеніе*—это просто душевное состояніе, ощущеніе бѣлизны, красноты. *Воспріятіе* есть локализованное ощущеніе, ощущеніе отнесенное къ какому нибудь предмету. Я говорю: бѣлизна снѣга. Бѣлизна

здѣсь познается мною не какъ мое ощущеніе, а какъ признакъ снѣга. Я локализирую ее, приписываю внѣшнему предмету. Содержаніе ощущеній и воспріятій зависитъ не отъ одного только раздраженія нервовъ, но и отъ состоянія субъекта, воспринимающаго ощущенія, и отъ тѣхъ условій, въ которыхъ онъ находится. Если изъ горячей воды перенести руку въ тепловатую воду, послѣдняя покажется холодной; если изъ холодной воды перенести руку въ тепловатую послѣдняя покажется горячей. Если разсматривать сѣрое около чернаго, оно будетъ казаться бѣловатымъ; если разсматривать сѣрое около бѣлаго, сѣрое будетъ казаться черноватымъ. Здѣсь дѣйствуютъ принципы отождествленія и различенія. Новое воспріятіе мы или отождествляемъ съ прежними или противопоставляемъ прежнимъ. Это усвоеніе новаго воспріятія (перцепціи) въ связи съ прежними называется апперцепціею (apperceptio). Ясно, что всякое новое ощущеніе у насъ становится апперцепціею, потому что содержаніе всякаго новаго ощущенія опредѣляется нашимъ тѣлеснымъ и душевнымъ состояніемъ (всѣмъ нашимъ прошлымъ и настоящимъ) и потому что ощущеніе нами всегда немедленно объективируется.

Воспріятіе, воспроизведенное въ отсутствіи первоначально вызвавшаго его объекта, есть представленіе. Представленіе не равно воспріятію или ощущенію; оно тусклѣе, слабѣе, блѣднѣе его. Тэнъ назвалъ представленіе остаткомъ ощущенія. По удаленіе объекта, представленіе остается въ сознаніи, но оно вытѣсняется изъ него новыми объектами. Оно не сохраняется вмѣстѣ съ ними, потому что наше сознаніе не можетъ одновременно обнимать много предметовъ. Это объясняется узостью нашего яснаго сознанія. Однако представленіе, исчезнувши изъ поля сознанія, не уничтожается совсѣмъ. Оно хранится въ душѣ. Способность сохраненія въ душѣ пережитого мы называемъ памятью. Сила памяти опредѣляется способностью вспоминать, т. е., вызывать въ поле сознанія тѣ или иныя представленія прошлаго. Представленія прошлаго вспоминаются нами не произвольно, а по законамъ ассоціаціи. Сущность дѣла заключается въ томъ, что это представленіе чего либо лишь тогда можетъ явиться въ душѣ, если въ данный

моментъ находится въ сознаніи представленіе, имѣющее съ нимъ связь. Устанавливаютъ два закона ассоціаціи: законъ смежности и законъ сходства. Одно представленіе вызываетъ другое, потому что они смежны въ пространствѣ или во времени. Заучиваютъ иностранныя слова рядомъ съ русскими, имѣющими тоже значеніе и затѣмъ, вспоминая одни, вспоминаютъ другія. Вспоминая громъ, вспоминаютъ и молнію, потому что послѣдняя во времени предшествуетъ первой. При воспоминаніи о спектаклѣ, на которомъ мы были, наша мысль легко переходитъ къ тому, что произошло съ нами при возвращеніи изъ спектакля, что было, когда мы вернулись домой. Такъ устанавливаются ассоціаціи по смежности 2-хъ родовъ: ассоціаціи сосуществованія и послѣдовательности. Другой типъ ассоціацій—по сходству. Одинъ городъ напоминаетъ мнѣ другой, одна церковь—о другой церкви. Новый человекъ, съ которымъ я встрѣчаюсь, напоминаетъ мнѣ чертами сходства о моемъ старомъ знакомомъ. Ассоціаціи по сходству также, какъ и ассоціаціи по смежности, раздѣляются на два рода: на ассоціаціи по прямому сходству и по контрасту. Если хорошій отвѣтъ студента естественно напоминаетъ мнѣ о хорошемъ отвѣтѣ другого студента, то также можетъ быть, что самый лучший отвѣтъ напомнитъ о самомъ худшемъ отвѣтѣ. Указываютъ, что представленіе хижины можетъ вызвать представленіе дворца и представленіе карлика, представленіе о великанѣ. Здѣсь контрасты, но не трудно видѣть, что самый принципъ контрастовъ основывается на сходствѣ. Плохой игрѣ на рояли мы противопоставляемъ не запахъ ландыша или розы, а хорошую игру. Значитъ, сближеніе нашихъ представленій происходило по началу сходства. Мы вспоминали объ игрѣ на рояли, о томъ, что мы слышали и хорошую и плохую игру, о подраздѣленіи игры по качеству, о крайнихъ предѣлахъ въ различіи игры. Позволительно думать, что когда мы противопоставляемъ что нибудь хорошее увидѣнному нами дурному, то кромѣ указанныхъ основныхъ общихъ исходныхъ началъ для сравненія, нашимъ противоположеніемъ управляетъ то, что въ этомъ дурномъ есть какая-либо тенденція подражать вспоминаемому нами хорошему. Въ дикомъ завываніи

какогонибудь пѣвца—любителя можетъ неуволимо сказываться подражаніе знаменитому маэстро, и мы, слушая перваго, вспомнимъ о второмъ. Какаянибудь нелѣпая мазня напомнитъ намъ о жанровыхъ картинахъ Фетотова, потому что умыселъ у неискуснаго неудачника былъ тотъ же, что и у знаменитаго жанриста.

Начало, обуславливающее ассоціаціи, состоитъ въ томъ, что мы все мыслимъ существующимъ въ связи между собою. Мы не можемъ мыслить всего сразу и не можемъ мыслить ничего абсолютно изолированно. При представленіи какого-нибудь предмета наша мысль отправляется отъ него, какъ отъ центра къ окружающей его обстановкѣ, причемъ это движеніе совершается мысленно не только въ сферѣ пространства, но и въ сферѣ времени. Я представляю себѣ, гдѣ и что я буду дѣлать въ слѣдующій часъ и моя мысль бѣжитъ дальше, къ слѣдующимъ часамъ, къ слѣдующему дню, въ который я долженъ уѣхать въ другой городъ. Я представляю себѣ Елисейскія поля въ Парижѣ и моя мысль переходитъ къ площади звѣзды, къ авенюе, ведущему къ Булонскому лѣсу. Моя мысль двигается въ пространствѣ, какъ минуту назадъ она двигалась во времени. При ассоціаціяхъ сходства мы имѣемъ, что нѣкоторые элементы даннаго представленія тождественны съ элементами прежняго представленія. И вотъ—тождественные элементы перваго влекутъ за собой элементы, принадлежашіе исключительно второму, съ которыми они однако связаны существованіемъ и послѣдовательностью. Явленіе, по которому представленіе А влечетъ за собой представленіе В, во всемъ своемъ объемѣ очень сложно. А, конечно, и смежно и сходно со многими представленіями кромѣ В, но оно останавливается въ данный моментъ на В, потому что общее настроеніе лица и совокупность внѣшнихъ условій въ данный моментъ наиболѣе сближаетъ его съ В. Если бы связь между А и В была неизмѣнною, то тогда передъ нашимъ сознаніемъ вѣчно двигались бы однѣ и тѣ же картины въ одной и той же послѣдовательности. Но того не бываетъ. Кромѣ различныхъ факторовъ, измѣняющихъ ассоціацію представленій и дѣйствующихъ по необходимости, есть факторъ, дѣйствующій свободно и обуслов-

ливающій активность мышленія. Факторъ этотъ—воля. Мнѣ задали задачу, для рѣшенія ея нужно вспомнить одну изъ геометрическихъ теоремъ, мнѣ нужно вызвать въ памяти эту теорему, сразу она не дается мнѣ, я, такъ сказать, ищу ее въ своемъ душевномъ скарбѣ. Результатъ исканія можетъ быть и успѣшнымъ, и неуспѣшнымъ, но процессъ исканія всегда тождествененъ: отъ даннаго представленія или отъ данной мысли я направляюсь къ мысли прошлой, къ представленію забытому. Все равно, какъ въ физическомъ мірѣ я не могу переѣхать изъ Москвы въ Петербургъ, не проходя промежуточныхъ пространствъ, такъ въ мірѣ психическомъ я рядомъ ассоціированныхъ представленій долженъ добраться до представленія, мнѣ нужнаго. Моя мысль двигается по ассоціированнымъ представленіямъ, она двигается быстро и можетъ двигаться различно, такъ какъ между каждыми двумя пунктами можно провести безконечное число соединяющихъ эти пункты линий. Дисциплинированная воля можетъ съ большимъ успѣхомъ управлять этими движеніями. Представимъ себѣ всю систему хранящихся въ душѣ представленій, какъ огромную, мелко сплетенную сѣть, на которой постоянно навязываются новыя и новыя петли. Представимъ себѣ, что эти петли обладаютъ специфическимъ магнетизмомъ, по которому возможно притяженіе между отдаленнѣйшими узлами и отсутствіе взаимодѣйствія между узлами близкими. Новая петля А вступаетъ во взаимодѣйствіе съ петлею В (далеко или близко отстоящею), напряжение и качество магнетизма измѣняется, вызываетъ изъ прошлаго представленіе С. Это движеніе, этотъ наростъ совершается механически, но является мысль и начинаетъ регулировать предположеннымъ нами магнетизмомъ. Наростъ представленій долженъ тогда совершаться логически.

Представленіе даетъ копію далеко не тождественную съ образомъ. Я встрѣтилъ китайца и у меня запечатлѣлся его образъ, однако отъ моего вниманія и затѣмъ при воспроизведеніи отъ моей памяти ускользнуло много подробностей образа. Затѣмъ я встрѣтилъ другого китайца. Я знаю, что это другой, я сознаю, что между ними есть какое то различіе, но отъ меня это различіе ускользаетъ. У меня нѣтъ различ-

ныхъ представленийъ перваго и втораго китайца, у меня есть общее представленіе китайца. Такъ, рядомъ съ индивидуальными представленіями въ душѣ образуются общія представленія. Мы имѣемъ множество общихъ представленийъ и на этомъ только утверждается возможность жизни и возможность мысли. Если бы мы имѣли только единичныя представленія, тогда каждое новое представленіе являлось бы намъ, какъ совершенно незнакомое, нѣчто, къ чему мы не знаемъ, какъ отнестись. Система общихъ представленийъ позволяетъ намъ ориентироваться при новыхъ условіяхъ и новой средѣ. На небѣ явилось дождевое облако. Если бы у человѣка не было общаго представленія дождевого облака, онъ не могъ бы заключить, что будетъ дождь. Данное дождевое облако было бы для него незнакомою новинкою. Но выработанное убѣжденіе, что предметы, отвѣчающіе одному и тому же общему представленію, производятъ одинаковыя дѣйствія, отвѣчающія продолженію этого общаго представленія, даетъ возможность представить будущее. Общее представленіе, какъ и единичное, мыслится не обособлено, а въ связи съ тѣмъ, что его необходимо окружаетъ, ему предшествуетъ и за нимъ послѣдуетъ. Дождевое облако, дождь, грязь все одно и тоже продолжающееся общее представленіе. Каждый изъ трехъ его элементовъ даетъ возможность заключать о существованіи двухъ другихъ: грязь къ дождю и облаку, дождь къ грязи и облаку, облако къ грязи и дождю. Общія представленія имѣютъ и животныя и на нихъ основывается возможность животной жизни. У утки есть общее представленіе воды и у хорька—общее представленіе цыплатъ.

Общія представленія возникаютъ изъ того, что устанавливается взаимоотношеніе представленийъ по сходству. Сложныя представленія заключаются подъ одно общее представленіе. Наблюденія надъ рѣками Москвою, Окою, Волгою даютъ общее представленіе рѣки. Образованіе общихъ представленийъ, это дѣло экономіи памяти. Если бы ихъ не было, мы должны были бы помнить каждый предметъ обособленно и черты принадлежащія ему исключительно, и черты принадлежащія ему совмѣстно съ другими запоминать особенно. Но во многихъ случаяхъ намъ не нужны индивидуальныя черты

предмета, нужны только общія и вотъ—общія представленія освобождаютъ насъ отъ обязанности держать въ своей памяти громадный балластъ. Для того, чтобы найти себѣ обѣдъ, я долженъ только знать одни признаки: надпись на зданіи „Ресторантъ“. Если бы не было общихъ представленій, не существовало бы представленія ресторана, могли только представляться и мыслиться отдѣльныя мѣста, гдѣ можно найти обѣдъ. Но проанализируемъ это представленіе и мы увидимъ, что въ составъ его опять входитъ безчисленное количество общихъ представленій. Пусть я представляю себѣ не ресторанъ вообще, а ресторанъ опредѣленный. Однако далѣе я представляю, что я могу найти тамъ кушанья вообще или кушанья такія-то не прямо съ характерными признаками, отличающими положенное на одной тарелкѣ отъ положеннаго на всѣхъ тарелкахъ міра, но вообще кушанья такого рода. Эта замѣна представленій единичныхъ представленіями общими есть сокращеніе работы памяти и мыслительнаго процесса. Заведеніе ищетъ учителя математики. Ему рекомендуютъ лицо А. Не нужно знать А во всѣхъ отношеніяхъ, достаточно знать, что онъ знаетъ математику, обладаетъ педагогической сноровкой, добросовѣстенъ. Индивидуальное представленіе А замѣняется общимъ представленіемъ хорошаго учителя. Обозначимъ совокупность признаковъ такого учителя, какъ М. Мы имѣемъ сужденіе: А есть М. Если бы требовалось нѣсколько учителей и нашлись бы лица В, С, Д, то и В, С, Д, трактовались бы, какъ М. *Усвоеніе по единичному представленію признаковъ, въ немъ не наблюдавшихся, но существующихъ въ томъ общемъ представленіи, подъ которое оно можетъ быть подведено, есть умозаключеніе.* Его основаніе—ассоціація по смежности. Въ рѣкахъ живетъ рыба. О новой рѣкѣ, которую я увидѣлъ, я думаю, что и въ ней должны жить какіе либо сорта рыбъ. Отъ человѣка, который ко мнѣ подошелъ и котораго я вижу въ первый разъ, я естественно жду, что онъ заговоритъ, потому что человѣкъ подходитъ къ другому обыкновенно затѣмъ, чтобы сказать ему что-либо. Процессъ обобщенія представленій и отсюда процессъ опредѣленія ихъ взаимоотношенія можетъ быть разно-

образнымъ и имѣть различныя степени. Такъ рѣка есть общее представленіе. Но многочисленныя наблюденія могутъ разбить это представленіе на нѣсколько новыхъ общихъ, для которыхъ представленіе рѣки останется общимъ. Рѣки судоходны, рѣки небольшія, но съ быстрымъ теченіемъ, прячущіяся въ заросляхъ. Каждый изъ такихъ типовъ рѣкъ имѣетъ свои признаки. Наиболѣе общее представленіе тогда даетъ наименѣе матеріала для умозаключеній. Сказать о Сухонѣ, что она—рѣка, значить сказать гораздо меньше, чѣмъ сказать, что она рѣка судоходная, что она рѣка, текущая подъ 50-ми параллелями, что она несетъ свои воды въ Ледовитый океанъ. Всѣ эти указанія не индивидуализируютъ Сухону, есть нѣсколько рѣкъ, удовлетворяющихъ этимъ опредѣленіямъ, но они даютъ однако возможность сдѣлать относительно нея много заключеній, которыхъ нельзя вывести только изъ того факта, что она—рѣка.

Разсматривая представленія по происхожденію, мы видимъ, что въ сущности они суть не внѣшніе предметы, а наши субъективныя состоянія. Я имѣю представленіе куска сахару. Оно составлено изъ представленія формы, величины, цвѣта, тяжести, вкуса. Но всѣ перечисленные признаки суть субъективныя ощущенія, они локализованы въ одномъ началѣ, это начало проецировано, т. е., представлено находящимся внѣ меня. Ассоціація, сліяніе, смѣна, раздѣленіе представленій, все это наши субъективныя состоянія. Все это дѣятельность естественной мысли, но мысль разсматриваетъ свои представленія не какъ свои созданія, а какъ образы вещей, и, разсуждая о своихъ представленіяхъ, полагаетъ, что разсуждаетъ о вещахъ. Мышленіе наше предметно.

Дѣятельность образованія, сліянія, разложенія и смѣны представленій и есть дѣятельность естественнаго мышленія. Но идеаль чловѣка есть мышленіе логическое. Конечно, и логическое мышленіе не противоестественно, наоборотъ, по существу оно болѣе естественно, т. е., болѣе согласно съ законами природы, чѣмъ такъ называемое мышленіе естественное. Многія представленія дикаря возникаютъ и развиваются на болѣе естественной почвѣ, чѣмъ у культурныхъ людей, и од-

знако менѣе отвѣчаютъ правдѣ, чѣмъ послѣднія. Но логическое мышленіе мы противопоставляемъ естественному, потому что оно не дается непосредственно природою, а пріобрѣтается изученіемъ. Во избѣжаніе недоразумѣній должно оговориться, что оно пріобрѣтается изученіемъ неспеціально логики. Нѣтъ: пріобрѣтается оно изученіемъ вообще и изученіемъ спеціальныхъ отраслей знанія. Общее образованіе развиваетъ человѣка и вырабатываетъ въ немъ способность правильныхъ сужденій. Спеціальное изученіе какой либо практической или научной отрасли вырабатываетъ въ изучающемъ способность быстро улавливать существенное, устанавливаетъ правильную связь между признаками предмета, различать наносное и случайное отъ коренного и первоначальнаго. Если дать ариметическую задачу, не требующую для своего рѣшенія никакихъ спеціальныхъ математическихъ знаній, лицу занимающемуся математикой, и лицу, занимающемуся логикой, но не математикой, математикъ рѣшитъ задачу скорѣе и правильнѣе, чѣмъ логикъ. Это происходитъ потому, что въ своей сферѣ онъ мыслитъ логичнѣе логика, онъ, вѣдь, логику математики, т. е., искусство математическаго мышленія (подъ логикой математики разумѣютъ еще нѣчто иное) знаетъ лучше, чѣмъ логикъ. И развитіе всякой науки можетъ быть названо развитіемъ логики науки. Развитіе науки обуславливается точнымъ опредѣленіемъ изслѣдуемыхъ ею фактовъ, правильной систематизаціей ихъ, установленіемъ наилучшихъ методовъ изслѣдованій. Опредѣленіе, систематизація, методы, все—это дѣло логики. Отсюда и прогрессъ логики обуславливается прогрессомъ отдѣльныхъ наукъ. Логика, вѣдь, констатируетъ усовершенствованіе опредѣленій, системъ и методовъ.

Логическое мышленіе развивается изъ естественнаго точно также, какъ взрослый человѣкъ вырастаетъ изъ ребенка. Какъ ни велико здѣсь различіе, оно однако количественное, а не качественное. Логическое мышленіе характеризуется сознательностью. Но мы уже говорили, что въ мышленіи сознательномъ всегда имѣется элементъ безсознательный. И затѣмъ, конечно, мышленіе не становится тотчасъ логическимъ, какъ только на мыслительный процессъ упадутъ первые слабые

лучи свѣта сознанія. Сознаніе за вѣмъ тѣмъ есть и условіе логическаго мышленія, и условіе познанія логическихъ процессовъ, и условіе ихъ усовершенствованія. Мышленіе, не освѣщенное свѣтомъ сознанія, есть механическое, а не логическое, оно можетъ быть очень совершеннымъ, но оно не знаетъ самого себя, не знаетъ, что и для чего оно дѣлаетъ, оно является машиною, а не умомъ. Сортировочная машина можетъ разклассифицировать предметы гораздо лучше и несравненно скорѣе, чѣмъ человѣкъ. Но между нею и человѣкомъ всегда будетъ то различіе, которое призывалъ Паскаль между природою и человѣкомъ. Природа, давящая человѣка, не знаетъ, что она его губитъ, погибающій человѣкъ знаетъ, что онъ жертва природы. Алгебраическая машина, рѣшающая сложныя математическія проблемы, не знаетъ, что и для чего она дѣлаетъ. Человѣкъ, производящій первыя робкія вычисленія, знаетъ, чего онъ хочетъ. Мыслительная работа, не освѣщенная сознаніемъ, слѣпа, стихійна, безответственна. Это работа, не понимающая и не знающая сама себя. Мысль тѣмъ болѣе мысль, чѣмъ болѣе въ ней самосознанія. Достоинство мысли заключается въ ея автономности, въ ея свободѣ. Машина дѣйствуетъ по необходимости, мысль сама полагаетъ себя, сама опредѣляетъ. Если что свободно въ человѣкѣ, то прежде всего его мысль. Меня могутъ лишить свободы дѣйствовать, возможности говорить, (въ доброе старое время вырѣвывали языки, теперь сознаніе невыгоды тѣхъ или другихъ рѣчей можетъ заставить не говорить ихъ), но никто не можетъ запретить мнѣ свободно мыслить. Всѣ мы не совѣмъ правдивы, мы болѣе любезны другъ съ другомъ, чѣмъ нужно это во имя правды, но въ своихъ мысляхъ мы не можемъ лукавить и оцѣниваемъ cadaго постольку, поскольку онъ намъ кажется стоящимъ. Правда и мысль можетъ быть робкою и мышленіе бываетъ трусливымъ, но во всякомъ случаѣ каждый человѣкъ наиболѣе смѣлъ и наиболѣе свободенъ въ сферѣ мысли. Декартъ энергично подчеркнул значеніе участія воли въ мышленіи. По его мнѣнію, во всѣхъ ошибкахъ мысли виновата воля. Мысль взвѣшиваетъ и оцѣниваетъ доводы и показанія чувствъ и сообразно съ этимъ строитъ выводы. Отъ-

воли зависить—по Декарту—дать санкцію этимъ выводамъ, признать ихъ правильными или неправильными. Воля можетъ поспѣшить согласиться или не согласиться съ какою либо мыслью. Положимъ, я произвожу вычисленіе, мнѣ дали 11, 16, 15, я говорю - это равняется 43 и успокаиваюсь на этомъ рѣшеніи; моя лѣнивая воля не пожелала дальнѣйшей работы, но воля энергичная и осторожная побудила бы мысль еще точнѣе провѣрить вычисленіе и тогда бы открылось, что я ошибся и что сумма данныхъ трехъ слагаемыхъ равно 42. Мышленіе механическое, мышленіе естественное бредеть по протореннымъ путямъ, мышленіе логическое управляется волею, какъ кормчій. Воля, регулируя сознательное мышленіе, и усовершенствуетъ его.

Логическое мышленіе стремится къ большей и большей ясности. Попробуемъ анализировать наши представленія. Положимъ, представленіе какой либо мѣстности, и вы немедленно убѣдитесь, что ясно представить себѣ ту или другую картину въ дѣйствительности невозможно. Только во снѣ или въ болѣзненномъ состояніи мы можемъ живо воспроизводить лица своихъ знакомыхъ, въ нормальномъ состояніи эти образы всегда оказываются у насъ неустойчивыми. Отсюда и сліянію, и раздѣленію представленій, и умозаключеніямъ по смежности не достаетъ рельефности и твердости. Въ представленіи не видна связь признаковъ, она чувствуется, понимается, но не опредѣляется логически, образъ, создаваемый логическимъ мышленіемъ, устойчивъ, потому что выяснена и истолкована природа образа. Возьмемъ представленіе о треугольникѣ и мысль о треугольникѣ. Последняя можетъ быть и болѣе и менѣе богатой по содержанію, но во всякомъ случаѣ въ ней содержится идея взаимной связи между сторонами и углами, идея зависимости сторонъ по величинѣ и т. д. Представленіе треугольника не отчетливо. Нѣкоторые говорятъ, что въ сущности общихъ представленій не можетъ быть, нельзя представлять треугольника, который былъ бы ни острымъ, ни прямо—ни тупоугольнымъ. Въ этомъ положеніи есть та доля правды, что общее представленіе не можетъ быть безусловно отчетливымъ, за то мысль можетъ быть совершенно отчетливой.

Я знаю, что сумма угловъ треугольника равняется двумъ прямымъ, мыслю формулы, по которымъ можно рѣшить треугольникъ. Я не представляю себѣ въ это время никакого треугольника, я мыслю законы, опредѣляющіе происхождение треугольника и его свойства. Въ непосредственномъ представленіи и сущности всегда находится безконечное количество признаковъ, которые находятся какъ бы въ дрожательномъ, неустойчивомъ состояніи. Въ мысли скрываются всегда только нѣкоторые изъ элементовъ представленія и эти нѣкоторые формулированные обособленно могутъ быть совершенно отчетливыми и ясными. Великую услугу мышленію оказываетъ языкъ. Собственно говоря, каждое слово есть общее представленіе или, точнѣе, знакъ общаго представленія. Было уже сказано, что общее представленіе, замѣняя собою индивидуальное, сокращаетъ работу мысли и памяти. Слово, становясь на мѣсто общаго представленія, ведетъ далѣе это дѣло сокращенія. Представленіе Москвы рѣки сложнѣе и запутаннѣе представленія рѣки, операція со словомъ рѣка болѣе легка, чѣмъ съ представленіемъ рѣки. Представленіе въ словѣ замѣняется легкимъ и удобнымъ знакомъ. Мы и привыкаемъ мыслить не образами, а сокращенными знаками образовъ. Логическое мышленіе сообщаетъ знакамъ точность и ограничиваетъ ихъ содержаніе опредѣленными признаками такъ, что мысль удерживаетъ ихъ легко и представляетъ отчетливо. Языкъ народа слагается безсознательно, и поэтому слова въ ихъ стихійномъ видѣ имѣютъ далеко не всегда строго разграниченное значеніе. Логическое развитіе языка состоитъ въ томъ, что словамъ усваивается точное значеніе. Физика, химія, не могутъ играть словами, не можетъ въ произвольномъ смыслѣ употреблять ихъ и исторія, и социологія. Намъ говорятъ: во Франціи царствуетъ безбожіе. Другіе говорятъ, что это неправда. Мы требуемъ для выясненія спора, чтобы былъ установленъ точный смыслъ слова безбожіе, чтобы всѣ разсуждающія лица употребляли это слово въ одномъ и томъ же смыслѣ. Такъ, въ логическомъ мышленіи мы замѣняемъ нестройные и неясные образы представленій точными и опредѣленными понятіями. Задача логическаго мышленія мыслить ясно и основательно.

Въ сущности, это, конечно, тавтологія; я могу представлять ясно только то, что понимаю, что знаю основательно. Но это въ идеаль, а въ дѣйствительности мысль можетъ быть довольно ясною, а основаніе ея забыто. Можно рѣшать задачи по формуламъ, доказательство справедливости которыхъ мы давно забыли. Но очевидно, въ такихъ процессахъ опять въ наше мышленіе прокрадываются и бессознательные и механическіе элементы. Нужда, необходимость заставляетъ насъ пользоваться ими, но это только печальный фактъ, а не идеаль.

Мы опредѣлимъ для себя мышленіе вполнѣ, когда изслѣдуемъ его формы и приемы. Теперь мы выяснили себѣ нѣкоторыя эмбріональныя формы и нѣкоторыя общія свойства мышленія. Примѣры мыслящихъ вѣсовъ показали намъ основныя принципы мысли. Разсмотрѣніе психологической стороны происхожденія познанія показало намъ процессъ возникновенія естественной мысли и ея постепеннаго осложненія и развитія. Мы уже говорили о соотвѣтствіи между мышленіемъ и бытіемъ. Изъ этого само собою слѣдовало и соотвѣтствіе между мыслью естественною и логическою, такъ какъ должно быть соотвѣтствіе между тою и другою и бытіемъ. Изъ этого слѣдуетъ и большее соотвѣтствіе бытію логической мысли, чѣмъ естественной. Оно должно въ себѣ лучше отражать дѣйствительность по той же причинѣ, по которой лучше полированное зеркало даетъ лучшія отраженія, чѣмъ зеркало, грубо полированное.

С. Глаголевъ.

(Окончаніе будетъ).

Николай Яковлевич Гротъ (1852 + 1899 г.) и его философскіе труды.

(Продолженіе *).

Въ виду особенной важности труда Грота подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о реформѣ логики“ и принимая во вниманіе, что въ русской философской литературѣ это единственное ¹⁾ сочиненіе, имѣющее свою цѣлью великую задачу—коренную реформу всей логики, мы подробно изложимъ содержаніе этого труда. Въ предисловіи къ своему сочиненію авторъ рассказываетъ исторію его. Изъ этой исторіи мы узнаемъ, что указанный трудъ: „Къ вопросу о реформѣ логики“ былъ задуманъ Гротомъ еще на студенческой скамьѣ при слушаніи курса логики въ Петербургскомъ университетѣ; затѣмъ долго готовился въ годы профессорства, и только въ 1882 г., послѣ десяти—мѣсячной отдѣлки въ Тюбингенѣ, былъ наконецъ выпущенъ въ Лейпцигѣ въ свѣтъ. Авторъ настолько скромный, что и такой, долго продуманный трудъ, находитъ еще незрѣлымъ. Но онъ все таки рѣшилъ его выпустить въ свѣтъ въ тѣхъ видахъ, что иногда незрѣлый плодъ лучше дозрѣваетъ, если его сорвать и подвергнуть дѣйствию живительныхъ лучей солнца на открытомъ окнѣ, чѣмъ если его оставить въ тѣни, подъ густыми листьями дерева. Солнечными же лучами для каждаго произведенія человѣческой мысли является кри-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 12.

¹⁾ Сочиненіе Корвинскаго: „классификація выводовъ“ имѣетъ въ виду реформу лишь одной части логики, да и то на почвѣ старой же логики.

тика. Авторъ и надѣется, что его теоріи окончательно дозрѣютъ подъ живительными лучами критики. Но критика критикѣ—ровня. Бываетъ критика глубокая и основательная, и бываетъ совсѣмъ поверхностная, неосновательная. Гротъ и считаетъ нужнымъ послать предостереженіе тѣмъ легкомысленнымъ и поверхностнымъ критикамъ, которые считаютъ возможнымъ съ высоты своего всезнанія произносить смертные приговоры надъ любой книгою, общее направленіе которой имъ почему либо не нравится.

Нашъ авторъ считаетъ себя въ правѣ подчеркнуть, что его книга не есть сводъ мнѣній, на спѣхъ и кое какъ составленныхъ и спитыхъ на живую нитку, нѣтъ, каждая мысль, въ ней выраженная, десятки разъ была продумана авторомъ и выворочена на всевозможныя стороны. Въ силу такихъ-то, по собственному сознанію Грота, солидныхъ качествъ труда его, онъ и считаетъ себя въ правѣ ожидать, что критики отнесутся серьезно и съ уваженіемъ къ его теоріямъ, какъ результатамъ многолѣтней напряженной работы ума. Таковы условія и достоинства работы Грота по его собственнымъ словамъ. Теперь рассмотримъ, какъ авторъ понимаетъ научный характеръ своего труда. Онъ убѣжденъ, что оригинальность его теоріи будетъ очевидна для всякаго толковаго и сколько нибудь компетентнаго читателя. Въ силу же сознанія этой общей оригинальности своего труда, Гротъ и указываетъ на то, что онъ пренебрегалъ ссылками на чужія мнѣнія и на указанія случайныхъ совпаденій различныхъ своихъ взглядовъ со взглядами другихъ писателей. Право свое дѣлать это онъ видитъ въ примѣрѣ авторитетнѣйшихъ логиковъ нашего времени, изъ которыхъ одинъ, напр. Стэнли Джувенсъ говоритъ слѣдующее: „въ такомъ предметѣ, какъ логика, едва ли возможно высказывать какія нибудь мнѣнія, которыя не были бы высказываемы прежде въ той или другой формѣ; крайней мѣрѣ зародышъ cadaго ученія можно найти у прежнихъ писателей и новостъ можетъ состоять главнымъ образомъ только въ способѣ гармонизованія и развитія“¹⁾. Руковод-

¹⁾ „Къ вопросу о реформѣ логики“. Н. Грота.

ствуясь этимъ мнѣніемъ одного изъ компетентнѣйшихъ своихъ предшественниковъ, авторъ и находитъ, что не стоитъ тратить время и силы на то, чтобы искусственно ставить свои взгляды въ связь съ подобными же взглядами предшественниковъ. Но это, указанное самимъ авторомъ, качество его труда, касается только внѣшней стороны, техники сочиненія. Для уясненія взглядовъ автора намъ интереснѣе узнать, какъ онъ самъ понимаетъ происхожденіе своихъ взглядовъ по вопросу его работы. Гротъ и здѣсь не оставляетъ безъ вниманія своихъ читателей и критиковъ: онъ разъясняетъ самый процессъ развитія и его взглядовъ. Въ общемъ это развитіе прошло (по Гегелеву закону) три момента: моментъ отрицанія, моментъ критики и моментъ творчества. Въ первый моментъ отрицанія у автора возникло сознаніе несообразности нѣкоторыхъ сторонъ логическихъ доктринъ напр.: логическаго ученія о законѣ тождества, о томъ, что понятія возникаютъ прежде умозаключеній и т. п. Сознаніе этой несообразности заставило автора искать разрѣшенія всѣхъ этихъ недоумѣній въ сочиненіяхъ прежнихъ писателей по логикѣ, эстетикѣ и въ изученіи исторіи логики. Но и исторія логики не дала отвѣта на сомнѣнія и недоумѣнія автора. Между тѣмъ, подѣ влияніемъ практической необходимости читать, въ положеніи профессора, систематическое изложеніе логики, у нашего автора скоро стали возникать обрывки и собственныхъ теорій. Путемъ долгой и многократной переработки этихъ обрывковъ, у Грота и оказалась въ результатѣ система взглядовъ новая и *для него самого неожиданная* ¹⁾. Такова, рассказанная самимъ авторомъ, исторія развитія его взглядовъ. Что же представляетъ собою этотъ трудъ, исторія котораго такъ подробно рассказана самимъ авторомъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ нужно обратиться къ изложенію содержанія этого труда, что мы и дѣлаемъ теперь.

Во введеніи къ своему сочиненію авторъ занимается разъясненіемъ задачъ своей работы. Прежде всего онъ указываетъ литературу исторіи логики (1—5). Общее его мнѣніе о глав-

¹⁾ Къ вопросу о Реформѣ логики стр. XIII.

нѣйшихъ логическихъ трудахъ то, что они мало даютъ для исторіи логики, потому что въ болѣе древнихъ не достаетъ критики и полноты, а болѣе новые не только поверхностны и отрывочны, но и односторонни, ибо, когда историкъ въ то же время теоретикъ, то онъ судитъ о важности того или другого труда всегда болѣе или менѣе субъективно и не безпристрастно. Затѣмъ авторъ дѣлаетъ общій очеркъ развитія и современнаго состоянія логики (5—18); именно онъ указываетъ на слѣдующіе частные факты: 1) постепенное умноженіе направленій въ разработкѣ логики, особенно въ новѣйшее время (5—8). Лучшимъ доказательствомъ возрастающаго числа разногласій между представителями логики служитъ прогрессивное умноженіе сочиненій съ реформаторскими тенденціями (8—10); это одна черта. Другою важною чертою въ развитіи логики является послѣдовательное возрастаніе теоретическаго характера логическихъ изслѣдованій въ ущербъ практическому (10—17). Въ древности и средніе вѣка логика служила практическимъ руководствомъ для человѣческаго ума во всѣхъ сферахъ его дѣятельности; она считалась не только пропедевтикой къ другимъ наукамъ, но и руководительницею всякаго разсужденія, разговора и спора. Въ новое же время замѣчается въ логикѣ перевѣсъ теоретическихъ задачъ надъ практическими, замѣчается стремленіе дать логикѣ строго-научную обработку лишь въ сферѣ вопросовъ гносеологическихъ. Но въ общемъ, по нашему автору, современное положеніе логики находится въ высшей степени въ неудовлетворительномъ видѣ: съ одной стороны совершенное вавилонское столпотвореніе—безчисленныя неудачныя попытки реформы логики; съ другой стороны, общность лишь одной черты, а именно стремленіе строго и научно переработать теорію познавательной дѣятельности и соотвѣтственно этому большее или меньшее пренебреженіе къ практическимъ задачамъ. Первый фактъ естественно долженъ привести къ желанію найти причины всеобщей путаницы понятій и неудачъ прежнихъ реформаторовъ логики и отыскать способы лучшей постановки дѣла въ будущемъ. Второй приводитъ къ вопросу: не выигрываетъ ли логика отъ исключительной теоретической поста-

новки своихъ изслѣдованій и отъ совершеннаго забвенія той практической миссии между людьми, о которой она такъ долго мечтала? Разборомъ этихъ вопросовъ нашъ авторъ и занимается далѣе. Въ чемъ причина неудачъ прежнихъ реформаторовъ логики (17—22)? Важнѣйшею причиною путаницы понятій въ логикѣ по Гроту является большая или меньшая зависимость всѣхъ общихъ логическихъ теорій отъ тѣхъ или другихъ метафизическихъ системъ; а отсюда нашъ мыслитель объясняетъ и причину неудачи всѣхъ прежнихъ реформаторовъ логики. Желая примирить и согласить готовые понятія, имѣющія свое основаніе въ метафизическихъ предположеніяхъ и догматахъ, они берутъ на себя задачу невыполнимую и совершенно непроезжимую: изъ сочетанія и приспособленія другъ къ другу традиціею освященныхъ, но ложныхъ или фантастическихъ идей, конечно, ничего сильнаго, могучаго, органически цѣльнаго не можетъ произойти. И нашъ авторъ справедливо находитъ, что хаосъ понятій съ каждою попыткою реформы, основанною на такомъ принципѣ, лишь увеличивается и къ старымъ противорѣчіямъ и разногласіямъ присоединяются все новыя. Но въ такомъ случаѣ естественно является вопросъ: что же дѣлать для реформы логики? Какъ избѣжать хаоса и путаницы? Гротъ находитъ, что для того, кто отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ фактѣ, что прошедшее логики смутно, настоящее—хаотично, а задачи будущаго еще вовсе не опредѣлены, ничего не остается какъ: 1) подвергнуть отрицанію все прошлое этой науки, и, вооружившись сомнѣніемъ по отношенію ко всѣмъ безусловнымъ понятіямъ и терминамъ, хотя бы кажушимся на первый взглядъ совершенно естественными и законными, 2) начать всю работу снова и при томъ на совершенно новыхъ основаніяхъ, при помощи новыхъ методовъ и новой постановки вопросовъ. На этомъ же пути предстоитъ, прежде всего, рѣшить вопросъ о возможности поставить логику на совершенно теоретическую почву. Авторъ находитъ, что эта возможность не только въ настоящее время не подлежитъ никакому сомнѣнію, но даже является прямо необходимою. Въ настоящее время по Гроту необходимо, хотя временно, пренебречь всѣми непосредствен-

ными практическими задачами, которыя способны лишь только тормозить безпристрастное научное изученіе предмета и отвлекать его отъ ближайшихъ цѣлей, и обратиться лишь къ строго теоретическому изслѣдованію вопроса. Этотъ же вопросъ о „теоретичности“ логики приводитъ нашего автора къ разбору отношеній между науками, искусствами и теоріями искусствъ (25—29). Гротъ находитъ, что необходимо различать тройкій родъ изученія дѣйствительности: 1) чисто-теоретическій въ наукахъ; 2) теоретико-практический въ теоріяхъ искусства; 3) чисто-практический—въ искусствахъ. Эти три рода изученія имѣютъ и цѣли различныя (истолкованіе природы, выработка правилъ дѣятельности, усвоеніе самаго механизма этой послѣдней) и объекты различныя (природа въ наукахъ, выводы науки и приемы искусствъ, правила этихъ послѣднихъ и механизмъ самой дѣятельности въ искусствахъ);—и приемы, или средства тамъ и здѣсь различныя (наблюденіе, эксперименты и анализъ—въ наукахъ; пассивное усвоеніе и синтезъ въ теоріяхъ искусствъ, упражненіе въ самой дѣятельности, соединенное съ творчествомъ—въ искусствахъ). Съ этой же точки зрѣнія нашъ авторъ находитъ необходимымъ отличать науку о познаніи отъ теоріи искусства познанія. Логика съ этой точки зрѣнія должна быть наукою о познаніи, т. е., чисто теоретическимъ видомъ изученія познавательной дѣятельности. Всѣ же практическія задачи должны быть предоставлены будущей особой теоріи искусства познанія, которую по автору удобнѣе всего назвать „методикой“ или „методологіей“.

Каковъ же долженъ быть общій строй будущей логики, какъ науки о познаніи? Для опредѣленія этого строя авторъ (33—34), прежде всего, кратко устанавливаетъ опредѣленіе предмета логики. Предметомъ логики должна быть „познавательная дѣятельность“ со всѣхъ ея сторонъ и во всѣхъ ея проявленіяхъ. Далѣе Гротъ дѣлаетъ анализъ методовъ логики. Начинаетъ онъ съ критики прежнихъ взглядовъ на эти методы и затѣмъ даетъ свое указаніе будущихъ методовъ логики. Логика, какъ будущая чисто теоретическая наука, можетъ быть построена только при правильномъ синтезѣ всѣхъ апостеріорныхъ методовъ, т. е., при помощи опытнаго изученія:

1) внутреннихъ познавательныхъ процессовъ въ связи съ психическими явленіями соотвѣтствующаго круга, и во 2-хъ) внѣшнихъ, матеріальныхъ и формальныхъ, результатовъ и выраженій этихъ процессовъ—во мнѣніяхъ, убѣжденіяхъ и знаніяхъ людей всякаго развитія и въ научныхъ приобрѣтеніяхъ, въ частности—въ словахъ, названіяхъ, терминахъ, предложеніяхъ, періодахъ и другихъ элементахъ изложенія идей.

Опредѣливъ общій объектъ и методы логики, какъ науки о познавательной дѣятельности, Гротъ опредѣляетъ далѣе и предметъ своего сочиненія (43—44). Планы автора, по его словамъ, довольно скромны. Мечта построить сразу цѣлую законченную „систему“ логики должна быть, по мнѣнію автора, навсегда оставлена. Системы наукъ строятся лишь постепенно, лишь усиліями многихъ личностей. Отдѣльная работа можетъ лишь стремиться къ системѣ только субъективной и внѣшней, къ системѣ въ взложеніи, къ согласію и гармоніи отдѣльныхъ утвержденій между собою. Въ этомъ субъективномъ смыслѣ авторъ и хочетъ стремиться къ системѣ, но очевидно не къ системѣ логики, а къ систематичности и согласію своихъ положеній. Такъ какъ мечтать изслѣдовать всю область познавательной дѣятельности сразу было бы смѣшно, потому что поле ея необозримо, то Гротъ и считаетъ возможнымъ заняться лишь нѣсколькими вопросами, которые ему кажутся болѣе важными. Эти вопросы группируются около понятія мышленія, т. е., умственной дѣятельности. Основныя функціи этой послѣдней, по мнѣнію нашего автора, всего важнѣе опредѣлить, такъ какъ только этимъ путемъ можно положить конецъ цѣлому ряду прискорбныхъ недоразумѣній и фантастическихъ взглядовъ, которыми была наполнена старая логика. Въ частности, главною своею задачею авторъ ставитъ рассмотреть различныя ступени осложненія умственной дѣятельности, или умственныхъ процессовъ и ихъ взаимныхъ отношеній, а затѣмъ—вопросы о природѣ заблужденій ума, о средствахъ ихъ предупрежденія и исправленія и др. подобныя; въ связи съ этимъ онъ считаетъ необходимымъ коснуться такъ называемыхъ „законовъ мышленія“. Но для того, чтобы точнѣе опредѣлить характеръ изслѣдованій умственной дѣятельности, нашъ авторъ

считаетъ необходимымъ предварительно разобрать значеніе ея въ ряду процессовъ познавательной дѣятельности въ обширномъ смыслѣ слова и въ ряду всѣхъ психическихъ процессовъ вообще.

Сообразно такому плану своей работы, Гротъ и начинаетъ свой трудъ съ обозрѣнія значенія состава и ступеней развитія познавательной дѣятельности (содержаніе I главы). Прежде всего, онъ касается значенія познавательной дѣятельности (47—67). На какую почву поставить вопросъ о содержаніи познавательной дѣятельности, другими словами, на что долженъ опираться общій анализъ этого понятія?—вотъ первый вопросъ, который долженъ быть рѣшенъ. Нашъ авторъ рѣшаетъ его въ томъ смыслѣ, что основныя изслѣдованія свои онъ будетъ обосновывать не на субъективныхъ данныхъ внутренняго опыта, а на *объективныхъ результатахъ различныхъ наукъ объ организмѣ*. Сдѣлавши это краткое, предварительное замѣчаніе о почвѣ своихъ изслѣдованій, Гротъ переходитъ къ анализу общаго понятія психическаго существованія“ (48—49). Это понятіе авторъ опредѣляетъ такъ: психическое существованіе организма есть тотъ видъ взаимодѣйствія его съ окружающею средою ради приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ и внѣшнихъ къ внутреннимъ, который состоитъ въ обмѣнѣ между ними движеній, впечатлѣній, въ противоположность обмѣну веществъ. Такое же опредѣленіе „психическаго существованія“ предполагаетъ для своего объясненія, уже обоснованную прежде авторомъ (въ „Псих. чувств.“) теорію психическаго оборота (49—53). Каждый психическій оборотъ состоитъ, какъ это было указано самимъ Гротомъ въ его „Психологій чувствованій“, изъ 4-хъ моментовъ: 1) объективно-сенсорнаго или объективной восприимчивости; 2) субъективно-сенсорнаго, или субъективной восприимчивости; 3) субъективно-моторнаго, или субъективной дѣятельности и 4) объективно-моторнаго, или объективной дѣятельности. Въ общей суммѣ психическихъ оборотовъ должно различать, прежде всего, обороты правильные, т. е. такіе, въ которыхъ существуютъ на лицо всѣ звенья, и неправильные—такіе, въ которыхъ нѣкоторыя звенья отсутствуютъ. Затѣмъ

можно дѣлать правильные обороты на равномерные или безразличные, въ которыхъ ни одному моменту не принадлежитъ преобладаніе, и неравномерные или характерные, въ которыхъ одному моменту принадлежитъ рѣшительное преобладаніе предъ прочими. Наконецъ, можно еще различать обороты простые и составные и т. д. Взаимныя отношенія между этими оборотами нашъ авторъ рисуетъ въ видѣ схемы (51—59). Въ заключеніе же своего анализа теоріи психическихъ оборотовъ онъ даетъ такой итогъ: психическіе обороты, какъ и вообще психическое взаимодействіе, дифференцируются въ двухъ главныхъ направленіяхъ—пассивномъ и активномъ. Отсюда является возможность и всѣ дѣйствительныя психическія взаимодействія чловѣка раздѣлить на два класса—страдательныхъ и дѣятельныхъ. Первый классъ взаимодействій Гротъ обнимаетъ въ общемъ понятіи „психической жизни“; второй классъ—въ понятіи „психической дѣятельности“. Оба же эти понятія онъ признаетъ составными элементами болѣе широкаго или общаго понятія „психическаго существованія“. Наука, по отношенію къ изслѣдованію психическаго существованія, можетъ идти троякимъ путемъ: или, во 1-хъ, она можетъ заняться общимъ изслѣдованіемъ психическаго существованія и, выходя изъ наблюденій надъ цѣлымъ рядомъ организмовъ, должна стараться опредѣлить ходъ постепеннаго осложненія этого послѣдняго и дифференціаціи его на рядъ страдательныхъ и рядъ дѣятельныхъ оборотовъ, простыхъ и сложныхъ—это будетъ своего рода біологія сознанія (собственно „психологія“ — на обычномъ языкѣ), или 2) она можетъ поставить себѣ задачу изслѣдованіе продуктовъ вліянія внѣшней среды на организмъ, т. е., явленій психической жизни въ связи съ постепеннымъ развитіемъ ихъ (это будетъ анатоміей сознанія—психофизической); или же 3), наконецъ она можетъ изслѣдовать процессы дѣйствія самого организма сознанія, т. е., движенія, составляющія психическую дѣятельность—и это будетъ физиологіей сознанія (психодинамика). Въ свою очередь психостатика и психодинамика могутъ быть болѣе общими и болѣе спеціальными. Такъ психодинамика можетъ быть обращена на процессы нрав-

ственной дѣятельности (этика) и на процессы познавательной дѣятельности—собственно логика. И такъ, логика, по нашему мыслителю, есть психодинамика процессовъ познавательной дѣятельности. Сдѣлавши это опредѣленіе, нашъ авторъ переходитъ къ частному опредѣленію психической и познавательной дѣятельности. Психическая дѣятельность есть совокупность всѣхъ движеній и дѣйствій, направленныхъ къ приспособленію внѣшнихъ отношеній къ внутреннимъ; въ болѣе же точномъ смыслѣ она есть совокупность всѣхъ характерныхъ, ~~проста~~ или составныхъ психическихъ оборотовъ, исходящихъ отъ сознанія и направленныхъ къ измѣненію внѣшнихъ отношеній. Познавательную же дѣятельность нашъ авторъ опредѣляетъ такъ: познавательная дѣятельность есть совокупность движеній и дѣйствій, или дѣятельныхъ оборотовъ, направленныхъ къ развитію явленій объективной воспримчивости и имѣющихъ результатомъ приспособленіе отношеній этихъ явленій, какъ своего рода внѣшнихъ, къ внутреннимъ отношеніямъ, лежащимъ въ основаніи самихъ оборотовъ, составляющихъ эту дѣятельность, т. е., оборотовъ познавательныхъ. Опредѣливши психическую и познавательную дѣятельность, Гротъ далѣе (во II главѣ) разбираетъ составъ познавательной дѣятельности (67—74) и, прежде всего, касается умственной дѣятельности (70). Понятіемъ умственной дѣятельности обнимается совокупность главныхъ центральныхъ познавательныхъ оборотовъ, или умственныхъ процессовъ. Умственные процессы не суть что либо особое и отдѣльное отъ психическихъ оборотовъ, а составляютъ лишь спеціальныи видъ послѣднихъ. Умственные процессы играютъ самую важную и существенную роль въ системѣ процессовъ познавательныхъ: они составляютъ какъ бы настоящее зерно и центр тяжести познавательной дѣятельности. Этотъ анализъ умственныхъ процессовъ авторъ считаетъ необходимымъ поставить на точку зрѣнія развитія эволюціи (74). Гротъ находитъ, что, только выходя изъ этой точки зрѣнія, можно надѣяться привести всѣ умственные процессы къ одному основному типу и къ однообразнымъ неизмѣннымъ законамъ; только выходя изъ нея, можно надѣяться приобрѣсти и правильную есте-

ственную классификацію всѣхъ умственныхъ процессовъ. Но въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ: въ какой связи и отношеніи развитіе умственныхъ процессовъ находится съ общимъ развитіемъ познавательной дѣятельности? Нашъ авторъ находитъ полный параллелизмъ въ развитіи умственныхъ и познавательныхъ процессовъ и старается представить послѣдовательный анализъ ступеней развитія тѣхъ и другихъ. Единственнымъ критеріемъ для опредѣленія ступеней развитія всякой психической дѣятельности Гротъ считаетъ различную степень сознательности соответствующихъ ей процессовъ или движеній. Руководствуясь этимъ критеріемъ, авторъ находитъ четыре главныя ступени развитія познавательныхъ процессовъ: 1) бессознательную—этой ступени соответствуютъ: ощущеніе, какъ матеріалъ, первичныя или конкретныя представленія, какъ продуктъ переработки; 2) сознательную—соответствуютъ первичныя идеи (или конкретныя представленія), какъ матеріалъ, вторичныя идеи или конкретныя понятія, какъ продуктъ переработки; 3) произвольно—сознательную—вторичныя идеи, какъ матеріалъ, идеи третичныя или же методически отвлеченныя понятія, какъ продуктъ переработки, 4) произвольно методическую—третичныя идеи, какъ матеріалъ,—идеи еще болѣе сложныя, т. е., методически отвлеченныя понятія, или научныя идеи, какъ продуктъ переработки. Всѣ эти ступени познавательной дѣятельности могутъ воплощаться въ дѣйствительной жизни: однимъ организмамъ доступна только бессознательная познавательная дѣятельность, другимъ доступна и сознательная; третьимъ, кромѣ первыхъ двухъ, доступна и произвольно—сознательная, и наконецъ—четвертымъ доступна и послѣдняя высшая дѣятельность—произвольно—методическая. Но, замѣчаетъ нашъ авторъ, преобладаніе тѣхъ или другихъ процессовъ, т. е., сознательныхъ или бессознательныхъ на той или другой ступени можетъ быть лишь относительнымъ и потому приложеніе порядка этихъ ступеней къ жизни должно сопровождаться большою осмотрительностью. Сдѣлавши это замѣчаніе объ относительности ступеней развитія познавательной дѣятельности, авторъ переходитъ къ анализу общаго состава и ступеней развитія

умственныхъ процессовъ. Сперва онъ говоритъ о составѣ умственныхъ процессовъ. Опредѣливши умственные процессы, какъ совокупности умственныхъ движеній, нашъ авторъ особенно подчеркиваетъ недоступность въ настоящее время умственныхъ движеній для фізіологическаго изученія; остается лишь возможность надъ ними психологическаго анализа. Первымъ своимъ тезисомъ на пути этого анализа, Гротъ ставитъ односторонность всѣхъ умственныхъ движеній (92—93). Отсюда же, изъ этого принципа односторонности, нашъ авторъ выводитъ и частныя задачи своего анализа умственныхъ процессовъ: 1) пересмотрѣть общую теорію процессовъ психическаго развитія, и 2) изслѣдовать различныя сферы умственной дѣятельности съ цѣлью свести всѣ умственные процессы къ немногимъ первоначальнымъ видамъ движеній. Сообразно этимъ задачамъ Гротъ и излагаетъ общую теорію процессовъ психическаго развитія. Это изложеніе онъ начинаетъ съ критики своей прежней теоріи этихъ процессовъ, изложенной въ „Психологіи чувствованій“. Психическія движенія и преемства движеній, измѣняющія отношенія между данными психическими явленіями и служащія источникомъ развитія этихъ послѣднихъ, могутъ быть сведены къ шести родамъ: процессамъ ассоціаціи, диссоціаціи, дисассоціаціи, интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи. Эти процессы являются единственными самостоятельными процессами психическаго развитія. Общимъ же, предварительнымъ условіемъ всѣхъ этихъ процессовъ является наличность или отсутствіе извѣстныхъ психическихъ возбужденій, неизбѣжно оставляющихъ слѣдъ въ сенсоріумѣ. Указавши главные виды умственныхъ процессовъ, Гротъ затѣмъ даетъ анализъ взаимныхъ отношеній этихъ процессовъ, рисуетъ общую схему этихъ отношеній и дѣлаетъ очеркъ постепеннаго развитія или осложненія процессовъ развитія (103—106). Въ своемъ развитіи умственные процессы проходятъ нѣсколько ступеней. Эти ступени развитія умственныхъ процессовъ, по нашему мыслителю, тождественны съ ступенями развитія процессовъ ассоціаціи вообще: какъ во вторичныхъ, такъ въ первичныхъ процессахъ первое различіе сводится къ различію механическихъ

процессовъ отъ органическихъ; затѣмъ, эти механическіе и органическіе процессы могутъ быть опять различной сложности, т. е., первичные, вторичные, третичные, четвертой степени и т. д., при чемъ это различіе совпадаетъ съ различіемъ умственныхъ процессовъ бессознательныхъ, сознательныхъ произвольныхъ, методическихъ и т. д. Дальнѣйшею задачею своего изслѣдованія состава и значенія умственныхъ процессовъ нашъ авторъ ставитъ переработку старой теоріи сужденій и выводовъ. Эта же переработка, по словамъ автора, будетъ имѣть цѣлью, доказать, что процессы сужденія суть лишь процессы ассоціаціи, диссоціаціи и дисассоціаціи идей; процессы умозаключенія—сознательные процессы интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи идей. Это главная задача автора. Но сразу приступить къ ея рѣшенію Гротъ считаетъ преждевременнымъ. Сознательные процессы ассоціаціи—процессы сужденія и умозаключенія—представляютъ по автору уже вторичную ступень умственныхъ процессовъ. Анализъ этой вторичной ступени должно подготовить изслѣдованіемъ ступени первичной, или сознательныхъ процессовъ, потому Гротъ и занимается прежде изслѣдованіемъ этихъ послѣднихъ процессовъ въ слѣдующихъ двухъ главахъ: въ третьей онъ изслѣдуетъ произвольные, а въ четвертой произвольные умственные процессы. Процессами первичными или бессознательными Гротъ называетъ тѣ центральныя движенія и преемства движеній, по преимуществу физиологическаго характера, которыя безъ участія не только воли, но и сознанія, комбинируютъ и ставятъ въ различныя отношенія другъ къ другу простѣйшіе продукты объективной воспримчивости; предѣлъ этихъ движеній или бессознательныхъ процессовъ ассоціацій лежитъ между ощущеніями и конкретными представленіями, другими словами, между первоначальными объективными воспріятіями и первичными идеями. Бессознательные процессы разложимы на бесконечно послѣдовательный рядъ бессознательныхъ ассоціацій и интеграцій, или механическихъ и органическихъ движеній и рядовъ движеній, по природѣ своей совершенно однородныхъ. Далѣе Гротъ изслѣдуетъ частные виды элементарныхъ процессовъ, ихъ взаимное отношеніе и устанавли-

ваетъ два основныя типа (геометрической и арифметической) бессознательныхъ процессовъ ассоціаціи и даетъ ихъ символическое выраженіе и наименованіе; затѣмъ переходитъ къ сознательнымъ процессамъ. Сознательные процессы нашъ авторъ опредѣляетъ, какъ умственныя движенія и преемства движеній, называемыя также сужденіями и умовключеніями. Здѣсь же онъ, хотя кратко, но мѣтко опредѣляетъ значеніе прежнихъ теорій сознательнаго мышленія. Гротъ рѣшительно говоритъ, что никакихъ процессовъ мысли старыя теоріи не исчерпывали, не обнимали, такъ какъ они относились совсѣмъ не къ процессамъ мысли, а лишь къ процессамъ рѣчи. Это же утвержденіе даетъ нашему автору поводъ изслѣдовать отношеніе понятій „сужденія“ и „предложенія“ и составъ сужденія по ученію старой логики. Здѣсь Гротъ даетъ критику старыхъ взглядовъ на составъ сужденія и доказательство ихъ ошибочности. Отрицая дѣленіе предложеній старой логики, нашъ авторъ даетъ новос, весьма простое по идеѣ, дѣленіе предложеній, основанное на отношеніи вышнихъ объектовъ по объему: 1) есть предложенія, которыя высказываютъ что либо объ отношеніи „самостоятельныхъ“ „цѣлыхъ“, т. е., утверждаютъ или отрицаютъ тождество, различіе, возможность, послѣдовательность и др. подобныя отношенія однихъ предметовъ къ другимъ; 2) есть предложенія, которыя высказываютъ что либо объ отношеніи частей одного цѣлаго; 3) есть предложенія, которыя выражаютъ составъ цѣлаго; т. е., расчленяютъ цѣлое на части, и за предметомъ и явленіемъ или же группою ихъ утверждаютъ или отрицаютъ какіе нибудь признаки; 4) есть предложенія, которыя утверждаютъ или отрицаютъ принадлежность какой нибудь части къ цѣлому, напр. предмета къ цѣлой группѣ предметовъ, меньшей группы къ большей и т. п. ¹⁾. Нашъ авторъ считаетъ эту свою классификацію вполне исчерпывающею всѣ возможныя отношенія между предложеніями. Далѣе Гротъ переходитъ къ сужденіямъ. Разницу между сужденіемъ и предложеніемъ онъ опредѣляетъ такъ: сужденіе есть одновременное сообщеніе двухъ данныхъ элементовъ сознанія помощью треть-

¹⁾ См. 135—141 стр.

яго—оттого оно трехчленно; предложеніе же есть воспроизведеніе отношенія одного изъ этихъ элементовъ сознанія къ другому въ послѣдовательности поступленія воспріятій въ сознаніе—оттого оно и двухчленно. Каждое сужденіе можетъ быть выражено только двумя, взаимно дополняющими другъ друга, предложеніями; а если такъ, то можно считать за истину, что различіе подлежащаго и сказуемаго не имѣетъ ни малѣйшаго смысла въ сужденіяхъ, т. е., въ самомъ процессѣ мысли. Но въ такомъ случаѣ, по мнѣнію нашего мыслителя, можетъ быть устранено и главное препятствіе къ сближенію процессовъ сужденія съ процессами ассоціаціи; если сужденіе есть сознательное умственное движеніе, устанавливающее какое-либо отношеніе между двумя представленіями, то, очевидно, его можно опредѣлить иначе, какъ процессъ сознательной ассоціаціи представленій. Этимъ же процессомъ ассоціацій объясняются и высшія идеи, напр. такъ называемыя категоріи разсудка. Старая логика облакаетъ ихъ какимъ-то мистическимъ туманомъ; на самомъ же дѣлѣ эти идеи происходятъ изъ такой же ассоціаціи и интеграціи ощущеній, какъ и всѣ прочія идеи человѣка. Нашъ авторъ находитъ, что именно изъ такихъ ощущеній, т. е., изъ специфическихъ умственныхъ ощущеній, и образуются всѣ идеи человѣка. Но здѣсь можетъ быть поставлено возраженіе, что самое признаніе специфическихъ умственныхъ ощущеній есть не болѣе, какъ только гипотеза. Гротъ признаетъ это, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждаетъ, что безъ этой гипотезы немислимо объяснить сущность познавательной дѣятельности. Далѣе нашъ авторъ касается разновидности сознательныхъ ассоціацій и параллелизма ихъ классовъ съ классами ассоціацій бессознательныхъ (150—160). Главное отличіе бессознательныхъ ассоціацій отъ сознательныхъ то, что первые имѣютъ механическій характеръ, а вторые органическій. Но все же коренной разницы между тѣми и другими нѣтъ. Первыя сознательныя умственныя движенія возникаютъ на почвѣ неоднократнаго воспроизведенія бессознательныхъ ассоціацій. Гротъ находитъ, что это уже а priori должно быть понятно, ибо пестореніе бессознательныхъ ассоціативныхъ движеній ума не можетъ

проходить въ сенсоріумъ безслѣдно. Ассоціативнымъ комбинаціямъ конкретныхъ представленій уже съ самаго начала соотвѣтствуютъ извѣстныя ощущенія, но совершенно смутныя, или бессознательныя, другими словами—бессознательныя ассоціативныя движенія ума оставляютъ извѣстные слѣды въ томъ специальномъ отдѣленіи сенсоріума, которое по наследственной организаціи нервной системы заправляетъ умственную дѣятельность человѣка; но слѣды эти, какъ и соотвѣтствующія имъ раздраженія, сначала имѣютъ исключительно фізіологическій характеръ и лишь съ накопленіемъ ихъ, т. е., ассоціаціей и съ интеграціей, возникаютъ сознательно ощущаемыя умственныя движенія, т. е., сужденія. Определить моментъ этого перехода бессознательныхъ ощущеній умственныхъ движеній въ сознательныя авторъ считаетъ возможнымъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, потому что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ эти условія могутъ быть до извѣстной степени различны. Нашъ авторъ видитъ свою задачу лишь въ томъ, чтобы открыть общія условія, дающія послѣдній толчекъ превращенію бессознательныхъ ассоціацій въ сознательныя. Такой толчекъ заключается въ процессѣ воспріятія, въ которомъ то, что прежде ощущалось въ нераздѣльной связи, начинаетъ сознаваться вслѣдствіе предшествующей, бессознательной дифференціаціи представленій, какъ раздѣльное. Другими словами, по Гроту, ближайшая причина сознательной ассоціаціи представленій есть раздѣльная фиксація сознанія на ихъ объектахъ, или раздѣльное направленіе на нихъ вниманія. Развивая эту мысль подробнѣе, Гротъ приходитъ къ выводу, что интеллектуальныя ощущенія, по самому происхожденію своему изъ слѣдовъ бессознательныхъ движеній, первоначально имѣютъ своимъ объектомъ лишь ассоціативныя умственныя движенія, а такъ какъ эти движенія бывають двухъ типовъ—арифметическаго и геометрическаго, то, сообразно съ этимъ, и первыя сужденія и умозаключенія, т. е., сознательныя ассоціаціи, должны быть тѣхъ же двухъ типовъ. Но нашъ авторъ находитъ необходимымъ выразить особыми формулами основныя типы сознательныхъ ассоціацій, ибо относительно большая сложность ихъ элементовъ несомнѣнно даетъ имъ и особаго рода отпечатокъ сравнительно

съ параллельными ассоціаціями: онъ и замѣняетъ названія арифметическаго и геометрическаго типовъ терминами физическаго и математическаго типовъ. Далѣе Гротъ изслѣдуетъ обзоръ развитія сознательнаго мышленія въ его частныхъ ступеняхъ; онъ указываетъ три частныя его ступени со стороны внѣшняго и внутренняго развитія его содержанія. Ступени эти слѣдующія: 1) ощущенія умственныхъ движеній; 2) простѣйшія конкретныя представленія о дѣйствіяхъ ума и 3) сложныя конкретныя представленія объ этихъ послѣднихъ, являющіяся продуктомъ бессознательныхъ интеграцій, представленій простѣйшихъ. Указавши эти ступени, Гротъ затѣмъ даетъ анализъ объективнаго содержанія умственныхъ явленій различной сложности. Мы не будемъ излагать подробности этого анализа—укажемъ лишь, въ видахъ лучшаго ознакомленія съ мыслями автора, всѣ тѣ итоги, къ которымъ пришелъ онъ въ своемъ изслѣдованіи не произвольныхъ умственныхъ процессовъ. Итоги эти Гротъ выразилъ въ цѣломъ рядѣ тезисовъ; мы приведемъ важнѣйшіе изъ нихъ.

1) Все произвольное мышленіе распадается на двѣ главныя сферы, мышленія бессознательнаго и мышленія сознательнаго, изъ которыхъ послѣднее постепенно развивается на почвѣ перваго.

2) Всѣ произвольныя умственныя движенія по внутренней своей природѣ однородны и могутъ быть выражены понятіемъ ассоціаціи въ обширномъ значеніи этого слова.

3) Тѣ частныя виды умственныхъ движеній, которые обнимаются этимъ понятіемъ ассоціаціи, повторяются на всѣхъ ступеняхъ произвольнаго мышленія съ тою лишь разницею, что одни движенія бессознательны, другія—сознательны.

4) Бессознательныя умственныя движенія имѣютъ ту общую черту, что конечными элементами ихъ являются несознаваемые еще въ своей раздѣльности ощущенія; а всѣ сознательныя умственныя движенія сходятся въ томъ, что имѣютъ конечными элементами сознательно раздѣльныя простѣйшія представленія или воспріятія.

5) Общія предѣлы бессознательнаго или первичнаго мышленія опредѣляются ощущеніями и конкретными представ-

леніями; предѣлы же сознательнаго мышленія выражаются конкретными представленіями и конкретными понятіями.

6) Безсознательное мышленіе начинается съ бессознательныхъ ощущеній и кончается сложными конкретными представленіями бессознательной формаціи; сознательное мышленіе начинается съ простѣйшихъ конкретныхъ представленій бессознательной формаціи, превращающихся въ процессы объективированія въ сознательно-раздѣльныя воспріятія и кончается сложными конкретными понятіями.

7) Между этими предѣлами на ступени бессознательнаго мышленія лежатъ сознательныя ощущенія и простыя конкретныя представленія бессознательной формаціи; на ступени сознательнаго мышленія—сложныя, конкретныя представленія сознательнаго образованія и простѣйшія конкретныя понятія, образующіяся произвольно.

8) Такимъ образомъ, произвольное мышленіе проходитъ слѣдующій рядъ образованій, раздѣленныхъ согласно предшествующему на двѣ главныя группы.

а) бессознательныя ощущенія, сознательныя ощущенія, простѣйшія конкретныя представленія и сложныя конкретныя представленія бессознательной формаціи.

б) дифференцированныя представленія бессознательной формаціи, сложныя конкретныя представленія сознательнаго образованія, простѣйшія и сложныя конкретныя понятія, произвольно составленныя.

9) Все это развитіе произвольныхъ продуктовъ мысли неизбежно совершается въ двухъ главныхъ направленіяхъ, опредѣляемыхъ вѣшнею и внутреннею сложностью психическихъ явленій.

10) На ступени бессознательнаго мышленія эти два направленія умственной дѣятельности, или двойкій типъ умственныхъ движеній и ихъ продуктовъ, можно назвать арифметическимъ или геометрическимъ, на ступени сознательнаго мышленія физическимъ и математическимъ типами.

11) Сознательныя умственныя движенія, механическія и органическія, называются иначе сужденіями и умозаключеніями.

12) Параллельно развитію или осложненію умственныхъ движеній и ихъ продуктовъ развивается и специфическая интеллектуальная воспримчивость: сознательное мышленіе уже съ самаго начала опирается на сознательныя специфическія умственныя ощущенія, а затѣмъ, съ интеграціей первоначальныхъ сознательныхъ движеній въ высшія единства, т. е., въ первичныя дѣйствія ума, возникаютъ соотвѣтственно и конкретныя представленія объ отношеніяхъ между сложными объектами мысли, устанавливаемыхъ ею подъ вліяніемъ вѣшнихъ или внутреннихъ условій.

13) Затѣмъ еще одною особенностью сознательнаго мышленія со второй его ступени является образованіе именъ, какъ особыхъ конкретныхъ представленій, служащихъ орудіями объединенія конкретныхъ понятій.

14) Для конкретнаго выраженія помощью схемъ, различныхъ по степени сложности произвольныхъ умственныхъ движеній, ихъ элементовъ и продуктовъ, нашъ авторъ предлагаетъ выработать сложную систему знаковъ. Элементы и продукты мышленія можно обозначать буквами различнаго написанія; движенія же, ихъ сообщающія и разобщающія, обычными математическими знаками, а также и другими, составленными по аналогіи съ ними.

Дальнѣйшее изслѣдованіе Грота направляется къ указанію общаго хода развитія произвольныхъ и методическихъ процессовъ мышленія. Мы не будемъ слѣдить за подробностями дальнѣйшаго изслѣдованія автора. Укажемъ опять лишь тѣ итоги, къ которымъ приходитъ авторъ въ своемъ изслѣдованіи произвольныхъ и произвольныхъ умственныхъ процессовъ. Всѣ эти итоги авторъ сводитъ къ слѣдующимъ положеніямъ. Всѣ умственные процессы сводятся къ немногимъ видамъ движеній, сообщающихъ и разобщающихъ данныя явленія сознанія. Движенія эти въ ихъ совокупности нашъ авторъ называетъ ассоціативными и подраздѣляетъ на шесть специальныхъ классовъ, обозначаемыхъ уже приводимыми нами терминами: ассоціаціи, диссоціаціи, дисассоціаціи, интеграціи, дезинтеграціи и дифференціаціи.

Всѣ эти движенія по нашему автору являются лишь до-

полненіями и разнообразіями одного основнаго процесса, направленнаго къ сообщенію или связыванію продуктовъ внѣшняго опыта, продуктовъ периферическихъ познавательныхъ движеній. Этотъ основной процессъ сообщенія происходитъ на двоякой основѣ—внѣшней и внутренней смежности элементовъ чувственнаго опыта идей, а это приводитъ къ различенію на всѣхъ ступеняхъ развитія мысли процессовъ и явленій двоякаго типа—экстенсивнаго и интенсивнаго.

Но умственные движенія и ихъ продукты развиваются не только въ направленіяхъ экстенсивномъ и интенсивномъ: есть еще третье направленіе, съ точки зрѣнія развитія умственныхъ движеній,—способъ оцѣнки ихъ субтенсивности (отъ *subtendo*—тяну вверхъ, вытягиваю, въ переносномъ значеніи развиваю); можно будетъ сказать, что увеличеніе, какъ экстенсивности, такъ и интенсивности умственныхъ движеній и ихъ продуктовъ, прямо пропорціонально увеличенію ихъ субтенсивности, между тѣмъ какъ въ отношеніи другъ къ другу экстенсивность и интенсивность этихъ движеній и ихъ продуктовъ, какъ результаты двухъ противоположныхъ принциповъ умственной работы, обратно пропорціональны другъ другу. Различная степень субтенсивности процессовъ и явленій мышленія есть различная степень ихъ сознательности и сложности.

Съ этой точки зрѣнія различной сознательности или сложности, или еще иначе субтенсивности, умственная дѣятельность, какъ и вообще познавательная, имѣетъ по Гроту четыре главныя ступени развитія, а именно: ступень безсознательную, сознательную, произвольную и методическую, или первичную, вторичную, третичную и четверичную. Настоящею, внутреннею причиною возрастанія степени сложности и сознательности умственныхъ движеній и ихъ продуктовъ, и въ тоже время правильнымъ критеріемъ для разграниченія его главныхъ ступеней, служитъ по Гроту возрастаніе внутренней, центральной ¹⁾ или интеллектуальной воспримчивости орга-

¹⁾ Подъ центральной или интеллектуальной воспримчивостію Гротъ разумѣетъ способность сенсоріума ощущать собственныя свои движенія, или перемѣны, въ немъ совершающіяся.

низма, безъ помощи которой развитіе ума не было бы возможно. Признавая существованіе этой центральной воспримчивости гипотезою, Гротъ все же находитъ что эта гипотеза подтверждается анатомическимъ строеніемъ человѣческаго мозга, въ которомъ центры непосредственныя, т. е., прямо связанныя съ нервами афферентными и эфферентными, различаются отъ посредственныхъ, связанныхъ прямо только съ другими центрами и управляющихъ дѣятельностью этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, по нашему автору, развитіе внутренней воспримчивости центровъ сопровождается и даже обуславливаетъ развитіе внѣшней воспримчивости периферіи, и послѣднее, въ свою очередь, обуславливаетъ дальнѣйшее развитіе центральной воспримчивости. Такъ какъ внутренняя воспримчивость въ общемъ развитіи организма на одну ступень отстаетъ отъ воспримчивости внѣшней, то умственныя движенія или процессы, прежде всего, безсознательны: оттого и низшая умственная дѣятельность является безсознательною. Сознательныя ощущенія этихъ умственныхъ движеній лежатъ въ основаніи мышленія сознательнаго. Развитіе чувствъ и стремленій, направленныхъ на внѣшніе объекты, ведетъ къ образованію мышленія произвольнаго, а развитіе отвлеченныхъ идей создаетъ мышленіе методическое. Кромѣ этихъ главныхъ ступеней развитія умственной дѣятельности, съ точки зрѣнія ея субтенсивности, есть и рядъ ступеней второстепенныхъ, или частныхъ. Каждая главная ступень умственной и вообще познавательной дѣятельности распадается, и съ точки зрѣнія процессовъ, и съ точки зрѣнія явленій внѣшней и внутренней воспримчивости, на три под-ступени: подготовительную, спеціальную и заключительную.

Всѣ частныя процессы Гротъ называетъ особыми терминами; такъ, движеніямъ и явленіямъ экстенсивнаго и интенсивнаго типовъ на ступеняхъ безсознательнаго мышленія онъ даетъ названіе ариметическаго и геометрическаго типовъ, на ступеняхъ же мышленія сознательнаго названіе типовъ физическаго и математическаго; на ступеняхъ мышленія произвольнаго—конструктивнаго и конденсивнаго и, наконецъ, на ступеняхъ мышленія методическаго—архитектурнаго и скульптур-

наго типовъ. Съ точки зрѣнія основного психическаго закона—теоріи психическихъ оборотовъ, главныя ступени мышленія различаются: во 1-хъ, тѣмъ, что на двухъ низшихъ ступеняхъ центральные обороты являются неполными, т. е., состоятъ только изъ объективныхъ моментовъ, движеній и ощущеній; на двухъ же высшихъ ступеняхъ (мышленія произвольнаго) эти обороты полны, т. е., состоятъ столько же изъ объективныхъ, сколько и изъ субъективныхъ моментовъ (чувствъ и стремленій); во 2-хъ, такъ какъ при отсутствіи субъективныхъ моментовъ центральные обороты вызываются по преимуществу ощущеніями внѣшней среды, а при развитіи этихъ субъективныхъ моментовъ, наоборотъ, по преимуществу самимъ сознаниемъ, то на двухъ низшихъ ступеняхъ развитія познаніе имѣетъ по преимуществу характеръ пассивный, инстинктивный, т. е., можетъ быть признано проявленіемъ „психической жизни“, на двухъ же высшихъ ступеняхъ развитія оно имѣетъ по преимуществу характеръ активный, самодѣятельный, т. е., представляется въ полномъ смыслѣ слова „проявленіемъ психической дѣятельности“.

Приведенными нами выводами Гротъ оканчиваетъ четвертую главу излагаемаго нами его сочиненія. Въ послѣдней пятой главѣ онъ даетъ критику такъ называемыхъ законовъ мышленія (въ ихъ общечеловѣческомъ пониманіи), указываетъ причины заблужденій ума и средства борьбы съ ними. Нашъ авторъ безусловно отрицательно относится къ обычному пониманію логическихъ законовъ. Онъ находитъ, что старыя ученія о пѣрвыхъ трехъ законахъ мысли заключали въ себѣ цѣлый рядъ недоразумѣній: 1) съ практической точки зрѣнія они, съ одной стороны, ставили такіа нравственныя требованія, которыя выходятъ за предѣлы компетентности даже теоріи искусства познанія, а не только науки о познаніи, т. е., другими словами, логика съ этой точки зрѣнія часто вмѣшивалась не въ свое дѣло и, такъ сказать, вторгалась въ область этики; съ другой стороны, если они заключали въ себѣ намеки на правила познавательныя, дѣйствительно имѣющія практическую приложимость, то: во 1-хъ они выражали ихъ лишь въ самой смутной, отвлеченной и ни

къ чему не пригодной формѣ; во 2-хъ совершенно ошибочно приписывали себѣ значеніе правилъ мышленія, такъ какъ имѣющія къ нимъ отдаленное отношеніе „требованія“ касаются вовсе не центральныхъ процессовъ мышленія, а вспомогательныхъ периферическихъ процессовъ приобрѣтенія матеріала для мышленія и выраженія его продуктовъ въ символахъ языка; 2) съ теоретической точки зрѣнія первые три, такъ называемые, законы мышленія, или выражали общіе факты природы, т. е., опять переступали сферу компетентности науки о познаніи, или отмѣчали общезвѣстные непосредственно, инстинктивно понятные каждому человѣку, факты психической его дѣятельности, неправильно называя описаніе этихъ фактовъ законами, и еще неправильно признавая ихъ законами мышленія, между тѣмъ, какъ большею частью рѣчь шла только о фактахъ въ области языка, какъ орудія мысли. Подводя итогъ обзору истинныхъ тенденцій старыхъ логическихъ законовъ: тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго. Гротъ находитъ, что эти законы имѣютъ лишь фиктивное значеніе; въ силу же этого фиктивного значенія ихъ является необходимость замѣны ихъ въ будущей наукѣ о познаніи, какъ и въ будущей теоріи искусства познанія,—новыми, болѣе правильными и глубокими обобщеніями, т. е., формулами законовъ ассоціацій съ одной стороны и формулами методовъ приобрѣтенія матеріала и словеснаго выраженія результатовъ его съ другой. Нашъ авторъ увѣренъ, что только тогда логика и методологія избавятся отъ того мертваго духа формализма, который отталкиваетъ отъ нихъ до сихъ поръ всѣхъ серьезныхъ представителей науки,—когда необходимость этихъ реформъ будетъ окончательно признана писателями по логикѣ. Какъ же самъ Гротъ понимаетъ законы мышленія? Законами мышленія онъ называетъ формулы, выражающія: 1) взаимныя отношенія другъ къ другу различныхъ процессовъ, изъ которыхъ мышленіе слагается на основаніи результатовъ правильнаго научнаго, т. е., методическаго анализа его теченій, и затѣмъ 2) зависимость этихъ процессовъ отъ различныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій, оказывающихъ вліяніе на дѣятельность ума. Такое распределеніе законовъ мысли на два главные

класса вполне согласуется и съ тѣмъ положеніемъ, что всѣ методически добытыя сужденія, заключаютъ въ себѣ или утвержденія о внутренней однородности или разнородности идей о явленіяхъ природы, или утвержденія о внѣшней причинной зависимости или независимости объектовъ этихъ идей. Другими словами, законы, будучи сами формулами произвольно—методическихъ ассоціацій, должны распадаться на тѣ же два класса или типа, какъ и всѣ ассоціаціи.

Давши опредѣленіе законовъ мышленія, авторъ переходитъ къ указанію причинъ заблужденій ума. Путемъ критики всѣхъ предполагаемыхъ ошибокъ въ процессахъ мышленія, нашъ авторъ приходитъ къ тому выводу, что всѣ эти ошибки—продуктъ воображенія представителей логической науки, что всѣ ошибки въ процессѣ умозаключенія сводятся къ ошибочнымъ сужденіямъ, т. е., обобщеніямъ изъ опыта, а всѣ ошибочныя обобщенія изъ опыта въ свою очередь зависятъ отъ ошибочныхъ, или недостаточныхъ наблюденій. Но здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: возможны ли самостоятельныя ошибки и въ другихъ познавательныхъ процессахъ, не умственныхъ, а „воспріимлющихъ и выразительныхъ“, или же и эти ошибки фиктивны и зависятъ отъ какой либо общей причины, лежащей вообще внѣ всякихъ познавательныхъ процессовъ? Такое предположеніе Гротъ находитъ весьма вѣроятнымъ уже потому, что если центральныя познавательныя движенія всегда правильны, то нѣтъ причины предполагать, что периферическія познавательныя движенія того или другого вида могутъ быть когда нибудь ошибочны или неправильны: они тоже опредѣляются органическими законами, которые ни въ какомъ случаѣ, подъ условіемъ лишь сохраненія нормальной организаціи соотвѣтствующихъ физическихъ аппаратовъ, нарушены быть не могутъ. Указавши несостоятельность старой логической гипотезы объясненія заблужденій ума Гротъ предлагаетъ свою собственную гипотезу для выясненія этихъ ошибокъ; сущность гипотезы Грота состоитъ въ томъ, что главнымъ источникомъ иллюзій, неправильныхъ обобщеній и утвержденій, является незнаніе. Открывъ же причину ошибокъ ума, авторъ легко опредѣляетъ и средства борьбы съ заблужденіями. Указавши

на недѣльность имѣвшаго мѣсто въ старой логикѣ понятія о правилахъ мышленія, какъ средствахъ борьбы съ ошибками ума, нашъ авторъ уже а priori предполагаетъ возможность существованія косвенныхъ средствъ борьбы съ заблужденіями. Борьба эта возможна лишь въ томъ случаѣ, если мы обладаемъ средствами произвольно увеличивать запасъ своихъ наблюденій и знаній. Этотъ же фактъ предполагаетъ методическую организацію познавательныхъ движеній, какъ единственное средство этой борьбы. Необходимо не только построить такую теорію искусства познанія, которая бы раскрыла приемы методической организаціи познавательныхъ процессовъ съ цѣлью увеличенія матеріала для умственной дѣятельности, но и необходимо организовать такую культуру человѣческаго ума, которая бы неизбежно поднимала его на тотъ уровень развитія, на которомъ онъ могъ бы воспользоваться указаніями теоріи искусства познанія. Но чтобы насадить культуру ума, необходимо нѣкоторое предварительное условіе, именно строго методическое развитіе не методически—произвольнаго мышленія и вообще познанія. Только этой подготовкой ума къ методической познавательной дѣятельности и можно избѣжать заблужденій и ошибокъ ума. При этомъ авторъ указываетъ и тѣ общіе принципы, на которыхъ должна быть построена теорія искусства культуры человѣческаго ума. Задача теоріи воспитанія двоякая, а именно: во 1-ыхъ, опредѣлить составъ того познавательнаго матеріала, который долженъ быть постепенно и послѣдовательно подносимъ человѣку съ цѣлью скорѣйшаго и успѣшнѣйшаго развитія его ума; во 2-хъ; опредѣлить способы успѣшнѣйшаго развитія въ каждомъ человѣкѣ тѣхъ бессознательныхъ и сознательныхъ побужденій къ приобрѣтенію и переработкѣ этого матеріала, которыя въ концѣ концовъ могутъ привести его умъ на исковую ступень развитія. Но такъ какъ умственные способности и вообще индивидуальныя особенности человѣческихъ личностей бесконечно разнообразны, то задача педагогики состоитъ вовсе не въ начертаніи общей и абсолютной теоріи образованія и воспитанія нашего ума, а въ выработкѣ нѣсколькихъ, болѣе или менѣе условныхъ и относительныхъ теорій, примѣнительно къ

различнымъ главнымъ типамъ умственной организаціи, которые тѣмъ самымъ должны быть предварительно ею изучены и опредѣлены.

Затѣмъ, не упуская изъ виду главной конечной цѣли своей, поставить человѣка въ возможность помощью методической организаціи своихъ познавательныхъ движеній предохранять себя отъ заблужденій и устранять эти послѣднія, теорія искусства культуры человѣческаго ума должна по автору стараться и о томъ, чтобы выборомъ познавательнаго матеріала и внушаемыхъ побужденій содѣйствовать конечной цѣли— развитію способности противодѣйствія заблужденіямъ. Другими словами, образованіе должно быть поставлено ею на такихъ началахъ, чтобы оно не могло содѣйствовать само укорененію заблужденій и приобрѣтенію разныхъ фиктивныхъ и фантастическихъ идей, которыя слѣдовало бы потомъ передѣлывать. Точно также и воспитаніе ума должно быть поставлено такъ, чтобы оно не развивало въ субъектѣ тѣхъ фальшивыхъ фантастическихъ побужденій къ приобрѣтенію знаній и переработкѣ познавательнаго матеріала, которыя опять впоследствии требовали бы замѣны побужденіями болѣе естественными и реальными. Дѣйствуя такими ложными, обманными путями, теорія умственной культуры человѣка роняла бы свой авторитетъ и затрудняла бы уму впоследствии ту работу дальнѣйшаго саморазвитія, которую она должна облегчать. Итакъ, резюмируетъ свои выводы Гротъ, общая дисциплина ума, имѣя въ виду относительное значеніе средствъ, связанное съ разнообразіемъ человѣческихъ индивидуальностей, не должна упускать изъ виду конечной цѣли своихъ усилій, т. е., не должна тормозить будущую борьбу человѣка съ заблужденіями укорененіемъ этихъ послѣднихъ и ложнымъ направленіемъ мотивовъ его познавательной дѣятельности, подъ предлогомъ расширенія горизонта его идей, дарованія ему средствъ къ дальнѣйшему ихъ развитію и внушенія ему интереса къ знанію. Всѣ эти послѣднія задачи ея вполне законны, но только въ томъ случаѣ, если горизонтъ знаній человѣка будетъ въ самомъ дѣлѣ расширяться, а не суживаться, если средства приобрѣтенія знаній будутъ дѣйствительными, а не мнимыми,

если интересъ къ познанію будетъ естественный, а не искусственный. Отъ указанія средствъ къ культурѣ ума и къ борьбѣ его съ заблужденіями, авторъ переходитъ далѣе къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, въ чемъ состоятъ задачи теоріи искусства познанія, роль которой начинается съ момента пріобрѣтенія человѣкомъ способности совершенно произвольно направлять въ ту или другую сторону познавательныя движенія свои, связанныя съ пріобрѣтеніемъ и переработкою воспріятій. Протъ находитъ, что эта дисциплина, прежде всего, должна помнить, что роль ея только вспомогательная, что методическая организація познанія до извѣстной степени достижима и безъ ея содѣйствія—естественнымъ развитіемъ человѣческаго ума, и эта вся задача ея заключается только въ ускореніи этой организаціи и въ ея усовершенствованіи. Входя въ частности разбора задачъ „теоріи искусства познанія“, нашъ авторъ находитъ, что развитіе общей теоріи методовъ составляетъ первую задачу теоріи искусства познанія, но задачу, далеко еще не рѣшенную. До сихъ поръ наука все колебалась между двумя крайними и одинаково односторонними ученіями о методахъ, изъ которыхъ одно старалось дать исключительное господство приему дедукціи, другое—приему индукціи. Примиреніе этихъ двухъ крайностей, препятствовавшихъ полному и равномерному прогрессу знаній, еще далеко не совершилось, и нашъ авторъ высказываетъ убѣжденіе, что только путемъ дальнѣйшаго развитія намѣченной имъ теоріи правильной смѣны постепенно осложняющихся и взаимно дополняющихся другъ друга методовъ индукціи и дедукціи,—можно достигнуть такого полного и равномернаго прогресса научныхъ идей. Преслѣдуя свои дальнѣйшія задачи, теорія искусства познанія должна научить и различнымъ специальнымъ приемамъ пріобрѣтенія, переработки и выраженія познавательнаго матеріала. Другими словами, она можетъ изощрить: 1) приемы наблюденія и экспериментаціи, надъ предметами и явленіями; 2) приемы пользованія готовымъ познавательнымъ матеріаломъ съ цѣлью возможно полного утилизированія его для развитія новыхъ идей; 3) приемы изобрѣтенія подходящихъ символовъ для окончательнаго закрѣпленія и

ясной передачи новыхъ пріобрѣтеній человѣческаго ума. Но здѣсь естественно является вопросъ: на чемъ должны утверждаться основанія дальнѣйшей разработки теоріи искусства познанія? Гротъ находитъ, что теорія искусства познанія должна искать опоры, во 1-ыхъ, въ выводахъ правильно поставленной науки о познаніи, во 2-хъ, какъ практическая дисциплина, она можетъ несомнѣнно черпать обильный матеріалъ для своихъ обобщеній и прямо изъ изученія исторіи наукъ и знаній и изъ наблюденія частныхъ пріемовъ различныхъ спеціальныхъ наукъ. Что же касается до пользы, какую можетъ ожидать теорія искусства познанія отъ будущей науки о познаніи, то она по автору очевидна а priori. Нужно только, чтобы эта наука была окончательно очищена отъ того сора, который въ ней накопился вѣками, чтобы она была освобождена отъ чуждыхъ ей практическихъ задачъ и поставлена на основанія, вполне согласныя съ общими принципами современной науки; эти соображенія даютъ автору поводъ въ заключеніе еще разъ возвратиться къ вопросу о задачахъ логики, къ вопросу, съ котораго онъ и началъ свое изложеніе въ разбираемой нами книгѣ. Здѣсь нашъ авторъ, прежде всего, подчеркиваетъ, что роль теоріи искусства познанія совершенно самостоятельна, что задачи ея по содержанию своему вовсе не тождественны съ задачами науки о познаніи, а потому необходимо раздѣлить эти двѣ дисциплины; необходимо противопоставить логику, какъ науку о познаніи,—методологию, какъ теорію искусства познанія. Что же касается до названія „логики“, то Гротъ находитъ, что удобнѣе всего оставить примѣненіе этого термина къ чистой наукѣ о познаніи, такъ какъ почти все прежнее содержаніе логики, хотя и переработанное на новыхъ началахъ, входитъ и въ новую науку о познаніи, между тѣмъ какъ къ теоріи искусства познанія отходитъ лишь незначительная и, притомъ, болѣе новая часть содержанія прежней логики—только теорія методовъ. Итакъ, заключаетъ Гротъ, „логикою называлась старая наука о познаніи, пусть же этимъ именемъ называется и новая наука, возникшая изъ коренной реформы означенной старой“ (348 стр.).

Остается только вкратцѣ намѣтить задачи этой новой логики—въ ея ближайшемъ будущемъ. Нашъ авторъ и дѣлаетъ это въ заключеніи къ своей книгѣ. Новая логика должна быть наукою о познавательной дѣятельности во всемъ ея объемѣ, во всѣхъ ея моментахъ и во всѣхъ фазисахъ развитія. Она, слѣдовательно, должна подвергнуться подробному изслѣдованію: 1) периферическіе процессы пріобрѣтенія познавательнаго матеріала; 2) центральные процессы его переработки и 3) вторые периферическіе процессы его внѣшняго отраженія и закрѣпленія при посредствѣ языка. Во всѣхъ этихъ частныхъ сферахъ она должна стремиться опредѣлить общіе законы и частныя проявленія познавательной дѣятельности. Въ основу анализа всѣхъ познавательныхъ процессовъ она должна поставить теорію развитія и стараться найти первоначальныя общія формы и типы этихъ процессовъ, а затѣмъ главныя и второстепенныя ступени ихъ осложненія. Вопросъ о развитіи продуктовъ познавательной дѣятельности долженъ входить въ логику, лишь какъ вопросъ побочный;—какъ главный вопросъ—анализъ познавательныхъ явленій—долженъ входить въ область другой науки, которую авторъ считаетъ областью психостатики, а именно въ область „психостатики познанія“. Уясняя взаимное отношеніе этихъ двухъ видовъ логики, Гротъ говорить, что логика, какъ психодинамика познанія, относится къ ея психостатикѣ, какъ физиологія организмовъ къ ихъ анатоміи. Общую же науку о познавательной жизнедѣятельности, которая должна служить соединительнымъ звеномъ и до извѣстной степени основаніемъ для упомянутыхъ частныхъ наукъ, нашъ авторъ предлагаетъ назвать „психологіей ума“ и поставить ее въ параллель съ біологіей—въ кругу наукъ физическихъ.

Но, кромѣ этого параллелизма между науками физическими и психологическими, Гротъ признаетъ между ними и отношеніе подчиненности. Всѣ психологическія науки, не выключая и логики, только тогда, по его мнѣнію, достигнутъ прочнаго развитія и истиннаго прогресса, когда будутъ поставлены въ нѣкоторую зависимость отъ наукъ физическихъ, изучающихъ низшія, по порядку развитія, явленія и процессы природы.

Общіе выводы біологіи, обязательны и для наукъ психологическихъ и оттого-то, заканчиваетъ Гротъ, мы и старались построить логику на основаніи „біологической теоріи эволюціи“ (349 стр.). Этимъ и заканчиваетъ Гротъ свое сочиненіе. Мы изложили содержаніе этого произведенія Грота. Теперь естественно является вопросъ: какое значеніе имѣетъ это произведеніе въ общемъ ходѣ развитія философскаго міровоззрѣнія Грота? Это значеніе, выражаясь словами самого Грота ¹⁾, можно опредѣлить такъ. Въ сочиненіи „къ вопросу о реформѣ логики“ нашъ мыслитель развилъ и усовершенствовалъ свою теорію психическихъ оборотовъ и еще точнѣе опредѣлилъ отношеніе мысли и чувства, объективнаго и субъективнаго освѣщенія вещей, признавъ, между прочимъ, что начало психическаго взаимодействія между міромъ и человекомъ можетъ лежать не только въ мірѣ, но и въ самомъ человѣкѣ, не только въ мысли, но и въ чувствѣ. Такое дальнѣйшее развитіе Гротомъ своей теоріи имѣло то значеніе, что въ докторской рѣчи: „объ отношеніи философіи къ искусству“ онъ еще болѣе возвысилъ общую цѣну философіи и далъ ей уже равноправное съ наукою мѣсто и познавательное значеніе, признавъ ее высшею областью, „искусствомъ будущаго“. Здѣсь у нашего автора встрѣчаются уже такія мысли: всякое знаніе стремится къ точности и полнотѣ; точность есть требованіе мысли, выполняемое наукой, полнота есть требованіе чувства, выполняемое философіею, какъ искусствомъ. Здѣсь же Гротъ говоритъ и о методѣ чувства и, такимъ образомъ, признаетъ чувство силою познавательною. Очевидно, что эта точка зрѣнія стоитъ еще далѣе отъ точки зрѣнія перваго философскаго труда Грота: личная (субъективная) цѣна философствованія уже почти совершенно исчезла для нашего философа въ его общей (объективной) цѣнѣ.

Но и на этомъ пути Гротъ не могъ остановиться. Неоднократно касаясь въ своихъ сочиненіяхъ вопроса объ источникахъ нашего познанія, нашъ мыслитель по необходимости пришелъ къ мысли, провѣрить и критеріи истиннаго знанія;

¹⁾ См. здѣсь опять указ. самаго Грота Пр. Об. 1836, 12, 798 стр.

и вотъ въ 1883 г. является этюдъ „о критеріяхъ истины“, въ которомъ Гротъ впервые пришелъ къ выводу, положенному въ основаніе его критическаго сочиненія о душѣ, что единственный критерій истиннаго знанія есть законъ однообразія природы ¹⁾. Свое ученіе о критеріяхъ истины Гротъ выводитъ путемъ историческимъ. Сперва онъ разсматриваетъ исторію этого вопроса. Вопросъ этотъ очень древній. Почти одновременно съ развитіемъ въ человѣкѣ стремленія отдать себѣ отчетъ въ окружающемъ и постигнуть законы, управляющіе мірами, возникъ въ его умѣ вопросъ и о томъ, какими способами онъ добываетъ свои знанія о мірѣ и какую онъ можетъ найти въ себѣ увѣренность, что знанія его правильны и достовѣрны. Поэтому, еще съ V в. до Р. Хр. греческіе философы совершенно опредѣленно ставятъ себѣ вопросы объ органахъ познанія, какими обладаетъ человѣкъ и о степени достовѣрности знаній, доставляемыхъ этими органами: Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ уже заключался—хотя безсознательно, и вопросъ объ основахъ нашей увѣренности въ истинности знанія, т. е., вопросъ о критеріяхъ истины. Но вполне сознательно и самостоятельно отъ другихъ—этотъ вопросъ поставленъ былъ впервые лишь стоиками и эпикурейцами въ концѣ 4 в. до Р. Хр., и съ тѣхъ поръ сталъ однимъ изъ основныхъ вопросовъ философіи.

Александръ Никольскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ „Къ вопросу о критеріяхъ истины“. Возможность научнаго оправданія наивнаго реализма (Этюдъ изъ области науки и познанія). Р. Богатство, 1883, 4—8.

ИСХОДНЫЯ НАЧАЛА ЛОГИКИ.

(Окончаніе *).

Въ основаніе науки обыкновенно полагаются или эмперическія обобщенія или теоретическія истины или постулаты (предположенія), по отношенію къ которымъ дальнѣйшее изложеніе является развитіемъ и дополненіемъ. Идеальною наукою безъ сомнѣнія была бы та, въ основѣ которой лежали бы безспорныя истины, а все содержаніе которой представляло бы несомнѣнныя слѣдствія изъ этихъ несомнѣнныхъ основаній. Къ такому идеалу приближается, но его далеко не достигаетъ, математика. Во первыхъ ея основаніямъ не достаетъ безусловной и безспорной очевидности. О нихъ спорятъ. Вторыхъ ихъ оказывается недостаточнымъ для развитія всего содержанія науки. При переходѣ къ болѣе и болѣе широкимъ построеніямъ и обобщеніямъ приходится вводить новыя понятія и постулаты, которые непосредственно не вытекаютъ изъ прежняго содержанія науки. Въ третьихъ далеко не все въ математикѣ оказывается рѣшеннымъ безусловно удовлетворительно. Но если математика—область наиболѣе простыхъ и ограниченныхъ элементовъ изслѣдованія—далека отъ своего идеала, то тѣмъ болѣе далеко отстоитъ отъ него логика, которая изслѣдуетъ всѣ методы изслѣдованія, которая есть *мысль о мысли* и прогрессъ которой обусловливается прогрессомъ во всѣхъ сферахъ мысли, т. е., во всѣхъ сферахъ знанія. Должно, конечно, признать, что достиженіе какою-бы то ни было наукою

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1903 г. № 14.

своего идеала возможно лишь при достиженіи своего идеала всѣми науками, т. е., иначе говоря, никогда не возможно. Но совершенствованіе наукъ, развитіе ихъ, происходитъ постоянно и весьма различнымъ образомъ. Однѣ двигаются быстро, другія — медленно. Позволительно думать, что логику нужно причислить къ разряду вторыхъ. Въ ея содержаніи и методахъ оказывается немного безспорнаго. Исходныя начала различными логиками указываются ей очень различныя.

Въ основу науки о мышленіи обыкновенно (но такъ не было изначала и многіе не держатся этого и теперь) полагаютъ рассужденіе о законахъ мышленія. Нѣкоторыя называютъ ихъ аксіомами мышленія. Всякая аксіома есть конечно законъ, но не всякій законъ есть аксіома. Подъ закономъ въ наукѣ разумѣется признанный неизмѣннымъ способъ существованія, сосуществованія и послѣдовательности фактовъ. Камень лишенный опоры падаетъ на землю. Дерево плавающее въ водѣ вѣситъ столько, сколько вѣситъ вытесненная имъ вода (законъ Архимеда), это—законы. Съ первымъ изъ нихъ очень рано знакомится каждый, второй въ его точной формулировкѣ человѣчество узнало всего лишь съ небольшимъ двѣ тысячи лѣтъ назадъ. Этотъ законъ—не аксіома. Подъ аксіомой разумѣется непосредственно очевидный вопросъ, непосредственно очевидная истина. Прямой путь есть кратчайшій. Двѣ величины, равныя порознь третьей, равны между собою. Эти истины, говорятъ, аксіомы, потому что онѣ не нуждаются въ доказательствахъ и не могутъ быть доказываемы. Въ задачу логики входитъ обсудить вопросъ о доказательствахъ и объ аксіомахъ, но едва ли она можетъ начинать свое рассужденіе съ догматическаго требованія подчиненія какимъ-либо недоказуемымъ тезисамъ. Дѣятельность мышленія управляется законами открытыми и формулированными мышленіемъ. Но спорятъ относительно числа этихъ законовъ, ихъ содержанія и ихъ значенія. Очевидно, они не могутъ быть аксіомами въ обычномъ смыслѣ слова. Они являются пока предположеніями, а не положеніями. Обычно ихъ насчитываютъ 4: 1) законъ тождества, 2) законъ противорѣчія, 3) законъ исключительнаго третьяго, 4) законъ достаточнаго основанія.

Законъ тождества, А есть А. Всякая мысль тождественна сама съ собою. Разъясняя законъ тождества, ему приписываютъ то значеніе, что одна и та же мысль, не смотря на то, что она выражается въ различныхъ формахъ, должна быть мыслима мыслию одною и тою же. Затѣмъ, въ законѣ тождества видятъ выраженіе положенія, что всякій предметъ, всякая вещь тождественна сама съ собою. При чемъ опять присоединяютъ мысль, что различіе формъ не измѣняетъ сущности. Постараемся прежде всего понять, что такое мысль тождественная сама съ собою. Положимъ, я говорю о домѣ, въ которомъ я теперь живу, о тѣхъ удобствахъ и неудобствахъ, которыя онъ представляетъ, о его величинѣ, цѣнности и т. д. Въ моей рѣчи слова „занимаемый мною домъ“ будутъ повторяться многократно. Слова эти собственно представляютъ собою знакъ сложнаго представленія. Для того, чтобы меня понимали, нужно, чтобы во все время моей рѣчи одинъ и тотъ же знакъ понимался въ одномъ и томъ же значеніи. Если подъ словами „занимаемый мною домъ“ мои слушатели будутъ разумѣть не то, что разумѣю я, мы не поймемъ другъ друга. Но этого тождественнаго отношенія знака къ предмету еще недостаточно для того, чтобы мышленіе было возможнымъ. Нужно еще, чтобы за знакомъ скрывалось тождество содержанія. Данный домъ можетъ подвергаться измѣненіямъ. Его можно передѣлать, расширить какимъ-либо образомъ или уменьшить, несомнѣнно, что онъ непрестанно и подвергается измѣненіямъ. Онъ осѣдаетъ, старится и т. д. Принципъ тождества требуетъ, чтобы во все время разсужденія о данномъ предметѣ, какъ одномъ, мы и мыслили бы его, какъ тождественный, подразумѣвая подъ даннымъ знакомъ „занимаемый мною домъ“ то, что мы приняли подъ нимъ въ началѣ рѣчи.

Указываютъ, что въ дѣйствительности тождества не существуетъ и не можетъ существовать. Остановимся на формулѣ $A=A$. Равенство не есть тождество. А первой половины этого равенства вы мыслили раньше, чѣмъ А во второй половинѣ. Такимъ образомъ первое и второе А уже не тождественны по времени существованія въ вашей мысли. Это разсужденіе можетъ показаться софистически утонченнымъ. Но разъясненное

на примѣрѣ съ вещами оно является весьма удобопонятнымъ. Попытаемся найти двѣ тождественныя вещи. Такихъ вещей не можетъ быть. Пусть намъ дадутъ два экземпляра одной и той же книги, могутъ ли они быть тождественны? Оба они совершенно добросовѣстно содержатъ одни и тѣ же опечатки. Но нельзя допустить, чтобы ихъ матеріалъ, былъ абсолютно тождествененъ. Они не тождественны по происхожденію во времени, одинъ напечатанъ ранѣе, другой—послѣ, они не тождественны по положенію въ пространствѣ. Одинъ, допустимъ, лежитъ на другомъ, одинъ ближе къ центру земли и вѣсь его—правда, для насъ на неуловимую разницу—больше другого, края находятся дольше отъ земли. Тождество предполагаетъ собою совпаденіе одного предмета съ другимъ, но тогда это будетъ уже не два предмета, а одинъ. Для того, чтобы одинъ домъ былъ тождественъ съ другимъ, нужно не только то, чтобы онъ былъ выстроенъ изъ одинаковаго матеріала и по одному плану, но чтобы онъ былъ выстроенъ и на томъ же мѣстѣ и въ одно и то же время. Но тогда второй домъ совпадаетъ съ первымъ. Тождество предметовъ предполагаетъ тождество существованія ихъ въ пространствѣ и во времени, но въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ не можетъ быть двухъ предметовъ. Различныя свойства могутъ быть локализованы и обыкновенно локализуются въ одномъ и томъ же мѣстѣ, такъ какъ каждой геометрической формѣ, въ которой передъ нами являются предметы, присущи и вѣсъ и цвѣтъ и температура. Но въ одно и то же время одной точкѣ пространства не можетъ принадлежать двухъ температуръ, двухъ различныхъ вѣсовъ. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что не только не можетъ быть двухъ тождественныхъ предметовъ, но что и одинъ и тотъ же предметъ на самое малое количество времени не можетъ оставаться тождественнымъ самимъ съ собою. Изъ приведеннымъ нами въ примѣрѣ двухъ экземпляровъ книги, остановимся теперь на одномъ. Вотъ онъ передъ нами въ данный моментъ. Теперешній данный моментъ есть уже не прежній данный, время подвинулось впередъ. Тѣмъ же ли остался нашъ экземпляръ? Нѣтъ, прежде всего онъ перемѣнился въ пространствѣ. Въ своемъ движе-

ниъ вокругъ оси, каждая точка земли подвигается по направленію къ востоку въ теченіе часа на 15° . Какъ бы ни былъ коротокъ моментъ, о которомъ мы говоримъ, мы всё со всёми, что вокругъ насъ находится, прошли въ теченіе его нѣкоторую долю 15° и мы всё уже не въ томъ мѣстѣ пространства, гдѣ были. Но кромѣ этого земля двигается по орбитѣ со скоростью, равною въ среднемъ около 28 верстѣ въ секунду, даже въ одну четырнадцатитысячную долю секунды мы уходимъ впередъ на цѣлую сажень. Но еще вся наша солнечная система двигается по направленію къ созвѣздіямъ Лиры и Геркулеса. Все это съ несомнѣнностью утверждаетъ, что въ теченіе предположеннаго нами короткаго момента, отношеніе нашей книги къ небеснымъ мірамъ, ко всей вселенной измѣнилось. Но кромѣ этого несомнѣнно, что измѣнилось ея положеніе и на землѣ. Температура у насъ не можетъ оставаться неизмѣнною. Постоянно происходитъ процессъ нагрѣванія и охлажденія. Достаточно провести рукою по столу, чтобы вызвать нѣкоторое повышеніе температуры, такъ какъ всякое треніе развиваетъ теплоту. Это повышеніе неуволимо для нашихъ инструментовъ, но оно существуетъ дѣйствительно. Несомнѣнно, что комната, въ которой я нахожусь, обладаетъ нѣкоторымъ электрическимъ напряженіемъ, и это напряженіе измѣняется непрерывно. Книга имѣетъ цвѣтной переплетъ или обложку. Свѣтъ непрерывно дѣйствуетъ на нее химически и обезцвѣчиваетъ ее. Пройдутъ можетъ быть мѣсяцы или годы, когда будетъ открыта эта перемѣна, но эта замѣченная перемѣна будетъ уже суммою безконечно малыхъ измѣненій, происходившихъ непрерывно въ цвѣтѣ обложки. Время можетъ быть опредѣлено, какъ наименованіе процесса измѣненій или перемѣнъ. Если бы не было перемѣнъ, то не было бы и времени. Пустого времени не существуетъ. Остановившееся время, это—остановившаяся жизнь, остановившееся движеніе. Могутъ сказать, что однѣ вещи измѣняются въ то время; какъ другія остаются неизмѣнными, и такимъ образомъ, время можетъ идти мимо нѣкоторыхъ вещей. Нѣтъ, этого не можетъ быть. Въ мірѣ все связано между собою и перемѣна въ одной вещи вызываетъ измѣненіе всѣхъ вещей

въ мірѣ. Отсюда слѣдуетъ, что не существуетъ ни тожественныхъ вещей, ни тожества вещи самой съ собою.

Но существуютъ тожественныя мысли о вещи. Мысль не можетъ быть равна вещи, она не захватываетъ всѣхъ признаковъ вещи, но пусть она заключаетъ въ себѣ нужные намъ признаки вещи. Намъ нужны свѣдѣнія о вмѣстимости, планѣ такого то дома, его освѣщеніи, отопленіи, его положенія въ городѣ. Они намъ даны и мы, руководясь ими въ своемъ разсужденіи, предполагаемъ ихъ неизмѣнными. Мышленіе есть процессъ, движеніе, но этотъ процессъ для того, чтобы достигать какихъ бы то ни было результатовъ, нуждается въ нѣкоторыхъ неизмѣнныхъ точкахъ опоры. Положимъ, что я намѣренъ, окончивши писать о тожествѣ, посѣтить моего товарища, живущаго отъ меня въ верстѣ. Я непременно представляю, что пунктъ, отъ котораго я направляюсь (мѣсто моего настоящаго пребыванія), и пунктъ, къ которому я направляюсь (мѣсто жительства моего товарища), неподвижны. Иначе немислимо идти. Какъ я буду опредѣлять и разсчитывать путь отъ моего дома къ дому моего коллеги, если сами эти дома будутъ непрестанно перемѣщаться въ произвольныхъ направленіяхъ. Я могу увѣренно идти на встрѣчу и движущемуся предмету или лицу, но только тогда, когда опредѣлены и мое и встрѣчное движеніе относительно какихъ-либо неподвижныхъ пунктовъ. Тоже самое и въ мысли. Допустимъ, я пожелаю сравнить домъ, въ которомъ теперь нахожусь, съ какимъ-либо еще другимъ домомъ, моя мысль о первомъ домѣ и мысль о второмъ домѣ должны непременно оставаться тожественными сами съ собою, такъ сказать, должны оставаться неподвижными, иначе немислимо никакое сравненіе. Я измѣряю аршиномъ длину куска матеріи. Я мыслю, что и длина аршина и длина матеріи остаются тожественными. Если допустить, что аршинъ измѣняется, что секунду назадъ онъ могъ быть больше или меньше, что матерія тоже измѣняется, тогда результаты моего измѣренія не будутъ имѣть никакого значенія. Но мы говоримъ, что всѣ вещи измѣняются непрерывно: желѣзный аршинъ отъ теплоты удлиняется и укорачивается отъ холода, матерію можно нѣ-

сколько растянуть, не разрывая. Это—такъ, но наша мысль, для того чтобы получить какой либо результатъ, должна пренебречь этимъ практическимъ не имѣющимъ значенія процессомъ измѣненій, она руководится теоретическимъ принципомъ тожества и достигаетъ, благодаря этому, практически важныхъ результатовъ. Мысль можетъ производить измѣренія и измѣняющихся вещей, принимая во вниманіе измѣненія, но и въ такомъ случаѣ она эти измѣненія относитъ къ чему либо неизмѣнному. При точныхъ измѣреніяхъ длины, нельзя пренебрегать измѣненіемъ длины отъ температуры. Тогда вводится поправка на температуру. Принимая во вниманіе, что законы расширенія тѣлъ и температура, при которой производится измѣреніе, извѣстны, приводятъ длину къ температурѣ при 0. Если у насъ въ рукахъ желѣзный метръ при 15° тепла, то мы говоримъ, что его длина при 0 короче на такую то величину X, которую потомъ, при результатѣ вычисленія, помноженную на число измѣренныхъ аршинъ, и нужно будетъ принять въ расчетъ. Расширяемость измѣряемаго предмета, положимъ, равна f и опять это f должно будетъ подвергнуться учету. Нетрудно видѣть, что для того, чтобы допустить этотъ процессъ, намъ опять таки нужно признать существованіе многихъ тожествъ. Тожественности температуры во время измѣренія, тожественнаго дѣйствія закона расширенія. Вообще, какъ физическій процессъ движенія, такъ и психическій процессъ мысли для того, чтобы быть цѣлесообразнымъ, нуждается въ неподвижныхъ точкахъ, въ тожественныхъ положеніяхъ.

Намъ нѣтъ нужды теперь изслѣдовать вопросъ о томъ, существуютъ ли неподвижныя точки въ физическомъ мірѣ, но намъ необходимо обсудить вопросъ о тожественныхъ мысляхъ. Если не существуетъ тожества въ природѣ, то тогда тожество мысли и требованіе мышленіемъ этого тожества не есть ли несоотвѣтствіе мысли природѣ? А мы говоримъ, что мышленіе о бытіи можетъ быть плодотворнымъ только при соотвѣтствіи мышленія и бытія. Размышленіе, думается, легко можетъ показать намъ, что текучесть міровой жизни нисколько не противорѣчитъ предъявляемому мыслью требованію существованія нѣкоторыхъ неподвижныхъ устоевъ. Пусть вещи измѣняются

непрестанно, но наша мысль предполагает, что не измѣняются законы, по которымъ происходитъ это измѣненіе вещей. Если механическое мышленіе создаетъ общія представленія то логическое мышленіе создаетъ общія положенія, которыя истинны всегда и потому всегда должны оставаться тождественными. Квадратъ есть четырехъ угольная фигура, у которой всѣ стороны и всѣ углы равны между собою. Если провести въ квадратѣ діагональ, то онъ раздѣлится на двѣ равныя части. Имѣются ли теперь на лицо въ природѣ точные квадраты или нѣтъ, намъ нѣтъ дѣла до этого, но въ понятіи квадратъ мы всегда будемъ мыслить одни и тѣ же признаки, и если намъ скажутъ, что данный квадратъ раздѣленъ діагональю, то мы, не колеблясь, утвердимъ, что онъ раздѣленъ на двѣ равныя части. Такъ, каждый законъ природы долженъ быть тождествененъ самому себѣ, такъ, каждая мысль должна быть тождественна сама съ собою. Направляютъ возраженія противъ этого нашего тезиса. Могутъ сказать, что приведенные нами примѣры неудачны, что есть математики, которые не признаютъ точную нашу теорему о квадратѣ, что физики скажутъ, что измѣненіе тѣла отъ теплоты само можетъ подлежать измѣненію, что вообще, найденные нами неизмѣнные законы не неизмѣнны. Пусть, найденные законы дѣйствительно не неизмѣнны. Но и это не устраняетъ мысли о неизмѣнности законовъ природы. То, что мы практически познали, какъ законъ природы, на самомъ дѣлѣ можетъ быть результатомъ взаимодействия многихъ законовъ или силъ, и когда взаимоотношеніе этихъ силъ измѣнится, измѣнится и дѣйствіе нашего закона. Но опять таки останутся неизмѣнными основные законы. Это положеніе всегда должно быть противопоставляемо и теоретическому возраженію противъ существованія неподвижныхъ началъ, возраженію эволюціонной философіи. По этой философіи и принципы мышленія и закона природы не суть нѣчто вѣчное и неизмѣнное, а только—практическія обобщенія. Медленное измѣненіе принято за неизмѣнность, медленное движеніе за неподвижность. Принципы нашего мышленія—практически выработанныя руководственныя начала, полезныя для данной эпохи, но не безусловно истинныя. Это

философское разсужденіе грѣшитъ тѣмъ, что не можетъ само слѣдовать себѣ, оно признаетъ неизмѣннымъ принципъ измѣчивости. И установивъ этотъ принципъ, какъ всегда себѣ тождественный, и мысля о немъ по закону тождества, оно потомъ приходитъ къ отрицанію факта тождества. Если нѣтъ неизмѣнныхъ принциповъ, то нельзя утверждать, что все измѣняется, и всякое измѣненіе предполагаетъ за собою нѣчто неизмѣнное. Измѣняющееся сравнивается съ неизмѣннымъ. Ребенка мѣряютъ одною и тою же неизмѣнною мѣрою и замѣчаютъ, что онъ выросъ.

Указываютъ на то, что принципу тождества противорѣчитъ тотъ фактъ, что подъ вещью всегда разумѣютъ не то, что она есть, а то, что она не есть. Дѣло вотъ въ чемъ: Мнѣ показали предметъ. Я мыслю, что это яблоко, потому что оно имѣетъ такую то форму, такой то цвѣтъ, такую то величину. Я опредѣляю и породу яблока, но вѣдь въ этомъ яблокѣ есть нѣчто индивидуальное, что отличаетъ его отъ всѣхъ яблоковъ въ мірѣ, а я мыслю въ немъ признаки, которые сближаютъ его съ другими яблоками, которые я наблюдалъ въ другихъ яблокахъ. Допустимъ, что я нашелъ въ немъ нѣчто особенное, ну что оно червиво или что оно начало гнить, но и эти признаки я наблюдалъ на другихъ яблокахъ. Вообще для меня понятны только тѣ признаки предмета, съ которыми я уже знакомъ; такимъ образомъ я подъ даннымъ предметомъ мыслю то, что отвлечено мною отъ другихъ предметовъ, я мыслю не объ особенномъ заключающемся въ данномъ предметѣ, а о томъ, что у него общаго съ другими предметами. Въ моей мысли нѣтъ того, что дѣлаетъ вещь именно этою вещью, а наоборотъ есть нѣчто, лишующее вещь печати индивидуальности. Это разсужденіе должно быть призвано неправильнымъ. Пусть подъ вещью, данною мнѣ теперь, я мыслю совокупность признаковъ извѣстныхъ мнѣ давно, но совокупность этихъ признаковъ мыслится мною въ новомъ особенномъ сочетаніи. Если мы будемъ разсматривать признаки какого-либо лица, цвѣтъ волосъ, форма носа и т. д., то взятые въ отдѣльности эти признаки, конечно, могутъ быть у множества другихъ лицъ, но въ совокупности они встрѣчаются только у даннаго

лица. Поэтому, мысля ихъ въ данномъ сочетаніи, я мыслю только данное лицо, подъ А, я мыслю только А, я слѣдую въ данномъ случаѣ равнымъ образомъ и логикѣ и природѣ.

Говорятъ каждый предметъ измѣняется непрерывно, поэтому и не остается тождественнымъ самому себѣ. Но говоря это, вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаютъ, что процессъ измѣненія обыкновенно совершается медленно. Что значитъ это? Значитъ, что предметъ измѣняется сразу не во многихъ отношеніяхъ, что въ большей части онъ остается тождественнымъ тому, чѣмъ былъ. Мы нагрѣли предметъ, онъ увеличился въ объемѣ, сдѣлался менѣе твердъ, однако принято полагать, что его физическая природа осталась неизмѣнной, неизмѣннымъ остался матеріалъ, изъ котораго онъ сдѣланъ, его абсолютный вѣсъ (удѣльный вѣсъ уменьшился). Такимъ образомъ, при отсутствіи тождества абсолютнаго, остается тожество относительное, тожество въ нѣкоторыхъ признакахъ. Обыкновенно объ этомъ относительномъ тоществѣ, о тоществѣ предмета въ нужныхъ намъ признакахъ мы и ведемъ рѣчь. Тогда возможно не только тожество предмета съ самимъ собою, но и тожество различныхъ предметовъ. Это тожество есть сходство. Сходства бы не было, если бы не существовало тождества. Эти два человѣка, говоримъ мы, сходны по своему характеру, это значитъ, что въ ихъ характерѣ есть какія либо тождественныя черты. Двѣ фигуры, изъ которыхъ одна большая, а другая маленькая, сходны между собою, потому, что тождествененъ геометрическій законъ ихъ образованія, та и другая подчинены одному и тому же закону пропорцій. Шары могутъ быть и очень большими и очень маленькими, но всѣ они по своей формѣ сходны между собою, потому что всѣ они образованы по тождественному, т. е., одному и тому же закону: всѣ точки ихъ поверхности находятся въ равномъ разстояніи отъ центра.

Тожество есть исходное начало для двухъ великихъ принциповъ различія и сходства. Припомнимъ нашъ примѣръ мыслящихъ вѣсовъ. Тяжесть А, нѣсколько разъ подвѣшиваемая къ вѣсамъ и затѣмъ снимаемая, познается ими, какъ тождественная. Затѣмъ нѣсколько различающаяся отъ нея тяжесть

В познается, какъ различная. Мы приводили потомъ предположеніе, что подвѣшивались тяжести близкія къ А и близкія къ В, первыя познавались, какъ сходныя съ А, вторыя, какъ сходныя съ В. Можно и усложнить примѣръ и вмѣстѣ съ тѣмъ упростить выясненіе происхожденія идеи сходства. Пусть наши мыслящіе вѣсы обладаютъ еще зрѣніемъ. Пусть тяжесть А и В имѣютъ одинаковую геометрическую форму, но различную величину и различный цвѣтъ А—зеленый, В—красный. Пусть потомъ мы подвѣсили тяжесть С, имѣющую внѣшній видъ А, а вѣсъ В. Зрѣніе отождествитъ С съ А, ощущение тяжести отождествитъ С съ В. Это не полное тождество, а тождество въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мысль и полагаетъ, какъ сходство. *Мысль проходитъ три этапа: во первыхъ, она констатируетъ тождество.* Тождество, это и точка опоры и исходная точка, во вторыхъ, мысль констатируетъ различіе, но при различіи, оказывается, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сохраняется и тождество, *въ третьихъ, мысль констатируетъ его, какъ сходство*

Въ простѣйшемъ примѣрѣ мыслящихъ вѣсовъ было показано, что идея сходства можетъ развиваться изъ трудности установить различіе. Тяжести А и В различны, но могутъ быть тяжести столь близкія по вѣсу къ А и В, что ихъ можно смѣшать. Сознывая фактъ различія и съ трудомъ устанавливая его, тогда говорятъ, что сравниваемые предметы очень сходны. Мы указали на психо-физиологическій законъ по которому различія, стоящія ниже нѣкоторыхъ предѣловъ, неуловимы для нашихъ органовъ чувствъ, и потому предметы съ такими малыми различіями нами легко могутъ быть отождествляемы. Безъ сомнѣнія, то, что не всякое различіе воспринимается нами, вмѣстѣ для насъ важное гносеологическое значеніе. Если бы нами улавливалось всякое различіе, мы не могли бы познать всей безконечной суммы предметовъ и существъ встрѣчающихся намъ на пути жизни. Нашъ познавательный аппаратъ былъ бы подавленъ безчисленностью воспринимаемыхъ имъ впечатлѣній. Теперь нѣтъ этого. Природа показывается намъ свачала, такъ сказать, въ общихъ контурахъ, и тѣмъ облегчаетъ дѣло ея изученія. Далѣе, искусственные

аппараты постепенно помогаютъ намъ изучать детали и нюансы природы. Мы отождествляемъ вѣсь $A+x$ съ вѣсомъ A . Положимъ, A =пуду, x =золотнику. Предметы тождественны въ томъ, что вѣсь A принадлежитъ имъ обоимъ. На вопросъ: будетъ ли въ 1-мъ и 2-мъ грузѣ пудъ, вамъ отвѣтять будетъ, но они различны въ томъ, что первый грузъ сверхъ пуда A владѣетъ еще вѣсомъ въ золотникъ x , а второй не имѣетъ этого добавочнаго вѣса. Это различіе очень ничтожно, для нашихъ органовъ чувствъ оно неуловимо, неуловимо и для многихъ вѣсовъ. Практически, конечно, пренебрегаются и большія различія и иногда меньшія могутъ имѣть большое значеніе. Если на желѣзнодорожныхъ вѣсахъ при свѣшиваніи груза $A+x$ стрѣлка покажетъ, что въ грузѣ болѣе пуда, то, оставляя въ сторонѣ вопросъ о минимальности этого больше, съ насъ возьмутъ за 10 фунтовъ, что при значительномъ разстояніи должно будетъ сказаться уже доступной органамъ чувствъ серебряной монетой. Такъ, имѣются условныя практическія границы тождества и различія вѣсовъ. Но всѣ эти условныя тождества, возможны лишь при существованіи тождества дѣйствительнаго. Тождество, которое мы знаемъ ближе всего и которое служить основой всего нашего познанія и всей нашей дѣятельности, есть тождество нашего я. Если измѣненіе въ чемъ-либо есть измѣненіе во всемъ, какъ это утверждаютъ нѣкоторые, то тогда непрестайное измѣненіе нашего я, содержанія нашего сознанія, дѣлало бы невозможнымъ для насъ мышленіе. Существуетъ теорія въ психологіи, что мое „Я“, это только сумма всего того, что составляетъ содержаніе духа въ данный моментъ, причемъ духъ, какъ ложе рѣки, самъ по себѣ равенъ нулю, но какъ подъ рѣкою мы мыслимъ находящуюся въ немъ въ данный моментъ воду, такъ и подъ душой разумѣютъ непрерывно измѣняющіяся и текущія мысли, чувства, желанія, образуемая вѣшними и внутренними факторами. „Я“ есть только условное обозначеніе момента въ душевной жизни. Наша душа съ этой точки зрѣнія есть постоянно двигающееся и перемѣщающееся зеркало, въ которомъ не можетъ ничего отразиться правильно, которое слѣдовательно, если оно мыслить, не можетъ составить ни

одного правильнаго сужденія. Каждый, конечно, имѣетъ право считать свою душу, чѣмъ ему угодно, но позволительно однако утверждать, что всѣ люди въ своихъ логическихъ операціяхъ выходятъ изъ принципа тождества своего мыслящаго „я“.

Законъ тождества имѣетъ свою формулою $A=A$. Онъ называется *principium identitatis*. Его выражаютъ также въ формулѣ *omne subiectum est praedicatum sui*. Нѣкоторые расширяютъ значеніе этого положенія. Они подводятъ подъ этотъ принципъ *principium convenientiae* законъ согласія или относительнаго тождества. Они говорятъ, что подъ законъ тождества подходятъ аксіомы, равенства. Прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками. Прямой и кратчайшій—это, говорятъ, тождественныя понятія. Но съ этимъ нельзя согласиться. A есть A , это тождество. Но тождество прямоты и краткости еще должно быть выяснено. Можетъ быть изъ одной точки можно переходить въ другую, не переходя промежуточнаго пространства. Тогда вопросъ о кратчайшемъ разстояніи, связанный съ вопросомъ о пространствѣ, окажется не такъ легко разрѣшимымъ. Прямую линію иногда опредѣляютъ, какъ такую, у которой, если 2 точки неподвижны, то она вся остается неподвижною. Чтобы выяснитъ, что такая линія есть кратчайшая, нужно выяснитъ понятіе „движенія“. Кратчайшесть есть признакъ прямой линіи, пускай онъ вытекаетъ изъ понятія прямизны, но такъ какъ онъ самъ по себѣ не есть прямизна, то здѣсь нѣтъ безусловнаго тождества. Точно также выраженіе $4+6=3+7$ не есть тождество. Здѣсь мы имѣемъ равенство. Тождество будетъ $10=10$. И только тогда, когда мы приведемъ первое выраженіе ко второму виду, мы получимъ тождество. Равенство и преобразование равенствъ ($4+6=3+7$) основываются на законѣ тождества, но ихъ не должно отождествлять съ самимъ закономъ, какъ выводы изъ аксіомы нельзя отождествлять съ аксіомами. Вообще число началъ не должно быть умножаемо, должно умножать выводы изъ принциповъ, но не принципы. Принципъ экономіи въ сферѣ мышленія требуетъ, чтобы все мыслимое утверждалось на немногихъ и простыхъ основахъ. Первою такою основою въ логикѣ и должно признатъ законъ безусловнаго тождества $A=A$, Н. В.

Гоголь есть Н. В. Гоголь. Н. В. Гоголь есть авторъ „Ревизора“ уже не тожество. Равносторонній треугольникъ есть равносторонній треугольникъ, это есть тожество. Равносторонній треугольникъ есть равноугольный треугольникъ есть истина, но не тожество. Когда равенство двухъ положеній установлено ($A=B$), тогда одно можно замѣнить другимъ, это будетъ сведеніе къ тоjestву. Это постоянно происходитъ и это есть утилизація принципа.

Законъ противорѣчія. А не есть не А. Законъ тожества утверждаетъ, что А есть А, но этого мало: А есть *только* А и повтому все, что есть не А, не есть А. Законъ тожества утверждаетъ бытіе предмета со всѣми его признаками, законъ противорѣчія ограничиваетъ это бытіе. Если Москва лежитъ подь $55^{\circ}45'$ широты, то все то, что не лежитъ подь указанными градусами или лежитъ не подь указанными, не есть Москва. Если Сократъ жилъ между 469—399 г. до Р. Х., то, значить, онъ не жилъ въ II вѣкѣ до Р. Х. Однако для выводовъ по закону противорѣчія нужно, чтобы существовало тожество и чтобы въ сужденіи, противорѣчащее которому отрицается, тожество было соблюдено. Если всякій предметъ непрерывно мѣняется во всѣхъ отношеніяхъ, то пока мы говоримъ А есть А, это А уже стало не А. Вчерашній юноша сталъ сегодняшнимъ старикомъ. Замѣтимъ, что для отрицаній по закону противорѣчія требуется, чтобы тожество было установлено правильно, т. е. такъ, чтобы подлежащее и сказуемое были взаимно замѣнными. Квадратъ есть прямоугольникъ. Это положеніе правильно, но оно не тожество. Нельзя сказать, что прямоугольникъ есть квадратъ, всѣ прямоугольники съ неравными сторонами не суть квадраты. Затѣмъ, если намъ показываютъ какойнибудь квадратъ, то онъ кромѣ того, что прямоуголенъ, можетъ быть зеленымъ, сѣрымъ. Будучи А, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть и В. Только когда признаками А опредѣляется весь предметъ, можно говорить, что А не есть не А. Такъ, говоря о квадратѣ, какъ геометрической фигурѣ и опредѣляя его, какъ четырехугольникъ, у котораго всѣ стороны и всѣ углы равны, опредѣляютъ его вполне, такъ какъ всѣ прочія его свойства—а ихъ можно вывести безчисленное множество—вытекаютъ

изъ этихъ. Установивъ опредѣленіе, приведенное къ тождеству, можно пользоваться принципомъ противорѣчія. Онъ прилагается ко всѣмъ сферамъ и научной и практической жизни и имѣетъ великое значеніе. На судѣ alibi есть неопровержимое доказательство невинности подсудимаго. Но сущность alibi есть приложеніе къ факту принципа противорѣчія. Между 2-мя и 4-мя часами ночи 1 сентября въ городѣ N на улицѣ A совершено убійство. Заподозрѣвъ такой-то. Но этотъ такой-то неопровержимо показалъ alibi—свое присутствіе въ моментъ преступленія не на мѣстѣ совершенія преступленія. Его признаютъ невиннымъ. А не есть не А. Человѣкъ, находившійся 1-го сентября между 2 и 4 часами въ своей квартирѣ на улицѣ B не есть человѣкъ, не находившійся въ указанное время въ указанномъ мѣстѣ или не есть человѣкъ, находившійся въ указанное время не въ этомъ мѣстѣ, не есть убійца. Приведеніе къ принципу противорѣчія есть остроумнѣйшій, простѣйшій и въ то же время сильный приемъ для доказательства многихъ истинъ. Онъ очень часто употребляется въ элементарной геометріи. Припомнимъ ходъ доказательства во многихъ теоремахъ. Нужно доказать, что A есть B. Дѣлается предположеніе, что A не есть B. Это предположеніе съ необходимостью приводитъ къ выводу, что A не есть A. Изъ нелѣпости вывода дѣлается заключеніе къ нелѣпости предположенія, изъ котораго онъ вытекаетъ. Проверить это можно на какомъ угодно положеніи. Допустимъ, намъ нужно доказать, что діагональ квадрата дѣлитъ квадратъ пополамъ. Допустимъ, что она дѣлитъ не пополамъ. Тогда при наложеніи частей квадрата, одна на другую, онѣ не должны совпасть, но если онѣ не совпадутъ, то значить стороны и углы квадрата не равны. Этотъ выводъ нелѣпъ, такъ какъ стороны и углы квадрата равны; значить нелѣпо допущенное предположеніе. Приведеніе къ началу противорѣчія совершается совмѣстно съ приведеніемъ къ началу тождества, и, какъ увидимъ мы далѣе, совмѣстно съ другими принципами. Приведеніе тезиса къ противорѣчію съ самимъ собою есть уничтоженіе тезиса. A есть B, A есть не B, соединимъ два эти положенія и у насъ получится O. Я имѣю 5 рублей, я не имѣю 5 руб-

лей. Послѣ этихъ двухъ тезисовъ ничего нельзя сказать обо мнѣ—имѣю ли я или не имѣю 5 рублей. Во имя разныхъ косвенныхъ соображеній слушатель можетъ признать одно изъ моихъ положеній истиннымъ, а другое ложнымъ, но сами по себѣ во взаимномъ сопоставленіи они погашаютъ одно другое, все равно какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ погашаются интерференціею звуки или лучи. Въ жизни, конечно, нельзя просто погашать противорѣчія, но приходится разбираться съ ними. Въ приведенномъ мною примѣрѣ я могъ сказать, что я имѣю 5 рублей, чтобы похвастать, или въ видѣ обѣщанія дать ихъ, если мнѣ окажутъ какую либо услугу. Затѣмъ вошло новое лицо и попросило у меня 5 рублей займа; давать займы вообще пренепріятная вещь. Я говорю—я не имѣю 5 рублей. Для того, кто слушалъ оба мои эти утвержденія, съ логической точки зрѣнія я погасилъ, уничтожилъ самого себя, но съ практической точки зрѣнія дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Въ одномъ изъ двухъ случаевъ я солгалъ, но путемъ окольныхъ соображеній можно съ большей вѣроятностью рѣшить, въ какомъ именно случаѣ я допустилъ ложь. Такъ въ области историческихъ наукъ часто нельзя прилагать такъ прямо и рѣшительно принципъ противорѣчія, какъ это постоянно допускается въ математической сферѣ. Еслибы кто захотѣлъ при оцѣнкѣ историческихъ документовъ прямолинейно выдвинуть принципъ противорѣчія, ему бы пришлось поставить крестъ надъ массою историческаго матеріала. Матеріаль вѣдь этотъ нерѣдко бываетъ такого рода: А въ надгробной рѣчи надъ В говоритъ: „какой свѣтильникъ разума угасъ, какое сердце биться перестало“. И въ это же время тотъ же А пишетъ къ С о томъ же самомъ свѣтильникѣ разума и благородномъ сердцѣ, что такого мѣднаго лба и такой черной души не существовало. Мы легко логическимъ путемъ выводимъ, что мѣдный лобъ и свѣтильникъ разума—понятія, которыя нельзя отождествлять, и что точно также нельзя отождествлять благороднаго сердца и черной души. Рѣчь и письмо взаимно уничтожаютъ другъ друга. Исторія знаетъ не мало такихъ логически взаимно другъ друга уничтожающихъ документовъ. Имѣются и были издавна придворные историки, отъ

которыхъ рядомъ съ официальной исторіей оставалась *historia aegrepta*—исторія тайная, писавшаяся подъ сурдинку, распространявшаяся между немногими. Историкъ, конечно, не можетъ и не долженъ игнорировать той и другой исторіи. Много истины можетъ оказаться въ той и другой, много побочных соображеній нужно бываетъ призвать историка на помощь, чтобы оцѣнить степень правдивости того или другого историческаго свидѣтельства. Если въ исторіи не нужно спѣшить пользоваться принципомъ противорѣчія, чтобы отвергать значеніе документовъ, то въ другихъ областяхъ не должно спѣшить пользоваться аргументомъ противорѣчія, какъ доказательствомъ неотразимой силы. Его нерѣдко примѣняли и примѣняютъ, чтобы отрицать самыя дорогія вѣрованія и убѣжденія человѣчества. Люди вѣрятъ, что причина міра есть Богъ и что Богъ абсолютно благо, но въ мірѣ существуетъ зло и страданія, которыхъ абсолютно благое существо, говорятъ, допустить не могло. Слѣдовательно Бога нѣтъ. Человѣкъ чувствуетъ себя отвѣтственнымъ за свои дурныя поступки. Но законъ причинности утверждаетъ, что всякія дѣйствія, всякіе поступки суть необходимое слѣдствіе предшествовавшихъ условій. Значить и дурныя поступки человѣка—акты необходимости. Но никто не отвѣтствененъ за то, что онъ дѣлаетъ по необходимости. Значить, воръ и убійца не отвѣтственны за свои дѣланія. Не только законъ наказываетъ ихъ несправедливо, но самая совѣсть, если она у нихъ осталась, мучаетъ ихъ, причиняетъ имъ совершенно не заслуженныя страданія. Не легко разобратъ въ этихъ положеніяхъ. Кантъ въ рядѣ антимоній показалъ, что, пользуясь принципомъ противорѣчія, можно съ одинаковою силою утверждать противорѣчающія положенія. Въ такихъ случаяхъ для того, чтобы принять тотъ или другой выводъ, мы должны—подобно историкамъ—призвать на помощь иныя соображенія, соображенія этическаго, эстетическаго и телеологическаго характера. Заключить высія истины, самыя дорогія и самыя святія для человѣчества, въ формулы, имѣющія математическую силу убѣдительности, не удастся доселѣ человѣчеству. Принципъ противорѣчія, съ такимъ успѣхомъ примѣняемый обыкновенно на

практикѣ и въ положительныхъ сферахъ знанія, приложенный къ понятіямъ вѣчнаго, безконечнаго, абсолютнаго добра, свободы, безсмертія, повидимому готовъ насъ самихъ запутать въ противорѣчіяхъ. Только два начала могутъ безопасно провести человѣка по лабиринту недоумѣній при обсужденіи высшихъ вопросовъ. Эти начала: *вѣра въ существованіе правды и любви къ правдѣ.*

Человѣкъ ограниченъ. Въ попросахъ высшихъ эта ограниченность сама открывается ему, такъ какъ онъ самъ видитъ, что запутывается въ рѣшеніи проблемъ, но, можетъ быть, къ счастью для себя, благодаря своей ограниченности, онъ не видитъ, что его дѣйствія, убѣжденія и слова во многомъ являются сѣтью противорѣчій. Свести два положенія къ принципу противорѣчія значитъ показать ихъ несовмѣстимость для мысли. Но далеко не всегда это легко сдѣлать. Мнѣ говорятъ, разложите число 5 на такія двѣ части, чтобы произведение ихъ равнялось 3. Если одинъ множитель будетъ равенъ 2, другой будетъ равенъ 3, произведение равно 6. Если одинъ множитель 1, другой 4, произведение 4, если одинъ $=\frac{1}{2}$, другой $=4\frac{1}{2}$, произведение $=2\frac{1}{4}$. Я могу долго искать производителей, сумма которыхъ равняется 5-ти, а произведение 3-мъ. А между тѣмъ такихъ чиселъ не можетъ быть, хотя и могутъ быть такія величины. Принципъ противорѣчія показываетъ, что предъявленное въ задачѣ требованіе невыполнимо. Но противорѣчіе въ требованіи, вѣдь, далеко неочевидно. На практикѣ прямо пренебрегаются малыя противорѣчія. Площадь круга не можетъ быть выражена числами, и однако ни одинъ землемеръ не смутится, если вы предложите ему, измѣрить какой либо, скажемъ, круглый садъ, выразить площадь его въ квадратныхъ саженьяхъ и аршинахъ.

Естественно возникаетъ мысль: тотъ фактъ, что мы миримся съ противорѣчіями, не долженъ ли внушать недоумѣніе нашему мышленію? Разсуждая о принципѣ тожества, мы отиѣчали, что мы расширяемъ область тожественнаго, ограничиваемъ сферу различій. Теперь оказывается, что мы произвольно суживаемъ сферу противорѣчиваго, ограничиваемъ область непримиримаго. Второе есть неизбѣжное слѣдствіе перваго, и оно есть слѣд-

ствіе не того, что погрѣшимо наше мышленіе, а того, что ограничена наша память и ограничена воспріимчивость нашихъ органовъ чувствъ. Во всякій кругъ можно вписать массу квадратовъ (т. е. я разумѣю вписать внутри круга, а не такъ только, чтобы вершины квадрата лежали на окружности) и можно вписать ихъ такъ, что мѣста круга, незаполненные такими квадратами будутъ меньше всякой данной величины. Ими можно пренебречь, а сумма вписанныхъ квадратовъ выразитъ площадь круглаго сада съ такою степенью приближенія, которая совершенно достаточна для всѣхъ практическихъ расчетовъ. Площадь точно равняется $A+x$, x неизвѣстенъ, но извѣстно, что онъ очень малъ, и вотъ—не впадая въ большую погрѣшность, говорятъ, что площадь равняется A . Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ отрицаніемъ принципа противорѣчія, а съ пренебреженіемъ малыхъ различій. Правда, мы выражаемся не точно. Мы говоримъ: площадь этого круга 10000 квадр. сажений, а нужно бы сказать площадь этого круга весьма незначительно отличается отъ 10000 кв. сажений. Но мы взаимно понимаемъ этотъ условный языкъ. Если мы вдумаемся въ выраженія, которыя употребляемъ, то увидимъ, что за ними скрывается масса несообразностей, хотя мы разумѣемъ за ними совершенно вѣрныя положенія. Я говорю: солнце взошло. Во 1) солнце не можетъ ходить, потому что у него нѣтъ ногъ и нѣтъ способности къ произвольнымъ движеніямъ, оно можетъ катиться, двигаться, но не восходить; во 2) я вовсе не хочу сказать, что солнце подвигалось, хотя и говорю это. Я разумѣю, что подвинулась земля, а не солнце и подвинулась отъ запада къ востоку такъ, что стало видно солнце. Способъ выраженія совершенно неправильный и однако понятный всѣмъ, и астрономамъ и крестьянамъ, только одни сущность факта понимаютъ такъ, а другіе иначе. Такъ и въ теоремѣ о площадяхъ. И здѣсь знакомый съ геометрией понимаетъ, что выраженіе не точно—о чемъ можетъ не догадаться не знающій геометріи—и онъ поступаетъ не мыслью, не принципомъ противорѣчія, а только словами. Когда мы объясняемъ что-нибудь дѣтямъ, то для того, чтобы объяснить что нибудь, намъ приходится поступаться точностью.

Выраженіе становится менѣе вѣрнымъ, но за то мысль болѣе понятна.

Въ рядѣ фактовъ, аналогичныхъ приблизительному измѣренію площадей, мы имѣемъ не тотъ фактъ, что нарушается принципъ противорѣчія, а тотъ что нашимъ знаніямъ не достаеетъ абсолютной точности. Вѣдь на самомъ дѣлѣ площадь сада и не можетъ быть точнымъ кругомъ, и наши измѣренія приблизительны, и формулы имѣютъ лишь приблизительную точность. Только при абсолютно точномъ знаніи мы не утверждали бы о вещахъ взаимно противорѣчащихъ положеній, что не можетъ быть квадрата равновеликаго кругу, и что площадь даннаго круга равна квадрату, заключающему 10000 кв. саженой, сторона котораго равна 100 саженомъ. Абсолютно точное знаніе намъ недоступно, и мы довольствуемся знаніемъ приблизительнымъ. Но есть еще другой родъ фактовъ, стоящій на первый взглядъ тоже какъ бы въ противорѣчіи съ требованіями закона противорѣчія. Это: исключенія изъ общаго правила. Намъ говорятъ: тѣла расширяются отъ теплоты. Но потомъ оказывается, что вода въ нѣкоторыхъ предѣлахъ сжимается отъ теплоты и расширяется отъ холода. Ледъ плаваетъ въ водѣ, потому что вода при пониженіи ея температуры до 0° и при переходѣ въ твердое состояніе увеличивается на $\frac{1}{10}$ своего объема. Поэтому вода, ставъ льдомъ, дѣлается менѣе плотною и болѣе легкою. Какъ же намъ согласить эти два положенія? Тѣла расширяются отъ теплоты, вода при повышеніи температуры отъ 0° до 4° по Ц. сжимается. Логика насъ во всякомъ случаѣ обязываетъ утверждать, что или нѣтъ такого закона или нѣтъ изъ него исключеній. Но исключеніе есть на лицо, значитъ, скажутъ, нѣтъ закона. Нѣтъ, можно взглянуть на дѣло иначе. Будемъ нагрѣвать воздухъ въ нагнетательномъ сосудѣ и въ тоже время сжимать его. Онъ будетъ и нагрѣваться и сжиматься. Этотъ фактъ не противорѣчитъ закону, что тѣла отъ теплоты расширяются, мы въ нашемъ опытѣ ввели новую силу, препятствующую дѣйствию расширенія. Не происходитъ ли нѣчто подобное и въ водѣ (въ висмутѣ, въ чугунѣ) въ нѣкоторыхъ предѣлахъ температуры? При нагрѣваніи тѣла частицы его стремятся

сблизиться между собою. Водяные кристаллы имѣютъ гексогональную форму ($\text{—}\times\text{—}$). Соедините три спички серединами такъ, что эти спички образуютъ между собой шесть равныхъ угловъ. Образовавшаяся у васъ фигура дастъ вамъ точное представленіе объ основной формѣ водяныхъ кристалловъ (льда, снѣга). Представимъ нѣсколько такихъ фигуръ. Онѣ могутъ, такъ сказать, входить одна въ другую, не соприкасаясь. Теперь представимъ, что происходитъ пониженіе температуры. Частицы тѣла стремятся прійти въ соприкосновеніе. Но чтобы концы такихъ фигуръ пришли въ соприкосновеніе, нужно, чтобы разошлись центры, чтобы фигуры вышли одна изъ другой. Когда дѣло произойдетъ такимъ образомъ, то мы будемъ имѣть, что вслѣдствіе стремленія частицъ при пониженіи температуры къ сближенію, при нѣкоторыхъ пониженіяхъ температуры объемъ воды будетъ увеличиваться. Такимъ образомъ то, что сначала явилось противорѣчіемъ принципа, въ концѣ концовъ оказалось его подтвержденіемъ. Должно оговориться, что въ вопросѣ о водѣ пока разъяснено не все, и что въ нашемъ изложеніи представлено дѣло въ схематически упрощенномъ видѣ. Но весьма вѣроятно, что приведенное объясненіе близко къ истинѣ и во всякомъ случаѣ оно намъ показываетъ, какъ иногда противорѣчія могутъ оказаться только кажущимися.

Возможны и иные случаи. Возможно, что провозглашенный законъ на самомъ дѣлѣ не имѣетъ всеобщаго значенія, и тогда противорѣчацій ему фактъ не будетъ служить ему подтверждающимъ его исключеніемъ, какъ это мы предположили о водѣ, но будетъ служить ограничивающимъ его началомъ. Были нѣкогда убѣждены, что всѣ звѣзды неподвижны и всѣ лебеди бѣлы. Первое положеніе устраняло нужду во многихъ изслѣдованіяхъ, вторымъ утверждалось, что физическая природа и физиологическая организація лебедей вызываетъ бѣлую окраску. Звѣзды оказались двигающимися и теперь черные лебеди привозятся во всѣ болѣе или менѣе значительные зоологическіе сады. Положеніе о лебедяхъ оказалось ошибочно. Но, конечно, не случайно и не безпричинно то, что всѣ европейскіе лебеди бѣлы. Положеніе о всѣхъ лебедяхъ пришлось огра-

ничить приложеніемъ къ одному роду лебедей. Людямъ свойственно ошибаться, людямъ въ своихъ познаніяхъ приходится ограничиваться лишь приблизительною точностью, но и въ увеличеніи точности познаній и въ исправленіи ошибокъ ими въ ряду немногихъ основныхъ логическихъ началъ руководить принципъ противорѣчія.

Законъ исключеннаго третьяго. А непременно есть или В или не В. Законъ тождества говоритъ А есть В, законъ противорѣчія говоритъ А есть только В, законъ исключеннаго третьяго предполагаетъ, что невозможно, чтобы что нибудь не было и В и не В, а было бы чѣмъ то третьимъ. Многіе въ настоящее время склонны разсматривать законъ исключеннаго третьяго не какъ первоначальный законъ, а какъ законъ выведенный изъ принциповъ тождества и противорѣчія. Съ этой точки зрѣнія онъ не есть аксіома, а выводъ изъ аксіомы. Прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками. Это—аксіома. Въ треугольникѣ сумма двухъ сторонъ всегда больше третьей. Третья есть кратчайшее разстояніе между своими двумя конечными точками, а остальные двѣ тоже соединяютъ эти конечныя точки, это соединеніе не есть кратчайшее, слѣдовательно образующая его линія больше данной прямой. Но слѣдствіе изъ аксіомы, какъ это мы видимъ на данномъ примѣрѣ, есть уже теорема. Требуется доказать, что оно выходитъ изъ аксіомы. Если законъ исключеннаго третьяго (*principium exclusi tertii sive medii inter duo contradictoria*) есть выводной, то его должно вывести. Законъ тождества требуетъ, чтобы одинъ и тотъ же предметъ мы мыслили, какъ одинъ и тотъ же. Законъ противорѣчія требуетъ, чтобы одному и тому же предмету мы одновременно не приписывали и не отрицали одного и того же признака, законъ исключеннаго третьяго требуетъ, чтобы мы непременно или приписывали, или отрицали данный признакъ у предмета. Признакъ В или принадлежитъ предмету А, или не принадлежитъ, но непременно что нибудь изъ двухъ, предметъ В или находится въ данномъ мѣстѣ, или не находится, но нельзя предположить ничего третьяго. Въ новѣйшихъ логикахъ законъ исключеннаго третьяго часто поставляется рядомъ съ

двумя первыми законами, какъ такой же основной, какъ и тѣ. Каждый новый законъ конечно долженъ содержать новую мысль. Новая мысль какъ будто есть. I. Законъ тождества утверждаетъ неизмѣнность (мысленную) совокупности признаковъ въ предметѣ. II. Законъ противорѣчія утверждаетъ несовмѣстимость противорѣчащихъ признаковъ въ предметѣ. III. Законъ исключеннаго третьяго утверждаетъ необходимость для предмета имѣть одинъ изъ противорѣчащихъ признаковъ. По второму закону предметъ не можетъ быть вмѣстѣ и бѣлымъ и небѣлымъ, по третьему онъ непремѣнно долженъ быть или бѣлымъ или небѣлымъ. Я лично склоненъ думать, что разъ существуетъ второй законъ, то не нуженъ третій. Въ самомъ дѣлѣ, что значить положеніе—А не можетъ быть вмѣстѣ и В и не В. Что такое не В? Очевидно, все—кромѣ В. Я говорю: Х—не камень. Такое опредѣленіе оставляетъ для Х возможность быть всѣмъ кромѣ камня. Этотъ Х можетъ быть и осломъ, и профессоромъ, и созвѣздіемъ большой Медвѣдицы. Принципъ противорѣчія только и возможенъ при предположеніи, что все бытіе раздѣлено на двѣ—обыкновенно очень неравныя—части: В и не В. Москва и не Москва, т. е. вся вселенная, кромѣ Москвы, включая и Млечный путь и міры, лежащія за Млечнымъ путемъ. Но разъ въ дѣленіи заключено все возможно мыслимое, то этимъ самымъ утверждается невозможность мыслить что либо внѣ этого всего. Даже въ той формѣ, какъ я представилъ законъ противорѣчія, какъ законъ несовмѣстимости противорѣчащихъ признаковъ, уже заключается мысль, что одинъ изъ признаковъ находится въ предметѣ. А есть В или не В, но говорятъ: А не можетъ быть С. Но что такое С? Конечно, не В, потому что по условію, данному закономъ противорѣчія, все кромѣ В есть не В. Если А есть С, то оно не В; если А не С, отсюда еще ничего не слѣдуетъ, оно можетъ быть D, E, F, такъ какъ все это мыслится въ не В.

Возражаютъ противъ самаго закона исключеннаго третьяго, и эти возраженія основываются на неправильномъ пониманіи требованій закона противорѣчія. Говорятъ, что есть вопросы, на которые можно отвѣчать и *да* и *нѣтъ*, между

тѣмъ, какъ законъ исключеннаго третьяго требуетъ только отвѣта или *да* или *нѣтъ*. На вопросъ: разумно ли поступалъ такой то въ такомъ то дѣлѣ,—можно отвѣтить и да, и нѣтъ, отчасти разумно, отчасти неразумно. Но такой отвѣтъ возможенъ, потому что вопросъ не приведенъ къ началу противорѣчія. Очевидно, дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, сложное. Въ различные моменты этого дѣла человѣкъ могъ поступать различнымъ образомъ. Принципъ исключеннаго третьяго устраняется лишь тамъ, гдѣ возможно совмѣщеніе противорѣчивыхъ признаковъ. А совмѣщеніе противорѣчивыхъ признаковъ въ одномъ предметѣ возможно въ различное время или въ различномъ отношеніи, т. е., возможно при несоблюденіи закона тождества, когда мы говоримъ объ одномъ предметѣ или объ одномъ лицѣ, но разумѣемъ не одно и тоже. У насъ подъ руками два документа. Въ одномъ написано 1 го октября 1902 года была прекрасная погода, въ другомъ, что 1-го октября 1902 года стояло ужаснѣйшее ненастье. Какъ ни противорѣчивы эти документа, они оба могутъ оказаться истинными. Первая половина дня могла быть хорошею, вторая плохую. И на вопросъ: хорошій или нѣтъ былъ день тогда то, вы затруднитесь отвѣтомъ, потому что въ этомъ днѣ были и хорошіе и плохіе часы. Ваши документа говорятъ различное, потому что говорятъ о различномъ, хотя повидимому приписываютъ разнорѣчащіе признаки тождественному.

Законъ исключеннаго третьяго повидимому устраняется, а на самомъ дѣлѣ нарушается вслѣдствіе недостатковъ языка, вслѣдствіе своеобразнаго употребленія и значенія словъ. Понятія глупый и неглупый, богатый и небогатый, филологически прямо противорѣчатъ одно другому и поэтому, разъ отвергнуто одно, должно быть повидимому принято другое или наоборотъ. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Выраженію не глупый усвояютъ значеніе близкое къ умный. Аттестация онъ не глупъ на русскомъ языкѣ приближается къ похвалѣ или прямо представляетъ похвалу. Понятіе глупый равно приблизительно понятію дуракъ. Но человѣкъ можетъ и не заслуживать похвалы за свои способности и не быть глупымъ совсѣмъ. Точно также понятія богатый и не богатый употребляются не какъ

противорѣчія, а каждое съ собственнымъ значеніемъ. Понятіе богатства вообще условно. Положимъ въ нашихъ глазахъ богатъ тотъ, кто имѣетъ около милліона. Но когда при такомъ пониманіи мы говоримъ кому либо онъ не богатъ, это не значитъ, что у этого кого либо только не хватаетъ чего нибудь до милліона, нѣтъ, въ обычномъ словоупотребленіи это будетъ значить, что ему далеко до милліона. А при такомъ пониманіи, очевидно, окажется на свѣтѣ много людей съ достаткомъ, которыхъ нельзя будетъ включить ни въ богатыхъ, ни въ небогатыхъ. Развитіе языка все равно какъ ростъ дерева, имѣетъ свою сложную логику, и повѣтому прямолинейной простѣйшей научной логикѣ, пытающейся все заключить въ простыя схемы, часто и оказывается труднымъ справиться съ языкомъ. Слова—это знаки понятій, но этихъ знаковъ меньше, чѣмъ понятій, и они подвижны, условны. Подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, словами въ разное время и въ различныхъ мѣстахъ придаютъ различное значеніе. Отсюда—нерѣдко логическая неясность рѣчи при ясности мысли.

Законъ исключеннаго третьяго, какъ и законы тождества и противорѣчій, вызываетъ еще возраженія, обусловленные не вербальными, а метафизическими затрудненіями. Для выясненія этихъ затрудней можно немного перефразировать старинный парадоксъ Зенона. Когда летящая стрѣла находится въ пунктѣ А, двигается ли она или нѣтъ? Движеніе состоитъ въ переходѣ изъ одного пункта въ другой. Когда тѣло движется изъ А въ В, то это значитъ, что оно уже оставило А и еще не достигло В. Подъ пунктомъ А мы разумѣемъ въ нашемъ разсужденіи часть пространства, равную объему стрѣлы. Какое бы безконечно короткое время мы ни назначили для пребыванія стрѣлы въ А, она въ нашемъ мышленіи въ этотъ періодъ времени представится неподвижною. Стрѣла или не достигла А или уже двигается изъ А, въ томъ или другомъ случаѣ она или не въ А или не двигается. Если она не двигается, то она значитъ не летящая, а если она двигается, то она не находится ни въ А, ни В, и вообще нигдѣ. Но на самомъ дѣлѣ она находится между А и В. Мы имѣемъ здѣсь, что анализъ нашего вопроса съ цѣлью извлечь изъ него матеріалъ для

отвѣта привелъ насъ къ отрицанію всѣхъ изслѣдованныхъ нами трехъ логическихъ законовъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго. Летящая стрѣла оказалась у насъ не летящею, т. е., не тождественною сама съ собою, у нея оказались противорѣчащіе признаки движенія и неподвижности, и наконецъ на требованіе отвѣчать по закону исключеннаго третьяго двигается она или не двигается? Мы не можемъ ничего отвѣтить. Какъ разобратся въ этомъ парадоксѣ? Мы приводили примѣры того, какъ можно отрицать бытіе Божіе, свободу воли. Мы видимъ теперь, что при охотѣ изъ приведеннаго парадокса можно извлечь массу несообразностей. Но не нужно спѣшить съ этимъ. О летящей стрѣлѣ, конечно, должно говорить то, что говоритъ о ней общечеловѣческой здравый смыслъ, какъ тоже самое должно утверждать и объ отвѣтственности людей за свои поступки. Но не должно смущаться и тѣхъ странныхъ результатовъ, къ которымъ привелъ насъ анализъ явленія. Въдъ анализъ не доведенъ до конца. Чтобы выяснитъ вопросъ и дать отвѣтъ точный, намъ нужно дать анализъ понятій перемѣщенія, движенія, пространства. Тогда мы увидимъ, что причина несообразностей, появившихся въ выводѣ нашего разсужденія, есть та, что мы въ началѣ разсужденія приняли понятія въ обычномъ ходячемъ смыслѣ—какой совершенно достаточенъ для практическихъ цѣлей,—а потомъ признали за ними философскую точность, которой они на самомъ дѣлѣ не имѣютъ. Философскій анализъ покажетъ намъ, что въ концѣ концовъ фактъ движенія доселѣ не вполне выясненъ, какъ и ни одинъ фактъ не выясненъ до своей глубочайшей основы, поэтому мы и представляемъ и описываемъ его не вполне точно. Если мы примемъ потомъ неточное, за точное, то конечно въ выводѣ мы получимъ несообразности.

Не будемъ смущаться этими несообразностями, а будемъ въ нихъ разбираться. Законъ тяготѣнія учитъ насъ, что всѣ тѣла притягиваются къ центру земли. Мы видимъ, что дымъ, паръ поднимаются кверху отъ земли, мы видимъ, что воздушные шары съ людьми поднимаются на воздухъ, видимъ птицъ, летающихъ въ воздухѣ. Сначала это представляется какъ бы противорѣчіемъ закону, но потомъ анализъ

показываетъ намъ, что всѣ эти факты суть необходимое слѣдствіе изъ закона, и самое блестящее его подтвержденіе. Такъ руководясь принципами мышленія, мы, можетъ быть, впоследствии разберемся и съ тѣми антиноміями, которыя теперь не умѣемъ согласить съ ними, мы съ вами признали теперь и исследовали три закона: тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго. Я попытался показать, что третій законъ (объ исключенномъ третьемъ) можно разсматривать, какъ выводъ изъ второго. Позволительно пойти далѣе. Позволительно допустить, что всѣ эти три закона объединяются въ формулѣ Аристотеля, которую обыкновенно считают первымъ выраженіемъ принципа противорѣчія. Вотъ положеніе Аристотеля. „Невозможно, чтобы одно и тоже сказуемое могло быть утверждаемо и отрицаемо относительно одного и того же подлежащаго въ одно и тоже время и въ одномъ и томъ же смыслѣ“. (То γὰρ αὐτὸ διὰ ὑπάρχειν τε καὶ μὴ ὑπάρχειν ἀδύνατον τῷ αὐτῷ καὶ κατὰ τὸ αὐτὸ αὐτῇ δὲ κασῶν ἐστὶ βεβαιωτάτη τῶν ἀρχῶν *Metaphys III, 3, 1005b, 19—23*). Мнѣ думается, что это можно назвать *закономъ взаимной непроницаемости мысли*, и показать, что въ этомъ законѣ объединяются всѣ три исследованныя нами начала. Остановимся на какомъ либо опредѣленномъ моментѣ времени. Положимъ, въ этотъ опредѣленный моментъ въ опредѣленномъ пунктѣ мы помѣщаемъ кубъ, сторона котораго равна одному аршину. Мы мыслимъ, что этотъ кубъ имѣетъ пудъ вѣса. По вопросу о вѣсѣ опредѣленное протяженіе въ опредѣленный моментъ мы наполнили содержаніемъ. Въ этотъ моментъ въ этомъ мѣстѣ мы не можемъ мыслить другого вѣса и, говоря впоследствии объ этомъ моментѣ и этомъ мѣстѣ, мы будемъ наполнять его пудомъ вѣса, и этотъ пудъ абсолютно устраняетъ возможность проникновенія этого пункта въ этотъ моментъ другимъ вѣсомъ. Разъ мы опредѣлили вѣсъ какой либо геометрической формы въ опредѣленный моментъ, мы этимъ самымъ въ данный моментъ сдѣлали ее, такъ сказать, непроницаемою для другого вѣса. Но это только въ отношеніи вѣса. Непроницаемое въ одномъ отношеніи, можетъ быть и проницаемымъ во многихъ другихъ. Температура, цвѣтъ, степень твердости, все это еще не опредѣлено относи-

тельно куба. но во всякомъ изъ этихъ отношеній ему можетъ принадлежать въ одинъ данный моментъ только одно опредѣленіе. Допустимъ, что мы опредѣлили, съ какихъ отношеній и съ какихъ точекъ зрѣнія можетъ быть разсматриваемъ данный предметъ такъ, чтобы исчерпалось его содержаніе. Тогда мы предлагаемъ объ этомъ предметѣ рядъ вопросовъ и по требованію логической непроницаемости на каждый изъ этихъ вопросовъ мы можемъ дать только одинъ отвѣтъ. Такимъ образомъ утверждается законъ *исключеннаго другаго*, по отношенію къ которому законъ исключеннаго третьяго будетъ только развитіемъ. Положимъ, мы приписали вещи А вѣсъ пудъ, этимъ исключается возможность приписать ей какой либо другой вѣсъ. Другое исключается. Но вотъ намъ дана вещь В, и мы при сравненіи съ А установили только, что она вѣситъ не пудъ. Что значитъ наше опредѣленіе? Что мы разумѣемъ пудъ не пудомъ? Всѣ возможные вѣса, я даже не скажу отъ 0 до ∞ , потому что теоретически мы можемъ переходить и за 0. Итакъ относительно вещи В мы знаемъ, что ей можно приписать всякій вѣсъ изъ всѣхъ возможныхъ кромѣ пуда. Съ одной стороны—пудъ, съ другой—все кромѣ пуда. Сложенное вмѣстѣ это дастъ все возможное. Конечно не остается дальше никакого предположенія ни для какого третьяго.

Такъ, три логическіе закона объединяются въ одномъ законѣ *исключеннаго другаго* или—что тоже—въ законѣ противорѣчія. Но не трудно видѣть, что за этимъ закономъ скрываются и имъ предполагаются еще многія начала. За нимъ предполагается существованіе пространства и времени, постоянства и переменны. Этотъ законъ только утверждаетъ мыслимость или не мыслимость существованія фактовъ, но въ немъ уже содержится предположеніе мысли существованія необходимой связи между фактами. Его утверждаетъ четвертый логическій „Законъ достаточнаго основанія“ (*principium rationis sufficientis*), требующій, чтобы ничто не мыслилось безъ достаточнаго основанія. Смыслъ этого закона тотъ, что ни одна мысль не можетъ быть мыслима безъ связи съ другими, и если эта связь оказывается невозможною, то эта мысль

должна быть отвергнута. Если предшествующая мысль, какъ свое необходимое продолженіе, требуетъ мысли несостоятельной, то тогда должно быть отвергнуто не только это несостоятельное слѣдствіе, но и мысль, изъ которой оно вытекаетъ. Основаніе требуетъ признанія слѣдствія, отрицаніе слѣдствія требуетъ отрицанія основанія. Этотъ законъ не принимается очень многими логиками. Невольно подсказывается шутливая мысль—можетъ быть и неумѣстная въ серьезномъ курсѣ,—что эти логики, отрицая законъ достаточнаго основанія, хотятъ сохранить за собою право говорить безъ основанія. Другіе логики хотятъ измѣнить его названіе, предлагаютъ назвать его просто закономъ основанія, предлагаютъ назвать его закономъ логическаго основанія. Но сила конечно не въ названіи вещи, а въ самой вещи. Въ данномъ случаѣ однако ясно, что эти новые термины направляются противъ слова *достаточный*. Я склоненъ думать, что для насъ самое разумное и безопасное принять этотъ законъ въ его традиціонной формулировкѣ и самимъ стараться и другимъ желать всегда мыслить на достаточномъ основаніи.

Противъ закона достаточнаго основанія выдвигаютъ миеологию. Я мыслю Юпитера, говорятъ нѣкоторые логики, но Юпитера не существуетъ. Должно признаться, это одно изъ тѣхъ возраженій, которыя представляются столь несостоятельными, что даже сомнѣваешься правильно ли ихъ понялъ. Если я знаю, что Юпитеръ не существуетъ, а его и мыслю не существующимъ, т. е., я мыслю даже не его, а я мыслю о мысли о немъ римлянъ, мыслю, какъ они представляли его. И моя мысль о Юпитерѣ имѣетъ для себя достаточное основаніе въ курсѣ миеологій или исторіи римской религіи. Человѣкъ, говорятъ, создаетъ образы фантазіи, романистъ пишетъ романы, въ которыхъ дѣйствуютъ, наслаждаются и страдаютъ никогда не существовавшія лица. Но на самомъ дѣлѣ, что такое наши образы фантазіи? Это—представляющіеся намъ возможными типы существованія. Мы мыслимъ, что они не реальны, но что они возможны. Я видѣлъ въ одномъ мѣстѣ рѣку, въ другомъ—лѣсъ, въ третьемъ красивую долину. Я мыслю, что ихъ можно бы было соединить въ одной мѣстности. Мысли о

возможныхъ комбинаціяхъ нужны намъ уже потому, что человѣкъ можетъ ихъ осуществить, или осуществленіе ихъ вообще представляется возможнымъ. Поэтъ и представляетъ намъ реальное осуществленіе психологически возможнаго. Положимъ, писатель наблюдалъ, какъ какой нибудь Иванъ Ивановичъ бралъ взятки мѣдными пятаками. Онъ представилъ себѣ, что будетъ, если Иванъ Ивановича поставить на такое мѣсто, гдѣ можно брать рублями. Зная характеръ Ивана Ивановича и условія новаго мѣста, онъ по закону достаточнаго основанія думаетъ, что Иванъ Ивановичъ долженъ будетъ дѣйствовать такъ-то и такъ-то. И вотъ, назвавши Ивана Ивановича Андреемъ Петровичемъ, онъ и представляетъ намъ осуществленіе этой возможности въ повѣсти. Въ наиболѣе художественныхъ произведеніяхъ, гдѣ наиболѣе силенъ полетъ фантазіи, на самомъ дѣлѣ наиболѣе соблюдается законъ достаточнаго основанія. У Достоевскаго въ братьяхъ Карамазовыхъ изображенъ кошмаръ Ивана Федоровича—бесѣда допившагося до бѣлой горячки героя ни болѣе ни менѣе, какъ съ чортомъ. Что здѣсь реальнаго? Гдѣ здѣсь законъ достаточнаго основанія? Но компетентные психіатры засвидѣтельствовали, что кошмары, поразительно похожіе на описанный, дѣйствительно происходятъ. Очевидно, писатель такъ хорошо выяснилъ природу человѣческаго духа, такъ хорошо понималъ состоявіе лица, находящагося въ извѣстныхъ условіяхъ, что явно прозрѣвалъ, какія мысли, какіе образы должны были являться въ больномъ мозгу этого лица. Но всякое прозрѣніе, опредѣленіе по части цѣлаго, по настоящему будущаго основывается на законосообразности фактовъ. Мысль можетъ предугадывать эти факты только по закону достаточнаго основанія. Ивана Федоровича Карамазова не существовало. Но писатель говоритъ намъ, что если бы онъ былъ и находился въ такихъ-то условіяхъ, то съ нимъ было бы то-то. Такое утвержденіе предполагаетъ законосообразность въ фактахъ и отвѣчающую ей законосообразность въ мысляхъ.

Существованіе закона достаточнаго основанія слѣдуетъ уже изъ того, что существуетъ законъ противорѣчія, и изъ того, что не всякая мысль мыслима. Я хотѣлъ бы представить себѣ

человѣка съ двумя нормальными головами на одной нормальной шеѣ, но такой человѣкъ не представимъ, немислимъ. Я могу мыслить только то, что не содержитъ въ себѣ внутренняго противорѣчія. Уживаются у насъ въ душѣ и противорѣчивыя воззрѣнія, но лишь постольку, поскольку мы не видимъ ихъ противорѣчія. Вообще мысль для того, чтобы существовать, не должна сама въ себѣ содержать противорѣчія и не должна быть въ противорѣчіи съ другими содержимыми нами мыслями. Мы читаемъ стихотвореніе. „Во свѣтлой темнотѣ блистающихъ ночей явился темный блескъ отъ солнечныхъ лучей“, но мыслить этой абракадабры мы не можемъ. Я говорю: сегодня суббота, но я не могу мыслить этой мысли, такъ какъ знаю, что сегодня пятница. Вотъ почему ссылка на Юпитера, на образы фантазій, будто бы доказывающіе, что законъ достаточнаго основанія не дѣйствуетъ въ нашемъ мышленіи, представляется крайне странной. Вѣдь, образъ Юпитера, если его подвергнуть анализу, заключаетъ въ себѣ много внутреннихъ и логическихъ противорѣчій. Но мысль наша объ этомъ образѣ не противорѣчитъ принципу противорѣчія, потому что мы, сознавая его противорѣчивость, мыслимъ его не реальнымъ.

Но законъ достаточнаго основанія утверждаетъ не только то, что мысли для того, чтобы быть мыслимой, нужно не быть въ противорѣчіи съ другими мыслями, не нужно имѣть, такъ сказать, отрицательныхъ инстанцій. Тогда мы получили бы только, что мысль по закону непроницаемости мысли не можетъ совмѣщаться съ отрицающими ее положеніями. Но кругъ мыслей каждаго изъ насъ, конечно, въ сущности очень ничтоженъ. И если нѣтъ для мысли закона достаточнаго основанія, то тогда безконечная пустота нашего незнанія открывала бы безграничный просторъ для возникновенія всевозможныхъ своеобразнѣйшихъ положеній. Однако мы не видимъ этого. Новыя мысли, возникающія въ нашей головѣ, ютятся около старыхъ, растутъ изъ нихъ, питаются ихъ почвою. По-наблюдаемъ за собою, за нашими предположеніями, гипотезами; мы увидимъ, что матеріалъ для всѣхъ нихъ заимствуется нами изъ имѣющейся у насъ наличности. Ни одна форма, ни одинъ образъ не могутъ быть построены нами, если намъ на-

передъ уже не былъ тѣмъ нибудь предсказанъ образецъ. Но это—зависимость мысли по происхожденію. Рядомъ съ этимъ открывається въ такой же мѣрѣ зависимость мыслей по значенію. Я рѣшаю вопросъ и потомъ немедленно говорю: нѣтъ, это рѣшеніе нелѣпно. Было ли здѣсь нарушеніе закона достаточнаго основанія? Нѣтъ; когда я составлялъ рѣшеніе, оно вытекало у меня изъ имѣвшихся у меня основаній, но когда я его формулировалъ, моему умственному взору преподнеслись факты и положенія, стоящія въ противорѣчій съ моимъ рѣшеніемъ, и я отвергъ его. Самыя нелѣпныя мысли и тѣ возникаютъ по закону достаточнаго основанія, только мышленіе при этомъ упускаетъ изъ виду тѣ факты, которые разрушаютъ это основаніе. Чиновникъ Поприщинъ вообразилъ себя Фердинандомъ, королемъ испанскимъ. Собственно говоря, неизвѣстно, чему нужно удивляться;—нелѣпости мысли или тому, какъ человѣкъ могъ дойти до такой нелѣпой мысли. Но попытаемся ее анализировать, постараемся понять логику несчастнаго сумасшедшаго. Должно обратить вниманіе, что вѣдь въ то время, когда онъ говоритъ, что онъ Фердинандъ, онъ забываетъ и отрицаетъ, что онъ Поприщинъ, какія-то темныя воспоминанія, что-то связывающее его съ Поприциномъ у него чувствуется, но все это темно. За то съ другой стороны, въ истрадавшейся душѣ этого маленькаго человѣка, жившаго въ мансардѣ, видѣвшаго только презрѣніе къ себѣ и высокомѣріе со стороны другихъ, въ этомъ жалкомъ человѣкѣ, самолюбіе котораго непрестанно уязвлялось и расло непрестанно, развивалось сознаніе своего достоинства, сознаніе, что ему мѣсто на государственной вершинѣ. Къ этому сознанію ему прійти было тѣмъ легче, что самое представленіе о государственной вершинѣ у него въ сущности было очень скромное. Вѣдь, его большое самолюбіе, поднимавшее его до короля, въ сущности довольствовалось тѣмъ, чтобы поразить своей оригинальной мантией кухарку Мавру. Представимъ только себѣ колоссальное—хотя и не постоянное—просвѣты сознанія всегда бывають у сумасшедшихъ—забвеніе колоссальнаго количества фактовъ, и оставшіеся въ наличномъ сознаніи факты естественно должны привести къ мысли, что онъ, именуемый

Поприцинымъ, есть Фердинандъ. Достаточно забыть о томъ, что луна находится отъ насъ на разстояніи 350 тысячъ верстъ, чтобы, руководясь непосредственнымъ зрѣніемъ, написать проэктъ о томъ, какъ ее достать при помощи системы лѣстницъ.

Закономъ достаточнаго основанія требуется, чтобы каждая мысль мыслилась не просто на основаніи, но на достаточномъ основаніи. Н богатъ, много жертвуетъ на учебныя заведенія; это можетъ служить основаніемъ для надежды, что онъ пожертвуетъ на то заведеніе, на которое у него хотятъ просить, но это недостаточное основаніе для мысли, что онъ непременно пожертвуетъ на ту школу, о которой идетъ рѣчь. Онъ можетъ быть атеистомъ по убѣжденію, а школа можетъ быть духовною; онъ можетъ быть противникомъ классическаго образованія, а школа—классическою. Наконецъ, имъ можетъ быть уже намѣченъ кругъ школъ, которымъ онъ рѣшилъ оказать поддержку, и онъ рѣшилъ отказывать всѣмъ школамъ внѣ этого круга. Мы и не можемъ мыслить, что онъ непременно дастъ. И когда мы направляемъ просителя къ такому жертвователю и говоримъ: онъ вамъ непременно дастъ,—мы только это говоримъ, но не можемъ мыслить этого. Всякая мысль есть утвержденіе или отрицаніе чего нибудь, и мы не можемъ допустить никакого утвержденія и никакого отрицанія безъ достаточнаго основанія. Съ этимъ плохо мирится повидимому фактъ существованія безчисленнаго количества мыслей и проэктовъ крайне неосновательныхъ. Если начать толковать о школьномъ дѣлѣ, о преобразованіи учебныхъ заведеній, о введеніи въ русскихъ школахъ заграничной академической свободы, какъ легко, какъ просто наши собесѣдники будутъ рѣшать эти вопросы. Но вопросъ этотъ по существу крайне труденъ и на Западѣ онъ далекъ—мнѣ даже кажется, должно сказать, бесконечно далекъ—отъ благополучнаго разрѣшенія. Развѣ въ расчеты какого либо правительства можетъ входить приготовленіе невѣжественныхъ докторовъ, недобросовѣстныхъ адвокатовъ и инженеровъ, невѣрующихъ богослововъ, вообще плохихъ и нечестныхъ служителей того дѣла, къ которому они готовятъ? Конечно нѣтъ; но всѣ профессіи насчи-

тываютъ въ своихъ рядахъ много плохихъ представителей. Если даже сообщить вопросу не такую идеальную постановку, а сузить его: „какъ улучшить дѣло образованія?“—многіе склонны думать, что на этотъ вопросъ очень легко отвѣтить, и безъ сомнѣнія они руководятся закономъ достаточнаго основанія въ своихъ сужденіяхъ. Они не только не видятъ, что существуютъ многія стороны въ дѣлѣ, которыя ихъ основанія дѣлаютъ неосновательными. Академическая свобода занятій безъ сомнѣнія имѣетъ въ себѣ прекрасныя стороны. Студентъ можетъ распланировать свое время, какъ ему угодно, выбирать предметы занятій въ наиболѣе для него удобномъ порядкѣ. А здѣсь имѣютъ важное значеніе индивидуальныя особенности. Я лично не могу изучать предметъ, не составивъ напередъ никакого общаго представленія о немъ, и затѣмъ я вообще предпочитаю концентрическое изученіе, другіе—наоборотъ. Пусть каждый занимается, какъ хочетъ, и въ концѣ концовъ, когда ему угодно, является на докторскій экзаменъ. Такъ рассуждаютъ по закону достаточнаго основанія. Но въ ступаетъ въ дѣлѣ другая сторона. Самый любознательный и даровитый студентъ можетъ быть нѣсколько лѣнливымъ и особенно для этой лѣнности является искушеніе въ началѣ. Во многихъ наукахъ начало особенно трудно. А запустивши начало, студентъ можетъ потомъ совсѣмъ не совладѣть съ продолженіемъ. Неопытный студентъ можетъ разбросаться въ выборѣ предметовъ для занятій, тѣмъ болѣе, что опытные преподаватели, получая гонорары съ слушателей, не прочь объявлять рекламные курсы. Въ результатѣ отъ нѣкоторыхъ и даже отъ немалаго числа лицъ степень доктора можетъ ускользнуть навсегда, а съ практической точки зрѣнія государство потеряетъ въ нихъ хорошихъ работниковъ для той или другой отрасли дѣла. Нужно сдѣлать выборъ и чѣмъ ближе знакомится человѣкъ съ дѣломъ, тѣмъ болѣе, если хотите, затрудняетъ его законъ достаточнаго основанія, потому что тѣмъ яснѣе ему видны темныя стороны при всякомъ рѣшеніи вопроса. Ребенокъ легко рѣшаетъ вопросы по закону достаточнаго основанія, для взрослого рѣшеніе труднѣе, но за то его рѣшенія много основательнѣе. Но вездѣ у ребенка или у

взрослаго, гдѣ мысль представляется истинною, она представляется такою на достаточномъ основаніи, которое мыслящій иногда, можетъ быть, затруднится формулировать, но которое всегда у него имѣется. Дѣти, говорятъ, угадываютъ, кто ихъ любить и кто ихъ не любить. Это угадываніе есть мыслительный процессъ и совершается по закону достаточнаго основанія, хотя процессъ, при которомъ основаніе приводитъ къ такому слѣдствію, часто бываетъ неувидимымъ.

Законъ достаточнаго основанія не должно смѣшивать съ закономъ причинной связи мыслей по происхожденію. Одна мысль вызываетъ другую, одинъ образъ напоминаетъ о другомъ. Это—законъ ассоціацій, о которомъ мы говорили. Одна мысль утверждается на другой или отрицается другою, это—законъ достаточнаго основанія. И какъ ассоціаціями можетъ и должна регулировать воля, такъ воля должна регулировать и умозаключеніями, она должна стремиться вызывать изъ памяти въ поле сознанія или отыскивать въ настоящемъ все нужное для того, чтобы рѣшеніе мысли отвѣчало истинѣ.

Законъ достаточнаго основанія, какъ и всѣ другіе логическіе законы, есть законъ естественный. Человѣкъ примѣняетъ его съ первыхъ шаговъ своей жизни. Первые основанія, изъ которыхъ онъ дѣлаетъ выводы, это суть факты его собственной жизни, его душевныя состоянія, онъ нагромождаетъ на нихъ одни познанія за другими, одни выводы вслѣдъ другимъ. Такъ, къ тому времени, когда онъ станетъ способенъ отдавать себѣ отчетъ въ своей логической дѣятельности, у него скопится большой запасъ знаній и возрѣвній, которыя и служатъ для него опорными пунктами въ дѣлѣ дальнѣйшей работы мысли. Эта работа неизбежно приводитъ къ тому, что изъ запаса одно за другимъ приходится выкидывать, какъ неосновательное. Первоначальныя точки опоры замѣнять новыми. Логическій анализъ и критика могутъ пойти очень далеко въ отыскиваніи опоръ для опоръ, достаточнаго основанія для того, что издавна служило само достаточнымъ основаніемъ для многого. Въ этихъ поискахъ философская мысль иногда приходитъ къ беззвѣстному выводу, что мы не владѣемъ ни однимъ положеніемъ, утверждающимся на достаточность основанія.

Во имя достаточнаго основанія объявляютъ, что не заслуживаютъ вѣры никакія изъ нашихъ утвержденій—религіозныя, философскія, научныя, практическія. Только одна мысль оказывается достаточно обоснованной, что ни одна мысль не обоснована достаточно. Такъ сущность этой пессимистической философіи, носящей имя абсолютнаго скептицизма, оказывается заключающеюся въ самоуничтоженіи, такъ какъ ея основной принципъ заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе.

С. Глаголевъ.

Николай Яковлевич Гротъ (1852 + 1899 г.) и его философскіе труды.

(Продолженіе *).

Вопросомъ о критеріѣ истины занимались всѣ виднѣйшіе философы и древняго и новаго времени. Какія же рѣшенія давали древніе философы, занимавшіеся этими вопросами? Нашъ авторъ приводитъ здѣсь подробныя историческія справки. Стойки критеріемъ истины признавали правильную и всестороннюю переработку ощущеній. Противники же ихъ—эпикурейцы—самыя ощущенія, служація матеріаломъ для этой переработки. Но одновременно съ такимъ эмпиризмомъ развивался и скептицизмъ. (Пиррона и его послѣдователей), провозглашавшій, что всѣ наши воспріятія имѣютъ лишь относительный характеръ. Скептицизмъ этотъ развивался до 3-го в. по Р. Хр., когда возникла ему реакція въ формѣ мистицизма, признававшего возможность непосредственнаго созерцанія внутренняго бытія вещей непоколебимымъ догматомъ. Эта теорія и господствовала до XI в. нашей эры. Въ это время вопросъ о познаніи дифференцируется въ двухъ извѣстныхъ направленіяхъ: 1) номинализма, перешедшаго въ XVI в. въ эмпиризмъ (родоначальникъ Бэконъ), и 2) реализма, перешедшаго въ XVII в. въ раціонализмъ (родоначальникъ Декартъ). И съ тѣхъ поръ большинство мыслителей рѣзко раздѣлилось на эти два лагера: эмпириковъ, признававшихъ орудіемъ познанія чув-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 14.

ственный опытъ и отрицавшихъ прирожденныхъ и независимыхъ отъ опыта идеи о сущностяхъ,—и рационалистовъ, признававшихъ основой знанія прирожденные идеи разума о міровыхъ субстанціяхъ и утверждавшихъ, что чувственный опытъ имѣеть второстепенное значеніе въ изслѣдованіи началъ, управляющихъ міромъ.

Въ концѣ XVIII в., въ лицѣ Канта, эмпирика въ „Критикѣ чистаго разума“ и рационалиста въ „Критикѣ практическаго разума“,—была сдѣлана грандіозная попытка компромисса между эмпиризмомъ и рационализмомъ. Но эта попытка не могла имѣть прочнаго успѣха; послѣдователи его раздѣлились на два лагеря: одни, слѣдуя „Критикѣ чистаго разума“, примкнули къ эмпирикамъ; другіе—сдѣлались чистыми идеалистами (Фихте, Шеллингъ, Гегель, Шопенгауэръ). Но въ то время, какъ у нѣмцевъ разгорались крайности идеализма, въ Англии и Франціи эмпирическая наука, оживленная и поднятая въ собственныхъ глазахъ „Критикою чистаго разума“ Канта, продолжала проникать въ тайные законы явленій, при помощи разсудочной переработки данныхъ опыта и сдѣлала такіе громадныя успѣхи, что вполнѣ вѣроятнымъ является предположеніе, что въ феноменахъ, доступныхъ этому опыту, она изучаетъ настоящія сущности всего существующаго въ мірѣ, и что предполагать въ вещахъ еще какія либо особыя сущности, неуловимыя для чувственнаго опыта, нѣтъ основаній.

Но противники эмпиризма,—послѣдователи рационалистическихъ системъ нынѣшняго вѣка, все еще не оставляютъ науку въ покоѣ. Они упрекаютъ ее въ „наивномъ реализмѣ“, они утверждаютъ, что вся она основана на инстинктивной, безотчетной вѣрѣ челоуѣка въ правильность показаній органовъ чувствъ и что, такъ какъ эта правильность еще не доказана, такъ какъ достовѣрнаго критерія истинности чувственнаго опыта наука еще не имѣеть, то, слѣдовательно, все ея зданіе построено на пескѣ.

Отсюда естественно является вопросъ: какимъ же образомъ, какими аргументами могла бы оправдать наука наивный реализмъ, вѣру челоуѣка въ истинность его чувственныхъ воспріятій? Нашъ мыслитель находитъ, что такіе аргументы въ пользу достовѣрности

чувственнаго опыта есть, и ихъ можно раздѣлить на два класса: отрицательные и положительные. Отрицательные аргументы сводятся къ указанію нелѣпыхъ послѣдствій предположенія, что ощущенія насъ обманываютъ; положительные сводятся къ выводу изъ несомнѣнныхъ научныхъ соображеній—заключенія о необходимости соответствія ощущеній ихъ объектамъ. Нашъ авторъ начинаетъ съ указанія отрицательныхъ соображеній. Если бы мы предположили, что ощущенія насъ обманываютъ, то откуда бы, спрашиваетъ авторъ, человѣкъ взялъ основанія для разграниченія нормальныхъ ощущеній въ бодрствующемъ состояніи отъ сновидѣній, иллюзій и галлюцинацій¹⁾? Признаки, которые лежатъ въ основаніи понятій, сновидѣній, иллюзій, галлюцинацій,—суть признаки чисто отрицательные, т. е., составленные изъ отрицанія признаковъ нормальныхъ ощущеній. Слѣдовательно, тотъ, кто признаетъ различіе ощущеній, галлюцинацій и иллюзій, уже допускаетъ возможность правильныхъ ощущеній. Но этого различія никто и никогда не отрицалъ. Слѣдовательно, непоколебимое общее убѣжденіе наше въ существованіи различія между ощущеніями, съ одной стороны, иллюзіями, галлюцинаціями и сновидѣніями съ другой, служить лучшимъ доказательствомъ возможности для человѣка правильности ощущеній.

Далѣе, если бы ощущенія насъ обманывали, то нельзя было бы предположить возможность какого либо дѣйствія нашего, какой либо дѣятельности. Понятія дѣйствія, дѣятельности уже предполагаютъ существованіе извѣстныхъ объектовъ, на которые они направлены. Если же есть объекты, то какимъ образомъ, спрашиваетъ Гротъ, могли бы мы дѣйствовать на нихъ, если бы ощущенія неправильно намъ ихъ изображали? Аргументъ этотъ авторъ находитъ, хотя и старымъ, но сильнымъ.

Затѣмъ, отрицательнымъ доказательствомъ правильности ощущеній, соответствія ихъ объектамъ, является еще возможность искусственнаго воспроизведенія объективныхъ явленій и предметовъ, на основаніи этихъ ощущеній и ихъ переработки. Если бы ощущенія насъ обманывали и несоответствовали внут-

1) Р. Бор. 1883, 5—6, 438 стр.

ренней природѣ вещей, то мы ни одну вещь не могли бы знать во всемъ ея составѣ, а слѣдовательно и искусственное воспроизведеніе предметовъ и явленій, вполнѣ тождественныхъ тѣмъ, которые создала сама природа, было бы невозможно. Другими словами, признаніе обманчивости ощущеній вело бы логически къ новому абсурду, къ отрицанію возможности искусственнаго воспроизведенія этихъ ощущеній при помощи искусственныхъ объектовъ, ихъ вызывающихъ. Наконецъ, есть еще одно отрицательное доказательство соотвѣтствія ощущеній природѣ внѣшнихъ объектовъ. Если бы ощущенія насъ обманывали, то невозможно было бы никакое умственное общеніе между живыми существами. Если бы ощущенія не соотвѣтствовали своему объекту, тѣмъ движеніямъ нашимъ, которыя ихъ вызвали, то вѣдь другое лице никогда бы не могло знать нашихъ идей, умственное общеніе людей съ помощью языка было бы невозможно. Но дѣйствительность противорѣчитъ этому абсурдному заключенію.

Таковы отрицательныя доказательства; но они только доказываютъ вѣроятность соотвѣтствія ощущеній объектамъ, а не необходимость этого соотвѣтствія. Эта необходимость можетъ быть выведена лишь дедуктивнымъ путемъ изъ доказанныхъ научныхъ истинъ. Одною изъ такихъ научно доказанныхъ истинъ является въ наше время положеніе, что сложныя тѣла, организмы суть лишь сложныя трансформациі тѣлъ болѣе простыхъ, продукты постепенной эволюціи первоначальныхъ веществъ. Изъ этого же научнаго вывода по Гроту слѣдуетъ, что организмы создала сама природа, что всѣ органы чувственаго опыта представляютъ лишь дальнѣйшую дифференціацію той первоначальной чувствующей поверхности, которая ощущала только механическіе толчки и движенія въ окружающей средѣ и вызывала тѣмъ самымъ организмы къ соотвѣтственнымъ имъ механическимъ толчкамъ и движеніямъ. А если такъ, продолжаетъ Гротъ, то изъ упомянутаго же положенія современной науки вытекаетъ и необходимость полного соотвѣтствія ощущеній свойствамъ вещей. Если эти самыя вещи и ихъ свойства вызвали дифференціацію чувствующей поверхности организма и образованіе различныхъ органовъ чувствъ,

служащихъ для передачи ихъ въ сознание организма, то ощущенія, какъ продукты самой природы, нами ощущаемой, должны правильно отражать ея свойства. Итакъ, по нашему мыслителю, лучшее доказательство въ пользу достовѣрности чувственного опыта можно найти въ развитіи современнаго научнаго вывода объ условіяхъ происхожденія организма: тождество нашего организма съ природою—вотъ, по Гроту, лучшая основа для объясненія процесса и лучшее ручательство достовѣрности чувственного опыта. Такимъ образомъ, заключаетъ нашъ мыслитель, „наивный реализмъ“ отнынѣ перестаетъ быть наивнымъ: современная наука заключаетъ въ себѣ всѣ данныя сдѣлать его сознательнымъ и разумнымъ. Но Гротъ пытается доказать, на основаніи соображеній другой науки, психологіи, что каждый человѣкъ имѣетъ, помимо научныхъ соображеній о происхожденіи своего организма и, внутреннія, вполнѣ твердыя, основанія для своего убѣжденія въ достовѣрности ощущеній. Уже давно психологія указываетъ на то, что въ переработкѣ нашего внѣшняго опыта участвуютъ нѣкоторыя представленія и понятія, заимствованныя изъ внутренняго опыта. Кантъ призналъ эти формы субъективными и прирожденными. Нашъ же мыслитель отрицаетъ прирожденность этихъ идей и старается выяснитъ постепенное ихъ происхожденіе изъ переработки и осложненія внутреннихъ ощущеній, относящихся къ дѣятельности нашего организма. Въ числѣ этихъ идей находятся, напр. идеи пространства, времени, причинъ, дѣйствія и др. Но наиболѣе общою и отвлеченною изъ всѣхъ нашихъ идей, имѣющихъ основою своею нашъ внутренній опытъ, Гротъ считаетъ идею однообразія, неизмѣнности всего существующаго, т. е., идею однообразія природы. Эта идея тоже сначала образуется изъ данныхъ нашего внутренняго опыта, изъ наблюденія постоянной однородности испытываемыхъ нами состояній, и обнаруживается въ представленіи нашего „я“, какъ чего-то неизмѣннаго. Затѣмъ она переносится на внѣшніе предметы, а изъ обобщенія неизмѣнности насъ самихъ и всѣхъ предметовъ нашего опыта образуется постепенно отвлеченное понятіе однообразія природы. Это то понятіе однообразія природы, существованіе котораго,

хотя бы въ смутномъ видѣ, можно замѣтить уже у десятилѣтняго ребенка, и которое всецѣло построено на внутреннемъ опытѣ, на переработкѣ непосредственнаго содержанія нашего самосознанія и служить по нашему мыслителю основою для убѣжденія каждаго человѣка въ правильности его ощущеній, въ соотвѣтствіи ихъ съ объектами, такъ какъ изъ идеи однообразія природы логически вытекаетъ и идея однообразія законовъ нашего внутреннего міра и законовъ міра внѣшняго, и увѣренность, что наши ощущенія, являясь продуктомъ дѣйствія на насъ этого внѣшняго міра, не могутъ не передавать свойствъ этого міра въ ихъ дѣйствительномъ видѣ. Гротъ находитъ, что практически этотъ критерій давно уже признается всѣми учеными. Всякій ученый, сознательно довѣрившійся своему чувственному наблюденію и опыту, давно уже дѣлаетъ заключеніе о необходимости соотвѣтствія своихъ ощущеній свойствамъ объектовъ, именно на основаніи законовъ однообразія природы; и утверждать противное—по нашему мыслителю—значило бы уже очень низко ставить разсудочныя силы ученыхъ, изучающихъ природу эмпирически. Оставалось лишь научно оправдать это полное однообразіе природы, т. е., выяснить его причины или источники, доказать, что однообразіе природы есть не только фактъ, не подлежащій сомнѣнію, но и безусловная необходимость, и именно это научное доказательство находится нынѣ, по мнѣнію нашего мыслителя, въ распоряженіи ученыхъ, убѣдившихся при помощи научныхъ изслѣдованій природы въ томъ, что организмъ человѣка есть лишь продуктъ развитія самой природы въ процессѣ постепеннаго приспособленія ея отдѣльных частей другъ къ другу (организмовъ къ неорганической матеріи и обратно). И Гротъ находитъ, что наука, разъ она имѣетъ такое научное доказательство необходимости однообразія природы, въ правѣ нынѣ поставить уже въ формѣ неопровержимаго тезиса положеніе, что ощущенія наши,—при извѣстныхъ условіяхъ, доступныхъ точному опредѣленію, служатъ наилучшимъ критеріемъ того, что существуетъ въ мірѣ и что потому философія совершенно напрасно возводитъ отдѣльные случаи обмановъ чувствъ въ общее положеніе объ

обманчивости всѣхъ ощущеній и на этомъ положеніи строить утвержденіе, что только она, философія, опираясь на разумъ, какъ особую познавательную силу, призвана открыть истинную сущность бытія міра. Гротъ убѣжденъ, что если бытіе міра когда нибудь и будетъ выяснено вполне, во всѣхъ своихъ законахъ, то именно только помощью всесторонней интеллектуальной переработки человѣкомъ всѣхъ его ощущеній, открывающихъ ему различныя свойства этого бытія и доступныхъ искусственному усовершенствованію (микроскопъ, телескопъ, слуховыя трубы, телефоны и проч.). Итакъ, заключаетъ нашъ авторъ, вопросъ о критеріяхъ истиннаго знанія едва ли уже нынѣ имѣетъ значеніе вопроса неразрѣшеннаго, загадочнаго, на обсужденіе котораго стоило бы тратить время и силы: лучшимъ критеріемъ истиннаго знанія служить научно-доказанный законъ однообразія природы, а изъ этого закона логически вытекаетъ то, что въ отдѣльныхъ случаяхъ для человѣка, въ его процессѣ познанія природы, единственнымъ критеріемъ дѣйствительно-существующаго и являются правильно организованная чувственныя воспріятія его и другихъ людей. Таковъ конечный выводъ Грота о критеріяхъ истины. Рѣшеніе вопроса „о критеріяхъ истины“ особенно сильно повліяло на разработку ученія автора „О методѣ чувства“.

Сперва это вліяніе обнаружилось на его статьяхъ, относящихся къ области этики (напр. въ статьяхъ „О прогрессѣ“ (1883), „О свободѣ воли“ (84 г.), „О значеніи пессимизма и оптимизма“ (84 г.), „Объ эгоизмѣ и альтруизмѣ“ (84 г.)). Въ этихъ статьяхъ авторъ въ оцѣнку каждаго этического явленія вводилъ методъ чувства. Но особенно ясно ученіе о методѣ чувства обнаружилось въ „основныхъ типахъ философскихъ построеній въ различныя эпохи“¹⁾).

Авторъ указываетъ необходимость изслѣдовать философскія системы психологическимъ методомъ. Подъ психологическимъ же методомъ онъ разумѣетъ такой методъ, который разсматриваетъ философскія системы и построенія, какъ результаты удовлетворенія человѣкомъ субъективныхъ потребностей его

¹⁾ Рус. Богатство 1884, 8, 235—269 и 9, 425—440.

ума. Изъ этого же взгляда вытекаетъ, что всякая система должна быть разсматриваема въ связи, какъ съ субъективными потребностями человѣчества въ каждый отдѣльный моментъ его развитія, такъ и въ связи съ субъективными потребностями отдѣльныхъ личностей. Но разъ существуютъ извѣстные психологическіе законы правильного психологическаго развитія, уже а priori можно предположить, что въ эволюціи тѣхъ субъективныхъ потребностей, которыя порождали тѣ или другія философскія системы, должна быть извѣстная правильность. Что такая правильная смѣна моментовъ философскаго творчества существуетъ, это доказывается всѣми тѣми обобщеніями, къ какимъ уже пришла исторія философіи. Извѣстно, что существуютъ типы философіи— идеализмъ, матеріализмъ, деизмъ, эмпиризмъ, теизмъ, пантеизмъ и т. под. Главныхъ характерныхъ типовъ философіи авторъ насчитываетъ 6: мистицизмъ, догматизмъ, скептицизмъ, раціонализмъ, критицизмъ, эмпиризмъ. Высказывая то убѣжденіе, что органическая связь и послѣдовательность этихъ системъ не подлежатъ сомнѣнію, нашъ авторъ и старается установить эту связь. Первою формою философскихъ построеній по Гроту является мистицизмъ. Человѣкъ, вышедши изъ умственнаго дѣтства, начинаетъ инстинктивно стремиться къ познанію, къ тому, чтобы отдать себѣ отчетъ въ природѣ окружающихъ вещей; прежде всего, онъ ими поражается, благоговѣть предъ ними, какъ непонятными ему таинственными явленіями міра. И вотъ является предположеніе существованія таинственныхъ силъ природы, является поклоненіе имъ, и результатомъ его философскія построенія, въ которыхъ главнымъ содержаніемъ являются именно эти силы и которыя ставятъ себѣ задачей проникнуть въ природу этихъ силъ. Всѣ соотвѣтствующія объясненія существующаго, произвольныя построенія, фантастическія предположенія и составляютъ, по Гроту, то соединеніе идей и воззрѣній, которое называется мистицизмомъ.

Но на этой точкѣ зрѣнія человѣкъ не останавливается: онъ постепенно начинаетъ находить реальную связь явленій, и то, что казалось ему таинственнымъ, начинаетъ объясняться просто и естественно. Характеристической чертой этой стадіи развитія яв-

яется то, что здѣсь человѣкъ еще вполне довѣряетъ своимъ случайнымъ опытамъ и размышленіямъ, не относится къ нимъ съ критикой и сомнѣніемъ—это—*догматизмъ*.

Но и догматизмъ, соединенный съ вѣрою въ непосредственный опытъ, продолжаться долго не можетъ. Является сознание цѣлаго ряда противорѣчій въ процессѣ сознанія, недовѣріе къ силамъ человеческого ума, какъ реакція противъ чрезмѣрнаго довѣрія къ нимъ. Является скептицизмъ, логическій продуктъ догматизма, доведеннаго до крайности.

Но и скептицизмъ тоже не можетъ долго продолжаться, съ одной стороны въ силу особенности человеческого ума, который, по самой своей организаціи, стремится проникнуть въ скрытыя отношенія вещей,—съ другой стороны, въ силу практической потребности человеческого познанія найти принципы нравственнаго поведения. Недовѣріе къ силамъ познающаго субъекта разрѣшается яснымъ противоположеніемъ человеческого ума всей остальной природѣ и разрѣшается въ концѣ концовъ убѣжденіемъ, что человеческій умъ не можетъ быть такъ устроенъ, чтобы онъ не могъ познавать міра; онъ долженъ обладать средствами, которыя привели бы къ примиренію всѣхъ противорѣчій; онъ есть самъ по себѣ сила, которой нужно довѣряться, которую можно противопоставить внѣшнему чувственному опыту, объясняющему всѣ упомянутыя противорѣчія. Такъ является раціонализмъ—логическій выходъ изъ скептицизма.

Но раціонализмъ является выходомъ далеко не окончательнымъ: раціонализмъ доходитъ въ концѣ концовъ до абсурдовъ и произвольностей, такъ что необходимо является реакція. Преувеличеніе цѣны ума, мысли въ познавательномъ процессѣ,—убѣжденіе, что умъ способенъ непосредственно созерцать истину, приводитъ къ слишкомъ большому довѣрію къ его показаніямъ, и это излишнее довѣріе отражается на строеѣ философскихъ ученій, приводитъ къ такимъ міросозерцаніямъ, въ которыхъ—масса произвольнаго, случайнаго. Когда произвольность и вообще незаконность многихъ выводовъ раціонализма замѣчается, когда замѣчается невозможность при помощи од-

ного ума, безъ помощи чувственнаго опыта, построить истинное представленіе о мірѣ, тогда является новый скептицизмъ, такъ сказать, частный: скептическое отношеніе къ силамъ отрѣшеннаго отъ опыта ума, вмѣстѣ съ потребностью разъяснить вообще степень возможности и предѣлы познанія природы вещей помощью наличныхъ средствъ человѣческаго сознанія, вмѣстѣ съ потребностью отдать себѣ отчетъ въ познавательныхъ процессахъ; является потребность разсматривать всю познавательную дѣятельность, какъ цѣлое, и связать представленіе объ отдѣльныхъ познавательныхъ функціяхъ въ органическую связь другъ съ другомъ; плодомъ такого стремленія является критицизмъ—новый типъ философскихъ построеній.

Критицизмъ стремится указать предѣлы познавательной дѣятельности, далѣе которыхъ человѣческій умъ идти не можетъ. Но когда въ результатѣ признана предѣльность познавательныхъ средствъ человѣка, невозможность рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ человѣческаго ума, когда явилось сознаніе конечности человѣческой мысли, тогда философія устремляется на изученіе конкретно-данной дѣйствительности, является потребность точно обосновать изученіе этой конкретно-данной дѣйствительности, поставить въ основу познанія изученіе явленій, а не того, что лежитъ за ними и недоступно опыту: плодомъ критицизма является эмпиризмъ, какъ совокупность такихъ философскихъ построеній, которыя стремятся основываться исключительно на опытѣ. Такъ по нашему автору замыкается философское развитіе.

Но теперь является вопросъ: оканчивается ли развитіе философіи въ эмпиризмѣ? Гротъ рѣшительно отрицаетъ это. Если бы человѣкъ былъ существомъ только теоретически познающимъ, если бы онъ только ощущалъ, познавалъ и умствовалъ, то на этомъ дѣло, пожалуй, и остановилось бы. Но все дѣло въ томъ, что рядомъ съ объективнымъ строемъ въ человѣческомъ сознаніи, есть строй субъективный; рядомъ съ объективными потребностями ума есть потребности субъективныя, которыя вскорѣ оказываются не удовлетворенными. Когда же

оказывается на дѣлѣ, что эмпирический методъ можетъ лишь постепенно, медленно, лишь послѣ вѣковой работы привести къ окончательнымъ результатамъ, когда оказывается, что всякая система, основанная на опытѣ, должна быть неполной, когда субъективная неудовлетворенность все болѣе и болѣе растетъ, тогда, по нашему мыслителю, снова является необходимость выйти за предѣлы опыта, является вновь обращеніе къ тому, что называется сверхчувственнымъ міромъ, является предположеніе, что такой сверхчувственный міръ существуетъ, что онъ управляется особыми силами и т. под. Такимъ образомъ, эмпиризмъ, въ силу субъективныхъ потребностей человеческого сознанія, приводитъ опять къ мистицизму. Начинается новый кругъ мировоззрѣній, который отличается отъ прежняго лишь большею глубиною, но въ общемъ обнаруживаетъ тѣ же моменты развитія мысли человѣка.

Таковы по Гроту главные типы философскихъ построеній въ разные эпохи и такова послѣдовательность въ нихъ смѣнѣ. Нашъ авторъ старается доказать вѣрность своихъ выводовъ историческими ссылками. Онъ указываетъ въ исторіи философіи смѣну перечисленныхъ нами моментовъ.

- 1) Мистицизмъ господствовалъ на Востокѣ и въ Греціи, до момента возникновенія собственно философскихъ системъ.
- 2) Догматизмъ—въ греческой философіи.
- 3) Средневѣковая философія, вмѣстѣ съ новой философіей перваго времени, представляетъ собою эпоху скептицизма.
- 4) Въ лицѣ Декарта и мистиковъ XVII и XVIII в. господствовалъ рационализмъ.
- 5) Съ Канта началась критическая философія.
- 6) Послѣ же него приобрѣла господство эмпирическая философія (Кантъ, Льюисъ, Гербартъ, Бенеке и др.). Итакъ, во всей исторіи философіи всѣ указанные моменты смѣнились по одному разу. Но и въ каждомъ отдѣльномъ періодѣ можно указать повтореніе тѣхъ же моментовъ. Такъ, напр., въ греческой философіи изъ мистицизма древнихъ теогоній и космогоній вышелъ догматизмъ элейцевъ и пифагорейцевъ; изъ нихъ же догматизма, какъ реакція, вышелъ скептицизмъ

софистовъ: выходя же изъ скептицизма софистовъ, явился рационализмъ Сократа и Платона; но этотъ рационализмъ въ лицѣ Аристотеля создалъ перваго критическаго. Критицизмъ же породилъ философію удовлетворенія лишь практическихъ интересовъ: эмпирическія (по задачѣ философіи) школы эмпикурейцевъ, стоиковъ и др. родственныхъ имъ направлений. Въ дальнѣйшемъ ходѣ философскихъ системъ нашъ авторъ усматриваетъ круговоротъ. Такъ, съ 1 в. до Р. Хр. начинается вновь обнаруживаться склонность къ мистицизму; являются Филонъ, Плотинъ, новопиетагорейцы, неоплатоники. Начинается новое религіозное движеніе, и въ связи съ нимъ зарождаются новыя формы мистической философіи, новыя мистическія построенія, которыя въ концѣ концовъ разрѣшились средневѣковымъ догматизмомъ и т. д., снова тотъ же круговоротъ. Итакъ, заключаетъ Гротъ, какъ вообще во всей исторіи философіи, такъ и въ отдѣльныхъ періодахъ ея, наблюдаются одни и тѣ же послѣдовательные моменты развитія мысли. Но чѣмъ объяснить это явленіе? Въ чемъ его смыслъ и заботы? Во второй статьѣ „Основныхъ типовъ“ авторъ и старается объяснить это явленіе. „Коллективная человѣческая мысль, говоритъ онъ, слагается на основахъ развитія мысли индивидуальной; мысль народа есть мысль большинства личностей, составляющихъ народъ. Если же такъ, если же коллективная мысль есть лишь сумма мыслей индивидуальныхъ, то вопросъ о смѣнѣ извѣстныхъ фазисовъ въ развитіи мысли коллективной въ концѣ концовъ окажется вопросомъ о смѣнѣ извѣстныхъ фазисовъ въ развитіи мысли суммы индивидуумовъ, взятыхъ вмѣстѣ. А если такъ, то является вопросъ, какіе же законы обуславливаютъ смѣну фазисовъ въ развитіи мысли индивидуумовъ, какіе законы обуславливаютъ то или другое направленіе умственнаго творчества отдѣльнаго человѣка? Такихъ законовъ, разъясняетъ нашъ авторъ, есть два: законъ подражательности или ассимиляціи, и законъ реакціи, или сопротивленія. Этими двумя главными законами и сочетаніемъ ихъ и объясняется смѣна моментовъ индивидуальной и общей философской мысли. Но тотъ фактъ, почему въ извѣстную

эпоху преобладаетъ одно міровоззрѣніе, а въ другую—другое, этими законами еще не объясняется. Для объясненія этого факта требуется еще найти дополнительные законы развитія идей въ исторіи философіи. Новѣйшая теорія развитія даетъ указанія на тѣ законы, которые объясняютъ подобное преобладаніе. Теорія развитія указываетъ, что характеръ тѣхъ или другихъ соціальныхъ явленій опредѣляется двумя принципами: борьбою за существованіе и естественнымъ подборомъ. Имѣютъ ли примѣненіе эти законы въ области идей, въ сферѣ мыслей? Гротъ убѣжденъ, что въ положительномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Въ области идей совершается тоже борьба за существованіе и естественный подборъ. Есть въ каждый моментъ извѣстная философская точка зрѣнія, которая, въ силу условій существованія и вслѣдствіе извѣстнаго состоянія знаній человѣка или народа, имѣетъ болѣе шансовъ на развитіе, чѣмъ другія точки зрѣнія. Несомнѣнно, напр. что въ древнѣйшую эпоху греческой философіи, имѣла болѣе шансовъ на развитіе мистическая точка зрѣнія, потому что для другихъ точекъ зрѣнія не существовало благопріятныхъ условій въ данномъ состояніи знаній человѣческихъ. Въ борьбѣ за существованіе имѣютъ перевѣсъ, побѣждаютъ тѣ воззрѣнія, которыя болѣе приспособлены къ интеллектуальной средѣ, на почвѣ которой они развиваются. Другой дополнительный законъ, это законъ естественнаго подбора: есть умы, болѣе сходные по своей организаціи другъ съ другомъ, и есть умы менѣе сходные. Это сходство и несходство умовъ является факторомъ въ борьбѣ за существованіе между идеями. Если бы такого сходства и несходства не было, то упомянутая борьба совершалась бы съ большимъ однообразіемъ и не достигала бы тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, какихъ она достигаетъ, благодаря этому принципу. Но не только между умами, но и между идеями существуетъ такой же естественный подборъ. Идеи, родственныя въ разныхъ умахъ, путемъ умственнаго обмѣна стремятся соединиться въ одно цѣлое. Извѣстныя міровоззрѣнія, въ первыя минуты элементарныя и невыработанныя, скоро достигаютъ поэтому такого развитія

и живучести, благодаря естественному сродству идей, что на известное время становятся руководителями.

Итакъ, резюмируетъ свои мысли Гротъ, преобладаніе тѣхъ или другихъ міровоззрѣній въ данную эпоху, въ томъ или другомъ народѣ и во всемъ человѣчествѣ, объясняется принципами—борьбы за существованіе и естественнымъ подборомъ идей, между тѣмъ, какъ направленіе индивидуальнаго умственнаго развитія объясняется законами ассимиляціи и реакціи.

Теперь остается еще одинъ вопросъ—насколько во всѣхъ указанныхъ направленіяхъ мысли сказывается именно субъективный строй человѣческой природы, субъективныя настроенія чувства, влеченія, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ народовъ. Нашъ авторъ находитъ не труднымъ доказать, что въ основѣ всѣхъ этихъ направленій философскаго творчества лежатъ субъективныя состоянія сознанія.

Доказательство этого своего тезиса Гротъ начинаетъ съ анализа чувствованій, возбуждающихъ мистицизмъ. Мистицизмъ соотвѣтствуетъ пробужденію въ человѣкѣ умственныхъ и познавательныхъ потребностей, а чрезъ то соотвѣтствуетъ тому состоянію удивленія, которое вызываетъ въ человѣкѣ созерцаніе еще непонятныхъ ему явленій природы. Мистицизмъ и есть философія угнетеннаго, уstraшеннаго этимъ созерцаніемъ, пораженнаго новизною видимыхъ явленій, недоумѣвающего предъ ними душевнаго настроенія; всякое (?) мистическое міровоззрѣніе въ концѣ концовъ основано на чувствѣ страха, робости, приниженности, на субъективномъ стремленіи человѣка найти себѣ опору и прибѣжище въ правильномъ общеніи съ таинственными силами, управляющими природою и единственно способными защищать его противъ тѣхъ случайностей, которымъ безпрестанно подвержены его жизнь и благосостояніе. Поэтому же самому мистицизмъ, по нашему мыслителю, есть философія рабства, аскетизма, эпохи младенчества, когда человѣкъ не способенъ еще справиться ни съ природою, ни съ окружающими его людьми, и потому начинаетъ вѣрить, что вокругъ его дѣйствуютъ какія-то таинственныя, не подчиненныя ему, силы и дѣятели. Догматизмъ

есть, наоборотъ, философія надежды, самоувѣренности, твердаго, спокойнаго настроенія, которое наступаетъ вслѣдъ за подавленностью и сопровождаетъ эпоху юности, пробужденія свободы и силы. Догматизмъ развивался въ тѣ эпохи, когда, съ одной стороны, совершался переходъ отъ деспотіи къ болѣе свободнымъ формамъ жизни, когда, съ другой стороны, открывались новые способы справляться съ явлениями природы и подчинять ихъ своей волѣ, когда являлась у человѣка надежда подчинить вскорѣ себѣ явленія и сдѣлать ихъ источниками своего благоденствія.

Противоположностью догматизму,—философіи юности, свободы, является скептицизмъ—философія разочарованія, отчаянія, уныло-апатичнаго настроенія. Эта философія усталости, подавленности, является тогда, когда въ человѣкѣ, вслѣдствіе повесенныхъ имъ утратъ, неудачъ и разочарованій въ борьбѣ съ природою, разбилась увѣренность и надежда, что онъ справится съ условіями окружающей его среды; поэтому же скептицизмъ сопровождаетъ поворотныя, критическія эпохи, какъ въ развитіи наукъ, такъ и въ развитіи соціальнаго строя жизни, эпохи, характеризующія кривисъ, переходъ отъ юности къ зрѣлости. Рационализмъ есть философія возстановленной умственной гармоніи, приобрѣтеннаго вновь равновѣсія душевныхъ силъ; онъ соотвѣтствуетъ тому состоянію спокойствія, которое сопровождаетъ первыя эпохи зрѣлости человѣческой мысли въ общественной и индивидуальной жизни, эпохи установленія устойчивыхъ отношеній въ области соціальной и въ области взаимодѣйствія человѣка съ природою. Поэтому рационализмъ сопровождается возстановленнымъ довѣріемъ человѣка къ силѣ своей воли, направленной сознательно къ извѣстной цѣли. Но это чисто субъективное состояніе довѣрія сопровождается преувеличеніями, которыя опять вызываютъ новую реакцію. Когда человѣкъ извѣрился въ чрезмѣрной и абсолютной силѣ своего ума и своей воли при наличныхъ способахъ борьбы съ природою и съ соціальнымъ неустройствомъ, тогда онъ дѣлается склоннымъ вновь допустить сомнѣніе въ своемъ могуществѣ; и этотъ синтезъ частнаго сомнѣнія и ча-

стой увѣренности, синтезъ скептицизма и рационализма, даетъ въ результатъ критицизмъ. И въ этомъ міровоззрѣніи основа, главнымъ образомъ, субъективная, потому что оно (міровоззрѣніе) соотвѣтствуетъ извѣстному строю интеллектуальныхъ и нравственныхъ чувствъ человѣка, оно соотвѣтствуетъ извѣстной гармоніи между увѣренностью человѣка въ его силы и недоувѣріемъ къ этимъ силамъ, которое обуславливается сознаниемъ невозможности достигнуть сразу совершенныхъ знаній и совершеннаго соціального устройства, сознаниемъ ограниченности и относительности своего могущества. Наконецъ, эмпиризмъ есть философія окончательной зрѣлости и старости, охлажденія и равнодушія, философія, вызванная тѣмъ настроеніемъ, которое возникаетъ, когда человѣкъ, вслѣдствіе критической повѣрки средствъ, которымъ онъ обладаетъ для того, чтобы передѣлать дѣйствительность, убѣдился, что средства эти хороши лишь въ условномъ смыслѣ и что, отбросивъ слишкомъ широкія и неосуществимыя, утопическія задачи, онъ долженъ терпѣливо и кропотливо сосредоточиться на частной, спеціальной дѣятельности.

Но и эмпиризмъ не есть міровоззрѣніе, сопровождающее окончательное разложеніе мысли и силъ человѣка. Въ послѣднюю эпоху существованія, эпоху дряхлости, старости, народы снова впадаютъ въ мистицизмъ, въ младенческое, дѣтское состояніе угнетеннаго, недоумѣвающаго настроенія. Подобно тому, какъ каждая личность, прожившая полную жизнь, въ свою послѣднюю фазу существованія возвращается къ исходной точкѣ, т. е., снова впадаетъ въ дѣтство, такъ и мысль человѣка въ своей послѣдовательной эволюціи опять возвращается въ состояніе, въ которомъ она находилась въ исходномъ моментѣ своего развитія.

Итакъ нашъ авторъ находитъ, что нѣтъ данныхъ сомнѣваться въ томъ, что въ основѣ всѣхъ указанныхъ типовъ міровоззрѣнія лежатъ субъективныя настроенія и чувства человѣка. И подобно тому, какъ въ жизни цѣлаго человечества смѣняются послѣдовательно всѣ 6 типовъ философскихъ настроеній, такъ и въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка пере-

живаются всѣ эти типы. Въ эпоху младенчества человѣкъ склоненъ къ мистицизму: потому-то часто встрѣчается въ людяхъ, начинающихъ приходить къ самосознанію, настроеніе мистически—религіозное, которое сопровождается смутнымъ стремленіемъ къ самосовершенствованію. Затѣмъ слѣдуетъ эпоха самоувѣренности, эпоха догматизма, которая характеризуетъ юность каждаго человѣка, мыслящаго и развивающагося. За этой эпохой, на поворотѣ отъ молодости къ зрѣлости,— слѣдуетъ часто періодъ разочарованія, апатіи (скептицизмъ), а затѣмъ наступаетъ періодъ зрѣлости, когда человѣкъ восстанавливаетъ гармонію въ своемъ субъективномъ строѣ, приобретаетъ сознательное довѣріе къ своимъ силамъ, начинаетъ вѣрить въ свой умъ (раціонализмъ). Но въ этомъ довѣрїи къ своему уму, къ своимъ силамъ, есть всегда нѣкоторое преувеличеніе, которое устраняется критицизмомъ, соответствующимъ второму періоду зрѣлости индивидуумовъ и представляющимъ собою, такъ сказать, послѣдніе итоги повѣрки своихъ знаній, силъ и стремленій. Наконецъ, окончательно достигнувъ извѣстнаго міровоззрѣнія, человѣкъ въ зрѣлые годы начинаетъ примѣнять свои принципы къ частностямъ и подробностямъ, становится эмпирикомъ, склоннымъ отрицать всякіе метафизическіе вопросы. И нашъ актеръ находитъ, что каждый человѣкъ, если только онъ вникнетъ въ свое умственное прошлое и настоящее, способенъ будетъ болѣе или менѣе ясно опредѣлить ту эпоху, въ какой онъ находится. „И мнѣ кажется, заключаетъ онъ ¹⁾, что я переживаю нынѣ періодъ скептицизма, переходъ отъ догматическаго настроенія къ раціоналистическому, насколько послѣднее возможно при томъ строѣ знаній и стремленій, какія находятся у меня на лицо“. Обосновывая далѣе субъективность основъ философскихъ міровоззрѣній, Гротъ находитъ, что эта субъективность доказывается не только анализомъ общихъ точекъ зрѣнія, на которыхъ становилась философія, но и анализомъ разныхъ частныхъ направленій. Такъ матеріализмъ проявляется въ людяхъ холоднаго темперамента, живущихъ болѣе умомъ, нежели

¹⁾ Р. Б. 1884, 9, 436.

сердцемъ; спиритуализмъ соотвѣтствуетъ преобладанію въ человѣкѣ нравственныхъ эмоцій. Теизмъ по Гроту обуславливается (будто?) преобладаніемъ въ душевномъ строѣ индивидуальныхъ эгоистическихъ чувствъ и потому-то онъ болѣе (?) соотвѣтствуетъ нравственному строю малоразвитаго въ социальномъ отношеніи человѣчества ¹⁾. Пантеизмъ, наоборотъ, обнаруживается преобладаніемъ социальныхъ, альтруистическихъ чувствъ (?) и пантеистами, въ противоположность теистамъ, бывали исключительныя по развитію и широтѣ своихъ общественныхъ симпатій личности: имъ доступно было широкое сочувствіе ко всему живому, къ природѣ въ ея цѣломъ,—совершенно непонятное для заурядныхъ натуръ.

Но еще яснѣе субъективное основаніе философскихъ міровоззрѣній въ практической области въ области нравственности. Гротъ беретъ въ примѣръ ученіе интуитивистовъ и утилитаристовъ. Люди, бывшіе по преимуществу альтруистами, склонные жертвовать собою на пользу ближнихъ, имѣли всегда болѣе склонности къ интуитивистической точкѣ зрѣнія въ морали. Напротивъ того, утилитаристы стояли всегда болѣе на почвѣ чувствъ эгоистическихъ. Они олицетворяли собою протестъ человѣческой природы противъ тѣхъ, иногда безплодныхъ жертвъ, какія требовалъ въ ту или другую эпоху несовершенный социальный строй. Синтезъ той или другой точки зрѣнія соотвѣтствуетъ синтезу чувствъ альтруистическихъ и эгоистическихъ въ отдѣльной личности, моральному ученію современнаго эволюціонизма. Наконецъ, въ оптимизмѣ и пессимизмѣ сказывается контрастъ преобладанія состояній пріятныхъ и непріятныхъ. Лица, испытывающія болѣе страданій, нежели удовольствій, склонны къ пессимизму и наоборотъ. Такимъ образомъ, по нашему мыслителю, всѣ существующія разграниченія понятій, соотвѣтствующихъ разнымъ типамъ философскихъ построеній, могутъ быть объяснены на почвѣ субъективныхъ настроеній и чувствъ человѣка. Вслѣдствіе же такой субъективной основы, всѣ міровоззрѣнія находятся другъ съ другомъ въ большемъ или меньшемъ родствѣ или:

¹⁾ Р. В. 1884, 9, 437.

антагонизмъ, т. е., склонны сочетаться въ одно цѣлое, или, напротивъ, исключать другъ друга. Ихъ объединяютъ въ одно цѣлое, или рѣзко раздѣляютъ другъ отъ друга, именно чувства и субъективныя влеченія человѣческой природы. И Гротъ находитъ, что до тѣхъ поръ, пока эти субъективныя состоянія будутъ оказывать вліяніе на мысли человѣка, до тѣхъ поръ будутъ плодиться и новыя философскія мировоззрѣнія. А это вліяніе, по нашему мыслителю, можетъ прекратиться лишь съ полной эмансипаціей мысли человѣка отъ чувствъ, съ полнымъ развитіемъ человѣческаго сознанія и самосознанія, съ окончательною побѣдою идейныхъ началъ надъ эмоціональными, съ развитіемъ абсолютной свободы, подчиненіемъ ея исключительно однимъ лишь идейнымъ началамъ. Но здѣсь естественно у нашего автора возникаетъ вопросъ: „Но можетъ ли подобная перспектива когда либо осуществиться?“ Едва ли, отвѣчаетъ авторъ ¹⁾, такое состояніе достижимо, а если оно и можетъ быть удѣломъ человѣчества, то лишь въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Теперь же Гротъ считаетъ лишь возможнымъ, сказать, что еще долго, въ теченіе всего времени, какое мы можемъ обозрѣть своимъ воображеніемъ, *чувство* будетъ все таки въ той или другой степени *влиять* на мысль, и вмѣстѣ съ тѣмъ философскія мировоззрѣнія будутъ по прежнему жить, развиваться и смѣнять другъ друга“. Этимъ и заканчивается излагаемая нами статья Грота. Выясняя значеніе этой статьи въ общемъ ходѣ своего развитія, Гротъ говоритъ, что онъ „въ Основныхъ типахъ философскихъ построеній“ довольно точно и опредѣленно обосновалъ связь философскихъ построеній съ чувствомъ, признавъ ограниченное число этихъ построеній и зависимость ихъ отъ преобладанія различныхъ чувствъ въ извѣстныхъ эпохи и у извѣстныхъ людей, а также неизбежную смѣну или круговоротъ философскихъ освѣщенныхъ дѣйствительности въ исторіи мысли всего человѣчества, всякаго народа и отдѣльнаго человѣка.

Это положеніе Грота имѣло большое значеніе для послѣдующихъ работъ ²⁾. Изъ него вытекала относительная закон-

¹⁾ Р. Б. 1884, 9, 440.

²⁾ См. здѣсь опять указ. самого Грота (Пр. Об. 1886 г. 12, 801 стр.).

ность каждаго философскаго мировоззрѣнія, и оставался лишь одинъ шагъ до признанія возможности такого философскаго ученія, которое, опираясь на синтезъ разнообразныхъ чувствъ и соотвѣтствуя извѣстной гармоніи и полнотѣ ихъ, исчерпывало бы до дна субъективныя потребности человѣка и соотвѣтствовало бы дѣйствительной субъективной внутренней цѣнѣ самыхъ вещей и міра. Но прежде, чѣмъ сдѣлать рѣшительный шагъ къ признанію этого положенія, Гротъ еще разъ выпускаетъ въ свѣтъ статью, разработывающую вопросъ въ духѣ позитивной науки. Это—статья: „Въ вопросу о классификаціи наукъ“. Въ вопросѣ о классификаціи наукъ Гротъ вполне примыкаетъ къ позитивизму; свою классификацію онъ обосновываетъ, выходя изъ Кюнта и Спенсера. Задача классификаціи наукъ, по нашему мыслителю, состоитъ отнюдь не въ томъ, въ чемъ ее полагали многіе изъ прежнихъ философовъ,—въ возможно—гармоническомъ распредѣленіи уже существующихъ названій наукъ. Гротъ находитъ, что эти названія возникли случайно, подъ вліяніемъ временныхъ и чисто субъективныхъ условій научной дѣятельности. И потому пытаются отыскать необходимую органическую связь тамъ, гдѣ дано только случайное механическое соединеніе,—безнадѣжная, да и бесполезная задача. Научная классификація наукъ должна, по нашему автору, искать своихъ принциповъ въ изслѣдованіи самихъ явленій природы, въ ихъ естественной системѣ, а не въ разсмотрѣніи признанныхъ до сего времени категорій наукъ и знаній. А такъ какъ наука есть одна изъ разнородныхъ „дѣятельностей“ человѣка, регулируемыхъ закономъ психологическимъ, то по Гроту научная классификація наукъ должна быть обоснована на принципахъ психологическихъ, въ частности, на тѣхъ, которые относятся къ теоріи познавательныхъ процессовъ человѣка. Другими словами, она, по нашему мыслителю, должна быть результатомъ изслѣдованія различныхъ моментовъ познавательной дѣятельности человѣка въ ихъ связи съ естественной системою объектовъ этой послѣдней. Слѣдовательно, задача классификаціи наукъ есть задача психологическая, но вмѣстѣ съ тѣмъ, она разрѣшима

только на почвѣ общаго ученія о природѣ, о системѣ явленій природы и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, т. е., на почвѣ естествознанія въ обширномъ значеніи этого слова. Опредѣливши характеръ задачи классификаціи наукъ, Гротъ опредѣляетъ далѣе главнѣйшій принципъ классификаціи наукъ. Такимъ главнымъ, принципомъ по Гроту является единство и неразрывность науки. Наука, едина и неразрывна, какъ съ господствующей въ наше время психологической точки зрѣнія, съ которой она представляется однороднымъ и органически связаннымъ, по своимъ приемамъ и задачѣ, видомъ человѣческой дѣятельности,—такъ и съ распространенной нынѣ физической, или естественно-научной точки зрѣнія, признающей единство и цѣльность всей природы, насколько она является „объектомъ“ научнаго познанія. Поэтому, если и можно дѣлать и дробить единую и неразрывную въ своихъ частяхъ науку, то лишь условно, чисто логически, такимъ же способомъ, какимъ логически разчленяется идея организма, идея сознанія и т. д.; въ сущности же, повторяетъ нашъ авторъ, наука едина, однородна и неразрывна. Это по Гроту—главный принципъ классификаціи наукъ. Но есть и частные принципы; они двухъ родовъ—физическіе и психологическіе. Наука должна разчленяться: въ 1-хъ, сообразно своему объективному содержанию, т. е., сообразно со свойствами и отношеніями предметовъ, ею изслѣдуемыхъ, и во 2-хъ, сообразно своему внутреннему строенію, т. е., сообразно психологическимъ моментамъ научнаго анализа, направленнаго на объекты одного и того же порядка. Эти два расчлененія научнаго организма должны, по нашему мыслителю, тѣсно переплетаться другъ съ другомъ, и слѣдовательно, внѣшняя и внутренняя, экстроспективная (объективная) и интроспективная (субъективная) точки зрѣнія въ расчлененіи должны постоянно идти рука объ руку. Это и составляетъ второй общій принципъ для классификаціи наукъ, выведенный изъ анализа связи и отношенія принциповъ.

Но этотъ принципъ до сихъ поръ еще недостаточно ясно сознавался. Нашъ авторъ и доказываетъ это исторією вопроса ¹⁾. Итогъ этихъ взглядовъ тотъ, что до Конта собственно

¹⁾ 339 стр. и слѣд. (Р. В. 1864 г. XI, „Къ вопросу о классификаціи наукъ“).

не было заслуживающей вниманія классификація наукъ; Контъ далъ первый опытъ вполне сознательной и научной классификаціи знаній. Второй опытъ былъ предложенъ Спенсеромъ. По мнѣнію нашего мыслителя эти двѣ классификаціи—контъовская и спенсеровская, представляютъ собою все, что наука дала до сихъ поръ цѣннаго и серьезнаго въ этой области, такъ какъ всѣ другіе опыты классификаціи наукъ, послѣ появленія философіи Конта, или возвращаются къ прежнимъ ненаучнымъ принципамъ (напр. Амперъ, Дюрингъ), или же представляютъ только нѣкоторую переработку этихъ двухъ классификацій (напр. Бэнъ). Гротъ и ограничивается разборомъ только этихъ двухъ лучшихъ классификацій. Главное различіе между ними то, что у Конта преобладаетъ объективный, физическій критерій, а у Спенсера—субъективный, внутренний. Критикуя классификацію Конта и Спенсера, нашъ авторъ приходитъ къ тому выводу, что изъ классификаціи Конта можетъ быть взяты только общій принципъ—іерархіи знаній, а у Спенсера можно взять его психологическую точку зрѣнія—различіе абстрактныхъ, конкретныхъ и смѣшанныхъ научныхъ идей и стремленій, и обозначеніе особыми терминами наукъ, въ которыхъ обнаруживается это различіе содержанія идей. Но въ общемъ Гротъ находитъ обѣ эти классификаціи далеко не удовлетворительными и пытается самъ исправить и объединить обѣ эти классификаціи въ одной общей системѣ, руководствуясь обоими принципами: (объективнымъ) принципомъ развитія явленій природы, независимо отъ нашего сознанія, и (субъективнымъ) принципомъ развитія нашихъ идей въ процессѣ познанія этихъ явленій природы. Нашъ авторъ и находитъ, что по первому изъ этихъ принциповъ всѣ міровыя явленія можно раздѣлить на три класса: 1) неорганическія, 2) органическія и 3) надорганическія. Каждый изъ этихъ классовъ можно въ свою очередь раздѣлить на двѣ группы: первый—на космическую и геологическую, второй—на фитоологическую (растительную) и зоологическую, и третій—психологическую и соціоло-

тическую. Такимъ образомъ, по Гроту получается слѣдующая основная (съ физической точки зрѣнія) іерархія наукъ:

I. Науки о неорганическихъ явленіяхъ—Космологія, Геологія.

II. Науки объ органическихъ явленіяхъ—Фитологія, Зоологія.

III. Науки о надорганическихъ явленіяхъ—Психологія, Соціологія.

Нашъ авторъ указываетъ на то, что это основное разчлененіе содержанія науки отличается совершеннымъ единствомъ принципа и простоты, но именно въ силу этой особенности въ этой классификаціи и не встрѣчается такихъ названій наукъ, какъ математики, астрономіи, химіи, физиологіи. Всѣ эти названія обозначаютъ собою науки болѣе спеціальнаго характера и получаются при дальнѣйшемъ разчлененіи 6 основныхъ наукъ съ точки зрѣнія психологической. Основую же психологической точки зрѣнія является тотъ психологическій процессъ идей и знаній отъ конкретныхъ къ абстрактнымъ, который отражается на составѣ каждой объективно-раздѣльной науки. Съ этой точки зрѣнія, естественная послѣдовательность наукъ будетъ слѣдующая:

1) Науки конкретныя	}	индуктивныя.
2) Науки конкретно-абстрактныя		
3) Науки абстрактныя	}	индуктивно-дедуктивныя.
4) Науки абстрактно-конкретныя		

Такое распредѣленіе наукъ опредѣляется, по Гроту, тѣми *четырьмя* стадіями, чрезъ которыя проходитъ каждая отдѣльная наука въ своемъ развитіи.

Первою—низшею подготовительною стадіею каждой науки, по нашему автору, является обработка конкретныхъ представленій въ конкретныя понятія, или, говоря другими словами, проверка, исправленіе и дополненіе, системы—тѣхъ конкретныхъ понятій, которыя образовались въ человѣческомъ умѣ подъ вліяніемъ внѣ и до научнаго ознакомленія съ природою. Эту задачу, въ предѣлахъ каждой области знаній, и выполняютъ науки конкретныя, собирающія, описывающія и классифицирующія матеріалъ, т. е., наличные факты научнаго опыта.

Вторая стадія научной дѣятельности—это переработка конкретных понятій въ отвлеченныя,—искусственныя расчлененія, и анализъ содержанія конкретных понятій, въ видахъ провѣрки исправленія и дополненія образовавшихся въ чловѣческомъ умѣ, путемъ донаучнаго опыта, отвлеченныхъ понятій. Эту задачу и выполняютъ науки конкретно-абстрактныя, т. е. науки, матеріалъ которыхъ является еще конкретнымъ, продукты же абстрактными.

Третью стадію научной работы,—составляетъ переработка отвлеченныхъ понятій въ самыя отвлеченныя, методически организованныя, научныя идеи, съ цѣлью построенія стройной системы таковыхъ (понятій) и съ цѣлью приобрѣтенія общихъ принциповъ, изъ которыхъ можно бы было дедуцировать совершенное объясненіе всевозможныхъ специальныхъ случаевъ—этимъ занимаются абстрактныя науки. Когда, такимъ образомъ, развитіе научныхъ идей дойдетъ до своей вершины, тогда, по Гроту, начинается обратный путь—отъ абстрактнаго къ конкретному, и объясненіе конкретныхъ явленій съ точки зрѣнія абстрактныхъ принциповъ составляетъ уже задачу наукъ абстрактно-конкретныхъ (4-ая стадія).

Сообразно этимъ четыремъ степенямъ отвлеченности наукъ, нашъ авторъ и расчленяетъ основныя 6 наукъ. Нѣкоторыя изъ этихъ наукъ уже прошли всѣ стадіи своего развитія, другія еще находятся на пути развитія. Такъ, абстрактную,—самую позднюю стадію развитія, прошли науки только въ области космологіи. Въ геологіи, зоологіи и фитоологіи онѣ находятся только въ процессѣ образованія, въ психологіи же и соціологіи—онѣ могутъ быть только предусмотрѣны, какъ долженствующія развиваться. Объектами на послѣдней (абстрактной) стадіи развитія наукъ являются самыя отвлеченныя научныя идеи, къ выработкѣ и опредѣленію которыхъ наука постепенно стремится въ различныхъ своихъ отдѣлахъ. Такъ, въ космологіи такими идеями являются идеи—формы, величины, числа, пространства, времени; въ геологіи,—идеи тѣла, вещества, силы...; въ фитоологіи—идеи существованія, роста,

развитія...; въ психологiи—идеи—сознанія, субъекта, психической эволюціи...; въ социологiи идеи--союза, общества, коллективнаго творчества, прогресса, культуры, искусства, науки и т. д. Гротъ указываетъ на то, что нѣкоторыя изъ этихъ идей, какъ особые предметы изслѣдованія, едва еще намѣчены въ наукѣ, но за то, чѣмъ меньше онѣ были до сихъ поръ доступны научному опредѣленію, тѣмъ съ большимъ упорствомъ она стремилась предугадать и опредѣлить ихъ значеніе путемъ отвлеченныхъ фантазій; философія и является повтому, съ точки зрѣнія нашего автора, низшей стадіею развитія всѣхъ абстрактныхъ наукъ, вмѣстѣ взятыхъ, и преждевременною попыткою объединенія и законченнаго изложенія ихъ предполагаемаго содержанія, попыткою вполне законною съ субъективной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія чувствованій и стремленій человѣка, но незаконною съ точки зрѣнія объективной, научной. Вслѣдствіе же такого пониманія, нашъ авторъ и отказывается считать философію наукою, а признаетъ ее только высшимъ отвлеченнымъ „искусствомъ“, иногда вѣрно предугадывающимъ будущія открытія науки, но все-таки субъективнымъ, носящимъ на себѣ печать личности и времени, и потому вовсе не освобождающимъ науку отъ необходимости повторить ту же работу мысли новымъ путемъ и новыми приѣмами. Философія, отрицающая это свое субъективное значеніе и претендующая, несмотря ни на что, быть наукою, и есть по Гроту та метафизика, лженаука, противъ которой боролись лучшіе умы во всѣ эпохи и которая въ древности носила названіе діалектики, а въ средніе вѣка—названіе „схоластики“. Итакъ, самый фактъ существованія философіи говоритъ за то, что абстрактной стадіи науки далеко еще не достигли; но все-таки и эта, самая отвлеченная стадія, возможна для всѣхъ наукъ. Приводя въ единство всѣ важнѣйшія расчлененія содержанія науки, Гротъ даетъ слѣдующую общую классификацію наукъ, исчерпывающую всѣ возможныя стадіи и все содержаніе человѣческаго знанія (см. таблицу этой классификаціи на слѣдующей страницѣ).

Наука:	А) Конкретныя	Б) Конкретно-абстрактныя	В) Абстрактныя	Г) Абстрактно-конкретныя.
Космологія	Космографія	Космогонія-мегагологія (о величинахъ) и кинесеологія.	Схеματοлогія (высшая математика) Гилологія (Наука о веществѣ вообще)	Космономія Геономія
Геологія	Географія	Геогонія - соматологія (химія) и динамологія (физика)	Онтологія (біологія растеній и животныхъ)	Фитономія Зоономія
Фитологія	Фитографія	Фитогенія (морфологія—анатомія растеній) и блястанологія(физиологія растеній)	Біологія	
Зоологія	Зоографія	Зоогенія (органологія—анатомія животныхъ и физиологія)	Ноологія (наука о сознаниі вообще)	Психономія Соціономія
Психологія	Психографія	Психогенія (естесеологія (психостатика) и психоматологія (или психодинамика))	Демологія (наука объ обществѣ вообще)	
Соціологія	Соціографія	Соціогенія (еесмологія соціостатика) и ергасіологія (или соціодинамика).		

Такова первая русская позитивно-эволюціонная (по названію, данному классификаціи самимъ авторомъ) классификація наукъ.

Составивъ означенную классификацію, Гротъ старается представить нѣкоторыя дополнительныя соображенія въ пользу ея. Такъ какъ эта классификація главнымъ принципомъ имѣетъ (какъ мы уже указывали) единство и неразрывность, однородность наукъ, а единство, однородность науки имѣетъ своимъ основаніемъ единство и однородность источника бытія, то нашъ авторъ и старается доказать единство обоихъ источниковъ знанія—внутренняго и внѣшняго опытовъ. Свои доказательства въ пользу этого онъ выражаетъ въ 4-хъ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) между внѣшнимъ и внутреннимъ опытомъ нѣтъ рѣзкой противоположности и строгихъ границъ: различіе того и другого для современнаго психолога совершенно условно. 2) Нѣтъ области знанія и, слѣдовательно, науки, которая могла бы быть создана иначе, какъ при совмѣстномъ участіи внѣшняго и внутренняго опыта въ различныхъ пропорціяхъ и отношеніяхъ. 3) Развитіе методовъ познанія, завися отъ развитія и отношенія соотвѣтствующихъ явленій, есть развитіе столько же внѣшняго, сколько и внутренняго опыта, параллельно и въ ихъ согласіи другъ съ другомъ. 4) Науки психологическія и соціологическія, трактующія главнымъ образомъ, но не исключительно, о человѣкѣ, отличаются отъ наукъ космологическихъ, геологическихъ, филологическихъ и зоологическихъ не противоположностью своихъ методовъ, основанныхъ будто бы на противоположности внѣшняго и внутренняго опыта, а лишь большею сложностью соединенныхъ и интегрированныхъ въ одно неразрывное цѣлое другъ съ другомъ методовъ внутренняго и внѣшняго опытовъ. Примѣромъ такой интеграціи Гротъ и считаетъ свою классификацію наукъ, построенную на объединенныхъ принципахъ развитія явленій природы и явленій сознанія (идей), причемъ первый извлеченъ преимущественно изъ внутренняго опыта. (Р. Бог. 1884, XII, 12; 613—614 стр.).

На основаніи всѣхъ этихъ тезисовъ—авторъ и ставитъ общую посылку, что во всѣхъ сферахъ познанія внѣшній и

внутренній опыты въ различныхъ формахъ и пропорціяхъ органически связаны другъ съ другомъ и неотдѣлимы другъ отъ друга; иначе говоря, Гротъ утверждаетъ, что источникъ познанія въ сущности одинъ и тотъ же; отсюда прямой выводъ къ единству и однородности науки. А единство и однородность науки и есть тотъ принципъ, который нашъ авторъ стремится, какъ можно крѣпче, обосновать, чтобы имѣть полное право положить его въ основу своей классификаціи наукъ. И такъ какъ этотъ принципъ, по мнѣнію самого автора, вполне обоснованъ, то, очевидно, классификація, построенная на немъ, можетъ считаться также вполне обоснованною. Таковъ послѣдній итогъ изъ дополнительныхъ соображеній автора по поводу его классификаціи наукъ.

Александръ Никольскій.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ МНѢНІИ.

Было бы весьма благодарной темой изслѣдовать, въ какой степени развитіе цивилизаціи въ послѣднее столѣтіе повліяло на психическую жизнь современнаго человѣчества. Кажется, что, вслѣдствіе сообщеній со всѣхъ пунктовъ земного шара о самыхъ разнообразныхъ событіяхъ, живость впечатлѣній, наблюдательность и самостоятельность въ сужденіяхъ ослабѣваютъ въ современномъ обществѣ, а вслѣдствіе получаемыхъ отовсюду извѣстій о происшествіяхъ, несчастіяхъ и преступленіяхъ, сочувствіе къ человѣческимъ страданіямъ уменьшается и равнодушіе къ общему благу возрастаетъ. Этому способствуютъ и другія общественныя условія, какъ-то: преобладаніе матеріальныхъ интересовъ, молніеносная быстрота, съ которой телеграфъ разноситъ по всему свѣту всякаго рода новости, легкость передвиженія, вызванная необыкновеннымъ развитіемъ морскихъ и сухопутныхъ средствъ сообщенія и т. под. Событія, которыя 100 лѣтъ тому назадъ занимали вниманіе современниковъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, въ настоящее время возбуждаютъ лишь мимолетный интересъ. Сто лѣтъ тому назадъ еще могла быть рѣчь „объ общественномъ чувствѣ“, „объ общественной совѣсти“. Въ настоящее же время существуетъ только общественное мнѣніе, а совѣсть остается достояніемъ отдѣльныхъ лицъ и лишь самыхъ незначительныхъ кружковъ общества. Тогда выраженіе: „это дѣло совѣсти“ означало такое священное и обязательное дѣло, уклоненіе отъ котораго крайне унижало человѣка, его достоинство и значеніе въ глазахъ общества. Нынѣ же, когда говорятъ: „это

дѣло совѣсти“, то этимъ хотятъ сказать, что это дѣло частное, личное, для общества не имѣющее значенія, что по немъ не слѣдуетъ судить о человѣкѣ и его достоинствахъ. Вотъ тому нѣсколько доказательствъ.

Молодой человѣкъ вступаетъ первый разъ въ общество. Его изящныя манеры, остроуміе, вѣжливость и предупредительность, его артистическіе таланты, которые онъ выказываетъ въ музыкѣ и танцахъ,—все это вызываетъ восторженныя похвалы общества: его называютъ прекраснымъ, умнымъ молодымъ человѣкомъ. Но вотъ солидный мужчина замѣчаетъ, что этотъ блестящій юноша имѣетъ слабости, наклонности и привязанности, которыя портятъ чистоту его сердца. „Это дѣло совѣсти“—отвѣчаютъ ему—„все же онъ прекрасный и достойный молодой человѣкъ“.

Молодой человѣкъ занимаетъ должностное мѣсто и успѣваетъ по службѣ: онъ пользуется уваженіемъ своихъ сослуживцевъ за дѣятельность, проницательный умъ и знаніе дѣлопроизводства. Товарищи въ своемъ кружкѣ описываютъ его достоинства и выставляютъ его въ примѣръ неопытной молодости. „Однако же“, замѣчаетъ одинъ старецъ, „слышно, что онъ нечистъ на руку, что онъ не пренебрегаетъ незаконными средствами обогащенія“. „Это ничего“,—отвѣчаютъ ему,—„это дѣло его совѣсти; главное въ томъ, что онъ умный и дѣловой человѣкъ“.

Молодой человѣкъ ищетъ руки любимой имъ дѣвицы. Онъ успѣлъ зарекомендовать себя предъ любимой особой своимъ умомъ, общественнымъ положеніемъ, связями и богатствомъ. Молодые члены семейства уже порѣшили, что онъ будетъ прекрасный мужъ, т. е., доставить своей будущей женѣ всѣ удовольствія свѣтской жизни. Только одна старушка въ семействѣ беспокоится, что этотъ юноша не религіозенъ, что онъ не посѣщаетъ Божія храма и не уважаетъ обрядовъ и учрежденій православной Церкви. „Помилуйте“—говорятъ старушкѣ молодые члены семейства—„этимъ нечего беспокоиться: это дѣло его совѣсти, и это не мѣшаетъ ему быть хорошимъ мужемъ и доставлять своей женѣ удовольствія хорошаго общества“.

Въ этихъ трехъ случаяхъ, которые, надѣмся, взяты изъ дѣйствительности, дѣло совѣсти разсматривается; какъ нѣчто постороннее для чести и достоинства человѣка, какъ нѣчто, не имѣющее вѣса предъ судомъ общества. Между тѣмъ въ этихъ трехъ случаяхъ, какъ видно само—собою, нарушены обязанности человѣка къ себѣ, къ ближнему и къ Богу. Итакъ нарушеніе главныхъ обязанностей считается дѣломъ, насколько не роняющимъ чести и заслугъ человѣка.

Таковъ судъ общественнаго мнѣнія, которое выигрываетъ великую силу и вліаніе на умы. Что скажутъ въ свѣтѣ? Какъ стануть смотрѣть на меня другіе? Вотъ роковыя вопросы, которые задаютъ себѣ весьма многіе, когда долгъ и совѣсть борются въ нихъ съ мнѣніями и приличіями міра. Всѣ такъ думаютъ; таково общественное мнѣніе—вотъ основаніе для мысли и жизни едва ли не у большинства людей нашего времени. Хотя въ нашемъ обществѣ, какъ всѣ говорятъ, общественное мнѣніе еще не сложилось и отношенія къ нему частныхъ лицъ еще не опредѣлились, но мало видно крѣпкой борьбы частныхъ людей съ ошибочными приговорами этого мнѣнія. Напротивъ, оно влачитъ за собою массу людей, не имѣющихъ собственныхъ убѣжденій и не разсуждающихъ о томъ, куда они идутъ и куда придутъ, только бы ихъ какъ-нибудь не записали въ разрядъ такъ называемыхъ отсталыхъ.

Но слѣпо слѣдовать чужому мнѣнію, хотя бы и общественному, не согласно съ достоинствомъ человѣка, и свойственно лишь людямъ необразованнымъ или малообразованнымъ, которые сознаютъ невозможность выработки самостоятельнаго взгляда по тѣмъ или другимъ вопросамъ, и, во избѣжаніе упрековъ въ непостоянствѣ, охотно прикрываются господствующими въ окружающей ихъ средѣ мнѣніями. Кромѣ того, отъ направленія нашихъ мыслей, откуда бы мы ихъ ни заимствовали, и отъ качества нашихъ дѣлъ, тѣмъ бы они ни опредѣлялись, зависитъ наша судьба, за которую самимъ себѣ и Господу Богу мы одни отвѣчаемъ; общественное мнѣніе, которому многіе раболѣпствуютъ всю жизнь, не освободитъ насъ, конечно, отъ этой отвѣтственности, тѣмъ болѣе, что мы увлекаемся имъ на свой собственный страхъ и

за свой собственный счетъ. Поэтому намъ нужно, на основаніи слова Божія, разъяснить для себя, что такое общественное мнѣніе, каковы его плоды и какъ мы должны къ нему относиться.

Что такое общественное мнѣніе? Конечно, оно не есть мнѣніе цѣлаго человѣчества; не можетъ быть мнѣніемъ и цѣлаго народа, такъ какъ нельзя согласить цѣлый народъ, или каждаго въ немъ человѣка имѣть одно и то же понятіе о каждомъ предметѣ: разномысліе есть неисправимый недостатокъ человѣчества. Итакъ, общественное мнѣніе, по самому точному опредѣленію, есть сужденіе большинства въ известномъ кругѣ людей, выраженіе господствующихъ въ немъ взглядовъ, правилъ и вкусовъ.

По значенію своему общественное мнѣніе напоминаетъ хоръ въ античной трагедіи. Его значеніе въ сферѣ общественной жизни можетъ быть сравнено съ значеніемъ приговора присяжныхъ въ области уголовного суда. Общественное мнѣніе можетъ достигать подавляющаго вліянія на умы. Въ распоряженіи его имѣется цѣлый арсеналъ различныхъ оружій, посредствомъ которыхъ оно можетъ подчинять себѣ отдѣльных лицъ, но главныя его оружія—это восхваленіе солидарныхъ съ нимъ и осмѣяніе тѣхъ, которые расходятся съ его требованіями. Страхъ предъ этими оружіями бываетъ обыкновенно такъ великъ, что весьма многіе единственно на основаніи правильно или ложно составленнаго убѣжденія въ томъ, что общественное мнѣніе произнесло свой приговоръ по тому или иному вопросу, подчиняются безъ всякаго ропота такому вердикту. Равнодушныя натуры не входятъ даже въ дальѣйшую оцѣнку подобныхъ сужденій и повторяютъ выставляемыя общественнымъ мнѣніемъ положенія съ такою же покорностью, съ какою повторяются слова судебной присяги. Слабохарактерные люди, своимъ умомъ дошедшіе до самостоятельнаго воззрѣнія, спѣшатъ признать его ошибочнымъ, какъ только общественное мнѣніе высказалось въ смыслѣ противоположнымъ. Люди осторожныя предпочитаютъ хранить про себя взгляды, несогласныя съ общественнымъ мнѣніемъ, или выжидаютъ для безпрепятственнаго ихъ выраженія болѣе благо-

пріятнаго времени. Когда общественное мнѣніе достигаетъ высшей степени своего могущества, то лишь немногіе, исключительно смѣлыя и сильныя натуры, рѣшаются вступить съ нимъ въ борьбу, во имя своихъ личныхъ убѣжденій. Наоборотъ, въ эпохи поворотовъ въ направленіи общественнаго мнѣнія и возникновенія новыхъ вѣяній, громко раздаются воинственные голоса различныхъ рыцарей словесной и газетной борьбы, объявляющихъ войну общественному мнѣнію, предъ которыми они еще такъ недавно преклонялись. Такова сила и власть общественнаго мнѣнія.

Если бы міръ стремился къ истинѣ, добру и справедливости, то для насъ было бы весьма полезно подчиняться водителству общественнаго мнѣнія: оно могло бы открыть намъ прямой путь къ царству Божію. Но среди христіанства есть міръ, который самъ далекъ отъ духа Христова и удаляетъ отъ него другихъ, образуя среди христіанъ мірское христіанство, сыновъ вѣры превращая въ сыновъ міра. Однако, общественное мнѣніе и при этомъ условіи имѣетъ право на признаніе уже въ виду того, что истина, добро и справедливость даже инстинктивнымъ образомъ дѣйствуютъ въ сознаніи человѣческомъ. Кромѣ того, бываютъ случаи, когда общественное мнѣніе является выраженіемъ общественной совѣсти, съ которой однако отнюдь нельзя смѣшивать его, такъ какъ оно часто можетъ быть и безъ совѣсти. Таково именно было общественное мнѣніе, жертвою котораго сдѣлался Богочеловѣкъ, распятый на крестѣ по гласу всего народа. Но въ общемъ общественное мнѣніе страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что истина и ложь, правда и неправда, добро и зло являются здѣсь по большей части въ нечистомъ смѣненіи и лучшіе элементы господствуютъ по преимуществу только случайно. Отсюда не лишено основанія замѣчаніе, что общественное мнѣніе въ одно и то же время можно уважать и презирать, и что каждый, кто хочетъ сдѣлать что либо въ пользу истины, добра и правды, долженъ ставить себя въ двоякое къ нему отношеніе. По возрѣнію Гоголя, оно достойно уваженія по своей внутренней сущности и презрѣнія—по формѣ своего конкретнаго проявленія. И дѣйствительно, когда совѣсть народа находится, въ

дремлющемъ состояніи, общественное мнѣніе въ большинствѣ случаевъ не заслуживаетъ иного къ себѣ отношенія, какъ презрѣнія, такъ какъ оно вводитъ въ общество массу соблазновъ, располагая своихъ адептовъ къ мірскому образу мыслей, къ заносчивымъ суетнымъ иллюзіямъ. Но, съ другой стороны, гдѣ общественная совѣсть бодрѣе и живѣе, тамъ общественное мнѣніе, получая внушенія отъ совѣсти, согласныя съ высшими религіозно-нравственными началами, несомнѣнно, приноситъ великую пользу обществу и заслуживаетъ поэтому полного уваженія.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ цивилизованныхъ государствахъ общественное мнѣніе такъ или иначе, въ большей или меньшей степени, приноситъ пользу общественной нравственности. Такъ, вся Европа, ведя борьбу противъ жестокаго обращенія съ животными, видитъ въ боѣ быковъ проявленіе грубыхъ животныхъ инстинктовъ, чѣмъ такъ услаждаются испанцы, а Англія вооружается даже противъ практикующей въ наукѣ такъ называемой вивисекціи. Такъ, не говоря уже объ уничтоженіи торговли неграми, во многихъ образованныхъ государствахъ общественное мнѣніе враждебно относится къ дуэли, къ порнографическимъ картинамъ, въ родѣ картинъ „Наны“ Сухорова и „Минуты нѣги“ Ростовскаго, которыя прямо рассчитаны на любострастные инстинкты толпы,—къ разнымъ спекуляторскимъ объявленіямъ, оскорбляющимъ нравственное чувство, въ родѣ тѣхъ, которыя содержатъ, напр., восхваленіе темныхъ ростовщическихъ предпріятій, или одобреніе и пропанду секретныхъ медицинскихъ средствъ и т. под. Къ сожалѣнію, общественное мнѣніе не успѣло во время вооруженія противъ нечестныхъ финансовъхъ пріемовъ, противъ фальсификаціи жизненныхъ средствъ, противъ недобросовѣстности, охватившей въ настоящее время торговый и промышленный людъ. Объ этомъ слѣдуетъ пожалѣть, такъ какъ своевременный судъ общественнаго мнѣнія навѣрное достигъ бы болѣе существенныхъ результатовъ, чѣмъ самое добросовѣстное примѣненіе уголовныхъ законовъ со стороны правительственной власти.

Но какъ ни велики результаты, которыхъ достигло и мо-

зеть достигнуть общественное мнѣніе въ положительномъ направленіи, все же влізніе его въ отрицательномъ направленіи несравненно сильнѣе и сопровождается необыкновеннымъ успѣхомъ. Это объясняется, во 1-хъ, тѣмъ, что гораздо легче большое число людей соединяется на отрицаніи какихъ-либо положеній, чѣмъ обратно, а во 2-хъ, тѣмъ, что въ отрицательномъ направленіи продолжительность воздѣйствія общественнаго мнѣнія обезпечена въ бѣльшей степени, чѣмъ въ положительномъ. Извѣстно, что идеи отрицательнаго свойства легче проникаютъ въ сознаніе, чѣмъ утвержденія положительнаго характера, и не нуждаются для своего поддержанія въ какихъ-либо новыхъ усиліяхъ воли и ума. Но нигдѣ такихъ великихъ успѣховъ въ отрицательномъ направленіи общественное мнѣніе не сдѣлало и не дѣлаетъ, какъ, къ стыду нашему, въ Россіи, въ нашемъ дорогомъ отечествѣ. Оно у насъ, какъ говорятъ, еще не сложилось, а между тѣмъ уже производитъ большія опустошенія въ вѣрованіяхъ, добрыхъ нравахъ и обычаяхъ православныхъ христіанъ. Прослѣдимъ разрушительныя его дѣйствія у насъ по тремъ главнымъ обязанностямъ нашимъ: къ Богу, къ ближнему и къ самому себѣ.

Любовь къ Богу требуетъ, чтобы христіанинъ имѣлъ благоговѣніе предъ Нимъ, не только въ душѣ своей, но и выражалъ это благоговѣніе въ видимыхъ дѣйствіяхъ и знакахъ. Правда, *Богъ есть Духъ: и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духъ и истинѣ* (Іоанн. IV, 24); однакожь это нисколько не исключаетъ обязанности выражать свое богопочтеніе въ наружныхъ знакахъ. Само Свящ. Писаніе повелѣваетъ намъ прославлять Бога *въ душахъ и тѣлесахъ нашихъ, какъ суть Божія* (1 Кор. VI, 20). Въ чувствѣ ревности о славѣ Божіей боголюбивый пророкъ Давидъ восклицаетъ: *молитвы моя воздамъ Господеву предъ всѣми людьми*. Этотъ высокій долгъ возлагаетъ на насъ Самъ Спаситель нашъ: *такъ да просвѣтитъ васъ свѣтъ виизъ предъ человеки, говоритъ Онъ, жо да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесахъ* (Мѣ. V, 16). Истинное чувство благоговѣнія къ Богу, по тѣсной связи души съ тѣломъ, не можетъ не открываться во-внѣ. Съ другой стороны, наружныя дѣйствія

богопочтенія, каковы: крестное знаменіе, поклоны, колѣнопреклоненія и проч. возбуждаютъ и поддерживаютъ чувство благочестія внутренняго. И можно-ли, имѣя въ душѣ любовь къ Богу, отказываться выражать ее открыто предъ всѣми, когда слава Божія должна быть для насъ дороже всего, когда выраженіе чувства благочестія, согласное съ духомъ вѣры и уставами церкви, должно составлять славу и честь для насъ? Однакожь есть много христіанъ, у которыхъ, такъ сказать, не достаетъ духу показаться набожными по-православному, которые боятся, напр., пойти ко всенощной вмѣсто театра или концерта, соблюсти постъ, помолиться предъ столомъ и послѣ стола и т. под. Ихъ смущаетъ и удерживаетъ въ этомъ случаѣ страхъ предъ судомъ людей, водящихся духомъ міра и вносящихъ въ дѣла вѣры модные обычаи вѣка. „Меня назовутъ ханжой, подвергнуть нареканію, какъ человѣка дурного тона или глупца, не понимающаго существа вѣры, если я стану открыто и съ надлежащею правильностью соблюдать всѣ обряды общественнаго богослуженія“, говоритъ иной въ свое оправданіе. Какое неразумное опасеніе! Кто же назоветъ? кто осудитъ? „Шопотъ, хохотня глупцовъ“, по выраженію поэта Пушкина, характеризующаго этими словами общественное мнѣніе? И однакожь изъ-за этого-то шопота, изъ-за этой-то хохотни глупцовъ весьма многіе, забывая угрозу Христа Спасителя *постыдятся* при Своемъ второмъ славномъ пришествіи *стыдящихся Его и словесъ Его въ родъ семъ прелюбодѣицеи и зрѣицеи* (Мар. VIII, 38), положительно перестаютъ креститься, знаменать себя крестомъ, или дѣлаютъ вмѣсто того какія-то неправильныя, не имѣющія смысла, движенія руки, нерѣдко даже не обнаженной. Эта нравственная болѣзнь русскихъ христіанъ нашего времени, которою и пользуются искусно наши враги. „Опомнитесь!“ восклицаетъ преосвященный Никаворъ въ одной изъ своихъ сильныхъ проповѣдей. „У всѣхъ цивилизованныхъ народовъ постыдно отречься отъ историческаго знамени. А крестъ Христовъ—высшее, древнѣйшее, священнѣйшее знамя русскаго царства... Крестъ—наше спасеніе, церкви утвержденіе, побѣдннй знакъ царей, вѣнецъ царскихъ—вѣнца, державы и скипетра, вѣнецъ русскаго государственнаго герба“.

Любовь ко Христу требуетъ, чтобы мы выражали ее въ ревности по вѣрѣ, въ защищеніи истины Христовой отъ враговъ ея, никогда не позволяя себѣ изъ челоукоугодіа, по какимъ-либо земнымъ расчетамъ, измѣнять своимъ вѣрованіямъ даже на словахъ. И христіанинъ, исполненный пламенной любви ко Христу Спасителю, когда иные, къ великому соблазну слабыхъ, подрываютъ и хулятъ спасительныя истины евангельскія, не замедлитъ вооружиться противъ нечестивыхъ мнѣній; онъ пожертвуетъ пріязнью къ себѣ людей ради истины, и сохранивъ всю скромность въ отношеніяхъ къ нимъ, смѣло пойдетъ противъ заблужденія, хотя бы за то подвергся оскорбленіямъ. Что же дѣлаютъ многіе православныя христіане, когда видятъ и слышатъ, какъ гонится и попирается истина Христова?.. Иной и основательно образованъ въ предметахъ вѣры, безъ труда можетъ опровергнуть возраженія мнимыхъ мудрецовъ и хвастливыхъ говоруновъ противъ предметовъ священныхъ; онъ даже проникнуть святыми убѣжденіями и въ сердца чувствуетъ потребность говорить въ пользу истины. Но рабскій страхъ—вооружить противъ себя другихъ, подвергнуться разнымъ укорамъ и двусмысленнымъ колкостямъ останавливаетъ его, заставляетъ молчать или даже присоединять свой голосъ къ голосу другихъ противъ вѣры... Нигдѣ не допускаютъ, чтобы въ обществѣ каждый думалъ, говорилъ, дѣлалъ, что хочетъ, не обращая вниманія на установленныя правила и порядокъ. Только у насъ, въ образованныхъ кружкахъ, по отношенію къ св. вѣрѣ и Церкви существуетъ такое, нигдѣ не виданное, исключеніе. У насъ всѣ вѣрующіе, всѣ христіане: и лжетолкователи и порицатели, и отрицатели, и хулители; для многихъ стало все равно: еврей ли, магометанинъ ли, язычникъ ли. Лишь бы были богаты, да держали себя прилично; на нравственно-религіозныя убѣжденія никакого не обращается вниманія. Полный религіозный индифферентизмъ.

Любовь къ ближнему требуетъ отъ христіанина, чтобы онъ дорожилъ ихъ честью, берегъ ихъ доброе имя и былъ снисходителенъ къ ихъ слабостямъ и недостаткамъ, всегда помня заповѣдь Спасителя: *не судите, да не судими будете* (Мѡ.

VII, 1). Но какъ бываетъ въ свѣтѣ, среди людей, именуемыхъ христианами? Часто, очень часто случается, что въ обществѣ предметомъ насмѣшливыхъ отзывовъ и язвительныхъ пересудовъ служатъ слабости и недостатки отсутствующихъ, а иногда и присутствующихъ ближнихъ, слабости и недостатки, которые нерѣдко представляются таковыми только по неправильному взгляду на истинное достоинство человѣка, или по клеветѣ враговъ. Истинный христианинъ въ томъ убѣжденіи, что гораздо лучше защитить оскорбленную честь своего брата, чѣмъ заслужить одобреніе злорѣчивыхъ, вступится за ближняго своего, опровергнетъ несправедливую клевету, постарается остановить потоки рѣчей, обидныхъ для другого, и самыя немощи его покроетъ христіанскою любовію. Но такъ ли поступаютъ обыкновенно христіане? Не часто ли приходится наблюдать, какъ иной, едва замѣтитъ, что своимъ противорѣчіемъ можетъ навлечь на себя неудовольствіе другихъ и подать поводъ считать себя ревнителемъ не по разуму, худымъ собесѣдникомъ, своимъ вмѣшательствомъ разстраивающимъ живость и занимательность общаго разговора, начинаетъ молчать, или же и самъ принимаетъ участіе въ оскорбительныхъ и противныхъ духу христіанства пересудахъ.

Любя всѣхъ ближнихъ, христіанинъ въ особенности долженъ любить тѣхъ, кои связаны съ нимъ узами вѣры и крови, имъ оказывать особенное расположеніе и помощь; ибо, по слову апостола, *аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть, и нестерпаго горшій есть* (1 Тим. V, 8). Что же бываетъ нерѣдко въ свѣтѣ? Вотъ иной дѣлается знатнымъ и богатымъ, достигаетъ высокаго мѣста и значенія въ обществѣ; но онъ возвысился изъ состоянія простаго и не знатнаго; его родители и родственники остаются въ первоначальномъ своемъ званіи и положеніи. Не только по ученію христіанскому, но и по здравому смыслу бѣдность и незнатность не должны препятствовать человѣку, тѣмъ паче христіанину, видимо для всѣхъ оказывать свое благорасположеніе и любовь къ своимъ *приснымъ*, напротивъ, должны побуждать быть простѣе, снисходительнѣе и добрѣе къ нимъ. Что же думаетъ, или говоритъ сынъ міра сего? „Я не дорожу

своимъ именемъ, унижаюсь въ глазахъ другихъ, нарушаю приличіе свѣта, когда стану обращаться съ бѣдными и простыми по званію, хотя бы то и родными“? Какое неосновательное сужденіе! Но изъ него происходитъ то, что прежде добрый и почтительный сынъ дѣлается холоднымъ къ своимъ родителямъ, прежде ласковый родственникъ теперь съ презрѣніемъ смотритъ на своихъ кровныхъ, прежде услужливый товарищъ теперь недоступенъ своимъ сверстникамъ, коимъ не суждено выйти изъ неизвѣстности. Есть даже такіе рабы людскаго мнѣнія, которые нарочито скрываютъ свое происхожденіе отъ другихъ, какъ будто происхожденіе дѣлаетъ безчестіе человѣку, собственными заслугами и талантами возвысившемуся на поприщѣ общественной службы.

Любовь къ самому себѣ требуетъ отъ христіанина, чтобы онъ, приобрѣтая себѣ истинное счастье, блаженство чрезъ любовь къ Богу и ближнимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ для достиженія того же счастья и блаженства, старался непосредственно объ усовершенствованіи себя чрезъ самоотверженіе, чрезъ воздержаніе отъ страстей и похотей, по заповѣди Спасителя: *иже хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себе* (Мар. VIII, 34). И христіанинъ, всасывая, такъ сказать, съ молокомъ матери евангельское ученіе, съ дѣтства долженъ стыдиться того, что повреждаетъ чистоту его души и тѣла. Такъ, должно быть,— такъ и бываетъ съ благовоспитанными дѣтьми и юношами. Едва замѣтная черта безнравственности повергаетъ ихъ въ стыдливость, вызывая румянецъ на лицѣ, какъ слѣдствіе сознанія своей грѣховности. Но увы, какъ часто этотъ истинный стыдъ, поддерживающій благонравіе, теряется, замѣняется ложнымъ, который оканчивается безстыдствомъ. Вотъ юноша благонравный, но неопытный, по какому-либо случаю попадаетъ въ общество товарищей дурныхъ, порочныхъ: онъ врагъ всякаго воздержанія, но насмѣшки злонравныхъ сверстниковъ надъ его скромностью, невинностью мало по малу увлекаютъ его къ воздержанію: онъ напивается вина, къ которому вовсе не привыкъ. И тогда уже этотъ юноша, стыдившійся сначала порока, наконецъ, стыдится отстать отъ другихъ въ преступныхъ удовольствіяхъ, разстраивающихъ душу

и тѣло. Какое зло! Но откуда оно? „Оставьте“, говорятъ въ свѣтѣ родителямъ и воспитателямъ, „оставьте этотъ блестящій, улыбающійся лучъ утра, который освѣщаетъ и украшаетъ жизнь; заботы и труды еще успѣютъ прійти, не говорите юношѣ о борьбѣ, не охлаждайте его воображенія разными опасеніями“. Другими словами: оставьте его въ обманѣ, въ заблужденіи, дѣлайте одно увеселеніе изъ времени, которое должно быть приготовленіемъ къ серьезной жизни, пусть расслабляются отъ лѣности и нѣги самыя драгоцѣнныя, нравственныя его силы. Какое гибельное нерадѣніе! Законъ христіанскій прямо отвергаетъ эту извѣженную мечтательность, которая отнимаетъ у жизни истинную прелесть. Самая блестящая мечта—все же мечта, и когда на мѣсто ея является дѣйствительность, то неминуемо возбуждаетъ въ сердцѣ юноши разочарованіе и томительную скуку. Вотъ секретъ насмѣшливаго скептицизма и мрачной мизантропіи, которыми въ наше время тщеславятся многіе, едва перешагнувшіе за предѣлы юности. Впрочемъ, это еще лучшія стороны взгляда, какимъ смотритъ свѣтъ на юность; нужно сознаться, что свѣтъ не всегда довольствуется предоставленіемъ юношеству однихъ призраковъ и мечтавій. Часто свѣтъ смотритъ весьма снисходительно на самыя отступленія юношей отъ строгой нравственности, полагая, кажется, что такія отступленія также тѣсно связаны съ этою порою жизни, какъ дожди и бури съ извѣстнымъ временемъ года. Съ какимъ-то сознаніемъ своей опытности провозглашается иногда въ свѣтѣ, что „юность сама собою пройдетъ и человекъ остепенится, только дайте ему время *перелѣзть*“. Какое жалкое ослѣпленіе! Нельзя, конечно, справедливѣе назвать порочнаго увлеченія, какъ основаніемъ; но что касается предоставленія безнадзорной свободы въ мысляхъ и дѣлахъ юношамъ и оставленія ихъ на произволъ пробуждающихся страстей, то всей злокачественности этого взгляда и изобразить невозможно. Да и нѣтъ надобности говорить о томъ, что на глазахъ всѣхъ обнаруживается на дѣлѣ съ такою прискорбною ясностью, въ тѣхъ великихъ беспорядкахъ, которые въ послѣднее время переживаетъ общество.

Весьма часто вредитъ общественное мнѣніе и внѣшнему

благосостоянію человѣка, разстраиваетъ его земное счастье. Нѣкоторые, напр., повели свою жизнь слишкомъ блистательно и дѣлаютъ издержки, далеко превышающія ихъ доходы. Благо-разуміе требовало бы ограничить себя, устранять издержки, кои употребляются единственно на предметы роскоши, или моды, на суетныя развлеченія, на удовлетвореніе страсти къ удовольствіямъ и наслажденіямъ, словомъ—измѣнить образъ жизни. „Но что скажутъ въ свѣтъ? Какъ станутъ смотрѣть на меня другіе? Меня осудятъ, станутъ считать бѣднякомъ или отсталымъ отъ вѣка“. И вотъ, чтобы не отстать отъ другихъ, многіе начинаютъ отверзать свою руку для даровъ благодарности, или же доходятъ до крайней бѣдности, которая сама по себѣ не порокъ, но предосудительна въ тѣхъ, кои впали въ нее и сдѣлались неоплатными должниками потому только, что прежде хотѣли казаться не по состоянію богатыми и жили роскошно.

Можемъ ли мы, положа руку на сердце, похвалиться своею общественною жизнью, народной нравственностью, въ области которой общественному мнѣнію должна, безъ сомнѣнія принадлежать судящая власть? Святость родительской власти, святость супружескаго союза осмѣяны: дѣвицы, ушедшей изъ дома родителей, нерѣдко рукоплещетъ и общество, и литература; жену, бросившую мужа, часто по ничтожному поводу, въ повѣстьяхъ и разсказахъ возводятъ въ идеаль. И вотъ изъ-за постыдной боязни показаться въ глазахъ свѣта и прослыть людьми старыхъ мнѣній, деспотами въ семействѣ у насъ падаетъ всякій семейный режимъ, который между тѣмъ, наперекоръ нашептываніямъ духа времени: *будете, яко божи, отъдѣще доброе и мукавое* (Быт. III,—5), долженъ бы напоминать семьѣ волю Божию: *смертью умрете* (Быт. 11, 17).

Самое обыкновенное благоразуміе можетъ разсудить, что настоящая жизнь наша должна быть болѣе поприщемъ для трудовъ въ потѣ лица, а удовольствія, даже самыя чистыя, должны только, такъ сказать, стирать съ насъ этотъ потъ, освѣжать и ободрять наши силы; слѣдовательно, изрѣдка лишь позволительны намъ послѣ долгаго напряженія силъ, во время важной дѣятельности. Какъ же объяснить это странное явле-

ніе въ обществѣ, что весьма многіе въ извѣстные часы чуть не ежедневно предаются театральнымъ удовольствіямъ, или играми занимаются, едва ли не больше неопустительно, нежели дѣлами званія и службы? Не иначе можно это объяснить какъ тѣмъ, что разсудительные, хотя внутренно и признають суетность такого времяпрепровожденія, но боятся быть отлученными отъ общества, въ которомъ суета сдѣлалась закономъ, и потому раболѣпствуютъ суетѣ и убиваютъ ея время и болѣе, нежели одно время, достояніе и жизнь.

Охотнѣе всего общественное мнѣніе высказывается у насъ по вопросамъ уголовного правосудія, въ лицѣ института присяжныхъ. И что же? Было время, когда наши суды своими приговорами смущали простую совѣсть русскаго человѣка, и приводили въ недоумѣніе весь образованный міръ. „Русская простота“, справедливо говоритъ Преосвященный Никаноръ по поводу такихъ приговоровъ нѣкоторыхъ нашихъ судовъ, „изумлена фактами, что присяжные оправдали женщину, которая изрѣзала пьянаго мужа въ куски и спратала въ воду въ погребъ; оправдали цѣлую деревню, которая сожгла женщину, какъ колдунью: они де не знали, что дѣлають худо; оправдали двухъ мальчиковъ, 11 и 10 лѣтъ, которые, сознавая, что дѣлають худо, отрѣзали голову третьему девятилѣтнему: они-де невинныя дѣти, оправдали почти всѣхъ, кто стрѣлялъ, рѣзалъ, душилъ изъ половой любви, изъ ревности изъ за невѣрности: тамъ подруга съ возможнымъ равнодушіемъ на вечерѣ при знакомыхъ убиваетъ своего охладѣвшаго друга и ее оправдываютъ, здѣсь женихъ беретъ на прощанье руку, именно лѣвую, такъ и проситъ лѣвую, и пускаетъ пудю прямо въ сердце дѣвицы, которая равнодушна къ нему и не желаетъ быть его невѣстою и его почти извиняють. Оправдали Вѣру Засуличъ при рукоплесканіяхъ всего собора чиновнѣйшихъ и образованнѣйшихъ лицъ въ столицѣ“. „Не ясно ли“, замѣчаетъ Преосвященный Никаноръ, „что мы подрубаемъ сукъ дерева, на которомъ сидимъ“ (Т. II, стр. 78). Припомнимъ здѣсь также и судебныя дѣла Свиридова, Мельницкаго, Рыкова, Булахъ, психопатки Семеновой и т. под. лицъ, которыя были разбираемы лѣтъ 17—18 тому назадъ. Какая масса нравственной

грязи обнаружилась предъ публикой?! Но что всего замѣчательнѣе и прискорбнѣе, такъ это то, что нѣкоторая часть публики не только не видѣла ничего преступнаго въ поведеніи судимыхъ лицъ, но даже считала своимъ долгомъ высказать одобреніе и чуть не благоговѣніе предъ ними. Извѣстно, какой чести со стороны нѣкоторыхъ лицъ удостоена была Семенова, по выходѣ изъ залы суда, за свое безстыдство, переступившее всѣ границы человѣческаго приличія; не менѣе также замѣчательно извѣстное изъ газетъ сообщеніе, что, по окончаніи процесса дѣтей Мельницкаго, въ свидѣтельскую комнату, гдѣ находился отецъ Мельницкій, вошла хорошо одѣтая и приличной наружности дама, попросила ближайшихъ къ ней лицъ указать Мельницкаго, подошла къ нему и благоговѣнно, поцѣловала ему руку, послѣ чего, совершивъ поклоненіе герою дня, молча удалилась.

Столь гибельны результаты общественнаго мнѣнія, развивающагося въ нашемъ отечествѣ пока въ одномъ отрицательномъ направленіи! Но если кто либо, въ успокоеніе себя, скажетъ, что указанные нами гибельные результаты, какіе даетъ общественное мнѣніе въ нашемъ отечествѣ, относятся только къ самой небольшой части русскихъ людей, къ верхнимъ, такъ называемымъ образованнымъ слоямъ общества и вовсе не примѣнны къ простому многомилліонному русскому народу, то мы тому отвѣтимъ слѣдующее: да, дѣйствительно, благодареніе Богу, губительная язва общественнаго мнѣнія пока не охватила нашъ простой народъ, но, къ сожалѣнію нашему, она уже начинаетъ въ послѣднее время проникать и сюда и по тѣсной органической связи всѣхъ сословій и членовъ общества, она неминуемо рано или поздно должна заразить весь организмъ русскаго народа. Вредный примѣръ можетъ имѣть только вредныя послѣдствія, и тѣмъ вреднѣйшія, чѣмъ лица, подающія этотъ примѣръ, выше другихъ поставлены и по своему положенію, и по состоянію, и по образованію. Ужаснымъ подтвержденіемъ этой мысли служитъ исторія страданій Христа Спасителя. Народъ, по своей вѣрѣ и любви къ Иисусу Христу, не далеко былъ отъ истины, но представители жизни народной, по зависти къ великому успѣху дѣла

Христовъ, пустивъ въ ходъ всѣ неправды, сбили народъ съ истиннаго пути. И вотъ тотъ народъ, который такъ недавно, въ чувствѣ глубокой благодарности къ своему величайшему Благодарителю, взывалъ: осанна! осанна! теперь подъ наущеніемъ своихъ представителей уже вопить неистово: распни, распни Его. Послѣдствія этого торжества враговъ Христовыхъ намъ извѣстны: Богочеловѣкъ распятъ, пригвожденъ къ древу крестному, а народъ, распявшій его, потерялъ свою самостоятельность и доселѣ остается отверженнымъ.

Подобный ужасный результатъ общественное мнѣніе можетъ имѣть, во главѣ съ такими сильными заправителями, всегда и во всякомъ народѣ, если не положить ему заблаговременно надлежащихъ преградъ. По предреченію Христа Спасителя предъ Его вторымъ пришествіемъ будетъ опять такое же общественное мнѣніе: *придетъ часъ, говоритъ Онъ своимъ ученикамъ въ прощальной бесѣдѣ, да всякъ, иже убіетъ вы, возмнися службу приносити Богу* (Іоан. XVI, 2). Посему высшимъ сословіямъ, желающимъ заправлять общественнымъ мнѣніемъ, не мѣшаетъ помнить это горькое предреченіе Христа Спасителя, въ качествѣ грознаго для себя предостереженія, ибо *горе человеку тому, иже соблазнъ приходитъ* (Мѡ. XVIII, 7) *Иже аще соблазнитъ единого отъ малыхъ сихъ отрующихся въ Мя*, говоритъ Христосъ Спаситель; *уне есть ему, да обьсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй* (Мѡ. XVIII, 6) *Иже аще разоритъ единому заповѣдей сихъ малыхъ*, говоритъ также Христосъ Спаситель, *и научитъ тако человекъ, мнѣ наречетъ въ царствіи небесныхъ: а иже сотворитъ и научитъ, сей велий наречетъ въ царствіи небесныхъ* (Мѡ. V, 19). Не должны ли бы эти грозныя слова Христа Спасителя, въ неизмѣнности которыхъ не можетъ быть никакого сомнѣнія (Мѡ. XXIV, 35), служить достаточнымъ побужденіемъ для высшихъ сословій обратить свое просвѣщенное вниманіе на положительныя задачи жизни, равнодушное отношеніе къ которымъ дѣлаетъ насъ предметомъ поношенія сосѣдямъ нашимъ и *притчею во языцехъ* (Пс. 43, 14—15)?

Говорять и говорить справедливо, что ничто такъ не мѣшаетъ распространенію вѣры Христовой между язычниками,

какъ дурная жизнь христіанъ. Смотри на эту жизнь, язычники, въ оправданіе себя, могли бы указать: на страшно распространенный между христіанами гибельный порокъ пьянства, на крайне частые случаи хищенія чужой собственности, даже посвященной Имени Божію, на хищническое отношеніе къ природѣ, подѣ вліаніемъ котораго плодородныя мѣста обращаются чуть не въ пустыни, на обманы въ торговлѣ вещами и негодными съѣстными припасами, отъ употребленія въ пищу которыхъ нерѣдко умираетъ цѣлая семья, на роскошь и расточительность среди вопіющихъ нуждъ общественныхъ и всеобщихъ жалобъ на затрудненія въ средствахъ жизни, на открытое незаконное сожительство подѣ формою непризнаннаго нашимъ закономъ такъ называемаго гражданскаго брака, или и того хуже, на странный голосъ среди отечества противоотечественныхъ интересовъ и стремленіе ослаблять основы народной жизни, на пристрастіе къ театральнымъ увеселеніямъ, доходящее до неуваженія къ великимъ праздникамъ и постамъ, на пристрастіе къ пѣвцамъ и пѣвицамъ, заставляющее иныхъ пресмыкаться предѣ ними съ совершеннымъ забвеніемъ своего человѣческаго достоинства; на грубость нравовъ, самолюбіе и холодный эгоизмъ, на кровавую месть за оскорбленіе чести, подѣ облагороженной формою дуэли, на манію самоубійства среди обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, на омерзительное сквернословіе, стономъ стоящее по градамъ и весямъ земли русской, православной, на дерзкое и публичное нарушеніе святости воскреснаго дня, на неблагоговѣйное и прямо невѣжливое поведеніе въ храмѣ во время богослуженія и т. под.

Причина отрицательнаго направленія общественнаго мнѣнія въ нашемъ отечествѣ заключается, какъ намъ думается, въ томъ, что мы, вопреки заповѣди апостола Павла: *не будьте дѣтьми умою; на злое будьте младенцы, а умою будьте совершеннолѣтны* (1 Кор. XIV, 20), мы всетаки остаемся „младенцами“ по уму, *колеблющимися и увлекающимися всякимъ ветромъ ученія, по лукавству челоуковъ, по хитрому искусству оболъщенія* (Еф. III, 14). Не имѣя собственныхъ твердыхъ и разумныхъ убѣжденій, мы водимся такъ называемыми ходячими мнѣніями, которыя съ жадностью ловимъ изъ устъ

людей, выдающихся по своему положенію въ обществѣ, или беремъ на прокатъ изъ печати безъ всякаго разбора. Одной изъ характерныхъ особенностей нашего общества является то, что всякое воззрѣніе, выраженное печатно, пользуется въ его глазахъ особеннымъ авторитетомъ не въ силу своего внутренняго достоинства, а главнымъ образомъ въ силу самаго факта появленія въ печати. Хотя бы мы въ печати прочитали разсужденія людей, которые въ свое время убоились бездны премудрости и изъ какого-нибудь V класса возвратились вспять, но мы безразлично напечатанному болѣе вѣримъ, чѣмъ сказанному, особенно по долгу службы или совѣсти. При этомъ, вслѣдствіе недостаточнаго развитія внутренней духовной стороны жизни и усиленнаго стремленія къ чувственнымъ наслажденіямъ, намъ въ особенности нравится то, что говорятъ или пишутъ о разнузданности плоти, страстей и эгоизма, а въ этомъ въ настоящее время нѣтъ недостатка.

Нашъ вѣкъ, подобно коню, сбросившему съ себя узду, несетя неудержимо впередъ, *на страну далече*, а глашатаи его кричатъ во всѣ голоса: „не отставайте отъ вѣка“. И вотъ мы, по слабости ума и дремотѣ совѣсти, не имѣя въ себѣ нравственной твердости, уносимся впередъ неудержимою толпою, толкая и поощряя другъ друга, куда зовутъ насъ голоса разныхъ заносныхъ ученій. Прежде всего наши передовыя сословія уклонились отъ цѣлости православной вѣры и правилъ христіанской жизни, за ними потянулись средніе классы, а теперь дѣло доходитъ уже и до простаго народа, этой сердцевины нашего отечества. Уклоненіе это случилось не вслѣдствіе тщательнаго изученія православной Церкви, ея догматовъ и постановленій, и сознательнаго убѣжденія, что предки наши приняли не истинную религію, и мы нашли лучшую. Ни чуть не бывало. Знать чужое и не знать своего и затѣмъ погрѣшности чужихъ христіанскихъ исповѣданій, обращать въ вину своей православной Церкви—это обычное, хотя и прискорбное, явленіе въ нашемъ образованномъ обществѣ. Нѣтъ—мы просто чувствуемъ для себя препятствіе въ ученіи вѣры православной въ дѣлѣ удовлетворенія своихъ грѣховныхъ стремленій, почему единственно и устра-

няемъ изъ своего сознанія ученіе вѣры православной, которое сопровождается такими неудобными для насъ напоминаніями, предостереженіями, и преклоняемъ ухо къ другимъ ученіямъ, которыя льстятъ нашимъ грѣховнымъ стремленіямъ, усиливаясь оправдывать ихъ всевозможными соображеніями. Найдя такимъ образомъ поддержку для своихъ грѣховныхъ стремлений и получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность спокойно грѣшнить, мы охотно подчиняемся подобнымъ ученіямъ, повторяя въ оправданіе себя, со точностью эха, чужія громкія фразы, хотя и называемъ ихъ своими убѣжденіями.

Но что можетъ быть безчестнѣе и безславнѣе для существа, одареннаго умомъ и свободою, какъ сдѣлаться совершеннымъ рабомъ чужого мнѣнія до послѣдней мысли и до послѣдняго душевнаго чувства? Этимъ можетъ характеризоваться только полная несостоятельность личности какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніяхъ, особенно когда дѣло касается отрицательнаго отношенія къ вопросамъ вѣры и нравственности. Поведеніе жалкое и особенно позорное для христіанъ, которые призваны *изъ тьмы въ чудный свѣтъ; дабы являться посреди рода строптивца и развращена, якоже свѣтила въ мѣрѣ*. (Филип. 11, 15). Поклонники чужихъ мнѣній по истинѣ подобны тѣмъ идоламъ, которыхъ описываетъ Псалмопѣвецъ: они имѣютъ уста, но ими не дерзаютъ говорить, или же повторяютъ съ подобострастіемъ только то, что принято въ свѣтѣ; имѣютъ слухъ, но только отверзты для того, чтобы принимать приказанія общественнаго мнѣнія, какъ бы желѣны они ни были; имѣютъ очи, но смежили ихъ и смотрятъ на все глазами другихъ. Лицемеріе есть порокъ самый презрѣнный и гнусный, но приверженность къ чужимъ мнѣніямъ, особенно въ дѣлахъ вѣры и благочестія, преступнѣе самаго лицемерія. Лицемеръ выказываетъ, ради мірской славы, добродѣтели, которыхъ у него никогда не было, а поклонникъ мнѣній свѣта, не желая быть отлученнымъ отъ него, выказываетъ такіе пороки, которыхъ въ немъ вовсе нѣтъ. Но лицемеръ, выказывая мнимыя добродѣтели, по крайней мѣрѣ, питаетъ къ нимъ уваженіе, а рабъ чужихъ мнѣній благоговѣетъ предъ пороками, которые самъ же въ своей совѣсти

презираетъ. Христосъ Спаситель запрещаетъ дѣлать добрыя дѣла изъ желанія угодить людямъ (Мѡ. VI, 1); что же Онъ скажетъ въ день суда тѣмъ, которые по этому же побужденію совершаютъ дѣла преступныя?

Всѣмъ, кто созвааетъ, что ихъ ожидаетъ судъ, что они должны будутъ дать отчетъ, весьма важно знать, имѣеть-ли какое либо оправданіе для себя раболѣпное служеніе мнѣніямъ и приличіямъ міра, чѣмъ такъ страдаютъ русскіе христіане нашего времени?

До пришествія въ міръ Того, Кто изрекъ о Себѣ: *азъ есмь свѣтъ міру: ходяи по мнѣ не имать ходити во тмѣ* (Іоан. VIII, 12), человѣчество не имѣло истины, а находилось, даже въ лицѣ богоизбраннаго народа, только въ области *тѣней и тѣданий*. Язычество искало истины и познавало ее до нѣкоторой степени, но всегда оставалось внѣ завѣсы, скрывавшей ее свѣтъ, такъ что пришло, наконецъ, къ горькому сознанію невозможности познать ее безъ откровенія свыше. Поэтому время до пришествія въ міръ Христа Спасителя было временемъ блужданія умовъ, постоянныхъ сомнѣній, безвыходныхъ противорѣчій, самыхъ грубыхъ заблужденій, среди которыхъ язычество вынуждено было разбираться только при помощи мнѣній. Эти мнѣнія, группируясь между собою, сообразно индивидуальнымъ особенностямъ людей, раздѣлявшихъ ихъ, и образовывали такъ называемое общественное мнѣніе, которое по истинѣ служило для язычника якоремъ спасенія среди бури сомнѣній и заблужденій. Такъ какъ въ язычествѣ не было никакого иного критерія истины, кромѣ согласія большинства по тому или другому вопросу, то у язычниковъ голосъ всего народа приравнивался даже къ голосу Божества (*vox populi, vox Dei*) и имѣлъ такое же безусловное значеніе.

У грековъ мнѣніе народа въ такой степени преобладало надъ мнѣніемъ отдѣльныхъ лицъ, что послѣднія во избѣжаніе кары народной за попытку къ возвышенію надъ общимъ уровнемъ, могли находить выраженіе для своихъ мнѣній, лишь ссылаясь на мнимыя внушенія оракуловъ. Не съ меньшей силой проявлялось общественное мнѣніе и у римлянъ, въ отрицательномъ дѣйствіи *вето* трибуновъ и въ положительномъ

вѣшательствѣ цензуры, которая преслѣдовала цѣль охраненія нравовъ внѣ предѣловъ вліянія законодательства. Такой подавляющей авторитетъ общественнаго мнѣнія въ греко-римскомъ мірѣ объясняется отсутствіемъ какого-либо высшаго вѣшняго авторитета, отсутствіемъ всякой другой вѣшней опоры для сужденія отдѣльныхъ лицъ объ истинномъ и ложномъ, о добромъ и зломъ.

Но было бы крайне неправильно считать общественное мнѣніе непогрѣшимымъ, и утверждать, что ему по праву принадлежало въ язвѣствѣ такое господство и такая власть надъ мнѣніями отдѣльныхъ лицъ. Христіанское ученіе и исторія свидѣтельствуютъ, что всѣ люди склонны къ заблужденіямъ и могутъ принимать ложное направленіе, особенно въ отношеніи нравственно-религіозной жизни, цѣлыми массами, цѣлыми народами. Часто, подъ вліяніемъ народныхъ страстей, общественное мнѣніе теряетъ всякую истинность и даже иногда искусственно направляется на ложные пути разными не призванными просвѣтителями народа. Во всѣхъ сферахъ жизни можно наблюдать, что чѣмъ выше стоитъ извѣстное дѣло, или личность, тѣмъ менѣе можно полагаться на сужденіе толпы о нихъ, тѣмъ менѣе способна толпа присуждать честь или безчестіе. Въ особенности оправдывается эта мысль, когда рѣчь идетъ объ отношеніи ко Христу Спасителю и Его дѣлу. Если и существуетъ и даже болѣе распространенъ взглядъ противоположный, что гдѣ большинство, тамъ именно и истина, что истинѣ присуща необходимость имѣть большинство на своей сторонѣ, то этотъ взглядъ, вѣрный въ идеѣ, въ дѣйствительности требуетъ большихъ ограниченій, такъ какъ истина зависитъ отъ чистоты намѣреній. То правда, что истина, добро и справедливость въ неразвитомъ состояніи находятся во внутреннемъ существѣ каждаго человѣка, но наша воля со времени грѣхопаденія стала болѣе удобопреклонна къ лжи, злу и неправдѣ, получила предрасположеніе предпочитать себя и міръ Богу и царству Божію. Со времени грѣхопаденія проявленія совѣсти, этого голоса Божія въ человѣкѣ, сдѣлались до крайности различны какъ у разныхъ народовъ въ различные вѣка, такъ и у отдѣльныхъ современныхъ между

собою лицъ, такъ что для насъ долженъ быть вполне понятнымъ скептическій вопросъ Пилата: „что есть истина?“ Гдѣ ее можно найти и въ чемъ дѣйствительно она состоитъ, если такъ часто совершенно противоположны другъ другу вещи допускаются или признаются совѣстью, если такъ часто самыя страшныя преступленія совершаются подъ прикрытіемъ совѣсти, какъ бы оправдываются ею? Что же касается ума, которымъ такъ гордятся современные люди, то чего только не оправдывалъ онъ, покорный своему порочному повелителю—сердцу? Онъ оправдывалъ въ мірѣ языческомъ „тиранноубійство, да и въ христіанскомъ съ его санкціи происходило не только стремленіе къ разнузданному произволу, къ анархіи, но и служеніе разврату, даже во имя служенія Божеству, въ лицѣ пресловутой богини разума. Исторія страданій Христа Спасителя даетъ намъ надлежащую мѣрку, чтобы правильно цѣнить тѣ отвѣты, какіе духъ времени, народныя массы, вожаки народа, даютъ на вопросъ: что такое истина, что такое праведность?

Слѣдуетъ ли послѣ сего, ничтоже сумняся, устроить свою жизнь, направлять свое жизненное теченіе по приговору общественнаго мнѣнія? Есть ли какое нибудь основаніе въ области теоріи, или въ данныхъ опыта полагать, что тотъ путь жизни, которымъ оно ведетъ насъ, есть путь истины, добра и правды? Язычники могли оправдывать себя въ работѣнномъ служеніи мнѣніями и приличіями міра, незнаніемъ истины, добра и справедливости, такъ какъ у нихъ не было сверхъестественнаго откровенія о сихъ предметахъ, а естественный способъ познанія, со времени грѣхопаденія, сдѣлался весьма недостаточнымъ. Однако апостоль Павелъ и язычниковъ признаетъ безотвѣтными предъ Богомъ (Рим. 1, 20), такъ какъ и они могли познавать отчасти истину, добро и справедливость (Рим. 1, 10), какъ это и показали на себѣ многіе языческіе мудрецы, проповѣдывавшіе ученіе, согласное съ откровеніемъ сверхъестественнымъ. Чѣмъ же христіане будутъ оправдываться на нелицепріятномъ судѣ Божіемъ въ своемъ слѣдомъ слѣдованіи водителству общественнаго мнѣнія, когда у насъ есть всегда открытый свѣтильникъ слова Божія и вѣ-

ры, при которомъ мы можемъ повѣрить и исправить всякое сужденіе міра о томъ, что хорошо или худо, честно или безчестно? Мы не можемъ сомнѣваться во внушеніяхъ своей совѣсти при различеніи истины и лжи, добра и зла, правды и неправды, что такъ естественно было язычникамъ: мы всегда можемъ озарить ее откровеннымъ закономъ Божиимъ, свѣтомъ молитвы и благодати Божіей. Христіане поэтому будутъ совершенно безотвѣтны предъ Богомъ въ своей жизни по духу міра сего, по мнѣніямъ и приличіямъ свѣта, а не по духу и правиламъ вѣры Христовой, неложной истолковательницей которой является во всѣ времена Церковь Христова. Ученіе Христово, воплощаемое въ живыхъ людяхъ, хранимое въ цѣлости и развиваемое въ неповрежденности, достаточно не только для опредѣленія и оцѣнки всѣхъ движеній нашего вѣка, но и всѣхъ вѣковъ грядущихъ, такъ что христіане въ этомъ отношеніи находятся при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Если же гдѣ не ученіе Христово служить критеріемъ истины, добра и правды, а общественное мнѣніе, тамъ, значить, христіанство перестаетъ интересоваться обществомъ и разсматривается лишь какъ дѣло отдѣльныхъ лицъ, тамъ, значить, христіанскія убѣжденія трактуются только, какъ „различные взгляды“, не имѣющіе никакого вліянія на общественную жизнь. Но такое состояніе общества подобно тому, которое имѣетъ быть, по предреченію Христа Спасителя предъ Его вторымъ пришествіемъ, когда совѣсть будетъ жить только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицахъ, а въ большей части общества потухнетъ озаряющей и согрѣвающей ее свѣтъ, когда „Сынъ Человѣчскій, пришедши найдетъ ли вѣру на землѣ“ (Лук. XVIII, 8).

Въ какое же положеніе долженъ ставить себя по отношенію къ общественному мнѣнію истинный христіанинъ, для котораго Христосъ есть *путь, истина и животъ* (Іоан. XIV—6). Такъ какъ всѣ люди склонны къ заблужденіямъ, то ни наука человѣческая, ни познанія, ни дарованія, ни высокое общественное положеніе не могутъ служить для него ручательствомъ за истину высказываемаго мнѣнія, будь оно частное, или общественное. Но, съ другой стороны, онъ отнюдь не долженъ относиться и пренебрежительно къ

чужому мнѣнію, особенно общественному, потому что всякое мнѣніе, такъ или иначе предполагаетъ истину, прямо или косвенно ведетъ насъ къ ней, какъ и исходитъ изъ нея. Мало того. Истина, добро и справедливость, будучи въ объективномъ смыслѣ едины и неизмѣнны, въ субъективномъ не только допускаютъ, но и прямо требуютъ множества и разнообразія для себя отображеній, въ видѣ представленій, мнѣній, соотвѣтственно неодинаковому характеру, темпераменту и условіямъ жизни людей. Сравните Писанія и дѣйствія апостоловъ Петра, Іакова и Павла, и увидите, что одна и та же истина, одинъ и тотъ же лучъ благодати различно отражается въ этихъ первопрестольныхъ ученикахъ Христовыхъ, смотря по индивидуальнымъ особенностямъ cadaго. Но истина отъ этого нисколько не страдаетъ, напротивъ, проявляется еще въ большемъ блескѣ и величіи, подобно солнечному лучу, который гораздо ярче сіяетъ переливными цвѣтами, когда его разлагаютъ посредствомъ свѣтоваго спектра на составные элементы.

Обыкновенно идеи истины, добра и справедливости таятся по частямъ во всей массѣ индивидуумовъ, закрываемыя нашими печалями, искажаемыя нашими заблужденіями, затмѣваемыя нашими ошибками. Но какъ бы ни была плотна груда пепла, накопляющагося въ нашихъ душахъ, замѣйте это, священныя искры не погасаютъ и одно благопріятное духовеніе можетъ извлечь изъ нихъ свѣтъ, могущій вдругъ озарить сердца не только большаго или меньшаго кружка людей, но и цѣлаго народа. Бываютъ такіе въ исторіи человѣчества періоды, когда всѣ, при разнообразіи характеровъ, мыслятъ и желаютъ одного и того же, когда всѣ вдохновляются общимъ сознаніемъ и общей волей, когда каждый членъ общества проникнуть бываетъ сознаніемъ нуждъ и недостатковъ цѣлаго общества. Когда такъ бываетъ настроенъ весь народъ, тогда не только отдѣльныя личности, но и всѣ вмѣстѣ имѣютъ непосредственное отношеніе къ Богу и тогда по истинѣ гласъ народа бываетъ гласомъ Божиимъ, что особенно ясно выступаетъ въ молитвѣ Господней, въ которой одинъ молится, какъ всѣ, и всѣ, какъ одинъ, въ раздѣльномъ и совмѣстномъ общеніи. И мы вѣруемъ, что придетъ время, когда всѣ хитро-

сплетенія лжи и неправды падуть, когда истина Христова окончательно восторжествуетъ въ мирѣ, и всѣ люди единомысленно сердцемъ будутъ вѣровать и *едиными устми* выражать свою вѣру, т. е., достигнуть того единомыслія и единогласія, о которомъ пока св. Церковь только молится на литургіи, въ лицѣ пастырей. Но и теперь не одно въ мирѣ зло, хотя онъ и развращенъ, хотя, по слову апостола, онъ весь во злѣ лежитъ: онъ и при своемъ развращеніи сохраняетъ естественное чувство истины, добра и справедливости. Онъ не слѣдуетъ истинѣ, не исполняетъ добродѣтели, не соблюдаетъ справедливости, но онъ уважаетъ ихъ. Много людей живыхъ, порочныхъ и несправедливыхъ, но не много такихъ, которые бы хотѣли казаться такими. Назовите какой-нибудь порокъ, который пользовался бы уваженіемъ всего міра и укажите хоть одну добродѣтель, которая была бы предметомъ его презрѣнія. Посмотрите, въ цѣломъ мирѣ, во всѣхъ странахъ, во всѣхъ состояніяхъ, во всѣхъ званіяхъ; какого человѣкъ домогается мнѣнія? честнымъ ли онъ хочетъ прослыть или порочнымъ?... И доселѣ еще, какъ во времена Премудраго, одна истинная премудрость составляетъ предметъ всеобщей похвалы и уваженія (Прем. VIII, 10—13).

Конечно, въ современной мудрости нельзя найти мира и спасенія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ произведенія и завоеванія современнаго ума человѣческаго, все научное богатство, всѣ разнообразныя сокровища знанія представляли собою одно зло. Можно, конечно, сказать, что современной мудрости недостаетъ завершенія, потому что ей недостаетъ Бога; но изъ того, что извѣстному поколѣнію недостаетъ высшаго блага, еще не слѣдуетъ, чтобы оно не обладало какимъ-либо относительнымъ благомъ. Можно, конечно, сказать, что вся современная мудрость носитъ въ себѣ неразрѣшимое противорѣчіе, что вся она въ сущности есть только суета, какъ это ясно уже изъ того, что она привела лишь къ матеріализму и пессимизму. Тѣмъ не менѣе, не смотря на несомнѣнность этого положенія, цѣнность есть и въ мирѣ семъ: царство міра и его слава не есть чистая суетность и ничтожество, объ этомъ свидѣтельствуетъ само Евангеліе въ

извѣстной притчѣ о жемчужинѣ. Оно сравниваетъ въ этой притчѣ царство небесное съ купцомъ, который искалъ добрыхъ жемчужинъ, и когда нашелъ одну драгоцѣнную, то продалъ все, что имѣлъ, и пошелъ купить ее. Та собственность купца, которую онъ продалъ, состояла отнюдь не изъ простыхъ, фальшивыхъ грошей, или старыхъ лохмотьевъ, но имѣла, безъ сомнѣнія, дѣйствительную цѣнность, дѣйствительное значеніе. Евангеліе, слѣдовательно, признаетъ за падшимъ человѣкомъ, даже и въ состояніи его грѣховности, нѣкоторую собственность, дѣйствительное благо, хотя и относительное. Современная мудрость для всякаго, кто только понялъ ее достаточнымъ образомъ, во всякомъ случаѣ есть блистательное доказательство силы и богатства, которыми еще обладаетъ человѣкъ, даже и внѣ христіанства и области религіи.

Какъ же долженъ относиться христіанинъ къ этой, во многомъ отчужденной отъ Бога и Христа, современной мудрости, которая, несомнѣнно, сильно отражается, громко звучитъ въ голосъ общественнаго мнѣнія? „Одна слава была для меня пріятна“, говоритъ св. Григорій Богословъ, отличаться знаменіями, какія собрали Востокъ и Западъ и краса Еллады—Аеины; надъ симъ я трудился много и долгое время. Но всѣ сіи познанія повергнувъ долу, положилъ я къ стопамъ Христовымъ, чтобы они уступили слову великаго Бога, которое затмѣваетъ собою всякое извѣстіе и многообразное слово ума человѣческаго“. „Я все почитаю тщетою, говоритъ о себѣ ап. Павелъ, ради превосходства познанія Христа Іисуса, Господа моего (Филип. III, 8). И точно, просвѣтается разумѣніемъ Христовымъ, ап. Павелъ отвергъ все, чѣмъ прежде могъ хвалиться. Онъ самъ говоритъ: для Него я отъ всего отказался и все почитаю за соръ, чтобы приобрести Христа. Да, св. апостоль все отвергъ, что не могло стоять вмѣстѣ съ его новымъ разумѣніемъ: отвергъ превосходство рода (еврей отъ евреевъ), знаменитость секты (по ученію фарисей), славу защитника ветхой синагоги (по ревности гонитель церкви Божіей); отвергъ и свое прежнее знаніе Писаній, т. е., фарисейское, какъ противное знанію истинному, отвергъ и правду законную, чтобы принять оправданіе Христово. Но не отвергъ

ап. Павелъ, или лучше, самъ Господь въ немъ оставилъ, оживотворилъ, освятилъ все то, что могло быть обращено въ пользу вѣры и во славу Христову. Такъ, знаніе Писаній въ немъ осталось, но уже не фарисейское: оно возродилось и соединилось съ тѣмъ духомъ Христовымъ, который дышетъ во всѣхъ апостольскихъ посланіяхъ. Осталась и ревность по правдѣ, но также не фарисейской, и оживленная благодатию содѣлала Павла столь-же ревностнымъ блюстителемъ и поборникомъ вѣры Христовой, сколько прежде, съ именемъ Савла, былъ онъ ревностнымъ врагомъ ея. Таково же должно быть и наше отношеніе къ мудрости вѣка сего.

Задача, которую такимъ образомъ ставить намъ современная мудрость съ своими плодами, состоитъ не въ томъ только, чтобы отнестись къ ней критически и съ осужденіемъ, но равнымъ образомъ и въ томъ, чтобы усвоить ее себѣ, и развивать въ виду своего назначенія. Должно, говорить св. Василій Великій, бесѣдовать... со всякими людьми, отъ которыхъ можно ожидать какой либо пользы для образованія души, но не должно слѣдовать за ними, говорить тотъ же св. отецъ, куда они ни поведутъ, напротивъ, заимствуя у нихъ все, что есть полезнаго, надобно умѣть иное и отбросить (Твор. св. отц. Т. VIII, ч. 4, 1846 стр. 345). Ибо стыдно будетъ для насъ, если мы, умѣя отвергать вредную для тѣла нищю, не будемъ дѣлать никакого разбора въ томъ, что питаетъ душу; но, подобно весеннему потоку, увлекаая за собою все встречающееся, будемъ нагружать тѣмъ душу (стр. 356). Со всякимъ охраненіемъ надобно оберегать душу, чтобы, находя удовольствіе въ словахъ, незамѣтно не принять чего-нибудь худого. Въ этомъ случаѣ св. Василій Великій представляетъ въ примѣръ пчелъ. „Какъ въ цвѣтахъ“, говоритъ онъ, другіе любятъ только пріятнымъ запахомъ или красивымъ видомъ, а пчелы собираютъ съ нихъ еще и медъ: такъ и здѣсь, кто гонится не за одвою сладостью и пріятностью рѣчей, тотъ можетъ запастись изъ нихъ и нѣкоторою пользою. Пчелы не на всѣхъ цвѣтахъ равно останавливаются, не силятся уносить съ собою цѣлыми тѣ цвѣты, на кон садятся; но, собравъ съ нихъ то, что нужно имъ для ихъ работы, прочее оставляютъ. Такъ и мы,

если благоразумны и цѣломудренны, будемъ выбирать изъ бесѣдъ съ людьми только нужное для себя и согласное съ истинною, а прочее оставлять безъ вниманія (стр. 349). Если кормчій не полагается безразсудно на вѣтры, но направляетъ корабль къ пристани; стрѣлокъ бросаетъ стрѣлу въ цѣль, мѣдникъ и плотникъ стремятся къ концу своего искусства: то согласно ли съ разумомъ, если мы оказываемся хуже даже этихъ рабочихъ, хотя и можемъ вѣрно усматривать цѣль своей жизни? Если же всякое произведеніе ремесленниковъ имѣетъ какую-нибудь цѣль, то ужели одна жизнь человѣческая не имѣетъ цѣли, сообразно съ которою долженъ говорить и дѣйствовать тотъ, кто не хочетъ совершенно уподобиться безсловеснымъ? Или души наши, не управляемыя кормиломъ ума, должны, подобно нагруженнымъ кораблямъ, по произволу, безъ всякой цѣли, носиться сюда и туда по волнамъ жизни. Нѣтъ, мы должны поступать такъ же, какъ борцы или музыканты, которые занимаются именно тѣмъ, за что намѣреваются получить награду, такъ что усовершенствующійся въ борьбѣ, отнюдь уже не будетъ упражняться въ игрѣ на лирѣ или на свирѣли“ (стр. 356)... *Возлюбленные!* пишетъ св. Іоаннъ Богословъ, *не всякому духу вѣрйте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они, потому что много лжепророковъ появилось въ міръ* (1 Іоан. IV—1). *Кто хочетъ творить волю Божію, говоритъ Самъ Христосъ Спаситель, тотъ узнаетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли оно* (Іоан. XVII, 17). *Все испытывайте, хорошаго держитесь, заповѣдуетъ ап. Павелъ* (1 Сол. V, 21).

По этому всякому ученому и общественному дѣятелю должна быть воздаваема нами подобающая честь, если онъ со скромнымъ сознаниемъ человѣческой ограниченности и благожелательствомъ предлагаетъ свои взгляды, для пользы общества; но только по всестороннему обсужденію и продолжительному опыту подобные взгляды должны быть возводимы на степень несомнѣнной истины, служащей ко благу человечества. Если же вы слышите въ устной бесѣдѣ, или въ печати недавно гдѣ-либо зародившіяся мысли, многими принимаемыя съ восторгомъ, и предлагаемыя вамъ за чистыя истины во имя науки или всесвѣтныхъ человѣческихъ авторитетовъ, и при-

томъ съ гордостью, самоувѣренностью и обличеніемъ васъ „въ невѣжество“,—вспоминайте фарисеевъ, которые говорили о народѣ, вѣровавшемъ во Христа: *народъ невѣжда въ законъ, прокляты оны*. Народъ не могъ тогда, конечно, спорить съ своими учителями, этими учеными и властными мужами, хотя и чувствовалъ, что истина на его сторонѣ. Только однажды слѣпорожденный, получивши отъ Господа исцѣленіе, поразилъ этихъ учителей силою своего здраваго смысла; на слова фарисеевъ: *мы знаемъ, что съ Моисеемъ говорилъ Богъ, а сею, (Исуса Христа) мы не знаемъ, откуда онъ*, слѣпорожденный нѣ отвѣчалъ: *это и удивительно, что вы не знаете, откуда Онъ, а Онъ отвергъ мнѣ очи* (Іоан. IX, 29—30). Таеъ и мы должны въ подобныхъ случаяхъ обращаться къ собственному чувству истины и справедливости, къ своему или чужому здравому смыслу, если только онъ не затемненъ предвзатыми взглядами и мнѣніями, вытекающими изъ отвлеченныхъ идей и ученій. Не слѣдуетъ кому бы то ни было слишкомъ полагаться на свои научныя познанія и соображенія, состоящія нерѣдко на служеніи у порочнаго сердца, а слѣдуетъ присматриваться и прислушиваться къ простымъ людямъ, которые, не зная науки, бываютъ однако же крѣпки здравымъ смысломъ и мудры опытомъ. Тѣмъ болѣе это имѣетъ значеніе въ отношеніи простыхъ людей изъ христіанъ, составляющихъ Церковь Божію, руководимыхъ Божіею благодатію, слѣдовательно, имѣющихъ духовный вкусъ и чувство истины и правды еще въ большей степени, чѣмъ составлявшій церковь ветхозавѣтную, народъ Іудейскій, такъ вѣрно угадавшій, въ лучшей своей части, во Христѣ своего обѣтованнаго Мессію. Что же составляетъ, спросятъ иные, достоинство мнѣнія этого „невѣжды въ законъ“, какъ говорили о народѣ фарисей? То, что болѣею частію присуще бываетъ собственно народному мнѣнію: прямота, искренность и внутренняя честность, при внѣшней темнотѣ, неточности и неопредѣленности. Вотъ почему никому и не слѣдуетъ свысока относиться къ простому народу, а должно вникать въ его мысли и думы, прислушиваться къ бѣненію его сердца, которое обыкновенно испытываетъ безпокойство и тревогу, когда вводятся въ общество соблазны.

Сколько случаевъ представляетъ опытъ, когда слово простаго, повидимому, человѣка наводило на раздумье самыхъ много— ученыхъ людей и обращало на путь спасенія! Рѣшительными же цѣнителями, окончательными судьями истиннаго значенія распространяемыхъ въ обществѣ новыхъ взглядовъ, должны служить для христіанъ во все время „слуги Христовы, строители тайнъ Божіихъ“ (1 Кор. IV—1); пастыри, которыхъ Христосъ Спаситель уполномочилъ, въ лицѣ апостоловъ, быть проповѣдниками, хранителями и защитниками Его святой истины. Для царей древней Іудеи голосъ пророковъ являлся наиболѣе яснымъ и сильнымъ выразителемъ народныхъ воззрѣній. Съ другой стороны, представляется вполне естественнымъ, чтобы пророки имѣли рѣшающее вліяніе на развитіе и укрѣпленіе народнаго мнѣнія. Самъ Христосъ Спаситель, спросилъ у апостоловъ, для утвержденія ихъ въ вѣрѣ: *за кого люди почитаютъ меня, Сына Человѣческаго*, и выслушавъ о Себѣ мнѣніе лучшей части народа, окончательный отвѣтъ предоставилъ дать апостоламъ: *Вы же за кого Меня почитаете?* спрашиваетъ ихъ наконецъ Господь.

Но такъ ли у насъ бываетъ? Кто теперь спросить и послушаетъ своего батюшку, когда среди такъ называемыхъ передовыхъ людей, идущихъ во главѣ общественнаго мнѣнія, дурнымъ тономъ признается разногласіе съ кѣмъ бы то ни было, расходиться въ словѣ и дѣлѣ, особенно по вопросамъ вѣры и нравственности? Не скорѣе ли найдутся люди, которые съ нескрываемымъ удовольствіемъ стануть, слушать всякія рѣчи противъ своего отца духовнаго, вѣрить всякой самой гнусной клеветѣ на служителей церкви, распускаемой словесно или печатно. Добрый сынъ Церкви долженъ бы или заградить уста влозвычному строгимъ обличеніемъ или, по крайней мѣрѣ, отворотить отъ клеветника свой слухъ и наказать его молчаніемъ и взоромъ состраданія. Но изъ за столь уважаемой въ обществѣ терпимости, которая является тождественною съ терпѣніемъ заблужденія и въ сущности есть только прикрытая трусость, мы часто выслушиваемъ клевету съ величайшимъ участіемъ и вниманіемъ, а иногда, въ угоду клеветнику, присоединяемъ и свой голосъ. О если бы мы были болѣе внима-

тельны къ себѣ, если бы всякій разъ съ полною строгостію оцѣнивали подлинныя побужденія многихъ нашихъ отношеній къ ближнимъ, то не разъ, а можетъ быть постоянно, даже по совершеніи, видимо, добраго дѣла, намъ пришлось бы слышать обличительный голосъ совѣсти: *lobzaniemъ ли Сына чело-вѣческаго предадимъ* (Лук. XXII, 48). Не однажды, какъ апостолу Петру, а всю жизнь, быть можетъ, пришлось бы намъ плакать горько (Лук. XXII, 62), такъ какъ нерѣдко до самой постыдной измѣны Христу Спасителю увлекаетъ насъ это слишкомъ далеко простираемое бонтонное желаніе ни съ кѣмъ не разногласить и быть въ пріятельскихъ отношеніяхъ со всѣмъ свѣтомъ. И, что опаснѣе всего, эта ложная терпимость, эта крайняя угодливость, нерѣдко носить на себѣ признаки истинной, имѣть столько видимаго съ нею сходства, что самый благомыслящій чело-вѣкъ можетъ страшно ошибаться насчетъ ея, если не озаряетъ его свѣтъ Христовъ, просвѣщающій всякаго чело-вѣка. Въ предосторожность отъ такого заблужденія, пагубнаго и для временнаго нашего благополучія и для вѣчнаго спасенія, мы всегда должны помнить, какъ далеко простирается обязательная сила христіанскаго угожденія.

Правда, любовь къ ближнему обязываетъ насъ всячески угождать ему; но эта высочайшая добродѣтель не можетъ, конечно, внушать намъ угожденій преступныхъ. Послушаемъ, какъ объ этомъ учитъ апостоль языковъ. *Каждый изъ васъ, говоритъ онъ римлянамъ, долженъ угождать ближнему во благо къ назиданію* (XV, 2). Но къ Галатамъ Онъ писалъ: *если бы я и помыслъ угождалъ людямъ, то не былъ бы рабомъ Христовымъ*. Здѣсь св. ап. Павелъ, конечно, не противорѣчитъ себѣ и не постановляетъ въ различныя времена противорѣчивыя правила. Нѣтъ. Духъ Святый, Который говорилъ его устами, предохранилъ его отъ всякихъ несообразностей и противорѣчій. Но въ этихъ двухъ посланіяхъ великій апостоль говорить о двухъ совершенно различныхъ предметахъ. Въ первомъ мѣстѣ онъ внушаетъ одинъ образъ угожденія ближнему, а въ последнемъ осуждаетъ другой.

Можно угождать ближнему или для него или для себя; можно имѣть въ виду или благо тѣхъ, кому угождаемъ, или собствен-

ныя выгоды. Такимъ образомъ, кто желаетъ угождать другому, тотъ имѣетъ побужденіемъ къ тому или любовь или самолюбіе. Первое изъ этихъ началъ сообщаетъ всѣмъ поступкамъ, какіе оно внушаетъ, характеръ благородства, чистоты и святости, второе кладетъ на всѣ дѣйствія, въ которыхъ выражается, печать нивости, нечистоты и порока. Апостолъ Павелъ представляетъ намъ въ своемъ лицѣ образецъ самыхъ безкорыстныхъ и самыхъ тонкихъ угожденій, къ какимъ только способна истинная любовь. Совершенно свободный по своему состоянію, онъ дѣлался рабомъ для всѣхъ: съ іудеями былъ іудеемъ, съ язычниками язычникомъ; для чего же это?—для того, чтобы тѣхъ и другихъ приобрести Богу. Съ слабыми онъ и себя показывалъ слабымъ; для чего же—чтобы обратить ихъ къ вѣрѣ. Онъ для всѣхъ былъ всѣмъ; это для чего?—чтобы всѣхъ спасти. Что онъ ни дѣлалъ, все это для Евангелія, для успѣшнѣйшаго распространенія вѣры Христовой (1 Кор. IX, 10). Онъ и насъ убѣждаетъ любить всякаго человѣка, быть ему добрымъ сосѣдомъ и согражданиномъ, помогать ему въ нуждѣ, служить всѣмъ, чѣмъ можемъ „Дѣлите съ ними“, такъ убѣждаетъ онъ насъ, ихъ радости и печали; входите въ ихъ чувствованія (Рим. XII, 15—16); предупреждайте ихъ нашимъ уваженіемъ. Вотъ благоприличія жизни общественной и вмѣстѣ добродѣтели христіанскія. Но гдѣ начинаются требованія вѣры и нравственности, тамъ должно оканчиваться наше угожденіе, тамъ внутренній міръ нашъ долженъ быть не для всякаго открытъ и доступенъ. Излишне, кажется, доказывать это; ибо какой христіанинъ не убѣжденъ въ томъ, что должно повиноваться Богу болѣе, нежели людямъ, что ни изъ какихъ видовъ, не слѣдуетъ жертвовать истиной, добромъ и правдой, ради того или другого человѣка. Но угожденіе перестаетъ быть для насъ обязательнымъ и въ такихъ случаяхъ, которые сами по себѣ позволительны, даже имѣютъ добрую сторону и только въ приложеніи къ особеннымъ обстоятельствамъ могутъ оказываться дурными и производить зло.

Уступчивость, напр., есть, безъ сомнѣнія, добродѣтель прекрасная. Не безъ основанія говорятъ: умный уступаетъ. Но это умное выраженіе не во всѣхъ отношеніяхъ справедливо.

Тамъ, гдѣ нужно обуздать тщеславіе, сокрушить дерзость, сломить упорство, унизить надменность, смирить гордость, тамъ мы должны, даже въ самыхъ маловажныхъ предметахъ, стоять твердо за правду, утѣшая себя тою благою мыслию, что въ такихъ случаяхъ, правильно говоря, мы оказываемъ ближнему большую услугу, когда не оказываемъ никакой.

Достохвальна также снисходительность. Мы сами всего чаще нуждаемся въ снисхожденіи ближнихъ: какъ же не быть и намъ снисходительными къ ихъ слабостямъ? Но гдѣ благотворныхъ и спасительныхъ послѣдствій можно ожидать только отъ строгости, тамъ снисходительность—порокъ. Подумайте, какой отвѣтственности мы подвергаемся, когда своею снисходительностью ободряемъ легкомысліе, способствуемъ къ полному забвенію долга и проч. Подумайте, что даже тѣ самые, которымъ мы поблажаемъ и потворствуемъ, когда нибудь могутъ воздать намъ ненавистью и проклятіемъ за наше пагубное добродушіе.

Милосердіе, безспорно, одна изъ высокихъ добродѣтелей христіанина. И однакоже каждый согласится, что и касательно этой добродѣтели есть мудрыя правила, которыхъ не должно терять изъ виду. Доброхотно дающаго, говорится въ Свящ. Писаніи, любитъ Богъ (2 Кор. IX—7), но, конечно, не безразсуднаго. Есть люди, которые не хотятъ развить и употребить какъ должно, ни одной изъ силъ, дарованныхъ Богомъ, только потому, что они надѣются на наше добродушіе, которымъ они злоупотребляютъ и которое постоянно усиливаетъ и питаетъ въ нихъ страсти. Въ такихъ случаяхъ суровость часто бываетъ благодѣяніемъ и рѣшительный отказъ—добродѣтелью. Къ тому же, оказывая помощь нуждающимся, христіанинъ въ особенности долженъ помогать тѣмъ, кои связаны съ нимъ узами вѣры и крови. *Будемъ дѣлать добро есмь,* говоритъ апостоль, *а не иначе своимъ по вѣрѣ* (Гал. VI, 10); *если же кто о своихъ,* говоритъ тотъ же апостоль, въ другомъ мѣстѣ, *и въ особенности о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго* (1 Тим. V—8). Между тѣмъ въ свѣтѣ милосердіе проявляется безотчетно и чаще всего, въ качествѣ выраженія торопливаго желанія, такъ сказать,

успокоить нервы, раздраженные зрѣлищемъ страданія, нерѣдко только мнимаго. Таковы границы истинно христіанскаго угожденія, т. е. угожденія, побужденіемъ къ которому служить любовь, а цѣлью—благо ближняго.

Но есть угожденіе ложное, проистекающее не изъ любви къ ближнему, а изъ самолюбія, и имѣющее цѣлью не благо ближняго, а приобрѣтеніе себѣ похвалы, или избѣжаніе осужденія. Оно есть низкое, рабское чувство души, заставляющее дѣйствовать часто вопреки совѣсти, только изъ одного желанія стяжать себѣ одобреніе, или избѣжать насмѣшекъ. Этого рода угожденіе, которымъ такъ удачно пользуется общественное мнѣніе, для подчиненія насъ своему вліянію, не только порочно по своему источнику, но и совершенно несостоятельно по своей цѣли.

Конечно, мы должны заботиться о томъ, чтобы сдѣлать себя достойными добраго мнѣнія, или чести, которая, несомнѣнно, есть благо, хотя и относительное. Честь—благо, потому, что составляетъ важное условіе нашей дѣятельности, при угроженіи чего-либо среди людей, а также и потому, что человѣкъ имѣетъ потребность встрѣтить признаніе своей дѣятельности со стороны другихъ, потребность быть уважаемымъ. Не отвергаетъ чести самъ ап. Павелъ, напротивъ, онъ даже защищаетъ себя, напр., отъ нападавшихъ на его служеніе и желавшихъ унижить его во мнѣніи другихъ. *Для меня лучше умереть, говорить онъ, нежели, чтобы кто уничтожилъ мою похвалу* (1 Кор. IX, 19). Но это—честь не виѣшняя только (почетъ), а и внутренняя (достоинство), вполне совпадающая съ долгомъ, съ служебнымъ правомъ и авторитетомъ апостола. Съ другой же стороны, тотъ же апостоль, указывая на безконечно относительное значеніе виѣшной чести, къ которой такъ стремятся рабы людскаго мнѣнія, на ея непостоянство и крайнюю измѣнчивость, не менѣе рѣшительно говоритъ: *для меня очень мало значить, какъ судите о мнѣ вы, или какъ судятъ другіе люди; судія же мнѣ Госнодь* (1 Кор. IV, 3—4). Въ отношеніи къ земнымъ, лишь кажущимся почестямъ, для него не важно подлежать суду со стороны людей, такъ какъ главное для него имѣетъ честь предъ Богомъ. Посему, съ-

христіанской точки зрѣнія, только долгу можетъ принадлежать безусловное значеніе, и тамъ, гдѣ честь сталкивается съ долгомъ, необходимо жертвовать первою ради послѣдняго, умирая или угасая во мнѣніи людей, или оставляя въ ихъ представленіи искаженное отображеніе своей личности. Когда первосвященники и книжники потребовали отъ апостоловъ Петра и Іоанна, чтобы они не говорили и не учили объ Іисусѣ Христѣ, апостолы сказали имъ въ отвѣтъ: *судите, справедливо-ли вамъ слушать болѣе, чѣмъ Бога* (Дѣян IV, 19). Здѣсь средняго ничего не должно быть: мы служимъ не двумъ господамъ, а одному Господу; есть одна только воля, которая да будетъ и на землѣ, какъ на небѣ, въ вещахъ небесныхъ и земныхъ. Да никто и не можетъ, по словамъ Писанія, служить двумъ господамъ (Мф. VI, 24). Кто хочетъ быть другомъ міру, говоритъ апостолъ Іаковъ, тотъ становится врагомъ Богу (IV, 4). Въ самомъ дѣлѣ, если-бы мы, не желая лишиться чести у людей, стали сообразовать свои поступки съ мнѣніемъ людей, съ требованіями духа времени, съ его мѣркою для того, что заслуживаетъ почета, то мы никакъ не могли бы сообразоваться съ тѣмъ, чего требуетъ отъ насъ божественная воля: *какъ вы можете вървать, говоритъ Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, когда другъ отъ друга принимаетъ славу, а славы, которая отъ Единаго Бога, не ищете* (V, 44).

Но, допустимъ, вы не боитесь лишиться чести у Бога, уповаая на Его долготерпѣніе и безконечную милость; вы страшитесь потерять ее у міра, который ни на минуту не терпитъ измѣны себѣ и не щадитъ своихъ бѣглецовъ. Не надѣйтесь: вы не имѣете никакихъ средствъ избѣжать того несчастія, котораго вы такъ страшитесь. Поставьте себя въ какое угодно положеніе, выберите какой угодно родъ жизни,—и вы нигдѣ не укроетесь отъ обвинителей и порицателей вашего поведения. Невозможно, чтобы тамъ, гдѣ находится такая удивительная противоположность предразсудковъ, склонностей, выгодъ, желаній и страстей, не было противорѣчія между сужденіями и толками. И нельзя не признать, что люди, вообще говоря, составляютъ другъ о другѣ лишь крайне неудачныя представленія, и что есть громадное различіе между тѣмъ, что такое:

человѣкъ самъ по себѣ, и тѣмъ, какъ во мнѣніи другихъ людей отражается образъ его личности. Слыханное ли дѣло, чтобы кто-нибудь изъ людей успѣлъ заслужить всеобщія похвалы и избѣгнуть порицаній? Самъ Богочеловѣкъ какимъ не подвергался противорѣчіямъ, клеветамъ и обвиненіямъ человѣческой злобы! Враги Его распространяли о Немъ мнѣніе, какъ о самозванномъ учителѣ, льстящемъ народу, отвергающемъ законъ Моисеевъ и отеческія преданія, совершающемъ чудеса силою ѳсовскою и опасномъ возмутителѣ народа противъ существующихъ властей. Посему, честь и уваженіе, какими христіанинъ пользуется у людей, онъ долженъ имѣть, какъ бы не имѣющій ихъ, будучи всегда готовымъ умереть или угаснуть въ представленіи людскомъ. Имѣя въ виду исторію страданій Христа Спасителя, мы должны при всякомъ „осанна“ представлять себѣ въ умѣ и соотвѣтственное „распи Его“, при всякой славѣ, при всякомъ знакѣ почтенія, какими мы пользуемся, должны мы слышать мысленно и соотвѣтственное порицаніе и насмѣшки, слѣдующія за нами по пятамъ. Народъ убѣжденъ былъ въ чистотѣ и святости Того, Кого одни почитали за Іоанна Крестителя, другіе за Ілію, а иные за Іеремію или за котораго—нибудь изъ пророковъ; даже разбойники, бродившіе въ горахъ Палестины, знали, что Онъ *ни единому зла сотвори* (Лук. XXII, 41). Но тѣмъ не менѣе, мнѣніе враговъ Христа Спасителя, поддерживаемое властью, насилиемъ, подкупомъ и клеветою, достигло, какъ извѣстно, того, что тотъ самый народъ, который нѣсколько дней тому назадъ не зналъ границъ восторга, взывая: „осанна, осанна!“ нынѣ выходитъ изъ всякихъ предѣловъ, крича въ ярости: „распи, распи Его!“ Вотъ почему тѣмъ, кои желаютъ быть учениками и служителями Христа Спасителя, надлежитъ быть готовыми идти по тому пути, который поведетъ ихъ между честью и стыдомъ, между добрыми и злыми слухами. Апостоль Павелъ предрекаетъ эту участь всѣмъ праведникамъ, когда говоритъ: *естъ, желающіе жить благочестиво во Христѣ Иисусѣ, будутъ ионими* (2 Тим. III, 12). И такой земной жребій истинныхъ послѣдователей Христовыхъ нисколько не долженъ смущать насъ, но еще, напротивъ ободрять можетъ насъ на-

ждею, что мы на правомъ пути находимся. *Если мѣръ оасъ ненавидитъ*, говоритъ Господь, *знайте, что Меня прежде оасъ возненавидѣлъ* (Іоан. XV, 18). Знать это для насъ утѣшительно потому, что мѣръ, ненавидящій вѣрныхъ слугъ Христовыхъ, старается придать своей ненависти такой видъ, будто онъ не за Христа противъ нихъ враждуетъ, а осуждаетъ ихъ, какъ не истинно Христовымъ путемъ идущихъ. Образъ мыслей и жизни, управляемый христіанскими началами и потому не такой чувственный и развѣянный, какой любятъ въ мѣрѣ, мѣръ называетъ неразумною строгостью, преувеличеніемъ горячихъ головъ, простоту и смиреніе—малостью и низостью духа или скупостью, расположеніе къ духовнымъ упражненіямъ и жизни созерцательной—склонностью къ мечтательству или лицемеріемъ, ревность по вѣрѣ,—фанатизмомъ, прощеніе обидъ—слабостью характера, уединеніе отъ общества—неудимостью. Но когда мы знаемъ, что и Христу Спасителю, при Его Божественныхъ дѣлахъ и ученіи, не разумѣвшіе таинъ Божества и спасенія, говорили: *какія странныя слова!* (Іоан. VI, 60), *кто это, который богохульствуетъ?* (Лук. V, 21), онъ одержимъ бѣсомъ и безумствуетъ (Іоан. X, 20): тогда укоризны міра перестаютъ быть для насъ странными, потому что уподобляютъ путь нашъ пути Христову, и мы должны поэтому относиться къ нимъ съ терпѣніемъ и чистой совѣстью, какъ къ дѣлу не новому. Къ тому же Христось Спаситель увѣраетъ насъ, что поношеніе людей будетъ для насъ источникомъ одного изъ вѣчныхъ блаженствъ (Мѣ. V, 11). Всякое незаслуженное уничтоженіе, которому мѣръ будетъ подвергаться, сдѣлается для насъ новымъ правомъ на славу. Каждый ударъ, который нанесутъ нашей чести, спокойствію и благосостоянію, подвигнетъ насъ ближе къ небу, гдѣ, по выраженію одной церковной пѣсни, долженъ быть *край* всѣхъ нашихъ *желаній*. Настанетъ же, наконецъ, не разъ предвозвѣщенный день воздаянія, когда всѣ предстанутъ предъ Судище Христово, гдѣ непризнанные и неизвѣстные всетаки будутъ узнаны (2 Кор. VI, 8), тогда каждому будетъ похвала отъ Бога (1 Кор. IV, 5). Но часто, по устроенію Провидѣнія, это призваніе происходитъ и похвала воздается и здѣсь, на землѣ. Мѣръ

чувствуетъ нѣкоторую почтительную боязнь къ твердой добродѣтели, которая осмѣливается отказать ему въ томъ, чего онъ не въправѣ отъ нея требовать. Онъ въ сущности никого столько не уважаетъ, сколько тѣхъ, которые имѣютъ смѣлость противиться ему, и подъ конецъ начинаетъ слѣдовать тѣмъ, кого въ началѣ отвергалъ. Греки убиваютъ Сократа, потому что возносятъ его славу и въ честь его воздвигаютъ статуи. Руками іудеевъ человечество пригвождаетъ къ древу Иисуса изъ Назарета, потому что, по зову нѣсколькихъ лодочниковъ и нѣкоего дѣлателя палатокъ, оно приходитъ въ движеніе и идетъ вслѣдъ за Распятіемъ. Поэтому, всякій благонамѣренный служитель истины, добра и правды да утѣшается мыслию, что доводъ въ мірѣ не угаснетъ совѣсть и не изсякнетъ духъ Христовъ, всякій благонамѣренный дѣятель, рано или поздно, но непременно будетъ оцѣненъ по достоинству, и слово его, хотя бы онъ былъ и одинокъ, въ концѣ концовъ перевѣситъ во вниманіи и сочувствіи лучшей части народа громкія вѣщанія цѣлаго полка книжниковъ и фарисеевъ, которыми такъ богато современное такъ называемое образованное общество.

Мѡ. Соколовъ.

Николай Яковлевич Гротъ (1852 + 1899 г.) и его философскіе труды.

(Продолженіе *).

Г л а в а II.

Второй (идеалистическій) періодъ философской дѣятельности Грота (1895—1894). „Дж. Бруно и пантеизм“, „Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно“, „О душѣ въ связи съ ученіемъ о селѣ“, „Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка“, „Что такое метафизика“.

„Классификація наукъ“ была послѣднимъ произведеніемъ, въ которомъ симпатіи Грота примыкали еще къ тѣмъ направленіямъ¹⁾, которымъ онъ сочувствовалъ въ своей молодости (позитивизму и эволюціонизму). Но вскорѣ же за этой статьёй являются новыя произведенія, въ которыхъ симпатіи Грота окончательно уже наклоняются въ другую сторону. Эти сочиненія: „Дж. Бруно и пантеизм“ и „Задачи философіи, въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно“. Къ какимъ воззрѣніямъ и какимъ путемъ пришелъ авторъ въ этихъ своихъ сочиненіяхъ, мы постараемся опредѣлить и выяснить теперь же, основываясь преимущественно на его собственныхъ словахъ. Гротъ, по его словамъ, все еще колебался, признать или не признать независимую (въ природѣ) отъ нашихъ чувствъ субъективную внутреннюю цѣну вещей. Но разборъ содержанія *искусства* покончилъ съ этими колебаніями. Выходя изъ того положенія, что

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 15.

1) См. объ этомъ цитированную уже нами статью Грота: „О задачахъ и направленіяхъ моей философіи“.

есть такіа произведенія искусства, красота которыхъ никѣмъ не оспаривается и никогда не испаряется (хотя бы напр. красота такихъ созданій, какъ Мадонна Рафаэля), Гротъ дѣлаетъ тотъ справедливый выводъ, что во всѣхъ личныхъ и относительныхъ чувствахъ эстетическихъ есть какой-то неличный остатокъ. Слѣдовательно, есть красота и внѣ чувства красоты; иначе, спрашиваетъ нашъ мыслитель, отчего бы люди самыхъ противоположныхъ убѣжденій и возрѣній на вещи, но съ одинаковымъ эстетическимъ развитіемъ, поразились красотой нѣкоторыхъ художественныхъ типовъ и признавали ее (красоту) безусловною? Безъ сомнѣнія, есть красота (а также и безобразіе, какъ противоположность ея) внѣ чувствъ красоты и безобразія, которыя въ насъ суть только орудія познанія соответствующихъ сторонъ объекта. Но если въ насъ есть развивающееся чувство красоты, то само собою слѣдуетъ, что и въ природѣ есть такое свойство, или состояніе или отношеніе, которое называется красотой. Но чувства красоты и безобразія суть чувства удовольствія и страданія; слѣдовательно, заключаетъ Гротъ, и вообще чувства удовольствія и страданія имѣютъ цѣну не только личную, но и общую. Отсюда же нашъ мыслитель дѣлаетъ новый рядъ такихъ выводовъ: философія сродни искусству; чувство красоты, эстетическое чувство—параллельно чувству добра, нравственному чувству. Если есть красота, то есть и добро—внѣ относительной, личной оцѣнки. Добро есть такой же законъ природы, какъ и красота, добро есть такое же внутреннее свойство вещей, какъ и красота. Но красота и добро суть свойства, оцѣняемые сознаниемъ. Если въ природѣ существуютъ независимо отъ нея—красота и добро, то есть въ ней и сознаніе, которое ихъ постигло, оцѣнило, создало и дало людямъ средства познавать ихъ при посредствѣ чувствъ.

Ко всѣмъ указаннымъ мыслямъ Гротъ пришелъ, прежде всего, подъ вліяніемъ изученія сочиненій Джордано Бруно. Бруно первый далъ ему философскую идею „сознанія вселенной“, безъ которой красота и добро были бы только пустыми звуками; благодаря Дж. Бруно, онъ понялъ, что если чрезъ-

свое чувство мы можемъ познать свою и чужую (другихъ людей и существъ) субъективную, внутреннюю жизнь, то черезъ то же чувство мы можемъ познавать и внутреннюю жизнь и смыслъ жизни вселенной. Будучи убѣждаемы черезъ свое самосознаніе въ существованіи личнаго сознанія у другихъ существъ, мы въ правѣ быть убѣжденными и въ существованіи личнаго сознанія и у цѣлаго организма вселенной. А это убѣжденіе, по воззрѣнію нашего мыслителя, является уже зерномъ, зачаткомъ понятія о Богѣ.

Всѣ эти мысли находятся въ вышеупомянутомъ сочиненіи Грота: „Дж. Бруно и пантеизмъ“. Для большаго ознакомленія съ мировоззрѣніемъ нашего мыслителя, мы приведемъ наиболѣе характерныя мысли изъ этого его произведенія.

Свою статью о „Дж. Бруно и пантеизмѣ“ Гротъ начинаетъ съ указанія того, какія въ настоящее время господствуютъ среди культурнаго человѣчества мировоззрѣнія. Онъ находитъ, что въ необразованной массѣ господствуетъ абсолютный и крайне грубый дуализмъ, т. е., ученіе о безусловной двойственности началъ всего сущаго. Въ образованномъ же обществѣ абсолютный монизмъ, т. е., ученіе о единствѣ—всѣхъ началъ въ природѣ, теорія матеріи—силы. Абсолютный дуализмъ логически ведетъ къ теоріи фатализма; абсолютный же монизмъ приводитъ къ теоріи случая и нравственной необходимости. Является вопросъ: какъ же выйти изъ этихъ двухъ противоположныхъ и одинаково крайнихъ мировоззрѣній современной намъ эпохи? Нашъ мыслитель рѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что истина находится въ синтезѣ монизма и дуализма, въ доктринѣ монодуалистической. Шире и правильнѣе всего эта доктрина раскрывается въ пантеистическихъ мировоззрѣніяхъ. Пантеизмъ же бываетъ 3-хъ видовъ: во 1-хъ пантеизмъ эманационный, признающій міръ истеченіемъ изъ Божества; во 2-хъ пантеизмъ имманентный, по которому идея Бога сливается съ идеею всеобщей души, по коему внѣ міровъ, составляющихъ безконечную вселенную, нѣтъ Бога, какъ особаго личнаго сознанія; и въ 3-хъ пантеизмъ синтетическій, стремящійся примирить предположенія имманентности и транс-

цендентности Божества; идею Бога, какъ начала жизни и какъ личнаго безконечнаго сознанія вселенной. Этотъ видъ пантеизма является какъ бы продуктомъ слиянiя идеи безконечности вселенной и разумной цѣлесообразности бытiя. Какъ таковой, этотъ видъ только однажды проявился въ чистомъ своемъ видѣ въ эпоху возрожденiя, въ философи Дж. Бруно, у котораго пантеизмъ является настоящимъ монодуализмомъ, примиренiемъ единства и двойственности началъ во вселенной, примиренiемъ религiознаго и научнаго воззрѣнiя на мiръ. Нашъ мыслитель далѣе въ своей статьѣ и выясняетъ это значенiе пантеизма. Наука по своему существу всецѣло материальна и монистична; религiозное же воззрѣнiе оказывается чисто духовнымъ и неизбежно дуалистическимъ мировоззрѣнiемъ, такъ какъ оно противопоставляетъ Бога веществу, духъ—тѣлу. Изъ такого противоположнаго характера науки и религiи естественно является вопросъ: насколько религiя и наука могутъ допустить синтезъ этихъ двухъ противоположныхъ воззрѣнiя на мiръ въ философи? Нашъ мыслитель находитъ, что онѣ могутъ допустить этотъ синтезъ, такъ какъ религiя, основывающая свое воззрѣнiе на дуализмъ,—не отвергаетъ и монизмъ, ибо она признаетъ единаго Бога въ основѣ жизни вселенной, признаетъ взаимодействие духовнаго и материальнаго началъ, объяснимое только известною ихъ конечною однородностью, дифференциациею изъ одной общей основы: на заднемъ фонѣ всѣхъ религiозныхъ дуалистическихъ воззрѣнiя мы усматриваемъ монизмъ,—ученiе о единствѣ всего сущаго, по единой первоосновѣ. Но точно также и наука нисколько не безусловно враждебна дуализму, ибо она признаетъ за предѣлами явленiя нѣчто недоступное ея анализу: на заднемъ фонѣ науки можно, въ свою очередь, усмотрѣть молчаливое признанiе дуализма, двусторонности сущаго. Истинная наука не только не отрицаетъ бытiя самого въ себѣ, внѣ феноменальнаго существованiя, но напротивъ, принципиально допускаетъ необъяснимость самой загадки бытiя путемъ приемовъ познанiя научнаго. Считая своимъ объектомъ матерiю и силу, истинная наука сознается, что не знаетъ, что такое жизнь и сознанiе, откуда

явилась жизнь въ существахъ органическихъ, откуда взялись первоначальные элементы матеріи. Наука не можетъ знать, откуда взялся міръ, сопряжено ли развитіе міра съ совершенствованіемъ первоначальнаго бытія, или же оно есть только простая трансформация этого бытія. Эти загадки и берется разрѣшать монодуалистическій пантеизмъ. Онъ долженъ исходить изъ той основной идеи, что не бессознательная сила дорабатывается въ міръ до сознанія, а напротивъ, сознаніе, какъ высшая въ міръ форма силы и какъ одна изъ двухъ первоначальныхъ основъ или сторонъ единаго, распредѣляясь въ дифференцирующемся веществѣ, превращается въ различныя другія низшія формы силы. Но здѣсь является вопросъ: можно ли предположить, если только признать сознаніе основой силы, что оно все безъ остатка перешло въ силу, чтобы послѣ снова все безъ остатка перейти въ сознаніе? Нашъ мыслитель допускаетъ здѣсь такое предположеніе: положимъ, что земля есть извѣстное количество матеріи и силы, нѣкоторая часть этой силы и матеріи индивидуализировалась въ предметахъ и существахъ, находящихся на поверхности земли, но является вопросъ,—вся ли матерія и сила земли индивидуализировалась? Конечно нѣтъ, отвѣчаетъ Гротъ, ибо тогда не было бы и земли, какъ цѣлаго. Земля, какъ цѣлое, несомнѣнно живетъ своею особою жизнью, независимо отъ жизни индивидуализованныхъ на ея поверхности частицъ. Возможнымъ представляется нашему мыслителю и то, что и солнечныя системы, каждая въ цѣломъ, имѣютъ еще особую жизнь цѣлаго, независимо отъ жизни отдѣльныхъ планетъ и солнца; восходя еще далѣе къ цѣлой вселенной, мы можемъ тоже предположить, что и она имѣетъ свое особое индивидуальное бытіе, независимо отъ индивидуальнаго бытія солнечныхъ системъ, отдѣльныхъ небесныхъ тѣлъ и индивидуализованныхъ на нихъ предметовъ и существъ. Но также допустимо признаніе индивидуальной жизни и за частями цѣлаго. Организмъ живетъ, какъ цѣлое,—это фактъ. Но рядомъ съ нимъ стоитъ и другой фактъ, что организмъ есть многочисленная колонія меньшихъ

организмовъ, клѣтокъ, которыя тоже всѣ должны жить какою-то своею особою, индивидуальною жизнью.

Теперь является вопросъ: какова же жизнь земли, какъ цѣлаго, солнечной системы, какъ цѣлаго, наконецъ вселенной; какъ цѣлаго, сравнительно съ нашею жизнью?

Нашъ мыслитель убѣжденъ, что жизнь вселенной, какъ цѣлаго, не можетъ быть менѣе сложна, совершенна и сознательна, чѣмъ жизнь нашего организма,—атома вселенной. Какъ нельзя допустить, чтобы наши кровяные шарики имѣли высшія знанія, высшую науку, чѣмъ мы сами, такъ нельзя допустить, что человекъ, эта крохотная клѣточка міра, живетъ высшимъ сознаниемъ, чѣмъ организмъ вселенной; но если допустить, что вселенная, какъ цѣлое, живетъ особою сознательною жизнью и что эта сознательная жизнь не хуже и не ниже нашей, то само собою слѣдуетъ тотъ выводъ, что духъ вселенной одаренъ и мыслью, и чувствомъ, и волею, и движеніемъ, согласнымъ съ этою волею. Если далѣе мы предположимъ, что сознание вселенной несравненно совершеннѣе нашего и даже болѣе того, что оно абсолютно, всесовершенно, ибо вселенная есть абсолютно все, абсолютно цѣлое, абсолютное бытіе, то мы должны, предположить, что это сознание вселенной такъ тонко, что оно ощущаетъ ея малѣйшіе элементы и малѣйшія въ ней переменны, и дѣйствуетъ сообразно такому всесовершенному самоощущенію и самосознанію. Такое же предположеніе вполне естественно приводитъ насъ къ признанію вѣроятности всевѣдѣнія и всемогущества сознанія, или духа вселенной, т. е. Бога. Таковы, по воззрѣнію нашего мыслителя, основныя разсужденія истиннаго пантеизма. Представитель этого чистаго вида пантеизма, Дж. Бруно, отъ геоцентрической точки зрѣнія на міръ перешелъ къ точкѣ зрѣнія космоцентрической. Но эта космоцентрическая точка зрѣнія у него есть и теоцентрическая, т. е., признающая истиннымъ центромъ вселенной Бога. Если вселенная есть все и есть безгранична, то въ ней матеріальнаго центра и окружности быть не можетъ: всякая точка есть въ ней центръ и часть окружности; а слѣдовательно, если у нея

и есть центръ, то только духовный. Этотъ центръ и есть Божество,—сознаніе, духъ вселенной. Въ идеѣ Бога, сознанія вселенной, мы приходимъ путемъ внутренней, интуиціи, путемъ самосознанія, распространяющаго основной признакъ нашего собственнаго бытія на всякое бытіе вообще. Но если мы признаемъ, что есть сознаніе въ мірѣ вообще, т. е. Богъ, то конечно мы должны признать и то, что это сознаніе, наполняющее безконечное все, и само должно быть тоже безконечнымъ. А такъ какъ двухъ безконечныхъ быть не можетъ, то Богъ и вселенная—одно и то же, двѣ стороны одного бытія. Въ томъ абсолютѣ нѣтъ контрастовъ, въ немъ матерія и форма, матерія и духъ—одно; но основнымъ производительнымъ началомъ въ этомъ абсолютѣ, т. е., настоящею его сущностью, является сознаніе, Богъ, мысль; міръ же, вселенная является лишь продуктомъ раскрытія, экспликаціи Бога. Этотъ процессъ раскрытія или дифференціаціи единого бытія и есть процессъ происхожденія. Таковы главныя мысли и воззрѣнія, проводимыя Гротомъ въ изложенномъ нами его произведеніи „Дж. Бруно и пантеизмъ“. Мы видѣли, что въ этомъ своемъ произведеніи Гротъ проводитъ совсѣмъ новое міровоззрѣніе. Характеръ и направленіе этого міровоззрѣнія еще болѣе рельефно выразились въ послѣдующихъ работахъ нашего мыслителя. Такъ, уже въ слѣдующей работѣ: „задачи философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно“—мы видимъ отраженіе характера новаго міровоззрѣнія нашего философа; именно, въ этой статьѣ новое міровоззрѣніе Грота отразилось въ новой его теоріи философскаго метода. Методъ свой нашъ мыслитель называетъ методомъ субъективной индукціи, въ противоположность научной объективной индукціи, потому что Гротъ все таки и въ этомъ сочиненіи еще не признавалъ самостоятельной отъ индукціи дедукціи, и независимаго отъ опыта и априорнаго метода познанія, т. е. метафизики. То, что у метафизиковъ называется априорнымъ методомъ, у Грота носитъ названіе метода чувства. Для лучшаго уясненія взглядовъ автора, воспроизведемъ ходъ мыслей его въ этой небольшой, но содержательной лекціи.

Прежде всего, нашъ мыслитель касается любопытнаго и очень важнаго вопроса о возможности и условіяхъ въ наше время возрожденія философіи. Гротъ находитъ, что возрожденіе философіи можетъ начаться только при убѣжденіи, что такая новая философія возможна; другими словами, возрожденіе философіи возможно будетъ лишь въ томъ случаѣ, если будутъ поняты задачи ея въ отношеніи къ задачамъ другихъ сферъ дѣятельности человѣческаго духа (религіи, науки, искусства). Въ чемъ же заключается истинное отношеніе философіи къ религіи, искусству, наукѣ? Для объясненія этого отношенія Гротъ опредѣляетъ значеніе каждой изъ этихъ сферъ дѣятельности духа.

Религія, рассматриваемая съ теоретической стороны, есть, по нашему мыслителю, міровоззрѣніе, вырабатывающееся всецѣло на почвѣ чувства, субъективныхъ, нравственныхъ потребностей нашей природы. Наука стремится, наоборотъ, къ выработкѣ міровоззрѣнія чисто объективнаго, всецѣло основаннаго на объективныхъ ощущеніяхъ и переработкѣ ихъ опытнаго содержанія мыслью, съ устраненіемъ всякаго участія чувства. Философія, наконецъ, стремится объединить и связать въ одно высшее гармоническое цѣлое—міровоззрѣнія—субъективное и объективное, религіозное и научное, уничтожить разладъ той двойной бухгалтеріи души, которую мы ведемъ подъ влияніемъ чувства и мысли—въ области вѣры и въ области знанія.

Въ противоположность этимъ тремъ, тѣсно связаннымъ другъ съ другомъ, сферамъ познанія міра, искусство стремится не столько познать міръ, сколько выразить, воплотить въ подходящихъ формахъ наличныя идеи и міровоззрѣнія человѣчества, и сдѣлать ихъ въ этомъ видѣ вполне доступными пониманію массы. И Гротъ находитъ, что въ этомъ смыслѣ искусство, воплощающее въ себѣ самыя широкія философскія идеи и воззрѣнія, имѣетъ близкое родство съ философіей, какъ синтетическимъ знаніемъ, примиряющимъ всѣ односторонности. Соединяясь же другъ съ другомъ, философія и искусство образуютъ органическое цѣлое, художественно проявля-

ощееся въ лучшихъ великихъ философахъ и писателяхъ, таковы Дж. Бруно, Спиноза, Шекспиръ, Гёте, Лессингъ; изъ русскихъ—Пушкинъ, Гоголь, отчасти Лермонтовъ, Толстой и др. И нужно замѣтить, разъясняетъ свою мысль нашъ авторъ, что искусство, какъ совокупность извѣстныхъ формъ творчества, есть лучшее оружіе воплощенія результатовъ философскаго проникновенія въ смыслъ и внутреннюю гармонию вещей. Какъ совокупность же извѣстныхъ идей о гармоніи или міросозерцаніи, воплощаемыхъ въ этой или другой художественной формѣ, искусство, по Гроту, и есть сама философія на той или другой безсознательной, полусознательной, или вполнѣ сознательной ступени развитія. Выходя изъ наиболѣе конкретныхъ и наиболѣе отвлеченныхъ родовъ искусства, отъ архитектуры и ваянія, до музыки, живописи и поэзи, нашъ мыслитель видитъ постоянное возвышеніе сознательности міровозрѣнія художника, и—„кто знаетъ,—восклицаетъ онъ,—есть ли предѣлъ этому процессу увеличенія сознательности воплощенія идей въ произведеніяхъ искусствъ, и не соляется-ли въ послѣдствіи высшее искусство по содержанію своему съ сознательною высшею философіею. такъ что философія и искусство стануть двумя сторонами одного цѣлаго—содержаніемъ и формою одной и той же высшей дѣятельности человѣческаго духа“¹⁾. Указывая далѣе на то, что такое великое познавательное значеніе искусства предполагаетъ и способъ познанія другой, чѣмъ тотъ, которымъ пользуется наука,—не объективный, а субъективный опытъ, Гротъ задается вопросомъ: не можетъ ли это различіе говорить противъ значенія произведеній искусства—философій? Нашъ мыслитель рѣшительно даетъ отрицательный отвѣтъ на этотъ свой вопросъ: новѣйшая философія,—говоритъ онъ,—доказала пока только то, что внутреннее значеніе вещей, сущность ихъ внутренняго бытія, нельзя постигнуть однимъ умомъ, опирающимся въ своихъ заключеніяхъ на данныя объективнаго опыта; но новѣйшая философія совсѣмъ не доказала того, что сущность

¹⁾ „Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно“; Одесса 1835 г. стр. 16.

вещей нельзя постигнуть иначе. Нѣтъ, напротивъ того, она допускаетъ (напр. въ лицѣ Канта, Шопенгауэра и др.) возможность постигнуть ее хотя отчасти, изъ нашего самосознанія. Въ тому же допущенію приходитъ и современная наука. Она, по убѣжденію Грота, уже несомнѣнно доказала единство законовъ вселенной, доказала, что человѣкъ—органическая часть природы, микрокосмъ, отражающій въ себѣ бытіе всей вселенной. Отсюда же, по нашему мыслителю, слѣдуетъ, что недостаточно отъ свойствъ вещей и процессовъ природы, опредѣляемыхъ въ ихъ законахъ наукою (путемъ объективнаго опыта), заключать о свойствахъ веществъ и процессовъ человѣческаго организма. Необходимо признать столько же естественнымъ и необходимымъ и обратный процессъ заключеній—отъ тѣхъ данныхъ, бытіе которыхъ человѣкъ узнаетъ только въ себѣ, изнутри, въ своемъ чувствѣ жизни, къ сущности жизни, бытія вселенной, заключеній отъ своихъ лучшихъ, высшихъ нравственныхъ свойствъ, отъ своихъ стремленій къ добру, правдѣ и красотѣ—къ лучшимъ, божественнымъ свойствамъ природы, къ ея безконечному по глубинѣ самосознанію, къ ея безконечнымъ стремленіямъ къ природѣ, красотѣ и добру,—словомъ, къ идеѣ Бога—вселенной, къ идеѣ души вселенной. И Гротъ считаетъ себя въ правѣ сказать, что такого рода заключенія и будутъ, въ своемъ родѣ, опытными заключеніями, но основанными не на виѣшнемъ, объективномъ, а на внутреннемъ, субъективномъ опытѣ, на индукціи субъективной, внутренней. Указывая на то, что методъ такой субъективной, внутренней индукціи, еще не выработанъ мыслью человечества, нашъ мыслитель справедливо замѣчаетъ, что въ примитивномъ своемъ видѣ этотъ методъ уже прилагается нами въ жизни постоянно, когда, на основаніи своего чувства жизни, мы стараемся понять жизнь другихъ существъ природы. Такъ, суживая свое чувство жизни, мы этимъ методомъ чувства имѣемъ возможность постигать и переживать жизнь дѣтей и людей низшаго развитія, а также понимать отчасти и жизнь животныхъ. Расширяя же свое чувство жизни, мы этимъ методомъ постигаемъ жизнь людей высшаго развитія, жизнь ве-

ликихъ геніевъ человѣчества. Наконецъ, этимъ же путемъ, путемъ субъективной дедукціи, люди приближаются и къ постиженію Бога. Итакъ, дѣлаетъ заключеніе нашъ мыслитель, этотъ методъ, съ одной стороны, позволяетъ намъ спуститься въ процессъ ограниченія своего чувства жизни до пониманія біенія пульса жизни бессознательной природы, до пониманія жизни растений и предметовъ неодушевленныхъ, съ другой стороны, онъ намъ способствуетъ подняться въ процессъ безпредѣльнаго расширенія своего чувства жизни до живаго пониманія самосознанія вселенной и сущности ея—Бога. Но этотъ же методъ, по возвращенію Грота, даетъ намъ возможность убѣдиться въ великой гносеологической проблеммѣ, что сущность вещей постижима, но не сущность объективная, ибо такой вовсе и не можетъ быть, а сущность субъективная, внутренняя. Это же убѣжденіе даетъ возможность признать и обосновать значеніе философіи—этой теоріи жизни вселенной, и возможность новаго возрожденія ея, путемъ объединенія данныхъ объективнаго научнаго и субъективнаго, религіознаго опыта человѣчества. Въ заключеніе нашъ мыслитель и приглашаетъ идти навстрѣчу этой новой философіи, а чрезъ нее и навстрѣчу новой, обновленной жизни, ибо, говоритъ онъ, безъ участія философіи невозможно и обновленіе жизни, такъ какъ философія и есть, прежде всего, „исторія жизни вселенной“¹⁾.

Дойдя философскимъ путемъ до понятія Бога, Гротъ съелъ возможнымъ коснуться и понятія религіи. Онъ находитъ, что признаніе полнаго параллелизма науки и философіи заключаетъ въ себѣ какую-то фальшь, ибо философія, опираясь на чувство, все таки строится мыслью и беретъ свои основанія у науки. Когда же нашъ мыслитель субъективнымъ методомъ вывелъ идею Бога, то онъ понялъ и чисто субъективное, т. е., основанное на чувствѣ, какъ особомъ методѣ познанія, значеніе религіи, всецѣло опирающейся на вѣру. вмѣстѣ съ тѣмъ Гротъ теперь, по его собственнымъ словамъ²⁾, созналъ и то,

¹⁾ „Зад. филос. въ связи съ уч. Дж. Бруно“ 18 стр.

²⁾ См. объ этомъ въ той же статьѣ Грота: „о направ. и зад. моей философіи“.

что ранѣе онъ ставилъ философію на мѣсто, принадлежащее религіи; сознавши же это, онъ принужденъ былъ признать, что философія стремится примирить мысль и чувство, науку и религію, и сложить въ одно цѣлое ихъ воззрѣнія. Эти свои мысли нашъ мыслитель обосновалъ въ изложенной нами статьѣ, а потомъ повторилъ въ статьѣ „Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи“¹⁾. Въ послѣдней статьѣ Гротъ старается обосновать свой взглядъ на истинныя задачи философіи путемъ историческимъ. Сперва онъ рисуетъ современное состояніе этого вопроса. Онъ находитъ, что въ настоящее время этотъ вопросъ нисколько не подвинулся впередъ съ эпохи Канта. Догматическая метафизика, противъ которой усиленно боролся Кантъ, пережила послѣ него новыя періоды расцвѣта и упадка, но и теперь, по словамъ Грота, мы также мало знаемъ, возможна ли метафизика, какъ наука, и чѣмъ должна быть философія—какъ и во времена Канта. Въ этомъ отношеніи философія находится, по мнѣнію нашего мыслителя, и теперь еще въ странномъ, исключительномъ положеніи, а сужденія о ней еще въ большей степени, чѣмъ прежде, полны противорѣчій. Будучи древнѣе всѣхъ спеціальныхъ наукъ, философія все еще не установила своихъ задачъ и методовъ; мечтая издавна быть руководительницею жизни человѣческой, философія и теперь не можетъ похвалиться ни одною твердой позиціей, которая бы обезпечила ей вліаніе на жизнь. Наконецъ, хотя на разработку ея содержанія и потрачены были лучшія силы многихъ геніальныхъ мыслителей, она не можетъ указать въ области своей ни на одну истину неоспоримую, всѣми признанную. Вотъ поэтому то, замѣчаетъ Гротъ, и сужденія о ней противорѣчивы: одни считаютъ ее „уже устраненною ступенью“ въ наукѣ; другіе продолжаютъ ждать отъ нея рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ знанія и жизни; иные считаютъ ея услуги знанію въ прошломъ неизмѣримыми; другіе думаютъ, что она всегда была препятствіемъ на пути развитія истиннаго „научнаго“ знанія; многіе преклоняются предъ воз-

1) „Русс. Мысль“, 1886, II „Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи“.

вышностью ея идей и глубиною ея открытій; другіе же видятъ въ этой предполагаемой высотѣ и глубинѣ одну только пустую заносчивость. Вслѣдствіе такой разнородности сужденій о философіи и происходитъ, по мнѣнію нашего мыслителя, то, что многіе отрицаютъ даже возможность „общей“ философіи, говорятъ, что философіи будетъ столько же, сколько философовъ¹⁾. Но, спрашиваетъ Гротъ, имѣютъ ли значеніе эти сомнѣнія въ возможности философіи? Нѣтъ, рѣшительно отвѣчаетъ онъ, эти сомнѣнія не имѣютъ значенія; возможно вполне и окончательно установить и опредѣлить истинныя задачи философіи. Возможность эта достигается съ помощью двухъ новыхъ методовъ: историческаго и психологическаго. Эти методы, созданныя въ нашъ вѣкъ, не даютъ права отчаиваться въ будущемъ философіи, а, напротивъ, позволяютъ надѣяться, что при помощи критики, основанной на данныхъ исторіи философіи и психологіи, удастся проникнуть въ смыслъ истинныхъ задачъ и въ характеръ настоящихъ методовъ философіи и опредѣлить путь ея дальнѣйшей разработки единообразно и безповоротно. Пользуясь историческимъ методомъ, Гротъ и обосновываетъ, прежде всего, понятіе „философіи“. „Философію“, по мнѣнію нашего мыслителя, въ настоящее время необходимо разсматривать исключительно, какъ область знанія *общаго*, стремящагося связать—въ *одно цѣлое* ученіе о мірѣ—всѣ знанія спеціальныя. Только при такомъ выдѣленіи индивидуальнаго характера философіи, можно надѣяться уяснить себѣ ея истинныя задачи и назначеніе. Но, замѣчаетъ Гротъ, историческое развитіе идеи философіи, какъ пути къ общему міровоззрѣнію, далеко не шло въ надлежащемъ направленіи. Настоящее пониманіе философіи, какъ практической мудрости, какъ синтеза этики и теоріи міра, господствовало только въ древне-греческой философіи до Аристотеля. Аристотель, раздѣлившій первую (теорію міра, метафизику) и вторую философію, далъ философіи холодный, резонерствующій характеръ, сдѣлавши ее чисто *те-*

1) Послѣдняго воззрѣнія, какъ мы уже видѣли, держался и самъ Гротъ въ первыхъ своихъ трудахъ, въ чемъ онъ здѣсь вполне откровенно и сознается. См. 31 стр.

оретической наукой. Съ тѣхъ поръ взглядъ Аристотеля укрѣпился въ исторіи философіи. Его „первая философія“ сперва родила схоластику, а потомъ—„догматическую“ метафизику XVIII в. и, наконецъ, крайность метафизическихъ системъ нѣмецкаго идеализма XVIII и XIX вѣка. И вотъ, говоритъ Гротъ, упорно, вѣка за вѣками, повторялись попытки втиснуть философію, какъ теорію міра, въ узкія рамки спеціальной науки; упорно и тщетно повторялись опыты приложенія къ ея изслѣдованіямъ приемовъ (методовъ) науки—псевдоматематическаго и псевдофизическаго. Философы—приводить сравненіе нашъ мыслитель—какъ дѣти, подражающія взрослымъ и заставляющія куколъ своихъ ѣсть и пить изъ игрушечныхъ чашекъ и тарелокъ, хотѣли заставить философію черпать свои истины изъ мнимо-математическихъ построеній и quasi—физическихъ наблюденій: въ результатѣ и выходила одна только ложь и мертвенность. Нравственныя же задачи философіи почти во всѣхъ системахъ отступали на второй планъ: этика заняла второстепенное мѣсто въ философскихъ системахъ новаго времени. И даже тамъ, гдѣ она играла главную роль (напр. у Спинозы, Шопенгауэра), псевдонаучные методы лишали ее жизненной силы. Въ общемъ, замѣчаетъ Гротъ, новая философія пошла по слѣдамъ метафизическихъ построеній Аристотеля: идея мудрости, задача построенія нравственнаго идеала отступила на второй планъ, на первый планъ выступила идея науки о мірѣ, т. е., идея чисто теоретическаго изслѣдованія первыхъ причинъ вещей. Указывая на то, что только въ самое послѣднее время стали находиться философы (какъ Шопенгауэръ), которые на первый планъ ставятъ нравственный вопросъ философіи, Гротъ замѣчаетъ, что эта-то задача—воротиться къ древнему (до Аристотелевскому) широкому взгляду на философію и есть задача нашего времени. Но здѣсь естественно является вопросъ, какъ достигнуть этого? Какъ оправдать эти задачи и какъ отнестись собственно къ метафизикѣ? Нужны ли всетаки, иронически спрашиваетъ Гротъ, подъемныя машины метафизическаго изслѣдованія сущностей и вопроса о степени познаваемости ихъ, чтобы отъ „явленій жизни“ подняться къ „идеалу

жизни“ и отъ знанія научнаго къ идеѣ мудрости? Нашъ мыслитель, не считая возможнымъ окончательно рѣшить поставленный имъ вопросъ, даетъ нѣсколько мыслей о способѣ рѣшенія его. Мы приведемъ эти мысли. Общій анализъ духовной природы человѣка приводитъ къ тому заключенію, что мысль и чувство—двѣ *равноправныя* области сознанія человѣка и стороны жизни его. Нельзя безнаказанно поработать мыслью, какъ это стремились дѣлать средневѣковые руководители человѣческой мысли, но нельзя безнаказанно поработать и чувство мысли, какъ это дѣлали философы за послѣдніе 3 вѣка. Гармонія мысли и чувства—вотъ высшій идеаль человѣка, стремящагося къ развитію своихъ силъ своей природы. Потребностямъ чувства, независимо отъ мысли, отвѣчаетъ религія; потребностямъ мысли, независимо отъ чувства, отвѣчаетъ наука. Наука изучаетъ дѣйствительность объективно, безстрастно, чтобы овладѣть ею въ видахъ человѣка, подчинить человѣку внѣшнюю природу и сдѣлать его собственную организацію послушнымъ орудіемъ воли. Но является вопросъ, ради чего нужно человѣку овладѣть природою и своей собственной организаціей? Чтобы жить—отвѣчаетъ нашъ мыслитель. Но опять являются новые вопросы: зачѣмъ жить, какъ жить, чего хотѣть, куда стремиться? Наука, замѣчаетъ Гротъ, не говоритъ объ этомъ; она не говоритъ, куда человѣкъ долженъ направить свою волю: она не способна опредѣлить цѣли жизни, ибо корень жизни индивидуальнаго человѣка—въ его чувствѣ. Куда направится чувство, туда устремится воля. Религія, вліяя на чувство, можетъ направлять волю человѣка; но религія и сама всецѣло опирается на чувство; религія нуждается во вспомогательной силѣ, которая насадила бы ее въ сознаніе личности и чрезъ то обезпечила ей господство надъ волею. Этою вспомогательною силою былъ сначала единичный опытъ жизни, индивидуальный опытъ человѣка. Но съ теченіемъ времени этотъ личный опытъ, въ искусственныхъ условіяхъ человѣческой жизни, извратился, пересталъ служить правильнымъ мѣриломъ чувства и указаніемъ на его истинныя потребности, но потребовалъ замѣны себя. Замѣнить же его,

по убѣжденію нашего мыслителя, можетъ лишь опытъ всего человѣчества, лишь постиженіе смысла жизни, путемъ работы самосознанія, путемъ данныхъ чувства и мысли всего человѣчества. Эту же задачу высшаго синтеза, по Гроту, и можетъ выполнить только философія. Философія одна способна, путемъ сличенія данныхъ внѣшняго и внутренняго опыта, путемъ открытій мысли и внутреннихъ откровеній чувства, возстановить полную картину жизни, выяснить всестороннее значеніе человѣка, его мѣсто въ природѣ, разумныя цѣли его существованія и его дѣятельности. Она одна можетъ дать волѣ человѣка разумныя идеалы, такъ какъ корень этихъ идеаловъ въ субъективномъ чувствѣ, проверенномъ объективной работой мысли. Изъ этого же нашъ мыслитель дѣлаетъ тотъ выводъ, что задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы дать общее нравственное міровоззрѣніе, но это міровоззрѣніе должно быть *научнымъ*, иначе оно неспособно будетъ удовлетворять научно развитое сознаніе—образованнаго общества. Отношеніе философіи къ наукѣ, нашъ мыслитель и опредѣляетъ такъ: философія должна внести въ свое міровоззрѣніе всѣ, уже вполне доказанныя и проверенныя общія истины науки, и въ своихъ дальнѣйшихъ построеніяхъ не должна допускать никакого противорѣчія этимъ истинамъ и отступленія отъ нихъ. Поэтому-то, заключаетъ Гротъ, философія и должна быть *научною*, какъ справедливо и утверждаютъ современные позитивисты. Но, стремясь быть „научною“, философія, по нашему мыслителю, не должна, вслѣдствіе этого, хотѣть, сама быть „наукою“. Понятія: „наука“ и „философія“ не должно смѣшивать: у философіи есть свои задачи. Чтобы достигнуть цѣльнаго нравственнаго міровоззрѣнія, она должна не только изслѣдовать, но и построить, т. е., прибѣгать часто къ творчеству, а это, въ отличіе отъ науки, сближаетъ ее съ искусствомъ. Въ силу же такого особаго характера философіи, она должна имѣть и свой особенный методъ. И дѣйствительно, замѣчаетъ нашъ мыслитель, философія имѣетъ свой особый методъ—субъективную индукцію,—съ помощью которой она и стремится разрѣшить и обосновать нравственное

міровоззрѣніе—свою главную задачу ¹⁾. Итакъ, заключаетъ Гротъ: 1) не теоретическое всевѣдѣніе, а лишь здравое истолкованіе смысла и нравственныхъ задачъ жизни, вотъ идеаль философіи, къ которому она должна стремиться; 2) она должна достигнуть такого пониманія своихъ задачъ не путемъ метафизическаго пережевыванія теоріи сущности вещей, а путемъ внимательнаго изученія жизни въ самомъ корнѣ ея, т. е., въ нашемъ самосознаніи, и въ прозвненіяхъ ея, т. е., въ жизни общества, а также путемъ критической повѣрки и объединенія въ одно цѣлое міровоззрѣніе выводовъ „спеціальныхъ наукъ“ о природѣ и человѣкѣ. Одно безъ другого, приводитъ сравненіе Гротъ, такъ же мало можетъ оплодотворить нравственное сознаніе разумнаго человѣка, какъ землю сдѣлать плодоносною одно лѣтнее солнце безъ дождя, или одинъ дождь безъ содѣйствія живительныхъ лучей солнца. Влага, дѣлающая плодоносною мысль философа, это научныя истины, точныя знанія; лучи солнца, согрѣвающие эту мысль, это нравственные идеалы, высшіе идеалы субъективнаго чувства. Указывая на то, что эти нравственные идеалы уже лежатъ готовыми въ христіанской религіи, нашъ мыслитель опредѣляетъ всю задачу философіи лишь въ томъ, чтобы свести эти идеалы съ неба на землю и дать вразумительное для ума и удобоисполнимое для воли нравственное истолкованіе жизни человѣка. Съ этой точки зрѣнія философія, по нашему автору, не есть ни наука, ни искусство, ни религія, а нѣчто особое, такъ сказать, только философія. Отношенія же философіи къ другимъ родственнымъ сферамъ сознанія Гротъ выражаетъ такъ: изъ науки она черпаетъ матеріалъ, у искусства беретъ методъ обработки этого матеріала (творческой синтезъ), съ религіею сходится въ конечныхъ цѣляхъ—дать человѣку нравственныя начала жизни. Наука есть организованная умственная дѣятельность, стремящаяся къ идеалу истины, искусство есть организованное удовлетвореніе чувства, независимо отъ воли стремящееся къ воплощенію идеала красоты; религія есть

¹⁾ О методѣ субъективной индукціи авторъ говоритъ здѣсь почти то же самое, что сказано имъ въ выше изложенной лекціи о Бруно и задачахъ философіи.

организація воли, стремящаяся къ осуществленію идеала *добра*. Но всѣ эти идеалы надо примирить, надо согласить другъ съ другомъ запросы ума, чувства и воли, а къ этому и стремится философія, слагающая въ одно эстетически—завершенное цѣлое расчлененные наукой элементы дѣйствительности, ради нравственныхъ цѣлей. Она не можетъ замѣнить ни науку, ни искусство, ни религію, а можетъ лишь дополнять ихъ, такъ какъ первыя удовлетворяютъ спеціальнымъ потребностямъ сознанія, рядомъ съ которыми существуетъ въ насъ общее стремленіе къ единству личной жизни и къ гармоніи; этому-то послѣдному стремленію и удовлетворяетъ философія. Таковы послѣдніе выводы Грота въ изложенной нами статьѣ: „Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи“.

Александръ Никольскій.

(Продолженіе будетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПРЕКРАСНАГО НА ДУШУ.

(КЪ ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНІИ ДОБРА И КРАСОТЫ).

По вопросу о взаимоотношеніи добра и красоты существуетъ два радикально противоположныхъ мнѣнія. По одному добро и красота однородны между собою и различаются не по существу, а лишь по формѣ, по другому между ними нѣтъ ничего общаго, такъ что самое сравненіе ихъ невозможно. По нашему мнѣнію, болѣе истинною должна быть признана вторая точка зрѣнія. Возможна красота безъ нравственнаго содержанія и возможно добро, не заключающее въ себѣ ничего красиваго. Явленія природы, драгоценные камни, красивыя животныя, растенія и цвѣты прекрасны, но къ нимъ совершенно неприменима нравственная точка зрѣнія. Они ни хороши, ни дурны, а находятся сами по себѣ, внѣ моральной оцѣнки. Равнымъ образомъ явленія, имѣющія высокую цѣнность въ нравственномъ отношеніи, могутъ быть совсѣмъ не красивы. Представимъ себѣ холерный баракъ, гдѣ среди нечистотъ и грязи оборванный, безобразный, въ лохмотьяхъ и рубищѣ человѣкъ ухаживаетъ за таковымъ же больнымъ собратомъ. Если бы на мѣсто дѣйствія была приведена какая нибудь артистка, картина возбудила бы въ ней чувство физическаго отвращенія, а между тѣмъ, быть можетъ, ухаживающей за больнымъ оборванецъ рискуетъ жизнью, которая дорога для него и его семейства и, слѣдовательно, совершаетъ высокій нравственный подвигъ.

Правда, иногда красота совпадаетъ съ добромъ и тогда эстетическое впечатлѣніе можетъ быть еще сильнѣе. Но въ этомъ

случаѣ высокое нравственное содержаніе имѣть лишь побочное значеніе. Красота сохранилась бы и безъ него. Мадонна Рафаэля, конечно, прекрасна, но вѣдь не меньшее впечатлѣніе производятъ на насъ и изображенія классической красоты, всѣ эти Венеры, Діаны и т. п., если онѣ нарисованы или изваяны геніальнымъ художникомъ. Въ ихъ взглядѣ, въ выраженіи лица, въ игрѣ мускуловъ нѣтъ ничего похожего на добродѣтель и, однакожь, эстетическое чувство находитъ себѣ полное удовлетвореніе. Оно отлично отъ того ощущенія, которое получается при созерцаніи Мадонны, но примѣшиваемый къ послѣднему моральный элементъ еще не дѣлаетъ его интенсивнѣе перваго. Скажемъ болѣе—иногда возвышенно нравственный характеръ содержанія или идеи прямо ослабляетъ эстетическое чувство. Религіозная живопись и духовное пѣніе никогда не могутъ быть такъ привлекательнымъ, какъ свѣтскія, хотя выражаемое ими содержаніе въ высшей степени высоко и нравственно.

Безнравственныя явленія могутъ быть очень красивыми: напр., самоубійство прекрасной женщины среди роскошной обстановки, дуэль на лонѣ природы, среди великолѣпнаго пейзажа при солнечномъ восходѣ въ прелестное лѣтнее утро и т. п. Въ больницѣ или на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ происходятъ подвиги добра и самоотверженія, нѣтъ ничего красиваго. Перенесемъ оттуда въ столичный театръ, гдѣ дается какойнибудь блестящій фантастическій балетъ. Предъ нами прекрасная декорация, эффектное электрическое освѣщеніе, цѣлая группа балеринъ въ роскошныхъ костюмахъ совершающихъ красивыя граціозныя движенія, словомъ мы переносимся въ царство красоты. Но о добрѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ, содержаніе какъ самаго дѣйствія, такъ и сопровождающей его музыки совершенно неразумно и даже безнравственно.

Итакъ, красота не то же, что добро, и даже часто не имѣетъ съ нимъ ничего общаго. Само по себѣ красивое безразлично съ нравственной точки зрѣнія. То же надо сказать и относительно безобразнаго. Вопросъ можетъ быть лишь о томъ, къ чему ближе прекрасное—къ доброму или злему, и какъ должно смотрѣть на эстетическое чувство; всегда ли оно

улучшаетъ наше моральное состояніе, или же иногда ухудшаетъ его. Большинство держится перваго взгляда. Но, по нашему мнѣнію, въ дѣйствіи красоты на душу есть какъ полезныя, такъ и вредныя стороны. Это обстоятельство давно уже было замѣчено человѣчествомъ. Отсюда-то, если, съ одной стороны, мы видимъ цѣлый культъ красоты въ классической религіи и такое же поклоненіе ей въ извѣстной части современнаго общества, то, съ другой стороны, въ красотѣ люди всегда видѣли нѣчто опасное, даже, пожалуй грѣховное. Такой взглядъ на красоту гармонируетъ и съ духомъ христіанства, которое допускаетъ служеніе ей лишь до извѣстныхъ предѣловъ. Аскетизмъ—непремѣнная принадлежность всѣхъ религій—враждебенъ красотѣ, и въ настоящее время Православная церковь относится къ ней не всегда одобрительно. Такое двойное отношеніе человѣческаго сознанія къ прекрасному имѣетъ для себя основаніе въ дѣйствіи его на человѣческую душу, дѣйствіи, съ одной стороны, несомнѣнно благотворномъ, съ другой отчасти вредномъ.

О благотворномъ дѣйствіи прекраснаго въ природѣ и искусствѣ на нравственность писали и говорили слишкомъ много, быть можетъ, даже больше, чѣмъ бы слѣдовало. О той опасности, которою угрожаетъ эстетика морали, наоборотъ, было сказано очень мало. А между тѣмъ, вопросъ о сравнительной моральной цѣнности красиваго и некрасиваго, по нашему мнѣнію, похожъ на вопросъ о таковой же цѣнности удовольствія и страданія. Хотя въ сущности то и другое безразлично съ нравственной точки зрѣнія и одинаково можетъ быть хорошимъ и дурнымъ, однакожъ, въ проповѣди полезности страданій имѣется болѣе нужды, чѣмъ въ апопозѣ наслажденія. Въ послѣднемъ человѣкъ и безъ того постоянно стремится, отъ перваго же инстинктивно отвращается. То же надо сказать о красотѣ и безобразіи. Красота столь привлекательна для человѣка, что онъ станетъ вѣчно стремиться къ ней даже и тогда, когда она не будетъ имѣть ничего общаго съ добромъ. Напротивъ, онъ всегда будетъ отворачиваться отъ того, что антиэстетично, хотя бы подъ некрасивой формой и скрывалось высоко нравственное содержаніе. Отсюда гораздо болѣе нужды

въ разъясненіи того, что иногда красивое можетъ быть безнравственнымъ и вреднымъ, чѣмъ въ разсужденіяхъ на тему о возвышающемъ дѣйствіи прекраснаго. Но въ интересахъ всесторонности, объективности и полноты изслѣдованія мы считаемъ необходимымъ раскрыть какъ вредное, такъ и благотворное вліяніе красоты на человѣческую психику.

Благотворное дѣйствіе прекраснаго на душу.

I. Неоднократно указывали на то, что красота смягчаетъ душу, дѣлаетъ ее болѣе вѣжною, доброю, настроенною на гуманный человѣческій ладъ. Когда мы созерцаемъ красоты природы или прекрасныя произведенія искусства, когда мы слушаемъ звуки музыки или читаемъ высокопоэтическое произведеніе, то чувствуемъ подъемъ нашей эмоціональной жизни, испытываемъ стремленіе обнять всю вселенную и всѣхъ людей, назвать ихъ своими братьями и расплакаться на ихъ груди. „Бываютъ минуты въ жизни, писалъ Шиллеръ, когда мы готовы бываемъ прижать къ груди каждый цвѣтокъ, каждое отдаленное созвѣздіе, обнять всю природу, какъ свою возлюбленную“ (Переводъ Н. В. Гербеля, С.П.Б. 1884 г. т. 3, стр. 398). При такомъ настроеніи наше сердце становится болѣе добрымъ, открытымъ для всевозможныхъ альтруистическихъ чувствованій. Мы охотнѣе простимъ нашему ближнему обиду, окажемъ помощь нуждающемуся, рѣшимся на самоотверженный подвигъ и т. п. „Наслажденіе прекраснымъ, трогательнымъ, возвышеннымъ укрѣпляетъ наши нравственныя чувства точно такъ же, какъ удовольствіе въ благотвореніи, любви и т. д., укрѣпляетъ всѣ эти наклонности. Подобно тому, какъ довольный духъ есть непремѣнный удѣлъ нравственно превосходнаго человѣка, такъ и нравственное превосходство есть спутникъ довольной души. Слѣдовательно, удовольствіе, доставляемое искусствомъ, становится средствомъ нравственности“ (ibid. стр. 425). Тому, кто не испыталъ вѣжнаго, безконечно сладкаго волненія, вызываемаго въ насъ произведеніями искусства и иногда красотами природы, нельзя описать этого чувства, но его существованіе находится внѣ всякаго сомнѣнія.

II) Искусство освѣжаетъ душу, доставляетъ человѣку чистѣйшую и благороднѣйшую радость, которая укрѣпляетъ его силы и, хотя на время, примиряетъ съ окружающею дѣйствительностью, со зломъ и страданіями жизни. Поэтому-то свѣтцы въ созерцаніи красотъ природы почерпали силы для борьбы съ искушеніями грѣха и плоти. Видъ звѣзднаго неба безконечно необъятнаго горизонта, лѣсовъ и горъ во всемъ ихъ разнообразіи и величіи повышалъ ихъ жизненную энергію и помогалъ вѣрять въ Бесконечное, предъ которымъ ничто суетныя страданія жизни. Объ умиротворяющемъ дѣйствіи красоты знаетъ всякій по личному опыту. Какъ бы ни были мы измучены несчастными обстоятельствами жизни, какъ бы ни были раздражены людскими подлостью и тупоуміемъ, какимъ бы ядомъ пессимизма ни были заражены, созерцаніе красотъ природы и искусства способно примирить насъ съ жизнью, заставить чувствовать, что не все абсолютно плохо въ этомъ мірѣ, что если погибнуть всѣ прочіе идеалы, то останется еще красота, какъ нѣкоторое положительное благо, ради котораго стоитъ жить:

„Но когда борьбою утомленный
Станетъ падать духъ усталый твой,
Къ цѣли новой, цѣли вождѣйной
Вознесенъ ты будешь красотой.

Ковчена борьба, прочь всѣ сомнѣнія,
И гордись побѣдой своей,
Мы охотно предаемъ забвенью
Ограниченность людей“ (Шиллеръ).

Иногда находящемуся въ мрачномъ тяжеломъ настроеніи духа достаточно бываетъ выйти на свѣжій воздухъ и пройти по полю, усѣянному цвѣтами, выслушать какую нибудь музыкальную мелодію или взглянуть на прекрасное лицо любимаго человѣка, и его настроеніе моментально измѣняется къ лучшему:

— „Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ;
И счастье я могу постигнуть на землѣ
И въ небесахъ я вижу Бога“ (Лермонтовъ).

Прекрасное умиротворяющимъ образомъ дѣйствуетъ на нашу душу по слѣдующимъ причинамъ. Во первыхъ, въ большинствѣ случаевъ оно благотворно вліяетъ на нашу нервную систему, укрѣпляетъ ее; во вторыхъ, оно вызываетъ въ насъ

цѣлый рядъ ассоціацій о всемъ, подобномъ созерцаемому прекрасному, вслѣдствіе чего жизнь представляется болѣе привлекательною. Такъ, при видѣ распустившейся розы и по поводу ея красоты насъ мгновенно охватываетъ цѣлый рядъ воспоминаній о всемъ томъ, что можетъ быть ассоціровано съ этою красотою; о прекрасной природѣ дѣтства, о прогулкахъ въ лѣтніе вечера, о благоуханіяхъ цвѣтовъ, о моментахъ любви, поэзіи и счастья. Тѣмъ болѣе надо сказать это о наслажденіи художественными произведеніями искусства. Иногда слушаніе музыкальной піэсы или театральное зрѣлище всколыхнетъ всю нашу душу и вызоветъ массу такихъ прекрасныхъ воспоминаній, лишенныхъ всего, что въ дѣйствительности въ нихъ было прозаическаго, что вся наша прошлая жизнь представится намъ сплошной поэзіей, непрерывнымъ рядомъ прекрасныхъ образовъ, въ концентрированномъ видѣ повторяющихся въ данный моментъ. Но извѣстно, что наше настроеніе часто обуславливается различными мелкими и случайными обстоятельствами, а наше міровоззрѣніе постоянно возникаетъ на почвѣ настроенія и окрашивается имъ. Иногда оттого только, что у насъ болятъ зубы, вся жизнь рисуется намъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, представляется рядомъ страданій. У человѣка есть привычка разсматривать всю жизнь свозъ призму данного момента и оцѣнивать ее съ точки зрѣнія послѣдняго. Въ моментъ счастья по ассоціаціи возникаютъ представленія другихъ счастливыхъ мгновеній въ прошедшемъ и вся жизнь представляется радостною и пріятною, въ моментъ несчастья—наоборотъ. Обративъ вниманіе на этотъ психологическій фактъ, мы можемъ понять, почему красота примиряетъ насъ съ жизнью и въ то же время облагораживаетъ нашу душу. Дѣло въ томъ, что она вызываетъ въ человѣкѣ цѣлый рядъ воспоминаній для него милаго и дорогого, воспоминаній, гармонирующихъ съ характеромъ воспринимаемаго прекраснаго и вызываемаго имъ волненія или настроенія. Прекрасное гармонируетъ со всѣмъ лучшимъ и наиболѣе симпатичнымъ въ жизни человѣка, вызываетъ тѣ образы, которые такъ же прекрасны, какъ предметъ наслажденія, заставляетъ выплывать изъ глубины сознанія тѣ моменты, когда душа наша дѣйствовала въ наилучшемъ

направленіи. Положимъ мы слушаемъ какую нибудь піесу въ театрѣ или концертной залѣ. Переливающимися звуки въ связи со всею обстановкою заставляютъ насъ переживать массу быстро смѣняющихся впечатлѣній, мыслей и чувствованій и возбуждаютъ цѣлый рядъ ассоціацій, по звеньямъ которыхъ мы доходимъ до событій, переживавшихся нами когда-то давно во дни нашего дѣтства или молодости. Милые образы представляются нашему воображенію и вызываютъ цѣлый рядъ чувствованій, въ которыхъ мы переживаемъ вторично наиболѣе для насъ дорогія минуты нашей жизни. Извѣстно, что ни одно впечатлѣніе не проходитъ для насъ безслѣдно, но остается въ душѣ, хотя нерѣдко и погружается въ самый моментъ своего возникновенія за порогъ сознанія. Извѣстно, далѣе, что всѣ подобнаго рода образы опять появляются на аренѣ сознанія лишь тогда, когда съ ними совпадаетъ какой либо другой сродный образъ по закону ассоціаціи представлений. Во время наслажденія прекрасными произведеніями искусства, когда наши воображеніе и чувство находятся въ особенно напряженномъ состояніи, когда сердце горитъ внутреннимъ огнемъ и фантазія работаетъ живѣе, естественно выплываютъ изъ глубины духа тѣ впечатлѣнія, которыя соотвѣтствуютъ переживаемымъ эмоціямъ, гармонируютъ съ впечатлѣніями, получаемыми вслѣдствіе наслажденія красотокъ. Можно указать и еще третью причину умиротворяющаго и смягчающаго вліянія красоты на душу, — причину, которую въ отличіе отъ первой (фізіологической) и второй (психологической) можно назвать метафизической или идеальной. Дѣло въ томъ, что прекрасное гармонируетъ съ нашей душой и, частію, съ находящеюся въ ней идеей красоты. Вслѣдствіе присутствія послѣдней внутри себя человѣкъ постоянно стремится къ прекрасному, подобно тому, какъ стремится онъ къ знанію вслѣдствіе идеи истины и къ нравственно практической дѣятельности подъ вліяніемъ идеи добра. И какъ стремленіе къ добру и истинѣ, находя удовлетвореніе себѣ, производитъ въ душѣ человѣка чувства радости и довольства, такъ и тяготѣніе къ прекрасному, осуществляясь, возбуждаетъ такія же эмоціи, тѣмъ болѣе сильныя и пріятныя, что красота воспринимается безъ всякаго труда, необходимаго

для усвоенія научныхъ истинъ и осуществленія нравственныхъ идеаловъ. Это пріятное состояніе духа, состояніе удовольственности, продолжается не только въ моментъ наслажденія, но и нѣкоторое время послѣ него. Если наслажденіе повторяется часто, то состояніе это обращается въ привычку и дѣлается господствующимъ въ жизни. Человѣкъ становится добрее, дѣлается менѣ склоннымъ къ раздражительности и приобретаетъ болѣе радостное мировоззрѣніе.

III. Наслажденіе прекраснымъ объединяетъ людей, способствуетъ сознанію ими своего равенства и братства. „Искусство отвлекаетъ отдѣльное лицо отъ его собственной жизни, чтобы заставить его жить жизнью всеобщей, отвлекаетъ не только общеніемъ идей и вѣрованій, или общеніемъ воли и дѣйствій, но и общеніемъ самыхъ ощущеній и чувствъ. Каждая эстетика, какъ дѣйствительно думали древніе, есть музыка въ томъ смыслѣ, что она есть осуществленіе чувствительныхъ гармоній между людьми, средство заставить сердце сочувственно вибрировать, какъ вибрируютъ инструменты или голоса“ (Гюйо „Искусство съ точки зрѣнія социологін“, переводъ А. Пыпина С.-П.-Б. 1891 г. стр. VII). Когда мы созерцаемъ какое либо произведеніе искусства или любуемся красотами природы, то совершенно отрѣшаемся отъ эгоизма и желаемъ, чтобы другіе люди наслаждались вмѣстѣ съ нами. Въ то время, какъ всѣ прочія удовольствія раздѣляютъ людей, порождаютъ между ними зависть, вражду и соперничество, эстетическое наслажденіе сближаетъ ихъ и притомъ въ двоякомъ смыслѣ. Во первыхъ, созерцая прекрасное, всѣ испытываютъ одну и ту же эмоцію и, какъ бы сливаясь съ ней, отождествляются между собою. Въ моментъ сильнѣйшаго драматическаго интереса въ театрѣ или во время наиболѣе сильно дѣйствующей на наше сердце музыки вся зрительная или концертная зала превращается какъ бы въ одну личность. Между отдѣльными индивидуумами уничтожается всякая грань и они сливаются въ одномъ чувствѣ. Здѣсь происходитъ то же самое, что при сорадованіи и состраданіи, когда двѣ души, какъ два ртутные шарика, объединяются между собою. Съ этой стороны наслажденіе красою является какъ бы школою альтруизма и

средствомъ уничтоженія разобщенности интересовъ между людьми. Съ другой стороны, эстетическія наслажденія совершенно безкорыстны. „Чувство прекраснаго, говоритъ Боборыкинъ, находится въ родственной связи съ другими не поэтическими аффектами и состояніями нашей души: изумленіемъ, высокими почтеніемъ, благоговѣніемъ, разными видами симпатіи. И во всѣхъ нихъ сознание своего я въ эгоистическомъ смыслѣ совершенно отсутствуетъ и даетъ мѣсто противоположнымъ влеченіямъ“ („Красота, жизнь и творчество“. Вопросы фил. и псих., кн. 16, стр. 58). Это въ значительной степени зависитъ отъ того, что объекты эстетическаго созерцанія одновременно доступны многимъ и не истощаются вслѣдствіе наслажденія ими. Какое бы большое количество людей ни смотрѣло на солнечный закатъ, его прелесть нисколько чрезъ это не уменьшится. Вслѣдствіе этого мы нисколько не завидуемъ, когда другіе наслаждаются вмѣстѣ съ нами. Къ области эстетики во всей полнотѣ приложимо древне-латинское изреченіе: „общее удовольствіе есть двойное удовольствіе“, изреченіе, въ другихъ сферахъ далеко не всегда находящее себѣ приложение. Такимъ образомъ, и съ этой стороны эстетическія наслажденія могутъ быть благотворны для нравственности. Они приучаютъ человѣка къ сознанию, что въ погонѣ за счастьемъ можно обходиться безъ той исключительности и того соперничества, которыя представляютъ изъ себя обиденное явленіе въ нашей жизни.

Впрочемъ, надобно замѣтить, что указаніе на противоположное эстетическое дѣйствіе прекраснаго обыкновенно значительно преувеличивается. Наслажденіе красотой не столько объединяетъ людей потому, что это вытекаетъ изъ самой его природы, сколько потому, что оно доступно одновременно многимъ. Красоту звѣзднаго неба могутъ одновременно созерцать цѣлыя милліоны людей безъ всякаго ущерба для каждаго отдѣльнаго индивида. Но если бы красота стала убывать оттого, что на нее смотрятъ, то навѣрное люди по отношенію къ ней были бы такъ же эгоистичны, какъ и по отношенію ко всѣмъ другимъ вещамъ.

IV) Эстетическое созерцаніе при частомъ повтореніи возбуждаетъ въ человѣкѣ любовь къ прекрасному и стремленіе къ подражанію и копированію его въ своей внѣшней и внутренней жизни. Эстетически развитой человѣкъ становится воспримчивѣе ко всѣмъ проявленіямъ духовной и нравственной красоты. Онъ чуткою душою своею постигаетъ единство внутренняго и внѣшняго, прилѣпляется къ возвышенному содержанию, скрытому подъ прекрасной формой, и стремится осуществлять его во всѣхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ своей жизни. Такой человѣкъ слѣдитъ за каждымъ актомъ своей дѣятельности, наблюдая, чтобы она была въ гармоніи съ внутреннею идеею, т. е., чтобы служила полнѣйшимъ осуществленіемъ его мыслей и убѣжденій. Съ другой стороны, онъ воспитываетъ въ себѣ отвращеніе ко всему низкому и безобразному и съ негодованіемъ отвращается отъ всего того, что уродливо и антиэстетично, въ чемъ мы видимъ противорѣчіе и уклоненіе отъ идеи. Эстетическое воспитаніе предохраняетъ человѣка отъ той наглости и того цинизма, которые такъ близко граничатъ съ безнравственностью. Человѣкъ уважающій изящное, если не во имя добра, то во имя эстетическихъ требованій, иногда удержится отъ того или другого безнравственнаго поступка. Это зависитъ отъ того, что все дурное въ моральномъ смыслѣ въ большинствѣ случаевъ оказывается некрасивымъ и съ эстетической точки зрѣнія, хотя, какъ мы увидимъ, это положеніе и требуетъ значительныхъ ограниченій. Воровство, пьянство, грубый развратъ, униженіе человѣческой личности, трусость, подслушиваніе, шпионство и т. п. одинаково отвратительны какъ для нравственнаго, такъ и для эстетическаго чувства. Затѣмъ, та гармонія, которую наблюдаетъ человѣкъ въ прекрасномъ, пріучаетъ его стремиться къ осуществленію ея во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Всякая нерѣшительность, непослѣдовательность, измѣна своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ—будутъ противны для него не только нравственнаго, но и эстетическаго сознанія.

V) Мы указали на благотворное дѣйствіе на душу красоты *самой по себѣ*, не предрѣшая вопроса о ея внутреннемъ созерцаніи. Само собою разумѣется, что когда это послѣднее

дурно, то происходящій отъ него вредъ превращаетъ въ ничто ту пользу, которую приносятъ созерцаніе прекрасной формы. Но когда внутренняя идея высока и благородна, то ея изящная оболочка еще болѣе увеличиваетъ въ нашихъ глазахъ обаяніе добродѣтели и заставляетъ *полюбить* эту послѣднюю. Конечно, съ идеальной точки зрѣнія нравственное добро не должно нуждаться ни въ какихъ прикрасахъ. Человѣкъ долженъ стараться достигнуть такого совершенства, чтобы уважать и любить добро само по себѣ, независимо отъ того наслажденія, которое оно доставляетъ. „Тотъ человѣкъ, говоритъ Шиллеръ, безспорно занялъ бы высшее мѣсто въ ряду духовныхъ существъ, который не нуждался бы въ возбужденіяхъ красоты, чтобы вести себя сообразно внушеніямъ разума, но всетаки извѣстныя границы человѣчества принуждаютъ даже самаго суроваго этика нѣсколько уклоняться отъ строгости его системы въ приложеніи и укрѣпить благо человѣчества на крѣпкомъ якорѣ эстетическаго вкуса“ (т. 3, стр. 470). Впрочемъ, восхищаясь сначала добромъ ради его красоты, человѣкъ можетъ современемъ настолько полюбить его само по себѣ, что станетъ благоговѣть предъ нимъ, въ какой бы формѣ оно ни выражалось. Уже и въ томъ несомнѣнная заслуга прекраснаго, что оно пріучаетъ даже дурнаго человѣка чувствовать прелесть добра и безобразіе порока.

VI) Но указанная цѣль—показать человѣку красоту добродѣтели—достигается не только эстетическимъ созерцаніемъ прекрасныхъ формъ моральнаго поведенія, но и знакомствомъ съ произведеніями искусства, особенно поэзіи. Секретъ ихъ могущественнаго дѣйствія заключается въ томъ, что они вліяютъ не на умъ только, но на всего человѣка. Значеніе искусства въ этомъ смыслѣ прекрасно раскрываетъ Шиллеръ въ своихъ статьяхъ „о современномъ иѣмецкомъ театрѣ“ и „театръ, какъ нравственное учрежденіе“. „Судъ театра, говоритъ онъ, начинается тамъ, гдѣ оканчивается сила свѣтскихъ законовъ. Если правосудіе ослабляется золотомъ и утопаетъ въ корѣ порока, если дерзость сильнаго смѣется надъ его безсиліемъ, а страхъ связываетъ людямъ руки и языки, театръ беретъ мечъ и вѣсы и поражаетъ порока предъ своимъ страшнымъ судилищемъ.

Когда люди не внемлютъ болѣе никакому нравоученію, когда ни одно убѣжденіе не находитъ болѣе вѣры въ сердцахъ ихъ, когда нѣтъ для нихъ болѣе закона достойнаго уваженія, имъ остается еще взглянуть на Медею въ минуту, когда она безсознательно бѣжитъ по лѣстницѣ дворца, совершивъ дѣтоубійство. Спасительный ужасъ обнимаетъ душу и каждый въ глубинѣ сердца благословитъ свою добрую совѣсть, когда леди Макбетъ моетъ свои руки во всѣхъ благоуханіяхъ Аравіи, чтобы истребить ненавистный запахъ крови. Какими возвышенными чувствами, какими доблестями и сильными движеніями наполняетъ театръ нашу душу! Какіе превосходные идеалы выставляетъ онъ намъ для подражанія. Когда Августъ всемогущій и великій, какъ древніе боги, стоитъ предъ намѣнникомъ Цинною, который ужь готовъ прочесть на устахъ его свой смертный приговоръ, и протягиваетъ ему руку со словами:—„ну, будемъ друзьями, Цинна!“—скажите, кто въ публикѣ не захочетъ въ это великое мгновеніе пожать руку смертельному врагу своему, чтобы уподобиться прекрасному Римлянину?“ (т. 3, пер. Гербеля, стр. 369). Поэтому-то, по словамъ Гюйо, эстетическое восхищеніе произведеніями искусства „обозначаетъ въ насъ извѣстнаго рода нравственное улучшеніе: право, мы становимся нравственно лучше въ то время, когда мы восхищаемся; мы точно чувствуемъ себя выше обыкновеннаго и способны совершить поступки, предъ которыми отступили бы въ обыкновенное время; душа подымается до высоты того, что восхитило ее. Тутъ искусство совсѣмъ уже соприкасается съ реальнымъ, само оно есть реальное: въ чувствѣ восхищенія вполне сливаются реальное и фантастическое, сливаются „быть“ и „казаться“; я хотѣлъ бы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ я люблюсь и въ извѣстной степени я дѣлаюсь имъ. Здѣсь реализуется платоническое вѣрованіе, что видѣть прекрасное значить и самому сдѣлаться лучше и внутренне стать прекраснѣе“ (Современная эстетика, стр. 42). Переживая внутренне жизнь выводимыхъ въ поэтическихъ произведеніяхъ дѣйствующихъ лицъ, читатель усвоетъ себѣ идею художника и проникается ею. Поэтому-то искусство всегда признавалось могущественнымъ средствомъ для проведенія тѣхъ или дру-

гихъ нравственныхъ идей,—средствомъ гораздо болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ, напримѣръ, наука. Это отъ того, что послѣдняя имѣетъ дѣло съ холоднымъ умомъ человѣка, а первая съ его сердцемъ. Но доказать что либо уму въ высшей степени трудно, особенно когда онъ уже напередъ предубѣжденъ противъ известной истины. Какія бы мы ни представляли чело-вѣку доказательства, онъ останется при своемъ убѣжденіи, тѣмъ болѣе, что самыя простыя и коренныя истины, особенно нравственныя, невозможно доказать строго логически, т. е. такъ, чтобы противъ нихъ нельзя было сдѣлать никакихъ возраженій. Сердцу же не нужно доказывать. На него надо лишь воздѣйствовать такъ, чтобы оно восчувствовало внутреннюю истину. Вотъ это-то и достигается искусствомъ. Представимъ себѣ, чело-вѣку доказываютъ, что онъ не имѣетъ нравственнаго права убивать подобнаго себѣ даже въ томъ случаѣ, когда послѣдній не приноситъ никому пользы своимъ существованіемъ и даже вредитъ окружающимъ людямъ, и когда изъ его убійства можно извлечь массу пользы для другихъ хорошихъ личностей. Теоретически доказать эту мысль почти невозможно. Напротивъ, чисто разсудочнымъ путемъ можно придти къ противоположному выводу. Отъ убійства бесполезнаго и даже вреднаго члена общества, во первыхъ, уничтожится то зло, которое онъ могъ бы сдѣлать, и, во вторыхъ, увеличится благосостояніе другихъ лицъ на тѣ средства, которыя отъ него останутся. Слѣдовательно, въ результатъ этого преступленія увеличится сумма общечеловѣческаго счастья и уменьшится количество зла и страданій. Отсюда можетъ возникнуть мысль о законности такого рода убійства, какъ возникла она у Раскольниковъ. Но Достоевскій въ своемъ романѣ („Преступленіе и наказаніе“) показываетъ всю безнравственность подобной мысли, показываетъ не путемъ строго логическихъ доказательствъ, а тѣмъ, что рисуетъ психологическую картину состоянія души преступника въ моментъ убійства и послѣ него, и, кажется, достигаетъ своей цѣли. Прочитавши романъ Достоевскаго, всякій почувствуетъ, что, дѣйствительно, ни одинъ чело-вѣкъ не имѣетъ нравственнаго права проли-

вать кровь другого человѣка, какія бы ни преслѣдовались при этомъ цѣли.

Но надобно сознаться, что не одно только хорошее вліяніе можетъ оказывать искусство на нравственную жизнь человѣка. Можетъ оно дѣйствовать и въ противоположномъ направленіи, внушая человѣку ложные идеалы, укореняя въ его сознаниіи безнравственные принципы, возбуждая въ немъ любовь къ чувственнымъ наслажденіямъ и приучая его въ жизни обращать вниманіе только на форму. Романы французскихъ натуралистовъ едва ли улучшили человѣчество и, думается, въ общемъ принесли ему болѣе вреда, чѣмъ пользы. То же самое надо сказать о драматическомъ искусствѣ, живописи и скульптурѣ. Картины эротическаго содержанія, статуи обнаженныхъ женщинъ, балетныя сцены и т. п. лишь раздражаютъ чувственность и располагаютъ къ цинизму. Такимъ образомъ, искусство есть мечъ обоюдоострый. Плѣнная сердца людей, оно можетъ дѣйствовать на нихъ какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ направленіи. „Литературное произведеніе, говоритъ Гюйо, есть внушеніе, тѣмъ болѣе сильное, что оно прячется подъ форму простаго зрѣлища, а внушеніе можетъ быть такъ же къ худому, какъ и къ хорошему. Кто знаетъ число преступленій, подстрекателями которыхъ были и есть романы съ убійствами? Кто знаетъ число дѣйствительныхъ распутствъ, которыя навлекло изображеніе распутства? Принципъ подражанія одинъ изъ основныхъ законовъ общества, а также искусства, составляетъ могущество искусства для худого, какъ и для хорошаго“ („Искусство съ точки зрѣнія соціологіи“ стр. 349). Особенно опасенъ для нравственности тотъ натурализмъ, которымъ недавно еще такъ увлекалось Европейское общество. „Даже въ томъ случаѣ, говоритъ Д. Соважо, если бы онъ не оскорблялъ ее своими попользованіями говорить запрещенное, своимъ предпочтеніемъ къ сладострастнымъ сюжетамъ, утонченнымъ порокамъ и цвѣткамъ разврата, своимъ невоздержнымъ употребленіемъ грубыхъ словъ и шутокъ мастерскихъ, своими циническими картинами, бьющими на чувственность, своимъ дѣланымъ отвращеніемъ къ „мѣщанской добродѣтели“, то и тогда его нейтралитетъ былъ бы фиктив-

нимъ. Въ сущности его безразличное отношеніе равняется отрицанію, такъ какъ оно покоится на гордомъ презрѣніи къ различію добра и зла и такъ какъ онъ побуждаетъ изгонять изъ его произведеній всякій нравственный элементъ („Реализмъ и натурализмъ“, перев. Серебряковой, Москва 1891 г. стр 338).

Вредныя стороны въ дѣйствіи искусства на душу и нравственность.

1) Наслажденіе красотой часто расслабляетъ душу, дѣлаетъ ее неустойчивою, какъ бы дряблою, неспособной къ твердой энергичной дѣятельности. Когда мы совершаемъ прекрасное произведеніе искусства или любуемся красотами природы, то съ нашей стороны не требуется никакого напряженія. Мы воспринимаемъ красоту совершенно пассивно; лучи прекраснаго какъ бы сами собою вливаются въ наше сознаніе и размягчаютъ наше сердце, дѣлая его мягкимъ, чувствительнымъ и нѣжнымъ. Кто не знаетъ, какъ иногда подъ вліяніемъ музыкальной мелодіи разстрагивается наша душа, какъ какая то сладкая истома охватываетъ все наше существо, какъ въ человѣкѣ является склонность къ слезливости и сантиментальности. Въ этомъ, конечно, есть своя хорошая сторона. Для человѣка грубаго, жестокаго или злого полезно искусственно смягчать свое сердце. Подъ вліяніемъ прекраснаго онъ скорѣе сдѣлается способнымъ къ любви и состраданію, скорѣе подастъ милостыню нищему или проститъ обидчику. Но не надо упускать изъ вниманія и другой стороны дѣла. Подобно тому, какъ сытный обѣдъ, роскошная комфортабельная обстановка, мягкое кресло или пуховая постель, наслажденіе прекраснымъ развиваетъ человѣка, поселяетъ въ немъ чрезмѣрную любовь къ пріятному и привычку получать удовольствія безъ малѣйшаго усилія, безъ всякаго напряженія ума и воли. Отсюда развивается склонность къ инертности и пассивности. Человѣкъ подъ воздѣйствіемъ красоты, быть можетъ, скорѣе рѣшится на доброе дѣло по склонности, такъ какъ оно для него пріятно, но едва ли окажется особенно способнымъ къ бодрой энергичной дѣятельности, требующей

труда и напряженія, т. е., какъ разъ такихъ качествъ, которыя не развиваются, а скорѣе парализуются красотой. По словамъ Гюйо „разслабляющее дѣйствіе искусства часто было наблюдаемо на народахъ, которые слишкомъ упражняя свои способности созерцанія и воображенія, теряютъ иногда свою способность дѣйствія“ („Искусство съ точки зрѣнія социологій“, стр. 349). Замѣтно оно и на отдѣльныхъ лицахъ. „Стоитъ только, говоритъ Шиллеръ, раздаться звукамъ разнѣживающаго свойства для того, чтобы все превратилось въ слухъ. До животности доходящее выраженіе чувственности появляется тутъ на всѣхъ лицахъ, глаза закатываются и покрываются влагой, открытыя губы такъ и дышатъ похотливымъ желаніемъ, сладострастная дрожь охватываетъ все тѣло, дыханіе становится учащеннымъ и короткимъ,—однимъ словомъ предъ вами всѣ симптомы опьяненія—ясное доказательство того, что внѣшнія чувства возбуждены, но духъ сдѣлался жертвою чувственныхъ впечатлѣній“ (т. 3 стр. 408). Чрезмѣрное пристрастіе къ красотѣ близко граничитъ съ сладостолубіемъ и даже сладострастіемъ. Оно несомнѣстимо съ тѣмъ бодримъ, суровымъ, нѣсколько аскетическимъ настроеніемъ, которое необходимо для истинной добродѣтели. Струны человѣческой души всегда должны быть натянуты, а не разслаблены, и въ ней постоянно долженъ находиться запасъ энергіи, достаточной для того, чтобы во всякій моментъ оказаться способной на подвигъ, на борьбу и даже на страданія. Вотъ эта-то энергія и парализуется эстетическими удовольствіями, приучающими умъ къ спячкѣ, а волю къ пассивности и инертности.

II) Эстетическія наслажденія произведеніями искусства, приучая человѣка вращаться въ области блестящихъ призраковъ, въ царствѣ грезъ и фантазій, отучаютъ его отъ трезваго взгляда на живнъ, взвинчиваютъ его нервную систему, дѣйствуютъ на него подобно наркотическимъ средствамъ. Постоянно живя въ какомъ то сладкомъ полузабвеніи, созерцаая дѣйствительность, которая въ то же время есть вымысль, и вымысль, который есть дѣйствительность, человѣкъ, когда соприкасается съ дѣйствительнымъ міромъ, оказывается въ положеніи заснувшаго на мягкой постели, увидѣвшаго рядъ прекрас-

ныхъ сновидѣній и потомъ вдругъ разбуженнаго, вытолкну- таго на улицу и облиатаго холодной водой. Если наслажденіе искусствѣмъ иногда освѣжаетъ человѣка и даетъ ему силы переносить печальную дѣйствительность, то не надо забывать, что, и наоборотъ, иногда оно дѣлаетъ еще болѣе мрачною эту дѣйствительность, подчеркиваетъ ея недостатки, дѣлаетъ невыносимою для человѣка будничную жизнь и заставляетъ его снова искать забвенія въ искусствѣ, а при невозможности этого въ алкоголь чувственныхъ наслажденій и даже самоубійствѣ. Представимъ себѣ голоднаго иззябшаго бѣдняка, прямо съ улицы попавшаго въ зрительный залъ театра. Красота декораціи и костюмовъ, дивное пѣніе артистовъ и т. п. произведутъ на него огромное впечатлѣніе и доставятъ минуты въ высшей степени интенсивнаго наслажденія. Но за то тѣмъ неприя- тнѣе будетъ для него возвращеніе къ прежней суровой дѣй- ствительности, тѣмъ противнѣе покажутся ему его лохмотья, тѣмъ болѣе убогою представится для него скудная домашняя обстановка. На минуту мелькнуло предъ нимъ во всемъ блескѣ царство красоты и за тѣмъ снова скрылось, какъ свѣтлый метеоръ, только рельефнѣе отбѣнивъ прозаичность и бѣдность его жизни.

III) Созерцающа на сценѣ или представляюща при чтеніи рома- на чужія радости и страданія, человѣкъ переживаетъ ихъ въ себѣ *идеально*, но не реально. Какъ бы сильно ни дѣйствова- ла на насъ трагедія, какое бы сильное впечатлѣніе ни про- изводилъ романъ, мы не сливаемся органически съ личностя- ми актеровъ или выводимыхъ дѣйствующихъ лицъ, но остаем- ся сами собою. При талантливомъ исполненіи артистами сво- ихъ ролей, когда зрительный залъ замираетъ въ одномъ чув- ствѣ и за тѣмъ разражается громомъ рукоплесканій, мы тѣмъ не менѣе не проникаемся *только* чувствами героя, и созерцающа всевозможныя мученія, убійства, страданія любви, ревности, позора и оскорбленнаго самолюбія, испытываемъ эстетическое *наслажденіе*. Когда реализмъ драматическаго искусства пере- ходитъ извѣстныя границы и ужасы физическихъ страданій или возмутительныя подробности преступленій заставляютъ болѣзненно сжиматься сердца зрителей, вызываютъ слезы,

обмороки, рыданія,—прекращается эстетическое наслажденіе и мы говоримъ, что актеръ или драматургъ пересолилъ въ своемъ реализмѣ. Обыкновенно же мы лишь идеаль но проникаемся жизнью дѣйствующихъ лицъ, переносимъ въ себя схематическую сторону ихъ радостей и страданій, достаточную для того, чтобы понять ихъ и заинтересоваться дальнѣйшею судьбою героевъ, но неспособную оживить въ насъ дѣйствительныя чувства, какъ это бываетъ при созерцаніи реальныхъ страданій. Но приучившись на сценѣ равнодушно относиться къ человѣческой личности, мы можемъ постепенно перенести эту привычку и въ жизнь и безучастно относиться къ реальному человѣческому горю, какъ бы происходящему на сценѣ и имѣющему цѣлью доставить намъ наслажденіе. Известно, на примѣръ, что Римляне эпохи паденія,—эти любители театральныя зрѣлищъ,—перенесли привычку любоваться чужими страданіями изъ театра въ дѣйствительность и съ такимъ же холоднымъ любопытствомъ наслаждались красивою смертью гладіаторовъ, съ какимъ прежде созерцали трагическое въ искусствѣ. И современные намъ интеллигенты, подобно древнимъ язычникамъ жаждущіе больше всего хлѣба и зрѣлищъ, пресытившись драматическимъ искусствомъ, ищутъ случаевъ наслаждаться реальнымъ человѣческимъ горемъ. Отсюда за тысячи верстъ сѣзжаются любители сильныхъ ощущеній въ мѣста сенсаціонныхъ процессовъ и, не смотря на всѣ препятствія, усиленно толкутся въ двери гласнаго суда, не подозрѣвая, сколько жестокости проявляютъ они въ такомъ пристрастіи къ созерцанію мученій и позора своихъ ближнихъ.

IV) Частое и продолжительное наслажденіе прекраснымъ приучаетъ человѣка смотрѣть на міръ и жизнь исключительно съ эстетической точки зрѣнія, оцѣнивать явленія не по ихъ внутреннему качественному содержанію, а по внѣшней формѣ. Эстетикъ во всемъ и прежде всего ищетъ красоты. Подъ угломъ зрѣнія прекраснаго онъ разсматриваетъ дѣйствительность и, судя по отношенію ея къ его эстетическимъ потребностямъ, признаетъ ее хорошею или дурною. Добро и зло, истина и ложь сами по себѣ для него становятся безразличными. Онъ

обращаетъ вниманіе прежде всего и главнымъ образомъ на видимость. Все прекрасное, хотя бы подъ нимъ скрывалось нравственно злое, имѣетъ оправданіе въ себѣ самомъ, заслуживаетъ уваженія и преклоненія; все некрасивое должно подлежать гибели. Отсюда, прикрытый красивою оболочкою порокъ становится для него гораздо болѣе привлекательнымъ, нежели суровая, часто антиэстетическая добродѣтель. Въ этомъ заключается, по нашему мнѣнію, главная опасность красоты для нравственности, опасность, постоянно дающая себя чувствовать и особенно замѣтная въ настоящее время. Древнеклассическій міръ боготворилъ красоту, ставилъ ее выше добра и истины. Христіанство показало безнравственность красоты языческой, призвавъ своихъ послѣдователей на служеніе добру, на подвигъ, на страданіе. Но въ настоящее время мы какъ бы снова возвращаемся къ древнему язычеству и красота опять становится общимъ кумиромъ, предъ которымъ преклоняются и которому приносятся великія жертвы. Чрезмѣрное увлеченіе искусствомъ, культъ женщины, пристрастие къ празднествамъ, торжествамъ, и развлеченіямъ, необыкновенный интересъ къ сенсационнымъ процессамъ—все это порожденіе служенія красотѣ, служенія, часто имѣющаго далеко не высокую моральную цѣнность. Эстетическая оцѣнка, вплетаясь въ жизнь и житейскія отношенія людей, производитъ здѣсь страшную путаницу и заставляетъ судить о предметахъ съ точки зрѣнія красоты и чувственной привлекательности. Укажемъ на нѣкоторыя всѣмъ извѣстныя явленія, какъ на доказательство нашей мысли о той опасности, которою угрожаетъ прекрасное нравственно добру.

Теоретически всѣ согласны съ тѣмъ, что нравственное достоинство извѣстнаго дѣйствія опредѣляется во 1) его свободою и сознательностью, во 2) тою настроенностью, которою оно порождается, и въ 3) тою цѣлью, которая имъ преслѣдуется. Если человѣкъ дѣйствуетъ несвободно, онъ невмѣняемъ. За тѣ недостатки своей природы, которые даны ему отъ природы и не зависятъ отъ его личной воли, никто даже въ глубинѣ души своей не имѣетъ права осуждать его. Если человѣкъ руководствуется злобою, эгоизмомъ и другими безнрав-

ственными мотивами, если желаетъ зла своимъ ближнимъ и наслаждается ихъ страданіями, онъ достоинъ осужденія и наказанія. Если онъ проникнуть любовью къ людямъ, дѣйствуетъ по внушеніямъ совѣсти и ставитъ цѣлью своей дѣятельности счастье ближнихъ, онъ заслуживаетъ уваженія. Это единственно истинная точка зрѣнія при оцѣнкѣ людей и человѣческихъ дѣйствій. Однакожъ, въ дѣйствительности она часто забывается и замѣняется эстетической оцѣнкой, которая и устраняетъ нравственную или отодвигаетъ ее на задній планъ. Явленіе одобряется или порицается нами, судя по тому, красиво оно или некрасиво. Такъ, напримѣръ, убійство, совершенное обыкновенными людьми и при обыкновенной обстановкѣ, возмущаетъ общественное мнѣніе, но дуэль, которая есть то же убійство, но совершаемое по всѣмъ правиламъ эстетики, вызываетъ чуть ли не одобреніе. Здѣсь на лицо и дурной мотивъ (тщеславіе, боязнь осужденія со стороны пошлыхъ людей), и дурная цѣль (причинить страданіе и даже, быть можетъ, смерть ближнему), и однакожъ, этотъ актъ не вызываетъ общаго негодованія. Развратъ въ голомъ видѣ служить предметомъ отвращенія, но тотъ же и даже еще болѣе возмутительный развратъ, прикрытый блестящей оболочкой, развратъ, участни ками котораго являются красивые люди, говорящіе красивыя слова, живущіе въ красивой обстановкѣ, носящіе красивыя одежды и обладающіе изящными манерами, представляется чѣмъ-то высокимъ и благороднымъ, служить предметомъ поэзіи, театральнаго искусства, живописи и музыки. Убійство, совершенное при поэтической обстановкѣ, а равно и самоубійство, обставленное всѣми аксессуарами красоты, роскоши и нѣги, чаруетъ общество и заставляетъ наслаждаться ими. На словахъ все это порицается, но сердце современнаго человѣка относится къ красотѣ преступленія совершенно иначе, чѣмъ къ воровству оборванцамъ старыхъ калошъ и т. п. антиэстетическимъ явленіямъ. Первое привлекаетъ къ себѣ вниманіе и обладаетъ призракомъ какого-то величія, второе возбуждаетъ презрѣніе и жалость.

Наши разсужденія могутъ быть подтверждены многочисленными фактами изъ современной жизни. „Женщинѣ, если

она дѣйствительно красива, говорилъ Ренанъ, можно простить все, даже преступленіе⁴. Современная литература и жизнь показываютъ, что ей дѣйствительно все прощается. Героини Ибсена не считаютъ нужнымъ стѣсняться въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ цѣлей и признавать какіе либо нравственные принципы, и общество не осмѣливается отнестись къ нимъ съ словомъ осужденія. Безнравственная Гедда Габлеръ, изъ ненависти и злобы заставившая застрѣлиться своего возлюбленнаго Левборга и желавшая только, чтобы онъ умеръ красиво, находитъ себѣ защитниковъ въ лучшихъ журналахъ, въ которыхъ появляются статьи „въ защиту Гедды Габлеръ“. Красотѣ все прощается и это какъ нельзя болѣе подтверждается современной криминалистикой. Мы не знаемъ ни одного факта, когда бы красивая женщина потерпѣла должную кару за свои злодѣянія, а рукоплесканія публики при вынесеніи красавицамъ оправдательныхъ вердиктовъ служатъ выраженіемъ того общественнаго мнѣнія, что красотѣ „все позволено“, все прощается, что красота сама по себѣ достойна поклоненія, и что никто не имѣетъ права причинять страданій прелестному созданію, вѣнцу природы¹⁾. Это, по нашему мнѣнію, чистѣйшій матеріализмъ, съ точки зрѣнія котораго красота есть дѣйствительно разцвѣтъ міровой жизни и должна имѣть право на счастье, такъ какъ доставляетъ его другимъ чрезъ посредство эстетическаго наслажденія.

Какъ зло, скрытое подъ прекрасной оболочкой, не находитъ себѣ должнаго воздаянія и часто считается чѣмъ-то совершеннымъ, такъ, наоборотъ, скромное, а иногда суровое и не эстетичное добро, не признается таковымъ и остается незамѣчен-

¹⁾ Рассказываютъ, что когда одна извѣстная гетера (въ Греціи) стояла предъ судьями, то защитникъ ея сорвалъ съ нея одежду, рассчитывая, что красота ея сильнѣе подѣйствуетъ на трибуналъ, чѣмъ всякое краснорѣчіе, и дѣйствительно, судьи тотчасъ же провознесли оправдательный приговоръ (Веляковичъ, „Псих. основ. эстетики“ стр. 79). Ничто подобное бываетъ и въ нашихъ новыхъ судахъ. Адвокаты прямо просятъ пощады своимъ кліентамъ во имя ихъ красоты и молодости, которыя-де имѣютъ свои права. Это право красоты на счастье при всевозможныхъ обстоятельствахъ даже предпочтительно предъ добродѣтелью, мудростью и справедливостью признаетъ и Генрихъ Сенкевичъ въ своемъ обобщеніи всѣхъ газетъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ фантастическомъ очеркѣ „Судъ на Олимпѣ“.

нымъ. Иногда же оно прямо считается достойнымъ порицанія и сожалѣнія. Самоотверженная дѣятельность сельскаго учителя, мелкаго чиновника, матери семейства—работницы признается чѣмъ-то зауряднымъ, пошлымъ, мѣщанскимъ. Демоническія природы возбуждаютъ въ насъ что-то въ родѣ благоговѣнія, а между тѣмъ онѣ должны бы были казаться намъ тѣмъ болѣе ужасными, чѣмъ больше цѣльности, законченности и силы въ развитіи ихъ злой воли. Человѣкъ, отказавшійся отъ дуэли по соображеніямъ высшаго нравственнаго порядка, подставившій свою щеку обидчику, или не воспользовавшійся предлагаемою ему любовью красивой женщины, представляется для многихъ трусомъ, посредственностью, едва не уродомъ, а между тѣмъ въ подобныхъ дѣйствіяхъ познается истинно нравственная доблесть. Поэтому-то даже поклонникъ истинно прекраснаго Шиллеръ совнается, что красота, какъ понимаетъ ее современное человѣчество, часто расходится съ добромъ. „Чувство прекраснаго, говоритъ онъ, преимущественно берегъ подъ защиту такъ называемыя несовершенныя обязанности и верѣдко даетъ имъ перевѣсъ надъ обязанностями совершенными. Сколько людей позволяютъ себѣ быть несправедливыми, чтобы имѣть возможность быть великодушными! Сколько такихъ, которые, чтобы сдѣлать добро одному, нарушаютъ обязанности по отношенію къ цѣлому, и наоборотъ, которые простятъ скорѣе ложь, чѣмъ неделикатность, оскорбленіе человѣчности, чѣмъ чести“ (т. 3, стр. 464).

Руководствуясь эстетической точкой зрѣнія, люди часто вѣщаютъ человѣку тѣ недостатки, которые носятъ чисто внѣшній и независящій отъ его воли характеръ. Физическое безобразіе, болѣзненность и слабость организма, недостатокъ изящества и ловкости и т. п. компрометируютъ субъекта въ нашихъ глазахъ, хотя, конечно, ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не рѣшится утверждать, что это суть дѣйствительныя недостатки, унижающіе хоть сколько нибудь достоинство человѣческой природы. Даже лучшіе писатели, изображая героевъ, непремѣнно на ряду съ дѣйствительными добродѣтелями надѣляютъ ихъ такими качествами, обладая которыми, они производили бы эстетическое впечатлѣніе. Таковы, напримѣръ,

герои романовъ Шпильгагена и В. Гюго. Докторъ Освальдъ, чтобы возбудить симпатіи читателей, долженъ былъ обладать физической силой, красотой, изящными манерами и даже аристократическимъ происхожденіемъ, благодаря чему онъ никогда не можетъ оказаться жалкимъ, смѣшнымъ и побѣжденнымъ. Представимъ себѣ, что во время столкновѣнія съ Феликсомъ онъ оказался бы слабосильнымъ и былъ бы некрасиво имъ избитъ. Думается, что большинство читателей потеряло бы къ нему значительную долю уваженія, хотя, конечно, дѣйствительное нравственное достоинство его чрезъ это нисколько бы не уменьшилось.

Святѣйшія чувства челоуѣческой природы: состраданіе и любовь, являющіяся могущественнѣйшими стимулами нравственныхъ дѣйствій и сообщающія имъ дѣйствительную цѣнность, къ несчастью также находятся въ зависимости отъ красоты и въ значительной степени обусловливаются ею ¹⁾. Говоримъ къ *несчастью*, потому что красота своимъ вѣдншимъ блескомъ и привлекательностью очаровываетъ субъекта, какъ бы ослѣпляетъ его и заставляетъ сочувствовать всему красивому, хотя бы оно и было безнравственно. Извѣстно, какое огромное значеніе въ области половыхъ отношеній имѣетъ красота, какъ главная причина любви и источникъ идеализаціи. Извѣстна далѣе зависимость чувства состраданія отъ красоты или симпатичности страдающаго. Въ то время, какъ антиэстетическія мученія, на примѣръ, предсмертныя судороги и корчи какого нибудь оборванца, возбуждаютъ въ насъ прежде всего отвращеніе, внутреннее содроганіе, эффектное, хотя и фиктивное, но окруженное ореоломъ изящества, страданіе очаровательной женщины дѣйствуетъ на насъ неотразимо и невольно вызываетъ сочувствіе. И это происходитъ не тогда только, когда люди сознательно боготворятъ красоту изъ матеріалистическаго принципа поклоненія природному совершенству, но и тогда, когда они, сознавая, что истинное вели-

¹⁾ Смотр. объ этомъ нашу статью:—„Сравнительная цѣнность различныхъ симпатическихъ чувствованій съ нравственной точки зрѣнія“ Вѣра и Разумъ 1901 г. Май № 10.

чіе заключается только въ добрѣ, тѣмъ не менѣе подчиняются ей, плѣненные ея очаровательнымъ блескомъ.

Такимъ образомъ, по вопросу объ отношеніи между добромъ и красотою мы должны придти къ слѣдующему заключенію.

Въ дѣйствиіи прекраснаго на душу есть какъ благопріятные для нравственности элементы, такъ и неблагопріятные для нея. Въ общемъ при испорченности человѣческой природы эстетика скорѣе угрожаетъ опасностью морали, чѣмъ можетъ обѣщать ей дѣйствительную помощь. Красота стремится подмѣнить добро и стать на его мѣсто. Въ этомъ не было бы ничего дурнаго въ томъ случаѣ, если бы человѣчество признавало прекраснымъ лишь воплощенное въ прекрасной формѣ высоконравственное содержаніе. Къ сожалѣнію это далеко не такъ. То эмпирически прекрасное, съ которымъ имѣетъ дѣло эстетика, и которымъ такъ увлекается современное грѣховное человѣчество, совсѣмъ не тождественно съ добромъ. Добро есть свободный подвигъ, отрицаніе чувственности, красота—синонимъ наслажденія, счастья, преклоненія предъ природой во имя доставляемаго ею удовольствія. Добро, какъ говоритъ Левъ Толстой, есть побѣда надъ пристрастьями, красота—основаніе всѣхъ пристрастій. Для того, чтобы доброе и прекрасное слились въ высшемъ синтетическомъ единствѣ, необходимо, чтобы, съ одной стороны, человѣкъ пересталъ наслаждаться только красотою формы безъ соотвѣтствующаго внутренняго содержанія, съ другой, чтобы во всякомъ добрѣ онъ видѣлъ красоту, не суровый подвигъ, а источникъ радости и счастья. Этотъ идеалъ предносился сознавію Шиллера, на осуществленіе его надѣмся мы христіане, вѣрующіе, что въ будущей жизни добро, какъ высшее совершенство, будетъ предметомъ не тяжелыхъ усилій, но такого же удовольствія, которое теперь доставляется красотою. То эмпирически прекрасное, которое разлито въ природѣ, можетъ благотворно дѣйствовать на человѣка лишь въ томъ случаѣ, если онъ станетъ видѣть въ немъ намекъ на трансцендентное совершенство въ идеальномъ мірѣ, если станетъ впитывать изъ него въ свою душу лишь тѣ элементы, которые гармонируютъ съ лучшею стороною его существа.

Равнымъ образомъ и искусство лишь въ томъ случаѣ будетъ благотворно для нравственности, если оно станетъ руководиться высшими религіозно-нравственными принципами, если его одушевляющею идеею будетъ не стремленіе къ чувственнымъ наслажденіямъ, не желаніе угодить разнузданнымъ вкусамъ толпы, а служеніе высшимъ идеаламъ добра и правды, тѣмъ идеаламъ, которые заповѣдало намъ христіанство. Къ несчастію, современное искусство далеко уклонилось отъ своего истиннаго назначенія и вмѣсто того, чтобы возвышать человѣчество надъ обыденной наличной дѣйствительностью, само принижается до служенія разврату и даже преступленію. Новый міръ, подобно древнему, увлеченъ *ложною* красотой и старается находить ее не тамъ, гдѣ сіяетъ добродѣтель, а тамъ, гдѣ подъ блестящею мишурою скрывается порокъ, облеченный въ несоотвѣтствующую ему изящную оболочку. Искусство должно быть преobraженіемъ дѣйствительности по идеаламъ разума, предвосхищеніемъ высшаго потусторонняго бытія, одухотвореніемъ матеріи. Въ дѣйствительности же оно часто является измѣненіемъ существующаго примѣнительно къ потребности чувственности и разврата, средствомъ для пропаганды ложныхъ ученій, расадникомъ безбожія, источникомъ порчи нравовъ. Истинная красота должна состоять въ гармоніи нравственно совершеннаго съ его конкретнымъ воплощеніемъ, быть, по выраженію Платона, „сіяющимъ добромъ“, а современный міръ ищетъ ее въ низменныхъ страстяхъ и утонченныхъ наслажденіяхъ, облакая ихъ поэтическимъ ореоломъ и стараясь возвести въ „перль созданія“ потребности и инстинкты своей грубо чувственной натуры. *Такая* красота и *такое* искусство скорѣе вносятъ растлѣніе въ общественную жизнь, чѣмъ приносятъ дѣйствительную духовную пользу. Только высшая красота, представляющая синтезъ добра и соотвѣтствующаго ему выраженія есть дѣйствительное благо, только она, по выраженію Достоевскаго „спасетъ міръ“.

Павелъ Левитовъ.

Николай Яковлевич Гротъ (1852 † 1899 г.) и его философскіе труды.

(Продолженіе *).

Признавши сознание основою внутренняго бытія вселенной, признавши, что чувство или самосознание, открывая челоуѣку внутренній смыслъ жизни вселенной, ея разумность и цѣлесообразность, въ то же время возводитъ сознание въ такой же законъ вселенной, какъ и законъ тяготѣнія, Гротъ долженъ былъ пойти далѣе, т. е., построить философски идею этого сознанія, какъ закона и основы жизни вселенной, что онъ и сдѣлалъ въ книгѣ: „О душѣ, въ связи съ современными ученіями о силѣ“ (1886 г.). Сочиненіе это—среди другихъ произведеній Грота—занимаетъ очень важное мѣсто: оно служитъ завершеніемъ того хода мысли нашего философа (по направленію отъ эмпиризма къ идеализму), которымъ онъ шелъ съ самой первой своей работы. Въ этомъ небольшомъ произведеніи онъ сдѣлалъ резюме всѣмъ новымъ элементамъ своей теоріи познанія и потому трактатъ „о душѣ“ можетъ считаться завершеніемъ перваго періода дѣятельности Грота и, вмѣстѣ съ тѣмъ, кульминаціоннымъ пунктомъ втораго періода его дѣятельности. Симпатіи Грота и прежде наклонялись въ сторону метафизики; теперь же онъ окончательно опредѣлились: въ книгѣ „О душѣ“ Гротъ является завзятымъ и убѣжденнымъ метафизикомъ. Въ виду такой важности значенія трактата „О душѣ“, мы воспроизведемъ подробно его содержаніе. Сочине-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 16, за 1903 г.

ніе Грота „О душѣ“¹⁾ преслѣдовало одну общую цѣль—обоснованіе новаго этическаго или нравственнаго міровоззрѣнія, которое на почвѣ современныхъ естественно-научныхъ ученій о силѣ и законѣ сохраненія энергіи возстановило бы идеальныя и абсолютныя нравственныя идеи—добра и зла, долга, свободы воли. Прежде всего, нашъ мыслитель указываетъ на великую важность вопроса о душѣ. Онъ находитъ, что среди необозримаго множества вопросовъ знанія, занимающихъ и волнующихъ человѣческіе умы, едва ли можно указать на другой, столь же важный и крупный вопросъ, какъ вопросъ о душѣ. Великую важность вопроса о душѣ, по нашему мыслителю, указываетъ сама исторія человѣческой жизни и мысли; она учитъ насъ, что утвержденіе или отрицаніе существованія души въ человѣкѣ всегда налагало печать на все міросозерцаніе человѣчества, на весь складъ его идей, чувствъ, стремленій и дѣйствій. Именно: признаніе духовнаго начала въ основѣ своего собственнаго бытія давало человѣку возможность логически оправдать существованіе высшаго духовнаго начала, т. е., личнаго Божественнаго разума во вселенной; и, наоборотъ, если вопросъ существованія души рѣшался отрицательно, то весь міръ идеальныхъ понятій человѣческаго сознанія превращался въ одну сплошную игру воображенія, въ міръ иллюзій и праздныхъ выдумокъ поэтовъ и философовъ, поощряемыхъ „трусливымъ суевѣріемъ“ толпы, ибо если нѣтъ цѣлей въ жизни вселенной, если все совершающееся есть игра слѣпой необходимости и продуктъ прихотливаго столкновенія случайностей, то не откуда пріобрѣсти критерія и для нравственной дѣятельности человѣка. Идеи добра и зла, нравственнаго и безнравственнаго, въ сферѣ жизни человѣка, въ такомъ случаѣ, оказались бы такими же выдумками услужливой фантазіи моралистовъ, какъ идея Бога и цѣлесообразности во вселенной: не можетъ существовать добра въ жизни человѣка, если нѣтъ его въ жизни вселенной. Такимъ образомъ, по Гроту, вопросъ о душѣ не только вопросъ празднаго учёнаго любопытства: это проблема, затрагивающая самыя дорогіе, са-

¹⁾ Полное заглавіе этого сочиненія такое: „О душѣ въ связи съ современнымъ ученіемъ о силѣ, опять философскаго построенія“—1886 г., Одесса.

мые священные и близкіе для человѣческаго сердца „интересы жизни“. И нашъ мыслитель находитъ, что онъ можетъ смѣло назвать его центральнымъ вопросомъ знанія, связаннымъ безконечно-разнообразными и часто неуловимыми нитями со всѣми вопросами мысли, которымъ онъ и даетъ ту или другую степень жизненности. Указывая далѣе на то, что весьма желательно, чтобы рѣшеніе такого важнаго вопроса было какъ можно шире и какъ можно глубже, чтобы оно отвѣчало и потребностямъ холодной и неумолимой въ своей логической строгости мысли, и запросамъ горячаго и неуступчиваго въ своихъ идеальныхъ притязаніяхъ сердца человѣка, Гротъ подчеркиваетъ то, что въ дѣйствительности дѣло было не такъ: масса человѣческая охотѣе шла за тѣми второразрядными умами, которые предлагали ей крайнія рѣшенія проблемы (мистическое и матеріалистическое), и мысль человѣческая продолжаетъ и понынѣ увлекаться ученіями наиболее поверхностными и наивными, и слѣдуетъ, или матеріализму, или наивному реализму, или мистицизму. Нашъ мыслитель и задается вопросомъ: что же въ состояніи философія противопоставить односторонностямъ матеріализма и спиритуализма? Анализируя главные новѣйшія философскія направленія въ рѣшеніи проблемы о душѣ, нашъ мыслитель даетъ отвѣтъ на поставленный имъ вопросъ. Три главные міровоззрѣнія, принадлежащія тремъ крупнымъ представителямъ наиболее культурныхъ европейскихъ странъ—Франціи, Германіи и Англій,—системы Огюста Конта, Шопенгауэра и Гер. Спенсера,—по очереди, господствовали въ послѣднія десятилѣтія. Каково же ихъ происхожденіе и философское значеніе? Свой анализъ этихъ системъ нашъ мыслитель начинаетъ съ позитивизма Конта. Позитивная философія Конта, эта,—по выраженію нашего мыслителя,—родная сестра германской матеріалистической метафизики, и не думала, и не могла думать о разрѣшеніи психологическихъ вопросовъ, ибо мало понимала ихъ значеніе и отвергла то орудіе, тотъ методъ, при помощи котораго эти вопросы единственно и разрѣшмы—методъ самопознанія, внутреннего опыта. Контъ, отецъ позитивизма, признавалъ лишь методъ внѣшняго опыта и наблюденія, и даже самую

психологію хотѣлъ разрабатывать безъ содѣйствія метода внутренняго наблюденія. Вслѣдствіе этого, всякая болѣе глубокая постановка вопросовъ знанія, а равно и сомнѣніе въ абсолютной достовѣрности знанія, приобретаемаго при посредствѣ внѣшняго опыта, были ему чужды. Все, остававшееся, такимъ образомъ, за предѣлами ограниченнаго горизонта, ему доступнаго, презрительно обзывалось имъ метафизикою и причислялось къ продуктамъ второй, уже отжившей, эпохи въ развитіи мысли человѣческой. Слѣдовательно, разрѣшить проблему о душѣ позитивная философія ни въ какомъ случаѣ не можетъ, по той простой, но важной причинѣ, что она вовсе и не занимается вопросомъ о душѣ. Не можетъ разрѣшить эту проблему и философія Шопенгауэра, — ибо его философія, по Гроту, есть лишь реакція противъ односторонняго раціонализма предшествующаго времени. Гротъ находитъ, что „воля“ Шопенгауэра есть лишь предчувствіе матеріи — силы Молешоттовъ и Бюхнеровъ, это начало конца развитія германскаго матеріализма.

Шопенгауэровская философія есть философія по существу своему матеріалистическая; и „если“, говоритъ Гротъ ¹⁾, „на матеріалистическомъ фонѣ ея своеобразно вырисовывались узоры крайняго нѣмецкаго идеализма, то такое противорѣчіе слѣдуетъ объяснять чрезвычайнымъ глубокомысліемъ нѣмецкаго ума, который имѣлъ всегда склонность къ затѣйливымъ построеніямъ; но въ общемъ философія Шопенгауэра близка къ позитивной точкѣ зрѣнія, и слѣдовательно по этому самому не можетъ помочь намъ разрѣшить проблему о душѣ“. Не поможетъ разрѣшить эту проблему и философія третьяго корифея современной европейской философіи Гер. Спенсера. Нашъ мыслитель соглашается съ тѣмъ, что среди современныхъ западно европейскихъ философскихъ построений система Спенсера — наиболѣе широкая и интересная, и въ исторіи мысли XIX вѣка она занимаетъ надлежащее мѣсто. Но Гротъ находитъ, что Спенсеръ раздѣляетъ воззрѣніе Бонта, что наука есть истинная философія, а всякая истинная философія — наука. Онъ же, Спенсеръ, раздѣляетъ и заблужденіе Дарвина,

1) „О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ“, стр. 9.

что видимую цѣлесообразность вещей можно объяснить одною только борьбою за существованіе и естественнымъ подборомъ, закрѣпляющимъ извѣстныя, *случайно* образовавшіяся, преимущества живыхъ организмовъ. Нашъ мыслитель увѣренно говоритъ, что Спенсеръ—матеріалистъ болѣе, чѣмъ извѣстные записные матеріалисты (Бюхнеръ, Фохтъ, Молешоттъ и др.), ибо онъ матеріалистъ, вооруженный всѣми данными науки послѣднихъ десятилѣтій, которыми онъ и пользуется съ большимъ умѣніемъ. Вся знаменитая этическая система Спенсера, по мнѣнію нашего мыслителя, подтверждаетъ матеріалистическій складъ его ученія, ибо доктрина альтруизма, выростающаго будто бы на почвѣ эгоизма, „какъ груша на яблонѣ“—черезъ унаслѣдованіе „полезныхъ для общественнаго строя привычекъ“, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Спенсеръ считаетъ вполне осуществимою попытку выведенія идеальнаго изъ матеріальнаго. Для рѣшенія вопроса о душѣ важно то, что по методу и теоретическимъ принципамъ своего изслѣдованія Спенсеръ настоящій матеріалистъ. „Поэтому-то, заключаетъ Гротъ, чистый матеріализмъ гораздо послѣдовательнѣе всѣхъ этихъ прикрытыхъ фиговымъ листомъ матеріалистическихъ философій“, и искать спасенія отъ матеріализма и другихъ крайностей въ этихъ фарисейскихъ „Господи, Господи, не отъ имени ли Твоего мы пророчествовали?“ едва ли намъ, русскимъ, пристало (12 стр.).

Указывая на то, что всѣ вышеупомянутыя доктрины отрицаютъ абсолютный разумъ вселенной, т. е. Бога, абсолютную истину, благо и красоту, какъ принципы внутренняго строенія вселенной, и тѣмъ самымъ разрушаютъ смыслъ всѣхъ идеальныхъ влеченій человѣческой природы, нашъ мыслитель подчеркиваетъ то, что философъ, не можетъ успокоиться пока, не оправдаетъ законности этихъ вѣчно живыхъ пружинъ человѣческой дѣятельности, безъ которыхъ она утратила бы всякое разумное значеніе. Но является вопросъ, можно ли надѣяться найти въ настоящее время въ западной философіи удовлетвореніе вѣчнымъ вопросамъ человѣческаго духа, оправданія ихъ законности? Нѣтъ, отвѣчаетъ Гротъ, въ настоящее время западная философія, въ значительнѣйшихъ своихъ системахъ, уклонилась

отъ лучшихъ традицій своего прошлаго; она одряхлѣла, и да- же, по выраженію нашего мыслителя, ослѣпла на одинъ глазъ. Между тѣмъ, философія-то именно и должна быть зрячею. Допуская возможность превратнаго пониманія его словъ, Гротъ замѣчаетъ, что онъ не хочетъ этимъ сказать, что на Западѣ уже исчезла возможность лучшихъ, болѣе широкихъ постро- еній мысли. „Нѣтъ,—говоритъ нашъ авторъ,—можетъ быть, тамъ и явится еще новый Кантъ, который сниметъ катарактъ съ очей уже всѣхъ западно-европейскихъ націй, взятыхъ вмѣстѣ“. „Но“, утверждаетъ авторъ, мы знаемъ твердо одно, что теперь на Западѣ нѣтъ достаточно широкаго для нашихъ потребностей философскаго міровоззрѣнія и что въ настоящее время мы предоставлены вполне своимъ собственнымъ си- ламъ“¹⁾. Но все же нашъ мыслитель находитъ, что незави- симо отъ крайностей, западная философія можетъ, для широ- каго и всесторонняго разрѣшенія вопроса о душѣ, дать намъ двѣ глубокихъ идеи, какъ обязательныя основанія для всяка- го, а слѣдовательно и для философскаго умозрѣнія.

Первая идея, впервые ясно выраженная еще Локкомъ (въ концѣ XVII в.), развитая далѣ Юмомъ и Кантомъ (въ XVIII в.) и упроченная окончательно Контомъ, сводится, по нашему мыслителю, къ отрицательному положенію, что ни однимъ изъ признанныхъ нынѣшнею опытною наукою мето- довъ нельзя подойти къ рѣшенію вопроса не только о сущ- ности, но и о самомъ существованіи души въ человѣкѣ и духа во вселенной, какъ особаго, отличнаго отъ матеріи, на- чала, и что вообще всѣ вопросы о природѣ и отношеніи ос- новныхъ началъ или субстратовъ вещей должны быть выклю- чены изъ области спеціальнаго, опытнаго, научнаго изслѣдо- ванія и должны быть достигнуты особымъ методомъ. Идея же особаго философскаго метода есть та вторая положительная идея, которая должна лечь въ основу современныхъ философ- скихъ построений. Въ дальнѣйшемъ своемъ изслѣдованіи Гротъ и задается анализомъ этого метода. Это есть методъ само- сознания, внутренняго, субъективнаго опыта. Этотъ методъ

¹⁾ «О душѣ» стр. 13—14.

слагается тоже изъ ощущеній, но не изъ тѣхъ внутреннихъ ощущеній, посредствомъ которыхъ мы узнаемъ о переменнахъ въ растительныхъ тканяхъ и процессахъ нашего организма, а изъ тѣхъ, которыми мы ощущаемъ самыя наши ощущенія, чувства, идеи, стремленія. Это тотъ методъ, который популярное сознание обыкновенно выражаетъ понятіями внутренняго голоса, непосредственнаго чувства, а ученые и мыслители называли методомъ интуиціи, интроспекціи, методомъ „практическаго разума“ и другими сходными именами. Этотъ методъ, по Гроту, и открываетъ намъ непреложные нравственные законы нашего существованія. Онъ же, по убѣжденію нашего мыслителя, при надлежащемъ употребленіи, способенъ открыть намъ и основную сущность,—какъ нашего, такъ и всякаго иного бытія. Указаніе на этотъ методъ, даже прямо его раскрытіе, Гротъ видитъ уже у Канта. Черезъ внѣшній матеріальный опытъ,—орудіе теоретическаго ума,—мы не познаемъ природы души и Бога, законовъ нравственныхъ и эстетическихъ,—вотъ по Гроту, смыслъ „Критики чистаго разума“ Канта; но за то черезъ внутренній, духовный опытъ—орудіе практическаго мышленія—мы поймемъ отчасти сущность души, Бога, законовъ нравственнаго міра, учитъ Кантъ въ „Критикѣ практическаго разума“. Нашъ авторъ рѣшительно утверждаетъ, что великій методъ самопознанія можетъ повести насъ за крайніе предѣлы односторонней „воли“ Шопенгауэра къ болѣе широкой идеѣ духа, какъ гармоніи разума и воли. Но это возможно по Гроту лишь для того, кто позитивистъ въ наукѣ и реалистъ въ философіи, кто признаетъ особый реальный характеръ опыта внѣшняго, опыта матеріальнаго, и противоположное ему значеніе опыта *внутренняго, духовнаго*. Но, прежде, чѣмъ приложить философскій методъ самопознанія къ изслѣдованію вопроса о духовномъ началѣ, Гротъ считаетъ необходимымъ изложить, хотя кратко, историческую судьбу вопроса о душѣ въ его прошломъ. Въ исторіи человѣческой мысли можно наблюдать существованіе четырехъ главныхъ воззрѣній на природу духа въ соотношеніи съ природою другого начала—матеріи. Воззрѣнія эти можно опредѣлить слѣдующими терминами: 1) материализмъ, 2) идеализмъ,

3) дуализмъ, 4) монодуализмъ. Различіе этихъ доктринъ Гротъ опредѣляетъ слѣдующей схемою: 1) Въ матеріализмѣ матерія является причиною, духъ дѣйствиємъ.

2) Въ идеализмѣ—духъ причина, матерія—дѣйствіе.

3) Въ дуализмѣ матерія и духъ суть оба независимыя причины различныхъ явленій бытія, не будучи дѣйствіями ничего иного.

4) Въ монодуализмѣ матерія и духъ оба суть дѣйствія третьяго, высшаго начала, или общей причины, и сами не суть самостоятельныя и конечныя причины чего либо реальнаго, ибо черезъ нихъ дѣйствуетъ всегда общая, конечная причина всякаго бытія. Указывая далѣе на то, что одною изъ вѣчно живыхъ задачъ философіи является примиреніе противоположностей единства и двойственности, побѣда надъ антиноміями, человѣческаго ума въ дѣйствительности, нашъ мыслитель замѣчаетъ, что въ примѣненіи къ спеціальному вопросу о природѣ души, эта задача должна состоять въ примиреніи монизма и дуализма, съ одной стороны, въ устраненіи разнорѣчій матеріализма и спиритуализма съ другой. Но эта задача можетъ быть, по Гроту, достигнута лишь путемъ такого ученія, которое будетъ стоять выше монизма и дуализма, будетъ доминировать и матеріализмъ и спиритуализмъ, уничтожая самую возможность дальнѣйшей борьбы и обособленія противоположныхъ одностороннихъ воззрѣній, путемъ перенесенія вопроса на совершенно иную почву. Здѣсь предъ нашимъ мыслителемъ является такой вопросъ: возможно ли такое ученіе? Не есть ли оно недостижимый теоретическій идеалъ, пустая и праядная мечта философіи? Нашъ авторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что онъ твердо убѣжденъ въ возможности философски построить такое ученіе о духѣ на научныхъ основаніяхъ. Далѣе Гротъ дѣлаетъ критическую оцѣнку представленныхъ типовъ различныхъ ученій о душѣ. Въ результатѣ такой оцѣнки онъ приходитъ къ такому выводу, что матеріалистическій монизмъ и спиритуалистическій дуализмъ являются тѣми двумя понятіями, которыя лучше всего выражаютъ сущность разногнѣвій философовъ по вопросу о соотношеніи природы духа и вещества. Слѣдовательно, другими

словами, весь вопросъ, по нашему мыслителю сводится къ тому, существуетъ ли духъ, какъ независимое отъ матеріи начало, или не существуетъ, т. е., составляетъ только свойство матеріи. Въ рѣшеніи этой дилеммы, по Гроту, большую роль играло понятіе силы. Матеріалисты утверждаютъ, что духъ есть особая форма силы, а сила—качество матеріи, или даже основа и настоящая сущность ея. Спиритуалисты же утверждаютъ, что духъ есть сила, но совершенно особаго рода сила, не имѣющая ничего общаго съ физическою и матеріальною силою. Представители того и другого направленій представляютъ свои доводы, основанія. Основанія спиритуалистовъ сводятся къ слѣдующимъ: 1) Матерія дѣлима, духъ не дѣлимъ; 2) Матерія измѣняется—она инертна, пассивна и мертва; духъ—неизмѣненъ, обладаетъ силою, активенъ, является единственно возможнымъ источникомъ жизни. Этими аргументамъ матеріалисты противопоставляютъ слѣдующіе: 1) Законы природы всеобщы, однообразны и необходимы—а матерія и силы вѣчны и непредѣльны; слѣдовательно духъ не можетъ быть чѣмъ-то отличнымъ отъ силы, присущей матеріи, и есть не что иное, какъ эта сила, локализованная въ мозгу. 2) Нѣтъ силы безъ вещества и вещества безъ силы; слѣдовательно сила есть свойство матеріи, и всѣ свойства духа объяснимы изъ самодвиженія и саморазвитія силы. Анализируя эти положенія, Гротъ настаиваетъ на томъ, что коренной вопросъ во всемъ спорѣ есть вопросъ о соотношеніи силы и вещества. Этотъ же вопросъ сводится къ вопросу о томъ, что такое сила?—Пользуясь различными историко-философскими пособіями, болѣе всего „Исторіей Матеріализма“ Ланге, Гротъ старается выяснить существенные пункты современныхъ научныхъ ученій о силѣ. Итогъ, къ которому онъ приходитъ на этомъ пути, тотъ, что „научнаго опредѣленія силы въ соотношеніи съ матеріей не существуетъ, такъ какъ наука имѣетъ дѣло только съ внѣшними явленіями, какъ силы, такъ и вещества, а эти явленія, въ свою очередь, суть только выраженія отношеній непосредственно неизвѣстныхъ въ своей природѣ объектовъ нашего опыта“¹⁾. Если и возможно для человѣческаго ума перейти

¹⁾ 41 стр.

отъ этихъ явленій къ опредѣленію; или уясненію природныхъ носителей, то лишь путемъ сложнаго процесса анализа соотношеній между нашими представленіями и дѣйствительностью, т. е., чрезъ посредство психологической теоріи знанія. Только опираясь на психологическій анализъ природы и содержанія представленій, или, другими словами, на особую научную теорію познанія, философъ можетъ построить мостъ отъ своихъ представленій къ объективной дѣйствительности, отъ „явленій“ къ ихъ „сущностямъ“. Высказывая далѣе ту мысль, что во всё времена переработка содержанія философіи и ея возрожденіе въ томъ и состояли, чтобы при помощи новыхъ научныхъ открытій расширять и утверждать на болѣе и болѣе крѣпкихъ основахъ ея идеальныя построенія, Гротъ указываетъ и на то, что кромѣ того у философіи всегда была и своя область—истинная положительная основа ея построеній—психическая теорія познанія, постоянно перерабатываемая и все болѣе и болѣе углубляемая на основанія выводовъ развивающейся, въ союзѣ съ другими естественными науками, спеціальной науки психологіи, или „физиологической психологіи“, какъ теперь называютъ эту науку по характеру ея метода. Нашъ мыслитель далѣе и подчеркиваетъ то, что на почвѣ этой физиологической психологіи въ наше время еще не была переработана съ достаточною широтою и полнотою теорія познанія. Допуская ту мысль, что эта переработка можетъ дать намъ и новую космологію, т. е., новую философію вселенной, Гротъ и пытается намѣтить рѣшеніе этого вопроса, начиная съ разсмотрѣнія метода, при помощи котораго можно бы подойти къ философской постановкѣ вопроса о природѣ силы въ соотношеніи съ обѣими идеями—матеріи и духа. Въ чемъ же состоитъ проблема знанія? Человѣкъ можетъ непосредственно знать свои собственные состоянія,—вотъ тотъ выводъ, который, всячески видоизмѣняясь въ способахъ своего выраженія, составляетъ по нашему мыслителю истинный узелъ всей проблемы знанія. Хотя, замѣчаетъ Гротъ, въ исторіи философской мысли и встрѣчаются крайности скептицизма и догматизма, но въ своемъ цѣломъ человечество, инстинктивно, или сознательно, всегда допускало, что знаніе возможно, хотя и вѣрило, что не всякое

знаніе истинно, и потому стремилось именно опредѣлить, въ какой мѣрѣ и степени наши собственные состоянія соотвѣтствуютъ и не соотвѣтствуютъ истинной природѣ вещей. Для опредѣленія же характера познаній, истинности или неистинности ихъ, необходимо знать критерій истины, т. е., такой непосредственно достовѣрный принципъ, который бы ручался за то, что ощущенія наши въ извѣстной мѣрѣ истинны. Но такимъ критеріемъ, по Гроту, и можетъ быть единственно лишь законъ однообразія природы: человѣкъ потому лишь можетъ черезъ себя познать все внѣ себя, что *онъ самъ есть отраженіе всего* ¹⁾.

Но здѣсь естественно возникаетъ новый вопросъ, гдѣ же предѣлы законнаго человѣческаго антропоморфизма, и какъ отличить его отъ незаконнаго, ошибочнаго? Вѣдь человѣкъ, замѣчаетъ нашъ мыслитель, все-таки не сама вселенная, а только ея малое подобіе, ея безконечно-крошечный миниатюръ, въ которомъ неизбѣжно все можетъ быть воспроизведено лишь въ неясномъ и неотдѣлимомъ видѣ. Самъ по себѣ взятый человѣкъ—все, но въ безконечно великомъ цѣломъ вселенной—онъ—ничто. „Если мы“, приводитъ сравненіе Гротъ, „воглоткой соскоблили пылинку мрамора съ громады стѣнъ грандіознаго мраморнаго храма, то эта пылинка, если бы могла разсуждать, должна была бы на вопросъ: „кто ты?“ отвѣтить: „я—мраморъ“ и все таки она не была бы мраморомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы называли таковымъ громадность стѣнъ мраморнаго храма. Но только въ такомъ же, крайне ограниченномъ смыслѣ, и человѣкъ въ правѣ сказать: „я—вселенная“. Эта-то ограниченность нашего познанія вселенной черезъ себя и заставляла всегда философовъ искать „предѣловъ знанія и допускать для человѣка возможность лишь знанія“ „ограниченнаго“, „относительнаго“, „условнаго“ ²⁾. Но гдѣ границы этого „условнаго“ знанія? Для опредѣленія этихъ границъ, Гротъ и считаетъ необходимымъ обратиться къ критерію истиннаго знанія—закону однообразія природы. Изъ этого закона нашъ мыслитель считаетъ возможнымъ вывести три слѣ-

¹⁾ *Ib.*, 58 стр.

²⁾ 58—59 стр.

дующихъ важныхъ положенія: во 1-хъ, что, воспроизводя собою болѣе или менѣе ясно и отчетливо, дѣятельно или потенциально, всѣ существенныя качества или стороны бытія вселенной, какъ частица ея, человѣкъ долженъ быть въ состояніи познавать, болѣе или менѣе отчетливо и точно, всѣ другія частицы или элементы ея, а чрезъ сложеніе этихъ знаній и самую вселенную, какъ цѣлое. Во 2-хъ, что каждое наше состояніе должно быть отраженіемъ какого нибудь реальнаго свойства бытія вселенной, что вся задача знанія—опредѣлить, какое именно свойство или сторону бытія отражаетъ данное состояніе, и что иллюзія, заблужденіе, ошибки наши могутъ состоять лишь въ неправильномъ истолкованіи нашихъ состояній, въ ихъ соотношеніи съ объективными фактами и законами, которые въ нихъ отражаются.

Во 3-хъ, что всякій нашъ опытъ, столько же внѣшній, сколько и внутренній, столько же объективный, какъ и субъективный, можетъ быть источникомъ знанія, такимъ образомъ, что безусловно всѣ наши состоянія не только являются показателями всего того, что въ насъ самихъ происходитъ, но и источниками познанія свойствъ и законовъ бытія другихъ предметовъ и цѣлой вселенной.

Представляя резюме этихъ трехъ положеній, Гротъ говоритъ, что вся задача знанія сводится къ правильному истолкованію нашихъ состояній, или явленій нашего внѣшняго и внутренняго опыта, какъ выраженія законовъ бытія вселенной. Изъ нашего внѣшняго и внутренняго опыта мы выводимъ различіе измѣняющихся фактовъ, явленій или феноменовъ, и чего-то неизмѣннаго, постоянно лежащаго въ основѣ измѣняющихся явленій. Это неизмѣнное, постоянное, мы выражаемъ понятіемъ сущностей, основъ, началъ вещей, законовъ ихъ бытія. Контрастъ уже измѣняющагося и неизмѣннаго, явленій и ихъ основъ, данъ, по нашему мыслителю, въ самомъ опытѣ человѣка, въ самыхъ условіяхъ его познанія; выражая же собою законъ познанія, т. е., законъ нашего индивидуальнаго бытія, этотъ контрастъ имѣетъ тѣмъ самымъ реальное значеніе и виѣ насъ, какъ выраженіе природы бытія вселенной. Въ немъ не можетъ быть ничего такого, чего бы не было.

во вселенной, коль скоро мы однородны съ нею; другими словами, по нашему мыслителю, слѣдуетъ, что не только въ нашемъ субъектѣ существуетъ различіе измѣняющихся явленій и ихъ основъ—сущностей и законовъ, это различіе реально существуетъ и въ природѣ: явленія столь же реальны внѣ насъ, какъ основы и законы этихъ измѣненій. Но явленія природы или измѣненія основъ ея бытія—модификаціи сущаго—мы познаемъ чрезъ *ощущенія*. Общія же основы явленій мы познаемъ чрезъ переработку ощущеній нашей мыслью, чрезъ устраненіе изъ нихъ всего конкретнаго, индивидуальнаго и подверженнаго измѣненію, и чрезъ обобщеніе ихъ въ понятія и идеи, какъ выраженія сущностей и законовъ бытія, а не самыя сущности и законы. Подчеркивая ту мысль, что противоположности субъекта и объекта мы не въ состояніи уничтожить, почему и различіе „существованія“ и „сознанія“, какъ ощущенія существующаго, всегда останется въ силѣ, нашъ мыслитель дѣлаетъ тотъ выводъ, что отрицаніе познаваемости сущностей, или основъ бытія, имѣетъ ту же цѣну, какъ и отрицаніе познаваемости явленій;—это остатокъ своеобразнаго реализма, противопоставившаго сущности явленіямъ, какъ факты, независимые другъ отъ друга, и признававшего орудіемъ познанія этихъ сущностей особыя прирожденные идеи. Если же признать, съ одной стороны, то, что всѣ явленія должны быть модификаціями тѣхъ основныхъ началъ вещей, которыя мы называемъ сущностями, а съ другой стороны, то, что идеи суть продукты переработки внѣшнихъ и внутреннихъ ощущеній, то, замѣчаетъ Гротъ, мы, не противорѣчая себѣ, не можемъ не признать, что по тому же мосту, по которому мы отъ ощущеній восходимъ къ идеямъ, мы одновременно восходимъ и отъ познанія явленій къ познанію сущностей, насколько и тѣ и другія для насъ познаваемы. Эти отношенія Гротъ выражаетъ слѣдующей пропорціей: явленія относятся къ сущностямъ, какъ наши ощущенія къ идеямъ, возникшимъ изъ ихъ переработки. Установивъ это гносеологическое положеніе, нашъ мыслитель далѣе пытается указать путь къ философскому рѣшенію вопросовъ о природѣ силы, матеріи и духа, въ связи съ современными ученіями естествознанія о силѣ.

Исходный пунктъ на этомъ пути онъ находитъ въ характерѣ источниковъ нашего знанія. У насъ есть два достовѣрныхъ источника знанія—внѣшній и внутренній, объективный и субъективный опытъ; а если такъ, то мы можемъ предположить уже а priori, что дѣйствительность должна открываться намъ съ двухъ сторонъ—внѣшней и внутренней. Что это такъ, мы можемъ заключить уже изъ вѣчнаго контраста двухъ понятій—матеріи и духа, тѣла и души, вещества и силы, между которыми распредѣляемъ всю, доступную нашему опыту, дѣйствительность—всѣ мы, какъ ученые такъ и неученые, философы и не философы, спиритуалисты и даже матеріалисты. Нашъ мыслитель подчеркиваетъ ту мысль, что всѣ люди, сами того не сознавая, вкладывали въ понятіе силы, какъ активнаго начала, то, что находили въ своемъ внутреннемъ опытѣ, въ опытѣ своей собственной активности, ибо внѣшній опытъ никакого понятія о силѣ, какъ источникѣ движеній, какъ активномъ началѣ не даетъ. Но сущность силы можетъ быть намъ извѣстна только изнутри, а не извнѣ—прежде всего въ опытахъ мускульнаго чувства напряженія, какъ источника нашихъ движеній, далѣе—въ сознаніи явленій жизни, наконецъ въ сознаніи явленій мысли, воли, чувства. И такъ какъ то, что познается человѣкомъ изнутри, при высшемъ развитіи сознанія, есть совокупность чисто духовныхъ явленій, то Гротъ находитъ, что есть возможность сказать, что сила есть духъ и, прежде всего, для насъ сила есть наша собственная душа со всѣми ея духовными субстанціями. Отъ этой души, путемъ субъективной индукціи, мы восходимъ до идеи „духа“, какъ выраженія, опредѣляющаго силу природы, силу вселенной. Извѣстнымъ, слѣдовательно, окажется не сила, а духъ, неизвѣстнымъ же сила.

Но здѣсь предъ нашимъ мыслителемъ является недоумѣніе, которое онъ здѣсь же старается разрѣшить. Если сила есть духъ, то гдѣ же находится этотъ духъ (эта совокупность духовныхъ свойствъ активной силы) въ низшихъ формахъ существованія силы?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ нашъ мыслитель находитъ въ законѣ сохраненія энергіи, въ теоріи напряженныхъ и свобод-

ныхъ силъ. Если душа есть модификація другихъ активныхъ силъ природы, то, подобно всѣмъ активнымъ силамъ природы, она должна быть способна находиться въ состояніи напряженномъ, скрытомъ. Гротъ находитъ что явленія сна и развитія духовныхъ силъ человѣка подтверждаютъ это. Гдѣ были, спрашиваетъ онъ духовныя силы Ньютона, Гете, Канта, когда имъ было по мѣсяцу отъ роду? Если мы не предположимъ такую нелѣпость, что эти силы вошли въ нихъ послѣ, извнѣ, то мы должны предположить, говоритъ Гротъ, что онѣ въ мѣсячной силѣ жизни Ньютона или Гете находились въ скрытомъ состояніи.

Но если сила сознанія, мысли, воли, вообще духовная сила, можетъ находиться въ напряженномъ состояніи, то, очевидно, заключаетъ нашъ мыслитель, она можетъ находиться въ напряженномъ состояніи и въ той силѣ, которая производитъ электричество, теплоту, магнетизмъ, т. е., что всякая активная сила должна быть духомъ въ болѣе или менѣе напряженномъ, или свободномъ состояніи.

Но гипотеза различныхъ ступеней свободы силы равновильна гипотезѣ различныхъ ступеней „стѣсненія“, связыванія. Отсюда естественно является вопросъ: чему же подчиняется, чѣмъ можетъ быть стѣснена въ своемъ развитіи сила—духъ? „Гдѣ—спрашиваетъ нашъ мыслитель, тотъ господинъ, который связываетъ и гнететъ силу—духъ, держитъ ее въ оковахъ, заставляетъ ее бороться изъ-за освобожденія?“ Инстинктъ отвѣчаетъ каждому,—говоритъ Гротъ ¹⁾),—что господинъ этотъ, никто иной, какъ матерія, та самая матерія, въ которую вѣчно вѣрило человѣчество и которую признавали сущимъ, т. е., существующимъ фактомъ, даже тѣ философы, которые считали ее „не—сущимъ“. Эта матерія есть объѣтъ нашего внѣшняго опыта.

Далѣе Гротъ разбираетъ тѣ теоріи, которыя стараются свети матерію на активныя силы, или хотя представить ее только обратной стороною силы—духа, а не самостоятельной. Нашъ мыслитель того мнѣнія, что контрастъ между духомъ и матеріею можно оправдать съ точки зрѣнія физическихъ теорій. Въ этомъ случаѣ особенно важно ученіе объ инерціи, какъ

¹⁾ Ib. 78 стр.

законъ непрерывнаго покоя, если его не нарушитъ сила, вызывающая движеніе, и, какъ законъ непрерывности движенія, если его не оставитъ сопротивленіе. Нашъ мыслитель приводитъ то соображеніе, что если бы мы имѣли одну активную силу во вселенной, то всякое движеніе было бы непрерывно, вѣчно. Явленіе покоя не объяснимо при предположеніи существованія другой силы, которая и является источникомъ сопротивленія силѣ движенія, активной силѣ. Чтобы движеніе перешло въ покой, необходимо сопротивленіе, а для этого должно существовать начало или источникъ сопротивленія—другая сила; сила—матерія. Далѣе, если бы существовала только одна сила, то немислимо бы объяснить никакое дѣйствіе въ мірѣ физическомъ. Всякое дѣйствіе предполагаетъ причину. Причина должна лежать внѣ того, что испытываетъ дѣйствіе. Поэтому всякое дѣйствіе есть одинъ изъ моментовъ взаимодѣйствія, а взаимодѣйствіе предполагаетъ два взаимодействующихъ элемента, или фактора. Итакъ, заключаетъ Гротъ, уже въ физикѣ необходимо предположить двѣ силы, чтобы не оставить безъ объясненія самыхъ элементарныхъ явленій въ этой наукѣ. Но и въ другихъ областяхъ знанія,—химіи, біологіи—мы также постоянно замѣчаемъ подтвержденіе существованія двухъ силъ, а не одной. Жизнь есть явленіе аналогичное движенію. Жизнь не могла бы прекратиться, если бы движеніе не встрѣчало сопротивленій. Продуктъ этихъ сопротивленій, источникъ которыхъ лежитъ въ матеріи, въ пассивныхъ силахъ природы, есть смерть,—своего рода явленіе покоя, остановка движенія. Смерть не было бы возможнымъ объяснить, если предположить, что всѣ силы можно свести къ одной активной силѣ. Точно такъ же и сонъ есть явленіе, аналогичное покою и объяснимое только изъ того же антагонизма силъ активныхъ и пассивныхъ, какъ явленіе временной побѣды этихъ послѣднихъ. Сонъ тоже есть продуктъ силъ сопротивленія, силъ матеріальныхъ. Не даромъ, замѣчаетъ Гротъ, принято думать, что сонъ есть временная остановка животной жизни для цѣлей жизни растительной.

Наконецъ, даже біологическій принципъ борьбы за существованіе предполагаетъ, по нашему мыслителю, тотъ же конт-

расть силъ природы, ибо самое понятіе борьбы предполагаетъ непремѣнно два начала. Такимъ образомъ, заключаетъ Гротъ, существованіе двухъ началъ въ природѣ: силы—духа и матеріи—силы, активной и пассивной силъ, не можетъ быть предметомъ сомнѣній. Въ великомъ законѣ сохраненія энергій и вытекающей изъ него доктринѣ напряженныхъ и свободныхъ силъ природы лежитъ, помимо всѣхъ прочихъ доказательствъ, основаніе для противоположенія двоякаго рода силъ. Освобожденіе должно быть отъ чего нибудь, напряженіе тоже должно имѣть свою причину—напряженіе активныхъ силъ есть продуктъ ихъ связыванія пассивными.

Подводя итоги всѣмъ своимъ разсужденіямъ, нашъ мыслитель приходитъ къ выводу, что выставленный имъ критерій истиннаго знанія (законъ единообразія природы) даетъ возможность познать себя при посредствѣ двоякаго опыта—внѣшняго и внутренняго, познать два начала вещей силу—духъ и матерію—силу, противоположныя другъ—другу и постоянно борющіяся другъ съ другомъ. Процессъ развитія силы—духа, т. е., процессъ освобожденія ея, переходъ изъ напряженнаго состоянія въ дѣятельное, есть, по Гроту, процессъ поработченія ей матеріи—силы, которая понуждается служить ей цѣлямъ. И наоборотъ: процессъ торжества и побѣды матеріи—силы, или силы сопротивленія, есть въ то же время процессъ поработченія, или закрѣпленія силы—духа, перехода ея изъ дѣятельнаго состоянія въ напряженное.

Нашъ мыслитель находитъ, что этотъ, установленный имъ дуализмъ, есть совершенно новая форма дуализма, какъ показываютъ самыя новыя понятія—матеріи силы и силы—духа. Но этотъ дуализмъ, по его мнѣнію, есть въ то же время и монодуализмъ, какъ можно заключить изъ общаго понятія силы, объединяющаго понятія духа и матеріи. И можетъ быть, добавляетъ нашъ мыслитель, въ идеѣ чистой силы, совмѣщающей начала покоя и движенія, духа и вещества и всѣхъ прочихъ контрастовъ, данныхъ въ дифференцированной дѣятельности, и кроется разгадка идеи общаго начала, абсолюта, Бога. Но постигнуть своимъ ограниченнымъ умомъ эту

чистую силу мы не въ состояніи, и сущность реального бытія ея для насъ—вѣчная тайна" (89).

Въ заключеніе своего трактата Гротъ показываетъ, какъ его доктрина силы—духа могла бы послужить основою для переработки всѣхъ нравственныхъ—индивидуальныхъ и социальныхъ идей и идеаловъ человѣчества.

Такъ, „прогрессъ“ съ точки зрѣнія этой доктрины можно опредѣлить, какъ порабощеніе и приспособленіе силы—матеріи, въ видахъ освобожденія силы—духа. Цѣль прогресса—полная переработка, полное приспособленіе матеріи къ потребностямъ силы—духа. *Свобода* воли—это опять—усиливающееся освобожденіе силы—духа изъ подъ стѣсненія, налагаемаго на нее силой—матеріей, это—торжество силы—духа, эмансипація сознанія личности изъ подъ гнета организма и среды.

Добро—это результатъ освобожденія силы—духа. торжество его идеальности; подчиненіе и порабощеніе силы матеріи.

Альтруизмъ, какъ орудіе достиженія добра, есть стремленіе всѣхъ элементовъ силы—духа сплотиться во имя свободы, во имя побѣды надъ зломъ. Эгоизмъ—это форма противодѣйствія, сопротивленія освобожденію силы—духа, это—торжество матеріальнаго надъ идеальнымъ, пассивнаго надъ активнымъ. Отсюда же и опредѣляется нравственный долгъ человѣка: нашъ нравственный долгъ есть содѣйствіе освобожденію силы—духа вселенной, хотя бы путемъ пожертвованія его индивидуальнаго проявленія въ насъ самихъ, т. е. путемъ самопожертвованія.

Красота—это воплощенная свобода, гармонизированная въ видахъ свободы силы—духа и т. д. Однимъ словомъ, по нашему мыслителю, путемъ внутренняго опыта, прозрѣвающаго сущность внутренняго начала вещей, начала жизни и сознанія, есть возможность оправданія не только идеи—силы—духа, но и *всего идеальнаго*—высшихъ началъ нравственности, идеи добра, разумныхъ цѣлей вселенной. Но этого мало; нашъ мыслитель думаетъ даже, что и вѣчная загадка человѣческаго бытія—загадка *будущей судьбы человека*, можетъ быть вновь подвергнута обсужденію съ точки зрѣнія доктрины силы—духа. Сила—духъ неуничтожима и можетъ только переходить

изъ свободнаго состоянія въ напряженное. Но напряженное состояніе для нея можетъ быть только временнымъ: конечное освобожденіе несомнѣнно. Духъ долженъ быть безсмертенъ и, по всему вѣроятію, дѣлаетъ предположеніе нашъ мыслитель,— именно въ человѣкѣ онъ можетъ достигать безсмертія, т. е., окончательной побѣды надъ силою сопротивленія, которая его связывала въ остальной природѣ.

Обозрѣніе выводовъ изъ изложенной доктрины ставитъ много и новыхъ задачъ. Главная изъ нихъ—переработать на новыхъ началахъ теорію нравственности—мораль. Гротъ, въ заключеніи къ своему трактату „О душѣ“, уже выразилъ намѣреніе посвятить этой цѣли слѣдующіе свои труды. И дѣйствительно, хотя и не такъ скоро, но онъ исполнилъ свое намѣреніе. Съ 1889 г. стали появляться статьи, въ которыхъ Гротъ старался провести далѣе принципы того міровоззрѣнія, которое было имъ высказано въ только что изложенномъ нами трактатѣ. Однимъ изъ первыхъ произведеній Грота съ такимъ направленіемъ была статья: „Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка“. Статья эта (рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Моск. Психол. Общества 24 января 1889 г.) тѣмъ интереснѣе, что она представляетъ собою коренное опроверженіе собственныхъ мыслей Грота, высказанныхъ въ первомъ его крупномъ произведеніи:—„Психологія чувствованій“. Какъ мы уже говорили при изложеніи „Психологіи чувствованій“, въ этомъ сочиненіи за чувствами Гротъ признавалъ только субъективное значеніе. Теперь онъ признаетъ за ними объективное значеніе и въ гносеологическомъ смыслѣ.

Нашъ мыслитель того мнѣнія, что всѣ сужденія наши о цѣнѣ вещей составляются на основаніи чувствованій, и если признать, что всѣ чувства человѣка относительны и неустойчивы, то вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось бы признать, что, мы лишены средствъ для опредѣленія истинной цѣны вещей. Гармонія и дисгармонія, совершенство и несовершенство оказались бы условными понятіями нашего ума, которымъ въ самыхъ предметахъ ничего не соотвѣтствуетъ, и всѣ мечты

объ опредѣленіи истиннаго блага человѣчества, объективнаго значенія прогресса, идей, добра и зла—слѣдовало бы признать суетными, такъ какъ всѣ эти идеи имѣютъ своими основаніями чувство.

Нашъ мыслитель и ставитъ своею цѣлью, въ излагаемой нами статьѣ, убѣдить читателей, что чувствованія, при извѣстной переработкѣ ихъ нашимъ сознаніемъ, пріобрѣтаютъ значеніе не только важной, но и вполне необходимой, достовѣрной и всеобщей основы познанія ¹⁾ внутренней стороны вещей, ихъ внутренняго существа, или субъекта, степени гармоніи и дисгармоніи въ ихъ природѣ. На почвѣ такой переработки матеріала чувствованій и чувствъ, человѣческой духъ, по возрѣвію нашего мыслителя, творитъ искусство, построитъ общіе *принципы* нравственной дѣятельности и обязательные идеалы личной и общественной дѣятельности и жизни.

Основаніе въ пользу этого значенія чувства Гротъ видитъ въ томъ, что послѣдніе критеріи истины и лжи лежатъ въ чувствахъ истины и лжи; именно, послѣднее основаніе нашего убѣжденія въ истинности или ложности какого либо умственнаго акта нашъ мыслитель видитъ въ умственной гармоніи. Всякая гармонія познается чувствомъ, испытывается нами, какъ чувство гармоніи, какъ пріятное чувство удовлетворенія. Всякая же дисгармонія, всякое несоотвѣтствіе (между нашими представленіями и законами ума) испытывается въ формѣ чувства дисгармоніи, непріятнаго чувства противорѣчія. Благодаря этимъ интеллектуальнымъ чувствамъ согласія и противорѣчія, законъ согласія или тождества, и законъ противорѣчія становятся основными законами мысли и дѣлаютъ возможнымъ установить критеріи истины и лжи. Эту мысль Гротъ развиваетъ подробно и основательно. Особенно убѣдительны его ссылки на параллелизмъ ощущеній и чувствованій, дѣлаемая имъ съ цѣлью доказать объективность и достовѣрность чувствованій. Нашъ мыслитель находитъ, что чувствованія проходятъ въ своемъ развитіи тѣ же ступени, что и ощущенія; и что ступени развитія чувствъ и идей вполне

¹⁾ Познаніе чувствомъ или интуитивное, ирраціональное познаніе, по Гроту, можно назвать „достиженіемъ“, въ противоположность раціональному познанію, которое выражается терминномъ „пониманіемъ“.

параллельны и вполнѣ взаимно обратны другъ другу въ томъ смыслѣ, что какъ чувства могутъ быть объектомъ и содержаниемъ понятій, такъ, въ свою очередь, понятія могутъ быть оцѣниваемы чувствами въ ихъ отношеніяхъ, и ирраціональное (интуитивное) познаніе можетъ стать объектомъ раціональной обработки. И нашъ мыслитель находитъ, что познаніе интуитивное шире познанія раціональнаго. Понятія науки не охватываютъ всей дѣйствительности, и потребность полноты постиженія міра должна привести къ новому высшему акту творчества на почвѣ чувства. Ирраціональность познаній бываетъ по Гроту троякаго вида: 1) *художественное постиженіе дѣйствительности*—путемъ переработки чувствованій въ чувства; 2) философское—путемъ переработки матеріала чувствъ въ понятія и 3) высшее, *мистическое* постиженіе міровыхъ началъ и смысла мірового процесса путемъ переработки *матеріала идей въ чувства*. Во всѣхъ видахъ этого интуитивнаго познанія, мы, по нашему мыслителю, и познаемъ собственно субъективныя качества вещей и насъ самихъ (природу, сущность нашего субъекта); другими словами, путемъ интуиціи мы и познаемъ, прежде всего, глубочайшій корень нашей жизни—нашу собственную душу, а затѣмъ уже и души другихъ существъ. И это познаніе нисколько не противорѣчитъ духовной организаціи человѣка, потому что, кромѣ индивидуальнаго и относительнаго субъекта, въ каждомъ изъ насъ есть субъектъ общій, постоянный, міровой, подчиненный въ своемъ дѣйствіи и своихъ отношеніяхъ къ міру законамъ постояннымъ и объективнымъ. Доказательства нашего мыслителя въ пользу „постоянства“ и „премірности“ субъекта очень основательны. Мы приведемъ ихъ резюме:

1) если ощущенія наши суть воспріятія *отношеній* вещей къ субъекту, и если субъектъ нашъ участвуетъ въ повтореніи всѣхъ ощущеній предметовъ и свойствъ, то признаніе такой относительности нашего субъекта было бы, по Гроту, признаніемъ и полной относительности ощущеній. Если, приводитъ сравненіе Гротъ, знаменатель дроби, или отношенія двухъ чиселъ, есть величина абсолютно переменная, то при равенствѣ числителей, и самыя дроби всегда были бы различны и относительны. Выводъ тотъ, что ощущенія могутъ быть посто-

яны и объективны только при постоянствѣ и объективности субъекта.

2) Если мы можемъ изучать субъектъ нашъ объективно, научно, то есть изучать общіе законы субъекта, или внутренней психической энергіи, то, значитъ, субъектъ нашъ, кромѣ индивидуальных, относительныхъ свойствъ, имѣетъ свойства общія, природу безотносительную.

3) Далѣе, наша психическая энергія, наша жизненная сила, весь ея запасъ, есть величина далеко не относительная. Она настолько велика и неограничена, что объ относительной, ограниченной индивидуальной оцѣнкѣ ея, не можетъ быть и рѣчи. Слѣдовательно, по нашему мыслителю, и въ этомъ случаѣ безотносительность субъекта стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Изъ приведенныхъ нами доказательствъ и соображеній Гротъ дѣлаетъ рядъ и другихъ содержательныхъ выводовъ. Такъ какъ общіе запасы психической энергіи, которые тратятся психической дѣятельностью субъекта, не подлежатъ непосредственной оцѣнкѣ въ чувстваваніяхъ, то и чувстваванія въ этой области имѣютъ безотносительный характеръ, могутъ, по нашему мыслителю, служить показателями: объективныхъ достоинствъ и недостатковъ самаго субъекта—его объективной цѣнности. Отсюда же по Гроту слѣдуетъ, что хотя чувство этой цѣнности мы познаемъ только въ самихъ себѣ, но по самой природѣ нашего субъекта, или тождеству съ объектомъ, по самому однообразію законовъ совнанія, это чувство цѣнности приобретаетъ для насъ смыслъ объективный. Познавая же это чувство объективной цѣнности вещей міра, мы, вмѣстѣ съ этимъ, путемъ творчества, создаемъ общеобязательные идеалы и принципы. И вотъ, продуктомъ созданія и формированія этихъ идеаловъ, является, по воззрѣнію нашего мыслителя, рядъ искусствъ: логика, какъ объективная теорія искусства познанія, этика, какъ объективная теорія искусства хотѣнія, эстетика, какъ объективная теорія чувстваванія. И Гротъ находитъ, что самое существованіе этихъ теорій искусствъ является уже показателемъ объективнаго и всеобщаго характера чувства человѣка. И нашъ мыслитель убѣжденъ, что это познаніе чувствомъ не менѣе объективно, чѣмъ познаніе умомъ, ибо, съ одной стороны, умъ столько же субъективенъ (въ из-

вѣстномъ, болѣе ограниченномъ смыслѣ этого слова), какъ и чувство, а съ другой стороны, и чувство не менѣе объективно (въ болѣе широкомъ значеніи этого термина), чѣмъ умъ или разсудокъ человѣка. Все наше познаніе, подчеркиваетъ свою мысль Гротъ, субъективно, такъ какъ нѣтъ объекта или предмета познанія безъ субъекта, воспринимающаго все существующее по законамъ внутренней своей организаціи, въ формахъ, свойственныхъ нашему сознанію. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всякое познаніе и творчество объективно, ибо объекты налагаютъ свою печать на всѣ воспріятія и дѣйствія субъекта. Задача всякаго познанія и творчества состоятъ не въ томъ, чтобы устранить изъ воспріятія субъективное, которое неустранимо и неотдѣлимо отъ объективнаго, а лишь въ томъ, чтобы устранить относительное, индивидуальное, случайное, какъ въ субъективныхъ, такъ и въ объективныхъ элементахъ воспріятія. И тогда, по воззрѣнію Грота, останется и въ понятіяхъ, и въ чувствахъ, общее, для всѣхъ людей обязательное, непреходящее. Это же будетъ имѣть значеніе и великую важность для нравственнаго прогресса человѣчества. „Когда,—приводитъ здѣсь Гротъ слова извѣстнаго автора „Исторіи матеріализма“ (Ланге)—будетъ познана непреходящая природа всякаго творчества въ искусствѣ, религіи и философіи, и когда, на основаніи этого познанія, распря между изслѣдованіемъ и творчествомъ будетъ навсегда примирена, тогда-то будетъ найдена и многообразная гармонія истиннаго, добраго и прекраснаго, и человѣчество придетъ къ постоянному и прочному міру“. Гротъ находитъ, что эта высокая мечта выдающагося мыслителя новѣйшаго времени можетъ осуществиться лишь тогда, когда психологія всесторонне выяснитъ истинное, непреходящее значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка, и когда человѣчество перестанетъ раболѣпствовать предъ умомъ, какъ единственнымъ надежнымъ руководителемъ жизни. И нашъ мыслитель думаетъ, что на томъ пути, который имъ намѣченъ въ изложенной нами статьѣ, возможна несравненно болѣе плодотворная разработка вопроса, чѣмъ на почвѣ стараго взгляда на чувство, какъ на безусловно субъективную сторону душевной жизни.

Дальнѣйшею, характерною для уясненія теоретическихъ

взглядѣ Грота, работою является этюдъ: „Что такое метафизика?“ Этюдъ этотъ, по словамъ самого автора, является итогомъ работъ его надъ вопросомъ „о задачахъ философіи“. Здѣсь особенно для насъ интересно опредѣленіе Гротомъ философіи.

Въ понятіи философіи по Гроту выразилась идея полного познанія; понятіе „философія“ означаетъ и любовь, и стремленіе къ мудрости, т. е., стремленіе къ той полнотѣ и тому совершенству знанія, которыя необходимы для того, что-бы человѣкъ обладалъ правильными и твердыми критеріями дѣятельности. Мудрость же есть знаніе не только внѣшняго міра, но, прежде всего, знаніе человѣкомъ самого себя. Она не есть только обладаніе наблюденіями, обобщеніями изъ опыта, выводами изъ разсудка, она есть, по нашему мыслителю, обладаніе высшими интуиціями чувства, высшими абстрактными формулами жизни—идеалами, приобрѣтенными путемъ взаимодѣйствія всѣхъ духовныхъ силъ человѣка—всѣхъ доступныхъ человѣку ощущеній, мыслей и самыхъ возвышенныхъ чувствъ. И къ этой именно полнотѣ и единству всѣхъ данныхъ и факторовъ человѣческаго сознанія всегда, по мнѣнію Грота, и стремилась философія. И въ этомъ нашъ мыслитель видитъ ея существенное отличіе отъ науки, искусства, религіи, которыя стремятся удовлетворить отдѣльнымъ потребностямъ человѣческаго духа: потребности логически строгаго и точнаго мышленія (наука), потребности постановки системы чувствъ человѣка въ соотвѣтствіе съ дѣйствительною субъективною природою вещей (искусство), потребности непосредственнаго урегулированія человѣческой воли (религія). Философія, какъ цѣлое, не есть ни наука только, ни искусство, ни религія, а есть философія—и должна всегда и прежде всего остаться сама собою. Но это не мѣшаетъ философіи быть одною своею стороною наукой, ибо она подводитъ наукѣ итоги, устанавливаетъ для нея общіе критеріи и методы, указываетъ ей на ея противорѣчія и ставитъ ей новыя вопросы. Другой своей стороною философія будетъ всегда сродни искусству, ибо она объединяетъ и освѣщаетъ то, что отгадано художественнымъ чутьемъ, и творитъ отвлеченные символы (принципы), охватывающіе конкретные образы поэтовъ, обличаетъ искусство (съ точки зрѣнія высшаго синтеза идеальныхъ понятій) во лжи

и натяжкахъ, указываетъ ему новыя идеалы и новыя способы воздѣйствія на дѣйствительность. Наконецъ, есть сторона общая у философіи и съ религіей, ибо философія служитъ для религіи способомъ вѣрѣ, проведенія и утвержденія предъ разумомъ истинъ вѣры, а также средствомъ устраненія изъ религіи всего того, что по существу ей чуждо, что составляетъ въ ней результатъ личныхъ и случайныхъ людскихъ вліяній. Поэтому-то, заключаетъ нашъ мыслитель, исторически философія всегда сама строилась на основахъ науки, искусства и религіи давняго народа и времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ оказывала существенное воздѣйствіе на ихъ дальнѣйшее строеніе и развитіе: она-то порождала или возрождала науку, искусство и религію,—то сама изъ нихъ рождалась и возрождалась¹⁾. И Гротъ находитъ, что эта связь философіи съ искусствомъ, наукой и религіей, неразрывна; всѣ попытки разорвать эти естественныя отношенія взаимодѣйствія между философіей и другими формами разумнаго постиженія дѣйствительности—всегда вели къ уродливымъ уклоненіямъ философіи отъ главнаго пути развитія. Такъ, разрывъ съ наукою порождалъ по Гроту фантастическія и произвольныя умствованія, неоправдываемыя дѣйствительностью; разрывъ съ искусствомъ и художественностью приводилъ философію къ сухимъ и пустымъ схоластическимъ формуламъ; разрывъ съ религіей и религіозностью заставлялъ философію залутываться въ безсходныхъ противорѣчіяхъ и антиноміяхъ человѣческаго разсудка и утрачивать всѣ средства для ихъ примиренія; поэтому же нашъ мыслитель признаетъ бесплодными всѣ попытки слить философію съ наукою, сдѣлать изъ нея особую область чисто-субъективнаго творчества, или превратить ее въ своего рода новую религію человѣчества; но все же нашъ мыслитель находитъ, что самое близкое отношеніе философіи имѣетъ къ наукѣ. Для того, чтобы правильно опѣнить это отношеніе философіи къ наукѣ, нашъ мыслитель предлагаетъ отдать отчетъ въ томъ, что составляетъ особый научный элементъ въ философіи и даетъ право, съ вѣ-

¹⁾ Аналогичныя мысли о происхожденіи философіи и ея отношенія къ религіи, наукѣ и искусству Гротъ высказывалъ также и въ другихъ сочиненіяхъ втораго періода своей дѣятельности, напр. въ популярномъ очеркѣ: „Введеніе въ исторію новой философіи“ (см. „Вопросы Философіи и Психологіи“ VII книга, (1890 г. № 3), 1—26 стр. особенно 6—7 стр.

звѣстной стороны, считать философію особаго рода наукою съ самостоятельнымъ предметомъ, задачами и приемами изслѣдованія.

Этотъ особый научный элементъ въ философіи обозначается, по терминологіи нашего мыслителя, именемъ метафизики, какъ своеобразной науки и своеобразнаго метода изслѣдованія. Понятіе философіи шире понятія метафизики, ибо въ понятіе философіи входятъ и такіе приемы уразумѣнія и воспроизведенія дѣйствительности въ идеяхъ, которые чужды наукѣ въ собственномъ смыслѣ. Но это не мѣшаетъ метафизику составлять существенную и основную сторону философіи, какъ по содержанію, такъ и по приемамъ разработки этого содержанія. Но разрѣшеніе вопроса объ отношеніи философіи къ наукѣ, точно такъ же, какъ и правильное опредѣленіе понятія „научная философія“, невозможно безъ выясненія—что такое—метафизика—каковы ея предметъ, задачи и методы.

Указавши на то, что всякое отрицаніе метафизики, если оно не голословно, а опирается на какія нибудь критическія основанія, всегда было и будетъ отрицаніемъ--одной метафизики во имя другой, ибо оно всегда предполагаетъ извѣстную теорію отношенія разума къ бытію, субъекта къ объективному міру, познающаго къ познаваемому, а всякая такая теорія, будь она даже совершенно скептическая, или только феноменалистическая, есть теорія метафизическая, нашъ мыслитель такъ опредѣляетъ метафизику: метафизика, какъ наука, есть изслѣдованіе и опредѣленіе общихъ формъ и законовъ духа (разума и воли) въ познаніи дѣйствительности, а также и въ воздѣйствіи его на дѣйствительность.

Но при такомъ опредѣленіи задачъ метафизики естественно возникаетъ вопросъ: чѣмъ же метафизика отличается отъ психологіи,—вѣдь и психологія, какъ наука опытная, восходитъ отъ частныхъ психическихъ явленій къ опредѣленію общихъ формъ и законовъ духа, т. е., разума и воли? Нашъ мыслитель такъ разъясняетъ этотъ вопросъ: метафизика не опытная, а умозрительная наука, подобная математикѣ. Метафизика, путемъ критики понятій нашего разума, устанавливаетъ общія качественныя формы, критеріи и законы явленій опыта. Поэтому новѣйшія попытки построенія метафизики на почвѣ опыта (напр. Фулье), по мнѣнію нашего мыслителя, грѣшатъ

основною и непоправимою ошибкою—предположеніемъ, что изъ явленій опыта всецѣло могутъ быть извлечены тѣ всеобщія и необходимыя истины, которыя сами лежатъ въ основаніи всякаго опыта, т. е., предваряютъ его, какъ абсолютно достовѣрныя критеріи изученія явленій. Но нашъ мыслитель рѣшительно находитъ, что утверждать это, ограничивать способы познанія однимъ опытомъ, отвергать умозрѣніе—рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній. Опытъ есть совокупность представленій и понятій, приобретаемыхъ чрезъ посредство ощущеній, (внѣшнихъ и внутреннихъ) путемъ отвлеченія отъ нихъ единичныхъ признаковъ. Но самое это отвлеченіе, какъ дѣйствіе ума, уже предполагаетъ въ умѣ извѣстныя формы распорядка единичныхъ опытныхъ признаковъ явленія, критеріи ихъ сравненія и разобщенія, которые не могутъ быть отвлечены отъ явленій опыта, такъ какъ уже предполагаются имъ. Отсюда Гротъ и дѣлаетъ тотъ естественный выводъ, что понятія объ этихъ общихъ нормахъ и критеріяхъ опыта приобретаются не путемъ обобщенія признаковъ отдѣльныхъ явленій, а строятся нами умозрительно, логическою работою мысли. Далѣе нашъ мыслитель, путемъ сравненія метафизики съ математикою, и старается установить за первой право на умозрительный методъ. Онъ находитъ полную аналогію метафизическихъ понятій и положеній съ математическими, въ отношеніи ихъ происхожденія и разработки, въ отношеніи ихъ къ явленіямъ и предметамъ опыта, и въ оцѣнкѣ ихъ значенія, какъ субъективныхъ формулъ мысли, претендующихъ играть роль „обязательныхъ нормъ объективнаго бытія“. Нашъ мыслитель подчеркиваетъ ту мысль, что эта аналогія никогда никѣмъ серьезно не отрицалась, но даже утверждалась и всѣми нападками на метафизику, всѣми упреками и обвиненіями, которыя къ ней предъявлялись. Обосновывая право метафизики на особый умозрительный методъ, Гротъ высказываетъ то убѣжденіе, что никто не можетъ отвергать, какъ то, что метафизика заключаетъ въ себѣ понятія, необоснованныя опытомъ и невыводимыя изъ совокупности ощущеній и даже иногда какъ бы противорѣчащія даннымъ опыта ¹⁾, такъ и то,

¹⁾ Подтверженіе этому авторъ видитъ въ метафизическихъ системахъ Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта и особенно въ системахъ Фихте, Шеллинга, Гегеля.

что она содержитъ въ себѣ истины, которыя имѣютъ притязаніе не только констатировать факты дѣйствительности, но и опредѣлять абсолютно обязательныя для внѣшней и внутренней дѣйствительности,—нормы бытія и дѣйствованія, подтвержденіе этому, по нашему мыслителю, доставляютъ всѣ области метафизическаго построения: теорія бытія (онтологія), теорія нормативныхъ законовъ мышленія (логика), теорія нормативныхъ законовъ поведенія (этика)—всѣ они устанавливають абсолютныя положенія, обязательныя для мышленія и дѣятельности разумныхъ существъ. Значеніе ихъ для бытія міра Гротъ находитъ вполне аналогичнымъ значенію аксіомъ математики. Нашъ мыслитель находитъ, что между логическимъ достоинствомъ и приложеніемъ къ опыту положеній: „прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками“ и „всякое бытіе имѣетъ причину“ нѣтъ существенной разницы, какъ нѣтъ ея и между логическимъ достоинствомъ и приложимостью истинъ, что „дважды два—четыре“ и что „нѣтъ объекта безъ субъекта“. Одинаковое значеніе и равенство этихъ положеній, по Гроту, въ томъ, что всѣ подобныя истины одинаково невыводимы изъ опыта и изъ опыта недоказуемы, и въ то же время одинаково обязательны для всякаго возможнаго опыта, прошедшаго, настоящаго и будущаго. Мы всѣ убѣждены а priori, разъясняетъ свою мысль Гротъ, что эти истины были столь же обязательны для міра мысли и для міра бытія во времена Аристотеля, какъ и въ наше время, т. е., что умъ Аристотеля и міръ его времени точно такъ же подчинялись имъ, какъ мы и какъ нашъ міръ. Мало того, если есть планета, на которой существуютъ живыя и мыслящія—при совершенно другихъ условіяхъ опыта—существа, то мы не можемъ допустить, чтобы эти нормы мышленія и бытія могли не быть для нихъ такъ же обязательны, какъ и для насъ,—иначе для насъ исчезнетъ все реальное, все несомнѣнное, и сама наша наука, какъ и существованіе наше, превратятся въ сплошную фикцію,—въ сонъ, бредъ, абсурдъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что если мы въ правѣ признать истину „дважды два—четыре“, обязательною для всего міра вещей, то мы въ правѣ признать положеніе „всякое бытіе имѣетъ причину“ столь же обязательнымъ не только для міра мысли, но и для всего міра бытія. Нашъ мыслитель находитъ,

что этихъ примѣровъ вполне достаточно для того, чтобы допустить въ принципѣ приложимость къ міру бытія качественныхъ метафизическихъ идей и положеній. Отсюда *метафизика*, въ ея подробномъ опредѣленіи, есть, по нашему мыслителю, наука, ищущая опредѣлить умозрительно абсолютно—достоверныя и обязательныя, не только для нашего ума, но и для объективной дѣйствительности, т. е., не только идеальныя, но и реальныя качественныя отношенія явленій опыта, внутренняго и внѣшняго, или формы и нормы мышленія, дѣйствованія и самаго бытія всего, что существуетъ. Давая такое подробное опредѣленіе метафизики, нашъ мыслитель находитъ понятнымъ, что метафизика, подобно математикѣ, есть не только отдѣльная наука, но и цѣлая группа наукъ (онтологія, логика, этика, эстетика и проч.), и далѣе, что она есть не только особая область науки, но и особенный методъ переработки матеріала наукъ опытныхъ. Но здѣсь еще можетъ явиться одинъ вопросъ: почему же метафизика, если она обладаетъ столь несомнѣннымъ содержаніемъ, допускающимъ объективное истолкованіе, до сихъ поръ, однако, не достигла призванія, какъ необходимая и законная часть науки? Нашъ мыслитель на это отвѣчаетъ въ томъ смыслѣ, что все происходитъ въ свое время. Въ началѣ IV в. до Р. Хр. еще не было логики, вѣсколькими вѣками ранѣе не существовало и математики, какъ особой науки и группы наукъ. Нѣтъ основаній утверждать, что человѣчество окончательно истощило всю сферу возможныхъ научныхъ изслѣдованій и построеній, и не предстоитъ дальнѣйшаго утвержденія на прочныхъ началахъ областей познанія, хотя уже давно намѣченныхъ, но еще не вполне организованныхъ. Указывая на то, что задача построенія метафизики, какъ науки, изслѣдующей преимущественно качественныя категоріи духа и бытія, была ясно поставлена только Кантомъ сто лѣтъ назадъ, нашъ мыслитель находитъ, что еще будущему предстоитъ изслѣдовать, нельзя ли построить болѣе плодотворную и общеобязательную метафизику, путемъ анализа и синтеза всѣхъ качественныхъ формъ и нормативныхъ законовъ духа (не только познавательныхъ, но и дѣятельныхъ), а также дѣло будущаго опредѣлить,—есть ли

основаніе считать нѣкоторыя идеи разума, напр. идеи пространства, времени, причинности и т. под. приложимыми къ міру явленій и выражающими его объективную природу, а другія идеи, напр.: свободы, матеріи, духа, Бога, добра и зла, красоты и безобразія, неприложимыми къ міру явленій и не выражающими его существа. Указывая на тѣхъ лицъ, которые пытались рѣшить общія задачи метафизики, именно: на Платона (въ нѣкоторыхъ его діалогахъ), на Аристотеля въ его „Первой философіи“ (метафизикѣ), Спинозу (въ „Этикѣ“), Канта (въ его „Критикахъ разума“), Гегеля (въ его „Логикѣ“), нашъ мыслитель находитъ, что если взять изъ этихъ трудовъ все цѣнное, истинное и вполне доказанное, и отбросить все случайное и ложное,—что является плодомъ недоразумѣній и человѣческаго несовершенства, то, безъ сомнѣнія, возможно уже и теперь приобрести такую систему понятій и положеній, которая удовлетворяла бы всѣмъ требованіямъ отдѣльной, хотя бы и несовершенной науки. Задача ближайшаго будущаго метафизики, по нашему мыслителю, состоитъ именно въ томъ, чтобы разобраться въ имѣющемся готовомъ матеріалѣ, проверить и исправить его логическою критикою отдѣльныхъ понятій и положеній, привести въ единство и систему.

Въ заключеніе своего излагаемаго нами этюда нашъ мыслитель выражаетъ надежду, что этотъ его этюдъ послужитъ выясненію истиннаго значенія метафизики и этимъ подастъ поводъ къ болѣе основательному изученію въ Россіи безсмертныхъ произведеній главныхъ представителей метафизическаго умозрѣнія, а чрезъ то послужитъ и вообще распространенію философіи въ Россіи. Это же упоминаніе о возможности русской философіи—даетъ Гроту поводъ высказать нѣсколько не лишенныхъ значенія и интересныхъ мыслей о возможности и смыслѣ національной философіи. „Намъ скажутъ, говоритъ онъ¹⁾,—а какой же смыслъ имѣетъ идея *русской* философіи, если метафизика признана такою же объективно достоверною наукою, какъ математика, и если элементы ея нужно искать у мыслителей прошлаго всѣхъ странъ и народовъ?“ Но въ томъ то и дѣло, разъясняетъ Гротъ

¹⁾ Вопр. Фил. и Псих., кн. II (1890 г.) стр. 128.

поставленный имъ вопросъ, что метафизика не есть философія. Метафизика не можетъ быть.—философія должна быть національною. Метафизика есть основа и методъ философіи, поскольку она наука и часть науки; но идея философіи всегда была и будетъ шире идеи метафизики, какъ цѣлый домъ больше и обширнѣе своего фундамента. Здѣсь Гротъ приводитъ прекрасное сравненіе: „Фундаменты готическаго храма и русскаго собора,—говоритъ онъ,—могутъ быть почти тождественны, а воздвигнутыя на нихъ зданія будутъ носить стиль различный, національный“. Субъективный элементъ въ философіи—элементъ чувства и личнаго творчества неразрывно связываетъ ее съ душевнымъ строемъ личности и народа. Человѣкъ—носитель вселенскихъ началъ, одно изъ воплощеній міроваго разума, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и личность, своеобразная и субъективно-цѣльная индивидуальность. Какъ частное проявленіе всемірнаго разума, онъ—метафизикъ, математикъ, астрономъ, физикъ, химикъ, и проч., не выдающій въ идеалъ никакой національности; какъ субъективно-цѣльная индивидуальность, онъ—художникъ и философъ, т. е., носитель субъективно-цѣльнаго міровоззрѣнія и одно изъ воплощеній національныхъ особенностей человѣческаго духа. Таковы прекрасныя и глубоко интересныя мысли нашего философа о возможности національной русской философіи.

Александръ Никольскій.

(Продолженіе будетъ).

При каких условіяхъ жизнь можетъ имѣть смыслъ и цѣнность?

Проф. Мечниковъ занятъ въ настоящее время чрезвычайно важнымъ вопросомъ,—исслѣдованіемъ условій, при которыхъ жизнь человѣка была бы стройнымъ, гармоническимъ развитіемъ силъ и способностей, заложенныхъ въ него природою, и приводила бы къ спокойной, безболѣзненной старости, къ естественному постепенному угасанію и смерти, которая въ такомъ случаѣ не представляла бы ничего страшнаго, а являлась бы, напротивъ, лишь желаннымъ отдыхомъ. Задача, несомнѣнно, великая и, судя по отзывамъ репортеровъ, интервьюировавшихъ профессора, будто-бы есть надежда на удовлетворительное рѣшеніе этой задачи. И когда она дѣйствительно будетъ разрѣшена, тогда, само собою разумѣется, это будетъ рѣшительнымъ ударомъ пессимистическому міровоззрѣнію, по которому въ жизни столько горя и страданій и такъ мало радостей, что всего лучше было бы для человѣка не рождаться на свѣтъ, или же, родившись, поскорѣе умереть. Инстинктъ жизни, правда,—очень властный инстинктъ, и человѣкъ всѣми силами хватается за жизнь и всего болѣе боится смерти; даже дряхлые старики, изнемогшіе въ борьбѣ и страданіяхъ, съ ужасомъ глядятъ въ очи близко стоящаго врага—смерти и напрягаютъ жалкіе остатки силъ для борьбы съ этимъ грознымъ и непобѣдимымъ врагомъ, такъ что, повидимому, вопросъ о томъ, стоить ли жить,—праздный вопросъ, коль скоро онъ рѣшается въ утвердительномъ смыслѣ самимъ инстинктомъ. Но, къ счастью или несчастью для человѣка, тутъ вмѣши-

вается въ дѣло еще и разумъ и предлагаетъ, и такъ же властно, свою оцѣнку жизни и между двумя инстанціями—разумомъ и инстинктомъ происходитъ нѣкоторый конфликтъ. Въ большинствѣ случаевъ побѣда остается на сторонѣ инстинкта, хотя бывають и обратные случаи. Не такъ давно въ одномъ изъ южныхъ городовъ покончили счеты съ жизнію помѣщикъ—человѣкъ прекрасно образованный, владѣвшій цѣннымъ благоустроеннымъ имѣніемъ, прекрасный семьянинъ, любимый семьею, сосѣдями, не мало потрудившійся для населенія уѣзда въ качествѣ гласнаго земскаго собранія, члена управы, попечителя нѣсколькихъ школъ и т. п. И вотъ къ ужасу семьи и сосѣдей, этотъ господинъ однажды найденъ застрѣлившимся въ отдаленномъ уголкѣ своего роскошнаго сада. Судебно-медицинское вскрытіе обнаружило, или вѣрнѣе, должно было что-то такое обнаружить, чтобы не лишить самоубійцу христіанскаго погребенія. Въ запискѣ, найденной въ карманѣ застрѣливаго, сказано было: „нашелъ, что жить не стоитъ“. Въ данномъ случаѣ разумъ,—правильно или неправильно, это другой вопросъ,—одержалъ верхъ надъ инстинктомъ. И сколько намъ извѣстно изъ печальной хроники самоубійствъ, такой именно мотивъ (жить не стоить) не составляетъ большой рѣдкости: къ такому именно заключенію приходили и пожившіе старцы, и люди зрѣлаго возраста, и юноши, чуть не подростки, вообще люди разныхъ званій, состояній, общественныхъ положеній, возрастовъ и половъ. Въ виду этого вопросъ о томъ, стоить ли жить, быть можетъ, заслуживаетъ того, чтобы ему удѣлить нѣкоторую долю вниманія.

Опредѣлимъ смыслъ выраженія, стоитъ ли жить.

При покупкѣ какой-либо вещи выраженіе—„стоитъ“ означаетъ, что приобретаемая вещь уравниваетъ ту затрату, которую необходимо сдѣлать для приобретенія этой вещи; вещь, которая не уравниваетъ этой затраты, никто не станетъ покупать. При этомъ, при опредѣленіи стоимости вещи, весьма важную роль играетъ субъективный элементъ: важно не только достоинство товара, вещи, но также и то, насколько этотъ товаръ, эта вещь необходима, или понравилась *мнѣ*. Могутъ предлагать мнѣ дѣйствительно хорошую, цѣнную вещь, могутъ

дешево ее отдавать, но я могу ее не взять, потому что *мнѣ* она не нужна, или не нравится; я не куплю напр. даже за самую дешевую цѣну очень высоко цѣнимое китайцами блюдо — гнѣзда саланганы или гуано; наоборотъ, за ничтожную вещь я готовъ заплатить дорого, если она *мнѣ* необходима, или очень понравилась. Но сама жизнь не составляетъ предмета купли и продажи. Какой же тогда смыслъ выраженія—стоитъ жить?

Въ жизни мы преслѣдуемъ различныя цѣли, въ достиженіи которыхъ видимъ счастье, понимаемое каждымъ по своему. При этомъ неизбѣжно, конечно, встрѣтить препятствія, одолѣть трудности, потерпѣть неудачи. И вотъ возникаетъ вопросъ: эти неизбѣжныя на нашемъ жизненномъ пути препятствія, неудачи, трудности, отсюда огорченія и скорби уравниваютъ ли то благо, къ которому мы стремимся и котораго достигаемъ; или безмѣрно его превышаютъ? Если да, если сумма радостей, счастья равняется, или превышаетъ сумму бѣдствій и скорби, тогда вопросъ о томъ, стоитъ ли жить, рѣшается въ утвердительномъ смыслѣ, и наоборотъ. Ясно, что субъективный элементъ здѣсь долженъ играть еще болѣе важную роль, чѣмъ при покупкѣ какой-либо вещи, товара. Представленія о счастливой жизни у людей слишкомъ разнообразны. Для одного жизнь на лонѣ пвироды, въ тѣсномъ кругу семьи, хорошихъ друзей, безъ борьбы и житейскихъ тревоженій—завѣтная мечта, въ ней онъ видитъ счастье, къ ней стремится. Для другого такая жизнь—тоска смертная, его тянетъ въ противоположную сторону, ему по душѣ жизнь, полная бурь и тревоженій, борьбы и побѣдъ. Бослякъ Горькаго, бывший солдатъ Лакутинъ, такъ разсуждаетъ, лежа въ степи: „Люблю я, другъ, эту бродячую жизнь. Оно и холодно и голодно, да свободно ужъ очень... Нѣтъ надъ тобою никакого начальства... самъ ты своей жизни хозяинъ... Хоть голову себѣ откуси,—никто тебѣ слова не можетъ сказать.. Хорошо... Наголодался я эти дни, назлился... а вотъ теперь лежу, смотрю на небо... Звѣзды мигаютъ мнѣ... ровно говорятъ:—ничего, Лакутинъ; ходи, знай, по землѣ и никому не поддавайся... Н-да.. И хорошо на сердцѣ“...

У Аванасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны идеаль

счастливой жизни обратно противоположный этому. Гоголевскаго городничаго тѣшатъ мечты о власти, какую онъ будетъ пользоваться, когда его зятемъ станетъ такая персона, какъ Иванъ Александровичъ Хлестаковъ. Осипъ, слуга Хлестакова, опять по иному разсуждаетъ, иначе представляетъ себѣ идеаль житейскаго благополучія. Словомъ каждый разсуждаетъ по своему, и то, что очень цѣнно въ глазахъ напр. Осипа, ни въ какомъ случаѣ не можетъ удовлетворить босняка Лакутина, и наоборотъ.

Итакъ, вопросъ о цѣнности жизни сводится къ вопросу о томъ, чего въ ней больше—радостей, счастья, или же скорби и страданій. Спѣшу, впрочемъ, оговориться. Можетъ быть и другая точка зрѣнія на этотъ предметъ: можно поставить задачей и цѣлью своей жизни не личное благополучіе и счастье, а служеніе на пользу другихъ, благополучіе и счастье окружающихъ, общества, государства, челоуѣчества. Мотивомъ дѣятельности въ такомъ случаѣ будутъ не личные какіе-либо расчеты, а любовь къ другимъ, къ людямъ, внушаемая нравственнымъ долгомъ. Въ этомъ случаѣ моя жизнь будетъ имѣть цѣну, если я сознаю, что, дѣйствительно, въ какой-либо степени я содѣйствую этому всеобщему благополучію, всеобщему счастью. Мои личные страданія будутъ вознаграждены сознаниемъ свято выполненнаго долга, сознаниемъ того, что моя жизнь—орудіе счастья другихъ.

Слѣдовательно, вопросъ о томъ, стоить ли жить, вопросъ о цѣнности жизни слѣдуетъ разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія 1) личнаго и 2) общечелоуѣческаго счастья.

I.

Самаго бѣлаго взгляда на исторію философскихъ ученій достаточно, чтобы видѣть, что чрезъ всю эту исторію красной нитью проходитъ пессимистическій взглядъ на міръ, на положеніе челоуѣка во вселенной, на господство зла въ мірѣ; этотъ взглядъ на протяженіи вѣковъ является основной, доминирующей нотой. Противоположные взгляды, оптимистическіе являются лишь оберъ-тонами, ручейками, незамѣтно исчезающими въ руслѣ главной рѣки, не оказывающими сколько-

явудь замѣтнаго вліанія ни на ея направленіе, ни на мрачную окраску ея водъ.

Подъ благодатнымъ небомъ юга, въ странѣ пышныхъ пальмъ, въ странѣ, гдѣ природа ласкаетъ и звѣря, и птицу, и чело-вѣка, двадцати-восьмилѣтній юноша, сынъ князя, Сакія-Муни или Будда оставляетъ страну своего отца, чтобы жизнь наследника престола перемѣнить на суровую жизнь аскета и проповѣдывать четыре истины, изъ которыхъ первая состоитъ въ томъ, что жизнь своимъ необходимымъ слѣдствіемъ имѣеть страданіе; что желаніе есть причина страданія, какъ говоритъ вторая истина; что иллюзія существованія и страданіе желанія могутъ быть уничтожены уничтоженіемъ этого мнимаго существованія—нирваной,—такова третья истина; наконецъ, четвертая говоритъ, что правильный методъ для достиженія нирваны состоитъ въ абсолютномъ отреченіи и въ подавленіи всякаго желанія. Таково ученіе знаменитаго Будды, основателя религіи, насчитывающей въ настоящее время сотни милліоновъ послѣдователей. Видимый міръ это—маія, обманъ; глаза смертнаго закрыты покрываломъ, сквозь которое онъ смотритъ на міръ, о которомъ нельзя сказать ни того, что онъ существуетъ, ни того, что онъ не существуетъ; овъ, этотъ міръ подобенъ сновидѣнію, или сіянію солнечныхъ лучей на песокъ, которое путникъ издали принимаетъ за блескъ воды. Такова мысль Ведъ, священныхъ книгъ буддистовъ. И теперь, какъ тысячи лѣтъ назадъ, аскетъ Гималайскихъ горъ бросается въ священномъ изступленіи съ высоты горъ въ пропасть или подъ колеса священной колесницы, чтобы скорѣе и вѣрнѣе достигнуть вѣчнаго покоя—нирваны.

Свѣтлое, жизнерадостное мировоззрѣніе древнихъ грековъ, съ ихъ культомъ физической силы и красоты, представляетъ рѣзкій контрастъ съ религіозно-философскимъ пессимизмомъ востока. Обработывать землю къ качеству жалкаго поденщика предпочтительнѣе, чѣмъ быть владыкою цѣлаго сонма мертвецовъ,—таковъ взглядъ Гомера (Одиссея XI, 488). Сократъ вѣдѣсть съ нѣкоторыми другими училъ, что для добродѣтельнаго чело-вѣка не можетъ быть никакого зла ни въ жизни, ни въ смерти. Но уже Софокль сказалъ, что величайшее благо

для человѣка—не родиться. И затѣмъ пессимистическое настроеніе становится все замѣтнѣе и замѣтнѣе, пока наконецъ Гегезій въ Александріи дошелъ до проповѣди самоубійства, при томъ столь успѣшной, что власти нашли необходимымъ запретить его лекціи. Подобнымъ же образомъ шло дѣло у римлянъ съ тою лишь разницею, что здѣсь вышею цѣлю, высшимъ благомъ ставилось не счастье личности, а счастье, могущество и слава государства, въ жертву которому приносились интересы гражданъ.

Вопросъ о томъ, въ чемъ должно полагать счастье человѣка и какъ его достигнуть, составляетъ существенный вопросъ стоической философіи. Усиліе, власть надъ собой, надъ своими склонностями и страстями—вотъ что можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ, по мнѣнію стоиковъ. „Есть вещи, говоритъ Эпиктетъ, завершитель философіи стоицизма, зависящія отъ насъ,—это наши мнѣнія, наши желанія, наши движенія, наши наклонности, наши отвращенія,—однимъ словомъ, всѣ наши дѣйствія. Тѣ, которыя не зависятъ отъ насъ, суть: тѣло, имущество, репутація,—однимъ словомъ, все, что не принадлежитъ къ числу нашихъ дѣйствій. Вещи, зависящія отъ насъ, свободны по природѣ—ни что не можетъ остановить ихъ и быть имъ препятствіемъ; что касается до явленій, независимыхъ отъ насъ, то это явленія слабыя, рабскія, подлежащія разнымъ препятствіямъ и неудобствамъ и совершенно чуждыя человѣку. Потому помни, что если ты принимаешь за свободныя тѣ явленія, которыя по ихъ сущности суть рабскія, если ты принимаешь за свое то, что принадлежитъ другому, то ты всегда будешь встрѣчать препятствія; ты будешь огорченъ, взволнованъ и будешь роптать на боговъ и на людей; но если ты будешь считать своимъ то, что свойственно и принадлежитъ тебѣ, и чужимъ то, что принадлежитъ другому, никогда никто не заставитъ тебя сдѣлать того, чего ты не хочешь, и ты не будешь тогда роптать ни на кого, не будешь обвинять никого... Болѣзнь, напр., это тѣлесное препятствіе она не есть препятствіе воли, если только эта послѣдняя сама не хочетъ, чтобы болѣзнь составляла препятствіе. Я—хромъ, это—препятствіе для моей ноги, но не для моей воли. Можно

сказать то же обо всемъ, что останавливаетъ тебя, и ты найдешь, что разныя случайности—препятствія для чего-нибудь, но не для тебя“. Понять необходимость и добровольно ей подчиниться—вотъ въ чемъ, по мнѣнію стоиковъ, состоитъ истинная свобода. Мудрецъ, достигшій такой свободы, не падетъ духомъ подъ ударами судьбы; онъ противопоставляетъ имъ усиліе воли, которая даже въ мученіяхъ, даже въ смерти сознаетъ свою свободу и, погибая, торжествуетъ. Мудрецъ, говоритъ стоицизмъ, есть господинъ и владыка всѣхъ вещей, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и владыка собственной жизни, которую онъ во всякій моментъ можетъ окончить самоубійствомъ. „Видишь ли ты, патетически восклицаетъ Сенека, ту страшную вершину горы? Оттуда, съ этой вершины лежитъ для тебя путь къ свободѣ. Видишь ли ты вонъ то море, рѣку, колодець? Тамъ въ глубинѣ ихъ обитаетъ твоя свобода. Видишь ли вонъ то засохшее дерево? На немъ виситъ твоя свобода. Видишь ли твою шею, горло, грудь? Въ нихъ средство избавленія отъ рабства“.

Такимъ образомъ у стоиковъ и рѣчи нѣтъ о какомъ-либо положительномъ счастьи; здѣсь рѣчь только о способѣ избѣгать страданій, для чего необходимо подавлять въ себѣ всякаго рода склонности и желанія до желанія жить включительно.

Казалось бы, отъ эпикурейцевъ слѣдовало бы ожидать свѣтлаго, жизнерадостнаго настроенія и ясныхъ указаній на то, въ чемъ состоитъ счастье и какъ его достигнуть. Однако же, то, что мы здѣсь находимъ, мало чѣмъ отличается отъ стоического понятія о счастьи. Эпикурейцы не считали благомъ измѣнчивыя удовольствія, а признавали такимъ благомъ только постоянное удовольствіе, абсолютный покой, атараксію. И здѣсь, какъ и у стоиковъ, дѣло идетъ объ умѣньи не поддаваться печалямъ жизни, а также объ умѣньи, въ случаѣ нужды, обходиться безъ радостей жизни. Трудно видѣть что-либо положительное въ абсолютномъ покоѣ, атараксіи, которая считается благомъ, по мнѣнію эпикурейцевъ. Эпикуръ и Лукрецій стараются убѣдить своихъ послѣдователей въ нелѣпости страха смерти. Они не стали бы этого дѣлать, если-бы признавали возможность положительнаго счастья уже потому, что смерть полагаетъ конецъ этому счастью.

Не останавливаясь затѣмъ на философіи среднихъ вѣковъ, перейдемъ къ новой философіи, послѣ—Кантовской. Здѣсь прежде всего мы будемъ имѣть дѣло съ философіей Шопенгауэра, у котораго пессимизмъ достигъ своего апогея.

Шопенгауэръ—ученикъ Канта и признаетъ двѣ основныя тезы своего учителя: 1) необходимость подвергнуть критикѣ человѣческой разумъ, чтобы опредѣлить его предѣлы, и 2) необходимость не выходить за предѣлы опыта и отказаться отъ званія всего трансцендентальнаго. Вмѣстѣ съ Кантомъ онъ также признаетъ идеальность пространства и времени—двухъ субъективныхъ формъ чувственности. Кантъ насчитывалъ кромѣ того двѣнадцать регулятивныхъ понятій ума, двѣнадцать категорій, построенныхъ довольно искусственно. Шопенгауэръ признаетъ, кромѣ пространства и времени—основныхъ формъ чувственности, третью форму познанія—причинность. Къ такимъ выводамъ приводитъ Шопенгауэра критика теоріи познанія. Міръ, какимъ онъ намъ представляется, существуетъ лишь потому, что есть субъектъ, его воспринимающій, уничтожьте всякое представленіе въ мірѣ, и весь феноменальный міръ исчезнетъ, безъ субъекта не будетъ объекта. Слѣдовательно, міръ есть мое представленіе, онъ есть мозговой феноменъ. „Можно, конечно, говорить о солнцѣ и планетахъ, говорить Шопенгауэръ, не говоря о глазѣ, который ихъ видитъ, и о разумѣ, который ихъ познаетъ, но такія рѣчи будутъ пустыми словами, не имѣющими содержанія“. Но развѣ міръ, какъ объектъ, не могъ бы существовать даже и тогда, когда его никто не воспринималъ бы? Предметы отражаются въ зеркалѣ; нѣтъ зеркала,—нѣтъ и отраженій; но развѣ отсюда слѣдуетъ, что самые предметы перестаютъ существовать? Отвѣтомъ на это возраженіе служитъ понятіе объ идеальности пространства и времени: если установлена идеальность времени и пространства, то вмѣстѣ съ этимъ установлена и идеальность міра. Однако время и пространство безъ всякаго содержанія только пустыя рамки; что нибудь должно ихъ наполнять. Это что-нибудь есть причинность, которая для Шопенгауэра есть то же, что и матерія. „Субъективный коррелятъ матеріи или причинности, что одно и то же—это умъ;

и кромѣ этого онъ ничто. Познавать причинность—вотъ его единственная функція. И наоборотъ, всякая причинность, всякая матерія, всякая реальность существуетъ только для ума, посредствомъ ума, въ умѣ“.

Если бы человекъ былъ существомъ только мыслящимъ, чистымъ субъектомъ познанія, то окружающій его міръ былъ бы для него только представленіемъ. „Но онъ самъ коренится въ этомъ мірѣ, находится въ немъ въ качествѣ индивидуума, т. е., его познавательная способность—этотъ носитель міра, какъ представленія, зависитъ отъ тѣла, аффекты котораго служатъ пунктомъ отправленія для нашихъ созерцаній міра. Это тѣло для чисто мыслящаго субъекта является представленіемъ между другими представленіями, объектомъ между другими объектами: движенія и дѣйствія этого тѣла мыслящему субъекту извѣстны не болѣе измѣненій всѣхъ другихъ чувственныхъ объектовъ и были бы ему столь же чужды и непонятны, если бы ихъ значеніе не разъяснялось для него какимъ-либо другимъ способомъ. Онъ видѣлъ бы, что его дѣйствія слѣдуютъ мотивамъ съ постоянствомъ естественнаго закона, какъ и другіе объекты, которые подчиняются причинамъ различныхъ видовъ. Онъ не больше понималъ бы значеніе мотивовъ, чѣмъ связь всякаго другаго дѣйствія съ его причиной. Онъ могъ бы какъ угодно называть внутреннюю и непонятную причину своихъ дѣйствій,—силою, качествомъ или характеромъ, но не зналъ бы о ней ничего болѣе. Не то въ дѣйствительности: у субъекта познанія имѣется разгадка; эта разгадка—*воля*. Воля и только она одна, даетъ ему ключъ къ нему самому, какъ къ явленію, раскрываетъ его смыслъ, указываетъ ему внутреннюю пружину его бытія, его дѣйствій, его движеній. Субъекту познанія, который, вслѣдствіе своего тождества съ тѣломъ, существуетъ какъ индивидуумъ, это тѣло дано двумя различными способами: какъ представленіе или созерцаніе, какъ объектъ между объектами, подчиненный, подобно послѣднимъ, объективнымъ законамъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ то, каждому непосредственно знакомое, что выражается словомъ „*воля*“. Каждый дѣйствительный актъ его воли неизбѣжно является также и движеніемъ его тѣла; онъ не можетъ реально

пожелать акта, не замѣчая въ то же время, что онъ обнаруживается, какъ движеніе тѣла. Волевой актъ и дѣйствіе тѣла не два объективно различныхъ и соединенныхъ причинною связью состоянія; между ними нѣтъ отношенія причины къ слѣдствію; они одно и то же, только данное двумя различными способами: съ одной стороны непосредственно, а съ другой—въ умственномъ созерцаніи. Дѣйствіе тѣла не что иное, какъ объективированный, т. е., проявившійся въ созерцаніи актъ воли. „Дѣйствовать“ и „желать“—различныя понятія только для рефлексіи, въ дѣйствительности же это одно и то же¹⁾. Итакъ, основа нашего бытія—воля, ея непосредственное выраженіе—тѣло. Воля—это вещь въ себѣ, которая дана намъ непосредственно. Отъ него, отъ этого непосредственно намъ данного мы можемъ перейти къ познанію остального, къ познанію міра. Воля проявляется въ человѣкѣ и животномъ, ей соотвѣтствуетъ раздраженіе въ мірѣ растительномъ и причина въ мірѣ неорганическомъ. Причина, раздраженіе и воля по существу одна и та же сила. Если мы обратимъ вниманіе на то, съ какою неудержимою силою воды стремятся въ глубину, магнитъ обращается къ сѣверу и притягиваетъ желѣзо, какую роль въ химическихъ явленіяхъ играетъ такъ называемое химическое сродство, какъ въ растительномъ царствѣ одно растеніе тянется къ водѣ, другое къ свѣту, какъ вьющееся растеніе ищетъ себѣ опоры, какъ дерево распираетъ скалы, проламываетъ стѣны, ища мѣста, гдѣ бы развиться, и проч., то не трудно будетъ придти къ заключенію, что стремленіе, бессознательная воля составляетъ сущность, какъ органическаго, такъ и неорганическаго міра; оно—явленіе первичное, тогда какъ сознаніе, интеллектъ появляется лишь на болѣе высокой ступени развитія органическаго міра, въ царствѣ животныхъ. Міръ въ его цѣломъ есть объективация воли.

Итакъ, сущность всякой вещи, по Шопенгауэру, есть стремленіе, которое, будучи освѣщено интеллектомъ, становится волей. Всякое стремленіе рождается изъ потребности, которая пока она не удовлетворена, ощущается, какъ страданіе; если

¹⁾ Die Welt, als Wille, I, кн. II, § 18.

же она удовлетворена, то такое удовлетвореніе не можетъ быть продолжительно и вызываетъ новыя потребности, а слѣдовательно и новыя страданія. Желать и страдать—равнозначущіе термины, отсюда такъ какъ жизнь есть желаніе, то она и страданіе. Чѣмъ выше и совершеннѣе существо, тѣмъ больше оно страдаетъ. У растенія нѣтъ чувствительности, нѣтъ слѣдовательно и страданій; животное съ сознательной волей должно страдать тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе развита въ немъ нервная система, чувствительность; человѣкъ долженъ страдать болѣе животнаго, геній больше средняго человѣка. Только страданіе положительно, удовольствіе же есть нечто иное, какъ отсутствіе страданія. „Жизнь есть не что иное, какъ борьба за существованіе при полной увѣренности быть побѣжденнымъ. Жизнь есть непрестанная охота, въ которой существа, дѣлаясь то охотниками, то дичью, оспариваютъ другъ у друга куски страшной добычи, она есть своего рода „естественная исторія страданія“, которую можно выразить въ такихъ не многихъ словахъ: „хотѣть безъ всякаго мотива, всегда страдать, всегда бороться, потомъ умереть и такъ далѣе во вѣки вѣковъ до тѣхъ поръ, пока наша планета не разлетится на мелкіе куски“. Шопенгауэръ неистощимъ въ приведеніи примѣровъ, иллюстрирующихъ его мысль о томъ, что жизнь есть страданіе безъ конца. Онъ находитъ эти примѣры въ окружающей жизни, исторіи, искусствѣ всѣхъ временъ и народовъ, начиная съ Гезіода до „Гимна скорби“ Ламартина и проклятій Байрона. Лирика, драматическая поэзія и эпосъ говорятъ только о тоскѣ, усиліяхъ, борьбѣ за существованіе, за счастье, о неудачахъ и огорченіяхъ, но никогда не изображаютъ продолжительнаго счастья, которое невозможно. Исторія народовъ есть исторія потоковъ крови, борьбы честолюбій, людскаго горя и слезъ. Пусть самый убѣжденный оптимистъ откроетъ на время глаза и посмотритъ, сколькимъ бѣдствіямъ онъ подверженъ. „Пусть онъ зайдетъ въ госпитали, въ лазареты, въ операціонно-хирургическіе кабинеты, въ тюрьмы, на мѣста пытокъ и казней, на поля сраженій, и тогда скажетъ, дѣйствительно ли это лучший изъ міровъ. Если онъ заговорить о прогрессѣ, то напомнимъ ему о рынкахъ невольниковъ, о

торговлѣ неграми, единственное назначеніе которыхъ состоитъ въ производствѣ сахара и кофе. Да и нѣтъ нужды ходить такъ далеко. Стоитъ придти только на любую фабрику, чтобы увидѣть тамъ людей, съ пятилѣтняго возраста занятыхъ механическимъ трудомъ 10, затѣмъ 12 и наконецъ 14 часовъ въ сутки: вотъ что называется дорого платить за удовольствіе дышать. Милліоны людей имѣютъ такую судьбу, милліоны другихъ подобную. Откуда же, впрочемъ, заимствовалъ Данте матеріалъ для своего ада, какъ не изъ нашего міра? И однако онъ создалъ настоящій адъ, адъ во всѣхъ отношеніяхъ. Но когда онъ долженъ былъ изображать небо и его блаженства, то встрѣтилъ непреодолимыя затрудненія, такъ какъ нашъ міръ не могъ дать ему матеріаловъ для этого¹⁾. Вотъ почему небо и его блаженство у Данте оказались настолько неудачны, что въ состояніи нагнать лишь скуку.

Если количество зла и бѣдствій въ мірѣ такъ огромно, что неизмѣримо превышаетъ количество радостей; если зло лежитъ въ самомъ корнѣ существованія,—въ желаніи жить, то самое лучшее—не существовать. Впрочемъ, Шопенгауэръ не проповѣдуетъ самоубійства, такъ какъ самоубійца, уничтожая личное существованіе, не уничтожаетъ стремленія къ жизни вообще; напротивъ, самоубійство является актомъ утвержденія воли; самоубійца на самомъ дѣлѣ хочетъ жить и охотно жилъ бы, если бы можно было избѣжать страданій. Нужно уничтожить не жизнь индивида, а жизнь вида, жизнь человѣчества вообще. Все есть воля; воля неизбѣжно приводитъ къ страданію; страданіе оканчивается смертью; слѣдовательно, уничтоженіе страданія достигается уничтоженіемъ воли. Такъ какъ тѣло есть воля, сдѣлавшаяся видимою, то уничтожьте тѣло посредствомъ аскетизма, и вы уничтожите волю. Всеобщее цѣломудріе должно быть средствомъ къ прекращенію человеческого рода, а слѣдовательно и страданій. Идеаль, къ которому стремится Шопенгауэръ,—это массовое самоубійство при помощи метафизическихъ средствъ.

Таково это ученіе, полное самаго мрачнаго, самаго безпро-

¹⁾ Рибо, Философія Шопенгауэра, СМБ. 1901 г., стр. 110.

свѣтнаго пессимизма. вмѣстѣ съ тѣмъ это логически—стройная въ своихъ частяхъ система, пессимистическій взглядъ на міръ органически связанъ съ основной метафизической идеей. Въ изображеніи бѣдствій человѣческаго существованія Шопенгауэръ является художникомъ и картины этихъ бѣдствій представляютъ изъ себя, дѣйствительно, нѣчто страшное; вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуешь, что это не бредъ больного воображенія, а изображеніе голой, ничѣмъ не прикрашенной дѣйствительности, ужасной именно потому, что это дѣйствительность, а не вымыселъ воображенія.

Пессимизмъ Гартмана менѣе рѣшительный, не столь, такъ сказать, беспросвѣтный, какъ Шопенгауэра, тѣмъ не менѣе приводящій къ достаточно мрачнымъ и безутѣшнымъ результатамъ. Гартманъ пользуется славою первокласснаго философа. При построеніи своей метафизической системы, онъ пользуется новѣйшими данными науки, обнаруживая при этомъ глубокую и всестороннюю эрудицію; такъ что онъ не только философъ, но вмѣстѣ и первоклассный ученый. Исходнымъ пунктомъ его философіи служатъ данныя біологіи. Въ физиологическихъ отправленияхъ живого существа, кромѣ головного мозга, играетъ не менѣе важную, а пожалуй и гораздо болѣе важную, роль спинной мозгъ и гангліозная система; такіе весьма важные для жизни процессы, какъ дыханіе, сердцебіеніе, сокращенія желудка и проч. управляются именно спиннымъ мозгомъ и гангліозной системой, которые дѣйствуютъ безсознательно и автоматически правильно. Вмѣшайся сюда, въ эти процессы головной мозгъ съ своимъ сознаниемъ, произошла бы, вѣроятно, ужасная пертурбація. Отсюда Гартманъ дѣлаетъ заключеніе, что существуетъ воля, отличная отъ воли головного мозга, воля безсознательная, играющая въ жизненныхъ процессахъ весьма важную роль. Изъ того, что эта безсознательная воля дѣйствуетъ всегда безошибочно, употребляетъ для своихъ цѣлей самыя правильныя средства (никогда напр. не ошибается, возбуждая ту или другую нервную вѣтвь съ цѣлію вызвать сокращенія того или другого мускула), Гартманъ выводитъ заключеніе, что кромѣ воли существуетъ безсознательное представленіе. Ислѣдовавъ затѣмъ роль безсознательнаго

въ инстинктѣ и рефлекторныхъ движеніяхъ, въ цѣлительныхъ силахъ природы, въ органическихъ образованіяхъ, въ доловой любви, въ чувствѣ, характерѣ, нравственности, въ художественномъ творествѣ, въ происхожденіи языка, въ мышленіи, въ исторіи, религіи, Гартманъ дѣлаетъ выводъ, что Безсознательное есть сущность всего міра, обладающее двумя атрибутами—Волей и Идеей или представленіемъ. Воля—слѣпа и безумна, Идея—безвольна и премудра. Міръ—произведеніе безумной воли, почему онъ и дуренъ, въ немъ много зла и бѣдствій. Когда идея увидѣла, что безумной волей міръ ввергнуть въ пучину зла и бѣдствій, то было уже поздно: уничтожить его идея была не въ состояніи. Тогда идея—разумъ прибѣгаетъ къ такой уловкѣ: она даетъ волѣ такое направленіе, чтобы та обратилась противъ самой себя, а именно—создаетъ сознаніе, которое могло бы вступить въ борьбу съ неразумной волей. Въ сознательномъ индивидуумѣ воля и идея соединяются, воля просвѣщается и приводится къ отрицанію своего неразумнаго хотѣнія, къ самоотрицанію. Безсознательное, обладающее всевѣдѣніемъ, рѣшило устроить міръ возможно лучше и онъ, дѣйствительно, лучший изъ всѣхъ возможныхъ міровъ; но это не значить, что онъ абсолютно хорошъ; будучи возможно лучшимъ, онъ въ то же время можетъ быть очень дурнымъ. Для того, чтобы опредѣлить, насколько міръ хорошъ или дуренъ, Гартманъ дѣлаетъ оцѣнку каждой изъ трехъ ступеней безсознательнаго, какія оно проходитъ въ своемъ процессѣ развитія. Какъ все человѣчество, такъ и каждый отдѣльный человѣкъ въ погонѣ за счастьемъ проходитъ три стадіи иллюзіи: на первой стадіи человѣчество рассчитываетъ найти счастье немедленно при существующихъ теперь условіяхъ; на второй—оно свои надежды возлагаетъ на загробный міръ; на третьей—человѣкъ считаетъ счастье возможнымъ въ будущемъ мірового процесса. Разсмотримъ первую стадію иллюзіи.

Вопреки Шопенгауэру Гартманъ признаетъ положительныя удовольствія; по его мнѣнію, наслажденіе и страданіе различаются между собою на подобіе положительной и отрицательной величинъ въ математикѣ. Впрочемъ, это различіе съ Шо-

пенгауэромъ на практикѣ не имѣеть никакого значенія вотъ почему. И наслажденіе, и страданіе вліяютъ на нервную систему, производятъ утомленіе ея, иногда доводятъ до изнеможенія, при этомъ наслажденіе, при утомленіи нервной системы, соотвѣтственно понижается, ослабляется и даже можетъ перейти въ страданіе, при чрезмѣрномъ напряженіи нервовъ; страданіе же бываетъ тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ дольше оно продолжается и чѣмъ, слѣдовательно, больше утомляется нервная система. Изъ этого свойства нервной системы слѣдуетъ, что всякое наслажденіе—не прямое наслажденіе, а возникающее лишь вслѣдствіе прекращенія или ослабленія страданія. Далѣе, такъ какъ страданіе есть неудовлетворенная воля, а неудовлетворенность воли всегда бываетъ сознаваема, то и страданіе всегда сознательно; наслажденіе же, которое состоитъ въ удовлетворенной волѣ, можетъ быть сознаваемо только тогда, когда мы это удовлетворенное состояніе воли сравниваемъ съ противоположными состояніями, съ противоположными опытами. Наконецъ, удовлетвореніе воли обыкновенно бываетъ непродолжительно, проносится, какъ мгновеніе, между тѣмъ какъ неудовлетвореніе продолжается столько времени, сколько существуетъ потребность, желаніе, а такъ какъ потребности, желанія существуютъ во всякое мгновеніе, то неудовлетворенность воли, страданіе пребываетъ, такъ сказать, вѣчно. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности положительныхъ удовольствій почти не бываетъ.

Свѣтц. Николай Липскій.

(Продолженіе будетъ).

Святоотеческое учение о единствѣ души при разнообразіи ея способностей; душа и духъ.

Святоотеческое учение о субстанціальности душевнаго начала убѣждаетъ насъ въ томъ, что отцы церкви вполне единогласно признавали душу человѣческую за реальную сущность, подтверждая и доказывая эту основную мысль психологіи не только путемъ положительнаго ея раскрытія, но и посредствомъ рациональныхъ доказательствъ, направленныхъ къ опроверженію господствовавшихъ въ ихъ время ложныхъ воззрѣній на этотъ предметъ. Но какимъ бы путемъ они ни шли къ раскрытію и уясненію означенной истины, съ какихъ бы сторонъ ни обсуждали ее и какому бы обстоятельному рѣшенію ни подвергали, всегда бы оставался невыясненнымъ вопросъ, одна ли такая субстанція руководить и управляетъ всѣмъ ходомъ нашей душевной жизни, или, кромѣ нея, въ природѣ чловѣка существуютъ и другія самостоятельныя силы, дѣйствующія на ряду съ ней и независимо отъ нея, какъ особая начала. Съ точки зрѣнія понятія о душѣ, какъ самостоятельной сущности, едва-ли возможно было уяснить разнообразныя до противоположности явленія нашей природы, тѣмъ болѣе, что опытъ и наблюденія въ дѣйствительной жизни души указывали факты, повидимому противорѣчащіе такому понятію о ней. Въ самомъ дѣлѣ, если душа—сущность, „если она самоипостасна, говоритъ св. Максимъ Исповѣдникъ, то она должна дѣйствовать сама по себѣ, есте-

ственно, и сама чрезъ себя и съ тѣломъ, умствуя и размышляя по естеству, и никогда не отдѣляясь отъ умственныхъ силъ, естественно ей присущихъ¹⁾. Въ дѣйствительности же мы видимъ иное; намъ приходится наблюдать такія явленія, когда душа, повидимому, перестаетъ быть самостоятельной. Что сказать, напримѣръ, о состояніяхъ души ненормальныхъ, влекущихъ за собою временное или постоянное подавленіе сознательной и свободной дѣятельности человѣка, когда онъ какъ бы отрѣшается отъ самого себя и кто-то другой начинаетъ управлять его духовной жизнью? Самая борьба человѣка съ различными страстями, какъ бы подтверждаетъ существованіе въ душѣ человѣка нѣкоторой самостоятельной силы, которую душа наша пытается одолѣть. Еще очевиднѣе станетъ это, когда мы обратимъ вниманіе на другую обширную и повидимому самостоятельную область животныхъ явленій нашей жизни. Процессы питанія, дыханія, роста и тому подобныя физическія отправленія нашего организма, непроизвольно автоматическія движенія также исключаютъ повидимому всякое вліяніе свободной воли и разума.

Теоретическое обоснованіе ученія о существованіи въ человѣкѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ душевныхъ началъ принадлежитъ греческому философу Платону. „Платонъ различалъ въ человѣкѣ двѣ души—вышую, разумную и низшую неразумную. Первая составляетъ бессмертное въ насъ начало и имѣетъ происхожденіе отъ Самого верховнаго Бога. Она помѣщается въ головѣ, дабы возвышать насъ надъ землею и напоминать, что мы скорѣе дѣти неба, чѣмъ земныя существа. Вторая низшая душа противоположна высшей и смертна, подобно тѣлу, которое ею оживляется. Она создана не верховнымъ Богомъ, а богами низшими, которымъ хотѣлось, чтобы въ мірѣ находились существа не только бессмертныя, но и смертныя. Эта животная душа служитъ источникомъ всякихъ страстей въ человѣкѣ и имѣетъ въ свою очередь двѣ различныя силы—вожделѣніе и раздражительность, изъ которыхъ первая, какъ источникъ желаній, направленныхъ къ удовлетворенію плотскихъ потреб-

¹⁾ Доброт. ч. II. Калл. и Игн. гл. 69.

ностей (пищи, питія и пр.), помѣщается во чревѣ, вторая между чревомъ и шеей, въ сердцѣ, чтобы, повинувась разуму, она могла укрощать страсти, когда они будутъ противиться возвышеннымъ велѣніямъ головы“¹⁾.

Ученіе о трехчастномъ дѣленіи человѣческой природы и о двухъ началахъ въ душѣ человѣка поддерживалось цѣлымъ рядомъ философскихъ и еретическихъ ученій, принадлежавшихъ неоплатоникамъ, стоикамъ, каббалистамъ, гностикамъ, манихеямъ, аполинаристамъ и др.²⁾ Духъ, душа и тѣло,—вотъ составныя части человѣческой природы, по ихъ ученію. Признаніе трехъ частей въ человѣкѣ съ точки зрѣнія философіи объяснялось ея безсиліемъ доказать возможность происхожденія всего добраго и худого въ мірѣ отъ двухъ субстанціальныхъ началъ. Подъ вліяніемъ этой философіи, а частью и по указаніямъ собственнаго опыта, изслѣдователи души человѣческой были вынуждены искать въ человѣкѣ особый источникъ для объясненія неизменныхъ душевныхъ движеній въ человѣкѣ. Объяснять ихъ дѣйствіемъ одной и той же души человѣческой св. отцы находили невозможнымъ, такъ какъ это противорѣчило ихъ высокому представленію о ея богоподобной природѣ. Нѣкоторое подтвержденіе для такихъ сужденій о душѣ можно было находить и въ ученіи Св. Писанія, въ особенности же въ ученіи ап. Павла о тѣлѣ, душѣ и духѣ, какъ трехъ различныхъ состояніяхъ человѣческой природы. „Самъ же Богъ міра, читаемъ *здѣсь*, да освятитъ васъ во всей полнотѣ, и *вашъ духъ, душа и тѣло* во всей цѣлости да сохранится безъ порока въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа“³⁾.

Ученіе Платона о двухъ самостоятельныхъ принципахъ душевной жизни было усвоено многими отцами и учителями церкви христіанской, хотя и не было принято ими въ буквальный смыслъ. Въ такомъ, на первый взглядъ, смыслѣ, говорятъ о душѣ: Иринеѣ Ліонскій, Тертуліанъ, Климентъ Римскій, Григорій Нисскій, Ефремъ Сиринъ, Елифаній Киврскій, Исаакъ Сиринъ и нѣкоторые другіе отцы и учителя

¹⁾ Platon Tim. p. 69—70, 90. См. Антроп. Гр. Нис. А. Мартин. 567.

²⁾ Прав. Догм. Богос. архіеп. Флар. т. 1. 299.

³⁾ Фессал. V. 23.

церкви. Съ особенною же ясностью о двухъ началахъ въ душѣ человѣка учили: великій христіанскій мыслитель Оригенъ, Іустинъ Философъ, Татіанъ и Климентъ Александрійскій, которые утверждали повидимому, что человѣкъ по своей природѣ,—существо трехчастное, состоящее изъ духа, какъ начала высшаго, разумнаго, божественнаго, плоти, начала низшаго, и души, какъ начала посредствующаго между плотію и духомъ. Для утвержденія истинности святоотеческаго ученія о единствѣ душевнаго начала, необходимо разобраться въ различныхъ повидимому и тождественныхъ на самомъ дѣлѣ понятіяхъ о душѣ человѣческой и рѣшить вопросъ, нѣтъ ли раздвоеній въ самой душѣ человѣческой и нельзя ли допустить на основаніи святоотеческаго ученія особое, наряду съ душею, самостоятельное начало—духъ?

Пока вопросъ о двухъ самостоятельныхъ началахъ души не былъ поставленъ въ связь съ догматическою стороною христіанства, онъ не могъ возбуждать особенныхъ преній, тѣмъ болѣе, что въ древней церкви было весьма распространеннымъ ученіе о существованіи въ человѣкѣ, кромѣ тѣла, единой и нераздѣльной духовной разумной сущности. Въ IV же вѣкѣ, когда мнѣніе о двухъ душевныхъ началахъ было положено еретикомъ Аполлинаріемъ въ основу еретическихъ сужденій о лицѣ Богочеловѣка, вопросъ этотъ становится предметомъ особеннаго вниманія св. отцевъ церкви. „По ученію Аполлинарія, говорятъ бл. Феодоритъ Кипрскій, въ человѣкѣ три составныя части: тѣло, душа животная и душа разумная“. „Если же человѣкъ состоитъ изъ трехъ частей, училъ далѣе Аполлинарій, то и Иисусъ Христосъ, какъ Богочеловѣкъ, также состоитъ изъ трехъ частей—духа, души и тѣла; причемъ духомъ именуется въ Немъ Божество, а душею и тѣломъ—Его человѣческая природа. Въ этомъ ученіи Аполлинарій думалъ найти разъясненіе догматической тайны о соединеніи двухъ естествъ во Иисусѣ Христѣ“¹⁾. Такого же возрвѣнія на составъ человѣческой природы держались и всѣ аріане. Съ этихъ поръ вопросъ о духѣ сдѣлался предметомъ тщательнаго изслѣдова-

¹⁾ Григор. Нис. Опроверж. прот. Апол. рус. пер. стр. 173—178.

нія со стороны отцовъ и учителей церкви не только какъ вопросъ, входящій въ ученіе о душѣ человѣческой, но и какъ основной вопросъ для правильнаго уясненія догматической тайны богочеловѣческой природы Иисуса Христа.

Въ цѣляхъ нашего изложенія весьма важно опредѣлить лишь то, допускаютъ ли св. отцы церкви третью особую субстанцію въ природѣ человѣка, упоминая о духѣ на ряду съ тѣломъ и душою, и если нѣтъ, то въ какомъ смыслѣ употребляютъ они это слово въ примѣненіи къ душѣ человѣческой.

Слово „духъ“ и соединяемая съ нимъ понятія на языкѣ святоотеческомъ имѣютъ самый разнообразный смыслъ. Наиболѣе обстоятельный сводъ понятій о духѣ даетъ намъ св. Епифаній Кипрскій, который на основаніи Св. Писанія выясняетъ всестороннее значеніе слова „духъ“. Духомъ, въ особомъ значеніи сего слова, говоритъ онъ, именуется прежде всего Духъ Святой, третье лицо Святой Троицы, какъ *Духъ истины* (Іоан. 14, 17), *Духъ Божій* (Рим. 8, 9; 1 Кор. 2, 11), *Духъ Христовъ* (Рим. 8, 9.) и какъ Духъ благодати, различно каждому подающій блага: *духъ премудрости, духъ разума, духъ силы, духъ искупленій, духъ пророчества, духъ разсужденія, духъ языковъ, духъ сказаній* и прочія дарованія, какъ говоритъ Апостолъ: *едина и тойжде Духъ, раздѣляяи коемуждо якоже хоцетъ* (1 Кор. 12, 8—11). О томъ же Духѣ Святомъ говорится и въ другихъ мѣстахъ Писанія, какъ Духъ благомъ, вездѣсущемъ, возрождающемъ насъ въ жизнь духовную иставляющемъ на всякую истину (Пс. 142, 10; Іоан. 3, 8; 1 Кор. 4, 15; Іоан. 15, 26; Іоан. 16, 12—14¹⁾). Подъ именемъ „духа“ извѣстны далѣе въ писаніи безплотныя силы, которыя различаются какъ духи небесныя, земныя, подземныя, истинныя, живыя, духи злобы, духи, имя коимъ легионъ (Лук. 8, 31; 3 Цар. 22, 21, 22; Ефес. 6, 12; Мо. 8, 28 и Лук. 8, 30). Имъ повелѣвалъ Христосъ, ихъ изгонялъ Онъ однимъ словомъ своимъ и запрещалъ говорить (Марк. 1, 34). Но весьма нерѣдко словомъ духъ обозначается и самая душа (Пс. 103, 29. 1 Кор. 2, 11). Такое, напримѣръ, понятіе, по изяс-

¹⁾ Сл. Якорн. ч. VI, стр. 180.

невію Св. Іоанна Златоуста, соединяется со словомъ *духъ* въ Св. Писаніи, когда ап. Павелъ повелѣваетъ „*предати таковою (блудника) сатанѣ, да духъ спасется*“ ¹⁾. Святымъ же Аванасіемъ Александрійскимъ самая душа понимается, какъ жизненный духъ ²⁾. Духомъ называется, говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ въ другомъ мѣстѣ, и духовное дарованіе ³⁾, и душевное расположеніе человѣка ⁴⁾ и состояніе его нравственнаго чувства. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ говорится въ Писаніи о *духѣ умиленія* (Рим. 11, 8), о *духѣ страха* (2 Тим. 1, 7), о *духѣ пытливомъ* (Дѣян. 16, 16), о *духѣ блужденія* (Ос. 4, 12), о *духѣ бурномъ* (Пс. 10, 6), о *духѣ многоглаголюемъ* (Іов. 8. 2) ⁵⁾. Слѣдовательно, въ отношеніи къ человѣку, какъ замѣчаетъ Григорій Великій, „духъ“ обыкновенно употребляется двояко: „иногда духъ употребляется вмѣсто души и ея многообразныхъ состояній, иногда же вмѣсто духовнаго дѣйствія“ ⁶⁾, какъ самого Господа и Духа Святаго, такъ и ангеловъ и человѣка. Въ доказательство того, что душа иногда называется духомъ, Св. Григорій Великій ссылается на слова евангелиста о Христѣ: „*преклонъ главу, предаде духъ*“,—и при этомъ присоединяетъ: „если бы евангелистъ иное назвалъ духомъ и иное душею, то по испещренію духа, душа бы оставалась“ ⁷⁾. „Названіе духа, говоритъ онъ далѣе, употребляется и вмѣсто дѣйствія духовнаго, какъ написано: „*творяи Ангелы своя духи и слуги своя огнь палящъ*“ ⁸⁾. Въ тѣхъ же различныхъ видахъ истолковываетъ понятіе о духѣ и св. Іоаннъ Дамаскинъ. „Духъ разсматривается, говоритъ онъ, различно: есть Духъ Святой, и есть дѣйствія Духа Святаго; духъ есть и душа; иногда и умъ называется духомъ“ ⁹⁾.

Такимъ образомъ, святоотеческое толкованіе слова *духъ*

¹⁾ 1 Кор. V, 5.

²⁾ Св. Аванас. Александр. Тв. Св. отц. XII ч., кн. 3, стр. 482.

³⁾ Рим. VIII, 16.

⁴⁾ Св. І. Злат. На бесѣд. XV, ч. I, стр. 267; русс. пер. 1843 г.

⁵⁾ Св. Елѣф. Кипр. Слово Якорн. ч. VI, стр. 129.

⁶⁾ Пс. 103, 4. S. Greg. Moral. lib. XI. in cap. XII 13. lib. Edit. Paris. 1675 app. Tom. I, pag. 333. См. у Кашменскаго, стр. 77.

⁷⁾ Ibid.

⁸⁾ Ibid.

⁹⁾ Св. Іоан. Дамас. Изл. Прав. вѣр. кн. I, гл. 13.

можетъ быть сведено къ слѣдующимъ четыремъ понятіямъ: къ понятію о Духѣ Святомъ, о духахъ безплотныхъ, о душѣ человѣческой и объ ихъ дѣйствіяхъ. Употребленіе слова *духъ* святыми отцами въ указанныхъ значеніяхъ даетъ намъ основаніе и для дальнѣйшихъ разсужденій о томъ, всѣ-ли священные писатели пользовались означеннымъ словомъ одинаково, или, быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ въ примѣненіи къ человѣку думали о духѣ, какъ самостоятельномъ и особомъ наряду съ душою психическомъ началѣ. Начнемъ съ тѣхъ изъ нихъ, у которыхъ мысль о трехчастномъ дѣленіи природы человѣка проводится особенно рѣзко.

Въ этомъ отношеніи особенно заслуживаетъ вниманія ученіе о душѣ Климента Александрійскаго. Климентъ различалъ въ душѣ два начала—высшее, чисто-духовное и разумное начало, которое онъ называлъ *ἡγεμονικὸν* души и низшее, неразумное, чисто физическое начало, извѣстное у него подъ именемъ *ἄλογον μέρος*. Эта низшая животная душа управляетъ органическою жизнію нашего тѣла, его питаніемъ и возрастаніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ сѣдалищемъ низменныхъ желаній и мѣстомъ дѣйствія всякихъ страстей въ человѣкѣ. Что касается высшаго духовнаго начала, *ἡγεμονικὸν* души, то въ немъ собственно сосредоточивается все, что отличаетъ человѣка отъ животныхъ, а именно—способность познанія и сила свободной воли. Разумъ и воля даютъ способность человѣку господствовать надъ душою неразумною и надъ ея неразумными силами. Но несмотря на нѣкоторую зависимость низшей души отъ высшей разумной, оба эти начала находятся во враждебномъ отношеніи между собою: начало плотское противодѣйствуетъ духовному, а духовное силится одолѣть плотское ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ Климентъ съ явною ссылкой на Платона называетъ тѣло узамъ, темницею души, сравниваетъ его съ гробомъ и говоритъ, что гностикъ долженъ презирать тѣло и отрѣшиться отъ него, если хочетъ обнаружить истинное богопочтеніе ²⁾.

¹⁾ Str. II, 17; VI, 8, 16; VII, 12. См. филос. отц. и уч. церк. К. Скворцова Кіевъ. 1868 г.

²⁾ Strom. V, 8, 679; IV, 5, 58, 22, 626. См. Нравст. уч. Клим. Алекс. Д. Миртовъ, стр. 7. Слб. 1900.

Въ виду такого существеннаго различія дѣйствующихъ въ чевѣческой душѣ началъ каждое изъ нихъ должно руководствоваться особыми законами: плотской духъ, говоритъ Климентъ, управляется законами второй скрижали, а разумная душа—законами первой скрижали. Всѣ эти и подобныя выраженія ясно, повидимому, говорятъ о томъ, что Климентъ Александрійскій въ своемъ ученіи о душѣ всецѣло примыкалъ къ психологіи Платона, и вмѣстѣ съ нимъ допускалъ существенное различіе между указанными частями души.

Но несмотря на это, есть полная возможность доказать на основаніи ученія самого Климента, что онъ былъ далекъ отъ дуалистическаго взгляда языческихъ философовъ на душу чевѣческую и училъ о полномъ ея единствѣ при разнообразіи въ ней силъ и способностей. „Онъ не въ такой степени, читаемъ мы въ изслѣдованіи профессора К. Скворцова, увлекался системами языческихъ философовъ, чтобы рабски слѣдовать ученію, въ основаніи котораго лежалъ дуализмъ. И если мы поставимъ упомянутыя выраженія Климента въ связи съ общимъ его ученіемъ, то окажется, что двѣ части души онъ разсматривалъ только какъ двѣ различныя способности или силы одной и той же души. Съ этимъ объясненіемъ гармонируетъ и то положеніе Климента, что душа есть организующее начало тѣла и что тѣло изъ гроба души должно сдѣлаться храмомъ Божиимъ“¹⁾.

Положительное ученіе Климента о природѣ чевѣка, состоящей изъ души и тѣла, убѣждаетъ насъ въ томъ же самомъ. Подобно баснословному центавру, читаемъ мы у Климента во многихъ мѣстахъ его сочиненій, чевѣкъ состоитъ изъ двухъ различныхъ частей: разумной и неразумной—души и тѣла. Справедливо говоритъ Моисей, что тѣло, которое Платонъ называетъ земной скиніей, создано изъ земли, а душа разумная вдунута въ лицо свыше отъ Бога. Гностики злословили тѣло, считая его произведеніемъ злого диміурга и противопоставляя духу, который произошелъ отъ Благаго Бога. Но „одинъ и тотъ же Богъ сотворилъ и внутренняго и вѣшняго чевѣка“,

¹⁾ К. Скворцовъ. Филос. отцевъ и уч. церк., стр. 236—237.

говорить Климентъ, и „составъ человѣка сложенъ изъ различныхъ, но не противоположныхъ частей: изъ тѣла и души“,—при чемъ „ни душа не является чѣмъ-то добрымъ по природѣ, ни тѣло чѣмъ-то по природѣ злымъ“: сами по себѣ они среднія вещи. Согласіе и соотвѣтствіе между этими частями столь полное, что, съ одной стороны, духъ служитъ упорядочивающимъ началомъ въ жизни тѣла, а съ другой, тѣло создано ради духа и имѣетъ одну съ нимъ цѣль: „строеніе его сдѣлано прямымъ для созерцанія неба и дѣятельность органовъ чувствъ направлена къ знанію, члены же и части приспособлены къ прекрасному, а не къ похоти. Отсюда это обиталище дѣлается способнымъ воспринять драгоценную для Бога душу и при освященіи души и тѣла удостоивается Духа Святаго, усовершенствованное совершенствомъ Спасителя“. Такимъ образомъ, тѣло есть благоустроенный и прекрасный органъ души ¹⁾.

Итакъ, человѣкъ по природѣ существо двухсоставное и духъ не составляетъ особаго отъ души начала, а есть только одна изъ способностей ея.

Мысль о трехчастномъ составѣ человѣческой природы, по видимому, выражается Іустиномъ Философомъ, который учитъ, что „тѣло есть жилище души, а душа жилище духа, и что эти три части человѣческаго существа сохраняются въ тѣхъ, которые имѣютъ истинную надежду и вѣру въ Бога“ ²⁾. Отсюда можно заключать, что въ человѣкѣ три особыхъ начала: духъ, какъ начало мыслящее и разумное; душа, какъ начало животное, и тѣло, какъ начало безжизненное. У самаго Іустина мы не находимъ данныхъ для опредѣленія того, какъ онъ понималъ эту триничность въ человѣкѣ. Но своимъ ученіемъ о двухсоставности человѣческой природы онъ косвеннымъ образомъ утверждаетъ ту мысль, что третье самостоятельное начало въ человѣкѣ отсутствуетъ. „Что такое человѣкъ, восхлищаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, если не разумное животное, состоящее изъ души и тѣла“. И далѣе положительно утверждаетъ, что „онъ двоякую обнаруживаетъ въ себѣ природу, ... состоитъ изъ души

¹⁾ Скворц. Филос. отц. и уч. церк. стр. 236—237.

²⁾ De resurrect. п. 10. См. у Еп. Сальвестра, Оп. догм. бог. т. III. 228. Кіевъ. 1889.

и тѣла“¹⁾. Отсюда видно, что несправедливо считать Іустина сторонникомъ ученія о двухъ самостоятельныхъ принципахъ души, хотя, повидимому, нѣкоторыя мѣста его твореній, взятая внѣ контекста рѣчи и дають для этого основаніе.

Но обратимся къ священномученику Иринею Лионскому, не найдемъ ли у него восполненія недосказанной у св. Іустина мысли о томъ, какъ слѣдуетъ понимать его трехсоставность человѣческой природы. Священномученикъ Ириней, повторяя отмѣченную мысль Іустина Философа²⁾, не только, повидимому, не опровергаетъ ее, но даже ищетъ для нея опоры въ словахъ ап. Павла, который, по его мнѣнію „не имѣлъ бы никакой причины молиться о всецѣломъ (1 Сол. 5, 23) и совершенномъ сохраненіи сей троичности, т. е. души, тѣла и духа, еслибы не зналъ о сохраненіи и соединеніи трехъ и о единомъ и о томъ же ихъ спасеніи“³⁾. Человѣкъ съ душою и тѣломъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не есть еще совершенный человѣкъ; „совершенный человѣкъ состоитъ изъ троиности,—изъ плоти, души и Духа,—Духа, спасающаго и образующаго, плоти соединяемой и образуемой и души, находящейся между сими двумя, которая, когда покоряется Духу, то вышается имъ, а когда соглашается съ плотію, то впадаетъ въ земныя пожеланія“⁴⁾. Если въ первомъ случаѣ не дается намъ основанія искать оправданія мысли о двухъ душевныхъ началахъ въ человѣкѣ, то во второмъ мы находимъ самое рѣшительное опроверженіе ея. Ясно, что „Духъ“ образующій, нѣчто третье въ совершенномъ человѣкѣ, не есть духъ тварный, составляющій принадлежность человѣческаго существа, а Духъ творческій, третье лицо Святаго Троицы. Еще болѣе убѣждаемся въ этомъ, когда обратимъ вниманіе на связь приведеннаго мѣста съ дальнѣйшею рѣчью священномученика. Изъ нея слѣдуетъ, что этотъ „духъ“ не составляетъ въ человѣческомъ существѣ чего-либо неотъемлемаго, но съ одинаковою возможностью можетъ быть въ немъ, можетъ и отсутствовать.

¹⁾ Lib. V. C. IX. I. У Кашменскаго, 77.

²⁾ Ibid. 229.

³⁾ Lib. V. C. VI. I; ibid 78.

⁴⁾ Lib. V cap. IX. I. ibid 79.

Это зависитъ отъ самого человѣка и его нравственнаго совершенствованія. „Поэтому Господь и мертвыми называлъ такихъ (Лука 9, 60),... потому что они не имѣютъ Духа, который животворитъ человѣка“ ¹⁾. „А тѣ, которые боятся Бога и вѣруютъ въ присутствіе Сына Его и вѣрою утверждаютъ въ сердцахъ своихъ духа Божія, тѣ по справедливости называются людьми чистыми и духовными и живущими по Богу, потому что имѣютъ Духа Отца, который питаетъ человѣка и возвышаетъ въ жизнь Божію“ ²⁾. Тѣ же Божественныя имена и свойства приписываются этому Духу и въ другихъ мѣстахъ твореній св. Иринея Ліонскаго ³⁾.

Душа и духъ, по ученію св. Иринея, два совершенно различныя по происхожденію и по своимъ дѣйствіямъ начала: „иное дыханіе жизни, дѣлающее человѣка душевнымъ, и иное Духъ животворящій, дѣлающій его духовнымъ“. Первое составляетъ неизмѣнную часть человѣческаго существа, второе есть Духъ отъ Отца исходящій, единое съ Нимъ, все наполняющій, присносущій, животворящій и подающій жизнь ⁴⁾, духъ, который можетъ быть принятъ человѣкомъ, не принятъ и снова отвергнутъ; причемъ самъ человѣкъ въ этихъ случаяхъ, не измѣняя своего существа, получаетъ лишь другое наименованіе, характеризующее его духовное состояніе, и называется духовнымъ или плотскимъ. „Когда Духъ, смѣсившійся съ душою, соединится съ этимъ изваяніемъ..., то дѣлается духовный и совершенный человѣкъ..., а если у души не будетъ Духа, то это будетъ по истинѣ душевный, плотскій, презренный, несовершенный“ ⁵⁾. Изъ этого понятія о человѣкѣ душевномъ и духовномъ со всею очевидностью слѣдуетъ, что неизмѣнную часть духовнаго существа въ человѣкѣ, безъ которой онъ не можетъ быть полнымъ человѣкомъ, составляетъ собственно его душа, а не „духъ“, который бываетъ принадлежностью только совершеннаго человѣка. Духъ можетъ слѣ-

1) Lib. V cap. IX. I. 2; ibid.

2) Lib. V cap. VI. I; ibid.

3) Ibid.

4) Lib. cap. XII. 2; ibid. 80.

5) Lib. V. cap. VI. I; ibid.

латься причастнымъ только „совершенному“ или духовному человѣку. „Совершенный“ только, а не всякій „человѣкъ есть смѣшеніе и соединеніе души, воспріемлющей Духа Отца, съ примѣшанною ей плотію“ ¹⁾. „Соединеніе души и плоти“, только „воспріемля Духа Божія, дѣлаетъ человѣка духовнымъ“ ²⁾. Слѣдовательно, только совершенный человѣкъ, сдѣлавшись причастнымъ Духа Святаго, по своей природѣ становится какъ бы трехсоставнымъ.

Чтобы видѣть, какова настоящая природа человѣка по его идеѣ, какъ существа, созданнаго Творцемъ, будемъ рассуждать вмѣстѣ съ священномученикомъ такимъ образомъ. Ни одна изъ трехъ указанныхъ составныхъ частей въ отдѣльности не можетъ образовать полнаго человѣка. „Изваяніе плоти само по себѣ не есть совершенный человѣкъ, но тѣло человѣка и часть *человѣка*; и душа, сама по себѣ, не есть человѣкъ, но душа и часть *человѣка*; и Духъ не человѣкъ; ибо Духомъ называется, а не человѣкомъ. Смѣшеніе же и единеніе всего этого составляетъ совершеннаго человѣка“ ³⁾. Хотя человѣкъ, истолковываетъ мысль св. Иринея К. Скворцовъ, можетъ состоять изъ трехъ частей: тѣла, души и духа, и хотя эти три части только во взаимномъ единствѣ составляютъ совершеннаго человѣка; но надобно замѣтить, прибавляетъ онъ, что „духъ не есть такое существенное свойство, безъ котораго человѣкъ не былъ бы человѣкомъ; ибо душу всѣ имѣютъ, а духъ только тѣ, которые побуждаютъ чувственныя желанія“. Человѣкъ, хотя бы не имѣлъ духа, а состоялъ только изъ души и тѣла, не есть существо неоконченное, но есть существо цѣлое, созданное по образу Божію, и притомъ такъ, что этотъ образъ столь же неизгладимъ, какъ и его природа. Человѣкъ не будетъ имѣть въ такомъ случаѣ только богоподобія, которое дѣйствительно принадлежитъ однимъ духовнымъ, т. е., кои удостоились получить этотъ благодатный духъ; но образъ Божій всегда остается при насъ, и мы всѣ можемъ сдѣлаться духовными, если захотимъ. Св. Иринеи скорѣе согласенъ при-

¹⁾ Lib. V. cap. VI, I; *ibid* 82.

²⁾ Lib. V. cap. VI. I; *ibid*.

³⁾ *Ibid*.

знать несовершеннымъ того человѣка, который имѣлъ бы духъ, а не имѣлъ тѣла. „Душа и духъ“, говоритъ онъ, „хотя могутъ быть частію человѣка, но никакимъ образомъ не могутъ быть самимъ человѣкомъ. Совершенный человѣкъ есть соединеніе и связь души, приѣмлющей духа Отца, и плоти, которая есть отраженіе образа Божія. Если кто отниметъ существо плоти, а приметъ только одинъ духъ, то останется существо, которое не есть болѣе духовный человѣкъ, а есть духъ человѣка“ ¹⁾). Лишаясь же Духа Божія или отвергая его, человѣкъ перестаетъ быть лишь духовнымъ и совершеннымъ, хотя и сохраняетъ свою природу въ естественной ея полнотѣ, состоящую изъ души и тѣла. Слѣдовательно, только душа и тѣло являются существенными принадлежностями человѣческаго существа и нѣтъ въ его природѣ другого самостоятельнаго душевнаго начала, которое бы наряду съ душою и одновременно съ нимъ управляло его психическою жизнію.

Изъ разбора и сопоставленія высказанныхъ Св. Иринеемъ Ліонскимъ мнѣній по вопросу о „духѣ“ и его значеніи, видно, что священномученикъ былъ далекъ и чуждъ взглядовъ Платона, отдѣлявшаго въ человѣкѣ духъ отъ души, какъ начало совершенно самостоятельное. Какъ на рѣшительное подтвержденіе такого взгляда о двухсоставности природы человѣческой, можно указать въ заключеніе и на тѣ пункты его ученія, гдѣ онъ положительно утверждаетъ, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла. „Человѣкъ, училъ онъ, есть сраствореніе души и плоти, образованное по подобію Божію“ ²⁾). „Ни тѣло отдѣльно отъ души, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, ни душа отдѣльно отъ тѣла не составляютъ человѣка, но то и другое вмѣстѣ, въ единствѣ есть человѣкъ“ ³⁾). Только въ составѣ души и тѣла человѣкъ сохраняетъ свою полную природу и въ составѣ этихъ обоихъ природъ своихъ долженъ заботиться о своемъ спасеніи; такъ какъ въ составѣ этихъ двухъ природъ онъ получаетъ въ свое время соотвѣтствующее возмездіе. Сами

¹⁾ Ibid.

²⁾ Contr. haeres. V. 6. См. у К. Скворцова, стр. 117.

³⁾ Lib. IV, praefat. 4. См. у Кашменск. стр. 32.

⁴⁾ Contr. haeres. 1, 2, с. 62—1, 5, с. 4. См. К. Скворц. 119.

„предстоятели церкви... чаютъ спасенія всего человѣка, т. е. спасенія его души и тѣла“¹⁾).

Ученіе христіанскаго апологета Татіана о душѣ человѣка также, повидимому, даетъ основаніе думать, что и онъ отличалъ въ человѣкѣ, кромѣ души, еще и духъ, какъ нѣчто отъ нея отдѣльное и особенное. Кромѣ вещественнаго духа (или души, какъ называетъ его онъ въ другомъ мѣстѣ), есть въ человѣкѣ духъ невещественный, въ которомъ состоитъ образъ и подобіе Божіе. Въ началѣ этотъ духъ обиталъ вмѣстѣ съ душою, такъ что первые люди состояли съ одной стороны изъ вещества, а съ другой были выше его. Но теперь Духъ Божій не во всѣхъ присутствуетъ; Онъ пребываетъ только въ нѣкоторыхъ, праведно живущихъ людяхъ, и соединяясь съ ихъ душею посредствомъ откровеній, возвѣщаетъ и прочимъ людямъ о сокровенныхъ вещахъ. Это есть та сила, которая просвѣщаетъ душу, служитъ для нея путеводителемъ и дѣлаетъ ее бессмертною“²⁾). Такимъ образомъ, по ученію Татіана, хотя человѣкъ въ своемъ естественномъ или падшемъ состояніи и состоитъ изъ двухъ частей—тѣла и души, но до паденія въ немъ обиталъ еще и духъ, какъ высшая часть человѣческаго существа, безъ котораго человѣкъ перестаетъ быть полнымъ и совершеннымъ человѣкомъ. Этотъ духъ сообщается и теперь нѣкоторымъ людямъ. „Человѣкъ, говоритъ Татіанъ, можетъ и не имѣть въ себѣ духа; а не имѣющій духа превосходитъ животныхъ только членораздѣльными звуками; во всемъ же прочемъ образъ жизни его такой же, какъ у нихъ, и онъ не есть уже подобіе Божіе“³⁾), и даже „становится смертнымъ“⁴⁾).

Въ такомъ ученіи христіанскаго апологета, разсуждаетъ проф. Скворцовъ, нѣкоторые склонны видѣть его расположенность къ гностическому образу мыслей; но такое сужденіе было бы слишкомъ невѣрно. Устанавливая различіе между душевнымъ и духовнымъ человѣкомъ, говоритъ онъ далѣе, Татіанъ, какъ кажется, хотѣлъ слѣдовать апостолу

1) Св. Иринея Лионск. О церкви. Христ. Чт. 1838, 1, 27.

2) К. Скворцовъ. Филос. отд. и уч. ц. стр. 41—42. Киевъ 1868 г.

3) Ibid. 42.

4) Ibid. 43.

Павлу; но не будучи опытенъ въ разъясненіи Писанія и при склонности ко всему языческому, онъ не понималъ надлежащимъ образомъ словъ апостола. Дѣлая различіе между душевнымъ и духовнымъ человекомъ въ разныхъ мѣстахъ своихъ писаній (1 Кор. II, 12; Рим. VIII, 5; 1 Кор. II, 14. 15), ап. Павелъ, какъ видно изъ связи рѣчи, вездѣ подъ именемъ Духа подразумѣвалъ Духа Святаго; Татіану же могло показаться, что апостолъ указываетъ здѣсь на высшую способность души человѣческой. „Апостолъ, говоря о дѣйствіяхъ Духа Святаго, не отрицаетъ въ человѣкѣ способности къ принятію этого Духа, а хочетъ сказать только, что есть люди, которые какъ бы не желаютъ общенія съ Духомъ Святымъ, противятся Ему; а изъ объясненія Татіана слѣдуетъ, что есть люди, которыхъ существо состоитъ изъ двухъ частей: души и тѣла,—третья же, т. е. духъ, сообщается только нѣкоторымъ, и при томъ ка-кимъ-то чудомъ. Онъ не взялъ во вниманіе того, что апостолъ подъ именемъ души нѣрѣдко разумѣетъ чувственность или лучше—нижнее жизненное начало, руководясь которымъ человекъ можетъ совершенно забыть о высшемъ и божественномъ; но вездѣ хочетъ разумѣть основаніе существа нашего и потому относить къ нему всѣ тѣ недостатки, которые въ св. писаніи приписываются душѣ животной, чувственной“¹⁾.

В. Давыденко.

¹⁾ Ibid. 44.

**О посѣщеніи Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ
Арсеніемъ слободы Павловкѣ, Сумагаго уѣзда, Харьков-
ской губерніи.**

20 и 21 сентября сего года сл. Павловки посѣтилъ Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній.

Помимо благого изволенія Владыки, это посѣщеніе вызывалось настоятельной нуждой. Два года назадъ Павловки были потрясены буйствомъ сектантовъ—толстовцевъ. Православные жители этой слободы видѣли поруганіе церковной святыни. Благолѣпіе ея нынѣ вполнѣ восстановлено. Но нужно было, чтобы передъ нею, *вмѣстѣ съ народомъ*, помолился самъ Архіепископъ и чтобы онъ укрѣпилъ духъ православныхъ своимъ богослуженіемъ и назиданіемъ.

Съ другой стороны, въ послѣдній годъ замѣчалось явное движеніе толстовцевъ въ Церковь православную: съ нами православными возсоединилась до 40 душъ сектантовъ. Ихъ нужно было „приласкать“ Владыкѣ, ободрить и укрѣпить...

Въ Павловки Высокопреосвященнѣйшій Арсеній прибылъ 20 сентября утромъ. Была суббота, день будній, рабочий. Крестьяне поголовно заняты были уборкою буряковъ въ сосѣднихъ экономіяхъ. Потому, обремененные условіями, они *не могли* во множествѣ сойтись въ храмъ для встрѣчи Владыки. Зато для названной цѣли сюда стеклись всѣ школьники. Пришли и особо благочестивые люди. Въ общемъ людей въ храмѣ было достаточно для будняго дня. Въ числѣ ихъ находился Епархіальный миссіонеръ Д. И. Боголюбовъ, за день до прибытія Владыки пріѣхавшій въ Павловки.

При входѣ въ храмъ, школьники встрѣтили Владыку пѣніемъ тропаря безшотнымъ силамъ. Пѣніе было согласное, воодушевленное, трогательное.

Настоятель церкви, о. І. Захарьевъ, произнесъ рѣчь:

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивѣйшій Отецъ нашъ и Архипастыръ!

Благословенъ грядый во Имя Господне!

Срѣтая Васъ въ этомъ св. Храмѣ мы—православные радуемся и трепещемъ. Радуюсь, ибо къ намъ прішлъ Архипастыръ нашъ, нашъ милчвенникъ и главный руководитель нашего спасенія во Христѣ.

Радуюся, ибо въ лицѣ Вашемъ мы видимъ мужа, сугубо облагодатствованнаго и седмерицею искушеннаго въ миссіонерскихъ дѣлахъ по прежней службѣ въ Ригѣ, С.-Петербургѣ и Казани. Вамъ, Владыко, знакомы наши нужды, наши горести.

Радуюся, ибо мы—простые сельчане слышаны уже о добротѣ Вашей и трогательной сердечности.

Но и трепещемъ мы нынѣ, Владыко святыи! Трепещемъ, ибо среди насъ, помимо общехристіанскихъ немощей, гнѣздятся язвы сектанства, буйнаго и дерзкаго въ своихъ проявленіяхъ.

Трепещемъ мы—пастыри, ибо слаба увѣренность наша въ дѣлахъ рукъ нашихъ, при нашей молодости и малоопытности.

Но и трепещемъ, ибо кто свободенъ отъ безсознательныхъ прегрѣшеній?..

Однако—да позволено мнѣ будетъ сказать это съ дерзновіемъ!—трепетъ нашъ не переходитъ въ страхъ. Мы окрыляемся надеждой на Вашу благость. Вѣруемъ, что Вы примете насъ въ любовь свою, покроете своимъ благоснисхожденіемъ немощи наши, окрылите насъ молитвами своими. А потому, встрѣчая Васъ, мы восторженно зываемъ: „благословенъ грядый во Имя Господне!“

Владыка милостиво выслушалъ привѣтствіе, сказанное съ волненіемъ, и прослѣдовалъ съ середины храма на амвонъ. Отсюда онъ ласково началъ бесѣду съ народомъ. Онъ говорилъ отечески:

— Я сожалею, братцы, что къ моему пріѣзду въ храмъ сошлось немного взрослыхъ людей. Вѣрю, что горькая нужда, тягота земная возбранила имъ придти сюда. Но я радъ, что вижу въ изобиліи собравшихся школьняковъ. Дѣти—это такіе члены Церкви Христовой, которыхъ особенно любилъ Господь. Господь негодовалъ на взрослыхъ людей за то, что они возбраняли дѣтямъ приходить къ Нему. Дѣти славятся своими добродѣтелями: чистотою душъ, кротостью, послушаніемъ старшимъ. Потому-то и я, дѣтки, съ любовью побесѣдую съ вами, а вы взрослые слагайте слова мои въ сердце свое..

Затѣмъ Владыка спросилъ дѣтей: знаютъ-ли они молитвы вечернія и утреннія?

Дѣти громко заголосили:

— Знаемъ, знаемъ!..

Владыка далъ знакъ рукою и школьники, по его мановенію, зачитали хоромъ молитвы. Чтеніе было на распѣвъ—твердое, осмысленное, увѣренное. Видно было, что павловскіе школьники хорошо обучены молитвамъ.

Владыка сталъ спрашивать дѣтей изъ священной исторіи; заставлялъ ихъ читать заповѣди дѣсятословія. Отвѣты были хорошіе.

Владыка спросилъ наконецъ: какъ дѣти молятся?

Школьники дружно подняли руки, сложенными для крестнаго знаменія, и осмысленно изъясняли духовное значеніе этого обряда.

Владыка остался доволенъ дѣтскими отвѣтами. Онъ заставилъ школьниковъ пѣть молитву за Царя, молитву Господню, символъ вѣры. Самъ въ это время онъ обходилъ храмъ, съ удовольствіемъ замѣчая вездѣ чистоту и опрятность.

На прощаніе Владыка благословилъ *всѣхъ* собравшихся крестниками и увѣщевалъ ихъ съ благоговѣніемъ носить на себѣ это священное христіанское знамя.

Вечеромъ, всенощную подѣ воскресенья, Владыка служилъ въ церкви—школьг. Молящихся взрослыхъ сошло сюда болѣе 1000 человекъ. На правомъ клиросѣ «по нотамъ» пѣли Бѣлопольскіе пѣвчіе, а школьники «просто» пѣли на лѣвомъ клиросѣ, умѣло руководимые молодымъ псаломщикомъ Лисовымъ. Всенощная совершалась торжественно, впечатлительно.

Предъ „Хвалите Имя Господне“ Владыка произнесъ поученіе:

— Завтра, слушатели благочестивые, святая Церковь совершаетъ отдаіе празднику Воздвиженія Честнаго Креста и празнуеть день воскресный. Совпаденіе событій знаменательное и глубоко поучительное! Оно наглядно воспроизводитъ передъ нами дѣло искупленія людей во Христѣ.

Господь Іисусъ Христосъ совершилъ наше спасеніе своею жизнью, ученіемъ, чудесами и страданіемъ на крестѣ. Крестныя страданія, такимъ образомъ, явились завершеніемъ мученической жизни Господа посреди людей озлобленныхъ, невѣрующихъ, развращенныхъ.

Но дѣло нашего спасенія не могло быть законченнымъ безъ славнаго Воскресенія Христова. Христосъ воскресъ — и тѣмъ побѣдилъ врага рода человѣческаго діавола; Христосъ воскресъ — и насъ оживилъ къ новой богатой жизни...

И потому мы христіане благоговѣнно чтимъ Крестъ Христовъ—орудіе Господнихъ страданій и восторженно прославляемъ Воскресеніе Христова.

Вотъ въ чемъ состоитъ духовный смыслъ завтрашняго праздника. Непечатлѣвая этотъ смыслъ на сердцахъ нашихъ, Св. Церковь, какъ богородица наставница, предноситъ намъ нынѣ Честный Крестъ и посредствомъ св. иконъ *осязательно* воспроизводитъ въ умѣ нашемъ дѣло искупленія нашего во Христѣ. Потому-то благочестивые христіане всегда съ любовью почитали и Господень Крестъ и св. иконы.

Но, къ горю нашему, среди насъ теперь появляются люди, которые не хотятъ почитать иконъ и Креста Христова. Эти люди—сектанты. Отвергая почитаніе Креста, они уподобляются невѣрующимъ іудеямъ. Вѣдь только для іудеевъ крестъ служилъ „древомъ проклятымъ“ (Посл. Галат.). Господь, пострадавъ на крестѣ, тѣмъ самымъ явилъ его намъ «деревомъ благосло-

веннымъ (Прем. Солом.), достойнымъ почитанію. И потому благочестивая царица Елена съ великимъ тщаніемъ искала Живоносный Крестъ Христовъ и, найдя его, изнесла Крестъ для всенароднаго поклоненія.

Будемъ, братцы, и мы благоговѣнно чтить Крестъ Христовъ, размышляя черезъ него о страстяхъ Христовыхъ!...

А иконы почему почитаетъ православная Церковь?

Начало иконопочитанію положилъ самъ Господь Іисусъ Христосъ. Онъ для больного Едесскаго царя отобразилъ Свой Ликъ на полотнищѣ и послалъ его въ даръ царю, какъ цѣлебное средство.

Впослѣдствіи Ап. Лука написалъ икону Возвѣющей Матери. И нынѣ почитаемъ св. иконы, какъ *жизнь* Господа и Святыхъ Его. Почитаемъ икону Нерукотвореннаго Сласа,—иконы Божіей Матери Казанской, Иверской, Почаевской...

Помните это, дѣти мои, и расскажите о томъ невѣрующимъ сектантамъ! Расскажите имъ, что, почитая крестъ и иконы, мы не отступаемъ отъ Евангелія. Мы богобоязненно идемъ по стопамъ Христовымъ, отображеннымъ на всемъ устройствѣ Церкви Православной.

Скажите церковнымъ отщепенцамъ, что, отпадая отъ нашей Православной Церкви, они губятъ себя. Христіанину безъ Церкви спастись нельзя. Въ одиночествѣ онъ будетъ алкать, жаждать духовно и нагетать. Кто же слышится голоса Матери—Церкви, тотъ идетъ царскимъ путемъ къ вѣчному спасенію во Христѣ.

Помогн же, Господи, *самъ*, мои добрыя дѣти, до смерти пребыть въ оградѣ Церкви православной, соблюдая всѣ ея уставы и заповѣди непорочно!..

Во время всеобщей Владыка „мировалъ“ народъ до послѣдняго ребенка.

21 сентября Высокопреосвященнѣйшій Арсеній совершилъ литургію въ каменномъ храмѣ. Храмъ переполненъ былъ народомъ. Въ церковной оградѣ стояли толпы людей. Пѣли за обѣдной Вѣломельскіе пѣвчіе на правомъ клиросѣ и школынка на лѣвомъ.

Къ дѣтямъ предъ началомъ литургіи Владыка превнулъ трогательную ласку. Онъ велѣлъ имъ окружить архіерейскій амвонъ и тѣмъ далъ имъ возможность намять объ этомъ торжественномъ богослуженіи сохранить въ своихъ сердцахъ на всю жизнь. Такой поступокъ Архидиаstryа глубоко растрогалъ родителей-крестьянъ...

Въ концѣ литургіи Владыка сказалъ слова воодушевленное поученіе. Рѣчь его была образна и совершенно понятна простолудинамъ.

Обращаясь къ народу, Владыка говорилъ:

— Я хочу съ вами, братцы, побесѣдовать о томъ: какъ Господь Іисусъ Христосъ совершилъ наше спасеніе на землѣ?

До пришествія Христова люди всё были подъ грѣхемъ. На нихъ лежалъ правосудныхъ гнѣвъ Божій.

Какъ же это случилось, — какъ появился на землѣ грѣхъ?

Всѣ христіане знаютъ это съ дѣтства изъ Священной Исторіи. Адамъ и Ева, прародители наши, по обольщенію дьявольскому, нарушили святую заповѣдь Божию. Они вкусили запрещеннаго плода съ дерева и оказались черезъ то ослухинниками воли Божіей. Съ тѣхъ поръ по лицу земному разливается ядъ грѣховный!..

Люди, начавшіе жить по велѣніямъ своей похоти, развратились въ душахъ своихъ, — приложились къ скотамъ несмысленнымъ. Въмѣсто Бога, Единаго нашего Творца и Промыслителя, они стали служить бездушнымъ идоламъ. Въмѣсто исполненія св. заповѣдей Божіихъ, они зажили по своимъ грѣховнымъ страстямъ. Они стали ненавидѣть другъ друга, отнимать у ближняго своего послѣдній кусокъ хлѣба, — предались пьянству, разврату. И распущенность людей, ко времени явленія въ міръ Господа, сдѣлалась въ такой степени всеобщей, что ея ужасались даже благоразумные язычники...

Что же сдѣлалъ для насъ Христосъ?

Онъ пришелъ къ людямъ, проповѣдалъ имъ небесное ученіе и ради нихъ пострадалъ на крестѣ. Такимъ образомъ своей жизнью, ученіемъ, чудесами и мученической смертью Господь Иисусъ привлекъ къ намъ благоволеніе Бржіе и сдѣлалъ насъ снова *сынами Божіими*, — какъ бы вѣтвями плодоноснаго и живительнаго дерева.

Это дерево живительное для насъ и плодоносное есть *Христова Церковь*. Въ Церковь Господь положилъ столько духовныхъ даровъ, что ихъ никогда не могутъ истощить вѣрующіе. Эти дары Божіи рѣкой благодатной изливаются на христіанъ черезъ таинства церковныя и дѣлаютъ принимающихъ ихъ живыми членами стада Христова, — облагодатствованными — вѣтвями древа церковнаго. И потому Господь сказалъ: *„кто жаждетъ, приходи ко Мнѣ и пей“* (Ев. Іо.) воду живую, заключенную въ Его Св. Церкви. Эта „вода живая“ утоляетъ души наши и спасаетъ насъ отъ страстей грѣховныхъ...

Великое, братіе, счастье далъ намъ Господь. Кто на себѣ самомъ не пережилъ его? .

Вотъ въ суетѣ житейской мы порабощены бываемъ нерѣдко заботами и печалями мірскими. Мы начинаемъ прилежать особенно къ земному, — стараемся быть богаче и жить привольнѣй. И вдругъ Господь приводитъ насъ побывать въ Церкви. На св. иконахъ мы видимъ здѣсь изображеніе того, какъ жилъ Господь, — какъ ради насъ Онъ „обнищалъ“ и страдалъ; видимъ, какъ въ великой тѣснотѣ спасались наши отцы святыя. И про-

сыпаемся мы тогда отъ своего грѣховнаго усыпленія, и трепещемъ и плачемъ о грѣхахъ своихъ...

А св. Церковь, какъ любящая мать, и дальше мудро ведетъ насъ ко спасенію. Она не отчаяваетъ кающагося грѣшника. Она нѣжно зоветъ его къ *покаянію*, общаетъ ему прощеніе грѣховъ въ этомъ таинствѣ и благодатное единеніе со Христомъ въ таинствѣ причащенія...

Но ты заболѣлъ тѣлесно христіанинъ?

Опять не унывай, а „возверзи на Господа печаль свою“. Въ таинствѣ елеосвященія Онъ придетъ и обоготитъ страданія твои. Онъ,—если не нужно исцѣлять тебя отъ немощи плоти,—уврачуеъ и упокоитъ душу твою. А это для насъ—важнѣе всего...

Вотъ какимъ образомъ черезъ Церковь свою Господь совершаетъ спасеніе наше на землѣ. И потому всѣми помышленіями своими и всѣми чувствами нашими мы должны любить Христову Церковь и должны бояться, какъ огня геенскаго, ухода изъ Церкви „на страну далече“.

Помоги же вамъ, Господи, слушатели благочестивые, всегда быть вѣрными дѣтьми Церкви православной..

Послѣ обѣдни, въ домѣ о. Захарьева, Владыка отдыхалъ и ласково бесѣдовалъ съ приходившими за благословеніемъ обращенными изъ сектантства.

Около 5 часовъ вечера 21 сентября Высокопреосвященный Архиепископъ Арсеній уѣхалъ изъ Павловокъ въ сл. Ворожбу, оставивъ по себѣ въ Павловкахъ самое отрадное воспоминаніе.

Д. Б—овз.

При какихъ условіяхъ жизнь можетъ имѣть смыслъ и цѣнность?

(Продолженіе *).

Послѣ предварительныхъ замѣчаній о характерѣ наслажденій и страданій, Гартманъ приступаетъ къ сведенію баланса жизни на первой стадіи иллюзіи. Онъ подвергаетъ критическому разсмотрѣнію тѣ источники наслажденій, которые признаются таковыми на первой стадіи иллюзіи.

1. *Здоровье, молодость, свобода и достатокъ* считаются величайшими благами жизни, но эти блага, по Гартману, въ сущности имѣютъ отрицательный характеръ: они суть отсутствіе болѣзни, старости, рабства и нужды. Когда мы здоровы, мы этого не сознаемъ, а лишь, потерявъ здоровье, сознаемъ свою потерю и тогда страдаемъ. То же слѣдуетъ сказать относительно свободы. Молодость обладаетъ полною способностію къ наслажденіямъ, однако это только способность, а не самое наслажденіе. Матеріальная обеспеченность есть отсутствіе голода, холода и т. д. Это условіе счастливой жизни, но само собою разумѣется, одно лишь это условіе еще не дѣлаетъ человѣка счастливымъ. Люди матеріально обеспеченные часто страдаютъ отъ скуки, которая заставляетъ ихъ прибѣгать къ труду; но трудъ самъ по себѣ тягостенъ и переносится лишь въ силу необходимости. Такимъ образомъ значеніе этихъ благъ для счастья человѣка не особенно велико.

2. *Голодъ и любовь*—два влеченія, обуславливающія, по мнѣнію Гартмана, какъ поступательное движеніе животнаго

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 18.

царства, такъ и начало развитія человѣчества. Что касается голода, то онъ, какъ и жажда, вызываетъ слишкомъ мучительныя ощущенія, удовлетвореніе же ихъ доставляетъ лишь мимолетное наслажденіе. При томъ же изъ 1300 милліоновъ жителей земного шара немногіе находятся въ такомъ счастливомъ положеніи, чтобы удовлетворять голодъ немедленно вслѣдъ за его обнаруженіемъ, напротивъ, огромное большинство людей имѣетъ скудное, неудовлетворительное питаніе. Нѣтъ надежды на лучшее и въ будущемъ, ибо средства пропитанія не возрастаютъ въ такой прогрессіи, въ какой склонно возрастать населеніе земного шара, приростъ населенія долженъ сдерживаться и сдерживается недостаточностію средствъ пропитанія; слѣдовательно, здѣсь постоянный источникъ страданія для большинства людей, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ, при томъ въ будущемъ въ большей степени, чѣмъ въ настоящемъ. Любовь, въ которой наивные люди видятъ земной рай, также имѣетъ не мало слишкомъ острыхъ и колючихъ шиповъ. Во-первыхъ, для женщинъ она сопровождается чисто физическими страданіями во время родовъ и въ послѣродовой періодъ. Затѣмъ, болѣе тяжелы нравственныя страданія, которыя почти неизбѣжны въ любви. „Обыкновенно одна сторона любитъ сильнѣе, чѣмъ другая, и такъ какъ эта послѣдняя обыкновенно охлаждаетъ прежде, то первая чувствуетъ себя вѣроломно оставленною и преданною. Наиболѣе жестоки страданія у женщины, которая во имя истинной глубокой любви все принесла въ жертву возлюбленному... и когда брошена и оставлена такая женщина, то она, по истинѣ, представляетъ нѣчто безусловно беспомощное въ мірѣ“¹⁾. Прибавьте къ этому страданія неудовлетворенной любви и затѣмъ почти неизбѣжныя разочарованія и необходимо будетъ признать, что и этотъ ингредиентъ счастья представляетъ несомнѣнный минусъ, что въ любви больше страданій, чѣмъ радостей и наслажденій.

3. *Состраданіе, дружба и семейное счастье.* Искреннее состраданіе, сочувствіе горю другого, разумѣется, не представ-

¹⁾ Гартманъ, философія безсознательнаго, изд. Козлова, т. II, стр. 288.

иеть чего-либо пріятнаго. Если же въ состраданіи находятъ личное наслажденіе, то такое наслажденіе чисто эгоистическаго характера: оно объясняется эгоистическимъ сознаніемъ, что я не подвергаюсь бѣдствію, которое испытываетъ другой, сознаніемъ контраста между чужимъ бѣдствіемъ и моимъ благополучіемъ.

Положительное счастье можетъ доставлять только истинная дружба, но истинные друзья—крайне рѣдки.

Семейная жизнь въ большинствѣ случаевъ служитъ источникомъ страданій, большинство браковъ несчастны. „Это, по мнѣнію Гартмана, зависитъ отъ глупости людей, которые не умѣютъ въ мелочахъ поступиться своими взаимными слабостями; отъ случайности, которая сводитъ въ бракъ разные характеры, отъ обоюднаго указанія на права тамъ, гдѣ нужно брать въ посредники только снисхожденіе и дружбу... отъ взаимной раздражительности и огорченій... отъ тяжкаго сознанія неразрывности брачныхъ цѣпей“¹⁾. Въ брачной жизни влечетъ человѣка слѣпой инстинктъ, имъ же объясняется непремѣнное желаніе имѣть дѣтей; ни того, ни другого разумъ не могъ одобрить, ибо дѣти, новое поколѣніе производится на свѣтъ для неизбежныхъ страданій. Кромѣ того, самимъ родителямъ дѣти доставляютъ гораздо больше заботъ и огорченій, чѣмъ радостей, не говоря уже о вѣчныхъ опасеніяхъ за жизнь дѣтей, о страданіяхъ родителей въ случаѣ преждевременной ихъ смерти и т. п.

4. *Гордость, тщеславіе, честолюбіе, славолюбіе и властолюбіе.* Гордость или высокая оцѣнка самого себя доставляетъ гордецу завидное преимущество, даетъ возможность испытывать нѣкоторыя пріятныя эмоціи, при сравненіи себя съ другими. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ въ основѣ гордости лежитъ ошибка—непомѣрно высокая оцѣнка собственныхъ достоинствъ,—то всякій разъ, какъ эта ошибка бываетъ обнаружена, получается другое противоположное ощущеніе—тягостное. Тщеславіе, честолюбіе и проч. похожи на соленую воду, которую чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше пить хочется, а

¹⁾ Ibid., стр. 302.

потому они никогда не могутъ быть удовлетворены и причиняютъ повѣтому больше страданій, чѣмъ радостей.

5. *Мистическое настроеніе*. Высокое религиозное настроеніе можетъ дойти до такой степени, что предъ нимъ исчезнутъ всѣ земныя бѣдствія. Но 1) это настроеніе въ наше время слишкомъ рѣдкое явленіе, 2) для того, чтобы дойти до такого состоянія, нужно предварительно пройти слишкомъ тяжелый и продолжительный искусь умерщвленія плоти.

6. *Безразличность*, основная форма которой состоитъ въ томъ, что человѣкъ стремится къ собственному счастью, причивая на своемъ пути страданія другимъ. Понятно, что то наслажденіе, которое онъ такимъ образомъ пріобрѣтаетъ, не можетъ уравновѣсить бѣдствій, какія причинены при этомъ другимъ.

7. *Научныя и художественныя наслажденія*. Кто въ состояніи представить себѣ радость ученаго, когда послѣ долгихъ и трудныхъ изысканій онъ предвидитъ въ результатъ важное открытіе, установку какой-либо важной научной истины; кто можетъ понять восторгъ художника, которому удалось воплотить свой идеаль въ краскахъ и образахъ;—тотъ согласится, что художественныя и научныя наслажденія представляютъ несомнѣнный плюсъ, несомнѣнно положительныя наслажденія. Но съ другой стороны, такія минуты очень рѣдко выпадаютъ на долю избранныхъ натуръ, напротивъ, имъ болѣе бывають знакомы муки творчества. Кромѣ того, эти избранныя натуры, благодаря своей слишкомъ развитой впечатлительности, гораздо болѣе отзывчивы и ко всѣмъ другимъ бѣдствіямъ жизни, повѣтому едва ли можно ошибиться, предположивъ, что они должны быть несчастнѣе другихъ людей со слабою чувствительностію. Затѣмъ, нельзя не принять во вниманіе того обстоятельства, что художникъ или ученый, прежде чѣмъ сдѣлаться способнымъ къ высокимъ научнымъ и художественнымъ наслажденіямъ, долженъ преодолѣть массу непріятныхъ трудностей, долженъ преодолѣть скучныя трудности техники своего ремесла. Наконецъ, ученыхъ и художниковъ по призванію (а такіе только и способны къ научнымъ и художественнымъ наслажденіямъ) весьма вѣдь не много, такъ что этого рода на-

слажденія едва-ли представляютъ замѣтную величину въ общей суммѣ эмоцій, испытываемыхъ человѣчествомъ.

8. *Сонъ безъ сновидѣній*—относительно счастливое состояніе, ибо здѣсь полное отсутствіе страданій; что касается сновидѣній, то они являются большею частію зеркаломъ жизни, здѣсь, слѣдовательно, долженъ имѣть мѣсто перевѣсъ страданій надъ наслажденіями, какъ и въ дѣйствительной жизни.

9. *Влеченіе къ наживѣ и комфорту*. Богатство даетъ возможность получать всевозможныя наслажденія. Но изъ предыдущаго мы знаемъ, какъ не высока цѣна этихъ наслажденій. Комфортъ, которымъ окружаютъ себя богатые люди, также не представляетъ собою положительнаго блага, и только устраненіе страданія (возможность пользоваться экипажемъ избавляетъ отъ непріятной обязанности идти пѣшкомъ). Если богатство становится цѣлью само по себѣ, какъ это бываетъ у жадныхъ скупцовъ, то нечего и говорить, что въ такомъ случаѣ оно можетъ быть источникомъ только страданій.

10. *Зависть, недоброжелательство, досада, сожалѣніе о прошедшемъ, раскаяніе, месть, итѣд., раздражительность* и другія подобныя чувства даютъ, конечно, какъ это ясно само собою, только страданія.

11. *Надежда* есть завидная черта характера и должна быть отнесена къ положительнымъ благамъ; но такъ какъ она часто обманываетъ, то причиняетъ и большія страданія.

Выводъ изъ сдѣланнаго анализа Гартманъ дѣлаетъ такой: „страданіе имѣетъ большой перевѣсъ не только въ мірѣ вообще, но и въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ, хотя бы онъ стоялъ въ самыхъ благопріятныхъ, насколько то мыслимо, условіяхъ“.

Такихъ и подобныхъ отзывовъ о бѣдственности человѣческой жизни можно было бы набрать неограниченное количество у философовъ, проповѣдниковъ религій, поэтовъ всѣхъ временъ; странъ и народовъ. Всѣ, кому только приходилось касаться этого вопроса, за немногими исключеніями, приходили къ мрачнымъ пессимистическимъ выводамъ. „Сосчитай свои веселые часы, говоритъ Байронъ, сосчитай свои свободные отъ непріятностей дни и, чѣмъ бы ты ни былъ, знай, что есть нѣчто

лучшее—не быть⁴. Общепризнанный баювонъ счастья Гёте въ концѣ своей жизни говоритъ о себѣ: „Изъ всѣхъ семидесяти пяти лѣтъ моей жизни я едва могу насчитать четыре недѣли, въ теченіе которыхъ я былъ счастливъ. Остальная жизнь была непрерывнымъ вскатываніемъ на гору камня, который постоянно оставался на томъ же мѣстѣ“. „Что такое твое счастье, человѣческое сердце?“ спрашиваетъ поэтъ Ленау и отвѣчаетъ: „Краткое мгновенье, вѣчно рождающееся и едва привѣтствованное, уже утраченное“.

Противоположные взгляды, оптимистическіе, составляютъ сравнительную рѣдкость въ исторіи, почти не замѣтны въ общемъ хорѣ голосовъ, звучать очень слабо и не портятъ минорной мелодіи.

Въ числу такихъ голосовъ принадлежитъ оптимистическая философія Лейбница, но Лейбницъ слишкомъ ненадежный союзникъ оптимизма и оказываетъ ему медвѣжью услугу. Въ самомъ дѣлѣ, чему училъ Лейбницъ? „Тому, что существующій міръ есть наилучшій изъ всѣхъ *возможныхъ* міровъ, т. е., какъ онъ самъ пояснялъ, въ существующемъ мірѣ множество *неустраняемо* зла, которое вполне *неизбѣжно* въ немъ; но если бы попробовать изъ того самаго матеріала, изъ котораго устроенъ существующій міръ, построить какой-либо иной міръ, то онъ непременно окажется еще хуже существующаго; поэтому-то существующій міръ и долженъ считаться наилучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ (при томъ же матеріалѣ) міровъ“¹).

Вполнѣ оптимистическій характеръ имѣетъ сочиненіе Дюринга „Der Wert des Lebens“, появившееся въ 1856 году. Главнѣйшими ингредиентами человѣческаго счастья Дюрингъ считаетъ честь и любовь. Стремленіе къ чести, т. е., къ хорошему мнѣнію другихъ о себѣ, слишкомъ властно въ каждомъ человѣкѣ: о чести заботятся всѣ отъ школьника до сѣдого старика и, само собою разумѣется, удовлетвореніе этого стремленія доставляетъ нѣкоторое наслажденіе. Но 1) нельзя слишкомъ высоко цѣнить этотъ элементъ счастья, ибо оно доступно лишь немногимъ; отличіе тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ оно

¹) А. Введенскій. Уловія допустимости вѣры въ смыслъ жизни, Ж. М. Н. П. 1896 г., сент. стр. 65.

исключительнѣе, рѣже, и наоборотъ, оно теряетъ цѣнность, если доступно многимъ: Наполеонъ не пользовался бы такою славой, какою онъ пользуется теперь, если бы Наполеоновъ было нѣсколько, а не одинъ. Во-вторыхъ, стремленіе въ чести встрѣчаетъ на своемъ пути не мало огорченій, такъ какъ очень часто бываютъ случаи неправильной оцѣнки достоинствъ человѣка. Наконецъ, едва ли этому ингредиенту счастья—стремленію къ чести, къ отличіямъ—можно дать особенно высокую нравственную оцѣнку. Что касается любви, то самъ Дюрингъ не отрицаетъ, что страстная любовь скоротечна, что здѣсь часто имѣетъ мѣсто преувеличенная взаимная оцѣнка влюбленныхъ, а отсюда и неизбѣжныя разочарованія. Но за то въ бракѣ любовь, по мнѣнію Дюринга, находитъ свое осуществленіе: любовь здѣсь создаетъ прочныя привязанности вмѣсто бурной страсти. Послѣ того какъ мы изложили уже безпощадный разборъ этого ингредиента счастья, сдѣланный Гартманомъ, о слишкомъ слабой защитѣ его Дюрингомъ можно, кажется, и не говорить.

Намъ остается упомянуть еще объ одной попыткѣ дать оптимистическому мировоззрѣнію научную постановку, попыткѣ, сдѣланной Селли въ его исторіи и критикѣ пессимизма, появившейся въ 1877 году.

Селли видитъ счастье не въ единичныхъ наслажденіяхъ, а въ востоянныхъ источникахъ такихъ наслажденій. Эти источники наслажденій могутъ быть внѣшніе, каковы: богатство, дружба, семейная жизнь, искусство, общественная служба, удовольствіе дѣятельности и проч., и внутренніе: воспоминаніе, антиципация, воображеніе и т. д. Селли не отрицаетъ, что указанные имъ внѣшніе источники счастья—цѣли жизни, въ которыхъ человѣкъ стремится,—могутъ быть также и источникомъ страданій; но вопроса о томъ, наслажденія ли превышаютъ страданія, или наоборотъ, этого вопроса онъ не ставитъ; а между тѣмъ въ этомъ вѣдь все дѣло. Для борьбы съ возможными внѣшними бѣдствіями онъ рекомендуетъ употреблять между прочимъ внутреннія, субъективныя средства: горечь отъ какой либо неудачи можно значительно ослабить, если не останавливать на ней своего вниманія; наслажденіе

достигнутымъ успѣхомъ можно усилить, произвольно фиксируя на немъ свое вниманіе; за неимѣніемъ реального счастья, можно довольствоваться мечтою о немъ (Какъ разъ по этому рецепту поступилъ мужикъ въ известной сказкѣ о мужикѣ и яйцѣ). Очевидно, что и этотъ защитникъ оптимизма не изъ особенно сильныхъ и едва ли можетъ убѣдить кого-нибудь въ томъ, что счастье возможно для большинства людей. Впрочемъ, Селли и самъ сознается, что счастье большинства изъ тѣхъ, которые такъ или иначе могутъ быть названы счастливыми, нельзя назвать особенно высокимъ, что многіе люди ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть названы счастливыми, что несчастье столь же реально, какъ и счастье, что бѣдствія жизни слишкомъ известны, чтобы нужно было ихъ иллюстрировать.

Подведемъ теперь итогъ сказанному.

Мы видѣли, что уже въ глубокой древности крайній пессимистическій взглядъ на міръ положенъ въ основу Буддѣйской религіи; что два культурныхъ народа древности—Греки и Римляне подъ конецъ своей исторіи также перешли къ стоицизму—философіи пессимистическаго характера. Мы представили очеркъ философскихъ взглядовъ Шопенгауэра и Гартмана; первый, признавая положительное значеніе только за страданіемъ и толкуя наслажденіе, только какъ отсутствіе страданія, рисуетъ страшныя картины бѣдственности человѣческаго существованія, которое все сплошь состоитъ изъ физическихъ и нравственныхъ ужасовъ, и видитъ спасеніе отъ этихъ ужасовъ въ самоуничтоженіи воли, въ аскетизмѣ, который долженъ привести къ уничтоженію жизни человѣчества на землѣ; второй подвергаетъ безпощадному анализу всѣ тѣ источники наслажденій, которыми обманываютъ себя люди, гонящіеся за призракомъ счастья, и въ конечномъ выводѣ получаетъ или отрицательный результатъ, или, въ лучшемъ случаѣ, нуль; самоуничтоженіе всего человѣчества—единственная разумная цѣль, къ которой оно должно стремиться, по мнѣнію Гартмана. Мы слышали отзывы о цѣнности жизни Байрона, Гете, Ленау; мы могли бы набрать неограниченное количество отзывовъ о бѣдственности человѣческаго существованія у другихъ поэтовъ,

мыслителей всѣхъ временъ, странъ и народовъ. Мы видѣли, наконецъ, какъ были неудачны и слабы попытки оптимистовъ, пытавшихся указать тѣ условія, при которыхъ человѣческая жизнь могла бы имѣть какую-либо положительную цѣнность, при которыхъ страданія не превышали бы наслажденій. Какой же отсюда сдѣлаемъ выводъ? Какой отвѣтъ можно дать на вопросъ,—стоитъ ли жить? Намъ кажется, что отвѣтъ можетъ быть только отрицательный, что бѣдствія и страданія человѣческаго существованія безмѣрно превышаютъ тѣ немногія радости, которыя выпадаютъ на долю счастливецъ, что, слѣдовательно, эти радости покупаются слишкомъ дорогою цѣною.

II.

До сихъ поръ мы рассматривали вопросъ о цѣнности жизни съ точки зрѣнія личнаго счастья, личнаго благополучія. Могутъ сказать и говорить, что, если съ этой личной точки зрѣнія жизнь человѣка имѣетъ незначительную цѣнность или даже цѣнность отрицательную, то она можетъ быть очень цѣнною для другихъ, для общества, для человѣчества; жизнь индивидуума можетъ и должна быть посвящена благу и счастью человѣчества въ его настоящемъ, а также счастью будущаго человѣчества. Посмотримъ на дѣло съ этой стороны.

При этой постановкѣ вопросъ о томъ, стоитъ ли жить, принимаетъ уже нѣсколько иной смыслъ, чѣмъ было до сихъ поръ. Теперь этотъ вопросъ будетъ означать: та жертва, которую я приношу въ интересахъ другихъ, уравниваетъ ли то благо, котораго достигаютъ другіе, принимающіе мою жертву? Когда мы смотрѣли на дѣло съ личной точки зрѣнія, тогда имѣлось въ виду опредѣлить, уравниваетъ ли мое счастье тѣ жертвы, которыя я приношу для достиженія его. Если бы получился утвердительный отвѣтъ на это, тогда этимъ дѣломъ и кончилось бы: если да, если счастье уравниваетъ приносимыя ради него жертвы, то слѣдовательно жить стоитъ. Теперь же, при иной постановкѣ вопроса, если даже мы нашли бы, что моя жизнь дѣйствительно приноситъ огромное благо другимъ, то и въ такомъ случаѣ самъ собою возникъ бы другой вопросъ: почему же, во имя чего я долженъ на свою жизнь

смотреть только какъ на средство для достиженія какой-то чуждой мнѣ цѣли? Во имя чего я долженъ согласиться, чтобы моя жизнь была монетой, за которую покупаютъ другіе что-то цѣнное для нихъ? Само собою разумѣется, что единственнымъ мотивомъ въ этомъ случаѣ могъ бы быть только нравственный законъ; нравственный долгъ предписываетъ человѣку быть орудіемъ или средствомъ для осуществленія какихъ-либо нравственныхъ требованій. Въ данномъ случаѣ, говорятъ, нравственный законъ ставить для отдѣльнаго человѣка высокую цѣль—служеніе всеобщему счастью человѣчества и во имя этой высокой цѣли требуетъ жертвы, требуетъ, чтобы жизнь отдѣльнаго человѣка обратилась въ средство для достиженія этой высокой цѣли.

Согласимся на время, что нравственный законъ можетъ предъявить такое требованіе, можетъ на мою жизнь смотреть только какъ на средство для достиженія высокой цѣли. Но во всякомъ случаѣ цѣль, преслѣдовать которую предписываетъ нравственный долгъ, должна быть осуществимой, въ противномъ случаѣ и требованіе такое и самъ нравственный законъ обращается въ бессмыслицу. Посмотримъ же, осуществима ли такая цѣль, какъ всеобщее счастье человѣчества, если не въ настоящемъ, то хотя въ будущемъ. Послушаемъ, что говоритъ Гартманъ, рассматривая третью стадію иллюзій, сущность которой составляетъ надежда на будущее счастье человѣчества. „Сколько бы ни прогрессировало человѣчество, говоритъ онъ, оно никогда не освободится отъ величайшихъ изъ бѣдствій и даже не уменьшитъ ихъ. Эти бѣдствія суть: болѣзнь, старость, зависимость отъ воли и власти другихъ, нужда и недовольство своимъ положеніемъ“¹⁾. Нѣтъ надежды, чтобы медицина могла уменьшить количество болѣзней или облегчить положеніе старости; нѣтъ надежды, чтобы прогрессъ сельско-хозяйственной техники могъ настолько увеличить продуктивность земледѣльческаго труда, чтобы не ощущалось недостатка въ продовольствіи для всего человѣчества, склоннаго размножаться въ геометрической прогрессіи, а слѣдовательно многимъ предстоитъ

¹⁾ Философія бессознательнаго, т. II, стр. 347.

гибель въ борьбѣ съ нуждою; нѣтъ надежды на уменьшеніе безнравственности; по крайней мѣрѣ, нравственный прогрессъ слишкомъ сомнителенъ, если сравнить нравственность современнаго человѣчества съ нравственностію предковъ. „Степень безнравственныхъ стремленій осталась та же, только они сняли лохмотья и ходять во фракѣ... Уже наступаетъ время, когда ловкій воръ предоставляетъ глупому и пошлому простонародью кражу и противозаконное мошенничество, а самъ умѣетъ овладѣвать чужою собственностью, нисколько не нарушая буквы закона“ ¹⁾. Наука и искусство все болѣе будутъ демократизироваться, будутъ двигаться не гениями, а чернорабочими въ цѣляхъ чисто-практическихъ, отсюда и наслажденіе наукой и искусствомъ потеряетъ ту цѣнность, какую оно представляетъ теперь для избранныхъ натуръ. Что касается такихъ инстинктовъ, какъ любовь и честолюбіе, то или будущее человѣчество не откажется отъ нихъ, тогда эти инстинкты будутъ такими же источниками страданій, какъ и на первой стадіи иллюзіи; или же человѣчество откажется отъ нихъ, тогда жизнь станетъ бѣднѣе содержаніемъ. Въ концѣ концовъ человѣчество должно убѣдиться въ тщетѣ своихъ иллюзій, и „подобно всякому престарѣлому и обладающему яснымъ сознаніемъ старцу, оно будетъ имѣть только одно желаніе: желаніе покоя, безмятежности, вѣчнаго сна безъ сновидѣній, въ которомъ оно могло бы утолить свою усталость. Послѣ трехъ стадій иллюзіи — надежды на положительное счастье, человѣчество, наконецъ, увидало безуміе своихъ стремленій и, отказавшись отъ положительнаго счастья, порывается только къ абсолютной безболѣзненности, къ нирванѣ, къ ничто. Таковъ долженъ быть единственный конецъ третьей и послѣдней стадіи иллюзіи“ ²⁾. Это ли цѣль, для достиженія которой нравственной долгъ требуетъ принесенія въ жертву моей жизни? Она ли способна воодушевить кого-бы то ни-было? Если такую цѣль ставить нравственный законъ, то самъ онъ не становится ли недѣлностью? Но быть можетъ, Гартманъ рисуется слишкомъ мрачную картину будущаго? Быть можетъ, всеобщее счастье все-таки

¹⁾ Ibid. стр. 349.

²⁾ Ibid. стр. 343.

возможно? Быть можетъ, прогрессъ настолько улучшить жизнь человѣчества, что всеобщее счастье станетъ дѣйствительно-стью, а не мечтою?

Посмотримъ, какъ разсуждаетъ объ этомъ защитникъ оптимизма, знакомый уже намъ Селли. Прогрессъ прежде всего состоитъ въ накопленіи знанія, говоритъ Селли, а знаніе увеличиваетъ нашу власть надъ силами природы, какъ враждебными намъ, такъ и надъ тѣми, которыя могутъ служить нашему благополучію и счастью. Затѣмъ, результатомъ прогресса являются эмоціалныя измѣненія: культурный человѣкъ способенъ къ болѣе глубокимъ и болѣе интенсивнымъ эмоціямъ, чѣмъ дикарь. Наконецъ, прогрессъ культивируетъ волю человѣка, вырабатываетъ въ индивидуальной волѣ самоконтроль, одновременно интенсивный и экстенсивный. Рука объ руку съ этими внутренними факторами счастья идутъ и развиваются и вѣшнія условія, матеріальныя и соціалныя. Знаніе открываетъ въ природѣ новыя животныя и растительныя виды, которыми человѣкъ получаетъ возможность пользоваться для своего благополучія; открываетъ новыя способы эксплуатированія уже извѣстныхъ силъ природы и т. п. Соціалная среда измѣняется такъ, что каждый индивидъ живетъ въ большей безопасности, чѣмъ первобытный дикарь и получаетъ возможность накапливать богатство, спокойно пользоваться благами семейной жизни; нравственность прогрессируетъ.

Что знаніе увеличиваетъ власть человѣка надъ природой,—это конечно такъ; несомнѣнно также, что это обстоятельство способно содѣйствовать въ извѣстной мѣрѣ возрастанію благополучія. Способно содѣйствовать,—это такъ, но содѣйствуетъ ли въ дѣйствительности,—это еще вопросъ. Мы знаемъ, напр., что индустріальный прогрессъ—изобрѣтеніе всякаго рода машинъ долженъ былъ облегчить трудъ человѣка, долженъ былъ улучшить матеріальное положеніе труженика. Въ дѣйствительности же оказалось, что этотъ прогрессъ содѣйствовалъ обогащенію кучки капиталистовъ и порабощенію рабочаго класса подъ власть капитала. Кромѣ того, этотъ индустріальный прогрессъ специализировалъ трудъ человѣка и сдѣлалъ его убійственно скучнымъ, монотоннымъ. Представьте себѣ

положеніе человѣка, обязаннаго всю жизнь выдѣлывать була-
вочныя головки, и другого, который занятъ насаживаніемъ
этихъ головокъ на булавки, и третьяго, специальность кото-
раго шлифовать булавки. Современный человѣкъ, действи-
тельно, владѣеть такими изобрѣтеніями, о которыхъ не могло
присниться дикарю. Но, напр., изобрѣтеніе пороха, динамита
можно-ли считать въ числѣ такихъ факторовъ, которые содѣй-
ствовали и будутъ содѣйствовать всеобщему счастью людей?
Повышеніе эмоціальной способности въ человѣкѣ, его большая
воспримчивость, отзывчивость, впечатлительность можно было
бы считать благомъ, факторомъ счастья при условіи, если
жизнь будетъ представлять болѣе свѣтлыхъ сторонъ, чѣмъ
мрачныхъ; въ противномъ случаѣ этотъ ростъ эмоціальной
способности долженъ составить минусъ въ общей
суммѣ человѣческаго благополучія, что само собою понятно.
Выработка волевого контроля также ставится Селли въ счетъ
благопріятныхъ условій, увеличивающихъ сумму счастья. Но
волевой контроль—это вѣдь нѣкотораго рода узда, налагаемая
человѣкомъ на свои склонности и страсти; а коль скоро такъ,
то какое же въ этомъ самоограниченіи, въ этомъ самопро-
извольномъ лишеніи себя свободы—какое тутъ можно видѣть
счастье? Правда, Селли понимаетъ этотъ контроль между про-
чимъ въ томъ смыслѣ, что человѣкъ намѣренно фиксируетъ
свое вниманіе и направляетъ его въ сторону пріятнаго и та-
кимъ образомъ создаетъ субъективное счастье. По этому по-
воду достаточно замѣтить, что если бы существовало реаль-
ное, созданное объективными условіями счастье, то не было
бы надобности хлопотать о созданіи себѣ субъективнаго, т. е.,
въ сущности воображаемаго счастья. Далѣе, улучшеніе со-
ціальныхъ условій, говоритъ Селли, даетъ возможность чело-
вѣку жить въ безопасности, копить богатство, пользоваться
благами семейной жизни и т. п. Что касается богатства, ма-
теріальнаго достатка, то раньше было уже сказано, что бо-
гатство не есть благо само по себѣ, а лишь условіе блага;
слѣдовательно улучшеніе соціальныхъ условій и возможность
накопленія богатства есть условіе условія, т. е., отношеніе
этого фактора къ счастью слишкомъ косвенное. О семейномъ

счастіи также было говорено выше. Наконецъ, Селли полагаютъ, что прогрессъ улучшить нравственность людей, смягчить ихъ нравы, уменьшить количество преступленій и т. п. Конечно, было бы желательно этому вѣрить, но есть другого рода мнѣнія. Есть мнѣнія, что по крайней мѣрѣ въ теченіе минувшей исторіи не всегда наблюдалось соотвѣтствіе между умственнымъ прогрессомъ и нравственнымъ. Вотъ что, напр. говоритъ Спенсеръ: „Высшіе атрибуты человѣчества гораздо болѣе свойственны дикимъ народамъ, живущимъ изолированными парами въ своихъ лѣсахъ, чѣмъ членамъ обширной, прекрасно организованной націи, имѣющей чудесно выработанныя искусства, обширныя и глубокія знанія и безчисленныя примѣненія ихъ къ благосостоянію“ ¹⁾. Летурно въ своемъ сочиненіи „Эволюція собственности“ излагаетъ исторію цивилизаціи, какъ постепенный упадокъ, дегенерацію лучшихъ свойствъ человѣческой природы—солидарности, братства, безкорыстія, и какъ эволюцію противоположныхъ свойствъ—эгоизма, жадности, корыстолюбія. „Если горе ближняго, говоритъ онъ, трогаетъ насъ по отраженію, то это происходитъ оттого, что безчисленныя поколѣнія предковъ, жившихъ среди болѣе или менѣе обширнаго строя, передали намъ чувства общестственности, человѣчности,—чувства скрытыя, но все еще живущія въ глубинѣ нашей совѣсти“ ²⁾. М. А. Энгельгардтъ въ сочиненіи „Прогрессъ, какъ эволюція жестокости“ приходитъ къ такимъ, быть можетъ преувеличеннымъ, но тѣмъ не менѣе знаменательнымъ выводамъ. Онъ говоритъ, что первобытные дикари обладали глубокими альтруистическими чувствами, между тѣмъ какъ широта гуманности современнаго человѣка только кажущаяся; что прогрессъ сопровождался эволюціей войны, дѣтоубійства, рабства женщины, эгоизма, лицемѣрія, безнравственности, деспотизма, пытокъ, казней; что результатомъ общественныхъ улучшеній былъ ростъ преступленій. „Жестокость, говоритъ онъ, есть именно специфическая, общая, массовая черта человѣчества, біологическое свойство вида *homo sapiens*. Въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ млекопита-

¹⁾ Развитие политич. учрежд. СПб. 1882 г. стр. 13.

²⁾ Эволюція собственности. СПб. 1889 г. стр. 62.

ющихъ приближается въ человѣку только лисица, кошка и обезьяна. Остальные не наслаждаются мучительствомъ, они убиваютъ для ѣды, и если причиняютъ при этомъ мученія, то безсознательно. Только лисица, кошка, обезьяна и человѣкъ занимаются мучительствомъ для мучительства и находятъ въ этомъ радость и наслажденіе. Но что такое свирѣпость тигра въ сравненіи съ человѣческой по разнообразію, утонченности, вычурности, интенсивности? Нужно ли мнѣ напоминать такіе факты, какъ система разнообразнѣйшихъ пытокъ, недавно еще практиковавшихся во всѣхъ судахъ, у всѣхъ народовъ? Мучительныя казни, также существовавшія повсемѣстно у цивилизованныхъ народовъ? или такія явленія, какъ страсть къ кровавымъ зрѣлищамъ,—бои быковъ, кулачные бои и проч.—страсть и теперь еще далеко не угасшая, потому что всякая казнь—повѣшеніе, гильотинированіе—собираетъ громадныя толпы всякаго люда, отъ босяковъ до разряженныхъ барынь и кавалеровъ включительно¹⁾. Послѣдніе полтора—два столѣтія прогрессъ, дѣйствительно, становится прогрессомъ гуманности, но, говоритъ Энгельгардтъ, „если, оглядываясь на прошлое, мы замѣчаемъ съ отдаленнѣйшихъ вѣковъ до недавняго прошлаго неуклонное, упорное прогрессируваніе въ духѣ озвѣрѣнія, злости, безчеловѣчности,—которому не могли помѣшать самыя возвышенныя религіи, самыя гуманныя системы, самыя великодушныя утопіи, то и выводы относительно современности примутъ иной характеръ. Что такое полтора столѣтія въ сравненіи съ безконечною вереницей вѣковъ! Даетъ ли этотъ коротенькій промежутокъ времени сколько-нибудь прочную основу для оптимистическаго взгляда на будущее? И не вѣрнѣе ли будетъ разсматривать тотъ общій духъ реакціи, который все ярче сказывается въ исторіи Европы за послѣднія 20—30 лѣтъ, какъ возвращеніе къ старому, нормальному, издавна проторенному пути человѣчества къ высшимъ степенямъ озвѣрѣнія, а не наоборотъ, не какъ временное отклоненіе отъ нормальнаго пути? Политика желѣза и крови, антисемитизмъ, скандальное поведеніе европейцевъ въ Африкѣ, Австра-

¹⁾ Прогрессъ какъ эволюц. жестокости, СПб. 1899 г., стр. 11.

ли, Индіи, вообще дикихъ странахъ; гдѣ съ европейца точно слѣзаетъ навязанная ему XIX вѣкомъ гуманность и развертывается истинная натура конкистадора, изумлявшаго своимъ коварствомъ и звѣрствомъ даже свирѣпыхъ мексиканскихъ жрецовъ; ожесточенная таможенная война, правда, безъ пушекъ и штыковъ, но съ міриадами жертвъ въ видѣ голодающихъ, безработныхъ и т. п.—все это не признаки ли возврата на случайно и временно оставленный путь?«¹⁾

Итакъ, надежда на то, чтобы прогрессъ привелъ когда-нибудь человѣчество ко всеобщему счастью, надежда на наступленіе золотого вѣка—слишкомъ слаба, слишкомъ химерична. Несомнѣнно, конечно, что съ прогрессомъ растутъ средства къ удовлетворенію нашихъ потребностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ и самыя потребности. Первобытный дикарь могъ довольствоваться пещерой въ лѣсу для жилья, шкурой убитаго звѣря для покрытія тѣла и мясомъ этого звѣря для пищи и могъ чувствовать себя вполне счастливымъ, не зная никакихъ другихъ потребностей, кромѣ этихъ самыхъ примитивныхъ. Современный культурный человѣкъ страдаетъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, если его квартира обставлена недостаточно комфортабельно, если сапогъ жметъ ногу, или платье недостаточно модно, если поваръ недостаточно искусенъ, или если къ обѣду онъ не можетъ имѣть бутылки добраго вина, если онъ не можетъ слушать игру первоклассныхъ артистовъ и т. п. Потребности растутъ и нельзя указать предѣла этому росту. Быть можетъ, будетъ время, когда откроютъ способъ нѣсколько разъ возвращать себѣ молодость,—тогда кто же откажется отъ этого, разъ будетъ имѣть необходимыя средства? А вмѣстѣ съ тѣмъ развѣ не будетъ это источникомъ страданія для людей, которые не въ состояніи будутъ позволить себѣ такую роскошь? Несомнѣнно, что жизнь современнаго фабричнаго рабочаго на западѣ обставлена гораздо комфортабельнѣе, чѣмъ жизнь даже профессора полтораста—двѣсти лѣтъ назадъ; и однако же среди рабочихъ постоянное недовольство, постоянныя требованія то увеличенія заработной платы, то сокращенія

¹⁾ Ibid. стр. 32—33.

рабочаго дня и т. д. Ясно почему: потребности современнаго рабочаго стали шире, чѣмъ стариннаго профессора. Никогда человѣкъ не скажетъ себѣ: довольно, больше ничего я не желаю, а всегда ищетъ чего-то лучшаго, на мѣсто одной удовлетворенной потребности вырастаютъ десятокъ новыхъ. Вотъ почему никакой прогрессъ никогда не удовлетворитъ всѣхъ возможныхъ потребностей человѣка и не сдѣлаетъ человѣчество, не говорю, счастливымъ вполне, а хотя бы относительно; напротивъ, слѣдуетъ ожидать, что вмѣстѣ съ прогрессомъ будетъ расти недовольство жизнью, разочарованіе, пессимизмъ.

Если такъ, если всеобщее счастье человѣчества ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ не осуществимо, то могу ли я поставить цѣлью своей жизни служеніе этой неосуществимой мечтѣ? Ясно, что было бы полнымъ безразсудствомъ стремиться къ цѣли завѣдомо неосуществимой, какъ было бы безразсудно стараться утолить жажду соленою водою, или масломъ залить огонь. И никакой нравственный законъ не можетъ вмѣнить въ обязанность отдать жизнь на служеніе тому, что вовсе неосуществимо ни въ настоящемъ, ни въ самомъ отдаленномъ будущемъ.

Могутъ сказать: если нельзя ставить цѣлю жизни всеобщее счастье, какъ неосуществимое, то ничто не препятствуетъ нѣсколько сблизить эту цѣль: достаточно достигнуть сознанія, что я дѣлаю все отъ меня зависящее для осуществленія всеобщаго счастья; это сознаніе можетъ доставить мнѣ величайшее наслажденіе. Выходитъ, стало быть, вотъ что: если я увѣренъ, что исчерпать Черное море ковшомъ я не могу, то не долженъ и ставить себѣ такой безразсудной цѣли; но съ другой стороны, если такая цѣль поставлена для меня кѣмъ нибудь другимъ, которому я чувствую себя обязаннымъ повиноваться, то я могу быть счастливъ, сознавая, что сдѣлалъ все отъ меня зависящее для осуществленія означенной цѣли—осушенія дна Чернаго моря. Казалось бы наоборотъ: если я вѣрю въ возможность осушенія Чернаго моря, то буду наслаждаться своею дѣятельностію, буду стремиться преодолѣть препятствія и утѣшать себя надеждою, что, если не все, то кое что я все-таки сдѣлаю, если

же признаю цѣль безусловно неосуществимою, то мой трудъ будетъ въ высшей степени мучителенъ именно потому, что я напередъ увѣренъ въ его безрезультатности. Но допустимъ, что найдутся такіе люди, которые будутъ счастливы сознаниемъ того, что они дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее для осуществленія завѣдомо неосуществимой цѣли; они, вѣроятно, такъ станутъ разсуждать: всеобщее счастье, конечно, неосуществимо, но если я содѣйствую счастью нѣкоторыхъ лицъ, напр. помогу бѣдному, накормлю голоднаго, облегчу страданія тяжело больного, то и этого достаточно и этимъ я выполняю требованіе нравственнаго закона. Конечно, съ нравственно-христіанской точки зрѣнія противъ этого ничего нельзя сказать. Но мы пока не касаемся религіозно-нравственной точки зрѣнія такъ, какъ и люди, проповѣдующіе служеніе прогрессу, чаще всего стоятъ на другой почвѣ, исходятъ изъ другихъ основаній, ничего общаго съ христіанствомъ не имѣющихъ. И вотъ именно эти-то основанія, не имѣющія ничего общаго съ религіей, менѣе всего, кажется, способны оправдать и рекомендовать евангельскія добродѣтели. Не желая уклоняться далеко въ сторону, скажемъ только, что нѣкоторые авторитетные эволюціонисты, напр. Спенсеръ, очень резонно съ своей точки зрѣнія протестуютъ противъ разныхъ видовъ благотворительности, которая, по ихъ мнѣнію, тормозитъ благотѣльное дѣйствіе естественнаго отбора,—главнѣйшаго фактора прогресса.

До сихъ поръ мы оставляли въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ правѣ ли кто бы то ни-было предписывать мнѣ стремленіе къ цѣли—всеобщему счастью человѣчества, если эта цѣль для меня совершенно чужда, если въ этомъ всеобщемъ счастьи я отнюдь не участвую; въ правѣ ли даже нравственный законъ обращать мою жизнь, мою личность только лишь въ средство для осуществленія чуждыхъ мнѣ цѣлей. „Человѣческое я протестуетъ противъ такого отношенія къ нему, говоритъ Каръевъ. Въ томъ и состоитъ разница между вещью и личностію, что первую можно употреблять, какъ орудіе или средство, тогда какъ вторая имѣетъ самостоятельное достоинство, не позволяющее видѣть въ ней орудіе или средство или, по крайней мѣрѣ, не позволяющее видѣть въ ней только орудіе:

или средство¹⁾. Допустимъ, что отдаленные наши потомки достигнутъ золотого вѣка, благодаря тому, что мы, ихніе предки, своими усиліями, такъ сказать, пото́мъ и кровью подготовили имъ почву для этого. Есть ли какая-либо справедливость въ требованіи жертвъ отъ насъ—предковъ во имя счастья потомковъ? Какое можетъ быть основаніе предпочитать одно поколѣніе другимъ? Почему одно поколѣніе должно страдать, чтобы было счастливо другое? Какое мнѣ дѣло, говорить Тургеневскій Базаровъ, что какой-нибудь Макаръ или Степанъ когда-нибудь будутъ благоденствовать, если изъ меня въ то время будетъ лопухъ расти.

Итакъ, и съ точки зрѣнія служенія всеобщему счастью человечества нельзя осмыслить жизни, нельзя получить утвердительнаго отвѣта на нашъ вопросъ,—стоитъ ли жить, если, какъ это до сихъ поръ предполагалось, жизнь человѣка ограничивается предѣлами его земного существованія.

Свѣц. Николай Липскій.

(Окончаніе будетъ)

1) Мысли объ основахъ нравственности, СПб. 1895 г., стр. 17.

О ГРАНИЦАХЪ НАУЧНАГО СОМНѢНІЯ.

Извѣстная формула Декарта: „*Dubito, ergo cogito*“ (я сомнѣваюсь, слѣдовательно мыслю) поставляетъ сомнѣніе однимъ изъ главнѣйшихъ принциповъ мышленія, первымъ могучимъ толчкомъ къ отысканію истины. „Сомнѣніе для истины то же, что горнило для золота“—гласитъ древняя мудрость. Дѣйствительно, сомнѣніе является однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ научнаго прогресса, но надо замѣтить, что здѣсь имѣется въ виду не всякое сомнѣніе, а опредѣленный психическій актъ, имѣющій серьезное жизненное значеніе для научнаго познанія. Не даромъ сказано, что одно изъ величайшихъ достоинствъ философа—умѣть сомнѣваться; потому не бесполезно выяснитъ себѣ—какого рода сомнѣніе можетъ имѣть мѣсто въ различныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ и до какихъ предѣловъ можетъ оно простираться.

Въ исторіи философской мысли извѣстно двоякаго рода сомнѣніе (скепсисъ), абсолютное и методическое. Абсолютный скептицизмъ, представителемъ котораго въ древности былъ Пирронъ, опредѣляется слѣдующими словами одного изъ его защитниковъ, Энезидема: Скептицизмъ есть не что иное, какъ утвержденіе, что философія не въ состояніи дать твердыхъ и общепризнанныхъ положеній ни относительно бытія, или небытія предметовъ и ихъ качествъ, ни касательно границъ человѣческаго познанія“. Но подобная философія заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе и потому должна быть признана несостоятельной. Скептикъ, убѣжденный, что истина не можетъ быть открыта, не имѣетъ никакого побужденія изслѣдо-

вать положенія, изъ которыхъ ни одно не можетъ имѣть для него значенія; самая занятія его и изслѣдованія есть уже непослѣдовательность; и эта непослѣдовательность лучше всего опровергаетъ его доктрину. Отвергая дѣйствительность и истинность всего, абсолютный скептицизмъ тѣмъ самымъ уничтожаетъ истинность и своихъ собственныхъ положеній и, слѣдовательно, никоимъ образомъ не можетъ быть признанъ за вѣрный путь къ истинѣ. Въ подобномъ состояннн ума для человѣка даже невозможно самое занятіе наукой, въ которую перестаетъ онъ вѣрить.

„Природы тайны скрыты отъ меня,
Теперь конецъ: порвалась нить мышленья;
Къ наукѣ я исполненъ отвращенья“

воскликаетъ Фаустъ—этотъ могучій титанической образъ человѣческаго духа, сознающаго свое безсиліе въ разрѣшеннн вѣчныхъ проблемъ жизни и утратившаго вѣру въ науку. Правда, въ человеческой природѣ есть психологическія основанія для сомнѣнн, такъ что скептицизмъ съ этой стороны является вполне законнымъ и естественнымъ. Для того, чтобы замѣнить одно мнѣніе другимъ, неправильное—правильнымъ, худшее—лучшимъ, очевидно, нужно сначала усумниться въ правильности прежняго, замѣтивъ его недостатки; безъ этого мы всегда оставались бы *in statu quo* въ области науки и не могли бы двинуться впередъ. Источникъ такого рода сомнѣнн заключается въ самомъ свойствѣ человеческого познанія. Такъ какъ наше познаніе ограничено по самой природѣ, то оно не можетъ ни обнимать всего познаваемаго самого по себѣ, ни всего познаваемаго для насъ постигать вдругъ, съ непосредственной очевидностью и безъ опасенія ошибки. Во многихъ случаяхъ до такой очевидности мы должны доходить путемъ продолжительнаго обдумыванія, должны взвѣшивать основанія за и противъ данной мысли. Отсюда неизбѣжно, пока продолжается процессъ достиженія очевидности данной мысли, она для нашего сознанія остается неочевидною, недостовѣрною, и мы находимся въ состоянн колебанія и нерѣшительности, такъ ли мы должны думать объ извѣстномъ предметѣ или

иначе; это и есть сомнѣніе. Эта нерѣшительность, ея возможность и необходимость заключаются въ природномъ несовершенствѣ и ограниченности нашего познанія; наше мышленіе не есть интуитивное, но дискурсивное постиженіе истины. Ученому необходимо проникнуться твердымъ убѣжденіемъ, что мы можемъ обладать знаніемъ всякаго рода явленій только лишь въ болѣе или менѣе приближенной формѣ, и что наши теоріи далеко не представляютъ непоколебимыхъ истинъ: строя какую бы то ни было изъ нихъ, мы съ полной и совершенной увѣренностью можемъ знать только одно, что всѣ эти теоріи, абсолютно говоря, несовершенны. Онѣ представляютъ собой только частныя и временныя истины, необходимыя для насъ, какъ ступени для рывка на пути изслѣдованія; онѣ выражаютъ только современное состояніе нашихъ знаній и съ ростомъ науки должны измѣняться, притомъ тѣмъ чаще, чѣмъ менѣе подвинута данная наука. Такимъ образомъ, первое условіе успѣха научныхъ изслѣдованій есть полная свобода ума, основанная на философскомъ сомнѣніи и обезпечивающая свободу и инициативу мысли.

Но давая такой широкій просторъ сомнѣнію, мы должны указать основы, на которыхъ виждется возможность всякаго познанія. Было уже указано, что въ силу особенности нашего мышленія сомнѣніе допустимо, по крайней мѣрѣ теоретически, почти во всемъ, что подлежитъ нашему сознанію. Но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что той же человѣческой природѣ свойственна увѣренность въ возможности знать истину. Паскаль говоритъ: „мы безсильны доказать что-нибудь и этого безсилія не можетъ устранить никакой догматизмъ; но за то мы имѣемъ идею истины, которой не можетъ опровергнуть никакой пирронизмъ“¹⁾.

Поэтому для того, чтобы возможно было какое либо познаніе для человѣка, необходимо указать сомнѣнію должныя границы, за предѣлами которыхъ начинается область вѣры, или довѣрія. Бэконъ хотя и становится самъ на сторону скептиковъ, но настолько, насколько это нужно, чтобы проложить

¹⁾ Pensées de Pascal. t. II p. 99. edit. Faugère.

новый путь къ знаніямъ и открытіямъ. „Цѣль, которую я имѣю въ виду и предложилъ себѣ—говоритъ онъ,—есть не сомнѣніе, а правильное познаніе, ибо я не хочу отвергать, а хочу руководить и поддерживать человѣческія ощущенія, хочу не унижить, а направить человѣческій разумъ“¹⁾.

Имѣя въ виду такіа соображенія, естественно мы должны совершенно отвергнуть въ области наукъ скептицизмъ абсолютный и дать мѣсто сомнѣнію менѣе обширному и болѣе правильному, т. е. скептицизму методическому, или относительному, который, по справедливости является движущимъ нервомъ всякаго рода познанія. Хотя нѣтъ такого ума, все содержаніе котораго состояло-бы изъ однихъ непосредственныхъ знаній и убѣжденій, не требующихъ и не допускающихъ никакой попытки опосредствовать ихъ, дать себѣ въ нихъ отчетъ, доказать, оправдать ихъ; но невозможенъ и такой умъ, который обходился-бы вовсе безъ всякаго непосредственнаго знанія, принятаго мыслию готовымъ, а не построеннаго ею сознательно, который съ начала до конца былъ-бы результатомъ своей собственной строящей, дискурсивной, отчетной логической работы. „Мы знаемъ, говоритъ извѣстный представитель феноменизма Дж. Ст. Милль—нѣкоторыя вещи непосредственно или интуитивно. Очевидно, что мы вынуждены къ этому, если знаемъ что-либо вообще, ибо все, что мы знаемъ посредственно, зависитъ по своей достовѣрности отъ нашего предшествующаго знанія о чемъ-либо другомъ; повтому если бы мы не знали чего-либо непосредственно, мы не могли-бы знать чего либо и посредственно, т. е., не могли бы знать ничего вообще“²⁾. Такимъ образомъ, прежде всего область нашего сомнѣнія въ научной сферѣ должна начинаться за предѣлами тѣхъ явленій и фактовъ, которые должны быть признаны несомнѣнными, непосредственными, не требующими ни малѣйшаго доказательства по своей безусловной истинности. Такой непосредственной реальностью, служащей основой всякому человѣческому знанію, для насъ является не могущая

¹⁾ Nov. org. lib. I. Aphor. 126.

²⁾ Астафьевъ. Вѣра и Знаніе... изъ „Examin, of the philosophy of sir. W. Hamilton“.

подлежать ни малѣйшему сомнѣнію дѣйствительность душевныхъ явленій. Оставляя въ сторонѣ всевозможные споры и несогласія по вопросу о душѣ человѣческой, какъ отдѣльной, не тождественной съ тѣломъ субстанціи, каждый человѣкъ долженъ признать несомнѣнную реальность своихъ психическихъ проявленій. Если душа недоступна прямому изслѣдованію и наблюденію—ни какъ особое существо, ни какъ произведеніе организма; если самое бытіе ея въ томъ и другомъ смыслѣ можетъ подлежать сомнѣнію; то различныя состоянія, дѣятельности, явленія, приписываемыя душѣ, или объединяемыя въ понятіе о ней, явленія душевныя—ощущенія, мысли, идеи, чувства, желанія и т. п., существуютъ несомнѣнно. Не признать дѣйствительности душевныхъ явленій совершенно нельзя, потому что невозможно не мыслить, не чувствовать, не сознавать, какъ говоритъ Декартъ. Душевныя явленія познаются нами непосредственно въ фактахъ сознанія и потому несмотря на ихъ измѣнчивость, непостоянство, текучесть,—онѣ реальны. Онѣ такъ же реальны, какъ движеніе, свѣтъ, звукъ и проч. во внѣшней природѣ. Для насъ бытіе ихъ отличается даже большей несомнѣнностью и очевидностью, чѣмъ бытіе внѣшнихъ матеріальныхъ предметовъ и явленій. Эти послѣднія, какъ извѣстно, открываются намъ только въ нашихъ душевныхъ состояніяхъ и существуютъ для насъ настолько, насколько ощущаются, сознаются нами. Слѣдовательно, прежде всего мы испытываемъ извѣстныя внутреннія состоянія, которыя потомъ сами служатъ посредствующимъ звеномъ и основаніемъ къ познанію внѣ насъ существующаго. „Душевныя явленія, существуя несомнѣнно, прямо и непосредственно доступны намъ, могутъ быть наблюдаемы въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, даже подвергаемыя искусственному измѣненію, такъ называемому эксперименту. Мы можемъ наблюдать ихъ составъ, условія ихъ происхожденія, ихъ взаимныя отношенія и т. п. Доступныя наблюденію каждое въ отдѣльности, эти явленія могутъ быть наблюдаемы и въ цѣлой своей совокупности, какъ одно живое цѣлое, постепенно развивающееся, какъ своего рода организмъ идеальный, организмъ душевный. Далѣе, доступныя

прямоу наблюденію, явленія душевныя каждое въ отдѣльности и вся ихъ совокупность совершаются съ извѣстною правильностью и даже необходимостью, иначе говоря онѣ подчинены закону или законамъ. Относительно ихъ возможны самыя точныя опредѣленія и обобщенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ возможно полученіе нѣкоторой совокупности истинъ несомнѣнныхъ, общеобязательныхъ и для всѣхъ очевидныхъ: относительно ихъ возможно точное научное знаніе¹⁾. Въ этой несомнѣнности и достовѣрности факта психическихъ процессовъ, какъ особаго рода явленій, и получаетъ свой *raison d'être* психологія, какъ самостоятельная наука, изучающая проявленія нашей душевной жизни и отыскивающая ихъ носителя. Въдѣ для того, чтобы составила наука, требуется во-первыхъ и прежде всего дѣйствительный реальный предметъ; но внутренній духовный міръ человѣка съ его чувствами и идеями, инстинктами и желаніями, съ его волей, съ его сужденіями объ истинномъ и ложномъ, о добрѣ и злѣ, съ его стремленіемъ къ прекрасному, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. „Вердиктъ непосредственнаго сознанія—говорить Милль, иными словами наше непосредственное или интуитивное убѣжденіе, со всѣхъ сторонъ признается за рѣшеніе безъ возможной апелляціи“. „Внутренній фактъ—продолжаетъ онъ—чувство въ нашемъ сознаніи никогда не подвергалось сомнѣнію, ибо сомнѣваться здѣсь значило-бы сомнѣваться, что мы чувствуемъ то, что чувствуемъ“. Такимъ образомъ изъ обширной области человѣческаго сомнѣнія прежде всего слѣдуетъ исключить міръ душевныхъ явленій, сомнѣніе въ реальности которыхъ будетъ въ высшей степени неосновательнымъ и даже нелѣпымъ.

Дѣйствительность субъекта, какъ существа мыслящаго и чувствующаго, не можетъ подлежать сомнѣнію, но, можетъ быть, только этимъ и ограничивается сфера достовѣрнаго бытія для человѣка. Дѣйствителенъ-ли и можетъ ли быть познаваемъ окружающій насъ внѣшній міръ со всѣмъ неисчерпаемымъ разнообразіемъ его явленій,—этотъ вопросъ собственно

1) Сяггеревъ. Психологія.

спеціально философскій, и въ этомъ именно пунктѣ начинается глубокое различіе между философіей и наукой (разумія подъ наукой всю сумму человѣческихъ свѣдѣній о мірѣ и человѣкѣ). Философія находитъ возможнымъ сомнѣваться въ дѣйствительности внѣшняго міра, находя слишкомъ недостаточными и субъективными показанія о немъ нашихъ чувствъ. „Всѣ наши знанія о внѣшнемъ мірѣ сводятся къ ощущеніямъ,—говоритъ Юмъ, но чѣмъ могутъ доказать мнѣ философы—спрашиваетъ онъ,—что перцепціи духа непремѣнно должны быть результатомъ внѣшнихъ предметовъ, а не порождаются усиленіемъ самого духа, или какою-нибудь другою неизвѣстною причиною? Какимъ образомъ мы можемъ рѣшить этотъ вопросъ? Конечно, не иначе, какъ посредствомъ опыта; но опытъ ничего не можетъ сказать намъ объ этомъ. Перцепціи принадлежатъ лишь духу, а мы ничего не можемъ знать о сочетаніи ихъ съ внѣшними предметами“¹⁾. Мы можемъ, естественно, задать себѣ вопросъ: существуетъ-ли все познаваемое нами независимо отъ нашего ума, или-же оно является лишь нашимъ созданіемъ. Въ сновидѣніи, въ бредѣ, въ галлюцинаціи мы видимъ и осязаемъ предметы, которые представляются намъ обладающими всѣми обычными признаками нашихъ ощущеній и отличаются отъ нихъ только своею безсвязностью. Мало того, при нѣкоторыхъ болѣзняхъ и патологическихъ состояніяхъ мозга мы вызываемъ иногда предъ собою подобные образы, которые замѣняютъ собой нормальныя впечатлѣнія и играютъ такую-же роль, какъ они. Затѣмъ, каждый изъ органовъ нашихъ чувствъ имѣетъ свою специфическую энергію, т. е., свойство возбуждать въ насъ извѣстное спеціальное и опредѣленное ощущеніе въ отвѣтъ на одно и то же внѣшнее возбужденіе. Заставьте дѣйствовать одинъ и тотъ-же электрическій токъ на конечности пальцевъ, на языкъ, на глазъ, или на ухо: одна и та-же причина вызоветъ, въ первомъ случаѣ ощущеніе осязательное, во второмъ—вкусовое, въ третьемъ—свѣтовое и, наконецъ, въ четвертомъ—ощущеніе звука. Всѣ эти явленія, очевидно, не качества реальныхъ предметовъ, меня окружающихъ, а только

¹⁾ Inquiry, Sect. XII. Зеленогорскій. См. прим. Compaure, La philosophie de Dav. Hume.

результаты моей способности вызывать въ себѣ ощущенія. Наконецъ, очевидно, что когда мы видимъ, или вообще, чувствуемъ предметы, мы не входимъ въ прямое соприкосновеніе съ ними. Между солнцемъ и мною находятся физическая, физиологическая и психологическая среды, въ которыхъ послѣдовательно произойдутъ самыя сложныя измѣненія, прежде чѣмъ явленіе дойдетъ до моего сознанія. То, что мы воспринимаемъ, есть только послѣдній членъ этого ряда измѣненій, т. е., лишь измѣненіе въ нашемъ умѣ, извѣстное состояніе нашего сознанія. Мы тѣсно замкнуты въ самихъ себѣ и даже себѣ подобныхъ можемъ познавать всегда только непрямимъ путемъ: мы истолковываемъ ихъ движенія и слова, выводимъ изъ этого ихъ мысль, но не можемъ схватить эту мысль непосредственно, въ ней самой, точно такъ-же, какъ и всякій другой реальный, отличный отъ насъ предметъ. Это одиночество души является еще одной побудительной причиной къ сомнѣнію въ объективномъ характерѣ представляемаго. Итакъ, то, что мы называемъ вѣдшимъ міромъ, есть въ концѣ концовъ совокупность нашихъ внутреннихъ представленій, которыя умъ, въ силу особенностей его природы, заставляетъ объективировать, т. е., представлять себѣ, какъ вѣчто существующее внѣ насъ и отличное отъ насъ. Развивая мысль Юма далѣе, мы должны прийти къ выводу о невозможности для человѣка познать окружающій его міръ. Но въ той-же человѣческой природѣ Юмъ находитъ выходъ изъ абсолютнаго скептицизма относительно достовѣрности нашего познанія вѣшняго міра. „Природа—говоритъ онъ—всегда удерживаетъ свои права, она заставляетъ меня разсуждать такъ-же, какъ заставляетъ дышать и чувствовать“. Такимъ образомъ, на ряду съ естественной потребностью нашего мышленія подвергать все строгому критическому изслѣдованію человѣческой природѣ свойственна вѣра, или довѣріе къ существующему, которое Юмъ называетъ „belief“. „Она—говоритъ этотъ философъ—есть необходимый результатъ нашего духа, поставленнаго въ извѣстныя обстоятельства, операція души, неизбѣжная въ нашей обстановкѣ; она есть видъ естественнаго инстинкта“¹⁾. Человѣкъ, въ силу этого закона есте-

¹⁾ Essays and Treatises, vol. II. стр. 137. Зеленогорскій.

ственной разумности подходитъ къ изученію природы съ тѣмъ убѣжденіемъ, что ее можно изучать, такъ какъ явленія въ ней происходятъ съ извѣстной правильностью, а вещи сохраняютъ опредѣленные свойства и способы дѣйствія. Иначе говоря, человѣку присуще убѣжденіе, что однѣ и тѣ же причины всегда сопровождаются одними и тѣми же слѣдствіями. Это есть убѣжденіе въ однообразіи природы,—точнѣе во всеобщности закона причинной связи, убѣжденіе, которое лежитъ въ корнѣ какъ теоретическаго знанія, такъ и практической жизни человѣка. Можно смѣло сказать вмѣстѣ съ Лейбницемъ: „Ничто не происходитъ безъ опредѣленной причины, т. е., можно объяснить а priori, почему вещи таковы именно, каковы онѣ суть, а не иныя какія либо“. Или какъ говорили древніе философы: „всякое явленіе имѣетъ свою причину и свое слѣдствіе“; новѣйшіе философы выражаютъ эту мысль фразой: „всѣ познаваемые явленія имѣютъ объясненіе“. Это убѣжденіе въ однообразіи причинъ и дѣйствій одни считали прирожденнымъ, другіе — приобретеннымъ достояніемъ ума, своего рода навыкомъ, вслѣдствіе удавшихся опытовъ объясненія природы. Слѣдуетъ думать, что эта вѣра, составляющая какъ бы своего рода инстинктъ нашей разумной природы, всетаки развивается, крѣпнеть, дѣлается шире и основательнѣе и, наконецъ, вмѣстѣ съ возрастаніемъ опыта и науки становится всеобщимъ убѣжденіемъ человѣческаго разума. Во всякомъ случаѣ безъ этой вѣры въ познаваемость природы, хотя бы на низшей ступени ея развитія, не могла бы возникнуть и самая мысль объ изслѣдованіи природы, не было бы, значитъ, и науки. Приведемъ слова того же Юма по поводу этой вѣры или убѣжденности въ познаваемость природы: „Я не боюсь—говоритъ онъ—что скептическая философія можетъ разрушить заключенія, дѣлаемая въ обыденной жизни, и распространить сомнѣніе до того, чтобы заставить меня удержаться отъ дѣятельности, какъ заставляеть удерживаться отъ спекулятивныхъ заключеній. Природа беретъ верхъ надъ абстрактными заключеніями“ ¹⁾ Имѣя такую увѣренность въ

¹⁾ Compaugé. La philos. de D. Hume, 467 стр.

возможности знать истину объ окружающемъ насъ мірѣ и происходящихъ въ немъ явленіяхъ, человекъ и создаетъ научное знаніе, которое хотя и не можетъ быть абсолютнымъ познаніемъ вещей и явленій, однако представляетъ собой удовлетвореніе естественной потребности человѣческаго ума въ отысканіи причинной связи явленій. „Истинное знаніе—говоритъ Бэконъ есть знаніе причинъ“,—и это совершенно вѣрно, если понимать причину въ самомъ общемъ смыслѣ, т. е., какъ синонимъ закона природы, потому что тогда наша потребность въ правильности и достовѣрности будетъ удовлетворена, мы освободимся отъ неожиданнаго и необъяснимаго, умъ нашъ овладѣетъ нитью явленій, пойметъ ихъ, будетъ знать ихъ происхожденіе и дальнѣйшій ходъ. Это извѣстный психологическій фактъ. Движеніе мысли, постепенно превращающее спутанную массу первоначальныхъ впечатлѣній въ стройную и связную систему знаній, переходъ отъ сложнаго къ простѣйшему, отъ непонятнаго къ понятному и есть то, что составляетъ науку. Наука состоитъ въ открытіи общихъ принциповъ, общихъ законовъ, резюмирующихъ цѣлый классъ фактовъ или явленій. Ближайшая задача наукъ эмпирическихъ—познаніе частныхъ фактовъ и затѣмъ выводъ отсюда общихъ законовъ явленій путемъ восхожденія отъ частнаго къ общему, путемъ индукціи. Наука въ полномъ и высшемъ ея значеніи, идеальная наука, не должна бы исходить изъ принимаемыхъ на вѣру предположеній, но должна дать отчетъ въ своихъ послѣднихъ результатахъ и въ связи ихъ съ общею системою знанія и бытія. Но это осуществимо только при содѣйствіи той науки, которая поставляетъ своей специальною задачей изслѣдованіе основаній бытія и познанія, т. е. метафизики. Чистая философія, или метафизика, не удовлетворяясь тѣмъ познаніемъ явленій внѣшняго міра, которое дается намъ въ показаніяхъ нашихъ чувствъ, стремится къ отысканію абсолютнаго начала всѣхъ вещей. Конечно, подобное стремленіе—есть прекрасный идеалъ. Изученіе метафизики является одновременно упражненіемъ ума, удовлетвореніемъ его стремленія къ конечному объясненію вещей и главнымъ образомъ, средствомъ предохраненія его отъ грубыхъ заблужденій о грани-

цахъ возможнаго и невозможнаго. Но это не составляетъ цѣль науки, не требующей углубленія въ столь далекую область. Во всемъ окружающемъ насъ обнаруживается извѣстный порядокъ, въкоторая правильная опредѣленность, позволяющая намъ по одному явленію дѣлать заключенія о другомъ и воспроизводить ихъ одно посредствомъ другого. Изысканіе способовъ, наиболѣе пригодныхъ для передачи и изображенія этого порядка явленій и для большаго его уясненія и составляетъ предметъ всѣхъ наукъ, а вовсе не изученіе вещей въ нихъ самихъ. „Выводъ изъ наблюдений и изъ опыта наименьшаго числа общихъ законовъ или принциповъ движенія и объясненіе вслѣдъ за тѣмъ, какъ наблюдаемыя явленія вытекаютъ изъ этихъ принциповъ съ совершенной точностью, съ сохраненіемъ тѣхъ самыхъ числовыхъ отношеній, которыя мы находимъ между ними въ природѣ, въ дѣйствительности—вотъ послѣдняя степень совершенства для естественной философіи“¹⁾). Итакъ, важно не то, составляетъ-ли мечту или дѣйствительность все, появляющееся въ нашихъ чувствахъ и разумѣ, а важно, чтобы эта мечта была связною и вполне послѣдовательною; такъ она и есть на самомъ дѣлѣ: за это намъ одинаково ручаются какъ разумъ, такъ и опытъ. „Какъ философъ—говоритъ Юмъ—я не могу отказаться отъ скептицизма: мнѣ недостаетъ основанийъ для заключеній, но какъ дѣйствующее лицо, я удовлетворяюсь мовми заключеніями“. Оставаясь скептикомъ въ философіи, Юмъ стремится въ то же время расширить предѣлы научныхъ изслѣдованій.

Науки сами по себѣ могутъ развиваться только при томъ непремѣнномъ условіи, если онѣ выходятъ въ своихъ изысканіяхъ изъ принятыхъ на вѣру положеній. Научное изслѣдованіе, собственно, показываетъ намъ только, что предметы обладаютъ такими-то свойствами, что явленія происходятъ такимъ-то образомъ и въ такомъ-то неизмѣнномъ порядкѣ; но что такое самые предметы и ихъ свойства, отчего явленія происходятъ такъ, а не иначе, это рѣшительно недоступно опыту, слѣдовательно и наукѣ. Бороче, наука отвѣчаетъ на

1) Biot. Melanges Scientifiques II, 110. Лазандъ. Этюдъ по философіи наукъ.

вопросъ: какъ? отвѣчать-же на вопросъ: отчего? она не въ состояніи. Требовать опредѣленія вещи въ себѣ независимо отъ ея отношенія къ другимъ предметамъ и въ частности, къ человѣческому духу, который есть субъектъ всякаго познанія, значитъ, по словамъ Э. Навиля, забывать объ относительномъ характерѣ человѣческаго познанія.

Строй нашего ума таковъ, что мы находимъ въ немъ известное количество апріорныхъ истинъ, которыя примѣняются ко всему, что воспринимается нашими чувствами и нашимъ разумомъ и что составляетъ всю совокупность нашего знанія. Въ основѣ всѣхъ человѣческихъ знаній лежатъ такъ—называемыя общія идеи, составляющія необходимое условіе всякой умственной дѣятельности и вообще всякаго мышленія. Таковы идеи: времени, пространства, субстанціи, причины, цѣли, силы, движенія и пр. Фактъ существованія такихъ идей, которыя, по словамъ Аристотеля, принадлежать созерцанію нашего ума, присущи ему по существу,—не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію и никогда никѣмъ не отрицался. Безъ этихъ принциповъ не мыслимо ни одно понятіе, ни одно простѣйшее представленіе, а тѣмъ менѣе сужденіе или умозаключеніе. Объ этихъ основныхъ принципахъ мысли человѣческой говорилъ еще Аристотель въ своей „Аналитикѣ“, что они недоказуемы, а напротивъ сами служатъ для доказательствъ другихъ истинъ, которыя на первый взглядъ не кажутся очевидными. Это истины, выражающія сущность, всеобщія и необходимыя (*κατα πάντος, καθόλη καθ'αυτά*). Такія истины существуютъ въ каждой наукѣ; не могутъ безъ нихъ обойтись и опытные науки, и ни одна изъ нихъ не занимается критическимъ изслѣдованіемъ общихъ идей, ихъ связи, взаимныхъ отношеній и послѣдняго основанія. Для науки эти идеи суть готовыя, необходимыя начала, а не предметы спеціальнаго изученія. Въ каждой наукѣ есть рядъ вопросовъ, на которыхъ обосновываются всѣ изысканія и изслѣдованія данной науки и которыми однако ни одна изъ нихъ не занимается, оставляя ихъ неразрѣшенными. Даже самая отвлеченная естественная наука, чистая механика (которую, по ея точности, можно разсматривать, какъ часть математики) имѣетъ дѣло только съ

движеніемъ и равновѣсіемъ механическихъ силъ. Но механическая сила и движеніе предполагаютъ пространство и время, безъ которыхъ онѣ не могутъ имѣть мѣста и быть мыслимыми. Естествознаніе вообще не знаетъ своихъ основныхъ принциповъ: что такое матерія, которая не есть газъ, минераль, металлъ, органическое вещество, а основа всего этого. Естествознаніе и не начинаетъ своихъ изслѣдованій съ этой темной субстанции, а отправляется отъ несомнѣнно даннаго, очевиднаго и потому достигаетъ высокаго научнаго совершенства. Такое положеніе и отношеніе науки къ своему предмету, въ силу котораго наука о веществѣ не есть наука о сущности вещества, о веществѣ, какъ субстанции,—естъ послѣдствіе устройства ума человѣческаго, его ограниченности, и потому вполне закононо, естественно и необходимо. Итакъ; въ основѣ всѣхъ наукъ лежатъ безспорныя недоказуемыя истины, принимаемыя на вѣру безъ критической провѣрки разумомъ и опытомъ. Хотя строгое научное знаніе и требуетъ раціональнаго обоснованія и доказательства каждаго положенія, входящаго въ ея составъ; но въ дѣйствительномъ ходѣ нашей познавательной дѣятельности, строгое и точное выполнение этого идеальнаго требованія представляется неосуществимымъ. Такъ, напр., доказывая извѣстное положеніе извѣстною мыслью, мы для самой достовѣрности нашего доказательства должны бы сказать и ту мысль, которою подтверждаемъ данное положеніе; доказательство этой мысли, въ свою очередь, потребовало бы новаго доказательства того положенія, на которомъ мы ее основаваемъ, и такъ далѣе до безконечности. Очевидно поэтому, что въ цѣпи нашихъ доказательствъ мы должны на чемъ нибудь остановиться, чтобы не идти въ безконечность, должны предположить что-нибудь несомнѣнное и не нуждающееся въ дальнѣйшемъ доказываніи. Эти несомнѣнныя и недоказуемыя положенія, составляющія почву, на которой держится состоятельность всѣхъ прочихъ доказательствъ, и составляютъ основныя начала (принципы) достовѣрности каждаго даннаго рода познанія.

Прежде всего характеръ несомнѣнности и недоказуемой достовѣрности принадлежитъ аксіомамъ, истинамъ самоочевид-

нымъ, на которыхъ зиждется зданіе самой основной и точной изъ рациональныхъ наукъ—математики. Математикой долженъ начинаться рядъ наукъ, потому что она исходитъ изъ наименьшаго числа понятій и отличается простѣйшимъ содержаніемъ. Математику можно изучать безъ помощи другихъ наукъ, между тѣмъ какъ эти послѣднія напротивъ требуютъ въ широкомъ размѣрѣ помощи математики: такъ на вычисленіяхъ и теоремахъ математики основываются науки физическія и техническія, опредѣленіе точной мѣры различныхъ степеней вѣроятности тѣхъ изъ нашихъ знаній, которыя не допускаютъ полной достовѣрности, точное опредѣленіе мѣстъ на землѣ и эпохъ, различныхъ событій, что является основами географіи и исторіи. Другія науки настолько обязаны точностью и правильностью своихъ выводовъ математикѣ, что, по выраженію Канта, каждая наука постольку наука, сколько въ ней математики. И вотъ въ этой точнѣйшей изъ наукъ есть понятія, принимаемыя, какъ принципы, не требующія никакого доказательства и не могущія возбуждать сомнѣнія въ своей непреложности. Таковы математическія аксіомы, которыя Локкъ называетъ правилами (maxims) или предложеніями, и о которыхъ онъ говоритъ, что онѣ „признаются началами всѣхъ наукъ и очевидными сами по себѣ“ (self-evident) ¹⁾. Отрицать несомнѣнность аксіомъ возможно лишь человѣку, лишенному здравого смысла. Иногда, впрочемъ, отрицаютъ очевидную истину изъ за одного неосновательнаго упорства. Знаменитый русскій хирургъ Пироговъ, который подъ конецъ своей жизни былъ попечителемъ кievскаго учебнаго округа, рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что онъ зналъ молодыхъ людей, которые не могли выносить мысли о подчиненіи своихъ сужденій какому нибудь ограниченію и говорили: „Я приму математическую аксіому, если захочу; а если нѣтъ, то не приму“. Пироговъ основательно замѣчаетъ, что такая „необузданная свобода“ мысли связана съ рискомъ попасть въ домъ умалишенныхъ. Можно, конечно, всегда отрицать на словахъ прин-

¹⁾ Гродскій. Учебникъ Логикъ.

ципы любой науки, не подвергаясь ни малѣйшей опасности быть опровергнутымъ, такъ какъ въ концѣ концовъ, всякое доказательство исходитъ изъ аксіомъ, которыхъ нельзя доказать. Но подобное отрицаніе всего будетъ носить уже характеръ патологическій. Сомнѣніе, собственно, въ корнѣ своемъ есть явленіе болѣзненное и тяжелое для человѣческаго духа; если-же оно особенно развито, то является крайне—мучительнымъ и угнетающимъ настроеніемъ. Очевидность сильнѣе всякаго доказательства и трезвомыслящій человѣкъ всегда помнитъ границы, за которыми падаетъ возможность всякаго рода сомнѣній. Въ цѣляхъ научнаго прогресса ни одинъ математикъ не будетъ сомнѣваться въ непреложной истинности основоположеній математики, ея аксіомъ, каковыми являются, на примѣръ, слѣдующія положенія: цѣлое равно своимъ частямъ, вмѣстѣ взятымъ, двѣ величины, равныя третьей, равны между собой, и др. Древніе метафизики чувствовали всю силу доказательности и очевидности математическихъ заключеній; поэтому стремились внести эту доказательность и очевидность и въ метафизику. И нужно отдать полную справедливость метафизикѣ философовъ—математиковъ. Ее нельзя считать произвольною выдумкою кабинетнаго фантазера, какъ иногда выражаются о ней. Она тѣсно связана съ тѣмъ запасомъ научныхъ знаній, который находился въ эпоху ея появленія. Таковы метафизическія системы Декарта, Спинозы, Лейбница и др. Сила логическихъ заключеній, на примѣръ, у Спинозы и Лейбница, удивляетъ насъ доселѣ, а эта сила давалась имъ математическими образцами. Математическое познаніе, какъ всецѣло основанное на идеяхъ чистаго пространства (геометрія) и времени (арифметика), не можетъ происходить изъ опыта и наблюденія надъ данными опыта; оно есть чисто раціональное познаніе. Априорность математическихъ истинъ доказывается ихъ абсолютной достовѣрностью и необходимостью. Безусловная истинность математическихъ аксіомъ выдѣляетъ ихъ изъ круга тѣхъ идей и фактовъ, въ которыхъ можно или должно сомнѣваться человѣку науки. Но такія основныя недоказуемыя истины есть въ каждой наукѣ помимо математики. Лейбницъ въ своемъ

сочиненіи „Новый опытъ о человѣческомъ разумѣ“ говоритъ, что такія положенія также необходимы не только въ математикѣ, но и въ другихъ наукахъ. Таково, на примѣръ, въ химіи предположеніе матеріи, какъ субстрата физическихъ явленій, даже частице атомовъ, какъ извѣстной формы существованія матеріи. Вообще, естествознаніе, изслѣдуя составъ, законы сочетанія и образованія данныхъ матеріальныхъ тѣлъ, оставляетъ нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, что такое матерія сама по себѣ? Что такое сила, какое ея отношеніе къ матеріи? Отчего происходитъ разнообразіе силъ? Рѣшеніе этихъ вопросовъ выходитъ за предѣлы эмпирическаго познанія, такъ какъ опытъ показываетъ намъ только обнаруженіе той или другой силы, но не даетъ понятія о силѣ, какъ таковой. Подобные основные принципы, не изслѣдуемые критически, существуютъ во всѣхъ наукахъ, служа ихъ основами. Физиологія, на примѣръ, устраняетъ всѣ теоріи о природѣ и ея происхожденіи, она ставитъ ихъ внѣ научнаго познанія; витализмъ, анимизмъ— для нея только гипотетическія системы, стоящія одна другой. Науки историческія въ своихъ изслѣдованіяхъ оставляютъ совершенно въ сторонѣ самый основной вопросъ, касающійся человѣчества, это вопросъ о происхожденіи человѣческаго рода и первобытномъ образѣ его жизни, о цѣли и концѣ его. Изслѣдованія биологическія выходятъ изъ предположенія функциональнаго характера нашихъ органовъ. Мораль предполагаетъ, что человѣкъ имѣетъ извѣстную долю свободы, которая дѣлаетъ его, по крайней мѣрѣ, отчасти отвѣтственнымъ за свои поступки. Въ юридическихъ наукахъ законность и общеобязательность права, въ социальныхъ—принципы ихъ,—все это не можетъ быть обосновано эмпирически и однако составляетъ неоспоримыя аксіомы для вышеназванныхъ наукъ. Количество и содержаніе этихъ аксіомъ опредѣляется спеціальнымъ содержаніемъ каждой изъ нихъ. Единственное формальное требованіе научнаго знанія здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы количество этихъ основныхъ положеній науки (аксіомъ) было ограничиваемо возможно меньшимъ числомъ, чтобы разнообразіе ихъ было сводимо къ необходимому числу дѣйствительно основныхъ и производныхъ истинъ.

Помимо аксіомъ сомнѣніе не можетъ быть допускаемо по отношенію къ такимъ положеніямъ, которыя доказаны совершенно правильнымъ логическимъ путемъ. „Благотворно школьное правило, — пишетъ Лейбницъ — по которому доказательства вытекаютъ изъ предметовъ, уже принятыхъ и допущенныхъ (ex praecognitis et praesuppositis). Это правило, повидимому, требуетъ признавать начала (maximes) истинами, известными уму прежде другихъ истинъ, а другія части нашихъ познаній — истинами, зависящими отъ аксіомъ. Когда истины бываютъ очень просты и очевидны и очень близки къ предложеніямъ идентичнымъ и къ опредѣленіямъ, тогда вовсе нѣтъ надобности въ нарочитомъ употребленіи правилъ для извлеченія изъ нихъ этихъ истинъ, потому что духъ пользуется ими безсознательно и составляетъ свое заключеніе быстро, безъ посредства ихъ. Но безъ аксіомъ и теоремъ, уже известныхъ, математики съ трудомъ могли бы идти впередъ; потому что при продолжительныхъ выводахъ хорошо бываетъ отъ времени до времени остановиться и устроить себѣ какъ бы поперстыя стоянки на пути, которыя другимъ показывали бы пройденный путь. Безъ этого эти длинные пути были бы очень неудобны и даже представлялись бы сбивчивыми и темными; такъ что нельзя было бы ничего различить и открыть, въ какомъ мѣстѣ мы находимся. Это похоже на то, какъ въ темную ночь отправиться плавать по морю безъ компаса, не видя ни дна, ни берега, ни звѣздъ; или когда идутъ по обширной степи, гдѣ нѣтъ ни деревьевъ, ни холмовъ, ни ручьевъ; поэтому духъ, любящій единство во множествѣ, соединяетъ нѣкоторые выводы вмѣстѣ для образованія изъ нихъ посредствующихъ заключеній, и отсюда возникаетъ употребленіе правилъ и теоремъ. Посредствомъ этого получается больше удовольствія, больше свѣта, больше припоминанія, больше внимательности и меньше повторенія“¹⁾. Отсюда ясно, что положенія, не имѣющія сами по себѣ характера очевидности,

¹⁾ Лейбницъ. „Новый опытъ о человеческомъ разумѣ“. ВѢра и Разумъ 1896 — 1897 г.

черезъ логическую связь съ истинами первоначальными, сами получаютъ значеніе аксіомъ. Существо логическихъ доказательствъ состоитъ въ томъ, что его окончательный выводъ связывается съ его начальнымъ основаніемъ болѣе или менѣе длинною цѣпью посредствующихъ звеньевъ, или соображеній, но такъ органически крѣпко, или связно, что то самое, что уже признано за истину въ началѣ, проходя черезъ всѣ посредствующіе члены доказательства, выступаетъ во всей необходимости и во всей опредѣлительности и въ его заключительномъ выводѣ. Аристотель въ своей второй Аналитикѣ говоритъ: „Доказывать значить дѣлать очевиднымъ и неоспоримымъ какое-либо положеніе на основаніи другого положенія, которое признано за несомнѣнную истину“. Впрочемъ, надо съ большой осторожностью относиться къ логическимъ доказательствамъ, чтобы не впасть въ ошибку. Декартъ въ своемъ трактатѣ о методѣ говоритъ между прочимъ о логическихъ правилахъ: „Не слѣдуетъ ничего принимать за истинное, исключая того, что имѣетъ очевидность, т. е., тщательно избѣгать поспѣшности и предрѣшенія и принимать изъ своихъ сужденій только тѣ, которыя представляются духу настолько ясно и раздѣльно, что нѣтъ никакого повода въ нихъ сомнѣваться“¹⁾. Разъ положеніе имѣетъ характеръ очевидности, оно должно быть признано за истинное, а очевидностью мы называемъ то, что имѣетъ для насъ принудительный характеръ. Сужденіе очевидно, если въ немъ нельзя серьезно сомнѣваться, и въ то-же время нельзя доказать его, потому что оно имѣетъ характеръ первичный. Очевидность бываетъ чувственная, когда она возникаетъ изъ чувственныхъ воспріятій, и раціональная, когда она выражаетъ необходимыя понятія и законы мысли. Касается-ли дѣло опыта, или разума, всякое сужденіе, имѣющее характеръ принудительности, истинно. Въ противномъ случаѣ не было-бы истины, потому что помимо реальной очевидности и достаточнаго доказательства мысль не можетъ найти никакой точки опоры. Такимъ образомъ во всѣхъ наукахъ помимо основныхъ принциповъ

¹⁾ Discours de la methode par Jul Simon, стр. 12. Зеленогорскій.

есть истины производныя, полученныя путемъ логической связи съ первоначальными положеніями и также не допускающія сомнѣнія въ своей достовѣрности.

Кромѣ означенныхъ несомнѣнныхъ положеній въ нѣкоторыхъ наукахъ приходится опираться еще на одинъ критерій истины—это на силу авторитета. Въ предметахъ, подобныхъ исторіи, географіи, юриспруденціи, языкамъ, и особенно богословію, изученіе которыхъ сводится къ изученію авторовъ точно такъ же, какъ въ предметахъ, основу которыхъ составляетъ простой фактъ или какое-либо божественное или человѣческое установленіе, приходится по необходимости основываться на книгахъ, такъ какъ въ нихъ заключается все, что только можно узнать по этимъ предметамъ. Книги въ этомъ случаѣ являются единственнымъ источникомъ, изъ котораго можно узнать все. Сила авторитета всего болѣе проявляется въ области богословія. Здѣсь онъ неразрывно связанъ съ самою истиной, познаваемой только чрезъ его посредство, такъ что для совершеннаго убѣжденія въ предметахъ, недоступныхъ человѣческому разуму, достаточно указать ихъ въ Священномъ писаніи, потому что они выше природы и разума; умъ человѣческой слишкомъ слабъ, чтобъ постигнуть ихъ собственными усиліями. Совершенно иначе должно относиться къ предметамъ, подлежащимъ чувствамъ и умозрѣнію. Тутъ авторитетъ теряетъ свое значеніе, и единственнымъ судьей является разумъ. Области авторитета и разума строго разграничены.

Чрезвычайно важное и характерное явленіе въ наукѣ представляютъ гипотезы, а потому необходимо выяснить взглядъ на нихъ со стороны критическаго научнаго разума. Гипотеза въ наукѣ является однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ прогресса. Такое значеніе гипотезы, строяемой творческимъ воображеніемъ ученаго, безспорно признается всѣми. Знаменитый французскій фізіологъ, Клодъ Бернаръ, ученый, принадлежащій къ строго экспериментальной школѣ, говоритъ, что „идея а priori, умозрѣніе, есть руководящая нить научнаго опыта, душа науки, тайна генія“. Вотъ слова другого извѣстнаго ученаго о значеніи гипотезы для научнаго знанія:

„Мысленное, идеальное соединеніе прежде дознаннаго часто почти безсознательно управляетъ нашей способностью угадывать и предчувствовать и возвышаетъ её какъ бы какой-то вдохновляющей силой... Предугадывающая фантазія, эта всемогущая дѣятельность, дѣйствовавшая въ Платонѣ, Колумбѣ и Кеплерѣ, не должна быть обвиняема, будто-бы въ области наукъ она ничего не создала, будто-бы по самой сущности своей, она необходимо должна отвлекать отъ изслѣдованія дѣйствительности“¹⁾. Гипотезы играютъ въ наукахъ роль весьма немаловажную, бываютъ даже необходимы, хотя могутъ быть и истинными, и ложными. Слѣдуетъ строго разграничивать научную гипотезу отъ простаго мнѣнія, по большей части ошибочнаго. Простое мнѣніе отличается отъ научной идеи, истинной ли то или ложной, тѣмъ, что оно есть утвержденіе, которое не подвергалось раціональному изслѣдованію. Есть мнѣнія, представляющія простой результатъ обманчивой видимости. Напримѣръ, естественно думать, что солнце движется вокругъ земли, будто движущіеся предметы останавливаются потому, что имѣютъ стремленіе къ покою. Въ эти мнѣнія, имѣющимъ основаніе въ видимости предметовъ, присоединяются традиціонныя идеи, которыя каждый получаетъ отъ той среды, въ которой живетъ. Эти традиціонныя идеи иногда суть плодъ народнаго воображенія, какъ, напримѣръ, историческія легенды. Иногда же это—научные предрасудки, возникающіе въ школахъ. „Боязнь пустоты“ долгое время фигурировала при объясненіи физическихъ явленій; и вообще, для большинства умовъ совокупность положеній, которыя составляютъ науку ихъ времени, есть такой авторитетъ, который нельзя даже подвергать обсужденію. Для прогресса мысли необходимо, чтобы мнѣніе постоянно подвергалось изслѣдованію, нужно, чтобы видимость предметовъ была истолкована разумомъ; чтобъ констатированіе фактовъ было подчинено осмысленной критикѣ и чтобъ, наконецъ, принятая теорія были оставляемы всякій разъ, какъ окажется, что онѣ не

1) Андреевскій. Генезисъ науки, ея принципы и методы.

даютъ достаточнаго объясненія даннымъ опыта. Сомнѣнiе, господствующее надъ мнѣнiемъ, есть существенный факторъ прогресса; безъ него мысль человѣческая сдѣлалась бы неподвижною, и науки не было бы. Но, допуская возможность сомнѣнiя въ гипотезахъ, не слѣдуетъ ихъ исключать совершенно изъ области наукъ, памятуя, какое великое значенiе онѣ для нея имѣютъ. Гипотезы научныя связываютъ въ одно цѣлое отдѣльныя научныя положенiя, нерѣдко цѣлыя научныя области, которыя безъ нихъ, безъ этихъ болѣе или менѣе удачныхъ предположенiй, такъ и оставались бы разобщенными. Таковы, на примѣръ, теорiя ледниковъ, которая играетъ такую громадную роль въ новѣйшей геологiи, или колебанiя эфира въ физикѣ, объясняющiя явленiя теплоты и свѣта, и пр. Гипотезы руководятъ изслѣдованiемъ, даютъ ему направленiе, нерѣдко приводятъ и къ открытiямъ; и это слѣдуетъ сказать даже о гипотезахъ, оказавшихся впоследствии ложными. Такова была въ древности астрономическая теорiя цикловъ и эцициловъ, въ новое время гипотеза двухъ электрическихъ жидкостей въ физикѣ или гипотеза истеченiя въ оптикѣ. Эти гипотезы, какъ показываетъ исторiя наукъ, не оказались жизнеспособными и должны были уступить мѣсто лучшимъ предположенiямъ. Но, вообще, какъ бы ни были удачны гипотезы, пока онѣ не доказаны, не слѣдуетъ имъ придавать такой же достовѣрности, какъ истинамъ очевиднымъ. Объяснительныя гипотезы—это теорiи, по отношенiю къ которымъ, съ абстрактной точки зрѣнiя, сомнѣнiе всегда возможно, хотя въ концѣ концовъ онѣ и достигаютъ иногда общаго и рѣшительнаго признанiя со стороны ученыхъ. Собственно говоря сомнѣнiе относительно неудовлетворительныхъ (научныхъ) системъ вовсе не есть скептицизмъ; напротивъ, это есть проявленiе вѣры въ науку. Вѣрить въ науку, значитъ вѣрить, что мiръ управляется сообразно съ законами разума. Основнымъ же закономъ разума является стремленiе къ единству въ разныхъ его формахъ и особенно въ формѣ гармонiи, которая есть единство въ разнообразiи. Это разумное стремленiе человѣческаго духа и служитъ руководящимъ принципомъ научныхъ гипотезъ. Во вся-

комъ случаѣ изъ этихъ разсужденій должно вывести такое заключеніе: въ достовѣрности гипотезъ сомнѣваться можно всегда, но не всегда слѣдуетъ, а тѣмъ болѣе совершенно отвергать ихъ въ наукахъ. „Исключить изъ исторіи жизненныхъ явленій всякія теоретическія предположенія (гипотезы)—пишетъ знаменитый натуралистъ Мильнъ Эдварсъ—значило-бы лишать естествознаніе одного изъ существенныхъ и необходимыхъ элементовъ“¹⁾.

Разсуждая о границахъ научнаго сомнѣнія, мы приходимъ къ тому заключенію, что со стороны ученаго сомнѣнію не слѣдуетъ давать слишкомъ большаго простора въ видахъ претупленія и развитія всякой науки. Вообще говоря, постоянно сомнѣвающейся умъ не способенъ создать чего-либо положительнаго, тогда какъ увѣренность въ познаніи истины, хотя бы относительной, ободряетъ человѣка, дѣлаетъ его смѣлымъ и изобрѣтательнымъ. Для утвержденія требуется сила жизни, а для сомнѣнія достаточно слабости и безсилія. Итакъ, науки не даютъ познанія абсолютнаго. Какъ первые принципы, такъ и первыя причины имъ недоступны. Онѣ только еще рѣзче выдвигаютъ метафизическую задачу и притомъ для ученаго несравненно сильнѣе, чѣмъ для человѣка, только приступающаго къ наукѣ. Послѣдній еще надѣется найти ключъ къ мировой загадкѣ, но тотъ, кто владѣетъ научнымъ знаніемъ, уже долженъ убѣдиться въ существованіи его границъ и понять условность познаній разума. „Онъ знаетъ, что существуетъ предѣлъ, за которымъ прекращается сила логическихъ аргументовъ, и величайшія невѣроятности становятся столь-же возможными, какъ и самыя обычныя представленія. Но если эта мысль и можетъ порою печалить ученаго, то постоянное сознаніе мировой тайны дѣлаетъ его скромнымъ, терпимымъ къ чужимъ вѣрованіямъ и твердымъ въ своихъ собственныхъ. Онъ научается интересоваться чувственнымъ и духовнымъ міромъ, въ которомъ мы живемъ, ради его самого, и убѣждается, что въ этомъ мірѣ довольно простора для дѣятельности, на-

¹⁾ Revue scientifique 18 Дек. 1879 г. Э. Навиль. Что такое философія?

правленной къ добру, довольно матеріала для открытія новыхъ научныхъ истинъ. Отказываясь отъ спора о ноуменѣ, онъ сосредоточиваетъ силы своего разума на менѣе грандіозныхъ, но за то болѣе доступныхъ задачахъ, не выходящихъ за предѣлы опыта и логики. Истина, даже относительная и внѣшняя, такъ привлекательна, что можетъ утѣшить и вполне вознаградить ученаго за утрату надежды постигнуть абсолютное¹⁾.

П. Мурашкинцевъ.

¹⁾ Лалаандъ, Этюды по философіи наукъ.

При какихъ условіяхъ жизнь можетъ имѣть смыслъ и цѣнность?

(Окончаніе *).

III.

Иначе выйдетъ въ томъ случаѣ, если мы допустимъ безсмертіе. При этомъ предположеніи мы вправѣ вѣрить (не говорю—будемъ знать, но можемъ вѣрить), что за предѣлами земной жизни осуществится все то, что остается неосуществимымъ въ этой жизни, и что вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо для сохраненія смысла въ обязательности нравственнаго долга. Коль скоро допущено безсмертіе, то этимъ самымъ открывается возможность вѣрить, что исполненіе нравственнаго долга служить безукоризненнымъ средствомъ для достиженія цѣли абсолютно цѣнной и осуществляющейся въ посмертной жизни, что нравственная дѣятельность есть не что иное, какъ путь, ведущій къ этой цѣли, а совѣсть—не что иное, какъ отголосокъ этой цѣли въ нашей земной жизни. Другими словами, вмѣстѣ съ вѣрой въ безсмертіе, открывается возможность вѣрить, что исполненіе мною нравственнаго долга искупляетъ всякое зло, испытываемое не мной, а другими, счастью которыхъ я обязанъ служить; что это зло превратится даже въ добро (не для меня, а для другихъ), и что это добро примиритъ съ испытаннымъ зломъ не только того, кто самъ претерпѣлъ его, но даже и всѣхъ тѣхъ, кто, служа нравственному долгу, велъ какъ бы бесплодную борьбу для освобожденія міра отъ зла. Говорю: „какъ бы бесплодную“; ибо если все это бу-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», № 19 за 1903 г.

детъ допущено, то всеобщее счастье будетъ уже осуществимымъ, только не здѣсь, не въ земной, а въ посмертной жизни" ¹⁾).

Итакъ, вотъ гдѣ ключъ къ рѣшенію нашего вопроса о цѣнности жизни. Мы видѣли, что жить не стоитъ, если цѣлью жизни ставить личное счастье, такъ какъ оно недостижимо; видѣли, что безразсудно было бы стремиться къ достиженію всеобщаго счастья, также недостижимаго ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ. Только при предположеніи загробнаго безконечнаго существованія возможно осмыслить нашу земную жизнь, жизнь полную скорби и лишеній; только при условіи, что жизнь людей будетъ продолжаться за предѣлами земного существованія при томъ такъ, что при этомъ будетъ искуплено все то зло, которое они неизбѣжно испытываютъ здѣсь, нравственный законъ, предписывающій намъ стремленіе ко всеобщему счастью, получаетъ свой разумный смыслъ; безъ этого же такое предписаніе нелѣпость.

Кантъ первый выяснилъ ту истину, что законъ нравственнаго долга отличается отъ другихъ законовъ, правилъ и приказаній тѣмъ, что онъ повелѣваетъ безусловно, что онъ—категорическій императивъ. Никакой другой законъ не приказываетъ безусловно. Такъ напр. законы реторики обязательны только для тѣхъ, кто желаетъ говорить краснорѣчиво; но само собою разумѣется, желать или не желать говорить краснорѣчиво,—это отъ меня зависитъ и ничто не можетъ обязать меня къ этому; законы гигиены обязательны для тѣхъ, кто желаетъ пользоваться хорошимъ здоровьемъ и долгою жизнію; законы живописи обязательны опять—таки только для меня подъ условіемъ, если я хочу хорошо рисовать. Совсѣмъ не то этические законы—велѣнія нравственнаго долга: долгъ говорить правду обязательнъ для меня безъ какихъ-бы то ни-было условій, независимо отъ какихъ-бы то ни-было цѣлей; даже напротивъ, если нравственное требованіе выполняется въ виду какихъ-либо вѣшнихъ цѣлей, то такое выполненіе перестаетъ уже быть нравственнымъ, критерій нравственнаго къ нему уже не приложимъ. Добродѣтельнымъ нужно быть не потому, что отъ

¹⁾ А. Введенскій, Условія допустимости вѣры въ смыслъ жизни, Ж. М. Н. Пр. сент. 1896 г., стр. 67.

этого можетъ зависѣть счастье, напротивъ даже если бы добродѣтель неизбѣжно влекла за собой какія либо страданія, то и это не освобождало бы человѣка отъ обязанности быть добродѣтельнымъ. Нравственный законъ предписываетъ безусловно.

Тѣмъ не менѣе наша нравственная личность возмущается, не можетъ примириться съ тѣмъ порядкомъ, который господствуетъ въ чувственномъ мірѣ, порядкомъ, которому нѣтъ дѣла до нашихъ нравственныхъ идеаловъ; мы не можемъ примириться съ тѣмъ, что зло, порокъ торжествуетъ, а добродѣтель часто сопровождается страданіями. Неискоренимое требованіе нашей воли состоитъ въ томъ, чтобы добродѣтель соединялась со счастьемъ. „Одно счастье, говоритъ Кантъ, конечно, далеко не составляетъ полного блага для нашего разума. Онъ даже не одобряетъ счастья, если оно не заслужено, т. е., не соединено съ нравственнымъ поведеніемъ. Одна нравственность, а съ нею и достоинство, заслуживающее счастья, также не составляетъ полного блага. Чтобы оно было полнымъ, необходимо, чтобы всякій, заслуживающій счастья, имѣлъ возможность надѣяться на участіе въ немъ“¹⁾. „Эта связь надежды на счастье съ неослабнымъ стремленіемъ сдѣлаться достойнымъ его станетъ очевидною не тогда, когда мы ограничимся въ своихъ предположеніяхъ только природою, но тогда, если мы предположимъ, что *Высшій Разумъ*, заповѣдующій нравственные законы, есть въ то же время причина природы. Идею такого разумнаго существа, въ которомъ нравственно-совершенная воля соединяется съ высшимъ блаженствомъ, есть причина всякаго счастья въ мірѣ, поскольку оно находится въ тѣсномъ отношеніи къ нравственности, я называю идеаломъ высшаго блага. Только въ идеалѣ высшаго первоначальнаго блага чистый разумъ можетъ найти основаніе практически-необходимой связи обѣихъ составныхъ частей высшаго выводнаго блага, мысленнаго, т. е., нравственнаго міра. И такъ какъ въ силу разумной своей стороны мы должны представлять себя членами такого міра, хотя наши чувства представляютъ намъ только міръ явленій, то мы должны допустить будущій міръ,

1) Критика ч. разума, переводъ Владиславева, СПб. 1867 г., стр. 600.

ибо въ чувственномъ мы не замѣчаемъ упомянутой необходимой связи. Слѣдовательно, Богъ и будущая жизнь суть два неразрывныя предположенія, обязательныя для насъ въ силу внушеній чистаго разума“¹⁾ Излагая ученіе Канта о высшемъ благѣ, Фр. Паульсенъ говоритъ: „Практическій разумъ обезпечиваетъ возможность высшаго блага двумя постулатами, безсмертіемъ души и бытіемъ Бога. Безсмертіе, или скорѣе жизнь послѣ смерти даетъ возможность безконечнаго увеличенія нравственнаго совершенства и, слѣдовательно, достойности блаженства. Бытіе Бога, т. е., всемогущей и святой воли, сотворившей природу, обезпечиваетъ возможность второй стороны высшаго блага, блаженства, пропорціональнаго достоинству. Такъ какъ производить высшее благо свободною волею есть а priori необходимая задача, то и возможность выполненія ея необходимо должна быть допущена практическимъ разумомъ, другими словами, истинность идей Бога и жизни послѣ смерти есть предметъ необходимой вѣры разума“²⁾. Къ такимъ выводамъ пришелъ Кантъ послѣ того, какъ отвергъ всѣ существовавшія въ его время и существующія теперь школьныя доказательства бытія Божія и нашелъ, что эта истина не можетъ быть выведена на основаніи доказательствъ теоретическаго разума.

При допущеніи истины бытія Божія и вѣчной жизни получаютъ высокую цѣнность и настоящая жизнь человѣка, не смотря на неизбѣжныя страданія, ибо цѣлью моего земнаго существованія является теперь высокая, абсолютная цѣль—самосовершенствованіе и служеніе нравственному совершенству другихъ, съ чѣмъ соединено и нравственное блаженство. Цѣль эта не можетъ быть вполне достигнута въ предѣлахъ земнаго существованія, но достиженіе ея не ограничено предѣлами земной жизни, а простирается и въ жизнь послѣ—временную. Моя жизнь не обращается при этомъ только въ орудіе или средство для достиженія чуждыхъ мнѣ цѣлей, такъ какъ, служа совершенствованію другихъ и ихъ счастью, я въ то же время и чрезъ это самое достигаю собственнаго совершенствованія и собственнаго счастья.

1) Ibid. стр. 598—599.

2) Ф. Паульсенъ, Кантъ, его жизнь и ученіе, СПб. 1899 г., стр. 293.

Но скажутъ: бытіе Бога и загробная жизнь—это, вѣдь, лишь гипотезы, доказать которыя мы не въ состояніи. Можетъ ли нашъ теоретическій разумъ удовлетвориться такимъ рѣшеніемъ, въ основѣ котораго лежитъ немогущая быть доказанной гипотеза?

Мы не станемъ вторгаться въ область умозрительнаго богословія, не станемъ приводить доказательства бытія Божія и загробной жизни; мы просто согласимся, что предположеніе бытія Божія есть гипотеза и что она не можетъ быть строго-логически доказана. Согласимся съ этимъ и посмотримъ, лучше ли обстоятъ дѣло въ другихъ областяхъ знанія, не лежатъ ли въ основѣ другихъ наукъ, напр. естествознанія, также гипотезы, которыя не только не могутъ быть логически доказаны, но и сколько нибудь удовлетворительно объяснены, рационализированы. Спросимъ напр., на чемъ основана наша увѣренность въ существованіи независимаго отъ насъ матеріальнаго міра? Если этотъ міръ существуетъ внѣ и независимо отъ насъ, то какъ мы его познаемъ? Когда-то сенсуалисты полагали, что отъ предметовъ отдѣляются тончайшія микроскопическія копіи ихъ и чрезъ посредство глаза входятъ въ душу, которая такимъ образомъ уподобляется пластинкѣ фотографическаго аппарата, на которой получаютъ изображенія внѣшнихъ предметовъ. Съ другой стороны, сама душа чрезъ органы чувствъ выходитъ для сличенія этихъ копій съ внѣшними предметами. Такимъ образомъ, по этому наивному воззрѣнію, внѣшній міръ какъ бы входитъ въ душу въ совершенно точной, хотя и микроскопической копіи. Само собою разумѣется, такое объясненіе никого теперь уже не удовлетворяетъ и мы упомянули о немъ ради курьеза. Не копіи внѣшнихъ предметовъ входятъ въ душу, а внѣшніе предметы производятъ впечатлѣнія на наши органы чувствъ и изъ этихъ впечатлѣній непонятнымъ для насъ образомъ въ душѣ составляются представленія о предметахъ внѣшняго міра. Итакъ, о внѣшнемъ мірѣ мы знаемъ изъ состояній нашего собственнаго сознанія; представленія о вещахъ—наши внутреннія состоянія. Я знаю только состоянія моего собственнаго сознанія и ничего больше и переходъ отсюда, отъ знанія состояній моего созна-

нія къ утвержденію бытія вѣшняго, независимаго отъ меня міра въ высшей степени труденъ. Бытіе вѣшняго міра, при томъ далеко не таково, какимъ онъ представляется наивному сознанию, есть не болѣе, какъ гипотеза, которая до сихъ поръ не можетъ считаться достаточно обоснованною. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь все, что мы непосредственно и достовѣрно знаемъ, есть наши представленія; и всякій вѣшний предметъ, послѣ критической провѣрки нашего знанія о немъ, разлагается безъ остатка на группу ощущеній: цвѣта, формы, твердости и проч. и категоріи: единства, субстанціальности и т. п., связывающія разнообразныя ощущенія въ одно цѣлое. Но ощущенія—мои ощущенія, категоріи—мои категоріи. Гдѣ же въ такомъ случаѣ самъ—то вѣшний предметъ? По какому праву отъ субъективныхъ состояній нашего сознания мы дѣлаемъ переходъ къ утвержденію реальности вѣшняго предмета. Можно отвѣтить, на основаніи закона причинности. Но развѣ законъ причинности не есть также одна изъ формъ моего ума? „Необходимо сначала доказать, что самый этотъ міръ не есть только мое представленіе, а существуетъ помимо послѣдняго, вѣвъ меня и уже потомъ поднимать вопросъ о томъ, имѣютъ ли въ немъ мѣсто причинныя отношенія“¹⁾. Замѣчательно, что и въ этомъ вопросѣ, въ установкѣ реальности вѣшняго міра нѣкоторую роль играетъ практической интересъ, какъ и бытіе Бога требуется практическимъ разумомъ. Такъ напр. проф. Введенскій, опровергая гипотезу феноменализма, въ концѣ своего разсужденія говоритъ: „въ признаніи вѣшняго міра, какъ онъ данъ въ непосредственномъ сознаніи, заинтересованы всѣ наши инстинкты, всѣ потребности и силы,—нашъ разумъ столько же, сколько и воля и чувство въ его основныхъ опредѣленіяхъ: нравственномъ, эстетическомъ и религіозномъ“²⁾. До сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, не существуетъ еще вполне удовлетворительнаго рѣшенія вопроса о реальности вѣшняго міра.

Не лучше стоитъ дѣло и въ вопросѣ о томъ, что такое представ-

1) Иванцовъ, Проблема бытія вѣ. міра, „Вопросы философіи и психологіи“, жн. 17, стр. 67.

2) А. И. Введенскій, Законъ причинности, Харьковъ 1901 г., стр. 293—294.

яется изъ себя матерія, та самая матерія, которая составляетъ главный предметъ физики и вообще естествознанія. Въ настоящее время является общепризнанной атомистическая теорія, по которой матерія состоитъ изъ безчисленнаго количества безконечно-малыхъ величинъ—атомовъ, не допускающихъ дальнѣйшаго дѣленія. Теорія эта оказалась необыкновенно плодотворной въ наукѣ и ею достаточно удовлетворительно объясняются явленія теплоты, электричества, магнетизма и т. п. Но сама-то теорія вызывала и вызываетъ массу недоумѣній. Прежде всего, невозможно представить себѣ недѣлимость атома. ибо какъ бы ни была микроскопически—ничтожна его величина, все таки онъ долженъ имѣть верхъ, низъ, правую и лѣвую стороны; что же мѣшаетъ вообразить линію, проходящую между вершиной и основаніемъ атома, между правой и лѣвой стороной, т. е., раздѣлить его на двѣ, четыре и т. д. частей? Если же допустить возможность безконечнаго дѣленія, то атомъ обращается въ ничто, въ нуль, ибо извѣстно, что всякая опредѣленная величина, при дѣленіи на безконечность, равна нулю. Но отсюда придется сдѣлать нелѣпый выводъ, что вселенная состоитъ изъ нулей.

Еще менѣе мы можемъ уяснить себѣ присущія матеріи силы сдѣлленія, отталкиванія, химическаго сродства и т. п. „На вопросъ: что же собственно остается, разъ не признаются дѣйствительными ни силы, ни матерія?—тѣ, которые вмѣстѣ со мною, говоритъ Дюбуа-Реймонъ, отвѣчаютъ слѣдующимъ образомъ: человѣческому духу разъ навсегда не суждено пойти въ этихъ вопросахъ далѣе конечнаго противорѣчія. Потому мы вмѣсто того, чтобы вертѣться въ кругѣ бесплодныхъ умозрѣній или разрубать узелъ мечомъ самообмана, предпочитаемъ держаться созерцанія вещей. какъ онѣ есть,—удовольствоваться, говоря словами поэта, „чудомъ, которое предъ вами“... У насъ достаточно смиренія на то, чтобы сжиться съ представленіемъ, что всей наукѣ въ концѣ концовъ поставлена цѣль—не постигнуть сущность вещей, а сдѣлать понятнымъ, что сущность эта непостижима“¹⁾.

1) Ланге, Исторія матеріализма, переводъ Соловьева, т. II, стр. 129.

Правда, теперь въ наукѣ перестали уже смотрѣть на силы всякаго рода, какъ на особыя сущности и дѣйствіе силъ объясняютъ результатомъ движенія и механическаго толчка. Но ясность отъ этого въ небольшомъ выигрышѣ. Дѣло въ томъ, что нельзя сдѣлать прозрачнымъ для мысли, рационализировать, какъ посредствомъ толчка, удара движеніе отъ одного тѣла передается другому. Здѣсь возможна такая дилемма: или тѣла при этомъ соприкасаются, или, не соприкасаясь, дѣйствуютъ другъ на друга на разстояніи. Последнее не можетъ быть допущено, ибо мы не можемъ представить себѣ дѣйствіе тѣлъ другъ на друга на разстояніи. Остается первое предположеніе, что тѣла соприкасаются. Но и въ этомъ случаѣ мы должны представлять себѣ, что или частички соприкасающихся тѣлъ совпадаютъ, смѣшиваются, или не совпадаютъ и остаются различными. Совпаденія частичекъ допустить нельзя, ибо тогда о сосѣднихъ съ ними частичкахъ, какъ соприкасающихся, слѣдуетъ также сказать, что и онѣ совпадаютъ съ первыми, сливаются; а затѣмъ то же придется думать о вторыхъ, третьихъ и т. д., такъ что наконецъ и самыя тѣла совпадаютъ и сливаются въ одну точку. Предположимъ теперь, что соприкасающіяся частички не совпадаютъ, а лежатъ рядомъ. Но въ такомъ случаѣ, какъ это математически доказалъ Фонсегривъ въ своемъ изслѣдованіи о дѣйствующей причинѣ (*La causalité efficiente*), между соприкасающимися частичками будетъ нѣкоторое, хотя самое ничтожное, разстояніе, а слѣдовательно при такомъ предположеніи мы допускаемъ дѣйствіе тѣлъ другъ на друга на разстояніи, что, какъ уже сказано, рѣшительно непостижимо. Итакъ, даже анализъ такого простаго случая, какъ передача движенія одного тѣла другому посредствомъ механическаго толчка, открываетъ въ немъ нѣчто нераціонализируемое.

Если мы затѣмъ обратимъ вниманіе на другіе, болѣе сложные вопросы, каковы вопросы о происхожденіи органической жизни, о возникновеніи сознанія, о вліяніи физическихъ процессовъ на психическія функціи и обратно и т. п., то здѣсь и рѣчи не можетъ быть о томъ, чтобы идти далѣе констатированія фактовъ и приведенія ихъ въ болѣе или менѣе строй-

ную систему; попытки же объяснить факты, какія до сихъ поръ предпринимались, оставались и должны были оставаться безплодными по самому существу дѣла, такъ какъ къ этого рода вопросамъ, превышающимъ компетенцію разума, всегда будетъ относиться знаменитое Дюбуа-Реймоновское „ignogabimus“.

Но, скажутъ намъ: пусть такъ, пусть, такъ называемыя, конечныя идеи науки, каковы: матерія, сила, движеніе и т. п. непостижимы для разума, но положительная наука прекрасно обходится и безъ этихъ конечныхъ идей, ей даже нѣтъ дѣла до нихъ, и безъ нихъ она достигаетъ весьма удовлетворительныхъ практическихъ результатовъ, что собственно и есть самое важное; спрашивать же о томъ, истинны ли и понятны ли конечныя идеи науки не имѣетъ никакого практическаго смысла, достаточно знать и быть увѣреннымъ въ томъ, что ближайшія научныя идеи и выводы обладаютъ истинностію. Но вотъ вопросъ, можно ли быть увѣреннымъ въ истинности этихъ ближайшихъ научныхъ идей, если мы знаемъ, что конечныя идеи, на которыхъ основаны эти ближайшія, непостижимыя для разума и разумомъ не могутъ быть установлены? Имѣемъ ли мы на это логическое право? „Спрашивать, истинна ли по существу наука, говоритъ Спенсеръ, почти все равно, что спрашивать, свѣтитъ ли солнце“. „Согласенъ, отвѣчаетъ на это А. Д. Бальфуръ, почти все равно. Но выходитъ ли, по Спенсеру, что солнце дѣйствительно свѣтитъ? По надлежащемъ размышленіи, мы должны будемъ, я думаю, признать, что оно вовсе не свѣтитъ. Въ самомъ дѣлѣ, поставленный разумнымъ образомъ вопросъ этотъ не только предполагаетъ пониманіе того, что такое матерія, пространство, время, сила, которыя, по мнѣнію Спенсера, непостижимы, но встрѣчаемъ еще и затрудненія такого рода: если согласиться со Спенсеромъ, то, вѣдь, все, „что мы создаемъ, какъ свойства матеріи, вплоть даже до вѣса и сопротивленія, есть только субъективныя ощущенія, производимыя объективными агентами, которые неизвѣстны и непознаваемы“ (Основ. психологіи, стр. 493). Итакъ выходитъ, либо что солнце есть субъективное ощущеніе и въ такомъ случаѣ едва ли можно сказать о немъ, что оно „свѣтитъ“; либо что оно „неизвѣстно“ и „непознаваемо“, и въ такомъ случаѣ никакое утвержденіе

относительно его не можетъ быть разсматриваемо, какъ очень цѣнный образецъ научной достовѣрности“¹⁾).

Отсюда мы должны будемъ сдѣлать такой выводъ, что, если конечныя, научныя идеи, на которыхъ покоится наука, рушатся подъ напоромъ критики, тогда и самыя научныя построенія, основанныя на нихъ, являются шаткими, не обоснованными. Теоретическій разумъ долженъ признать неимѣющими смысла построенія науки, въ основѣ которыхъ лежатъ не рационализируемыя идеи. Но такой выводъ былъ бы самоубійственнымъ для науки, съ нимъ мы не можемъ примириться и должны поэтому принять *на отру тѣ* конечныя идеи науки, которыхъ теоретическій разумъ не можетъ понять; мы должны признать, что за ограниченою областью познаваемого скрыта отъ насъ безграничная область непроницаемой тайны, тайны, которая не уменьшается, а растетъ, расширяетъ свои границы по мѣрѣ расширенія области знаній. „Сравнивая науку съ постоянно возрастающимъ шаромъ, говоритъ Спенсеръ, мы можемъ сказать, что всякое увеличеніе его поверхности увеличиваетъ размѣръ соприкосновеній его съ окружающимъ незнаніемъ“. Только очень наивные жрецы науки могутъ питать надежду на то, что разумъ когда нибудь можетъ проникнуть въ ту область тайны, которая повсюду его окружаетъ. Послѣ критики познавательныхъ способностей, сдѣланной Кантомъ, питать такія надежды было бы положительнымъ безуміемъ.

Итакъ, въ концѣ концовъ въ основаніи всякаго рода знаній должна лежать вѣра, безъ вѣры въ конечныя идеи науки, которыя для разума не доступны, должно рухнуть и самое зданіе науки. А если такъ, то что же удивительнаго въ томъ, если и основная истина религіи—бытіе Бога—не болѣе какъ гипотеза, постулатъ практическаго разума? Что удивительнаго, если эта основная истина богословія не можетъ быть достаточно прочно обоснована теоретическимъ разумомъ, если для него, для этого разума непостижимы даже такія идеи, какъ матерія, сила, движеніе и др. Напротивъ, было бы гораздо болѣе странно, если бы разумъ оказался въ состояніи постиг-

¹⁾ А. Д. Бальфуръ, Основанія вѣры, переводъ Вл. Соловьева, М. 1900. стр. 241.

нута существо Божіе и прочно обосновать истину Его бытія, разумъ, компетенція котораго, какъ мы видѣли, слишкомъ ограничена. И что это былъ бы за богъ, котораго могъ бы постигнуть человѣческій разумъ? Нѣтъ, такой богъ не былъ бы Богомъ, онъ былъ бы ниже человѣка. „Credo, quia non intelligo,“ сказалъ Тертуліанъ, и въ этомъ изреченіи глубокій смыслъ.

IV.

Вѣра въ ирраціональныя конечныя научныя идеи намъ необходима, какъ фундаментъ научнаго знанія, которое безъ таковаго фундамента оказывается шаткимъ, непрочнымъ. Вѣра въ бытіе Бога и загробную жизнь столь же необходима для того, чтобы мы могли осмыслить ту великую трагедію, которая именуется жизнью, чтобы примирить насъ съ неизбежнымъ зломъ, съ тѣми бѣдствіями и страданіями, которыя являются господствующими, какъ въ жизни отдѣльнаго лица, такъ и въ жизни человѣчества. Всего лучше такое примиреніе достигается при христіанскомъ міровоззрѣніи, которое, признавая всю силу и могущество зла и бѣдствій, тѣмъ не менѣе чуждо того крайняго пессимизма, какимъ проникнуто міровоззрѣніе напр. буддизма; равно какъ является чуждымъ христіанство и крайностей наивнаго оптимизма.

Чтобы раскрыть эту нашу мысль, намъ необходимо коснуться одной изъ труднѣйшихъ проблемъ христіанскаго вѣроученія,—именно вопроса о происхожденіи и сущности зла въ мірѣ, къ чему мы теперь и переходимъ. При разсмотрѣніи этого вопроса, мы будемъ руководствоваться главнымъ образомъ трактатомъ М. Reinharda, „Die Christliche Anschauung des Leidens“, напечатанномъ, въ журналѣ „Der Beweis des Glaubens“ за 1892 г. Въ названномъ трактатѣ авторъ разсматриваетъ вопросы: 1) реально ли страданіе и въ какомъ количественномъ отношеніи находится оно къ счастью; 2) откуда происходитъ страданіе; 3) имѣютъ ли страданія какую-либо цѣль и 4) возможно ли избѣжать страданій.

Что касается перваго вопроса, по крайней мѣрѣ первой его половины, то, казалось бы, излишне и ставить его. И однако же разсмотрѣніе его необходимо, такъ какъ именно въ этомъ

вопросъ явѣе всего обнаруживаются слабыя стороны оптимистической философіи Лейбница. Блаженный Августинъ училъ (*De civitate Dei*): *mali nulla natura est, sed amissio boni mali nomen asserit. Cum omnino natura nulla sit malum nomenque hoc non sit nisi privationis boni.* Съ этого положенія начинается Лейбницъ. Его цѣль при этомъ та, чтобы примирить существованіе зла въ мірѣ съ благостію Творца. Зло, по мнѣнію Лейбница,—не противоположность, а недостатокъ, отсутствіе блага. Но 1, въ такомъ случаѣ абсолютное зло—абсолютное отсутствіе блага, нуль блага, а относительное зло—относительный недостатокъ блага, или незначительная степень его; такъ что зло въ сравненіи съ благомъ есть, собственно говоря, почти ничто, реальность зла, страданій такимъ образомъ уничтожается. Но такой выводъ стоитъ въ полномъ противорѣчій съ ученіемъ христіанской религіи. При такомъ взглядѣ на страданія пришлось бы признать только воображаемыми страданія ап. Павла отъ голода, жажды, побоевъ, о которыхъ онъ рассказываетъ во второмъ посланіи къ Коринѣянамъ, гл. XI, ст. 24 и слѣд. Точно также пришлось бы признать притворнымъ плачь Иисуса Христа по поводу бѣдствій, предстоявшихъ Иерусалиму, Его скорбь по случаю смерти Лазаря, даже Его муки въ Геосиманскомъ саду и крестныя страданія. Во вторыхъ держась вышеприведеннаго положенія Лейбница, мы приходимъ къ парадоксальному выводу, а именно: если бы намъ предстояло сдѣлать выборъ между какимъ-либо благомъ, которое назовемъ А и тѣмъ же благомъ, соединеннымъ съ относительнымъ зломъ В, то мы должны были бы выбрать послѣднее, т. е. благо А въ соединеніи съ относит. зломъ В, ибо зло В—все—таки относительное благо, хотя и слабая степень его и, слѣдовательно, увеличиваетъ собою благо А. Отсюда: никогда не слѣдуетъ избѣгать зла, и человѣка, который испытываетъ величайшія душевныя и тѣлесныя муки слѣдуетъ считать болѣе счастливымъ, чѣмъ того, который, будучи хлороформированъ, находится въ состояніи безчувственности. Даже, можетъ быть, слѣдовало бы стремиться къ страданію. Но тогда исцѣленіе Иисусомъ Христомъ и апостолами больныхъ можно ли будетъ назвать благодѣянiami? Вмѣстѣ съ тѣмъ такой

взглядъ на страданія едва ли можно примирить съ понятіемъ о благодѣи Божіей (хотя это-то главнымъ образомъ и имѣлъ въ виду Лейбницъ): зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ Богъ сотворилъ человѣка такъ, что онъ незначительную степень добра чувствуетъ, какъ страданіе? Такимъ образомъ взглядъ Лейбница на страданіе не мирится съ его собственнымъ оптимистическимъ міровоззрѣніемъ, не говоря уже о томъ, что онъ стоитъ въ полномъ противорѣчій съ христіанскимъ вѣроученіемъ, по которому зло, страданія имѣютъ реальное бытіе.

Столь же реальными признаетъ христіанское вѣроученіе и радости. Припомнимъ, напр., изображеніе семейной радости праведныхъ Захаріи и Елисаветы; или указаніе, какъ на источникъ радости, на дружбу (Дѣва Марія и Елисавета), на успѣшность труда. „Для меня, говоритъ апостоль, нѣтъ большей радости, какъ слышать, что дѣти мои ходятъ въ истинѣ“, (III Иоан. 4), на милосердіе къ ближнему (притча о милосердномъ самарянинѣ); припомнимъ радость купца, нашедшаго драгоценную жемчужину, радость женщины, нашедшей потерянную драхму; припомнимъ, что самъ Іисусъ Христосъ принималъ участіе въ брачномъ торжествѣ въ г. Канѣ. Вопросъ о томъ, въ какомъ количественномъ отношеніи страданія находятся къ счастью, слишкомъ труденъ между прочимъ потому, что здѣсь видную роль играетъ субъективная сторона человѣка: одни и тѣ же вещи для одного источникъ удовольствія, для другого источникъ страданія; даже для одного и того же лица въ одно время вещь можетъ быть пріятна, въ другое, наоборотъ, невыносима. Земля есть юдоль скорби, но не въ смыслѣ Гартмана, по мнѣнію котораго небытіе предпочтительнѣе, чѣмъ бытіе; ибо въ такомъ случаѣ было бы непонятно обѣщаніе за добродѣтельную жизнь счастья какъ въ будущей, такъ и въ настоящей жизни. Христіанство чуждо крайностей, какъ пессимизма, такъ и оптимизма: для него страданія и радости имѣютъ реальное бытіе и если иногда кажется, что страданія безмѣрно превышаютъ радости жизни, то, быть можетъ, это происходитъ и отъ близорукости самыхъ людей, которымъ свойственно радости забывать скорбе, чѣмъ скорби.

Источникъ зла, страданій, по христіанскому вѣроученію,

есть грѣхъ. Грѣхъ прародителей извратилъ первоначальную чистую природу человѣка, вложилъ въ нее склонность ко злу: слѣдствіемъ грѣха было и измѣненіе самой внѣшней природы, которая была предназначена Творцомъ для счастья человѣка, но которая затѣмъ стала источникомъ многообразныхъ бѣдствій. Впрочемъ, Тотъ Самый Богъ, Который о сотворенномъ мірѣ сказалъ, что все въ немъ прекрасно, и теперь даетъ больше радостей, чѣмъ страданій. Не отсутствіе радостей, но страсть къ наслажденіямъ безъ возможности наслаждаться дѣлаетъ человѣка несчастнымъ. Если бы мы больше вниманія обращали на тѣ многообразные виды даровъ, которые ежеминутно получаемъ отъ Бога и которые обыкновенно вовсе не останавливаютъ на себѣ нашего вниманія, то жизнь представлялась бы въ совершенно иномъ свѣтѣ. Слѣдовало бы только вообразить себя въ положеніи Робинзона на необитаемомъ островѣ, или въ положеніи выздоравливающаго послѣ тяжелой болѣзни. Но обыкновенно мы этого не дѣлаемъ, а наоборотъ, здоровое состояніе тѣла проходитъ какъ-то мимо нашего сознанія, наслажденіе отъ съѣденнаго вкуснаго блюда тотъ-часъ забывается, потребности растутъ до безконечности. Грѣхъ посредственно или непосредственно создаетъ большую часть страданій. Жалуется иной на свой крестъ, забывая, что самъ же взвалилъ его себѣ на плечи: или чрезъ расточительность дойдя до нищеты, или чрезъ невоздержность до болѣзни и т. п.

Страданія имѣютъ ли какую-либо цѣль? Да, и именно цѣль ихъ сдѣлать людей религіозно-нравственными существами и возстановить нарушеннымъ грѣхомъ союзъ человѣка съ Богомъ. Противъ взгляда на страданія, какъ на воспитательное средство философъ Лотце говоритъ: „кто смотритъ на зло, какъ на средство Божественнаго воспитанія, тотъ ограничиваетъ Божіе всемогущество, ибо къ такимъ отрицательнымъ средствамъ прибѣгаютъ только въ силу необходимости, когда не имѣютъ другихъ лучшихъ средствъ“. При этомъ Лотце, кажется, полагаетъ, что Богъ въ силу своего всемогущества могъ изначала создать характеръ нравственно-совершенный. Но характеръ, лишенный свободы, заключалъ бы въ себѣ про-

творѣчіе, а самопротиворѣчивое не могло быть создано Богомъ; Онъ не можетъ творить вопреки логической необходимости: не можетъ сдѣлать, чтобы дважды-два равнялось пяти. Поэтому въ нашемъ взглядѣ на страданія, какъ на воспитательное средство, не заключается ограниченія всемогущества Божія, такъ какъ послѣднее нельзя понимать, какъ неимѣющее границъ. Богъ сообщалъ человѣку не по по posse pessage, а только posse по posse. Велѣдствіе грѣхопаденія это posse по posse перешло въ по posse по posse. И вотъ страданія имѣютъ цѣлью способствовать развитію человѣка, какъ духовно-нравственнаго существа. Богъ даетъ намъ силы и способности для того, чтобы мы ихъ развивали, совершенствовали. Если человѣкъ окруженъ ничѣмъ невозмутимымъ счастьемъ и довольствомъ, то его физическія и духовныя силы не будутъ имѣть повода къ развитію. Наоборотъ, нужда будитъ въ человѣкѣ дремлющія силы, она—мать счастливыхъ открытій, изобрѣженій. Подобнымъ образомъ и въ духовно-нравственной области: если бы мы постоянно были окружены счастьемъ, то съ трудомъ могли бы придти къ сознанію, что мы бѣдны познаніемъ истины, бѣдны хорошими склонностями и добрыми дѣлами. Если бы Богъ и великой книгой исторіи, и событіями нашего времени и даже, быть можетъ, событіями личной нашей жизни не свидѣтельствовалъ намъ, что человѣкъ жнетъ то, что посѣялъ, и что зло и преступленіе не всегда остаются безнаказанными, то, быть можетъ, мы стали бы издѣваться надъ Нимъ, впали бы въ теоретическое и практическое безбожіе. Постоянная во всемъ удача дѣлаетъ человѣка самонадѣяннымъ, онъ самоуверенно начинаетъ думать, что его счастье—дѣло его собственныхъ рукъ, что онъ самъ, по словуца, своего счастья кузнецъ, что ни въ чьей помощи, ни въ чьемъ содѣйствіи онъ не нуждается. Но вотъ счастье измѣнилось, настало время скорби и бѣдствій: незамѣтно подкрала съ бока смерть или даже смерть близкихъ лицъ, одна за другой пошли неудачи, самыя блестящія надежды и планы потерпѣли фіаско, друзья општанулись, подняли голову враги, все колеблется, готово рухнуть. Тогда, наконецъ, съ глазъ спадаетъ повязка, тогда ясно становится, какъ слабъ и безпомощенъ

человѣкъ, предоставленный собственнымъ силамъ, какъ онъ нуждается въ тихомъ, но твердомъ пристанищѣ въ пучинѣ житейскаго моря. „Отче! согрѣшилъ предъ Небомъ и предъ тобою“!... взываетъ, наконецъ, пришедшій въ себя заблудшій сынъ. Такъ бѣдствія и скорби житейскія приводятъ насъ къ сознанию своего безсилія и заставляютъ искать помощи у Отца и Владыки міра.

Перейдемъ къ послѣднему вопросу: есть ли средство преодолѣть, побѣдить страданія?

„Бѣдный я человѣкъ! взываетъ апостоль, кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти!“ (Рим. VII, 24). Мы достаточно видѣли, что на землѣ ни въ комъ и ни въ чемъ не найти такого освободителя отъ ужасовъ земного существованія. Поэтому христіанинъ возлагаетъ свои надежды на Искупителя, Который возложилъ на Себя тяжесть нашего грѣха и Своею искупительною жертвою возстановилъ разрушенный грѣхомъ союзъ человѣка съ Богомъ, сломилъ власть ада и смерти и далъ намъ надежду на будущее блаженство. Пропастъ, существовавшая между Богомъ и человѣкомъ, теперь сгладилась, благодаря искупительной жертвѣ Спасителя, и христіанинъ сталъ въ правильныя отношенія къ своему Творцу. Съ одной стороны онъ чувствуетъ себя немощнымъ и грѣшнымъ, съ другой—онъ сознаетъ себя чадомъ Божиимъ. Христіанинъ знаетъ, что онъ—не простая игрушка въ рукахъ равнодушнаго тирана, но что Богъ—его Отецъ, Который ведетъ его по своимъ неисповѣдимымъ, но святымъ путямъ промысла; что этотъ Отецъ иногда возлагаетъ и крестъ ва наши плечи, но даетъ и силы нести его. На бѣдствія, наказанія, которыя посылаетъ намъ Богъ, мы смотримъ, какъ на милость Его, которою Онъ отличаетъ насъ, какъ Своихъ дѣтей. „Если же, говоритъ апостоль, останетесь безъ наказанія, которое всѣмъ обще, то вы незаконныя дѣти, а не сыны“. (Евр. XII, 8). Увѣренность въ то, что мы имѣемъ въ Богѣ любвеобильнаго Отца, Который и въ бѣдствіяхъ, посылаемыхъ намъ, преслѣдуетъ наше благо,—лучшее средство преодолѣть скорби и страданія; эта увѣренность даетъ возможность христіанину радоваться даже среди мученій, даже въ виду смерти. Въдъ земная жизнь христіанина

имѣеть цѣну лишь потому, что она предверіе другой, вѣчной жизни, которая имѣеть уже абсолютную цѣнность, которая есть высочайшее благо, summum bonum.

Подведемъ итогъ сказанному.

Пессимизмъ въ окончательномъ результатѣ даетъ полное и абсолютное ничто, нирвану. Лишень ты обладанія чѣмъ-либо въ этомъ мірѣ, не печалься, ибо все, весь міръ—ничто. Обладаетъ ли чѣмъ-либо, не радуйся, ибо то, чѣмъ ты владѣешь, также ничто. Только такое отношеніе къ міру можетъ рекомендовать пессимизмъ. Если пессимистическая философія даетъ намъ хотя такую отрицательную истину, то оптимизмъ вмѣсто рыбы предлагаетъ змѣю: не преодолѣть страданія помогаетъ онъ намъ, а напротивъ увеличиваетъ ихъ. Христіанство стоитъ между двумя этими крайностями. Оно не можетъ согласиться съ Лейбницемъ, что этотъ міръ есть наилучшій, ибо въ немъ слишкомъ много зла и бѣдствій; не можетъ также согласиться съ Шопенгауэромъ, что міръ этотъ—нахудшій изъ всѣхъ возможныхъ, ибо добро въ немъ все-таки превышаетъ зло, если смотрѣть съ христіанской точки зрѣнія. Міръ этотъ таковъ, какимъ его сдѣлалъ человѣкъ своимъ грѣхопаденіемъ, своимъ удаленіемъ отъ Бога;—такова христіанская точка зрѣнія. Въ мірѣ много зла и бѣдствій, но въ этомъ злѣ и бѣдствіяхъ виновенъ самъ человѣкъ, отдалившійся отъ Бога; онъ же можетъ это зло и бѣдствія довести до минимума своимъ приближеніемъ къ Богу, возстановленіемъ нарушеннаго союза съ Нимъ. Христіанство содержитъ элементъ пессимизма, такъ какъ признаетъ, вопреки оптимизму, что міръ нуждается въ улучшеніи, въ искупленіи, обновленіи. Оно пессимистичнѣе, чѣмъ самъ пессимизмъ, такъ какъ знаетъ муки совѣсти, которыя достигаютъ страшной степени, когда человѣкъ чувствуетъ себя оставленнымъ Богомъ, какъ напр. Иуда; оно не ограничиваетъ страданія предѣлами земной жизни, а переноситъ ихъ и въ жизнь загробную, вѣчную. Но оно вмѣстѣ съ тѣмъ и оптимистично, такъ какъ признаетъ, вопреки пессимизму, что міръ способенъ къ искупленію, къ обновленію, къ улучшенію. Оно оптимистичнѣе, чѣмъ самъ оптимизмъ, такъ какъ вѣритъ въ окончательную побѣду добра

въ мѣрѣ, при томъ, хотя окончательная побѣда ожидается только въ будущей жизни, но начало побѣды положено уже теперь. Чѣмъ больше мы приходимъ въ мѣру возраста Христова и преуспѣваемъ въ любви, тѣмъ болѣе убѣждаемся, что даже страданія являются зломъ лишь въ субъективномъ смыслѣ, объективно же они—благо.

Такимъ образомъ, христіанское міровоззрѣніе, и только оно одно можетъ примирить насъ съ неизбежностію страданій, только оно даетъ нашей жизни смыслъ и абсолютную цѣнность, такъ какъ жизнь человѣка, по христіанскому вѣроученію, не ограничивается земнымъ его существованіемъ, а продолжается за гробомъ. Не смотря на бѣдствія и скорби, для христіанина возможно счастье. „Счастье для христіанина, говоритъ свящ. Преображенскій, это—мѣръ души, прощенной Богомъ и примиренной съ Нимъ; это—блаженство духа въ общеніи любви съ источникомъ любви, это—радость свободы выпущеннаго на просторъ родныхъ полей узника, это счастье удовлетворенной духовной и нравственной алчбы и жажды... Вѣчно горящая звѣзда небеснаго идеала, указующая свѣтлую даль всякаго существованія, идетъ предъ служителемъ креста Христова и ведетъ его путями этой земной жизни, на которыхъ каждый шагъ его приближенія къ идеальной цѣли сопровождается тѣмъ высокимъ чувствомъ внутренняго блаженства, которое одно можетъ дать на землѣ ощущеніе счастья,—ведетъ чрезъ возможное счастье на землѣ къ полному счастью и блаженству на небѣ“¹⁾.

Мы могли бы поставить здѣсь окончательную точку и закончить свой трудъ, если бы не опасались такого упрека. Если, могутъ сказать и говорятъ, христіанинъ за свои земные подвиги имѣетъ въ виду награду на небѣ, то христіанская нравственность—небезкорыстная нравственность; добродѣтель, рассчитывающая на награду—подозрительная добродѣтель, мораль христіанина—эгоистическая мораль съ тою лишь разницею, что эгоистъ—не-христіанинъ стремится къ личному счастью здѣсь на землѣ, христіанинъ же рассчитываетъ на счастье въ будущемъ.

¹⁾ Христ. Чтеніе, 1898 г., т. CCVI, стр. 554.

Этотъ упрекъ мы надѣемся устранить дальнѣйшимъ разсужденіемъ, при чемъ будетъ пользоваться изслѣдованіемъ Schreiber-a „Wie ist der Vorwurf des Egoismus zu beurteilen, der gegen die christliche Moral erhoben wird?“, напечатаннымъ въ ж. „Der Beweis des Glaubens“ за 1892 г.

Не станемъ отрицать, что многие изъ христіанъ руководствуются въ своемъ поведеніи главнымъ образомъ страхомъ наказанія и надеждою на награду въ будущей жизни, т. е., мотивами, не чуждыми, повидимому, эгоистической окраски; допускаемъ, что даже для учениковъ Иисуса Христа въ некоторое время эти мотивы имѣли значеніе; но чтобы само нравственное учене евангелія можно было упрекнуть въ эгоизмъ, это рѣшительно и безусловно слѣдуетъ отвергнуть.

Дѣло все въ томъ, въ чемъ именно, по христіанскому вѣроученію, состоитъ обѣщанная на небѣ награда и въ какомъ отношеніи она находится къ земному поведенію христіанина. Противники христіанской этики полагаютъ, что эта награда не однородна съ нравственнымъ совершенствомъ, а находится съ нимъ во внѣшней, случайной связи на подобіе той связи, какая существуетъ между трудомъ поденщика и платой за его трудъ. Если бы это было такъ, тогда упрекъ въ эгоизмъ былъ бы справедливъ. Дѣло принимаетъ иной оборотъ, если мы скажемъ, что обѣщанное на небѣ блаженство есть не что иное, какъ достигнутое нравственное совершенство. Нравственность и блаженство относятся между собою, какъ начало и конецъ, какъ стремленіе къ цѣли и достигнутая цѣль. Царство Божіе и правда его, по ученію евангелія, есть высочайшее благо, къ которому мы должны стремиться, съ нимъ дано все, въ чемъ мы можемъ имѣть нужду. Это царство Божіе и есть мотивъ христіанской нравственности. Будущее блаженство состоитъ въ лицезрѣніи Бога (чистые сердцемъ Бога узрять), въ видѣніи Бога лицомъ къ лицу, а не тускло, гадательно, какъ теперъ (I Кор. XIII, 12); только чистые сердцемъ способны къ духовно-нравственному блаженству, которое состоитъ въ соединеніи со Христомъ и Богомъ (Фил. 1, 23; 2 Кор. V, 17; 1 Кор. XV, 28; 1 Тим. VI, 15). Если будущее блаженство сравнивается съ покоемъ субботняго дня, то этотъ покой субботы

слѣдуетъ понимать, какъ покой субботы по окончаніи творенія Богомъ міра, т. е., какъ удовлетворенность достигнутымъ результатомъ, какъ достиженіе того, къ чему христіанинъ стремился въ теченіе своей земной жизни, именно какъ полное достиженіе царства Божія и правды его.

Если блаженство состоитъ въ нравственномъ совершенствѣ, то христіанинъ и теперь уже можетъ быть названъ блаженнымъ, ибо онъ находится въ предвкушеніи будущаго блаженства. Царство Божіе на землѣ есть не только виноградникъ, въ которомъ терпятъ тяготу и зной дня, но также и дорогое сокровище, драгоценная жемчужина, брачный пирь, гдѣ голодные насыщаются хлѣбомъ, сходящимъ съ неба, и жаждущіе напоются водою, исходящею изъ источника вѣчной жизни. Работникъ, работавшій весь день въ виноградникѣ и получившій одинаковую плату съ тѣмъ, который одинъ часъ работалъ, все-таки не остался въ убыткѣ, ибо сама эта есть уже награда, въ ней и заключается блаженство. Жизнь распутнаго сына вдали отъ отца была уже несчастіемъ еще до наступленія внѣшнихъ лишеній и бѣдствій, тогда какъ старшій сынъ былъ счастливъ уже тѣмъ, что все время жилъ съ отцомъ. Такимъ образомъ, добродѣтель христіанина уже въ себѣ самой заключаетъ награду. Но такъ какъ исполненіе воли Божіей здѣсь на землѣ встрѣчаетъ многообразныя препятствія, ей противится ветхій человекъ, то полная награда, полное нравственное совершенство осуществится только на небѣ, тамъ идеаль нравственно-совершенной жизни станетъ дѣйствительностію, тамъ во всемъ будетъ воля Божія благая и всесовершенная.

Священникъ Николай Литскій.

Сужденія философовъ XIX-го вѣка въ защиту христіанской вѣры.

Въ статьѣ нашей „Сужденія замѣчательнѣйшихъ естествовѣдцовъ XIX-го вѣка въ защиту христіанской вѣры“¹⁾ мы показали, что естествовѣдѣніе XIX вѣка въ лицѣ „воихъ лучшихъ представителей“ заявило себя союзникомъ, а не врагомъ христіанской вѣры.

Отношеніе къ христіанской вѣрѣ философовъ минувшаго вѣка представляетъ для изслѣдователя не меньшій интересъ, чѣмъ воззрѣнія естествовѣдцовъ на этотъ предметъ. Философія имѣетъ болѣе почвы подъ собою для сужденія объ идеалахъ разума. Это—наука наукъ, не замыкающаяся въ предѣлахъ узкой спеціальности, но „крылатою мыслью“ облетающая весь міръ явленій и дѣлающая попытки проникнуть за границу явленій—въ самую сущность вещей. Она не имѣетъ дѣло только съ накопленными познаніями, но стремится постигнуть самый способъ и органъ приобрѣтенія ихъ—умъ человѣчскій.

Привода положительныя сужденія философовъ о христіанской вѣрѣ, мы не коснемся русской философіи по тремъ причинамъ. Первая причина та, что русская философія—весьма юна, не самостоятельна и требуетъ систематической разработки, которая въ наше время только начинается. Вторая—та, что русская философія доселѣ ютилась и ютится главнымъ образомъ при духовныхъ академіяхъ, а потому ея строго-хри-

¹⁾ См. ж. „В. и Р.“ № 8—9. 1901 года.

стіанскій характеръ самъ собою предполагается. Третья—та что и отрицательныя направленія русской философіи въ силу цензурныхъ условій, не имѣли возможности высказаться опредѣленно. По этимъ причинамъ популяризаторы отрицательныхъ ученій въ Россіи рѣдко считали философію своимъ союзникомъ, но чаще выдавали и еще выдаютъ ее, наравнѣ съ теологіей, за тормазъ просвѣщенія въ ихъ духѣ.

Но какъ ни мало принимала Россія участія въ философскомъ движеніи вѣка, до нея долетали и долетаютъ громкія въ Европѣ имена философовъ, въ первой половинѣ вѣка—Шеллинга и Гегеля, во второй—Канта, Шопенгауера, Гартмана, Дюринга и наконецъ Ницше.

Отрицательное отношеніе этихъ послѣднихъ философовъ къ христіанской религіи возбуждаетъ невольный вопросъ: не стоитъ ли и вся философія XIX вѣка въ противорѣчій съ христіанствомъ?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы дадимъ не изложеніе философскихъ ученій вѣка, но сужденія нѣсколькихъ видныхъ представителей философіи въ Европѣ по вопросамъ вѣры.

Первое мѣсто между такими по справедливости должно быть дано Эммануилу *Канту*, какъ потому, что онъ умеръ еще въ первые годы минувшаго столѣтія (1804 г.), такъ и потому, что его философія въ теченіе всего минувшаго столѣтія занимала наиболѣе прочное и почетное мѣсто среди философскихъ направленій вѣка.

Этотъ мыслитель, родоначальникъ критическаго направленія въ философіи, писалъ: „всѣ мною прочтанныя книги не доставили мнѣ того утѣшенія, которое открылось мнѣ въ словахъ псалма (23, 4): „Аще бо и пойду посреде́ сѣни смертныхъ, не убоюся зла, яко Ты со мною еси“.

Въ письмѣ къ Юнгу Штилингу Кантъ одобрялъ своего друга, что онъ въ Евангеліи ищетъ умиротворенія и называлъ Евангеліе „неизсякающимъ источникомъ утѣшенія, какого нигдѣ нельзя найти, хотя бы разумъ измѣрилъ границы вселенной¹⁾).

¹⁾ Биографы Канта говорятъ, что онъ, хотя рѣдко посѣщалъ богослуженіе, но смотрѣлъ на Библию, какъ на величайшую и полезнѣйшую книгу для всѣхъ временъ, способную выдержать всѣ нападки легкомыслія и ожесточеннаго невірія.

Согласно съ Евангеліемъ, Кантъ въ сочиненіи „религія въ границахъ чистаго разума“ для преобразованія человѣческаго сердца признавалъ необходимымъ второе рожденіе или новое твореніе (ср. Еванг. Іоанна III, 5) ¹⁾.

Въ „критикѣ практическаго разума“ Кантъ пишетъ: „двѣ вещи наполняютъ душу мою все большимъ и большимъ удивленіемъ и почтеніемъ, чѣмъ болѣе я въ нихъ вдумываюсь: звѣздное небо надо мною и нравственный законъ во мнѣ. То и другое я вижу только какъ бы въ полумракѣ, выходящимъ изъ моего кругозора, гадательно; но все же вижу и связываю съ сознаніемъ моего существованія. Звѣздное небо начинается отъ крайней точки чувственнаго міра и кончается на той точкѣ, гдѣ я стою, представляя собою необозримую массу міровъ надъ мірами, системъ надъ системами, начавшихъ свое движеніе въ безграничной дали вѣковъ. Нравственный законъ начинается въ моемъ невидимомъ „Я“, въ моей личности, и ставитъ меня самого въ міръ безконечности, доступный только разсудку, въ міръ, съ которымъ я стою не въ случайной, но въ общей и необходимой связи. Первое зрѣлище необъятной мировой массы умаляетъ до крайности мою значимость, какъ матеріальнаго существа, взятаго изъ планетной матеріи (а сама планета только точка во вселенной!), на краткое время, неизвѣстно какъ, одушевленнаго и обязаннаго возвратиться въ составъ той же планеты. Второе зрѣлище, наоборотъ, возвышаетъ мое достоинство, какъ разумной личности, въ которой нравственный законъ обнаруживаетъ жизнь, независимую отъ животночувственнаго міра, и предполагаетъ назначеніе моего существованія, неограничивающееся этою жизнью“.

Но религиозно-вѣрующимъ въ точномъ смыслѣ этого слова Кантъ не былъ и не могъ быть ни по характеру того времени,

Появленіе другой равноцѣнной съ Библіей книги Кантъ считалъ дѣломъ невозможнымъ. Обычное въ его время издѣвательство надъ церковными догматами Кантъ считалъ „неучтивымъ безчестіемъ“.

1) Въ названномъ сочиненіи Кантъ признаетъ присущимъ человѣку „радикальное зло“. Для побѣды добра надъ зломъ нужно, по Канту, высвобожденіе людей изъ естественнаго состоянія. Для этого же нужна „невидимая Церковь“, въ которой весьма удобенъ переходъ отъ видимой, обрядовой христіанской Церкви.

въ которое онъ развивалъ свои воззрѣнія, ни по критическому направленію своей философіи. Существованіе личнаго Бога Промыслителя и признаніе Богочеловѣчества было неблагопріятно для Кантовскаго ученія объ автономной, т. е., независимой отъ религіи и отъ симпатическихъ чувствованій морали. Тѣмъ болѣе цѣны имѣютъ заявленія Канта о необходимости божественнаго Откровенія и о томъ, что „нельзя совершенно отрицать возможности сверхъестественнаго рожденія Иисуса Христа“.

Вообще, по мѣрѣ приближенія Канта отъ философскихъ умозрѣній къ вопросамъ о христіанской религіи, утрачивается философская самоувѣренность Канта и онъ представляется умомъ робкимъ и колеблющимся ¹⁾.

Болѣе опредѣленный характеръ носили воззрѣнія Іоганна Гердера (ум. 1803 г.), находившагося отчасти подъ вліяніемъ Канта. Онъ ревностно боролся противъ господствовавшаго въ его время въ философскихъ кружкахъ отрицательнаго отношенія къ Библіи, утверждалъ ея высокую цѣнность, хотя и простираалъ почти подобное благоволеніе и на памятники древней письменности языческихъ народовъ. Въ своихъ идеяхъ о Богѣ и о безсмертіи души Гердеръ близко подходилъ къ истинѣ, хотя и не заботился согласовать во всемъ свои воззрѣнія съ любимой имъ Библіей.

Философія выдающагося мыслителя 19-го вѣка І. Г. Фихте (ум. 1814) въ общемъ была неблагопріятна деизму и христіанству. Тѣмъ болѣе цѣны имѣютъ немногія свидѣтельства Фихте въ пользу основныхъ христіанскихъ истинъ. Такъ въ своемъ сочиненіи „Наставленіе къ блаженной жизни“ философъ пишетъ: „Самымъ фактомъ смерти умершіе не достигнутъ еще блаженства и они напрасно будутъ стремиться къ нему тамъ, коль скоро они не обрѣли блаженства въ настоящей жизни и не искали его въ Вѣчномъ“.

1) Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ отношеніи Канта къ религіи читателя „Вѣры и Разума“ могутъ найти въ статьяхъ проф. прот. Т. Буткевича въ № 10 названнаго журнала за 1899 г. и № 15 за 1901 г. Большинство цитатъ въ этой статьѣ заимствовано нами изъ книги Engel—я: „Die grössten Geister über die höchsten Fragen“.

Современникъ Фихте филантропъ баронъ Коттвицъ имѣлъ страстное желаніе познакомиться и побесѣдовать съ Фихте. Но онъ самъ считалъ это желаніе блажью и долго противился ему. Наконецъ, онъ не устоялъ и явился къ Фихте. Философъ принялъ его дружественно. Коттвицъ съ свойственною ему откровенностію высказалъ, что онъ давно желалъ познакомиться съ философомъ, но философіей мало интересуется, имѣя въ Евангеліи полный источникъ истины. Ему любопытно только, какъ думаетъ философъ о молитвѣ. Фихте отвѣчалъ, что, по его возрѣнію, человѣчество подобно индивидууму; ребенокъ въ младенчествѣ нуждается въ родителяхъ и нянькахъ, которыя его пеленаютъ и кормятъ, такъ и человѣчество имѣло свое дѣтство, когда оно нуждалось въ вѣрѣ въ Божество. Но какъ человѣкъ, выростая, становится самостоятельнымъ, такъ и человѣческій родъ достигаетъ такого возраста, когда для него не нужна дѣлается вѣра во внимающее молитвѣ Божество. „Каковъ же вашъ взглядъ на молитву?“ спросилъ въ свою очередь Фихте гостя. „Ахъ, господинъ профессоръ, началъ Коттвицъ, когда я просыпаюсь утромъ и предо мною лежитъ день со всѣми его обязанностями и заботами, я ясно представляю свое безсиліе и свое грѣховное, лѣнивое и косное къ любви сердце; это лежитъ, какъ бремя, на моей душѣ, и я не въ силахъ приступить къ дневнымъ обязанностямъ, не испросивъ помощи и укрѣпленія у моего Господа. Вечеромъ, готовясь къ отдыху и вспоминая минувшій день, въ который моя воля и мои дѣла такъ уклонялись отъ святой воли Божіей и я такъ погрѣшалъ противъ самоотверженной любви, такъ оскорблялъ ближнихъ,—я не могу заснуть, не испросивши прощенія у моего Спасителя“. Тронутый философъ послѣ недолгаго молчанія сказалъ: „господинъ баронъ! какъ я желалъ бы походить на васъ“. Коттвицъ удалился. Но чрезъ нѣсколько недѣль онъ съ удивленіемъ узналъ, что Фихте на смертномъ одрѣ назначилъ его, Коттвица, опекуномъ своего единственнаго сына, въслѣдствіи телстическаго философа ¹⁾.

¹⁾ Не упоминаемъ въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ о Гегелѣ, хотя изъ всѣхъ философовъ Гегель отводитъ религіи самое видное мѣсто въ своей философіи. И философія Гегеля во всякомъ случаѣ имѣла не одно только отрицательное зна-

Фридрихъ Генрихъ Якоби (ум. 1819 г.) считалъ недоказуемымъ бытіе Бога и всего сверхчувственного путемъ разсудочнымъ, такъ какъ Богъ, душа, свобода, провидѣніе и безсмертіе познаются не разсудкомъ, но сердцемъ или внутреннимъ чувствомъ. Его философія, при своей нѣкоторой односторонности, даетъ богатый матеріалъ для защиты христіанской вѣры. О наукѣ Якоби училъ, что ея высшая, истинная цѣль—не утрата Бога, но отысканіе Его. Безъ Бога, по Якоби, и природа есть неразумная, безсердечная, безвольная неопредѣленность (Unding). Какъ ликъ человѣческой красоты только тѣмъ, что онъ одухотворенъ, такъ и міръ прекрасенъ только тѣмъ, что въ немъ видится и чувствуется Богъ.

Христіанство Якоби ставилъ выше всѣхъ религій за то, что оно провозглашаетъ ученіе о непрерывномъ чудовозрожденіи человѣка чрезъ высшія силы. О Христѣ философъ отзывался восторженно, называлъ Его чистѣйшимъ между сильными и сильнѣйшимъ между чистыми: „Онъ Царства вывелъ изъ ея колеи, рѣку столѣтій—изъ ея ложа и доселѣ повелѣваетъ вѣками. Кто теперь можетъ, признавая Его существованіе, говорить: „нѣтъ Бога и Промысла, нѣтъ міроуправящей Любви, а только безпросвѣтный рокъ, слѣпой случай?“

Фридрихъ Шеллингъ (ум. 1854) въ первый періодъ своего философствованія былъ склоненъ къ пантеизму, а во второй излагалъ деистическое ученіе съ тѣмъ различіемъ отъ Якоби, что Шеллингъ считалъ возможнымъ постигать сверхчувственное не одною только вѣрою, но и разумомъ. Своимъ ученіемъ объ откровеніи, о Троицѣ и Богочеловѣчествѣ Шеллингъ оказалъ вліяніе и на нашего недавно (1900 г.) почившаго теософа Влад. Соловьева ¹⁾.

ченіе для христіанской апологетики. Но вопросъ объ отношеніи Гегеля къ христіанству полно обследованъ въ статьяхъ проф. прот. Т. Буткевича „въ Вѣрѣ и Разумѣ“ за 1902 годъ.

¹⁾ Были въ Россіи послѣдователи Шеллинга и въ первую половину вѣка: Веланскій, Царловъ и другіе. Въ перепискѣ съ Шеллингомъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, состоялъ б. профессоръ Моск. Д. Академіи прот. Ф. А. Голубинскій и нѣмецкій философъ очень цѣнилъ своего русскаго собрата по наукѣ. Возрѣніями Шеллинга на основныя вопросы религіи и особенно на догматъ о Троицѣ широко пользовались и нѣмецкіе богословы.

„Безъ ученія о человѣчески страдающемъ Богѣ, писалъ Шеллингъ въ 1812 г., того ученія, которое присуще всѣмъ духовнымъ религіямъ древности, вся исторія осталась бы непонятною; Писаніе различаетъ степени Откровенія и послѣднюю степень отодвигаетъ на предѣлы времени, когда Богъ будетъ всаческая во всемъ, то есть, когда все будетъ достигнуто“.

Въ этомъ же году Шеллингъ писалъ одному своему корреспонденту, завѣдывавшему дѣтскимъ пріютомъ, что никакая молитва не оказываетъ столь могущественное дѣйствіе на небо, какъ молитва ребенка. „Учите же дѣтокъ всѣхъ, какъ можно равнѣ, молитвѣ“.

Въ загробную будущность Шеллингъ вѣровалъ радостно и восторженно, но и земную жизнь онъ признавалъ во всемъ подчиненною Промыслу. Въ 1817 г. онъ писалъ матери: „предоставьте вы все случающееся божественному опредѣленію, которое всегда и во всѣхъ обстоятельствахъ устрояетъ для насъ наиболѣе спасительное“.

Генрихъ *Стеффенсъ* (1845) поэтъ и натуръ-философъ представляетъ, хотя и не первую, но все же значительную величину въ совѣдѣніи мыслителей.

Воспитанный благочестивою матерью, онъ еще въ юношескомъ возрастѣ охладѣлъ къ вѣрѣ отцевъ. Когда ему довелось въ первый разъ готовиться къ приобщенію¹⁾, онъ чувствовалъ себя весьма неловко. Воспоминанія дѣтства съ какой-то укоризной поднимались въ его душѣ. Но сутолока жизни опять заглушила этотъ голосъ совѣсти. Не будучи открытымъ врагомъ религіи, Стеффенсъ опять оставилъ ее на много лѣтъ. Отъ дѣтства въ немъ сохранялось только убѣжденіе въ личномъ безсмертіи. Въ 1793 г. онъ писалъ своему другу: „наша жизнь —ночное странствованіе; за нами мракъ и предъ нами мракъ; мы не знаемъ, куда идемъ и куда придемъ. Вотъ мы въ лѣсу; но когда же настанетъ день? Въ кустахъ мелькаетъ свѣтлякъ. Мы радуемся этой каплѣ свѣта, нагибаемся, чтобы взять его, но при нашемъ прикосновеніи свѣтъ исчезаетъ. Въ болотѣ мелькаютъ болотныя огоньки, но они только увеличиваютъ на-

¹⁾ Известно, что католики и протестанты не приобщаютъ дѣтей до такъ называемой конфирмаціи, совершаемой въ 12—15 лѣтнемъ возрастѣ.

ше блужданіе и трудность пути. Надъ нашимъ челомъ стоитъ неизмѣнная сѣверная звѣзда между тысячами подвижныхъ свѣтилъ. Она можетъ указать намъ путь. Но какъ часто небо покрыто облаками! Если темно вверху, то насколько мрачнѣе вокругъ насъ! Но человѣческій духъ великъ и борется съ темнотою. Съ нами компасъ, и мы, окутанные мглой, пугаемые ночными привидѣніями, твердымъ шагомъ идемъ впередъ и не заблудимся“.

Такъ томился философъ въ борьбѣ съ знаніемъ, посягавшимъ и на ту область, въ которой оно безсильно. Постепенно въ немъ возрастало скорѣе чувство, чѣмъ убѣжденіе, что Спаситель Мира долженъ быть освободителемъ и разума отъ его заблужденій. Нѣкто Шейбель поставилъ мятушагося мудреца въ связь съ приходской общиной, объединенной вѣрующимъ пасторомъ и Стеффенсъ почувствовалъ, что церковная, приходская вѣра сильно разнится отъ субъективныхъ чувствованій. Благодать вѣры несообщавшаяся уединенному мудрецу, коснулась его въ общественномъ молитвенномъ собраніи. Кромѣ пастора Шейбеля съ его проповѣдями, на обращеніе Стеффенса оказала вліяніе его семнадцатилѣтняя дочь, вѣрующая, кроткая, радостная и спокойная.

Но и сдѣлавшись убѣжденнымъ христіаниномъ, Стеффенсъ не отвернулся отъ всего, что не носитъ на себѣ характера церковности. Онъ считалъ дѣломъ благочестія чтить Божіи дары, гдѣ бы они ни проявлялись. Онъ писалъ: „кто при чтеніи Шекспира, Гете и древнихъ великихъ язычниковъ не преклоняетъ колѣнъ предъ Богомъ, кто не любитъ народы, которымъ Богъ ввѣрилъ такое духовное величіе, кто производитъ отъ лукаваго все, что ясно не запечатлѣно печатію христіанства, тотъ не знаетъ свѣта благодатной любви“.

Георгъ Фридрихъ *Даумеръ* (ум. 1876) извѣстенъ не только философскими трудами, но и поэтическими произведеніями, особенно превосходными переводами изъ персидскаго поэта Гафиза. Первоначально онъ былъ рьяный противникъ христіанства, но въ 1858 г. сдѣлался усерднымъ католикомъ.

Вотъ какъ онъ объясняетъ свое обращеніе. „Я былъ противникомъ христіанства, но почему? Мнѣ казалось, что оно

производитъ страшную разнь между человѣкомъ и міромъ и эта разнь служитъ помѣхой не только физическому, но и умственному преуспѣванію и общественному благоустройству. А во всемъ этомъ я видѣлъ назначеніе человѣка и имѣлъ желаніе содѣйствовать прогрессу человѣчества. Я мечтаю о великомъ, славномъ и блаженномъ будущемъ человѣчества, о процвѣтаніи культуры и гуманности, унаслѣдованныхъ отъ греческой и римской древности и подлежащихъ болѣе полному развитію. Христіанство, которое отвлекаетъ вниманіе человѣка отъ его естественнаго поприща—земли къ небесному и, какъ мнѣ казалось, внушаетъ ему презрѣніе къ богатоодаренной природѣ человѣческой,—было для меня, что спица въ глазу. Эту религію я стремился устранить съ дороги, чтобы она не препятствовала человѣчеству бодро идти къ заманчивой цѣли совершенства и счастья. Этотъ мой идеализмъ кончился тѣмъ, что я примкнулъ къ безогляднымъ эмпиристамъ, которые хотя и пользовались моими трудами, тѣмъ не менѣе были ко мнѣ недружелюбны. Да и между собою у нихъ не было единства и общности; каждый задавался лишь цѣлью стать во главѣ соціально-прогрессивнаго движенія“.

„Въ одну изъ томительныхъ бессонныхъ ночей мою душу оварило сознаніе ложности избраннаго мною пути, тщеты моихъ надеждъ и стремленій. Тогда, подобно молніи, блеснуло въ умѣ моемъ представленіе о той точкѣ зрѣнія на вещи, которую я доселѣ отвергалъ. Я поднялся и взялъ одну изъ подвергнутыхъ забвенію книгъ Карла Нодье. Съ невыразимымъ увлеченіемъ я сталъ читать и перенитывать эту книгу. Ея содержаніе дало мнѣ миръ моей душѣ, избавило меня отъ самоубійства, отъ безумія, тупости и близорукости. О, какимъ сокровищемъ, какимъ благодѣяніемъ можетъ стать въ потребное время человѣческое слово“!

„Человѣкъ—не высшій и не послѣдній продуктъ творческой силы. Онъ недостаточно организованное, а потому несчастное и бесплодно борющееся существо, которое унаслаждаетъ вѣчность, только достигнувъ лучшей организаціи. Настоящее состояніе человѣка—переходное къ высшему, къ болѣе совершенному.

Вниманіе Даумера остановилось на томъ, что, при общей умственной и нравственной немощи человечества, отдѣльныя лица, достигнувшія необычной высоты развитія, не могли быть обязаны этимъ только себѣ. Путемъ подобныхъ размышленій Даумеръ невольно и незамѣтно вошелъ въ кругъ христіанскихъ идей о возрожденіи, о новой твари, о дѣйствіяхъ Св. Духа на христіанъ. Наилучшее выраженіе своего обновленнаго міросозерцанія онъ нашелъ въ словахъ Апокалипсиса: „Я, Іоаннъ, увидѣлъ святыи городъ Іерусалимъ новый, сходящій отъ Бога съ неба, приготовленный какъ невѣста, украшенная для мужа своего. И услышалъ я громкій голосъ съ неба говорящій: се, скинія Бога съ человѣками, и Онъ будетъ обитать съ ними; они будутъ Его народомъ... И отреть Богъ всякую слезу съ очей ихъ, и смерти не будетъ уже; ни плача, ни вопля, ни болѣзни уже не будетъ; ибо прежнее прошло. И сказалъ сидящій на престолѣ: се, творю все новое“ (Гл. 21, ст. 2—5).

Замѣчательный мыслитель минувшаго вѣка и политико-экономъ Джонъ Стюартъ *Милль* (ум. 1873 г.) извѣстенъ, какъ крайній скептикъ. Тѣмъ поразительнѣе было узнать изъ посмертныхъ записокъ этого мыслителя, названныхъ имъ: „трактаты о природѣ, пользѣ религіи и деизмѣ“, что и этотъ мыслитель тосковалъ о религіи, пытался построить какую-то пародію на религію, „которая была бы способна возвышать чувства наши и могла бы лучше, чѣмъ вѣра въ существа невидимыя, облагородить наше существованіе и дѣятельность“¹⁾.

Но для нашей цѣли любопытнѣе нѣкоторые частныя мнѣнія *Милля* по религіознымъ вопросамъ.

Въ явленіяхъ цѣлесообразности и порядка въ природѣ *Милль* усматривалъ разумную причину. „Въ природѣ, какъ и въ дѣйствіяхъ человѣческихъ, писалъ *Милль*, замѣчается направленіе къ конечной цѣли и это направленіе опытно удостоверяетъ насъ въ существованіи разумной Причины“.

По мнѣнію философа, существованіе физическаго и нравственнаго зла не противорѣчитъ идеѣ цѣлесообразности, но

¹⁾ Объ этомъ см. въ Московскомъ Сборникѣ Г. Побѣдоносцева ст. „Идеали невѣрія“. Стр. 196—197 по 5-му изд.

само объясняется цѣлью „сдѣлать человѣка способнымъ къ борьбѣ и побѣжденію препятствій“.

Возможность чуда Милль отвергала, имѣя весьма узкое понятіе о чудѣ, какъ о противу-естественномъ фактѣ. Тѣмъ не менѣе для явленія Христа онъ дѣлаетъ исключеніе. „Возможно, писалъ онъ, что въ Личности Іисуса Христа, въ Его умственной и нравственной одаренности, каковую Онъ Самъ приписываетъ Богу, заключается дѣйствительное чудо въ буквальномъ смыслѣ слова; въ Іисусѣ человечество получило драгоценный даръ, появленіе котораго не вытекаетъ съ необходимостію изъ предшествующихъ обстоятельствъ, хотя отчасти и объясняется ими“.

Не далеко былъ Милль отъ того христіанскаго ученія о поврежденности природы человѣческой, изъ котораго вытекаетъ необходимость искупленія. Говоря о мужествѣ, цѣломудріи, трудолюбіи, справедливости, правдивости и братолюбіи въ людяхъ, Милль замѣчаетъ: „въ человѣкѣ нѣтъ ни одного добраго расположенія, которому не противилась бы его невоспитанная въ лучшемъ направленіи природа. Поэтому обязанность человѣка по отношенію къ своей собственной природѣ—та же, какъ и по отношенію къ природѣ внѣшней: не природѣ слѣдовать, но улучшать ее.“

Указывать человѣку на подобную обязанность можетъ лишь тотъ, кто не держится механическаго воззрѣнія на природу человѣка. Не удивительно поэтому встрѣтить у Милля такое признаніе реальности духа: „духъ есть единственная реальность, для которой мы имѣемъ убѣдительное доказательство. Помимо ощущающаго и мыслящаго духа, матерія является только гипотетическимъ, не субстанціональнымъ бытіемъ; она есть только предположеніе для объясненія нашихъ ощущеній или, вѣрнѣе, для объясненія возможности имѣть ощущенія“.

При всемъ томъ мы можемъ сказать, что Милль не обладалъ религіозной истиной, а только предчувствовалъ ее, подходилъ къ ней. Но нужно принять во вниманіе, что Милль—сынъ атеиста и воспитаніе отъ отца получилъ преднамѣренно атеистическое. Проблески религіознаго сознанія и чувства въ Миллѣ доказываютъ, что религіозность не про-

исходить отъ воспитанія, а только можетъ чрезъ воспитаніе поддерживаться и укрѣпляться. Самъ Милль въ своей автобіографіи религіозную настроенность нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему лицъ объяснялъ ихъ тонкою чуткостію къ добру и правдѣ.

Если Милль только подходилъ къ христіанскимъ идеямъ, то его соотечественникъ Вилламъ Уэвелъ (ум. 1866), авторъ весьма цѣнныхъ изслѣдованій: „Исторія индуктивныхъ наукъ“ и „Философія индуктивныхъ наукъ“ принадлежитъ къ числу рѣшительныхъ сторонниковъ христіанства. Особенно это ясно сказалось въ сочиненіи Уэвела: „звѣздный міръ, какъ свидѣтель величія Творца“. Здѣсь онъ между прочимъ опровергаетъ детерминистовъ—поборниковъ отрицанія свободы воли въ человѣкѣ.

Хорошее знакомство съ явленіями природы и методомъ ихъ изученія сослужило Уэвелю, какъ въ послѣдствіи Друммонду, полезную услугу въ дѣлѣ обоснованія сверхъ-опытныхъ истинъ.

Какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ мірѣ Уэвелъ указывалъ на порядокъ и гармонію. Существованіе же зла не противорѣчитъ убѣжденію въ общемъ порядкѣ точно такъ, какъ въ большомъ хозяйствѣ существованіе безпорядка въ одной комнатѣ не доказываетъ отсутствія надзора за хозяйствомъ.

Въ упомянутомъ сочиненіи „звѣздный міръ“ Уэвелъ пишетъ: „было бы неестественно, если бы, въ то время какъ механический міръ, система косной матеріи, приведенъ въ порядокъ, возбуждающій въ наблюдателѣ высокое духовное наслажденіе, и органическая жизнь не имѣетъ ни одной безцѣльной способности, ни одного неудовлетворяемаго влеченія,—если бы при этомъ разумныя способности и нравственныя влеченія человѣка дѣйствовали безъ цѣли и безъ системы; если бы, въ то время какъ ощущенія сладкаго и горькаго приносятъ определенную и бесспорную пользу,—общечеловѣческія идеи правды и неправды, неодолима убѣренность въ похвальности извѣстныхъ чувствъ и дѣяній и жажда нравственнаго совершенства—только обманывали и осмѣивали бы человѣка“.

„Объ этомъ неодолимомъ благоговѣніи къ тому, что справедливо, объ этомъ убѣжденіи въ существованіи руководящей идеи поступковъ, возвышающей насъ надъ чувственными стре-

иленіямъ, можно говорить, какъ о божественной печати на душѣ человѣка, какъ о слѣдахъ Божія существа, о показателяхъ Его воли, какъ о выраженіяхъ Его заповѣдей, какъ объ исполненіи Его обѣтованій. Хотя эти зачатки высокой жизни нуждаются въ нарочитой поддержкѣ и развитіи, однако они содержатъ сами въ себѣ достаточное указаніе на то, что высшія цѣли человѣческой жизни достижимы только при условіи тѣснаго отношенія нашихъ мыслей и дѣяній къ божественному Виновику нашего бытія“.

Іоаннъ Фридрихъ *Гербартъ* (ум. 1841 г.) нѣмецкій философъ, приобрѣвшій многочисленныхъ послѣдователей, оказавшій сильное вліяніе на психологію и педагогіку, обращалъ вниманіе на цѣлесообразность, которою отличаются высшіе организмы. Философъ никакъ не соглашался признать эту цѣлесообразность самообманомъ или случайностью: она находитъ себѣ достаточное объясненіе только въ божественномъ Разумѣ. И самая религіозная вѣра, по Гербарту, основывается на созерцаніи природы и утверждается подъ вліяніемъ нравственныхъ запросовъ ¹⁾).

Кантономъ начали, кантіанцемъ Гербартомъ заканчиваемъ обзорѣніе положительныхъ мнѣній философовъ XIX-го вѣка о христіанствѣ. Какъ въ 1901 году путемъ обзора „сужденій естествовѣдцовъ XIX вѣка въ защиту христіанской вѣры“ мы пришли къ выводу, что естественныя науки сами по себѣ не враждебны религіознымъ убѣжденіямъ ²⁾, такъ и ознакомленіе съ сужденіями философовъ XIX в. по вопросамъ вѣры приводитъ къ заключенію, что философія столь же можетъ быть союзникомъ христіанской вѣры, сколько и врагомъ ея. Удивляться ли тому, что не всѣ философы настоящаго времени относятся съ почтеніемъ къ вѣрѣ отцевъ своихъ, если и между различными направленіями въ философіи идетъ борьба не менѣе ожесточенная, чѣмъ между богословами и отдѣльными представителями „любомудрія“? Главныя изъ настроенныхъ враж-

¹⁾ Энцикл. Словарь Брокгауза, т. 8-й, стр. 451—452.

²⁾ См. Вѣра и Раз. № 8—9 1901 г.

дебно противъ откровенной религiи философскихъ направленiй —пантеизмъ и матеріализмъ. Но христiанинъ для борьбы съ этими направленiями можетъ найти весьма сильное и рѣшительное оружіе въ другихъ философскихъ направленiяхъ вѣка. Можно сказать, что меньшая часть философовъ XIX в. и слабѣйшая по силамъ нападаетъ на христiанство, а сильнѣйшая защищаетъ его. При этомъ нѣкоторые философы остаются нейтральными и нерѣшительными. Въ общемъ философское движеніе XIX вѣка, несмотря на сильное развитіе въ началѣ вѣка критицизма и пантеизма, а въ серединѣ матеріализма, оказалось полезнымъ богословію и вѣрѣ. Не справедливо было бы умолчать при этомъ о заслугахъ для богословія и вѣры философской школы новѣйшихъ теистовъ, во главѣ которой стоялъ Фихте младшій (ум. 1879 г.), сынъ знаменитаго философа. Не отвергая діалектическаго метода Гегеля, Фихте признавалъ его недостаточнымъ, и для примиренiя выводовъ разума съ требованiями сердца принялъ въ дополненіе философіи христiанское откровеніе. Въ Фихте применили Вейссе, Ульрици, Виртъ, Фишеръ, Халибей, Шварцъ, М. Барьеръ, Цейзингъ и Лотце. Всѣ они—глубокіе и сильные представители спекулятивнаго, деистическаго движенiя XIX вѣка.

Прот. Ст. Остроумовъ.

„Теодицея“ Лейбница, рассматриваемая въ связи съ его метафизическимъ ученіемъ.

В В Е Д Е Н І Е.

Приступая къ изложенію и разбору знаменитой Теодицеи Лейбница, этой гениальной попытки примиренія богооткровенной религіи съ началами разума, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о личности ея автора и кратко коснуться характера той эпохи, въ которую она появилась въ свѣтъ, на сколько это содѣйствуетъ болѣе правильному пониманію истиннаго значенія самой Теодицеи.

Готтфридъ Вильгельмъ Лейбницъ (род. 1646 г. 21 іюня въ Лейпцигѣ) былъ одной изъ выдающихся, свѣтлыхъ и многоодаренныхъ натуръ. Никогда со времени Аристотеля не соединялось въ одномъ лицѣ такихъ разнообразныхъ познаній, какими обладалъ Лейбницъ. Юристъ по профессіи, онъ въ то же время былъ историкомъ, математикомъ, натуралистомъ, филологомъ, дипломатомъ, философомъ, публицистомъ и богословомъ по преимуществу. Фридрихъ Великій весьма справедливо сказалъ о немъ, что онъ одинъ представлялъ собою цѣлую Академію.

Лейбница болѣе знаютъ какъ философа и математика и менѣе—какъ богослова, между тѣмъ Лейбницъ около 50 лѣтъ занимался богословскими и церковными вопросами. Свои гениальныя способности онъ посвящалъ болѣе защитѣ религіи отъ скептицизма и софизмовъ лжеименнаго разума, чѣмъ всякимъ другимъ занятіямъ. Занятія религіозными и богослов-

скими вопросами всегда стояли у него на первомъ планѣ. Подобно знаменитымъ учителямъ Церкви—Василію Великому и Григорію Богослову, которые знанія, приобрѣтенныя ими въ языческой школѣ, положили, по выраженію одного изъ нихъ (Григорія Богослова), „къ подножію креста Господня“, и Лейбницъ занимался математикой и другими науками, по собственному его признанію, не столько ради нихъ самихъ, сколько для того, чтобы принести посредствомъ нихъ пользу вѣрѣ. Въ одномъ отрывкѣ Лейбницъ, описывая какъ будто одного своего знакомаго, такъ говоритъ о себѣ: „я его засталъ однажды надъ богословскими книгами и высказалъ ему свое удивленіе, ибо его выставляли мнѣ, какъ исключительно математика... тогда онъ мнѣ сказалъ, что въ немъ очень ошибаются, что его главные труды посвящены богословію“ ¹⁾. Насколько хорошо знакома Лейбницу богословская литература, объ этомъ едва-ли нужно говорить. Самыя раннѣйшія его произведенія: „De principio individui (1663 г.) и „De arte concubinatoria“ свидѣтельствуютъ уже о громадной его начитанности въ области богословія. А что уже сказать объ его Теодицеѣ, произведеніи послѣднихъ дней. Тамъ эта начитанность положительно поражаетъ и изумляетъ. Въ своихъ богословскихъ изслѣдованіяхъ онъ шелъ не по пробитымъ путямъ, но повсюду „стремился найти входъ внутрь вещей—черезъ иныя двери и открыть новыя земли даже съ опасностью заблудиться“ ²⁾.

Что побуждало Лейбница къ занятію богословскими науками? Это, конечно, прежде всего его собственная потребность въ уясненіи истинъ вѣры, во вторыхъ, характеръ того времени, когда борьба исповѣданій и религіозныхъ мнѣній достигла крайнихъ предѣловъ, когда догматическіе споры были самыми современными вопросами и ни одинъ образованный человѣкъ не могъ оставить ихъ безъ вниманія. Какъ серьезный и непредубѣжденный мыслитель, Лейбницъ не могъ въ рѣшеніи высшихъ и важнѣйшихъ вопросовъ бытія отдаться на волю господствующей церковной партіи. Характеръ теологіи того

¹⁾ Герье, Лейбницъ и его вѣкъ 1868 г. 289 стр.

²⁾ Cousin—Correspondance inédite de Malbranche et de Leibnitz. Вѣ Journal de Savants. Paris. 1844 г. p. 507.

времени, увзкость ея взгляда и крайняя нетерпимость, — возбуждали въ лучшихъ людяхъ того времени сознание необходимости ея реформы и желаніе освободиться отъ того гнета, который она налагала на личную свободу убѣжденія и совѣсти. Въ противоположность ортодоксальнымъ богословамъ своего времени, терявшимъ въ мелочахъ, тратившимъ попусту время на бесполезные споры, Лейбницъ обратилъ вниманіе въ религіи по преимуществу на ея практическую сторону: вліяніе ея на общество, устройство церкви и отношеніе этой послѣдней къ политической жизни народовъ. Богословіе, по его мнѣнію, должно быть прежде всего практическимъ, не должно забывать своего назначенія служить спасенію души и вѣчному благу людей и не должно суетными и бесполезными вопросами вредить важнѣйшей сторонѣ своего призванія.

Правда, возрѣнія Лейбница по нѣкоторымъ религіознымъ вопросамъ своеобразны и часто уклонялись отъ истины, но несомнѣнно, что онъ былъ глубоко вѣрующій человекъ. „Я очень далекъ отъ того равнодушія къ религіи, писалъ Лейбницъ М-ше de Бринонъ, въ которомъ вы меня обвиняете. Если бы это у меня было, я присоединился бы къ вашей церкви въ то время, когда я могъ это сдѣлать съ большой выгодой“¹⁾. Не смотря на это, нашлись лица, которые относились скептически къ религіознымъ убѣжденіямъ Лейбница. Виртембергскій богословъ Пфафъ осмѣлился даже утверждать, что Лейбницъ только ради шутки и удовольствія защищалъ религію отъ возраженій скептика Бэйля и что онъ собственно раздѣлялъ его убѣжденія. Съ легкой руки Пфафа и другіе представители протестантскаго ортодоксальнаго богословія стали обвинять Лейбница въ индифферентизмъ и даже атеизмъ. Самое имя Лейбница передѣлано было въ „*Lövenix*“, которое значитъ то же, что „*Glaubt nicht*“, т. е., ни во что не вѣрующій²⁾. Лейбницъ такъ и умеръ, не разсвѣвъ предубѣжденій противъ себя. Онъ умеръ всѣми оставленный, забытый. Ни одно духовное лицо не пло за его гробомъ. Я одинъ шелъ, говоритъ Едгаръ, секретарь Лейбница, за гробомъ и не мало

¹⁾ Герье, стр. 460.

²⁾ Michaud—Biographie universelle † 24. стр. 25.

гордился честью, что мнѣ пришлось оказать послѣднюю услугу великому человѣку. Да еще Беръ, шотландскій рыцарь, случайно прибывшій въ Ганноверъ въ день смерти Лейбница, шелъ, глубоко огорченный, за гробомъ своего друга. Онъ былъ въ страшномъ негодованіи на жителей Ганновера, которые хоронили Лейбница скорѣе какъ разбойника (*voleur de grand chemin*), чѣмъ какъ человѣка, служившаго украшеніемъ ихъ отечества ¹⁾. Мѣсто его погребенія не было извѣстно до 1822 года и только въ это время, и то случайно, оно было открыто въ протестанскомъ храмѣ, близъ *Calenberger Strasse*.

И много, много еще надлежало пройти времени, чтобы авторъ Теодицеи получилъ себѣ надлежащую оцѣнку.

Только въ текущемъ столѣтіи по достоинству оцѣнили его. Въ началѣ этого столѣтія Мэнъ де Биранъ и Кузенъ посвятили Лейбницу самыя сочувственныя страницы. Съ ихъ легкой руки Лейбницъ сталъ въ большей чести у изслѣдователей. Появилось множество отрывковъ, писемъ Лейбница, доселѣ неизвѣстныхъ, которые бросали новый свѣтъ на темныя стороны его системы и вызывали новыя и новыя изслѣдованія о немъ. Въ 1859 году Фуше де Карель задумалъ издать полное собраніе сочиненій Лейбница и съ самоотверженіемъ, достойнымъ дѣла, трудился для этой цѣли въ архивахъ Ганновера. Благодаря ему выяснилась дѣятельность Лейбница по переговорамъ о соединеніи церквей и та политическая роль, какую онъ игралъ въ свое время. Но предпріятіе это подвигалось медленно; тогда ганноверское правительство сознало свой долгъ относительно Лейбница и поручило своему бібліотекарю приняться за полное, критическое изданіе его сочиненій и первые томы начали быстро появляться одинъ за другимъ. Я разумѣю изданіе Клоппа „*Die Werke v. Leibnitz*“ Клоппа.

Настоящее изслѣдованіе имѣетъ цѣлю дать оцѣнку одного изъ произведеній Лейбница, его Теодицеи, русскій переводъ которой уже былъ напечатанъ въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“. Едва ли есть какое другое богословско-философское сочиненіе, которое могло бы равняться съ этимъ по глубинѣ мысли, ши-

¹⁾ Grote—Leibnitz und seine Zeit, Hannover 1869 г., стр. 556.

ротѣ взгляда и назидательности. Въ свое время оно соотвѣтствовало настоящей потребности общества и потому съ интересомъ было встрѣчено всѣми классами. Общество, пресытившееся богословскими спорами, съ жадностью схватилося за это сочиненіе. Оно радо было найти послѣднее рѣшеніе мучившихъ его вопросовъ и выдти изъ круга спорныхъ понятій. Вотъ почему сочиненіе это такъ живо и разошлось, такъ что вскорѣ послѣ выхода его въ свѣтъ, его нельзя уже было найти въ продажѣ. Въ настоящее время общество хотя и не такъ интересуется богословскими вопросами, какъ въ вѣкъ Лейбница, тѣмъ не менѣе его Теодицея не потеряла своего значенія и въ настоящее время. Вопросы, изслѣдуемые ею, настолько важны, что они всегда волновали умы, всегда имѣли и имѣютъ успѣхъ. Теодицея Лейбница легла въ основаніе религіозно-философской литературы всѣхъ странъ, хотя мысли, ведущія изъ нея свое начало, далеко не всегда почерпались изъ нея непосредственно.

Скажемъ нѣсколько словъ о планѣ нашего изслѣдованія Теодицея Лейбница естъ трудъ послѣднихъ дней его жизни. Это какъ бы вѣнецъ того величественнаго зданія, которое воздвигъ его гений, или зеркало всего его религіозно-философскаго міросозерцанія, всей его системы. Лейбницъ не оставилъ послѣ себя ни одного труда, въ которомъ бы ясно и послѣдовательно изложилъ свои философскія воззрѣнія. Неумолимая и непрерывная его общественная дѣятельность не давала ему времени представить свою систему въ отчетливой и обработанной формѣ. Его философское міросозерцаніе создавалось путемъ корреспонденціи, полемики и споровъ съ его учеными друзьями, путемъ бесѣдъ съ различными лицами, для убѣжденія которыхъ въ своей философіи онъ писалъ цѣлые трактаты. Но не смотря на отрывочность и кажущуюся безсвязность системы Лейбница, она отличается необыкновенной внутренней послѣдовательностью, такъ что необходимо знать всю его систему, чтобы понять одну изъ его частей. Необходимо поэтому и Теодицею Лейбница разсматривать въ связи съ его метафизикой. Оторвать Теодицею отъ всей системы Лейбница значитъ не понять ни той, ни другой.

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ приступить къ изложенію и разбору Теодицеи, мы считаемъ необходимымъ изложить прежде всего основные принципы метафизики Лейбница, чтобы лучше ориентироваться въ изслѣдованіи самой Теодицеи, не рискуя ошибиться въ надлежащемъ ея значеніи. При изложеніи же самой Теодицеи мы не находимъ удобнымъ и полезнымъ слѣдовать по тому пути, по какому шель самъ Лейбницъ при раскрытіи своихъ мыслей. Въ Теодицѣ нѣтъ строгого плана. Большая часть этого труда состоитъ изъ отрывковъ и записей, въ которыхъ Лейбницъ дѣлалъ замѣчанія на сочиненія Бэйля для прусской королевы Софіи Шарлотты. Эта послѣдняя, какъ извѣстно, нѣсколько разъ принималась съ Лейбницемъ за чтеніе Бэйля и Лейбницу нѣсколько разъ приходилось излагать свои мысли объ одномъ и томъ же предметѣ, а обработать всѣ эти записи и разсужденія въ стройную систему ему препятствовала его неутомимая практическая дѣятельность, которая не оставляла ему времени сосредоточиться на одномъ какомъ нибудь предметѣ.

Не вдаваясь въ мельчайшія подробности книги, мы сосредоточимъ наше вниманіе на самыхъ главныхъ, такъ сказать, центральныхъ пунктахъ Теодицеи, расположивъ ихъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ расположилъ бы ихъ самъ Лейбницъ, если бы сдѣлалъ Теодицею предметомъ своего спеціального изслѣдованія. Это мы можемъ сдѣлать, воспользовавшись указаніями его самого. „Установивши права *вѣры и разума*, такъ начинается Лейбницъ первую часть своей Теодицеи, въ томъ смыслѣ, что разумъ полезенъ вѣрѣ, нисколько не противорѣчитъ ей, посмотримъ, какъ оба они пользуются своими правами для сохраненія и взаимнаго соглашенія того, чему естественный и откровенный законъ научаютъ насъ о Богѣ и человѣкѣ въ отношеніи къ злу. Всѣ затрудненія въ этомъ отношеніи могутъ быть подѣлены на два класса. Одни возникаютъ изъ *свободы* человѣческой, которая представляетъ не совмѣстною съ божественною природою и однако же мыслится необходимою, чтобы человѣкъ могъ быть признаваемъ виновнымъ и наказуемымъ. Другія относятся къ Божественному дѣйствованію, которое, повидимому, принимаетъ большое уча-

стіе въ существованіи зла, хотя человекъ свободенъ и съ своей стороны тоже принимаетъ участіе въ этомъ. А подобное явленіе представляется противоположнымъ *благости, святости и правды Божіей*¹⁾. Такимъ образомъ самъ Лейбницъ сводитъ содержаніе своей Теодицеи къ слѣдующимъ вопросамъ: а) объ отношеніи вѣры къ разуму; б) о свободѣ воли; в) о злѣ и г) о благости и другихъ свойствахъ Божіихъ. Сообразно съ этимъ и наше изслѣдованіе будетъ распадаться на три главы съ слѣдующими подраздѣленіями.

Глава 1-я: метафизическое ученіе Лейбница. Глава 2-я: Теодицея. Отдѣлы: 1) происхожденіе, задача и цѣль ея; 2) объ отношеніи вѣры къ разуму; 3) о свободѣ воли; 4) о злѣ; 5) о премудрости и благости Божіихъ (оптимизмъ Лейбница). Въ 3-й главѣ мы дадимъ критику этого произведенія и въ противоположность Лейбницу изложимъ основанія истиннаго оптимизма христіанскаго, а въ заключеніе скажемъ, почему Лейбницу не вполнѣ удалась попытка согласить богооткровенную религію съ началами разума.

Г л а в а 1-я.

Краткій очеркъ метафизическаго ученія Лейбница.

Первое и основное метафизическое понятіе, послужившее Лейбницу точкою отправленія для его философіи, было понятіе *силы*, которое въ свою очередь тождественно съ понятіемъ субстанціи. Сила, по Лейбницу, должна быть мыслима, какъ субстанція, и субстанція можетъ быть мыслима только, какъ сила. Прежняя философія сущность бытія матеріальнаго полагала въ протяженіи, а духовнаго въ мышленіи, между тѣмъ въ сферѣ какъ физическаго, такъ и духовнаго міра оказались явленія, которыя не могли быть сведены ни къ протяженію, ни къ мышленію; слѣдовательно сущность вещей должна быть мыслима иначе, чѣмъ прежде, и принципъ самой субстанціи такъ, какъ его понимала предшествующая Лейбницу философія,

¹⁾ Leibnitz—Essais de theodicée. 1710 изд. Erdman. Всѣ сочиненія Лейбница мы будемъ цитовать по этому изданію. Тамъ, гдѣ будемъ обращаться къ другимъ изданіямъ, будемъ указывать на это.

долженъ быть видоизмѣненъ. Это и привело Лейбница къ открытію новаго метафизическаго начала. Такимъ началомъ, по Лейбницу, должно быть понятіе *силы*. Анализъ фактовъ воспріятія показалъ Лейбницу, что существующіе внѣ насъ предметы дѣйствуютъ на насъ, а всякая дѣятельность предполагаетъ силу дѣйствующую. Первичные законы движенія, самое понятіе движенія, также требуютъ для своего объясненія нѣчто большее, чѣмъ тѣ законы, изъ которыхъ старается вывести изъ механика. Если мы попробуемъ вдуматься, что происходитъ внутри движущихся предметовъ, то должны предположить, что есть стремленіе, которое влечетъ ихъ въ ту или другую сторону, есть сила, которая управляетъ ими во время движенія. Итакъ, дѣйствіе предметовъ на насъ и движеніе ихъ не мыслимы безъ предположенія силы. Анализъ фактовъ сознанія еще краснорѣчивѣе свидѣтельствуетъ, что и въ основаніи нашего внутренняго бытія лежитъ также сила. Мы всѣ мыслимъ, стремимся и желаемъ. Но можемъ ли мы представить, чтобы мысль, желаніе и пр. возникли безъ силы мыслить, безъ силы желать. Такимъ образомъ анализъ фактовъ внѣшняго и внутренняго нашего бытія привелъ Лейбница къ тому, что протяженіе и мышленіе не могутъ быть поставлены въ основѣ всего сущаго, но что такой основой должна быть признана *сила* и только посредствомъ этого понятія могутъ быть объяснены всѣ факты духовнаго и матеріальнаго міра. Безъ силы не могутъ быть объяснены ни духи, ни тѣла, а потому и самую субстанцію можно мыслить только подъ ея видомъ.

Но хотя сила, какъ основа всего сущаго, неразрывно связана съ веществомъ, тѣмъ не менѣе сила есть чисто метафизическое понятіе. Мы можемъ наблюдать только ея явленія, но не самую силу, какъ силу. „Нѣтъ такого опыта, который бы обнаружилъ намъ силу, Какъ бы глубоко я ни изучилъ вещество, во всемъ объемѣ видимаго міра я не найду такой точки, гдѣ бы предо мною предстала сама сила и гдѣ бы я могъ сказать: здѣсь источникъ явленій, вотъ сила“¹⁾).

Въ понятіи субстанціи Лейбницъ рѣзко отличается отъ

¹⁾ Kuno-Fischer—Geschichte der neuern philosophie 2. 310 6.

своихъ предшественниковъ—Декарта и Спинозы. Полагая въ основаніи всего сущаго метафизическое понятіе силы,—духовное начало, Лейбницъ устраняетъ этимъ допускаемую его предшественниками противоположность между вещественнымъ и не вещественнымъ, между духомъ и тѣломъ, между мышленіемъ и протяженіемъ. Сила сама въ себѣ—начало невещественное, но безъ котораго не мыслимо ничто вещественное. Она обнимаетъ собою все вещественное и не вещественное, есть сущность всѣхъ вещей и, какъ такая, должна быть мыслима, какъ субстанція, а не какъ видоизмѣненіе, или модусъ. „Сила должна быть мыслима, какъ субстанція, и субстанція, какъ сила“.

Картезіанскому принципу пассивности субстанціи Лейбницъ противопоставляетъ совершенно иной принципъ. Его сила—сила активная, которая сама въ себѣ заключаетъ начало дѣятельности и не можетъ быть мыслима иначе, какъ дѣятельною. Но это не то, что единая всеобщая субстанція Спинозы. Лейбницевская метафизика своимъ основнымъ понятіемъ (силы) устраняетъ единичность субстанціи. Сила, по Лейбницу, есть источникъ всякой дѣятельности. Всѣ вещи дѣятельны, слѣдовательно сколько вещей, столько и силъ, столько и субстанцій. Всякая вещь, всякая тѣло, всякое существо есть агрегатъ нѣсколькихъ силъ нематеріальныхъ, но въ своей совокупности производящихъ феноменъ матеріальности. Силы эти, какъ нѣчто простое, нематеріальное и недѣлимое, Лейбницъ назвалъ монадами. Эти монады суть единицы силъ, не имѣющія никакого пространственнаго протяженія, но которыя являются источникомъ всякой дѣятельности. Это суть дѣйствительные атомы природы, но атомы нематеріальные, такъ какъ все матеріальное и пространственное дѣлимо и не можетъ быть истиннымъ единствомъ. Это не суть даже математическія точки, или идеальные предѣлы линіи, которые хотя не имѣютъ протяженія, но не имѣютъ и ничего реальнаго и сводятся къ чистой абстракціи мысли. Это атомы духовные, если хотите,—точки, но точки метафизическія, субстанціональныя, отличныя какъ отъ физическихъ, матеріальныхъ точекъ, такъ и матема-

тическихъ, не имѣющихъ никакой реальности ¹⁾. Простыми субстанціямъ, или монадамъ, говоритъ Лейбницъ, можно дать имя энтелехій, потому что онѣ представляютъ изъ себя извѣстнаго рода совершенство, находятся въ состояніи самодовольствія (*αὐτάρχεια*), которое дѣлаетъ ихъ источникомъ своихъ внутреннихъ дѣйствій ²⁾. Такъ какъ монады представляютъ изъ себя совершенное единство безъ частей, то онѣ не могутъ быть выводимы изъ какихъ либо элементовъ, ни когда-либо разложиться на эти элементы. Для нихъ нѣтъ ни естественнаго генезиса, ни естественнаго исчезновенія, т. е., они не могутъ ни происходить, ни исчезать. Въ силу своей абсолютной простоты монады не могутъ подчиняться никакому постороннему вліянію, такъ какъ всякое вѣшнее и механическое дѣйствіе на нихъ предполагало бы перемѣщеніе частицъ, но монады не имѣютъ частей; они всегда независимы и обособленны. Монады не имѣютъ оконъ, говоритъ Лейбницъ, чрезъ которыя можетъ что-либо войти или выйти.

Мы познакомились съ основнымъ принципомъ Лейбницевской философіи, съ его монадами—этими первоисточниками явленій природы. Мы сказали, что монады Лейбница невещественныя самостоятельныя сущности, между которыми нѣтъ никакой связи въ смыслѣ содѣйствія или воздѣйствія другъ на друга. Теперь возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ возможенъ міръ, какъ цѣлое связанное, съ точки зрѣнія лейбницевской метафизики? Какъ возможны вещественные предметы и вообще весь физическій міръ, если элементы вещей суть невещественныя субстанціи? Если въ основѣ всего сущаго лежатъ вполне самостоятельныя и замкнутыя другъ отъ друга субстанціи, то не будутъ-ли эти субстанціи, какъ замѣтилъ Бэйль, дѣйствовать одна противъ другой, слѣдовательно не будутъ-ли онѣ препятствовать одна другой и такимъ образомъ не сдѣлаютъ-ли онѣ невозможнымъ всякій порядокъ вещей? Лейбницъ говоритъ, что матеріальность монадъ вытекаетъ изъ самаго понятія ихъ. Всякая монада, какъ самостоятельная, индивидуальная, отличная отъ всякой другой, единица, имѣетъ

¹⁾ *Système nouveau de la nature* № 11. 126 p.

²⁾ *Monadologie* 706 p.

свой предѣлъ, извѣстную границу, извѣстный кругъ дѣятельности, иначе онѣ слились бы въ одну субстанцію; но предѣлъ можетъ быть мыслимъ только, какъ вещественное бытіе; слѣдовательно каждая монада есть и дѣятельная сила и ограниченная сила.

Ограниченность монадъ есть основаніе ихъ вещественности, начало матеріи, дѣятельность же ихъ есть принципъ формы. Оба эти свойства монадъ первоначальны и необходимы и составляютъ только отдѣльные моменты одного и того же существа. Каждая монада есть тѣло, но тѣло одушевленное. Такъ какъ все механическое дѣйствуетъ по вѣшнему толчку и не имѣетъ само въ себѣ цѣли своего движенія, а жизнь и все живое дѣйствуетъ по определенной формѣ или цѣли, то можно сказать, что душа есть цѣль тѣла, а тѣло есть орудіе души, а отсюда и въ міровомъ порядкѣ вещественный міръ есть какъ бы средство, чрезъ которое раскрывается царство духовное, а царство духовное есть основа и цѣль вещественнаго міра; слѣдовательно нравственный міръ есть послѣдняя цѣль міра естественнаго ¹⁾.

Лейбницъ первый изъ новѣйшихъ философовъ открылъ точку совпаденія естественнаго и нравственнаго міра, царства цѣлей и царства дѣйствующихъ причинъ и тѣмъ проложилъ путь новому взгляду на взаимоотношеніе наукъ естественныхъ и нравственныхъ, доказавши, что въ физикѣ вмѣсто того, чтобы исключать понятія цѣли, нужно скорѣе выводить все изъ этихъ понятій ²⁾.

Мы сказали что монады Лейбница по своей сущности одушевленные тѣла, или живыя существа. Какъ такія, онѣ должны быть мыслимы въ постоянномъ развитіи и живомъ измѣненіи. Онѣ переживаютъ множество разнообразныхъ состояній, такъ что каждая монада при нераздѣльномъ единствѣ содержитъ безконечное множество возможныхъ дѣйствій. Это множество, очевидно, только ideally можетъ содержаться въ единствѣ монады, именно оно *представляется* монадою, ко-

¹⁾ Epist II ad Bierling. 678 стр.

²⁾ Extrait d'une lettre à Mr Bayle Sur un principe général utile à l'explication des loix de nature стр. 106. Cp. De ipsa natura §4, 155 стр.

торая есть отсюда *сила представляющая*. Когда Лейбницъ называетъ монаду силой представляющей, то разумѣетъ подъ представленіемъ силу формы, т. е. силу, которая связуетъ многообразіе въ единствѣ. (*Perceptio nihil est aliud, quam multorum in uno expressio*) ¹⁾. Основаніе приписывать всѣмъ монадамъ силу представленія, по Лейбницу, заключается въ *законъ аналогіи*, по которому всѣ вещи, при всемъ разнообразіи индивидуальныхъ отличій, имѣютъ близкое сходство (*omnia in natura analogica*) ²⁾ и въ *законъ непрерывности*, по которому природа не дѣлаетъ скачковъ. Всѣ монады отличаются другъ отъ друга въ безконечно маломъ, такъ что вездѣ и всюду вполнѣ можно сказать „с'est tout, comme ici“, т. е., „все такъ, какъ здѣсь“. Отсюда человекъ не есть единственное представляющее существо. Думать иначе, по Лейбницу, значить допускать, что между человекомъ и прочими предметами видимаго міра нѣтъ ничего сроднаго и въ природѣ существуетъ нѣкоторый скачекъ. Ни того, ни другого Лейбницъ не допускаетъ въ силу вышеупомянутыхъ законовъ аналогіи и непрерывности.

И такъ монады суть силы представляющія; всѣ вещи обладаютъ существеннымъ свойствомъ духа—представленіемъ и всѣ онѣ аналогичны душѣ человеческой.

Но что же служитъ объектомъ представленія монадъ? Это прежде всего, конечно, ихъ собственная индивидуальность, и во вторыхъ, весь физическій міръ. Какъ недѣлимая простая сила, монады единственно изъ себя развиваютъ свои состоянія: онѣ не имѣютъ оконъ, по выраженію Лейбница, для того, чтобы воспринимать что-либо внѣшнее. Не смотря на это, между монадами, т. е. въ цѣломъ мірѣ, существуетъ опредѣленная связь, внѣ которой онѣ не мыслимы. „Эта связь, говоритъ Лейбницъ, или это согласіе всѣхъ вещей съ каждою отдѣльною вещью производитъ то, что каждая имѣетъ отношеніе ко всѣмъ другимъ и слѣдовательно есть живое зеркало бытія“ ³⁾, т. е., монады не мыслимы и не могутъ быть пред-

¹⁾ Epist. 3. ad K. P. des Bosses 498 p.

²⁾ Epist ad Vagnerum de vi activa corporis 466 p.

³⁾ Monadologie § 56. 709 p. cp. Princip. de la nature. § 3 714 p.

ставляемы независимо другъ отъ друга. Представляя себя, онѣ представляютъ и всю вселенную. Каждая монада носитъ въ себѣ идеальню, какъ въ зародышѣ, всю совокупность вещей. „Въ малѣйшемъ незамѣтнѣйшемъ существѣ взоръ, столь проницательный, какъ Божій, могъ бы прочесть весь послѣдовательный рядъ мірозданія“¹⁾. Всѣ монады представляютъ одинъ и тотъ же міръ, но съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, подъ особымъ, свойственнымъ каждой монадѣ, угломъ зрѣнія и съ неодинаковою ясностью. Отсюда вытекаетъ безпредѣльная градація монадъ. Нижнюю ступень этой градаціи составляютъ тѣ монады, ни одно изъ представлений которыхъ не сопровождается ни сознаниемъ, ни памятью. Это просто монады. Если же монады имѣютъ „столь хорошо устроенные органы, что посредствомъ ихъ могутъ быть образно выражены и различены воспринятія впечатлѣнія“,—монады, возвысившіяся до ощущенія и памяти—называются *душами*. Если же эта душа возвысится до разума, т. е., когда она сдѣлается способной къ рефлексіи и разумѣнію того, чему даютъ названія „я“, „субстанція“, „душа“, „духъ“,—однимъ словомъ къ разумѣнію вещей и истинъ сверхчувственныхъ, то она будетъ существомъ еще высшаго порядка и ее Лейбницъ причисляетъ къ *духамъ*²⁾. Отраженіе вселенной, красоту ея, можно было бы найти въ каждой душѣ, если бы только возможно было раскрыть ее и заглянуть во всѣ ея изгибы, но *души* болѣе, чѣмъ другія, низшія монады, отражаютъ въ себѣ вселенную. Духъ не только зеркало міра, но и образъ Божества, которому онъ можетъ подражать своими творческими попытками.

Отображая въ себѣ міръ, каждая съ своей точки зрѣнія, монады, по причинѣ своей недѣлимости, остаются совершенно непроницаемы другъ для друга и совершенно замкнуты въ себѣ. Такимъ образомъ въ мірѣ существуетъ и *единство*, состоящее въ томъ, что монады всѣ имѣютъ одинаковую природу, именно суть силы представляющія и вмѣстѣ величайшее *разнообразіе*, которое состоитъ въ томъ, что монады отображаютъ въ себѣ одинъ и тотъ же міръ, неодинаковымъ

1) Nouveaux Essais 197 p.

2) Principe de la nature... § 4 714—15 стр.

образомъ каждая, а сообразно своему положенію въ ряду другихъ монадъ, съ большею ясностью представляя ближайшее къ ней, нежели отдаленное и съ тѣмъ, наконецъ, различіемъ, что однѣ монады не сознають своихъ представленій, другія, хотя сознають, но смутно, иныя же имѣють ясно сознаваемые представленія, различая какъ самыя представленія, такъ и себя отъ своихъ представленій, т. е., имѣють не только сознаніе, но и самосознаніе. Въ мірѣ господствуетъ такимъ образомъ, совершеннѣйшій порядокъ и совершеннѣйшая гармонія: единство въ связи съ разнообразіемъ, или разнообразіе при единствѣ.

Какимъ же образомъ возможно взаимодѣйствіе и полное согласіе въ дѣйствіяхъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга субстанцій? Это возможно, говоритъ Лейбницъ, или чрезъ непосредственное физическое вліяніе, или чрезъ постоянное содѣйствіе Божіе, или, наконецъ, чрезъ предустановленную гармонію, по которой Богъ, при самомъ созданіи міра, сообщилъ такой параллелизмъ между монадами, что онѣ, будучи совершенно независимы другъ отъ друга, дѣйствуютъ однакоже совершенно согласно съ другими. Какое предположеніе болѣе вѣроятно, Лейбницъ старается уяснить слѣдующимъ примѣромъ. Вообразите, говоритъ онъ, двое часовъ, совершенно согласныхъ другъ съ другомъ, т. е., стрѣлки ихъ показываютъ одно и то же. Ихъ согласіе можно объяснить, во первыхъ, принявъ, что стрѣлки тѣхъ и другихъ часовъ соединены между собою, такъ что стрѣлки однихъ влекутъ за собою стрѣлки другихъ; во вторыхъ тѣмъ предположеніемъ, что за механизмомъ часовъ поставленъ человѣкъ, который ежеминутно ставитъ стрѣлки однихъ часовъ по стрѣлкамъ другихъ; въ третьихъ, наконецъ, можно это объяснить, допустивъ, что механизмъ обоихъ часовъ устроенъ такъ, что тѣ и другіе, дѣйствуя совершенно независимо другъ отъ друга, тѣмъ не менѣе, идутъ совершенно согласно. Несомнѣнное предпочтеніе Лейбницъ отдаетъ послѣднему предположенію. Первое изъ нихъ не уясняетъ, какимъ образомъ возможно взаимодѣйствіе между различными монадами, второе для объясненія этого взаимодѣйствія требуетъ допущенія постояннаго чуда со стороны Бога,

какъ будто Онъ только тѣмъ и занятъ, чтобы приводить въ движеніе тѣла, когда этого желаетъ душа, и образованіемъ представленій души, когда этого требуютъ тѣла 1). Изъ трехъ вышеупомянутыхъ предположеній остается принять, такимъ образомъ, третье, т. е., нужно признать, что самая природа существъ изначала устроена Богомъ такъ, что всѣ ея дѣйствія, развиваясь исключительно изъ нея самой, тѣмъ не менѣе находятъ въ постоянномъ согласіи съ естественнымъ порядкомъ 2). Богъ съ самаго начала создалъ душу въ такомъ видѣ, что она развивается и въ строгомъ порядкѣ представляетъ все, что совершается въ тѣлѣ; равно какъ и тѣло Богъ создалъ въ такомъ видѣ, что оно само собою исполняетъ то, что требуетъ душа. И это совершается такимъ образомъ, что законы, приводящіе мысли души въ порядокъ для достиженія конечныхъ цѣлей и сообразно съ развитіемъ представленій, должны вызывать образы, гармонирующие и согласующіеся съ тѣлесными впечатлѣніями въ нашихъ органахъ; равнымъ образомъ и законы движенія въ тѣлѣ, обнаруживающіеся въ порядкѣ дѣйствующихъ причинъ, тоже гармонируютъ съ мыслями души, такъ что тѣло вынуждается дѣйствовать именно въ то время, когда этого желаетъ душа 3). Въ этомъ и состоитъ предустановленная гармонія, открытіемъ которой Лейбницъ гордился, называя себя „*асторомъ предустановленной гармоніи*“.

Такъ какъ взаимное согласіе разнородныхъ субстанцій, называемыхъ монадами, можетъ проистекать только отъ одной общей причины, которая должна необходимо имѣть безконечную мудрость и всемогущество, чтобы установить это согласіе между ними, то предустановленная гармонія Лейбница приводитъ насъ къ понятію о Богѣ, какъ своему началу. Міръ, по Лейбницу, представляетъ собою, такимъ образомъ, непрерывное, но постепенное царство существъ, которыя завершаются высочайшей монадой—Богомъ, отъ котораго и зависитъ вся

1) Theodicée I. § 61. 520 p.

2) Second éclaircissement du système de la communication de substances et troisième. 134—135 p.

3) Theodicée I, § 62, 520 p.

міровая гармонія. Богъ есть источникъ бытія и жизни. Онъ есть какъ бы „вездѣприсущій центръ, у котораго нѣтъ периферій, такъ какъ ему присуще все непосредственно, безъ всякаго удаленія отъ этого центра“¹⁾. Метафизическая точка зрѣнія у Лейбница въ концѣ его системы превращается въ теологическую. До сихъ поръ мы смотрѣли на монады, какъ самодѣятельныя силы, или субстанции, которыя дѣйствуютъ и развиваются исключительно собственной силою, безъ всякаго воздѣйствія и содѣйствія. Но отъносительно ихъ нужно сказать, что онѣ содержатъ въ себѣ только основаніе своихъ дѣйствій, но не основаніе своего бытія. По своему происхожденію—это суть творенія Бога, обязанныя своимъ бытіемъ исключительно Его волѣ. Богъ находится въ двоякомъ отношеніи къ монадамъ. Какъ высшая монада, Онъ есть предѣлъ, которымъ завершается постепенное и непрерывное царство монадъ. Какъ творецъ, Онъ есть источникъ, изъ котораго получаютъ бытіе всѣ существа, всѣ монады. Богъ есть, такимъ образомъ, начало и конецъ всего сущаго, дѣйствующая и конечная причина (*causa efficiens et causa finalis*). Міровая гармонія съ метафизической точки зрѣнія, по Лейбницу, есть естественная гармонія, законъ природы, непосредственно вытекающій изъ элементовъ всего сущаго; съ теологической—это предустановленная гармонія, предустановленная—въ томъ смыслѣ, что монады и ихъ законы установлены самимъ Богомъ и реализируются Его творческой волей, что въ первоначальной природѣ всѣхъ вещей предустановленъ міровой порядокъ, въ задаткѣ каждого единичнаго существа—его развитіе, въ задаткѣ чловѣческаго характера—его дѣйствія. Міръ, по Лейбницу, развивается собственными силами. Силы эти дѣйствуютъ по своей внутренней законѣрности и развитіе ихъ основывается на ихъ задаткѣ, или „предобразованіи“. Отсюда и развитіе самого міра состоитъ въ сохраненіи, или „въ пребывающемъ бытіи силъ“, изъ которыхъ онъ состоитъ.

Но такъ какъ монады, какъ мы сказали, имѣютъ только основаніе своихъ дѣйствій, но не своего бытія, которое онѣ

¹⁾ Principe de la nature et de grace § 13. 717 p.

получаютъ чрезъ актъ Божественнаго творчества, то ихъ пребывающее бытіе и вообще всей вселенной есть въ нѣкоторомъ родѣ *продолжающееся твореніе* (creation continuelle) ¹⁾. Это продолжающееся твореніе въ свою очередь должно считаться вѣчнымъ твореніемъ, потому что и самыя силы природы вѣчны, т. е., существуютъ и будутъ существовать до конца міра. Развитие природы съ теологической точки зрѣнія является, по Лейбницу, Божественнымъ мірохраненіемъ, или непрерывнымъ твореніемъ. Въ этомъ понятіи о сохраненіи міра, какъ о вѣчномъ твореніи, лежитъ согласіе и связь между Богомъ и міромъ, между твореніемъ и развитіемъ природы.

Какъ произведеніе Существа совершеннѣйшаго, какъ актъ высочайшаго Разума и Божественной воли, которая избираетъ и творитъ всегда по принципу наилучшаго, существующій міръ не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи есть наилучшій изъ возможныхъ: онъ есть не только удивительная машина, но и наилучшее государство, дающее духамъ возможно полное блаженство ²⁾. Въ пользу этого положенія Лейбницъ приводитъ еще слѣдующія соображенія: такъ какъ всѣ возможности, заключающіяся въ Божественномъ Разумѣ, стремятся къ существованію, то результатомъ всѣхъ этихъ стремленій долженъ явиться дѣйствительный міръ, наиболѣе совершенный изъ возможныхъ. Иначе нельзя было бы указать основанія, почему вещи сотворены такъ, а не иначе ³⁾.

Ученіе Лейбница о существующемъ мірѣ, какъ наилучшемъ, и о предустановленной гармоніи вызываетъ массу недоумѣній. Въ самомъ дѣлѣ, если этотъ міръ есть наилучшій изъ возможныхъ, то какимъ образомъ могло быть допущено въ немъ зло, безъ котораго, повидимому, міръ былъ бы болѣе совершенъ? Если Богъ не могъ предупредить зла, то гдѣ Его всемогущество? Если Онъ не желалъ этого, то гдѣ Его благость? Далѣе,—если все въ мірѣ предустановлено, то предустановлено и

¹⁾ Lettre à Bayle 191 p.

²⁾ De rerum originatione 148 стр.

³⁾ Principes de la grâce et de la nature § 11.

зло и какъ такое необходимо, тогда отвѣтственъ-ли человекъ за свои дѣйствія? Вотъ тѣ недумѣнія и вопросы, къ которымъ приводитъ философская система Лейбница вообще и его установленная гармонія въ частности. Рѣшеніе этихъ вопросовъ и недумѣній и составляетъ задачу Теодицеи, къ изложенію которой мы теперь и перейдемъ, руководствуясь намѣченнымъ нами планомъ.

Н. Соловьевъ.

(Проложеніе будетъ).

Николай Яковлевич Гротъ (1852 + 1899 г.) и его Философскіе труды.

(Продолженіе *).

Г Л А В А III.

Спеціальныя работы Грота по психологіи во II и III (идеалистическо-научномъ—съ 1895 г.) періодахъ его дѣятельности. „О жизненныхъ задачахъ психологіи“. „Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи“. „О времени“. „Основанія экспериментальной психологіи“ Понятія души и психической энергіи въ психологіи“.

Разработка понятія метафизики привела Грота къ разработкѣ и другихъ философскихъ дисциплинъ. Въ томъ же 1890 г., въ которомъ была написана статья „Что такое метафизика?“—онъ пишетъ и „о жизненныхъ задачахъ психологіи“. Своею статьею „Жизненные задачи психологіи“ Гротъ открылъ рядъ работъ по той философской дисциплинѣ, которую онъ считалъ важнѣйшею среди всѣхъ другихъ частей философіи. Всѣ наиболѣе крупныя работы послѣдняго десятилѣтія жизни нашего мыслителя примыкаютъ, за немногими исключеніями, къ области психологіи. Статью „Жизненные задачи психологіи“ нашъ мыслитель начинаетъ съ указанія того выдающагося значенія, которое должна бы имѣть психологія. Гротъ находитъ, что эта наука, повидимому, должна бы быть наукою центральною, наукою первенствующею и руководящею. Такое руководящее значеніе психологіи вытекаетъ изъ самаго характера этой науки и отношенія ея къ другимъ отраслямъ чело-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 17.

вѣческаго знанія. Основная, высочайшая по своему значенію и наиболѣе трудная для выполненія, задача человѣка въ жизни состоитъ въ томъ, чтобы овладѣть самимъ собою, такъ какъ черезъ себя онъ овладѣваетъ и міромъ: покоряетъ себѣ, своимъ идеямъ и идеаламъ, природу и другія существа. Покорить же природу человѣкъ можетъ, лишь познавши ее: вся наука и есть попытка систематической организаціи познанія природы и чрезъ это разумной борьбы съ ея силами, подчиненія ихъ волѣ человѣка. Но сама наука есть форма и результатъ душевной дѣятельности человѣка, и для правильной организаціи ея необходимо, прежде всего, познаніе человѣкомъ его умственныхъ силъ и средствъ, элементовъ и основъ его душевной дѣятельности; повтому специальную науку въ ея работѣ всегда направляетъ особая наука о познаніи, о законахъ мышленія, о приемахъ пріобрѣтенія и доказательства истины. Но наука о познаніи есть часть науки о душевной дѣятельности человѣка—психологіи. Отсюда нашъ мыслитель и дѣлаетъ тотъ выводъ, что психологія имѣетъ среди наукъ центральное значеніе—всѣ науки созидаются душевными процессами человѣка и въ познаніи этихъ душевныхъ процессовъ должны черпать дальнѣйшія силы и средства для своего правильнаго и систематическаго развитія. Но помимо такого непосредственнаго воздѣйствія на строй всѣхъ наукъ, психологія въ правѣ первенствовать между ними и по другимъ причинамъ. Не только наука, но и всякая дѣятельность человѣка—художественная, артистическая, педагогическая, административная и всякая иная, не исключая элементарной жизнедѣятельности организма, совершаются при участіи ума, чувства, воли человѣческой. Познаніе душевной дѣятельности человѣка должно внести свѣтъ сознанія во всѣ отправления человѣка, во всѣ его взаимодѣйствія съ природой и другими существами. Познать законы творчества, условія и приемы созиданія величайшихъ произведеній человѣческаго генія, можетъ только психологія; постигнуть способы воздѣйствія человѣка на другія человѣческія души, узнать приемы и условія ихъ правильной культуры, подчиненія ихъ общественной дисциплинѣ, руководства ихъ къ жизни нравственной,—и наконецъ овладѣть самимъ

собою ради задачъ нравственныхъ, выработать свой характеръ,—подчинить разуму свои страсти—все это дѣло психологіи. Такимъ образомъ, психологія, по воззрѣнію нашего мыслителя, должна бы имѣть самое широкое значеніе: она должна бы пріобрѣсти въ человѣческой жизни первенствующее мѣсто, должна стать общеобязательной, основной наукой для всѣхъ прочихъ наукъ—исходной. Таково должно бы быть значеніе психологіи; но таково ли оно на самомъ дѣлѣ?—задается вопросомъ нашъ мыслитель. Далекое нѣтъ, отвѣчаетъ онъ: хотя психологія очень древняя наука, возникшая еще за 4 вѣка до Р. Х., однако она и до сихъ поръ далеко еще не можетъ считаться наукою установившеюся, выработавшею свои методы и приемы, изслѣдовавшею и опредѣлившею свои задачи; тогда какъ цѣлое множество наукъ (математика, филологія, исторія, географія, физика, біологія) разрослись въ сложныя стройныя дисциплины, пріобрѣтшія право гражданства въ школѣ и имѣющія своихъ специалистовъ—практиковъ (химиковъ, ботаниковъ, техниковъ, медиковъ, ученыхъ юрисконсультовъ и т. п.),—психологія до сихъ поръ находится въ самомъ неопредѣленномъ положеніи: преподаваніе ея то переходитъ изъ высшей школы въ среднюю и обратно, то перекочевываетъ изъ одного факультета въ другой, въ жизни психологія также не имѣетъ большого примѣненія и вліянія: разрушаютъ и созидаютъ системы воспитанія и образованія, передѣлываютъ гимназій и университетовъ, классицируютъ преступленія и наказанія, преобразовываютъ законы и общественныя учрежденія и, хотя всѣ эти усовершенствованія касаются организациі человѣческой дѣятельности и духовныхъ отношеній человѣческихъ личностей,—культуры ихъ ума и сердца, улучшенія и обузданія ихъ воли, но никто и не спрашиваетъ объ этомъ психологовъ, никто не ищетъ руководства для этихъ усовершенствованій въ ученіяхъ науки о душевной жизни и дѣятельности человѣка въ знаніяхъ и опытѣ ея представителей. Науки и искусства, хотя и созидаются умомъ и волею человѣка, также не ищутъ въ своей работѣ, въ расширеніи своихъ задачъ и въ изощреніи своихъ приемовъ, указаній въ психологіи и у психологовъ. Равнымъ образомъ

и въ нравственной жизни человѣка, въ воспитаніи его характера, въ направленіи его воли къ добру, также обходятъ науку, которая одна только и можетъ дать правильное теоретическое руководство для всесторонней выработки личности.— Въ общемъ,—дѣлаетъ заключеніе Гротъ, за психологіею не признаютъ значенія въ жизни, и не даютъ ей надлежащаго мѣста въ школахъ. Естественно является вопросъ: въ чемъ же причина такого низкаго положенія психологіи? Нашъ мыслитель находитъ, что эта причина лежитъ въ самой наукѣ—психологіи, въ ея настоящемъ состояніи, въ ничтожествѣ сдѣланныхъ ею пріобрѣтеній, въ слабости и недостовѣрности пріемовъ ея разработки. Въ дальнѣйшемъ своемъ изслѣдованіи Гротъ и приводитъ доказательства въ пользу указанной имъ причины слабаго состояніи психологіи. Главная задача всякой науки состоитъ въ томъ, чтобы овладѣть извѣстными явленіями и научить тому, какъ ихъ излагать и направлять, согласно намѣреніямъ и планамъ человѣка; другими словами—въ томъ, чтобы объяснить ихъ. Объяснить же явленіе значитъ познать его въ его причинахъ и условіяхъ возникновенія и развитія.—Является вопросъ: объяснила ли психологія въ этомъ смыслѣ какія нибудь явленія, ею изучаемыя? Нашъ мыслитель рѣшительно даетъ отрицательный отвѣтъ на поставленный имъ вопросъ: психологія до сихъ поръ даже не установила правильно своей задачи и тѣмъ болѣе—не разрѣшила ея. Прямою задачею психологіи было—прослѣдить сложные душевные процессы—мысли, хотѣнія, чувства—въ ихъ послѣднихъ источникахъ, понять причины отличій въ качествахъ, быстротѣ и интенсивности работы ума, воли и чувства у отдѣльныхъ личностей, опредѣлить условія, при которыхъ она варьируется, то повышаясь, то понижаясь у однихъ и тѣхъ же людей. Анализируя исторію психологіи, Гротъ находитъ, что психологія, не только старая метафизическая, не достигла осуществленія своихъ задачъ, но и новая эмпирическая психологія тоже никакъ не можетъ похвалиться этимъ. Нашъ мыслитель подробно доказываетъ это, разбирая основныя положенія новой эмпирической психологіи. Въ основаніи этой психологіи ле-

жить утверждение, что ничего, кромѣ душевныхъ явленій, мы знать не можемъ, что психологія должна изучать ихъ сосуществованія и послѣдовательности и искать опредѣленія законовъ этихъ сосуществованій и послѣдовательностей. Самый крупный результатъ этой эмпирической психологіи—теорія ассоціаціи представленій. Нашъ мыслитель не касается отдѣльныхъ пунктовъ этой теоріи, но даетъ критику лишь общихъ приемовъ и результатовъ ея. Онъ находитъ, что эмпирическая психологія не выполнила даже самой начальной исходной своей задачи—подвергнуть научному изслѣдованію популярный психологическій языкъ; она до сихъ поръ не сдѣлала выборки въ какомъ либо языкѣ всѣхъ существующихъ въ немъ обозначеній, отгѣнковъ душевныхъ состояній, не провѣрила эту систему терминовъ даннаго языка терминологіей другихъ языковъ, и на основаніи этой провѣрки, а также на основаніи памятниковъ народнаго творчества и литературы, не описала содержанія этихъ терминовъ и ихъ постепенной эволюціи. Такая задача была бы несомнѣнно эмпирической и, по мнѣнію нашего мыслителя, могла бы дать первоначальныя основы для исчерпывающей и всесторонней научной классификаціи душевныхъ явленій человѣка, ибо душевный опытъ всего человѣчества несомнѣнно цѣннѣе и полнѣе индивидуальнаго опыта отдѣльныхъ психологовъ. Но такую задачу никто изъ психологовъ эмпириковъ никогда не пытался осуществить, хотя она—основная, ближайшая. Далѣе психологія не выполнила и другой своей задачи: всякая наука обязана устранить въ описаніи изучаемыхъ фактовъ все случайное, индивидуальное, субъективно-измѣнчивое, выдѣливъ существенныя, постоянныя неотъемлемыя признаки. Въ психологіи этого можно достичь не иначе, какъ путемъ изученія душевныхъ состояній въ отдѣльной личности въ тѣхъ условіяхъ и причинахъ, которыя налагаютъ на нихъ извѣстный личный отпечатокъ, сообщаютъ имъ индивидуальныя случайныя черты, которыя требуется выдѣлить. Но цѣльная, реальная человѣческая личность, до настоящаго времени, по замѣчанію нашего мыслителя, изучалась въ психологическомъ отношеніи только художниками, психіатрами и историками,—психологами же

очень рѣдко; отъ того-то, замѣчаетъ Гротъ, для дѣйствительнаго познанія души человѣка нѣкоторыя художественныя произведенія великихъ художниковъ и поэтовъ гораздо цѣннѣе и полезнѣе безчисленныхъ трактатовъ эмпирической психологiи¹⁾. Всякій безпристрастный психологъ, говоритъ Гротъ, долженъ сознаться, что у Шекспира, Диккенса, Золя, Толстого, Достоевскаго можно лучше научиться психологiи, чѣмъ у Бэна, Спенсера, Вундта, Рибо, потому что первые гораздо глубже и полнѣе введутъ читателя въ истинную лабораторiю духа, нежели авторы отвлеченныхъ эмпирическихъ трактатовъ о душѣ. У первыхъ мы встрѣтимъ вѣрное описанiе и объясненiе тончайшихъ изгибовъ человѣческой души, глубочайшихъ превращенiй и измѣненiй идей, чувствъ и стремленiй человѣка, тогда какъ у другихъ найдемъ только субъективныя и, большею частью, спорныя схемы. Причина этому явленiю та, что художникъ изучаетъ живую, реальную и конкретную личность человѣка съ ея реальнымъ, духовнымъ содержанiемъ, а эмпирическая психологiя такимъ изученiемъ живой личности еще не занимается; если она иногда и занимается изученiемъ отдѣльныхъ личностей, то не обыкновенныхъ, а чѣмъ либо выдающихся изъ ряда другихъ людей, напр. своею ненормальностью; изученiемъ же отдѣльныхъ, воплiвъ нормальныхъ и достигшихъ высокаго духовнаго развитiя, личностей—рѣдкiй изъ психологовъ занимается. И потому-то нашъ мыслитель считаетъ себя въ правѣ сказать, что такъ называемая эмпирическая психологiя даже самой главной задачи далеко еще не выполнила, что ея эмпириа крайне узкая, ограниченная и приправленная большой дозой фантази и субъективнаго произвола, что ее даже нельзя серьезно назвать эмпирией, опытомъ. Въ силу же такого слабаго состоянiя науки психологiи и результаты ея очень бѣдны. Попытки объясненiя душевныхъ явленiй въ ихъ причинахъ и законахъ развитiя—крайне шатки и противорѣчивы: иные психологи объясняютъ чувство и волю изъ ощущенiй и идей, другiе ищутъ источника идей и чувствъ въ направленiи воли, третьи разсматриваютъ чув-

1) Вюр Фил. и Псих. 1890 г. 4-я ст. „Жизненныя задачи психологiи“.

ствование, какъ первоначальную основу идей и стремлений. Главный результатъ эмпирической психологiи—теорiя ассоціаціи—является, по нашему мыслителю, теорiей ограниченной и чисто формальной. Теорiя ассоціаціи, по мнѣнію Гротъ ¹⁾, есть теорiя механическаго осложненiя душевныхъ явленiй, и потому въ самой основѣ своей она есть теорiя тенденціозная, предрѣшающая вопросъ объ основномъ характерѣ душевнаго развитiя, и притомъ—теорiя, только лишь поверхностно схватывающая нѣкоторые видимые факты душевнаго бытiя, но нисколько ихъ не выясняющая изъ одного принципа, изъ основной причины, ибо она по преимуществу касается лишь внѣшнихъ формальныхъ условiй—сочетанiя душевныхъ явленiй (какова напр. смежность впечатлѣній въ пространствѣ и времени), а не внутреннихъ условiй—работы духа въ этомъ процессѣ. Разбирая далѣе недостатки эмпирической психологiи, Гротъ указываетъ то, что самыя исходныя понятiя ея не выработаны критически, и потому остается неизвѣстнымъ и неяснымъ, съ какого рода фактами имѣеть дѣло въ своемъ анализѣ опытная психологiя: что такое психическое явленiе, чѣмъ оно ограничено. въ какихъ основныхъ формахъ оно существуетъ, каковы элементы и условiя внутренняго опыта въ отличiе отъ внѣшняго. Путемъ критическаго анализа термина „психическое явленiе“, нашъ мыслитель доказываетъ, что не можетъ быть проведено границы между душевными явленiями и бытiемъ духовной субстанціи души. Онъ вполне согласенъ съ тѣмъ, что сразу вся душа, въ ея цѣлостной сущности, не открывается намъ въ отдѣльной идеѣ, въ отдѣльномъ чувствованiи и хотѣнiи; но онъ не согласенъ съ тѣмъ, что она не открывается и не разоблачается во всей совокупности и во всемъ разнообразiи нашихъ душевныхъ процессовъ. Нашъ мыслитель находитъ даже болѣе того, что и въ отдѣльныхъ фактахъ мысли, чувства и хотѣнiя, при тщательномъ анализѣ, могутъ раскрываться основныя своеобразныя черты духовнаго бытiя, въ отличiе отъ физическаго, познаваемаго косвенно во внѣшнемъ опытѣ. Если бы въ нашемъ

¹⁾ См. *Вопр. Фил. и Псих.* 1890, 4 кн., 164 стр.

самосознаніи мы изучали только „душевныя явленія“, а не сущность души, то, по нашему мыслителю, было бы непонятнымъ, какимъ же образомъ и куда же можетъ ускользнуть основная сущность духовнаго бытія всего человѣчества, въ теченіе десятковъ вѣковъ, какъ она обнаруживается предъ сознаніемъ нашимъ чрезъ изученіе исторіи, литературы, языка и другихъ памятниковъ духовной жизни человѣчества. Подводя итогъ возрѣнію эмпирической психологіи на душевныя явленія, Гротъ полагаетъ, что основной тезисъ эмпирической психологіи „о возможности научнаго познанія однихъ душевныхъ явленій“—совершенно нелѣпый и не выдерживающій самой снисходительной критики, и что убѣжденіе старой раціональной психологіи о познаваемости духовной субстанціи, ея основныхъ силъ и свойствъ,—совершенно правильное, и что вся ошибка старой метафизической психологіи состояла лишь въ предположеніи возможности познанія духовной субстанціи и ея силъ а priori, отъ разума, а не изъ фактовъ опыта. Научная психологія должна быть опытной, т. е., на факты опирающейся наукой. Но этотъ опытъ и эти факты должны быть дѣйствительно опытомъ и фактами: изученіе духовной жизни должно быть изученіемъ реальной духовной жизни личности и реальныхъ продуктовъ прошлой и настоящей духовной жизни человѣчества, а затѣмъ опытная психологія должна вести насъ къ познанію самаго существа духовныхъ силъ и ихъ бытія, а не однихъ только „символовъ“ этого бытія въ неопредѣленныхъ и невыясненныхъ по самому понятію душевныхъ явленійхъ. Что же касается нынѣшней эмпирической психологіи, то нашъ психологъ—философъ того о ней мнѣнія, что она въ силу произвольныхъ и некритическихъ ограниченій, которыми она свое дѣло обставила, а также и въ силу ложно-эмпирическихъ пріемовъ, которыми она совидается, должна быть признана не настоящей опытной и научной психологіей, а лишь слабою тѣнью ея. Невѣрныя и произвольныя основныя понятія превратили ее,—по выраженію нашего мыслителя, „въ схоластику эмпиризма“, въ совокупность столь же тенденціозныхъ и въ сущности также а priori, отъ разума построенныхъ, произвольныхъ схемъ „выдуманныхъ явленій“ и

выдуманныхъ „отношеній“ и законовъ этихъ явленій, какими были рациональныя метафизическія схемы прежней доэмпирической психологіи. Сходство этихъ двухъ типовъ психологіи Гротъ видитъ въ томъ, что здѣсь и тамъ не дается никакого реального объясненія душевной жизни и дѣятельности человѣка, а предлагаются однѣ лишь фантастическія и глубоко субъективныя картины ея, построенныя воображеніемъ на основаніи поверхностнаго наблюденія и самонаблюденія, и почти ничего не дающіе сверхъ того, что находится въ полномъ распоряженіи cadaго человѣка, независимо отъ всякой „науки“ психологіи, если только онъ внимательно наблюдаетъ душевную жизнь свою и другихъ людей. Если-же такой простой смертный, не психологъ, обладаетъ, сверхъ того, особыми дарованіями и гениальною проницательностью въ наблюденіи и истолкованіи душевныхъ состояній, своихъ и чужихъ, то онъ даже съ пренебреженіемъ отворачивается отъ схоластическихъ и поверхностныхъ умствованій психолога-эмпирика, и въ состояніи самъ— въ художественныхъ созданіяхъ своего гениа—дать такія тонкія, глубокія и правдивыя описанія и объясненія явленія духовнаго бытія человѣка, о какихъ и не снилось теоретической наукѣ-психологіи. Поэтому-то, нашъ психологъ—философъ и здѣсь особенно подчеркиваетъ ту мысль, что художественныя произведенія, напр. Достоевскаго, гораздо цѣннѣе для уразумѣнія глубокихъ тайнъ души человеческой, чѣмъ „Основанія Психологіи“ Спенсера, съ ея запутанной и искусственной терминологіей, съ ея произвольнымъ и часто наивнымъ схематизмомъ. На основаніи всѣхъ приведенныхъ нами справокъ и соображеній, Гротъ и представляетъ то положеніе, что настоящей науки психологіи до сихъ поръ еще не было, хотя не мало цѣннаго можно найти у древнихъ психологовъ (Платона, Аристотеля и др.), а также и новыхъ—психологовъ-эмпириковъ. Но нашъ психологъ-философъ настойчиво подчеркиваетъ ту мысль, что въ современной эмпирической психологіи цѣнное, важное, правдивое перепутывается съ такою массою наноснаго схематическаго хлама, съ такими искусственными хитросплетеніями тенденціозныхъ и произвольныхъ теорій, что во всей современной

литературѣ „научной психологіи“ нельзя рекомендовать ни одного руководства, ни одной монографіи, которыя были бы дѣйствительно назидательны и не могли бы сбить съ толку и запутать въ противорѣчіяхъ. Это затрудненіе въ выборѣ руководства для изученія основаній науки психологіи осложняется, по Гроту, еще тѣмъ обстоятельствомъ, что современная эмпирическая психологія проникнута тенденціей матеріализма: хотя принципиально эта матеріалистическая точка зрѣнія и отвергается большинствомъ психологовъ-эмпириковъ, но de facto она бессознательно господствуетъ въ значительной части эмпирическихъ системъ психологіи и выражается въ томъ преимущественномъ вниманіи, которое они удѣляютъ изложенію фактовъ тѣсной зависимости, въ коей находятся наши психическіе процессы по отношенію къ процессамъ организма. Нашъ мыслитель считаетъ возможнымъ прямо и рѣшительно сказать, что большинство современныхъ психологовъ-эмпириковъ обыкновенно ошибается, когда утверждаютъ, что они не сочувствуютъ матеріалистической точкѣ зрѣнія и не кладутъ ея въ основаніе своего анализа: между признаніемъ самостоятельной духовной субстанціи и отрицаніемъ ея бытія, согласно логическому закону исключеннаго третьяго, нѣтъ и не можетъ быть ничего третьяго, и потому послѣдовательные психологи-эмпирики почти всѣ суть, по убѣжденію нашего мыслителя, скрытые матеріалисты; ихъ чистый эмпиризмъ, по мнѣнію Грота, существуетъ только для отвода глазъ, чтобы дать ихъ изслѣдованіямъ видимость научнаго достоинства и строгости и устранить подозрѣніе въ принадлежности ихъ ученій къ разряду метафизическихъ, а не позитивныхъ; на самомъ же дѣлѣ, они бессознательно становятся на строго матеріалистическую точку зрѣнія и проводятъ въ своихъ сочиненіяхъ чисто матеріалистическія тенденціи. Разъясняя далѣе процессъ образованія у эмпириковъ психологовъ матеріалистическихъ тенденцій, Гротъ приводитъ въ примѣръ самого себя: мы сами даже, говоритъ нашъ мыслитель, придерживались въ своихъ психологическихъ изслѣдованіяхъ точки зрѣнія эмпирической психологіи и по опыту знаемъ тотъ душевный процессъ, при помощи котораго создается то

самообольщеніе, что будто эмпирической психологъ стоитъ на точкѣ зрѣнія чистой эмпириі, тогда какъ онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія скрытаго матеріализма. Далѣе Гротъ указываетъ на то, что хотя онъ никогда не былъ защитникомъ матеріализма, но, будучи психологомъ—эмпирикомъ, онъ не былъ и спиритуалистомъ, и изъ двухъ возможныхъ теорій сочувствовалъ все таки больше матеріалистической, незамѣтно для себя и вопреки своимъ намѣреніямъ вплетая ее въ свой анализъ,—что и подавало поводъ представителямъ спиритуализма считать его матеріалистомъ. Критически относясь теперь къ матеріалистическому ученію и его скрытой формѣ—позитивному эмпиризму, Гротъ признаетъ, что въ означенной оцѣнкѣ была нѣкоторая доля правды, такъ какъ совершенно устранить изъ объективнаго анализа факторъ „личныхъ сочувствій“ невозможно: хотя психологъ часто изо всѣхъ силъ старается добросовѣстно провести границу между своими научными, объективными убѣжденіями и приѣмами съ одной стороны, и личными субъективными взглядами съ другой; но душа его—одна, и научное сознаніе его тѣсно переплетается съ индивидуальнымъ, и при самыхъ добросовѣстныхъ усиліяхъ искусственное самораздвоеніе оказывается невозможнымъ. И такимъ-то образомъ, по заключенію нашего мыслителя, получается то, что большая часть талантливыхъ и дѣльныхъ произведеній въ области литературы современной—эмпирической психологіи должно отнести къ разряду скрыто-матеріалистическихъ сочиненій; и эта матеріалистическая точка зрѣнія въ современной психологіи сказывается и въ томъ, что въ ней преимущественное вниманіе удѣляется описанію и изученію фізіологической стороны душевныхъ процессовъ и психологія открыто превращается въ фізіологію (179 стр.). Но, замѣчаетъ Гротъ, психофізіологія только отдѣлъ психологіи. Коренная задача психологіи состоитъ въ изученіи духовной жизни человѣка въ ея собственномъ внутреннемъ содержаніи, независимо отъ фізіологическихъ условій ея обнаруженій. Изученіе же духовной жизни человѣка, независимо отъ фізіологическихъ условій ея обнаруженія, означаетъ собою изученіе идей, чувствъ, стремленій и дѣяній человѣческихъ личностей, какъ онѣ вы-

ражаются въ исторіи человѣчества и въ частности въ исторіи
 человѣческой мысли (науки, философіи, искусства), въ памят-
 никахъ литературнаго и художественнаго творчества, въ язы-
 къ и словѣ различныхъ народовъ и историческихъ дѣятелей
 и, наконецъ, въ реальной душевной жизни отдѣльных, до-
 ступныхъ наблюденію людей. При этомъ вездѣ и во всемъ
 матеріаломъ для психолога должно быть, главнымъ образомъ,
 цѣлостное существо личности. Указывая на то, что глубочай-
 шая—по своимъ выводамъ и гениальная по замыслу—психо-
 логія Платона была построена преимущественно на изученіи
 и истолкованіи реальныхъ, или отгаданныхъ художественнымъ
 чутьемъ, фактовъ жизни одной личности—Сократа,—Гротъ
 выражаетъ увѣренность, что прежде, чѣмъ возникнетъ дѣй-
 ствительно „научная“ общая психологія, должны будутъ пройти
 передъ духовнымъ взоромъ нѣсколькихъ поколѣній психоло-
 говъ подробные и правдивые специально-психологическіе ана-
 лизы многихъ сотенъ духовныхъ личностей—историческихъ,
 художественныхъ и реальныхъ. Въ этихъ-то психологическихъ
 анализахъ живыхъ личностей нашъ мыслитель и видитъ на
 стоящій матеріалъ для правдиваго описанія и правильной
 классификаціи душевныхъ явленій и духовныхъ силъ человѣ-
 ка; и при этомъ нужно изучать не только типы личностей, но
 и отдѣльныя личности, индивидуумы, такъ какъ инья лично-
 сти, хотя бы такія, какъ Сократъ, Спиноза, Шекспиръ, Петръ
 Великій, стоятъ въ исторіи человѣчества совершенно особня-
 комъ, безъ аналогій и подобій; и потому-то изученіе этихъ
 частныхъ великихъ и оригинальныхъ личностей, необходимо,
 какъ матеріалъ для будущей науки психологіи. Изучать чело-
 вѣческія личности можно съ разныхъ точекъ зрѣнія, и по-
 разнымъ вопросамъ, но главный и существенный вопросъ здѣсь
 тотъ, откуда берутся и какую судьбу претерпѣваютъ въ сво-
 емъ развитіи духовныя силы человѣка; или, выражаясь другими
 словами: отчего зависитъ ихъ подъемъ и ослабленіе, какъ уве-
 личивать и развивать умственную и творческую энергію чело-
 вѣческаго духа, какъ созидать и поддерживать въ извѣстномъ
 направленіи силу воли, силу мышленія, свѣжесть и отзывчи-
 вость чувства. Указавши затѣмъ на то, что въ настоящее

время, многіе, благодаря вліянію медиковъ и фізіологовъ, весьма склонны думать, что расцвѣтъ духовной жизни чловѣка находится въ исключительной зависимости отъ извѣстнаго процвѣтанія его организма, Гротъ доказываетъ неосновательность этого мнѣнія. Онъ признаетъ, что нормальное состояніе и развитіе организма, какъ орудія и инструмента духовнаго существованія чловѣка, весьма существенно и важно для правильнаго и всесторонняго обнаруженія духовныхъ силъ чловѣка, но является вопросъ: отъ чего въ концѣ концовъ зависитъ устройство организма, какъ инструмента духовной дѣятельности—степень его совершенства, гармонія и разнообразіе его отпавленій? Отъ внѣшнихъ ли причинъ, или отъ моментовъ самой духовной дѣятельности? Нашъ мыслитель указываетъ на то, что хотя чловѣкъ получаетъ свой организмъ въ извѣстномъ строеніи и съ извѣстными функціями и предрасположеніями при рожденіи, но все же этотъ организмъ является отчасти и продуктомъ самой духовной работы чловѣка, благодаря гигиенѣ, гимнастикѣ, медицинѣ, извѣстной системѣ воспитанія, образованія, дрессировки, организмъ передѣлывается и совершенствуется; конечный идеалъ воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы создать въ чловѣкѣ сильную, стойкую—совѣтельную и разумную, добрую и чистую волю, вполне владѣющую организмомъ, какъ орудіемъ выполненія ея идеальныхъ цѣлей. Для того же, чтобы достигнуть такого воспитанія воли, необходимо изучить все способы воздѣйствія идей и вообще духовныхъ энергій на чловѣческій организмъ и ихъ ближайшія и отдаленныя послѣдствія; изученіе же всехъ этихъ вліяній духа на организмъ—дѣло психолога, желающаго правильно ставить вопросы, касающіеся изслѣдованія содержанія и условія развитія духовной жизни и дѣятельности личности. Для этого же необходимо не только самонаблюденіе и личные эксперименты, но и провѣрка данныхъ самонаблюденія помощью свидѣтельствъ историческихъ, біографическихъ и автобіографическихъ: изучая жизнь и свойства духовной личности, необходимо почаще обращаться за матеріаломъ къ опыту разнообразныхъ личностей, живыхъ и умершихъ, необходимо больше вопрошать

исторію и чаще спрашивать людей, насъ окружающихъ,—а это обращеніе за матеріаломъ для психологіи къ изученію живыхъ личностей и составляетъ первое дѣло психологіи на пути достиженія ею своихъ жизненныхъ задачъ. Уясняя далѣе, въ заключеніи къ своей статьѣ, общій характеръ метода при рѣшеніи психологическихъ проблемъ, Гротъ проводитъ ту мысль, что изслѣдованіе психологическихъ вопросовъ неизбежно связано съ изслѣдованіемъ глубочайшихъ метафизическихъ проблемъ. Психологія не должна разрывать связей съ метафизикой. Пусть, говоритъ нашъ мыслитель, психологія изслѣдуетъ душу и душевныя явленія, состоянія, силы, всѣми доступными для человѣческаго ума способами, какъ можно глубже и реальнѣе на основаніи опыта, но и не чуждаясь метафизическихъ построеній, не устраняя а ргіогі ни одного понятія и ни одного вопроса изъ горизонта своего изученія; только тогда, при соблюденіи этихъ условій, можно, по увѣренію Грота, получить въ результатъ настоящую науку, а не тѣнь ея,—не систему словъ, замысловатыхъ терминовъ и безсодержательныхъ схемъ, а дѣйствительную совокупность фактовъ и ихъ объясненій. Главное дѣло при изученіи психологіи, по мнѣнію нашего мыслителя психолога, состоитъ не въ томъ, чтобы сказать: „я изслѣдую явленія, а не сущности, или сущности, а не явленія“, а въ томъ, чтобы правильно и ясно поставить тотъ жизненный вопросъ, приводящій умъ къ изученію данной области дѣйствительности, отъ котораго надо направляться къ изслѣдованію ея истиннаго содержанія и смысла. А этотъ жизненный вопросъ, приводящій человѣчество къ построенію науки психологіи и единственно могущій дать ей жизненное значеніе, заключается, по мнѣнію Грота, въ томъ: какъ человѣку овладѣть своей душевной жизнью, понять ее, и управлять ею, какъ изъять ее изъ-подъ вліянія условій случайныхъ и непредусмотрѣнныхъ, условій, ее разбивающихъ, ослабляющихъ и искажающихъ, и какъ сознательно подчинить ее разумнымъ и возвышеннымъ цѣлямъ, сдѣлать ее болѣе идеальной, интенсивною и богатою содержаніемъ. Установивши жизненные задачи психологіи, Гротъ предпринимаетъ далѣе ¹⁾

¹⁾ Въ хронологическомъ порядкѣ послѣ „жизненныхъ задачъ психологіи“ слѣдовала работа Грота по исторіи новой философіи; но въ виду того, что эта ра-

рядъ работъ по психологіи, изслѣдующихъ главнѣйшіе вопросы этой важнѣйшей философской научной дисциплины. Такъ, въ началѣ 1894 г. онъ (въ XXI к. Вопр. Фил. и Псих.) выпускаетъ въ свѣтъ статью: „Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи“. Въ этой статьѣ Гротъ, исходя изъ того положенія, что метафоры и символы—только временная замѣна еще неустановившихся точныхъ научныхъ понятій, подчеркиваетъ мысль о неосновательности признаніи права навсегда удовлетворяться этими метафорами и не искать путей къ выработкѣ яснаго понятія и точнаго термина. „Если бы ктонибудь“, иллюстрируетъ свой примѣръ Гротъ, „въ какой либо наукѣ призналъ за собою право навсегда удовлетвориться метафорою и не искать путей къ выработкѣ яснаго понятія и точнаго термина, то мы могли бы сравнить его съ архитекторомъ, который, начавъ строить домъ, вдругъ отказался бы отъ дальнѣйшаго возведенія стѣнъ и ихъ отдѣлки, и сталъ бы утверждать, что работа его окончена, что можно жить вполне удобно и въ промежуткѣ временно возведенныхъ имъ лѣсовъ“. Именно нечто подобное, по Гроту, предлагаютъ тѣ психологи и психофизиологи, которые, удовлетворившись понятіемъ и терминомъ параллелизма душевныхъ и физиологическихъ процессовъ и явленій, утверждаютъ, что далѣе этой идеи отношеній тѣхъ и другихъ намъ идти некуда, и что дальнѣйшее развитіе психологіи должно и можетъ будто бы плодотворно совершаться подъ знаменемъ именно этой смутной идеи, этого неяснаго образа. Идея параллелизма понимается ими не какъ временное пособіе при началѣ изслѣдованія истинныхъ отношеній духовнаго и матеріальнаго въ нашей природѣ и дѣятельности, а какъ самый результатъ этого изслѣдованія въ известномъ отношеніи, его послѣдній и единственно возможный результатъ. Можетъ быть, продолжаетъ Гротъ, кто-нибудь скажетъ, что этого ни одинъ психофизиологъ не утверждаетъ,—но тогда,—отвѣчаетъ нашъ мыслитель новымъ вопросомъ,—от-

бота, по словамъ самого автора (см. Вопр. фил. и псих. VIII кн., 42 ст.), представляетъ собою не самостоятельное изслѣдованіе, а лишь популярный критическій конспектъ по исторіи философіи и какъ таковой, ничего не даетъ для выясненія собственныхъ воззрѣній нашего мыслителя, мы опускаемъ ея изложеніе.

куда же учение о сознании, какъ эпифеноменъ, или второстепенномъ проявленіи, сопровождающемъ жизнь организма,—учение, въ настоящее время весьма распространенное среди психофизиологовъ, и стремящееся навсегда метафизически предрѣшить проблему о самомъ существѣ душевныхъ процессовъ человѣка. Если есть психофизиологи, не сознающіе, что ихъ учение о параллелизмѣ душевной и физиологической жизни—есть уже метафизическое „credo“, есть уже первая и большая попытка для заключенія объ эпифеноменизмѣ сознания, и, слѣдовательно, самобытности душевной жизни, ея самозаконности и необходимости ея самостоятельнаго изученія, то вѣдь это только, по выраженію нашего мыслителя, форма слѣпоты, *философскій дальтонизмъ*, который подлежитъ разъясненію со стороны психологовъ—философовъ, хотя, можетъ быть, какъ физическій дальтонизмъ, онъ и не излечимъ ¹⁾. Указывая далѣе на то, что идея параллелизма, какъ научная идея, взята изъ геометріи, Гротъ задается вопросомъ: подходит ли идея параллелизма, въ качествѣ научнаго термина, для сколько нибудь яснаго выраженія дѣйствительныхъ отношеній духовныхъ и физическихъ процессовъ и фактовъ? Идетъ ли развитіе тѣхъ и другихъ въ одной плоскости, и дѣйствительно ли эти два ряда движеній никогда не встрѣчаются? (38)—Вопросъ этотъ, по нашему мыслителю, сводится къ такому: можно ли радъ частныхъ представленій одной группы психическихъ продуктовъ употреблять для серьезнаго выясненія взаимныхъ отношеній обѣихъ группъ и для опредѣленія природы и значенія самого процесса представленія, т. е., смысла всей душевной жизни? Разуется, нашъ мыслитель даетъ отрицательный отвѣтъ: это походило бы на то, какъ,—образно выражается онъ,—если бы для объясненія сущности творческаго процесса Рафаэля, при созданіи Мадонны, мы ограничились уподобленіемъ богатства и чистоты фантазіи художника 10 аршинному размѣру и бѣлизнѣ полотна, выбраннаго, или даже заказаннаго имъ для написанія знаменитой картины ²⁾. Если я скажу,

¹⁾ Вопр. Фил. и Псих. XXI кн. 37 стр.

²⁾ Вопр. Филос. и Психол. XXI кн. 39 стр.

иллюстрируетъ далѣе свой отвѣтъ Гротъ, что моя мысль движется по рельсамъ моихъ знаній, при помощи паровика моего воображенія, то я дамъ этою метафорою грубую картину, или даже каррикатуру моего душевнаго процесса, но ровно ничего не объясню психологически. Такой же смыслъ, по нашему мыслителю, имѣетъ идея параллелизма въ психологiи (39).

Разъясняя далѣе значеніе этой идеи параллелизма, Гротъ указываетъ на то, что существуетъ 4 гипотезы происхожденія психическихъ и физическихъ явленій:

1) Психическія явленія суть только продукты физическихъ и физиологическихъ процессовъ.

2) Физическія явленія, будучи представленіями нашего сознанія, суть лишь порожденія духовныхъ силъ.

3) Физическія и психическія явленія два разнородныхъ порядка явленій.

4) Субстанція, или реальная сила, производящая духовныя и физическія явленія, одинаково присущая имъ, одна и та же.

Теорія параллелизма можетъ быть, по нашему мыслителю, истолкована въ смыслѣ каждой изъ указанныхъ гипотезъ, ибо, въ первомъ случаѣ дѣло будетъ идти о параллелизмѣ двухъ родовъ дѣйствій, или проявленій физическихъ силъ и духовныхъ дѣятелей; во 2-мъ о соответствіи двухъ рядовъ представленій, въ 3-мъ—о соответствіи другъ другу и параллельности дѣйствій двухъ противоположныхъ силъ, или началъ матеріи и духа; въ 4-мъ—о параллелизмѣ разнородныхъ проявленій одной, постижимой только для ума, субстанціи, или творящей силы. Значитъ, заключаетъ Гротъ, теорія параллелизма нисколько не отвѣчаетъ на вопросъ о дѣйствительномъ соотношеніи физического и духовнаго (ib 43) и сама теорія параллелизма есть, по нашему мыслителю, проявленіе критико-философскаго скептицизма. Настоящій психологъ, говоритъ Гротъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ примириться съ такъ называемыми аксіомами современной психофизиологiи, начиная съ аксіомы параллелизма, и долженъ всѣми силами ума своего стараться вывести дѣло на чистоту, т. е., придти къ чему либо опредѣленному: панпсихизму или

физиологій (45). Пора, говорить далѣе Гротъ, бросить насмѣшки столько же надъ метафизикой и чистой психологіей, сколько и надъ точными науками видимаго опыта. Необходимо выработать научный методъ психологій. По глубокому убѣжденію нашего мыслителя, продолжающійся болѣе полувѣка антагонизмъ—между точною наукою и метафизикою, между физикою и физиологіей съ одной стороны, логикой и психологіей съ другой, основанъ на сплошномъ недоразумѣніи, созданъ и поддерживается антикритическимъ отношеніемъ къ задачамъ знанія.

Починъ въ устраненіи этого недоразумѣнія и вытекающей изъ него нелѣпой распри долженъ, по мнѣнію нашего мыслителя, принадлежать психологамъ, такъ какъ сама проблема знанія и его методовъ есть „психологическая проблема“: познаетъ человѣческій умъ, законы познанія—суть законы мысли и сознанія. Но здѣсь является вопросъ: съ какой стороны психологъ долженъ приступить къ рѣшенію задачи? Очевидно, первый вопросъ, подлежащій его разрѣшенію, есть вопросъ о взаимномъ отношеніи тѣхъ двухъ рядовъ нашихъ воспріятій и представленій, которыя выражаются въ понятіяхъ духовныхъ и физическихъ явленій. Разложеніе всего нашего опыта и психическаго содержанія на его элементы,—вотъ, по нашему мыслителю, старая задача, поставленная Локкомъ, глубоко прсдуманная, но въ концѣ концовъ запутанная Кантомъ и до сихъ поръ не рѣшенная. Правильно поставить проблему значитъ—на половину разрѣшить ее. Содѣйствовать правильной постановкѣ проблемы и беретъ на себя нашъ мыслитель въ разбираемой статьѣ.

На пути рѣшенія этого вопроса онъ устанавливаетъ слѣдующія положенія:

1) Аксиома, что непосредственно намъ даны и реальны въ нашемъ умѣ—только одни ощущенія, представленія и понятія, т. е., психическія состоянія, понятя нынѣ всѣми и распространяется все больше и больше, даже среди психофизиологовъ.

2) Всѣ представленія и понятія нашего ума должны имѣть

основанія въ свойствахъ самаго нашего ума и сознанія; это—тоже положеніе, противъ котораго едва ли кто будетъ спорить.

3) Ничто извнѣ въ наше сознаніе не входитъ, но все душевное возникаетъ въ насъ въ формѣ субъективныхъ, внутреннихъ продуктовъ, по поводу механическихъ воздѣйствій извнѣ, и вслѣдствіе собственныхъ психическихъ дѣйствій. Это тоже истина, не противорѣчающая не только законамъ ума, но и даннымъ науки. Изъ этихъ трехъ истинъ Гротъ выводитъ общее положеніе, что всѣ наши воспріятія, представленія и понятія, суть субъективные символы, или психическіе способы познаванія, или общѣе, сознанія предполагаемой нами, внѣ сознанія, дѣйствительности.

Этихъ способовъ Гротъ устанавливаетъ 2 ряда: Богъ—духъ, душа—бесконечность—покой—простота—недѣлимость—вѣчность—бытіе—причина—цѣль—свобода—жизнь—сознаніе—чувство—активность—воля—разумъ (истина, красота, добро)—вотъ одинъ рядъ органически связанныхъ другъ съ другомъ, логически и исторически, понятій; (ib. 49)—вселенная—вещество—тѣло—пространство—движеніе—сложность—дѣлимость—время—явленіе—продуктъ—орудіе—необходимость—смерть—бессознательность—безчувственность—пассивность—безволіе неразумность—другой рядъ.—Естественно, является вопросъ: откуда же получаются эти два ряда настойчиво повторяющихся, рождающихся и враждующихъ между собою идей человеческого ума?—Отвѣтъ, по нашему мыслителю, тотъ, что эти два равнохарактерныхъ ряда получаются изъ различныхъ источниковъ познанія. Отвѣтъ этотъ,—замѣчаетъ Гротъ, данъ уже всѣми знаменитыми философами. Такъ, отецъ эмпиризма Локкъ говоритъ, что ощущеніе и рефлексія являются двумя источниками познанія и идей. Анализируя далѣе оба указанные ряда противоположныхъ понятій, Гротъ находитъ, что изъ этихъ различныхъ понятій—одни суть отвлеченныя и производныя, напр. понятія Бога, духа, свободы, вселенной; другія же основныя, напр. понятія мышленія и сознанія, протяженія и пространства, причинности, жизни, смерти, бытія и т. п. (50). Указывая далѣе на то, что Канта попытка анализа

формъ воспріятія—самая знаменитая, Гротъ находитъ, что въ теоріи Канта вѣрны только два вывода: 1) что есть общія субъективныя формы воспріятія и представленія, какъ явленій физическихъ, или явленій внѣшняго опыта, такъ и явленій психическихъ или явленій внутренняго опыта; 2) что пространство есть общая субъективная форма воспріятія явленій внѣшняго опыта и не составляетъ формы познанія душевныхъ актовъ. Все остальное у Канта остается, по мнѣнію нашего мыслителя, спорнымъ. Между прочимъ спорнымъ и неяснымъ представляется Гроту и Кантовское ученіе о времени. Вопросъ же о времени (53) есть, по нашему мыслителю, самый основной и глубокой вопросъ во всей теоріи знанія, вопросъ, имѣющій огромное значеніе для будущей психологіи, метафизики, а можетъ быть, и для науки вообще. Нашъ мыслитель, чтобы рельефнѣе опредѣлить важность этого вопроса приводитъ такое соображеніе: „если бы мы, говоритъ онъ, признали, что время не есть форма самосознанія, а слѣдовательно, и познанія подлинной душевной жизни нашей, и нисколько не характеризуетъ свойствъ душевныхъ состояній, какъ таковыхъ, что они (душевные состоянія) сами по себѣ, внѣ условій внѣшняго опыта, столь же безвременны, сколько и безпространственны, то этотъ выводъ имѣлъ бы громадныя послѣдствія, потому что безвременность, а слѣдовательно и вѣчность духовнаго существованія, были бы окончательно установлены, и такъ называемое безсмертіе души было бы доказано. Если же, продолжаетъ Гротъ, допустить обратное положеніе, что внѣ времени никакой душевной жизни мыслить и представлять себѣ невозможно, тогда мы должны были бы признать фикціей и выдумкой предполагаемую безвременность и вѣчность какого то ни было бытія, такъ какъ во времени все имѣетъ конецъ (Вопр. Фил. и Псих. XXI кн. 53 стр.). Для опредѣленія той почвы, на которой возможно правильное рѣшеніе вопроса о реальномъ взаимоотношеніи духовныхъ и физическихъ фактовъ, нами познаваемыхъ, нашъ мыслитель и считаетъ необходимымъ остановиться прежде всего, на анализѣ идеи времени, какъ формы, въ которой познается нами дѣй-

ствительность. Гротъ убѣжденъ, что только этимъ путемъ можно подойти къ правильному рѣшенію вопроса: какою научною идеею можно замѣнить ходячую метафору о параллелизмѣ душевныхъ и фізіологическихъ событій (54). Анализъ вопроса о времени Гротъ далъ непосредственно послѣ статьи о параллелизмѣ душевныхъ явленій ¹⁾. Съ воззрѣніями Грота на время удобнѣе всего познакомиться по тѣмъ тезисамъ, которые привелъ онъ на своемъ рефератѣ (въ Моск. Псих. Общ. 10 Сент. и 19 Нояб. 1894 г.) о времени. Въ этихъ тезисахъ вполне высказывается сущность воззрѣній Грота и потому намъ остается лишь привести эти тезисы въ ихъ взаимной связи другъ съ другомъ ²⁾. Прежде всего, нашъ мыслитель устанавливаетъ то положеніе, что человѣкъ обладаетъ двумя источниками познанія дѣйствительности, опытомъ чувственнымъ (онъ же внѣшній и органическій) и опытомъ сверхчувственнымъ (онъ же внутренній и психическій). Первый служитъ основою сознанія (представленія о мірѣ, матеріи, объектѣ), второй—основою самосознанія (представленія о сознаніи, духѣ, субъектѣ). Опредѣляя далѣе сущность и характеръ человѣческаго опыта, Гротъ говоритъ, что весь опытъ человѣка есть совокупность его собственныхъ психическихъ или субъективныхъ состояній и актовъ, потенциально присущихъ сознанію отъ рожденія и реализующихся въ немъ подъ вліяніемъ воздѣйствій среды и внутреннихъ дѣйствій души, разнообразными способами освобождающихъ скрытую душевную энергію человѣка. Во взаимодействіи съ внѣшнею средою, чрезъ посредство чувственного опыта, сознаніе воспринимаетъ въ символическихъ душевныхъ образахъ внѣшнюю объективную среду и міръ матеріальный, а именно: а) въ ощущеніяхъ специфическихъ (органическихъ) косвенно познаетъ дѣйствія среды, а непосредственно—свои противодѣйствія, или „реакціи“ на эти дѣйствія; б) въ общихъ ощущеніяхъ пространственно временнаго порядка и отношенія спеціальныхъ ощущеній оно, на-

¹⁾ См. статью о времени въ „Вопр. Фил. и Псих.“ XXIII, XXIV и XXV кн.

²⁾ Вопр. Фил. и Психол. XXVI кн. СХІХ—СХІІІ стр.

оборотъ, непосредственно воспринимаетъ свои дѣйствія, или усилія въ группировкѣ и упорядоченіи специальныхъ ощущеній, а косвенно—условія и факты объективныхъ противо-дѣйствій, оказываемыхъ матеріальною средою процессамъ сознанія. Отсюда, по нашему мыслителю, пространство и время суть поѣтому субъективныя представленія, или формы воспріятія сознаніемъ объективныхъ ограниченій, оказываемыхъ веществомъ, при взаимодействіи съ нимъ душевной энергіи. Пространство—субъективная форма воспріятія объективныхъ свойствъ вещества въ покоѣ, время—субъективная форма воспріятія движеній, или измѣненій вещества. Но такъ какъ мы познаемъ и вещество и движеніе только чрезъ наши органы чувствъ и нервную систему, то можно сказать также, что пространство есть субъективная форма воспріятія периферическихъ движеній, или приспособленій нервной системы—при взаимодействіи съ веществомъ въ покоѣ; а время—субъективная форма воспріятія центральныхъ приспособленій нервной системы—при взаимодействіи сознанія съ веществомъ въ движеніи. Въ виду такого опредѣленія пространства и времени, эти формы,—по воззрѣнію нашего мыслителя, суть только субъективные способы представленія внѣшней дѣйствительности, а не субстанціи, независимыя отъ нашего представленія. Но имѣется субстанціальныи и объективный коррелятъ этимъ представленіямъ, именно во внѣшней средѣ, при взаимодействіи съ которой эти представленія образуются,—почему и всѣ постоянныя и объективныя мѣры пространства и времени мы находимъ не въ самосознаніи, а въ мірѣ внѣшнемъ, въ единицахъ протяженія предметовъ и въ единицахъ ихъ движенія (для времени). Изъ этого же положенія Гротъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что пространство и время, какъ формы чувственного представленія, предполагаютъ и обуславливаютъ представленія вещества и движенія вещественнаго. Въ тѣхъ областяхъ опыта и сознанія, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ фактами иного, сверхчувственного порядка, которые мы сознаемъ непосредственно, а не черезъ призму представленій вещества и его движеній, эти факты воспринимаются нами помимо пред-

ставленій пространства и времени, а такъ какъ пространство и время суть всецѣло формы представленія и воспріятія, а не бытія, то въ тѣхъ сферахъ сознанія, гдѣ нѣтъ представленій пространства и времени, какъ формъ воспріятія отношеній между его фактами,—нѣтъ и самаго пространства и времени. Въ виду же такого характера формъ пространства и времени слѣдуетъ то, что въ самосознаніи, или сверхчувственномъ опытѣ своихъ душевныхъ состояній и ихъ психическихъ отношеній,—а именно ихъ психологическаго тождества, различія и взаимной зависимости, ихъ логической связи и зависимости, ихъ эстетической и нравственной цѣны и зависимости,—не встрѣчается надобности въ представленіяхъ пространства и времени, какъ опредѣляющихъ эти ихъ отношенія моментахъ. Въ самосознаніи мы находимъ множество „элементовъ“ сознанія, которые, однако, никакого „пространственнаго“ расположенія и размѣщенія въ психической средѣ не имѣютъ. Точно также мы находимъ въ самосознаніи безчисленное количество „моментовъ“ сознанія, которые однако связаны другъ съ другомъ не преемственною связью во времени, а независимыми отъ всякаго времени отношеніями логическихъ и этическихъ законовъ. Эти психическія связи и отношенія моментовъ сознанія даны внѣ времени—сверхвременной организаціей духа,—и сами „моменты времени“—лишь частная форма отношенія моментовъ мысли во взаимодействіи ея съ внѣшнею средою и физической организаціей,—какъ „элементы пространства“ есть лишь частная форма отношенія элементовъ сознанія, а именно въ области воспріятія внѣшней дѣйствительности. Отсюда нашъ мыслитель дѣлаетъ общій выводъ, что въ самосознаніи намъ непосредственно открывается подлинная среда душевнаго бытія—сверхпространственнаго и сверхвременнаго, ибо само пространство и время—частныя формы и случаи воспріятія этого бытія, во взаимодействіи душевной энергіи съ внѣшнимъ міромъ. Душа есть „псевдопространство“ психическихъ сосуществованій; сознаніе, въ его цѣломъ, есть „псевдоремя“ этихъ психическихъ сосуществованій. Въ самосознаніи всѣ субъективныя формы моего опыта, всѣ потенціи

моей памяти, воображенія, творчества, знанія, нравственной эстетической оцѣнки даны вмѣстѣ, постоянно и одновременно, какъ самое существо моего субъекта, и непрерывная реализація этихъ потенцій дана внѣ пространства и внѣ времени, ибо само пространство и время—порожденія и частныя формы этой реализаціи. Итакъ, пространство и время суть формы „представленія“ дѣйствительности, а не формы ея бытія.

Александръ Никольскій.

(Продолженіе будетъ).

Николай Яковлевичъ Гротъ (1852 † 1899 г.) и его Философскіе труды.

(Продолженіе *).

Воззрѣнія Грота на пространство и время, какъ мы видѣли, не отличаются достаточною ясностью и опредѣленностью, что и было указано ему на преніяхъ, бывшихъ въ Моск. Псих. Обществѣ по поводу его реферата; но все же съ большими основаніями можно признать, что его точка зрѣнія въ этомъ отношеніи о времени идеалистическая. Далеко мы не можемъ сказать того же самаго о послѣдующихъ работахъ Грота по психологіи; въ нихъ нашъ мыслитель мало по малу сходитъ съ точки зрѣнія идеалистической психологіи на точку зрѣнія, болѣе близкую къ эмпиризму, чѣмъ къ идеализму. Это особенно обнаружилось въ послѣдней по времени крупной работѣ Грота по психологіи, именно въ его статьѣ: „Понятіе о душѣ и психической энергіи въ психологіи“ (XXXVII и XXXIX кн. Вопр. Фил. и Псих. 1897 г.). Но это колебаніе Грота отчасти обнаружилось и въ болѣе раннихъ работахъ Грота, между прочимъ и въ работѣ, слѣдующей непосредственно за этою о времени, именно въ статьѣ: „Основанія экспериментальной психологіи“ (XXX кн. Вопр. Фил. и Псих. 1895 г.), хотя въ общемъ въ этой работѣ Гротъ стоялъ еще на точкѣ зрѣнія идеалистической философіи. По своей главной мысли статья эта ближе всего примыкаетъ къ изложенной уже нами работѣ Грота: „О жизненныхъ задачахъ психологіи“. Указывая на

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 21.

то, что старая рознь между метафизическимъ и опытнымъ, направленіями психологін въ настоящее время ступшевывается и близится то время, когда мы будемъ имѣть дѣло съ единой наукой психологіей, Гротъ находитъ ¹⁾, что перевероть въ судьбахъ психологін готовится на почвѣ новаго, третьяго направленія этой науки, которое крѣпнеть и развивается въ наши дни и называется экспериментальнымъ.

Экспериментальная психологія имѣетъ дѣло не съ субстанціями и явленіями, а съ фактами душевной жизни и дѣятельности. Слабая сторона ученыхъ старой психологической школы состояла въ томъ, что психологъ, не только метафизикъ, но и эмпирикъ—старой школы, замыкался въ себя и чаще всего, лишь со стороны, иногда урывками, тайкомъ наблюдалъ ближнихъ, не допрашивая, какъ слѣдуетъ, ни себя, ни ихъ. Задача и основной смыслъ экспериментальной психологін и заключаются, по нашему мыслителю, именно въ томъ, чтобы прекратить эту замкнутую работу самонаблюденія и поставить всѣ обобщенія психологін на почву точнаго изученія (ib. 572 стр.). Въ виду того, что въ настоящее время многіе научно-поставленную психологію отождествляютъ съ физиологической психологіей, Гротъ высказываетъ то убѣжденіе, что психофизика и психофизиологія есть только преддверіе настоящей экспериментальной психологін, той психологін, которая будетъ изучать экспериментально чисто психическіе факты въ ихъ своеобразной природѣ, какъ факты сознанія, мысли, чувства, хотѣнія. Указывая на источники экспериментальной психологін, нашъ мыслитель подчеркиваетъ ту истину, что психологическое наблюденіе есть прежде всего самонаблюденіе, такъ какъ отдѣльные психическіе факты даны только самосознанію и никакими внѣшними чувствами наблюдаемы быть не могутъ (573). Далѣе Гротъ очень настойчиво и находчиво опровергаетъ обычныя, дѣлаемые противъ самонаблюденія, возраженія. Такъ, онъ находитъ неосновательными два главныя возраженія противъ самонаблюденія: во 1-хъ, что оно недостоверно, потому что, когда субъектъ наблюдаетъ самого

¹⁾ XXX кн. Вопр. Фил. и Псих. 568 стр.

себя, а не природу внѣ себя, то онъ вноситъ въ толкованіе душевныхъ состояній свои субъективныя особенности: и во 2-хъ, то, что оно и невозможно, потому что когда въ сознаніи что либо происходитъ, то все вниманіе сосредоточено на переживаемомъ душевномъ состояніи, и мы не можемъ его иначе наблюдать, какъ по воспоминанію (575). Противъ недостоверности нашъ мыслитель приводитъ то возраженіе, что субъективность есть свойство ума, а не воспріятія, противъ невозможности то, что способность раздвоенія сознанія и вниманія есть основанное свойство нашей психики (577). Опровергая эти возраженія, нашъ мыслитель признаетъ затруднительность пользованія этимъ источникомъ психологіи. Эта трудность заключается въ способѣ передачи, объясненія, описанія душевнаго состоянія одного лица другому лицу и въ правильномъ истолкованіи ихъ душевнаго состоянія. Для передачи всѣхъ умственныхъ операцій и душевныхъ настроеній у человѣка нѣтъ средствъ. Наблюдая другихъ людей, мы наблюдаемъ не ихъ подлинную душевную жизнь, а свою собственную, ими порождаемую, и потому главную основу наблюденія другихъ лицъ составляетъ самонаблюденіе, и для выполненія задачи строго научнаго анализа чужой душевной жизни, на основаніи ея выраженій, помимо самонаблюденія, нѣтъ никакихъ точныхъ и неизблемыхъ критеріевъ. Установивши исключительную важность самонаблюденія, Гротъ далѣе (съ 592 стр.) разбираетъ основы и задачи экспериментальной психологіи и даетъ опредѣленіе самой науки экспериментальной психологіи. Чистая экспериментальная психологія, по опредѣленію нашего мыслителя, есть такая наука, которая изучаетъ законы и связи душевныхъ явленій, состояній, фактовъ, совершенно независимо отъ значенія и характера физическихъ и фізіологическихъ явленій и процессовъ, сопровождающихъ психическую дѣятельность и психическое взаимодействіе субъектовъ (597). Но здѣсь естественно является вопросъ: возможенъ ли чисто психологическій, но совершенно точный, научно-достоверный экспериментъ, какъ путь къ рѣшенію разнообразныхъ психологическихъ проблемъ? Гротъ даетъ на этотъ вопросъ утвердительный от-

вѣтъ. Указывая на то, что экспериментъ бываетъ 3 родовъ: 1) надъ собой 2) надъ другими существами безъ ихъ вѣдома и 3) надъ другими существами съ ихъ вѣдома,—нашъ мыслитель проводить ту мысль, что для успѣшности и плодотворности экспериментальныхъ приѣмовъ необходимо эксперименты надъ самимъ собою провѣрять выводами посредствомъ коллективного опыта (604). А положеніе объ этомъ приводитъ къ вопросу о способѣ организаціи чисто психологическихъ экспериментовъ для цѣлей научнаго изученія психическихъ явленій (606). Ссылаясь здѣсь на свои личные эксперименты въ Новороссійскомъ Университетѣ и на производившіеся подъ его руководствомъ эксперименты студентовъ того же Университета, а также указывая въ примѣръ на такихъ компетентныхъ экспериментаторовъ, какъ извѣстные психологи Бине и Анри, нашъ мыслитель рѣшительно настаиваетъ и на доступности и плодотворности экспериментальныхъ изслѣдованій. Особенно, по нашему мыслителю, легко дѣлать эксперименты педагогамъ: школы представляютъ собою обширныя лабораторіи для психологическаго эксперимента. Гротъ и указываетъ въ частности, что по каждой спеціальной научной дисциплинѣ можетъ сдѣлать экспериментаторъ. Такъ математикъ, напримѣръ, можетъ предложить сообщить письменно порядковъ сужденій и умозаключеній для оправданія извѣстной теоріи. Сличеніе отвѣтовъ и даетъ результаты для психологіи мышленія. Историкъ можетъ предложить дать нравственную оцѣнку извѣстной личности,—а это даетъ матеріалъ для психологіи нравственнаго чувства и характера дѣтей, ихъ нравственныхъ воззрѣній въ зависимости отъ общественнаго положенія и т. п. Зная то, какъ въ настоящее время принято ставить психологію въ зависимость отъ фізіологіи, нашъ мыслитель особенно подчеркиваетъ свое убѣжденіе, что не нужно быть спеціальнымъ фізіологомъ для того, чтобы производить экспериментальныя изслѣдованія: для этого достаточно лишь научиться обращенію съ инструментами, что, конечно, не трудно для всякаго, прошедшаго среднюю школу. Что же касается до спеціального образованія экспериментатора, то Гротъ находитъ, что ему скорѣе необходимо быть философомъ и психологомъ, и даже

филологомъ и историкомъ, чѣмъ физиологомъ. Указывая въ заключеніе своей статьи на ту истину, что наука одна и между частными отраслями ея не должно быть перегородокъ, нашъ мыслитель и подчеркиваетъ то, что задачей его очерка было—показать, что назрѣло время для признанія и разработки совершенно самостоятельной науки—экспериментальной психологіи, а къ какому факультету будетъ она причислена, это, по нашему мыслителю, рѣшительно все равно: экспериментальная психологія и есть, по Гроту, именно та наука, которая должна обнаружить всю несостоятельность и отсталость перегородокъ, существующихъ всетаки, вопреки всякой логикѣ, между нынѣшними факультетами русскихъ университетовъ. Экспериментальная психологія, какъ и всѣ философскія науки, должна быть, по убѣжденію нашего мыслителя, предметомъ преподаванія на всѣхъ факультетахъ, ибо, замѣчаетъ онъ, въ психологической подготовкѣ нуждаются и юристы, и медики, и натуралисты, и математики, и филологи, и историки ¹⁾.

Въ „Основаніяхъ экспериментальной психологіи“ Гротъ стоялъ еще на почвѣ идеалистической философіи, но, углубляясь далѣе въ изслѣдованіе частныхъ психологическихъ вопросовъ, нашъ мыслитель впоследствии сильно своротилъ въ сторону отъ того пути (по направленію къ идеализму), которымъ онъ шелъ съ начала 80 годовъ и на который онъ въ половинѣ упомянутаго сейчасъ десятилѣтія, окончательно сталъ. Новое направленіе мысли Грота, по многимъ сторонамъ своимъ болѣе близкое къ эмпиризму, особенно замѣтно выразилось въ статьѣ: „Понятія души и психической энергіи въ психологіи“ (Вопр. Фил. и Псих. XXXVII и XXXIX кн.). Исходною точкою разсужденій нашего мыслителя въ поименованной сейчасъ статьѣ служитъ то воззрѣніе, что современная экспериментальная психологія не обладаетъ такимъ научнымъ понятіемъ и методологическимъ принципомъ, которые неразрывно связали бы ее съ другими точными науками, дали ей руководящую точку зрѣнія во всѣхъ ея дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, дозволили бы ей подвести всѣ формы и измѣненія психиче-

¹⁾ Основ. эксперим. психологіи „Вопр. Фил. и Псих.“ XXX кн., 618 стр.

скаго содержанія и всѣ факты психическаго развитія подъ одинъ законъ, вродѣ закона сохраненія вещества и сохраненія энергій въ наукахъ физическихъ ¹⁾. Гротъ и полагаетъ, что въ качествѣ основного научнаго понятія и методологическаго принципа—и можетъ выступить лишь законъ „о сохраненіи энергій“. Подчиненъ ли психическій процессъ, какъ и всѣ остальные процессы природы, закону сохраненія энергій, или не подчиненъ?—вотъ вопросъ, который, по нашему мыслителю, имѣетъ рѣшающее значеніе для науки психологій. Если да, то психологія пріобрѣтаетъ основной принципъ для болѣе точной и строго-научной разработки психическихъ фактовъ; если же нѣтъ, то всѣ мечты о превращеніи психологій въ точную науку—должны быть оставлены ²⁾. Вопросъ этотъ, по Гроту, можно формулировать такъ: есть ли основаніе говорить объ особой психической энергій въ томъ же смыслѣ, въ какомъ естествознаніе говоритъ о прочихъ энергійхъ природы, т. е., при условіи допущенія, что и психическая дѣятельность или работа подчинена закону сохраненія энергій, наравнѣ съ прочими процессами, и что психическая энергій входитъ въ систему энергій природы, какъ естественное звено? Этотъ вопросъ, если искать его научнаго теоретическаго рѣшенія, долженъ быть, по нашему мыслителю, поставленъ внѣ всякихъ соображеній метафизическаго, этическаго и вообще практическаго характера. Для мыслителя, говоритъ ³⁾ Гротъ, ищущаго истины и одной только истины, должно быть совершенно безразлично, какая новая метафизическая или этическая система можетъ со временемъ возникнуть на почвѣ того или другаго рѣшенія этой теоретической проблемы. Указывая далѣе на то, что нѣкоторые думаютъ, что утвердительное рѣшеніе вопроса о подчиненіи психической энергій закону сохраненія энергій—можетъ окончательно погубить идеализмъ и спиритуализмъ, ученіе о свободѣ человѣческой воли и о безсмертіи человѣческаго духа, т. е., привести къ новой формѣ матеріализма, Гротъ находитъ, что

¹⁾ См. Вопр. Фил. и Псих. XXXVII, 239 стр.

²⁾ Ibid. 242.

³⁾ Ibid. 244 стр.

такія опасенія преждевременны: и при условіи приватія закона о сохраненіи психической энергіи остается въ прежней силѣ проблема о свободѣ воли и даже проблема о безсмертіи личнаго сознанія. Далѣе Гротъ и занимается установкою закона о сохраненіи энергіи. Въ области естествознанія, въ послѣднее время, понятію „энергіи“, какъ методологическому принципу точныхъ научныхъ изслѣдованій, дается очень широкое, почти всеобъемлющее значеніе. Устанавливая по аналогіи съ этимъ ученіемъ естествовѣдовъ объ энергіи, свое опредѣленіе „психической энергіи“, Гротъ даетъ слѣдующія 4 положенія, уясняющія понятіе „психической энергіи“: во 1-хъ понятіе психической энергіи столь же законно въ наукѣ, какъ и понятіе энергіи физической, и психическая энергія имѣетъ такія же количественныя и разнообразныя формы, какъ и физическія; 2) въ организмѣ человѣка происходитъ постоянная трансформація физическихъ энергій въ психическія и психическихъ въ физическія, т. е., постоянный обмѣнъ тѣхъ и другихъ; 3) психическія энергіи, какъ и физическія, постоянно переходятъ изъ потенциальнаго состоянія въ кинетическое и изъ кинетическаго въ потенциальное, причемъ понятіе психической потенциальности граничитъ съ понятіемъ физической потенциальности; 4) хотя не выработаны и не изобрѣтены еще точныя мѣры для измѣренія психическихъ энергій при ихъ превращеніи въ физическія, или изъ физическихъ въ психическія, но нѣтъ никакихъ ни логическихъ, ни фактическихъ основаній для отрицанія приложимости общаго міроваго закона сохраненія энергіи къ душевнымъ процессамъ и работѣ чисто психической, а также къ анализу интенсивности и качественного содержанія психической работы въ ея соотношеніи съ интенсивностью и формами физической работы (266—267). Опредѣляя далѣе самое понятіе энергіи, Гротъ даетъ выясненіе этого термина въ рядѣ слѣдующихъ положеній:

1) Энергія есть способность дѣятеля совершать при извѣстныхъ условіяхъ работу, т. е., движеніе, вопреки препятствіямъ. Каждый дѣятель представляетъ собою опредѣленное количество энергіи.

2) Энергія въ каждомъ дѣятелѣ можетъ быть кинетической или потенциальной.

3) Энергія каждаго дѣятеля не можетъ быть ни увеличена, ни уменьшена никакимъ дѣйствіемъ между его элементами, хотя можетъ быть превращена въ любую изъ формъ, на какія вообще энергія способна.

4) Работа есть перенесеніе энергіи одного дѣятеля на другого: количество энергіи, отданной однимъ дѣвателемъ, всегда въ точности равно количеству энергіи, принятому вторымъ. Но если оба дѣятеля (или болѣе) разсматривать, какъ замѣнутую въ себѣ систему, или какъ одного дѣятеля, высшаго порядка, то энергія всей этой системы отъ работы не увеличится и не уменьшится.

5) Всякое перенесеніе, или перемѣщеніе, и превращеніе энергій другъ въ друга можетъ наступить лишь тогда, когда при соприкосновеніи дѣятелей напряженность ихъ энергій различна.

6) Количества потенциальной и кинетической энергіи даннаго дѣятеля, независимо отъ дѣйствія на него другихъ дѣятелей, взаимно дополняютъ другъ друга и составляютъ вмѣстѣ величину постоянную (272—73). Опредѣливши понятіе энергіи вообще, Гротъ даетъ опредѣленіе и въ частности психической энергіи. Подъ психической энергіей Гротъ разумѣетъ ту часть энергіи нашего организма, которая выражается въ чисто психической работѣ—сознательно волевой (288 стр.). Теперь является вопросъ: можно ли говорить о психической энергіи въ томъ же строго-научномъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ объ энергіи физической?

Нашъ мыслитель находитъ, что вполне можно. Онъ допускаетъ превращенія психической энергіи во всѣ другія формы энергій природы—въ энергію нервную, химическую, электрическую, термическую и двигательную, какъ и этихъ послѣднихъ въ психическую (274—275). Психическая энергія есть, по нашему мыслителю, только одна изъ формъ энергіи,—но высшая форма—общей и единой энергіи природа, и она подчинена въ своихъ обнаруженіяхъ и превращеніяхъ всеобщему природному, или міровому закону сохраненія энергіи. Какъ и всякая другая энергія, психическая энергія подлежитъ количественной оцѣнкѣ; она представляетъ собою извѣстную форму

превращенія другихъ энергій природы и сама въ нихъ непрестанно превращается; ей свойственны тѣ же переходы изъ потенциальнаго состоянія въ дѣятельное или кинетическое, и обратно. Гротъ подробно и доказываетъ всѣ эти положенія, приводя въ подтвержденіе ихъ частные примѣры. Такъ, онъ указываетъ на такіе общепризнанные факты, что электричество дѣйствуетъ на душевную энергію человѣка: предъ грозой и во время ея человѣкъ чувствуетъ себя въ особомъ душевномъ состояніи. Примѣненіе электрическаго лѣченія столько же отражается на „физикѣ“, сколько и на „психикѣ“ человѣка (282). Въ другомъ мѣстѣ Гротъ высказываетъ ту мысль, что существуетъ количественный балансъ между физическими и психическими энергіями въ организмѣ и что психическая работа наравнѣ съ физическою подчинена закону энергіи. Здѣсь Гротъ, въ подтвержденіе своей мысли, приводитъ такіе примѣры: сильное напряженіе психической энергіи въ сторону умственной дѣятельности сказывается ослабленіемъ чувствительности и воли, и наоборотъ, одностороннее развитіе ума ослабляетъ волю, или направляетъ ее на недостойныя цѣли: очень умные люди бываютъ часто или слабохарактерными, или черство-разсудочными натурами (290). Другой примѣръ, приводимый Гротомъ, тотъ, что животная чувственность и развратъ убиваютъ душевную энергію человѣка, ослабляютъ память, воображеніе, творческую способность, а физическое воздержаніе напротивъ увеличиваетъ душевныя энергіи и сберегаетъ ихъ (296). Въ виду того, что психическая энергія развивается на счетъ энергій организма и среды и уменьшаетъ другія энергіи организма, нашъ мыслитель находитъ несостоятельнымъ то возраженіе, которое ставятъ теоріи закона психической энергіи; говорятъ, что если допустить, что и психическая энергія должна быть включена въ сумму энергій природы, то законъ сохраненія энергій будетъ нарушенъ, потому что психическая энергія есть факторъ, никогда не входящій въ расчетъ при вычисленіи эквивалента физической энергіи, и однако же законъ сохраненія энергій, и именно при этомъ условіи, и оказывается вѣрнымъ (284). Гротъ рѣшительно опровергаетъ это возраженіе и то положе-

ніе, на которомъ оно основывается. Примѣръ этому положенію, приводимый нашимъ извѣстнымъ мыслителемъ Страховымъ: „падая съ высоты, мы не можемъ напряженіемъ душевной энергіи измѣнить ни направленія, ни силы паденія“—Гротъ опровергаетъ указаніемъ на то, что ловкіе акробаты, привыкшіе владѣть мышцами, во время полетовъ въ воздухѣ, при нечаянномъ паденіи, иногда очень ловко, усиленіемъ воли и напряженіемъ мышцъ измѣняютъ положеніе тѣлесныхъ органовъ и падаютъ на ноги, не разбиваясь. Гротъ находитъ далѣе, что всѣ извѣстные аргументы противъ подчиненія психической работы закону сохранения энергіи построены по типу слѣдующаго разсужденія: психическія силы суть особая сила въ природѣ, эти особая сила не суть энергіи въ смыслѣ физики,— слѣдовательно, эти силы не подчинены закону сохранения энергіи, какъ элементы единой энергіи природы. Но именно въ основѣ этого разсужденія, по нашему мыслителю, и лежитъ *petitio principii*, ибо первая посылка не доказана, и все предшествующее и послѣдующее разсужденіе направлено на доказательство ея невѣрности и произвольности. Гротъ разбираетъ и другое, возможное со стороны физиологовъ, допускающихъ существованіе нервно-мозговой или „психофизической“ энергіи, возраженіе: если существуетъ нервно-мозговая энергія и вообще особая физиологическая энергія въ нашихъ органическихъ тканяхъ, подчиненныя общему закону сохранения энергіи, наравнѣ съ прочими энергіями природы, то какая еще можетъ быть особая психическая энергія въ природѣ, входящая въ систему энергій, какъ реальный факторъ и подчиненная вмѣстѣ съ нимъ закону сохранения энергій. Нужно ли это допущеніе, это удвоеніе энергій, участвующихъ въ психофизиологическомъ процессѣ. На это недоумѣніе Гротъ кратко отвѣчаетъ тѣмъ, что нервно-физиологическая работа не есть еще работа психическая, сопровождающаяся психическими состояніями и сознаніемъ: много есть происходящаго и за порогомъ сознанія. Гротъ строго отличаетъ психическую энергію отъ нервно-мозговой, такъ какъ подъ психической энергіей разумѣетъ ту часть энергіи нашего организма, которая выражается въ чисто психической работѣ—сознательно—волевой.

Указавши на самостоятельность психической энергии, Гротъ далѣе занимается выясненіемъ характера носителя или среды этой энергии. Въ этомъ вопросѣ Гротъ склоняется въ сторону неоднократно высказанной гипотезы невѣсомой эфирной среды, какъ механическаго субстрата психическихъ явленій, или, по терминологіи Грота, психическихъ энергій.

Установивши понятіе психической энергии, указавши ея среду, Гротъ переходитъ далѣе къ выясненію отношенія этой теоріи психической энергии къ ученію физики. Гротъ убѣжденъ, что, предполагая подчиненность психической энергии общему закону сохранения энергии, онъ a priori не входитъ ни въ какое противорѣчіе съ ученіями физики о законѣ сохранения энергии, такъ какъ, по его воззрѣнію, нѣтъ основаній для апіорныхъ отрицаній гипотезы, что въ нервно-мозговомъ аппаратѣ есть особая невѣсомая эфирная среда, являющаяся носителемъ этой энергии; и такимъ образомъ, вводя въ психологію понятіе психической энергии, Гротъ находитъ, что онъ выдѣляетъ въ это понятіе лишь часть той энергии, психо-нервно-мозговой, или фізіологической (органической), которая уже признается реально-существующей и входящею въ сумму энергій природы всѣми фізіологами—динамистами и энергетистами. Подводя итоги своему ученію о психической энергии, Гротъ устанавливаетъ слѣдующія четыре положенія: 1) психическія энергіи суть такія же количества и величины, какъ и физическія; 2) онѣ взаимно превратимы другъ въ друга, какъ различныя формы психической работы и психической потенціальности; 3) что точно также онѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ превратимы въ физическія энергіи и обратно (черезъ посредство организма); если же такъ, то очевидно нельзя a priori отвергать; 4) приложимость закона сохранения энергій—въ сферѣ душевной дѣятельности, а слѣдуетъ искать его оправданія и провѣрки путемъ изобрѣтенія особыхъ критеріевъ, или масштабовъ для измѣренія количественныхъ энергій. Путь для этого, по нашему мыслителю, долженъ состоять въ отысканіи механическихъ эквивалентовъ психической работы, [прежде всего, въ связи съ измѣреніемъ фізіологической работы нервныхъ тканей, а затѣмъ и ихъ чисто физическихъ проявленій.

Указывая на то, что первые шаги въ этомъ направленіи уже сдѣланы въ измѣреніи термо и электро-динамическихъ условий работы мозга, нервовъ и мышечной системы, нашъ мыслитель поворачиваетъ, что эту техническую задачу должна разрѣшить не психологія, а физико—физиологія. Далѣе, установивши общее положеніе о законѣ психической энергіи ¹⁾, Греть, уже во второй статьѣ, оправдываетъ себя отъ упрековъ и подозрѣній критическихъ идеалистовъ, къ которымъ онъ себя причисляетъ, въ матеріализмъ, и показываетъ различіе своего ученія отъ ученія матеріалистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые могутъ вывести заключеніе, что принятіе теоріи „психической энергіи“ равносильно полному торжеству матеріализма, хотя бы энергетическаго, и что съ душою, свободою волею и бессмертіемъ личнаго сознанія этимъ путемъ будетъ навсегда покончено (300). Нашъ мыслитель высказываетъ здѣсь въ свою защиту, а также и въ защиту своей теоріи, такія мысли: энергія есть способность двигателя или дѣятеля къ работѣ, какъ къ движенію, съ преодоленіемъ препятствій. Дѣятель или двигатель—отвлеченное понятіе—для обозначенія источника и носителя энергіи, будь это матерія или нѣчто другое, пусть даже какая либо „субстанція“, разумія этотъ терминъ, какъ эмпирически-предѣльное понятіе, годное для обозначенія „неизвѣстной реальности“; энергія, какъ способность къ работѣ, не есть сама по себѣ дѣятель, или источникъ дѣйствія, а только свойство этого дѣятеля. Но она не есть и самодвиженіе и сама „работа“ въ ея эмпирическомъ проявленіи, а нѣчто большее,—именно свойство, или способность проявлять движеніе. Только въ этомъ смыслѣ и можно говорить о потенциальной энергіи и о покоящемся дѣятелѣ, только въ этомъ смыслѣ и имѣетъ значеніе законъ сохраненія энергіи. Препятствіями къ психической работѣ могутъ быть только движенія и энергіи физическія. Слѣдовательно, и психическую работу необходимо разсматривать съ механической точки зрѣнія, какъ совокупность „движеній“: ничто, кромѣ движенія, не можетъ продолжаться движенія. Элементомъ психи-

¹⁾ XXXIX кн. Вопръ Физ. и Псих. 299.

ческой работы является движеніе. Психическое движеніе, будучи качественнымъ измѣненіемъ, подлежитъ въ то же время количественной оцѣнкѣ, и должно быть признано выразителемъ въ эквивалентахъ механическаго движенія: иначе оно не могло бы истощаться при преодоленіи препятствій, переходя въ организмъ въ механическое движеніе органовъ и мышечныхъ тканей. Давая указанное опредѣленіе понятій: дѣятеля, энергіи, движенія и работы, Гротъ подчеркиваетъ далѣе то, что это опредѣленіе ничего еще не предрѣшаетъ относительно вопроса о томъ дѣятелѣ, который является реальнымъ источникомъ этой энергіи, движенія и работы, какъ и теорія физическихъ энергій и движеній ничего не предрѣшаетъ относительно тѣхъ дѣятелей, которые являются ихъ послѣдними источниками: матерія ли это будетъ, сила ли, духъ или что другое. Оба противоположныя понятія—духъ и матерія—и теперь остаются гипотетическими, ибо самыя понятія „духъ“ и „матерія“ выражаютъ собою не подлинно извѣстныя намъ реальности, а предѣльныя понятія ума, представляющія обобщенія и отвлеченія нѣкоторыхъ противоположныхъ признаковъ реальностей, открывающихся нашему сознанію и самосознанію. Точной наукѣ, для ея опытнаго изученія дѣйствительности и экспериментации надъ нею, они и не нужны, а съ точки зрѣнія „критики познанія“, проблема духа и матеріи остается попрежнему проблемой (805). Устанавливая понятіе психической энергіи и свои воззрѣнія на противоположныя термины—духа и матеріи, Гротъ далѣе опровергаетъ возможное со стороны спиритуалистовъ—возраженіе противъ этого закона; возраженіе это касается загадочнаго пункта въ физическомъ ученіи объ энергіи—переноса энергіи изъ одного тѣла въ другое, или изъ одной части „системы“ въ другую во время работы, при сохраненіи общаго ея количества и мѣры въ системѣ. Допуская уменьшеніе и увеличеніе энергій (способностей къ работѣ) въ отдѣльныхъ частяхъ системы, физика допускаетъ этимъ самымъ переходъ какой-то реальности изъ одного тѣла въ другое, безъ измѣненія внутренней реальности его существованія. Это какъ бы нѣкоторое логическое противорѣчіе, или, по выраженію Канта, антиномія для нашего ума.

Биллиардный шаръ ударилъ другой шаръ, послѣдній покатился, первый откатился: оба остались вполнѣ реальны, какъ элементы дѣйствительности, но оба что-то реальное другъ другу отдали,—одинъ больше отдалъ, чѣмъ получилъ, другой больше получилъ, чѣмъ отдалъ; первый, по терминологіи механики, произвелъ работу надъ вторымъ, но общая сумма ихъ энергій не измѣнилась. Вотъ простѣйшій, по Гроту, примѣръ передачи и превращенія энергіи въ природѣ. Анализируя его логически, Гротъ считаетъ возможнымъ допустить нѣсколько толкованій: что одна часть матеріи пердала другой части какую-то силу, и что силы въ природѣ различны отъ матеріи и могутъ переходить изъ одной части матеріи въ другую; или же, что отъ первой части матеріи что-то ея собственное отдѣлилось и присоединилось ко второй, такъ что первая умалилась, а вторая умножилась; или же, наконецъ, что матеріи совсѣмъ нѣтъ, а есть только силы и что одна сила, шаръ № 1, передала часть себя, или присоединилась къ другой силѣ, или центру силъ, называемому шаромъ № 2. Съ точки зрѣнія наивнаго реализма и научнаго матеріализма, или же динамизма, всѣ эти толкованія одинаково законны; съ точки же зрѣнія критики познанія они всѣ одинаково наивны, ибо всѣ эти факты совершились въ сущности только въ нашемъ воспріятіи и представленіи; и, разбираясь въ нихъ, мы можемъ логически разложить событіе только на рядъ перемѣнъ въ своихъ воспріятіяхъ и представленіяхъ. Привода въ порядокъ и обобщая, по логическимъ же законамъ, эти перемѣны, мы говоримъ: произошло явленіе, называемое движеніемъ; въ этомъ явленіи играли роль два какіе-то элемента дѣйствительности X и Y, называемые тѣлами (шарами); чтобы явленіе это состоялось, необходимо предположить въ обоихъ элементахъ предварительную способность къ движенію, т. е. энергію, въ данномъ случаѣ потенциальную, а какъ носители и источники этихъ энергій, означенные элементы дѣйствительности (или по механикѣ—системы) X и Y должны быть названы, или сами дѣятелями, или въ нихъ должны быть предположены какіе-то дѣтели, или силы; при этомъ что-то передавалось отъ одного элемента въ другой, что мы, какъ явленіе, нами воспринятое,

называемъ движеніемъ, въ смыслѣ научно-механическомъ— работой. Вотъ, по Гроту, единственный возможный объективный логическій законъ факта, а чтобы уяснить себѣ, что такое вообще дѣятеля, силы и явленія, элементы дѣйствительности, тѣла, ихъ энергіи, движенія и даже работа“, нашъ мыслитель предлагаетъ прибѣгнуть къ субъективному опыту, къ анализу состава и элементовъ своей мысли, сознанія. При этомъ Гротъ считаетъ законнымъ придти къ слѣдующимъ предположеніямъ: 1) такъ какъ мы знаемъ непосредственно только одного дѣятеля въ природѣ, наше собственное Я, или субъекта, какъ носителя сознанія и какъ непосредственный источникъ нашей психической энергіи и работы, то мы можемъ законно думать, что всякіе дѣятеля въ природѣ, или всякіе источники энергіи, суть для себя и „внутренніе своего рода Я“, или субъекты. 2) До сихъ поръ эти дѣятеля назывались душами, можно и впредь называть ихъ этимъ именемъ, только помня, что дѣло идетъ не о прежнихъ „метафизическихъ“ субстанціяхъ, а только объ извѣстнаго рода логико-алгебраическихъ знакахъ, для выраженія воспринимаемыхъ свойствъ субъекта, „быть причинами сознательнаго дѣйствія и носителями необходимыхъ для него дѣятелей“. 3) Такъ какъ нашъ субъектъ сознаетъ, что онъ не весь есть сознательный дѣятель, а еще и не вполне сознательное орудіе дѣйствія, то онъ приписываетъ себѣ тѣло, какъ такое орудіе, и въ то же время, средѣ дѣйствія, и называетъ ее объектомъ своего (психическаго) дѣйствія, своей (психической) работы. 4) Но далѣе онъ сознаетъ также, что и самъ онъ является объектомъ дѣйствія другихъ дѣятелей и воспринимаетъ эти дѣйствія, и потому дѣлитъ себя на дѣйствующій субъектъ или волю, и воспринимающій субъектъ— умъ и сознаніе вообще. 5) Какъ велика сила нашего субъекта, какъ дѣятеля, какъ воли, т. е., какъ носителя потенціальныхъ энергіи дѣйствія, мы не знаемъ въ точности, но должны допустить ограниченность суммъ этихъ накопившихся, или не разсѣявшихся еще въ насъ, потенціальныхъ энергіи дѣйствія, —этого капитала нашихъ психическихъ энергіи, которымъ и мы живемъ всю жизнь. Но эта ограниченность общей суммы психической энергіи еще не рѣшаетъ отрицательно вопросовъ

о свободѣ воли, безсмертіи личнаго сознанія, такъ какъ, будучи продуктами сложной эволюціи природы, человѣческіе организмы могутъ считаться такими значительными запасами потенциальныхъ психическихъ энергій, которые не могутъ быть истощены всею нашею жизнью, и не могутъ находить въ средѣ такихъ абсолютныхъ противодѣйствій, которыхъ бы они не могли преодолѣвать, при переходѣ своемъ въ кинетическое состояніе. Въ этомъ смыслѣ воля, по нашему мыслителю, можетъ быть относительно свободна, а субъектъ, какъ дѣятель, неисощимъ въ своей внутренней потенциальной энергіи, которая можетъ быть переведена въ работу не только извнѣ фвіологическими толчками, но и извнутри—самосознаніемъ. Изъ предшествующихъ основаній Гротъ выводитъ, что психическая энергія, не будучи совершенно истощена жизнью, не можетъ всецѣло разсѣяться или перейти въ физическія энергіи распадающихся частицъ тѣла (въ трупѣ), а переходить со всѣми ея основными свойствами (сознаніемъ и самосознаніемъ) въ другую среду, напр. невѣсомую, эфирную, которая считается иногда „средою дѣйствія психической энергіи“ даже въ самомъ организмѣ, въ нервной его системѣ. Здѣсь Гротъ и допускаетъ такое предположеніе, что душа, въ прежнемъ значеніи слова, можетъ быть, и есть эта эфирная, невѣсомая среда, вмѣстѣ съ ея особыми психическими энергіями. Если тепловая энергія переходитъ изъ одного тѣла въ другое, а электрическій токъ или энергія переходитъ по проводокѣ, изъ одного аппарата въ другой, то почему спрашиваетъ нашъ мыслитель, психическій токъ не можетъ перейти чрезъ эфирную среду въ другія тѣла, или пространства? Гротъ здѣсь допускаетъ надежду, что на почвѣ энергетизма ученіе о безсмертіи личнаго сознанія, можетъ, современемъ найти себѣ новое научное оправданіе (809). Соглашаясь съ тѣмъ возможнымъ здѣсь возраженіемъ, что всѣ эти мысли только гипотезы, предположенія, догадки и мечты, нашъ мыслитель все таки считаетъ установленнымъ тотъ выводъ, что психическая энергія, сама по себѣ, не предрѣшаетъ ни одного метафизическаго вопроса. И этика, и даже религіозное міросозерпаніе отъ этой гипотезы нисколько не могутъ пострадать — нрав-

ственная и религіозная философія могутъ только найти въ психологической энергетикѣ новые методы и горизонты для изслѣдованія своихъ проблемъ. Энергетика въ психологіи должна явиться, по взгляду нашего мыслителя, полезной рабочей гипотезой, нисколько не исключающей точки зрѣнія внутреннихъ оцѣнокъ (810). Нашъ мыслитель увѣренъ, что психологія, какъ наука точная и экспериментальная, приобрѣтетъ безконечно обширные новые горизонты для своихъ изслѣдованій, если, отбросивъ нѣкоторые старые приемы и отжившія понятія, она приобщится къ общей работѣ естественныхъ наукъ, т. е., въ данномъ случаѣ, къ разработкѣ ученія объ энергіяхъ, и объ ихъ превращеніяхъ, и сохраненіи въ природѣ и въ организмахъ. У новой энергетической психологіи будетъ, по нашему мыслителю, уже то преимущество, что понятіе „психической энергіи“ дастъ новое обоснованіе старому ученію о психической активности и о реальномъ дѣйствіи психическихъ силъ на физическую среду, т. е., понятію воли, какъ творческаго начала и дѣателя, понятію „идей—силъ“. Въ то же время является возможность новыхъ объясненій процессовъ ощущенія, чувствованія, мышленія, творчества, явленій воли, памяти воображенія и т. п. Гротъ кончаетъ свою статью убѣжденіемъ, что изложенная имъ точка зрѣнія вѣрна, и она рано или поздно восторжествуетъ, какъ всякое ученіе, основанное на фактахъ опыта. Общааясь самъ работать, Гротъ въ концѣ своей статьи проситъ и другихъ безпристрастныхъ изслѣдователей заняться логической и эмпирической проверкой его положеній и предположеній (811).

Александръ Никольскій.

(Продолженіе будетъ).

„Теодицея“ Лейбница, рассматриваемая въ связи съ его метафизическимъ ученіемъ.

(Продолженіе *).

Г л а в а II-я.

Т Е О Д И Ц Е Я.

Отдѣлъ 1-й: Происхожденіе, задача и цѣль ея.

Слова „теодицея“ не существовало до Лейбница. Онъ первый употребилъ его для того, чтобы однимъ словомъ опредѣлить и содержаніе и цѣль своего произведенія. Теодицея значитъ собственно *богооправданіе*, т. е., апологія божественныхъ совершенствъ. Предметы, которые затрагиваетъ Лейбницъ въ своей Теодицеѣ, и вопросы, которые онъ рѣшаетъ въ ней, занимали его съ раннихъ поръ. Онъ знакомился съ ними посредствомъ изученія лучшихъ писателей того времени, а размышлялъ о нихъ, какъ онъ самъ говоритъ, съ самой юности своей. Можно сказать, что мысль, внушившая ему его Теодицею, зрѣла въ немъ въ продолженіе всей, предшествующей ея написанію, жизни. Потому-то всѣ его симпатіи лежали на сторонѣ главнымъ образомъ этого труда, въ который онъ вложилъ всю свою душу, всю силу своего генія и который былъ, такъ сказать, его любимымъ дѣтищемъ. Судя по письму Лейбница къ герцогу Брауншвейгскому Іоанну Фридриху, планъ Теодицеи былъ составленъ гораздо ранѣе 1710 года (года появленія

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1903 г. № 21.

ея въ свѣтъ). Въ этомъ письмѣ Лейбницъ объяснялъ герцогу планъ предпринимаемаго имъ сочиненія, которое должно было имѣть слѣдующее заглавіе: „Demonstrations catoliques“. Оно, по мысли Лейбница, должно быть раздѣлено на три части. Въ первой части онъ имѣлъ въ виду представить доказательства бытія Божія и безсмертія души. Вторую часть онъ намѣренъ былъ посвятить доказательству возможности христіанскихъ таинствъ вообще и въ частности вопросу о святой Троицѣ, о воплощеніи, Евхаристіи и воскресеніи мертвыхъ. Третья часть должна трактовать о Церкви, ея Божественномъ происхожденіи, власти и о церковной іерархіи: „Этому сочиненію должно было предшествовать изложеніе основаній истинной философіи, необходимое для ея пониманія. Ибо, говоритъ Лейбницъ, необходима новая логика, чтобы понимать степень вѣроятности приведенныхъ въ сочиненіи доказательствъ. Необходимо также дать новое развитіе метафизикѣ, чтобы составить себѣ вѣрныя понятія о Богѣ, о душѣ, о личности, о субстанціи и пр. Необходимо нѣсколько основательнѣе изложить физику, ибо безъ этого нельзя опровергнуть возраженій противъ сотворенія, потопа и воскресенія мертвыхъ“¹⁾). Лейбницу не удалось выполнить своего добраго намѣренія во всей полнотѣ; по крайней мѣрѣ не извѣстно, чтобы существовало сочиненіе Лейбница подъ заглавіемъ: „Demonstrations catoliques“. Но Фуше-де-Карейль открылъ цѣлую серію манускриптовъ, которые своимъ содержаніемъ весьма напоминаютъ намъ содержаніе предполагаемаго Лейбницемъ обширнаго сочиненія и которые въ зародышѣ образуютъ будущую Теодицею. Это, во первыхъ, манускриптъ, носящій слѣдующее заглавіе: „Specimen demonstrationum catolicarum, seu apologia fidei ex ratione“. Это безъ сомнѣнія предисловіе къ книгѣ и соотвѣтствуетъ предисловію Теодицеи въ настоящемъ ея видѣ, именно ея „Discours sur la conformité de la foi avec raison“. Здѣсь Лейбницъ соглашаетъ естественныя и богооткровенныя истины. Второй манускриптъ имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Dialogus de immortalitate mentis et necessitate rectoris in mundo, et con-

¹⁾ Герье—277 стр.

fessio philosophi, seu de justitia Dei circa praedestinationem, aliisque ad hoc argumentum spectantibus“. Діалогъ этотъ соответствуетъ первой части соч.: „*Demonstrations catoliques*“ —это, по всей вѣроятности, тотъ самый латинскій діалогъ, который Лейбницъ показывалъ Арнольду въ бытность свою въ Парижѣ и о которомъ онъ упоминаетъ въ своей Теодицеѣ ¹⁾ и въ письмѣ къ Мальбраншу ²⁾. Первая часть этого діалога, представляющая доказательство бытія Божія и безсмертія души, потеряна, но вторая—сохранилась и этотъ отрывокъ имѣетъ большую важность. Богословъ и философъ сходятся здѣсь въ вопросахъ отношенія правосудія и благости Божіихъ, предопредѣленія и свободы. Всѣ эти вопросы обсуждаются и рѣшаются здѣсь такимъ же образомъ, какъ и въ Теодицеѣ, однимъ словомъ, это полная и подробная программа разсматриваемаго нами сочиненія. Далѣе, найдена рукопись подъ заглавіемъ: „*Ratione fidei catholicae*“, въ которой Лейбницъ пытается доказать, что догматы христіанскіе, которые содержатся Вселенскою церковью, болѣе согласны съ разумомъ, чѣмъ еретическія или сектантскія доктрины. Въ этимъ манускриптамъ нужно отнести еще трактаты: 1) „*De religione magnoꝝ virorū*“, въ которомъ Лейбницъ пытается доказать, что всѣ великіе мужи были религіознѣйшіе люди и 2) „*Dialogue entre Theophile et Polydore*“, замѣчательный тѣмъ, что въ немъ излагается теорія о наилучшемъ мірѣ въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ ее въ послѣдствіи изложилъ Лейбницъ въ своей Теодицеѣ.

Обстоятельствомъ, побудившимъ Лейбница написать Теодицею, было прежде всего его желаніе разсѣять ложные взгляды его современниковъ по нѣкоторымъ религіознымъ вопросамъ, въ частности относительно вопросовъ о свободѣ воли и о злѣ. „Тамъ, гдѣ слѣдовало видѣть высочайшую благость, говоритъ Лейбницъ, люди его времени усматривали непреодолимую силу Божію, тамъ, гдѣ должны признавать всемогущество, видѣли деспотическую власть“ ³⁾. Но особенно часто злоупотребляли важащейся необходимостью судьбы, пользуясь ею для извинен-

¹⁾ Teodicée—§ 211, II—569 p.

²⁾ Cousin—Fragments de philosophie cartesienne 409 p.

³⁾ Theod. Preface 470 p.

нія разнаго рода пороковъ. „Я часто слышалъ, передаетъ Лейбницъ, какъ молодые люди съ живымъ темпераментомъ говорили, что нѣтъ надобности учить добродѣтели, порицать пороки, надѣяться на награды и бояться наказаній, потому что о книгахъ судебъ можно сказать, что написанное въ нихъ написано, что наше поведеніе ничего не измѣнить въ нихъ и что такимъ образомъ лучше всего слѣдовать своей склонности и держаться только того, что удовлетворяетъ насъ въ настоящее время“¹⁾. Все это неоднократно побуждало Лейбница браться за перо, чтобы выяснитъ частію смутныя, частію ложныя понятія о тѣхъ религіозныхъ вопросахъ, которые занимали въ то время общество. Лейбницъ занимался, какъ мы уже говорили, религіозными вопросами съ раннихъ лѣтъ и неоднократно думалъ, по его собственному признанію, обнародовать свои мысли о нѣкоторыхъ изъ нихъ, но нѣкоторыя обстоятельства препятствовали этому. Между тѣмъ явились довольно важныя причины, пубудившія его взяться за перо: мы разумѣемъ религіозно-философскія бесѣды Лейбница съ прусской королевой Софіей—Шарлоттой²⁾. Бесѣды эти касались величайшихъ и труднѣйшихъ проблеммъ челоѣческаго духа: отношенія Бога къ міру, свободы воли, начала и сущности зла и примиренія его съ премудростью и благостью Божиими. Когда современный Лейбницу мыслитель—Бэйль обнародовалъ свои противорелигіозныя сочиненія и тѣмъ возобновилъ всѣ затрудненія въ рѣшеніи вышеупомянутыхъ вопросовъ, бесѣды Лейбница съ королевой особенно оживились. Любознательная Софія Шарлотта, находя въ сочиненіяхъ Бэйля возраженія противъ премудрости и благости Божіихъ, свободы воли и нѣкоторыхъ догматовъ вѣры, постоянно спрашивала мнѣнія Лейбница по этимъ вопросамъ. Лейбницъ, по возможности, старался разрѣшать ея недоумѣнія и опровергалъ всѣ возраженія Бэйля противъ христіанскихъ догматовъ. Такъ

¹⁾ Ibid. Preface 471 p.

²⁾ Софія Шарлотта, супруга прусскаго короля Фридриха 1-го—самая интересная личность того времени, въ которое жилъ Лейбницъ. Это была образованнѣйшая женщина, интересующаяся преимущественно богословско-философскими вопросами, о которыхъ она вела обширную переписку съ Лейбницемъ и другими великими мужами того времени.

какъ объясненія, которыя давалъ Лейбницъ королевѣ по недоумѣннымъ вопросамъ, ей нравились, она убѣдительно просила его изложить на бумагѣ свои мысли и именно на французскомъ языкѣ, чтобы могли читать ихъ и лица, незнакомыя съ латинскимъ языкомъ. Лейбницъ началъ было уже свой трудъ, какъ королева неожиданно скончалась. Друзья его и ея, которые знали о желаніи умершей королевы, упросили его исполнить ея волю и вотъ явился манускриптъ, который по отпечатаніи составилъ цѣлый томъ in octavo. Такъ какъ появленіе Теодицеи въ свѣтъ было вызвано бесѣдами по поводу сочиненій Бэйля, то главная ея задача состояла въ опроверженіи возраженій этого послѣдняго противъ христіанскаго вѣроученія и защитѣ основныхъ истинъ христіанства отъ нападокъ скептицизма. Имѣя въ виду это, Лейбницъ пытается установить болѣе правильное понятіе о Богѣ, чѣмъ какое имѣли большая часть его современниковъ, защитить Его отъ ходячихъ возраженій противъ Его премудрости и благости. Это онъ пытается сдѣлать не какимъ нибудь рационалистическимъ и философскимъ выведеніемъ догматовъ изъ началъ разума, а указаніемъ лишь полного согласія христіанскихъ догматовъ съ началами разума и опроверженіемъ quasi неопровержимыхъ возраженій разума противъ предметовъ вѣры.

Перейдемъ теперь къ изложенію самой Теодицеи.

Отдѣлъ 2-й. Объ отношеніи вѣры къ разуму.

Въ своихъ возраженіяхъ противъ христіанскихъ догматовъ, противъ возможности ихъ разумнаго обоснованія, Бэйль опирался на двухъ основапіяхъ: во первыхъ, на доказательствѣ полной противоположности между вѣрою и разумомъ и, во вторыхъ, на неопровержимости возраженій противъ премудрости, благости и правосудія Божіихъ. Лейбницъ, наоборотъ, старается доказать въ Теодицеѣ, что между разумомъ и вѣрою нѣтъ противорѣчій и что возраженія, дѣлаемыя Бэйлемъ, противъ нѣкоторыхъ истинъ вѣры, вовсе не неопровержимы. Въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи вѣры къ разуму Бэйль и Лейбницъ представляютъ два крайніе полюса. Первый видитъ меж-

ду ними полную противоположность, второй—полное согласіе, какъ откровеніями одного и того-же Божества. Двѣ истины, говоритъ Лейбницъ, не могутъ противорѣчить другъ другу: предметъ вѣры есть истина, открытая Богомъ чрезвычайнымъ способомъ, разумъ же есть логическая связь истинъ, которая духъ человѣческій постигаетъ естественнымъ способомъ, безъ помощи свѣта вѣры. Тайны вѣры не могутъ противорѣчить разуму человѣческому, не противорѣча разуму Божественному. Принадлежащая намъ часть разума, по Лейбницу, есть даръ Божій и относится къ разуму Божественному, какъ часть къ цѣлому, такъ что невозможно, чтобы то, что противорѣчитъ части, не противорѣчило цѣлому. Далѣе, Лейбницъ строго разграничиваетъ то, что превышаетъ разумъ, и то, что противорѣчитъ ему. Разумъ, по Лейбницу, какъ мы уже сказали, есть логическая связь истинъ; таинства превышаютъ нашъ разумъ, понимаемый въ этомъ смыслѣ, потому что они заключаютъ въ себѣ истины, не содержаціяся въ той связи истинъ, которая мы познаемъ естественнымъ образомъ, но они не противоположны разуму, такъ какъ не противорѣчатъ ни одной изъ тѣхъ истинъ, къ которымъ можетъ приводить насъ эта связь. Противоразумнымъ можетъ быть названо только то положеніе, которое опровергается неопровержимыми доводами, или противоположное положеніе которому можетъ быть доказано точнымъ и серьезнымъ образомъ, а все то, чего нельзя понять и въ пользу чего нельзя представить апріорныхъ основаній, можетъ быть названо *сверхразумнымъ*, но ни въ коемъ случаѣ *не противоразумнымъ*. Это различіе сверхразумнаго отъ противоразумнаго Лейбницъ старается уяснить своимъ учевіемъ о различныхъ видахъ необходимости. Онъ различаетъ три вида необходимости: метафизическую, называемую имъ также логической и геометрической, физическую и нравственную (гипотетическую). Метафизическая необходимость принадлежитъ такъ называемымъ вѣчнымъ истинамъ, абсолютно необходимымъ. Физическая необходимость принадлежитъ истинамъ положительнымъ, законамъ, которые Богъ далъ природѣ, или положеніямъ, зависящимъ отъ этихъ законовъ. Эти законы имѣютъ своимъ основаніемъ свободное избраніе Божіе, а не ло-

гическую необходимость. Природа этихъ физическихъ законовъ, сохраняемыхъ не по логической необходимости, а свободно, такова, что она даетъ возможность Богу преобладавать ихъ чудомъ, по требованію болѣе важныхъ причинъ высшаго порядка, чѣмъ тѣ общія основанія добра и порядка, которыя привели Его къ избранію этихъ законовъ¹⁾. Нравственная же необходимость есть та, которая налагается мудростію. Этой необходимости, между прочимъ, подчиняется Богъ, когда избираетъ наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Метафизическая необходимость дѣйствуетъ безусловно, т. е., противоположное ей заключаетъ въ себѣ противорѣчіе, нравственная же и физическая необходимость основываются на требованіяхъ соотносительности (*convenance*)²⁾ и нравственности и противоположное имъ не содержитъ въ себѣ никакого противорѣчія. Тогда какъ все то, что противорѣчитъ логической или метафизической необходимости, невозможно и принужденіе при такой необходимости непреодолимо даже для самого Творца, въ нравственной же и физической необходимости нѣтъ такой невозможности. Богъ обладаетъ полною возможностью осуществить безнравственное и только Его мудрость препятствуетъ это ему сдѣлать; равно какъ Онъ можетъ отмѣнить и нѣкоторые законы природы въ исключительныхъ случаяхъ, когда требуютъ этого высшаго основанія всеобщей соотносительности.

Второй пунктъ въ вопросѣ объ отношеніи вѣры къ знанію, въ которомъ расходились Лейбницъ и Бэйль—это вопросъ: могутъ ли истины вѣры быть предметомъ неопровержимыхъ возраженій. Бэйль отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, но для Лейбница неопровержимыхъ возраженій противъ истинъ вѣры нѣтъ, да ихъ и быть не можетъ. Возраженіе можетъ

1) Theodicée. Discours de la conformité de la foi avec la raison § 2. 480 p

2) Подъ соотносительностью Лейбницъ разумѣетъ взаимную условиваемость существованія предметовъ. При этомъ мыслится извѣстная связь однихъ предметовъ съ другими, а также подчиненіе ихъ высшему упорядочиванію, или предопредѣленному теченію. Но соотносительное по одному этому не становится еще строго, или логически необходимымъ. Лейбницъ пользуется этимъ понятіемъ для освобожденія человеческой свободы отъ безусловной необходимости, не въ то же время онъ отрицаетъ въ ней и полный предъволь. (Kirchman—Erläuterungen zur Theodicée. 18 6).

быть неопровержимымъ только въ томъ случаѣ, если въ основаніи его лежитъ доказательство, построенное на началахъ разума и на неоспоримыхъ фактахъ; но если существуютъ такіе возраженія противъ какого нибудь тезиса, то или тезисъ этотъ долженъ быть признанъ ложнымъ, или не существуетъ неопровержимыхъ доказательствъ противъ него, иначе два противорѣчивыя положенія должны быть мыслимы одновременно, какъ истинныя; если же возраженія не имѣютъ этой доказательной силы, то они образуютъ только вѣроулыбный аргументъ, не имѣющій никакой силы противъ вѣры и, какъ такіе, не опровержимы. И такъ, по Лейбницу, что нибудь одно: или вѣра, или неопровержимыя возраженія. Если существуютъ неопровержимыя возраженія противъ вѣры, то предметъ вѣры ложенъ, или, наоборотъ, если предметъ вѣры—нѣтъ сомнѣнія, то нѣтъ неопровержимыхъ возраженій противъ нея. Вольфъ утверждаетъ, что то обстоятельство, что тайны „возвышаются надъ разумомъ“ уже служитъ доказательствомъ неопровержимости возраженій противъ нихъ. „Если бы разумъ могъ доставить намъ рѣшенія возраженій противъ догмата Троичности или догмата объ Упостасномъ единствѣ, тогда онъ возвысился бы до этихъ таинствъ, подчинилъ бы ихъ себѣ и довелъ бы дѣло до заключенія, что они согласны съ естественнымъ свѣтомъ. Такимъ образомъ онъ сдѣлалъ бы то, что превышаетъ его силы, переступилъ бы за свои собственныя границы, что было бы формальнымъ противорѣчіемъ. И потому надобно сказать, что онъ не можетъ представить рѣшеній своихъ собственнымъ возраженій, такъ что возраженія эти остаются побѣдоносными до тѣхъ поръ, пока не прибѣгнутъ къ помощи Божественнаго авторитета и въ необходимости плѣненія своего разума въ послушаніе вѣры“ 1). Но Лейбницъ отвѣчаетъ на это, что для опроверженія тѣхъ или другихъ возраженій противъ таинствъ нѣтъ никакой необходимости доводить эти таинства до полнаго усвоенія. Защищающему таинства, говоритъ Лейбницъ, достаточно со всею строгостью отвергнуть всеобщность нѣкоторыхъ положеній того или иного возраженія противъ

1) Theodicée § 72.

нихъ, или подвергнуть критикѣ его форму. Все это можно сдѣлать; не выходя за предѣлы возраженій и потому вѣтъ никакой надобности для опроверженія возраженій; противъ таинствъ „подчинять эти таинства намъ“, какъ этого требуетъ Бэйль. Этими не исчерпываются еще возраженія Бэйля. „Если нѣкоторые ученія превышаютъ разумъ, продолжаетъ; они свои возраженія, то они находятся внѣ его силъ; онѣ не можетъ ихъ достигать, если онѣ не можетъ достигать; то не можетъ и понимать, а если онѣ не можетъ понимать, то не имѣетъ по отношенію къ этому никакой идеи и никакого принципа, служащаго источникомъ для рѣшенія возраженій противъ нихъ, слѣдовательно и возраженія, дѣлаемая разумомъ противъ этихъ ученій, остаются безъ отвѣта“¹⁾. Но не понимать сущности таинства, отвѣчаетъ на возраженіе Лейбницъ, еще не значить совершенно не знать его и не имѣть о немъ никакой идеи. Чтобы понимать что-либо въ полномъ смыслѣ этого слова, надобно имѣть воѣ приходящія въ предметъ идеи и подобно, чтобы всѣ эти идеи были ясны, раздѣльны и адекватны ему, а если такъ, то даже въ мірѣ физическомъ мы понимаемъ очень немногое, но можно-ли сказать, что о всемъ остальномъ мы не имѣемъ *никакой идеи*? То же нужно сказать и относительно таинствъ и вообще истинъ вѣры: мы не имѣемъ и не можетъ имѣть о нихъ адекватныхъ понятій, но нѣчто мы можемъ всетаки знать о нихъ. Мы можемъ уяснить содержание ихъ посредствомъ уподобленія нагляднымъ предметамъ; такъ треугольникъ, напримеръ, своими тремя сторонами составляющій одну фигуру, можетъ служить аналогическимъ представленіемъ догмата о тринности лицъ Св. Троицы при единствѣ существа. Сдѣлавши неправильное заключеніе отъ того, что мы не вполне понимаемъ истинъ вѣры, къ тому, что мы не имѣемъ никакой идеи о нихъ, Бэйль дѣлаетъ новое заключеніе, что мы не имѣемъ никакого принципа, служащаго для рѣшенія возраженій, и что возраженія, дѣлаемая противъ истинъ вѣры, остаются, поэтому, безъ отвѣта. Вѣрнѣе было бы сдѣлать иное заключеніе, говоритъ Лейбницъ на это, а именно,

¹⁾ Theodicée § 78.

что мы не имѣемъ никакого принципа для возраженія противъ нихъ, а не для рѣшенія этихъ возраженій. Возраженіе, чтобы могло имѣть право называться неопровержимымъ, должно быть доказательствомъ, основаннымъ на началахъ разума или на неоспоримыхъ фактахъ, поэтому возражающій долженъ найти очевидное и прочное основаніе для своего возраженія, что весьма трудно и даже невозможно, потому что самый предметъ, противъ котораго возражаютъ, не можетъ быть вполне понятъ и уясненъ; даже если возражатель найдетъ такое основаніе, то ему, говоритъ Лейбницъ, еще труднѣе будетъ показать противорѣчіе между этимъ началомъ или основаніемъ и таинствомъ, потому что если онъ найдетъ, что таинство ясно противорѣчитъ очевидному началу, то это уже будетъ не таинствомъ, а нелѣпостью¹⁾. Что касается защищающаго истины вѣры, то для него нѣтъ нужды искать такого очевиднаго и прочнаго начала, или принципа для рѣшенія возраженій противъ нихъ. Если возраженіе неопровержимо, то спорное положеніе — (та или другая истина вѣры) — должно быть отвергнуто и его незачѣмъ тогда защищать. Но если возраженія представляютъ только вѣроятный аргументъ, а тотъ, кто возражаетъ, выводитъ отсюда заключеніе всеобщее и достовѣрное, тогда защитнику вѣры достаточно указать только возможность спорнаго положенія для выясненія того, что выводимое изъ посылкъ заключеніе не достовѣрно и не всеобще. „Защитникъ тѣхъ или другихъ истинъ вѣры есть какъ бы осажденный комендантъ, закрытый своими укрѣпленіями и уже дѣло атакующаго разрушить эти укрѣпленія. Онъ не ищетъ здѣсь очевидности, да она ему и не нужна; дѣло возражателя найти эту очевидность противъ своего противника и своими батареями пробить брешь, чтобы защищающійся не могъ скрыться за укрѣпленіями“²⁾.

Итакъ, по Лейбницу, между вѣрою и разумомъ нѣтъ никакого противорѣчія и они согласны между собою, какъ двѣ истины, имѣющія одинъ и тотъ же источникъ. Всѣ возраженія противъ вѣры должны считаться опровержимыми, иначе два противоположныя положенія одновременно были бы истинными.

1) Theodicee § 78.

2) Ibid. § 79.

Установивши взаимное отношеніе вѣры и разума, утвердивъ, такъ сказать, фундаментъ, на которомъ можно было бы построить зданіе зацѣты вѣры, Лейбницъ предпринимаетъ апологію премудрости, благодати и правосудія Божіихъ. Первое затрудненіе, съ которымъ онъ долженъ былъ встрѣтиться на этомъ пути—это вопросъ о свободѣ воли, которая представляется нѣкоторымъ несогласною съ предвѣдніемъ, предопредѣленіемъ и Промысломъ Божіими и въ то же время должна быть допущена, чтобы человекъ могъ быть признаваемъ виновнымъ за свои грѣхи и наказуемымъ.

Отдѣлъ 3-й. О свободѣ воли.

Вопросъ о свободѣ воли Лейбницъ называетъ однимъ изъ лабиринтовъ, въ которомъ всего болѣе блуждаетъ человѣческая мысль. Всѣ затрудненія при рѣшеніи этого вопроса вытекаютъ изъ того, что свобода воли должна необходимо существовать въ человекѣ, чтобы онъ могъ быть признаваемъ виновнымъ и наказуемымъ за свои преступленія и въ то же время она какъ будто противорѣчитъ всему теченію природы, гдѣ все предопредѣлено, предобразовано и тѣсно связано одно съ другимъ, а также предвѣднію Божію и Промыслу Его. Такъ какъ Богъ все предвидитъ въ мірѣ и все предопредѣляетъ, то будущее необходимо, говорили нѣкоторые, а слѣдовательно нѣтъ и свободы, если же нѣтъ свободы, то нѣтъ и награды и наказаній. Этотъ софизмъ приводилъ многихъ къ тому выводу, что не слѣдуетъ будто бы заботиться о своемъ нравственномъ усовершенствованіи, а лучше слѣдовать присущей каждому склонности къ наслажденію встрѣчающимися удовольствіями, и порождать въ людяхъ фатализмъ, т. е., вѣру въ то, что „чему быть, тому не миновать“.

„Я часто слышалъ, говорить Лейбницъ, какъ молодые люди съ живымъ темпераментомъ, говорили, что нѣтъ надобности учить добродѣтели, порицать пороки, надѣяться на награды и бояться наказаній, потому что о книгахъ судьбы можно сказать, что написанное въ нихъ—написано, что наше поведеніе

ничего не изменить въ нихъ и что, такимъ образомъ, лучше всего слѣдовать своей склонности и держаться только того, что удовлетворяетъ насъ въ настоящее время" ¹⁾). Нѣкоторые шли еще дальше. Они считали самого Бога соучастникомъ своей беспорядочной жизни, а другіе, не допуская Божественнаго содѣйствія въ отношеніи къ порочнымъ дѣйствіямъ и выходя изъ той мысли, что, если бы Богъ предвидѣлъ зло, то Онъ уничтожилъ бы его Своимъ всемогуществомъ, соглашались даже отказать Богу въ знаніи всѣхъ подробностей о предметахъ, преимущественно же относительно будущихъ событій, чѣмъ допустить то, что представлялось имъ неиспроверяющимъ Божественную благодать.

Имѣя въ виду странныя выводы и губительныя слѣдствія, которыя вытекали изъ спутанныхъ понятій о свободѣ воли, необходимости и судьбѣ, Лейбницъ неоднократно брался за перо, чтобы выяснить эти понятія, и мысли по этому предмету вошли въ его Теодицею. Сообразно съ его задачей написать рациональную апологию Божественныхъ совершенствъ, ему чрезвычайно важно было доказать свободу воли въ человѣкѣ, иначе нельзя было оправдать Бога отъ упрековъ за существованіе въ мірѣ зла нравственнаго и доказать Его правосудіе. Какъ же рѣшаетъ Лейбницъ вопросъ о свободѣ воли? При изложеніи метафизики Лейбница мы уже видѣли, что, по его ученію, нѣтъ никакого взаимодействия между монадами. Каждая монада существуетъ сама по себѣ, не имѣя никакого вліянія на другія и въ себѣ самой, въ своей собственной природѣ содержитъ законъ для непрерывнаго, послѣдовательнаго ряда своихъ дѣйствій. Какъ духовная субстанція, она свободно слѣдуетъ своему индивидуальному развитію и въ этомъ смыслѣ вполнѣ возможно говорить о ея свободѣ. Но съ другой стороны той-же монадѣ предписанъ предустановленной гармоніей опредѣленный путь, съ котораго она не можетъ отклониться. Очевидно съ этой точки зрѣнія не можетъ быть и рѣчи о полномъ безразличіи между двумя возможными событіями, изъ ко-

¹⁾ Theodicee Preface 471 p.

торихъ выборъ одного зависѣлъ бы чисто отъ человѣческой воли; рѣшенія воли всегда имѣютъ, но Лейбницу, достаточное основаніе. Это основаніе можетъ быть сокрыто, или неважно, но существуютъ непремѣнно причины, по которымъ одна изъ альтернативъ предпочитается другой и въ этомъ смыслѣ имѣть безусловной свободы выбора, т. е., имѣть такого положенія, при которомъ не существовало бы большаго склоненія къ одной какой либо сторонѣ. Бездлиное множество движеній, большихъ и малыхъ, внутреннихъ и внешнихъ, дѣйствуютъ на насъ, хотя мы этого и не замѣчаемъ; даже существуютъ причины и для того, чтобы занести ту или другую ногу впередъ. Лейбнецъ съ необычайной энергіей развиваетъ ученіе о безусловномъ выборѣ и безусловной свободѣ и ни въ какомъ случаѣ не допускаетъ, чтобы мы съ одинаковою силою могли склоняться и на сторону да, и на сторону нѣтъ. Такая свобода, такое абсолютное равновѣсіе мотивовъ совершенно невозможно и противорѣчитъ всѣмъ понатіямъ здраваго смысла и опыта. Если бы мы всмотрѣлись въ свои дѣйствія, то нашли бы, что всегда существуетъ какая-либо причина, или какое-либо основаніе, которое склоняетъ насъ въ ту, и не въ иную сторону, хотя часто мы и не замѣчаемъ того, что насъ склоняетъ, подобно тому, какъ не замѣчаемъ, почему, выходя черезъ дверь, ступаемъ правой ногой раньше, чѣмъ лѣвой или наоборотъ. Поэтому басню о Буридановомъ ослѣ, который находится между двумя лугами, съ одинаковою силою влекущими къ себѣ, умираетъ съ голоду; Лейбницъ называетъ фикцией, вымысломъ, не имѣющимъ мѣста во вселенной, потому что миръ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть раздѣленъ на двѣ равныя половины плоскостью, которая проходила бы какъ разъ посрединѣ осла и пересѣкала бы его вдоль вертикально такъ, чтобы обѣ половины были совершенно равны и подобны; свидѣтельно внутри и внѣ осла есть достаточно предметовъ, склоняющихъ его болѣе въ одну, чѣмъ въ другую сторону, хотя бы мы этого и не замѣчали. Правда, человѣкъ свободенъ, и осель вѣтъ, но на томъ-же основаніи и въ отношеніи чело-вѣка случай совершеннаго равновѣсія между двумя склонностями невозможенъ.

Отвергнувъ взглядъ на свободу, какъ на безусловный произвѣль или какъ на волю, не опредѣляемую никакими мотивами, Лейбницъ даетъ ей свое опредѣленіе, какъ опредѣляемой изнутри самою челоуѣка склонности или расположенія. Онъ различаетъ слѣдующіе три элемента, изъ которыхъ слагается свобода воли, во первыхъ: „intelligence“—интеллигенція, т. е., ясное, раздѣльное представленіе объекта воли, во вторыхъ: „Spontanéité“—естественная самодѣятельность или произвольность, съ которой мы рѣшаемся на что-нибудь и, въ третьихъ: „contingence“,—случайность дѣйствія свободной воли, т. е., такое свойство свободы, которое исключаетъ въ ней метафизическую необходимость. Первый элементъ свободы воли—„интеллигенція“, или ясное представленіе объекта воли, говоритъ Лейбницъ, есть какъ бы душа свободы воли; а другіе два элемента составляютъ ея тѣло.

Выше мы говорили, что всѣ монады Лейбница одарены врожденной силой внутренней самодѣятельности; всѣ они дѣйствуютъ исключительно изъ себя, безъ всякаго воздѣйствія и содѣйствія другихъ и носятъ въ себѣ зародышъ будущаго развитія. Постепенно развиваясь, каждая монада постоянно и непрерывно измѣняетъ и форму, или свое представленіе и образуетъ такимъ образомъ собственную силою послѣдовательный рядъ представленій. Эта дѣятельность внутреннего принципа, производящаго измѣненіе, или переходъ отъ одного представленія къ другому Лейбницъ называетъ „стремленіемъ“ (appetition). Каждое стремленіе необходимо заключаетъ въ себѣ цѣль, или представленіе того, къ чему это стремленіе направлено и, смотря по тому, темнѣе или яснѣе это представленіе (объектъ стремленія); самое стремленіе является на высшей или низшей ступени бытія. Если это представленіе есть безсознательное, темное, то и самое стремленіе есть слѣпая сила; если представленіе возвышается до ощущенія или чувствованія, какъ въ животномъ и челоуѣкѣ, то стремленіе есть инстинктъ; при яснѣе же и отчетливѣе представленіи стремленіе является свободной волей; отсюда свободу воли еще не составляетъ та внутренняя самодѣятельность, которая присуща всякой мона-

дѣ; необходимо, чтобы эта самодѣтельность была сознательной. Только разумныя существа свободны и чѣмъ болѣе люди болѣе сообразуются въ своей дѣятельности съ разумными основаніями, тѣмъ болѣе онъ свободенъ¹⁾. Эти разумныя основанія образуютъ въ намъ расположеніе или преобладающую склонность, которая направляетъ его въ ту или другую сторону, впрочемъ нисколько не принуждая.

Второй элементъ, входящій въ составъ свободы воли—это самодѣтельность (*Spontanéité*), или произвольность дѣйствія. Самодѣтельность собственно присуща каждой вещи, такъ какъ каждая монада есть существо автономное, т. е. существо, законы дѣйствій котораго слѣдуютъ изъ него самопо. Но только въ существахъ разумныхъ монада присутствуетъ, такъ сказать, при зрѣлицѣ своего собственнаго развитія и сознаетъ причины, которыя опредѣляютъ ее въ ту или другую сторону, и цѣли, къ которымъ она стремится, и только въ нихъ одна она сознаетъ, что тѣ или другія рѣшенія ея вытекаютъ изъ нея самой. Это-то сознаніе своей внутренней самодѣтельности и составляетъ, такъ сказать, душу свободы воли.

Итакъ, воля наша слѣдуетъ въ своемъ направленіи преобладающей склонности, она всегда принимаетъ ту сторону, расположеніе къ которой всего болѣе склоняетъ ее. Но гдѣ же начало этихъ склонностей? Оно заключается въ зачаткѣ каждой монады, въ первоначальномъ расположеніи души. Наши склонности были заложены въ насъ прежде, чѣмъ мы имъ подчинились и выполнили ихъ. Онѣ были опредѣленіями нашей души прежде, чѣмъ стали опредѣленіями нашей воли. Каждая монада въ своей собственной природѣ носитъ зачатокъ всѣхъ своихъ неслѣдующихъ состояній и въ каждомъ актѣ ея заключается исторія ея развитія; отсюда всѣ наши дѣйствія въ этомъ смыслѣ предопредѣлены и душа наша есть въ нѣкоторомъ родѣ духовный автоматъ, потому что въ рѣшеніи воли существуетъ, по Лейбницу, такая же правильность, какъ и въ теченіи природы. Этимъ впрочемъ же нару-

¹⁾ „Eo magis libertas, quo magis agitur ex ratione“. De libertate 669 стр.

дается свобода воли, потому что въ понятіи ея кромѣ тѣхъ двухъ элементовъ („intelligence“ и „spontanéité“), о которыхъ мы говорили, входитъ еще третій: „contingence“—случайность дѣйствія, т. е., отсутствіе въ немъ метафизической необходимости. Лейбницъ, какъ мы имѣли уже случай говорить, различаетъ три вида необходимости: метафизическую, физическую и нравственную. Но только первая (метафизическая) есть въ собственномъ смыслѣ необходимость и она одна только исключаетъ свободу воли, потому что при ней не можетъ быть „случайности дѣйствія“ (contingence), третьяго изъ указанныхъ элементовъ свободы воли. Физическая же или нравственная необходимость, опредѣляемая лишь началами соотносительности, не противорѣчатъ свободѣ воли, потому что онѣ не исключаютъ случайности дѣйствія, т. е., противоположное тому, что мы избираемъ по физической или нравственной необходимости, не заключаетъ въ себѣ какого-либо противорѣчія, такъ что нельзя сказать, чтобы какая нибудь склонность человѣческой души и какое нибудь дѣйствіе, совершенное нами вслѣдствіе этой склонности, были безусловно необходимы.

Мы изложили взглядъ Лейбница на свободу воли. Сущность его воззрѣній на этотъ предметъ онъ самъ выразилъ въ своемъ трактатѣ о свободѣ. „Libertas est spontaneitas intelligentis, itaque quod spontaneum est in bruto vel alia substantia intellectus experte, id in homine vel in alia substantia intelligente, altius assurgit et liberum appellatur. Spontaneitas est contingencia sine coactione, seu spontaneum est quod nec necessarium, nec coactum est. Contingens seu non-necessarium est, cujus oppositum non implicat contradictionem“¹⁾, т. е., свобода воли есть сознательная самостоятельность, непринужденная и исключаящая метафизическую необходимость, иначе говоря, допускающая возможность дѣйствія, противоположнаго избираемому.

Свободу, понимаемую въ такомъ смыслѣ, Лейбницъ легко могъ примерить какъ съ міровымъ порядкомъ, въ которомъ все предопредѣлено, такъ и съ предвѣдніемъ и промысломъ Божиимъ.

1) De libertate 669 стр.

Порядокъ и связь, существующая между предметами, не только не исключаютъ такой свободы воли, но, напротивъ, необходимо предполагаютъ ее. Если въ мирѣ нѣтъ дѣйствія безъ причины, то и свободныя дѣйствія должны имѣть свои причины, свое достаточное основаніе (*raison suffisante*). Это основаніе и есть то, что Лейбницъ называетъ преобладающей склонностью, которая направляетъ и руководитъ волей въ ея выборѣ, нисколько впрочемъ не принуждая ея. Если бы не было этого основанія у воли, если бы ея дѣйствія происходили по совершенному произволу, то они были бы дѣйствіями безъ причины и, какъ такія, не были бы сознательными, а слѣдовательно и свободными, такъ какъ свобода воли, по Лейбницу, есть „*sprontaneitas intelligentis*“, т. е., сознательная содѣятельность. Допускать существованіе воли безъ опредѣленнаго мотива, безъ преобладающей склонности значить то же самое, что отрицать волю вообще.

Правда, міровой порядокъ есть нѣчто заранѣе опредѣленное Богомъ, но этимъ нисколько не нарушается свобода воли тварей, потому что какъ міръ, такъ и каждое отдѣльное существо въ немъ, получивши свое бытіе отъ Бога, въ то же самое время опредѣляютъ сами себя, по своимъ собственнымъ законамъ и развиваются своими собственными силами, такъ что всѣ дѣйствія человѣческія автономны, они суть самоопредѣленія, находящіяся въ зависимости отъ собственной природы каждаго недѣлимаго.

Не допуская безусловной свободы воли, полнѣйшаго произвола въ свободныхъ дѣйствіяхъ, Лейбницъ легко могъ примирить свободу воли и съ предвѣдніемъ. Хотя то, что предвидать, не можетъ не существовать, но отсюда не слѣдуетъ, что предвидимое необходимо, потому что та или другая истина необходима только въ томъ случаѣ, если противоположное ей положеніе невозможно и содержитъ противорѣчіе. Та же истина, которая утверждаетъ, что я завтра буду писать, и подобная ей, не принадлежитъ къ этому роду, потому что она вовсе не необходима. Въ виду того, что Богъ ее предвидитъ, конечно, необходимо, чтобы она совершилась, но въ этомъ только гипоте-

тическая необходимость, которая не исключаетъ случайности дѣйствій, не бывающей въ дѣйствіяхъ метафизически необходимыхъ и допускающей возможность дѣйствія, противоположнаго избираемому, такъ что предвѣдніе само собою ничего не прибавляетъ къ опредѣленію истинности будущихъ случайныхъ событий, за исключеніемъ лишь того, что это опредѣленіе было известно, а это рѣшительно не усиливаетъ опредѣленія или, какъ выражаются, будущаго существованія (futurition) этихъ событий¹⁾. Здѣсь Лейбницъ долженъ былъ встрѣтиться съ новымъ затрудненіемъ: если предвѣдніе само собою не дѣлаетъ истины болѣе опредѣленной, всетаки необходимо, чтобы оно имѣло свое основаніе въ природѣ вещей, а это основаніе, дѣлая истину предопредѣленною, мѣшаетъ ей быть случайною и свободною. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, Лейбницъ пользуется своимъ ученіемъ о безконечномъ числѣ возможныхъ міровъ, представляемыхъ Божественнымъ разумомъ. Умъ Божественный есть, по Лейбницу, идеальная область всѣхъ возможностей, въ которой всѣ дѣйствія представляются такими, каковыя они суть, т. е., свободными и случайными, такъ что ни предвѣдніе будущихъ событий, ни основаніе достоверности этого предвѣднія, не наносятъ никакого ущерба для нашей свободы воли. Богъ все знаетъ и предвидитъ—это несомнѣнно; но онъ знаетъ также и причины всѣхъ вещей, а следовательно въ числѣ этихъ причинъ и нашу свободную волю, которая представляетъ собою одну изъ причинъ человеческихъ дѣйствій. Есть ирмедиальная поговорка,—говоритъ Лейбницъ, утверждающая, что смерть всегда находитъ свою причину и имѣть ничего вѣрнѣе этого. Вы умрете завтра или другой день—это правда, но это случится отъ того, что вы будете поступать такимъ образомъ, что вашъ образъ жизни приведетъ васъ къ этому²⁾. Свобода недѣльнаго никакъ не нарушается, если другое недѣльное явленіе побуждаетъ его характерными следовательно предугадываетъ всѣ дѣйствія, содѣлывающія

1) Theodicee I. § 37, 514 стр.

2) Theodicee I. § 55, 518 стр.

щія изъ этого характера. Самоопредѣленія этого характера точно также никакъ не нарушаются, если онъ въ своемъ значеніи предопредѣленъ порядкомъ вещей и наконецъ Богомъ, ибо недѣлимое есть этого нисколько не перестаетъ желать своего характера" ¹⁾). Собственно говоря, въ отношеніи къ Богу правильнѣе сказать, что Онъ не предвидитъ, а видитъ, или созерцаетъ въ своемъ умѣ всѣ возможности, которыя со временемъ должны быть обращены въ дѣйствительность Его творческою дѣятельностью. Такъ какъ Богъ есть Существо совершеннѣйшее и находится внѣ всякихъ условій пространства и времени, то для Него нѣтъ ни прежде, ни послѣ, ни завтра, ни вчера, а лишь одно непрерывное нынѣ, а въ силу этого Богъ обнимаетъ всѣ времена въ одномъ дѣйствіи, такъ что и самое будущее для Него есть предметъ видѣнія, а не предвидѣнія и слѣдовательно всѣ вопросы и недоумѣнія касательно отношенія предвидѣнія Божія къ свободнымъ дѣйствіямъ разумныхъ существъ сами собой рѣшаются.

Что касается Промысла Божія (Его содѣйствія и сохраненія міра), то онъ нисколько не нарушаетъ свободы воли, такъ какъ Богъ, непрерывнымъ актомъ своей творческой дѣятельности, переводя въ дѣйствительность тѣ возможности, которыя отъ вѣчности обитали въ Его умѣ, этой „обширной странѣ всѣхъ возможностей, нисколько не измѣняетъ ихъ природы: наши дѣйствія, которыя мыслялись свободными въ состояніи возможности, остаются такими, т. е., свободными и тогда, когда они изъ возможности, при содѣйствіи Божіемъ, переходятъ въ дѣйствительность. „Вы замѣчаете, писалъ Лейбницъ Баилу, что критическія головы не могутъ понять, какомъ образомъ душа, если она есть созданная субстанція, можетъ еще имѣть автономную, внутреннюю силу самодѣятельности; я же хотѣлъ бы поясненія того, почему созданная субстанція не должна имѣть такой силы, такъ какъ безъ нея я не считалъ бы ее и субстанціею; по моему взгляду, природа субстанціи состоитъ именно въ той, стремящейся по извѣстному направленію, силѣ,

¹⁾ Kuno-Fischer—Geschichte der neuern Philosophie. II, 713 s. 1867 г.

которую она получила первоначально, которая *сохраняется* въ ней Создателемъ и изъ которой въ законѣнной послѣдовательности происходятъ явленія¹⁾.

Богъ, сохраняя бытіе каждой субстанціи, содѣйствуя ей, сохраняетъ и ту, присущую ей внутреннюю самодѣятельность, которая составляетъ самую сущность каждой монады и вмѣстѣ съ тѣмъ зерно свободы.

Далѣе, Богъ, конечно, есть первая и единственная причина всякаго бытія, но бытія только субстанцій, акциденціи же пристокають уже изъ субстанцій. По отношенію къ первымъ послѣдствіямъ являются въ нѣкоторомъ родѣ вторыми причинами. Когда говорятъ, что тварь въ своемъ бытіи и дѣйствіи зависитъ отъ Бога и что сохраненіе есть непрерывное твореніе, то это значить, что Богъ всегда даетъ и непрерывно производитъ все то, что въ ней есть положительнаго, добраго и совершеннаго, между тѣмъ какъ несовершенства и недостатки дѣйствій пристокають отъ природной ограниченности твари, каковую ограниченность въ самомъ началѣ бытія своего тварь должна была получить по причинамъ идеальнымъ, ограничившимъ ее²⁾.

Итакъ, содѣйствіе Божіе, состоящее въ непрерывномъ управленіи міромъ не исключаетъ, по Лейбницу, ни человѣческой свободы, ни человѣческой вмѣняемости, потому что если Богъ даетъ и сохраняетъ бытіе всякой субстанціи, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщаетъ каждой субстанціи и силу внутренняго саморазвитія, по которой она является не менѣе причиной своихъ дѣйствій, какъ и Богъ причиной ея собственнаго бытія, такъ что человѣкъ является самъ виновникомъ своихъ дѣйствій и, какъ такой, подлежитъ отвѣтственности за свои дѣйствія.

Положивъ строгое различіе между абсолютною—метафизическою необходимостью и нравственной гипотетической, одинаково отвергая какъ полный произволь, такъ и абсолютную необходимость въ нашихъ дѣйствіяхъ, Лейбницъ легко могъ

¹⁾ Lettre à Mr Bayl 1702 г. 191 стр. (Erdm.).

²⁾ Theodicée § 31, ч. 1, 513 p.

рѣшить всѣ возраженія противъ свободы воли и доказать, что она вполне совмѣстима какъ съ предустановленной гармоніей и мировымъ порядкомъ, такъ и предвѣднiемъ и промысломъ Божиимъ.

Мы изложили воззрѣнія Лейбница на свободу воли, теперь перейдемъ къ центральной части Теодицеи—вопросу о алѣ, который представлялъ для Лейбница еще болѣе трудности при его рѣшеніи, чѣмъ вопросъ о свободѣ воли.

Н. Ослѣсленіе

(Продолженіе будетъ).

Николай Яковлевич Гротъ (1852 † 1899 г.) и его философскіе труды.

(Продолженіе *).

Г л а в а IV.

Работы Грота по нравственной философіи и социологіи. Зависимость этики Грота отъ его теоретико-философскихъ воззрѣній. Вопросы о свободѣ воли, нравственной отвѣтственности и юридической вѣняемости. „Объ основаніяхъ нравственнаго долга“; „Устои нравственной жизни и дѣятельности“.—Работы Грота по социологіи. Его завершительная социологическая работа: „Критика понятія прогресса“.

Изложенной статьей: „Понятіе души и психической энергіи въ психологіи“ Гротъ опять рѣшительно своротилъ съ того идеалистическаго пути, которымъ онъ шелъ съ половины 80-хъ годовъ; своротилъ онъ, какъ мы видѣли, на путь эмпиризма, но онъ не дошелъ до конца этого новаго эмпирическаго пути: неумолимая смерть прервала его шествіе по новому пути почти въ самомъ началѣ его, и нашъ мыслитель ушелъ со сцены жизни, далеко не приведя къ одному цѣлому свои теоретико-философскія воззрѣнія. Но то же можемъ мы сказать и объ этико-философскихъ воззрѣніяхъ Грота: и въ практической философіи нашъ мыслитель не разъ мѣнялъ свои воззрѣнія и умеръ, также окончательно не остановившись на какой либо опредѣленной теоріи. Мы не будемъ излагать подробно всѣ произведенія Грота по нравственной философіи: мы укажемъ лишь наиболѣе характерныя черты его воззрѣній по этико-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 22.

философскимъ вопросамъ. Наибольше центральнымъ и характернымъ вопросомъ въ нравственной философіи нужно считать вопросъ о свободѣ воли. Характеромъ воззрѣнія известнаго мыслителя на этотъ вопросъ обыкновенно опредѣляется и характеръ общихъ воззрѣній его въ этической философіи. Какъ же рѣшалъ нашъ мыслитель этотъ вопросъ въ своей философіи? Вопросъ о свободѣ воли Гротъ рѣшалъ въ различномъ смыслѣ; въ зависимости отъ общаго характера своего міровоззрѣнія. Такъ, въ статьяхъ, „О свободѣ воли“, писанныхъ до 1884 г., когда нашъ мыслитель стоялъ еще на почвѣ позитивной философіи, онъ и на свободу воли смотритъ съ точки зрѣнія позитивной философіи. Въ это время, въ 1884 г., въ статьѣ „О свободѣ воли“ онъ рѣшительно стоитъ на точкѣ зрѣнія детерминизма; онъ находитъ, что въ послѣднія десятилѣтія окончательно восторжествовало ученіе детерминистовъ, а индетерминизмъ сталъ исключительною точкою зрѣнія отжившихъ философовъ—метафизиковъ, упорно игнорирующихъ выводы современной точной науки. Изложеніе своей собственной теоріи о свободѣ воли Гротъ начинаетъ съ утвержденія, что детерминистическая теорія воли вполне доказана. Указывая на то, что основной тезисъ детерминизма состоитъ въ томъ, что каждое наше дѣйствіе имѣетъ свой мотивъ, который неизбежно предопредѣляетъ это дѣйствіе, Гротъ находитъ, что этотъ тезисъ есть лишь частное приложеніе закона причинности: всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину и, разъ оно совершилось, это значитъ, что оно не могло не совершиться, что оно должно было совершиться, какъ результатъ наличности другихъ известныхъ явленій, называемыхъ его причинами. Отрицаніе этого тезиса детерминизма было бы отрицаніемъ и закона причинности. Но нашъ мыслитель находитъ также, что такое отрицаніе было бы и безотраднo, потому что тогда оказались бы безнадежнымъ и напраснымъ трудомъ всякое нравственное воспитаніе и образованіе личности, какъ средство ея усовершенствованія, и личность была бы въ правѣ допускать укорененіе въ себѣ какихъ угодно вредныхъ привычекъ, въ расчетѣ на то, что свободная воля, какъ начало не подчиненное закону причинности, всегда будетъ имѣть время устранить

эти недостатки. Но, признавая правильность детерминистической теоріи, нашъ мыслитель все же считаетъ возможнымъ говорить о свободѣ воли. Но этотъ терминъ „свобода воли“ Гротъ понимаетъ въ особомъ смыслѣ. Свобода воли, по нашему мыслителю, не есть какая либо конкретная и самостоятельная сила, какъ это въ прежнее время думали метафизики, нѣтъ, это—извѣстное общее и весьма сложное состояніе человѣка, являющееся плодомъ его развитія. Указывая на то, что сферами мотиваціи у человѣка являются три: внѣшняя среда, организмъ и идеи, Гротъ и проводитъ ту мысль, что высшая степень развитія свободы воли соотвѣтствуетъ такому расширенію идейнаго строя, при которомъ сила вліянія идей на волю превосходитъ силу вліянія двухъ другихъ факторовъ, среды и организма, взятыхъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ, свобода воли по нашему мыслителю, есть продуктъ развитія. Человѣкъ развитой, идейный, и есть наиболѣе свободный; но онъ свободенъ не въ томъ абсолютномъ смыслѣ, въ какомъ понимали эту свободу метафизики, а свободенъ только отъ окружающей его среды и собственнаго тѣла своего, будучи самъ комплексомъ высшихъ идей и чувствъ, чрезъ которыя преломляются всѣ ихъ вліянія. Привить человѣку эти высшія идеи, дать ему сознаніе ихъ важности, есть дѣло воспитанія и образованія. Правильно поставленное образованіе и воспитаніе и имѣютъ своею задачею дать возможно большому числу людей свободу воли. чрезъ снабженіе ихъ достаточно развитыми идейными центрами, чрезъ превращеніе людей изъ рабовъ внѣшней среды и собственныхъ организмовъ въ личности съ преобладающимъ идейнымъ строемъ, съ высоко-развитымъ сознаніемъ и самосознаніемъ. Когда люди обратятся въ такія личности, тогда они и будутъ наиболѣе свободны. Таково было воззрѣніе Грота на свободу воли въ 1884 г., — т. е., въ концѣ перваго періода его дѣятельности. Въ послѣдующіе годы, вмѣстѣ съ измѣненіемъ общаго характера міровоззрѣнія Грота, измѣнился и его взглядъ на свободу воли. Такъ, въ статьѣ: „о свободѣ воли въ связи съ понятіемъ причинности“ Гротъ уже становится на точку зрѣнія признанія свободы воли въ обычномъ пониманіи этого термина. Онъ те-

перь находить, что разрѣшеніе вопроса о свободѣ воли зависитъ отъ правильнаго метафизическаго анализа формъ и отношеній, лежащихъ въ основаніи внутренняго опыта. Анализируя понятіе „свободы воли“, нашъ мыслитель находить, что въ понятіи „воли“ лежитъ болѣе признаковъ, чѣмъ сколько можетъ быть эмпирически отвлечено изъ содержанія „явленій“ воли. Эти явленія, по Гроту, суть не столько явленія въ обычномъ смыслѣ этого термина, сколько „проявленія“. Самая же воля представляется теперь нашему мыслителю внутреннимъ, независимымъ отъ явленій, и по природѣ совершенно своеобразнымъ и существенно отличающимся отъ нихъ, дѣятелемъ, или силою. Но здѣсь естественно является вопросъ: откуда же берется эта идея внутренняго дѣятеля? Нашъ мыслитель даетъ тотъ отвѣтъ, что если, „воля не обобщается изъ признаковъ явленій, которыя сами разсматриваются, какъ ея порожденія, или произведенія, то нужно заключить, что эта идея берется не изъ опыта, а вкладывается въ опытъ, какъ нѣчто готовое, его обуславливающее. Выясняя далѣе характеръ происхожденія идеи воли, Гротъ и говоритъ, что эта идея есть продуктъ непосредственной интуиціи, или бессознательнаго возрѣнія, какъ идеи пространства, времени, причинности. Анализируя же содержаніе этого интуитивнаго возрѣнія, человѣкъ узнаетъ, что воля есть дѣятель, или внутренняя сила; положеніе же, что она свободна, означаетъ, что этотъ дѣятель свободенъ отъ другихъ дѣятелей и что его проявленія, или порождаемыя имъ явленія, т. е. стремленія, желанія, хотѣнія, дѣйствія и поступки зависятъ въ концѣ концовъ отъ него самого, а не отъ другихъ дѣятелей, съ которыми онъ находится во взаимодѣйствіи. Продолжая далѣе анализъ понятія свободы воли, Гротъ подчеркиваетъ то положеніе, что основная идея объ отношеніяхъ взаимной зависимости между явленіями опыта есть идея мотиваціи, а не идея связи основаній и слѣдствій; онъ даже находить, что коренное содержаніе идеи причинности, какъ идеи необходимой связи дѣйствій съ ихъ причинами, заимствуется нами именно изъ непосредственнаго сознанія этой связи нашихъ дѣйствій съ извѣстными нашими актами воли. Такимъ образомъ, по нашему мыслителю, корень

идей причинности и необходимости лежитъ въ идеѣ отношенія воли, какъ двигателя, или мотива къ ея дѣйствіямъ, или проявленіямъ. Но какое же имѣютъ значеніе мотивы для воли въ ея рѣшеніяхъ? Самый вопросъ о значеніи мотивовъ для воли Гротъ формулируетъ такъ: возможно ли допустить, чтобы наша воля, т. е., субъективныя ея проявленія—стремленія, желанія, хотѣнія—находились въ необходимой и роковой зависимости отъ воспріятій, т. е. ощущеній, чувствованій, идей и чувствъ субъекта, какъ истинныхъ мотивовъ, или двигателей воли? На поставленный въ такой формѣ вопросъ, нашъ мыслитель рѣшительно даетъ отрицательный отвѣтъ. Анализируя прежде всего содержаніе ощущенія онъ находитъ, что въ процессѣ ощущенія никакіе элементы и явленія среды въ насъ не входятъ, а только пробуждается психическая энергія, испытывающая при этомъ свои уже собственныя состоянія, а если такъ, то нашъ мыслитель считаетъ себя въ правѣ сдѣлать тотъ выводъ, что въ природѣ этой психической энергіи потенциально и дано все содержаніе ея ощущеній, ея идей, чувствъ. Намъ больше неоткуда, говоритъ Гротъ, взять своего психическаго содержанія, какъ изъ самыхъ себя, ибо внѣшній міръ не входитъ въ насъ, а только—по приводимому характерному выраженію нашего философа—„встрахиваетъ насъ своими толчками“; слѣдовательно, все психическое содержаніе рождается или изъ ничего, или изъ потенциальныхъ состояній нашей психической энергіи, т. е. иначе—все содержаніе нашей психики—всѣ наши ощущенія, идеи, чувства, намъ прирождены, т. е., составляютъ скрытое содержаніе нашей психической энергіи. А отсюда нашъ мыслитель дѣлаетъ тотъ выводъ, что все наше сознаніе міра является лишь особою формою самосознанія; иначе всѣ наши ощущенія внѣшнихъ предметовъ и явленій внѣшняго міра суть непосредственныя ощущенія внутреннихъ процессовъ въ нашемъ организмѣ—другими словами, внѣшній опытъ есть только особая форма внутренняго опыта. Развивая далѣе это положеніе въ его примѣненіи къ вопросу о свободѣ воли, Гротъ и указываетъ, что всѣ привычныя дѣйствія организма опредѣляются въ концѣ концовъ его волею, которая, такимъ

образомъ, и опредѣляетъ самый характеръ этого организма. Отсюда нашъ мыслитель дѣлаетъ тотъ выводъ, что воля, или внутренняя дѣятельная энергія субъекта, есть единственная сила, способная измѣнить организацію, и безъ этой силы ни одна внѣшняя сила не приобретаетъ возможности дѣйствовать на организмъ. Но здѣсь естественно является вопросъ: что же это за воля, которая создаетъ, измѣняетъ всякую организацію и приспособляетъ ее къ средѣ путемъ повторныхъ дѣйствій, имѣющихъ своимъ единственнымъ источникомъ ея же усилія. Общее свойство этой воли нашъ мыслитель обозначаетъ посредствомъ термина: „инстинкта самосохраненія“. Этотъ инстинктъ обозначаетъ собою во 1-хъ—основное стремленіе воли проявиться въ извѣстныхъ явленіяхъ во времени и пространствѣ, а во 2-хъ—удержать, развить, какъ можно долѣе продолжить это свое проявленіе во времени и пространствѣ. Воля, или стремленіе къ жизни, и является, по нашему мыслителю, единственнымъ возможнымъ, организующимъ матерію, дѣятельнымъ началомъ въ природѣ. Эта воля сама себя вдвинула постепенно, путемъ естественной эволюціи въ длинномъ рядѣ существъ, въ извѣстное русло организаціи, а потому ея данныя состоянія, т. е., желанія и стремленія,—только проявленія и повторенія ея же собственныхъ прежнихъ актовъ, зависѣвшихъ отъ нея самой. Но, кромѣ воли къ жизни во времени и пространствѣ, есть еще другой источникъ желаній въ человѣкѣ. Изъ инстинкта самосохраненія нельзя выводить направленія воли, имѣющія сознательнымъ результатомъ страданія, всякія лишенія, униженія и умаленія личности, всякіе ущербы и несомнѣнный вредъ для индивидуальной организаціи. Всѣ эти послѣднія направленія воли имѣютъ, по Гроту, своимъ источникомъ волю къ существованію внѣ времени и пространства, волю къ жизни внѣ эмпирической, сверхчувственной и идеальной, подъ условіемъ жертвы существованіемъ во времени и пространствѣ, т. е., подъ условіемъ болѣе или менѣе значительныхъ ограниченій, и даже смерти и разрушенія тѣла. Установивши этотъ двойной источникъ желаній, влеченій, въ двоякомъ коренномъ направленіи самой воли, или въ двоякомъ свойствѣ ея природы, нашъ мыслитель задается

вопросомъ: можно ли и въ какой степени признать личную волю человѣка свободной въ выборѣ этихъ влеченій, т. е., въ опредѣленіи своихъ конечныхъ актовъ—хотѣній? Вопросъ этотъ онъ разрѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что предъ судомъ нашего самосознанія только наши идеальныя стремленія представляются дѣйствіями нашего истиннаго духовнаго „я“—нашей воли, а всѣ физическія, или чувственныя влеченія—дѣйствіями постороннихъ ему силъ, или воли. Отсюда нашъ мыслитель находитъ яснымъ, что вопросъ о свободѣ воли, въ выборѣ желаній, есть вопросъ о свободѣ дѣйствія, или бездѣйствія нашей настоящей личной воли, какъ источника всѣхъ нашихъ лучшихъ идеальныхъ влеченій. Свобода личной воли и состоитъ въ независимости отъ физической организаціи и исходящихъ—отъ чуждыхъ ей актовъ міровой воли—волей другихъ существъ. Такая же свобода воли является не сразу, а лишь какъ плодъ долгаго развитія. Понимая то, что здѣсь можно поставить противъ его теоріи такое возраженіе: если свобода воли сама есть продуктъ извѣстнаго развитія, то можно ли ее признать свободной, Гротъ разрѣшаетъ это возраженіе, указывая на то, что если свобода воли есть плодъ развитія воли, то само это развитіе есть продуктъ ея же собственной дѣятельности. Разясняя далѣе этотъ свой отвѣтъ, Гротъ указываетъ затѣмъ на то, что обособленіе волей совершилось въ силу свободнаго акта единой вселенской воли, захотѣвшей воплотиться въ матеріи и принять формы пространства и времени, т. е. формы явленій, но основное свойство этой единой воли (свобода дѣйствія, или бездѣйствія) въ этомъ актѣ воплощенія не могла исчезнуть, иначе исчезла бы самая воля, т. к. явленія воли—только формы, а не сущность бытія этой воли въ условіяхъ пространства и времени. Таково, по нашему мыслителю, отношеніе воли къ условіямъ ея развитія. Но давши это разясненіе отношенія воли къ ея развитію, нашъ мыслитель ставитъ здѣсь такой вопросъ: „если воля можетъ зависѣть только отъ воли же, если мы должны признать конечную зависимость индивидуальныхъ волей отъ первоначальнаго самоограниченія единой вселенской воли, то не должны ли мы всетаки допустить, что и всѣ отдѣльные акты проявленія и

развитія индивидуальной воли, а слѣдовательно и ея развитія, до степени свободы, имѣютъ корнемъ изначальный свободный актъ вселенской воли, такъ что условная свобода каждой индивидуальной воли есть какъ бы свободный даръ единой изначальной воли—Бога? Нашъ мыслитель не даетъ разрѣшенія этого поставленнаго вопроса, но онъ указываетъ, что все же и съ его точки зрѣнія свободная воля возможна и существуетъ, а съ нею возможенъ и дѣйствителенъ нравственный мировой порядокъ; въ теоріи нашего мыслителя, по его собственному указанію, теорія предопредѣленія и благодати легко примиряется съ признаніемъ факта свободы воли въ человѣческихъ личностяхъ извѣстнаго развитія.

Характеромъ рѣшенія Гротомъ вопроса о свободѣ воли опредѣлялось и рѣшеніе имъ вопросовъ прикладной этики. Такъ, вопросъ о „нравственной отвѣтственности и юридической вмѣняемости“ нашъ мыслитель рѣшалъ въ связи съ вопросомъ „о свободѣ воли“ и руководствуясь тѣми воззрѣніями, которыя онъ имѣлъ на свободу воли. Въ тѣ годы, когда нашъ мыслитель стоялъ на точкѣ зрѣнія позитивизма (въ первомъ періодѣ своей дѣятельности), онъ и эти понятія нравственной отвѣтственности и юридической вмѣняемости выяснялъ съ точки зрѣнія позитивизма. Такъ, въ статьѣ „О нравственной отвѣтственности и юридической вмѣняемости“, написанной въ 1884 г., Гротъ, прежде всего, строго различаетъ указанныя понятія о нравственной отвѣтственности и юридической вмѣняемости. Онъ находитъ, что съ развитіемъ самосознанія человѣческаго общества идея нравственной отвѣтственности растетъ и расширяется, идея же вмѣненія суживается и умалется. Выясняя происхожденіе нравственности, нашъ мыслитель говоритъ, что узелъ нравственной борьбы лежитъ въ различіи двухъ порядковъ пріятныхъ и непріятныхъ чувствъ, эгоистическихъ и альтруистическихъ. Гдѣ же чувства не сталкиваются, тамъ нѣтъ и нравственной борьбы. Изъ контраста нравственной любви къ ближнему, къ другому, къ цѣлому, ко всему, къ вѣчному, въ противоположность любви къ себѣ, къ части, къ временному, и возникаютъ, по нашему мыслителю, и совѣсть, и факты нравственной отвѣтственности. Совѣсть и

есть, болѣе или менѣе ясное, сознаніе въ себѣ критерія нравственной дѣятельности и контраста блага ближняго, какъ добра, благу своему, ему противопоставленному, какъ злу,—нравственная же отвѣтственность есть признаніе въ себѣ и въ другихъ способности судить о своихъ и чужихъ поступкахъ съ точки зрѣнія этого критерія. Степень же сознательности общаго критерія морали, степень широты идеи общаго блага, опредѣляютъ и степень нравственной отвѣтственности и различную широту совѣсти. Съ духовнымъ развитіемъ людей нравственная отвѣтственность растетъ, совѣсть расширяется. При этомъ нашъ мыслитель подчеркиваетъ то, что какъ скоро явленіе совѣсти есть фактъ, то нравственное и безнравственное суть опредѣленія качествъ поступковъ внѣ вопроса о томъ, свободна воля, или нѣтъ. Нравственная отвѣтственность, власть совѣсти должны быть признаны и тамъ, гдѣ уже несомнѣнно нѣтъ свободы воли. Обсуждая что-либо въ своей совѣсти, мы осуждаемъ вовсе не свободный выборъ зла, а самое зло. Вопросъ о свободѣ воли имѣетъ, по Гроту, второстепенное значеніе въ дѣлѣ признанія фактовъ совѣсти и нравственной отвѣтственности. Сознаніе относительной свободы можетъ усилить въ насъ интенсивность совѣсти, но не создать ее,—она фактъ органическій. Добро и зло,—это необходимыя субъективныя формы нашего нравственнаго сознанія, основныя, по терминологіи Канта, категоріи нашего практическаго разума, или неизбежно образующіяся подъ вліяніемъ внутренняго опыта и развивающагося самосознанія нашего, субъективныя понятія. Какъ въ сферѣ внѣшняго опыта образованіе понятій общаго и частнаго, круглаго и четырехугольнаго, неизбежно, въ силу извѣстной организаціи нашего глаза, такъ точно въ сферѣ внутренняго опыта неизбежно образованіе понятій добра и зла, нравственнаго и безнравственнаго. Эти нравственныя понятія, въ силу психологическаго закона, развиваются, а вмѣстѣ съ этимъ растутъ и совѣсть и сознаніе нравственной отвѣтственности. Между тѣмъ, параллельно съ ростомъ нравственнаго сознанія происходитъ постепенное уменьшеніе вмѣненія, или возмездія. Понятіе „возмездія“ Гротъ опредѣляетъ, какъ извѣстную реакцію лица, пострадавшаго отъ злого

дѣянiя, противъ виновника этого дѣянiя и страданiй, имъ причиненныхъ. Другими словами, возмездiе, по нашему мыслителю, есть мечь, являющаяся орудiемъ инстинкта самосохраненiя людей. Но здѣсь естественно является вопросъ: когда вполнѣ развилась идея общаго блага, то возможно ли нравственное оправданiе идеи возмездiя съ точки зрѣнiя этой идеи общаго блага? Нашъ мыслитель даетъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ: пока финiя абсолютнаго различiя свободныхъ и не свободныхъ поступковъ жила въ сознании человѣчества, до тѣхъ поръ и идея вмѣненiя могла находить для себя оправданiе съ точки зрѣнiя общаго блага. Теперь же, съ уничтоженiемъ фикции свободной воли, съ признанiемъ истины, что высшiе свободные поступки суть тѣ же несвободные, только въ наименьшей степени, теоретическое оправданiе идеи вмѣненiя и возмездiя стало невозможнымъ. Въ виду того, что корень всякаго возмездiя за вину лежитъ въ чувствахъ ненависти, злобы, въ инстинктѣ самосохраненiя, въ противо-нравственныхъ побужденiяхъ человѣческой природы, нравственное обоснованiе идеи вмѣненiя, по нашему мыслителю, невозможно. Наказанiе можно оправдывать не теоретически, а практически, отрицая возможность нравственной санкцiи наказанiя и выводя эту санкцiю не изъ понятiя добродѣтели, а изъ факта порочности общества во всемъ его составѣ.

Таковы были воззрѣнiя Грота на вопросы прикладной этики въ первый перiодъ его философской дѣятельности. Съ измѣненiемъ характера теоретической философи Грота, измѣнились и его этические воззрѣнiя. Такъ, въ статьѣ: „объ основанiяхъ нравственнаго долга“, появившейся въ 1892 году, когда Гротъ уже рѣшительно всталъ на метафизическую точку зрѣнiя, мы почти не находимъ и слѣдовъ его прежняго позитивнаго направленiя. Своею задачею Гротъ въ этой статьѣ считаетъ разрѣшить коренное противорѣчiе (антиномiю) между требованiями долга и стремленiемъ человѣка къ счастливой жизни. Противорѣчiе это нашъ мыслитель формулируетъ такъ: „съ одной стороны, соображенiе о личномъ благѣ и пользѣ, или эгоизмъ, исключаетъ всякую нравственную цѣнность поведенiя. Съ другой стороны, невозможно, повидимому, найти такого основанiя, или такой санкцiи нравственнаго поведенiя

и идеи нравственнаго долга, которая не имѣла бы отношенія къ личному благу нравственнаго существа¹⁾).

Разрѣшеніе этой антиноміи Гротъ даетъ въ 10-ти положеніяхъ. Мы приведемъ содержаніе этихъ положеній²⁾. Свои выводы Гротъ начинаетъ съ указанія того, что никакой другой внутренней саниціи, или послѣдняго основанія для человѣческой дѣятельности, не можетъ быть, кромѣ доступныхъ человѣку чувствъ и чувствованій. Чувства и чувствованія, которыя человѣкъ стремится испытать и переживать, опредѣляются какъ пріятныя, составляющія въ общей совокупности и связи своей то, что мы называемъ удовольствіемъ, наслажденіемъ, счастіемъ; а тѣ чувствованія и чувства, которыхъ человѣкъ безсознательно или сознательно, стремится избѣгать въ своей жизни, суть непріятныя, составляющія съ суммѣ своей то, что люди называютъ болью, страданіемъ, печалью, несчастіемъ, мукою. И нашъ мыслитель усиленно подчеркиваетъ ту мысль, что никакая дѣятельность человѣка, а слѣдовательно и нравственная дѣятельность его, не можетъ въ концѣ концовъ имѣть другихъ основаній, кромѣ стремленія человѣка къ пріятнымъ чувствованіямъ и чувствамъ, и отвращенія его отъ непріятныхъ,—почему совершенно невозможно устранить изъ этики принципъ счастья—эвдемонизма, ибо только этимъ принципомъ и можетъ руководствоваться въ своей дѣятельности живое существо; но это, по нашему мыслителю, нельзя понимать въ томъ смыслѣ, чтобы нравственнымъ поведеніемъ человѣка должны были руководить принципы: удовольствія, наслажденія, эгоистической пользы, индивидуальнаго блага, животнаго счастья и т. п. Нѣтъ. Въ человѣкѣ двѣ природы: одна низшая, животная, неразумная, узко-индивидуальная и; постольку, эгоистическая; другая—высшая, собственно человѣческая, разумная, общая и. постольку, враждебная эгоизму и чистому индивидуализму. Сообразно этому, доступное человѣку счастье можетъ быть двоякимъ; и эта двойственность природы человѣка проходитъ чрезъ всѣ области его существованія и отражается въ двоякомъ, противоположномъ другъ другу, порядкѣ умствен-

¹⁾ Вопр. Фил. и Псих. 12 кн., 150 стр.

²⁾ Ibid. 151, 154.

ныхъ, волевыхъ и чувствительныхъ отправлений. Такъ, въ области мысли, индивидуальныя, ограниченныя пространствомъ и временемъ, воспріятія, представленія и понятія, противоположны общимъ и вѣчнымъ идеямъ. Въ области воли—личныя, временныя, скоропреходящія влеченія и желанія противоположны общечеловѣческимъ, постояннымъ и неизмѣннымъ стремленіямъ къ истинѣ, красотѣ, добру, свободѣ, вѣчности. Въ области чувства временныя наслажденія и удовольствія, связанныя съ животною природою человѣка, противоположны чувствамъ идеальнымъ, вытекающимъ изъ воспріятія красоты, истины и добра, и соединеннымъ съ сознаніемъ осуществленія этихъ началъ въ насъ самихъ и внѣ насъ, во внѣшнемъ мірѣ. Согласно съ этой двойственностью всего духовнаго существованія и самосовнанія человѣка, по нашему мыслителю, есть двѣ формы самочувствія, въ которыхъ человѣкъ можетъ ставить цѣль своей жизни и задачу своей дѣятельности. Для человѣка доступно: 1) животное счастье исполнѣ наслаждающагося всѣми своими отправлениями и силами физическаго организма, и 2) человѣческое счастье и блаженство выполняющаго всѣ свои функціи и все свое внутреннее назначеніе духовнаго существа. Обѣ формы счастья не совмѣстимы другъ съ другомъ, такъ какъ онѣ противоположны одна другой. Поэтому всякое сознательное стремленіе и дѣйствіе, направленное къ удовлетворенію потребностей животнаго счастья, неизбежно отвлекаетъ силы человѣка отъ удовлетворенія потребности въ счастьи духовномъ, собственно человѣческомъ. Отсюда же и происходитъ, по нашему мыслителю, неизбежная борьба влеченій двоякаго порядка и глубокое страданіе при попыткахъ совмѣщенія несовмѣстимаго. Какимъ же образомъ могутъ быть удовлетворены эти противоположныя влеченія? Исходя изъ того положенія, что физическая и животная жизнь для человѣка, какъ организма, неизбежна и потому неизбѣжная степень животнаго удовлетворенія является необходимымъ условіемъ самаго существованія человѣка, какъ живого индивидуума, нашъ мыслитель все же настаиваетъ на той мысли, что если это животное удовлетвореніе переходитъ границы, обусловливаемыя самой нашей природою, и направляется исключительно къ

умноженію и изощренію животныхъ чувствованій и матеріальнаго благосостоянія, то неизбежно начинается та, враждебная нашей общей и высшей идеальной природѣ, эгоистическая дѣятельность; которая по существу противоположна дѣятельности нравственной, ибо нравственная дѣятельность, въ ея ближайшемъ опредѣленіи, есть та, которая направлена на обузданіе, усмиреніе и ограниченіе инстинктовъ нашей животной природы, на уменьшеніе и ослабленіе чувственныхъ наслажденій, съ цѣлью умноженія и изощренія радостей идеальныхъ, съ созерцаніемъ и воплощеніемъ въ жизни вѣчныхъ и неизмѣнныхъ началъ нашего собственнаго бытія и бытія всего міра. Такимъ образомъ, по нашему мыслителю, основаніемъ нравственной дѣятельности является стремленіе къ счастью и блаженству духовному, идеальному, враждебному всякому ограниченію условіями времени и пространства, вообще индивидуальнаго животнаго существованія; вслѣдствіе же этого, неизбежнымъ постулатомъ возможности нравственной дѣятельности является, по Гроту, допущеніе самостоятельности той всеобщей субстанціи — духа, благодаря которой мы въ самихъ себѣ находимъ личность, способную въ высшихъ идеяхъ, стремленіяхъ и чувствахъ своихъ, отрѣшиться отъ индивидуальныхъ и временныхъ условій животнаго, или физическаго существованія. И нашъ мыслитель находитъ, что, только признавая эту самостоятельность духовнаго начала, можно объяснить, почему нравственная дѣятельность предполагаетъ борьбу не только противъ всякаго эгоизма, чувственности, расчетовъ личной пользы и благоденствія, но и полное самоотреченіе животной личности и даже полную готовность человѣка пожертвовать, во имя высшаго, духовнаго блага, даже самую индивидуальную жизнь, какъ временною и случайною формою бытія того всеобщаго начала, которое составляетъ сущность и основу идеальнаго существованія личности. Свои положенія Гротъ заключаетъ указаніемъ на то, что нравственная дѣятельность исключаетъ даже и всякое духовное наслажденіе, когда оно безусловно требуетъ для осуществленія своего, сохраненія животной особи и вообще ея индивидуальнаго преуспѣянія, напр., ея исключается всякое такое интеллектуальное и эстетическое

наслажденіе, которое соединено съ эгоизмомъ, т. е., когда оно предполагаетъ отставаніе, во что бы то ни стало, своей животной индивидуальности и привилегированное положеніе ея въ отношеніи къ другимъ индивидуальностямъ. Нашъ мыслитель усиленно указываетъ на ту истину, что въ силу коренной противоположности временной животной природы личности—ея вѣчной и общей духовной основѣ, человѣкъ не имѣетъ права ставить свое индивидуальное существованіе выше прочихъ индивидуальныхъ существованій, и долженъ полагать свое счастье не въ сохраненіи себя самого, какъ физическаго организма, а въ сохраненіи и умноженіи въ цѣломъ мірѣ того идеальнаго самочувствія, въ усиленіи той духовной мощи, которая онъ въ себѣ сознаетъ и во имя которыхъ онъ дѣйствуетъ нравственно. Отсюда, по нашему мыслителю, вытекаетъ и заповѣдь любви къ Богу, какъ верховному, вѣчносуществленному идеалу, заповѣдь любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ, т. е., какъ къ тому же высшему духовному началу, которое человѣкъ носитъ въ себѣ и которое и въ другихъ можетъ совершать во имя Бога—не хуже, чѣмъ въ немъ, дѣло воплощенія духовныхъ началъ въ жизни. Но эта заповѣдь любви къ ближнему и полнаго самоотреченія нисколько не исключаетъ, по убѣжденію нашего мыслителя, и спокойной надежды и даже увѣренности въ продолженіи для духа нашего, за предѣлами временнаго и пространственнаго бытія,—того вѣчнаго блаженства, которое мы уже здѣсь, по нашему мыслителю, вкушаемъ въ подвигѣ любви и которое свойственно по существу нашей высшей нравственной природѣ ¹⁾).

Такова попытка Грота предложить рѣшеніе вѣковой антиноміи. Подводя итоги этому своему рѣшенію, нашъ мыслитель высказываетъ увѣренность ²⁾, что въ его рѣшеніи совершенно примиряется эта антиномія, по которой, съ одной стороны, нравственная дѣятельность исключаетъ всякій животный эгоизмъ, а съ другой стороны можетъ найти себѣ опору только въ стремленіи нравственной личности къ своему собственному благу. Настоящее благо личности, повторяетъ Гротъ,

¹⁾ См. Вопр. Фил. и Псих. 12 кн. 155 стр.

²⁾ Ib. 156—157 стр.

въ ея отреченіи отъ своей животной обособленности, въ сознаніи себя звеномъ и воплощеніемъ общаго, цѣлаго, вѣчнаго. Въ осуществленіи этого сознанія и лежитъ то счастье и блаженство, которое составляетъ истинное основаніе нравственнаго поведенія человѣка, а, стало быть, и его нравственного долга. И вотъ почему нашъ мыслитель рѣшительно говоритъ, что нечего бояться идеальнаго эвдемонизма, при которомъ счастье есть все-таки истинная цѣль дѣятельности человѣка,—но не то счастье, которое дается скоропреходящими животными наслажденіями, а то, которое заключается въ полномъ самоотреченіи личности, въ актѣ ея жертвоприношенія себя, и при которомъ въ минутной радости воплощается вѣчность. Для этого высшаго духовнаго акта, по нашему мыслителю, вообще нѣтъ времени: для него вѣчность дана въ настоящемъ, такъ что будущее, загробное блаженство сулить уже не награды и не увеличеніе теперешняго счастья, а лишь возможное, но отнюдь не необходимое для настоящаго абсолютнаго удовлетворенія,—продолженіе. Будетъ это продолженіе, или не будетъ—это, замѣчаетъ Гротъ, вопросъ вѣры.

Дальнѣйшая часть изложеннаго нами этюда представляетъ собою лишь обоснованіе нѣкоторыхъ частныхъ положеній. Такъ нашъ мыслитель довольно подробно выясняетъ, что чувство является послѣднимъ основаніемъ дѣятельности человѣка, Но такъ какъ данныя для обоснованія этого положенія были высказаны въ предшествовавшихъ его трудахъ, уже изложенныхъ нами (особенно см. „Значеніе чувства“), то мы и опускаемъ здѣсь разборъ этого положенія.

Александръ Никольскій.

(Окончаніе будетъ)

„Теодицея“ Лейбница, рассматриваемая въ связи съ его метафизическимъ ученіемъ.

(Продолженіе *).

Отдѣлъ 4-й: 0 злѣ.

Зло, существующее въ мірѣ и подобно року таготящее надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ, представляетъ собою паразитическое несоотвѣтствіе съ общимъ цѣлесообразнымъ устройствомъ вселенной. Поэтому оно всегда возбуждало всеобщее недоумѣніе, колебля нетвердыхъ въ вѣрѣ сыновъ Церкви и являясь въ рукахъ невѣрующихъ, въ котораго рода аргументомъ, не легко опровержимымъ, противъ премудрости и благодати Божіихъ. Жестокая власть зла известна каждому по личному опыту. Всякій человекъ ясно сознаетъ и чувствуетъ, что въ немъ живетъ и дѣйствуетъ какой-то таинственный врагъ, который постоянно борется съ нимъ, противодействуетъ всѣмъ его добрымъ начинаніямъ и вызываетъ въ немъ горькое сознаніе своего безсилія, которое такъ ярко изобразилъ Ап. Павелъ: *„не понимаю, что дѣлаю; потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю. Добро, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю“* (Римл. 7, 15, 19).

„Спрашивается: откуда же зло въ мірѣ? Неужели Богъ творецъ его и виновникъ всѣхъ его послѣдствій? Если Богъ и не творилъ зла, то зачѣмъ допустилъ его? Вѣдь не могутъ же быть пріятны для Него страданія человѣчества, его непрестанные

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1903 г. № 22.

вопли и воздыханія, проистекающія изъ господства зла въ мірѣ! Далѣе—Богъ зналъ, что вслѣдствіе грѣхопаденія первыхъ людей весь человѣческій родъ будетъ зараженъ грѣхомъ, Онъ зналъ, сколько скорбей и бѣдствій, болѣзней и страданій, мучительныхъ трудовъ и нуждъ придется перенести всему потомству нашихъ прародителей послѣ ихъ грѣхопаденія, зачѣмъ же Онъ подвергнулъ первыхъ людей испытанію, которое должно было привести ихъ къ паденію? Вотъ тѣ мучительные вопросы и недоумѣнія, которыя постоянно вызываются фактомъ существованія въ мірѣ зла.

Лейбницъ взялъ на себя задачу рѣшить воѣ эти вопросы и недоумѣнія, доказать, что Богъ не творецъ и не виновникъ зла и что существованіе послѣдняго не противорѣчитъ мудрымъ и благимъ цѣлямъ провидѣнія. Трудна эта задача сама по себѣ, но для Лейбница трудность ея увеличивалась отъ того, что, по его ученію, существующій міръ „не только въ физическомъ или метафизическомъ, но и въ нравственномъ“ смыслѣ совершеннѣйшій міръ“. Ему надлежало, такимъ образомъ, примирить существованіе зла въ мірѣ съ премудростью и благостью Божиими и съ его ученіемъ о существующемъ мірѣ, какъ наилучшемъ изъ возможныхъ и при томъ примирить такъ, чтобы при этомъ нисколько не вострадали ни совершенства Бога, ни совершенства міра. Вотъ почему Лейбницъ съ особенною внимательностью останавливается на вопросѣ о злѣ и его отношеніи къ Богу и къ міру.

Чтобы облегчить себѣ трудную задачу примиренія зла съ премудростью и благостью Божиими и ученіемъ о наилучшемъ мірѣ, Лейбницъ старается прежде всего доказать, что зла въ мірѣ не такъ много, какъ думаютъ нѣкоторые, и во всякомъ случаѣ его несравненно меньше, чѣмъ добра. Если Бэйль настаиваетъ на томъ, что человѣкъ золь и несчастливъ, что исторія есть только сборникъ преступленій и несчастій чело-вѣческаго рода, то Лейбницъ, наоборотъ, старается доказать, что въ жизни людей несравненно больше добра, чѣмъ зла. Только недостатокъ внимательности уменьшаетъ наши блага и надобно, чтобы эта внимательность была возбуждена нѣкоторою примѣсю золь. Если бы мы были по большей части

больны и только изрѣдка здоровы, то мы болѣе бы цѣнили здоровье и были менѣе чувствительны къ нашимъ скорбямъ. Если бы мы не имѣли никакого представленія о будущей жизни, то, думается, замѣчаетъ Лейбницъ, не много нашлось бы людей, которые предъ смертью не пожелали бы снова начать жить, даже съ условіемъ пережить ее съ прежнею степенью благъ и золъ, не домогаясь лучшаго состоянія. Люди вообще склонны преувеличивать свои несчастія. Причина этого лежитъ въ томъ, что зло вообще обращаетъ на себя болѣе вниманія, чѣмъ добро, но это самое уже говоритъ о томъ, что оно встрѣчается сравнительно съ добромъ гораздо рѣже.

Кромѣ того наши удовольствія и радости такъ тѣсно связаны съ неудовольствіями и печальми, что послѣднія часто служатъ къ усилію первыхъ. Горькое часто служитъ приправою къ кушанію, увеличивая его вкусъ и иногда нравится намъ болѣе сладкаго; диссонансъ, построенный на должномъ мѣстѣ въ музыкальномъ произведеніи, не только не ослабляетъ, но даже увеличиваетъ пріятное впечатлѣніе отъ слѣдующаго за нимъ аккорда. Иногда командующій арміей допускаетъ счастливую ошибку, которая доставляетъ ему большую побѣду въ сраженіи.

Если бы даже здѣсь, на землѣ, сумма зла превышала сумму добра, то это не значило бы еще, что и во всей вселенной зла больше, чѣмъ добра. Планета, на которой мы обитаемъ есть небольшая песчинка сравнительно съ другими мірами, имѣющими одинаковое съ ней право быть населенными разумными обитателями, а такъ какъ всякое зло, на которое намъ могутъ указать, существуетъ лишь на этомъ, почти ничтожномъ пунктѣ, то и все это зло тоже почти ничтожно сравнительно съ благомъ, существующимъ во вселенной, тѣмъ болѣе, что то, что въ отдѣльности кажется безобразнымъ и нестройнымъ, часто оказывается весьма красивымъ и благозвучнымъ. „Если бы мы знали градъ Божій такимъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, то мы увидѣли бы, что онъ есть совершеннѣйшій изъ всѣхъ воображаемыхъ нами, что добродѣтель и счастіе господствуютъ тамъ, насколько это возможно по законамъ наилучшаго, что грѣхъ и страданія (которыхъ причины выс-

шаго порядка не позволяли всецѣло исключить изъ природы вещей) ничто въ сравненіи съ благами и даже служатъ къ большому благу“¹⁾.

При всемъ своемъ крайнемъ оптимизмѣ Лейбницъ не могъ, не противорѣча очевидности, отвергнуть реального существованія зла. Хотя зла и меньше въ мірѣ, чѣмъ думаютъ нѣкоторые, но оно существуетъ и его нужно было объяснить Лейбницу и при томъ такъ, чтобы оно не противорѣчило ни Божественнымъ совершенствамъ, ни его ученію о наилучшемъ мірѣ. Этого онъ и старается достигъ своимъ ученіемъ о приватности зла, своимъ взглядомъ на зло, какъ на недостатокъ добра, а не какъ на противоположность ему.

Во всей Теодицеѣ совершенно пѣтъ мѣстъ, дающихъ ясное и полное понятіе о злѣ. Но если сопоставить тѣ неполныя опредѣленія, которыя встрѣчаются въ сочиненіяхъ Лейбница²⁾, то не трудно заключить, что зло, по его ученію, есть недостатокъ только добра. „Сущность зла въ своемъ основаніи не имѣетъ какой-нибудь дѣйствующей (efficiente) причины, потому что оно состоитъ въ лишеніи (privation), т. е. въ томъ, что сила дѣйствующая не дѣлаетъ. И вотъ почему схоластики обыкновенно называли причину зла недостаткомъ“³⁾. „Воля наша должна стремиться къ свойственному намъ совершенству; высочайшее же совершенство въ Богѣ. Всѣ удовольствія содержатъ въ себѣ извѣстное ощущеніе совершенства; но когда они бывають чувственными на счетъ большихъ благъ: здоровья, добродѣтели, единенія съ Богомъ, то въ этомъ лишеніи стремленія къ нимъ состоитъ недостатокъ. Вообще совершенство есть абсолютная реальность, недостатокъ же проистекаетъ изъ ограниченія и стремится къ новымъ лишеніямъ, такъ что слѣдующее изрѣченіе столь же справедливо, сколько и древне: „Bonum ex causa integra, malum ex quolibet defectu“, т. е., добро проистекаетъ отъ дѣйствительной причины,

¹⁾ Theodicée II, § 123, 589 p.

²⁾ Theodicée § 8: „une moindre bien est une espèce du mal“; § 20: „le formel du mal consiste dans la privation“; § 30: „le privation fait le formel des imperfections et des inconveniens“; Causa Dei § 67: minus bonum habet rationem mali“.

³⁾ Theodicée § 20, 510 p.

а зло отъ какого-либо недостатка, равно какъ и слѣдующее изрѣченіе: „*malum causam habet non efficientem, sed deficientem*“,—зло имѣетъ не производящую, а недостаточествующую причину ¹⁾).

Итакъ, сущность зла, по Лейбницу, не есть что-нибудь реальное, дѣйствительное, но только лишеніе, или недостатокъ добра, подобно тому какъ темнота есть только недостатокъ свѣта и холодъ—недостатокъ тепла.

Гдѣ-же причина этого недостатка, этого лишенія? гдѣ источникъ зла? Надобно искать его въ самой природѣ твореній. Существоуетъ *природное несовершенство* въ каждомъ созданіи еще до его грѣха, такъ какъ всякое созданіе по самому существу своему ограничено. Ограниченность тварей, ихъ конечность и есть принципъ всякаго несовершенства и источникъ всякаго зла. Эту природную ограниченность тварей Лейбницъ называетъ метафизическимъ зломъ, которое является въ свою очередь источникомъ зла физическаго и нравственнаго, такъ какъ изъ ограниченности тварей происходитъ ограниченность ихъ силъ и дѣйствій, т. е., физическое зло, ограниченность же духовныхъ ихъ силъ и дѣйствій производитъ зло нравственное—грѣхъ.

Такъ какъ каждая вещь отъ природы ограничена, то и зло метафизическое необходимо въ мірѣ, зло-же физическое и нравственное только возможны, но не необходимы.

Мы сказали, что зло, по Лейбницу, состоитъ въ недостаткѣ совершенства, въ лишеніи добра, слѣдовательно между добромъ и зломъ нѣтъ противоположности и зло указываетъ только на отсутствіе добра, а „такъ какъ абсолютное зло было бы только абсолютнымъ отсутствіемъ добра, то всякое относительное зло есть относительное отсутствіе; т. е., *меньшая степень блага*“ ²⁾, а потому реальное зло не противоположно добру, а только составляетъ меньшую степень его, слѣдовательно не такъ худо, какъ это иногда кажется намъ.

Далѣе, такъ какъ источникъ зла лежитъ въ несовершенствѣ, ограниченности твари, то сфера зла—есть сфера только несо-

¹⁾ Theodicée § 33, 513 p.

²⁾ Гартманъ—Философія безсознательнаго. Перев. Козлова. 1873 г. 214 стр.

вершеннаго бытія, да и въ предѣлахъ этой ограниченной сферы оно составляетъ не сущность предметовъ, а только ихъ недостатокъ и слѣдовательно существуетъ и имѣетъ частное существованіе и не можетъ, вслѣдствіе этого, препятствовать совершенству цѣлаго. „Будучи разсматриваемо съ этой точки зрѣнія, зло относится къ міровому порядку, какъ *безконечно малое и слабое къ безконечно великому, т. е., какъ исчезающій моментъ*; только тогда, когда міровданіе понимается по узкому масштабу нашего ближайшаго міра, явленія зла принимаютъ громадную величину... но если этотъ міръ, пораженный зломъ (да и то отчасти пораженный), разсматривается въ цѣломъ, то зло оказывается въ немъ тѣмъ-то безконечно—малымъ“¹⁾. При этомъ если и возможно предположить міръ безъ зла, то такой міръ не только не былъ бы лучше, но онъ былъ бы невозможенъ. Міръ, чуждый зла и всякаго несовершенства, былъ бы безъ ограниченныхъ существъ, безъ силъ, такъ какъ въ нихъ—источникъ ограниченности, слѣдовательно и несовершенства; но быть безъ этого для міра значитъ не существовать, такъ что зло является въ нѣкоторомъ родѣ условіемъ его бытія.

Анализъ понятія зла, какъ его понимаетъ Лейбницъ, привелъ насъ къ слѣдующему: зло въ мірѣ меньше, чѣмъ добра; между тѣмъ и другимъ нѣтъ противоположности, потому что зло есть только меньшая степень того-же добра и, какъ такое, оно не только не противорѣчитъ совершенству міра, но является даже необходимымъ условіемъ его бытія.

Разсмотрѣніе тѣхъ отношеній, въ какихъ находится зло къ міровому порядку, приведетъ насъ къ послѣднему и полному опредѣленію зла, на которомъ всецѣло утверждается оптимизмъ Лейбница и изъ котораго вытекаетъ оправданіе наилучшаго міра и Божественныхъ совершенствъ; премудрости и благости Божіихъ.

Отдѣлъ 5-й. О премудрости и благости Божіихъ.

а) Оправданіе наилучшаго міра.

Совершенство существующаго міра, какъ извѣстно, по Лейбницу, состоитъ въ міровомъ порядкѣ, въ міровомъ законѣ гар-

¹⁾ Kuno-Fischer—Geschichte der neuern philosophie 700—701 б.

моніи, подъ каковыми понятіями онъ разумѣетъ совершенно постепенное царство монадъ. Гармоническая связь этихъ послѣднихъ состоитъ въ ихъ непрерывной постепенности, а эта постепенность предполагаетъ, что монады различны, такъ какъ только постепеннымъ различіемъ и возможно большимъ разноразіемъ ихъ можетъ быть достигнуто возможно большій порядокъ, т. е., возможно большее совершенство ¹⁾.

Но монады не были бы различны, если бы не были ограничены, т. е., тѣлесны и вещественны, потому что если бы вещи, говоритъ Лейбницъ, были свободны или освобождены отъ вещества, то онѣ тотчасъ же отрѣшились бы отъ міровой связи и стали въ нѣкоторомъ родѣ „дезертирами мірового порядка“. А если бы монады не были различны, то между ними не было бы и непрерывной постепенности, слѣдовательно и самой міровой гармоніи.

Такимъ образомъ вещество монадъ, ихъ ограниченность, есть отрицательное условіе міровой гармоніи, ея *conditio sine qua non*. Но ограниченность есть зло (метафизическое), источникъ зла (физическаго и нравственнаго), слѣдовательно и зло есть отрицательное условіе міровой гармоніи и совершенства міра или вообще оно есть *отрицательное условіе добра*. Зло не только не противоположно добру, но, наоборотъ, оно помогаетъ ему и усиливаетъ его, подобно тому, какъ тѣни усиливаютъ цвѣта, а диссонансы—гармонію звуковъ. Такъ вѣрны слова Апостола, замѣчаетъ по этому поводу Лейбницъ, въ которыхъ говорится, что *тамъ, гдѣ преумножается грѣхъ, преизбыточествуетъ и благодать* (Римл. 5, 20).

Существованіе въ мірѣ зла, понимаемаго въ этомъ смыслѣ, не только не противорѣчитъ теоріи наилучшаго міра, но, наоборотъ, оно требуется ею: зло необходимо, чтобы этотъ міръ былъ наилучшимъ, какъ *conditio sine qua non* его бытія и совершенства, такъ что „было бы ошибкою Творца, если бы Онъ пожелалъ устранить зло, присущее вещамъ“ ²⁾. Если бы Онъ это сдѣлалъ, то не былъ бы благимъ“ ³⁾.

¹⁾ *Monadologie* § 58, 59.

²⁾ *Theodicée* II, § 135, 540 p.

³⁾ *Ibid* § 121, 538 p.

Доказавъ, что существованіе зла въ мірѣ нисколько не говоритъ о несовершенствѣ послѣдняго, Лейбницъ старается доказать, что существующій міръ есть наилучшій изъ возможныхъ и беретъ доказательства для подтвержденія своего ученія въ понятіяхъ Бога и міра.

Богъ есть Существо Премудрое, Всемогущее и Всеблагое. Онъ не могъ создать міръ не наилучшимъ, иначе необходимо было бы допустить несогласное съ свойствами Божиими предположеніе, что Богъ не хотѣлъ, или не могъ создать такой міръ. Какъ созданный Богомъ, Существомъ Всесовершеннымъ, существующій міръ необходимо долженъ быть наилучшимъ изъ возможныхъ.

Выходя изъ понятія міра, Лейбницъ приходитъ къ тому же выводу. Что такое міръ? Міръ есть совокупность дѣйствительныхъ вещей, изъ которыхъ ни одна не имѣетъ основанія своего бытія въ самой себѣ,—а потому бытіе каждой изъ нихъ случайно, а не необходимо, слѣдовательно и міръ, какъ совокупность такихъ случайныхъ вещей, также случаенъ. Но, по Лейбницу, какъ извѣстно, случайно все то, противоположное чему не заключаетъ противорѣчія, вообще все то, что возможно. Слѣдовательно возможны и другіе міры, кромѣ существующаго, и если изъ всѣхъ возможныхъ міровъ существуетъ только одинъ, то это могло произойти вслѣдствіе выбора. Но что могло служить основаніемъ для этого выбора кромѣ того, что этотъ избираемый міръ есть наилучшій изъ возможныхъ? Если бы существующій міръ не былъ наилучшимъ, то его избраніе къ бытію, его твореніе, не имѣло бы достаточнаго основанія.

Теорія Лейбница встрѣтила массу возраженій противъ себя.

Одни изъ возражавшихъ Лейбницу возставали противъ допускаемой имъ возможности иныхъ міровъ, другіе говорили, что если бы Богъ неопустительно творилъ только наилучшее, то это лишало бы Его свободы и сообщало бы предметамъ нѣкотораго рода необходимость; третьи, наконецъ, утверждали, что этотъ міръ не можетъ быть названъ наилучшимъ потому, что возможенъ міръ, дучшій сравнительно съ настоящимъ.

Первое возраженіе, вытекающее изъ метафизическихъ соображеній касательно природы возможнаго и необходимаго,

исходило со стороны тѣхъ мыслителей, которые утверждали, что возможно только то, что дѣйствительно существуетъ. Сущность этого возраженія состояла въ слѣдующемъ: такъ какъ возможно только то, что совершилось, совершается или имѣтъ совершиться, то предположеніе Лейбница о безконечномъ числѣ возможныхъ міровъ, которые никогда не будутъ существовать, не имѣтъ никакого основанія ¹⁾.

Лейбницъ, исходя изъ установленнаго имъ различія метафизической и гипотетической необходимости, считаетъ необходимымъ только то, что носитъ характеръ метафизической необходимости; невозможнымъ—что противорѣчитъ только этой необходимости. Противоположное же гипотетической необходимости онъ считалъ вполне возможнымъ; вообще признавалъ возможнымъ все то, противоположное чему не содержитъ въ себѣ противорѣчія. На этомъ опредѣленіи возможнаго и не-

¹⁾ Возраженіе очевидно имѣтъ прямое отношеніе къ вопросу, который не разъ возбуждался и въ древней, и въ новой философіи,—именно: возможны-ли такіе предметы, которые никогда не будутъ существовать. Знаменитый диалектикъ Мегарской школы—Діодоръ держался отрицательнаго мнѣнія по этому вопросу. Хризпій сильно возражалъ ему, по этому поводу. Цицеронъ, раздѣлявшій мнѣніе Діодора, въ своемъ трактатѣ „О судьбѣ“ писалъ слѣдующее: „Смотри, Хризпій, какъ бы тебѣ не пришлось отказаться отъ своего мнѣнія по вопросу, изъ за котораго ты вступилъ въ споръ съ сильнымъ диалектикомъ Діодоромъ. Все, что говорятъ ложно о будущемъ,—все это не можетъ произойти. Но ты, Хризпій, не допускаешь этого и изъ за этого сильно спорилъ съ Діодоромъ. Ибо этотъ утверждаетъ, что только то можетъ произойти, что или истинно, или будетъ истинно, и все будущее необходимо должно совершиться, а все несовершеннающееся и невозможно. Ты же, напротивъ, говоришь, что и то, что не происходить, возможно; напримѣръ, возможно, чтобы этотъ драгоценный камень былъ разбитъ, хотя бы это и никогда не произошло, и что не было необходимо, чтобы Кипсель царствовалъ въ Коринѣхъ, хотя бы это было предсказано оракуломъ Аполлона за тысячу лѣтъ прежде. Діодоръ же, напротивъ, утверждаетъ, что только то можетъ произойти, что истинно, или будетъ истинно, иначе говоря: ничто не можетъ произойти, что необходимо не произойдетъ, а что можетъ произойти, то или уже есть, или будетъ; и имѣющее произойти не болѣе можетъ превратиться изъ истиннаго въ ложное, какъ и то, что уже совершилось; въ совершившемся очевидна неизмѣнимость, между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ будущихъ событіяхъ эта неизмѣнимость не такъ очевидна, поэтому не замѣчается. Такъ, напримѣръ, вѣрно то, что кто страдаетъ смертельною болѣзнію, тотъ умретъ отъ этой болѣзни, если же это будетъ сказано правильно о такомъ человѣкѣ, у котораго не проявляется такая сила болѣзни, то и этотъ человѣкъ умретъ. Поэтому и въ будущихъ событіяхъ не можетъ произойти никакого превращенія истиннаго въ ложное. (Theod. II, § 170, 550 p.).

обходимаго онъ и построилъ защиту своего положенія о возможности мировъ, которые никогда не будутъ существовать и изъ которыхъ Богъ выбираеть наилучшій.

Лейбницу возражалъ въ свое время по этому вопросу знаменитый Гоббесъ, который держался того мнѣнія, что все непроизходящее и не возможно, и доказывалъ это тѣмъ, что никогда не случается, чтобы всѣ потребныя условія для осуществленія предмета не существующаго (*omnia rei non futurae requisita*) были даны, а между тѣмъ безъ этого предметъ не можетъ осуществиться.

Лейбницъ отвѣчаетъ ему, что если и нѣтъ извѣстныхъ условій (причинъ) для совершенія извѣстнаго факта, существованіе ихъ все же возможно, такъ какъ предположеніе этой возможности не заключаетъ въ себѣ противорѣчія. Правда, предметъ не можетъ осуществиться, когда недостаетъ для этого извѣстныхъ условій, но если мы считаемъ себя въ правѣ допускать, что предметъ можетъ существовать, хотя онъ и не существуетъ, то съ такимъ же правомъ можемъ утверждать и то, что потребныя условія могутъ существовать, хотя они не существуютъ.

Послѣ Гоббеса, Спиноза, строгій приверженецъ закона причинности во всемъ существующемъ, признавалъ все дѣйствительно существующее необходимымъ и только дѣйствительно существующее и вразумнымъ, такъ что изъ его возрѣній необходимо вытекало, что смерть его непременно должна случиться, какъ это и случилось, въ Гаагѣ, а то, чтобы онъ не умеръ въ Гаагѣ, такъ же невозможно, какъ и то, чтобы два и два равнялись шести. Но Лейбницъ не видитъ ничего невозможнаго въ томъ, если бы Спиноза умеръ и въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ, такъ какъ въ ряду предшествующихъ причинъ, условливающихъ смерть этого философа въ Гаагѣ, могла войти еще и такая, которая видоизмѣнила бы мѣсто смерти философа. Въ этомъ предположеніи нѣтъ логическаго противорѣчія, а слѣдовательно въ немъ ничего нѣтъ и невозможнаго.

Посмотримъ теперъ, какъ рѣшаетъ Лейбницъ второе возраженіе, которое состоитъ въ томъ, что если бы Богъ неопустительно творилъ только наилучшее, то это лишало бы Его сво-

боды и подчиняло бы нѣкотораго рода необходимости. Лейбницъ отвѣчаетъ на это, что необходимость, которой подчиненъ Богъ, есть Его собственная природа, Его собственный Разумъ, которые и предписываютъ Ему правила. Но дѣйствовать сообразно съ своей природой неужели значитъ быть несвободнымъ? не долженъ же Богъ ради сохраненія своей свободы, перестать быть совершеннымъ, или Тѣмъ, Чѣмъ Онъ есть. Неужели не будетъ свободенъ тотъ мудрецъ, котораго воля будетъ дѣйствовать сообразно съ его мудростію. Правда, Богъ необходимо долженъ избирать наилучшее, но необходимость эта нравственная, которой нисколько не нарушается свобода воли, такъ какъ хотя премудрость и благодать Божія и склоняютъ Бога къ избранію наилучшаго, но не принуждаютъ Его.

Что же касается третьяго возраженія, что будто бы возможенъ міръ, лучшій сравнительно съ настоящимъ, то Лейбницъ находитъ его не болѣе состоятельнымъ, чѣмъ два первыхъ, такъ какъ оно полагаетъ границу мудрости и благодати Божіимъ, потому что дѣлать меньше добра, когда можно сдѣлать больше, значитъ дѣйствовать вопреки мудрости и благодати: „*minus bonum habet rationem mali*“¹⁾. Тѣ, которые утверждаютъ, что Богъ могъ создать міръ лучше настоящаго, похожи на извѣстнаго короля Альфонса Кастильскаго²⁾, который говорилъ, что если бы Богъ призвалъ его на совѣтъ при сотвореніи міра, то онъ указалъ бы Ему лучшій планъ вселенной. Если и мы будемъ разсуждать, говоритъ Лейбницъ, подобно этому королю, то намъ справедливо могутъ замѣтить: вы совершенно не знаете міра и не видите ничего дальше своего носа, смѣете ли Вы упрекать Бога въ Его несовершенствѣ? Постарайтесь лучше узнать міръ, разсмотрите его со всѣхъ сторонъ и всѣ его части и вы найдете въ немъ такое совершенство, такую красоту, какихъ вы не можете себѣ и представить³⁾.

¹⁾ Theodicée II, § 200, 565 p.

²⁾ Здѣсь имѣется въ виду Альфонсъ, король Кастильскій, избранный нѣкоторыми курфюрстами королемъ Римскимъ, — который ввелъ астрономическія таблицы, извѣстныя съ его именемъ. Очевидно Птолемея система міра, господствовавшая въ его время, не нравилась ему, поэтому онъ и думалъ, что можно было бы создать лучшую систему. Если бы онъ зналъ систему Коперника и открытія Кеплера, онъ не повторилъ бы, конечно, своихъ словъ.

³⁾ Theodicée II, § 194, 564 p.

Нѣкоторые не считали этотъ міръ наилучшимъ изъ возможныхъ на томъ основаніи, что будто бы нѣтъ ни одной твари въ этомъ мірѣ на столько совершенной, что лучше ея нельзя было бы и произвести.

Въ отвѣтъ на это возраженіе Лейбницъ говоритъ, что то, что можно сказать о каждой отдѣльной твари, или каждой отдѣльной субстанціи, то никакъ не приложимо ко всей вселенной. Часть наикратчайшаго разстоянія между двумя точками есть также наикратчайшее разстояніе между крайними ея точками, но часть наилучшаго цѣлаго не необходимо наилучшее изъ того, что можно сдѣлать изъ этой части, подобно тому, какъ часть красивой вещи не всегда красива сама по себѣ, будучи взята отдѣльно отъ цѣлаго. Когда говорится, что существующій міръ есть наилучшій изъ возможныхъ, то имѣется въ виду цѣлая вселенная во всемъ ея составѣ, а не отдѣльныя ея части, которыя, будучи взяты въ отдѣльности, могутъ быть и лучше, чѣмъ они суть, такъ что возражающему противъ теоріи наилучшаго міра нужно показать не то, что извѣстныя твари могутъ быть лучше, но что и сама вселенная могла бы быть совершеннѣе, чѣмъ она есть, чего ему доказать, конечно, никогда не удастся.

Если наилучшее въ цѣломъ не всегда есть наилучшее въ своихъ частяхъ, то отсюда легко рѣшается и слѣдующее возраженіе Дироа ¹⁾, который рассуждалъ, что если бы Богъ всегда творилъ только наилучшее, то Онъ творилъ бы другихъ боговъ. Міръ, какъ мы уже сказали, можетъ быть наилучшимъ изъ возможныхъ, если отдѣльныя его части и не будутъ сами по себѣ наилучшими. „Какъ планъ извѣстнаго зданія можетъ быть наилучшимъ изъ всѣхъ въ отношеніи къ цѣли, издержкамъ и обстоятельствамъ, такъ и устройство вселенной можетъ быть наилучшимъ изъ всѣхъ, не дѣлаясь Богомъ“.

б) Опреданіе Божественныхъ совершенствъ.

Опреданіе наилучшаго міра заключаетъ въ себѣ уже и оправданіе Божественныхъ совершенствъ. Если существующій

¹⁾ Дироа—богословъ кардинала Эстрел, извѣстенъ своею книгою „Preuves et prejuges pour la religion chretienne“, изданной въ Парижѣ 1688 г.

міръ есть наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ и если зло физическое и нравственное не только не дѣлаютъ этотъ міръ худымъ и недостойнымъ его Творца, но, напротивъ, являются условіемъ его бытія и совершенства, то слѣдовательно зло вообще не составляетъ отрицательной инстанціи противъ премудрости и благодати Божіихъ и не разрушаетъ нашего понятія о Богѣ, какъ абсолютно совершенномъ существѣ. Всѣ твари, по Лейбницу, имѣютъ отъ Бога только свои совершенства, недостатки же ихъ происходятъ отъ ихъ собственной ограниченной природы. Но развѣ Богъ не творецъ этихъ ограниченныхъ тварей? развѣ не Онъ сдѣлалъ ихъ ограниченными и конечными? зачѣмъ же Онъ допустилъ къ бытію такіа твари, природа которыхъ носила въ себѣ зародышъ зла? не нанесеть-ли все это ущербъ Его Премудрости и Благодати?

Для рѣшенія этого возраженія и для оправданія Премудрости и Благодати Божіихъ Лейбницъ старается показать, что Богъ не желаетъ вообще зла и если допускаетъ его, то только тогда, когда оно является средствомъ, ведущимъ къ добру. Лейбницъ различаетъ въ Богѣ двѣ воли—предшествующую и послѣдующую. По своей предшествующей волѣ Богъ желаетъ одного добра и стремится воспрепятствовать злу, по своей же послѣдующей волѣ Онъ стремится къ наилучшему ¹⁾).

Предшествующая воля всегда дѣйствовала бы, если бы не было болѣе сильной причины останавливающей это дѣйствіе; такой причиной, ограничивающей Божественную волю, является Божественный разумъ, которымъ она обусловлена въ своей дѣятельности. Разумъ Божественный, эта „страна всѣхъ возможностей“ мыслить всѣ эти возможности какъ существа несовершенныя; слѣдовательно Богъ, побуждаемый своей предшествующей волей только къ добру, желая реализовать носимую Имъ въ своемъ умѣ идею этого добра, долженъ былъ творить вещи такими, какими онѣ существовали въ Его идеѣ, т. е., несовершенными и ограниченными. При такой обусловленности Божественной воли, она творитъ не абсолютно доброе, какъ бы желала, но возможно наилучшее. Это-то обуслов-

¹⁾ Theodicee, I, § 23, 510 p.

ленная воля и есть—послѣдующая. По ней Богъ и допускаетъ зло, когда оно соединено съ наилучшимъ планомъ вселенной. „Нужно думать, что необходимо существовали непреодолимыя соображенія, приведшія Бога къ допущенію зла, такъ какъ ничто не можетъ произойти отъ Бога, что не было бы сообразно съ Его благостію, правдою и святостію. Такимъ образомъ мы можемъ заключать отъ существованія факта (види а posteriori), что это допущеніе было необходимо, хотя намъ и не возможно показать (а priori) частныхъ причинъ, которыми Богъ руководствовался въ данномъ случаѣ... Грѣхъ существуетъ въ мірѣ, слѣдовательно Богъ допустилъ его безъ умавленія своихъ совершенствъ. „Ab actu ad potentiam valet consequentia“¹⁾. Въ отношеніи къ Богу это заключеніе правильно. Богъ допустилъ зло, слѣдовательно Онъ допустилъ благо“²⁾.

Итакъ зло допускается только по соприсутствію (par concomitance) съ наилучшимъ міромъ, т. е., только тогда, когда оно соединяется съ величайшимъ благомъ, является его conditio sine qua non, и когда не допустить извѣстное зло было бы хуже, чѣмъ допустить.

Бэйль не признаетъ убѣдительными доводы Лейбница. По его мнѣнію, они имѣли бы тогда только силу, если бы ясно и раздѣльно было показано, какимъ образомъ зло соединяется

¹⁾ Отъ дѣйствительности къ возможности заключеніе слѣдуетъ (т. е. возможно).

²⁾ Theodicee § 35. 489 р. Лейбницъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, когда злыя и непреодолимыя соображенія могутъ дѣйствительно требовать допущенія зла. Вообразимъ, говоритъ онъ, что я держу въ своихъ рукахъ смертоносную головню, которою мать Мелеагра воспользуется для умерщвленія его, или держу околованный дротикъ, которымъ Цефалъ, не зная этого, воспользуется для умерщвленія своей Прокрисы, или держу лошадей Тезея, которыя разнесутъ сына его Ипполита. Отъ меня требуютъ этихъ предметовъ и я имѣю право отказать въ этомъ, но что будетъ, если законный судья присудитъ мнѣ отдать все это, такъ какъ я не могу доказать, какія дурныя послѣдствія это можетъ имѣть... и—такъ я вынужденъ буду возвратитъ предметы, не имѣя возможности отказать отъ этого, и тѣмъ буду способствовать въ нѣкоторомъ родѣ злу. Правда Богъ не имѣетъ судьи, который бы принудилъ Его дать другому то, что можетъ быть превращено имъ во зло, но Его собственная мудрость есть болѣе могущественнѣйшій судья, чѣмъ какого только можно найти. Она показываетъ Богу наилучшее употребленіе, favorъ только можно сдѣлать изъ Его благости; *отсюда зло есть неизбежное слѣдствіе наилучшаго.* (Theod. § 121, 538 р.).

съ наилучшимъ планомъ вселенной и почему наилучшій міръ не можетъ существовать безъ присутствія въ немъ зла. Этого конечно нельзя было доказать Лейбницу со всею ясностью и полнотою, возможною только при полномъ пониманіи всѣхъ явленій природы, но при отсутствіи вполне ясныхъ и твердыхъ основаній въ пользу извѣстнаго положенія, по словамъ Лейбница, достаточно бываетъ болѣе или менѣе вѣрныхъ соображеній и предположеній, чтобы уничтожить силу возраженій противъ него. Такъ, если вѣтъ ничего противорѣчаваго въ томъ, что зло иногда необходимо соединяется съ добромъ, требуется наилучшимъ планомъ вселенной, то этого объясненія, по существу несовершеннаго, вполне достаточно для рѣшенія возраженій противъ оспариваемыхъ положеній, хотя оно и не достаточно для полнаго уясненія вопроса.

Бэйль не ограничился только этимъ возраженіемъ. Положеніе Лейбница, что зло допускается только по соприсутствію съ наилучшимъ міромъ вызываетъ со стороны Бэйля еще новыя возраженія.

Положимъ, говоритъ онъ, зло допускается Богомъ только какъ *conditio sine qua non* добра или какъ послѣдствія его, но можетъ-ли такое добро называться благомъ для человѣка? Если благодѣяніе Божіе соединяется или ведетъ къ несчастію человѣка, въ правѣ-ли оно называться благодѣяніемъ, особенно когда Богъ не даетъ вѣрныхъ средствъ достигнуть надлежащаго пользованія имъ.

Это возраженіе Бэйля Лейбницъ опровергаетъ также своей теоріей наилучшаго міра. Такъ какъ зло соприсутствуетъ съ наилучшимъ міромъ, то Богъ не можетъ удалить его или исключить изъ этого міра, хотя бы оно сопровождалось гибельными послѣдствіями для нѣкоторыхъ лицъ, иначе Онъ уклонился бы отъ долгаго, отъ того, что предписываетъ Ему Его же мудрость, тѣмъ болѣе, что благодѣяніе разумныхъ тварей не есть единственная цѣль Божія и благодѣянія, сообщаемыя тварямъ, не имѣютъ въ виду только ихъ благосостояніе. Въ противномъ случаѣ Богъ избралъ бы такую послѣдовательность возможностей, гдѣ всѣ эти несчастія были бы исключены; тогда, быть

можетъ, не было бы зла во всѣхъ его видахъ и даже по соприсутствію.

Если бы было и справедливо то, продолжаетъ возражать Бэйль, что Богъ не виновенъ въ допущеніи зла, потому что не допустить его было бы большимъ зломъ, чѣмъ допустить, все-же остается недоумѣннымъ: неужели Богъ не могъ создать наилучшій міръ безъ всякой примѣси къ нему зла? Неужели въ его распоряженіи не было никакихъ средствъ избѣжать его? и Лейбницъ, спасая Божественную благодѣтельность, не наноситъ ли ударъ Божественному всемогуществу? Нѣтъ словъ, отвѣчаетъ Лейбницъ по своему всемогуществу Богъ все можетъ сдѣлать, можетъ и не допустить существованія зла, но долженъ ли Онъ это сдѣлать, было ли бы это согласно съ премудростью Божіей? Если Богъ допустилъ зло—явный знакъ, что Онъ долженъ такъ поступить. Божественное всемогущество осуществляетъ только то, что возможно въ предѣлахъ Божественнаго Разума; а такъ какъ, по мысли Творца, всѣ вещи должны быть ограничены и несовершенны, то не возможно и добро безъ всякой примѣси зла, потому что не совершенство тварей, ихъ ограниченность и есть источникъ зла.

Задача примиренія премудрости и благодѣтельности Божіихъ съ существованіемъ въ мірѣ зла достигнута. Богъ оправданъ отъ упрековъ за существованіе въ мірѣ зла, а вмѣстѣ съ тѣмъ достигнута и главная цѣль Теодицеи, которая состояла въ томъ, чтобы сообщить болѣе правильное понятіе о Богѣ, чѣмъ какое имѣли современники Лейбница, заставить убѣдиться въ Его премудрости и благодѣтельности, полюбить Его, какъ Существо абсолютно совершенное и въ этомъ убѣжденіи открыть людямъ чистѣйшій источникъ духовной радости.

Мы изложили главные и основные вопросы Теодицеи, намъ остается произвесть критическую оцѣнку этого труда.

Н. Соловьевъ.

(Окончаніе булетъ).

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ ПАНПСИХИЗМА

Подъ именемъ панпсихизма разумѣется въ философіи такое направленіе, которое, отрицая реальность матеріи, какъ самостоятельнаго, независимаго начала, отличнаго отъ духа, въ основу всего сущаго полагаетъ множество индивидуальныхъ, независимыхъ другъ отъ друга, духовныхъ субстанцій. Весь внѣшній матеріальный міръ, который представляется намъ, какъ нѣчто совершенно отличное по своей сущности отъ нашего „я“, — нашей духовной субстанціи, на самомъ дѣлѣ, по мнѣнію панпсихистовъ, есть проявленіе подобныхъ намъ духовныхъ субстанцій; матерія, въ дѣйствительности, есть „значокъ“, „символь“, подъ которымъ наша субстанція воспринимаетъ дѣятельность другихъ, внѣ ея находящихся субстанцій. Этотъ пространственный образъ предметовъ является необходимымъ для нашей субстанціи, при ея соприкосновеніи съ внѣшнимъ міромъ, съ одной стороны, въ силу ограниченности ея познавательныхъ силъ, не могущихъ въ своей дѣятельности объять все сразу, а съ другой стороны, въ силу того, что познаніе этого внѣшняго міра не дано намъ непосредственно; непосредственно дано намъ только лишь познаніе своего „я“, съ принадлежащей ему дѣятельностью и содержаніемъ этой дѣятельности. Отсюда только то, что дано намъ непосредственно должно мыслиться внѣ пространства и времени. Пространство

же и время должно считать результатомъ дѣятельности нашего мышленія, которое подъ этими формами признаетъ содержаніе всего существующаго. Понятіе пространства и времени не могли бы имѣть мѣста въ нашемъ сознаніи только въ томъ случаѣ, если бы наше „я“ было совершенно изолировано отъ сношенія съ другими субстанціальными существами, если бы оно было замкнуто. Но такъ какъ наше „я“ находится въ постоянномъ взаимодействіи съ другими субстанціальными существами, то внутренній процессъ познанія всего окружающаго и выражается подъ формами пространства и времени, каковыя вырабатываются только путемъ сопоставленія различныхъ актовъ внутренней жизни нашей субстанціи съ впечатлѣніями, идущими отвнѣ. Въ дѣйствительности, пространство и время, какъ что-то реальное, внѣ насъ находящееся, не существуютъ. Эти понятія имѣютъ субъективное, а не объективное значеніе.

Въ отрицанію реального существованія матеріи, а вмѣстѣ съ нею пространства, времени, причинности и другихъ явленій физическаго міра панпсихисты приходятъ слѣдующимъ путемъ. Исходнымъ пунктомъ своихъ философскихъ построеній они ставятъ непосредственное сознаніе. Истинно сущимъ бытіемъ, говорятъ они, мы можемъ считать только свое „я“, которое сознаемъ мы непосредственно. Что наше „я“ существуетъ это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но наше „я“, какъ говоритъ намъ непосредственное сознаніе, существуетъ совмѣстно съ другими субстанціями, ибо наше „я“ не только переживаетъ свои собственные состоянія, но въ то же время воспринимаетъ на себя воздѣйствіе чего-то другого, что независимо отъ моего „я“ вліяетъ на мою субстанцію, иначе—входитъ съ нею во взаимодействіе. Наша субстанція, сознавая себя причиной своихъ дѣйствій, воздѣйствіе на себя чего-то другого относитъ къ причинѣ, лежащей внѣ себя, каковымъ путемъ и приходитъ къ признанію внѣшняго міра. Какъ же мы представляемъ или должны представлять то, что входитъ съ нами во взаимодействіе, т. е. внѣшній міръ? Если

довѣрять познанію, приобретаемому на основаніи нашихъ внѣшнихъ чувствъ, то слѣдуетъ признать реальное существованіе духа и матеріи, такъ какъ во внѣшнемъ мірѣ мы наблюдаемъ проявленіе двухъ началъ: психическаго и физическаго. Но довѣрять показанію нашихъ чувствъ мы не имѣемъ никакого рациональнаго основанія, потому что познанія, доставляемыя намъ внѣшними чувствами, совсѣмъ не адекватны дѣйствительности, часто обманываютъ насъ: такъ, они говорятъ, напримеръ, намъ о существованіи цвѣта, тяжести, звука, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ въ реальности. А если познанія внѣшнихъ чувствъ для объективнаго познанія вещей не имѣютъ никакого значенія, то единственнымъ масштабомъ истиннаго знанія должно считать наше „я“, которое говоритъ намъ непосредственно о бытіи только одного начала—духовнаго. По аналогіи съ этимъ духовнымъ бытіемъ мы должны познавать и все окружающее насъ. Вотъ почему наше „я“, признавая себя за истинное бытіе и считая себя причиной своихъ дѣйствій, при сознаніи воздѣйствія на себя чего-то другого, это другое, какъ причину полученныхъ на себя воздѣйствій, принимаетъ за такую же духовную субстанцію, какъ и оно само, по крайней мѣрѣ за подобную себѣ; и это потому, что предположить о существованіи какого-то другого, противоположнаго себѣ начала, которое могло бы быть причиною дѣятельности внѣ насъ, наше „я“ не имѣетъ никакихъ основаній. Отсюда то, что представляется намъ какъ матеріальные предметы, въ дѣйствительности, есть подобныя нашему „я“ духовныя субстанціи, которыя принимаютъ пространственную форму только во взаимодействіи съ нашей субстанціей, которая подъ этой формой только и можетъ познавать другія существа. Итакъ, выходя изъ природы своего собственнаго духа (изъ непосредственнаго сознанія), панпсихисты приходятъ къ тому заключенію, что все, что существуетъ внѣ насъ, и все, что огмѣчаетъ наше вторичное сознаніе (сознаніе, являющееся результатомъ рефлексіи, въ отличіе отъ первичнаго, которое понимается у панпсихистовъ въ смыслѣ непосредственнаго пере-

живанія содержанія нашей души), какъ нѣчто матеріальное, отличное отъ природы нашего „я“, на самомъ дѣлѣ, есть нѣчто подобное нашему „я“, нашей субстанціи:—все должно считать проявленіемъ внутренней жизни духовныхъ субстанцій.

Всѣ духовныя существа, которыя составляютъ собою ви́шній міръ, находятся между собою въ постоянномъ взаимодей́ствии. Воздѣйствіе на насъ другихъ существъ есть фактъ нашей внутренней жизни, почему онъ очевиденъ для всѣхъ. Но какъ понимать это взаимодей́ствие? и возможно ли оно? Панпсихисты отказываются по существу дѣла объяснить взаимодей́ствие субстанцій, да съ ихъ точки зрѣнія и сдѣлать это невозможно, не нарушая закона достаточнаго основанія и логической послѣдовательности своего міросоверпанія. Дѣйствительно, если существуютъ только духовныя субстанціи, то непонятно, что мѣшаетъ имъ при своемъ взаимодей́ствии слиться въ единствѣ непосредственнаго познанія, а если этого въ дѣйствительности не происходитъ, то нужно допустить существованіе такой среды, которая препятствуетъ этому непосредственному познанію субстанціями другъ друга, т. е., нужно допустить существованіе матеріи, безъ которой является непонятной причина происхожденія пространственныхъ и временныхъ воспріятій, при взаимодей́ствии совершенно однородныхъ духовныхъ субстанцій. По вопросу о взаимодей́ствии духовныхъ существъ между собою панпсихисты склоняются къ мысли признать это взаимодей́ствие возможнымъ при посредствѣ только Абсолютнаго Существа, Бога. При рѣшеніи этого очень важнаго вопроса въ міросоверпаніи панпсихизма, послѣдователямъ этого направленія приходится принять сторону пантеистовъ, почему панпсихизмъ во многихъ пунктахъ очень близко соприкасается съ пантеизмомъ ¹⁾. Таковы основ-

¹⁾ Особевно рельефно пантеизмъ проглядываетъ у Паульсена (Введеніе въ философію, русскій переводъ, изд. 1899 г.). Такъ Паульсенъ, сообразно съ взглядомъ на душу, какъ на единство душевныхъ явленій, считаетъ все существующее лишь проявленіемъ Абсолютнаго, почему взаимодей́стiе между существами ви́ш-

ные черты панпсихизма, какимъ онъ выступаетъ въ философской литературѣ новѣйшаго времени. Правда, между отдельными послѣдователями этого міросозерцанія можно замѣтить нѣкоторые детальныя отличія, или несогласія, но въ главномъ они всѣ между собою сходны. Нѣкоторые послѣдователи этого философскаго міросозерцанія за исходную точку вѣрнiя принимаютъ не непосредственное сознание, а сознание вторичное и ихъ мысли принимаютъ тогда такой ходъ:—въ себѣ, равно какъ и во всемъ мірѣ, мы замѣчаемъ дѣйствіе двухъ причинъ: психической и физической. Свое „я“ и свою душевную дѣятельность мы обнаруживаемъ посредствомъ различныхъ проявленій въ тѣлѣ: движеній, звуковъ и т. п. Наблюденія тѣсной зависимости дѣятельности нашего „я“ съ обнаруженіями этой дѣятельности въ мірѣ физическомъ приводятъ нѣкоторыхъ панпсихистовъ къ мысли повнанія всего существующаго по аналогіи съ своимъ собственнымъ „я“. Такъ какъ мы во внѣшнемъ мірѣ наблюдаемъ много такого, что имѣетъ сходство съ обнаруженіями нашего „я“ во внѣ, то путемъ аналогіи, говорятъ они, можно приходить къ выводу, въ силу котораго мы причиною дѣйствій и обнаруженій всего наблюдаемаго нами во внѣ должны считать подобныя намъ духовныя субстанціи. Такимъ образомъ является мысль о всеобщемъ воодушевленіи. Переходя далѣе къ критикѣ матеріализма, эти послѣдователи панпсихизма въ основу всего сущаго полагаютъ духъ, а происхождение представленія матеріи объясняютъ простыми гносеологическими выводами.

Къ достоинствамъ этого направленія нужно отнести:—удовлетворительное объясненіе панпсихистами вопроса о сощности всѣхъ психическихъ явленій и довольно стройное проведеніе принципа о всеобщемъ воодушевленіи. Матеріализмъ все хо-

няго міра рассматриваетъ какъ взаимодействие отдельныхъ составнiй Абсолютнаго. Козловъ же, признавая за отдельными субстанціями самостоятельное и независимое бытіе (относительно), въ то же время объединяетъ всѣ субстанціи въ Абсолютномъ, какъ единой истинно самостоятельной субстанціи.

четь вывести изъ матеріальныхъ атомовъ, но въ своихъ попыткахъ оказался безсильнымъ, потому что встрѣтился съ совершенно невыводимой изъ матеріи областью духовнаго бытія. Вопросъ о природѣ духа у него оставался такимъ образомъ, „абсолютной міровой загадкой“. Панпсихизмъ, ставши на противоположную точку зрѣнія по вопросу о сущности бытія, удовлетворительно разрѣшилъ эту загадку, а въ то же время счумѣлъ гораздо лучше, сравнительно съ другими чисто спиритуалистическими системами, объяснить происхожденіе понятія о матеріи. Въ этомъ его преимущество.

Но при всемъ томъ, объясненіе, которое даютъ панпсихисты по вопросу о происхожденіи матеріальнаго міра, страдаетъ нѣкоторыми недостатками. Среди этихъ недостатковъ прежде всего надо отмѣтить произвольное пользованіе аналогіей, при заключеніи отъ существованія собственной духовной субстанции къ существованію подобныхъ же субстанцій во внѣшнемъ мірѣ. Утверждая, что наше „я“ вѣдаетъ себя причиной определенныхъ явленій, они въ то же время думаютъ, что внѣшнія явленія, производимыя другими существами, однородны съ нашимъ собственнымъ „я“. Но что даетъ имъ право дѣлать такое заключеніе? Мы дѣйствительно сознаемъ себя причиной своихъ дѣйствій, но воспринимаемія нами дѣйствія какихъ-то, внѣ насъ находящихся существъ, совсѣмъ не похожи на продукты собственной нашей дѣятельности; почему дѣлать по одной лишь аналогіи отождествленіе ихъ въ данномъ случаѣ произвольно. Подобное же неправильное пользованіе аналогіей мы встрѣчаемъ и у тѣхъ послѣдователей панпсихизма, которые исходной точкой своего міросозерцанія ставятъ вторичное сознаніе. Проводить такъ далеко аналогію, какъ проводятъ они, нельзя, въ силу того, что для этой аналогіи нѣтъ посредствующаго пункта, дѣлающаго возможной эту аналогію; такъ какъ неорганическій міръ совсѣмъ не обнаруживаетъ себя въ такихъ явленіяхъ, которыя имѣли бы хотя отдаленное сходство съ проявленіями нашего „я“ во внѣ. Это произвольное пользованіе:

аналогіей приводитъ панпсихистовъ указанной категоріи въ концѣ концовъ даже къ неправильному воззрѣнію на Абсолютное. Именно, утверждаясь на Шопенгауеровской точкѣ зрѣнія во взглядѣ на сущность внутренней духовной жизни, эти послѣдователи низшимъ существамъ приписываютъ только слѣпое влеченіе, а затѣмъ, съ постепеннымъ возвышеніемъ существъ, къ нимъ слѣпой волѣ они присоединяютъ разумность, такъ что отличительными качествами духовной жизни человѣка ставятъ: самосознаніе, самоопредѣленіе и разумную волю. Пользуясь этою же аналогіей, такіа качества надобно усматривать и въ Богѣ, только въ безконечно высшей степени. Однако у панпсихистовъ мы этого ясно не видимъ. Божество у нихъ является не духовно-личнымъ, высочайше—разумнымъ существомъ, а какимъ-то всеобъемлющимъ бытіемъ, которое они обозначаютъ какъ Всеживнь, Всеединство и Вседѣйство.

Выходя далѣе, изъ непосредственнаго сознанія, панпсихисты отрицаютъ реальное существованіе матеріальнаго міра. Но имѣютъ ли они на это достаточныя основанія? Вѣдь знаніе о нашемъ „я“, какъ—субстанціи, намъ не дано непосредственно, оно, т. е. „я“, не переживается нами. Сознаніе своего „я“, какъ субстанціи, мы получаемъ уже съ теченіемъ времени и только на основаніи продолжительной работы мышленія. А если такъ, то почему же панпсихисты, не довѣряя показанію мышленія въ вопросѣ о реальности матеріи, довѣряютъ ему въ другомъ случаѣ, когда оно даетъ намъ показанія относительно нашей собственной субстанціи? Если бы сознаніе своей субстанціи мы имѣли непосредственно даннымъ, то едва ли бы другіе представители этого направленія (напр. Паульсенъ) могли отрицать этотъ фактъ. Вѣдь не отрицаютъ же они того, что каждый человѣкъ чувствуетъ, мыслить. Притомъ, нельзя сказать того, что въ непосредственномъ сознаніи намъ даны только наше „я“, его дѣятельность и содержаніе этой дѣятельности; въ немъ намъ дано и сознаніе чего-то такого, что противоположно намъ по своимъ свойствамъ и качествамъ, т. е.

матеріи. И это происходитъ въ силу постоянной связи нашей души съ тѣломъ. Когда мы переживаемъ, на примѣръ, ощущеніе боли, полученное отъ дѣйствія какого либо предмета на наше тѣло, то мы не только стносимъ къ себѣ ощущеніе боли, но признаемъ, что боль эту испытываетъ *наше* тѣло. Мы говоримъ: „моя рука болитъ“—и этого нельзя назвать неточностію языка, нѣтъ, въ данномъ случаѣ сказывается непосредственное сознаніе содержанія моего „я“, въ которомъ дано мнѣ сознаніе моего тѣла, какъ чего-то такого, что находится въ тѣсной связи съ моимъ „я“ и въ то же время противоположно ему по своимъ свойствамъ и качествамъ. Между тѣмъ панпсихисты исключаютъ изъ непосредственнаго сознанія нашего „я“, сознаніе матеріальности нашего тѣла. Они говорятъ, что тѣло—это есть „знакъ“, „символь“ агрегата духовныхъ субстанцій, которыя заключаются въ немъ. Но какимъ образомъ и въ силу чего агрегатъ этихъ духовныхъ субстанцій совнается нами всегда принадлежащимъ нашему „я“, тогда какъ этотъ агрегатъ субстанцій по отношенію къ нашему „я“ составляетъ нѣчто внѣшнее? Отвѣтъ на это панпсихисты могли бы дать въ указаніи на Абсолютное, въ которомъ слабыя стороны ихъ міросозерцанія находятъ для себя постоянно убѣжище. Но, во первыхъ, такое указаніе не есть раціональное объясненіе, а во вторыхъ, не выясняя достаточно вопроса о взаимодействіи субстанцій между собою. При томъ же, съ помощью ссылки на Абсолютное, они вносятъ въ свое міросозерцаніе и явное противорѣчіе. Съ одной стороны, они признаютъ самостоятельность, независимость и самозаключенность субстанцій, а съ другой стороны подчиняютъ ихъ центральнымъ субстанціямъ (напр., нашей душѣ подчинены нѣкоторымъ образомъ субстанціи тѣла) и наконецъ, всѣ субстанціи внѣшняго міра объединяютъ въ Абсолютномъ; отсюда панпсихисты выводятъ мысль, что замѣчаемая нами стройность, гармоничность явленій физическаго міра, есть только простая координація напередъ опредѣленной дѣятельности каждой субстанціи.

При этомъ у нихъ является какой-то детерминизмъ въ развитіи жизни каждой субстанціи. Такимъ образомъ, по вопросу о взаимодействіи субстанцій, панпсихисты ничего не вносятъ новаго въ свое объясненіе: имъ пользовался еще Лейбницъ въ своемъ ученіи о предустановленной гармоніи и какъ въ его систему это объясненіе внесло противорѣчіе, такъ оно вноситъ этотъ недостатокъ и въ міросозерданіе современныхъ панпсихистовъ.

Каждая изъ субстанцій, по мнѣнію панпсихистовъ, хотя сама по себѣ находится внѣ пространства и времени, но при своемъ взаимодействіи съ другими субстанціями, въ качествѣ необходимыхъ формъ этого взаимодействія, пользуется субъективными категоріями пространства и времени. Возникновеніе этихъ формъ обуславливается ограниченностью дуловныхъ субстанцій, не могущихъ познавать другъ друга непосредственно. Но странно отрицать реальное существованіе пространства и въ то же время допускать существованіе возлѣ нашей духовной субстанціи какихъ-то другихъ субстанцій? Вѣдь, исходя изъ того же непосредственнаго сознанія, мы приходимъ къ выводу, что внѣ насъ существуетъ нѣчто, что вліяетъ на насъ. Уже здѣсь намъ дано нѣкоторымъ образомъ пространство, такъ какъ мы не можемъ представить себѣ безпространственное существованіе ограниченныхъ духовныхъ субстанцій. И при томъ, если при взаимодействіи съ другими субстанціями пространство и время мыслятся необходимо, то почему же они совсѣмъ являются ненужными при существованіи субстанціи самой по себѣ. Какъ же намъ представлять тогда существованіе субстанціи самой въ себѣ? Если бы за тѣмъ субстанціи сами по себѣ находились внѣ времени и пространства, то что бы мѣшало имъ непосредственно познавать другъ друга? Вѣдь такъ какъ онѣ качественно разнородны, то слитія между ними не могло бы произойти, а между тѣмъ остается совершенно непонятнымъ: какимъ это образомъ духовныя субстанціи при своемъ взаимодействіи при-

нмають форму совершенно противоположную тому, что мы находимъ въ своемъ непосредственномъ сознаніи и аналогично съ чѣмъ представляемъ сущность внутренняго міра! Почему, именно, въ эту форму облекается весь внѣшній духовно субстанціональный міръ, входя съ нами во взаимодействіе, это съ точки зрѣнія панпсихистовъ необъяснимо. Нельзя однако считать, какъ дѣлаютъ панпсихисты, пространство субъективнымъ построеніемъ нашихъ внутреннихъ познавательныхъ процессовъ. Нельзя, именно, потому, что такія свойства предметовъ, какъ твердость, непроницаемость и протяженность, никакъ не могутъ быть выведены изъ внутренняго міра—нашего духа. Вѣдь ощущенія, представленія и вся вообще наша духовная дѣятельность совсѣмъ не можетъ характеризоваться этими свойствами и произвести ихъ изъ себя. Затѣмъ самая необходимость размѣщать предметы внѣшняго міра въ извѣстномъ, независимомъ отъ насъ порядкѣ,—указываетъ на объективность пространственныхъ образовъ, ибо при отсутствіи реальности матеріальныхъ предметовъ, что препятствовало бы душѣ размѣщать ихъ въ себѣ не по порядку пространственнаго ихъ воспріятія, а по одной только временной послѣдовательности?

Отрицаніе реальнаго существованія времени приводитъ панпсихистовъ къ странному понятію о субстанціи. Въ силу того, что субстанція сама по себѣ не подлежитъ времени, такъ что въ ней дано все содержаніе сразу, она представляется какой-то безжизненной, мертвой. Вѣдь временемъ обуславливается дѣятельность нашей субстанціи при ея взаимодействіи съ внѣшнимъ міромъ. И эта дѣятельность представляется въ такомъ видѣ, что мы вслѣдствіе своей ограниченности послѣдовательно переживаемъ получаемыя отъ внѣшняго міра воспріятія. Такимъ образомъ, самая ограниченность субстанціи требуетъ послѣдовательности въ переживаніи содержанія духовной жизни. И если дѣятельность нашей субстанціи существуетъ реально, то несомнѣнно, существуетъ реально и то, что обуславливаетъ эту дѣятельность, т. е. время. Кромѣ того,

если бы намъ въ непосредственномъ сознаніи была дана субстанція внѣ времени и пространства, то, конечно, ни у кого не могло бы возникнуть сомнѣнія и въ безсмертіи человѣческой души, чего однако же сказать никакъ нельзя.

В. И—скій.

Николай Яковлевич Гротъ (1852 † 1899 г.) и его философскіе труды.

(Окончаніе *).

Во второй статьѣ „объ основаніяхъ нравственнаго долга“ Гротъ разсматриваетъ выдающіяся этическія системы эвдемонизма. Всѣ этическія системы авторъ раздѣляетъ на четыре категоріи эвдемонизма¹⁾, руководствовавшіяся каждою своимъ идеаломъ счастья. Эти четыре идеала счастья, которые создало человечество, таковы: 1) идеаль удовлетворенія инстинктовъ плоти и чисто органическаго бытія; 2) идеаль удовлетворенія инстинктовъ жизни, или животнаго существованія; 3) идеаль удовлетворенія стремленій къ духовной дѣятельности и творчеству;—и 4) идеаль безмятежнаго загробнаго успокоенія и отрѣшенія духа отъ всѣхъ условій существованія плоти, а также—ограниченной земной жизни и дѣятельности. Всѣ эти типы этическихъ системъ нашъ мыслитель и разсматриваетъ въ своей статьѣ. Обзорѣніе и разборъ ихъ и даетъ Гроту точку опоры для убѣжденія въ высказанномъ имъ положеніи, что всякая этика есть этика чувства и счастья. Всѣ нравственныя ученія и этическія системы міра всегда были, по нашему мыслителю, явнымъ или скрытымъ, откровеннымъ или замаскированнымъ эвдемонизмомъ. Иныхъ системъ морали, по Гроту, и быть не можетъ, ибо человекъ всегда останется человекомъ, т. е. существомъ, стремящимся къ высшему возможному счастью и благу. Отсюда, по нашему мыслителю, задача

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1908 г. № 28.

1) Вопр. Фил. и Псих. 15 кн. стр. 113.

этики и состоитъ въ томъ, чтобы найти и оправдать высшее человѣческое благо, хотя бы оно состояло въ добровольномъ отреченіи отъ животнаго существованія. Человѣкъ, говоритъ Гротъ,—связь двухъ міровъ, и весь вопросъ въ томъ, въ которомъ изъ нихъ онъ долженъ искать удовлетворенія своей жадѣ полного бытія, своего законнаго стремленія къ блаженству. Отвѣтъ нашего мыслителя на этотъ вопросъ намъ нѣтъ нужды приводить: онъ ясенъ изъ анализа изложенной нами статьи. Дальнѣйшее развитіе изложеннаго нами произведенія Грота представляетъ статья его „Устои нравственной жизни и дѣятельности“¹⁾. Статью свою Гротъ начинаетъ съ указанія того, что устои нравственности находятся внутри человѣка, въ его собственной природѣ, а не гдѣ либо внѣ его. Нашъ мыслитель подчеркиваетъ ту истину, что всѣ, предполагаемая религіей, философіей и позитивной наукой, устои нравственнаго поведенія: любовь къ Богу, къ ближнему, вѣра въ правду и совершенство, надежда на вѣчное блаженство и страхъ вѣчной кары; состраданіе и жалость, стремленіе къ счастью и идея нравственнаго долга; наконецъ, чувство само-сохраненія и родовой инстинктъ, идею общаго блага и пользы—все это факты душевной жизни субъекта, состоянія и свойства нашего внутренняго „Я“. Отсюда нашъ мыслитель дѣлаетъ тотъ выводъ, что для автономной морали нашего времени, ищущей основнаго закона нравственныхъ поступковъ внутри человѣка, а не внѣ его, вопросъ заключается только въ томъ, въ какихъ именно природныхъ чувствахъ, стремленіяхъ и идеяхъ слѣдуетъ искать самыхъ коренныхъ внутреннихъ устоевъ нравственной жизни и дѣятельности. Предметомъ своей рѣчи Гротъ и считаетъ попытку поближе разобраться въ вопросѣ: въ какихъ же сторонахъ человѣческой природы надо искать этихъ устоевъ нравственной жизни и дѣятельности. Опредѣляя далѣе направленіе своей работы, Гротъ указываетъ, что онъ желаетъ попытаться дать новое освѣщеніе этической проблемѣ объ основаніяхъ нравственнаго поведенія

¹⁾ Статья эта представляетъ собою рѣчь, произнесенную въ публичномъ за-сѣданіи Психол. Общ. 4-го марта 1895 г. въ память десятилѣтія со времени основанія Общества.

на почвѣ психологической; главнымъ же мотивомъ, побудившимъ нашего мыслителя произвести пересмотръ этического вопроса, является сомнѣніе въ удовлетворительности его рѣшенія ученіями ссвременной утилитарной и эвдемонистической морали,—морали пользы и счастья. Основная точка зрѣнія этой морали состоитъ въ томъ, что въ концѣ концовъ источникомъ нравственной дѣятельности является стремленіе человѣка къ счастью, хотя бы самому высокому и благородному, вытекающему изъ поступковъ любви и состраданія, изъ усиленной работы умственной, духовной,—причемъ идея пользы есть только объективное выраженіе для субъективной идеи счастья. Такое воззрѣніе въ морали, прежде вполне раздѣляемое нашимъ мыслителемъ, теперь имъ рѣшительно отвергается. Эта мораль пользы и счастья, говорятъ нашъ мыслитель, забываетъ, что человѣку, усвоившему ея основной принципъ, совершенно невозможно убѣдить себя въ томъ, что и онъ не имѣетъ права за добродѣтель свою брать свою долю награды отъ жизни, не имѣетъ права, какъ можно полнѣе, наслаждаться жизнью, отдавая дань своимъ страстямъ и страстишкамъ. Но если человѣкъ находитъ, что онъ имѣетъ и право на счастье въ жизни, то является вопросъ, какъ ему соразмѣрять высшіе и низшіе моменты своего счастья, какъ ему не жертвовать высшими духовными стремленіями неутолимой жаждѣ чувственныхъ наслажденій?

Давая краткій анализъ эвдемонистической морали, нашъ мыслитель находитъ, что эта мораль не можетъ считаться единственнымъ рѣшеніемъ нравственной проблемы. Гротъ находитъ, что этическая дилемма: нравственный долгъ или личное счастье? остается все въ прежнемъ видѣ; это—тотъ Гордіевъ узелъ, который еще не распутанъ и который потому поневолѣ приходится разрубать. Для рѣшенія вопроса о томъ, къ счастью ли, хотя бы не нашему ¹⁾, а только чужому, направляется наша нравственная дѣятельность, Гротъ считаетъ необходимымъ произвести анализъ тѣхъ нравственныхъ поступковъ, въ которыхъ мы непосредственно соприкасаемся съ

¹⁾ См. „Устои нравственной жизни и дѣятельности“, стр. 12.

другими существами, и отдаемъ имъ себя въ жертву, ищяно, поступковъ, внушенныхъ любовью, жалостью, состраданіемъ. Самымъ характернымъ образчикомъ такихъ поступковъ Гротъ считаетъ дѣятельность матери и вообще родителей по отношенію къ дѣтямъ: здѣсь всего менѣе можно сомнѣваться въ искренности. Мать нѣжно и съ самоотверженіемъ любитъ своихъ дѣтей, кормитъ ихъ, холитъ, воспитываетъ, учитъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она, какъ мать, часть которой они составляли, искренно, хотя и эгоистически, желаетъ счастья своимъ дѣтямъ; но можно ли утверждать, что нравственная точка зрѣнія ея въ этой дѣятельности должна состоять въ томъ, чтобы доставить дѣтямъ немедленно, или въ будущемъ, наибольшее возможное счастье. Нашъ мыслитель рѣшительно отрицаетъ это ¹⁾, путемъ анализа поступковъ матери онъ находитъ, что мать имѣетъ цѣлью совѣмъ не счастье дѣтей, а нѣчто другое: то воспитаніе, которое имѣетъ цѣлью дать дѣтямъ счастье и научить ихъ приобрѣтать въ жизни то, что можетъ составить ихъ счастье, есть дурное, недѣльное воспитаніе, обыкновенно нравственно развращающее дѣтей и имѣющее самыя грустныя послѣдствія. Оно внушается не любовью родителей къ дѣтямъ, а эгоизмомъ и стремленіемъ къ самоуслажденію. Истинно любящая и разумная мать стремится сдѣлать дѣтей хорошими, а не довести ихъ до счастья, которое не въ ея рукахъ, и хорошую мать не остановитъ въ ея работѣ мысль, что ея дѣти будутъ несчастны, лишь бы они были разумными нравственными существами. Добрая мать, хотя и съ рыданіями, посылаетъ взрослого сына на трудный подвигъ, гдѣ его, можетъ быть, встрѣтитъ смерть. Такъ дѣйствовали еще героини древнихъ языческихъ народовъ, и нельзя сказать, замѣчаетъ нашъ мыслитель, что онѣ были неправы. Сами строго исполняя свой нравственный долгъ, онѣ учили тому же и дѣтей. Очевидно, заключаетъ Гротъ, что не цѣль счастья дѣтей составляетъ нравственную сторону практикн любви въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ. Но также и не счастье служить цѣлью нашихъ отношеній къ ближ-

¹⁾ См. Уставъ нравственной жизни и дѣятельности, 13—15 стр.

нимъ, когда мы проявляемъ къ нимъ чувства любви, жалости и состраданія: не ради цѣли счастья, а ради искупленія тяжелой вины и ради нравственнаго возрожденія, мы спасаемъ падшихъ и караемъ преступниковъ;—не ради счастья, а ради умственнаго и нравственнаго совершенства воспитываются и обучаются нами въ школахъ молодые поколѣнія;—не ради счастья, а ради правды и справедливости мы, съ любовью къ людямъ, работаемъ надъ усовершенствованіемъ законовъ и общественнаго склада, надъ улучшеніемъ экономическаго положенія народа и надъ его духовнымъ просвѣщеніемъ. Если всѣми этими поступками попутно и достигается счастье тѣхъ существъ, которыхъ мы любимъ и жальемъ, то не какъ цѣль сама въ себѣ, а какъ возможный, но случайный, т. е. не зависящій отъ насъ, результатъ. Но если такъ, то вполне естественно является вопросъ: какой же общій положительный признакъ и внутренній смыслъ можно найти въ нравственныхъ поступкахъ, внушаемыхъ любовью и состраданіемъ, если они не направлены къ счастью другихъ существъ? Во всѣхъ нихъ, по нашему мыслителю, можно замѣтить одну несомнѣнную черту: они непосредственно и прежде всего клонятся къ сохраненію и спасенію жизни другихъ существъ, независимо отъ вопроса объ ихъ счастьи, причемъ нравственный поступокъ, по общему убѣжденію, становится тѣмъ болѣе нравственнымъ, чѣмъ болѣе ради спасенія и сохраненія чужой жизни—ставится на карту собственная жизнь любящаго и жальющаго. Мать и отецъ постоянно рискуютъ своею жизнью и здоровьемъ ради жизни дѣтей своихъ, врачъ и сидѣлка часто рискуютъ своею жизнью ради жизни больныхъ;—самоотверженные люди, спасающіе ближнихъ своихъ отъ всяческой смерти на сушѣ и на водѣ, охотно жертвуютъ своею жизнью ради жизни тѣхъ ближнихъ. На основаніи такого рода фактовъ нашъ мыслитель считаетъ себя въ правѣ сдѣлать тотъ выводъ, что во всѣхъ, такъ называемыхъ, альтруистическихъ поступкахъ и подвигахъ замѣчается одна эмпирическая цѣль—сохранить, умножить, увеличить жизнь вѣ и вокругъ себя, а въ любви половой и материнской—проявляется инстинктъ созданія и поддержанія жизни возможно болѣе и многой, хотя бы въ

ущербъ и съ умаленіемъ индивидуальной жизни родителей. Въ этомъ—смыслъ родового инстинкта и у людей и у животныхъ: непосредственною задачею каждой личности является созданіе, или поддержаніе, сохраненіе, или спасеніе возможно больше другихъ живней, хотя бы съ пожертвованіемъ своей собственной единичной жизни. Любить, жалѣть, холить, сохранять и спасать отъ смерти все живое—вотъ, по нашему мыслителю, общая формула нашего родового инстинкта ¹⁾. Является вопросъ: какая же психическая сила лежитъ въ основѣ этой міровой любви и какъ назвать ее? Силу эту нашъ мыслитель условливается называть „міровою волею къ жизни“; главные же признаки и проявленія ея онъ указываетъ такіе: первая основная черта міровой воли къ жизни есть наклонность ея къ творческому созиданію и поддержанію жизни внѣ индивидуума. Другая существенная черта ея—это ея враждебность индивидуальной воли къ жизни, эгоизму, самосохраненію. Но инстинктъ самосохраненія индивидуума есть частный случай инстинкта самосохраненія міра, въ насъ заложенаго: эгоизмъ есть низшая форма альтруизма,—это альтруизмъ, или солидарность собранныхъ и скрѣпленныхъ въ нашемъ организмѣ „живыхъ клѣточекъ и ихъ организованныхъ ассоціацій (органовъ)“,—любовь къ себѣ есть частная форма любви къ живому вообще. Но отсюда является новый вопросъ: отчего же наша „міровая воля къ жизни“, какъ источникъ нравственной дѣятельности, враждебна нашему эгоизму, нашей индивидуальной волѣ къ жизни, когда послѣдняя есть лишь частное проявленіе первой? Разсматривая этотъ вопросъ, Гротъ открываетъ новый положительный признакъ „міровой воли къ жизни“, присущей людямъ и въ нихъ дѣйствующей. Воля стремится не только къ творчеству и созиданію жизни, но и къ „безконечному творчеству“—къ безконечной полнотѣ и совершенству своихъ жизненныхъ воплощеній, и потому враждебна всякой ограниченности, всякому окончательному своему закрѣпленію и закрѣпощенію. „Воля міровая“ въ человѣкѣ нравственнымъ сильнѣе „воли индивидуальной“, какъ частнаго своего выраженія, и потому вѣчно борется съ ней и

¹⁾ „Устой нравств. жизни и дѣятельности“, 17 стр.

съ ея проявленіями—чувствомъ самосохраненія и эгоизмомъ. Области проявленія этой воли очень широки: нашъ мыслитель признаетъ эти проявленія не только въ прямомъ созданіи, сохраненіи и спасеніи конкретныхъ жизней отдѣльныхъ существъ, подъ вліяніемъ любви и состраданія, но и во всякомъ творествѣ и созиданіи идейномъ, духовномъ, связанномъ съ затратою силъ личности и съ пожертвованіемъ индивидуальнымъ благомъ, здоровьемъ, и даже жизнью, ради усовершенствованія жизни міровой. Во всякомъ самоотверженномъ служеніи идеямъ: науки, искусства, философіи, религіи, независимо отъ любви къ конкретнымъ существамъ, должно, по нашему мыслителю, видѣть подвигъ нравственный; и во всѣхъ дѣйствіяхъ этого рода, на сколько они нравственны, можно не только замѣтить склонность къ пожертвованію жизнью индивидуальной, но и стремленіе, по возможности, упрочить и расширить, умножить, и даже создать новую жизнь внѣ индивидуума. И ученый, и художникъ, и религіозный проповѣдникъ, и общественный реформаторъ—всѣ они творятъ и спасаютъ жизнь внѣ себя, широко развивая самыя коренныя ея начала. Анализируя далѣе характеръ самаго процесса творчества, нашъ мыслитель находитъ, что главной цѣлью этого творческаго процесса является—созиданіе и поддержаніе жизни высшей на счетъ низшей, жизни духовной на счетъ матеріальной. Къ этому направляется не только творчество религіозное и художественное, но и философское и научное. Религія прямо ставитъ задачу—спасти душу, духовную жизнь человѣка; искусство, воплощая красоту, ведетъ къ подъему въ человѣкѣ лучшихъ его чувствъ и стремленій; философія ищетъ идеала мудрости и внутренней гармоніи личности; наука проповѣдуетъ эволюцію, и, жертвуя животнымъ ради человѣка, ищетъ разъясненія и способовъ укрѣпленія въ послѣднемъ его высшихъ, человѣческихъ свойствъ. Въ общемъ, изъ анализа фактовъ творческой воли, нашъ мыслитель выясняетъ новый положительный признакъ той „міровой творческой воли“, которая въ насъ живетъ и влечетъ насъ къ созиданію міровой жизни въ ущербъ нашей собственной. Это не просто „творческая воля къ жизни“, къ механическому ея умноженію и сохране-

нию, а „неудержимое стремленіе къ созиданію, развитію и увѣковѣченію жизни духовной, высшей психической жизни въ мірѣ“,—это—по опредѣленію нашего мыслителя—стремленіе къ одухотворенію міра, къ духовному его совершенствованію. Но къ этому же направлены и тѣ поступки, которые касаются личной нравственности и влекутся намъ чувствомъ стыда, чести и нравственнаго достоинства. Всѣ задачи личной нравственности, выражающіяся въ такихъ предписаніяхъ—правилахъ, какъ: не лгать, не обманывать, не дѣлать низостей, не предаваться плотскимъ излишествамъ и т. под.,—имѣютъ нравственный смыслъ лишь настолько, насколько направлены къ обереганію, спасенію и развитію въ насъ самихъ нашего лучшаго, духовнаго „Я“,—той самой творческой силы, создающей и улучшающей жизнь въ мірѣ, которая лежитъ и въ основаніи всей нашей общественно-нравственной работы. Ради этого начала своей высшей духовной дѣятельности, люди готовы часто пожертвовать и своею животною индивидуальностью, или умалить и ограничить ея проявленія. И въ этомъ смыслъ истиннаго аскетизма, который и есть именно путь къ широкому развитію творческихъ силъ человѣка, такъ какъ онъ освобождаетъ духовныя силы человѣка отъ гнета и цѣпей матеріальной жизни.

Подводя итоги своему воззрѣнію на устои нравственной жизни, нашъ мыслитель говоритъ, что психологическимъ главнымъ устоемъ нравственной жизни и дѣятельности является въ насъ міровая воля къ жизни духовной, міровой инстинктъ самосохраненія жизни духовной, психической, высшей. Главные положительныя признаки міровой воли, по нашему мыслителю, слѣдующіе: 1) это сила, создающая, оберегающая и спасающая жизнь внѣ индивидуума—въ мірѣ; 2) это сила—враждебная индивидуальной волѣ къ жизни,—эгоизму и животному инстинкту самосохраненія; 3) это—сила, стремящаяся къ безконечной подвотѣ и совершенству своихъ воплощеній, реальныхъ и идеальныхъ; 4) это—сила, направленная преимущественно къ созиданію и совершенствованію духовной идеальной жизни міра. На основаніи этихъ признаковъ воли, Гротъ опредѣляетъ ее, какъ „міровой инстинктъ“ (или „волю духов-

наго самосохраненія и саморазвитія“), заложены въ природу всѣхъ живыхъ существъ, но достигающій полноты самосознанія только въ человѣкѣ и проявляющійся въ его нравственной жизни и дѣятельности. Сообразно природѣ міровой воли, сознательнымъ идеаломъ нравственнаго поведенія должно быть „достиженіе міромъ нравственныхъ существъ—людей—возможно полнаго, всесторонняго и высокаго духовнаго развитія и творчества“, а сознательнымъ критеріемъ нравственной дѣятельности будутъ „чистота, безкорыстіе и самоотверженность работы человѣка для цѣли безконечнаго духовнаго совершенствованія міра“. Таково содержаніе идеи безусловнаго нравственнаго долга. Итакъ, по нашему мыслителю, всѣ главнѣйшіе устои нравственной жизни человѣка находятся внутри его и сводятся къ одному общему принципу—„міровой воли къ жизни высшей, душой, которая есть и міровая любовь, и міровое сознаніе безусловнаго нравственнаго долга. Изъ такого же возрѣнія на нравственную жизнь человѣка естественно слѣдуетъ тотъ выводъ, что личность человѣка не есть только его животно-психическая индивидуальность, а сочетаніе этой послѣдней съ міровымъ духовнымъ началомъ, съ божественною творческою силою, создавшею міръ, и въ этой-то послѣдней находятся корни всей нравственной жизни человѣка.

Въ концѣ своей статьи Гротъ касается вопроса: какова же конечная цѣль всего процесса нравственной работы міровой воли въ отдѣльныхъ существахъ? Можетъ ли этою цѣлью явиться безусловное и вѣчное духовное блаженство одухотворенной вселенной? Нашъ мыслитель допускаетъ возможность такой цѣли, но все же онъ въ послѣднемъ итогѣ своихъ разсужденій находитъ ¹⁾ очевиднымъ, что вопросъ о конечныхъ цѣляхъ нравственной дѣятельности человѣка, совпадая съ вопросомъ о конечныхъ цѣляхъ мірового процесса, можетъ быть разрѣшенъ только гадательно. То или другое рѣшеніе его можетъ быть лишь предметомъ вѣры, или плодомъ поэтической мечты, а не результатомъ строгаго и научнаго анализа. Но нашъ мыслитель находитъ, что мы и не нуждаемся въ немед-

¹⁾ См. 25 стр.

ленною отвѣтъ на этотъ вопросъ. По его убѣжденію, намъ будетъ вполне достаточно, если „научная этика“ подтвердитъ и окончательно докажетъ тотъ фактъ, что психическими устоями нравственной жизни и дѣятельности являются не стремленія къ счастью личному, чужому или общему, а именно, тѣ творческія стремленія духа къ созиданію и развитію высшей психической жизни въ мірѣ, внѣ насъ, которыя проявляются, прежде всего, въ безкорыстной любви къ живымъ существамъ, затѣмъ въ безусловной преданности идеаламъ правды, красоты, добра, чести, и которыя воплощаются, въ концѣ концовъ, въ идеяхъ нравственнаго долга и самопожертвованія. Такимъ образомъ, дилемма: долгъ или счастье?—разрѣшается нашимъ мыслителемъ въ пользу долга. Но давая это разрѣшеніе, Гротъ указываетъ на то, что самый фактъ слѣдованія или не слѣдованія по нравственному пути долга зависитъ отъ нашей свободной воли, которая именно потому и свободна отъ нашей организаціи, что она есть воля міровая, а не индивидуальная, что личность есть не только органическая индивидуальность, но и „сверхъ—индивидуальное, божественное творческое начало“. Слѣдовательно, весь вопросъ въ дѣлѣ избранія пути въ нравственности сводится къ тому: захотятъ ли люди быть нравственными, т. е. свободно повиноваться внутреннему голосу міроваго сознанія, или же нѣтъ. Если захотятъ, то они должны отказаться отъ цѣли счастья и отдаться долгу служенія лучшимъ своимъ чувствамъ, стремленіямъ и идеямъ, жертвуя ближнимъ и всѣми своими индивидуальными силами, и если нужно,—то и жизнью; если же не захотятъ, то они въ самомъ мірѣ, и въ погонѣ за этими вѣчными благами счастья, могутъ найти себѣ осужденіе. Что пріятнѣе изъ этихъ двухъ возможностей, объ этомъ,—говорить ¹⁾ Гротъ—могутъ быть споры, но что лучше объ этомъ, по убѣжденію нашего мыслителя, и спорить неумѣстно.

Изложенную нами статью „объ устояхъ нравственной жизни и дѣятельности“. Гротъ кончаетъ выраженіемъ пожеланія, чтобы въ наше тяжелое и грустное въ нравственномъ отношеніи

¹⁾ Ibid. 26 стр.

время, побольше людей находило въ себѣ задатки высшей міровой воли и нравственнаго призванія, и шло по пути долга и самопожертвованія, отбросивши всякіе помыслы о личномъ счастіи и объ удовлетвореніи желаній своего ненасытнаго „Я“.

Устой нравственной жизни и дѣятельности были послѣднимъ провозведеніемъ Грота по этикѣ; но характеръ возрѣній нашего мыслителя на нравственные вопросы опредѣлялъ собою направленіе его мысли и въ другой области его работы—именно въ социологіи. Сочиненія Грота по социологіи, по своему характеру и направленію, вполне примыкаютъ къ его работамъ по психологіи и этикѣ: ту эволюцію взглядовъ Грота, которую мы видѣли въ работахъ по психологіи и этикѣ, можно наблюдать и въ этюдахъ по социологіи. Перечень работъ Грота по социологіи очень великъ, но всѣ его работы сосредоточиваются преимущественно около вопроса о прогрессѣ. Такъ еще въ 1883 и 84 г. Гротъ даетъ слѣдующія статьи, касающіяся теоріи прогресса: „Опытъ новаго опредѣленія понятія прогресса“ (въ 1883 г.), „Прогрессъ и наука“ и „О субъективизмѣ въ социологіи“ (въ 1884 г.). Послѣднею, завершительною работою Грота по социологіи, была его предсмертная статья: „Критика понятія прогресса“ (В. Фил. и Псих. 1898 г. кн. V (45) 780—805 стр.). Статья эта, представляющая собою (какъ и всѣ другія статьи Грота за 90 годы) рефератъ, читанный имъ въ Моск. Псих. Общ. (12 декабря 1898 г.), является, какъ бы итогомъ ¹⁾ ко всѣмъ предшествующимъ работамъ нашего философа на промежуткѣ цѣлыхъ двухъ десятилѣтій, и потому она представляетъ собою особое значеніе для выясненія характера міровозрѣнія Грота.

Прогрессомъ въ жизни вселенной, по Гроту, является увеличеніе нравственной цѣнности этой жизни, происходящее отъ роста въ ней самосознанія; ростъ же этотъ зависитъ отъ превращенія мировыхъ энергій изъ низшихъ формъ въ высшія чрезъ ихъ экономизацію и накопленіе. Это сложное опредѣленіе понятія прогресса Гротъ разлагаетъ на слѣдующіе простыя элементы: 1) увеличеніе внутренней, нравственной цѣн-

¹⁾ См. объ этомъ у самаго Грота, въ указ. статьѣ, стр. 802.

ности жизни; 2) ростъ сознанія и самосознанія; 3) превращеніе низшихъ формъ энергій въ высшія (психическія); 4) экономизацію энергій (работы) и накопленіе ихъ свободныхъ запасовъ. Всѣ эти элементы понятія прогресса тѣсно связаны между собою и другъ друга предполагаютъ. Увеличеніе нравственной цѣнности жизни возможно лишь вслѣдствіе роста сознанія и самосознанія; ростъ сознанія и самосознанія осуществляется лишь чрезъ превращеніе въ природѣ низшихъ формъ энергій въ высшія; это превращеніе, въ свою очередь, достигается экономизаціей энергій и накопленіемъ ихъ свободныхъ запасовъ. Такимъ образомъ, экономизація энергій въ природѣ, дающая ихъ свободные запасы, есть конечная основа прогресса. Ближайшею его основою является ростъ сознанія и самосознанія, а посредствующимъ звеномъ—превращеніе низшихъ формъ энергій въ природѣ въ высшія. Сущностью же прогресса является увеличеніе нравственной цѣнности на землѣ. Здѣсь имѣется непрерывная цѣпь причинъ и ихъ дѣйствій. Но это какъ бы механическое сцѣпленіе причинъ и дѣйствій ведетъ къ опредѣленной цѣли, которая состоитъ въ увеличеніи нравственной цѣнности жизни на землѣ. Вслѣдствіе этого, если понятіе прогресса опредѣлять со стороны его цѣли, то прогрессомъ будетъ „увеличеніе нравственной цѣнности жизни; если опредѣлять прогрессъ со стороны средствъ, ведущихъ къ нему, то прогрессомъ будетъ, съ психологической стороны,—увеличеніе сознанія и самосознанія на землѣ, а съ физической стороны—превращеніе низшихъ формъ энергій въ высшія; если же опредѣлять прогрессъ со стороны его послѣдней причины и условія, то прогрессомъ можно назвать: „экономизацію энергій въ природѣ и накопленіе ихъ запасовъ“.

Выясняя далѣе частныя стороны въ опредѣленіи прогресса, нашъ философъ подчеркиваетъ то, что данная имъ формула прогресса пытается слить въ одномъ цѣломъ двѣ точки зрѣнія въ опредѣленіи понятія прогресса—объективистическую и субъективистическую; при этомъ Гротъ указываетъ на то, что прежде онъ держался болѣе объективнаго метода въ построеніи понятія прогресса, но затѣмъ, отчасти подъ вліяніемъ критики, отчасти въ силу дальнѣйшаго развитія своихъ соб-

ственныхъ положеній, пришелъ къ необходимости синтеза объективистической и субъективистической точекъ зрѣнія. Первая половина формулы—объективистическая: она обнимаетъ собою тѣ природные физическіе процессы экономизаціи и превращенія энергій природы въ высшія формы, которые составляютъ механическую сторону и условіе всякаго прогресса. Другая же часть выражаетъ субъективные результаты, а потому и цѣли, т. е., телеологическую сторону означенныхъ природныхъ процессовъ, а именно ростъ сознанія и самосознанія и вытекающее отсюда увеличеніе или возвышеніе нравственной цѣнности жизни (785). Опредѣливши общій смыслъ своей формулы прогресса, Гротъ переходитъ далѣе къ болѣе подробному и конкретному ея выясненію. Такъ, онъ, прежде всего, выясняетъ, что онъ разумѣетъ подъ увеличеніемъ нравственной цѣнности жизни на землѣ. Онъ приводитъ здѣсь въ разъясненіе такія мысли: когда на землѣ не было еще людей, а были только животныя различныхъ породъ, весь смыслъ жизни которыхъ сводился лишь къ тому, что они пили, ѣли, размножались и умирали, пожирая другъ друга, то, конечно, нравственная цѣнность жизни на землѣ была меньше, чѣмъ теперь. Даже и потомъ, когда были уже люди, но въ состояніи дикомъ, полуживотномъ, некультурномъ, нравственная цѣнность жизни была весьма ничтожна, сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ. Въ исторіи культуры она росла и продолжаетъ расти съ развитіемъ сознанія и самосознанія въ людяхъ; въ будущемъ же, когда осуществится высокій нравственный идеалъ Канта, чтобы каждый человекъ былъ для другого цѣлью, а не средствомъ, нравственная цѣнность жизни на землѣ неизмѣримо возрастетъ. И вотъ, въ этомъ-то ростѣ нравственной цѣнности жизни и состоитъ прогрессъ. Условіемъ же увеличенія этой нравственной цѣнности жизни и является развитіе сознанія и самосознанія въ людяхъ, такъ какъ нравственная цѣнность жизни есть, прежде всего, сознаніе этой ея нравственной цѣнности; и съ развитіемъ въ человекѣ самосознанія, сознаніе нравственнаго смысла и нравственной цѣны жизни непрерывно растетъ. Третій пунктъ своей формулы прогресса Гротъ выясняетъ въ связи со взглядомъ на возмож-

ность и необходимость превращенія энергій природы изъ низшихъ, физическихъ формъ, въ высшія, психическія. Нашъ мыслитель считаетъ здѣсь необходимымъ напомнить слѣдующія три свои основныя положенія, какъ выводы изъ ученія о законѣ сохраненія энергій.

1) Психическая, сознающая міръ и сама себя сознающая энергія въ природѣ, т. е., сознание въ работѣ, или работа сознанія, является высшею формою энергій и работы въ природѣ.

2) Эта высшая энергія или работа, есть форма низшихъ энергій и видовъ работы въ природѣ, являющаяся результатомъ ихъ накопленія и суммированія, т. е., накопленія ихъ свободныхъ, потенциальныхъ запасовъ въ организмѣ.

3) Психическая энергія, или работа сознанія, подчинена общему закону сохраненія энергій въ той степени, въ какой онъ нуженъ для физическихъ энергій.

Къ этимъ положеніямъ нашъ мыслитель считаетъ здѣсь нужнымъ прибавить то, что онъ не только не признаетъ свою теорію матеріалистической, но, напротивъ, считаетъ ее единственно возможнымъ путемъ къ научному оправданію спиритуализма съ его глубокой вѣрой въ безсмертіе души, т. е., личнаго сознанія. Признавая и здѣсь то, что эта теорія еще нуждается въ экспериментальной провѣркѣ, нашъ мыслитель все таки выражаетъ глубокое убѣжденіе въ вѣрности этой теоріи, хотя и не провѣренной фактами, но, по его выраженію, предвосхищенной логикой. Но если эта теорія можетъ быть признана логически вѣрной, то и третій пунктъ обосновываемой нашимъ мыслителемъ формулы прогресса долженъ быть признанъ оправданнымъ. Но безусловно вѣренъ и послѣдній пунктъ ея—объ экономизаціи энергій, какъ средствъ превращенія ихъ въ высшія. Нашъ философъ указываетъ здѣсь на то, что цѣль всѣхъ человѣческихъ изобрѣтеній и усовершенствованій—одна: побѣдить пространство, время и естественную физическую причинность, съ цѣлью достигнуть покоя, досуга и духовной свободы въ распоряженіи своими силами. Это—аксіома нашего внутренняго опыта и самонаблюденія. Естественный человѣческій идеаль, это—досугъ и свобода въ распоряженіи нашими силами, ради духовной работы созерцанія и

творчества; такимъ образомъ и четвертый пунктъ своей формулы прогресса Гротъ считаетъ вполне обоснованнымъ.

Выяснивъ значеніе всѣхъ элементовъ формулы прогресса, Гротъ проводитъ далѣе ту мысль, что понятіе прогресса для каждаго мыслителя является невольно тѣмъ узломъ, въ которомъ сходятся различныя нити его воззрѣнія. Вслѣдствіе этого, каждая формула прогресса основана на извѣстныхъ предпосылкахъ общаго міросозерцанія даннаго мыслителя. Такія предпосылки указываетъ въ своемъ опредѣленіи понятія прогресса и нашъ мыслитель, именно, онъ указываетъ предпосылки: этическія психическія, логическія, метафизическія, физическія, біологическія и математическія. Всѣ эти предпосылки, вмѣстѣ взятыя, составляютъ, по нашему мыслителю, основныя послышки всего его міросозерцанія, изложенію, развитію и обоснованію котораго онъ посвящалъ всѣ свои труды на протяженіи 21 года (1877—1898 г.).

Указывая на то, что въ изложенной нами его работѣ онъ только резюмировалъ свои основныя тезисы по опредѣленію понятія прогресса, Гротъ, въ концѣ своей статьи, высказываетъ предположеніе продолжать критику понятія прогресса въ цѣломъ рядѣ рефератовъ и статей, для полнаго и всесторонняго выясненія проблемы, такъ какъ вопросъ о прогрессѣ имѣетъ величайшее значеніе, ибо онъ, повторяетъ нашъ мыслитель, есть тотъ узелъ, въ которомъ сходятся всѣ нити философскаго міросозерцанія человѣчества, такъ какъ въ сущности это есть вопросъ о назначеніи и нравственномъ смыслѣ нашей человѣческой и міровой жизни, т. е., самый великій и самый важный для человѣка вопросъ, и потому наиболѣе полное освѣщеніе его имѣло бы глубочайшее значеніе. Но нашему мыслителю не пришлось болѣе поработать ни по этому, ни по другимъ вопросамъ: менѣе, чѣмъ чрезъ полгода послѣ появленія въ свѣтъ изложенной нами статьи о прогрессѣ, Грота уже не стало: онъ скончался въ маѣ 1899 г. на 47 году отъ рожденія, т. е., совсѣмъ еще не старымъ человѣкомъ.

Мы изложили всѣ главныя произведенія Грота и указали ходъ его философскаго развитія. Намъ остается теперь лишь

подвести итоги—представить въ цѣломъ ходъ его философской дѣятельности и выяснить то значеніе, которое имѣлъ этотъ нашъ даровитый, многоталантливый и въ высшей степени трудолюбивый мыслитель.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Намъ предстоитъ, прежде всего, представить въ цѣломъ ходъ философской дѣятельности Грота. Мы видѣли, что Гротъ выступилъ на философское поприще чистымъ позитивистомъ: первыя работы его всецѣло проникнуты догматическо-позитивнымъ духомъ. Такъ, въ „Критическомъ очеркѣ философскихъ этюдовъ Козлова“ онъ смотритъ на философію съ чисто-позитивной точки зрѣнія—отрицаетъ ея существованіе внѣ наукъ психологическихъ и находитъ философію, какъ особую науку, совершенно излишнюю, да и невозможную. Но правотѣрнымъ позитивистомъ Гротъ пробылъ недолго: научныя работы—его диссертациі: магистерская—„Психологія чувствованій“ и докторская: „Бъ вопросу о реформѣ логики“ расширили философскій кругозоръ ихъ автора, и этимъ самымъ свели его съ узкаго тупика позитивизма на болѣе широкій и проходной путь идеалистической философіи. Въ своихъ дальнѣйшихъ работахъ Гротъ, мало по малу, съ ступеньки на ступеньку, поднимался съ низинъ позитивизма на высокую лѣстницу идеализма. Самой высшей ступени этой лѣстницы—вершины ея—онъ достигъ въ 1886 году въ своемъ трактатѣ: „о душѣ“. Съ того времени, въ продолженіе цѣлаго дѣсятилѣтія, Гротъ исповѣдывалъ идеи идеалистической метафизики. Въ духѣ этой метафизики имъ, въ концѣ 80-ыхъ годовъ, и написаны статьи: „О значеніи чувства въ дѣлѣ познанія и дѣятельности человѣка“ и „Что такое метафизика?“ Но въ началѣ 90-ыхъ годовъ Гротъ опять обращается къ спеціальному занятіямъ главною наукою своей университетской каѣдры—психологіею. Спеціальныя занятія психологіею и на этотъ разъ, какъ 10 лѣтъ тому назадъ, сыграли по отношенію къ Гроту аналогичную роль: они, погрузивши нашего мыслителя въ занятія эмпирическимъ матеріаломъ по психологіи, отвлекли его отъ высей идеалистической

метафизики и снова направили на путь эмпиризма. Завершительною работою Грота, на этой стадіи его философскаго міровоззрѣнія, была статья: „Понятія души и психической энергіи въ современной психологіи“. Воззрѣнія Грота въ этой работѣ были таковы, что давали нѣкоторымъ критикамъ поводъ заподозрить его въ скрытомъ матеріализмѣ.

Но самъ Гротъ не признавалъ себя виновнымъ въ измѣнѣ своихъ прежнихъ идеалистическихъ воззрѣній, и въ будущемъ ему предстояло, въ проектированныхъ уже имъ работахъ, защитить себя отъ этихъ упрековъ въ матеріализмѣ, и развитъ начала своего новаго міровоззрѣнія, которое, по нашему мнѣнію, удобнѣе всего было бы назвать научно-идеалистическимъ. Но неумолимая смерть прервала энергичную и плодотворную дѣятельность нашего мыслителя: онъ умеръ, далеко не сказавши своего послѣдняго и рѣшительнаго слова въ теоретической философіи. Но и въ области нравственной философіи мы наблюдаемъ по отношенію къ нему аналогичное явленіе; и здѣсь онъ не сказалъ своего окончательнаго слова. Воззрѣнія Грота въ этикѣ, какъ мы уже говорили при изложеніи его произведеній, касающихся этой области,—стояли въ полной зависимости отъ его теоретическихъ воззрѣній: когда его воззрѣнія въ теоретической философіи были позитивными, тогда и этическія воззрѣнія были позитивными, когда же первыя превращались въ идеалистическія, таковыми становились и послѣднія. Совершенно аналогичное мы можемъ сказать и о социологическихъ воззрѣніяхъ нашего мыслителя. Итакъ мы видимъ, что воззрѣнія Грота—и теоретическія и практическія—не были устойчивыми, и мы никакъ не можемъ сказать, чтобы въ лицѣ Грота русская мысль дала намъ творца какой либо цѣльной философской системы. Нѣтъ, Гротъ не создалъ философской системы и не съ этой стороны мы должны видѣть его значеніе, а совсѣмъ съ другой. Грота мы должны цѣнить, не какъ послѣдовательнаго философа-систематика, а какъ талантливаго работника на философскомъ поприщѣ. Гротъ изучалъ, разрабатывалъ отдѣльныя философскія дисциплины и знакомилъ съ ними русское общество—вотъ въ чемъ, прежде всего, его значеніе. И въ этой области значеніе Грота очень

велико, и заслуги его очень цѣнны. Но что же, въ частности, онъ сдѣлалъ въ этой области? Какъ мы уже видѣли изъ изложенія его произведеній, онъ, кромѣ массы мелкихъ философскихъ работъ, далъ два крупныхъ труда по двумъ важнѣйшимъ философскимъ дисциплинамъ—психологiи и логикѣ. Нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что въ русской философской литературѣ—найдется очень мало работъ, которыя по своему научному достоинству могли бы быть поставлены на ряду съ диссертациями нашего мыслителя, съ его „Психологiей чувствованiй“ и „Къ вопросу о реформѣ логики“. Со времени появленiя въ печати этихъ сочиненiй прошло уже болѣе 2 десятковъ лѣтъ, но нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, что они не потеряли своего научнаго значенiя и въ настоящее время; и въ наши дни, вслѣдiи, занимающiйся специальными работами по психологiи и логикѣ, не можетъ пройти мимо диссертаций Грота: масса научнаго матеріала, оригинальность его освѣщенiя, широта философскаго кругозора, самостоятельность и оригинальность выводовъ,—все это такія положительныя достоинства, которыя надолго сохранятъ за сочиненiями Грота право на вниманiе къ нимъ и ученыхъ изслѣдователей и читающей публики. И это вниманiе тѣмъ болѣе должно быть сильнымъ, что есть всѣ основанiя отнестись къ трудамъ Грота съ полною довѣрчивостью и признанiемъ ихъ научной объективности, такъ какъ трудно найти въ исторiи русской философи другого мыслителя, болѣе объективнаго въ изложенiи чужихъ воззрѣнiй и менѣе догматичнаго въ своихъ выводахъ, чѣмъ Н. Я. Гротъ. Ни о какомъ другомъ мыслителѣ мы не можемъ сказать, чтобы онъ былъ такимъ объективнымъ и строгимъ критикомъ своихъ собственныхъ произведенiй, какимыъ былъ Гротъ. Изучая сочиненiя Грота, мы видимъ, что онъ въ своихъ послѣдующихъ работахъ, подвергалъ критикѣ свои выводы и воззрѣнiя, высказанныя въ предшествующихъ трудахъ. И мы можемъ сказать, что эта критика настолько была объективна и значительна, что давала полное освѣщенiе извѣстныхъ положенiй, сперва выставленныхъ Гротомъ, а затѣмъ имъ же самимъ подвергнутыхъ строгому разбору. И въ этомъ фактѣ, что воззрѣнiя Грота, имъ же самимъ, когда онъ вступалъ въ новую фазу философ-

скаго міровоззрѣнія, подвергались сильнѣйшей критикѣ, и ле-
 жить основаніе того, что для обрисовки міровоззрѣнія Грота
 и уясненія состоятельности его положеній и выводовъ, нѣтъ
 нужды приводить о немъ и его произведеніяхъ критическую
 литературу, ¹⁾ ибо, повторяемъ, критика его произведеній и
 выясненіе состоятельности его воззрѣній—заключается въ его
 же собственныхъ трудахъ: послѣдующіе изъ нихъ дають раз-
 боръ, а часто и опроверженіе—предыдущихъ,—воззрѣнія, вы-
 сказанныя въ позднѣйшихъ, уясняютъ состоятельность или
 несостоятельность взглядовъ, высказанныхъ въ раннѣйшихъ.
 Итакъ, объективность содержанія и изложенія трудовъ Грота
 и ихъ научная компетентность—вотъ первыя основанія для
 признанія за работами Грота глубокаго и серьезнаго значенія.
 Но труды Грота, и помимо ихъ научной компетентности, имѣ-
 ютъ, какъ мы это отчасти уже указывали во введеніи къ на-
 шей работѣ, характерное значеніе и съ другихъ сторонъ: они
 служатъ живыми иллюстраціями нѣкоторыхъ свойствъ, общихъ
 всей русской философской мысли, а также и нѣкоторыхъ тен-
 денцій, свойственныхъ большинству проявленій этой мысли.
 Именно, они служатъ иллюстраціями, съ одной стороны, край-
 ней неустойчивости русской мысли, ея постоянного „скиталь-
 чества“,—а съ другой стороны—ея горячаго стремленія во
 что бы то ни стало добиться истины въ рѣшеніи вопроса.
 Но помимо этого, мы можемъ въ произведеніяхъ Грота под-
 мѣтить еще одну, типичную для большинства русскихъ фило-

¹⁾ Мы уважемъ здѣсь лишь имена тѣхъ писателей, которые болѣе всего пи-
 сали о Гротѣ. О немъ болѣе всего писали: Козловъ (см. его „критическіе этюды
 о Психологіи Чувствъ“ и о книгѣ „Къ вопросу о реформѣ логики“); пр. Никаворъ,
 давшій этюдъ „о направленіи и значеніи философіи Грота“, Э. Радловъ, подпери-
 шій въ статьѣ: „О направленіяхъ въ психологію“ (Ж. М. Н. П. 1885, 3) разбору
 книгу „Къ вопросу о реформѣ Логики“; Лесевичъ, разбравшій то же сочиненіе
 Грота (Дѣло, 1883, 8—9), а также и статью Грота „Философія, какъ вѣтъ иску-
 ства“ (Дѣло 1883, 11). Оболенскій, Слонимскій и др.. Изъ посмертныхъ статей,
 выясняющихъ въ цѣломъ значеніе философской дѣятельности Грота, наиболее
 значительныя принадлежатъ: П. Соколову: „Н. Я. Гротъ, какъ мыслитель“, В.
 Ивановскому: „Очеркъ жизни и дѣятельности Грота“ и Ю. Айхенвальду: „Очеркъ
 этическихъ воззрѣній Грота“. Въ 3 послѣднія статьи находятся въ посвященной
 памяти Грота 56-й (901, I) книгѣ „Вопр. Фил. и Психол.“. Кроме того, П. Соко-
 лову принадлежитъ еще другая статья о Гротѣ, подъ заглавіемъ:.. Философскій
 скиталецъ“—въ „Вѣстникѣ“ за 1899 годъ.

софскихъ сочиненій, тенденцію, именно тенденцію ставить и рѣшать проблемы преимущественно этическія. Мы видѣли, какъ Гротъ много интересовался этическимъ вопросомъ, и какъ онъ даже въ теоретическіе вопросы вносилъ этическую окраску. Итакъ, своею тенденціею къ постановкѣ и рѣшенію проблемъ, преимущественно этическихъ, Гротъ представлялъ живую иллюстрацію къ общеизвѣстной тенденціи русской философіи—интересоваться, болѣе всего, вопросами нравственными, ставить и рѣшать проблемы, преимущественно этическія.

До сихъ поръ мы указывали значеніе Грота со стороны его философскихъ трудовъ. Но значеніе Грота одними его философскими трудами не ограничивается: онъ былъ не только писателемъ по философскимъ наукамъ, но и организаторомъ перваго русскаго философскаго (Московскаго Психологическаго) общества. Заслуги его въ этомъ дѣлѣ, какъ мы объ этомъ уже упоминали во введеніи, не только велики, но и прямо исключительны. Итакъ, вотъ съ какихъ сторонъ и въ какихъ отношеніяхъ мы видимъ значеніе философской дѣятельности Грота. Соединяя теперь въ одно цѣлое все, сказанное выше, мы, для болѣе рельефнаго представленія, приведемъ, въ видѣ отдѣльныхъ краткихъ тезисовъ, тѣ данныя, которыми, по нашему мнѣнію, опредѣляется значеніе Грота въ исторіи русской философской мысли.

I. Значеніе Грота, прежде всего и болѣе всего, опредѣляется его заслугами, какъ главнаго дѣятеля по разработкѣ частныхъ философскихъ дисциплинъ.

II. Своими трудами Гротъ отвѣтилъ на вопросъ: что нужно дѣлать русской философіи, чтобы развитіе ея было велико и плодотворно. Характеромъ своихъ произведеній Гротъ показывалъ, что нужно прежде всего обрабатывать частныя философскія дисциплины, знакомить русское общество съ состояніемъ этихъ дисциплинъ въ Западной Европѣ, и затѣмъ, если хватить научной компетенціи, двигать впередъ ихъ разработку.

III. Своєю административною дѣятельностью, какъ председатель перваго русскаго философскаго (Моск. Психологическаго) общества, Гротъ удовлетворилъ назрѣвшимъ запросамъ

русской философіи: объединить научныя силы, направить ихъ на разработку философскихъ вопросовъ, и основать первый въ Россіи специально философскій журналъ, какъ органъ лучшихъ произведеній русской философской мысли.

IV. Научнымъ характеромъ своихъ трудовъ, всегда стоявшихъ на высотѣ требованій Западно-европейской философіи, интересомъ темъ, равносторонностью ихъ освѣщенія и глубокой искренностью въ исканіи рѣшенія философскихъ проблемъ, Гротъ представилъ русскому обществу достойный образецъ глубоко серьезнаго работника на философской почвѣ.

V. Своею тенденціею отдавать предпочтеніе разработкѣ вопросовъ этического характера, Гротъ представилъ собою живую иллюстрацію къ общезвѣстной тенденціи русскаго ума—оказывать склонность къ постановкѣ и рѣшенію проблемъ, преимущественно этическихъ.

VI. вмѣстѣ съ тѣмъ, своими постоянными колебаніями между различными философскими направленіями, своими легкими переходами отъ одной системы къ другой, отъ одного руководителя къ другому, Гротъ представлялъ собою тоже живую иллюстрацію и къ общезвѣстному недугу русской мысли—ея неимѣнію „своихъ“ основъ и отсюда—постоянному шатанію и колебанію въ выборѣ Западно-европейскихъ руководствъ—ея вѣчному „скитальчеству“.

VII. Одновременно съ предшествующею чертою, своимъ горячимъ стремленіемъ къ истинѣ,—своимъ глубокимъ желаніемъ добиться въ каждомъ вопросѣ истины, добиться окончательнаго (по крайней мѣрѣ, для данной минуты) рѣшенія проблемы, однимъ словомъ, своею безусловною искренностью, и серьезностью, и настойчивостью въ исканіи истины, Гротъ представилъ намъ иллюстрацію и лучшихъ чертъ русскаго ума, тѣхъ чертъ, которыя могутъ служить залогомъ для самыхъ широкихъ надеждъ на глубокое и всестороннее развитіе русской философской мысли.

Подводя теперъ итоги выясненію значенія Грота, мы имѣемъ возможность сдѣлать тотъ выводъ, что это значеніе очень и очень велико и серьезно; и мы въ правѣ сказать, что имя Николая Яковлевича Грота должно быть поставлено въ ряду са-

ныхъ серьезныхъ, талантливыхъ и честныхъ русскихъ мыслителей. Мы можемъ теперь, давая общую и заключительную характеристику значенія Грота, сказать здѣсь то, что мы уже говорили во введеніи къ нашей работѣ, опредѣляя значеніе Грота, какъ организатора Психологическаго Общества: нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что будущій историкъ русской философіи помянетъ добрымъ словомъ горячую дѣятельность главнаго организатора перваго русскаго философскаго общества. Мы можемъ добавить теперь, что нѣтъ основаній сомнѣваться и въ томъ, что будущій историкъ русской философіи помянетъ добрымъ словомъ не только организаторскую дѣятельность Грота, но и вообще всю его многолѣтнюю плодотворную философскую работу: труды Грота не могли бы пройти незамѣченными и въ Западно-европейской философіи, — для нашей же русской философіи, они, со многихъ своихъ сторонъ, положительно могутъ считаться богатствомъ и украшеніемъ.

Александръ Никольскій

„Теодицея“ Лейбница, рассматриваемая въ связи съ его метафизическимъ ученіемъ.

(Окончаніе *).

ГЛАВА III-я.

КРИТИКА ТЕОДИЦЕИ.

Отдѣлъ 1-й: Критика ея съ точки зрѣнія 1) метафизики Лейбница и 2) здраваго смысла.

Въ какомъ отношеніи стоитъ Теодицея Лейбница къ принципамъ его системы, къ его монадологіи?—вотъ самый главный и существенный вопросъ, при оцѣнкѣ рассматриваемаго сочиненія, рѣшеніе котораго тѣмъ болѣе необходимо, что отзывы на него въ философской литературѣ даются не только разнорѣчивые, но часто и діаметрально противоположные ¹⁾, а между тѣмъ отъ такого или иного рѣшенія этого вопроса зависятъ правильный или ложный взглядъ на достоинство самой Теодицеи.

При сравненіи монадологіи съ Теодицеей насъ съ перваго раза поражаетъ кажущееся разногласіе между ними, преимущественно въ понятіи о Богѣ и Его отношеніи къ міру. Богъ, съ точки зрѣнія монадологіи Лейбница, есть высочайшая монада, которой завершается постепенное царство вещей и вы-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1903 г. № 23.

¹⁾ Сравни: Feuerbach — Darstellung, Entwicklung und Kritik der Leibniz. Philos. Kuno Fischer—Geschichte der neuern Philos. Pfaff и Leclerc — Leibnitii opera изд. Erdm. Prefacio XXV p.

полняется міровая гармонія. Какъ высочайшая монада, монада монадамъ, Богъ неизмѣримо возвышается надъ всякой другой монадой; но оставаясь всетаки монадой, Онъ долженъ имѣть и всѣ существенные признаки таковой.

При изложеніи метафизическаго ученія Лейбница мы уже говорили о свойствахъ монадъ: каждая монада есть существо автономное, т. е., дѣйствія котораго истекаютъ исключительно изъ него самого, безъ всякаго воздѣйствія и содѣйствія другихъ существъ, такъ какъ монады, по образному выраженію Лейбница, не имѣютъ оконъ, черезъ которыя что нибудь могло бы входить въ монаду или выходить изъ нея; каждая изъ нихъ есть сила постоянно дѣйствующая и представляющая, которая постоянно развивается и постоянно стремится къ переходу изъ одного состоянія къ другому. Какъ монада, хотя и высшая, но всетаки монада, и Богъ долженъ быть разсматриваемъ съ точки зрѣнія монадологій Лейбница во первыхъ, какъ сила всегда дѣйствующая только изъ себя и во вторыхъ, какъ сила представляющая. Но какъ въ простыхъ монадахъ дѣйствовать значитъ представлять, такъ и въ Богѣ представлять—значитъ дѣйствовать—творить; а такъ какъ Онъ не можетъ не представлять, то Онъ не можетъ и не творить. Твореніе, такимъ образомъ, изъ акта свободнаго превращается въ необходимое слѣдствіе активности высочайшей монады. Понятіе о Богѣ, какъ высочайшей монадѣ, логически доведенное до конца, ведетъ къ пантеистическому взгляду на міръ, какъ необходимому проявленію единой абсолютной субстанціи. Во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій Лейбницъ очень ясно обнаруживаетъ свои пантеистическія тенденціи, когда называетъ вещи лучами, фульгураціями Божества, или когда для обозначенія идеи творенія употребляетъ прямо пантеистическій терминъ „эманация“. Такъ въ письмѣ къ Бэйлю ¹⁾, говоря о внутренней силѣ самодѣятельности, присущей каждой монадѣ, изъ которой въ законѣрной послѣдовательности происходятъ явленія и которая сохраняется въ ней Создателемъ вещей, онъ замѣчаетъ, что всѣ дѣйствительныя вещи истекаютъ (*émanent*)

1) Lettre à Mr Bayle. 1702. 191 p.

отъ Бога посредствомъ нѣкотораго рода непрерывнаго творенія; или въ другомъ своемъ сочиненіи онъ пишетъ: „сотворенныя субстанціи зависятъ отъ Бога, Который ихъ сохраняетъ и даже непрерывно производитъ путемъ нѣкотораго рода *эманации* (par une manière d'émanation), подобно тому, какъ мы производимъ наши мысли“¹⁾. Въ томъ и другомъ выраженіи: „эманация“ „фульгурація“ не слышится ли пантеистическая нотка? и фульгураціи Лейбница не напоминаютъ ли намъ модусы Спинозы.

Правда, Лейбницъ считалъ себя противникомъ всякаго пантеизма и свою философію всегда противопоставлялъ ученію Спинозы, которое онъ принималъ за основную формулу всѣхъ пантеистическихъ ученій, но никогда не нужно опускать изъ виду, что часто бываетъ громадная разница между убѣжденіями извѣстнаго мыслителя и логическими выводами его системы, и какъ бы ни смотрѣлъ Лейбницъ на пантеизмъ, какъ бы ни возставалъ противъ него, всетаки остается несомнѣннымъ, что его монадологія въ своихъ послѣднихъ выводахъ носить пантеистическій характеръ, такъ какъ превращаетъ твореніе міра—свободный актъ Божественнаго всемогущества—въ невольную эманацию Божества и этимъ уничтожаетъ въ Богѣ нравственное самоопредѣленіе.

Богъ монадологіи, какъ монада, находится въ сродствѣ со всѣми другими монадами, и есть необходимое звено въ ряду ихъ. Богъ Теодицеи—есть Существо высочайшее, не матеріальное и абсолютно совершенное, которое не входитъ въ цѣль конечныхъ существъ, находится внѣ естественной связи съ міромъ и стоитъ выше его. Твореніе же міра есть совершенно свободный актъ Божественнаго всемогущества, а не Его невольное произведеніе или эманация.

Такъ велико, повидимому, различіе монадологіи и Теодицеи во взглядахъ на Верховное Начало и міръ, какъ Его произведеніе, но это только повидимому: Лейбницъ имѣлъ благочестивое намѣреніе представить въ своей Теодицѣ міръ совершенно свободнымъ произведеніемъ, но не выполнилъ своего

¹⁾ Grotfend—Briefwechsel zwischen Leibnitz, Arnauld und dem Landgrafen 167 S.

намѣренія и изобразилъ его такимъ же, какимъ изображаетъ его въ своей монадологіи. Въ этомъ мы сейчасъ же убѣдимся, если только поглубже вдумаемся въ ученіе Лейбница о твореніи. По Теодицеѣ Богъ свободно избираетъ и творитъ міръ, но въ то-же время изъ всѣхъ возможныхъ міровъ воля Божественная приводитъ въ бытіе только одинъ опредѣленный міръ. Гдѣ же основаніе для выбора этого, а не иного міра?

Такимъ основаніемъ Лейбницъ считаетъ сравнительное превосходство этого міра предъ всѣми другими возможными мірами: Божественная воля изъ всѣхъ идеальныхъ возможностей, или изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, избираетъ наилучшій съ точки зрѣнія Божественнаго разума. Принципъ наилучшаго, которымъ воля Божественная руководствуется при избраніи и твореніи міра, есть необходимый законъ для нея, въ силу котораго она не можетъ поступать иначе, т. е., не можетъ не избирать наилучшаго и въ этомъ смыслѣ бытіе существующаго міра, какъ наилучшаго изъ возможныхъ, необходимо. Правда, Лейбницъ строго различаетъ необходимость метафизическую, необходимость въ собственномъ смыслѣ, отъ необходимости нравственной, которая опредѣляетъ волю, не нарушая ея свободы, такъ какъ противоположное этой необходимости не заключаетъ въ себѣ противорѣчія и этимъ хочетъ спасти свободу въ Богѣ, подчиняя ее только этой послѣдней необходимости, но этимъ не помогаетъ дѣлу, такъ какъ онъ, самъ не замѣчая, сводитъ въ заключеніи нравственную необходимость къ метафизической же необходимости, къ абсолютно неизмѣннымъ законамъ, которые исключаютъ всякую свободу и всякій свободный выборъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя Богъ свободно, по своей волѣ, осуществляетъ тѣ возможности, которыя отъ вѣчности заключались въ Его разумѣ, этой „идеальной странѣ всѣхъ возможностей, но основанія, по которымъ осуществляются однѣ, а не другія изъ этихъ возможностей, опредѣляются законами, совершенно необходимыми и независимыми отъ воли Божественной. Въ понятіи наилучшаго, которымъ руководствуется Божественная воля, мыслится нѣкоторая соотнесенность, или соразмѣрность вещей, сравнительное ихъ достоинство; а эта соотнесенность въ свою очередь имѣетъ свои причины и

основанія, обусловливаемая Божественнымъ разумомъ и какъ такія, совершенно неизмѣнныя и необходимыя, такъ какъ разумъ Божественный можетъ мыслить только такъ, какъ онъ мыслить, а не иначе, необходимо долженъ представлять вещи такъ, какъ требуютъ этого ихъ понятія, т. е., и онъ подчиненъ той необходимости, которую Лейбницъ называетъ логической или метафизической необходимостью. Затѣмъ—такъ какъ всякій изъ возможныхъ міровъ менѣе совершенъ, чѣмъ существующій, который, по Лейбницу, есть наилучшій изъ возможныхъ. то кромѣ дѣйствительнаго міра другіе міры и не возможны, а слѣдовательно существующій міръ одинъ только и возможенъ. Для Бога нѣтъ выбора между многими возможными мірами. Онъ даетъ бытіе только одному міру, единственно возможному и въ этомъ смыслѣ необходимому.

Такимъ образомъ, кажущіяся противорѣчія между монадологіей и Теодицеей исчезаютъ. При внимательномъ сличеніи ихъ обнаруживается глубокое единство и тождество ихъ взглядовъ. Что же касается тѣхъ противорѣчій, на которыя мы указывали, то они произошли не отъ того, что будто Теодицея противорѣчитъ принципамъ общей системы Лейбница, а отъ того, что Лейбницъ внесъ противорѣчіе въ самое понятіе о Богѣ. Въ понятіе каждой монады Лейбница необходимо входитъ вещественность и ограниченность, а между тѣмъ Богъ, по Лейбницу, это *monas monadum*, есть Существо не матеріальное и безграничное. Понятіе о Богѣ, какъ безграничномъ и внѣмірномъ Существомъ и понятіе о монадѣ, включающее въ себя принципъ границы и вещества, не мирятся другъ съ другомъ и не могутъ быть объединены въ одномъ понятіи, такъ что вина въ указанномъ противорѣчій должна быть отнесена на счетъ всей системы Лейбница, а не на счетъ одной его Теодицеи, съ которой долженъ быть снятъ упрекъ, что она есть излишняя приставка, искусственно и слабо связанная со всей системой Лейбница.

Показавъ тѣсную связь Теодицеи со всей системой Лейбница, перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ достигнутыхъ ею результатовъ. Начнемъ съ предисловія къ Теодицее, посвященнаго вопросу объ отношеніи вѣры къ разуму.

Основной тезисъ Лейбница въ вопросѣ объ отношеніи вѣры къ разуму тотъ, что истины вѣры, собственно нѣкоторыя изъ нихъ, т. е. тайны,—превышаютъ нашъ разумъ, но не противорѣчаютъ ему, потому что не заключаютъ въ себѣ логическаго противорѣчія.

Бэйль сильно возстаетъ противъ дѣлаемаго Лейбницемъ разграниченія сверхразумнаго отъ противоразумнаго. „Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что проскользнуло двусмысліе въ это пресловутое различіе. Обыкновенно говорятъ, что тайнства Евангелія возвышаются надъ разумомъ, но не противорѣчаютъ ему. Я же полагаю, что въ этомъ случаѣ даютъ не одно и то же значеніе слову: „разумъ“ въ первой и во второй части этого положенія, тогда какъ въ первой части разумѣютъ разумъ человѣческой или разумъ *in concreto*, во второй—разумъ вообще, или разумъ *in abstracto*. Если предположить, что въ обѣихъ случаяхъ имѣется въ виду разумъ вообще, или разумъ верховный, всеобщій, существующій въ Богѣ, тогда одинаково вѣрно, что тайнства евангельскія и не возвышаются надъ разумомъ и не противорѣчаютъ ему. Если же въ той и другой части положенія имѣть въ виду разумъ человѣческой, то я не вижу большой основательности этого различія, потому что самыя правомыслящія богословы утверждаютъ, что тайнства не согласны съ положеніями философіи. А то, что кажется намъ несогласнымъ съ истинокъ, то противорѣчитъ ей¹⁾. Но если смотрѣть, подобно Лейбницу, на разумъ, какъ на связь истинъ, извѣстныхъ намъ „посредствомъ естественнаго свѣта“, т. е., до которыхъ мы доходимъ естественнымъ способомъ, то принятое Лейбницемъ положеніе не будетъ заключать въ себѣ ничего противорѣчиваго и несообразнаго. Тайны вѣры, дѣйствительно только превышаютъ нашъ разумъ, потому что онѣ заключаютъ въ себѣ истины, не содержащіяся въ той связи истинъ, которая мы постигаемъ естественнымъ способомъ, но и не противорѣчащія ей. Здѣсь идетъ рѣчь не о разумѣ вообще, а о нашемъ человѣческомъ разумѣ, разумѣ *in concreto*, какъ выражается Бэйль. То, что особенно смущало Бэйля въ

¹⁾ Theodicée § 63. 496 p.

тайнствахъ, такъ это ихъ непостижимость и малая ихъ вѣроятность. Но то и другое нисколько не говоритъ объ ихъ противоразумности. Намъ не понятны многія чувственныя качества предметовъ, напр. природа запаха и вкуса, однакоже мы убѣждены, что эти чувственныя качества вовсе не иллюзія и имѣютъ реальное основаніе. ¹⁾ То же нужно сказать и относительно малой вѣроятности тайнъ. Въ жизни людей бываютъ почти невѣроятные случаи и если они кажутся неправдоподобными и невозможными, то это еще не значитъ, что ихъ на самомъ дѣлѣ и не было. Кромѣ того тайны, если и непостижимы, то во всякомъ случаѣ не настолько, чтобы можно было сказать, что ихъ совершенно не понимаютъ и непредубѣжденные умы всегда найдутъ объясненіе достаточное для того, чтобы вѣрить въ нихъ.

Но не противорѣчитъ-ли Лейбницъ себѣ, признавая христіанское ученіе о троичности Лицъ и воплощеніи Сына Божія? Не нарушаютъ-ли эти догматы математическіе законы, метафизически необходимые и, какъ такіе, не должны-ли они, съ точки зрѣнія самого Лейбница, быть признаны противорѣчащими разуму, такъ какъ по одному изъ нихъ—три Лица составляютъ единое Существо, а по другому—безконечное вмѣщается въ конечномъ и два естества составляютъ одно лице? Кирхманъ, комментаторъ Теодицеи, выражаетъ удивленіе, какимъ образомъ Лейбницъ, вопреки установленному имъ разграниченію необходимостей, могъ утверждать, что эти тайны не противорѣчатъ „ни какой естественной истинѣ, или истинѣ человѣческаго разума“ ²⁾. Но здѣсь нѣтъ противорѣчія въ полномъ смыслѣ, потому что Богъ единъ по существу, а троиченъ въ Лицахъ (а не по существу); равно какъ и въ Иисусѣ Христѣ два естества и одно Лице (а не естество)—это во первыхъ; во вторыхъ, тайны нашей вѣры принадлежатъ къ иному порядку вещей, къ которому не приложимы законы нашего физическаго міра, такъ что Лейбницъ совершенно правъ, когда называетъ ихъ сверхразумными, а не противоразумными.

И такъ, Лейбницъ и съ своей точки зрѣнія, и вообще—

¹⁾ Theodicée § 41. 491 p.

²⁾ Kirchman—Erläuterung zur Theodicée 38 S.

правъ, утверждая, что тайны возвышаются надъ разумомъ, но не противорѣчатъ ему. Что же касается тѣхъ доказательствъ, которыми у него обставлено это положеніе, то ихъ нельзя оставить безъ возраженій. ВѢра и разумъ, говоритъ Лейбницъ, какъ двѣ истины, не могутъ противорѣчить другъ другу. Дѣйствительно двѣ истины не могутъ противорѣчить другъ другу. Но почему и вѢру, и разумъ Лейбницъ считаетъ истинами, т. е., положеніями несомнѣнными? потому что они происходятъ отъ Бога? Но это еще требуетъ раціональныхъ доказательствъ, которыхъ нѣтъ у Лейбница и пока эти доказательства не будутъ представлены, всѣ предшествующія умозаключенія будутъ представлять изъ себя зданіе, построенное на пескѣ. Кромѣ того Лейбницъ забываетъ о глубокомъ поврежденіи разума человѣческаго послѣ грѣхопаденія первыхъ людей. Если имѣть въ виду разумъ идеальный, какимъ владѣлъ человѣкъ до паденія, то положеніе Лейбница, что христіанскіе догматы согласны съ разумомъ—совершенно вѣрно, но едва ли будетъ справедливо утверждать, что они согласны и съ тою частью разума, которая осталась послѣ поврежденія его и которою человѣкъ пользуется для сужденія о предметахъ. Разумъ человѣческій до того помрачился послѣ грѣхопаденія, что и „къ тому, что есть самаго яснаго въ природѣ, относится, какъ глаза ночной птицы къ дневному свѣту“¹⁾. Что же касается истинъ вѢры, то онѣ, особенно нѣкоторыя изъ нихъ, часто кажутся не только не понятными для разума человѣческаго въ его настоящемъ положеніи, но даже и противорѣчащими ему. Впрочемъ эти кажущіяся противорѣчія между вѢрою и разумомъ не даютъ намъ права видѣть между ними дѣйствительное противорѣчіе и нисколько не колеблютъ истинности основного тезиса Лейбница въ этомъ вопросѣ.

То различіе, какое устанавливаетъ Лейбницъ между сверхразумнымъ и противоразумнымъ имѣетъ у него тѣсную связь съ его ученіемъ о различнаго рода необходимостяхъ. Лейбницъ, какъ извѣстно, различаетъ двоякаго рода истины: 1) вѣчныя или метафизическія и 2) фактическія. Къ первымъ относятся

¹⁾ Геттингеръ—Апологія христіанства ч. 1, отд. 2, 18 стр.

истины математическія и логическія, абсолютно, метафизически необходимы; другого рода истины суть законы, данные Богомъ природѣ. Природа этихъ законовъ не заключаетъ въ себѣ логической необходимости, что „даетъ возможность Богу препо-бъждать ихъ чудомъ, по требованію болѣе важныхъ причинъ высшаго порядка, чѣмъ тѣ основанія добра и порядка, которыя привели Бога къ избранію этихъ законовъ“.

На этомъ основаніи Лейбницъ допускаетъ возможность чудесъ, которыя онъ считаетъ лишь сверхъразумными, а не противоразумными.

Но вся его система противится вторженію всего сверхъестественнаго въ стройный, гармоническій порядокъ міровой жизни, какъ его изобразилъ Лейбницъ. По его ученію, каждый фактъ природы стоитъ въ самой тѣсной связи съ общей міровой гармоніей, такъ что измѣненіе одного закона природы нарушаетъ всю систему этихъ законовъ. Правда, эти законы, по Лейбницу, не абсолютно необходимы, но всетаки тѣ основанія добра и порядка, которыя привели Бога къ избранію этихъ законовъ дѣлаютъ ихъ нравственно необходимыми и если Богъ и могъ вообще совершить какое нибудь чудо, не противорѣча логическимъ или математическимъ законамъ, т. е., метафизической необходимости, то Онъ не долженъ былъ этого сдѣлать по нравственнымъ основаніямъ. Разумѣется—съ точки зрѣнія самого же Лейбница. Мало того, можно сказать даже, что, съ его точки зрѣнія, чудо даже абсолютно, метафизически невозможно, хотя Лейбницъ и старается доказать противное. „Если кто претерпѣваетъ чудесное дѣйствіе, говоритъ Куно-Фишеръ, то это значить, что его существо измѣняется чужимъ произволомъ, для чужихъ цѣлей, а слѣдовательно теряетъ свою естественную автономію и своеобразие. Въ силу чуда монада, которой оно коснулось, превращается въ иное существо, чѣмъ какимъ она была отъ природы. А это, по ученію самого же Лейбница, невозможно. Это противорѣчитъ положенію $A=A$, верховному принципу всѣхъ раціональныхъ истинъ“¹⁾. Такимъ образомъ то примѣненіе, какое сдѣлалъ Лейбницъ изъ

¹⁾ Kuno-Fischer.—Geschichte... II, 681. S.

своего различія сверхразумнаго отъ противоразумнаго въ отношеніи къ чудесамъ противорѣчить основнымъ принципамъ его метафизики.

Разборъ самой Теодицеи мы начнемъ съ разсмотрѣнія вопроса о злѣ, главной и существенной части ея и отъ него, какъ отъ центра перейдемъ уже къ другимъ вопросамъ Теодицеи, такъ связать къ периферіямъ его. Возвратъ Лейбница на зло мы изложили выше. Главный ихъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ смѣшивается идея ограниченности тварей съ идеею зла и несправедливо послѣднее подставляется на мѣсто первой. Если бы несовершенство само по себѣ было причиною зла или самимъ зломъ, то чѣмъ совершеннѣе было бы то или другое существо, тѣмъ болѣе оно должно было бы проявлять добра, но на самомъ дѣлѣ, какъ каждому извѣстно, такого соответствія между степенью совершенства тѣхъ или другихъ существъ и степенью проявленія въ нихъ добра—нѣтъ. Многоодаренныя натуры часто глубоко падаютъ, а люди ограниченные достигаютъ высокаго нравственнаго совершенства. Каждое существо считается добрымъ или злымъ не потому, что оно болѣе или менѣе совершенно, но потому—отвѣчаетъ или не отвѣчаетъ оно своему назначенію. Неразвившіяся силы ребенка ставятъ его ниже взрослога человѣка, но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что дитя дурно само по себѣ, а взрослый есть олицетвореніе добра.

Зло, говоритъ Лейбницъ, не есть противоположность добра, а только недостатокъ или меньшая степень его. Но такой взглядъ на зло есть въ сущности отрицаніе самого зла, реальность котораго Лейбницъ всетаки признаетъ, и приводитъ къ весьма страннымъ выводамъ. Изъ положенія, что зло есть меньшая степень блага прямо слѣдуетъ, говоритъ Гартманъ ¹⁾, что „я соединеніе зла α съ благомъ A долженъ былъ бы предпочесть одному послѣднему, такъ какъ зло α далеко не есть абсолютное зло, т. е., нуль блага, а только меньшая степень блага, слѣдовательно на эту степень оно еще увеличиваетъ степень, заключающуюся въ A . По этой теоріи было

¹⁾ Гартманъ. Философія безсознательнаго ч. II 244—5 стр.

бы вержомъ безумія отказываться отъ блага для того, чтобы избѣжать большаго зла; и человѣка, который бы претерпѣвалъ въ одно и то же время всевозможныя тѣлесныя и душевныя муки въ самой высшей мѣрѣ, нужно было бы считать счастливымъ, сравнительно съ безчувственнымъ состояніемъ хлороформированнаго, не говоря уже о тѣломъ снѣ смерти“. Если бы зло дѣйствительно представляло только меньшую степень добра, или недостатокъ его, то между святостью и грѣховностью было бы только количественное различіе, иначе говоря — святымъ назывался бы болѣе добрый, а грѣшнымъ — менѣе добрый. Грѣхи не уменьшали бы степени достоинства добродѣтельныхъ лицъ, а лишь увеличивали бы ихъ, такъ какъ извѣстное доброе дѣло плюсъ извѣстное зло (меньшая степень добра) въ суммѣ должны дать большее благо сравнительно съ первымъ изъ этихъ слагаемыхъ. Нѣтъ, зло не недостатокъ только и не меньшая степень добра, а нѣчто совершенно противоположное ему, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ наша совесть, голоса которой не можетъ заглушить никакая философія, какъ бы она ни обѣляла зло, представляя его необходимой формой всеобщей ограниченности и необходимымъ условіемъ наилучшаго порядка вещей. Да и самъ Лейбницъ, когда утверждаетъ, что добра больше, чѣмъ зла, этимъ самымъ уже свидѣтельствуетъ, что зло и существуетъ, и есть не недостатокъ только, или меньшая степень добра, а нѣчто иное, ему враждебное, иначе ему не зачѣмъ было бы тратить столько усилій на то, чтобы въ возможно меньшемъ количествѣ представить существующее зло, потому что понимаемое въ смыслѣ недостатка или меньшей степени добра зло не противорѣчило бы премудрости и благодати Божиимъ, оправдать которыя было главной цѣлю Теодицеи.

Лейбницъ не дошелъ до той крайности, до которой его могло привести ученіе о приватности зла, т. е., до полнаго отрицанія въ мірѣ зла, хотя онъ всячески старался, какъ мы видѣли, уменьшить количество зла въ мірѣ и тѣмъ доказать, что существующій міръ есть наилучшій изъ возможныхъ. Увлеченный идеей наилучшаго міра, онъ изображаетъ существующій міръ не только въ смыслѣ возможно лучшаго, но и въ смыслѣ

вполнѣ хорошаго и безупречнаго. Но такъ-ли на самомъ дѣлѣ хорошъ міръ, какъ его изображаетъ Лейбницъ. „Міръ есть то, говоритъ Эрнестъ Навиль ¹⁾, что онъ есть: какъ бы мы ни украшали существующаго въ немъ порядка вещей, какіе бы логическіе эпитеты ни прилагали къ нему, это не можетъ измѣнить его дѣйствительнаго характера и природы. Возложите на чело падшей женщины вѣнокъ изъ розъ, напишите на спицѣ ссыльнаго, справедливо несущаго наказаніе, слова „*честь и добродѣтель*“, вы не возвратите тѣмъ первой—ее невинности, а послѣднему—имени и достоинства гражданина“. Въ самомъ дѣлѣ, если въ мірѣ такъ мало зла, какъ это полагаетъ Лейбницъ, то откуда тѣ жалобы на бѣдственность жизни, которыя красною нитью проходятъ чрезъ всѣ періоды жизни человѣчества и которыя совершенно непонятны съ точки зрѣнія Лейбница. Недаромъ поэты и мыслители всѣхъ мѣстъ и временъ на разные лады изображали всѣ горести нашей земной жизни. Мы не говоримъ уже о мыслителяхъ—пессимистахъ, по которымъ всѣ блага жизни такъ ничтожны, а бѣдствія такъ велики, что жизнь, на ихъ взглядъ, есть „занятіе, не покрывающее издержекъ“.

Опытъ подтверждаетъ отчасти такой мрачный взглядъ на живыя. Онъ показываетъ, что зло широко и глубоко пустило корни вездѣ и что нѣтъ возможности не только исчислить, но даже мысленно представить всю сумму его проявленій и гибельныхъ послѣдствій.

Если мы обратимся къ окружающей насъ природѣ, то увидимъ и въ ней присутствіе зла, вслѣдствіе котораго она постоянно становится во враждебныя отношенія къ человѣку и тѣмъ вызываетъ въ немъ горькія жалобы на его земное существованіе. Даже благодѣтельныя сами по себѣ явленія природы нерѣдко приносятъ человѣку вредъ. Много пользы приноситъ ему дождь, но онъ же производитъ и наводненія, а съ нимъ и массу всякихъ бѣдъ. Люди не могутъ жить безъ огня, но этотъ благодѣтельный даръ природы можетъ въ нѣсколько минутъ выгнать насъ изъ теплыхъ хоромъ подъ открытое небо.

¹⁾ Эрнестъ Навиль—Вопросъ о азѣ. (Правосл. Обзор. 1869 г. 2 кн. 689 стр.)

Что можетъ быть полезнѣе солнечнаго свѣта и теплоты? но они же при отсутствіи дождя производятъ и засуху со всѣми ея гибельными послѣдствіями.

Въ царствѣ живой и одушевленной природы господство зла сказывается еще замѣтнѣе и сильнѣе. Нѣтъ момента на землѣ, когда бы одно животное не пожирало другое и само не было пожирасемо другимъ; вездѣ и всюду осуществляется тотъ жестокой законъ, который обрекаетъ живыя существа на взаимное самоистребленіе. И человекъ—вѣнецъ творенія—стоитъ не выше этого закона. Его рука простерта также на истребленіе всего живущаго на землѣ. „Онъ убиваетъ, чтобы утолить свой голодъ, убиваетъ, чтобы заготовить одежду, убиваетъ, что бы имѣть, чѣмъ украсить свое тѣло, убиваетъ нападая и убиваетъ защищаясь, убиваетъ въ интересахъ науки, убиваетъ для забавы, убиваетъ потому, что хочетъ и можетъ убивать“¹⁾.

А всмотритесь въ жизнь каждаго человека. Сколько несчастій и бѣдъ приходится испытать этому высшему творенію Божію. Зло стережетъ его при самомъ появленіи въ свѣтъ и человекъ всасываетъ его какъ бы съ молокомъ матери, которая при самомъ рожденіи его уже заражаетъ его нравственнымъ ядомъ. Вся жизнь человека отъ колыбели до гроба есть непрерывный рядъ разнаго рода болѣзней, огорченій и всевозможныхъ испытаній, концемъ которыхъ является смерть, сознаніе неизбежности которой можетъ отравить самые счастливые моменты жизни человеческой.

Природѣ человека присуще стремленіе къ истинѣ, совершенству и счастью, но ни одна изъ этихъ потребностей его духовнаго существа не находитъ здѣсь на землѣ надлежащаго удовлетворенія. И въ области знанія, и въ области воли, и въ области чувства человекъ является, по большей части, неудачникомъ, который постоянно стремится къ цѣли и ея не только не достигаетъ, но нерѣдко идетъ въ противоположную сторону отъ нея. Тщетно онъ пытается сдернуть покрывало съ тайнъ жизни и проникнуть въ сущность вещей—это ему никогда не удается, что тѣмъ болѣе должно угнетать человека,

¹⁾ De-Maistre—Sairées de St. Petersburg. 7.

что стремленіе къ познанію у него далеко заходить за предѣлы необходимаго и полезнаго въ обыденной жизни.

Не болѣе успѣха имѣеть человѣкъ и въ другой области, области воли. Вмѣстѣ съ стремленіемъ къ добру, къ нравственному самоусовершенствованію, въ немъ живетъ постоянная и не менѣе сильная склонность и ко злу. Каждый человѣкъ живо сознаетъ и ясно чувствуетъ, что какой-то невидимый врагъ старается подавить въ немъ всякія высшія стремленія и благородные порывы и склоняетъ ко всему дурному и безнравственному,—врагъ, съ которымъ человѣкъ почти не въ состояніи бороться. *„Не понимаю, что дѣлаю—говорить св. Ап. Павелъ, потому что не дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю... Желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу... Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю (Римл. 7, 15, 18—19 ст.).*

Наравнѣ съ стремленіемъ къ истинѣ и добру въ человѣкѣ всегда существовала потребность счастія и стремленіе къ его достиженію. Но какъ бесплодны были всегда усилія человѣческія въ этомъ направленіи. „Бодро отправляетесь вы, говоритъ Фихте ¹⁾, на охоту за счастіемъ, искренно и любовно предаваясь первому лучшему предмету, который нравится и обѣщаетъ удовлетворить вашему влеченію. Но какъ только вы возвратитесь въ самого себя и спросите себя: ну счастливъ-ли я теперь?—то изъ глубины вашего сердца явственно услышите: о нѣтъ! ты еще все такъ же неудовлетворенъ и полонъ желаній, какъ и прежде! Оправившись отъ удивленія, вы подумаете, что ошиблись только въ выборѣ предмета и хватаетесь за другой, но и этотъ столь же мало удовлетворяетъ васъ, какъ и первый; и ничто, находящееся подъ солнцемъ и луною, не удовлетворитъ васъ... Такъ, озираясь, стремитесь вы всю вашу жизнь. Во всякомъ положеніи думаете, что если бы было иначе, то было-бы лучше; а если и станетъ иначе, то всетаки вы чувствуете себя не лучше; на всякомъ мѣстѣ вы думаете, что, вотъ, если бы вы достигли той высоты, на которую взираетъ вашъ глазъ, то прекратилось бы ваше

¹⁾ Fichte's—Sämmtliche Werke. Band 5. Berlin. 1845. 408—9 SS.

томленіе, но и на возжелѣнной высотѣ опять ожидаетъ васъ та же забота... Такъ-то блуждаетъ несчастный сынъ вѣчности, изгнанный изъ своего отеческаго жилища, но всегда окруженный своимъ небеснымъ наслѣдіемъ, схватить которое не смѣетъ его робкая рука, такъ-то блуждаетъ онъ нерѣшительный и безпокойный по пустынѣ, желая устроиться, но къ счастью быстрое разрушеніе каждой его хижины напоминаетъ ему, что онъ нигдѣ, кромѣ дома Отца своего, не найдетъ покоя". Такъ бесплодна бываетъ погоня человѣка за счастьемъ. Мы далеки отъ той мысли, чтобы представлять жизнь человѣческую непрерывною цѣпью бѣдствій и страданій, мы хотимъ только показать, что зло въ мірѣ существуетъ и въ количествѣ значительно большемъ, чѣмъ въ какомъ его представляетъ Лейбницъ. Правда, Лейбницъ утверждаетъ, что бѣдствія, выпадающія на долю человѣка, служатъ лишь къ увеличенію блага и въ этомъ смыслѣ являются даже полезными и необходимыми, подобно тому, какъ тѣни на картинѣ и диссонансы въ музыкѣ. Но не нужно опускать изъ виду того, что если бѣдствія и несчастія, испытываемыя людьми, и приносятъ имъ во многомъ пользу, если они необходимы, то только при условіяхъ нашего настоящаго, падшаго состоянія, необходимы, какъ лѣкарство, какъ предостереженіе или наказаніе; въ состояніи же здоровья лѣкарства не только бесполезны, но и вредны. „Предположите, говоритъ Эрнестъ Навиль, ¹⁾ міръ въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ долженъ быть по мысли Создателя,—и тогда должно будетъ сознаться, что скорби нѣтъ мѣста въ немъ. А такъ какъ скорби не было бы, когда бы то, что должно быть, было,—то ясно, что ея и не должно быть, что она есть зло". Но послѣдуемъ далѣе за Лейбницемъ. Зло, по его мнѣнію, не будучи противоположно добру и способствуя увеличенію его, является еще необходимымъ, какъ условіе бытія міра и мировой гармоніи, потому что источникъ его лежитъ въ ограниченности и конечности міра, въ матеріи вообще, этомъ принципѣ всякаго различія, безъ котораго невозможно ни бытіе міра, ни его совершенство.

¹⁾ Э. Навиль. Вопросъ о злѣ. Правосл. Обзор. 69 г. 2 кн. 519 стр.

Но если зло необходимо, какъ думаетъ Лейбницъ, то оно перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ оно есть, т. е., ненормальнымъ явленіемъ, оно не есть уже зло. Далѣе—если оно не только не нарушаетъ общей міровой гармоніи, но еще является ея необходимымъ условіемъ, то возникаетъ недоумѣніе, почему оно не находитъ своего естественнаго разрѣшенія въ томъ же самомъ міровомъ порядкѣ, изъ котораго оно вытекаетъ? для чего нужно было воплощеніе Іисуса Христа, необходимости котораго не отрицалъ и самъ Лейбницъ. Нѣтъ: зло не можетъ быть необходимымъ. Оно есть то, что не должно быть; источникъ его не въ физической природѣ, не въ ея конечности и ограниченности, а въ природѣ нравственной, именно въ извращеніи ея воли, въ ея ложномъ направленіи. Чтобы быть послѣдовательнымъ Лейбницъ долженъ бы былъ отвергнуть и необходимость искупленія, такъ какъ только противоестественнымъ образомъ нарушенная гармонія могла требовать для своего восстановленія вмѣшательства сверхъестественной Божественной силы.

Наконецъ, если бы зло и дѣйствительно было необходимымъ въ мірѣ, то виновникомъ этого былъ бы Самъ Богъ, Который такъ устроилъ міръ, что зло является въ немъ необходимымъ; такъ что Лейбницъ разрушаетъ одной рукой то, что созидаетъ другой. Оправдывая Бога, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обвиняетъ Его. Чтобы избѣжать такого упрека и такой непослѣдовательности Лейбницъ утверждаетъ, что въ ограниченности тварей заключается только возможность зла. Переходъ же его изъ возможности въ дѣйствительность зависѣлъ отъ самого человѣка, отъ его свободной воли, и въ этомъ случаѣ онъ былъ близокъ къ истинѣ. Если бы онъ имѣлъ правильное представленіе о свободѣ воли и только въ ней искалъ причины зла, то онъ былъ бы недалеко отъ той цѣли, какую преслѣдовалъ въ своей Теодицѣ. Но въ томъ-то и бѣда, что при томъ взглядѣ на свободу, какой имѣлъ Лейбницъ, онъ не имѣлъ права прибѣгать къ ней для объясненія происхожденія зла; такая свобода не могла быть источникомъ зла. Въ самомъ дѣлѣ, что такое свобода воли, по Лейбницу?

Лейбницъ, какъ мы уже видѣли, требуетъ трехъ необхо-

димыхъ условій, чтобы дѣйствіе могло называться свободнымъ: 1) чтобы дѣйствующее лицо имѣло ясное и раздѣльное представленіе объекта воли, 2) чтобы дѣйствіе не было метафизически необходимымъ, т. е., противоположное ему не заключало бы въ себѣ противорѣчія и было бы возможно и 3) чтобы оно опредѣлялось извнутри, или чтобы дѣйствующее лицо въ себѣ самомъ носило принципъ своей дѣятельности. Эти три условія и суть три элемента, изъ которыхъ слагается свобода воли. Но Лейбницъ забываетъ одно изъ самыхъ существенныхъ условій свободы воли, которое составляетъ, такъ сказать, душу этой послѣдней, забываетъ то, что дѣйствіе, чтобы называться и быть свободнымъ, должно не только быть сознательнымъ, самостоятельнымъ и случайнымъ, но и еще чтобы производящее его лицо, отъ начала до конца, было полнымъ господиномъ этого дѣйствія, такъ что оно могло бы желать и не желать его, а пожелавъ, могло и выполнить и не выполнить его, смотря по личному усмотрѣнію. Въмѣсто этого Лейбницъ, подъ видомъ свободы, даетъ намъ дѣятельность, опредѣляемую неизмѣнными законами. Какъ склонность, воля человѣческая хотя и не подвержена принужденію, но она всетаки управляется извѣстными мотивами и устремляется къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Мотивы эти дѣйствуютъ на нее, какъ гири на чашки вѣсовъ и въ совокупности своей производятъ окончательное рѣшеніе воли, составляющее результатъ ихъ совпаденія. Въ томъ или другомъ дѣйствіи не человѣкъ, по Лейбницу, есть главный агентъ, а преобладающія склонности и мотивы. Человѣкъ же является только зрителемъ и свидѣтелемъ собственнаго дѣйствія, онъ присутствуетъ при его совершеніи, но не производитъ его, является только, такъ сказать, ареной, гдѣ совмѣстно дѣйствуютъ нѣсколько склонностей и подчиняется преобладающей изъ нихъ. Лейбницъ, конечно, правъ, когда говоритъ, что воля человѣческая опредѣляется и руководствуется извѣстными мотивами и склонностями и направляется къ опредѣленнымъ цѣлямъ, но это еще не даетъ права утверждать, что эти мотивы и склонности и производятъ то или другое дѣйствіе, что они имѣютъ такое же отношеніе къ волѣ дѣйствующаго лица, какъ

гири къ стрѣлкѣ вѣсовъ. Мотивы совѣтуютъ только, такъ сказать, предписываютъ дѣйствовать, но сами, вмѣсто насъ, не дѣйствуютъ, а дѣйствуетъ только самъ человѣкъ, который и даетъ то или другое направленіе своей волѣ. При этомъ онъ можетъ слѣдовать и не слѣдовать извѣстному мотиву, можетъ уступить преобладающей склонности и можетъ вступить съ нею въ борьбу. Лейбницъ говоритъ: мотивы дѣйствуютъ такъ же на волю дѣйствующаго лица, какъ гири на стрѣлку вѣсовъ, но онъ забываетъ, что стрѣлка совершенно пассивна и ее направляютъ въ ту или другую сторону только гири вѣсовъ, такъ что, когда эти послѣднія равны по вѣсу, она не двигается. Совершенно въ иномъ отношеніи находится человѣкъ къ мотивамъ его дѣйствій. Мотивы дѣйствуютъ на него не такъ, какъ гири на чашки вѣсовъ, человѣкъ хотя и подчиняется имъ, но не какъ автоматъ, а самъ опредѣляетъ себя и самъ дѣйствуетъ—то по болѣе сильнымъ мотивамъ, то по слабымъ, а иногда и при совершенномъ безразличіи мотивовъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ воля имѣетъ достаточное основаніе только дѣйствовать, но самый способъ дѣйствованія для нея безразличенъ, такъ что не всегда можно, какъ думаетъ Лейбницъ, привести основаніе (да и не всегда оно есть), почему человѣкъ даетъ такое, а не иное направленіе волѣ, не всегда можно указать, или непременно предполагать, причину или мотивъ, который привелъ человѣка къ такому или иному выбору.

Собственно говоря, въ системѣ Лейбница даже и нѣтъ мѣста для свободы воли, понимаемой въ истинномъ ея смыслѣ. Какъ извѣстно, вселенная, по Лейбницу, есть обширное царство монадъ. Каждая монада носитъ въ себѣ, въ собственной своей природѣ, зачатокъ всѣхъ своихъ послѣдующихъ состояній, въ каждомъ актѣ ея заключается вся исторія ея развитія. Всѣ дѣйствія нашей воли въ этомъ смыслѣ предопредѣлены природою человѣческой души, которая, какъ и всякая другая монада, содержитъ въ себѣ зачатокъ всѣхъ послѣдующихъ состояній. Въ рѣшеніи воли такая же правильность, какъ и въ теченіи природы, въ человѣкѣ все напередъ извѣстно и опредѣлено и душа его есть въ нѣкоторомъ родѣ *духовный авто-*

матъ¹⁾. Понятно отсюда, насколько необфидительна ссылка Лейбница на свободу тварей для оправданія Бога, допустившаго существованіе зла въ мірѣ. Лейбницъ, очевидно, не имѣлъ права прибѣгать къ свободѣ воли для объясненія зла въ мірѣ. Онъ долженъ былъ въ иномъ мѣстѣ искать его источника. Гдѣ же? Если не признавать зла порожденіемъ особаго начала, отъ вѣчности существующаго наравнѣ съ добромъ, то, очевидно, только въ одномъ Богѣ можно искать источника зла. Такимъ образомъ Лейбницъ самъ наказалъ себя за не правильное пониманіе свободы воли, которое привело его къ тому, что онъ долженъ былъ если хотѣлъ быть послѣдовательнымъ, въ одномъ Богѣ искать источника зла, что являлось положительнымъ противорѣчіемъ Его мыслямъ и намѣреніямъ.

Лейбницъ какъ будто предчувствовалъ, къ какимъ гибельнымъ для него-же самого послѣдствіямъ повлечетъ его система—отсюда его чрезвычайныя старанія и усилія уменьшить количество зла въ мірѣ. Если бы онъ былъ твердо убѣжденъ, что Богъ нисколько не виновенъ, допуская зло, то не побоялся бы прямо взглянуть въ глаза злу и не сталъ бы намѣренно ослаблять его силу и даже отыскивать въ немъ нѣкотораго рода пользу. Если же Лейбницъ въ каждомъ проявленіи зла отыскиваетъ свой *raison d'être*, свои выгоды и даже необходимость для общей міровой гармоніи, сравнивая зло то съ диссонансами въ музыкѣ, то тѣнями на картинѣ, ясно, что онъ и самъ не придавалъ значенія тому объясненію зла, по которому оно является злоупотребленіемъ разумныхъ тварей дарованною имъ свободою, да ему и не было бы тогда никакой необходимости прибѣгать къ тѣмъ натяжкамъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ, доказывая приватность зла и его необходимость для общей міровой гармоніи. Неумолимая логика его системы заставляеть, вопреки его желанію, признать именно самого Бога виновникомъ существующаго зла. Лейбницъ думаетъ обойти это затрудненіе, къ которому приводятъ его система, тѣмъ, что полагаетъ источникъ зла въ „идеальной странѣ всѣхъ возможностей“—Божественномъ Разумѣ, который мыс-

1) Theodicée I, § 52, 517 p.

лечь вещи такими, какими онѣ суть, т. е., ограниченными и конечными. А въ этой-то ихъ ограниченности и конечности и состоитъ зло метафизическое, изъ котораго въ свою очередь происходитъ зло физическое и нравственное. Но если метафизическое зло и заключается въ Божественномъ Разумѣ, тѣмъ не менѣ Богъ, по Лейбницу, не можетъ быть названъ виновникомъ зла вообще, такъ какъ источникъ дѣйствительнаго зла не разумъ, а воля, источникъ же метафизическаго зла, виновникомъ котораго является Богъ, заключается „въ возможности вещей или формъ, т. е., въ единственномъ, чего Богъ не создалъ, такъ какъ Онъ не есть творецъ собственнаго разума“. Другими словами—метафизическое зло есть только возможность зла, вытекающая изъ ограниченности тварей, но не самое зло, слѣдовательно оно нисколько и не противорѣчитъ премудрости и благодѣи Божіимъ.

Но подобными разсужденіями Лейбницу всетаки не удастся защитить Бога отъ обвиненія за допущеніе зла, потому что Разумъ Божественный мыслить зло не только, какъ нѣчто возможное, но и какъ нѣчто необходимое, безъ чего міръ или не существовалъ бы, или не былъ бы наилучшимъ, да и не только мыслить зло такимъ, но и побуждаетъ волю дать бытіе ему, привести его изъ возможности въ дѣйствительность. Если возможность зла, заключающаяся въ ограниченности тварей, не можетъ быть поставлена въ вину Богу, то признаніе необходимости его не можетъ не служить сильнымъ возраженіемъ противъ премудрости и благодѣи Божіихъ и противъ теоріи наилучшаго міра.

По нашему мнѣнію, Лейбницъ является крайне непоследовательнымъ, когда говоритъ о свободѣ воли въ человѣкѣ. Но принимая во вниманіе, что свобода воли въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ ее понимаетъ, не есть, собственно говоря, свобода—это, если можно такъ выразиться, не свободная свобода, то можно сказать, что противорѣчіе, въ какое, повидимому, впадаетъ онъ, заключается скорѣе въ словахъ, чѣмъ въ идеяхъ, такъ что Лейбницъ при всей своей видимой непоследовательности не перестаетъ быть последовательнымъ.

Отдѣлъ 2-й: Основаніе истиннаго оптимизма христіанскаго.

Мы указали недостатки Теодицеи и непрочность основаній ея оптимизма, послѣднимъ словомъ котораго является отрицаніе зла, какъ начала противоположнаго добру, и свободы воли въ человѣкѣ. Но если оптимизмъ Теодицеи и ложенъ въ своихъ основаніяхъ и въ своихъ выводахъ, всетаки тѣ положенія его, что существующій міръ есть наилучшій изъ возможныхъ и что Богъ не виновникъ зла и не отвѣтственъ за его существованіе—несомнѣнны и большая заслуга Лейбница, что онъ провозгласилъ эти истины и сдѣлалъ попытку къ ихъ обоснованію.

Что дѣйствительный міръ есть наилучшій изъ возможныхъ и что Богъ не творецъ и не виновникъ зла—это необходимое требованіе нашего ума и сердца. Какъ произведеніе Существа абсолютно совершеннаго, міръ не могъ быть инымъ, какъ только наилучшимъ изъ возможныхъ. Только такой міръ могъ быть достойнымъ премудрости и благодати Божіихъ. Правда зло, существующее въ немъ, объяснить которое такъ усиленно старался Лейбницъ, является всегда отрицательной инстанціей противъ этого положенія, но это только повидимому.

Какъ же согласить требованіе нашего ума и сердца съ тѣми фактами опыта, которые говорятъ о полномъ господствѣ зла въ мірѣ и даютъ основаніе для самаго мрачнаго пессимизма?

Включъ къ рѣшенію этого вопроса даетъ намъ христіанское ученіе о паденіи человѣка и искупленіи его. Въ отличіе отъ животныхъ Богу угодно было создать человѣка разумнымъ и свободнымъ. Но какъ существо конечное и ограниченное, человѣкъ долженъ былъ имѣть и свободу воли ограниченную, заключавшую въ себѣ возможность какъ постепеннаго возрастанія и укрѣпленія въ добрѣ, такъ и возможность уклоненія въ противоположную сторону, т. е., въ сторону зла. Подъ вліяніемъ діавола наклонность ко злу, присущая ограниченной свободѣ человѣка, взяла перевѣсъ надъ наклонностью къ добру и зло изъ возможности перешло въ дѣйствительность. Такъ появилось зло въ мірѣ, Оно обязано своимъ происхожденіемъ только человѣку, да еще

дiаволу, который согрѣшилъ раньше человѣка. Паденiе дiавола, а съ нимъ и другихъ духовъ вытекало также изъ ограниченности дарованной имъ свободы. Но эта ограниченность не необходимо вела дiавола къ паденiю, потому что въ ней заключалась только возможность зла, наклонность къ нему, но не самое зло, и примѣръ добрыхъ ангеловъ указываетъ намъ, что можно всегда съ успѣхомъ бороться съ этой наклонностью.

Такимъ образомъ изъ откровеннаго ученiя о паденiи человѣка ясенъ источникъ зла въ мiрѣ, ясно и то, откуда происходятъ всѣ страданiя настоящей жизни, откуда всѣ бѣдствiя, выпадающiя на долю человѣка, откуда противорѣчiе между тѣмъ, къ чему мы стремимся, и тѣмъ, что предлагаетъ намъ дѣйствительность. Источникомъ всего этого служатъ грѣхъ. „Это онъ выжималъ слезы, которыя когда-либо лились и льются изъ глазъ человѣческихъ. Это онъ былъ причиною каждаго вздоха, который когда либо вылеталъ изъ стѣсненнаго человѣческаго сердца; это онъ произвелъ тотъ широкiй и глубокий потокъ болѣзней и горя, который искони проходитъ чрезъ все человѣчество и изъ котораго каждый въ изобилии почерпаетъ свою долю скорбей“¹⁾.

И такъ, Богъ—не творецъ и не виновникъ зла. Онъ не творилъ людей ни злыми, ни преступными, но лишь награждалъ ихъ величайшимъ даромъ,—свободой воли, при надлежащемъ пользованiи которымъ люди могли бы настолько укрѣпиться въ добрѣ, что для нихъ исчезла бы и самая возможность грѣха, присущая ихъ ограниченной природѣ.

Но скажутъ: положимъ, свобода, сама по себѣ, есть величайшее благодѣянiе Божiе, но если это благодѣянiе могло послужить къ несчастiю человѣка, не наученнаго имъ пользоваться, то не лучше ли было бы, если бы Богъ совсѣмъ не давалъ человѣку свободы, какъ не даютъ дѣтямъ остраго ножа, которымъ они могутъ обрѣзаться? Богъ долженъ былъ бы, по видимому, скорѣе отнять эту способность у человѣка, чѣмъ допустить, чтобы она послужила причиною его паденiя и источникомъ его бѣдъ и скорбей.

На это нужно сказать, что свобода воли—это такой драго-

¹⁾ Геттингеръ—Апология христіанства ч. II, 26 стр.

дѣнный даръ Божій, безъ котораго человѣкъ былъ бы невмѣняемъ, безответенъ и не отличался бы отъ животныхъ. Даруя человѣку свободу воли, Богъ этимъ выдѣлялъ его изъ ряда всѣхъ другихъ тварей, поставлялъ его выше всѣхъ ихъ, такъ что винить Бога за то, что Онъ даровалъ человѣку свободу, значить винить Его въ томъ, что Онъ былъ къ нему милостивъ, возвысивъ его надъ всѣми неразумными тварями. Желать, чтобы Богъ не давалъ свободной воли разумнымъ тварямъ, потому что онѣ могутъ злоупотребить ею, значить желать, чтобы не существовало этихъ тварей, такъ какъ безъ свободы воли онѣ не были бы тѣмъ, чѣмъ онѣ являются теперь. Но это не было ли бы еще большимъ зломъ, чѣмъ создать ихъ съ возможностью паденія? Могъ ли Богъ отказать въ бытіи тварямъ только потому, что нѣкоторыя изъ нихъ не надлежащимъ образомъ будутъ пользоваться дарованными имъ благами? Неужели Богъ не долженъ посылать дождя потому, что есть мѣста, гдѣ дождь вреденъ? Неужели солнце не должно свѣтить потому, что есть мѣста, очень сильно высыхающіе отъ него? Тѣмъ болѣе нельзя винить Бога за дарованіе человѣку свободы, что съ ней соединялась только возможность зла, а не самое зло, и отъ человѣка зависѣло то, чтобы эта возможность не перешла въ дѣйствительность.

Могутъ еще сказать: отчего Богъ не надѣлилъ человѣка такой свободой, при которой онъ не могъ бы грѣшить? Но если бы человѣкъ созданъ былъ свободою, исключавшею для него возможность грѣха, то ему нельзя было бы вмѣнить въ заслугу его доброй жизни и, слѣдовательно, онъ не имѣлъ бы права на то блаженство, къ которому онъ былъ предназначенъ и которое онъ долженъ былъ заслужить. Идея такой свободы разрѣшается въ простое представленіе безотчетности дѣйствій, или слѣпой силы, низводящей человѣка на степень животнаго.

Но если Богъ не виновенъ въ допущеніи зла, то не виновенъ ли Онъ въ распространеніи его въ видѣ первороднаго грѣха на весь человѣческій родъ? Не странно ли за вину одного человѣка наказывать все человѣчество, которое стра-

даетъ на землѣ не за личные только грѣхи, но и за вину своего родоначальника?! На это слѣдуетъ отвѣтить, что люди не суть независимыя другъ отъ друга единицы, а члены одного великаго тѣла, стоящіе въ самой тѣсной связи между собою. Органическая связь каждаго отдѣльнаго лица со всѣмъ человѣческимъ родомъ заставляетъ его участвовать во грѣхѣхъ рода, подобно тому, какъ онъ участвуетъ во всѣхъ его существенныхъ особенностяхъ. Органическая связь всѣхъ людей между собою составляетъ основаніе для вмѣненія каждому потомку грѣха его родоначальника. „Если всѣ люди происходятъ отъ одного человѣка, то весь человѣческій родъ заключается какъ идеально, такъ и реально въ этомъ праотцѣ и главѣ, поэтому его рѣшеніе *за* и *противъ* Бога является дѣломъ не индивидуума только, не отдѣльнаго человѣка, но дѣломъ всего человѣческаго рода, дѣломъ человѣчества“¹⁾. Но не лучше ли было бы, если бы Богъ не подчинялъ человѣка этому закону? Нѣтъ. Этотъ законъ, послужившій основаніемъ вмѣненія грѣха Адама всему человечеству, по существу своему есть величайшее благо, такъ какъ онъ, по мысли Творца, долженъ былъ послужить на пользу человѣка,—долженъ былъ послужить тѣмъ средствомъ, чрезъ которое могли бы осуществляться планы Божественнаго домостроительства, тѣмъ путемъ,—по которому благодать, святость и праведность должны были перейти отъ одного ко всѣмъ. Только при злоупотребленіи человекомъ свободою воли, этотъ законъ привелъ его ко грѣху и положилъ начало господству зла въ мірѣ. И такъ, должно призвать справедливымъ, что Богъ не есть виновникъ зла и его тяжелыхъ послѣдствій. Но мы не можемъ успокоиться на томъ холодномъ разсужденіи, которое говоритъ намъ, что Богъ не творилъ зла и не виновенъ въ тѣхъ страданіяхъ и бѣдствіяхъ, которыя терпятъ человѣкъ по своей винѣ; мы желаемъ убѣдиться, что Богъ, и допуская зло, и подвергая человѣка всѣмъ тягостнымъ его послѣдствіямъ, не пересталъ быть благимъ по отношенію къ человѣку, что Онъ и при этомъ условіи столь же благъ, сколько и правосуденъ. Христіанскій догматъ объ

1) Геттингеръ—Апология христіанства ч. II, 293 стр.

искупленіи и приводитъ насъ къ этому, радостному для всякаго христіанина убѣжденію.

Богъ не могъ, не нарушая свободы человѣка, воспрепятствовать его паденію, но при этомъ Онъ на столько любилъ свое созданіе, свой образъ и подобіе, что не могъ оставить его безъ всякаго попеченія съ своей стороны. тѣмъ болѣе, что, если человѣкъ и нарушилъ заповѣдь Божію, то нарушилъ только по искушенію отъ діавола, а не по какому-либо ожесточенному сопротивленію волѣ Божіей. И всеблагій Богъ не оставилъ на вѣчнукъ погибель падшаго человѣка. Въ предвѣчныхъ совѣтѣ было найдено средство для его спасенія. Средство это—искупительная крестная жертва Второго Лица Святыя Троицы, „насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы и вочеловѣчшася“. Богъ—Слово сжалился надъ человѣчествомъ, изнемогавшимъ подъ тяжестью своихъ грѣховъ, и возстановилъ союзъ его съ Богомъ. принесши Самого Себя въ жертву за грѣхи всего міра. Тотъ же законъ органической связи каждаго члена организма съ цѣлымъ и цѣлаго съ каждымъ отдѣльнымъ его членомъ, законъ, который послужилъ основаніемъ вмѣненія людямъ виновности ихъ прародителя, послужилъ основаніемъ и вмѣненія имъ праведности Христа—второго Адама въ силу тѣснѣйшаго единенія вѣрующихъ со Христомъ, какъ членовъ тѣла съ его Главою (Евес. 4, 15 16). „Какъ преступленіемъ одною вѣмъ чловѣкамъ осужденіе, такъ праведностью одною вѣмъ чловѣкамъ оправданіе къ жизни. Какъ непослушаніемъ одного чловѣка сдѣлались мноіе грѣшными, такъ и послушаніемъ одного сдѣлаются праведными мноіе“ (Римл. 5, 18—19 ст.).

Богъ создалъ человѣка для блаженства, для свѣтлой и радостной жизни личнаго самоусовершенствованія. Преступивъ заповѣдь Божію, данную ему въ раю, человѣкъ уклонился отъ предназначеннаго ему пути, но искупленный Христомъ онъ снова получилъ возможность къ осуществленію главной цѣли своего бытія, къ достиженію вѣчнаго спасенія. Съ момента искупленія у него явилось „все потребное для жизни и благоденствія“ (2 Петра 1, 3). Въ благодати Божіей, подаваемой

людямъ ради заслугъ Иисуса Христа, человѣкъ пріобрѣтъ глубочайшую, созидающую силу, которая какъ бы воскрешаетъ его, возрождаетъ для новой жизни во Христѣ, укрѣпляетъ въ немъ стремленіе къ добру и вводитъ въ тѣснѣйшій союзъ съ Богомъ. Благодаря искупленію, надъ предшествующей жизнью человѣка поставленъ былъ крестъ. Человѣкъ сдѣлался новымъ существомъ; для него какъ бы снова возвратился первый день его бытія. Земныя бѣдствія не страшны стали для него. У нихъ отнято было то, что дѣлаетъ ихъ особенно опутительными,—отнята безнадежность, которая теперь уступила мѣсто полному упованію, что они приближаютъ насъ къ Господу и что даже *кратковременное и легкое страданіе наше производитъ въ безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную славу* (2 Кор. 4, 17). Не страшна стала для человѣка и смерть: она хотя и не уничтожена, но всетаки побѣждена искупительными заслугами Иисуса Христа. По словамъ Его, *отрүющій въ него если и умретъ, то оживетъ* (Іоанна 2, 25), такъ что смерть есть не уничтоженіе, а переходъ только къ другой жизни, лучшей сравнительно съ настоящей. Умирающій съ вѣрою во Христа смѣло можетъ вступать въ *долину смертной тѣни* (Пс. 22, 4), потому что для него *лучше видѣти изъ тѣла и водвориться у Господа* (2 Коринѳ. 5, 8). Иисусъ Христосъ болѣе, чѣмъ возстановилъ человѣка: Онъ преобразилъ его, сдѣлалъ природу его выше и совершеннѣе, чѣмъ она была раньше, облекъ ее божественнымъ достоинствомъ и тѣмъ возвелъ ее на такую высоту, до которой едвали могла подняться человѣческая мысль. Теперь понятна стала и та цѣль, какую Богъ имѣлъ, допускающая существованіе зла въ мірѣ. Цѣль эта заключалась въ томъ, чтобы создать еще высшее, чѣмъ первое царство—царство оправданныхъ и чтобы тѣмъ виднѣе была вся полнота любви Божіей къ тварямъ.

Итакъ, исторія происхожденія зла и христіанское ученіе объ искупленіи падшаго человѣка даютъ намъ прочное основаніе для убѣжденія, что зло, существующее въ мірѣ, насколько не говоритъ противъ премудрости и благости Божіихъ, потому что Богъ, какъ мы видѣли, не творецъ и не виновникъ зла. Онъ только допустилъ возможность его и то только

потому, что безъ этого не мыслима была бы свобода воли. Но какъ только эта возможность зла, присущая свободѣ воли, по винѣ человѣка, перешла въ дѣйствительность, Богъ, не нарушая свободы воли, т. е., не отнимая у зла возможности свободно развиваться, заставилъ его же служить орудіемъ для исполненія Его всеблагой воли. Паденіе человѣка вызвало искупленіе его Богочеловѣкомъ—высочайшій актъ Божественнаго милосердія. *O felix culpa*, говоритъ Блаженный Августинъ, *quae tantem ac talem habere Redemptorem*, т. е., блаженна та вина, которая вызвала Такого Избавителя отъ нея!

Христіанское міровоззрѣніе, такимъ образомъ, отъ начала до конца, представляетъ изъ себя полный оптимизмъ. Свобода же человѣка и безконечная любовь Божія къ нему, христіанское ученіе о паденіи и искупленіи падшаго человѣка—суть тѣ основанія, на которыхъ покоится этотъ оптимизмъ и на которыхъ только и можетъ быть построена Теодицея.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Лейбницеvскому оптимизму и лейбницеvской Теодицеѣ мы противопоставили христіанскій оптимизмъ и христіанскую Теодицею для того, чтобы показать, чего недостаетъ Лейбницу для правильнаго рѣшенія поставленныхъ имъ вопросовъ и пришли къ выводу, что только христіанство даетъ вѣрное рѣшеніе вопросовъ Теодицеи и только въ немъ одномъ можно найти основанія истиннаго оптимизма. Но вѣдь и Лейбницъ—христіанинъ. Повидимому и его Теодицея покоится на христіанскихъ началахъ. Такъ Лейбницъ часто черпаетъ доказательства для своихъ положеній изъ Священнаго Писанія и Твореній Святыхъ Отецъ и главной задачей своей Теодицеи поставляетъ защитить христіанскіе догматы отъ разнаго рода возраженій противъ нихъ и показать ихъ согласіе съ началами разума. Гдѣ же причина того, что опытъ Теодицеи Лейбницу не удался? Причина этого заключалась въ томъ, что Лейбницъ не понялъ сущности христіанства. Иисусъ Христосъ, по его воззрѣнію, не есть Сынъ Божій, принявшій зракъ раба для искупленія падшаго человѣка, а только провозвѣстникъ, на-

равнѣ съ Моусеемъ и Магометомъ, естественной религiи, введшій эту послѣднюю въ законъ и давшій ей значенiе общественной вѣры. Правда, Иисусъ Христосъ, по Лейбницу, безусловно выше всѣхъ пророковъ и основателей религiй, но только лишь какъ наилучшій изъ нихъ, какъ завершитель естественной религiи, соединившій монотеизмъ съ высокимъ чувствомъ гуманности.

Въ системѣ Лейбница, какъ мы видѣли, нѣтъ мѣста для свободы воли человѣка и для уклоненiя разумно-свободныхъ существъ въ ихъ дѣйствiяхъ отъ предустановленныхъ отъ вѣчности законовъ, а безъ этого не возможны ни паденiе человѣка, ни его искупленiе. Въ виду этого пришествiе Христа теряетъ тотъ смыслъ, какой ему придаетъ христіанская догматика. Потому-то Лейбницъ и обошелъ христіанскiе догматы о паденiи и объ искупленiи падшаго человѣка, не воспользовался ими для цѣлей Теодицеи и для обоснованiя своего оптимизма, между тѣмъ какъ въ нихъ-то и крылся ключъ къ объясненiю въ мирѣ зла и къ оправданiю Бога, его допустившаго. Метафизическая система Лейбница съ ея предустановленной гармонiей и управляющими ею вѣчными и неизмѣнными законами были для него завѣсой, закрывшей отъ него сущность христіанства и заставившей его уклониться въ сторону отъ правильного рѣшенiя занимавшихъ его вопросовъ, возможнаго только на почвѣ христіанской.

Но если Лейбницъ и не достигъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ стремился и которыхъ ожидалъ достигъ въ своей Теодицеѣ, тѣмъ не менѣе его Теодицея есть несомнѣнно великое и замѣчательное произведенiе, какъ геніальная попытка примиренiя Богооткровенной религiи съ началами разума и какъ блестящее свидѣтельство въ пользу тѣхъ несомнѣнныхъ истинъ, которыя начертаны въ душѣ каждаго вѣрующаго человѣка, а именно, что Богъ не творецъ и не виновникъ зла и что существующій миръ, какъ произведенiе Существа абсолютно совершеннаго, достоинъ своего Творца и есть наилучшій изъ возможныхъ.

Н. Соловьевъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

Харьковской Епархіи

ПРИ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОМЪ ЖУРНАЛѢ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“.

ТОМЪ III.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1903.

УКАЗАТЕЛЬ

статей, содержащихся въ „Листвѣ для Харьковской епархіи“ при богословско-философскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, за 1903 годъ.

А. Высочайшія распоряженія.

- Высочайшій манифестъ (стр. 161—163).
- Высочайшее повелѣніе (стр. 95, 131, 228, 383, 417, 459).
- Высочайшій приказъ (стр. 131, 253).
- Высочайшій указъ (стр. 61, 253).
- Высочайшій рескриптъ (стр. 61).
- Высочайшія награды (стр. 1, 95, 131, 228, 293, 351, 383, 417, 482, 513, 535, 625, 735)
- Высочайшія отмѣтки (стр. 1, 163, 196, 461).

В. Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

О новыхъ правилахъ Епархіальныхъ наблюдателей (стр. 43). По вопросамъ касательно новаго порядка педагогическихъ собраній Правленій духовныхъ семинарій и собраній Правленій духовныхъ училищъ для обсужденія дѣлъ по учебно-воспитательной части (стр. 67). Росписаніе учебныхъ предметовъ и уроковъ въ одноклассныхъ, двухклассныхъ, второклассныхъ и церковно-учительскихъ школахъ (стр. 96). Объ условіяхъ допущенія воспитанниковъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній къ пріемнымъ экзаменамъ въ духовныя академіи (стр. 98). О празднованіи 19-го февраля (стр. 98). Разясненіе относительно особаго сбора въ пользу казны съ причтовъ, не получающихъ казеннаго содержанія (стр. 352). 0

льготѣ инословнымъ окончившимъ курсъ воспитанникамъ семинаріи, которые поступаютъ на должность учителей церковно-приходскихъ школъ (стр. 354). О богослуженіи въ день открытія мощей преподобнаго Серафима Саровскаго (стр. 384). По вопросу о томъ, кѣмъ должны быть подписываемые выпускные аттестаты и свидѣтельства воспитанниковъ семинаріи (стр. 385). Объ устраненіи неисправности при веденіи метрическихъ книгъ (стр. 418). По поводу Высочайшей отмѣтки на всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи Псковской губерніи за 1901—1902 г. (стр. 461). О введеніи преподаванія соматологіи и гигиены въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ (стр. 462). О введеніи программъ учебныхъ предметовъ для школъ церковнаго вѣдомства (стр. 483). По вопросу относительно епархіальныхъ сборщицъ и сборщиковъ на церковныя потребности (стр. 567). О пониманіи ст. 20 Положенія о церковныхъ школахъ (стр. 626).

В. Смѣсь.

— Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901—1902 учебный годъ (стр. 2—8, 44—47, 70—74, 103—107, 136—138, 171—173, 197—201, 229—237).

— Правила для производства испытаній лицамъ, не окончившимъ полного курса въ духовныхъ семинаріяхъ и желающимъ получить должность псаломщика, санъ діакона или священника въ Харьковской епархіи (стр. 33—36).

— Программы для производства испытаній лицамъ, не окончившимъ полного курса въ духовныхъ семинаріяхъ и желающимъ получить должность псаломщика, санъ діакона или священника въ Харьковской епархіи (стр. 37—41).

— Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссийскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода (стр. 41—43).

— Приказъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода (стр. 43, 164, 197).

— Отъ Министерства Финансовъ (стр. 43—44).

— Отъ Харьковской Духовной Консисторіи (стр. 47, 74, 132, 173, 355, 463, 537, 568, 587, 675).

— Дѣяніе Святѣйшаго Синода (стр. 62—67).

— Разяснителныя постановленія Святѣйшаго Синода (стр. 69, 164, 462).

— Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи (стр. 69, 361, 588, 637).

— Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ (стр. 100, 354).

— Отъ Харьковского Епархіального Училищнаго Совѣта (стр. 133, 355, 486).

— Отъ Правленія Братства Св. великомученицы Варвары (стр. 135, 202, 356, 537, 639, 675).

— Журналы Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 4-го февраля 1903 года (стр. 166—171).

— Списокъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію и рѣшенію Преосвященнаго Викарія Харьковской епархіи—Епископа Сумскаго (стр. 195—196).

— Дни и часы приѣма у Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковского и Ахтырскаго (стр. 227).

— Отъ Совѣта Харьковского Епархіального Женскаго Училища г. Харькова (стр. 229, 305, 322, 486).

— Полученіе пассажирами скидки съ вѣса багажа по билетамъ, имъ не принадлежащимъ (стр. 256).

— Отчетъ о состоящей при Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ образцовой одноклассной церковно-приходской школѣ за 1901—1902 г. (стр. 257—262).

— Новыя правила относительно экзаменовъ въ церковно-приходскихъ школахъ и выдачи свидѣтельствъ на льготу по военной повинности (стр. 296).

— Отчетъ Братства св. Амвросія Медиоланскаго при Сумскомъ духовномъ училищѣ для вспоможенія нуждающимся ученикамъ за 1902 г. (стр. 296—304).

— Отъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ (стр. 321).

— Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ (стр. 321).

— Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1902—1903 учебный годъ (стр. 356—361).

— Списокъ, воспитанницъ приготовительнаго, перваго, второго, третьяго, четвертаго и пятаго классовъ Харьковского Епархі-

ального женскаго училища, составленный послѣ годовичныхъ испытаній за 1902—1903 учебный годъ (стр. 363—370).

— Браткій отчетъ о состояннн Харьковскаго Епархіального женскаго училища за 1902—1904 учебный годъ (стр. 370—373).

— Списокъ воспитанницамъ Харьковскаго Епархіального Женскаго училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благоправіе, по опредѣленію Совѣта, награждаются похвальными листами (стр. 373—374).

— Списокъ воспитанницъ VI классовъ Харьковскаго Епархіального Женскаго училища, окончившихъ курсъ и получившихъ аттестаты съ правами на званіе домашнихъ учительницъ: при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, за отличные успѣхи и благоправіе, награждаются книгами (стр. 374—375).

— Отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи за 1902 г. (стр. 385—397).

— Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго Духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища послѣ годовичныхъ испытаній за 1902—1903 учебный годъ (стр. 398—401).

— Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго училища (стр. 401).

— Разрядный списокъ воспитанниковъ Купянскаго духовнаго училища за 1902—1903 учебный годъ (стр. 402—404).

— Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища (стр. 404).

— Разрядный списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища за 1902—1903 учебный годъ (стр. 406—408).

— Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго училища (стр. 408).

— Списокъ лицъ, служащихъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, за 1903 г. (стр. 422—426).

— Списокъ лицъ, служащихъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ за 1903 годъ (стр. 427—434).

— Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища (стр. 435).

— Росписаніе на весь годъ часовъ дня, въ которые долженъ производиться благовѣсть въ церквахъ Харьковской епархіи (стр. 455—459).

— Отъ Харьковскаго Епархіального Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ (стр. 463).

— Наставленіе причастникамъ (стр. 482).

— Распоряженіе Епархіального начальства (стр. 483).

— Дополнительные правила о снабженіи церковей Харьковской епархіи просфорами (стр. 486—490).

— Списокъ лицъ, служащихъ при Харьковскомъ Духовномъ училищѣ, за 1903 годъ (стр. 490—492).

— Списокъ лицъ, служащихъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ, за 1903 годъ (стр. 492—494).

— Списокъ лицъ, служащихъ въ Сумскомъ духовномъ училищѣ за 1903 годъ (стр. 494—497).

— Изъ Отчета Высочайше утвержденнаго Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ, въ поминовеніе воиновъ, павшихъ въ войну 1877—78 годовъ (стр. 514—518).

— Дни и часы пріема у Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго (стр. 535—536).

— Отъ Совѣта Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества (стр. 536).

— Уставъ Іоанно-Предтеченскаго Общества трезвости при Спасо Преображенской церкви г. Харькова (стр. 538—544).

— Программа, утвержденная Его Высокопреосвященствомъ 10 сентября 1903 г. для составленія годовыхъ отчетовъ, представляемыхъ блюстителями за преподаваніемъ Закона Божія въ народныхъ школахъ Епархіальному начальству (стр. 569—570).

— Инструкція Предсѣдателю Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища (стр. 571—573).

— Инструкція Начальницѣ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища (стр. 589—595).

— Объ обращеніи Верхо-Харьковскаго Николаевскаго женскаго монастыря въ первоклассный общежительный монастырь (стр. 627).

— Объ увольненіи игуменіи Верхо-Харьковскаго Николаевскаго женскаго монастыря (стр. 627).

— Выписка изъ журнальнаго постановленія Харьковскаго Епархіальнаго Съѣзда о.о. благочинныхъ отъ 7-го октября 1903 года (стр. 627—628).

— Уставъ кассы взаимопомощи для выдачи единовременныхъ пособій семьямъ умершихъ священно-церковно-служителей Казанской епархіи (стр. 628—632).

— Инструкція инспектору классовъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища (стр. 632—637).

— Отъ Харьковскаго Епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія (стр. 639, 661, 737).

— Росписаніе очереднаго проповѣданія слова Божія протоіереямъ и священникамъ г. Харькова и подгородныхъ селеній въ

Каедральному Соборѣ въ воскресные и праздничные дни, и въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ въ храмовые ихъ праздники въ теченіе 1904 года (стр. 661—665).

— Журналъ Харьковскаго Съѣзда о.о. благочинныхъ 6—7 октября 1903 года (стр. 665—666).

— Журналы Харьковскаго Окружнаго училищнаго Съѣзда духовенства 1903 года (стр. 666—670).

— Инструкція членамъ Совѣта отъ духовенства Харьковскаго Епархіального женскаго училища (стр. 670—673).

— Инструкція дѣлопроизводителю Совѣта Харьковскаго Епархіального женскаго училища (стр. 674).

— Резолюція Его Высокопреосвященства (стр. 692).

— Журналы Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго Округа, бывшаго 19 сентября 1903 года (стр. 692—696).

— Отъ Эвъаменаціонной Комиссіи при Харьковскомъ Духовномъ училищѣ (стр. 737).

Г. Епархіальныя извѣщенія.

0 вакантныхъ мѣстахъ (стр. 8, 47, 74, 108, 139, 173, 237, 262, 305, 323, 375, 409, 435, 464, 497, 518, 544, 573, 595, 638, 660, 691, 736).

Д. Извѣстія и замѣтки.

(Изъ мѣстной хроники и извлеченія изъ періодическихъ органовъ печати).

Встрѣча Новаго года въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ.— Братство при мѣстномъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.— Воскресныя чтенія для народа въ селѣ Малыжини, Богодуховскаго уѣзда.— Народный театр и его репертуарь.— Недостатки нашего религіозно-нравственнаго воспитанія.— Могила Рахили.— Некрологи (стр. 9—32). По поводу оживленія проповѣднической дѣятельности въ Харьковѣ.— Извлеченіе изъ окружнаго посланія Епископа Волынскаго Антонія.— Изъ Саровской пустыни.—Рѣдкое небесное явленіе.—Хозяйство церковно-приходскихъ школъ.— Высокопреосвященнѣйшій Теоногностъ Митрополитъ Кіевскій (стр. 49 59). Новый Харьковскій Архіепископъ.—Обсужденіе устава религіозно-просвѣтительнаго братства въ Харьковѣ.—Религіозно-нравственныя бесѣды въ Харьковѣ.—Врачебныя станціи для больныхъ учителей и учительницъ церковныхъ школъ.—Пенсіонныя

кассы для преподавателей церковныхъ школъ.—Сиротская десятина.—Некрологъ (стр. 75—94). Прощаніе Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана съ Харьковскими духовно-учебными заведеніями.—Открытіе братства во имя св. великомученицы Варвары.—Еъ прїѣзду Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго.—Религіозно-нравственныя чтенія въ г. Харьковѣ.—Некрологъ (стр. 109—129). Время прїѣзда въ Харьковъ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Юбилейный день Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія въ Казани (стр. 140—160). Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Духовно-учебныхъ заведеній г. Харькова и Института Благородныхъ дѣвицъ.—Религіозно-нравственныя чтенія въ Харьковѣ (стр. 174—194). Архіерейскія Богослуженія въ Страстную и Святую седмицы.—Обозрѣніе Епархіи Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ.—Общее годичное собраніе членовъ Харьковскаго отдѣленія православнаго Миссіонерскаго Общества.—Чинъ умовенія ногъ, совершенный Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ въ великій Четвертокъ.—Торжественное служеніе литургіи въ Воскресенской церкви.—Пріемъ Владыкою Арсеніемъ Харьковскаго духовенства и представителей духовно-учебныхъ заведеній въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія.—Посѣщеніе Москвы Государемъ и его семействомъ.—Священный огонь Гроба Господня.—Празднованіе Пасхи у современныхъ евреевъ (стр. 204—226). Освященіе церкви и посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній.—Торжественное служеніе Владыкой Литургіи въ Мироносицкой церкви.—Присутствіе Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія на экзаменѣ по Закону Божію въ Коммерческомъ училищѣ.—Присутствіе Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія на экзаменѣ по Закону Божію въ Институтѣ Благородныхъ дѣвицъ.—Торжественное Богослуженіе 23 апрѣля.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Духовной Семинаріи.—Неренесеніе чудотворной Озеранской иконы Божіей Матери.—Озеранская икона Божіей Матери.—Пещеры въ Куряжскомъ монастырѣ.—Возобновленіе религіозно-нравственныхъ чтеній.—Реформа средней свѣтской школы.—Некрологъ (стр. 239—252). Первое обозрѣніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Харьковской Епархіи: посѣщеніе Владыкой городовъ Бѣлополя, Сумъ, Лебедина и Богодухова.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ храма Христа Спасителя и Спасова Скита.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Александро-

Невской школы, Епархіальнаго женскаго училища и другихъ учебныхъ заведеній въ г. Харьковѣ.—Служеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ литургіи въ церкви мужскаго духовнаго училища.—Торжественное богослуженіе 6-го мая.—Религіозно-нравственныя чтенія (стр. 263—292). Поѣздка Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, въ Славянскъ и Святныя Горы.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ въ Славянскѣ школы Министерства Народнаго Просвѣщенія.—Архіерейское служеніе 11 мая и религіозно-нравственныя чтенія въ этотъ день.—Возвращеніе Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія въ Харьковъ и посѣщеніе имъ 2-й женской гимназіи.—Архіерейскія служенія 14 и 15 мая.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Духовной Семинаріи.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ гимназій—Маринской и г. Григорьевичъ.—Отъѣздъ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія въ Ахтырку.—Паломничество учениковъ церковно-приходскихъ школъ г. Лебедина (стр. 306—320). Поѣздка Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія въ г. Ахтырку.—Возвращеніе въ Харьковъ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія и посѣщеніе имъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній.—Поѣздка воспитанницъ Епархіальнаго училища въ Спасовъ Скитъ.—Архіерейское служеніе и актъ въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Духовной Семинаріи, (10 іюня) (стр. 324—349). Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ педагогическихъ курсовъ.—Необходимое разъясненіе.—Некрологъ (стр. 376—382). Торжество открытія мощей преподобнаго Серафима Саровскаго.—Особенности въ законахъ о брачномъ разводѣ въ новомъ гражданскомъ уложеніи (стр. 410—415). Торжественное служеніе акаѳиста Покрову Богородицы.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ единовѣрческой церкви.—Празднованіе прославленія преп. Серафима въ Харьковѣ.—Участіе Государя Императора и Его Августѣйшей семьи въ торжествѣ прославленія преп. Серафима.—Жизнь и чудесныя исцѣленія въ Саровѣ въ дни открытія мощей преп. Серафима.—Одна изъ современницъ жизни преп. Серафима.—Прославленіе святыхъ въ православной русской церкви.—Отъ Совѣта С.-Петербургской духовной академіи (стр. 436—454). Торжественныя Богослуженія, совершенныя Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ слоб. Дергачей.—Отзывъ профессора консерваторіи о

пѣніи учениковъ церковно-приходской школы села Гавриловки.— Памяти о. Дмитрія Корнильева (стр. 465—480). Поѣздка Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія въ Святѣя Горы.—Русскіе іерархи.—Предстоящіе юбилеи русскихъ архипастырей.—Двухсотлѣтіе памяти Великаго Святителя русской земли.—Чудо въ Саратовской пустыни.—Оживленіе религіозно-просвѣтительной дѣятельности въ Саратовѣ.—Незаконные сборы аеонскихъ келліотовъ.—50-лѣтней юбилей о. діакона Сорочинскаго.—Некрологи священно и церковно-служителей.—Вредъ куренія табаку.—Гигіеническое значеніе фруктовъ (стр. 500—512). Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ, Арсеніемъ Александро-Невскихъ школъ.—Торжественныя Архіерейскія богослуженія.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній.—По поводу новозымышленной молитвы, появившейся въ многихъ снѣскахъ и въ Харьковѣ.—Нененайки при раскольническомъ церковномъ пѣніи.—Некрологъ (стр. 519—533). Вторичное посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Святѣя Горъ.—Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ Хорошевскаго женскаго монастыря и нѣкоторыхъ сель Харьковскаго уѣзда 11—12 сентября.—Храмовой праздникъ въ Духовной Семинаріи.—Открытіе всероссійской выставки животноводства.—Горжественное освященіе Всѣхсвятской церковно-приходской школы на Холодной горѣ.—Общество трезвости при Спасо-Преображенской церкви г. Харькова.—Пастырское собраніе городского духовенства.—Общество хорového пѣнія въ с. Григоровкѣ.—Духовное торжество въ с. Ольшанахъ.—Новыя школы.—Школы послушниковъ.—Откуда берутъ части св. мощей для антиминовъ?—Изъ пастырской практики.—Могутъ ли быть воспріемниками дѣтей отъ купели св. крещенія лица, облеченныя саномъ монашества?—Можно ли вѣнчать браки соборно?—Чистка золотыхъ вещей.—Цѣлебныя свойства лимона (стр. 545—565). Проѣздъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ слободы Ворожбы.—Перенесеніе чудотворной иконы Озерянской Божіей Матери.—Архіерейское служеніе 1-го октября и религіозно-нравственныя чтенія въ этотъ день.—Архіерейское служеніе въ Коммерческомъ училищѣ.—5-го октября въ Покровскомъ монастырѣ.—Религіозно-нравственныя чтенія въ этотъ день.—Изъ церковной практики.—0 погребеніи въ церковныхъ оградахъ.—Леченіе обжоговъ (стр.

574—585 Адресъ Духовенства г. Харькова Высокопреосвященнѣйшему Іустину, Архіепископу Херсонскому и Одесскому, въ день его пятидесятилѣтняго юбилея.—Архіерейскія служенія и религіозно-нравственныя чтенія 12 октября.—Торжественныя служенія 17 октября.—Заупокойная литургія въ годовщину смерти Государя Императора Александра III.—Открытие Серафимовскаго Общества трезвости и религіозно-нравственныя чтенія 19 октября.—Торжественныя Архіерейскія служенія 21, 22 (въ гимназіи г-жи Драшковой) и 24 октября.—Присоединеніе къ православной вѣрѣ штундиста.—Изъ пастырской практики.—Причины, по которымъ богослуженіе располагаетъ насъ къ сердечной молитвѣ.—Можно-ли заочно совершать чинъ погребенія.—Нужно-ли новому духовнику исповѣдывать грѣхи, открытыя прежнему духовному отцу.—Руководственныя указанія готовящихся къ посвященію во діаконѣвъ и священниковъ.—Добрый пастырь.—Смерть (стр. 596—624). О характерѣ пастырской дѣятельности. Іеромонаха Михаила (Богданова).—Архіерейское служеніе въ день храмоваго праздника въ Озеранской церкви Покровскаго монастыря.—Архіерейское служеніе и годичный актъ въ духовномъ училищѣ.—Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Архіепископомъ Арсеніемъ, Верхо-Харьковскаго Николаевскаго женскаго монастыря.—Служеніе Его Высокопреосвященства въ Михайловской церкви г. Харькова.—Посѣщеніе Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковской духовной семинаріи.—Совершеніе Божественной литургіи и вечерни Преосвященнымъ Стефаномъ, Епископомъ Сумскимъ.—Освященіе церковно-приходской школы въ слоб. Тимошеевѣ, Сумскаго уѣзда.—XXV-лѣтіе священнослуженія проф.—протоіерея Т. И. Буткевича.—Воззваніе.—Приготовленія къ празднованію 200-лѣтія со дня кончины святителя Воронежскаго Митрофана.—О выставкѣ монастырскихъ работъ.—Интересный случай.—Сохраненіе посѣвныхъ сѣмянъ пшеницы.—Таблица билетовъ серій 5% съ выигрышами листовъ Дворянск. Земельн. банка, вышедшихъ въ 28 тиражъ погашенія (стр. 639—658). Суевѣріе.—Замѣтка Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Отчетъ о поѣздкѣ въ г. Одессу, по уполномочію г. Харькова духовенства, для принесенія поздравленія и поднесенія адреса Высокопреосвященному Іустину, Архіепископу Херсонскому и Одесскому, въ день (30 октября) Его пятидесяти-

лѣтнаго служенія Церкви. Протоіерея І. Чижовскаго. — Архіерейское служеніе и церковный парадъ 14 ноября. — Архіерейскія служенія 20 и 21 ноября. — Архіерейское служеніе и церковный парадъ 22 ноября. — Архіерейское служеніе и годичный актъ въ первой Харьковской классической гимназій. — Архіерейское служеніе и церковный парадъ 26 ноября. — Открытіе Общества трезвости при Преображенской церкви г. Харькова. — Открытіе релігіозно-нравственныхъ чтеній для народа въ Харьковскомъ реальномъ училищѣ. — Обь уставѣ Харьковскаго епархіальнаго релігіозно-нравственнаго Братства. — Заботы Преосвященнаго Иннокентія, Епископа Тамбовскаго и Шатскаго, о надзорѣ за преподаваніемъ Закона Божія въ земскихъ и министерскихъ школахъ. — Распоряженіе о проповѣдываніи истинно-христіанской любви ко всѣмъ ближнимъ. — Упорядоченіе милостыни нищимъ. — Открытіе въ г. Харьковѣ „Русскаго Собранія“. — Распоряженіе о присутствіи офицеровъ Харьковскаго гарнизона при торжественныхъ богослуженіяхъ въ соборѣ. — Стекланные гробы (стр. 676—689). О значеніи Библии Б. — О приготовленіи помощниковъ миссіонеровъ изъ среды народа. Священника Николая Загоровскаго. — Какъ понимать слова Спасителя „могій вмѣстити да вмѣститъ“ (Мѣ. XIX, 12)? Б. — Архіерейское служеніе и годичное собраніе Братства св. Великомученицы Варвары въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ. — Архіерейское служеніе и церковный парадъ 6-го декабря. — Общество трезвости при Харьковской Спасо-Преображенской церкви. — Очередной миссіонерскій Сѣздъ духовенства 1-го округа Харьковскаго уѣзда. — Чествованіе о. проф. прот. Т. И. Бутчевича, по случаю исполнившагося XXV-лѣтія его священнослуженія. — Пятидесятилѣтіе священнослуженія о прот. Василія Никольскаго. — Протоіерей о. Тимоѣей Павловъ (некрологъ). — Чудесное исцѣленіе въ Саровѣ. — Священники — помощники. — Резолюція Преосвященнаго Николая, Епископа Таврическаго, о непрѣмной обязанности пастырей церкви бесѣдовать съ народомъ о предметахъ вѣры. — Релігіозно-нравственныя чтенія сельской матушки. — Какъ исправить прогорьклое масло (стр. 696—733). Мысли сельскаго священника о распространеніи Св. Библии среди прихожанъ. Священника Николая Чепурина. Одно изъ препятствій пастырямъ Церкви при ихъ заботахъ о релігіозныхъ нуждахъ прихода. Архіерейское богослуженіе въ церкви Харьковскаго Института благородныхъ дѣвиць. — Архіерейскія богослуженія 21,

24, 25, 26, 28 декабря.—Освященіе новоустроеннаго зданія церковно приходской школы въ сл. Малой Писаревкѣ Богодуховскаго уѣзда — Празднованіе 50-лѣтняго юбилея священнослуженія протоіерея І. Е. Иванова.—Начало церковныхъ сношеній съ американцами.—Церковно школьная выставка въ С.-Петербургѣ (стр. 738—760).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Января № 1. 1903 года.

Содержаніе. Высочайшая отмѣтка.—Высочайшія награды.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901—1902 учебный годъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшая отмѣтка.

Въ память выздоровленія Его Императорскаго Величества отъ постигшей въ 1900 году болѣзни предсѣдатель попечительнаго совѣта Харьковскихъ городскихъ богадѣленъ купецъ Михаилъ *Клеменовъ* приобрѣлъ на собственные средства для церкви при Клеменовской богадѣльнѣ разную церковную утварь и новыя ризы для причта сей церкви, стоимостью все до 500 рублей. На всеподданнѣйшемъ докладѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника К. Побѣдоносцева о таковыхъ выраженіяхъ вѣрноподданическихъ чувствъ Его Императорскому Величеству благоугодно было въ 5-й, день декабря 1902 года, собственноручно начертать: „*Прочелъ съ удовольствіемъ*“.

Высочайшія награды.

Къ 6 декабря 1902 г. Всемилостивѣйше пожалованы медалями, съ надписью за усердіе слѣдующія лица: 1) для ношенія на шеѣ а) золотыми: на Станиславской лентѣ: попечитель Харьковской при Свято-Духовской церкви приходской школы Харьковскій 2-й гильдіи купецъ Николай *Богужоловъ*, и фельдшеръ при больницѣ Харьковской духовной семинаріи, личный почетный гражданинъ Семень *Котляровъ*; б) серебряными: на Александровской лентѣ—староста Покровской церкви заштатнаго города Чугуева мѣщанинъ Максимъ *Проценко*; на Станиславской лентѣ почетный блюститель по хозяйственной части при Сумскомъ духовномъ училищѣ, потомственный почетный гражданинъ Павелъ *Лещинскій*.

2) Для ношенія на груди а) золотомъ на Аннинской лентѣ—попечитель Алексѣевской церковно-приходской школы Змѣевского уѣзда крестьянинъ Николай *Ивановъ*; б) серебряными на Александровской лентѣ: учитель Вѣлопольской Петропавловской школы грамоты Алексѣй *Ильинъ*; на Станиславской лентѣ попечитель Ворожбянской второклассной церковно-приходской школы, Сумской 2-й гильдіи купецъ Иванъ *Сусловъ* и Сумской 2-й гильдіи купецъ Иванъ *Асмоловъ*, попечитель церковно-приходской школы въ с. Великомъ-Исторонѣ, Лебединскаго уѣзда 2-й гильдіи купецъ Григорій *Мишлевъ* и служителя при Харьковскомъ духовномъ училищѣ мѣщанинъ Іосифъ *Ткаченко* и крестьянинъ Кириллъ *Штиченко*.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволялъ къ 6 декабря 1902 года за заслуга по духовному вѣдомству наградить званіемъ личного почетнаго гражданина старосту Ахтырской Покровской соборной церкви 2-й гильдіи купца Ѳедора *Курилова*.

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901-1902 учебный годъ.

Минувшій 1901-1902 учебный годъ въ жизни Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища былъ 48-мъ годомъ отъ основанія училища и тридцать четвертымъ со времени преобразования его (въ 1868 году) изъ Училища дѣвицъ духовнаго званія въ Епархіальное Женское Училище.

1. Личный составъ служащихъ.

Къ началу и въ теченіе отчетнаго учебнаго года въ составѣ служащихъ при Училищѣ произошли слѣдующія перемены:

1. Журнальнымъ постановленіемъ совѣта, отъ 16-го Августа 1901 г., утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ 31-го Августа за № 3661, согласно прошенію, уволена отъ должности старшая воспитательница *Евдокія Павловна Сорокина*, съ назначеніемъ ей пенсін по 300 руб. въ годъ и выраженіемъ признательной благодарности Училищнаго Начальства за ея долговременную (26 лѣтъ и 11 мѣс.) усердную и весьма полезную службу при Училищѣ.

2. По тому-же журналу Совѣта, вслѣдствіе прошенія, по семейнымъ обстоятельствамъ уволена отъ должности младшая воспитательница *Анна Котлярова*.

3. По журналу Совѣта, отъ 18-го Сентября 1901 г., утвержденному Его Преосвященствомъ 29-го Сентября за № 2384, помощница воспитательницы *Марія Яковлевна Павлова* опредѣлена воспитательницею при Училищѣ, а окончившія курсъ въ Харьковскомъ Епарх. Училищѣ съ званіемъ домашнихъ учительницъ-дѣвицы *Капустянская Анна* и *Потанова Татіана* допущены къ исправленію должности помощницъ воспитательницъ.

4. По тому-же журналу совѣта, допущенныя къ исправленію должности помощницъ воспитательницъ-дѣвицы *Надежда Петровна Согина*, *Марія Александровна Стефановская* и *Александра Ильинична Энеидова* утверждены младшими воспитательницами при Училищѣ.

5. Тѣмъ-же журналомъ Совѣта на должность учительницы музыки опредѣлена дочь поручика *Евгенія Аполлоновна Крыштафовичъ*, окончившая курсъ въ Харьк. музыкальномъ Училищѣ съ аттестатомъ 2-й степени.

6. По журналу Совѣта, отъ 8-го Октября 1901 г., утвержденному Его Преосвященствомъ 28 Октября за № 3292, воспитательница *Анастасія Александровна Ястремская*, согласно прошенію, по разстроенному здоровью, уволена отъ должности воспитательницы съ единовременнымъ пособіемъ 150 р. за службу 13 л. и 8 мѣс. и на должность воспитательницы, вмѣсто нея, опредѣлена младшая воспитательница *Серафима Ивановна Пономарева*.

7. По тому-же журналу Совѣта, къ в. д. помощницы воспитательницы допущена дѣвица *Татіана Николаевна Бѣликова*, окончившая курсъ въ Харьк. Епарх. Училищѣ съ званіемъ домашней учительницы.

8. По журналу Совѣта, отъ 11-го Марта 1902 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 22 Марта за № 1915, по случаю смерти Училищнаго духовника Протоіерея *Георгія Ивановича Волобуева*, духовникомъ Училища приглашенъ причисленный къ Университетской церкви Священникъ *Василій Самойловъ*.

9. По журналу Совѣта, отъ 7 Мая 1902 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 20 Мая за № 2683, допущенныя къ испр. должностей помощницъ воспитательницъ дѣвицы—*Анастасія В. Капустянская*, *Татіана Павловна Потанова* и *Татьяна Н. Бѣликова* утверждены младшими воспитательницами при Училищѣ.

10. По резолюціи Его Высокопреосвященства, отъ 17-го Мая 1902 г., членъ Совѣта отъ духовенства, Священникъ Харьковской Крестовоздвиженской церкви, *Николай Николаевичъ Любарскій* уволенъ отъ должности члена Совѣта, по случаю назначенія его сверхштатнымъ членомъ

Харьков. Дух. Консисторіи, а вмѣсто него, согласно избранію съѣзда Епархіальнаго Духовенства, кандидатомъ на эту должность утверждены Священникъ *Павелъ Грома*.

11. По журналу Совѣта, отъ 9-го Января 1902 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 20-го Января за № 577, при Училищѣ открыта должность діакона—письмоводителя съ жалованьемъ по 240 р. въ годъ, на каковую должность Его Высокопреосвященствомъ определенъ учитель церковно-приходской школы села Малой-Даниловки *Веніаминъ Толмачевъ*.

Вслѣдствіе указанныхъ перемѣнъ въ концу отчетнаго года образовался слѣдующій составъ служащихъ въ Училищѣ:

а) Составъ Совѣта.

1. Предсѣдатель Совѣта, Профессоръ Богословія въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, Протоіерей *Тимошей Ивановичъ Буткевичъ*, магистръ богословія; жалованья получаетъ 300 р. въ годъ и ему лично 200 р., всего 500 р.; въ настоящей должности съ 26-го Августа 1883 года.

2. Начальница Училища, дворянка, дѣвица *Евгенія Николаевна Гейцыгъ*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 984 р. и 100 р. ежегодной награды,—всего 1084 р.; въ настоящей должности съ 1-го Августа 1883 года.

3. Инспекторъ классовъ, Священникъ *Іоанна Семеновичъ Котовъ*, кандидатъ Богословія; жалованья получаетъ 500 р. при казенной квартирѣ съ освѣщеніемъ и 120 р. за священнослуженіе въ Училищной церкви; въ настоящей должности съ 12-го Августа 1898 года.

4. Членъ Совѣта отъ духовенства, Законоучитель Харьковскаго Института Благородныхъ дѣвицъ Священникъ *Павелъ Грома*; кандидатъ Богословія, жалованья получаетъ 180 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 1-го Юня 1902 года.

5. Членъ Совѣта отъ духовенства, Священникъ Харьковской Троицкой церкви, *Павелъ Федоровичъ Тимошевскій*, окончилъ курсъ Харьковской Духовной Семинаріи; жалованья получаетъ 180 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 28 Мая 1893 года.

6. Полечительница Училища, жена дѣйствительнаго статскаго Совѣтника *Дарія Діевна Оболенская*; въ настоящей должности съ 22 Января 1897 года.

7. Повелный благословителемъ чина священнической части, потавиловской почтовой канцелярши, *Николай Осиповичъ Лежневскій*; въ настоящей должности съ 27 Февраля 1897 года.

8. Духовникъ Училища, причисленный къ Филаретовской церкви Священникъ *Василій Самойловъ*, окончившій курсъ Духовной Семинаріи, жалованья получаетъ 30 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 22 Марта 1902 года.

9. Служащій низшей части, Священникъ Училищной церкви *Іоаннъ Васильевичъ Петровскій*, окончившій курсъ Харьковской Духовной Семинаріи; жалованья получаетъ 150 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 25 Юня 1901 года.

10. Н. д. димопроизводитель Совѣта діаконъ Харьковской Блаженновской Иоанно-Богословской церкви, *Георгій Дмитріевичъ Черкасскій*, окончившій курсъ Духовнаго Училища; жалованья получаетъ 600 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 18-го Декабря 1884 года.

11. Письмоводитель—діаконъ Училищной церкви *Веніаминъ Аванасіевичъ Толмачевъ*, окончившій курсъ Духовнаго Училища; жалованья получаетъ 240 р. въ годъ, при казенной квартирѣ и столѣ; въ настоящей должности съ 19-го Февраля 1902 года.

б) Преподаватели и учителями обязательныхъ предметовъ.

1. Закона Божія въ 3 норм., 3 пар., 4 норм., 4 пар., 5 норм. и 5 пар. классахъ, Инспекторъ классовъ, Священникъ церкви *Іоаннъ Семеновичъ Котовъ*, кандидатъ Богословія; жалованья получаетъ за 20 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 1500 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 Августа 1898 года.

2. Того-же предмета въ 6 норм. и 6 пар. классахъ, членъ Совѣта отъ духовенства, *Николай Николаевичъ Любарскій*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 6 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 450 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 Сентября 1896 года.

3. Того-же предмета во 2 норм. и 2 пар. классахъ Священникъ церкви Харьковской пересыльной тюрьмы *Іоаннъ Васильевичъ Толмачевъ*, окончилъ курсъ Харьковской Духовной Семинаріи; жалованья получаетъ за 8 уроковъ (по 50 р. за урокъ) 400 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 24 Ноября 1899 года.

4. Того-же предмета въ 1 норм. и 1 пар. классахъ Священникъ Харьковской Воскресенской церкви *Іоаннъ Ксенофоновичъ Гораминъ*, окончилъ курсъ Духовной Семинаріи; жалованья получаетъ за 8 уроковъ (по 50 р. за урокъ) 400 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 24 Ноября 1899 года.

5. Того-же предмета въ приготовительномъ классѣ, членъ Совѣта отъ Духовенства, Священникъ *Павелъ Θεодоровичъ Тимофеевъ*, окончивъ курсъ духовной Семинаріи, жалованья получаетъ за 3 урока (по 35 р. за урокъ) 105 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 11 Августа 1894 года.

6. Русскаго языка, во 2 норм., 4 норм. и 5 норм. классахъ и церковно-славянскаго языка во 2 норм., и 4 норм. кл., преподаватель греческаго языка въ Харьковской Духовной Семинаріи, Статскій Совѣтникъ, *Михаилъ Васильевичъ Добротравовъ*, кандидатъ Богословія; жалованья получаетъ за 10 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 750 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 12-го Августа 1883 года.

7. Того-же предмета въ 1 норм., 1 пар., 6 норм. классъ и церковно-славянскаго языка въ 1 норм. и 1 пар. классахъ, преподаватель латинскаго языка въ Харьковской Духовной Семинаріи Статскій, Совѣтникъ, *Николай Васильевичъ Гоинъ*, кандидатъ Богословія; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 90 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 14 октября 1887 года.

8. Того-же предмета во 2 пар., 3 норм., 3, 4, 5 и 6 паралл. классахъ и церковно-славянскаго языка во 2 пар., 3 норм., 3 пар. и 4 пар. классахъ, Статскій Совѣтникъ, *Михаилъ Андреевичъ Кокаревъ* (штатный преподаватель училища) кандидатъ Богословія; жалованья получаетъ за 22 урока (по 75 р. за урокъ) 1650 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 26 Августа 1888 года.

9. Ариметики въ 2 норм., 3 пар., 4 норм. и 5 норм. классахъ, физики въ 5 норм. и 6 норм. кл., геометріи въ 6 норм. и географіи въ 6 норм. классъ, Статскій Совѣтникъ, *Яковъ Михайловичъ Колосовскій*, (штатный преподаватель училища) кандидатъ Университета; жалованья получаетъ за 23 урока (по 75 р. за урокъ) 1725 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 11 Августа 1887 года.

10. Ариметики въ 3 норм., 4 пар. и 5 пар. классахъ, физики въ 5 пар., 6 пар. классахъ и геометріи въ 6 пар. классъ, коллежскій Совѣтникъ, *Василій Николаевичъ Мощенко* (штатный преподаватель училища) кандидатъ университета; жалованья получаетъ за 17 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 1275 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 18 Октября 1889 года.

11. Учительница Ариметики въ 1 норм., 1 пар. и во 2 пар. классахъ, вдова лаборанта Императорскаго Харьковскаго Университета, *Марія Дмитриевна Дмитриева*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 50 р. за урокъ) 600 въ годъ; въ настоящей должности съ 12 сентября 1896 года.

12. Географіи въ 3 пар., 4 нор. и 5 пар. классахъ священникъ Харьковской Христорождественской церкви *Андрей Θεодоровичъ Балановскій*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 8 уроковъ (въ 3 кл. 50 р., въ остальныхъ по 75 р.) 550 р. въ годъ въ настоящей должности съ 16-го Октября 1886 года.

13. Географіи въ 3 нор., 4 пар., 5 нор. и 6 пар. классахъ и Гражданской Исторіи въ 5 пар., 6 норм. и 6 пар. классахъ, коллежскій Советникъ, *Евгеній Парвоніевичъ Трифилевъ* (штатный преподаватель училища), кандидатъ университета; жалованья получаетъ за 20 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 1500 р.; въ настоящей должности съ 6 сентября 1893 года.

14. Географіи во 2 норм. и 2 пар. классахъ воспитательница училища, дѣвица *Людмила Евфимовна Дьякова*, окончила курсъ женской гимназіи, жалованья получаетъ за 4 урока (по 50 р. за урокъ) 200 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 25 сентября 1881 года.

15. Гражданской исторіи въ 4 норм., 4 пар. и 5 норм. классахъ, преподаватель Црковной Исторіи въ Харьков. Дух. Семинаріи, статскій совѣтникъ, *Алексій Θεодоровичъ Вертеловскій*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 8 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 600 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 августа 1875 года.

16. Дидактики въ обонхъ отдѣленіяхъ 5 и 6 классовъ, преподаватель философіи и педагогика въ Харьковской Духовной Семинаріи, статскій совѣтникъ *Николай Николаевичъ Страховъ*, магистръ богословія; жалованья получаетъ за 6 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 450 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 16-го августа 1877 года.

17. Церковнаго пѣнія во всѣхъ штатныхъ классахъ училища священникъ *Іоаннъ Васильевичъ Петровскій*, имѣетъ свидѣтельство 3 разряда отъ придворной капеллы; жалованья получаетъ за 24 урока (по 40 р. за урокъ) 960 р. и 120 руб. награды,—всего 1080 р. въ настоящей должности съ 18 октября 1893 года.

18. Чистописанія въ 3 норм., 3 пар., 4 норм. и 4 пар. классахъ и рисованія во всѣхъ классахъ училища, учитель тѣхъ же предметовъ въ Харьковской 3-й мужской гимназіи, статскій совѣтникъ, *Алексій Дмитриевичъ Дмитриевъ*, ученый рисовальщикъ; жалованья получаетъ за 8 уроковъ (по 40 р. за урокъ) 320 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 26-го августа 1896 года.

19. Того-же предмета въ 1 норм., 1 пар., во 2 норм. и 2 пар. класса дѣвица *Екатерина Александровна Ерюмская*, окончила курсъ гимназіи съ званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 12

уровою (по 35 р. за урокъ) 420 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 августа 1898 года.

20. Учительница рукодѣян, означенн, церковнаго пѣнія и вышиванн въ притовительномъ классѣ, дѣвица *Платія Андреевна Шемкунова*, окончила курсъ женской гимназн съ званіемъ домашней учительницы; жалованн получаетъ за 15 уроковъ (за 2 урока пѣній по 25 р. и по 35 р. остальные) 505 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 8-го августа 1890 года.

21. Учительница рукодѣян, вдова коллежскаго секретаря, *Александра Ивановича Сомолова* окончила курсъ въ частномъ пансіонѣ; жалованн получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 222 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 17 августа 1880 года.

22. Учительница рукодѣян, дѣвица *Маскнн Дмитріевна Черкасская* окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованн получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 222 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 августа 1877 года.

23. Учительница рукодѣян, дѣвица *Александрѣ Абрамовн Довганка* окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованн получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 222 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 27 августа 1896 года.

(Продолженіе будетъ).

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Вакантныя мѣста.

Священническія:

Спасской ц. Стрѣльчяго конск. завода, Старобѣльскаго уѣзда.
Николаевской ц. сл. Кругляковкн, Купинскаго уѣзда.
Успенской ц. сл. Поповкн, Старобѣльскаго уѣзда.

Діаконскія:

Вознесенской ц. с. Зашковкн, Старобѣльскаго уѣзда.
Покровской ц. с. Пашевовкн, Волчанскаго уѣзда.
Дмитріевской ц. с. Свѣтодмитріевскн, Старобѣльскаго уѣзда.
Успенской ц. с. Комышеватою, Валковскаго уѣзда.
Преображенской ц. сл. Половинкиной, Старобѣльскаго уѣзда.

Цсаломиниція:

Троицкой ц. с. Перекопа, Валковскаго уѣзда.
 Николаевской ц. с. Тянушевки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Борисо-Глѣбской ц. с. Водянаго, Зміевскаго уѣзда.
 Космо-Даміановской ц. с. Вздоцкаго, Богодуховскаго уѣзда.
 Иоанно-Богословской ц. с. Яикова-Рога, Ахтырскаго уѣзда.
 Николаевской ц. с. Стараго, Сумскаго уѣзда.
 Троицкой ц. с. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда.
 Вознесенской ц. з. г. Золочева, Харьковскаго уѣзда.
 Николевской ц. с. Шульгинни, Старобѣльскаго уѣзда.
 Пророко Ильинской ц. с. Лозоватаго, Изюмскаго уѣзда.
 Николаевской ц. з. г. Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда.
 Николаевской ц. с. Семеновки, Изюмскаго уѣзда.
 Спасской ц. с. Воеводска, Старобѣльскаго уѣзда.
 Успенской ц. с. Поповки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Николаевской ц. с. Городнаго, Богодуховскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Встрѣча Нового года въ Харьковскомъ Докрестномъ монастырѣ.—
 Брѣстко предъ иѣствомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.—Воскресенія чтенія
 для народа въ селѣ Маложаны, Богодуховскаго уѣзда.—Народный театръ в его
 репертуарѣ.—Недостатки нашего религіозно-нравственнаго воспитанія.—Могилы
 Раджи.—Некрологи.

«Благослови отъныч, лѣта блазости Твоя Господи!»

Но, принятому у насъ въ Россіи, съ 1700 года, порядку лѣто-
 счисленія, начало Нового года, обыкновенно, празднуется 1-го ян-
 варя. Св. Церковь, впрочемъ, привыкла обычай освящать начало Но-
 вого года нарочито для этого, составленными молитвословіями. Въ
 мѣстѣ Петровской Руки въ день новолѣтія, 1-го, сентября, во всѣхъ,
 храмахъ Божиихъ у насъ совершался торжественнѣйшій «чтенъ,
 лѣтопротоцтва», объединяющій церковную службу в народное тор-
 жество. Последний разъ онъ былъ совершенъ 1-го, сентября 1699
 года. Съ времени введенія у насъ новаго лѣтоисчисленія, по указу
 Императора, Петра, 1-го, арх. Гавріиль Бужинскій составилъ осо-
 бый чтенъ молитвеннаго чина на новый годъ, который и замѣнялъ
 у насъ, моравій, чтенъ лѣтопротоцтва. И вотъ, нѣтъ года въ году,
 вѣдуча, 1-го января, въ новолѣтія, Св. Церковь освящаетъ начало
 его молитвенными благодареніями Господу за, издѣланныя на насъ,

блага и дары въ мимошедшее время живота нашего, а также в прошеніями, чтобы Опъ, Милосердый, и въ грядущее лѣто и во всѣ дни живота нашего простеръ на насъ благодѣющую руку Свою, содѣйствуя во всемъ мірѣ, среди всѣхъ людей и во всѣхъ сторонахъ человѣческой жизни осуществленію того обѣтованнаго, „лѣта Господни пріятнаго“, о которомъ проповѣдывалъ сошедшій на землю Единородный Сынъ Божій. Въ указѣ Петра I-го ничего не сказано о времени совершенія новогодняго молебствія; въ книгѣ же молебныхъ пѣній указано совершать это молебствіе тотчасъ послѣ литургій. Такъ это у насъ обыкновенно и бываетъ. Въ послѣднее время въ нашихъ столицахъ, а по примѣру ихъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, установился обычай совершать новогоднее молебствіе и въ 12 часовъ ночи на 1-е января. И въ нашемъ городѣ нынѣ впервые въ 12 ч. ночи подѣ Новы Покровскомъ монастырѣ Высокопреосвященнѣйшимъ Владыкою Флавіаномъ совершено было такое молебствіе. Лица, имѣвшія счастье присутствовать въ церкви на этомъ молебствіи, вынесли отсюда высокую духовную радость. „Это впервые, пишетъ одинъ изъ участниковъ новаго дѣла молебствія, въ нашемъ городѣ, это впервые дивное созерцаніе духовной красоты религіозно-молятивной встрѣчи новаго „лѣта благодати Божіей“, встрѣчи истинно-христіанской, благочестивой. Въ другихъ городахъ, какъ, напр., въ Москвѣ, С-Петербургѣ, Симбирскѣ и проч., этотъ древне-христіанскій обычай явился такъ крѣпко, что тамъ новогодняя полночь въ нѣкоторомъ отношеніи напоминаетъ „свѣтозарную и свѣтоносную ночь“ Воскресенія Христова. Чудное зрѣлище! Храмы залиты золотистымъ свѣтомъ огненныхъ лучей, массы молящагося народа, одушевленные, громкія пѣсни церковныя, всѣ издавна знакомыя слуху, всѣ неизмѣнно умиляющія душу. . Сколько душевной радости и восторга! И какъ все это далеко, далеко отъ той пустой, самоупоенной, безсодержательной, встрѣчи Нового года, какая обыкновенно совершается у насъ въ клубахъ, гостиницахъ, театрахъ, маскарадахъ, на танцахъ, лотереяхъ. То вѣрный путь религіи, Евангелія, церкви,—путь людей со свѣтлымъ разумомъ и чистой совѣстью, появившихъ, почувствовавшихъ всю высоту и благодать Божественнаго ученія Христа, а это зыбкій и безотрадный путь житейской тьмы, соблазновъ, искушеній. Если гдѣ, такъ именно въ городахъ, въ этихъ дремучихъ средоточіяхъ людской суеты, необходима религіозно-общественная встрѣча Нового года. Здѣсь больше всего ощущаются щемиліе душу недугъ

общественные; здѣсь больше горя—несчастья и всяческой печали; здѣсь больше и нужды въ религіозныхъ упованіяхъ и утѣшеніи, больше заботъ о религіозномъ спасеніи... А новогодняя полунощная молитва идетъ на встрѣчу этой нуждѣ, этой потребности городской жизни.

Полунощь—освященный всею христіанскою древностію „святой часъ молитвы“, священное время духовнаго бодрствованія. Христосъ любилъ безмолвіе ночнаго молитвеннаго одиночества. Въ полночь,—какъ говорится въ Евангеліи,—раздастся и радостный вопль: *„вотъ женихъ идетъ, выйдите на встрѣчу ему“* (Мат. 25, 6). Въ полночь выходили встрѣчать со свѣтальниками вѣры и любви Христа—Богочаловѣка всѣ христіанскіе угольники Вожи, всѣ христіанскіе мудрецы, свѣтившіе и горѣвшіе міру. Вотъ первоверховный апостоль Петръ, скала церкви, въ полночь при пѣніи пѣтуха горько плачетъ о своемъ отреченіи отъ своего Учителя и Господа. Вотъ цѣлыя сонмы христіанскихъ пустынножителей и подвижниковъ, христіанскихъ аскетовъ и трудолюбцевъ въ полночь „стоятъ на молитвѣ“. Вотъ катакомбныя полунощницы римскихъ христіанъ—мучениковъ, служившихъ Богу въ сумракѣ и тишинѣ пламенныхъ молитвъ. Вотъ и наши всенощныя бдѣнія съ уставнымъ твореніемъ церковно-общественныхъ моленій и пѣснопѣвій. Не дремлютъ зѣницы глазъ, когда душа въ священномъ трепетѣ Боговидѣнія и нравственнаго самопознанія, въ сладостной тревогѣ горячаго ожиданія возлюбленнаго Жениха своего...

Этотъ-то таинственный трепеть религіознаго ожиданія Христа, благословляющаго „вѣнецъ лѣта“, собралъ большія массы богомольнаго народа и на новогоднюю полунощницу въ Покровскій монастырь. Тутъ были и богатые и бѣдные, и старцы и юноши, образованные и простые, люди всѣхъ сословій и классовъ городского общества. И когда маститый Архипастырь вышелъ изъ алтара съ соборомъ священнослужителей для совершенія общественной молитвы, сердце какъ-то сжалось, вся душа затренилась въ ожиданіи богослужебной радости; люди облегченно вздохнули, и стали вкреститься... Настала самая торжественная минута Богослуженія. Вся громада народа, наполнявшаго храмъ, преклонила „колѣна душъ и сердець“ и, въ глубокомъ молчаніи, слушала заключительную всевародную молитву. И маститый владыка провознесъ ее, какъ сказано въ уставѣ „со всякимъ вниманіемъ и умленіемъ, велегласно“; каждое слово ея слышалось во всѣхъ углахъ храма.

Именно было это мгновѣніе къ Богу Создателя и Промыслителя! Великое и душевнеспасительно было это торжество церковное!

Окончилась полунощная молитва въ благополющеніе грядущаго года. Народъ сталъ расходиться—приветливо удовлетворенный, озаренный тихимъ свѣтомъ благодати Христовой, вскалывавшій свѣтлой радостью. Но церковь не сразу опустѣла. Не темнымъ угламъ, у лозицадъ, мерцавшихъ передъ свѣтыми иконами стояли еще люди и въ тишинѣ молились. Видно, что, въ не котѣлось еще выйти изъ церкви, гдѣ была такъ хорошо, такъ празднично на душѣ, на сердцѣ.. что трудно было имъ оторваться отъ этой тишины и молиться, что болячи было имъ возвращаться въ „свой уголокъ“, гдѣ, можетъ быть, ждуть ихъ ежедневная нужда и горе, гдѣ обоймешь ихъ забота, или оглушить шумъ нестройнаго веселья.. А, вернувшись домой изъ церкви, люди несли и привносили съ собою *тихую радость*, радость Христова утѣшенія. Это торжествующій свѣтъликовъ на вѣтривомъ колѣ...

Въ храмѣ и выходя изъ него, мы слышали многоязычные выраженія искренней благодарности Высокопреосвященному Владыкѣ Флавіану, дававшему возможность желающимъ встрѣтить новый годъ по-христіански, по-православному. Да и какъ не благодарить? Этотъ новый обычай полунощной молитвы подъ Новыи годъ—нужда нашего времени, заглушеннаго шумомъ всячесвѣтъ удовольствій, наслажденій и утѣхъ. Укореняясь въ сознаніи и вѣрѣ населеній, онъ несомнѣнно можетъ дать прекрасные плоды въ самомъ быту общественномъ. По этому въ высшей степени драгоценно это высшее—поучительное начаваніе царицаго Владыки, этоархипастырское упаваніе души церкви въ „неизвѣстное будущее“, съ необходимостью движущееся къ намъ, незамѣнно для насъ „отрѣшающее насъ отъ земли“, этотъ краткій призывъ Святителя нашего невольнѣбно идти по этому пути съ освѣжающею и возмощающею силою молитвы и вѣры, свѣта добра и любви Христовой. Пожелаемъ отъ души, чтобы этотъ новый обычай сталъ всеобщимъ „реставрированнымъ правдомъ“ какъ въ городѣ нашемъ, такъ и во всей епархіи, чтобы подъ Новыи годъ всѣ храмы были открыты и чтобы въ нихъ *творилась* полунощная малебная молитва къ „Богу щедротъ и всякіа утѣхи“.

— Съ чувствомъ живѣйшей радости свѣтлымъ увидомель освѣщенно в церковно-огулителей Харьковской епархіи и особенно въ жель, получившихъ образованіе въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ Училищѣ, что Совѣтомъ Училища выработавъ, а Высоко-

прославленнѣйшимъ Владыкою, Архіепископомъ Флавіаномъ, утверждены уставъ Братства во имя Св. великомученицы Варвары при этомъ училищѣ. Цѣлуемъ эти строки, да избранно, и во имя сослужащамъ его въ началѣ каждаго учебнаго года (когда въ педагогическихъ собраніяхъ рѣшаются вопросы о пріятіи нуждающихся дѣтей духовенства на полное и сокращенное казенное содержаніе, а также о распредѣленіи небольшихъ денежныхъ пособій), всегда приходится переживать горькія минуты неволею, но недостатку отпускаемыхъ казною и церквами денежныхъ суммъ, удовлетворять просьбы значительнаго числа родителей, несомнѣнно нуждающихся въ помощи, не имѣющихъ достаточно средствъ для содержанія своихъ дѣтей въ духовныхъ школахъ. Да и не въ началѣ только, а и въ теченіе всего учебнаго года рѣдко какое педагогическое собраніе проходитъ безъ того, чтобы въ концѣ его не заслушивалось около десятка прошаній отъ родителей или отъ самихъ учащихся снабдить ихъ, учащихся, то одеждою, то обувью, то денежнымъ пособиемъ. И къ великому прискорбію, весьма часто эти прошанія только заслушиваются, хотя малообеспеченность и бѣдность просившихъ родителей, особенно если они принадлежатъ къ низшимъ классамъ клера, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Еще не настало, да и не скоро еще наступитъ такое время, когда у большинства родителей, принадлежащихъ къ духовному сословію, при воспитаніи дѣтей, не будутъ литься горькія слезы, перестанутъ слышаться стоны нужды и лишеній, когда среди нашего духовенства, обучающаго своихъ дѣтей въ духовныхъ школахъ, будетъ встречаться меньше, чѣмъ нынѣ, душъ скорбющихъ, малости и немощи требующихъ. Поэтому мы съ радостію приветствуемъ возникшее при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ Училищѣ Братство, которое ставитъ цѣлю своею оказывать матеріальную помощь нуждающимся воспитанницамъ училища. Полагаемъ, что большинству духовенства Харьковской епархіи интересна будетъ узнать содержаніе устава этого Братства (онъ въ свое время будетъ отпечатанъ въ Листкѣ) мы сдѣлаемъ важнѣйшія замеченія на него.

Братство Св. великомученицы Варвары, во имя которой устроено училищный храмъ, имѣетъ цѣлю оказывать помощь дѣвкамъ, обучающимся въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ Училищѣ (§ 1). Собообразно съ этою цѣлю Братство оказываетъ всѣмъ, безъ различія званія и успѣховъ, нуждающимся учащимся помощь платою или доплатою за содержаніе ихъ; помогаетъ деньгами при отправленіи ихъ на родину во время канікулъ, а также предоставляетъ возмож-

ность бѣднымъ, но способнымъ ученицамъ изучать необязательные предметы училищнаго курса: французскій языкъ, музыку, иконописаніе и рисованіе; кромѣ того Братство поставляетъ своею дѣлю выдавать нуждающимся воспитанницамъ бѣлье, платье и обувь при побѣдѣ домой на каникулы, а бѣднѣйшимъ изъ оканчивающихъ курсъ сиротъ и дополнительную одежду, независимо отъ вещей, выдаваемыхъ каждой сиротѣ при окончаніи курса (§ 2). Братство состоитъ подъ покровительствомъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго изъ неограниченнаго числа лицъ обоюга пола, всѣхъ званій и состояній, за исключеніемъ несовершеннолѣтнихъ и учащихся (§§ 3—4). Члены Братства раздѣляются: а) на почетныхъ, избираемыхъ общимъ Собраніемъ посредствомъ баллотировки изъ лицъ, оказавшихъ Братству особыя услуги; Высокопреосвященный же Архіепископъ, в Преосвященный викарій Харьковскіе — состоятъ почетными членами безъ выбора; б) пожизненныхъ, сдѣлавшихъ въ пользу Братства единовременныя пожертвованія не менѣе 50 рублей; в) дѣйствительныхъ, вносящихъ въ пользу Братства ежегодно не менѣе 3 рублей и г) соревнователей, которые содѣйствуютъ Братству въ его задачѣ незначительными денежными пожертвованіями менѣе 3 руб. (§ 5). Средства Братства состояются: а) изъ членскихъ взносовъ; и б) единовременныхъ пожертвованій какъ членовъ, такъ и постороннихъ лицъ, деньгами и новыми вещами (§ 6). Изъ пятой части взносовъ пожизненныхъ членовъ образуется запасный капиталъ, обращаемый въ государственныя процентныя бумаги. Запасный капиталъ считается неприкосновеннымъ; проценты же съ него и всѣ остальныя суммы Братства употребляются на текущіе расходы (§ 7). Всѣ денежные суммы, поступающія въ запасный капиталъ, по мѣрѣ накопленія, вносятся казначеемъ въ сберегательную кассу при Государственномъ Банкѣ на имя Братства для храненія и приращенія изъ процентовъ. Деньги — же на текущіе расходы должны быть хранимы въ особомъ пакетѣ при училищномъ денежномъ ящикѣ (§ 8). Управленіе дѣлами Братства принадлежитъ: а) правленію Братства и б) общему собранію его членовъ. Правленіе Братства состоитъ, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Училищнаго Совѣта, изъ непремѣнныхъ членовъ: Начальницы, Инспектора классовъ, 2 членовъ Училищнаго Совѣта отъ духовенства и трехъ членовъ, избранныхъ общимъ Собраніемъ на 3 года изъ числа дѣйствительныхъ членовъ Братства (§ 9). Всѣ члены Правленія служатъ дѣлу

Братства безвозмездно; на необходимыя канцелярскія и другія принадлежности Учлище отпускаетъ потребную сумму въ размѣрѣ, опредѣленномъ Совѣтомъ Учлища (§ 11). Члены Братства могутъ присутствовать на каждомъ засѣданіи Правленія и заявлять свои мнѣнія, клонящіяся къ пользѣ Братства, но безъ права голоса при рѣшеніи дѣлъ (§ 13). На обязанности Правленія лежатъ: а) избраніе изъ своей среды казначея и секретаря на три года и распредѣленіе занятій между остальными его членами; б) обсужденіе заявленій членовъ Правленія о нуждахъ ученицъ и вспоможеніи имъ, назначеніе размѣровъ его, сообразно съ нуждами дѣтей и средствами Братства; в) заботы объ увеличеніи средствъ Братства; г) сношеніе съ подлежащими мѣстами и лицами; составленіе и представленіе общему Собранію отчетовъ о дѣйствіяхъ Правленія за истекшій годъ и составленія смѣты и предположеній на слѣдующій годъ (§ 16). Всѣ членскіе взносы и другія пожертвованія присылаются на имя Правленія, которое, по полученіи, сдаетъ казначею (§ 18). Общія Собранія бывають: а) годовыя, въ день храмоваго—училищнаго праздника (4-го декабря) и б) чрезвычайныя, созываемыя по постановленіямъ Правленія или по требованію не менѣе $\frac{1}{2}$ членовъ Братства. Члены соревнователи въ собраніяхъ Братства права голоса не имѣють. Общія Собранія устриваются въ Епархіальномъ женскомъ Учлищѣ и о немъ заблаговременно извѣщаются члены Братства. Предсѣдательство въ общихъ Собраніяхъ предоставляется лицу, каждый разъ особо избираемому изъ членовъ Братства (§ 21). Всѣ обсуждаемыя въ общемъ собраніи дѣла рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ. Предметы занятій общихъ Собраній составляютъ: а) избраніе предсѣдателя Собранія, почетныхъ членовъ Братства, членовъ Правленія и 2-хъ членовъ ревизіонной комиссіи; б) разсмотрѣніе и утвержденіе смѣты и отчетовъ Правленія, съ заключеніемъ по онымъ ревизіонной комиссіи и в) разрѣшеніе всѣхъ предлагаемыхъ Правленіемъ вопросовъ и утвержденій инструкцій для управленія дѣлами братства. (§§ 22—23).

Можетъ быть, вномя изъ насъ, при поверхностномъ взглядѣ на указанную нами будущую дѣятельность братства, она покажется маловажною, незначительною, но, по нашему мнѣнію, она важная и великая дѣятельность. Дѣла милосердія и благотворенія меньшей братіи, служеніе ея нуждамъ показываютъ, насколько въ обществѣ нашемъ еще жизненны христіанскія начала, которыя должны быть дороги и присущи каждому вѣрующему,

и особенно тому сословію, которое призвано быть свѣтломъ міру; есмю его. И этому сословію, бже сомнѣнія, должно быть особенно близка и дорога тѣ дѣла любви и милосердія, которыя направлены на благо дѣтей его. Поэтому смѣемъ надѣяться, что и въ лицѣ Харьковскаго дучьенства, *имѣющаго сознательное* не жертвовать делу по преимуществу своимъ, же нуждающимся дѣтямъ, никто не откажется принести этой жертвы. Благотворительныя дѣламы или вообще: служаніе и помогающее имъ—люди: учащіямы; соотрапательныя, милостивыя и, бже, самолюбныя, ищущаыя: учащяки и послѣдователи Христовы.

Не можемъ не указать здѣсь еще и на то, что братство самое фермою общенія въ дѣлѣ милосердія свлчиваетъ, соединяетъ разобщенныя, служебныя положенія и состоянія: лицъ какъ бы въ одну семью, связавшуя высочайшей идеей: благотворенія. А въ едненіи во имя идеи мы, русскіе люди, общителны: монже дружка народовъ. Нѣмцы съ своими: фрейнами, англичане со своимъ обществомъ: разнообразныя виды: благотворенія и взаимопомощи, даже евреи со своимъ: катаромъ—все это: живыи: укоры: насъ, русскимъ, у которыхъ: служеніе: идея не получило еще таково права гражданства. Вотъ еще поводъ значенія братства! Оно мирно, тихо, не замѣтно дѣлая свое: спромое дѣло: благотворенія, бже: молвлено будетъ: преподѣлывать: святой: завѣтъ: любви: Христовой: „мы: кой: братья“ и облачать: такимъ: образомъ: войтъ: членовъ: между: собою: бже: различія: званій: и: состояній.

Да призоветъ же эта: объединяющая: сила: любви: Христовой: къ: общенію: въ: братствѣ: возможно: большее: число: лицъ! Да: осмыслит: она: икъ: и: подмгнетъ: на: дѣла: милосердія: и: благотворенія: дѣтямъ: сиротамъ, и: сиротамъ, обучающимся: въ: Библіальномъ: училищѣ.

— Люби, слушаешь: всену: священную: ивъствъ: и: преччи: разумныя: да: не: усмользуютъ: отъ: тебя: (Ис. Свр. 6, 35). 3-го: Подбра: прошлаго: года: при: церковно-приходской: школѣ: села: Малышины, Богодуховскаго: уѣзда, состоялось: открытіе: «воскресенныя: чтеній: для: народа». По: утвержденному: Владыкой: плану: эти: чтенія: они: могутъ: проводиться: въ: воскресныя: и: предпдичныя: дни, въ: послѣ-обѣденное: время, въ: зданіи: церк.-приходской: школы. На: началу: чтеній: народа: извѣщается: преложнымъ: ударомъ: въ: колоколъ. Для: чтенія: народу: предлагаются: житія: святыхъ, Троицкія: Листыя, изданія: народно-милеіонерской: библіотеки, статьи: и: разсказы: въ: исторіи: церковной, отечественной: и: проч. Чтенія: начиваются: и: оканчиваются: пѣніемъ: молитвы; пѣніемъ: же: церк.-

ныкъ въскопѣній и молитвъ объединяются и перерывы чтеній. Чтенія проводятся самымъ общепонятнымъ, но въ непосредственныя помощники ему въ этомъ дѣлѣ назначаются учителя школы и младшіе члены причта, если они, конечно, съ этому дѣлу окажутся пригодны.

Заранѣе сообщеніемъ объ открытіи 3-го ноября воскресныхъ чтеній, всѣ прихожане съ нетерпѣніемъ ожидали наступленія этого дня. Наконецъ окончилась Божественная литургія; день выдался морозный, ясный, радостный... Около 2-хъ часовъ дня раздались звонкіе, пролетный звонъ колокола, и толпа народа даже старики и старуха, подростки дѣти-школьники потянулись въ зданіе школы. Малопомыслительное школьное заданіе было ожно и немощно казаться всѣхъ желающихъ побывать на чтеніи... За хоромъ школьничковъ дружно и мощно была пропѣта молитва, Царю Небесный! всѣми людьми. Послѣ предварительной бесѣды о великой пользѣ и просвѣтительномъ, облагораживающемъ и душевннствительномъ значеніи открываемыхъ воскресныхъ чтеній, были прочитаны двѣ статьи изъ сборника „Божья работница“— Святцевна Г. Петрова: „Княжны подвижницы и Дары Артабана“ Въ промежуткѣ чтеній пѣлъ хоръ школьниковъ... Выборъ же статей или воскресныхъ чтенія сразу полюбилися народу, но чтеніе произвело на слушающихъ глубокое впечатлѣніе. При чтеніи небольшой, простой, но задумчивой и трогательной статьи „Дары Артабана“, у всѣхъ слушателей на глазахъ, какъ чистыя капли росы, заблестѣли слезы восторга и умиленія... Оно и понятно: сердце людское—не камень. Какъ отъ весеннихъ теплыхъ лучей солнца пробуждѣтся жизнь, такъ отъ задумчивыхъ словъ разумной книги воскресло, пробудилось скрытое въ тайникахъ народнаго сердца желаніе: жить по Божьи! „На днѣ народной души—сиречь невзскаемый родникъ лучшихъ религіозныхъ чувствъ и никакая тьма жизни не въ силахъ заткнуть этотъ родникъ. Чуть только живое слово коснется затѣнныхъ струвъ народнаго сердца, онѣ тотчасъ промывъ и напоются, начепаютъ долго и гармонично звучать, задушевать звуками неба трѣпачи пѣсни земли“...— Это-то желаніе достягнуть Царства Божія, сласти души ювою и выражалось въ слезахъ умиленія, ибо вслѣдъ восчувствовалъ, что надеждѣ каждому человеку въ своей жизни удовлетвориться князьями подвижницами или Артабану и всю жизнь свою посвятить на служеніе и душевное меньшихъ, отпадающихъ братій нашихъ во Христѣ; тогда только своею добродѣтельною жизнью каждая надежда сподобится принести Великому

Царю драгоценные дары и услышать сладчайшій гласъ Господа Іисуса: „Истинно говорю тебѣ, что сдѣлалъ ты меньшимъ Моемъ братьямъ, то сдѣлалъ Мнѣ Самому!..“

Чтеніе окончилось... Сказано было еще краткое назиданіе о томъ, какъ по прочитанному и намъ слѣдуетъ стараться устранивать свою грѣшную жизнь на землѣ, чтобы выйти на Божій путь добродѣтельнаго житія, единый истинный путь, на коемъ можно спасти душу.. Въ заключеніе пѣлъ: „Подъ Твою милость прибѣгаемъ, Богородице Дѣво! О, какая воодушевленность чувствовалась въ этомъ общемъ пѣніи! По истинѣ, во всѣхъ была какъ бы одна душа и всѣ „едиными усты и единымъ сердцемъ“ воспѣвали трогательную молитву Богоматери... „Пресвятая Богородице, спаси насъ!..“ На лицахъ всѣхъ сіяла какая-то невъяснимая духовная радость, смягченность, готовность на все доброе... Съ словами благодарности и изъявленіемъ согласія съ любовью и впредь посѣщать такия душеполезныя чтенія уходили всѣ изъ школы... Одно лишь изъ неудобствъ, явно ощущавшихся нами при первомъ открытіи воскресныхъ чтеній, это—малопомѣстительность школьнаго зданія. Съ Божіею помощію пусть крѣпнеть и это малое дѣло на пользу просвѣщенія народа и при такой скромной обстановкѣ. Польза отъ него несомнѣнна.

Посѣщая воскресныя чтенія и участвуя на нихъ въ общемъ пѣніи молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній, народъ постепенно будетъ отвыкать отъ пустого бездѣлья въ воскресные и праздничные дни, отъ пьянства, брани и сквернословій; перестанутъ многіе интересоваться и заглядывать в на собранія сектантовъ, куда они льнутъ отъ скуки послушать чтеніе изъ слова Божія „на понятномъ языкѣ“ и принять участіе въ пѣніи сектантскихъ псалмѣй. Доставляя воскресными чтеніями въ школѣ разумную, нравственно-воспитательную пищу для взрослыхъ, мы благимъ примѣромъ родителей научали бы доброй христіанской жизни дѣтей,—это молодое поколѣніе, изъ котораго такимъ путемъ можно приготовить для будущаго достойныхъ членовъ Церкви Христовой, твердыхъ ратоборцевъ за Святую вѣру отеческую, за Царя, за Русь.. Итакъ, прежде всего намъ, пастырямъ Церкви Христовой, во всеоружіи знанія и горячей любви къ народу, надо болѣе дружно, совмѣстно, всѣмъ разомъ взяться за это по истинѣ доброе, необременительное и надежное средство для борьбы съ разными недугами народнои жизни и для проведенія въ народныя массы болѣе широкимъ потокомъ истиннаго, немеркнущаго свѣта Христова ученія: надо

повсемѣстно открытъ при церковныхъ школахъ воскресныя чтенія для народа! „Пастыря“!.. взываетъ къ намъ одинъ изъ почтенныхъ во Христѣ собратовъ, „челвчно питайте вашу паству зерномъ пшеницы Христовой. Исхудалъ нашъ народъ, заморился голодомъ духовнымъ. Отъ голода, недоѣданія тѣлеснаго бываетъ куриная слѣпота; отъ голода духовнаго является духовная слѣпота. Раскройте передъ людьми ярче свѣтъ евангельскій; просвѣтите ихъ вообще свѣтомъ Христова ученія, тогда они сами увидятъ свои азвы, болѣзни и недостатки. Дайте алчущимъ правды *больше духовнаго хлба*, питайте ихъ не ослабно и они сами встанутъ на ноги, наберутся силы, далеко впередъ подвинутъ дѣло Божіе“. *Смотрите*, говоритъ и Апостоль, *поступайте осторожно, не какъ не разумные, но какъ мудрые, дорожа временемъ, потому что дни лукавы*“ (Ефес. 5, 15—16); если когда, то именно въ настоящее время, время невѣрія и развитія всякихъ сектъ и нужны „добрые пастыри, усердые, глашатаи слова Божія; нужны и преданные своему дѣлу подвижники школы и учителя-бойцы противъ тмы народной. Ихъ трудами пробудится народъ, начнетъ явче мыслить, чувствовать, жить“... Недостаточно только, по нашему мнѣнію, что пастыри церкви огрничиваются, особенно въ настоящее время, однимъ прознесеніемъ [проповѣдей съ церковной каедры въ храмѣ Божіемъ, для разьясненія народу евангельскаго ученія и для наученія своихъ прихожанъ доброй христіанской жизни; недостаточно и для учителя одного обученія христіанскихъ дѣтей въ школахъ преподаваемыхъ школьнымъ наукамъ. Надо сознать, что врученное намъ дѣло церковно-школьнаго учительства, дѣло высокое, живое, святое, апостольское; его надо расширять и развивать, это дѣло живое и требуетъ къ себѣ живого отношенія: необходимо въ него больше вкладывать души, любви, вниманія, усердія, знанія. Помимо разьясненія народу христіанскаго ученія въ церковныхъ проповѣдяхъ; помимо обученія христіанскихъ дѣтей въ школахъ, *весьма своевременно и настойчииво—необходимо предложитъ народу еще чтеніе добрыхъ и разумныхъ книгъ: это продолжитъ, усилитъ и укрпнитъ дѣло пастыря и учителя*. Почти въ каждомъ селеніи у насъ, кромѣ учителя или учительницы школы и младшихъ членовъ причта, найдутся еще добрые, усердные радѣтели народнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви изъ христіанъ болѣе вышшаго, просвѣщеннаго, образованнаго класса, которые подъ главнымъ руководствомъ и наблюденіемъ священника, тоже могутъ

связать свои помощи въ устройствѣхъ и въ веденіи воскресныхъ чтеній для народа; такъ постепенно въ маломъ зрѣніи наро- стаетъ со временемъ болѣе, вѣтвистое дерево, добрыми и полез- ными плодами своего будутъ питаться многіе желѣныи чинами земныхъ во Христѣ братья по вѣрѣ. „На воскресныхъ чтеніяхъ народъ будетъ заниматься новыми, свѣтлыми, добрыми мыслями... Царевна, пришла и жизнь выведутъ нашъ темный народъ на пря- мую дорогу, внесутъ въ его жизнь яркій свѣтъ истинно-три- огованнаго ученія, дадутъ ему возможность разумно, по Вошью устроить свою жизнь“... „Жива народная давно ждетъ посѣва, нужны святые, чтобы живое слово правды Вошей раздалось широко всюду на Руси и широко пронеслось по всѣмъ ея тучамъ и темнымъ уголкамъ, чтобы свѣтъ Христова ученія озарилъ сіи уголки и воссиялъ надъ ними, чтобы сѣмя Христова сѣялось „бо- гатно“ всюду въ людяхъ“! *Дыла добро, говорятъ Апостолъ, да не уминаятъ, ибо въ свое время пожнемъ, если не ослабѣемъ. Итакъ, доколь есть время, будемъ дѣлать добро всякъ, а на- чаше сволкъ по старту!..* (Галат. 6, 9—10).

Священникъ Николай Загорскій.

— Отецъ Марковъ въ «Церк. Вѣстн.» за прошлый годъ помѣстилъ интересную замѣтку подъ заглавіемъ «Нѣсколько словъ о народномъ театрѣ и его репертуарѣ.» Въ ней онъ пишетъ, что въ нашъ вѣкъ обращено особенное вниманіе на образованіе и воспитаніе про- стого народа какъ путемъ школы, такъ и другими, имѣющими съ нею связь, средствами. Правительство, духовенство и земство, ежегодно увеличивая количество школъ разныхъ типовъ и наименованій, даетъ и другія вспомогательныя для умственно-нравственнаго раз- витія средства, какъ-то: организуетъ бібліотеки для чтенія, нрав- ственно-историческія чтенія съ демонстраціею свѣтовыхъ картинъ при помощи волшебнаго фонаря, хорое иѣніе, музыку и пр. Въ параллель съ дѣятельностію учрежденій становится другого рода дѣятель, тоже обѣщающіе послужить народу въ дѣлѣ воспи- танія, которые хлопчуть организовать народные театры и т. п. развлеченія доказывая, что все это необходимыя звенья въ воспи- тательной цѣпи. И хлопоты, какъ видно даромъ не пропадаютъ: народный театръ появляется не только въ городахъ, на фабрикахъ и центрахъ многолудныхъ, даже въ деревенскихъ школахъ устраи- ваются театральныя подмостки и на сценѣ фигурируетъ школь- ная дѣтвора...

Душевно радуясь увеличенію школъ, особенно профессиональныхъ, мы готовы усомниться въ томъ, что театръ имѣетъ тѣсную связь съ народнымъ воспитаніемъ и составляетъ такую потребность, безъ которой нельзя бы обойтись. Если въ основѣ всякаго серьезнаго воспитанія должно—главнымъ образомъ—лежать религиозно-нравственное направленіе, котораго въ репертуарѣ современнаго театра не видно: то—приковывать это звено къ воспитательной цѣпи, думаемъ, нѣтъ достаточныхъ основаній. Чтобы читатели не сочли это сужденіе голословнымъ, для аргументація мы приведемъ тотъ характерный, рѣзко выдающій въ области выводовъ фактъ, что наше православное духовенство на пути своего историческаго развитія ни театровъ, ни другихъ какихъ-либо сборищъ увеселительныхъ не знало, однако это не послужило ему помѣхой прогрессировать наравнѣ съ другими высшими классами общества и, если оно уступаетъ имъ въ исполненіи нѣкоторыхъ, усвоенныхъ свѣтскихъ элементовъ этикетовъ,—ни уму, ни сердцу, впрочемъ, ни развитія, ни пищи не дающихъ—зато практическою мудростію и нравственными качествами далеко опередило всѣ благовоспитанныя сословія. Извѣстно, что къ духовенству, какъ проповѣдникамъ любви, правды и истины, предъявляются особенно строгія требованія на нравственность: что иногда считается позволительнымъ и извинительнымъ для лица свѣтскаго, то осуждается и, пожалуй, карается въ человѣкѣ духовнаго званія. Несмотря на такое повидимому строгое отношеніе къ поступкамъ духовенства, оно всетаки, судя по официальнымъ даннымъ, стоитъ на высокомъ, можно сказать, недосягаемомъ пьедесталѣ нравственнаго совершенія среди всѣхъ сословій нашего отечества. Въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ мы читаемъ многозначительныя цифры, взятія изъ уголовно-статистическихъ свѣдѣній, изданныхъ министерствомъ юстиціи, гдѣ процентный выводъ осужденныхъ за преступленія по сословіямъ является въ такомъ видѣ: на 100,000 крестьянъ—36, на 100,000 дворянъ—910, на 100,000 почетныхъ гражданъ и купцовъ—58, на 100,000 мѣщанъ и военныхъ—110, изъ духовенства же менѣе 2-хъ человѣкъ, именно: 1,71 на 100,000. Оказывается, что сословія, стоящія дальше отъ удовольствій, менѣе преступны. Недаромъ покойный духовный витія митрополитъ Филаретъ, дѣлаетъ объ удовольствіяхъ такой отзывъ: „міръ представляетъ себѣ забавы почти такую же потребностію жизни, какъ трудъ, пища и покой. Онъ думаетъ жить играя. Нѣтъ, жизнь не игра, а дѣло важное. Земная жизнь дана чело-

вѣку для того, чтобы чрезъ нее, рукою свободной воли, силою Божіей благодати выработать вѣчное блаженство. Кто понималъ сіе дѣло, и занялся имъ, какъ должно, тотъ едва ли найдетъ много времени для игръ и забавъ". Еще картиннѣе и рельефнѣе дѣлаетъ отзывъ о достоинствѣ театровъ нашъ современный витія, крѣпштатскій отецъ Іоаннъ Сергіевъ. „Врагъ рода человѣческаго, — говоритъ въ одной изъ бесѣдъ о. Іоаннъ, — подмѣтывалъ въ людяхъ слабость убивать драгоцѣнное время въ глупыхъ играхъ и танцахъ, извлекъ для себя изъ слабости огромную пользу: завелъ театры, цирки — истое осуществленіе суеты людской, и безумные между людьми, склонные къ суетѣ и лѣности, охотно посѣщаютъ эти театры и цирки, не находя для себя лучшаго занятія, которое бы доставляло спокойствіе и пріятность духа". Православный русскій народъ, всенни воспитывающійся въ правлахъ вѣры и благочестія, за все время полуторавѣковаго существованія театра на Русь, никогда не имѣлъ къ нему симпатій, а всегда относился враждебно, считая сценическое лицедѣйство грѣхомъ и соблазномъ. И въ наше время, несмотря на развитіе грамотности, взглядъ простаго народа на театръ мало измѣнился или лучше сказать остался первобытный. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ одинъ городской крестьянинъ изъ Кавани въ редакцію „Театръ и искусство“, побывавшій въ театрѣ на представленіи Прекрасной Елены. „Я полагалъ тогда, — такъ излагаетъ свою корреспонденцію крестьянинъ, — что это какая-нибудь русская дѣвица, хорошая дѣвица, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ „Прекрасная“. Но я жестоко ошибся на этотъ разъ и никогда этого не забуду. Здѣсь, на сценѣ, ходили незнакомые, не русскіе люди, въ какихъ-то смѣшныхъ золоченныхъ кафтанахъ, невиданныхъ и неслыханныхъ. Я такъ это понималъ, что кафтаны эти и люди фальшивые, собрались они не играть, а морочить народъ-публику. Не ладно и не складно. А сама Елена показала мнѣ такимъ безстыдствомъ, какого мнѣ въ жизни встрѣчать не приходилось. Она то и дѣло выставляла изъ прорѣхи на юбкѣ голую ногу и это передъ всѣмъ честнымъ пародомъ. И нѣкоторые, смотря на нее, хохотали, а я, боюсь отъ стыда, краснѣлъ. Подумать только, у насъ простая босая дѣвка не рѣшится обнажить свою ногу выше колѣна, а тутъ не угодно ли? ходить съ разрѣзомъ до самаго пояса. На меня это дѣйствовало не хорошо и все это казалось неправдой, обманомъ. Изъ театра на этотъ разъ я унесъ порадоочную горечь. Признаюсь, что я пожалѣлъ тогда, что даромъ выбросилъ 17 к.

чикъ галерею... Со тѣхъ поръ прошло не мало времени, я уже освоился съ характеромъ и приёмами сцены, но взглядъ мой остался на сущность старинн. первобытн. фальшивыя амюры у однихъ будятъ нехорошія чувства, другихъ заставляютъ жалѣть о потраченномъ даромъ времени и деньгахъ». И такъ какую нравственную пользу или просто просвѣтленіе ума можетъ получать отъ театра крестьянинъ, не умѣющій ни фабулу пьесы анализировать, ни общаго направленія уяснить? Отдѣльно же схваченныя вмѣ оценки, особенно порнографическаго свойства могутъ такъ расслабить сердце и омрачить умъ безхитростнаго зрителя, что, пожалуй, подъ обаяніемъ соблазнительныхъ иллюзій, вмѣсто дома, гдѣ царятъ проза жизни, онъ угодитъ въ мѣста злачныя..

— Въ Трудахъ К. Д. Академіи была помѣщена интересная статья проф. А. А. Дмитревскаго подъ заглавіемъ: „Недостатки современнаго церковно-религіознаго воспитанія. Свои сужденія почтенный профессоръ начинаетъ съ того общаго положенія, что ни въ одномъ коллегіальномъ учрежденіи не будутъ терпѣть чиновника, который не знаетъ уставовъ учрежденія, тогда какъ въ церкви православной немного найдется такихъ лицъ, которыя могутъ похвалиться знаніемъ уставовъ церковныхъ. Общество не только не знаетъ ихъ и не интересуется ихъ содержаніемъ, но иногда живетъ и дѣйствуетъ въ разрѣзъ съ предписаніями церковными, руководясь нѣкими уставами и преданіями, ничего общаго съ церковнымъ уставомъ не имѣющими. Напримѣръ: о пищѣ въ вавечеріе Рождества Христова нашъ уставъ даетъ такое предписаніе: „и входимъ въ трапезу и ядимъ вареніе съ елеемъ, рыбы же не ядимъ“; еще строже относительно пищи выражается церковный уставъ, когда говоритъ о постѣ наканунѣ Богоявленія. „И входимъ въ трапезу и ядимъ съ древяномасліемъ, испиваемъ же вина. Сыра же и подобныхъ ему и рыбу нивако же дерзнемъ ясти; возбранено бо есть божественными правилами“.. Жизнь же современная даетъ намъ картану въ годъ въ годъ одну и ту же. Всюду во всѣхъ семьяхъ, гдѣ и доселѣ еще держится различіе дней праздничныхъ и скоромныхъ отъ будничныхъ и постныхъ; въ дни названыхъ повечерій, придутся-ли они въ среднѣхъ недѣляхъ, или въ субботу и воскресенье, безразлично соблюдается постъ, въ канунъ Рождества «до звѣзды», а въ канунъ Богоявленія «до святой воды», но потомъ во всѣхъ домахъ отъ хижинъ бѣдняка до палатъ богачей, затѣпливаются предъ иконами лампады, и всѣ члены семьи усаживаются за трапезу, обильную разнообразными, запрещенны-

ми уставомъ, рыбными яствами и всевозможными питіями. „Сочиво обварено“ или „кутія съ медомъ“ и непремѣнный „изваръ“ изъ сушеныхъ фруктовъ—это лишь ассексуары богадой, истинно—праздничной трапезы, ничѣмъ не напоминающей сотрапезникамъ ни о постѣ, ни о томъ, до чего, по уставу, „никако же деревнемъ“.

Въ жизни общественной, какъ извѣстно считается первымъ и элементарнымъ требованіемъ, чтобы появляющіеся въ публичныхъ собраніяхъ имѣли на себѣ приличный костюмъ, приходили бы въ болѣе или менѣе определенное время, а главное, вели бы себя чино и прилично. Храмъ Божій—мѣсто повседнежнаго общественнаго собранія христіанъ для молитвы—въ этомъ отношеніи почему-то составляетъ исключеніе. Сюда, вопреки требованію церковнаго устава являться въ одеждѣ «простой», «немятежной» (не бьющей на эффектъ) и „неукрашенной“ (т. е. безъ роскошныхъ перьевъ и дивныхъ птицъ) молящіяся въ наше время позволяютъ себѣ являться во всевозможныхъ костюмахъ. Не смотря на установленный церковью звонъ къ богослуженію, молящіяся появляются здѣсь, когда имъ заблагоразсудится. Заповѣдальнй богомолецъ, игнорируя 30 главу церковнаго устава, воспрещающую „ниже исходити кому, или входить, дождеже поставлено будетъ чтеніе“, входить въ храмъ, переполненный богомольцами, когда ему вздумается, при чемъ не останавливается у входа въ храмъ, но, надѣясь на привилегіи своего пола, силу мускуловъ или виѣшніа служебныа отличія, протискивается самымъ безцеремоннымъ образомъ впередъ, дави ноги стоящихъ богомольцевъ, наступая на колѣнопреклоненныхъ и толкая въ спину и бока сосредоточенныхъ на молитвѣ.

Посѣтителя храмовъ, не выпуская изъ рукъ своихъ „жезловъ“, по выраженію церковнаго устава, а на языкѣ нашего времени—тросточекъ и зонтиковъ, въ положенное по уставу время (Типик., гл. 26), стоятъ не благочинно, разсѣянно, переминаясь съ ногъ на ногу, озираясь по сторонамъ, *подтѣвая* фальшивымъ голосомъ и иногда съ искаженіемъ текста церковныхъ пѣснопѣній, чрезъ что „вѣчной муцѣ повинни суть, яко не повинуются святыхъ отецъ преданію и правиломъ“, возбраниющимъ *безчинный* вопль поющихъ въ церквѣ.

Чаще всего посѣтители храмовъ безъ всякаго стѣсненія проводятъ время въ разговорахъ и при томъ о предметахъ мірскихъ и суетныхъ, верѣдко даже со смѣхомъ.

Далѣе авторъ указываетъ на отступленія отъ устава въ поклонаніяхъ и молитвѣ въ храмѣ; въ совершеніи таинствъ: крещенія

(когда не умѣютъ произнести формулъ отрицанія отъ сатаны или стѣсняются громко прочесть символъ вѣры); исповѣди; брака (когда игривое настроеніе „уневѣстившихся“ заставляетъ думать, что они забыли святость таинства); въ семейной жизни (когда дѣти ложатся спать и встаютъ безъ молитвы, не подходятъ подъ благословеніе къ священнику“, но обучаются внимательно реверансамъ и книксенямъ). Профессоръ напоминаетъ современнымъ матерямъ слова Спасителя: *оставите дѣтей приходить ко Мнѣ и не браните ихъ* и жалѣетъ, что храмъ истиннаго высокаго религіознаго одушевленія для воспримчивой дѣтской души, остается часто совершенно недоступнымъ для дѣтей высшихъ классовъ. Между тѣмъ „доброе сѣмя религіозной вѣры, посеянное въ дѣтствѣ“, осталось бы на всю жизнь и послѣ могло бы сохранить человѣка отъ увлеченій съ истиннаго пути на „страну далече“¹⁾.

Почтенный профессоръ далѣе съ грустію говоритъ о недостаточномъ вліяніи свѣтской школы на развитіе религіозной настроенности юношей. „На изученіе нашего христіанскаго богослуженія, нищеть оное, на ознакомленіе съ храмомъ и его принадлежностями, съ церковною дисциплиною наша современная средняя школа, при сложности своихъ программъ, удѣляетъ поразительно ничтожное количество уроковъ, всего *два въ недѣлю* и только въ въ одномъ классѣ... Самый преданный своему дѣлу законоучитель при всемъ своемъ горячемъ желаніи, немного можетъ сообщить въ такое короткое время своимъ ученикамъ, изъ которыхъ очень многіе даже не владѣютъ церковною терминологіею, называя фелонь священника и стихарь діакона просто *ризами*, потиръ—сосудомъ или чашкою, дискось—блюдомъ, копіе—ножемъ, лжицу—ложкою и т. д. Учитель долженъ поэтому считать себя вполне

1) Незашнанич считаемъ привести здѣсь, вѣроятно, многими изъ насъ забываемое, а имѣетъ и неизвѣстное 80-е правило VI вселенскаго собора, которое гласитъ такъ: *Аще кто, епископъ, или пресоитеръ, или діаконъ, или кто либо изъ сопричисленныхъ къ клиру, или мирянинъ, не имѣя никакой настоятельной нужды или препятствія, которымъ бы надолго устраненъ былъ отъ своей Церкви, но пребывая во градѣ, въ три воскресные дни въ продолженіе трехъ седмицъ, не придетъ въ церковное собраніе: то клирикъ да будетъ изверженъ изъ клира, а мирянинъ, да будетъ удаленъ отъ общенія.* Не за открытое невѣріе, не за явное нечестіе, но даже за простую небрежность, которую мы и не ставимъ въ грѣхъ, за то только, что христіанинъ въ теченіе *трехъ седмицъ* ни разу не бывалъ въ храмѣ Божиѣмъ, правило соборное повелѣваетъ отлучать такового отъ общенія церковнаго. Большинство людей, вѣроятно, и неизвѣстно это правило. Но оно существуетъ, не отхѣнено и нигдѣ не можетъ быть отмѣнено, кромѣ вселенскаго собора: оно доселѣ имѣетъ силу дѣйствующаго церковнаго закона.

счастливымъ, если онъ успѣетъ за это короткое время: ознакомить своихъ учениковъ съ обширною церковно-литургическою номенклатурою, объяснить порядокъ важнѣйшихъ церковныхъ чинослѣдованій, уяснить смыслъ и значеніе главнѣйшихъ обрядовъ каждаго изъ нихъ и заучить разумно важнѣйшія церковныя пѣнопѣнія и болѣе употребительныя молитвословія, хотя бы въ чинахъ литургій св. І. Златоуста, Василія Великаго и иржеосвященныхъ даровъ. Ознакомить учениковъ практически съ болѣе или менѣе подробнымъ содержаніемъ главнѣйшихъ церковно-богослужбныхъ книгъ: Церковнаго Устава, Октоиха, Тріодей Пестной и Цвѣтной, Службника, Требника и другихъ книгъ, войти въ обстоятельныя историческія и церковно-археологическія объясненія нашихъ чинослѣдованій, отдѣльныхъ возгласовъ и обрядовъ, что несомнѣнно отразилось бы на живости и интересѣ постановки этого, весьма важнаго въ воспитаніи нашего юношества предмета, — у законоучителя нѣтъ времени. Не удивительно, поэтому, несколько, что питомцы школы, въ виду недостаточной подготовки дома и при плохомъ знаніи церковно-славянскаго языка, съ немалымъ напряженіемъ своихъ силъ и безъ особаго интереса усваиваютъ уроки о православномъ богослуженіи, получаютъ объ этомъ, въ высшей степени живомъ и интересномъ предметѣ совершенно невѣрнымъ представленіямъ, считаютъ его сухимъ и даже непригоднымъ къ жизни. По какому то для насъ непонятному недоразумѣнію, питомцы не только средней, но и высшей свѣтской школы болѣе къ этому важному предмету не возвращаются, и съ такимъ крайне бѣднымъ багажемъ знаній относительно храма и церковности вообще выступаютъ прямо въ жизнь, въ качествѣ дѣятелей общества и отцовъ новыхъ поколѣній.

— Съ радостнымъ событіемъ рожденія Христа Спасителя стоитъ въ тѣсной связи другое грустное событіе — безжалостное избіеніе Иродомъ ввелеемскихъ младенцевъ. Рассказавъ объ этомъ событіи, Евангелистъ Маттеей приводитъ предсказаніе о немъ пророка Іереміа — (Іер. 31 гл. 15 стихъ). По словамъ пророка, горе Ввелеемскихъ матерей, которыя тогда теряютъ дѣтей своихъ, раздѣлать и Рахиль, жена Іакова. Голосъ рыданій, плача и вопля о безвинно убитыхъ дѣтяхъ изъ Ввелеема и его окрестностей доидетъ до Рамы, мѣста упокоенія Рахили. Праматерь евреевъ, лежа во гробѣ, услышитъ вопли своихъ дочерей, возскорбитъ ихъ скорбію и сама безутѣшно заплачетъ о безвременно погвошихъ, ибо ихъ нѣтъ уже на свѣтѣ. Такамъ засвидѣтельствованная пророкомъ

отзывчивость сердца Рахили сдѣлала могилу ея священной для всѣхъ матерей и послужила основаніемъ для созданія трогательной легенды. Вотъ что по этому поводу пишетъ Г. Дорошевичъ въ своемъ описаніи Земли Обѣтованной.

Влизятся вечеръ. Солнце низко стоитъ, его горизонтальные лучи обѣгутъ по изумруднымъ склонамъ холмовъ, кадая длинными тѣни отъ оливковыхъ рощъ. На высокомъ холмѣ надъ обрывомъ стоитъ небольшая старая постройка съ круглымъ куполомъ.

Она окружена кладбищемъ. Постройка съ куполомъ—могила Рахили. Она центральный пунктъ кладбища. Среди могилъ, усѣвшись въ кружокъ, неподвижно сидятъ женщины. Опираясь на могильные памятники неподвижно стоятъ мужчины. Дремятъ верблюды, неподвижные, похожіе на черныя изваянія.

Проводникъ указываетъ вамъ на древнее зданіе и произноситъ имя, которое звучать какъ мелодія, доносящаяся издали, изъ глубины вѣковъ: „Вотъ могила Рахили“.

И встаетъ предъ вами при этомъ иномъ образъ прекрасной женщины, съ глазами, полными слезъ, безконечно красивыми и безконечно печальными, встаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и образъ великой матери, свято любимой и много страдавшей. Этотъ образъ, полный красоты и страданія, привлекаетъ къ себѣ всякое, особенно женское сердце. Онъ олицетворяетъ собою горе матерей, обреченныхъ родить чадъ въ болѣзняхъ.

Христіанскія паломницы останавливаются у этой великой могилы, чтобы поклониться похороненной здѣсь матери. Еврейки и мусульманки приводятъ сюда своихъ дѣтей, чтобы у могилы Рахили молиться о своихъ дѣтахъ. Сюда приходятъ мусульманскія дѣвушки предъ выходомъ замужъ и склоняются предъ могилкой великой жены и матери, чтобы она благословила ихъ.

Есть трогательное обыновеніе,—что мать, потерявшая своего ребенка, приходитъ плакать сюда. Здѣсь она рыдаетъ. Здѣсь у этой могилы, ищетъ себѣ утѣшенія и безмолвнаго сочувствія. И они сердцемъ понимаютъ другъ друга—несчастливая мать и женщина съ печальными глазами, лежащая тамъ, въ землѣ.

Эта могила—мѣсто затихающей печали и облегчающихъ слезъ. Сюда приводятъ добрые люди круглыхъ сиротъ, потому что Рахиль—мать всѣхъ, кто лишенъ материнской ласки.

Эта могила окружена легендой, красивой и трогательной, созданной христіанами арабами.

Легенда рассказываетъ о томъ страшномъ часѣ, когда про-

звучить труба великаго суда. Последнею встанетъ Рахиль, прекрасная женщина, съ печальными глазами, въ своей древней гробницы и поспѣшить въ долину страшнаго суда.

И услышитъ миръ вновь плачь Рахили. Она падетъ на колѣни предъ престоломъ лучезарнаго, Милосерднаго Бога и, простирая къ Нему свои прекрасныя, свои дрожащія руки, скажетъ ему:— «Именемъ страданій, которыя перенесла я, именемъ скорби матери, умоляю Тебя—пощади, не осуди тѣхъ, кто въ дѣтствѣ не зналъ материнской ласки. Прости всѣ грѣхи ихъ черствому, холодному, озлобленному сердцу, потому что въ дѣтствѣ это сердце не знало ласки матери, не было пригрѣто материнскою любовью. О, пощади, пощади ихъ, перенесшихъ самое тяжкое наказаніе еще раньше совершенія преступленія!»

И простретъ Милосердный Господь надъ нею свой пылающій скипертъ, и скажетъ Рахили Богъ любви и всепрощенія:—Во имя страданій, перенесенныхъ тобою, бѣдная мать, Я исполняю твою мольбу.

И скажетъ Онъ, обратись къ тѣмъ, кто не зналъ ласки матери:— Вы, кто не зналъ величайшей любви на землѣ, любви матери, вотъ ваша мать.

И припадутъ къ Рахили всѣ бездомныя, всѣ несчастныя, всѣ брошенныя, всѣ дѣта позора, и заплачутъ, какъ плачетъ больной, страдающій ребенокъ, припавъ на грудь матери.

И этотъ плачь умигнетъ сердце Бога. И будетъ день страха, рыданій, стenanій и воплей,—для нохъ двумъ свѣтлымъ, радостнымъ слезъ.

Самая могила Рахили, находящаяся подъ куполомъ, заперта.

Разъ въ годъ отпираютъ могилу Рахили, тогда женщины входятъ на поклоненіе ея гробницѣ. И окрестности оглашаются тогда стонами, рыданіями и плачемъ жёнъ и матерей.

Открыто для всѣхъ и всегда только предверіе гробницы, — не высокая комната съ маленькой запертой чугунной дверью въ одной изъ стѣнъ.

НЕКРОЛОГИ.

1902 года 20 сентября въ часъ дня, напутствуемый Тайнами Св Церкви, на 70 году отъ рожденія, скончался благочинный 2-го Старобѣльскаго округа, настоятель Успенской церкви слободы Маньковки, Буянскаго уѣзда, протоіерей Василій Григорьевичъ Поповъ.

Разлука съ тѣломъ кресткой души о. протоіерей совершилась при полномъ сознаніи почившаго.

14 сентября, въ день Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста Господня, покойный о. протоіерей, отслуживъ литургію, пришелъ домой и почувствовалъ себя нехорошо. Онъ не придавъ особеннаго значенія своему недомоганью, между тѣмъ оно усиливалось быстро и когда прибѣгли въ врачебной помощи, то оказалось, что у покойнаго началось крупозное воспаленіе легкихъ. Сознавъ опасность своего положенія, онъ просилъ напутствовать его святыми тайнами: покаянія, причащенія и елеосвященія; что и было исполнено. Предъ совершеніемъ послѣдняго таинства, дабы утѣшить свою плачущую семью, онъ подозвалъ къ себѣ свою жену и сказалъ ей: „знаешь ли что, моя дорогая? Я болѣю, и ты часто болѣешь: давай, вмѣстѣ побоборуемся святымъ елеємъ!“ По совершеніи св. елеосвященія, покойный о. протоіерей, окруженный любящимъ семействомъ и близкими родственниками, трогательно простился со всѣми, благословилъ ихъ и сдѣлалъ послѣднія распоряженія, предавая себя и семью свою волю Божію. Потомъ, какъ бы успокоившись, нѣсколько разъ повторилъ: „Нѣтъ, Богъ милостивъ! Богъ милостивъ!“ и тихо отошелъ въ вѣчность.

Покойный о. протоіерей, сынъ священника, родился въ слободѣ Базилевкѣ, Волчанскаго уѣзда, Харьковской епархіи. Въ 1855 г. окончилъ полный курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, а въ 1857 году рукоположенъ во священника къ Успенской церкви слободы Мазой-Рогозянки, Харьковскаго уѣзда; въ 1859 г., по ходатайству военнаго начальства, былъ переведенъ къ Успенской церкви слободы Маньковки, Купянскаго уѣзда, гдѣ и священствовалъ около 43 лѣтъ до самой смерти.

Маньковскій приходъ первоначально былъ малочисленный и бѣдный, а потому и храмъ устроенъ небольшой и деревянный, но заботами покойнаго о. протоіерей этотъ храмъ въ настоящее время приведенъ въ такое благолѣпіе, что въ присутствующихъ вызываетъ удивленіе. Прихожане слободы Маньковки, прежде не жившіе въ слободѣ приходскаго храма, рѣдко посѣщали богослуженіе, рѣдко слышали поученіе пастырей, а потому и въ религіозно-нравственномъ отношеніи стояли на низкой ступени. Молодой пастырь, поступивъ на приходъ, сразу виннулъ въ нравственные недостатки своей новой паствы. Особенное вниманіе онъ обратилъ на подрастающее поколѣніе: открылъ школу и нѣсколько лѣтъ содержалъ ее своими средствами. Всегда и вездѣ, а особенно во время посѣщенія домовъ прихожанъ съ молитвою предъ праздниками Рождества Христова и Пасхи, давалъ дѣтей, спрашивалъ ихъ молитвы, училъ правильно креститься, дѣлалъ наставленія и достойныхъ одаривалъ. Частымъ и благоговѣннымъ богослуженіемъ въ храмѣ, постояннымъ проповѣдываніемъ

слова Божія, покойный неумолимо боролся съ пороками, присущими его молодой паствѣ. И труды его были небезуспѣшны. Лица свѣтскія, знавшіе маньковцевъ еще до поступленія покойнаго о. протоіерея, единогласно говорятъ, что въ настоящее время прихожане слободы Маньковки совершенно перемѣнились: стали богобоязненны, тихи, скромны, уважительны и послушны.

Епархіальное начальство цѣнило труды покойнаго. Въ 1861 году онъ былъ награжденъ небедренникомъ; въ 1874 г. скуфьею; въ 1881 году камшляккою; въ 1887 г. награжденъ золотымъ напернымъ крестомъ; въ 1894 г. орденомъ св. Анны 3 степени; въ 1897 г., за ревность и наставленіе въ вѣрѣ и благочестіи дѣтей въ маньковской церковно приходской школѣ, награжденъ отъ Св. Синода библіею; въ 1899 г. самою протоіерея.

Въ 1881 году, какъ человекъ, выдающійся своими душевными качествами, былъ избранъ духовенствомъ благочиннымъ 2-го старобѣльскаго округа, наковую должность съ честью и похвалою несъ 21 годъ, до самой смерти. Выборъ былъ настолько удаченъ, что духовенство округа изъявило желаніе за двѣнадцатилѣтнюю примѣрную и безкорыстную службу его въ должности благочиннаго поднести ему отъ округа золотой, украшенный драгоценными камнями, наперный крестъ, каковой крестъ, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, 11 октября 1893 г. и былъ поднесенъ уважаемому покойному о. благочинному съ соответствующею надписью, при торжественномъ богослуженіи и собраніи духовенства округа и прихожанъ.

Успѣшій обладалъ рѣдкими душевными качествами: незлобивое сердце, добрая душа, готовая сочувственно откликнуться на все доброе, скромность, безкорыстіе, довольство въ жизни малымъ, радушіе, вѣжливостъ, гостепріимство, вотъ что привлекало къ усопшему любовь и уваженіе знавшихъ его. Какъ благочинный округа, онъ всеми, зависящими отъ него, средствами стремился къ тому, чтобы духовенство округа какъ между собою, такъ и по отношенію къ прихожанамъ жило миролюбиво; чтобы всякія недоумѣнія рѣшались братски. За 21 годъ его благочиннической службы ни одинъ человекъ не можетъ упрекнуть его въ умышленныхъ несправедливыхъ дѣйствіяхъ, или побужденіяхъ своекорыстныхъ. Въ этомъ отношеніи покойный былъ чистъ, какъ ясное солнце. Обозрѣніе церковью округа и посѣщеніе домовъ духовенства было настоящимъ праздникомъ для насъ. Тихо, скромно, какъ бы боясь нарушить нашъ покой, или отвлечь насъ отъ хозяйственныхъ занятій, пріѣзжалъ къ намъ любвеобильный наипъ о. благочинный. Въ храмахъ нашихъ онъ обращалъ вниманіе на все, а особенно, какъ любитель изящнаго и знатокъ живописи,

указывалъ на недостатки иконописанія и чистоты въ храмахъ. Обращеніе его и съ низшими членами прията было благородное; онъ никогда не выходялъ изъ себя, никогда не возвышалъ голоса, а если дѣлалъ замѣчанія, то въ формѣ не столько начальственной, сколько братской; но слово его было сильно и убѣдительно и всегда оказывалось дѣйственнымъ. Жаль и совѣстно было тому, кто по недосмотру, или унущенію, павлекалъ замѣчаніе покойнаго котораго мы любили и новиновались не за страхъ, а за совѣсть.

22 сентября послѣ литургіи совершено погребеніе почившаго по установленному чину о. духовникомъ округа, въ сослуженіи 13 священниковъ и 8 діаконъ округа, изъ коихъ 9 священниковъ говорили прочувствованныя слова и рѣчи, въ которыхъ изображали свѣтлый ликъ покойнаго и выражали скорбь объ уtratѣ дорогаго собрата и начальника. Умильтельное отпѣваніе, при участіи очень хорошаго хора, продолжалось около 4 часовъ. Прикомантъ и постороннихъ сосѣднихъ жителей къ погребенію собралось такое множество, что церковь могла помѣститъ только четвертую часть; остальные стояли въ оградѣ и внѣ оной. Трогательно было прощаніе паствы съ своимъ любимымъ пастыремъ. Матер. приводили и приносили дѣтей и прикладывали къ рукѣ усопшаго. Могила была приготовлена въ церковной оградѣ, гдѣ и погребено тѣло покойника.

Собравшееся на погребеніе духовенство округа выразило желаніе отслужить всѣмъ округомъ сорокоусть по усопшемъ, устроить на могилѣ его памятникъ съ приличествующею надписью, стоимостью до 300 рублей и взнести капиталъ на вѣное помянованіе души приснопамятнаго протоіерея Вашия Добрыя желанія въ настоящее время уже приведены въ исполненіе.

Духовникъ округа, священникъ *Н. Касьяновъ*.

Леонидъ Дикаревъ. Рождественскіе праздники въ Семинаріи омрачены были смертью цвѣтущаго здоровьемъ юноши, воспитанника 3-го класса Леонида Дикарева. Покойный за два дня до праздника Рождества Христова заболѣлъ инфлюенцей, которая осложнилась воспаленіемъ мозга, повлекшимъ за собою роковой исходъ. Неожиданная смерть (30 декабря) юноши произвела ошеломляющее впечатлѣніе и на преподавателей и на всѣхъ товарищей его. Безъ сомнѣнія, она паразитъ безутѣнную скорбію и его бѣдную мать, вдову псаломщика, живущую въ глуши Старобѣльскаго уѣзда. Скорбь ея должна быть тѣмъ сильнѣе, что ей не пришлось закрыть очи своему младшему сыну, взглянуть на дорогія черты лица его, сказать ему послѣднее прощаніе. Знаемъ, что, подобно Рахили, она будетъ горько пла-

като о безвременно умершемъ сынѣ своемъ и не захочетъ утѣшиться: ибо не стало на свѣтѣ того, къ комъ надѣялась она найти утѣху и опору въ своей старости... Если эти слюда дойдутъ до слуха скорбящей матери, пусть знаетъ она, что юный сынъ ея умеръ какъ истинный христіанинъ: за три часа до своей смерти онъ въ полномъ сознаниіи исповѣдался и Св. Таинъ приобщился. Пусть знаетъ бѣдная мать, что умершему сыну ея закрыли глаза хоть и не родныя, но близкія къ нему и любящія его руки, что тѣло почившаго съ минуты смерти до преданія землѣ тѣсною толпою окружали сердечно расположенные къ нему товарищи его. Пусть знаетъ она и то, что почившій удостоился рѣдкаго, въ наше время немногимъ достижимаго напутствія въ загробный міръ. Высокопреосвященнѣйшій Владыка Флавіанъ, узнавъ о кончинѣ одинокаго сироты, питомца Семиваріи, какъ родной отецъ, самъ прибылъ ко гробу почившаго, молился объ упокоеніи души его и, соборно совершивъ чинъ погребенія, напутствовалъ преждевременно угасшаго для земной жизни юношу въ жизнь вѣчную.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Находитея въ продажѣ брошюра
проф. А. Ѳ. БРАНДТА:

„ОТЪ МАТЕРІАЛИЗМА КЪ СПИРИТУАЛИЗМУ“.

Рѣчь, произнесенная на годовичномъ актѣ Императорскаго Харьковскаго университета 17 января 1902 года Харьковъ. 1902 г. Цѣна 50 коп. съ пересылкою. Складъ изданія у автора: Харьковъ, Ветеринарная улица, 13.

ИКОНОСТАСНАЯ ФАБРИКА

Ивана Ефимовича Гетмана съ С-ми

ВЪ ТАМАРОВКѢ,

Куреккой губерніи, Бѣлгородскаго уѣзда.

(Серебр. мед. на всерос. выст. 1887 г. въ Харьковѣ)

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА УСТРОЙСТВО

ИКОНОСТАСОВЪ И КЮТОВЪ

въ православныхъ церквяхъ, написаніе въ нихъ живописи и украшенія стѣнъ альфрейной росписью.

Заказы исполняются прочно, аккуратно и по утѣренныиъ цѣнамъ, гдѣ нужно—съ разсрочкой платежа.

ОБЪ ИЗДАНИИ МИССИОНЕРСКАГО ЖУРНАЛА .

Православный Благовѣстникъ

въ 1903 г.

(Одиннадцатый годъ изданія).

Изданіе миссіонерскаго журнала „Православный Благовѣстникъ“
будетъ продолжаться и въ 1903 году.

„Православный Благовѣстникъ“, какъ органъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, имѣетъ своею цѣлю—съ одной стороны высленіе великой важности миссіонерскаго служенія для Русской православной церкви и Русскаго государства, а съ другой—возможно-полное и вѣрное изображеніе дѣятельности нашихъ отечественныхъ вѣропроповѣдниковъ (миссіонеровъ), я тѣхъ условій, среди которыхъ она совершается въ настоящее время.

Программа журнала слѣдующая:

I. Отдѣлъ **официальный**. Постановленія и распоряженія Правительства, касающіяся Миссіонерскаго Общества и его дѣятельности. Распоряженія Совѣта Миссіонерскаго Общества. Его отчеты. Свѣдѣнія о дѣятельности Епархіальныхъ Комитетовъ Общества.

II. **Руководящія** статьи по вопросамъ, касающимся миссіонерскаго дѣла въ Россіи.

III. Современное положеніе отечественныхъ миссій. Географическіе очерки мѣстностей, населенныхъ инородцами и служащихъ поприщемъ дѣятельности для нашихъ вѣропроповѣдниковъ. Очерки этнографическіе, изображающіе религіозно-нравственныя воззрѣнія инородцевъ, ихъ бытъ, а также семейныя и общественныя отношенія въ связи съ религіозными вѣрованіями. Русскіе вѣропроповѣдники въ мѣстахъ ихъ постоянной дѣятельности, внѣшняя сторона ихъ жизни. Проповѣдь, условія, благопріятствующія проповѣди или же останавливающія ея успѣхи. Мѣры, принимаемыя къ утвержденію православія между новообращенными инородцами и сближеніе ихъ съ русскими. Просвѣдительно-благотворительныя учрежденія въ православно-русскихъ миссіяхъ.

IV. **Очерки и разсказы** изъ исторіи первоначальнаго распространенія христіанства въ разныхъ странахъ свѣта и преимущественно въ Россіи. Судьбы отечественныхъ миссій въ ближайшемъ прошломъ.

V. **Миссіонерская дѣятельность на западѣ**. Свѣдѣнія о католическихъ и протестантскихъ миссіяхъ и ихъ дѣятельности преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ и странахъ, гдѣ эти миссіи вступаютъ въ соприкосновеніе и борьбу съ православіемъ.

VI. **Извѣстія и замѣтки**: краткія отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся къ миссіонерскому дѣлу и заимствуемыя изъ газетъ, писемъ и пр.

VII. **Библиографія**. Отзыви о разныхъ книгахъ и статьяхъ, относящихся къ миссіонерству.

VIII. **Извѣстія** о пожертвованіяхъ, поступающихъ въ пользу православно-русскихъ миссій.

IX. **Объявленія**.

Журналъ выходитъ *два раза* въ мѣсяць (15 и 30) книжкою, въ объемѣ не менѣе *четырехъ* печатныхъ листовъ. Цѣна изданія *четыре* рубли. О коп. безъ пересылки и *пять рублей* съ пересылкою.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Православный Благовѣстникъ“, а также въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Адресъ редакціи и канцеляріи: Москва, Срѣтевка, домъ Спасской церкви.

Остающіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журнала за прежніе (съ 1893) годы могутъ быть высланы по *три рубля*.

Редакторъ Н. Комаровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ
ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

— * Н А * —

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ“.

Журналъ издается при Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ въ духъ частяхъ—официальной и неофициальной.

Въ *официальной* части помѣщаются: Высочайшія повелѣнія по вѣдомству православнаго исповѣданія, руководственныя и разъяснительныя постановленія Св. Синода, приказы и сообщенія Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода и распоряженія состоящихъ при Центральномъ Управленіи духовнаго вѣдомства учреждений—Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ, Учебнаго Комитета, Училищнаго Совѣта и др. Въ официальной части журналъ сей есть органъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

Въ *неофициальной* части помѣщаются слова, избранныя изъ твореній святоотеческихъ, и проповѣди современныхъ архипастырей и пастырей Русской церкви и статьи богословскаго и церковно историческаго содержания примѣнительно къ нуждамъ и запросамъ времени. Особый отдѣлъ посвящается возможно полному обзору текущей церковной жизни и заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о монастыряхъ и церквахъ, о праздникахъ и церковныхъ торжествахъ, о выдающихся событіяхъ епархіальной жизни, о распоряженіяхъ архипастырей и состоящихъ при нихъ епархіальныхъ учреждений, о духовно учебныхъ заведеніяхъ, церковно-приходскихъ школахъ, изъ жизни русскаго раскола и сектанства и пр. Въ журналѣ дѣлается обзоръ богословской журнальной литературы и отмѣчаются выдающіяся изъ выходящихъ въ свѣтъ книгъ духовнаго содержанія, также ведется постоянная хроника церковной жизни на православномъ востоцѣ и на инославномъ западѣ и даются отвѣты на разные запросы и недоумѣнія возникающія въ пастырской и церковно богослужбной практикѣ. Журналъ выходитъ еженедѣльно въ объемѣ трехъ печатныхъ листовъ и расходуется въ 42000 экземпляровъ.

Цѣна на годъ 3 руб. съ пересылкой, за границу 4 руб., отдѣльный номеръ—10 коп. Объявленія печатаются по слѣдующей цѣнѣ: за объявленіе, занимающее страницу—70 р., половину страницы—85 р., за мѣсто, занимаемое строкой петита въ два столбца—1 р. и за мѣсто, занимаемое строкой петита въ одинъ столбецъ—50 к. Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ Конторѣ „Церк. Вѣд.“ (Бонновгард. бульв. д. 5, кв. 7), а для иногороднихъ въ Хозяйственномъ Управленіи при Св. Синодѣ.

Редакторъ Протоіерей Петръ Смирновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ ХРИСТІАНСКОЙ СЕМЬѢ

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ГАЗЕТЫ

„СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ“.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Допущенъ въ библиотеки духовно-учебныхъ заведеній. АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Мясницкая, домъ Николаевской церкви.

За 4 р. въ годъ съ пересылкой и доставкой въ 1903 г. будетъ дано: 52 №№ журнала иллюстрированнаго, въ объемѣ 1½ печатныхъ листовъ, большого формата каждый по слѣдующей программѣ: 1) Церковь Христова въ ея прошломъ. Очерки и рассказы изъ исторіи библейской, общей, русской, церковной и гражданской. Въ виду неоднократныхъ заявленій многихъ подписчиковъ о назрѣвшей нуждѣ въ популярныхъ чтеніяхъ по русской исторіи, въ слѣдующемъ году **БУДЕТЪ ВВЕДЕНЪ НОВЫЙ ОТДѢЛЪ**. „Чтенія въ школѣ“ 2) Церковь Христова въ ея настоящемъ. Жизнеописанія служителей Христовой истины, воспоминанія о нихъ и отдѣльные случаи изъ ихъ жизни. 3) Христіанское богослуженіе. Исторія его и его значеніе. 4) Христіанское искусство. Исторія его и современное состояніе. 5) Церковная географія. Путешествія, описанія святыхъ мѣстъ Востока и русскихъ святыхъ. 6) Евангельская проповѣдь. Подвиги проповѣдниковъ евангелія на окраинахъ русской земли и за предѣлами оной. 7) Христіанская мысль. Вѣрученіе и правоученіе. Благодатныя явленія вѣры. Духовно-правоучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ 8) Религіозно-нравственная оцѣнка художественныхъ произведеній свѣтской литературы 9) Церковно-бытовая жизнь. Рассказы, дневники, записки, воспоминанія изъ церковно-бытовой и религіозно-нравственной жизни.

52 №№ газеты „Современная лѣтопись“ по слѣдующей программѣ: 1) Статьи по церковно-общественнымъ вопросамъ. 2) Церковно-общественная жизнь въ Россіи. 3) Распоряженія епархіальныхъ начальствъ. 4) Среди газетъ и журналовъ. 5) Церковно-общественная жизнь заграничной. 6) Разныя извѣстія.

Кромѣ этого, съ 1903 г. будутъ даны слѣдующія приложенія:

52 №№ „Воскресныхъ листовъ“, пріобрѣтшихъ такую извѣстность, что ихъ каждый годъ расходится нѣсколько милліоновъ экземпляровъ. „Въ Воскресныхъ Листкахъ“ будутъ помѣщаться простыя назидательные рассказы изъ житій святыхъ съ нравственными приложеніями для простаго народа.

12 книгъ поученій „Пастырскія Назиданія“ на всѣ воскресные и праздничные дни. Книги „Пастырскія назиданія“ будутъ разсылаться за нѣсколько мѣсяцевъ до произнесенія поученій въ Церкви.

12 книгъ вѣдѣбогослужебн. бесѣдъ „Воскресный Собѣдникъ“. Содержаніемъ бесѣдъ будетъ объясненіе молитвы Господней и евангельскихъ заповѣдей блаженства съ нравственными уроками, примѣрами изъ жизни святыхъ и общественной жизни.

Подписная цѣна на „Воскресный День“ со всѣми приложеніями, съ пересылкой и доставкой, на годъ 4 руб., на ½ года 2 р. 50 к. Благочинные, выписывающіе журналъ не менѣе 10 экз., получаютъ еще 11 экз. бесплатно. Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи: Мясницкая, д. Николаевской церкви.

Редакторъ-издатель священникъ С. Уваровъ.

При командѣ №, независимо отъ другихъ приложений, подписчики получаютъ одной книжкѣ, а новыя подписчики, вписывающіе также (за 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.) первые 12 томовъ соч. Лѣскова, получаютъ ихъ при первомъ номерѣ за 1903 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ

(34-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СО МНОГИМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

НИВА.

Гг. подписчики «НИВЫ» получаютъ въ теченіе 1903 года: 52 №№ художественно-литературнаго журнала «НИВА», заключающаго въ себѣ въ теченіе года до 2000 столбцовъ текста и 1100 гравюръ, рисунковъ и художественныхъ снимковъ. 40 томовъ „Сборника Нивы“ (каждый отъ 10—15 листовъ, въ общемъ около 9000 страницъ), содержащихъ:

полное собраніе сочиненій **Ант. П. Чехова** (цѣна въ отдѣльн. продажѣ въ 16 томахъ жѣ 17 р. 50 к.), которое будетъ отпечатано четкимъ шрифтомъ на хорошо-глазированной бумагѣ и будетъ выдано въ теченіе одного 1903 г., и остальные 24 тома полнаго собранія сочиненій

Н. С. Лѣскова (цѣна въ отдѣльной продажѣ 17 р.), значительно дополненнаго многими произведеніями, не вошедшими въ прежнія изданія, въ томъ числѣ: По поводу „Крейцеровой сонаты“, „Мелочи архіерейской жизни“, „Расточитель“ и другіе.

12 книгъ „Ежемесячныхъ литературныхъ и популярно-научныхъ приложений“, содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы библіографіи, музыки, смѣсы, шахматовъ и шахежъ, спорта, забавъ и разныхъ игръ. До 2000 столбцовъ текста съ иллюстраціями. 12 №№ „парижскихъ модъ“, выходящихъ ежемѣсячно. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразныя вопросы подписчиковъ. 12 листовъ рисунковъ (около 300) для руководящихъ и вышнихъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно. 1) „Стѣнной календарь“ на 1903 г., отпечатанный въ 9 красокъ. Подписная цѣна на годовое изданіе со всѣми приложениями: безъ доставки: 1) въ СПб.—6 р. 50 к. 2) въ Москвѣ, въ конт. Н. Н. Печковской (Петровск. линія)—7 р. 25 к. 3) въ Одессѣ, въ кн. маг. „Образованіе“ (Ришельевск. № 12)—7 р. 50 коп. Съ доставкой въ С.-Петербургѣ—7 руб. 50 коп. Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 8 руб. За границу—12 руб. Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока. Новыя подписчики, желающіе получить, кроми „Нивы 1903 г. со всѣми приложениями, — еще первые 12 томовъ полнаго собранія соч. Лѣскова, приложенные при „Нивѣ“ въ 1902 г., доплачиваютъ одновременно при подпискѣ: безъ доставки въ СПб. 1 р. 50 к.; безъ доставки въ Москвѣ и Одессѣ 1 р. 75 к. Съ доставкою въ СПб. и съ пересылкой иногороднымъ и за границу—2 р., такъ что подписная цѣна составить: безъ доставки 1) въ С.-Петербургѣ—8 р., въ Москвѣ у Н. Печковской—9 р., 3) въ Одессѣ въ книжномъ магазинѣ „Образованіе“—9 р. 25 к. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ—9 р. 50 к., съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи—10 р. и за границу—14 руб.

Требованія просятъ адресовать: въ С.-Петербургѣ, въ Главную Контору журнала «Нива» (А. Ф. Марксу), улица Гоголя (бывш. Малая Морская) домъ № 22.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Января № 2. 1903 года.

Содержаніе. Правила для производства испытаній лицамъ, не окончившимъ полного курса въ духовныхъ семинаріяхъ и желающимъ получить должность псаломщика, санъ діакона или священника въ Харьковской епархіи.—Программа для производства испытаній такимъ лицамъ.—Указъ относительно выдачи православнымъ духовенствомъ предбрачныхъ свидѣтельствъ лицамъ, намѣривающимся вступить въ бракъ въ предѣлахъ Германіи, по тамошнимъ законамъ.—Опредѣленіе Святейшаго Синода о новыхъ правахъ Епархіальныхъ наблюдателей.—Приказъ Оберъ-Прокурора о назначеніи на должность.—Отъ Министерства Финансовъ.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901—1902 учебн. годъ (продолженіе).—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

П Р А В И Л А

для производства испытаній лицамъ, не окончившимъ полного курса въ духовныхъ семинаріяхъ и желающимъ получить должность псаломщика, санъ діакона или священника въ Харьковской епархіи.

§ 1. Испытанія для полученія сана священника производятся при духовной семинаріи комиссією, подъ предсѣдательствомъ ректора семинаріи, изъ преподавателей тѣхъ предметовъ, по которымъ производятся испытанія.

§ 2. Для полученія сана діакона или должности псаломщика испытанія производятся при духовномъ училищѣ экзаменаціонною комиссією, подъ предсѣдательствомъ смотрителя училища, изъ его помощника, одного изъ преподавателей, по назначенію каждый разъ смотрителя, и учителя пѣнія.

Примѣчаніе. Если ректоръ или смотритель почему либо не могутъ присутствовать при производствѣ испытаній, то предсѣдательствуютъ въ комиссіяхъ инспекторъ семинаріи или помощникъ смотрителя.

§ 3. Къ испытаніямъ допускаются: а) для полученія права на занятіе должности псаломщика лица православнаго исповѣданія,

имѣющія не менѣе 16 лѣтъ; б) для полученія сана діакона псаломщики и учителя церковныхъ школъ, прослужившіе въ этихъ должностяхъ не менѣе 3 лѣтъ и имѣющіе отъ роду не менѣе 24 лѣтъ, и в) для полученія сана священника—діаконы не моложе 30 лѣтъ, прослужившіе въ должности псаломщика, или учителя церковныхъ школъ, или въ санѣ діакона, всего не менѣе 10 лѣтъ; при чемъ въ санѣ діакона не менѣе 5 лѣтъ.

Примѣчаніе. Допущеніе къ испытаніямъ лицъ, окончившихъ курсъ въ среднихъ и высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, дѣлается каждый разъ по особому усмотрѣнію Епархіальнаго Преосвященнаго.

§ 4. Лица, желающія подвергнуться испытанію для полученія сана діакона или священника и удовлетворяющія требованіямъ § 3 сихъ правилъ, подаютъ прошенія на имя Епархіальнаго Преосвященнаго, а лица, желающія получить должность псаломщика, подаютъ прошенія на имя Преосвященнаго Викарія.

§ 5. Къ прошеніямъ прилагаются: 1) лицами, ищущими должности псаломщика или сана діакона, свидѣтельства: о рожденіи и крещеніи, о званіи, о бытіи у исповѣди и св. причастія, и, если имѣются, свидѣтельства о прохожденіи курса въ учебныхъ заведеніяхъ, и 2) діаконами, ищущими сана священника,—формуляръ о службѣ, засвидѣтельствованный мѣстнымъ благочиннымъ. Прошенія съ документами передаются Преосвященнымъ въ ихъ канцеляріи, которыя провѣряютъ, соотвѣтствуютъ ли представленныя документы §§ 3 и 11 настоящихъ правилъ. Согласно особымъ на сей предметъ указаній, дѣлаются всѣ нужныя справки, и затѣмъ отъ усмотрѣнія Преосвященнаго зависитъ, допустить или нѣтъ просителей до экзамена.

§ 6. По наложеніи резолюцій Преосвященнымъ, прошенія съ документами поступаютъ въ Консисторію, которая извѣщаетъ комиссію о тѣхъ лицахъ, которымъ дано разрѣшеніе держать экзамень и препровождаетъ въ комиссію при этомъ документа.

§ 7. Испытанія экзаменаціонными комиссіями производятся въ среднихъ числахъ каждаго мѣсяца, приблизительно отъ 15 до 20 числа, по особымъ, приложеннымъ при семъ, программамъ.

Примѣчаніе. Испытанія не производятся: въ первую и страстную седмицы Великаго поста; также не производятся испытанія: для полученія сана священника съ 1 мая по 1 сентября, а для полученія сана діакона или должности псаломщика съ 1 іюня по 1 августа, кромѣ случаевъ экстренныхъ.

§ 8. Для получения должности псаломщика испытанія бываютъ полныя и сокращенныя. Полному испытанію, т. е. по всѣмъ предметамъ въ объемѣ приложенныхъ при семь программъ, подвергаются всѣ лица съ домашнимъ образованіемъ, а также не окончившіе полного курса въ народныхъ школахъ (церковно-приходскихъ, земскихъ, министерскихъ и др.), уволенные изъ 1 класса духовныхъ училищъ, или другихъ учебныхъ заведеній, равныхъ имъ по программамъ.—Лица, имѣющія свидетельства объ окончаніи полного курса въ одномъ изъ народныхъ училищъ, или выбывшія со второго класса духовныхъ училищъ, или другихъ равныхъ имъ по программамъ учебныхъ заведеній, подвергаются сокращенному испытанію, а именно—совершенно освобождаются отъ экзаменовъ по русскому языку и арифметикѣ, но держатъ полный экзаменъ по Закону Божію, церковно-славянскому языку, церковному уставу и церковному пѣнію. Кроме того, они испытываются въ умѣнны писать, которое должно быть таково, чтобы давало возможность вести церковныя документы четкимъ почеркомъ и безъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ. Лица же, окончившія полный курсъ въ духовныхъ училищахъ, второкласныхъ церковныхъ школахъ, или выбывшія изъ духовныхъ семинарій до окончанія полного курса, если послѣ выхода изъ учебнаго заведенія прошло не болѣе 2 лѣтъ, подвергаются испытанію только по церковному уставу, церковно-славянскому языку и церковному пѣнію; если же по выходѣ изъ учебныхъ заведеній прошло болѣе двухъ лѣтъ, то они освобождаются только отъ испытаній по русскому языку и арифметикѣ.

Примѣчаніе. На лицъ, окончившихъ полный курсъ въ одномъ изъ учебныхъ заведеній не духовнаго вѣдомства, двухгодичный льготный срокъ не распространяется, но они подвергаются во всякое время полному испытанію по всѣмъ предметамъ, кроме русскаго языка и арифметики.

§ 9. Степень познаній подвергающихся испытаніямъ опредѣляется установленными баллами или цифрами, при чемъ 5 означаетъ познанія отличныя, 4 очень хорошія, 3 удовлетворительныя, 2 посредственныя и 1—слабыя.

§ 10. Лица, получившія на экзаменѣ по каждому предмету отдѣльно не менѣе балла 3, признаются выдержавшими испытаніе удовлетворительно.

§ 11. Лица, получившія на полномъ экзаменѣ баллъ 2 или 1 по одному предмету, допускаются ко вторичному экзамену по этому предмету не ранѣе, какъ черезъ мѣсяць, а получившія по двумъ

предметамъ — не ранѣе, какъ черезъ $\frac{1}{2}$ года по этимъ только предметамъ; получившіе же неудовлетворительныя отиѣтки болѣе чѣмъ по двумъ предметамъ допускаются ко вторичному (полному) экзамену не ранѣе, какъ черезъ годъ. Въ третій разъ къ испытаніямъ допускаются не ранѣе, какъ черезъ годъ послѣ вторичнаго экзамена. Испытаніе въ 4 разъ совсѣмъ не допускается.

Примѣчаніе. Лица, подвергающіяся сокращенному испытанію, т. е. по двумъ или тремъ предметамъ, не пользуются правомъ переекзаменовки, но должны держать вторично полное испытаніе по слѣдующимъ имъ предметамъ.

§ 12. Послѣ испытаній составляется о каждомъ подвергавшемся экзамену отдѣльный протоколъ, въ которомъ означается составъ комиссіи, перечисляются документы, представленные въ комиссію, указывается порядокъ экзамена и предметы, по которымъ производился экзамень, съ обозначеніемъ вопросовъ, которые предлагались по каждому предмету, и балловъ, какими комиссія обозначила познаніа экзаменовавшагося, и наконецъ — заключеніе комиссіи о результатѣ испытаній. Протоколъ со всѣми документами представляется предсѣдателемъ комиссіи Епархіальному или Викарному Преосвященному.

§ 13. Документы и протоколы объ испытаніи лицъ, не выдержавшихъ экзамена, но имѣющихъ право на переекзаменовку и желающихъ воспользоваться этимъ правомъ, остаются у предсѣдателя комиссіи до переекзаменовки, о результатѣ которой дѣлается въ протоколѣ дополнительная надпись, а потомъ протоколъ съ документами препровождается, согласно § 12, Епархіальному или Викарному Преосвященному.

§ 14. Комиссія ведетъ хронологическій и алфавитный реестръ лицамъ, державшимъ испытанія съ отиѣткою о результатѣ этихъ испытаній. Подобный же реестръ ведется и о лицахъ, которымъ не разрѣшено держать испытаніе, о чемъ канцеляріи Преосвященныхъ сообщаютъ комиссія.

§ 15. Комиссія предварительно испытаній дѣлаетъ справки въ реестрахъ для предупрежденія злоупотребленій со стороны лицъ, которымъ было отказано держать экзамень.

Правила эти утверждены Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Флавіаномъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, 7 января 1903.

П Р О Г Р А М М Ы

для производства испытаній лицамъ, не окончившимъ полнаго курса въ духовныхъ семинаріяхъ и желающимъ получить должность псаломщика, санъ діакона или священника въ Харьковской епархіи.

1. Для лицъ, ищущихъ должности псаломщика.

По Закону Божію.

а) Знаніе назусть съ объясненіемъ общеупотребительныхъ молитвъ в пѣснопѣній православной церкви, а именно: молитвы Господней, Св. Духу, утренней и вечерней, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, за Царя; тропарей воскресныхъ, двенадцатыхъ и мѣстнотчтимыхъ праздниковъ, пѣснопѣній литургій, пасхальныхъ часовъ и символа вѣры.

б) Священная исторія Ветхаго и Новаго завѣта въ объемѣ программы для двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ.

в) Краткій катихизисъ съ подробнымъ знаніемъ изъ пространнаго катихизиса: ученія о совершеніи нашего спасенія Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ (3 и 4 члены Символа вѣры), ученія о церкви (9 членъ Символа вѣры), таинствахъ (чл. 10), воскресеніи мертвыхъ и жизни будущаго вѣка (чл. 11 и 12) и обь истинности иконопочитанія въ Православной Церкви (2 заповѣдь Закона Божія).

г) По церковному уставу. Предварительныя свѣдѣнія о церковномъ уставѣ и Богослуженіи. Мѣсто Богослуженія. Вышній видъ храма, внутреннее его устройство. Алтарь: престолъ и священные предметы, на немъ нахлопяіеся, жертвенникъ и литургійные сосуды. Средній храмъ: иконостасъ, солея, вѣлросы, притворъ. Назначеніе и символическое знаменованіе храма и его принадлежностей. Лица, совершающія Богослуженіе: священнослужители и церковнослужители. Священные облаченія. Способъ созыванія вѣрущихъ къ Богослуженію: звонъ, трезвонъ, перезвонъ. О Богослуженіи общественномъ. Понятіе о Богослуженіи Православной Церкви и составныхъ его частяхъ. Молитвы и пѣснопѣнія. Различныя наименованія входящихъ въ Богослуженіе молитвъ и пѣснопѣній, происшедшія отъ а) содержанія ихъ, б) положенія молящихся во время ихъ прознесенія или особаго ихъ изложенія, г) времени, въ которое онѣ начинаются или отъ словъ, которыя

въ нихъ чаще повторяются. Чтенія въ книгъ Священнаго Писанія. Постановленія устѣва касательно чтенія изъ книгъ Свящ. Писанія; т. е. апостоловъ, евангелій, паремій, каѳизмъ. Священнодѣйствія (обряды), совершаемыя при Богослуженіи: благословеніе священнодѣйствующаго, кажденіе еѳіамомъ, возженіе свѣтильниковъ, окропленіе водою, помазаніе елеемъ, крестное знаменіе и поклоны, колѣнопреклоненіе, воздѣяніе рукъ, паленіе нипъ и т. п. Число чиновослѣдованій общественнаго Богослуженія и время ихъ совершенія. Различныя соединенія чиновослѣдованій общественнаго Богослуженія. Понятіе о кругахъ Богослуженія—седмичномъ, годовомъ и подвижныхъ дней. Содержаніе богослужебныхъ книгъ: часослова, служебника, октоиха, миней, тріодей и слѣдованной псалтири. Понятіе о церковномъ уставѣ (типиконъ). Постановленія церковнаго устава относительно образа церковнаго чтенія и пѣнія. Богослуженіе круга седмичнаго: а) Богослуженіе простодневное. Чинопослѣдованіе полунощницы (вседневной, субботней и воскресной), утрени, часовъ (1, 3, 6 и 9), изобразительныхъ, вечерни и повечерія, какъ они изложены въ часословѣ, съ указаніями дополненій изъ октоиха и миней. Цѣль установленія этихъ службъ и воспоминанія, соединенныя съ каждою изъ нихъ. Литургія по чину Св. Іоанна Златоустаго, ея установленіе и раздѣленіе на части: а) совершеніе проскомидіи, б) чинъ литургіи оглашенныхъ, в) чинъ литургіи вѣрныхъ. Объясненіе непонятныхъ выраженій въ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ ея; символическое значеніе ея обрядовъ. Особенности литургіи Св. Василія Великаго. б) Богослуженіе субботнее. Особенности его на всѣхъ чиновослѣдованіяхъ, сравнительно съ простодневымъ. в) Богослуженіе воскресное. Воскресная вечерня и утрени. Всенощное бдѣніе. Богослуженіе въ праздники круга годового. Отличительныя черты праздничнаго Богослуженія. Степени праздниковъ. Особенности богослуженія дней шестиричныхъ со славословіемъ великимъ, съ поліелеемъ, со всенощнымъ бдѣніемъ. Общія особенности въ Богослуженія великихъ праздниковъ. Частныя особенности въ Богослуженія неподвижныхъ двудесятихъ праздниковъ. Богослуженіе въ подвижные дни. а) Богослуженія по тріоди постной. Особенности Богослуженія въ седмицы приготовительныя къ Великому посту. Общія особенности въ Богослуженія Великаго поста. Чинъ литургіи преждеосвященныхъ даровъ. Частныя особенности Богослуженія въ дни Четырдесятницы. Праздникъ Входа Господня въ Іерусалимъ. Богослуженіе Страстной седмицы. б)

Богослуженіе по тріоди цвѣтної. Особенности Богослуженія Пасхальнаго. Богослуженіе въ дни отъ Пасхи до Пятидесятницы. Праздникъ Вознесенія Господня. Праздникъ Пятидесятницы. Браткія свѣдѣнія о церковныхъ требахъ. Содержаніе требника. Практическое знакомство со всѣми богослужебными книгами.

По русскому языку.

Знаніе этого предмета въ объемѣ программы для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Умѣніе четко и безъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ писать, каковое умѣнье давало-бы возможность правильно вести церковные документы.

По церковно-славянскому языку.

Умѣніе четко, бѣгло и правильно читать богослужебныя книги. Знаніе этого предмета въ объемѣ программы для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ.

По ариѳметикѣ.

Знаніе этого предмета въ объемѣ программы для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ.

По церковному пѣнію.

Изъ всеобщаго бѣнія: „Благослови, душе моя, Господа“, „Блаженъ мужъ“, „Господи возвахъ“ обычнаго распѣва на 8 гласовъ, съ четырьмя главными запѣвами: Изведи изъ темницы душу мою..., Изъ глубины возвахъ къ тебѣ Господи,.. Аще беззаконія изриша, Господи,.. Отъ стражи утреннія до ночи... На „я нынѣ“ воскресные богородичныя догматики на 8 гласовъ знаменнаго распѣва по квадратнымъ нотахъ церковнаго обихода. „Свѣте тихій“. „Богородице Дѣво“. На „Богъ и Господь“ тропари воскресные 8 гласовъ и на всѣ двенадцатые праздники. „Хвалите имя Господне“. Величанія на всѣ случаи, не исключая и общаго Богородицѣ: „Достойно есть величати Тя“. Воскресные ирмосы 8 гласовъ. Ирмосы Богородичныя „Отверзу уста моя“, на Св. Пасху и, по возможности, на двенадцатые праздники. „Величить душа моя Господа“. Великое славословіе. „Взбранной воеводѣ“. Изъ литургій: „Единородный Сыне“. Прокимны предъ апостолами 8 гласовъ. Жерувимская пѣснь. „Да молчатъ всякая плоть человѣча“ (въ Великую Субботу); „Вечери твои тайныя“ (въ Великій четвертокъ). „Малость мира“ обычнаго распѣва и на литургіи Василя Великаго (последнее по квадратнымъ нотахъ изъ церковнаго обихода). За-

достоинники, положенные на различные праздники, съ ихъ запѣвами. Пѣснопѣнія великопостныя: „Да исправится молитва моя“. „Чертогъ твой“. „Се женихъ грядеть въ полунощъ“. „Егда славнѣи ученицы“. „Благообразный Юсифъ“. Пѣніе случайныхъ службъ—молебновъ съ припѣвами. „Тебе Бога хвалимъ“ (на мотивъ воскреснаго тропаря 3 гл.) Панихиды. Отпѣваніе: „благословенъ еси Господи“... „Святыхъ ликъ обрѣте источникъ жизни“... „Со духа праведныхъ скончавшихся“. „Со снятымъ упокой“. „Вѣчная память“.

Примѣчаніе. 1) Пѣснопѣнія, не обозначенныя какого распѣва, поются обычнымъ напѣвомъ, придворнымъ. 2) Неизмѣняемыя пѣснопѣнія слѣдуетъ умѣть пѣть наизусть, напр. запѣвы на Господи воззвахъ, тропари на 8 гласовъ, на Богъ Господь и двенадцатыхъ праздниковъ, Свѣте тихій, Богородице Дѣво, Выбранной воеводѣ, Хвалите имя Господне, Великое славословіе, Херувимскую пѣснь, Вѣрую, Отче нашъ. Да исполнятся уста наши. Видѣхомъ свѣтъ истинный; остальные же по книгамъ.

Знакомство съ осмогласіемъ (Господи воззвахъ, Богъ Господь, вмосы и литургійныя прокимны) по обходамъ, указаннымъ по церковному пѣнію для церковно-приходскихъ школъ (Синодальнаго изданія) или же, для желающихъ, по Московскому обиходу.

2. Для лицъ, ищущихъ сана діакона.

Лица, ищущія сана діакона, должны предварительно получить званіе учителя церковно-приходской школы. Затѣмъ они подвергаются испытанію въ комиссіи по церковному уставу и церковному пѣнію, въ объемъ программъ для духовныхъ училищъ, при чемъ обращается особенное вниманіе на практическое знакомство съ Типикономъ и богослужебными книгами. Вромѣ того отъ нихъ требуются: а) свѣдѣнія о мѣстномъ расколѣ и сектанствѣ. Пособіемъ при изученіи раскола и сектъ можетъ служить приложение въ журналу „Миссіонерское Обзорѣніе“ за 1902 г. Мартъ, отдѣлъ V „характеристика ученія раскольническихъ толковъ и мистическихъ и рационалистическихъ сектъ“ (стр. 261—267).

б) Умѣніе сознательно и выразительно читать поученія по евангѣ, а также передавать наизусть содержаніе проповѣдей—не менѣе трехъ възъ книги „образцы Русскаго Церковнаго Проповѣдничества XIX вѣка“,—Поторжинскаго.

в) Практическое знакомство съ обязанностями діакона по уборкѣ алтаря, умѣніе вести церковные документы: метрическія книги, приходо-расходныя вѣдомости и исповѣдныя росписи.

Лица же, хотя получившія званіе учителя церковно-приходской школы, но затѣмъ въ теченіе 2 лѣтъ не занимавшія должности учителя церковной школы или псаломщика, подвергаются повѣрочному испытанію по предметамъ Закона Божія.

3. Для діаконовъ, ищущихъ сана священника.

По Священному Писанію Новаго Завѣта, по Догматическому и Нравственному Богословію и по Практическому руководству для пастырей требуются знанія въ объемѣ программъ для духовныхъ семинарій. По Священному Писанію Ветхаго Завѣта знаніе содержанія и объясненія всѣхъ Мессіанскихъ мѣстъ. По Обличительному богословію—знаніе существенныхъ особенностей католическаго и протестантскаго вѣроученія въ сравненіи съ православнымъ и знакомство съ мѣстнымъ расколомъ и сектанствомъ. По Литургикѣ и по церковному уставу знанія въ объемѣ программы для духовныхъ училищъ, но только требуется болѣе основательное знакомство съ изясненіемъ церковнаго устава. По гомилетикѣ—знакомство съ образцами проповѣдничества въ предѣлахъ программы для духовныхъ семинарій. По церковной исторіи знанія въ объемѣ учебника „Исторія Христіанской Православной церкви“ протоіерея П. Смирнова.

Программы эти утверждены Его Высокопреосвященствомъ Высокопреосвященнѣйшимъ Флавіаномъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, 7 января 1903 года.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора отъ 18 Апрѣля 1902 года за № 94, по возбужденному черезъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ Германскимъ посломъ при Высочайшемъ Дворѣ вопросу относительно того, какія власти въ Россіи компетентны къ выдачѣ предбрачныхъ свидѣтельствъ русскимъ подданнымъ, имѣющимъ намѣреніе вступить въ бракъ въ предѣлахъ Германіи, по тамошнимъ законамъ. *Приказали:* Министръ Иностранныхъ Дѣлъ обратился къ Г. Синодальному Оберъ-Прокурору съ отношеніемъ, въ которомъ возложилъ, что Германскій посолъ при Высочайшемъ Дворѣ просилъ сообщить ему, какія власти въ Россіи компетентны къ выдачѣ предбрачныхъ свидѣ-

тельство русскимъ подданнымъ, имѣющимъ намѣреніе вступить въ бракъ въ предѣлахъ Германіи вѣ что Министерство Иностран-ныхъ Дѣлъ полагаетъ, что наиболѣе цѣлесообразное разрѣшеніе сего вопроса могло бы быть достигнуто, согласно §§ 1 и 3, 43-й статьи прусскаго закона о введеніи въ дѣйствіе Германскаго Гражданскаго Уложенія, предоставленіемъ безпрепятственной выдачи предбрачныхъ свидѣтельствъ приходскимъ духовенствомъ постояннаго мѣстожителства брачущихся внутри Имперіи. По разсмотрѣніи вышеизложеннаго Г. Синодальный Оберъ-Прокуроръ находитъ, что въ семъ дѣлѣ подлежатъ разрѣшенію вопросъ о выдачѣ приходскимъ православнымъ духовенствомъ, по просьбамъ прихожанъ, предбрачныхъ свидѣтельствъ лицамъ православнаго вѣроисповѣданія, намѣревающимся вступить въ бракъ въ Германіи, по тамошнимъ законамъ, для представленія означенныхъ свидѣтельствъ Германскимъ чиновникамъ, ведущимъ гражданскіе акты о вступленіи въ бракъ. Въ семъ отношеніи Г. Синодальный Оберъ-Прокуроръ, съ своей стороны, полагаетъ, что выдача невѣстѣ, вступающей въ бракъ въ другомъ приходѣ, предбрачнаго свидѣтельства отъ ея духовнаго отца допускается нашими законами и предусмтрѣна примѣчаніемъ къ статьѣ 26 т. X, ч. I, Зак. Гражд., а посему упомянутыя свидѣтельства должны быть безпрепятственно выдаваемы подлежащими приходскими священниками невѣстамъ, намѣревающимся сочетаться бракомъ въ Германіи, по тамошнимъ законамъ. Что же касается выдачи такихъ же свидѣтельствъ женихамъ, то, хотя о выдачѣ предбрачнаго свидѣтельства жениху законъ и не упоминаетъ, но, тѣмъ не менѣе, таковая выдача не можетъ почитаться противорѣчащею закону, ибо браки могутъ быть совершаемы и не въ томъ приходѣ, въ которомъ проживаетъ женихъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, по силѣ § 41 Инстр. Благоч., бракъ можетъ быть совершенъ не прежде, какъ по полученіи надлежащихъ свѣдѣній о немѣнѣніи препятствій къ браку отъ того причта, въ приходѣ коего женихъ состоялъ или числился. Посему надлежитъ признать, что предбрачныя свидѣтельства, для представленія оныхъ Германскимъ властямъ, должны быть выдаваемы также и жениху—тѣмъ причтомъ, въ приходѣ коего постоянно или временно проживалъ просящій о выдачѣ свидѣтельства, причемъ въ семъ свидѣтельствѣ должны быть прописываемы тѣ свѣдѣнія, какія окажутся по представленнымъ священнику документамъ и по произведенному троекратному оглашенію. Соглашаясь съ таковымъ заключеніемъ Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, Святѣйшій

Синодъ опредѣляетъ: дать знать о вышензложенномъ по духовному вѣдомству, для свѣдѣнія и руководства въ потребныхъ случаяхъ, циркулярными указами. Декабря 18 дня 1902 года.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 11—20 декабря 1902 года, за № 5470, предоставлено епархіальнымъ наблюдателямъ церковныхъ школъ право посѣщенія образцовыхъ школъ при епархіальныхъ женскихъ училищахъ и женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства съ тѣмъ, чтобы свои наблюденія при посѣщеніи такихъ школъ названные наблюдатели сообщали словесно или письменно начальникамъ училищъ.

Приказъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

Привазомъ оберъ-прокурора Св. Синода, 24 декабря 1902 г. за № 23, назначается учитель Александрo-Николаевской, что на полѣ Полтавской битвы, церковно-учительской школы *Ульяницкій*—на должность учителя греческаго языка въ купянское духовное училище съ 25 октября 1902 года.

Министерство Финансовъ

объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что: въ силу Высочайше утвержденнаго, въ 19 день декабря 1901 года, положенія Комитета Министровъ *кредитные билеты 25 р., 10 р. и 5 р. достоинства образца 1887 года и 100 руб. билеты (радужные) образца 1866 года*

съ 1-го января 1903 года

не принимаются въ казенные платежи и не обязательны къ обращенію между частными лицами; съ означеннаго срока билеты эти *будутъ обмѣниваемы исключительно въ центральномъ управленіи Государственнаго банка, въ С.-Петербургѣ.*

Признаки кредитныхъ билетовъ, обмѣнъ коихъ съ 1-го января 1903 года сосредоточивается исключительно въ Государственномъ банкѣ, въ С.-Петербургѣ.

Билеты въ 5, 10 и 25 рублей.

Рисунокъ лицевой стороны билетовъ отпечатанъ густою синею краскою по свѣтлорубиновому фону.

Года выпуска обозначены внизу лицевой стороны билетовъ: въ 5 руб. билетъ (съ 1887 до 1894 г.)—сѣва, а въ 10 руб. (съ 1887 г. до 1892 г.) и 25 руб. билетахъ (только 1887 г.)—по срединѣ билета.

Оборотная сторона билета содержитъ *поперечный рисунокъ* съ Государственнымъ гербомъ посрединѣ, крупною цифрою влѣво и извлеченіемъ изъ Манифеста вправо и отпечатана:

5 рубл. бил.—синею краскою,
10 „ „ —красною „
25 „ „ —ляловою „

Сторублевый билетъ—*радужный* съ портретомъ *Императрицы Екатерины II*.

Образцы этихъ билетовъ выставлены во всѣхъ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго банка и въ казначействахъ.

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901-1902 учебный годъ.

(Продолженіе *).

в) Учители и учительницы необязательныхъ предметовъ.

1. Учительница французскаго языка во всѣхъ штатныхъ классахъ училища, начальница училища, дѣвица *Евгенія Николаевна Гейцель*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Институтѣ Благородныхъ дѣвицъ; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 50 р. за урокъ) 600 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 1 августа 1883 года.

2. Учитель музыки (игры на рояли) *Николай Александровичъ Орловскій*, окончилъ курсъ гимназіи и обучался музыкѣ частнымъ образомъ; жалованья получаетъ 685 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 28-го августа 1882 года.

3. Учительница музыки (на рояли) *Варвара Петровна Еварнищкая*, окончила курсъ въ частномъ пансіонѣ; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 20 сентября 1883 года.

4. Учительница музыки (на рояли) *Вильгельмина Рудольфовна Корнильева*, домашняго образованія; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 8-го ноября 1888 года.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 1.

5. Учительница музыки (на рояли) дѣвица *Неоніла Васильевна Михайлова*, окончила курсъ женской гимназіи; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 21 сентября 1892 года.

6. Учительница музыки (на рояли) *Феодосія Васильевна Ляйнверберъ*, окончила курсъ въ Харьковскомъ музыкальномъ училищѣ съ аттестатомъ 1-й степени; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 20 августа 1893 года.

7. Учительница музыки (на рояли) вдова коллежскаго регистратора, *Марія Павловна Ястремская*, окончила курсъ женской гимназіи; жалованія получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 22 сентября 1894 года.

8. Учительница музыки (на рояли) *Софья Леопольдовна Овельтъ*, окончила курсъ женской гимназіи, жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 11 сентября 1895 года.

9. Учительница музыки (на рояли) *Ольга Васильевна Андреева*, окончила курсъ въ Харьковскомъ музыкальномъ училищѣ съ аттестатомъ 1-й степени; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 23 сентября 1895 года.

10. Учительница музыки (на рояли) *Евгенія Аполлоновна Крыштафовичъ*, окончила курсъ въ Харьковскомъ музыкальномъ училищѣ, съ аттестатомъ 2 степени; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 29 сентября 1902 года.

11. Учительница музыки (на рояли) дѣвица *Еленѣ Александровна Сухина*, окончила курсъ въ Харьковскомъ музыкальномъ училищѣ съ аттестатомъ 1-й степени; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 23 сентября 1895 года.

12. Учитель музыки (игры на скрипкѣ) *Александръ Ивановичъ Колесниковъ*; жалованья получаетъ 450 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 23 октября 1891 года.

Учитель иконописанія, *Александръ П. Комнатскій*, художникъ иконописной живописи; жалованья получаетъ 120 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 17 августа 1899 года.

2) Старшія воспитательницы.

1. Въ подготовительномъ классѣ, дѣвица *Людмила Ефимовна Дьякова*, окончила курсъ женской гимназіи; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 10-го сентября 1872 года.

2. Въ 1-мъ нормальномъ классѣ, дѣвица *Марія Яковлевна Павлова*,

окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 17 августа 1895 года.

3. Въ 1 параллельномъ классѣ, дѣвица *Серафима Ивановна Пономарева*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Училищѣ, со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 20 августа 1893 года.

4. Во 2 нормальномъ классѣ, дѣвица *Надежда Ивановна Попова*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ училищѣ, со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 23 августа 1887 г. по 8 октября 1896 г. и вторично съ 24 августа 1899 года.

5. Во 2 параллельномъ классѣ, дѣвица *Аполлиарія Павловна Вышемірская*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ училищѣ, со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 11 августа 1894 года.

6. Въ 3 нормальномъ классѣ, дѣвица *Зинаида Михайловна Иннокова*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды, въ настоящей должности съ 8 октября 1896 года.

7. Въ 3 параллельномъ классѣ, дѣвица *Анастасія Яковлевна Павлова*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 6 сентября 1893 года.

8. Въ 4 нормальномъ классѣ, дѣвица *Александра Ивановна Левандовская*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 7 февраля 1885 года.

9. Въ 4 параллельномъ классѣ, дѣвица *Серафима Андреевна Пономарева*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 11 января 1897 года.

10. Въ 5 нормальномъ классѣ, дѣвица *Зинаида Ивановна Нельговская*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованія получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 10 августа 1884 года.

11. Въ 5 параллельномъ классѣ, дѣвица *Олга Федоровна Вертеловская*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ, созваніемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 6 сентября 1890 года.

12. Въ 6 нормальномъ классѣ, дѣвица *Анна Гавриловна Троицкая*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 10 августа 1884 года.

13. Въ 6 параллельномъ классѣ, дѣвица *Елизавета Андреевна Курасовская*, окончила Харьковское Епархіальное женское училище, со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 6 сентября 1890 года.

(Проложеніе будетъ).

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

На прошеніи священника Іоанна Филевского о рекомендаціи всему духовенству и монашеству его сочиненія „Ученіе православной церкви о священномъ преданіи“ (Апологетическое изслѣдованіе) (гор. Харьковъ 1902 г. цѣна 3 руб.) послѣдовала отъ 23 декабря 1902 г. таковая резолюція Его Высокопреосвященства: Рекомендуется для приобрѣтенія въ бібліотеки тамъ, гдѣ имѣются средства.

Епархіальныя извѣщенія.

Вакантныя мѣста.

Священническія:

При Успенской церкви сл. Поповки, Старобѣльскаго уѣзда.

« Іоанно-Предтеченской церкви с. Знаменскаго, Изюмскаго уѣзда.

При Пророко-Ильинской церкви, города Сумь.

« Николаевской церкви с. Семеренкъ, Ахтырскаго уѣзда.

Діакоискія:

При Вознесенской церкви с. Зеликовки, Старобѣльскаго уѣзда.

« Успенской церкви с. Камышеватой, Валковскаго уѣзда.

« Преображенской церкви сл. Половинкиной, Старобѣльскаго уѣзда.

« Петропавловской церкви, города Харькова.

« Базанско-Богородичной церкви с. Должика, Харьковскаго уѣзда.

« Архангело-Михайловской церкви с. Верхняго Бишкина, Зміевск. уѣзда.

« Николаевской церкви с. Деркачевки, Лебединскаго уѣзда.

« Покровской церкви, Харьковскаго Благотворительнаго Общества.

Псаломщикія:

При Николаевской церкви сл. Танюшевки, Старобѣльскаго уѣзда.

« Борисо-Глѣбской церкви с. Водянаго, Зміевскаго уѣзда.

« Иоанно-Богословской церкви с. Янкова-Рога, Ахтырскаго уѣзда.

« Вознесенской церкви г. Золочева, Харьковскаго уѣзда.

« Преображенской церкви сл. Межрича, Лебединскаго уѣзда.

« Успенской церкви сл. Поповки, Старобѣльскаго уѣзда.

« Вознесенской церкви сл. Лизина, Старобѣльскаго уѣзда.

« Спасской церкви сл. Воеводска, Старобѣльскаго уѣзда.

« Покровской церкви сл. Козѣвки, Богодуховскаго уѣзда.

« Тихоновской церкви, сл. Стальмаховки, Кулинскаго уѣзда.

« Николаевской церкви сл. Будокъ, Лебединскаго уѣзда.

« Покровской церкви сл. Радьковки, Кулинскаго уѣзда.

— Псаломщикъ с. Водянаго, Зміевскаго уѣзда, Георгій *Поповъ* перемѣщенъ къ Покровской церкви сл. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда.

— И. д. псаломщика с. Павловокъ, Сумскаго уѣзда, Павелъ *Германъ* перемѣщенъ къ Рождество-Богородичной церкви сл. Вздоцкой, Богодуховскаго уѣзда.

— Бывшій и. д. псаломщика Стефанъ *Лисовой* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Архангело-Михайловской церкви сл. Павловокъ, Сумскаго уѣзда.

— Сынъ псаломщика Петръ *Рокитянский* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Троицкой церкви сл. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда.

— Сынъ псаломщика Дмитрій *Ковалевскій* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Николаевской церкви сл. Стараго, Сумскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Успенской церкви сл. Поповки, Старобѣльскаго уѣзда *Иосифъ Прибытковъ* перемѣщенъ къ Архангело-Михайловской церкви сл. Соколова, Змиѣвскаго уѣзда.

— Бывшій и. д. псаломщика *Михаилъ Поповъ* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Николаевской церкви сл. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Сынъ діакона Григорій *Бутовъ* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Пророко-Ильинской церкви с. Лозоватаго, Изюмскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Преображенской церкви сл. Межирича Лебединскаго уѣзда *Василій Оржельскій* перемѣщенъ къ Вознесенской церкви сл. Ново-Боровой, Старобѣльскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Николаевской церкви сл. Будокъ, Лебединскаго уѣзда *Василій Мигулинъ* перемѣщенъ къ Николаевской церкви с. Семеновки, Изюмскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Покровской церкви сл. Бозѣвки, Богодуховскаго уѣзда *Павелъ Потановъ* перемѣщенъ къ Николаевской церкви сл. Городища, Старобѣльскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. По поводу оживленія проповѣднической дѣятельности въ Харьковѣ.—Извлеченіе изъ окружнаго посланія Епископа Волынскаго Антопія.—Изъ Саровской пустыни.—Рѣдкое небесное явленіе.—Хозяйство церковно-приходскихъ школъ.—Высокопреосвященный Теоногенъ Митрополитъ Кіевскій.

19, 20 и 21 января текущаго года въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ въ церкви въ честь Озерянской Божіей Матери происходили собесѣдованія съ раскольниками извѣстнаго миссіонера о. протоіерея Крючкова. Почтеннѣйшій о. протоіерей уже не въ первый разъ пріѣзжаетъ въ Харьковъ, чтобы просвѣтять заблуждающихся нашихъ братій, отъ насъ отдѣлившихся, и возвратить ихъ въ лоно православной церкви. И, благодареніе Богу, труды пастыря-миссіонера не остаются тщетными. Вѣское слово проповѣди благотворно дѣйствуетъ на расколъ, ослабляя его, насъ въ Харьковѣ. Ослабленію же раскола, какъ и всякаго сектантства, вообще нельзя не порадоваться и трудамъ проповѣдниковъ-миссіонеровъ нельзя не оказывать полнаго сочувствія и поддержки.

Но, радуясь отъ полноты сердца количественному распространенію христіанства, не слѣдуетъ забывать и другой стороны дѣла. Несомнѣнно, чѣмъ больше христіанъ—тѣмъ лучше. Но какихъ христіанъ? Разумѣется, настоящихъ, а не только по названію. Прекрасно распространять свѣтъ Евангелія среди невѣрныхъ, заблуждающихся, возвращать въ лоно православія „раскольниковъ“

всѣхъ отъинокъ, но необходимо также усиливаетъ просвѣтительную дѣятельность и среди уже обращенныхъ, среди тѣхъ, которые зовутъ себя христіанами, православными, но настолько темны, что далеки отъ ученія Христа немногимъ менѣе, чѣмъ и язычники. И среди нихъ есть что дѣлать проповѣдникамъ миссіонерамъ, ибо въ миссіонерскомъ словѣ, въ апостольскомъ подвигѣ нуждается вся наша меньшая братія, которая слышитъ слово Божіе, но не понимаетъ его или понимаетъ невѣрно, иногда столь же заблуждается, какъ и сектанты.

Извѣстный всей образованной Россіи писатель А. Кругловъ, статьей втораго, помѣщенной въ Правосл. Русскомъ Словѣ за прошлый годъ (стр. 258—260), мы и пользуемся, привести между прочимъ вотъ какія характерные случаи изъ жизни нашего православнаго народа. У г-на Н. А. Иванецкаго былъ слуга, Лаврикъ. Увидѣлъ онъ въ рукахъ Г. Евангеліе и спрашиваетъ:—«Это какаѣ же у тебя книжка?»—«Евангеліе».—«Это чего?»—«Евангеліе. Развѣ ты не знаешь Евангелія?»—«Нѣтъ.»—«Неужели не слыхалъ, что есть такая книга—Евангеліе? А въ церкви діаконъ говоритъ: святаго Евангелія чтеніе».—«Нѣтъ.»—«Да ты шутишь, Лаврикъ. Ты вѣдь въ церкви бывалъ?»—«Бывалъ, да рѣдко.»—«Что же тамъ видѣлъ? Что дѣлаютъ попъ и діаконъ?»—«Поютъ.»—«А люди, прихожане?»—«Молятча (молятся).»—«А развѣ ты не видѣлъ, что діаконъ выносилъ книгу и читалъ?»—«Видѣлъ, что выносилъ, да не книгу.»—«А что же?»—«Вотъ книга, а то не книга.»—«Что же?»—«Не знаю.»—«Развѣ священники не бывають у васъ въ домѣ? Не читають по книжкѣ молитвы?»

— Нѣтъ. Они къ намъ зайдутъ, хлѣбъ или што другое соберутъ и дальше ѣдутъ.

Вотъ такъ казусъ... подумалъ я, замѣчаетъ писатель.

Нѣтъ, это ужасъ,—поправимъ мы. Тѣмъ болѣе ужасъ, что Лаврикъ не фантазія беллетриста, а живой человѣкъ. И онъ не единичное исключеніе. Но развѣ онъ не болѣе жалокъ, чѣмъ раскольникъ, который прекрасно знаетъ Священное Писаніе? Развѣ Лаврика не нуждаются въ религіозномъ просвѣщеніи? Человѣкъ носить на шеѣ крестъ и не имѣетъ понятія о Христѣ. Куда идти дальше? Неужели такіе христіане выше язычниковъ? Какою можетъ быть разговоръ о сущности ученія, о Богѣ, когда человѣкъ не можетъ отдѣлать понятіе о Богѣ отъ иконы, молится именно иконѣ, а не тому, кто изображенъ на ней. Трудно ли такого человѣка смутить и увлечь въ какую угодно ересь, толкъ?

Какъ то, пишетъ еще А. Кругловъ, во время крестнаго хода

несли хоругви. Дѣвушка лѣтъ 18-ти кричить своей матери:—Мама! Иди скорѣй: вже керувими несуть.

О печальныхъ драмахъ среди христіанъ, подвигахъ, которые могутъ вызывать удивленіе и отвращеніе въ сердцѣ честнаго язычника, что сказать? Убиваютъ за гривенникъ, бьютъ и тиранить ради развлеченія. Идетъ человекъ въ Лавру, чтобы поклониться мощамъ, и дорогой убиваетъ старика. Зачѣмъ? Чтобы отнять двугривенный и кушнуть на эти деньги свѣчу угодишку. Разбойникъ, вонзившій ножъ въ сердце ближняго, откашляется ѣсть мясо въ постъ, говоря: „я православный, а не татаринъ какой“. Съ легкимъ же сердцемъ, отъ скуки, два парня повѣсили собаку: прибили на воротахъ кошку. Она кричала, а они хохотали. Вѣдь она же кричала?—спросили ихъ. „Страсть!“—А вы... Не жалко было вамъ?—„Смѣшно было“...

Заспорили два односельчанина, ѣхавшіе на чугуиѣ на работы въ Вологду, на Архангельскую желѣзную дорогу.

— Такъ ты такъ-то.. Хорошо!—погрозилъ одинъ и спихнулъ товарища подъ колеса вагона.

— Какъ же могъ ты это сдѣлать? Вѣдь онъ теперь, пожалуй, умреть... а безъ ногъ то навѣрно останется?

— А не перечь, вотъ!

Можно написать цѣлый томъ о такихъ фактахъ, говорить А. Кругловъ. И совершаютъ ихъ христіане! Но чѣмъ же они лучше язычниковъ, или раскольниковъ, о просвѣщеніи которыхъ заботится такъ много въ наше время? Смѣемъ думать, что и эти христіане—по имени требуютъ нашего серьезнаго вниманія, ибо тяжело видѣть выросшихъ въ православіи, но и жизнью и понятіями чуждыхъ христіанскому ученію. Мало утѣшенія въ одномъ количественномъ приростѣ христіанъ, ошибка заботиться только о распространеніи христіанства въ ширь, оставая косить въ тѣмъ окрещенныхъ, т. е. забывая о распространеніи Евангелія въ глубь. Кто будетъ радоваться громадой численности арміи, двѣ трети которой слѣпые и безоружные? Что радости въ христіанахъ-слѣпцахъ? Безоружнаго легко побѣдить, темнаго христіанина легко совратить всякому лжеучителю.

Поэтому, признавая религіозно-нравственное просвѣщеніе, православныхъ христіанъ, еще не знающихъ своего ученія, дѣломъ неотложнымъ, мы отъ всей души привѣтствуемъ открывшіяся въ Харьковѣ, по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Владыки нашего, регулярныя религіозно-нравственныя чтенія и собесѣдованія съ народомъ.

Вестись они будутъ въ разныхъ пунктахъ Харькова. Но пока открытіе ихъ состоялось въ Покровскомъ монастырѣ послѣ вечерни въ Воскресенье, 12 января. Вечерню торжественно совершилъ Преосвященный Стефанъ, Епископъ Сумскій, въ сослуженіи священниковъ — проповѣдниковъ и монашествующей братіи. По окончаніи вечерни, Владыка Стефанъ сказалъ слово о важности и способахъ религіознаго познанія въ церкви православной, въ концѣ котораго призывалъ слушателей каждый Воскресный день собираться для религіознаго назиданія въ часы вечерней службы. Слово Преосвященнѣйшаго Стефана напечатано въ этой книжкѣ нашего журнала. Послѣ слова Владыки, пѣвчіе и народъ прочли молитву Св. Духу. Затѣмъ священникъ Іоаннъ Филевскій произнесъ слово о нищетѣ дуза, по заповѣди Иисуса Христа, послѣ чего было общее пѣніе перваго псалма: „Блаженъ мужъ“. Въ заключеніе, священникъ Н. Зефировъ предложилъ высокопоучительное житіе мученицы Татианы, предваривъ его общимъ разсужденіемъ на тему о значеніи житій святыхъ, какъ лучшаго источника религіознаго назиданія. Общимъ пѣніемъ молитвы Богородицѣ закончились религіозно-нравственныя чтенія. Народа на первый разъ собралось много. Собесѣдованія въ Покровскомъ монастырѣ предположено вести каждый Воскресный день, послѣ вечерни, которая всегда начинается въ 4 часа по полудни. Предметъ чтеній на первое время: ученіе о путяхъ блаженства Христова и житія святыхъ. Въ составъ кружка проповѣдниковъ пока вошли слѣдующіи лица: законоучитель 3 гимназіи, о. В. Бусыгинъ, помощникъ смотрителя духовнаго училища о. Н. Зефировъ, законоучитель коммерческаго училища о. І. Филевскій и священникъ Александро-Невской церкви (на Заяковѣ) о. В. Шаповаловъ. Отъ души желаемъ полнаго успѣха труду этихъ пастырей—проповѣдниковъ, вооруженныхъ знаніемъ и, безъ сомнѣнія, проникнутыхъ вѣрою въ своего Спасителя и любовью къ меньшей темной братіи.—Если подвигъ—итти на борьбу съ сектантствомъ и язычествомъ, то не меньшій подвигъ—и въ борьбѣ со тьмою, окутавшей уже обращенныхъ...

Впрочемъ, какъ ни отраднo возникновеніе въ Харьковѣ проповѣдническихъ кружковъ, поставившихъ цѣлю путемъ религіозно-нравственныхъ чтеній просвѣщать темныхъ братіи, все-таки мы осмѣливаемся думать, что ревнителямъ духовно-нравственнаго просвѣщенія возлагать много надеждъ на эти кружки нельзя: послѣднимъ не разогнать всего мрака, окружающаго темныхъ людей. Тамъ, на чтеніяхъ, можетъ найти свѣтъ только тотъ, кто ищетъ

свѣта, но и то не всегда. Въдѣ для того, чтобы собесѣдованіе принесло дѣйствительно пользу слушателямъ, оно необходимо должно быть приспособлено не къ пониманію ихъ только, а и къ душевному состоянію. Проповѣдникъ долженъ знать души тѣхъ, къ кому онъ обращается съ рѣчью, ясно представлять, чѣмъ живутъ они, чего ищутъ, что тревожатъ ихъ совѣсть, какія въ ней есть язвы... Только знаніе душевныхъ движеній, настроенія слушателей укажетъ проповѣднику, что онъ можетъ съ пользою предложить имъ въ своей бесѣдѣ. Но возможно ли это знаніе для кружка случайныхъ проповѣдниковъ, ведущихъ собесѣдованія въ той или другой опредѣленной церкви? Думается, что нѣтъ. Высказывая это, мы имѣемъ въ виду какъ то, что составъ слушателей на каждомъ собесѣдованіи бываетъ различный, такъ и то, что проповѣдники, за исключеніемъ приходскаго пастыря, — люди сторонніе имъ, внѣшнимъ образомъ связанные съ ними. Единственно близкій къ слушателямъ, знающій душу ихъ, проповѣдникъ — это приходскій пастырь, духовный отецъ; только его слово можетъ возникать на почвѣ духовнаго общенія съ своими слушателями; только его рѣчь можетъ быть направлена на удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей души слушателей, такъ что каждый изъ нихъ можетъ чувствовать, что проповѣдникъ говоритъ лично для него, видитъ его душу. Такимъ образомъ мы думаемъ, что религіозно-нравственныя бесѣды, производимыя при какомъ либо храмѣ не однимъ приходскимъ священникомъ, а кружкомъ проповѣдниковъ, не могутъ сопровождаться благотворными послѣдствіями *на всѣхъ слушателей*. Но пусть даже тамъ найдутъ свѣтъ всѣ, кто ищетъ его. Можно-ли успокоиться на этомъ ревнителю религіозно-нравственнаго просвѣщенія меньшей братіи? Нѣтъ, и нѣтъ. Сколько среди насъ есть такихъ, которые, живя во мракѣ, свыклись съ нимъ, не знаютъ, какъ пріятенъ свѣтъ, и не имѣютъ желаній выйти на него! Вотъ сюда то, въ эту тьму, думается намъ, и слѣдовало бы направлять какъ можно больше лучей свѣта. Пусть будутъ у насъ дѣятеля, просвѣщающіе *жаждущихъ свѣта*, но пусть явятся среди насъ и такіе проповѣдники и учителя, которые, проникшись любовью къ своимъ меньшимъ братьямъ, не будутъ ждать, пока они придутъ къ намъ за свѣтомъ, а сами пойдутъ къ нимъ на борьбу со тьмой, ихъ окружающей. А такихъ борцовъ со тьмой народной пока мы видимъ мало. Наше приходское духовенство свои отношенія къ прихожанамъ сводитъ главнымъ образомъ къ совершенію для нихъ богослуженія и требъ, а

на просвѣтительную дѣятельность среди своихъ прихожанъ недостаточно обращаетъ вниманія. Что говорить Лаврикъ о своемъ священникѣ? Придетъ съ молитвой, получитъ что слѣдуетъ, и дальше идетъ. Но развѣ только для этого долженъ являться пастырь въ дома прихожанъ? Развѣ не обязанъ онъ ходить къ пасомымъ съ цѣлю научать ихъ соблюденію всего того, что заповѣдалъ намъ Спаситель нашъ?.. Книжными проповѣдями, которыя мы слышимъ въ Церкви и которыя составляютъ по требованіямъ гомилетики, или риторики, едва ли можно достигнуть этого. Чтобы научить людей темныхъ, нужно ходить къ нимъ на частныя съ ними бесѣды съ горячимъ словомъ любви, нужно, чтобы проповѣдникъ—пастырь, *хорошо зная* пасомыхъ, былъ въ постоянномъ духовномъ общеніи съ ними, являясь для нихъ маякомъ свѣта. Пусть онъ несетъ на встрѣчу горю свое любящее отцовское сердце, и тогда будутъ ему открыты сердца его духовныхъ дѣтей. Что мы видимъ теперь въ видѣ правила? (Исключенія остаются исключениями). Прихожанинъ идетъ къ батюшкѣ, или приглашаетъ его къ себѣ, чтобы окрестить ребенка, уговориться насчетъ свадьбы, похоронъ и т. д. Священникъ идетъ къ прихожанину съ молитвой, либо съ крестомъ въ праздникъ... Нѣтъ, пусть пастырь идетъ не только для совершенія требы, по приглашенію, а по влеченію, изъ любви. Больные нуждаются въ помощи, уходѣ, скорбѣніи въ утѣшеніи и духовной поддержкѣ, сомнѣвающимся въ наставленіи, темные въ просвѣщеніи и всѣ—въ молитвѣ, но въ молитвѣ отцовской, не выпрошенной, не выторгованной. Этотъ подвигъ постоянного апостольскаго служенія можетъ вытекать только изъ христіанской любви, объясняться ревностью къ религіи, поддерживаться глубокой вѣрой въ слова Спасителя... Всѣ мы прекрасно знаемъ, что часто собесѣдованія съ сектантами и раскольниками не приводятъ ни къ чему; лучшее оружіе—сама жизнь, само дѣло. Люди беззавѣтной любви и горячей вѣры—всегда будутъ имѣть большое вліяніе, ибо у нихъ объ руку съ словомъ идетъ ихъ жизнь. Самое сектантство пустило корни и крѣпнеть, благодаря разладу между словомъ и дѣломъ христіанъ и разобщенности между паствою и пастырями. Что слово горячее, полное вѣры, имѣетъ силу и доходитъ до сердца—этому есть примѣры, потому что было бы ложью утверждать, что настоящихъ отношеній между обѣими сторонами вовсе нѣтъ. Они есть, какъ есть и пастыри, полагающіе душу за овцы своя. Они не кричатъ о себѣ, но результатъ ихъ дѣлъ благотворенъ. Въ книгѣ архан-

гельскаго губернатора А. П. Энгельгардта Русскій Сѣверъ мы читаемъ между прочимъ слѣдующее объ о. Іонѣ, живущемъ на Новой Землѣ: „вскорѣ по прибытіи на Новую Землю, о. Іона убѣдился, что религиозныя представленія у самоѣдовъ крайне смутны. Для о. Іоны предстояла личная дѣятельность, которую онъ и выполнялъ съ замѣчательной любовью и усердіемъ; каждое богослуженіе онъ сопровождалъ поученіями и бесѣдами, посѣщалъ жилища самоѣдовъ или приглашалъ ихъ къ себѣ, обучалъ ихъ молитвамъ и въ то же время велъ школьныя занятія съ дѣтьми. Колонисты— самоѣды охотно посѣщаютъ храмъ и несутъ туда посильную лепту. Обученіе дѣтей грамотѣ идетъ успѣшно, всѣ дѣти школьнаго возраста посѣщаютъ школу, а нѣкоторые читаютъ и поютъ въ церкви за богослуженіемъ. О. Іона пользуется всеобщимъ уваженіемъ и любовью самоѣдовъ и самъ сильно привязанъ къ паствѣ. Оставшись на зиму 92 - 93 гг. въ Архангельскѣ для поправленія здоровья, онъ сильно свучалъ по Новой Землѣ и съ нетерпѣніемъ ждалъ навигаціи, чтобы опять отправиться въ эту страну холода и мрака“.

Вотъ, что сдѣлала любовь и вѣра! Она заставила о. Іону спокойную жизнь въ Архангельскѣ промѣнять на жизнь въ суровомъ климатѣ, при тяжелыхъ условіяхъ. Вѣра дала энергію, любовь согрѣла и вызвала къ жизни души полудикарей. Если при любви и вѣрѣ это возможно среди самоѣдовъ на Новой Землѣ, такъ неужели это недоступно среди русскаго народа, въ русскомъ городѣ или деревнѣ? Пусть же иные идутъ проповѣдывать въ земляхъ иныхъ ученіе Распятаго, воздвигаютъ новые храмы во имя Его; пусть другіе борются съ тѣми, кто, заблуждаясь, отошелъ отъ Церкви Православной, но пусть, служители Слова почаще являются со словомъ Христовымъ къ тѣмъ изъ своихъ пасомыхъ, которые исповѣдають Христа, но не *знаютъ* Его, этого Источника живой воды, пьющіе изъ котораго не знаютъ смерти. Надо открыть доступъ къ этому животворящему Источнику всѣмъ тѣмъ, которые имѣють право пить изъ него, будучи христіанами, но не могутъ пользоваться имъ. Лечить больныхъ людей надо, но вѣдь надо и здоровому человѣку говорить о томъ, какъ сохранить здоровье, чтобы не захворать. Неужели только являться къ нему съ помощью тогда, когда онъ заболѣетъ? Въ жизни мы нерѣдко безучастно относимся къ нуждающемуся брату, а когда онъ совершитъ преступленіе, мы идемъ къ нему въ тюрьму, чтобы вызвать у него раскаяніе. Не лучше ли не допустить его до паденія? То же самое

и относительно религіозной помощи. Мы проповѣдуемъ язычникамъ, вразумляемъ сектантовъ, а забытые нами темные люди въ это время отпадаютъ отъ Церкви и приобщаются къ сектамъ, впадаютъ въ невѣріе. Тогда мы спѣшимъ къ нимъ со словомъ, отчего же намъ во-время не предупредить этого отпаденія?

Это большая работа, — скажутъ навѣрное. Правда.

Да она и не подъ силу единицамъ. Эта — работа должна быть общою.

Если мы, міряне, не лицемѣры, а истинные христіане, то совмѣстно съ пастырями и мы должны послѣдить на помощь темной братіи, вѣрующей, но не проникнутой истинами Евангелія. И медлить нельзя, медлить опасно. Промедлившій врачъ можетъ найти трупъ вмѣсто больного. Промедливъ, мы можемъ вмѣсто неосмысленности найти невѣріе. Незамѣтными тропинками оно прокрадывается къ тѣмъ, кто оставленъ безъ истиннаго свѣта, и потому поддается на уловки лжеученія. Для невѣрія это удобная почва.

— Въ Волинскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечатано было окружное посланіе Пресвященнаго Антонія къ Волинскому духовенству. Осуждая мірскую школу за то, что въ ней ученикъ разучивается правильно креститься, отучается отъ церковно-славянской рѣчи, ничего не слышитъ „о подвигахъ Святыхъ Угодниковъ ни о Киевскихъ пещерахъ, ни о Почаевской Лаврѣ“, что въ своихъ школьныхъ книжкахъ, вмѣсто картинъ религіознаго содержанія, находитъ „иллюстраціи къ баснямъ Крылова“, Владыка приглашаетъ священниковъ къ религіозному воспитанію дѣтей въ школѣ. „Разберите дѣтскія народныя книжки по Закону Божію, соберите все, что есть наилучшаго и назидательнаго для дѣтей и читайте имъ и сами, и чрезъ учителя и псаломщика, а еще лучше, если разговорною простою рѣчью или даже во взаимной бесѣдѣ съ дѣтьми будете рассказывать имъ то, что содержатъ сіи книги. Больше рассказывайте имъ о такихъ событіяхъ, въ которыхъ Богъ вывелъ на свѣтъ правду, дабы дѣти научились противостоять искушеніямъ лжи. Рассказывайте имъ еще больше о томъ, какъ люди прощали другъ друга, какъ обиженные не мстили врагамъ, какъ сильные и знатные преклонялись предъ добродѣтельными простыми, — и вы увидите, сколь многіе изъ учениковъ вашихъ сдѣлаются подвижниками добродѣтели, у себя-ли въ деревнѣ, или въ монастырской обители“. Поступая такъ, прилежа школѣ и дѣтамъ,

вы и весь народъ приведете въ послушаніе вѣры, какъ нѣкогда Святитель Леонтій Ростовскій, изгнанный взрослыми, но возлюбленный дѣтми, которыя потомъ и взрослыхъ къ нему обратили". Архипастырь рассказываетъ для примѣра о своей поѣздкѣ по епархіи. „Какъ радъ бываю выйти хоть не надолго изъ своей неуклюжей вареты и подойти къ этимъ Христовымъ любимцамъ: „Дитя, скажи мнѣ молитву, покажи, какъ изображаешь ты рукой спасительную страсть Христа Бога!“ Для дитяти нѣтъ различія между сословіями и положеніями людей. Оно не робѣетъ, если ласково заговорить съ нимъ. А тутъ насъ окружили взрослые крестьяне. Глаголы молитвъ, провозносимые изъ устъ младенцевъ, просвѣтляютъ и лица большихъ. Два-три мгновенія такого общаго вниманія къ дѣтской молитвѣ и мы всѣ ближе становимся къ Богу, дальше отъ грѣха. Священники Божіи! Пусть святой храмъ всегда оглашается дѣтскимъ пѣніемъ и чтеніемъ, пусть родители ихъ плачутъ отъ умпленія, слыша дѣтскій голосъ. „О чемъ ты плачешь сегодня всю вечерню, добрая женщина?“—„А то мой Опанасъ читаетъ кахавизму“. Старайся объ этомъ десять, пятнадцать лѣтъ, усердный іерей, и у тебя запоетъ вся церковь, и чтеніе будетъ вестись по очереди всѣми прихожанами, какъ монахами въ хорошей обители“.

— За послѣднее время жизнь Саровской пустыни замѣтно оживаетъ, благодаря прривлыву богомольцевъ. До сихъ поръ нѣкогда еще не было здѣсь такого движенія, оживленія, суетни и толкотни. И это теперь, зимою. Что же будетъ лѣтомъ, когда состоится торжественное празднованіе открытія мощей святого старца Серафима? Саровская пустынь находится на границѣ Тамбовской и Нижегородской губерній, въ Темниковскомъ уѣздѣ. Обитель окружена дремучимъ лѣсомъ, такъ что дорога къ ней страшно утомительна: лѣтомъ—кругомъ песокъ, а зимою глубокой снѣгъ. Гостиница для богомольцевъ здѣсь довольно ветхая и мало удобная. Братскіи кельи расположены вокругъ монастыря—это красивыя двухъ и трехъ-этажныя каменные зданія. Посреда монастыря два большихъ собора: одинъ лѣтній во имя Успенія Пр. Богородицы, другой зимній—въ честь Пр. Богородицы, именуемой «Живоносный источникъ». Другія церкви, архіерейскіе покои, трапеза и разныя службы расположены по линіи стѣнъ обители. Богослуженіе начинается здѣсь въ 2 часа ночи утреней, по окончаніи которой служатся литургія и панихида.

Недавно у гроба святого старца Серафима произошелъ слѣдую-

щій чудесный случай. Сынъ суздальскаго мѣщанина Николай Николаевъ Саввиновъ, 16 л., съ іюня 1902 года болѣвшій ревматизмомъ ногъ въ острой формѣ (ноги въ колѣняхъ не сгибались совсѣмъ), присутствуя на заупокойной литургіи по іеромонахѣ Серафимѣ, вдругъ поднялся на ноги и почувствовалъ облегченіе, а чрезъ нѣсколько дней болѣзнь его прошла совершенно.

Въ половинѣ января здѣсь былъ высокопреосвященный Владымиръ, митрополитъ московскій.

Подъ предсѣдательствомъ митрополита состоялось совѣщаніе духовныхъ властей, по поводу предстоящаго открытія мощей старца Серафима.

«Русс. Листъ»

— Какъ сообщаютъ „Варж. Вѣд.“, поразительное явленіе привелось видѣть 2 января въ Сычевкѣ, смоленской губерніи, а именно: около 5¹/₂ часовъ утра съ обѣихъ сторонъ луны (луна въ это время находилась въ юго-западной части неба), образовались двѣ радуги; надъ луною-же образовалось подобіе полумѣсяца большаго размѣра рогами вверхъ.

Радуги отъ середины своихъ изгибовъ испускали лучи; изображеніе-же полумѣсяца было свѣтло-голубого цвѣта. Послѣ этого, около 6 часовъ, между сказанными радугами подъ полумѣсяцемъ быстро образовался большой, правильный, бѣлаго цвѣта крестъ. Луна вся покрывалась крестомъ и занимала среднюю его. О величинѣ-же креста можно судить, принимая во вниманіе, что луна въ это время находилась высоко надъ землею, а нижній конецъ креста спускался до горизонта. Въ общемъ получилось, какъ будто-бы невѣроятно большихъ размѣровъ крестъ стоятъ на землѣ.

Явленіе это не прекращалось до наступленія полнога разсвѣта.

— По свѣдѣніямъ училищнаго совѣта при Св. Синодѣ, въ общаго числа 42,237 церковно-приходскихъ школъ 7,028 располагаютъ земельными участками, общая площадь коихъ превышаетъ 6,500 десятинъ. Кромѣ того, при 1,340 школахъ находятся школьные сады, при 1,549—огороды; при 56—насадки, и при 26 школахъ—виноградники.

† Высокопреосвященный Теоностъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

22 января въ Петербургѣ скончался Митрополитъ Теоностъ, одинъ изъ старѣйшихъ и заслуженныхъ архипастырей Россійской церкви. Уроженецъ Тверской епархіи, въ мѣръ Георгій Ивановичъ Лебедевъ, почившій іерархъ высшее образованіе получалъ въ с.-петербургской духовной ака-

деніи. Передъ окончаніемъ курса, 14 марта 1853 г., онъ принялъ мночество съ именемъ Теоноста, 6-го сентября того же года, по окончаніе курса со степенью магистра богословія, возведенъ былъ въ санъ іеромонаха, а 13 декабря 1866 г. въ санъ епископа.

Особенно много потрудился Высокопреосвященнѣйшій Теоностъ въ Подольской епархіи въ званіи ректора семинаріи, викарія и епархіальнаго преосвященнаго. При немъ устроено главное семинарское зданіе съ каменною оградою, и разведенъ садъ, гдѣ и теперь нѣкоторыя деревья, какъ посаженные имъ собственноручно, извѣстны подъ именемъ „Теоностовскихъ“. При немъ семинарія была доведена до того благоустройства, которое впоследствии было признано образцовымъ. Въ званіи ректора и викарія подольскаго, высокопреосвященный Теоностъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ высокопреосвященнаго Леонтія, по устройству въ епархіи школъ, учрежденію историко-статистическаго комитета, возобновленію братствъ, открытію при церквахъ попечительствъ, постепенной выработкѣ устава эмеритальной кассы для духовенства и вообще по всѣмъ частямъ управленія. Въ 1878 году высокопреосвященный Теоностъ занималъ кафедру владимірскую и суздальскую, съ 1892 г. святительскую кафедру Великаго Новгорода, а съ 1900 г. кафедру митрополита Кіевского и Галицкаго. Почившій іерархъ въ теченіе почти пятидесятилѣтняго своего служенія церкви былъ неутомимъ въ отправленіи богослуженій и ревностенъ къ проповѣданію слова Божія и дѣйствовалъ на пасомыхъ въ духѣ древнихъ святителей православной церкви. Миръ и любовь, смиреніе и трудъ, безпристрастіе и осторожность—были отличительными чертами его архипастырской дѣятельности. Особенно великую славу стяжалъ себѣ почившій архипастырь возобновленіемъ древнихъ историческихъ храмовъ. Владимірскій кафедральный соборъ, этотъ драгоценный семивѣковой памятникъ благочестивыхъ русскихъ князей, разрушавшійся и приходившій въ ветхость, стараніями владыки былъ обновленъ въ его первоначальномъ видѣ и великолѣпнѣ. По прибытіи въ Новгородъ преосвященный Теоностъ сразу же ревностно и энергически принялъ на себя возстановленіе еще болѣе древняго великаго памятника родной старины—собора св. Софіи. Много пришлось потрудиться въ этомъ дѣлѣ почившему архипастырю; но при помощи Божіей, забота и терпѣніе, трудъ и любовь, смиреніе и незлобіе святителя Теоноста—все превозмогли; и древній храмъ св. Софіи былъ возстановленъ и 13 августа 1900 г. былъ торжественно освященъ. Въ этотъ же самый день высокопреосвященный Теоностъ получалъ новое назначеніе—на кафедру кіевского митрополита.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ

Проевѣщеннаго Никанора, Епископа Екатеринбургскаго:

Объясненіе 14 посланій Св. Ап. Павла. Ц. 5 р. — в.

Слова и рѣчи „ 2 „ — „

Церковныя чтенія (1—15) „ 1 „ 50 „

Изображеніе Мессіи въ Псалтири 2 изд. „ 1 „ 50 „

Выписывающимъ (взъ канцеляривъ) на 10 руб. пересылка бесплатная, на 25 руб. уступка 10⁰/. на 50 руб. 20⁰/. Въ С-Петербургѣ эти изданія находятся у И. Л. Тузова, Гост. дв. № 45.

ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ.

Редакторъ-Издатель В. В. ВИТНЕРЪ.

Иллюстр. „толстый“ ежемѣс. литературный, художественный и популярно-научный журналъ съ 36 кн. безплатныхъ приложеній для самообразованія: 12 книж. „Общедоступнаго Университета“, являющагося систематич. курсомъ природовѣдѣнія, составленнымъ по знаменитымъ лекціямъ Буземана (Физика, метеорологія, механика въ связи съ другими естествонауками, географ., астроном. и пр.). Изложение живое, вполне общедоступное. Масса рисун., табл. и картанъ въ краскахъ. 12 книж. „Энциклопедической Библиотеки для самообразованія“, состоящей изъ ряда самостоятельныхъ сочин. по разн. отраслямъ знанія: 1) Веберъ. Панорама вѣковъ. Очер. всемір. истор.—2) Бельше. Исторія міросозерцанія до Колумба.—3) Бельше. Ист. соврем. естествознанія.—4) Руководство къ собиранію коллекцій и наблюденію природы.—5) Лодіэ. Ист. всемірной литературы.—6) Вреннеръ. Астрономич. вечера.—7) Вансель. Кооперативизмъ, съ доп. о рус. артеляхъ и др. коопер.—8) Бельше. Происхожденіе органич. жизни.—9) Ру. Прекрасное въ ист. человечества (Ист. искусствъ).—10) Лассаръ-Конть. Популярная химія, съ прилож.; В. Витнеръ. Общедост. хим. анализъ почвы.—11) Бельше. Основы развитія органич. міра.—12) Вемъ—Баверкъ. Ист. полит. экономіи. Легкое, живое и популярное изложение избран. сочиненій, при массѣ рис., портр. и карт. въ краскахъ, отличаетъ эту библиотечку отъ другихъ изданій для самообразованія легкой усвояемостью. 12 книж. „Читальни Вѣстника Знанія“, ряда состоящей изъ соч. для легкаго самообразованія чтенія, имѣющаго въ виду широкое образованіе: 1) Мультипли.—Критико-биографическій очеркъ.—2) Мишо Д'Юмакъ. Великія легенды человечества (Брана, Кришна, Прометей, Психей, Мерлявъ—очарователь, Вѣчный Жидъ, Фаустъ, Довъ-Жуанъ и пр.) съ рис.—3) Соціальныя утопіи.—4) Гюдри-Мено. Женщина и женскій вопросъ (полож. и роль ея въ ист. разн. народ.; дѣтя, дѣвушка, жена, мать; новая женщина, ея будущее) съ портр. знам. женщ. и красавицъ.—5) Вернадскій. Медицина, врачи и общество (къ вопр. поднят. Вересаевымъ).—6) Общественно-полит. жизнь Запада (съ рис. и портр.).—7) Литературные портреты (съ рис.).—8) В. Витнеръ. Ганнотизмъ и родств. явленія въ наукѣ и жизни (рис.).—9) Историческія загадки.—10) Жинисти. Современный театр, его жизнь, „звѣзда“, литература, публика (рис.).—11) М. Нордау. Избранные парадоксы.—12) В. Витнеръ. Колебель русскаго державства (съ рис.). Главное назнач. „Читальни“ будитъ мысль, способствовать развитію гуманности и любви къ знанію. Въ 12 книгахъ самого „Вѣст. Знан.“, являющагося не спеціальнымъ, а общелитературнымъ и притомъ единственнымъ „толстымъ“ иллюстр. журналомъ, принимаютъ участіе лучшіе литераторы, профессора, популяризаторы и беллетристы, состоящіе сотрудниками уважаемыхъ журналовъ. Стремленіе къ знанію въ широкомъ смыслѣ слова, отраженіе жизни и духовныхъ запросовъ общества, всестороннее освѣщеніе вопросовъ дѣйствительности—составляютъ задачи „Вѣстн. Знанія“, который, избѣгая доктринерства, явится строго прогрессивнымъ органомъ. Подписная цѣна на 1903 годъ (48 кн.) 7 руб., съ дост. и перес. 8 руб. Разсрочка по 2 руб. за 1/4 года. За границу 10 руб. Первые четыре книжки высылаются за 1 руб. Адресъ редакціи „Вѣст. Знан.“: С.-Петербургъ, Кузнецкий, 2.

Съ 1903 года начинается изданіемъ въ С.-Петербургѣ новый ежемѣсячный журналъ.

НОВЫЙ ПУТЬ.

Задача журнала: Дать возможность выразиться, въ какой бы то ни было литературной формѣ—въ повѣствованіи, въ стихахъ, въ философскомъ разсужденіи, въ научной статьѣ, или въ бѣглой замѣткѣ,—тѣмъ новымъ теченіямъ, которыя возникли въ нашемъ обществѣ, съ пробужденіемъ религіозно-философской мысли. Преждее утилитарно-позитивное міросозерцаніе, не включавшее въ себя ни искусства, ни философіи, ни даже науки, во всей возможной ихъ сложности, уже бессильно отвѣтитъ на запросы современнаго сознанія и на нашихъ глазахъ сгибается ными исканіями. Идти на встрѣчу духовной работѣ общества, вызываемой этимъ знаменательнымъ передоломъ,—такова цѣль новаго журнала. Журналъ держится принципа полной терпимости ко всякому серьезному убѣжденію.

Между прочимъ, къ помѣщенію въ журналъ предполагаются записки петербургскихъ религіозно-философскихъ собраній, начавшихся съ осени 1901 года и привлечшихъ живое вниманіе общества.

Разрѣшенная программа журнала: 1) Беллетристика—оригинальная и переводная (романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, путевые очерки, стихотворенія и проч.) 2) Критика, публицистика и библиографія. 3) Статьи по вопросамъ религіозно-философскимъ и этическимъ. 4) Научный отдѣлъ. 5) Статьи по вопросамъ исторіи и культуры. 6) Обзоръ отечественной и иностранной жизни. 7) Художественная хроника. Театръ и музыка. Отчеты о выставкахъ. 8) Отчеты о дѣятельности обществъ: научныхъ, философскихъ, художественныхъ и друг. 9) Судебный отдѣлъ. 10) Общій отдѣлъ (корреспонденціи, письма, разныя извѣстія, мелкія литературныя замѣтки). 11) Портреты, иллюстраціи, планы и чертежи. 12) Объявленія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, около 15-го числа каждаго мѣсяца, книжками до 20 печатныхъ листовъ, въ форматѣ заграничныхъ ежемѣсячниковъ. Первая книжка (1903 года) выйдетъ около 15-го декабря.

Редакція и контора: С.-Петербургъ, Невскій, 88.

Цѣна: на годъ 7 руб. съ доставкой и пересылкой; безъ дост. 6 руб. 50 коп. По полугодіямъ: первое 4 руб., второе 3 руб. За границу 10 руб. Отдѣльныя книжки не продаются.

Редакторъ-издатель П. Періогъ.

ИКОНОСТАСНАЯ ФАБРИКА

Ивана Ефимовича Гетмана съ С-ми

ВЪ ТАМАРОВКѢ,

Курской губерніи, Вѣлгородскаго уѣзда.

(Серебр. мед. на всерос. выст. 1887 г. въ Харьковѣ)

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА УСТРОЙСТВО

ИКОНОСТАСОВЪ И КІУТОВЪ

въ православныхъ церквахъ, написаніе въ нихъ живописи и украшенія стѣнъ альфрейной росписью.

Заказы исполняются прочно, аккуратно и по умѣреннымъ цѣнамъ, гдѣ нужно—съ разсрочкой платежа.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ“

газету политическую, общественную и литературную

на 1903 годъ.

Въ будущемъ 1903 году „Харьк. Вѣд.“ будутъ выходить ежедневно, въ прежнемъ форматѣ, вмѣстѣ съ официальной частью. Постоянныя рубрики неофициальной части остаются прежнія, а именно:

- 1) Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политикѣ;
- 2) Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ;
- 3) Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ);
- 4) Последнія извѣстія (мѣропріятія, слухи, провѣты и т. п.);
- 5) Телеграммы;
- 6) Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной);
- 7) Корреспонденціи;
- 8) Новости науки, литературы и искусства;
- 9) Театръ и музыка;
- 10) Внутреннія извѣстія;
- 11) Земская и городская хроника;
- 12) Внѣшнія извѣстія;
- 13) Судебный отдѣлъ;
- 14) Фельетоны (беллетристика оригинальная и переводная, критика и разборъ журналовъ, научныя очерки и т. п.);
- 15) Библиографическія замѣтки;
- 16) Смѣсь;
- 17) Справочный отдѣлъ. *Реданторъ Ефимовичъ.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Харьковѣ, въ конторѣ „Харьк. Губ. Вѣд.“ *Петровскій пер., д. Шахова.*

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	1 м.	2 м.	3 м.	4 м.	5 м.	6 м.	7 м.	8 м.	9 м.	10 м.	11 м.	12 м.
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
Съ пересылкою	1 20	2 10	3 —	4 —	5 —	5 75	6 20	7 —	8 —	9 —	9 50	10 —
Съ доставкою	1 —	2 —	2 50	3 50	4 —	5 —	5 50	6 50	7 —	8 —	8 50	9 25
Безъ достав. и пересылки.	— 80	1 50	2 25	3 —	3 75	4 50	5 25	6 —	6 50	7 50	8 —	8 25

При этомъ не прилагается Краткій каталогъ сѣменной торговли Ю. К. Роте въ Одессѣ на 1903 годъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Февраля № 3. 1903 года.

Содержаніе. Высочайшій указъ — Высочайшій рескриптъ. — Дѣяніе Святѣйшаго Синода. — Опредѣленія Святѣйшаго Синода 1) касательно новаго порядка педагогическихъ собраній правленій духовныхъ семинарій и духовныхъ училищъ для обсуждения дѣлъ по учебно-воспитательной части и 2) касательно правъ священно и церковно-служителей на древесныя насажденія, находящіяся на церковныхъ земляхъ. — Разъяснительное постановленіе Святѣйшаго Синода по вопросу о приѣмѣ въ духовно-учебныя заведенія дѣтей инословныхъ родителей. — Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи. Распоряженіе Министерства народнаго просвѣщенія о времени говніи для учащихся. — Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901—1902 учебный годъ (продолженіе). — Отъ Харьковской Духовной Консисторіи. — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

Высочайшій указъ,

данный Святѣйшему Правительствующему Синоду.

1903 года, Февраля 1 го. Члену Святѣйшаго Синода, архіепископу Харьковскому *Флавіану* — Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, Кіево Печерскія Успенскія Лавры священно-архимандритомъ.

Высочайшій рескриптъ,

данный Преосвященному Митрополиту Кіевскому и Галицкому, *Флавіану*.

Преосвященный митрополитъ Кіевскій *Флавіанъ*.

Многочтвіе и полезныя для православной церкви труды ваши въ Китаѣ и въ епархіяхъ, преемственно вамъ ввѣряемыхъ, побуждаютъ Меня, по кончинѣ приснопамятнаго преосвященнаго *Феогноста*, призвать васъ на старѣйшую кіевскую архіерейскую кафедру въ санѣ митрополита Кіевскаго и Галицкаго. Уповаю, что на семъ новомъ мѣстѣ служенія вы явите особливую заботу о благомъ просвѣтительномъ воздѣйствіи духовныхъ пастырей на приходское населеніе и объ упроченіи воспитательнаго вліянія церковной школы на подрастающее поколѣніе. Да усовершается паства кіев-

ская въ вѣрѣ и благочестіи и пребываетъ неизмѣнной въ любви и вѣрности Царю и отечеству.

Препровождая вамъ крестъ для ношенія на митрѣ и бѣлый клобукъ и поручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ благосклонный^а.

На подлинномъ Собственной Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

Дѣяніе Святѣйшаго Синода.

29-го января 1903 года.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, во 2-й день января 1833 года, въ Саровской пустыни мирно отошелъ ко Господу блаженный старецъ іеромонахъ Серафимъ. Своею высокою истинно христіанскою подвижническою жизнію онъ еще у современниковъ своихъ стяжалъ общую къ себѣ любовь и вѣру въ дѣйственную силу предъ Богомъ его святыхъ молитвъ, а послѣ его блаженной кончины память о немъ, утверждаемая все новыми и новыми знаменіями милости Божіей, являемыми по вѣрѣ въ его молитвенное предстательство предъ Богомъ за притекающихъ къ нему, широко распространяется въ православномъ русскомъ народѣ и съ глубокимъ благоговѣніемъ имъ чтится. Вся жизнь его представляетъ высокопоучительные образцы истинно-христіанскаго подвижничества, пламенной вѣры въ Бога и самоотверженной любви къ ближнимъ. Еще юношею онъ оставляетъ родительскій домъ въ г. Курскѣ и, никому невѣдомый, приходитъ въ Саровскую обитель. Здѣсь онъ начинаетъ жизнь свою съ первыхъ ступеней послушанія и смиренно проходитъ ихъ, отъ всѣхъ приобретаая любовь къ себѣ и уваженіе за свою кротость и смиреніе. Восемь лѣтъ проходитъ предварительный искусь въ готовности его вступить на путь иноческой жизни и 13 августа 1786 года принимаетъ иноческое постриженіе съ именемъ Серафима, а черезъ два мѣсяца поставляется въ санъ іеродіакона. Ограждаемый смиреніемъ, отецъ Серафимъ восходилъ отъ силу въ силу въ духовной жизни. Какъ іеродіаконъ, онъ всѣ дни, съ утра до вечера, проводилъ въ монастырѣ, совершая службы, исполняя монастырскія правила и послушанія, а вечеромъ удалялся въ пустынную келію, проводя тамъ ночное время въ молитвѣ и рано утромъ опять являясь въ

монастырь для исполненія своихъ обязанностей. 2 сентября 1793 года онъ рукополагается въ санъ іеромонаха и съ вѣщшею ревностію и усугубленною любовію продолжаетъ подвизаться въ духовной жизни. Его болѣе не удовлетворяетъ, самъ по себѣ для другихъ тяжкій, трудъ иноческой жизни: молитвы, постъ, послушаніе, нестяжательность. Въ немъ раскрывается жажда высшихъ и вѣщихъ подвиговъ. Онъ покидаетъ монастырское общежитіе и удаляется для подвиговъ въ одинокую пустынную келлію въ глухомъ сосновомъ Саровскомъ лѣсу; пятнадцать лѣтъ проводитъ здѣсь въ совершенномъ уединеніи, соблюдая строгій постъ и непрестанно упражняясь въ молитвѣ, чтеніи слова Божія и тѣлесныхъ трудахъ. Подражая древнимъ святымъ столпникамъ, онъ, подкрѣпленный и утѣшаемый благодатною помощію, 1,000 дней и ночей проводитъ, стоя на камнѣ, съ воздѣтыми къ небу руками, повторяя молитву: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“. Окончивъ отшельническую жизнь, онъ снова приходитъ въ Саровскую обитель и здѣсь, какъ бы въ гробѣ, заключается въ затворъ на 15 лѣтъ, причемъ на первыя 5 лѣтъ налагаетъ на себя обѣтъ молчанія. Весь осіанный благодатію Святаго Духа чрезъ непрестанное молитвенное возношеніе ума и сердца къ Богу, онъ неоднократно удостоивался видѣній изъ горниго міра. Созрѣвши въ духовной жизни, онъ, уже старецъ, всего себя посвящаетъ на дѣятельное служеніе ближнимъ. И богатые, и бѣдные, и знатные, и простые ежедневно тысячами стекались къ его келіи и, падая ницъ предъ согбеннымъ старцемъ, открывали тайны своей совѣсти, повѣряли свои скорби и нужды и принимали съ искреннею любовію и благодарностію каждое его слово. Всѣхъ онъ встрѣчалъ съ любовію и радостію, называя при этомъ: „Батюшка мой, матушка моя, радость моя“. Всѣхъ благословлялъ, поучалъ, назидалъ; многихъ исповѣдывалъ; больныхъ исцѣлялъ; многимъ давалъ лобызать висѣвшее у него на груди мѣдное распятіе,—его материнское благословеніе—или святую икону, стоявшую у него на столѣ, инымъ давалъ въ благословеніе антидору или святой воды, или сухариковъ, другимъ начертывалъ на челѣ знаменіе креста елеемъ изъ лампады, нѣкоторыхъ обнималъ и лобызалъ съ привѣтствіемъ: „Христосъ воскресъ“. Духовная радость проникла старца настолько, что его никогда не видали печальнымъ или унывающимъ, и это радостное настроеніе духа онъ старался передавать и другимъ. Изъ добродѣтелей христіанскихъ его болѣе всего украшали кротость и незлобіе, крайнее смиреніе и нестя-

жательность. Совершивъ свое земное поприще, чистый душою, смиренный и любвеобильный старецъ тихо и мирно почилъ о Господѣ, стоя на колѣняхъ предъ иконою Божіей Матери Умаленія, съ поникшею главою и руками, приложенными къ персямъ. Послѣ его блаженнаго въ Господѣ успенія, память о его высококомъ подвижническомъ житіи не только не ослабѣваетъ, но постоянно все болѣе или болѣе возрастаетъ и утверждается среди православнаго народа русскаго во всѣхъ его сословіяхъ. Православный народъ въ глубинѣ сердца чтить блаженнаго старца истиннымъ угодникомъ Божіимъ и вѣруетъ, что и по отшествіи своемъ изъ сего міра онъ не оставляетъ своимъ предстательствомъ предъ Господомъ всѣхъ притекающихъ къ нему. И Господь Богъ, дивный и славный во святыхъ Своихъ, благоволилъ явить молитвеннымъ предстательствомъ отца Серафима многія чудесныя знаменія и исцѣленія. Вполнѣ раздѣляя вѣру народную въ святость приснопамятнаго старца Серафима, Святѣйшій Синодъ неоднократно признавалъ необходимымъ приступить къ должнымъ распоряженіямъ о прославленіи праведнаго старца.

Въ 1895 году преосвященнымъ тамбовскимъ было представлено въ святѣйшій синодъ произведенное особою комиссіею разслѣдованіе о чудесныхъ знаменіяхъ и исцѣленіяхъ, явленныхъ по молитвамъ отца Серафима съ вѣрою просившимъ его помощи. Разслѣдованіе это, начатое комиссіею 3-го февраля 1892 года, окончено было въ августѣ 1894 года, производилось въ 28 епархіяхъ Европейской Россіи и Сибири. Всѣхъ случаевъ благодатной помощи по молитвамъ старца Серафима было обслѣдовано комиссіею 94, причемъ большая часть ихъ была достаточно удостовѣрена надлежащими свидѣтельскими показаніями. Но указанное число случаевъ благодатной помощи по молитвамъ старца являлось далеко не соответствующимъ ихъ дѣйствительному числу: въ архивѣ Саровской обители, по свидѣтельству названной комиссіи, сохраняются сотни писемъ отъ разныхъ лицъ съ заявленіями о полученныхъ ими благодѣніяхъ чрезъ молитвенное обращеніе къ старцу Серафиму. Такъ какъ эти заявленія оставались не только не обслѣдованными, но и нигдѣ не записанными, то святѣйшій синодъ поручилъ преосвященному тамбовскому предписать настоятелю Саровской пустыни собрать и записать свѣдѣнія о наиболѣе замѣчательныхъ случаяхъ благодатной помощи по молитвамъ старца, не бывшихъ доселѣ записанными, и на будущее время тщательно вести запись всѣхъ могущихъ быть новыхъ чудесныхъ

знаменій по молитвамъ отца Серафима. Послѣ сего преосвященнымъ тамбовскимъ дважды, въ началѣ и концѣ 1897 года, представлялись въ святѣйшій синодъ собранія копій письменныхъ заявленій разныхъ лицъ о чудесныхъ знаменіяхъ и исцѣленіяхъ, совершившихся по молитвамъ отца Серафима. Не находя еще тогда благовременнымъ приступать къ окончательному сужденію о прославленіи Саровскаго подвижника, по поводу упомянутыхъ представлений преосвященнаго тамбовскаго, святѣйшій синодъ дважды подтверждалъ настоятелю Саровской пустыни продолжать вести запись могущихъ быть новыхъ чудесныхъ знаменій по молитвамъ старца. Въ минувшемъ 1902 г., 19 іюля, въ день рожденія старца Серафима, Его Императорскому Величеству благоугодно было вспомануть и молитвенные подвиги почившаго и всенародное къ памяти его усердіе и выразить желаніе, дабы доведено было до конца начатое уже въ святѣйшемъ синодѣ дѣло о прославленіи благоговѣйнаго старца.

Святѣйшій синодъ, разсмотрѣвъ во всей подробности и со всевозможнымъ тщаніемъ обстоятельства сего важнаго дѣла, напелъ, что многочисленные случаи благодатной помощи по молитвамъ старца Серафима, обслѣдованные надлежащимъ образомъ, не представляютъ никакого сомнѣнія въ своей достовѣрности и по свойству ихъ принадлежать къ событіямъ, являющимъ чудодѣйственную силу Божію, ходатайствомъ и заступленіемъ о. Серафима изливаемую на тѣхъ, кои съ вѣрою и молитвою прибѣгаютъ въ своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ недугахъ къ его благодатному представительству. Вмѣстѣ съ симъ синодъ, желая, чтобы и всечестные останки приснопамятнаго старца Серафима были предметомъ благоговѣйнаго чествованія отъ всѣхъ притекающихъ къ его молитвенному предстательству, поручилъ преосвященному митрополиту московскому произвести ихъ освидѣтельствованіе. 11-го января сего года митрополитъ Московскій Владиміръ и епископы тамбовскій Димитрій и нижегородскій Назарій, присоединивъ къ себѣ сурдальскаго архимандрита Серафима и прокурора московской синодальной конторы князя Шарияскаго-Шихматова и еще четырехъ духовныхъ лицъ, произвели подробное освидѣтельствованіе гроба и самыхъ останковъ отца Серафима, о чемъ и составленъ ими особый актъ за собственноручною всѣхъ подписью. Посему святѣйшій синодъ, въ полномъ убѣжденіи въ истинности и достовѣрности чудесъ, по молитвамъ старца Серафима совершающихся, воздавъ хвалу дивному во святыхъ Своихъ Господу Богу, прислѣ

благодѣющему твердой въ праотеческомъ православіи Россійской Державѣ, и нынѣ, во дни благословеннаго царствованія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Александровича, какъ древле, благоволившему явить прославленіемъ сего благочестія подвижника новое и великое знаменіе своихъ благодѣній къ православному народу русскому, поднесль Его Императорскому Величеству всеподданѣйшій докладъ, въ которомъ изложилъ слѣдующее свое рѣшеніе: 1) благоговѣйнаго старца Серафима, почивающаго въ Саровской пустыни, признать въ лѣкъ святыхъ, благодатію Божіею прославленныхъ, а всечестные останки его—святими мощами и положить оныя въ особо уготованную усердіемъ Его Императорскаго Величества гробницу для поклоненія и чествованія отъ притекающихъ къ нему съ молитвою, 2) службу преподобному отцу Серафиму составить особую, а до времени составленія таковой, послѣ дня прославленія памяти его, отправлять ему службу общую преподобнымъ, память же его праздновать какъ въ день преставленія его, 2-го января, такъ и въ день открытія святыхъ его мощей и 3) объявить о семъ во всенародное извѣстіе отъ святѣйшаго синода.

При докладѣ семь представлены были на Монаршее усмотрѣніе подлинный актъ освидѣтельствованія всечестныхъ останковъ отца Серафима и краткое описаніе случаевъ чудодѣйственной помощи его прибѣгавшимъ къ его заступленію. На всеподданѣйшемъ докладѣ о семъ святѣйшаго синода Государь Императоръ, въ 26-й день января сего года, соизволилъ Собственноручно начертать: *„Прочелъ съ чувствомъ истинной радости и глубокаго умиленія“*.

Выслушавъ сія Всемилостивѣйшія слова, Святѣйшій Синодъ, по опредѣленію отъ 29-го января 1903 г., постановилъ поручить преосвященному Антонію, митрополиту С.-Петербургскому и Ладожскому, совмѣстно съ преосвященными Тамбовскимъ и Нижегородскимъ, совершить, въ 19-й день іюля текущаго года, торжественное открытіе мощей преподобнаго отца Серафима, саровскаго чудотворца.

Святѣйшій Синодъ возвѣщаетъ о семъ благочестивымъ сынамъ православной Церкви, да купно съ нимъ воздадутъ славу и благодареніе Господу, тако изволившему, и да пріимуть сіе явленіе новаго заступника и чудотворца, яко новое небесное благословеніе на царствованіе Августѣйшаго Монарха нашего, подъемлющаго нрусныя труды ко благу православнаго народа русскаго и своею

Царскою любовію и попеченіемъ объемлющаго всѣхъ своихъ вѣрно-подданныхъ всякаго званія и состоянія.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

I. Отъ 27 ноября—9 декабря 1902 г. за № 5287, по вопросамъ касательно новаго порядка педагогическихъ собраний Правленій духовныхъ семинарій и собраний Правленій духовныхъ училищъ для обсуждения дѣлъ по учебно-воспитательной части.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ: предложенные Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ журналы Учебнаго Комитета за №№ 682 и 726, съ заключеніемъ Комитета, по вопросамъ касательно новаго порядка педагогическихъ собраний Правленій духовныхъ семинарій и собраний Правленій духовныхъ училищъ для обсуждения дѣлъ по учебно-воспитательной части, согласно Высочайше утвержденному 1 іюля 1902 г. опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 26-го марта—3 мая того же года за № 1402. Приказали: Разсмотрѣвъ настоящіе журналы, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разъяснить по духовно-учебному вѣдомству, что 1) согласно измѣненнымъ по Высочайшему повелѣнію, отъ 1 іюля 1902 г., § 92 Уст. дух. сем. и § 32 Уст. дух. учил., отиѣняются педагогическія собранія Правленій духовныхъ семинарій и собранія Правленій духовныхъ училищъ для обсуждения вопросовъ по учебно-воспитательной части въ прежнемъ ихъ составѣ: взаимъ членовъ Правленій изъ преподавателей—трехъ въ семинаріяхъ и одного въ училищахъ, назначаемыхъ епархіальнымъ преосвященнымъ на три года, въ означенныхъ собраніяхъ присутствуютъ съ правомъ голоса всѣ наставники семинарій или училища, пользующіеся въ оныхъ правами службы, исключая случаевъ болѣзни или отпуска, при чемъ, для дѣйствительности собранія, въ немъ должно присутствовать въ учебное время не менѣе половины преподавателей въ канicularное же время приглашаются въ собраніе тѣ преподаватели, кои окажутся на лицѣ въ духовно-учебномъ заведеніи; при этомъ председатели собраний обязаны наблюдать, чтобы болѣе важные вопросы по учебно-воспитательной части или заблаговременно разсматривались въ собраніяхъ, до отъѣзда наставниковъ въ канicularный отпускъ, или же отлагались до полнаго собранія преподавателей; 2) что касается нольнонаемныхъ преподавателей, и приглашаемыхъ Правленіями семинарій или училища изъ другихъ

учебныхъ заведеній для временнаго преподаванія какого-либо предмета, то таковыя преподаватели приглашаются въ засѣданія съ правомъ голоса въ тѣхъ случаяхъ, когда въ оныхъ обсуждаются вопросы, имѣющіе отношеніе къ преподаваемымъ ими предметамъ; 3) обсужденію педагогическихъ собраній семинарскихъ Правленій въ указанномъ составѣ подлежатъ всѣ дѣла, поименованныя въ § 103 Уст. дух. сем., и обсужденію собраній училищныхъ Правленій по учебно воспитательной части дѣла, поименованныя въ первыхъ 10 пунктахъ § 37 Уст. дух. учил., и 4) распорядительныя собранія семинарскихъ и училищныхъ Правленій остаются при прежнемъ составѣ, т. е. съ участіемъ отъ преподавателей лишь одного члена, по назначенію епархіальнаго преосвященнаго.

II. Определеніемъ Святейшаго Синода отъ 18—21 декабря 1902 г. за № 5625, Святейшій Синодъ, разсмотрѣвъ вопросъ о правахъ священно-церковнослужителей на древесныя насажденія, находящіяся на церковныхъ земляхъ, определеніемъ 18—21 декабря 1902 г. за № 5625, призналъ нужнымъ преподать епархіальнымъ преосвященнымъ слѣдующія правила пользованія древесными насажденіями на церковныхъ земляхъ: „Насажденные на церковныхъ усадебныхъ и полевыхъ земляхъ сады, всякаго рода кустарники и деревья, составляя принадлежность тѣхъ земель, почитаются церковною собственностію и состоятъ въ пользованіи священно и церковнослужителей на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Лица, насадившія своимъ трудомъ и издвигеніемъ сады, имѣютъ исключительное право пользованія плодами и произведеніями отъ сдѣланныхъ ими насажденій, а также могутъ продавать саженцы и деревья изъ разведенныхъ ими садовъ и питомниковъ постороннимъ лицамъ. 2) Въ случаѣ оставленія упомянутыми въ пунктѣ 1-мъ лицами служенія въ приходѣ, они сохраняютъ право на полученіе въ свою пользу половины доходовъ отъ разведенныхъ ими садовъ и всякаго рода насажденій: выходящіе за штатъ по преклонности лѣтъ—пожизненно, а переводимые въ другой приходъ по распоряженію начальства—въ теченіе 10 лѣтъ; лица же, перемѣщаемыя въ другой приходъ по ирошенію, лишаются права на полученіе доходовъ отъ указанныхъ насажденій по прежнему мѣсту служенія. 3) Вдовы и сироты упомянутыхъ въ пунктѣ 1-мъ лицъ имѣютъ право на полученіе половины дохода отъ садовъ, разведенныхъ ихъ мужьями или отцами, если послѣдніе умерли въ тѣхъ

црвходахъ, гдѣ ими были разведены сады, при чемъ вдовы пользуются такимъ правомъ пожизненно, а сироты до принятія ихъ на бесплатное содержаніе въ учебныя заведенія, въ случаѣ же непоступленія въ оныя,—дочери до совершеннолѣтія, а сыновья до 17 лѣтнаго возраста. 4) Не возбраняется преемникамъ по приходамъ входить въ соглашеніе съ предшественниками объ уплатѣ послѣдними единовременнаго вознагражденія за разведенные ими сады и сдѣланныя насажденія, вмѣсто сохраненія за насадителями права на пользованіе частью дохода отъ учиненныхъ насажденій. О семъ долженъ быть составленъ письменный договоръ, засвидѣтельствованный благочиннымъ, который долженъ храниться при церковныхъ документахъ. 5) Насадители садовъ и растений на церковной землѣ, желающіе сохранить за собою и своимъ семействомъ право на пользованіе доходами отъ насажденнаго ими сада,—обязаны составить подробную опись сдѣланныхъ насажденій, каковая опись, по подписаніи оной всѣми членами причта съ церковнымъ старостою и по засвидѣльствованіи благочиннымъ, должна быть сохраняема при церковныхъ документахъ.

Разъяснительное постановленіе Святѣйшаго Синода,

отъ 30 октября—6 ноября 1902 г. за № 4831, *по вопросу о приѣмѣ въ духовно-учебныя заведенія дѣтей инословныхъ родителей.*

Въ разрѣшеніе возбужденнаго правленіемъ одного духовнаго училища вопроса, слѣдуетъ ли относить къ инословнымъ дѣтямъ, принимаемымъ въ духовныя училища не свыше 10% на основаніи Синодальнаго циркулярнаго указа 14 марта 1900 г. за № 3, такихъ дѣтей, отцы которыхъ—лица свѣтскаго званія, но дѣды, дяди по отцу и матери и родные братья суть священно-церковнослужители, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, разъяснилъ, что тѣ дѣти, отцы которыхъ не состоятъ священно-церковнослужителями, хотя бы таковыми были ихъ предки и близкіе родственники, должны быть причисляемы къ дѣтямъ инословнымъ, приѣмъ которыхъ въ духовно-учебныя заведенія ограниченъ 10% отношеніемъ.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Согласно § 155 семинарскаго устава, плата за содержаніе своекоштныхъ воспитанниковъ Семинаріи должна быть вносима по

тремъ учебнаго года въ теченіе двухъ недѣль послѣ начала трети. Посему Правленіе Семинаріи покорнѣйше проситъ отцовъ таковыхъ воспитанниковъ озаботиться высылкой на имя Правленія въ теченіе времени съ 1 по 15 марта взносовъ за третью треть сего учебнаго года въ размѣрѣ 40 руб. съ воспитанниковъ духовнаго званія, не получающихъ пособія, 20 р.—съ воспитанниковъ, получающихъ пособіе, и 60 р.—съ вносословныхъ воспитанниковъ. Не внесшіе въ указанный срокъ денегъ за свое содержаніе воспитанники, на основаніи того же устава, подлежатъ удаленію изъ общежитія.

Въ виду полученныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія свѣдѣній о томъ, что при назначеніи учебнымъ начальствомъ времени говніи воспитанниковъ не всегда принимаются во вниманіе условія дѣятельности мѣстнаго приходскаго духовенства, со стороны министерства послѣдовало распоряженіе, чтобы время для говніи воспитанниковъ учебныхъ заведеній назначалось въ каждомъ случаѣ не иначе, какъ съ согласія настоятеля той церкви, въ которой воспитанники должны исполнять христіанскій долгъ.

«К. Сл.»

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901-1902 учебный годъ.

(Продолженіе *).

д) *Младшія воспитательницы.*

1. Въ приготовительномъ классѣ, дѣвица *Анастасія В. Каны-станская*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ, со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 150 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 29 сентября 1901 года.

2. Въ 1 норм. классѣ, дѣвица *Татіана Павловна Потапова*—окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 1 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 29 сентября 1901 года.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 2.

3. Въ 1 пар. классѣ, дѣвица *Татіана Николаевна Бѣликова*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы, жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 150 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 28 октября 1901 года.

4. Во 2 пар. классѣ, дѣвица *Клавдія Михайловна Воскобойникова* окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы, жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 150 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 26 октября 1899 года.

5. Во 2 пар. классѣ, дѣвица *Марія Александровна Стефановская*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 150 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 9 октября 1900 года.

6. Въ 3 норм. классѣ, дѣвица *Ирина Алексеевна Шебатинская*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 150 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 7 сентября 1898 года.

7. Въ 3 пар. классѣ, дѣвица *Вѣра Константиновна Аристова*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 150 руб. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 20 Августа 1893 года.

8. Въ 4 норм. классѣ, дѣвица *Александра Алексеевна Грекова*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ, со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 150 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 7 сентября 1898 года.

9. Въ 4 пар. классѣ, дѣвица *Софья Павловна Реутская*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 150 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 27 августа 1897 года.

10. Въ 5 норм. классѣ, дѣвица *Павла Фодоровна Власовская*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 150 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 27 августа 1896 года.

11. Въ 5 норм. классѣ, дѣвица *Надежда Петровна Сокина*—окончила курсъ въ Харьк. Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 150 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды, въ настоящей должности съ 24 января 1901 года.

12. Въ 6 норм. классѣ, вдова священника *Анастасія Васильевна Оаворова*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 150 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды.

13. Въ 6 парал. классѣ, дѣвица *Александра Ильинична Энеидова*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 150 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 22 сентября 1900 года.

е) *Другія служащія въ училищъ лица.*

1. Завѣдующая фундаментальною, ученическою и музыкальною училищными бібліотеками, учебниками и учебными принадлежностями *Ольга Герасимовна Перликъ*; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 180 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 8 іюня 1896 г.

2. Врачъ при училищной больницѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Михайлъ Михайловичъ Стефановичъ-Севастіановичъ*, докторъ медицины; жалованья получаетъ 600 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 13 января 1877 года.

3. Больничная надзирательница, фельдшерница, дочь священника, *Платонида Петровна Щербина*, имѣетъ свидѣтельство на званіе фельдшерницы; жалованья получаетъ 242 р. и 60 р. награды; всего 302 р. при казенной квартирѣ со столомъ; въ настоящей должности съ 22 сентября 1900 года.

4. Помощница больничной надзирательницы, дѣвица *Целія Петровна Прокофьева*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ, жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 150 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 4 октября 1880 года.

5. Помощница больничной надзирательницы, вдова діакона, *Татіана Петровна Краснокутская*, окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ, жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 150 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 5 апрѣля 1894 года.

6. И. д. эконома мѣщанинъ *Алексій Федоровичъ Васильевъ*; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 560 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 22 августа 1894 года.

Примѣчаніе. Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ при Училищѣ состояли еще: а) кастелянша, завѣдывавшая бѣльемъ и одеждою воспитанницъ и б) ключница, завѣдывавшая столовою и буфетомъ.

Такимъ образомъ, наличный училищный служебный персоналъ въ концѣ отчетнаго учебнаго года состоялъ изъ 74 лицъ.

Учебный персоналъ состоялъ изъ 19 преподавателей, 17 учительницъ, 13—старшихъ воспитательницъ и 13—младшихъ воспитательницъ.

2. Составъ учащихся.

Харьковское Епархіальное Женское Училище—*шестиклассное*, съ пригготовительнымъ классомъ и шестью параллельными отдѣленіями.

Составъ учащихся въ немъ въ концѣ 1901—1902 года показывается слѣдующая таблица:

К Л А С С Ы.	Общее число учащихся.	Духовныхъ.	Инословныхъ.	Живущихъ въ общежитіи.	Црковныхъ.	На полномъ Епархіальномъ содержаніи.	На половинномъ.	Стипендіаты и содержаш. на средства благотворител.	Окончили курсъ и удостос- ны аттестата.
Пригготовительный . .	58	53	5	58	—	9	1	3	—
1 нормальный классъ .	49	39	10	49	—	4	1	2	—
1 параллельн. классъ.	50	36	14	50	—	1	1	2	—
2 нормальный классъ .	51	40	11	51	—	10	3	3	—
2 параллельн. классъ.	49	36	13	48	1	4	1	2	—
3 нормальный классъ .	44	35	9	44	—	4	1	—	—
3 параллельн. классъ.	44	36	8	44	—	9	1	2	—
4 нормальный классъ .	39	27	12	39	—	2	1	3	—
4 параллельн. классъ.	42	29	13	42	—	3	2	3	—
5 нормальный классъ .	37	27	10	37	—	5	2	4	—
5 параллельн. классъ.	42	28	14	42	—	2	3	3	—
6 нормальный классъ .	39	33	6	39	—	10	—	5	39
6 параллельн. классъ.	36	23	13	36	—	6	2	3	36
Всего	580	442	138	579	1	69	19	35	75

Примѣчаніе. За полную пансіонерку взносится 70 р. въ годъ, за половинную (съ уменьшоннымъ взносомъ, но пользующуюся отъ учаща всѣмъ, наравнѣ съ прочими пансіонерками) 50 р., за дочерей духовства инопархіальнаго 180 р. и за дѣвицъ свѣтскаго происхожденія 200 р.

(Продолженіе будетъ).

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

Изъ отношенія Предсѣдателя Совѣта Харьковскаго Благотворительнаго Общества, на имя Его Высокопреосвященства, видно, что Совѣтъ сего Общества возвысилъ размѣръ содержанія для псаломщика, въ санѣ діакона, при домовоі Покровской церкви поминутаго Общества, при которой имѣется вакантное псаломщическое мѣсто, 300 руб. въ годъ. Если же лицо, которое будетъ назначено діакономъ на вакансію псаломщика при церкви Общества, будетъ въ состояніи обучать воспитанниковъ и воспитанницъ въ заведеніяхъ Общества пѣнію, а также управлять во время богослуженія двумя дѣтскими хорами, и исполненіе этихъ обязанностей приметъ на себя, то производимое содержаніе будетъ увеличено до 400 руб.

О семъ Харьковская Духовная Консисторія и сообщаетъ на основаніи Архипастырской резолюціи.

Епархіальныя извѣщенія.

Вакантныя мѣста.

Священническія:

- При Овodoro-Стратилатовской церкви с. Тучнаго. Лебединскаго уѣзда.
- < Иоанно-Предтеченской церкви с. Знаменскаго, Изюмскаго уѣзда.
 - < церкви сл. Перекопа, Валковскаго уѣзда.
 - < Николаевской церкви с. Никольскаго, Старобѣльскаго уѣзда.
 - < Успенской церкви с. Литвиновки, Старобѣльскаго уѣзда.

Діаконскія:

- При Вознесенской церкви с. Зеликовки, Старобѣльскаго уѣзда.
- < Успенской церкви с. Камышеватой, Валковскаго уѣзда.
 - < Преображенской церкви сл. Половинкиной, Старобѣльскаго уѣзда.

- При Казанско-Богородичной церкви с. Должика, Харьковского уѣзда.
 « Николаевской церкви с. Деркачовки, Лебединскаго уѣзда.
 « Покровской церкви, с. Пархомовки, Богодуховскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

- При Николаевской церкви сл. Таниюшевки, Старобѣльскаго уѣзда.
 « Вознесенской церкви г. Золочева, Харьковскаго уѣзда
 « Успенской церкви сл. Поповки, Старобѣльскаго уѣзда.
 « Покровской церкви сл. Козѣвки, Богодуховскаго уѣзда.
 « Тихоновской церкви, сл. Стельмаховки, Купянскаго уѣзда
 « Вознесенской церкви с. Лознаго, Старобѣльскаго уѣзда.
 « Преображенской церкви сл. Межирича, Лебединскаго уѣзда.
 « Церкви, с. Радьковки, Купянскаго уѣзда.
 « Николаевской церкви с. Будовъ, Лебединскаго уѣзда.
 « Преображенской церкви с. Кременной, Купянскаго уѣзда.
 « Пророко-Ильинской церкви г. Сумъ.
 « Кирилло-Меодіевской церкви с. Райгородскаго, Купянскаго уѣзда.
 « Иоанно-Богословской церкви с. Гомольши, Зміевскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Новый Харьковскій Архіепископъ.—Обсужденіе устава религиозно-просвѣтительнаго братства въ Харьковѣ.—Религиозно-нравственныя бесѣды въ Харьковѣ.—Врачебныя станціи для больныхъ учителей и учительницъ церковныхъ школъ.—Пенсіонныя кассы для преподавателей церковныхъ школъ.—Сиротская десятина.—Некрологъ.

Приснопамятный архіепископъ Харьковскій Амвросій лѣтъ 10—11 тому назадъ, какъ то разъ бесѣдуя съ окружающими его лицами о своемъ смертномъ часѣ, незамѣтно перешелъ къ вопросу о томъ, кто будетъ его преемникомъ по Харьковской кафедрѣ. *«Крещу свое лицо, сказалъ Владыка, подумавши и сотворивъ крестное знаменіе, что на Харьковской кафедрѣ послѣ меня будетъ преосвященнѣйшій Арсеній»*, бывшій въ ту пору еще епископомъ Рижскимъ. Вѣщее слово Владыки Амвросія нынѣ исполнилось. Божіимъ изволеніемъ и волею Государя Императора Харьковская паства неожиданно лишается любвеобильнѣйшаго архипастыря Флавіана, послѣ его 14-ти мѣсячнаго управленія Харьковскою епархіею. Онъ переводится на старѣйшую въ Россіи кафедру митрополита Кіевскаго. Но тѣмъ же изволеніемъ Божіимъ и, смѣемъ вѣрить, молитвами бывшаго предстоятеля церкви Харьковской

архієпископа Амвросія, паствъ Харьковской дается въ руководители мужъ *по сердцу ея*, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архієпископъ Казанскій. Высокопреосвященнѣйшій Арсеній извѣстенъ, какъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ, учительнѣйшихъ и благопечетельнѣйшихъ о паствъ архипастырей. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ нашихъ архипастырей, которымъ вѣрился и которые съ честію занимали высокій и отвѣтственный постъ ректора Духовной Академіи. Высокопреосвященнѣйшій Арсеній продолжительное время былъ ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи. Мы знаемъ также, что Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, живя въ прошломъ году въ С.-Петербургѣ, какъ членъ Святѣйшаго Синода, почти каждый воскресный и праздничный день въ Церкви Благовѣщенскаго подворья совершалъ богослуженіе и проповѣдывалъ Слово Божіе. Благоглагольное служеніе и живое слово Владыки собирали въ храмъ множество благоговѣнно настроенныхъ богомольцевъ. Въ послѣднее же служеніе Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія переполнявшіе храмъ многочисленныя богомольцы, по выходѣ Владыки изъ алтаря, выразили Ему свою благодарность за то духовное наслажденіе, какое они получали отъ его проповѣдей и совершенія богослуженія. При прощальномъ же благословеніи Владыки всѣ богомольцы, какъ одинъ человекъ, сдѣлали глубокій, а многіе и земной поклонъ. Какъ архипастырь Казанскій, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній много содѣйствовалъ возвышенію и процвѣтанію своей паствы въ ея духовныхъ нуждахъ и матеріальныхъ. Онъ заботился о построеніи храмовъ въ мѣстахъ нужныхъ и важныхъ въ миссіонерскомъ отношеніи, объ обезпеченіи сельскаго духовенства, о благоустроеніи духовно-учебныхъ заведеній, начиная отъ Духовной Академіи. Обзорнѣе архипастыремъ Арсеніемъ епархій всегда доставляло радость его паствъ: оно сопровождалось почти ежедневнымъ богослуженіемъ и бесѣдами съ пастырями и пасомыми. Высокопреосвященнѣйшій Арсеній—уроженецъ Смоленской губерніи (въ мѣрѣ Александръ Брянцевъ) родился 27 августа 1839 года. По окончаніи курса наукъ въ Кіевской духовной академіи въ 1867 г., Александръ Брянцевъ былъ назначенъ законоучителемъ Вѣлоцерковской гимназіи. Въ 1868 г. удостоенъ степени магистра богословія и рукоположенъ во священника (4 февраля). Въ 1873 году былъ назначенъ ректоромъ Таврической духовной семинаріи и возведенъ въ санъ протоіерея. Въ 1875 году 6 апрѣля принялъ монашество съ именемъ Арсенія. Въ 1882 г. 13 мая архимандриту Арсенію Высочайше повелѣно

быть епископомъ Ладожскимъ. Въ 1883 году епископъ Арсеній назначается ректоромъ С. Петербургской духовной академіи, а 28-марта 1887 г. епископомъ рижскимъ. 15 мая 1893 г. возведенъ въ санъ архіепископа и въ 1897 г. 4 октября назначенъ архіепископомъ Базанскимъ. Высокопреосвященный Владыка Высочайше награжденъ: въ 1884 г. орденомъ св. Анны 1 ст., въ 1890 г.— св. Владимира 2 ст., въ 1896 г. св. Александра Невскаго и въ 1901 г. брилліантовымъ крестомъ для ношенія на клобукъ. Кроме того владыка имѣетъ Черногорскій орденъ Даніила.

— 4 февраля въ админіаціи духовной консисторіи, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго, состоялось общее собраніе протоіереевъ и священниковъ всѣхъ церквей г. Харькова. Предметомъ собранія было обсужденіе проекта устава предполагаемаго къ открытію въ г. Харьковѣ религіозно-просвѣтительнаго братства. Проектъ этого устава выработанъ особой комиссіей, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Стефана.

Дѣло объ учрежденіи въ Харьковѣ религіозно-просвѣтительнаго братства всегда озабочивало Высокопреосвященнаго Владыку Флавіана, нынѣ Митрополита Кіевскаго и Галицкаго. На докладѣ о. благочиннаго церквей г. Харькова, прот. П. Полтавцева, о собраніи городского духовенства отъ 26 ноября 1902 г., высказавшагося за учрежденіе въ Харьковѣ особаго религіозно-просвѣтительнаго братства, Высокопреосвященный Владыка Флавіанъ изволилъ начертать отъ 28 декабря 1902 г. резолюцію: „*Богъ благословитъ доброе начало*“. Результатомъ этого добраго начинанія была организація особыхъ проповѣдническихъ кружковъ для религіозно-нравственныхъ чтеній въ различныхъ пунктахъ г. Харькова и выработка устава братства, который, по постановленію собранія духовенства отъ 4 февраля, и представленъ чрезъ Преосвященнаго Стефана на архіпастьрское благовозрѣніе Высокопреосвященнаго Владыки Флавіана. Жаль только, что Владыкѣ Флавіану не пришлось организовать на дѣлѣ самое устройство этого братства, затеплить въ немъ духовную жизнь, осуществить въ самой жизни его высокія религіозно-просвѣтительныя задачи на пользу городского народонаселенія. Остается надежда, что преемникъ его, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній, не оставитъ незаконченнымъ это великое и нынѣ особенно нужное для городского населенія религіозно просвѣтительное дѣло городского духовенства и городской интеллигенціи, а дастъ ему „духъ жизни“, введетъ его въ самую практическую жизнь.

— На собраніи отъ 4 февраля духовенство впервые узнало достовѣрное извѣстіе изъ С.-Петербурга о назначеніи Высокопреосвященнаго Владыки Флавіана Митрополитомъ Киевскимъ и Галицкимъ. Всѣми были высказаны чувства душевной скорби о предстоящей разлуцѣ съ добрымъ и всѣмъ доступнымъ архипастыремъ, всегда отзывавшимся ко всему, что клонилось къ истинному благу и пользѣ Харьковской паствы и епархіальнаго духовенства. Порѣшено чествовать отъѣзжающаго Владыку Флавіана поднесеніемъ адреса и иконы въ молитвенную память о Харьковской паствѣ.

— Сищенникъ Скорбященской церкви при мѣщанской богадѣльнѣ о. Н. Жебиневъ, пользуясь удобствомъ въ помѣщеніи при богадѣльнѣ, около 2-хъ лѣтъ назадъ, учредилъ воскресныя и праздничныя чтенія, преимущественно для школьниковъ и подростовъ, которыя и носили характеръ „дѣтскихъ чтеній“ съ свѣтовыми картинами. Съ 1903 года тѣмъ же священникомъ учреждены, кромѣ утреннихъ (отъ 11 до 1 ч. дня) „дѣтскихъ чтеній“, „религіозно-нравственныя бесѣды и чтенія“ для взрослыхъ, которыя ведутся непосредственно послѣ вечерни. Съ января 1903 г. въ кругъ сотрудниковъ о. Жебинева вошли сосѣдней холодногогорской Всѣхсвятской церкви священники: о. А. Луценковъ и о. Н. Крайновъ, и, кромѣ того, въ качествѣ лекторовъ, принимаютъ участіе воспитанники духовной семинаріи; они же завѣдываютъ и свѣтовымъ фонаремъ. Число посѣтителей-слушателей съ каждымъ разомъ болѣе и болѣе увеличивается, такъ что, напримѣръ, 26 января на вечернихъ чтеніяхъ было не менѣе 300 преимущественно взрослыхъ и даже матери съ грудными младенцами. На этотъ разъ, послѣ вечерни, было предложено поученіе на евангельскую заповѣдь: „блаженн плачущіе, яко тѣя утѣшатся“, прочитавъ акаѳистъ передъ храмовой иконой при стройномъ пѣніи мѣстнаго хора, а затѣмъ въ аудиторіи прочитаны статьи: о богатствѣ, житіе св. Ксенофонта и Маріи, о трезвости и „царствованіе Императора Александра II“ съ демонстрированіемъ 32-хъ картинъ.

26-го же января были предложены религіозно-нравственныя чтенія: 1) въ *Покровскомъ монастырѣ*—законоучителемъ коммерческаго училища, священникомъ о. Іоанномъ Филевскимъ,—„О второй заповѣди блаженства Христова и житіе преподобн. Ксенофонта и Маріи; 2) въ *кафедральномъ соборѣ*—настоятелемъ собора, протоіереемъ о. Стефаномъ Любицкимъ,—„О храмѣ“ и священникомъ о. Гриворіемъ Виноградовымъ „Житіе преподобн. Ксенофонта и Маріи“; 3) на *Журавлевѣ*, въ *Петропавловской церкви*,—про-

тоіереемъ о. Павломъ Григоровичемъ—„О символѣ вѣры“ и житіе и 4) на *паровозостроительномъ заводѣ*, на Петинской улицѣ, епархіальнымъ миссіонеромъ Д. И. Боголюбовымъ—на тему „О значеніи релігіозной вѣры для душевной жизни человѣка“.

2-го февраля, въ воскресенье читали 1) въ *Покровскомъ монастырѣ*—священникъ о. Владиміръ Бусыгинъ—о 3 заповѣди блаженства Христова в священникъ о. Николай Зефировъ о Срѣтеніи Господнемъ, 2) въ *Катедральномъ соборѣ*—настоятель протоіерей Стефанъ Любичкій—о Срѣтеніи и о блудномъ сынѣ, 3) на *Паровозостроительномъ заводѣ*, на Петинской ул., протоіерей Петръ Тимофеевъ—о постѣ и блудномъ сынѣ, 4) въ *Александровской церкви*, на Зайковѣ, священникъ Владиміръ Шаповаловъ—объ искушеніи Христа въ пустынѣ, 5) въ *Мпчанской богадѣльнѣ*, на Холодной горѣ, о 3 заповѣди блаженства и о Срѣтеніи и 6) на *Журавлевкѣ* о символѣ вѣры (продолженіе). Въ этихъ мѣстахъ чтенія будутъ вестись послѣ вечерни, которая обыкновенно начинается въ 4 часа.

— Въ училищномъ совѣтѣ при Святѣйшемъ Синодѣ возникло предположеніе объ учрежденіи въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи врачебныхъ санитарныхъ станцій для пользованія больныхъ учителей и учительницъ школъ духовнаго вѣдомства. На первыхъ порахъ имѣется въ виду открыть саваторію на одномъ изъ пунктовъ Чернаго моря, при чемъ для помѣщенія больныхъ имѣется въ виду приспособить нѣкоторыя изъ зданій, нынѣ занимаемыя церковными школами. Подробный проектъ учрежденія врачебныхъ сенаторій поручено разработать врачу—члену при училищномъ совѣтѣ А. Ф. Анисимову. «Южн. Кр.».

— Въ духовномъ вѣдомствѣ разработанъ проектъ всероссійской пенсіонной кассы преподавателей въ церковныхъ школахъ разныхъ наименованій.

По проекту кассы она будетъ производить учителямъ и учительницамъ церковныхъ школъ не только пенсіи за выслугу звѣстнаго числа лѣтъ, но и единовременныя пособія. Всѣ свѣтскіе учителя и учительницы начальныхъ церковныхъ школъ являются обязательными участниками кассы, тогда какъ священноцерковнослужители, служащіе въ церковныхъ школахъ, учителя и учительницы. учительскихъ церковныхъ школъ могутъ быть лишь добровольными участниками той же кассы. Для образованія средствъ имѣется въ виду установить обязательныя вычеты изъ жалованья участниковъ и ежегодное ассигнованіе для этого особыхъ средствъ

отъ казны. Кромѣ того касса предполагаетъ располагать пожертвованіями и выморочнымъ имуществомъ, остающимся послѣ смерти безнаслѣдныхъ участннковъ кассы. Обязательные вычеты съ участннковъ будутъ производиться ежемѣсячно въ размѣрѣ 6 проц. мѣсячнаго оклада содержанія; квартирныя деньги и пособія въ расчетъ не будутъ принимаемы. Добровольные участннки кассы уплачиваютъ въ ея доходъ ежемѣсячно по 12 проц. мѣсячнаго содержанія. Пособіе изъ средствъ казны будетъ производимо ежегодно въ размѣрѣ 6 проц. на оклады содержанія обязательныхъ участннковъ кассы. Самыя пенсіи имѣется въ виду установить двухъ родовъ—обыкновенныя и усиленныя. Обыкновенныя пенсіи по выслугѣ съ участіемъ въ кассѣ не менѣе пятнадцати лѣтъ. Усиленныя—по выслугѣ не менѣе пяти лѣтъ, въ случаяхъ полной утраты способности и при этомъ не только къ продолженію службы въ данной должности, но и къ труду вообще. Съ прекращеніемъ усиленной пенсіи за смертью участннка членамъ его семьи имѣеть быть назначаема пенсія въ томъ размѣрѣ, какой причитался бы имъ, если бы пенсіонеръ получалъ обыкновенную пенсію. Проектъ обращаетъ особенное вниманіе на выдачу пенсій вдовамъ; эти послѣднія пріобрѣтаютъ права на полученіе пенсіи независимо отъ числа лѣтъ службы самого участннка при слѣдующихъ условіяхъ: а) за смертью мужа, б) лишеніемъ его всѣхъ правъ состоянія и в) нахожденіемъ въ безвѣстномъ отсутствіи, когда со дня послѣдней публлкаціи прошло не менѣе года. При тѣхъ же условіяхъ открываются права на полученіе пенсій и сиротами.

«Харьк. Вѣд.».

— Св. Г. М.—евъ въ „Смол. Еп. Вѣд.“, помѣстилъ интересную замѣтку подъ заглавіемъ „Сиротская десятина“. Въ этой замѣткѣ авторъ указываетъ на одинъ изъ способовъ, коимъ можно, оказать вдовамъ и сиротамъ духовенства существенную помощь.

Въ каждомъ селѣ слѣдуетъ выдѣлить изъ церковной земли десятину для вдовъ и сиротъ полосками ли въ каждомъ причтовомъ полѣ, или особнякомъ, гдѣ намъ удобно. Средствами мѣстнаго попечительства на выдѣленной землѣ устроить небольшой домикъ, въ который вдова, лишившись своего мужа, и должна перейти, продавъ свой домъ, по оцѣнкѣ его благочиннымъ, или членами Благочинническаго Совѣта, члену причта, вновь поступившему на мѣсто ея мужа, конечно, при взаимномъ соглашеніи, такъ чтобы не было обидно ни вдовѣ, ни поступившему.

Сиротская десятина съ домикомъ должна выдѣляться и устроиться

и въ такомъ селѣ, гдѣ нѣтъ вдовъ и сиротъ. Аренда съ этой земли и домика, пока не будетъ вдовы и сиротъ, должна идти въ попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія.

При такого рода помощи вдовы духовенства не теряютъ ничего такого, что для нихъ дорого. А дорого для нихъ то, чѣмъ они жили десятки лѣтъ. Дорогъ родной храмъ, дороги могилки родныхъ; дорожатъ вдовы и своими прихожанами—крестьянами, которыхъ они хорошо знаютъ и которые никогда не прочь оказать имъ посильную помощь.

Главнымъ же образомъ, вѣрится, что этой мѣрой можно устранить тѣ печальныя, непріятныя отношенія, которыя иногда возникаютъ у вновь поступившаго священника со вдовами.

Поступаетъ молодой священникъ. Около церкви въ своемъ селѣ онъ находитъ домъ вдовы своего предшественника, который въ большинствѣ случаевъ онъ не можетъ купить, такъ какъ вдовѣ „некуда дѣться“. Долго мается поступившій, устраниваясь гдѣ-нибудь въ концѣ усадьбы, или втискиваясь въ средину наличныхъ построекъ духовенства и стѣсняя ихъ и себя.

Сколько на этой почвѣ, что „некуда дѣться“ священнику, а также и вдовѣ, возникаетъ недоразумѣній, доходящихъ иногда до жалобъ благочинному. Для священника создается совсѣмъ безвыходное положеніе. Приходится временно селиться за версту и далѣе отъ церкви, а не то, не найди квартиры, онъ совсѣмъ уходитъ изъ села, и прихожане остаются нѣсколько мѣсяцевъ безъ священника. А вдовѣ трудно бываетъ поддерживать оставшуюся отъ мужа большую постройку.

А между тѣмъ, развѣ не естественно священнику желать жить вблизи храма, въ который ему приходится ходить и днемъ и ночью, и развѣ хуже будетъ вдовамъ и сиротамъ, когда онъ перейдетъ въ сиротскіе домики, продавъ свои постройки вновь поступившему члену причта, за которымъ ихъ доброе во всякомъ случаѣ не пропадетъ. При такомъ порядкѣ, устраняется часто безвыходное положеніе членовъ наличнаго причта и улучшается положеніе вдовъ.

Можетъ быть, трудно будетъ разставаться съ своимъ домомъ только тѣмъ вдовамъ, которыя не будутъ имѣть нужды, или заштатнымъ членамъ причта, которые въ этомъ отношеніи тоже должны быть на положеніи вдовъ,—и также разставаться съ своими насижеными мѣстами,—но должны же они примириться съ этимъ, ибо эта уступка необходима для служащихъ, а слѣдовательно и для церкви.

Сиротскіе домики, можно надѣяться, будутъ благоустроенными, такъ какъ у священниковъ будутъ сильныя побужденія заботиться о нихъ: долго ли, или нѣтъ, а имъ придется переселиться въ нихъ и доживать въ нихъ свои дни, а усадьба при нихъ и полевая земля значительно скрасятъ вдовью и сиротскую долю.

НЕКРОЛОГЪ.

† Отецъ Захарія Добрецкій.

18 сентября 1902 г. въ селѣ Rogoznоmъ, Сумскаго уѣзда, послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни, тихо скончался заштатный протоіерей Арх.-Миханловской церкви села Павловокъ, Сумскаго уѣзда, Захарія Іоанновичъ Добрецкій на 74 году своей жизни. Господу угодно было даровать усопшему сравнительно долгую по нашему времени жизнь; Его же всеблагимъ Промысломъ и устроилась она. Теперь, когда уже закатился послѣдній день этой жизни, въ назиданіе себѣ припомнимъ тотъ путь, которымъ велъ Господь избраннаго Своего къ невечернему дню Своего царствія.

Покойный о. протоіерей, сынъ священника, родился въ селѣ Краснопольѣ Ахтырскаго уѣзда въ 1829 году. Изъ разсказовъ его о своемъ дѣтствѣ и юности ярче всего выступаетъ воспоминаніе о крайней бѣдности его родителей и тѣхъ лишеніяхъ, которыя приходилось ему испытывать отъ этого въ годы его ученія. Въ бѣдности и нуждѣ жили воспитанники духовной школы въ тѣ отдаленныя времена, но онъ и тамъ былъ бѣднѣе другихъ. Нерѣдко приходилось ему самому чинить свои сапоги—денегъ на починку ихъ не было!.. Когда молодому Добрецкому оставался одинъ годъ до окончанія курса, онъ, хотя былъ въ числѣ лучшихъ воспитанниковъ, за недостаткомъ средствъ едва не прекратилъ ученія. Отцу его нужно было отдавать въ ученіе младшаго сына; на содержаніе двоихъ дѣтей средствъ не хватало, и вотъ старшій—какъ уже поучившійся, долженъ былъ остаться дома... И только случайная помощь одного сердобольнаго помѣщика дала возможность сдѣлать первый взносъ за содержаніе въ семинарію и начать послѣдній годъ ученія. А дальше? Слѣдующаго взноса отецъ все таки сдѣлать не могъ. Тогда во вниманіе къ прекраснымъ успѣхамъ покойнаго и его бѣдственному положенію онъ былъ назначенъ, какъ тогда называли, старшимъ къ воспитанникамъ, выбраннымъ въ архіерейскій хоръ, и былъ принятъ на казенное содержаніе. Тяжелое то время было для усопшаго! Все свободное отъ уроковъ время приходилось посвящать на занятія со вѣренными ему питомцами—онъ былъ и ихъ наставникомъ и репетиторомъ, освобождался онъ только къ ночи, но опять

для того, чтобы приготовиться къ лекціямъ слѣдующаго дня—приготовить и свои уроки.—Въ это же время успѣшнымъ исполненіемъ ввѣреннаго ему дѣла онъ обратилъ на себя вниманіе тогдашняго Владыки, Пресвященнаго Филарета. Въ 1851 году покойный окончилъ курсъ ученія. Какъ лучшему изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ, ему предположено было дать и лучшее изъ имѣвшихся тогда свободныхъ священническихъ мѣстъ— въ с. Бобрискѣ, Сумскаго уѣзда. Но въ то время вслѣдствіе жалобы вышнему духовному начальству помѣщицы с. Павловокъ графиня Бутурлиной на то, что въ Павловкахъ уже два года остается праздымъ мѣсто священника, надлежала крайняя необходимость назначить священника въ Павловки поскорѣе и съ выборомъ. Выборъ палъ на покойнаго о. Захарія. Такъ мимо человѣческихъ расчетовъ устроилась Божіимъ Промысломъ жизнь усопшаго.

Покойный вступилъ въ бракъ и былъ посвященъ въ санъ священника. Въ бѣдности онъ выросъ, и подругу жизни избралъ бѣдную сироту. Къ тому же времени умеръ его отецъ, и на его заботахъ осталась осиротѣвшая семья. Отъ службы въ приходѣ не предвидѣлось довольства матеріальнаго. Приходъ въ Павловкахъ былъ многочисленный—это было имѣніе богатѣйшихъ помѣщиковъ, но въ немъ крестьяне—крѣпостные буквально нищенствовали. Покойный о. Захарій вспоминалъ, какъ одинъ разъ, обходя съ предпраздничною молитвою дома своихъ прихожанъ, онъ нашелъ старуху, полуживую отъ голода; несчастная не могла уже двигаться и объ одномъ молила Господа—поскорѣе прекратить ея страданія—послать ей смерть, потому что уже третій день, какъ она ѣла!.. И это былъ не исключительный случай. Между тѣмъ отъ щедротъ такой бѣдности зависѣло все матеріальное благосостояніе священника. Оставалось попросить помощи у сильнаго тогда управителя (сама помѣщица не жила тогда въ Павловкахъ). И попросилъ ее о. Захарія... За немѣніемъ церковной квартиры онъ былъ помѣщенъ въ экономической простой хатѣ—холодной и сырой. Осенью онъ отправился къ управляющему хлопотать насчетъ оконныхъ зимнихъ рамъ, которыхъ не было въ хатѣ. Выслушавши просьбу, о. Захарія, хозяинъ предварительно предложилъ ему выпить съ нимъ по рюмкѣ водки и, когда тотъ отказался, отговариваясь тѣмъ, что онъ никогда не пилъ ея, то управляющій сказалъ: «а ты выпей для меня»... Снова послѣдовалъ отказъ. Тогда хозяинъ велѣлъ убрать водку, а самъ молча направился во внутреннія комнаты, давая тѣмъ понять, что бесѣдовать съ батюшкой онъ болѣе не желаетъ. Такъ и осталась квартира о. Захарія безъ зимнихъ рамъ!.. Не лучше того жилось и въ нравственномъ отношеніи о. Захарія, какъ пастырю своихъ прихожанъ. То было время почти неограниченнаго произвола владѣльцевъ и ихъ управителей надъ

крестьянами при полномъ попраніи правъ послѣднихъ. Въ тяжеломъ положеніи оказывался священникъ. Быть заступникомъ за беззащитныхъ—значило навлечь на себя гнѣвъ сильныхъ; мнрволить послѣднимъ—значило закрыть свой слухъ и сердце для стоновъ часто безъ вины угнетенныхъ... Первое и болѣе тяжелое положеніе избралъ для себя о. Захарія—онъ сталъ на сторонѣ слабѣйшихъ и постоянно былъ за нихъ ходатаемъ и челобитчикомъ предъ помѣщиками. Понятно, какъ на первыхъ порахъ встрѣчены были его ходатайства помѣщиками. Вскорѣ послѣ поступленія о. Захарія въ Павловку управляющій павловскимъ имѣніемъ донесъ въ Петербургъ владѣлицѣ, что вновь поступившій священникъ постоянно ходатайствуетъ за народъ и проситъ для крестьянъ всякихъ льготъ, вмѣшиваясь, такъ обр., въ дѣла управленія. Владѣлица пишетъ управляющему: «напаша подробно, что это за священникъ—новаторъ? Разузнай подробно о его жизни и если что узнаешь, сообщи, и мы его въ 24 часа удалимъ изъ Павловки». Управляющій одно только могъ отвѣтить, что *къ несчастью*, кромѣ порока ходатайства и заступничества за крестьянъ, *во всемъ безупреченъ*. Другой случай былъ съ однимъ хуторскимъ помѣщикомъ, жившимъ въ приходѣ о. Захарія. Послѣ страшныхъ звѣрскихъ истязаній женщины помѣщикомъ за то только, что она не уберегла отъ вороны цыпленка, о. Захарія написалъ этому помѣщику трогательную просьбу быть хоть сколько нибудь помилованъ къ крестьянамъ. Но тотъ еще болѣе ожесточился и, не показывая вида, что онъ золъ на о. Захарію, прислалъ къ нему лошадь съ любезнымъ предложеніемъ пожаловать на чай. Тайно извѣщенный добрымъ прихожаниномъ что, его зовутъ не на чай, «а панъ хоче побыть, шобъ не мішався до его» о. Захарія, не поѣхалъ. Впрочемъ эта борьба злого самоуправства помѣщика съ пастырскимъ самоотверженіемъ о. Захарія окончилась въ пользу послѣдняго. Смирился помѣщикъ, вошелъ въ дружбу съ о. Захарію и сдѣлался его послушнымъ прихожаниномъ. Лучше стали относиться къ о. Захарію и другіе помѣщики. Съ большимъ успѣхомъ принимались и его ходатайства за крестьянъ.

Такъ трудно было успѣху пастырствовать на первыхъ порахъ. А между тѣмъ Божиимъ смотрѣніемъ готился для о. Захарія крестъ—одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ въ его жизни. Въ 1856 году послѣ четырехлѣтней супружеской жизни скончалась его жена. Оставался ранній вдовецъ съ двумя малолѣтними сиротками. Лишался отецъ ближайшаго и незамѣнимаго друга, съ которымъ могъ дѣлиться и радостію, и горемъ; лишался дѣти материнской любви и нѣжнаго ея попеченія. Тяжкое для всякаго, а тѣмъ болѣе тяжкое для священника горѣ. Но безропотно принялъ о. Захарія этотъ тяжелый крестъ отъ Господа, и съ честью пронесъ его чрезъ всю свою долголѣтнюю жизнь! Подросли дѣти, ушли въ школы,

оставался о. Захарія у себя въ домѣ одинъ, какъ перстъ. Тогда-то со всею силою обнаружилось его всегдашнее стремленіе послужить своему приходу, всего себя отдать дѣлу руководительства своихъ духовныхъ чадъ. Не говоря объ исполненіи покойнымъ своихъ прямыхъ пастырскихъ обязанностей—не было такой нужды въ приходѣ, на которую не отзывался бы онъ со всею горячностію своей цѣльной натуры. Не было въ Павловкахъ школы, и онъ открылъ ее. Его не остановило то обстоятельство, что школу пришлось помѣстить на другомъ концѣ села въ 2 верстахъ отъ его квартиры, но тамъ нашлось даровое помѣщеніе, гдѣ проживалъ и его единственный помощникъ въ школьныхъ трудахъ—отставной солдатъ, а свои личныя неудобства, какъ всегда и во всемъ, очевидно, оставались на заднемъ планѣ. И о. Захарія ежедневно аккуратно ходилъ въ школу и всегда пѣшкомъ—лошади не было, да и купить ее не за что было. Учениковъ набралось много—были здѣсь и 40 и 30 лѣтніе и дѣти 7 лѣтъ. По отзыву ихъ учителя, съ великовозрастными учениками заниматься устными предметами было легко—они быстро усвоили ученіе, но учить письму—очень трудно. Сидеть, напр. за столомъ такой ученикъ съ перомъ въ одервенѣвшей рукѣ; потъ градомъ съ него катить, но писаніе плохо дается. «Чого, съ недоумѣніемъ вопрошаетъ онъ батюшку: воно такъ не уморыши съ сокирою въ рукахъ, якъ съ перомъ?» И эта просвѣтительная дѣятельность въ тиши продолжалась до открытія земскихъ школъ, безъ всякаго вознагражденія. Не было въ то время въ деревняхъ никакой медицинской помощи—онъ началъ врачевать и тѣлесные недуги своихъ пасомыхъ. Тѣ элементарныя свѣдѣнія по медицинѣ, которыя онъ приобрѣлъ въ семинаріи, онъ пополнилъ чтеніемъ и разспросами у врачей, приобрѣлъ медикаментовъ и приступилъ къ лѣченію. Лѣченіе это было весьма просто, но очень успѣшно. И какихъ только болѣзней не приходилось лѣчить о. Захарію. Сохранилась его книга, въ которую онъ подробно вписывалъ имя пациента, родъ болѣзни, время заболѣванія, средства лѣченія. Тутъ встрѣчаются и карбункулы, и сибирскія язвы, которые онъ разрѣзалъ перочиннымъ ножомъ, и переломы костей, которыя онъ забинтовывалъ въ простыя лубки, и раны отъ удара лошадиного копыта, которыя онъ зашивалъ иглой. Особенно онъ сдѣлался извѣстнымъ лѣченіемъ глазныхъ болѣзней. Глаза онъ лѣчилъ какою-то примочкою, которую выписывалъ изъ Харькова отъ одной старухи. Капля эти въ свое время были химически изслѣдованы и признаны безвредными. И этими каплями онъ просто чудеса творилъ. Какъ объ искусномъ глазномъ врачѣ молва о немъ разнеслась вездѣ, даже въ предѣлахъ Курской губ.; изъ разныхъ селъ прїѣзжали больные, нанимали себѣ квартиры и утромъ и вечеромъ приходили къ нему на лѣченіе;

и были случаи, когда даже въ періодъ сильнаго заболѣванія больные получали полное выздоровленіе. Замѣчательно, что въ Павловкахъ за время пастырства о. Захаріи не было ни одного слѣпого.—Между бумагами о. Захаріи сохранилось отношеніе къ нему Сумской Земской Управы отъ 1873 года; въ этомъ отношеніи управа „въвиду того благотѣльнаго участія, какое о. Захарію оказываетъ страдающему человѣчеству“ проситъ его провѣрить донесенія фельдшера относительно оказавшихся въ Павловскомъ приходѣ больныхъ заразною болѣзнію. Лѣченіе свое о. Захарія производилъ, безмездно. Но мужички цѣнили трудъ безкорыстнаго лѣкаря. По приговорамъ общества они преподносили ему по 100 и 50 руб. не разъ. Помѣщаемъ цѣлкомъ одинъ изъ такихъ приговоровъ, оказавшійся, между бумагами о. Захаріи.—„Павловское вол. правленіе отъ 13 апр. 1869 г. № 171 его преподобію священнику с. Павловокъ О. З. Добрецкому. Крестьяне собственники Павловской волости общественнымъ приговоромъ опредѣлили назначить вамъ денежное пожертвованіе за ваши труды и безвозмездное лѣченіе больныхъ по Павл. волости; деньги, собранныя по сему приговору самими крестьянами, 103 руб. 80 коп., представлены въ Правленіе; каковыя деньги Павл. Вол. Правл. Вашему Преподобію при семъ имѣетъ честь препроводить“. О другомъ подобномъ фактѣ помѣщена замѣтка въ Епарх. вѣдомостяхъ за 1879 годъ подъ заглавіемъ „Признательные прихожане“. Наступилъ знаменательный для крестьянъ годъ освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Во многихъ селахъ крестьяне, волнуемые ложными слухами и опасеніями, отказались принять отъ помѣщиковъ землю на выкупъ; произошли бунты и экзекуціи. Та же опасность угрожала и Павловкамъ. Но самоотверженно выступилъ о. Захарій къ своимъ, уже волновавшимся духовнымъ чадамъ—и здѣсь обнаружилось то великое ихъ довѣріе къ своему пастырю, которое онъ у нихъ снискалъ—волненіе прекратилось. Признавая въ данномъ случаѣ заслугу исключительно за о. Захарію владѣльцы с. Павловокъ тогда же выдали ему денежное вознагражденіе при слѣдующемъ отношеніи: „Хотѣнское вотчинное управленіе отъ 28 марта 1863 г. № 42 священнику с. Павловокъ о. Захаріи Добрецкому. Его сіятельство графъ П. С. Строгановъ изволилъ предписать сему правленію выдать вамъ въ возданіе за труды и хлопоты по крестьянскимъ дѣламъ вашего прихода, а равно и за особую вашу заботливость къ удержанію крестьянъ въ должномъ повиновеніи властямъ и закону во время сильнаго волненія, бывшаго въ селѣ Ястребенномъ¹⁾.—къ предстоящему празднику Пасхи—100 р. Кромѣ того его с-ву угодно было выразить вамъ особую благодарность за то, что порядкомъ, спокой-

¹⁾ С. Ястребенное—сосѣднее съ Павловками тѣхъ же владѣльцевъ.

ствіе и самыя миролюбивыя отношенія между крестьянами и владѣльцемъ, весьма рѣдкия въ настоящее время въ цѣломъ мѣстѣ, состоящемъ изъ 6 селеній, водворились наиболѣе всего вслѣдствіе вашего истинно-ревностнаго и безукоризненнаго исполненія вами священныя вашихъ обязанностей и безпредѣльной любви вашей къ своимъ прихожанамъ“.

Случался-ли въ приходѣ о. Захарія пожаръ, оставившій многія семейства безъ крова, пищи и самыхъ необходимыхъ предметовъ домашняго обихода, и о. Захарія съ 2, 3 подводами уже объѣзжалъ село и приглашалъ крестьянъ къ пожертвованіямъ въ пользу погорѣльцевъ. И жертвовали и отъ избытка, и отъ скудости. И холстъ, и лишняя ветхая одежда, и хлѣбъ, и горшокъ, и лишнее колесо—все принималъ онъ съ благодарностію, и потерпѣвшіе всегда получали самое необходимое на первыхъ же порахъ. Конечно, первымъ и самымъ щедрымъ жертвователемъ былъ самъ о. Захарія. Огорчалась его старушка—мать, видя, какъ онъ опустошалъ свое хозяйство, раздавая и направо, и налѣво. „Богъ дастъ,—все будетъ!“ утѣшалъ ее сынъ.

Ревность о. Захарія въ исполненіи своихъ прямыхъ пастырскихъ обязанностей доходила до того, что свидѣтелямъ его жизни казалась даже превосходящей мѣру, когда напр., онъ буквально не доѣдалъ куска хлѣба, не допивалъ своего стакана чаю, чтобы спѣшить напутствовать больного и часто даже не опасно больного. Относительно вознагражденія за требоисправленіе онъ былъ настолько нестяжательнымъ, что часто отказывался даже отъ предлагаемой платы, если видѣлъ, что это было стѣснительно для предлагавшаго. Это происходило нерѣдко. На первыхъ порахъ члены причта считали себя обиженными и негодовали на таковой образъ дѣйствій своего настоятеля, яко бы лишавшаго ихъ дохода, добровольно предлагаемаго,—но открылось, что о. Захарія въ такихъ случаяхъ въ книгу братскихъ доходовъ плату за требоисправленіе записывалъ полностью, какъ полученную имъ, и так. обр. изъ своихъ средствъ удовлетворялъ остальныхъ членовъ причта.

И поняли простымъ сердцемъ духовныя чада всю силу любви своего пастыря къ нимъ и отвѣтно возлюбили его. Заболѣлъ о. Захарія одно время катарромъ гортани, лѣчился и въ Харьковѣ, и въ Кіевѣ, насколько позволяли ему его небольшія матеріальныя средства, задолжалъ и лѣченія не окончалъ за неимѣніемъ денегъ. Тогда прихожане сами предложили ему помощь. Общественнымъ приговоромъ постановили выдать ему 200 р на лѣченіе. Такъ окрѣпла взаимная любовь между отцомъ духовнымъ и его духовными чадами. Явились, так. обр., самыя благоприятныя условія для озвѣнія слова Божія; съ увѣренностію можно было ожидать и обильныхъ пло-

довъ свѣянїа, тѣмъ болѣе, что усопшїй во всю службу свою былъ учительнѣйшимъ пастыремъ, неопустительно проповѣдуя слово Божїе и за богослуженїемъ и при всѣхъ удобныхъ для того случаяхъ. Онъ обладалъ искусствомъ импровизаціи, — и живое слово умудреннаго жизненнымъ опытомъ пастыря всегда производило сильное впечатлѣніе на слушателей. — Примерно пастырская дѣятельность о. Захарїа въ своемъ приходѣ снискала ему глубокое уваженіе и довѣріе и со стороны чужихъ прихожанъ. Былъ такой случай. Въ сосѣднемъ съ Павловками гор. Бѣлопольѣ при выборѣ старосты къ Преображенской церкви произошла недоразумѣнія между епархіальнымъ начальствомъ и прихожанами. Было назначено слѣдствіе. Тогда прихожане обратились къ епархіальному начальству съ просьбой назначить для производства слѣдствїа о. Захарїю: „мы ему только одному вѣримъ“ мотивировали они свою просьбу. Просьба эта была уважена, хотя о. Захарїа не состоялъ въ то время въ соответственной данному случаю должности.

Въ 1874 г. преосвященный Нektарїй предложилъ о. Захарїа мѣсто въ богатой слободѣ Сватовой Лучкѣ. Это была милость со стороны преосвященнаго. Но не такъ принялъ это о. Захарїа. Онъ поспѣшилъ въ Харьковъ и со слезами просилъ преосвященнаго оставить его въ Павловкахъ и тому пришлось успокаивать о. Захарїю: „Богъ съ вами — я насильно васъ не перавожу. Я предложилъ вамъ это мѣсто, какъ достойному, но если вы сроднились съ своею паствою, ѣдьте себѣ съ миромъ восвоюся“. Предложенное мѣсто было несравненно богаче Павловокъ, но мнѣніе о. Захарїа было таково: „меня любятъ прихожане, я ихъ люблю — это для меня самый богатый приходъ!“...

Прошло сорокъ лѣтъ пастырства о. Захарїа въ Павловкахъ; онъ уже былъ старикъ. Съ большою увѣренностію можно было ожидать, что конецъ жизни онъ проведетъ въ Павловкахъ спокойно, какъ любимѣйшїй пастырь среди возлюбленныхъ имъ прихожанъ. Но Богъ судилъ иначе.

Съ 1885 года Павловки совершенно неожиданно и случайно сдѣлались рассадникомъ новаго лжеученїа, весьма опаснаго для государства и церкви. Появилась павловская толстовщина. Распространителемъ новаго лжеученїа явился мѣстный землевладѣлецъ, князь Хилковъ. Въ этомъ году кн. Хилковъ по выходѣ въ отставку изъ военной службы явился въ Павловки горячо убѣжденнымъ послѣдователемъ гр. Толстого. Сначала онъ часто посѣщалъ о. Захарїю и валъ съ нимъ продолжительныя бесѣды, преимущественно религіознаго характера. Казалось, что поколебавшїеся въ истинахъ православїа, онъ для себя искалъ разъясненїй правоты православїа. Но скоро увидѣлъ о. Захарїа, что не истины ищетъ князь — слѣшкомъ яростно отъ началъ отстаивать свои неправославныя и претивуправитель-

ственные взгляды, а отторженія крестьянъ отъ православной вѣры. Сильно встревожился о. Захарія за своихъ возлюбленныхъ прихожанъ. Убѣдительно просилъ онъ князя не внушать своего ученія довѣрчивымъ простымъ поселянамъ, которые могутъ увлечься его княжескимъ положеніемъ и усвоить себѣ взгляды, въ будущемъ могущіе имъ доставить одно несчастіе. И честию благороднаго дворянина, и во имя чловѣколюбія заклиналъ о. Захарія князя не принимать на себя роли соблазнителя простодушныхъ. Но тщетно!..

И началъ князь Хилковъ пропагандировать свое пагубное ученіе, но предварительно постарался всѣми мѣрами расположить къ себѣ крестьянъ—одаривалъ дѣтей (особ. школьничковъ) сладостями, книжечками, письменными принадлежностями, наконецъ, отдѣливши свою часть имѣнія отъ матери (около 400 дес. земли),—онъ подъ видомъ крайне дешевой продажи (по 36 р.) роздалъ ее ближайшимъ по мѣсту жительства крестьянамъ, выдѣлявши и себѣ участокъ въ 3 дес. Пронувѣдуя необходимость для всѣхъ крестьянскаго физическаго труда, онъ самъ одѣлся въ крестьянское платье, собственноручно исполнялъ всѣ полевые работы и домашнія черныя. Въ глухомъ уголкѣ поля на своемъ участкѣ онъ устроилъ себѣ избу и дѣятельно принялся за пропаганду. Онъ приглашалъ къ себѣ крестьянъ, угощалъ ихъ, читалъ имъ Евангеліе и, превратно толкуя его, убѣждалъ ихъ не молиться Богу, въ церковь не ходить, не чтить св. креста и иконъ, не присягать, въ военную службу не поступать, судовъ и власти не признавать, при этомъ о Государѣ такъ непочтительно говорилъ, что крестьянамъ даже страшно было слушать его, какъ они сами выражались. Немного на первыхъ порахъ было послѣдователей у кн. Хилкова—слишкомъ опасно было его ученіе. Но когда колеблющіеся узнали, что о дѣйствіяхъ князя извѣстно начальству и духовному и свѣтскому, что за нимъ учрежденъ тайный полицейскій надзоръ, и что, не смотря на это, князь безпрепятственно пропагандируетъ свое пагубное ученіе, отношеніе ихъ къ этому новому ученію сразу измѣнилось. Явились открытые уже послѣдователи его. И около семл лѣтъ свободно сѣялъ Хилковъ плевалы между крестьянами—преграды не было. Обыкновенно свѣтское начальство отъчало: это секта чисто религіозная, пусть борется съ ней духовенство. На рамена о. Захарія ложился новый тягчайшій крестъ—борьбы за души своихъ пасомыхъ. Всѣ способы убѣжденія переиспыталъ онъ съ колеблющими и совращенными, и одинъ на одинъ, и приглашая ихъ къ себѣ на домъ. Сначала на бесѣды въ домъ о. З. являлся и самъ Хилковъ, но скоро пересталъ бывать. Бесѣды эти не приносили благихъ результатовъ. Когда на предложенные отъ сектантовъ вопросы давались полные и ясные

отвѣты и указывались мѣста Св. Писанія, которыми совершенно уничтожались ихъ взгляды и убѣжденія, они при очевидной истинѣ, не будучи въ состояннн продолжать вести бесѣды, упорно молчали. „Что же вы теперь убѣдились, что вы заблуждались и неправы были?“ спрашивалъ о. Захарій. А они отвѣчали: „пойдемъ къ князю, какъ скажетъ“. А князь опять имъ объяснить недоумѣнія согласно своимъ предвзятымъ идеямъ. Потому, когда число совращенныхъ увеличилось, бесѣды стали вестись каждое воскресенье въ школахъ, куда нерѣдко являлся и Хилковъ. Не было такого установленія церковнаго и государственнаго, на которое бы не нападалъ Хилковъ и все на основаннн Слова Божія, неправильно, конечно разтѣснимаго. На бесѣдахъ этихъ, какъ равно и частныхъ, совопросники вели себя грубо, дерзко, вощунственно—насмѣшливо ко всему православному. Скоро стало ясно, что не религіозные вопросы ихъ интересуютъ. Какъ ни маскировались они, что якобы „истины они ищутъ“ очевидно было чего они ищутъ и чего хотятъ. Хилковъ подъ прикрытіемъ религіи проповѣдывалъ имъ крайннй социализмъ. Сразу понялъ о. Захарій ихъ ученіе, цѣль и желанія и всѣмъ указывалъ, что Хилковъ проповѣдуетъ ученіе антихристіанское и антигосударственное, но ему не вѣрили, или не хотѣли вѣрить. Разъ пришелъ къ о. Захарію одинъ изъ совращенныхъ съ раскаяніемъ въ прежней ереси и съ обращеніемъ опять въ лоно православія. На вопросъ, что побудило и расположило его обратиться, онъ чистосердечно повѣдалъ: „когда князь объясняетъ намъ Евангеліе, то кажется, что все то правда, что онъ говоритъ; а прійду къ вамъ, да вы объясните, то выходитъ князь ошибается, а вы правы; опять иду къ князю и опять кажется правда на его сторонѣ. Я и говорю князю: пойдите вдвоемъ къ батюшкѣ, вы съ нимъ будете спорить, а я буду слушать..., а онъ мнѣ говорить: братецъ, намъ Евангеліе ни по чомъ; не вѣра намъ нужна, а намъ нужно.... и тутъ такого наговорилъ, что страшно стало, я перекрестился, да и ушелъ, чтобъ больше не слышать такихъ рѣчей“. Послѣдння печальныя событія въ Павловкахъ многое разъяснилъ уже. А все таки бесѣды продолжались, да и не вести ихъ нельзя было. Зло ширилось. Нужно было хотя другихъ ограждать отъ увлеченія пагубнымъ ученіемъ. Нужно замѣтять, что въ первые пять лѣтъ появленія толстовщины въ Павловкахъ, не было еще ни Епархіальнаго Миссіонерскаго Совѣта, ни спеціального епархіальнаго миссіонера, ни готоваго руководства для бесѣдъ. Но о. Захарія вышелъ на борьбу во всеоружіи Слова Божія, яко доблій воинъ. Онъ ночи проводилъ надъ Библіею и составлялъ полнынъ конспектъ тѣхъ мѣстъ Библіи, которыя необходимы были въ бесѣдахъ съ сектантами, и настолько полнынъ, что этому удивлялись даже лица спеціально подготовленныя къ миссіонерству. Главное достоинство покойнаго было въ этихъ бесѣдахъ его кротость, глубокое

смиреніе, любовь сострадательная къ отпадшимъ. Они глумятся, язвятъ, оскорбляютъ, а онъ всегда ровный, тихій, любящій, только на лицѣ его выражалась та сердечная скорбь, которую онъ переживалъ въ данное время.

Тяжела была для о. Захаріи эта борьба. Но какъ ни трудно было это дѣло, все таки ничто въ сравненіи съ тяжестью нравственною, которую приходилось испытывать при томъ соблазнѣ, которой производили сектанты среди православныхъ. Не говоря уже о томъ, что сектанты въ церковь не ходили, не говѣли, отказывались крестить своихъ дѣтей, убрали изъ своихъ домовъ св. иконы, они старались не пропустить и малѣйшаго случая, чтобы не поглумиться надъ всѣмъ, что дорого для каждаго вѣрующаго.

Настанетъ страстная пятница, православные спѣшать въ храмъ поклониться плащаницѣ послѣ почти цѣлодневнаго поста, а сектантъ стоитъ на улицѣ и ѣсть напоказъ всѣмъ сало; возвращаются православные отъ церковной службы въ день Св. Пасхи, а сектантъ вывозитъ изъ двора навозъ въ поле. Былъ такой случай. Хоронили умершаго. За гробомъ въ числѣ другихъ шли и сектанты, всѣ въ шапкахъ. О. Захарія обратился къ нимъ съ предложеніемъ снять шапки, ему съ насмѣшкой отвѣтили, что онъ самъ въ шапкѣ, а о. Захарія былъ, по обыкновенію, въ камлавкѣ. Съ тѣхъ поръ и въ лѣтній зной и зимній холодъ о. Захарія всегда провожалъ умершихъ на кладбище съ непокрытою головою, совершенно почти лишенною волосъ.

Для о. Захаріи этимъ не ограничилась тяжесть его нравственнаго состоянія. Слишкомъ смутно было то время въ жизни Павловскаго прихода, а потому и естественно, что всякому недоразумѣнію могло быть тамъ мѣсто. И вотъ въ одинъ изъ этихъ трудныхъ годовъ о. Захарія неофициально было предложено однимъ изъ начальственныхъ лицъ въ Епархіи уступить въ Павловкахъ мѣсто болѣе достойному. Легко представить, съ какими чувствами явился къ Преосвященному Амвросію о. Захарія съ просьбою не о переводѣ на другое мѣсто, а объ увольненіи его заштатъ. „Нѣтъ, сказалъ Преосвященный, не могу—Вы мнѣ еще нужны. Просите мѣста гдѣ нибудь въ городѣ“. О. Захарія сказалъ: „Дайте мнѣ мѣсто въ Воробьевкѣ (сосѣднее село съ Павловками). Преосвященный съ удивленіемъ воскликнулъ: „меня это поражаетъ. Всякій, даже недостойный проситель, жагаетъ лучшаго, несоответствующаго ему мѣста, а вы проситесь въ Воробьевку“. О. Захарія отвѣчалъ: „мнѣ ничего не нужно. Если мнѣ не суждено умереть въ Павловкахъ, то я хочу хотя вблизи Павловокъ дожить“... „Могу и въ Воробьевкѣ дать вамъ мѣсто, но я васъ не гоню и изъ Павловокъ. Поѣзжайте съ Богомъ, живите и трудитесь“. Между тѣмъ прихожане, узнавъ о цѣли поѣздки о. Захаріи въ Харьковъ, возроптали и рѣшили отстаивать своего любимаго пастыря. На сходкѣ составили приговоръ о подачѣ

прошенія Преосвященному, чтобы о. Захарію оставили въ Павловкахъ; назначили и уполномоченныхъ для подачи прошенія лично Преосвященному. Просто, но въ высшей степени трогательно исчислили прихожане незабвенные 40 лѣтніе труды своего пастыря, и постановили „покорнѣйше просить Его Высокопреосвященство не оставить ихъ безъ такого добраго и примѣрнаго приходскаго настоятеля, какъ прот. о. Захарія Добрецкій, а предоставить ему быть ихъ настоятелемъ и блюстителемъ Закона Божія до его жизни“. Векорѣ была получена о. Захаріемъ телеграмма отъ ключаря собора слѣд. содержанія: „Кромѣ глубокаго чувства благодарности за ваши истинно пастырскіе, многолѣтніе труды Владыка ничего не имѣетъ противъ васъ. Успокойте прихожанъ и себя. Владыка посылаетъ свое архипастырское благословеніе вамъ и вашимъ прихожанамъ за ихъ сыновнюю любовь къ своему доброму пастырю“. Въ числѣ подписавшихся подъ приговоромъ было и нѣсколько сектантовъ, которые выразились такъ: „хотя мы его не признаемъ своимъ священникомъ, но онъ добрый, хорошій человекъ“. Такого же мнѣнія былъ о немъ и кн. Хилковъ. „Это лучшій изъ жрецовъ“, говорилъ онъ (называя жрецами всѣхъ православныхъ священниковъ).— Но „спасется претерпѣвый до конца“ это всегда имѣлъ въ виду о. Захарія. Близко знавшіе его и преданные ему люди говорили: „да оставь Павловки, вѣдь ты достаточно потрудился, ты правъ и предъ Богомъ, и предъ людьми, и предъ своею совѣстью, можно на старости и покойнѣе найти мѣсто“. Онъ отвѣчалъ: „Какъ! значить быть наемникомъ, который видитъ волка грядуща, оставляетъ овцы и бѣгаетъ. Я умру тутъ. Штундисты угрожаютъ убить меня (онъ неоднократно получалъ анонимныя письма съ подобными угрозами). Чтожь, если Богу угодно, я готовъ душу свою положить здѣ“.

Тяжелъ былъ крестъ, посланный Господомъ о. Захарію, въ видѣ свращенія части его прихожанъ въ штунду, но Господу же угодно было, чтобы и этотъ крестъ не былъ послѣднимъ... Новое горе ожидало его. Въ Сумскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 30 отъ Павловокъ, въ селѣ Рогозномъ священствуетъ сынъ о. Захарія о. Михаилъ, котораго онъ навѣщалъ очень часто. Здѣсь, въ кругу многочисленной согласной семьи, онъ видимо отдыхалъ душой. Лишенный полнаго семейнаго счастья, давно одинокій, здѣсь онъ былъ главой счастливой семьи; окруженный внуками, онъ былъ похожъ на патріарха, какъ многіе его и называли. Забывалось сиротство, тяготы жизни, отогревалось родственною любовью сердце! Но скоро и здѣсь онъ лишился утѣшенія. Въ 1895 скончалась жена о. Михаила, оставивъ послѣ себя 6 душъ дѣтей, изъ которыхъ старшей дочери было около 14 лѣтъ, а меньшому сыну 1 годъ. Незмѣримо было горе осиротѣлаго мужа и дѣтокъ, потерявшихъ вѣжную мать. Надрывалось сердце посторонняго

зрителя при видѣ такого несчастія еще недавно счастливой семьи. Что же пришлось испытать о. Захаріи, извѣдавшему на опытъ всю горечь ранняго вдовства? Горько рыдалъ онъ надъ безвременной могилой, скоронившей такъ нужную для другихъ жизнь! Но не первое это было горе въ жизни о. Захарія, чтобы безплодно проливать слезы,—нужно было дѣйствовать—помочь сыну и его семьѣ. Приходъ с. Рогознаго весь состоитъ изъ хуторовъ, нѣкоторые изъ нихъ удалены отъ Рогознаго на разстояніе до 12 верстѣ, въ приходѣ 3 школы—слѣдовательно, о. Михаилъ долженъ проводить большую часть дня внѣ дома. Кто же присмотритъ за дѣтьми въ его отсутствіе? Неужели для этого взять изъ училища старшую дѣвочку? Такія мысли занимали въ то время о. Захарію. И, какъ всегда, скорый на дѣйствованіе—такъ и теперь о. Захарія думалъ недолго. Еще не успѣли высохнуть первыя слезы осиротѣлой семьи, какъ имъ уже послано было прошеніе объ увольненіи его за штатъ. Онъ рѣшилъ сдѣлаться пѣстуномъ своихъ малолѣтнихъ внуковъ и помощникомъ удрученнаго горемъ сына. Приносилась въ жертву даже кровная любовь къ Павловкамъ! Не замедлила послѣдовать и резолюція на прошеніе. Преосвященный Амвросій написалъ на немъ: *„Съ благодарностью за долговременную и честную службу увольняю просителя за штатъ“*.—Глубоко трогательно было прощаніе о. Захарія съ своею паствою. Въ свое время объ этомъ сообщалось на страницахъ журн. „Вѣра и Разумъ“ 1895 г. № 22-й. Отецъ Захарія поселился въ Рогозномъ Жаль было видѣть этого величественнаго старца, уже ослабѣвшаго тѣломъ, но съ свѣтлымъ, недюжиннымъ умомъ, умудреннаго долголѣтнимъ опытомъ жизни, со взоромъ проникавшимъ въ самую глубину души—слишкомъ узко было поле дѣятельности для такого мощнаго духа!..

Съ 1898 г. уже видимо становилось, что о. Захарія медленно, но неуклонно приближается къ закату своей многотрудной жизни. Давнишній ревматизмъ съ болѣзнію почекъ постепенно разрушалъ его здоровье. Въ Вѣ юлѣ наст. года болѣзнь его обострилась. Стало очевиднымъ, что ему уже немного осталось жить. 13 августа надъ болящимъ было совершено таинство елосвященія и онъ былъ напутствованъ св. тайнами. Весь августъ мѣсяць и начало сентября состояніе о. Захарія все ухудшалось. Много тяжкихъ дней пришлось выстрадать о. Захаріи при этомъ медленномъ умираніи!.. Только твердая преданность волѣ Божіей и молитва къ Богу утѣшали его страданія. Когда появился послѣдній, сдѣлавшійся роковымъ, приступъ болѣзни, то для послѣдняго напутстванія о. Захарія пришлось пригласить молодого священника изъ ближайшаго села. Около часу продолжалась исповѣдь. Сильно растроганнымъ вышелъ отъ о. Захарія его случайный духовникъ. „Я счастливъ“, говорилъ онъ послѣ, „что Господь

удостоилъ меня принять такую святую исповѣдь“. Послѣ слѣдовавшаго затѣмъ причащенія Св. Таинъ наступили послѣдніе часы жизни о. Захарія. Тяжко страдалъ онъ, но даже и въ полубезсознательномъ состояніи съ его коснѣющаго уже языка срывались только отдѣльные слова молитвъ и ослабѣвшая рука его смилалась сотворить крестное знаменіе. 18 сентября, въ 6 час. пополудни, о. Захарія тихо скончался. 20 сент., послѣ утрени, былъ совершенъ выносъ тѣла почившаго въ храмъ и затѣмъ отслужена заупокойная литургія мѣстнымъ благочиннымъ, протоіереемъ о. Алексѣемъ Чугаевымъ, въ сослуженіи 4 священниковъ. Въ отпѣваніи тѣла усопшаго участвовали 12 священниковъ, между которыми были и оба павловскіе священники и 5 діаконовъ.

При погребеніи было произнесено два надгробныхъ слова, изъ которыхъ первое было посвящено воспоминанію выдающейся личности усопшаго, по истинѣ мужа сильнаго въ словѣ и дѣлѣ. Другое надгробное слово было сказано старшимъ изъ павловскихъ священниковъ; главнымъ предметомъ его было то полное любви воспоминаніе, которое еще такъ сильно въ бывшихъ духовныхъ чадахъ почившаго—павловскихъ крестьянахъ и которое, вѣроятно, не скоро еще тамъ заглохнетъ.—По окончаніи отпѣванія гробъ съ тѣломъ усопшаго былъ вынесенъ изъ храма священнослужителями, обнесенъ вокругъ церкви и, согласно завѣщанію покойнаго, опущенъ въ могилу у алтаря, вблизи престола Божія, служенію предъ которымъ онъ посвятилъ большую часть жизни и лучшія силы свои. По возвращеніи изъ церкви въ домъ, гдѣ жилъ почившій, послѣ краткой лѣтн., по общему желанію, было прочитано завѣщаніе покойнаго о. Захарія, вполне дорисовывающее образъ почившаго. Указавъ весьма подробно мѣсто для погребенія, о. Захарій въ завѣщаніи распредѣлилъ и оставшіяся послѣ него деньги. Немного ихъ было—всего—360 р., собранныхъ уже на покой изъ пенсіи. Распредѣлялись они такимъ образомъ: 100 р. на павловскую церковь, 100 р. на сорокоустъ при той же церкви, остальные—поименованнымъ въ завѣщаніи дальнимъ и очень бѣднымъ родственникамъ. Сыну и замужней дочери—отказывалъ покойной оставшееся послѣ него платьѣ. „Стыжусь и прощенія прошу, что такъ бѣдно оставляю“ обращался онъ въ завѣщаніи къ своимъ дѣтямъ. Но кто зналъ жизнь усопшаго, его широкую благотворительность, его взглядъ на деньги, именно только какъ на средство помочь неимущему—для того ясно было, что завѣщаніе и не могло быть инымъ. Не такія сокровища собиралъ себѣ всю жизнь о. Захарій!.. Вѣруемъ и надѣемся, что усопшій о. Захарія, представъ предъ Домовладыку и Судію услышитъ отъ него благодатныя слова: „благій и вѣрный рабе, вижди въ радость Господа своего“.

Только что вышла из печати и поступила въ продажу

НОВАЯ КНИГА:

ДРУГЪ ЦЕРКОВНАГО ИМПРОВИЗАТОРА.

Практическое пособіе для проповѣдниковъ слова Божія, содержащее въ себѣ краткіе конспекты проповѣдей догматическаго, нравственнаго и церковно-практическаго характера.

Всѣхъ конспектовъ 1000. Стр. XXXIV+576.

Составилъ протоіерей, магистръ богословія, Григорій Дьяченко.

Цѣна книги 1 р. 50 к. безъ пересылки: съ перес. 1 р. 80 к. Главнѣйшій складъ ея у издателя М. Я. Нарадѣлова: Москва, Большая Никитская, противъ Никитскаго монастыря, антикварный магазинъ древностей и рѣдкостей М. Я. Парадѣлова. Книгопродавцамъ, епархіальнымъ книжнымъ складамъ, православнымъ братствамъ, о.о. благотворительнымъ уступна отъ 20 до 30% смотря по количеству экземпляровъ.

Означенная книга продается также въ книжныхъ магазинахъ: въ Москвѣ у И. Д. Сытина близъ Ильинскихъ воротъ, д. Титова, и на Никольской въ домѣ Заиконоспасскаго монастыря; А. Д. Ступина Никольская, домъ Ремесленной Управы; у В. В. Думнова (наслѣдн. бр. Салаевыхъ) Мясницкая, домъ Обидиной; у Вольфа—Кузнецкій мостъ; Суворина—Неглинный проѣздъ; Карбасникова—Можовая и др.; въ С. П.-Бургѣ у И. Л. Тузова—Садовая, Гостинный дворъ, 45 и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ имперіи.

Того же автора печатается Искра Божія. Сборникъ рассказовъ и стихотвореній, приспособленныхъ къ чтенію дѣвочекъ средняго возраста. Изд. М. Я. Нарадѣлова.

ИКОНОСТАСНАЯ ФАБРИКА

Ивана Ефимовича Гетмана съ С-ми

ВЪ ТАМАРОВКѢ,

Курской губерніи, Вѣлгородскаго уѣзда.

(Серебр. мед. на всерос. выст. 1887 г. въ Харьковѣ)

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА УСТРОЙСТВО

ИКОНОСТАСОВЪ И КІОТОВЪ

въ православныхъ церквахъ, написаніе въ нихъ живописи и украшенія стѣнъ альфрейной росписью.

заказы исполняются прочно, аккуратно и по умѣреннымъ цѣнамъ, гдѣ нужно—съ разсрочкой платежа.

ФАБРИКАНТЪ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ
ТОРГОВАГО ДОМА
АНДРЕЯ ЗАХРЯПИНА СЫНОВЬЯ.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія г.г. покупателей
 въ нашихъ магазинахъ.

I.	II.	III.
Въ Москвѣ	Въ г. Воронежѣ	Въ армаркахъ Нижегородской
Никольская ул., верх- ние торговые ряды №№ 82, 155, 156, 227, 228, 229.	Московская ул., про- тивъ Духовной Кон- систоріи. Магазинъ открытъ съ 1-го ок- тября 1902 г.	по шоссе противъ флаговъ. Въ Вологдѣ и Ро- стовѣ Ярославской губ.

Всегда имѣется полный и большой выборъ всей церковной утвари, лучшаго издѣлія, художественной работы, собственной фабрики, всевозможныхъ размѣровъ и рисунковъ какъ-то: паникадила, люстры, подсвѣчники, лампы, хоругви, запрестольныя иконы, евангелія, кресты, сосуды, ковчеги, вѣнцы, металлическія свѣчи, чаши водосвятныя, плащаницы, гробницы, иконы, парча для облаченія и пр. и пр., также имѣются и серебряныя вещи 84°, а также принимаются заказы на всевозможную церковную утварь, металлическія, такъ равно и серебряныя 84° и ризы на иконы, одежды на престолъ и жертвенники, царскія двери, кресты на главы, и рѣшетки по колеѣ и пр. и пр., какъ лично, также и заочно, посредствомъ переписки.

По требованію при заказѣ, Торговый Домъ высылаетъ смѣты и рисунки, а также въ случаѣ надобности высылаются довѣренный, для личныхъ переговоровъ и принятія заказа.

Принимаются всякаго рода починки и ремонтное старыя вещи церковной утвари золоченіе и серебряніе исполняются въ точности безъ замедленія.

Цѣны на церковную утварь существуютъ одинаковыя какъ въ Московскомъ магазинѣ, также въ Воронежскомъ магазинѣ и армаркахъ.

При заказѣ и покупокъ товаровъ для небогатыхъ храмовъ, дѣлается разсрочка въ платежѣ.

Фабрика наша существуетъ болѣе 50 лѣтъ и имѣетъ при себѣ около 500 человѣкъ мастеровъ, благодаря лучшаго производства выработываемыхъ въ ней предметовъ и усовершенствованія, всѣми необходимыми средствами, для выработки церковной утвари, скорого и аккуратнаго исполненія заказовъ, приобрѣла самый громадный кругъ г.г. покупателей и заказчиковъ. Фабрика и главная контора въ г. Переславлѣ Заслѣскомъ Влад. губ.

При выпискѣ товаровъ, просимъ обозначать адресъ, чрезъ кого посылать товаръ, по желанію дорогѣ, до какой стаяціи, или чрезъ контору и адресъ почтовый.

Лѣстимъ себя надеждою, что Вы не оставите насъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, а также и посѣщеніемъ нашихъ магазиновъ въ Москвѣ и гор. Воронежѣ.

Торговый Домъ Андрея Захряпина С—вья.

ЛИСТОКЪ

ЛЛЛ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

28 Февраля № 4. 1903 года.

Содержаніе. Высочайшія награды. Высочайшее повелѣніе.—Опредѣленія Святѣйшаго Синода: 1) Росписаніе учебныхъ предметовъ и уроковъ въ одноклассныхъ, двухклассныхъ, второклассныхъ и церковно-учительскихъ школахъ. 2) Объ условіяхъ допущенія воспитанниковъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній къ пріемнымъ экзаменамъ въ духовныя академіи и 3) о празднованіи 19-го февраля.—Къ свѣдѣнію лицъ, желающихъ принести ленту памяти преподобнаго Серафима Саровскаго.—Отъ училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901—1902 уч. г. (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, 31-го минувшаго января, на награжденіе, за 50-лѣтнюю службу, *золотыми медалями, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на шеѣ на Анненской лентѣ:* псаломщиковъ церввей Николаевской, въ слободѣ Терновой, Купянскаго уѣзда, *Степана Селитренникова* и Покровской, села Коротача, Харьковскаго уѣзда, *Ивана Краснокутскаго.*

Высочайшее повелѣніе.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода докладу, согласно Синодальному опредѣленію, отъ 13—20 ноября 1902 года за № 5051, Высочайше соизволилъ, въ 18 день минувшаго декабря, на измѣненіе § 111 устава духовныхъ академій и дополненіе его примѣчаніемъ, въ слѣдующемъ изложеніи: «§ 111. Желающіе поступить въ академію допускаются къ повѣрочному испытанію, если представятъ установленный аттестатъ о вполнѣ удовлетворительномъ знаніи курса наукъ семинаріи, и принимаются не иначе, какъ по успѣшномъ выдержаніи

означеннаго испытанія. Примѣчаніе. Окончившіе курсъ ученія въ классическихъ гимназіяхъ и соотвѣтствующихъ имъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, для допущенія въ приемному въ духовныя академія экзамену, представляютъ свидѣтельства объ успѣшномъ выдержаніи ими испытаній при духовныхъ семинаріяхъ по всѣмъ богословскимъ предметамъ семинарскаго курса ученія».

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

1. Отъ 15—27 ноября 1902 года за № 5090. Составленныя Училищнымъ при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣтомъ ниже помѣщенныя росписанія: а) числа уроковъ по каждому предмету обученія въ одноклассныхъ и двухклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ, б) учебныхъ предметовъ по годамъ обученія и числа уроковъ по каждому предмету во второклассной школѣ и в) учебныхъ предметовъ и числа уроковъ по классамъ въ церковно-учительской школѣ утвердить и напечатать въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, для введенія сихъ росписаній въ текущемъ учебномъ году въ вышеупомянутыхъ церковныхъ школахъ.

Росписание числа уроковъ по каждому предмету обученія въ одноклассныхъ и двухклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ.

№№ по по- рядку	Наименованіе предметовъ.	Годы обученія.				
		1	2	3	4	5
		Въ одноклассной школѣ.			Въ двухк. школѣ.	
Число уроковъ въ недѣлю.						
1	Законъ Божій	6	6	6	5	5
2	Церковное пѣніе	2	2	2	2	3
3	Церковно-славянск. грамота	3	4	4	3	3
4	Русскій языкъ	6	6	6	6	6
5	Письмо	2	2	2	2	—
6	Начальная ариметика	5	6	6	4	4
7	Рукод. (въ женск. школахъ)	—	—	—	—	—
	Итого въ одноклассной школѣ	24	26	26		
8	Краткая церковная и отечествен. исторія	—	—	—	2	3
9	Географія, въ связи съ кратк. свѣдѣн. о явлен. природы	—	—	—	3	3
10	Черченіе и рисованіе	—	—	—	1	1
	Итого въ двухклассной школѣ	—	—	—	28	28

Описание учебных предметов по годам обучения и числа уроков по каждому предмету во второклассной школѣ.

№№ по порядку.	НАИМЕНОВАНИЕ ПРЕДМЕТОВЪ.	Годъ обученія.			Распределеіе уроковъ между учащими.	
		I.	II.	III.		
		Число уроковъ въ недѣлю				
1	Законъ Божій)	4	4	3) 11 уроковъ законоучителю.	
2	Общая церковная исторія)					
3	Церковное пѣніе)	3	4	2		
4	Русскій языкъ)	6	5	5) 18 уроковъ	
5	Чистописаніе)	2	—	—) 1-му учителю.
6	Церковно-славянскій языкъ)	2	1	1	} 17 уроковъ	
7	Отечественная исторія—церковная и гражданская)	—	3	2		
8	Дидактика: а) бесѣды о начальномъ обученіи)	—	—	2		} 2-му учителю.
	б) практическіе уроки въ образцовой школѣ)	—	—	5		
9	Начальныя практическія свѣдѣнія по гигиенѣ)	—	—	1	} 19 уроковъ	
10	Географія, съ сообщеніемъ свѣдѣній о предметахъ и явленіяхъ природы)	3	3	2		
11	Арифметика)	4	4	3		} 3-му учителю.
12	Геометрическое черченіе и рисованіе)	—	—	—		
13	Руководствіе (въ женскихъ школахъ).	—	—	—		
		24	24	26		

Описание учебных предметов и числа уроковъ по классамъ въ церковно-учительской школѣ.

№№ по порядку.	УЧЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ.	КЛАССЫ.			Распределеіе уроковъ между учащими.
		I.	II.	III.	
1	Чтеніе Священнаго Писанія)	1	1	2	} 16 уроковъ
2	Христіанское вѣроученіе и правоученіе)	—	2	2	
3	Церковн. исторія общая и русск. дидактика и главныя основанія педагогики)	2	1	1	
4	Церковное пѣніе съ обученіемъ регентованію и музыкѣ)	—	2	2	
5	Русскій языкъ, словесность и исторія литературы)	3	3	2	} 8 уроковъ учителю пѣнія.
6	Церковно-славянскій языкъ)	4	3	3	
7	Исторія всеобщая и русская)	2	2	—	} 14 уроковъ
8	Географія всеобщая и русская)	3	2	3	
9	Черченіе и рисованіе)	2	2	—	} 16 уроковъ
10	Математика, арифметика: главныя основанія геометріи и землемѣріе)	2	1	1	
11	Свѣдѣнія о природѣ, ея силахъ и явленіяхъ)	3	2	3	} 17 уроковъ
12	Гигиена)	2	2	3	
13	Руководствіе (въ женскихъ школахъ).	—	1	1	} 3-му учителю.
14		—	—	—	
		24	24	28	

II. Определеніемъ Святѣйшаго Синода отъ 10—22 января 1903 года постановлено: объявить по духовно-учебному вѣдомству, что а) воспитанники гимназій и другихъ соотвѣствующихъ имъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній, для допущенія къ приѣмному въ духовныя академіи экзамену, получаютъ свидѣтельства объ успѣшномъ выдержаніи ими испытаній при духовныхъ семинаріяхъ лишь въ томъ случаѣ, если познанія ихъ, примѣнительно къ требованіямъ синодальнаго циркулярнаго указа, отъ 21-го октября 1869 года, на испытаніяхъ по всѣмъ предметамъ богословскаго курса будутъ отмѣчены балломъ не ниже 4; баллъ 3 допускается только по одному предмету, и б) тѣ изъ воспитанниковъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, кои не изучали древнихъ языковъ, на означенномъ испытаніи освобождаются отъ экзамена по сямъ языкамъ, съ обязательствомъ, однако-же, въ случаѣ поступленія въ академію, въ теченіе академическаго курса ученія сдать экзаменъ по одному изъ древнихъ языковъ.

III. Определеніе Св. Синода отъ 5—7 февраля 1903 года за № 667, о порядкѣ совершенія, въ 19 день февраля мѣсяца, празднованія въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ, имѣли сужденіе по предложенному г. Синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, отъ 4 февраля 1903 года за № 1325, отъзвучу министра Внутреннихъ Дѣлъ о порядкѣ совершенія въ 19 день февраля мѣсяца празднованія въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Приказали: Въ 1882 году въ Божѣ почивающему Государю Императору Александру III благоудно было, въ виду поступавшихъ съ разныхъ сторонъ заявленій, особенно отъ крестьянъ, выразить соизволеніе, чтобы, въ воспоминаніе дарованнаго послѣднимъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, день 19 февраля остался днемъ всенароднаго празднованія. Во исполненіе сей Высочайшей воли, Святѣйшій Синодъ 14-го апрѣля (4 мая) того же года № 712 опредѣлялъ, чтобы во всѣхъ приходскихъ церквахъ ежегодно, въ 19 день февраля мѣсяца, совершались заупокойныя литургіи и панихиды по Императорѣ Александрѣ II. Нынѣ министр Внутреннихъ Дѣлъ, статсъ-секретарь Плеве, сообщаетъ, что, по случаю исполнившася сорокалѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, нѣкоторыми земскими учрежденіями вновь возбуждены въ

настоящее время ходатайства о ежегодномъ празднованіи дня 19 февраля, съ цѣлью запечатлѣнія въ благодарной памяти населенія столь знаменательнаго событія. Выслушавъ изложенное и принимая во вниманіе, что существующій нынѣ порядокъ чествованія дня, посвященнаго воспоминанію законодательнаго акта 19 февраля 1861 года, заключающійся въ совершеніи лишь заупокойной литургіи и панихиды по въ Бозѣ почивающемъ Монархѣ, не исчерпываетъ вполне пзясненной Высочайшей воли, Святѣйшій Синодъ, во вниманіе къ народной потребности, о которой свидѣтельствуется не прекращающіяся ходатайства, опредѣляетъ: 1) установить ежегодно, 19 февраля, въ день освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, для увѣковѣченія въ Русскомъ народѣ молитвенно-благодарной памяти о въ Бозѣ почивающемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ II, во всѣхъ православныхъ церквахъ Имперіи торжественное служеніе божественной литургіи, а послѣ оной благодарственнаго молебствія съ колѣнопреклоненіемъ и съ провозглашеніемъ діакономъ по отпустѣ: а) Царствующему Государю Императору, Супругѣ Его, Матери Его, Наслѣднику и всему Царствующему Дому многолѣтія по обычаю, б) въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру II вѣчной памяти и в) Богохранимой Державѣ Россійской и всѣмъ православнымъ христіанамъ многолѣтія и 2) если день 19 февраля случится въ понедѣльникъ, вторникъ или среду первой седмицы Великаго поста, то празднованіе должно быть переносимо на недѣлю (воскресенье) сыропустную, если же въ четвергъ или пятницу, то на субботу той же недѣли; если же на одинъ изъ дней послѣдующихъ седмиць поста, то празднованіе совершать по главамъ о храмовыхъ святыхъ.

19-го іюля 1903 года въ Саровской пустыни будетъ совершено торжество прославленія и открытія святыхъ мощей преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца; оно, несомнѣнно, привлечетъ въ Саровскую обитель большое стеченіе народа. Въ заботахъ о порядкѣ и благолѣпіи ожидаемаго торжества Его Императорскому Величеству благоугодно было назначить для подготовительныхъ мѣропріятій къ сему торжеству, а также и на время совершенія самаго торжества суздальскаго архимандрита Серафима и прокурора московской Святѣйшаго Синода конторы князя Ширинскаго-Шихматова.

Предстоящее всерадостное торжество возбудить у многихъ ре-

внующихъ о памяти преподобнаго Серафима желаніе принести свою посылную лепту. Примѣръ бывшаго въ Черниговѣ торжества прославленія и открытія мощей святителя Θεодосія показалъ, что многіе жертвователи затруднялись назначеніемъ своей лепты на опредѣленный предметъ, а въ иныхъ случаяхъ, приславъ свои пожертвованія предметами утвари, подсвѣчниками и т. п., поставили руководителей торжества въ затрудненіе, особенно утварными и различными приношеніями. Нынѣ въ отвѣтъ на запросы многихъ, имѣющихъ благочестивое намѣреніе принести свою жертву, сообщаются тѣ мѣстныя нужды, которыя могутъ привлечь особое усердіе желающихъ послужить памяти преподобнаго Серафима. Къ предстоящему торжеству обитель, при содѣйствіи чтущихъ память преподобнаго Серафима, считаетъ необходимымъ:

1) привести въ благолѣпный видъ келлію, въ коей въ Бозѣ почивъ преподобный Серафимъ; 2) изготovitъ особыя хранилища для вещей, принадлежавшихъ преподобному Серафиму, и 3) соорудить праздничную соборную ризницу по особому заказу.

Перечисленныя предположенія дадутъ жертвователямъ возможность принять непосредственное участіе ихъ лептой въ прославленіи памяти преподобнаго Серафима. Для заготовленія однообразнаго соборнаго облаченія, а также для облегченія жертвователей въ пересылкѣ ихъ лепты въ обители Саровскую и Серафимо-Дивѣвскую, желательно сношеніе усердствующихъ съ лицами, Высочайше командированными къ устройенію предстоящихъ торжествъ.

Денежныя пожертвованія могутъ быть направляемы:

а) въ Саровскую пустынь на имя игумена Іероодея, гор. Темниковъ, Тамбовской губерніи;

б) въ Серафимо-Дивѣвскую обитель—игуменія Маріи. Почтовая станція Вертьяново, Нижегородской губерніи;

в) прокурору московской синодальной конторы. Москва, Кремль.

Что касается до приношеній церковною утварью, лампадами и друг. предметами, а также вообще по вопросамъ, имѣющимъ соприкосновеніе съ предстоящими торжествами, желательно сношеніе съ Высочайше командированными лицами (Москва, Кремль, синодальная контора).
«Прavit. Вѣстн.»

Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.

Признавая полезнымъ установить однообразный порядокъ записи книгъ, поступающихъ въ библіотеки церковныхъ школъ, Училищ-

ный Совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ журнальнымъ опредѣленіемъ, отъ 19—27 ноября 1902 года, за № 1182, утвержденнымъ Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, одобрилъ особую форму бланковъ библиотечнаго каталога для церковныхъ школъ, которую и постановилъ напечатать, вмѣстѣ съ указаніями къ правильному веденію записей книгъ, поступающихъ въ школьную библиотеку, въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, для руководства завѣдывающихъ церковными школами и лицъ, учащихся въ нихъ.

Форма бланковъ.

Первая страница.

Каталогъ поступленій.
КАТАЛОГЪ КНИГЪ,
поступившихъ въ библиотеку
школы.

Отдѣлы систематическаго каталога.

I _____	V _____
II _____	VI _____
III _____	VII _____
IV _____	VIII _____

Вторая страница.

Счетъ названій (№№).	Время поступленія книги (годъ, мѣсяцъ и число).	Отдѣлъ по систематическому каталогу.	НАЗВАНІЯ КНИГЪ.
			(Авторъ, заглавіе, мѣсто и время изданія).

Третья страница.

Число экземпляровъ.	Число томовъ (переплетовъ).	Ц Ъ Н А.		С У М М А.		Примѣчанія.
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	

Указанія къ правильному веденію каталога книгъ, поступающихъ въ школьную библиотеку.

Въ каталогъ поступленій девять графъ: 1) Въ первой (1) выставляются №№ книгъ по порядку ихъ записи въ каталогъ. Подъ

книгою въ этомъ случаѣ разумѣется *название*. Часто подъ однимъ названіемъ издаются нѣсколько книгъ (томовъ), составляющихъ одно цѣлое сочиненіе или собраніе сочиненій: всѣ эти томы одного названія должны быть записываемы подъ однимъ номеромъ. — Если въ бібліотеку поступила какая-нибудь книга и записана въ каталогъ (положимъ, подъ № 5), а спустя нѣкоторое время поступаетъ *другой экземпляръ той же самой книги*, то не слѣдуетъ ставить предъ записью этой книги новаго (слѣдующаго по порядку) №, а надо писать такъ: къ № 5, — иначе №№ не будутъ служить показателемъ числа названій въ бібліотекѣ. Но если въ бібліотеку поступаетъ *другое изданіе* книги, уже значащейся въ каталогѣ, то она должна считаться какъ бы новою книгою и нумероваться особо.

2) Во второй графѣ отмѣчается время записи: а) годъ—вверху каждой страницы, б) мѣсяцъ—римскою цифрою и в) число мѣсяца—рядомъ, арабскою цифрою.

3) Въ третьей графѣ римскою цифрою обозначается отдѣлъ, къ которому отнесена книга въ систематическомъ каталогѣ.

4) Въ четвертой графѣ выписывается названіе книги, т. е. слѣдующія данныя: а) авторъ (напримѣръ: Рачинскій С. А. или Ильминскій Н. И., Макарій, митрополитъ Московскій, и т. п.), б) заглавіе книги, по возможности полное (напримѣръ: „Сельская школа. Сборникъ статей“. Изданіе 3-е, дополненное), в) мѣсто и время изданія (напримѣръ: С.-Петербургъ, 1898 г., или: Казань, 1901 г.).

5) Въ пятой графѣ выставляется число экземпляровъ записаннаго названія. Большею частью, книги поступаютъ въ одномъ экземплярѣ. Но книги, наиболѣе распространенныя, и учебники поступаютъ иногда въ двухъ, трехъ и даже во многихъ экземплярахъ.

6) Въ шестой графѣ выставляется число томовъ. Подъ томомъ, въ бібліотечномъ смыслѣ, разумѣется каждый корешокъ, или переплетъ или каждое *мѣсто*, занимаемое книгой. Здѣсь возможны при записи такіе случаи: 1) сочиненіе издано въ шести томахъ, а переплетено въ три книги (ради дешевизны или удобства): въ шестой графѣ и выставляется 3, а не 6, ибо сочиненіе занимаетъ на полкѣ три мѣста; 2) сочиненіе издано въ одномъ томѣ, но въ бібліотекѣ — два экземпляра этого сочиненія: значить, и два тома; 3) мелкія брошюры переплетены въ одинъ томъ: каждая брошюра составляетъ названіе и должна числиться отдѣльно отъ другихъ, подъ отдѣльнымъ №. Но отдѣльно она не составляетъ тома, а только какую-нибудь часть тома. Въ такихъ случаяхъ противъ названія брошюры въ графѣ 6 выставляется дробь $\frac{1}{2}$ $\frac{1}{3}$ $\frac{1}{6}$ $\frac{1}{9}$ и т. п.,

смотря по тому, сколько брошюръ переплетено въ одномъ томѣ— 2, 3, 4, 6 или болѣе.

7—8) Въ седьмой графѣъ выставляется цѣна книги (объявленная). Сумма (гр. 8) вычисляется черезъ помноженіе цѣны на число экземпляровъ (гр. 5).

9) Въ девятой графѣъ дѣлаются разныя отмѣтки противъ книгъ, напримѣръ: о пожертвованіи книги въ бібліотеку, объ исключеніи ея изъ каталога, при чемъ долженъ быть выставленъ № по „каталогу книгъ исключенныхъ“.

По этимъ же бланкамъ, съ перемѣною лишь заглавія каталога, лучше всего вести и *запись книгъ, исключенныхъ* изъ бібліотеки (за ветхостью, за ненадобностью, вслѣдствіе утраты и по другимъ причинамъ). Каталогъ поступленій такимъ образомъ есть книга прихода, каталогъ исключеній—книга расхода. По этимъ двумъ книгамъ—путемъ вычитанія итоговъ послѣдней изъ итоговъ первой,—во всякое время можетъ быть безъ труда опредѣлена наличность школьной бібліотеки въ названіяхъ и томахъ, а также и ея стоимость.

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901-1902 учебный годъ.

(Продолженіе *).

3. Учебно-воспитательная часть.

Учебно-воспитательное дѣло опредѣлялось, какъ и въ предшествующемъ учебномъ году, требованіями Устава Епархіальныхъ училищъ, циркулярными разъясненіями по духовно-учебному вѣдомству и объяснительными записками къ новымъ программамъ.

а) Недѣльное распределеніе уроковъ, съ объясненіемъ какихъ либо отклоненій отъ предписаній установленной программы, если таковыя были допущены:

Въ началѣ учебнаго года, на основаніи 24 § Устава Епархіальныхъ Женскихъ Училищъ, инспекторомъ классовъ совмѣстно съ начальницей училища и по соглашенію съ преподавателями и учительницами составлено было недѣльное распределеніе уроковъ, рассмотрѣнное Совѣтомъ Училища и утвержденное Его Высокопреосвященствомъ. При составленіи расписанія приняты были во вниманіе требованія новыхъ программъ, которыя со-

* См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 3.

гласно опредѣленію Св. Синода, отъ 3—10 іюня 1896 г. за № 1991, въ отчетномъ году введены были во всѣхъ классахъ и по всѣмъ предметамъ «безъ нарушенія общаго плана и хода занятій». При распредѣленіи уроковъ по днямъ и часамъ имѣлись въ виду и тѣ необходимыя педагогическія требованія, по которымъ болѣе трудныя для усвоенія предметы должны вообще назначаться на первые часы, а сравнительно легкіе на послѣдніе, когда воспитанницы бываютъ болѣе или менѣе утомлены, а также, чтобы въ одинъ день не назначались предметы легкіе, а въ другой—трудныя. Въ составленномъ такимъ образомъ расписаніи для всѣхъ классовъ назначено было по 24 урока въ недѣлю, на каждый день по 4 урока, кромѣ приготовительнаго класса, гдѣ было назначено четыре дня по 3 урока и 2 по 4 урока. Въ общемъ количество уроковъ во всѣхъ классахъ было нормальное, опредѣленное уставомъ и новыми программами, хотя въ частности сдѣлано было отступленіе отъ указанной ими нормы. Такъ, удержанъ прежній добавочный урокъ 1) въ 6 классѣ по русской грамматикѣ; 2) удержанъ также въ 5 классѣ одинъ урокъ по дидактикѣ; 3) въ 6 классѣ введенъ одинъ урокъ для занятій воспитанницъ въ церковно-приходской школѣ. Первое отступленіе сдѣлано было въ видахъ лучшаго усвоенія воспитанницами этимологій и синтаксиса русскаго языка при повтореніи въ 6 классѣ; что же касается добавочнаго урока дидактики въ 5 классѣ, то Совѣтъ Училища въ этомъ случаѣ руководился разрѣшеніемъ, даннымъ объяснительною запискою, приложенной къ новой программѣ этого предмета, дозволяющею вводить этотъ урокъ, «если гдѣ окажется возможнымъ по мѣстнымъ условіямъ и средствамъ». Такъ какъ по росписанію нѣкоторые часы во всѣхъ классахъ оставались свободными, то они употреблялись на руководіе, по 2 урока въ первыхъ четырехъ классахъ и по 1 въ пятомъ, и на классныя диктанты, по 2 урока въ первыхъ четырехъ классахъ въ недѣлю. Классныя занятія начинались въ 9 часовъ утра и оканчивались въ 1 часъ 30 минутъ. Урокъ каждый продолжался 55 минутъ. Между уроками былъ промежутокъ въ 10 м., а между вторымъ и третьимъ 30 минутъ (на завтракъ). Съ 6 ч. вечера начинались вечернія занятія и продолжались до 8 ч. Занятія необязательными предметами—рисованіемъ и иконописаніемъ—производились въ послѣобѣдное время отъ 3—5 ч. по полудни. Свободное отъ приготовленія уроковъ время посвящалось чтенію книгъ или занятію руководіемъ. По средамъ и пятницамъ Великаго Поста, когда совершалась литургія Пржедосвященныхъ Даровъ, уроки начинались въ 9¹/₂ ч., а оканчивались въ 2 ч.

б) Указаніе учебныхъ руководствъ, употребляемыхъ въ Училищѣ, но не указанныхъ въ установленной программѣ.

Такъ какъ еще съ начала 1896/7 учебнаго года въ руководство для преподаванія приняты программы, утвержденныя Св. Синодомъ 6 сентября 1895 г., постепенное примѣненіе которыхъ въ отчетномъ году закончилось во всѣхъ классахъ, то и всѣ предметы училищнаго курса изучались по учебникамъ, рекомендованнымъ новыми программами. Изъ числа учебныхъ руководствъ и пособій, не указанныхъ программами, въ училищѣ употреблялись только одобренныя Учебнымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ или Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Таковыхъ однако было немного: по Закону Божію въ 4 и 5 классахъ „Записка по Закону Божію“ прот. Лаврова, по русскому языку—Хрестоматіи: Гадахова въ 5 и 6 кл., „Курсъ систематическаго диктанта“ Смирновскаго во 2 и 3 кл.; Исторія русской литературы Орлова въ 6 кл.; по дактилѣ А. Соосновскаго „Методика предметовъ обученія въ начальной школѣ“ въ 5 кл.; по церковному пѣнію—„Практическія упражненія къ методу обученія хорошему пѣнію“ Н. Брянскаго.

в) Выполненіе учебныхъ программъ.

Программы учебныхъ предметовъ училищнаго курса пройдены были преподавателями своевременно во всѣхъ классахъ, при чемъ согласно предписанію Св. Синода отъ 13 февраля 1893 г., за № 5854, преподаватели заботились не столько о выполненіи подробностей въ учебныхъ программахъ, сколько о разумномъ приспособленіи ихъ къ силамъ учащихся и основательномъ усвоеніи преподаннаго. По сему методы преподаванія были употребляемы соответственныя возрасту и степени развитія учащихся и характеру изучаемыхъ предметовъ, при чемъ особенное вниманіе обращено было на примѣненіе указаній объяснительныхъ записокъ, приложенныхъ къ новымъ программамъ. Вслѣдствіе этого на урокахъ Закона Божія, при преподаваніи Св. исторіи и церковной исторіи, законоучитель являлъ въ виду, съ одной стороны, правильную передачу воспитанникамъ церковно-историческихъ событій съ яснымъ представленіемъ священно-историческихъ мѣстностей и преемственности самыхъ событій, съ другой— нравственное приложеніе къ ихъ жизни священно-историческихъ разсказовъ. При изученіи катехизиса особенное вниманіе обращалось на сознательное усвоеніе текстовъ Священнаго Писанія и главныхъ пророчествъ о Мессіи съ точнымъ переводомъ ихъ на русскій языкъ, при чемъ воспитанники приучались къ связной передачѣ учебнаго матеріала, заключающагося въ катехизисѣ. Изученіе Церковнаго Устава велось больше практически чрезъ обращеніе съ богослужбными книгами и чрезъ участіе въ церковномъ чтеніи и

пѣніи. Уроки Закона Божіи сопровождалась соответственнымъ чтеніемъ Священнаго Писанія по славянски, что служило средствомъ къ практическому ознакомленію воспитанницъ съ церковно-славянскимъ языкомъ и важнымъ пособіемъ къ лучшему усвоенію приходимаго курса. При изученіи русскаго языка въ первыхъ четырехъ классахъ, всѣ теоретическія правила предварялись и сопровождалась разборомъ отдѣльныхъ фразъ и цѣлыхъ статей, а также составленіемъ собственныхъ примѣровъ на данныя правила, а въ старшихъ классахъ—изученіе курса словесности и русской литературы сопровождалось чтеніемъ и разборомъ соответствующихъ образцовыхъ литературныхъ произведеній.

Нѣкоторыя примѣрные стихотворенія и характерныя отрывки изъ образцовыхъ произведеній заучивались наизусть. Съ теоретическимъ изученіемъ главнѣйшихъ правилъ этимологии и синтаксиса церковно-славянскаго языка было соединено чтеніе и подробный разборъ наиболѣе употребительныхъ при богослуженіи псалмовъ и молитвословій изъ псалтири и часослова. При изученіи ариметики большое вниманіе обращалось на устное и письменное рѣшеніе задачъ. При прохожденіи географіи въ особенности наблюдалось то, чтобы воспитанницы пріучались безъ затрудненія указывать упоминаемыя мѣстности какъ на картахъ отдѣльныхъ частей свѣта, такъ и на плоскошаріяхъ и глобусѣ. Свѣдѣнія изъ физической или математической географіи, необходимыя для пониманія географическихъ терминовъ, воспитанницы усвоили наглядно при помощи глобуса. Преподаваніе всеобщей исторіи велось примѣнительно къ учебнику Иловайскаго для средняго возраста, преподаваніе отечественной исторіи примѣнительно къ учебнику того-же автора для старшаго возраста и учебнику Рождественскаго, при чемъ, если сжатое изложеніе учебника затрудняло учащимся пониманіе историческихъ фактовъ, болѣе важныя историческія событія передавались съ нѣкоторыми дополненіями и подробностями. Карты и хронологическія таблицы составляли необходимую принадлежность при изученіи исторіи, а для возстановленія связи историческихъ фактовъ уроки исторіи почти всегда сопровождалась повтореніемъ по вопросамъ и часто систематическимъ повтореніемъ. При изученіи дидактики серьезное вниманіе обращено было на усвоеніе воспитанницами способовъ начального обученія предметамъ, указаннымъ въ программахъ церковно-приходскихъ школъ; съ этою цѣлью воспитанницы давали пробныя уроки въ образцовой церковно-приходской школѣ при училищѣ по всѣмъ предметамъ школьнаго курса. Занятія по геометріи и физикѣ отличались болѣе практическимъ характеромъ и состояли, главнымъ образомъ, въ письменномъ рѣшеніи задачъ и производствѣ опытовъ, благодаря довольно полно и прекрасно сформированному физическому кабинету. Вообще, при про-

хожденіи учебныхъ предметовъ, при всякомъ удобномъ случаѣ употреблялись пособія, облегчающія основательное усвоеніе изучаемыхъ предметовъ и отвлеченныхъ свѣдѣній. Такъ, при преподаваніи Закона Божія, географія и исторіи употреблялись географическія карты, картины по священной исторіи, на урокахъ ариметики счеты, на урокахъ геометріи и физики показывались геометрическія тѣла, различные физическіе приборы и производились опыты съ ними. На урокахъ церковнаго пѣнія воспитанницы практически изучали весь кругъ воскреснаго и праздничнаго богослуженія. На урокахъ рисованія воспитанницы выучивались чертить геометрическія фигуры, рисовать контуры предметовъ, цвѣты, человѣческія лица и фигуры, различные пейзажи карандашомъ, на урокахъ иконописанія—писать масляными красками иконы. Чистописаніе преподавалось до 4 класса включительно. При изученіи французскаго языка воспитанницы были упражняемы въ переводахъ съ русскаго и французскаго языка по учебнику Игнатовича и Marbot и въ чтеніи отрывковъ изъ произведеній французскихъ писателей.

Все, требуемое программами, выполнено преподавателями въ точности, съ закрѣпленіемъ въ памяти учащихся пройденнаго въ цѣломъ объемѣ или главнѣйшихъ частяхъ.

Кромѣ учебныхъ предметовъ большое вниманіе обращалось на занятіе воспитанницъ рукодѣліемъ и музыкой. На урокахъ рукодѣлія воспитанницы пріучались къ литью форменныхъ платьевъ, разнаго бѣлья, необходимого въ ихъ быту. Занятія музыкой состояли въ обученіи игрѣ на роялѣ и скрипкѣ. Начиная съ простѣйшихъ этюдовъ и гаммъ, воспитанницы пріучались къ исполненію болѣе трудныхъ и сложныхъ пьесъ.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальные извѣщенія.

— Надзиратель—репетиторъ Харьковского Духовнаго училища Валеріанъ Соколовъ рукоположенъ во священника къ Архангело-Михайловской церкви с. Тарановки, Зміевского уѣзда.

— Священникъ Рождество-Богородичной церкви, сл. Поповки, Купянского уѣзда, Іоаннъ Юшковъ и священникъ сл. Ново-Александровки Дмитрій Николаевскій переведены одинъ на мѣсто другого.

— Священникъ Николаевской церкви сл. Никольской, Старобѣльскаго уѣзда, Алексѣй Василевскій переведенъ къ Николаевской церкви, сл. 1-ой Николаевки, Волчанскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ Семинаріи Наркиссъ Сербиновъ опредѣленъ священникомъ въ село Знаменское, Изюмскаго уѣзда.

— Діаконъ с. Станичнаго, Валковскаго уѣзда, Андрей *Вербинскій* переведенъ къ Покровской церкви сл. Пархоновки, Богодуховскаго уѣзда.

— Сынъ священника Георгій *Ястремскій*, опредѣленъ и. д. псаломщика къ Троицкой церкви, сл. Перекопа, Валковскаго уѣзда.

— И. д. псаломщика Борисоглѣбской церкви, с. Водяного, Зміевского уѣзда, Андрей *Шарый* переведенъ къ Архангело-Михайловской церкви, сл. Мурафы, Богодуховскаго уѣзда, а на его мѣсто опредѣленъ и. д. псаломщика Иванъ *Рудинскій*.

— Сынъ псаломщика Николай *Поповъ* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Иоанно-Богословской церкви, с. Яикова Рога, Ахтырскаго уѣзда.

— Бывшій и. д. псаломщика Игорь *Николаевичъ* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Спасской церкви, сл. Воеводска, Старобѣльскаго уѣзда.

— Заштатный псаломщикъ Павелъ *Столярскій* допущенъ къ и. д. псаломщика къ церкви сл. Будокъ, Лебединскаго уѣзда.

— Сынъ священника Григорій *Смирнскій* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Вознесенской церкви заштатнаго г. Золочева, Харьковскаго уѣзда.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Освященническія:

При Троицкой церкви, сл. Перекопа, Валковскаго уѣзда.

- < Успенской церкви, с. Литвиновки, Старобѣльскаго уѣзда.
- < Трехсвятительской церкви, сл. Ольшаной, Харьковскаго уѣзда.
- < Николаевской церкви, сл. Никольской, Старобѣльскаго уѣзда.
- < Покровской церкви, сл. Огульцовъ, Валковскаго уѣзда.
- < Тихоновской церкви, сл. Сидоренкова, Валковскаго уѣзда.
- < Рождество Богородичной церкви, сл. Шуликиной, Старобѣльск. уѣзда.

Діаконскія:

При Вознесенской церкви, с. Зеликовки, Старобѣльскаго уѣзда.

- < Казанско-Богородичной церкви, с. Должника, Харьковскаго уѣзда.
- < Иоанно-Предтеченской церкви, с. Станичнаго, Валковскаго уѣзда.
- < Пророко-Осіевской церкви, Харьковскаго Реальнаго училища.
- < Николаевской церкви, сл. Деркачевки, Лебединскаго уѣзда.
- < Иоанно-Предтеченской церкви, сл. Станичнаго, Валковскаго уѣзда.
- < Булянскомъ Соборѣ (на псаломщицкой ваканціи).

Псаломники:

- При Успенской церкви, сл. Петовки, Старобѣльскаго уѣзда.
- « Покровской церкви, с. Козѣвки, Богодуховскаго уѣзда.
 - « Тихоновской церкви, с. Стальмаховки, Бупнянскаго уѣзда.
 - « Вознесенской церкви, с. Лизина, Старобѣльскаго уѣзда.
 - « Преображенской церкви, с. Межрича, Лебединскаго уѣзда.
 - « Покровской церкви, с. Радьковки, Бупнянскаго уѣзда.
 - « Пророко-Ильинской церкви, г. Сумь.
 - « Кирилло-Мессѣдовской церкви, с. Райгородскаго, Бупнянскаго уѣзда.
 - « Иоанно-Богословской церкви, с. Гомольши, Зміевскаго уѣзда.
 - « Николаевской церкви, с. Танишювки, Старобѣльскаго уѣзда.
 - « Соборно-Успенской церкви, г. Богодухова.
 - « Николаевской церкви, сл. Терновъ, Лебединскаго уѣзда.
 - « Петропавловской церкви, сл. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда.
 - « Благовѣщенской церкви г. Харькова (для окончившаго Семинарію).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Прощаніе Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана съ Харьковскими духовно-учебными заведеніями.—Открытіе братства во имя св. великомученицы Варвары.—Къ пріѣзду Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго.—Религіозно-нравственныя чтенія въ г. Харьковѣ.—Некрологъ.

Во вторникъ, 11 февраля, Высокопреосвященный Флавіанъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій предъ отъѣздомъ въ Кіевъ въ послѣдній разъ вознесъ молитвы Господу вмѣстѣ съ начальствующими, учащими и учащимися въ Духовной Семинаріи, совершивъ для нихъ божественную литургію. Въ концѣ ея Владыка митрополитъ обратился къ воспитанникамъ съ теплымъ словомъ назиданія, благопожеланія и благословенія. Слово это въ приблизительныхъ выраженіяхъ напечатано на стр. 210-й Церковнаго Отдѣла настоящей книжки нашего журнала.

Вечеромъ, въ 7 часовъ, въ торжественномъ залѣ зданія семинаріи состоялся литературно-музыкально-вокальный вечеръ, который прошелъ, по обыкновенію, очень весело и оживленно. Первое отдѣленіе вечера почталь своимъ присутствіемъ высокопреосвященный Флавіанъ. Передъ началомъ программы былъ пропѣтъ народный гимнъ.

Въ среду на первой недѣлѣ Великаго поста Владыка Митропо-

леть Флавіанъ совершилъ прощальную литургію въ храмѣ Епархіальнаго женскаго училища. Въ концѣ ея Владыка обратился къ воспитанницамъ съ такимъ же теплымъ словомъ, съ каковымъ обратился и къ воспитанникамъ семинаріи. 12-го февраля служащіе харьковскаго духовнаго училища привѣтствовали высокопреосвященнаго Флавіана, въ его покояхъ, съ назначеніемъ на кафедру Митрополита Кіевскаго и Галицкаго. Причемъ А. А. Снегиревъ обратился къ владыкѣ приблизительно со слѣдующею рѣчью: „Ваше высокопреосвященство, высокопреосвященнѣйшій владыко!

Имѣемъ честь привѣтствовать васъ съ возведеніемъ въ санъ митрополита и назначеніемъ на высшую іерархическую ступень служенія русской церкви. Осмѣливаемся искренно выразить, что это возвышеніе ваше радостно намъ. Не много дней провели мы подъ вашимъ архипастырскимъ водительство, но и за это короткое время успѣли испытать благотворную силу благостнаго отношенія къ намъ, которое долго, долго будетъ жить въ насъ, вызывая чувство живой благодарности къ вамъ. Наше училище представляетъ одинъ изъ уголковъ того большого вертограда духовной жизни, которое находилось подъ вашимъ высокимъ архипастырскимъ попеченіемъ—какъ бы духовный питомникъ, въ которомъ возвращаются будущія насажденія для этого духовнаго вертограда. Для воспитанія юныхъ жазней въ церковномъ направленіи требуется много ухода, а главное—духовнаго свѣта и тепла. Въ насъ, любвеобильный архипастырь, мы нашли богатый источникъ этихъ живительныхъ благъ.

Въ неоднократныхъ посѣщеніяхъ родного намъ училища вы являли знаки архипастырскаго благословенія къ намъ, милостиваго вниманія, въ которомъ такъ много было оживляющаго, ободряющаго.

Противнутые этимъ, мы молимъ и будемъ молить Всеблагото Бога—да воздастъ Онъ вамъ возлагая, да укрѣпитъ васъ и подастъ новыя силы для служенія на новомъ высокомъ поприщѣ. Вмѣстѣ съ этимъ просимъ и вашихъ святительскихъ молитвъ за насъ и вашего архипастырскаго благословенія на наши дальнѣйшіе скромные труды“.

Поблагодаривъ за выраженныя добрыя чувства, высокопреосвященный Флавіанъ пожелалъ присутствующимъ благихъ успѣховъ въ ихъ дѣятельности и затѣмъ преподавалъ каждому изъ нихъ архипастырское благословеніе.

— *Открытие братства во имя св. великомученицы Варвары.*
 9-го февраля, при харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ происходило открытіе братства во имя св. вмч. Варвары. Въ 9 часовъ утра въ училищной церкви совершена была джтургія, а послѣ нея молебенъ св. покровительницѣ братства. Вечеромъ, въ 6 часовъ, въ залѣ училища состоялось засѣданіе совѣта, которое почтили своимъ присутствіемъ высокопреосвященный Флавіанъ, Митроплатъ Кіевскій и Галицкій, преосвященный Стефанъ, епископъ Сумскій, многіе изъ городского духовенства и другія лица, сочувствующія дѣлу братства. Въ началѣ засѣданія председатель совѣта училища протоіерей о. Т. Буткевичъ, отъ лица совѣта училища, учащихся и учащхся, поздравилъ преосвященнаго Флавіана съ высокимъ назначеніемъ, благодарилъ владыку за его сердечное отношеніе къ училищу и пожелалъ многаяхъ лѣтъ жизни на новомъ мѣстѣ служенія. Затѣмъ, въ краткой рѣчи протоіерей о. Т. Буткевичъ выяснилъ цѣль и задачи открываемаго братства, прочиталъ уставъ братства и въ заключеніе просилъ высокопреосвященнаго Флавіана принять на себя званіе почетнаго члена братства, на что владыка изъявилъ свое согласіе. Послѣ этого, посредствомъ записокъ, приступлено было къ выбору трехъ членовъ правленія братства. Избранными оказались: протоіерей І. П. Знаменскій, священникъ І. Н. Гончаревскій и Н. В. Гоганъ. Кромѣ избранныхъ, членамъ правленія братства, по уставу, состоятъ всѣ члены совѣта училища. Послѣ выборовъ объявленъ былъ получесовой перерывъ, во время котораго гостямъ были предложены чай и фрукты. Затѣмъ состоялся музыкально-вокальный вечеръ, на которомъ исполнителями были исключительно воспитанницы училища.

— Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, прїѣдетъ въ Харьковъ на четвертой недѣлѣ великаго поста; по дорогѣ въ Харьковъ владыка заѣдетъ въ Петербургъ. 15 февраля, по полученіи синодальнаго указа, консисторіей сдѣлана распоряженіе по епархіи о возглашеніи имени Высокопреосвященнаго Арсенія въ монастыряхъ и церквахъ при служеніяхъ по чиноположенію.
 «Южн. Бр.»

Харьковская Духовная Семинарія въ лицѣ Ректора ея, о. протоіерея І. Знаменскаго привѣтствовала Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія съ назначеніемъ на Харьковскую архіерейскую кафедру, и испрашивала Его архипастырскаго благословенія. Въ отвѣтъ на

это о. Ректоръ получилъ слѣдующую телеграмму: «Благодарю и благословляю Васъ, учащихся и учащіяся. Архіепископъ Арсеній».

Харьковскій городской голова А. Поторѣлко отъ имени города Харькова послалъ привѣтственную телеграмму Высокопреосвященному Арсенію Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, слѣдующаго содержания: „Обрадованные назначеніемъ Вашего Высокопреосвященства, граждане г. Харькова, почтительнѣйше привѣтствуя Васъ, покорнѣйше просятъ молитвъ вашихъ о благополучіи города“.

Въ отвѣтъ на привѣтственную телеграмму, посланную Высокопреосвященному Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, городской голова А. К. Поторѣлко получалъ слѣдующую: „Душевно благодарю за привѣтствіе. Призываю Божіе благословеніе на Васъ и всѣхъ жителей Харькова. Богомолецъ архіепископъ Арсеній“.

4 февраля Архіепископу Арсенію исполнилось XXXV-лѣтіе служенія его русской церкви. По этому случаю Владыкѣ было принесено множество поздравленій, которыя показываютъ, что сердцу его близки интересы и духовное преуспѣаніе всей его паствы. Вотъ напр., какой адресъ поднесенъ Владыкѣ обществомъ защиты женщинъ: „Сегодня, въ знаменательный день исполнившагося XXXV-лѣтія служенія Вашего русской церкви, позвольте принести Вамъ, Всемилостивѣйшій Владыко, отъ глубоко чтущаго Васъ Общества защиты женщинъ, искреннѣйшее поздравленіе и сердечное пожеланіе еще многіе годы служить свѣтильникомъ русской церкви, вообще, паствы Казанской, въ частности, и нашего скромнаго Общества, въ особенности. Ваше милостивое вниманіе къ нашему юному Обществу, не разъ Вами проявляемое, даетъ смѣлость испрашивать Вашихъ святительскихъ молитвъ для Общества“.

Замѣчательны также и адресъ, поднесенный Высокопреосвященнѣйшему Арсенію духовно-учебными заведеніями г. Казани. Въ этомъ адресѣ прекрасно характеризуются отношенія Архіепископа Арсенія къ духовно-учебнымъ заведеніямъ. Для ознакомленія читателей съ свѣтлою личностью нашего будущаго Владыки приводимъ извлеченія изъ этого адреса.

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Казанскія духовно-учебныя заведенія, порученныя Вашему мудрому руководителству, счастливы, что на ихъ долю выпало чест-

зовать Васъ, Милостивѣйшій Архипастырѣ, въ день тридцатипятилѣтняго юбилея Вашего плодотворнаго пастырскаго служенія.

Мы, Ваши подчиненные и сотрудники въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія, въ лицѣ начальниковъ, наставниковъ и служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ собрались сюда, чтобы высказать предъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ свои чувства благодарности и мысли, волнующія насъ въ день Вашего пастырскаго юбилея.

Казанскіе расадники духовнаго просвѣщенія счастливы, что ввѣрены руководительству такого опытнаго педагога, какъ Вы, Мудрый Наставникъ. Ваше служеніе на Казанской каѳедрѣ и управленіе казанскими духовно-учебными заведеніями являются не первыми шагами Вашей педагогической дѣятельности, но плодомъ тридцатипятилѣтняго опыта въ школьномъ дѣлѣ, когда успѣваютъ воплотиться сложившіеся опредѣленные взгляды на постановку школы и отношенія къ начальникамъ, наставникамъ и учащимся.

Не легкая жизнь въ дѣтствѣ, труды на школьной скамьѣ въ свротской долѣ при строгихъ порядкахъ въ нашей старой духовной школѣ, тяжелые удары судьбы во время пастырскаго и педагогическаго служенія выработали въ Васъ, Милостивѣйшій Владыко, добраго отца, мудраго наставника и опытнаго руководителя. Вы лично пережили все, что пережила наша духовная школа болѣе чѣмъ за полстолѣтіе, и являетесь живымъ носителемъ и выразителемъ полувѣковой исторіи русскаго духовнаго просвѣщенія. Будучи администраторомъ, искушеннымъ и окрѣпшимъ въ принципахъ стараго и новаго воспитанія, Вы, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, опытомъ прошлаго провѣряете настоящее. Нынѣ чуть-ли не на всѣхъ русскихъ окраинахъ и на разныхъ попріцахъ служенія находятся Ваши ученики, вышедшіе изъ Бѣлоцерковской гимназіи, гдѣ Вы были законоучителемъ, изъ Таврической духовной семинаріи и С. Петербургской академіи, гдѣ Вы были ректоромъ.

Обремененный сложными заботами и нелегкими трудами по управленію обширной, разноплеменной и разновѣрной епархіи, требующей особеннаго Архипастырскаго вниманія ко всѣмъ многообразнымъ явленіямъ мѣстной церковной жизни, Вы, Благостный Архипастырѣ, ни на минуту не упускаете изъ вниманія и ввѣренныхъ Вамъ расадниковъ духовнаго просвѣщенія, выикая во всѣ крупныя и мелкія дѣла казанскихъ духовно-учебныхъ заведеній. Внимательностью высшаго духовнаго начальства казанскія

духовно-учебныя заведенія всего болѣе обяваны Вашему мудрому представительству и ходатайству за свои заведенія.

Мы осмѣливаемся назвать эти заведенія своими для Васъ, Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ, въ той увѣренности, что нужды ихъ всегда являются Вашими нуждами, ихъ радости Вашими радостями, ихъ горе Вашимъ горемъ. Мы живые свидѣтели того, какъ Вы мужественно стояли и продолжаете стоять за честь Вашихъ заведеній, и всѣ они сознаютъ, что находится подъ руководствомъ опытнаго и надежнаго наставника, руководителя и защитника ихъ интересовъ.

Прошло только пять съ половиной лѣтъ, какъ Вы, Милостивѣйшій Архипастырь, стали во главѣ казанскихъ духовно-учебныхъ заведеній, но уже успѣли сдѣлать очень много для всѣхъ ихъ вообще и для каждаго въ отдѣльности.

Внимательно присматриваясь и чутко прислушиваясь къ нуждамъ вѣренной Вамъ Академіи, Вы съ присущей Вашему Высокопресвященству энергіей старались всегда помогать ей въ интересахъ науки и лучшаго обезпеченія студентовъ. Вы, Благодостный Владыко, увидѣли, что Академія, не имѣя денежныхъ средствъ, не можетъ выпускать въ свѣтъ произведеній полезныхъ для богословской науки, и поспѣшили ей на помощь. При Вашемъ просвѣщенномъ содѣйствіи Академія успѣла издать не одно богословско-научное произведеніе,—на что Вы употребили не одну тысячу рублей изъ собственныхъ средствъ. Въ академическомъ журналѣ „Православный Собесѣдникъ“, по желанію Вашего Высокопресвященства и на Ваши средства, постоянно печатались статьи патрологическаго содержанія, изъ которыхъ образовалось восемь выпусковъ и которые составили весьма цѣнный и важный вкладъ въ нашу патрологическую литературу.

Періодическія академическія изданія „Православный Собесѣдникъ“ и „Извѣстія по Казанской Епархіи“ за послѣдніе годы могли улучшиться, качественно и количественно, только благодаря средствамъ, пзысканнымъ Вами. Вы, Благодостный Покровитель академической науки, чутко отозвались на одну изъ существенныхъ нуждъ ея, исходатайствовавъ средства на изданіе каталога Академической бібліотеки. Просвѣтительныя заботы Вашего Высокопресвященства много помогли организаціи святоотеческой переводческой комиссіи при Казанской духовной Академіи, успѣвшей (съ 1898 по 1901 г.) издать пять выпусковъ своихъ трудовъ,

быстро распространяющихся среди богословски образованныхъ людей. Вашими заботами положено начало церковныхъ библиотекъ въ новыхъ приходахъ Казанской епархіи. По Вашей инициативѣ предпринято систематическое историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Казанской епархіи. Изданіе Студенческаго Сборника, въ который входятъ лучшія студенческія сочиненія, всецѣло обязано Вашему просвѣщенному содѣйствію и матеріальной помощи. Два выпуска весьма содержательнаго Сборника переданы Вами въ Общество вспоможенія бѣдныхъ студентовъ Академіи.

Входя въ положеніе студентовъ Академіи, Вы, Ваше Высокопреосвященство, исходатайствовали для нихъ двадцать пять новыхъ казенныхъ стипендій. Академическое студенчество не забудетъ Вашихъ отеческихъ заботъ.

Благодаря Вашему Архипастырскому ходатайству Высочайше утверждены 1901 года 27 марта новые штаты существующихъ при Казанской Академіи Миссіонерскихъ Курсовъ и положеніе о правахъ и преимуществахъ служащихъ и учащихся тамъ лицъ. При новыхъ штатахъ и правахъ Миссіонерскіе Курсы получили характеръ вполне организованнаго духовно-учебнаго заведенія.

Всегдашнимъ памятникомъ Вашей заботливости о Духовной Семинаріи будутъ тридцать внородческихъ стипендій, исходатайствованныхъ Вашею Архипастырскою заботливостію въ интересахъ мѣстнаго миссіонерства.

Замѣчая неудобства настоящаго помѣщенія Семинаріи, Вы не покидаете мысли о постройкѣ новыхъ зданій и неоднократно ходатайствовали объ этомъ предъ Высшимъ духовнымъ начальствомъ.

Но у подвѣдомственныхъ Вашему Высокопреосвященству духовно-учебныхъ заведеній такъ много нуждъ, что покончить съ ними нуженъ не пятилѣтній срокъ, а многіе годы, при томъ, такой энергичной дѣятельности, каковую проявляете Вы, Милостивый Архипастырь. Только благодаря Вашимъ заботамъ, трудамъ и мощному содѣйствію Казанское Мужское Духовное Училище скоро будетъ имѣть новое помѣщеніе вполне соответствующее школьнымъ потребностямъ. Суммы достаточныя для постройки новыхъ классовъ и больницы въ количествѣ 8000 руб. заимообразно отпущены изъ средствъ Св. Синода. Новые классы и новая больница явятся великимъ благодѣніемъ для начальниковъ, наставниковъ и учениковъ училища, помѣщающагося доселѣ въ ветхомъ и тѣсномъ зданіи.

Вы, Ваше Высокопреосвященство, живо поняли другую острую нужду училища и училищныхъ наставниковъ, ограниченныхъ въ средствахъ. Вы дали свое согласіе на учрежденіе при училищѣ Братства для вспоможенія служащимъ и служившимъ въ училищѣ лицамъ и ихъ семействамъ. Не ограничившись этимъ согласіемъ и утвержденіемъ Устава Братства, въ прошломъ 1902 г. Вы, Милостивѣйшій Архипастырь, исходатайствовали у Св. Синода служащимъ въ училищѣ единовременное пособіе въ количествѣ 1000 руб. И въ настоящемъ году Вами возбуждено такое же ходатайство.

Уѣздныя мужскія духовныя училища—Чистопольское и Чебоксарское—также взысканы Вашимъ Архипастырскимъ вниманіемъ. Для перваго изъ нихъ Вашими заботами исходатайствованы средства на достройку и окончательное оборудованіе училищнаго общежитія, для втораго изысканы средства на постройку новаго училищнаго зданія и приспособленіе стараго училищнаго корпуса подъ общежитіе.

На образованіе дочерей казанскаго епархіальнаго духовенства Вы, Владыко, обращали особенное вниманіе и быстро спѣшили здѣсь на помощь всякой нуждѣ. Быстрымъ и цѣлесообразнымъ рѣшеніемъ давно назрѣвшаго вопроса о преобразованіи и расширеніи Казанское Женское Епархіальное Училище всецѣло обязано инициативѣ и твердой настойчивости Вашего Высокопреосвященства. Съѣздъ духовенства 1899 года, руководимый Вашими мудрыми Архипастырскими совѣтами, изыскалъ средства на расширеніе училищнаго зданія, а 4 сентября 1900 года училище было преобразовано изъ трехкласснаго въ шестиклассное. Небогатое Казанское духовенство могло такъ быстро разрѣшить такую сложную и трудную задачу только благодаря мудрымъ Вашимъ указаніямъ. Вы, какъ Благопечительный Отецъ, обратили свое вниманіе и на другое Казанское училище для дочерей духовенства—Окружное училище. По Вашему предложенію тѣсный храмъ его въ настоящее время распространенъ и заново отдѣланъ и самое училище близко также къ преобразованію изъ трехкласснаго въ шестиклассное.

Всѣмъ извѣстна Ваша Архипастырская благотворительность и отеческая заботливость о бѣдныхъ учащихся, порученныхъ Вашему покровительству, не обошли ни одного заведенія. Ваша взносы и пожертвованія въ Общество бѣдныхъ студентовъ Акаде-

мін достигають сумми въ 1000 руб.; въ Попечительствѣ о бѣдныхъ ученикахъ Семинаріи они также очень значительны и составляютъ особый капиталъ Имени Вашего Высокопреосвященства; въ Попечительствѣ Казанскаго Мужскаго Духовнаго Училища они превысили 400 руб. Ваша помощь училищу въ неурожайный 1884 годъ положительно не оцѣнима. Тотчасъ по прїѣздѣ въ Казань Вы, какъ Заботливый Архипастырѣ, приняли самое дѣятельное участіе при открытіи Попечительства при Женскомъ Епархіальномъ Училищѣ и уже успѣли внести въ его кассу болѣе 600 р.

Ваша щедрость не ограничивалась взносами въ Попечительства. Вы не отказывали въ скорой матеріальной помощи учащимся, лично за нею обращававшимся къ Вамъ. Въ тяжелую годину, пережитую населеніемъ Казанской епархіи, когда многіе родители, вслѣдствіе недорода хлѣба, очутились въ безвыходномъ положеніи и рѣшительно были не въ состояніи внести деньги за содержаніе своихъ дѣтей, Вы, Владыко, съ истинно-отеческою готовностью послазили на помощь родителямъ и дѣтямъ. Для Женскаго Епархіальнаго Училища Вы ходатайствовали у Святѣйшаго Синода 1000 руб. пособія на покрытіе недочмокъ по содержанію въ училищѣ бѣдныхъ воспитанницъ. Благодаря этому пособию училище вышло изъ крайняго экономическаго затрудненія.

Ваши торжественныя служенія въ училищныхъ храмахъ и задушевыя отеческія бесѣды навсегда будутъ памятны воспитанникамъ.

Какъ опытный хозяинъ и заботливый покровитель во время своихъ неоднократныхъ посѣщеній подвѣдомственныхъ Вамъ учебныхъ заведеній, Вы обращали свое вниманіе на самыя ихъ зданія и внѣшнюю обстановку учащихся, и замѣтивъ хозяйственныя нужды заведеній, старались затѣмъ при первой возможности помочь имъ своимъ совѣтомъ и ходатайствомъ предъ Высшимъ духовнымъ начальствомъ. И мы знаемъ, что эти ходатайства Ваши тамъ—и личныя и бумажныя—всегда уважались и уважаются, хотя знаемъ также и то, что частыя ваши слезницы, направляемыя Вашимъ Высокопреосвященствомъ къ высшей духовной инстанціи, не могли не доставлять Вамъ иногда и нѣкоторыхъ огорченій. Но всѣ такія огорченія ничуть Васъ не огорчали тамъ, гдѣ дѣло шло объ удовлетвореніи той или другой насущной потребности вѣранныхъ Вашему Архипастырскому попеченію духовно-учебныхъ заведеній.

Благословенъ Богъ, даровавшій Вашему Высокопреосвященству

крѣпость и силу пройти тридцатипятилѣтіе Вашего достославнаго пастырскаго служенія. Да сподобитъ общій Нашъ Пастыреначальникъ Господь Іисусъ Христосъ,—да сподобитъ Онъ святыню Вашу и впредь еще долгіе годы свершать также благопослѣшно и также многоплодно Ваше Архипастырское служеніе.

— Религіозно-нравственныя чтенія: Въ воскресенье, 9-го февраля, открыты религіозно-нравственныя чтенія въ Озеринской церкви, что на Холодной горѣ. Предъ началомъ чтеній, въ 4 час. вечера, отслужена была торжественная вечерня. Чтенія началъ инспекторъ духовной семинаріи іеромонахъ Михаилъ, который предложилъ слушателямъ православное ученіе „О церкви“. Затѣмъ воспитанникъ VI класса семинаріи Богуславскій прочелъ „Исторію Озеринской иконы Божіей Матери“, въ честь которой сооруженъ храмъ. Въ промежуткахъ между чтеніями пѣли два хора—иѣстный и хоръ воспитанниковъ семинаріи. Храмъ былъ переполненъ слушателями. Чтенія здѣсь будутъ вестись каждый воскресный день послѣ вечерни.

— Религіозно-нравственныя чтенія въ воскресенье, 9 февраля, были предложены въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) въ Покровскомъ монастырѣ законоучителемъ 2-й гимназіи о. Петромъ Вышняковымъ „О 4 заповѣди блаженства Христова“ и помощникомъ смотрителя духовнаго училища о. Николаемъ Зефировымъ „О страшномъ судѣ“ (о дѣлахъ милосердія); 2) въ Кафедральномъ соборѣ священникомъ о. Иоанномъ Гончаревскимъ „О страшномъ судѣ“ и священникомъ о. Василіемъ Яновскимъ „О плѣнѣ вавилонскомъ“; 3) на паровозостроительномъ заводѣ, на Петипской ул., священникомъ о. Петромъ Скубачевскимъ объясненіе воскреснаго Евангельскаго чтенія и „Житіе св. Феодосія, Черниговскаго чудотворца“ (его прославленіе и чудеса); 4) на Журавлевкѣ, въ Петро-Павловской церкви, протоіереемъ о. Павломъ Григоровичемъ „О первомъ членѣ символа вѣры“ и священникомъ о. Андреемъ Щелкуновымъ „О значеніи поста въ дѣлѣ спасенія“; 5) на Запковѣ, въ Александро-Невской церкви, священникомъ Владиміромъ Шаповаловымъ „О христіанскомъ смиреніи“ и 6) на Холодной горѣ, въ мѣщанской богадѣльнѣ, въ Скорбященской церкви, священникомъ о. Владиміромъ Бусыгинымъ „О кротости“ и „Житіе св. мученика Никифора (прочелъ воспитанникъ семинаріи Василій Бесѣда). Всѣ эти чтенія велись послѣ вечерни, которая обычно совершается въ 4 час. пополудни.

— Религіозно-нравственныя чтенія въ воскресенье 16 февраля были предложены въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) въ Покровскомъ монастырѣ законоучителемъ Харьковскаго коммерческаго училища о. Іоанномъ Филевскимъ „О 5 заповѣди блаженства Христова“ и „Житіе св. Филарета Милостиваго“; 2) на паровозостроительномъ заводѣ, на Петинской ул., священникомъ Николаемъ Шосте „О церкви“ (основаніе ея, составъ и существенныя свойства); 3) на Зайковкѣ, въ Александро-Невской церкви, священникомъ о. Владиміромъ Шаповаловымъ „о второй заповѣди блаженства“ (свято-отеческое ученіе о слезахъ); 4) на Журавлевкѣ, въ Петро-Павловской церкви, инспекторомъ классовъ харьковскаго епархіальнаго женскаго училища о. Іоанномъ Котовымъ „о великопостномъ богослуженіи“ и священникомъ о. Іоанномъ Петровскимъ „о покаяніи“; 5) въ кафедральномъ соборѣ настоятелемъ протоіереемъ Любичкинымъ „о паденіи Адама“; 6) на Холодной горѣ, въ мѣщанской богадѣльнѣ священникомъ о. Николаемъ Жебиневымъ „о 4 заповѣди блаженства“ и „житіе св. муч. Памфила“ (прочель воспитанникъ семинаріи Г. Ястремскій). Всѣ эти чтенія велись послѣ вечерни, которая начинается въ 4 час. пополудни.

Религіозно-нравственныя бесѣды при Спасо-Преображенской церкви г. Харькова.

Издавна въ Спасо-Преображенской церкви г. Харькова по Воскресеньямъ послѣ вечерни предлагалась молящимся поученія и религіозно-нравственныя чтенія. Съ начала же прошлаго 1902 года дѣло это мѣстными священниками съ благословенія Высокопреосвященнаго Флавіана, поставлено болѣе широко. Совершаются вечерни торжественныя съ участіемъ церковнаго хора и любителей. Бесѣды предлагаются мѣстными священниками съ участіемъ законоучителя 2-й мужской гимназіи о. П. Вишнякова, епархіальнаго миссіонера Д. И. Боголюбова, Епархіальнаго наблюдателя школъ В. Ѳ. Давиденко и инспектора Епархіальнаго училища о. И. Котова. Поставлено цѣлю вести бесѣды библейскія, на почвѣ изясненія избранныхъ мѣстъ Свящ. Писанія Ветхаго Завѣта и особенно Евангелія. На раннихъ воскресныхъ литургіяхъ о. П. Ѳоминъ ведетъ изясненіе нагорной бесѣды Спасителя по Евангелію отъ Маттея, а на вечерняхъ объясняетъ другія бесѣды Спасителя и избранныя мѣста книги Іисуса сына Сирахова. О. П. Вишняковъ изясняетъ евангельское ученіе о постѣ, смиреніи,

незлюбѣн, о молитвѣ Господней, и обличительную проповѣдь Спасителя на фарисеевъ. О. М. Руминцевъ ведетъ бесѣды о храмѣ и обязанностяхъ въ отношеніи къ нему. Остальные проповѣдники взяли на себя трудъ изъясненія Евангельскаго ученія о прощеніи, православнаго догмата о почитаніи Св. вѣнъ и Животворящаго Креста Господня. Превозносятся поученія и слова на общія темы, такъ о. Ѳомиѣ, въ формѣ живой импровизаціи, провозносилъ слова: „о страхѣ Божиѣмъ и воспитаніи дѣтей“, объ уходѣ за престарѣлыми родителями, о доброй женѣ, о добромъ мужѣ, о нагубности пьянства, объ обществахъ трезвости, о силѣ добра, о совѣсти и судѣ Божиѣмъ. Послѣ таковыхъ вечереъ происходитъ обученіе хоровому пѣнію молитвъ всѣхъ молящихся. Опытъ весьма удался и теперь общенародное пѣніе совершается здѣсь нерѣдко хоромъ человекъ 500—600. Кромѣ этого предпринято здѣсь послѣ вечерни возможно болѣе широкое распространеніе въ приходѣ проповѣдническихъ листовъ. Теперь, послѣ каждой вечерни, раздается молящимся свыше 500 „Троицкихъ книжекъ и листовъ“. Народъ съ глубокою благодарностію принимаетъ эти листки, придаетъ имъ провиденціальное значеніе и читаетъ ихъ въ своихъ семьяхъ, съ благоговѣніемъ храня ихъ возлѣ св. иконъ.

При сей же Спасо-Преображенской церкви, съ благословенія Высокопреосвященнаго Флавіана, возникаетъ пока въ скромныхъ размѣрахъ Общество трезвости для борьбы съ пьянствомъ и для распространенія началъ трезвой жизни въ окружающей средѣ. Общество посвящается имени Св. прор. Іоанна Крестителя съ своимъ Храмовымъ праздникомъ 7 января. Уставъ Общества выработанъ: Общество будетъ носить церковно-приходской характеръ. Въ недалекомъ будущемъ, по утвержденіи Устава подлежащею властію, послѣдуетъ открытіе Общества. Въ члены общества принимаются и иноприходные. Общество будетъ функционировать и въ благотворительномъ смыслѣ. Средства для борьбы съ пьянствомъ, помимо тѣхъ, какия уважутъ практика и жизнь, намѣчены слѣдующія: усердное и частое участіе трезвенниковъ въ церковныхъ богослуженіяхъ, торжественные молитвенные обѣты трезвости; церковныя и частныя бесѣды о нагубности пьянства, взаимная поддержка другъ друга, организація общедоступныхъ чтеній о трезвости, обученіе трезвенниковъ грамотѣ, воскресная школа трезвенниковъ, бібліотека съ читальней, чайная Общества, возможно практическое обученіе трезвенниковъ ремесламъ и при-

кладнымъ званіямъ, паломничества и т. п. Члены помогаютъ Обществу своими членскими взносами и единовременными жертвами. Управляется Общество Совѣтомъ подъ наблюденіемъ Владыки. Проводы о возникающемъ Обществѣ проносятся въ Спасо-Преображенской церкви на литургіяхъ и воскресныхъ вечерняхъ. Интересующіеся возникающимъ благимъ дѣломъ обращаются къ священнику Петру Өмину (Единобѣрческая улица, № 3).

Константинъ Николаевичъ Сильченковъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Умогла цѣвница, которая возманила, Спаситель нашъ,
слова Духа Святаго.

Да огласитъ она чертогъ Твой!

Умогла громкая цѣвница, возманила Законъ Твой;
безмолвной сдѣлала ее смерть.

Да встрѣтитъ она на брачной вечери Твоей!

Привержень онъ былъ къ истинѣ и другимъ возвѣщалъ
правое ученіе.

Да защититъ его истина Твоя; да покроетъ его
правое ученіе Твое въ часъ откровенія Твоего!

Съ тѣмъ же упованіемъ, какое имѣли святые отцы отъ
вѣка, усердно трудился онъ.

Да упокоится же онъ въ пристани Твоей!

Хвала Тебѣ Господи, слава Отцу Твоему, поклоненіе
и прославленіе Святому Духу Твоему во всѣ времена!
(Изъ твор. св. Ефрема Сиріна).

20 февраля текущаго года послѣ напутствія Св. Таиннами скончался преподаватель Харьковской Духовной Семинаріи Константинъ Николаевичъ Сильченковъ. Покойный былъ сынъ священника въ одномъ изъ селъ Воронежской губерніи. По окончаніи курса въ Воронежской Духовной Семинаріи К. Н-чъ въ 1889 году поступилъ въ Московскую Духовную Академію, въ которой помимо общеобязательныхъ предметовъ, изучилъ еще полный курсъ спеціальныхъ, именно: исторію и разборъ западныхъ исповѣданій, исторію и обличенію русскаго раскола, общую гражданскую и русскую исторію, латинскій языкъ и его словесность и нѣмецкій языкъ. При неутомимомъ трудолюбіи и прекрасныхъ дарованіяхъ онъ во все время образованія своего въ Академіи занималъ первое мѣсто въ разрядъ.

номъ списокъ студентовъ Академіи, и потому при окончаніи курса Совѣтомъ Академіи былъ удостоенъ степени кандидата Богословія и утвержденъ въ ней съ правомъ при исканіи степени магистра не держать новаго устного экзамена. Какъ лучший студентъ своего курса, онъ былъ оставленъ при Академіи профессорскимъ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорской кафедрѣ. Въ 1894 г. въ февралѣ, за неизбѣимъ свободной кафедры при Академіи, К. Н-чъ былъ опредѣленъ преподавателемъ Богословія въ Харьковскую Духовную Семинарію. Какъ прекрасному знатоку французскаго языка (покойный былъ женатъ на французкѣ, имъ же самимъ обращенной въ православіе), К. Н-чу Правленіемъ Семинаріи было поручено преподаваніе французскаго языка въ Семинаріи. Въ 1896 г. за представленное въ Совѣтъ Академіи сочиненіе Прощальная Бесѣда Спасителя съ учениками, К. Н-чъ былъ удостоенъ Совѣтомъ Академіи и утвержденъ Святѣйшимъ Синодомъ въ степени магистра Богословія.

Роковая болѣзнь, сведшая К. Н-ча въ могилу, чахотка, издавна подтачивала силы его, и онъ таялъ какъ свѣча, такъ что и для него самого и для всѣхъ знавшихъ и посѣщавшихъ его лицъ съ каждымъ днемъ становилось яснѣе и яснѣе, что жизнь его постепенно угасала. Такимъ образомъ смерть не застала К. Н-ча не подготовленнымъ къ ней. Въ послѣдніе дни жизни своей онъ нѣсколько разъ причащался Св. Тавны, приобщился онъ ихъ и за три часа до смерти.

Личность К. Н-ча какъ преподавателя хорошо извѣстна его сослуживцамъ и ученикамъ. Поэтому говорить что нибудь о немъ въ этомъ отношеніи совершенно излишне. Достаточно замѣтить здѣсь только, что по богатству познаній своихъ и серьезному отношенію къ преподавательскому дѣлу ему слѣдовало-бы занимать мѣсто не учителя Семинаріи, а профессора въ какомъ либо высшемъ учебномъ заведеніи. Излишне здѣсь говорить и о личныхъ, частныхъ отношеніяхъ почившаго къ своимъ сослуживцамъ и воспитанникамъ, въ которыхъ (отношеніяхъ) ярко обнаруживались обаятельныя качества души почившаго. Это былъ, какъ все мы знаемъ, востанувъ благороднѣйшій человѣкъ, который всегда умѣлъ отдать должную дань чужому мнѣнію и стоялъ выше разныхъ мелочей, такъ часто вилетающихся въ нашу жизнь. Мы напомнимъ здѣсь объ удивительной въ наше время глубокой религіозности почившаго и необыкновенной отзывчивости его на вопросы и явленія современной религіозно—правственной жизни. Онъ не только слѣдилъ за ними, обсуждалъ ихъ въ бесѣдахъ съ близкими къ нему лицами, но еще не смотря на свой злой недугъ, находилъ время и силы почтительно отзываться о нихъ какъ это извѣстно читателямъ „Вѣры и Разумъ“ и другихъ Богословскихъ.

журналовъ, При обсужденіи и освѣщеніи этихъ вопросовъ К. Н-чъ всегда стоялъ на строго — православной почвѣ. Это былъ убѣжденный православный христіанинъ, истинный слуга Христовъ, всецѣло возлюбившій истину Христову и служившій ей не щадя ни силъ своихъ, ни здоровья, пока, какъ созрѣвшій плодъ, не былъ взятъ рукою Господа въ тотъ міръ, гдѣ сіяетъ не вечерній свѣтъ небснаго царствія.

21 февраля въ 8 ч. утра, послѣдовалъ выносъ покойнаго К. Н-ча изъ его квартиры въ Семинарскую церковь о. Ректоромъ, протоіереемъ І. Знаменскимъ, о. Инспекторомъ и о. Духовникомъ Семинаріи. Заупокойную литургію и явнѣ погребенія совершалъ совместно съ Семинарскимъ духовенствомъ и ключаремъ собора Преосвященнѣйшій Владыка Стефанъ. Величественное Архіерейское служеніе съ особенною силою будило лучшія стороны души лицъ бывшихъ въ храмѣ, и потому всѣ стоявшіе вокругъ гроба товарищи и ученики покойнаго съ особеннымъ чувствомъ молились объ упокоеніи души благороднѣйшаго человека, талантливаго и благожелательнаго преподавателя и истиннаго христіанина. Теперь, когда волненіе душевное, вызванное смертію К. Н-ча, немного успокоилось, мы не можемъ не принести отъ лица всей Семинарской корпораціи глубочайшей благодарности Владыкѣ Стефану за то вниманіе, которое онъ проявилъ въ Семинаріи, прибывши помолиться надъ тѣломъ сврснаго по положенію преподавателя Семинаріи и напсутствовать его въ міръ загробный. Въ наше время, когда такъ часто забываютъ, что воспитаніе и наука важны для общества не тѣмъ, что дають разнаго рода привилегіи, а тѣмъ, что имѣють въ себѣ свойство поддерживать подъемъ духа воспитанниковъ въ ихъ благородныхъ стремленіяхъ, поистинѣ поучительно было видѣть какъ нашъ іерархъ въ воспоминаніе о трудовой дѣятельности почившаго и въ назиданіе всѣмъ учащимъ и учащимся благоволилъ раздѣлить скорбь Семинарской семьи и выразилъ это совершеніемъ заупокойной литургіи и отпѣваніемъ почившаго К. Н-ча. Да продлитъ Господь жизнь Владыки за это на многіе годы.

На Божественной литургіи во время причастна память почившаго прочтѣлъ слѣдующимъ словомъ преподаватель Семинаріи С. И. Чистосердовъ.

„Скажи ми, Господи, кончину мою, и число дней моихъ—кое есть, да разумно, что мнѣюся азъ“ (Псал. 38, ст. 5).

Всякій разъ, когда смерть напоминаетъ о себѣ своимъ грознымъ и неожиданнымъ похищеніемъ кого либо изъ среды нашей, — самъ собою вырастаетъ вопросъ о смерти, — вопросъ роковой для каждаго, изъ насъ, —

вопросъ неизбѣжный, вѣчный, такой вопросъ, который самую неизвѣстностью своею смущаетъ нашъ духъ. Въ жизни много бываетъ скорбой и неудачъ, разныхъ бѣдъ и тревогъ, безысходныхъ нуждъ и невыразимыхъ страданій: но во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ, какъ бы ни были они тяжелы и безнадежны, всегда остается лучъ надежды, вызывающій человека на борьбу съ ними, всегда остается искра огня въ сердцахъ, ободряющая насъ, хотя бы и неосуществимой на дѣлѣ возможностью, что вотъ еще немного подождать и потерпѣть,—и бѣда пройдетъ, положеніе изменится къ лучшему, обстоятельства жизни улыбнутся счастьемъ! И нѣтъ на землѣ такого состоянія, гдѣ бы не было надежды на возможность выйти изъ него. Но вопросъ о смерти не можетъ обольщать насъ никакими надеждами.

Во всемъ человекъ можетъ сомнѣваться и все отрицать, но не было еще случая, чтобы кто-либо изъ людей могъ усумниться въ дѣйствительной неизбѣжности своей собственной смерти! Эта истина выше даже всякой возможности сомнѣнія въ ней: съ каждымъ вздохомъ, съ каждымъ ударомъ сердца, съ каждымъ мгновениемъ своего существованія на землѣ мы идемъ неизбѣжной дорогой къ осуществленію ея, мы приближаемся къ своей цѣли—къ своей смерти. Да, смерть неизбѣжна для каждаго изъ насъ, и эта то неизбѣжность свидѣтельствуетъ намъ о безпомощности нашей противъ нея.

Стоя предъ гробомъ невольно скажешь въ душѣ: жалкій человекъ въ своей безпомощности!.. Страшить насъ такая безпомощность,—страшить она ужасомъ самой смерти, которая безопадно истребляетъ все.

Страшить насъ смерть и самую неизвѣстностью за гробомъ. „Никто не оживалъ, чтобы намъ сказать, что чувствуютъ, что мыслятъ тамъ отцы, супруги, дѣти... И тайнъ жизни за могилой никто не въ силахъ разгадать“...

Мрачна могила, грозенъ послѣдній часъ. Но этотъ мракъ ужасенъ тамъ, гдѣ вѣры нѣтъ, гдѣ править всѣмъ порокъ и заблужденіе. Душа же вѣрующаго озарена божественнымъ свѣтомъ среди ужасовъ смерти, и аще пойдетъ посреди сѣни смертной, не убоится зла, п. ч. она въ Богѣ... Смерть теряетъ грозный видъ для человека глубоко-вѣрующаго. Не страшитъ путь смертный, не страшитъ могила того, кто проникнуть вѣрой во Христа! Этотъ путь уже освещенъ: имъ шелъ нашъ Искупитель, безконечно возлюбившій насъ. Не страшны и болѣзни смерти тому, кто сердцемъ взиралъ на распятаго за насъ Страдальца, ибо что значать наши страданья, если сравнять ихъ съ тѣмъ, что претерпѣлъ за насъ нашъ Спаситель на Крестѣ.

Тотъ спокойно встрѣчаетъ смерть, кто въ жизни своей не зарывалъ данныхъ ему отъ Бога талантовъ, но возрасталъ и совершенствовался духовно, руководимый закономъ Христовымъ.

Что же скажемъ мы объ отношеніи къ смерти почившаго? Какъ назовемъ мы его жизненный путь? Поистинѣ, смерть была для него пріобрѣтеніемъ. „Скажи мнѣ, Господи, кончину мою и число дней моихъ, кое есть“, вотъ постоянный вопль его возвышенной христіанской души. Этими словами псалмопѣвца, этимъ постояннымъ памятованіемъ о конечной цѣли своего земного странствованія опредѣлился и весь путь жизни нашего почившаго сослуживца.

Его жизненный путь всегда былъ залогомъ того блаженнаго пути, на который теперь вступила душа усопшаго. Вся жизнь его, насколько она была открыта для насъ, является самымъ убѣдительнымъ подтвержденіемъ того, что почившій былъ глубоко вѣрующимъ человекомъ, истиннымъ христіаниномъ.

Не вѣра-ли живая и сердечная, служила для него свѣточемъ на жизненномъ пути? Не добродѣтель-ли была цѣлью его жизни? Не любовь-ли къ Богу и ближнимъ лежить въ основаніи всей его дѣятельности, которой онъ всецѣло посвящалъ свой богатоодоренный умъ, многообразныя знанія и прекрасныя качества своего сердца и воли. Кто изъ насъ не знаетъ объ его усиленныхъ умственныхъ занятіяхъ, простекавшихъ не изъ честолюбиваго желанія пріобрѣсти извѣстность, а столько-же изъ за любви къ знанію, сколько и изъ стремленія оказать посильную помощь другимъ. Такое-же доброе употребленіе постоянно дѣлалъ онъ и изъ прекрасныхъ качествъ сердца и воли. Щедро надѣлила его этими качествами природа, прекрасно развилъ и направлялъ ихъ онъ самъ. Доброта, тѣплота души, готовность быть полезнымъ для своихъ ближнихъ, служить имъ: таковы отличительныя качества его сердца. И не зарывалъ онъ въ землю этихъ талантовъ; не замыкался самолюбиво съ своими добрыми качествами въ себѣ самомъ, а всецѣло посвящалъ ихъ на пользу ближнихъ. Въ горячемъ желаніи принести посильную пользу лицамъ, интересующимся вопросами религіи, пролить свѣтъ и разъяснить существующія въ области Богословія недоразумѣнія и тѣмъ оградить и укрѣпить „слабыхъ духомъ“ просиживалъ онъ иногда цѣлыя ночи надъ изложеніемъ своихъ богословскихъ взглядовъ и мнѣній, не щадя и безъ того недорваннаго здоровья.

Училъ онъ истинамъ вѣры и нравственности не наукою только,—но и своею жизнью. Его жизнь была подтвержденіемъ тѣхъ высокихъ нравственныхъ началъ, какія излагалъ онъ съ кафедры предъ учениками, по обязанности наставника. Эта жизнь въ Богѣ и служить основаніемъ того

высоко нравственнаго настроенія, которое проникало всю жизнь почившаго, выражаясь при этомъ въ глубочайшемъ смиреніи. Довольство своимъ скромнымъ положеніемъ, протекавшее изъ полной преданности Промыслу Божію, опредѣляющему жребій человѣческой, было самою видною чертою его отношеній къ самому себѣ, къ своему положенію.

Послѣднее время его жизни весьма ясно свидѣтельствуетъ о его высокой настроенности о великой преданности волѣ Божіей. Господь судилъ ему нести тяжелый крестъ продолжительной тяжелой болѣзни. Но никогда не было слышно отъ него ропота на этотъ крестъ; никогда въ разсказахъ его о своей болѣзни мы не слышали ни раздраженія, ни нетерпѣнія. Всегда была видна такая покорность и преданность волѣ Божіей, такое невозмутимое спокойствіе, что казалось, онъ ведетъ рѣчь о чужихъ недугахъ, и не тяжкихъ недугахъ. А то спокойствіе, съ которымъ онъ смотрѣлъ на приближавшійся часъ смертный, ясно говоритъ намъ, что умъ его вѣрилъ въ отрадныя истины вѣчной жизни и воскресенія, а въ этой вѣрѣ находилъ оружіе противъ страха смерти. Многократное очищеніе себя отъ грѣховъ исповѣдью и приобщеніемъ св. Тѣла и крови Хр. въ послѣдніе дни ясно свидѣтельствуютъ, что уснувшій нашъ сослуживецъ искалъ себѣ оправданія и очищенія отъ грѣховъ въ крестныхъ заслугахъ Божественнаго Искупителя.

Послѣ этого можно спросить: скорбѣть-ли намъ только у гроба сего? Не всякій-ли и изъ насъ пожелаетъ себѣ такой многоплодной жизни, при ея чрезмѣрной краткости, — а главное такой христіанской кончины? По истинѣ, угодна Господу душа его: почему и взялся онъ отъ среды лукавствія въ мѣсто вѣчнаго упокоенія.

Возлюбленный собратъ и товарищъ! Не вѣнецъ похвалъ намѣревался я сплести тебѣ настоящимъ словомъ, вѣдь похвалы не нужны тебѣ. Подвинула меня къ этому слову личная къ тебѣ любовь, слившаяся съ любовью къ тебѣ нашихъ общихъ сослуживцевъ. Цвѣтокъ общей любви да увѣнчаетъ твою главу, служа залогомъ нашего непрестающаго общенія, *ибо любви николиже умираетъ.*

Выраженіемъ этой нашей любви къ тебѣ пусть будетъ выполненіе твоей послѣдней, безмолвной просьбы, влагаемой въ твои уста св. Церковью: „всѣхъ прошу я и молю, взымаешь ты, непрестанно о мнѣ молиться Христу Богу .., да вчинитъ мя идѣже свѣтъ животный“.

Мы вѣруемъ, что со души праведныхъ почіетъ душа твоя и ты услышишь сладчайшій гласъ Господа—Вседержителя: „рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими ты поставлю: вниди въ радость Господа твоего. Аминь“.

Предъ отъѣздомъ же обратился къ почившему съ слѣдующею рѣчью воспитанникъ 6 кл. Платоновъ.

Дорогой наставникъ!

Еще не много времени, еще нѣсколько молитвенныхъ вздоховъ о тебѣ, — и мы въ послѣдній разъ дадимъ тебѣ цѣлованіе нашей любви; еще, затѣмъ, нѣсколько мгновѣній — и грозно прозвучитъ тотъ роковой галлолъ времени, когда ты будешь принять колыдной землей и сиротышься на вѣки отъ нашихъ взоровъ. Въ этотъ те горестивый для твоей души и печальный для всѣхъ насъ моментъ нѣльзя удержаться отъ того, чтобы не запечатлѣть въ послѣдній разъ и навсегда твоего духовнаго облика такимъ, каковъ онъ остался у насъ послѣ твоего послѣдняго свиданія съ нами. Конечно, не мнѣ слабому характеризовать твою личность: на это не хватитъ у меня ни силъ, ни умѣнія; я вкратцѣ лишь скажу о томъ, каковы чувства ты оставилъ въ насъ, твоихъ ученикахъ, по своему отшествію.

Прежде всего чувство уваженія въ тебѣ, какъ образцу въ терпѣливомъ обхожденіи съ нами. Вотъ припоминается мнѣ по этому случаю одинъ изъ твоихъ уроковъ, по характеру большею частію между собою сходныхъ. Поднимается кто-то изъ учениковъ и проситъ тебя разрѣшить его недоумѣніе. Ты отъѣчаешь... но видно не сразу понимаютъ тебя, не точно обвиняютъ со всѣхъ сторонъ тотъ предметъ, о которомъ говоришь ты, — почему вновь вопросъ за вопросомъ шределагаютъ тебѣ, представляютъ возраженіе за возраженіемъ... Тяжелая работа предстоитъ въ такомъ случаѣ; вѣдь и на этотъ вопросъ необходимо полно, точно отвѣтить, и тотъ не оставить безъ надлежащаго разсмотрѣнія; трудно разобраться не волнуясь въ предлагаемомъ противорѣчивомъ матеріалѣ и здоровому человѣку... А ты былъ боленъ... Твой продолжительный и изнурительный недугъ казался бы давно долженъ надломить твою крѣпкую волю, сдѣлать тебя нетерпѣливымъ и чрезъ то неспособнымъ безпристрастно отнестись къ предлагаемымъ вопросамъ... Но ты внимаешь имъ, ты терпѣливо разбираешь то одно недоумѣніе, то другое, внося свѣтъ въ смущенную душу, разрѣшая запросы пытливаго ума...

Такое отношеніе возбуждало въ насъ смѣлость говорить съ тобой, такъ что рѣдкій изъ уроковъ твоихъ проходилъ безъ оживленныхъ бесѣдъ. Но очень можетъ быть, что иногда мы увлекались ревностію не по разуму, можетъ быть злоупотребляли твоимъ добрымъ отношеніемъ къ запросамъ нашего ума и сердца, доставляли тебѣ неприятыя минуты, тѣмъ самымъ можетъ быть усугубляли твою болѣзнь, поэтому, здѣсь предъ гробомъ, отъ души

просимъ себя прощенія: „прости намъ, нашъ дорогой страдалецъ; забудь, терпѣливецъ, наша оскорбленія“!...

Но не однимъ терпѣнемъ ты возбуждаешь въ насъ уваженіе—нѣтъ; помнимъ и не забудемъ того, какъ ты въ каждомъ несовершенномъ нашемъ отвѣтѣ на свой вопросъ,—отвѣтѣ, гдѣ было лишь слабое напоминаніе вѣрной мысли,—ты умѣлъ найти и развить полностью дѣйствительное рѣшеніе; ты ободрялъ насъ этими, возбуждалъ болѣе сильное желаніе ожидать твоихъ новыхъ вопросовъ и рѣшать ихъ.

Ты, затѣмъ, старался находить въ насъ все доброе, все высокое, все благородное; ты съ сожалѣніемъ высказывалъ свое разочарованіе по поводу того или другого дурного нашего поступка; ты не могъ удержаться отъ радости, когда видѣлъ, что мы или предполагаемъ сдѣлать что нибудь доброе или уже сдѣлали и конечно всѣми силами своего большого организма старался поддерживать это доброе и укрѣплять его... Ты старался видѣть въ насъ юношей, не слѣпо повинующихся авторитету другихъ, или твоему, провозносящихъ за тобою безъ разсужденія тотъ или иной приговоръ чему либо—нѣтъ, ты обращался къ нашему „я“, старался его вызвать къ дѣятельности, всѣмъ показывалъ, что хочешь нашего свободнаго отношенія къ тому, что читали мы бывало въ классѣ, вывода о немъ нашего личнаго.

Сказать ли о томъ, каковъ былъ ты у себя, когда мы по какому либо дѣлу приходили къ тебѣ.

Тамъ вовсе не было официальнойности, тамъ мы говорили съ тобою, какъ съ хорошимъ знакомымъ, чувствовали себя вполне дома, такъ что уходя отъ тебя постоянно говорили: „хорошо къ нему ходить, прелестно онъ насъ принимаетъ!“

Наконецъ, долженъ ты стяжать уваженіе своею строгостью и взыскательностью, этими свойствами своей педагогической дѣятельности по отношенію къ намъ. Смиръ свойствамъ ты остался вѣренъ до конца, потому что сознавалъ ихъ значеніе, потому что считалъ ихъ проявленіемъ своей любви къ намъ. Ты понималъ, что цѣлью твоей дѣятельности должно быть наше благо, воспитаніе въ насъ добрыхъ началъ; потому показывалъ намъ дѣлѣ, что любовь не слѣдуетъ смѣшивать со слабостью, которая потворствуетъ дурнымъ наклонностямъ человѣка, которая бонится прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ для исправленія порочныхъ; ты показывалъ поэтому, что здравая любовь можетъ быть строга и бдительна только бы при посредствѣ ея предохранялись питомцы отъ увлеченія дурнымъ. Такъ что за эту строгость и взыскательность ты по истинѣ достоинъ нашего уваженія и почтенія. Но такъ какъ по ученической слабости мы тебя часто

въ этомъ отношеніи не понимали; такъ какъ нашей лѣни порою были непріятны твои сіи добрыя качества; такъ какъ мы часто учебными своими неудачами доставляли тебѣ много непріятностей, то во имя той любви, ученіе о которой ты намъ много разъ излагалъ, прости доставленные нами тебѣ такія непріятныя минуты!... Когда-же предстанешь предъ престоломъ Господа Славы, Праведнаго Издвоздателя, то во имя той-же любви, помолись за насъ, да просвѣтитъ Господь нашъ умъ, да вразумитъ наше сердце, да направитъ Онъ на благое нашу волю!... Мы же, въ свою очередь, такъ какъ самъ ты теперь нуждаешься въ молитвенной нашей помощи, помолимся отъ всего сердца любящему всѣхъ Богу о твоёмъ упокоеніи: „со святыми упокой, Христе душу раба Твоего Константина, идѣ же нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная“... А если у гроба этого позволительно и земное выраженіе признательности тебѣ предъ разлукой съ тобою, то вотъ тебѣ нашъ отъ сердца земной поклонъ.

По окончаніи отпѣванія тѣло усопшаго было вынесено изъ храма на рукахъ учениками его и при пѣніи „Святый Боже“ препровождено на Холодногорское кладбище при участіи Семинарскаго духовенства, а также о. инспектора классовъ Харьковского Епархіальнаго женскаго училища, въ сопровожденіи всей Семинаріи и многочисленнаго народа. На гробъ покойнаго были возложены вѣнки отъ сослуживцевъ его и отъ воспитанниковъ.

Многіе изъ бывшихъ учениковъ покойнаго Константина Николаевича состоятъ въ санѣ іереевъ и совершаютъ безкровную жертву у престола Божія. Да вознесутъ они свои усердныя молитвы къ милосердному Богу объ упокоеніи души усопшаго раба Божія Константина.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ИКОНОСТАСНАЯ ФАБРИКА Ивана Ефимовича Гетмана съ С-ми

ВЪ ТАМАРОВКѢ,

Куреккой губерніи, Бѣлгородскаго уѣзда.

(Серебр. мед. на всерос. выст. 1887 г. въ Харьковѣ)

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА УСТРОЙСТВО

ИКОНОСТАСОВЪ И КІОТОВЪ

въ православныхъ церквахъ, написаніе въ нихъ живописи и украшенія стѣнъ альфрейной росписью.

заказы исполняются прочно, аккуратно и по утѣренныгъ цѣнамъ, гдѣ нужно—съ разсрочкой платежа.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ ХРИСТИАНСКОЙ СЕМЬѢ

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ГАЗЕТЫ

„СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ“.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Допущенъ въ бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній. АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Мясницкая, домъ Николаевской церкви.

За 4 р. въ годъ съ пересылкой и доставкой въ 1903 г. будетъ дано: 62 №№ журнала иллюстрированнаго, въ объемѣ 1 1/2 печатныхъ листовъ, большого формата каждый по слѣдующей программѣ: 1) Церковь Христова въ ея прошломъ. Очерки и рассказы изъ исторіи библейской, общей, русской, церковной и гражданской. Въ виду неоднократныхъ заявленій многихъ подписчиковъ о назрѣвшей нуждѣ въ популярныхъ чтеніяхъ по русской исторіи, въ слѣдующемъ году **БУДЕТЪ ВВЕДЕНЪ НОВЫЙ ОТДѢЛЪ**. „Чтенія въ школѣ“ 2) Церковь Христова въ ея настоящемъ. Жизнеописанія служителей Христовой истины, воспоминанія о нихъ и отдѣльные случаи изъ ихъ жизни. 3) Христіанское богослуженіе. Исторія его и его значеніе. 4) Христіанское искусство. Исторія его и современное состояніе. 5) Церковная географія. Путешествія, описанія святыхъ мѣстъ Востока и русскихъ святыхъ. 6) Евангельская проповѣдь. Подвиги проповѣдниковъ евангелія на окраинахъ русской земли и за предѣлами оной. 7) Христіанская мысль. Вѣрученіе и правоученіе. Благодатныя явленія вѣры. Духовно-правоучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ 8) Религиозно-нравственная оцѣнка художественныхъ произведеній свѣтской литературы. 9) Церковно-бытовая жизнь. Рассказы, дневники, записки, воспоминанія изъ церковно-бытовой и религиозно-нравственной жизни.

52 №№ газеты „Современная лѣтопись“ по слѣдующей программѣ: 1) Статьи по церковно-общественнымъ вопросамъ. 2) Церковно-общественная жизнь въ Россіи. 3) Распоряженія епархіальныхъ начальствъ. 4) Среди газетъ и журналовъ. 5) Церковно-общественная жизнь за границей. 6) Разныя извѣстія.

Кромѣ этого, въ 1903гг. будутъ даны слѣдующія приложенія:

52 №№ „Воскресныхъ листовъ“, пріобрѣтшихъ такую извѣстность, что ихъ каждый годъ расходится нѣсколько милліоновъ экземпляровъ. „Въ Воскресныхъ Листкахъ“ будутъ помѣщаться простые назидательные рассказы изъ житій святыхъ съ нравственными приложеніями для простаго народа.

12 книгъ поученій „Пастырскія Назиданія“ на всѣ воскресные и праздничные дни. Книги „Пастырскія назиданія“ будутъ разсылаться за нѣсколько мѣсяцевъ до произнесенія поученій въ Церкви.

12 книгъ вѣнбогослуженія. безъвъ „Воскресный Собѣдникъ“. Содержаніемъ безъвъ будетъ объясненіе молитвы Господней и евангельскихъ заповѣдей блаженства съ нравственными уроками, примѣрами изъ жизни святыхъ и обыденной жизни.

Подписная цѣна на „Воскресный День“ со всѣми приложеніями, съ пересылкой и доставкой, на годъ 4 руб., на 1/2 года 2 р. 50 к. Благочинные, вникающіе журналь не менѣе 10 экз., получаютъ еще 11 экз. бесплатно. Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи: Мясницкая, д. Николаевской церкви.

Редакторъ-издатель священникъ С. Уваровъ.

ЛИСТОКЪ

ЛН

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Марта № 5. 1903 года.

Содержаніе. Высочайшее повелѣніе.—Высочайшія награды.—Высочайшій приказъ.—Опредѣленіе Святейшаго Синода.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Отъ Харьковского Епархіальнаго училищнаго совѣта.—Отъ Правленія Братства св. Великомученицы Варвары.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901—1902 учебный годъ (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшее повелѣніе.

Государь Императоръ, 8-го февраля сего года, Высочайше утвердить соизволилъ Всеподданнѣйшій докладъ Святейшаго Синода о бытіи Преосвященному Казанскому *Арсенію* — Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по Всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святейшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, 8-го февраля сего года, 1) на сопричисленіе за 50-лѣтнюю службу, къ ордену *св. Анны 3-й степени* діакона Вознесенской церкви въ слободѣ Большой Рогозянкѣ *Іоанна Добрецаго*; 2) на награжденіе золотою медалью, съ надписью „за усердіе“ для ношенія на шеѣ, на Аннинской лентѣ, псаломщика Рождество-Богородичной церкви, села Будылки, Лебедянскаго уѣзда, *Павла Петрусенкова*.

Высочайшій приказъ.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 25-го минушаго января за № 8-мъ преподаватель Харьковской Духовной Семинаріи *Василій Логиновъ*, за выслугу лѣтъ, произведенъ изъ коллежскихъ ассесоровъ въ *надворные совѣтники* со старшинствомъ съ 23 іюня 1902 года.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 29 января—9 февраля 1903 года, за № 513, постановлено: уволить протоіерея Панкратія *Иванова*, согласно его прошенію, отъ должности штатнаго члена Харьковской духовной консисторіи, назначить на сію должность состоящаго сверхъ штата при Харьковской кладбищенской Іоанно-Усѣвновенской церкви протоіерея Нивандра *Онисевича*.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

I.

Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ въ отношеніи отъ 22 ноября 1902 г. за № 26143 на имя Харьковской Духовной Консисторіи изложило, что въ ознаменованіе имѣющаго исполниться 20 мая 1904 г. столѣтія со дня рожденія основателя русской музыкальной школы, М. И. Глинкѣ, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ 4 день мая 1901 г., Высочайше соизволилъ на открытіе публичной въ Имперіи подписки для пожертвованій на сооруженіе въ С.-Петербургѣ памятника Глинкѣ и на образованіе при Главной Дирекціи Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Константиновича, особой Комиссіи для завѣдыванія сими сборами, а также для разработкы проекта памятника и постановки онаго, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія.

Озабочиваясь наиболѣе успѣшнымъ сборомъ пожертвованій на предполагаемый памятникъ величайшему представителю русскаго музыкальнаго искусства, Комиссія обратилась въ Хозяйственное управленіе съ просьбой оказать содѣйствіе къ распространенію подписки по учрежденіямъ Православнаго вѣдомства, при этомъ Комиссія пояснила, что не желая стѣснять кого либо изъ жертвователей ни размѣромъ взноса, ни срокомъ его, она находитъ возможнымъ желающимъ принять посильное участіе въ подпискѣ разсрочить взносъ на извѣстный періодъ времени, хотя бы на годъ. Пожертвованія на означенный предметъ принимаются всѣми учрежденіями Государственнаго Банка и Казначействами, а также непосредственно Высочайше утвержденною Комиссіею по сооруженію въ С.-Петербургѣ памятника М. И. Глинкѣ (С.-Петербургъ зданіе С.-Петербургской Консерваторіи).

Хозяйственное Управление, по порученію Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода просило Консисторію имѣющіе поступить пожертвованія отсылать непосредственно по указаному выше адресу.

Сообщая о вышезложенномъ духовенству и благочиннымъ Харьковской епархіи, Харьковская Духовная Консисторія присовокупляетъ, что жертвователи могутъ направлять свои пожертвованія къ подлежащимъ мѣстнымъ благочиннымъ, а эти послѣдніе имѣютъ представить собранныя пожертвованія по истеченіи годового срока въ Консисторію.

II.

Изъ отношенія Предсѣдателя Совѣта Харьковскаго Благотворительнаго Общества, на имя Его Высокопреосвященства, видно, что Совѣтъ сего Общества возвысилъ размѣръ содержанія для псаломщика, въ санѣ діакона, при домовоі Покровской церкви помянутаго Общества, при которой имѣется вакантное псаломщическое мѣсто, 300 руб. въ годъ. Если же лицо, которое будетъ назначено діаконемъ на вакансію псаломщика при церкви Общества, будетъ въ состояніи обучать воспитанниковъ и воспитанницъ въ заведеніяхъ Общества пѣнію, а также управлять во время богослуженія двумя дѣтскими хорами, в исполненіе этихъ обязанностей приметъ на себя, то производимое содержаніе будетъ увеличено до 400 руб.

О семъ Харьковская Духовная Консисторія и сообщаетъ на основаніи Архипастырской резолюціи.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

I.

Согласно журнальному постановленію Епархіальнаго Училищнаго Совѣта Его Высокопреосвященство резолюціею, отъ 1 января п. г., изволилъ преподать Архипастырское благословеніе за отлично ревностные и полезныя труды по народному образованію, со внесеніемъ сего обстоятельства въ послужные списки, завѣдующимъ и законоучителямъ церковныхъ школъ: *Ахтырскаго уѣзда*: Яменской—священнику Антонію Сапухину, Мурафской, Архангело-Михайловскаго прихода—священнику Алексѣю Мигулицу; *Волчанскаго уѣзда*: Терновской—священнику Василю Ерецкому, Мартовской—священнику Іоанну Дьяконову, Шиповатской—свя-

щеннику Николаю Самойлову, Больше-Бабчанской—священнику Василю Иванову, Варваровской—священнику Іоанну Васильеву, Графско-Сельской—священнику Порфирію Ведринскому, Нахичеванской—священнику Владимиру Попову, Юрченковской—священнику Іакову Попову, Ивановской—священнику Василю Энциатскому; *Зміевскаго уѣзда*: Бригадировской—священнику Василю Збукиреву, Тарановской—священнику Іоанну Богославскому, Отрадковской—священнику Алексѣю Жадановскому; *Ізюмскаго уѣзда*: Славянской, Всѣхсвятскаго прихода,—священнику Василю Полтавцеву, Куньевской—священнику—Митрофану Лазаревскому, Славянской, Троицкаго прихода,—священнику Павлу Данилову, Голодолинской—священнику Евгению Проскурникову, Рай-Александровской—священнику Александру Дикареву, Ямпольской—священнику Евгению Титову, Дробышевской—священнику Александру Лонгинову; *Купянскаго уѣзда*: Кабанской, Вознесенскаго прихода,—священнику Никитѣ Жукову; *Лебединскаго уѣзда*: Ворожбянской (второклассной)—священнику Петру Рубинскому, Бобринской, Маріе-Магдалининскаго прихода,—священнику Михаилу Кремповскому, Каменно-Пригородской—священнику Георгію Никулищеву; *Старобѣльскаго уѣзда*: Лиманской—священнику Симеону Наумову, Черныговской—священнику Николаю Матвѣеву, Бѣловодской, Троицкаго прихода,—священнику Леониду Пономареву, Елифанской—священнику Александру Григоровичу, Волкодавской—священнику Митрофану Торанскому, Лизинской—священнику Михаилу Согну, Кочинской—священнику Михаилу Феневу, Основской, Успенскаго прихода,—священнику Василю Капустинскому, Бондаровской—священнику Гавріилу Макаровскому, Воеводской—священнику Григорію Попову, Закотнянской—священнику Николаю Розову; Ново-Россошанской—священнику Іоанну Жуковскому, Тимоновской—священнику Стефану Любичкому, Мостовской, Покровскаго прихода,—священнику Іоанну Котляревскому, Старобѣльской, при монастырѣ,—священнику Алексѣю Любарскому и Рудовской—священнику Іакову Любарскому; *Сумскаго уѣзда*: Вировской—священнику Виктору Флоринскому; *Харьковскаго уѣзда*: Русско-Тяпковской—священнику Іоанну Кипріанову и члену дѣлопроизводителю Харьковскаго уѣзднаго отдѣленія Совѣта священнику Константину Дьякову..

II.

Харьковскій Епархіальный Училищный Совѣтъ, согласно журнальному постановленію своему, утвержденному Его Высокопрео-

свѣщенствомъ резолюціею отъ 1 января н. г., самъ выражаетъ свою благодарность за стлчно усердные и успѣшныя труды по обученію дѣтей, со внесеніемъ сего обстоятельства въ послужныя списки, учителямъ церковно-приходскихъ школъ *Болодуховскаго уѣзда*: Колонтаевской, Николаевскаго прихода, діакону Василю Ястремскому, Краснокутской, Архангело-Михаиловскаго прихода, псаломщику Григорію Стесенко; *Волчанскаго уѣзда*: Вѣловолодевской—діакону Михаилу Петровскому, Второ-Николаевской—діакону Бодрату Мухину, Перво-Николаевской—діакону Николаю Волчановскому, Петро-Павловской—діакону Павлу Гревезирскому, Рубжанской—діакону Адриану Дашкиеву, Старо-Салтовской—діакону Сергію Хорошову, Мало-Волчьевской—діакону Іоанну Давидовскому; *Изюмскаго уѣзда*: Александровской—діакону Евгению Линицкому, Селимовской—діакону Леониду Николаевскому, Шандриголовской—діакону Николаю Мухину; *Купянскаго уѣзда*: Покровской, Троицкаго прихода,—діакону Георгію Жуковскому; *Старобѣльскаго уѣзда*: Моисеевской—священнику Александру Попову, Песчанской—діакону Іустину Корвѣенко, Вѣлолуцкой, Покровскаго прихода,—діакону Петру Войтову, Тимоновской—діакону Симеону Туранскому, Старобѣльской, при соборѣ,—діакону Іоанну Мухину, Ново-Айдарской, Архангело-Михаиловскаго прихода,—діакону Павлу Попову и Петренковской—священнику Николаю Григоровичу.

Отъ Правленія Братства св. великомученицы Варвары.

26 февраля открыло свою дѣятельность при мѣстномъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ Правленіе Братства св. вмч. Варвары, имѣющаго цѣлію оказывать помощь нуждающимся воспитанницамъ этого училища. Свое первое засѣданіе Правленіе Братства посвятило выясненію нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ съ открытіемъ его дѣятельности и успѣшностію ея. Въ этомъ же засѣданіи было заслушано нѣсколько прошеній, поданныхъ въ Совѣтъ Училища о принятіи дѣтей, обучающихся въ училищѣ, на епархіальное содержаніе. Совѣтъ Училища, за неимѣніемъ свободныхъ вакансій, поставленъ былъ въ печальную необходимость отклонить эти просьбы, хотя недостаточность средствъ просвѣтелей была несомнѣнна. Правленіе же Братства нашло возможнымъ оказать пособіе доплатою за содержаніе въ училищномъ общежитіи четырехъ воспитанницъ, дочерей слѣдующихъ лицъ: діакона пса-

ломщика при церкви Харьк. Земледѣльческаго училища, І. Деги-ренко, безмѣстнаго псаломщика Ѳ. Сидорова, псаломщика церкви слободы Деркульскаго завода Старобѣльскаго уѣзда, А. Константина и псаломщика церкви слободы Петропавловки Купянскаго уѣзда В. Лидскаго.

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901-1902 учебный годъ.

(Продолженіе *).

г) *О распредѣленіи письменныхъ упражненій и о степени доставаемыхъ ими успѣховъ*

Совмѣстно съ устнымъ усвоеніемъ изучаемыхъ предметовъ воспитанницы всѣхъ классовъ упражнялись въ домашнихъ и классныхъ письменныхъ работахъ. Воспитанницы трехъ младшихъ классовъ списывали съ книги, писали заученныя стихотворенія, диктанты на изученныя этимологическія и синтаксическія правила, писали также (воспитанницы 3 класса) переложенія небольшихъ разсказовъ и стихотвореній по плану, выработанному въ классѣ. Воспитанницы трехъ старшихъ классовъ писали самостоятельныя работы въ извѣстные сроки и на данныя темы. Сочиненія эти состояли въ 3 классѣ изъ разсказовъ и описаній по даннымъ статьямъ, въ 4 классѣ темы давались описательнаго, повѣствовательнаго и сравнительнаго характера, въ 5 и 6 классѣ сочиненія носили характеръ описаній и разсужденій. Срокъ для писанія сочиненій опредѣлялся въ 20 дней, а промежутокъ времени между подачею одного сочиненія и назначеніемъ другого въ 5 дней. Темы назначались преподавателями по соглашенію съ инспекторомъ классовъ въ сроки, указанные особымъ росписаніемъ. Въ теченіе года ученицы 3 класса написали 7 сочиненій по русскому языку, 2 классныхъ и 5 домашнихъ; ученицы 4 класса написали 7 сочиненій, одно классное и 6 домашнихъ, въ томъ числѣ три сочиненія по русскому языку, 1 по Закону Божію, 1 по географіи и 2 по исторіи; ученицы 5 класса написали 7 сочиненій, одно классное и 6 домашнихъ, въ томъ числѣ 4 сочиненія по русскому языку, 1 по Закону Божію, 1 по географіи и 1 по исторіи; воспитанницы 6 класса написали 7 сочиненій—одно классное и 6 домашнихъ, въ томъ числѣ 3 сочиненія по русскому языку, 1—по Закону Божію, 1—по Исторіи, 1—по Географіи и 1—по Дидактикѣ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 4.

Въ сочиненіяхъ предъявлялись такія требованія: ясно, кратко, определенно и по известному плану излагать свои мысли. Возвращая работы воспитанницамъ, преподаватели не только указывали общія достоинства и недостатки, но и разбирали подробно нѣкоторые изъ нихъ, выдающіяся съ какой-либо стороны.—положительной или отрицательной.

Кромѣ указанныхъ сочиненій воспитанницы 3, 4, и 5 классовъ составляли въ мѣсяцъ по одному письменному арифметическому отвѣту, въ которомъ подробно излагали весь ходъ рѣшенія данной задачи. Предъ экзаменами воспитанницы всѣхъ классовъ написали по одному экзаменному экспромптовому сочиненію, которое въ 1 и во 2 кл. состояло въ диктантъ, въ 3-мъ въ пересказъ данной статьи и въ старшихъ классахъ—въ самостоятельномъ сочиненіи на данную тему.

Объ успѣхахъ воспитанницъ въ письменныхъ работахъ можно судить по слѣдующей таблицѣ балловъ по сочиненіямъ.

К Л А С С Ы.	Общее число воспитанницъ	Число получившихъ баллы.				Не оказавш успѣховъ.
		5.	4.	3.	2.	
3 нормальный	43	7	18	14	4	—
3 параллельный	49	8	14	13	6	2
4 нормальный	39	8	15	16	—	—
4 параллельный	41	3	15	22	1	—
5 нормальный	37	5	20	9	3	—
5 параллельный	42	5	19	18	—	—
6 нормальный	39	5	17	17	—	—
6 параллельный	36	5	5	26	—	—

Примѣчаніе. Во всѣхъ классахъ въ эту таблицу внесены баллы только тѣхъ воспитанницъ, которыя представили всѣ или большую часть годовыхъ сочиненій и сочиненіе экзаменное.

Средній баллъ по всѣмъ классамъ за сочиненія 3²/₃. Согласно циркуляру по духовно-учебному вѣдомству № 13, баллы за письменныя работы самостоятельнаго значенія не имѣли, а принимались во вниманіе при оцѣнкѣ успѣховъ воспитанницъ въ изученіи учебныхъ предметовъ, особенно при выводѣ общаго балла по русскому языку, а также при назначеніи наградъ за успѣхи въ наукахъ.

д) Продолжительность учебнаго года и время экзаменовъ.

Учебная дѣятельность училища въ отчетномъ году началась переэкзаменовками и приѣмными испытаніями, бывшими 16—18 Августа 1901 года. Классныя-же занятія начались 20 Августа и продолжались по 6-е

Апрѣля. Время экзаменаціонныхъ испытаній воспитанницъ всѣхъ классовъ (кромя подготовительнаго, которому Его Высокопреосвященствомъ разрѣшено было держать экзаменъ на 6-й недѣль Великаго поста) распределено было между 26 Апрѣля и 27 мая включительно, согласно расписанію, составленному Инспекторомъ классовъ, рассмотрѣнному Совѣтомъ Училища и утвержденному Его Высокопреосвященствомъ. Экзамены производили коммисіи, состоявшія изъ преподавателей подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Совѣта Училища, Начальницы, Инспектора классовъ и Членовъ Училищнаго Совѣта. Послѣ испытаній общимъ собраніемъ педагогическаго Совѣта, по рассмотрѣніи результатовъ испытаній и годовичныхъ успѣховъ, были составлены переводные списки воспитанницъ. Учебный годъ закончился торжественнымъ актомъ 28 го Мая, на которомъ были розданы аттестаты окончившимъ курсъ ученія (воспитанницы младшихъ классовъ отпускались по окончаніи экзаменовъ въ каждомъ классѣ.) Переекзаменовки воспитанницъ произведены 22—23 Августа 1902 г.

(Продолженіе будетъ)

Епархіальныя извѣщенія.

— Священникъ Архангело Михайловской церкви г. Ахтырки Николѣ *Панкратьевъ* перемѣщенъ къ Покровской церкви сл. Огульцовъ, Валковскаго уѣзда.

— Священникъ Іосифо-Обручницкой церкви сл. Мечебиловой Изюмскаго уѣзда Сергій *Перцевъ* перемѣщенъ къ Архангело-Михайловской церкви г. Ахтырки.

— Священникъ Преображенской церкви сл. Новой Водолаги Петръ *Антоновъ* назначенъ и. д. благочиннаго 2 Валковскаго округа.

— Священникъ с. Одринки Николай *Сильванскій* назначенъ помощникомъ благочиннаго 2 Валковскаго округа.

— Настоятель Богодуховскаго собора священникъ Алексій *Станиславскій* назначенъ благочиннымъ Богодуховскаго округа.

— Священникъ Преображенской церкви сл. Бѣлолуцка, Старобѣльскаго уѣзда, Павелъ *Щелоковскій* перемѣщенъ къ Николаевской церкви сл. Никольской, Старобѣльскаго уѣзда.

— Священникъ Иоанно-Предтеченской церкви с. Станичнаго, Валковскаго уѣзда Александръ *Вербицкій* перемѣщенъ къ Воскресенской церкви сл. Новой Водолаги, Валковскаго уѣзда.

— Священникъ Николаевской церкви сл. Груни, Лебединскаго уѣзда,

Іоаннъ *Закрицкій* перемѣщенъ къ Іоанно-Предтеченской церкви с. Станичнаго, Валковскаго уѣзда.

— Учитель Гавриловскаго народнаго училища Харьковскаго уѣзда Василій *Григоровичъ* рукоположенъ во діакона къ Воскресенской церкви с. Ольшаны, Харьковскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Троицкой церкви с. Сѣнной, Богодуховскаго уѣзда, Павелъ *Каравановъ* перемѣщается къ Благовѣщенской церкви с. Тростянца, Ахтырскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Воскресенской церкви с. Боголюбовки Бупянскаго уѣзда Михаилъ *Христіановскій* перемѣщенъ къ Тихоновской церкви с. Стельмаховки, Бупянскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Александро-Невской церкви с. Александровки Антоній *Филевскій* перемѣщенъ къ Успенской церкви с. Поповки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Учитель церковно-приходской школы с. Великаго Волчанскаго уѣзда Григорій *Молчановъ* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Вознесенской церкви с. Лизина, Старобѣльскаго уѣзда.

— И. д. псаломщика Николаевской церкви, с. Новой-Айдари, Старобѣльскаго уѣзда Михаилъ *Капустинъ* перемѣщенъ къ Петро-Павловской церкви с. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

- При Преображенской церкви, с. Бѣлолуцка, Старобѣльскаго уѣзда.
- < Рождество Богородичной церкви, с. Шуликиной, Старобѣльск. уѣзда.
 - < Тихоновской церкви, с. Сидоренкова, Валковскаго уѣзда.
 - < Успенской церкви, с. Литвиновки, Старобѣльскаго уѣзда.
 - < Троицкой церкви, с. Перекопа, Валковскаго уѣзда.
 - < Трехсвятительской церкви, с. Ольшаной, Харьковскаго уѣзда.
 - < Іосифо-Обручичской церкви, с. Мечебиловой, Изюмскаго уѣзда.
 - < Николаевской церкви, с. Груня, Лебединскаго уѣзда.

Діаконскія:

- При Николаевской церкви, с. Деркачевки, Лебединскаго уѣзда.
- < Вознесенской церкви, с. Зеликовки, Старобѣльскаго уѣзда.
 - < Іоанно-Предтеченской церкви, с. Станичнаго, Валковскаго уѣзда.
 - < Васильевской церкви, с. Сергѣевки, Изюмскаго уѣзда.
 - < Троицкой церкви, с. Рѣчокъ, Сумскаго уѣзда.

Цсаломщицкія:

- При Благовѣщенской церкви, г. Харькова (для окончивш. дух. Семинарію).
- « Покровской церкви, с. Козѣвки, Богодуховскаго уѣзда.
 - « Николаевской церкви, с. Новой Айдары, Старобѣльскаго уѣзда.
 - « Преображенской церкви, с. Межирича, Лебединскаго уѣзда.
 - « Покровской церкви, с. Радѣвки, Купянскаго уѣзда.
 - « Пророко-Ильинской церкви, г. Сумъ.
 - « Кирилло-Мееодіевской церкви, с. Райгородскаго, Купянскаго уѣзда.
 - « Иоанно-Богословской церкви, с. Гомольши, Зміевскаго уѣзда.
 - « Николаевской церкви, с. Таниюшевки, Старобѣльскаго уѣзда.
 - « Успенскомъ Соборѣ, г. Богодухова.
 - « Покровской Соборной церкви, г. Купянска (въ санѣ діакона).
 - « Троицкой церкви, с. Сѣнной, Богодуховскаго уѣзда.
 - « Воскресенской церкви, с. Боголюбовки, Купянскаго уѣзда.
 - « Успенской церкви, с. Осиновой, Старобѣльскаго уѣзда.
 - « Николаевской церкви, г. Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда.
 - « Успенской церкви, с. Вольнаго, Богодуховскаго уѣзда.
 - « Николаевской церкви, сл. Терновъ, Лебединскаго уѣзда.
 - « Александро-Невской церкви, с. Александровки, Валковскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Время пріѣзда въ Харьковъ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепіскопа Харьковскаго и Ахтырскаго — Юбилейный день Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія въ Казани.

Высокопреосвященный Арсеній, Архіепіскопъ Харьковскій и Ахтырскій, по полученнымъ въ Харьковѣ свѣдѣніямъ, 11-го марта предполагаетъ выѣхать изъ Петербурга и пріѣхать въ Харьковъ 15 марта въ 9 часовъ 10 минутъ утра. Съ вокзала Владыка прослѣдуетъ въ Успенскій кафедральный соборъ, гдѣ состоится подобающая встрѣча и благословеніе народа. Изъ собора Владыка проѣдетъ въ Покронскій монастырь, гдѣ передъ чудотворнымъ образомъ Озерянской Божіей Матери будетъ отслужено молебствіе, послѣ котораго Владыка прочтаетъ молитву и отпускъ и благословитъ народъ. Вечеромъ въ тотъ же день въ Покровскомъ монастырѣ Владыка будетъ присутствовать на всенощной. Въ воскресенье, 16-го марта, Высокопреосвященный Арсеній предполагаетъ совершать Божественную литургію въ Успенскомъ кафедральномъ соборѣ. 17-го марта Владыкѣ будутъ представляться начальствующ-

щіе и учащіе въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, консисторія и духовенство. Пріемъ свѣтскихъ лицъ, желающихъ представиться Владыкѣ, будетъ происходить въ субботу, воскресенье и понедѣльникъ.

— Въ предыдущей книжкѣ нашего журнала въ Листкѣ для Харьковской епархіи была сдѣлана краткая замѣтка о томъ, что 4 февраля 1903 года исполнилось 35-лѣтіе служенія въ священномъ санѣ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, нынѣ Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Въ настоящее время до Харькова дошли уже довольно подробныя свѣдѣнія о томъ торжествѣ, которое, неожиданно для Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, устроила своему Архипастырю паства Казанская. Это торжество, видимо, вызвано было единственно сердечною потребностью пасомыхъ — выразить переполнявшія ихъ душу чувства любви и благодарности къ своему благопечетельному Владыкѣ. Полагая, что читателямъ Листка для Харьковской Епархіи не безъинтересно будетъ поподробнѣе узнать объ юбилейномъ днѣ Богомъ дарованнаго намъ Архипастыря, сообщимъ объ этомъ днѣ тѣ свѣдѣнія, какія мы извлекли при Казанскихъ періодическихъ изданіяхъ.

По чувству пастырскаго смиренія Владыка намѣренъ былъ уклониться отъ шумныхъ праявствій въ знаменательный въ его духовной жизни день, рассчитывая провести послѣдній въ Седмиозерной пустыни среди вѣчѣмъ неварушимаго молитвеннаго уединенія. Рано утромъ означеннаго числа Архіепископъ выѣхалъ изъ города, обѣщая возвратиться домой не ранѣе вечера, — ко времени открытія предположеннаго на этотъ депъ Общаго Собранія оо. благочпвныхъ и миссіонеровъ Казанской епархіи.

Торжественная литургія и молебень о здравіи Высокопреосвященнѣйшаго юбиляра были совершены въ кафедральномъ соборѣ Преосвященными викаріями Казанской епархіи Епископомъ Честопольскимъ Алексіемъ и Епископомъ Чебоксарскимъ Іоанномъ, въ сослуженіи сонма городского и пріѣзжаго духовенства. Выѣстѣ съ пастырями возносила свои горячія молитвы и паства Казанская, наполнявшая въ этотъ день кафедральный соборъ и другіе храмы города. На клиросахъ кафедральнаго собора въ этотъ день пѣлъ полный хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, воспитанники семинаріи и училища, діаконы и псаломщики городскихъ церквей. Въ числѣ молящихся были воспитанники всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній и церковно-приходскихъ школъ г. Казани. Въ обычное время за литургіей Преосвященнѣйшимъ Викаріемъ Алексіемъ было.

произнесено назидательное Поученіе о нравственной силѣ христіанскаго единенія въ вѣрѣ, молитвѣ и добродѣляхъ. Поученіе свое Преосвященнѣйшій Алексій закончилъ слѣдующимъ пожеланіемъ:

„Настоящее церковно-епархіальное торжество наше, собранное такою тѣсною толпою вѣрующихъ членовъ Казанской церкви вокругъ своего маститаго Архипастыря въ день свершившагося 35-ти лѣтія Его пастырскаго дѣланія на нивѣ Христовой, да укрѣпитъ нашу надежду на то, что духовно-благодатное единеніе паствы и Архипастыря и нынѣ, какъ во дни оны, поможетъ намъ, если не искоренить, то по крайней мѣрѣ ослабитъ силу окружающаго насъ невѣрія и нравственнаго растлѣнія“.

Послѣ литургіи на имя Высокопреосвященнаго были получены многочисленныя поздравительныя телеграммы съ изъявленіемъ Владыкѣ самыхъ сердечныхъ добрыхъ пожеланій. Первою была получена телеграмма Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Митрополита С. Петербургскаго и Ладожскаго: „Сердечно привѣтствую Васъ, Владыко, съ XXXV лѣтіемъ ревностнаго и благоплоднаго служенія Вашего святой Церкви. Молитвенно желаю Вамъ здоровья и преуспѣянія въ дѣлахъ Вашего святительскаго служенія. *Митрополитъ Антоній*“. За этой телеграммой слѣдовало много другихъ телеграммъ, въ которыхъ засвидѣтельствованы Владыкѣ тѣ-же искреннія молитвенныя благопожеланія.

Лично прибыли въ покои Архіепископа привѣтствовать Владыку и, за отсутствіемъ его, оставили свои карточки: Его Высокопревосходительство Казанскій Губернаторъ, Его Высокопревосходительство Почетитель Казанскаго учебнаго округа, его Помощникъ, Директоръ народныхъ училищъ, Предсѣдатель военно-окружного суда съ супругою, Предсѣдатели Департаментовъ Судебной Палаты и многіе другіе.

Вечеромъ Владыка возвратился въ Казань. Велико было его удивленіе, когда онъ узналъ здѣсь, что пзбѣгнутое имъ утроше должно было неизбежно произойти вечеромъ: лица и учрежденія, подѣдомственные Его Высокопреосвященству, не могли позволить себѣ опустить случай торжественно, предъ всѣми, засвидѣтельствовать чувства своей глубокой благодарности неизмѣнной преданности Архипастырю и выстѣ—свои сердечныя пожеланія ему. И такъ, день 4 февраля 1903 года долженъ былъ сдѣлаться днемъ выраженія предъ Владыкой общественнаго сознанія его многопользней дѣятельности на ниспосланномъ ему поприщѣ,—во благо Св. Церкви и Отечеству.

Къ 6 ч. вечера въ покои Архієпископа собрались: Преосвященные викаріи Казанской епархіи Епископъ Чистопольскій Алексій и Епископъ Чебоксарскій Іоаннъ, члены корпорацій духовной академіи, духовной семинаріи, мужского и женскихъ духовныхъ училищъ; Секретарь и Члены Духовной Консисторіи; духовенство и вѣтторъ Каѳедрального собора; оо. благочинные и миссіонеры Казанской епархіи, а также нѣкоторые изъ свѣтскихъ высокопоставленныхъ лицъ.

Ровно въ 6 ч. открылись двери изъ внутреннихъ покоевъ Его Высокопреосвященства, и Высокопреосвященнѣйшій Владыка вышелъ въ залъ. Дружно, какъ однимъ человѣкомъ, исполненное „Ис-полла-эти, деспота“ привѣтствовало его. Пропѣли „Царю Небесный“ и опять „Ис-полла-эти, десиота“. Когда Его Высокопреосвященство обратился послѣ этого къ собравшимся, всѣ замѣтили на его лицѣ слѣды глубокаго волненія. Чувство этого волненія сквозило во всей его рѣчи, сообщая ей характеръ той сердечности, которая неволью покоряетъ сердца слушающихъ и соединяетъ ихъ съ говорящимъ единымъ братскимъ союзомъ. „Благодарю васъ, отцы и братіе, началъ Владыка, глубоко благодарю за ту молитву, которую вы сегодня вознесли за меня; нынѣ я особенно нуждаюсь въ ней: вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ я не знаю, что значить быть вполне здоровымъ; немолодые годы, утомленіе, наша непостоянная казанская погода даютъ себя чувствовать. Вѣрую, что ваша общая сердечная молитва предъ престоломъ Всевышняго не будетъ тѣнѣ: сообщитъ мнѣ прежнюю крѣпость и силу..

Какъ вы знаете, у меня не было памѣренія устраивать сегодня то, что называется юбилейнымъ торжествомъ: взошли въ день все болѣе учащающіеся юбилеи, устраивающіеся иногда повидимому безъ всякихъ серьезныхъ основаній, дали поводъ и обществу и нашей прессѣ относиться къ нимъ подъ часъ съ нескрываемымъ недоувѣріемъ... Во избѣжаніе этихъ-то лишннихъ разговоровъ да пересудовъ, чтобы не вводить людей въ грѣхъ, я и рѣшилъ уклониться отъ торжества, — какъ-бы ни было сердцу трудящагося челоувѣка пріятно услышать то, что даетъ увѣренность, что жизнь его не даромъ прошла, что, благодаря Бога, онъ не мѣтѣ другихъ потрудился на пользу того дѣла, къ которому былъ призванъ. Придя къ этому рѣшенію, я написалъ Преосвященному Алексію письмо такого содержанія.

„Ваше Преосвященство! Я не желаю ослаблять усердія и вниманія ко мнѣ паствы, но опасаясь разнаго рода праздныхъ раз-

говоровъ по поводу юбилейныхъ торжествъ. По желанію и усердію, 4 февраля можетъ быть скромное богослуженіе въ кафедральномъ соборѣ, отъ котораго я лично уклоняюсь. Въ этотъ день до вечера меня не будетъ дома. Въ 6 ч. вечера ко мнѣ соберутся оо. благочинные и миссіонеры на застѣваніе,—предъ коимъ желающіе могутъ меня скромно попривѣтствовать. И только“.

Неожиданное для меня многолюдное собраніе чествующихъ, единодушіе пожелавшихъ почтить меня своимъ присутствіемъ меня удивило, но вмѣстѣ и растрогало, до глубины сердца растрогало... Еще разъ приношу вамъ свою глубокую благодарность за ваше желаніе привѣтствовать меня и своимъ привѣтствіемъ ободрить меня для перенесенія новыхъ трудовъ и заботъ. Молю Господа Бога, чтобы мои непрестанныя многолѣтнія молитвы предъ престоломъ Всевышняго послужили во здравіе и спасеніе какъ мнѣ самому, такъ и тѣмъ, за кого я молился, молюсь и буду молиться“.

Когда замолили слова Владыки, предъ нимъ выступилъ Преосвященный Ректоръ мѣстной духовной академіи, Епископъ Чистопольскій Алексій съ адресомъ отъ духовно-учебныхъ заведеній Казанской епархіи. Ставъ предъ Владыкою, Преосвященный прочиталъ уже помѣщенный въ предыдущей книжкѣ нашего журнала адресъ (стр. 112—116 листка). При этомъ Владыка поднесъ Высокопреосвященнѣйшему Арсенію отъ духовно-учебныхъ заведеній икону Спасителя.

Принявъ и облобызавъ св. икону, чествуемый Архипастырь произнесъ: „Давно успѣлъ я повабыть тѣ многочисленныя заслуги, которыя Вы, Ваше Преосвященство, только-что перечислили, да и не слѣдуетъ мнѣ помнить о нихъ все, что Господь сподобилъ меня слѣлать во славу Его, я долженъ былъ слѣлать, такова моя обязанность. Слава и благодареніе Тому, Кто далъ мнѣ силы для этихъ дѣлъ. Вамъ-же моя благодарность за то искреннее чувство, которое Вы выразили сейчасъ: оно для меня дорого какъ успокоеніе для моей совѣсти, какъ ободреніе для моихъ силъ“.

Послѣ Преосвященнаго Алексія выступилъ Преосвященный Іоаннъ, Епископъ Чебоксарскій, второй викарій Казанской епархіи, предсѣдатель Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и Совѣта Братства Св. Гурія. Преосвященный Іоаннъ прочиталъ два адреса: а) отъ Епархіальнаго училищнаго совѣта и б) отъ совѣта Братства Св. Гурія.

Въ первомъ адресѣ Владыка Іоаннъ живо изобразилъ, какъ подъ воодушевляющимъ воздѣйствіемъ Высокопреосвященнѣйшаго

Арсенія школьное церковно-приходское дѣло въ Казани движется впередъ и впередъ, какъ годъ отъ году и число школъ возрастаетъ, и число учащихся увеличивается, и матеріальныя средства прибываютъ, а главное — внутренній школьный строй улучшается, и христіанское просвѣщеніе укореняется и расширяется. Въ адресѣ съ глубокою признательностью и яркою наглядностью описана неизмѣнно-отеческая поддержка Архiepастыря во всѣхъ мѣропріятіяхъ по благоустроенію церковно-школьнаго дѣла, поощренію лицъ, доблестно трудящихся на немъ, и строгимъ требованіемъ съ лицъ нерадивыхъ о немъ.

О съ глубокою признательностью въ адресѣ вспоминается 1898 годъ, когда, по случаю постигшаго Казанскую губернію неурожая, съ благословенія и подъ покровительствомъ и поощреніемъ Архiepастыря, открытъ былъ при Епархіальномъ Училищномъ Совѣтѣ Почетительный Комитетъ, который съ успѣхомъ дѣйствовалъ на помощь нуждающимся учащимъ и учащимся церковныхъ школъ.

Съ немальною признательностью адресъ отъ Совѣта вспоминаетъ и о томъ, что Владыка изыскивалъ большія средства на постройку и содержаніе церковно-приходскихъ школъ, а при Архiepрейскомъ домѣ открылъ и содержитъ школу на собственные средства.

Во второмъ адресѣ Владыка Іоаннъ указалъ на неуспѣшную заботливость Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія о развитіи и расширеніи дѣятельности Братства св. Гурія, о поддержаніи, ободреніи и воодушевленіи лицъ, дѣйствующихъ въ утвержденіяхъ его. Благодаря этой заботливости: 1) Число братчиковъ вмѣсто десятковъ теперь считается сотнями, и съ тѣмъ вмѣстѣ матеріальныя средства Братства получили существенное улучшеніе. 2) Сознывая значеніе христіанскаго просвѣщенія инородцевъ посредствомъ самихъ же инородцевъ въ санѣ священника и діакона, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній опредѣлялъ въ священники и діаконы достойныхъ инородцевъ, въ приходы съ татарскимъ, чувашскимъ и черемисскимъ населеніемъ. 3) Лучшихъ и многолѣтне потрудившихся учителей братскихъ школъ удостоивалъ сана діакона, а затѣмъ и священника, чѣмъ усиливалось благородное соревнованіе между ними. 4) Матеріальное положеніе учителей Братскихъ школъ значительно улучшилось, и 5) Братскія школы получили лучшую организацію наблюдателей чрезъ назначеніе на эту должность, соответственно племенному составу школъ, природныхъ инородцевъ — священниковъ наиболѣе опытныхъ въ школьномъ дѣ-

лѣ. Кромѣ этого Владыкою, для наиболѣе успѣшнаго дѣйствованія среди взрослога населенія инородцевъ какъ крещеныхъ, такъ и не крещеныхъ, поставлены особые миссіонеры противомусульманскіе и противоязыческіе; а для борьбы съ расколомъ и сектантствомъ миссіонеры противораскольническіе и противосектантскіе.

Послѣ прочтенія адресовъ отъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и отъ Совѣта Братства Св. Гурія, Преосвященный привѣтствовалъ и благодарилъ Владыку, какъ его младшій сотрудникъ въ дѣлѣ епархіальнаго управления. Интересно въ этой рѣчи указаніе на добрые плоды отъ трудовъ Архипастыря среди Казанской паствы. „Недавно, по Вашему распоряженію, говорилъ преосв. Іоаннъ, я ѣздилъ по селамъ, обозрѣвая Церкви и школы управляемой Вами Епархіи. Сколько тутъ свѣта и христіанской радости я увидалъ! Храмы Божіи почти всюду въ тѣхъ селахъ, которыя я посѣщалъ, благоустроенныя и благоукрашенныя, пастыри ревностныя къ своему долгу. Куда ни пріѣдешь, вездѣ слышишь, за малыми исключеніями, церковное пѣніе или хоровое или общецерковное, болѣе или менѣе стройно организованное, вездѣ встрѣчаютъ толпы дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ, учащихся въ школахъ и непрерывно другъ передъ другомъ спѣвающихъ высказати свои познанія по Закону Божію. Посѣщалъ я и школы: и церковно-приходскія и Братства св. Гурія,—и тамъ дѣло идетъ утѣшительно, благоуспѣшно“. Въ заключеніе преосв. Іоаннъ сказалъ: „Вы сейчасъ высказали, что за послѣднее время, недуги стали посѣщать Васъ. Мое душевное пожеланіе: будьте Вы, Владыка, крѣпки тѣломъ и бодры духомъ и Свѣтъ Вашъ какъ Свѣтильникъ Церкви Божіей да горитъ въ должайшее время немерцающимъ свѣтомъ, возжигая и воспламеняя собою стоящіе въ своихъ паствахъ свѣтильники—пастырей церкви, учителей и учительницъ подрастающихъ молодыхъ поколѣній, миссіонеровъ и ревнителей вѣры и благочестія. Въ видимый же знакъ моихъ молитвенныхъ благожеланій прошу принять отъ меня икону св. мучениковъ Кизическихъ, Небесному Покровительству которыхъ ввѣрена та обитель, гдѣ я имѣю пребываніе, какъ второй викарій Казанской епархіи“.

Обращаясь къ своимъ викаріямъ, Владыка отвѣчалъ: „Вы, Ваши Преосвященства, не только мои помощники по долгу своей службы, Вы—мои самыя близкіе совѣтники и друзья, съ которыми я дѣлю свои труды, свои духовныя радости и горе... За привѣтъ отъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и Совѣта Братства Св. Гурія благодарю. Просвѣщеніе инородцевъ и инородцевъ свѣтомъ

божественнаго ученія по руководству св. православной Церкви было всегда роднымъ для меня дѣломъ. Одному Господу Богу извѣстно, сколько я выстрадалъ душою, какъ болѣло мое сердце, когда я видѣлъ, что многія необходимыя начинанія въ указанномъ направленіи не могутъ получить скорого осуществленія за недостаткомъ къ тому средствъ!.. Да, не легко мнѣ тогда бывало. Но я не надалѣ духомъ, я надѣялся, что Богъ поможетъ мнѣ въ Его смятомъ дѣлѣ. И Богъ, дѣйствительно, помогалъ мнѣ. По моимъ хлопотамъ, Высочайшею Волею ассигнована на нужды Казанскаго церковнаго и школьнаго дѣла не одна сотня тысячъ рублей. Слава Богу, хвала—нашимъ высокимъ покровителямъ св. вѣры православной*..

Вслѣдъ за вакарными епископами выступилъ съ прिवѣтствіемъ представитель Духовной Консисторіи, ея Секретарь Кандидатъ Богословія А. И. Орловъ. Онъ сперва изобразилъ Высокопреосвященнѣйшаго юбиляра, какъ одного изъ выдающихся дѣятелей на нивѣ Божіей, ревностнѣйшаго Архипастыря, вся жизнь и дѣятельность котораго была одушевлена апостольскою ревностью о славѣ церкви Христовой и о распространеніи свѣта православной истины.

„Какъ ревностный стражъ православія, Вы, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, волею Промысла Божія, призваны были въ началѣ своего самостоятельнаго Архипастырскаго служенія на одну изъ иновѣрныхъ окраинъ нашего отечества, туда, гдѣ малое, угнетенное православное стадо давно съ нетерпѣніемъ ожидало энергичнаго мужественнаго архипастыря, твердо державшаго жезлъ правленія; и тамъ, среди разноплеменнаго населенія, подъ напоромъ воинствующаго протестантизма, Вы, какъ неусыпный и мудрый ревнитель церковныхъ интересовъ и опытный администраторъ, твердо держали кормило правленія, бодро стояли на стражѣ стада Христова. Время Вашего управленія Рязскою епархіей является по истинѣ выдающейся эпохой въ ея жизни. Угнетаемому тамъ православію Вы возвратили подобающую славу и величіе; Вы собрали во едино разсѣянное православное стадо и приумножили его. Дотолѣ робкая и слабая православная паства окрѣпла и воспрянула духомъ. Тамъ, гдѣ ботослуженіе прежде совершалось въ жалкихъ лачугахъ, Вашими трудами воздвигнуты и благоукрашены, достойные имени православія, храмы. Духовенство возвышено и ограждено въ своей дѣятельности отъ всякихъ незаконныхъ посягательствъ. Во всѣ стороны епархіальной жизни внесено оживленіе.

Въ настоящее время Вы, Ваше Высокопреосвященство Господу споспѣшествующу, являетесь руководителемъ религіозной жизни на другой, противоположной, но также разноплеменной, окраинѣ, гдѣ значительная часть населенія еще блуждаетъ во тьмѣ язычества; и здѣсь Вы проявляете ту же неусыпную ревность о славѣ церкви Христовой; также неутомимо право правите слово истины; высоко держите знамя православія и дѣйствуете, какъ избранный Апостольскій мужъ, Самимъ Господомъ посланный для управленія слабымъ, для поддержанія падающихъ, для охраненія отъ расхищенія стада Христова; и здѣсь главною Вашою заботою является возможно широкое распространеніе свѣта евангельскаго, возможно полное удовлетвореніе религіозныхъ нуждъ и запросовъ пасомыхъ и обращеніе на путь истины блуждающихъ во тьмѣ религіознаго невѣдѣнія. Во множествѣ воздвигаемые Вашими заботами храмы, въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ уголкахъ Казанской епархіи, служатъ постоянными свидѣтелями Вашей святой ревности о славѣ имени Христова. На въ одинъ періодъ предыдущаго существованія Казанской епархіи мы не видимъ такого обильнаго, въ такой короткій срокъ, построенія храмовъ, какъ въ правленіе Вашего Высокопреосвященства. За пятилѣтній періодъ Вашими заботами отъ частныхъ благотворителей, изъ Государственнаго Казначейства привлечено на церковное строительство въ Казанской епархіи болѣе 400 тысячъ рублей. Въ такой, сравнительно короткій, срокъ Вашими заботами воздвигнуто болѣе ста храмовъ и молитвенныхъ домовъ... Вспыхнуло болѣе ста новыхъ свѣтильниковъ для людей, сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертной. Цѣлыя тысячи инородцевъ получили возможность слушать на своемъ родномъ языкѣ глубоко-назидательное православное богослуженіе!.. Изъ тысячи устъ и сердець возносятся къ Господу Богу молитвы о здравіи и благоденствіи своего дорогого Владыки и просвѣтителя^а.

Затѣмъ г. Орловъ охарактеризовалъ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, какъ начальника, твердо держащаго бразды правленія, право правяща, не зряща на лица.

„Предъявляя требованія къ священно и церковно-служителямъ въ прохожденіи ими служебныхъ обязанностей, Вы въ отношеніи къ виновнымъ въ нарушеніи служебнаго долга являете вмѣстѣ съ властной строгостью и любвеобильною снисходительностью: въ Вашихъ резолюціяхъ на судебныхъ дѣлахъ о преступленіяхъ и проступкахъ духовныхъ лицъ всегда гармонически сочетаются милость и исти-

на, правда и миръ. Своею энергіею и опытомъ, личнымъ примѣромъ своей кипучей дѣятельности, Вы вносите оживленіе во всѣ стороны епархіальнаго управленія. Лично во все vznikая, во всѣхъ дѣлахъ и начинаніяхъ стоя впереди, сами за всѣмъ наблюдая, Вы, Ваше Высокопреосвященство, въ то же время облагаете широкимъ до- вѣріемъ и подчиненныхъ Вамъ соработниковъ, охотно принимаете ихъ соображенія, клонящихся къ пользѣ дѣла. Обладая свѣтлымъ умомъ и широкимъ опытомъ, при своей простотѣ, откровенности и доступности въ обращеніи, Вы являетесь для насъ, Вашихъ подчиненныхъ, надежнымъ, незамѣнимымъ руководителемъ, всегда по первой просьбѣ готовымъ разъяснить всякое недоумѣніе, испра- вить опущеніе, поддержать и ободрить въ трудахъ и занятіяхъ.

Близки Вашему любвеобильному сердцу, Милостивый Архипа- стырь, и наши личные печали, нужды и невзгоды. Въ тяжелую минуту жизни каждый изъ насъ смѣло придетъ къ своему Архи- пастырю, какъ любвеобильному отцу, и не уйдетъ отъ него безъ одобренія, поддержки и утѣшенія. Закончилъ свое поздравленіе г. Орловъ пожеланіемъ Владыкѣ крѣпости и силы въ Его мно- готрудномъ архипастырскомъ подвигѣ и многихъ лѣтъ жизни во славу православія и на многую пользу пастырей и паствы».

На это привѣтствіе Высокопреосвященнѣйшій Владыка отвѣ- тилъ: „Радуюсь выраженнымъ чувствамъ Консисторіи, глубоко благодаренъ ей за привѣтствіе. А Вамъ, уважаемый Александръ Ивановичъ, благодаренъ за то, что Вы своей энергичной и умѣ- лой дѣятельностью на предназначенномъ Вамъ посту оправдали всѣ мои ожиданія. Не скрою отъ Васъ, что когда я провожалъ прежняго Секретаря Консисторіи, я опасался—приведетъ-ли мнѣ Богъ видѣть на этомъ отвѣтственномъ мѣстѣ другого такого-же опытнаго человѣка. На мой запросъ мнѣ сообщили, что прежній Секретарь, Вашъ предшественникъ, какъ получившій очень хоро- шую подготовку въ Казанской духовной консисторіи, будетъ по- лезенъ въ другомъ мѣстѣ; и утѣшилъ, что преемникомъ ему по- сылается человѣкъ, зарекомендовавшій себя въ отношеніи пред- стоящей ему дѣятельности съ лучшей стороны. Вижу, Александръ Ивановичъ, что всѣ мои былыя опасенія оказались напрасными. Дай Богъ Вамъ здоровья и силъ нести Ваше трудное служеніе!»

Затѣмъ было прочитано Владыкѣ о. Каедральнымъ Прото- іереемъ А. П. Яблоковымъ сердечное сыновнее привѣтствіе прічта Каедральнаго собора, приписной къ нему Куртинской церкви и кратора собора.

Каедральный соборъ въ ряду другихъ храмовъ епархіи занимаетъ особое положеніе и имѣетъ въ церковной жизни епархіи особенное значеніе по тому непосредственному отношенію, въ которомъ стоитъ къ нему Архипастыръ. Каедральный соборъ есть преимущественное мѣсто молитвеннаго общенія Архипастыря съ пасомыми; здѣсь часто слышится Архипастырское навидательное религіозно-просвѣтительное слово; сюда, какъ въ молитвенный объединительный центръ, собираются благочестивые христіане изъ разныхъ мѣстъ не только города, но и весей. Такимъ образомъ изъ этого святилища, какъ изъ центрального мѣста, Архипастырское религіозно-просвѣтительное вліяніе простирается на всю епархію.

„Въ сознаніи такого важнаго и великаго значенія Каедральнаго собора, говорилъ о. протоіерей, Вы, Ваше Высокопреосвященство, имѣете особое, неусыпное попеченіе о немъ. Вы съ первыхъ дней своего пребыванія на Казанской каедрѣ старались дать ему вышнюю красоту и благолѣпіе, а также порядокъ и строй внутренней его дѣятельности, чтобы онъ имѣлъ дѣйствительно соотвѣтствующее своему положенію значеніе въ епархіи.“

Совершеніе богослуженія въ воскресные и праздничные дни въ Каедральномъ соборѣ было Вашею внутреннею потребностію; Вы скорбѣли и беспокоились, когда по какимъ-либо обстоятельствамъ нельзя было Вамъ выполнить эту потребность. И въ этихъ случаяхъ Вы никогда собора не оставляли безъ Архіерейскаго служенія, поручая совершить его кому-либо изъ своихъ ближайшихъ помощниковъ-викаріевъ. Богослуженіе Вами совершалось всегда съ особенною торжественностію, истово, благоговѣнно, безъ торопливости. Вы всегда сами предусматривали и опредѣляли заранѣе всѣ подробности состава того или другаго богослуженія и порядокъ въ отправленія его. Ваше благоговѣнное, сосредоточенное, внимательное спокойствіе и умиленіе при высокаторжественномъ и истовомъ отправленіи богослуженія производили всегда сильное впечатлѣніе на молящихся, неволью отрѣшая души ихъ отъ земли и наполняя сердца священными чувствами. Намъ особенно памятны Ваши службы въ высокаторжественные праздники и дни святыхъ и спасительныхъ страстей Господнихъ. Такого же образцоваго совершенія богослуженія Вы требовали всегда и отъ насъ.

Съ богослуженіемъ Вы соединяли и свое Архипастырское слово низидавія къ молящимся. Эти слова поучительныя, трогательно-

назидательныя всегда отвѣчали современнымъ религіозно-нравственнымъ нуждамъ и запросамъ пасомыхъ. Ни одно событіе радостное или печальное въ жизни церковной или общественной, по поводу котораго совершалось Вами въ соборѣ то или другое богослуженіе, не оставалось обойденнымъ въ Вашемъ тепломъ Архипастырскомъ словѣ“...

О. протоіерей указалъ въ адресѣ и на то, что предметомъ Архипастырской неусыпной заботливости было и внѣшнее благоустройство, внѣшнее благолѣпіе собора. Въ первый же годъ пребыванія въ Казани Владыка обратилъ свое вниманіе на бѣдную соборную ризницу и на несовсѣмъ приглядный внѣшній видъ стѣнъ собора; и несмотря на скудость средствъ соборной кассы, въ тотъ же годъ устранилъ этотъ недостатокъ во внѣшнемъ благолѣпіи собора, изыскавъ потребныя средства на это до 10000 руб.

Въ своихъ благоплодныхъ заботахъ о соборѣ Архипастыръ не забывалъ и причтъ соборный, недостаточно обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи. Благодаря Архипастырскому милостивому мощному содѣйствію, причтъ имѣлъ счастье нѣсколько разъ получить денежное пособіе отъ Святѣйшаго Синода. Съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминалъ о. протоіерей и о томъ, что заботами и содѣйствіемъ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія канитально отремонтированъ въ истекшемъ году принадлежащій собору ветхій домъ для помѣщенія соборнаго духовенства.

Въ выраженіе и всегдашнее свидѣтельство искреннихъ сыновнихъ чувствъ благодарности, преданности и молитвенныхъ благопожеланій соборнаго причта къ Владыкѣ о. протоіерей поднесъ Ему образъ Благовѣщенія Пресвятыи Богородицы, а староста собора Б. А. Григорьевъ полное Архіерейское облаченіе изъ прекрасной бѣлой парчи съ золотымъ рисункомъ.

Владыка благодарилъ духовенство и старосту собора. При этомъ замѣтилъ, что кафедральный соборъ—самый дорогой для него храмъ и что его постоянно озабочиваетъ мысль о благолѣпіи и благоукрашеніи этого св. храма.

Послѣ этого настоятель Свяжскаго монастыря о. Архимандритъ Аванасій принесъ привѣтствіе Владыкѣ отъ всѣхъ мужскихъ монастырей Казанской епархіи: Свяжскаго Успенскаго, Чебоксарскаго Троицкаго, Макарьевской и Муромосицкой Пустынь, и женскихъ монастырей: Свяжскаго Іоанно-Предтеченскаго и Царевкожешайскаго Богородице-Сергіевскаго.

Смирнѣйше привѣтствуя Его Высокопреосвященство съ всеневнимшимъ 35 лѣтиемъ службы въ священномъ санѣ, о. Архимандритъ между прочимъ говорилъ Владыкѣ: „Мы счастливы, что Господь Богъ сподобилъ насъ быть участниками Вашей радости—въ такой дорогой и приснопамятный день Вашей жизни. Мы радуемся отъ всей души, отъ всего сердца тому, что состоимъ подъ управленіемъ такого мудраго, многоопытнаго и любвеобильнаго Архипастыря и Отца. Да и какъ намъ не радоваться? Ваши Архипастырскіе труды по монастырямъ вѣренной Вамъ епархіи—въ высшей степени благотворны. Вы всегда для насъ служите образомъ благоговѣйнаго служенія Господу Богу и образомъ въ нашей жизни и дѣятельности. Монашествующіе, послѣ присутствія при Вашемъ Бослуженіи, всегда возвращались въ келья своя съ чувствомъ особеннаго молитвеннаго настроенія.

Вы постоянно и неусыпно печетесь о внутреннемъ преуспѣваніи монашествующихъ, и вотъ, благодаря Вашему попеченію и внушенію, монашествующіе дѣйствительно стараются о нравственномъ самоусовершенствованіи, видя Вашу отеческую любовь къ себѣ.

Забывая о внутреннемъ благоустройствѣ монашествующихъ, Вы Владыко Святый, весьма много положили трудовъ и по вѣшнему благоустройству монастырей: Вы прилагали очень много попеченія о вѣшнемъ ихъ благолѣпії. За время Вашего управленія епархією, сколько храмовъ Божіихъ благоуукрашилось въ монастыряхъ! Сколько построено вновь корпусовъ и сколько исправлено старыхъ! Сколько исклопотано разныхъ угодій для монастырей, отчего монастыри и въ матеріальномъ отношеніи улучшились!

За всѣ вышеозначенныя, и далеко намъ здѣсь неперечисленныя, труды Ваши и отеческую заботливость о нашемъ недостоинствѣ, осмѣливаемся принести Вашему Высокопреосвященству сердечную и глубокую благодарность, а въ доказательство нашей сыновней, любви къ Вамъ всенижайше просимъ Ваше Высокопреосвященство принять отъ насъ икону Тріипостаснаго Божества.

Мы всегда будемъ молить Тріединого Бога, да продлитъ Онъ Вашу жизнь на многія и многія лѣта—на радость и утѣшеніе не только монашествующихъ, но и всей Вашей паствы“.

Кромѣ Св. Иконы, отъ монастырей была поднесена Владыкѣ св. панагія.

Благодаря за поздравленія и даръ, Архипастырь высказалъ, между прочимъ, то доброе пожеланіе, чтобы монашествующіе, заботясь о возведеніи и украшеніи стѣнъ вещественнаго храма, не за—

бывали-бы заботиться о поддержаніи духовной крѣпости и красоты в своихъ внутреннихъ храмовъ, какъ жилищъ Всесовершеннаго Духа.

Отъ лица бѣлаго духовенства Казанской епархіи привѣтствовалъ Высокопреосвященнѣйшаго Владыку о благочивнѣй Казанскихъ церквей, священникъ П. Руфимскій. Уподобивъ Казанскую паству семьѣ, о. Руфимскій говорилъ въ своемъ привѣтствіи: „Что обычно происходитъ въ то время, когда глава семьи доживаетъ до одного изъ знаменательныхъ дней въ своей жизни? Къ нему собираются в сродники, в знемія, в другя, в пріятели. Всѣ они, наперерывъ другъ предъ другомъ, стараются высказать свои чувства предъ виновникомъ торжества.— Не то же ли самое, Владыка, Ты видишь и здѣсь: въ Твой знаменательный день собрались около Тебя всѣ Твои близкіе; всѣ они, другъ за другомъ, старались высказать свои мысли, свои думы, навѣянные имъ настоящимъ днемъ.

Глава семьи, созерцая около себя почитателей своихъ, радуется при видѣ ихъ радости.— Возрадуйся и Ты, глава церковной семьи, видя насъ церковно веселящимися въ Твой знаменательный день.

Въ семейномъ торжествѣ сначала высказываютъ свои чувства предъ главой семьи гости почетные, люди общественнаго служенія, высокаго положенія и званія; они берутъ на себя смѣлость судить, оцѣнивать труды главы семьи, и по заслугамъ воздаютъ должное ему.— Тоже самое происходитъ и нынѣ: доселѣ Тебя привѣтствовали, перечисляли Твои добрыя дѣла, какъ бы оцѣнивали ихъ, люди почетные, люди и сами высшаго положенія и званія.

На семейномъ торжествѣ дѣти главы семьи, видя все совершающееся, не рѣшаются цѣнить труды своего отца, они только радуются за своего родителя, съ любовью взирають на его прошлое, съ надеждой смотрять на будущее.— И въ настоящемъ торжествѣ Твои дѣти, духовенство Казанской епархіи, по чувству сыновнему, не берутъ на себя смѣлость судить о Твоей дѣятельности, а съ благодарностью за прошлое, съ вѣрою въ будущее Твоего земного бытія, *любовію связуемъ*, объемяютъ Тебя любовію своею.

Наконецъ, какъ дѣти являютъ свою любовь родителямъ видимымъ званіемъ, вакимъ либо даромъ, въ которомъ родитель и не нуждается, не съ любовію принимаетъ его, такъ и мы, духовенство Казанской епархіи, въ лицѣ его представителей, выражаемъ любовь свою *не словомъ только, но дѣломъ и истинно*: прими сей

скромный даръ любви, прими съ любовію, возложи его на персяхъ своихъ и съ любовію вмѣщай въ сердцѣ своемъ принесшихъ его⁴.

При семъ Высокопреосвященнѣйшему юбиляру была подвешена цѣнная золотая панагія, украшенная камнями.

„Виджу, что вы не сердитесь на меня за то, что я иногда бывалъ съ вами и строгъ, отвѣчалъ Архипастырь. Вѣдь строгость и жестокость не одно и то же. Жестокость является выходомъ мучительскихъ инстинктовъ жестокаго, разумная же отеческая строгость направлена на искорененіе нравственныхъ недостатковъ любимыхъ существъ и, свидѣтельствуя о любви проявляющаго ее, имѣть въ виду только благо тѣхъ, на кого проявляется ..

Помню, въ бытность мою Ректоромъ Семинаріи и Академіи, мои ученики и студенты несравненно болѣе любили мои устные резолюціи, хотя и съ нескрываемою строгостью высказанныя, чѣмъ спокойныя резолюціи въ родѣ: „Въ правленіе на разсмотрѣніе“... „Правленіе разсмотрѣть“... и пр. Бѣжить, бывало, послѣ моего выговора, ученикъ. „Ну, что?“ спрашиваетъ его товарищъ. „Ничего, теперь все хорошо, слава Богу!“... Не такъ себя чувствовали провинившіеся, заслужившіе по своему дѣлу писанную резолюцію. На вопросъ заинтересованныхъ товарищей они отвѣчали понура голову: „Плохо, братъ, слѣдствіе!“...

Нужно только знать, гдѣ и какую мѣру взысканія нужно употребить. Иногда требуется длинное бумажное разслѣдованіе, а иногда вполне достаточно ограничиться строгимъ отеческимъ внушеніемъ. Чтобы не уязвляться послѣднимъ, нужно помнить только, что оно вызывается сознаніемъ дѣйствительныхъ недостатковъ и вмѣстѣ любовію къ тому святому дѣлу, которому мы служимъ⁴.

За привѣтствіемъ духовенства Базанской епархіи Владыку привѣтствовали адресами Общество защиты женщинъ, Иконописная школа при духовной семинаріи, Архіерейскій домъ, о.о. миссіонеры и другіе.

На всѣ эти привѣтствія Высокопреосвященный юбиляръ отвѣчалъ своей глубокой благодарностью.

Когда смолкли привѣтственные рѣчи, хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ исполнилъ великолѣпный концертъ: „Живыи въ помощи Вышняго“ и Многолѣтіе. Подъ звуки священныя пѣснопѣиіи существовавшіе Владыку походили подъ благословеніе своего Архипастыря. Съ многими изъ своихъ гостей Его Высокопреосвященство дозволялъ при этомъ милостиво разговаривать.

Общее собраніе оо. благочинныхъ и миссіонеровъ епархіи, назначенное на этотъ вечеръ, за позднимъ временемъ и утомленіемъ, Владыка, было отнесено на слѣдующій день. Гостепріимный Домохозяинъ предложилъ раздѣлать съ нимъ вечерній чай лицамъ, почтившимъ его своимъ поздравленіемъ въ знаменательный день его жизни. Въ ожиданіи чая и легкой трапезы, Его Высокопреосвященство, находившійся всецѣло подъ впечатлѣніемъ только-что пережитыхъ имъ великихъ минутъ, бесѣдовалъ со своими гостями, воскрешая въ своей памяти случаи и событія изъ своей ранней, школьной, жизни и многолѣтней просвѣтительной, пастырской и Архипастырской дѣятельности.

„Я говорилъ Владыку, сынъ дьячка Юхновскаго уѣзда, Смоленской губерніи, родился въ 1839 году, и въ мѣръ носилъ имя Александръ (Брянцевъ). Кромѣ меня, говорилъ Владыка, въ семьѣ были еще два старшіе брата и одинъ младшій. Не смотря на крайнюю бѣдность, отецъ употреблялъ всѣ усилія дать порядочное образованіе своимъ дѣтямъ. Старшіе братья были свезены въ Вяземское духовное училище. Мени-же, за недостаткомъ средствъ, рѣшили современемъ помѣстить въ монастырь, гдѣ бы я могъ научиться читать, писать и пѣть въ церкви. Но этому намѣренію не суждено было осуществиться. Старшій братъ,—перешедшій уже въ семинарію,—прислалъ отцу письмо, въ которомъ извѣщалъ, что его приняли въ семинарію на казенное содержаніе. Обрадованный отецъ тотчасъ же рѣшилъ и меня отдать въ духовное училище. Отправили меня въ городъ Вязьму, помѣстили на квартиру,—за 50 копѣекъ въ мѣсяцъ. Благополучно кончивъ свое ученіе въ училищѣ, я перешелъ въ Смоленскую семинарію, и, благодаря тому, что мой братъ пользовался особымъ благоволеніемъ со стороны инспектора семинаріи о. Викторина, я помѣстился при корпусѣ; въ число казенныхъ воспитанниковъ я не былъ зачисленъ, а жилъ на правахъ такъ-сказать „зайца“. т. е. питался тѣмъ, чѣмъ случалось,—иногда однимъ хлѣбомъ съ квасомъ. Видя мое хорошее поведеніе и успѣхи, инспекторъ нашелъ, наконецъ, возможность принять меня на половинное содержаніе. Смѣнявшій его другой инспекторъ, о. Іона, порекомендовалъ меня для репетированія дѣтей кафедральному протоіерю, Павлу Жданову. О. протоіерей былъ прекрасный семьянинъ, строгій христіанинъ, замѣчательный пѣвецъ и импровизаторъ. У него я прожилъ 5 лѣтъ, помѣщаясь за ширмами въ передней. Въ это время

ректоромъ былъ архимандритъ Павелъ, вѣстный проповѣдникъ и профессоръ, а Епископомъ Смоленскимъ—присвоенамятный Антоній (оба почли въ санѣ архіепископа въ Казани). За свое прележаніе я пользовался ихъ замѣтнымъ расположеніемъ; и потому, по окончаніи курса въ семинаріи, когда у меня не было рѣшительно никакихъ средствъ на задуманную мною поѣздку въ Академію, они и протоіерей Ждановъ, дали мнѣ 50 р. на дорогу. Съ этимъ то капиталомъ и я отправился въ Кіевскую Академію. Товарищи, прибывшіе на казенный счетъ, приняты были въ корпусъ; я же долженъ былъ поселиться на квартирѣ. Нечего дѣлать, взялъ номеръ въ гостинницѣ, и сразу почувствовалъ его прелесть: за удовольствіе переночевать одну только ночь пришлось заплатить рубль. При незначительныхъ средствахъ, какія у меня оставались, такая сумма не могла не показаться громадною. Приходилось отыскивать если не даровое, то по крайней мѣрѣ болѣе дешевое помѣщеніе. Въ этихъ видахъ я отправился въ Злато-Верхо Михайловскій монастырь, гдѣ въ то время жилъ викарный епископъ Серафимъ, которому обѣщаль записать Пресвященный Антоній Смоленскій. Сначала келейникъ не хотѣлъ меня пустить, но я просилъ только объ одномъ: доложить Пресвященному обо мнѣ,—въ надеждѣ, что вышеуказанное письмо уже получено имъ. Дѣйствительно, письмо было получено, и Пресвященный Серафимъ велѣлъ пристроить меня въ монастырѣ, гдѣ я и кормился около пяти недѣль, сдавая приемыше экзамены. По окончаніи экзаменовъ и поступилъ въ академію на казенное содержаніе. Съ теченіемъ времени я устроился въ академіи очень недурно: профессора Щеголевъ и Терновскій предложили мнѣ должность писмоводителя въ редакціи академическихъ заданий, съ вознагражденіемъ по 7 рублей въ мѣсяцъ. Теперь я могъ не только удовлетворять свои несложныя потребности, но даже дѣлиться своимъ достаткомъ съ товарищами. Въ академіи я приобрѣлъ репутацію очень старательнаго и аккуратнаго студента. Товарищи относились ко мнѣ хорошо, начальство—благоклонно. Въ 1867 г. я окончилъ курсъ Академіи со степенью магистра.

Въѣхать изъ Академіи было не куда: отецъ уже номеръ. Пока я размышлялъ о своей дальнѣйшей судьбѣ, ректоръ архимандритъ Филаретъ предлагаетъ мнѣ мѣсто законоучителя гимназіи въ мѣстечкѣ Вѣлая Церковь. Я согласился и, съ согласія Попечителя уче-

бнаго округа и благословенія Высокопреосвященнаго Митрополита Кіевскаго Арсенія, былъ зачисленъ законоучителемъ. Оставалось только жениться. Но на комъ? Знакомыхъ у меня не было. На мое счастье на академическомъ дворѣ повстрѣчался со мною профессоръ А. Д. Вороновъ. Онъ предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ къ одному протоіерею, у котораго было три дочери-невесты. Пришли, объявили зачѣмъ; принялъ насъ ласково, но проводилъ отнюдь не подавъ никакихъ надеждъ. На другой день, въ то время, какъ я недоумѣвалъ, что мнѣ теперь предпринять, пріѣзжаетъ ко мнѣ самъ протоіерей: дѣло со сватовствомъ улаживается; мой выборъ палъ на старшую его дочь Марію, которая вскорѣ и стала моею женою. 4 февраля 1868 года я былъ рукоположенъ во священника (Викарнымъ Епископомъ Порфиріемъ) и отправился на мѣсто своей службы. Два года, проведенныхъ мною въ мѣстечкѣ „Бѣлая Церковь“, были счастливейшимъ временемъ моей жизни. Въ августѣ 1869 г., согласно прошенію, изъ Вѣлой Церкви меня перевели въ Кіевъ, назначивъ настоятелемъ Кіево-Петерской Воскресенской церкви и вмѣстѣ преподавателемъ Закона Божія въ Кіево Подольской прогимназіи, въ Кіевской военной гимназіи и Кіевскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія. Въ матеріальномъ отношеніи я былъ такимъ образомъ вполне обеспеченъ. Но вотъ — Богъ посѣщаетъ меня великимъ испытаніемъ: начала хворать жена. Болѣзнь продолжалась цѣлый годъ и была признана неизлѣчимою. Съ грустью ожидалъ я давно рѣшеннаго врачами исхода болѣзни моей любимой супруги. Одно только утѣшало меня: больная знала, что ожидаетъ ее и готовилась къ этому неизбежному съ чувствомъ истинной христіанки. Почувствовавъ приближеніе смерти, она сама пѣла желаніе поособоваться и даже сама прочтала всѣ молитвы при таинствѣ елеосвященія, при чемъ не разъ сподобилась христіанскаго напутствія св. Дарамъ.

Въ 1872 году я назначенъ былъ законоучителемъ и настоятелемъ церкви Кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ. Осенью этого года Высокопреосвященный Митрополитъ Кіевскій Арсеній отправлялся въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ. Въ скоромъ времени послѣ этого въ Св. Синодѣ выступилъ на очередь вопросъ о назначеніи Ректора во вновь открываемую Таврическую Духовную Семинарію; по указанію митрополита Арсенія, высшей власти благоутодно было назначить меня Ректоромъ Семинаріи.

Весной 1873 года я произведенъ былъ въ протоіерей. По прибытіи въ Симферополь, мѣстный Преосвященный Гурій, кромѣ обычныхъ занятій по Семинаріи, возложилъ на меня разные порученія по епархіальному управленію.—Обязанности Ректора для меня не были трудными. Ученики меня скоро полюбили, служебныя обязанности утѣшали. Двѣ бывшія ревизіи засвидѣтельствовали предъ высшимъ начальствомъ о должномъ благоустройствѣ моей семинаріи. — По принятіи монашества 26 апрѣля 1875 года я былъ возведенъ въ санъ Архимандрита. Не могу не вспомнить одного случая, бывшаго при моемъ постриженіи. Когда нужно было надѣвать на меня клобокъ, то предназначеннаго для меня на мѣстѣ не оказалось, надѣли первый попавшійся,—какъ потомъ оказалось—клобокъ Преосвященнаго Гурія. Нашлись люди, которые при этомъ случаѣ предсказали мнѣ архіерейство.—Въ апрѣлѣ 1882 года я неожиданно получилъ извѣстіе о томъ, что Митрополитъ Исидоръ останавливалъ на мнѣ свой выборъ въ викаріи Петербургской епархіи. Вслѣдъ за этимъ пришла и телеграмма отъ него; въ телеграммѣ говорилось, что я дѣйствительно назначаюсь Петербургскимъ викаріемъ, но что сего назначенія я не долженъ пока никому объявлять, а, въ ожиданіи Указа, приготовляться къ сдачѣ семинаріи. Вскорѣ былъ полученъ и Указъ. Я сдалъ семинарію и тотчасъ же отправился въ Петербургъ; по дорогѣ заѣхалъ въ Кіевъ, къ митрополиту Платону, который благословилъ меня панатією; она хранится у меня до сего времени, подъ именемъ походной.

Въ Петербургъ прибылъ я 8-го мая. 12-го мая, въ зданіи Св. Синода, совершенно было мое нареченіе во епископа, а 17-го, въ Александро-Невской Лаврѣ, хиротонія во епископа Ладожскаго, перваго викарія Петербургской епархіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ назначенъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ г. С.-Петербурга и его окрестностей, предсѣдателемъ историко-статистическаго комитета, и скорѣ первымъ членомъ синодальной конторы, отерывшейся въ С.-Петербургъ, по случаю пребыванія членомъ Св. Синода въ Москвѣ во время священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Александра III и Государыни Императрицы Маріи Феодоровны. Прошелъ годъ. Однажды я вышелъ гулять (по своему обыкновенію на кладбище), встрѣчается со мною инспекторъ семинаріи Нечаевъ и сообщаетъ, что Митрополитъ

Исидоръ желаетъ поручить мнѣ Ректуру въ духовной Академіи. На другой день утромъ тоже самое я услышалъ отъ самаго Митрополита. Я отказывался, говоря, что я раньше то не занимался наукою для академической каведры, а послѣ 16 лѣтъ службы и совсѣмъ отсталъ отъ нея. Видя однако непреклонное желаніе Митрополита, рѣшилъ предать себя въ полное его распоряженіе. Докладъ о назначеніи меня Ректоромъ С.-Петербургской Академіи, съ оставленіемъ въ должности перваго викарія, утвержденъ Государемъ Императоромъ 22 октября. 1883 г. 8 ноября я вступилъ въ должность Ректора. На первыхъ порахъ студенты Академіи встрѣтили новаго Ректора съ предубѣжденіемъ, такъ какъ давно уже не было въ академіи Ректора въ инокскомъ званіи и санѣ Архіерея. Въ академіи болѣе всего было обращено вниманіе на развитіе въ студентахъ духа церковности. Начались среди студентовъ дебаты о монашествѣ а затѣмъ—развилось и стремленіе къ монашеству.

Первый студентъ 4-го курса, Михайлъ Грибановскій, скончавшійся въ санѣ епископа Таврическаго,—былъ первый мой постриженецъ.—Всѣхъ постриженцевъ при мнѣ въ академіи было 9 человекъ, тогда какъ ранѣе, въ продолженіи 20 лѣтъ, не было ни одного подобнаго случая. Занимаясь дѣлами Академіи, я не могъ не принимать участія, въ качествѣ викарнаго епископа, и въ ходѣ епархіальной жизни. Однимъ изъ полезныхъ дѣлъ, совершенныхъ мною для учебныхъ нуждъ Петербургской епархіи, я считаю построеніе 6 классаго „Исидоровскаго“ Епархіальнаго женскаго училища.—28 марта 1887 года я назначенъ былъ Епископомъ Рижскимъ и Митавскимъ. По прибытіи въ Ригу, долженъ былъ обратить вниманіе на недостатокъ и крайнюю скудость мѣстныхъ православныхъ храмовъ. Благодаря выхлопатаннымъ мною ассигновкамъ изъ казны (болѣе милліона рублей) и частнымъ пожертвованіямъ: острия нужды епархіи были удовлетворены. При Божіей помощи, мнѣ удалось построить около 80 храмовъ. Заведена была миссія; устроены городскіе склады книгъ духовно-нравственнаго содержанія; учрежденъ при духовной семинаріи историко-статистическій комитетъ по описанію церквей епархіи; кореннымъ образомъ преобразованы Рижскія Епархіальныя Вѣдомости и мн. другое...

4-го октября 1897 года я получилъ назначеніе на Казанскую Архіепископію. Моя здѣшняя дѣятельность вамъ извѣстна. Какъ видится,—труды мои и среди васъ не остались безплодными. На

стоящее утѣшительное и трогательное торжество, которое мнѣ неожиданно устроила Казанская паства, свидѣтельствуешь о томъ. Цѣлѣбная оцѣнка трудовъ паствою—самая лучшая награда для архіерея, за что приношу вамъ, братіе, искреннюю мою благодарность!

Вотъ краткое повѣствованіе о моемъ житіи и служеніи. Благодареніе Господу за Его великія благодѣянія ко мнѣ; благодареніе всѣмъ тѣмъ лицамъ, которые благодѣтельствовали мнѣ на всѣхъ путяхъ моего житія и во всѣхъ мѣстахъ моего служенія; благодареніе вамъ, отцы и братіе, вознесшимъ сегодня свои молитвы о моемъ здравіи и крѣпости силъ для дальнѣйшаго служенія на вѣрнной мнѣ нивѣ Господней!

Прощаясь съ своимъ чтимымъ Архипастыремъ, присутствовавшимъ прощаль Владыкѣ многократное „ис-полла эти-деспота“ и „Многая, многая, многая лѣта!“

ОБЪЯВЛЕНІЯ

У протоіерея Іоанна Лукича Чижевского (Харьковъ, Конторская улица, домъ № 64) можно получать его изданія:

ВНОВѢ ВЫШЕДШУЮ КНИГУ

Златое сочиненіе Самуила Раввина Іудейскаго.

Харьковъ. 1903 г. Цѣна 40 к. съ перес.

Сочиненіе это, заключающее въ себѣ безпристрастныя о Христѣ разсужденія, основанныя на пророчествахъ и дѣйствительномъ ихъ исполненіи, писано въ началѣ одиннадцатаго столѣтія, и болѣе 200 лѣтъ хранилось евреями въ тайнѣ и только въ 1339 г. съ арабскаго переведено на латинскій языкъ, а въ 1787 г.—на русскій и Св. Синодомъ книга эта была разослана въ 1828 г. во всѣ церкви Россіи.

ИКОНОСТАСНАЯ ФАБРИКА

Ивана Ефимовича Гетмана съ С-ми

ВЪ ТАМАРОВКѢ,

Курской губерніи, Вѣлгородскаго уѣзда.

(Серебр. мед. на всерос. выст. 1887 г. въ Харьковѣ)

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА УСТРОЙСТВО

ИКОНОСТАСОВЪ И КІОТОВЪ

въ православныхъ церквахъ, написаніе въ нихъ живописи и украшенія стѣнъ альфрейной росписью.

заказы исполняются прочно, аккуратно и по утѣреннѣмъ цѣнамъ, гдѣ нужно—съ разсрочкой платежа.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

1903 года (двѣнадцатый годъ изданія) съ приложеніемъ

ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО АНАСТАСІЯ,

АРХІЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

Въ 1903 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе „Богословскаго Вѣстника“ ежемѣсячно, книжками въ пятнадцать и болѣе печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ: 1) Творенія Св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ; 2) Изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, составляющія въ большей своей массѣ труды профессоровъ Академіи; 3) Изъ современной жизни: обзоръ важнѣйшихъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ и сообщенія изъ области внутренней жизни Академіи; 4) Систематическій обзоръ текущей русской журналистики, преимущественно духовной, а также критика, рецензіи и библиографія по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ; 5) Приложенія, въ которыхъ будутъ печататься автобиографическія записки Высокопреосвященнаго Саввы, Архіепископа Тверскаго (время пребыванія его на харьковской кафедрѣ) и протоколы Совѣта Академіи за истекающій 1902 годъ (полностью). Въ качествѣ собственного приложенія къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“ всѣмъ подписчикамъ его въ 1903 году будутъ даны: третья и четвертая части ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО АНАСТАСІЯ, Архіепископа Александрійскаго, въ исправленномъ и дополненномъ изданіи. Высокія богословскія достоинства твореній св. Анастасія, ихъ догматическая и церковно-историческая важность, глубокая назидательность правоучительныхъ посланій и сочиненій его и вытекающая отсюда необходимость для всякаго православнаго, ищущаго здраваго наученія и назиданія въ предметахъ своей вѣры и поведенія, ближе ознакомиться съ ними—не требуютъ объясненія. Не многимъ изъ своихъ дѣателей церковь усвоила имя „Великихъ“, и къ сонму ихъ принадлежатъ св. Анастасій, котораго она въ своихъ пѣснопѣвнѣхъ именуетъ „столпомъ православія“. Какъ высоко цѣнились творенія его въ древности, объ этомъ свидѣтельствуеетъ замѣчательный отзывъ о нихъ, сдѣланный однимъ подвижникомъ „Святой Космою“ въ такихъ словахъ: „если ты найдешь сочиненіе Анастасія, и у тебя не будетъ бумаги, запиши его на своей одеждѣ“. Удовлетворяя этой давно чувствуемой потребности въ новомъ и лучшемъ переводѣ твореній св. Анастасія, редакция Бог. Вѣстн. съ 1902 года приступила ко второму, тщательно исправленному и дополненному, изданію ихъ; изъ полученныхъ въ истекшемъ году первыхъ двухъ частей новаго изданія читатели могли непосредственно убѣдиться въ томъ, что по своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ качествамъ оно вполне отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявлены къ предпріятіямъ подобнаго рода. Предлагаемъ на 1903 годъ третьей и четвертой частями заканчивается все изданіе, и такимъ образомъ настоящие подписчики „Бог. Вѣстн.“ получаютъ возможность, при незначительныхъ матеріальныхъ затратахъ, къ полному собранію твореній св. Василия Великаго, разосланному въ 1899—1901 гг. присоединить еще и творенія св. Анастасія Александрійскаго тоже въ полномъ составѣ.

Подписная цѣна на Богословскій Вѣстникъ совмѣстно съ приложеніемъ третьей и четвертой части твореній св. Анастасія Александрійскаго восемь рублей съ пересылкой. Прим.: безъ пересылки семь рублей, за границу—десять. Прим.: Новые подписчики, желающіе получить первую и вторую части твореній св. Анастасія, сверхъ подписной цѣны, уплачиваютъ по одному рублю за каждую часть, а всего десять рублей. Адресъ редакция: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію Богословскаго Вѣстника.

Редакторъ проф. А. Спаскій.

ФАБРИКАНТЪ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ
ТОРГОВАГО ДОМА
АНДРЕЯ ЗАХРЯПИНА СЫНОВЬЯ.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія г.г. покупателей
 въ нашихъ магазинахъ.

I.	II.	III.
Въ Москвѣ	Въ г. Воронежѣ	Въ ярмаркахъ Нижегородской по шоссе противъ флаговъ.
Никольская ул., верхніе торговые ряды №№ 82, 156, 156, 227, 228, 229.	Московская ул., противъ Духовной Консисторіи. Магазины открыты съ 1-го октября 1902 г.	Въ Вологдѣ и Ростовѣ Ярославской губ.

Всегда имѣется полный и большой выборъ всей церковной утвари, лучшаго издѣлія, художественной работы, собственной фабрики, всевозможныхъ размѣровъ и рисунковъ какъ-то: паникадила, люстры, подсвѣчники, лампы, хоругви, запрестольныя иконы, евангелія, кресты, сосуды, ковчеги, вѣнцы, металлическія свѣчи, чаши водосвятныя, плащаницы, гробницы, иконы, парча для облаченія и пр. и пр., также имѣются и серебряныя вещи 84⁰, а также принимаются заказы на всевозможную церковную утварь, металлическія, такъ равно и серебряныя 84⁰ и ризы на иконы, одежды на престолъ и жертвенники, царскія двери, кресты на главы, и рѣшетки по солямъ и пр. и пр., какъ лично, также и заочно, посредствомъ переписки.

По требованію при заказѣ, Торговый Домъ высылаетъ смѣты и рисунки, а также въ случаѣ надобности высылаются довѣренныя, для личныхъ переговоровъ и принятія заказа.

Принимаются всякаго рода починки и ремонтірованіе старыхъ вещей церковной утвари золоченіе и серебреніе исполняются въ точности безъ замедленія.

Цѣны на церковную утварь существуютъ одинаковыя какъ въ Московскомъ магазинѣ, также въ Воронежскомъ магазинѣ и ярмаркахъ.

При заказѣ и покупкѣ товаровъ для небогатыхъ храмовъ, дѣлается разсрочка въ платежѣ.

Фабрика наша существуетъ болѣе 50 лѣтъ и имѣетъ при себѣ около 500 человѣкъ мастеровъ, благодаря лучшаго производства вырабатываемыхъ въ ней предметовъ и усовершенствованія, всѣми необходимыми средствами, для выработки церковной утвари, скорого и аккуратнаго исполненія заказовъ, приобрѣла самый громаднѣйшій кругъ г.г. покупателей и заказчиковъ. Фабрика и главная контора въ г. Переяславлѣ Заслѣскомъ Влад. губ.

При выпискѣ товаровъ, просимъ обозначать адресъ, чрезъ кого посылать товаръ, по желѣзной дорогѣ, до какой станціи, или чрезъ контору и адресъ почтовый.

Лѣстимъ себя надеждою, что Вы не оставите насъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, а также и посѣщеніемъ нашихъ магазиновъ въ Москвѣ и гор. Воронежѣ.

Торговый Домъ Андрея Захряпина С—вья.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Марта № 6. 1903 года.

Содержаніе. Высочайшій манифестъ.—Высочайшая отиѣтка.—Приказъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.—Разъяснительныя постановленія Святѣйшаго Синода: 1) по вопросу объ оплатѣ гербовымъ сборомъ актовъ и документовъ епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ и 2) касательно порядка производства оканчивающимъ семинарскій курсъ воспитанникамъ дополнительныхъ испытаній для полученія званія студента семинаріи.—Журналы Съѣзда духовенства Сумскаго округа, бывшаго 4-го февраля 1903 года.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901—1902 учебный годъ (продолженіе).—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Изволеніемъ Промысла Божія, вступивъ на Прародительскій Престолъ, Мы пріяли священныи обѣтъ, предъ Лицомъ Всевышняго и совѣстью Нашею, свято блюсти вѣковые устои Державы Россійской и посвятить жизнь Нашу служенію возлюбленному Отечеству.

Въ неусыпныхъ заботахъ о подданныхъ Нашии Мы обрѣли пути къ осуществленію народнаго блага въ разумѣ приснопамятныхъ дѣлъ Державныхъ Нашии Предшественниковъ и, прежде всего, незабвеннаго Родителя Нашего.

Богу Всемогущему угодно было, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ, прервать преждевременною кончиною Державныя труды возлюбленнаго Родителя Нашего и тѣмъ возложить на Насъ священный долгъ довершить начатое Имъ дѣло укрѣпленія порядка и правды въ Русской землѣ въ соотвѣтствіи съ возникающими потребностями народнои жизни.

Къ глубокому прискорбію Нашему, смута, посянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни, препятствуетъ общей работѣ по улучшенію народнаго благосостоянія. Смута эта, волнуя умы, отвлекаетъ ихъ отъ производительнаго труда и нерѣдко приводитъ къ гибели молодыя силы, дорогія Нашему сердцу и необходимыя ихъ семьямъ и родинѣ.

Требуя отъ всѣхъ исполнителей Нашей воли, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, твердаго противодѣйствія всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни и уповая на честное исполненіе всѣми и каждымъ ихъ служебнаго и общественнаго долга, Мы, съ непреклонною рѣшимостью незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ, признали за благо:

Укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской, которые, благоговѣнно почитая Православную Церковь первенствующей и господствующей, предоставляютъ всѣмъ подданнымъ Нашимъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной.

Продолжать дѣятельное проведеніе въ жизнь мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію имущественнаго положенія православнаго сельскаго духовенства, усугубляя плодотворное участіе священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы.

Въ соотвѣтствіи съ подлежащими задачами по упроченію народнаго хозяйства, направить дѣятельность государственныхъ кредитныхъ учрежденій, особливо дворянскаго и крестьянскаго поземельныхъ банковъ, къ вѣдшему укрѣпленію и развитію благосостоянія основныхъ устоевъ русской сельской жизни—помѣстнаго дворянства и крестьянства.

Предвчертаннныя Нами труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи, по ихъ первоначальномъ выполненіи въ указанномъ Нами порядкѣ, передать на мѣста для дальнѣйшей ихъ разработки и согласованія съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣриемъ общественнымъ облеченныхъ. Въ основу сихъ трудовъ положить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, изыскавъ одновременно способы къ облегченію отдѣльнымъ крестьянамъ выхода изъ общины.

Принять безотлагательно мѣры къ отмѣнѣ стѣснительной для крестьянъ круговой поруки.

Преобразовать губернское и уѣздное управленія, для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей, руководимыхъ сильной и закономѣрной властью, предъ Нами строго отвѣтственной.

Поставить задачей дальнѣйшаго унорядоченія мѣстнаго быта сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ тамъ, гдѣ это представится возможнымъ.

Призывая всѣхъ Нашихъ вѣрнопопданныхъ содѣйствовать Намъ къ утвержденію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ, при которыхъ, подъ сѣнью Самодержавной Власти, только и могутъ развиваться народное благосостояніе и увѣренность каждаго въ прочности его правъ, Мы повелѣваемъ Нашимъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, къ вѣдомству коихъ сіе относятся, представить Намъ соображенія о порядкѣ исполненія предначертаній Нашихъ.

Господь Вседержитель да ниспошлетъ благословеніе на Царственный трудъ Нашъ и да поможетъ Онъ Намъ, при тѣсномъ единеніи всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества, исполнить Наши помышленія объ усовершенствованіи государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя мѣстной жизни, какъ главнаго условія преуспѣванія Державы Нашей на твердыхъ основахъ вѣры, закона и власти.

Данъ въ С.-Петербургѣ въ 26 й день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ третьье, Царствованія же Нашего въ девятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Высочайшая отмѣтка.

Отъ Харьковскаго епархіальнаго преосвященнаго поступило къ Оберъ Прокурору Святѣйшаго Синода сообщеніе о томъ, что въ память и въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ на средства Высочайше утвержденного товарищества производства фарфоровыхъ и фаянсовыхъ издѣлій „М. С. Кузнецова“, а также служащихъ и рабочихъ фабрики сего товарищества при деревнѣ Будахъ, Харьковскаго уѣзда, на землѣ товарищества, построена каменная церковь во имя святителя чудотворца Николая, стоимостью свыше 30,000 руб.; при чемъ назначенному къ сей церкви самостоятельному причту изъ священника и псаломщика названное товарищество выдаетъ содержаніе.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника К. Побѣдоносцева о такомъ выраженіи вѣрноподданческихъ и религіозно-патріотическихъ чувствъ Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 31-й день минувшаго января, собственноручно начертать: *«Прочелъ съ удовольствіемъ»*.

Приказъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

Приказомъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода 28 февраля 1903 года № 5 назначается надзиратель Перервинскаго Духовнаго училища Сергѣй *Покровский* на должность (3 го) помощника инспектора въ Харьковскую Духовную Семинарію

На должность (4-го) помощника инспектора въ Харьковскую Духовную Семинарію опредѣленъ кандидатъ Московской Духовной Академіи Николай *Пискаревъ*.

Разяснительныя постановленія Святѣйшаго Синода.

1) Отъ 11—27 декабря 1902 года за № 5478, *по вопросу объ оплатѣ гербовымъ сборомъ актовъ и документовъ епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ.*

Одинъ изъ епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ, находя, что дѣятельность завода по снабженію имъ церквей епархіи свѣчами, масломъ, виномъ, ладаномъ и другими предметами церковнаго употребленія и полученію за нихъ денегъ не можетъ быть разсматриваема въ качествѣ торговопромышленной и могла бы быть производима въ формѣ внутренняго дѣлопроизводства по духовному вѣдомству, съ устраненіемъ оплачиваемыхъ гербовымъ сборомъ счетовъ, какъ документовъ торговопромышленныхъ, возбудилъ ходатайство объ устраненіи счетовъ изъ сношеній свѣчного завода съ церквами. По предмету сего ходатайства были затребованы свѣдѣнія отъ департамента окладныхъ сборовъ, который и увѣдомилъ Синодальную канцелярію: 1) что устраненіе изъ поманутыхъ сношеній епархіальныхъ заводовъ съ церквами счетовъ и замѣна ихъ перепискою не можетъ служить основаніемъ къ освобожденію сихъ сношеній отъ гербоваго сбора, такъ какъ по п. 1 ст. 51 и п. 3 ст. 57 уст. Герб. гербовые акты и документы по сдѣлкамъ торговымъ и неторговымъ подлежатъ гербовому сбору, въ какой бы формѣ эти акты и документы изложены и какими-бы порядкомъ заключены ни были; 2) что епархіальный свѣчной

заводъ не можетъ быть признанъ учрежденіемъ правительственнымъ, а долженъ быть отнесенъ къ учрежденіямъ сословнымъ, при чемъ заводъ этотъ, хотя и обезпечивается обязательною покупкою свѣчей всѣми церквами и монастырями епархіи, но самъ составляетъ совершенно независимое отъ церквей и монастырей учрежденіе, и 3) что въ силу этого, а равно и потому, что епархіальный заводъ снабжаетъ церкви и монастыри не только издѣліями своего производства, но также и другими предметами церковнаго употребленія,—масломъ, виномъ, лаланомъ и тому подобнымъ,—пріобрѣтаемыми имъ для продажи, акты и документы этого завода по закупкѣ имъ разныхъ матеріаловъ, какъ для выдѣлки церковныхъ свѣчей, такъ и другихъ издѣлій и по продажѣ таковыхъ, хотя бы церквамъ, не могутъ быть, по мнѣнію департамента, освобождены отъ гербоваго сбора ни по п. 1, ни по п. 12 ст. 72 дѣйствующаго гербоваго устава. Въ виду такого отзыва департамента окладныхъ сборовъ означенное ходатайство епархіальнаго свѣчнаго завода опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 11—27 декабря 1902 года за № 5478, отклонено.

2) Отъ 13—25 декабря 1902 г. за № 5554, касательно порядка производства оканчивающимъ семинарскій курсъ воспитанникамъ дополнительныхъ испытаній для полученія званія студента семинаріи.

Въ разрѣшеніе возбужденныхъ правленіемъ одной духовной семинаріи вопросовъ относительно порядка производства оканчивающимъ семинарскій курсъ ученія воспитанникамъ дополнительныхъ испытаній по богословскимъ предметамъ первыхъ четырехъ классовъ семинаріи для полученія званія студента семинаріи, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, разъяснилъ, что: 1) на основаніи Синодальнаго опредѣленія, отъ 16—23 сентября 1898 года, къ дополнительнымъ испытаніямъ по богословскимъ предметамъ низшихъ классовъ семинаріи могутъ быть допускаемы только тѣ изъ оканчивающихъ семинарскій курсъ воспитанниковъ, которые по поведенію, способностямъ и успѣхамъ, обнаруженнымъ ими въ V и VI классахъ, будутъ признаны семинарскими правленіями достойными званія студента, но не имѣютъ соотвѣствующихъ сему званію балловъ по богословскимъ предметамъ, проходимымъ въ первыхъ четырехъ классахъ семинаріи; поэтому тѣ изъ оканчивающихъ курсъ воспитанниковъ семинаріи, которые по богословскимъ предметамъ V и VI классовъ и сочи-

ненію будутъ имѣть въ окончательномъ выводѣ болѣе одного второразряднаго балла (3), не могутъ быть допускаемы для полученія званія студента къ дополнительнымъ испытаніямъ по богословскимъ предметамъ низшихъ классовъ; 2) дополнительные испытанія разрѣшаются по богословскимъ предметамъ, проходимымъ въ первыхъ четырехъ классахъ семинаріи, слѣдовательно и по такимъ, которые начинаются въ низшихъ классахъ, а заканчиваются въ V и VI классахъ, но ни въ какомъ случаѣ не по предметамъ, проходимымъ только въ послѣднихъ двухъ классахъ семинаріи; 3) окончивающіе семинарскій курсъ воспитанники, признанные по своимъ успѣхамъ въ V и VI классахъ достойными званія студента, но не имѣющіе соотвѣствующихъ сему званію балловъ по богословскимъ предметамъ первыхъ четырехъ классовъ, должны держать дополнительные испытанія по всѣмъ, безъ изыятія, богословскимъ предметамъ низшихъ классовъ, по которымъ они имѣютъ второразрядный баллъ 3, и 4) дополнительные испытанія желающимъ держать оныя могутъ быть производимы, по усмотрѣнію правленій, или во время выпускныхъ экзаменовъ предъ лѣтнимъ каникулами, или во время переэкзаменовокъ послѣ каникулъ, до начала открытія классныхъ учебныхъ занятій въ семинаріяхъ.

Журналы Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 4-го февраля 1903 года.

Журналъ № 1-й.

Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа, въ числѣ восьми человекъ, прибывъ въ 9 часовъ утра въ собраніе, состоявшееся въ зданіи Сумскаго духовнаго училища, и, по молитвѣ, избравъ, посредствомъ закрытой баллотировки предсѣдателемъ Съѣзда священника Алексѣя Станиславскаго, а дѣлопроизводителемъ священника Симеона Недѣлку, разсматривали экономическій отчетъ Правленія училища за 1901 годъ, исправленный онымъ согласно указаніямъ временно-ревизионнаго комитета, отмѣченнымъ въ журналѣ очереднаго Съѣзда духовенства училищнаго округа № 3, ст. 1, сентября 20 дня 1902 года.

Справка: Съѣздъ духовенства училищнаго округа въ засѣданіи 20 сентября 1902 года, провѣривъ неправильности отчета Правленія училища за 1901 годъ, отмѣченный временно-ревизионнымъ комитетомъ, постановилъ: „признать отчетъ Правленія училища за 1901 годъ по нѣкоторымъ статьямъ составленнымъ неправильно, расходъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ произведеннымъ не по смѣтному

назначенію и просить Правленіе училища исправить отчетъ и представить оный будущему Съѣзду духовенства Сумскаго училищнаго округа^а.

Постановили: признать экономическій отчетъ Правленія училища за 1901 годъ исправленнымъ, согласно постановленію Съѣзда духовенства 1902 года.

1. Слушали объяснительную записку Правленія училища о результатахъ заключенія экономическаго года по содержанію Сумскаго духовнаго училища за 1902 годъ слѣдующаго содержанія:
 а) Смыта расхода по содержанію Сумскаго духовнаго училища на 1902 годъ, принятая Съѣздомъ духовенства училищнаго округа и утвержденная Епархіальною властію, предусматривала дефицитъ въ 828 руб. 38 коп.

2. Къ 1-му январю 1902 года неоплаченныхъ счетовъ отъ 1901 года за училищемъ оставалось на 3228 руб. 53 коп. На уплату сей суммы у Правленія училища имѣлось долгу за родителями по содержанію ихъ дѣтей въ 1901 году и разныхъ запасовъ по продовольствію учениковъ и содержанію училища всего на 2874 р 89 к.

3. Мѣропріятія предложенныя Правленіемъ училища Съѣзду духовенства въ 1901 году, принятая послѣднимъ и утвержденныя Епархіальною властію, съ одной стороны, опытные и мудрыя руководственныя указанія Преосвященнѣйшаго Стефана, Епископа Сумскаго относительно экономической жизни училища въ теченіе всего 1902 года, съ другой стороны, при заключеніи истекшаго 1902 года дали слѣдующіе результаты:

а) Смыта на 1902 годъ исполнена безъ дефицита.

б) Долговъ, или неоплаченныхъ счетовъ отъ 1902 года не имѣется ни на копѣйку.

Кромѣ сего, училище, по заключеніи экономическаго года, имѣеть какъ чистый остатокъ:

1. Долгу за родителями по содержанію ихъ дѣтей въ 1902 году	294 р. — к.
2. Стараго долгу, за содержаніе въ 1901 году.	80 „ — „
3. Долгу за духовенствомъ училищнаго округа за портретъ Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія	125 „ 50 „
4. Разныхъ запасовъ по продовольствію учениковъ и содержанію зданій	400 „ 5 „
5. Писчей бумаги, стальныхъ перьевъ и карандашей	96 „ 45 „
6. Книгъ, заготовленныхъ къ продажѣ въ 1903 г.	377 „ 55 „
7. Наличными деньгами	39 „ 92 „
Всего . 1413 р. 47 к.	

4. Временно-ревизионный комитетъ отъ училищнаго округа въ полномъ составѣ своемъ былъ приглашенъ на экономическое засѣданіе Правленія училища 16 января с. г., на которомъ разсматривался экономическій журналъ Правленія за декабрь 1902 года и доложены были всѣ результаты истекшаго года.

Справка. Съѣздъ духовенства Сумскаго училищнаго округа въ засѣданіи 20 сентября 1902 года, по разсмотрѣніи отчета Правленія училища за 1901 годъ и выслушаніи акта, составленнаго комиссіей, избранной Съѣздомъ духовенства для подсчета суммъ, поступившихъ изъ мѣстныхъ источниковъ въ 1901 году по содержанію духовнаго училища, постановилъ: „имѣя въ виду что: а) ни отчетомъ съ приложенными документами къ нему, ни объяснительной запиской Правленіе училища не устанавливаетъ ясно, на какую именно сумму отъ 1901 года осталось неоплаченныхъ счетовъ и въ какой суммѣ имѣется дефицитъ по содержанію училища, что можетъ повториться и при представленіи отчета за текущій 1902 годъ, б) что неясность экономическаго положенія училища вносить нежелательную неопредѣленность отчетности и путаницу при очисткѣ статей расхода оправдательными документами и г) готовность духовенства въ случаѣ нужды покрыть дефицитъ по содержанію училища съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ суммы, ассигнуемыя на извѣстный годъ, своевременно и расходовались по назначенію, просить Правленіе училища по истеченіи сего 1902 года, собрать всѣ безъ исключенія счета, какіе окажутся къ 1-му января 1903 года неоплаченными средствами, поступившими на содержаніе училища въ теченіе 1902 года и при непремѣнномъ участіи членовъ временно ревизионнаго комитета выяснить: какая сумма составляетъ дефицитъ училища къ указанному сроку, т. е. 1 января 1903 года и въ видѣ особаго доклада представить имѣющему быть экстренному Съѣзду духовенства Сумскаго училищнаго округа“.

5. Слушали докладъ временно-ревизионнаго комитета при Сумскомъ духовномъ училищѣ, представленный экстренному Съѣзду духовенства слѣдующаго содержанія: „Вслѣдствіе постановленія Съѣзда духовенства училищнаго округа отъ 20 сентября 1902 года, утвержденаго Его Высокопреосвященствомъ, мы, члены временно-ревизионнаго комитета, были приглашены Правленіемъ училища 16 января 1903 года на училищное экономическое засѣданіе, гдѣ выслушали прочитанный о. Предсѣдателемъ Правленія журналъ объ экономическомъ состояніи училища за истекшій 1902 годъ, въ которомъ, между

прочимъ, значилось, что протекшій 1902 экономическій годъ закончился безъ дефицита и неоплаченныхъ счетовъ къ 1-му января 1903 года не имѣется. Такъ какъ мы Правленіемъ училища не были приглашены для участія въ составленіи и провѣркѣ читаннаго отчета, то просили Правленіе дать намъ приходо-расходныя книги со всѣми документами за 1902 годъ. Правленіе въ то время не могло дать, такъ какъ по заявленію о. Предсѣдателя Правленія счета и журналъ за декабрь мѣсяцъ истекшаго года не были утверждены Его Высокопреосвященствомъ. Тогда мы просили назначить срокъ для полученія означенныхъ книгъ и документовъ, ваковой, съ общаго согласія, и былъ назначенъ на 28 января с. г. Получивши 28 января приходо-расходныя книги за 1902 годъ съ документами и разсмотрѣвъ ихъ, убѣдились, что безъ годового отчета за 1902 годъ, ваковой еще не составленъ Правленіемъ училища, невозможно съ точностію опредѣлить, имѣются ли неоплаченные счета за прежніе годы или нѣтъ. Постановили: принять къ свѣдѣнію. На семь журналъ послѣдовала резолюція Его Преосвященства: 11 февраля 1903 года. Утверждается. Епископъ Стефанъ.

Журналъ № 2, февраля 4 дня.

Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа, въ числѣ девяти человекъ, прибывъ въ собраніе въ 6 часовъ вечера, по молитвѣ,

1. Слушали докладъ Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Стефана, Епископа Сумскаго, Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Флавіану, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому и резолюцію Его Высокопреосвященства на ономъ слѣдующаго содержанія: „Разсматривая экономическіе журналы Правленій духовныхъ училищъ, я обратилъ вниманіе на то, что служащіе въ духовныхъ училищахъ получаютъ, кромѣ штатнаго жалованья, еще пособія изъ мѣстныхъ средствъ. Справки, дѣлаемыя о такихъ пособіяхъ, показываютъ, что эти пособія въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ измѣнившимися обстоятельствами (увеличеніемъ штатнаго жалованья отъ казны, или новымъ ассигнованіемъ пособій изъ мѣстныхъ же средствъ) утратили свое первоначальное значеніе и не должны бы имѣть уже мѣста... Признавая, съ одной стороны, дѣйствительную необходимость въ квартирномъ вспоможеніи учителямъ Харьковскаго и Сумскаго училищъ, какъ такихъ центровъ, гдѣ и квартиры, и жизнь несомнѣнно дороги, съ другой стороны, я не могу найти нормальнымъ полученіе такихъ пособій, которыя съ измѣненіемъ условій ихъ первоначальнаго назначенія.

утратили теперь свое значеніе, а также пособій столомъ начальствующимъ лицамъ, такъ какъ послѣднія, по поступающимъ жалобамъ, не довольствуются ученическимъ столомъ, но требуютъ себѣ особо приготовленныхъ кушаній и не только для себя лично, но и на всю семью. Да и вообще пособія начальствующимъ лицамъ, какъ лучше прочихъ служащихъ обезпеченнымъ, пользующимся, кромѣ положенныхъ по Уставу казенныхъ квартиры и отопленія, обычно и освѣщеніемъ, прислугой и содержаніемъ этой прислуги (что по Уставу не положено), я считалъ бы ненормальнымъ, какъ лишающія ихъ самостоятельности и независимости отъ духовенства, дающаго эти пособія. А посему я полагалъ бы нужнымъ, если будетъ на то архипастырское соизволеніе Вашего Высокопреосвященства, сдѣлать предложенія окружнымъ Съѣздамъ духовенства пересмотрѣть сдѣланныя ими ранѣ постановленія о пособіяхъ изъ мѣстныхъ средствъ и свести ихъ къ одной формѣ квартирнаго пособія, или вовсе отиѣнять: а) пособія начальствующимъ лицамъ, какъ столомъ, такъ и деньгами, б) пособія „за особые труды“ и такія же „на члв“, а также в) жалованье членамъ Правленія отъ духовенства и членамъ временно-ревизіоннаго комитета, какъ не предусмотрѣнное Уставомъ“. „Копія сего доклада преосвященнаго представить въ имѣющіяся собранія окружные Съѣзды духовенства для всесторонняго и тщательнаго обсужденія, кому и какія пособія духовенство признаетъ нужнымъ сохранить на будущее время, по какимъ побужденіямъ и на какомъ законномъ основаніи и какія отиѣнять, какъ утратившія въ настоящее время вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ и лицъ, свое первоначальное назначеніе и неимѣющія подъ собою законнаго основанія. Причемъ, нѣкоторыя пособія могутъ быть сохранены за лицами ихъ нынѣ получающими, но съ тѣмъ, чтобы преемники ихъ пособіями этими уже не пользовались“.

Поставовили: подвергнуть пересмотру всѣ дополнительныя пособія изъ мѣстныхъ средствъ въ семъ засѣданіи. По пересмотрѣ единогласно постановили: а) квартирное пособіе учителямъ и добавочное содержаніе надзирателямъ признать подлежащими выдачѣ на основаніи прежнихъ постановленій Съѣздовъ духовенства, б) смотрителю училища протоіерею о. Аркадію Грузову вмѣсто 200 рублеваго пособія вслѣдствіе его отказа отъ 150 руб., выдавать ежегодно по 50 руб., согласно постановленію Съѣзда духовенства 1895 года, назначенное въ видѣ награды за изысканіе въ пользу училища нѣсколькихъ тысячъ рублей, въ видѣ пожертвованій отъ разныхъ лицъ, в) членамъ Правленія отъ духовенства

выдавать по прежнему по 100 рублей въ годъ каждому. Вопросъ о выдачѣ пособія помощнику смотрителя священнику о. Іакову Матусевичу, въ размѣрѣ 160 рублей въ годъ, выдававшихся его предшественникамъ, оставить открытымъ впредь до улучшенія училищныхъ средствъ.

2. Слушали прошеніе помощника смотрителя училища священника о. Іакова Матусевича, въ которомъ онъ просить Съѣздъ духовенства выдать ему денежное вознагражденіе примѣнительно къ § 62 Устава духовныхъ училищъ за понесенные имъ труды по занятіямъ съ учениками 2-го класса греческимъ языкомъ за болѣзнію въ 1901 году учителя Алексѣя Литкевича, всего за 40 уроковъ, считая по 1 руб. 13 коп. за каждый урокъ, 45 руб. 20 коп. Постановили: выдать священнику Іакову Матусевичу просимую сумму изъ училищныхъ остатковъ.

3. Слушала заявленіе члена Правленія училища протоіерея Николая Фесенкова о томъ, что онъ, радѣя о пользѣ училищнаго дѣла при лучшемъ обеспеченіи лицъ, служащихъ въ ономъ училищѣ, изъявляетъ согласіе выдать въ удовлетвореніе просьбы помощника смотрителя священника Іакова Матусевича въ текущемъ 1903 году изъ своихъ средствъ 160 рублей. Постановили: жертву протоіерея Николая Фесенкова принять и благодарить его.

4. Имѣли сужденіе о днѣ очереднаго собранія Съѣзда духовенства училищнаго округа въ текущемъ 1903 году.

Справка. Съѣздомъ духовенства 1902 года очередное собраніе Съѣзда было назначено на 27 сентября 1903 года, что неудобно для членовъ Съѣзда, такъ какъ это число приходится въ субботу, о чемъ и было заявлено въ собраніи. Постановили: очередной Съѣздъ духовенства училищнаго округа въ семъ 1903 году назначить на 23 сентября. На семъ журналѣ послѣдовала резолюція Его Преосвященства: 11 февраля 1903 года. Утверждается. Епископъ Стефанъ.

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901-1902 учебный годъ.

(Продолженіе *).

Число воспитанницъ, переведенныхъ изъ класса въ классъ, число окончившихъ полный курсъ съ аттестатами и число выбывшихъ изъ Училища по разнымъ причинамъ.

По окончаніи годичныхъ испытаній и переэкзаменового постановленіемъ Педагогическаго Совѣта, утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ, одніѣ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 5.

воспитанницы переведены были въ слѣдующіе классы, другія оставлены на повторительный курсъ и нѣсколько уволено по прошенію родителей.

Нижеслѣдующая таблица показываетъ число воспитанницъ, выпущенныхъ среди учебнаго года, принятымъ вновь, а также результаты экзаменовъ и переекзаменовокъ.

К Л А С С Ы	Число воспитанницъ въ классѣ въ началу учеб. года.	Сколько вышло изъ училища.	Сколько принято вновь въ училище.	Сколько состояло воспитанницъ къ концу года.	Сколько воспитан. переведено безъ переекзаменов.	Сколько удостоено наградъ.	Сколько держало переекзаменов.	Сколько успѣшно выдержало переекзаменовки.	Сколько переведено безъ экзамена.	Число оставшихся на повторит. курсъ по малолѣтств.	Число оставшихся по прошенію родителей.	Число уволенныхъ по малолѣтственности.	Число уволенныхъ по прошенію родителей.
Приготовительный . . .	57	2	3	58	50	1	4	—	3	2	—	1	2
1 нормальный	51	2	3	49	41	5	3	—	3	1	—	2	2
1 параллельный	49	2	—	50	42	2	3	1	3	2	—	—	3
2 нормальный	49	—	2	51	39	3	8	—	3	1	2	1	5
2 параллельный	47	—	2	49	40	5	4	—	7	1	—	1	—
3 нормальный	46	2	—	44	36	2	5	1	3	2	—	—	3
3 параллельный	44	1	1	44	28	1	10	—	6	2	—	2	6
4 нормальный	39	—	—	39	37	3	2	—	—	—	—	—	2
4 параллельный	40	—	2	42	37	1	3	—	1	1	—	—	3
5 нормальный	39	2	—	37	32	2	2	—	4	—	—	—	1
5 параллельный	41	—	—	42	37	—	5	1	—	—	—	—	5
6 нормальный	39	—	—	39	38	1	1	—	—	—	—	—	1
6 параллельный	36	—	—	36	33	3	3	—	—	—	—	—	3
Итого	577	11	14	580	490	29	53	3	33	12	2	7	36

Такимъ образомъ изъ 580 воспитанницъ выпущено съ установленными аттестатами объ окончаніи курса 75, переведено въ слѣдующіе классы 526, оставлено на повторительный курсъ 45 и уволено изъ Училища 9 ученицъ.

За выключеніемъ воспитанницъ выпущенныхъ 75 и уволенныхъ 9, къ началу текущаго 1902—1903 учебнаго года изъ отчетнаго состава воспитанницъ оставалось 496.

Въ Августѣ 1902 года вновь принято въ число воспитанницъ 158 дѣвицъ: въ приготовительный классъ 117, въ 1-й кл.—35, въ 4-й—3 и въ 5-й кл.—3 ученицы.

Учебный годъ начался при 654 воспитанницахъ. По классамъ онѣ распределены такъ: въ подготов. 60, въ подготов. параллельн. 62, въ 1 норм. 48, въ 1 пар. 48, во 2 норм. 50, во 2 пар. 50, въ 3 норм. 49, въ 3 пар. 48, въ 4 норм. 39, въ 4 пар. 39, въ 5 норм. 43, въ 5 пар. 43, въ 6 норм. 33 и въ 6 пар. 42 воспитанницы.

(Продолженіе будетъ).

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

При храмѣ Христа Спасителя на мѣстѣ чудеснаго спасенія Царской Семьи (близъ станціи Борки К.-Х.-С. ж. д.) въ настоящее время выѣтся свободное мѣсто псаломщика.

На это мѣсто приглашается такое лицо, которое, получивъ законченное образованіе и будучи хорошо знакомо съ дѣломъ церковнаго пѣнія, могло бы успѣшно исполнять обязанности какъ преподавателя въ существующей при храмѣ Христа Спасителя церковной школѣ, такъ и регента церковнаго хора. Въ случаѣ же, если не окажется лицъ съ законченнымъ семинарскимъ образованіемъ, на мѣсто псаломщика можетъ быть опредѣлено и лицо, имѣющее учительское свидѣтельство съ правомъ преподаванія церковнаго пѣнія.

На содержаніе псаломщика положено 250 руб. въ годъ; но сверхъ сего еще ассигновано 120 руб. за обученіе пѣнію, на полученіе которыхъ псаломщикъ и можетъ рассчитывать при означенномъ выше условіи.

Епархіальныя извѣщенія.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

- При Преображенской церкви, сл. Вѣлоуца, Старобѣльскаго уѣзда.
- Рождество-Богородичной церкви, сл. Шуликиной, Старобѣльск. уѣзда.
 - Тихоновской церкви, сл. Сидоренкова, Валковскаго уѣзда.
 - Успенской церкви, с. Литвиновки, Старобѣльскаго уѣзда.
 - Троицкой церкви, сл. Перекопа, Валковскаго уѣзда.

Діаконскія:

- При Иоанно-Предтеченской церкви, с. Станичнаго, Валковского уѣзда.
 « Троицкой церкви, сл. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда.
 « Николаевской церкви, сл. Высокополья, Валковского уѣзда.

Псаломщицкія:

- При Благовѣщенской церкви, г. Харькова (для окончивш. дух. Семинарію).
 « Покровской церкви, с. Козѣвки, Богодуховскаго уѣзда.
 « Николаевской церкви, с. Новой Айдары, Старобѣльскаго уѣзда.
 « Преображенской церкви, с. Межирача, Лебединскаго уѣзда.
 « Покровской церкви, с. Радьовки, Бупянскаго уѣзда.
 « Кирилло-Меѳодіевской церкви, с. Райгородскаго, Бупянскаго уѣзда.
 « Иоанно-Богословской церкви, с. Гомольши, Зміевскаго уѣзда.
 « Николаевской церкви, с. Тянушевки, Старобѣльскаго уѣзда.
 « Успенскомъ Соборѣ, г. Богодухова.
 « Покровской Соборной церкви, г. Бупянска (въ санѣ діакона).
 « Троицкой церкви, с. Сѣнной, Богодуховскаго уѣзда.
 « Воскресенской церкви, с. Боголюбовки, Бупянскаго уѣзда.
 « Николаевской церкви, г. Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда.
 « Успенской церкви, с. Вольнаго, Богодуховскаго уѣзда.
 « Николаевской церкви, сл. Терновъ, Лебединскаго уѣзда.
 « Александро-Невской церкви, с. Александровки, Валковского уѣзда.
 « Преображенской церкви, сл. Котальвы, Ахтырскаго уѣзда.
 « Николаевской церкви, сл. Новой-Водолаги, Валковского уѣзда.
 « Успенской церкви, сл. Коломака, Валковского уѣзда.
 « Владимірско-Богородичной церкви, с. Должинка, Харьковскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Духовно-учебныхъ заведеній г. Харькова и Института Благородныхъ дѣвиць.—Религіозно-нравственна чтенія въ Харьковѣ.

Первое посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковской Духовной Семинаріи.

19 марта сего года навсегда запечатлѣтся въ сердцахъ начальствующихъ, учащихся и учащихъ въ Харьковской Духовной Семинаріи. Въ этотъ день Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, оказалъ Семинаріи великую

честь и доставилъ питомцамъ ея и служащимъ въ ней во всю жизнь не забываемую духовную радость: первую Литургію Преждеосвященныхъ Даровъ въ своей новой Харьковской паствѣ Владыка позволилъ совершить въ домово́й церкви Духовной Семинаріи ¹⁾).

Благословенъ Господь Богъ, вложившій въ сердце нашего новаго Архипастыря желаніе проявить свое первое отношеніе ко вѣрнымъ его попеченію Харьковскимъ Духовно-учебнымъ заведеніямъ не въ официальномъ ознакомленіи съ ними, въ родѣ посѣщенія учащихся во время ихъ классныхъ занятій, осмотра ихъ помѣщеній, представленія ихъ ему въ актовомъ залѣ, а въ молитвенномъ общеніи въ храмѣ Божиѣмъ. Здѣсь, въ мѣстѣ особеннаго присутствія Божія, Архипастырь увидѣлъ въ первый разъ питомцевъ духовныхъ Харьковскихъ школъ съ ихъ руководителями и преподалъ имъ свое благословеніе на путь добра. Здѣсь же предъ лицомъ Всемогущаго Бога Владыка показалъ учащимъ и учащимся свой духовный обликъ, совершивъ важнѣйшее христіанское Богослуженіе, Литургію, на которой дерзновенно предстательствовалъ за свою юную паству предъ престоломъ Всемогущаго Господа, какъ отвѣтствующій за нее предъ Богомъ Ангелъ церкви Харьковской, котораго нѣкогда будетъ судить самъ Господь за дѣла паствы, и которому вмѣнятся какъ грѣхъ, такъ и добродѣтели пасомыхъ (Апок. гл. 2 и 3).

Въ такомъ своемъ первомъ дѣйствіи по отношенію къ нашимъ Духовно-учебнымъ заведеніямъ Владыка проявилъ, безъ сомнѣнія, глубокое пониманіе своихъ Архипастырскихъ обязанностей въ отношеніяхъ къ воспитывающемуся юношеству, необыкновенную чуткость духовную къ нуждамъ и потребностямъ всякой другой души, чуткость, соединенную со святымъ великимъ чувствомъ любви, которою, какъ мы знаемъ, всегда неизмѣнно пользовались всѣ подвѣдомственные ему Духовно-учебныя заведенія.

Умилительно и прежде всегда бывало видѣть молитвы нашихъ Архипастырей въ семинарскомъ храмѣ за молодыхъ людей, готовящихся къ пастырскому служенію и за ихъ руководителей; но особенно трогательно было видѣть это нынѣ, въ покаянные дни Великаго Поста.

¹⁾ 21 марта Владыка совершилъ Преждеосвященную Литургію въ Церкви Епархіальнаго женскаго училища. Предполагалъ Владыка слѣдующую Литургію совершить въ Церкви мужского Духовнаго училища, но болѣзнь помѣшала ему совершить это благое дѣло.

Въ самомъ дѣлѣ, какую дивную картину представлялъ убѣленный сѣдинами Архипастырь, молящійся съ сонмомъ священнослужителей, предъ престоломъ Всевышняго, за юное стадо и во главѣ этого стада! Какимъ благоговѣннымъ трепетомъ наполнялось сердце и священно-дѣйствующаго Владыки, и всѣхъ молящихся съ нимъ, при мысли, что Богослуженіе отъ начала до конца совершается предъ Агнцемъ Божиимъ, истиннымъ, дѣйствительнымъ Агнцемъ Божиимъ, закланнымъ нашего ради спасенія. Надобно было имѣть не юношеское сердце, быть слишкомъ черствымъ и грубымъ душею, чтобы при такой трогательной обстановкѣ всей душой не присоединиться къ вдохновенной молитвѣ стоявшаго предъ лицомъ Господнимъ Архипастыря и съ этимъ вмѣстѣ не испытать сладости отъ общенія въ молитвѣ съ нимъ.

Сладость отъ общенія въ молитвѣ съ Архипастыремъ должна была еще болѣе усиливаться тѣмъ, что оно происходило на Литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ. Это Богослуженіе все отъ начала до конца содержитъ въ себѣ рядъ молитвословій и представляетъ цѣпь священнодѣйствій, которыя, особенно при Архіерейскомъ служеніи, необыкновенно трогаютъ душу, возбуждая въ ней чувство грѣховности, и заставляя ее переживать сладость раскаянія вмѣстѣ съ стремленіемъ, освободившись отъ тяжкаго бремени грѣховнаго, и умомъ и сердцемъ вознестись къ Небу. Чтобы убѣдиться въ этомъ, обратимъ вниманіе на три, только три указанные намъ самимъ Владыкой моменты на Преждеосвященной Литургіи, когда съ особенною силою, какъ бы неволью, душа наша порываетъ связь съ обыденною жизнію и соприкасается съ другою духовною, небесною, вслѣдствіе чего неизъяснимымъ восторгомъ наполняется и радостно трепещетъ наше сердце. — Сколько говорить уму и сердцу, напр., умиляющее душу пѣніе: „Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою (т. е. Да летитъ молитва моя къ Тебѣ на небо, какъ дымъ кадильный)“. Затѣмъ, „Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя...“ „Положи Господи храненіе устамъ моимъ“, (ковни я такъ часто прогнѣваю Бога и обижаю своихъ ближнихъ)“. „Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія, нещевати вины (т. е. чтобы не выдумывать извиненія) о грѣсѣхъ моихъ“. И какая умилятельная картина представляется намъ въ это время. Три юноши, стоя предъ царскими вратами, впереди молящихся, цюютъ эти трогательныя слова. Сквозь открытыя царскія врата видно, какъ въ рукѣ стоящаго предъ пре-

столомъ Архипастыря дымится кадило. Дымъ кадильный бѣлыми клубами волнуется въ алтарѣ, несется вверхъ, застилая престолъ, и какъ будто уноситъ къ небу молитвы дерзновенно-стоящаго предъ престоломъ Архипастыря и его колѣнопреклоненныхъ пасомыхъ. — Или вотъ наступаетъ время Великаго выхода. Съ клироса слышалось величественное пѣніе: „Нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ; се бо входитъ Царь славы..“ Слова церковной пѣсни напоминаютъ вѣрующимъ о наступленіи великой минуты, когда среди нихъ дѣйствительно явится Самъ Царь славы, въ видѣ жертвы, несомой на главѣ священно-служителя. Невъяснимымъ благоговѣніемъ наполняются сердца молящихся, когда послѣ пѣнія „Нынѣ силы небесныя“, среди водворившейся тишины во храмѣ, они (молящіяся), павши ницъ, слышать тихіе мѣрные шаги священнослужителей да звуки отъ кадилъ, потрясаемыхъ діаконами, которые идя впереди несомого Агнца Божія, устилаютъ Ему путь еиміамомъ, и по нему, точно по волнамъ, шествуетъ Царь Славы... И мнится намъ, что въ эту минуту силы небесныя съ нами невидимо служатъ Господу. — Или какое молитвенно-покаянное настроеніе возбуждаетъ въ насъ двукратное чтеніе на Преждеосвященной Литургіи молитвы преподобнаго Ефрема Сирина: „Господи и Владыко живота моего“, особенно когда чтеніе этой молитвы, какъ это замѣчалось у насъ, бываетъ истовое, вразумительное, проникновенное.. Усердно творятся въ это время въ церкви земные поклоны; тамъ и здѣсь слышатся глубокіе вздохи; тамъ и здѣсь повторяются шепотомъ слова Евангельскаго мытаря: Воже, милостивъ буди миѣ, грѣшному... Не можемъ не привести здѣсь сужденія объ этой дивной молитвѣ, высказаннаго нашимъ знаменитымъ писателемъ А. С. Пушкинымъ, который въ послѣдніе годы своей жизни внимательно изучалъ наши церковныя молитвы. Вотъ оно:

„Отцы пустынники и жены непорочны,
 Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
 Чтобъ укрѣплять его средь дольныхъ буръ и битвъ,
 Сложили множество Божественныхъ молитвъ;
 Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
 Какъ та, которую священникъ повторяетъ
 Во дни печальныя Великаго поста;
 Всѣхъ чаще миѣ она приходитъ на уста
 И ладшаго живить невѣдомою силой.
 «Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой,

Лебоначала, змѣи сокрытой сей,
 И празднословія не даждь душѣ моеи;
 По дай мнѣ зрѣть мнѣ, о Боже, прегрѣшеня,
 Да братъ мой отъ меня не пражеть осужденя,
 И духъ смиренія, терпѣнія, любви
 И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.

Являя въ своемъ содержаніи, молитвословіяхъ, пѣснопѣніяхъ и священнодѣйствіяхъ, могущественное средство къ возбужденію покаяннаго, умилительно-трогательнаго настроенія, Литургія Преждеосвященныхъ Даровъ, совершенная Высокопресвященнѣйшимъ Арсеніемъ, еще болѣе усиливала въ насъ это религиозное настроеніе, благодаря образцовому совершенію ея. Но истиннѣ нашъ новый Архипастыръ явилъ намъ образецъ рѣдкаго въ наше время, трудно передаваемого словами служенія Господу Богу. Рѣдко можно видѣть такое внимательное, неторопливое, внятное, величаво-спокойное, истовое и благоговѣйное Богослуженіе, какое Господь сподобилъ насъ видѣть въ выше упомянутые дни. Несмотря на 2¹/₂ часовое служеніе Литургіи, (не считая совершенія часовъ), время это прошло какъ одинъ мигъ.

Когда литургія приближалась къ концу, всѣ бывшіе въ храмѣ съ зампраніемъ сердца ожидали услышать слово просвѣщеннѣйшаго Владыки, извѣстнаго своимъ краснорѣчіемъ и свойственною его проповѣдямъ помазанностію и задухевностію рѣчи. И вотъ, послѣ пѣнія „Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка“, Владыка произнесъ глубоко назидательное слово, при чемъ онъ преподавалъ своимъ новымъ слушателямъ изъ своей богатой сокровищницы продолжительнаго Архипастырскаго опыта много цѣнныхъ, жизненныхъ указаній относительно нравственнаго воспитанія, устроенія спасенія и будущей жизни и дѣятельности своихъ слушателей.

Отъ сердца выходящая, глубоко прочувствованная и потому благотворно дѣйствовавшая на сердца молодыхъ слушателей, рѣчь Архипастыря ллася плавно и стройно, подобно свѣтлomu ручью, текущему изъ чистаго источника по зеленому лугу и благотворно орошающему растительность. Въ каждомъ словѣ Архипастыря ощущалось нѣчто такое, что невольно приковывало къ нему вниманіе слушателей, отвлекая ихъ отъ суетныхъ земныхъ чувствъ и мелочныхъ житейскихъ стремленій. Въ каждомъ выраженіи Владыки замѣчалось какое то особенное умѣнье примѣниться къ ду-

шевному состоянію и развитію своихъ слушателей, умѣнье, которое мѣтко охарактеризовалъ св. Апостоль Павелъ словами: быхъ всѣмъ вся, да всяко нѣкія спасу (1 Кор. 9. 22). Глубокимъ чувствомъ любви дышало все слово Владыки отъ начала до конца, при видѣ молодыхъ духовныхъ юношей, готовящихся къ пастырскому служенію. Въ лицѣ ихъ онъ видѣлъ не просто своихъ чадъ пасомыхъ, а еще и своихъ сотрудниковъ на нивѣ Христовой, тѣ драгоценныя цѣпи, которыя должны приковать къ его Архипастырскому сердцу всю его почти двухъ миллионную Харьковскую паству, управлять и руководить которой онъ призванъ свыше. При глубокомъ чувствѣ любви къ своимъ слушателямъ въ рѣчахъ Владыки весьма ощутительно слышалось еще и весьма рѣдкое у современныхъ проповѣдниковъ чувство жалости къ поучаемымъ. Безъ сомнѣнія, всѣ лица, имѣвшія счастье присутствовать на Литургіи и слышать поученіе Владыки во Семинарскомъ храмѣ, не одинъ разъ видѣли слезы на очахъ его и во время Богослуженія, и особенно въ то время, какъ юные слушатели жадно внимали рѣчамъ его.

Надѣясь, что съ теченіемъ времени страницы нашего журнала украсятся замѣчательными словами къ юношеству. Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, мы пока сдѣлаемъ общій набросокъ, слабое отображеніе того слова, которое произнесъ онъ при первомъ служеніи въ Харьковской Духовной Семинаріи.

Указавъ на строгое соблюденіе устава церковнаго при Богослуженіи въ Семинарской церкви, какъ на побужденіе, которое заставило Владыку оказать предпочтеніе Семинаріи совершеніемъ въ ней Божественной Литургіи раньше, чѣмъ въ другихъ Духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ Харькова, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній продолжалъ приблизительно такъ:

„Я, возлюбленные юноши—надежда Харьковской церкви, съ великимъ утѣшеніемъ и радостію, самую святою и духовною радостію, вступилъ въ общеніе съ вами. Общеніе наше, какъ вы видите, началось въ храмѣ Божіемъ, во время Богослуженія, на которомъ я, какъ Архипастырь вашъ, молился за васъ предъ престоломъ Божіимъ и преподавалъ вамъ свое благословеніе... Такое начало нашего взаимнаго общенія другъ съ другомъ пусть будетъ залогомъ и послѣдующаго нашего общенія духовнаго, нашей связи, не мірской; а духовной связи, залогомъ тѣхъ надеждъ и чаяній, какия я всегда возлагалъ на Духовно-учебныя заведенія, особенно же на семинаріи, гдѣ воспитываются будущіе служители

Церкви, строители таинъ Божіихъ, руководители и воспитатели народа въ духѣ религіозномъ и строго-православномъ. Тому обстоятельству, что наше первое знакомство другъ съ другомъ началось не въ классѣ на урокахъ, не въ актовомъ залѣ чрезъ официальное, чиновничье представленіе, а въ храмѣ Божіемъ, и при томъ на Литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ, я придаю большое значеніе, какъ для себя, такъ для васъ. Я являюсь здѣсь вамъ въ своемъ служеніи предъ престоломъ Божіимъ предъ лицемъ всевидящаго Господа несомнѣнно такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ есмь; да и вы, участвуя со мною въ молитвѣ на Преждеосвященной Литургіи, естественно, должны показать во всей силѣ свое религіозно-нравственное настроеніе, такъ какъ участіе въ молитвѣ на Литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ можетъ обнаружить нашъ духовный обликъ болѣе, чѣмъ участіе во всякомъ другомъ Богослуженіи. Вы, конечно, хорошо знаете различіе между полной Литургіей Василія Великаго и Іоанна Златоуста и неполной Литургіей Преждеосвященныхъ Даровъ. Тѣ Литургіи, правда, болѣе торжественны; за то эта, совершаемая во дни Великаго поста, вся отъ начала до конца своими молитвословіями и пѣснопѣніями, какъ нельзя болѣе, возбуждаетъ въ насъ молитвенно-покаянное настроеніе, зоветъ душу нашу къ сокрушенію о грѣхахъ, къ жизни святой и богоугодной. Стоитъ только внимательно вдуматься въ нѣкоторыя молитвословія и пѣснопѣнія на Преждеосвященной Литургіи, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Вслушайтесь, напр., въ дивныя молитвенныя пѣснопѣнія, гдѣ высказываются вопли приснувшей отъ грѣховнаго сна души: «Да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою». «Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя. Вонми гласу моленія моего». «Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія нещевати вины о грѣсѣхъ». «Положи, Господи, храненіе устомъ моимъ». Лишь только мы услышимъ первыя слова этихъ пѣснопѣній, душа наша наполняется высокимъ религіозно-нравственнымъ чувствомъ смиренія, покаянія, жадной избавленія отъ грѣховъ, томленіемъ по небесному отечеству. Едва-ли мы можемъ какъ-нибудь иными словами лучше выразить сердечное сокрушеніе о грѣхахъ своихъ и свое безсиліе спастись безъ милосердія и благодати Божіей. Или обратите вниманіе на пѣснопѣніе предъ Великимъ выходомъ: «Ничѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ. Се бо входитъ царь славы». — Что должны чувствовать, слыша эти слова, стоящіе въ храмѣ? Каково должно

быть въ это время состояніе молящихся?—Сознаніе того, что они —прахъ и ничтожество, должны наполнять ихъ душу!—Можетъ быть, вы скажете, что и на полной Литургіи поется «Иже херувимы» и совершается Великій выходъ. Правда, но тамъ только воспоминается шествіе Господа нашего на вольныхъ страданія за грѣхи міра, тамъ переносятся только приготовленныя дары для таинства, а здѣсь Онъ Самъ дѣйствительно и существенно является предъ нами, сопутствуемый силами небесными... Какъ же намъ, грѣшнымъ, не повергнуться ницъ предъ Святѣйшимъ Святыхъ, въ сознаніи своей грѣховности! А что за дивная покаянная молитва препод. Ефрема Сирина, двукратно читаемая на Литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ: «Господи и Владыко живота моего!» Не слышится-ли въ каждомъ словѣ ея, дающемъ богатый матеріалъ для размышленія и поученія, не слышится-ли вопль души человѣческой, рвущейся отъ оковъ грѣха и неправды къ забытому нами въ суетѣ житейской Источнику правды и святости... Вы видѣли, юноши, когда я читалъ эту молитву, слезы на глазахъ моихъ. И не стыжусь я ихъ. Не стыдитесь и вы своихъ слезъ при молитвѣ. Ими, какъ благотворнымъ дождемъ, увлажняется, смягчается и дѣлается способнымъ къ воспріятію и возвращенію въ себѣ благодати Божіей сердце наше; ими привлекается на насъ, сокрушающихся о грѣхахъ, благоволеніе Отца Небеснаго и радость небожителей. Ими орошается и укореняется въ сердцѣ умиленіе сердечное.

Потому-то, повторяю вамъ, юноши, я отъ всего сердца радуюсь, что Господь судилъ мнѣ положить начало моему общенію съ вами Богослуженіемъ и притомъ совершеніемъ Преждеосвященной Литургіи. Я представился вамъ у самаго престола Божія, какъ служитель Христовъ и Архипастырь вашъ; я въ единодушіи, полагаю, и согласіи съ вами возносилъ молитвы ко Всевышнему. Молитва же къ Богу особенно въ храмѣ Божіемъ единодушная и согласная, когда всѣ молящіеся—славословятъ Бога и просятъ Его о своихъ нуждахъ единымъ сердцемъ и едиными устами, такая молитва есть лучшее выраженіе религіознаго чувства, которое никогда не должно въ васъ охлаждаться, а напротивъ должно развиваться до степени закаленія, в такой степени закаленія, чтобы вы, вооруженные еще знаніемъ преполаваемыхъ вами наукъ, могли избѣгать всякаго соблазна, сказавъ соблазнителю: „Пойди прочь отъ меня, сатана! Я воспитанъ на другихъ твердыхъ началахъ; я

самъ проникъ въ Священное Писаніе; я самъ изучилъ его, и не умомъ только, а всѣмъ сердцемъ воспринялъ его*.

Глубокое религиозное чувство, естественно, соединяется въ человѣкѣ съ любовію ко храму Божію, какъ мѣсту особеннаго присутствія Господня, съ любовію къ Богослуженію вообще, и въ особенности къ Литургіи, какъ такому священнодѣйствию, на которомъ совершается Святѣйшее возношеніе, на которомъ предлагается намъ въ таинствѣ причащенія, истинное Тѣло и истинная Кровь Самого Господа нашего Іисуса Христа, чтобы намъ и здѣсь на землѣ сдѣлаться участниками вѣчной жизни.

Въ основаніи же любви человѣка къ храму Божію и Богослуженію, какъ высшему выраженію религиозности, лежитъ чувство вѣры въ Бога и благоговѣнія предъ Нимъ. Кто вѣруетъ въ Бога, постоянно имѣетъ Его въ своемъ сердцѣ, тотъ будетъ всегда обращаться къ Нему съ молитвою, любить добро и отвращаться отъ зла... Вамъ, будущимъ пастырямъ словеснаго стада Христова, будущимъ служителямъ Церкви и дѣятелямъ въ средѣ простого народа необходимо знать все это и помнить, чтобы явиться въ свое время назидательнымъ примѣромъ религиозности, которую такъ любить нашъ православный народъ, которую желаетъ видѣть въ васъ и даже вправѣ требовать отъ васъ, какъ своихъ руководителей.

Вы—будущіе служители Церкви; цѣль вашего продолжительнаго обученія и воспитанія заключается въ томъ, чтобы выработать изъ васъ заботливыхъ и попечительныхъ пастырей ея. Весь строй вашей жизни, все содержаніе преподаваемыхъ вамъ наукъ прямо или косвенно направляется къ этому одному. Стремитесь же быть истинными сынами Церкви, чтобы потомъ быть вѣрными служителями ея! Между вами есть уже и зрѣлые юноши, которые, выслушавъ въ слова мои, могутъ убѣдиться въ томъ, какъ слова эти благовременны и полезны для всѣхъ васъ. Вы пока еще ученики; ваше дѣло молиться и учиться. Если вы будете усердны въ молитвѣ и ученіи, то явитесь истинными сынами церкви и отечества.

Заключу свое слово тѣмъ, чѣмъ и началъ я его. Я горю радостью при мысли о томъ, что Господь судилъ мнѣ представиться вамъ въ первый разъ въ моемъ Богослуженіи у васъ. Отъ всей души желаю, чтобы слова мои убѣдительно подѣйствовали на васъ въ дѣлѣ приготовленія вашего къ будущему служенію. Да сохранитъ же васъ Господь отъ всякаго зла, и да явится будущее служеніе ваше утѣшеніемъ вашимъ родителямъ и воспитателямъ,

Церкви же в Отечестве на пользу. Благословеніе Господне да будетъ на Васъ“.

По окончаніи Литургіи Высокопреосвященнѣйшій Арсеvій преподалъ свое Архипастырское благословеніе начальствующимъ, учащимъ и учащимся, каждому въ отдѣльности. О. Ректоръ предъ полученіемъ благословенія отъ Владыки обратился къ нему съ прочувствованнымъ привѣтствіемъ. Онъ сказалъ слѣдующее:

„Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивѣйшій Архипастыръ и Отець!

Волею Божіею, по опредѣленію Высшей духовной Власти, утвержденному изволеніемъ Благочестивѣйшаго Государа Императора Николая Александровича, Вы назначены управлять Харьковскою паствою и руководить ея внутренней духовною и внѣшней жизнью, и нынѣ Харьковская Духовная Семинарія имѣла духовное утѣшеніе участвовать въ Вашемъ первомъ святительскомъ служеніи въ ея храмѣ и слышать первое слово Вашего Архипастырскаго назиданія.

Привѣтствуя Ваше Высокопреосвященство, какъ своего Архипастыря, отъ лица Харьковской духовной Семинаріи, начальствующихъ въ ней, учащихся и учащихя, я смѣло и увѣренно заявляю, что Духовно-учебныя заведенія Харьковской епархіи счастливы Вашимъ назначеніемъ. Мы радуемся Вашему назначенію къ намъ, потому что мы знаемъ, что въ лицѣ Вашего Высокопреосвященства мы получили Архипастыря, умудреннаго продолжительнымъ опытомъ, благопопечительнаго, добраго, близко принимающаго къ сердцу состояніе Духовно-учебныхъ заведеній, какъ свое собственное, близкое любимое дѣло. Мы знаемъ это изъ описаній Вашей педагогической и архипастырской дѣятельности въ Кіевѣ, Симферополѣ, С.-Петербургѣ, Ригѣ и Казани. Мы знаемъ это изъ свидѣтельства очевидцевъ, Вашихъ учениковъ, питомцевъ С.-Петербургской и Казанской академіи. Наконецъ я самъ являюсь живымъ свидѣтелемъ Вашей благопопечительности и мудрой опытности въ управленіи учебными заведеніями, такъ какъ я имѣлъ счастье начать свою педагогическую дѣятельность подъ Вашимъ мудрымъ руководствомъ. Я хорошо помню, какъ Вы принимала близко къ сердцу всякое дѣло, касавшееся бывшей подъ Вашимъ управленіемъ Таврической Семинаріи; какъ Вы радовались всякому ея успѣху въ учебномъ, воспитательномъ отношеніи, или въ отношеніи внѣшняго благоустройства, и какъ Васъ огорчало, если что-либо не ладилось! Не было ни одной стороны въ жизни

Семинарія, которая не была бы предметомъ Вашего начальственнаго вниманія. И лучшее обезпеченіе преподавателей Семинаріи, и лучшая постановка учебнаго дѣла, усиленіе въ учащахся религіозно-нравственнаго настроенія, развитіе въ нихъ духа церковности, и забота объ улучшеніи ихъ матеріальнаго быта,—все было предметомъ Вашей самой внимательной заботливости.

Мы твердо увѣрены, что и Божественная благодать, преподаваемая Вамъ чрезъ возложеніе рукъ священничества (1 Тим. IV, 14), и послѣдующее свыше двадцатилѣтнее служеніе Ваше въ санѣ Святителя, которому поручалось управленіе и высшими Духовно-учебными заведеніями, и цѣлыми епархіями, и притомъ съ значительнымъ инородческимъ элементомъ населенія, еще болѣе умудрили Васъ.

Посему, взирая на Ваше Высокопреосвященство, какъ на благопопечительнаго отца, которому дорого наше благосостояніе и близки наши нужды, мы съ своей стороны съ полною искренностію и готовностію даемъ обѣщаніе быть послушными Вашему Архипастырскому гласу и въ точности исполнять Ваши Архипастырскія указанія и велѣнія относительно наилучшаго благоустроенія Харьковской Духовной Семинаріи“.

Послѣ литургіи Высокопреосвященнѣйшій Арсеній посѣтилъ квартиру о. Ректора, гдѣ ему былъ предложенъ чай. На чай были приглашены лица, принимавшія участіе въ совершеніи Литургіи: о. Инспекторъ Семинаріи, О. Ключарь, о. Духовникъ Семинаріи и два священника изъ ближайшихъ къ Семинаріи приходоѡ: о. П. Ѳомиинъ и о. М. Клячновъ, а также и преподаватели Семинаріи. Владыка около часу провелъ у о. Ректора, сердечно бесѣдуя съ лицами, его окружавшими.

При отъѣздѣ Владыку встрѣтили у дверей квартиры о. Ректора всѣ воспитанники Семинаріи и провожали до выхода изъ семинарскихъ зданій съ пѣніемъ „ис-полла-эти деспота“, и „многая лѣта“.

Первое посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

21-го марта—въ пятницу—Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій, совершалъ Божественную Литургію Преждосвященныхъ Дароѡ

въ церкви Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища. Прибывъ въ училище въ 9 час. 30 мин. утра, Его Высокопреосвященство было встрѣчено въ вестибюлѣ председателемъ Совета, начальницею училища и воспитанницами двухъ 6-хъ классовъ, которыя и предшествовали Ему до входа въ церковь съ пѣніемъ храмоваго тропаря „Варвару святую почитимъ“. Благоговѣйное, молитвенно-сосредоточенное настроеніе Владыки при совершеніи Божественной литургіи, Его громкое и отчетливое произношеніе возгласовъ и чтеніе молитвы за Царя и молитвы св. Ефрема Сирина производили на всѣхъ присутствовавшихъ въ храмѣ сильное и глубокое впечатлѣніе. Въ концѣ литургіи, въ положенное время, Его Высокопреосвященство, принявъ въ руки свой архипастырскій жезлъ, произнесъ глубоко-назидательное и поистинѣ сердечное слово: исходя отъ сердца оно находило свободный доступъ и въ сердца слушателей. Благодаря громкому и чистому произношенію Владыки, каждое Его слово было отчетливо слышно не только присутствовавшимъ въ храмѣ, но и стоявшимъ на площадкѣ предъ дверями храма. Нельзя не пожалѣть только объ одномъ: по своему обыкновенію, Владыка произнесъ свое слово экспромтомъ, безъ предварительной записи, и мы, лишенные возможности напечатать его въ томъ самомъ видѣ, какъ оно было произнесено, должны ограничиться лишь приблизительнымъ изложеніемъ мыслей, высказанныхъ Его Высокопреосвященствомъ.

„Я радъ, дѣти, что мое первое общеніе съ вами и вашимъ училищемъ (такъ *приблизительно* говорилъ Владыка) началось въ св. храмѣ молитвою и благословеніемъ. Благословеніе Божіе, преподаваемое не только чрезъ архипастырей нашей православной церкви, но и чрезъ пастырей, получившихъ отъ Бога власть—сообщать его людямъ,—дѣло великое, святое и для жизни человѣка весьма важное. Что совершается съ благословеніемъ Божіимъ, то всегда бываетъ твердымъ, крѣпкимъ и несомнѣнно благотворнымъ. Безъ благословенія Божія не можетъ совершиться никакое истинно доброе дѣло,—и трудъ человѣка будетъ напрасенъ, если на немъ не будетъ почивать благословеніе Божіе. Нашъ русскій народъ вѣрно позналъ святую истину, что безъ Бога ни до порога. А то, что совершается въ стѣнахъ этого учебнаго заведенія—воспитаніе юношества, дочерей духовенства, предназначаемыхъ для служенія обществу и устроченію христіанской жизни въ семьяхъ,—дѣло въ особенности важное и въ особенности нуждающееся въ благословеніи Божіемъ.

„Но преподанію Божіа благословенія здѣсь еще предшествовала и молитва и—какая молитва,—совершеніе Божественной Литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ! Со времени своего епископства вотъ уже болѣе 20 лѣтъ—я принялъ за правило—совершать эту Божественную Литургію въ домовыхъ церквахъ Духовно-учебныхъ заведеній, а, при возможности, и въ церквахъ учебныхъ заведеній свѣтскихъ, при которыхъ имѣются церкви, потому что Богослуженіе это чрезвычайно умилительно, трогательно,—оно проникаетъ въ самую глубину человѣческаго сердца. А это особенно важно для юныхъ душъ дѣтей воспитываемыхъ въ христіанскихъ училищахъ. Если въ литургіи Златоустаго или Василия Великаго при совершеніи великаго входа мы *воспоминаемъ* только шествіе Господа нашего Иисуса Христа на Его вольное страданіе; то здѣсь въ истинномъ Своемъ тѣлѣ и въ истинной Своей крови входитъ Самъ Царь Славы; здѣсь дориносится Жертва тайная и уже совершенная, Которой приличествуетъ только служеніе небесныхъ силъ—ангеловъ. Какъ же намъ не пасть ницъ, не повергнуться на землю предъ этою величайшею Святинею, въ сознаніи всей своей грѣховной нечистоты и всей своей порочности! А какъ чуденъ этотъ вопль кающейся души грѣшнаго человѣка, изливающейся въ четырехъ стихахъ богодуховеннаго псалма Давидова! Да исправится молитва моя, Господи, предъ Тобою, какъ кадило! Пусть она взойдетъ къ Тебѣ какъ чистый ѳиміамъ! На нее только и на милосердіе Твое я возлагаю свою надежду. Но не допусти меня, Господи, до того, чтобы я сталъ еще измышлять какія либо извиненія своимъ грѣхамъ и порокамъ. Положи, Господи, храненіе устамъ моимъ и дверь огражденія о устахъ моихъ! Что можно еще прибавить къ этой молитвѣ, чтобы глубже выразить сокрушеніе о грѣхахъ кающагося человѣка и его безсиліе спасти себя безъ милосердія и благодати Божіей? Глубоко-трогательна и чрезвычайно умилительна въ совершенномъ нами Богослуженіи также и молитва св. Ефрема Сиріана. Я увѣренъ, что ваши наставники уже объяснили вамъ ея смыслъ съ достаточною ясностію и полнотою, а потому я теперь долго и не буду останавливаться на ней. Напомню вамъ только о томъ, что въ этой чудной молитвѣ мы находимъ все, что возбуждаетъ у человѣка чувства, необходимыя при истинномъ покаяніи. Гибеленъ для нашей души духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія. Господи и Владыко живота моего! не допусти же этимъ грѣховнымъ страстямъ проникнуть въ

мое сердце и завладѣть имъ! вмѣсто нихъ даруй мнѣ, рабу Твоему, спасительный духъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви, дабы я могъ зрѣть только одни мои прегрѣшенія и не осуждать брата моего! Мнѣ ли судить другихъ, когда я самъ весь погруженъ въ свои тяжкія прегрѣшенія?

„Совершеніе Божественной литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ—это дивное Богослуженіе нашей Православной Церкви и само по себѣ,—во мнѣ нынѣ вызывало, дѣти, особенное молитвенное настроеніе, благодаря вашему прекрасному и стройному пѣнію, а также благоговѣйному и неспѣшному чтенію. И я радуюсь, что въ вашемъ храмѣ такъ чинно, уставно и благолѣпно совершается Богослуженіе. Ничто не имѣетъ такого важнаго и ничѣмъ незамѣнимаго значенія для жизни человѣка—частной, семейной и общественной, какъ правильно поставленное религіозно-нравственное воспитаніе въ духѣ нашей Православной Церкви. Такое воспитаніе необходимо для всѣхъ. Но особенно благотворнымъ оно оказывается въ жизни и дѣятельности женщины. Женщина, воспитанная въ духѣ христіанскаго благочестія, есть великая зидательная сила. Въ семьѣ ея вліяніе сказывается и на дѣятельности мужа, котораго она подкрѣпляетъ въ тяжелыя минуты его жизни, утѣшая, ободряя и успокаивая его, и на христіанскомъ воспитаніи дѣтей, младшихъ братьевъ и сестеръ, къ которымъ она всегда относится съ истинно-христіанскою любовію и для которыхъ она не жалѣетъ трудовъ, и, наконецъ, на поведеніи прислуги, на любви отвѣчающей любовію. Не менѣе же благотворно вліяніе женщины, воспитанной въ духѣ христіанскаго благочестія, и въ народной школѣ, гдѣ она часто занимаетъ должность учительницы. Дѣти любятъ такихъ учительницъ и легко становятся подъ ихъ вліяніе. Въ жизни своей я видѣлъ много такихъ учительницъ, которыя по—истинѣ совершали дѣло Божіе. Жизнь требуетъ отъ насъ подвиговъ, труда, лишеній и самоотреченія. Такихъ подвиговъ она потребуетъ, дѣти, и отъ васъ. Но съ достоинствомъ совершить эти подвиги, перенести скорби и лишенія можетъ только человѣкъ вѣрующій, благочестивый, получившій истинно-христіанское воспитаніе. И я зналъ двухъ такихъ подвижницъ, о которыхъ я теперь не могу вспомнить, не разстраиваясь до слезъ. Я видѣлъ, дѣти, ихъ жизнь, ихъ труды и подвиги, но я видѣлъ и ихъ погребеніе...

„Въ основу вашего воспитанія въ этомъ учебномъ заведеніи прежде всего полагаются начала религіозно-нравственныя, указы-

ваемыя нашею православною Церковію. Цѣните ихъ, дѣти, и дорожите ими. Они вселятъ въ васъ твердость и мужество, столь необходимыя для жизни, они дадутъ вамъ силы для благотворнаго служенія ближнему и сдѣлаютъ васъ полезными членами общества...

„Объ этомъ-то я сегодня и молился вмѣстѣ съ вами въ вашемъ св. храмѣ. Я просилъ благословенія Божія на дѣло вашего христіанскаго воспитанія и на ваши дѣтскіе труды. Не забывайте и вы постоянно и усердно молиться объ этомъ.

„Да пребудетъ же благословеніе Господне на васъ Того благодатію и человѣколюбіемъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!“

Это слово Владыки, переданное нами—повторяемъ—только въ вложеніи главныхъ мыслей, безъ тѣхъ прекрасныхъ образовъ, которыми самъ Владыка украшалъ свою рѣчь,—было выслушано всѣми съ глубокимъ вниманіемъ и произвело на воспитанницъ сильное впечатлѣніе, которымъ онѣ дѣлились между собою въ теченіи всего дня.

По окончаніи Литургіи Его Высокопреосвященство благословилъ всѣхъ присутствовавшихъ въ храмѣ—до тысячи человѣкъ. Въ это время воспитанницы пѣли догматики, а потомъ, по желанію самого Владыки, пропѣли „Покаянія отверзи ми двери“ и „Душе моя“. Затѣмъ предсѣдатель Совѣта, обратившись къ Его Высокопреосвященству, отъ лица всѣхъ начальствующихъ, учащихъ и учащихся въ епархіальномъ женскомъ училищѣ, сказалъ приблизительно слѣдующее:

„Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивѣйшій Архипастырѣ и Отецъ! Приносимъ Вамъ глубочайшую благодарность за Ваше вниманіе къ нашему училищу и за Ваши св. молитвы, которыя Вы вознесли сегодня въ нашемъ храмѣ. Наше желаніе, наконецъ, исполнилось. Въ кафедральномъ соборѣ, въ день своего прибытія въ Харьковъ, Вы высказали мысль, что Ваше назначеніе на харьковскую архипастырскую кафедру состоялось не безъ участія Божественнаго промысленія. Мы имѣемъ твердое основаніе вѣрить въ эту истину. Уже много лѣтъ, какъ мы стали питать надежду, что руководство воспитаніемъ дочерей духовенства въ этомъ училищѣ и созиданіе нашего спасенія будутъ принадлежать Вамъ. Въ Бозѣ почивающій высокопреосвященнѣйшій Архієпископъ Амвросій неоднократно указывалъ намъ именно на Васъ, какъ на

своего будущаго преемника. И мы вѣрили ему, какъ *архіерею лѣту тому*. Вскорѣ послѣ его смерти, еще въ октябрѣ 1901 года, до насъ дошелъ слухъ изъ Петербурга, что Вы назначаетесь нашимъ Архипастыремъ. Этотъ слухъ намъ казался правдоподобнымъ: мы думали, что уже тогда наступило время исполненія для предсказанія покойнаго Владыки. Онъ любилъ и глубоко уважалъ Васъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыка, а потому съ особенною любовію и останавливался мыслию на Васъ, какъ на своемъ преемникѣ. Съ давнихъ поръ онъ внимательно слѣдилъ за Вами и Вашею дѣятельностію. По письмамъ преосвященнаго Гуріа онъ зналъ Васъ еще какъ ректора таврической семинаріи и ревностнаго сотрудника своего архипастыря. Его привела въ восторгъ Ваша рѣчь, произнесенная при нареченіи Вашемъ во епископа, когда Вы съ достоинствомъ, приличествующимъ православному Архіерею, указывали на высоту епископскаго служенія и на необходимость вести стойкую борьбу съ распространившимся въ нашемъ обществѣ невѣріемъ и заблужденіями лжеименнаго разума, въ чемъ, какъ извѣстно, онъ и самъ всегда былъ искренно убѣжденъ. Съ великимъ удовольствіемъ онъ прочиталъ Вашу первую рѣчь, произнесенную въ церкви С.-Петербургской Духовной Академіи, въ которой Вы указывали и профессорамъ, и студентамъ на церковность и повиновеніе власти, какъ на единственное средство спасенія Россіи, которая страдала тогда отъ ложнаго направленія умовъ и пережила свой позоръ въ ужасномъ событіи 1-го марта. Онъ слѣдилъ за Вами, когда Вы прибыли въ Ригу на мѣсто своего перваго самостоятельнаго епископскаго служенія и ясно увидѣли, съ кѣмъ Вамъ придется вести борьбу за торжество православной вѣры и какіе тяжелые труды Вамъ предстояли въ этой Русской окраинѣ.

Въ свою очередь и мы, Высокопреосвященнѣйшій Владыка, не могли равнодушно относиться къ вопросу о томъ, кто будетъ нашимъ Архипастыремъ. Вѣдь еще и нынѣ есть люди, которые считаютъ образованіе дочерей духовенства дѣломъ не только излишнимъ, но даже и вреднымъ. Не таковы, къ счастью, были Ваши преемники, а наши знаменитые, Богопросвѣщенные и научно образованные Архипастыри: Филаретъ, любовію котораго было основано это училище первоначально въ видѣ небольшого сиротскаго пріюта, — Макарій, трудами котораго оно было расширено и возведено въ училище дѣвицъ духовнаго званія, — Нектарій, съ

особенною любовью всегда относящийся къ нему и преобразовавший его въ епархіальное женское училище. Дѣятельность въ Божѣ дочивающаго Архіепископа Амвросія еще такъ свѣжа въ нашей памяти, что на ней нѣтъ нужды останавливаться: о ней здѣсь и камни говорятъ. Всѣ наши незабвенные архипастыря, духъ которыхъ здѣсь несомнѣнно витаетъ среди насъ, высоко цѣнили значеніе образованной женщины въ христіанской семьѣ и обществѣ, а особенно значеніе женъ и матерей приходскаго духовенства, равно какъ и учительницъ народныхъ школъ.

Вы, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, какъ сами высказали сейчасъ, во взглядѣ на значеніе образованія и христіанскаго воспитанія женщины не расходитесь съ своими славными предшественниками. Это Вы доказали уже и своими достойными удивленія трудами на пользу образованія дочерей духовенства не одной епархіи. Мы знаемъ, что С.-Петербургское Иандорское епархіальное училище именно Вамъ и никому другому обязано и своимъ существованіемъ, и своимъ благоустройствомъ. Мы знаемъ, сколько стоило Вамъ труда и какую борьбу, достойную всякаго удивленія, Вы должны были вынести по поводу самаго учрежденія его. Упросивъ своего маститаго Архипастыря пожертвовать его стотысячный юбилейный капиталъ на основаніе училища для дочерей епархіальнаго духовенства, Вы, въ должности перваго Преосвященнѣйшаго предѣдателя совѣта этого училища лично и непосредственно принимали самое близкое участіе въ построеніи его зданій и въ устроеніи въ нихъ прекраснаго храма Божія, въ которомъ и я, восхищаясь его благолѣпіемъ, имѣлъ счастье возносить Богу свою недостойную молитву. Мы знаемъ, Ваше Высокопреосвященство, съ какимъ участіемъ Вы относились къ женскому духовному училищу въ Рижской епархіи и съ какою энергіею Вы хлопотали о преобразованіи его въ шестиклассное епархіальное училище. Знаемъ мы, наконецъ, и ту любовь, которою Вы дарили казанскія женскія училища духовнаго вѣдомства.

Послѣ сказаннаго понятно, почему, благодаря Бога за врученіе воспитывающихся здѣсь дѣтей заботамъ и попеченію Вашего Высокопреосвященства, мы съ радостію и полною надеждою смотримъ въ будущее и отъ всей души взываемъ къ Вамъ: „благословенъ грядый во имя Господне“!

Послѣ Литургіи Высокопреосвященнѣйшій Архипастырь посѣтилъ квартиру г-жи начальницы училища, гдѣ ему предложенъ

былъ чай и гдѣ около часа онъ бесѣдовалъ съ почетною помощительницею училища Д. Д. Оболенской, начальницею училища, председателемъ совѣта и инспекторомъ классовъ. Затѣмъ Его Высокопреосвященству были представлены всѣ воспитательницы училища, которыхъ Владыка благословилъ и съ которыми онъ милостиво бесѣдовалъ. Узнавъ, что младшія воспитательницы получаютъ только по 11 р. 46 к. въ мѣсяцъ жалованья, Владыка вынесъ это вознагражденіе за тяжелый трудъ очень скуднымъ и предложилъ председателю совѣта подумать объ источникѣ для его увеличенія.

При выходѣ Владыки изъ квартиры начальницы, его встрѣтили воспитанницы и съ нѣкимъ „многимъ лѣта“ сопровождали до параднаго выхода.

Первое посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковского Института Благородныхъ дѣвицъ.

20 марта, въ 11 ч. дня, Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ Харьковскій Институтъ Благородныхъ дѣвицъ. При входѣ въ зданіе Института Владыка былъ встрѣченъ г. начальницей института Е. М. Ершовой, г. инспекторомъ классовъ С. В. Булгаковымъ и нѣкоторыми преподавателями. Преподавъ имъ всѣмъ свое архипастырское благословеніе, Владыка направился въ институтскую церковь, гдѣ въ ожиданіи Его были собраны всѣ воспитанницы. При входѣ въ храмъ Владыка былъ встрѣченъ законоучителемъ института, священникомъ о. Павломъ Грома съ святымъ Крестомъ и водою, а хоръ воспитанницъ исполнилъ тропарь храма. Приложившись къ Св. Кресту и окропивъ себя св. водою, Высокопреосвященнѣйшій прослѣдовалъ въ алтарь, совершилъ земной поклонъ предъ престоломъ, облобызалъ св. Евангеліе и престолъ и вышелъ на амвонъ. Затѣмъ было совершено обычное краткое молебствіе. Въ концѣ молебствія о діаконѣ провозглашено было многолѣтіе Благочестивѣйшему ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и всему Царствующему дому, Св. Правительствующему Синоду и Высокопреосвященнѣйшему Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, а Владыка самъ провозгласилъ многолѣтіе начальствующимъ, учащимъ, учащимся и всѣмъ служащимъ въ Институтѣ. Послѣ сего Его

Высокопреосвященство, стоя на амвонѣ, подозвалъ къ себѣ всѣхъ воспитанницъ и обратился къ нимъ съ словомъ назиданія, которое представляло собою простую, задушевную бесѣду отца съ дѣтьми. „Первое знакомство мое съ вами, дѣти, говорилъ (приблизительно) Владыка, и начинаю молитвою въ вашемъ храмѣ. Если всякому христіанину приличествуетъ начинать каждое дѣло молитвою, то тѣмъ болѣе Архипастырю“; далѣе, Высокопреосвященнѣйшій ораторъ убѣдительно разъяснилъ великое значеніе молитвы въ жизни христіанина. Затѣмъ, продолжая свою бесѣду, Архипастырь говорилъ о томъ, почему Онъ такъ скоро послѣ вступленія своего на Харьковскую кафедру посѣтилъ Институтъ: причина этого кроется въ его искренней любви къ институтамъ, а любовь эту въ его сердцѣ создало и укрѣпило доброе христіанское настроеніе воспитанницъ нашихъ институтовъ, въ которомъ онъ убѣдился въ бытность свою законоучителемъ Кіевскаго института и наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ институтахъ Петербургскихъ. „Кромѣ того, продолжалъ Владыка, и еще есть одна причина, почему я такъ поспѣшилъ къ вамъ, дѣти; у меня есть особенное порученіе къ вамъ отъ Его Сіятельства Графа Бахметева-Протасова, Главноуправляющаго по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Когда я передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ Харьковъ видѣлся съ Графомъ, Его Сіятельство просилъ меня посѣтить Харьковскій Институтъ и передать вамъ отъ Него поклонъ“. Свою добрую и милостивую бесѣду Владыка закончилъ рѣчью о силѣ архипастырскаго благословенія, а затѣмъ, преподавъ свое благословеніе каждой воспитанницѣ и всѣмъ присутствовавшимъ, вышелъ изъ храма. Такъ какъ послѣ этого сразу начались уроки, то Владыка посѣтилъ нѣкоторые классы,—именно: I, II и V, гдѣ предлагалъ дѣтямъ вопросы по Закону Божію. На всѣ вопросы дѣти давали разумные ствѣты, чѣмъ искренно радовали Высокопреосвященнѣйшаго Посѣтителя. Простившись съ дѣтьми, Владыка направился въ квартиру г. Начальницы и въ 1 ч. 45 м. уѣхалъ изъ Института.

Посѣщеніе Владыкою Института Благородныхъ Дѣвицъ, его сердечное обращеніе произвело самое пріятное впечатлѣніе на всѣхъ видѣвшихъ его въ Институтѣ, особенно же на воспитанницъ

— Въ воскресенье, 9-го марта, открылись религіозно-нравственные чтенія и въ залѣ харьковскаго реальнаго училища, по иніціативѣ законоучителя училища о. Алексѣя Юшкова. Участниками

этихъ чтеній пока будутъ кромѣ о. А. Юшкова, о. П. Ѳомианъ и о. П. Грома (законоучитель института благородныхъ дѣвиць). Чтенія будутъ начинаться въ 6 час. вечера и сопровождаться туманными картинами; завѣдывать фонаремъ будетъ одинъ изъ преподавателей реальнаго училища. Объ открытіи этихъ чтеній директоръ училища В. В. Шиховъ довелъ уже до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа М. М. Алексѣенко. Первое чтеніе было предложено о. А. Юшковымъ на тему: „Чему учили людей Господь нашъ Іисусъ Христосъ“.

— Въ воскресенье, 9-го марта, на паровозо-строительномъ заводѣ состоялось интересное религіозно-правственное чтеніе для народа, предложенное епархіальнымъ миссіонеромъ Д. И. Боголюбовымъ на тему „О почитаніи св. Креста“ и привлечшее многочисленныхъ слушателей.

Обширная столовая, служащая аудиторіей и вмѣщающая до 1,000 человекъ, была полна. Чтеніе скоро приняло форму собесѣдованія вслѣдствіе присутствія среди слушателей сектантовъ, которымъ г. Боголюбовъ предложилъ выступить съ своими возраженіями. Одинъ изъ нихъ принялъ вызовъ и взялся, съ Евангеліемъ въ рукахъ, найти въ Св. Писаніи возраженія противъ установленнаго Церковью почитанія св. Креста.

Пренія, продолжительныя и оживленныя, кончилось, однако, тѣмъ, что принявшій вызовъ обнаружилъ полную свою несостоятельность.

Собесѣдованіе, начавшееся и дважды прерываемое пѣніемъ молитвъ и заткнувшееся почти на два съ половиною часа, прошло въ порядкѣ, ни разу не нарушенномъ, несмотря на то, что залъ былъ до того переполненъ, что нѣкоторые изъ слушателей принуждены были взобраться на окна. Надо было видѣть эти напряженно-внимательныя лица, эти плотно сжатые губы, эти глаза, не отрывавшіеся отъ лица говорившаго, чтобы понять, что этихъ людей въ такомъ огромномъ числѣ собрала сюда не жажда развлечения, не праздное любопытство, но стремленіе удовлетворить свои душевныя потребности, разрѣшить назойливыя и мучительныя вопросы.

Несомнѣнно, также, что они и получили желаемое удовлетвореніе; для нихъ, наконецъ, стало ясно, что побѣда остается не за противникомъ православнаго ученія. Послышались со всѣхъ сторонъ одобрительныя восклицанія по адресу ведшаго побѣду...

Г. Боголюбовъ заключилъ свою рѣчь энергичнымъ пожеланіемъ,

чтобы всѣ его многочисленные слушатели, при всѣхъ возникающихъ среди нихъ недоумѣнiяхъ, оставались неизмѣнно и неуклонно на почвѣ ученiя православной Церкви. Пожеланiе это было встрѣчено громкими: „благодаримъ! благодаримъ!“

Вслѣдъ затѣмъ свiщ. о Петръ Скубачевскiй въ краткомъ, но горячемъ и убѣдительномъ словѣ напомнилъ слушателямъ о томъ, что они, какъ люди мало свѣдующiе въ Св. Писанiи, должны относительно всѣхъ своихъ недоразумѣнiй обращаться къ служителямъ Церкви, у которыхъ они всегда найдутъ и правильное толкованiе Св. Писанiя и искреннюю готовность помочь нуждающимся.

Эта сильная, образная и одушевленная рѣчь вызвала замѣтное сочувственное оживленiе среди слушателей, тѣснымъ кольцомъ обступившихъ каеедру.

Въ заключенiе хоръ, подъ управленiемъ о. діакона Свято-Духовской церкви, стройно и съ одушевленiемъ исполнилъ хвалебную пѣснь Пр. Богородицѣ.

ОБЪЯВЛЕНIЯ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИКОНОСТАСНАЯ И ПОХОДНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Алексѣя Петровича ПЕТРОВА съ С-ми.

— Существоеть съ 1852 года. —

МОСКВА, МѢЩАНСКАЯ УЛ., ДОМЪ № 98.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

**НА ХУДОЖЕСТВЕННО-РЪЗНЫЯ, ЖИВОПИСНЫЯ И ИКОНОПИСНЫЯ
РАБОТЫ,**

какъ-то: Церковные **иконостасы** (и военно-походные) въ разныхъ строго **выдержанныхъ** стиляхъ, мѣстные и запрестольные **кюсты**, **балдахины** надъ престоломъ, **гробницы** подъ плащаницу, запрестольные **кресты** и **рамы** съ тумбами, **кресты** съ **предстоящими** съ рѣзной горой, **аналокъ**, **престоловъ**, **жертвенники**, **свѣчные щиты** и **зеркала** для присутственныхъ мѣстъ,

А ТАКЖЕ ПРОИЗВОДИТСЯ РЕСТАВРАЦIЯ

**ИКОНОСТАСОВЪ, ИКОНЪ, ВНУТРЕННЕЙ И НАРУЖНОЙ ЖИВОПИСИ въ ХРАМАХЪ и въ
И ЗОЛОЧЕНIЕ ГЛАВЪ и КРЕСТОВЪ.**

Рисунки, смѣты и чертежи высылаются по первому требованiю.

У протоіерея Іоанна Лукича Чижевскаго (Харьковъ, Конторская улица, домъ № 64) можно получать его издавія:

ВНОВЬ ВЫШЕДШУЮ КНИГУ

Златое сочиненіе Самуила Раввина Іудейскаго.

Харьковъ. 1903 г. Цѣна 40 к. въ перес.

Сочиненіе это, заключающее въ себѣ безпристрастныя о Христѣ разсужденія, основанныя на пророчествахъ и дѣйствительномъ нѣмъ исполненіи, писано въ началѣ одиннадцатаго столѣтія, и болѣе 200 лѣтъ хранилось евреями въ тайнѣ и только въ 1339 г. съ арабскаго переведено на латинскій языкъ, а въ 1787 г.—на русскій и Св. Синодомъ книга эта была разслана въ 1828 г. во всѣ церкви Россіи.

ИКОНОСТАСНАЯ ФАБРИКА

Ивана Ефимовича Гетмана съ С-ми

ВЪ ТАМАРОВКѢ,

Курской губерніи, Бѣлгородскаго уѣзда.

(Серебр. мед. на всерос. выст. 1887 г. въ Харьковѣ)

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА УСТРОЙСТВО

ИКОНОСТАСОВЪ И КІОТОВЪ

въ православныхъ церквахъ, написаніе въ нихъ живописи и украшенія стѣнъ альфрейной росписью.

заказы исполняются прочно, аккуратно и по устроенымъ цѣнамъ, гдѣ нужно—съ разрѣшешю адтера.

Открыта подписка на журналъ на 1903 годъ (сорокъ четвертый)

Труды Кіевской Духовной Академіи.

Цѣна за годовое изданіе 7 р. за границу 8 р. Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 листовъ.

Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также переводы твореній блж. Іеронима и блж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ; будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „Библіотека твореній свв. отцевъ и учителей церкви Западныхъ“.

Указомъ Св. Синода отъ 2/29 февраля 1864 года подписка какъ на „Труды“, такъ и на „Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей церкви Западныхъ“ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

1 РУБ.
за 2 мѣсяца съ
дост. и перес.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1903 годъ
(изд. XVIII годъ)

6 Р.
за годъ съ
дост. и перес.

иллюстрированный журналъ для семьи.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

подъ редакцію А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи Отца
ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

52 №№ журнала до 2000 столбц.
текста и до 300 иллюстр. Очерки,
рассказы, стихотворенія, статьи
бытового, нравственнаго и историческаго
содержанія, воспоминанія и предан. русск.
старины, отклики на вопросы современ-
ной жизни.

12 книгъ до 2400 стран. уберистой
печати, заключающихъ въ себѣ
повѣсти изъ исторіи русскаго
народа и православной церкви, очер-
ки и рассказы изъ исторіи библей-
ской, общей и церковной, описаніе
святыхъ и т. п.

И кромѣ того **БЕЗПЛАТНО** будетъ выдано:

6 книгъ до 1000 стран. всемірно-извѣстнаго труда досточтимаго автора отца
ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО

МОЯ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТѢ.

Это сочиненіе, переведенное почти на всѣ европейскіе языки, служитъ прекрас-
нымъ руководствомъ къ духовной жизни для всѣхъ, кто стремится приблизить и
свою личную жизнь къ тому идеалу, къ которому призываетъ читателей всероссійскій
пастырь апостольскимъ завѣтомъ: „Подражайте мнѣ, какъ и я Христу“.

2 книги (болѣе 400 страницъ, 105 фотогравюръ, карта и 3 плана)
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СВ. МѢСТАМЪ ВОСТОКА

Составилъ А. А. Павловскій, специально въ началѣ 1902 года командированный
отъ редакціи „Русскаго Паломника“ на Афонъ и въ Палестину.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ „Русск. Пал.“ БУДУТЪ СОДЕРЖАТЬ:

1) Отецъ Герасимъ. Пов. изъ жизни серб-
скаго народа подъ тур. игомъ. Д. Илича	7) Бегомъ отъѣханный. Быль изъ жизни
старца-подвижника. Г. Т. Сѣверцева
2) За братьевъ-славянъ. (По поводу 25-л.
войны 1877-78гг.). И. В. Преображенскаго.	8) Жизненные вопросы (По сочиненію
Фомы Франка). Н. П. Дзигубскаго.
3) Старецъ Серафимъ и Саровская пу-
стынь. С. А. Архангелова.	9) На стражѣ православія. Повѣсть изъ
жиз. украин. дух. XVIII в. В. А. Радича.
4) Минувшія судьбы Петербургскаго края.
Церковно-истор. оч. О. В. Четыркина	10) Сомъ великаго хана. Историческая
повѣсть М. Н. Лебедева.
5) Ведосеевскій Владыка: Повѣсть изъ
исторіи раскола XVIII в. Н. Н. Алек-
сѣева-Кунгурцева.	11) „Господь воцарится“. Десять кар-
тинъ славы Господа Иисуса Христа. В.
Моно. Перев. С. Моложаваго.
6) Адамовъ годъ (Иезуиты въ Россіи) Цер-
ковно-истор. хроника. Н. О. Лихарева.	12) Подъ гнетомъ уни. Истор. пов. изъ
быта Бѣлорус. XVIII в. Н. Стрѣшчева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ: безъ доставки въ Слб. ПЯТЬ руб., съ до-
ставкой и перес. во всѣ города Російской имперіи ШЕСТЬ р., за границу 8 р.
Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальные.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная ул., № 12, совѣт. домъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Апрѣля № 7. 1903 года.

Содержаніе. Списокъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію и рѣшенію Преосвященнаго Викарія Харьковской Епархіи—Епископа Сумскаго.—Высочайшая отмѣтка.—Приказъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901—1902 учебный годъ (продолженіе).—Отъ Правленія Братства св. Велико-мученицы Варвары.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Списокъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію и рѣшенію Преосвященнаго Викарія Харьковской епархіи—Епископа Сумскаго.

1. Опредѣленіе на псаломщицкія мѣста ко всѣмъ сельскимъ церквамъ.
2. Посвященіе въ стихарь достойныхъ псаломщиковъ съ выдачею имъ грамотъ.
3. Дозволеніе псаломщикамъ вступать въ бракъ.
4. Увольненіе псаломщиковъ въ отпускъ.
5. Увольненіе псаломщиковъ за старостію ихъ или болѣзнію за штатъ.
6. Утвержденіе опекуновъ и попечителей къ малолѣтнимъ сиротамъ по смерти духовныхъ лицъ; прошенія, доклады и журналы по дѣламъ Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, кромѣ годовой отчетности и выдачи полугодичныхъ пособій.
7. Опредѣленіе къ сельскимъ церквамъ старость и увольненіе ихъ отъ должности.
8. Опредѣленіе послушниковъ въ Куряжскій монастырь и увольненіе изъ онаго.
9. Разрѣшеніе браковъ въ дозволенномъ родствѣ и при недостаѣ шести мѣсяцевъ до совершеннолѣтія.
10. Консисторскія дѣла, не имѣющія принципиальной важности.
11. Наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, посѣщеніе оныхъ и производство экзаменовъ по Закону Божію.
12. Утвержденіе законоучителей въ народныхъ школахъ.

13. Распоряженія, по утвержденіи росписаній Епархіальнымъ Архіереемъ, и наблюденіе за религіозно-нравственными чтеніями въ храмахъ и залахъ.

14. Утвержденіе росписаній выдачи жалованья духовенству.

15. Прошенія о выдачѣ Св. мира и о выдачѣ сборныхъ книгъ на храмы и обители.

16. Дѣла по преступленіямъ, судныя и спорныя, каковыя по разсмотрѣніи, Преосвященный Викарій представляетъ на воззрѣніе Епархіальнаго Архіерея.

17. Слѣдственные дѣла о метрикахъ.

18. Опредѣленіе и преремѣненіе въ селахъ просфоренъ.

19. Объ отсылкѣ по назначенію переходящихъ суммъ Духовной Консисторіи.

20. О выпискѣ и разсылкѣ въ церкви вѣнчяковъ и листовъ разрѣшительной молитвы, а также листовъ для метрическихъ, исповѣдныхъ, прихода-расходныхъ и обыскныхъ книгъ и ревизіи ихъ.

21. О выдачѣ свидѣтельствъ о личности дѣтей духовныхъ лицъ.

22. Довесенія духовниковъ о бывшихъ и небывшихъ у исповѣданъ и Св. Причастія духовныхъ лицъ.

23. Для предварительнаго разсмотрѣнія бракоразводныя дѣла, каковыя для окончательнаго рѣшенія поступаютъ къ Епархіальному Архіерею.

24. Дѣла по Сумскому и Купянскому духовнымъ училищамъ, кромѣ дѣлъ, имѣющихъ особую важность, а также и по приему и переводамъ учениковъ (годовыя и приемныя вѣдомости при журналахъ), представленія къ наградамъ и опредѣленія на должность.

Примѣчаніе. Что-же касается прочихъ духовно-учебныхъ заведеній, то дѣла таковыхъ на предварительное разсмотрѣніе передаются Викарію самимъ Епархіальнымъ Архіереемъ по его усмотрѣнію.

25. Предсѣдательствованіе въ Комитѣтѣ Харьковскаго Отдѣла Православнаго Миссіонерскаго Общества.

26. Дѣла по Епархіальному Свѣчному Заводу, кромѣ особенно важныхъ и отчетныхъ.

27. Дѣла по Эмеритальной кассѣ, кромѣ особенно важныхъ и отчетныхъ.

Высочайшая отмѣтка.

Къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода отъ Епархіальнаго Преосвященнаго поступило сообщеніе о томъ, что прихожане По-

жрской церкви слободы Селимовки, Изюмскаго уѣзда, Харьковской епархіи, въ память выздоровленія Его Величества отъ постигшей въ 1900 году болѣзни, пожертвовали 1,550 рублей на возобновленіе и украшеніе иконостаса въ приходской Церкви.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника К. Побѣдоносцева о такихъ выраженіяхъ вѣроподданническихъ и религіозно-патріотическихъ чувствъ Его Императорскому Величеству благоугодно было въ 28-й день февраля текущаго года собственноручно начертать: *«Прочелъ съ удовольствіемъ»*.

Приказъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.

Приказомъ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода преподаватель Курской Семинаріи *Кратировъ*, съ 12-го марта, переводится на должность преподавателя основнаго догматическаго и нравственнаго богословія въ Харьковскую Духовную Семинарію.

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901-1902 учебный годъ.

(Продолженіе *).

ж) Общія свѣдѣнія объ успѣхахъ, поведеніи и состояніи здорovia воспитанницъ.

Успѣхи воспитанницъ въ отчетномъ году наглядно изображаются въ нижеслѣдующей таблицѣ, показывающей число воспитанницъ каждаго класса, получившихъ баллы 5, 4, 3, 2 по всѣмъ предметамъ вмѣстѣ и не оказавшихъ успѣховъ.

Въ каждомъ классѣ показаны только тѣ воспитанницы, которыя имѣютъ годовые и экзаменскіе баллы по всѣмъ предметамъ.

Примѣчаніе. Въ составъ общаго балла по Русскому языку въ 3, 4, 5 и 6 классахъ вошли и баллы письменныхъ упражненій по всѣмъ предметамъ, а въ составъ общаго балла по Дидактикѣ вошли и отмѣтки за практическія занятія воспитанницъ этого класса въ церковно-приходской школѣ при Училищѣ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 6.

К Л А С С Ы.	Общее число воспитанницъ	Число получившихъ баллы.				Не оказавш. успѣховъ.
		5.	.	3.	2.	
Приготовительный	58	14	20	21	—	3
1 нормальный	49	17	17	12	—	3
1 параллельный	50	11	26	9	1	3
2 нормальный	51	18	22	13	1	2
2 параллельный	49	15	22	10	—	2
3 нормальный	44	13	18	10	—	3
3 параллельный	44	9	15	15	—	5
4 нормальный	39	11	24	4	—	—
4 параллельный	42	11	23	7	—	1
5 нормальный	37	13	15	9	—	—
5 параллельный	42	11	20	11	—	—
6 нормальный	39	21	18	—	—	—
6 параллельный	36	21	14	1	—	—

Такимъ образомъ, какъ видно изъ представленной таблицы, успѣхи воспитанницъ за отчетный годъ могутъ быть признаны вполне удовлетворительными, особенно если принять во вниманіе ограниченность времени, которымъ располагаютъ воспитанницы (старшихъ классовъ) для приготовления уроковъ, такъ какъ кромѣ классныхъ уроковъ у воспитанницъ есть не мало и другихъ занятій. Къ такимъ занятіямъ относятся: 1) приготовленіе срочныхъ письменныхъ работъ; 2) посѣщеніе воспитанницами 6 и 5 класса образцовой школы и вечерняя подготовка къ занятіямъ въ ней; 3) занятіе воспитанницъ музыкой, руководимъ, которымъ онѣ занимаются во внѣклассное время; 4) очередныя дежурства въ классныхъ комнатахъ, спальнѣ и столовой, 5) участіе наканунѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней на слѣвкахъ для подготовленія къ Богослуженію.

Вполнѣ удовлетворительными также были успѣхи и по необязательнымъ предметамъ: французскому языку, чистописанію, рисованію, руководію и иконописанію.

Французскому языку обучалось во всѣхъ классахъ 147 воспитанницъ, изъ нихъ въ первомъ классѣ 28, во 2 кл.—35,—въ 3—19, въ 4 кл.—20, въ 5 кл.—19 и въ 6 кл.—26. Музыкѣ обучалось 270 воспитанницъ

при 9 учительницахъ и 2 учителяхъ. Кроме того 32 воспитанницы разныхъ классовъ обучались игръ на скрипкѣ. Рисованію обучалось 54 воспитанницы и иконописанію 20.

Лучшія воспитанницы по успѣхамъ и поведенію, согласно постановленію, Педагогическаго Совѣта, Его Высокопреосвященствомъ утвержденному, удостоены награды книгами и похвальными листами. Въ подготов. кл. удостоены награды 1 восп., въ 1 норм. 5, въ 1 пар. 2, во 2 норм. 3, во 2 пар. 5, въ 3 норм. 2, въ 3 пар. 1, въ 4 норм. 3, въ 4 пар. 1, въ 5 норм. 2, въ 6 норм. 1, въ 6 пар. 3 воспитанницы. Награды давались воспитанницамъ, имѣющимъ по каждому предмету годовой и экзаменскій баллъ „5“.

2) Поведеніе воспитанницъ, за которымъ, согласно § 29 училищ. Устава, имѣла наблюденіе главнымъ образомъ начальница училища лично и чрезъ воспитательницъ, за отчетный годъ было отмѣчено въ общемъ баллъ „5“. Одна воспитанница имѣетъ по поведенію 4 за годъ за нарушеніе училищной дисциплины и правилъ поведенія. Воспитанницы обнаружили въ своемъ поведеніи религіозность, трудолюбіе, скромность и почтительность къ старшимъ. Христіанскія обязанности воспитанницами исполнялись неопустительно, съ должнымъ усердіемъ и благоговѣніемъ: всѣ онѣ исправно присутствовали на утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, изъ коихъ одиѣ читалась очередною воспитанницею, а другія были пѣты всѣми воспитанницами. На молитвахъ присутствовали начальница училища и дежурныя воспитательницы. На утреннихъ молитвахъ читалось дневное Евангеліе. Уроки начинались и заканчивались молитвою. Въ воскресные и праздничные дни воспитанницы присутствовали при Богослуженіи въ училищной церкви, при чемъ сами исполняли все церковное чтеніе и пѣніе. Для того, чтобы чтеніе было разумное, громкое и внятное, воспитанницы побуждаемы были заранѣе изучать то, что инспекторомъ классовъ назначалось имъ читать въ церкви. Въ церковномъ пѣніи на правомъ и лѣвомъ клиросахъ принимали участіе всѣ воспитанницы 5 и 6 классовъ, по очереди, а послѣ Рождества пѣли на лѣвомъ клиросѣ и ученицы 4 класса, составляя лѣвый хоръ. По временамъ за Богослуженіемъ нѣкоторые нѣснопѣнія исполнялись всѣми воспитанницами.

Предъ праздникомъ Рождества Христова, съ 18 по 21 ноября и въ постъ Св. Четырдесятницы всѣ воспитанницы говѣли, исповѣдывались и причащались Св. Тавнѣ. Установленные церковью посты строго соблюдались какъ воспитанницами, такъ и воспитательницами. Ученическія обязанности выполнялись воспитанницами добросовѣстно и аккуратно; замѣчавшаяся же малоуспѣшность нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣла причинами своими неразвитость и малоспособность. За поведеніемъ воспитанницъ въ классное время и во время

приготовленія уроковъ наблюдали воспитательницы и начальница училища.

3) Какъ и въ прежніе годы, Совѣтомъ училища обращалось надлежащее вниманіе на здоровье воспитанницъ. При непосредственномъ и всегдашнемъ наблюденіи начальницы училища, во всѣхъ помѣщеніяхъ училища надлежащимъ образомъ освѣщался воздухъ и производилась въ потребныхъ случаяхъ дезинфекція. Воспитанницы гуляли въ училищномъ саду въ благоприятную погоду. Черезъ двѣ недѣли воспитанницы ходили въ баню. Обращалось такъ же особенное вниманіе на доброкачественность продуктовъ, доставляемыхъ въ училище для питанія воспитанницъ, на доброкачественность воды для питья, а также на улучшеніе вечерняго освѣщенія классныхъ помѣщеній. Въ отчетномъ году устроено во всѣхъ зданіяхъ училища электрическое освѣщеніе, на что израсходовано 20,000 руб.

Всѣ необходимыя мѣры принимались Совѣтомъ училища для сохраненія здоровья воспитанницъ и состояніе здоровья воспитанницъ въ отчетномъ году было вообще удовлетворительно. Всѣхъ случаевъ заболѣванія и леченія въ училищной больницѣ было 194. Болѣзни были слѣдующія: брюшной тифъ 1 случай, гриппъ—12 случаевъ, бронхитъ—10 сл., катарръ гортани—5 сл., катарръ дыхательныхъ вѣтвей—9 сл., плевритъ—1 сл., ревматизмъ—15 сл., нарывъ наружнаго слухового прохода—2, воспаленіе средняго уха—1 сл., нарывъ на щекѣ—1 сл., воспаленіе лимфатической желѣзы—4, пузырьчатая жаба 24 сл., костоѣдъ зуба—1 сл., лишай—6 сл., вритема—6 сл., рожа—6 сл., малокровіе—4 сл., трахома—4 сл., воспаленіе соединительной оболочки глазъ—1 сл., краснуха—18 сл., скарлатинъ—14 сл., корь—38 сл., дифтеритъ—5 сл., коклюшъ—5 сл., воспаленіе внутренней оболочки сердца—1 сл.

Смертный случай былъ одинъ—отъ воспаленія внутренней оболочки сердца (воспитанница 1 пар. класса, Евгенія Аргеева).

з) Число уроковъ, пропущенныхъ въ отчетномъ году преподавателями училища.

Законоучителемъ, священникомъ Іоанномъ Котовымъ (20 уроковъ въ недѣлю) пропущено 9 уроковъ, по болѣзни. Законоучителемъ, священникомъ Николаемъ Любарскимъ (6 уроковъ въ недѣлю) пропущено 2 урока, 1 по болѣзни и 1 по обязанностямъ приходскаго священника. Законоучителемъ, священникомъ Павломъ Тимофеевымъ (3 урока въ недѣлю) пропущено 10 уроковъ, 6 по болѣзни и 4 по обязанностямъ приходскаго священника. Законоучителемъ, священникомъ Іоанномъ Горанскимъ (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 15 уроковъ,—9 по болѣзни и 6 по обязанностямъ приходскаго священника. Законоучителемъ священникомъ Іоанномъ

Толмачевымъ (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 9 уроковъ, по случаю вызова въ окружной судъ для привода къ присягѣ. Преподавателемъ русскаго языка М. В. Доброправовымъ (10 уроковъ въ недѣлю) пропущено 16 уроковъ, по обязанностямъ присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ. Преподавателемъ русскаго языка Н. В. Гогинымъ (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 8 уроковъ, по обязанностямъ присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ. Преподавателемъ русскаго языка М. А. Кокоревымъ (22 урока въ недѣлю) пропущено 26 уроковъ, по обязанностямъ присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ. Преподавателемъ физико-математическихъ наукъ Я. М. Колосовскимъ (23 урока въ недѣлю) пропущено 41 урокъ, 26 по болѣзни и 15 по семейнымъ обстоятельствамъ. Преподавателемъ физико-математическихъ наукъ В. Н. Мощенко (17 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ географіи, священникомъ Андреемъ Балазовскимъ (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 30 уроковъ, 20 по болѣзни и 10 по обязанностямъ приходскаго священника. Учительницей географіи, Л. Е. Дьяковой (4 урока въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ географіи и исторіи, Е. П. Трифальевымъ (20 ур. въ недѣлю) пропущено 23 урока, 8 по болѣзни и 15 по домашнимъ обстоятельствамъ. Преподавателемъ гражданской исторіи А. Ф. Вертеловскимъ (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 9 уроковъ, по болѣзни. Преподавателемъ дидактики Н. Н. Страховымъ (6 уроковъ въ недѣлю) пропущено 13 уроковъ (присутствовалъ на засѣданіяхъ въ Учебномъ Комитетѣ при св. Синодѣ). Учительницей ариметики М. Д. Дмитріевой (12 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Учителемъ церковнаго пѣнія, свящ. Іоанномъ Петровскимъ (24 урока въ недѣлю) пропущенъ 1 урокъ, по обязанностямъ казначея въ училищѣ. Учителемъ чиствованія и рисованія А. Д. Дмитріевымъ (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 33 урока, 21 по болѣзни и 12 по случаю вызова въ окружной судъ въ качествѣ эксперта. Учительницей чиствованія Е. А. Ергольской (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 29 уроковъ по болѣзни. Учительницей французскаго языка Е. Н. Гейцыгъ (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 8 уроковъ, по обязанностямъ Начальницы Училища. Учительницей ариготовительнаго класа Т. А. Щелкуновой (15 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока.

Всего преподавателями пропущено 283 урока, воспитанниками пропущено 14,237 уроковъ, по болѣзни 8,316 уроковъ.

(Продолженіе будетъ).

Отъ Правленія Братства св. Великомученицы Варвары.

Правленіе Братства св. Великомученицы Варвары при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ увѣдомляетъ, что въ настоящее время въ составъ братства входятъ слѣдующія лица.

Почетные члены Братства.

Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

Покровитель Братства, Высокопреосвященнѣйшій Арсевій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій.

Преосвященнѣйшій Стефанъ, Епископъ Сумскій, Викарій Харьковской епархіи.

Пожизненные члены Братства.

Прот. Т. Буткевичъ, Свящ. М. Быковцевъ, О. А. Бѣляевъ, Прот. І. Вертеловскій, Свящ. Г. Виноградовъ, П. С. Владимірскій, Прот. І. Знаменскій, семинаріи ректоръ, А. Н. Кузьменко, Прот. С. Любичкій, Прот. П. Мигулинъ, Д. Д. Оболенская, Прот. П. Полтавцевъ, Свящ. В. Самойловъ, Прот. П. Тимошеевъ, П. В. Токаревъ, С. Я. Токарева, К. П. Утеинъ и Е. А. Оюмина.

Дѣйствительные члены Братства.

Св. А. Балазовскій, Е. А. Березовская, М. Д. Ворщъ, А. П. Буткевичъ, Е. Т. Буткевичъ, Р. Г. Буткевичъ, А. И. Быковцева, Т. Н. Бѣлякова, Свящ. І. Бѣлогорскій, Свящ. Г. Бѣлоусовъ, О. И. Бѣлоусова, А. А. Василевская, А. О. Васильевъ, М. С. Васильева, Свящ. А. Венедиктовъ, Протод. В. Вербицкій, А. О. Вертеловскій, О. О. Вертеловская, Свящ. П. Вертеловскій, А. Г. Виноградова, И. А. Виноградовъ, П. О. Власовская, А. М. Войтова, П. Н. Воронинъ, К. М. Роскобойникова, А. П. Вышемирская, М. П. Вышемирская, П. П. Гавриловъ, Е. Н. Гейцыгъ, Н. Н. Гейцыгъ, В. Г. Гогина, Свящ. М. Гогинъ, Н. В. Гогинъ, Свящ. О. Горбачевскій, Свящ. І. Гончаревскій, В. И. Гончаревская, А. Д. Горячкина, М. С. Гольбергъ, А. А. Грекова, Прот. П. Григоровичъ, Свящ. П. Грома, В. О. Давыденко, С. Т. Давыденко, М. Д. Дмитріева, Л. И. Добронравова, М. В. Добровраховъ, В. П. Дьякова, Свящ. Б. Дьяковъ, Л. Е. Дьякова, О. П. Елагина, Е. А. Ергольская, Свящ. Н. Жебиневъ, А. Н. Жуковская, А. А. Зайцева, Свящ. А. Залеговъ, Свящ. Н. Зефировъ, М. П. Иваненко, Прот. П. Ивановъ, З. М. Иннокова, Свящ. І. Инноковъ, Свящ. І. С. Инноковъ, А. П. Ипа-

това, Свящ. М. Клячноть, С. Н. Коваленко, А. В. Капустянская, М. А. Бокоревъ, А. А. Колокольцова, Я. М. Колосовскій, А. П. Копдратенко, Діак. Г. Коробчанскій, А. П. Котова, Свящ. І. Котовъ, Д. В. Кочинъ, П. М. Брасинъ, Е. И. Кратарова, С. В. Крутьева, Е. А. Курасовская, Ю. А. Курасовская, Е. И. Лаврова, С. Б. Лазаревъ, А. И. Леваидовская, Прот. І. Левитскій, В. Т. Леонтовичъ, Н. И. Лойко, А. П. Луценко, Свящ. А. Луценко, Н. Ю. Ляйнвебергъ, Ф. В. Ляйнвебергъ, Діак. А. Мартяновъ, І. П. Мельниковъ, Іером. Михайлъ, семинаріи инспекторъ, Л. В. Михайлова, М. В. Михайлова, М. Д. Мищенко, В. Н. Мощенко, П. П. Назарьевъ, Н. Н., Н. А. Орловскій, А. Я. Павлова, М. Я. Павлова, Е. Д. Парманина, О. Г. Перлинъ, А. И. Петровская, Е. П. Петровская, Свящ. І. Петровскій, Д. К. Полтавцева, В. Д. Пономарева, С. А. Пономарева, С. И. Пономарева, А. И. Попова, М. П. Попова, Н. И. Попова, Свящ. С. Поповъ, А. М. Посельская, Свящ. С. Посельскій, Н. П. Прейсъ, В. В. Прадевна, Діак. В. Разшевскій, Д. М. Рогальскій, В. Г. Савельева, И. О. Самойловъ, М. М. Севастьяновичъ, А. А. Сильванская, Свящ. М. Сильванскій, Свящ. Н. Сильванскій, А. Т. Смирнова, С. А. Смирнова, А. А. Снегаревъ, Е. П. Сорокина, М. А. Стефановская, Н. Н. Страховъ, Свящ. В. Сушковъ, В. Г. Сѣдашева, М. Г. Сѣдашева, Я. В. Сѣрый, А. Н. Тимоеева, Свящ. П. Тимоеевъ, Т. Г. Тимоеева, С. П. Тимоеевская, Діак. В. Толмачевъ, Е. Ф. Толмачева, Е. П. Трифильевъ, М. Н. Трофимовъ, И. М. Туровѣровъ, Л. А. Уманцева, Свящ. С. Уманцевъ, З. П. Фадѣичъ, С. В. Черепова, П. И. Чернявская, Діак. Ф. Чернявскій, Прот. І. Чижевскій, С. И. Чистосердовъ, Е. А. Челпанбаева, П. П. Шварцъ, А. И. Шейко, Н. Н. Шкорбатовъ, Прот. П. Шокотовъ, Т. А. Щелкунова, А. И. Энеидова, В. П. Эварницкая, Свящ. А. Юшковъ, С. Г. Юшкова, А. Н. Якимовъ, А. Н. Якимова, М. Н. Якимова, Л. А. Якимова, А. В. Яновская, Свящ. В. Яновскій, Прот. А. Федоровскій, Свящ. М. Федоровскій, М. А. Федоровская, Е. А. Фомина и Свящ. П. Фоминъ.

Члены соревнователи.

Псал. Г. Авимовъ, І. К. Борнѣенко, М. И. Любарская, Н. Н., Г. А. Парманина, Діак. І. Поповъ и А. М. Рахманинова.

Отъ всѣхъ вышеозначенныхъ лицъ въ кассу Братства поступило членскихъ взносовъ и пожертвованій 1712 рублей.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Архіерейскія Богослуженія въ Страстную и Святую седмицы.—Обозрѣніе Епархіи Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ.—Общее годичное собраніе членовъ Харьковскаго отдѣленія православнаго Миссіонерскаго Общества.—Чинъ умовенія ногъ, совершенный Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ въ великій Четвертокъ.—Торжественное служеніе литургіи въ Воскресенской церкви.—Пріемъ Владикою Арсеніемъ Харьковскаго духовенства и представителей духовно-учебныхъ заведеній въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія.—Посѣщеніе Москвы Государемъ и его семействомъ.—Священный огонь Гроба Господня.—Празднованіе Пасхи у современныхъ евреевъ.

Архіерейскія богослуженія въ Страстную и Святую седмицы. 29-го марта, суббота. Всенощное бдѣніе (6 час. веч.), а) въ соборѣ совершилъ Преосвященный Стефанъ, б) въ Покровскомъ монастырѣ—Высокопреосвященнѣйшій Арсеній.

30-го марта.—Вербное воскресеніе—Литургію (9¹/₂ час. утра), а) въ соборѣ—совершилъ Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, б) въ Покровскомъ монастырѣ—Преосвященный Стефанъ.

2-го апрѣля, среда. Часы и Преждеосвященную Литургію (9 час. утра): а) въ соборѣ совершилъ Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, б) въ Покровскомъ монастырѣ—Преосвященный Стефанъ.

3-го апрѣля, четвергъ. 1) Литургію (9 час. утра), а) въ соборѣ (омовеніе ногъ) совершилъ Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, б) въ Покровскомъ монастырѣ—Преосвященный Стефанъ. 2) Всенощное бдѣніе съ 12-ю евангеліями (6 час. веч.): а) въ соборѣ—Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, б) въ Покровскомъ монастырѣ—Преосвященный Стефанъ.

4-го апрѣля, пятница. Вечерию съ выносомъ плащаницы (1 ч. дня): а) въ соборѣ совершилъ Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, б) въ Покровскомъ монастырѣ—Преосвященный Стефанъ.

5-го апрѣля, суббота. 1) Утреню (въ половинѣ 5-го час. утра): а) въ соборѣ совершилъ Преосвященный Стефанъ, б) въ Покровскомъ монастырѣ—Высокопреосвященнѣйшій Арсеній. 2) Литургію (11 ч. дня), въ Покровскомъ монастырѣ—Преосвященный Стефанъ.

6-го апрѣля—Свѣтлое Христово Воскресеніе. 1) Утреню и литургію (12 час. ночи): а) въ соборѣ совершилъ Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, б) въ Покровскомъ монастырѣ—Преосвященный Стефанъ; 2) вечерню (4 часа дня): а) въ соборѣ—совершилъ Преосвященный Стефанъ, б) въ Покровскомъ монастырѣ—Высокопреосвященнѣйшій Арсеній.

7-го апрѣля, понедѣльникъ. Литургію (9 час. утра): а) въ соборѣ совершилъ Преосвященный Стефанъ, б) въ Воскресенской церкви—Высокопреосвященнѣйшій Арсеній.

— *Обозрѣніе епархіи Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ.* На четвертый день Пасхи высокопреосвященный Арсеній, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, выѣхалъ въ Богодуховъ, Сумы, Бѣлополье, Лебедянь и др. города. Къ 22 апрѣля Владыка прибудетъ въ Харьковъ. «Южн. Край».

— *Общее іудичное собраніе членовъ харьковскаго отдѣленія православнаго миссіонерскаго Общества.* Въ воскресенье, 30 марта 1903 года, послѣ божественной литургіи, совершенной Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, въ Харьковскомъ Каѳедральномъ Соборѣ, члены православнаго миссіонерскаго Общества собрались въ часъ дня въ покояхъ Его Высокопреосвященства. На собраніи присутствовалъ управляющій Харьковскою губерніею, Харьковскій вице-губернаторъ С. Н. Гербель.

Протоіереемъ о. Т. И. Буткевичемъ былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности комитета за 1902 годъ (27-й годъ существованія).

Въ 1902 году число членовъ, обезпечившихъ свои членскіе взносы въ пользу миссіонерскаго Общества вкладами на вѣчное время, увеличилось тремя лицами: высокопреосвященный Флавіанъ, архіепископъ Харьковскій, нынѣ митрополитъ Кіевскій, пожертвовалъ 100 руб., преосвященный Стефанъ, епископъ Сумскій, пожертвовалъ также 100 р., священникъ с. Вольшихъ Проходовъ, Харьковскаго уѣзда, Григорій Лобковскій, нынѣ уже умершій, завѣщалъ комитету 300 р. Раснянскій монастырь увеличилъ уже имѣющійся на вѣчное время вкладъ его въ пользу миссіонерскаго Общества еще на 100 р. Такимъ образомъ, дѣйствительныхъ членовъ православнаго миссіонерскаго Общества въ 1902 году въ харьковской епархіи состояло 530, въ томъ числѣ 14 лицъ, обезпечившихъ свои взносы вкладами на вѣчное время.

Комитетъ въ засѣданіи своемъ 13-го марта 1902 года, вслѣдствіе уменьшенія числа членовъ харьковскаго отдѣленія православнаго миссіонерскаго Общества въ 1901 году на 126 человекъ въ общаго прихода суммъ на 1,229 руб. 6 коп., просилъ харьковскую духовную консисторію извѣстать объ этомъ циркулярно все духовенство харьковской епархіи и просить его не охладѣвать своимъ усердіемъ къ святому дѣлу распространенія православной вѣры Христовой среди язычниковъ, усиливая кружечный сборъ на этотъ предметъ по церквамъ и приглашая своихъ прихожанъ въ число членовъ. А такъ какъ членами православнаго миссіонерскаго Общества могутъ быть не только лица, но и учрежденія,

каковы: монастыри, соборы, приходскія церкви, волостныя и сельскія общества, попечительства, школы, кредитныя и правительственныя учрежденія, то предложить и имъ войти въ число членовъ Общества.

16-го марта, въ субботу 2-й недѣли Великаго поста, въ харьковскомъ кафедральномъ соборѣ предсѣдателемъ комитета Пресвященнымъ Стефаномъ, епископомъ Сумскимъ, была совершена панихида по усопшимъ членамъ Общества; предъ совершеніемъ этой панихиды Владыкою сказано было приличествующее сему случаю слово, а послѣ совершенія оной,—произведенъ былъ сборъ пожертвованій въ пользу православнаго миссіонерскаго Общества, причеиъ собрано 146 руб. Движеніе суммъ комитета въ отчетномъ году представлялось въ слѣдующемъ видѣ: къ 1902 году оставалось 8164 рубля 35 коп. Въ 1902 году поступило 5486 рублей 38 коп. А всего съ остаточными отъ 1901 года, въ 1902 г. въ комитетѣ было 13,650 р. 73 к. Въ 1902 году израсходовано было 5,982 руб. 46 к. Къ 1903 году осталось 7,668 руб. 27 к.

По прочтеніи отчета собраніе избрало вновь прежнихъ уполномоченныхъ для повѣрки отчета въ финансовомъ отношеніи, а именно священниковъ: о. Николай Любарскаго, о. Петра Оумина и о. Леонида Твердохлѣбова.

Затѣмъ его высокопреосвященство благодарилъ присутствовавшихъ за посѣщеніе собранія и объявилъ его закрытымъ. «Южн. Кр.»

— *Чинъ умовенія ногъ, совершенный Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ въ великій Четвертокъ.* Среди умилятельныхъ обрядовъ седмицы страстей Господнихъ особенно трогателенъ былъ совершенный Владыкой чинъ умовенія ногъ, въ которомъ воскрешены были предъ нами черты глубочайшаго смиренія и высочайшей любви Спасителя нашего Иисуса Христа.

Чинъ умовенія ногъ совершенъ былъ въ кафедральномъ соборѣ, по установленію св. Церкви, непосредственно послѣ литургіи въ великій Четвертокъ въ память того, что Спаситель, возставъ отъ вечера, умылъ ноги ученикамъ своимъ. Вотъ каковы были обстановка и порядокъ совершенія этого трогательнаго обряда. На нарочито устроенномъ большомъ амвонѣ поставлено было сѣдалище для архіерея и 12 стульевъ, по 6 въ рядъ, для сослужащихъ съ Архіепископомъ священниковъ. Предъ сѣдалищемъ былъ поставленъ столъ для сосудовъ и другихъ принадлежностей умовенія, а съ лѣвой стороны архіерейскаго сѣдалища аналой для Евангелія. Послѣ

заамвонной молитвы Владыка вышелъ изъ алтаря на амвонъ, предшествуемый протодіакономъ и двумя діаконами, изъ конхъ первый несъ Св. Евангеліе, а послѣдній сосуды для умовенія. Св. Евангеліе положено было на аналоѣ, а Владыка сѣлъ на приготовленное для него мѣсто. Послѣ этого протодіаконъ съ однимъ изъ діаконовъ привели изъ алтаря 12 священниковъ, по два каждый разъ, и посадили ихъ на стульяхъ по направленію къ царскимъ вратамъ. Въ это время пѣвчіе пѣли умилительный ирмосъ страстной седмицы: „Союзомъ любви связуемъ Апостоли, владычествующему всѣми себе Христу возложше, красны ноги очишаху, благовѣствующе всѣмъ миръ“. Затѣмъ они пропѣли стихиры, въ которыхъ изображается умовеніе ногъ совершенное Господомъ на Тайной вечери. Когда выведены были на амвонъ всѣ двѣнадцать священниковъ, изображающихъ учениковъ Спасителя на вечери, протодіаконъ произнесъ великую ектенію, въ которой, между прочимъ, произнесъ моленіе: „о еже благословитися и освятитися умовенію сему силою и дѣйствомъ и насажденіемъ Св. Духа, и о еже быти ему на умовеніе скверны согрѣшеній нашихъ“. Во время ектеніи Владыка и священники сидѣли; по окончаніи же ея всталъ только Владыка, который и произнесъ слѣдующую молитву: „Господи и Воже преблагій, непрístupный Вожествомъ, въ зрацѣ рабѣи служителя образъ воспріимый, и во изображеніе спасительнаго смиренія ученикомъ Твоимъ ногѣ пречистыми руками омытый и лентіемъ отерый! призри и нынѣ на насъ недостойныхъ рабовъ Твоихъ, толикаго Твоего снисхожденія подражающихъ преславное, и сподоби плотскихъ сквернъ измытися намъ и душевныя нечистоты воды сія прикосновеніемъ, даруй намъ Пресвятаго Духа невидимое питаніе, утверди наши души и тѣlesa отъ блюдушаго нашу пята змія лъстиваго, да чисты бывше, послужимъ благопріятно тебѣ, верху змія и скорпіи и всея силы вражія преходяще“. По прочтеніи этой молитвы Владыка снова сѣлъ. Непосредственно за симъ, протодіаконъ протяжно прочелъ изъ Св. Евангелія о томъ, какъ Христосъ на Тайной вечери умылъ ноги ученикамъ своимъ (Іоан. 13, 1—17). Когда протодіаконъ произнесъ слова Евангелія: „возставъ отъ вечери“, Владыка всталъ; при словахъ же Евангелія: положи „ризы своя“, онъ снялъ съ себя епископскія отличія и облаченія: панагію, крестъ, омофоръ, палицу и саккосъ. При чтеніи протодіакономъ „я приемъ лентіонъ препонсася“, Владыка опоясался полотенцемъ, а при словахъ „потомъ влія воду во умывальниду“ налилъ воды въ чашу. Протодіаконъ продолжалъ чи-

тять: „и начать умывати ноги ученикомъ и отирати лентіемъ, имъ же бѣ препоясанъ“; въ это время Владыка умывалъ ноги священникамъ, начиная съ сидящаго съ лѣвой стороны отъ него и оканчивая тѣмъ, который сидитъ съ правой стороны. Омовеніе совершалось такъ: Владыка своею рукою трижды лилъ воду на ногу каждаго священника, отиралъ полотенцемъ и цѣловалъ руку священника, а священникъ послѣ это цѣловалъ митру Владыки и руку его. Пока совершалось омовеніе ногъ одиннадцати священникамъ, протодіаконъ повторялъ слова Евангелія: „и начать умывати ноги ученикомъ и отирати лентіемъ, имже бѣ препоясанъ“. При чтеніи же протодіакономъ словъ Евангелія: „прииде къ Симону Петру и глагола ему той“, Владыка подошелъ къ священнику, сидящему первымъ съ правой стороны (о. архимандриту, изображавшему собою Апостола Петра); сей послѣдній всталъ и произнесъ слова Евангелія: „Господи, ты-ли мои умыши нозѣ?“ Владыка отвѣчалъ ему также словами Евангелія: „еже Азъ творю, ты не вѣси нынѣ, разумѣши-же по сихъ“. О. Архимандритъ говорилъ: „не умыши ногу моею во вѣки“. Владыка отвѣчалъ: „аще не умыю тебѣ, не имати части со мною“. Тогда первый произнесъ: „Господи! не нозѣ мой токмо, но и рущѣ и главу“, причемъ указалъ на свои руки и голову и сѣлъ на мѣсто. Владыка, отвѣчая ему словами Евангелія: „измовенный не требуетъ, токмо нозѣ умыти; есть бо весь чистъ, и вы чисти есте, но не вси“, омылъ ногу его, потомъ взошелъ на свое мѣсто и снялъ съ себя полотенце, а протодіаконъ дочиталъ Евангеліе: „вѣдяхе бо предающаго Его, сего ради рече: не всѣ чисти есте“. Когда пѣвчіе пропѣли „Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ“, протодіаконъ снова пригласилъ къ внимательному слушанію Евангелія и началъ чтеніе: „Во время оно, егда умы Иисусъ нозѣ ученикомъ, пріяте ризы своя“. При многократномъ повтореніи послѣднихъ словъ „пріяте ризы своя“, Владыка облачился, а при словахъ „возлегъ пакѣ“—сѣлъ на свое мѣсто, а священники встали. Владыка затѣмъ самъ докончилъ чтеніе Евангелія: „образъ дахъ вамъ, да яко же Азъ сотворихъ и вы творите“.

Въ заключеніе онъ произнесъ молитву, въ которой испрашивалъ: „да омывше прилѣпившійся намъ отъ согрѣшеній прахъ и лентіемъ любви другъ друга отерше, возможемъ благоугодати Господови вся дни живота нашего и обрѣсти благодать предъ нимъ“. По окончаніи молитвы предстоящіе окроплены были водою умовенія. Владыка и священники ушли съ амвона при пѣніи тропаря:

„Умывше носѣ и предпочистившесѣ Тайны Божественныя причащеніемъ, нынѣ, Христе, Твои служители, отъ Сіона въ Елеонствѣхъ величій горѣ съ Тобою въздоша, поуще Тя, Человѣколюбецѣ!“

Обрядъ умовенія ногъ глубоко умилителенъ и трогателенъ, какъ по священнымъ воспоминаніямъ, такъ и по духу смиренія и любви, которыми онъ запечатлѣнъ и преисполненъ. Онъ надревле вошелъ въ обычай христіанъ ¹⁾, такъ что и сильныя весьма часто отлагали величіе свое и совершали его частно, въ дворцахъ своихъ. Византійскіе императоры въ великій четвергъ вводили въ свои чертоги нищихъ и странныхъ, собственными руками умывали имъ ноги, и щедро одѣляли ихъ, конечно, представляя себѣ въ назиданіе неизреченное смиреніе и любовь Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа.

— *Торжественное служеніе литургіи въ Воскресенской церкви.*

7-го апрѣля въ Харьковской Воскресенской церкви, по случаю храмоваго праздника, происходило торжественное служеніе литургіи, которую изволилъ совершить Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій. Въ служеніи съ нимъ участвовали протоиереи: о. Т. Буткевичъ, о. П. Полтавцевъ, о. Н. Соколовскій и священникъ: ключарь Собора о. Г. Виноградовъ, о. П. Скубачевскій и о. Іоаннъ Горайнъ. Обширный Воскресенскій храмъ былъ переполненъ молящимися, собравшимися со всѣхъ концовъ г. Харькова, чтобы принять участіе въ молитвѣ со своимъ новымъ Архипастыремъ и послушать его задушевныхъ и назидательныхъ поученій. Кромѣ того въ оградѣ церковной и при дверяхъ храма толпилась масса народа, жаждавшаго увидѣть и послушать Владыку, уже успѣвшаго пріобрѣсти симпатіи Харьковцевъ. Всѣ имѣвшіе возможность присутствовать въ храмѣ при совершеніи литургіи были несказанно утѣшены благолѣпнымъ служеніемъ и особенно тронуты проповѣдью Владыки, связанною имъ послѣ пѣнія „Буди ния Господне благословенно“. Проповѣдь эта, напечатанная въ настоящемъ № нашего журнала, была сказана съ такою теплотою и задушевностію, что до слезъ растрогала и умилела всѣхъ бывшихъ въ храмѣ. Когда Владыка раскрывалъ своимъ слушателямъ значеніе для рода человѣческаго воскресенія

¹⁾ Еще св. Апостолъ Павелъ упоминаетъ объ „умовеніи ногъ святимъ“ (1 Тим. 5, 10). Блаженный Августинъ свидѣтельствуетъ, что въ его время было уже въ обыкновеніи, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ церквахъ совершать этотъ обрядъ, именно въ Четвертокъ страстной седмицы, въ воспоминаніе Господа, умывшаго ноги Апостоламъ. (См. Новг. Еп. Вѣд. № 6).

Христовъ, то они буквально всё отъ перваго до послѣдняго чело-
вѣка плакали... Не могъ удержаться отъ слезъ и самъ Владыка,
очевидно, умилвшись какъ талантливо изображенной имъ карти-
ной величайшаго въ исторіи человѣческой событія, такъ и дѣй-
ствіемъ словъ своихъ на сердца слушателей... Богослуженіе 7-го
апрѣля въ Воскресенской церкви напомнило старожиламъ Харь-
ковскимъ незабвенные дни Иннокентія, когда вдохновенное слово
проповѣдника жгло сердца слушателей, заставляя рыдать ихъ.
Только здѣсь слово проповѣдника не жгло сердца, а нѣжно, лю-
бовно, трогало ихъ, призывая къ Источнику жизни къ *живой*
водѣ, способной возродить наши угасающія силы и находящейся
такъ недалеко отъ насъ. Вѣдь Тотъ, Кто смертію Своею уничто-
жилъ власть смерти, не унесъ отъ насъ съ Собою источника бла-
годати, но оставилъ его доступнымъ міру въ Своей Церкви. Тамъ,
въ оградѣ церковной, у престола Божія, среди пастырскихъ по-
ученій всякій нуждающійся въ духовномъ оздоровленіи найдетъ
источникъ для своего исцѣленія. Тамъ, въ оградѣ церковной,
отойдетъ отъ насъ все влекущее къ смерти и окружитъ насъ все
то, что ведетъ къ жизни вѣчной.

— *Пріемъ Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Харьковскаго*
духовенства и представителей духовно-учебныхъ заведеній въ день
Пасхи. Въ первый день св. Пасхи къ 10-ти, часамъ утра, въ покояхъ
Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія для поздравленія
его съ праздникомъ собралась вся монашествующая въ Харьковѣ
братія, а также городское духовенство и всѣ начальствующіе и
учащіе въ Харьковскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ 10
часовъ Владыка вышелъ изъ внутреннихъ своихъ покоевъ и, по-
обычаю, былъ привѣтствованъ собравшимися пѣніемъ пасхальныхъ
пѣсней „Христосъ воскресъ“, „Ангель вопіаше благодатнѣй“ и
„Свѣтися, свѣтися“. Затѣмъ, послѣ того какъ іеродиаконъ возгла-
силъ Владыкѣ многолѣтіе, а всѣ присутствующіе пропѣли многая
лѣта, Владыка обратился къ прибывшимъ поздравить его со днемъ
Свѣтлаго Христова Воскресенія съ теплымъ словомъ благодарности
и благожеланій и, призвавъ на всѣхъ ихъ Божіе благословеніе,
похристосовался сперва съ монашествующими, потомъ съ город-
скимъ духовенствомъ и наконецъ съ начальствующими и препода-
вателями духовно-учебныхъ заведеній. Всѣ христосовавшіе со
Владыкой имѣли счастье получить отъ него по „писанкѣ“: монаше-
ствующіе по красному яичку, городское духовенство— по красному

яичку и книжкѣ, а начальствующіе и преподающіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ по красному яичку и по двѣ книжки. За послѣдніа двадцать три года, которыа мы провели въ Харьковѣ, это былъ первый случай, когда Харьковскіе Епархіальные Владыки, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, христосуясь съ подчиненными своими, благословляли ихъ красными яичками. Да пошлетъ Господь Владыкѣ за воскрешеніе этого исконнаго христіанскаго обычая многая лѣта.

— *Царское посѣщеніе Москвы.* Въ нашемъ Русскомъ монархическомъ государствѣ, съ его высоко-духовнымъ содержаніемъ, проникнутымъ началомъ внутренняго единенія, событіа почти частныя, почти домашняго характера, иногда больше говорятъ сердцу, и исполнены большимъ внутреннимъ значеніемъ, нежели торжественныя официальные происшествія, на которыа скорѣе всего обращаютъ вниманіе Европейскіе народы и правительства. Таковы были дни пребыванія Царскаго Семейства въ Москвѣ на истекшей Страстной и Свѣтлой седмицахъ. По официальной внѣшности, это пребываніе казалось бы, ничѣмъ не разнилось отъ лѣтняго отдохновенія въ Крыму. А между тѣмъ, какое безмѣрно-глубокое содержаніе эти счастливыя двѣ недѣли имѣли для всего народа Русскаго, чутко отражающаго въ себѣ все, что духовно переживается Москвой.

Да, это было царское говѣніе съ молитвой, это былъ отдыхъ. Но отдыхать и молиться можно вездѣ, здѣсь же была совмѣстная, нераздѣлимая молитва Царя съ Его народомъ, здѣсь былъ не простой отдыхъ отъ дѣлъ, но отдыхъ въ непосредственной жизни Царя съ Его народомъ. Мастыгінъ іерархъ Московской церкви въ своемъ краткомъ, но выразительномъ привѣтственномъ словѣ прекрасно уловилъ и выразилъ главную сущность событіа, пережитаго Москвою въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль.

Владыка-митрополитъ указалъ на то, что общеніе Царя съ народомъ на почвѣ религіозно-церковной есть *самый животворный источникъ единства и силы государства*. Православная вѣра есть душа русскаго народа,—сказалъ преосвященный,—а церковь,—его мать и воспитательница.

Русскій народъ воспитанъ церковью и въ церкви.

„Вотъ почему всюду извѣстная любовь и преданность русскаго народа къ своимъ царямъ и царицамъ никогда не вспыхиваетъ такимъ яркимъ пламенемъ, какъ при единеніи ихъ съ церковью,

при общеніи ихъ съ народомъ въ его религіозныхъ событіяхъ и торжествахъ“.

Тѣсное единеніе верховной власти съ народомъ есть главнѣйшій оплотъ культуры, народнаго прогресса и самого царскаго трона. Навболѣе же плодотворнымъ и жизненнымъ бываетъ это единеніе въ томъ случаѣ, когда оно происходитъ на церковной почвѣ, проникая такимъ образомъ въ самую основу и сердцевину нашего національнаго міросозерцанія. Потому-то нельзя не признать въ высшей степени справедливыми словами слова Высокопреосвященнѣйшаго Владыки о той опорѣ, которую Тронъ православныхъ Государей имѣетъ у подножія Алтарей Божіихъ.

„Враги нашего Отечества такъ много употребляютъ усилій къ подрыву нашей Вѣры и Церкви, конечно выходя изъ того убѣжденія, что *тамъ, гдѣ падаютъ алтари—падаютъ и престолы*“...

Незабвенные Московскіе дни общенія Государя со своимъ народомъ напомнили намъ другое, на видъ незначительное, но по своему внутреннему содержанію чрезвычайно крупное и могущее порадовать истинно-русски чувствующихъ православныхъ людей. Разумѣемъ посѣщеніе Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей Высокопреосвященнѣйшаго митрополита Антонія.

Это было на первой недѣлѣ Великаго Поста. Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Феодоровна, въ то время говѣвшіе, наканунѣ принятія Св. Таинъ, въ пятницу около 4 часовъ пополудни, посѣтили Александро-Невскую Лавру. Въ соборѣ Лавры Ихъ встрѣтилъ митрополитъ. Ихъ Величества приложились къ рагѣ мощей Св. Александра Невскаго и потомъ, вмѣстѣ со Владыкою, окруженные группой случайныхъ богомольцевъ, прослѣдовали пѣшкомъ въ митрополичьи келліи.

Здѣсь митрополитъ Антоній пригласилъ своихъ Высочайхъ Гостей откушать чай, и Царь съ Царицей, съ истинно-царскою простотой, сѣли къ чайному столу, на которомъ кипѣлъ русскій самоваръ, стояли сушки, калачъ, медъ и др. великопостное угощеніе. Чай наливалъ Владыка самъ, по постоянному своему домашнему обычаю.

Почувшавъ чай и побесѣдовавъ со Владыкою о разныхъ предметахъ изъ церковной жизни и богословской литературы, Ихъ Величества посѣтили Крестовую церковь и осматривали всѣ келліи митрополита, причѣмъ обратили Свое вниманіе на картину художника Боровиковскаго: «Муромазаніе невѣсты Императора Александра I Елисаветы Алексѣевны».

На память объ этомъ первомъ посѣщеніи митрополичьихъ покоевъ, Владыка благословилъ Ихъ Величества иконой Божіей Матери. Приложившись къ иконѣ и поблагодаривъ митрополита за гостепріимство, Государь и Государыня простылись со Владыкой, проводившимъ Ихъ до кареты, и отбыли въ Лавры при восторженныхъ привѣтствіяхъ собравшагося народа. „Церк. Вѣстн.“, извѣстившій объ этомъ событіи, справедливо замѣчаетъ, что это великое въ своей христіанской простотѣ событіе, напоминающее завѣтныя времена древней святой Руси, радостно отзовется въ сердцахъ всѣхъ истинно-Русскихъ людей. Дѣйствительно, нигдѣ общеніе Царское не умилаетъ такъ глубоко народной души, какъ въ отношеніи Церкви при сердечномъ общеніи Царя и Предстоятеля Церкви, когда Царская Правда и Правда Церковная какъ бы воочию сходятся воедино. Это общеніе какъ будто лично трогаетъ народъ. Нашъ владыка—это какъ будто мы сами, и притомъ въ самомъ глубокомъ существѣ души. Да пошлетъ же Господь Богъ и Помазаннику Своему, и народу Своему побольше минутъ этого согрѣвающего сердца общенія.

— *Священный огонь Гроба Господня.* Предлагаю вниманію нашихъ читателей замѣтку Стараго Паломника (изъ Нивы за 1892 г.) о священномъ огнѣ Гроба Господня, мы считаемъ нелишнимъ предварительно сдѣлать краткое описаніе храма Воскресенія Господня, гдѣ наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія иногда чудеснымъ образомъ является священный огонь. Отъ этого-то огня, хранящагося въ неугасимой лампадѣ, въ пещерѣ гроба Христа Спасителя, Патріархъ въ Страстную Субботу и зажигаетъ свѣчи въ случаѣ, если Господь не удостоитъ чудесно послать новаго огня отъ Гроба Своего.

Храмъ Воскресенія Христова, гдѣ находится Гробъ Господень и мѣсто распятія—главная святыня Іерусалима. Въ храмѣ нѣсколько придѣловъ, принадлежащихъ разнымъ вѣроисповѣданіямъ. Направо отъ входа въ храмъ двѣ мраморныя лѣстницы изъ 17 ступеней ведутъ на *Голооу*. Надъ Голоою устроена церковь, раздѣленная на два придѣла: одинъ принадлежитъ православнымъ, а другой католикамъ. Скала горы Голооы выстлана желтыми мраморными плитами. Предъ алтаремъ католиковъ мраморный четвероугольникъ означаетъ то мѣсто, гдѣ простерли Спасителя на крестъ и вонзили въ Него гвозди. Предъ греческимъ престоломъ большое Распятіе и горитъ множество лампадъ. Подъ престоломъ видно круглое въ скалѣ отверстіе, обложеное серебрянымъ ояломъ.

Здѣсь стоялъ Врестъ Спасителя. Подлѣ, направо отъ престола, видна глубокая и широкая трещина ужаснувшейся скалы въ минуту смерти Спасителя.

Войдя въ храмъ Воскресенія, богомольцы останавливаются предъ камнемъ, лежащимъ на полу подъ балдахиномъ на четырехъ столбахъ. По угламъ балдахина стоятъ четыре подсвѣчника; подъ крышей висятъ лампы. Это *камень помазаніа*, на которомъ Іосифъ и Никодимъ помазывали ароматами, по еврейскому обычаю, тѣло Господа Іисуса предъ погребеніемъ.

Около задней стѣны храма выведенъ огромный куполъ на 18 столбахъ, связанныхъ сводами. Здѣсь, подъ этимъ куполомъ, находится пещера Гроба Господня. Надъ нею выстроена небольшая мраморная часовня. По обѣимъ сторонамъ входа въ нее стоятъ большіе подсвѣчники; надъ входомъ—образъ Воскресенія Христова. Дверь въ часовнѣ узкая и низенькая.

Внутри часовня раздѣляется на двѣ части: первая часть отъ входа называется *придѣломъ Ангела*. Здѣсь Ангелъ Господень, отваливши камень отъ гроба Христова, сидѣлъ на немъ. Обломокъ отъ этого камня служить престоломъ для совершенія обѣденъ. Надъ нимъ по потолку висятъ рядами дорогія лампы.

Изъ придѣла Ангела узкій, малый входъ, безъ дверей, ведетъ въ другую часть—въ ту самую пещеру, въ которой положено было тѣло Спасителя. Пройти въ нее надо согнувшись. Пещера вырублена вся изъ скалы и очень не велика—аршинъ около трехъ длиною и двухъ шириною. Вся она, и снаружи, и внутри выложена мраморомъ; половина пещеры во всю длину ея занята каменнымъ выступомъ, вырубленнымъ, словно лавка, въ скалѣ, изъ которой сдѣлана вся пещера. Этотъ-то выступъ и есть тотъ гробъ или каменное ложе, на которомъ возлежало пречистое тѣло Іисуса Христа до Его воскресенія. Надъ гробомъ на стѣнѣ стоитъ мраморный образъ Воскресенія Христова. По своду пещеры виситъ множество лампадъ, которыя теплятся день и ночь. Около гроба стоятъ благовонные цвѣты въ фарфоровыхъ вазахъ.

«Святой свѣтъ—у греховъ», пишетъ Старый Паломникъ, или Священный Огнь русскихъ паломниковъ, «искони» являемый во храмѣ Воскресенія въ Іерусалимѣ въ послѣдній день Страстной Седмицы въ два часа пополудни,—торжество, коему подобнаго нѣтъ во всемъ христіанскомъ мірѣ. Предъ этимъ храмовымъ актомъ происходитъ троекратный около часовни Св. Гроба ходъ греческаго духовенства съ хоругвями и пѣснопѣніемъ, что длится нѣсколько минутъ. Мы до-

велось быть очевидцемъ происходящаго въ это время во храмѣ Воскресенія два раза. Испытываемое виѣшними чувствами при этомъ зрѣлищѣ передать съ надежащею точностью не легко.

Обыкновенно въ Великую Субботу, въ половинѣ второго часа, раздается колоколь въ патріархіи. Начинается оттуда шествіе. Длинною, черною лентой входитъ греческое духовенство во храмъ, предшествуя его блаженству патріарху. Онъ въ полномъ облаченіи, сіяющей митрѣ, орденахъ и панагіяхъ. Духовенство медленною поступью минуетъ камень мѣропомазанія, идетъ къ помосту, соединяющему кувуклію ¹⁾ съ соборомъ, и затѣмъ между двухъ рядовъ вооруженной турецкой рати, едва сдерживающихъ натискъ толпы, исчезаетъ въ большомъ алтарѣ собора. Патріархъ останавливается предъ царскими вратами. Два архимандрита съ іеродіаконами его разоблачаютъ. Безъ митры и всѣхъ архипастрьскихъ отличій, въ бѣлой полотняной хламидѣ, подпоясанный кожанымъ ремнемъ, онъ возвращается, въ сопровожденіи митрополитовъ и архіереевъ, ко входу въ часовню. Входъ запечатанъ турецкою печатью, охраняемою офицерскимъ карауломъ. Наканунѣ въ храмѣ уже всѣ свѣчи, лампы, панникадила потушены.

Послѣ троекратнаго обхода духовенствомъ, предшествуемымъ хоругвеносцами, часовни Св. Гроба, съ пѣніемъ шестаго гласа воскресной стихиры: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поють на небесѣхъ, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебѣ славить», патріархъ останавливается на помостѣ предъ наружнымъ входомъ въ часовню. Здѣсь его ожидаетъ армянскій епископъ въ облаченіи. Турецкій офицеръ снимаетъ печать. По входѣ патріарха, а за нимъ и армянскаго епископа, дверь снова запирается. Оба раза и епископа не замѣчалъ, но если онъ, по увѣренію нѣкоторыхъ, а между ними и знаменитаго паломника нашего Андрея Муравьева, и входитъ за патріархомъ, то остается въ предѣлѣ Ангела бездѣйствующимъ свидѣтелемъ. Греческій же іерархъ проникаетъ чрезъ низкое отверстіе поперечной стѣны ко Св. Гробу.

Слѣдуютъ страшныя... страстныя минуты... иногда четверть часа, иногда двадцать минутъ... Это—цѣлый вѣкъ трепетнаго ожиданія.. Гробовое молчаніе... Представьте себѣ мертвенную тишину многотысячной, дикой толпы, такую, что пролети птица—слышевѣ былъ бы шумъ крыльевъ, и поймете тогда степень напря-

¹⁾ Такъ называется часовня съ пещерою Гроба Господня.

женнаго ожиданія этого люда. Только вмѣвшіе случай пережить эти минуты въ состояніи понять, какъ бьются тогда сердца.

Въ кувукліи, въ предѣлѣ Ангела, въ сѣверной и южной стѣнѣ два отверстія, овалныя, величиною въ большое столовое блюдо. Въ сѣверномъ... вдругъ показывается длинная свѣча... *пылающая!*

„Благодать!.. Господи помилуй! Биріе элейсонъ!.. Воля днѣ, нля днѣ, эль-Мессіа!“ (арабское: нѣтъ вѣры иной, какъ православная!) Крики, вопли, неумолкающіе, неистовые несутся снизу, сверху, съ балконовъ, галлерей, ложь, карнизовъ, отовсюду оглушительные возгласы, звонъ колоколовъ, торжественные звуки деревянныхъ билъ, трескъ барабановъ, рѣзкія трели металлическихъ молотковъ, все скачетъ, кричитъ, все лѣзетъ на плечи другъ къ другу; страшные вопли женщинъ, дѣтей... Миѣ здается, что я въ громадномъ заданіи, безъ выхода, охваченномъ пожаромъ. Огонь моментально сообщается всюду, у всѣхъ горятъ пучки свѣчъ, ихъ спускаютъ на веревкахъ съ галлерей, зажженные летятъ вверхъ. Весь храмъ объятъ пламенемъ.

Съ неимовѣрными усиліями солдаты едва успѣваютъ очувствитъ путь вышедшему изъ кувукліи патриарху. Блѣдный, со страдальческими чертами лица отъ глубокаго душевнаго потрясенія, патриархъ медленно приближается къ соборному алтарю. Такъ во время оно Моисей оставлялъ выси Синайскія. Патриархъ простираетъ въ обѣ стороны зажженные свѣчи. Кто успѣваетъ тушить свой пучъ и ловитъ пламя патриаршей свѣчи... Существуетъ обыкновеніе являться къ торжеству съ 33 свѣчами, связанными въ пучокъ,—воспоминаніе о числѣ годовъ земной жизни Спасителя.

Въ алтарѣ патриархъ отдыхаетъ не болѣе пяти минутъ, и затѣмъ удаляется; мало-по-малу и все духовенство исчезаетъ изъ храма.

Что же произошло? откуда же взялся огонь у патриарха? Тако-, разумѣется, вопросы у скептика на языкѣ.

Такъ-то вскорѣ послѣ пасхальныхъ дней, я въ числѣ нѣсколь-
 ь вновь прибывшихъ поклонниковъ, сопровождалъ іерарха на
 въ Иерихонъ и къ Іордану. На половинѣ дороги мы были
 иашены въ его палатку къ обѣду. Одинъ изъ такихъ скепти-
 выбравъ удобную минуту, вдругъ поставилъ такъ вопросъ:
 Откуда, ваше—ство, изволите огонь получать въ кувукліи?
 старѣлый архипастыръ, не обращая вниманія на то, что
 тось въ тонѣ вопроса, невозмутимо отвѣчалъ такъ (мною
 лово въ слово записано было слышанное):

илюстивый государь, извольте знать, безъ очковъ уже не

чтець. Когда впервые вошелъ я въ предѣлъ Ангела и за мною закрылись двери, тамъ царилъ полумракъ. Свѣтъ едва проникалъ черезъ два отверстія изъ ротонды Св. Гроба, тоже слабо освѣщаемой сверху. Въ предѣлѣ же Св. Гроба я не могъ различить—молитвенникъ ли у меня въ рукахъ, или что другое. Едва-едва замѣчалось какъ бы бѣлесоватое пятно на черномъ фонѣ ночи; то очевидно, бѣлѣла мраморная доска на Св. Гробѣ. Когда же я открылъ молитвенникъ, къ удивленію моему, печать стала вполне доступна моему зрѣнію безъ помощи очковъ. Не успѣлъ и прочесть съ глубокимъ душевнымъ волненіемъ строки три-четыре, какъ, взглянувъ снова на доску, бѣлѣвшую все болѣе и болѣе и такъ, что мнѣ явственно представились уже всѣ четыре ея края, замѣтилъ я на доскѣ оной какъ бы мелкій разсыпанный бисеръ разныхъ цвѣтовъ, вѣрнѣе сказать какъ бы жемчугъ съ булавочную головку и того меньше,—доска начала уже положительно издавать яко бы свѣтъ. Безсознательно сметая взряднымъ кускомъ ваты этотъ жемчугъ, который началъ сливаться подобно каплямъ масла, и почувствовалъ въ ватѣ нѣкую теплоту и столь же бессознательно коснулся ея фитилемъ свѣчи. Онъ вспыхнулъ, подобно пороху, и—свѣча горѣла, и три образа Воскресенія озаряла, какъ озаряла ликъ Св. Богоматери и всѣ металлическія налѣ Св. Гробомъ лампы. Предоставляю за сямъ вамъ, милостивый государь, судить о моемъ въ ту минуту душевномъ волненіи и за сямъ вывести отвѣтъ на сдѣланный вопросъ*.

Сказанія о явленіи огня на Св. Гробѣ восходятъ до II столѣтія нашей эры. Указывается на свидѣтельства отцовъ Церкви—Григорія Нисскаго и Іоанна Дамаскина. У перваго читаемъ: „Петръ вѣрнѣе, видѣлъ же не токмо чувственными очима, но и высокимъ апостолскимъ умомъ: *исполненъ убо былъ гробъ свѣта*, такъ что хотя и ночь была, однако двѣма образы видѣлъ внутренняя: чувственно и душевно“. У втораго же: „Петръ предста ко гробу и свѣтъ зря во гробѣ ужасашеся“.. На стражѣ Св. Гроба уже нѣсколько вѣковъ стоятъ православные іерархи. Теперь, если даже и допустить нѣкоторую основательность въ сомнѣніяхъ невѣрующуихъ, возможно-ли подумать, что въ длинномъ рядѣ наслѣдниковъ престола Св. Іакова не оказалось бы ни единого ставленника во главѣ Іерусалимской Церкви, который бы, впервые приступая къ священнодѣйствію у Св. Гроба въ Великую Субботу и, познавъ святотатственное, діаволу угодное дѣло на Гробѣ Господнемъ, не возмущился бы душою и не явилъ, во имя предержимой

имъ хоругви Православія, всю ложь дѣянія и обманъ, подозрѣваемый невѣрящими?

Теперь сдѣлаемъ краткій перечень сказаній древнихъ и новѣйшихъ паломниковъ о явленіи священнаго огня при Гробѣ Господнемъ.

Первый изъ русскихъ паломниковъ, *игуменъ Даниилъ*, путешествовавшій по Св. Землѣ въ концѣ XI и началѣ XII вѣка, пишетъ: „И се ми показалъ Богъ видѣти худому и недостойному рабу Своему, Даниилу иноку: видѣхъ бо очима своими грѣшными, какъ сходитъ свѣтъ святой ко Гробу Животворящему Господа Бога и Спаса нашего. О томъ скажу, яко же видѣхъ поистиннѣ“. Игуменъ Даниилъ обращался за покровительствомъ къ королю Балдуину I. «Видѣлъ, какъ въ Великую Пятницу, по вечернѣ, потирають Гробъ Господень, и помывають кандила, сущая надъ Гробомъ и наливають кандила вся та масла деревянна, чиста и не вжигаютъ свѣтиленъ и запечатлѣють Гробъ Господень во второй часъ ночи». Съ разрѣшенія Балдуина и онъ (Даниилъ) поставилъ тогда «на средѣ Св. Гроба Господня русское кандило,—еже поставихъ азъ грѣшный. Заутра же въ Великую Субботу, въ шестый часъ дня, собираются вси люди предъ церковію Воскресенія Христова.. и ждутъ, дондеже князь Балдуинъ прїдетъ съ дружиною, и бываетъ тогда отверзтіе дверемъ церковнымъ и входятъ вси людїе въ церковь въ тѣснотѣ велицей и наполняютъ церковь и внѣ церкви, около Голговы и около Краніева мѣста и дотолѣ, идѣже Крестъ Господень,—все полно будетъ людей... И яко бысть сельмый часъ дня субботняго, пойде князь Балдуинъ ко Гробу Господню и съ дружиною своею изъ дому своего—*вси боси и пѣши*. И повелѣ же (Балдуинъ) игумену Сватаго Саввы стати надъ Гробомъ со всѣми чернецы и съ правовѣрными попы, а мене же худаго повелѣ поставити высоко надъ самыми дверьми гробными противу великому алтарю, яко дозрѣти ми бяше во двери гробныя. Двери же гробныя всѣ троя замчены и запечатаны печатью царскою... Яко почаша паремья чести Субботы Великия, и на первой паремьи изыде епископъ съ діакономъ изъ великаго алтаря и приде къ дверямъ гробнымъ, и призрѣ въ гробъ сквозъ хрестцѣ дверей тѣхъ и не узрѣ свѣта во гробѣ и возвратится вспать во алтарь. Епископъ съ діакономъ паки припаде къ дверемъ гробнымъ и не увидѣ ничто же во гробѣ. Тогда вси людїе возопиша со слезами: «Жиріелейсонъ (Господи помилуй)!» Яко бысть 9-му часу мнущу начаша пѣти проходную: «Господеви послѣ»; тогда внезапно прїде туча мала отъ востока и ста надъ верхомъ непокрытымъ

тоя церкви, и одожди надъ Гробомъ Господнимъ. И тогда внезапно возсія свѣтъ во гробѣ святѣмъ и изыде блистание страшно и свѣтло изъ Гроба Господня. И приде епископъ съ четырьма діаконами и отверзоша двери гробныя. И взяша свѣщу у князя того Балдвина и вииде, взже свѣщу княжу первое отъ свѣта того святаго, изнесше изъ гроба свѣщу и вдасть ю самому князю тому въ рупѣ; и ста князь на мѣстѣ своемъ, держа свѣщу ту съ радостію великою... Свѣтъ же святой нѣсть яко огнь земный, но чудно инако свѣтнися изрядно, пламя его «червлено» яко кино-варь. И тако вся людіе стоятъ со свѣщами горящими, воіють же вси непрестанно: «Господи помилуй!» — съ радостію великою и веселиемъ, видѣвши свѣтъ Божій святой».

Путешествовавшій по Св. Землѣ въ половинѣ XV столѣтія *іеродіаконъ Зосима*, монахъ Сергіевской пустыни, свидѣтельствуетъ о невидимомъ зажженіи лампадъ надъ гробомъ.

Московский купецъ *Трифонъ Коробейниковъ*, путешествовавшій въ 1583 году по повелѣнію царя и великаго князя Іоанна Васильевича, сообщаетъ слѣдующее: «Приде же патріархъ къ дверемъ и повелѣ туркамъ придѣль отпечатати; патріархъ же отверзе двери гробницы и — узрѣвшіе вси людіе благодать Божию, сошедшую съ небесъ на Гробъ Господень въ огненномъ образѣ, *огню ходящу по Гробу Господню по дскѣ мраморнѣ и всякими цвѣты*, что молнія съ небеси. Патріархъ же вииде единъ въ придѣлѣ Гроба Господня, вмеще въ обохъ рукахъ свѣщи многія, приступи ко Гробу Господню, держа свѣщи вскрай Гроба Господня и сниде огонь съ Гроба Господня, яко же молнія на патріаршу руку и на свѣщи, и абіе загорѣшася свѣщи въ патріаршихъ рукахъ предъ свѣми людьми и *насъ подобилъ Богъ видѣти*».

Антиохійскій монахъ, уроженецъ русскій, *В. Барскій*, описывая свое путешествіе въ началѣ XVII в. въ Іерусалимъ, говоритъ: «Заутріе въ Великую Субботу всѣ лампады и свѣщи сами турки съ вноками греческими и армянскими, вся престола и углы церковныя, горѣ и внизу созирають, аще могутъ, гдѣ какого-либо свѣтило буде обрѣсти и всюду угашають. Бывшу же яко полчаса осьмому дня намѣстникъ патріарха изыде со всѣми священнымъ соборомъ и творяку обхожденіе оврестъ каплицы Гроба Христова, поюще: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе нашъ, Ангели поють на небесѣхъ»... обшедше же прежде священники вси обратшася въ великій олтарь... Намѣстникъ же, турчину отрѣшившу печать и отверзшу двери, вииде внутрь гроба со свѣчами невоз-

женными... вкупѣ же съ архіереемъ греческимъ и епископъ армянскій внутри вниде, обаче не дѣйствуетъ, токмо зрять чудо творимое и стоитъ за первыми врата великими при камени, иже отваленъ есть отъ гроба (въ придѣлѣ Ангела). Архіерей же греческій во внутреннѣйшія входитъ врата, идѣ же есть Гробъ Христовъ мраморенъ, и тамо, не вѣмъ како и каковымъ образомъ, запалаетъ свѣщи мнози и даеть единъ связанъ свѣщъ отъ руки своея армянскому архіепископу, таже износятъ вонь къ народу. Сіе азъ самъ видѣхъ, и тогда утвердихъ маловѣріе мое.

Іеромонахъ *Мелетій*, бывшій въ Іерусалимѣ въ концѣ XVIII столѣтія, также, описавъ происходящее въ Великую Субботу у Св. Гроба, передаетъ слова архіепископа Мисава, отправлявшаго тогда при явленіи огня служеніе: „Вшедше мнѣ, сказалъ о. Мисаиль,—внутри ко Св. Гробу, видимъ бѣ на всей крышѣ Гробной блистающъ свѣтъ, подобно разсыпанному мелкому бисеру, въ видѣ бѣлаго, голубаго, алаго и другихъ цвѣтовъ, который потомъ совокупляя краснѣлъ, и претворялся въ теченіе времени въ вещество огня; но Огонь сей, въ теченіе времени, какъ только можно прочесть не спѣша четыредесять кратъ „Господи помилуй!“ не жжетъ и отъ сего-то огня уготованныя кандила и свѣщи возжигаются. Но, впрочемъ, присовокупляетъ онъ,—*какъ и откуду сіе бываетъ? сказать не могу!*“

То же самое по существу говорить и знаменитый паломникъ *Андрей Муравьевъ*, бывшій въ Іерусалимѣ при томъ же митрополитѣ Петры Аравійской Мисаиль.. „Прежде его (торжества) начала отворяють на магъ двери часовни (прежде запечатанныя) игумену храма и онъ ставитъ на Св. Гробъ незажженную лампаду, вмѣстѣ съ двумя пучками свѣчъ, възъ 33 каждый, въ память годовъ Христовыхъ, и владеть хлопчатую бумагу, дабы собирать ею Св. Огонь, появляющійся, какъ говорятъ, малыми искрами на мраморной плитѣ“.

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ повѣствуетъ о Св. Огнѣ путешествовавшій три года спустя другой знаменитый паломникъ нашъ, *Авраамъ Сертеевичъ Порогъ*. Въ его свидѣтельствѣ поразителенъ однако сообщаемый имъ такой фактъ, что митрополитъ, направляясь къ часовнѣ Гроба Господня для принятія Св. Огня, удостоилъ дать ему съ тремя другими особами разрѣшеніе слѣдовать за нимъ въ придѣлѣ Ангела. „За нами, говоритъ онъ, затворились двери. Никогда не угасающія лампы надъ Гробомъ Господнемъ были уже потушены; одно слабое освѣщеніе приходило

къ намъ изъ храма сквозъ боковыя отверстія часовни... Одинъ только митрополитъ вошелъ (далѣе) въ вертепъ Гроба Господня. Я видѣлъ, продолжаетъ Норовъ, какъ престарѣлый митрополитъ, склоняся предъ низкимъ входомъ, вошелъ въ вертепъ и повергся на колѣни предъ Святымъ Гробомъ, предъ которымъ ничего не стояло и который былъ совершенно обнаженъ. Не прошло минуты, какъ мракъ озарился свѣтомъ и митрополитъ вышелъ къ намъ съ пылающимъ пучкомъ свѣчей... Я очень желаю, добавляетъ А. Норовъ, сойтись съ латинскими монахами дружественно. Бесѣдуя однажды съ ними въ душевномъ прискорбіи о распряхъ, раздѣляющихъ христіанскія церкви (въ Іерусалимѣ въ особенности, прибавлю отъ себя), я слышалъ жалобы отъ ихъ настоятеля на грековъ; онъ упрекалъ ихъ, между прочимъ, за Святой Огонь. Онъ прибавлялъ, что говоритъ мнѣ о томъ, какъ европейцу. Я отвѣчалъ, что если онъ принимаетъ это за обрядъ, то и въ такомъ случаѣ обрядъ этотъ освященъ столѣтіями, и что Римская церковь не имѣетъ права на такой упрекъ; что мнѣ Италия коротко знакома, что и я такъ же отнесусь къ нему, какъ европейцу, о совершаемомъ обрядѣ въ Неаполѣ, въ церкви Св. Януарія, когда хранимая въ склянкѣ кровь мученика, будучи вынесена передъ народомъ, начинаетъ кипѣть. Тутъ настоятель воскликнулъ: „но вѣдь это—настоящее чудо“ и не внималъ никакимъ возраженіямъ. „Если это такъ, сказалъ я ему,—то позвольте мнѣ болѣе вѣрить чуду, совершающемуся на Гробѣ Самого Спасителя, чѣмъ чуду Св. Януарія“

Если сопоставить мною испытанное два раза, мною слышанное изъ устъ глубокопочитаемаго іерарха, священнодѣйствовавшего при чудномъ явленіи Св. Огня, съ безчисленными сказаніями богобоязненныхъ паломниковъ, повторившихъ почти слово въ слово то же объ этомъ явленіи, то сомнѣнію въ чудесномъ по временамъ явленіи священнаго огня при гробѣ Господнемъ нѣтъ мѣста.

— *Празднованіе Пасхи у современныхъ евреевъ.* Праздникъ Пасхи,—это «торжество изъ торжествъ» въ Христовой церкви,—является также великимъ праздникомъ и для правовѣрнаго еврея. Мы, христіане, здѣсь «смерти празднуемъ умерщвленіе и иного житія вѣчнаго начала», а они вспоминаютъ и торжествуютъ величайшій моментъ въ исторіи еврейскаго народа, освобожденіе отъ рабства въ Египтѣ и начало особеннаго промысленія Божія о немъ. Поэтому и во времена библейскія и въ настоящее время евреи торжественно празднуютъ свою Пасху.

Во времена ветхозавѣтныхъ празднованіе Пасхи у евреевъ опре-

дѣлялось предписаніями закона Моисеева.—Эти предписанія устанавливали порядокъ торжества общественнаго,—при скиніи, а затѣмъ при храмѣ Іерусалимскомъ,—и семейнаго, домашняго.

Въ кн. Левитъ (XXIII, 5—14) находятся слѣдующія предписанія: «въ первомъ мѣсяцѣ въ 14 день мѣсяца между вечерними Пасха Господу. И въ 15 день мѣсяца перваго праздникъ опрѣсноковъ Господу; семь дней опрѣсноки да ясте. И день первый нареченъ святъ будетъ вамъ, всякаго дѣла работни не сотворите. И да принесете всесоженія Господу 7 дней, и день седьмый нареченъ святъ будетъ вамъ: всякаго дѣла работая не сотворите. И рече Господь къ Моисею: глаголи сыномъ Израилевымъ: егда увидите въ землю, юже Азъ даю вамъ, и пожнете жатву ея и принесете снопы начатокъ жатвы вашей къ жрецу. И вознесеть снопы предъ Господа пріятенъ вамъ; на утріе перваго дне субботы да вознесеть его жрецъ. И сотворите... овча непорочно, единолѣтво во всесоженіе Господу. И жертву его двѣ десятины муки пшеничны сопряжены въ елен... и возліаніе его вина четвертую часть вина ¹⁾ и хлѣба и прижженныхъ класовъ новыхъ да не снѣсть даже до того дне самаго, дондеже принесете вы дары Богу нашему»...

Въ этихъ предписаніяхъ ничего не говорится о празднованіи Пасхи домашнемъ, семейномъ, потому что они были даны раньше, при самомъ установленіи праздника. Въ кн. Исходъ (XII, 1—14) говорится объ этомъ слѣдующее:

«Рече Господь къ Моисею и Аарону въ земли Египетстѣй, глаголя: рцы ко всему сонму сыновъ Израилевыхъ: въ десятый день мѣсяца сего (нисана) да возьметъ кійждо овча по домамъ отечества, кійждо овча по дому. Аще же мало ихъ есть въ дому, яко не довольнымъ быти на овча, да возьметъ съ собою сосѣда ближняго своего по числу душъ; кійждо довольное себѣ сочтетъ на овча. Овча совершенно, мужескъ полъ, непорочно и единолѣтво будетъ вамъ, отъ агнецъ и отъ козлищъ примете. И будетъ вамъ соблюдено даже до четыренадесять дне мѣсяца сего: и заколютъ то все множество собора сыновъ Израилевыхъ къ вечеру. И примутъ отъ крове и помажутъ на обою подвою и на прагахъ въ домѣхъ, въ нихъ же снѣдять тое. И снѣдять мяса въ нощи той печена огнемъ, и опрѣсноки съ горькимъ зеліемъ снѣдять. Не снѣсте отъ нихъ сурово, ниже варено въ водѣ... Не оставите отъ него до утрія, и кости не сокрушите отъ него, останки же отъ него до утра огнемъ сожжете. Сице же снѣсте е: чресла ваша препоясана и сапози ваши на ногахъ вашихъ и жезлы ваши въ рукахъ ва-

¹⁾ Ивъ мѣра для жидкостей около 12 стакановъ.

шихъ и свѣсте е со тцаніемъ: Пасха бо есть Господня... И будетъ вамъ день сей въ ламить и празднуйте той праздникъ Господу во вся роды ваша»...

Согласно вышеизложеннымъ узаконеніямъ и праздновалась у евреевъ Пасха во времена ветхозавѣтныхъ.

Какъ же теперь у евреевъ празднуется этотъ великій праздникъ? Много вѣковъ тому назадъ пересталъ существовать храмъ Іерусалимскій, прекратилось священство и жертвы Богу по закону Моисееву... Мѣстомъ общественной молитвы евреевъ стали синагоги, надъ закономъ Моисеевымъ нагромоздилось пространное и мелочное толкованіе въ родѣ Талмуда и Каббалы; сами евреи разсѣялись по лицу земли и утратили національную самостоятельность... Естественно, что благодаря всему этому въ значительной степени измѣнился и характеръ праздниковъ еврейскихъ.

Не лишнее интереса описаніе праздника Пасхи у современныхъ евреевъ мы и думаемъ предложить вниманію читателей.

Еще къ вечеру кануна праздника Пасхи ¹⁾ всѣ еврейскія жилища избавлены отъ негоднаго хомеца (вѣт-праздничной пищи); все прибрано, вездѣ чисто и пріятно на взглядъ. Правда, оставляется еще немного пищи, но только на ужинъ и на завтракъ.— За всѣмъ тѣмъ требуется еще совершить послѣдній актъ окончательнаго уничтоженія хомеца. Приди вечеромъ изъ синагоги и наскоро поужинавъ, глава семьи принимается за выполненіе этой важной заповѣди. Часомъ раньше, жена уже позаботилась приготовить, что нужно, для этой священной церемоніи. Размельчивъ на крошки кусокъ чернаго хлѣба, она раздѣлила ихъ на маленькія кучки и разложила по разнымъ потаеннымъ мѣстамъ комнаты, чтобы мужу не легко было найти ихъ, черезъ что заслуга его передъ Богомъ будетъ больше.

Въ сопровожденіи жены и всѣхъ домочадцевъ хозяинъ отправляется отыскивать хомецъ—съ большой деревянной ложкой въ одной рукѣ и гусинымъ крыломъ въ другой; онъ обходитъ комнаты, внимательно осматривая каждый потаенный уголокъ; найдя кучку крошекъ, тщательно сметаеъ ее крыломъ въ ложку.

— Когда собраны будутъ всѣ крошки, ложку съ хомецомъ обвязываютъ бѣлою тряпичею и вмѣстѣ съ крыломъ прячутъ въ надежное мѣсто.

На слѣдующій день, тотчасъ послѣ утренней молитвы, все семейство наскоро завтракаетъ остатками хомеца, послѣ чего онъ

¹⁾ Описаніе это извлечено изъ ст. «Пасхальная пѣснь»—Историческій Вѣстникъ 1901 г. кн. 2-я.

уже абсолютно воспрещается и тотчас же глава семьи вчерашнюю ложку съ хомецомъ и крыло бросаетъ въ пылающую печь на всеожженіе, прочитывая при семъ особую краткую молитву.

Вечеромъ наступаетъ праздникъ.—Мужской полъ, безъ различія возраста, отправляется въ синагогу, на вечернюю молитву, а женскій—принимается готовить все, что нужно для пасхальнаго стола, и царскій престоль¹⁾ для главы семьи, пристраиваемый у самаго стола.

Накрытъ столъ чистой скатертью. Посреди его стоятъ въ рядъ три подсвѣчника; близь нихъ объемистый графинъ съ виномъ домашняго издѣлія и вокругъ него стоятъ спеціально пасхальные „кейсесы“ (стаканы) по числу душъ семейства; затѣмъ немного поодаль поставлены три блюдечка, на одномъ головки хрѣна, на другомъ—пучекъ зеленой петрушки, а въ третьемъ т. н. „харейсесъ“ (родъ тѣста желто-бураго цвѣта изъ смѣси толченыхъ грецкихъ орѣховъ, изюма, имбиря, корицы и т. п.), возлѣ нихъ двѣ тарелки,—одна съ легкимъ тузлукомъ (разсолъ), а другая—съ поджареннымъ говижьимъ мосоломъ, напоминающимъ пасхальнаго агнца; въ заключеніе же всего передъ мѣстомъ, гдѣ находится сѣдалище главы семейства, поставлена тарелка съ тремя мадами.—Убравши столъ, хозяйка облачается въ праздничныя одежды.

И вотъ глава семейства является домой. Послѣ обычнаго взаимнаго привѣтствія, онъ облачается въ царское одѣяніе, состоящее изъ т. н. кителя (длинная рубаха съ широкими рукавами и большимъ воротникомъ), бѣлаго широкаго пояса и бѣлой ермолки, и возлегаетъ на своемъ импровизированномъ тронѣ.—Начинается праздникъ. Одинъ изъ старшихъ членовъ семьи разливаетъ изъ графина вино по всѣмъ стаканамъ, берутъ ихъ въ руки, и прочитывая молитву выпиваютъ до дна; затѣмъ усаживаются вокругъ стола по старшинству.

Тотчасъ за этимъ дверь комнаты запирается на ключъ. Глава семейства правою рукою беретъ за край тарелки съ мадами, остальные также, и всѣ монотоннымъ полугрустнымъ голосомъ читаютъ слѣдующій монологъ: „Вотъ хлѣбъ убожества, который ѣли наши предки въ землѣ Египта. Кто голоденъ, пряди в ѣшь!

¹⁾ Талмудъ увѣряетъ, что въ этотъ вечеръ всѣ евреи, главы семействъ, возводятся Богомъ въ царскій санъ, и они должны именоваться всѣ въ этотъ вечеръ—царями и вести себя по царски: облачаться въ царскія одежды и возсѣдать на царскихъ тронахъ. Царскій тронъ, устраниваемый въ этотъ вечеръ,—это обыкновенная кровать, мягко и роскошно убранная съ высокими изголовьемъ, приспособленнымъ къ возлежанію на манеръ древнихъ.

Кому требуется, приди и соверши съ нами Пасху! Въ нынѣшнемъ году мы здѣсь (на чужой землѣ); на будущій годъ будемъ въ землѣ Израиля. Въ нынѣшнемъ году — мы рабы, на будущій же годъ всѣ будемъ сыны свободы*.

Когда монологъ конченъ, младшій сынъ, взгромоздившись на столъ, обращается къ отцу съ слѣдующими четырьмя вопросами: 1) почему это сегодня мы ѣдимъ одну мацу, а въ прочее время всякій хлѣбъ, какой вздумается; 2) почему сегодня ѣдимъ горькія коренья, а въ другое время сладкія на вкусъ овощи; 3) почему въ другіе вечера года мы ни разу не макаемъ зелень (въ тузлукъ), а сегодня дважды; 4) почему въ другіе вечера во время трапезы мы сидимъ обыкновенно, а нынѣ возлагаемъ? Эти вопросы предварительно разучиваются дѣтьми въ школахъ.

Окончивъ вопросы, мальчикъ садится на свое мѣсто, а глава семейства, а за нимъ всѣ остальные, какъ бы въ отвѣтъ на эти вопросы, разомъ вслухъ начинаютъ читать исторію рабства Евреевъ въ Египтѣ и освобожденія отъ него. Чтеніе продолжается часъ и два.

Чтеніе кончается, и глава семьи беретъ головку хрѣна, макаетъ ее въ блюдечко съ хайресесъ и цѣликомъ глотаетъ; потомъ съѣдаетъ нѣсколько стеблей зеленой петрушки, предварительно обмакнувъ ихъ въ тузлукъ. — То же въ точности исполняется и всѣми остальными.

Затѣмъ, глава семьи беретъ изъ тарелки верхнюю мацу и, разломивъ ее на куски, раздаетъ сидящимъ за столомъ, которые, по прочтеніи краткой молитвы, съѣдаютъ эти куски. Потомъ, разломивъ вторую мацу, но такъ, чтобы каждому досталось по два куска, онъ кладетъ между кусками хрѣнъ и жуетъ все это вмѣстѣ, предварительно провзнеся слова: „такъ дѣлалъ Гилелъ въ то время, когда храмъ Іерусалимскій существовалъ“... То же повторяется и другими членами семьи.

Вслѣдъ за этимъ глава семейства беретъ послѣднюю мацу разламываетъ ее на 2 части, одну оставляетъ для стола, а другую прячетъ подъ подушку своего изголовья, послѣ этого начинается настоящая трапеза. — Сперва ставится на столъ тарелка съ крутосваренными яйцами, которыя ѣдятъ, накрошивъ въ соленую воду; затѣмъ, крошатъ мелко хрупкую мацу въ большую миску съ горячимъ борщемъ; потомъ — рыбу, т. н. кнейделы подъ куринымъ соусомъ, курицу съ рѣдкой въ прикуску; наконецъ, въ видѣ десерта т. н. пимесъ изъ моркови и пастернака.

Стаканы наполняются вышеупомянутымъ напиткомъ; каждый

ставить свой стаканъ предъ собой, мизинцемъ правой руки макаетъ въ жидкость и образовавшуюся отъ этого на кончикѣ пальца каплю стряхиваютъ на ноль.—И это повторяется до 10 разъ по числу казней, посланныхъ Богомъ на Египтянъ за ослушаніе фараона, при чѣмъ нараспѣвъ провозносятся названіе казней.

Ставаны выпиваются до дна и наполняются вновь. Этотъ моментъ одинъ изъ важныхъ во всемъ пасхальномъ обрядѣ: теперь ждутъ дорогого желаннаго гостя, который въ этотъ вечеръ посѣщаетъ всѣ Еврейскія жилища. Этотъ гость—Илія пророкъ. Ему очищаютъ почетное мѣсто у стола, ставятъ стулъ или кресло и на столѣ предъ нимъ полный стаканъ вина.

Кто-либо изъ сидящихъ за столомъ отворяетъ запертую дверь и всѣ быстро поднимаются съ своихъ мѣстъ, со взорами, обращенными къ двери, громко разомъ привѣтствуютъ вошедшаго невидимаго гостя.—И тотчасъ, въ присутствіи Великаго пророка, евреи начинаютъ изливать свою горечь на свою судьбину въ чужой землѣ, въ землѣ враговъ своихъ гоевъ. Плачевнымъ голосомъ всѣ читаютъ псаломъ Давида.

Затѣмъ стаканы кейсесъ выпиваются и наполняются вновь; глава семьи разламываетъ оставленную половинку мацы, по кусочку даетъ каждому изъ трапезующихъ, которые и съѣдаютъ ихъ.—Вновь выпиваются стаканы-кейсесъ и начинается пѣніе пасхальныхъ пѣсень.

Этимъ пѣніемъ и заканчивается пасхальное торжество.

Холм. Еп. В.»

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ

„БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!“

Семейный гигиеническій журналъ (7-й годъ изданія).

Въ 1903 году программа журнала остается та же, какъ и въ первые 6 лѣтъ. Статьи по различнымъ вопросамъ сохраненія здоровья и самопомощи и въ болѣзняхъ, популярная медицина, домашняя гигиена, леченіе безъ помощи врача, бесплатныя медицинскіе совѣты. При этомъ общедоступное изложеніе, легко исполнимыя наставленія и рецепты, немедленные отвѣты подписчикамъ на вопросы касательно ихъ здоровья, исключительно практическія свѣдѣнія. Каждый читатель найдетъ много полезнаго для себя въ журналѣ „Будьте здоровы!“ ЖМЖ выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна съ пересылкой: годъ 4 рубля, полгода 2 рубля, четверть года одинъ рубль. Адресъ: С.-Петербургъ, редакция „Будьте здоровы!“ Редакторъ-Издатель д-ръ И. И. Зарубинъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ИКОНОСТАСНАЯ И ЦОВОЛОТНАЯ
МАСТЕРСКАЯ

Алексѣя Петровича ПЕТРОВА съ С-ми.

— Существоеть съ 1852 года. —

МОСКВА, Мѣщанская ул., домъ № 98.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

**НА ХУДОЖЕСТВЕННО-РѢЗНЫЕ, ЖИВОПИСНЫЕ и ИКОНОПИСНЫЕ
РАБОТЫ,**

какъ-то: Церковные **иконостасы** (и военно-походные) въ разныхъ строго выдержанныхъ стиляхъ, мѣстные и запрестольные **кіоты**, **балдахины** надъ престолами, **гробницы** подъ плащаницу, запрестольные **кресты** и **рамы** съ тумбами, **кресты** съ **предоставками** съ рѣзной горой, **аналои**, **престолы**, **жертвенники**, **свѣчные** **щитки** и **зеркала** для присутственныхъ мѣстъ,

А ТАКЖЕ ПРОИЗВОДИТСЯ РЕСТАВРАЦІЯ

**ИКОНОСТАСОВЪ, ИКОНЪ, ВНУТРЕННЕЙ и НАРУЖНОЙ ЖИВОПИСИ въ ХРАМАХЪ и пр.
И ЗОЛОЧЕНІЕ ГЛАВЪ и КРЕСТОВЪ.**

Рисунки, смѣты и чертежи высылаются по первому требованію.

ИКОНОСТАСНАЯ ФАБРИКА

Ивана Ефимовича Гетмана съ С-ми

ВЪ ТАМАРОВКѢ,

Курской губерніи, Вѣлгородскаго уѣзда.

(Серебр. мед. на всерос. выст. 1887 г. въ Харьковѣ)

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА УСТРОЙСТВО

ИКОНОСТАСОВЪ и КІОТОВЪ

въ православныхъ церквахъ, написаніе въ нихъ живописи и украшенія стѣнъ альфрейной росписью.

заказы исполняются прочно, аккуратно и по утѣренныѣмъ цѣнамъ, гдѣ нужно—съ разсрочкой платежа.

ФАБРИКАНТЪ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ
ТОРГОВАГО ДОМА
АНДРЕЯ ЗАХРЯПИНА СЫНОВЬЯ.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія г.г. покупателей
 въ нашихъ магазинахъ.

I.	II.	III.
Въ Москвѣ	Въ г. Воронежѣ	Въ ярмаркахъ Нижне- городской по шоссе противъ флаговъ. Въ Вологдѣ и Ро- стовѣ Ярославской губ.
Никольская ул., верх- ніе торговые ряды №№ 82, 155, 156, 227, 228, 229.	Московская ул., про- тивъ Духовной Кон- систории. Магазины открыты съ 1-го ок- тября 1902 г.	

Всегда имѣется полный и большой выборъ всей церковной утвари
 лучшаго издѣлія, художественной работы, собственной фабрики, всевоз-
 можныхъ размѣровъ и рисунковъ какъ-то: паникадила, люстры, под-
 свѣчники, лампы, хоругви, запрестольныя иконы, евангелія, кресты,
 сосуды, ковчеги, вѣнцы, металлическія свѣчи, чаши водосвятныя, пла-
 щаницы, гробницы, иконы, парча для облаченія и пр. и пр., также
 имѣются и серебряныя вещи 84⁰, а также принимаются заказы на все-
 возможную церковную утварь, металлическія, такъ равно и серебряныя
 84⁰ и ризы на иконы, одежды на престолы и жертвенники, царскія двери,
 кресты на главы, и рѣшетки по солямъ и пр. и пр., какъ лично, также и
 заочно, посредствомъ переписки.

По требованію при заказѣ, Торговый Домъ высылаетъ смѣты и ри-
 сунки, а также въ случаѣ надобности высылаются довѣренный, для лич-
 ныхъ переговоровъ и принятія заказа.

Принимаются всякаго рода починки и ремонтное старыя вещи
 церковной утвари золоченіе и серебреніе исполняются въ точности безъ
 замедленія.

Цѣны на церковную утварь существуютъ одинаковыя какъ въ Мо-
 сковскомъ магазинѣ, также въ Воронежскомъ магазинѣ и ярмаркахъ.

При заказѣ и покупкѣ товаровъ для небогатыхъ храмовъ, дѣлается
 разсрочка въ платежѣ.

Фабрика наша существуетъ болѣе 50 лѣтъ и имѣетъ при себѣ около
 500 человѣкъ мастеровъ, благодаря лучшаго производства вырабаты-
 ваемыхъ въ ней предметовъ и усовершенствованія, всѣми необходи-
 мыми средствами, для выработки церковной утвари, скорого и акку-
 ратнаго исполненія заказовъ, приобрѣла самый громадный кругъ г.г.
 покупателей и заказчиковъ. Фабрика и главная контора въ г. Пере-
 яславлѣ Заслѣскомъ Влад. губ.

При выпискѣ товаровъ, просимъ обозначать адресъ, чрезъ кого по-
 сылать товаръ, по желѣзной дорогѣ, до какой станціи, или чрезъ кон-
 тору и адресъ почтовый.

Льстимъ себя надеждою, что Вы не оставите насъ своимъ благосклон-
 нымъ вниманіемъ, а также и посѣщеніемъ нашихъ магазиновъ въ
 Москвѣ и гор. Воронежѣ.

Торговый Домъ Андрея Захряпина С-вья.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Апрѣля № 8. 1903 года.

Содержаніе. Дни и часы приема у Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. — Высочайшее повелѣніе. — Высочайшія награды. — Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища. — Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901—1902 учебный годъ (окончаніе). — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

ДНИ И ЧАСЫ ПРИЕМА

у Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

Въ Понедѣльникъ Его Высокопреосвященствомъ принимаются должностныя лица различныхъ учрежденій духовнаго вѣдомства, а именно: въ 10¹/₂ час. утра Преосвященный Викарій, съ 11 час. до часу дня: Ректоръ Семинарив, Предсѣдатель Совѣта и Начальница Епархіальнаго Женскаго Училища, Смотритель Мужскаго Духовнаго Училища, Епархіальный Наблюдатель, Епархіальный Миссіонеръ, Городскіе Благочинные, Предсѣдатель Правленія Епархіальнаго свѣчнаго завода и др.

Во Вторникъ въ 10¹/₂ час. утра Секретарь и члены Консисторіи; съ 11—до часу свѣтскія лица, священники и прочіе просители.

Въ Среду и Четвергъ отъ 11 час. утра до часу приемъ тѣхъ же лицъ, что и во Вторникъ.

Въ Пятницу въ 10¹/₂ час. утра Секретарь и члены Консисторіи, а прочіе просители съ 11 до часу дня.

Въ Субботу, Воскресенье и вообще по праздникамъ приема не бываетъ.

Примѣчанія: 1) Въ лѣтнюю пору, въ тѣ же дни и часы, Владыка принимаетъ просителей на дачѣ, кромѣ Среды, когда онъ принимаетъ съ 11 час. утра до часу дня всѣхъ лицъ, имѣющихъ къ нему надобность, *въ городскомъ домѣ.*

2) Посвящающіеся въ духовный санъ (ставленники) съ ставлен-

ническими дѣлами являются къ секретарю Его Высокопреосвященства, говѣють предъ посвященіемъ въ Покровскомъ монастырѣ не менѣе трехъ дней, потомъ направляются къ духовнику для исповѣди; послѣ исповѣди являются съ дѣломъ къ Владыкѣ и отъ него направляются къ посвященію.

3) Ключарь и регентъ архіерейскаго хора являются къ Владыкѣ въ 8 часовъ утра за день до архіерейскаго богослуженія.

Высочайшее повелѣніе.

Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли и законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министерства Народнаго Просвѣщенія о пенсіонныхъ правахъ законоучителей православнаго исповѣданія женскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, миѣніемъ положилъ—въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановить:

Законоучители православнаго исповѣданія женскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія и другихъ равныхъ имъ учебныхъ заведеній пользуются по пенсіи правами наравнѣ съ законоучителями православнаго исповѣданія мужскихъ гимназій и прогимназій того же вѣдомства.

Время, проведенное законоучителями православнаго исповѣданія въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ сихъ должностяхъ послѣ изданія Высочайше утвержденного, 10-го іюня 1900 года, миѣнія Государственного Совѣта о пенсіонныхъ правахъ служащихъ въ женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія (Собр. узак., ст. 1863), зачестъ имъ на приобрѣтеніе пенсіи на основаніяхъ, указанныхъ въ настоящемъ узаконеніи.

Его Императорское Величество изложенное миѣніе Государственного Совѣта 24-го ноября 1902 года Высочайше утвердить соизвоилъ и повелѣлъ исполнить. (Циркуляръ по Московскому учебному округу № 1, 1903 г.).

Высочайшія награды.

Всемиловѣйше пожалованы къ 6-му апрѣля 1903 г., ко дню Св. Пасхи, медалями, съ надписью „за усердіе“: для пошенія на

шеѣ: *золотою на Владимірской лентѣ*: попечитель Александро-Невской г. Харькова 2-хъ классной церковно-приходской школы, пот. поч. гражд. *Теодоръ Енуровскій*; *на Анненской лентѣ*: попечитель Славянской, Троицкаго прихода, церковно-приходской школы, Изюмскаго уѣзда, 2-й гильдіи куп. *Яковъ Асокинъ* в отставной унтеръ-офицеръ *Василій Ивановъ*. Для ношенія на груди: *золотыми на Анненской лентѣ*: попечитель Бисовской, Сумско-Покровскаго прихода, церковно-приходской школы, сумской мѣщ. *Себастьянъ Деревянко*; *на Станиславской лентѣ*: младшій вольнонаемный писецъ при канцеляріи правленія Харьковской духовной семинаріи, мѣщ. *Николай Олейниковъ*; *серебряными: на Александровской лентѣ*: учитель Сумской Троицкаго-прихода, церковно-приходской школы, сынъ священника *Яковъ Евецкій*; *на Анненской лентѣ*: учитель церковнаго пѣнія въ Харьковской духовной семинаріи, крест. *Николай Ковинъ*; *на Станиславской лентѣ*: попечитель Залушанской школы грамоты Богодуховскаго соборно-Успенскаго прихода, богодуховскій 2-й гильдіи купецъ *Григорій Памченко*; попечитель Больше-Писаревской второклассной школы Богодуховскаго уѣзда, 2-й гильдіи купецъ *Дмитрій Демьяненко*; попечитель Коломакской Николаевской церковно-приходской школы Валковскаго уѣзда, крестьянинъ *Хрисанфъ Близнюковъ*.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіального Женскаго Училища г. Харькова.

Съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, обычный актъ и выпускъ воспитанницъ 6-хъ классовъ Харьковскаго Епархіального женскаго училища Совѣтомъ училища назначенъ на 8 е Іюня н. г.

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіального Женскаго Училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 1901-1902 учебный годъ.

(Окончаніе *).

Обстоятельства, благоприятствовавшія или препятствовавшія успѣшному веденію дѣла, мѣры, принятыя къ возвышенію учебно-воспитательнаго дѣла въ Училищѣ.

Учебно-воспитательное дѣло въ отчетномъ году находилось въ удовлетворительномъ состояніи и велось правильно, вполне согласно § 83 Устава

* См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1903 г. № 7.

Епархіальныхъ женскихъ училищъ. Къ обстоятельствамъ благопріятствовавшимъ успѣшному веденію учебнаго дѣла надѣ отнестись главнымъ образомъ то, что училище имѣетъ преподавателей съ высшимъ образованіемъ и нѣкоторые изъ нихъ путемъ долговременной службы приобрѣли большую опытность въ дѣлѣ преподаванія.

Всѣ преподаватели и преподавательницы въ теченіе отчетнаго учебнаго года относились къ своимъ обязанностямъ съ полнымъ усердіемъ и вниманіемъ; классныя занятія производились ими своевременно; содержаніе уроковъ и, вообще, распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ было выполняемо согласно программамъ; въ отношеніи присновъ и методовъ преподаванія они сообразовались съ требованіями современной педагогики. Начальница училища и воспитательницы съ дѣятельнымъ участіемъ относились къ разнообразнымъ нуждамъ ученицъ, руководя ихъ къ сознательному выполненію ученическихъ обязанностей и приучая къ скромности и вѣжливости въ отношеніи общезитія. Посѣщеніе уроковъ преподавателями было исправное и случаевъ опущенія уроковъ безъ уважительныхъ причинъ не было. По принятому порядку преподаватели и учительницы, не имѣвшіе возможности явиться на урокъ, заблаговременно извѣщали о томъ начальницу училища для зависящихъ отъ нея расположеній. Отсутствовавшихъ преподавателей обыкновенно замѣняли воспитательницы, подъ руководствомъ которыхъ читались воспитанницами книги, имѣвшія отношеніе къ данному уроку, или исполнялись данныя учителемъ письменныя работы или повторялись пройденные отдѣлы курса.

1. Какъ и въ прежніе годы, чрезъ каждые два мѣсяца инспекторъ классовъ вносилъ въ Совѣтъ вѣдомость объ успѣхахъ воспитанницъ, составленную на основаніи общихъ отмѣтокъ преподавателей. Эта вѣдомость разсматривалась въ Совѣтѣ при участіи всѣхъ преподавателей и преподавательницъ, при чемъ выяснялись причины неуспѣшности ученицъ и указывались мѣры для ихъ исправленія. Малоспособныя и недостаточно развитыя ученицы поручались особому вниманію преподавателей, а невнимательныя и нерадивыя подвергались взысканію.

2. Вѣдомость о числѣ малоуспѣвающихъ воспитанницъ по истеченіи двухъ мѣсяцевъ представлялась Совѣтомъ при журналахъ Его Высокопреосвященству.

3. Для поднятія уровня развитія воспитанницъ Совѣтомъ училища и преподавателями въ отчетномъ году, какъ и прежде, обращалось вниманіе на выѣклассное чтеніе воспитанницами книгъ. Совѣтъ училища озаботился пополненіемъ бібліотека изданіями религіозно-нравственнаго и литературнаго содержанія, которыя одобрены для выѣкласснаго чтенія учащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. При постановкѣ и веденіи выѣкласснаго чтенія были приняты къ руководству особыя правила, выработанныя Со-

вѣтомъ училища еще въ предшествующіе годы. По приѣзду прошлыхъ лѣтъ, и въ отчетномъ году практиковались общія для всего класса чтенія книгъ, особенно во время механическихъ занятій руководящихъ.

4. Кромѣ употребленія наглядныхъ пособій для болѣе яснаго и отчетливаго усвоенія знаній, неоднократно во вѣкълассное время показывались воспитанницамъ при помощи волшебнаго фонаря туманныя картины, имѣвшія своимъ содержаніемъ священно-историческія событія, изображенія замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей, физическія явленія, замѣчательныя виды на землѣ, архитектурныя сооруженія, типы народовъ, при чемъ велись соответствующія картинамъ чтенія или давались надлежашія разъясненія. Таковыя чтенія велись по классамъ въ праздничные дни въ продолженіе всего почти года.

5. Для развитія литературнаго вкуса воспитанницъ, для пріученія ихъ къ правильному и выразительному чтенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для доставленія имъ пріятнаго и полезнаго развлеченія, иногда устраивались въ присутствіи близкихъ училищу лицъ литературно-вокальные вечера, на которыхъ воспитанницы произносили заученныя стихотворенія, пѣли хоромъ и играли на музыкальныхъ инструментахъ приготовленныя пьесы. Для той же цѣли заботами начальствующихъ лицъ былъ приглашенъ въ училище 18 февраля хоръ И. М. Туровѣрова, который доставилъ своимъ прекраснымъ исполненіемъ народныхъ пѣсенъ большое удовольствіе присутствующимъ.

6. Въ видахъ поощренія къ трудолюбію лучшихъ по успѣхамъ и поведенію воспитанницъ, Совѣтъ Училища награждалъ ихъ книгами и похвальными листами. Съ той же цѣлью при отпускахъ воспитанницъ въ дома родителей ихъ баллы по успѣхамъ и поведенію выставлялись въ отпускныхъ билетахъ, а въ концѣ каждой недѣли списокъ воспитанницъ, получившихъ неудовлетворительныя баллы представлялся начальницѣ училища, которая дѣлала означеннымъ воспитанницамъ внушенія и подвергала ихъ извѣстному взысканію. Инспекторъ классовъ съ своей стороны при удобномъ случаѣ побуждалъ ихъ къ усердному отношенію къ дѣлу.

7. Въ старшихъ классахъ весьма много способствовали развитію педагогическихъ способностей воспитанницъ ихъ практическія занятія въ образцовой церковно-приходской школѣ при училищѣ, которыми руководилъ завѣдующій школою Харьковский Епархіальный наблюдатель.

Особыхъ обстоятельствъ, препятствовавшихъ успѣшному веденію учебно-воспитательнаго дѣла, въ отчетномъ году не было.

4. Библіотена и физическій кабинетъ.

Библіотека училища раздѣляется на три отдѣла: 1) фундаментальную, 2) ученическую и 3) музыкальную.

1) Въ фундаментальной училищной библиотекѣ къ концу отчетнаго года числилось 1612 названій книгъ въ 4122 томахъ. Въ отчетномъ году библиотека увеличилась на 38 названій книгъ, въ 97 томахъ.

2) Въ ученической библиотекѣ состояло названій книгъ 1481, томовъ 2998, приобретено въ теченіе года 243 тома въ 94 наименованіяхъ. Всѣ книги приобретены на училищный счетъ.

3) Въ музыкальной библиотекѣ къ концу отчетнаго года состояло 499 названій нотъ, въ 649 экземплярахъ; приобретено въ теченіе года 19 названій нотъ, въ 20 экземплярахъ.

Изъ періодическихъ изданій Совѣтомъ Училища выписывались слѣдующія: въ фундаментальную библиотеку: „Церковныя Вѣдомости“, изд. при Св. Синодѣ, „Вѣра и Разумъ“, „Вѣра и Церковь“, „Народное Образование“, „Странникъ“, съ приложеніемъ, „Общедоступной Богословской Библиотеки“ и новой серіи богословско-апологетическихъ трактатовъ, „Богословскій Вѣстникъ“, съ приложеніемъ Твореній Св. Василія Великаго, изд. при Московской Духовной Академіи, „Труды Кіевской Духовной Академіи“, „Церковный Вѣстникъ“ съ „Христіанскимъ Чтеніемъ“ и съ „Твореніями Св. Іоанна Златоуста“, издан. при С.-Петербур. Духовн. Академіи, „Русская Старина“, „Русскій Вѣстникъ“, „Историческій Вѣстникъ“, „Нива“, „Музыка и Пѣніе“, „Миссіонерское Обзорѣніе“, „Московскія Вѣдомости“, „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“ и „Южный Край“.

Въ ученическую библиотеку: „Душеполезное Чтеніе“, „Русскій Паломникъ“, „Церковно-приходская школа“, „Дѣтскій Отдыхъ“, „Родникъ“ (безъ педагогическаго отдѣла), „Дѣтское Чтеніе“ и „Природа и Люди“.

Учебниками, учебными пособиями и учебными принадлежностями всѣ воспитанницы были снабжены въ достаточномъ количествѣ отъ Училища, безъ взноса за это особой платы. Книги изъ ученической библиотеки выдавались воспитанницамъ ежедневно, при чемъ каждому классу былъ назначенъ опредѣленный день для полученія и возвращенія книгъ. Въ выборѣ книгъ для чтенія воспитанницы руководствуются особыми каталогами, заключающими въ себѣ списки книгъ изъ ученической библиотеки, назначенныя для каждаго класса въ отдѣльности.

Въ теченіе отчетнаго года воспитанницами всѣхъ классовъ училища взято было для чтенія 7856 книгъ, а именно: воспитанницами 6 норм. кл.—837 кн., 6 парал.—726 кн., 5 норм.—720 книгъ, 5 пар.—905 кн., 4 норм.—818 книгъ, 4 пар.—722 кн., 3 норм.—1091 кн., 3 пар.—986 кн., 2 норм.—200 кн., 2 пар.—269 кн., 1 норм.—184 книги, 1 пар. 273 кн. и приготов. класса—125 книгъ. При библиотекѣ имѣются: каталоги систематическіе, 2) матеріальная книга, 3) справочная книга и, кромѣ того, правила храненія и выдачи книгъ.

Въ физическомъ кабинетѣ имѣется до 120 названій существенно—необхо-

димыхъ приборовъ, изъ которыхъ 23 пожертвовано, а 97 приобрѣтено въ разное время на училищныя средства. Въ отчетномъ году приобрѣтено 19 приборовъ. На приобрѣтеніе матеріаловъ, необходимыхъ при производствѣ опытовъ отнущается одному изъ преподавателей физики 25 р. въ годъ.

Въ географическомъ кабинетѣ числилось 44 предмета на сумму 700 р. Приобрѣтены они на средства училища. 40 предметовъ пожертвовано.

На бібліотеку, учебники, учебныя пособия и учебныя принадлежности по смѣтѣ ассигновано 1500 р. въ годъ.

5. Средства Училища

По дѣйствовавшей въ 1901 экономическомъ году смѣтѣ училище на свое содержаніе должно было получить . 98335 р. 67 к.

Эта сумма слагалась изъ слѣдующихъ статей:

а) Проценты съ неприкосновеннаго училищнаго капитала	3225 „ 15 „
б) Доходъ съ принадлежащей училищу части дома въ г. Харьковѣ.	1696 „ 8 „
в) Изъ Епархіальныхъ средствъ	32656 „ 64 „
г) 1% съ получаемаго духовенствомъ епархіи жалованья	1759 „ 62 „
д) Изъ прибылей Епархіальнаго свѣчнаго завода.	7071 „ — „
е) Пожертвованія отъ монастырей, церквей и другихъ учрежденій и лицъ	2420 „ 46 „
ж) Отъ Хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ:	
аа) На содержаніе училищной образцовой церковно-приходской школы.	500 р. — к.
бб) На покрытіе 5% государственнаго налога съ капиталовъ училища	36 „ 86 „
з) Пансіонерскій взносъ за своекоштныхъ воспитанницъ	47510 „ — „
и) Взносъ на первоначальное обзаведеніе со вновь поступающихъ воспитанницъ	1125 „ — „
і) Отъ училищной экономіи	433 „ 36 „
Расходъ той-же смѣтою опредѣленъ въ	100521 „ 55 „
Въ дѣйствительности въ 1901 экономическомъ году поступило на приходъ	104612 „ 44 „
Въ расходъ было въ томъ-же году.	104116 „ 40 „

Примѣчаніе. Въ смѣту не вошли взносы за обученіе воспитанницъ необязательнымъ предметамъ, равно какъ и расходы по этой статьѣ, такъ какъ на основаніи примѣчанія къ 80 § „Устава Епарх. жен. учи-

лицъ“, распоряженіе этою суммою не подвергается контролю Епархіальныхъ сѣздовъ.

Въ 1901 экономическомъ году по этой статьѣ поступило на приходъ	7785 „ — „
Въ расходъ было	6327 „ 37 „

6. Дополнительные свѣдѣнія.

Въ истекшемъ учебномъ году Харьковское Епархіальное женское училище понесло тяжелую утрату въ лицѣ почившаго покровителя, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія бывшаго Архіепископа Харьковскаго. Въ теченіе 19 лѣтъ почившій Святитель всегда относился къ училищу съ равною любовью и благопечетельностью. Его заботамъ училище обязано всѣмъ своимъ благоустройствомъ какъ во внѣшней, такъ и во внутренней жизни. При немъ перестроены старый училищный корпусъ, на что было израсходовано 38 тысячъ рублей; кромѣ того вновь устроены: классный корпусъ стоимостью 112000 р., церковный корпусъ стоимостью—114000 р., бани съ умывальнею стоимостью 9000 р., паровая прачешная стоимостью 12000 р., собственный водопроводъ и т. д. Съ другой стороны почившій Архимандритъ много заботился и объ улучшеніи учебнаго дѣла; при его содѣйствіи введены новыя программы преподаванія учебныхъ предметовъ, увеличенъ окладъ жалованья г.г. преподавателей, устроена пенсія для всѣхъ служащихъ въ училищѣ лицъ, обогащена училищная библіотека и физическій кабинетъ, введено обученіе иконописанію и игрѣ на скрипкѣ. Заботясь постоянно о благосостояніи училища, почившій Владыка изволилъ пожертвовать въ пользу училища изданіе всѣхъ своихъ сочиненій, которое принесетъ большую матеріальную помощь училищу, воспитывающему сиротъ епархіальнаго духовенства.

Въ теченіе всего года училище поминало своего благодѣтеля. По его кончинѣ оно совершало непрерывное сорокодневное служеніе заупокойныхъ литургій въ училищной церкви, которыя отправляли всѣ служащіе въ училищѣ священники поочередно; а въ 9, 20, 40, полугодовой и годовой дни кончины воспитанницы старшихъ классовъ ходили въ Покровскій монастырь, гдѣ въ Трехсвятительской церкви, у могилы почившаго, пѣли каждый разъ заупокойную литургію и панихиду, совершенную предсѣдателемъ совѣта о. Тимоѣемъ Буткевичемъ въ сослуженіи инспектора классовъ и членовъ училищнаго Совѣта.

Кромѣ сего, 7 декабря и 17 марта (въ день Ангела почившаго Святителя) Епархіальное училище вмѣстѣ съ молящимъ поминовеніемъ усопшаго Владыки на литургіи и панихидѣ почтало память Его устройствомъ въ эти дни въ училищѣ литературно-вокальныхъ вечеровъ, на которыхъ были произносимы воспитанницами нѣкоторыя проповѣди и отрывки изъ

сочиненій архієпископа Амвросія и исполнялись духовнаго содержанія пѣснопѣнія.

Утѣшеніемъ для училища послужило лишь то, что пользовавшемуся всегда особенною любовью и расположеніемъ Своихъ Архипастырей Училищу Господь даровалъ достойнѣйшаго преемника въ лицѣ Высокопреосвященнѣйшаго Архієпископа Флавіана, уже давно стяжавшаго себѣ имя любвеобильнѣйшаго и многозаботливаго Святителя. Его Высокопреосвященство съ сердечною заботливостью выказалъ во всѣ стороны училищной жизни, неоднократно посѣщалъ училище, присутствовалъ на урокахъ и экзаменахъ и совершалъ литургію въ училищной церкви. Свое благорасположеніе къ училищу Высокопреосвященный Флавіанъ изволилъ явить на другой-же день послѣ прибытія своего въ Харьковъ, 7 декабря 1901 г., удостоивъ училище посѣщеніемъ литературно-вокальнаго вечера, посвященнаго памяти Преосвященнаго Амвросія. На вечерѣ были: Преосвященный Иннокентій Нарвскій, архимандриты и игумены монастырей Харьковской епархіи и все городское духовенство. Чтеніе воспитанницами проповѣдей и нѣкоторыхъ отрывковъ изъ сочиненій покойнаго Архієпископа Амвросія, а также исполненіе нѣкоторыхъ духовныхъ пѣснопѣній, посвященныхъ его памяти, произвело на всѣхъ присутствующихъ самое благоприятное впечатлѣніе; 12 декабря Высокопреосвященный Флавіанъ также посѣтилъ училище, входилъ въ классы и осматривалъ все зданіе; 29 декабря Его Высокопреосвященство посѣтилъ и осматривалъ училище вмѣстѣ съ экзархомъ Грузіи—Высокопреосвященнымъ Алексѣемъ; 12 января Высокопреосвященный Флавіанъ посѣтилъ уроки въ училищѣ и церковно-приходской школы; 3 февраля Его Высокопреосвященство совершилъ литургію въ училищной церкви, по окончаніи которой преподавалъ благословеніе каждой воспитанницѣ и учащимся въ церковно-приходской школѣ. 8 марта Его Высокопреосвященство служилъ литургію Пржедоосвященныхъ даровъ, 17 марта присутствовалъ на литературно-вокальномъ вечерѣ, посвященномъ памяти (день рожденія) Преосвященнаго Амвросія. 18 апрѣля снова посѣтилъ училище. 29 апрѣля, 4 мая присутствовалъ на экзаменахъ въ нѣсколькихъ классахъ и по различнымъ предметамъ. 5 мая присутствовалъ на экзаменѣ по музыкѣ, при чемъ воспитанницамъ, лучшимъ по музыкѣ, Его Высокопреосвященство раздавалъ награды, пожертвованныя почетною попечительницею Д. Д. Оболенскою. 29 мая, въ день годичнаго акта, Его Высокопреосвященство совершилъ литургію въ училищной церкви въ сослуженіи архимандрита Ефрема, предсѣдателя Совѣта и членовъ училищнаго Совѣта. За литургіей было связано инспекторомъ классовъ выпускнымъ воспитанницамъ слово. Послѣ литургіи въ залѣ состоялся актъ, на которомъ былъ прочитанъ краткій отчетъ о состояніи училища и Его Высокопреосвященство благоволилъ раздать выпускнымъ воспитанницамъ аттестаты

и наградныя книги, при чемъ благословилъ каждую изъ нихъ Евангелиемъ. Въ концѣ акта Его Высокопреосвященство обратился къ окончившимъ курсъ ученія съ словомъ назиданія, высказалъ имъ свои благопожеланія и преподалъ всѣмъ архипастьрское благословеніе. На актѣ присутствовали родители и родственники воспитанницъ. Преосвященный Стефанъ, Епископъ Сумскій, Викарій Харьковской епархіи, также неоднократно посѣщалъ училище и участвовалъ въ его торжествахъ. Такъ, 12-го марта, онъ посѣтилъ уроки и осматривалъ все училище; 17-го марта въ училищной церкви въ сослуженіи Предсѣдателя и членовъ Училищнаго Совѣта совершалъ заупокойную литургію и панихиду по усопшемъ Архіепископѣ Амвросіи. Въ концѣ литургіи Преосвященный произнесъ слово о вѣстѣ, такъ какъ была недѣля крестопоклонная. Вечеромъ этого дня присутствовалъ на религиозно-нравственномъ чтеніи и пѣніи въ память (день рожденія) Преосвященнаго Амвросія. 2 мая присутствовалъ на экзаменахъ въ нѣсколькихъ классахъ и по различнымъ предметамъ. Посѣщали училище и другія высокопоставленныя лица: Преосвященный Иннокентій, бывшій Епископъ Сумскій, который совершалъ всенощную и литургіи 4 декабря въ день храмова училищнаго праздника Св. Великомученицы Варвары; А. Н. Комбакинъ—контролеръ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, М. И. Сяворцовъ, чиновникъ особыхъ порученій при Св. Синодѣ, городской голова Погорѣлко, почетная попечительница Дарья Д. Оболенская и др.

б) Ревизіи со стороны членовъ учебнаго Комитета при Св. Синодѣ училище въ отчетномъ году не подвергалось.

в) Пожертвованія на разныя училищныя нужды въ отчетномъ году поступили отъ слѣдующихъ учреждений и лицъ:

аа) Нѣкоторыми монастырями и церквами Харьковской епархіи на нужды училища пожертвовано 21 р. 60 к.

Отъ благочинныхъ 2 Купянского округа, 1 Богодуховскаго округа, 2 Изюмскаго округа на устройство храма при училищѣ пожертвовано 236 р.

бб) Отъ Экзарха Грузіи, Высокопреосвященнаго Алексія 10 р. на лакомства воспитанницамъ, остававшимся на праздникъ Рождества въ училищѣ.

вв) Отъ почетнаго блюстителя по хозяйственной части Н. О. Лещинскаго сто экземпляровъ „полнаго собранія сочиненій Архіепископа Амвросія на память 75 воспитанницамъ, окончившимъ курсъ въ годъ кончины Преосвященнаго, и 26 воспитательницамъ училища.

гг) Отъ почетной попечительницы училища Д. Д. Оболенской пожертвовано 30 экземпляровъ нотъ въ роскошныхъ переплетахъ, 2 прекрасныхъ несесера, 2 скрипки и 4 ящика съ красками въ награду лучшимъ воспитанницамъ по музыкѣ, рукодѣлію и иконописанію. Отъ нея же пять-

десять руб. (50 р.) для бѣднѣйшей воспитанницы сироты, окончившей курсъ, и нѣсколько пудовъ конфетъ.

д) Отъ Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго десять экземпляровъ „Словъ и рѣчей“ для раздачи лучшимъ воспитанницамъ 6 классовъ и 2 экземпляра для библіотеки училища.

е) Отъ Преподавателя училища Н. Н. Страхова—книги его сочиненія: „Ученіе о Богѣ по началамъ разума“, „Методика Закона Божія“, „Методика русской грамоты“, „Исторія философіи“, „Христіанское ученіе о бракъ“—5 книгъ.

ж) Отъ членовъ Совѣта и преподавателей собрано на елку воспитанницамъ семьдесятъ четыре рубля (74).

з) Отъ протоіерея г. Харькова Петра Мигулина на тотъ-же предметъ 25 руб.

Отъ него-же (100) сто рублей четыремъ бѣднѣйшимъ сиротамъ, оканчивающимъ курсъ. На эти деньги приготолено для нихъ бѣлье.

и) Отъ Московскаго, церкви Св. Василія, протоіерея Дмитрія Петровича Некрасова—большой фотографическій портретъ Высокопреосвященнаго Амвросія.

к) Отъ священника с. Райгородка, Изюмскаго уѣзда, Василія Спѣсвцева—коллекція первобытныхъ древностей.

л) Пожертвовано умершимъ купцомъ Коваленко на стипендію 70 р.

Такимъ образомъ, въ теченіе отчетнаго года на разныя нужды училища, не считая пожертвованій вещами, денежныхъ пожертвованій поступило 536 р. 60 к.

Епархіальныя извѣщенія.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

Николаевская церковь с. Груни, Лебединскаго уѣзда.

Рождество-Бородичная церковь с. Шуликиной, Старобѣльскаго уѣзда.

Тихоновская церковь с. Сидоренкова, Валковскаго уѣзда.

Троицкая церковь сл. Перекопа, Валковскаго уѣзда.

Успенская церковь с. Литвиновки, Старобѣльскаго уѣзда.

Преображенская церковь с. Бѣлолуца, Старобѣльскаго уѣзда.

Николаевская церковь с. Лихачевки, Богодуховскаго уѣзда.

Григоріевская церковь с. Турья, Ахтырскаго уѣзда.

Іоанно-Предтеченская церковь с. Рябушекъ, Лебединскаго уѣзда.

Покровская церковь с. Верхней-Покровки, Старобѣльскаго уѣзда.
Трехсвятительская церковь с. Лутищъ, Ахтырскаго уѣзда.
Николаевская церковь с. Колодаева, Богодуховскаго уѣзда.

Діаконскія.

Іоанно-Предтеченская церковь с. Станичнаго, Валковскаго уѣзда.
Николаевская церковь с. Высокополя, Валковскаго уѣзда.
Покровская церковь с. Малой-Писаревки, Богодуховскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

Покровская церковь с. Козѣвки, Богодуховскаго уѣзда.
Покровская Церковь с. Радьковки, Бупинскаго уѣзда.
Вирило-Мөөодіевская церковь с. Райгородскаго, Бупинскаго уѣзда.
Іоанно-Богословская церковь с. Гомолыши, Зміевскаго уѣзда.
Покровская Соборная церковь г. Бупинска (въ санѣ діакона).
Воскресенская церковь с. Боголюбовки, Бупинскаго уѣзда.
Николаевская церковь г. Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда.
Николаевская церковь с. Новой-Айдари, Старобѣльскаго уѣзда..
Николаевская церковь с. Ново-Александровки, Старобѣльскаго уѣзда.
Успенская церковь с. Вольнаго, Богодуховскаго уѣзда.
Благовѣщенская церковь г. Харькова.
Покровская церковь Харьковскаго Благотворительнаго Общества.
Преображенская на мѣстѣ крушенія, на станціи „Борки“.
Александро-Невская церковь с. Александровки, Валковскаго уѣзда.
Харьковскаго Реальнаго Училища.
Николаевская церковь с. Новой-Водолаги, Валковскаго уѣзда.
Успенская церковь с. Коломака, Валковскаго уѣзда.
Владимірско-Богородичная церковь с. Смольяниковою, Старобѣльск. уѣзда.
Архангело-Михайловск. церковь г. Краснокутска, Богодуховск. уѣзда.
Введенская церковь с. Студенка, Изюмскаго уѣзда.
Николаевская церковь с. Гіевки, Харьковскаго уѣзда.
Іоанно-Предтеченская церковь с. Знаменскаго, Изюмскаго уѣзда.
Воскресенская церковь с. Надеждовки, Изюмскаго уѣзда.
Покровская церковь с. Старой-Водолаги, Валковскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Освященіе церкви и посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній.—Торжественное служеніе Владыкой Литургіи въ Мироносицкой церкви.—Присутствіе Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія на экзаменѣ по Закону Божию въ Коммерческомъ училищѣ.—Присутствіе Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія на экзаменѣ по Закону Божию въ Институтѣ Благородныхъ дѣвѣцъ.—Торжественное Богослуженіе 23 апрѣля.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Духовной Семинаріи.—Перенесеніе чудотворной Озерянской иконы Божіей Матери.—Озерянская икона Божіей Матери.—Пещеры въ Куряжскомъ монастырѣ.—Возобновленіе религиозно-нравственныхъ чтеній. Реформа средней свѣтской школы.—Некрологъ.

— *Освященіе церкви и посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ духовныхъ училищъ.* По возвращеніи изъ обзорнїи Епархіи ¹⁾ 16-го апрѣля, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній на другой же день (17 апрѣля) совершилъ освященіе церкви при вновь открытомъ харьковскомъ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи. Съ Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ участвовали въ служеніи 6 священниковъ. Послѣ чина освященія и литургіи было отслужено молебствіе съ многолѣтіемъ Царствующему Дому. На богослуженіи присутствовали начальникъ главнаго тюремнаго управленія А. М. Стремоуховъ, прїѣхавшій изъ Петербурга специально на торжество освященія, и чины судебного вѣдомства.

Церковь оборудована на средства, пожертвованныя директоромъ харьковскаго губернскаго тюремнаго комитета И. Е. Коваленко. Иконостасъ въ ней мраморный; царскія врата и мебель дубовыя, живопись работы художниковъ Уварова и Криштофовича. «Южн. Кр.».

— 18 числа Владыка посѣтилъ мужское Духовное училище, при чемъ въ высшей степени внимательно отнесся ко всѣмъ сторонамъ училищной жизни. Владыка прежде всего посѣтилъ училищный храмъ Божій, гдѣ былъ встрѣченъ священникомъ со св. крестомъ и святою водою, при чемъ хоръ воспитанниковъ исполнилъ тропарь храму. Приложившись ко кресту и окропивъ себя св. водою, Владыка вошелъ въ алтарь, совершилъ поклоненіе престолу, облобызалъ его и св. Евангеліе и вышелъ на амвонъ. Затѣмъ было совершено обычное краткое молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія. Послѣ возгласенія многолѣтія Высокопреосвященнѣйшему Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, Владыка самъ провозгласилъ многолѣтіе начальствующимъ, учащимъ и учищимся въ Духовномъ училищѣ. Вслѣдъ за этимъ, преподавши имъ свое благословеніе, Владыка, не выходя изъ храма, произвелъ серьезное

¹⁾ Составляемое о. Г. В.—изъ описаніе этого обзорнїи Владыкою Епархіи будеть напечатано сразу по полученіи его редакцію. Ред.

испытаніе воспитанниковъ училища въ церковномъ пѣніи. Устранивъ совершенно отъ дѣтей учителя пѣнія, Владыка самъ назначилъ изъ каждаго класса по одному регенту и заставлялъ каждый классъ и въ отдѣльности и вмѣстѣ съ другими, самостоятельно, безъ помощи и руководства учителя, пѣть церковныя вѣсни. Его Высокопреосвященство было доволенъ пѣніемъ дѣтей, похвалилъ ихъ и обещалъ имъ порадовать ихъ въ скоромъ времени совершеніемъ литургіи въ ихъ храмѣ.

Побывалъ затѣмъ Владыка и на урокахъ во всѣхъ классахъ, времѣемъ чѣмъ онъ не только выслушивалъ отвѣты учениковъ на предлагаемые преподавателями вопросы, но и самъ предлагалъ ихъ. Изъ вопросовъ Владыки и его разъясненій учащіеся могли ясно видѣть, что главною цѣлью при воспитаніи ихъ въ духовной школѣ должно быть развитіе въ нихъ религіозно-нравственнаго чувства, той чистоты сердца, которой, какъ особенной милости, просилъ у Бога себѣ богопросвѣщенный пророкъ Давидъ, взывая: Сердце чисто созижди во мнѣ Боже, и очевидно тѣмъ показывая, что для праваго пути и благой дѣятельности человѣку необходимо сердце, чуждое лукавства, злобы, нечистыхъ, грѣховныхъ пожеланій.

Посѣтилъ наконецъ Владыка спальныя и рекреационныя комнаты и вездѣ отечески вникалъ во всѣ мелочи училищнаго быта, мелочи, изъ которыхъ сларается вся жизнь учащихся. Такъ, обозрѣвая спальни воспитанниковъ, Владыка не удовлетворился бѣлымъ осмотромъ вполне прибранныхъ комнатъ и постелей, а приказалъ еще показать ему, насколько чисты простыньки на постеляхъ, каковы матрацы, нѣтъ-ли пыли подъ кроватями. На самихъ дѣтяхъ Владыка осматривалъ не только верхнюю одежду, но и нижнее бѣлье: рубашки, кальсоны, носки. Конечно, не преминулъ Владыка освѣдомиться и о томъ, носятъ-ли дѣти на шеѣ крестики.

— Съ такимъ же вниманіемъ отнесся Высокопреосвященнѣйшій Арсеній и къ мѣстному женскому Епархіальному училищу, которое онъ посѣтилъ 19 апрѣля.

Прибывъ въ училище въ 9^{1/2} ч. утра, Его Высокопреосвященство отправился на урокъ въ 1-й классъ, гдѣ былъ встрѣченъ Начальницей училища и О. Инспекторомъ классовъ. Его Высокопреосвященство во время 1, 2 и 3 уроковъ посѣтилъ всѣ почти классы: побывалъ на урокахъ Русскаго языка въ I норм. и I пар. кл., Гражданской Исторіи въ IV норм., Закона Божія въ III норм. и II пар. классѣ, Географіи въ VI норм., Гражданской Исторіи

въ V норм. и Географіи въ V пар. кл. Высокопреосвященнѣйшій Архипастырь живо интересовался содержаніемъ урока по каждому предмету, самъ предлагалъ вопросы ученицамъ, заставлялъ писать ученицъ на классной доскѣ отдѣльныя фразы по Русскому языку, разсматривалъ тетради ученицъ, спрашивалъ ученицъ показывать на географической картѣ тѣ или другія мѣста или города по географіи и гражданской исторіи, спрашивалъ молитвы по Закону Божію, изъ Богослуженія Православной Церкви и т. под. Отвѣтами ученицъ особенно по Закону Божію Высокопреосвященный Архипастырь остался доволенъ. Изъ классовъ Владыка въ сопровожденіи начальствующихъ лицъ и о. Предсѣдателя Совѣта прошелъ въ актовъ залъ, гдѣ обратилъ вниманіе на портреты бывшихъ Харьковскихъ Архипастырей, на классныя работы воспитанницъ по иконописанію, оттуда посѣтилъ спальни воспитанницъ, старыя залы, столовую и дортуары. Обе всемъ Высокопреосвященный Архипастырь разспрашивалъ подробно сопровождавшихъ его лицъ. Оставшись виднымъ доволенъ, Высокопреосвященный изъ училища въ половинѣ 1-го часа пѣшкомъ, въ сопровожденіи начальствующихъ лицъ, отправился въ находящуюся при немъ образцовую церковно-приходскую школу, при входѣ въ которую былъ встрѣченъ завѣдующимъ школой. Харьк. Епар. Набл. В. Ѳ. Давиденко, законоучителемъ школы и учительницей. Въ школѣ Владыка обратилъ вниманіе на недавно возникшій церковно-школьный кабинетъ, находящіеся предметы въ немъ, при чемъ объясненіе давалъ завѣдующій школою. Пройдя за тѣмъ въ отдѣленія школы, Его Высокопреосвященство слушалъ пѣніе учениковъ и ученицъ школы подъ управленіемъ воспитанницы училища. Преподавъ засимъ благословеніе сопровождавшимъ его лицамъ, Его Высокопреосвященство около 1 часу отбылъ изъ школы.

— *Торжественное служеніе литургіи.* 20 апрѣля Высокопреосвященнѣйшій Арсеній совершилъ литургію въ Мирносницкой церкви. Стеченіе народа на архіерейское богослуженіе было громадное. Несмотря на продолжительное почти трехчасовое служеніе литургіи и потому вполне естественное утомленіе, Владыка не захотѣлъ отпустить многочисленныхъ молящихся безъ слова назиданія... Около полудня говорилъ онъ своимъ слушателямъ о Женахъ мирносницкихъ, Іосифѣ и Никодимѣ, ихъ любви къ Спасителю, ихъ безкорыстныхъ трудахъ и подвигахъ! Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія выкали слушатели въ сердечное поученіе своего Архипастыря и, можно надѣяться, всѣхъ ихъ таланта-

вое изображеніе Владыкою дѣятельности Жень Мироносицъ, Іосифа и Никодима, заставило заглянуть въ свою душу и признать вполне безспорной, святой правдой, что первой помѣхой на пути добра: каждому дѣятелю является онъ самъ, и что необходимое условіе для разумно нравственной и полезной дѣятельности заключается не внѣ человѣка, а въ немъ самомъ. Не общественное неустройство, не бѣдность наша, не грубость среды, не вымышленное безправіе личности, а наше собственное нравственное безсліе, наше легкомысліе, наша черствость, неискренность, извиненіе себя во всемъ—вотъ недуги наши, наши язвы, отъ которыхъ мы страдаемъ и отъ которыхъ намъ слѣдуетъ избавиться. Къ такимъ мыслямъ, думаемъ мы, должно было привести поученіе Владыки, какъ приводитъ къ нимъ и самая жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, окружающая насъ „интеллигентная“ среда жаждетъ преобразованія всего кругомъ себя, забывая въ то же время о своихъ душевныхъ безпорядкахъ. Мы недовольны всѣмъ: недовольны литературой, недовольны искусствомъ, недовольны строимъ жизни. Глубокій пессимизмъ подтачиваетъ душу cadaго. Онъ вкрадывается въ сердце и отравляетъ самыя дорогія минуты въ жизни. И мы готовы превратиться въ Калигулу, желавшаго, чтобы всѣ люди имѣли одну голову, дабы если не отсѣчь ее однимъ взмахомъ меча, то переустроить по своему. Но въ то же время мы, подобно римскому же императору, страдаемъ полнѣйшимъ безсліемъ: всякое дѣло валится изъ рукъ нашихъ, творчество низведено до минимума, а жалобы, тоска и самолюбіе до максимума. Въ концѣ концовъ получается страшная разрозненность, замкнутость, оданочество. Люди теряютъ образъ и подобіе Бога, превращаясь въ носителей самолюбиваго и мелкаго я, которому все приносится въ жертву: и честь, и совѣсть, и разумъ, и долгъ. Такъ мало по малу возникаетъ общество безъ общественной жизни, подобное сожителству, замѣняющему собою бракъ и семью, подобное большой гостиницѣ, гдѣ люди встрѣчаются безъ радости и расстаются безъ сожалѣнія, гдѣ и самая рѣчь о вѣрныхъ моральныхъ связяхъ представляется чѣмъ-то дикимъ, страннымъ, смѣшнымъ.

Поистинѣ, въ основаніи теперешней нравственной разрозненности людей, ихъ замѣтнаго безучастія, духовнаго оданочества и глубокой неудовлетворенности лежитъ не иное что, какъ отсутствіе духовно-нравственныхъ основъ жизни—понятія долга и правилъ вѣры нашей. Безъ этихъ основъ жизни невозможно любить не только чужихъ, но и родныхъ своихъ, о чемъ свидѣлствуютъ постоянно повторяющіеся случаи распадѣнія семействъ, или слу-

чая самоубійствъ въ тоскѣ о своемъ нравственномъ одиночествѣ. Безъ этихъ основъ жизни, моральныя цвѣти, связывающія людей въ духовно-нравственный организмъ, порваны. А гдѣ нѣтъ моральной связи, гдѣ нѣтъ лицъ въ родѣ Жень Мироносицъ, Иосифовъ и Никодимовъ, тамъ мелкій эгоизмъ, пошлое самолюбіе, тщеславіе. Да даруетъ же намъ Господь силъ откликнуться на призывъ Архипастыря и взаимно въ мятежной и неудовлетворенной жизни нашей спокойно и благодушно вступить на путь служенія братолюбію.

— *Присутствіе Владыки на экзаменѣ по Закону Божию въ Коммерческомъ училищѣ, Институтѣ Благородныхъ дѣвицъ и женской гимназіи.* Высокопреосвященнѣйшій Арсеній присутствовалъ 21-го апрѣля на выпускномъ экзаменѣ по Закону Божию въ Харьковскомъ Коммерческомъ училищѣ. Встрѣченный въ вестибюлѣ предсѣдателемъ попечительнаго совѣта И. К. Велетченко, директоромъ И. А. Виноградовымъ, настоятелемъ собора протоіереемъ С. П. Любичевымъ и законоучителемъ о. І. І. Филевскимъ, Владыка прошелъ въ церковь училища. Приложившись къ престолу и осмотрѣвъ церковь, Владыка высказалъ свое желаніе послужить въ столь величественномъ храмѣ. При выходѣ изъ храма о. законоучитель вручилъ Владыкѣ, въ молитвенную память объ этомъ первомъ посѣщеніи училищной церкви, составленное имъ описаніе этой церкви въ бархатномъ переплетѣ. Въ актовомъ залѣ, гдѣ происходилъ экзаменъ, Владыку встрѣтилъ пѣніемъ церковный ученический хоръ. Экзаменъ Владыка производилъ самъ, а послѣ экзамена сказалъ воспитанникамъ теплое отеческое наставленіе о томъ, какъ необходимо имъ въ дальнѣйшей жизни беречь добрыя нравственныя настроенія, полученныя ими въ домѣ, въ семьѣ, въ школѣ, въ церкви. Свое впечатлѣніе объ училищѣ Владыка высказалъ въ „Книгѣ почетныхъ посѣтителей“ такъ: „Съ удовольствіемъ присутствовалъ на экзаменѣ по Закону Божию и съ любовью преподавалъ наставленіе воспитанникамъ“. Посѣтивъ квартиру директора, высокопреосвященный Арсеній уѣхалъ изъ училища въ 12 час.

— 25 апрѣля Владыка присутствовалъ на экзаменѣ по Закону Божию въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, а 26-го въ гимназіи Драшквской.

— *Торжественное Богослуженіе и войсковой парадъ.* 23 апрѣля въ день Тезоименства Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны въ мѣстномъ Успенскомъ кафедральномъ соборѣ Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ (соборнѣ) совершена

была торжественная литургія, а послѣ нея благодарственное Господу Богу молебствіе, съ провозглашеніемъ многолѣтія всему Императорскому Дому. Послѣ торжественнаго Богослуженія, въ 12 час. дни, на Соборной площади состоялся церковный войсковой парадъ. «Харьк. Вѣд.»

— *Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Духовной Семинаріи.* 24 апрѣля Высокопреосвященнѣйшій Арсеній посѣтилъ и Духовную Семинарію. Владыка прибылъ въ Семинарію въ 9 часовъ утра и, сряду по пріѣздѣ, приказалъ собраться всѣмъ воспитанникамъ съ начальствующими и учащими въ Церковь. Когда воспитанники стали на свои мѣста въ храмѣ, въ него вошелъ Владыка, прослѣдовалъ въ алтарь, сотворилъ поклоненіе св. престолу, вышелъ на солею и обратился къ собравшимся въ храмѣ съ душевнымъ отеческимъ словомъ по поводу совершившагося наканунѣ горькаго для всей Семинаріи событія,—внезапной смерти воспитанника 3-го класса П. Бѣлоусова, юноши, цвѣтущаго здоровьемъ, богато одареннаго умственными способностями и съ успѣхомъ занимавшагося науками. Искреннее сочувствіе старца—Владыки, отечески расположеннаго къ семинаріи въ постигшемъ ее горѣ; его трогательныя наставленія юношамъ, какъ имъ слѣдуетъ поступать въ трудныя минуты жизни; его указанія на случаи изъ своей богатой опытомъ архипастырской жизни, внесли лучъ свѣта въ грустно настроенныя сердца начальствующихъ, учащихся и учащихъ въ Семинаріи.—Преподавъ затѣмъ всѣмъ свое благословеніе, Владыка пожелалъ побывать и на урокахъ. Въ теченіе 3-хъ часовъ онъ посѣтилъ почти всѣ классы, причемъ вездѣ самъ предлагалъ вопросы воспитанникамъ, освѣдомляясь, насколько усвоено ими преподанное. Не упускалъ Владыка при случаѣ преподавать учащимся и назиданіе. Особенною сердечностью проникнуты были его наставленія воспитанникамъ 6-го класса. Владыка съ настойчивостію внушалъ имъ, по выходѣ изъ семинаріи, служить обществу на церковномъ, а не на другомъ какомъ-либо поприщѣ. Къ сожалѣнію, пишущій эти строки не имѣлъ возможности слышать слово Владыки, съ которымъ онъ обратился къ воспитанникамъ въ 6 классѣ, но ему въ другомъ мѣстѣ приходилось внимать слову Высокопреосвященнаго Архипастыря на эту тему. Вотъ что, между прочимъ, приблизительно говорилъ въ ней Владыка питомцамъ духовной школы.

„Вы, дѣти духовенства и питомцы духовной школы, и есть и должны оставаться неотъемлемымъ достояніемъ Церкви. Вѣдь во всемъ вашемъ организмѣ нѣтъ ни одной капли крови, ни одного

атома, которые не были бы церковными, не принадлежали бы Церкви, какъ собственность, купленная ея цѣною. Цѣлыя поколѣвія вашихъ отцовъ ѣли хлѣбъ церковный. Въ домахъ родителей вы выросли на хлѣбѣ церковномъ. Затѣмъ вы воспитаны въ учебныхъ заведеніяхъ. Сообразите, на чей счетъ вы получаете свое образованіе: не на счетъ-ли пота и крови, черноты и бѣдности, нравственной скудости и невѣжества чернаго русскаго человѣка, стараго давняго крестьянина, всегдашняго неизмѣннаго христіанина? Отъ скуднаго прибытка чернаго труда своего онъ и сегодня, и завтра, и послѣ-завтра несетъ въ храмъ на свѣчку въ жертву Богу свой грошъ. Изъ этихъ жертвенныхъ грошей ежегодно составляются сотни тысячъ, посвященныхъ Богу и принадлежащихъ Церкви. И вотъ на счетъ этихъ-то жертвъ съ минуты зарожденія вашего вы росли, воспитывались, и стали носителями умственнаго свѣта, маяками, зажженными во мракѣ ночи. Можно-ли послѣ этого кому либо изъ насъ отрицать то, что вы—народная жертва Богу, что вы—собственность Церкви до мозга вашихъ костей, что вы—куплены потомъ и кровью темнаго православнаго русскаго человѣка для опредѣленной жертвенной цѣли, что вы—церковная свѣча, которую русскій человѣкъ затеплялъ святымъ свѣтомъ, и молится на нее, и кланяется, и во время священнослуженія глядитъ на нее и глядя радуется, или плачетъ и умиляется. Уклонившись отъ служенія Церкви, какъ вы сотрете съ себя эту печать принадлежности Церкви? Она на вашемъ челѣ неуничтожима, какъ клеймо у древнихъ рабовъ, особенно же у бѣглыхъ. Бѣглець можетъ только желать, чтобы люди это забыли или не видѣли, но народное сознаніе, народное чутье постоянно будетъ видѣть и чуять въ немъ перебѣжчика, измѣнника. Самодумно избирать вамъ, воспитанникамъ духовной школы, не церковное, а иное поприще для своей дѣятельности значить вступать не на тотъ путь, который указанъ вамъ Промысломъ в логикю всей вашей прошлой жизни*.

Послѣ посѣщенія классовъ Владыка со свойственнымъ ему вниманіемъ изволилъ осмотрѣть спальныя, занятныя комнаты воспитанниковъ, столовую, кухню, гдѣ попробовалъ кушанья, приготовленные на обѣдъ воспитанникамъ, и больницу.

— *Перенесеніе чудотворной иконы.* 22-го апрѣля, происходило обычное перенесеніе Озерянской иконы Божіей Матери изъ Харьковскаго Покровскаго въ Куряжскій Преображенскій монастырь.

Погода стояла прекрасная. Съ раннаго утра масса, по праздничному разодѣтыхъ, горожанъ и множество прибывшихъ къ этому дню изъ разныхъ мѣстъ богомольцевъ спѣшили занять мѣста по

пути слѣдованія торжественной процессіи. Народъ сплошнымъ стѣнами стоялъ на тротуарахъ, тѣснился на площадяхъ и въ сверахъ, занималъ мѣста у открытыхъ оконъ и на балконахъ; находилось много желающихъ смотрѣть на величественную картину процессіи съ скрышъ зданій и даже съ деревьевъ. Въ толпахъ народа ходили сборщики пожертвованій на храмы, слышались просьбы нищихъ и причитанія слѣпцовъ, и доброхотныя ленты щедрѣй, чѣмъ въ другое время, раздавались и тѣмъ и другимъ.

По пути отъ Покровскаго монастыря до Озерянской церкви на Холодной горѣ въ разныхъ мѣстахъ были устроены помосты для совершенія здѣсь краткихъ молебствій и благословенія народа чудотворной иконой. На этомъ же пути были разставлены для поддержанія порядка полицейскіе нижніе чины и конные стражники и, въ помощь имъ, нижніе чины отъ войскъ гарнизона.

Послѣ лютургіи въ Покровскомъ монастырѣ, которую совершалъ высокопреосвященный Арсеній, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, въ сослуженіи преосвященнаго Стефана, епископа Сумскаго, архимандритовъ и городского духовенства, — около 12 часовъ дня, подъ непрерывный звонъ колоколовъ, процессія тронулась по направленію къ Холодной горѣ, и народъ обнажилъ головы. Впереди несли цеховые значки, мѣщанское и городское знамена и хоругви; за ними шло духовенство въ золоченныхъ ризахъ и архіерейскій хоръ въ парадныхъ кафтанахъ. Два архимандрита предшествовали святой иконѣ, которую, подѣ стѣнію рипидъ, несли командиръ 10-го армейскаго корпуса генераль-лейтенантъ К. К. Случевскій и в. д. губернатора С. Н. Гербель; за иконой слѣдовали Высокопреосвященный Арсеній (до Каѳедральнаго собора) и Преосвященный Стефанъ. Въ процессіи, среди массы народа, находились генералитетъ и представители правительственныхъ и общественныхъ учрежденій.

При выходѣ процессіи изъ монастырскаго двора, расположившаяся около него пѣхотная войсковая часть со знаменемъ взяла „на караулъ“ и раздались торжественные звуки «Коль славы»; затѣмъ эта часть и эскортъ оренбургскихъ казаковъ присоединились къ процессіи. У каѳедральнаго собора впереди процессіи народъ повесъ три громадныхъ фонаря, украшенныхъ искусственными цвѣтами и лентами и увѣшанныхъ крестянами и образками.

Чудотворную икону поочередно несли участвовавшіи въ процессіи лица. По пути слѣдованія процессіи, на встрѣчу ей выходило изъ ближнихъ церквей духовенство съ хоругвями. На помостахъ служились краткія литіи, и преосвященный Стефанъ благославлялъ на четыре стороны иконою народъ.

Возлѣ Озерянскои церкви на Холодной горѣ процессію встрѣтила братія куряжскаго Преображенскаго монастыря, и икона, сопровождаемая преосвященнымъ Стефаномъ, была отнесена въ этотъ монастырь, гдѣ и будетъ находиться до 30-го сентября, — времени обратнаго перенесенія ея въ Харьковъ.

— *Озерянская икона Божіей Матери.* Эта святая икона съ давняго времени извѣстна по чудеснымъ благотвореніямъ. Въ первый разъ открылись чудеса ея въ Озерянскои пустынѣ, почему и называется она Озерянскою. Она написана на холстѣ кистию древняго малороссійскаго художника; на холстѣ примѣтны еще складки — слѣды путевого храненія святыни. Всѣ эти особенности подають мысль, что св. икона писана однимъ изъ страдальцевъ православія, орошавшимъ слезами молитвы изображаемый имъ ликъ Богоматери и взывавшимъ о помощи небесной для гонимыхъ чадъ православія, и что она принесена была изъ-за Днѣпра. При открытіи перваго чуда ея не знали, кто поставилъ ее въ монастырской трапезѣ. Озерянскои пустыни настоятель, Ефремъ Мокренскій, во исполненіе предписанія отъ 26 ноября 1762 г., представилъ архимандриту Покровскаго монастыря слѣдующій письменный отзывъ о сей иконѣ города Мерефы старожилаго челоуѣка подпораннаго Григорія Кононовича Долгискаго: „видѣлъ и помню я, пишетъ Долинскій, въ церкви Озерянскои пустыни стояла чудотворная икона; а откуда и кѣмъ поставлена, вѣдать не могу. Первое чудо отъ нея явилось о. архиманд. Севастіану и при строителѣ іером. Варсонофій Хвастиченѣ“.

По закрытіи Озерянскои пустыни (1787 г.) изъ Куряжа св. икона перенесена была въ Покровскій монастырь; а при возстановленіи разореннаго Куряжа, для освященія его, поставлена была (въ 1797 г.) въ томъ монастырѣ. Въ 1843 г., по представленію Преосвященнаго Иннокентія о желаніи жителей города Харькова видѣть благодатную святыню среди своихъ жилищъ, Государь Императоръ въ 16 день октября 1843 г. Высочайше утвердилъ соизволиль опредѣленіе Св. Синода ежегодно приносить 30 сентября Озерянскую икону Божіей Матери въ Харьковскій Покровскій храмъ, и послѣ того, какъ она будетъ оставаться въ семь храмъ во всю зиму, 22 апрѣля относить въ Куряжскій монастырь. На мѣстѣ Куряжскаго Преображенскаго монастыря, куда нынѣ переносится икона Божіей Матери, въ половинѣ 17 столѣтія, былъ глухой лѣсъ. Основаніе Куряжскаго монастыря относится къ 1663 году.

— *Пещеры въ Куряжъ.* Однимъ изъ весьма достопримѣчательныхъ церковно-археологическихъ памятниковъ древне-монастырскаго благочестія служатъ недавно открытыя, съ благословенія и по указанію преосвященнаго Иннокентія, бывшаго епископа Сумскаго, пещеры Куряжскаго монастыря.

Пещеры вдутъ подъ гору, на которой стоитъ монастырь. Начало ихъ у церкви св. Онуфрія Великаго (1753 г.), у самой подошвы горы, заканчивающейся отвѣснымъ обрывомъ, съ сѣверной стороны. Теперь здѣсь устроенъ небольшой кирпичный „пещерникъ“, т. е. особый входъ въ нихъ. Въ пещерахъ нѣтъ ступеней, а одна сплошная возвышенность, постепенно поднимающаяся до самаго верха горы, по направленію къ церкви Преображенія. Пока открыто и отремонтировано пещеръ на протяженіи 102 сажень. По своему внутреннему устройству, пещеры напоминаютъ Святгорскія и Кіевскія и, вѣроятно, сооружены кіевскими выходцами. Это узкій, темный и длинный подземный ходъ въ видѣ корридора, изгибающагося въ различныхъ направленіяхъ, около 1 сажени высоты и 1 аршина ширины, и прерываемаго многими особыми помѣщеніями (камерами) не одинаковой величины, съ купольными сводами, съ небольшими нишами (loculi) въ стѣнахъ. Стѣны этихъ помѣщеній покрыты незатѣйливымъ орнаментомъ изъ малороссійскихъ цвѣтовъ и вѣстей виноградной лозы, служащимъ живописнымъ фономъ для иконописи. Внутреннее убранство пещеръ составляютъ св. кресты и иконы. Иконы написаны или на особыхъ желѣзныхъ листахъ, окаймленныхъ деревянными рамами, или альфреской, по штукатуркѣ стѣнъ. У нѣкоторыхъ иконъ были, какъ видно, лампы, а у другихъ только желѣзные прутья для свѣчъ. Иконы, вообще хорошаго письма, монастырскаго работъ, большею частью это строгіе лики святыхъ основателей православнаго греко-русскаго монашества и великихъ подвижниковъ, „въ молитвѣ, постѣ и воздержаніи просіявшихъ“, — идеальные образы для духовнаго подражанія. Въ ряду иконъ достопримѣчательнъ образъ Алексія, челоуѣка Божія, по особой надписи, взятой изъ житія святого: „Се оставляю славу, и честь, и царскій дворець, и градъ во имя Господне“.

Особено обращаютъ на себя вниманіе 3 большихъ пещерныхъ помѣщенія. Очевидно они были назначены для общихъ молитвенныхъ собраній или для церковно-общественнаго богослуженія, о чемъ свидѣтельствуютъ и находящіеся здѣсь засыпанные пескомъ отдушники (вытяжки), выходящія на поверхность земли. Первое изъ нихъ, вѣроятно, пещерная церковь. Алтарная часть —

особое отдѣленіе, соединяющееся двумя ходами собственно церковью; по срединѣ—каменное 4 угольное возвышеніе на подобіе престола съ незначительными остатками испепелившейся одежды; на горнемъ мѣстѣ икона Воскресенія Христова въ особой нишѣ, служившей, вѣроятно, и жертвенникомъ; царскія и сѣверныя врата—это 2 узкихъ прохода, сходящихся въ алтарной части. Собственно церковь (корабль) продолговатый четырехугольникъ, около 2 саж. длины и 1 саж. ширины, весь расписанный орнаментомъ и живописью. Другое помѣщеніе—скорбное мѣсто молитвеннаго уединенія, воздыханій и подвиговъ невѣстнаго монастырскаго подвижника-аскета. Здѣсь 2 келия: одна въ сажень, съ каменнымъ ложемъ и другая, меньшая, съ каменнымъ, столомъ и сидѣніемъ, вѣроятно трапеза. Третья пещерная комната продолговатый четырехугольникъ, сажени въ 4 длины,—назначена для общихъ молитвенныхъ собраній: въ передней части—икона „Девустъ“, по сторонамъ рядъ иконъ 12 апостоловъ съ изображеніемъ мученической кончины cadaго.

— *Возобновленіе религиозно-нравственныхъ чтеній.* Съ Ѳоминой недѣли въ Харьковѣ возобновились прерванныя по случаю Свѣтлаго праздника религиозно-нравственныя чтенія. 13 апрѣля, въ Воскресеніе, литургію и вечерню въ кафедральномъ соборѣ совершилъ Преосвященнѣйшій Стефанъ, епископъ Сумскій. Послѣ вечерни въ соборѣ предложено было чтеніе свящ. Василиемъ Яновскимъ „О невѣрїи апост. Ѳомы“. Въ этотъ же день были предложены чтенія въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) *въ Покровскомъ монастырѣ* законоучителемъ 2-й гимназіи о. Петромъ Вишняковымъ „О молитвѣ и ея религиозномъ значеніи“ и помощникомъ смотрителя духовнаго училища о. Николаемъ Зефировымъ на тему: „Ложь іудеевъ, доказывающая истину воскресенія Христова“; 2) *на Панасовкѣ*, въ вагонныхъ мастерскихъ (въ 5 ч. веч.), законоучителемъ коммерческаго училища о. Іоанномъ Филевскимъ „О путяхъ отервенія Божія“ и епархіальнымъ миссіонеромъ Д. И. Боголюбовымъ „О способахъ укрѣпленія вѣры евангельской въ душахъ христіанскихъ“ 3) *на Заиковкѣ*, въ Александро-Невской церкви священникомъ Владиміромъ Шаповаловымъ „О христіанскомъ благочестіи“ (на Евангелиста Маттея 5, 13—16) и о. діакономъ В. Рудниковскимъ „О средней части храма и о притворѣ“; 4) *на Холодной горѣ*, въ Скорбященской церкви въ мѣщанской богадѣльнѣ священникомъ Николаемъ Жебиневымъ на тему: „Христосъ—веселіе вѣчное.

— 20 апрѣля религиозно-нравственныя чтенія были предложены.

въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) въ *Покровскомъ монастырѣ* помощникомъ смотрителя духовнаго училища о. Николаемъ Зефировымъ „о значеніи воскресенія Христова“ и законоучителемъ 3 гимназіи о. Владиміромъ Вусыгинимъ „о призваніи молитвы Господней“; 2) въ *кафедральномъ соборѣ* настоятелемъ прот. С. Любичкинымъ „о св. женахъ мруносицахъ“ и свящ. Л. Твердохлѣбовымъ „житіе св. царицы Александры и великомуч. Георгія“; 3) на *Панасовкѣ* въ вагонныхъ мастерскихъ законоучителемъ коммерческаго училища о. І. Филевскимъ „о словѣ Божіемъ, какъ источникѣ откровенія Божія“ и епархіальнымъ миссіонеромъ Д. И. Боголюбовымъ „о союзѣ вѣры въ Бога съ добрыми дѣлами“; 4) на *Заиковкѣ*, въ Александро-Невской церкви о. В. Шаповаловымъ „о ветхомъ и новомъ завітѣ Бога съ человекомъ“ (на Ев. Мате. 5, 17—19) и о. діакономъ В. Рудяковскимъ „о почитаніи св. ивонъ“; 5) въ *Вознесенской церкви* свящ. Д. Поповымъ „объ истинѣ воскресенія Христова и ея значеніи для христіанина“ и прот. Г. Чеботаревымъ „о св. мруносицахъ и св. Маріи Магдалинѣ“; 6) на *Журавлевкѣ* въ Петро-Павловской церкви прот. П. Григоровичемъ „о вознесеніи на небо и второмъ пришествіи на землю Господа Іисуса Христа“ (изъясненіе 6 и 7 членовъ символы вѣры); 7) на *паравозо-строительномъ заводѣ*, на Петинской ул., о. Н. Шосте „о Христ. любви, какъ основѣ нравственной жизни“; 8) на *Холодной горѣ*, въ мѣщанской богадѣльнѣ о. А. Луценкомъ „о полезномъ употребленіи свободнаго времени и о вредѣ карточной игры“ и житіе св. евангелиста Марка (прочель воспитанникъ семинаріи 6 кл. Г. Ястремскій); 9) въ *Архангело-Михайловской церкви* о. Г. Введенскимъ объясненіе воскреснаго евангельскаго и апостольскаго чтенія. Всѣ эти чтенія велись послѣ вечерни, которая начинается въ 5 ч. пополудни.

— *Реформа средней свѣтской школы.* Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано:

15-го минувшаго марта Государю Императору благоудно было Высочайше преподать управляющему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія нижеслѣдующія указанія, долженствующія служить главными основаніями подлежащихъ разработкѣ законодательныхъ проектовъ о средней школѣ:

1) Гимназіи сохраняютъ восьмиклассный составъ; въ нихъ преподаются оба древніе азыка, но обученіе греческому азыку въ большей части ихъ не обязательно. Усвоеніе гимназическаго курса открываетъ доступъ къ высшему университетскому образованію.

2) За реальными училищами, воихъ учебный планъ подлежитъ

тоже пересмотру, сохраняется составъ шести основныхъ классовъ и седьмого дополнительнаго. Окончаніе курса сего послѣдняго класса открываетъ доступъ въ высшія техническія заведенія.

3) Помимо гимназій и реальныхъ училищъ, должны быть организованы среднія учебныя заведенія съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ при шестиклассномъ составѣ. Окончаніе курса въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ даетъ право на службу въ губерніи.

4) Широкое развитіе должно быть дано среднему техническому и профессиональному образованію, рассчитанному на удовлетвореніе практическихъ потребностей жизни.

5) Особливое вниманіе должно быть обращено на изысканіе способовъ къ поднятію религіозно-нравственнаго и вообще воспитательнаго воздѣйствія школъ всѣхъ типовъ на учащихся, а также на укрѣпленіе въ нихъ преданности русской государственности и народности.

6) Въ видахъ возможно полнаго разрѣшенія воспитательныхъ задачъ должны быть учреждены пансіоны, въ которыхъ могли бы пользоваться соотвѣтственнымъ руководствомъ питомцы извѣстной группы учебныхъ заведеній даннаго города.

7) Въ соотвѣтствіи съ требованіями, предъявляемыми къ преобразуемой средней школѣ, должны быть безотлагательно установлены способы болѣе цѣлесообразной подготовки учителей для оной.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

1903 года, апрѣля 13-го, скончался, неоднократно напутствованный Св. Тайнствами, заштатный священникъ Ново-Водолажской Воскресенской церкви, Валковского уѣзда, Александръ Андреевичъ Вербицкій 56 лѣтъ отъ порока сердца. По окончаніи учебнаго курса наукъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, съ аттестатомъ втораго разряда, въ 1870 г. покойный состоялъ учителемъ Ольшанскаго народнаго училища, затѣмъ былъ рукоположенъ въ священника къ Троицкой церкви, села Протопоповки, Валковского уѣзда въ 1871 г., далѣе, по прошенію, перемѣщенъ къ Воскресенской церкви, слободы Новой Водолаги, Валковского уѣзда, вторымъ священникомъ въ 1872 г., въ 1900 г. назначенъ былъ старшимъ священникомъ и, наконецъ, въ 1903 г., въ мартѣ мѣсяцѣ, по болѣзни, уволенъ за штатъ. Покойный о. Александръ несъ слѣдующія обязанности: законоучителя въ министерскомъ двухъ-классномъ и женскомъ народномъ Ново-Водолажскихъ училищахъ съ 1874 г. по 1903 г., блюстителя за преподаваніемъ Закона Божія въ народныхъ училищахъ 2-го Валковского округа съ 1887 г. по 1903 г., депутата по тому же округу съ 1894 г. по 1896 г., Валковского уѣзднаго наблюдателя съ 1896 г. по 1903 г. и

члена благочинническаго совѣта съ 1902 г. по 1903 г. За отличное исполненіе пастырской дѣятельности и своихъ обязанностей онъ былъ награжденъ епархіальнымъ начальствомъ включительно до ордена св. Анны 3-й степени и удостоенъ получить два раза архипастырскую благодарность со внесеніемъ въ послужной списокъ. Помимо сего, покойный о. Александръ пользовался любовью, почетомъ и уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его. Побужденіемъ къ этому служили отличительныя черты его характера: кроткій и добрый нравъ, мягкое сердце и отзывчивость. Въ особеннсти сочувствіе выразилось — при погребеніи его 16 сего апрѣля. Выносъ тѣла изъ дома въ церковь, служеніе вечерни, утрени, литургіи и погребеніе надъ усопшимъ были совершены при участіи и. д. благочиннаго священника Петра Антонова, заштатнаго протоіеря Ново-Водолажской кладбищенской Троицкой церкви Петра Леонтовича, — шести еще священниковъ и пяти діаконѳвъ. При этомъ было такое громадное стеченіе народа, какое бываетъ только при крестныхъ ходахъ. Было произнесено четыре прочувствованныхъ рѣчи.

Миръ праху твоему добрый и усердный пастыр!

И д. Благочиннаго 2-го округа Валковскаго уѣзда,
священникъ *Петръ Антоновъ.*

О В ъ Я В Л Е Н І Е

Х У Д О Ж Е Ш Т В Е Н Н А Я И К О Н О С Т А С О В А Я И П О В О Л О Т Н А Я М А С Т Е Р С К А Я *Алексѣя Петровича ПЕТРОВА съ С-ми.*

—» Существуетъ съ 1852 года. «—

МОСКВА, Мѣщанская ул., домъ № 98.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

**НА ХУДОЖЕСТВЕННО-РѢЗНЫЕ, ЖИВОПИСНЫЕ И ИКОНОПИСНЫЕ
Р А Б О Т Ы,**

какъ-то: Церковныя иконостасы (и военно-походныя) въ разныхъ строго выдержанныхъ стиляхъ, мѣстные и запрестольные кюты, балдахны надъ престолами, гробницы подъ плащаницу, запрестольные кресты и рамы съ тумбами, кресты съ предоставками съ рѣзной горой, аналои, престолы, жертвенники, свѣчные ящики и зерцалы для присутственныхъ мѣстъ,

**А ТАКЖЕ ПРОИЗВОДИТСЯ РЕСТАВРАЦІЯ
ИКОНОСТАСОВЪ, ИКОНЪ, ВНУТРЕННЕЙ И НАРУЖНОЙ ЖИВОПИСИ въ ХРАМАХЪ и вр.
И ЗОЛОЧЕНІЕ ГЛАВЪ И КРЕСТОВЪ.**

Рисунки, сѣтѣты и чертежи высылаются по первому требованію.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Мая № 9. 1903 года.

Содержаніе. Высочайшій указъ.—Высочайшіе приказы.—Списокъ священниковъ церкви Харьковской епархіи, которые за отлично-усердную службу удостоены награжденія ко дню рожденія Его Императорскаго Величества: I) по опредѣленію Святейшаго Синода II) по опредѣленію Епархіальнаго начальства и III) по опредѣленію Епархіальнаго училищнаго Совѣта.—Сообщеніе „Правит. Вѣсти“ о полученіи пассажирами скидки съ вѣса багажа по билетамъ, имъ не принадлежащимъ.—Отчетъ о состоящей при Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ училищѣ образцовой одноклассной церковно-приходской школѣ за 1901—1902 уч. г.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшій указъ.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ 6-го текущаго мая, на имя Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ Всемилостивѣйше сопричисленъ въ ордену *св. Владиміра третьей степени* викарій Харьковской епархіи, епископъ Сумскій *Стефанъ*.

Высочайшіе приказы.

Высочайшимъ приказомъ 1) по *Вѣдомству Православнаго Исповѣданія* 6-го мая т. года а) провозводится за отличіе въ статскихъ въ *дѣйствительные статскіе совѣтники* бывшій инспекторъ Харьковской Духовной Семинаріи Константинъ *Истоминъ*; б) награждаются орденами: *св. Станислава 2-й степени* учитель Харьковскаго духовнаго училища, надворный совѣтникъ Владиміръ *Марченко*; *св. Станислава 3-й степени*: надворные совѣтники: членъ Богодуховскаго уѣднаго отдѣленія Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, Николай *Экз*, учителя духовныхъ училищъ: Купянскаго Николай *Александровъ*; Харьковскаго, Иванъ *Булаковъ* и Сумскаго, Николай *Гальковский*; членъ Изюмскаго уѣднаго отдѣленія Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта титулярный совѣтникъ Евфимій *Гридинъ*, немѣющіе чина: преподаватель Харьковской духовной семинаріи, кандидатъ богословія Сергій *Чистосердовъ* и помощникъ инспектора Харьковской духовной семинаріи Леонидъ *Батрецовъ*.

2) По *Епархіальному Вѣдомству* награждаются орденами *св. Владимира 4-й степени*: протоіерей Купянскаго собора Іоаннъ *Левандовскій*; *св. Анны 2-й степени*: протоіерей: Преображенской въ Харьковѣ церкви Михайль *Румянцевъ* и соборной церкви въ Сумахъ *Фесенковъ*.

Списокъ священниковъ церкви Харьковской Епархіи, которые за отлично-усердную службу удостоены награжденія ко дню рожденія Его Императорскаго Величества.

I. По *Опредѣленію Святѣйшаго Синода*, награждаются за заслуги по духовному вѣдомству *самоу протоіерея* священники въ Харьковѣ Рождество-Вогородицкой церкви Василій *Добровольскій* и Покровской Андрей *Любарскій*, членъ консисторіи Андрей *Балановскій*, Хорошевскаго монастыря Александръ *Вербицкій*, слободы Ольшаной Николай *Житловъ*, Козеевки, Богодуховскаго уѣзда, Іоаннъ *Владыковъ*, Новопавловки, Старобѣльскаго уѣзда, Алексѣй *Грековъ*, села Новопокровскаго, Зміевскаго уѣзда, Павелъ *Вышемирскій*.

II. По *опредѣленію Епархіальнаго Начальства*, за отлично-усердную службу награждаются: а) *скуфью*: священники церквей: заштатнаго города Недригайлова, Лебединскаго уѣзда, Василій *Петрусенко*, слоб. Малой Волчьей, Волчанскаго уѣзда, Стефанъ *Чиркинъ*, слоб. Кургана, Лебединскаго уѣзда, Стефанъ *Толмачевъ*, слоб. Николаевки, Изюмскаго уѣзда, Арсеній *Лоншиновъ*, слободы Лимана, того же уѣзда, Николай *Яновскій*, села Прелестнаго, Изюмскаго уѣзда, Николай *Никулищевъ*, слободы Мироновки, Харьковскаго уѣзда, Симеонъ *Петровскій*, слободы Воробьевки, Сумскаго уѣзда, Михайль *Рогольскій*, слободы Искровщины, того же уѣзда, Андрей *Клементьевъ*, слободы Николаевки, того же уѣзда, Петръ *Ставровскій*, слободы Степановки, того же уѣзда, Алексѣй *Артюховскій*, слободы Подлѣсновки, того же уѣзда, Павелъ *Ильинскій*, церкви при станціи „Славянскъ“, Александръ *Щопинскій*, слободы Турья, Ахтырскаго уѣзда, Сергій *Любарскій* (перемѣщенный къ церкви слоб. Мечевловой, Изюмскаго уѣзда), села Песчаного, Купянскаго уѣзда, Николай *Капустинъ*, слободы Балаклеи, Зміевскаго уѣзда, Іоаннъ *Ковалевскій*, слободы Ивановки, Харьковскаго уѣзда, Маркіанъ *Өвдоровскій*, слободы Бабаевъ, того же уѣзда, Николай *Лобковскій*, слободы Кручява, Богодуховскаго уѣзда, Владимиръ *Подольскій*, села Хухры, Лебединскаго уѣзда, Михайль *Яковлевъ* и б) *набедренникомъ*: священники церквей: при Харь-

ковскомъ Земледѣльческомъ училищѣ, Александръ *Теряевъ*, слоб. Белупаевки, Харьковскаго уѣзда, Василій *Стенурскій*, слободы Черкасскихъ Твшковъ, того же уѣзда, Алексѣй *Щетинскій*, слоб. Липецъ Николаевской церкви, того же уѣзда, Николай *Ладемно*, Христорожественской, той же слободы, Алексѣй *Левандовскій*, Николаевской, города Золочева, того же уѣзда, Іоаннъ *Ивановъ*, слободы Карасевки, того же уѣзда, Георгій *Волобуевъ*, села Кочина, Старобѣльскаго уѣзда, Михайлъ *Феневъ*, слободы Араповки, Купянскаго уѣзда, Петръ *Заводовскій*, слободы Новаго Мерчика, Валковскаго уѣзда, Александръ *Смирнскій*, слободы Котовой, Волчанскаго уѣзда, Григорій *Цебенко*, слободы Бѣлаго Колодезя, того же уѣзда, Николай *Яновскій*, слободы Верхней Писаревки, того же уѣзда, Іаковъ *Очульковъ*, слободы Межирича, Лебединскаго уѣзда, Михайлъ *Венгеровскій*, слободы Студенка, Изюмскаго уѣзда, Теодоръ *Столярескій*, села Капитольскаго, того же уѣзда, Платовъ *Кутеновъ*, села Закотнаго, того же уѣзда, Андрей *Панкратьевъ*, села Райскаго, того же уѣзда, Іосифъ *Лобарскій*, слободы Золотого Колодезя, того же уѣзда, Николай *Ковалевскій*, села Валвенкина, того же уѣзда, Павелъ *Феневъ*, Николаевской церкви города Ахтырки Алексѣй *Солофменко*, слободы Тростянца, Ахтырскаго уѣзда, Александръ *Федоровъ*, слободы Тетлѣги, Зміевскаго уѣзда, Іоаннъ *Губановъ*, села Соколова, того же уѣзда, Григорій *Орловскій*, слободы Боровой, того же уѣзда, Іоаннъ *Колосовскій*, села Звѣдокъ, того же уѣзда, Дмитрій *Вербицкій*, слободы Андреевки, того же уѣзда, Тихонъ *Нѣмчиновъ*, слободы Павловоъ, Сумскаго уѣзда, Іоаннъ *Иваницкій*, слободы Николаевки, того же уѣзда, Іоаннъ *Кудрявцевъ* в Лебединской Соборной церкви Константанъ *Стешенко*.

III. По опредѣленію Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, за труды по церковной школѣ: а) *скуфьею*: священники: слободы Тростянца, Ахтырскаго уѣзда, Александръ *Яновскій*, слободы Гомольши, Зміевскаго уѣзда, Митрофанъ *Крутьевъ*, села Введенскаго, того же уѣзда, Николай *Щетинскій*, слободы Соколова, того же уѣзда, Александръ *Чудновскій*, слободы Песокъ, Старобѣльскаго уѣзда, Георгій *Грековъ*, села Рагона, того же уѣзда, Теодоръ *Грековъ*, слободы Большой Черветчины, Сумскаго уѣзда, Василій *Крыжановскій*, слободы Бѣловода, того же уѣзда, Павелъ *Будянский*, города Сумъ, Покровской церкви Дмитрій *Виноградскій*, слободы Русской Лозовой, Харьковскаго уѣзда, Дмитрій *Иваницкій*, города Чугуева, Покровской церкви, Зміевскаго уѣзда, Теофанъ

Дейнеховскій и б) *набедренникомъ*: священники: слободы Лѣсковки, Вогодуховскаго уѣзда, Григорій *Ступницкій*, села Гулай Поля, Зиѣвскаго уѣзда, Ѳеодоръ *Лободовскій*, села Павленкова, Лебедянскаго уѣзда, Василій *Ѳеодоровскій* и села Татарки, Харьковскаго уѣзда, Дмитрій *Курской*.

Полученіе пассажирами скидки съ вѣса багажа по билетамъ, имъ не принадлежащимъ.

Статьею 33-ею общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ установлено, что каждый пассажирскій билетъ даетъ право на бесплатный провозъ въ багажномъ вагонѣ одного пуда багажа. Въ послѣднее время въ Министерствѣ Путей Сообщенія стали поступать отъ нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ управленій ходатайства о принятіи мѣръ противъ злоупотребленій по означенному бесплатному провозу багажа. Злоупотребленія заключаются въ томъ, что различные мелкіе торговцы и поставщики, возвращаясь съ товаромъ изъ крупныхъ центровъ, и желая перевезти товаръ бесплатно, собираютъ отъ другихъ пассажировъ, не имѣющихъ багажа, билеты, предъявляютъ ихъ въ кассу и сдаютъ по нимъ свой товаръ къ перевозкѣ, въ видѣ багажа, получая установленную скидку по числу билетовъ. Въ большинствѣ такихъ случаевъ, число билетовъ соответствуетъ числу пудовъ груза, который, такимъ образомъ, перевозится совершенно бесплатно, притомъ въ пассажирскомъ поѣздѣ. Предоставляя бесплатный провозъ одного пуда багажа по каждому билету, законъ, однако, не устанавливаетъ вовсе обязательства, чтобы багажъ принадлежалъ непременно тому лицу, которое ѣдетъ по данному билету, а потому добровольная переуступка своего права воспользоваться скидкой со стоимости провоза багажа другому лицу не можетъ считаться съ формальной стороны злоупотребленіемъ. Затѣмъ, если бы даже пассажиры, дѣйствительно, и были лишены права перевозить по своимъ билетамъ чужой багажъ, то такое запрещеніе въ сущности не имѣло бы никакого практическаго значенія, въ виду невозможности для желѣзныхъ дорогъ слѣдить за этимъ дѣломъ и доказывать, что данный багажъ принадлежитъ не тому, а другому пассажиру. Наконецъ, и матеріальный ущербъ, причиняемый желѣзнымъ дорогамъ подобными злоупотребленіями, не представляется особенно значительнымъ. Въ виду такого положенія дѣла, Министерство Путей Сообщенія разъяснило всѣмъ желѣзнымъ

дорогамъ, что оно не признаетъ нужнымъ издавать какія-нибудь особыя постановленія для предотвращенія случаевъ полученія пассажирами скидки съ вѣса багажа по билетамъ, вмѣ не принадлежащимъ. „Прав. Вѣст. № 93 т. г.“

О Т Ч Е Т Ъ

о состоящей при Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ образцовой одноклассной церковно-приходской школѣ за 1901—1902 учебный годъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи.

1. Личный составъ служащихъ при школѣ въ отчетномъ году былъ слѣдующій: а) завѣдующій учебно-воспитательною частью въ школѣ и практическими занятіями въ ней воспитанницъ Училища, Харьковскій Епархіальный наблюдатель церковныхъ школъ, Василій Давыденко; б) законоучитель школы священникъ Харьковской Основинской Іоанно-Предтеченской церкви, Михаилъ Клячновъ и в) учительница школы, окончившая курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы, дѣвица Анна Ладенкова.

2. Число учащихся за отчетный годъ было не одинаково: въ началѣ учебного года было 80 учащихся,—37 мальчиковъ и 43 дѣвочки; къ концу года количество это уменьшилось до 73, въ числѣ которыхъ было 33 мальчика и 40 дѣвочекъ. По тремъ отдѣленіямъ школы учащіеся къ концу года распредѣлялись такъ: въ 1 отдѣленіи числилось 30 учащихся, во 2—31, а въ 3—12. По происхожденію своему учащіеся принадлежали къ сословіямъ мѣщанскому, крестьянскому и къ цеховому классу, а по вѣроисповѣданію всѣ православные.

3. По духу, характеру, объему и методамъ преподаванія воспитаніе и обученіе велось во всемъ согласно утвержденной Св. Синодомъ программѣ учебныхъ предметовъ для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и объяснительнымъ къ ней запискамъ.

Содержаніе учебныхъ программъ выполнялось слѣдующимъ образомъ: а) по Закону Божию въ 1 отд. школы были изучены общеупотребительныя молитвы и изъ Свящ. Исторіи Новаго Завѣта двенадцатые праздники, во 2 отд. изучены Свящ. Исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, въ 3 повторенъ курсъ первыхъ двухъ отдѣленій и вновь усвоены катихизисъ и ученіе о Богослуженіи; б) по церковному пѣнію учащіеся 1 отдѣленія пѣли съ голоса обычнымъ напѣвомъ общеупотребительныя молитвы, а во 2 и 3 пѣснопѣнія всеобщаго бдѣнія и литургія; в) по церковно-славянскому языку преслѣдовалось главнымъ образомъ двѣ цѣли: научить дѣтей

правильно читать и разумѣть прочитанное. Для достиженія первой цѣли: учащіе заботились о томъ, чтобы чтеніе было не только правильнымъ, свободнымъ, отчетливымъ, съ соблюденіемъ удареній и знаковъ препинанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и церковнымъ, истовымъ, молитвеннымъ. Средствами для достиженія сознательнаго чтенія были: объясненіе непонятныхъ словъ церковно-славянскаго текста, переводъ и заучиваніе наизусть наиболѣе употребительныхъ церковно-славянскихъ словъ и выраженій и практическое ознакомленіе учениковъ съ нѣкоторыми грамматическими особенностями церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ.

г) По русскому языку преслѣдовалась та цѣль, чтобы а) научить дѣтей правильно, бѣгло и сознательно читать и передавать содержаніе прочитаннаго и б) научить писать безъ звуковыхъ и грубыхъ грамматическихъ ошибокъ. Письменные упражненія направлялись къ тому, чтобы научить дѣтей писать согласно съ требованіями орфографіи, научить писать правильно въ грамматическомъ отношеніи и по возможности излагать свои мысли на бумагѣ. Съ этою цѣлью въ 1 отд. учащіеся списывали съ книги и писали подъ диктовку отдѣльные слова, краткія предложенія и небольшія статьи; во 2 отд. упражнялись въ письмѣ по книгѣ Некрасова „практической курсъ правописанія“, писали диктовку и въ 3 отд. дѣлали тѣ же упражненія и кромѣ того занимались переложеніемъ легкихъ статей.

д) По счисленію занятія начинались устными, а затѣмъ и письменными упражненіями въ предѣлахъ перваго десятка. Далѣе переходили къ счету до 100 устными и письменными упражненіями въ производствѣ 4 дѣйствій въ предѣлахъ этого числа и упражненіями въ рѣшеніи задачъ. Ознакомленіемъ съ правилами сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія, усвоеніемъ таблицы умноженія на память и ознакомленіемъ съ общепринятыми названіями чиселъ каждаго изъ четырехъ дѣйствій полагалось основаніе для письменныхъ упражненій въ 4 арифметическихъ дѣйствіяхъ надъ числами любой величины отвѣченными и именованными, и рѣшеніе арифметическихъ задачъ. Особенное вниманіе удѣлялось упражненіямъ въ устномъ счетѣ и упражненіямъ на счетахъ.

е) Чистописаніе преподавалось во всѣхъ отдѣленіяхъ школы и имѣло своею цѣлью усовершенствовать механизмъ письма, а также приучить дѣтей писать красиво, четко и скоро. Эта цѣль достигалась обыкновенно путемъ копированія и подражанія готовымъ образцамъ письма, предлагаемымъ дѣтямъ или въ видѣ прописей или же даваемымъ учительницей.

4. Учебники и учебныя пособія употреблялись слѣдующія: а) по Закону Божію — „Наставленіе въ Законъ Божіемъ“ прот. П. Смирнова и, какъ пособіе въ преподаванію сего предмета, священно-историческія картины, изд. Фену и К^о; б) по русскому языку употреблялась разръзная

азбука и „книга для чтенія“ Одишова и Богоявловскаго. При упражненіяхъ въ грамматикѣ и правописаніи учительница пользовалась книгами: „практической курсъ правописанія“ Некрасова, курсы систематическаго диктанта „Смирновскаго; в) по церковно-славянскому языку въ 1 отд. чтеніе велось по книгѣ „Нильминскаго“, во 2 отд. по Евангелію и Часослову и въ 3 отд. по Евангелію и по книгѣ Свирѣлина, „Чтеніе изъ книгъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта“, г) по церковному пѣнію „Курсъ церковныхъ пѣснопѣній Московской епархіи“; д) по счисленію употреблялись задачки Гольденберга, Лубенца и торговые счеты и е) по чистописанію—„прописи“ Гербача и „руководство къ обученію письму“ В. Гербача.

5. Библіотека школы къ концу отчетнаго года заключала въ себѣ 244 названія книгъ въ 1076 томахъ. Въ составъ ея входятъ: а) руководства и пособія для учителей по элементарному преподаванію; б) учебники и учебныя пособія и в) книги для дѣтскаго чтенія, разрѣшенныя къ употребленію въ церковныхъ школахъ Св. Синодомъ. Какъ полезное пособіе для законоучителя и учительницы, въ бібліотеку выписывался журналъ „Церковно-приходская школа“.

6. Учебный годъ начался 20 августа и окончился 4-го мая. Ежедневное распредѣленіе учебныхъ занятій въ школѣ было слѣдующее: уроки начинались въ 9 часовъ утра и продолжались до 1 ч. дня; при чемъ между 1 и 2, 3 и 4 уроками назначалось дѣтямъ для отдыха по $\frac{3}{4}$, а между 2 и 3 уроками $\frac{1}{2}$ часа. Каждый урокъ предварялся и заканчивался молитвою, которую учащіеся читали по очереди. Во всѣ воскресные и праздничные дни учащіеся подъ надзоромъ учительницы и дежурныхъ воспитанницъ учащаща присутствовали при Богослуженіи въ церкви Епархіальнаго училища, а въ дни Св. Четырдесятницы тамъ же были у исповѣдья и причастія Св. Таинъ. Ученики старшихъ отдѣленій, по назначенію, прислуживали въ алтарѣ, подавая кадило, возжигая свѣчи и преднося свѣтильники.

7. Годичныя переводныя испытанія учениковъ 1 и 2 отдѣленій были произведены 4 мая 1902 года комиссіей изъ завѣдующаго школой, законоучителя и учительницы. На основаніи сихъ испытаній, удостоены перевода изъ 1 отдѣленія во 2—24 учащихся и изъ 2—3—14 учащихся; оставлены на повторительный курсъ по малоуспѣшности и малолѣтству въ 1 отдѣленіи—6 учениковъ, во 2 отдѣл.—18, а въ 3 отд. 3. Выпускные экзамены учениковъ 3 отд. школы на льготу IV разряда по отбыванію воинской повинности и ученицъ того же отдѣленія на право полученія свидѣтельствъ объ успѣшномъ окончаніи ими одноклассной церковно-приходской школы произведены были 2 мая того же года ком-

миссией въ составѣ председателя, Епархіальнаго наблюдателя церковныхъ школъ Василія Давыденко, законоучителя о. Михаила Клячнова и учительницы Анны Ладенковой, и въ присутствіи инспектора классовъ Епархіальнаго женскаго училища священника Іоанна Котова. Испытаніямъ подвергались 6 учениковъ и 3 ученицы и всѣ выдержали испытанія удовлетворительно, почему и удостоены правъ на полученіе установленныхъ свидѣтельствъ.

Наградъ книгами удостоились 8 учениковъ изъ 1-го отдѣленія и 4 изъ 2-го, 7 лучшихъ учениковъ старшаго отдѣленія за благонравное поведеніе и отличные успѣхи признаны достойными награжденія похвальными листами отъ Совѣта училища выдаваемыми.

8. Учебный годъ закончился благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ, которое совершено было 5 мая законоучителемъ школы о. Михаиломъ Клячновымъ.

9. Содержаніе школы входитъ въ общія средства Харьковскаго Женскаго Училища съ пособіемъ отъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ въ размѣръ 500 руб.

Практическія занятія воспитанницъ училища въ образцовой при немъ школѣ.

Педагогическія занятія воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища въ образцовой при немъ церковно-приходской школѣ имѣли слѣдующій характеръ. Воспитанницы училища посѣщали состоящую при ней церковно-приходскую школу въ цѣляхъ: 1) самостоятельныхъ учебныхъ занятій съ учащимися, 2) присутствованія при образцовыхъ урокахъ учительницы и наблюденія надъ учебными занятіями своихъ коллегъ въ школѣ, 3) слушанія руководственныхъ педагогическихъ бесѣдъ завѣдующаго школой и 4) очереднаго дежурства по школѣ.

1. Воспитанницы 5 и 6 классовъ вели самостоятельными утреннія занятія въ школѣ съ учениками подъ непосредственнымъ руководствомъ учительницы школы и по указаніямъ завѣдующаго ономъ.

а) Наканунѣ очередныхъ занятій воспитанницами были подаваемы учительницѣ конспекты назначенныхъ имъ уроковъ для просмотра и исправленія.

б) Темы означенныхъ уроковъ назначались учительницей школы въ порядкѣ прохожденія школьной программы того или другого учебнаго предмета, причемъ имѣлось въ виду, чтобы каждая воспитанница по порядку давала уроки по всѣмъ предметамъ школьнаго курса, а не по одному какому нибудь въ отдѣльности.

в) Воспитанницы V и VI классовъ вели педагогическіе дневники, въ

составъ которыхъ, кромѣ конспектовъ преподаваемыхъ ими уроковъ, входили: аа) замѣчанія по поводу преподаваемыхъ ими уроковъ, бб) наблюденія надъ преподаваніемъ своихъ подругъ, вв) характеристика учащихся, гг) впечатлѣнія по поводу прочитанныхъ ими педагогическихъ книгъ и статей, дд) записи руководственныхъ указаній завѣдующаго школою и учительницы и ее) другіе, относящіеся къ области обученія и воспитанія предметы.

г) Педагогическіе дневники воспитанницъ VI класса во второмъ полугодіи были просматриваемы завѣдующимъ школою, проверку же дневниковъ всѣхъ воспитанницъ дѣлала учительница по мѣрѣ ихъ веденія.

д) Экзаменаціонныя испытанія воспитанницъ VI класса во второмъ полугодіи производились комиссіей въ составѣ завѣдующаго школою и учительницы оной.

Учащіяся въ церковно приходской школѣ пѣли одинъ разъ литургію въ училищной церкви въ маѣ мѣсяцѣ.

е) Планы экзаменаціонныхъ уроковъ, предварительно осмотрѣнные и одобренныя завѣдующимъ были переданы въ Совѣтъ для храненія и справокъ вмѣстѣ съ педагогическими дневниками и соответствующей оцѣнкой балловъ успѣховъ каждой воспитанницы въ отдѣльности.

2. Учительница школы давала примѣрные уроки въ присутствіи воспитанницъ 5 и 6 классовъ по мѣрѣ нужды, съ вѣдома завѣдующаго.

а) Ежедневно въ учебное время школа посѣщалась воспитанницами въ числѣ 8 человекъ по двѣ изъ каждаго класса.

б) Практическіе уроки въ количествѣ 12 распределялись съ такимъ расчетомъ, что каждой изъ 4 очередныхъ практикантокъ было дано по 2 урока, а остальными по одному; при чемъ при дальнѣйшихъ назначеніяхъ имѣлось въ виду, чтобы въ концѣ учебнаго года всѣ воспитанницы имѣли приблизительно одинаковое число. Всѣхъ практическихъ уроковъ за отчетный годъ каждой изъ воспитанницъ было дано не менѣе 10 и не болѣе 20.

в) Воспитанницы, свободныя отъ занятій присутствовали на урокахъ своихъ подругъ, излагая по поводу ихъ свои наблюденія и замѣчанія въ педагогическомъ дневникѣ.

III. Для практическаго руководства всѣхъ воспитанницъ VI класса назначался завѣдующимъ 1 часъ въ недѣлю; въ отсутствіи же его, по его указанію, учительница школы обыкновенно давала въ присутствіи тѣхъ же воспитанницъ образцовые уроки.

IV. Изъ числа 8 назначенныхъ для практическихъ занятій воспитанницъ избирались 3 дежурныхъ по одной въ каждомъ отдѣленіи школы.

Обязанности дежурныхъ по школѣ воспитанницъ подробно были изложены въ составленной завѣдующимъ и утвержденной Совѣтомъ училища инструкціи.

У. Назначеніе воспитанницъ на очередныя практическія занятія по 2 мѣзъ каждаго класса и на дежурства принадлежало начальницѣ училища Евгеніи Николаевнѣ Гейцыгъ.

Такимъ образомъ, церковно-приходская школа при училищѣ, давая воспитаніе въ церковномъ духѣ дѣтямъ бѣднѣйшихъ жителей г. Харькова, вмѣстѣ съ тѣмъ практически подготавливаетъ воспитанницъ его къ преподаванію въ начальныхъ школахъ и развиваетъ въ нихъ стремленіе къ педагогической дѣятельности. Сотни окончившихъ курсъ дѣвицъ съ давнихъ лѣтъ состояли и состоятъ учительницами земскихъ школъ, а во времени открытія въ Епархіи церковныхъ школъ они являются учительницами и въ этихъ послѣднихъ

Такъ въ отчетномъ году въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты состояло учительницъ окончившихъ курсъ Харьковского Епархіальнаго женскаго училища—86.

Епархіальныя извѣщенія.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

- Рождество-Бородичная церковь с. Шуликиной, Старобѣльскаго уѣзда.
- Троицкая церковь сл. Перекопа, Валковскаго уѣзда.
- Преображенская церковь с. Бѣлолуцка, Старобѣльскаго уѣзда.
- Николаевская церковь с. Лихачевки, Богодуховскаго уѣзда.
- Григоріевская церковь с. Турья, Ахтырскаго уѣзда.
- Іоанно-Предтеченская церковь с. Рябушекъ, Лебединскаго уѣзда.
- Покровская церковь с. Верхней-Покровки, Старобѣльскаго уѣзда.
- Александро-Невская церковь с. Ново-Александровки, Волчанскаго уѣзда.
- Рождество-Богородичная церковь с. Смольяниновой, Старобѣльск. уѣзда.

Діаконскія.

- Іоанно-Предтеченская церковь с. Станичнаго, Валковскаго уѣзда.
- Николаевская церковь с. Высокополья, Валковскаго уѣзда.
- Покровская церковь с. Ново-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

- Кирилло-Меодіевская церковь с. Райгородскаго, Бупянскаго уѣзда.
- Іоанно-Богословская церковь с. Гомольши, Змиѣвскаго уѣзда.
- Покровская Соборная церковь г. Бупянска (въ санѣ діакона).

- Воскресенская церковь с. Боголюбовки, Бупянского уѣзда.
 Николаевская церковь г. Краснодута, Богодуховскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Новой-Айдарь, Старобѣльскаго уѣзда..
 Успенская церковь с. Вольнаго, Богодуховскаго уѣзда.
 Благовѣщенская церковь г. Харькова.
 Покровская церковь Харьковскаго Благотворительнаго Общества.
 Преображенская церковь на мѣстѣ крушенія, на станціи „Борки“.
 Александро-Невская церковь с. Александровки, Валковскаго уѣзда.
 Харьковскаго Реальнаго Училища.
 Николаевская церковь с. Новой-Водолаги, Валковскаго уѣзда.
 Успенская церковь с. Коломана, Валковскаго уѣзда.
 Влад.-Богородичн. церковь с. Должика, Харьковскаго уѣзда.
 Рожд.-Богородичная церковь с. Смольянишковой, Старобѣльскаго уѣзда.
 Арханг.-Михайловск. церковь г. Краснодута, Богодуховскаго уѣзда.
 Введенская церковь с. Студенка, Изюмскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Гіевки, Харьковскаго уѣзда.
 Иоанно-Предтеченск. церковь с. Знаменскаго, Изюмскаго уѣзда.
 Воскресенская церковь с. Надеждовки, Изюмскаго уѣзда.
 Покровская церковь с. Старой-Водолаги, Валковскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Ново-Александр., Старобѣльскаго уѣзда.
 Рожд.-Богородичн. церковь с. Стѣпой, Богодуховскаго уѣзда.
 Иоанно-Предтеченск. церковь с. Ново-Ивановки, Зміевскаго уѣзда.
 Покровская церковь с. Глазуновки, Зміевскаго уѣзда.
 Покровская церковь с. Городища, Старобѣльскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Первое обозрѣніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Харьковской Епархіи: посѣщеніе Владыкой городовъ Бѣлополья, Сумь, Лебединна и Богодухова.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ храма Христа Спасителя и Спасова Скита.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Александро-Невской школы, Епархіальнаго женскаго училища и другихъ учебныхъ заведеній въ гор. Харьковѣ.—Служеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ литургіи въ церкви мужскаго духовнаго училища.—Торжественное богослуженіе 6-го мая.—Отъѣздъ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія въ Св. Горн.—Религиозно-нравственныя чтенія.

Первое обозрѣніе Харьковской епархіи Его Высокопреосвященствомъ Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ.

І. Посѣщеніе г. Бѣлополья.

10-го Апрѣля, въ четвертъ Пасхальной недѣли, въ 10 час. 24 мин. вечера, Его Высокопреосвященство, согласно заранѣе составлен-

ному маршруту, изволилъ выѣхать изъ Харькова по Сумской жел. дорогѣ, въ сопровожденіи соборнаго ключаря свящ. Г. Виноградова и протодіакона В. Вербицаго—въ заштатн. г. Бѣлополье. (Иподіаконы выѣхали туда наканунѣ).

11-го Апрѣля утромъ въ 7 час. 32 м., повѣдъ, въ которомъ слѣдовалъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка, прибылъ на ст. Бѣлополье. Здѣсь Его Высокопреосвященству (въ вагонѣ) представились: *) г. городской голова гор. Бѣлополя г. Ральфъ съ полнымъ составомъ гласныхъ городской думы, при чемъ городской голова преподнесъ Его Высокопреосвященству отъ лица всѣхъ гражданъ г. Бѣлополя—хлѣбъ соль—и привѣтствовалъ Владыку. Милостиво принявъ хлѣбъ—соль, Высокопреосвященнѣйшій Владыка похристосовался съ г. Ральфомъ и съ гласными и бесѣдовалъ съ ними нѣсколько минутъ, а затѣмъ, сопровождаемый торжественнымъ колокольнымъ звономъ всѣхъ церквей г. Бѣлополя, отправился въ Богородице-Рождественскую церковь, гдѣ назначено было въ этотъ день Архіерейское служеніе литургіи. На станціи и по пути слѣдованія въ церковь было масса народа. Владыка всѣхъ осѣнялъ архипастьрскимъ благословеніемъ.

По прибытіи въ Богородице-Рождественскую церковь Высокопреосвященнѣйшій Владыка былъ встрѣченъ всѣмъ городскимъ духовенствомъ. Облачившись въ мантию, поцѣловавъ св. крестъ и преподавъ оный для цѣлованія всему духовенству, Владыка благосклонно выслушалъ привѣтственную рѣчь, сказанную священникомъ Покровской ц. гор. Бѣлополя о. Н. Борисоглѣбскимъ. Вотъ эта рѣчь:

Ваше Высокопреосвященство,

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастьръ и Отець!

Прибытіе Твое въ нашъ отдаленный городъ Твоей Епархіи въ эти свѣтлые дни духовной радости—праздника въ честь Жизнодавца Христа—усугубляетъ и возвышаетъ нашу духовную радость.

Мы теперь имѣемъ счастье и возможность видѣть Тебя, нашего Архипастьря, лицомъ къ лицу, имѣемъ возможность сослужить Тебѣ въ принесеніи Безкровной Жертвы, участвовать въ совершеніи Святѣйшаго Таинства Причащенія, во вкушеніи Агнца Божія, „раздробляемаго и нераздѣляемаго, всегда ядомаго и ни-

*) О. Благочинный гор. Бѣлополя протоіерей А. Чугаевъ встрѣтилъ Его Высокопреосвященство еще раньше на ст. Сумы, при чемъ подавъ Владыкѣ почетный рапортъ.

когда же иждиваемаго, но причащающихся освящающаго“...— Пользуясь настоящимъ случаемъ, исполнившимъ сердца наши этою высокою радостью, мы смиреннѣе просимъ Тебя, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, помолись о насъ, пастырихъ Твоихъ, да укрѣпить насъ, немощныхъ, Пастыреначальникъ нашъ Господь Иисусъ Христосъ своею благодатію къ вышему прохожденію многотруднаго пастырскаго служенія.

Настоящее время— время злобы враговъ церкви Христовой, время, исполненное всякой лжи, ненависти и лукавства, а потому мы болѣе, чѣмъ когда либо, нуждаемся въ содѣйствіи намъ благодати Божіей.

Просимъ Тебя, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, не оставить и насъ своимъ отеческимъ, мудрымъ руководствомъ. Ты, какъ свѣтильникъ, поставленный на свѣщницѣ, горѣвшій и свѣтившій на окраинахъ дорогого отечества нашего: на сѣверѣ и югѣ, на востокѣ и западѣ, всегда, вездѣ и всюду являлъ свое отеческое, просвѣщенное попеченіе о вѣранныхъ Тебѣ паствахъ; не оставь и насъ своею любовію, своимъ отеческимъ просвѣщеннымъ руководствомъ. Помолись, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, и о предстоящихъ въ этомъ святомъ храмѣ жителейхъ сего города, да сохранить ихъ Господь вѣрными и послушными чадами Своей Церкви, а мы съ своей стороны,—пастыри и пасомые,—будемъ всегда возносить за тебя молитвы Пастыреначальнику нашему Господу Иисусу Христу, да укрѣпить онъ Твои силы и здоровье для счастья Харьковской паствы Твоей на многая лѣта.

Выслушавъ эту рѣчь, Владыка сказалъ говорившему: „Спасибо“ и затѣмъ направился къ царскимъ вратамъ храма, гдѣ выслушавъ входныя молитвы, сталъ на средивѣ храма на возвышенномъ амвонѣ для облаченія. Послѣ облаченія и пѣнія паскальныхъ часовъ, началась Божественная литургія, которую совершалъ Высокопреосвященный Владыка съ 8-ю сослужащими Ему: Протоіереемъ и настоятелемъ Богородице-Рождественской ц. А. Чугаевымъ, ключаремъ Г. Виноградовымъ, священниками г. Бѣлополя: о. Н. Борисоглѣбскимъ, о. М. Разшевскимъ, о. М. Подлуцкимъ, о. П. Лысенковымъ и двумя священниками ихъ сельскихъ приходовъ. Въ служеніи участвовали также прибывшій съ Владыкою о. протоіакопъ В. Вербицкій и пять мѣстныхъ діаконовъ. Пѣлъ литургію мѣстный хоръ, подъ управленіемъ учителя городского училища г. Волкова. Пѣніе было стройное и пріятное.—Обширный храмъ былъ наполненъ массою народа.

Въ концѣ литургіи Высокопреосвященнѣйшій Владыка обратился къ народу съ глубоко назидательнымъ и сердечно-прочувствованнымъ поученіемъ о значеніи для христіянина праздника Воскресенія Христова. Въ живой импровизированной бесѣдѣ, въ духѣ простого народа, Высокопреосвященный ораторъ, въяснивъ смыслъ пріивѣтственныхъ праздничныхъ словъ: „Христосъ воскрес!“ и „Воистину воскрес!“ указалъ слушателямъ, что Воскресеніе Христово есть величайшее чудо, въ которомъ проявилась неизреченная слава и божественное могущество Сына Божія Іисуса Христа, что оно было послѣднимъ заключительнымъ и самымъ важнымъ дѣломъ спасенія нашего искупленія отъ первороднаго грѣха всего рода человѣческаго, и потому составляетъ для насъ, христіанъ, предметъ величайшей радости и духовнаго торжества. Вотъ что приблизительно говорилъ Владыка:

„Христосъ Воскресе!

Воистину Воскресе!

Понимаете ли вы, православные христіане, всю силу, все значеніе сихъ четырехъ словъ?

По ученію св. апостоловъ, въ сихъ четырехъ словахъ заключается самая сущность нашей вѣры. Если, говорить апостолю, Христосъ не возста, тѣа убо вѣра наша, тѣе и упованіе наше, т. е. и вѣра наша и надежда наша не имѣють основанія. Прекрасно это выражено въ одной церковной пасхальной пѣсни. Она поется такъ: Нынѣ вся исполнишася свѣта, небо и земля, и преисподняя! Вотъ какое значеніе имѣеть Воскресеніе Христово! Воскресеніемъ Своимъ Господь исполнилъ радости и веселія и небо, и землю, и преисподнюю. Что такое небо? Кто не небѣ пребываетъ? На небѣ престолъ Божій, на небѣ святые ангелы. Какимъ же образомъ, воскресеніемъ Своимъ Господь исполнилъ радости и свѣтлаго торжества небо?

Богъ создалъ человѣка чистымъ, безгрѣшнымъ. Человѣкъ же палъ и этимъ огорчилъ и оскорбилъ и Бога, и ангеловъ. Богъ сотворилъ человѣка единственно по любви Своей и сотворилъ его для блаженства. Онъ такъ возлюбилъ человѣка, что и Сына Своего Единороднаго отдалъ для спасенія его, а человѣкъ палъ! Паденіе его исполнило печали и Бога, и св. ангеловъ.

Воскресеніемъ же, явившимся печатью всей жизни, всего ученія и дѣлъ Іисуса Христа, Господь спасъ человѣка и этимъ примирилъ его съ Богомъ, что исполнило радости все небо: Бога и ангеловъ. Но Господь исполнилъ свѣта, Своимъ воскресеніемъ,

не только небо, но и землю, какъ сказано въ пѣсни. Кто на землѣ? Человѣкъ и вся окружающая его одушевленная и неодушевленная природа. Что воскресеніе Христово исполнило радости человѣка, объ этомъ и говорить нечего, ибо воскресеніемъ Своимъ Господь открылъ ему входъ въ царство небесное. Свѣта и радости исполнилась и природа. Какъ за преступленіе человѣка, своего царя, природа, повинуясь суетѣ и подверглась проклятію Божію, ибо сказалъ Богъ: „проявлята земля за тебя“; такъ точно, чрезъ обновленіе человѣка воскресеніемъ Христовымъ вся тварь, т. е. природа земная, обновилась, получила Божіе благословеніе, возрадовалась и возликовала.

„Нынѣ вся исполнишася свѣта, небо и земля, и преисподняя“. Что же это—преисподняя? Это адъ! Неужели же и адъ исполнился свѣта? Да, православные! Въ аду до воскресенія Христа находились не только бѣсы, но и всѣ люди, умершіе до этого всерадостнѣйшаго событія. Тамъ находились и величайшіе праведники Вѣтхаго Завѣта: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Моисей; пророки: Исаія, Іеремія, Даніилъ и даже Предтеча Христовъ Іоаннъ! Правда, бѣсы не возрадовались, а вострепетали. Они всѣ силы употребили на то, чтобы утвердить веревъ ада, дабы не допустить въ свое царство Сына Божія Іисуса Христа. Но Господь силою Божества Своего разрушилъ ихъ препятствія и, лежа во гробѣ, какъ поется въ другой церковной насхальной пѣсни, Божествомъ былъ на небѣ, Тѣломъ во гробѣ, Душею же Своею проникъ во адъ. Явленіе Его, какъ молнія, облытало это темное царство, и бѣсы испытали при этомъ такое пораженіе, какого не видали съ тѣхъ поръ, какъ за свое гордое противленіе Богу были свержены съ неба во адъ. Но зато, какова была радость праведниковъ при появленіи Господа во адѣ! Какъ возрадовались они! Объ этой радости говорилъ Христосъ Спаситель, когда сказалъ, что „Авраамъ видѣлъ день мой и возрадовался“. Возрадовался потому, что, сошедши во адъ, Христосъ вывелъ оттуда всѣхъ праведниковъ въ рай. Объ этомъ говорить и св. Іоаннъ Златоустъ въ своемъ словѣ, которое всегда читается на первый день св. Пасхи: „воскресе Христосъ, и мертвый ни одинъ во гробѣ“.

Какое же, православные, мы выведемъ для себя изъ нашей бѣсѣды правоученіе? Воскресеніемъ Своимъ Іисусъ Христосъ доказалъ, что Онъ—Богъ. Воскресеніемъ Своимъ Господь примирилъ насъ съ Богомъ, открывъ намъ доступъ въ рай, на небо, такъ что уже нѣтъ вѣчной смерти для вѣрующихъ въ Него,—они по смерти

не идуть во адъ, а послѣ временнаго пребыванія во гробѣ, если, конечно, своею жизнью заслужатъ того, пойдуть въ рай, къ Богу. Будемъ же стойко держаться того, что принесъ Онъ на землю для нашего спасенія. Будемъ стойки въ вѣрѣ православной, такъ чтобы никто и ничто не могло совратить насъ съ пути праваго на путь заблужденій. Будемъ исполнять уставы св. Церкви Православной: исповѣдываться, говѣть хоть разъ въ годъ. Пусть и жены, и дѣти ваши, по крайней мѣрѣ, хоть разъ въ годъ, очищаютъ свою совѣсть покаяніемъ. Будемъ охотно и съ радостію пользоваться святыми, богоустановленными таинствами, ибо въ нихъ подается благодать Божія во спасеніе наше. Если же явятся люди, которые будутъ совращать васъ, то бѣгите, бѣгите отъ нихъ! Не слушайте таковыхъ, православные! Слушайте пастырей своихъ, на обязанности которыхъ лежитъ проповѣдывать истинное Слово Божіе, и которые дѣйствительно проповѣдываютъ его вамъ“.

Служеніе литургіи завершилось провозглашеніемъ многолѣтня Царствующему Дому, Св. Синоду, Высокопреосвященнѣйшему Арсенію съ богохранимою его паствою, братія св. храма и всѣмъ православнымъ христіанамъ.

Послѣ литургіи Высокопреосвященный Арсеній отправился въ квартиру о. прот. Чугаева и здѣсь выкушалъ чашку чая и немного отдохнулъ, а затѣмъ поѣхалъ въ Ильинскую церковно-приходскую школу, въ которой были собраны дѣти всѣхъ бѣлопольскихъ школъ, числомъ около 600 человѣкъ, вмѣстѣ съ учителями и учительницами. При входѣ Его Высокопреосвященства дѣти дружно и стройно пропѣли „исъ полна эти деспота“. Владыко, осѣнивъ всѣхъ Архипастырскимъ благословеніемъ, предложилъ дѣтямъ пропѣть „Христось воскрес“, что они и исполнили хоромъ три раза. Послѣ этого уѣздный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ Сумского уѣзда священникъ о. С. Недѣлка обратился къ Его Высокопреосвященству съ слѣдующею рѣчью:

Ваше Высокопреосвященство,
 Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
 Милостивѣйшій Архипастыръ и Отецъ!

Церковныя школы въ Сумскомъ уѣздѣ, ввѣренныя моему наблюденію, первое время, когда Державной волѣ почившаго Императора Александра III благоугодно было оживотворить ихъ, встрѣчены были съ недо-
 вѣріемъ, предубѣжденіемъ, даже не преувеличимъ, если скажемъ, съ

отарытою въ нѣкоторыхъ случаяхъ враждебностію. Церковнымъ школамъ окружающіе ставили въ укоръ: неудобство помѣщеній, бѣдность школьной обстановки, недостаточность педагогической подготовки учащихся и не хотѣли вѣрить въ жезнеспособность и полезность ихъ. Правда, наши церковныя школы въ первое десятилѣтіе своей дѣятельности находились въ крайне стѣсненныхъ внѣшнихъ условіяхъ существованія, что неблагопріятно отзывалось и на внутреннемъ ихъ содержаніи, т. е. на учебно-воспитательномъ дѣлѣ. Въ настоящее время осмѣливаюсь предъ Вами, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, засвидѣтельствовать, что большее число въ уѣздѣ такихъ школъ, которыя могли бы служить истиннымъ образцомъ народной школы; но и теперь еще раздаются голоса противъ церковныхъ школъ, и теперь еще нѣкоторые лица не хотятъ видѣть дѣйствительныхъ достоинствъ нашихъ школъ и той пользы, которую онѣ приносятъ народу. И мы, учащіе въ сихъ школахъ, скромные работники въ этомъ святомъ дѣлѣ, нуждаемся въ ободреніи и поддержкѣ. Такимъ ободреніемъ, такою нравственною поддержкою для насъ является благосклонное вниманіе Архипастырей. Велика наша радость въ настоящія минуты, Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ, что мы удостоились съ своими питомцами предстать предъ Тобою и имѣемъ возможность лично просить Твоего Святительскаго благословенія на насъ, нашихъ питомцевъ, и наши скромныя труды. Сыновне молю Тебя, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, въ лицѣ предстоящихъ благословить и всѣхъ учащихся и учащихъ въ церковныхъ школахъ уѣзда, да по Твоимъ Святительскимъ молитвамъ Небесный Учитель ниспослетъ намъ, учащимъ, разумъ и ревность въ трудахъ, а питомцы наши да возрастутъ Ему, Создателю нашему, во славу, родителямъ своимъ на утѣшеніе, Церкви и отечеству на пользу.

Выслушавъ благосклонно эту рѣчь и принявъ рапортъ о состояніи школъ въ Сумскомъ уѣздѣ, Владыка съ необыкновенною простотою и ласковостію обратился къ дѣтямъ и сталъ предлагать имъ вопросы изъ Закона Божія, при чемъ предварительно заставлялъ ихъ читать хоромъ Символь вѣры, останавливая ихъ на нѣкоторыхъ членахъ и спрашивая объясненія, а также и другія молитвы.

Оригинальный дидактическій приѣмъ, произношеніе молитвъ хоромъ, доказывающій глубокое пониманіе Высокопреосвященнымъ посѣтителемъ педагогическаго дѣла, вмѣстѣ съ простотою и ласковымъ обращеніемъ, сразу внушили дѣтямъ полное довѣріе и

расположеніе къ вопрошавшему и произвелъ на всѣхъ присутствующихъ въ школѣ чарующее впечатлѣніе. Отвѣты дѣтей были бойки и осмысленны, и Владыка остался ими доволенъ. Въ заключеніе, Владыка заставилъ дѣтей пропѣть: „Ангель воиіаше“, „Свѣтвся, свѣтвся“ и „Спаси Господи“ и благословилъ отдѣльно всѣхъ учителей и учительницъ, вручивъ при чемъ каждому по крестыку. Потомъ, вручивъ о. Наблюдателю нѣсколько книжекъ своего изданія (жизнь св. Гурія, Варсонофія и Германа Казанскаго чудотворца) и болѣе 400 крестиковъ для раздачи ученикамъ и осѣнивъ всѣхъ общимъ благословеніемъ, на какое дѣти отвѣтили пѣніемъ всѣ поля эти деспота, Высокопреосвященнѣйшій Владыка вышелъ изъ школы и отправился обзрѣвать церковь г. Бѣлополя.

Порядокъ обзрѣнія церквей былъ таковъ: 1-я Покровская, 2-я Петропавловская, 3-я Михаило-Архангельская, 4-я Ильинская, 5-я Преображенская. 6-ю церковь Богор.-Рождественскую Владыка осмотрѣлъ послѣ служенія въ ней, а алтари и св. антимисы—во время причастнаго стоянія. Въ каждой церкви Владыка, послѣ осмотра, бесѣдовалъ съ прихожанами. Предметамъ бесѣды были храмовые праздники, въ честь которыхъ устроены св. храмы. Бесѣды были необыкновенно просты и умилятельны. Въ Ильинской и Преображенской церквяхъ Владыка заставлялъ дѣтей рассказать исторіи св. пророка Иліи и Преображенія Господня—и особенно остался доволенъ рассказомъ о св. Пророкѣ Иліѣ. А въ Петропавловской церкви, слыша добрый отзывъ прихожанъ о священникѣ о. Павлѣ Лысенко, похвалилъ всѣхъ за мирную жизнь во Христѣ.—Кромѣ церквей Владыка, по приглашенію городского головы, посѣтилъ городское 2-хъ классное министерское училище. При посѣщеніи Владыка высказалъ неудовольствіе, что не было учениковъ (распущенныхъ по случаю праздниковъ).

Въ 5 часовъ пополудни, окончивъ обзрѣніе, Владыка возвратился въ квартиру о. протоіерея Чугаева, гдѣ ему предложена была скромная трапеза. За столомъ съ Владыкою были всѣ сослужившіе съ нимъ въ этотъ день и церковный староста Богородице-Рождественской церкви Пономаренко. За обѣдомъ о. протоіереемъ Чугаевымъ былъ предложенъ тостъ за драгоценное здоровье Милостивѣйшаго Архипастыря, удостоившаго посѣтить этотъ отдаленный городъ своей епархіи и доставившаго ему честь первымъ, въ числѣ другихъ городовъ, принять Высокаго гостя—своего глубокочтимаго Святителя. Присутствующіе громко пропѣли трое-

кратно: Многая лѣта! Такъ закончился знаменательный для Бѣлополя день 11-го апрѣля, память о немъ долго будетъ жить въ сердцахъ благодарныхъ жителей этого города!

Посѣщеніе г. Сумъ.

Утромъ въ 9 час. Его Высокопреосвященство, при колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей, отбылъ изъ г. Бѣлополя на станцію ж. д. того же имени, въ сопровожденіи благочиннаго протоіерея Чугаева, городского головы г. Раальфа, мѣстнаго пристава г. Решетилова и многихъ гражданъ. На вокзалѣ собралась большая толпа народа, желавшая проводить своего Архіепископа. Владыка, преподавъ свое Архiepастырское благословеніе, каждому отдѣльно, вошелъ въ ваговъ и, съ подошедшимъ къ тому времени поѣздомъ, отправился въ г. Сумы, куда и прибылъ въ 11 час. дня. Здѣсь, на станціонной платформѣ, Его Высокопреосвященство встрѣченъ былъ благочиннымъ гор. Сумъ Протоіереемъ В. Никольскимъ, Сумскимъ городскимъ головою В. Н. Золотаревымъ, Начальникомъ Сумскаго Кадетскаго Корпуса генераломъ Піотухъ-Кублицкимъ, Помощникомъ уѣзднаго Исправника, полицейскими чинами и массою народа. Поздоровавшись съ начальствующими лицами и преподавъ всѣмъ общее благословеніе, Владыка отправился въ Сумское духовное училище, находящееся не вдалекѣ отъ вокзала, по дорогѣ въ Сумской соборъ. Встрѣченный при входѣ въ зданіе училища Смотрителемъ его Протоіереемъ о. А. Грузовымъ, Его Высокопреосвященство прослѣдовалъ въ училищную церковь, въ которой, прослушавъ обычныя встрѣчныя молитвословія, съ возгласеніемъ многолѣтія и осмотрѣвъ св. алтарь и церковную утварь, отправился для осмотра классныхъ и спальныхъ помѣщеній учениковъ, при чемъ заходилъ и въ квартиру Смотрителя и его Помощника. Уѣзжая изъ Духовнаго училища, Владыка поручилъ о. смотрителю совершить отъ его имени панихиду по усопшемъ строителѣ училища высокопреосвященномъ Амвросіи передъ началомъ учебныхъ занятій, когда соберутся всѣ воспитанники. Изъ училища Его Высокопреосвященство при торжественномъ звонѣ всѣхъ церквей города отправился въ Сумской Преображенскій соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ массою народа и всѣмъ городскимъ духовенствомъ, съ крестомъ и св. водою. Облачившись въ мантию и поцѣловавъ св. крестъ и окропивъ себя св. водою, Владыка выслушалъ слѣдующую прѣдъставленную рѣчь, произнесенную соборнымъ Протоіереемъ Н. Фесенковымъ.

Высокопреосвященнѣйшій Владыка,

Милостивѣйшій Архiepастыръ и Отецъ!

Вотъ и Ты, Святитель Божій, съ нами, вотъ и мы — дѣти твои — съ Тобою!.. Съ живѣйшею радостію стеклись мы встрѣтить Тебя, своего

Отца, котораго послалъ Самъ Царь Небесный... Отъ лица всѣхъ чадъ твоихъ свидѣтельствую предъ Тобою,—всѣ мы готовы съ покорностію исполнять Твои Архипастырскія наставленія и велѣнія, такъ какъ мы вѣримъ, Владыка Святый, что Твои велѣнія—велѣнія Св. Духа, благодать Котораго сугубо почиваетъ на Тебѣ.

Съ радостію встрѣчалъ, съ упованіемъ и просимъ Тебя, Святитель Божій, обнови насъ всѣхъ теплою любовію Отца, чтобы, согрѣваемые ею, тѣмъ съ большею ревностію спѣшили мы на подлежащій намъ подвигъ, подвигъ добра, чести, долга, правды, преданности Престолу и Отечеству, и подъ Твоимъ мудрымъ руководствомъ неуклонно шли по Той дорогѣ, Которая прямо ведетъ въ рай.

Послѣ этого въ предшествіи духовенства, при пѣніи имъ тропаря храма, Владыка вошелъ въ алтарь и приложился къ св. престолу. Выслушавъ затѣмъ встрѣчныя молитвословія и многолѣтіе, Владыка съ св. крестомъ въ рукахъ самъ произнесъ многолѣтствіе жителямъ города Сумъ и привѣтствовалъ ихъ Архипастырскими благожеланіями. Затѣмъ преподавъ всѣмъ, находящимся въ храмѣ, общее благословеніе, Высокопреосвященнѣйшій Владыка отправился для обзора ближайшихъ къ собору церквей: Покровской, Воскресенской и Николаевской.

Во всѣхъ этихъ церквяхъ Архипастырь встрѣчаемъ былъ множествомъ людей, желавшихъ получить святительское благословеніе и услышать изъ его устъ живое назидательное слово, въ чемъ и были утѣшены... Затѣмъ, по приглашенію г. инспектора народныхъ училищъ г. Жубро, Высокопреосвященнѣйшій Владыка посетилъ городское училище, въ которомъ собралось болѣе ста учащихся—мальчиковъ и дѣвочекъ. Дѣти пропѣли нѣсколько молитвъ. При спрашиваніи ихъ по Закону Божію Владыка употреблялъ тотъ же способъ, что и въ Бѣлопольѣ. Отвѣты дѣтей были удовлетворительны, и Владыка ими остался доволенъ. Въ заключеніе дѣти пропѣли: „Спаси, Господи“ и „Боже Царя храни“. Владыка оставилъ имъ для раздачи нѣсколько книжекъ и крестиковъ.

Въ 6 час. вечера въ Преображенскомъ сумскомъ соборѣ началось всенощное бдѣніе. Владыка выходилъ на литію и величаніе и затѣмъ до конца всенощной помазывалъ св. елеемъ всѣхъ молящихся, которыми величественный и огромный соборъ былъ переполненъ.

На другой день—13 Апрѣля въ Фомино воскресенье—въ 9 часовъ утра Высокопреосвященнѣйшій Арсеній прибылъ въ соборъ для совершенія Божественной Литургіи. Въ служеніи оной съ Его Высокопреосвященствомъ участвовали: протоіерей В. Никольскій, смотритель духовнаго училища протоіерей А. Грузовъ, протоіерей Н. Фесенко, влю-

чарь свѣщ. Виноградовъ, двое законоучителей—мужской гимназіи и реального училища,—и священники І. Дмитріевъ и А. Церковничій, о. протодіаковъ Вербичій и три діакона сумскаго собора.—Литургію, а наканунѣ всенощное бдѣніе, пѣлъ соборный хоръ, подъ управленіемъ регента Ф. В. Коваленко. Пѣніе было стройное и безукоризненное. Владыка имъ остался очень доволенъ и хвалилъ регента. Въ концѣ литургіи Владыка произнесъ слово, въ которомъ раскрылъ предъ слушателями значеніе двухъ воспоминаемыхъ въ недѣлю св. Фомы собитій: во 1-хъ) сошествія Спасителя во адъ и во 2-хъ) явленія его въ 8-й день по воскресеніи своимъ ученикамъ вмѣстѣ съ невѣрующимъ въ его воскресеніе Фомомъ.

Въ первой половинѣ своего слова Владыка разъяснилъ, что Спаситель нисходилъ въ адъ для того, чтобы сокрушить веревъ адовы, разорвать оковы, коими были связаны княземъ тьмы души умершихъ, и вывести ихъ изъ чрева адова въ пресвѣтлый рай. Съ какою радостію, заключилъ Владыка первую часть слова, встрѣтили Господа въ адѣ Адамъ, Авраамъ и другіе ветхозавѣтные праведники, такъ давно ожидавшіе его пришествія! Во второй половинѣ своего слова, Владыка напомнилъ слушателямъ, что они должны были слышать въ Евангельскомъ чтеніи о явленіи Христа апостоламъ въ 8-й день по воскресеніи для увѣренія Ап. Фомы въ дѣйствительности своего воскресенія. Св. Ап. Фома, хотя и слышалъ отъ другихъ апостоловъ о воскресеніи своего Божественнаго Учителя, но, не вида его, не имѣлъ для сего въ душѣ своей твердой вѣры. Явившись св. Фомѣ и убѣдивши его въ истинѣ воскресенія, Христосъ показалъ ему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и намъ, что „вѣра предпочтительнѣе видѣнія и осязанія, потому что вводитъ въ общеніе съ Христомъ болѣе глубокое, чѣмъ внѣшнее чувственное прикосновеніе къ Нему, не всегда сопровождающееся вѣрою, какъ показываетъ примѣръ многихъ очевидцевъ жизни и чудесъ Христовыхъ, не только не увѣровавшихъ въ Него, но еще старавшихся отвлечь другихъ отъ вѣры въ Него“.

Послѣ литургіи и краткаго отдыха въ домѣ о. Протоіерея В. Никольскаго, Владыка отправился обсервовать церкви г. Сумъ, оставшіяся неосмотрѣнными наканунѣ. Осмотрѣвъ Ильинскую церковь, гдѣ собралась масса народа и преподавъ всѣмъ общее благословеніе, Владыка отправился пѣшкомъ въ Ильинскую церковно-приходскую школу, въ которой, какъ въ одной изъ обширнѣйшихъ, собрано было со всѣхъ церковно-приходскихъ школъ г. Сумъ до 800 учащихся дѣтей, встрѣтившихъ Архипастыря троекратнымъ пѣніемъ: „Христосъ Воскресе“ и изъ полна эги деснота. Послѣ сего наблюдатель церковно-приходскихъ

школь Сумскаго уѣзда о. С. Недѣлка привѣтствовалъ Его Высокопреосвященство рѣчью.

Ваше Высокопреосвященство,

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивнѣйшій Архипастырѣ и Отецѣ!

Вновь имѣю великое счастье предстать предъ Вами, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, съ учащими и учащимися церковныхъ школь, вѣренныхъ моему наблюденію. Здѣсь собраны 800 дѣтей, учащихся въ городскихъ церковныхъ школахъ.

Открытіе церковныхъ школь въ городѣ Сумахъ не было новостію въ тотъ достопамятный для всей Россіи 1864 годъ, когда почившему Государю Императору Александру III благоугодно было вызвать къ жизни старый типъ школы церковной и высказать надежду, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ святомъ дѣлѣ народнаго обученія. Давъ въ наличныхъ церковныхъ школь города, при Спасо-Преображенскомъ Соборѣ и Покровской церкви, начали свою просвѣтительную дѣятельность еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Было время, когда эти школы являлись единственными равадниками обученія грамотѣ среди гражданъ. Почти всѣ нынѣ адрравствующие старшии-грамотеи, разумію коренныхъ жителей города, были учениками церковныхъ школь. И въ настоящее время наши школы пользуются полнымъ расположеніемъ гражданъ, что свидѣтельствуются тѣмъ, что ови переполнены учащимися, зданія, въ которыхъ помѣщаются, добавлю—воиовѣ отвѣчающія своему назначенію, устроены почти исключительно на пожертвованія попечителей — гражданъ, отъ нихъ же школы получаютъ и средства содержанія. Городскому духовенству остается только съ любовью, ревностію и успѣхомъ трудиться въ святомъ дѣлѣ обученія дѣтей. Предстоя въ настоящія минуты лицомъ къ лицу предъ Тобою, Милостивнѣйшій Архипастырѣ и Отецѣ, нашимъ главнымъ руководителемъ и попечителемъ школьнаго дѣла, мы просимъ Тебя благословить насъ; да дасть намъ Божественный Учитель силы и вѣрность оправдать надежды, возлагаемыя на духовенство Высочайшею Властью и свято исполнить завѣтъ Царя, чтобы питомцы нашихъ школь были истинными сынами Церкви и вѣрными слугами Его. Тебѣ же, Преосвященнѣйшій Владыко, за Твое благостное вниманіе къ намъ мы сейчасъ единымъ сердцемъ и устами пѣли и будемъ пѣть: „исъ полла эти, Деспота, исъ полла эти, Деспота, исъ полла эти, Деспота!“ Владыка сказалъ въ отвѣтъ, что если раздаются еще голоса противъ церковныхъ школь, то многіе прежніе враги

церковныхъ школъ теперь уже много мнѣнія; духовенству нечего смущаться голосами противниковъ церковныхъ школъ, такъ какъ народъ за нихъ. Архипастыря окружили дѣти. Ласковость обращенія Владыки и не сходящая все время съ лица его добрая улыбка, въ нѣсколько минутъ привлекли въ нему дѣтскія сердца, и дѣти безъ робости, съ особенною радостью и воодушевленіемъ старались одинъ скорѣе другого давать отвѣты на вопросы Владыки. Наконецъ, по желанію Владыки, дѣти спѣли нѣсколько священныхъ пѣсней и въ заключеніе—народный гимнъ. Отвѣтами и пѣніемъ дѣтей Высокопреосвященный Владыка, видимо остался доволенъ, что и выразилъ въ слѣдующихъ словахъ, написанныхъ имъ въ школьной книгѣ для почетныхъ посѣтителей: „1908 года, апрѣля 13-го дня. Истинно святое высокое духовное утѣшеніе получалъ я отъ учениковъ сумскихъ церковно-приходскихъ школъ“. Благословивъ учащихъ и учащихся святыми крестивыми и поблагодаривъ о. наблюдателя и учителей за отличные успѣхи учащихся, Высокопреосвященный Владыка при пѣніи всѣми присутствовавшими „изъ поля эти деспота“, поѣхалъ въ кадетскій корпусъ, куда прибылъ около двухъ часовъ.

Здѣсь Владыка встрѣченъ былъ Начальникомъ корпуса и всѣми служащими въ вестибюль корпуснаго зданія, отсюда въ сопровожденіи ихъ направился въ церковь, гдѣ были собраны кадеты. Осмотрѣвъ св. алтарь, Владыка обратился къ кадетамъ съ рѣчью и, по поводу того, что храмъ освященъ во имя св. Іоанна Богослова—апостола любви, говорилъ о любви къ Богу, Царю и отечеству. Приблизившись затѣмъ къ кадетамъ, Владыка подѣлился съ ними воспоминаніями изъ своей службы въ Кіево-Владимірскомъ корпусѣ въ должности законоучителя и о тѣхъ пріятныхъ и сердечныхъ отношеніяхъ, которыя установились у него съ воспитанниками. Изъ церкви Владыка заходилъ въ квартиры Начальника Корпуса и Священника, посѣтилъ и лазаретъ, гдѣ было 4 больныхъ.

Изъ корпуса Владыка прослѣдовалъ въ кладбищенскую Покровскую церковь. Къ пріѣзду Владыки храмъ былъ переполненъ народомъ. Вступивъ въ церковь, Высокопреосвященный Архипастырь вмѣсто архіерейской встрѣчи велѣлъ причту совершить литію по усопшимъ. Настало время пѣнія „со святыми упокой... Вдругъ Архипастырь сказалъ: „Пойте всѣ“, и молящіеся вмѣстѣ съ хоромъ стали пѣть эту трогательную священную пѣснь. Это общее пѣніе, эта общая молитва производили глубокое впечатлѣніе. Послѣ совершенія литіи, Владыка обратился къ народу съ словомъ, въ которомъ выяснилъ великое значеніе для усопшихъ и вообще для всѣхъ людей Воскресенія Господа

Иисуса Христа. Сопровождаемый городскимъ головою и церковнымъ старостою Н. И. Скубенко, Владыка осмотрѣлъ кладбище и выдающіеся по своему художественному исполненію памятники.

Отсюда Владыка поѣхалъ въ Богородице-Рождественскую церковь. Здѣсь встрѣченъ былъ множествомъ народа, котораго церковь по тѣснотѣ не могла вмѣстить. Замѣтивъ это Владыка предлагалъ прихожанамъ позаботиться о расширеніи храма. Прихожане отвѣтили готовностію на сіе доброе дѣло.

Затѣмъ Владыка посѣтилъ два пріюта для дѣвочекъ—г. Н. М. Харитоненко, гдѣ дѣти встрѣтили Его прекраснымъ пѣніемъ,—и—г. Сухановой, гдѣ есть молеальная домовая церковь, въ которой дѣти пѣли тоже довольно стройно.

Возвратился Владыко довольно утомленный въ квартиру о. протоіерея Никольскаго въ 5 часовъ дня.

Посѣщеніе г. Лебедина.

Въ 6 час. утра Высокопреосвященный Владыка выѣхалъ изъ гор. Сумъ и по дорогѣ къ вокзалу заѣхалъ въ Троицкую церковь. Побывавъ въ церкви и осмотрѣвъ ее, Владыка пожелалъ взглянуть на строющуюся рядомъ новую церковь. Церковь и колокольня доведены до крыши, но снаружи и внутри загромождены лѣсами. По размѣрамъ церковь очень велика. Строится на средства Н. М. Харитоненко. Въ 7 час. съ поѣздомъ ж. д. Владыка отбылъ со ст. Сумъ. На станцію собралось проводить Его все Сумское духовенство. Въ 10 час. съ $\frac{1}{2}$ утра поѣздъ съ Его Высокопреосвященствомъ прибылъ въ г. Лебединъ. На вокзальной платформѣ Владыку встрѣтили: предводитель дворянства А. Л. Величко, председатель земской управы г. Кучеровъ, городской голова, представитель земства и земскій начальникъ 5 участка съ депутаціей волостныхъ старшинъ всѣхъ 5 волостей. Городской голова и волостные старшины поднесли Владыкѣ хлѣбъ-соль. Принявъ хлѣбъ-соль и поблагодаривъ встрѣчавшихъ, Владыка призвалъ на всѣхъ благословеніе Божіе и направился къ ожидавшей его каретѣ. Тысячная толпа народа ожидала Владыку на площади передъ вокзаломъ. Благословивъ народъ, Владыка направился къ городскому собору при торжественномъ звонѣ во всѣхъ городскихъ церквахъ.

У собора Владыку ожидала еще большая толпа народа и духовенство всѣхъ городскихъ цервей въ золотыхъ облаченіяхъ. Выйдя изъ кареты, приложившись ко кресту и окропивъ себя святой водой, Владыка благословилъ народъ. При входѣ Владыки въ со-

боръ, выстроенные въ два ряда учащіея всѣхъ семи лебединскихъ городскихъ приходскихъ школъ, встрѣтили его пѣніемъ пасхальнаго тропаря. Послѣ обычнаго моленія и установленнаго многолѣтія Владыка со св. крестомъ въ рукахъ, обратившись къ народу, произнесъ многолѣтіе православнымъ жителямъ богоспа­саемаго города Лебедина. Настоятель собора протоіерей Стефанъ Прокоповичъ сказалъ привѣтственную рѣчь, въ которой благодарилъ архипастыря за посѣщеніе Лебедина и выразилъ чувство радости населенія. Обратившись затѣмъ къ народу, Владыка указалъ на бѣдность соборнаго храма и на необходимость привести его въ достойный видъ, что составляетъ обязанность не однихъ только прихожанъ, но и жителей всѣхъ другихъ городскихъ приходо­въ, для которыхъ соборъ долженъ быть главной святыней.

Тѣмъ временемъ учащіеся городского 4-хъ класснаго училища и всѣхъ начальныхъ и церковно-приходскихъ школъ, въ числѣ до 1000 мальчиковъ и дѣвочекъ, были собраны въ залѣ Народнаго Дома, куда изъ собора и прибылъ Владыка, въ сопровожденіи предводителя дворянства, предсѣдателя земской управы, инспектора народныхъ училищъ, представителей администраціи, законоучителей и учителей и учительницъ всѣхъ школъ. По желанію владыки, дѣти пропѣли „Христосъ Воскресе“, послѣ чего Владыка провѣрялъ знанія дѣтей по Закону Божію.

Около двухъ часовъ архипастырь провелъ съ дѣтьми въ оживленной бесѣдѣ, которая раза два—три смѣнялась общимъ пѣніемъ церковныхъ пѣсноушій. Въ заключеніе Владыка предложилъ всѣмъ пропѣть гимнъ „Боже, Царя храни“. Владыка обратился затѣмъ съ краткою рѣчью къ учащимъ.

„Вы слышите эту мощь, говорилъ онъ, вы видите, какая сила въ вашихъ рукахъ. Не дай же Богъ кому-либо изъ васъ вести эту силу не по надлежащему пути, вѣдѣнія съ св. Церковью и ея ученіемъ, а особенно храни васъ Богъ даже отъ мысли сѣять на этой нивѣ дурныя сѣмена. Ваша дѣятельность, говорилъ далѣе Владыка, есть по истинѣ высокій подвигъ, это вашъ жизненный крестъ, поэтому я и благослаблю васъ знаменіемъ креста“.

При этихъ словахъ Владыка роздалъ учащимъ крестики. Крестики же для раздачи учащимся передалъ отцу наблюдателю и учителю инспектору 4-хъ класснаго городского училища.

При пѣніи „исъ полна эти, деспота“ Владыка оставилъ Народный Домъ и отиравился въ квартиру отца благочиннаго.

Кромѣ церковей, Владыка посѣтилъ также и женскую прогим-

назію, гдѣ провѣрилъ знанія воспитанницъ по Закону Божію и, прослушавъ рѣшіе, роздалъ имъ въ благословеніе крестики. Къ четыремъ часамъ по полудни осмотръ церквей былъ законченъ, послѣ чего архипастырь принялъ обѣдъ, предложенный ему уѣзднымъ предводителемъ дворянства А. Л. Веллчко. За обѣдомъ присутствовали представители дворянства, духовенства, города и земства, земскіе начальники, уѣздный членъ суда, инспекторъ народныхъ училищъ и др.

Въ застольныхъ рѣчахъ предводитель дворянства и В. В. Даниловъ въ сердечныхъ выраженіяхъ благодарили Архипастыря за скорое, по вступленіи на кафедру, посѣщеніе города Лебедина и за участливое отношеніе къ дѣлу народнаго образованія и желали ему много лѣтъ управлять епархіей.

Предсѣдатель земской управы Я. В. Кучеровъ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на одинаково благожелательное отношеніе Владыки какъ къ церковно-приходскимъ, такъ и земскимъ школамъ.

15-го апрѣля въ Соборѣ его Высокопреосвященство служилъ литургію, въ сослуженіи всего лебединскаго духовенства, и въ концѣ литургіи обратился къ наполнявшему церковь народу съ простымъ по вложенію глубокаго-назидательнымъ словомъ о номиненіи усопшихъ.

Послѣ кратковременнаго отдыха въ квартирѣ отца благочиннаго, Владыка, сопровождаемый на вокзалъ представителями всѣхъ вѣдомствъ и множествомъ народа, съ ближайшимъ поѣздомъ выѣхалъ изъ г. Лебедина.

Посѣщеніе г. Богодухова.

15-го апрѣля, въ 4 часа пополудни, въ городъ Богодуховъ прибылъ Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, встрѣченный на станціи мѣстнымъ о. благочиннымъ, свящ. Ал. Станиславскимъ, исправникомъ Е. А. Дистерло и депутаціей отъ города съ городскимъ головой. На станціи собралась масса народа. Въ сопровожденіи означенныхъ лицъ Владыка прежде всего посѣтилъ соборъ, гдѣ находился въ числѣ другихъ лицъ предводитель дворянства А. М. Селастенниковъ. У воротъ ограды церковный староста генераль-маіоръ М. Д. Воейковъ привѣтствовалъ Владыку хлѣбомъ-солью. При входѣ въ Соборъ Владыки о. благочинный, настоятель собора свящ. Станиславскій, привѣтствовалъ его слѣдующею рѣчью.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Нашъ Архипастырь и Отецъ!

Духовенство 1-го Богодуховскаго округа и населеніе града сего,

превсполненное радостныхъ чувствъ, въ лицѣ моемъ привѣтствуетъ Тебя какъ высокаго гостя, горячо желаннаго нашего Архипастыря съ Твоимъ благополучнымъ пути бытіемъ.— Не правила этикета и официального приличія къ Твоему высокому сану заставили насъ собраться къ встрѣчѣ Тебя при такомъ совмѣ священнослужителей и многочисленномъ стеченіи населенія, а болѣе сыновняя любовь къ Тебѣ, желаніе лицезрѣть Тебя, услышать Твое любвеобильное, отеческое всегда полное убѣжденности и искренней задушевности наставленіе и вразумленіе, получить отъ Тебя Святительское благословеніе и испросить Твоихъ Архипастырскихъ молитвъ.

Не спрашивай насъ, Владыко Святый, откуда мы знаемъ о Тебѣ, что уже и любимъ Тебя? Тридцать пять лѣтъ Твоей служебной и общественной жизни есть такая многоназидательная книга, золотыя страницы которой краснорѣчиво всѣмъ говорить о неусыпной Твоей Апостольской дѣятельности и о неопѣнимыхъ качествахъ и совершенствахъ Твоего Святительскаго духа. Эта книга Твоей жизни говорить, что мы въ лицѣ Тебя встрѣчаемъ Архипастыря, извѣстнаго своею мудростію въ дѣлахъ управленія обширными паствами,—многопопечительнаго Святителя и любвеобильнаго отца, отершаго слезы десяткамъ тысячъ бѣднжковъ въ годину голода,—эта книга говорить, что мы въ лицѣ Тебя встрѣчаемъ Святителя, питающаго всегда свою паству живымъ Святительскимъ словомъ и усерднѣйшаго и неутомимѣйшаго Миссіонера, стремящагося къ просвѣщенію свѣтомъ Христова ученія не познавшихъ Христа и заблудшихъ овецъ стада Его.

Встрѣчая Тебя таковымъ, мы не сумняся вѣримъ и надѣмся, что тѣ же блага Ты сдѣлаешь и въ новой Твоей паствѣ Харьковской. Желаніе постоянной дѣятельности у Тебя, Владыко Святый, такъ велико, что Ты, не окрѣпши послѣ недуга своего, вопреки даже совѣта врачей, не желая терять дорогого времени послѣшилъ къ намъ обозрѣть часть своей паствы, ознакомиться съ ней на мѣстѣ, чтобы право ею править. Есть еще, Милостивѣйшій Архипастырь, побужденіе встрѣчать Тебя съ искреннею любовію. Блаженной памяти Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, мужъ великаго разума и дѣла, при мысли о своей кончинѣ гадалъ и о своемъ преемникѣ, при чемъ остановился онъ на Тебѣ. Паства Харьковская, слѣдя за твоею плодотворнѣйшею дѣятельностію мечтала имѣть Тебя своимъ Архипастыремъ и вотъ Господь внялъ

голосу нашему и далъ Тебя намъ какъ Архипастыря по сердцу нашему.

Гряди же, благодѣйшій Владыко, съ миромъ въ нашъ Святыи храмъ, благослови пастырей и насомыхъ, да и мы купно съ Тобою помолимся, чтобы Господь далъ крѣпость Твоимъ душевнымъ и тѣлеснымъ силамъ на многіе годы святительствовать на пользу Св. Церкви и Твоей новой Богодарованной паствы.

Поблагодаривъ за привѣтствіе и осмотрѣвъ соборъ, Владыка обратился въ народу со словами: „Христосъ Воскресе!“... послѣ чего сказалъ, что ему въ высшей степени пріятно видѣть такое множество народа въ храмѣ, что свидѣтельствуешь о религіозности населенія. Затѣмъ Владыка совершилъ при участіи всего соборнаго духовенства молебствіе. По окончаніи молебна, благословивъ народъ, Владыка отправился осматривать церкви Покровскую и Троицкую; въ послѣдней были собраны ученики всѣхъ богодуховскихъ церковныхъ школъ съ учителями. Владыка спрашивалъ учениковъ по предметамъ Закона Божія и церковнаго пѣнія, толковыми и бойкими отвѣтами учениковъ остался доволенъ, всѣмъ учащимъ и учащимся раздалъ по крестикъ и книжкѣ. Отсюда Владыка отправился въ городское училище и женскую прогимназію, гдѣ также довольно долго спрашивалъ учащихся и раздавалъ крестики и книжки. Владыка послѣ этого посѣтилъ домъ о. благочиннаго, гдѣ была ему предложена вечерняя трапеза, за которой присутствовали духовенство и мѣстныя власти. Владыка посѣтилъ и церковнаго старосту, генераль-маіора М. Д. Воейкова.

Изъ Богодухова Высокопреосвященный отправился въ Богодуховскій женскій Свято-Троицкій монастырь.

16-го апрѣля была совершена торжественная литургія въ Богодуховскомъ женскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, въ сослуженіи о. ключаря, свящ. Г. Виноградова, благочиннаго монастырей Харьковской епархіи, архимандрита Вассіана, мѣстнаго благочиннаго, свящ. А. Станиславскаго, тринадцати священниковъ округа и восьми діаконовъ; всѣ служащіе были въ бѣлыхъ облаченіяхъ; пѣли два хора: соборный и монастырскій. Въ концѣ литургіи, въ положенное время Владыка сказалъ назидательное слово о значеніи въ исторіи и въ настоящее время иночества и монастырей. По окончаніи литургіи Его Высокопреосвященство благословилъ тысячную массу присутствовавшихъ въ храмѣ; пройдя въ покой игуменни, гдѣ былъ поданъ чай, Владыка принималъ представлявшихся ему. Затѣмъ Владыка

осматривалъ монастырскія аданія и нестроющуюся громаднхъ размѣровъ монастырскую церковь, посѣтилъ келіи старшихъ монаховъ и О. И. Бомрской, живущей въ монастырѣ вѣ пожертвованной на новый храмъ до 100 тысячъ рублей. Послѣ обѣда Владыка при воевокольномъ званіи всѣхъ церквей проѣхалъ на станцію желѣзной дороги. Духовенство, когда тронулся поѣздъ, проѣло „Исхъ полла эти, десцота“, а Высокопреосвященный Владыка изъ окна вагона благословлялъ всѣхъ, собравшихся проводить архиастыря.

Посѣщеніе храма Христа Спасителя и Спасова Скита Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, архіепископомъ Харьковскимъ.

28 апрѣля съ специальнымъ поѣздомъ, въ 8 час. 44 мин. утра, выѣхалъ на мѣсто событія 17 октября 1888 г. Высокопреосвященный Арсеній, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій.

Во времени прибытія поѣзда, на такъ называемой Царской платформѣ храма Христа Спасителя Высокопреосвященнаго Владыку встрѣтили архимандритъ святогорскаго монастыря Вассіанъ, настоятель храма священникъ Іоаннъ Филипповичъ, завѣдывающій Скитомъ іеромонахъ и мѣстное начальство. Здѣсь же были прибывшій изъ С.-Петербурга управляющій дѣлами инвалиднаго дома Императора Александра II, камергеръ І. П. Скаржинскій, непремѣнные члены Харьковскаго губернскаго, присутствія Д. В. Деконноръ и Н. П. Савицкій (членъ завѣдующій дѣлами попечительства о молитвенныхъ памятникахъ въ „Боркахъ“), начальниекъ движенія К.-Х.-С. жел. дороги Н. Ф. Королевъ, епархіальный наблюдатель церковныхъ школъ В. Ф. Давыденко, Харьковскій, купеческій староста И. К. Велигченко, и другія лица, а также благочинный Харьковскихъ церквей протоіерей П. Т. Полтавцевъ и ключарь собора, священникъ Г. Виноградовъ. Владыка архіепископъ, спустившись съ гѣстиницы, вошелъ прежде всего въ часовню, а затѣмъ, благословляя по пути собравшійся народъ, вступилъ въ предѣлы храма, гдѣ принялъ окропленіе св. водою. Облачившись въ алтарь, высокопреосвященный Арсеній вышелъ на солею и пронанесъ приблизительно слѣдующее слово:

Съ тѣхъ поръ, когда вся русская земля была потрясена страшнымъ событіемъ 17 октября, я не переставалъ лелѣять мысль побывать на семъ святомъ мѣстѣ, чтобы вознести Господу Богу и свои горячія молитвы за живыхъ и мертвыхъ членовъ Августѣйшей семьи. Исполненный глубокимъ чувствомъ религіознаго умиленія и великой духовной радости, дважды проѣзжалъ я черезъ сіе страшное мѣсто и дважды издали любовался всѣмъ, что воздвигнуто здѣсь любовію русскаго на-

рода. Въ настоящій день, благодареніе Богу, мое давнее сердечное желаніе исполнилось.

Вступая въ сей святой и величественный храмъ Божій, я снова испытываю глубокое волненіе религиозныхъ и патриотическихъ чувствъ, объемлющихъ меня при воспоминавіи о томъ величайшемъ чудѣ милости Божіей, какое сотворилъ Господь на этомъ мѣстѣ, даровавъ жизнь всей Царской семьѣ во время страшнаго крушенія желѣзнодорожнаго поѣзда. Я сознаю, что не всегда бываетъ удобно дѣлиться съ церковной каедрой своими личными впечатлѣніями и чувствами; но не могу въ настоящій разъ, ради назиданія, не повѣдать вамъ тѣхъ святыхъ чувствъ и высокихъ воспоминаній, какія связаны во мнѣ съ величайшею личностью въ Бозѣ почитающаго Государи Императора Александра III и его Августѣйшей семьѣ.

Образъ великаго Царя Миротворца глубоко запечатѣлся во мнѣ на всю жизнь. Удостоенный неоднократно величайшей чести и невыразимаго счастья быть представленнымъ великому Государю, я имѣлъ случай вести съ нимъ продолжительныя бесѣды. И какъ драгоценны, какъ поучительны и назидательны сіи бесѣды! Дороги были сердцу Августѣйшаго Монарха Церковь и религія. Крѣпко вѣрилъ онъ въ ихъ нерушимость и тверды были его упованія на милость Божію. Всѣ заботы его направлялись къ тому, чтобы русская земля украшалась храмами Божіими, чтобы болѣе и болѣе утверждалась въ ней вѣра православная, чтобы повсюду распространялось въ народѣ истинное образованіе въ духѣ вѣры и Церкви православной со всѣми благами христіанскаго просвѣщенія.

Рядомъ со въ Бозѣ почитающимъ Царемъ-Миротворцемъ воззаетъ предъ нами обаятельный образъ благоденствующей нынѣ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны. Состоя въ должности наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства Императрицы Маріи, я также часто имѣлъ случай бесѣдовать съ Великой Государыней и восхищаться высокими добродѣтелями сей царственной личности. Любовь, попечительность, милосердіе и щедродательность—вотъ христіанскія добродѣтели, коими украшена она. А сынъ ея, тогда еще наслѣдникъ Престола всероссійскаго, благополучно нынѣ шествующій по стопамъ Родителя своего, Государи Императоръ Николай Александровичъ, а съ нимъ и всѣ остальные члены семьѣ, не составляютъ ли они счастья и благоденствія Россіи, не въ нихъ ли заключается главная сила и опора могущества державы Россійской.

Отъ этихъ великихъ Августѣйшихъ лицъ мысль наша переносится къ шѣсту сему.

Не на семъ ли мѣстѣ была вся эта царская семья, не по нимъ ли высокимъ холмамъ неся съ ужасающей быстротой въ роковой день 17 октября Императорскій железнодорожный поѣздъ, не ей ли угрожало неминуемой смертью ужасное крушеніе. Сердце содрогается при одной мысли, что вся Августѣйшая семья была именно на семъ страшномъ мѣстѣ, что всѣ они одинаково подвергались смертной опасности, всѣ по разуму человеческому должны были погибнуть.

Но вотъ совершилось величайшее чудо милости Божіей, исторгшей всю царскую семью изъ рукъ смерти. Спасаящая десница Божія вывела всѣхъ изъ обломковъ разрушенныхъ колесницъ здоровыми и невредимыми. Тамъ, гдѣ не оставалось никакой надежды на спасеніе, Царь съ Царицей и дѣтьми, по милости Божіей, остались неприкосновенными. Какъ велико чудо сіе! Слушая рассказы очевидцевъ о семъ ужасномъ событіи и припоминая всѣ подробности страшнаго крушенія, мы невольно проникаемся глубокимъ чувствомъ благоговѣнія предъ Всемогущимъ Богомъ и не знаемъ, что дѣлать, двинуться ли могуществомъ Его, или же радоваться спасенію царской семьи отъ грозившей опасности.

А какова радость народа нашего о Царѣ? Мы видимъ здѣсь очевидныя тому доказательства. Его любовью воздвигнуть сей благодарственный храмъ, въ немъ же онъ постоянно возноситъ свою благодарственную молитву за Цари и его семью. И радость сія понятна. Что было бы съ дорогимъ нашимъ отечествомъ, если бы произошло противное и если бы оно лишилось возлюбленнаго своего монарха со всей августѣйшей семьей? Одна мысль о семъ, ужасная и страшная, отнимаетъ у насъ силы и приводитъ въ содроганіе. Гибелью и разрушеніемъ отечеству нашему угрожало это событіе.

Но Господь пощадилъ народъ русскій, Господь оказалъ великую и безмѣрную милость ему. Овъ спасъ царя, царицу и дѣтей ихъ за ихъ по истинѣ высокія добродѣтели и снова даровалъ ихъ народу своему за его непрестанныя молитвы о царѣ.

Что же намъ, братіе, остается въ настоящемъ случаѣ дѣлать, какъ не благодарить Господа за Его великія благодѣянія, не прославлять Его за величайшее чудо спасенія семьи царской, не просить Его о продленіи милостей Его къ народу русскому и не молиться объ убиенныхъ здѣсь вѣрныхъ слугахъ царя нашего

Помолимся же Господу Богу и Спасителю благодарившему намъ!

Затѣмъ Владика прошель на средану храма и адѣсь быль отслуженъ-благодарственный молебенъ, въ которомъ принимало участіе, какъ мѣстное, такъ и прибывшее изъ Харькова духовенство. Молебство окончилось провозглашеніемъ Царскаго многолѣтія и вѣтвой памяти въ Божѣ почивающему Императору Александру III. Затѣмъ Архіепископъ Арсевій съ крестнымъ ходомъ направился въ часовню, гдѣ тамше соборѣ была отслушена лѣтія по Императорѣ Александрѣ Александровичѣ; при возгласеніи вѣтвой памяти почившему Государю всѣ преклонили колѣни. Изъ часовни тѣмъ же порядкомъ крестный ходъ возвратился обратно въ храмъ, въ которомъ Высокопреосвященный Арсевій разсмѣялся въ книгѣ почетныхъ постигателей, умоляя о томъ отрадномъ чувствѣ, которое онъ испыталъ при посещеніи мѣста основанія жизни всей Царственной Семли и воздвигнутыхъ здѣсь величественныхъ молитвенныхъ памятниковъ.

Непосредственно послѣ Богослуженія начался осмотръ инвалиднаго дома, со всѣми его отдѣленіями, хозяйственныхъ сооруженій и устроеной при храмѣ церковно-приходской школы. Большую часть объясненій давалъ камергеръ Скаржинскій. Вездѣ Высокопреосвященный Владика, внимавалъ большое вниманіе къ объясненіямъ и вступалъ въ бесѣду какъ съ прерываемыми, такъ и различными служащими, а въ школѣ, гдѣ, по случаю канникулярнаго времени, осталось сравнительно небольшое число учениковъ, Владика подробно провѣрилъ знанія учащихися Закона Божія и пониманіе ими правилъ вѣры. Похваливъ достигнутые успѣхи и одѣливъ всѣхъ крестиками, Высокопреосвященный Владика, при пѣніи „псалъ полла эти, деснота“, прошель въ храмъ Спасова Скита, гдѣ, по совершеніи вратваго молебнаго пѣнія, Владика обратился къ братіи Омита приблизительно со слѣдующимъ словомъ.

Къ вамъ обращаю слово мое, всечестные иноки обители сей, васъ призываю ко взаимной бесѣдѣ и духовному наведенію.

Размышляли ли вы, братіе, трудясь и молясь въ сей обители святой, о томъ, какой духовный смыслъ и какое христіанское значеніе имѣеть сіе мѣсто вашихъ духовныхъ подвиговъ и вашего спасенія. Вдумайтесь нынѣ въ сіе и поразмыслите вмѣстѣ со мною.

Съ первыхъ дней существованія христіанства и во всѣ дни его исторической жизни истинные христіане старались запечатлѣвать мѣсто особаго присутствія Божія и явленія особенной милости Божіей мѣстомъ богослуженія и мѣстомъ молитвы. На сихъ мѣстахъ они создавали храмы Божіи и въ нихъ возносили свои усердныя молитвы. Повсюду, во мѣрѣ оредствъ своихъ, они старались воздвигнуть храмы сіи

величественными, вездѣ благоукрашали ихъ, со всѣмъ усердіемъ добровольно принося въ жертву имъ свои послѣдныя лепты. Благодаря этому всѣ христіанскіе страны украсились храмами Божиими, которые служатъ нагляднымъ выраженіемъ религіознаго чувства христіанскихъ народовъ. И въ нашемъ православномъ отечествѣ, подобно звѣздамъ, отовсюду сіяютъ храмы Божіи своими златоглавыми вершинами.

Въ чемъ же нужно искать объясненія такой повсюдной любви народовъ къ Господу и Богу, въ чемъ заключается причина ихъ религіознаго усердія?

Въ самомъ человѣкѣ, братіе. Такова потребность души человеческой, такова его духовная природа, повсюду онъ ищетъ Бога, вездѣ хочетъ молиться Ему, любить и прославлять Его, вездѣ хочетъ своими религіозными чувствами дать достойное внѣшнее выраженіе. Великій человѣкъ по природѣ своей рождается набожнымъ, религіознымъ, а по свидѣтельству одного великаго христіанскаго учителя даже христіанскомъ. Душа по природѣ своей христіанка, сказалъ онъ.

И примѣчательно особенно то, что чѣмъ важнѣе то или другое событіе, въ комъ явно сказывается дѣйствіе Премисла Божія, тѣмъ поразительнѣе оно и чѣмъ большее значеніе имѣетъ оно въ жизни народовъ, тѣмъ величественнѣе на мѣстахъ сихъ воздвигаются храмы Всемогущему Богу, тѣмъ больше благоукрашаются они и тѣмъ большее число вѣрующихъ притекаетъ къ нимъ, выражая свое религіозное усердіе молитвою и матеріальными пожертвованіями.

Устремите взоры ваши на берегъ Екатерининскаго канала въ царствующій градъ. Какой величественный храмъ Господу Богу воздвигла православная Россія на мѣстѣ убіенія своего возлюбленнаго Царя—Освободителя, дабы здѣсь непрестанно возносить свои молитвы объ упокоеніи Царя—Мученика. Не то же ли самое видимъ и здѣсь, на мѣстѣ чудеснаго спасенія Царя—Миротворца со всей его царствующей семьей? Всѣ сословія, сотни городовъ, обществъ, учреждений и тысячи православнаго народа возложили на алтарь свои носальныя жертвы для сооруженія здѣсь величественнаго храма въ честь Господа Спасителя царствующей семьи.

Но что же означаетъ, что рядомъ съ этимъ столь величественнымъ храмомъ создана еще сія скромная святая обитель? Неужели недостаточно одного этого величественнаго памятника для выраженія религіозныхъ и патріотическихъ чувствъ народа русскаго?

Событіе, происшедшее на мѣстѣ семъ, столь знаменательно, чудо-спасенія царской семьи столь поразительно, значеніе его для нашего

отечества и всего міра столь велико, что для полноты выраженія глубокихъ религіозныхъ чувствъ оказалось недостаточно сооруженія одного храма Божія. Надлежало основать еще здѣсь Св. обитель, гдѣ бы честныя иноки, давшіе обѣтъ воздержанія, послушанія и молитвы, непрестанно возносили свои моленія на мѣстѣ семъ, прославляя Господа своего за спасеніе царской семьи отъ лица всего русскаго народа. Если въ приходскомъ храмѣ миряне молятся только въ установленныя дни то въ обители сей будетъ совершаться и всегда совершается молитва ежедневная. Въ приходскихъ храмахъ по немощамъ человѣческимъ служба Божія бываетъ кратковременна, въ обители она бываетъ продолжительна. Св. обитель открыта для всѣхъ вѣрующихъ; здѣсь каждый христіанинъ можетъ найти истинное религіозное утѣшеніе. Это храмъ молитвы для всего народа, поставленный вверху горы, чтобы для всѣхъ видимо было сіе мѣсто духовныхъ подвиговъ и непрестанной молитвы.

Таково истинное назначеніе и всѣхъ другихъ обителей христіанскихъ.

Но если таково духовный смыслъ всѣхъ православно-христіанскихъ монастырей и если таково назначеніе и Спасова Скита, то знайте, братіе, что отъ васъ самихъ, отъ вашей богоугодной жизни и вашихъ духовныхъ подвиговъ будетъ зависѣть вся ея будущая слава и ея дальнѣйшее процвѣтаніе. Когда народъ, ищущій духовнаго утѣшенія, будетъ обрѣтать его здѣсь, когда онъ увидитъ ваши добрыя дѣла, когда онъ въ совмѣстныхъ молитвахъ съ вами, при благолѣпномъ пѣвнѣ и чтеніи, найдетъ здѣсь полное удовлетвореніе своей жаждущей религіозно-настроенной душѣ, тогда и обитель ваша угодна Богу и любезна народу православному.

Вспомните исторію Троице-Сергіевой Лавры. Вначалѣ она была скудна и бѣдна. Не было свѣчей—жгли лучину; не было парчевыхъ ризъ—облачались въ поютянныя одежды; не было хлѣба—ѣли макину. А что видимъ нынѣ? Мы видимъ ее богатою, славною и знаменитою. Не то же ли самое находимъ мы и въ Кіево-Печерской Лаврѣ, сіюющей добродѣтелями своихъ подвижниковъ.

Но съ другой стороны нельзя не вспомнить съ грустью и тѣхъ многочисленныхъ обителей, которыя прекратили свое существованіе по винѣ самихъ иноковъ. Великій грѣхъ, братіе, принимаютъ на себя тѣ, которые живутъ не достойно званія своего. Помните, что ваше призваніе высоко предъ Богомъ. Стойте же на высотѣ призванія своего. Молитесь усердно. Подавайте примѣръ въ молитвѣ и всѣмъ мирянамъ, видающимъ въ лицѣ вашемъ лицѣ, посвященныхъ Богу. Подвигомъ доб-

рымъ подвизайтесь въ трудахъ вашихъ. Помните, что труды ваши не должны составлять препятствія къ молитвѣ. Іосифъ Просфорякъ, мирно нынѣ почивающій въ Кіево-Печерской Лаврѣ, несмотря на свое скромное занятіе, удостоился отъ Господа за свои молитвы нетлѣнія. Пойте Богу и молитесь ему, работая въ полѣ, и въ пекарнѣ, и въ келіи своей удивленной, и въ храмѣ Божиємъ. Воздержаніе есть важнѣйшая иноческая добродѣтель. Будьте воздержны въ словѣ, въ пищѣ, въ питіи.

Тогда и обитель ваша святая процвѣтетъ. Повсюду въ народѣ пройдетъ о ней добрая слава. Станутъ стекаться къ вамъ народъ православный, ищущій духовнаго утѣшенія въ своей суетной жизни. Сей скромный и деревянный храмъ Божій преобразится въ величественный и благоукрашенный. Будетъ сіять обитель сіа на всѣ четыре стороны, подобно солнцу, согрѣвающему и освѣщающему грѣшный человѣческій міръ.

Закончилъ свое слово Владыка приглашеніемъ братіи возгласить хоромъ различныя церковныя иѣсноуѣнія, что и было исполнено.

Провожаемый всею братією и народомъ Владыка посѣтилъ архіерейскіе покои Свита, а оттуда отправился въ ожидавшій поѣздъ, гдѣ І. П. Сваржинскимъ была предложена трапеза. На пути отъ Спасова Свита до платформы были разставлены призрѣваемые инвалиды, которые получили изъ рукъ Высокопреосвященнаго брошюры духовно-нравственнаго содержанія. Въ 4³/₄ часа всѣ, посѣтившіе Свиту, возвратились въ Харьковъ.

Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ харьковской Александро-Невской мужской церковно-приходской школы. 1-го мая, въ 9 часовъ утра, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, въ сопровожденіи о. благочиннаго градскихъ церквей протоіерея П. Полтавцева, прибылъ въ Александро-Невскую церковно-приходскую мужскую школу, гдѣ встрѣченъ былъ учителями школы. Владыка, сопровождаемый благочиннымъ Полтавцевымъ, завѣдывающимъ школою священникомъ Согольскимъ, законоучителемъ священникомъ Шаповаловымъ и десятью учителями, посѣтилъ всѣ 5 отдѣленій школы и въ каждомъ отдѣленіи нодолгу спрашивалъ учениковъ въ видѣ бесѣды по предмету Закона Божія; обратилъ особенное вниманіе на должное правильное употребленіе учениками крестнаго знаменія, благоговѣнное отношеніе къ святымъ иконамъ, на знаніе и пониманіе учениками Символа Вѣры, утреннихъ и вечернихъ молитвъ и заповѣдей Господнихъ. Необыкновенная простота, наглядность и живость рѣчи дѣлали наставленія Владыки чрезвычайно интересными для учащихъ и

учащихся. Простое, ласковое, радушевное обращеніе Владыки съ дѣтymi ободрало ихъ и они отвѣчали бойко и съ большимъ желаніемъ выразить свои знанія; удачные отвѣты учениковъ Владыка ободрялъ отеческою похвалою. Высокопреосвященнѣйшій пробылъ въ школѣ до начала перваго часа и при прощаніи благословилъ учениковъ крестиками и книжками, а также благословилъ и преподавателей крестиками и кромѣ того пожертвовалъ значительное количество привезенныхъ книгъ для школьной библіотеки. Владыка оставилъ школу, сопровождаемый радостными, восторженными, громкими и вѣдомъ однихъ учениковъ „многая лѣта“ и криками другихъ, бывавшихъ отъ сильнаго восторга за каретой Владыки дѣтей „ура, ура“. Владыка утѣшилъ дѣтей обѣщаніемъ посѣтить школу еще разъ въ скоромъ времени и дѣти въ особо радостномъ настроеніи разошлись по домамъ; всѣхъ учащихся въ мужской школѣ свыше 600.

— *Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній* Высокопреосвященнѣйшій Владыка Арсеній продолжаетъ попрежнему относиться съ полнымъ вниманіемъ къ мѣстнымъ духовно-учебнымъ заведеніямъ. Начавшіеся со 2-го мая экзамены въ Епархіальномъ Женскомъ училищѣ, а съ 10-го въ Духовной Семинаріи Владыка не разъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ. Съ особеннымъ вниманіемъ Архипастырь относится къ экзаменамъ оканчивающихъ курсъ воспитанниковъ и воспитанницъ по предметамъ богослуженія и вѣроученія христіанскаго. Такъ, 8-го и 5-го мая Высокопреосвященный Арсеній, присутствовалъ на экзаменѣ по Закону Божію въ 6 нормальномъ и 6 параллельномъ классахъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища. Прибывъ въ Училище ровно въ 9 час. утра, Высокопреосвященный на парадномъ входѣ былъ встрѣченъ о. предсѣдателемъ совѣта Т. И. Бутковичемъ, начальницей училища Е. Н. Гейдигъ, о. инспекторомъ и законоучителемъ, священникомъ І. Котовымъ, членомъ совѣта священникомъ П. Тимофеевымъ, преподавателемъ священникомъ В. Яновскимъ и отсюда прослѣдовалъ прямо въ классъ на экзаменъ.

Владыка самъ проводилъ экзаменъ ученицамъ, предлагалъ вопросы изъ Церковной Исторіи, Катихизаса, спрашивалъ молитвы, причѣмъ въ связи съ тѣми или другими церковно-историческими событіями предлагалъ ученицамъ разъяснить православно-христіанское вѣроученіе или догматъ нашей вѣры.

Спрашивая у ученицъ тѣ или другія молитвы, Владыка преподавалъ наставленіе о важности и необходимости молитвы—утренней и вечер-

лей для всякаго православнаго христіанина вообще и для воспитанника училища въ особенности. Пробывъ на экзаменѣ около 8-хъ часовъ, Высокопреосвященный оттуда посѣтилъ квартиру начальника училища, гдѣ отечески бесѣдовалъ съ сопровождавшими его лицами и въ первомъ часу дни отбылъ изъ училища.

— *Совершение Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеіемъ Литургіи въ церкви Духовнаго мужскаго училища.* 4-го мая, въ Воскресенье, Высокопреосвященный Арсеій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, совершалъ Божественную Литургію въ доковой церкви Духовнаго училища въ сослуженіи о. ректора Духовнаго семинаріи, протоіерея Знаменскаго, и помощника смотрителя училища е. Н. Зефирова Пѣлъ Божественную Литургію, по желанію Владыки, всѣ ученики училища. Въ концѣ богослуженія Архипастырь обратился къ нимъ приблизительно со слѣдующими словами:

Давно, возлюбленные дѣти, я желаю и общаюсь служить у васъ литургію, но болѣе мѣшала мнѣ исполнить это и ны казались обремененными мною. Теперь я исполняю общаваемое и, кажется, еще въ лучшее и болѣе важное для васъ время. Вѣдь теперь настаетъ для васъ, какъ и для всѣхъ учащихся, время экзаменовъ, время не только трудовъ, но и волнений, когда каждый изъ васъ думаетъ: какъ то окончится учебный годъ? перейду ли я въ слѣдующій классъ, или Духовную семинарію, какъ навѣрное думаютъ ученики 4 класса? Мнѣ неоднократно во дни экзаменовъ приходилось видѣть слезы на глазахъ учениковъ, когда желанія ихъ не сбывались. И это вполнѣ естественно, потому что дѣтскій возрастъ—возрастъ не зрѣлый, весьма впечатлительный. Вотъ поэтому то и нужна вамъ, дѣтямъ, помощь, которая посыпается отъ Бога чрезъ посредство молитвы, возсимаемой къ Престолу Божію во время богослуженія, въ особенности совершаемаго Архіереємъ, потому что онъ получаетъ сугубую благодать. Правда, священникъ тоже носителъ благодати Божией и его молитва и благословеніе нѣсутъ тоже важное значеніе, но вѣдь его посвящаютъ въ этотъ санъ одинъ Архіерей, а въ санъ Архіерея—нѣсколько, и такимъ образомъ онъ является сугубо облагодѣтельствованнымъ. Вотъ поэтому то и важна для васъ литургія, охватъ совершенная мною, и благословеніе, которое я приношу вамъ съ любовью. И я твердо увѣренъ, что обоюдная наша молитва, если вы молитесь и пѣли съ усердіемъ и благоговѣніемъ, не останется тщетною, и Господь вышлетъ вамъ Свою помощь.

Когда я былъ у васъ первый разъ, то предупредилъ, какъ нужно пѣть, и указалъ даже образцы для пѣнія, а также выразилъ желаніе,

чтобы при совершении Богослужения вы пѣли всѣ. Теперь я могу сказать, что желаніе мое удовлетворено, хотя и не вполне, такъ какъ мнѣ желательно было бы, чтобы на хорахъ не было учениковъ, а всѣ вы стояли въ рядахъ и всѣ до одного пѣли пѣснопѣнія на Богослуженіи, какъ это дѣлалось въ Казанскомъ училищѣ, которое находилось у меня подъ бокомъ и въ которомъ я весьма часто присутствовалъ на Богослуженіи. Для удобства въ пѣніи тамъ раздавались ученикамъ листки съ пѣснопѣніями, что возможно дѣлать и у васъ. Все это я вамъ говорилъ, точно также, какъ и то, какъ нужно стоять въ церкви регенту и пѣвчимъ. Здѣсь (въ Харьковѣ) я былъ и служилъ въ пяти церквахъ и вездѣ регентъ и половина хора пѣвчихъ стояли задомъ къ св. иконамъ. Что это за небреженіе къ святынямъ храма! Развѣ нельзя расставить хоръ такъ, чтобы пѣвчіе и регентъ пѣли, стоя лицомъ къ иконамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и молились, потому что пѣніе также есть молитва?

Пѣть вы должны все: не только литургію но и всенощное бдѣніе, а такъ же молебны, водоосвященія и панихиды, при отиравленіи которыхъ, замѣчу кстати, у васъ вездѣ, кажется, пропускаютъ послѣ „Со святыми упокой“ очень трогательную надгробную пѣснь: «Самъ единъ еси безсмертный», а поютъ только одно «Надгробное рыданіе». У меня же въ Казанскомъ духовномъ училищѣ бывало такъ пропоятъ это, что трудно удержаться отъ слезъ. Вы должны знать на память все: догматики, ирмосы, чтобы могли пропѣть ихъ, зажмуривъ глаза. Стихиры на «Господи возвахъ» тоже должны пѣть, по крайней мѣрѣ хотъ двѣ, на память. Надѣюсь что вы богѣе усовершенствуетесь въ пѣніи къ осени, когда я думаю отслужить у васъ опять литургію. Кстати, вотъ у васъ скоро наступятъ продолжительныя лѣтнія вакаціи, во время которыхъ, находясь дома, вы должны неопустительно посѣщать Богослуженіе, пѣть и читать на клиросѣ. Маѣ извѣстно, что въ некоторые питомцы здѣшнихъ духовныхъ училищъ, являясь дома въ храмъ Божій, становятся не на клиросѣ, а вдали отъ него, какъ бы прячутся по закоулкамъ, ниже просыпаютъ утревн, а къ вечернимъ вовсе не ходятъ. Что это будетъ за порядокъ, когда тѣ, которые должны подавать другимъ примѣръ исправнаго посѣщенія Богослуженія, первые нарушаютъ его? Плохи дѣти, которые усерднымъ посѣщеніемъ Храма Божьяго и участіемъ въ Богослуженіи не заботятся о развитіи въ себѣ религіознаго чувства; плохи и родители, которые не понуждаютъ своихъ дѣтей посѣщать Богослуженія, которые не разбудятъ сына или дочь къ богослуженію.

Не забывайте, что мы съ вами—соль міра, какъ сказалъ Самъ Спа-

ситель объ апостолахъ, а потому должны находиться среди народа, а не прятаться отъ него. Если вы будете на высотѣ своего положенія: будете не только сами исправно посѣщать Богослуженія, читать и пѣть на клиросѣ, но и другихъ (деревенскихъ дѣтей) тому научать, тогда у васъ и у нихъ широкимъ потокомъ польется живая вода, о которой говорилось въ нынѣ чтенномъ Евангеліи, когда Самарянка просила у Иисуса Христа живой воды, чтобы ей не приходиться къ колодцу во вѣкъ; но если вы не будете исполнять своихъ обязанностей относительно Богослуженія, то живая вода у васъ хотя и не перестанетъ течь, потому что вы изучаете въ классахъ: уставъ церковный, катехизисъ и Священную Исторію Ветхаго и Новаго Завѣта, но течь она будетъ узкой струей. Теперь Вамъ понятно, почему вы должны воспитывать въ себѣ любовь къ Храму Божию, Богослуженію, пѣнію и чтенію церковному. Пусть же поможетъ вамъ благодать Божія и пусть польется широкой струей у васъ вода живая, чтобы вы не жаждали во вѣкъ. Пусть же почіетъ благословеніе Господне на васъ, Того благодатію и чловѣколюбіемъ всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Простое задушевное отеческое наставленіе Владыки произвело на всѣхъ глубокое впечатлѣніе.

По окончаніи богослуженія Высокопреосвященный Арсеній посѣтилъ квартиру смотрителя училища, гдѣ былъ встрѣченъ съ хлѣбомъ и солью, причемъ смотритель училища А. А. Снегиревъ произнесъ пріветственную рѣчь

Высокопреосвященный Арсеній 4 го дня, вечеромъ, посѣтилъ Александро-Невскую церковь, на Занковкѣ, и послѣ вечерни долго бесѣдовалъ съ присутствующими прихожанами, переполнившими храмъ Божій; темой для бесѣды послужилъ вопросъ о сектахъ.

— *Торжественное богослуженіе.* 6 мая, въ высокоторжественный день рожденія Его Императорскаго Величества Государа Императора Николая Александровича въ городскомъ Успенскомъ кафедральномъ соборѣ высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, въ сослуженіи соборнаго прпчта совершена была начавшаяся въ 9^{1/2} ч. утра Божественная литургія, а послѣ оной торжественное Господу Богу молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія всему Императорскому Дому.

Проповѣдь на литургіи была сказана о ректоромъ семинаріи протоіереемъ І. Знаменскимъ. На торжественное молебствіе въ соборъ явилось городское духовенство. На богослуженіи въ соборѣ присутствовали и. д. начальникъ Харьковской губ. Гербель, генералы, штабъ и:

офисеры и классные чиновники мѣстнаго гарнизона, а также представители многихъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений.

— 8 мая въ день тезоименитства Высочайшеосвященнѣйшаго Арсеція, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, были отслужены литургии съ молебствіемъ Господу Богу о здравіи Владыки во всѣхъ городскихъ и сельскихъ церквахъ Харьковской епархіи. Многочисленные почитатели Владыки, явившіеся къ нему съ поздравленіемъ, въ сожалѣнію, не могли ему лично выразить своихъ благожеланій, такъ какъ оный день своего ангела рѣшили провести въ Святыхъ горахъ.

Религиозно-нравственныя чтенія въ воскресенье, 4-го мая, были предложены въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) въ Покровскомъ монастырѣ законоучителемъ 2 гимназіи о. Владиміромъ Бусыганымъ „О 2 и 3 прошеніяхъ молитвы Господней“ и помощникомъ смотрителя духовнаго училища о. Николаемъ Зефировымъ: „Почему Христосъ послѣ своего воскресенія не явился всѣмъ іудеямъ?“ 2) на Занковѣ въ Александровской церкви священникомъ о. Владиміромъ Шановаловымъ „О духѣ и силѣ 7 заповѣди Синайскаго законодательства, по ученію Христа“ (Мат. 5, 21—24) и о. діакономъ В. Рудниковскимъ „О св. иконахъ“; 3) въ Михайловской церкви священникомъ о. Георгіемъ Введенскимъ „Бесѣда Христа Спасителя съ самаряночкой“ (Іоан. 4, 5—42); 4) въ кафедральномъ соборѣ священникомъ о. Григоріемъ Виноградовымъ объясненіе воскреснаго Евангелія и настоятелемъ собора протоіереемъ о. Стефаномъ Любичевымъ „О преположеніи Пятидесятницы“; 5) на паровозостроительномъ заводѣ, на Петинской улицѣ, епархіальнымъ миссіонеромъ Д. И. Боголюбовымъ „О поклоненіи Богу духомъ и истинною“ (Іоан. 4, 23); 6) на Панасовѣ, въ вагонныхъ мастерскихъ въ 5 час. вечера законоучителемъ коммерческаго училища о. Юлианомъ Физенскимъ „О священномъ преданіи, какъ источникѣ божественнаго откровенія“; 7) на Холодной горѣ, въ мѣщанской богадѣльнѣ священникомъ о. Александромъ Луценкомъ „о поклоненіи Богу духомъ и истинною“ и житіе св. мученицы Пелагии (прочелъ воспит. семинаріи 6 вл. Г. Ястремскій). Всѣ эти чтенія велись послѣ вечерни, которая начинается въ 5 час. по полудни.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ИКОНОСТАСНАЯ И ПОЗОЛОТНАЯ
МАСТЕРСКАЯ

Алексыя Петровича ПЕТРОВА съ С-ми

— « Существуетъ съ 1869 года. » —

МОСКВА, 1-я Мѣщанская, домъ № 98.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

**НА ХУДОЖЕСТВЕННО-РЪЗНЫЯ, ЖИВОПИСНЫЯ и ИКОНОПИСНЫЯ
РАБОТЫ,**

какъ-то: Церковныя иконостасы (и военно-походныя) въ различнѣ строго выдержанныхъ стиляхъ, мѣстные и запрестольные кресты, балдахины надъ престолами, гробницы подъ плащаницу, запрестольные кресты и рамы съ тумбами, кресты съ предстоящими съ рѣзной горой, аналои, престолы, жертвенники, свѣчные щиты и зеркала для присутственныхъ мѣстъ,

**А ТАКЖЕ ПРОИЗВОДИТСЯ РЕСТАВРАЦІЯ
ИКОНОСТАСОВЪ, ИКОНЪ, ВНУТРЕННЕЙ и НАРУЖНОЙ ЖИВОПИСИ въ ХРАМАХЪ и пр.
и ЗОЛОЧЕНІЕ ГЛАВЪ и КРЕСТОВЪ.**

Рисунки, смѣты и чертенги высылаются по первому требованію.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ БРОШЮРА

Профессора А. ГУСЕВА:

**„Старокатолическій отвѣтъ на наши тезисы по
вопросу о Filioque и пресуществленіи“.**

(ПОЛЕМИКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКОІЙ ЭТЮДЪ).

КАЗАНЬ. 1908 Г. ЦѢНА 1 РУБ.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ А. А. Дубровина въ Казани: 1) на Воскресенской ул., д. Мартинсонъ и 2) въ Гостиномъ дворѣ № 1-а.

1 РУБ.
за 2 мѣсяца съ
дост. и перес.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1903 годъ
(изд. XVIII годъ)

6 Р.
за годъ съ
дост. и перес.

иллюстрированный журналъ для семьи

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

подъ редакцію А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи Отца
ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

52 №№ журнала до 2000 столб. текста и до 300 иллюстр. Очерки, рассказы, стихотворенія, статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія, воспоминанія и преданія, русск. старины, отсылки на вопросы современной жизни.

12 книгъ до 2400 стран. убористой печати, заключающихъ въ себѣ повѣсти изъ исторіи русскаго народа и православной церкви, очерки и рассказы изъ исторіи библейской, общей и церковной, описаніе святыхъ и т. п.

И кромѣ того **БЕЗПЛАТНО** будетъ выдано:

6 книгъ до 1000 стран. всемірно-извѣстнаго труда досточтимаго автора отца ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО

МОЯ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТѢ.

Это сочиненіе, переведенное почти на всѣ европейскіе языки, служитъ прекраснымъ руководствомъ къ духовной жизни для всѣхъ, кто стремится приблизить и свою личную жизнь къ тому идеалу, къ которому призываетъ читателей всероссійскій пастыръ апостольскимъ завѣтомъ: „Подражайте мнѣ, какъ и я Христу“.

2 книги (болѣе 400 страницъ, 105 фотогравюръ, карта и 3 плана)
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СВ. МѢСТАМЪ ВОСТОКА.

Составилъ А. А. Павловскій, специально въ началѣ 1902 года командированный отъ редакціи „Русскаго Паломника“ на Афонъ и въ Палестину.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ „Русск. Пал.“ БУДУТЪ СОДЕРЖАТЬ:

1) Отецъ Герасимъ. Пов. изъ жизни сербскаго народа подъ тур. игомъ. Д. Илича	7) Богомъ отмѣченный. Быль изъ жизни старца-подвижника. Г. Т. Сѣверцева.
2) За братьевъ-славянъ. (По поводу 25-л. войны 1877-78гг.). И. В. Преображенскаго.	8) Жизненные вопросы (По сочиненію Фомы Франка). Н. П. Дзвугбскаго.
3) Старецъ Серафимъ и Саровская пустынь. С. А. Архангелова.	9) На стражѣ православія. Повѣсть изъ жаз. украин. дух. XVIII в. В. А. Радича.
4) Минушія судьбы Петербургскаго края. Церковно-истор. оч. У. В. Четверкина.	10) Сомъ великаго хана. Историческая повѣсть М. Н. Лебедева.
5) Федосеевскій Владыка. Повѣсть изъ исторіи раскола XVIII в. Н. Н. Алексѣева-Кунгурцева.	11) „Господь воцарится“. Десять картинъ словъ Господа Іисуса Христа. В. Моно. Перев. С. Моложаваго.
6) Адскій годъ (Гезуиты въ Россіи) Церковно-истор. хроника. Н. О. Лихарева.	12) Подъ гнетомъ умн. Истор. пов. изъ быта Бѣлорус. XVIII в. Н. Стрѣшневъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ: безъ доставки въ Слб. **ПЯТЬ** руб., съ доставкой и перес. во всѣ города Російской имперіи **ШЕСТЬ** р., за границу **8** р. Допускается разсрочка: при подвѣскѣ **2** р., къ 1 апрѣля **2** р. и къ 1 іюля остальнаго.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

1903 года (двѣнадцатый годъ изданія) съ приложеніемъ

ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО АѦНАСІЯ,

АРХІЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО.

Въ 1903 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе «Богословскаго Вѣстника» ежемѣсячно, книжками въ пятнадцать и болѣе печатныхъ листовъ, по слѣдующей программѣ: 1) Творенія Св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ; 2) Исслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ, составляющія въ большей своей массѣ труды профессоровъ Академіи; 3) Изъ современной жизни: обзоръ важнѣйшихъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ и сообщенія изъ области внутренней жизни Академіи; 4) Систематическій обзоръ текущей русской журналистики, преимущественно духовной, а также критика, рецензіи и библиографія по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ; 5) Проложенія, въ которыхъ будутъ печататься автобіографическія записки Высокопреосвященнаго Саввы, Архіепископа Тверскаго (время пребыванія его на харьковской кафедрѣ) и протокола Совѣта Академіи за истекающій 1902 годъ (полностью). Въ качествѣ собственнаго приложенія къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“ всѣмъ подписчикамъ его въ 1903 году будутъ даны: третья и четвертая части ТВОРЕНІЙ СВЯТАГО АѦНАСІЯ, Архіепископа Александрійскаго, въ исправленномъ и дополненномъ изданіи. Высокія богословскія достоинства твореній св. АѦанасія, ихъ догматическая и церковно-историческая важность, глубокая назидательность нравоучительныхъ посланій и сочиненій его и вытекающая отсюда необходимость для всякаго православнаго, ищущаго здраваго наученія и назиданія въ предметахъ своей вѣры и поведенія, ближе ознакомиться съ ними—не требуютъ объясненія. Не многимъ изъ своихъ дѣателей церковь усвоила имя „Великихъ“, и къ сонму ихъ принадлежатъ св. АѦанасій, котораго она въ своихъ пѣснопѣвкахъ именуетъ „столпомъ православія“. Какъ высоко цѣнились творенія его въ древности, объ этомъ свидѣтельствуемъ замѣчательный отзывъ о нихъ, сдѣланный однимъ подвижникомъ Саввой Космою) въ такихъ словахъ: „если ты найдешь сочиненіе АѦанасія, и у тебя не будетъ бумаги, заими его на своей одеждѣ“. Удовлетворяя этой давно чувствуемой потребности въ новомъ и лучшемъ переводѣ твореній св. АѦанасія, редакція Бог. Вѣстн. съ 1902 года приступила ко второму, тщательно исправленному и дополненному, изданію ихъ; изъ полученныхъ въ истекшемъ году первыхъ двухъ частей новаго изданія читатели могли непосредственно убѣдиться въ томъ, что по своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ качествамъ оно вполне отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявлены къ предпріятіямъ подобнаго рода. Предлагаемому на 1903 годъ третьей и четвертой частями заканчивается все изданіе, и такимъ образомъ постоянные подписчики „Бог. Вѣстн.“ получаютъ возможность, при незначительныхъ матеріальныхъ затратахъ, къ полному собранію твореній св. Василія Великаго, разосланному въ 1899—1901 гг. присоединить еще и творенія св. АѦанасія Александрійскаго тоже въ полномъ составѣ.

Подписная цѣна на Богословскій Вѣстникъ совместно съ приложеніемъ третьей и четвертой части твореній св. АѦанасія Александрійскаго восемь рублей съ пересылкой. Прим.: безъ пересылки семь рублей, за границу—десять. Прим.: Новые подписчики, желающіе получить первую и вторую часть твореній св. АѦанасія, сверхъ подписной цѣны, уплачиваютъ по одному рублю за каждую часть, а всего десять рублей. Адресъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію Богословскаго Вѣстника.

Редакторъ проф. А. Спасскій.

ФАБРИКАНТЪ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ
ТОРГОВАГО ДОМА
АНДРЕЯ ЗАХРЯПИНА СЫНОВЬЯ.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія г.г. покупателей
въ нашихъ магазинахъ.

I.

Въ Москвѣ

Никольская ул., верх-
ние торговые ряды
№№ 82, 155, 156, 227,
228, 229.

II.

Въ г. Воронежѣ

Московская ул., про-
тивъ Духовной Кон-
систории. Магазины
открыты съ 1-го ок-
тября 1902 г.

III.

Въ армаркахъ Нижне-
городскойпо шоссе противъ
флаговъ.Въ Вологдѣ и Ро-
стовѣ

Ярославской губ.

Всегда имѣется полный и большой выборъ всей церковной утвари лучшаго надѣля, художественной работы, собственной фабрики, всевозможныхъ размѣровъ и рисунковъ какъ-то: паникадила, люстры, подсвѣчники, лампады, хоругви, за престольными иконами, евангелія, кресты, сосуды, ковчеги, вѣнцы, металлическія свѣчи, чаши водосвятныя, плащаницы, гробницы, иконы, парча для облачений и пр. и пр., также имѣются и серебряныя вещи 84⁰, а также принимаются заказы на всевозможную церковную утварь, металлическія, такъ равно и серебряныя 84⁰ и ризы на иконы, одежды на престолъ и жертвенники, царскія двери, кресты на главы, и рѣшетки по колеѣ и пр. и пр., какъ лично, также и заочно, посредствомъ переписки.

По требованію при заказѣ, Торговый Домъ высылаетъ смѣты и рисунки, а также въ случаѣ надобности высылаются довѣренный, для личныхъ переговоровъ и принятія заказа.

Принимаются всякаго рода починки и ремонтное старыя вещи церковной утвари золоченіе и серебряніе исполняются въ точности безъ замедленія.

Цѣны на церковную утварь существуютъ одинаковыя какъ въ Московскомъ магазинѣ, также въ Воронежскомъ магазинѣ и армаркахъ.

При заказѣ и покупкѣ товаровъ для небогатыхъ храмовъ, дѣлается разсрочка въ платежѣ.

Фабрика наша существуетъ болѣе 50 лѣтъ и имѣетъ при себѣ около 500 человекъ мастеровъ, благодаря лучшаго производства вырабатываемыхъ въ ней предметовъ и усовершенствованія, всеми необходимыми средствами, для выработки церковной утвари, скорого и аккуратнаго исполненія заказовъ, приобрѣла самый громадный кругъ г.г. покупателей и заказчиковъ. Фабрика и главная контора въ г. Переславль Засѣдскомъ Влад. губ.

При вышескѣ товаровъ, просимъ обозначать адресъ, чрезъ кого посылать товаръ, по желѣзной дорогѣ, до какой станціи, или чрезъ контору и адресъ почтовый.

Дѣствуемъ себя надеждою, что Вы не оставите насъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, а также и посѣщеніемъ нашихъ магазиновъ въ Москвѣ и гор. Воронежѣ.

Торговый Домъ Андрея Захряпина С-вья.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Мая № 10. 1903 года.

Содержаніе. Высочайшія награды.—Лица духовнаго званія, кои Святѣйшимъ Синодомъ награждены за заслуги по духовному и гражданскому вѣдомству 6-го мая.—**Новыя правила** относительно аккормочн. въ церковно-приходскихъ школахъ и выдачи свидѣтельствъ на льготу по воинской повинности.—Отчетъ Братства св. Амаросія Медиоланскаго при Сумскомъ духовномъ училищѣ для вспоможенія нуждающимся учащимся, съ 18-го сентября 1901 г. по 30-е сентября 1902 г.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Епархіальныя извѣстія.—Извѣстія и замѣтки.—Опечатка въ 8 № Листка.—Объявленія.

Высочайшія награды.

По всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, въ 6-й день сего мая, Всемилостивѣйше удостоены награжденія слѣдующія духовныя лица.

А. За службу по епархіальному вѣдомству.

Наперснымъ крестомъ изъ Кабинета Ею Императорскаго Величества съ украшеніями—законоучитель 1-й Харьковской мужской гимназій, протоіерей Павелъ Солнцева.

Б. За службу по гражданскому вѣдомству:

Орденомъ св. Анны 3-й степени—Пророко-Ильинской церкви гор. Вѣлополя, Сумскаго уѣзда, священникъ Максимъ Падлуцкій.

Лица духовнаго званія, кои Святѣйшимъ Синодомъ награждены за заслуги по духовному вѣдомству ко дню Рожденія Ею Императорскаго Величества.

По Харьковской епархіи награждены: а) *наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ*—Харьковскаго архіерейскаго дома іеромонахъ Феодиллактъ; законоучитель Харьковскаго коммерческаго училища, священникъ Іоаннъ Филевскій, гор. Кулянска, Николаевской церкви священникъ Михайль Сильванскій; гор. Богодухова, соборной Успенской церкви священникъ Алексій

Станиславскій; гор. Богодухова, Троицкой церкви священникъ *Василій Власовъ*; церкви слободы Ново-Красной, Купянского уѣзда, священникъ Григорій *Кувичинскій*; церкви слободы Краснянки того же уѣзда, священникъ *Василій Рождественскій*; церкви слободы Савинець, Изюмскаго уѣзда, священникъ *Павелъ Дьяковъ*; церкви слободы Ботельвы, Ахтырскаго уѣзда, священникъ *Николай Артемьевъ*; церкви села Березоваго, Харьковскаго уѣзда, священникъ *Адріанъ Мухинъ*; настоятельница Хорошевскаго Вознесенскаго женскаго монастыря, игуменія *Алевтина*; б) *камиллаткою*—церкви Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ священникъ *Павелъ Грома*; духовникъ Харьковской духовной семинаріи, священникъ *Сергій Посельскій*; гор. Харькова, Христо-рождественской церкви священникъ *Константинъ Дьяковъ*; гор. Харькова, церкви пересыльной тюрьмы священникъ *Іоаннъ Толмачевъ*; г. Волчанска, соборной Троицкой церкви священникъ *Іоаннъ Яковлевъ*; церкви села Пристайлова, Лебединскаго уѣзда, священникъ *Іаковъ Хорошковъ*; церкви слободы Марковки, того же уѣзда, священникъ *Стефанъ Поповъ*; церкви села Будылки, того же уѣзда, священникъ *Павелъ Брайловскій*; церкви слободы Барячной, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ *Димитрій Жуковскій*; церкви слободы Покровска, Купянскаго уѣзда, священникъ *Георгій Лонгиновъ*; Троицкой церкви заштатнаго города Славянска, Изюмскаго уѣзда, священникъ *Михаилъ Пономаревъ*; церкви села Богодарова, Зміевскаго уѣзда, священникъ *Василій Насидкинъ*; церкви слободы Закутнихъ хуторовъ, того же уѣзда, священникъ *Левъ Базилевичъ*; церкви слободы Отрады, того же уѣзда, священникъ *Алексій Жадановскій*; церкви слободы Алексѣвки, Валковскаго уѣзда, священникъ *Андрей Пономаревъ*; церкви слободы Хрущевой Никитовки, Богодуховскаго уѣзда, священникъ *Іоаннъ Поповъ*; церкви слободы Русскихъ Тишковъ, Харьковскаго уѣзда, священникъ *Іоаннъ Киприановъ*; церкви села Комаровки, того же уѣзда, священникъ *Петръ Шебатинскій*; церкви слободы Ивановки, Зміевскаго уѣзда, священникъ *Василій Макузинъ*; церкви слободы Пристѣна, Купянскаго уѣзда, священникъ *Моисей Петровъ*; церкви слободы Маньковки, того же уѣзда, священникъ *Веніаминъ Поповъ*; церкви села Вольнаго, Богодуховскаго уѣзда, священникъ *Александръ Артюховскій*; церкви слободы Бакировка, Ахтырскаго уѣзда, священникъ *Василій Оумковъ*; церкви слободы Рубцовой, Изюмскаго уѣзда, священникъ *Алексій Поповъ*; церкви слободы Верхней Сыроватки, Сумскаго уѣзда, священникъ *Викторъ Евхимовъ*; церкви села Стараго, того же уѣзда, священ-

ивкъ Петръ *Гумилевскій*; в) *благословіемъ Святѣйшаго Синода безъ грамотъ*—Святогорской Успенской пустыни іеромонахъ *Родионъ*; Хорошевскаго Вознесенскаго женскаго монастыря протоіерей Подьячій *Паномаревъ*; гор. Старобѣльска, соборной Покровской церкви протоіерей Александръ Касьяновъ; церкви слободы Подгорова, Старобѣльскаго уѣзда, протоіерей Василій *Аристовъ*; церкви слободы Дергачей, Харьковскаго уѣзда, священникъ Трофимъ *Антоновъ*; гор. Сумъ, Вознесенской церкви священникъ Павелъ *Хижняковъ*; церкви слободы Хотѣни, Сумскаго уѣзда, священникъ Павелъ *Любарскій*; Преображенской церкви заштатнаго гор. Бѣлополя, того же уѣзда, священникъ Митрофанъ *Ракшевскій*; церкви села Якова, Ахтырскаго уѣзда, священникъ Стефанъ *Филипповъ*; церкви села Вольнаго, Богодуховскаго уѣзда, священникъ Александръ *Грызодубовъ*; церкви села Караванска, Валковскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ *Ястремскій*; церкви слободы Минювки, того же уѣзда, священникъ Левъ *Дейнеховскій*; церкви слободы Ямполья, Изюмскаго уѣзда, священникъ Евгенийъ *Титовъ*; церкви слободы Студенка, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ *Блюсовъ*; церкви слободы Крючкоть, того же уѣзда, священникъ Николай *Линицкій*; церкви слободы Радьковскихъ Песокъ, Купянскаго уѣзда, священникъ Дмитрій *Сокальскій*; церкви слободы Славгородка, Ахтырскаго уѣзда дѣаконъ Василій *Ковалевскій*.

Лица духовнаго званія, ном Святѣйшимъ Синодомъ награждены за заслуги по гражданскому вѣдомству ко дню Рожденія Его Императорскаго Величества.

По Харьковской епархіи награждены: а) *наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ*—законоучитель Харьковскаго реальнаго училища, священникъ Алексій *Юшковъ*; церкви слободы Буземовки, Буянскаго уѣзда, священникъ Михаилъ *Старинскій*; б) *каммаласкою*—гор. Изюма, Царевской кладбищенской церкви священникъ Владиміръ *Григоровичъ*; законоучитель ахтырскаго мужской гимназіи, священникъ Михаилъ *Кочетовъ*.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, 3-го текущаго мая, на награжденіе, за 50-лѣтнюю службу *золотой медалью, съ надписью „за усердіе“*, для ношенія на шеѣ на *Аннинской лентѣ*, псаломщика

Тихоновской церкви села Нивахи, Ахтырскаго уѣзда, Ивана *Мокринскаго*.

Новыя правила относительно экзаменовъ въ церковно-приходскихъ школахъ и выдачи свидѣтельствъ на льготу по воинской повинности.

Согласно опредѣленію Св. Синода, въ церковныхъ школахъ разныхъ типовъ должны быть введены новыя правила для выдачи свидѣтельствъ о знаніи курса начальныхъ училищъ воспитанниковъ церковныхъ школъ, желающихъ при отбываніи воинской повинности воспользоваться льготою, и въ то же время отмѣнены правила о семъ прежде дѣйствовавшія (изд. въ 1886 г.). Особенности новыхъ правилъ, сравнительно съ прежними, слѣдующія: 1) выдача свидѣтельствъ выдержавшимъ испытаніе производится отдѣленіями епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ, а не совѣтами, какъ это практиковалось ранѣе; 2) къ испытаніямъ могутъ быть допускаемы и тѣ воспитанники школъ, коимъ исполнится 11 лѣтъ не ко дню производства испытаній, а къ 1 сентября того же года, въ какомъ производилось испытаніе; 3) должны производиться испытанія и по церковному пѣнію (ранѣе этого не было), причемъ отъ экзамена по этому предмету могутъ быть освобождены лишь тѣ, кто окажется лишеннымъ слуха и голоса и, наконецъ, 4) на письменномъ испытаніи по русскому языку, наряду съ диктовкой, не возбраняется экзаменаторамъ давать изложеніе небольшихъ статей повѣствовательнаго содержанія. Вмѣстѣ съ симъ Святѣйшимъ Синодомъ выработаны и утверждены образцы льготныхъ свидѣтельствъ и книгъ для записи выданныхъ свидѣтельствъ. (См. № 11-й Церк. Вѣд. 1903 г.).

О Т Ч Е Т Ъ

Братства св. Амвросія Медиоланскаго при Синодѣ духовномъ училищѣ для вспоможенія нуждающимся ученикамъ сего училища, за періодъ времени съ 18-го сентября 1901 года по 20-е сентября 1902 года.

Въ отчетномъ году Братство св. Амвросія Медиоланскаго, состоявшее подъ высшимъ покровительствомъ Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, имѣло въ своемъ составѣ 166 лицъ, изъ коихъ 9 были пожизненными и почетными, а именно: 1) Статскій Совѣтъ

нивъ, потомственный дворянинъ, Павелъ Ивановичъ Харитоненко; потомственный почетный гражданинъ города Сумъ Николай Лосифовичъ Лещинскій; жена его Марія Матвѣевна Лещинская; потомственный почетный гражданинъ города Сумъ Павелъ Николаевичъ Лещинскій; 5) Смотритель Сумскаго духовнаго училища протоіерей Аркадій Ѳедоровичъ Грузовъ; Благочинный 2-го Ахтырскаго округа протоіерей Василій Ѳедоровъ; протоіерей Сумской Соборной церкви О. Николай Фесенковъ, законоучитель Сумскаго кадетскаго корпуса священникъ Василій Васильевичъ Виоградовъ; учитель цѣвня при Сумскомъ кадетскомъ корпусѣ, Василій Моисеевичъ Посельскій и 157 лицъ дѣйствительными членами, хотя 43 лица изъ нихъ не возобновили своего членскаго взноса за отчетный годъ; кромѣ того Правленіе Братства съ прискорбіемъ должно здѣсь отмѣтить, что 28 лицъ исключаются изъ состава членовъ Братства, какъ не возобновившіе своего членскаго взноса въ продолженіе 2-хъ послѣднихъ лѣтъ; зато, въ утѣшенію своему, Братство приобрѣло въ отчетномъ году 20 новыхъ членовъ, и кромѣ того Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ, Архіепископъ Харьковский и Ахтырскій, высокій покровитель Братства, пожертвовалъ на усиленіе средствъ Братства 1 билетъ 4% Государственной ренты въ 100 рублей.

На основаніи § 15 Уст. Брат. въ общемъ годовномъ собраніи членовъ Братства, бывшемъ 18 сентября 1901 года, произведены были выборы на должности председателя правленія Братства, членовъ правленія, кандидатовъ къ нимъ и членовъ ревизіонной коммисіи, причемъ оказались вновь избранными прежнія лица т. е. председателемъ Правленія смотритель Сумскаго Духовнаго училища протоіерей Аркадій Ѳедоровичъ Грузовъ; членами правленія: протоіерей города Сумъ Соборной церкви О. Николай Фесенковъ; потомственный почетный гражданинъ г. Сумъ Павелъ Николаевичъ Лещинскій; учитель Сумскаго духовнаго училища Василій Васильевичъ Покровский; помощникъ смотрителя Сумскаго духовнаго училища священникъ Іаковъ Матусевичъ и надзиратель-репетиторъ того же училища Иванъ Трифоновичъ Будудій; послѣдніе два на основаніи § 19 уст. Брат. по избранію Правленія Братства, утвержденному Его Преосвященствомъ, исполняли обязанности первый казначея, второй дѣлопроизводителя Братства; кандидатами къ членамъ были: священникъ соборной церкви г. Сумъ о. Александръ Церковничій, священникъ Сумской Воскресенской церкви о. Павелъ Петровичъ Хижняковъ и надзиратель-репетиторъ Сумскаго духовнаго училища Василій Моисеевичъ Посельскій; членами

ревизионной комиссіи состояли: священникъ сл. Большой Писаревки Богодуховскаго уѣзда о. Алексѣй Станиславскій, учитель Сумскаго духовнаго училища Василій Николаевичъ Яновскій, священникъ г. Вѣлополя о. Максимъ Подлужскій и кандидатами къ нимъ, священникъ Сумской владбищенской церкви о. Николай Петровичъ Моценковъ и учитель Сумскаго духовнаго училища Николай Михайловичъ Гальковскій.

Въ теченіе отчетнаго года Правленіе Братства имѣло 4 засѣданія: 3 очередныхъ и одно общее, годовое. Предметами занятій въ этихъ засѣданіяхъ служили: слушаніе періодическихъ отчетовъ казначея Братства о положеніи и движеніи Братскихъ суммъ; обсужденіе прошеній учениковъ и родителей ихъ о вспоможеніи; обсужденіе и принятіе мѣръ къ увеличенію средствъ Братства и исполненіе другихъ обязанностей, налагаемыхъ на правленіе уставомъ Братства. Въ заботѣ о способахъ къ увеличенію средствъ Правленіе Братства обращалось къ мѣрѣ уже испытанной и принесшей въ предыдущіе годы благія послѣдствія, именно: 1) къ разсылкѣ подписныхъ листовъ о.о. благочиннымъ Сумскаго училищнаго округа съ просьбой къ нимъ содѣйствовать увеличенію средствъ Братства приглашеніемъ подвѣдомыхъ имъ о.о. іереевъ, діаконовъ и псаломщиковъ къ пожертвованіямъ на Братство и 2) къ вылатѣ членамъ-ревнителямъ Братства квитанціонныхъ книжечекъ для сбора по нимъ пожертвованій. Наибольшее количество пожертвованій, какъ и въ прежніе годы, поступило черезъ о.о. благочинныхъ 2-го Ахтырскаго округа протоіерея о. Василя Ѳедорова—114 руб.; 3-го Ахтырскаго округа протоіерея о. Григорія Попова—62 руб. 70 коп., и 1-го Ахтырскаго округа священника о. Гавріила Вѣлоусова—60 руб. 50 коп., которымъ Правленіе Братства посему выражаетъ глубокую благодарность за такое теплое и дѣятельное ихъ участіе, а также и предсѣдателю Правленія Братства протоіерею о. Аркадію Ѳедоровичу Грузову, собравшему въ пользу братства по квитанціонной книжкѣ 159 руб. Кромѣ того съ Архимандрита Ахтырскаго разрѣшенія Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, бывшаго Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, хоромъ воспитанниковъ училища былъ данъ духовный концертъ въ пользу Братства св. Амвросія Медиоланскаго, принесшій чистаго дохода Братству 850 рублей; по сему Правленіе Братства представляетъ долгомъ также выразить глубокую благодарность: а) Предсѣдателю Правленія Братства протоіерею о. Аркадію Грузову, какъ главному устройтелю этого концерта; б) члену Братства, бывшему учителю пѣнія Сумскаго духовнаго училища нынѣ Сумскаго кадетскаго

корпуса Василю Моисеевичу Посельскому, и о.о. діаконамъ Сумской соборной церкви Ѳеодору Евзимовичу Юрковскому и Порфирию Ивановичу Подлудному, столь содѣйствовавшимъ успѣху концерта своимъ благосклоннымъ участіемъ въ хорѣ; въ особенности же членамъ Братства: женѣ потомственного почетнаго гражданина г. Сумъ Маріи Матвѣевнѣ Лещинской и потомственному почетному гражданину Павлу Николаевичу Лещинскому; первой за пожертвованные ею на Братство по случаю блестящаго успѣха концерта 100 руб.; второму какъ принявшему на себя весь расходъ по устройству концерта, въ количествѣ до 200 рублей.

Всѣ суммы Братства въ началу отчетнаго года состояли: а) изъ свидѣтельства Государственной 4⁰/₀ ренты въ 1000 руб.; и б) наличными деньгами по книжкѣ ссудо-сберегательной кассы Сумскаго Отдѣленія Государственнаго Банка на имя Братства 456 руб. 18 коп. Въ теченіе отчетнаго года эта сумма увеличилась на 1336 руб. 85 коп., членскихъ взносов и другихъ поступленій. По требованію постановленія Общаго Собранія изъ всѣхъ этихъ денежныхъ поступленій, исключая двухъ свидѣтельствъ Государственной 4⁰/₀ ренты по 100 р. каждое, поступившихъ какъ единовременные пожизненные членскіе взносы и потому полностью отчисленныхъ въ неприкосновенный капиталъ, подлежало обращенію въ запасной капиталъ 10⁰/₀, остальные же 90⁰/₀, равно какъ и полученные по истекшимъ купонамъ отъ бумагъ Братства проценты, за вычетомъ 5⁰/₀ Государственнаго налога, въ количествѣ 57 р. 95 коп. и проценты по книжкѣ ссудо-сберегательной кассы на имя Братства 17 руб. 80 коп., а также возвращенный долгъ въ размѣрѣ 4 руб., составляли расходную сумму на удовлетвореніе потребностей Братства безъ вычета изъ нихъ 10⁰/₀ для внесенія въ запасной капиталъ, сюда же должны быть отнесены и 23 р. сбереженій отъ расходной суммы за прошлый годъ.

Согласно главной цѣли своей и въ исполненіе требованій Устава своего, Братство главнымъ образомъ помогало недостаточнымъ ученикамъ училища уплатою за ихъ содержаніе въ училищномъ общежитіи и выдачею на пріобрѣтеніе одежды, обуви, учебниковъ и на другіе нужды. Такимъ образомъ въ теченіе 1900—1901 учебнаго года Братствомъ израсходовано: на уплату за содержаніе въ училищномъ общежитіи 19 учениковъ, со взносомъ за каждою изъ нихъ суммы пособія въ размѣрахъ отъ 5 руб. до 40 руб. въ полугодіе—477 руб. 50 коп., кромѣ того сдѣланъ взносъ въ Правленіе Харьковской духовной Семинаріи за содержаніе въ семинарскихъ общежитіи воспитанника 3-го класса, Алексѣя Николаевича

—20 р.; на одежду и обувь 28 ученикамъ выдано 318 р. 96 коп., на учебники для 6 учениковъ израсходовано 32 руб., и кромѣ того приобретено въ Братскую библиотеку учебныхъ книгъ на 50 руб. для выдачи таковыхъ, по указанію нужды, воспитанникамъ училища въ бесплатное пользованіе; и отчислено изъ расходной суммы Братства 60 руб. на непредвидѣнные расходы для оказанія не позволяющей отлагательства помощи нуждающимся ученикамъ. Всего же израсходовано на воспитанниковъ училища 958 р. 46 коп. Сверхъ того на устройство шкафа для храненія Братскаго имущества израсходовано 50 руб.; на канцелярскія, типографскія и почтовые потребности—12 р. 55 коп.

Всего въ 1901—1902 году поступило на приходъ: Вносовъ: 1) по подписнымъ листамъ чрезъ о.о. благоточныхъ 390 р. 95 к., а именно:

I Ахтырскаго округа	60 р. 50 к.
II Ахтырскаго округа	114 „ — „
III Ахтырскаго округа	62 „ 70 „
I Богодуховскаго округа	18 „ 90 „
II Богодуховскаго округа	11 „ 70 „
I Лебединскаго округа	24 „ 15 „
II Лебединскаго округа	21 „ — „
III Лебединскаго округа	33 „ — „
I Сумскаго округа	36 „ — „
II Сумскаго округа	9 „ — „
2) Отдѣльныхъ членскихъ взносов, поступившихъ непосредственно въ правленіе Братства	243 „ — „
3) По квитанціоннымъ книжкамъ: а) предсѣдателя правленія Братства	159 „ — „
б) Казначея Братства	40 „ — „
в) Дьякопроводителя Братства	39 „ — „
г) Протоіерея о. Николая Фесенкова	10 „ 10 „
д) Священника сл. Буймера	2 „ 5 „
4) Выручено отъ продажи билетовъ на духовный концертъ съ 100 руб., пожертвованными по случаю концерта Маріей Матвѣевной Лещинской	850 „ — „
5) Процентомъ по четыремъ купонамъ одного билета въ 1000 р. тремъ купонамъ одного билета въ 500 р. и двухъ билетовъ въ 100 р. Государственной ренты	57 „ 95 „
6) По книжкѣ ссудо-сберегательной кассы на имя Братства	17 „ 80 „

7) Возвращеннаго долга	4 р. — к.
8) Остатка отъ прошлаго года	23 „ — „
	Итого . 1336 р. 85 к.

Израсходовано:

1) На уплату за содержаніе въ общежитіи воспитанниковъ: а) въ училищѣ	477 „ 5 „
б) Въ Семинаріи	20 „ — „
2) На одежду, обувь, книги и бѣлье бѣднѣйшимъ воспитанникамъ	400 „ 96 „
3) На устройство шкафа для храненія братскаго имущества	50 „ — „
4) Отчислено въ неприкосновенный капиталъ	303 „ 42 „
5) На переписку нотъ для концерта, даннаго въ пользу Братства	4 „ 50 „
6) На канцелярскіе и почтовые расходы	12 „ 55 „
7) Выдано тремъ членамъ правленія Братства на удовлетвореніе въ ближайшемъ будущемъ неотложной нужды воспитанниковъ	60 „ — „
	Итого . 1328 р. 93 к.

Осталось къ 20-му сентября 1902 года:

1) Въ свидѣтельствахъ государственной 4 ⁰ / ₀ ренты. 1700 „ — „	
2) По книжкѣ ссудо-сберегательной кассы Сумскаго отдѣленія Государственнаго Банка на имя Братства	75 „ 8 „
3) Наличными деньгами	7 „ 92 „
	Итого . 1783 р. — к.

Списокъ членовъ братства св. Амвросія Медиоланскаго при Сумскомъ духовномъ училищѣ за 1901—1902 годъ.

Покровитель братства Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій 100 р.

1. Почетные члены:

1. Харитотенко Павелъ Ивановичъ, коммерціи совѣтникъ, потомствен. дворян. Лещинскій Николай Іосифовичъ, потомственный почетный гражданинъ г. Сумъ, Лещинская Марія Матвѣевна, жена потомствен. почет. гражданина, Лещинскій Павелъ Николаевичъ — потомствен. почетн. гражд. города Сумъ. 5. Грузовъ Аркадій Фе-

доровичъ, протоіерей смотритель Сумскаго духовнаго училища, Федоровъ о. Василій, протоіерей благочинный 2-го Ахтырскаго округа, Фесенковъ о. Николай протоіерей Сумской соборной церкви. Виноградовъ Василій Васильевичъ, законоучитель Сумскаго кадетскаго корпуса, Посельскій Василій Моисеевичъ, учитель тѣнѣя при Сумскомъ кадетскомъ корпусѣ.

2. Дѣйствительные члены:

(съ обозначеніемъ членскихъ взносов за 1901 и 1902 г.г.).

1. Авксентьевъ Николай, свящ. (5 р. 3 р.); Артемьевъ Стефанъ, свящ. (6 р. 3 р.); Артюховскій Александръ, свящ. (3 руб.).

Барышковъ Григорій Ивановичъ (3 руб.). 5. Бибицъ Косьма Филипповичъ (3 руб.); Боголюбовъ Дмитрій Ивановичъ (3 р. 3 р.); Бѣлогорскій Іоаннъ, свящ. (3 р. 3 р.); Браиловскій Іоаннъ, свящ. (4 р. 3 р.); Вѣлоузовъ Гавріиль, свящ. (3 р. 3 р.). 10. Бойковъ Стефанъ, свящ. (3 руб.); Быковъ Адрианъ, свящ. (3 р. 3 р.); Буткевичъ Іоаннъ, свящ. (5 р. 5 р.); Буткевичъ Тимоѳей, протоіерей (5 р. 30 р.); Бугуцкій Иванъ Трифоновичъ (8 р. 3 р.). 15. Будилскій Павелъ, свящ. (3 р. 3 р.).

Василевскій Александръ, свящ. (3 р. 4 р.); Веніамінова Екатерина Ивановна, вдова прот. (3 р. 3 р.); Вербицкій Алексій, свящ. (3 руб.); Василевскій Григорій Николаевичъ (3 руб.). 20. Вербицкій Михаилъ, свящ. (3 р. 4 р.); Ведринскій Платонъ, свящ. (6 руб.); Виноградскій Стефанъ, свящ. (5 руб.); Виноградскій Дмитрій свящ. (3 р. 6 р.); Виноградовъ Василій свящ. (3 руб.). 25. Власовскій Павелъ, свящ. (1 руб.).

Гальковскій Николай Михайловичъ (3 р. 3 р.); Гончаревскій Аполлонъ, свящ. (3 р. 3 р.); Гревезирскій Георгій, свящ. (2 руб.); Грековъ Николай, свящ. (3 руб.). 30. Грищенко Іоаннъ, свящ. (6 р. 3 р.); Грищенко Алексій, свящ. (3 р. 1 р.); Григоровичъ Филаретъ, свящ. (3 р. 3 р.); Григоревичъ Андрей, свящ. (6 руб.); Грызодубовъ Александръ, свящ. (3 руб.).

35. Добрецькій Захарій, протоіерей (3 р.); Добрецькій Михаилъ, свящ. (3 р.); Доброславскій Василій, протоіерей (3 р.); Дубянский Андрей Петровичъ (3 р. 3 р.); Дьяковъ Александръ Григорьевичъ (3 р.). 40. Дудка Иванъ Петровичъ, церковный староста (5 р. 3 р.).

Золотаревъ Георгій, свящ. (3 р.); Закрицкій Іоаннъ, свящ. (3 р.); Заграфскій Александръ, свящ. (3 р.); Загоровскій Николай, свящ. (3 р.).

45. Ильинскій Павелъ, свящ. (3 р.).

Кавадкій Іосифъ Михайловичъ, Сумской купецъ (3 р. 8 р.); Коваленко Федоръ Васильевичъ, почет. граждан. (3 р.); Кипоренко Іоаннъ, діаконовъ (3 р.); Ковтунъ Ілля, священ. (6 р. 50 к. 8 р.). 50. Козловъ Димитрій Григорьевичъ (3 р. 5 р.); Костюковъ Георгій, купецъ г. Сумъ (5 р. 10 р.); Котенко Андрей Филипповичъ, купецъ г. Сумъ (10 р. 20 р.); Кохановскій Іоаннъ, священ. (1 р.); Клементьевъ Андрей, священ. (3 р.). 55. Клементьевъ Цавель, протоіерей (10 р.); Краснокутскій Алексій, священ. (3 р. 3 р.); Краснопольскій Петръ, протоіерей (3 р. 3 р.); Краснопольскій Никита, священ. (5 р. 50 к. 3 р.); Куанецовъ Петръ, священ. (3 р. 3 р.). 60. Котляревскій Стефанъ, псаломщикъ (3 р.); Куклярскій Димитрій, законоучитель Сумскаго реальнаго училища (3 р.).

Ладенковъ Андрей, псаломщикъ (5 р.); Лихницкій Алексій священ. (5 р. 3 р.); Литкевичъ Алексій Михайловичъ (3 р. 3 р.). 65. Лободовскій Михаилъ, протоіерей (1 р.); Любарскій Сергій, священ. (5 р. 4 р.); Любарскій Арсеній, священ. (8 р. 7 р.); Люминарскій Андрей Алексѣевичъ (3 р.); Люминарскій Петръ, священ. (3 р. 2 р.). 70. Луценковъ Александръ, священ. (3 р.).

Максимовичъ Іоаннъ, протоіерей (15 р.); Малиженовскій Іоаннъ, священ. (3 р. 3 р.); Матусевичъ Іаковъ, священ. (3 р. 3.); Мильскій Іоаннъ, священ. (3 р. 3 р.). 75. Мигулинъ Алексій, священ. (5 р.); Михайловскій Арсеній, діаконовъ (3 р.); Могилянскій Сергій, священ. (3 р. 3 р.).

Недѣлька Семень, священ. (3 р. 3 р.); Назаревскій Григорій, священ. (3 р.). 80. Никольскій Василій, протоіерей (3 р. 3 р.); Николаевскій Іоаннъ, священ. (6 р. 3 р.); Никулищевъ Павелъ, священ. (3 р. 3 р.); Никулищевъ Петръ, священ. (3 р. 3 р.).

Орловъ Николай, священ. (3 р.).

85. Пахненко Василій Ананьевичъ, (3 р.); Пантелѣевъ Александръ, священ. (3 р. 5 р.); Павловскій Александръ, священ. (3 р.); Перовъ Михаилъ Степановичъ (9 р. 3 р.); Петровскій Василій, протоіерей (3 р.). 90. Поповъ Михаилъ, священ. (6 р. 3 р.) Подлуцкій Максимъ, священ. (3 р. 3 р.); Покровскій Александръ, священ. (3 р. 3 р.); Покровскій Василій Васильевичъ (3 р. 3 р.); Покровскій Василій, священ. (3 р.). 95. Пономаревъ Іоаннъ, священ. (3 р.); Поповъ Григорій, протоіерей (6 р. 8 р.); Посельскій Василій Моисеевичъ (3 р.); Провоповичъ Стефанъ, протоіерей (3 р. 3 р.); Петрусенко Василій, священ. (3 р.). 100. Прадкинъ Леонидъ, священ. (3 р.); Приходинъ Іоаннъ, діаконовъ (3 р.); Поморцевъ Стефанъ, священ. (3 р. 3 р.).

Раевскій Павелъ, священ. (3 р. 3 р.); Рацшевскій Евгеній діаконовъ

(3 р.). 105. Ракшевскій Митрофанъ, свящ. (3 р.); Романовъ Андрей, свящ. (5 р. 5 р.); Раздольскій Станиславъ Адамовичъ, врачъ (3 р. 3 р.); Рубинскій Іоаннъ, свящ. (3 р.); Рубинскій Петръ, свящ. (3 р. 3 р.). 110. Рубинскій Георгій, свящ. (3 р.); Рудневъ Антоній, свящ. (4 р. 50 к. 3 р. 50 к.).

Сазановъ Иванъ Егоровичъ, купецъ г. Сумъ (3 р.); Семеновъ Анисимъ, свящ. (3 р.); Серединъ Евсеій Игнатьевичъ, купецъ г. Сумъ (3 р. 3 р.). 115. Сяльванскій Михаѣль, свящ. (3 р. 3 р. 50 к.); Сиромакхинъ Іоаннъ, діаконь (3 р.); Спераскій Константинъ, свящ. (3 р.); Стеллецкій Петръ, свящ. (25 р.); Семеновъ Иванъ, псаломщикъ (3 р.). 120. Сапухинъ Іоаннъ, свящ. (3 р.); Слюсаревъ Поликарпъ, свящ. (8 р.); Сивсаревскій Алексій, протоіерей (6 р. 4 р.); Сокольскій Василій Флегонтовичъ (3 р.); Сокальскій Алексій, свящ. (6 р. 4 р. 10 к.). 125. Сорочинскій Платонъ, свящ. (3 р. 3 р.); Ставровскій Андрей, протоіерей (5 р. 8 р.); Станиславскій Алексій, свящ. (3 р.); Ступницкій Григорій, свящ. (3 р.); Сусловъ Иванъ Федоровичъ, Сумской купецъ 1-й гильдіи (10 р.). 130. Сукачевъ Владиміръ Васильевичъ (3 р. 3.); Сушковъ Василій свящ. (3 р. 3 р.); Сушковъ Сергій Яковлевичъ (8 р.).

Тригубовъ Петръ Тихоновичъ, Сумской купецъ (3 р.); Тумановъ Абрамъ Мурафа, Сумской купецъ (5 р. 10 р.). 135. Труфановъ Иванъ Константиновичъ, провизоръ (3 р.); Таранскій Александръ, діаконь (3 р.).

Фесенковъ Николай, протоіерей (10 р. 3 р.).

Хижняковъ Павелъ, свящ. (3 р. 3 р.); Хорошковъ Іаковъ, свящ. (3 р. 3 р.).

140. Филиповъ Стефанъ, свящ. (5 р.).

Церковницкій Александръ, свящ. (3 р.).

Черниговскій Николай, свящ. (8 р. 6 р.); Чернявскій Мелегій, свящ. (1 р.); Чугаевъ Алексій, протоіерей (6 р. 3 р.).

145. Шебатинскій Григорій, свящ. (4 р. 75 к.); Шевченко Василій Романовичъ, крестьянинъ (3 р. 3 р.).

Щелкуновъ Кириллъ, протоіерей (3 р. 3 р.).

Юшковъ Алексій, свящ. (33 р. 30 р.); Юрковскій Ѳеодоръ, діаконь (3 р.).

150. Яковлевъ Павелъ, свящ. (3 р. 3 р.); Яковлевъ Михаѣль, свящ. (3 р. 3 р.); Яновскій Василій Николаевичъ (3 р.); Ястремскій Виталій, свящ. (3 р. 3 р.); Ястремскій Евфимій, свящ. (3 р.).

155. Ѳеодоровъ Василій, протоіерей (3 р. 3 р.); Мощенковъ Николай, свящ. (10 р.); Скубенко Николай Ивановичъ, Сумской купецъ 1 гильдіи (25 р.).

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

Пріемъ дѣвиць въ Харьковское Епархіальное Женское Училище въ августъ мѣсяцъ н. г. Совѣтомъ Училища будетъ производиться только въ приготовительный, пятый и шестой классы, а въ остальные классы пріема не будетъ за немѣніемъ вакансій.

Епархіальныя извѣщенія.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

Рождество-Бородичная церковь с. Шулкиной, Старобѣльскаго уѣзда.
Троицкая церковь с. Перекопа, Валковскаго уѣзда.
Преображенская церковь с. Бѣлолуцка, Старобѣльскаго уѣзда.
Николаевская церковь с. Лихачевки, Богодуховскаго уѣзда.
Григоріевская церковь с. Турья, Ахтырскаго уѣзда.
Іоанно-Предтечская церковь с. Рябушекъ, Лебединскаго уѣзда.
Алексадро-Невская церковь х. Ново-Александровки, Волчанскаго уѣзда.
Рождество-Богородичная церковь с. Смольяниновой, Старобѣльск. уѣзда.

Діаконскія.

Іоанно-Предтечская церковь с. Станичнаго, Валковскаго уѣзда.
Николаевская церковь с. Высокополья, Валковскаго уѣзда.
Покровская церковь с. Ново-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

Покровская церковь с. Гордища, Старобѣльскаго уѣзда.
Кирилло-Меодіевская церковь с. Райгородскаго, Бупянскаго уѣзда.
Іоанно-Богословская церковь с. Гемольши, Зміевскаго уѣзда.
Покровская Соборная церковь г. Бупянска, діаконское.
Воскресенская церковь с. Боголюбовки, Бупянскаго уѣзда.
Николаевская церковь г. Красноутеса, Богодуховскаго уѣзда.
Николаевская церковь с. Новой-Айдарки, Старобѣльскаго уѣзда.
Успенская церковь с. Вольнаго, Богодуховскаго уѣзда.
Благовѣщенская церковь г. Харькова.
Покровская церковь Харьковскаго Благотворительнаго Общества.
Іоанно-Предтечск. церковь с. Ново-Івановки, Зміевскаго уѣзда.
Петро-Павловская церковь с. Билынаго, Валковскаго уѣзда.
Алексадро-Невская церковь с. Александровки, Валковскаго уѣзда.

Покровская церковь с. Глазуньки, Змиевского уѣзда.
 Харьковского Реального Училища.
 Успенская церковь с. Коломака, Валковского уѣзда.
 Влад.-Богородичн. церковь с. Должика, Харьковского уѣзда.
 Арханг.-Михайловск. церковь г. Краснокутска, Богодуховского уѣзда.
 Рожд.-Богородичн. церковь с. Сѣнной, Богодуховского уѣзда.
 Введенская церковь с. Студенка, Изюмского уѣзда.
 Николаевская церковь с. Гѣвки, Харьковского уѣзда.
 Иоанно-Предтеченск. церковь с. Знаменского, Изюмского уѣзда.
 Воскресенская церковь с. Надеждовки, Изюмского уѣзда.
 Покровская церковь с. Старой-Водоляги, Валковского уѣзда.
 Николаевская церковь с. Ново-Александр., Старобѣльскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Поѣздка Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, въ Славянскъ и Святія Горы. — Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ въ Славянскѣ школы Министерства Народнаго Просвѣщенія. — Архіерейское служеніе 11 мая и релігіозно-нравственныя чтенія въ этотъ день. — Возвращеніе Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія въ Харьковъ и посѣщеніе имъ 2-й женской гимназіи. — Архіерейскія служенія 14 и 15 мая. — Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Духовной Семинаріи. — Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ гимназій — Маріинской и г. Григорьевичъ. — Отѣздъ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія въ Ахтырку. — Памяничество учениковъ церковно-приходскихъ школъ г. Лебедина.

Поѣздка Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, въ Славянскъ и Святія горы.

Выѣхавъ изъ Харькова по Севастоп. ж. д. 6-го мая въ 7 час. 54 мин. вечера, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній прибылъ 7-го мая въ 5½ час. утра на ст. „Славянскъ“. Тотчасъ, какъ только остановился поѣздъ, въ вагонъ, въ которомъ слѣдовалъ Владыка, вошли и представились Его Высокопреосвященству Святоторскій Архіепадритъ о. Вассіанъ, помощникъ благочиннаго священникъ о. М. Пономаревъ, Изюмскій уѣздный исправникъ баронъ А. Л. Раушъ фонъ-Траунбербергъ и начальникъ отдѣленія службы пути Севастоп. ж. д. В. С. Голоснякъ. Между тѣмъ на вокзалѣ ст. Славянскъ, не смотря на ранній часъ утра, собралось для встрѣчи Высокопреосвященнѣйшаго Владыки множество народа, представители управленія гор. Славянска, съ городскимъ головою П. М. Ламзинымъ, церковные старосты Я. М. Осекинъ, А. В. Шнурковъ, В. П. Борявинъ, духовенство гор. Славянска и Инспекторъ народныхъ училищъ Изюмскаго уѣзда г. Виноградовъ. Городской голова г. Ламзинъ подѣсь Его Высокопреосвященству отъ лица гражданъ хлѣбъ-соль и сказалъ привѣтствіе. Милостиво принявъ

хлѣбъ-соль и ласково отвѣтивъ на привѣтствіе, Владыка прова-
далъ всѣмъ благословеніе и отправился въ Александро-Невскую
церковь, находящуюся близъ станціи. Здѣсь, послѣ обычной встрѣчи
и возглашенія многолѣтствія, Владыка сказалъ краткую рѣчь о
томъ, что ему пріятно видѣть благолѣпный храмъ и слышать въ
немъ стройное пѣніе, при чемъ съ похвалою и благодарностью
отнесся къ строителю храму В. С. Голоснаку. Такъ какъ храмъ этотъ
предположено расширить пристройками, которыя уже и начались,
то Владыка пожелалъ успѣха въ начатомъ дѣлѣ и призвалъ на
него Божіе благословеніе. Въ заключеніи рѣчи Владыка самъ
произнесъ многолѣтіе строителямъ, благолѣтелямъ и прихожанамъ
св. храма сего. Послѣ этого, обратившись къ ученикамъ желѣзно-
дорожной и церковно-приходской школъ, собраннымъ въ церкви,
Владыка заставилъ ихъ пѣть нѣкоторыя церковныя пѣснопѣнія
хоромъ и предлагалъ вопросы изъ Закона Божія. Отвѣты дѣтей
были основательны, и Владыка остался ими, а также и пѣніемъ,
очень доволенъ. Послѣ этого, подъ личнымъ управленіемъ Владыки,
250 учениковъ, совмѣстно съ пѣвчими, пропѣли тропарь „Спаси,
Господи, люди Твоя“.

Высокопреосвященный высказалъ пожеланіе, чтобы въ храмѣ
пѣли всѣ молящіеся, а особенно учащіеся дѣти. Затѣмъ Владыка
осмотрѣлъ работы въ новостроящемся придѣлѣ храма и обѣщаль
совершать въ немъ первую молитву.

Послѣ сего, оставивъ для раздачи дѣтямъ крестики, Владыка
преподалъ народу общее благословеніе и отправился въ Св. Горы.

По пути въ Св. Горы, верстахъ въ 10 отъ Славянска, располо-
жено село Христищи, а вблизи Св. Горъ, верстахъ въ 2 отъ
нихъ, село Богородичное. Владыка заѣзжалъ въ эти села, осма-
тривалъ церкви, бесѣдовалъ съ прихожанами.. Въ Христищахъ, въ
церкви, были собраны дѣти школы грамоты. Владыка испытывалъ
ихъ въ знаніи молитвъ, символа вѣры и заповѣдей съ объясне-
ніями и остался доволенъ отвѣтами. Въ Богородичномъ церковно-
приходской школы нѣтъ; есть школа земская, но ученики этой
школы не были собраны въ церкви. Владыка былъ огорченъ
этимъ обстоятельствомъ и выразилъ по этому поводу свое не-
удовольствіе.

Въ 12^{1/2} час. дня Высокопреосвященнѣйшій Арсеній прибылъ
въ Святія Горы. Здѣсь о. Настоятель Святогорскаго монастыря
Архимандритъ Вассіанъ, со всею братіею монастыря, съ крестомъ
и св. водою, встрѣтилъ Владыку въ святыхъ вратахъ. Облачен-
ный въ мантию, съ посохомъ въ рукахъ, въ предшествіи всѣхъ

монашествующихъ съ пѣніемъ, сопровождаемый колокольнымъ звонемъ, Владыка вошелъ въ соборный храмъ. Здѣсь, приложившись къ престолу и къ св. иконамъ и выслушавъ эктению и многолѣтствіе, Владыка обратился къ братіи съ поученіемъ, въ которомъ главнымъ образомъ указалъ на то великое значеніе, которое имѣютъ монастыри въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія народа. „Монастыри, говорилъ Владыка, есть свѣточъ православія. Въ нихъ стремится нашъ добрый русскій народъ затѣмъ, чтобы и помолиться поусерднѣе, и видѣть, и слышать чинное, полное, истовое Богослуженіе и умилительное пѣніе, и поучиться доброй нравственной жизни у монашествующихъ, подражать имъ въ подвигахъ поста и молитвы и въ терпѣніи разнаго рода лишеній и скорбей. Народу извѣстны имена великихъ подвижниковъ: преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, Сергія Радонежскаго, Нила Сорскаго, Серафима Саровскаго и другихъ. По этимъ великимъ именамъ онъ судитъ о монастыряхъ, какъ о высшихъ вмѣстителяхъ благочестія и святости жизни, надѣясь и нынѣ видѣть среди монашествующихъ добрые примѣры въ этомъ отношеніи. А посему, чтобы надежды эти не оказались обманчивы, чтобы ожиданія народа—найти въ монастырѣ высшее духовное утѣшеніе—не были тщетны, монашествующіе должны строго за собой слѣдять, свято и нерушимо исполнять всѣ свои иноческіе обѣты, дабы какому либо уклоненіемъ отъ нихъ не смутить вѣры народной, не произвести въ душахъ простыхъ людей соблазна и тѣмъ навлечь на себя нареканіе“. Послѣ сихъ словъ, преподавъ общее всѣмъ благословеніе, Владыка, сопровождаемый всей братіей, прослѣдовалъ въ назначенные ему покон.

Въ 6 часовъ вечера раздался звонъ ко всеобщей. Высокопреосвященнѣйшій Владыка „со славою“ прошелъ въ соборный храмъ. Всеобщее бдѣніе совершалось полнымъ праздничнымъ чиномъ, по монастырскому уставу и продолжалось до 11 часовъ. Владыка позволялъ выходить на литію и на величаніе и помазывалъ св. елеемъ молящихся почти до окончанія всеобщей. Богомольцевъ въ Св. Горахъ, по случаю праздника въ честь Св. Николая и совершаемаго наканунѣ его крестнаго хода въ Святогорскій скитъ, всегда бываетъ много. Нынѣ же, по случаю пріѣзда Высокопреосвященнѣйшаго Архiepастыря, ихъ собралось около 10 тысячъ. Огромный Святогорскій соборъ не могъ вмѣстить всей этой массы; поэтому для не вошедшихъ въ соборъ служилась другая всеобщая въ часовнѣ, находящейся во дворѣ монастыря, близъ собора.

8-го мая—день тезоименитства Высокопреосвященнѣйшаго

Арсеція. Въ 7¼ час. утра Владыка „со славом“ прибылъ въ соборъ и здѣсь былъ облаченъ въ полное епископское облаченіе. Затѣмъ онъ благословилъ крестныйъ ходъ и отправился по главу его, въ предшествіи днѣ архимандритовъ (Сантаверскаго, Вассиана и Редовискаго, Доянъ), мношыхъ іеромонаховъ, іеродіимовъ и првчудъ въ Сантаверскаій скитъ, иначе называемый „Святое мѣсто“, въ храмъ Преподобнаго Арсеція Вадикаго; ижесть котораго празднуется въ этотъ день. Крестныйъ ходъ совершился на лодкахъ по рѣкѣ Донуду представлялъ собой картину рѣдкой красоты и величія. Впереди шла лодка съ пѣвцами, вслѣдствіе послѣдній моментъ. За ней шла большая лодка, въ которой находился Высочайшесамодѣльный Владыка съ духовенствомъ; причѣмъ іеромонахи держали въ рукахъ св. цюны и кресты; іеродіимы были съ пѣвцами въ рукахъ; а послушники держали коругви. За второй лодкой шла пѣвца; фисгалія лодка, на которой было множество народа и между прочимъ 20 воспитанниковъ Школоградской гимназіи съ своимъ заправителемъ. Шрибнѣ въ 8¼ час.), Владыка совершилъ литургію. Послѣ литургіи, былъ отслуженъ молебенъ Преподобному Арсенію, память котораго празднуется въ этотъ день. Въ концѣ молебна (просѣи првчудія Епифанія) крестный ходъ въ томъ же порядкѣ и составѣ, отправился обратно въ монастырь. По приходѣ въ соборъ, Владыка сдѣлалъ отпускъ, а о. протодіаконъ возгласилъ высокому ияниннику, Высокопреосвященнѣйшему Арсенію, многолѣтіе. Послѣ сего Владыку „со славом“ проводили въ покои, гдѣ ему и сослужащимъ съ нимъ предложены были чай и трапеза.

Въ 6 час. вечера въ соборной Успенской церкви началось всенощное бдѣніе и продолжалось такъ же, какъ и наканунѣ, до 11 ч. ночи. Владыка выходилъ на лѣтію и возмчаніе и показывалъ св. елеемъ молящихся до окончанія всенощной. Во дворѣ монастыря, въ часовнѣ, служилась для богомольцевъ, непомѣстившихся въ храмъ, другая всенощная.

9-го мая Владыка совершилъ литургію въ той же Успенской соборной церкви. Послѣ литургіи былъ отслуженъ молебенъ Св. Николаю съ провозглашеніемъ многолѣтій Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду, Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Арсенію, настоятелю и братіи монастыря.

Вторую половину этого дня Высочайшепреосвященнѣйшій Арсеній посвятилъ на обзрѣніе зданій въ монастырскихъ хуторѣхъ—большиничной церкви и самой больницы,—затѣмъ—Пресображенской церкви; дорван-школы въ хуторѣ Пришибѣ и школы въ селеніи

Банномъ. Въ болыничной церкви Владыка бесѣдовалъ съ братією (среди которой было довольно много глубокихъ старцевъ)—о жизни загробной, о приготовленіи къ оной...

Въ Преображенской церкви обратилъ вниманіе на художественную живопись въ иконостасахъ, а съ прилегающей ко храму галлерей любовался прекраснымъ видомъ, открывающимся оттуда на весь монастырь, на рѣку Донецъ и на далекое пространство кругомъ. Въ школахъ въ кл. Пришибѣ и въ селеніи Банномъ Владыка сирашвалъ удѣлецъ школьничковъ молитвы, заставлялъ ихъ пѣть хоромъ, бесѣдала съ народомъ о пользѣ ученія и раздавалъ дѣтямъ крестики. По пути на монастырскій хуторъ Владыка заѣхалъ въ домъ графа Рибоньера, наследника умершей Благодѣтельницы Святородского монастыря внигвицъ Т. В. Потѣминой. Въ домѣ есть небольшая церковь. Осмотрѣвъ ее, Владыка выразилъ сожалѣніе о ея глубокомъ внутреннемъ видѣ и бѣдности утвари.

На другой день 10-го мая въ 9 час. утра Его Высокопреосвященство отбылъ изъ Св. Горы въ гор. Славянскъ.

Прибывши опять въ г. Славянскъ Владыка (тогда) отправился въ главную Троицкую церковь, гдѣ было встрѣченъ нѣмъ собравшимся городскимъ духовенствомъ и множествомъ народа. Настоятель Троицкой церкви священникъ о. Михаилъ Пономаревъ привѣтствовалъ Владыку слѣдующей рѣчью:

Ваше Высокопреосвященство,

Высокопреосвященнѣйшій Владыка,

Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Жители г. Славянска издавна отличаются своимъ глубокимъ благочестіемъ, преданностію св. православною вѣрѣ, добрыми нравами и похвальными обычаями, рѣдкимъ усердіемъ къ посѣщенію храмовъ. Возникъ—особенно въ воскресные и праздничные дни. Оставалась въ тому же всегда послушными своимъ пастырямъ, они особенную любовь и признательность, послушаніе, покорность и преданность выражаютъ своимъ благодарными Архипастырямъ; и тѣ рѣдкіе дни, когда Епископы Харьковскіе посѣщали г. Славянскъ и совершали богослуженіе въ одномъ изъ городскихъ храмовъ, для жителей города всегда оставались и нынѣ остаются—днями радостнымъ, доретими и незабвеннымъ. Въ это время каждый, отъ мала до велика, стремится въ храмъ. Воишь, чтобы удостоиться съ благоговѣннымъ чувствомъ получить святительское благословеніе и умалиться—душею и сердцемъ, присутствуя при совершеніи благолѣпно-торжественнаго архіерейскаго богослуженія.

И вотъ это множество людей всякаго званія и состоянія, идѣсь собравшихся, ясно говорить за то, съ какими нетерпѣливымъ и искреннимъ, радостнымъ чувствомъ каждый изъ нихъ желаетъ встрѣтить Васъ, Ваше Высокопреосвященство, и услышать къ своему назиданію изъ устъ Вашихъ обычное, краснорѣчивое, но въ то же время и простое—всѣмъ и каждому понятное—душевное слово; получить наставленія и благожеланія съ ловаи Вы, Ваше Высокопреосвященство, востда изволите сердечно обратиться къ своимъ слушателямъ, какъ добрый отецъ обращается къ своимъ дѣтямъ. А мы—пастыря, душевно радуясь такому доброду и должному сердечному расположенію своимъ приходомъ и особенно восторженному настроенію нѣ въ данную минуту при встрѣчѣ Вашего Высокопреосвященства и зная нѣ искренность, съ сыновнею любовью выстъ съ нами привѣтствуемъ Васъ, Нашего благодѣявшаго Архипастыря, изволившаго въ первый разъ вступить подъ свѣтъ сего св. храма и съ благоговѣинымъ чувствомъ и глубокимъ смиреніемъ, проси Вашихъ святыхъ молитвъ, чаемъ получить Ваше святительское благословеніе.

Выслушавъ эту рѣчь, Владыка преподѣлъ общее благословеніе о. Настоятеля и всѣмъ собравшимся въ храмъ богомольцамъ. Послѣ этого онъ обратился къ нимъ съ краткою, но сердечною рѣчью. Затѣмъ собравшіеся въ церкви ученики церковно-приходской школы, по желанію Архипастыря, съѣли въсьольно молить.

Изъ Троицкой церкви Владыка отбылъ осматривать Всѣхсвятеную церковь, гдѣ былъ встрѣченъ настоятелемъ церкви о. Василиемъ Полтавцевымъ. Высокопреосвященный Арсеній здѣсь бесѣдовалъ съ народомъ и раздавалъ крестики дѣтямъ. Далѣе была посѣщена Воскресенская церковь, на минеральныхъ водахъ, гдѣ встрѣчалъ Владыку мѣстный причтъ, во главѣ съ настоятелемъ о. Николаемъ Доброславскимъ. Послѣ обычнаго многолѣтія Царствующему Дому, Святейшему Синоду, Владыка провинсь многолѣтіе благодѣянію святаго Воскресенскаго храма, рабу Божию Авксентію и прихожанамъ, такъ какъ Воскресенскій храмъ прекрасно устроенъ на личныя средства церковнаго старосты Авксентія Васильевича Пнуркова. При пѣніи пасхальнаго канона Архипастырь осматривалъ подробно церковь, и при этомъ священникомъ о. Доброславскимъ показанъ былъ Высокопреосвященному столъ, на которомъ выходился гробъ съ тѣломъ въ Возѣ почившаго Императора Алексаидра I при переездѣ Его изъ г. Таганрога въ С.-Петербургъ. Владыка сказалъ слово о важности школы для дѣтей, о вредѣ

пьянства, вразумил и о значеніи благоцестія, послѣ чего бесѣдовали съ дѣтьми и одѣляли ихъ крестиками.

Во второклассной церковно-приходской школѣ было собрано 300 учащихся.

Архидиаконъ спрашивала дѣтей до Закона, Божію. Въ домѣ почетеля и устроителя второклассной и одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ А. В. Шауркова Владыкѣ были предложены чай. Въ субботу-же, 10-го мая, Владыка, побывавъ славянскую женскую прогимназію, гдѣ были встрѣчены инспекторомъ народныхъ училищъ, председателемъ педагогическаго совѣта, прогимназіи, почетельницами, начальницами, г-жею Штегеръ, и учительницами. Владыка, послѣ разспроса и пѣлии учащихся, рассказалъ исторію явленія иконы Казанской Божіей Матери десятилѣтней дѣвочкѣ и раздала крестикъ.

11-го мая была совершена въ соборѣ Божественная литургія съ сослуженіи настоятеля Святогорской пустыни архимандрита Василіана, настоятеля Рясинскаго монастыря архимандрита Іова, а ректора духовной семинаріи протоіерей Знаменскаго и духовенства округа. Всѣ служащіе, въ числѣ 12 членовъ, были въ бѣлыхъ облаченіяхъ; пѣли два хора: Троицкой, церква и ученикомъ второклассной церковно-приходской школы и одноклассной Воскресенской церковно-приходской школы. Многочисленная толпа была въ храмѣ и стояла на площади предъ Троицкою церквью.

Послѣ Божественной литургіи Высокопреосвященный Архидиаконъ дозволялъ пожаловать на школьный праздникъ въ славянскую второклассную церковно-приходскую школу, куда была собрана болѣе 600 учащихся всѣхъ церковно-приходскихъ школъ г. Славянска. Празднество началось пѣніемъ тропаря Св. Мессидію и Кириллу; затѣмъ учащіеся пѣли гимны Мессидію и Кириллу, евангелію Владиміру, славянскія пѣсни; были дѣтьми пропозессены стихотворенія релігіозно-нравственнаго и патриотическаго содержания, игралъ ученическій оркестръ. Затѣмъ празднество пѣніемъ народнаго гимна. Въ водолечебномъ заведеніи славянскихъ минеральныхъ водъ былъ предложенъ Владыкѣ обѣдъ. При входѣ въ паркъ минеральныхъ водъ Владыка былъ встрѣченъ членами управленія водъ; военный оркестръ игралъ „Коль славенъ“... Въ концѣ трапезы Владыка дозволялъ предложить, посты за здоровье Государя Императора и Царствующаго Дома, а затѣмъ за городъ Славянскъ, гражданъ и присутствующихъ. Городской голова провозгласилъ здоровье Владыки. Владыка пожаловалъ префектамаіа городу Славянску и развитія минеральныхъ водъ, полезныхъ для

страждущаго человечества, и благословить присутствующихъ, отъправился на станцію. Когда Высокопреосвященный Владыка, идя въ поѣздъ върять городъ Славянскъ, тогда народа стояла на улицѣ. На платформѣ № 3, ученики славянскихъ церковно-приходскихъ школъ проводили Владыку пѣніемъ „многа дѣта“, а на платформѣ № 2 игралъ оркестръ учениковъ городского приходскаго училища „Коль славень“... и дѣти пѣли „многа дѣта“. Все время Высокопреосвященный Архипастыръ стоялъ на площадкѣ вагона и благословлялъ народъ.

Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ въ Славянскѣ школы Министерства Народнаго Просвѣщенія. Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковский, во время своего посѣщенія г. Славянска пожелалъ посѣтить министерскія училища города, но, по краткости времени, онъ просилъ собрать учениковъ нѣкихъ славянскихъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ одномъ помѣщеніи. Это желаніе Владыки было исполнено, и ученики славянскихъ училищъ: городского, четырехкласснаго, двухкласснаго приходскаго, однокласснаго мужскаго и однокласснаго женскаго приходскихъ были въ назначенное время собраны въ указаннѣ двухкласснаго приходскаго училища.

Когда къ училищу подъѣхала карета съ Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, то навстрѣчу Владыкѣ изъ училища вышли: инспекторъ народныхъ училищъ Дзюмскаго уѣзда Н. З. Виноградовъ и почетный блюститель училища Е. Е. Язевъ. Въ сопровожденіи этихъ лицъ и духовенства Владыка прошелъ въ обширный залъ гдѣ собраны были учащіяся четырехъ училищъ. Ученики встрѣтили Владыку положеннымъ пѣніемъ, подъ звуки котораго Высокопреосвященнѣйшій Арсеній вошелъ на возвышеніе впередъ залы къ обрамкамъ и здѣсь совершилъ краткую молитву, послѣ которой благословилъ учениковъ. Послѣ этого инспекторъ народныхъ училищъ обратился къ Владыкѣ съ привѣтствіемъ.

Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, поблагодаривъ инспектора за выраженныя чувства. Затѣмъ инспекторъ народныхъ училищъ предложилъ Владыкѣ прослушать нѣкіе учениковъ и звукъ духовнаго оркестра училища. Владыка милостиво согласился, пожелавъ, чтобы ученики исполнили: „Боже, Царя храни!“ Часть учениковъ заиграла, другая часть пѣла. Владыка одобрилъ исполненіе.

Кромѣ народнаго гимна, Владыка выслушалъ въ исполненіи духовнаго училищскаго оркестра „Коль славень нашъ Господь“ и приступилъ затѣмъ къ провѣркѣ пѣваній учащихоя по Закону Божію. При этомъ, впрочемъ и ладное отношеніе къ учащимся

такъ хорошо дѣйствовало на дѣтей, что они бойко и увѣренно отвѣчали на вопросы Владыки.

Въ заключеніе, подъ Архипастырское благословеніе подошли учащіе, и Владыка благословилъ ихъ крестивыми. Передавъ потомъ цѣлую коробку крестиковъ, для раздачи учащимся, инспектору народныхъ училищъ и попросившись съ учениками, Высокопреосвященный Арсеній направился къ выходу. Въ это время инспекторъ народныхъ училищъ в почетный блюститель училища Е. Е. Язевъ обратился къ Владыкѣ съ просьбой внести записку о посѣщеніи училища въ особую книгу, предназначенную для такихъ записей почетныхъ посѣтителей училища. Въ книгѣ Владыка написалъ слѣдующее: „1903, мая 10, посѣтилъ территорію города Славянска училища, слушалъ отвѣты по Закону Вѣрѣ, церковное пѣніе и игру съ пѣніемъ народного гимна и вполне утѣшился добрымъ впечатлѣніемъ. Арсеній, Архипископъ Харьковскій“. Въ день отъѣзда Владыки изъ Славянска, учащіе и учащія министерскихъ училищъ собраны были, въ ожиданіи поѣзда въ Славянскихъ минеральныхъ водахъ, гдѣ въ этотъ день городъ чествовалъ архипастыря обѣдомъ, у второй городской платформы. Когда поѣздъ съ Владыкой остановился здѣсь, то онъ встрѣченъ былъ подобающимъ пѣніемъ учениковъ и затѣмъ во все время остановки поѣзда ученики пѣли и играли „Коль славенъ“. Когда же поѣздъ тронулся, то ученики побѣжали за отъѣзжающимъ Архипастыремъ и долго еще Высокопреосвященный Арсеній видѣлъ дѣтей бѣгущими за вагономъ и благословлялъ ихъ. «Южн. Кр.».

Архипастырское боислуженіе 11 мая. Въ день памяти преподобныхъ Кирилла и Меодія, въ Благовѣщенской церкви Божественную литургію совершилъ Преосвященный Стефанъ. На Богослуженіи присутствовали всѣ учащіеся въ церковно-приходскихъ школахъ г. Харькова, числомъ до 2 тысячъ человекъ.

Вечеромъ 11 мая были предложены релігиозно-правовые чтенія въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) въ Покровскомъ монастырѣ законоучителемъ 2-й гимназіи о: Петромъ Вишняковскимъ „о 4 и 5 прошеніяхъ молитвы Господней“ и законоучителемъ Коммерческаго училища о: Іоанномъ Филевскимъ „жизні св. законоучителя славянскимъ Кирилла и Меодія“; 2) на Зинковѣ, въ Александро-Невской церкви священникомъ о: Владиміромъ Шаповаловымъ „о совѣсти“ (на Ев. Мат. 5, 25—26) и о: діакономъ В. Рудяковскимъ „о чудотворныхъ иконахъ“; 3) на Пилосовѣ, въ вагонныхъ мастерскихъ о: благочиннымъ городскимъ церквей, священникомъ Петромъ Омичевымъ „о трудѣ“; 4) Въ Архангело-

Михайловской церкви священникомъ о. Георгіемъ Введенскимъ „Объ исцѣленіи Христомъ слѣпорожденнаго“; 5) на Холодной горѣ, въ Мѣшанской богадѣльнѣ священникомъ о. Николаемъ Брагировымъ „о нечистыхъ мысляхъ“ и житіи св. Кирилла и Мѣодіа“ (урочилъ воспитанникъ Семинаріи 6 кл. Е. Нѣмчиновъ); 6) На паровозо-строительномъ заводѣ, епархіальнымъ миссіонеромъ „О священномъ преданіи, какъ необходимомъ источникѣ истиннаго христіанскаго вѣроученія и правоученія“. Этими чтеніемъ закончили другъ миссіонерскихъ бесѣдъ „противо-сектанскаго характера, которыя велись на заводѣ по воскресеньямъ, начиная съ осени и до первыхъ чиселъ настоящаго мѣсяца включительно.

Однимъ изъ слушателей этихъ бесѣдъ вотъ что пишетъ о нихъ въ Харьк. Вѣд. Сообразно главной цѣли, которую преслѣдовала эти бесѣды, онѣ велись главнымъ образомъ на „самыя животрепещущія“ темы, посвящались вопросамъ, представляющимъ наиболѣе острые камни претканинъ и соблазна для сектантовъ и вызывающимъ съ ихъ стороны особенно уверное и ожесточенное отрицательное отношеніе. Такъ, послѣднія бесѣды были посвящены вопросамъ: О почитаніи св. Креста и иконопочтаніи, о крещеніи младенцевъ, о покаяніи Вогу изъ духъ и истинѣ.

Слушателямъ восточно-предоставлялись полная свобода высказывать откровенно и не стѣсняясь свои возраженія и недоумѣнія, которыя тутъ же въ живой бесѣдѣ, всѣмъ доступной, опровергались и разъяснялись миссіонеромъ. Обыкновенно доводы, приведенные противъ заблужденій сектантовъ, развивались самымъ подробнымъ образомъ и въ концѣ бесѣды резюмировались въ видѣ краткаго общаго положенія.

И не разъ случалось, что слушатели, очевидно удовлетворенные и вполне убѣжденные представленными имъ доводами, высказывали, въ самыхъ душевныхъ и непринужденныхъ выраженіяхъ, свою благодарность устроителямъ чтеній.

Слѣдуетъ отмѣтить серьезное, спокойное и твердое настроеніе; наивѣрно царившее въ этой напряженно-внимательной и чуткой аудиторіи, благодаря не обострившемуся въ форму какого-нибудь нежелательнаго инцидента.

Планируему это строеніе удачно побывать на одной изъ этихъ бесѣдъ въ началѣ года и затѣмъ, сильно заинтересованному, уже постоянно посѣщать ихъ, не исключая и послѣдней, одной изъ самыхъ значительныхъ и оживленныхъ.

Теперь, когда это дѣло имѣетъ за собою уже нѣкоторое прошлое, блестяще доказавшее его жизнеспособность, нельзя сомнѣваться

въ томъ, что польза его несомнѣнна и громадна, что оно явится народнѣму дарнѣйшей потребности народа. Народъ нашъ жаждетъ свѣда; вопросы возбуждаемыя катанскими для него вопросы не теоретической только, но громадной: общественной важности, они живо интересуются ими, смущаясь, думая: почтѣе все, выходящее изъ устъ сактантовъ, но не умѣетъ разобратъ въ этой путаницѣ.

Высвѣд. его на вѣрную дорожку имеютъ только свѣдѣе, убѣдѣдѣе, живое слово, раздѣвѣдѣе съ церковной доктрины. И постоидѣдѣе громаднѣе усѣдѣе бѣдѣе, которымъ посвящена эта бѣдѣе замѣтка, не оставляетъ сомнѣнѣе въ томъ, что народъ хочетъ и умѣетъ слушать такое слово.

Миссионерскѣе бѣдѣе на народное строительство заводѣе на срднѣе время, на лѣтнѣе мѣдѣе, временно прѣдѣе в будущѣе возобновлены съ осѣе.

Возвращеніе Высокопреосвященнѣйшаго Арсеція изъ попадѣе и посѣщеніе имъ 2-й жемской гимназіи. 12-го мая утромъ въ 5 часѣе возвратѣе изъ поѣдѣе въ Святѣе горы Высокопреосвященнѣйшій Арсецій. По долгу главнѣйшаго и отвѣтственнаго наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божіа въ Славей сѣдѣе, Высокопреосвященнѣйшій Владыка, всомотри на недомоганіе вслѣдствіе простуды, въ тотъ же день, въ 9^{1/2} час. утра, посѣдѣе 2-ю Харьковскую жемскую гимназію. Въ торжественнои залѣ гимназіи были собраны всѣ ученицы, которымъ и встрѣдѣе Владыку пѣдѣе наскальнѣе трѣдѣе. По оповѣдѣе пѣдѣе Его Высокопреосвященство вренодѣе благоволеніе всѣе присутствовавшимъ и направѣе въ 8 классъ, въ которомъ былъ назначенъ экзаменъ по Закону Божію. Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ самъ вынѣе ученицъ и производѣе испытаніе; затѣе Владыка сказѣе назидательное слово выпускнымъ ученицамъ, благоволенѣе ихъ и рѣдѣе на память о своемъ посѣдѣе крестикѣ. Простившись съ ученицами, Его Высокопреосвященство посѣдѣе начальнику заведенія и въ 12 часѣе обѣдѣе въ гимназіи, прощаемѣе ученицами 8-го класса съ пѣдѣе *сез пѣдѣе ами, десѣе*. Отвѣдѣе воспитанница Владыка остался доволенѣе.

Богослуженіе 14-го и 15-го мая. 14 мая, въ высокопреосвященнѣйшій день Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Федоровны, въ мѣстномъ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ Епископомъ Сумскимъ Преподобнымъ Стефаномъ, въ сослуженія городского духовенства, совершена была литургія и благодарственное Господу Богу молебствіе.

На Богослуженіи въ соборѣ присутствовали: управляющій въ настоящее время Харьковской губерніи вице-губернаторъ В. П. Азичевскій Азичевъ, штабъ и оберъ офицеры оставшагося въ Харьковѣ гарнизона войскъ, представители казенныхъ и общественныхъ учреждений и много молящихся обывателей города. По окончаніи молебствія на Соборной площади состоялся церковный въисковой парадъ. Весь день городъ украшенъ былъ установленными флагами, а вечеромъ иллюминированъ.

Въ четвергъ, 15 мая, въ день Вознесенія Господня, чествовала свой храмовой праздникъ Вознесенская церковь. Божественную литургію въ ней совершалъ Преосвященный Стефанъ, Епископъ Сумскій.

Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Духовной Семинаріи. Внимательно слѣдя за преподаваніемъ Закона Божія и релігіозно-нравственнымъ развитіемъ учащихъ въ мѣстныхъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, по прежнему, особенное вниманіе посвящалъ наблюденію за учебно-воспитательной частью въ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и по преимуществу въ Духовной Семинаріи, изъ которой выходятъ его ближайшіе помощники и соратники на нивѣ Христовой. Въ послѣднее время—это вниманіе къ Семинаріи Архипастырскъ выразилъ частымъ посѣщеніемъ ея и производствомъ экзаменовъ въ старшихъ классахъ. Такъ, Владыка—посѣтилъ Семинарію 17 мая. Прибывъ въ Семинарію въ половинѣ 10 часа, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній былъ встрѣченъ ректоромъ Семинаріи, протоіереемъ Знаменскимъ, и учительской корпораціей. Благословивъ встрѣтившихъ его лицъ, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній и направился въ 6-й классъ, гдѣ въ его присутствіи начался экзаменъ по Догматическому Богословію. Въ 6-мъ классѣ Владыка пробылъ до 12 часовъ, задавая вопросы экзаменовавшимся воспитанникамъ. Отвѣтами воспитанниковъ Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, повидимому, остался доволенъ. 20 мая Высокопреосвященнѣйшій Арсеній вновь посѣтилъ Семинарію и присутствовалъ на экзаменѣ воспитанниковъ 6 класса по Пастырскому Богословію. Экзаменуя воспитанниковъ, Владыка дѣлился съ ними свѣдѣніями изъ своей богатой обытомъ архипастырской жизни, вслѣдствіе чего экзаменъ по Пастырскому Богословію былъ необыкновенно интересенъ и поучителенъ какъ для преподавателей, такъ и для окончивающихъ курсъ воспитанниковъ. Во дни своего отъѣзда изъ Харькова Высокопреосвященнѣйшій Арсеній поручалъ надзоръ надъ учебнымъ дѣломъ въ духовно-

учебнымъ заведеніяхъ Преосвященнѣйшему Стефану. Семинарію Преосвященнѣйшій Стефанъ изволялъ посѣтить два раза: одинъ разъ присутствовалъ на экзаменѣ по гомилетикѣ, а другой—на экзаменѣ по латургикѣ въ V классѣ.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященства Архіепископомъ Арсеніемъ Маріинской гимназіи и гимназіи Грегорцевичъ. Въ понедѣльникъ, 19 мая, въ девять часовъ, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній почтилъ своимъ посѣщеніемъ первую женскую гимназію. При входѣ Владыка былъ встрѣченъ г. Попечителемъ Харьковскаго учебнаго уруга, тайнымъ совѣтникомъ Михаиломъ Мартыновичемъ Алексѣенко, начальствующими лицами и о.о. законоучителями. Преподавъ благословеніе стоявшимъ здѣсь ученицамъ младшихъ классовъ, Его Высокопреосвященство ходилъ наверхъ, гдѣ тоже благословилъ стоявшихъ ученицъ старшихъ классовъ. Когда Архипастыръ вступилъ въ залу гимназіи, онъ былъ встрѣченъ пѣніемъ хора ученицъ тропаря Вознесенію. Во время происходившаго здѣсь экзамена воспитанницъ VII класса по Закону Божію, Владыка самъ спрашивалъ ученицъ. При выходѣ послѣ экзамена Его Высокопреосвященства изъ зала хоръ пѣлъ исъ пола эти, деспота, и Спаса Господя. Въ половинѣ перваго Высокопреосвященнѣйшій Арсеній оставилъ гимназію.

21 мая Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, посѣтилъ женскую гимназію имени Н. Я. Грегорцевичъ, гдѣ былъ встрѣченъ предсѣдателемъ педагогическаго совѣта д. с. с. Ф. К. Максимовичемъ, начальницею гимназіи и мѣстнымъ законоучителемъ,—присутствовалъ на экзаменѣ по Закону Божію въ 7 классѣ,—вѣдѣи посѣтилъ начальницу гимназіи въ ея помѣщеніи, и въ 12 ч. отбылъ изъ гимназіи, предварительно обратившись къ экзаменованнымъ воспитанницамъ съ благожелательными напутственными словами и преподавши всѣмъ присутствовавшимъ и ученицамъ свое архипастырское благословеніе.

— 2 мая Высокопреосвященнѣйшій Арсеній въ 3-й разъ отправился на обзорніе своей новой епархіи. Въ этотъ разъ Владыка намѣренъ посѣтить г. Ахтырку и ея окрестныя селенія.

Паломничество учениковъ церковно-приходскихъ школъ г. Лебедина въ с. Березки. Умицательную картину можно было видѣть въ городѣ Лебединѣ 11-го мая: сотни дѣтей, учащихся въ городскихъ церковно-приходскихъ школахъ, подъ руководствомъ о.о. завѣдующихъ, законоучителей и учительницъ въ сопровожденіи многочисленной толпы стройными рядами шли послѣ своихъ тру-

довъ на поклоненіе чтимому образу Святой мученицы Параскевы, находящемуся въ с. Бережкахъ, въ 7 верс. отъ города. Мысль объ этомъ паломничествѣ дѣтей-школьниковъ давно занимала мѣстнаго Благочиннаго и Предсѣдателя уѣзднаго училищаго отдѣленія, священника о. Петра Чудновскаго. Въ прошлые годы онъ осуществлялъ ее въ малыхъ размѣрахъ для одной своей школы; въ настоящемъ же году стараніями о. Петра въ паломничествѣ на поклоненіе св. Параскевѣ приняли участіе всѣ учащіе и учащіяся въ церковно-приходскихъ школахъ г. Лебедина. Не легкая была задача—организовать это симпатичное паломничество такъ, чтобы каждый изъ участниковъ, независимо отъ возраста и положенія, получилъ полное духовное удовольствіе; но насколько трудна была эта задача, настолько же успѣшно она была и выполнена.

По предложенію о. Благочиннаго, всѣ учащіяся съ учащими по окончаніи литургіи собрались къ 11 час. дня, въ ограду Соборной церкви. Въ 11 час., по данному знаку, всѣ дѣти стали въ стройные ряды, съ рѣдкимъ воодушевленіемъ запѣли свѣтло-радостную пѣснь „Христосъ воскресъ“ и подъ звуки Божественныхъ пасхальныхъ пѣснопѣній и величественнаго гимна св. Кириллу и Меодію двинулись въ путь, оглашая улицы города своими звонкими голосами; чуть ли не изъ каждаго дома выходили жители Лебедина, и старые и малые, посмотрѣть на радость и счастье дѣтей, и послушать ихъ воодушевленное пѣніе.

Выйдя за городъ и очутившись на лонѣ богатой природы, дѣти получили позволеніе идти, такъ сказать, въ—разсыпную, а за $\frac{1}{2}$ версты до с. Бережкн снова были выстроены въ ряды и съ пѣніемъ гимна и пасхальныхъ пѣснопѣній вступили въ село и въ самый храмъ Божій; здѣсь предъ образомъ Св. мученицы Параскевы всѣмъ городскимъ духовенствомъ отслуженъ былъ молебень, на которомъ стройно и гармонично пѣлъ хоръ учащихся. Широкой волной разносилось могучее пѣніе молодой народной массы, съ силой ударяло по лучшимъ струнамъ каждой чуткой души, вызывая даже слезы на глазахъ многихъ молящихся, и приносило въ душу тотъ благодатный миръ и покой, какой можетъ дать только совмѣстная вскрешняя молитва. Послѣ молебна, приложившись къ пречистому образу и получивъ окропленіе св. водою, дѣти вышли на живописный лугъ, гдѣ имъ былъ предложенъ горячій обѣдъ, и розданы конфеты; затѣмъ дѣти, предоставленыя самимъ себѣ, развлекались игрой въ мячъ, бѣгомъ взапуски, пѣніемъ и другими невинными удовольствіями. Лица дѣтей всѣхъ

до одного сіяніи чистой неподдѣльной радостью; во всѣхъ ихъ замѣчался необычайный подъѣмъ и возбужденность духа дѣтской радости. Стоялъ тихій, ясный день, солнце блистало своими яркими лучами, множество жаворонковъ въ выси небесной заливалось своими звонкими серебрястыми трелями, вторя какъ это, невиннымъ дѣтскимъ голосамъ. Радость дѣтей была нѣсколько омрачена, когда имъ объявлено было, чтобы они снова собирались въ путь, но каждый уходилъ нравственно удовлетвореннымъ, съ истиннымъ духовнымъ удовольствіемъ, надѣясь и въ грядущіе годы насладиться такой чистой радостью.

Дай Богъ, чтобы эти надежды сбылись, и чтобы наши дѣти въ день памяти просвѣтителей славянъ всегда вкушали свѣтлой духовной радости. Паломничество учащихся дѣтей, развивая прежде всего религіозное чувство, является еще и той связью, которая скрѣпляетъ взаимныя отношенія и дружескій союзъ между ними, сглаживаетъ всякія неровности и шероховатости въ отношеніяхъ участниковъ и воспитываютъ въ дѣтяхъ любовь и уваженіе къ наставникамъ, а у наставниковъ любовь и участіе къ маленькому дѣтскому возрасту.

Овяц. К. Степанко.

Опечатка въ 8-мъ № Листка за т. годъ. На 244 стран. Листка для Харьк. Еп. за текущій годъ, на 6-й строчкѣ снизу, вмѣсто словъ „Высокопреосвященнаго Архипастыря“ слѣдуетъ читать „другую простѣщеннѣйшаю Архипастыря“.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

Въ г. Костромѣ съ 1902 г. издается иллюстрированный журналъ

„ОБОЗРѢНІЕ ПЧЕЛОВОДСТВА“

выходитъ 6 разъ въ годъ (по выпуску черезъ мѣсяцъ) сброшюрованными книжками подъ редакціей инструктора пчеловодства Г. А. Кузьмина. Журналъ выходитъ по обширной программѣ и главной задачей ставитъ ознакомленіе пчеловодовъ со всѣми журнальными статьями, появляющимися въ другихъ изданіяхъ, если только эти статьи имѣютъ интересъ съ точки зрѣнія практика-пчеловода. Подписная плата на годъ съ первымъ номеромъ **ОДИНЪ РУБ.** Адресъ: г. Кострома, редакціи журнала „Обозрѣніе Пчеловодства“. Журналъ за 1902 г. высылается по полученіи одного руб. По желанію подписника журналъ высылается наложеннымъ платежомъ (на первый номеръ), во въ такомъ случаѣ, при полученіи журнала, уплачивается 1 руб. 20 коп. Пробный № высылается по полученіи 3 семикоп. поч. марокъ.

„Обозрѣніе Пчеловодства“ удостоено благословенія отца Іоанна Кронштадтскаго.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Іюня № 11. 1903 года.

Содержаніе. Отъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ. — Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ. — Отъ Собора Харьковского Епархіальнаго Женскаго Училища. — Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

Отъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ.

Циркулярнымъ отношеніемъ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 19 марта 1903 года за № 492, предписано правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ доставлять въ Учебный Комитетъ свѣдѣнія о всѣхъ случаяхъ увольненія воспитанниковъ за дурное поведеніе не только безъ прошенія, но и по прошенію. Въ исполненіе этого въ Учебный Комитетъ стали поступать донесенія объ уволенныхъ воспитанникахъ, но безъ приложенія журнальныхъ постановленій семинарскихъ и училищныхъ правленій объ увольненіи сихъ воспитанниковъ.

Вслѣдствіе этого Учебный Комитетъ считаетъ долгомъ разъяснить правленіямъ семинарій и училищъ, что изложенное въ циркулярномъ отношеніи Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 5 марта 1898 года, требованіе о доставленіи въ Учебный Комитетъ копій журнальныхъ постановленій правленій семинарій и училищъ объ увольненіи воспитанниковъ за проступки должно быть соблюдаемо при сообщеніи Комитету свѣдѣній объ увольненіи воспитанниковъ одинаково какъ безъ прошенія, такъ и по прошенію.

Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.

Въ виду обнаруженныхъ повсемѣстно въ Россіи недозволенныхъ сборовъ пожертвованій на православныя учрежденія на Востокѣ, въ особенности на Афонскіе монастыри и келліи, въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ неоднократно разъяснялось, что обращеніе настоятелей Афонскихъ келлій, именующихъ себя старцами, къ русскимъ благотворителямъ посредствомъ писемъ и воззваній является злоупотребленіемъ и крайне неблаговидною эксплоатаціею религіоз-

наго чувства русскаго народа и что лишь тѣ пожертвованія достигаютъ своей благотворительной цѣли, кои производятся по выдаваемымъ отъ Святѣйшаго Синода, въ пользу дѣйствительно нуждающихся обителей, сборнымъ книгамъ, при чемъ были объявлены во всеобщее свѣдѣнiе имена нѣкоторыхъ завѣдомо неблагонадежныхъ сборщиковъ коллегіатовъ, которыми отсылка пожертвованій, поступившихъ въ Хозяйственное Управленіе, воспрещена Святѣйшимъ Синодомъ. Въ числѣ таковыхъ сборщиковъ повменованы: 1) старецъ келліи Трехъ Святителей Варлаамъ Чернышевъ; 2) старецъ келліи Рождества Богородицы (нынѣ Игнатія Богоносца) Моисей Буренинъ; 3) старецъ келліи Іоанна Предтечи іеромонахъ Иннокентій; 4) старецъ келліи Положенія Пояса Богоматери, іеромонахъ Іоанникій Литвиненко; 5) старецъ келліи Иверской Божіей Матери (Кутлумушскаго монастыря) Симеонъ Чеботаревъ; 6) старецъ келліи Казанской Божіей Матери (Ставропигитскаго монастыря) іеросхимонахъ Герасимъ Зиловъ и 7) старецъ келліи Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы (Ставропигитскаго монастыря) іеромонахъ Матвѣй Воронковъ.

Между тѣмъ, какъ видно изъ дѣлъ Святѣйшаго Синода, настоятелемъ келліи Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, іеромонахомъ Матвѣемъ Воронковымъ, и теперь рассылаются по Россіи, въ большомъ количествѣ, письма, съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ въ пользу этой обители и съ просьбою посылать пожертвованія непосредственно въ обитель, а не чрезъ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ.

Вслѣдствіе сего, Хозяйственное Управленіе, согласно постановленію Святѣйшаго Синода, вновь объявляетъ во всеобщее свѣдѣнiе, что Афонская обитель Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы принадлежитъ къ числу тѣхъ обителей, пожертвованія въ которыя не высылаются по завѣдомой неблагонадежности ихъ настоятелей.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

Совѣтъ училища извѣщаетъ духовенство Харьковской епархіи, что передержка экзаменовъ во всѣхъ классахъ училища назначена на 20 и 21-е августа н. г., а приѣмные экзамены для поступленія въ подготовительный, пятый и шестой классы назначены на 25 и 26-е августа н. г.; при чемъ Совѣтъ училища предупреждаетъ, что всѣ дѣвицы, которыя не явятся въ назначенные дни къ экзамену и переекзаменовкѣ, не будутъ вполнѣдствіи допущены къ

экзамену вовсе, а въ переизаменовѣ—безъ представленія достаточно уважительныхъ причинъ неявки своевременно.

Епархіальныя извѣщенія.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

- Рождество-Бородичная церковь с. Шулкиной, Старобѣльскаго уѣзда.
 Троицкая церковь с. Перекопа, Валковского уѣзда.
 Николаевская церковь с. Лихачевки, Богодуховскаго уѣзда.
 Иоанно-Предтеченская церковь с. Рабушекъ, Лебединскаго уѣзда.
 Григоріевская церковь с. Турья, Ахтырскаго уѣзда.
 Александро-Невская церковь х. Ново-Александровки, Волчанскаго уѣзда.
 Георгіевская церковь сл. Поповки, Изюмскаго уѣзда.
 Петропавловская церковь сл. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Анна Зачат. церковь с. Ильмовъ, Сумскаго уѣзда.
 Георгіевская церковь сл. Барвенковой, Изюмскаго уѣзда.
 Троицкая церковь с. Мироновки, Харьковскаго уѣзда.

Діаконскія.

- Покровская церковь сл. Ново-Астрахани, Старобѣльскаго уѣзда.
 Арханг.-Михаил. церковь сл. Верхняго Вышклина, Зміевскаго уѣзда.
 Георгіевская церковь с. Бѣловода, Сумскаго уѣзда.
 Успенская церковь сл. Рублевки, Богодуховскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

- Троицкая церковь с. Мохеевки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Покровская церковь с. Горюхица, Старобѣльскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Ново-Александр., Старобѣльскаго уѣзда.
 Ахтырской Георгіевской церкви.
 Петро-Павловская церковь с. Внижнито, Валковского уѣзда.
 Иоанно-Богословская церковь с. Гомольши, Зміевскаго уѣзда.
 Митроф. церковь с. Демьяновки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Покровская Соборная церковь г. Купянска, діаконское.
 Воскресенская церковь с. Боголюбовки, Купянскаго уѣзда.
 Покровская церковь Харьковскаго Благотворительнаго Общества.
 Иоанно-Предтеченская церковь с. Ново-Ивановки, Зміевскаго уѣзда.
 Воскресенская церковь с. Надеждовки, Изюмскаго уѣзда.
 Александро-Невская церковь сл. Александровки, Валковского уѣзда.

Николаевская церковь с. Гіевки, Харьковскаго уѣзда.
 Покровская церковь с. Глазуновки, Зміевского уѣзда.
 Харьковскаго Реального Училища.
 Свято Духовская церковь с. Кононовки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Успенская церковь с. Коломака, Валковскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Наугольновки, Буянскаго уѣзда.
 Арханг.-Михайловск. церковь г. Краснокутска.
 Рожд.-Богородичн. церковь с. Сѣнной, Богодуховскаго уѣзда.
 Введенская церковь с. Студенка, Изюмскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Циркуновъ, Харьковскаго уѣзда.
 Троицкая церковь с. Черныгаменки, Зміевского уѣзда.
 Георгіевская церковь с. Павловки, Богодуховскаго уѣзда.
 Соборная Успенская церковь о. Ахтырки
 Благовѣстительская церковь сл. Полчиновки, Богодуховскаго уѣзда.
 Влад.-Богородичн. церковь с. Должанка, Харьковскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

Содержаніе. Поѣздка Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія въ г. Ахтырку.—Возвращеніе въ Харьковъ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія и посѣщеніе имъ мѣстамъ учебныхъ заведеній.—Поѣздка воспитанницъ Епархіальнаго училища въ Спасовъ Скитъ.—Архіерейское служеніе и актъ въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Духовной Семинаріи, (10 іюня).

Поѣздка Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго въ городъ Ахтырку.

22 мая съ поѣздомъ Харьково-Николаевскою ж. д., въ 5 ч. по полудни, въ г. Ахтырку прибылъ изъ Харькова Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій. Для встрѣчи Владыки на станцію „Кириковка“ выѣхали благочинный 1 округа священникъ Гавріилъ Бѣлоусовъ и Ахтырскій уѣздный исправникъ А. Ѡ. Грабовскій. По прибытіи на ст. Кириковка поѣзда, въ которомъ слѣдовалъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка, встрѣчаніе тотчасъ были приняты Владыкой въ вагонѣ. Поздоровавшись многословно съ прибывшими и преподавъ имъ Архипастырское благословеніе, Его Высокопреосвященство здѣсь же повторилъ изложенныя въ маршрутѣ распоряженія касательно обзора церкви и школъ и совершенія Богослуженія. Въ оживленной бесѣдѣ Владыки время шло незамѣтно, а между тѣмъ поѣздъ двинулся къ городу, въ которомъ съ нетерпѣніемъ ждали Высокаго Гостя и Архипастыря. Открытая мѣстность, на которой расположенъ городскій вокзалъ, еще изъ окна вагона позволяла видѣть массу публики, собравшейся на

вокзальномъ перронѣ в сѣ нетерпѣніемъ ожидавшей прїѣзда Владыки. И вотъ минуты ожиданія окончены... локомотивъ подъѣхалъ къ платформѣ, и поѣздъ остановился. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, всѣ головы обнажились; на всѣхъ лицахъ явно отражено напряженное вниманіе, и взоры жадно впиваются въ выдѣляющіеся своими размѣрами вагоны Его Высокопреосвященства. Среди пестрой толпы встрѣчающихъ рельефно выдѣляется блестящими знаками группа представителей городского и крестьянскаго управленія. Какъ только остановился поѣздъ, тотчасъ вошли въ вагонъ для привѣтствія прибывшаго Владыки настоятель Ахтырскаго монастыря, Архимандритъ Алевій и временно-командующій расквартированными въ городѣ Одесскимъ драгунскимъ полкомъ подполковникъ А. А. Ходневъ. Еще минута и въ дверяхъ вагона показался Владыка. Добрый, привѣтливый улыбка и Архимандритское благословеніе сразу оживили застывшую въ ожиданіи толпу и заставили ее отвѣтить на привѣтствіе Владыки низкимъ поклономъ. Лишь только Владыка переступилъ послѣднюю ступеньку вагонной лѣстницы, къ нему подошелъ г. городской голова М. В. Курило съ членами управы и привѣтствовалъ Владыку поднесеніемъ хлѣба-соли и краткой рѣчью. Вслѣдъ за этимъ подошелъ вокозстной старшина и просилъ Владыку принять хлѣбъ-соль отъ крестьянъ г. Ахтырки. Поблагодаривъ встрѣчавшихъ за привѣтствіе и пожелавъ городу—процвѣтанія, а обществу крестьянъ—изобилія плодовъ земныхъ, Его Высокопреосвященство изволилъ направиться къ ожидавшей его каретѣ. При торжественномъ звонѣ дѣрновыхъ колоколовъ, вѣщавшихъ горожанамъ о прїѣтїи Архимандрита, Владыка, сопровождаемый густою вереницею экипажей и занявшей Харьковскую улицу публикой направился въ городскому Собору. У святыхъ воротъ обширной соборной ограды Владыку встрѣтило все городское духовенство въ легкихъ зеленыхъ облаченіяхъ и хоръ соборныхъ пѣвчихъ; при чемъ соборный староста Ф. В. Буриловъ вѣдалъ счастье, при выходѣ Владыки изъ кареты, поднести хлѣбъ-соль. Облачившись въ мантию и поцѣловавъ Святой крестъ и окропивъ себя святою водою, Владыка вѣшелъ въ большой храмъ. Чуждую картинну представляло это шествіе облаченнаго въ святительскую мантию сановитаго Архимандрита, предшествуемаго длинной вереницею духовенства и сопровождаемаго тысячною толпою народа и звономъ колоколовъ. Многіе изъ богомольцевъ были чрезвычайно умилены и растроганы этой картиной; на лицахъ ихъ были и радость, и слезы, и благоговѣніе... Въ среднѣй

храма Владыка остановился и достоятельнѣ соборѣ, пресвитерий В. Федоровъ привѣтствовалъ его слѣдующимъ рѣчь:

Ваше Высочество пресвищенство!

Милостивѣйшій Архипастырѣ и Отецъ!

Съ чувствомъ глубочайшей благодарности и радости привѣтствуемъ прибытіе Вашего Высочества пресвѣщенства на нашу праздничекъ, — крестный ходъ съ чудотворною иконой Богоматери. Прибытіе Ваше къ намъ, вразумляетъ, ожидаетъ и удивляетъ наши религиозныя чувства и усиливаетъ наше торжество прославленіемъ Пресвѣтыя Богородицы. Привѣтствуемъ Ваше Высочество пресвѣщенство съ чувствами сыновней преданности и глубочайшаго уваженія, какъ Милостивѣйшаго Архипастыря и Отца, донесшаго, особые свои труды и заботы на пользу православной Церкви и Отечества, а также, и для спасенія многонедельныхъ своихъ духовныхъ чадъ.

Благословенъ естъ Пресвищеннѣйшій Владыко! Это святительское благословеніе, по являющей ему, глубочайшей благодати Божіей, призываетъ на насъ милосердіе Божіе. Помолитесь за насъ, Владыко Святый, Царица Небесной, предъ Ея Чудотворнымъ ликомъ, находящимся въ семъ Святомъ храмѣ, чтобы Она, Милосердная Заступница и Покровительница рода человеческого, Своимъ предстательствомъ предъ престоломъ Всевышняго, избавила насъ отъ всякихъ бѣдъ, и чтобы мы, подъ Ея всемогущимъ покровомъ, сохраняли въ чистотѣ святое евангельское ученіе, никогда не уклонились отъ Церкви Христовой и всегда были равностными и равнодоверенными нашего Благочестивѣйшаго Государя Императора и истинными сынами нашего отечества. Помолитесь, Владыко Святый и томъ, чтобы мы въ своей жизни руководились не гордостью, завистью, враждою и корыстолюбіемъ, а христіанскою любовью къ ближнему, которая долгу терпится, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не безыаствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а со радуется истинѣ, все прощаетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ и никогда не перестаетъ (1. Кор. 13, 4—8).

Выслушавъ благосклонно привѣтствіе, Владыка вошелъ въ алтарь и сталъ облачаться. Въ это время на большомъ бархатномъ коврѣ былъ поставленъ аналой и на немъ молебенъ чудотворная икона Божіей Матери. Облачившись въ малое архіерейское облаченіе, Владыка вышелъ изъ алтара остановился на солеѣ и обратился къ наполнившему храмъ народу съ словомъ назиданія. Обычно, такъ началъ свое слово Владыка, а привыкъ проводить дни ве-

ликахъ церковныхъ правителейъ въ своемъ драгоценномъ городѣ, въ молитвенномъ зданіи, въ ближайшихъ къ нему частяхъ. Но на этотъ разъ вышло, установленному, порядку, ради той великой святости, которая крадется въ Вашемъ вѣдѣнномъ храмѣ и которая служитъ залогомъ благоуспѣшнаго покровительства Царицы Небесной Вашему граду и всей прилегающей къ нему округѣ. Да будетъ всегда благополучно и благоуспѣшно имя Пречистой Матери Божіей и всемогущей заступницы рода христіанскаго, въ безконечныхъ вѣкахъ и вѣкахъ вѣковъ: непостыдное и насъ представляющее предъ Престоломъ Божіимъ Сына Своего и Бога Нашего! Указавъ затѣмъ, что это молитвенное ходатайство Матери Божіей за градъ христіанскій, у насъ — въ православной Руси съ особенной силой открывается въ дарованіи прославленныя чудотворныхъ иконъ Ея, Высочайшеупревосвященнѣйшій Владыка сказалъ, что и Автырскій образъ Божіей Матери, извѣстенъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ нашего православнаго отечества, и самый Владыкой почитается: отъ дней ранней юности его. Закончилъ свое слово Владыка приглашеніемъ помолитесь, вмѣстѣ съ нами — Архипастыремъ Матери Божіей, предъ чудотворнымъ образомъ Ея, о дарованіи „радъ саму“ и всѣмъ православнымъ членамъ Церкви Христовой миръ, твердость въ вѣрѣ въ Христа, сего жителства. Рѣчь Владыки, сказанная простыми, доступными пониманію, каждому языкомъ и проникнутой глубокою вѣрою самого Святителя, произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Многие со слезами умаленія горячо молились, при продолжавшемъ, за словомъ молебномъ и иже, внитное, одухотворенное сердечною теплотою слушаніе Владыки, соими священнослужителями, окружившаго блестящій драгоценностями Образъ Богоматери, богатый по силѣ и выразительности голосъ ея, протодьякона, при участившей обстановкѣ рѣчь, по внутреннему благоуспѣшному храму, все это заставляло молящихся переживать самыя выходы, святыхъ минуты религіознаго восторга и положительно дѣйство, величіемъ и красотою церковной службы. Молебенъ заключился предложениемъ многолѣтня Царствующему Дому, Св. Синоду, и Высочайшеупревосвященнѣйшему Архипастырю, Архипіископу, Архидіакоу съ богохранимомъ его престоломъ, братія св. храма и всѣмъ православнымъ христіанамъ, Раболюбившася на окончаніи молебна, Высочайшеупревосвященнѣйшій Владыка, сопровождаемый духовенствомъ и народомъ, явилъ осматривать и администрировать въ соборной оградѣ церкви, полковую и „графскую“ (звонія, соборъ). Въ полковой церкви Владыку встрѣтилъ командующій полкомъ, полковникъ Хорень и церковный

староста ротмистръ Черемисновъ съ важными чинами по нѣскольку человекъ отъ каждаго эскадрона. Послѣ обычнаго многолѣтія Владыка, взявши крестъ, самъ провозгласилъ многолѣтіе побѣдоносному русскому воинству и въ краткой рѣчи пожелалъ полку неизмѣнно хранить свѣты завѣты преданности вѣрѣ, престолу и отечеству и служить украшеніемъ арміи. Въ „Графской“ церкви Владыка, освѣдомившись объ исторіи построения храма, изволилъ остановить свое вниманіе на 8 иконовъ, принадлежащихъ кисти знаменитаго художника Мурыло и выразилъ сожалѣніе, что недостатокъ свѣта въ алтарѣ не позволяетъ видѣть ихъ надлежащимъ образомъ. Узнавъ, что съ устройствомъ отопленія въ большомъ соборѣ, въ „Графской“ церкви стали рѣже совершать Богослуженіе, Владыка выразилъ желаніе, чтобы „въ этомъ благолѣпномъ храмѣ“ служеніе совершалось какъ можно чаще. Затѣмъ, согласно намѣченному въ маршрутѣ порядку Его Высокопреосвященство изволилъ осматривать ближайшія къ собору городскія церкви: Преображенскую, Николаевскую, Успенскую и домовую—Николаевскую при мужской гимназіи. Въ каждомъ храмѣ, послѣ подробнаго осмотра его, Владыка заставлялъ иконошниковъ и диаконовъ исполнить тѣ или другія пѣнопѣнія и обращался къ прихожанамъ съ словомъ назиданія. Нечего и говорить о томъ, что каждое слово Святителя принималось съ глубокою благодарностію и положительно покорило Владыкѣ сердца его слушателей. По прибытіи Высокопреосвященнѣйшаго Владыка къ зданію гимназіи, у воротъ гимназической ограды его встрѣтили директоръ гимназіи Р. Л. Миротворцевъ и инспекторъ Н. И. Клевцовъ, а у параднаго подъѣзда прятчъ гимназической церкви. Послѣ обычной встрѣчи въ храмѣ Владыка взялъ Ов. Крестъ и самъ провозгласилъ многолѣтіе начальствующимъ, учащимъ и учащимся въ гимназіи. Оставшись очень доволенъ благолѣпіемъ храма и пѣніемъ гимназическаго хора, Владыка благословилъ всѣхъ собравшихся и пожелалъ имъ твердо хранить тѣ завѣты доброй жизни и поведенія, которымъ ихъ учили въ стѣнахъ учебнаго заведенія и которыя особенно окончившимъ курсъ, выходящимъ на распутіе новой жизни, должны служить твердымъ оплотомъ прѣтѣвъ ожидающимъ ихъ соблазнамъ и увлеченіямъ со стороны враговъ церкви и государства. Посѣтивъ затѣмъ квартиру директора, Его Высокопреосвященство изволилъ отбыть въ квартиру благочиннаго городскихъ церквей, гдѣ ему была приготовлена легкая закуска и чай. Немного отдохнувъ и подкрѣпивъ себя пищею, Владыка отправился на ночлегъ въ Ахтырскій Св.-Троицкій монастырь.

23 мая, около 9 часовъ утра, Владыка снова возвратился въ городъ и, при въѣздѣ въ него, осмотрѣлъ монастырскую школу, благоустройствомъ и чистотою которой остался очень доволенъ. Затѣмъ Владыка прослѣдовалъ въ Георгіевскую церковь. Здѣсь Высокопреосвященнѣйшій Архипастыръ остановилъ свое вниманіе на стройномъ пѣвнн хора изъ учащихся въ церковной школѣ и любителей—прихожанъ. По желанію Владыки, хоръ исполнялъ нѣсколько церковныхъ пѣснопѣвнн и между прочимъ херувимскую пѣснь обычнаго напѣва. «Я очень люблю этотъ напѣвъ Херувимской пѣсни», сказалъ Владыка. Поблагодаривъ пѣвцовъ за хорошее пѣніе и благословивъ ихъ крестиками, Владыка направился къ зданію Соборной церковно-приходской школы, въ которомъ ожидали Его Высокопреосвященства всѣ учащіе и учащіяся въ церковныхъ школахъ гор. Ахтырки. Ниружный видъ обширнаго школьнаго зданія видимо понравился Владыкѣ, что онъ и высказалъ встрѣчавшимъ его лицамъ. При входѣ въ классную комнату Его Высокопреосвященства, дѣти дружно и стройно пропѣли «всѣмъ полъзъ эти, деспота». Осѣнивъ собравшихся Архипастырскимъ благословіемъ и приказавъ всѣмъ повернуться лицомъ къ вконѣ, Владыка предложилъ пропѣть праздничный тропарь. По исполненіи тропаря, уѣздный наблюдатель священникъ Гавріилъ Вѣлосовъ обратился къ Его Высокопреосвященству съ слѣдующею рѣчью:

Ваше Высокопреосвященство,
 Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
 Милостивѣйшій Архипастыръ и Отецъ!

Позвольте мнѣ, какъ уѣздному наблюдателю, привѣтствовать Ваше прибытіе въ сей скромный пвтомникъ церковно-школьнаго просвѣщенія отъ лица учащихся и учащихъ въ церковныхъ школахъ гор. Ахтырки.

Не смѣю скрыть, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, что вмѣстѣ съ радостью, которую вызываетъ въ сердцахъ нашихъ посѣщеніе Вашимъ Высокопреосвященствомъ нашей школьной семьи, мы невольно испытываемъ чувство смущенія и робости, соразмѣряя наше убожество съ обиліемъ благодати Божіей, присущей Вашему высокому сану и съ той выдающеюся многостороннею просвѣтительно Архипастырскою дѣятельностью Вашего Высокопреосвященства, которой отмѣчено Ваше служеніе Православной Русской Церкви и необъятному нашему отечеству. Не нашему, конечно, слабому слову изобразить хотя бы въ общихъ чертахъ всю без-

предѣльную ширь этой предстѣннѣ-авостольской дѣятельности Вашего Высокопреосвященства, ширь, изъ которой, какъ въ богатомъ калейдоскопѣ, проходятъ одна за другой многообразнѣйшія картины Вашей трудовой жизни. И тихій Двѣрь, и шумящія берега дѣвственной Тааврады, и царственная Нева, и стремлящаяся къ западу Двина, и мать русскаго рѣкъ — многоводная Волга, забывая раздѣляющее ихъ пространство, сливаютъ свои голоса въ одинъ догучій аккордъ хвалы и благодаренія Богу и непрестанно свидѣтельствуютъ о понесенныхъ Вами Высокопреосвященствомъ трудахъ и болѣзняхъ на ризникѣ непріятель и въ равнинѣ мѣстахъ служенія Вашего Дерзави и русскому дѣлу. Намъ — малымъ труженикамъ на святой нивѣ просвѣщенія народа да будетъ позволено въ этотъ счастливый день приподнять къ край той широкій завѣсъ, за которой исторіи хранятъ проникнутыя отеческой заботливостью, искренней любовью и глубокимъ знаніемъ дѣла труды Вашего Высокопреосвященства по насажденію и устроенію церковно-школьнаго дѣла въ епархіяхъ Рижской и Казанской. Промыслъ Божій призвалъ Васъ въ первую изъ названныхъ епархій въ то многознаменательное время, когда Державной волею почившаго Великаго Русскаго Императора Александра 3-го православное духовенство являлось послужить народу въ званіи школьныхъ учителей и наставниковъ. Мы знаемъ, святой Владыко, какой массой труда, энергій и заботъ о новомъ для края дѣлѣ Вы отозвались на этотъ царскій призывъ. Мы знаемъ, кѣмъ вспахана, вскормлена и согрѣта Рижская нива церковно-школьнаго просвѣщенія и кому она обязана своимъ нынѣшнимъ цвѣтушамъ ея обитаніемъ. Знаемъ, какъ болѣло Ваше доброе сердце за нужды школы Казанскаго, разсѣяннаго среди инороднаго и иноязычнаго населенія и потому требовавшаго отъ Васъ особой Архипастырской попечительности и неодолимой любви и терпѣнія. Помнимъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, тѣ взысканія отъ сердца слова, которыя были сказаны Вами по этому поводу: „Одному Господу Богу вѣдѣстно, сколько я высрадалъ душею, какъ болѣло мое сердце, когда я видѣлъ, что многія начинанія въ указанномъ направленіи не могутъ получить своего осуществленія по недостатку средствъ. Да, нелегко мнѣ тогда бывало“. (Конецъ рѣчи). Сознаемъ это, милосердый Владыко, и тѣмъ съ большимъ смущеніемъ дажды сознаться, что и мы — новыя члѣны Вашей святительской попечительности — не можемъ обещать Вамъ полнаго поощренія и свободы отъ заботъ о нашихъ нуждахъ. Но магію смущенія сдѣлается въ насъ чувствомъ радости. Радуетъ, что въ святительской особѣ Вашего

Высокопреосвященства встрѣчаемъ не только Высочаго Начальника и покровителя церковныхъ школъ, но и мудренняго знаменемъ и богатаго опытомъ свѣтителя—педагога. Радумся, что, кативъ юныя, еще не волюнъ окръпшія школы, вступанъ подѣ благодарную сѣнь Вашего свѣтительскаго покровительства, съ сѣтливой надеждойъ: взарать на свое будущее, и съ теплотой сердечной вѣры благодаримъ Господа, такоу/благоудящаго чаше! Отъ насъ же, учащихъ и учащихъся, примяте, Милосивѣнній Владыко, коше чистый даръ покорныхъ Вамъ сердце, искреннюю сыновнюю любовь къ Вамъ, величественную готовность слѣдовать всенъ Вашимъ повелѣніямъ и горячую молитву о томъ, чтобы Младенъ жизни—Господь нашъ Іисусъ Христею укрѣпиль Ваши силы и здоровье для счастья всей Церкви Харьковской и юннкъ чадъ ея въ частности на многія лѣта.

Вслушавъ благосклонно эту рѣчь, Владыка отвася: „Опасно за доброе слово. Если вы слѣдили за моею дѣятельностью по народному образованію, то отъ васъ не должно укрыться, что в большій поборникъ возможнаго широкаго развитія грамотности и безусловнаго рагу за необходимость школьнаго образованія для дѣвочек. Онѣ принадлежатъ семьѣ большае, чѣмъ мальчики, и даже въ годы юности своей могутъ быть полезными пособницами просвѣтительнаго народа, научая своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ молитвамъ и начальной грамотѣ, а кому изъ нихъ Богъ укажетъ достигнуть зрѣлыхъ лѣтъ и сдѣлаться матерями, тѣ безъ сомнѣнія, съ особеннымъ усердіемъ отвоятся на добрый призывъ къ просвѣщенію; и это святое дѣло въ своей семьѣ получать надежную опору и нѣжныя материнскія заботы“. Освѣдомившася затѣмъ о числѣ учащихъ дѣвочекъ, Владыка высказалъ сожалѣніе, что онѣ составляютъ незначительный % въ отношеніи къ учащимся мальчишкамъ и обрадовался, когда уѣздичій наблюдатель доложилъ, что въ недалекомъ будущемъ при Успенской церкви города Ахтырки открывається церковно-приходская школа для дѣвочекъ. Въ это время попечитель Архангело-Михайловской церковно-приходской школы И. Н. Милославскій обратился къ Его Высокопреосвященству съ рѣчью, въ которой, выразивъ благодарность городскому духовенству за заботы о просвѣщеніи народа, высказалъ увѣренность, что это доброе дѣло, при мудромъ водительство прославленнаго Святителя—педагога, быстро достигнетъ блестящихъ результатовъ, поручкой чему служить испытанная опытность самаго Владыки и добросовѣстный трудъ духовенства. Затѣмъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка сталъ провѣрять знанія учениковъ. Между тѣмъ обшир-

ный (около 30 арш. въ длину) школьный залъ, раздѣленный раздвижными дверями на двѣ комнаты, сталъ наполняться народомъ; и еслибы противники церкви и церковно-школьнаго образованія видѣли ту картину, которую представляло въ это время школьное помѣщеніе, они должны были бы убѣдиться въ безопасности ихъ неблаговидныхъ козней и въ несокрушимой силѣ, объединяющей во едино стадо Христово Богомъ поставленнымъ пастырей и богодарованную паству. Быть можетъ, этой чудной картинѣ и не хватало внѣшней художественной красоты, но ея прелесть—въ той внутренней духовной красотѣ, которая свойственна дѣламъ истинной любви и правды Божіей. Великій Святитель, какъ другъ и близкій человѣкъ, входитъ въ средину дѣтей, просто и ласково бесѣдуетъ съ ними, чисто съ отеческою нѣжностію ободряетъ наиболѣе робкихъ и вскорѣ такъ овладѣваетъ дѣтьми, что тѣ буйвально лнутъ къ нему и одинъ передъ другимъ стараются попасть на глаза и дать отвѣтъ на предлагаемые вопросы. Забывъ это, Святитель—педагогъ предлагаетъ отвѣчать хорошо. Воодушевленіе растетъ съ каждой минутой и отъ дѣтей передается взрослымъ, которые все болѣе и болѣе тѣснымъ кольцомъ окружаютъ дѣтей и смѣшиваются съ ними. Отвѣты даются бойкіе и видимо радуютъ Владыку. „Довольно отвѣчать, говорить Архимандритъ, спойте Херувимскую пѣснь“. Послѣ херувимской поютъ „Милость мира“, „Спаси Господи люди твоя“ и тропарь Божіей Матери (Ахтырской иконѣ). „Хорошо вы поете, хорошо отвѣчали, а вотъ теперь я васъ сконфужу, говоритъ Владыка, обращаясь съ ласковой улыбкой къ дѣтямъ. Вѣдь вы навѣрно не знаете, какой у васъ завтра праздникъ?“ — „Знаемъ, знаемъ“, раздаются дружные голоса: „перенесеніе Чудотворной иконы изъ собора въ монастырь“. „А исторію явленія Иконы знаете?“ „Знаемъ, знаемъ“—„Кто же мнѣ расскажетъ объ этомъ?“—„Я, я“ поднимаются сотни рукъ, и одинъ изъ ближайшихъ къ Владыкѣ учениковъ начинаетъ передавать исторію явленія иконы. Взрослые съ большимъ вниманіемъ слѣдятъ за вопросами Владыки и отвѣтами учениковъ. Высокопресвященнѣйшій Владыка обращается къ взрослымъ и предлагаетъ одной дѣвицѣ прочесть вечернюю молитву; оказалось, что она этой молитвы не знаетъ. „А ты грамотная?“ спрашиваетъ Владыка. „Нѣтъ, не грамотная“. И навѣрно жалѣешь объ этомъ?“ „Очень жалѣю“. Воспользовавшись этимъ, Владыка указалъ взрослымъ на ихъ глазахъ обнаруженное преимущество грамотности и просилъ ихъ приложить стараніе къ поддержанію и развитію школь. „А теперь споемъ всѣ народный гимнъ“.—И, по желанію Владыки, гимнъ былъ

исполненъ два раза. Пожелавъ учащимся съ любовью внимать преподаваемому имъ ученію и выразивъ одобреніе учащимъ и наблюдателю за достигнутые успѣхи, Его Высокопреосвященство, благословивъ всѣхъ крестиками и книжками, отправился обозрѣвать церкви Петро-Павловскую и Архангело-Михайловскую. Обѣ церкви и въ особенности посѣщая протозвѣли на Владыку самое отрадное впечатлѣніе. Владыка долго любовался величіемъ храма и высказалъ благодарность усердію прихожанъ. Архангело-Михайловскую церковь закончилось обозрѣніе церквей.

По приглашенію директора и начальницы, Его Высокопреосвященство направился къ женской гимназій. У параднаго подъѣзда Владыку встрѣтили начальствующія лица, а въ актовомъ залѣ—персоналъ учащихся и воспитанницы гимназій. На первыхъ порахъ на многихъ лицахъ ученицъ явно сказывалось волненіе и робость, но вскорѣ ласковымъ отеческимъ обращеніемъ Владыки вызвалъ на всѣхъ лицахъ радость и оживленіе. Долго длилась живая бесѣда Владыки съ воспитанницами, но видно было, что имъ хотѣлось еще и еще задержать Высокаго Гостя, и когда Владыка на прощанье благословилъ ихъ крестами и пожелавъ имъ неизмѣнно хранить чистоту сердца и твердость вѣры, воспитанницы до самой калитки провожали его дружнымъ пѣніемъ „многая лѣта“.

Между тѣмъ въ городскомъ домѣ собрались представители городского общества, ожидавшіе прабытія Владыки на предложенный городомъ и Его Высокопреосвященствомъ милостиво принятый обѣдъ. Въ большомъ залѣ помимо гостей Владыку встрѣтили пѣніемъ „изъ полла эти деспота“ ученики городского приходскаго училища. Проверивъ знанія учениковъ по Закону Божию и предложивъ имъ сѣсть „Отче нашъ“, Владыка, благословивъ, отпустилъ учениковъ, а гости сѣли за трапезу. Участвовавшихъ собралось свыше 50 человекъ. Благодаря общительности и остроумной назидательной бесѣдѣ Владыки, обѣдъ прошелъ очень оживленно. Когда подали шампанское, Владыка провозгласилъ тостъ за драгоценное здоровье Государя Императора и всего Царствующаго дома. Второй тостъ—за здоровье Великаго Архиепископа и Высокаго Гостя—предложилъ г. городской голова М. В. Курило. На этотъ тостъ Владыка отвѣтилъ пожеланіемъ городу Ахтыркѣ и всѣмъ его учрежденіямъ мирнаго преуспѣянія и благоденствія. Далѣе были сказаны, исполненные любви и благодарности Владыки рѣчи благочиннымъ городскихъ церквей и И. Н. Милославскимъ. Обѣдъ окончился въ 3 часа и Владыка, поблагодаривъ горожанъ

за ихъ любовь и добрыя чувства, отправился въ квартиру Влагочиннаго.

Въ 6 ч. 15 минъ въ квартиру, принадлежавшую Его Высокопреосвященству, собралась настоятель Овятичкова Успенскаго монастыря архимандритъ Вассіанъ, настоятели Актырскаго монастыря архимандритъ Алашій, священники Виноградовъ, настоятель собора протоіерей Федоровъ, благочинный и вообще городское духовенство, въ числѣ 18 человекъ, и совершивъ молитвенное начало, проводили Владыку въ храмъ на всенощное бдѣніе. Сравнительно короткая пѣвота собралась въ храмъ с. церковной оградѣ до 20 тысячъ пришедшихъ и животнакъ обитомольцевъ. На лѣтніи всѣ служиліе въѣзды съ Актырскима выехали на церковную паперть и этой молитвѣ подытираннымъ себѣ, вмѣстѣ съ 20 тысячами толпы, и не выходя изъ храма. Торжественная служба продолжалась до 10^{1/2} часовъ ночи. Довольно усталый Владыка, по окончаніи службы, возвратился въ квартиру. 24 мая, въ 8^{1/4} часовъ утра, всѣ служиліе (2 архимандрита, 7 протоіерей, 7 священниковъ, протоіаконовъ, 5 дьяконовъ и 2 иподиакона) снова собралась съ покойя Его Высокопреосвященства и такъ же, какъ и наканунѣ, все славомъ проводили Владыку въ храмъ. Около 9 часовъ началась Божественная литургія, которая закончилась въ 11 часовъ. Проводить Обризь, по окончаніи литургіи, до Соборной площади, Его Высокопреосвященство возвратило въ Соборъ, а престный ходъ, при участіи о. архимандрита Вассіана и всего городского духовенства, направился къ монастырю. Разоблачившись, Владыка отправился въ квартиру о. Влагочиннаго. Когда Высокопреосвященнѣйшій Владыка здѣсь отдохнулъ немного и подкрѣпить себя чашкой чая, соборный причтъ и староста удостоились поднести Его Высокопреосвященству копию Актырскаго чудотворнаго образа Божіей Матери. Принявъ образъ, Владыка милостиво благодарилъ причтъ и старосту за цѣнное для него подношеніе. Затѣмъ Его Высокопреосвященство отправился также въ монастырь для встрѣчи крестнаго хода. Около часу престный ходъ приближался къ монастырю. Въ это время Владыка, облачившись въ полное архіерейское облаченіе, окруженный настоятелемъ и братією монастыря, ожидалъ у сѣвороты монастырской ограды подходящихъ съ образомъ Божіей Матери. Возвышенная мѣстность, на которой расположенъ монастырь, позволяла видѣть Его Высокопреосвященству всю движущую живую рѣку торжественной процессіи. „Какая чудная, удивительная картина!“ сказалъ восхищенный Владыка. Такое же

чувство переживали и участвующіе въ крестномъ ходѣ, созерцая съ подошвы мѣры стоящаго на вершинѣ ея облеченнаго въ золотыя одежды Архипастыри и сонмъ монастырской братіи. „Кто тебе не ублажить, Пресвятая Дѣво“ несутся голоса снизу, „Радуйся, Царице“ вторятъ могучій монастырскій хоръ сверху, и, кажется, земля и небо сливаются свои голоса, прославляя величіе и милость Царицы Небесной.

Въ этотъ же день Высокопреосвященнѣйшій Владыка совершалъ въ монастырскомъ соборѣ всеобщее бдѣніе. Въ 6 часовъ вечера, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній въ покоевъ, назначенныхъ для него въ монастырѣ, отправился „со славомъ“ въ главную монастырскую Троицкую церковь, при торжественномъ колокольномъ звонѣ, въ предшествіи двухъ архимандритовъ Святогорскаго—Вассіана и Ахтырскаго—Алипія, соборнаго ключари Г. Виноградова, десяти іеромонаховъ, протодіакона, трехъ іеродіаконовъ и пѣвчихъ, которые пѣли тропарь праздника. По прѣшествіи Владыки въ церковь, тотчасъ началось всеобщее бдѣніе. Во время его Владыка выходилъ на литію, которая совершена была внѣ храма у западныхъ дверей,—и на величаніе. Послѣ величанія Владыка помазывалъ св. елеемъ служащихъ съ нимъ, братію и молящихся въ храмѣ до конца канона. Всенощная окончилась въ 10 часовъ ночи. Богомольцевъ были тысячи.

25 мая, Троицынъ День, храмовой праздникъ въ Ахтырскомъ Троицкомъ монастырѣ. Въ 9 час. утра Высокопреосвященнѣйшій Владыка, также какъ и наканунѣ, былъ „со славомъ“ препровожденъ въ церковь. Здѣсь, послѣ облаченія и прочтенія часовъ, былъ отслуженъ Владыкою благодарственный молебенъ, послучаю празднованія дня рожденія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Затѣмъ совершена была литургія, а послѣ нея непосредственно—вечерня, съ чтеніемъ на ней положенныхъ уставомъ молитвъ, которыя читалъ самъ Владыка. Въ сослуженіи съ Владыкою въ этотъ день были: святогорскій архимандритъ Вассіанъ, ахтырскій Архимандритъ Алипіи, ключарь свѣщ. Г. Виноградовъ и пять іеромонаховъ.

По традиціонному обычаю, послѣ литургіи въ покояхъ Его Высокопреосвященства состоялся обѣдъ, на которомъ Владыка своею живою остроумною бесѣдою положительно очаровалъ всѣхъ присутствовавшихъ. Благочинный городскихъ церквей, являясь истолкователемъ чувствъ горожанъ и духовенства, осмѣлился обратиться къ Его Высокопреосвященству съ слѣдующею рѣчью.

Ваше Высокопреосвященство

Милостивѣйшій Архипастыръ и Отецъ!

Сегодня мы снова имѣемъ счастье лицезрѣть Ваше Высокопреосвященство и пользоваться Вашимъ святятельскимъ общеніемъ. Знаемъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, что это не заслуженная еще нами милость, драгоценный даръ Вашей Архипастырской любви къ обожающей Васъ Ахтырской паствѣ, ради которой Вами понесены въ одинъ недѣлный день чрезвычайные труды и подвиги. Только высокая, самоотверженная любовь Архипастыря, пренебрегающаго личнымъ покоемъ ради удовлетворенія духовной жажды его окружающихъ, способна на такія жертвы. Правда, немного счастливыхъ часовъ выпало на нашу долю быть вблизи святятельской особы Вашего Высокопреосвященства, но это короткое счастье будетъ отиѣчено ничѣмъ не наглядимой записью не только въ лѣтописяхъ жизни города, но и въ сердцахъ безусловно плѣненной Вашей паствы Ахтырской. Простите, Милостивѣйшій Владыко, если я осмѣлюсь сказать, что Вы достигли этого не силою только своего высокаго сана, но и чарующей мощью Вашей высокой души, той исключительной, присущей Вашему Высокопреосвященству обожательностью, которая съ первой же встрѣчи заставляеть не только любить но положительно благоговѣть, преклоняться предъ Вами.

Если великій римскій полководецъ Цезарь нѣкогда имѣлъ право сказать о себѣ: „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ“, то Вамъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыка это право принадлежитъ въ высокой степени. Вы овладѣли нами быстрѣе Цезаря. Побѣжденные силою оружія скрываютъ свои сокровища отъ побѣдителей, но покоренные силою духа съ любовью и энтузіазмомъ несутъ къ алтарю побѣдителя все самое цѣнное. Позвольте же, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, намъ—побѣжденнымъ принести Вамъ—побѣдителю самый цѣнный нашъ даръ—безгранично любящія и преданныя Вамъ сердца и отъ полноты ихъ возгласить: да продлитъ Господь дни Вашей жизни въ полномъ счастьи и благополучіи на многая лѣта.

Въ тотъ же день въ 7 часовъ вечера Владыка слушалъ утреню въ домово́й церкви монастыря, а въ 9 ч. вечера Его Высокопреосвященство, сопровождаемый торжественнымъ звономъ колоколовъ и общими благопожеланіями, отбылъ на желѣзнодорожный вокзалъ для слѣдованія въ городъ Харьковъ. Проводить Владыку собрались городскіе священники и масса публики во главѣ съ городскимъ

гидовую, Владыка милостиво простился съ провожающими и вышелъ въ вагонъ, оставивъ за собою неподдѣльную любовь и безконечную преданность всей паствѣ Ахтырской.

— *Возвращеніе Высокопреосвященнаго Арсенія въ Харьковъ.* Высокопреосвященнѣйшій Арсеній возвратился въ Харьковъ изъ поѣздки въ Ахтырку 26 мая, въ Духовъ день въ 7½ часовъ утра, и въ 9 часовъ того же дня служилъ литургію въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ. На литургіи, во время малаго входа Владыка возложилъ наперсный крестъ на іеромонаха Теофила, а на іеромонаховъ Иринея и Иларіона набедренники.

— *Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній.* По возвращеніи изъ поѣздки въ Ахтырку, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній почти ежедневно посѣщалъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, особенно когда происходили тамъ экзамены по предметамъ кѣроученія и преподаванія христіанскаго. Какъ глубокій знатокъ сердца человѣческаго вообще и дѣтскаго въ частности, Владыка—Архіепископъ прекрасно понимаетъ, что благотворительное присутствіе архипастыря среди дѣтей особенно въ важнѣйшіе моменты ихъ школьной жизни должно имѣть громадное вліяніе на настроеніе и характеръ „будущихъ дѣтей“ нашего общества: общеніе архипастыря съ дѣтьми, безъ сомнѣнія, должно облевать, среднѣе подроставшее поколѣніе съ нимъ, духовно-нравственнымъ руководителемъ общества; теплое отношеніе Владыки къ учащимся и его близкое участіе въ экзаменскихъ волненіяхъ дѣтей, безъ сомнѣнія, должно вселять въ нихъ любовь и расположеніе къ своему Архипастырю; при частомъ явленіи мѣстнаго епископа среди дѣтей и при тѣсномъ общеніи его съ ними самое слово „архіерей“ не будетъ для нихъ пустымъ звукомъ, а найдетъ себѣ надлежащее мѣсто въ воспримчивомъ дѣтскомъ сердцѣ. Несомнѣнно, каждый изъ насъ знаетъ, какъ сильны въ человѣкѣ дѣтскія впечатлѣнія и чувства, и какъ глубоко ихъ вліяніе на послѣдующую жизнь его. Только глубокимъ сознаніемъ Владыкою благотворнаго вліянія на дѣтей Архипастырскаго общенія съ ними и слѣдуетъ объяснять его частыя посѣщенія то того, то другого учебнаго заведенія. Такъ, по возвращеніи изъ Ахтырки, Владыка 27 мая посѣтилъ Духовное училище, гдѣ изволилъ присутствовать на экзаменѣ по церковному уставу.

28 мая Владыка посѣтилъ 4 гимназію. По пріѣздѣ въ гимназію Его Высокопреосвященство былъ встрѣченъ законоучителемъ гимназіи, директоромъ и всѣмъ преподавательскимъ персоналомъ. Гимназическій хоръ пропѣлъ тропарь „Благословенъ еси, Христе

Боже нашъ" в „псъ полла эти, деспота“. Его Высокопреосвященство-совѣство съ г. попечителемъ учебнаго округа тайнымъ совѣтникомъ М. М. Алексѣенко и окружнымъ инспекторомъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Д. Е. Архангельскимъ изволялъ присутствовать на испытаніи зрѣлости по Закону Божію, при чемъ экзаменовалъ учениковъ самъ. Затѣмъ, похваливъ хоръ и благословивъ присутствующихъ, Его Высокопреосвященство отбылъ изъ гимназіи въ половинѣ двѣнадцатаго дня. <Харьк. Губ. Вѣд.>

Ласковое, чисто отеческое обращеніе Владыки съ учащимися, какъ это мы слышали отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, произвели на всѣхъ ихъ самое отрадное впечатлѣніе.

29-го мая Высокопреосвященнѣйшій Арсеній посѣтилъ 2-ю мужскую гимназію, гдѣ совѣство съ г. попечителемъ округа М. М. Алексѣенко присутствовалъ на выпускномъ экзаменѣ по Закону Божію. Того же числа Высокопреосвященнѣйшій Арсеній в господствѣ попечитель Харьковскаго учебнаго округа посѣтилъ Харьковское реальное училище и присутствовали на экзаменѣ по Закону Божію учениковъ 7 дополнительнаго класса. Владыка былъ встрѣченъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ г. Харьковѣ, протоіереемъ Любицкимъ, директоромъ училища, преподавателями и выпускными учениками и при нѣнѣ учениками и хоромъ „псъ полла эти деспота“ прослѣдовалъ въ училищную церковь, гдѣ и была совершена установленная церковная встрѣча.

По окончаніи литіи и многолѣтій Его Высокопреосвященство направился въ экзаменаціонный залъ и производилъ лично испытаніе учениковъ.

Преподавъ ученикамъ наставленіе и архимонашеское благословеніе, Владыка отбылъ изъ училища вмѣстѣ съ г. попечителемъ округа, посѣтивъ передъ отбытіемъ начальника заведенія въ его квартиру. <Харьк. Губ. Вѣд.>

— 30 мая Владыка посѣтилъ институтъ благородныхъ дѣвиць. Въ институтской церкви онъ совершилъ латургію, на которой, кромѣ преподавательскаго персонала и воспитанницъ, присутствовали родители и родственники послѣднихъ, и. д. губернатора С. Н. Гербель, попечитель учебнаго округа М. М. Алексѣенко, ректоръ университета Н. О. Кушлевасскій и консультантъ института профессоръ М. М. Ломиковский. Во время Богослуженія Владыка обратился къ выпускнымъ воспитанницамъ съ прочувственнымъ словомъ, которое напечатано въ Церковномъ отдѣлѣ настоящей книжен. Во время же Богослуженія Владыка возложилъ камілавку

на настоятеля институтской церкви и законоучителя о. Павла Грома, пожалованную ему 15-го мая.

Послѣ Богослуженія, въ одномъ изъ классныхъ помѣщеній, Высокопреосвященному Арсенію и пригашеннымъ гостямъ былъ предложенъ чай. Затѣмъ въ торжественномъ залѣ института въ присутствіи Владыки состоялся актъ. Инспекторъ классовъ С. В. Булгаковъ прочелъ краткій отчетъ по учебной части, послѣ чего были розданы награды выпускнымъ воспитанницамъ. Актъ закончился пѣніемъ всѣхъ воспитаницъ „Боже, Царя храни“. Послѣ акта Владыка благословилъ всѣхъ присутствовавшихъ и при пѣніи воспитаницъ „Исхъ полла ага, деспота“ уѣхалъ изъ института.

«Южн. Кр.».

— 1-го іюня Владыка былъ въ мужскомъ Духовномъ училищѣ на открытіи педагогическихъ курсовъ для учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ. Въ 12 часовъ дня 1-го іюня въ домовую церковь Духовнаго училища Высокопреосвященный Владыка съ сослуженіемъ о. ректора духовной семинаріи, уѣздныхъ наблюдателей и другихъ священниковъ, въ присутствіи 80-ти курсистовъ и курсистокъ, ихъ руководителей и наблюдателей, а также смотрителя училища А. А. Снегарева и членовъ училищнаго совѣта, совершилъ молебствіе, во время котораго пѣлъ хоръ, состоящій изъ учителей и учительницъ, подъ управленіемъ о. І. Петровскаго. Предъ началомъ молебна Владыка обратился къ слушателямъ курсовъ съ назидательною рѣчью, которая уже помѣщена въ «Южн. Кр.» а въ свое время будетъ помѣщена въ нашемъ журналѣ.

— 2-го іюня Владыка присутствовалъ на экзаменѣ по Закону Божию въ 1-й гимназій съ 9 до 11½ часовъ утра, а потомъ до 2 часовъ въ Духовной Семинаріи на экзаменѣ по Догматическому богословію въ 5 классѣ. О посѣщеніи 1-й гимназіи Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ Хар. Вѣд. пишутъ слѣдующее. 31-го мая, въ 9 час. 10 м. утра, Высокопреосвященный Арсеній посѣтилъ 1-ю харьковскую мужскую гимназію. Встрѣченный въ приемной г. окружнымъ инспекторомъ Д. Е. Архангельскимъ, г. директоромъ гимназій, инспекторомъ, о. прот. С. Любичкимъ и членами испытательной комиссіи по Закону Божию Его Высокопреосвященство прошелъ въ гимназическую церковь, гдѣ былъ встрѣченъ настоятелемъ ея, прот. П. А. Солнцевымъ, и учениками 8 класса. Послѣ пѣнія тропаря Св. Троицѣ было совершено краткое молебствіе, причемъ пѣла ученики 8 класса. Владыка самъ провозгласилъ многолѣтіе начальствующимъ, учащимъ и учащимся. Преподавъ свое Архангелское благословеніе всѣмъ присутствующимъ, Его

Высокопреосвященство направился въ экзаменационный залъ. Послѣднія молитвы: „Достойно есть“ Владыка благословилъ учащихъ. Послѣдніе отвѣчали пѣніемъ: „Исѣ полла эти деспота“. Во время испытанія Его Высокопреосвященство самъ предлагалъ вопросы учащимся, давая имъ возможность экзаменуемымъ показать не только свои познанія, но и общее развитіе. Въ 11 часовъ объявленъ былъ перерывъ. Передъ выходомъ изъ зала Его Высокопреосвященство обратился къ оканчивающимъ курсъ съ назидательнымъ словомъ, увѣщая ихъ твердо хранить заветы православной вѣры. Простившись съ воспитанниками и еще разъ преподавъ имъ свое благословеніе, Высокопреосвященный Архіепископъ посѣтилъ г. директора и въ 11 час. 20 мин., уѣхалъ изъ гимназіи.

— Высокопреосвященный Арсеній 31 мая посѣтилъ в 3-ю мужскую гимназію. Его Высокопреосвященство, встрѣченный почетелемъ учебнаго округа М. М. Алексѣенко, директоромъ и инспекторомъ гимназіи, прошелъ въ церковь, гдѣ былъ встрѣченъ церковнымъ причтомъ и учениками 8-го класса; пѣвшими тропарь Вознесенію. Изъ церкви Владыка прошелъ въ залъ, гдѣ, послѣ пѣнія учениками „Царю Небесный“, самъ произвелъ испытаніе по Закону Божию ученикамъ 8-го класса. Въ 12 часу дня Высокопреосвященный Арсеній, рѣшавъ наставленіе ученикамъ и благословивъ каждого изъ нихъ, посѣтилъ квартиру директора, а затѣмъ уѣхалъ изъ гимназіи.

«Харьк. Губ. Вѣд.».

— *Поездка воспитанницъ Епархіальнаго училища въ Опасовъ Скитъ.* Въ Воскресенье, 1 іюня воспитанницы Харьковскаго Епархіальнаго училища совершили поѣздку въ Опасовъ Скитъ.

Около 80 воспитанницъ, сопровождаемыя педагогическимъ персоналомъ и своею начальницею, прибыли рано утромъ на вокзалъ ст. „Харьковъ“, гдѣ, размѣстившись въ особо предоставленные имъ вагоны, отбыли по К.Х.О. ж. д. на ст. „Ворскла“. Отсюда они направились въ храмъ, гдѣ и присутствовали при совершеніи Божественной литургіи. Пѣли на литургіи сами воспитанницы.

Затѣмъ, осмѣтрѣвъ достопримѣчательности въ Опасовомъ Скитѣ, на мѣстѣ чудеснаго спасенія Царской Семьи отъ грѣбнистой опасности при крушеніи Императорскаго поѣзда, воспитанницы позавтракали, а потомъ, погулявъ на чистомъ воздухѣ, возвратились на платформу, гдѣ уже ихъ ожидалъ поѣздъ.

Веселыя и жизнерадостныя возвратились экскурсантки въ Харьковъ; сохранивъ пріятное воспоминаніе о совершеніи Божественной литургіи.

«Юж. Кр.».

• — *Архіерейское служеніе и актъ отъ Епархіальнаго училища.*

Въ воскресенье 8 іюня въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ было торжественное Архіерейское служеніе литургіи и послѣ нея благодарственный молебенъ во случаѣ окончанія учебнаго года въ училищѣ. Божественную литургію совершилъ Пресвященнѣйшій Стефанъ, Епископъ Сумской, въ сослуженіи о.о. Ректора Семинаріи, предсѣдателя совѣта Епархіальнаго училища, соборнаго ключари, инспектора классовъ и двухъ приходскихъ священниковъ. Въ свое время на литургіи сказалъ двадцатедневное слово воспитанницамъ инспекторъ классовъ о. І. Которъ. Въ немъ проповѣдалъ начерталъ тотъ идеалъ, который по мѣрѣ возможности должны осуществлять въ своей жизни воспитанницы, учащица. Молебенъ послѣ литургіи былъ совершенъ съ небывалою еще въ училищѣ торжественностію. Кромѣ Пресвященнаго Стефана, на молебствіе вышелъ еще и Высокопреосвященнѣйшій Владыка — Архiepископъ, такъ что оно было совершено двумя Архiepископами съ соборомъ духовенства. На литургіи и молебнѣ присутствовали, кромѣ воспитанницъ, воспитательницъ и учителей, много лицъ сочувствующихъ духовному просвѣщенію: г. начальникъ публичн. г. поенятель учебнаго округа, г. предсѣдатель Харьковскаго оружнаго суда, г.жа попечительница училища, а также масса родителей и родственницъ воспитанницъ. По окончаніи молебна г. начальницею училища былъ предложенъ духовенству и гостямъ чай. Затѣмъ въ залѣ училища былъ актъ, на которомъ послѣ обычной молитвы дѣлорководитель совѣта прочиталъ краткій отчетъ о состояніи училища (онъ будетъ помѣщенъ у насъ въ Листѣ) и были вручены всѣмъ воспитанницамъ, окончившимъ курсъ, аттестаты, а нѣкоторымъ, заслужившимъ, и награды. Число послѣднихъ въ настоящемъ году было очень значительно: изъ 75 воспитанницъ, окончившихъ курсъ, 17 получили награду за отличные успѣхи въ наукахъ, 6 награждены за успѣхи въ музыкѣ, 2 за успѣхи въ рукодѣльѣ и 3 за успѣхи въ иконописаннѣ. Кромѣ того Его Высокопреосвященство лично отъ себя благословило каждую окончившую курсъ воспитанницу Озеринской иконой Божіей Матери, молитвенникомъ и Св. Евангеліемъ. Актъ закончился пѣніемъ народнаго гимна. Послѣ этого Его Высокопреосвященство подошелъ къ воспитанницамъ, которыя обступили его полукругомъ и преподалъ имъ напутственные наставленія. Слова Владыки выходящія изъ сердца, видимо падали на воспріимчивую почву и сильно тронули сердце воспитанницъ: у всѣхъ ихъ были видны слезы на глазахъ; не могли удержать въ

себѣ слезъ и много изъ родителей, слышавшихъ слово Владыки. Говорилъ Владыка въ своей рѣчи приблизительно слѣдующіе:

Привѣтствую васъ, питомцы Харьковскаго Епархіальнаго училища, съ окончаніемъ годичныхъ занятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ окончаніемъ вашего курса. Сегодня насталъ важнѣйшій для васъ день, въ которому вы стремились въ теченіе семи лѣтъ, день выпуска васъ изъ училища.

Въ настоящую минуту я вижу всѣхъ васъ съ аттестатами въ рукахъ, свидѣтельствующими о вашихъ усердныхъ занятіяхъ и вашихъ усиліяхъ. Вы со своими аттестатами въ рукахъ напомнили мнѣ отправляющихся въ дальнюю дорогу путниковъ съ посохами, на которые можно прочно опираться на жизненномъ пути. Дѣйствительно, вы очень походите на этихъ путниковъ. Черезъ нѣсколько часовъ вы навсегда оставляете стѣны давшаго вамъ пріютъ, взлелѣившаго и возрадившаго васъ училища, въ которомъ, я увѣренъ, теперь все, даже разные уголки въ комнатахъ и саду, для васъ дорого, а современемъ будетъ еще дороже. Вы оставляете здѣсь любящихъ васъ и преданныхъ вамъ лицъ начальствующихъ, преподавателей и воспитательницъ, которые предусматривали всѣ ваши нужды, руководили вами, заботились о вашемъ благополучіи, воспитаніи и образованіи. Выходи изъ училища каждая изъ васъ, расстается со всѣми своими подругами, съ которыми связана была въ теченіе семилѣтней совмѣстной жизни узами общихъ интересовъ, расстается также и съ тѣми изъ нихъ, съ которыми, какъ друзьями, привыкла дѣлиться своими думами, радостями и печальями. Со многими вѣрными и испытанными руководителями и друзьями разлучаетесь вы сегодня!.. Найдете-ли вы (кромя своихъ родителей) такихъ искреннихъ друзей и близкихъ къ вамъ лицъ въ жизни, двери которой только что открылись для васъ?—Наше время смутное, опасное и лукавое время. Нынѣ очень легко вмѣсто добраго друга натолкнуться на такого, отъ котораго нужно бѣжать, какъ отъ чумы. Нужно быть вамъ слишкомъ осторожными и осмотрительными при выборѣ новыхъ друзей. Чѣмъ же вы должны руководиться при этомъ выборѣ? Отвѣчу кратко: въ пригодныхъ для васъ друзьяхъ и близкихъ вашему сердцу людяхъ, на которыхъ вамъ можно положиться, и съ которыми смѣло можете вступать въ тѣсныя отношенія, должны быть тѣже самыя качества, которыя стремились развить въ васъ здѣсь, въ училищѣ, ваша начальница, воспитательницы и преподаватели. Вы хорошо знаете эти качества: начало развитія ихъ положено еще вашими родителями въ вашемъ дѣтствѣ въ родной семьѣ. Качества эти—тру-

добріе, честность, всеренная вѣра въ Бога и во все то, вѣровать чему учили васъ въ дѣтствіи родители, и здѣсь учителя и воспитательницы. Только съ лицами такихъ качествъ вы и дружите по выходѣ изъ училищъ.

Какихъ-бы впрочемъ друзей вамъ Господь ни судилъ избрать по выходѣ въ жизнь изъ училища, все таки несомнѣнно, что жизнь готова встрѣтить васъ съ распростертыми объятіями. Въ обществѣ нашемъ на самыхъ разнообразныхъ исприцахъ и особенно на малоздѣланной нравѣ народнаго просвѣщенія требуются многіе дѣлатели и дѣлательницы, особенно получившіе образованіе. Вы же несомнѣнно должны быть одесны тѣмъ разряду такихъ лицъ. Своими семилѣтними усердными занятіями вы получили полное право причисляться къ людямъ образованнымъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ какъ данныи вамъ аттестаты, такъ и только что полученные многими изъ васъ дипломы. Изъ аттестатовъ вашихъ видно, что все вы получили почтенное научное среднее образованіе съ правомъ домашнихъ учительницъ. Награды же, полученныя многими изъ васъ показываютъ, что вы оказали отличные успѣхи не только въ наукахъ, но и въ искусствахъ вѣнн, музыки, живописанія и рукодѣльи. Очевидно, такіи люди, какъ вы, очень нужны обществу. Какою же поле для своей дѣятельности удобіе всего вамъ избрать себя? Какъ извѣстно, здѣсь въ училищѣ теоретически вами изучено вѣроученіе христіанское, вамъ преподаны религіозно-нравственныя правила, вы изучили науки о премудромъ устройствѣ природы; о судьбахъ рода человѣческаго и русскаго народа; о счисленіи, вы изучили и лучшія словесныя художественныя произведенія. Практически вы ознакомились съ рукодѣльемъ, домашнимъ хозяйствомъ. Но больше всего въ училищѣ обрацалось ваше вниманіе на науку объ обученіи дѣтей, которую вы усвоили и теоретически, и практически. Все вы и на урокахъ, и въ своей образцовой школѣ научились: съ чего начинать и какъ вести обученіе дѣтей грамотѣ въ школахъ. Поэтому дѣятельность въ начальныхъ школахъ въ качествѣ учительницъ народныхъ школъ, думаю, будетъ самою пригодною для васъ дѣятельностію. Правда, эта дѣятельность многими кажется нивкою, тяжелой, неблагоприятной. Но вы не смущайтесь этимъ. Принимайтее бодро и за низкую, трудовую дѣятельность, вакова бы она ни была, лишь-бы только трудъ, выпавшій вамъ на долю былъ святъ, честенъ, полезенъ и богоугоденъ. Если Богъ судитъ вамъ трудиться на учебномъ поприщѣ, то съ особеннымъ усердіемъ занимайтесь обученіемъ и

воспитаніемъ дѣтей нашего народа въ духѣ вѣры и благочестія. Народъ нашъ высоко цѣнитъ такихъ учителей и легко становится подъ ихъ вліяніе. Я знаю нѣкоторыхъ изъ нихъ и всегда съ умиленіемъ вспоминаю о нихъ. Ихъ не мало уже вышло изъ стѣнъ вашего училища.

А чтобы вамъ, другимъ воспитывать въ вѣрѣ и благочестіи, для этого нужно сперва вамъ самимъ быть религиозными. Крѣпко держите вы въ своемъ сердцѣ св. Заповѣдь Божію, любите св. Церковь Христову, неутомительно посѣщайте Богомолвеніе, читайте и пойте на кнѣзю, заводите на селахъ пѣніе, подобное вашему прекрасному и стройному дѣнію, которое я раньше во мнѣ вызывало да и сегодня вызвало особенное молитвенное настроеніе, не забывайте и установленныя св. Церковію посты. Тѣ изъ васъ, которыя сами соблюдаютъ да и другимъ научать соблюдать все это, будутъ высоко стоять не только въ глазахъ ближнихъ своихъ, но и въ очехъ Царя Небеснаго.

Правда, не легко бываетъ иногда человѣку совершать дѣло Божіе. На пути добра жизнь чаще всего относится къ человѣку, не какъ добрая мать, а какъ суровая мачеха. Не смущайтесь и не падайте духомъ отъ этого. Помните, что жизнь не миръ, а поле труда, водноготовъ и лишеній. На этомъ полѣ успѣваетъ съ трудомъ, съ достоинствомъ переносить подвиги и лишения только тотъ, кто искренно вѣруетъ въ Бога. Вѣра и благодать Божія научатъ васъ тому, какъ вы должны вести себя въ сѣвственныхъ обстоятельствахъ. Съ надеждою на Бога, съ преданностію Его волѣ вы всегда сумѣете выйти побѣдителями изъ всякаго тяжелаго положенія, въ какомъ бы вы ни попали. Посему всегда имѣйте въ сердцѣ Бога: съ благодарностію къ Господу принимайте блага жизни и съ покорностію волѣ Провидѣнія перенесите разныя житейскія невгоды и лишения.

Я отъ всей души желаю вамъ никогда не отступать отъ тѣхъ религиозно-нравственныхъ правилъ, которыя преподаны вамъ въ училищѣ, и всегда поддерживать честь своего заведенія. Для учителей вашихъ и воспитателей, все равно, что и для родителей, нѣтъ большей радости, какъ видѣть и слышать о своихъ воспитанникахъ, что онѣ живутъ честно и ходятъ правымъ путемъ, что о нихъ идетъ одна добрая слава. Да будетъ же благословеніе Господне на васъ. Того богатію и человеколюбіемъ всегда, нынѣ и прежде и во вѣки аѣвовъ.

Послѣ акта всѣ гости были приглашены на семейный обѣдъ вмѣстѣ съ воспитанниками.

— *Послѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Харьковской Духовной Семинаріи 10 іюня.* За послѣдніе двадцать слѣдующихъ лѣтъ Харьковская Духовная семинарія нишѣ въ первый разъ имѣла счастье въ день выпуска окончившихъ курсъ воспитанниковъ видѣть въ стѣнахъ своего Архидіацѣптриса и принять вмѣстѣ съ нимъ участіе въ благодарственной молитвѣ Господу повлечая окончившіи учебнаго года. Да вознаградитъ Господь своею любовью и милостію всѣхъ любящихъ вертоградъ духовнаго просвѣщенія и благожелательныхъ къ нему!

Встрѣченный при входѣ въ Семинарію о. о. ректоромъ, инспекторомъ, соборнымъ каючаремъ, членомъ Семинарскаго Правленія отъ духовенства о. Ожигинымъ и всеми преподавателями семинаріи, Высокопреосвященнѣйшій Владыка преподавалъ имъ благословеніе и направился въ Семинарскій храмъ, гдѣ собрались воспитанники трехъ старшихъ классовъ и ученики образцовой школы. Облечившись въ алтарѣ въ архіерейскія одежды, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній вышелъ на средину храма, на амвонъ, и съ сономъ священнослужителей совершилъ благодарственный молебенъ. Важное и осмысленное чтеніе на клиросѣ предначинательнаго псалма, отчетливое возглашеніе протодіакономъ моленій, стройное и разновременное грустью и вѣнчаніе хора и наконецъ выразительное и умиленное прозвоненіе Архидіацѣптриса въ молитвословіи производило на всѣхъ молящихся сильное впечатлѣніе. Въ концѣ молебна о. протодіаконъ возгласилъ обычное многословіе Цвѣтущему дому, Святѣйшему Правительствующему Синоду, Высокопреосвященнѣйшему Арсенію съ его Богоугоднымъ паствомъ, начальствующимъ въ семинаріи, учащимъ и учащимся, послѣ чего всѣ бывшіе въ храмѣ ярокожались во кресту и получили окриженіе св. водою. Затѣмъ Владыка вошелъ въ алтарь, разоблачился, вышелъ на солею и обрѣлся къ тѣсно обрѣженному его, обончавшимъ курсъ воспитанникамъ съ глубоко незадачливимъ и чрезвычайно сердечно оказаннымъ словомъ. Слово это, по своему обычку, говорилъ Владыка экспромтомъ, безъ предварительной записки. Вслѣдствіе этого мы лишены возможности передать его здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ устъ Владыки, со всѣми тѣми прекрасными выраженіями и сравненіями, которыми ораторъ украшалъ рѣчь свою, и по необходимости должны ограничиться только изложеніемъ главнѣйшихъ мыслей. Вотъ что приблизительно говорилъ Владыка воспитанникамъ въ своемъ словѣ:

„Поздравляю васъ, возлюбленные внуки, съ окончаніемъ курса.

Мнѣ извѣстно, что нѣкоторые изъ васъ намѣреваются продолжать свое образованіе: въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: иные стремятся поступить въ духовную академію, иные въ университетъ. Желаю вамъ полнаго успѣха въ тапкихъ стремленіяхъ и желаніяхъ. Молю Бога и надѣюсь, что, куда бы вы ни поступили, вездѣ поддержите честь и славу того заведенія, которое воспитало васъ. Болѣе же всего желаю вамъ твердо и нерушимо сохранить тѣ религіозно-нравственныя начала, въ которыхъ вы воспитывались и въ семинаріи и въ училищѣ, да и въ родной семьѣ. Начала эти, посѣяныя въ души вашей и взлелѣанныя родителями, возвращенныя и укрѣпленныя духовно-учебными заведеніями, помогутъ вамъ, при случаѣ показать себя борцами, исповѣдниками и, кто знаетъ, можетъ быть, мучениками за вѣру, дара и отечество. Вамъ самимъ извѣстно, какъ душаны настоящіе дни, какъ много въ нашемъ обществѣ ходитъ нивѣ различныхъ бредней, соблазновъ и лжеученій. Да храните Господь васъ отъ нихъ... Да и вамъ ли, получившимъ весьма серьезное образованіе, въ чемъ я убѣдился присутствуя у васъ на экзаменахъ, вамъ ли, новоявленному, увлекаться какими то лжеученіями, вамъ ли поддаваться соблазнамъ и погружаться въ бездну тьмы и лжи? Нѣтъ напротивъ, вы не только сами должны твердо держаться словесъ здраваго ученія и не соблазняться никакими недѣльными стремленіями и ложными мыслями, но и другихъ убѣждать отказываться отъ этихъ мыслей, уяснять и представлять въ истинномъ свѣтѣ всѣ ухищренія и неправды людей злорадныхъ и злудныхъ. Да сохранитъ васъ Господь цѣломудренными въ правомъ ученіи и вѣрными сынами Св. Церкви на избранномъ вами пути!

Что теперь мнѣ сказать тѣмъ изъ васъ, которые останутся здѣсь въ епархіи и будутъ служить мѣстной церкви? Отдохнувши немного, такъ какъ отдыхъ для васъ послѣ повсенныхъ усиленныхъ занятій необходимъ и вполне естествененъ, вы снова принимайтесь за трудъ и прежде всего не оставляйте книги: читайте Слово Божіе, творенія св. отцовъ и учителей церкви, богословскія сочиненія. Въ семинаріи изученіе предметовъ болѣе или менѣе ограничено программой; на свободѣ же вы имѣете полную возможность заняться образованіемъ своимъ посерьезнѣе и восполнить или расширить свои богословскія свѣдѣнія чтеніемъ тѣхъ или другихъ богословскихъ сочиненій. Не въ какомъ случаѣ не теряйте вы тѣхъ знаній, которыя приобрѣли въ школѣ. Не выдыхайтесь! Помните, что въ дѣлѣ умственнаго развитія, взрослѣщенія и образованія стоять ни одинъ человекъ не можетъ на одной и той

же ступени: кто не подвигается впередъ, кто не развивается, тотъ всегда подвигается назадъ, опускается. Затѣмъ изучайте уставъ церковный и непремѣнно: практически, посѣщая Храмъ Божій и принимая въ Богослуженіи самое дѣятельное участіе. Читайте и пойте на ясность. Читаніе ваше, какъ чтеніе людей образованныхъ, должно быть разумнымъ, осмысленнымъ. Многіе изъ васъ хорошо изучили церковное пѣніе; пусть они принимаютъ въ немъ дѣятельное участіе, обучая прихожанъ пѣнію. Какъ сладко бываетъ сердцу пастыря и каждаго прѣсутствующаго въ храмѣ христіанина, когда всѣ они едиными устами славятъ и воспѣваютъ тамъ всеблагото Господа! А это уже завелось во многихъ приходяхъ нашей Руси; есть это и въ нашей епархіи.

Не забывайте далѣе, возлюбленные юности, въ проповѣднической дѣятельности. Не выпускайте пера изъ рукъ. Почаще пишите назидательныя поученія для народа и провозносите ихъ въ церкви, на что вы по своему образованію имѣете полное право. Въ этомъ дѣлѣ, я увѣренъ, каждый священникъ будетъ способствовать вамъ, такъ какъ дѣло проповѣди—долгъ пастыря и, проповѣдуя въ Храмъ Божіемъ, вы будете помогать священнику въ выколненіи его прямой и святой обязанности. Приучайтесь говорить импровизаціи. Живое слово дѣйствуетъ на сердце сильнее книжнаго. Не думайте, что говорить импровизаціи въ сельскомъ храмѣ для назиданія сельскихъ жителей—дѣло трудное. Смотрите на это проще: прочитайте вы внимательно разъ, два или три дневное Евангеліе или Апостолъ, у васъ непремѣнно составится въ умѣ то, о чемъ можно разсказать слушателямъ; сдѣлайте къ этому разсказу соотвѣтствующее нравственное приложеніе, и у васъ выйдетъ пригодное для простаго народа поученіе. А случаевъ для такого рода поученій въ селѣ бываетъ много: то Господь посылаетъ засуху, то продолжительные дожди, то наступаетъ посѣвъ, то жатва и т. д. Все это такіе случаи, когда съ пользою для прихожанъ можно сказать многое. Какъ вамъ извѣстно, въ настоящее время особенно усиливается стремленіе къ открытію виѣбогослужебныхъ собесѣдованій. Принимайте вы и въ нихъ дѣятельное участіе. Народъ нашъ и прежде имѣлъ и особенно нынѣ имѣетъ сильную алчбу и жажду къ слушанію Слова Божія, только къ прискорбію, часто не находилъ да и теперь не всегда находятъ надлежащаго удовлетворенія своимъ законнымъ желаніямъ и потребностямъ. Вслѣдствіе этого нерѣдко бываетъ, что иные простецы поддаются завлечательнымъ рѣчамъ лжеучителей и неприванныхъ проповѣдниковъ, легко склоняются

ями въ новую либо секту и удаляются отъ истинной Матери— Церкви. На пастыряхъ Церкви лежитъ обязанность удовлетворить духовно нравственными потребностямъ народа, и вы до своего поступленія въ пастыри можете помогать имъ въ исполненіи этой обязанности. Въ селахъ между утреней и литургіей всегда бываетъ промежутокъ, когда причать или служить акафиста или отирая-ляеть требы прихожанамъ. Въ это время, особенно дѣтми, въ оградѣ церковной можно видѣть группы людей, не занятыхъ никакимъ дѣломъ. Вотъ вамъ и удобный случай прочесть или рассказать народу что либо религиозное, поучительное. Здѣсь вы можете сразу приложить къ дѣлу тѣ знанія, которыя вы приобрѣли въ семинаріи и въ училищѣ. Говорю все это по собственному опыту. По этому же опыту знаю и свидѣтельствую вамъ о необыкновенной любви прихожанъ къ дѣтямъ священно и церковно-служителей, провинутымъ духомъ церковности и прилагающимъ хоть малую заботу о просвѣщеніи темныхъ людей. Но Боже сохрани васъ уклониться отъ Богослуженій, и заниматься чтеніемъ книгъ не потребныхъ и такимъ образомъ вывѣтривать въ себѣ тотъ духъ, которымъ запечатлѣны вы въ своемъ воспитаніи и обученіи. Вы должны помнить, что вамъ придется быть пастырями Церкви, что поэтому вамъ необходимо держаться твердо духа религиознаго, церковнаго, необходимо развивать и укрѣплять его въ себѣ, и что главнымъ ередствомъ къ этому служить дѣятельное участіе въ религиозной жизни народа.

Многіе изъ васъ до поступленія въ священники будутъ школьными учителями. Помните, что эта должность высокая, почетная и овятая! Объ этомъ многократно свидѣтельствовалось и свидѣтельствуются высшимъ начальствомъ. Высоко цѣнимъ и уважаемъ учитель въ средѣ простого народа, если онъ съ любовью и искренностію относится къ своему живому и овитому дѣлу. Народъ нашъ мало разработанная почва, но тучная и злаячая. Задача школы состоитъ въ томъ, чтобы дѣтей народа, эти злаки, произросшія на нивѣ народной, воспитать въ любви и преданности къ св. Церкви, въ духѣ религиозномъ. Безспорно, это высокая задача для учителя! И кто изъ насъ не умилался сердцемъ, видя и слыша восторогъ родителей крестьянъ, когда сынъ ихъ или дочь участвуетъ въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ! Большое вліяніе имѣеть внимательный къ своему дѣлу учитель и на все общество, на весь народъ въ приходѣ. Какъ то обыкновенно случается, что такого учителя всегда приглашаютъ принимать, и онъ принимаетъ живое участіе въ жизни не только своихъ учениковъ, но и родителей ихъ, во

всѣхъ ихъ радостей и печалей, . . . наоборотъ, . . . не бываетъ на селѣ ни почета, ни уваженія къ тому учителю, который холодно и съ небреженіемъ относится къ своему святому дѣлу. Эго я могу подтвердить вамъ указаніемъ на нѣсколько примѣровъ мѣстной записки: кавказъ, очевидно, которые мнѣ придется быть очень недвѣно. Да не будете вы покровителями на этихъ учителей!

Впрочемъ, возлюбленные юноши, будете ли вы пока еще жить въ семьѣ родителей и родственниковъ, будете ли вы учить дѣтей въ школахъ, помните, что главное и важнѣйшее ваше служеніе—священническое. Всячески готовьтесь къ нему. Не обращайтесь вниманія на тѣ нареканія, какія нерѣдко приходится слышать о лицахъ духовныхъ. Одежда священническая—почтеннѣйшая одежда, званіе священника высокое званіе, и служеніе священническое—устроеніе своею вѣчнаго спасенія и спасенія ближнихъ—величайшее служеніе. Помните, что, въ словѣ Евангельскомъ, пастыри церкви называются свѣтильниками міру и солию земли. Да сподобитъ же васъ Господь Богъ, по образу Сына Его единороднаго и св. Его учениковъ, быть свѣтомъ истиннымъ, просвѣщающимъ, освящающимъ и укрѣпляющимъ въ добръ всякаго человѣка, котораго вы будете призваны пасти. Благословеніе Господа да будетъ на васъ Того благодатію и человеколюбіемъ всегда, имѣя и прісно и во вѣки вѣковъ. Аминь*.

По окончаніи своего паставленія окончившимъ курсъ ученія воспитанникамъ, Владыка благословилъ каждого изъ нихъ иконой и молитвенникомъ в св. Евангелиемъ послѣ чего преподавъ всѣмъ общее благословеніе и вышелъ изъ храма, сопровождаемый громкимъ пѣніемъ всѣхъ пола эта, деспота. Всѣ бывшіе въ храмѣ начальствующие въ Семинаріи, учащіе и учащіеся проводили Владыку до подъѣзда съ искреннимъ пожеланіемъ ему многихъ лѣтъ за тотъ трудъ любви, который онъ проявилъ по отношенію къ Семинаріи.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я

Учитель пѣнія и регентъ

Озургетскаго Духовнаго Училища г. Кунда, имѣющій свидѣтельство объ окончаніи курса въ Придворной капеллѣ, **желаетъ перемѣнить мѣсто.**

Адресъ: Великій Бобрикъ, Сумскаго уѣзда, Харьковской губ. Филарету Яблоновскому.

ФАБРИКАНТЪ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ
ТОРГОВАГО ДОМА
АНДРЕЯ ЗАХРЯПИНА СЫНОВЬЯ.

Имѣю честь до свѣдѣнія г.г. покупателей
 въ нашихъ магазинахъ.

I.

Въ Москвѣ

Никольская ул., верх-
 ніе торговые ряды
 №№ 82, 155, 156, 227,
 228, 229.

II.

Въ г. Воронежѣ

Московская ул., про-
 тивъ Духовной Кон-
 сistorіи. Магазинъ
 открытъ съ 1-го ок-
 тября 1902 г.

III.

Въ ярмаркахъ Нижне-
 городской
 по шоссе противъ
 флаговъ.
 Въ Вологдѣ и Ро-
 отовѣ
 Ярославской губ.

Всегда имѣется полный и большой выборъ всей церковной утвари лучшаго издѣлія, художественной работы, собственной фабрики, всевозможныхъ размѣровъ и рисунковъ какъ-то: паникадила, люстры, подсвѣчники, лампы, хоругви, запрестольныя иконы, евангелія, кресты, сосуды, ковчеги, вѣнцы, металлическія свѣчи, чаши водосвятныя, плащаницы, гробницы, иконы, нарча для облаченія и пр. и пр., также имѣются и серебряныя вещи 84^р, а также принимаются заказы на всевозможную церковную утварь, металлическія, такъ равно и серебряныя 84^р и ризы на иконы, одежды на престолы и жертвенники, царскія двери, кресты на главы, и рѣшетки по сошеѣ и пр. и пр., какъ лично, также и заочно, посредствомъ переписки.

По требованію при заказѣ, Торговый Домъ высылаетъ смѣты и рисунки, а также въ случаѣ надобности высылаются довѣренныя, для личныхъ переговоровъ и принятія заказа.

Принимаются всякаго рода починки и ремонтное старыя вещи церковной утвари золоченіе и серебрѣніе исполняются въ точности безъ замедленія.

Цѣны на церковную утварь существуютъ одинаковыя какъ въ Московскомъ магазинѣ, также въ Воронежскомъ магазинѣ и ярмаркахъ.

При заказѣ и покупкѣ товаровъ для небогатыхъ храмовъ, дѣлается разсрочка въ платежѣ.

Фабрика наша существуетъ болѣе 50 лѣтъ и имѣетъ при себѣ около 500 человекъ мастеровъ, благодаря лучшаго производства выработываемыхъ въ ней предметовъ и усовершенствованія, всѣми необходимыми средствами, для выработки церковной утвари, скорого и аккуратнаго исполненія заказовъ, приобрѣла самый громадный кругъ г.г. покупателей и заказчиковъ. Фабрика и главная контора въ г. Переславлѣ Заслѣскомъ Влад. губ.

При выпискѣ товаровъ, просимъ обозначать адресъ, чрезъ кого посылать товаръ, по желѣзной дорогѣ, до какой станціи, или чрезъ контору и адресъ почтовый.

Искреннею надеждою, что Вы не оставите насъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, а также и посѣщеніемъ нашихъ магазиновъ въ Москвѣ и гор. Воронежѣ.

Торговый Домъ Андрея Захряпина С—вья.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 ЮНЯ № 12. 1903 года.

Содержаніе. Высочайшія награды.—Опредѣленія Святыѣшаго Синода: 1) Разясненіе относительно сбора въ пользу казны съ причтовъ, не получающихъ казеннаго содержанія и 2) о льготѣ инословнымъ окончившимъ курсъ воспитанникамъ семинаріи, которые поступаютъ на должность учителей церковно-приходскихъ школъ.—Отъ Училищнаго Совѣта при Святыѣшемъ Синодѣ: разясненіе нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ вопросовъ въ церковно-школьной практикѣ.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Отъ Харьковского Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Отъ Правленія Братства Св. Великомученицы Варвары.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи за 1902—1908 уч. г.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Списокъ воспитанницъ Харьковского Епархіальнаго Женскаго Училища за 1902—1903 уч. г.—Краткій отчетъ о состояніи Харьковского Епархіальнаго Женскаго Училища за 1902—1903 уч. г.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшія награды.

Списокъ лицамъ, кои Всемилостивѣе пожалованы, нѣ 6 мая 1093 г., медалями, съ надписью „за усердіе“.

Для ношенія на шеѣ, серебряною, на *Аннинской лентѣ* староста церкви с. Млиневоѣ, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ Маркъ *Рахмановъ*.

Для ношенія на груди: золотымъ: на *Аннинской лентѣ* попечительница церковно-приходской школы г. Валокъ Марія *Ситсаревская*; на *Станиславской лентѣ*: староста церкви с. Яневова-Рога, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ Тимоѣей *Кривошеевъ*, крестьянинъ с. Иванова, Богодуховскаго уѣзда, Семенъ *Зміевскій*, староста церкви слободы Котовой, Волчанскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Таволжанскій*, попечитель вольновской церковно-приходской школы в луговской школы грамоты, Богодуховскаго уѣзда, запасный унтеръ-офицеръ Янъ *Микасъ*, попечительница лебединской, при Николаевской церкви, церковно-приходской школы Евдоіи *Лысикова*, староста церкви слободы Мерефы, Харьковского уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Воронко*; серебряными: на *Александровской лентѣ* учительницы церковно-приходскихъ школъ: Дурѣчановой, Куянскаго уѣзда, Антонина *Лукашева* в Березкой, Зміевского уѣзда, Наталья *Крутьева*; на *Аннинской лентѣ*:

старосты церквей: села Быгородка, Духовицнскаго уѣзда, крестьянинъ Андрей *Тихоновъ*, с. Ивановки, Изюмскаго уѣзда, крестьянинъ Емельянъ *Носаковъ*, слободы Бѣлаго-Болодезя, Волчанскаго уѣзда, крестьянинъ Емельянъ *Погорьлый*; на *Станиславской лентѣ*: староста церкви с. Журавнаго, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ Емельянъ *Дубиненко*.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

I. Отъ 18 марта—5 мая 1903 года за № 1367, о разъясненіи нѣкоторыхъ вопросовъ относительно вниманія установленнаго Высочайше утвержденнымъ 3 іюня 1902 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта особаго въ пользу казны сбора съ причтовъ, не получающихъ казеннаго содержанія.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 7-го марта сего года № 7346 о разъясненіи нѣкоторыхъ вопросовъ относительно вниманія установленнаго Высочайше утвержденнымъ 3 іюня 1902 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта особаго въ пользу казны сбора съ причтовъ, не получающихъ казеннаго содержанія. Приказали: Разсмотрѣвъ настоящее предложеніе, Святѣйшій Синодъ, согласно отзыву Департамента Государственнаго Казначейства и заключенію Хозяйственнаго Управленія, признаетъ необходимымъ преподать по духовному вѣдомству на нижеприведенные вопросы слѣдующія разъясненія:

- 1) по вопросу: слѣдуетъ ли производить установленный въ пользу казны сборъ со всѣхъ не получающихъ казеннаго содержанія причтовъ безъ исключенія, или же только съ тѣхъ членовъ причтовъ, которые занимаютъ штатныя мѣста. Въ виду того, что, по ст. 1 Высочайше утвержденнаго 3 іюня 1902 года устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ священнослужителямъ и всаломщикамъ епархіальнаго вѣдомства, право на полученіе пенсіи или пособія изъ казны имѣютъ лишь штатные священнослужители и всаломщики, слѣдуетъ производить взиманіе помянутаго сбора лишь съ членовъ причтовъ, занимающихъ штатныя мѣста.
- 2) слѣдуетъ ли освободить отъ сего сбора тѣхъ священноцерковнослужителей, которые получаютъ содержаніе изъ казны, но по смѣтамъ не духовнаго, а другихъ вѣдомствъ, напримѣръ Министерства Финансовъ, вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и пр., а также подлежатъ ли этому сбору священноцерковнослужители, занимающіе, кромѣ мѣстъ (безъ казеннаго содержанія) при церквахъ различныхъ учебныхъ заведеній, еще законоучительскія должности въ тѣхъ заведеніяхъ и пользующіеся казеннымъ содер-

заніємъ по этимъ послѣднимъ должностямъ. Въ виду того, что, по ст. 3 Высочайше утвержденнаго Устава, священноцерковнослужителямъ, выслужившимъ пенсію на епархіальной и на какой либо другой службѣ, предоставляется право получать ту пенсію, которая окажется для нихъ выгоднѣе, представляется необходимымъ, чтобы какъ служба епархіальная, такъ и служба по другому вѣдомству, съ особыми пенсіонными правами, была оплачена вычетами независимо одна отъ другой, какъ это, наирямѣрь, установлено для гражданскихъ чиновниковъ, которые, въ случаѣ занятія нѣсколькихъ должностей съ правами на пенсію, уплачиваютъ вычетъ въ пенсіонный капиталъ по всѣмъ этимъ должностямъ. Посему священноцерковнослужители, получающіе содержаніе изъ казны по смѣтамъ не духовнаго, а другихъ какихъ либо вѣдомствъ и пользующіеся правомъ на пенсію по правиламъ этихъ послѣднихъ вѣдомствъ, равно и священноцерковнослужители, занимающіе мѣста при церквахъ учебныхъ заведеній (безъ содержанія) и, сверхъ того, законоучительскія должности въ тѣхъ же заведеніяхъ, помимо установленныхъ $0/0/0$ по дѣйствующимъ въ тѣхъ вѣдомствахъ и заведеніяхъ пенсіоннымъ Уставамъ, должны уплачивать также и установленные закономъ 3-го іюня 1902 года вычеты съ священноцерковнослужителей епархіальнаго вѣдомства. 3) Слѣдуетъ ли взимать помянутый сборъ съ священноцерковнослужителей, получающихъ жалованье отъ городскихъ думъ, наирямѣрь, на столичныхъ загородныхъ кладбищахъ, отъ земствъ и т. п. источниковъ. Таковыя священноцерковнослужители обязаны вносить въ пользу казны сборъ въ размѣрахъ, установленныхъ закономъ 3 іюня 1902 года, т. е. священники по 6 р., діаконы по 3 р. и псаломщики по 2 р. въ годъ, независимо отъ того, производится ли изъ ихъ содержанія вычетъ въ городскія или земскія средства, такъ какъ пособіе или пенсія изъ средствъ городскихъ или земскихъ, какъ суммъ частныхъ, а не казенныхъ, могутъ быть назначаемы имъ независимо отъ казенной пенсіи за епархіальную службу. 4) Должны ли подлежать этому сбору тѣ священноцерковнослужители, которые, занимая мѣста при церквахъ и не получая по нимъ жалованья отъ казны, въ то же время получаютъ пенсію за прежнюю службу, наирямѣрь, по духовно-учебному вѣдомству. По прежнему смыслу закона (п. II Высочайше утвержденнаго 3-го іюня 1902 года мѣрнія Государственнаго Совѣта), съ такихъ священноцерковнослужителей слѣдуетъ производить сборъ въ установленныхъ размѣрахъ. 5) Въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ взимать сборъ съ не получающихъ содержанія

отъ казны: а) священниковъ на діаконскихъ вакансіяхъ, б) священниковъ на псаломщическихъ вакансіяхъ и в) діаконъ на псаломщическихъ вакансіяхъ. Въ виду того, что, согласно ст. 17-й Высочайше утвержденного пенсіоннаго устава, священники, состоящіе на діаконствѣ или псаломщическихъ вакансіяхъ, имѣютъ право на полученіе діаконскихъ или псаломщическихъ окладовъ пенсій, а діаконъ на псаломщической вакансіи — псаломщическихъ окладовъ, съ лицъ первой категоріи подлежитъ взимать сборъ — какъ съ діаконъ, т. е. по 3 руб. въ годъ, а второй и третьей категоріи — какъ съ псаломщиковъ, т. е. по 2 р. въ годъ.

II. Отъ 2—13 мая 1903 г. за 2056, объ освобожденіи отъ уплаты долга духовному вѣдомству за обученіе въ семинаріи тѣхъ изъ окончившихъ курсъ инословныхъ воспитанниковъ семинарій, которые поступили на должности учителей церковно-приходскихъ школъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 28 минувшаго апрѣля № 632, журналъ Учебнаго Комитета за № 177, съ заключеніемъ Комитета, по возбужденному правленіемъ Рязанской духовной семинаріи вопросу объ освобожденіи отъ уплаты долга духовному вѣдомству за обученіе въ семинаріи тѣхъ изъ окончившихъ курсъ инословныхъ воспитанниковъ семинарій, которые поступили на должности учителей церковно-приходскихъ школъ. Приказалъ: Разсмотрѣвъ настоящій журналъ Учебнаго Комитета, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разъяснить правленіямъ Рязанской и прочихъ духовныхъ семинарій, что служба инословныхъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ должностяхъ учителей церковно-приходскихъ школъ подлежитъ зачету въ уплату долга таковыхъ воспитанниковъ духовному вѣдомству за обученіе въ семинаріяхъ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ, по Синодальному опредѣленію 25 мая—8 іюля 1878 года, засчитывается таковая же служба семинарскимъ воспитанникамъ въ уплату долга за ихъ казенное содержаніе въ семинаріяхъ, т. е. чтобы каждый годъ службы въ означенныхъ должностяхъ засчитывался за два года обученія въ семинаріи.

Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.

Нѣкоторые епархіальные училищные совѣты и совѣты церковно-учительскихъ школъ обратились въ Училищный при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣтъ съ ходатайствомъ о разъясненіи нѣследующихъ вопросовъ, вызываемыхъ въ церковно-школьной практикѣ примѣ-

повіємъ Высочайше утвержденнаго 1 апрѣля 1902 года положенія о первоначальныхъ школахъ: 1) должны ли быть производимы испытанія учащимся въ церковно-учительскихъ школахъ при переводѣ ихъ изъ одного класса въ другой; 2) должны ли производиться выпускныя испытанія учащимся въ церковно-учительскихъ школахъ изъ всего курса или только изъ предметовъ, положенныхъ по программѣ послѣдняго курса школы; и 3) кого изъ учащихся въ церковно-учительскихъ школахъ нужно считать окончившимъ курсъ съ отличіемъ (ст. 56 Высочайше утвержденнаго 1 апрѣля 1902 года положенія о первоначальныхъ школахъ).

Въ разъясненіе означенныхъ вопросовъ, Училищный Совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ, журнальнымъ опредѣленіемъ, отъ 24 марта — 22 апрѣля 1903 года за № 844, утвержденнымъ г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, постановилъ: передать циркулярно чрезъ прочтателе въ "Церковныя Вѣдомости", епархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ и совѣтамъ церковно-учительскихъ школъ нижеслѣдующія указанія: 1) учащіеся въ церковно-учительскихъ школахъ, при переходѣ изъ одного класса въ другой, должны подвергаться по всемъ предметамъ переводнымъ испытаніямъ, производимымъ совѣтами этихъ школъ; 2) выпускныя испытанія учащимся въ церковно-учительскихъ школахъ должны производиться по программамъ послѣдняго курса школы и 3) окончившими курсъ въ церковно-учительскихъ школахъ съ отличіемъ слѣдуетъ признавать тѣхъ изъ учащихся, которые на переводныхъ и выпускныхъ испытаніяхъ получаютъ по всемъ предметамъ учебнаго курса баллы не ниже 4, а въ среднемъ выводѣ не менѣе — $4\frac{1}{2}$.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

Въ виду нѣкоторыхъ соображеній Харьковская Духовная Консисторія объявляетъ для свѣдѣній духовенства епархіи, что за печатные циркулярные указы, рассылаемые причтамъ, взимается Консисторію плата въ томъ размѣрѣ, въ какомъ таковая будетъ обозначена на первой страницѣ самаго циркуляра ввиду текста.

Отъ Харьковского Епархіального Училищнаго Совѣта.

Харьковский Епархіальный Совѣтъ, согласно журнальному постановленію своему, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 9 июня 9 дня сего 1903 года, сямъ объявляетъ лицамъ, желающимъ приобрести званіе учителя или учительницы церковно-приходской

школы по установленному испытанію, чтобы она, предварительно явки на таковое испытаніе, въ теченіе потребнаго времени практически усвоила приемы начальнаго обученія путемъ личнаго участія въ занятіяхъ съ учащимися въ мѣстныхъ церковно-приходскихъ школахъ и о времени, проведенномъ за этимъ дѣломъ, а равно и о степени практическаго усвоенія дидактическихъ приемовъ доставляли удостовѣренія завѣдующихъ школами въ мѣста производства испытаній.

Отъ Правленія Братства Св. Великомученицы Варвары.

Правленіемъ Братства въ засѣданіи 5-го іюня с. г. сдѣлано слѣдующее постановленіе, утвержденное Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ: О.о. благочиннымъ, протоіереямъ Василию Никольскому, Василію Алексѣевскому и Григорію Понову, съ особеннымъ усердіемъ потрудившимся въ сборѣ пожертвованій на пользу Братства, выразить глубокую благодарность за ихъ сочувственное отношеніе къ Братству.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1902—1903 учебный годъ

6-го класса.

Окончившіе курса Семинаріи.

Разрядъ 1. 1. Виталій Якубовичъ, Евгений Богуставскій, Владиміръ Недохлѣбовъ — награждены медалями, Сергій Филиппенко — награжденъ книгою; 5. Викторъ Дмитровскій, Веніаминъ Платоновъ, Василій Бесѣда, Илья Рахманъ, Георгій Ястремскій; 10. Василій Жуковъ, Григорій Артемьевъ.

Разрядъ 2. Леонидъ Лазаревъ, Сергій Брижановскій, Николай Любарскій; 15. Аристархъ Сильванскій, Викторъ Знаменскій, Яковъ Ромевскій, Иванъ Рубинскій, Стефанъ Давиденко; 20. Анатолій Яновскій, Ѳеодоръ Гончаровскій, Стефанъ Любарскій, Константинъ Новицкій, Иванъ Заводовскій; 25. Василій Ладенковъ, Николай Залуговскій, Евгений Сапухинъ, Иванъ Ляпцкій, Алексѣй Власовскій; 30. Ѳеодоръ Вербницкій, Дмитрій Грызолубовъ Константинъ Косьминъ, Евгений Нѣмчиновъ; Григорій Яновскій; 35. Иванъ Бранловскій, Алексѣй Воскобойниковъ, Александръ Колесниковъ, Александръ Молодыхъ, Петръ Рубинскій; 40. Иванъ Власовъ, Михаилъ Баустиинъ, Василій Стадвиченко, Григорій Шашловъ; 44. Николай Хижиляковъ.

5-го класса.

Переведены въ 6 классъ.

Разрядъ 1. 1. Григорій Мяшинъ, Иванъ Пяншинъ, Константинъ Шебатинскій—награждены крестами, Иванъ Власовскій; 5. Григорій Пипенко, Григорій Рождественскій, Яковъ Приходинъ, Петръ Поновъ, Борисъ Федоровскій; 10. Аванасій Капустянскій, Петръ Ромеяскій, Павелъ Горавинъ.

Разрядъ 2. Алексѣй Виноградовъ, Михайлъ Николаевскій; 15. Василій Григоревичъ, Веніаминъ Ревскій, Алексѣй Новичкѣй, Яковъ Артюховскій, Николай Эвенковъ; 20. Митрофанъ Вербицкій, Иванъ Лобковскій, Михайлъ Пантелеймоновъ, Федоръ Хорошковъ, Яковъ Христіановскій; 25. Сергѣй Якубовичъ, Яковъ Шебатинскій, Александръ Щербина, Левъ Яковлевъ, Яковъ Григорьевъ; 30. Савва Доброницкій, Митрофанъ Смирнскій, Пантелеймонъ Бутковъ, Иона Павловъ, Анатолій Чернявскій; 35. Павелъ Чифрановъ.

Допущены къ перекламеновкѣ послѣ каникулъ: Александръ Анисимовъ, Николай Николаевскій, Иванъ Протопоповъ—по литургіи, Иванъ Петровъ—по латинскому языку; 40. Алексѣй Рубинскій—по практическому руководству для пастырей, Павелъ Четвериковъ—по церковной исторіи, Семенъ Корнильевъ—по литургіи и церковной исторіи.

Уволенъ изъ семинаріи по малоустынности 43. Николай Михайловъ.

4-го класса.

Переведены въ 5 классъ.

Разрядъ 1. 1. Григорій Тычининъ—награжденъ книгою, Семенъ Василевскій, Яковъ Леткинъ, Алексѣй Николаенко; 5. Владиміръ Евхимовъ, Владиміръ Киприановъ, Александръ Пагуль, Николай Юшковъ.

Разрядъ 2-й. Сергѣй Чернявскій; 10. Иванъ Понировскій, Гавріилъ Поповъ, Даниилъ Стесенко, Михайлъ Макаровскій, Евхимій Золотаревъ; 15. Николай Ястремскій, Андрей Лѣпскій, Александръ Федоровъ, Алексѣй Петраковъ, Автоній Поповъ; 20. Дмитрій Олякъ, Николай Федоровъ, Иванъ Жуковскій, Дмитрій Исиченко, Илья Кіиновскій; 25. Алексѣй Торанскій, Анатолій Шиповаловъ, Михайлъ Григоровичъ, Николай Матвѣенко, Семенъ Важенковъ; 30. Георгій Грековъ.

Допущены къ перекламеновкѣ послѣ каникулъ: Автономъ Жуковъ, Сергѣй Лядскій, Иванъ Момировъ—по философіи, Константинъ Золотаревъ; 35. Стефанъ Петровъ—по латинскому языку, Сергѣй Анисимовъ—по литургіи и греческому языку, Сергѣй Васильевъ—по греческому и латинскому языкамъ, Иванъ Камышавъ,

Федоръ Косьминъ—по греческому языку; 40. Петръ Дорошенко—по церковной исторіи и философіи, Федоръ Бородаевъ—по философіи и сочиненію.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: Павелъ Краснокутскій, Александръ Сапухинъ, Григорій Чугаевъ—по болѣзни; 45. Александръ Дьяковъ—по малоуспѣшности.

Уволены изъ Семинаріи: Александръ Евецкій, Константинъ Землянскій; 48. Николай Чарторижскій.

3-го нормал. класса.

Переведены въ 4 классъ.

Разрядъ 1. 1. Арсеній Головачанскій, Николай Хорошневъ—награждены книгами,

Разрядъ 2. Василій Филиппченко, Владиміръ Бѣлиевъ, 5. Владиміръ Михайловскій, Иванъ Федоровъ, Василій Алферовъ, Георгій Степурскій, Виталий Толмачевъ, 10. Василій Брыжановскій, Тимонъ Смирнскій, Дмитрій Яновскій, Тихонъ Любичскій.

Допущены къ перекладеванью послѣ экзамена: Владиміръ Согаинъ—по гражданской исторіи; 16. Александръ Сѣверскій—по церковной исторіи, Михаилъ Хижняковъ—по сочиненію, Михаилъ Нарожный—по логикѣ и сочиненію, Михаилъ Соколовскій—по церковной исторіи и гражданской исторіи, Андрей Николаевскій—по сочиненію и церковному пѣнію; 20. Иванъ Поповъ—по логикѣ и церковному пѣнію, Иларіонъ Дьяковъ—по математикѣ, гражданской исторіи и церковному пѣнію.

Оставлена на повторительный курсъ въ томъ же классѣ 22. Илья Червонецкій.

3-го паралл. класса.

Переведены въ 4 классъ.

Разрядъ 1. 1. Михаилъ Черныкинъ—награжденъ книгою.

Разрядъ 2. Алексѣй Вардаевъ, Гавриилъ Добрецкій, Леонидъ Якубовичъ; 5. Стефанъ Алексѣевъ, Павелъ Дейнеховскій, Василій Петинъ, Юна Ладенко, Андрей Насѣдьянъ; 10. Сергій Федоровъ, Александръ Олейниковъ.

Допущены къ перекладеванью послѣ экзамена: Вахаріи Стрѣльцовъ—по церковной исторіи, Андрей Добрецкій, Николай Никитинъ; 15. Александръ Эллискій—по математикѣ, Борисъ Цыбулевскій—по церковной исторіи и греческому языку.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: Григорій Цыбулевскій—по болѣзни, Николай Гризодубовъ—по малоуспѣшности.

Уволены изъ семинаріи по переводу въ 4 классъ 19. Александръ Торанскій.

2-го нормал. класса.

Переведены въ 3 классъ.

Разрядъ 1. 1. Леонидъ Дюбицкій, Александръ Базилевичъ, Александръ Запороженко, Петръ Лысенко; 5. Петръ Суховъ, Александръ Слюсаревъ.

Разрядъ 2. Павелъ Проскуряковъ, Александръ Инновъ, Николай Евтушенко; 10. Петръ Жебиковъ, Викторъ Вородаевъ, Владиміръ Добрецькій, Викторъ Сергѣевъ, Григорій Словескій; 15. Константинъ Артагелскій, Николай Инновъ, Павелъ Черниломскій, Григорій Быковцевъ, Дмитрій Селезневъ; 20. Петръ Измайловъ, Николай Пономаревъ.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ маникулъ: Филadelphъ Балашовскій, Андрей Кузнецовъ, Викторъ Рубинскій; 25. Павелъ Сапукинъ,—по латинскому языку, Левъ Браунскій—по священному писанію в латинскомъ языкѣ, Георгій Твердохлѣбовъ—по математикѣ и церковному пѣнію, Александръ Тимошевъ—по словесности в греческомъ языкѣ.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ: Иванъ Пантелейшовъ—по болѣзни; 30. Николай Крыжановскій, Леонидъ Малиженевскій—по малоуспѣшности.

Уволены изъ Семинаріи: Андрей Ведринскій, Виталий Григорьевскій; 34. Аркадій Яблонскій.

2-го паралл. класса.

Переведены въ 3 классъ.

Разрядъ 1. 1. Константинъ Грешинскій, Григорій Евсеевъ, Иванъ Стахевичъ.

Разрядъ 2. Константинъ Оглобля; 5. Сергій Владимовъ, Стефанъ Левадкій, Константинъ Лядскій, Иванъ Матвѣевъ, Александръ Поповъ; 10. Александръ Семеновъ, Александръ Артюховскій, Иванъ Павловскій, Михаилъ Дзюбановъ, Владиміръ Андреевъ; 15. Александръ Гардѣенко, Александръ Полняцкій, Василій Федоровъ.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ маникулъ: Сергій Вучевичъ—по церковному пѣнію, Андрей Дзюбановъ; 20. Михаилъ Чугаевъ—по латинскому языку, Стефанъ Дзюбановъ, Василій Жуковскій, Петръ Соколовскій—по математикѣ, Владиміръ Мухинъ—по гражданской исторіи в латинскомъ языкѣ; 25. Георгій Платоновъ—по греческому в латинскому языкамъ, Николай Скубаевскій—по математикѣ, словесности и церковному пѣнію.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности 27. Владиміръ Базилевичъ.

1-го нормал. класса.

Переведены во 2 классъ.

Разрядъ 1. 1. Александръ Стрѣльцовъ, Іосифъ Стефановъ—награждены книгами, Иванъ Гавриловъ, Николай Шебатинскій; 5. Геннадій Безугловъ.

Разрядъ 2. Стефанъ Горошко, Павелъ Безугловъ, Анатолій Сильванскій, Анатолій Шебатинскій; 10. Григорій Горавнъ, Семень Насѣдкнъ, Дмитрій Рудинскій, Амвросій Краснопольскій, Александръ Власовъ; 15. Яковъ Матвѣевъ, Николай Тугариновъ, Алексѣй Никитявъ, Василій Новикій, Владиміръ Сѣкарскій.

Допущены къ перекэзаменовкѣ послѣ каникулъ: 20. Николай Бородаевскій, Алексѣй Ильинскій—по священному писанію, Алексѣй Гусевъ, Дмитрій Крохатскій—по греческому языку, Павелъ Трегубовъ; 25. Федоръ Сулвма—по латинскому языку, Косьма Шелоковскій—по латинскому языку, Иванъ Бородаевскій—по математикѣ, Владиміръ Бѣлогорскій—по священному писанію и гражданской исторіи, Василій Рудинскій—по греческому и латинскому языкамъ в церковному пѣнію.

Оставлены на повторительный курсъ: 30. Алексѣй Сильванскій—по болѣзни, Викторъ Андреевъ, Михаилъ Косагѣвскій, Николай Петровичъ, Тихонъ Торанскій; 35. Михаилъ Чернявскій, Иванъ Эннатскій—по малоуспѣшности.

Уволены изъ Семинаріи: Викторъ Дикаревъ; 32. Иванъ Рудинскій.

1-го паралл. класса.

Переведены во 2 классъ.

Разрядъ 1. 1. Николай Иванущенко, Сергѣй Иванущенко—награждены книгами, Иванъ Гилуновъ, Иванъ Касьяновъ; 5. Тимоѣй Дмитриевъ, Иванъ Ладный, Алексѣй Лонгиновъ, Даниль Пантелеймоновъ.

Разрядъ 2. Евгеній Жуковъ; 10. Александръ Мигулявъ, Василій Платоновъ, Тимоѣй Артоховскій, Михаилъ Яновскій, Яковъ Евтушенко; 15. Николай Матвѣевъ, Петръ Рубинскій, Михаилъ Торанскій, Даниль Ястремскій, Николай Вербицкій; 20. Павелъ Новикій, Федоръ Степурскій.

Допущены къ перекэзаменовкѣ послѣ каникулъ: Глѣбъ Голяко-Захаржевскій, Гавріаль Федоровскій—по гражданской исторіи, Александръ Брнжановскій; 25. Василій Рубинскій—по греческому языку, Сергѣй Ильинскій, Иванъ Лукашевъ—по сочиненію, Владиміръ Браиловскій—по греческому и латинскому языкамъ, Андрей

Новомірскій—по математикѣ и латинскому языку; 30. Ипполитъ Шипловъ—по священному писанію, гражданской исторіи и церковному пѣнію, Гавріиль Грузовъ—по греческому и латинскому языкамъ.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоустынности: Квиріонъ Алексѣевъ, Алексѣй Васанскій, Леонтій Жуковский; 35. Николай Молочковскій, Николай Подлицкій; 37. Алексѣй Татаринцовъ.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

I.

Правленіе Семинаріи доводитъ до свѣдѣнія родителей и опекуновъ воспитанниковъ Семинаріи, а также всѣхъ вновь поступающихъ въ Семинарію слѣдующее:

1. Пріемные экзамены для поступленія во всѣ классы Семинаріи и переводные для воспитанниковъ Семинаріи, неудостоенныхъ перевода въ слѣдующіе классы, будутъ начаты въ настоящемъ году 20, а классныя занятія 31 августа.

2. Окончившіе курсъ въ духовныхъ училищахъ Харьковской Епархіи, желающіе поступить въ первый классъ Семинаріи, должны подать о семъ прошеніе къ 15-му августа на имя о. Ректора Семинаріи и будутъ подвергнуты повѣрочному испытанію устному по церковно-славянскому языку, катихизису, греческому языку и арифметикѣ и письменному по русскому языку, а не окончившіе курса въ сихъ училищахъ будутъ экзаменуемы по всѣмъ предметамъ 4 класса духовныхъ училищъ. (См. росписаніе).

3. Всѣ поступающія въ Семинарію лица свѣтскаго званія обязаны внести плату за обученіе впередъ за весь годъ 40 руб. или за полугодіе 20 руб., безъ чего не будутъ приняты въ Семинарію.

4. Всѣ воспитанники Семинаріи, желающіе быть принятыми на казенное содержаніе, или получить пособіе изъ епархіальныхъ суммъ, кромѣ сиротъ духовнаго званія, уже состоящихъ на казенномъ содержаніи, должны подать о семъ прошеніе на имя о. Ректора Семинаріи непременно къ 1 августа сего года съ приложеніемъ благотворительскаго удостовѣренія о бѣдности, въ коемъ должно быть описано имущественное состояніе отца и составъ его семейства съ указаніемъ, сколько дѣтей и на чей счетъ воспитываются въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

5. Воспитанники, не принятые на казенное содержаніе, должны быть помѣщены въ семинарскомъ общежитіи со взносомъ 120 р., а вносословные 180 руб. въ годъ. Эта плата должна быть вноси-

ма не претягъ: въ 1 сентября, къ 15 ноября и къ 1 марта каждаго разѣ по 40 руб., а всегъ внесослуживъ—по 60 руб.; кромѣ того всѣ вновь поступающіе своекоштные учащіе обязаны внести званому Семинарію одновременно на все время обученія въ Семинарію 15 р. на первоначальное обзаведеніе и 5 руб. на приобретеніе учебнаго.

6. Всѣ воспитанники Семинаріи обязаны имѣть форменную одежду установленнаго образца безъ всякаго отступленія. При заказѣ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ суконная форменная пара обходится въ 17 р., будничная въ 7 р. 75 к., фуражка въ 1 р.; по этой же цѣнѣ можетъ быть заказываема одежда и для желающихъ своекоштныхъ воспитанниковъ.

II.

Росписаніе приемныхъ экзаменовъ и переекзаменовокъ въ Харьковской Духовной Семинаріи въ августъ 1903 года.

Переекзаменовки для воспитанниковъ Семинаріи и приемные экзамены для поступающихъ въ старшіе классы Семинаріи.	Приемные экзамены для поступающихъ въ первый классъ Семинаріи.
20 августа. Русское сочиненіе.	Письменная работа по русскому языку (двѣтантъ).
21 — Священное Писаніе, церковная исторія и библейская исторія.	Церковно-славянскій языкъ.
22 — Латинскій языкъ, словесность и исторія русской литературы.	Катихизисъ.
23 — Математика, физика, пасталии, философія, психологія, логика и дидактика.	Греческій языкъ.
25 — Гомилетика, литургика, руководство для пастырей, греческій языкъ и гражданская исторія.	Арифметика.
26 — Богословіе основное, догматическое и нравственное, исторія и обличеніе раскола, обличительное богословіе и церковное пѣніе.	Церковный уставъ, латинскій языкъ, географія, русскій языкъ и церковное пѣніе (для неокончившихъ курсъ въ духовныхъ училищахъ Харьковск. епархіи).

Списокъ воспитанницъ приготовительнаго, перваго, втораго, третьяго, четвертаго и пятаго классовъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1902—1903 учебный годъ.

Приготовит. нормал. класса.

а) Удостоены перевода въ первый классъ.

1. Бородаева 1-я Серафима, Быкова Елена, Быковцева Анна, Бувасова Татіана—нагр. похв. листомъ; 5. Веселовская Александра, Войтова Ольга, Гладкова Екатерина, Горбачевская Зинаида, Грекова Наталія—нагр. похв. листомъ; 10. Дюкова Елисавета, Загурская Зинаида, Зайцева Барвара, Знаменская Вѣра—нагр. похв. листомъ, Ильинская Валентина; 15. Капустина Ефросинія, Ковалева Елена, Ковалевская 1 Лариса, Ковалевская 2 Раиса, Кошменко Нина; 20. Крутьева Вѣра—нагр. похв. листомъ, Ладенцова Галина, Ладухина Ксенія, Любарская 1 Александра—нагр. похв. листомъ, Любарская 2 Анна; 25. Мартынова Зинаида—нагр. похв. листомъ, Матвѣева Антонина, Мухина 1 Антонина, Мураховская Анна, Насѣдкина Александра; 30. Никитина Марія, Николаевичъ Серафима, Петрова Анастасія—нагр. похв. листомъ, Пшенице Александр, Понемарева Ксенія; 35. Протопопова Александра, Розова Марія—нагр. похв. листомъ, Сидоренко Евгенія, Сиданкова Анна, Стрѣльцова Антонина; 40. Сукачева 1 Вѣра, Сукачева 2 Лидія—нагр. похв. листомъ, Сулима Любовь, Умандева Лидія—нагр. похв. листомъ, Черепихина Марія; 45. Чернявская Евгенія, Шапошниковъ Александр, Яковлева Нина, Якубовичъ Марія и Федоровская Елена.

б) Будутъ переведены въ первый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: 50. Мухина 2 Валентина, Петровская Антонина—по русск. языку, Панова Марія—по арифметикѣ и Твердохлѣбова Ольга—по русск. языку и арифметикѣ.

в) Остаются въ приготовительномъ классѣ на повторительный курсъ по малолетности: Аристова Елена; 55. Бородаева 2 Юлія, Ветухова Марія и Черниева Зинаида.

Приготовит. паралл. класса.

а) Удостоены перевода въ первый классъ.

1. Антоновская Марія, Базилевская Анастасія, Бородаевская 1 Екатерина, Бородаевская 2 Лидія; 5. Бортникова Марія, Бухаренко Валентина, Бѣликова Вѣра, Быковцева Евдокія, Васильева Ксенія; 10. Венедиктова Наталія, Грызодубова Евгенія—нагр. похв. листомъ, Дикарева 1 Анна—нагр. похв. листомъ, Дикарева 2 Ксенія, Дорошенко Вѣра—нагр. похв. листомъ; 15. Залетова Анна, Иванова Антонина, Климентова Неонила, Кривцунъ Лидія,

Кривницкая Гульямія; 20. Лыко-Парафіевская Александра, Лисенко Анна, Лытквичъ Екатерина, Любичкая Варвара—нагр. похв. листомъ, Матвѣева Валентина; 25. Мигулина Антонина, Мошенко Зинаида, Наумова Анастасія, Николаевская Наталія, Огулькова Юлія; 30. Павлова Елена, Павловская Евдокія, Радонезская Екатерина, Рубинская Анастасія, Семейкина Марія; 35. Сиромакіна Евгенія, Ситенко Елисавета—нагр. похв. листомъ, Соколовская Людмила, Сокальская Анастасія—нагр. похв. листомъ, Стаховская Антонина; 40. Толмачева 1 Клавдія—нагр. похв. листомъ, Толмачева 2 Наталія, Третьякова Екатерина, Хижякова Марія, Чаговцева Марія; 45. Черняева Елисавета, Щербина Марія, Яблоновская Софья и Федорова 1 Александра.

б) *Будутъ переведены въ первый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:* Краснокутская Елена—по арифметикѣ; 50. Рожкова Наталія, Федорова 2 Марія—по русск. языку и арифметикѣ.

в) Григоросуло Аниѣ, какъ не державшей экзамена по всѣмъ предметамъ по болѣзни, предоставляется держать таковой послѣ каникулъ.

г) *Оставляются въ приготовительномъ классѣ на повторительный курсъ по малодушности:* Бугуцкая Анна, Ельинская Марія; 55. Нявулищева Нина, Ефимова Евгенія, Лазаревская Марія, Сулима Наталія и Тетвинникова Елена.

Перваго нормалъ класса.

а) *Удостоины перевода во второй классъ.*

1. Антонова Ольга, Виноградская Александра—нагр. похв. листахъ, Волобуева Марія, Гревзирская Лидія; 5. Грекова Марія, Давидовская Евгенія, Дегтяренко Елена, Евфимова Евгенія, Касьянова Нина—нагр. похв. листомъ; 10. Кипустина Лидія, Клячнова Марія, Ковальская Зоя, Кривницкая Окля, Куницына Елена; 15. Леонтьева Серафима, Ломакина Антонина, Малышевская Елена, Мильская Лидія, Мураховская Ирина—нагр. похв. листомъ; 20. Навродская Клавдія, Николаевская Елена, Орлова Анна, Платонова Александра, Пономарева Глафіра; 25. Пофмарева Юлія, Пузакова Елена, Раевская Софья—нагр. пох. листомъ, Ревская Елена, Согина Евгенія; 30. Сѣверцова Галина, Сѣрая Елена, Титова Зинаида, Торанская Александра, Ушакова Лидія; 35. Ушакова Надежда, Филипповичъ Раиса, Чебанова Зинаида—нагр. похв. листомъ, Шебатинская Валентина, Щелоконская Серафима; 40. Ястремская Евгенія и Федорова Елена—нагр. похв. листомъ.

б) *Будутъ переведены во второй классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:* Квитковская Марія — по русск. языку, Руднева Марія — по русск. языку, Маслова Неонила — по арифметикѣ.

в) 45. Дикаревой Александрѣ и Федоровой Александрѣ, какъ недержавшимъ экзамена по всѣмъ предметамъ по болѣзни, предоставляется держать таковой послѣ каникулъ.

г) *Оставляются въ первомъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности:* Сябсаревская Надежда и Чижевская Анна.

Перваго паралл. класса.

а) *Удостоены перевода во второй классъ.*

1. Брайловская Валентина, Бучакчійская Вѣра, Веселовская Марія, Грекова Анна; 5. Гумилевская Анна, Жебко Вѣра, Заводовская Зинаида, Иванова Серафима, Калмыкова Екатерина — нагр. похв. листомъ; 10. Кашивъ Александра — нагр. похв. листомъ, Бирulloва Ксенія, Колосовская Наталія, Краснокутская Лидія, Краснопольская 2 Гульиція; 15. Крыжановская 1 Серифима, Лободина Евгенія, Лядская Анна, Матвѣева Ольга, Назаревская Александра; 20. Оглоблина Любовь, Огулькова Раиса, Орловская Анна, Пономарева Анна, Рубинская 1 Александра; 25. Рубинская 2 Нина, Руднева Евдокія, Сапухина Валентина, Сильванская Екатерина. Соколовская Елена; 30. Солодухина Вѣра, Трипольская Вѣра, Тугаринова Елена, Фенева Тавсія, Шебатинская Екатерина; 35. Щепинская Антонина, Яновская Марія и Фаворова Марія.

б) *Будутъ переведены во второй классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:* Навродецкая Екатерина — ивсѣм. по русск. языку, Михайликъ Марія — по русск. языку; 40. Кустовская Антонина по арифметикѣ, Медяникъ Марія — по арифметикѣ, Краснопольская 1 Анна — по русск. языку и арифмет.

в) Крыжановской 2 Галпнѣ, какъ не державшей экзамена по всѣмъ предметамъ по болѣзни, предоставляется держать таковой послѣ каникулъ.

г) *Остается въ первомъ классѣ на повторительный курсъ, по просьбѣ отца* Гревизирская Ольга.

д) *Оставляются въ первомъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности:* 45. Жуковская Анна, Мирожина Серафима, Новицкая Марія и Федорова Любовь.

Второго нормал. класса.

а) *Удостоены перевода въ третій классъ.*

1. Александрова Марія, Андреевкова Наталія, Артюховская Нина, Базилевичъ Нина — нагр. похв. лист.; 5. Бѣлогорская Елисавета, Ва-

сидьская Вѣра, Винградская Анна —нагр. похв. лист., Голованова Іульванія, Грезидурская Марія; 10. Дашкіева Зинаида—нагр. похв. листомъ, Зидьковская Елена, Ивашина-Надтока Александра, Ковалевская Анна, Коныкова Марія; 15. Косымина Любовь, Булыжная Ольга, Лойко Надежда, Дяткевичъ Александра, Мартынова Анфиса; 20. Мартынова Анастасія, Николаевская Екатерина, Петрова Марія, Попова Варвара (Андр.), Попова Варвара (Феоф.); 25. Попова Параскева—нагр. похв. листомъ, Протопопова Пелагія, Розова Лидія, Руднева Елена, Сапухина Анна; 30. Сидоренко Дарія, Созонтьева Марія, Слѣсвицера Марія, Степанко Людмила, Стефанова Галина; 35. Стрижакова Екатерина—нагр. похв. листомъ, Туранская Марія, Филевская Леонила, Филипова Евгенія, Жоршкова Наталія; 40. Яковлева Галпа, Ѳедорова 1 Антонина и Ѳедорова 2 Марія.

б) Будутъ переведены въ третій классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: Леонтьева Юлія — по русск. языку, Павловская Неонила—по арифметикѣ; 45. Шапошниковъ Ольга—по арифметикѣ, Григоровичъ Марія—по русск. яз. и арифметикѣ, Евфименко Анна - по рус. языку и арифметикѣ.

в) Басьяновой Еленѣ и Доброславской Ольгѣ, какъ недержавшимъ экзамена по всѣмъ предметамъ по болѣзни, предоставляется держать таковой послѣ каникулъ.

г) Оставляется во второмъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности: 50. Бойкова Елена.

Второго паралл. класса.

а) Удостоены перевода въ третій классъ.

1. Башинская Наталія, Борискова Агафія, Вородаевская Раиса, Васильева Александра; 5. Вертеловская Лидія, Гладкова Евгенія, Горлова Марія, Еллинская Раиса, Жуковская Александра; 10. Земборская Марія, Бяновская Екатерина—нагр. похв. листомъ. Коренева Лидія, Коростовцева Марія, Краснопольская Зоя; 15. Кремповская Елена, Крохатская Валентина, Бузьменко Зинаида, Бурская Анна, Лещинская Евгенія; 20. Лѣбарская Клавдія, Лядская Аполливарія—нагр. похв. листомъ. Мазанкина Марія, Мураховская Марія, Новикова Александра; 25. Полянская Зоя, Пономарева Анна, Пономарева Ольга, Рубинская Елена, Ставрова Марія; 30. Сулима Антонина, Трегубова Ольга, Фролова Марія, Цыкунова Іульванія, Черниева Марія; 35. Ѳедоровская Лидія.

б) Будутъ переведены въ третій классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: Вербицкая Зинаида, Труфанова Евлампія, Чебанова Наталія, Чмлева Лидія — по арв-

меткѣ; 40. Николаенко Вѣра - по географіи, Грекова Людмила— по русск. яз. в географіи.

в) Любинской Апполинарив, какъ не державшей экзамена по всѣмъ предметамъ по болѣзни, предоставляется держать таковой послѣ канікулъ.

г) *Оставляется во второмъ классѣ на повторительный курс по просьбѣ отца* Квитковская Анна.

д) *Оставляются во второмъ классѣ на повторительный курс по малоуспѣшности:* Безпяткина Еватерина; 45. Антоновская Евдокія, Басманова Александра, Горбунова Евдокія и Толмачева Надежда.

Третьяго нормал. класса.

а) *Удостоены перевода въ четвертый классъ.*

1. Башинская Марія, Бенидиктова Марія—нагр. похв. листомъ, Горбунова Меланія, Григоросухо Марія; 5. Дахова Екатерина, Дегтяренко Екатерина, Дзюбанова Елена, Дикарева Ольга, Ефремова Анна; 10. Зефирова Анна—нагр. похв. листомъ, Иванова Вѣра—нагр. похв. листомъ, Капустянская Евгенія, Коваленко 1 Валентина, Коваленко 2 Зинаида; 15. Литовкина Ларисса, Логвинова Анна, Лонгинова Антонина, Макаровская Варвара, Назимко Антонина; 20. Нестеренко 1 Наталія, Нестеренко 2 Антонина, Ничкевичъ Анна, Ольховская Анна, Павловская Ксенія; 25. Пономарева Александра, Попова Екатерина, Протопопова Зинаида, Приходькова Вѣра, Рыболова Анна; 30. Солнцева Варвара, Стефанова Неонила, Твердохлѣбова Галина, Томашевская Евгенія, —нагр., похв. листомъ, Филевская Елисавета—нагр. похв. листомъ; 35. Царевская Марія, Оедоровская 1 Лидія—нагр. похв. листомъ, Теохтистова Марія и Попова 3-я Галина—переводятся безъ экзамена.

б) *Будутъ переведены въ четвертый классъ, если передержать удовлетворительно экзаменъ послѣ канікулъ:* Крохатская Наталія—по русск. языку; 40. Гумилевская Варвара—по русск. языку—устн. и письменный, Попова 2 Вѣра—по славянскому языку, Свльванская Александра—по русск. языку, Свтенко Наталія—по русск. языку письмен. Шошина Марія—по русск. языку; 45. Юшкова Наталія—по арифметикѣ.

в) Поповой 1 Аниѣ и Петрусенко Викторіи, какъ не державшимъ экзамена по всѣмъ предметамъ по болѣзни, представляется держать таковой послѣ канікулъ.

г) *Оставляется въ третьемъ классѣ на повторительный курс по малоуспѣшности:* Пантелеимонова Еватерина.

Третьяго паралл. класса.

а) Удостоены перевода въ четвертый классъ.

1. Васильева Александра, Ганжа Александра, Грекова Екатерина, Григоровичъ Людмила; 5. Жукова Викторія, Захарьева Елена, Кириллова Зоя, Коряѣнко Евгенія—нагр. похв. листомъ, Бирѣва Марія—нагр. пох. листомъ; 10. Котляревская Елисавета, Краснокутская Анна, Краснополская Татіана, Лисенковская Зинаида, Любичка Марія; 15. Лядская Александра, Насѣдкина Валентина, Николаевская Олимпіада, Павлова Ксенія, Пономарева Татіана; 20. Попова Антонина, Протопова Евгенія, Раевскія Елисавета, Савченко Надежда, Соболева Екатерина; 25. Солодухина Евгенія, Степурская Таисія, Торанская Марія, Чернявская Еватерина, Шереметьева Ольга—нагр. похв. листомъ; 30. Шишлова Александра, Шишлова Антонина, Шокотова Анна, Щеголева Анна, Яблоновская Елена; 35. Яновская Лидія, Ястремская Лидія и Тимофѣева Анна.

б) Будутъ переведены въ четвертый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ: Базилевичъ Анна—по русскому языку—устный и письменный. Фотинская Клавдія—по сочиненію; 40. Чиркина Евдокія—по русскому языку—устный и письменный, Жукова Пелагія, Брушедольская Анна—по русскому языку, Жуковская Лидія, Иваненко Валентина, Попова Анна—по арифметикѣ и Черепахина Зинаида—по русскому языку и арифметикѣ.

в) Оставляется въ третьемъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности: Руднева Агриппина.

Четвертаго нормал. класса.

а) Удостоены перевода въ пятый классъ.

1. Антонова Антонина, Артюховская Вѣра, Брайловская Анастасія, Ветухова Анна; 5. Ведринская Аннманса, Гризодубова Марія, Добрецкая Елисавета, Жуковская Тамара, Касьянова Ольга; 10. Крыжановская Анастасія, Литовкина Марія—нагр. похв. листомъ, Маслова Лидія, Мазанкина Вѣра, Мартынова Елена; 15. Мельникова Ольга, Мураховская Евфросинія, Никулищева Марія, Петрусенко Анна, Раевская Елена—нагр. похв. листомъ; 20. Рубинская Анастасія, Сильванская Ольга—нагр. похв. листомъ, Сидорова Анастасія, Ставрова Юлія—нагр. похв. листомъ, Сукачева Серафима; 25. Троицкая 1 Анна, Троицкая 2 Анна, Туранская Анастасія, Турбина Варвара—нагр. похв. листомъ, Флейсверъ Надежда; 30. Чугаева Антонина—нагр. похв. листомъ, Шапошниковъ Лидія, Ѳедорова 1 Анна и Ѳедорова 2 Марія.

б) *Будутъ переведены въ пятый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:* Булгакова Дарія; 35. Лиманская Елсавета, Рубинская Вѣра, Салукина Екатерина—по русскому языку, Сокологорская Елена—по арифметикѣ и Иванова Надежда—по русск. языку.

Четвертаго паралл. класса.

а) Удостоены перевода въ пятый классъ.

1. Андреева Лидія, Артюховская Елена, Бучачкійская Надежда, Васютинская Лидія; 5. Верещунъ Есенія, Гладкова Раиса, Дякарева Евгенія, Дорошенко Нина, Дюкова Екатерина—нагр. похв. листомъ; 10. Касьянова Анастасія, Клячнова Наталія, Куницына Валентина, Навродская Ольга, Попова 1 Ольга; 15. Попова 2 Лидія, Раевская Марія, Романенко Дарія, Рубинская Людмила, Соколова Зинаида; 20. Спѣсивцева Людмила, Старченко Марія, Ткаченко Капитоліна, Труфанова Антонина, Холодова Антонина; 25. Царевская Варвара, Чебанова Раиса—нагр. похв. листомъ, Чиркина Марія, Чулкова Марія, Шебатинская Раиса; 30. Шемигонова Ольга, Ѳедорова 1 Евгенія, Ѳедорова 2 Дарія—нагр. похв. листомъ, Ѳедоровская Валентина.

б) *Будутъ переведены въ пятый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:* Константинова Анна; 35. Шеляковская Лидія—по исторіи, Бонѣйчикова Александра—по русск. языку, Климашова Марія—по русск. яз. и исторіи, Ѳомина Клавдія—по русск. яз. и сочиненію.

в) Киприановой Маріи, какъ не державшей по болѣзни экзаменовъ: по славянск., русск. языкамъ и по сочиненію, предоставляется право держать ихъ послѣ каникулъ.

Пятаго нормал. класса.

а) Удостоены перевода въ шестой классъ.

1. Андреевкова Анна, Бѣльева Марія—нагр. похв. листомъ, Ветухова Елена, Войтова Марія; 5. Григорьева Олимпіада, Дахова Матрона, Драквина Раиса, Жуковская 1 Антонина, Жуковская 2 Ольга; 10. Иванова Надежда, Калужная Марія, Климентова Елена, Коваленко Марія—нагр. похв. листомъ, Крестовникова Ольга—нагр. похв. листомъ; 15. Луценко Лидія, Македонская 1 Александра, Македонская 2 Софья—нагр. похв. листомъ, Мальцева Вѣра, Мансурова Ольга; 20. Матѣева 1 Александра, Москалева Евгенія, Николаевская Ольга, Петвна Анна, Петрусенко 1 Ларисса—нагр. похв. листомъ; 25. Подлужная Ольга—нагр. похв. листомъ, Пономарева 1 Марія, Самойлова Елсавета, Семейкина Марія, Соболева Евдокія; 30. Сулима Александра, Шошина Анна, Ярцева

Любовь, Фаворова Марія, Федорова Анастасія и 35. Федоровская Елена:

б) *Будутъ переведены въ шестой классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:* Макаровская Анна, Матвѣева 2 Варвара, Михайлевская Марія—по исторіи, Метвицкая Марія—по дидактикѣ; 40. Сергѣева Елена—по словесности.

в) *Оставляются въ пятомъ классѣ на повторительный курсъ по просьбамъ родителей:* Петрусенко Елена и Кузьменко Лидія.

г) *Оставляются въ пятомъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности* Пономарева 2 Марія.

Пятаго паралл. класса.

а) *Удостоены перевода въ шестой классъ:*

Антоновичъ Наталія, Бакланова Марія, Буткова Евдокія—нагр. похв. листомъ, Бѣльева Раиса; 5. Васильевская 1 Марія, Васильевская 2 Неоніла, Вербицкая Лидія, Григоросуло Софья, Грузова Галина; 10. Жадановская Ксенія, Знаменская Екатерина, Кауны Дарія, Квятвицкая Клавдія, Бирше Александра; 15. Кіановская Татіана—нагр. похв. листомъ, Колесникова Анна—нагр. похв. листомъ, Кравцова Анна, Краснопольская Пелагія, Любарская Надежда; 20. Марченко Евгенія, Маслова Антолина, Машина Леоніла, Николаевская Валентина, Ростовцева Евгенія; 25. Склярова Марія, Соколова Лидія, Ходская Евгенія—нагр. похв. листомъ, Холодовичъ Анна—нагр. похв. листомъ, Эллинская Елена; 30. Ярцева Александра и Федюшина Валентина.

б) *Будутъ удостоены перевода въ шестой классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ:* Грекова Домьяна, Ястремская Марія—по сочиненію, Давидовичъ Вѣра; 35. Дмитровская Раиса—по арифметикѣ, Федорова Анна—по физикѣ, Гладкова Елена—по арифметикѣ и географіи.

в) *Оставляются въ пятомъ классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности:* Бородаева Евдокія, Капустина Антолина, Крыжановская Галерія, Анисимова Любовь, Буханенко Людмила.

г) *Увольняется изъ числа воспитанницъ училища за невякую:* Занченко Варвара.

Кратній отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 1902—1903 учебный годъ.

1. Въ 1902—1903 учебномъ году Совѣтъ училища составляли:

а) Предсѣдатель Совѣта, профессоръ богословія въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, докторъ богословія, протоіерей Тимофей Буткевичъ, б) начальница училища, окончившая курсъ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, дворянка дѣвица Евгенія Нико-

лаевна Гейдыгъ, в) инспекторъ классовъ, кандидатъ богословія, священникъ Іоаннъ Котовъ, г) члены Совѣта отъ духовенства: магистръ богословія священникъ Іоаннъ Филевскій и священникъ Павелъ Тимоѣевъ, д) почетная попечительница училища, жена дѣйствительнаго статскаго Совѣтника, Дарія Діевна Оболенская и е) почетный блюститель по хозяйственной части училища, потомственный почетный гражданинъ Николай Осиповичъ Лещинскій.

2. Въ отчетномъ году въ училищѣ было: шесть нормальныхъ классовъ, приготовительный классъ, семь параллельныхъ отдѣленій: въ приготовительномъ, первомъ, второмъ, третьемъ, четвертомъ, пятомъ и шестомъ классахъ и одна образцовая церковно-приходская школа.

3) Учебный персоналъ состоялъ: изъ 19 преподавателей, 17 учительницъ, 14 старшихъ воспитательницъ, 14 младшихъ воспитательницъ и одной учительницы образцовой церковно-приходской школы.

4. Къ началу занятій 1902—1903 учебнаго года въ училищѣ числилось—496 воспитанницъ.

Въ Августѣ 1902 года, по журнальному опредѣленію Совѣта, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, принято вновь въ число воспитанницъ училища—158 дѣвицъ: именно—въ приготовительный классъ—117, въ первый 35, въ 4—3 и въ пятый—3.

Вслѣдствіе этого 1902—1903 учебный годъ начался при шести-стахъ пятидесяти четырехъ (654) воспитанницахъ, которыя по классамъ распредѣлены были такъ:

Въ пригот.	норм. классъ	60	воспит.
— —	парал. —	62	—
— I	норм. —	48	—
— I	парал. —	48	—
— II	норм. —	50	—
— II	парал. —	50	—
— III	норм. —	49	—
— III	парал. —	48	—
— IV	норм. —	39	—
— IV	парал. —	39	—
— V	норм. —	43	—
— V	парал. —	43	—
— VI	норм. —	33	—
— VI	парал. —	42	—

Итого во всѣхъ классахъ 654 воспит.

5. Въ теченіе 1902—1903 учебнаго года принято было въ число воспитанницъ училища—3 дѣвицы.

Въ пригот. парал. классъ 1 дѣвица
и — 3 парал. — 2 дѣвицы.

Въ отчетномъ учебномъ году вышло изъ училища пять воспитанницъ, а именно:

Изъ пригот. норм. класса 2 воспит.			
— II парал.	—	1	—
— III норм.	—	1	—
— парал.	—	1	—

6. Къ началу годовыхъ испытаній числилось:

Въ пригот. норм. классѣ	58	воспит.
— — парал.	—	63 —
— I норм.	—	48 —
— I парал.	—	63 —
— II норм.	—	50 —
— II парал.	—	48 —
— III норм.	—	49 —
— III парал.	—	49 —
— IV норм.	—	39 —
— IV парал.	—	39 —
— V норм.	—	43 —
— V парал.	—	43 —
— VI норм.	—	33 —
— VI парал.	—	41 —

Итого во всѣхъ классахъ 652 воспит.

7. Послѣ годовыхъ испытаній, произведенныхъ въ апрѣлѣ, маѣ и юнѣ мѣсяцахъ настоящаго года, по постановленію училищнаго Совѣта отъ 21 мая и 5 июня н. г.

а) Удостоены перевода въ слѣдующіе классы:

Изъ пригот. норм. класса въ I классѣ	49	воспит.
— — парал.	—	48 —
— I норм.	—	41 —
— I парал.	—	37 —
— II норм.	—	42 —
— II парал.	—	35 —
— III норм.	—	37 —
— III парал.	—	37 —
— IV норм.	—	33 —
— IV парал.	—	33 —
— V норм.	—	35 —
— V парал.	—	31 —

б) Оставлено въ тѣхъ же классахъ на повторительный курсъ по просьбамъ родителей и по малоуспѣшности — 35 воспитанницъ.

в) Семидесяти четыремъ воспитанницамъ, не державшимъ экзаменовъ по уважительнымъ причинамъ, равно, какъ и получившимъ неудовлетворительныя отиѣтки по нѣкоторымъ предметамъ, дозволено подвергнуться переводному испытанію и поддержѣ экзаменовъ послѣ капикуль.

Въ пригот.	норм.	классъ	4	воспит.
—	—	парал.	—	4 —
—	I	норм.	—	5 —
—	I	парал.	—	6 —
—	II	норм.	—	7 —
—	II	парал.	—	7 —
—	III	норм.	—	9 —
—	III	парал.	—	9 —
—	IV	норм.	—	6 —
—	IV	парал.	—	6 —
—	V	нормал.	—	5 —
—	V	парал.	—	6 —

г) Уволены изъ училища 9 воспитанницъ за неявку.

д) Окончили полный курсъ училища 75 воспитанницъ, которымъ, на основаніи III § устава Епархіальныхъ женскихъ училищъ, выдаются аттестаты съ званіемъ домашнихъ учительницъ.

8. Изъ числа переведенныхъ изъ младшихъ въ старшіе классы и окончившихъ курсъ воспитанницъ за отличные успѣхи и благопріятіе, по опредѣленію Совѣта, удостоены награжденія похвальными листами и книгами:

Въ пригот.	норм.	классъ	10	воспит.
—	—	парал.	—	7 —
—	I	норм.	—	7 —
—	I	парал.	—	2 —
—	II	норм.	—	5 —
—	II	парал.	—	2 —
—	III	норм.	—	6 —
—	III	парал.	—	3 —
—	IV	норм.	—	6 —
—	IV	парал.	—	3 —
—	V	норм.	—	6 —
—	V	парал.	—	5 —
—	VI	норм.	—	12 —
—	VI	парал.	—	5 —

Списокъ воспитанницамъ Харьковского Епархіального Женскаго Училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благопріятіе, по опредѣленію Совѣта, награждаются похвальными листами.

Приготовит. нормал. класса.

1. Букасова Татіана, Грекова Наталія, Знаменская Вѣра, Крутьева Вѣра; 5. Любарская 1 Александра, Мартынова Зинаида, Петрова Анастасія, Розова Марія, Сукачева 2 Лидія; 10. Уманцева Лидія.

Приготовит. паралл. класса.

1. Грызодубова Евгенія, Дикарева 1 Анна, Дорошенко Вѣра, Любицкая Варвара; 5. Ситенко Елисавета, Сокальская Анастасія, Толмачева 1 Клавдія.

Перваго нормал. класса

1. Антонова Ольга, Виноградская Александра, Басьянова Нина, Мураховская Ирина; 5. Раевская Софья, Чебанова Зинаида, Фаворова Елена.

Перваго паралл. класса.

Калмыкова Екатерина, Кашиевъ Александра.

Второго нормал. класса

1. Базилевичъ Нина, Виноградская Анна, Дашкиева Зинаида, Попова Параскева; 5. Стрижкова Екатерина.

Второго паралл. класса.

1. Кияновская Екатерина, Лядская Аполлиарія.

Третьяго нормал. класса.

1. Венедиктова Марія, Зефирова Анна, Иванова ВѢра, Томашевская Евгения; 5. Филевская Елисавета и Федоровская 1 Лидія.

Третьяго паралл. класса.

1. Бирѣва Марія, Корнѣенко Евгения, Шереметьева Ольга.

Четвертаго нормал. класса.

1. Литовкина Марія, Раевская Елена, Сильванская Ольга, Ставрова Юлія; 5. Турбина Варвара, Чугаева Антонина.

Четвертаго паралл. класса.

1. Джкова Екатерина, Чебанова Раиса, Федорова 2 Дарія.

Пятаго нормал. класса.

1. Бѣльева Марія, Коваленко Марія, Крестовникова Ольга, Мекдонская 2 Софья; 5. Петрусенко 1 Ларисса, Подлущкая Ольга.

Пятаго паралл. класса.

1. Буткова Евдокія, Кияновская Татьяна, Колесникова Анна, Ходская Евгения; 5. Холодовичъ Анна.

Списокъ воспитанницъ VI классовъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, окончившихъ курсъ и получившихъ аттестаты съ правами на званіе домашнихъ учительницъ; при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, за отличные успѣхи и благонравіе, награждаются книгами.

Шестаго нормал. класса.

1. Андреевкова Евфросинія, Бобина Ксеиня—нагр. книгами, Богославская Серафима, Брезницкая Зинаида; 5. Быковцева ВѢра, Бѣльева Марія, Веселовская Александра, Горанца Елена—нагр. книгою, Добровицкая Марія; 10. Квитковская Евгения, Корнутаенко Анна, Кокушкина Раиса—нагр. книгою, Любарская Анна,—нагр. книгою, Могиланская Таисія—нагр. книгою; 15. Мураховская Таисія—нагр. книгою, Нечаева Анна, Нивулицева Варвара, Пономарева Варвара, Петровская Зинаида—нагр. книгою; 20. Попова

Анна—нагр. книгою, Платонова Софья, Раевская Александра—нагр. книгою, Раевская Ларисса, Руденко Раиса; 25. Сапухина Зинаида, Соколовская Софья, Страхова Вѣра—нагр. книгою, Строевская Евдокія—нагр. книгою, Торанская Елена; 30. Тимоѣева Олимпіада, Школьницкая Надежда, Эвнатская Дарія и Ѳедорова Надежда.

Шестаго паралл. класса.

1. Алексѣева Марія, Бахматьева Еватеріана, Богданова Марія, Бѣльева Викторина—нагр. книгою; 5. Власова Евгенія, Войтова Елисавета, Ганжа 1 Ольга, Ганжа 2 Лидія, Гревизирская Марія; 10. Грекова Елена, Евецкая Варвара, Житецкая Ольга, Жуковская Марія—нагр. книгою, Иванцкая Анна; 15. Киряллова Лидія, Краснукотская Ѳеоктиста, Кохановская Лидія, Кремянская Наталія, Куницына Вѣра; 20. Лукьяничкова Наталія—нагр. книгою, Любарская Софья, Николаевская Марія, Оглоблина Надежда, Петрова Ольга; 25. Попова 1 Варвара, Попова 2 Марія, Попова 3 Александра, Полянская Анастасія, Пономарева Ѳеофанія; 30. Преображенская Елисавета—нагр. книгою, Приходина Лидія, Протопопова Марія, Сидорова Анеія, Спльванская Александра; 35. Сянельникова 1 Ольга, Сянельникова 2 Зинаида, Соболева Марія, Станиславская Людмила—нагр. книгою, Толмачева Анна; 40. Филевская Татіана, Щеголева Марія и Ѳедоровская Наталія.

Примѣчаніе. Аттестаты двѣнадцати сиротъ—окончившихъ курсъ училища Совѣтомъ имѣютъ быть обмѣнены на свидѣтельства, выдаваемые изъ канцеляріи г. попечителя учебнаго округа, съ открытіемъ всѣхъ расходовъ по сему предмету изъ специальныхъ училищныхъ средствъ.

Епархіальныя извѣщенія. ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

Рождество-Бородичная церковь с. Шуликной, Старобѣльскаго уѣзда.
Георгіевская церковь сл. Поповки, Изюмскаго уѣзда.
Петро-Павловская церковь сл. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда.
Троицкая церковь с. Мироновки, Харьковскаго уѣзда.
Бресто-Воздвиженская церковь с. Брючкиа, Богодуховскаго уѣзда.
Рождество-Бородичная церковь с. Кляжина-Димана, Изюмскаго уѣзда.

Діакоискія.

Георгіевская церковь с. Бѣловода, Сумскаго уѣзда.
Успенская церковь сл. Рублевки, Богодуховскаго уѣзда.
Базанская церковь с. Басовки, Сумскаго уѣзда.
Покровская церковь с. Огульцовъ, Валковскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

Троицкая церковь с. Моисеевки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Покровская церковь с. Городища, Старобѣльскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Ново-Александр., Старобѣльскаго уѣзда.
 Георгіевская церковь, города Ахтырки.
 Петро-Павловская церковь с. Княжнаго, Валковскаго уѣзда.
 Митроф. церковь с. Демьяновки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Воскресенская церковь с. Боголюбовки, Купянскаго уѣзда.
 Покровская церковь Харьковскаго Благотворительнаго Общества.
 Иоанно-Предтечск. церковь с. Ново-Ивановки, Зміевскаго уѣзда.
 Воскресенская церковь с. Надеждовки, Изюмскаго уѣзда.
 Александро-Невская церковь сл. Александровки, Валковскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Гіевки, Харьковскаго уѣзда.
 Покровская церковь с. Глазуновки, Зміевскаго уѣзда.
 Пророко Осіевская церковь, Харьковскаго Реальнаго Училища.
 Свято-Духовская церковь с. Кононовки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Успенская церковь с. Коломака, Валковскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Наугольновки, Купянскаго уѣзда.
 Влад.-Богородичн. церковь с. Должика, Харьковскаго уѣзда.
 Арханг.-Михайловск. церковь г. Краснобутска.
 Рожд.-Богородичн. церковь с. Сънной, Богодуховскаго уѣзда.
 Введенская церковь с. Студенка, Изюмскаго уѣзда
 Николаевская церковь с. Циркуновъ, Харьковскаго уѣзда.
 Троицкая церковь с. Черношамени, Зміевскаго уѣзда.
 Георгіевская церковь с. Павловки, Богодуховскаго уѣзда.
 Екатерининская церковь сл. Поличковки, Богодуховскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Арсеніемъ педагогическихъ курсовъ. — Необходимое разъясненіе — Некрологъ.

Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ архіепископомъ педагогическихъ курсовъ. Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, вторично посѣтилъ педагогические курсы при духовномъ училищѣ. При входѣ въ зданіе училища Владыка былъ встрѣченъ ректоромъ семинаріи прот. о. Знаменскимъ, руководителемъ курсовъ г. епархіальнымъ наблюдателемъ В. Ф. Давиденко и преподавателями. Въ это время слушатели курсовъ въ полномъ составѣ занимались въ залѣ, подъ руководствомъ преподавателя пѣнія о. І. Петровскаго, пѣніемъ. По желанію Владыки, курсисты исполнили хоромъ молитвы, причемъ управляли пѣніемъ свящ. Петровскій, г. Бута и г-жа Нестеренко попеременно. Высокопреосвященный Арсеній бесѣдовалъ съ присутствовавшими, сожалѣлъ о забытомъ „Знаменномъ“ пѣніи и говорилъ о глубо-

комъ значенія церковнаго пѣнія, а также пѣнія гимновъ, различныхъ пѣсенъ патріотическихъ и народныхъ. Вслѣдъ за этимъ Владыка освѣдомился, сколько въ числѣ слушателей курсовъ регентовъ и въ какихъ церквахъ, подъ ихъ руководствомъ, организованы хоры; причемъ въ поощреніе за церковное пѣніе управлявшей хоромъ г-жѣ Нестеренко подарилъ прекрасный камертонъ. Стройнымъ и дружнымъ пѣніемъ „Свѣте тихій“ и „Исхъ полна эту, деспота“ закончилась бесѣда Владыки. Оставляя аудиторію в благословляя курсистовъ, Архипастырь общалъ при слѣдующемъ посѣщеніи раздать имъ книжки о житіи св. Серафима, Саровскаго чудотворца, в его святыхъ изображеніи.

— *Необходимое разъясненіе.* Въ „Нов. Вр.“ подъ заглавіемъ „Необходимое разъясненіе“ напечатано слѣдующее: „Недѣли три тому назадъ по Петербургу усилено распространялись гектографированные листки отъ какого-то „союза борьбы съ православіемъ“, которое объявлено вреднымъ для блага русскаго народа. Вмѣстѣ съ симъ заявлялось, что союзъ принялъ на себя во исполненіе долга своего передъ истинною и русскимъ народомъ разслѣдованіе дѣла о мощахъ Серафима Саровскаго и не остановится въ случаѣ надобности и передъ вскрытіемъ содержимаго гроба. Не знаю, существуетъ-ли дѣйствительно такой союзъ борьбы съ православіемъ, влв листки эти суть плодъ досужихъ занятій какого либо любителя смуты, во всякомъ случаѣ распространенныя въ громадномъ количествѣ они заставили говорить о себѣ петербургскую публику, а возможно и провинціальную, и самую закорюстную, если проникали туда. Будь въ листкахъ только оповѣщеніе объ образованномъ союзѣ, о нихъ и говорить-бы не стоило, утверждать, какъ это дѣлаетъ союзъ, что православіе вредно для блага русскаго народа, значить обнаруживать полное невѣжество и совершенное непониманіе русской исторіи. Но въ листкахъ грубо затронуто дѣло о мощахъ святаго старца Серафима съ неприличнымъ намекомъ на содержимое въ гробу, да еще во исполненіе долга предъ истинною... Какъ будто истина была тутъ кѣмъ-либо поправна. Не осуждаю этой грубости, какъ и Господь не осудилъ Оому невѣрнаго. Притомъ и помимо листовъ о мощахъ старца Серафима много лекомысленныхъ разговоровъ даже между людьми образованными, благонамѣренными и вѣрующими. Есть сомнѣнія,— есть для многихъ мучительный вопросъ: что въ гробу? Не осудимъ и этихъ лекомысленныхъ сомнѣній, но дадимъ прямой отвѣтъ на вопросъ, „что же въ гробу“. Въ гробу обрѣтенъ ясно обозначив-

шійся подъ остатками встлѣвшей монашеской одежды остовъ почившаго старца. Тѣло предалось тлѣнію, кости-же его и волосы головы и бороды совершенно сохранились. Таково содержимое гроба. Но тутъ то начинается для многихъ камень преткновенія. „Есть у насъ люди,—справедливо говоритъ профессоръ Е. Голубинскій,—имѣющіе ревность Божию не по разуму, которые утверждаютъ, будто мощи святыхъ всегда и непремѣнно суть совершенно нетлѣнныя, т. е. совершенно цѣлыя, нисколько неразрушенные и неповрежденные тѣла“. Мѣжду тѣмъ такое утвержденіе совершенно неправильное и не согласуется съ всецерковнымъ сознаніемъ, по которому нетлѣніе мощей вовсе не считается общимъ непремѣннымъ признакомъ для православія святыхъ угодниковъ. Доказательствомъ святости святыхъ составляютъ чудеса, которыя творятся при ихъ гробахъ, или отъ ихъ мощей,—цѣлы-ли эти тѣла или только кости одиѣ. Нетлѣніемощей, когда оно есть, есть чудо, но только дополнительное къ тѣмъ чудесамъ, которыя творятся черезъ ихъ посредство *). И святость старца Серафима опредѣлилась не свойствомъ его останковъ, а вѣрою народа и многочисленными чудесами, которыя по обследованіи ихъ надлежащимъ образомъ, не представляли никакого сомнѣнія въ своей достовѣрности. По свойству своему относясь къ событіямъ, являющимъ чудодѣйственную силу Божию ходатайствомъ и заступленіемъ отца Серафима и только послѣ такого удостовѣренія въ святости и молитвенномъ дерзновеніи отца Серафима передъ Богомъ, постановлено, чтобы всечестныя останки его были предметомъ благоговѣйнаго чествованія отъ всѣхъ притенающихъ къ его молитвенному предстательству, ибо „не ставить свѣтальника подъ спудомъ“. Вольно было бы для вѣрующаго сердца сокрыть эти останки пренеподобнаго подъ землю. У святого человѣка все свято и чудодѣйственно даже тѣнь, даже одежда, а не одно только тѣло или кости. Такъ, тѣнь апостола Петра, головныя повязки апостола Павла исцѣляли больныхъ отъ бодѣзани, отъ прикосновенія къ костюмъ пророка Елисея воскресъ мертвый. Даже прахъ, по которому ступали ноги святого человѣка, приобрѣтаетъ цѣлебную силу. Такъ послѣ старца святого Серафима земля съ его могилы, камень, на которомъ, онъ молился, вода изъ источника, который онъ вырылъ, почитаются какъ свѣтныи и по частямъ разбираются и разносятся вѣрующими по домамъ, какъ чудодѣйственныя и дающія цѣленіе въ разныхъ недугъ.

*) Смотри объ этомъ прекрасное разслѣдованіе въ статьѣ „Нетлѣніе мощей“, въ № 12 Церк. Вѣд. за текущій годъ.

гахъ. Останки-же его тѣла, кости его, для вѣрующаго суть драгоценная святыня, истинное сокровище, черезъ которое подается почитающимъ его и помощь. Итакъ отъ старца Серафима остались въ гробу только кости, остовъ тѣла, но какъ останки угодника Божьего, человека святаго, они суть мощи святаго и вносятся нынѣ при торжественномъ его прославленіи въ нѣдръ земля для благоговѣйнаго чествованія ихъ всѣми притекающими къ молитвенному предстательству его, преподобнаго старца Серафима“.

Митрополитъ Антоній.

С.-Петербургъ, іюня 20.

НЕКРОЛОГЪ.

24-го апрѣля сего 1903 года, въ три часа ночи, напутствуемый св. таинствами, на 73 году своей жизни, скончался заштатный священникъ Михаилъ Колосовскій.

Покойный—сынъ священника, родился 11 іюля 1830 года въ селѣ Рубежномъ, Волчанскаго уѣзда. Еще въ первомъ классѣ Харьковскаго духовнаго училища оставшись сиротой съ двумя своими братьями и сестрой, много онъ претерпѣлъ горя и бѣдности. Воспитывался о. Михаилъ какъ въ духовномъ училищѣ, такъ и въ Харьковской семинаріи на казенный счетъ и по окончаніи курса въ ней онъ 22 января 1855 года былъ рукоположенъ во священника къ Рождество-Богородичной церкви, слободы Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда, гдѣ пробылъ одинъ годъ и мѣсяць. Покойнаго тянуло въ родной уѣздъ и къ родной семьѣ, почему онъ перевелся 20 февраля 1856 года къ Вознесенской церкви, слободы Ефремовки, Волчанскаго уѣзда; но бѣдность прихода и большая семья заставили его перейти 22 сентября 1857 года къ Рождество-Богородичной церкви, слободы Волоховки, того же уѣзда, гдѣ онъ и священствовалъ, безъ 4 дней, 25 лѣтъ, и наконецъ 18 севтября 1882 года онъ перешелъ къ Успенской церкви, слободы 2-й Николаевки, того же уѣзда.

Съ первыхъ же годовъ своего священства онъ былъ обремененъ большой семьей, состоявшей изъ матери, двухъ братьевъ и сестры (мать и сестра всегда жили при немъ), а потомъ и собственныхъ дѣтей: двухъ сыновей и двухъ дочерей. Какъ къ братьямъ, такъ и къ собственнымъ дѣтямъ о. Михаилъ питалъ одинаковую родственную любовь; съ глубокимъ почтеніемъ всегда относился къ своей матери и съ нѣжной любовью къ братьямъ и сестрѣ. Эту родственную любовь прекрасно охарактеризовалъ при погребеніи родной его брать, священникъ Іоаннъ Колосовскій, сказавши съ глубокою признательностью, что онъ и братья всѣмъ обязаны почившему, припомнилъ съ какою радостію встрѣчалъ ихъ, пріѣзжавшихъ изъ училища на святки или каникулы, какъ заботился о нихъ и когда одинъ изъ нихъ былъ лишень казеннаго содержанія, то содержалъ его на свой счетъ до окончанія курса семинаріи. Такое отношеніе его къ братьямъ лучше всего говорить о его прекрасныхъ качествахъ души.

Прихожане, гдѣ онъ священствовалъ, относились къ нему съ полнымъ уваженіемъ и любовью за его благоговѣйное служеніе, за ласковое и оте-

ческое обращеніе съ ними и за безкорыстіе. За исправленія требъ определенной платы о. Михаилъ не назначалъ и довольствовался тѣмъ, что даютъ. При самыхъ скромныхъ личныхъ потребностяхъ покойному едва хватало получаемыхъ доходовъ на воспитаніе сначала братьевъ и сестры, а потомъ собственныхъ дѣтей, почему и состоянія послѣ своей смерти не оставилъ никакого.

Покойный о. Михаилъ, поступивши на приходъ, никогда не довольствовался однимъ исправленіемъ требъ, но съ первыхъ же годовъ своего священства сталъ учить дѣтей своихъ прихожанъ грамотѣ, для чего открылъ на своей квартирѣ въ слободѣ Волоховѣ школу въ 1861 году, которую и велъ, какъ учитель, до 1872 года, т. е. 10 лѣтъ, не получая ни откуда никакого вознагражденія.

Нужно было удивляться энергіи о. Михаила: вездѣ поспѣвалъ и ничѣмъ не тяготился, никакая погода на была ему помѣхой, хотя послѣдній его приходъ во 2 й Николаевѣ состоялъ изъ 5 хуторовъ, разстояніемъ отъ 3 до 10 верстъ. Кромѣ обязанностей по приходу, онъ находилъ еще время заниматься уроками Закона Божія въ 4-хъ школахъ, изъ которыхъ двѣ—Софійская и Скалоновская—находились въ хуторахъ. И при такой разбросанности прихода и школъ, требы имъ исполнялись безотлагательно, занятія въ школахъ велись неопустительно и успѣшно, что доказывается множествомъ благодарностей Волчанскаго Училищнаго Совѣта и Волчанскаго земскаго собранія въ 1876, 1883, 1893, 1895, 1896, 1897, 1899 и 1900 годахъ, какъ видно изъ его формулярнаго списка. Какъ Волчанское Земство, такъ и Общество высоко цѣнило его, какъ общественнаго дѣятеля, почему онъ нѣсколько трѣхлѣтій былъ гласнымъ Волчанскаго Земскаго Собранія, гдѣ не безъ успѣха ратовалъ за народное здравіе и образованіе.

Епархіальное начальство тоже цѣнило его, какъ образцоваго священника, и поощряло наградами: въ 1865 году—набедренникомъ, въ 1872—скуфіей, 1881—камилавкой, 1896—орденомъ Анны III степени и 1899 году—наперснымъ золотымъ крестомъ; покойный имѣлъ еще крестъ въ память Севастопольской войны.

Послѣ его смерти у него остались дѣти: Яковъ Михайловичъ—преподаватель Харьковскаго Епархіальнаго училища, Сергій—свободный художникъ, Александра—вдова и Марія—въ замужествѣ за преподавателемъ Харьковскаго Коммерческаго училища, и родная сестра его Анна Васильевна—послѣдняя безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Въ 1883 году 26 марта умерла его жена Маріамна Васильевна. Лишеніе жены—друга жизни такъ поразило его и нравственно потрясло, что при всемъ его желаніи скрыть свое душевное страданіе и заглушить его то нарочитымъ богослуженіемъ, то безотлагательнымъ исполненіемъ требъ, то аккуратнымъ посѣщеніемъ школъ не могъ этого сдѣлать. Страданіе это выражалось иногда въ задумчивости, иногда въ слезахъ и вздохахъ. Съ этого времени силы его, съ каждымъ годомъ, стали болѣе и болѣе упадать, видимо онъ сталъ какъ бы угасать. По совѣту врачей, въ особенности же по совѣту своихъ дѣтей, онъ вышелъ за штатъ и переѣхалъ на жительство въ Харьковъ къ дочери своей—вдовѣ, Александрѣ Михайловнѣ Заикиной, имѣющей маленькій домикъ въ концѣ Москалевк. Здѣсь

хотя, повидимому, здоровье его нѣсколько улучшилось, но никогда уже не возвращалось къ нему. Опасность своего положенія онъ сознавалъ и смерти не боялся, а напутствуемый таинствами покаянія, причащенія и елеосвященія, мирно отошелъ ко Господу.

Погребеніе совершено было 24 апрѣля н. г. въ Харьковской Николаевской церкви о. протоіереемъ Александромъ Федоровскимъ при участіи восьми священниковъ, при пѣніи превосходнаго хора сей церкви и при массѣ молящихся, привлеченныхъ дивнымъ чиномъ священническаго погребенія.

Ближайшій его сосѣдъ по приходу, дѣлившій съ нимъ приходскія радости и скорби, священникъ Василій Самойловъ, законоучитель Харьковской Торговой школы, сказалъ при погребенія его рѣчь слѣдующаго содержанія:

«Всѣмъ явиться намъ подобаетъ предъ судищемъ Христовымъ, да приметь вѣждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла» (2 Коринѳ. 5, 10).

Каждый гробъ, братіе, поучителенъ для насъ. Онъ ясно говоритъ намъ, что никому изъ насъ не миновать тѣснаго гроба да темной могилы, рано или поздно, но всѣмъ намъ суждено разстаться съ жизнью. Если и необлеченному высокими саномъ священства страшно явиться къ Царю Небесному, праведному Судіи, то еще страшнѣе предстать предъ Нимъ священнику, обязанному дать Богу отвѣтъ не за себя только, а и за каждую душу, вѣренную его попеченію.

Велика обязанность лежала на тебѣ, собрать нашъ, какъ на пастырѣ стада Христова. Ты долженъ былъ молиться за себя и за другихъ,—долженъ былъ идти прямой дорогой на небо самъ и за собой вести другихъ, долженъ былъ совершать таинства и приносить страшную безкровную жертву Богу за себя и за другихъ.—долженъ быть образцомъ для другихъ по своей жизни и по вѣрѣ. Такова была твоя обязанность предъ Богомъ—велика и отвѣтственна она.

Намъ нѣтъ нужды разбирать твою жизнь, оцѣнивать твои дѣла и то, какъ ты сослужилъ свою великую службу, ты теперь предъ лицомъ праведнаго Судіи, которому вѣдомы не только наши дѣла, но и помышленія. Мы собрались сюда не оцѣнивать твою жизнь, а проводить тебя въ лучшую загробную жизнь и, какъ путевку, оставляющему насъ, высказать тебѣ наши лучшія пожеланія. Итакъ—вѣчная память тебѣ! Вѣчной памяти и блаженной жизни на небѣ желаетъ тебѣ прежде всѣхъ Святая православная церковь, встрѣчающая тебя радостною пѣснію о воскресеніи Спасителя; вѣчнаго покоя со святыми желаетъ тебѣ сонмъ твоихъ собратій, провожающихъ тебя въ далекую загробную жизнь; вѣчнаго упокоенія въ царствѣ небесномъ отъ всего сердца своего желаютъ тебѣ твои сыны и дщери и вси знаеміи.

Молимъ милосердаго Господа услышать сіе наше святое желаніе и упокоить тебя въ Своемъ небесномъ царствіи. Мы высказали тебѣ, приношавшій братъ нашъ, іерей Михаилъ, наше искреннѣйшее желаніе; можетъ быть, и ты при послѣднемъ своемъ прощаніи пожелаешь намъ чего нибудь?!

Отвѣта нѣтъ... Уста безмолвуютъ...

Но мы сами можемъ угадать его желаніе.

Разставившись съ міромъ и вполнѣ узнавши ничтожество и суестьность всего земного, онъ могъ бы только сказать намъ: Друзья мои! всѣмъ вамъ придется быть тамъ, гдѣ теперь я. Помните это и живите такъ, чтобы вамъ перейти на небо съ чистою душою и перенести туда истинную вѣру въ Бога и обильный запасъ добрыхъ дѣлъ.

А теперь, достопочтенные отцы и братія, сродницы и други, молитесь за меня. Придите и цѣлуйте меня послѣднимъ цѣлованіемъ... Се разлучаемся. Аминь.

Священникъ Василій Самойловъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я

Учитель пѣнія и регентъ

Озургетскаго Духовнаго Училища г. Кунда, имѣющій свидѣтельство объ окончаніи курса въ Придворной капеллѣ, **желаетъ перемѣнить мѣсто.**

Адресъ: Великій Бобрискъ, Сумскаго уѣзда, Харьковской губ. Филарету Яблоновскому.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

ИКОНОСТАСНАЯ И ЗОЛОТНАЯ

МАСТЕРСКАЯ

Алексѣя Петровича ПЕТРОВА съ С-ми

— « Существуетъ съ 1869 года. » —

МОСКВА, 1-я Мѣщанская, домъ № 98.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-РЪЗНЫЯ, ЖИВОПИСНЫЯ И ИКОНОПИСНЫЯ РАБОТЫ,

какъ-то: Церковные **иконостасы** (и военно-походные) въ **разныхъ отрогахъ андержанскихъ** стилихъ, мѣстные и запрестольные **кіоты**, **багдахины** надъ престолами, **гробницы** подъ плащаницу, запрестольные **кресты** и **рамы** съ тумбами, **кресты съ предоставками** съ рѣзной горой, **авалы**, **престолы**, **жертвенники**, **свѣчные щиты** и **зеркала** для присутственныхъ мѣстъ,

А ТАКЖЕ ПРОИЗВОДИТСЯ РЕСТАВРАЦІЯ ИКОНОСТАСОВЪ, ИКОНЪ, ВНУТРЕННЕЙ И НАРУЖНОЙ ЖИВОПИСИ въ ХРАМАХЪ и въ И ЗОЛОЧЕНІЕ ГЛАВЪ и КРЕСТОВЪ.

Рисунки, сѣты и чертежи высылаются по первому требованію.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Іюля № 13. 1903 года.

Содержаніе. Высочайшее повелѣніе о предоставленіи совѣтамъ церковно-учительскихъ школъ права производить испытанія и выдавать свидѣтельства на званіе учителя или учительницы церковно-приходскихъ школъ.—Высочайшія награды.—Опредѣленія Святѣйшаго Синода 1) о богослуженіи въ день открытія мощей преподобнаго Серафима Саровскаго и 2) о томъ, къмъ должны быть подписываемы выпускныя аттестаты и свидѣтельства воспитанниковъ семинарій.—Отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи за 1902 годъ.—Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго Духовнаго училища, за 1902—1903 учебный годъ.—Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго училища.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Купянскаго духовнаго училища, за 1902—1903 учебный годъ.—Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Сумскаго Духовнаго училища, за 1902—1903 учебный годъ.—Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшее повелѣніе.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Высочайше соизволилъ, въ 26 день мая 1903 года, на предоставленіе совѣтамъ церковно-учительскихъ школъ права производства испытаній и выдачи свидѣтельствъ на званіе учителя или учительницы церковно-приходской школы на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ это право предоставлено правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ, совѣтамъ епархіальныхъ женскихъ училищъ и правленіямъ женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 5-й день іюня текущаго года, на сопрічисленіе за 50-лѣтнюю службу, къ ордену *св. Владиміра 4-й степени*—священника Николаевской церкви въ слободѣ Ново-Бурлукцѣ, Волчанскаго уѣзда, Николая *Ястремскаго*.

Государь Императоръ, согласно удостоенію Кавалерской Думы, въ 3-й день февраля 1903 года, Высочайше соизволилъ на награжде-

ніе нижеслѣдующихъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія орденомъ *св. Анны 3-й степени*, за заслуги, въ статьѣ 459 (Учрежд. орд. Т. I св. зак., изд. 1892 г.) статута сего ордена изъясненныя:

Церкви слободы Ольшаной, Лебединскаго уѣзда, протоіерея Михаила *Лободовскаго*, церкви слободы Селимовки, Изюмскаго уѣзда, священника Петра *Юшкова*, церкви слободы Донцовки, Старобѣльскаго уѣзда, священника Василя *Макаровскаго*, церкви села Василевки, Лебединскаго уѣзда, священника Теодора *Заводовскаго*, церкви слободы Великотской, Старобѣльскаго уѣзда, священника Самуила *Федорова*, Спасской церкви при Стрѣледкомъ Государственномъ конскомъ заводѣ, Старобѣльскаго уѣзда, священника Георгія *Федорова*, члена казначея Сумскаго уѣзднаго отдѣленія Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, попечителя Сумской, при кладбищенской Петро-Павловской церкви, церковно-приходской школы, потомственнаго почетнаго гражданина Николая *Скубенко*.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

I. Определеніе Святѣйшаго Синода отъ 6—18 іюня 1903 года, за № 2518 о богослуженіи въ день открытія мощей преподобнаго Серафима Саровскаго.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе преосвященнаго Тамбовскаго, отъ 24 мая 1903 года за № 4831, о разрѣшеніи совершать во всѣхъ православныхъ церквахъ Россійской Имперіи всенощныя бдѣнія преподобному Серафиму, Саровскому чудотворцу, 18-го іюля текущаго года, наканунѣ дня его прославленія, по общему чинопослѣдованію службъ преподобнымъ, а 19-го іюля въ день прославленія его, божественныя литургіи и послѣ нихъ молебны. Приказали: Обсудивъ означенное представленіе преосвященнаго Тамбовскаго и признавая, съ своей стороны, озваменованіе торжества прославленія преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца, совершеніемъ богослуженія наканунѣ и въ день открытія честныхъ мощей его благопотребнымъ и соотвѣтственнымъ важности событія, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить совершить 18 іюля текущаго года во всѣхъ православныхъ церквахъ Имперіи всенощныя бдѣнія преподобному Серафиму, Саровскому чудотворцу, по общему чинопослѣдованію службъ преподобнымъ, а 19-го іюля—божественныя литургіи и послѣ нихъ молебствія.

II. Отъ 6—19 іюня 1903 года за № 2619, по вопросу о томъ, кѣмъ должны быть подписываемы выпускные аттестаты и свидѣтельства воспитанниковъ семинаріи и свидѣтельства объ увольненіи ихъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 22 минувшаго мая № 712, журналъ Учебнаго Комитета, за № 214, съ заключеніемъ Комитета, по возбужденному Правленіемъ Тульской духовной семинаріи вопросу о томъ, кѣмъ должны быть подписываемы выпускные аттестаты и свидѣтельства воспитанниковъ семинаріи и свидѣтельства объ увольненіи ихъ,—всѣми ли лицами, участвующими въ педагогическихъ собраніяхъ правленія, или нѣтъ. Приказали: Въ виду того, что по утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ 27 марта—8 апрѣля 1880 г. формѣ аттестатовъ и свидѣтельствъ, выдаваемыхъ воспитанникамъ духовныхъ семинарій, оные между прочимъ подписываются членами педагогическаго собранія семинарскаго правленія изъ преподавателей, коихъ по первоначальной редакціи § 92 Уст. дух. сем. полагалось двое, между тѣмъ нынѣ, согласно измѣненной редакціи того же параграфа, членами сихъ собраній являются всѣ преподаватели семинаріи, и принимая во вниманіе что было бы затруднительнымъ предлагать означенные документы къ подписыванію всѣмъ преподавателямъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: измѣнить установленный порядокъ подписей въ выдаваемыхъ воспитанникамъ семинарій аттестатахъ и свидѣтельствахъ въ томъ смыслѣ, чтобы документы эти подписывались ректоромъ, инспекторомъ, однимъ изъ преподавателей по старшинству службы и секретаремъ правленія семинаріи.

О Т Ч Е Т Ъ

о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи за 1902 годъ,

(восьмой годъ со времени открытія кассы).

Къ 1 января 1902 г. въ остаткѣ отъ 1901 г.

суммъ эмеритальной кассы состояло 744017 р. 97 к.

Сумма сія заключалась:

1. Въ билетѣ 1-го внутренняго съ выигрышами займа въ	100 „ — „
2. Въ билетѣ 2-го внутренняго съ выигрышами займа въ	100 „ — „
	9

3. Въ билетѣ Дворянскаго, Земельнаго съ выпрышами займа въ	100 р. — к.
4. Въ 21-мъ свидѣтельствѣ 4% государственной ренты, по 25.000 р. каждое, на	525000 „ — „
5. Въ 16-ти свидѣтельствахъ той же ренты, по 5000 р. каждое, на	80000 „ — „
6. Въ 3-хъ свидѣтельствахъ той же ренты, по 1000 р. каждое, на	3000 „ — „
7. Въ долговыхъ квитанціяхъ Правленія Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода . . .	135000 „ — „
8. Наличными деньгами	717 „ 97 „
Итого .	744017 р. 97 к.

Въ теченіе 1902 года поступило:

1. Наличными деньгами:

а) Членскихъ взносовъ отъ участниковъ кассы обязательныхъ и добровольныхъ	30730 р. 16 к.
(Въ томъ числѣ: взносовъ за 1902 г.—30070 р., недоимокъ за прежніе годы 204 р. и взносовъ за будущіе годы 456 р. 16 к.).	
б) Взносовъ отъ церквей епархіи по § 15 уст. кас.	8596 „ — „
в) Взносовъ отъ Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода по § 16 уст. кас.	20000 „ — „
(Въ томъ числѣ: за 2-ю полов. 1901 г. 10000 р. и за 1-ю полов. 1902 г. 10000 р.).	
г) Отъ свѣчнаго же завода поступило въ погашеніе капитальнаго (135000 р.) долга . . .	15000 „ — „
д) Процентовъ на капиталъ кассы.	31796 „ 74 „
(Въ томъ числѣ засчитано 365 р. 95 к., уплаченныхъ кассою при покупкѣ процентныхъ бумагъ, за проценты по текущимъ купонамъ, см. I ст. расхода литер. Б).	
е) Штрафныхъ за несвоевременное представленіе взносовъ	49 „ 17 „
ж) Взносовъ на управленіе кассою	2211 „ 15 „
Итого .	108383 р. 22 к.

II. Билетами.

Приобрѣтено процентныхъ бумагъ за наличныя деньги	92900 р. — к.
Итого .	92900 р. — к.

III. Домовыми квитанціями Правленія Харьковского Епархіального свѣчнаго завода:

Одна квитанція на отданныя займообразно на четыре мѣсяца, по распоряженію Его Высокопреосвященства, Правленію свѣчнаго завода процентныя бумаги, на 40000 р. — к.

ВСЕГО—наличными деньгами, билетами и долговыми квитанціями Харьковскаго епархіального свѣчнаго завода поступило на приходъ. . . . 241283 „ 22 „

А съ остаточными отъ прошлаго 1901 г. въ 1902 г. на приходѣ значится:

Наличными деньгами	109101 р. 19 к.
Билетами	701200 „ — „
Долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіального свѣчнаго завода	175000 „ — „
А всего .	985301 р. 19 к.

Въ теченіе 1902 года израсходовано:

I. Наличными деньгами:

а) На выдачу эмеритальной пенсіи	13128 р. 28 к.
б) На выдачу процентовъ съ капитала, собраннаго отъ духовенства епархіи въ пользу семействъ умершихъ священно и церковно-служителей . . .	2647 „ 5 „
в) На выдачу жалованья членамъ Правленія и другимъ служащимъ въ кассѣ	1746 „ — „
г) На канцелярскія принадлежности, почтовые и другіе мелкіе расходы по кассѣ	76 „ 40 „
д) На застраховку выигрышныхъ билетовъ отъ тиражей погашенія.	26 „ 50 „
е) На покупку процентныхъ бумагъ	90479 „ 32 „
(Въ томъ числѣ уплачено за проценты по текущимъ купонамъ 365 р. 95 к.)	

Итого . 108103 р. 55 к.

II. Билетами:

Отдано займообразно на четыре мѣсяца Правленію Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода, на основаніи распоряженія Его Высокопреосвященства 40000 р. — р.

Итого . 40000 р. — р.

III. Долговыми квитанціями Правленія Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода:

Правленіемъ Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода погашена часть капиталнаго (135000 р.) долга 15000 р. — в.

Итого . 15000 р. — в.

Всего—наличными деньгами, билетами и долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода въ 1902 году израсходовано. . 163103 р. 55 к.

Къ 1-му января 1903 года состоитъ въ остаткѣ:

Наличными деньгами 997 р. 64 к.
 Билетамъ 661200 „ — „
 Долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода 160000 „ — „

А всего 822197 р. 64 к.

Въ истекшемъ 1902 году выдана эмеритальная пенсія слѣдующимъ лицамъ:

	Р. К.
1. Вд. прот. г. Ахтырки Параскевѣ <i>Клементьевой</i>	84 —
2. Зашт. священ. г. Ахтырки Θεодору <i>Доброславскому</i>	84 —
3. Дочери прот. с. Чернетчины Ольгѣ <i>Трояновой</i>	42 —
4. Сиротамъ свящ. с. Журавнаго <i>Матеевымъ</i>	42 —
5. Вд. свящ. с. Боромли Маріи <i>Губской</i>	84 —
6. Вд. свящ. с. Полянаго Мароѣ <i>Мартыновичъ</i>	84 —
7. Зашт. діак. с. Бакировки Петру <i>Вербицкому</i>	28 —
8. Зашт. діак. г. Ахтырки Василю <i>Бѣлицкому</i>	28 —
9. Зашт. діак. с. Котельвы Александру <i>Балановскому</i>	56 —
10. Бывш. діак. с. Бранцовки Петру <i>Виноградскому</i>	34 85
11. Вд. діак. с. Боромли Татьянѣ <i>Левитской</i>	28 —
12. Вд. діак. г. Ахтырки Маріи <i>Сукачевой</i>	42 90
13. Зашт. псал. с. Никитовки Петру <i>Съдикову</i>	14 —

	Р. К.
14. Бывш. псал. с. Меѣниовки Артемію <i>Роговскому</i>	18 55
15. Вд. псал. с. Бранцовки Евѣміи <i>Львской</i>	14 —
16. Вд. псал. с. Печинь Евдокіи <i>Федоровой</i>	14 —
17. Вд. псал. с. Ряснаго Олимпіадѣ <i>Фіалковской</i>	14 —
18. Вд. псал. с. Турья Маріи <i>Стровской</i>	14 —
19. Вд. псал. с. Криничнаго Елисаветѣ <i>Исидоровой</i>	16 10
20. Вд. псал. с. Славгородка Анисіи <i>Вербицкой</i>	9 10
21. Вд. псал. с. Деревокъ Еленѣ <i>Невпрямой</i>	3 75
22. Сиротамъ псаломщ. с. Солдатскаго <i>Фалченоквымъ</i>	14 —

Итого. 769 25

По Богодуховскому уѣзду:

23. Зашт. свящ. с. Сѣннаго Василю <i>Ковалевскому</i>	84 —
24. Зашт. свящ. с. Яблочнаго Андрею <i>Стеллецкому</i>	42 —
25. Вд. прот. г. Краснокутска Ксеніи <i>Малышевской</i>	42 —
26. Вд. прот. с. Большой-Писаревки Анастасіи <i>Ястремской</i>	42 —
27. Сыну свящ. с. Малыжиной Іоанну <i>Давидову</i>	63 —
28. Вд. свящ. с. Лозоваго Звнандѣ <i>Рудинской</i>	42 —
29. Вд. свящ. с. Городнаго Анастасіи <i>Федоровой</i>	42 —
30. Вд. свящ. с. Колонтаева Аннѣ <i>Криницкой</i>	42 —
31. Вд. свящ. с. Губаровки Маріи <i>Рудинской</i>	42 —
32. Вд. свящ. с. Купьевахи Вѣрѣ <i>Новомирской</i>	84 —
33. Вд. свящ. с. Поличковки Евкаторинѣ <i>Геневской</i>	126 —
34. Вд. свящ. с. Сѣннаго Надеждѣ <i>Стаховичъ</i>	28 25
35. Зашт. діак. с. Колонтаева Петру <i>Семенову</i>	28 —
36. Зашт. діак. с. Каплюновки Іоанну <i>Семитренникову</i>	56 —
37. Вд. діак. г. Богодухова Аннѣ <i>Артюховской</i>	42 —
38. Вд. діак. с. Хрущовой-Никитовки Матронѣ <i>Индутной</i>	42 —
39. Зашт. псал. с. Паркомовки Михаилу <i>Ильину</i>	12 40
40. Вд. псал. с. Колонтаева Агриппинѣ <i>Дмитрковой</i>	14 —
41. Вд. псал. Большой-Писаревки Евдокіи <i>Торанской</i>	28 —
42. Вд. псал. с. Малой-Писаревки Варварѣ <i>Семеновой</i>	14 —
43. Дочери псал. с. Колонтаева Александрѣ <i>Базилевичъ</i>	14 —
44. Бывш. псал. с. Поличковки Григорію <i>Лебедеву</i>	14 —

Итого. 943 65

По Валковскому уѣзду:

45. Зашт. свящ. с. Огульцовъ Константину <i>Острогорскому</i>	84 —
46. Вд. прот. г. Валокъ Аннѣ <i>Голяховской</i>	42 —
47. Вд. свящ. г. Валокъ Варварѣ <i>Павловской</i>	84 —
48. Вд. свящ. с. Старога-Мерчица Маріи <i>Мухиной</i>	84 —

	Р.	К.
49. Вд. свящ. с. Комышеватаго Татьянѣ <i>Мошлянской</i>	84	—
50. Вд. свящ. с. Снѣжкова-Кута Ольгѣ <i>Святоиоровой</i>	42	—
51. Вд. свящ. с. Огульцовъ Маріи <i>Ольховской</i>	26	15
52. Вд. діак. с. Снѣжкова-Кута Маріи <i>Даниловой</i>	42	—
53. Зашт. псал. г. Валокъ Антонію <i>Павловскому</i>	14	—
54. Зашт. псал. с. Высокополя Михавлу <i>Безулову</i>	14	—
55. Зашт. псал. с. Снѣжкова-Кута Василю <i>Невпрямину</i>	22	85
56. Вд. псал. с. Караванска Параскевѣ <i>Дюковой</i>	14	—
57. Вд. псал. г. Валокъ Меланіи <i>Соколовской</i>	14	—
58. Вд. псал. с. Алексѣвки Еленѣ <i>Грабовской</i>	9	70

Итого. 576 70

По Волчанскому уѣзду:

59. Зашт. свящ. с. Николаевки Михавлу <i>Колосовскому</i>	100	55
60. Зашт. свящ. с. Ольховатки Іоанну <i>Слабынскому</i>	84	—
61. Зашт. свящ. с. Средняго Бурлука Іоанну <i>Кіляновскому</i>	42	—
62. Вд. свящ. с. Ново-Александровки Александрѣ <i>Поповой</i>	42	—
63. Вд. свящ. с. Котовой Маріи <i>Рубинской</i>	42	—
64. Вд. свящ. с. Верхней-Писаревки Евдокіи <i>Очульковой</i>	42	—
65. Вд. свящ. с. Хатней Аннѣ <i>Колосовской</i>	84	—
66. Вд. свящ. с. Мартовой Евдокіи <i>Михайловской</i>	42	—
67. Вд. свящ. с. Петропавловки Маріи <i>Гризодубовой</i>	84	—
68. Сиротамъ свящ. с. Бѣлаго-Колодезя <i>Дзюбановымъ</i>	42	—
69. Вд. діак. с. Печенѣгъ Харитинѣ <i>Федоровой</i>	28	—
70. Вд. діак. с. Графскаго Татьянѣ <i>Михайловской</i>	28	—
71. Вд. діак. г. Волчанска Матронѣ <i>Прибытковой</i>	28	—
72. Сиротамъ діак. с. Печенѣгъ <i>Протопоповымъ</i>	23	45
73. Зашт. псал. с. Благодатной Николаю <i>Мужину</i>	50	15
74. Вд. псал. с. Отрадной Маріи <i>Поповой</i>	28	70
75. Вд. псал. с. Бѣлаго-Колодезя Аннѣ <i>Червонецкой</i>	14	—
76. Вд. псал. с. Юрченковой Антоннѣ <i>Булицкой</i>	14	—
77. Вд. псал. с. Большой-Бабки Параскевѣ <i>Минуцкой</i>	14	—

Итого. 832 85

По Зміевскому уѣзду:

78. Зашт. прот. с. Волохова-Яра Іоанну <i>Чудновскому</i>	65	5
79. Зашт. свящ. с. Андреевки Виктору <i>Тролякову</i>	65	30
80. Вд. прот. г. Чугуева Аннѣ <i>Сильванской</i>	42	—
81. Вд. свящ. с. Борокъ Матронѣ <i>Андреевской</i>	21	—
82. Вд. свящ. с. Нижней-Орели Маріи <i>Федоровой</i>	42	—
83. Вд. свящ. с. Тетляги Евгениі <i>Анисимовой</i>	42	—

	Р. К.
84. Вд. свѣщ. с. Нижне-русск. Вишквня Маріамнѣ <i>Реутской</i>	42 —
85. Вд. свѣщ. с. Терноваго Екатеринбургѣ <i>Татариновой</i> . . .	84 —
86. Вд. свѣщ. с. Константовки Наталіи <i>Корнильевой</i> . . .	53 10
87. Вд. свѣщ. с. Балаклеи Софіи Ковалевской	84 —
88. Вд. свѣщ. с. Андреевкѣ Еленѣ <i>Рудинской</i>	42 —
89. Женѣ душевно-больн. свѣщ. с. Лагерей Аннѣ <i>Щербинѣ</i>	42 —
90. Сыну свѣщ. с. Борщеваго Миханлу <i>Николаевскому</i> . . .	84 —
91. Дочери свѣщ. с. Лямана Неонилѣ <i>Павловой</i>	84 —
92. Дочери свѣщ. с. Лагерей Вѣрѣ <i>Аксененковой</i>	84 —
93. Зашт. діак. с. Бригадировки Петру <i>Раевскому</i>	28 —
94. Зашт. діак. г. Чугуева Моисею <i>Посельскому</i>	56 —
95. Зашт. діак. с. Охочей Платону <i>Стахевичу</i>	28 —
96. Зашт. діак. с. Шебелинки Павлу <i>Тимовеву</i>	42 —
97. Вд. діак. г. Чугуева Агрипинѣ <i>Поповой</i>	28 —
98. Вд. діак. с. Шелудковки Софіи <i>Вертеловской</i>	28 —
99. Вд. діак. с. Малиновой Маріи <i>Ковалевской</i>	28 —
100. Вд. діак. с. Нижней-Орели Маринѣ <i>Федоровой</i>	11 20
101. Вд. псал. с. Ассѣвки Θεоктистѣ <i>Сильванской</i>	14 —
102. Вд. псал. с. Охочей Татьянѣ <i>Стахевичѣ</i>	7 —
103. Вд. псал. с. Таряновки Θεодосіи <i>Михайловской</i>	14 —
104. Вд. псал. с. Евфремовки Елисаветѣ <i>Павловской</i>	14 —
105. Вд. псал. г. Чугуева Еленѣ <i>Сукачевой</i>	14 —
106. Вд. псал. с. Бурлея Маріи <i>Ястремской</i>	14 —
107. Вд. псал. с. Гуляйполя Серафимѣ <i>Власовской</i>	14 —
108. Вд. псал. с. Гомольши Анастасіи <i>Оглобминой</i>	14 —
109. Вд. псал. с. Андреевки Екатеринбургѣ <i>Гладковой</i>	28 —
110. Вд. псал. с. Ново-Ивановки Анастасіи <i>Криницкой</i>	28 —
111. Вд. псал. с. Моспановой Екатеринбургѣ <i>Марковой</i>	14 —
112. Вд. псал. с. Лозовеньки Анастасіи <i>Мураховской</i>	28 —
113. Дочери псал. с. Береки Аннѣ <i>Чернявской</i>	30 60
<hr/>	
Итого 1359 25	

По Изюмскому уѣзду:

114. Зашт. свѣщ. с. Рубцовой Павлу <i>Титову</i>	84 —
115. Зашт. свѣщ. с. Студенка Іоанну <i>Блюсову</i>	84 —
116. Вд. прот. с. Христища Аннѣ <i>Кунциной</i>	42 —
117. Вд. свѣщ. с. Приволья Маріи <i>Котляревской</i>	84 —
118. Вд. свѣщ. с. Щандриголовои Екатеринбургѣ <i>Могилянской</i>	42 —
119. Вд. свѣщ. с. Николаевки Анастасіи <i>Лончиной</i>	84 —
120. Вд. свѣщ. с. Новоселовки Александрѣ <i>Дикаревой</i>	84 —

	Р.	К.
121. Вд. свящ. с. Даниловки Евпраксія <i>Кремповской</i> . . .	84	—
122. Вд. свящ. с. Шандриголовой Маріи <i>Ковалевой</i> . . .	28	—
123. Вд. свящ. с. Цареворисовой Софіи <i>Любарской</i> . . .	20	10
124. Сиротамъ свящ. с. Голой-Долины <i>Арефьевымъ</i> . . .	42	—
125. Дочерямъ свящ. с. Кривой-Луки <i>Мухинымъ</i> . . .	42	—
126. Дочерямъ свящ. с. Никифоровки <i>Воробьевымъ</i> . . .	84	—
127. Дочери свящ. с. Песокъ Неонилѣ <i>Роменской</i> . . .	42	—
128. Зашт. діак. с. Заводъ Георгію <i>Уланову</i> . . .	14	—
129. Зашт. діак. с. Дмитровки Парамону <i>Чернявскому</i> . . .	46	65
130. Зашт. діак. с. Барвенково Николаю <i>Любарскому</i> . . .	28	—
131. Зашт. діак. с. Крючковъ Іоанну <i>Булдовскому</i> . . .	26	50
132. Вд. діак. с. Малой Комышевахи Маріи <i>Димевской</i> . . .	28	—
133. Вд. діак. с. Селимовки Аннѣ <i>Ковалевской</i> . . .	42	—
134. Вд. діак. с. Великой-Комышевахи Ксении <i>Мацкиной</i> . . .	28	—
135. Сиротамъ діак. с. Рѣдкодуба <i>Петровымъ</i> . . .	28	—
136. Сыну діак. с. Стратилатовки Николаю <i>Грабовскому</i> . . .	14	—
137. Зашт. псал. с. Залиманья Василю <i>Федорову</i> . . .	28	—
138. Зашт. псал. с. Песокъ Василю <i>Грабовскому</i> . . .	28	—
139. Зашт. псал. с. Великой-Комышевахи Павлу <i>Попову</i> . . .	14	—
140. Зашт. псал. с. Мечебиловой Матвѣю <i>Дикареву</i> . . .	30	60
141. Вд. псал. с. Александровки Евдокіи <i>Андреевой</i> . . .	14	—
142. Вд. псал. с. Поповки Александрѣ <i>Полницкой</i> . . .	28	—
143. Вд. псал. с. Цареворисова Татьянѣ <i>Грабовской</i> . . .	14	—
144. Вд. псал. с. Былбасовки Маріи <i>Ястремской</i> . . .	7	—
145. Вд. псал. с. Никольской Агафіи <i>Макаровской</i> . . .	28	—
146. Вд. псал. с. Вел.-Комышевахи Евфросиніи <i>Алексѣевой</i> . . .	28	—
147. Вд. псал. с. Алисовки Евдокіи <i>Кармановой</i> . . .	14	—
148. Вд. псал. с. Раѣ-Александр. Екатериѣ <i>Рокитянской</i> . . .	21	—
149. Вд. псал. г. Изюма Александрѣ <i>Чернявской</i> . . .	28	35
150. Вд. псал. с. Песокъ Наталіи <i>Мухиной</i> . . .	30	10
151. Вд. псал. с. Гавриловки Маріи <i>Семейкиной</i> . . .	11	25
Итого		1425 55

По Купянскому уѣзду:

152. Зашт. прот. с. Ново-Георгіевска Василю <i>Попову</i> . . .	42	—
153. Зашт. свящ. с. Маначиновки Павлу <i>Оранскому</i> . . .	84	—
154. Вд. свящ. с. Двурѣчной Александрѣ <i>Лукишиевой</i> . . .	42	—
155. Вд. свящ. с. Ново-Осиновой Анастасіи <i>Васильковской</i> . . .	42	—
156. Вд. свящ. с. Верхней-Дуванки Марѣѣ <i>Чугаевой</i> . . .	42	—
157. Вд. свящ. с. Поповки Софіи <i>Давидовой</i> . . .	28	—

	Р.	К.
158. Вд. свящ. с. Каменки Антонинъ <i>Сильванской</i> . . .	84	—
159. Вд. свящ. с. Радьковскыхъ Песогъ Маріи <i>Самойловой</i>	42	—
160. Дочерямъ свящ. с. Тарасовки <i>Курасовскимъ</i> . . .	42	—
161. Дочери свящ. с. Сват. Лучки Екатеринбургѣ <i>Ерофаловой</i>	84	—
162. Зашт. діак. с. Петропавловки Николаю <i>Любарскому</i> .	28	—
163. Зашт. діак. с. Боровой Феодору <i>Протопопову</i> . . .	28	—
164. Вд. діак. с. Юрьевки Ольгѣ <i>Черняевой</i>	28	—
165. Зашт. діак. с. Ново-Ольшаной Павлу <i>Флоринскому</i> .	42	—
166. Вд. діак. с. Ново-Осиновой Евфросиніи <i>Пипенковой</i> .	28	—
167. Дочерямъ діак. с. Просяной <i>Царевскимъ</i>	69	30
168. Зашт. псал. с. Верхней Дуванки Николаю <i>Зеленскому</i>	28	—
169. Зашт. псал. с. Краснянки Петру <i>Жукову</i>	14	—
170. Вд. псал. с. Пристѣна Марѣѣ <i>Сахновской</i>	28	—
171. Вд. псал. с. Кругляковки Александрѣ <i>Кустовской</i> . .	14	—
172. Вд. псал. с. Дружелюбовки Маріи <i>Пересыпкиной</i> . .	14	—
173. Вд. псал. с. Николаевки Маріи <i>Поповой</i>	14	—
174. Вд. псал. с. Дружелюбовки Маріи <i>Збукаревой</i>	10	20
175. Вд. псал. с. Сватовой Лучки Аннѣ <i>Литвинцевой</i> . . .	14	—
176. Вд. псал. с. Мѣловатки Екатеринбургѣ <i>Климентовой</i> .	28	—
177. Вд. псал. с. Радьковки Наталіи <i>Пиллецкой</i>	16	60
178. Вд. псал. с. Тарасовки Елисаветѣ <i>Войтовой</i>	47	—
179. Вд. псал. с. Владиміровки Евдокіи <i>Любарской</i>	29	50

Итого 1012 60

По Лебединскому уезду:

180. Зашт. свящ. г. Лебедина Петру <i>Чижевскому</i>	42	—
181. Зашт. свящ. с. Межирича Іоанну <i>Сokolовскому</i>	42	—
182. Зашт. свящ. г. Лебедина Николаю <i>Кондевскому</i>	84	—
183. Зашт. свящ. с. Тучнаго Андрею <i>Люминарскому</i>	84	—
184. Вд. свящ. с. Буймера Маріи <i>Проскурниковой</i>	42	—
185. Вд. свящ. с. Мартыновки Параскевѣ <i>Мухиной</i>	42	—
186. Вд. свящ. с. Павленкова Еленѣ <i>Елминской</i>	42	—
187. Вд. свящ. с. Толстаго Маріи <i>Рубинской</i>	84	—
188. Дочерямъ свящ. г. Лебедина <i>Милостановымъ</i>	84	—
189. Дочери свящ. с. Ясеноваго Валентинѣ <i>Шебатинской</i>	42	—
190. Зашт. діак. с. Ворожбы Василію <i>Заводовскому</i>	28	—
191. Вд. діак. с. Дервачевки Анастасіи <i>Флоринской</i>	28	—
192. Зашт. псал. с. Павленкова Василію <i>Збукареву</i>	14	—
193. Зашт. псал. с. Межирича Стефану <i>Малишевскому</i>	14	—
194. Зашт. псал. с. Павленкова Провофію <i>Попову</i>	14	—

	Р.	К.
195. Зашт. псал. с. Кургана Стефану <i>Касьянову</i>	28	—
196. Вд. псал. г. Лебедина Маріи <i>Дажитской</i>	14	—
197. Вд. псал. с. Бишкяна Елисаветѣ <i>Федоровой</i>	28	—
198. Вд. псал. с. Влѣзокъ Іульїаніи <i>Капустинной</i>	14	—
199. Вд. псал. с. Чупаховки Евдокіи <i>Федоровой</i>	26	65
200. Дочери псал. с. Воровбы Пелагіи <i>Лисанской</i>	14	—

Итого. 810 65

По Старобѣльскому уѣзду:

201. Зашт. прот. с. Черняговки Николаю <i>Матвѣеву</i>	42	—
202. Зашт. прот. с. Трехизбянска Михаилу <i>Павлову</i>	59	25
203. Зашт. прот. с. Моусеевки Дмитрію <i>Донченкову</i>	64	15
204. Зашт. свящ. с. Ново-Бѣленькой Іоанну <i>Макаровскому</i>	84	—
205. Зашт. свящ. с. Великотска Петру <i>Раздольскому</i>	42	—
206. Зашт. свящ. с. Николаева Іавріилу <i>Попову</i>	84	—
207. Зашт. свящ. с. Кононовки Василю <i>Попову</i>	84	—
208. Зашт. свящ. с. Римаревки Дмитрію <i>Прядкину</i>	150	—
209. Зашт. свящ. с. Пантюхиной Іоакиму <i>Федорову</i>	42	—
210. Вд. прот. с. Ново-Пскова Лѣбови <i>Раздольской</i>	42	—
211. Вд. прот. с. Литвиновки Александрѣ <i>Кузнецовой</i>	84	—
212. Вд. прот. с. Алексѣевки Аннѣ <i>Поповой</i>	84	—
213. Вд. свящ. с. Шульгинки Ольгѣ <i>Карповой</i>	42	—
214. Вд. свящ. с. Петропавловки Маріи <i>Ястремской</i>	42	—
215. Вд. свящ. с. Мостковъ Татьянѣ <i>Соколовой</i>	42	—
216. Вд. свящ. с. Верхней-Покровки Александрѣ <i>Инноковой</i>	42	—
217. Вд. свящ. с. Рудева Антоннѣ <i>Камлуиенковой</i>	42	—
218. Вд. свящ. с. Ново-Астрахани Екатерипѣ <i>Насѣдкиной</i>	42	—
219. Вд. свящ. с. Бѣлокуракиной Наталіи <i>Косьминой</i>	42	—
220. Вд. свящ. с. Гладкова Аннѣ <i>Жадановской</i>	42	—
221. Вд. свящ. с. Брусовки Маріи <i>Баженовой</i>	84	—
222. Вд. свящ. с. Ново-Боровой Маріи <i>Склярвой</i>	84	—
223. Вд. свящ. с. Ново-Астрахани Анастасіи <i>Фаворовой</i>	42	—
224. Вд. свящ. с. Нивольской Александрѣ <i>Василевской</i>	84	—
225. Вд. свящ. с. Нищаретовой Равсѣ <i>Сильванской</i>	84	—
226. Вд. свящ. с. Богдановки Еленѣ <i>Бндиной</i>	84	—
227. Вд. свящ. с. Байдовки Александрѣ <i>Амиццевой</i>	30	10
228. Вд. свящ. с. Бунчужной Еленѣ <i>Ковалевой</i>	36	10
229. Вд. свящ. с. Семикозовки Матронѣ <i>Ковалевской</i>	28	80
230. Вд. свящ. с. Тецеаго Маріи <i>Федоровской</i>	21	—
231. Дочерямъ свящ. г. Старобѣльска <i>Татарскимъ</i>	30	75

	Р.	К.
232. Дочери свящ. с. Ново-Боровой Антонинъ <i>Приходьковой</i>	42	—
233. Дочери свящ. с. Ганнусовки Аннѣ <i>Лядской.</i>	42	—
234. Зашт. діак. г. Старобѣлка Теодору <i>Аксентьеву.</i>	47	10
235. Зашт. діак. с. Смольняннова Іоанну <i>Дикареву.</i>	28	—
236. Зашт. діак. с. Крыгской Петру <i>Лаврентьеву.</i>	56	—
237. Вд. діак. с. Муратовой Еленѣ <i>Цоповой.</i>	28	—
238. Вд. діак. с. Ново-Россоши Маріи <i>Бутковой.</i>	28	—
239. Вд. діак. с. Донцовки Маріи <i>Щелоковской.</i>	28	—
240. Вд. діак. с. Боровеньки Екатеринѣ <i>Сптылицевой.</i>	28	—
241. Вд. діак. с. Тянушевки Евдокія <i>Федоровской.</i>	56	—
242. Вд. діак. Шульгинки Аннѣ <i>Боевой.</i>	28	—
243. Дочерямъ діак. с. Литвиновки <i>Наумовымъ.</i>	28	—
244. Зашт. псал. с. Крыгской Василю <i>Добровольскому.</i>	38	50
245. Зашт. псал. с. Марковки Павлу <i>Уланову.</i>	7	—
246. Зашт. псал. с. Евсуга Николаю <i>Цопову.</i>	14	—
247. Зашт. псал. с. Поповки Николаю <i>Лихницкому.</i>	14	—
248. Зашт. псал. с. Литвиновки Арсенію <i>Грекову.</i>	14	—
249. Зашт. псал. с. Моусеевки Михаилу <i>Рубинскому.</i>	19	90
250. Вд. псал. с. Лизана Маріи <i>Агеевой.</i>	28	95
251. Вд. псал. с. Алексѣевки Маринѣ <i>Дикаревой.</i>	14	—
252. Вд. псал. Черниговки Маріи <i>Павловой.</i>	14	—
253. Вд. псал. Деркульскаго кон. зав. Акилинѣ <i>Оржельской.</i>	14	—
254. Вд. псал. с. Подгоровки Маріи <i>Тетивниковой.</i>	14	—
255. Дочери псал. с. Штурмовой Маріи <i>Соболевой.</i>	14	—
256. Дочери псал. с. Колядовки Евгениі <i>Самойловой.</i>	10	50

Итого 2462 10

По Сумскому уѣзду:

257. Зашт. прот. с. Павловокъ Захаріи <i>Добрецкому.</i>	42	—
258. Зашт. свящ. с. Ульяновки Дмитрію <i>Эннатскому.</i>	67	5
259. Зашт. свящ. с. Рѣчекъ Автонію <i>Быкову.</i>	82	50
260. Вд. свящ. с. Искрисковщины Параскевѣ <i>Хижняковой.</i>	42	—
261. Вд. свящ. г. Сумъ Татьянѣ <i>Литкевичъ.</i>	42	—
262. Вд. свящ. с. Нижней-Сыроватки Маріи <i>Лавденковой.</i>	42	—
263. Вд. свящ. г. Сумъ Ефросиніи <i>Наумовой.</i>	35	—
264. Вд. свящ. с. Климовки Александрѣ <i>Балановской.</i>	84	—
265. Вд. свящ. г. Сумъ Вѣрѣ <i>Яценковой.</i>	42	—
266. Вд. свящ. с. Аннинской Иринѣ <i>Ильинской.</i>	42	—
267. Вд. свящ. с. Токарей Маріи <i>Максимовой.</i>	89	5
268. Вд. свящ. г. Бѣлополя Агніи <i>Василевской.</i>	20	40

	Р.	Б.
269. Дочери свящ. с. Юнаковки Ольгѣ <i>Новопольской</i> . . .	42	—
270. Зашт. діак. с. Ворожбы Николаю <i>Стеллецкому</i> . . .	28	—
271. Вд. діак. с. Терешковке Атафія <i>Торанской</i>	14	—
272. Вд. діак. с. Юнаковки Ефросинія <i>Шишкиной</i> . . .	28	—
273. Вд. діак. с. Вирей Александрѣ <i>Башинской</i>	28	—
274. Вд. діак. с. Писаревки Евдокія <i>Бутовской</i>	28	—
275. Вд. діак. с. Могриці Параскевѣ <i>Аксентьевой</i> . . .	50	55
276. Сыну діак. г. Сумѣ Александру <i>Шопову</i>	18	25
277. Дочери діак. с. Чернетчины Аннѣ <i>Краснокутской</i> . .	63	—
278. Зашт. псал. с. Верх.-Сыроват. Прокофію <i>Васильковскому</i>	14	—
279. Зашт. псал. с. Ульяновки Захарію <i>Дмитріеву</i> . . .	28	—
280. Вд. псал. с. Бобрива Евфросинія <i>Строевской</i> . . .	14	—
281. Вд. псал. с. Ворожбы Александрѣ <i>Трипольской</i> . .	24	50
282. Вд. псал. г. Бѣлополя Маріа <i>Вербицкой</i>	28	—
283. Бывш. надзир. Сумскаго дух. уч. Григорію <i>Николаенку</i>	93	90

Итого 1132 20

По г. Харькову:

284. Зашт. прот. Каедр. собора Тимоею <i>Павлову</i> . . .	84	—
285. Вд. прот. Свято-Духовской ц. Ольгѣ <i>Левандовской</i> . .	42	—
286. Вд. прот. Крестовоздвиженской ц. Аннѣ <i>Щелкумовой</i>	42	—
287. Вд. прот. Благовѣщенской ц. Меланія <i>Проскуриковой</i>	42	—
288. Вд. прот. Преображенской ц. Марія <i>Лихницкой</i> . .	84	—
289. Вд. свящ. Александр. больницы Варварѣ <i>Дмитріевой</i>	42	—
290. Вд. свящ. Единовѣрческой ц. Анастасія <i>Коробкиной</i>	56	45
291. Сиротамъ прот. Трояцкой ц. <i>Лашенковымъ</i>	42	—
292. Вд. діак. Каедр. Собора Аннѣ <i>Кудрявцевой</i>	28	—
293. Вд. діак. Каедр. Собора Марѣѣ <i>Наспдкиной</i>	56	—
294. Вд. діак. Николаевской ц. Ольгѣ <i>Петиной</i>	48	70
295. Вд. діак. Петропавловской ц. Марія <i>Евтушенковой</i> .	28	—
296. Зашт. псал. Вознесенской ц. Іоанну <i>Твердохльбову</i> .	19	10
297. Отст. инспек. Х. Д. Семинаріи Константину <i>Истомину</i>	10	80
298. Вд. столонач. Х. Д. Консисторіи Марія <i>Любинской</i> . .	42	—
299. Отст. препод. Х. Д. Семинаріи Θεодору <i>Садову</i> . . .	42	—
300. Вд. учителя Х. Д. Училища Александрѣ <i>Лашенковой</i>	42	—
301. Отставн. надзират. Х. Е. ж. училища Лукія <i>Ковалевой</i>	42	—
302. Отст. уч. руковод. Х. Е. ж. учил. Александрѣ <i>Домницкой</i>	14	23

Итого 807 28

По Харьковскому уѣзду:

Р. К.

303. Зашт. прот. с. Деркачей Дмитрію <i>Решиевскому</i> . . .	108	70
304. Зашт. свящ. с. Русской-Лозовой Арсенію <i>Будянскому</i>	42	—
305. Зашт. свящ. с. Борщевой Іоанну <i>Ковалеву</i>	42	—
306. Вд. свящ. с. Бабаевъ Юліи <i>Лобковской</i>	42	—
307. Вд. свящ. с. Хорошева Вѣрѣ <i>Крыжановской</i>	84	—
308. Вд. свящ. с. Золочева Евдокіи <i>Клепальской</i>	42	—
309. Вд. свящ. с. Основы Маріи <i>Кунцианой</i>	42	—
310. Вд. свящ. с. Озерянки Маріи <i>Владыковой</i>	42	—
311. Вд. свящ. с. Ольшаной Авастасіи <i>Любичкой</i>	21	—
312. Вд. свящ. с. Гавриловки Анастасіи <i>Ветуховой</i>	42	—
313. Вд. свящ. с. Сороковки Агриппиѣ <i>Пономаревой</i>	42	—
314. Дочери свящ. с. Должика Александрѣ <i>Казанской</i>	42	—
315. Дочери свящ. с. Липецъ Александрѣ <i>Черняевой</i>	42	—
316. Доч. свящ. с. Черкаскаихъ-Тыш. Евгеніи <i>Щетинской</i>	42	—
317. Зашт. діак. с. Циркуновъ Стефану <i>Рогольскому</i>	28	—
318. Вд. діак. с. Большихъ Проходовъ Людіилѣ <i>Касьяновой</i>	28	—
319. Вд. діак. с. Ольшаной Евдокіи <i>Коньковой</i>	26	50
320. Вд. діак. с. Комаровки Пелагіи <i>Сукачевой</i>	28	—
321. Сиротамъ діак. с. Півки <i>Бутковскимъ</i>	28	—
322. Зашт. псал. с. Пересѣчнаго Прокофію <i>Торанскому</i>	28	—
323. Зашт. псал. с. Синолицовки Дмитрію <i>Ястремскому</i>	42	—
324. Зашт. псал. с. Полеваго Давіилу <i>Дюкову</i>	28	—
325. Вд. псал. с. Ивановки Еленѣ <i>Прядкиной</i>	28	—
326. Вд. псал. с. Веселаго Маріи <i>Будянской</i>	14	—
327. Вд. псал. с. Сороковки Наталіи <i>Фаворовой</i>	14	—
328. Вд. псал. Карасевки Маріи <i>Труфановой</i>	14	—
329. Сиротамъ псал. с. Мереры <i>Квитковскимъ</i>	14	—

Итого 996 20

А всего по епархіи . 13128 28

Предсѣдатель Правленія, Ректоръ Семинаріи

Протоіерей Іоаннъ *Знаменскій*.

Члены Правленія: { Казначей Протоіерей *Александръ Федоровскій*.
Дѣлопроизводитель, Прот. *Николай Гутниковъ*.

Бухгалтеръ Кассы Псаломщикъ *Тихонъ Степурскій*.

Настоящій отчетъ свѣренъ съ приходо-расходною книгою за 1902 годъ и во всѣхъ статьяхъ признается правильнымъ.

Члены временно-ревизионнаго Епархіальнаго Комитета: { Священникъ *Даніилъ Поповъ*.
Священникъ *Александръ Луценковъ*.
Преподаватель Семинаріи *Николай Протопоповъ*.

Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго Духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища послѣ годичныхъ испытаній, произведенныхъ за 1902—1903 учебный годъ.

Четвертый классъ.

Разрядъ 1. 1. Платоновъ Дмитрій, Мухинъ Дмитрій, Коробкинъ Леонидъ, Власовскій Андрей; 5. Созонтьевъ Дмитрій.

Разрядъ 2. Евсѣимовъ Александръ, Насѣдкинъ Александръ, Звескинъ Константинъ, Агнивцевъ Николай; 10. Ковалевскій Александръ, Сильванскій Иванъ, Щербина Дмитрій, Ковалевскій Василій, Протопоповъ Григорій; 15. Мухинъ Алексѣй, Дзюбановъ Владиміръ, Ивановъ Иванъ, Семейкинъ Николай, Пономаревъ Левъ; 20. Соколовъ Александръ, Ястремскій Михаилъ; 22. Ступницкій Николай.—Эти двадцать два ученика признаются окончившими курсъ духовнаго училища.

Пономаревъ Александръ, Яновскій Петръ, Бѣликовъ Дмитрій, Оболенцевъ Александръ.—Эти четыре ученика будутъ признаны окончившими полный курсъ въ духовномъ училищѣ, если они удовлетворительно выдержатъ переекзаменовки послѣ каникулъ: Пономаревъ Александръ и Яновскій Петръ по латинскому языку и арифметикѣ; Бѣликовъ Дмитрій по русскому языку; Оболенцевъ Александръ по русскому языку и арифметикѣ.

27. Кохановскій Николай оставляется на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

Колодяжный Евгений и Декалоговъ Николай—увольняются изъ училища, первый по малоуслѣбности, а второй по прошенію отца.

Третій классъ.

Разрядъ 1. 1. Грызодубовъ Дмитрій.—Этотъ ученикъ за благопріятіе и отличные успѣхи награждается книгою.

Америковъ Викторъ, Ѳедоровъ Алексѣй, Мухинъ Василій Сулума Викторъ.

Разрядъ 2. Агнивцевъ Владиміръ, Шебатинскій Андрей, Луценко Викторъ, Луценко Леонидъ; 10. Евтушенко Викторъ, Прадкинъ Павелъ, Свирятскій Всеволодъ, Олейниковъ Владиміръ, Прибытковъ Александръ; 15. Литкевичъ Николай, Власовъ Владиміръ, Полницкій Леонидъ, Понировскій Николай, Рубинскій Иванъ; 20. Ходской Викторъ, Новосадскій Дмитрій, Наумовъ Дмитрій, Дмитріевъ Михаилъ, Грабовскій Илія; 25. Мухинъ Павелъ, Сергѣевъ Николай, Бондаревъ Алексѣй.—Эти двадцать семь учениковъ признаются достойными перевода въ IV классъ.

Дюковъ Евгений, Протопоповъ Андрей; 30. Колодяжный Николай, Олейниковъ Семенъ, Ветуховъ Ѳедоръ, Дюковъ Дмитрій, Знаменскій Николай; 35. Иваницкій Георгій, Сергѣевъ Иванъ; 37. Хижняковъ Лука.—Эти десять учениковъ могутъ быть переведены въ IV классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовки послѣ каникулъ: Дюковъ Евгений по греческому языку и русскому сочиненію; Протопоповъ Андрей по русскому языку; Колодяжный Николай по русскому языку и сочиненію; Олейниковъ Семенъ по географіи; Ветуховъ Ѳедоръ по арифметикѣ; Дюковъ Дмитрій по катехизису; Знаменскій Николай по русскому языку; Иваницкій Георгій по русскому языку и сочиненію; Сергѣевъ Иванъ по географіи и русскому языку; Хижняковъ Лука по греческому и русскому языкамъ и сочиненію.

Раевскій Петръ; 39. Молчановскій Владиміръ оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ, первый по болѣзни, а второй по малоуспѣшности.

Второй классъ.

Разрядъ 1. Стрѣльцовъ Иванъ, Волобуевъ Борисъ.—Эти два ученика за благонравіе и отличные успѣхи награждаются книгами.

Насѣдкинъ Владиміръ, Титовъ Владиміръ; 5. Евсѣимовъ Николай, Дьяковъ Иванъ, Касьяновъ Константинъ, Вертеловскій Петръ, Знаменскій Алексій.

Разрядъ 2. 10. Толмачевъ Николай, Архангельскій Николай, Рубинскій Петръ, Сугаченко Ілія, Ковалевскій Александръ 15. Ѳедоровскій Борисъ, Строевскій Александръ, Строевскій Яковъ, Торанскій Павелъ, Бутковскій Василій; 20. Дашгѣевъ Павелъ, Бородаевъ Василій, Дьяковъ Николай, Инноковъ Веніаминъ; Москалевъ Николай.—Эти двадцать четыре ученика признаются достойными перевода въ III классъ.

25. Семейкинъ Арсеній, Аюничковъ Владиміръ, Туранскій Иванъ, Ѳедоровъ Николай, Быстрицкій Сергѣй; 30. Воскобойниковъ Василій, Сіатовскій Іосифъ, Ходской Андрей.—Эти восемь учениковъ будутъ удостоены перевода въ III классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовки по слѣдующимъ предметамъ: Семейкинъ Арсеній по латинскому языку; Аюничковъ Владиміръ, Туранскій Иванъ, Ѳедоровъ Николай и Сіатовскій Іосифъ по русскому языку; Быстрицкій Сергѣй, Воскобойниковъ Василій по русскому и латинскому языкамъ и русскому сочиненію; Ходской Андрей по русскому языку и арифметикѣ.

Власенко Евонмъ, Поповъ Александръ; 35. Протопоповъ Митрофанъ, Любичкій Михаилъ.—Эти четыре ученика оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ, первые три по малоуспѣшности, а послѣдній по болѣзни.

Соколовскій Николай и Петровъ Николай увольняются изъ училища по прошеніямъ родителей.

Первый классъ.

Разрядъ 1. Луценко Александръ, Михайловскій Николай, Платоновъ Михаилъ, Стефановъ Петръ.—Эти четыре ученика за благонравіе и отличные успѣхи награждаются книгами.

5. Щербина Григорій, Бесѣда Викторъ, Пономаревъ Сергій, Найдовскій Антонинъ, Мощенко Владиміръ; 10. Прибытковъ Леонидъ, Григоровичъ Петръ, Бондаревъ Николай.

Разрядъ 2. Сулима Николай, Бородаевъ Евгений; 15. Якубовичъ Анатолий, Пономаревъ Борисъ, Рубинскій Михаилъ, Рубинскій Василій, Николаевскій Александръ; 20. Рубинскій Константинъ, Торанскій Владиміръ.—Эти двадцать одинъ ученикъ признаются достойными перевода во II классъ.

Евтушенко Алексѣй, Квятковскій Александръ, Мухинъ Алексѣй; 25. Поповъ Веніаминъ, Семейкинъ Александръ, Хорошковъ Федоръ, Троицкій Алексѣй, Николаевичъ Михаилъ; 30. Поповъ Владиміръ.—Эти девять учениковъ будутъ переведены въ II классъ, если удовлетворительно выдержатъ переекзаменовки: Евтушенко Алексѣй по церковному пѣнію; Квятковскій Александръ по церковну пѣнію и русскому диктанту, Мухинъ Алексѣй по русскому диктанту; Поповъ Веніаминъ по священной исторіи; Семейкинъ Александръ по русскому языку и диктанту, Хорошковъ Федоръ по ариѳметикѣ и церковному пѣнію; Троицкій Алексѣй по русскому языку; Николаевичъ по священной исторіи и ариѳметикѣ; Поповъ Владиміръ по русскому языку и ариѳметикѣ.

Виноградскій Евгений, Червонецкій Павелъ, Сильванскій Павелъ и Федоровскій Николай,—недержавшіе экзаменъ по болѣзни, допускаются послѣ канкулъ къ экзаменамъ по всѣмъ предметамъ.

35. Кандыба Федоръ, Таранскій Василій, Федоровъ Николай, Бильчевскій-Гуммилитанскій Павелъ, Наумовъ Андрей оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности.

40. Жилинъ Иванъ, Мартыновъ Петръ—увольняются изъ училища по малоуспѣшности.

Приготовительный классъ.

Разрядъ 1. Сулима Николай, Никитинъ Ѳеодоръ.—Эти два ученика за благоправіе и отличные успѣхи награждаются книгами.

Шепелевскій Борисъ, Пономаревъ Василій; 5. Ѳеодоровъ Евлампій, Могиланскій Владиміръ, Краснобутскій Александръ, Тимофеевъ Владиміръ, Власенко Георгій; 10. Поповъ Валентинъ, Радіоновъ Константинъ, Конецкій Платонъ.

Разрядъ 2. Ладенко Анатолій, Безугловъ Александръ; 15. Найдовскій Валентинъ, Сиратскій Захарій, Дахнѣвскій Александръ, Томашевскій Ѳеодоръ, Петровскій Владиміръ; 20. Дюковъ Константинъ, Слюсаревъ Александръ, Добронравовъ Константинъ, Тычининъ Александръ, Поповъ Петръ; 25. Пересыпкинъ Анатолій, Владыковъ-Вьюновъ Евгений, Молочковскій Вячеславъ, Ковальскій Николай.—Эти двадцать восемь учениковъ признаются достойными перевода въ I классъ.

Андроновъ Стефанъ; 30. Мухинъ Алексѣй, Раевскій Павелъ, Вугуцкій Василій, Квитковскій Дмитрій, Павловъ Борисъ; 35. Голубинскій Григорій.—Эти семь учениковъ могутъ быть переведены въ I классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовки послѣ каникулъ: Мухинъ Алексѣй по Закону Божію; Андроновъ Стефанъ, Вугуцкій Василій и Раевскій Павелъ по русскому языку; Квитковскій Дмитрій по Закону Божію и русскому языку; Голубинскій Григорій и Павловъ Борисъ по Закону Божію и арифметикѣ.

Климашевъ Михаилъ, Ковалевскій Георгій, Пономаревъ Гаврилъ, Сергѣевъ Владиміръ; 40. Торанскій Василій.—Эти пять учениковъ, недержавшіе экзаменовъ по болѣзни, допускаются къ экзаменамъ послѣ каникулъ по всѣмъ предметамъ.

Лобковскій Николай, Поповъ Стефанъ, Рубинскій Ѳеодоръ.—Эти три ученика оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности.

Пантелеймоновъ Захарій увольняется изъ училища по малоуспѣшности.

Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго училища.

Правленіе Харьковскаго Духовнаго училища симъ объявляетъ, что переэкзаменовки учениковъ всѣхъ классовъ имѣютъ быть начаты 18 августа, приѣмные экзамены для вновь поступающихъ учениковъ въ подготовительный и другіе классы 22 и 23 августа; прошенія о принятіи учениковъ на полукостное содержаніе безъ платы и съ уменьшенною платою должны быть поданы въ Правленіе училища къ 1 сентября.

Разрядный списокъ воспитанниковъ Нупянскаго духовнаго училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 1902—1903 учебный годъ.

Четвертый классъ.

Окончившіе полный курсъ ученія.

Разрядъ 1. 1. Чертковъ Иванъ, Василенко Тимофеев, Трегубовъ Дмитрій съ награжденіемъ книгами, Базилевичъ Алексѣй; 5. Капустинъ Александръ, Складовъ Сергій, Кустовскій Борисъ, Тятовъ Николай.

Разрядъ 2. Жуковскій Александръ; 10. Грабовскій Иванъ, Яценко Борисъ, Арефьевъ Дмитрій, Чиревинъ Іосифъ, Краснокутскій Анатолій; 15. Лонгиновъ Михаилъ, Поликарповъ Валентинъ, Ивановъ Пантелеимонъ, Любарскій Аванасій, Макухинъ Михаилъ; 20. Макухинъ Іосифъ, Дзюбановъ Герасимъ—переекзаменовка по русскому языку съ церковно-славянскимъ, Бѣликовъ Николай и Тетивниковъ Сергій—переекзаменовка по арифметикѣ.

Третій классъ.

Переводятся въ 4 классъ.

Разрядъ 1. 1. Гилуновъ Василій съ награжденіемъ книгою, Павловъ Викторъ, Котляревскій Григорій.

Разрядъ 2. Сѣвирскій Борисъ; 5) Воробчанскій Владиміръ, Нецаевъ Петръ, Кашикъ Павелъ, Платоновъ Алексѣй, Ковалевъ Павелъ; 10. Базилевичъ Николай 2-й, Гавриловъ Михаилъ, Черникинъ Иванъ, Колосовскій Василій, Скориеъ Петръ; 15. Анахимовъ Александръ—переекзаменовка по географіи, Базилевичъ Николай 1-й—переекзаменовка по арифметикѣ, Рубинскій Ілія—переекзаменовка по латинскому языку.

Разрядъ 3. Веселовскій Иванъ и Базилевичъ Василій—переекзаменовка по русскому языку и арифметикѣ.

Имѣютъ держать послѣ лѣтнихъ канікулъ экзаменъ, котораго не держали по болѣзни: 20. Бервеновъ Порфирій.

Оставаются на повторительный курсъ.

Григоровичъ Александръ, Жуковскій Иванъ, Краснокутскій Евгеній, Мартыненко Стефанъ; 25. Платоновъ Стефанъ—по прошенію родителей, Стаховскій Григорій, Гончаревскій Захарія, Малишевскій Александръ—по малоусиѣнности.

Второй классъ.

Переводятся въ 3 классъ.

Разрядъ 1. Линицкій Владиміръ, Самойловъ Николай, Согинъ Николай—съ награжденіемъ книгами, Николаевскій Михаилъ; 5.

Царевскій Валеріанъ, Жуковъ Анатолій, Спѣсивцевъ Сергій, Стаковскій Александръ, Гавриловъ Павелъ.

Разрядъ 2. 10. Пивоваровъ Стефанъ, Сидоровъ Николай, Гринченко Александръ, Поповъ Митрофанъ, Оранскій Дамитрій; 15. Звѣревъ Николай, Любарскій Анатолій 1, Григоровичъ Анатолій, Татаринновъ Валентинъ, Капустинъ Павелъ; 20. Любарскій Иванъ, Спѣсивцевъ Вадимъ, Якубовичъ Арсеній; Орловъ Василій—перезаменовка по латинскому языку.

Разрядъ 3. Любарскій Анатолій 2—перезаменовка по русскому и латинскому языкамъ; 25. Пивоваровъ Иванъ—перезаменовка по латинскому языку и арифметикѣ.

Оставляются на повторительный курсъ.

Жуковскій Николай—по прошенію отца, Войтковъ Михаилъ, Романовъ Гавриль—по малоуспѣшности.

Увольняются изъ училища по малоуспѣшности.

Войтовъ Григорій; 30. Оржельскій Михаилъ.

Первый классъ.

Переводятся во 2 классъ.

Разрядъ 1. Гребенниковъ Иванъ, Головчанскій Николай, Любичкій Евгений, Пасько Петръ; 5. Гончаревскій Николай—съ награжденіемъ книгами, Самойловъ Борисъ, Бородаевъ Иванъ, Пасько Николай, Колосовскій Владимір; 10. Лонгиновъ Николай, Булдовскій Василій.

Разрядъ 2. Феневъ Иванъ, Бородаевъ Василій, Красновутскій Евгений; 15. Жуковскій Владимір, Болдыревъ Иванъ, Веселовскій Иванъ, Макухинъ Николай, Базилевичъ Левъ; 20. Зубковъ Николай, Оружинскій Гавриль, Сидоровъ Вячеславъ, Марусовъ Веніаминъ, Рубинскій Владимір; 25. Чернявскій Дамитрій, Базилевичъ Павелъ, Пантелеионовъ Василій, Любарскій Андрей, Черняевъ Георгій; 30. Савченко Иванъ, Тетивниковъ Михаилъ, Макаровскій Семень, Басьяновъ Николай, Хлопонинъ Александръ; 35. Корнѣенко Иванъ, Войтовъ Андрей, Грековъ Александръ; Лядскій Николай—перезаменовка по священной исторіи, Пантелеионовъ Алексѣй—перезаменовка по русскому языку; 40. Трояновъ Владимір—перезаменовка по арифметикѣ.

Разрядъ 3. Якубовичъ Владимір и Федоровскій Алексѣй—перезаменовка по арифметикѣ.

Имѣтъ держать послѣ лѣтнихъ каникулъ экзаменъ, котораго не держалъ по болѣзни, Васильковскій Николай.

Оставляются на повторительный курсъ.

Дзюбановъ Валентинъ; 45. Любарскій Николай—по прошенію родителей, Заводовскій Ѳеодоръ, Кирилловъ Петръ, Новомірскій Игнатій, Юрковъ Сергій; 50. Горайнъ Александръ, Лавденко Александръ—по малоуспѣшности.

Приготов. классъ.

Переводятся въ 1 классъ.

Разрядъ 1. Черняевъ Владиміръ, Царевскій Алексѣй, Петровъ Дмитрій, Лвницкій Петръ—съ награжденіемъ книгами; 5. Литовченко Владиміръ, Жуковъ Александръ, Власовскій Владиміръ, Касьяновъ Василій, Свнцовъ Петръ; 10. Нигровскій Анатолій, Мухинъ Александръ.

Разрядъ 2. Поповъ Алексѣй, Самойловъ Александръ, Петрусенко Николай; 15. Бородаевскій Ѳеодоръ, Залуговскій Алексѣй, Веселовскій Яковъ, [Рогальскій Павелъ, Григоровичъ Иванъ; 20 Александровъ Николай, Протопоповъ Стефанъ, Васмановъ Михайлъ, Поповъ Дмитрій, Алексѣевъ Павелъ; 25. Войтовъ Антоній, Кустовскій Григорій, Ветуховъ Владиміръ 1, Торанскій Михайлъ, Лихницкій Петръ; 30. Поповъ Несторъ, Лободинъ Анатолій, Щепинскій Валентинъ, Капустинъ Гавріиль, Алексѣевъ Николай; 35. Ветуховъ Владиміръ 2, Булгаковъ Михайлъ, Дзюбановъ Александръ—переекзаменовка по ариметикѣ, Любидкій Викторъ—переекзаменовка по русско-славянскому чтенію.

Можетъ держать послѣ лѣтнихъ каникулъ экзаменъ, котораго не держалъ по болѣзни—Гончаревскій Николай.

Оставляются на повторительный курсъ.

40. Косминъ Борисъ—по прошенію матери, Македонскій Александръ, Лихницкій Михайлъ, Макаровскій Александръ, Поповъ Теофилъ—по малоуспѣшности.

Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища.

I.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища сямъ объявляетъ, что переекзаменовки и приѣмныя испытанія, послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ настоящемъ году, ученикамъ Купянскаго духовнаго училища назначены въ слѣдующемъ порядкѣ: августа 18-го переекзаменовка ученикамъ IV класса и приѣмъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ; августа 19-го переекзаменовка ученикамъ III класса и

пріемъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ; августа 20-го переэкзаменовка ученикамъ II класса и пріемъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ; августа 21 и 22-го переэкзаменовка ученикамъ I класса и пріемъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ; августа 23 и 25 переэкзаменовка ученикамъ приготовительнаго класса и пріемъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ.

II.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища сямъ объявляетъ: а) учебныя занятія въ наступающемъ 1903—1904 учебномъ году, во всѣхъ классахъ училища, начнутся съ 26-го августа, а учащіеся должны быть представлены въ училище къ 25-му августа. б) Всѣ воспитанники свѣтскаго званія обязаны внести плату за право—обученіе впередъ за весь учебный годъ, въ количествѣ 60 рублей. в) Родители воспитанниковъ училища, желающіе, чтобы дѣти ихъ приняты были на полкоштное или полукосштное училищное содержаніе, обязаны подать прошеніе въ Правленіе училища не позже 15 августа, съ приложеніемъ благочинческаго удостовѣренія о своей бѣдности по формѣ. г) Всѣ воспитанники, желающіе поступить въ училищное общежитіе, должны внести установленную плату впередъ за полгода, а вновь поступающіе воспитанники, кромѣ того, обязаны внести по 12 р. 50 коп. въ Правленіе училища за спальныя принадлежности.

III.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища, согласно журнальному постановленію, утвержденному Его Преосвященствомъ 15 мая 1903 года, доводитъ до свѣдѣнія окружнаго духовенства, что для предстоящихъ занятій съѣзда духовенства, ииѣщаго быть 10 сентября 1903 года, назначаются слѣдующіе предметы: а) разсмотрѣніе отчета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнуемыхъ духовенствомъ Купянскаго училищнаго округа, за 1902 годъ, а также журналовъ временнаго ревизіоннаго комитета по повѣркѣ означеннаго отчета. б) Разсмотрѣніе вѣнчиковыхъ вѣдомостей за прошедшій 1902 годъ. в) Разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училища въ 1904 году. г) Разсмотрѣніе плана и смѣты на устройство домовоу училищной церкви. д) Избраніе членовъ временнаго ревизіоннаго комитета и кандидатовъ къ нимъ на будущій 1904 годъ.

Разрядной списокъ воспитанниковъ Сумскаго Духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища, послѣ годичныхъ испытаній, произведенныхъ за 1902—1903 учебный годъ.

Четвертый классъ.

Окончившіе курсъ училища.

Разрядъ 1. 1. Филипповъ Георгій—награждается книгами, Оедоровъ Георгій—награждается деньгами, Любинскій Леонидъ, Чеховъ Александръ; 5. Гриценко Дмитрій, Церковницкій Николай, Веселовскій Антоній, Павловскій Афанасій, Поповъ Константянъ; 10. Яблоновскій Георгій.

Разрядъ 2. Черниговскій Леонидъ, Оедоровъ Михайль, Черниговскій Николай, Мянченко Лука; 15. Индутный Василій, Степурскій Александръ, Бондаренко Василій, Тугариновъ Иванъ, Серединъ Дмитрій; 20. Карповъ Антоній, Лободинъ Николай, Бѣлогорскій Александръ, Ступницкій Андрей, Прокоповичъ Иванъ; 25. Авксентьевъ Антсній.

Получатъ свидетельства объ окончаніи курса, если удовлетворительно выдержатъ перекэаменовки: Христіановскій Стефанъ; 27. Сапухинъ Иванъ.

Третій классъ.

Переводятся въ 4 классъ.

Разрядъ 1. 1. Подлупцкій Иванъ, Рудинскій Александръ и Рубинскій Владиміръ—награждаются книгами, Ревскій Хрисанфъ; 5. Емельяненко Александръ, Бравловскій Валеріанъ, Наумовъ Илья, Труфановъ Григорій.

Разрядъ 2. Поповъ Михайль, 10. Грузовъ Николай, Самодаевъ Николай, Спасскій Іосифъ, Краснокутскій Дмитрій, Крыжановскій Александръ; 15. Бѣлоусовъ Стефанъ, Печкинъ Андрей, Рубинскій Евгений, Поповъ Дмитрій, Буткевичъ Николай; 20. Карповъ Тимоеей.

Допущены къ перекэаменовкѣ послѣ каникулъ: Артюховскій Макаръ—по церковному пѣнію, Фіалковскій Оедоръ—по ариеметикѣ, Пономаревъ Александръ—по греческому языку, Рудневъ Иванъ—по русскому языку письменно; 25. Александровъ Иванъ—по церковному пѣнію, Михайловскій Стефанъ—по географіи.

Разрядъ 3. Матвѣевъ Николай—по катехизису и русскому языку, Павловскій Семенъ—по географіи и церковному пѣнію; 29. Матвѣевъ Георгій—по греческому языку и русскому языку письменно.

Второй классъ.*Переводятся въ 3 классъ.*

Разрядъ 1. 1. Калужный Василій, Прокоповичъ Николай и Власенко Алексій—награждаются книгами, Малижановскій Петръ; 5. Боровиковъ Алексій, Ильинскій Викторъ, Якубовичъ Сергій, Федоровъ Михайль.

Разрядъ 2. Королевъ Владиміръ, 10. Мильскій Дмитрій, Хоррошковъ Дмитрій, Горанинъ Андрей, Богачевъ Александръ, Гревзирскій Николай; 15. Крушедольскій Александръ, Ермоленко Дмитрій, Сукачевъ Михайль, Гончаревскій Георгій, Гривгорьевъ Павелъ; 20. Краснокутскій Владиміръ, Мигулинъ Петръ, Новицкій Викторъ, Крыжановскій Владиміръ.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ: Панкратьевъ Петръ—по русскому языку; 25. Панкратьевъ Алексій—по русскому языку письменно, Родинко Яковъ—по греческому языку, Буткевичъ Владиміръ—по латинскому языку, Поморцевъ Иванъ—по арифметикѣ, Червонецкій Павелъ—по русскому языку; 30. Рубинскій Михайль—по русскому яз. письменно.

Разрядъ 3. Стефановскій Александръ—по священной исторіи и русскому яз., Торанскій Павелъ—по русскому и греческому языкамъ, Лѣпскій Яковъ—по арифметикѣ и русскому яз. письменно, Бородаевскій Александръ—по русскому языку устно и письменно. 35. Глуховъ Александръ—по русскому яз. устно и письменно и по церковному пѣнію.

Оставаются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: Кипоренко Борисъ и Македонскій Николай—по прошенію родителей, Артюховскій Василій и 39. Фроловъ Владиміръ по малоуспѣшности.

Первый классъ.*Переводятся во 2 классъ.*

Разрядъ 1. Ботляревскій Евгений, Быковъ Виталій и Филиповъ Стефанъ—награждаются книгами, Грабовскій Александръ; 5. Любинскій Георгій, Никулищевъ Михайль 2, Соколовскій Иванъ, Куницынъ Дмитрій, Станиславскій Леонидъ; 10. Бойченко Василій, Никулищевъ Михайль 1, Павловскій Сергій.

Разрядъ 2. Артюховскій Евгений, Ведринскій Леонидъ; 15. Краснокутскій Викторъ, Назаревскій Василій, Орловъ Михайль, Черняговскій Владиміръ, Туранскій Николай; 20. Фальченко Борисъ, Новомирскій Иванъ, Рождественскій Александръ.

Допущены къ переекзаменовкѣ послѣ каникулъ: Артешовскій Николай—по арифметикѣ, Капустянскій Петръ—по арифметикѣ, 25. Панкратьевъ Александръ—по русскому языку письменно, Сукачевъ Иванъ—по русскому языку письменно.

Разрядъ 3. Флоринскій Борисъ—по церковному пѣнію и русскому языку письменно, Барышковъ—по священной исторіи, арифметикѣ и русскому языку письменно, Степурскій Антоній—по русскому языку устно и письменно и арифметикѣ, 30. Индутный Алексѣй—по священной исторіи и арифметикѣ, Гревзирскій Иванъ—по русскому языку устно и письменно, арифметикѣ и церковному пѣнію.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: Бриницкій Леонидъ и Сиромыхинъ Василій—по прошенію родителей.

Подлежать испытанію по всѣмъ предметамъ въ августѣ мѣсяцѣ Квизивальтеръ Георгій.

Приготовительный классъ.

Переводятся въ 1 классъ.

Разрядъ 1. Петровъ Владиміръ, Подольскій Константинъ, Приходинъ Павелъ, Волобуевъ Николай, 5. Македонскій Іосифъ.

Разрядъ 2. Бѣлогорскій Иванъ, Поповъ Борисъ, Василевскій Леонидъ, Краснокутскій Василій, 10. Оуминъ Владиміръ, Стеценко Николай, Македонскій Иванъ, Куницынъ Алексѣй, Сукачевъ Леонидъ, 15. Буткевичъ Николай, Евстратовъ Сергѣй, Буткевичъ Михаилъ, Овчаровъ Иванъ, Стеллецкій Александръ; 20. Андреевъ Антоній, Левицкій Яковъ, Виницкій Василій.

Допущенъ къ переекзаменовкѣ послѣ каникулъ—Трипольскій по арифметикѣ.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ: Лѣпскій Евгенийъ, Червонецкій Валентинъ; 25. Ястремскій Николай, и Краснокутскій Семенъ—по малоуспѣшности, Быковъ Евгенийъ и Семеновъ Петръ—по болѣзни.

Увольняется изъ училища, какъ не оказавшій успѣха послѣ двухгодичнаго пребыванія въ томъ же классѣ—29. Брыжановскій Михаилъ.

Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго Училища.

Правленіе Сумскаго Духовнаго училища объявляетъ: 1. Что переекзаменовки воспитанниковъ, получившихъ на годичномъ испытаніи неудовлетворительныя баллы, назначаются: 4-го класса на

18 августа, а остальныхъ классовъ на 22 и 23. Приемныя испытанія для вновь поступающихъ будутъ произведены 25 и 26 числа того же мѣсяца. 27-засѣданіе Правленія. Вмѣстѣ съ симъ Правленіе сообщаетъ, что въ 5 классахъ училища свободныхъ вакансій для поступленія въ училище съ домашнимъ образованіемъ и изъ другихъ заведеній имѣется 79, а именно: въ 4 классѣ 11 вакансій, въ 3-мъ 5, во второмъ 4, въ 1-мъ 15 и въ яригот. 44. Начало учебныхъ занятій 28 августа.

2. Всѣ воспитанники свѣтскаго званія обязаны внести плату за обученіе впередъ за весь учебный годъ въ количествѣ 40 руб.

3. Желающіе держать приемныя испытанія, а также родители воспитанниковъ, желающіе, чтобы дѣти ихъ приняты были на полнокоштное или полукоштное содержаніе, а равно съ уменьшенной платой, обязаны подать прошеніе въ Правленіе училища не позже 23 августа, въ послѣднемъ случаѣ съ приложеніемъ благоточиническаго удостовѣренія о своей бѣдности по формѣ, сообщенной о. о. благоточиннымъ.

4. Всѣ воспитанники, желающіе поступить въ училищное общежитіе должны внести установленную плату впередъ за полгода, а вновь поступающіе воспитанники, кромѣ того, обязаны внести по 10 р. въ Правленіе училища на постельный приборъ и 10 р. на письменныя принадлежности.

Епархіальныя извѣщенія. ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

1. Покровская церковь с. Ободовъ, Сумскаго уѣзда.
Покровская церковь сл. Терновъ, Лебединскаго уѣзда.
Троицкая церковь с. Перекона, Валковскаго уѣзда.
Рождество-Бородичная церковь сл. Баранковки, Старобѣльскаго уѣзда.
5. Кресто-Воздвиженская церковь с. Брючики, Богодуховскаго уѣзда.

Діаконскія.

1. Георгіевская церковь с. Воробьевки, Сумскаго уѣзда.
Базанская церковь с. Басовки, Сумскаго уѣзда.
3. Преображенская церковь с. Краснополя, Ахтырскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

1. Церковь сл. Радьковскихъ-Песокъ, Бупянскаго уѣзда.
Георгіевская церковь с. Голой-Долины, Изюмскаго уѣзда.
Троицкая церковь с. Моисеевки, Старобѣльскаго уѣзда.

- Покровская церковь с. Городища, Старобѣльскаго уѣзда.
 Петро-Павловская церковь с. Княжнаго, Валковскаго уѣзда.
 Воскресенская церковь с. Боголюбовки, Купянскаго уѣзда.
 Покровская церковь при Харьковскомъ Благотворительномъ Обществѣ.
 Иоанно-Предтеченск. церковь с. Ново-Ивановки, Зміевскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Гіевки, Харьковскаго уѣзда.
 Покровская церковь с. Глазуновки, Зміевскаго уѣзда.
 Пророко-Осіевская церковь, Харьковскаго Реальнаго Училища.
 Свято-Духовская церковь с. Кононовки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Успенская церковь сл. Коломака, Валковскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Наугольновки, Купянскаго уѣзда.
 Влад.-Богородичн. церковь с. Должна, Харьковскаго уѣзда.
 Арханг.-Михайловск. церковь города Краснокутска, Богодухов. уѣзда.
 Рожд.-Богородичн. церковь с. Сѣвной, Богодуховскаго уѣзда.
 Введенская церковь с. Студенна, Изюмскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Циркуновъ, Харьковскаго уѣзда.
 Троицкая церковь с. Чернокаменки, Зміевскаго уѣзда.
 Георгіевская церковь с. Павловки, Богодуховскаго уѣзда.
 Екатерининская церковь сл. Политковки, Богодуховскаго уѣзда.
 Иверско-Богород. церковь с. Бѣлаго-Колодезя, Волчанскаго уѣзда.
 Рожд.-Богородичн. церкви с. Бараниковки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Арханг. Михаил. церковь с. Димана, Зміевскаго уѣзда.
 Покровская церковь с. Бѣленькаго, Изюмскаго уѣзда.
 Воскресенская церковь с. Булацѣловки, Зміевскаго уѣзда.
28. Ахтырскаго Покровскаго Собора.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе Торжество открытія мощей преподобнаго Серафима Саровскаго.—
 Особенности въ законахъ о брачномъ разволѣ въ новомъ гражданскомъ уложеніи.

Торжество открытія мощей преподобнаго Серафима Саровскаго. Въ настоящіе дни сотни тысячъ православныхъ русскихъ людей находятся въ Саровѣ и близъ него, чтобы поклониться преподобному Серафиму Саровскому и облобызать его цѣльбоносныя мощи. Въ газетахъ сообщаютъ, что Саровская обитель болѣе чѣмъ на 5 верстѣ уже окружена со всѣхъ сторонъ богомольцами. Главный совершитель предстоящаго торжества открытія св. мощей преподобнаго Серафима, Саровскаго Чудотворца, Высокопреосвященный Антоній, Митрополитъ С.-Петербургскій, давно уже и самъ отправился въ Саровскую пустынь, а также отправилъ туда для участія въ богослуженіяхъ и крестныхъ ходахъ нѣкоторыхъ представителей столичнаго духовенства, своего хора пѣвчихъ и прочихъ церковныхъ послужниковъ. Изъ Петербурга въ Саровъ на торжество приѣхали: ректоръ духовной семинаріи архимандритъ

Сергій, намѣстникъ Александро-Невской лавры архимандритъ Корнилій, ризничій лавры архимандритъ Гедеонъ, правитель дѣлъ лаврскаго духовнаго собора архимандритъ Макарій, архидіаконъ лавры Іоаннъ, два вподіакона изъ штата Исаакіевскаго собора, іеродіаконъ лавры Іларіонъ, „чиновникъ“ и „посолникъ“ митрополита изъ лаврскихъ послушниковъ и 60 человекъ пѣвчихъ митрополичьяго хора, подъ управленіемъ регента И. Я. Тернова. Кромѣ того, изъ бѣлаго столичнаго духовенства командированы: предсѣдатель совѣта Общества распространенія релігіозно-нравственнаго просвѣщенія протоіерей Философъ Орнатскій и членъ совѣта того же Общества священникъ Александръ Рождественскій. Оба представителя бѣлаго духовенства, помимо участія въ службахъ церковныхъ, выступаютъ въ качествѣ народныхъ проповѣдниковъ.

Самое торжество открытія мощей препод. Серафима будетъ состоять въ слѣдующемъ.

15-го іюля, въ 12 часовъ имѣетъ быть совершена въ соборномъ Успенскомъ храмѣ монастыря торжественная панихида съ поминовеніемъ благочестивѣйшихъ государей и государынь отъ императрицы Елизаветы Петровны до Александра III включительно, владимірскаго епископа Виктора, рукополагавшаго преподобнаго о. Серафима во іеродіакона, епископа тамбовскаго Теофила, совершавшаго хиротонію преподобнаго въ іеромонаха, всѣхъ почившихъ архипастырей тамбовскихъ, родителей преподобнаго Серафима—Исидора и Агафіи, а также и всѣхъ почившихъ игуменовъ и строителей саровскихъ, при конѣхъ подвизался преподобный. Одновременно съ служеніемъ торжественной панихиды въ Успенскомъ соборѣ совершатся панихиды и въ другихъ монастырскихъ храмахъ и въ часовняхъ, устроенныхъ у источника, пустынокъ, баракахъ и т. д.

17-го іюля въ 8 часовъ утра будетъ совершенъ, во главѣ съ епископомъ тамбовскимъ, крестный ходъ, а въ 9 часовъ утра поздняя заупокойная литургія въ обонхъ (лѣтнемъ и зимнемъ) соборахъ монастыря и въ храмахъ святаго Іоанна Крестителя и кладбищенскомъ.

По окончаніи литургіи во всѣхъ указанныхъ храмахъ будетъ совершена панихида съ поминовеніемъ іеромонаха Серафима, подвижника саровскаго. Съ 12 часовъ того-же дня до благовѣста ко всенощному бдѣнію будутъ непрерывно совершаться панихиды во всѣхъ часовняхъ, устроенныхъ близъ монастыря, съ поминовеніемъ имени іеромонаха Серафима подвижника саровскаго.

18-го іюля, въ 5 часовъ утра, будетъ ранняя, а въ 8^{1/2} часовъ поздняя литургія. По окончаніи литургіи тоже выѣтъ быть совершена панихида съ поминовеніемъ іеромонаха Серафима, подвижника саровскаго.

Въ 4 часа того-же дня въ Успенскомъ соборѣ будетъ малая вечерня, а въ 6 часовъ вечера благовѣстъ ко всенощному бдѣнію, во время котораго будетъ совершенъ крестный ходъ къ церкви, гдѣ временно пребываютъ святая мощи преподобнаго; здѣсь крестный ходъ остановится въ ожиданіи изнесенія святыхъ мощей.

Владыка—митрополитъ, преосвященные епископы и священнослужители, назначенные къ несенію гроба съ честными мощами, войдутъ въ церковь. Митрополитъ окадитъ гробницу съ святыми мощами, а преосвященные епископы съ священнослужителями изнесутъ ее и передадутъ для несенія въ крестномъ ходу. Съ крестнымъ ходомъ мощи будутъ обнесены вокругъ монастырскихъ соборовъ по чину и съ остановками; во время обнесения на площади между соборами съ южной стороны Владыка—митрополитъ прочитаетъ молитву: „Владыко многомилостиве“...; по прочтеніи этой молитвы крестный ходъ вступитъ въ Успенскій соборъ, и святая мощи будутъ поставлены на срединѣ храма. Кипарисовая гробница со святыми мощами останется закрытою и запертою на замокъ.

По возвращеніи крестнаго хода въ Успенскій соборъ и по поставленіи гробницы со святыми мощами посреднѣй храма, будетъ совершено благословеніе хлѣбовъ и всенощное бдѣніе продолжится по уставу до поліелея. Между каѳизмами будетъ произнесено преосвященнымъ Иннокентіемъ, епископомъ табовскимъ, краткое слово. Во время поліелея всѣ служащіе, по ранѣе составленному церемоніалу, исходятъ на средину храма; владыка-митрополитъ раздастъ свѣчи служащимъ, а прочіе преосвященные епископы—народу. Сойдя съ облачальнаго амвона къ гробницѣ преподобнаго, высокопреосвященный митрополитъ говоритъ въ церемоніалѣ, отпираетъ замокъ и открываетъ крышку гробницы, причемъ всѣми священнослужителями дѣлается земной поклонъ. Затѣмъ поется преподобному величаніе, во время котораго митрополитъ, кадитъ святая мощи и всю церковь по обычаю. Во время кажденія пѣвчіе на обонхъ клиросахъ поютъ, по очереди, величаніе преподобному, а по окончаніи кажденія поютъ величаніе вторично служащіе. По прочтеніи евангелія, цѣлуютъ мощи митрополитъ, архіерей, духовенство попарно и народъ. Два преосвященныхъ, стоя на возвы-

шенномъ мѣстѣ по двумъ сторонамъ гробницы, помазываютъ освященнымъ елеемъ подходящихъ богомольцевъ, а всенощное бдѣніе продолжается и оканчивается по уставу.

По окончаніи всенощного бдѣнія храмъ не закрывается для того, чтобы всѣ желающіе могли подойти къ святымъ мощамъ для цѣлованія и помазанія елеемъ назначенными священнослужителями, коихъ для сего должно быть назначено нѣсколько человекъ.

Въ 8 часовъ утра благовѣсть къ поздней литургіи въ Успенскомъ соборѣ.

На маломъ входѣ съ Евангеліемъ, при пѣніи „Прійдите, поклонимся“, священнослужители поднимаютъ гробъ со святыми мощами на носилки и, по обнесеніи его вокругъ святого престола, полагаютъ въ уготованную раку. За святыми мощами съ средины храма слѣдуютъ архіерей по чину и сослужащіе.

По окончаніи литургіи, во время чтенія псалма 33, честныя мощи святого преподобнаго Серафима изъвлекаются архимандритами изъ раки и поставляются на носилкахъ среди храма на прежнемъ мѣстѣ; по совершеніи отпуста, изъ алтаря выходятъ на средиву храма митрополитъ, архіерей и прочее духовенство съ иноками для молебнаго пѣнія, съ канонемъ, предъ мощами святого Серафима и для крестнаго хода съ гробницею и мощами преподобнаго.

По окончаніи литургіи, начинается молебное пѣніе а при пѣніи тропаря святому преподобному Серафиму назначенные священнослужители поднимаютъ гробъ съ святыми мощами, выносятъ изъ храма и начинаютъ обычнымъ порядкомъ, при торжественномъ колокольномъ перезвонѣ, крестный ходъ вокругъ монастырскихъ храмовъ съ молебнымъ пѣніемъ.

Торжество прославленія преподобнаго завершается 21-го іюля освященіемъ во имя его устроеннаго храма.

Со времени освидѣтельствованія мощей преподобнаго Серафима на его могилѣ и у источника почти ежедневно творятся чудеса; даже слѣпые прозрѣваютъ.

— *Особенности въ законахъ о брачномъ разводѣ въ новомъ гражданскомъ уложеніи.* Дѣйствующее законодательство о разводѣ въ Россіи скоро должно будетъ уступить мѣсто новому законодательству. Проектъ новаго Гражданскаго Уложенія уже напечатанъ, такъ что намъ приходится быть, такъ-сказать, свидѣтелями реформы нашего бракоразводнаго права; поэтому считаемъ благовременнымъ указать, хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ, на особенности проекта новаго Гражданскаго Уложенія о разводѣ.

Характерными особенностями новаго Гражданскаго Уложенія о разводѣ по сообщенію проф. Красножена являются:

1) Увеличеніе числа поводовъ къ разводу, а именно: къ прежнимъ четыремъ поводамъ къ разводу для лицъ православнаго исповѣданія—(прелюбоудѣнію, неспособности къ брачному сожитію, безвѣстному отсутствію одного изъ супруговъ и наказанію, соединенному съ лишеніемъ правъ состоянія), проектъ Гражданскаго Уложенія прибавляетъ пятый поводъ къ разводу—,посягательство одного супруга на жизнь другого, или жестокое, опасное для жизни и здоровья, обращеніе одного супруга съ другимъ, если виновность супруга—отвѣтчика признана вошедшимъ въ законную силу приговоромъ уголовного суда“.

2) Характерною особенностью проекта новаго Гражданскаго Уложенія является введеніе неизвѣстнаго у насъ до сихъ поръ для лицъ православнаго исповѣданія раздѣльнаго жительства или разлученія, по просьбѣ одного изъ нихъ, даже безъ согласія другого, и при томъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, а именно: если совмѣстная супружеская жизнь представляется для просителя невыносимою, вслѣдствіе жестокаго съ нимъ или дѣтьми обращенія другого супруга, нанесенія просителю тяжкихъ оскорбленій, сифилитической или иной прилипчивой отвратительной болѣзни другого супруга, развратной или позорной его жизни, постоянного пьянства или безразсуднаго или разорительнаго для семьи мотовства, а равно въ случаѣ такой болѣзни жены, при которой продолженіе супружескаго сожитія представляется опаснымъ для ея жизни или здоровья. (Ст. 141). Раздѣльное жительство супруговъ можетъ быть также разрѣшено вслѣдствіе злонамѣреннаго оставленія просителя другимъ супругомъ, если оно продолжалось не мене года, и если супружеская жизнь не была восстановлена по винѣ отвѣтчика въ теченіе 3 мѣсяцевъ послѣ обращенія къ нему просителемъ требованія о восстановленія совмѣстной жизни (142).

Далѣе, женѣ, по ея ходатайству, можетъ быть разрѣшенно отдѣльное жительство отъ мужа: когда онъ не имѣетъ осѣдлости, отъказываетъ просительницѣ и дѣтямъ въ необходимомъ содержаніи или, при недостаточности доставляемыхъ имъ средствъ, препятствуетъ женѣ снискивать средства къ жизни собственнымъ трудомъ (ст. 143). Раздѣльное жительство супруговъ разрѣшается на срокъ отъ одного года до трехъ лѣтъ, или на неопредѣленное время. Назначенный срокъ можетъ быть внослѣдствіи продолженъ вновь до трехъ лѣтъ или замѣненъ разрѣшеніемъ отдѣльнаго жи-

тельства на неопредѣленное время (144).— Отъ соглашенія супруговъ зависятъ опредѣлять, у кого изъ нихъ, въ случаѣ разрѣшенія имъ раздѣльнаго жительства, должны оставаться несовершеннолѣтніа дѣти. При отсутствіи такого соглашенія, сыновья остаются у отца, дочери у матери. Невинновѣй супругъ въ правѣ требовать оставленія у него всѣхъ дѣтей. Отступленія отъ этихъ правилъ могутъ быть допущены судомъ, если это необходимо для блага дѣтей.

3) Характерною особенностью новаго Гражданскаго Уложенія о разводѣ является та черта, что въ то время какъ по нынѣ дѣйствующимъ законамъ „всѣ дѣла объ удостовѣреніи въ дѣйствительности событія браковъ, о признаніи ихъ законными или незаконными и о расторженіи браковъ“ подлежатъ вѣдомству судовъ духовныхъ,— по проекту новаго Гражданскаго Уложенія рѣшающее значеніе въ дѣлахъ о разводѣ пріобрѣтаетъ судъ свѣтскій, такъ какъ онъ разсматриваетъ дѣло по существу и представляетъ суду духовному, такъ-сказать, второстепенную исполнительную роль— дѣлать распоряженіе о расторженіи брака на основаніи его рѣшенія; то-есть рѣшенія гражданскаго суда.

Что же касается раздѣльнаго жительства или разлученія супруговъ, по проекту Гражданскаго Уложенія, эти дѣла всецѣло подчинены вѣдѣнію свѣтскаго суда: они разсматриваются въ окружныхъ судахъ въ качествѣ первой инстанціи.

Не входя въ критическое разсмотрѣніе этихъ новыхъ законоположеній о разводѣ, еще ожидающихъ утвержденія компетентной, власти, мы замѣтимъ лишь, что эта власть, безъ сомнѣнія приметъ мѣры которыя будутъ содѣйствовать „защитѣ святости брака и охранѣ его существа“. Съ своей стороны мы искренно желаемъ, чтобы тотъ высокій идеалъ брака, который высказало христіанство въ словахъ Апостола: „привязался ли еси женѣ, не ищи разрѣшенія; отрѣшился ли еси жены, не ищи жены“ (I Кор. 7, 27) всегда служилъ путеводною звѣздой въ русской семейной жизни; желаемъ, чтобы русская семья, основанная на высокихъ христіанскихъ началахъ любви и уваженія супруговъ другъ къ другу и впредь служила прочнымъ цементомъ для великаго Русскаго государства.

ФАБРИКАНТЪ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ
ТОРГОВОГО ДОМА
АНДРЕЯ ЗАХРЯПИНА СЫНОВЬЯ.

Имѣю честь до свѣдѣнія г.г. покупателей
 въ нашихъ магазинахъ.

I.	II.	III.
Въ Москвѣ	Въ г. Воронежѣ	Въ ярмаркахъ Нико- городской
Никольская ул., верх- ние торговые ряды №№ 82, 155, 156, 227, 228, 229.	Московская ул., про- тивъ Духовной Кон- систоріи. Магазины открыты съ 1-го ок- тября 1902 г.	по шесть противъ флаговъ. Въ Вологдѣ и Ро- стовѣ Ярославской губ.

Всегда имѣется полный и большой выборъ всей церковной утвари лучшаго издѣлія, художественной работы, собственной фабрики, всевозможныхъ размѣровъ и рисунковъ какъ-то: паннакадила, люстры, подсвѣчники, лампы, хоругви, запрестольныя иконы, евангелія, кресты, сосуды, ковчеги, вѣнцы, металлическія свѣчи, чаши водосвятныя, плащаницы, гробницы, иконы, парча для облачений и пр. и пр., также имѣются и серебряныя вещи 840, а также принимаются заказы на всевозможную церковную утварь, металлическія, такъ равно и серебряныя 840 и ризы на иконы, одежды на престолы и жертвенники, царскія двери, кресты на главы, и рѣшетки по солямъ и пр. и пр., какъ лично, такъ и заочно, посредствомъ переписки.

По требованію при заказѣ, Торговый Домъ высылаетъ смѣты и рисунки, а также въ случаѣ надобности высылаются довѣренныя, для личныхъ переговоровъ и принятія заказа.

Принимаются всякаго рода починки и ремонтірованіе старыхъ вещей церковной утвари золоченіе и серебреніе исполняются въ точности безъ замедленія.

Цѣны на церковную утварь существуютъ одинаковыя какъ въ Московскомъ магазинѣ, такъ въ Воронежскомъ магазинѣ и ярмаркахъ.

При заказѣ и покупкѣ товаровъ для небогатыхъ храмовъ, дѣлается разсрочка въ платежи.

Фабрика наша существуетъ болѣе 50 лѣтъ и имѣетъ при себѣ около 500 человекъ мастеровъ, благодаря лучшаго производства выработываемыхъ въ ней предметовъ и усовершенствованія, всѣми необходимыми средствами, для выработки церковной утвари, скорого и аккуратнаго исполненія заказовъ, приобрѣла самый громадный кругъ г.г. покупателей и заказчиковъ. Фабрика и главная контора въ г. Переяславль Засѣльскомъ Влад. губ.

При выпискѣ товаровъ, просимъ обозначать адресъ, чрезъ кого посылать товаръ, по желѣзной дорогѣ, до какой станціи, или чрезъ контору и адресъ почтовый.

Лѣстимъ себя надеждою, что Вы не оставите насъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, а также и посѣщеніемъ нашихъ магазиновъ въ Москвѣ и гор. Воронежѣ.

Торговый Домъ Андрея Захряпина С—вья.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Іюля № 14. 1903 года.

Содержаніе. Высочайшія награды.—Высочайшее повелѣніе.—Опредѣленіе Святѣйшаго Синода объ устраниніи венсправности при веденіи метрическихъ книгъ.—Списки лицъ, служащихъ въ Харьковской Духовной Семинаріи и въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.—Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволялъ, въ 20-й день минувшаго іюня, на сопрячисленіе за 50-лѣтнюю службу, къ ордену *св. Владимира 4-й степени* заштатнаго протоіерея Харьковской кладбищенской Кирилло-Меодіевской церкви *Михаила Юшкова*.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленіямъ Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволялъ, въ 20 день минувшаго іюня, на награжденіе, за 10-лѣтніе труды, по народному образованію, *серебряною медалью*, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на груди на *Александровской лентѣ*: діаконовъ церквей: Покровской, слободы Маякъ, Изюмскаго уѣзда, Іоанна *Попова*, Покровской, въ слободѣ Новоселовкѣ, того же уѣзда, Адріана *Ковтуна* и Петро-Павловской, заштатнаго города Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, Стефана *Вощова*.

Высочайшее повелѣніе

о зачетѣ службы псаломщиковъ епархіальнаго вѣдомства въ штатныхъ должностяхъ до изданія Высочайше утвержденнаго 8 іюня 1902 г.) пенсіоннаго устава въ срокъ выслуги на пенсію по правиламъ сего устава.

Государственный Совѣтъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Государственной Экономіи и въ Общемъ Собраніи, раз-

смотрявъ представленіе Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода о зачетѣ службы псаломщиковъ въ штатныхъ должностяхъ до изданія Высочайше утвержденнаго 3-го іюня 1902 года Устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ священнослужителямъ и псаломщикамъ епархіальнаго вѣдомства въ срокъ выслуга на пенсію по правиламъ сего Устава, мнѣніемъ положилъ: Въ дополненіе Высочайше утвержденнаго 3 іюня 1902 года мнѣнія Государственнаго Совѣта (Собр. узак. ст. 609) постановить: Штатнымъ псаломщикамъ епархіальнаго вѣдомства зачитывается въ выслугу на пенсію на основаніяхъ упомянутаго закона прежняя, до изданія сего закона, служба ихъ въ штатныхъ же должностяхъ, безъ удержанія съ нихъ 2% вычета за зачитываемое время. Означенное мнѣніе Государственнаго Совѣта въ 8-й день іюня сего года Высочайше утверждено.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода

объ устраненіи несправностей при веденіи метрическихъ записей.

По Указу Его Императорскаго Величества Харьковская Духовная Консисторія слушала указъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 20-го мая с. г. за № 8, на имя Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго, слѣдующаго содержанія: метрическія свидѣтельства и записи, по существу своему, имѣютъ весьма важное значеніе, какъ документы, свидѣтельствующіе на ряду съ другими, о правахъ гражданскаго состоянія, почему онѣ и бываютъ необходимы для каждаго отдѣльнаго лица, въ разнообразныхъ условіяхъ его личнаго, семейнаго и общественнаго быта; всякая неточность и погрѣшность въ выдаваемыхъ церковными причтами метрическихъ свидѣтельствахъ, выписяхъ и справкахъ сопровождаются, въ практическомъ отношеніи, разными неудобствами, затрудненіями, хлопотами и другими неблагоприятными послѣдствіями для лицъ, нуждающихся въ этихъ документахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ осложняютъ и дѣлопроизводство въ самихъ Консисторіяхъ, бремениа ихъ дѣлами, возникновеніе которыхъ, при правильномъ веденіи записей въ метрическихъ книгахъ, не могло бы имѣть мѣста. Въ виду столь важнаго значенія метрическихъ свидѣтельствъ и записей, Святѣйшій Синодъ циркулярными указами отъ 4 марта 1886

года за № 2 и 23 декабря 1889 года за № 15, предписалъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ, дабы они обратили вниманіе подвѣдомственнаго имъ духовенства на исправное веденіе метрическихъ запасей,—и, въ случаяхъ обнаруженія не-исправности и небрежности со стороны церковныхъ причтовъ въ семь отношеній, неослабно подвергали виновныхъ наказаніямъ, опредѣленнымъ въ 192 и 193 ст. Уст. Дух. Конс. Однако же случаи неисправностей въ веденіи церковными причтами метрическихъ книгъ не прекращаются и доселѣ въ разныхъ епархіяхъ, что видно изъ поступающихъ въ большомъ количествѣ на разрѣшеніе Консваторіи и Святѣйшаго Синода дѣлъ объ исправленіи въ метрическихъ книгахъ неправильныхъ записей и о внесеніи въ эти книги пропущенныхъ актовъ о рожденіяхъ, бракахъ и смерти. Все это указываетъ на необходимость установленія со стороны Епархіальныхъ Начальствъ особливо твердаго надзора за правильностью веденія метрическихъ книгъ подвѣдомственнымъ имъ духовенствомъ и примѣненія наиболѣе строгихъ мѣръ взысканія къ виновнымъ въ нерадѣніи о семь членамъ церковнаго причта. По симъ основаніямъ и въ видахъ устраненія на будущее время беспорядочности при веденіи метрическихъ книгъ, Святѣйшій Синодъ находитъ необходимымъ вновь указать приходскому духовенству на нижеслѣдующія правила, коими оно должно неуклонно и подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности руководиться при составленіи метрическихъ записей, въ особенности о рожденіи и крещеніи: 1) Вѣрное и исправное содержаніе приходскихъ метрическихъ книгъ возлагается на общую и нераздѣльную отвѣтственность не только священниковъ, но и діаконовъ и причетниковъ (Т. IX Зак. о сост. ст. 870); 2) Родившіеся, бракосочетавшіеся и умершіе записываются въ метрики приходскимъ священникомъ или черезъ діаконовъ и причетниковъ, немедленно по исправленіи каждой требы, со всевозможною вѣрностью и исправностью, и только въ случаѣ отсутствія по каквмъ-либо обстоятельствамъ приходскаго священника случающіяся въ сіе время браки, рожденія и крещенія младенцевъ и погребенія умершихъ записываются исправлявшимъ требу стороннимъ священникомъ (Т. IX Зак. о сост. ст. 864—867); 3) Всякія подчистки въ метрическихъ записяхъ строго воспрещаются и если бы случилась погрѣшность записавшаго, то погрѣшительно написанное надлежитъ оградить со всѣхъ сторонъ чертами и потомъ продолжать писать, что должно (Т. IX Зак. о сост. ст. 866). По совершеніи требы и, по вне-

сеніи о семъ записи въ метрическія книги, священнослужителя, въ отвращеніе ошибокъ, тогда же приглашаютъ участвовавшихъ и присутствовавшихъ обзрѣть вѣрность показанія и засвидѣтельствовать о томъ на самихъ метрикахъ (тамъ же ст. 872 и Уст. Дух. Конс. ст. 100). 4) Если бы причтамъ не представилось возможности предъявить, къ засвидѣтельствуванію метрическую запись лицамъ, ближайшимъ образомъ прикосновеннымъ къ событіямъ, по ихъ ли нежеланію, или почему-либо другому, напиримѣръ, по неграмотности, и если къ тому же встрѣчается сомнѣніе относительно вѣрности показанія званія или фамиліи и тому подобнаго, то въ такихъ случаяхъ причту надлежитъ навести возможные справки по обыскнымъ книгамъ или по исповѣднымъ росписямъ и другимъ документамъ. Обращаясь за сими особливо къ составленію метрическихъ записей о рожденіи и крещеніи, надлежитъ принять къ руководству: 1) опредѣленіе Святѣйшаго Синода отъ 14 октября—8 ноября 1887 года, въ коемъ изъяснено, что церковные причты, записывая дѣтей, которыя рождены отъ матерей, состоящихъ въ законномъ бракѣ, незаконнорожденнымъ, на основаніи словесныхъ заявленій или самой матери младенца, или родственниковъ и даже стороннихъ лицъ, поступаютъ неправильно, такъ какъ право оспаривать законность младенца, родившагося при существованіи такового брака, принадлежитъ только мужу его матери, и самый вопросъ о признаніи законности или незаконности рожденія подлежитъ исключительно рѣшенію судебныхъ учреждений и до обязанностей причтовъ не относится. Изъ приведеннаго опредѣленія Святѣйшаго Синода явствуетъ, что церковные причты, внося въ метрическія книги запись о рожденіи и крещеніи, не призваны вмѣстѣ съ тѣмъ входить въ сужденіе о томъ, законно или незаконно пріять крещаемый младенецъ, а должны — по вмѣющимъ въ ихъ распоряженіи даннымъ, учинить такую запись лишь въ точное соотвѣтствіе съ установленною закономъ формою метрической записи о рожденіи и крещеніи. А согласно таковой формѣ крещаемые должны быть записываемы въ метрическихъ книгахъ такъ: а) дѣти, рожденные отъ матерей, состоящихъ въ бракѣ, хотя бы и незаконномъ, доколѣ онъ не признанъ подлежащимъ духовнымъ судомъ недѣйствительнымъ, а если и признанъ то буде послѣ такового признанія прошло *менѣе* трехсотъ шести дней (Высочайшее повелѣніе 3 іюня 1902 г.) — на ния сихъ послѣднихъ и ихъ мужей (Т. X, ч. I, ст. 119 и Высочайшее повелѣніе 3 іюня 1902 г. ст. 131¹); б) дѣти, рожденные вдовою, или разведенною съ му-

жемъ, или той, бракъ коей признанъ недѣйствительнымъ,—на имя матери и ея умершаго или разведеннаго мужа, если со дня смерти мужа матери, или расторженія брака, или же признанія его недѣйствительнымъ до дня рожденія ребенка прошло *меньше* трехсотъ шести дней (Т. X, ч. I, ст. 119); но, имѣя въ виду, что въ распоряженіи составляющихъ метрическую запись не всегда могутъ имѣться точныя и достовѣрныя свѣдѣнія о времени смерти мужа матери крещаемаго младенца или ея развода съ нимъ, непогрѣшительна въ такихъ случаяхъ запись крещаемаго на имя только одной его матери, съ обозначеніемъ ея вдовою такого-то, или бракоразведенною съ такимъ-то, и притомъ отнюдь не должно быть допускаемо внесеніе въ запись слово «незаконнорожденный»; в) дѣти женщины, родившей вскорѣ послѣ смерти прежняго ея мужа или развода, но во время состоянія ея во второмъ (вообще новомъ) бракѣ,—на имя ея и настоящаго ея мужа, который, буде пожелаетъ, можетъ на основаніи 1348 ст. Т. XVI, ч. I, Уст. Гражд. Суд. оспаривать правильность такой записи; 2) при безвѣстномъ отсутствіи мужа или ссылки его въ Сибирь, если сіи обстоятельства надлежаще удостовѣрены, и если со времени ихъ прошло *болше*, трехсотъ шести дней, допустима согласно приложенной къ ст. 861 Т. IX формѣ метрической записи, запись дѣтей рожденныхъ отъ матерей, состоящихъ въ бракѣ, только на имя матерей безъ добавленія таковой записи словомъ «незаконнорожденный», и д) согласно новымъ Высочайше утвержденнымъ 3 іюня 1902 года правиламъ объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей, всѣ дѣти: а) рожденныя незамужнею, б) произшедшія отъ прелюбодѣянія и в) рожденныя по смерти мужа матери, или по расторженіи брака разводомъ или же послѣ признанія брака недѣйствительнымъ, когда со дня смерти мужа матери или расторженія брака, или же признанія его недѣйствительнымъ до дня рожденія прошло *болше* трехсотъ шести дней, именуется дѣтьми *внебрачными* (Высочайшее повелѣніе ст. 132), а потому таковыя дѣти должны быть записываемы въ метрическія книги на имя ихъ матерей, безъ обозначенія таковыхъ дѣтей незаконнорожденными. При внесеніи въ метрическія книги записи событія о крещеніи подкидыша, родители коего не обнаружены, или вообще внебрачныхъ дѣтей, матери которыхъ по какимъ-либо причинамъ скрываютъ свое имя и званіе,—запись должна быть учиняема такъ: имя крещаемаго, а также время и мѣсто его рожденія, по скольку таковыя будутъ обнаружены официальными данными, напримѣръ, удосто-

вѣреніемъ родовспомогательнаго заведенія, если рожденіе ребенка произошло тамъ; свѣдѣніями отъ полиціи и тому подобными—или свѣдѣтельными показаніями; въ графѣ же о родителяхъ слѣдуетъ написать «родители его неизвѣстны». Приказали: о содержаніи настоящаго Указа Св. Синолъ дать знать духовенству епархіи особымъ циркулярнымъ указомъ и объявить оный для всеобщаго свѣдѣнія чрезъ напечатаніе въ Листѣхъ для Харьковской епархіи.

Списокъ лицъ, служащихъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, за 1903 г.

Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Павловичъ Знаменскій; имѣеть ордена: Св. Станислава 3 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владиміра 4 ст., по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 1 августа 1880 года преподавателемъ латинскаго языка въ Таврическую духовную семинарію; въ томъ же году 24 сентября утвержденъ въ степени магистра богословія; 11 мая 1881 года назначенъ Инспекторомъ Таврической семинаріи; 1 іюля 1884 года назначенъ Ректоромъ той же семинаріи; 14 іюня 1894 года перемѣщенъ на должность Ректора Харьковской Духовной Семинаріи; съ 31 августа того же года состоитъ редакторомъ журнала „Вѣра и Разумъ“; съ 14 іюня 1896 года состоитъ Предсѣдателемъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Инспекторъ Семинаріи, Іеромонахъ Михаилъ (Богдановъ); кандидатъ богословія, 22 сентября 1888 года по окончаніи курса въ Рязанской духовной семинаріи назначенъ на мѣсто псаломщика, 22 ноября 1892 г. рукоположенъ въ санъ священника, 5 декабря 1900 г. по окончаніи курса Казанской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ на должность законоучителя Порѣцкой учительской семинаріи, 13 іюня 1902 года принялъ монашество и 30 октября того же года перемѣщенъ на должность Инспектора Харьковской семинаріи.

Преподаватели:

Св. Писанія в еврейскаго языка—статскій совѣтникъ *Валентинъ Тимофеевичъ Леонтовичъ*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст. Св. Анны 2 ст. и Св. Владиміра 4 ст., въ 1865 году окончилъ курсъ Кіевской духовной академіи со степенью кандидата,

9 октября 1865 года опредѣленъ на должность преподавателя Св. Писанія въ Харьковскую духовную семинарію.

Церковной исторіи, исторіи Русской церкви и библейской исторіи—статскій совѣтникъ *Алексій Ѳеодоровичъ Вертеловскій*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владимира 4 ст. По окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 21 іюня 1873 года преподавателемъ латинскаго языка въ Харьковскую духовную семинарію, 5 декабря того же года перемѣщенъ на кафедру церковной исторіи.

Гражданской исторіи—статскій совѣтникъ *Степанъ Николаевичъ Пономаревъ*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владимира 4 ст.; по окончаніи курса въ С.-Петербургской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 17 іюня 1875 года смотрителемъ въ Новгородъ-Сѣверское духовное училище; 17 ноября 1876 года перемѣщенъ на должность смотрителя въ Харьковское духовное училище; 1 іюля 1878 года перемѣщенъ на должность преподавателя гражданской исторіи въ Харьковскую духовную семинарію.

Философій, психологій, логики и дидактики—статскій совѣтникъ *Николай Николаевичъ Страховъ*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владимира 4 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 27 сентября 1876 года на должность преподавателя философій, психологій и педагогики въ Харьковскую духовную семинарію; 14 октября 1896 г. утверждень въ степени магистра богословія.

Математики, физики и паскалія—статскій совѣтникъ *Иванъ Викторовичъ Кудревичъ*; имѣеть ордена Св. Станислава 2 ст. Св. Анны 2 ст. и Св. Владимира 4 ст.; по окончаніи курса въ Харьковскомъ университетѣ по физико-математическому факультету со степенью кандидата, опредѣленъ 5 ноября 1877 года на должность преподавателя физико-математическихъ наукъ въ Харьковскую духовную семинарію; съ 15 августа 1887 состоитъ Секретаремъ Правленія Семинаріи.

Греческаго и нѣмецкаго языковъ—статскій совѣтникъ *Семенъ Петровичъ Ѳоменко*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владимира 4 ст.; въ 1877 году окончилъ курсъ въ Московской духовной академіи со степенью кандидата; 17-го февраля 1878 года опредѣленъ на должность преподавателя греческаго языка въ Харьковскую духовную семинарію; съ 18 сен-

тября 1884 года состоятъ членомъ и дѣлопроизводителемъ Харьковскаго Епархіального Училищнаго Совѣта.

Греческаго языка—статскій совѣтникъ *Михаилъ Васильевичъ Добротравовъ*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владимира 4 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата опредѣленъ 1 августа 1880 года преподавателемъ греческаго языка въ Харьковскую духовную семинарію.

Словесности и исторіи русской литературы—статскій совѣтникъ *Николай Сергѣевичъ Протопоповъ*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 2 ст., по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 3 сентября 1884 года учителемъ латинскаго языка въ Московское Донское духовное училище; 14 марта 1887 года перемѣщенъ на должность учителя русскаго языка въ Звенигородское духовное училище; 3 декабря того же года опредѣленъ преподавателемъ въ Харьковскую духовную семинарію.

Исторіи и обличенія раскола и обличительнаго богословія—статскій совѣтникъ *Іосифъ Клавдіевичъ Корнѣенко*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 3 ст.; по окончаніи курса въ Киевской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 2 сентября 1887 г. преподавателемъ въ Харьковскую духовную семинарію.

Латинскаго языка—статскій совѣтникъ *Николай Васильевичъ Гошинъ*; имѣеть ордена Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 3 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, состоялъ съ 14 октября 1887 года преподавателемъ русскаго языка въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ; 6 іюня 1891 года назначенъ на должность преподавателя латинскаго языка въ Харьковскую духовную семинарію.

Богословія догматическаго, основнаго и нравственнаго *Павелъ Федоровичъ Кратировъ*, надворный совѣтникъ; по окончаніи курса въ Вологодской духовной семинаріи 22 ноября 1901 года, опредѣленъ на должность учителя образцовой школы грамоты въ г. Новочеркасскѣ, 10 іюля 1897 г. по окончаніи курса въ Казанской дух. академіи, назначенъ на должность преподавателя греческаго языка въ Тульскую дух. семинарію; 26 сентября 1902 г. перемѣщенъ на должность преподавателя словесности въ Курскую семинарію, откуда 12 марта 1903 г. переведенъ въ Харьковск. Семинарію.

Латинскаго и французскаго языка—надворный совѣтникъ *Ва-*

силій Басилевичъ Логиновъ; имѣеть орденъ Св. Станислава 3 ст., окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи въ 1894 году со степенью кандидата; 29 іюня 1895 года опредѣленъ на должность помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи, 21 октября 1899 года перемѣщенъ на должность преподавателя той же Семинаріи.

Гомилетики, литургіи и практическаго руководства для пастырей—кандидатъ богословія *Сергій Ивановичъ Чистосердовъ*; имѣеть орденъ св. Станислава 3 ст., по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата опредѣленъ 18 ноября 1899 г. на должность помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи; 13 декабря 1901 г. перемѣщенъ на должность преподавателя то же семинаріи.

Учитель церковнаго пѣнія и музыки *Николай Михайловичъ Ковинъ*; по окончаніи курса въ Московскомъ Синодальномъ училищѣ церковнаго пѣнія въ 1896 году, опредѣленъ на должность учителя церковнаго пѣнія въ Харьковскую духовную семинарію.

Помощники Инспектора Семинаріи:

а) Кандидатъ богословія *Леонидъ Михайловичъ Баурцовъ*; имѣеть орденъ св. Станислава 3 ст. окончилъ курсъ въ Московской духовной академіи въ 1898 году опредѣленъ на должность помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи 15 октября 1899 года.

б) Кандидатъ богословія *Павелъ Митрофановичъ Красинъ*; по окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи со степенью кандидата опредѣленъ 1 августа 1901 года на должность репетитора-надзирателя Харьковской духовной семинаріи; 13 декабря того же года назначенъ на должность помощника инспектора той же семинаріи.

в) Кандидатъ богословія *Сергій Сергеевичъ Покровский*; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата опредѣленъ 1 февраля 1902 г. надзирателемъ Перервинскаго дух. училища, 1 января 1903 г. назначенъ на должность помощника инспектора Харьковской семинаріи.

г) Кандидатъ богословія *Николай Платоновичъ Пискаревъ*; окончилъ въ 1902 г. курсъ Московской дух. академіи, состоитъ въ настоящей должности съ 13 февраля 1903 года.

Духовникъ Семинаріи священникъ Сергій Моисеевичъ Посельскій; по окончаніи курса въ Харьковской духовной семинаріи

съ званіемъ студента состоялъ съ 20 сентября 1887 года надзирателемъ Сумскаго духовнаго училища; 19 февраля 1895 года опредѣленъ на мѣсто священника въ село Краснополье, Ахтырскаго уѣзда, Харьковской епархіи, откуда 21 сентября того же года перемѣненъ въ село Павловки, Сумскаго уѣзда; 28 августа 1897 года опредѣленъ на должность духовника въ Харьковскую духовную семинарію и законоучителемъ образцовой школы при сей семинаріи.

Врачъ Семинаріи, коллежскій совѣтникъ *Василій Александровичъ Рубинскій*; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владиміра 4 ст., окончилъ курсъ въ Харьковскомъ Университетѣ въ 1872 году по медицинскому факультету со степенью лекаря; 14 января 1875 года опредѣленъ врачомъ при Харьковскомъ духовномъ училищѣ; 6 октября 1898 года опредѣленъ на должность врача при Харьковской духовной семинаріи.

Экономъ Семинаріи, личный почетный гражданинъ *Адріанъ Назаровичъ Енко*; обучался въ 3 Харьковскомъ приходскомъ училищѣ; съ 1 декабря 1885 года состоялъ учителемъ товарнаго ремесла въ Харьковскомъ ремесленномъ училищѣ; 3 іюля 1889 года допущенъ къ исправленію обязанностей эконома при Харьковской духовной семинаріи; 13 мая 1898 года, съ Высочайшаго соизволенія, утвержденъ въ сей должности.

Почетный блюститель по хозяйственной части Семинаріи Харьбескій 1-й гильдіи купецъ потомственный почетный гражданинъ *Иванъ Кирилловичъ Велитченко*; имѣеть ордена Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 2 ст.

Учитель гимнастики,—поручикъ 122 пѣхотнаго Тамбовскаго полка *Николай Ивановичъ Гиндичъ*, гимнастикѣ обучаетъ воспитанниковъ семинаріи съ 11 сентября 1897 года.

Учители образцовой школы:

а) Діаконъ *Захарій Федоровичъ Кандыба*; по окончаніи курса въ Вѣлгородской учительской семинаріи въ 1887 году состоялъ учителемъ въ народныхъ школахъ Харьковской губерніи; въ настоящей должности состоитъ съ 10 ноября 1899 года.

б) Діаконъ *Никита Васильевичъ Касьянокъ*, по окончаніи курса въ Острогской учительской семинаріи въ 1885 г. состоялъ учителемъ въ народныхъ школахъ; въ настоящей должности состоитъ съ 15 сентября 1902 г.

Списокъ лицъ, служащихъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ за 1903 годъ.

а) Составъ Совѣта.

1. Предсѣдатель Совѣта, профессоръ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, протоіерей Тимоѣей Ивановичъ *Буткевичъ*, докторъ богословія. Имѣеть орд. Св. Владимира 4 ст. Св. Анны 2 ст., наперсный крестъ, камилавку, набедреннаго и серебряную медаль въ память царств. Императора Александра III. Въ 1800 г. окончилъ курсъ ученія въ Московской духовной академіи со степенью кандидата богословія. Въ 1883 г. назначенъ предсѣдателемъ Совѣта Харьк. епарх. женск. училища. Въ 1884 г. удостоенъ степени магистра богословія. Въ 1894 г. опредѣленъ профессоромъ Императорскаго Харьк. университета. Въ 1903 г. возведенъ въ степень доктора богословія.

2. Начальница училища, дочь поручика, дѣвица Евгенія Николаевна *Гейцманъ*. Имѣеть серебрян. медаль въ память царствованія Императора Александра III. Въ 1870 г. окончила полный курсъ ученія въ Харьковск. институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Въ 1874 г. опредѣлена классной дамой Харьк. института. Въ 1883 г. утверждена Св. Правит. Синодомъ начальницею Харьк. Епарх. женскаго. училища.

3. Инспекторъ классовъ и законоучитель свящ. Іоаннъ Семеновичъ *Котозъ*. Имѣеть камилавку, набедрен. и серебр. медаль въ память царств. Императора Александра III. Въ 1890 г. окончилъ курсъ ученія въ С.-Петербургской духовной академіи со степенью кандидата богословія и назначенъ преподават. русскаго языка и педагогики Воронежскаго Епархіальнаго женскаго училища. Въ 1893 г. опредѣленъ настоятелемъ Успенскаго собора г. Задонска и рукоположенъ во священника. Въ 1898 г. опредѣленъ инспекторомъ классовъ и законоучителемъ при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.

4. Членъ Совѣта свящ. Іоаннъ Іоанновичъ *Филевскій* магистръ богословія. Имѣеть: наперстный крестъ, камилавку, набедреннаго и серебряную медаль въ память царств. Императора Александра III. Окончилъ Кіевскую духовную академію 1890 г. кандидатомъ богословія. 1891—1892 г.г. состоялъ учителемъ гражданской исторіи и ариметики въ Кіевскомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства. 1892 г. состоялъ законоучителемъ въ 3 мужской гимназіи; 1897 г. законоучителемъ въ Харьковскомъ коммерческомъ училищѣ.

1902 г. утвержденъ членомъ Совѣта училища. 1902 г. 19 декабря удостоенъ степени магистра богословія.

5. Членъ Совѣта и законоучитель священникъ Павелъ Ѳеодоровичъ *Тимофеевъ*. Имѣеть наперстный крестъ, камилавку, набедренникъ и серебряную медаль въ память царствованія Императора Александра III. Въ 1885 г. окончилъ курсъ ученія въ Харьковской духовной семинаріи и опредѣленъ учителемъ народной школы въ сл. Соколово, Зміевского уѣзда. 1890 г. перемѣщенъ къ Петро-Павловской церкви г. Харькова. 1893 г. назначенъ членомъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища. 1894 г. законоучитель Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища.

6. Попечительница училища, жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дарія Діевна *Оболенская*. Опредѣлена 22-го января 1897 года.

7. Почетный блюститель по хозяйственной части потомственный почетный гражданинъ Николай Осиповичъ *Лещинскій*. Опредѣленъ 22 февраля 1897 года.

8. И. д. дѣлопроизводителя, діаконъ Ѳеоданъ Дмитріевичъ *Чернявскій*. Въ 1869 г. окончилъ курсъ ученія въ Ахтырскомъ духовномъ училищѣ. 1874 г. опредѣленъ псаломщикомъ къ Харьковскому Кафедральному Успенскому собору и рукоположенъ во діакона. 1876 г. перемѣщенъ къ Основянской Предтеченской церкви, 1884 г. перемѣщенъ къ Владбищенской Усѣквенской церкви г. Харькова и опредѣленъ и. д. дѣлопроизводителя и письмоводителя при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.

б) Преподаватели и учительницы.

1. Законоучитель священникъ Николай Николаевичъ *Любарскій*. Имѣеть ордена: Ст. 3 ст., Св. Анны 3 ст., наперстный крестъ, камилавку, набедренникъ и медаль въ память царствованія Императора Александра III. Въ 1881 г. окончилъ курсъ ученія въ Кіевской духовной академіи со степенью кандидата богословія и назначенъ преподавателемъ ариметики и географіи въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ. Въ 1894 г. рукоположенъ во священника къ Троицкой церкви г. Харькова. Въ 1895 г. назначенъ членомъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища. Въ 1896 г. законоучитель. Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

2. Законоучитель священникъ Іоаннъ Ксенофонтовичъ *Горинъ*.

Имѣть камиланку, набедренникъ и скуфью. Въ 1889 г. окончилъ курсъ ученія въ Харьковской духовной семинаріи со степенью студента. Въ 1890 г. опредѣленъ священникомъ къ Иоанно-Вогословской церкви сл. Ивановки, Харьковскаго уѣзда. Въ 1892 г. перемѣщенъ къ Воскресенской церкви г. Харькова. Въ 1899 г. опредѣленъ законоучителемъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

3. Законоучитель священникъ Іоаннъ Васильевичъ *Толмачевъ*. Имѣть: камиланку, набедренникъ и скуфью. Въ 1892 г. окончилъ курсъ ученія въ Харьковской духовной семинаріи и опредѣленъ священникомъ къ Царицѣ-Александровской церкви г. Харькова при Пересылочной тюрьмѣ. Въ 1899 г. опредѣленъ законоучителемъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

4. Преподаватель математики и физики статскій совѣтникъ Яковъ Михайловичъ *Колосовскій*. Имѣть ордена Станислава 3 ст. и серебряную медаль въ память царствованія Императора Александра III. Въ 1886 г. оконч. курсъ ученія въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ со степенью кандидата физико-математическаго факультета и опредѣленъ преподавателемъ математики въ Харьковской женской гимназіи г-жи *Филитсы*. Въ 1887 г. допущенъ къ преподаванію математики и физики при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ по найму. Въ 1893 г. уволенъ отъ службы по случаю закрытія гимназіи. Въ 1894 г. утвержденъ штатнымъ преподавателемъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

5. Преподаватель математики и физики статскій совѣтникъ Василій Николаевичъ *Моценко*. Имѣть орденъ Св. Анны 3 ст. и серебряную медаль въ память царствованія Императора Александра III. Въ 1888 г. окончилъ курсъ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ со степенью кандидата физико-математическаго факультета и опредѣленъ преподавателемъ математики въ Харьковской Маріинской женской гимназіи. Въ 1889 г. допущенъ къ преподаванію математики и физики при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ по найму. Въ 1899 г. утвержденъ штатнымъ преподавателемъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

6. Преподаватель русскаго языка статскій совѣтникъ Михайлъ Андреевичъ *Кокаревъ*. Имѣть орденъ Св. Анны 3 ст. и Св. Станислава 3 ст. и серебряную медаль въ память царствованія Императора Александра III. Въ 1887 г. окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи со степенью кандидата богословія. Въ 1888 г. опредѣленъ штатнымъ преподавателемъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

7. Преподаватель исторiи и географiи коллежскiй совѣтникъ Евгений Паросенiевичъ *Трифилевъ*. Имѣеть орденъ Станислава 3 ст. и серебряную медаль въ память царствованiя Императора Александра III. Въ 1890 г. окончилъ курсъ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ съ дипломомъ 1 степени и опредѣленъ учителемъ исторiи въ Харьковскую женскую гимназiю г-жи *Филиппъ*. Въ 1893 г. по случаю закрытiя гимназiи уволенъ отъ службы и опредѣленъ штатнымъ преподавателемъ Харьковского Епархiальнаго женскаго училища.

8. Преподаватель географiи священникъ Василiй Николаевичъ *Яновскiй*. Имѣеть набедренникъ. Въ 1896 г. окончилъ курсъ въ Московской духовной академiи со степенью кандидата богословiя назначенъ надзирателемъ при Лубенскомъ духовномъ училищѣ. Съ 17 декабря 1896 года состоялъ преподавателемъ арифметики и географiи въ Сумскомъ духовномъ училищѣ. Въ 1902 г. опредѣленъ священникомъ къ Харьковскому Успенскому Кафедральному Собору и преподавателемъ географiи при Харьковскомъ Епархiальномъ женскомъ училищѣ.

Штатные преподаватели при семинарiи.

9. Преподаватель русскаго языка, ст. совѣтн. Михаилъ Васильевичъ *Добромировъ*, въ 1883 г. опредѣленъ преподавателемъ при Харьковскомъ Епархiальномъ женскомъ училищѣ.

10. Преподаватель русскаго языка, ст. совѣтн. Николай Васильевичъ *Гогинъ*, въ 1887 г. опредѣленъ преподавателемъ Харьковского Епархiальнаго женскаго училища.

11. Преподаватель исторiи, ст. сов. Алексiй Федоровичъ *Вертеловскiй*, въ 1875 г. опредѣленъ преподавателемъ при Харьковскомъ Епархiальномъ женскомъ училищѣ.

12. Преподаватель дидаетики, ст. сов. Николай Николаевичъ *Страховъ*, въ 1877 г. опред. преподават. Харьк. Епарх. женск. учил.

Примѣчанiе: Смотр. въ спискахъ семинарск. преподават.

13. Учительница арифметики, вдова лаборанта Харьк. Универс. Марiа Дмитриевна *Дмитрiева*, въ 1885 г. окончила курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. со 2 iюня 1885 г. по 16 марта 1886 г. сост. помощниц. воспит. при томъ же учил., съ 16 марта 1886 г. по 18 сент. 1886 г. сост. учит. Одринскаго народ. учил. съ 3 октяб. 1886 г. по 11 авг. 1890 г. сост. учител. пригот. класса при Хар. епарх. женск. учил. съ 27 авг. 1893 г. по 15 сент. 1896 г. сост. учительн. церк. прих. школы при Харьк. епарх. женск. учил., 18

сентября 1896 г. опредѣлена учит. ариѣмет. Харьк. епарх. женск. училища.

14. Учительница пригот. класса, дочь прот. дѣв. Тансія Андреевна *Щелкунова*, въ 1888 г. оконч. курсъ въ Харьк. Маріинской женск. гимн., въ 1890 г. допущена къ испр. долж. учительн. приготов. класса при Харьк. епарх. женск. учил. и утверждена въ настоящей должности.

15. Учитель церковнаго пѣнія во всѣхъ классахъ училища, свящ. Іоаннъ Васильевичъ *Петровский*, имѣеть: скуфью, набедрен. Въ 1890 г. окончилъ курсъ въ Харьк. дух. семин. и утвержд. учит. образц. школы, состоящей при той семинаріи. Въ 1893 г. опред. учит. пѣнія въ младш. кл. учил. Въ 1894 г. утвержд. учит. пѣнія во всѣхъ классахъ учил. съ 1895 г. сост. член. экзамен. комис. по церк. пѣнію; съ 1900 г. сост. законоучител. въ мужской Воскресенской школѣ Харьк. общ. грамот. 1901 г. утверждень въ должности казначей Харьк. епарх. женск. учил.

16. Учитель чистописанія и рисованія Харьк. 3 мужск. гимн., ст. сов. Алексѣй Дмитриевичъ *Дмитріевъ*, имѣеть орд. Станисл. 3 ст. и св. Анны, Стан. 2 ст. и серебр. медал., въ память царств. Императ. Александра III, въ 1876 г. окончилъ курсъ въ Строгановск. централ. учил. технич. рисов. въ Москвѣ и опредѣленъ учител. Въ 1896 г. опред. учител. при Харьк. епарх. женск. учил.

17. Учительница чистописанія, дочь ст. сов. дѣв. Екатерина Александровна *Ергольская*. Въ 1883 г. оконч. курсъ въ Харьк. Маріинск. женск. гимназіи и нагр. серебр. медал., въ 1892 г. удостоена званія домаш. учит. съ правомъ препода. ариѣмет. въ 1898 г. опредѣл. учител. чистопис. при Харьк. епарх. женск. училищѣ

18. Учительница рукодѣлія, вдова кол. секр. Александра Ивановна *Соколова*, въ 1871 г. оконч. курсъ въ Витебск. частномъ пансіонѣ, въ 1880 г., опредѣл. учител. рукодѣлія при Харьковск. епарх. женск. училищѣ.

19. Учительница рукодѣлія, вдова свящ. Анастасія Гавріиловна *Лоннинова*, окончила курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. 1882 г., состояла учител. церк. приход. школ. съ 1901—1902 г. въ 1902 г. опредѣл. учител. рукодѣлія Харьк. епарх. женск. училищ.

20. Учительница рукодѣлія Ксєнія Ивановна *Сидельникова*, дочь куца, оконч. курсъ въ профессор. школѣ въ 1901 г., съ 1901 г.—1902 г. состояла помощн. смотрител. въ Старобѣльскомъ дѣтскомъ приютѣ, въ 1902 г. опред. учительн. рукодѣлія при Харьковск. епарх. женск. училищѣ.

а) *Воспитательницы.*

1. Дочь губ. секрет. дѣвица Людмила Евфимовна *Дьякова* учит. географіи. Имѣеть серебр. медаль въ память царств. Императ. Александра III. Въ 1870 г. оконч. курсъ въ Харьк. Маріинск. женск. гимназіи. Съ 1870 г. по 1872 г. сост. воспит. въ д. г. Иванова. Въ 1872 г. опред. воспит. Харьк. епар. женск. учил. Въ 1881 г. утверждена учительн. географ. при томъ же учил. Въ 1887 г. утверждена старш. воспит.

2. Дочь свящ. дѣв., Анна Гавриловна *Трошкая*, имѣеть серебр. медаль въ память царств. Императ. Александра III. Въ 1877 г. оконч. курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил., съ 1883 г. по 1884 г. состояла учит. Буземовскаго народ. учил., въ 1884 г. опредѣлена воспит. при Харьк. епарх. женск. учил.

3. Дочь прот. дѣв., Александра Ивановна *Левандовская*, имѣеть серебр. медаль въ память царств. Императ. Александра III. Въ 1878 г. окончила курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. Въ 1885 г. опред. восп. при томъ же учил.

4. Дочь свящ. дѣв., Елисавета Андреевна *Бурасовская*, имѣеть серебр. медаль въ память царств. Императ. Александра III. Въ 1878 г. оконч. курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. Съ 1887 г. по 1890 г. состояла учительн. Хорошевскаго пріюта. Въ 1890 г. опред. воспит. Харьк. епарх. женск. учил.

5. Дочь діакона, дѣв. Ольга Фѣдоровна *Вертеловская*. Въ 1882 г. оконч. курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. Съ 1885 г. по 1890 г. состояла учительн. Ольшанск. народ. учил. Въ 1890 г. опредѣл. воспит. Харьк. епарх. женск. учил. Имѣеть серебр. медаль въ память царств. Императ. Александра III.

6. Дочь свящ., дѣв. Аполлинарія Павловна *Вышемирская*, имѣеть серебр. медаль въ память царств. Императ. Александра III. Въ 1882 г. окончила курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. Въ 1894 г. опредѣлена воспит. при томъ же училищѣ.

7. Дочь свящ., дѣв. Зинаида Михайловна *Имонова*, имѣеть серебр. медаль въ память царств. Императ. Александра III. Въ 1889 г. оконч. курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. Съ 1891 г. по 1893 г. состояла учительн. Демяновскаго народ. училища. Въ 1893 г. опред. воспит. Харьк. епарх. женск. учил.

8. Дочь діакона, дѣв. Серафима Андреевна *Почомарева*, имѣеть серебр. медаль въ память царств. Императ. Александра III. Въ 1890 г. оконч. курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. Съ 1893 г.

то 1895 г. была помощ. воспит. Харьк. епарх. женск. учил. Въ 1895 г. опред. воспит. при томъ же училищѣ.

9. Дочь свящ., дѣв. Анастасія Яковлевна *Павлова*, имѣеть серебрян. медаль въ память царств. Императора Александра III. Въ 1889 г. оконч. курсъ въ Харьк. епар. женск. учил. Съ 1891 г. по 1893 г. состояла воспит. въ домѣ дворянина Сагина. Въ 1893 г. опред. воспит. Харьк. епарх. женск. учил.

10. Дочь свящ., дѣв. Надежда Ивановна *Попова*, имѣеть серебрян. медаль въ память царств. Императ. Александра III. Въ 1885 г. оконч. курсъ въ Харьк. епар. женск. учил. Въ 1887 г. опредѣлена учительн. церк.-приход. школы при Харьк. епарх. женск. учил. Въ 1893 г. опредѣлена воспит. при томъ же учил. и состояла на 1893 г. Въ 1899 г. опред. вторично воспит. при томъ же училищѣ.

11. Дочь свящ., дѣв. Серафима Ивановна *Пономарева*, имѣеть серебрян. медаль въ память царств. Императ. Александра III. Въ 1890 г. оконч. курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. Съ 1891 г. по 1893 г. состояла воспит. въ домѣ почет. гражд. Войтехъ. Въ 1893 г. опред. воспит. Харьк. епарх. женск. учил.

12. Дочь свящ., дѣв. Марія Яковлевна *Павлова*, имѣеть серебрян. медаль въ память царств. Императора Александра III. Въ 1893 г. окончила курсъ въ Харьк. епар. женск. учил. и опред. воспит. при томъ же училищѣ.

13. Дочь свящ., дѣв. Софья Павловна *Реутская*. Въ 1894 г. оконч. курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. Въ 1897 г. опредѣлено воспит. при томъ же училищѣ.

14. Дочь діакона дѣвица Павла Θεодоровна *Власовская*. Въ 1896 г. окончила курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. Въ 1897 г. опред. воспит. того же училища.

15. Дочь свящ., дѣв. Надежда Петровна *Сотина*, оконч. курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. въ 1887 г. Съ февраля 1900 г. и по 10 января 1901 г. состояла учит. народ. училища Староб. уѣзда. Въ 1901 г. опред. воспит. Харьк. епарх. женск. училища.

16. Вдова свящ. Анастасія Васильевна *Фаворова*. Въ 1890 г. окончила курсъ въ Харьк. епарх. женскомъ училищѣ. Въ 1898 г. опред. воспит. при томъ же учил.

17. Дочь священ. дѣв. Ирина Алексѣевна *Шебатинская*. Въ 1891 г. оконч. курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. Съ 1893 г. по 1898 г. состояла учительн. Жигачевского народ. учил. Въ 1898 г. опред. воспит. Харьк. епарх. женск. учил.

18. Дочь свящ. дѣв. Александра Алексѣевна *Грекова*. Въ 1896 г.

оконч. курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. Въ 1898 г. опредѣлена воспит. при томъ же училищѣ.

19. Дочь свящ. дѣв. Клавдія Михайловна *Воскобойникова*. Въ 1895 г. оконч. курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. Съ 1898 г.—1899 г. состояла учительн. церк.-приход. школы въ сл. Шаровкѣ, Староб. уѣзда. Въ 1899 г. опред. воспит. Харьк. епарх. женск. училища.

20. Дочь протоіерея, дѣв. Александра Ильинишна *Энцидова*. оконч. курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. въ 1892 г. Въ 1900 г. опред. воспит. при томъ же училищѣ.

21. Дочь священ., дѣв. Марія Александровна *Стефановская*, оконч. курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. въ въ 1898 г. Съ 1 сент. 1898 г. по 28 сент. 1900 г. состояла учительн. Тарасовскаго народн. учил. Купянскаго уѣзда. Въ 1900 г. опред. воспит. Харьк. епарх. женск. училища.

22. Дочь свящ., дѣв. Анна Васильевна *Капустянская*, оконч. курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. въ 1898 г. Съ 1897 г. по 1901 г. состояла учительн. Осиновской церковно-приходск. школы Староб. уѣзда. Въ 1901 г. опред. воспит. Харьк. епарх. женск. училища.

23. Дочь псаломщ., дѣв. Татіана Павловна *Потанова*, оконч. курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. въ 1899 г. Съ 1899 г. по 1901 г. состояла помощн. учительн. Мураховскаго народ. учил. Въ 1901 г. опредѣлена воспит. при Харьк. епарх. женск. учил.

24. Дочь священ., Татіана Николаевна *Бѣликова*, дѣв. оконч. курсъ въ Харьк. епарх. женск. училищѣ въ 1900 г. Въ 1901 г. опредѣл. воспит. при томъ же училищѣ.

25. Дочь свящ. дѣв. Антонина Лаврентьевна *Раевская*. Въ 1899 г. окончила курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. Съ 1901 г. по 1902 г. состояла учительн. Калыновскаго народ. учил. Купянскаго уѣзда. Въ 1902 г. опред. воспит. при Харьк. епарх. женск. училищѣ.

26. Дочь діакона, дѣв. Анна Васильевна *Калашникова*, въ 1902 г. оконч. курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. и опредѣлена воспит. при томъ же училищѣ.

27. Дочь свящ., дѣв. Александра Васильевна *Ястремская*, въ 1899 г. оконч. курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. Въ 1902 г. опредѣлена воспит. при томъ же училищѣ.

28. Дочь діакона, дѣв. Зоя Ивановна *Мужина*, въ 1902 г. оконч. курсъ въ Харьк. епарх. женск. учил. Въ 1903 г. опред. воспит. при томъ же училищѣ.

Отъ Правленія Сумскаго духовнаго училища.

Перечень занятій, подлежащихъ обсужденію очереднаго сѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, имѣющаго быть 23 сентября сего 1903 года.

1. Разсмотрѣніе журналовъ предыдущихъ сѣздовъ духовенства за 1902 годъ и за февраль мѣсяць 1903 года.
2. Разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ на содержаніе училищнаго общежитіа въ будущемъ 1904 году.
3. Докладъ временно ревизіоннаго комитета по документальной провѣркѣ экономическаго отчета и приходорасходной книги училища за 1902 годъ.
4. Разсмотрѣніе вѣдомостей о.о. благотворительныхъ Сумскаго училищнаго округа о приходѣ, расходѣ, и остаткѣ церковныхъ суммъ, а также о продажѣ вѣнчиковъ и листовъ разрѣшительной молитвы.
5. Выборъ, за истеченіемъ установленнаго для нихъ службы трехлѣтія со времени выборовъ въ 1900 году, членовъ Правленія отъ духовенства, членовъ ревизіонной комиссіи и кандидатовъ къ нимъ.
6. Текушія по Правленію училища дѣла.

Епархіальныя извѣщенія.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

- Покровская церковь с. Ободовъ, Сумскаго уѣзда.
 Троицкая церковь с. Перекопа, Валковскаго уѣзда.
 Рождество-Бородичная церковь сл. Бараниковки, Старобѣльскаго уѣзда,
 вновь открытъ 2-й причтъ.
 Бресто-Воздвиженская церковь с. Крючика, Богодуховскаго уѣзда.
 Николаевская церковь сл. Лихачевки, Богодуховскаго уѣзда.
 Покровская церковь сл. Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда.
 Успенская церковь с. Заводянки, Старобѣльскаго уѣзда.

Діаконскія.

- Георгіевская церковь с. Воробьевки, Сумскаго уѣзда.
 Казанская церковь с. Басовки, Сумскаго уѣзда.
 Преображенская церковь с. Краснополя, Ахтырскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

- Георгіевская церковь сл. Голой-Долнины, Изюмскаго уѣзда.
 Троицкая церковь с. Моисеевки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Покровская церковь с. Городища, Старобѣльскаго уѣзда.
 Петро-Павловская церковь с. Княжнаго, Валковскаго уѣзда.
 Воскресенская церковь с. Боголюбовки, Купянскаго уѣзда.
 Иоанно-Предтеченск. церковь с. Ново-Ивановки, Зміевского уѣзда.
 Пророко-Осіевская церковь, при Харьковскомъ Реальномъ Училищѣ.
 Свято-Духовская церковь с. Кононовки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Влад.-Богородичн. церковь с. Должика, Харьковскаго уѣзда.
 Арханг.-Михайловск. церковь зашт. гор. Красновутска, Богодухов. уѣзда.
 Введенская церковь с. Студенка, Изюмскаго уѣзда.
 Николаевская церковь сл. Царкуновъ, Харьковскаго уѣзда.
 Троицкая церковь с. Чернокаменки, Зміевского уѣзда.
 Георгіевская церковь с. Павловки, Богодуховскаго уѣзда.
 Кресто-Возд. церковь с. Кручника, Богодуховскаго уѣзда.
 Ватерниинская церковь с. Поличковки, Богодуховскаго уѣзда.
 Рожд.-Богородичн. церкви с. Бараньковки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Покровская церковь с. Бѣленькаго, Изюмскаго уѣзда.
 Воскресенская церковь с. Булацѣловки, Зміевского уѣзда.
 Георгіевская церковь с. Ново-Павловки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Церковь сл. Волоховки, Волчанскаго уѣзда.
 Рождество-Богородичная церковь с. Удѣ, Харьковскаго уѣзда.
 Варваринская церковь с. Канитольскаго, Изюмскаго уѣзда.
 Александро-Невская церковь сл. Песчанокъ, Купянскаго уѣзда.
 Успенская церковь с. Хотѣни, Сумскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Торжественное служеніе акаѣиста Покрову Богородицы.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ единобѣрческой церкви.—Празднованіе прославленія преп. Серафима въ Харьковѣ.—Участіе Государя Императора и Его Августѣйшей семьи въ торжествѣ прославленія преп. Серафима.—Жизнь и чудесныя исцѣленія въ Саровѣ въ дни открытія мощей преп. Серафима.—Одна изъ современницъ жизни преп. Серафима.—Прославленіе святыхъ въ православной русской церкви.—Отъ Совѣта С.-Петербургской духовной академіи.

Торжественныя служенія акаѣиста Покрову Пресвятой Богородицы. По обновленіи храма въ честь Покрова Пресв. Богородицы при Харьковскомъ Архіерейскомъ монастырѣ Высокопреосвященнѣйшій Архієпископъ Арсеній предъ литургіей въ среду 16-го іюля отслужилъ акаѣистъ Покрову Пресвятой Богородицы. Внатное и умплительное чтеніе Владыки Архієпископа, привлекло по

Обычаю, въ монастырь массу богомольцевъ. Отнынѣ Владыка будетъ читать акаѣистъ въ Покровскомъ монастырѣ на каждой недѣлѣ въ среду предъ литургіей.

— *Посѣщеніе Архіепископомъ Арсеніемъ единоутреческихъ церквей.* 16 іюля Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, посѣтилъ старую и строящуюся единоутреческія церкви; при осмотрѣ послѣдней Владыкѣ давали объясненія члены строительнаго комитета. Закладка этой церкви была совершена 11 лѣтъ тому назадъ и по настоящее время, за отсутствіемъ необходимыхъ средствъ у немногочисленныхъ и бѣдныхъ харьковскихъ единоутречевъ, она строилась съ 9-лѣтнимъ перерывомъ. На постройку ея Святѣйшій Синодъ ассигновалъ 6,000 руб. и прихожане собрали 2,000 руб.; строительный комитетъ долженъ по постройкѣ 2,000 руб. и для окончанія церкви необходима сумма до 15,000 руб.; во вторичномъ ассигнованіи Синодъ отказалъ комитету. Высокопреосвященнѣйшій Арсеній обращалъ членамъ строительнаго комитета свое возможное содѣйствіе къ окончанію новой церкви.

— *Празднованіе прославленія препод. Серафима въ Харьковѣ.* По распоряженію Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, празднованіе прославленія преподобнаго Серафима Саровскаго чудотворца во всѣхъ церквяхъ города Харькова и Харьковской епархіи, совершалось въ слѣдующемъ порядкѣ:

18-го іюля, въ пятницу, съ вечера, были отслужены всенощныя бдѣнія, по общему чину службы преподобнымъ, съ величаніемъ преподобному Серафиму и чтеніемъ во время каѣвзмъ краткаго житія его. Въ каѣдральномъ соборѣ, въ харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ и многихъ приходскихъ церквяхъ за всенощной, во время елеопомазанія, были розданы народу изображенія преподобнаго Серафима.

19-го іюля, въ субботу, въ самый день прославленія преподобнаго Серафима, была совершена литургія, съ произнесеніемъ поученій, соотвѣтствующихъ празднуемому священному событію. Послѣ литургіи были отслужены молебны преподобному Серафиму, съ провозглашеніемъ многолѣтія: 1) Государю Императору и всему Царствующему Дому, 2) Святѣйшему Синоду, 3) Христіилюбивой Державѣ Россійской и всѣмъ православнымъ христіанамъ. При чемъ городское духовенство собиралось для молебна въ соборный храмъ.

Послѣ богослуженія, въ каедральномъ соборѣ и въ харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ были розданы народу книжки и листы о новопрославляемомъ святомъ угодникѣ Божиѣмъ преподобномъ Серафимѣ, Саровскомъ чудотворцѣ.

Особенною торжественностію отличалось богослуженіе въ каедральномъ соборѣ, гдѣ всенощное бдѣніе и литургію совершалъ Его Высокопреосвященство Архіепископъ Арсеній. На молебень преп. Серафиму явилось все городское духовенство. Обширный храмъ Успенскаго собора не могъ вмѣстить всѣхъ желавшихъ помолиться вмѣстѣ съ Архипастыремъ прославленному преподобному чудотворцу. Масса народа стояла въ церковной оградѣ и на площади, при входѣ въ храмъ.

— 20 іюля въ день великаго пророка Божія Іліи Высокопреосвященнѣйшій Владыка Арсеній совершилъ литургію въ Покровскомъ монастырѣ.

— 22 іюля въ день тезоименитства Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны Владыка Архіепископъ наволилъ отслужить литургію и молебень въ каедральномъ соборѣ.

— *Участіе Государя Императора и Его Августѣйшей семьи въ торжество прославленія преп. Серафима.* Великое торжество открытія мощей преподобнаго Серафима Саровскаго совершилось. Участіе въ торжествѣ прославленія святого Серафима вмѣстѣ со своимъ народомъ принялъ и Вѣдическій вождь нашъ со своею Царственною семьею.

Прибывши 17 іюля въ Саровъ, Государь Императоръ съ Государыней Императрицей вечеромъ исповѣдались, а 18 іюля за ранней литургіей, какъ простые богомольцы, приобщались Св. Тавнѣ. Въ 10 часовъ дня Ихъ Величества и Ихъ Высочества осматривали монастырскіе храмы, готовый къ освященію новый храмъ во имя преподобнаго Серафима, могилу о. Серафима и прочія святыни. Слѣдуя въ монастырскому двору, среди лежущаго народа, Ихъ Величества милостиво отвѣчали на привѣтствія поклонамъ.

Въ 11^{1/2} часовъ раздался рѣдкій благовѣстъ къ послѣдней официальной панихидѣ. Въ Успенскій соборъ прибылъ: Государь Императоръ, Государыня Императрица, Великіе Князья, Великія Княгини, Министры и лица свиты Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ. Митрополитъ съ амвона произнесъ слово, благодаря Бога за милость, явленную торжествомъ, восхвалялъ усердіе вѣрующихъ и призывалъ всѣхъ къ усердной молитвѣ. Панихиду совершали

митрополитъ, архіепископы, епископы. Ихъ Величества и Ихъ Высочества занимали мѣста посрединѣ собора. Послѣ панихиды была совершена литія надъ могилой преподобнаго Серафима. Ихъ Величества и Ихъ Высочества слѣдовали за митрополитомъ, епископами, духовенствомъ со свѣчами въ рукахъ.

Въ третьемъ часу дни Государь Императоръ, Государыни Императрицы, Великія Княгини и Великіе Князья посѣтили часовню надъ источникомъ святаго Серафима и осматривали ипѣющіяся при немъ для паломниковъ купальни. Отсюда Августѣйшіе Богомольцы направились въ дальнія пустыньки. По дорогѣ Ихъ Величества и Ихъ Высочества останавливались у мѣста, гдѣ преподобный Серафимъ тысячу ночей молился на камнѣ. Въ оба пути Государь Императоръ и Великіе Князья слѣдовали пѣшкомъ. Государыни Императрицы ѣхали отъ монастыря до источника въ экипажахъ съ Великими Княгинями, а далѣе слѣдовали пѣшкомъ. Обратный путь Государыни Императрицы и Великія Княгини совершали опять въ экипажахъ. По пути народъ восторженно привѣтствовалъ Царя и Царицу, осчастливившихъ праздниѣ православною Церквою Своимъ присутствіемъ.

Въ 6 часовъ вечера раздался благовѣстъ ко всенощной; прошли въ храмъ архіепископъ вазанскій, епископы тамбовскій и нязегородскій въ предшествіи хора пѣвчихъ и иподіаконовъ; туда же прослѣдовалъ и митрополитъ Антоній. Въ 15 мин. седьмого послѣдовалъ Высочайшій выходъ изъ покоевъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Успенскій соборъ. Прибывшіе изъ разныхъ концовъ Руси на торжество хоругвеносцы расположились громаднымъ кольцомъ отъ храма Зосимы и Савватія, гдѣ находятся мощи преподобнаго, кругомъ зимняго и лѣтняго соборовъ. Въ пять минутъ восьмого изъ Успенскаго собора вышелъ крестный ходъ съ пѣніемъ литійныхъ стихиръ ко храму Зосимы и Савватія. Мощи преподобнаго Серафима были обнесены кругомъ Успенскаго собора съ остановками на каждой сторонѣ и съ прознесеніемъ прошеній. На литійной эвтеніи предъ выходомъ митрополитомъ была прочитана молитва „Владыка Многомилостиве“. Мощи были внесены въ храмъ. Государь Императоръ и Великія Князья вмѣстѣ съ 12 архимандритами несли гробъ преподобнаго; за гробомъ шли митрополитъ, епископы, Государыни Императрицы и Великія Княгини. Народъ сопровождалъ шествіе и стоялъ большою массою кругомъ съ зажженными свѣчами. При видѣ гроба падали ницъ многіе и отъ умиленія плакали; еще большія массы

стояли плотной стѣной кругомъ всего монастыря съ зажженными свѣчами, горячо молясь. Было тихо, свѣчи не гасли. Кругомъ монастыря, насколько глазъ видить, стояли массы богомольцевъ. Послѣ всенощной бывшіе въ монастырѣ были допущены приложиться къ мощамъ преподобнаго, а затѣмъ, по немногу въ порядкѣ допускались и прочіе богомольцы.

19 іюля въ 8 часовъ начался благовѣстъ къ обѣднѣ. Въ предшествіи пѣвчыхъ и іподіаконовъ вошелъ въ храмъ митрополитъ Антоній. Литургію служили: митрополитъ, архіепископъ Дмитрій, епископы Назарій и Иннокентій и много архимандритовъ и священниковъ. Умилительно торжественная минута была, когда раку преподобнаго внесли въ алтарь при многократномъ пѣніи „Спаси насъ, Сыне Вождій, во святыхъ дѣвѣхъ сынъ поущія ти“. Многіе проливали слезы отъ умиленія. По окончаніи литургіи гробъ съ мощами преподобнаго былъ обнесенъ вокругъ обоихъ соборовъ въ сопровожденіи многочисленныхъ хоругвей, пожертвованныхъ разными обществами хоругвеносцевъ и частными лицами. Гробъ несли Государь Императоръ, Великіе Князья и двѣнадцать архимандритовъ. За литургіей произнесъ слово архіепископъ Дмитрій.

Въ 2 часа состоялась трапеза въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ; для трапезовавшихъ почти трехсотъ человѣкъ было приготовлено нѣсколько столовъ перпендикулярно къ столу Ихъ Императорскихъ Величествъ. Государь Императоръ занялъ мѣсто по срединѣ стола, по обѣ стороны рядомъ заняли мѣста Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна и Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна. Присутствовали и другіи высшія особы, министры двора, внутреннихъ дѣлъ, путей сообщенія и лица свиты. Противъ Государя Императора и Государынь Императрицъ заняли мѣста митрополитъ, архіепископъ Дмитрій, епископы Иннокентій и Назарій. Въ числѣ приглашенныхъ были курскій городской голова, нижегородскій губернаторъ и высшія лица администраціи Тамбовской губерніи. Хоругвеносцамъ предложена трапеза въ сосѣдней комнатѣ. Трапеза началась молитвой, прочтѣной духовенствомъ. Во время трапезы было провозглашено и прочтѣно многолѣтіе Ихъ Величествамъ и всему Царствующему Дому.

— *Жизнь и чудесныя исцѣленія въ Саровѣ во дни открытія мощей препод. Серафима.* Корреспондентъ Прав. Вѣстника вотъ какъ описываетъ жизнь въ Саровѣ во дни открытія мощей препод. Серафима. Жизнь въ Саровѣ ежедневно начинается еще до раз-

свѣта. Равно въ два часа ночи раздастся ударъ колокола, призывающій богомольцевъ къ утреннему Богослуженію. Въ ночномъ сумракѣ движутся къ обители толпы богомольцевъ, спѣвающихъ въ Божій храмъ. Истовая, строго-уставная церковная служба саровскихъ вноковъ люба православнымъ русскимъ людямъ, которые жаждутъ налить свою душу въ горячей молитвѣ предъ святынями пустынной обители.

Въ пять часовъ утра благовѣстятъ къ равней латургій, за которую, обыкновенно, причащаются тысячи паломниковъ. Храмы далеко не вмѣщаютъ всѣхъ молящихся, которые плотнымъ кольцомъ окружаютъ церковь и здѣсь же, на площади, творятъ свою исполненную живой вѣры молитву, преклоня колѣна и кладя земные поклоны. Среди толпы богомольцевъ располагаются и тяжкіе больные, послѣ причащенія Святыхъ Таинъ передвигающіеся, обыкновенно, къ цѣлебному источнику преподобнаго Серафима. По дорогѣ къ источнику, подлѣ ближней пустынки преподобнаго, можно видѣть всевозможныхъ больныхъ. Вотъ на носилкахъ—изъ двухъ палокъ съ натянутымъ на нихъ холстомъ—несутъ разслабленную дѣвочку; въ телѣжкѣ везутъ больнаго, ноги котораго разбиты параличемъ; блѣдная, обезсилившая больная, положивъ свои руки на плечи двухъ женщинъ, еле передвигаетъ ноги, поминутно переводя духъ отъ усталости; на двухъ костыляхъ идетъ сгорбленная старуха; держась за палочку мальчика-поводыря шествуетъ слѣпой старикъ, высоко поднявъ голову; за нимъ скачетъ на костылѣ мальчикъ со сведенною ногой; на рукахъ и ногахъ, подобно четвероногому, двигается женщина, сведенная въ поясицѣ...

А что дѣлается о самага источника! Громкіе крики припадочныхъ, бѣсноватыхъ и клякушъ, стоны больныхъ, радостныя восклицанія исцѣлившихся... Купальни на источникѣ переполнены; выпускаютъ туда поочереды изъ длинной вереницы жаждущихъ въ немъ искупаться. Какую тяжелую картину представляютъ собою въ купальнѣ тѣла больныхъ, изможденныхъ, исковерканныхъ болѣзнями или уродствомъ... Съ глубокимъ благоговѣніемъ, съ великою вѣрой въ угодника Божія подходятъ подъ струю цѣлебнаго источника желающіе искупаться и получить благодатное исцѣленіе. Горяча ихъ мольба къ преподобному о помощи и крѣпкая надежда на милость Божию. И милость Господня не оставляетъ ихъ. Множество недужныхъ получаетъ исцѣленіе по молитвамъ преп. Серафима. Ниже мы приводимъ вѣкоторые случаи такого исцѣленія.

Поздняя литургія въ монастырѣ начинается обыкновенно въ 9 часовъ утра и продолжается до 12-ти. Народъ собирается въ храмъ, переполняетъ его и живописными группами располагается вокругъ. Знойное солнце раскаляетъ воздухъ, а песчаная, известковая почва, вслѣдствіе движенія толпы, наодняетъ его густою ѣдкою пылью. Проходъ на площади вокругъ храма всегда затруднителенъ: такъ многочисленна толпа богомольцевъ.

Вечерня, начинающаяся въ 3 часа дня, тоже привлекаетъ множество молящихся. Между вечерней и всенощнымъ бдѣніемъ толпа богомольцевъ въ обители нѣсколько рѣдѣетъ. И только послѣ всенощной, продолжающейся здѣсь обыкновенно отъ 8 до 12 часовъ ночи, монастырь становится свободнымъ отъ паломниковъ.

Всѣ почти службы во время настоящихъ торжествъ сопровождаются народною проповѣдью. Церковными ораторами выступаютъ командированные въ Саровъ съ этою цѣлью изъ Петербурга протоіерей Ф. Н. Орнатскій и священникъ А. Рождественскій. Ихъ живое, одушевленное слово къ народу съ церковной кафедры, повидимому, впервые раздается здѣсь: саровскіе иноки-простецы завели обычай предлагать за Богослуженіемъ поученіе изъ Пролога или Синаксаря, написанное славянскимъ языкомъ и произносимое съ заученною однообразною интонаціей. Новые столичные проповѣдники въ своихъ поученіяхъ народу даютъ уроки изъ жизни и ученія прославляемаго угодника Божія, примѣняютъ ихъ къ современной жизни и изъясняютъ сущность совершающагося церковно-народнаго торжества прославленія святаго подвижника. Эта живая, простая проповѣдь, отличающаяся сердечностью и глубокимъ одушевленіемъ производитъ неотразимое впечатлѣніе на собравшійся отовсюду простой народъ. Наставленія преподобнаго, описанія событій изъ жизни его въ рѣчи отцовъ-проповѣдниковъ вызываютъ обыкновенно среди слушателей глубокіе, сокрушенные вздохи и обильныя слезы, переходящія иногда въ рыданія.

— Сообщаемъ о нѣкоторыхъ чудесныхъ исцѣленіяхъ, совершившихся у источника Серафимова, послѣ купанья въ немъ *). Вотъ какъ рассказывала намъ о своемъ исцѣленіи отъ прирожденной

*) Купанья въ источникѣ въ собственномъ смыслѣ не бываетъ, а происходитъ лишь обливаніе струей воды, текущей изъ цѣлительнаго источника по желобу. Обѣ купальни, мужская и женская, подраздѣляются каждая на двѣ—для лицъ привилегированныхъ и простаго народа. Въ первыхъ изъ нихъ сильная струя воды подается изъ общаго желоба, когда откроютъ въ немъ металлическую форточку-кранъ, а во вторыхъ—струя течетъ непрерывно и подъ нее-то подходят купающіеся.

слѣпоты крестьянская дѣвица, 18 лѣтъ, изъ села Тазнѣва, Ардатовскаго уѣзда, Симбирской губерніи, Аграфена Елизарьева Табаева. „Отецъ у меня живъ, а мать умерла. Пришла и въ Саровъ одна, вмѣстѣ съ односельчанами. Слышала я, что водичка изъ источника батюшки Серафима помогаетъ отъ многихъ болѣзней и особенно—отъ болѣзней глазъ, даже исцѣляетъ слѣпоту. А я ничего не видѣла отъ рожденія, и глаза мои всегда были совсѣмъ закрыты. Пришла на источникъ и крѣпко молилась. Знаю я только одну „Богородицу“ и молилась больше сердцемъ своимъ угоднику Божію—преподобному Серафиму. Поговѣла я и, причастившись, пошла на источникъ: искупалась въ немъ всего три раза, и послѣ второго раза увидѣла свѣтъ Божій. Послѣ купанья, я легла спать и, проснувшись часа черезъ два, вдругъ замѣчаю, что въ глазахъ моихъ стоитъ вмѣсто обыкновенной тьмы—свѣтъ, какое-то сіяніе; мои глаза раскрылись на половину и я увидала сначала смутно свѣтлое небо, темныя деревья, стала отличать яркій свѣтъ солнца“. Прозрѣвшая съ великою радостью охотно рассказываетъ всѣмъ о своемъ исцѣленіи; лицо ея видимо дышетъ тихимъ, глубокимъ счастьемъ: она совершенно увѣрена въ томъ, что новоявленный чудотворецъ даруетъ ей полное прозрѣніе..

Еще разительнѣе другой случай исцѣвленія отъ природной слѣпоты двухлѣтняго мальчика—Степана Андреева Ерофѣева, изъ крестьянскаго семейства Чембарскаго уѣзда, Пензенской губерніи. Мать искупала его въ источникѣ и послѣ перваго же купанья слѣпной ребенокъ сталъ видѣть. Онъ хватался своими рученками за выдающіеся или блестящіе предметы и все закрывалъ глаза ручками отъ яркаго сіянія солнца. Такъ совершалось постепенно прозрѣніе ребенка, родившагося слѣпымъ.

Мѣщанинъ гор. Спасска, Рязанской губ., Василій Николаевъ Богомоловъ, 50-ти лѣтъ отъ роду, уже 7 лѣтъ лежалъ, разбитый параличемъ. Его привезли на телѣгѣ, для купанья въ источникѣ; больной не могъ говорить; были также парализованы его ноги и уши, такъ что онъ не могъ не ходить, ни говорить, ни слышать. Но послѣ купанья Василій Богомоловъ сталъ ходить, слышать и немного говорить. Свой костыль онъ оставилъ тутъ же, около источника.

Дочь мѣщанина Екатерина Емельянова Зубченко, 18-ти лѣтъ, изъ станицы Медвѣдовки, Кубанской области, на девятомъ мѣсяцѣ своей жизни заболѣла: у нея отнялись ноги, такъ что она свыше 17-ти лѣтъ вовсе не могла ходить. Послѣ горячей молитвы угод-

нику Божію, она искупалась въ его источникѣ и почувствовала въ себѣ притокъ какихъ-то силъ, такъ что пожелала пойти одна, безъ посторонней помощи. Вскорѣ же сама она по тремъ лѣстницамъ поднялась на приторокъ, гдѣ и передала іеромонаху разсказъ о своемъ исцѣленіи.

А вотъ и другіе случаи исцѣленія отъ болѣзней, бывшіе до 15 іюля.

25 іюня въ Саровѣ была доставлена 9-лѣтняя дочь солдатки Ветлужскаго уѣзда, Костромской губерніи, Прасковьи Ершовой, Матрена. У нея были сведены конечности, руки сжаты. Послѣ купанья больная встала, конечности расправились и она стала ходить.

26 іюня на источникѣ отца Серафима получила исцѣленіе крестьянка Саранульскаго уѣзда Вятской губерніи, Евфимія Ивановна Смольникова, шесть лѣтъ разбитая параличемъ. Выкупавшись, она почувствовала себя совершенно здоровою.

4 Іюля получила исцѣленіе у источника преподобнаго Серафима крестьянка Тамбовской губерніи, Борисоглѣбскаго уѣзда, села Новоспаскаго, Анна Тимоѣевна Ловецкая, страдавшая болѣе 3 лѣтъ ревматизмомъ въ тяжелой формѣ.

Въ этотъ же день получила исцѣленіе казачка Кубанской области, Чамлыкской станицы, Екатерина Егоровна Худисова, 22 лѣтъ, ослѣпшая 8 мѣсяцевъ тому назадъ.

Въ тотъ же день у источника преподобнаго Серафима исцѣлялась отъ грыжи крестьянка Харьковской губерніи, Богодуховскаго уѣзда, Наталія Ивановна Лускова. Она страдала этою болѣзвью около тридцати лѣтъ и лѣчилась у многихъ врачей, но не получала никакого облегченія.

11 и 12 іюля при источникѣ преподобнаго Серафима совершались слѣдующія чудотворенія надъ больными:

Крестьянка Пензенской губерніи Аграфена Шибкова десять лѣтъ страдала постоянно тяжкими болями въ животѣ. Она лѣчилась у многихъ врачей, но безуспѣшно. Придя на источникъ преподобнаго Серафима, она вкусила воды и въ ту же минуту почувствовала полное облегченіе.

У крестьянина Вятской губерніи, Слободскаго уѣзда, Сошевской волости, села Никольскаго, Михаила Савельева Тюфкина, 23 лѣтъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ выросла на шеѣ громаднѣя опухоль которая препятствовала ему поворачивать шею и причиняла сильную боль. Когда онъ пришелъ къ источнику Преподобнаго Серафима, то опухоль на шеѣ исчезла, и шея стала поворачиваться.

Крестьянка Саратовской губерніи, Хвалынскаго уѣзда Анна Тимоеевна Сверчкова, четыре года не могла владѣть ногами; выкупавшись, она пошла, хотя и тихо, но безъ костылей.

12 іюля въ Саровской пустыни, у источника Преподобнаго Серафима, былъ выдающійся случай исцѣленія нѣмой крестьянки Самарской губерніи, Вугурусланскаго уѣзда, Елатинской волости, деревни Алферовой, Параскевы Сергѣевой Елемковой. По словамъ пострадавшей, она 5 февраля лишилась употребленія языка, а въ настоящее время, выкупавшись у источника Преподобнаго Серафима, снова заговорила.

14 іюля у источника Преподобнаго Серафима было совершено исцѣленіе пятилѣтняго мальчика, сына крестьянина Тамбовской губерніи, Моршанскаго уѣзда, села Бодяна, Петра Ильина Зобинна. Два года тому назадъ у него образовался горбъ и свело ноги; не смотря на медицинскія средства, болѣзнь не поддавалась лѣченію. Лишь только больного выкупали, какъ ноги его расправились, и онъ сталъ свободно ходить.

Въ тотъ же день у источника Преподобнаго Серафима исцѣлился глухонѣмой крестьянинъ Томской губерніи, Минусинскаго уѣзда, Корочинской волости, Василій Степановъ Іовлевъ, 12 лѣтъ. Какъ видно изъ свидѣтельства мѣстнаго врача, онъ былъ боленъ съ дѣтства. Выкупавшись въ купальнѣ, онъ заговорилъ и сталъ слышать.

Въ этотъ же день исцѣлилась слѣпая крестьянка Симбирской губерніи, Ардатовскаго уѣзда, Аграфена Елизарова, 18 лѣтъ. По словамъ ея, она ослѣпла 13 лѣтъ назадъ. Пришедши въ Саровъ съ родными, она была отведена къ источнику, и лишь только, перекрестившись, выпила воды и намочила ею глаза, какъ стала видѣть, сперва какъ бы въ туманѣ, къ вечеру же зрѣніе ея еще болѣе улучшилось, и она стала ясно различать предметы.

По поводу этихъ изцѣленій корреспондентъ „Новаго Времени“, г. Прокофьевъ, пишетъ:

„Первое мѣсто паломничества—это къ источнику въ лѣсу, гдѣ устроены купальни дворянскія и народныя, вода родниковая, холодная, град. 4.

Источникъ Серафима каждый день являетъ чудеса исцѣленій, по десяти, по двѣнадцати благодатныхъ случаевъ регистрируется специально въ полицейскомъ управленіи и у іеромонаха, къ этому прѣставленнаго. Едва ли не самымъ выдающимся было исцѣленіе одного мальчика съ скроченными руками и ногами,

сіяющее, весело, потомъ потагивавшаго руки, ноги. Затѣмъ Васютка, симпатичный мальчикъ, отъ рожденія глухонѣмой, приѣхалъ изъ Сибири, изъ Енисейской губерніи, и послѣ второго купанья 14-го іюля заговорилъ^а.

Корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ сообщаетъ, что въ Онучивѣ (Нижегородск. губ.), на постояломъ дворѣ онъ услышалъ объ одномъ исцѣленномъ. „За двѣ недѣли до того, рассказываетъ корреспондентъ, у этого дворника останавливался мужчина, торговецъ, изъ-за Казани, въ 60 верстахъ отъ этого города. Еще молодой, 42-лѣтній, полный и красивый мужчина, онъ плохо владѣлъ ногами, волоча ихъ: ходилъ, по словамъ дворника, „движкомъ“. На источникѣ отца Серафима онъ получилъ полное исцѣленіе. По словамъ дворника, онъ разъ 15 пробѣжался по его лѣстницѣ, радуясь своему вальченію, не чуя подъ собою ногъ“.

Тотъ же корреспондентъ рассказываетъ: „Я видѣлъ исцѣленныхъ. Одна женщина изъ Вѣрнаго, Семырѣченской области: слѣ-порожденная—прозрѣла.

Извѣстный петербургскій проповѣдникъ Орнатскій спрашивалъ ее, что она видитъ—и нарочно спряталъ съ груди золотой крестъ за расу. Потомъ вынулъ его.

— Вuju у тебя на груди свѣтъ, отвѣтила она.

Другаго прозрѣвшаго мальчика мать не повѣрила чуду. Но, когда она отошла неслышно отъ сына, и тотъ побѣжалъ за нею, пришлось признать счастливую дѣйствительность.

Разслабленные ходить. Изумительно выраженіе лицъ исцѣлившихся дѣтей. Я видѣлъ вчера въ 6 час. одного 11 лѣтъ мальчика, не ходившаго два года; его держала за руку бабушка, съ плечемъ рассказывавшая о чудѣ, а мальчикъ съ чрезвычайною радостію въ глазахъ и отпечаткомъ чего то не земнаго на лицѣ.

Одинъ старикъ послѣ троекратнаго купанія пошелъ,—старикъ, рассказывающій, какъ долго „онъ не былъ хозяинъ своего тѣла“!

Чудеса совершаются и заочно.

Такъ, по молитвамъ Преподобнаго исцѣлилась крестьянка Казанской губерніи, Елизавета Газочкина, нѣсколько лѣтъ страдавшая злокачественнымъ лишаемъ. Она получила облегченіе, давъ обѣщаніе побывать въ Саровѣ, и по пути совсѣмъ выздоровѣла.

28 іюня въ часовнѣ надъ могилой преподобнаго Серафима исцѣлилась отъ слѣпоты заболѣвшая 5 лѣтъ тому назадъ крестьянка села Коровенки, Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи, Елена Никитина Куломзина, 25 лѣтъ. Исцѣленіе совершилось послѣ утренн-

„Правительственный Вѣстникъ“ сообщаетъ, что во время богослуженія при открытіи святыхъ мощей совершилось чудесное исцѣленіе: въ моментъ положенія въ раку мощей, заговорила нѣмая 12-ти-лѣтняя дѣвочка, не говорившая въ теченіе двухъ лѣтъ. Это дивное знаменіе милости Божіей совершилось надъ московскою куческою дочерью Екатериной Масленинковой. Родители ея на лѣченіе дочери у лучшихъ Московскихъ врачей напрасно издержали половину своего состоянія. Въ этотъ день по сообщенію „Правит. Вѣстника“ записано 14 исцѣленій.

— *Одна изъ современницъ жизни св. старца Серафима.* Корреспондентъ Моск. Вѣд. рассказываетъ, что вблизи Сарова въ Давѣевскомъ монастырѣ до сихъ поръ живетъ старушка, знавшая преп. Серафима при жизни и теперь присутствовавшая при его прославленіи. Вотъ что она пишетъ:

„Я не могъ зайти къ почтенной старушкѣ Еленѣ Ивановнѣ Мотовиловой, живущей въ Давѣевѣ. Она единственная осталась въ живыхъ изъ тѣхъ, кто зналъ старца. Ея воспоминанія о старцѣ необыкновенно интересны, и она безгранично чтить его. Ея покойный мужъ, помѣщикъ Н. А. Мотовиловъ, получилъ отъ старца замѣчательное исцѣленіе странной болѣзни ногъ. Однажды крупный нижегородскій помѣщикъ, съ которымъ я встрѣтился въ вагонѣ, рассказывалъ мнѣ, что это исцѣленіе было широко извѣстно, и что именно ради этого обстоятельства покойная мать рассказчика смотрѣла на Мотовилова какъ на любимое духовное дитя старца Серафима.

Мнѣ говорили, что чрезвычайно трогательна была Е. И. Мотовилова, когда происходило перенесеніе гроба старца изъ его могилы въ церковь Зосимы и Савватія. Старушка бывшая при похоронахъ старца, упавъ на колѣни при появленіи гроба изъ нѣдръ земли, закричала: „Кормилецъ мой, 70 лѣтъ назадъ я видѣла, какъ тебя опускали въ могилу. А теперь ты выходишь изъ нея“.

— *Прославленіе святыхъ отъ русской Церкви.* Въ виду недавняго торжества въ Саровѣ считаемъ нелишнимъ познакомить читателей съ вопросомъ о канонизаціи и необходимыми условіями ея.

Слово *канонизація* взято изъ латинскаго языка и значитъ—привченіе къ лику святыхъ, внесеніе имени какого-либо подвижника благочестія въ святцы. Въ свою очередь названное латинское слово произошло отъ греческаго—*κανών*. Послѣднее же имѣетъ слѣдующія значенія: 1) правило, отвѣсъ, 2) правило, законъ и 3) списокъ, каталогъ. Съ послѣднимъ значеніемъ это слово примѣ-

няется какъ къ книгамъ Священнаго Писанія, такъ и къ клиру: канонъ книгъ Св. Писанія—значить списокъ книгъ Св. Писанія, а древнее слово каноники, прилагавшееся къ священно-церковно-служителямъ, (Васил. Вел. пр. 6; 1 всел. Соб. прр. 16 и 17 и др.) означало особую корпорацію людей, числившихся въ церковныхъ спискахъ. Отсюда вполне понятнымъ и вполне цѣлесообразнымъ является и производное отъ ханѳоу слово canonisatio, т. е., внесене въ списокъ святыхъ, или „причтеніе къ лику святыхъ“.

Условія или правила, безъ которыхъ канонизація не можетъ быть совершена, заключаются въ слѣдующемъ.

Высшая русская церковная власть, прежде чѣмъ причислить того или иного подвижника благочестія къ лику святыхъ, удостоверяется въ томъ, *совершались ли чудеса отъ этого святого по жизни и непорочно умершаго подвижника*—при жизни его, или же по смерти, какъ бывало въ большинствѣ случаевъ, у его гроба и отъ его мощей. Даръ чудотвореній, такимъ образомъ, какъ прежде, такъ и теперь, является необходимымъ основаніемъ для канонизаціи святыхъ. Въ доказательство того, что именно это условіе было первымъ и единственнымъ для канонизаціи, можно привести слѣдующій примѣръ. Первыми русскими святыми считаются Борисъ и Глѣбъ, умершвенные Святуполкомъ; вмѣстѣ съ ними былъ убитъ и третій ихъ братъ Святославъ, но о чудесахъ послѣдняго не было извѣстно Церкви, а потому онъ и не былъ канонизованъ.

Но въ этомъ общаго правила для канонизаціи было въ Русской Церкви и немного исключеній. Это прежде всего должно сказать о великомъ кievскомъ князѣ св. Владимірѣ. Послѣдній былъ причисленъ къ лику святыхъ послѣ нашествія монголовъ, когда гробъ его былъ погребенъ подъ развалинами Десятинной Церкви, и притомъ былъ канонизованъ не въ Киевѣ, а въ Новгородѣ; о чудесахъ отъ него ничего не было извѣстно, и онъ былъ канонизованъ не какъ чудотворецъ, а какъ просвѣтитель Руси св. вѣроу Христовоу, т. е. какъ равноапостольный.

Что же касается вопроса о томъ, какъ высшая церковная власть освѣдомляется о чудесахъ того или иного подвижника, на это надо отвѣтить слѣдующее. На мѣстѣ, гдѣ покоится прахъ подвижника, ведется извѣстными лицами запись всѣмъ достовѣрнымъ чудесамъ, причемъ доносится объ этомъ куда слѣдуетъ иногда съ присоединеніемъ ходатайства о канонизаціи. Послѣ этого высшая церковная власть производитъ чрезъ особо назначаемую изъ духовныхъ

и свѣтскихъ лицъ, комиссію, „свидѣтельство“, т. е. дознаніе о достовѣрности чудесъ и, наконецъ, дѣлаетъ распоряженіе о совершеніи канонизаціи, съ назначеніемъ для нея опредѣленнаго дня. Такимъ образомъ, весь порядокъ канонизаціи всегда заключался и заключается въ слѣдующемъ: записываніи чудесъ, донесеніи о нихъ церковной власти съ присоединеніемъ или безъ присоединенія прямого ходатайства о совершеніи канонизаціи, дознаніи церковной власти объ истинности чудесъ и, наконецъ, самомъ причтеніи подвижника къ лику святыхъ, съ назначеніемъ дня для празднованія его памяти.—Канонизація святыхъ въ Русской Церкви не совершается по какому либо особому установленному богослужебному чину, какъ напр. въ Римской Церкви, а заключается въ возможно свѣтло и благолѣпно обставленномъ праздничномъ служеніи новоявленному святому, въ присутствіи, если можно, всего окрестнаго духовенства и населенія.—Днемъ ежегоднаго празднованія святому назначается или день его рожденія, или день ангела, или день кончины, или день обрѣтенія мощей, или же всѣ эти дни.

Новоявленному святому составляется особая служба и составляется его житіе; иногда, особенно въ послѣднее время, все это готовится ко дню канонизаціи.

Вѣдшимъ знакомъ почитанія святого служатъ устраиваемый ему монументъ надъ гробомъ его, называемый надгробницею или ракой. Слово „рака“ произошло отъ греческаго слова *ἄρκα* чрезъ перестановку буквъ; подобныя перестановки буквъ встрѣчаются въ разныхъ языкахъ: напр. латинское слово—*agrus* (плечо), а по славянски—рамо; нѣмецкое—*arbeit*, по-русски работа; варяжское—*Aldoga*, русское Ладога и др.; греческое слово *ἄρκα* есть латинское *arca*—ящикъ, сундукъ, гробъ. У Волгарь, вмѣсто *рака* говорится *ракла*, что есть греческое *ἄρκα*, употреблявшееся вмѣсто *ἄρκα*. «Совр. Лѣт.».

Коснувшись раки надъ гробами святыхъ, мы должны сказать нѣсколько словъ и о мощахъ святыхъ. Принятое въ славянскомъ, а потомъ и въ русскомъ языкѣ обозначеніе святыхъ останковъ словомъ „мощи“ останавливаетъ наше вниманіе на филологическомъ значеніи этого слова.

Миклошичъ и Срезневскій въ своихъ словаряхъ древнеславянскаго языка переводятъ слово мощи, мощи греческимъ *λείψανα* и латинскимъ *reliquiae* (Миклошичъ и словомъ *cadaver*).

Дюванжъ въ своемъ словарѣ *λείψανον* передаетъ словами *cadaver, corpus vitâ functi*. Такимъ образомъ, въ переводѣ на нашъ обще-

употребительный языкъ, *мощи* обозначаютъ мертвое тѣло, бранные останки человѣка.

Подтвержденіе такого толкованія мы находимъ въ нашемъ современномъ требникѣ, въ чинѣ погребенія (послѣдованіе мертвенное мірскихъ тѣлъ). Здѣсь читается:

„Скончавшуся кому отъ православныхъ, абіе призываютъ сродницы его священника, иже пришедъ въ домъ, въ немже *мощи* усопшаго лежатъ, и возложивъ епитрахиль, и вложивъ ошіямъ въ кадильницу, кадитъ тѣло мертваго и предстоящихъ и начинается обычно“.

Истолковывая слово *reliquiae*—останки, соотвѣтствующее, по Миклошичу и Срезневскому, реченію *мощи*, Дюканжъ говоритъ: въ древнихъ надписяхъ *reliquiae* (останки) различаются отъ *сoгpиs* (тѣло). Словомъ *сoгpиs* указывается на погребенное въ саркофагѣ цѣлое тѣло, а словомъ *reliquiae* на пепель отъ сожженнаго тѣла. У христіанъ, продолжаетъ Дюканжъ, одно значеніе имѣло слово *сoгpога* (тѣла святыхъ) и другое—*reliquiae sanctorum* (ихъ останки).

Такое же различеніе находимъ мы и въ памятникахъ русской церковной древности. Повѣствуя объ обрѣтеніи святыхъ мощей, современныя этимъ событіямъ сказанія о нихъ описываютъ святые мощи иногда какъ „цѣло и свѣтло соблюдшееся тѣло“, а иногда, и *притомъ болѣею частію*, какъ *цѣлыя кости*. Свидѣтельство этому находится въ лѣтописномъ сказаніи о досмотрѣ святыхъ мощей, произведенномъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ въ 1472 г., когда:

„Іону цѣла суца обрѣтоша, Фотѣя же цѣла суца не всего, едины ноги только въ тѣлѣ, Кипреана всего истлѣвши: едины мощи“.

Сопоставленіе лѣтописныхъ сказаній объ обрѣтеніи святыхъ мощей даетъ профессору Голубинскому основаніе утверждать, что „предки наши разумѣли подъ ними (мощами) по преимуществу *кости*, ибо слово *мощи* значитъ кости“. Мы, однако, думаемъ на основаніи изложенныхъ выше соображеній, что слово „мощи“ удобнѣе понимать шире, вообще какъ „останки“ умершаго.

Среди русскаго общества распространено мнѣніе, что для пріятенія подвижника къ лику святыхъ необходимо, чтобы мощи его сохранились цѣлыми, не тронутыми тлѣніемъ. „Кто не въ тѣлѣ, говорятъ, тотъ и не святъ“. Но такое мнѣніе надобно считать невѣрнымъ.

„Нетлѣніе мощей вовсе не считается общимъ *непремѣннымъ* признакомъ для прославленія святыхъ угодниковъ“, говоритъ высокопреосвященный митрополитъ Антоній. И его мнѣніе подтверждаетъ исторія канонизаціи святыхъ. Извѣстно, что одни угодники Божіи были прославлены церковью *до открытія ихъ мощей* (преп. Ѳеодосій Печерскій, св. митр. московскій Петръ), *другіе послѣ*, при чѣмъ самое открытіе мощей совершалось нерѣдко случайно, при разрываніи могилъ, перестройкѣ храмовъ (св. Митрофаній Воронежскій) и проч. А нѣкоторые святые прославлены церковью, несмотря на то, что мощей ихъ вовсе не сохранилось (св. князь Владиміръ Кіевскій и др.). Первымъ и самымъ главнымъ условіемъ прославленія угодниковъ, какъ выше было замѣчено, православная церковъ ставила святость жизни, а главнѣйшимъ знакомъ прославленія подвижниковъ самимъ Богомъ, — чудеса, совершаемая какъ у самаго гроба почившаго, такъ и вдали отъ него, по молитвѣ. Если жизнь подвижника оказывается безупречной, а чудотворенія подтверждаются официальнымъ порядкомъ, — тогда и самое нетлѣніе мощей считается только дополнительнымъ чудодѣйственнымъ актомъ Божественнаго прославленія угодника.

Въ противномъ случаѣ, если мощи сохранились даже въ полной цѣлости, православная церковъ не считаетъ ихъ святыми. Церковное открытіе мощей есть не что иное, какъ торжественное засвидѣтельствованіе святости тѣхъ, которые уже прославлены самимъ Богомъ. Есть не мало такихъ мощей, которыя и доселѣ извѣстны церкви какъ нетлѣнныя, но тѣмъ не менѣе не прославляются. Сохранились-ли нѣкоторые изъ нихъ вслѣдствіе благоприятныхъ физическихъ условій, есть-ли въ другихъ случаяхъ это—дѣло промысленія Божественнаго, такъ или иначе, но церковъ не причисляетъ къ лику святыхъ тѣхъ лицъ, о святости которыхъ ей ничего неизвѣстно, и тѣмъ болѣе—людей, завѣдомо не принадлежащихъ къ избранному Христову стаду. Въ склепѣ Ревельскаго собора и доселѣ хранится нетлѣннымъ тѣло герцога де-Кроа, но о его прославленіи не можетъ быть и рѣчи,—такъ какъ онъ — протестантъ, и православная церковъ не можетъ считать его „угодникомъ“ Божіимъ, а протестанты—почитаніе мощей отвергаютъ. Мощи есть и у язычниковъ. Проф. А. Н. Красновъ видѣлъ ихъ у буддійскихъ монаховъ *).

*) Въ защиту почитавія нетлѣнныхъ мощей св. угодниковъ Божіихъ. Свещ. Г. Ключарева (Ставрополь, 1903 г.). Стр. 3.

нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ не позволяетъ тѣлу разлагаться. Благодаря отсутствію влаги и сухости воздуха, въ сухихъ и прохладныхъ склепахъ Палермо и на С.-Готардѣ сохранилось много тѣлъ, обратившихся въ засохшія муміи. Въ почвѣ, состоящей изъ перегнойно-кислыхъ соединеній, разобщеніе съ атмосферой, при сильномъ давленіи, и вода оказываютъ такое же вліяніе, какъ отсутствіе влаги и тяга сухого воздуха. Поэтому, въ сибирскихъ тундрахъ и въ глубокихъ торфяныхъ болотахъ Ирландіи также сохраняются въ цѣлости много труповъ людей и животныхъ. Сохранились, наконецъ, нѣкоторыя мощи и внѣ этихъ особенно исключительныхъ условій,—но прославленія ихъ не было и не будетъ. Въ Киево-Печерской лаврѣ и доселѣ хранятся въ нетлѣннн мощи митрополита Тобольскаго Павла Конюсевича (ум. на покоѣ въ лаврѣ въ 1770 г.), но къ лику угодниковъ Божіихъ этотъ Святитель не причисленъ. Тѣло митрополита Филиппа I, обрѣтенное нетлѣннымъ въ 1479 г., стояло открымъ 12 дней и, такъ какъ никакихъ указаній на святость митрополита не было, оно снова было предано землѣ. Еще болѣе поразительный случай былъ въ 1724 году. Киевскій архіепископъ Варлаамъ Валатовичъ донесъ Св. Синоду, что въ Киевскихъ городкахъ Готвѣ и Сорочинцахъ стояли въ церкви тѣла двухъ женщинъ (одно уже лѣтъ 10, а другое 15), что „понеже ни единого достовѣрнаго свидѣтельства чудодѣйствія ихъ не обрѣталось, то онѣ приказалъ въ тѣхъ же церквахъ, гдѣ они стояли, вырыть глубокія ямы и закопать честно, съ обычною литією“. И Св. Синодъ одобрилъ это распоряженіе, какъ согласное съ практикой правъ церкви. Изъ сказаннаго ясно, что—по воззрѣніямъ прав. церкви—„нетлѣнныя мощей вовсе не считается общимъ *непремѣннымъ* условіемъ для прославленія святыхъ угодниковъ“...

Христіанская вѣра не смущается тѣмъ, что тѣло угодника отчасти или даже совершенно поддается тлѣнію. Божественный приговоръ — „Земля еси и въ землю отыдеши“ иногда тяготѣетъ надъ останками святыхъ уже *и послѣ того, какъ они были прославлены* церковію. При завоеваніи Константинополя много мощей было сожжено, много потоплено въ морѣ; при пожарѣ въ Кіевѣ 1718 года мощи св. Іуліанія Полоцкой обгорѣли. Ясно, что сила смерти можетъ быть окончателно уничтожена только въ новой жизни (1 Кор. XV, 26). Мощи—святиня, но иногда они сохраняются отъ разрушенія силою Божіею, а иногда, по волѣ Божіей, предоставляются всецѣло и попеченію человека или ставятся въ

зависимость отъ вліянія стихій. Отсюда, наша обязанность—хранить ихъ, „какъ драгоценное сокровище, болѣе дорогое чѣмъ всѣ камни и золото“.

Глубокая христіанская древность завѣщала намъ чествованіе священныхъ останковъ. Въ сказаніяхъ о мученичествѣ Свв. Игнатія Богоносца и Поликарпа Смирнскаго,—мужей апостольскихъ, читаются слѣдующія глубоко-поучительныя строки:

„Исполнилось желаніе Св. Мученика Игнатія, чтобы не обременить никого изъ братій собираніемъ его останковъ, такъ какъ онъ прежде въ письмѣ желалъ, чтобы таковъ былъ конецъ его. Ибо остались только твердѣйшія части его тѣла, которыя отвезены въ Антиохію и положены въ полотно, какъ неоцѣненное сокровище, по благодати, обитавшей въ Мученикѣ, оставленное Св. Церкви“. „Мы потомъ собрали его (Св. Поликарпа) кости,—кровище драгоценнѣе дорогихъ камней и чище золота, и положили ихъ гдѣ слѣдовало“.

Блаженный Иеронимъ въ письмѣ къ пресвитеру Руперію говоритъ слѣдующее. „Мы чествуемъ останки Мучениковъ, чтобы Божески чтить Того, Коего они суть Мученики. Чествуемъ слугъ, чтобы чествованіе ихъ восходило ко Владыкѣ, Который сказалъ: *иже васъ приемлетъ, Мене приемлетъ* (Матѣ. 10, 40)“.

Св. Иоаннъ Златоустъ учитъ въ бесѣдѣ о Мученикахъ: „не только кости Мучениковъ, но и гробы ихъ и раки источаютъ великое благословеніе“; въ похвальномъ словѣ Св. Игнатію Богоносцу тотъ же великій витія говорить:

„Не только тѣло, но и самые гробы святыхъ преисполнены духовныхъ даровъ благодати. Посему я призываю всѣхъ васъ,—въ печали ли кто, въ болѣзни ли, въ обидѣ ли, въ другомъ ли какомъ мірскомъ несчастіи или во глубинѣ грѣховной,—теките сюда съ вѣрою: вы получите помощь и съ великою радостію возвратитесь отсюда, приобрѣтши однимъ возрѣніемъ облегченіе совѣсти вашей.. Сіе сокровище благопотребно для всѣхъ, сіе пристанище корыстно—и для несчастныхъ, ибо освобождаетъ ихъ отъ бѣдствій,—и для счастливыхъ, ибо утверждаетъ ихъ счастье, и для болящихъ; ибо возвращаетъ имъ здравіе,—и для здоровыхъ, ибо отвращаетъ болѣзни“.

Отцы Седьмаго Вселенскаго Собора постановили: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ даровалъ намъ мощи Святыхъ, какъ спасительныя источники, многообразно изливающіе благодѣянія на немощныхъ. Итакъ, дерзнувшіе отвергать мощи Мучениковъ, о кото-

рыхъ знали, что онѣ подлинныя и истинныя: если то епископы или клирики,—да низложатся; а если иноки и миряне, да лишатся приобщенія“.

„У святого человѣка все свято и чудодѣйственно, даже тѣнь, даже одежда, а не одно тѣло или кости. Даже прахъ, по которому ступали ноги святого приобретаетъ цѣлебную силу“ говорить и современный намъ витія, высокопресвященный Антоній.

Конечно, во всё времена были враги почитанія мощей, были и кощунственные эксплуататоры религіознаго чувства, дѣлавшіе святыню предметомъ торговли и обмана. Недаромъ Θεодосій Старшій былъ вынужденъ издать указъ, запрещающій откапывать мощи и переносить ихъ на другія мѣста. Ратовали противъ мощей евстаіане, ратовали иконоборцы, ратовали въ средніе вѣка—богомилы, альбигойцы, виклефіане. Но—скажемъ словами Златоуста—„колицы ратоваша на церковь и ратовавше погибша“!.. „Русск. Пал.“.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Отъ Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи.

Для студентовъ I—III курсовъ Академіи, имѣющихъ держать экзамены по нѣкоторымъ предметамъ въ началѣ будущаго (1903—4) учебнаго года, Совѣтомъ Академіи назначено днемъ этихъ экзаменовъ для всѣхъ студентовъ и по всѣмъ предметамъ—3 сентября 1903 года, безъ права перенесенія экзаменовъ на другой день.

Пріемные экзамены для вновь поступающихъ въ Академію студентовъ будутъ произведены по слѣдующему распisanію:

Письменные: 18 августа (понедѣльникъ) поученіе; 19 (вторникъ) по нравственному богословію; 20 (среда) по философскимъ предметамъ.

Устные:

22 (пятница). Древніе языки—для 1-й группы экзаменующихся. Догматическое богословіе—2-й группы.

23 (суббота). Древніе языки—для 2-й группы. Догматическое богословіе—1-й группы.

25 (понедѣльникъ). Общая церковная исторія—для 1-й группы. Русская церковная исторія—2-й группы.

26 (вторникъ). Общая церковная исторія—для 2-й группы. Русская церковная исторія—1-й группы.

27 (среда) и 28 (четвергъ). Священное Писаніе Ветхаго Завѣта. Для 1-й и 2-й группы.

Сентябрь.

1 (понедѣльникъ) и 2 (вторникъ). Священное Писаніе Новаго Завѣта. Для 1-й и 2-й группы.

Примѣчаніе. Если число экзаменующихся будетъ очень значительно, они будутъ раздѣлены на три группы.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ БРОШЮРА

Профессора А. ГУСЕВА:

„Старокатолическій отвѣтъ на наши тезисы по вопросу о Filioque и пресуществленіи“.

(ПОЛЕМИКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ).

КАЗАНЬ. 1903 Г. ЦѢНА 1 РУБ.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ А. А. Дубровина въ Казани: 1) на Воскресенской ул., д. Мартинсонъ и 2) въ Гостинномъ дворѣ № 1-й.

Учитель пѣнія и регентъ

Озургетскаго Духовнаго Училища г. Кунда, имѣющій свидѣтельство объ окончаніи курса въ Придворной капеллѣ, желаетъ перемѣнить мѣсто.

Адресъ: Великій Бобрикъ, Сумскаго уѣзда, Харьковской губ. Филарету Яблоновскому.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

ИКОНОСТАСНАЯ И ЦОВОЛОТНАЯ

МАСТЕРСКАЯ

Алексѣя Петровича ПЕТРОВА съ С-ми

— « Существуетъ съ 1869 года. » —

МОСКВА, 1-я МѢЩАНСКАЯ, ДОМЪ № 98.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-РЪЗНЫЕ, ЖИВОПИСНЫЕ и ИКОНОПИСНЫЕ РАБОТЫ,

какъ-то: Церковные иконостасы (и военно-походные) въ разныхъ строго издержанныхъ стиляхъ, мѣстные и запрестольные кресты, балдахины надъ престолами, гробницы подъ плащаницу, запрестольные кресты и рамы съ тумбами, кресты съ предтоисками съ рѣзной горой, аналои, престолы, жертвенники, свѣчные лампы и зеркала для присутственныхъ мѣстъ,

А ТАКЖЕ ПРОИЗВОДИТСЯ РЕСТАВРАЦІЯ

ИКОНОСТАСОВЪ, ИКОНЪ, ВНУТРЕННЕЙ и НАРУЖНОЙ ЖИВОПИСИ въ ХРАМАХЪ и пр. и ЗОЛОЧЕНІЕ ГЛАВЪ и КРЕСТОВЪ.

Рисунки, смѣты и чертежи вымылаются по первому требованію.

1 РУБ.
за 2 мѣсяца съ
дост. и перес.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1903 годъ
(изд. XVIII годъ)

6 Р.
за годъ съ
дост. и перес.

иллюстрированный журналъ для семьи

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

подъ редакцію А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи Отца
ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

52 №№ журнала до 2000 столбц.
тѣста и до 300 иллюстр. Очерки,
рассказы, стихотворенія, статьи
бытового, нравственнаго и историческаго
содержанія, воспоминанія и предан. русск.
старина, отклики на вопросы современ-
ной жизни.

12 книгъ до 2400 стран. убористой
печати, заключающихъ въ себѣ
повѣсти изъ исторіи русскаго
народа и православной церкви, очер-
ки и рассказы изъ исторіи библей-
ской, общей и церковной, описаніе
святынь и т. п.

И кромѣ того **БЕЗПЛАТНО** будетъ выдано:

6 книгъ до 1000 стран. всемірно-извѣстнаго труда досточтимнаго автора отца
ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО

МОЯ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТѢ.

Это сочиненіе, переведенное почти на всѣ европейскіе языки, служитъ прекрас-
нымъ руководствомъ къ духовной жизни для всѣхъ, кто стремится приблизить въ
свою личную жизнь къ тому идеалу, къ которому призываетъ читателей всероссійскій
пастырь апостольскимъ завѣтомъ: „Подражайте мнѣ, какъ и я Христу“.

2 книги (болѣе 400 страницъ, 105 фотогравюръ, карта и 3 плана)
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО СВ. МѢСТАМЪ ВОСТОКА

Составилъ А. А. Павловскій, специально въ началѣ 1902 года командированный
отъ редакціи „Русскаго Паломника“ на Афонъ и въ Палестину.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ „Русск. Пал.“ БУДУТЪ СОДЕРЖАТЬ:

1) Отецъ Герасимъ Пов. изъ жизни серб-
скаго народа подъ тур. вѣгомъ. Д. Илича	7) Богомъ отиѣченный. Быль изъ жизни
старца-подвижника. Г. Т. Сѣверцева.
2) За братьевъ-славянъ. (По поводу 25-л.
войны 1877-78 гг.) И. В. Преображенскаго.	8) Жизненные вопросы (По сочиненію
Фомы Франка). Н. П. Двигубскаго.
3) Старецъ Серафимъ и Саровская лу-
сть. С. А. Архангелова.	9) На стражѣ православія. Повѣсть изъ
жиз. украин. дух. XVIII в. В. А. Радича.
4) Минушія судьбы Петербургскаго края.
Церковно-истор. оч. О. В. Четверкина.	10) Сонъ великаго хана. Историческая
повѣсть М. Н. Лебедева.
5) Федосеевскій Владыка. Повѣсть изъ
исторіи раскола XVIII в. Н. Н. Алек-
сѣева-Куягурцева.	11) „Господь воцарится“. Десять кар-
тинъ славы Господа Іисуса Христа. В.
Моно. Перев. С. Моложаваго.
6) Адептъ годъ (Иезуиты въ Россіи) Цер-
ковно-истор. хроника. Н. О. Лихарева.	12) Подъ гнетомъ уни. Истор. пов. изъ
быта Бѣлорус. XVIII в. Н. Стрѣшнева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ: безъ доставки въ Слб. **пять** руб., съ до-
ставкой и перес. во всѣ города Російской имперіи **шесть** р., за границу **8** р.
Допускается разсрочка: при подпискѣ **2** р., къ 1 апрѣля **2** р. и къ 1 июля остальное.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремляная ул., № 12, собств. домъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Августа № 15. 1903 года.

Содержаніе. Росписаніе на весь годъ часовъ дня, въ которые долженъ производиться благовѣстъ въ Церквахъ Харьковской Епархіи.—Высочайшее повелѣніе о возвышеніи служебныхъ правъ и преимуществъ помощниковъ инспекторовъ духовныхъ семинарій.—Высочайшая отиѣтка.—Опредѣленія Святѣйшаго Синода 1) по поводу Высочайшей отиѣтки на всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи Псковской губерніи за 1901—1902 г., 2) о введеніи преподаванія соматологіи и гигиены въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—Разъяснительное постановленіе Святѣйшаго Синода по вопросу о порядкѣ производства Правленіями духовно-учебныхъ заведеній испытаній на званіе учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы въ лѣтніе мѣсяцы.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи объявленіе.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

РОСПИСАНІЕ

на весь годъ часовъ дня, въ которые долженъ производиться благовѣстъ въ церквахъ Харьковской Епархіи.

А. ВЪ Г. ХАРЬКОВѢ.

1. БЛАГОВѢСТЪ КЪ ВЕЧЕРНЯМЪ.

Въ 1 часъ по полудни: въ Соборѣ и въ приходскихъ церквахъ въ навечерія Рождества Христова и Богоявленія, если они случатся въ субботу или воскресенье, въ приходскихъ церквахъ въ великій пятокъ.

Въ 2 часа по полудни: въ Соборѣ въ великій пятокъ.

Въ 4 часа по полудни: въ Соборѣ и въ приходскихъ церквахъ на первый день Пасхи и въ субботу сыропустную.

Въ 5 часовъ пополудни: къ вечернѣ, соединенной съ утренею, въ Соборѣ и въ приходскихъ церквахъ въ воскресные, праздничные и простые дни въ теченіе всего года.

2. БЛАГОВѢСТЪ КО ВСЕНОЩНЫМЪ БДѢНІЯМЪ.

Въ 6 часовъ вечера: во весь годъ наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Въ это же время производится благо-

вѣсть къ Андрееву стоянію, къ Страстямъ и въ навечеріе субботы акаѳиста.

3. БЛАГОВѢСТЬ КЪ УТРЕНЯМЪ.

Въ 12 часовъ ночи: на первый день Пасхи.

Въ 4 часа утра: въ праздники Рождества Христова, Богоявленія и Благовѣщенія.

Въ 4 часа утра: въ великую субботу.

4. БЛАГОВѢСТЬ КЪ РАННИМЪ ЛИТУРГІЯМЪ.

Въ 6 часовъ утра: во всѣ дни года, когда бываетъ ранняя литургія.

5. БЛАГОВѢСТЬ КЪ СРЕДНИМЪ, ПО ВРЕМЕНИ, ЛИТУРГІЯМЪ.

Въ 8 часовъ утра: въ приходскихъ церквахъ на Пасхальной недѣлѣ, начиная со среды, въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ, въ субботы: Троицкую, Дмитріевскую и мясопустную, въ средніе праздники: Іоанна Богослова, 8 мая, св. пророка Іліи, 20 іюля, св. великомученика Пантелеимона, 27 іюля, Архистратига Михаила, 8 ноября, и въ тѣ высокаторжественные дни, когда совершается только одна литургія.

6. БЛАГОВѢСТЬ КЪ ПОЗДНИМЪ ЛИТУРГІЯМЪ.

Въ 8 часовъ утра: въ Покровскомъ монастырѣ на первый день Пасхи.

Въ 9 часовъ утра: во всѣ воскресные, праздничные, высокаторжественные и въ тѣ простые дни, когда по какому либо случаю бываетъ поздняя литургія.

Въ 10 часовъ утра: на Пятидесятницу и къ Прежеосвященнымъ литургіямъ.

Въ 11^{1/2} часовъ утра: въ навечерія Рождества Христова и Богоявленія и въ Великую субботу.

7. БЛАГОВѢСТЬ КЪ ЧАСАМЪ.

Въ 9 часовъ утра: во всѣ простые дни великаго поста и въ навечерія Рождества Христова и Богоявленія.

Въ 10 часовъ утра: въ великій пятокъ.

8. ДВѢ ЛИТУРГІИ, РАННЯЯ и ПОЗДНЯЯ, СОВЕРШАЮТСЯ:

Въ Каедральномъ Соборѣ и въ Покровскомъ Монастырѣ— во всѣ дни года, за исключеніемъ тѣхъ, въ которые, по уставу, не можетъ совершаться ранняя литургія.

Въ приходскихъ двухклирныхъ Церквахъ— во всѣ воскресные дни и въ великіе праздники, на второй день Рождества Христова, на второй и третій день Пасхи, въ день перенесенія мощей св. Николая, 9 мая, въ Духовъ день, въ день памяти свв. Апостоловъ Петра и Павла, 29 іюня, на Усѣкновеніе главы св. Іоанна Предтечи, 29 августа, въ день памяти св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, 30 августа, въ день св. Ап. Іоанна Богослова, 26 сентября, на Покровъ Божіей Матери, 1 октября, въ день празднованія въ честь Казанской иконы Божіей Матери, 22 октября, въ день памяти святителя Николая, 6 декабря:

Во всѣхъ церквахъ г. Харькова, при которыхъ состоитъ не менѣе двухъ священниковъ, Богослуженіе совершается ежедневно. Въ одноклирныхъ приходскихъ церквахъ Богослуженіе совершается не менѣе трехъ дней въ недѣлю.

Между началомъ благовѣста и началомъ Богослуженія долженъ быть промежутокъ и служба должна начинаться только по окончаніи благовѣста.

Настоятели церквей строго наблюдаютъ за звонарями, чтобы они не совершали благовѣста ранѣе показаннаго въ семь расписаніи времени и начинали таковой не ранѣе благовѣста въ каедральномъ Соборѣ. Виновные въ нарушеніи указанныхъ часовъ благовѣста подвергаются взысканію. Наблюденіе за точнымъ порядкомъ въ благовѣстѣ со стороны настоятелей и звонарей возлагается на городскихъ благочинныхъ, которые о виновникахъ нарушенія сихъ правилъ даютъ знать ключарю Собора, для доклада Епархіальному Архіерею.

В. ВЪ УѢЗДНЫХЪ и ЗАШТАТНЫХЪ ГОРОДАХЪ.

Соборныя церкви уѣздныхъ и заштатныхъ городовъ относительно Богослуженія во всемъ подчиняются правиламъ, указаннымъ для Харьковскаго каедральнаго Собора.

Приходскія двухклирныя церкви этихъ городовъ слѣдуютъ правиламъ, установленнымъ для Харьковскихъ двухклирныхъ приходскихъ церквей.

Одноклирныя церкви этихъ городовъ руководствуются правилами, установленными для Харьковскихъ одноклирныхъ церквей.

Отступаютъ церкви этихъ городовъ отъ правилъ, установленныхъ для г. Харькова, только въ слѣдующемъ:

1. Въ соборахъ этихъ городовъ въ простые дни совершается только одна литургія, ранняя.

2. Въ одноклирныхъ церквахъ этихъ городовъ а) въ воскресные и праздничные дни совершается литургія ранняя, средняя, или поздняя, смотря по мѣстнымъ условіямъ и обычаямъ; б) если въ городѣ нѣсколько одноклирныхъ приходскихъ церквей, то Богослуженіе въ нихъ распредѣляется такъ, чтобы въ каждой оно совершалось не менѣе трехъ разъ въ недѣлю и чтобы въ то же время въ каждый простой день седмицы оно совершалось въ какой либо изъ этихъ церквей. Это распредѣленіе, подъ наблюденіемъ и руководствомъ мѣстнаго Благочиннаго, устанавливается по соглашенію между настоятелями этихъ церквей, представляется на утвержденіе Епархіальнаго Архіерея и, по утвержденіи, точно исполняется; измѣненія въ немъ могутъ быть произведены, по особымъ обстоятельствамъ и причинамъ, только съ разрѣшенія Епархіальнаго Начальства.

3. Въ соборахъ, двухклирныхъ и одноклирныхъ церквахъ этихъ городовъ подъ простые, воскресные и праздничные дни, когда не положено всенощное бдѣніе, утренняя отъ Оминой недѣли и до Воздвиженія совершается съ вечера въ соединеніи съ вечернею, а съ Воздвиженія и до Оминой недѣли—утромъ, въ 5 часовъ.

Благовѣсть ко всѣмъ Богослуженіямъ въ приходскихъ церквахъ уѣздныхъ и заштатныхъ городовъ начинать по соборному колоколу. Отвѣтственность за исполненіемъ этихъ правилъ возлагается на настоятелей церквей. Наблюдать за этимъ долженъ благочинный, если онъ живетъ въ томъ же городѣ, или, въ противномъ случаѣ, настоятель собора, который объ укло-

няющихся отъ этого порядка, доносить благочинному, а послѣдній Епархіальному Архіерею.

В. ВЪ СЕЛЬСКИХЪ ЦЕРКВАХЪ.

1. БЛАГОВѢСТЬ КЪ ВЕЧЕРНЪ И ПОВЕЧЕРІЮ ВЪ ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

Въ 4 часа по полудни.

2. БЛАГОВѢСТЬ КЪ УТРЕНЪ.

Во всѣ дни года, за исключеніемъ великаго поста, въ 5 часовъ утра.

Въ Великій постъ въ 6 часовъ утра.

3. БЛАГОВѢСТЬ КЪ ЧАСАМЪ ВЪ ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

Въ 9 часовъ утра.

4. БЛАГОВѢСТЬ КЪ ЛИТУРГІИ.

Въ 7—8 часовъ утра, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Благовѣсть къ Преждеосвященнымъ литургіямъ—въ 10 часовъ утра. Относительно времени благовѣста къ Богослуженіямъ въ особенные дни года и къ особеннымъ службамъ церковнымъ руководиться правилами, установленными для приходскихъ церквей города Харькова.

Наблюденіе за соблюденіемъ этихъ правилъ въ сельскихъ церквахъ принадлежитъ мѣстнымъ Благочиннымъ, которые объ отступленіяхъ отъ нихъ и о виновникахъ этихъ отступленій доносить Епархіальному Архіерею.

Примѣчаніе. Благовѣсть въ одинъ колоколъ долженъ быть ровный, неспѣшный, но и нерѣдкій; а звонъ во всѣ колокола долженъ быть стройный и пріятный.

Высочайшее повелѣніе

о возвышеніи служебныхъ правъ и преимуществъ помощниковъ инспекторовъ духовныхъ семинарій.

І. Государственный Совѣтъ, въ Соединенныхъ Департаментахъ Промышленности, Наукъ и Торговли и Законовъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Оберъ-Прокурора Святѣй-

шаго Синода, о возвышеніи служебныхъ правъ и преимуществъ помощниковъ инспекторовъ духовныхъ семинарій, мнѣніемъ положилъ: Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить: 1) Помощникамъ инспекторовъ духовныхъ семинарій изъ лицъ, имѣющихъ степень магистра или кандидата богословскихъ наукъ, присваиваются VIII классъ по должности, VIII разрядъ по мундиру и права на чинопроизводство наравнѣ съ преподавателями духовныхъ семинарій. 2) Лицамъ, имѣющимъ степень магистра или кандидата богословскихъ наукъ, при первоначальномъ назначеніи ихъ на должность помощника инспектора духовной семинаріи, предоставляется право на полученіе третнаго, не въ зачетъ, жалованья изъ Государственнаго Казначейства. 3) Помощники инспекторовъ духовныхъ семинарій, если ими вынуть жребій, опредѣляющій поступленіе ихъ въ постоянныя войска, освобождаются отъ дѣйствительной службы въ мирное время и зачисляются въ запасъ арміи на 18 лѣтъ на основаніяхъ, изложенныхъ въ п. 3 ст. 80 Уст. воин. повин., изд. 1897 года. Государь Императоръ означенное мнѣніе Государственнаго Совѣта, въ 26 день мая сего года, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

II. Государь Императоръ, въ 20-й день іюня 1903 года, Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода слѣдующаго содержанія: 1) предоставить помощникамъ инспекторовъ изъ лицъ, имѣющихъ степень магистра или кандидата духовныхъ академій, право, съ разрѣшенія епархіальнаго Преосвященнаго, преподавать въ семинаріяхъ, за установленное вознагражденіе, уроки (но не болѣе 6-ти въ недѣлю) по тѣмъ предметамъ, которые соотвѣтствуютъ ихъ специальному образованію и по которымъ окажутся свободными уроки по распредѣленіи ихъ между наличными преподавателями; 2) разрѣшить всѣмъ помощникамъ инспекторовъ присутствовать въ Педагогическихъ Собраніяхъ Правленій духовныхъ семинарій съ правомъ голоса наравнѣ съ другими членами Правленія, и 3) предоставить помощникамъ инспекторовъ изъ лицъ, имѣющихъ степени магистра или кандидата духовной академіи право на полученіе высшихъ окладовъ жалованья III и IV разрядовъ на общихъ основаніяхъ съ преподавателями семинарій; помощникамъ же инспекторовъ изъ дѣйствительныхъ студентовъ академіи предоставить право на полученіе оклада II-го разряда, по выслугѣ пяти лѣтъ.

Высочайшая оти́тка.

Во внесенномъ по Высочайшему повелѣнію въ Комитетъ Министровъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1901 годъ о состояніи Пермской губерніи противъ указанія, что, для развитія народныхъ хоровъ и для ознакомленія ихъ регентовъ съ лучшими произведеніями церковной и свѣтской литературы, а также и съ народною русскою пѣсней въ художественной обработкѣ, попечительство о народной трезвости устраиваетъ ежегодно въ Перми и Екатеринбургѣ курсы пѣнія, слушателями которыхъ бывають учителя и учительницы народныхъ школъ, отчасти псаломщики и многіе любители крестьяне и заводскіе мастеровые—послѣдовала Высочайшая Его Императорскаго Величества оти́тка: „Желалъ бы видѣть повсемѣстное распространеніе пѣвческихъ обществъ“.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

I. Отъ 4—16 іюля 1903 г. за № 3086, по всеподданнѣйшему отчету за 1901—1902 годы о состояніи Псковской губерніи.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушала: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 19 іюня сего года за № 5426, по сообщенію управляющаго дѣлами Комитета Министровъ о томъ, что по Высочайшему повелѣнію въ Комитетъ Министровъ внесенъ всеподданнѣйшій отчетъ за 1901—1902 годы о состояніи Псковской губерніи, и что въ отчетѣ этомъ, по объясненію, что являющійся въ настоящее время просвѣтителемъ народа школьный учитель, вышедшій въ большинствѣ случаевъ изъ крестьянской или мѣщанской среды и вкусившій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ учительской семинаріи плоды современной провинціальной цивилизаціи, по возвращеніи своемъ въ деревню, получая за свой трудъ въ большинствѣ случаевъ не свыше 300 рублей въ годъ, сразу же ставовится въ неопредѣленное положеніе челоувѣка, оторваннаго отъ своей среды и необладающаго достаточными средствами для поддержанія общенія съ тою, съ которою по развитію онъ считаетъ себя связаннымъ, послѣдовала Высочайшая оти́тка: „Желалъ бы видѣть побольше учительницъ въ народныхъ школахъ“. Приказала: По выслушаніи настоящаго предложенія, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: объ взясненной въ предложеніи Высочайшей Его Императорскаго Величества от-

мѣстѣ, для объявленія по духовному вѣдомству, напечатать въ журналѣ „Церковныя Вѣдомостя“.

II. Отъ 27 іюня—10 іюля 1903 года за № 2914. О введеніи преподаванія соматологіи и гігіены въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предположенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 19 минувшаго іюня № 832, журналъ Учебнаго Комитета за № 256, съ заключеніемъ Комитета, по возбужденному Правленіемъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова вопросу о введеніи преподаванія соматологіи и гігіены въ учебныя заведенія, состоящія въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода. Привазили: Въ виду того, что элементарныя свѣдѣнія по медицинѣ и гігіенѣ преподаются съ настоящее время во многихъ духовныхъ семинаріяхъ, въ качествѣ необязательнаго предмета, также и въ нѣкоторыхъ епархіальныхъ женскихъ училищахъ, а по новому уставу женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства, начальныя свѣдѣнія по гігіенѣ введены даже въ число обязательныхъ предметовъ изученія, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ предоста-вить Г. Синодальному Оберъ-Прокурору сообщить Правленію Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, что со стороны Святѣйшаго Синода не встрѣчается препятствій къ тому, чтобы въ духовныхъ семинаріяхъ и въ женскихъ епархіальныхъ училищахъ вводить преподаваніе соматологіи и общеі гігіены въ качествѣ необязательнаго предмета, если будутъ изысканы на это мѣстныя епархіальныя средства.

Разъяснительное постановленіе Святѣйшаго Синода,

отъ 23 мая—4 іюня 1903 г. за № 2428, по вопросу о порядкѣ производства Правленіями духовно-учебныхъ заведеній испытаній на званіе учителя или учительницы одноклассной церковно-приходской школы въ лѣтніе мѣсяцы.

Согласно заключенію Учебнаго Комитета и отзыву Училищнаго Совѣта, Святѣйшій Синодъ постановилъ разъяснить по духовно-учебному вѣдомству, что Правленія духовно-учебныхъ заведеній могутъ производить испытанія на званіе учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ въ лѣтніе мѣсяцы во исполненіе опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 6—13 ноября 1902 года за

№ 4965, лишь въ томъ случаѣ, если въ епархіи въ теченіе лѣтняго времени происходятъ временныя педагогическія курсы для учителей школъ грамоты и имѣется возможность для лицъ, подвергающихся испытанію на званіе учителя церковно-приходской школы, дать требуемый отъ нихъ §§ 15 и 19 дѣйствующихъ правилъ для свѣхъ испытаній пробный урокъ по русскому языку в арифметикѣ въ образцовой школѣ, состоящей при курсахъ; въ тѣхъ же епархіяхъ, гдѣ въ лѣтнее время не будетъ происходить учительскихъ курсовъ и не представится возможности располагать лѣтомъ церковно-приходскою школою съ учащимися, въ которой ищущіе учительскаго званія могли бы дать пробные уроки, испытанія на званіе учителя церковно-приходской школы Правленіями духовно-учебныхъ заведеній въ лѣтнее время могутъ и не производиться.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи

О ВЪ Я В Л Е Н І Е.

Харьковская Духовная Консисторія объявляетъ, что опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства, состоявшимся 16/25 іюля н. г. священникъ Вознесенской церкви слободы Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, Стефанъ Артемьевъ удаленъ отъ должности депутата 1-го Ахтырскаго округа, съ прописаніемъ въ его формулярѣ, что онъ удаленъ отъ этой должности за неисполнительность и нерадѣніе къ возлагаемымъ ею обязанностямъ. При чемъ тѣмъ же опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства дѣлается предостереженіе, что также будетъ поступлено впредь и со всѣми, которые окажутся виновными въ подобномъ небреженіи къ возлагаемымъ на нихъ Епархіальнымъ Начальствомъ должностямъ и порученіямъ.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ.

Харьковскій Епархіальный Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ свѣмъ объявляетъ благочиннымъ и приходскимъ священникамъ Епархіи къ свѣдѣнію и для надлежащаго исполненія нижеслѣдующее: Высокопроевощеннѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, по поводу доклада г. епархіальнаго миссіонера о томъ, что по постановленію Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ

ежегодно (осенью) во всѣхъ благочиніяхъ Епархіи происходятъ окружные миссіонерскіе сѣзды приходскихъ священниковъ, признавъ такіе сѣзды *весьма полезными* и разрѣшивъ быть имъ и впредь.

Согласно распоряженія Его Высокопреосвященства, назначеніе сроковъ сихъ сѣздовъ въ текущемъ году предоставляется усмотрѣнію благочинныхъ, при чемъ а) *въ первой половинѣ октября мѣсяца сѣздовъ не должно быть* и б) протоколы сѣздовъ вмѣстѣ съ вѣдомостями о расколо-сектантахъ въ приходахъ должны быть представлены въ Совѣтъ по миссіонерскимъ дѣламъ *къ 15 ноября*

Епархіальныя извѣщенія.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА

Священническія:

Сочестіевская церковь сл. Хатняго, Волчанскаго уѣзда

Діаконскія.

Троицкая церковь города Богодухова.

Казанская церковь с. Басовки, Сумскаго уѣзда.

Преображенская церковь с. Краснополя, Ахтырскаго уѣзда.

Троицкая церковь с. Перекопа, Валковскаго уѣзда.

Николаевская церковь с. Тарасовки, Бупянскаго уѣзда.

Пятницкая церковь с. Бакировки, Ахтырскаго уѣзда.

Митрофаніевская церковь с. Кузимовки, Бупянскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

Георгіевская церковь сл. Голой-Долины, Изюмскаго уѣзда.

Троицкая церковь с. Моисеевки, Старобѣльскаго уѣзда.

Покровская церковь с. Городища, Старобѣльскаго уѣзда.

Петро-Павловская церковь с. Бляжнаго, Валковскаго уѣзда.

Воскресенская церковь с. Боголюбовки, Бупянскаго уѣзда.

Іоанно-Предтеченск. церковь с. Ново-Ивановки, Зміевскаго уѣзда.

Пророко-Осіевская церковь, при Харьковскомъ Реальномъ Училищѣ.

Свято-Духовская церковь с. Кононовки, Старобѣльскаго уѣзда.

Влад.-Богородичн. церковь с. Должна, Харьковскаго уѣзда.

Арханг.-Михайловск. церковь зашт. гор. Краснокутска, Богодухов. уѣзда.

- Введенская церковь с. Студенка, Изюмского уѣзда.
 Троицкая церковь с. Черношаениц, Зміевского уѣзда.
 Кресто-Возд. церковь с. Крутика, Богодуховского уѣзда.
 Екатерининская церковь с. Полничковки, Богодуховского уѣзда.
 Рожд.-Богородичн. церковь с. Баранниковки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Воскресенская церковь с. Булацеловки, Зміевского уѣзда.
 Георгіевская церковь с. Ново-Павловки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Церковь сл. Волоховки, Волчанскаго уѣзда.
 Варваринская церковь с. Капитольскаго, Изюмскаго уѣзда.
 Успенская церковь с. Хотѣни, Сумскаго уѣзда.
 Сошествіевская церковь с. Хатняго, Волчанскаго уѣзда.
 Рождество-Богородичная церковь с. Поповки, Купинскаго уѣзда.
 Троицкая церковь с. Мироновки, Харьковскаго уѣзда.
 Иоанно-Богословская церковь с. Солнцевки, Харьковскаго уѣзда.
 Кресто-Воздвиженская церковь с. Межерича, Лебединскаго уѣзда.
 Церковь сл. Молодовой, Волчанскаго уѣзда.
 Рождество Бог. церковь з. г. Чугува, Зміевского уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Торжественныя Богослуженія, совершенныя Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ слоб. Дергачей.—Отзывъ профессора консерваторіи о гнѣни учениковъ церковно-приходской школы села Гавриловки.—Памяти о. Димитрія Корнильева.

Торжественныя Богослуженія, совершенныя Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ. Въ воскресенье, 27 сего іюля, въ день престольнаго праздника, въ храмѣ св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона Божественную литургію совершалъ Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, при участіи протоіереевъ: ректора семинаріи, о. І. Знаменскаго, члена консисторіи О. Н. Онкевича, благочиннаго О. П. Фоміана и мѣстныхъ священниковъ о. о. В. Ветухова и І. Приходина съ протодіакономъ В. Д. Вербицкимъ. На литургіи Владыка рукоположилъ ставленниковъ во іерея и діакона, а въ концѣ—Архипастырь произнесъ устно простое, доступное пониманію простыкъ богомольцевъ, сердечное и глубоко назидательное слово, приблизительно въ такомъ смыслѣ:

„Поздравляю васъ, благочестивые прихожане этого храма, съ храмовымъ вашимъ праздникомъ; храмовой праздникъ для прихожанъ есть великій, какъ годовою, праздникъ. Въ этотъ празд-

никъ прихожане должны оставить свои обычные занятія и предаться усиленной молитвѣ, должны побывать и на всеобщемъ бдѣннѣ, и на литургіи, и на общемъ молебнѣ, должны пригласить въ дома свои приходскаго батюшку съ честнымъ крестомъ и праздничной иконою для молитвы и окропленія св. водою, должны выслушать или прочесть житіе Св. Пантелеимона, вникнуть въ оное и поучиться тѣмъ добродѣтелямъ, коими отличался Св. Великомученикъ. А добродѣтели его были велики и разнообразны. Его страданія за Христа были ужасны: по повелѣнію языческаго начальства, Св. Пантелеимона бросали въ кипящее олово, строгами тѣло его желѣзными когтями, колесовали гвоздьми, рубили мечемъ, но и мечъ, какъ трава, сгибался на шеѣ его, бросали на растерзаніе лютымъ звѣрямъ, но звѣри ласкались ему и лбызали ноги его. Потому-то Св. Пантелеимонъ и именуется великомученикомъ. Св. Пантелеимонъ, по рожденіи отъ языческихъ родителей, былъ названъ Пантелеономъ, что значитъ сильный какъ левъ, будучи же просвѣщенъ священникомъ Ермолаемъ, въ св. крещеніи переименованъ, по волѣ Божіей, Пантелеимономъ, что значитъ многомилостивый. И милость его не изглаголанная: по образованію своему, онъ былъ врачъ тѣлесный, но Господь далъ ему силу врачевать и духовно; онъ исцѣлялъ неизлѣчимыхъ больныхъ, воскрешалъ мертвыхъ и за врачество свое денегъ не бралъ, врачуя тѣло и душу человѣка.

Своимъ словомъ и примѣрнымъ страданіемъ за Христа онъ многихъ язычниковъ обратилъ ко Христу. Св. Пантелеимонъ жилъ приблизительно за 1700 лѣтъ до нашего времени, и въ теченіе этихъ 1700 лѣтъ многократно оказывалъ помощь всѣмъ прибѣгающимъ къ нему за ходатайствомъ у Господа милости. Недавно Господь явилъ намъ новаго молитвенника за насъ, грѣшныхъ, препод. Серафима Саровскаго. Преподобный Серафимъ, Чудотворецъ Саровскій, новоявленный угодникъ Божій, подвижникъ Саровской пустыни, жилъ всего за 70 лѣтъ до нашего времени, и есть еще люди въ живыхъ, кои лично знали и присутствовали при погребеніи пр. Серафима. Такъ благодать Божія, дѣйствующая раньше чрезъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, и нынѣ въ изобиліи напачетъ землю нашу: всѣ мы знаемъ, что чрезъ преподобнаго Серафима поданы притекающимъ къ нему съ вѣрою многія исцѣленія. вмѣстѣ съ этимъ въ лицѣ препод. Серафима Господь поставилъ намъ, русскимъ людямъ, новый свѣтильникъ вѣры для посрамленія невѣрующихъ и утвержденія колеблющихся христіанъ.

Молитесь же, Православные, Господу Богу и въ храмѣ, и въ домахъ своихъ, усердно призывая на ряду съ Матерію Божіею, со всѣми Святыми и Св. угодниковъ Божіихъ Пантелеимона и Серафима. Благословеніе Божіе да будетъ съ вами“. Такъ закончилъ Владыка свое трогательное, сердечное слово въ Пантелеимоновской паствѣ.

Выходя изъ храма, Архипастыръ преподавалъ всѣмъ, переполнявшимъ храмъ, общее благословеніе, спѣша уѣхать на освященіе мѣста подъ новостроющійся храмъ на Лысой горѣ, въ честь иконы Казанскія Божія Матери.

Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, совершалъ слѣдующія Богослуженія:

1-го августа, въ Кафедральномъ соборѣ литургію, послѣ которой былъ крестный ходъ на рѣку Лопань.

3-го августа (воскресенье) въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ—литургію.

5-го августа въ Куряжскомъ монастырѣ—всенощное бдѣніе.

— *Служеніе Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія въ храмовой праздникъ въ Спасо-Преображенской церкви г. Харькова.* 6-го августа въ празднованіи Преображенскимъ приходомъ г. Харькова своего храмового праздника принялъ участіе Его Высокопреосвященство Архіепископъ Арсеній.

Въ этотъ день раннюю литургію въ Спасо-Преображенскомъ храмѣ совершилъ о. благочинный, священникъ Петръ Ѳоминъ, въ сослуженіи о. Владимира Шаповалова. Съ 9-ти же часовъ утра Божественную литургію совершилъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка въ сослуженіи о.о. протоіереевъ: М. Румянцова, Н. Онкевича, А. Любарскаго и священниковъ: ключара Г. Виноградова, Н. Зефирова и Г. Рудянскаго при участіи архіерейскаго хора пѣвчихъ подъ управленіемъ Ведринскаго. Къ 10 часамъ храмъ былъ уже переполненъ молящимися, и густыя толпы народа окружали его въ оградѣ и на площади. Порядокъ въ храмѣ, благодаря общему молитвенному настроенію, сохранялся образцовый. Народъ, вообще весьма усердный къ своему храму, теперь въ особенности радъ былъ увидѣть въ немъ своего Владыку и глубоко умилялся его благолѣпнымъ, величественнымъ и стройнымъ Богослуженіемъ. Въ обычное время литургіи Владыка вышелъ къ народу говорить слово. Съ семенъ въ этомъ длинномъ храмѣ Владыка едва ли былъ бы слышенъ всѣмъ стоявшимъ у западныхъ дверей. И вотъ Владыка всходитъ на амвонъ среди храма, это древнее мѣсто епископскихъ поученій,—

и отсюда обращается къ прихожанамъ съ такимъ воодушевленнымъ, искреннимъ, простымъ словомъ, которое тронуло всѣхъ до глубины души. Самый видъ Архіепископа стоящаго среди народа и въ народѣ, который окружалъ его со всѣхъ сторонъ, производилъ умиленное впечатлѣніе истиннаго пастыря, руководящаго овецъ своихъ, и дѣтей, внимающихъ слову отца своего. На поздравленіе Владыки съ храмовымъ праздникомъ отовсюду послышался единодушный отвѣтъ благодарственныхъ восклицаній, и при водворившейся мертвой тишинѣ полилось живое слово Владыки, выяснявшее народу глубокой смыслъ Преображенія Господня. Прекрасныя сопоставленія, возвышенныя мысли, трогательныя изліянія чувствъ облекались Владыкою въ такое простое, близкое пониманію народа изложеніе, что невольно у многихъ вырывалось восклицаніе: „Какъ все это—просто и какъ понятно, какъ это прекрасно говорить Владыка по нашему!“ Это слово Владыки было для пастырей положительно образцовою школою проповѣди истинно народной. Въ этомъ словѣ Владыка изъясненіемъ трюичнаго явленія Божества въ Преображеніи искусно освѣщались самыя важныя явленія человѣческой жизни: сладость молитвы, твердость вѣры, истинность загробной жизни, величіе загробнаго блаженства и сущность его... Продолжительное слово Владыки народъ слушалъ съ поразительнымъ вниманіемъ, и, несомнѣнно, вынесъ изъ него глубокой урокъ для себя и истинное религиозное утѣшеніе.

По окончаніи Божественной литургіи Владыка совершилъ здѣсь же въ храмѣ освященіе плодовъ и краткой молебень съ многолѣтіемъ. Разоблачившись, онъ принялъ церковнаго старосту и милостиво соизволилъ принять отъ него приглашеніе раздѣлить хлѣбъ-соль.

Исходя изъ храма, Архипастырь долго благословлялъ народъ, благодарившій его за слово и Богослуженіе и отбылъ при колокольномъ звонѣ въ домъ церковнаго старосты П. С. Сякова. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ супругою старосты съ хлѣбомъ—солью, его семьєю и многочисленными прихожанами. Почетнѣйшихъ изъ нихъ представлялъ Архипастырю о. благочинный. Здѣсь Владыка милостиво разспрашивалъ о семействѣ хозяина, о мѣстномъ попечительствѣ о бѣдныхъ, о проповѣдничествѣ мѣстныхъ священниковъ, численности прихода, о ходѣ дѣла по переносу водоразборной будки у храма. Отвѣшавши чашку чая, Владыка, послѣ молитвы, благословилъ столъ и въ общеніи съ прихожанами изволилъ раздѣлить трапезу. Милостивая бесѣда Владыки, благодушное

его отношеніе ко всѣмъ дѣлала времяпрепровожденіе незамѣтнымъ. Во время трапезы былъ провозглашенъ тостъ за здоровье Архипастыря, такъ осчастливившаго приходъ своимъ участіемъ въ храмовомъ праздникѣ, не смотря на всю многосложность своихъ обязанностей и трудовъ, а Владыка отвѣтилъ въ свою очередь тостомъ за здоровье причта и церковнаго старосты Преображенской церкви. Былъ еще провозглашены здравицы за хозяина дома и его супругу, прихожанъ и приглашенныхъ священно-служителей.

Послѣ трапезы Владыки, провожаемый искренними изъявленіями горячей благодарности отъ всѣхъ участниковъ торжества, отбылъ около 3 часовъ дня во Всѣхсвятское.

— *Посыщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, сл. Дергачей Харьковскаго уѣзда и Епархіальнаго сиротскаго пріюта.*

Давно уже Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній собирался посѣтить Епархіальный сиротскій пріютъ, давно уже и пріютъ ожидалъ его къ себѣ какъ своего гостя и хозяина. Но поѣздки по другимъ мѣстамъ епархіи, по городамъ и селамъ, монастырямъ, церквамъ и церковно-приходскимъ школамъ, а также желаніе основательно ознакомиться съ дѣйствіями основныхъ епархіальныхъ учреждений препятствовали ему осуществить свое намѣреніе. Наконецъ 31 іюля состоялась незабвенная для сл. Дергачей и сиротскаго пріюта поѣздка Высокопреосвященнѣйшаго Архипастыря.

Въ 9 часу утра Высокопреосвященнѣйшій Владыка, въ сопровожденіи попечителя пріюта Клейменова, отбылъ изъ своей дачи „Всесвятское“ для слѣдованія на лошадахъ въ сл. Дергачи. При выѣздѣ изъ Харькова, возлѣ железнодорожной заставы, Владыка былъ встрѣченъ предсѣдателемъ сиротскаго пріюта прот. о. Петромъ Тимофеевымъ, который, принявъ здѣсь архипастырское благословеніе, сопутствовалъ Владыкѣ до самого пріюта. Въ началѣ 11 ч. Владыка вѣхалъ въ сл. Дергачи, при колокольномъ звонѣ двухъ приходскихъ церквей, и направился въ отдѣленіе Епархіальнаго сиротскаго пріюта. Встрѣченный почетнымъ предсѣдателемъ пріюта прот. Т. И. Буткевичемъ, благочиннымъ церквей прот. о. Маркомъ Рокитянскимъ и нѣкоторыми другими лицами, Владыка внимательно осмотрѣлъ здѣсь все принадлежащее отдѣленію хозяйство. Онъ обошелъ дворовую усадьбу и садъ и любовался превосходнымъ видомъ послѣдняго. Оба находящіеся здѣсь дома, чистые и опрятные, со всей внутренней обстановкой произвели пріятное

впечатлѣніе на Владыку. Осматривая общежитіе, Высокопреосвященнѣйшій Архипастырѣ выразилъ сожалѣніе, что этотъ добрый уголокъ епархіальнаго хозяйства остается пока пустымъ.

Отсюда Владыка поѣхалъ въ Рождество-Богородичную церковь. Храмъ давно уже былъ полонъ прихожанами, собравшимися принять архипастырское благословеніе. Послѣ обычной встрѣчи, Архипастырѣ предложилъ всѣмъ собравшимся пропѣть нѣкоторые общеупотребительныя церковныя пѣснопѣнія и скоро храмъ былъ оглашенъ единодушнымъ и, къ удивленію, стройнымъ пѣніемъ: „Спаси, Господи“, „Достойно есть“. Утѣшенный столь умилительнымъ зрѣлищемъ живой поющей Церкви, Владыка выразилъ свое одобреніе собравшемуся народу, прося его всегда принимать участіе въ церковномъ пѣніи. „Пойте въ церкви Господева Богу нашему, говорилъ Владыка, пойте и молитесь ему; будьте живыми членами Церкви Христовой предстоящими и воспѣвающими. Въ церковномъ пѣніи, въ общенародномъ хорѣ всѣ вы будете чувствовать и понимать свое христіанское единеніе и свое молитвенное общеніе. Здѣсь вы увидите, какъ старецъ, дребезжащій голосомъ своимъ, объединяется съ юношей, громогласно вопіющимъ къ Богу. Мужья и жены, дѣвы и старицы, богатые и бѣдные—всѣ будутъ чувствовать здѣсь себя членами одной христіанской семьи, всѣ составятъ единый стройный хоръ предъ лицемъ Господа и Бога своего“.

Побесѣдовавъ вслѣдъ за тѣмъ съ дѣтьми и взрослыми объ основныхъ истинахъ вѣры христіанской и особенностяхъ православія, о крестномъ знаменіи и перстосложеніи, Высокопреосвященнѣйшій Архипастырѣ, сопутствуемый толпами народа, отбылъ въ Николаевскую церковь той же слободы.

И въ Николаевскомъ храмѣ Владыка также слушалъ общенародное пѣніе и бесѣдовалъ о его важномъ воспитательномъ значеніи. Но особенно долго онъ бесѣдовалъ съ дѣтьми, учащимися въ мѣстной церковно-приходской церкви, испытывая ихъ въ знаніи молитвъ, священной исторіи и основныхъ спасительныхъ истинъ христіанства. Бойкія дѣти, ободренныя ласковымъ и умѣлымъ обращеніемъ любящаго ихъ Архипастыря, давали правильные отвѣты, вполне оправдывая труды усерднаго законоучителя о Павла Лобковского.

Отсюда Владыка направился въ зданіе второклассной церковно-приходской школы, гдѣ было все приготовлено для встрѣчи Высокопреосвященнѣйшаго Посѣтителя. При входѣ въ зданіе школы

Владыка былъ встрѣченъ Епархіальнымъ Наблюдателемъ школъ В. О. Давыденко и уѣзднымъ наблюдателемъ прот. о. Петромъ Тимошеевымъ, которые, послѣ осмотра Владыкою помѣщеній нижняго этажа, проводили его въ залъ верхняго этажа. Послѣ пѣнія учащимися „ясъ полна эта деспота“, завѣдующій школою прот. Дмитрій Региневскій привѣтствовалъ Владыку словомъ слѣдующаго содержанія:

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивый Архипастыр!

Возлюбленный ученикъ Господа нашего Іисуса Христа, дивный тайновидецъ Іоаннъ Богословъ, въ Откровеніи своемъ именуетъ епископовъ помѣстныхъ церквей—ангелами. А потому и мы встрѣчаемъ Тебя, какъ ангела, поставленнаго отъ Господа Хранителемъ Церкви Харьковской области; встрѣчаемъ Тебя съ радостію и любовію, ибо ангелы Божіи, являясь людямъ, по преимуществу, были вѣстниками неизрѣченныхъ милостей Божіихъ; встрѣчаемъ Тебя съ благоговѣніемъ, ибо Ты избранный сосудъ сугубой благодати Божіей для наученія, строенія Таинъ Божіихъ и управленія вѣренной Тебѣ паствы; встрѣчаемъ Тебя со страхомъ, ибо намъ грѣшнымъ людямъ страшно впасть въ руки ангела мстителя.

Да будетъ же, Преосвященнѣйшій Владыко, Твое вхожденіе къ намъ и исхожденіе отъ насъ исполнено милости, благодати и правды.

Вслушавъ это краткое, но глубоко содержательное привѣтственное слово, Владыка поблагодарилъ почтеннаго протоіерея, бодрого въ старости своей и усерднаго въ школьныхъ трудахъ. Затѣмъ началась бесѣда Владыки съ готовящимися къ поступленію во второклассную школу учениками и выбывшими изъ нея по церковной исторіи и по разнымъ предметамъ Закона Божіа. Прослушавъ послѣ этого пѣніе наизусть догматика 4 гл., Высокопреосвященный Владыка, при пѣніи учащихся, отбылъ въ Епархіальный сиротскій пріютъ, отстоящій въ 4 верст. отъ сл. Дергачей.

За воротами пріюта при самомъ въездѣ во дворъ его, Владыка былъ встрѣченъ членами комитета по управленію пріютомъ—свящ. о. П. Антоновымъ, свящ. о. Іоанномъ Инновымъ, свящ. о. І. Закритскимъ, свящ. Амвросіевской церкви, и докторомъ пріюта В. А. Шиловымъ. Здѣсь Владыка вышелъ изъ кареты и, благословивъ встрѣчающихъ его лицъ, отправился далѣе пѣшкомъ для обозрѣнія усадьбы и находящихся на ней построекъ. Прежде всего

Архипастырь направился въ церковь. Здѣсь въ полномъ составѣ собрались обитатели Пріюта, давно жаждавшіе видѣть лице своего Архипастыря. Здѣсь стояли вдовы съ дѣтьми на рукахъ, мальчики и дѣвочки, старицы и юныя. Прослушавъ входное пѣніе тропаря Амвросію Медиоланскому, исполненное пріютскимъ хоромъ, Высокопреосвященнѣйшій Арсеvій, обращаясь къ предстоящимъ пріютянамъ, сказалъ имъ слѣдующее глубоко назидательное слово.

»Съ удовольствіемъ и радостію я вступаю въ этотъ Святой храмъ, посвященный памяти Св. Амвросіа Медиоланскаго. Я вошелъ сюда прежде обозрѣнія вашихъ помѣщеній и угодій Пріюта вашего для того, чтобы сначала вмѣстѣ съ вами вознести здѣсь свои молитвы объ упокоеніи души усопшаго преспомятаго Архіепископа Амвросіа. Думаю, что вы никогда не забываете его и въ своихъ частныхъ молитвахъ. Дѣло, какое совершилъ онъ для васъ, великое и славное дѣло. Тяжела и горька сиротская доля: нужда и лишенія, слезы и скорби—вотъ удѣлъ ея. Тѣмъ болѣе поэтому вы должны всегда благодарить всеблагото Бога и памятовать о своемъ благодѣлѣ, который сдѣлалъ все необходимое для того, чтобы облегчать ваши нужды и утереть горькія слезы ваши. Одного только бойтесь, чтобы не оскорбить его памяти своею жизнію и своимъ поведеніемъ. Вы оскорбите его, если, пользуясь всѣми удобствами, будете проводить жизнь свою въ праздности, ничего не дѣлая, а еще болѣе, если будете заводить между собою ссоры и раздоры. Трудитесь вѣрно и работайте не только для себя, но и для дѣтей своихъ, не только для семей своихъ, но и для общаго блага. Честный трудъ, каковъ бы онъ ни былъ, никогда не можетъ унижить человѣка. А въ особенности скажу я это о насъ духовныхъ, для которыхъ и физическій трудъ дѣло не новое и не случайное. Божію Милостію я—нынѣ Архіепископъ, но въ своемъ дѣтствѣ и юности я никогда не уклонялся отъ труда, если онъ былъ полезенъ. Я косилъ на полѣ русскою косою не хуже добраго работника; я не чуждался брать въ руки грабли, работая ими рядомъ съ крестьянами. Я молотилъ хлѣбъ въ четыре дѣна; зимой на простыхъ салазкахъ возилъ бѣлье на рѣву, помогая матери. И что же? Унизилъ ли меня такой трудъ? Такъ и васъ не унижилъ честный трудъ на пользу общую и свою. Не дай Богъ услышать мнѣ когда-нибудь, чтобы кто-либо изъ васъ нанялъ для себя прислугу. Сами трудитесь, сами все дѣлайте. Прежде всего трудитесь для своихъ дѣтей, обшивая ихъ, обмывая, ухаживая за ними, воспитывая ихъ. Но если нужда потребуетъ, вы должны раздѣлять

своѣ трудѣ и на пользу общую, на пользу пріютскаго хозяйства: и въ кухнѣ присмотрѣть и за коровами походить, и за огородомъ послѣдить, и за чистотою помѣщеній въ Пріютѣ—все это дѣло ваше. А мы съ своей стороны будемъ заботиться о томъ, чтобы было у васъ и тепло, и сытно, и уютно, чтобы ни вы, ни дѣти ваши не испытывали недостатка ни въ пищѣ ни въ одеждѣ. Не заботьтесь о роскоши и излишествахъ, чтобы не подать повода другимъ осуждать васъ.

Пусть почиваетъ на Сиротскомъ Пріютѣ нашемъ Божіе благословеніе и да будетъ во всемъ добрый достатокъ, а между вами миръ и любовь.

Наставительное слово Архипастыря было выслушано съ особеннымъ вниманіемъ, причемъ особенно поучительными представлялись для всѣхъ черты изъ его трудовой жизни.

Во время обычной встрѣчи, Высокопреосвященнѣйшій Владыка предложилъ отслужить литію о почившемъ основателѣ Пріюта, Архіепископѣ Амвросіи, причемъ всѣхъ предстоящихъ просилъ пѣть входящія въ составъ его пѣснопѣнія. Одушевленное пѣніе, исторгнутое изъ благодарныхъ сердецъ облагодѣтельствованныхъ, было особенно умилительно.

Послѣ этого Владыка занялся обозрѣніемъ больницы, домовъ общежитія, церковно-приходской школы, надворныхъ построекъ и богатыхъ угодій Пріюта. Обходя помѣщенія вдовъ и сиротъ, разлѣтившихся, по отдѣльнымъ семействамъ, Владыка подробно разспрашивалъ о судьбѣ каждаго и ободрялъ ихъ, давалъ на память каждому крестики и книжки религіозно-нравственнаго содержанія. Учащіеся въ школахъ Сиротскаго Пріюта дали отличные отвѣты своему Архипастырю, чѣмъ особенно порадовали его.

Около 2 ч. дня на открытой верандѣ стараго помѣщенія Пріюта гостепріимнымъ попечителемъ г. Клеменовымъ была приготовлена трапеза, во время которой была провнесена рѣчь проф. прот. Т. И. Буткевичемъ, какъ почетнымъ предсѣдателемъ Сиротскаго Пріюта.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

По Божественному велѣнію, солнце свѣтитъ всѣмъ: и богатымъ и бѣднымъ, и праведникамъ и грѣшникамъ, и знатымъ и простымъ, и счастливымъ и сиротамъ. Но часто бываетъ въ природѣ, что взшедшее солнце, по не отъ него зависящимъ обстоятельствамъ, въ теченіе дня долгое время бросаетъ свои теплые лучи

только на одну сторону неба, а другая сторона между тѣмъ остается пасмурною, затягивается постепенно облаками; изъ этихъ облаковъ образуются тучи, слышатся раскаты грома. Но появляются лучи солнца,—и тучи расходятся, раскаты грома прекращаются, природа оживаетъ и какъ-бы улыбается согрѣвшему ее солнышку.. До сихъ поръ Вы осчастливили своимъ посѣщеніемъ наши учебныя заведенія, радовали имъ монастыри, города и веси епархій. Сиротскій пріютъ лишь томился ожиданіемъ и чаяніями. Но нынѣшній день золотыми буквами запишется на скрижалихъ сердца здѣсь призрѣваемыхъ вдовъ и сиротъ. Вѣдь и надъ ними собирались грозныя тучи и надъ ихъ головами раздавались раскаты грома. Теперь Вы среди нихъ; они Васъ видятъ и изъ устъ Вашихъ слышатъ благопопечительныя рѣчи. Теперь они знаютъ, что ихъ никто не обидитъ, что ихъ не разгонятъ, не пошлютъ искать ночлежныхъ домовъ.

Нашъ сиротскій пріютъ, какъ и всякое доброе христіанское дѣло, съ самаго основанія своего является предметомъ пререканій: одни, по побужденіямъ, о которыхъ здѣсь не у мѣста говорить, осуждаютъ его и порицаютъ его порядки; другіе радуются, восхищаются имъ, приходятъ отъ него въ восторгъ. Я помню, когда посѣтилъ нашъ пріютъ покойный Т. И. Фляпповъ. Осмотрѣвъ его подробно, онъ сказалъ: „вы—духовные—люди богатые; мы, свѣтскіе, теперь завидуемъ и вашимъ прекраснымъ учебнымъ заведеніямъ, и вашимъ благотворительнымъ учрежденіямъ“. Да, В—шій Владыка, мы—люди богатые; но—чѣмъ мы богаты?—Съ одной стороны любовію и благопопечительностію нашихъ Архипастырей, съ другой покорностію и исполнительностію ихъ воли со стороны подчиненнаго имъ духовенства. При такомъ взаимоотношеніи и такомъ взаимодействіи—чего только нельзя сдѣлать? Мы счастливы тѣмъ, что наши Архипастыри, проповѣдники ученія Христа о любви къ ближнимъ, сами выходятъ изъ нашей среды; сами въ большинствѣ случаевъ испытывали въ дѣтствѣ горькую сиротскую долю, сами шли путемъ скорбей, лишеній, труда и бѣдности. Вотъ почему нельзя найти ни одного православнаго епископа, который не считалъ бы своею нравственною обязанностію сердечно заботиться объ обезпеченіи безпріютныхъ вдовъ и сиротъ...

Этотъ пріютъ основанъ покойнымъ Архіепископомъ Амвросіемъ. Такимъ образомъ Вамъ, В. В., приходится войти въ трудъ другого. Но такъ создается все великое въ церкви Божіей—единеніемъ, любовію, общими силами при осѣненіи благодати Бо-

жіей, а не раздѣленіемъ и соперничествомъ. Павелъ насаждаетъ, Аполосъ поливаетъ, а возращаетъ Богъ. Впрочемъ, отъ того, что не Вы положили основаніе этому доброму дѣлу, не уменьшатся Ваши труды и не умалатся Ваши заслуги. Покойный Архипастырь пришелъ въ мысли объ учрежденіи пріюта уже въ послѣдніе годы своей жизни, когда силы его ослабѣли, энергія замѣтно падала. Да и времени было мало для выполненія великаго дѣла. Смерть положила конецъ его заботамъ; а потому и неудвительно, если Вы, В. В., встрѣтите здѣсь много недоконченнаго, невыполненнаго, или даже, быть можетъ, и неправильно поставленнаго. Но если трудно полагать начало доброму дѣлу, то еще труднѣе сохранить его, продолжить, усовершенствовать, довести до конца. Но мысль объ этомъ не смущала покойнаго Архипастыря. По волѣ Божіей, онъ предвидѣлъ въ духѣ, кто будетъ его преемникомъ и продолжателемъ его благихъ начинаній; а потому онъ и работалъ, и умеръ спокойно.

Нынѣ Вы сами лично видите, В. В., какъ много выпадаетъ на Вашу долю труда и заботъ по благоустроенію здѣшняго сиротскаго пріюта. Правда, среди духовенства Вы найдете не мало лицъ, которыя съ любовью, преданностію и безкорыстіемъ будутъ выполнять всѣ Ваши Архипастырскія указанія и предначинанія. Но это только въ самой незначительной мѣрѣ можетъ облегчить Ваши личные труды и Ваши тяжелыя заботы.

Вѣрьте же, В. В., что всѣ здѣсь присутствующіе, какъ одинъ человекъ, въ настоящую минуту, отъ всего сердца воздыхаютъ по Господу: да сохранитъ Онъ Васъ въ добромъ здравіи и крѣпкихъ силахъ для блага всей Харьковской епархіи вообще и нашего сиротскаго пріюта въ частности на многія и многія лѣта!

Послѣ этого членомъ комитета священн. университетск. церкви о. Іоанномъ Ивниковымъ было сказано слѣдующее заздравное слово Владыкѣ:

Высокопреосвященнѣйшій Владыка,

Милостивѣйшій нашъ Архипастырь и Отецъ!

Благословенъ Господь Богъ, благоустроившій путь Вашъ въ это пристанище и кровъ вдовъ, колыбель и мѣсто дѣтства сиротъ—дѣтей. Истинно этотъ день, *ею же сотвори Господь*, есть счастливѣйшій и до слезъ радостный въ жизни призрѣваемыхъ этого убѣжища.

Давно уже вдовы и дѣти ждали Васъ, Владыко, съ любовью въ сердцѣ и съ благословеніемъ на устахъ, чтобы раздѣлить съ Вами вмѣстѣ молитву, услышать отъ Васъ слово назиданія и утѣшенія и получить Ваше святительское благословеніе.

И вотъ въ сей день желаніе ихъ исполнилось и сердца ихъ обрадованы.

Мы глубоко убѣждены, что своимъ посѣщеніемъ Вы внесли въ ихъ душу лучъ свѣта и отрады, оживили и возвысили ихъ въ нравственномъ отношеніи, ввѣдрили въ ихъ душу духъ благочестія и страха Божія. А какъ это многоцѣнно для обездоленныхъ, давно не видавшихъ свѣта радости и наслажденія жизни въ своей тяжелой и горькой долѣ! Мы не можемъ принять на себя быть истолкователемъ чувствованій, наполняющихъ сердца вдовъ; ихъ сердца—глубины, единому Сердцевѣдцу открытыя; но знаемъ, что чувствованій этихъ много, и что молятивный пламень свихъ сердецъ возносится о Васъ къ Богу и горитъ предъ Его престоломъ за Вашу отеческую любовь къ нимъ. А эта любовь Ваша къ вдовамъ и сиротамъ намъ извѣстна. Освѣдомившись о состояніи Епархіального Сиротскаго Пріюта, Вы *порадовались* *), что въ Богодарованной Вамъ епархіи есть *милосердый домъ*, который поддерживаетъ и упокаиваетъ вдовью старость, воспитываетъ и пригрѣваетъ сиротѣющую юность. По глубокому сочувствію къ такому великому христіанскому учрежденію Вы, Владыко, выразили готовность поддерживать его, что доказали самымъ дѣломъ, принеся въ даръ Пріюту свою лепту.

Благодаримъ Господа Бога, даровавшаго Васъ намъ какъ Архипастыря по сердцу нашему и радуемся, что сбылось заветное желаніе приснопамятнаго основателя Пріюта, въ Бозѣ почивающаго Архіепископа Амвросія, который при жизни своей предрекалъ быть Вамъ ему приемникомъ и продолжателемъ его неусыпныхъ заботъ о сиротахъ ввѣреннаго Вамъ духовенства. Вѣримъ, что приснопамятный основатель этого пріюта сорадуется нашей радости изъ премірныхъ обителей, потому что любимое его дѣтище, имъ насажденное, но не окрѣпшее, подъ Вашимъ мудрымъ и любвеобильнымъ руководствомъ будетъ развиваться и укрѣпляться, и процвѣтетъ какъ многовѣтвистое и многоплодное древо.

Да возрадуется же и Вашъ духъ, Боговзбранный нашъ благоснѣйшій Отецъ и Архипастырь! За Вашу любовь къ беззащитнымъ вдовамъ и безпріютнымъ сиротамъ будетъ Вамъ награда на небесахъ и память о Васъ пройдетъ изъ рода въ родъ. Своею святительскою десницею Вы утираете много горькихъ слезъ съ озабоченныхъ и печальныхъ лицъ матерей; своею любовью Вы вливаете много утѣшенія въ ихъ скорбныя сердца.

*) На отчетѣ за 1902 г. о состояніи Сирот. Пріюта послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: „*Читалъ и порадовался*“.

Заканчивая свою рѣчь, я позволю себѣ отъ лица комитета обратиться къ Вамъ съ смиреннѣйшею просьбою. Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Примите и насъ, Вашихъ недостойныхъ соратниковъ въ любовь Вашу,—подъ руководство, умудренное годами и опытомъ, твердое, прамодушное и въ самой строгости своей благосердое. Мы же, всею душою и сердцемъ отдаваясь Вамъ въ полное сыновнее послушаніе, всегда будемъ молить Господа Бога, да подастъ Онъ Вамъ силы къ укрѣпленію и развитію этого учрежденія въ примѣръ другимъ, и да продлеть Онъ лѣта Вашей жизни на многіе и многіе годы на пользу Св. Церкви и Отечества.

Выслушавъ вышеприведенныя слова, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній удостоилъ провозглашенія здоровья прот. Т. И. Буткевичу, попочителю Клеменову, предсѣдателю пріюта прот. Петру Тимошееву, всѣмъ членамъ комитета и присутствовавшимъ, причемъ выразилъ желаніе, чтобы въ скоромъ времени всѣ лица, соприкосновенныя съ дѣлами пріюта собрались подъ его предсѣдательствомъ для обсужденія вопросовъ о дальнѣйшемъ благоустройствѣ Епархіальнаго сиротскаго пріюта.

Въ 4 часу веч. Владыка отбылъ въ Харьковъ и оттуда на свою дачу „Всесвятское“.

— *Неточность въ метрическихъ записяхъ.* Часто церковныя причты бываютъ лишены возможности правильно и точно вести метрическія книги, вслѣдствіе того, что въ паспортахъ, которыми они пользуются при этомъ, заключаются очень неполныя и неточныя свѣдѣнія о званіи владѣльцевъ ихъ, семейномъ положеніи и т. д. Поэтому Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ сдѣлано распоряженіе по епархіямъ, чтобы записи эти велись болѣе тщательнымъ образомъ. Но такъ какъ послѣднія зависятъ отъ неполныхъ и неточныхъ свѣдѣній въ паспортахъ, то по просьбѣ Владыки и. д. Губернатора С. Н. Гербель предписать мѣщанскимъ и ремесленнымъ управамъ, а также и волостнымъ правленіямъ вносить въ выдаваемые паспорта о лицахъ женатыхъ—въ какомъ бракѣ они состоятъ, обозначая при этомъ имена ихъ женъ и другихъ членовъ семьи, о вдовцахъ и вдовахъ—имена покойныхъ мужей и женъ и послѣ какого брака они овдовѣли.

— *Отзывъ профессора консерваторіи о пѣніи церковно-приходской школы села Гавриловки.* Редація „Южнаго Кр.“ получила интересное письмо, характеризующее постановку преподаванія церковнаго пѣнія въ одной изъ нашихъ церковно-приходскихъ школъ. Вотъ содержаніе этого письма.

М. г., г. редакторы! Прошу васъ помѣстить въ вашей уважаемой газетѣ слѣдующее сообщеніе.

Недавно я пріѣхалъ погостить къ моей родной сестрѣ въ Изюмскій уѣздъ. Въ денѣ Св. Троицы поѣхалъ я къ обѣдѣ въ сосѣднее село Гавриловку, гдѣ былъ пораженъ стройнымъ хорошимъ пѣніемъ хора. Узналъ я, что поетъ хоръ церковно-приходской школы, гдѣ служитъ преподавателемъ дьяконъ мѣстной Архангело-Гавриловской церкви—Алексѣй Слѣпцовъ, занимающійся очень ревностно и безвозмездно, кромѣ научныхъ предметовъ, и преподаваніемъ школьнаго и хорового пѣнія.

Спросивъ разрѣшеніи отца дьякона, я на другой день поѣхалъ въ Гавриловку, имѣя въ виду послушать пѣніе учениковъ школы въ полномъ составѣ и на мѣстѣ ближе познакомиться съ методом преподаванія пѣнія о. дьякономъ и степенью познанія учениковъ.

Я пришелъ въ восторгъ отъ простой и понятной системы преподаванія пѣнія о. дьякономъ Алексѣемъ Слѣпцовымъ и отъ знанія учениковъ: каждый голосъ знаетъ свой ключъ, поетъ вѣрно ступени гаммы въ разбивку, знаетъ хорошо размѣръ и элементарныя свѣдѣнія, назначеніе камертона, и въ какомъ тонѣ они поютъ.

Я выразилъ свое удовольствіе преподавателю школы о. дьякону и его ученикамъ и, печатая это заявленіе, я имѣлъ цѣлью обратить всеобщее вниманіе лицъ, интересующихся правильной постановкой хорового церковнаго пѣнія въ селахъ, на постановку дѣла въ Архангело-Гавриловской церкви.

Желательно было бы, чтобы лица, стоящія во главѣ совѣтовъ церковно-приходскихъ школъ, поощряли преподавателей, подобныхъ вышеупомянутому дьякону, къ такой работѣ и ставили бы ихъ въ примѣръ другимъ учителямъ, иногда занимающимся преподаваніемъ пѣнія спустя рукава.

Съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть бывший профессоръ С.-Петербургской консерваторіи *Александръ Ивановичъ Рубецъ*.

28-го мая 1903 года.

ПАМЯТИ О. Д. КОРНИЛЬЕВА.

24 іюля в. г. въ мѣстномъ храмѣ сл. Заводянки были отслужены заупокойная литургія и панихида по недавно скончавшемуся священникѣ этой слоб. Димитріи Андреевичѣ Корнильевѣ. Послѣдній умеръ вдаль отъ вѣреннаго ему прихода, въ гор. Волчанскѣ. Смерть его для Заводянъ была совершенной неожиданностью, хотя и послѣдовала отъ недуга тяжкаго и продолжительнаго—чахотки. Покойный Д. А. не хотѣлъ поддаваться болѣзни и до послѣдняго дня оста-

вался на ногахъ. Такое удивительное самообладаніе и сила воли обманули даже близкихъ къ нему людей, которые скорѣй надѣлись на полное его выздоровленіе, нежели ожидали преждевременной его кончины.

Отличительными чертами характера покойнаго Д. А. всегда была: прямота, гуманность, отзывчивость, хлѣбосолюство и щедрость. Да и въ другихъ отношеніяхъ это былъ человекъ далеко незаурядный. Попавъ со школьной скамьи въ глухое село, отдаленное отъ всѣхъ культурныхъ центровъ, онъ не опустился, не погрязъ въ тни житейскихъ мелочей, дригъ и разчетовъ. какъ это за частую случается съ другими въ его положеніи, -- нѣтъ, онъ съ первыхъ же шаговъ своей самостоятельно жизни поставилъ между прочимъ себѣ задачей восполненіе пробѣловъ семинарскаго образованія путемъ чтенія научныхъ книгъ и журналовъ. Запросы духа у него всегда были на первомъ планѣ. Но интересовался онъ не одними богословскими сочиненіями и вообще не только тѣмъ, что входило въ кругъ прямыхъ его пастырскихъ обязанностей, но и многими другими отраслями знаній и всякими открытіями и новостями въ области наукъ и литературы. Въ послѣдніе годы особенно занимали его успѣхи электротехники. Въ кабинетѣ у него всегда можно было видѣть тѣ или другіе физическіе приборы и брошюры по вопросамъ этой прикладной науки.

Онъ постоянно и много читалъ; изучалъ нѣмецкій языкъ. Послѣ его смерти осталась довольно большая и цѣнная библиотека.

Кромѣ того, покойный Д. А. не мало путешествовалъ по Россіи отчасти въ видахъ поправленія своего слабаго здоровья, но больше для обогащенія познаніями своего свѣтлаго пытливаго ума. А въ 1900 году, вмѣстѣ съ издателемъ временно прекратившаго свое существованіе журнала „Мирный Трудъ“ А. В. Вегуховымъ, онъ предпринялъ поѣздки за границу и посѣтилъ всѣ столицы и др. замѣчательные города западной Европы. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ вспоминалъ о своемъ пребываніи въ Вѣнѣ, Парижѣ и Венеціи.

Умеръ Д. А. почти юношей, на 31 году жизни. Немного лѣтъ продолжалось его общественное служеніе, но не смотря на это, онъ много сдѣлалъ для своего недавно открытаго прихода, гдѣ онъ былъ первымъ священникомъ и гдѣ много пришлось положить ему труда по приведенію въ порядокъ новоустроенной церкви. Но главнымъ памятникомъ его кипучей дѣятельности является мѣстное церковно-приходское училище, богато меблированное, свѣтлое, просторное, одно изъ самыхъ лучшихъ въ уѣздѣ.

Это училище покойный выстроилъ на лично имъ изысканныя средства.

На панихиду съѣхались въ Заводявскій храмъ священники ближайшихъ селъ и, несмотря на будничныи день и горячую страдную пору, собралось довольно много осиротѣвшихъ прихожанъ.

Память покойнаго почтили задушевными рѣчьми мѣстный благочинный священникъ о. Михаилъ Согинъ и окружный духовникъ свящ. о. Николай Касьяновъ.

Почти всѣ присутствовавшіе на панихидѣ плакали.

Вѣчная память тебѣ, отзывчивый гуманныи человекъ, добрый пастырь и другъ!

Евг. Б—скій.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

Поступили въ продажу слѣдующія книги священника Серапіона Брояковскаго:

Сборникъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни. Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 руб. 25 к.

Спутникъ пастыря. Сборникъ статей и замѣтокъ по вопросамъ пастырскаго служенія. Выпускъ I. Цѣна 80 к., съ пересылкой 1 руб.

За вѣру и противъ лжестврія Сборникъ бесѣдъ, очерковъ, разсказовъ и стихотвореній. Назидательная книга для семьи, школы и въ богослужебныхъ собесѣдованіяхъ. Цѣна 80 к., съ пересылкой 1 руб.

Очерки и разказы Для школы, народнаго чтенія и войскъ. Цѣна 80 к., съ пересылкой 1 руб.

Печатается новая, весьма полезная и необходимая для каждаго пастыря настольная книга.

Поученія и рѣчи на разные случаи. Сборникъ, обнимающій собою всѣ случаи пастырской практики и церковно приходскаго учительства.

Отзывы печати: «Сборъ поученій» долженъ быть поставленъ въ ряду лучшихъ современныхъ проповѣдей для простыхъ слушателей. Особенность поученій ихъ *жизненность и назидательность.* Каждое поученіе слово краткое, живое и дѣйственное. Темы поученій *практически современнаго характера.* Слогъ легкій, языкъ простой и понятный, изложеніе литературное. «Спутникъ пастыря» представляетъ собраніе прекрасныхъ, живыхъ и по содержанию и по языку, практическихъ и полезныхъ для пастырской практики статей. Другія книги свящ. Брояковскаго также занимательны, назидательны и поучительны. Поэтому ихъ смѣло можно рекомендовать пастырямъ для чтенія дома, въ храмѣ, при въбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, а также для библиотекъ церковныхъ, школьныхъ, полковыхъ и народныхъ. (См. „Церк. Вѣд.“ № 41, 1901 г. „Кіев. Епар. Вѣд.“ № 12, 1901 г. и № 2 й 1903 г. „Богословъ библиограф. Лист.“ Мартъ—Апр. 1901 г. и мн. др. изд.).

Выписывать на наличныи и наложнымъ платежомъ по адресу.

Ст. *Попельня*, Кіев. губ. свящ. С. Брояковскому.

БРАТІЕ-ХРИСТІАНЕ!

Въ задачахъ и цѣляхъ Успенскаго Попечительства сейчасъ выдвигаются слѣдующія нужды прихода (обоснователемъ котораго былъ прославленный чудесами и исцѣленіями Преподобный Отецъ Трифонъ, род. 1543 г., ум. 1613, 70 л.): *ремонтъ* стараго храма въ честь Успенія Божіей Матери; *обновленіе* всей ветхой утвари; *покупка* новыхъ богослужбныхъ книгъ, взаменъ истрепавшихся, неотложное, *расширеніе школы*, и, въ цѣляхъ развитія мелкой обрабатывающей кустарной промышленности среди населенія въ виду печальныхъ экономическихъ условій прихода— *постройка* особой новой *ремесленной школы*.

Горы, камень, известь, песокъ, глина—вотъ условія земледѣія нашего крестьянства. Среди такого печальнаго земледѣльческаго положенія, населеніе наше естественно совсѣмъ не можетъ, по бѣдности, удовлетворить вышеупомянутыхъ нуждъ Попечительства.

Братіе христіане! если на ваше сердце падаетъ желаніе оказать истинно-христіанскую помощь въ нуждѣ, то, вотъ эта нужда—она передъ вами. Вѣрьте, за благое дѣяніе и даръ, какой вы пришлете Попечительству, рука ваша не оскудѣетъ: Сердцевѣдецъ Богъ вознаградитъ васъ сторицею. Мы же будемъ возносить за васъ молитвы при каждомъ служебномъ литургии.

По жертвованію просимъ адресовать: г. Пермь, Церковно-Приходскому Попечительству села Успенскаго, Пермскаго уѣзда.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

ИКОНОСТАСНАЯ И ЦОВОЛОТНАЯ

МАСТЕРСКАЯ

Алексѣя Петровича ПЕТРОВА съ С-ми

—» Существуетъ съ 1869 года. «—

МОСКВА, 1-я Мѣщанская, домъ № 98.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-РѢЗНЫЕ, ЖИВОПИСНЫЕ и ИКОНОПИСНЫЕ

РАБОТЫ,

какъ-то: Церковные **иконостасы** (и военно-походные) въ разныхъ строго выдержанныхъ стиляхъ, мѣстные и запрестольные **кіоты**, **балдахины** надъ престолами, **гробницы** подъ плащаницу, **запрестольные кресты** и **рамы** съ тумбами, **кресты съ предстоящими** съ рѣзной горой, **аналои**, **престолы**, **жертвенники**, **свѣчные ~~свѣчки~~ и зеркала** для присутственныхъ мѣстъ,

А ТАКЖЕ ПРОИЗВОДИТСЯ РЕСТАВРАЦІЯ

ИКОНОСТАСОВЪ, ИКОНЪ, ВНУТРЕННЕЙ и НАРУЖНОЙ ЖИВОПИСИ въ ХРАМАХЪ и пр.

и ЗОЛОЧЕНІЕ ГЛАВЪ и КРЕСТОВЪ.

Рисунки, смѣты и чертежи высылаются по первому требованію.

**ФАБРИКАНТЪ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ
ТОРГОВАГО ДОМА
АНДРЕЯ ЗАХРЯПИНА СЫНОВЬЯ.**

Имѣю честь довести до свѣдѣнія г.г. покупателей
въ нашихъ магазинахъ.

I.	II.	III.
Въ Москвѣ	Въ г. Воронежѣ	Въ армаркахъ Нижегородской
Никольская ул., верх- ніе торговые ряды №№ 82, 155, 156, 227, 228, 229.	Московская ул., про- тивъ Духовной Кон- систоріи. Магазины открыты съ 1-го ок- тября 1902 г.	по шоссе противъ флаговъ. Въ Вологдѣ и Ро- стовѣ Ярославской губ.

Всегда имѣется полный и большой выборъ всей церковной утвари лучшаго издѣлія, художественной работы, собственной фабрики, всевозможныхъ размѣровъ и рисунковъ какъ-то: паникадила, люстры, подсвѣчники, лампы, хоругви, запрестольныя иконы, евангелія, кресты, сосуды, ковчеги, вѣнцы, металлическія свѣчи, чаши водосвятныя, плащаницы, гробницы, иконы, парча для облаченія и пр. и пр., также имѣются и серебряныя вещи 84°, а также принимаются заказы на всевозможную церковную утварь, металлическія, такъ равно и серебряныя 84° и ризы на иконы, одежды на престолъ и жертвенники, царскія двери, кресты на главы, и рѣшетки по солямъ и пр. и пр., какъ лично, также и заочно, посредствомъ переписки.

По требованію при заказахъ, Торговый Домъ высылаетъ смѣты и рисунки, а также въ случаѣ надобности высылаются довѣренный, для личныхъ переговоровъ и принятія заказа.

Принимаются всякаго рода починки и ремонтное старыя вещи церковной утвари золоченіе и серебрение исполняются въ точности безъ замедленія.

Цѣны на церковную утварь существуютъ одинаковыя какъ въ Московскомъ магазинѣ, также въ Воронежскомъ магазинѣ и армаркахъ.

При заказахъ и покупкѣ товаровъ для небогатыхъ храмовъ, дѣлается разсрочка въ платежѣ.

Фабрика наша существуетъ болѣе 50 лѣтъ и имѣетъ при себѣ около 500 человекъ мастеровъ, благодаря лучшаго производства вырабатываемыхъ въ ней предметовъ и усовершенствованія, всеми необходимыми средствами, для выработки церковной утвари, скорого и аккуратнаго исполненія заказовъ, приобрѣла самый громадный кругъ г.г. покупателей и заказчиковъ. Фабрика и главная контора въ г. Переславлѣ Заслѣскомъ Влад. губ.

При выпискѣ товаровъ, просимъ обозначать адресъ, чрезъ кого посылать товаръ, по желѣзной дорогѣ, до какой станціи, или чрезъ контору и адресъ почтовый.

Лѣстимъ себя надеждою, что Вы не оставите насъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ, а также и посѣщеніемъ нашихъ магазиновъ въ Москвѣ и гор. Воронежѣ.

Торговый Домъ Андрея Захряпина С—вья.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Августа № 16. 1908 года.

Содержаніе. Наставленіе причастникамъ.—Височайшая награда.—Списокъ лицъ, коиъ за заслуги по духовному вѣдомству преподано благословеніе Святѣйшаго Синода.—Определеніе Святѣйшаго Синода о введеніи программъ учебныхъ предметовъ для школъ церковнаго вѣдомства.—Распоряженіе Епархіальнаго начальства 1) о распространеніи издаваемыхъ Синодальною типографіею листковъ религіозно-нравственнаго содержанія и металлическихъ крестиковъ, 2) изданія „Почаевскій Листокъ“ и 3) о объ освобожденіи отъ гербового сбора видовъ на жительство, отпускныхъ билетовъ и прошеній о нихъ.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта.—Отъ совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Дополнительныя правила о снабженіи церквей Харьковской епархіи просфорами.—Списки лицъ, служащихъ въ Харьковскомъ, Купянскомъ, Сумскомъ духовныхъ училищахъ за 1902—1908 уч. г.—Епархіальныя извѣщенія.—Грозный судъ Божій надъ хулителемъ преп. Серафима Саровскаго.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

НАСТАВЛЕНІЕ ПРИЧАСТНИКАМЪ *).

1) Какъ готовится къ св. Причащенію.

Правила Святыхъ Отецъ, изложенныя въ нашемъ служебникѣ повелѣваютъ христіанамъ цѣлую седмицу предъ причащеніемъ говѣть, то есть ежедневно ходить на всѣ церковныя службы и пребывать въ постѣ и воздержаніи. Такъ и должно исполнять въ Великомъ Посту, когда живешь въ домѣ твоемъ.

Но если ты пришелъ всновѣдываться и причащаться въ далекую обитель, то вмѣсто седмичнаго говѣнія тебѣ вмѣняются труды, повесенныя во время пути. Однако и здѣсь не забывай, что написано въ св. Библии: „Сынъ мой, если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою“ (Сирах. 2, 1). Старайся хотя три дня быть на всѣхъ службахъ и уже непременно выстоять всѣ службы хотя бы одного дня, то есть вечерню, утреню и литургію; приступать же къ причащенію, не бывши у вечерни или у всеобщей, воспрещено святыми правилами и бываетъ то причащеніе во осужденіе, а не въ пользу. Кромѣ вечерни должно прослушать и правило ко Святому Причащенію—три канона и акаѳистъ, а наипаче внимать молитвамъ ко святому причащенію.

*) Почаевскій листокъ № 33.

Бто грамотенъ и можетъ купить себѣ молитвословъ, тотъ хорошо сдѣлаетъ, если прочитаетъ эти молитвы самъ послѣ вечерни въ церкви или предъ отходомъ ко сну.

2) Какъ подходить къ св. чашѣ Причащенія.

1) Когда подходишь ко святой чашѣ, устремля свои мысли ко Господу, призывай Его со смиреніемъ, чтобы Онъ благоволилъ войти въ твою душу и очистилъ тебя отъ грѣховъ твоихъ.

2) Стой прямо, сложивъ руки твои на груди, но не крестись, подходя къ причастію и отходя, дабы не опрокинуть рукой святую чашу.

3) Говори вслухъ свое имя, когда спросятъ, асно, чтобы слышалъ священникъ. Говори настоящее твое, имя, которое дано тебѣ во святомъ крещеніи въ честь Святаго Угодника Божія, а не коверкай своего имени; не говори: Грицко, или Гапка, или Евва; такъ не назывались святые, въ честь которыхъ крестили тебя, но говори правильно: Григорій, или Агаѳія, или Евдокія. Стыдно даже малому дитяти не знать своего имени. Христіанинъ долженъ ежедневно молиться своему Святому: какъ-же онъ будетъ призывать его, если и назвать его не умѣетъ? Если тебя привыкли называть польскимъ именемъ, какого нѣтъ въ православной вѣрѣ, напримѣръ, Франциска или Терезы, то пойдѣ къ священнику своему и проси его найти въ метрикахъ свое настоящее христіанское имя, съ которымъ ты крещенъ и этимъ именемъ называйся.

4) Принявъ святое причастіе, цѣлуй чашу внизу, но не цѣлуй руку священника или архіерея, пока ты не запишъ святаго причастія, и до тѣхъ поръ не твори земныхъ поклоновъ, не харкай и не плюй.

5) Послѣ причащенія и литургіи не уходи изъ церкви, а слушай, какъ будутъ читать благодарственные молитвы, и отъ всего сердца благодари Господа, долготерпѣвшаго къ твоимъ грѣхамъ и не отринувшаго тебя отъ причащенія Его святыхъ таинъ.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, 25-го іюля 1903 г., на награжденіе, за 10-лѣтніе труды по народному образованію, *серебряною*

медалью съ надписью „за усердіе“, для ношенія на груди, на Александровской лентѣ діакона Дмитріевской церкви гор. Харькова Алексія *Брайловскаго*.

Списокъ лицъ, коиъ за заслуги по духовному вѣдомству преподано благословеніе Святѣйшаго Синода.

Опредѣленіемъ отъ 7—19 февраля 1903 года за № 711 преподано благословеніе Святѣйшаго Синода, безъ грамотъ, въ Харьковской епархіи: мѣщанину Алексѣю *Милету*, крестьянину Василю *Кононенко* и дворянкѣ Александрѣ *Климовой*.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 20—27 мая сего 1903 года за № 2318 постановлено: составленныя Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ программы учебныхъ предметовъ для школъ: а) церковно-приходскихъ, б) второклассныхъ и в) церковно-учительскихъ утвердить и ввести ихъ въ употребленіе въ названныхъ школахъ, въ видѣ опыта на шесть лѣтъ, съ предоставленіемъ епархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ, въ случаѣ, если программы эти гдѣ-либо, по мѣстнымъ условіямъ или другимъ уважительнымъ причинамъ, окажутся въ чемъ-либо невыполнимы, съ разрѣшенія мѣстнаго епархіальнаго преосвященнаго, входить съ ходатайствами въ Училищный при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣтъ объ измѣненіи оныхъ.

Распоряженіе Епархіальнаго начальства

о распространеніи 1) издаваемыхъ Синодальною типографіею листовъ религиозно-нравственнаго содержанія и металлическихъ крестиковъ, 2) изданія „Почаевскій листокъ“ и 3) объ освобожденіи отъ гербоваго сбора вѣдомъ на жительство и отпусковыхъ билетовъ.

I.

Харьковская Духовная Консисторія, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, доводитъ до свѣдѣнія духовенства Харьковской епархіи слѣдующее: Управление Московской Синодальной типографіи отношеніемъ, отъ 30 іюня 1903 года за № 11681, сообщило Харьковской Духовной Консисторіи, что Московская Синодальная типографія въ настоящее время приступила къ изданію „Листковъ“

для назидательнаго и душеспасительнаго чтенія православнаго русскаго народа. Содержаніе „Листковъ“ заключается въ жизнеописаніи чтимыхъ Православною Церковію святыхъ, въ объясненіи Св. Писанія, церковныхъ службъ и пѣснопѣній и въ другихъ полезныхъ и правоучительныхъ свѣдѣніяхъ, вложенныхъ простымъ и доступнымъ пониманію языкомъ. Много „Листковъ“ уже вышло изъ печати и продается по слѣдующимъ цѣнамъ: 1 экз.—2 коп., 25 экз.—35 коп., 50 экз.—70 коп. и 100 экз. 1 р. 40 к. Постепенно будутъ выпускаемы еще новыя „Листки“ разнообразнѣшаго содержанія. Кромѣ того, при типографіи открыто штамповальное отдѣленіе для изготовленія металлическихъ тѣльныхъ крестиковъ. Крестики изготовляются по рисункамъ, исполненнымъ по выбору и заказу самой типографіи въ разнообразныхъ видахъ и формахъ. Цѣны ихъ указаны въ особомъ каталогѣ. При чемъ управленіе типографіи препроводило въ Консисторію нѣсколько экземпляровъ „Листковъ“ и крестиковъ, съ просьбою оказать свое содѣйствіе къ распространенію таковыхъ среди епархій чрезъ посредство настоятелей церквей и монастырей, присовокупивъ, что эти лица, посѣщая Консисторію по дѣламъ службы, могутъ непосредственно ознакомиться какъ съ „Листками“, такъ и съ крестиками, равнымъ образомъ и съ условіемъ приобрѣтенія ихъ. О чемъ и объявляется духовенству Харьковской епархій къ свѣдѣнію.

II.

Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Антоній, Епископъ Волынской и Житомирскій, обратился къ нашему Владыкѣ, Высокопреосвященнѣйшему Арсенію, со слѣдующимъ письмомъ:

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивнѣйшій Архипастырь.

При Свято-Успенской Почаевской Лаврѣ и на ея исключительно средства, съ 1887 года издается „Почаевскій Листокъ“, имѣющій своею цѣлію доставить православному русскому народу общедоступное, занимательное и назидательное чтеніе, понятное и простолюдину. Запросъ на такого рода духовнаго изданія, какъ „Почаевскій Листокъ“, среди простаго русскаго народа годъ отъ года растетъ, и священники, настоятели православныхъ приходо-въ, нерѣдко затрудняются тѣмъ, какъ бы поразнообразнѣе и пошире удовлетворить духовнымъ потребностямъ своихъ пасомыхъ чрезъ чтеніе имъ или предложеніе къ прочтенію чего-либо не-

натнаго и назидательнаго. „Почаевскій Листокъ“, заключающа въ каждомъ отдѣльномъ выпускѣ одну или нѣсколько вполне законченныхъ статей, согласныхъ съ духомъ Евангельскаго ученія, съ жизнію святыхъ отцовъ и учителей Церкви, идетъ тѣмъ самымъ на встрѣчу духовнымъ потребностямъ простаго русскаго народа.

Препровождая при семъ на Архипастырское благоусмотрѣніе Вашего Высокопреосвященства нѣсколько №№ „Почаевскаго Листка“ за минувшій и настоящій годы, имѣю честь почтительнѣйше просить Ваше Высокопреосвященство, не признано ли будетъ полезнымъ рекомендовать „Почаевскій Листокъ“ *) вниманію духовенства вѣрнной Вашему Высокопреосвященству епархіи для церковно-приходскихъ библіотекъ, какъ душеполезное чтеніе, доступное пониманію простаго русскаго народа.

Поручая себя святымъ молитвамъ Вашимъ, съ сыновнимъ почтеніемъ и преданностію, имѣю честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнѣйшій послушникъ *Епископъ Антоній*.

На подлинномъ резолюція Его Высокопреосвященства 9 августа 1908 года послѣдовала между прочимъ такая: „Дѣло весьма полезное и достойное одобренія; рекомендую для выписки духовенству и школамъ для распространенія въ народѣ“.

III.

Въ алфавитномъ перечнѣ бумагъ, актовъ и документовъ, подлежащихъ гербовому сбору и изъятыхъ отъ него, составленномъ на основаніи ст. 10 Высочайши утвержденного 10 іюня 1900 г. Устава о гербовомъ сборѣ (приложен. къ отд. 1 Собр. узак. и распоряженій Прав. за 1902 г., № 73, ст. 759) изложено (№ 258, V, п. 11): прешенія по дѣламъ, касающимся видовъ на жительство (кромя заграничныхъ паспортовъ) и отсрочекъ по онымъ, а равно (№ 212) отпускные билеты, выдаваемые при увольненіи въ отпускъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, военной, морской и гражданской, какъ пользующихся правами оной, такъ и вольнонаемныхъ, отъ гербоваго сбора изъяты (75 ст. п. 3 Уст. о гербовомъ сборѣ).

О чемъ Харьковская Духовная Консисторія, на основаніи своего опредѣленія, утвержденного Его Высокопреосвященствомъ 9 августа н. г., и сообщаетъ къ свѣдѣнію епархіальнаго духовенства.

*) *Примѣч.* „Почаевскій Листокъ“ еженедѣльное изданіе, выходящее по воскресеньямъ въ видѣ листка въ 4 страницы и содержащее въ себѣ одну или нѣсколько назидательныхъ статей. Цѣна годовому изданію безъ пересылки 1 р., съ пересылкой 1 р. 50 к. Адресъ: въ мѣст. Почаевъ Волынской губ., въ Редакцію Почаевскаго листка.

Отъ Харьковскаго Епархіального Училищнаго Совѣта.

При Зміевской соборной (мужской) церковно-приходской школѣ состоятъ вакантною должность учителя—регента; къ занятію этой должности приглашается лицо, способное управлять церковнымъ хоромъ, преимущественно изъ окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи. Условія службы: 40 руб. въ мѣсяцъ при готовой въ школѣ квартирѣ. Могутъ быть и частные доходы за пѣніе хора при совершеніи требъ.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіального Женскаго Училища.

Совѣтъ училища съ чувствомъ глубочайшей благодарности доводитъ до свѣдѣнія духовенства Харьковской Епархіи, что Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, соизволилъ пожертвовать въ пользу училища двѣ 4⁰/₀ Государственныхъ ренты по 100 руб. каждая съ тѣмъ, чтобы проценты съ пожертвованнаго капитала ежегодно выдавались одной изъ бѣднѣйшихъ воспитанницъ училища, окончивающихъ курсъ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ПРАВИЛА

о снабженіи церковей Харьковской епархіи просфорами.

§ 1. На основаніи 2 пункт. ст. 1617 уст. общ. призрѣнія т. XIII св. закон. по прод. 1868 г. къ средствамъ призрѣнія—общимъ для всего служащаго при церквахъ духовенства отнесено: опредѣленіе вдовъ и сиротъ женскаго пола въ просфорни. Въ указѣ Св. Синода отъ 26 іюня 1867 года сказано, что вдовы и сироты не молодыхъ лѣтъ опредѣляются въ просфорницы при церквахъ. А потому при всѣхъ церквахъ епархіи должны быть просфорницами вдовы и не молодыхъ лѣтъ дѣвицы, сироты священно-церковно-служителей, неукоризненнаго поведенія.

Примѣчаніе. Вопросъ о возрастѣ сиротъ дѣвицъ, дающимъ имъ право занять просфорническую должность, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предоставляется рѣшать Попечительству.

§ 2. Когда при церкви освобождается мѣсто просфорницы, врать вмѣстѣ съ старостой избираютъ новую просфорницу изъ вдовъ или сиротъ духовнаго званія, живущихъ или въ самомъ приходѣ, или вблизи его, составляетъ актъ избранія и представ-

ляетъ таковой мѣстному Благочинному; Благочинный актъ вмѣстѣ съ свѣдѣніями о лѣтахъ, поведеніи и семейномъ и имущественномъ положеніи избранной представляетъ въ Епархіальное Попечительство, которое и ходатайствуетъ предъ Преосвященнымъ объ утвержденіи новой просфорницы.

Примѣчаніе. При составленіи акта избранія просфорницы, въ немъ необходимо обозначать слѣдующее: время составленія акта, причины избранія просфорницы, точное опредѣленіе лица, избираемаго на просфорническую должность и полное прописаніе условій, на которыхъ состоялось соглашеніе причта и старосты съ избираемой просфорницей, именно: какое годовое вознагражденіе назначается просфорницѣ за печеніе служебныхъ просфоръ, будетъ ли мука приобрѣтаться старостой на церковныя деньги, или же церковь будетъ уплачивать просфорницѣ стоимость муки деньгами и въ какомъ именно количествѣ, на какихъ условіяхъ просфорница будетъ доставлять церкви просфоры, продаваемыя послѣднею богомольцамъ. Самый актъ избранія подписывается обязательно всѣми членами причта, церковнымъ старостой и избранной просфорницей; правильность избранія и нравственная правоспособность избранной свидѣлствуется на самомъ актѣ мѣстнымъ Благочиннымъ.

§ 3. Если въ приходѣ или вблизи его не окажется вдовъ или сиротъ духовнаго званія, правоспособныхъ къ занятію просфорнической должности, причтъ чрезъ Благочиннаго, немедленно доноситъ объ этомъ Епархіальному Попечительству, которое публикуетъ въ мѣстномъ епархіальномъ органѣ о вакантномъ мѣстѣ, принимаетъ прошенія отъ желающихъ занять его и представляетъ достойное лицо на утвержденіе Епархіальнаго Архіерея.

§ 4. Мѣста просфорницъ, объявленныя Попечительствомъ вакантными, остаются таковыми не долѣе шести мѣсяцевъ со времени опубликованія, послѣ чего Попечительство предоставляетъ причтамъ и старостамъ входить въ соглашеніе о доставкѣ просфоръ съ кѣмъ либо изъ утвержденныхъ просфорницъ ближайшихъ церквей, составлять о томъ актъ в указаннымъ порядкомъ (§ 2) представлять таковой въ Попечительство.

§ 5. Если доставка просфоръ изъ другихъ приходовъ невозможна или крайне затруднительна по разстоянію или инымъ причинамъ,—причамъ и старостамъ предоставляется право, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ разрѣшенія Епархіальнаго Попечительства, избирать просфорницею временно кого либо изъ женъ

или дочерей наличнаго причта, съ соблюденіемъ порядка, указаннаго въ § 2 настоящихъ правилъ. Избранныя лица исполняютъ обязанности просфорницъ впредь до заявленія желанія занять эту должность кѣмъ либо изъ вдовъ или сиротъ духовнаго званія, каковыя заявленія подаются въ Епархіальное Попечительство.

§ 6. Каждая церковь должна имѣть свою просфорницу, которая, по утвержденіи въ должности, обязательно, пишется въ клировыхъ вѣдомостяхъ этой церкви послѣ наличнаго и заштатнаго причта. Если же по какой либо причинѣ должность просфорницы во времени представленія клировыхъ вѣдомостей остается вакантною, то въ томъ мѣстѣ вѣдомостей, гдѣ должны быть свѣдѣнія о просфорницѣ, — писать слово «вакансія».

§ 7. Одно и то же лицо, при необходимости, по усмотрѣнію Попечительства, можетъ состоять просфорницей и не при одной церкви, но во всякомъ случаѣ не болѣе, чѣмъ при трехъ церквахъ. Если же окажется, что одно лицо изготовляетъ просфоры для большаго количества церквей, то такія церкви считаются имѣющими вакансію просфорнической должности, и желающія изъ вдовъ или сиротъ духовнаго званія могутъ просить Попечительство объ утвержденіи ихъ просфорницами къ любой изъ такихъ церквей, кромѣ той, въ приходѣ которой проживаетъ означенная выше просфорница.

§ 8. Церкви, состоящія въ городахъ, при казенныхъ и учебныхъ заведеніяхъ, обязаны забирать просфоры у утвержденныхъ къ приходскимъ церквамъ просфорницъ.

§ 9. Всѣ церкви города Харькова забираютъ просфоры въ просфорнѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря или у утвержденныхъ просфорницъ, о чемъ и писать въ клировыхъ вѣдомостяхъ.

§ 10. Просфоры должны быть испечены изъ чистой бѣлой (перваго сорта крупчатой), не затхлой муки. Хлѣбъ этотъ долженъ быть замѣшенъ простою чистою водою, безъ всякихъ постороннихъ примѣсей и при томъ квасный, каковой благословилъ Самъ Господь при установленіи Божественной Евхаристіи, и каковой употребляли св. Апостолы (άρτος — хлѣбъ поднявшійся отъ слова αἴρω — поднимаю). Просфора должна состоять изъ двухъ кругловидныхъ частей, на верху съ отпечаткомъ, сдѣланнымъ посредствомъ вырѣзанной на деревѣ печати, непремѣнно съ изображеніемъ четвероконачнаго креста съ надписью: Ис. Хс. Ни Ка. Просфорница также должна знать, что тѣсто для просфоръ должно быть замѣшено круто и чтобы просфора не была слишкомъ мягка или чер-

ства; а потому для каждой литургіи слѣдуетъ печь просфоры за два дня.

Примѣчаніе. Всенощныя просфоры должны быть приготовлены такъ же и такой формы и величины, какъ для литургій, только безъ печата.

§ 11. Въ положенные дни просфорница обязана доставлять для совершенія Литургіи непремѣнно шесть просфоръ; въ сыропустную недѣлю и во всѣ недѣли Великаго Поста—по девяти, а для каждой всенощной—по пяти просфоръ.

§ 12. Мука для просфоръ, означенныхъ въ § 11, по соглашенію причта и старосты съ просфорницей, имъ покупается на церковныя деньги, или церковь уплачиваетъ просфорницѣ стоимость ея деньгами,—о томъ или иномъ способѣ соглашенія прописывается въ актѣ избранія просфорницы (см. прим. § 2 сихъ правилъ).

§ 13. За приготовленіе просфоръ для богослуженія въ количествѣ, указанномъ выше (§ 11) и за дрова, каждая церковь уплачиваетъ просфорницѣ не менѣе 50 руб. въ годъ; городскія же соборныя и другія церкви, въ которыхъ совершается литургія ежедневно, круглый годъ—не менѣе семидесяти рублей въ годъ, или же по пяти копѣекъ за обыкновенную служебную просфору, если просфорница употребляетъ для просфоръ свою муку.

§ 14. Если просфорницей будетъ состоять кто либо изъ женъ или дочерей наличнаго причта, то церковь можетъ уплачивать ей за изготовленіе указанныхъ въ § 11 просфоръ и за дрова вознагражденіе не менѣе пятидесяти рублей.

§ 15. Просфоры, потребныя богомольцамъ для подачи на проскомидію и въ другихъ случаяхъ (при заказныхъ литургіяхъ, освященіи пасхъ и проч.),—изготавливаются обязательно состоящей при данной церкви просфорницей изъ ея собственной муки, качества, указанного въ § 10 сихъ правилъ и сдаются церковному старостѣ по цѣнѣ—3 коп. за малую и 5 коп. за большую просфору; староста же, лично или чрезъ своего довѣреннаго продаетъ эти просфоры богомольцамъ, согласно опредѣленію мѣстной духовной Консисторіи отъ 7 февраля 1903 года за № 2415, малыя просфоры не дороже 5 коп., а большія—не дороже 7 коп. за каждую просфору. Во избѣжаніе недоразумѣній, церковный староста каждый разъ заблаговременно заказываетъ просфорницѣ, сколько требуется ему просфоръ для продажи богомольцамъ и къ какому сроку, причемъ не проданныя просфоры остаются за церковью.

§ 16. Своевременная и аккуратная доставка просфоръ отъ про-

сфорницъ производится за счетъ церкви и лежитъ на отвѣтственности церковнаго старосты. Доставка просфоръ самою же просфорницею можетъ возлагаться на нее только по усмотрѣнiю Попечительства, въ виду какихъ либо исключительныхъ условiй ея службы и мѣстожителства.

§ 17. Всѣ просфорницы, получающiя Попечительское исобiе, не должны быть лишаемы онаго, равнымъ образомъ и тѣмъ изъ нихъ, которыя не получаютъ такового и будутъ просить о назначенiи имъ,—не отказывать, если только онѣ по своей бѣдности заслуживаютъ онаго.

§ 18. За исправностию и поведенiемъ просфорницъ, на основанiи § 8 благочиннической инструкцiи, наблюдаетъ Благочинный. А потому на неисправности просфорницы и отступленiе отъ сихъ правилъ, причты и церковныя старосты жалобы представляютъ Благочинному, который, по разслѣдованiи и рассмотрѣнiи таковыхъ жалобъ въ Благочинническомъ Совѣтѣ, или единолично удовлетворяетъ такiя жалобы, или съ мнѣнiемъ Совѣта, чрезъ Попечительство представляетъ на Архiepастырское благоусмотрѣнiе Епархiальнаго Архiерея. Такъ точно поступать и съ жалобами просфорницъ на причты или церковныхъ старостъ.

§ 19. Причты, церковныя старосты и благочинныя обязаны наблюдать, чтобы никто, кромѣ утвержденныхъ къ церквамъ просфорницъ, не заготовлялъ и не продавалъ просфоръ; въ случаѣ же, если окажутся таковыя лица, благочинный обязанъ просить мѣстную полицию о запрещенiи таковымъ лицамъ производства и торговли просфорами, съ отобранiемъ у нихъ и просфорныхъ печатей.

На подлинныхъ дополнительныхъ правилахъ резолюцiя Его Высокопреосвященства 28 мая сего года послѣдовала такая: „Изъ приложенныхъ печатныхъ правилъ видно, что просфорное дѣло въ епархiи упорядочено. Впрочемъ принять къ руководству и новыя дополнительные правила. Дѣло о просфорныхъ, кромѣ Харькова, передаются въ вѣдѣнiе Преосвященному Викарiю“.

Списокъ лицъ, служащихъ при Харьковскомъ Духовномъ Училищѣ, за 1903 годъ.

Смотритель училища *Снежневъ* Александръ Алексѣевичъ, стат. совѣт., кандидатъ Казанской духовн. акад. 1874 года; 11 iюля 1874 г. препод. Харьк. духовн. семина., 5 ноября 1887 года смотритель училища.

Помощникъ смотрителя, *Зефировъ* Николай Андреевичъ, священникъ, кандидатъ богословія; 26 сент. 1885 г. преподаватель Оренбургскаго дух. училища; 21 іюня 1889 г. преподав. Оренбургскаго Епарх. женск. училища, 9 марта 1890 г. преподав. Симбирской дух. семинаріи, 17 марта 1893 г. помощн. смотр. Симбирск. дух. учил.; 8 августа 1902 г. помощн. смотр. Харьковскаго духовнаго училища.

Преподаватели:

Русскаго и церк.-слав. языковъ въ II—IV классахъ *Евсѣвій* Иванъ Александровичъ, статск. совѣтн., канд. Кіевск. дух. акад. 1883 г.; 23 декабря 1883 г. препод. Черкаскаго дух. учил.; 10-го августа 1884 г. преп. Харьковск. духовн. училища.

Русскаго и церк.-слав. языковъ въ I классѣ *Коротковъ* Сергѣй Гавриловичъ, коллежск. ассесоръ, канд. С.-Петербур. духовн. акад. 1897 г.; 1 января 1898 года надз.-реп. Харьк. дух. учил.; 27-го августа 1899 года препод. русскаго и церк.-славянск. языковъ при томъ же училищѣ.

Латинскаго языка *Булмаковъ* Иванъ Васильевичъ, надв. сов. канд. Моск. дух. акад. 1895 г.; 3 августа 1895 г. препод. русск. и церк.-слав. яз. I класса Харьковск. дух. учил., 27 августа 1899 г. препод. латинскаго языка при томъ-же училищѣ.

Греческаго языка—*Марченко* Владиміръ Васильевичъ, надв. сов., студентъ Хар. дух. сем. 1879 г.; 15 августа 1879 года надз. репет. Харьковск. дух. училища, 2 октября 1880 года препод. греческаго языка Харьк. дух. учил.

Географіи и ариметики—*Пономаревъ* Василій Арсеньевичъ, стат. совѣтн., кандид. Кіевск. Духовной Академіи 1883 г., 23 октября 1883 г. помощн. инспектора Харьк. духовн. семинаріи, 1 августа 1894 г. препод. географіи и ариметики Харьк. духовн. учил.

Церковнаго пѣнія и муз. *Лобковскій* Александръ Алексѣевичъ, священникъ, студ. Харьк. духовн. сем. 1893 года; 1 ноября 1897 г. учитель пѣнія и музыки при Харьковск. духовн. училищѣ.

И. д. учителя приготовительнаго класса *Лихницкій* Иванъ Васильевичъ, надв. совѣтн. воспит. Харьк. духов. семинар. 1885 года; 14 сентября 1887 года надз.-репет. Харьк. духовн. училища; 18 іюля 1891 года и. д. учителя подготов. класса при томъ же училищѣ.

Надзиратели:

IV. *Антоновъ* Александръ Трофимовичъ, студ. семинар. съ 1-го февраля 1903 года.

III. *Архангельскій* Илья Митрофановичъ студ. семинар., съ 1-го ноября 1902 года.

II. *Лобковский* Иванъ Васильевичъ, надв. сов., студ. Хар. дух. семин., съ 1 августа 1890 года.

I. *Макаровский* Ѳедоръ Григорьевичъ, студ. Хар. дух. сем., съ 1 октября 1901 года.

Пригот. класса—*Чернявскій* Владиміръ Александровичъ, воспитанникъ духовн. семинаріи, съ 1 марта 1903 г.

Списокъ лицъ, служащихъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ за 1903 годъ.

1. Смотритель училища, стат. сов. Иванъ Ивановичъ *Григоровичъ*, имѣеть ордена: св. Станислава III степ., св. Анны III степ. и св. Станислава II степ. Въ 1880 г. окончилъ курсъ въ Кіев. духовн. акад. со степенью кандидата, съ правомъ исать степени магистра, не подвергаясь новому устному испытанію. Въ томъ-же 1880 г. преподаватель латин. яз. въ Кіево-Софійскомъ дух. учил. Въ 1882 г. преподав. рус. и церк.-слав. яз. въ томъ же училищѣ. Съ 1881 по 1884 г. преподаватель рус. яз. и словесн. при Кіевскомъ училищѣ дѣвницъ духовнаго званія. Въ 1884 г. смотритель Черкаскасакаго духовнаго училища. Въ 1888 г. членъ и казначей Черкаскасакаго уѣзднаго отдѣленія Кіевскаго епархіальнаго училищнаго совѣта. Въ 1893 г. смотритель Купянскаго духовнаго учил. и членъ Купянскаго уѣзднаго отдѣленія Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта; съ 1899 г. состоитъ членомъ школьной комиссіи при томъ-же отдѣленіи.

2. Помощникъ смотрителя, стат. сов. Александръ Павловичъ *Малишевскій*. Имѣеть орденъ св. Станислава III степ. Въ 1886 г. окончилъ курсъ въ Кіев. духовн. акад. со степенью канд. 1886 г. учитель рус. яз. въ Бутанскомъ дух. учил. 1890 г. преподаватель литургіи, гомиметрики и практическаго руководства для пастырей въ Тифинской духовной семинаріи. 1894 г. учитель арифмет. и географіи въ Купянскомъ духовномъ училищѣ; 1896 г. помощникъ смотрителя Купянскаго духовнаго училища. 1897 г. членъ Купянскаго уѣзднаго отдѣленія Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта.

3. Учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ старшихъ классахъ училища, надв. совѣт. Николай Яковлевичъ *Александровъ*. Имѣеть орденъ св. Станислава III степ. Въ 1894 г.

окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи и удостоенъ званія кандидата. 1895 г. учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ во II, III и IV классахъ Буявскаго духовнаго училища.

4. Учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ I классѣ, надв. совѣт. Иванъ Степановичъ *Госинъ*. Имѣеть орденъ св. Станислава III степ. 1889 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента. 1889 г. надзвратель-репетиторъ 1-го класса Харьковскаго духовнаго училища и учитель церковнаго пѣнія въ томъ-же училищѣ. 1897 г. учитель русскаго языка въ I классѣ Купянскаго духовнаго училища и учитель церковнаго пѣнія въ томъ же училищѣ. 1902 г. членъ—дѣлопроизводитель училищнаго Правленія.

5. Учитель греческаго языка, канд. бог. Михаилъ Георгіевичъ *Ульяницкій*. Въ 1901 г. окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи и удостоенъ званія кандидата. 1902 г. учитель греческаго языка Купянскаго духовнаго училища.

6. Учитель латинскаго языка свщ. Александръ Георгіевичъ *Макухинъ*. Въ 1871 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента. 1872 г. надзиратель въ Купянскомъ духовномъ училищѣ. 1873 г. учитель латинскаго яъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ. 1894 г. рукоположенъ во священника и причисленъ сверхъ штата къ Купянскому Покровскому собору. 1895 г. законоуч. Купянскаго уѣзднаго училища.

7. Старшій учитель, учитель ариметики и географ., стат. сов. Михаилъ Дмитріевичъ *Островидовъ*. Имѣеть орденъ св. Станислава III степ. и Библію отъ Св. Синода выдаваемую. Въ 1884 г. окончилъ курсъ въ Кіевской дух. акад. и удостоенъ званія кандидата. 1884 г. преподаватель латинскаго языка Черкаскаго дух. училища. 1885 г. преподаватель рус. яз. въ старшихъ классахъ того-же училища. 1886 г. преподаватель ариметики и географіи того-же училища. 1889 г. преподаватель ариметики и географіи Ярославскаго дух. учил. Съ 1890 по 1896 г. преподавалъ гражданскую исторію въ Ярославскомъ епархіальн. женскомъ училищѣ. 1890 г. членъ отдѣленія по Ярославскому уѣзду епархіальнаго училищнаго совѣта. 1899 г. преподаватель греческаго языка Пяискаго духовнаго училища. 1899 г. преподаватель ариметики и географіи Купянскаго духовнаго училища.

8. Учитель приготов. класса. надвор. совѣт. Георгій Θεодотовичъ *Поповъ*. Имѣеть орденъ св. Станислава III степени. Въ 1890 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, удостоенъ

званія студента и опредѣленъ надзирателемъ—репетиторомъ въ Бупянское духовное училище. 1894 г. учитель приготов. класса того-же училища. 1895 г. учитель чистописанія того-же училища. 1896 г. членъ-дѣлопроизводитель Бупянского уѣзднаго отдѣленія Харьковскаго епархіальнаго училищнаго Совѣта. 1898 г. членъ школьной комиссіи при томъ-же отдѣленіи.

9. Надзиратель—репетиторъ IV класса, надворн. совѣтн. Петръ Алексѣевичъ *Торанскій*. Въ 1879 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента. 1880 г. надзиратель въ Бупянскомъ духовномъ училищѣ.

10. Надзиратель—репетиторъ III класса, надв. сов. Виссаріонъ Ивановичъ *Смирнскій*. Въ 1891 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи, удостоенъ званія студента и опредѣленъ надзирателемъ—репетиторомъ въ Бупянское духовное училище.

11. Надзиратель—репетиторъ II класса, кол. ассес. Федоръ Александровичъ *Евсикій*. Въ 1891 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи. 1893 г. надзиратель—репетиторъ въ Бупянскомъ духовномъ училищѣ.

12. Надзиратель—репетиторъ I класса, Николай Тимоѣевичъ *Пипенко*. Въ 1899 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и опредѣленъ надзирателемъ—репетиторомъ въ Бупянское духовное училище.

13. Надзиратель—репетиторъ приготов. класса Федоръ Михайловичъ *Прищепя*. Въ 1901 г. окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи и опредѣленъ надзирателемъ—репетиторомъ въ Бупянское духовное училище.

Списокъ лицъ, служащихъ въ Сумскомъ духовномъ училищѣ за 1902—1908 учебный годъ.

Смотритель училища, протоіерей Аркадій Федоровичъ *Грузовъ*, кандидатъ богословія, имѣетъ орденъ св. Станислава 3 ст., наперсный крестъ, камилавку, серебр. медаль въ память царствованія Императора Александра III и знакъ Краснаго Креста. По окончаніи курса наукъ въ Московской духовной академіи 1876 г. со степенью кандидата богословія и правомъ искать степени магистра, не подвергаясь устному испытанію, состоялъ преподавателемъ исторіи въ Московскомъ Комисаровскомъ техническомъ училищѣ (съ 1876—1886 г.), исторіи, географіи и педагогикѣ въ

Александрo-Маріинскомъ и Маріинскомъ женскихъ училищахъ въ Москвѣ, вѣдомства Императрицы Маріи (съ 1875—1890 г.). Въ 1890 году рукоположенъ во священника-настоятеля Вознесенской сл. Песокъ церкви при г. Изюмѣ; съ 24 іюня 1892 года назначенъ смотрителемъ училища.

Помощникъ смотрителя, священникъ Іаковъ Прокофiевичъ *Матусевичъ*, кандидатъ богословія, имѣеть орденъ св. Станислава 3 ст. и серебр. медаль въ память царств. Императора Александра III; окончилъ курсъ въ Московской духовной академіи въ 1892 г., 21 октября 1893 года назначенъ учителемъ церковно-приходской школы въ с. Витонижѣ, Луцкаго уѣзда, Волынской губ.; 12 марта 1894 г. опредѣленъ на должность надзирателя въ Мѣлечкое духовное училище; 1 августа 1894 г. перемѣщенъ на должность помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи, съ 3 сентября 1899 г. проходилъ должность законоучителя въ Харьковскомъ земледѣльческомъ училищѣ; 31 января 1901 года назначенъ на настоящую должность.

Преподаватели:

1. Русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ старшихъ классахъ кандидатъ богословія Ѳедоръ Ѳедоровичъ Горавнъ; по окончаніи курса въ С.-Петербургской духовной академіи со степенью кандидата богословія и правомъ искать степени магистра, не подвергаясь новому устному испытанію, назначенъ 3 октября 1902 г. учителемъ Сумскаго духовнаго училища; съ 4-го іюля 1903 года состоитъ членомъ правленія.

2. Ариметики и географіи, надв. сов. Николай Михайловичъ *Гальковский*, имѣеть орденъ св. Станислава 3 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи въ 1895 г. со степенью кандидата богословія, назначенъ учителемъ Сумскаго духовнаго училища 1 января 1896 г. Со 2 марта того же года по 4 іюня 1903 года состоялъ членомъ правленія.

3. Греческаго языка кол. асс., кандидатъ богословія Алексѣй Михайловичъ *Литкевичъ*. Окончилъ курсъ ученія въ Московской духовной академіи въ 1897 г., съ 15 августа 1898 г. состоялъ въ должности надзирателя-репетитора Харьковской духовной семинаріи; 12 сентября 1899 г. назначенъ учителемъ Сумскаго духовнаго училища.

4. Латинскаго языка—кандидатъ богословія Александръ Григорьевичъ *Дьяковъ*. Окончилъ курсъ въ С.-Петербургской духов-

ной академіи въ 1897 г., съ 14 сентября 1899 г. состоялъ на должности надзирателя—репетитора Харьковскаго духовнаго училища; 1 сентября 1901 г. назначенъ учителемъ Сумскаго духовнаго училища.

5. Старшій учитель—учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ 1 классѣ, надв. сов. Владиміръ Васильевичъ *Сучачевъ*, имѣеть орденъ св. Станислава 3 ст. и серебр. медаль въ память царств. Императора Александра III. Въ 1880 г. окончилъ курсъ ученія въ Харьковской духовной Семинаріи и удостоенъ званія студента, съ 9 ноября 1880 г. учитель латинскаго языка въ Ахтырокомъ, нынѣ Сумскомъ дух. училищѣ; 19 августа 1885 г. преподаватель русскаго и церковно-славянскаго языковъ.

6. Приготовительнаго класса надв. сов. Василій Васильевичъ *Покровский*, имѣеть орденъ св. Станислава 3 ст. и серебр. медаль въ память царств. Императора Александра III; въ 1886 г. окончилъ курсъ ученія въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента, съ 10 февраля 1886 г. надзиратель—репетиторъ Ахтырскаго, нынѣ Сумскаго духовнаго училища, 5 августа 1886 г. опредѣленъ учителемъ приготовительнаго класса.

7. Церковнаго пѣнія и надзиратель—репетиторъ приготовительнаго класса, окончившій курсъ Семинаріи Павелъ Кирилловичъ *Карповъ*. По окончаніи въ 1902 г. курса наукъ въ Харьковской духовной Семинаріи по второму разряду, 1-го сентября того же года опредѣленъ на настоящую должность.

Надзиратели—репетиторы училища.

4 класса студ. семинаріи кол. асс. Сергій Яковлевичъ *Сумковъ*, окончилъ курсъ ученія въ Харьковской духовной семинаріи въ 1893 г., въ должности надзирателя состоитъ съ 10 марта 1894 г.

3 класса надв. сов. Иванъ Трифоновичъ *Бушуйскій*, въ 1887 г. окончилъ курсъ ученія въ Харьковской дух. семинаріи со степенью студ.; въ должности надзирателя—репетитора состоитъ съ 11 августа 1888 года.

2 класса оконч. курсъ ученія семинаріи по второму разряду Андрей Петровичъ *Дублянский*, окончилъ курсъ ученія въ Харьковской дух. семинаріи въ 1893 г.; съ 22 октября того же года состоялъ учителемъ народнаго училища въ с. Люботинѣ, Валковскаго уѣзда, Харьк. губ., съ 15 августа 1895 г. состоялъ учителемъ въ Харьковской Александро-Невской двухклассной церковно-приходской школѣ, съ 1 августа 1896 г. состоялъ законоучито-

лемъ въ 6 городскомъ приходскомъ училищѣ въ г. Харьковѣ, съ 22 января 1897 г. состоялъ помощникомъ смотрителя Харьковскаго Александровскаго пріюта, 20 іюля 1900 года опредѣленъ надзирателемъ въ Сумское духовное училище.

1 класса студ. семинаріи Сергій Михайловичъ *Дубровинъ*. По окончаніи курса наукъ въ Харьковской духовной семинаріи въ 1902 г., 1 сентября того же года опредѣленъ въ настоящую должность.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

Петро-Павловская церковь с. Заводовъ, Изюмскаго уѣзда.

Сомествѣевская церковь сл. Хатняго, Волчанскаго уѣзда

Діаконскія.

Николаевская церковь с. Непокрытаго, Харьковскаго уѣзда.

Базанская церковь с. Басовки, Сумскаго уѣзда.

Преображенская церковь с. Краснополя, Ахтырскаго уѣзда.

Троицкая церковь с. Перекопа, Валковскаго уѣзда.

Николаевская церковь с. Тарасовки, Купянскаго уѣзда.

Пятницкая церковь с. Бакировки, Ахтырскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

Троицкая церковь с. Моисеевки, Старобѣльскаго уѣзда.

Покровская церковь с. Городища, Старобѣльскаго уѣзда.

Петро-Павловская церковь с. Княжнаго, Валковскаго уѣзда.

Іоанно-Предтеченск. церковь с. Ново-Івановки, Зміевскаго уѣзда.

Пророко-Осіевская церковь, при Харьковскомъ Реальномъ Училищѣ.

Свято-Духовская церковь с. Кононовки, Старобѣльскаго уѣзда.

Влад.-Богородичн. церковь с. Должана, Харьковскаго уѣзда.

Арханг.-Михайловск. церковь зашт. гор. Краснокутска, Богодухов. уѣзда.

Введенская церковь с. Студенка, Изюмскаго уѣзда.

Троицкая церковь с. Чернокаменки, Зміевскаго уѣзда.

Кресто-Возд. церковь с. Кручика, Богодуховскаго уѣзда.

Воскресенская церковь с. Булацеловки, Зміевскаго уѣзда.

Варваринская церковь с. Капитольскаго, Изюмскаго уѣзда.

Успенская церковь с. Хотѣни, Сумскаго уѣзда.

Сомествѣевская церковь с. Хатняго, Волчанскаго уѣзда.

Иоанно-Богословская церковь с. Солнцевки, Харьковскаго уѣзда.
 Кресто-Воздвиженская церковь с. Межрича, Лебединскаго уѣзда.
 Церковь сл. Молодовой, Волчанскаго уѣзда.
 Арх.-Михайловской церкви с. Болунаевки, Харьковскаго уѣзда.
 Церковь Александровской гимназіи, г. Сумъ.
 Покровская церковь сл. Колоничахи, Бупнянскаго уѣзда.
 Соборно-Покровская церковь г. Бупнянска.
 Рожд.-Богород. церковь с. Дозоваго, Богодуховскаго уѣзда.
 Троицкая церковь сл. Васильевки, Лебединскаго уѣзда.
 Соборная церковь г. Сумъ, Харьковскаго епархіи.

Грѣшный судъ Возій надъ хулителемъ преп. Серафима Саровскаго.

Харьковская Духовная Консисторія, во исполненіе резолюціи Ея
 Высокопреосвященства отъ 31 сего іюля препроводила въ редакцію
 „Вѣра и Разумъ“ слѣдующую копію дознанія, произведеннаго
 унтеръ-офицеромъ Харьковскаго отдѣленія Харьковскаго жандар-
 мскаго полицейскаго управленія жел. дорогъ Колянковымъ о крестя-
 нинѣ: Афанасіи Григорьевѣ Турь, внезапно разбитомъ парали-
 чемъ послѣ дерзко высказанныхъ имъ мыслей противъ святости
 мощей преподобнаго Серафима Саровскаго.

П Р О Т О К О Л Ъ.

Ст. „Харьковъ“ Курско-Харьково-Севастопольской жел. дор.
 1903 года іюля 18 дня, я унтеръ-офицеръ Харьковскаго отдѣ-
 ленія Харьковскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣ-
 зныхъ дорогъ Колянковъ, на основаніи 261, 9-й ст. Угол. Суд.
 составилъ настоящій протоколъ о нижеслѣдующемъ.

Сего числа, въ 5 часовъ вечера, мнѣ стало извѣстно, что в
 желѣзнодорожную больницу доставленъ рабочій депо Харьковъ
 Курско-Харьково-Севастопольской желѣзной дороги крестьянинъ
 Харьковской губерніи Волчанскаго уѣзда и волости Афанасій Гри-
 горьевъ Турь, котораго внезапно разбилъ параличъ послѣ дерзко
 высказанныхъ имъ мыслей противъ святости мощей преподобнаго
 Серафима Саровскаго.

Въ виду изложеннаго, мною было произведено по сему дѣлу
 дознаніе, при чемъ выяснилось слѣдующее:

Слесарь сего же депо крестьянинъ Курской губерніи, Старо-
 Оскольскаго уѣзда, Богославской волости, Гавріиль Егоровъ Ст-

дуновъ объяснилъ, что 18 сего іюля, около часу дня, онъ, Сѣдуновъ, купилъ себѣ газету „Южный Край“, въ которой и прочиталъ объ исцѣленіи пяти человѣкъ отъ мощей преподобнаго отца Серафима Чудотворца Саровскаго, о чемъ и задумался; въ это время къ нему подошелъ рабочій Афанасій Туръ, который спросилъ у Сѣдунова, о чемъ онъ задумался, на что Сѣдуновъ Туру отвѣтилъ, что онъ только что читалъ въ газетѣ о мощахъ преподобнаго отца Серафима и объ исцѣленіи пяти человѣкъ; Туръ ему на это отвѣтилъ, что это все нишуть пустяки, никакихъ мощей не бываетъ, а пишуть въ газетахъ только для той цѣли, чтобы дать хорошій доходъ монастырю, и при этомъ выразился, что штундисты никакихъ мощей не признають и святымъ угодникамъ не вѣрятъ, потому что таковыхъ быть не можетъ, а также ничему и онъ, Туръ, не вѣритъ и святого угодника отца Серафима не признаетъ; послѣ этого началъ еще болѣе спорить, издѣваться надъ мощами преподобнаго отца Серафима. При этомъ были еще два слесаря Балабудкинъ и Ковалевъ, въ присутствіи коихъ онъ, Туръ, тоже смѣялся надъ святыми угодниками. Около 4-хъ часовъ дня, онъ окончилъ свой послѣдній разговоръ и въ присутствіи всѣхъ вышеупомянутыхъ лицъ, Туръ съ такою же насмѣшкою отошелъ отъ нихъ и пошелъ въ ватеръ-клозетъ; зайдя туда сейчасъ же упалъ и началъ биться объ полъ, но говорить ужъ нечего не могъ, такъ какъ у него параличемъ поразило языкъ, правую ногу и правую руку, такъ что Туръ подняться самъ уже не могъ. Сѣдуновъ, видя это, заявилъ о происшедшемъ монтеру Корчанову, который тотъ-часъ же съ носилками привазалъ отправить Тура въ желѣзнодорожную больницу.

Спрошенные мною по сему дѣлу слесаря названнаго депо: мѣщанинъ города Грайворона, Курской губерніи Семенъ Ильичъ Ковалевъ и того же города Евдокимъ Васильевъ Балабудкинъ объяснили то же самое, что и слесарь Сѣдуновъ.

Туръ не допрошенъ, такъ какъ не можетъ говорить вслѣдствіе паралича языка.

Вышеозначенное записавъ въ настоящій протоколъ, постановилъ: таковой представить Его Высокоблагородію начальнику Харьковскаго отдѣленія Харьковскаго жандармскаго полицейскаго управленія желѣзныхъ дорогъ на благоусмотрѣніе.

Мѣстожительство вышеозначенныхъ лицъ: Туръ находится въ больницѣ названной дороги, Сѣдуновъ, Ковалевъ и Балабудкинъ при депо „Харьковъ“. Унтеръ-офицеръ Колпаковъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Поѣздка Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія въ Святія Горы.— Русскіе іерархи.—Предстоящіе юбилеи русскихъ архипастырей.—Двухсотлѣтіе памяти Великаго Святителя русской земли.—Чудо въ Саратовской пустыни.—Оживленіе религиозно-просвѣтительной дѣятельности въ Саратовѣ.—Незаконные сборы азовскихъ келліотовъ.—50-лѣтней юбилей о. діакона Сорочинскаго.—Некрологи священно и церковно-служителей.—Вредъ куренія табаку.—Гигиеническое значеніе фруктовъ.

Поѣздка Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія въ Святія Горы. По обычаю Харьковскихъ архипастырей, день Успенія Пресвятыя Богородицы Высокопреосвященнѣйшій Арсеній провелъ въ молитвенномъ общеніи съ братією святогорской обители. Возвратился Владыка изъ Святыхъ Горъ 18-го числа утромъ.

— Въ воскресенье 24 августа Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, служилъ литургію въ Покровской церкви Харьковскаго монастыря.

— *Русскіе іерархи.* Высшую іерархію русской православной церкви нынѣ составляютъ 123 архипастыря, въ томъ числѣ: 3 митрополита, 15 архіепископовъ и 105 епископовъ; среди послѣднихъ викаріями состоятъ 37 преосвященныхъ. Отъ управленія епархіями уволенъ 1 архіепископъ и 15 епископовъ, изъ коихъ одинъ присутствуетъ во Св. Синодѣ, двое состоятъ членами московской конторы Синода, а пятеро управляютъ монастырями въ разныхъ епархіяхъ. Персоналъ святѣйшаго Синода составляютъ: первенствующій членъ, митрополитъ с.-петербургскій Антоній (57 л.), кievскій митрополитъ Флавіанъ (63 л.), московскій митрополитъ Владиміръ (54 л.), экзархъ Грузіи, карталіинскій архіепископъ Алексій (64 л.), новгородскій архіепископъ Гурій (74 л.) и бывшій полоцкій епископъ Маркелъ (77 л.). Въ нашей имперіи и за границей русская православная церковь имѣетъ 69 епархій, коими управляютъ 3 митрополита, 14 архіепископовъ и 52 епископа. Кромѣ синодальныхъ членовъ, въ санѣ архіепископа состоятъ и слѣдующіе преосвященные: ярославскій—Ионаванъ (86 л.), бывшій кашиневскій—Неофитъ (82 л.), виленскій—Ювеналій (77 л.), донской—Аванасій (75 л.), одесскій—Густинъ (74 л.), воронежскій—Анастасій (73 л.), владимірскій—Сергій (73 л.), вруктскій—Тихонъ (72 л.), варшавскій—Іеронимъ (67 л.), харьковскій—Арсеній (64 л.), тверской—Димитрій (63 л.), казанскій—Димитрій (62 л.) и выборгскій—Николай (50 л.). Старѣйшими епископами оказываются: бывшій разанскій Полюевскій (85 л.), вилешемскій Веніаминъ (83 л.), полтавскій Иларіонъ (80 л.), востромской Виссаріонъ (79 л.), мнигрельскій Александръ (78 л.),

сухумскій Арсеній (77 л.), бывшій мингрельскій Григорій (76 л.), каневскій Сильвестръ (76 л.), бывшій архангельскій Наоанангъ (75 л.) и елисаветградскій Мемнонъ (74 л.); самыми же молодыми являются епископы: люблинскій Евлогій (34 л.), алавердскій Дмитрій (35 л.), уманскій Агапнъ (36 л.), бійскій Макарій (36 л.), ямбургскій Сергій (36 л.).

По образовательному цензу распредѣляются такъ: академистовъ 110 (въ томъ числѣ архіепископъ Ювеналій—питомецъ артиллерійской академіи), университетскихъ 4 (митрополитъ Флавіанъ, епископъ Маркеллъ, олоонецкій епископъ Сергій и епископъ Тпхонъ въ Самарѣ), семинаристовъ 8 и агрономовъ 2 (сухумскій епископъ Арсеній и олоонецкій епископъ Анастасій); по мѣсту академическаго образованія іерархи принадлежатъ: с.-петербургской духовной академіи—37, кievской—33, московской—23 и казанской—16, причемъ высшую степень доктора богословія или церковной исторіи имѣютъ только слѣдующіе архіепастыри: митрополитъ Антоній, владимірскій архіепископъ Сергій, костромской епископъ Виссаріонъ и каневскій епископъ Сильвестръ. Среди 123 іерарховъ находятся 60 архіепастырей, бывшихъ до постриженія въ монашество вдовыми священниками и только одинъ епископъ Маркеллъ (Попель), какъ воссоединившійся съ православіемъ бывшій галицкій греко-уніатъ, не принималъ монашества при хиротоніи его 8 іюня 1875 г., въ епископскій санъ въ слб. кафедральномъ Исакиевскомъ соборѣ; эта хиротонія была тогда совершена митрополитомъ Исидоромъ и другими членами Св. Синода, находившимися въ столицѣ.

Долѣ всѣхъ въ святительскомъ санѣ пребываютъ мингрельскій епископъ Александръ (съ 1862 г.), ярославскій архіепископъ Іонафанъ (1866) и одесскій архіепископъ Іустинъ (1871).

Большинство русскихъ архіепастырей по своему происхожденію—дѣти священниковъ или причетниковъ православной церкви, а къ высшему дворянству принадлежали только двое: алавердскій епископъ Дмитрій (въ мірѣ князь Давидъ Абашидзе) и бывшій мингрельскій епископъ Григорій (въ мірѣ свѣтлѣйшій князь Георгій Дадіанъ), нынѣ пребывающій въ имеретинскомъ Газнарскомъ монастырѣ на покоѣ. Что касается распредѣленія пасомыхъ между архіепастырями, то здѣсь замѣтна крайняя неравномѣрность; самыми многолюдными епархіями оказываются: кievская (4 милл. жителей), вятская ($3\frac{1}{2}$ милл.), подольская ($3\frac{1}{4}$ милл.), волынская (3 милл.) и тамбовская (3 милл.), а самыми малолюдными: архангельская (350 тыс.) и олонецкая (370 тыс.), не говоря уже объ

епархіяхъ экзотическихъ, т. е. находящихся за предѣлами Россіи. Въ заключеніе необходимо замѣтить, что два главныхъ города, служащіе центрами управленія очень обширными краями, а именно, Ташкентъ и Хабаровскъ, доселѣ не имѣютъ въ своихъ стѣнахъ ни епископовъ, ни даже викаріевъ, такъ какъ туркестанскій епископъ Павсій жительствоуетъ въ семиръченскомъ городѣ Вѣрномъ (700 верстъ отъ Ташкента), а приамурскій епископъ Никодимъ въ г. Благовѣщенскѣ. «С.П.В. Вѣд.»

— *Предстоящіе юбилеи русскихъ архипастырей.* Предстоящей осенью исполнится полустолѣтіе духовнослужебной дѣятельности слѣдующихъ архипастырей русской православной церкви: Одесскаго архіепископа Іустина (13 сентября), Донскаго архіепископа Аванасія (29 сентября), Новгородскаго архіепископа Гурія, нынѣ присутствующаго во Святѣйшемъ Синодѣ (31 октября), Воронежскаго архіепископа Анастасія (1 декабря), Костромскаго епископа Виссаріона (8 декабря) и Владимірскаго архіепископа Сергія (9 декабря). Старшій же по возрасту среди всѣхъ іерарховъ высокопреосвященный Іонаанъ, архіепископъ Ярославскій и Ростовскій, 30 ноября, заканчиваетъ шестидесятилѣтіе своей духовно-просвѣтительной дѣятельности на пользу грековосточнаго православія.

— *Двухсотлѣтіе памяти великаго святителя русской земли.* Городъ Воронежъ и вся православная паства Воронежской губерніи готовятся торжественно отпраздновать двухсотлѣтіе со дня блаженной кончины своего перваго архипастыря и всея Руси чудотворца, Святителя Митрофана Воронежскаго. Это празднованіе состоится 23 ноября, а недавно происходило въ настоятельскихъ покояхъ Митрофанова монастыря экстренное общее собраніе воронежскаго епархіальнаго историко-археологическаго комитета, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Анастасія, который прочелъ свой рефератъ «Святитель Митрофанъ, первый епископъ Воронежскій и Азовскій». Уже выработана программа чествованія памяти великаго святителя; будетъ издано новое житіе его съ иллюстраціями, причѣмъ рисунки будутъ приспособлены и для туманныхъ картинъ, которыя будутъ показываемы во время чтеній, предназначаемыхъ всему Воронежскому населенію. Здѣсь необходимо упомянуть, что государь Петръ Великій очень уважалъ Воронежскаго Святителя Митрофана, который, замѣтивъ, что вблизи Воронежа пріостановилась постройка кораблей, необходимыхъ Петру I для похода на Азовское море въ борьбѣ съ турками, пожертвовалъ (1695) все наличное имущество свое и капиталъ въ 6000 рублей серебряною монетою, а позже (1701) для борьбъ со

шведами, опять таки для нуждъ кораблестроенія, еще пожертвовалъ 7000 рублей серебромъ (а вся сумма пожертвованій по нынѣшнимъ цѣнамъ превышаетъ сто тысячъ рублей). Эту жертву государь принялъ отъ архипастыря, какъ знающаго Божіе благословеніе его морскому предпріятію. Когда святитель скончался (1703), Петръ Великій нарочито пріѣхалъ въ Ворожежъ и участвовалъ въ похоронахъ мудраго святителя и вѣрнаго помощника своего; проливая горестныя слезы, онъ благоговѣнно облобызалъ десную руку святителя и ватѣмъ на могучихъ плечахъ отнесъ вмѣстѣ съ другими почитателями гробъ архипастыря въ усыпальницу. Въ назиданіе же окружавшихъ святого тогда Государь произнесъ: „не осталось у меня такого старца, ему же буди вѣчная память!“ «С.-Петер. Вѣд.».

— *Чудо въ Саровской пустынѣ.* Въ «Южномъ Краѣ» г. Алексѣй Тихоновичъ сообщаетъ о слѣдующемъ необыкновенномъ явленіи, происшедшемъ въ Саровской пустынѣ на могилѣ преподобнаго Серафима, саровскаго чудотворца, очевидцемъ котораго былъ харьковскій землевладѣлецъ Николай Елисеѣвичъ Кривошеевъ. У Кривошеева былъ пріятель, въ высшей степени умный и образованный человѣкъ. Служилъ онъ въ военномъ вѣдомствѣ, отрицалъ живую личность, волю и разумѣніе; въ себя, впрочемъ, крѣпко вѣрилъ. Бога нѣтъ, — говорилъ онъ, — святости также, нѣтъ и личнаго безсмертія. Есть только силы природы, несокрушимыя, но бессознательныя, какъ воздухъ, какъ пламя. «Вотъ съ нимъ-то, да еще съ тремя благопріятелями г. Кривошееву довелось посѣтить Саровскую пустынь. Торжественное служеніе и удивительныя сказанія о чудесахъ и дѣяніяхъ старца Серафима наполняли душу такимъ благоговѣніемъ, что колѣни неволью сгибались. Жутко и легко становилось на сердцѣ. Вотъ Онъ — посредникъ между людьми и Богомъ, крѣпкое звено между временной жизнью и вѣчностью. Философъ улыбался, забавляясь всеобщимъ умиленіемъ: „Эвѣе, дескать, чудесница! Чуда нѣтъ и не можетъ быть. Чудо — это сила на пути силъ природы. Сила объ нее должна разбиться или измѣнить направленіе, и все пойдетъ вверхъ дномъ. Но этого пока нѣтъ, все стройно и прекрасно, и, значить, чуда нѣтъ“.

Кривошееву надоѣло его умничаніе: Что ты съ нами разсуждаешь? Мы народъ мелкій, — сказалъ онъ ему. Поди-ка потолкуй съ наибольшими. Старецъ Серафимъ изъ могилы отвѣтитъ, въ райской обители отзовется.

— Развѣ? — прищурился тотъ. — Это любопытно. Пойдемъ на дознаніе.

И компанія направилась къ могилѣ угодника. „Признаюсь, мнѣ

было страшно,—передавалъ Бривошеевъ.—Товарищи мои казались не совѣтъ спокойными, и только умникъ улыбался, по обыкновенію. Время было подъ вечеръ. Тихо и торжественно было въ небѣ, а около могилы еще тише и торжественнѣе. Я остановился въ нѣсколькихъ шагахъ. Сердце сильно билось. Не дерзость-ли съ нашей стороны—тревожить прахъ святаго для какого-то опыта. Вѣдь, это въ сущности—опытъ. Мнѣ очень хотѣлось убѣждать. Но умникъ уже стоялъ на могилѣ и положилъ руку на крестъ. Онъ окинулъ насъ презрительнымъ взглядомъ и собирался сказать что-то очень умное... Какъ вдругъ... Что-то пронеслось въ воздухѣ, земля дрогнула, могила словно выросла, и крестъ повачнулся съ такою силою, что философъ отлегѣлъ шаговъ на пятнадцать и тяжело рухнулъ на землю. Я едва устоялъ на ногахъ и, должно-быть, потерялъ сознание, а когда опомнился, все было по прежнему, свѣтло и тихо. Умникъ стоялъ въ сторонѣ, прижавшась къ дереву. Я подошелъ къ нему. Онъ плакалъ.

— Ну, что? Наткнулся на камень,—не вытерпѣлъ я и кольнулъ пріятели.

Онъ обернулся ко мнѣ не скрывая слезъ:

— Не камень, а камни, одни камни в мусоръ. Зданіе, которое я воздвигалъ всю жизнь, разбито, разрушено. Надо создавать новое, а хватить-ли силъ, не знаю.—И онъ снова припалъ къ дереву^а.

Героя г. Тихоновичъ не называлъ по имени. Да и къ чему оно? Бому извѣстно кромѣ Бога, да Его угодника, гдѣ бродилъ онъ послѣ описаннаго случая и что воздвигалъ, оставя службу и скрывшисъ тайкомъ изъ родныхъ мѣстъ.

— *Оживленіе религіозно-просвѣтительной дѣятельности въ Саратовѣ.* Въ Саратовѣ въ послѣднее время епархіальной властью обращено главное вниманіе на постановку миссіонерскаго дѣла. Въ цѣляхъ достиженія такого рода задачъ принимаются разнаго рода мѣры. На архіерейскомъ подворьѣ воздвигается храмъ-часовня, который долженъ служить центромъ для миссіонерской и просвѣтительской дѣятельности. Монастыри и общестія въ свою очередь должны служить образцомъ истинно-церковной жизни,—на это также обращено вниманіе. Въ мѣстномъ мужскомъ монастырѣ, помимо внѣшняго переустройства, радикально измѣненъ весь внутренній строй; увеличено число монашествующей братіи, большая часть которой выписана съ Афона; улучшено пѣніе и всѣ церковныя службы: приобрѣтено нѣсколько иконъ съ мощами, благодаря чему паломничество въ монастырь усилилось, а притокъ матеріальныхъ жертвъ увеличился. Кромѣ того, при монастырѣ

заведены собственныя монастырскія прачечныя, швальня, пекарня и проч., чего раньше не было. Здѣсь предполагается учредить школу ивнїя для псаломщиковъ и учащихъ церковныхъ школъ. Далѣе, на ослабленіе раскола и сектанства и привлеченіе въ лоно православїя иновѣрцевъ и магометанъ могутъ оказать вліяніе архіерейскія служенїя; въ этихъ видахъ въ епархію,—какъ передаетъ „Сарат. Листъ“,—учреждаются два викаріатства, причемъ одинъ изъ викарныхъ епископовъ будетъ постоянно находиться въ сѣверныхъ уѣздахъ—Кузнецкомъ, Вольскомъ и Хвалынскомъ, наиболѣе зараженныхъ расколомъ и магометанствомъ, а второй викарій распространитъ свою дѣятельность въ южной части епархіи. Помимо этого, къ миссіонерской дѣятельности привлекаются новыя лица, изъ нихъ одно съ высшимъ образованіемъ, должно находиться во главѣ дѣла. Въ цѣляхъ улучшенїя общаго строя жизни духовенства и развитїя благотворительности по приходамъ возстанавливается дѣятельность благотворительныхъ совѣтовъ. „С.П.Б. Вѣд.“.

— *Незаконныя сборы аеонскихъ келліотовъ.* Аеонскіе монахи или, вѣрнѣе, аеонскіе келліоты не унимаются и рассылаютъ довѣрчивымъ русскимъ людямъ свои льстивыя посланїя съ просьбой пожертвовать имъ что-нибудь. И даютъ!

Противъ келліотовъ давно уже ведетъ борьбу Св. Синодъ, публикуя тѣхъ сборщиковъ, которымъ не слѣдуетъ посылать пожертвованій. Въ числѣ такихъ сборщиковъ раньше были поименованы 1) Варлаамъ Чернышевъ (старецъ келліи Трехъ Святителей), 2) Моисей Буренинъ, 3) іеромонахъ Иннокентій, 4) іеромонахъ Іоаннѣй Литвиненко, 5) Симеонъ Чеботаревъ, 6) іеромонахъ Герасимъ Зиновьевъ и 7) іеромонахъ Матвѣй Воронковъ. Нынѣ, сверхъ того, не разрѣшено высылать пожертвованїя и въ келлію Благовѣщенїя Пресвятыя Богородицы Хилендарскаго монастыря старцу схимонаху Пареевию. Аеонская гора, населенная благочестивыми иноками долго страдала отъ этого зла, но теперь почти избавилась отъ него, тогда келліоты—сборщики перенесли свою дѣятельность въ Константинополь. Тамъ они устроили цѣлыя канцеляріи, наняли юркихъ еврейчиковъ, и работа закипѣла. Достаточно сказать, что канцелярія одного изъ крупныхъ келліотовъ Моисея Буренина отправляетъ ежегодно въ Россію 500 тысячъ писемъ. Слѣдовательно, на одни марки тратится 50 тысячъ рублей.

Каковъ же долженъ быть приходъ?

Очевидно не малый. Адреса для писемъ келліоты добываютъ очень просто: они выписываютъ сенатскія объявленїя о переходѣ недвижимыхъ имуществъ и адресъ-календари по всей Россіи.

Дѣло не трудное.

Пора-бы принять болѣе рѣшительныя мѣры противъ такого обиравія людей, которые, можетъ быть, отдають послѣднее, движимыя чувствомъ вѣры.

— *50-лѣтній юбилей о. діакона М. Сорочинскаго.* По случаю 50-ти лѣтія службы діакона приходской Рождество Богородичной церкви въ г. Валкахъ М. А. Сорочинскаго, 31 іюля прихожане поднесли ему икону Спасителя и діаконское облаченіе. Въ этотъ день въ церкви отслужена была божественная литургія въ присутствіи многихъ прихожанъ и почитателей юбиляра. По окончаніи литургія благочинный протоіерей отецъ Іоаннъ Ѳедоровскій, поздравляя юбиляра, высказалъ пожеланіе, чтобы долготѣлая примѣрная жизнь и служба его послужили примѣромъ новому молодому поколѣнію церковнаго причта.

Отъ прихожанъ сказано было юбиляру привѣтствіе уполномоченнымъ г. Валкъ Г. Е. Бловацкимъ.

Скромное торжество это пріятно было раздѣлено всѣми участниками, пожелавшими засвидѣтельствовать свое уваженіе почтенному юбиляру, еще бодрому старику, сумѣвшему съ хорошей стороны расположить къ себѣ большинство населенія нашего города. Правда, юбиляръ въ общественной жизни ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялся своею дѣятельностью, чего отъ скромнаго служебнаго положенія и требовать нельзя, зато отрадно видѣть добрыя патриархальныя отношенія юбиляра къ прихожанамъ, питающимъ уваженіе къ своему діакону, какъ хорошему человѣку и примѣрному служителю православной церкви, чувства глубокаго уваженія.

Дай Богъ, чтобы подобныя примѣры взаимныхъ добрыхъ отношеній умножались въ разныхъ уголкахъ дорогаго нашего отечества.

Обыватель К.

— *Некрологи священно и церковно служителей.* Въ настоящее время въ Листкѣ для Харьковской Епархіи, какъ и во всѣхъ вообще Епархіальныхъ органахъ печати, ежегодно печатаются послужные списки мѣстныхъ преподавателей учебныхъ заведеній; а о лицахъ служащихъ помѣстной церкви Божіей дѣлается здѣсь очень мало замѣтокъ: рѣдко мы читаемъ здѣсь сообщенія о поступленіи на службу, самой службѣ, движеніи по ней и выходѣ изъ нея не только псаломщиковъ и діаконствъ, но даже іереевъ и протоіереевъ: большинство изъ нихъ незамѣтно сходятъ съ поприща своей дѣятельности, какъ незамѣтно и входятъ на него. Между тѣмъ можетъ ли 30—40—50 лѣтняя церковно-общественная дѣятельность того или другого члена клара, какъ справедливо замѣ-

чаетъ „Странникъ“; пройти совсѣмъ безъ слѣда, не оставивъ по себѣ памяти, если не выдающимися изъ ряда обыкновенныхъ дѣлами, то чѣмъ-либо другимъ: душевными качествами, отиѣнными отношеніями къ прихожанамъ, своеобразной чертой въ характерѣ учителя, уничтоженіемъ вредныхъ обычаевъ и привіетомъ добрыхъ и проч.? Вѣдь, что бы про духовенство ни говорили и какъ-бы оно плохо иной разъ ни обваруживало себя, однако въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ его любятъ и уважаютъ народъ. И неужели дѣлается это зря? Ума и проникновенности нашему народу не занимать стать, и оцѣнка дѣятельности духовенства народомъ идетъ не на основаніи минутныхъ увлеченій, а на основаніи долгой совмѣстной жизни, и такимъ образомъ народныя любовь и уваженіе къ духовенству несомнѣнно суть плоды зрѣлые. Конечно, съ точки зрѣнія нашего времени, времени громкихъ дѣлъ, трескучихъ фразъ, дѣятельности живой и лицемѣрной, духовенство мало обращаетъ на себя вниманія. Скромная, тихая, не заискивающая, имѣющая исходнымъ пунктомъ не награды, а созданіе Царства Божія и спасеніе душъ, такая дѣятельность не выдвигаетъ своихъ дѣятелей, не бьетъ на эффектъ и людямъ легкомысленнымъ можетъ давать поводъ къ замѣчаніямъ, что изъ деревни добраго не бываетъ. Между тѣмъ сплошь и рядомъ сколько теплится силы, свѣта и огня любви въ этихъ скромныхъ деревенскихъ свѣточахъ! Въ „Странникѣ“, напр., приводится слѣдующій рассказъ. Одинъ изъ священниковъ С. П., вслѣдствіе тяжело сложившихся семейныхъ обстоятельствъ, страдалъ слабостью винопитія, бывалъ часто нетрезвъ, при этомъ были и другіе недочеты въ его жизни. У начальства онъ, разумѣется, былъ въ числѣ нерадивыхъ и опальныхъ. Его уже болѣе 20 лѣтъ какъ нѣтъ въ живыхъ, но память о немъ глубоко живетъ въ сердцахъ прихожанъ и образъ его по сіе время окруженъ ореоломъ самой искренней и высокой любви. Что же это значитъ? А то, что онъ и при значительныхъ слабостяхъ носилъ въ себѣ любовь Христа и проповѣдывалъ о ней не словомъ только, а и дѣломъ, то, что и при немощахъ своихъ онъ былъ тѣмъ истиннымъ пастыремъ, который не задумывается и душу свою положить за „овцы своя“. Крестьяне никакъ не могутъ, забыть, какъ этотъ священникъ въ весеннее половодье, когда нельзя ни пройти ни проѣхать, бродилъ по колѣни въ грязи въ отдаленныя деревни (верстъ за 8) для пріобщенія Св. Тайнами больныхъ, съ громаднѣйшею опасностью для жизни, пѣшкомъ, при переходѣ черезъ рѣчки разувался и переходилъ босикомъ. Не могутъ они забыть его простоты, ласки и безкорыстія. Словомъ

его христіанская любовь, его ревность о своемъ долгѣ и проч. далеко оставляли за собою всё его недостатки и при жизни, а чрезъ 20 лѣтъ остался лишь одинъ свѣтлый образъ добраго пастыря. Вотъ примѣръ самаго зауряднаго священника. А развѣ здѣсь нечему поучиться каждому іерею до протоіерея включительно, будь только изображена болѣе или менѣе полно дѣятельность этого зауряднаго священника?

Мы не можемъ не привести здѣсь и слѣдующаго мнѣнія, слышаннаго нами недавно отъ одного изъ Харьковскихъ священниковъ, о необходимости хоть простыхъ замѣтокъ въ мѣстномъ листкѣ о смерти всѣхъ безъ исключенія священно и церковнослужителей Харьковской епархіи. Вѣдь у каждаго изъ нихъ, говорилъ намъ батюшка, найдется нѣсколько десятковъ, частію товарищей по воспитанію, частію знакомыхъ, священнослужителей, которые разбросаны по обширной Харьковской епархіи. Всѣ они легче всего посредствомъ листка могутъ узнать о смерти того или другого своего товарища и, узнавши, безъ сомнѣнія, помянуть его въ своихъ молитвахъ предъ престоломъ Божиимъ. Безспорно, мнѣніе выше упомянутаго батюшки волюнѣ справедливо.

Изъ сказаннаго, думается намъ, становится ясною и очевидною нравственная обязанность священно и церковнослужителей сообщать въ мѣстный органъ печати свѣдѣнія о своихъ умершихъ собратіяхъ съ указаніемъ, по возможности, свѣтлыхъ чертъ ихъ характера и дѣятельности. Эти сообщенія съ одной стороны могутъ быть поучительны для насъ, съ другой—не бесполезны и душѣ умершаго, такъ какъ, безъ сомнѣнія, побудятъ всѣхъ знающихъ усопшаго помянуть его въ своихъ молитвахъ.

— *Вредъ куренія.* Поводомъ къ этой замѣткѣ послужило интересное, строго научное изслѣдованіе о русскомъ табакѣ, или вѣрнѣе, о различныхъ сортахъ табаку, находящихся въ продажѣ въ Россіи. Изслѣдованіе это произведено въ гигиеническомъ институтѣ юрьевскаго университета г. Понтагомъ и опубликовано въ только что вышедшей 15-ой книжкѣ издающагося въ Германіи спеціальнаго журнала: «Zeitschrift für Untersuchung der Nahrungs-und Genussmittel» и съ нѣкоторыми результатами этого изслѣдованія не лишне будетъ намъ познакомиться.

Почти всякому курищему извѣстно, что табакъ содержитъ ядовитое вещество—никотинъ,—которое при куренія вводится въ организмъ вмѣстѣ съ дымомъ. Содержаніе этого яда въ табакѣ находится въ прямой зависимости отъ его крѣпости и, слѣдовательно, чѣмъ крѣпче данный табакъ, тѣмъ больше въ немъ со-

держится никотина. Находящійся въ продажѣ табакъ въ Россіи можно раздѣлять на „крѣпкій“, „слабый“ и „выше средняго“. Эти обозначенія часто встрѣчаются и на пакетахъ, въ которыхъ табакъ поступаетъ въ продажу.

Данныя изслѣдованія обнаружили, что „крѣпкій“ табакъ содержитъ въ среднемъ 2,8% никотина, „средній“—1,8%, а „выше средняго“—2,1%. Самый распространенный въ Россіи сортъ табаку—въ особенности въ войскахъ и въ деревняхъ—знаменитая «махорка» содержитъ никотина больше, чѣмъ другіе сорта. Вообще,—какъ и слѣдовало ожидать,—„махорка“—это послѣ водки наше второе „національное“ одурманивающее средство, и въ другихъ отношеніяхъ оказалось вреднѣе другихъ сортовъ табаку. Такъ, махорка содержитъ амміакъ и хлоръ въ большемъ сравнительно, количествѣ. Вслѣдствіе содержанія хлора при куреніи махорки никотинъ разрушается въ значительно меньшей степени, чѣмъ это наблюдается при лучшихъ сортахъ табаку. Этимъ же обстоятельствомъ обуславливается образованіе скверно пахучихъ веществъ при куреніи махорки, на что такъ справедливо жалуются некурящіе.

Количество никотина, вводимого при куреніи вмѣстѣ съ дымомъ въ организмъ, находится въ прямой зависимости отъ длины мундштука и оно тѣмъ меньше, чѣмъ мундштукъ длиннѣе.

Никотинъ не является, однако, единственнымъ ядовитымъ веществомъ, попадающимъ при куреніи въ нашъ организмъ. Вмѣстѣ съ нимъ мы воспринимаемъ и другія прелести, какъ ядовитыя соединенія пиридина, синильную кислоту и окись углерода. «Вредъ, приносимый куреніемъ, неоспоримъ»,—говоритъ г. Понтагъ въ своемъ интересномъ изслѣдованіи,—«въ особенности если принять во вниманіе количество вредныхъ веществъ, вводимыхъ курящимъ въ свой организмъ. Человѣкъ, выкуривающій 20 папиросъ въ день, еще далеко не слыветъ феноменомъ, потому что есть люди, выкуривающіе ежедневно 30, 40, 50 и больше папиросъ. Папироса содержитъ приблизительно $\frac{1}{2}$ грамма табаку. Принимая среднее содержаніе никотина въ табакѣ равнымъ 2%, изъ которыхъ половина при куреніи переходитъ въ образующійся дымъ, а, слѣдовательно, почти весь попадаетъ въ организмъ, получаемъ, что выкуривающій ежедневно 20 только папиросъ вводитъ въ организмъ, кромѣ сѣродорода, большого количества углекислоты и т. д. слѣдующія ядовитыя вещества:

никотина	0,090 грам.
соединеній пиридина	0,011 „
амміака	0,032 „

син. кислоты. 0,0006 грам.

оксида углерода 360 куб. сант.

Еслибы такое количество никотина, свицельной кислоты и окиси углерода осталось въ организмѣ курящаго, то было бы вполне достаточно, чтобы у менѣе привыкшаго курить человѣка вызвать немедленную смерть!!»

Такъ говорятъ цифры, добытыя научнымъ, вполне объективнымъ путемъ, апеллирующія къ здравому разсудку, и если сказанное окажется достаточно убѣдательнымъ хоть кой-кому изъ курящихъ—мы будемъ считать цѣль этихъ строкъ достигнутой...

— *Гигиеническое значеніе фруктовъ.* Конецъ лѣта и осень— время пользованія фруктами. Ихъ, по справедливости, причисляютъ къ здоровымъ пищевымъ веществамъ. Собственно фрукты, вслѣдствіе своего высокаго процентнаго содержанія воды, вовсе не могутъ считаться очень питательными; такъ, виноградъ содержитъ до 78 процентовъ воды, вишня 79, груши 83, яблоки и сливы около—85, земляника 87, а брусника даже 89. Съѣдая большія количества фруктовъ, мы во всякомъ случаѣ вводимъ въ организмъ значительныя количества легко растворимаго сахара, тогда фрукты дѣйствительно приобрѣтаютъ значеніе питательнаго вещества. Сладкая вишня содержитъ болѣе 10 процентовъ сахара, зрѣлый же виноградъ даже 20⁰ и болѣе; еще больше содержаніе сахара въ сушеныхъ или вареныхъ въ сахарѣ фруктахъ. Слѣдовательно, какъ питательное вещество фрукты можно употреблять только въ извѣстныхъ количествахъ, но по своему освѣжающему и пріятному вкусу ихъ можно причислить къ вкусовымъ веществамъ.

По статистическимъ изслѣдованіямъ оказалось, что потребность въ спиртныхъ напиткахъ значительно падаетъ въ лѣтнее время въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ фрукты дешевы и употребляются въ большихъ количествахъ. Если даже не придавать большого значенія этимъ статистическимъ даннымъ, то всетаки можно попытаться удешевленіемъ различныхъ фруктовъ уменьшить наклонность къ спиртнымъ напиткамъ.

Употребленіемъ фруктовъ можно и въ другомъ отношеніи достигнуть гигиеническаго эффекта. Фрукты положительно оказываютъ благотворное вліяніе при извѣстныхъ расстройствахъ въ организмѣ. Извѣстно, напримѣръ, что употребленіемъ фруктовъ вродѣ сливъ, вишенъ или яблоковъ можно достигнуть болѣе правильнаго пищеваренія. Діетическое значеніе столь расхваливаемаго яблочнаго вина основывается главнымъ образомъ только на его дѣйстви въ этомъ направленіи, вслѣдствіе чего этотъ напитокъ

рекомендуется тучнымъ, полнокровнымъ лицамъ. Наоборотъ, закрѣпляющимъ образомъ дѣйствуютъ ягоды черника и брусника, но особенно первая. Для этой цѣли берутъ высушенные ягоды черники, обливаютъ ихъ холодной водой и при частомъ взбалтываніи оставляютъ на горячей плитѣ въ теченіе двухъ часовъ, пока вся масса не превратится въ сиропообразную жидкость; послѣднюю послѣ этого отцѣживаютъ и сохраняютъ въ прохладномъ мѣстѣ. Для достиженія дѣйствія при случайныхъ поносахъ слѣдуетъ принимать эту жидкость 3—4 раза въ день по чайной ложкѣ.

Какъ бы тамъ ни дѣйствовали отдѣльные сорта фруктовъ, мы во всякомъ случаѣ имѣемъ въ нихъ весьма пригодную естественную замѣну многихъ новѣйшихъ лѣкарственныхъ продуктовъ; при этомъ фрукты обладаютъ очень хорошимъ вкусомъ, могутъ быть принимаемы въ продолженіе болѣе долгаго времени, что при одинаково дѣйствующихъ лѣкарствахъ обыкновенно невозможно. Гораздо нѣжнѣе дѣйствіе отдѣльныхъ сортовъ фруктовъ, если ихъ употреблять въ вареномъ видѣ, главнымъ образомъ, какъ компотъ. Тѣ, которые страдаютъ слабымъ желудкомъ, изжогой и т. п., должны употреблять только вареные плоды. Нѣтъ сомнѣнія, что они въ такомъ видѣ лучше перевариваются и вообще болѣе аппетитны.

Чѣмъ менѣе фрукты привлекательны на видъ, тѣмъ болѣе они представляютъ опасности для тѣхъ, которые ихъ употребляютъ. Сырые грязные фрукты ни въ какомъ случаѣ не должны быть употребляемы, такъ какъ на нихъ постоянно остается много пыли, часть грязи или земли, паутины и т. п. Ясно изъ этого, что при такихъ обстоятельствахъ легко возможно вмѣстѣ съ плодами вводить въ тѣло различные болѣзнетворные зародыши. Поэтому, если во что-бы ни стало желательно употребить только сырые фрукты, то необходимо передъ употребленіемъ ихъ тщательно обмывать и затѣмъ прополаскивать холодной, кипяченой водой.

Однако, плоды должны отличаться не только чистотой, но они должны быть совершенно зрѣлы. Какъ часто грѣшатъ именно противъ этого правила! Есть люди, которые страшно любятъ только кислые плоды, и чѣмъ зеленѣе груши и яблоки, тѣмъ болѣе они ими восхищаются. Въ особенности молодыя, малокровныя дѣвчичи очень любятъ кислое, незрѣлые плоды такъ какъ имъ кажется пріятнымъ раздраженіе вкусовыхъ нервовъ этой кислотой. Нѣкоторые потребители изъ-за экономіи покупаютъ незрѣлые или даже испорченные плоды; но нужно помнить, что кислота и продукты разложенія вліяютъ раздражающимъ образомъ на слизистую

оболочку пищеварительныхъ органовъ, особенно если съѣдаются большія количества подобныхъ незрѣлыхъ плодовъ.

Слѣдуетъ особенно остерегаться пить много воды скоро послѣ того, какъ было съѣдено изрядное количество фруктовъ, такъ какъ вода разжижаетъ желудочный сокъ и поэтому почти совсѣмъ превращается перевариваніе пищи, которое безъ того затруднено вслѣдствіе введенія большого количества фруктовъ.

Другая скверная привычка, весьма распространенная особенно среди дѣтей, состоитъ въ томъ, что они проглатываютъ волокнистыя скорлупы и косточки отъ нѣкоторыхъ плодовъ. Правда, есть такіе желудки, которые способны все переваривать, но необходимо помнить, что косточки отъ фруктовъ, проглоченныя намѣренно или ненамѣренно, могутъ служить причиной весьма опаснаго воспаленія въ кишечномъ каналѣ. Воспаленіе слѣпой кишки, котораго всѣ такъ справедливо боятся, весьма часто зависаетъ отъ застрявшей косточки. Въ другихъ случаяхъ бываетъ, что дѣти щелкаютъ косточки и съѣдаютъ находящіяся въ нихъ ядра, содержація синильную кислоту. Если съѣсть много такихъ миндалей, то можно вызвать явленіе отравленія.

Изъ сказаннаго видно, что даже при употребленіи вкусныхъ фруктовъ должны быть соблюдаемы умѣренность и осторожность, если желательно предохранять себя отъ неминуемыхъ заболѣваній.

«Вир. Вѣд.»

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ **ИКОНОСТАСНАЯ И ПОЗОЛОТНАЯ** МАСТЕРСКАЯ **Алексѣя Петровича ПЕТРОВА съ С-ми**

— « Существуетъ съ 1869 года. » —

МОСКВА, 1-я Мѣщанская, домъ № 98.
ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

**НА ХУДОЖЕСТВЕННО-РѢЗНЫЕ, ЖИВОПИСНЫЕ И ИКОНОПИСНЫЕ
РАБОТЫ,**

какъ-то: Церковные **иконостасы** (и военно-походные) въ разныя строго **издержанныхъ** стилахъ, мѣстные и запрестольные **кресты**, **балдахны** надъ престоломъ, **гробницы** подъ плащаницю, **запрестольные кресты** и **рамы** съ **гумбами**, **кресты** съ **предстоящими** съ **рѣзной горой**, **аналож**, **престолы**, **жертвенники**, **свѣчные** **щетки** и **зеркала** для **присутственныхъ мѣсть**,

А ТАКЖЕ ПРОИЗВОДИТСЯ РЕСТАВРАЦІЯ
ИКОНОСТАСОВЪ, ИКОНЪ, ВНУТРЕННЕЙ И НАРУЖНОЙ ЖИВОПИСИ въ **ХРАМАХЪ** и **вр.**
И ЗОЛОЧЕНИЕ ГЛАВЪ И КРЕСТОВЪ.

Рисунки, съѣты и чертежи высылаются по первому требованію.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Сентября № 17. 1903 года.

Содержаніе. Высочайшая награда.—Изъ Отчета Высочайше утвержденного Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ, въ поминовеніе воиновъ, павшихъ въ войну 1877—78 годовъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по поднесенному Канцлеромъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ всеподданнѣйшему докладу думы знака отличія безпорочной службы, 22-го августа 1903 года, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать *знакъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ* бывшему инспектору Харьковской Духовной Семинаріи Константину *Истомину*.

Изъ Отчета Высочайше утвержденного Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ, въ поминовеніе воиновъ, павшихъ въ войну 1877—78 годовъ.

15-го Сентября минувшаго 1902 года, во время празднованія 25-ти-лѣтія защиты Шипкинскаго перевала, совершилось торжественное освященіе сооруженнаго у подножія Балканъ, близъ с. Шипки, православнаго храма въ память воиновъ, павшихъ на Балканскомъ полуостровѣ въ 1877—78 г. за освобожденіе Болгарь. Вмѣстѣ съ храмомъ-памятникомъ освящены также воздвигнутыя при немъ другія постройки: духовная семинарія, больница, дома для причта и учительскаго персонала и нѣсколько хозяйственныхъ сооружений. Какъ уже подробно изложено въ отчетѣ строительнаго Комитета, опубликованномъ въ Апрѣлѣ прошлаго 1902 года въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ и другихъ органахъ русской печати, дѣятельность Комитета продолжалась около 23 лѣтъ. Начавъ въ маѣ 1879 года сборъ пожертвованій и приступивъ въ 1885 г. къ строительнымъ работамъ, Комитетъ, вслѣдствіе возникшихъ въ Болгаріи смуть, долженъ былъ въ 1888 году прекратить работы и только весной 1897 г. таковыя могли быть вновь открыты.

Съ какими затрудненіями и препятствіями Комитетъ вообще боролся во все продолжительное время осуществленія своей задачи, объ этомъ подробно оповѣщено было въ томъ же вышеупомянутомъ отчетѣ. Нынѣ, съ передачею въ вѣдѣніе Россійскаго Святѣйшаго Синода Шипкинской усадьбы, со всѣми сооружеиіями и принадлежащимъ къ нимъ инвентаремъ, оканчивается дѣятельность Строительнаго Комитета и остается ему лишь дать отчетъ о тѣхъ денежныхъ средствахъ, какія поступили въ его распоряженіе и какіе изъ нихъ произведены расходы.

Со времени открытія дѣйствій Комитета, съ Мая 1880 г. по Май 1903 г., когда прекратилась его дѣятельность, поступило пожертвованій наличными деньгами 435911 р. 23¹/₂ к. и $\frac{0}{100}$ бумагами 650 р. Итого 436561 р. 23¹/₂ к.

Въ теченіе того же времени получено процентовъ, какъ по $\frac{0}{100}$ бумагамъ, въ которыя пожертвованія были обращены, такъ и по наличнымъ деньгамъ, находившимся на текущемъ счетѣ въ Государственномъ и другихъ банкахъ (въ томъ числѣ поступившіе отъ Государственнаго Казначейства въ возмѣщеніе потерь отъ обложенія 5 $\frac{0}{100}$ налогомъ доходовъ съ капиталовъ Комитета) 587326 р. 38¹/₄ к. Приплачено Государственнымъ Банкомъ по конвертированнымъ $\frac{0}{100}$ бумагамъ и поступило въ возмѣщеніе потерь отъ конверсій 52867 р. 51 к. Выручено отъ продажи оставшихся строительныхъ матеріаловъ и прочія мелкія поступления 216 р. 50 к. Всего составилось денежныхъ средствъ Комитета 1076971 р. 62³/₄ коп.

Поступившія пожертвованія распредѣляются по источникамъ поступления слѣдующимъ порядкомъ: Всемилостивѣйше пожаловано въ Бозѣ почившимъ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ II 1000 р. Пожертвовано покойнымъ Княземъ Александромъ Баттенбергскимъ 400 р. Пожертвовано начальниками, офицерами, нижними чинами и вообще служащими отдѣльныхъ воинскихъ частей, сухопутныхъ и морскихъ 30037 р. 98 к. Поступило отъ духовнаго вѣдомства пожертвованныхъ и собранныхъ епархіальными архіереями, монастырями, благочинными, приходскими священниками, причетниками и консисторскими чиновниками 168821 р. 24¹/₂ к. (NB. Въ томъ числѣ пожертвованныхъ Афонскими монастырями 8112 р.) Пожертвовано начальниками, преподавателями и учащимися учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, разныхъ исповѣданій и вѣдомствъ 5918 р. 38 к. Пожертвовано служащими въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ гражданскаго вѣдомства 20964 р. 53 к. Поступило отъ дворянства какъ коллективно, такъ и собран-

ныхъ по подписнымъ листамъ и пожертвованныхъ предводителями дворянства 7634 р. 98 к. Пожертвовано городскими думами, а также пожертвовано и собрано по подпискѣ городскими головами, членами городскихъ управъ и служащими въ нихъ 55475 р. 32 к. (NB. Въ томъ числѣ пожертвовано Московскою Городскою Думою въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича 50000 р.) Собрано и пожертвовано членами земскихъ управъ и мировыхъ учрежденій и служащими въ нихъ 7189 р. 70¹/₂ к. Собрано и пожертвовано начальниками губерній и полицейскими чинами 78601 р. 51 к. Отъ мѣстныхъ комитетовъ и управленій Россійскаго Общества Краснаго Креста 4488 р. 83 к. Отъ русскихъ посольствъ, миссій и консульствъ за границею 8559 р. 05¹/₂ к. Отъ ярмарочныхъ комитетовъ 991 р. 91 к. Отъ частныхъ банковъ, обществъ и учрежденій 2222 р. 40 к. Отъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ обществъ и управленій и отъ страховыхъ обществъ 17160 р. 77 к. Отъ содержателей фабрикъ и заводовъ 8605 р. 2 к. Отъ купцовъ и торговыхъ обществъ и компаній 5763 р. 7 к. Отъ мѣщанъ, ремесленниковъ и рабочихъ артелей 974 р. 22 к. Непосредственно отъ крестьянъ 7509 р. 25 к. Отъ клубовъ и общественныхъ собраній 430 р. 50 к. Отъ разныхъ лицъ чрезъ редакціи газетъ и отдѣльно 4629 р. 59 к. Отъ содержателей гостиницъ и трактирныхъ заведеній 720 р. 47 к. Отъ биржевыхъ маклеровъ и нотаріусовъ 462 р. 50 к. Всего 436561 р. 23¹/₂ к.

Сверхъ того поступали пожертванія и приношенія иконами, церковною утварью и другими предметами: отъ Кабинета ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, отъ Его Высочества Князя Фердинанда Болгарскаго, отъ монастырей, духовенства, частныхъ лицъ, учрежденій и обществъ, крестьянъ и пр.

Въ продолженіе 23-лѣтняго періода дѣятельности Комитета, кромѣ расходовъ на изысканіе мѣстности подъ постройку, съ командировками на мѣсто построекъ членовъ Комитета и прочихъ лицъ, на подготовительныя работы, временныя постройки, земляныя и прочія работы, предшествовавшія прекращенію въ 1888 г. постройки храма, вызванному измѣнившимися въ Болгаріи политическими обстоятельствами и пр., всего израсходовано на строительные матеріалы и приспособленія, на плату рабочимъ и на другія статьи, 815088 р. 75¹/₄ к.

За вычетомъ этой общей суммы расходовъ изъ общаго прихода 1076971 р. 62³/₄ к. получается остатокъ 261882 р. 87¹/₂ к.; въ дѣйствительности же остается запаснаго капитала, заключающа-

гося въ $\frac{0}{100}$ бумагахъ на нарицательную сумму 271700 р. и въ наличныхъ деньгахъ 3944 р. 98 к. ¹⁾, а считая $\frac{0}{100}$ бумаги по биржевому курсу въ суммѣ 265845 р.—всего приблизительно 269289 р. 98 к., т. е. болѣе противъ выведеннаго остатка на 7407 р. $10\frac{1}{2}$ к. Разница эта составляетъ полученную отъ покупки и продажи $\frac{0}{100}$ бумагъ прибыль ²⁾. Оставшіяся $\frac{0}{100}$ бумаги состоятъ изъ $4\frac{0}{100}$ свид. Государственной ренты на 241000 р. $4\frac{0}{100}$ з. л. Дворянскаго Земельнаго Банка на 20700 р., $4\frac{0}{100}$ свид. Крестьянскаго Поземельнаго Банка на 6300 р., $4\frac{1}{2}\frac{0}{100}$ з. л. Московскаго Земельнаго Банка 3000 р. и $4\frac{1}{2}\frac{0}{100}$ обл. С.-Петербургскаго Городскаго Кредитнаго Общества на 700 р. нарицат.

Заключаящіеся въ вышеозначенныхъ процентныхъ бумагахъ и наличныхъ деньгахъ запасный капиталъ имѣетъ поступить въ вѣдѣніе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и хранится неприкосновенно въ Россійскомъ Государственномъ Банкѣ, съ тѣмъ, чтобы изъ доходовъ ³⁾ этого капитала производились расходы на ремонтъ шипкинскихъ сооружений и на обезпеченіе содержаніемъ церковнаго причта, а также на производство пенсій, въ размѣрѣ 12 фунт. стерлинговъ ежегодно, потерявшему зрѣнію на службѣ строительнаго Комитета черногорцу Николаю Пырлѣ. Затѣмъ на запасномъ капиталѣ этомъ лежатъ еще обязательства, выраженные служащими С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги при пожертвованіи ими въ 1884 г. 800 р. на непогасимую лампаду передъ образомъ Христа Спасителя и на вѣчное поминовеніе павшихъ въ 1877—78 г. воиновъ. Означенное пожертвованіе, вошедшее въ составъ запаснаго капитала, заключается въ $4\frac{0}{100}$ св. Государственной ренты на 1000 р. и $4\frac{1}{2}\frac{0}{100}$ обл. С.-Петербургскаго Городскаго Кредитнаго Общества на 700 р.

Затѣмъ изъ запаснаго капитала подлежатъ отчисленію 10000 р., ассигнованные Комитетомъ по сооруженію храма на построеніе при храмѣ дома для инвалидовъ изъ болгарскихъ ополченцевъ. Проектъ постройки этого дома Высочайше одобренъ и наблюденіе за постройкой возложено на строителя храма А. Н. Померанцева.

1) Въ томъ числѣ на текущемъ счетѣ въ Государ. Банкѣ 2451 р. 01 к., въ Хозяйствен. Управленіи при Св. Синодѣ 1150 р. 49 к. и въ Россійскомъ Вице-Консульствѣ въ Филиппополѣ 348 р. 48 к. (311 р. 50 к. и 86 фр. $28\frac{1}{2}$ с.).

2) На образованіе этой разницы имѣли вліяніе также потери на курсъ при переводѣ рублей на франки и другую иностранную монету.

3) Къ доходамъ имѣють быть отнесены еще—756 р. 53 к., поступающіе ежегодно отъ казны въ возмѣщеніе потерь отъ обложенія $5\frac{0}{100}$ купоннымъ налогомъ капиталовъ Комитета.

Если изъ общей суммы расходовъ 815088 р. 75 к. исключить) потери отъ перерыва строительныхъ работъ въ теченіе 9 лѣтъ, слѣдствіе разрушенія земляныхъ работъ и порчи матеріаловъ 89937 р. 55 к.), 2) расходы на охрану и сохраненіе въ теченіе этого періода времени имущества Комитета на Шипкѣ (16376 р. 37 к.) и 3) издержки строительнаго Комитета на воспитаніе болгаръ въ російскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ (55550 руб. 29¹/₂ к.), итого 152864 р. 51¹/₂ к., то общая стоимость шипкинскихъ сооруженій опредѣляется цифрою 662224 руб. 23¹/₂ к. По отдѣльнымъ постройкамъ, сооружеціямъ и работамъ, сумма эта распредѣляется слѣдующимъ порядкомъ: 1) *Каменный храмъ* на 800 человекъ трехпрестольный, въ стилѣ древнерусскаго зодчества XVII столѣтія, съ галлереею, окружающею всю церковь съ 10 позолоченными червоннымъ золотомъ куполами и крестами, при высотѣ главнаго купола въ 19 сажень и высотѣ колокольни въ 21 сажень, съ наружными украшеніями изъ маіолика, мрамора и песчаника, съ громоотводами и проч 340221 р. 58¹/₂ к. 2) *Внутренняя отдѣлка и убранство храма*, состоящая изъ гранитныхъ половъ, каменныхъ пилоновъ, деревянныхъ рѣзныхъ клиросовъ и хора, деревяннаго позолоченнаго иконостаса для трехъ придѣловъ, съ 83 иконами, 6 отдѣльно стоящихъ кіотовъ, 36 мраморныхъ досокъ съ золотыми вырубленными надписями именъ павшихъ воиновъ, изъ панивадилъ, хоругвей, полной церковной утвари и священническаго облаченія, изъ орнаментики и живописи стѣнъ и сводовъ всего храма 108892 р. 37. 3) *Каменное трехэтажное зданіе духовной семинаріи* съ интернатомъ на 80 воспитанниковъ, при 4-хъ курсахъ, съ помѣщеніемъ для музея, воспитателей, сторожей и прислуги 58959 р. 23 к. 4) *Домъ-особнякъ для духовенства*. Каменное двухэтажное зданіе 25783 руб. 70. 5) *Два каменныхъ* трехэтажныхъ *флигеля* для ректора, инспектора и преподавателей семинаріи 21391 р. 85 к. 6) *Больница* на 10 кроватей. Каменный отдѣльный флигель съ квартирою для фельдшера и со всѣми принадлежностями 13556 р. 74 к. 7) *Обмеблировка* семинаріи, дома для духовенства, больницы и флигелей для ректора, инспектора и преподавателей семинаріи, съ полнымъ обузавденіемъ для 80 воспитанниковъ 11391 р. 85 к. 8) *Хозяйственныя постройки*: домъ для сторожей, баня, ледникъ, экипажный сарай, конюшня, сѣноваль съ квартирою для кучеровъ, прачешная съ сушилкою, теплица, помѣщеніе для коровъ и домашней птицы, лѣвъ, погреба, сарай и навѣсъ для дровъ, бесѣдка и временныя постройки для храненія инвентаря и строительныхъ матеріаловъ 7296 р.

2 к. 9) *Водопроводъ* съ водонапорною башнею, находящеяся въ горахъ, на берегу потока, на разстояніи 800 пог. саж. отъ церковной усадьбы, для снабженія водою всёхъ построекъ и для орошенія растительности, съ прокладкою металлическихъ трубъ чрезъ овраги и горы, съ устройствомъ 8 фонтановъ 13643 р. 70 к. 10) *Земляныя работы* по спланировкѣ гористой мѣстности на разныхъ высотахъ, на коихъ находятся всё вышеупомянутыя строенія по устройству шоссепрованныхъ подъѣздныхъ путей, срытію овраговъ и хребтовъ, засыпкѣ овраговъ для отвода многочисленныхъ горныхъ потоковъ, съ отводкою ихъ въ болѣе отдаленный отъ построекъ потокъ, съ прокладкою дренажныхъ трубъ 47212 р. 96 к. 11) *Устройство террасъ*, наружныхъ гранитныхъ *лѣстницъ*, ведущихъ съ одной террасы на другую и гранитныхъ *тротуаровъ* вокругъ церкви, семинаріи и другихъ зданій; обнесеніе церковной усадьбы *изгородью* и каменной *оградой* до 400 пог. сажень, съ устройствомъ въѣздныхъ воротъ 10195 р. 86 к. 12) *Устройство садовъ*, съ посадкою до 6000 деревьевъ и съ укрѣпленіемъ откосовъ дерномъ 2678 р. 37 к. Итого 662224 р. 23¹/₂ к.

Изъ означенныхъ цифръ видно, что храмъ, съ внутреннею его отдѣлкою и убранствомъ, стоитъ 449113 р. 95¹/₂ к., а остальные постройки и сооруженія обошлись въ 213110 р. 28 к.

На подлинномъ отчетѣ Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано: „Закрѣпить Комитетъ и передать оставшіяся капиталъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ“. Царское Село, 27-го Мая 1903 г. Словесно ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было указать, чтобы капиталъ былъ внесенъ въ Государственный Банкъ, а распоряженіе доходами предоставлено, для ремонта зданій и содержанія причта церковнаго, Русскому Дипломатическому Агенту въ Болгаріи, въ г. Софіи. Подписалъ Генералъ-Адъютантъ *Графъ Инатъевъ*.

Епархіальныя извѣщенія.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія.

Петро-Павловская церковь с. Заводовъ, Изюмскаго уѣзда.
 Сошествіевская церковь сл. Хатняго, Волчанскаго уѣзда.
 Іоанно-Предтеченская церковь с. Ивановскаго, Изюмскаго уѣзда.
 Церковь с. Будокъ, Лебединскаго уѣзда.
 Іоанно-Богословская церковь сл. Сенихи, Булянскаго уѣзда.
 Софіевская церковь с. Малой-Алексѣевки, Харьковскаго уѣзда.

Діаконскія.

Николаевская церковь с. Непокрытаго, Харьковскаго уѣзда.
Троицкая церковь с. Перекопа, Валковскаго уѣзда.
Пятницкая церковь с. Башковки, Ахтырскаго уѣзда.
Петро-Павловская церковь с. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

Троицкая церковь с. Моисеевки, Старобѣльскаго уѣзда.
Свято-Духовская церковь с. Кононовки, Старобѣльскаго уѣзда.
Арханг.-Михайловск. церковь зашт. гор. Краснокутска, Богодухов. уѣзда.
Вресто-Возд. церковь с. Кручика, Богодуховскаго уѣзда.
Варваринская церковь с. Капитольскаго, Изюмскаго уѣзда.
Сожестіевская церковь с. Хатниго, Волчанскаго уѣзда.
Іоанно-Богословская церковь с. Солнцевики, Харьковскаго уѣзда.
Арх.-Михайловской церкви с. Волупавки, Харьковскаго уѣзда.
Церковь Александровской гимназіи г. Сумъ.
Покровская церковь сл. Коломіячхи, Купянскаго уѣзда.
Соборно-Покровская церковь г. Купянска.
Рожд.-Богород. церковь с. Лозоваго, Богодуховскаго уѣзда.
Троицкая церковь сл. Васильевки, Лебединскаго уѣзда.
Николаевская церковь с. Большой-Писаревки, Богодуховскаго уѣзда.
Всѣхсвятская церковь с. Старога-Мерчика, Валковскаго уѣзда.
Николаевская церковь г. Лебедина.
Георгіевская церковь с. Бѣловода, Сумскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Александро-Невскихъ школъ.— Торжественныя Архіерейскія богослуженія.— Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній.— По поводу нововымышленной молитвы, появившейся въ многихъ спискахъ и въ Харьковѣ.— Неневаяки.— Некрологъ.

Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Александро-Невскихъ школъ. Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, посѣтилъ 27-го августа Александро-Невскія церковно-приходскія двухклассныя мужскую и женскую школы. Владыка посѣтилъ сначала классы женской школы, гдѣ вновь вступившихъ ученицъ благословилъ крестниками, а затѣмъ и помѣщающіяся въ этомъ зданіи два низшихъ отдѣленія мужской школы, гдѣ новичковъ тоже благословилъ крестниками; затѣмъ Владыка посѣтилъ мужскую школу в учительскій классъ, гдѣ одинъ изъ питомцевъ класса обратился къ Владыкѣ съ привѣтствіемъ, въ которомъ отъ лица учащихся поздравилъ Владыку со днемъ его рожденія. Поблагодаривъ за добрыя пожеланія, Высокопреосвященный Арсе-

ній, въ свою очередь, пожелалъ и дѣтямъ уснѣшно проходить начатыя занятія, пообѣщавъ въ скоромъ времени опять навѣстить ихъ и ближе съ ними познакомиться.

Попутно съ обзоромъ классовъ, Владыка осматривалъ и другія школьныя помѣщенія. Выразивъ о. завѣдующему свое полное удовольствіе за образцовое состояніе школъ и благословивъ его просфорю, Владыка посѣтилъ его квартиру, гдѣ Владыкѣ предложенъ былъ обѣдъ.

Женская школа съ этого года имѣеть три отдѣленія, въ которыхъ числится 250 ученицъ; въ виду такого налива учащихса приглашены еще три учительницы, изъ нихъ двѣ изъ окончившихъ Свято-Владимірскую церковно-учительскую школу въ Петербургѣ; для обученія же шитью и кройкѣ приглашена отдѣльная учительница съ спеціальнымъ образованіемъ. Такъ какъ въ настоящее время стали поступать прошенія отъ окончившихъ городскія школы, то, навѣрно, въ этомъ году откроется и четвертое отдѣленіе, чтобы дать возможность и имъ продолжать свое образованіе.

Въ мужской же школѣ въ настоящемъ году числится уже около 600 учениковъ.

— *Торжественныя Архіерейскія богослуженія.* 29 августа, по случаю храмоваго праздника въ церкви городского кладбища, литургію въ ней совершалъ Высокопреосвященнѣйшій Арсеній. Кладбище—мѣсто вѣчнаго упокоенія дорогихъ христіанскому сердцу людей, священныя могилы предковъ, особенно почитаются русскимъ челоуѣкомъ въ дни поминовенія, установленныя Церковью. Въ эти дни каждый спѣшитъ на могилѣ своихъ родныхъ, родственниковъ, друзей и знакомыхъ помолиться объ упокоеніи души. Торжественно умилительную картину представляло городское кладбище 29 августа. Оно буквально было переполнено массой молящагося народа. Особенно много народа толпилось около Усѣкновенской церкви, гдѣ священнодѣйствовалъ Высокопреосвященнѣйшій Арсеній. Всѣ эти сотни стремились вмѣстѣ съ Архипастыремъ залить свою горячую молитву за близкихъ сердцу умершихъ. Въ концѣ литургіи Владыка обратился къ предстоящимъ со словомъ; въ немъ онъ напомнилъ событіе, памяти котораго посвященъ этотъ день, объяснилъ его значеніе и указалъ, какъ должно жить истинному христіанину, чтобы пріять тихую, покойную смерть; при этомъ Владыка привелъ нѣсколько случаевъ изъ своей жизни, когда ему въ качествѣ духовника приходилось присутствовать при кончинѣ прихожанъ. Благообразно и по чину совершаемая литургія окончилась во 2-мъ часу дня.

Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, служилъ литургіи: 30 августа въ Харьковской Александро-Невской церкви, по случаю храмоваго праздника, и 31 — въ Харьковскомъ Кафедральномъ соборѣ, 1-го сентября въ Кафедральномъ соборѣ, а 8-го въ Покровскомъ монастырѣ.

— *Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній.* 10 сентября Его Высокопреосвященство Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній посѣтилъ Духовную семинарію, Епархіальное женское училище и мужское Духовное училище. — Встрѣченный о. ректоромъ, о. инспекторомъ и преподавателями при входѣ въ семинарское зданіе, Владыка преподалъ имъ свое архипастырское благословеніе и затѣмъ направился въ актовъ залъ, гдѣ собрались въ ожиданіи Владыки всѣ воспитанники семинаріи. По входѣ въ залъ Владыка вмѣстѣ съ воспитанниками и служащими въ семинаріи вознесъ молитву Господи Богу и затѣмъ обратился со слѣдующимъ приблизительно словомъ назиданія къ воспитанникамъ всѣмъ вообще и особенно къ вновь поступившимъ въ семинарію.

Поздравляю васъ, дорогіе юноши, съ наступившимъ новымъ учебнымъ годомъ. Желаю вамъ здоровья и полнаго успѣха въ занятіяхъ вашихъ.

Я имѣю обыкновеніе всегда посѣщать въ началѣ учебнаго года вѣрныя моему попеченію учебныя заведенія съ тою цѣлію, чтобы преподать всѣмъ учащимся въ нихъ свое архипастырское благословеніе. Мною руководитъ въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ то соображеніе, что я — архіерей, носитель сугубой благодати Божіей, а потому преимущественно могу своимъ благословеніемъ извести на васъ благодать Божію.

Да подастъ же вамъ Господь Богъ силу возрастать во славу Его, на пользу церкви и отечества и на утѣшеніе вашихъ родителей, начальниковъ и наставниковъ.

Преуспѣвая въ своихъ занятіяхъ, берегитесь, дорогіе юноши, козней лукавыхъ людей. Теперь ни для кого не тайна, что наше время по справедливости можетъ быть названо днями лукавыми, временемъ мятежнымъ. Враги церкви Христовой, какъ голодные волки, стоятъ на стражѣ и ежеминутно готовы нанести ущербъ ей похищеніемъ ея вѣрныхъ чадъ. Берегитесь духовныхъ волковъ и укрѣпляетесь въ познаніи истины и добродѣланія. Помните, что вы готовитесь быть служителями церкви; будьте же достойны своего призванія.

Питомцы Харьковской семинаріи издавна пользуются славою

усердныхъ труженниковъ и религіозно-настроенныхъ юношей. Поддерживайте эту добрую славу своей семинаріи. Пусть каждый изъ васъ заботится о томъ, чтобы оказывать усилія въ наукахъ по мѣрѣ дарованныхъ ему Господомъ силъ; усердно посѣщайте богослуженіе, и старайтесь совершенствоваться въ церковномъ пѣніи.

Не забывайте заботиться и о своемъ здоровьи. Помните, что только здоровый человѣкъ можетъ легко развивать свои природныя способности, воспринимать надлежащимъ образомъ преподаваемое ему и пользоваться хорошимъ расположеніемъ духа.

Вамъ въ частности, воспитанники перваго класса, скажу, что теперь вамъ слѣдуетъ оставить тѣ шалости, которыя вы, по возрасту своему, позволяли себѣ ранѣе въ духовныхъ училищахъ. Теперь вы воспитываетесь въ семинаріи, заведеніи высшемъ сравнительно съ духовными училищами. Не забывайте этого. Занимайтесь усердно науками, скромно ведите себя и старайтесь своими поступками не класть даже и малѣйшей тѣни на отнынѣ родную вамъ семинарію. Съ первыхъ же дней своей жизни въ семинаріи приобрѣтите ту добрую закваску, которою отличаются ваши старшіе товарищи. Тогда и вы вмѣстѣ съ ними будете украшеніемъ своего заведенія и радостью для родителей, начальниковъ и наставниковъ вашихъ.

Я намѣренъ скоро опять посѣтить васъ, и тогда привезу всѣмъ вамъ по крестнику. Мнѣ желательно, чтобы каждый изъ васъ вмѣстѣ съ родительскимъ благословеніемъ носилъ и мой крестикъ, мое благословеніе.

Господь да благословитъ всѣхъ васъ, да сохранить отъ всякаго зла и да направитъ ко всему благому.

Убѣжденный въ силѣ и дѣйствительности благословенія архипастырскаго, Владыка преподавалъ его сперва вновь поступившимъ въ семинарію воспитанникамъ каждому въ отдѣльности, а затѣмъ и воспитанникамъ остальныхъ классовъ. Послѣ этого Владыка отбылъ изъ Семинаріи въ женское училище, сопровождаемый громкимъ пѣніемъ всѣхъ-полла эти деспота.

Въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ Владыка приказалъ обратиться воспитанницамъ въ актовомъ залѣ, а тамъ послѣ молитвы Св. Духу разъяснилъ дѣтямъ, въ какомъ отношеніи важно для нихъ призваніе на себя благодати св. Духа, и какъ нужно вести себя, чтобы благодать эта пребывала въ нихъ живо и дѣйственно. Затѣмъ Владыка преподавалъ всѣмъ дѣвцамъ, ихъ воспитательницамъ и преподавателямъ свое архипастырское благословеніе и отправился въ мужское духовное училище.

И въ училищѣ Владыка не оставилъ безъ слова назиданія и своего архипастырскаго благословенія обучающихся тамъ дѣтей и ихъ преподавателей и воспитателей. Онъ въ училищной церкви отечески помолился съ дѣтьми, побесѣдовалъ съ ними и преподалъ каждому изъ нихъ въ отдѣльности свое благословеніе.

— *По поводу новоизмышленной молитвы, появившейся во многихъ спискахъ.* Въ послѣднее время въ Харьковѣ даже между учащимися появилась во многихъ спискахъ молитва къ Господу Иисусу въ предупрежденіе отъ какихъ-то грозящихъ будто бы всѣмъ народамъ *бѣдствій и напастей*. Молитва эта читается такъ:

„Господи Иисусе Христе! Тебѣ молимся, святой Боже, помилуй ма и вся люди Твоя. Очисти насъ отъ грѣховъ ради Пречистой Крови Твоей, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь. О Иисусе Христе! Тебѣ молимся, Святой Боже, Святой Крѣпкій, Святой Безсмертный помилуй насъ и вся люди Твоя. Прости намъ наше согрѣшеніе, избави насъ отъ вѣчныи муки ради Пречистой Крови Твоей, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь“.

Въ концѣ молитвы сдѣлана такая приписка. „Кто эту молитву въ продолженіе 9 дней будетъ читать и 9 лицамъ пошлетъ каждый день по одной молитвѣ, уже послѣ 9 дней *желаніе* его будетъ исполнено.

Во время литургіи въ Іерусалимѣ былъ слышанъ гласъ: *Наказу вся народы! А кто эту молитву будетъ читать, спасенъ будетъ отъ всякъ бѣдствій и напастей*. Молитва эта была прислана епископу воронежскому Антонію съ тѣмъ предостереженіемъ, чтобы разсылать 9 лицамъ, а кто не захочетъ воспользоваться этимъ милосердіемъ, наказанъ будетъ несчастіемъ“.

Такова эта молитва, и таковы будто бы обстоятельства ея происхожденія. Нельзя не видѣть и въ самаго содержанія молитвы, и изъ обстоятельства ея происхожденія, что все здѣсь рассчитано на простодушіе и дѣтскую довѣрчивость нашихъ православныхъ христіанъ: тутъ и гласъ съ неба въ храмѣ Іерусалимскомъ; тутъ и таинственное появленіе молитвы; тутъ и имя святителя Воронежскаго, тутъ, наконецъ, и загадочные приемы распространенія ея съ обѣщаніемъ исполненія *желанія* или избавленія отъ *всякъ бѣдствій и напастей*. И мы имѣемъ не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ, что не только люди простодушные, но и весьма интеллигентные, подъ вліяніемъ этихъ угрозъ, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, принимались распространять эту молитву среди своихъ знакомыхъ и незнакомыхъ, вмѣсто того, чтобы обратиться къ своимъ духовнымъ отцамъ и получить отъ нихъ над-

лежащее разъясненіе. Пишущему эти строки на дняхъ принесла списокъ этой молитвы одна дѣвица, окончившая курсъ гимназіи съ золотою медалью, дала прочесть и искренно высказала, что она теперь чувствуетъ душевное облегченіе, такъ какъ дала прочесть молитву 9-му человѣку. Что же сказать объ этой молитвѣ?

Замѣтимъ, прежде всего, что подобной молитвы нѣтъ ни въ какихъ молитвенникахъ и ни въ какихъ церковныхъ книгахъ. Слѣдовательно этой молитвы святая Церковь, наша руководительница ко спасенію, не вѣдаетъ. Молитва эта вымышленная и напоминаетъ собою «Сонъ Богородицы», каковое сочиненіе также распространено въ простомъ народѣ и представляетъ собою наглую ложь, рассчитанную на довѣріе простого и темнаго люда. Читающій и всегда носящій при себѣ „Сонъ Богородицы“ рѣшительно отъ всего будто-бы застрахованъ: въ дѣлахъ жизни у него во всемъ счастье, прибыль, успѣхъ; его не могутъ обокрасть, а въ военное время не трогаютъ пули непріятеля; онъ не тонетъ на водѣ, а домъ его не можетъ сгорѣть въ огнѣ при пожарахъ. Чудодейственность „Сна Богородицы“ поразительна и рассчитана на всѣ случаи въ жизни человѣка. Такую же чудодейственную силу составитель придалъ и своей молитвѣ. „Ето молитву эту будетъ читать, говорить онъ, тотъ будетъ избавленъ отъ всякихъ бѣдствій и напастей“, и наоборотъ: „кто не захочетъ воспользоваться ею, несчастіемъ будетъ посѣщенъ“. Однимъ словомъ, молитва эта представляетъ собою какой-то талисманъ: достаточно имѣть ее при себѣ, читать, и человѣкъ совершенно счастливъ въ жизни; бѣды и несчастія въ жизни его уже не касаются, во всемъ сопровождаетъ его удача, счастье. Читающему и распространяющему эту молитву между другими людьми христіанину, какъ видно, не нужна и Церковь, не нужны и святые таинства; нѣтъ надобности поститься, бывать за богослуженіемъ, подавать милостыню и вообще совершать другіе христіанскіе подвиги и добродѣтели. Правда, въ самой молитвѣ ничего этого не сказано, но это вытекаетъ изъ самаго значенія молитвы, какое придано ей. Разъ молитва чудодейственна и приноситъ величайшую пользу читающему ее человѣку, къ чему тогда остальные молитвы и богослуженіе церковное? Къ чему и для чего молиться Богу и просить Его, когда у меня въ карманѣ вѣрный талисманъ—молитва, читая которую, я избавленъ отъ всякихъ несчастій въ жизни? Дѣйствительно, какъ мы знаемъ, нѣкоторые христіане именно такъ убѣждены и такъ думаютъ объ этой молитвѣ, это видно и изъ того еще, что молитвѣ этой многіе вѣрятъ, стараются списывать ее и, какъ мы

замѣтили выше, распространять между другими людьми, хранить и дорожать ею, какъ святыней, и исключительно читаютъ ее одну, не обращая вниманія на другія молитвы, составленныя Православною Церковію и данныя христіанину, чтобы онъ ежедневно читалъ ихъ, одна—утромъ, другія—вечеромъ, на сонъ грядущій. Между тѣмъ невѣжество составителя этой молитвы очевидно. Ложь в обманъ имъ простого народа самый наглый, поразительный. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на обстоятельства появленія ея.

Во время литургии въ Иерусалимѣ былъ слышанъ гласъ: Накажу всѣ народы, а кто эту молитву будетъ читать, спасенъ будетъ отъ всѣхъ бѣдствій и напастей.

Вотъ первое обстоятельство. Оно а) не обозначаетъ съ точностью времени, какого именно числа, мѣсяца и года слышенъ былъ этотъ голосъ. б) Оно совершенно умалчиваетъ, кто именно совершалъ литургію въ этотъ день. в) Оно совершенно опускаетъ изъ виду и даже намѣренно не упоминаетъ ни о патріархѣ Иерусалимскомъ, ни о комъ-либо изъ властей духовныхъ, которымъ ближе всего и лучше всего можно было слышать подобный гласъ и донести объ немъ, кому слѣдуетъ. Вѣдь такія важныя событія, если они дѣйствительно были, не могли быть оставлены безъ вниманія, и патріархъ самъ для своей Церкви долженъ бы былъ составить подобный актъ такого необыкновеннаго событія, подобно тому, какъ нѣкогда въ IV вѣкѣ св. Кириллъ Иерусалимскій составилъ подробное описаніе знаменія креста, видѣннаго надъ Голгофою ¹⁾. А затѣмъ святѣйшій патріархъ официально увѣдомилъ бы и всѣхъ другихъ православныхъ патріарховъ и нашъ Святѣйшій Синодъ. И тогда патріархи и Святѣйшій Синодъ пригласили бы всѣхъ православныхъ христіанъ не къ списыванію такой молитвы, какая теперь ходятъ по рукамъ, а къ покаянію и сокрушенію, къ плачу и рыданію.

Дальше второе обстоятельство: совершенно непостижимымъ представляется появленіе самой молитвы. Слышенъ былъ только голосъ съ угрозою наказать всѣ народы, съ указаніемъ на какую-то молитву и съ обѣщаніемъ—кто будетъ читать ее, спасенъ будетъ отъ всѣхъ бѣдствій и напастей. Но совершенно умолчано, какъ она явилась,—составилъ ли кто ее прежде, чѣмъ услышаны были эти слова, или она явилась какимъ либо инымъ образомъ, и въ послѣднемъ случаѣ, кто первый замѣтилъ и взялъ ее, кто первый

¹⁾ Воспоминаніе объ этомъ явленіи знаменія креста празднуется православною Церковію 7 мая.

прочиталъ и заявилъ объ ней. Новая таинственность, поражающая легковѣріе простодушныхъ.

Наконецъ, недомысліе составителя молитвы одно и изъ замѣтокъ его, что эта молитва была прислана (изъ Іерусалима вѣроятно?) епископу Воронежскому Антонію. Когда она была прислана и кѣмъ именно, неизвѣстно. Ни лица, ни года не указано. А такъ какъ молитва появилась недавно, а въ Воронежѣ состоитъ нынѣ епископомъ преосвященный Анастасій, а не Антоній, то возникаетъ опять сомнѣніе: какому же епископу была прислана эта молитва? Преосвященный Анастасій занимаетъ катедру въ Воронежѣ съ 1890 года; до назначенія же его въ Воронежѣ было два преосвященныхъ Антонія, изъ нихъ первый былъ епископомъ съ 1810 по 1816 г., а второй съ 1826 по 1846 годъ. Былъ еще въ ряду викарныхъ епископовъ Воронежской епаркіи преосвященный Антоній съ 1852 по 1853 годъ. Всѣ эти три епископа занимали Воронежскую катедру уже давно и, если означенная молитва была получена кѣмъ-либо изъ нихъ, то почему же она лежала доселѣ безъ вниманія? И кто именно выпустилъ ее теперь въ свѣтъ? Кто имѣлъ право предписать епископу раздавать ее народу? Все это сундурь, допущенный съ единственною цѣлю—повліять авторитетомъ воронежскаго епископа на легковѣріе массы и придать значеніе самой молитвѣ.

Теперь обратимся къ главному, къ словамъ, слышаннымъ въ храмѣ іерусалимскомъ, и къ содержанію самой молитвы.

Былъ слышенъ гласъ: *Накажу естъ народы, а кто эту молитву будетъ читать, спасенъ будетъ отъ всѣхъ бѣдствій и напастей.*

Тяжелое время переживаютъ всѣ народы и въ частности наше отечество. И въ мірѣ физическомъ и въ мірѣ нравственномъ происходятъ необыкновенныя явленія. Страшныя землетрясенія, сопровождающіяся разрушеніемъ цѣлыхъ городовъ и гибелью многихъ тысячъ людей, плохіе урожаи и дороговизна хлѣба, застои въ торговлѣ, повсюдныя волненія въ учебныхъ заведеніяхъ и на фабрикахъ и происходящее отъ этихъ волненій оскуднѣніе рабочихъ и въ концѣ концовъ враждебныя отношенія среди народовъ,—все это лежитъ тяжелымъ камнемъ на душѣ нашего мѣртваго, простосердечнаго, преданнаго своему Государю и вѣрующаго всѣмъ сердцемъ въ Господа народа. Съ покорностію воли Божіей, съ полною довѣренностію къ заботливости Государя Императора ждетъ онъ будущаго и, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, говоритъ: Его святая воля да будетъ! Въ этой непоколебимой твердости духа и

преданности волѣ Божіей и своему возлюбленному Монарху—залогъ его мира и надежда на благополучный выходъ изъ всѣхъ скорбей и бѣдствій. Съ этой непоколебимой твердостію и преданностію онъ въ историческомъ своемъ бытіи перенесъ тысячи скорбей и бѣдствій, не падая подъ ними, не отступая отъ Господа, не измѣняя царю, не унывая духомъ... Теперь хотятъ возмутить эту преданность и непоколебимость какими то застрачиваніями, какими-то ни на чемъ неоснованными предреченіями...

Но допустимъ, что точно постигнетъ насъ и всѣ народы страшное бѣдствіе. Чѣмъ же намъ приготовиться встрѣтить это бѣдствіе? Чѣмъ спастись отъ него?

Какъ ни печально это, но пусть примѣръ язычниковъ послужитъ урокомъ для насъ, христіанъ, съ какими чувствами мы должны встрѣчать грядущій на насъ гнѣвъ Божій. Когда грозило истинное бѣдствіе и совершенная гибель Ниневіи, огромнѣйшей столицѣ всемірнаго нѣкогда царства Ассирійскаго, тогда Господь послалъ въ Ниневію пророка Божія Іону проповѣдывать покаяніе. И вотъ ходитъ пророкъ Божій по городу и говоритъ: еще сорокъ дней,— и Ниневія будетъ разрушена (Іона 3, 4). Вотъ истинное предостереженіе Божіе. И смотрите, что было дальше: и повѣрили ниневитяне Богу, и объявили постъ и одѣлись во вретѣща, отъ большаго изъ нихъ до малаго. Это слово дошло до царя Ниневіи,—и онъ всталъ съ престола своего, и снялъ съ себя царское облаченіе свое, и одѣлся во вретѣще, и сѣлъ на пеплѣ, и повелѣлъ провозгласить и сказать въ Ниневіи отъ имени царя и вельможъ его, чтобы ни люди, ни скоть, ни волы, ни овцы ничего не ѣли, не ходили на настѣще, и воды не пили, и чтобы покрыты были вретѣщемъ люди и скоть и крѣпко вопіяли къ Богу, и чтобы каждый обратился отъ злаго пути своего и отъ насилія рукъ своихъ (Іона 3, 4—9). Итакъ, если язычники понимали, что для умилостивленія Бога потребны постъ, сокрушеніе и оставленіе грѣховъ, то какъ же теперь мы не можемъ понять этого? Какъ же намъ теперь толкуютъ, что достаточно въ продолженіи 9 дней читать какую-то молитву, достаточно передать ее девяти человѣкамъ, чтобы быть спасеннымъ отъ всѣхъ бѣдствій и напастей, или чтобы исполнилось наше желаніе...

Что касается содержанія самой молитвы, то, если разбирать отдѣльныя ея выраженія, они, пожалуй, не лишены правильнаго смысла и значенія; но поставленныя вмѣстѣ они явно противорѣчатъ православному ученію. Прежде всего слова, заимствованныя изъ трагической пѣсни: *Святый Боже, Святый Крѣпкій, Свя-*

мый Безсмертный, помилуй насъ, отнесены здѣсь къ лицу Господа Иисуса Христа, между тѣмъ, по разуму православной Церкви, они относятся ко всѣмъ тремъ лицамъ Пресвятыя Троицы. Это разумнѣе святой Церкви съ особенною ясностію выражено въ стихирѣ на день Пятидесятницы: „Прійдите людіе, Трѣипостасному Божеству поклонимся... Ему же поклоняющеса вси глаголемъ: *Святый Боже,* вся содѣявый Сыномъ, содѣйствомъ Святаго Духа: *Святый Крѣпкій,* имже Отца познахомъ, и Духъ Святый пріиде въ міръ: *Святый Безсмертный,* утѣшительный Душе, отъ Отца исходяй и въ Сынѣ почиваяй“. Очевидно составитель молитвы, совершенно неправильно относя эти слова только къ Иисусу Христу, обнаруживаетъ полное непониманіе православнаго богословія.

Дальнѣйшія слова молитвы: *спаси насъ отъ грѣховъ ради пречистой крови, избави насъ отъ всякія муки ради пречистой Твоей крови, прости намъ согрѣшенія наша ради пречистой и пресвятой крови,* слишкомъ отзываются духомъ пашковщины или штунды. Не такъ молятся православная Церковь. Взгляните въ книжку, въ коей заключается молебное пѣніе во время губительнаго повѣтрія и смертоносныя язвы. Вы увидите въ этомъ молебномъ пѣніи а) то, что оно совершается отъ всѣхъ православныхъ христіанъ, пораженныхъ бѣдствіемъ; потому что общественное бѣдствіе непремѣнно всѣхъ соединяетъ воедино, всѣхъ приравняетъ, всѣхъ заставляетъ одинаково чувствовать и свою грѣховность предъ Богомъ и свою безпомощность при постигшемъ бѣдствіи; б) то, что всѣ мы прежде всего каемся въ нашихъ грѣхахъ и беззаконіяхъ, исповѣдуемъ ихъ предъ всеправеднымъ и всемогущимъ Господомъ и просимъ у Него пощады себѣ; в) то, что мы, сознавая особенно во время бѣдствій свою грѣховность и виновность предъ Богомъ, обращаемся со всеусердною молитвою и къ Пресвятой Богородицѣ, и къ святымъ ангеламъ и архангеламъ, чтобы они умолили Господа помиловать насъ, грѣшныхъ и недостойныхъ... То ли мы видимъ въ той молитвѣ, которая ходитъ по рукамъ и разсылается повсюду! Совсѣмъ нѣтъ. Это—не сокрушенная молитва кающагося грѣшника, а какая-то свободная рѣчь къ Господу, распятому на крестѣ. О покаяніи и сокрушеніи сердечномъ здѣсь нѣтъ и помину; какъ будто бы самая пречистая кровь, пролитая за насъ, обязываетъ Господа милловать насъ, когда мы грѣшимъ и коснемъ во грѣхахъ. Не слишкомъ ли это много для грѣшника? И не будетъ ли служить самая пречистая кровь Христова поводомъ къ коснѣнію въ нашихъ грѣхахъ, къ нераскаян-

ности нашей? Господь, точно, пролил Свою пречистую кровь за насъ, и Его кровь, точно служитъ очищеніемъ нашихъ грѣховъ, но тогда, когда мы сами каемся во грѣхахъ, исповѣдуемъ ихъ предъ Нимъ и сокрушаемся въ нихъ. Въ противномъ случаѣ она послужитъ для насъ только въ судъ и осужденіе. Пашковщиной и штундою дышать и то, что въ молитвѣ не упомянуто о заступленіи Божіей Матери и святыхъ Божіихъ, къ ходатайству которыхъ, въ признаніи своего недостойнства предъ Господомъ, такъ любятъ обращаться православный русскій народъ.

Обратимся, наконецъ, къ тѣмъ приемамъ, которые рекомендуются при этой молитвѣ для избавленія отъ бѣдствій. Нужно, видите ли, эту молитву, во-первыхъ, читать въ продолженіе 9 дней, во-вторыхъ, передать 9 человѣкамъ въ каждый день по одной молитвѣ, и тогда *желаніе* его будетъ исполнено. Тутъ опять какой-то непостижимый сумбуръ. Передать *девяти* *человѣкамъ*—почему не тремъ, пятерымъ, или почему не 15, не 20? Почему спасительна сила молитвы, когда она читается въ теченіе 9 дней и передается только 9 человѣкамъ? Откуда такая каббалистика, недостойная истиннаго христіанина? А главное, почему не сказано передать тотчасъ священнику или духовному лицу. Почему о пастыряхъ Церкви, которые должны быть ближайшими руководителями въ дѣлѣ молитвы, не упоминается?... Но въ концѣ предложенныхъ при этой молитвѣ совѣтовъ являются заключительныя слова наставленія: „кто не захочетъ воспользоваться этимъ милосердіемъ, наказанъ будетъ несчастіемъ“, т. е. если кто изъ получившихъ эту молитву не выполнитъ предложенныхъ совѣтовъ, то подвергнется несчастію. Здѣсь обнаруживается положительное недомысліе составителя молитвы. Ставить привлеченіе милосердія Божія въ зависимость отъ какихъ-то чисто механическихъ дѣйствій значить имѣть совершенно превратныя понятія и о милосердіи Божіемъ и о Богѣ христіанскомъ, какъ Богъ любви, и недостойно истиннаго христіанина.

Что же такое—вся эта молитва, со всѣми сопровождающими обстоятельствами, со всѣми приемами для ея распространенія?

Молитва эта или плодъ издѣвательства надъ религіознымъ чувствомъ, или плодъ шарлатанства, рассчитывающаго на легковѣріе и малообразованность нашего простого народа, да и не одного простого народа, который платитъ за подобныя религіозныя выдумки своими грошами, добытыми потомъ и кровію. Почти ежегодно отъ хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ дѣлаются объявленія о невѣжественныхъ проходивцахъ, рассмла-

ющихъ по нашему отечеству свои письма изъ Константинополя, Афона и Іерусалима съ приглашеніями къ пожертвованіямъ, которыя обращаютъ они въ свою пользу и этимъ путемъ наживаютъ себѣ цѣлыя состоянія. Неоднократно также сообщалось въ газетахъ, что около Тифлиса есть какая-то деревня, жители которой тѣмъ только и промышляютъ, что надѣваютъ черныя шапочки, темные подрясники и кожаные пояса, и съ котомкою за плечами, съ посохомъ въ рукахъ отправляются на святую Русь и продаютъ поясочки, крестики и другіе священныя предметы, выдавая ихъ за святыню іерусалимскую или афонскую. И каждый изъ такихъ проходимцевъ возвращается на родину съ 500—800 рублями и болѣе. А мы, въ простотѣ нашего ума и сердца, вѣримъ этимъ проходимцамъ, посылаемъ свои сбереженія, покупаемъ у нихъ пояски и крестики и платимъ трудовыя деньги.. И вотъ какой-нибудь подобный же проходимецъ, составляя свою малограмотную молитву, обставилъ ее всѣми возможными страхами и авторитетами и пустилъ ее гулять по православному міру.. А мы по своему легковѣрію и списываемъ, и переписываемъ эту молитву, и съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, стараемся пересылать другимъ девяти человѣкамъ. Жалкіе и легковѣрные мы люди!

Тяжелую отвѣтственность принимаютъ на себя всѣ тѣ, которые, вмѣсто того, чтобы всецѣло предать себя Господу Богу, спокойно, съ вѣрою и упованіемъ на Бога ожидать грядущаго вѣрать разному вздору, входятъ сами въ грѣхъ и другихъ вводятъ въ заблужденіе, съ усердіемъ занимаясь распространеніемъ невѣжественной молитвы и вводи въ смущеніе легковѣрныхъ.

«Изъ Тверск. и Минск. Еп. Вѣдъ».

— „*Нененайки*“.—О существованіи въ древнемъ церковно-русскомъ пѣніи такъ называемыхъ „нененаекъ“ любопытную справку приводятъ С. Романовскій въ „Православномъ Путеводителѣ“ (январь, 1903). Глаголемые старообрядцы и теперь весьма уважаютъ пѣніе на великой вечерни предначинательнаго псалма „Благослови душе моя Господа“ съ нененайками. Нененайки—это вставки въ текстъ при пѣніи нѣкоторыхъ частицъ: *ай най на ни не..* Такъ старообрядцы поютъ „Слава Ти Господи ай най не ни не Сотворившему вса“.

Насколько намъ извѣстно, нененайки напечатаны полностью въ уставѣ патр. Гермогена (крупной печати) въ 1607 году, во второе лѣто его патріаршества, а въ 18-е святительства. Можно думать, что происхожденіе нененаекъ кроется въ далекомъ прошломъ, когда русскіе пѣвцы желали подражать грекамъ. Это было въ то время,

когда русскіе получили изъ Греціи греческія ноты. И вотъ, не долго думая, русскіе демественники зачеркнули греческій текстъ пѣснопѣвній и замѣнили оный славянскимъ. Встрѣтилось, правда, маленькое затрудненіе, нѣкоторыя русскія слова, напр., *Спасъ*, *днесъ* на греческомъ были двухсложными. Однако, русскіе нашлись: стали пѣть по нотамъ греческимъ — „Сонасъ донесъ“, — словомъ узаконили хомовое пѣніе. Далѣе, встрѣчались въ греческихъ нотныхъ книгахъ *разводы* или оиты, гдѣ русскіе перелагатели греческихъ нотъ положительно становились втупиеть: нельзя было подписать ни одного слога церковнаго текста, а нужно было тянуть гласный звукъ слога предшествовавшаго слова, выполняя оиту „глаголасну“, или „трезельну“ или „сворострѣльну“ и даже „съ сорочьей ножкой“. И вотъ переписчикъ нотъ, желая дать понять, что исполнитель обязанъ поступить именно вышеуказаннымъ образомъ, подписалъ подъ массой нотныхъ знаковъ развода ничего не выражающія частицы — *нененайки*, справедливо разсуждая, что не станутъ же пѣть „не сотворившему вса“. На самомъ же дѣлѣ вышло иначе. Нененайки получили право гражданства въ старообрядческомъ пѣніи. Теперь старообрядцы, сохраняя эти нененайки, не хотятъ обращать вниманія на то, что они не суть твореніе царя Давида и вредятъ тексту псалмовъ. (Русскій Пал.).

Н Е Б Р О Д О Г Ъ .

Въ дополненіе къ замѣткѣ, помѣщенной нами въ одной изъ предыдущихъ книжекъ и посвященной памяти О. Д. Корняльева и. д. Благочиннаго 2 Старобѣльскаго округа О. М. Согины пишеть слѣдующее:

Почившій о. Дмитрій былъ сынъ священника слоб. Заводъ Волчанскаго уѣзда; окончивъ курсъ оный въ Харьковской духовной семинаріи 1894 года, а 21 октября 1895 года рукоположенъ былъ во священника къ Успенской церкви села Заводянки, Старобѣльскаго уѣзда. Приходъ этотъ первоначально состоялъ изъ двухъ только хуторовъ съ населеніемъ 450 душъ муж. пола, которые отдѣлялись отъ Павловскаго прихода и, построивши новую церковь, образовали самостоятельный приходъ. Черезъ два года приходъ этотъ увеличился еще на 400 душъ, припискою къ нему двухъ хуторовъ. Церковь въ то время была не совсемъ закончена, утварью и ризницею снабжена была недостаточно, а церковной школы совсѣмъ не было. И вотъ, поступивши на такой приходъ, молодой пастыръ съ свойственною ему энергіею принялся за упорядоченіе недоконченныхъ дѣлъ. Удовлетворивши прежде всего неотложнымъ нуждамъ церкви, оный обратилъ потомъ свое вниманіе на отсутствіе въ своемъ приходѣ какого бы то ни было церковнаго хора пѣвчихъ. А какъ самъ оный былъ знатокъ пѣнія и хорошій пѣвецъ, то сейчасъ же пригласилъ желающихъ, которыхъ оказалось до 20 душъ, и ежедневно въ своей

квартиръ, по вечерамъ, началъ обучать ихъ пѣнію, сначала съ голоса, а потомъ и по нотамъ. Въ результатѣ получилось стройное, пріятное, хоровое пѣніе, но два года такого упорнаго труда стоили ему жизни: здоровье свое, какъ онъ впоследствии сознавался, онъ подорвалъ исключительно пѣніемъ. Церковь и ограда были имъ закончены въ первое же время; затѣмъ онъ энергично принялся за устройство зданія для церковно-приходской школы. На эту постройку онъ изыскалъ изъ мѣстныхъ средствъ до 1500 рублей и кромѣ того, ему было выдано изъ уѣзднаго отдѣленія училищнаго совѣта 500 рублей. На эти средства онъ хозяйственнымъ способомъ устроилъ прекрасное, свѣтлое и просторное зданіе для школы—съ классною комнатою на 80 душъ и съ квартирою для учителя. Вся мебель какъ для школы, такъ и для учителя лакированная, сдѣлана изъ дубоваго дерева, по образцу классной мебели для городскихъ училищъ. Прекрасно обставивъ школу съ вѣншей стороны, о. Димитрій обратилъ потомъ все свое вниманіе на учебно-воспитательную постановку школы и въ этомъ отношеніи достигъ блестящихъ результатовъ. Спустя три года послѣ открытія школы, въ текущемъ году былъ первый выпускной экзаменъ, который по качеству своему не оставилъ желать ничего лучшаго; школа эта по справедливости должна быть причислена къ самымъ лучшимъ школамъ въ уѣздѣ. Церковное пѣніе въ этой школѣ поставлено особенно хорошо. Конечно, всему этому школа обязана исключительно почившему о. Димитрію, который не жалѣлъ своихъ силъ и ежедневно, по цѣлымъ днямъ, проводилъ время въ школѣ, то занимаясь съ учениками, то руководя по преподаванію остальныхъ предметовъ своихъ сослуживцевъ по школѣ—учительницу и помощника ея—мѣстнаго псаломщика. Недовольствуясь этою школою, въ настоящемъ году онъ открылъ въ другомъ своемъ хуторѣ школу грамоты, изыскалъ для этого средства, а въ слѣдующемъ году предпринималъ открыть и еще третью школу въ одномъ изъ хуторовъ своего прихода. Онъ съ любовью относился къ школьному дѣлу. Не разъ онъ говорилъ своимъ знакомымъ, что, живя въ такой глуши, только и развлечения и отрады, что школа да книги. А книги онъ такъ же любилъ, какъ и школу. Ежегодно онъ выписывалъ дорогіе—серіозные журналы, изъ которыхъ составлялъ домашнюю свою бібліотеку и которую пополнялъ постепеннымъ приобрѣтеніемъ произведеній всѣхъ русскихъ писателей. А въ текущемъ году онъ пополнилъ свою бібліотеку весьма цѣннымъ приобрѣтеніемъ энциклопедическаго словаря, за который заплачено имъ 200 рублей. Для книгъ своихъ онъ сдѣлалъ два прекрасныхъ шкафа и это почти все, что онъ оставилъ цѣннаго изъ имущества послѣ своей смерти.

Съ прошлаго года, когда имъ устроено было горнее мѣсто и два жертвенника прекрасной и цѣнной работы (свыше 1000 рублей), всѣ его мысли и заботы были о сооруженіи въ своей приходской Церкви мраморнаго иконостаса, покупкѣ колокола и перестановкѣ подцерковнаго дома на гору—поближе къ церкви и школѣ, такъ какъ въ настоящее время онъ стоитъ на далекомъ разстояніи—внизу, почему ходить ежедневно въ школу да еще въ дурную погоду было слишкомъ тяжело и даже опасно для человѣка съ такимъ слабымъ здоровьемъ, каковымъ обладалъ почившій о. Димитрій. Всѣ эти намѣренія и предположенія при той энергіи, на-

стойчивости и умѣніи изыскивать средства, съ какими онъ осуществлялъ до сего времени свои прежнія наміренія и желанія, могли быть имъ осуществлены въ недалекомъ будущемъ; но смерть подкосила этого неустаннаго труженника. Заботясь о благоукрашеніи своего приходскаго храма, онъ въ то же время заботился и о своихъ прихожанахъ; съ любовію училъ и наставлялъ ихъ въ храмѣ Божиѣмъ; училъ ихъ Закону Божию и правиламъ христіанской нравственности и вообще съ усердіемъ проповѣдывалъ имъ Слово Божіе, несмотря на свой природный недостатокъ (закливаніе). Своимъ ласковымъ обращеніемъ со всѣми, готовностію каждому дать добрый совѣтъ, сочувствіемъ къ чужому горю, онъ снискалъ искреннее расположеніе къ себѣ со стороны своихъ прихожанъ. Но еще болѣе онъ пользовался расположеніемъ и любовію со стороны своихъ собратьевъ—священниковъ. Всѣ любили его за его добрыя и сердечныя ко всѣмъ отношенія, чуждыя всякаго лицепріятія и потому, когда супруга почившаго, послѣ его погребенія, возвратилась изъ Волчанска и пожелала помолиться за него въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ служилъ почившій ея супругъ, то сосѣдніе священники съ готовностію откликнулись на ея желаніе и послѣ заупокойной литургіи, при большомъ стеченіи народа, приняли участіе въ торжественномъ служеніи панихиды, на которой было сказано два прочувствованныхъ слова, невольно заставившія каждого пролить искреннія слезы о почившемъ. Миръ праху твоему, добрый пастырь и неустанный труженникъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

ИКОНОСТАНАЯ И ЦОВОЛОТНАЯ

МАСТЕРСКАЯ

Алексѣя Петровича ПЕТРОВА съ С-ми

— Существуетъ съ 1869 года. —

МОСКВА, 1-я МѢЩАНСКАЯ, ДОМЪ № 98.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-РЪЗНЫЯ, ЖИВОПИСНЫЯ И ИКОНОПИСНЫЯ РАБОТЫ,

какъ-то: Церковныя **иконостасы** (и военно-походныя) въ разныхъ строго **индѣжанскихъ** стиляхъ, мѣстные и заприестольныя **кіоты**, **балдахины** надъ престолами, **гробницы** подъ плащаницу, заприестольныя **кресты** и **рамы** съ **гумбами**, **кресты** съ **предоставками** съ рѣзной горой, **аналок**, **престолы**, **жертвенники**, **свѣчные щиты** и **зеркала** для присутственныхъ мѣстъ,

А ТАКЖЕ ПРОИЗВОДИТСЯ РЕСТАВРАЦІЯ

ИКОНОСТАСОВЪ, ИКОНЪ, ВНУТРЕННЕЙ И НАРУЖНОЙ ЖИВОПИСИ ВЪ ХРАМАХЪ И ПР.

И ЗОЛОЧЕНІЕ ГЛАВЪ И КРЕСТОВЪ.

Рисунки, смѣты и чертежи высылаются по первому требованію.

ФАБРИКАНТЪ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ
ТОРГОВАГО ДОМА
АНДРЕЯ ЗАХРЯПИНА СЫНОВЬЯ.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія г.г. покупателей
 въ нашихъ магазинахъ.

I.

Въ Москвѣ

Никольская ул., верх-
 ніе торговые ряды
 №№ 82, 155, 156, 227,
 228, 229.

II.

Въ г. Воронежѣ

Московская ул., про-
 тивъ Духовной Кон-
 систоріи. Магазинъ
 открытъ съ 1-го ок-
 тября 1902 г.

III.

Въ ярмаркахъ Нижне-
 городской
 по шоссе противъ
 флаговъ.
 Въ Вологдѣ и Ро-
 стовѣ
 Ярославской губ.

Всегда имѣется полный и большой выборъ всей церковной утвари
 лучшаго издѣлія, художественной работы, собственной фабрики, всевоз-
 можныхъ размѣровъ и рисунковъ какъ-то: паникадила, люстры, под-
 свѣчники, лампы, хоругви, запрестольныя иконы, евангелія, кресты,
 сосуды, ковчеги, вѣнцы, металлическія свѣчи, чаши водосвятныя, пла-
 щаницы, гробницы, иконы, парча для облаченія и пр. и пр., также
 имѣются и серебряныя вещи 84^о, а также принимаются заказы на все-
 возможную церковную утварь, металлическія, такъ равно и серебряныя
 84^о и ризы на иконы, одежды на престолы и жертвенники, царскія двери,
 кресты на главы, и рѣшетки по солесъ и пр. и пр., какъ лично, также и
 заочно, посредствомъ переписки.

По требованію при заказѣ, Торговый Домъ высылаетъ смѣты и ри-
 сунки, а также въ случаѣ надобности высылается довѣренный, для лич-
 ныхъ переговоровъ и принятія заказа.

Принимаются всякаго рода починки и ремонтірованіе старыхъ вещейъ
 церковной утвари золоченіе и серебреніе исполняются въ точности безъ
 замедленія.

Цѣны на церковную утварь существуютъ одинаковыя какъ въ Мо-
 сковскомъ магазинѣ, также въ Воронежскомъ магазинѣ и ярмаркахъ.

При заказѣ и покупкѣ товаровъ для небогатыхъ храмовъ, дѣлается
 разсрочка въ платежѣ.

Фабрика наша существуетъ болѣе 50 лѣтъ и имѣетъ при себѣ около
 500 человекъ мастеровъ, благодаря лучшаго производства вырабаты-
 ваемыхъ въ ней предметовъ и усовершенствованія, всѣми необходи-
 мыми средствами, для выработки церковной утвари, скорого и акку-
 ратнаго исполненія заказовъ, приобрѣла самый громаднй кругъ г.г.
 покупателей и заказчиковъ. Фабрика и главная контора въ г. Пере-
 славлѣ Засѣтскомъ Влад. губ.

При выпискѣ товаровъ, просимъ обозначать адресъ, чрезъ кого по-
 слать товаръ, по желѣзной дорогѣ, до какой станціи, или чрезъ кон-
 тору и адресъ почтовый.

Постимъ себя надеждою, что Вы не оставите насъ своимъ благосклон-
 нымъ вниманіемъ, а также и посѣщеніемъ нашихъ магазиновъ въ
 Москвѣ и гор. Воронежѣ.

Торговый Домъ Андрея Захряпина С—вья.

ЛИСТОКЪ

ДЛН

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Сентября № 18. 1903 года.

Содержаніе. Высочайшая награда.—Дни и часы приѣма у Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Отъ Совѣта Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.—Отъ Правленія Братства Св. Великомученицы Варвары.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Уставъ Іоанно-Предтеченскаго Общества трезвости при Спасо-Преображенской церкви г. Харькова.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 29 день августа текущаго года, на сопричисленіе, за 50-лѣтнюю службу, въ ордену *Св. Анны 3-й степени* священника Іоанно-Предтечевской церкви с. Ивановки, Изюмскаго уѣзда, Дмитрія *Панкратьева*.

ДНИ И ЧАСЫ ПРИЕМА

у Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

Въ Понедѣльникъ Его Высокопреосвященствомъ принимаются должностныя лица различныхъ учрежденій духовнаго вѣдомства, а именно: въ 10¹/₂ час. утра Преосвященный Викарій, въ 11 час. дня: Ректоръ Семинаріи, Предсѣдатель Совѣта и Начальница Епархіальнаго Женскаго Училища, Смотритель Мужскаго Духовнаго Училища, Епархіальный Наблюдатель, Епархіальный Миссіонеръ, Члены Консисторіи, Городскіе Благочинные, Предсѣдатель Правленія Епархіальнаго свѣчнаго завода и др.

Во Вторникъ въ 10 час. утра Секретарь Консисторіи; въ 11—дня свѣтскія лица, священники и прочіе просители.

Въ Среду въ 11 час. дня приѣмъ тѣхъ же лицъ, что и во Вторникъ.

Въ Четвергъ приѣма не бываетъ.

Въ Пятницу въ 10 час. утра Секретарь Консисторіи, а прочіе просители въ 11 часовъ дня.

Въ Субботу, Воскресенье и вообще по праздникамъ приѣма не бываетъ.

Примѣчанія: 1) Въ лѣтнюю пору въ тѣ же дни и часы Владыка принимаетъ просителей на дачѣ, кромѣ Среды, когда онъ принимаетъ въ 11 час. дня всѣхъ лицъ, имѣющихъ къ нему надобность, *въ городскомъ домѣ.*

2) Ключарь и регентъ архіерейскаго хора являются къ Владыкѣ въ 9 часовъ утра за день до архіерейскаго богослуженія.

3) Посвящающіеся въ духовный санъ (ставленники) съ ставленническими дѣлами являются къ секретарю Его Высокопреосвященства, говѣютъ предъ посвященіемъ въ Покровскомъ монастырѣ не менѣе трехъ дней, потомъ направляются къ духовнику для исповѣди; послѣ исповѣди являются съ дѣломъ къ Владыкѣ и отъ него направляются къ посвященію. Послѣ посвященія новорукоположенные учатся служить въ Каедральномъ Соборѣ, или въ монастырѣ и, получивши на ставленническомъ дѣлѣ отиѣтку о достаточномъ обученіи богослуженію, представляютъ дѣло секретарю Его Высокопреосвященства; имъ готовится грамота, и она идетъ въ Архiepастырю за благословеніемъ и полученіемъ грамоты. Потомъ изъ Консисторіи получаютъ указъ и отправляются на мѣсто служенія.

Отъ Совѣта Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества.

Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Православнаго Палестинскаго Общества считаетъ долгомъ предупредить лицъ, собирающихся отправиться на поклоненіе въ Іерусалимъ и на Аѳонъ, что для полученія льготныхъ заграничныхъ паломническихъ паспортовъ, выдаваемыхъ въ Одессѣ, Кишиневѣ, Феодосіи, Симферополѣ, Керчи, Таганрогѣ и городахъ Закавказья, съ уплатою 50 коп. за каждые полгода пребыванія за границею, слѣдуетъ, согласно ст. 222 устава о паспортахъ, передъ отправленіемъ въ путь съ мѣста своего жительства записаться свидѣтельствомъ полиціи о неимѣніи препятствій къ выѣзду за границу, а также и срочнымъ проходнымъ билетомъ, который выдается мѣстнымъ губернаторомъ по личному ходатайству паломника, отправляющагося на поклоненіе Св. мѣстамъ ближняго Востока.

Отъ Правленія Братства Св. Великомученицы Варвары.

I.

Его Высокопреосвященство Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, выразилъ желаніе состоять пожизненнымъ членомъ Братства и препроводилъ въ кассу его сторублевую 4⁰/₁₀₀ ренгу.

II.

Правленіемъ Братства въ засѣданіи отъ 26 августа с. г. въ виду того, что Совѣтъ училища, по заявленію о. Предсѣдателя его, поставленъ въ печальную необходимость отклонять прошенія сиротъ о приѣмъ ихъ на казенное содержаніе, располагая только двумя стипендіями, сдѣлано постановленіе принять въ этомъ учебномъ году содержаніе десяти сиротъ на братскія средства. Въ этомъ же засѣданіи рѣшено выдать пособія слѣдующимъ воспитанницамъ: 1) Серафимъ Бородаевой (дочь пс. Гавріила Бородаева, сл. Отрада Зм. у.), 2) Юліи Бородаевой (д. пс. Василя Бородаева, сл. Шуликина Ст. у.), 3) Вѣрѣ Дорошенко (д. пс. Варфоломея Дорошенко, сл. Артемовка Харьк. у.), 4) Еватеринѣ Пантелеймоновой (д. пс. Петра Пантелеймонова, сл. 1-я Николаевка Волч. у.), 5) Александрѣ Пономаревой (д. діака. Георгія Пономарева, сл. Евсугъ Ст. у.), 6) Антонивъ Сулимъ (д. пс. Василя Сулимы, сл. Гусаровка Из. у.), 7) Александрѣ Сулимъ (д. діака. Григорія Сулимы, сл. Алексѣевка Зм. у.), въ количествѣ 20 р. каждой, 8) Еленѣ Малишевской (д. пс. Семена Малишевскаго, сл. Ново-Павловка Из. у.), въ количествѣ 25 р. и 9) Аннѣ Квитковской (д. безмѣстнаго псаломщика, сл. Шульгинка Ст. у.), въ количествѣ 50 р.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

Опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства, состоявшимся 15—19 сентября 1903 года, вслѣдствіе отношенія Херсонской Духовной Консисторіи, отъ 4 сего сентября за № 11682, коимъ она увѣдомила, что 30 октября 1903 г. исполнится 50-лѣтіе служенія св. церкви и отечеству Высокопреосвященнаго Іустина, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, правившаго одно время Харьковскою епархіею, и что по этому случаю въ г. Одессѣ назначено празднованіе 50-лѣтняго юбилея Архипастыря, постановлено: содержаніе помя-

нутаго отношенія Херсонской Консисторіи напечатать въ ближайшемъ номерѣ журнала „Вѣра и Разумъ“ въ Епархіальномъ лѣсткѣ, къ свѣдѣнію духовенства Харьковской епархіи.

Уставъ Іоанно-Предтеченскаго Общества трезвости при Спасо-Преображенской церкви г. Харькова.

Цѣль общества.

§ 1. Общество трезвости при Спасо-Преображенской церкви г. Харькова имѣетъ свою задачу: бороться съ пьянствомъ, отучать своихъ членовъ отъ этой пагубной страсти и приучать ихъ къ совершенной трезвости и всемірно распространять начала трезвой жизни въ окружающей средѣ и вмѣстѣ съ этимъ оказывать матеріальную поддержку своимъ нуждающимся членамъ.

§ 2. Общество посвящается имени Св. пророка Предтечи и Крестителя Іоанна, который служить высокимъ примѣромъ воздержанія и постничества и о коемъ Архангеломъ было сказано «вина и сикера не имать пити». Общество справляетъ свой храмовой праздникъ 7-го января, когда за литургіей всѣ трезвенники стоятъ съ зажженными свѣчами, и имена ихъ поминаются въ сугубой ектеніи.

§ 3. Способами для достиженія цѣли Общества служатъ: а) усердное и частое участіе трезвенниковъ въ церковныхъ богослуженіяхъ и въ молебнахъ о трезвости, б) торжественные молитвенные обѣты трезвости, сопровождаемые подписками трезвенниковъ, в) церковныя и частныя бесѣды о вредѣ пьянства и о трезвенномъ воздержаніи, г) взаимное и бдительное наблюденіе другъ за другомъ въ смыслѣ нравственной поддержки, д) организація общедоступныхъ чтеній о трезвости съ свѣтовыми картинами, е) устройство для церковныхъ богослуженій общенароднаго изъ трезвенниковъ пѣнія, ж) устройство паломничества, з) бібліотека трезвости и распространеніе книгъ, брошюръ и листовъ о трезвости, и) переносныя витрины-читальни трезвости, і) чайныя для трезвенниковъ съ читальной газетью, журналовъ и книгъ трезвости, к) обученіе неграмотныхъ трезвенниковъ грамотѣ, л) обученіе возможно богѣе практическое ремесламъ и прикладнымъ знаніямъ, и мн. др., что укажутъ жизнь и практика.

Составъ Общества.

§ 4. Въ члены Общества трезвости вступаютъ православныя, страдающіе недугомъ пьянства, лица обоего пола, не моложе 17 лѣтъ. Могутъ вступать и иноприходные.

§ 5. Въ Общество принимаются и люди совершенно неспособные вина, чтобы они служили образцомъ и примѣромъ для слабыхъ и невоздержныхъ членовъ Общества.

§ 6. Члены Общества раздѣляются: на почетныхъ и дѣйствительныхъ. Почетными членами считаются тѣ, которые значительными пожертвованіями, или личными трудами и особыми заслугами, оказанными Обществу, приобрѣли право на особую признательность Общества. Они избираются общимъ собраніемъ, по представленію Совѣта. Дѣйствительными членами считаются всѣ, вносящіе не менѣе 10 к. ежемѣсячно въ кассу Общества, или ежегодно не менѣе 1 р. 20 к.

§ 7. Приемъ и вступленіе новыхъ членовъ Общества совершается въ первое Воскресенье каждаго мѣсяца послѣ торжественнаго молебна съ участіемъ всѣхъ по возможности трезвенниковъ.

§ 8. Вступившій въ члены Общества сообщаетъ свой адресъ, который вмѣстѣ съ его именемъ, фамиліей и другими необходимыми свѣдѣніями вносится въ книгу—списокъ всѣхъ членовъ Общества.

§ 9. Нарушающій обѣтъ членъ Общества въ первый разъ подвергается увѣщанію, во 2-й разъ—опитію и въ 3-й разъ—исключенію. При исключеніи имя его въ спискахъ вычеркивается и обѣтная икона отбирается.

Примѣчаніе. Послѣ исключенія бывшій членъ Общества можетъ быть вновь принятъ, но не ранѣе трехъ мѣсяцевъ, какъ вновь поступающій.

Средства Общества.

§ 10. Средства Общества образуются: а) изъ членскихъ взносов, б) изъ добровольныхъ пожертвованій, в) изъ кружечнаго церковнаго сбора съ разрѣшенія Епархіальнаго начальства, г) изъ суммъ, выручаемыхъ отъ устройства въ пользу Общества съ разрѣшенія начальства и съ соблюденіемъ всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній и правительственныхъ распоряженій, духовныхъ концертовъ, лекцій и литературныхъ вечеровъ.

§ 11. Средства Общества раздѣляются на капиталы: неприкосновенный и оборотный. Неприкосновенный капиталъ составляется изъ взносов почетныхъ членовъ и 50% съ ежегодныхъ остатковъ оборотнаго капитала. Оборотный капиталъ составляется изъ всѣхъ поступленій въ кассу Общества, за исключеніемъ взносов почетныхъ членовъ, и назначается на расходъ по дѣламъ Общества.

§ 12. Въ видахъ увеличенія средствъ, потребныхъ для вспоможенія нуждающимся членамъ и ихъ семействамъ, Общество имѣетъ право обращаться къ частной благотворительности.

§ 13. Общество имѣетъ право приобретать для своихъ цѣлей движимую и недвижимую собственность.

§ 14. Изъ поступающихъ въ общество суммъ въ наличныхъ деньгахъ хранится только то количество, которое потребно для текущихъ расходовъ. Всѣ же прочія суммы обращаются въ государственныя или гарантированныя правительствомъ % бумаги, или вносятся по книжкѣ сберегательной кассы въ мѣстное казначейство на имя Общества.

Управление.

§ 15. Общество состоитъ подъ покровительствомъ и высшимъ наблюдениемъ Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Харьковскаго, съ благословенія котораго оно и открываетъ свою дѣятельность. Съ его разрѣшенія совершаются всѣ важнѣйшія дѣйствія Общества и имъ же разрѣшаются всѣ недоумѣнныя затрудненія въ жизни Общества. Къ половинѣ января каждаго года Архіепископу представляются годичныя отчеты Общества.

§ 16. Непосредственно же дѣлами Общества управляетъ Совѣтъ подъ непремѣннымъ предсѣдательствомъ, по назначенію Архіепископа, священника Преображенской церкви. Предсѣдатель Совѣта предсѣдательствуетъ и въ общемъ собраніи. Совѣтъ, кромѣ предсѣдателя, состоитъ еще изъ его помощника, дѣлопроизводителя, и 3 членовъ, и къ нимъ т. е. дѣлопроизводителю и 3 членамъ, на случай ихъ болѣзни, кандидатовъ; всѣ эти лица, кромѣ предсѣдателя, избираются общимъ собраніемъ трезвенниковъ на два года закрытыми записками по большинству голосовъ и исполняютъ свои обязанности безвозмездно.

§ 17. Совѣтъ Общества самъ изъ своихъ членовъ одного назначаетъ казначеемъ.

§ 18. Засѣданія Совѣта созываются не менѣ одного раза въ мѣсяцъ предсѣдателемъ и считаются состоявшимися при наличности предсѣдателя или его помощника, дѣлопроизводителя и не менѣ двухъ членовъ Совѣта. По всѣмъ дѣламъ, разсматриваемымъ въ Совѣтѣ, составляются журналы за подписью присутствовавшихъ членовъ Совѣта.

§ 19. Членъ Совѣта, не явившійся безъ уважительной причины на три засѣданія подъ рядъ, считается отказавшимся отъ должности и замѣняется кандидатомъ.

§ 20. На обязанности совѣта лежатъ: а) распределеніе занятій между членами Общества, б) попеченіе объ имуществѣ Общества, в) приглашеніе членовъ Общества въ общее собраніе, г) изысканіе средствъ къ достиженію опредѣленной Уставомъ цѣли Общества, д) наблюденіе за точнымъ исполненіемъ членами Общества Устава и е) представленіе общему собранію отчета о дѣйствіяхъ Общества за истекшій годъ.

§ 21. Совѣтъ можетъ, имѣя достаточныя основанія, обращаться съ хо-

дательствомъ къ гражданской власти о прекращеніи въ приходѣ и городѣ на улицахъ и въ торговыхъ заведеніяхъ сценъ пьянства, пьянственныхъ сборищъ и безчинствъ, а также о прекращеніи, если гдѣ окажется, тайной продажи водки и продажи питей несовершеннолѣтнимъ.

§ 22. Казначей Общества принимаетъ подѣ свою росписку всѣ денежные суммы, поступающія въ Общество, производитъ расходы, разрѣшенныя Совѣтомъ, подѣ собственноручныя росписки получателей въ расходной книгѣ, и представляетъ ежемѣсячно Совѣту отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ Общества, а также годовой отчетъ для представленія очередному общему собранію.

§ 23. Для записи прихода и расхода суммъ Общества, Совѣтъ ежегодно выдаетъ казначею особую шнуровую книгу за подписью председателя и скрѣпную дѣлопроизводителя. У казначея должна быть еще, тѣми же лицами скрѣпленная, квитанціонная книга, въ которой хранятся талоны ко всѣмъ квитанціямъ, немедленно выдаваемымъ лицамъ, дѣлающимъ какое либо денежное пожертвованіе въ пользу Общества или обычный членскій взносъ.

§ 24. Для разсмотрѣнія отчета Совѣта за истекшій годъ о произведенныхъ имъ расходахъ и состояніи суммъ Общества избирается на каждый годъ общимъ собраніемъ особая ревизіонная коммиссія изъ трехъ членовъ и трехъ кандидатовъ къ нимъ, актъ которой вмѣстѣ съ отчетомъ и оправдательными документами и представляется Совѣтомъ очередному общему собранію.

§ 25. Въ обязанностяхъ общаго собранія отнесены: а) разсмотрѣніе годового отчета представленнаго Совѣтомъ и акта ревизіоннаго и утвержденіе ихъ, б) обсужденіе различныхъ вопросовъ и мѣръ, предлагаемыхъ Совѣтомъ, в) избраніе лицъ по § 16 сего устава, г) избраніе почетныхъ членовъ Общества, д) обсужденіе вопросовъ объ измѣненіи или дополненіи сего Устава и е) разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, имѣющихъ значеніе для достиженія цѣли Общества въ предѣлахъ сего Устава.

§ 26. Общее собраніе считается состоявшимся при наличности $\frac{1}{3}$ живущихъ въ городѣ членовъ Общества. Въ случаѣ непробытія установленнаго числа членовъ, созывается не ранѣе недѣли новое Собраніе, которое и считается дѣйствительнымъ при всякомъ числѣ членовъ.

Примѣчаніе. Всѣ члены общества должны своевременно и обязательно всякій разъ уведомлять Совѣтъ о перемѣнѣ мѣста своего жительства.

Обязанности трезвенника.

§ 27. Всѣ члены Общества въ первое Воскресенье каждаго мѣсяца служить торжественный молебенъ Св. прор. Іоанну Крестителю и св. муч.

Вонифатію съ анаѣстомъ и со св. водою для молитвеннаго подкрѣпленія всѣхъ въ обѣтъ воздержанія.

§ 28. Вступленіе каждаго новаго члена совершается такъ. Онъ говѣеть, исповѣдуется и въ день каждагобѣснчнаго молебна трезвенниковъ Св. Танинъ приобщается. Въ концѣ молебна вступающій въ присутствіи священника и членовъ Общества съ зажженными свѣчами даетъ обѣтъ воздерживаться отъ употребленія спиртныхъ напитковъ въ такихъ словахъ: „Милосердый Господи, я рабъ Твой..., раскаявшись искренно въ своемъ прежнемъ пьянствѣ и въ грѣхахъ, отъ него происходящихъ, даю обѣтъ предъ Твоимъ Честнымъ Образомъ и Образомъ Св. славнаго Пророка и Предтечи Господня Іоанна въ продолженіи не пить никакого хмѣльнаго зелья и къ тому другихъ не совращать, твердо сознавая, что за нарушеніе сего обѣта буду достоинъ горькаго осужденія и наказанія отъ руки Господней. Господи! помоги мнѣ и укрѣпи меня! Пресв. Владычице Богородице, Св. пророче и Предтече Христовъ Іоанне, Св. мучениче Вонифатіе и вси святіи помолитесь о мнѣ грѣшномъ. Аминь“. Земной поклонъ и цѣлованіе св. иконъ. Послѣ сего давшій обѣтъ здѣсь же въ храмѣ вписываетъ свое имя, отчество, фамилію и срокъ воздержанія въ особую книгу Общества. Кто ими вписывается въ церковный каждодневный помянникъ. Отъ получаетъ обѣтную икону Прор. Іоанна Крестителя и окропляется св. водою.

§ 29. Всѣ члены Общества—трезвенники обязаны въ силу обѣта воздерживаться отъ питія хмѣльнаго не менѣе какъ на 3 мѣсяца, а затѣмъ на полгода, на годъ и т. д.

§ 30. Запрещается пить все, что бываетъ хмѣльно: водку, всякаго рода вина, медовый квасъ, пиво, брагу.

§ 31. Каждый членъ во все продолженіе времени зарюка долженъ хранить безусловную трезвость, не нарушая своего обѣта никакими предлогами, вродѣ—изнеможенія, нездоровья, усталости, крестинъ, свадебъ, мянннъ, похороновъ, поминовеній, «могарича» и т. п.

Примѣчаніе. Исключеніе дѣлается дѣйствительно для больныхъ по совѣту врача и съ разрѣшенія священника—предсѣдателя.

§ 32. Къ своему зарюку трезвенникъ долженъ относиться какъ къ дѣлу святому и благому, чаще долженъ осматриваться въ своей жизни, дабы отрѣшившись отъ одного зла, не умножить другого.

§ 33. Трезвенникъ обязуется чаще посѣщать храмъ Божій и непременно два раза въ годъ говѣть и Св. Танинъ приобщаться, кромѣ говѣнія при вступленіи.

§ 34. Каждый долженъ наблюдать другъ за другомъ и въ духѣ братской любви увѣщевать другого и во всякомъ случаѣ немедленно объявлять священнику объ уклоненіяхъ отъ трезвости того или другого члена.

§ 35. Когда найдешь на тебя помысль или желаніе пьянства, то читай Св. Евангеліе, если ты грамотный, или читай молитву Іисусову.

§ 36. Всякій трезвенникъ неграмотный долженъ по Воскресеньямъ вечеромъ учиться въ помѣщеніи Общества грамотѣ, читать Св. Евангеліе, слушать здѣсь бесѣду священника, брать книги изъ бібліотеки, и всѣ вообще члены собираются вмѣстѣ въ домъ трезвости то для чтенія газетъ и журналовъ трезвости въ читальнѣ, то для общаго церк. пѣнія, то для занятій въ Воскресной школѣ Общества, то для обученія ремесламъ и т. п.

§ 37. Каждый трезвенникъ, памятуя заповѣдь Апостола: „другъ друга тяготы носите“, долженъ всемірно помогать сочленамъ въ нуждѣ деньгами, трудомъ, ходатайствомъ и всѣмъ чѣмъ можетъ.

§ 38. Трезвенникъ, когда будутъ надъ нимъ смѣяться и злословить его, долженъ переносить это кротко, больше въ такихъ случаяхъ молчать, помня, что, кого гонять и преслѣдуютъ на землѣ, того ждетъ великая жзда на небесахъ.

§ 39. Во всякомъ недоумѣнномъ случаѣ трезвенникъ долженъ обращаться за совѣтомъ къ священнику.

§ 40. Трезвенникъ долженъ всемірно воздерживаться отъ божбы, клятвъ, проклятіи, сквернословія и чернаго слова. Невоздержнаго въ этомъ отношеніи Общество исправляетъ настойчиво и рѣшительно.

§ 41. Трезвенникъ обязанъ не вступать въ дружбу и товарищество съ людьми пьянственными. Въ своей же семьѣ долженъ всѣми силами стараться, чтобы никто не пилъ.

§ 42. Членъ Общества не долженъ своихъ помѣщеній отдавать въ наемъ подъ трактиры, пивныя и увеселительныя заведенія.

§ 43. Членъ Общества не имѣетъ права заниматься торговлею питей въ разныхъ видахъ и разными способами, напр. торговать въ трактирахъ, пивныхъ, буфетахъ и т. п.

§ 44. Своею трезвою жизнію и словами трезвенникъ долженъ убѣждать и родныхъ и знакомыхъ, селонныхъ къ разгульной жизни, пьянству, сквернословію и препровожденію времени въ трактирахъ и портерныхъ, бросать пьяную жизнь и записываться въ члены Общества трезвости. Несовершеннолѣтнихъ учить, чтобы они не брали худого примѣра съ отцевъ своихъ. Внушать родителямъ и всѣмъ старшимъ, чтобы они не посылали дѣтей своихъ за виномъ въ питейныя заведенія и тѣмъ предохраняли ихъ отъ соблазновъ и развитія въ нихъ пороковъ.

Закрытіе Общества.

§ 45. Если по какимъ либо обстоятельствамъ признано будетъ необходимымъ закрыть Общество, то, по постановленію послѣдняго общаго

собранія въ составѣ не менѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ членовъ,—дѣйствія Общества прекращаются и всѣ капиталы и имущество его обращаются въ собственность Спасо-Преображенской церкви г. Харькова, о чемъ Совѣтъ и доносить Преосвященному Владыкѣ Харьковскому. Дѣла и документы Общества сдаются Совѣтомъ Харьковской духовной консисторіи.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ. ВАКАНТНЫЯ МѢСТА

Священническія:

1. Сошествіевская церковь сл. Хатняго, Волчанскаго уѣзда.
 Иоанно-Предтеченская церковь с. Ивановскаго, Изюмскаго уѣзда.
 Иоанно-Богословская церковь сл. Сенихи, Бупянскаго уѣзда.
4. Софійевская церковь с. Малой Алексѣевки, Харьковскаго уѣзда.

Діаконскія.

1. Николаевская ц. сл. Ботовой, Волчанскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Непокрытаго, Харьковскаго уѣзда.
 Троицкая церковь с. Перекопа, Валковскаго уѣзда.
4. Николаевская церковь с. Деркачевки, Лебединскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

1. Троицкая церковь с. Моисеевки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Свято-Духовская церковь с. Кононовки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Варваринская церковь с. Капитольскаго, Изюмскаго уѣзда.
 Сошествіевская церковь с. Хатняго, Волчанскаго уѣзда.
5. Арх.-Михайловской церкви с. Болупаевки, Харьковскаго уѣзда.
 Церковь Александровской гимназіи г. Сумъ.
 Соборно-Покровская церковь г. Бупянска.
 Троицкая церковь сл. Васильевки, Лебединскаго уѣзда.
 Николаевская церковь г. Лебедина.
10. Георгіевская церковь с. Бѣловода, Сумскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Груни, Лебединскаго уѣзда.
 Николаевская церковь хут. Присина-Яра, Богодуховскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Синолицевки, Харьковскаго уѣзда.
 Р.-Богородичная церковь с. Пушкарнаго, Алтырскаго уѣзда.
15. Теодоро-Стратил. церковь с. Тучнаго, Лебединскаго уѣзда.
 Георгіевская церковь с. Ольховатки, Волчанскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Непокрытаго, Харьковскаго уѣзда.
18. Амвросіевская церковь Харьковск. Епарх. сир. пріюта.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Вторичное посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Святыхъ Горъ.—Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ Хорошевскаго женскаго монастыря и нѣкоторыхъ селъ Харьковскаго уѣзда 11—12 сентября.—Храмовой праздникъ въ Духовной Семинаріи.—Торжественное служеніе Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія.—Открытие всероссійской выставки животноводства.—Торжественное освященіе Всѣхсвятской церковно-приходской школы на Холодной горѣ.—Общество трезвости при Спасо-Преображенской церкви г. Харькова.—Пастырское собраніе городского духовенства.—Общество хорowego пѣнія въ с. Григоровкѣ.—Духовное торжество въ с. Ольшанахъ.—Новыя школы.—Школы послушниковъ.—Откуда берутъ части св. мощей для антиминсовъ?—Изъ пастырской практики.—Могутъ ли быть восприимчивыми дѣтей отъ купели св. крещенія лица, облеченныя сапомъ монашества?—Можно ли вѣнчать браки соборне?—Чистка золотыхъ вещей.—Цѣлебныя свойства лимона.

Вторичное посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Святыхъ Горъ. Въ № 16-мъ „Листва“ за н. г. нами было уже упомянуто о посѣщеніи Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ Святогорской Обители въ день Успенія Пресвятой Богородицы. Приводимъ подробности этого замѣчательнаго посѣщенія.

14—17 августа 1903 года. День Успенія Пресвятой Богородицы—главный храмовой праздникъ Святогорской Успенской пустыни. Къ этому дню въ монастырь стекаются десятки тысячъ богомольцевъ. Большинство изъ нихъ приходитъ заранѣе въ монастырь, чтобы здѣсь отговѣтъ—исповѣдаться и приобщиться Св. Таинъ. Поэтому, какъ въ предпраздничные дни—12, 13, 14,—такъ и въ слѣдующій день праздника 15 августа,—бываетъ ежедневно отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ причастниковъ.

Братія монастыря усердно и охотно удовлетворяетъ религіознымъ потребностямъ всѣхъ богомольцевъ, а въ своей огромной монастырской гостинницѣ даетъ имъ пріютъ.

Кромѣ сего въ эти дни православные богомольцы имѣютъ утѣшеніе видѣть и слышать торжественное архіерейское богослуженіе, такъ какъ со времени открытія Святогорской Успенской пустыни Харьковскіе Архипастыри ежегодно на праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы отправляются въ эту обитель для совершенія богослуженій.

Этому установившемуся обычаю соизволилъ послѣдовать и Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, Архіепископъ Харьковский и Ахтырскій. Отправившись изъ Харькова 13 августа въ 8 час. вечера по Севастопольской ж. д., онъ на другой день 14 августа, въ 8 час. утра, прибылъ въ Святые Горы.

Въ этотъ день въ Святогорской обители совершается крестный ходъ изъ главнаго Успенскаго Соборнаго храма въ скитъ, называемый „Святое мѣсто“.

Высокопреосвященнѣйшій Владыка прибылъ въ монастырь какъ разъ ко времени совершенія крестнаго хода и посему тотъ-часъ же, послѣ торжественной встрѣчи Его о. Архимандритомъ Вассіаномъ со всею братією въ св. вратахъ монастыря, Онъ прослѣдовалъ въ Соборный Успенскій храмъ и здѣсь, облачившись въ алтарѣ въ полное архіерейское облаченіе, вышелъ на средину храма, благословилъ крестный ходъ и отправился во главѣ его въ назначенное мѣсто.

Крестный ходъ совершался на лодкахъ по рѣкѣ Донцу. У монастырской пристани приготовлены были нѣсколько лодокъ и между ними двѣ большія (баркасы),—въ одной изъ которыхъ помѣстились монастырскіе пѣвчіе, а въ другой духовенство во главѣ съ Архипастыремъ. Болѣе пятидесяти лодокъ, переполненныхъ народомъ сопровождали крестный ходъ по рѣкѣ, а по обимъ берегамъ ея непрерывною густою толпою шли богомольцы. Прекрасная погода благопріятствовала спокойному плаванію. Лишь только лодки тронулись, раздалось торжественное умиленное пѣніе канона Успенію Пресвятой Богородицы. Торжественный звонъ колоколовъ, стройное пѣніе монастырскаго хора, движущаяся живая масса лодокъ и людей, идущихъ по берегамъ, покрытымъ густымъ лѣсомъ,—сіяніе солнца, лучи котораго отражались на поверхности рѣки, на крестахъ, хоругвахъ и иконахъ, сонмъ духовенства и присутствіе среди него маститаго и глубокочтимаго Архипастыря,—все это представляло чудную величественную картину, возвышало и умиляло душу и возносило умъ въ горняя. Всякій видѣвшій эту картину, несомнѣнно, переживалъ лучшія минуты жизни и получалъ истинное духовное утѣшеніе.

По прибытіи въ скитъ совершена была литургія въ храмѣ неподобнаго Арсенія великаго ¹⁾. Во время литургіи Высокопреосвященнѣйшій Владыка стоялъ въ алтарѣ, а во время причащенія, выйдя изъ алтаря на солею, сказалъ, обращаясь къ молящимся въ храмѣ, слово, въ которомъ съ трогательною простотою и глубокою назидательностію разъяснилъ слушателямъ цѣль и назначеніе еучрежденія скитовъ, какъ мѣсть усиленныхъ монашескихъ подвиговъ—воздержанія, послушанія и непрестанной молитвы, совершаемыхъ въ уединеніи и въ удаленіи отъ общенія съ внѣшнимъ міромъ.

По окончаніи литургіи крестный ходъ въ томъ же порядкѣ в тѣмъ же путемъ возвратился въ монастырь.

¹⁾ Литургія совершалъ казначей монастыря о. Трифонъ соборнѣ съ скіеромонахомъ Ефремомъ—начальникомъ скита и другимъ іеромонахомъ.

Въ 6 час. вечера раздался благовѣстъ ко всенощному бдѣнію. Высокопреосвященнѣйшій Владыка „со славою“ прошелъ въ Успенскій соборный храмъ. Всенощное бдѣніе совершалось полнымъ монастырскимъ пустыннымъ чиномъ и окончилось въ 12 ч. ночи. Владыка выходилъ на литію, которая совершалась внѣ храма, на площадкѣ, предъ западными дверями, а потомъ и на велѣчаніе. Послѣ величанія Владыка помазывалъ св. елеемъ служащихъ съ нимъ, братію и молящихся до конца канона. Соборный храмъ, не смотря на его обширность, не могъ вмѣстить и третьей части богомольцевъ, а потому для остальной массы народа служилась другая всенощная въ часовнѣ, стоящей во дворѣ монастыря.

15-го августа—въ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы—въ томъ же Успенскомъ храмѣ Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній совершалъ Божественную литургію, которая началась въ 9 час. утра и окончилась въ 12. Такъ же, какъ и наканунѣ, Владыка шествовалъ въ соборъ „со славою“. Въ сослуженіи съ нимъ были настоятель монастыря о. Архимандритъ Вассіанъ, ключарь, священникъ Г. Виноградовъ, и 8 іеромонаховъ. Въ концѣ литургіи, въ положенное время, Владыка произнесъ сердечное слово о Успеніи Божіей Матери, о чудесныхъ обстоятельствахъ предшествовавшихъ и сопровождавшихъ это событіе,—о блаженной кончинѣ, ожидающей праведниковъ и лютой и тяжелой смерти грѣшниковъ.

Послѣ литургіи былъ совершенъ крестный ходъ изъ собора къ Николаевской церкви, стоящей на высокой мѣловой скалѣ, къ которой ведетъ довольно крутая лѣстница, имѣющая до 600 ступеней. Здѣсь, на особой площадкѣ, подъ шатромъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыка отслужилъ благодарственный молебенъ, послѣ котораго возглашены были многолѣтія: Государю Императору и всему Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду и Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Арсенію, настоятелю и братіи монастыря и вѣчная память усопшимъ святителямъ: Митрополиту Филарету, Архіепископамъ: Иннокентію, Филарету, Амвросію и благотворителямъ монастыря: боярамъ Александру и Татіанѣ (Потемкинѣмъ).

Въ тотъ же день, вечеромъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыка присутствовалъ на всенощномъ бдѣніи въ Покровской церкви. Богослуженіе совершали священникъ Николай Капустянъ и дьяконъ Феодоръ Гончаревскій—оба только-что въ этотъ день рукоположенные Владыкою.

16 августа—въ праздникъ Нерукотвореннаго Образа Спасителя—въ Успенскомъ соборномъ храмѣ Высокопреосвященнѣйшій Арсеній совершилъ Божественную литургію, въ сослуженіи съ тѣми же лицами, что и наканунѣ. За литургіей Его Высокопреосвященствомъ были рукоположены: діаконовъ Теодоръ Гончаревскій—во іерея и окончившій курсъ семинаріи Теодоръ Прищепа—во діакона. Въ концѣ литургіи Владыка провнесь глубоконазидательное слово о нерукотворенномъ образѣ Спасителя, при чемъ, рассказавъ исторію чудеснаго происхожденія этого образа и сдѣлавъ указаніе на писанныя св. Евангелистомъ Лукою иконы Божіей Матери, которыя Она Сама, еще при жизни своей на землѣ, предназначила въ благословеніе всему роду христіанскому, сообщивъ имъ свою благодатную силу,—которыя и понынѣ честно хранятся и благоговѣнно чтутся въ христіанскомъ мірѣ,—Высокопреосвященный ораторъ убѣждалъ слушателей почитать святыя иконы Спасителя, Божіей Матери и Святыхъ угодниковъ Божіихъ, какъ и православные предки наши испоконъ вѣка чтили ихъ,—возжигать предъ ними свѣчи и лампы, кланяться и молиться предъ ними, воздавая честь и поклоненіе тѣмъ святымъ лицамъ, которыя на нихъ изображены и при этомъ не смущаться душою, слыша иногда нареканія и хуленія, какія безумно изрыгаются на святыя иконы невѣрующими безбожниками—штундистами, помня, что Господь накажетъ ихъ за это не только въ будущей, но еще и въ здѣшней жизни, чему и былъ недавно поразительный примѣръ въ г. Харьковѣ съ однимъ рабочимъ. Этотъ несчастный, въ день празднованія открытія мощей новопрославленнаго чудотворца, преподобнаго Серафима Саровскаго, дерзнулъ, въ присутствіи многихъ своихъ товарищей, выразить въ грубыхъ словахъ свое невѣріе въ истинность мощей сего святаго угодника Божія и порадовалъ его. И что же? Тотъ-часъ же послѣ произнесенія имъ безразсудныхъ и гнусныхъ словъ, его постигъ ударъ, лишившій его владѣнія языкомъ, рукой и ногой!..

Вечеромъ въ этотъ день (16 ч.) Высокопреосвященнѣйшій Владыка слушалъ всенощное бдѣніе въ Покровской церкви. Служеніе совершалъ ключарь священникъ Г. Виноградовъ съ новорукоположеннымъ діакономъ Теодоромъ Прищепою.

17 августа—въ воскресенье—Высокопреосвященнѣйшій Арсеній совершилъ Божественную литургію въ Соборномъ Успенскомъ храмѣ. Въ сослуженіи съ нимъ были о. Архимандритъ Вассіанъ, ключарь, ризничій іеромонахъ Флавіанъ, Казначей, іеромонахъ

Трифонъ, духовникъ, іеромонахъ Пахомій, и еще три іеромонаха. Во время литургіи Его Высокопреосвященство рукоположилъ—діакона Феодора Прищепу во іерея и окончившаго курсъ семинаріи Іоанна Заводовскаго—во діакона.

17-го же ч., въ 4 ч. дня, вся братія Святогорской обители собралась въ Покровской церкви на прощаніе съ Архипастыремъ. Прийдя въ церковь, Высокопреосвященнѣйшій Владыка преподавалъ всѣмъ Архипастырское благословеніе и завѣщавъ братіи свято хранить свои обѣты, строго соблюдать монастырскій уставъ, Богослужебный чинъ и старинное столповое пѣніе, простился со всѣми и отбылъ изъ обители. Братія провожала Владыку съ пѣніемъ до пристани.

По предложенію о. Архимандрита Вассіана, отбытіе Владыки изъ монастыря состоялось по рѣкѣ Донцу въ лодкѣ, въ которой онъ слѣдовалъ до села Богородичнаго, гдѣ его ожидала карета. Владыку сопровождали о. Архимандритъ Вассіанъ, Казначей, ризничій и три старшихъ іеромонаха. Вслѣдъ за лодкой, въ которой находился Владыка, шли двѣ лодки съ учениками монастырскихъ церковныхъ школъ, которые всю дорогу пѣли церковныя пѣснопѣнія и гимны. На ряду съ нами и за нами шло до 20-ти лодокъ, наполненныхъ народомъ, пожелавшимъ проводить Архипастыря. За полъ версты, не доѣзжая до с. Богородичнаго, Владыку встрѣтилъ также въ лодкѣ, Богородичанскій священникъ о. Василій Федоровъ съ хоромъ своихъ пѣвчихъ, которые привѣтствовали Владыку пѣніемъ „ис-полла-эти деспота“, а затѣмъ, присоединяясь къ общей партіи пловцовъ, продолжали пѣть церковныя пѣснопѣнія.

На берегу рѣки, у пристани, Владыка былъ встрѣченъ жителями села Богородичнаго и учениками земской школы съ своею учительницею. Преподавъ всѣмъ общее Архипастырское благословеніе и поблагодаривъ всѣхъ за проводы, Владыка вошелъ въ карету и отправился на станцію „Славянскъ“. Отсюда съ поѣздомъ Севастопольской жел. дор., въ 8 час. вечера, Высокопреосвященнѣйшій Владыка отбылъ въ г. Харьковъ, куда и прибылъ на другой день около 6 час. утра.

— *Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ Хорошевскаго женскаго монастыря и нѣкоторыхъ селъ Харьковскаго уѣзда 11—12 сентября.* 11 сентября, въ 10 час. утра, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній выѣхалъ для обозрѣнія Хорошевскаго женскаго монастыря. На пути въ обитель онъ посѣтилъ храмы селъ—Григоровки, Бабаевъ и Хорошева. Причты и нѣкоторые прихожане

узнали объ этомъ посѣщеніи только наканунѣ вечеромъ, а потому торжественныхъ встрѣчъ Владыкѣ не могло быть. Впрочемъ въ Григоровскомъ храмѣ Архипастырѣ утѣшенъ былъ учениками и ученицами мѣстныхъ земскихъ школъ ихъ пѣніемъ и отвѣтами по Закону Божію; всѣхъ учащихся онъ награждалъ крестиками. Въ другихъ храмахъ учащіяся въ школахъ дѣти не были собраны, но ихъ было не мало виѣстѣ съ народомъ. Его Высокопреосвященство вездѣ бесѣдовалъ съ народомъ и дѣтьми; послѣднихъ благословлялъ крестиками. Владыка совѣтовалъ отдавать дѣвочекъ въ школы и особенно развивать церковное пѣніе не только клиросное, но и общее—народное.

Изъ перв. осмотрѣнныхъ храмовъ особенно бѣднымъ и ветхимъ оказался деревянный храмъ села Хорошева.

Въ 1-мъ часу дня Его Высокопреосвященство прибылъ въ Хорошевскій жанскій монастырь. Владыка прослѣдовалъ прямо въ лѣтній монастырскій храмъ, въ которомъ въ сослуженіи двухъ монастырскихъ священниковъ, ключаря и архимандрита Іосифа отслужилъ молебенъ, чтимой въ обители, владимирской иконой Божіей Матери; предъ молебномъ Архипастырѣ сказалъ поученіе инокинямъ о добромъ иноческомъ житіи. Пѣніе монахинями молебна и другихъ церковныхъ пѣсней Владыкѣ понравилось. Благословивши всѣхъ монахинь, Владыка посѣтилъ настоятельницу монастыря, игуменію Алевтину, у которой откушалъ чай, и отправился обозрѣвать монастырь. Владыка осмотрѣлъ оба монастырскіе храма, посѣтилъ многія келліи, освѣдомился о монастырскомъ хозяйствѣ и руководѣліи. Такъ какъ въ монастырѣ нѣтъ школы, то Владыка выразилъ желаніе, чтобы въ монастырѣ была женская школа. Вечеромъ Архипастырѣ разсматривалъ монастырскіе документы. 12 сентября, въ 7 ч. утра, Его Высокопреосвященство въ храмѣ благословилъ монахинь и отбылъ въ села Безлюдовку, Шубино и Васвицево.

Въ храмахъ этихъ селъ Владыка бесѣдовалъ съ народомъ и дѣтьми, слушалъ церковное пѣніе. Пораженъ былъ Архипастырѣ убожествомъ храма села Шубина. Надобно удивляться, какъ при ветхости своей храмъ доселѣ не разрушенъ сильнымъ вѣтромъ. Владыка сказалъ благочинному, священнику и прихожанамъ, что онъ вынужденъ будетъ закрыть храмъ, если они въ самомъ ближайшемъ времени не позаботятся о построеніи новаго храма. Прихожане дали обѣщаніе начать построеніе храма съ будущей весны, на что у нихъ имѣется уже десять тысячъ руб. Вообще

усмотрѣннымъ въ вышеозначенныхъ шести храмахъ Владыка остался не вполне доволенъ; только Хорошевская обитель его утѣшила. Въ 4 часа пополудни Высокопреосвященный Арсеній возвратился въ Харьковъ.

— *Храмовой праздникъ въ Духовной Семинаріи.* День храмового праздника Харьковская Духовная Семинарія провела и нынѣ такъ же, какъ издавна привыкла проводить его. Вечернее бдѣніе наканунѣ дня памяти св. Евангелиста Іоанна Богослова было торжественно совершено о. Ректоромъ въ сослуженіи о. Инспектора и Духовника семинаріи. Литургію же и молебствіе въ семинарскомъ храмѣ совершалъ Владыка-Архіепископъ Харьковскій, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, съ шестью священнослужителями, тремя діаконами и двумя иподіаконами при стройномъ пѣніи семинарскаго хора. На часахъ нѣсколько воспитанниковъ семинаріи 6-го класса были посвящены въ стихари, а на литургіи одинъ изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ посвященъ въ санъ діакона. Весьма поучительное для воспитанниковъ слово на литургіи произнесъ о. Инспекторъ. Благообразно и по чину совершаемая литургія окончилась въ половинѣ 1-го часа. Послѣ обѣдни Владыка вмѣстѣ съ лицами, участвовавшими въ священнослуженіи, а также и преподавателями семинаріи съ ихъ женами изволилъ откушать чаю въ квартирѣ о. Ректора, а затѣмъ отправился въ актовъ залъ, гдѣ собрались воспитанники семинаріи. Послѣ молитвы Св. Духу и тропаря Апостолу Іоанну Богослову, прочтѣтыхъ воспитанниками, Владыка преподавалъ имъ общее благословеніе, выслушалъ затѣмъ краткій отчетъ о состояніи семинаріи и роздалъ лучшимъ воспитанникамъ семинаріи награды. Въ концѣ акта Владыка поздравилъ воспитанниковъ съ праздникомъ, высказалъ имъ свои благожеланія и не оставилъ безъ слова назиданія. Онъ внушалъ имъ ходить достойно своего званія, чтобы быть радостію и утѣшеніемъ для родителей, украшеніемъ и славой для своего заведенія, а также и полезными служителями Церкви и Отечества... Когда послѣ акта воспитанники пошли въ столовую обѣдать, Владыка съ о. Ректоромъ направился вслѣдъ за ними и присутствовалъ на обѣдѣ ихъ. Затѣмъ Владыка принялъ участіе въ семейной праздничной трапезѣ съ о. Ректоромъ и преподавателями съ ихъ семействами въ квартирѣ о. Ректора. Въ 7 часовъ былъ традиціонный литературно-музыкально-вокальный вечеръ, на которомъ присутствовали всѣ воспитанники и преподаватели съ ихъ семьями.

— Божественную Литургію въ день Воздвиженія Честнаго Кре-

ста Господня, Владыка совершилъ въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ.

— 19 сентября, ночнымъ поѣздомъ Харьково-Николаевской жел. дор., Владыка-Архіепископъ выѣхалъ изъ Харькова въ с. Павловку, Сумскаго уѣзда. 20 и 21 числа сего сентября онъ совершалъ въ церквахъ этого села Божественныя литургіи.

— *Открытіе всероссійской выставки животноводства.* 14 сентября, состоялось торжество открытія всероссійской выставки животноводства, продолжавшейся 11 дней. На выводномъ кругу, перехъ трибунами, былъ поставленъ аналой для служенія молебна. Въ 12 часамъ дня около него собрались: директоръ департамента земледѣлія—С. Н. Ленинъ, командиръ 10 армейскаго корпуса, и. д. губернатора вице-губернаторъ В. Н. Азанчевскій, губернский предводитель дворянства, попечитель учебнаго округа, предсѣдатель окружнаго суда, прокуроръ судебной палаты, городской голова, лица, составляющія распорядительный комитетъ выставки, много лицъ, приглашенныхъ на таржество открытія, и публика.. Въ 12 час. прибылъ Высокопреосвященный Арсеній и совершилъ молебенъ въ сослуженіи причта кафедральнаго собора, благочиннаго протоіерея о. П. Полтавцева и священника о. Н. Любарскаго. Предъ молебномъ Владыкою было провнесено слово, которое приведено у насъ въ Церк. отдѣлѣ.

Послѣ молебна и чина освященія воды съ многолѣтствіемъ Государю Императору, Государынямъ Императрицамъ, Государю Наслѣднику и всему Царствующему Дому, а также учредителямъ и участвующимъ въ выставкѣ, выставочныя помѣщенія были окроплены св. водой протоіереемъ о. Петромъ Полтавцевымъ и священникомъ о. Николаемъ Любарскимъ.

— *Торжественное освященіе Всѣхсвятской церковно-приходской школы на Холодной горѣ.* При кладбищенской Всѣхсвятской Церкви церковно-приходская школа была открыта еще въ 1885 году и до настоящаго учебнаго года помѣщалась въ церковномъ флигелѣ о 2-хъ комнатахъ съ маленькой учительской (третья). Это зданіе, совершенно не приспособленное для школы, имѣло много недостатковъ, а именно: недостатокъ свѣта, простора, воздуха и теплоты; кромѣ того оно находилось въ крайне тѣсномъ дворикѣ, въ которомъ, какъ въ клѣткѣ, замыкались школьники, не имѣя возможности устроить дѣтскихъ игръ, подышать свѣжимъ, здоровымъ воздухомъ и т. д. Между тѣмъ, съ каждымъ годомъ, въ виду возрастающаго стремленія родителей отдавать дѣтей въ

Обученіе, эта школа болѣе и болѣе переполнялась учащимися до невозможной тѣсноты, причемъ многимъ приходилось отказываться въ пріемъ дѣтей, что нерѣдко вызывало слезы, въ особенности у матерей, говорившихъ: «хотя у порога пусть стоятъ мой сынъ, а все таки прошу принять его». Возможность расширить школьное зданіе представлялась только осенью 1902 г. По изготовленіи плана г. епархіальнымъ архитекторомъ на каменное зданіе въ одинъ этажъ 27 арш. дл. и 23 арш. шир. и по разрѣшеніи постройки Епархіальнымъ Начальствомъ, завѣд. школою, при участіи членовъ причта и старосты, имѣя въ кассѣ 1200 р. школьныхъ сбереженій и 500 р., пожертвованныхъ попечителемъ школы А. Ѳ. Грундлеръ, съ непоколебимымъ упованіемъ на помощь Всемогущаго Творца, приступилъ къ работѣ 23 августа 1902 г., а 8-го сент. сдѣлана была закладка по поколю Предсѣдателемъ Епархіальнаго училищнаго Совѣта, о. Ректоромъ духовной Семинаріи, протоіереемъ І. Знаменскимъ. Такъ какъ осень прошлаго года была благоприятная, то каменной кладки было произведено на 94000 кирпича. Въ 1903 году средства на постройку стали увеличиваться: по ходатайству Епарх. Училищнаго Совѣта было ассигновано изъ казеннаго кредита 1500 р., пожертвовано попечителемъ школы 1000 р. и т. д. Закончивая каменную кладку завѣдующій школою, посоветовавшись съ членами причта и старостою, рѣшилъ расширить зданіе надстройкой 2-го этажа, съ тѣмъ, чтобы вмѣсто одноклассной школы открыть двухклассную, въ чемъ въ мѣстномъ районѣ настоятъ крайняя нужда. Съ Божіею помощію до 1-го сентября н. г. зданіе было вчернѣ закончено, но окончательно отдѣланъ только нижній этажъ. Въ общемъ это зданіе расчитано на 300 учащихся и даже болѣе. Зданіе очень красивое по архитектурѣ и удобное по внутреннему устройству, имѣетъ 5 классныхъ комнатъ по $12\frac{1}{2}$ арш. длин. и $10\frac{1}{2}$ арш. шир. (причемъ двѣ комнаты нижняго этажа отдѣляются передвижною перегородкой, которая, на случай надобности, сдвигается къ стѣнамъ и чрезъ то получается залъ въ 25 арш. длиною); кромѣ классныхъ комнатъ имѣются три комнаты для учителей, одна для бібліотеки, одна для сторожа и общая раздѣвальня $9\frac{1}{2}$ квадр. саж.; окна въ 3 арш. выш. и $1\frac{1}{2}$ арш. шир.; отопленіе калориферное съ наилучшею вентиляціей.

По отдѣлкѣ и оборудованіи нижняго этажа завѣд. школою священникъ Александръ Луценковъ, зная, какъ благовѣщій Харьковскій Архіепископъ Арсеній любитъ и дорожить церковно-приход-

скими школами, осмѣлялся, просить Владыку освятить школьное зданіе. Владыка былъ такъ милостивъ, что выразилъ свое согласіе, назначивъ чинъ освященія на 15 сентября въ 12¹/₂ час. дня. Узнавъ объ этомъ, прихожане съ большимъ нетерпѣніемъ и необыкновенною радостію ожидали великаго приходскаго торжества, и 15 числа, съ ранняго утра, толпились у зданія школы, а школьники, около 200 чел. (изъ двухъ школъ), находились внутри зданія. И вотъ въ 12¹/₄ ч. загудѣлъ трезвонъ приходскаго храма, возвѣстившій о выѣздѣ Владыки изъ Всѣхсвятскаго, находящагося на разстояніи 2-хъ верстъ. Сонмъ почетнѣйшихъ и старѣйшихъ протоіереевъ и іереевъ (члены епарх. учил. Совѣта и уѣздн. отдѣл.) во главѣ съ предсѣдателемъ училищнаго Совѣта, о. ректоромъ духовной семинаріи, протоіереемъ Іоанномъ Знаменскимъ, епархіальный наблюдатель за школами В. Ф. Давыденко и уѣздный наблюдатель прот. Петръ Тимоѣевъ вышли за ограду школьнаго двора для встрѣчи Владыки, а завѣд. школою стоялъ у крыльца съ хлѣбомъ, который Владыка благословилъ, милостиво сказавъ: „благословляю и принимаю“. Вошедши въ зданіе, Высокопреосвященнѣйшій Владыка преподалъ архипастырское благословеніе, на которое хоръ отвѣтилъ торжественно—благозвучнымъ исполла-эти-деспота. Тотчасъ подіаконы приступили къ облаченію архіерея, а сослужащіе: о. ректоръ семинаріи, протоіерей Іоаннъ Знаменскій, о. благочинный священникъ П. Фоминъ, о. ключарь священникъ Г. Виноградовъ, предсѣдатель уѣзднаго отдѣленія священникъ П. Скубачевскій и мѣстные священники А. Луденковъ и Н. Кратировъ также облачились въ навлучшія священныя одежды.

Предварительно чина освященія зданія Высокопреосвященнѣйшій Владыка, обратившись къ народу, сказалъ прочувствованную и назидательную рѣчь, которая произвела необычайно глубокое впечатлѣніе на всѣхъ, собравшихся на торжество.

„Церковно-приходская школа, говорилъ между прочимъ Владыка, это тотъ же храмъ, хотя и храмъ науки, въ которомъ, съ особою заботливостію, сѣются на дѣтскія души, какъ на добрую и цѣльную ниву, сѣмена вѣры, благочестія и преданности Царскому Престолу и любви къ отчеству. Церковно-приходскимъ школамъ покровительствуетъ Самъ Монархъ Державы Россійской Государь Императоръ, имъ благожелаютъ всѣ архипастыри и всѣ благомыслящіе сыны нашего отечества, ихъ любятъ русскій народъ“. Пожелавъ, далѣе, чтобы этотъ новый питомникъ начальнаго образо-

ванія болѣе и болѣе, до невмѣстимости, наполнялся дѣтьми, жаждущими христіанскаго воспитанія, Высокопреосвященнѣйшій Владыка выразилъ свое удовольствіе по поводу обширности и удобствъ школьнаго зданія, обилующаго массою свѣта и воздуха, и преподалъ свое Святительское благословеніе щедрымъ благотворителямъ и навболѣе потрудившимся въ устройствѣ столь хорошаго зданія. За симъ Владыка совершилъ съ особеннымъ всегдашнимъ благолѣпіемъ своего служенія чинъ освященія воды и чинъ освященія зданія, и Самъ окроплялъ всѣ комнаты, а о. ключарь освященнымъ елеемъ начерталъ знаменіе креста въ подобающихъ мѣстахъ. По окончаніи чина освященія и послѣ многолѣтія и цѣлованія св. креста съ окропленіемъ освященною водою Высокопреосвященнѣйшій Архипастырь, какъ истый русскій и всею душою преданный Царю, предложилъ пропѣть Царскій Гимнъ и прокричать троекратное ура, что, съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ исполнили всѣ предстоящіе, въ числѣ не менѣе 500 чел.

По усердной просьбѣ завѣдующаго школою Владыка милостиво выразилъ согласіе раздѣлить приготовленную скромную трапезу, за которой находилось свыше 30-ти официальныхъ лицъ и неофициальныхъ, имѣющихъ благожелательное отношеніе къ церковно-приходскимъ школамъ. За трапезой, въ свое время, Высокопреосвященнѣйшій Владыка провозгласилъ первый тостъ за драгоцѣнное здоровье обожаемаго всѣми Монарха Государи Императора—Покровителя церковно-приходскихъ школъ и всего Царствующаго Дома ¹⁾, затѣмъ второй тостъ за здоровье высокочтимаго Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Константина Петровича Побѣдоносцева, и его Товарища Владиміра Карловича Саблера, съ любовію содѣйствующихъ процвѣтанію и распространенію церковно-приходскихъ школъ ²⁾; далѣе за здоровье всѣхъ членовъ Синодальнаго училищнаго Совѣта и членовъ Епархіальнаго училищнаго Совѣта и всѣхъ вообще дѣятелей на нивѣ церковно-школьнаго образованія. Послѣ сего предсѣдателемъ училищнаго Совѣта, протоіереемъ Іоанномъ Знаменскимъ былъ предложенъ тостъ, за драгоцѣнное здоровье Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія—мѣстнаго Покровителя и руководителя церковно-приходскихъ школъ. Кромѣ сего были предложены и другіе тосты.

Такъ торжественно и величественно закончился мѣстно-приход-

¹⁾ Причемъ былъ пропѣтъ русскій гимнъ: „Боже, Царя Храни“.

²⁾ Было пропѣто многолѣтіе.

скій праздникъ, по случаю освященія школьнаго зданія. Это необычайное и рѣдкое событіе надолго останется въ памяти мѣстныхъ по школѣ дѣятелей и всѣхъ вообще прихожанъ. Слава Богу, благодарствующему намъ! Земной поклонъ и сыновняя благодарность Святителю Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, съ любовію и святыми молитвами испросившему благодать Божию на всѣхсвятскій юный питомникъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія.

— *Общество трезвости при Спасо-Преображенской церкви г. Харькова.* Нужда въ церковно-приходскомъ обществѣ трезвости давно уже чувствуется не только въ отдѣльномъ приходѣ Спасо-Преображенской церкви, но и во всемъ Харьковѣ. Нѣтъ надобности говорить о томъ, насколько велико пьянство въ городскомъ населеніи, особенно ремесленномъ, и насколько это зло неподатливо на всѣ благія старанія мѣстнаго Комитета о народной трезвости. Это бѣдствіе нашей народной жизни у всѣхъ предъ глазами. Нельзя при этомъ не сказать, что все же здоровыя силы народа борются съ нимъ, по крайней мѣрѣ стараются сопротивляться ему и ищутъ разныхъ способовъ оберечь себя отъ гангрены народнаго здоровья. Горючія чаянія въ этомъ случаѣ возлагаются на религію, вѣру и Св. Церковь. Характерныя и знаменательныя случаи приходской жизни при Преображенской церкви были ближайшими побудительными причинами учрежденія вышеназваннаго Общества. Вотъ интеллигентная мать, изстрадавшаяся въ борьбѣ съ этимъ недугомъ единственнаго сына, уже испытала всѣ средства и теперь, въ послѣднюю минуту разставанія съ нимъ, зоветъ священника и убѣждаетъ его взять священныи обѣтъ отъ сына ея въ трезвости на годъ. Мольбы матери, горькое раскаянье сына, послѣдняя ихъ надежда на св. крестъ побуждаютъ іерея и онъ беретъ обѣтъ отъ недужнаго. Какая же радость и іерея и бѣдной матери, что эта мѣра дѣйствительно удержала сына, укрѣпила его волю и ободрила его духъ... Вотъ къ іерею приходитъ въ храмъ другой подобный больной; онъ со слезами кается въ своихъ паденіяхъ, проситъ себѣ въ помощь благодати Божіей, молитвъ церковныхъ, умоляетъ іерея помолиться о немъ, отслужить молебенъ, помазать его св. елеемъ... Это ли не вѣра въ цѣлительную благодать Св. Церкви для такихъ недужныхъ? Сколько такихъ примѣровъ! И Церковь должна идти навстрѣчу такимъ чаяніямъ народнымъ: своею благодатію, своею молитвою, своею вѣрою, своею мудрою дисциплиною цѣлительную эту ужасную язву людей — пьянство...

Вотъ по такимъ-то побужденіямъ и учреждается вышеназванное Общество, обрѣтшее милостивое вниманіе и благословеніе двухъ Харьковскихъ Архипастырей, Высокопреосвященнѣйшихъ Флавіана и Арсенія. Журнальнымъ опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства, состоявшимся 28 марта—3 апрѣля с. г. постановлено: Уставъ учреждаемаго при Харьковской Преображенской церкви Общества трезвости, какъ согласный съ ученіемъ церкви Православной и съ существующими по духовному вѣдомству законоположеніями и могущій весьма благотворно повліять на улучшеніе религіозно-нравственнаго состоянія прихожанъ, утвердить и предоставить священнику Петру Өмину открыть самое общество... (Указъ Харьковской Духовной Консисторіи отъ 18 апрѣля с. г. за № 6301-мъ).

Священникъ Петр Өминъ.

— *Пастырское собраніе городского духовенства.* Съ благословенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, 14 сентября, въ воскресенье, въ 7 час. вечера, въ зданіи духовнаго училища, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Стефана, Епископа Сумскаго, состоялось общее пастырское собраніе протоіереевъ и священниковъ всѣхъ городскихъ церквей для разсужденій къ вопросу о религіозно-нравственныхъ чтеніяхъ и объ организаціи для этого особыхъ проповѣдническихъ кружковъ. Послѣ молитвы „Царю небесный“, Преосвященный Стефанъ передалъ Архипастырскую благодарность Высокопреосвященнаго Владыки Арсенія тѣмъ лицамъ изъ городского духовенства, которыхъ особенно потрудились въ веденіи религіозно-нравственныхъ чтеній, а также его архипастырское желаніе, чтобы эти чтенія съ неослабвающимъ успѣхомъ продолжались и впредь, какъ на прежнихъ мѣстахъ, такъ и на новыхъ. Затѣмъ Преосвященный Стефанъ пригласилъ духовенство высказаться о томъ, въ какихъ мѣстахъ необходимо продолжать и въ какихъ желательно вновь открыть религіозно-нравственныя чтенія и кто желалъ бы въ томъ или другомъ мѣстѣ потрудиться въ проповѣдываніи слова Божія, причемъ Епископъ Стефанъ доложилъ собранію о пожеланіи Высокопреосвященнаго Арсенія, чтобы для лучшей организаціи религіозно-нравственныхъ чтеній отдѣльныя проповѣдническіе кружки озаботились выработкой особыхъ программъ, которыя и представили Владыкѣ для разсмотрѣнія и утвержденія.

Послѣ общаго мнѣнія рѣшено было: 1) *продолжать* религіозно-нравственныя чтенія въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ они уже были открыты и прерваны только на ваникулярное время, а такими пунктами

были: Покровскій монастырь (проповѣдники: о. П. Вишняковъ, о. Н. Зефировъ и о. І. Филевскій), кафедральный соборъ (о. прот. С. Любидкій, о. Л. Твердохлѣбовъ, о. І. Гончаревскій, о. В. Яновскій, и о. Г. Виноградовъ); парового строительный заводъ, на Петинской (Д. И. Боголюбовъ, о. П. Скубачевскій, о. П. Тимоѣевъ, о. Н. Шосте и о. Д. Поповъ); вагонныя мастерскія Харьков. вокзала (о. І. Филевскій, Д. И. Боголюбовъ, о. П. Ѳомиинъ, о. П. Вишняковъ и о. прот. І. Печета), Озерянская церковь, на Холодной горѣ (о. инспекторъ семинаріи, іеромонахъ Михайлъ, о. С. Посельскій, о. В. Повомаревъ и семинаристы 6 клас.), Иоанно-Предтеченская церковь, на Основѣ (о. Г. Рудинскій, о. М. Клячный, о. П. Ѳомиинъ, Д. И. Боголюбовъ и семинаристы 6 класса), Александро-Невская (о. В. Шаповаловъ, о. діаконъ Рудниковскій и учителя церковно-приходской школы); залъ реального училища (о. А. Юшковъ и о. П. Грома); Вознесенская церковь (о. прот. Г. Чеботаревъ и о. Д. Поповъ), Преображенская—(о. прот. М. Румянцевъ, о. П. Ѳомиинъ, о. П. Вишняковъ); Михайловская—(о. прот. П. Полтавцевъ и о. Г. Введенскій), Петро-Павловская (о. І. Котовъ, о. І. Петровскій и о. А. Щелкуновъ); и 2) *открыть* религіозно-нравственныя чтенія въ слѣдующихъ новыхъ пунктахъ: въ Мирносицкой церкви (о. прот. П. Григоровичъ, о. Н. Любарскій и о. прот. І. Печета), въ Рождество-Богородицкой—(о. прот. В. Добровольскій и о. прот. І. Левицкій), Свято-Духовской—(прот. П. Тимоѣевъ, о. П. Скубачевскій и о. Н. Шосте), Пантелеймоновской (о. В. Вѣтуховъ и о. І. Филевскій), Николаевской—(прот. А. Ѳедоровскій и прот. П. Ивановъ), Дмитриевской—(прот. І. Чижевскій и прот. П. Мигулинъ) и Всѣхсвятской (о. А. Луценко и Н. Крапировъ). Чтенія предположено начать 1-го октября, въ день Покрова Божіей Матери, и вести только по воскреснымъ днямъ за вечерней, заблаговременно объявляя въ газетахъ о мѣстѣ, времени, темахъ чтеній и именахъ проповѣдниковъ и чтецовъ. Наблюденіе и руководство религіозно-нравственными чтеніями и объединеніе особыхъ проповѣдническихъ кружковъ въ ихъ просвѣтительной дѣятельности по прежнему оставлено за особой комиссіей, находящейся подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго епископа Стефана и состоящей изъ слѣдующихъ лицъ: прот. П. Полтавцева, о. І. Филевского (онъ же и дѣлопроизводитель), о. Н. Зефирова, о. В. Шаповалова, Д. И. Боголюбова, о. П. Скубачевского, прот. І. Знаменскаго, прот. Т. Вуткевича, о. Н. Жебинева, и о. П. Ѳомина

Попутно былъ поднятъ о. П. Фоминимъ вопросъ объ учрежденіи библіотеки для всего городского духовенства и о необходимости всѣмъ священникамъ пользоваться миссіонерскою библіотекою, находящеюся въ вѣдѣніи миссіонерскаго совѣта по сектанскимъ дѣламъ. Вопросъ объ учрежденіи особой библіотеки для духовенства собраніе рѣшило отложить до утвержденіи Св. Синодомъ устава епархіальнаго религіозно-нравственнаго братства въ г. Харьковѣ, по которому учрежденіе библіотеки входитъ въ составъ просвѣтительной дѣятельности этого братства.

— *Общество хороваго пѣнія въ с. Григоровкѣ.* Свободное отъ работъ время молодежь с. Григоровки, какъ, вообще, это всегда и вездѣ бываетъ, проводятъ въ ничегонедѣланіи, въ безцѣльномъ шатаваніи по улицамъ. Часть мѣстныхъ жителей обратила на это вниманіе и стала изыскивать способы положить конецъ бездѣлю. Для того, чтобы занять свободное отъ работъ время, оставившись на мысли организовать Общество хороваго пѣнія и инструментальной музыки. Эта прекрасная мысль нашла поддержку среди мѣстныхъ обывателей. Скоро собрался кружокъ, усиленно занявшійся разработкой устава Общества, началась усиленная работа, хлопоты о разрѣшеніи и т. д. Цѣль этого Общества — дать возможность членамъ его проводить свободное отъ занятій время разумно, трезво, полезно и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно; предполагается устраивать концерты и литературно-музыкальные вечера, въ которыхъ будутъ принимать участіе хоръ Общества и другіе его члены. Кромѣ того, Общество на свои средства собирается обзавестись библіотекой-читальней, а также для неграмотныхъ членовъ будетъ устроена школа, гдѣ бы они могли получить хотя начальное образованіе; тѣ же, которые получили его раньше, въ этой школѣ будутъ имѣть возможность повторить забытое ими. Пользованіе, какъ библіотекой, такъ и школою — бесплатно.

Въ настоящее время уставъ этотъ уже выработанъ и представленъ на утвержденіе, такъ что скоро молодое Общество начнетъ свою дѣятельность.

— *Духовное торжество въ с. Ольшанахъ.* 9 сентября утромъ въ сл. Ольшану Харьковскаго уѣзда былъ привезенъ чудотворный образъ Озерянскои Божіей Матери. Святыни эта мѣстнымъ духовенствомъ соборнѣ была встрѣчена на окраинѣ слободы, откуда при многочисленномъ стеченіи народа перенесена въ Цокровскую церковь и здѣсь отслужена Божественная литургія. Послѣ литургіи икона была перенесена въ домъ благочиннаго протоіерея о.

Н. Житлова, а отсюда уже переносилась въ каждый домъ безъ исключенія; причемъ въ каждомъ домѣ служились молебны.

Трогательно было смотрѣть съ какою умиленіемъ и радостью была встрѣчена и принята ольшавцами эта святыня: каждый горячо молился предъ сватымъ чудотворнымъ ликомъ Богоматери, заливая скорбь и горе свое и прося заступничества Ея предъ престоломъ Всевышняго.

Отъ души выражаемъ сердечное спасибо нашему глубокоуважаемому пастырю о. Н. Житлову, благодаря личнымъ заботамъ котораго мы удостоились принять у себя эту великую святыню. *П. Т.*

— *Новыя школы.* Съ будущаго года въ предѣлахъ Харьковской губерніи открываются второклассныя учительскія школы съ цѣлью подготовленія учителей грамотности. Пока они отеруются въ четырехъ пунктахъ губерніи—въ селѣ Ракитномъ Валковскаго уѣзда, въ слободѣ Бѣлолуцкѣ, Старобѣльскаго уѣзда, въ слободѣ Святовои-Лучкѣ, Купянскаго уѣзда, и Великомиѣ-Бурлукѣ, Волчанскаго уѣзда. На оборудованіе этихъ школъ изъ средствъ казны отпущено до 100,000 рублей. Курсъ въ нихъ будетъ 3-хъ годичный. Въ числѣ предметовъ преподаванія здѣсь будетъ обращено вниманіе и на гигиену, естествознаніе и землѣдріе. Такихъ школъ у насъ въ губерніи уже имѣется четыре, кромѣ новоучрежденныхъ.

Богодуховское отдѣленіе харьковскаго Общества грамотности скоро начнетъ постройку школы для 150 дѣвочекъ на отведенной городской думою землѣ на Троицкой площади, въ гор. Богодуховѣ.

«Южн. Кр.»

— *Школы послушниковъ.* При московскихъ ставропигіальныхъ монастыряхъ съ текущаго года отерываются школы для послушниковъ, находящихся въ обители. Предполагается обратить главное вниманіе на преподаваніе Закона Божія, устава православнаго богослуженія и церковнаго пѣнія. Кромѣ перечисленныхъ предметовъ, будутъ проходиться и обще-образовательныя науки.

Очевидно, что главной задачей вновь отерываемыхъ монастырскихъ школъ будетъ поставить на возможную высоту благолѣіе церковной службы. Кромѣ этой важной задачи, указанная мѣра стремится поднять религіозно-нравственный уровень послушниковъ и ихъ образовательный цензъ. Такимъ образомъ, въ довольно многочисленный, но крайне разнообразный и чисто-случайный контингентъ монастырскихъ послушниковъ дѣлается попытка внести благотворную организацію. Едва-ли въ самомъ дѣлѣ есть основаніе ограничиться устройствомъ упомянутыхъ школъ лишь въ московской епархіи и не распространить ихъ въ случаѣ успѣшныхъ

результатовъ (а таковыя не подлежатъ сомнѣнію) на болѣе обширный районъ. Москва въ данномъ случаѣ представляетъ лишь наиболѣе удобное мѣсто для первыхъ опытовъ, въ виду многочисленности богатыхъ монастырей, ихъ населенности и удобства контроля.

Надо сказать, что мысль обновить и упорядочить штатъ послушниковъ—мысль не новая. Не очень давно было время, когда на монастырское послушаніе молодежь, остающаяся не у дѣлъ, смотрѣла какъ на удобный исходъ изъ обстоятельства неудачно сложившейся жизни и устремлялась въ монастыри, какъ въ пріютъ, гдѣ можно прожить безъ тяжелой работы, почти ничѣмъ не связывая себя. О призваніи и истинномъ служеніи говорить при такихъ условіяхъ не приходилось. Недовольный порядками одного монастыря, послушникъ перекочевывалъ въ другой, выбирая такой, гдѣ, по слухамъ, уставъ былъ менѣе строгъ. Это было странствованіе по монастырямъ, чуждое религіозныхъ цѣлей. Репрессивныя и частью полицейскія мѣры сократили и положили конецъ подобному благополучному использованию монастырскаго гостеприимства, но какъ многія полицейскія мѣры мало внесли положительнаго въ среду случайно собирающейся въ монастыряхъ молодежи.

Новая мѣра—устройство школъ—съ этой точки зрѣнія кажется цѣлесообразнѣе. Школа прежде всего должна обнаружить, кто и насколько дѣйствительно способенъ нести монастырское послушаніе, должна пробудить и укрѣпить способности, для развитія которыхъ монастырскій подвигъ является поприщемъ; съ другой стороны та же школа, заботясь о поднятіи уровня общаго образованія послушниковъ сдѣлаетъ среду послѣднихъ воспримчивѣе и пригоднѣе для разнообразныхъ начинаній въ духѣ благотворительности, милосерднаго братства, первоначальнаго ухода и помощи. Та же школа послушниковъ, думается намъ, можетъ выпускать и прекрасныхъ псаломщиковъ. Какъ бы то ни было, къ лицѣ монастырскаго послушанія создается новая бесплатная школа. Остается пожелать, чтобы въ виду тѣхъ удобствъ и преимуществъ, которыя предоставляются ей питомцамъ относительной обезпеченностью и сосредоточенностью монастырской жизни, школа эта принесла возможно большіе плоды.

«Русс. Лист.»

— Откуда берутъ части св. мощей для антиминовъ? Какъ извѣстно, части св. мощей составляютъ необходимую принадлежность антиминовъ, безъ которыхъ не можетъ быть совершенно Божественной литургіи. Кромѣ того частицы св. мощей полагаются

подъ престоломъ въ особо устроенномъ ящикѣ, когда освященіе престола совершается самимъ епископомъ.

Въ этомъ случаѣ многихъ интересуетъ вопросъ, откуда берутъ частицы св. мощей для такого множества антиминсовъ и какъ именно происходятъ для сей цѣли самое отдѣленіе частицъ св. мощей?

Въ новые антиминсы частицы св. мощей обыкновенно перекладываются въ старыхъ антиминсовъ; но въ епархіяхъ, большею частію новыхъ—восточныхъ, гдѣ нѣтъ своихъ мощей и мало старыхъ антиминсовъ, епархіальные преосвященные, имѣющіе надобность въ св. мощахъ для антиминсовъ и для новыхъ престоловъ, когда ихъ освящаютъ лично сами преосвященные, обыкновенно обращаются съ просьбою о семъ въ Московскую Св. Синода контору и отъ себя командируютъ довѣренное лицо духовнаго сана въ Москву за полученіемъ св. мощей, означая при этомъ опредѣленное ихъ количество, отъ 50 до 100 и болѣе. Изъ Московской Св. Синода конторы посылается указъ синодальному ризничему, который и совершаетъ отдѣленіе мелкихъ частицъ отъ болѣе крупныхъ частицъ св. мощей. Иногда это отдѣленіе совершаетъ и помощникъ синодальнаго ризничаго.

Болѣе крупная часть св. мощей, отъ которыхъ отдѣляются мелкія частицы, нарочито для того хранятся въ шкафѣ при церкви св. ап. Филиппа, что въ синодальномъ домѣ въ Кремлѣ, въ верхнемъ этажѣ церкви двенадцати апостоловъ. Всѣ части св. мощей суть кости святыхъ апостоловъ, святителей, преподобныхъ, праведныхъ и мучениковъ. Подлинность ихъ въ свое время была засвидѣтельствована высшею церковною іерархіей, о чемъ имѣются свѣдѣнія въ описи патриаршей ризницы бывшаго синодальнаго ризничаго Саввы, впоследствии Архіепископа Тверскаго ¹⁾.

Хотя въ первые вѣка христіанства строили храмы по преимуществу на гробахъ мучениковъ, но въ послѣдующее время стали строить на мѣстахъ упокоенія святителей, преподобныхъ и праведныхъ. Поэтому и части св. мощей въ антиминсы и подъ престолы полагались и полагаются отъ всѣхъ чиновъ угодииковъ Божіихъ, гдѣ какія обрѣтаются, безъ ограниченія мученическими только частями.

1) Въ 1812 году патриаршая ризница увозима была въ Вологду и хранилась въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ. См. Свѣтлова „Очерки жизни Пресвщ. Августина“.

Но такъ какъ въ хранилищѣ св. мощей въ церкви ап. Филиппа имѣется болѣе частей отъ св. мучениковъ и части эти крупнѣе сравнительно съ частями другихъ св. мощей, то отдѣленіе частицъ совершается болѣею частію отъ частей св. мучениковъ. У каждой части имѣется на особой бумагѣ надпись о принадлежности этой части извѣстному святому или извѣстной святой; почеркъ письма этихъ надписей 17 вѣка; болѣе крупныя части св. мощей и въ ковчегъ вложены съ тѣми надписями.

Самое отдѣленіе частицъ св. мощей совершается синодальнымъ ризничимъ обыкновенно утромъ въ алтарѣ церкви ап. Филиппа на жертвенникѣ въ епитрахилѣ и поручахъ. Особого чина на отдѣленіе частицъ св. мощей нѣтъ, но обычно синодальный ризничій совершаетъ отдѣленіе съ краткими молитвословіями „Господи, помилуй“, или тропарями апостоловъ, святителей, преподобныхъ, мучениковъ, или тѣми, какія Господь положить на сердце.

Орудіями для отдѣленія частицъ св. мощей обычно служили два небольшихъ ножа, но вслѣдствіе притупленія лезвій отъ твердыхъ костей святыхъ, нынѣ для этого употребляются небольшія щипцы.

Отдѣленные частицы полагаются на чистой бумагѣ и каждая заливается бѣлымъ воскомъ и влагается въ небольшой бумажный конвертикъ; затѣмъ эти конвертики съ частями св. мощей полагаются въ особые ковчегцы, при чемъ уполномоченный отъ епархіальныхъ преосвященныхъ ихъ пересчитываетъ. Послѣ того ковчегецъ запечатывается печатію синодальнаго ризничаго и отдается подъ росписку посланному отъ епархіальнаго архіерея въ особой книгѣ, гдѣ записываются и отпуска св. муръ на цѣлыя епархіи также по особымъ указамъ Московской Св. Синода Конторы,

Такимъ образомъ, акты на выдачу св. мощей служатъ: 1) указы синодальному ризничему изъ Московской Св. Синода конторы; 2) записи въ особую книгу выдаваемой святыни съ означеніемъ епархій, количества выдаваемой святыни, времени полученія и 3) донесеніе о семъ синодальнаго ризничаго Московской Св. Синода конторѣ. Указы о выдачѣ святыни и книги, въ которыя записывается эта выдача, хранятся въ архивѣ синодальной церкви двенадцати апостоловъ, а донесенія преосвященныхъ и синодальнаго ризничаго въ синодальной конторѣ.

Отдѣленные и запечатанныя частицы св. мощей командированными изъ епархій лицами представляются своимъ преосвященнымъ епископамъ, которые хранятъ ихъ въ каедральныхъ

равнищахъ и по мѣрѣ надобности расходуется для вложенія въ новые антимясы и подъ престолы при освященіи ихъ епископами.

«Моск. Еп. Вѣд.».

— *Изъ настырской практики. Могутъ ли быть восприемниками дѣтей отъ купели св. крещенія лица, облеченныя саномъ монашества?* Въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго каноническаго права не видно запрещенія монахамъ быть восприемниками дѣтей отъ купели св. крещенія; а изъ лѣтописей и другихъ историческихъ источниковъ хорошо извѣстно, что восприемниками княжескихъ и потомъ царскихъ дѣтей были большею частью монахи. И только со времени наданія при большомъ требникѣ Номованова, одно изъ правилъ котораго (84) заповѣдуетъ, что „ниже восприемникъ бываетъ монахъ дѣтница“, запрещеніе для монаховъ восприемничества (наравнѣ съ запрещеніемъ имъ вѣнчать браки) сдѣлалось мало-по-малу общимъ правиломъ (см. Ук. Св. Синода 1805 мар. 31 дня; опр. Св. Син. 8 мая и 9 окт. 1811 г.; Ук. Св. Син. 17 окт. 1844 г.) на томъ, конечно, основаніи, что воспріятіе дѣтей отъ купели крещенія необходимо вовлекаетъ монаха въ общеніе съ міромъ и въ частности, съ лицами другого пола, что явно противорѣчитъ основному началу иноческой жизни („Руц. для сельск. паст.“).

— *Можно ли вѣнчать браки соборно?* Ни въ правилахъ каноническихъ ни въ постановленіяхъ отечественной Церкви не встрѣчается ничего положительнаго и опредѣленно сказаннаго, чтобы совершителемъ брака былъ непременно одинъ только священникъ или чтобы совершеніе этого таинства соборомъ нѣсколькихъ священниковъ заключало въ себѣ нѣчто противное духу христіанскаго ученія. Посему соборное вѣнчаніе можетъ быть допускаемо по желанію вступающихъ въ бракъ или по просьбѣ ихъ родителей. Но это можетъ быть допускаемо свободно только тамъ, гдѣ этотъ обычай былъ принятъ издревле. А гдѣ онъ явится новизною, тамъ лучше его не допускать („Яр. Еп. Вѣд.“).

— *Чистка золотыхъ вещей.* Почернѣвшія золотыя цѣпочки слѣдуетъ продержатъ $\frac{1}{4}$ часа въ уксусѣ и хорошенъко почистить щеточкой въ теплой водѣ съ мыломъ. Обмывши ихъ еще разъ холодной водой, вытираютъ ихъ тонкимъ полотенцемъ и кладутъ въ теплое мѣсто для просушки.

— *Цѣлебныя свойства лимона.* Лимонъ очень хорошо употребляетъ отъ ревматизма, лихорадки, неснушегъ и бессонницы. Отъ ревматизма выжатый изъ свѣжаго лимона сокъ принимается че-

резь часъ по столовой ложкѣ съ сахарной водой. За неизвѣніемъ лимона или за невозможностію достать его, можно употреблать съ тою же цѣлью лимонную кислоту съ сахарной водой, полагая пять гранъ кислоты, на одинъ приѣмъ (гранъ равенъ по вѣсу одному коноплянному зерну). Отъ лихорадки, по указанію врача Путокина, употребляется лимонный отваръ, какъ средство, замѣняющее хининъ. Цѣльный лимонъ изрѣзывается ломтиками и кладется въ горшокъ, въ который вливаютъ три стакана холодной рѣчной воды. Горшокъ ставить на огонь и кипятить до тѣхъ поръ, пока жидкости останется одинъ стаканъ. Остатокъ этотъ выжимаютъ и процеживаютъ. Когда отваръ остынетъ, его принимаютъ черезъ часъ или два по одной столовой ложкѣ въ $\frac{1}{3}$ стаканъ воды.

Веснушки хорошо натирать утромъ и вечеромъ лимоннымъ сокомъ.

Отъ бессонницы, предъ тѣмъ какъ ложиться на ночь спать—стаканъ воды съ лимономъ и кускомъ сахара.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ВѢНОКЪ НА МОГИЛУ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ПЛАТОНА, МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО и ГАЛИЦКАГО.

Составилъ крестьянинъ-самоучка **М. В. Карасевъ**. По поводу столѣтія со дня рожденія въ Бозѣ почившаго знаменитаго іерарха (2-е мая 1803—2-е мая 1903 года), съ цѣлію напомнить о высокихъ личныхъ качествахъ великаго Архипастыря и о славныхъ патріотическихкихъ его заслугахъ для св. церкви и отечества.

Съ портретомъ святителя.

Вышеозначенная книга вышла въ свѣтъ въ первыхъ числахъ Сентября 1908 г. 420 страницъ въ 8°. Цѣна съ пересылкою 2 р. 20 к. Съ требованіями обращаться къ **Максиму Васильевичу Карасеву**: С.-Петербургъ, Вас. Остр., Волховской пер., д. 4.

Для книжныхъ магазиновъ и школъ 30% уступки.

Отъ Харьковскаго Епархіального Книжнаго Комитета объявляется, что епархіальная книжная лавка, при Харьковскомъ Соборѣ, снабжена духовно-проповѣдическою литературой, богослужебными книгами и учебниками для церковно-приходскихъ школъ. При оптовой продажѣ учебниковъ и Синодальныхъ изданій для школъ и церквей дѣлается уступка 10%.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

въ 1903—1904 подписномъ году

(съ 1 августа 1903 года по 1 августа 1904 года).

Журналъ „ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА“ въ наступающемъ съ 1-го августа XVII году изданія своего останется неизмѣнно вѣрнымъ утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ программѣ, при чемъ редація позаботится о возмозно полномъ и разностороннемъ выполненіи ея. Журналъ выходитъ въ 2-хъ отдѣлахъ, изъ коихъ первый предназначается для учащихся, а второй преимущественно для учащихся и вообще грамотныхъ крестьянъ; изъ статей этого отдѣла въ концѣ года составится полный и законченный томъ религіозно-правственныхъ статей и статей по разнымъ отраслямъ знанія.

Программа журнала:

Опредѣленія Святѣйшаго Синода и постановленія Училищнаго при немъ Совѣта, а также нѣкоторыя распоряженія епархіальныхъ преосвященныхъ и училищныхъ совѣтовъ.

Методическія и дидактическія статьи по предметамъ обученія, входящимъ въ учебный курсъ церковно-приходскихъ школъ.

Мнѣнія духовной и свѣтской періодической печати о лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ церковно-приходскихъ и вообще въ народныхъ школахъ.

Свѣдѣнія о церк.-приход. школахъ въ епархіяхъ.

Изъ школьнаго міра (хроника).

Педагогическое обозрѣніе.

Мелкія извѣстія и замѣтки, относящіяся къ школьному народному образованію.

Рецензіи книгъ, посвященныхъ школьному народному образованію.

Корреспонденціи.

Небольшія статьи для чтенія въ школѣ и дома:

- а) Размышленія о предметахъ вѣры и нравственности православной.
- б) Примеры благочестія въ разныхъ обстоятельствахъ жизни человѣческой.
- в) Повѣсти и рассказы религіозно-нравственнаго содержанія.
- г) Рассказы изъ отечественной и общей исторіи.
- д) Притчи.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою ТРИ рубля.

Подписка принимается:

Въ **Кіевѣ**: 1) въ редакціи журнала „Церковно-приходская школа“ при Кіевскомъ епархіальномъ училищномъ совѣтѣ;

2) въ редакціи журнала „Руководство для сельскихъ пастирей“, при Кіевской духовной семинаріи.

Въ **С.-Петербургѣ**: 1) въ Синодальной книжной лавкѣ;

2) въ книжномъ магазинѣ И. А. Тузова.

Въ **Москвѣ**: въ книжномъ магазинѣ К. И. Тихомирова.

При этомъ на предлагается объявленіе отъ Товарищества „ПРОВОДНИКЪ“.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Октября № 19. 1903 года.

Содержаніе. Опрежденіе Святейшаго Синода по вопросу относительно епархіальныхъ сборщицъ и сборщиковъ на церковныя потребности.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Инструкція Предсѣдателю Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Опрежденіе Святейшаго Синода

отъ 12—22 августа—1 сентября 1903 г. за № 3777, по вопросу относительно иноепархіальныхъ сборщицъ и сборщиковъ на церковныя потребности.

По указу Его Императорскаго Величества, Святейшій Правительствующій Синодъ слушали: сообщеніе преосвященнаго Владивостокскаго на имя Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 19 мая сего года за № 1113, относительно иноепархіальныхъ сборщицъ и сборщиковъ на церковныя потребности, прибывающихъ въ Владивостокскую епархію. По засвидѣтельствованію преосвященнаго Евсевія, сборщицы на женскіе монастыри Европейской Россіи заповняли весь Приморскій край и особенно Манчжурію. Такъ какъ разрѣшеніе производить сборъ въ краѣ сборщицамъ дается, обыкновенно, на короткое время и притомъ неохотно, то онѣ въ большинствѣ случаевъ считаютъ за лучшее совсѣмъ не испрашивать разрѣшенія у епархіальнаго начальства и ходить по сбору безъ разрѣшенія мѣстной епархіальной власти. Съ одной сборной книгой являются, обыкновенно, три сборщицы; каждая изъ нихъ производитъ сборъ отдѣльно, при чемъ многія изъ сборщицъ преслѣдуютъ исключительно ту только цѣль, чтобы побольше собрать пожертвованій. Сборщицы на храмы и монастыри ведутъ себя лучше, да ихъ и значительно меньше. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію преосвященнаго Евсевія, лучше было бы, еслибы епархіальное начальство безъ самой крайней нужды совсѣмъ не выпускало и сборщиковъ, а особенно сборщицъ за предѣлы своей епархіи. Приказали: Принимая во вниманіе, что, согласно дѣйствующимъ правиламъ и особымъ распоряженіямъ Святейшаго

Синода, для испрашиванія добротныхъ подаваній на церкви и обители разрѣшается духовнымъ консисторіямъ выдавать книги, съ утвержденія епархіальнаго преосвященнаго, съ крайнимъ разсмотрѣніемъ и осторожностью, въ случаѣ только существенныхъ и неотложныхъ нуждъ, и притомъ не болѣе одной сборной книги на церковь или монастырь и на опредѣленный срокъ; въ случаѣ выдачи книги для сбора пожертвованій въ другой епархіи необходимо предварительное на то согласіе того архіерея, въ чьей епархіи сборъ предполагается; для хожденія же за сборомъ въ женскихъ монастыряхъ должны быть избираемы не молодыя послушницы, а благонадежныя старицы и непременно вдвоемъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: объ извѣстныхъ преосвященнымъ Владивостокскимъ нарушеніяхъ установленнаго для сбора пожертвованій на нужды церквей и монастырей порядка напечатать, для зависящихъ со стороны епархіальныхъ начальствъ къ устраненію означенныхъ безпорядковъ распоряженій, въ журналѣ «Церковныя Вѣдомости».

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

I.

Харьковская Духовная Консисторія симъ объявляетъ, что Епархіальнымъ Миссіонеромъ г. Боголюбовымъ составлена и издана книга „Православный Противосектантскій Катихизисъ“, которая признана Его Высокопреосвященствомъ весьма полезной и необходимой для православнаго народа въ борьбѣ съ сектанствомъ; поэтому, резолюціею отъ 15 сентября с. г. означенная книга рекомендована духовенству епархіи для распространенія ея въ народѣ. Выписывать чрезъ автора.

II.

Харьковская Духовная Консисторія объявляетъ, что священникомъ церкви Нерукотвореннаго Образа Христа Спасителя Харьковскаго Коммерческаго училища Іоанномъ Филевскимъ составлена и издана книга „Ученіе Православной церкви о Священномъ Преданіи (апологетическое изслѣдованіе)“, которая признана Его Высокопреосвященствомъ полезной въ дѣлѣ миссіонерской борьбы съ сектантами, а потому резолюціею отъ 17 сентября с. г. и рекомендована Епархіальному духовенству для выписки ея во всѣ церковныя бібліотеки. Выписывать можно отъ автора.

III.

ПРОГРАММА,

утвержденная Его Высокопреосвященствомъ 10 сентября 1903 г., для составленія годичныхъ отчетовъ, представляемыхъ блюстителями за преподаваніемъ Закона Божія въ народныхъ школахъ Епархіальному начальству.

1. Наименованіе школы: количество учениковъ съ указаніемъ различія по вѣроисповѣданію и національности. Личность (имя и фамилія) законоучителя. Если законоучителемъ состоитъ не священникъ, то указать, имѣется ли на это разрѣшеніе отъ Епархіальнаго Начальства и слѣдятъ ли за преподаваніемъ имъ Закона Божія приходскій священникъ.

2. Учебники, по которымъ ведется преподаваніе Закона Божія, и учебныя пособія; подъ послѣдними разумѣются картинныя изображенія событій изъ священной исторіи Вѣтхаго и Новаго завѣтовъ, изображенія частей храма и предметовъ церковной утвари и т. под.

3. Количество положенныхъ на преподаваніе Закона Божія недѣльныхъ уроковъ и, наряду съ этимъ, указаніе, на основаніи журнальныхъ записей, числа пропущенныхъ законоучителями уроковъ, съ объясненіемъ причинъ, по которымъ произошли означенныя пропуски.

4. Дидактическая сторона въ преподаваніи Закона Божія. Здѣсь слѣдуетъ указывать раздѣльно, какими методическими приѣмами пользуется законоучитель при обученіи дѣтей молитвамъ, при изученіи съ ними священо-историческихъ событій, при объясненіи имъ богослуженія православной церкви и при изложеніи догматическихъ и нравственныхъ истинъ, въ цѣляхъ яснаго и сознательнаго усвоенія учениками всего положеннаго въ программѣ учебнаго матеріала.

5. Воспитательная сторона въ преподаваніи Закона Божія. Въ данномъ случаѣ должны быть указаны мѣры, какія принимаются законоучителемъ для того, чтобы при преподаваніи Закона Божія обученіе ума дѣтей поставить въ неразрывную связь съ воспитаніемъ ихъ сердца и воли, чтобы, на ряду съ разумнымъ и сознательнымъ усвоеніемъ учащимися преподаваемыхъ имъ истинъ христіанской вѣры и нравственности, воспитать и укрѣпить въ ихъ сердцахъ духъ благочестія и страха Божія, покорность Пра-

вославной Церкви, равно какъ любовь и преданность Царю и Отечеству, повиновеніе властямъ, почтеніе къ родителямъ и вообще къ старшимъ себя. Такъ какъ при этомъ воспитательное вліяніе законоучителя не должно ограничиваться стѣнами школы и временемъ учебныхъ часовъ, то здѣсь же слѣдуетъ излагать мѣры внѣурочнаго и внѣшкольнаго воспитательнаго воздѣйствія законоучителя на учениковъ, къ каковымъ относятся, напр. объясненіе наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней очереднаго евангельскаго, или апостольскаго чтенія, изложеніе исторіи праздника, наблюденіе за исправнымъ посѣщеніемъ св. храма и благоговѣйнымъ присутствованіемъ при отиравленіи въ немъ службъ церковныхъ, а въ великій постъ—за истовымъ исполненіемъ христіанскаго долга говѣнія, исповѣди и св. причастія, веденіе или руководство чтеніями въ дни воскресные и праздничные съ выборомъ для нихъ статей религіозно-нравственнаго, бытового, или историческаго характера и. т. под.

6. Церковное чтеніе и пѣніе и школьная бібліотека, какъ два предмета, хотя и неимѣющіе прямого отношенія къ преподаванію Закона Божія, но тѣмъ не менѣе могущіе на ряду съ нимъ и въ помощь ему оказывать большое воспитательное вліяніе на учениковъ начальныхъ школъ. По вопросу о церковномъ чтеніи должно быть указано: читаютъ ли ученики школы въ церкви при Богослуженіи; всѣ ли они читаютъ, или только нѣкоторые; кто готовитъ ихъ къ чтенію; что именно ученики читаютъ въ церкви? О церковномъ пѣніи должно быть указано, преподается ли этотъ предметъ, кѣмъ и какъ; организованы ли изъ учениковъ церковные хоры; если же не преподается, то почему. Относительно же школьныхъ бібліотекъ слѣдуетъ указывать какъ количество имѣющихся въ нихъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, такъ и процентное отношеніе этого количества ко всему числу книгъ школьной бібліотеки.

7. Обстоятельства, неблагопріятно вліявшія въ какомъ либо отношеніи на преподаваніе Закона Божія и на связанное съ нимъ религіозно-нравственное воспитаніе учениковъ, съ указаніемъ мѣръ, помощію которыхъ, по мнѣнію о.о. блюстителей, подобныя обстоятельства могли бы быть на будущее время устранены.

8. Замѣчанія о лицахъ, замѣтно выдѣляющихся или особеннымъ стараніемъ и ревностію въ исполненіи своихъ законоучительскихъ обязанностей, или наоборотъ, небрежнымъ и нерадивымъ отношеніемъ къ порученному имъ дѣлу преподаванія Закона Божія и религіозно-нравственнаго воспитанія учениковъ.

Инструкція Предсѣдателю Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

1. Предсѣдатель Совѣта назначается въ должность Преосвященнымъ изъ достойнѣйшихъ лицъ епархіальнаго духовенства, получившихъ высшее академическое образованіе.

(Опред. Св. Синода 28 іюля—11 августа 1882 года № 1493).

2. Ни членъ консисторіи не можетъ занимать должности предсѣдателя Совѣта, ни предсѣдатель Совѣта не можетъ быть назначаемъ въ члены консисторіи, пока занимаетъ должность предсѣдателя Совѣта.

(Опред. Св. Синода 11—26 октября 1889 г. № 2192).

3. Предсѣдатель Совѣта не долженъ занимать въ училищѣ никакой иной должности и даже не можетъ быть въ немъ преподавателемъ.

(Опред. Св. Синода 13—20 декабря 1867 г. и 16 октября—1 ноября 1868 г.).

4. Главная обязанность предсѣдателя Совѣта состоитъ въ руководствѣ совѣтскими засѣданіями.

5. По предложенію предсѣдателя Совѣта назначается время совѣтскихъ засѣданій.

(Уст. Епарх. уч. § 20).

6. Всѣ бумаги, входящія на имя училищнаго Совѣта, поступаютъ къ предсѣдателю и имъ сдаются въ Совѣтъ училища для обсужденія въ назначенномъ засѣданіи.

(Уст. Епарх. уч. § 26).

7. Въ непосредственномъ и ближайшемъ завѣдываніи предсѣдателя Совѣта находится училищная канцелярія и училищный архивъ.

8. Безъ вѣдѣнія и распоряженія предсѣдателя Совѣта изъ училищной канцеляріи и училищнаго архива никому не могутъ быть выдаваемы никакіе документы и никакія справки.

9. Предсѣдатель Совѣта собственноручно записываетъ на заслушанныхъ въ засѣданіи Совѣта бумагахъ совѣтскія постановленія.

10. Предсѣдатель Совѣта руководитъ составленіемъ и редакціею журналовъ совѣтскихъ засѣданій, причемъ онъ обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы журналы эти были составляемы обстоятельно, чтобы въ нихъ были обозначаемы время засѣданій, имена членовъ присутствовавшихъ и отсутствовавшихъ, съ объясненіемъ причинъ отсутствія, чтобы изложеніе ихъ было возможно полнымъ и яснымъ съ показаніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла и справокъ, необходи-

ныхъ для его рѣшенія, а заключенія были опредѣленными съ изложеніемъ самыхъ основаній, по которымъ дѣло рѣшено въ такомъ, а не иномъ смыслѣ.

(Опред. Св. Синода 13—20 декабря 1867 г. и 4—20 іюля 1869 г.).

11. Въ засѣданіяхъ Совѣта предсѣдатель отбираетъ голоса членовъ и объявляетъ состоявшіяся рѣшенія.

12. Журналы совѣтскихъ засѣданій, по подписаніи ихъ членами, присутствовавшими на засѣданіи, предсѣдатель Совѣта представляетъ на утвержденіе Преосвященнаго своевременно и послѣдовательно, а не въ одинъ разъ за нѣсколько засѣданій.

(Опред. Св. Синода 7—19 апрѣля 1871 г.).

13. Въ случаѣ сомнѣнія предсѣдателя Совѣта, въ какое изъ совѣтскихъ засѣданій—педагогическое или распорядительное—должна поступить полученная имъ бумага, или если члены того или другого собранія не согласятся съ его помѣтою и признаютъ данную бумагу не подлежащею своему обсужденію,—предсѣдатель Совѣта какъ собственное сомнѣніе, такъ и несогласіе съ его помѣтою прочихъ членовъ представляетъ на разрѣшеніе Преосвященнаго.

(Уч. Св. Синода отъ 26 іюля 1869 г. № 32).

14. Всѣ исходящія изъ Совѣта бумаги подписываются предсѣдателемъ или, съ его вѣдома, однимъ изъ членовъ.

(Уст. Епарх. уч. § 26).

15. На предсѣдателя Совѣта лежатъ обязанности объявленія и наблюденія за точнымъ и своевременнымъ исполненіемъ служащими въ училищѣ лицами какъ распоряженій Высшаго Начальства, такъ и всѣхъ утвержденныхъ Преосвященнымъ постановленій училищнаго Совѣта.

(Резолюція Архіеп. Нектарія отъ 4-го іюля 1870 г. № 444).

16. Предсѣдатель Совѣта подписываетъ банковые чеки и разрѣшаетъ эконому расходовать суммъ училищныхъ по резолюціямъ Преосвященнаго, состоявшимся постановленіямъ Совѣта и согласно смѣтному назначенію.

17. Въ экстренныхъ и неотложныхъ случаяхъ Предсѣдатель Совѣта испрашиваетъ каждый разъ распоряженіе Преосвященнаго и поступаетъ къ его указанію.

18. Преподавателямъ предсѣдателемъ Совѣта даются отпуска въ вакаціонное время; въ учебное же время имъ можетъ быть разрѣшенъ отпускъ преподавателю лишь срокомъ не свыше семи дней.

19. Имѣя право непосредственнаго наблюденія за благосостоя-

ніемъ училища какъ по хозяйственной, такъ и по учебно-воспитательной части, предсѣдатель Совѣта можетъ посѣщать уроки преподавателей и вечернія занятія воспитанницъ; однако-же при этомъ онъ долженъ воздерживаться отъ выраженія своихъ замѣчаній и сужденій и не дѣлать какихъ-либо единоличныхъ распоряженій по училищу, ослабляя чрезъ то авторитетъ начальницы, воспитательницы и инспектора классовъ.

(Цирк. Оберъ-Прок. Св. Синода отъ 20 іюня 1901 г. № 1009).

20. Въ случаѣ замѣченныхъ упущеній или нарушеній училищнаго устава и требованій Высшаго Начальства предсѣдатель доносить о томъ Преосвященному; а свои предположенія относительно улучшенія той или другой части училищнаго управленія представляетъ на разсмотрѣніе Совѣта училища.

(Опред. Св. Синода 30 іюля—10 сент. 1893).

Епархіальныя извѣщенія.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

1. Иоанно-Богословская церковь с. Польнаго, Волчанскаго уѣзда.

Діаконскія:

1. Георгіевская церковь с. Поповки, Изюмскаго уѣзда.
Николаевская ц. сл. Котовой, Волчанскаго уѣзда.
Николаевская церковь с. Деркачевки, Лебединскаго уѣзда.
Пр.-Ильинская церковь з. г. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда.
5. Соборно-Покровская церковь г. Кулянска.
Успенская церковь г. Зміева.
7. Арх.-Михайловская церковь сл. Приволья, Изюмскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

1. Троицкая церковь с. Моисеевки, Старобѣльскаго уѣзда.
Свято-Духовская церковь с. Буноновки, Старобѣльскаго уѣзда.
Варваринская церковь с. Капительскаго, Изюмскаго уѣзда.
Сошествіевская церковь с. Хатняго, Волчанскаго уѣзда.
5. Арх.-Михайловская церковь с. Колупаевки, Харьковскаго уѣзда.
Церковь Александровской, города Сумъ, гимназій.
Троицкая церковь сл. Васильевки, Лебединскаго уѣзда.
Николаевская церковь г. Лебедина.

- Николаевская церковь с. Груни, Лебединскаго уѣзда.
 10. Николаевская церковь хут. Крисина-Яра, Богодуховскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Синолицевки, Харьковскаго уѣзда.
 Р.-Богородичная церковь с. Пушкаринаго, Ахтырскаго уѣзда.
 Феодоро-Стратилатовская церковь с. Тучнаго, Лебединскаго уѣзда.
 Георгіевская церковь с. Ольковатки, Волчанскаго уѣзда.
 15. Амвросіевская церковь Харьковскаго Епархіальнаго Сирот. Приюта.
 Церковь сл. Средняго-Бурлука, Волчанскаго уѣзда.
 Рождество-Богородичная церковь сл. Гимѣевки, Зміевского уѣзда.
 18. Рождество-Богородичная церковь сл. Берастовой, Купянскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Проѣздъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ слободы Ворожбы.—Перенесеніе чудотворной иконы Озерянскій Божіей Матери.—Архіерейское служеніе 1-го октября и религіозно-нравственныя чтенія въ этотъ день.—Архіерейское служеніе въ Коммерческомъ училищѣ.—5 октября въ Покровскомъ монастырѣ.—Религіозно-нравственныя чтенія въ этотъ день.—Изъ церковной практики. О погребеніи въ церковныхъ оградѣ.—Леченіе обжоговъ.

Проѣздъ г. Оберъ-прокурора Св. Синода. 10 октября, проѣздомъ въ Петербургъ, прибылъ въ 3 ч. 20 м. дня на ст. Харьковъ Оберъ-прокуроръ Св. Синода д. т. с. К. П. Побѣдоносцевъ, котораго, по порученію Владыки, сопровождалъ отъ ст. Лозовой, завѣдующій Александро-Невскими церковно-приходскими двухклассными школами, священникъ Н. Сокольскій. Для встрѣчи г. Оберъ-прокурора, въ парадныхъ комнатахъ вокзала собрались Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, управляющій губерніей В. Н. Азанчевскій, ректоръ и инспекторъ духовной семинаріи, предсѣдатель совѣта епархіальнаго женскаго училища и начальница училища, епархіальный наблюдатель церковныхъ школъ, настоятель и ключарь кафедральнаго собора, попечитель Александро-Невской церковно-приходской школы и другія должностныя лица, а также и всѣ о.о. благочинныя Харьковской епархіи, прибывшіе въ Харьковъ на благотворительскій съѣздъ. Встрѣченный на перронѣ вокзала всѣми прибывшими, г. Оберъ-прокуроръ послѣдовалъ въ парадныя комнаты, гдѣ велъ бесѣду съ о.о. благочинными о настоящемъ положеніи духовенства; въ этой бесѣдѣ между прочимъ онъ высказался за желательность болѣе тѣснаго единенія духовенства съ народомъ и просилъ о.о. благочинныхъ по возможности расположить своихъ дѣтей къ ду-

ховной дѣятельности на пользу церкви; на это Владыка доложилъ, что въ Харьковской епархіи въ этомъ отношеніи наблюдается отрадное явленіе: въ настоящее время изъ окончившихъ въ этомъ году уже поданы прошенія объ опредѣленіи священниками 12 ч. и только шесть человѣкъ поступило въ высшія учебныя заведенія; затѣмъ г. Оберъ-прокурору были представлены председатель благотворительнаго съѣзда протоіерей П. Полтавцевъ, доложившій Его Высокопревосходительству о ходѣ занятій настоящаго съѣзда, и попечитель Александро-Невской школы К. К. Нестель, котораго г. Оберъ-прокуроръ по благодарилъ за усердное и гуманное отношеніе къ нуждамъ школы. Узнавъ отъ Владыки объ образцовомъ веденіи школьныхъ занятій учительницами женской Александро-Невской школы, воспитанницами Свято-Владимірской церковно-учительской школы, Его Высокопревосходительство остался очень доволенъ и благодарилъ Владыку за его благопопечительность.

Въ вагонъ-салонѣ супругъ г. Оберъ-прокурора Евгеній Александровичъ представлялись бывшія ея воспитанницы, учительницы А. С. Семенова, Е. А. Кулешова, и дочь завѣдующаго, которыхъ Е. А. обрадовала изъявленнымъ ею на просьбу о Сокольскаго согласіемъ быть попечительницею женской Александро-Невской школы. Около 4-хъ часовъ г. Оберъ-прокуроръ тѣмъ же поѣздомъ отбылъ въ Петербургъ.

Осчастливленные высокимъ вниманіемъ г. Оберъ-прокурора, о.о. благочинные тутъ-же, съ архипастырскаго благословенія, рѣшили поднести Его Высокопревосходительству благодарственный адресъ съ выраженіемъ пожеланія дальнѣйшей плодотворной дѣятельности на благо церкви и отечества.

„Хар. Вѣд.“

— *Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, слободы Ворожбы, Сумскаго уѣзда.* День 21-го сентября 1903 года надолго останется въ памяти Ворожбынъ! Въ этотъ день Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, проѣздомъ изъ слободы Павловогъ, Сумскаго уѣзда, гдѣ онъ совершалъ Божественную литургію въ тотъ день, посѣтилъ и нашъ ворожбынскій Покровскій храмъ. Еще задолго до прибытія Владыки-Архіепископа Арсенія, почти съ 2-хъ часовъ дня (пріѣздъ назначенъ былъ въ 6 часовъ вечера), площадь ворожбынская, окружающая приходскій храмъ, вся была покрыта народомъ, жаждающимъ увидѣть своего Архипастыря и получить отъ него благословеніе. Съ 5-ти часовъ вечера вся церковь была освѣщена и въ ней ожидали Владыку мѣстные священники, діаконъ,

два псаломщика, хоръ пѣвчихъ, ученики земскаго училища и церковно приходской школы, всѣхъ учениковъ было до 300 человекъ (земскаго училища—215, церковно-приходской школы—80), а также и масса прихожанъ; къ 6 же часамъ вечера весь храмъ былъ переполненъ народомъ (въ храмѣ было до 1500 человекъ, кромѣ дѣтей-школьниковъ, да въ оградѣ было человекъ 500). Ровно въ 6 часовъ вечера Владыка, сопровождаемый благочиннымъ 2 Сумскаго округа, отцомъ протоіереемъ Алексѣемъ Чугаевымъ и отцомъ ключаремъ священникомъ Григоріемъ Виноградовымъ, а также и свѣтскимъ начальствомъ: Бѣлопольскимъ полицейскимъ надзирателемъ и становымъ приставомъ, прибылъ въ слободу Ворожбу. По входѣ въ святой храмъ, Владыка былъ встрѣченъ приходскими священниками: о. Васиіемъ Пономаревымъ и о. Михаиломъ Котляревскимъ, съ крестомъ и святою водою. Облобызавъ святой крестъ и окропивъ себя святою водою, Владыка зволивъ благосклонно выслушать слѣдующую прѣвѣтственную рѣчь, сказанную священникомъ В. Пономаревымъ:

Ваше Высочайшее Священство,

Всемилолюбивѣйшій Архипастыръ и Отецъ!

Съ великою радостію и любовію встрѣчаетъ Тебя Твоя ворожбянская паства, болѣе ста лѣтъ не выдавшая Архипастыря. Правда, лѣтъ тридцать тому назадъ, Пресвященный Савва посѣтилъ этотъ святой храмъ, проѣздомъ на Кіевъ, но то былъ частный случай, вызванный не религіозно-нравственной потребностью тогдашней паствы. Жизнь тогдашней паствы текла тихо, мирно и покойно, безъ всякихъ тревогъ и волненій, какія мы переживаемъ въ настоящее тяжелое время, когда изъ разныхъ мѣстъ доносятся до насъ слухи о смутахъ, волненіяхъ, убійствахъ, грабежахъ, раззореніи имущества нашихъ ближнихъ, когда и мы въ своей средѣ видимъ вражду, ненависть, зависть, пьянство, нищету и въ то же самое время погоню за нарядами, за модами, невѣжество, вмѣстѣ съ умноженіемъ всевозможнѣйшихъ сектъ и ересей, упадокъ вѣры... Вѣра наша, видимо, на глазахъ нашихъ падаетъ, а безвѣріе умножается и широкою волною разливается во всѣхъ стояхъ общества. Отъ чего же все это? Къ несчастію нашему, мы должны сказать, что все это происходитъ отъ нашего маловѣрія. Въ эту трудную минуту Господь посылаетъ намъ Тебя, Владыко Святой, Ангела нашей церкви, да помолившись Ты о насъ, недостойныхъ пастыряхъ, и о нашей ворожбянской паствѣ, да не изся-

каетъ у насъ вѣра наша, да подастъ намъ Господь вѣру крѣпкую, да спасетъ насъ эта вѣра наша при всякихъ случаяхъ, при всякихъ бѣдахъ и несчастіяхъ житейскихъ, да избавитъ она насъ отъ всякихъ золь, нестроений и всевозможныхъ тревоженій. О! помолися, Владыко Святый, „о еже сохранитися намъ въ вѣрѣ чистаго исповѣданія и исполненія заповѣдей Христовыхъ во вся дни живота нашего. Благословенъ грядый во имя Господне!“

Послѣ рѣчи Владыка вошелъ во святый алтарь и выслушалъ малое молебствіе; потомъ послѣ многолѣтія, осѣнивъ всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ святымъ крестомъ, велѣлъ пѣть хору „Слава въ вышнихъ Богу“, а самъ занялся осмотромъ храма; послѣ осмотра храма, который, видимо, провзвелъ пріятное впечатлѣніе, Владыка сталъ передъ царскими вратами, на солеѣ, лицомъ къ народу, окружившему Его и съ нетерпѣніемъ ожидавшему Его слова. Святитель видѣлъ эту духовную жажду и спѣшилъ удовлетворить ее. Онъ началъ учить народъ, а народъ съ замираніемъ сердца и глубокимъ вниманіемъ слушалъ Его. Для своей бесѣды съ народомъ Владыка взялъ евангельскую исторію, чтанную въ тотъ день на литургіи, о „хананейской женщинѣ“. Мы не беремъ на себя смѣлости передать рѣчь Архипастыря и Его наставленія народу съ точностью, а насколько позволятъ намъ наши слабыя силы передаемъ ее приблизительно.

„Почему это, говорилъ Владыка, святая Церковь ежегодно въ эту недѣлю, 17-ю по Пятидесятницѣ, читаетъ исторію изъ Евангелія о женщинѣ хананейской? Вѣдь женщина та, православныя, была язычница, нечистая? Читается эта исторія, православныя, для нашего назиданія, чтобы и мы, также поступали при постигающихъ насъ несчастіяхъ, какъ поступила женщина хананейская; у нея несчастье было большое—страдала бѣснованіемъ ея дочь. Что же она? ропщетъ, унываетъ, падаетъ духомъ, озлобляется? Нѣтъ... Она обращается за помощію ко Христу и отъ Него одного ожидаетъ себѣ помощи. Спаситель говоритъ ей, что она язычница, что она нечистая, что она недостойна Его милости, что только дѣти—народъ Божій—имѣютъ право на Его милость. А она говоритъ Христу, что у Милосердаго Бога и нечистые язычники не лишены этихъ милостей. Спаситель говоритъ ей, что не хорошо отнять хлѣбъ у дѣтей и бросить псамъ; а она говоритъ, что и псы ядятъ отъ крупиць падающихъ со стола господей ихъ. Видя такую глубокую и крѣпкую вѣру хананейской женщины, Христосъ сказалъ ей: О! жена! велия вѣра твоя! Будь тебѣ якоже хочещи. И исцѣле дщи ея отъ того часа.

Такъ ли вы, православные, поступаете, какъ поступила хананейская женщина? Есть ли у васъ подобная вѣра, какую проявила женщина хананейская при несчастіи? Къ несчастію нашему, у насъ часто такой вѣры и не оказывается. При постигшемъ насъ несчастіи, вмѣсто глубокой и крѣпкой вѣры, какую обнаружила хананейская женщина, у насъ часто слышится ропотъ на свою участь, на свою долю; сколько зависти и ненависти къ людямъ счастливымъ, сколько озлобленія! Нѣтъ, православные, чѣмъ роптать на свою участь, чѣмъ жаловаться на свое несчастіе, не лучше ли было-бы обратиться во Христа и у Него искать себѣ помощи, какъ это и сдѣлала женщина хананейская. Вѣрите, православные, твердо вѣрите, что Христосъ всегда готовъ помочь намъ въ нашихъ несчастіяхъ. Вѣрите, крѣпко вѣрите и по вѣрѣ вашей дано будетъ вамъ. Вотъ, напримѣръ, сколько несчастныхъ людей получали чудесную помощь, еще такъ недавно, за свою твердую и глубокую вѣру, у мощей преподобнаго о. Серафима Саровскаго чудотворца! Одна дѣвочка, лѣтъ 12-ти, нѣмая отъ рожденія, въ присутствіи Государа, получила исцѣленіе отъ своей нѣмоты и тутъ-же начала говорить. А сколько мы знаемъ, видимъ и слышимъ о чудесной помощи, источаемой отъ чудотворныхъ ѡконъ Божіей Матери и мощей, святыхъ угодниковъ Божіихъ! Только нужно глубоко и крѣпко вѣровать, и милость Божія не оставитъ насъ въ нашихъ несчастіяхъ“...

Окончивъ наставленіе народа, Владыка приступилъ къ испытанію учениковъ земской и церковной школъ въ знаніи молитвъ, сумвола вѣры и заповѣдей и, видимо, оставшись доволенъ ихъ отвѣтами, велѣлъ священнику Пономареву раздать дѣтямъ, на память, серебро-позлащенные крестики. Послѣ этого Владыка предложилъ всему народу пропѣть молитву за Цари „Спаси Господи люди твоя“, и потомъ молитву Пресвятой Богородицѣ „Достойно есть“. Чудную и дивную картину можно было видѣть въ это время въ храмѣ. На солеѣ стоялъ маститый Архипастырь, окруженный священнослужителями и вмѣстѣ съ своими многочисленными пасомыми молилъ Бога и славилъ Его пречистую Матерь. Сколько въ этой картинѣ святой первобытной христіанской простоты, сколько назидательности и умиленія! Невольно мысль наша переносилась въ первые вѣка христіанства, когда архипастыри съ своими пасомыми составляли „единое сердце и единыя уста“. Многіе изъ пасомыхъ, присутствующихъ въ храмѣ, глядя на такую дивную картину, плакали отъ умиленія, религіознаго восторга и сердечной

радости, что Господь ихъ сподобилъ увидѣть своего Архипастыря и не только видѣть, но и молиться съ нимъ. По окончаніи молитвы „Достойно есть“, Владыка, преподавъ общее благословеніе всему народу и пожелавъ ему всѣхъ благъ, выразилъ свое сожалѣніе о томъ, что, въ виду краткости времени, онъ не можетъ преподавать каждому благословеніе въ отдѣльности, хотя и желалъ бы этого, такъ какъ спѣшить на станцію „Ворожба“, М.-К.-В. ж. д., для слѣдованія въ городъ Черниговъ на поклоненіе мощамъ Святителя Феодосія. Владыка пробылъ въ храмѣ болѣе часа, а затѣмъ изволилъ посѣтить домъ священника Пономарева, гдѣ изволилъ откушать чаю, пробывъ тамъ около получаса. Преподавъ затѣмъ всѣмъ присутствующимъ въ домѣ свое благословеніе, напутствуемый благими пожеланіями хозяина дома и его семейства, а также и всѣхъ присутствующихъ,—Владыка въ сопровожденіи отца Благочиннаго 2-го Сумскаго округа, Протоіерея Алексѣя Чугаева и отца Ключаря Священника Григорія Виноградова, а также и свѣтскаго начальства—Бѣлопольскаго полицейскаго надзирателя и Становаго пристава 2 стана Сумскаго уѣзда, при колокольномъ трезвонѣ, отбылъ въ началѣ 9 часа вечера, на станцію „Ворожба“ М.-К.-В. ж. д. Такъ окончилось наше свѣтло-радостное торжество!

Св. В. Пономаревъ.

— *Торжественное перенесеніе чудотворнаго образа Озерянской Божіей Матери.* 30 сентября, при огромномъ стеченіи народа состоялось перенесеніе чудотворнаго образа Озерянской Божіей Матери изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковскій Покровскій. Чтиму ю икону изъ Куряжскаго монастыря сопровождали Преосвященный Стефанъ, епископъ Сумскій, все Харьковское духовенство и тысячи народа. Около Озерянской церкви процессія была встрѣчена представителями мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій во главѣ съ и. д. начальника губерніи. Около кафедральнаго собора къ процессіи присоединился Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій.

Всѣ улицы, по которымъ несли чудотворный образъ, были буквально запружены народомъ. Холодная гора была заполнена массою народа, съ благоговѣніемъ встрѣчавшаго чтимый образъ.

— *Архіерейскія служенія.* 1-го октября, въ среду, въ Покровскомъ монастырѣ—Божественную литургію совершалъ Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, а въ кафедральномъ соборѣ—преосвященный Стефанъ, епископъ Сумскій. Послѣ литургіи въ соборѣ преосвященнымъ Стефаномъ былъ

отслуженъ молебенъ, а затѣмъ дворянами Харьковской губерніи, собравшимися на выборы, была принесена установленная присяга. Начало литургій въ 10 часовъ утра.

— *Религіозно-нравственныя чтенія* 1-го октября были предложены въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Въ Покровскомъ монастырѣ помощникомъ смотрителя духовнаго училища о. Николаемъ Зефировымъ о томъ, что такое православный христіанинъ, православная вѣра и церковь и законоучителемъ коммерческаго училища о. Іоанномъ Филевскимъ о почитаніи Божіей Матери; 2) на Холодной горѣ, въ церкви Скорбищей Божіей Матери, въ мѣщанской богадѣльнѣ, о. Николаемъ Жебиневымъ поученіе на слова изъ акаѳиста Богородицы: „Покровъ міру, ширшій облака“ и исторія праздника Покрова (прочелъ семинаристъ І. Григорьевъ). Эти чтенія велись послѣ вечерни, которая начинается въ 5 часовъ по полудни.

«Хар. Г. Вѣд.»

— *Архіерейское служеніе въ Коммерческомъ училищѣ*. 3 октября, въ Коммерческомъ училищѣ Императора Александра III, состоялся торжественный актъ. Передъ актомъ Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, была отслужена Божественная литургія, во время которой совершѣнъ чинъ посвященія во діакона. Во время литургіи Высокопреосвященный почувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ и отказался отъ своего намѣренія сѣздать слово назиданія воспитанникамъ Коммерческаго училища, поручивъ законоучителю Коммерческаго училища о. Іоанну Филевскому провзнести такое слово.

«Южн. Кр.»

— *5 октября въ Покровскомъ монастырѣ*. Въ Воскресенье 5 октября въ Покровскомъ монастырѣ въ обновленномъ храмѣ въ честь Озерянской иконы Божіей Матери совершилось небывалое еще въ Харьковѣ торжественное Богослуженіе, доставившее всѣмъ участвующимъ въ немъ необычайную духовную радость. Въ этотъ день Божественную литургію и послѣ нея молебенъ Пресвятой Богородицы совершилъ нашъ Владыка, — Архіепископомъ, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, при участіи Преосвященнѣйшаго Стефана, Епископа Сумскаго, четырехъ архимандритовъ и всѣхъ 36 благочинныхъ Харьковской епархіи, собравшихся въ Харьковѣ для сужденія вмѣстѣ со своимъ Архипастыремъ о нуждахъ епархіальныхъ.

Намъ думается, что всякій, кто видѣлъ 5 октября совершеніе у престола Божія величайшаго священнодѣйствія христіанскаго нашимъ Архипастыремъ вмѣстѣ съ многочисленнымъ соборомъ старѣйшихъ пастырей Харьковской Церкви, навсегда запечатлѣтъ этотъ день и это служеніе въ своей памяти.

Плѣнительна была тамъ какъ красота и величіе служенія архіерейскаго, совершаемаго двумя Владыками, облеченными въ великолѣпныя одежды первосвященническія, в сорока священнослужителями въ блистающихъ облаченіяхъ, такъ и особенно великій подъемъ религіознаго чувства, которымъ проникнуты были прежде всего всѣ участвующіе въ принесеніи безкровной жертвы архипастыри и пастыри, а потомъ и всѣ бывшіе въ храмѣ богомольцы. Плѣнительно было также и то глубочайшее благоговѣніе, съ которымъ представители Церкви Харьковской совершали служеніе Царю царствующихъ и Господу господствующихъ, пришедшему заклаться и датися въ снѣдъ вѣрнымъ. Когда по чину литургіи св. Іоанна Златоустаго и молебствія Пресвятой Богородицѣ священнодѣйствующій возглашалъ положенныя молитвословія—особенно въ важнѣйшія минуты богослуженія,—то онъ видимо молился всѣми силами своей души. Умвительно было слышать и слезныя моленія Пресвятой Богородицѣ. Произнося трогательныя слова молитвы Заступницѣ рода человѣческаго, слова вылившіяся прямо изъ сердца блаженнаго составителя этой молитвы, читавшій ихъ архипастырь какъ видно погружался въ самый духъ этой молитвы и переживалъ то высокое настроеніе, которое руководило творцемъ ея. Оттого-то, вѣроятно, при отчетливомъ и внятномъ произношеніи этой молитвы, голосъ читающаго дрожалъ и прерывался, а глаза увлажнялись слезою. Видъ вдохновенно-молящагося чтеца—старца съ просвѣтленнымъ отъ внутренняго свѣта лицомъ съ влажными отъ слезъ глазами трудно описать... Нужно было присутствовать при этомъ богослуженіи, видѣть священнодѣйствующихъ архипастырей и пастырей, чтобы имѣть понятіе о внутреннемъ настроеніи ихъ духа въ эти незабвенныя минуты и хоть отчасти самому пережить его.

— *Религіозно нравственныя чтенія* въ воскресеніе, 5 октября, было предложены въ слѣд. пунктахъ: 1) въ *Покровскомъ монастырѣ* о. Н. Зефировымъ „о томъ, какъ Богъ передалъ людямъ свое откровеніе“ и о. А. Лобковскимъ житіе святаго; 2) въ *кафедральномъ соборѣ* „о любви ко врагамъ“ и житіе св. Гурія и Варсонофія Казанскихъ; 3) на *Панасовкѣ* въ вагонныхъ мастерскихъ (въ 4 ч. веч.), о Іоанномъ Филевскимъ „о законѣ Христовомъ“; 4) на *паровозостроительномъ заводѣ*, на Петвнскоі, о. П. Скубачевскимъ объясненіе воскреснаго евангельскаго чтенія (Лук. 6, 31—36) и о началѣ христіанства въ Іерусалимѣ; 5) въ *Мироносицкой церкви* прот. П. Григоровичемъ изъясненіе словъ Христо-

выхъ отъ Лук. 6, 31 ст. и житіе св. митроп. Московскихъ Петра, Алексія, Іоны и Филіппа; 6) въ *Воскресенской ц.* о. Д. Поповымъ объясненіе начальныхъ молятвъ и прот. Г. Чеботаревымъ изъясненіе апостольскаго и евангельскаго чтенія недѣли 19-й; 7) *Спасо-Преображенской*, на Москалевѣ, о. П. Ѳомнымъ „о совѣсти, заповѣдяхъ и законѣ евангельскомъ“; 8) *Всплхвятской* о. Н. Братировымъ о молитвѣ и о. А. Луценкомъ житіе св. Петра, митроп. моск.; 9) на *Холодной горѣ*, въ мѣщанской богадѣльнѣ, о. Н. Чернелевскимъ о „о торжествѣ христіанства при св. Константинѣ великомъ и житіе св. Діонисія великаго, епископа Александрійскаго (прочель семин. 6 кл. С. Корнильевъ); 10) на *Журавлево*, въ Петропавловской о. А. Щелкуновымъ „объ отношеніи къ ближнимъ“; 11) въ *Дмитріевской* „о томъ, что дѣлать, чтобы спастись“; 12) въ *Николаевской* чтеніе изъ св. Дмитрія Ростовскаго на недѣлю 19-ю и житіе св. Филіппа, митроп. Московскаго; 13) въ *Озерянской ц.*, на Холодной горѣ, о. В. Пономаревымъ о „вѣрѣ и откровеніи“; 14) въ *Михайловской* о. Г. Введенскимъ изъясненіе воскреснаго евангелія (Лук. 6, 31—36). Всѣ эти чтенія велись послѣ вечерни, которая начинается въ 5 ч. пополудни.

«Х. Г. Вѣд.»

— *О погребеніи въ церковныхъ оградахъ.* Вопросъ о погребеніи въ церковныхъ оградахъ точно и опредѣленно рѣшенъ синодальными распоряженіями.

Первое изъ этихъ распоряженій, изложенное въ указѣ Св. Синода отъ 12 апрѣля 1833 г., гласить: 1) при церквахъ, внутри города состоящихъ, погребеніе тѣлъ не дозволять; 2) при церквахъ, находящихся въ селеніяхъ, но не въ самыхъ церквахъ, дозволять погребеніе тѣлъ мѣстныхъ протоіереевъ и священниковъ, честно и безпорочно проходившихъ свое служеніе и христіански скончавшихся; и 3) погребеніе прочихъ лицъ при церквахъ въ селеніяхъ допускать сколь можно рѣже и не иначе, какъ по особому разрѣшенію архіерея и по самымъ уважительнымъ причинамъ, какъ-то: въ благодарность создавшему храмъ своимъ иждивеніемъ или обезпечившему содержаніе причта, и притомъ имѣвшему житіе законное и кончину непостыдную. Далѣе, указомъ Св. Синода отъ 22 сентября 1882 г. за № 1690 дано было знать по духовному вѣдомству, что и со стороны Министерства Внутреннихъ Дѣлъ не встрѣчается препятствій къ дозволенію погребать умершихъ при сельскихъ церквахъ, на основаніяхъ указанныхъ Св. Синодомъ въ указѣ 1833 года. Узаконеніе о непогребеніи мертвыхъ отно-

сѣтся и въ монастыряхъ, за исключеніемъ тѣхъ, въ которыхъ погребеніе мертвыхъ издавна продолжается съ вѣдома самого правительства и вошло въ обычай, на которомъ основались благотельные обѣты и завѣщанія лицъ семействъ; въ такихъ монастыряхъ, но не въ закрытыхъ и обращенныхъ въ приходскія церкви или получившихъ по закрытіи другое назначеніе, дозволяется погребать мертвыя тѣла попрежнему, но съ тѣмъ, чтобы соблюдались необходимыя медицинскія предосторожности. (Прим. къ 925 стр. „Врач. Уст.“).

Изъ приведенныхъ постановленій и расиорженій явствуетъ, насколько рѣдки и исключительны должны быть случаи разрѣшенія погребенія въ оградахъ,—если даже мѣстныхъ протоіереевъ и священниковъ предоставляется погребать не всѣхъ, а лишь честно и безпорочно проходившихъ свое служеніе и христіански скончавшихся. Относительно же погребенія частныхъ лицъ указываются только два случая или основанія къ разрѣшенію: для тѣхъ, кто соудалъ храмъ своимъ иждивеніемъ и кто обезпечилъ содержаніе причта. Представляется нѣсколько неяснымъ, повидимому, второе изъ условій,—обезпеченіе причта, почему вѣроятно, и бывали случаи разрѣшенія погребенія въ оградахъ со взносомъ 100 или 200 рублей, если деньги эти или часть ихъ поступили въ пользу причта, соудѣствуя, такимъ образомъ, увеличенію средствъ содержанія или обезпеченія его. Но такой взглядъ былъ бы невѣренъ уже потому, что не было бы никакого соответствія этого второго условія съ первымъ. Какъ въ первомъ условіи созданіе храма есть дѣло законченное, цѣльное, само себѣ довѣяющее, такъ и во второмъ условіи обезпеченіе содержанія причта, очевидно, нужно понимать прежде всего какъ всецѣлое,—такое, при которомъ причтъ можетъ существовать на это именно обезпеченіе, хотя бы не было другихъ источниковъ для его содержанія, и уже, по меньшей мѣрѣ, это должно быть такое обезпеченіе, которое существенно улучшаетъ матеріальное благосостояніе церковнаго причта въ видѣ вклада на вѣчное время. Очевидно, то, что дается въ заслугу честно и безпорочно прослужившимъ и только іереямъ и протоіереямъ или храмоздателямъ какъ лицамъ, достойнымъ памяти и имѣющимъ историческое значеніе въ судьбахъ прихода, не должно быть доступно всякому за нѣкоторую небольшую сумму. Слѣдовательно, погребеніе мирянъ въ оградахъ со взносомъ 100—200 руб. лишало бы существующее о семъ постановленіе истиннаго его нравственнаго значенія,—именно, какъ средства оказать достой-

ную честь заслужившимъ того утвердить память о нихъ въ сознаниіи прихожанъ и сдѣлать болѣе удобнымъ молитвенное о нихъ воспоминаніе.

Приходскіе священники хорошо бы сдѣлали, если бы разъяснили прихожанамъ условія погребенія въ оградахъ и тѣмъ предохраняли бы себя отъ неприятностей, съ которыми нерѣдко бываетъ сопряженъ отказъ въ погребеніи въ церковныхъ оградахъ такихъ лицъ, которыя не приобрѣли на то права („Орл. Еп. Вѣд.“).

— *Лѣченіе обжоговъ.* Чтѣ можетъ быть ужаснѣе и невыносимѣе страданій отъ обжоговъ? Опрокинутая лампа, неосторожность съ огнемъ въ обыденной жизни или взрывъ паровика, паропроводной трубы на фабрикахъ и заводахъ, взрывъ газа въ шахтахъ, безчисленные случаи опасныхъ обжоговъ при тушеніи пожара—сопровождались всегда страшными и зачастую смертельными страданіями. Случайное открытіе простого, крайне дешеваго средства, доступнаго всѣмъ и во всѣхъ случаяхъ для уничтоженія боли и страданій отъ обжоговъ, надо причислить къ величайшимъ открытіямъ на пользу человѣчества. Средство это—растворъ въ водѣ, то есть разбавленная водою пикриновая кислота. Какой бы ни былъ видъ обжога, водою, масломъ или иною жидкостью, паромъ, металломъ, газомъ и пр., слѣдуетъ немедленно погрузить обожженное тѣло въ сосудъ съ разбавленною водою пикриновою кислотой, въ пропорціи 3-хъ килограммовъ пикриновой кислоты на 200 литровъ воды (температуры обыкновенной, то-есть до 20°), продержать двухъ минутъ и дать осохнуть. Страданія немедленно прекращаются; раны не открываются; пузыри не образуются и ткани заживаютъ въ нѣсколько дней. Сколько несчастныхъ, будучи не въ состояніи вынести страданій, умирали, и въ какихъ мученіяхъ! Теперь, благодаря пикриновой кислотѣ, утоляющей совершенно боль и страданія, смертные случаи будутъ предотвращены, если обожженный будетъ немедленно погруженъ въ растворъ этой цѣлебной кислоты.

Но что это такое пикриновая кислота? Она получается обработкой нидиго—всѣмъ извѣстнаго красильнаго растительнаго вещества—азотною кислотой. Растворъ въ водѣ этой кислоты въ пропорціи 1,5%₀, то есть $\frac{1}{4}$ килограмма на 100 литровъ воды, совершенно безвреденъ, безо всякаго запаха, не производитъ ни малѣйшаго кожного раздраженія, и если она окрашиваетъ кожу въ желтый цвѣтъ, то таковой скоро проходитъ безслѣдно, особенно быстро при омываніи растворомъ борной кислоты. Открытіе это сдѣлано

Dr Тьерри. Онъ часто употреблялъ слабый растворъ пикриновой кислоты, какъ отличное антисептическое средство. Было уже извѣстно благодаря работамъ Пастера, что 1‰ пикриновой кислоты, то есть 1 часть на 1000 воды, убиваетъ бактеріи въ полномъ развитіи въ бульонѣ.

Имѣя постоянно руки въ растворѣ пикриновой кислоты, Dr Тьерри обратилъ вниманіе, что упавшій на его руку фосфоръ отъ спячки не причинилъ ему ни малѣйшей боли. Точно также сургучъ, капнувшій ему на руку, при запечатаніи письма, нисколько не обжогъ ее. Это привело его къ заключенію, что пикриновая кислота стягиваетъ, сжимаетъ поры и этому обстоятельству слѣдуетъ приписать, что онъ оставался невредимъ отъ обжоговъ.

Съ 1895 года онъ произвелъ рядъ опытовъ, чтобы прѣвѣрить это свойство пикриновой кислоты, и опыты эти дали результаты тѣмъ болѣе вѣрные и блестящіе, чѣмъ скорѣе было примѣнено это средство. Поэтому необходимо имѣть растворъ пикриновой кислоты (1½‰) подъ рукой всегда тамъ, гдѣ возможенъ пожаръ, взрывъ или обжогъ горячею жидкостью или паромъ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

Открыта подписка на празднующую въ 1904 г. свой ДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ

ВСЕОБЩУЮ МАЛЕНЬКУЮ ГАЗЕТУ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

2 руб. за годъ, за 3 мѣс. 50 коп.

Газета безцензурная.—Изданія годъ одиннадцатый.

Содержаніе газеты: придворныя, правительственныя, политическія и общественныя новости и руководящія къ нимъ статьи; хроника происшествій и уголовныхъ дѣлъ, новости научныя, историческія, медицинскія, о воспитаніи, о загадочныхъ явленіяхъ и пр.; романы, стихи, замѣтки о спортѣ, театрахъ, новыхъ книгахъ и пр. Въ теченіе 1904 г. будутъ помѣщены: романъ изъ современ. русской жизни „Три товарища“ соч. А. Молчанова и переводъ лучшаго изъ новѣйшихъ германскихъ романовъ подъ заглавіемъ „Насущный хлѣбъ“. Въ теченіе года болѣе сотни портретовъ современныхъ дѣятелей и рисунковъ текущихъ событій.

Подписная цѣна съ } за 2 р. за пол- 1 р. за 3 50 к.
дост. и пересылкой } годъ года мѣс.

Марками на 20 к. дороже. Газета выходитъ три раза въ недѣлю.

Адресъ Типографіи, Редакціи и Конторы: С.-Петербургъ, Невскій, 139.

Редакторъ-Издатель А. Момановъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

ШКОЛА РИЧЛАНСКАГО БОГОСЛОВІЯ ВЪ ЛЮТЕРАНСТВѢ.

(Исслѣдованіе въ области новѣйшей лютеранской догматики).

Вл. КЕРЕНСКАГО. Казань. 1903 года. Цѣна 4 руб.

Отъ автора проф. Казанской Духовной Академіи можно выписывать также слѣдующія изданія:

1. Старокатолицизмъ, его исторія и внутреннее развитіе преимущественно въ вѣроисповѣдномъ отношеніи. Казань. 1894. Цѣна 2 руб.
2. Старокатолическій епископъ Іосифъ Губертъ Рейнкенсъ. Казань. 1896. Цѣна 20 коп.
3. Старокатолическій вопросъ въ новѣйшее время. Казань. 1897. Цѣна 40 коп.
4. Четвертый интернаціональный старокатолическій конгрессъ и его значеніе въ исторіи старокатолическаго движенія. Казань. 1898. Цѣна 30 коп.
5. Три мѣсяца въ центрѣ старокатолицизма (въ Боннѣ и Бергѣ). Казань. 1898. Цѣна 25 коп.
6. Пятый интернаціональный старокатолическій конгрессъ и современное (внѣшнее и внутреннее) состояніе старокатолицизма. 1902. Харьковъ. Цѣна 50 коп.
7. На западѣ. (Очерки внутренняго состоянія современнаго лютеранства). Казань. 1899. Цѣна 1 руб.

БРАТІЕ-ХРИСТІАНЕ!

Въ задачахъ и цѣляхъ Успенскаго Попечительства сейчасъ выдвигаются слѣдующія нужды прихода (обоснователемъ котораго былъ прогнанный чудесами и исцѣленіями Преподобный Отецъ Трифонъ, род. 1543 г., ум. 1613, 70 л.): *ремонтъ стараго храма въ честь Успенія Божіей Матери; обновленіе всей ветхой утвари; покупка новыхъ богослужебныхъ книгъ, взазмѣнъ истрепавшихся; неотложное, расширеніе школы, и, въ цѣляхъ развитія мелкой обрабатывающей кустарной промышленности среди населенія въ виду печальныхъ экономическихъ условій прихода—постройка особой новой ремесленной школы.*

Горы, камень, известь, песокъ, глина—вотъ условія земледѣлія нашего крестьянства. Среди такого печальнаго земледѣльческаго положенія, населеніе наше естественно совсѣмъ не можетъ, по бѣдности, удовлетворить вышеупомянутыхъ нуждъ Попечительства.

Братіе христіане! если на ваше сердце падаетъ желаніе оказать истинно-христіанскую помощь въ нуждѣ то, вотъ эта нужда—она передъ вами. Вѣрьте, за благое дѣяніе и даръ какой вы пришлете Попечительству, рука ваша не оскудѣетъ: Сердцевѣдецъ Богъ вознаградитъ васъ сторицею. Мы же будемъ возносить за васъ молитвы при каждомъ служеніи литургіи.

Пожертвованія просимъ адресовать: г. Пермь, Церковно-Приходскому Попечительству села Успенскаго, Пермскаго уѣзда.

ЛИСТОКЪ

дн

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Октября № 20. 1903 года.

Содержаніе. Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.— Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.— Инструкція Начальницъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.— Епархіальныя извѣщенія.— Извѣстія и замѣтки.— Объявленія.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

I.

Опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства, отъ 6—7 октября н. г., по докладу экзаменаціонной комиссіи при Харьковскомъ Духовномъ училищѣ объ установленіи вознагражденія членамъ комиссіи за производство испытаній лицамъ, ищущимъ должности псаломщика и сана діакона, постановлено: въ вознагражденіе членамъ комиссіи, производящимъ испытаніе лицамъ, ищущимъ разныхъ должностей церковныхъ, слѣдуетъ выскрывать съ этихъ лицъ плату въ такомъ размѣрѣ: съ лицъ, желающихъ держать экзаменъ на званіе псаломщика, 3 р., съ лицъ, экзаменующихся на полученіе: а) сана діакона—5 руб. и б) сана священника—10 р. Деньги отъ просителей о назначеніи имъ испытаній должны поступать въ Консисторію и въ концѣ года отсылаться по назначенію, для распредѣленія ихъ между членами комиссіи.

II.

Харьковская Духовная Консисторія, вслѣдствіе отношенія состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества, Государя наслѣдника Михаила Александровича, воинскаго благотворительнаго общества Бѣлаго Креста, отъ 4 октября 1903 года за № 1386, предписываетъ благочиннымъ и настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей Харьковской епархіи послѣдить представленіемъ въ комитетъ названнаго общества та-

релочнаго сбора пожертвованій въ пользу этого общества, произведеннаго въ церквахъ и монастыряхъ въ день сръбтенія Господня — 2 февраля 1903 года, во исполненіе распоряженія Епархіальнаго Начальства, отъ 28 октября 1902 года, напечатаннаго въ № 22 журнала Вѣра и Разумъ за 1902 годъ.

III.

Харьковская Духовная Консистерія, вслѣдствіе отношенія состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества, Государя наследника Михаила Александровича, воинскаго благотворительнаго общества Вѣлаго Креста, отъ 24 сентября 1903 г. за № 1334, и во исполненіе послѣдовавшей на ономъ резолюціи Его Высокопреосвященства, отъ 1 октября за № 5761, предписываетъ благочиннымъ и настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей Харьковской епархіи сдѣлать распоряженіе о производствѣ въ подвѣдомственныхъ имъ церквахъ и монастыряхъ тарелочнаго сбора пожертвованій въ пользу названнаго общества во время богослуженія въ день Богоявленія 6 января будущаго 1904 года и собранныя пожертвованія представить непосредственно отъ себя, не позже 1 апрѣля 1904 г., въ комитетъ названнаго общества, по адресу: С.-Петербургъ, Очаковская улица, домъ № 4—6.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Согласно § 155 Семинарскаго устава, плата за содержаніе своихъ коштныхъ воспитанниковъ Семинаріи должна быть вносима по третямъ учебнаго года въ теченіе двухъ недѣль послѣ начала трети. Посему Правленіе Семинаріи покорнѣйше проситъ отцовъ таковыхъ воспитанниковъ озаботиться высылкой на имя Правленія въ теченіе времени съ 15 ноября по 1-е декабря взносовъ за вторую треть сего учебнаго года въ размѣрѣ 40 руб. съ воспитанниковъ духовнаго званія, не получающихъ пособія, 25 руб. — съ воспитанниковъ, получающихъ пособіе, и 60 руб. — съ вносословныхъ воспитанниковъ. Не внесшіе въ указанный срокъ денегъ за свое содержаніе воспитанники, на основанія того же устава, подлежатъ удаленію изъ общезанятія.

Инструкція Начальницѣ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

1. Начальница епархіальнаго женскаго училища избирается училищнымъ Совѣтомъ изъ лицъ всякаго сословія, принадлежащихъ къ Православной Церкви, извѣстныхъ избирателямъ педагогическою опытностію и безукоризненнымъ поведеніемъ, и представляется епархіальнымъ Преосвященнымъ, съ его заключеніемъ, на утвержденіе Святейшаго Синода. Въ случаѣ несогласія съ выборомъ Совѣта, Преосвященный, сверхъ избранной Совѣтомъ, представляетъ другое лицо, которое, по его собственному усмотрѣнію, могло бы съ большею пользою занимать мѣсто начальницы училища.

(Опред. Св. Синода 28-го іюля—11 августа 1882 г. № 1493).

2. На должность начальницы училища не можетъ быть избрано лицо, не достигшее 30-лѣтняго возраста.

(Ук. Св. Синода отъ 25 января 1894 г. № 1)

3. Начальницѣ ввѣряется, главнымъ образомъ, религіозно-нравственное воспитаніе дѣвицъ.

(Уст. Епарх. уч. § 28).

4. Начальница, сколько можно чаще, посѣщаетъ воспитанницъ и наблюдаетъ за ними при ихъ молитвахъ утреннихъ и вечернихъ, въ церкви во время богослуженія, при ихъ столѣ и во время классныхъ и прочихъ занятій.

(Уст. Епарх. уч. § 29).

5. Начальница назначаетъ по очереди воспитанницъ для чтенія молитвъ вечернихъ и утреннихъ и для чтенія при всенощномъ бдѣніи и литургіи; она же назначаетъ и классъ, который долженъ гдѣть въ церкви при богослуженіяхъ.

6. Начальница дѣлаетъ распоряженіе о томъ, какія мѣста въ церкви должны занимать воспитанницы, воспитательницы, преподаватели и постороннія лица.

7. Во время богослуженія и домашнихъ молитвъ начальница внимательно слѣдитъ за поведеніемъ какъ воспитанницъ, такъ и воспитательницъ.

8. Начальница наблюдаетъ, чтобы всѣ штатныя лица, служащія въ училищѣ, неопустительно посѣщали богослуженія въ училищной церкви во всѣ воскресные, праздничные и высокочестивые дни, и ежегодно бывали у исповѣда и св. причащенія.

9. Начальница слѣдитъ за тѣмъ, чтобы въ навечеріи воскресныхъ и праздничныхъ дней, а также и въ самые воскресные и праздничные дни какъ живущія въ училищныхъ зданіяхъ служащія лица, такъ и воспитанницы не допускали въ своемъ поведеніи ничего противнаго требованіямъ устава Православной Церкви, въ особенности же танцевъ, пѣнія свѣтскихъ пѣсенъ и чтенія романовъ и свѣтскихъ повѣстей.

10. Начальница избираетъ воспитательницъ и распредѣляетъ ихъ по классамъ.

11. Всѣ распоряженія начальницы безпрекословно выполняются какъ воспитательницами, такъ и другими служащими въ училищѣ лицами.

12. По усмотрѣнію своему начальница распредѣляетъ всѣ училищныя помѣщенія какъ для классовъ, такъ и для спаленъ воспитанницъ.

13. Начальница назначаетъ квартиры проживающимъ въ училищныхъ зданіяхъ служащимъ лицамъ.

14. Руководствуясь смѣтнымъ назначеніемъ, начальница составляетъ еженедѣльное росписаніе кушаньевъ какъ для обѣда, такъ и для ужина воспитанницъ.

15. Ежедневно, вечеромъ, начальница просматриваетъ училищный дневникъ, представляемый ей дежурною воспитательницею не менѣе одного раза въ недѣлю, и классные журналы и дѣлаетъ по нимъ соотвѣтствующія распоряженія. Она употребляетъ всѣ благоразумныя мѣры, чтобы лѣнливыхъ и малоуспѣвающихъ воспитанницъ побудить къ усердію и успѣшности.

16. Начальница наблюдаетъ, чтобы установленное по училищу распредѣленіе времени было соблюдаемо въ точности, чтобы какъ учащія, такъ и учащіяся своевременно являлись въ классъ, чтобы во время уроковъ сохранялись строгое приличіе и порядокъ.

(Уст. Епарх. уч. § 30).

17. Начальница имѣетъ право наблюдать и за учебною частію, поскольку она соприкасается съ воспитательнымъ дѣломъ.

(Цирк. Оберъ-Прок. Св. Синода отъ 20 іюля 1901 г. № 1009).

18. Она имѣетъ право посѣщать классы во всякое время, чтобы слѣдить за благоповеденіемъ дѣвицъ; ей предоставляется также право сообщать свои замѣчанія инспектору классовъ по дѣлу преподаванія; если бы начальница нашла нужнымъ сдѣлать какое либо замѣчаніе на счетъ обращенія съ дѣвками того или дру-

того преподавателя, въ такомъ случаѣ она обращается къ инспектору классовъ и заявляетъ ему, что находитъ нужнымъ.

(Инстр. 1870 г.).

19. Начальница заботится, чтобы воспитанницы имѣли приличную одежду и обувь, чистое и нестѣсенное помѣщеніе, простую, но здоровую пищу, во время болѣзни хорошій уходъ, во время прогулокъ и игръ надлежащій присмотръ.

(Уст. Епарх. уч. § 31).

20. Начальница заботится о приобрѣтеніи хорошихъ матерій для платьевъ и бѣлья воспитанницъ, объ ихъ пошитіи, храненіи, чистотѣ и опрятности; въ ея непосредственномъ завѣдываніи находится какъ костелянская, такъ и прачешная.

21. Начальница слѣдитъ за доброкачественностію и опрятностію обуви воспитанницъ и о своевременномъ изготовленіи ея.

22. Она заботится о поддержаніи надлежащей чистоты во всѣхъ училищныхъ помѣщеніяхъ, о спальныхъ принадлежностяхъ и о чистомъ воздухѣ, какъ и надлежащей теплотѣ во всѣхъ жилыхъ помѣщеніяхъ училищныхъ зданій.

23. Начальница училища слѣдитъ за доброкачественностію провизіи, доставляемой подрядчиками для стола воспитанницъ и служащихъ. Приемъ съѣстныхъ припасовъ, согласно заключаемому договору, долженъ быть производимъ экономомъ, ключницею и поваромъ въ присутствіи назначаемой начальницею воспитательницы, которая обязана вести соотвѣтствующія приему записи въ „матеріальной книгѣ“. Начальница ежедневно провѣряетъ эти записи и выдаетъ за свою подписью квитанціи подрядчикамъ въ пріятіи отъ нихъ того или другого матеріала.

24. Начальница обязана слѣдитъ за тѣмъ, чтобы училищный врачъ ежедневно посѣщалъ училищную больницу для лѣченія больныхъ и осмотра заболѣвающихъ.

25. Она ежедневно сама навѣщаетъ больницу или же чрезъ больничную надзирательницу освѣдомляется о состояніи заболѣвшихъ воспитанницъ.

26. Если какая либо воспитанница заболѣетъ серьезно и съ опасностію для ея жизни, начальница обязана немедленно на училищный счетъ телеграфировать о томъ родителямъ заболѣвшей и принять всѣ мѣры борьбы съ приключившеюся болѣзнію.

27. Начальница слѣдитъ за тѣмъ, чтобы всѣ требованія врача, записываемыя въ особую, заведенную для того книгу, были вы-

полняемы со всею точностію; скромный столъ во время постовъ она также дозволяетъ воспитанницамъ не иначе, какъ каждый разъ по требованію врача, основательно мотивированному.

28. Больничныя надзирательницы и больничныя горничныя безпрекословно подчиняются распоряженіямъ начальницы.

29. Начальница употребляетъ благоразумныя мѣры взъясненія съ воспитанницъ.

(Уст. Епарх. уч. § 32).

30. Начальница должна употреблять взысканія и мѣры исправленія со строгою разборчивостію въ отношеніи къ ихъ роду и качеству, къ возрасту и характеру исправляемыхъ и отнюдь не должна допускать взысканій грубыхъ и унизительныхъ.

(Уст. Епарх. уч. § 96).

31. Пониженіемъ балла поведенія воспитанницы за совершенныя ею проступки начальница не должна ограничивать мѣры взысканія съ нея, такъ какъ этотъ баллъ служить только оцѣнкою дѣйствительнаго поведенія воспитанницы за известное время.

(Опред. Св. Синода 27 августа—20 сентября 1871 г.).

32. При недѣйствительности принимаемыхъ исправительныхъ мѣръ, начальница обращается къ содѣйствію родителей или училищнаго Совѣта; въ случаѣ важныхъ проступковъ, могущихъ имѣть вредное вліяніе на другихъ воспитанницъ начальница немедленно доноситъ Совѣту, который и исключаетъ виновную изъ училища.

(Опред. Св. Синода 30 іюля—31 августа 1869 г.).

33. Начальница не должна предоставлять какихъ бы то ни было проступковъ со стороны воспитанницы суду и разбирательству другихъ воспитанницъ.

(Опред. Св. Синода 2—17 марта 1871 г.).

34. Она имѣетъ право дѣлать служащимъ при училищѣ должностнымъ лицамъ напоминанія въ случаѣ чьей-либо несправности; а при недѣйствительности напоминанія обращаетъ вниманіе училищнаго Совѣта на несправныхъ.

(Уст. Епарх. уч. § 33).

35. Начальница наблюдаетъ, чтобы не были допускаемы несовременныя посѣщенія воспитанницъ въ училищѣ посторонними лицами.

(Уст. Епарх. уч. § 34).

Примѣчаніе I. Для свиданія родственниковъ съ воспитанницами

завначается опредѣленное, неучебное время, именно: въ буденные дни—отъ 3-хъ до 5-ти часовъ по полудни; въ праздничные же дни—отъ 11-ти часовъ утра (послѣ литургіи) до 1 часу по полудни и отъ 3-хъ до 5-ти часовъ по полудни же.

(Харьк. Еп. Вѣд. 1877 г. стр. 356).

Примѣчаніе II. Не дозволяется никому изъ родителей или родственниковъ, какъ и всѣмъ вообще постороннимъ лицамъ, самимъ отпраляться въ помѣщенія воспитанницъ и оттуда вызывать ихъ въ пріемную, а должны дѣлать заявленія о томъ училищному швейцару, который обязанъ немедленно докладывать дежурной воспитательницѣ.

(Тамъ же).

36. Начальница слѣдуетъ за тѣмъ, чтобы родители и родственники, точно также какъ и довѣренныя отъ нихъ лица видѣлись съ воспитанницами только въ училищной пріемной, чтобы они не входили въ пріемную въ калошахъ и теплой верхней одеждѣ и чтобы они вели себя въ ней прилично: не курили табаку, громко не разговаривали и не смѣялись.

(Ук. Св. Синода 6 марта 1878 г. № 574).

37. Начальница разрѣшаетъ воспитанницамъ отпуски на дни воскресные и праздничные, также и на вакаціонное время.

(Уст. Еп. уч. § 35).

38. Отпуски воспитанницамъ на Рождественскіе и Пасхальныя канкулы начальница разрѣшаетъ только къ родителямъ и родственникамъ, живущимъ въ г. Харьковѣ или въ сосѣднихъ съ нимъ селеніяхъ и въ крайнихъ только случаяхъ—въ дальнія мѣстности.

(Высоч. повелѣніе 5 февр. 1898 г. № 695).

39. Въ учебные дни, хотя бы и во время, свободное отъ учебныхъ занятій, начальница отнюдь не должна допускать отлучки воспитанницъ изъ общежитія безъ особо уважительныхъ причинъ и безъ особаго каждый разъ личнаго ея разрѣшенія.

(Опред. Св. Синода 25 ноября—10 декабря 1886 г. № 2572).

40. Въ воскресные и праздничные дни начальница можетъ увольнять воспитанницъ въ отпуски только къ родителямъ и опекунамъ; къ родственникамъ же и знакомымъ воспитанницы могутъ быть увольняемы начальницей только въ томъ случаѣ, если на то будетъ предварительное позволеніе отъ родителей и опекуновъ съ подробнымъ указаніемъ, кто именно эти родные и знакомые и гдѣ они проживаютъ.

41. Начальница должна слѣдить за тѣмъ, чтобы за отпускаемыми воспитанницами являлись или сами родные лично или же присылали довѣренныхъ лицъ съ письменнымъ заявленіемъ о томъ, кому именно поручаютъ они сопровожденіе воспитанницы.

42. Отпущенной въ роднымъ воспитанницѣ начальница выдаетъ за своею подписью отпускной билетъ, на оборотной сторонѣ котораго должна быть дѣлаема надпись родителями или лицами, которыя, по довѣрью родителей, берутъ въ свой домъ воспитанницу, съ точнымъ обозначеніемъ того, съ кѣмъ и какое время воспитанница возвращается въ училище.

43. Начальница не должна отпускать воспитанницъ изъ общежитія въ училищной одеждѣ.

44. Воспитательницы также не могутъ отлучаться изъ общежитія безъ вѣдома и разрѣшенія начальницы, которой вообще ввѣрятся ближайшій надзоръ за жизнью и поведеніемъ всѣхъ должностныхъ лицъ, проживающихъ въ училищныхъ зданіяхъ.

45. О всѣхъ дѣлахъ по училищу начальница входитъ представленіемъ въ Совѣтъ, а о чрезвычайныхъ случаяхъ немедленно доносить епархіальному Архіерею.

(Уст. Еп. Уч. § 36).

46. Начальница представляетъ въ училищный Совѣтъ двухмѣсячныя и годичныя вѣдомости о поведеніи воспитанницъ.

(Уст. Еп. Уч. § 37).

47. Съ вѣдома начальницы опредѣляется и увольняется вся прислуга училища, которая в состоятъ въ ея распоряженіи.

(Уст. Епарх. ж. уч. § 38).

48. Начальница чрезъ эконома или другое какое либо лицо слѣдить за тѣмъ, чтобы горничныя и сторожа имѣли законный видъ на жительство, не допускали между собою ссоръ, дракъ, пьянства, развратной жизни и вѣжливо обходились какъ съ должностными лицами, такъ и съ воспитанницами.

49. Начальница наблюдаетъ, чтобы безъ надлежащаго разрѣшенія въ зданіяхъ училища не проживали никакія постороннія лица, въ томъ числѣ и родственники и знакомые какъ должностныхъ лицъ, такъ и прислуги.

50. Объ ассигновкахъ на нужды училища начальница входитъ въ Совѣтъ особыми представленіями; въ непредвидѣнныхъ же и неотложныхъ нуждахъ ей предоставляется право дѣлать расходы по училищу на сумму не свыше 50 рублей, съ тѣмъ, чтобы о та-

КОВЫХЪ РАСХОДАХЪ ЕЮ БЫЛО ЗАЯВЛЕНО ВЪ БЛИЖАЙШЕМЪ ЗАСѢДАНІИ СОВѢТА.

(Опред. Св. Синода 28 іюля—11 августа 1882 г. № 1493).

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ. ВАКАНТНЫЯ МѢСТА

Священническія:

Арх.-Михайловская церковь сл. Болыдовки, Старобѣльскаго уѣзда.

Діаконскія:

Николаевская церковь с. Непокрытаго, Харьковскаго уѣзда.

Георгіевская церковь сл. Поповки, Изюмскаго уѣзда.

Николаевская ц. сл. Ботовой, Волчанскаго уѣзда.

Соборно-Успенская церковь города Лебедина.

Успенская церковь сл. Стрѣльцовки, Старобѣльскаго уѣзда.

Всѣхсвятская церковь с. Вировъ, Сумскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

Сомествіевская церковь с. Хатняго, Волчанскаго уѣзда.

Арх.-Михайловская церковь с. Колупаевки, Харьковскаго уѣзда.

Троицкая церковь сл. Васильевки, Лебединскаго уѣзда.

Николаевская церковь с. Груни, Лебединскаго уѣзда.

Николаевская церковь хут. Крысна-Яра, Богодуховскаго уѣзда.

Николаевская церковь с. Синолицевки, Харьковскаго уѣзда.

Р.-Богородичная церковь с. Пушкарнаго, Ахтырскаго уѣзда.

Феодоро-Стратилатовская церковь с. Тучнаго, Лебединскаго уѣзда.

Георгіевская церковь с. Ольховатки, Волчанскаго уѣзда.

Амвросіевская церковь Харьковскаго Епархіальнаго Сирот. Приюта.

Рождество-Богородичная церковь с. Мартовой, Волчанскаго уѣзда.

Николаевская церковь с. Замостья, Зміевскаго уѣзда.

Скорбященская церковь Харьковской мѣщанской Богадѣльни.

Георгіевская церковь сл. Павловки, Богодуховскаго уѣзда.

Троицкая церковь сл. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда.

Александровская церковь города Харькова.
 Рождество-Богородичная церковь с. Будыки, Лебединскаго уѣзда.
 Брестовоздвиженская церковь с. Гончаровки, Буляйскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Адресъ Духовенства г. Харькова Высокопреосвященнѣйшему Іустину, Архіепископу Херсонскому и Одесскому, въ день его пятидесятилѣтняго юбилея. — Архіерейскія служенія и религіозно-нравственныя чтенія 12 октября. — Торжественныя служенія 17 октября. — Заупокойная литургія въ годовщину смерти Государя Императора Александра III. — Открытіе Серафимовскаго Общества трезвости и религіозно-нравственныя чтенія 19 октября. — Торжественныя Архіерейскія служенія 21, 22 (въ гимназін г-жи Драшковской) и 24 октября. — Присоединеніе къ православноѣ вѣрѣ штундиста. — Изъ пастырской практики. — Причины, по которымъ богослуженіе располагаетъ насъ къ сердечной молитвѣ. — Можно-ли заочно совершать чинъ погребенія. — Нужно-ли новому духовнику исповѣдывать грѣхи, открытыя преемству духовному отцу. — Руководственныя указанія готовящихся къ посвященію во диаконовъ и священниковъ. — Добрый пастыр. — Смерть.

Адресъ Духовенства г. Харькова Высокопреосвященнѣйшему Іустину, Архіепископу Херсонскому и Одесскому, въ день его пятидесятилѣтняго юбилея.

Ваше Высокопреосвященство,

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Архипастыръ и Отецъ!

Въ настоящій многознаменательный въ жизни Вашего Высокопреосвященства день и мы, бывшія Ваши духовныя дѣти и сопастыри, пребывающіе въ г. Харьковѣ, священнымъ долгомъ поставляемъ присоединиться къ сонму многочисленныхъ почитателей Вашихъ, чтобы принести поздравленіе съ совершившимся пятидесятилѣтіемъ Вашего славнаго служенія на пользу святой Православной Церкви и нашего дорогаго Отечества.

Городъ Харьковъ это—Вашъ первенецъ по самостоятельному Архипастырскому управленію Св. Церковію. Ему раньше другихъ дано было видѣть, какого достойнаго святителя воздвигъ Господь для украшенія и славы Россійской Іерархіи. Съ свѣжими и крѣпкими силами духа и тѣла, съ чистыми, святыми и благороднѣйшими стремленіями, съ сердцемъ, чуждымъ

всякаго лицепріятія и своекористія, съ рѣдкою преданностію правдѣ и съ безпредѣльною любовію къ каждому, нуждавшіе-муся въ Вашей любви, Вы вступили на Харьковскую Архи-пастьрскую кафедру. Уже о первыхъ дняхъ Вашего Святитель-скаго служенія Харьковской церкви можно было сказать толь-ко словами Евангелія: „Вышелъ сѣятель сѣять сѣмя свое“ (Лук. 8, 5). И мы радовались тому, что это сѣмя было чи-стое, доброе, святое—пшеница безъ всякихъ плевелъ. Настало время оживленной и благотворной дѣятельности. Своими при-мѣромъ и своими мудрыми Архипастырскими распоряженіями Вы усилили проповѣдническую дѣятельность во всей епархіи, Вы возбудили заботу о благолѣпіи Богослуженія, Вы направили энергію подчиненнаго Вамъ духовенства на дѣло рели-гіозно-нравственнаго воспитанія народа. Мы удивлялись Ва-шей искренности, простотѣ и общедоступности, Вашему всег-да справедливому и въ то же время доброжелательному отно-шенію къ подчиненнымъ, въ которыхъ Вы никогда не забы-вали цѣнить личность человѣка. Мы радовались Вашимъ неу-сыпнымъ и истинно отеческимъ заботамъ о нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и общепархіальныхъ нуждахъ. Въ Харь-ковскомъ Духовномъ Училищѣ своими трудами и непосред-ственнымъ личнымъ участіемъ Вы устроили прекрасный новый корпусъ, а зданія старыя преобразовали въ украшенія города. Воспитанники нашей Духовной Семинаріи, отправляемые въ Ду-ховныя Академіи, непрестанно благодарятъ Васъ, увеличивая свои скудные денежныя средства процентами отъ оставленнаго Вами капитала. Въ Епархіальномъ Училищѣ своими забо-тами и щедрыми денежными пожертвованіями Вы устроили обширное зданіе больницы; а на проценты отъ оставленнаго Вами капитала облегчаются нужды учащихся. Въ Купянскѣ Вами было положено твердое начало для устроенія общежитія при тамошнемъ духовномъ училищѣ. Вы жертвовали щедрыя лепты на нужды Ахтырскаго Духовнаго Училища. Вами осно-ванный и лично Вами освященный Епархіальный Свѣчной Заводъ нынѣ даетъ епархіи ежегодно до 85000 рублей и по-крываетъ значительную часть расходовъ по содержанію на-

шихъ духовно-учебныхъ заведеній. Съ живымъ сочувствіемъ Вы отнеслись къ идеѣ епархіальной эмеритуры, а для скорѣйшаго осуществленія внесли въ нее 300 руб. Вы всегда сердечно заботились о бѣдныхъ г. Харькова, и, разставаясь съ наставою, пожертвовали бѣднымъ 500 рублей.

Господь не судилъ Вамъ долго святительствовать въ Харьковской епархіи, но память о себѣ оставили неизгладимую. Много переменъ произошло въ г. Харьковѣ со времени Вашего отбытія, глубоко опечаливашаго въ то время всѣхъ Вашихъ духовныхъ чадъ, Васъ искренно любившихъ. Во многомъ Харьковъ измѣнился до неузнаваемости. Одно только осталось у харьковцевъ неизмѣннымъ и непоколебимымъ: это чувство любви, сыновней преданности и глубоко искренней благодарности къ Особѣ Вашего Высокопреосвященства, то чувство, которое заставляетъ насъ всегда вспоминать о Васъ, славномъ Святителѣ въ сонмѣ великихъ Іерарховъ нашей Церкви, то чувство, которое побуждаетъ насъ радоваться за тѣ епархіи, которыя были преемственно вручаемы Вашему мудрому Архипастырскому управленію, то чувство, которое не только въ настоящій благословенный день, но всегда заставляетъ насъ возносить сердечную молитву Великому Архіерею Пастыреначальнику Христу: да хранитъ Онъ Васъ въ добромъ здравіи и крѣпкихъ силахъ для пользы Своей Святой Церкви еще на многія и многія гѣта.

Вашего Высокопреосвященства Милостивѣйшаго Архипастыря и Отца низжайшіе послушники (*слѣдуютъ подписи духовенства г. Харькова*).

Архіерейскія служенія. Въ воскресенье, 12-го октября, Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, совершилъ Божественную литургію въ харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ, а Преосвященный Стефанъ, епископъ Сумскій, — въ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ.

Въ этотъ же день вечеромъ въ 4 часа по-полудни, въ Пантелеймоновской церкви, что на Пескахъ, состоялось духовно-нравственное чтеніе. Любителей духовно-нравственныхъ чтеній собралось до 700 человекъ.

Передъ началомъ чтенія преосвященный Стефанъ совершилъ вечерню, на которой пѣлъ мѣстный хоръ пѣвчихъ.

По окончаніи служенія Владыка произнесъ поученіе народу на слова 4-й заповѣди „Помни день субботный, его-же святити его“ и развилъ всю важность этой заповѣди для каждаго христіанина. Закончилъ владыка свою рѣчь призываніемъ собравшихся отнестись со вниманіемъ въ предстоящему чтенію священника о. Василія Ветухова.

Передъ началомъ чтенія пропѣта была молитва „Царю небесный“, послѣ которой о. Василій Ветуховъ приступилъ къ чтенію, въ которомъ указалъ, что требуется для того, чтобы отправиться въ Іерусалимъ, въ святія мѣста, гдѣ родился, жилъ, поучалъ, умеръ и вознесся на небо Господь нашъ Іисусъ Христосъ и что можетъ облегчить этотъ путь. Направляя путешественниковъ черезъ Одессу, о. Василій отмѣтилъ особыя услуги на этомъ пути аеонскихъ монаховъ, которые съ искренно-братскою любовію встрѣчаютъ паломниковъ на вокзалѣ и устриваютъ ихъ въ своихъ подворьяхъ, имѣющихся въ г. Одессѣ: Пантелеймоновскомъ, Андреевскомъ и Ильинскомъ. Здѣсь паломники получаютъ пріютъ и пищу, а главное все необходимое для дальнѣйшаго путешествія—морского плаванія. Изъ подворья монахи сами устриваютъ паломниковъ на пароходы по Черному морю.

Въ Константинополѣ паломниковъ также встрѣчаютъ представители Аеонскихъ монастырей и устриваютъ ихъ въ имѣющихся здѣсь подворьяхъ на берегу Босфора.

Здѣсь же паломникамъ монахи предлагаютъ свои услуги по осмотру достопримѣчательностей Константинополя, служба во всемъ безкорыстно и съ полной братскою любовію. Собесѣдникъ рельефно очертилъ величіе древнѣйшаго храма Софіи, обращеннаго нынѣ въ турецкую мечеть, и бѣгло очертилъ красоты Босфора, а затѣмъ подѣлился впечатлѣніями дальнѣйшаго плаванія отъ Константинополя къ Аѳону. Этимъ собесѣдникъ закончилъ описаніе своей поѣздки въ Іерусалимъ и предложилъ послушать чтеніе о земной жизни преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца. По окончаніи этого чтенія собесѣдованіе было закончено пѣніемъ „Достойно есть“, послѣ чего владыка благословилъ народъ и въ 7 час. вечера покинулъ храмъ.

Описанное чтеніе, собравшее до 700 человекъ народа, ясно указываетъ на ту пользу, которую могутъ принести подобныя чте-

ніа, отвлекая народъ въ свободное отъ занятій время отъ разгула и пьянства, давая возможность провести это время разумно и съ большой пользой.

Религиозно-нравственные чтенія въ воскресенье, 12 октября, были предложены еще въ слѣд. пунктахъ: 1) въ Мокровскомъ монастырѣ о. П. Вишняковымъ о вѣрѣ въ Бога и житіе воскреснаго святого; 2) въ Кафедральномъ соборѣ „о смерти тѣлесной и духовной“ и о 7-мъ вселен. соборѣ; 3) на паровозостроит. заводѣ, на Петви. ул., прот. П. Тимофеевымъ объясненіе воскреснаго Евангелія (Лук. 7, 11—16) и благотѣвительская дѣятельность діакона Филиппа в ап Павла; 4) въ выгонныхъ мастерскихъ харьков. вокзала (въ 4 ч. веч.) о. І. Филевскимъ „о путяхъ въ жизни во Христѣ“; 5) въ Михайловской церкви о. Г. Введенскимъ изъясненія воскреснаго Евангелія (Лук. 7, 11—16); 6) на Холодной горѣ, въ мѣщанской богадѣльнѣ, о. Н. Жебичевымъ побѣда христіанства надъ изычествомъ при императорѣ Константинѣ В. и житіе св. мучениковъ Тараха, Прова и Андроника (прочеть семиварствъ 6 кл. Г. Григорьевъ); 7) въ Николаевской—чтеніе изъ проповѣди митрополита Платова на 20 недѣлю и житіе пророка Іереміи; 8) Мирносоицкой—объясненіе воскресн. Евангелія съ чтеніемъ изъ проповѣди Дмитрія, архіеп. Херсонскаго „о преждевременной смерти“ и исторія 7 всел. собора; 9) Вознесенской—прот. Г. Чеботаревымъ объясненія воскреснаго Апостола и Евангелія и о. Д. Поповымъ истолкованіе „Молитвы Св. Духу“; 10) на Журавлевкѣ, въ Петропавловской церкви, о. І. Котовымъ изъясненіе воскреснаго Евангелія; 11) на Занковѣ въ Александроневской церкви, о. В. Шаповаловымъ—„первое чудо Іисуса Христа на братѣ въ Канѣ Галилейской“ и діавономъ І. Ильнымъ житіе дневныхъ святыхъ. Всѣ эти чтенія велись послѣ вечерни, которая начинается въ 5 ч. пополудни.

— *Торжественное Богослуженіе и церковный парадъ 17-го октября*. 17-го октября, въ пятнадцатую годовщину чудеснаго избавленія отъ угрожавшей опасности при крушеніи царскаго поѣзда Государя Императора и Августѣйшей Семьи, въ Харьковскомъ Кафедральномъ Соборѣ Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ Высочайшепросвященнымъ Арсеніемъ была совершена Божественная литургія, а затѣмъ, соборно съ городскимъ духовенствомъ, отслужено благодарственное Господу Богу молебствіе. На богослуженіи въ соборѣ присутствовали генералитетъ и масса мо-

лящихся. По окончаніи Богослуженія на соборной площади состоялся церковный парадъ. Въ концѣ его генераль Случевскій провозгласилъ „ура“ за драгоцѣнное здоровье Государа Императора и Августѣйшей Семьи. Войска и народъ огласили площадь долго не умолкавшими вѣсками „ура“, а оркестръ Пензенскаго полка исполнилъ народный гимнь „Боже Царя храни“!

Въ Спасовомъ Скиту, на мѣстѣ крушенія царскаго поѣзда, близъ станція „Борка“, 17 октября литургію совершалъ Преосвященный Стефанъ. Въ храмѣ находился чудотворный образъ Озерянской Божіей Матери. На богослуженіи присутствовали: и. д. начальника губерніи, г. завѣдующій ж.-д. инвалидными домами, купеческій староста и представители городского управленія. Храмъ былъ переполненъ молящимися. На литургіи Преосвященный Стефанъ произнесъ назидательное слово, помѣщенное въ настоящей книжкѣ.

— *Заупокойная литургія въ годовщину смерти Государа Императора Александра III.* 20-го октября, въ Успенскомъ Кафедральномъ Соборѣ Преосвященнымъ Стефаномъ, епископомъ Сумскимъ, совершена была заупокойная литургія, а послѣ нея Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепискомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, въ сослуженіи Преосвященнаго Стефана и городского духовенства, была отслужена панихида по въ Возѣ почивающемъ Императорѣ Александрѣ III. На богослуженіи присутствовали: командаръ 10-го армейскаго корпуса, управляющій губерніей, городской голова, генералитетъ, представители правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и много молящихся.

Въ этотъ же день были отслужены панихиды по усопшемъ государѣ во всѣхъ церквахъ духовно-учебныхъ заведеній г. Харькова.

— *Открытие Серафимовскаго Общества трезвости.* 19 октября состоялось глубоко отрадное событіе при Каплуновской церкви. Въ этотъ день, послѣ совершенія Божественной литургіи, молебномъ преп. Серафиму Саровскому, который служилъ Преосвященный Стефанъ, при названной церкви открыто Общество трезвости во имя преподобнаго Серафима Саровскаго. Священникъ о. Добровольскій сказалъ слово о значеніи трезвости и о губительности пьянства. Слово это мы помѣщаемъ вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ.

Новооткрывшееся Общество ставитъ своимъ членамъ святую задачу. Оно стремится воплотить въ жизни трезвость, какъ такую

христіанскую добродѣтель, которая состоитъ въ исповѣданіи трезвыхъ, здравныхъ и чистыхъ религіозныхъ убѣжденій, въ соблюденіи цѣломудренныхъ и богобоязненныхъ правилъ жизни и въ удаленіи отъ всего непрстойнаго, разлагающаго добрыя христіанскіе нравы.

Общество съ такими задачами является свѣтлымъ явленіемъ въ нашей жизни. Среди насъ много и христіанъ,—людей слабыхъ, подверженныхъ пьянству, сквернословію и буйству въ жизни. Такимъ людямъ Свято-Серафимовское Общество трезвости и можетъ оказать поддержку, руководство и утѣшеніе.

Эта поддержка будетъ проникнута религіозно-благотворительнымъ характеромъ. Трезвенникамъ при Каплуновской церкви, въ опредѣленные дни, будутъ преподаваться соответствующія назиданія; трезвенники сами будутъ принимать участіе въ богослуженіи своимъ всенароднымъ пѣніемъ; трезвенники будутъ оберегать одинъ другого въ жизни отъ всего загрязняющаго ихъ. Въ этомъ смыслѣ для людей, сильныхъ духомъ, Свято-Серафимовское Общество трезвости послужитъ средоточнымъ центромъ примѣненія ихъ добрыхъ настроеній; для людей же немощныхъ оно будетъ лечебницей,—мѣстомъ поддержки и духовнаго укрѣпленія.

На основаніи сказаннаго, отъ души пожелаемъ вновь зародившемуся Обществу приобрести себѣ прочныя общественныя симпатіи и стать своего рода разсадникомъ добрыхъ нравовъ въ нашемъ шумномъ городѣ.

Слово въ день открытія Свято-Серафимскаго Общества трезвости при Рождество-Богородичной церкви города Харькова, 19 октября 1903 года.

„Не упивайтесь виномъ“. (Ефес. V. 18).

Одинъ изъ важнѣйшихъ недуговъ современнаго общества есть злоупотребленіе спиртными напитками, нетрезвая жизнь. Этотъ недугъ по преимуществу распространенъ въ простомъ рабочемъ классѣ. Какъ, напр., проводятъ эти люди воскресные дни, которые должны быть посвящаемы на служеніе Богу? Самая большая часть рабочихъ въ эти святые дни преда-

ются пьянству со всѣми связанными съ нимъ беззаконіями, о которыхъ стыдно и говорить. А великіе христіанскіе праздники, которые должны служить временемъ особеннаго духовнаго торжества и молитвы, являются у насъ обыкновенно временемъ самаго нескромнаго разгула и пьянства, губящихъ человѣка, — губящихъ, не только духовную, но и тѣлесную его жизнь. Дни рожденія, разныя семейныя торжества, погребенія и поминовенія умершихъ и проч.—все это служить у насъ поводомъ къ неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ, все сопровождается порокомъ пьянства. А сколько такихъ несчастныхъ людей, которые имѣютъ болѣзненное пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ. Таковыя предаются этому гнусному пороку нерѣдко до совершенной потери человѣческаго достоинства; иные изъ нихъ и одного дня не въ состояніи провести въ трезвенномъ состояніи. Поистинѣ пьянство есть самый распространенный порокъ въ нашемъ народѣ.

Между тѣмъ, какъ сильно грѣшати предъ Богомъ люди, преданные этому пороку!

Важнѣйшее значеніе въ жизни и поведеніи человѣка имѣютъ сердечныя чувства и расположенія; мы всегда стремимся и дѣлаемъ то, къ чему расположено сердце, въ чемъ оно находитъ удовольствіе. Какія же чувства и расположенія преобладаютъ въ сердцѣ у пьянаго человѣка? Одни грѣховныя, богопротивныя. У пьяныхъ людей въ сердцѣ—то усиливаются наклонности чувственныя, то появляются мысли и желанія нецѣломудренной жизни, то подымаются враждебныя и здорныя чувства, то возникаютъ прямо преступныя замыслы. И вотъ подъ вліяніемъ такихъ грѣховныхъ сердечныхъ расположеній пьяный человѣкъ говоритъ неподобныя рѣчи, совершаетъ отвратительныя и безнравственныя

поступки, нерѣдко допускаетъ вопіющія беззаконія,— и все это дѣлаетъ въ такомъ неприличномъ видѣ и въ такой степени, что послѣ самъ стыдится самого себя. Вотъ, напр., идетъ толпа пьяныхъ людей: тутъ слышится то безумный смѣхъ, то самая неприличная брань, то рѣчи самыя безсвязныя, то пѣсни самыя безнравственныя; тутъ бывають всевозможныя обиды, ругательства, ссоры, драки. Какихъ слезъ достойны эти несчастные, такъ неблагочинно ведущіе себя! Изъ прекраснаго созданія Божія человѣкъ тогда дѣлается хуже даже неразумнаго животнаго! Больно говорить объ этомъ съ сего святаго мѣста, а между тѣмъ нужно говорить; ибо все это дѣлается на виду у всѣхъ, къ стыду христіанскаго міра, къ униженію святой Православной Церкви Христовой.

Являясь въ отношеніи къ Богу страшнымъ грѣхомъ, даже источникомъ множества грѣховъ, пьянство вмѣстѣ съ тѣмъ есть крайне губительный порокъ въ отношеніи жизни семейной и общественной. „Человѣкъ нетрезвый есть язва семейства и общества. Если онъ—сынъ, то много скорбей приносить онъ родителямъ своимъ нетрезвымъ поведеніемъ и соединенными съ нимъ пороками: онъ злословитъ ихъ, иногда даже подымаетъ руку на своего отца или мать, преждевременно сводитъ ихъ въ могилу и послѣ самой кончины ихъ не молится о нихъ“¹⁾. Если преданный пьянству есть отецъ семейства, то онъ является въ немъ настоящимъ тираномъ: онъ буянитъ, бьетъ жену, бьетъ дѣтей, безумно тратитъ свои скудные заработки на удовлетвореніе своей постыдной страсти, а семейство свое оставляетъ въ крайней нуждѣ, нерѣдко безъ насущнаго хлѣба. Жена его—постоянно въ слезахъ и изну-

¹⁾ Слова Архіеп. Сергія „Бесѣда о нетрезв.“ стр. 10.

рительныхъ трудахъ: дѣти—въ рубищахъ, вмѣсто добрыхъ наставленій они слышатъ сквернословіе и брань. При всемъ томъ преданные пьянству отецъ или мать передаютъ эту губительную страсть своему потомству, дѣтямъ; они такимъ образомъ производятъ цѣлое поколѣніе несчастныхъ людей, подверженныхъ ужасному пороку пьянства.

Бл. сл.! При нашей Каплуновской церкви въ настоящій день, съ благословенія нашего Высокопреосвященнѣйшаго Архипастыря, открывается общество трезвости. Члены этого общества—трезвенники—даютъ Богу обѣтъ не пить водки, оберегать себя отъ неумѣреннаго употребленія вина и вести жизнь трезвенную, по началамъ свят. Евангелія. Вступайте, дорогіе христіане, вступайте въ члены этого общества какъ можно въ большемъ количествѣ. Становясь трезвенниками, вы вступаете на путь доброй истиннохристіанской жизни. Трезвенная жизнь будетъ располагать васъ—любить Бога всѣмъ сердцемъ и всею душою и любить ближняго, какъ самого себя. Она будетъ предохранять васъ отъ гнѣва, сквернословія, жестокости и другихъ тяжелыхъ грѣховъ. Она будетъ способствовать вашему преуспѣванію въ кротости, терпѣніи, незлобіи, скромности, цѣломудріи и въ другихъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, которыми должны отличаться вѣрующіе во Христа, призванные къ наслѣдію вѣчной жизни.

Присоединяйтесь, дорогіе христіане, къ обществу трезвенниковъ, записывайтесь въ него: черезъ это вы не только сами вступите на путь добра, но и будете подавать добрый примѣръ тѣмъ жалкимъ и несчастнымъ братьямъ нашимъ, которые живутъ пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ. Какъ много ни унижаютъ они своею нетрезвостію человѣческое достоинство свое,

какъ глубоко порочны ни являются они по отношенію къ Богу, къ своему семейству и окружающимъ людямъ, но все-же они—братья намъ во Христвъ, искупленные Его пречистою Кровію, призванные къ наслѣдію вѣчной жизни. По любви христіанской нужно позаботиться о нихъ, нужно отклонить ихъ отъ гибельнаго порока и расположить къ трезвенности, къ правдѣ и добру. Ставши трезвенниками, вы будете способствовать выполненію этой столь высокой задачи. Примѣромъ собственной трезвенной и богоугодной жизни, своимъ добрымъ вліяніемъ, вы будете привлекать въ общество трезвости и этихъ несчастныхъ братій нашихъ. Этимъ путемъ вы возвратите свѣтлые дни радости убитой горемъ семьѣ; дѣти вновь получаютъ своего дорогого отца, а жена—честнаго, работающаго мужа. Предъ вами—трезвенниками—откроется широкое поле разумной, богоугодной, полезной жизни и дѣятельности.

Наше общество трезвости избираетъ своимъ небеснымъ покровителемъ новоявленнаго угодника Божія, преподобнаго Серафима Саровскаго. Этотъ въ высшей степени смиренный или, какъ онъ самъ называлъ себя, „убогій Серафимъ“ былъ избраннымъ сосудомъ благодати Божіей, былъ великимъ учителемъ воздержанія и молитвы. Путемъ подвиговъ самаго строгаго поста и непрестанной молитвы онъ достигъ высокой степени святости: онъ преисполненъ былъ христіанскою любовію ко всѣмъ, служилъ образцомъ милосердія, кротости, незлобія, цѣломудрія и другихъ христіанскихъ добродѣтелей. Намъ недоступны тѣ великіе подвиги воздержанія и молитвы, при помощи которыхъ преподобный Серафимъ вошелъ на высоту христіанскихъ добродѣтелей. Постараемся по крайней мѣрѣ подражать ему своимъ воздержаніемъ отъ спиртныхъ

напитковъ, отъ пьянства и соединенныхъ съ нимъ пороковъ—сквернословія, злословія, жестокости, разврата и др. Дадимъ святой обѣтъ вести жизнь трезвенную и богоугодную. А чтобы намъ тверже стоять въ принятомъ рѣшеніи, будемъ чаще призывать на помощь преподобнаго Серафима Саровскаго—нашего заступника и покровителя. Горя любовію къ людямъ, онъ не задолго до своей смерти говорилъ имъ: „Когда меня не станетъ, вы ко мнѣ на гробикъ ходите! Какъ вамъ время, вы и идите, чѣмъ чаще, тѣмъ и лучше. Все, что есть у васъ на душѣ, что бы ни случилось съ вами, о чемъ-бы ни скорбѣли, приходите ко мнѣ, да все свое горе съ собой и принесите на мой гробикъ! Припавъ къ землѣ, какъ живому все и расскажите; и услышу я васъ, вся скорбь ваша отлетитъ и пройдетъ! Какъ вы съ живымъ всегда говорили, такъ и тутъ! Для васъ я живой есть, буду и во вѣки ¹⁾. Будемъ и мы, дорогіе христіане, помнить эти любвеобильныя слова святаго старца Серафима; будемъ чаще и чаще припадать къ нему, предъ его честнымъ образомъ, прося помощи и поддержанія въ жизни трезвенной и богоугодной. Аминь.

Желающіе вступить въ члены Свято-Серафимскаго Общества трезвости могутъ обратиться съ заявленіемъ своего желанія къ о. Предсѣдателю, протоіерею Рождество-Богородичной (Каплуновской) церкви г. Харькова Василію Добровольскому.

— *Религіозно-нравственныя чтенія* въ Воскресенье, 19-го октября, были предложены въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) *въ Покровскомъ монастырѣ* о. П. Вишняковымъ—о свойствахъ Божіихъ и житіе святаго; 2) *въ Кафедральномъ соборѣ*—изясненіе „притчи о сѣятелѣ и сѣмени“ и „чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери (22 окт.); 3) *на паровозостроительномъ заводѣ*, на Пе-

¹⁾ Жизнеописаніе препод. Серафима. Поселянина стр. 146.

тняской ул., о. Н. Шесте—объясненіе воскреснаго Евангелія (Лук. 8, 5—15) и Благовѣстныя труды апостоловъ Петра, Іакова и Іоанна 4) *въ Михайловской церкви* о. Г. Введенскимъ—изъясненіе воскреснаго Евангелія на тему: „отъ чего зависить различное принятіе людьми слова Божія“? 5) *въ Преображенской, на Москалскъ*, — о. П. Фоминномъ—объ „обязанности Богопознанія“; 6) *въ Петропавловской, на Журавлскъ*, — о. І. Петровскимъ—объясненіе притчи Христовой о сѣятелѣ; 7) *въ Вознесенской*—о. Д. Поповымъ—истолкованіе молитвы Господней и прот. Г. Чеботаревымъ объясненіе воскреснаго апостола и евангелія; 8) *въ Мироносицкой*—объясненіе воскреснаго евангелія съ чтеніемъ изъ бесѣды архіеп. Херсонскаго Дмитрія на эту тему и о чудѣ 17-го октября; 9) *на Основѣ*, въ Квиткинскомъ домѣ, чтеніе и противосектантское изъясненіе 7-й главы Евангелія отъ Маттея; 10) *на Заиковскъ*, въ Александро-Невской церкви, о. В. Шаповаловымъ—„изгнаніе Христомъ торгующихъ изъ храма“ и діакономъ В. Рудниковскимъ—„о происхожденіи всеобщаго бдѣнія и понятіе о немъ“; 11) *во Всѣхъ-Святской церкви*—объясненіе „начальныхъ молитвъ“ и житіе преподобнаго Іоанна Рыльскаго; 12) *на Холодной горѣ*, въ иѣщанской богадѣльнѣ,—о св. Василіи Великомъ и преподобн. Іоаннѣ Рыльскомъ; 13) *въ Николаевской*,—чтеніе изъ твореній св. Тихона Задонскаго на 21 недѣлю и житіе пророка Ілія; 14) *въ Дмитріевскомъ*—„вакая молитва угодна Богу“; 15) *на Панасовскъ*, въ вагонныхъ мастерскихъ (въ 4 ч. веч.), о. І. Филевскимъ—„о законѣ Христовомъ и заповѣдяхъ Его“; 16) *въ Пантелеймоновской церкви*, священникъ Василій Вегуховъ продолжилъ собесѣдованіе о личныхъ впечатлѣніяхъ послѣ поѣздки его въ Палестину и Ассію, а священникъ Іоаннъ Приходинъ прочелъ житіе преподобнаго Серафима Саровскаго чудотворца.

Всѣ эти чтенія велись послѣ вечерни, которая начинается въ 5 ч. пополудни.

— *Богослуженіе и церковный парадъ 21 октября*. По случаю Высочайшею Божию днѣю востшествія на престолъ Государя Императора Николая Александровича, въ Успенскомъ Кафедральномъ Соборѣ Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, въ сослуженіи Преосвященнаго Стефана, епископа Сумскаго, 21 октября, въ 9^{1/2} часовъ утра, была совершена божественная литургія и, по окончаніи ея, соборне съ го-

родскимъ духовенствомъ, благодарственное Господу Богу молебствіе. На богослуженіи въ Соборѣ присутствовали: начальникъ главнаго управленія почтъ и телеграфовъ, командиръ 10 армейскаго корпуса, в. д. губернатора, попечитель учебнаго округа, старшій предсѣдатель судебной палаты, предсѣдатель окружнаго суда, ректоръ университета, вице-губернаторъ, городской голова, генералитетъ; храмъ былъ переполненъ молящимися.

По окончаніи богослуженія на Соборной площади состоялся обычный церковный парадъ. Когда командиръ корпуса поздравилъ войска съ Высочайшимъ днемъ восшествія на престолъ Государи Императора и провозгласилъ за здоровье Державнаго Вожди русской арміи „ура“, войска и присутствовавшая на площади публика покрыла слова командира корпуса долго не смолкавшимъ „ура“, а оркестръ Тамбовскаго полка исполнилъ народный гимнъ „Боже, Царя, храни“.

— *Актъ изъ женской гимназіи Е. Н. Драшковой.* 22-го октября н. г., въ женской гимназіи Е. Н. Драшковой состоялся годичный актъ. Въ этотъ же день эту частную гимназію благоволилъ почтить своимъ присутствіемъ Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій. Предъ началомъ акта, здѣсь же, Владыка, при участіи духовныхъ лицъ, отслужилъ благодарственное Господу Богу молебень, по окончаніи котораго сказалъ назидательное слово, которое помѣщено нами въ началѣ настоящей книжки нашего журнала.

На молебнѣ и актѣ присутствовали: начальница института благородныхъ дѣвицъ Е. М. Ершова, командиръ 10-го армейскаго корпуса К. К. Случевскій, попечитель учебнаго округа М. М. Алексѣенко, предсѣдатель харьковскаго окружнаго суда В. В. Неварочкинъ, ректоръ университета Н. О. Куплеваскій, приглашенные гости и родители ученицъ. По отчету за истекшій годъ, прочитанному на актѣ, гимназія состояла изъ приготовительнаго семи нормальныхъ и VIII дополнительнаго класса. Въ гимназіи принимались, по обычаю прежнихъ лѣтъ, воспитанницы исключительно христіанскихъ вѣровсповѣданій. Воспитанницъ въ отчетному году состояло 212. Закончился актъ народнымъ гимномъ: «Боже, Царя храни», исполненнымъ хоромъ ученицъ.

— *Престольный праздникъ.* Скорбищенская церковь при харьковской мѣщанской богадѣльнѣ 24 октября праздновала престольный праздникъ, наканунѣ котораго, 23 октября, была отслужена

въ ней мѣстнымъ причтомъ заупокойная литургія в навикна объ усопшихъ священнослужителяхъ, создателяхъ и благотворителяхъ храма; въ день же праздника—Божественная литургія и молебны были отслужены Преосвященнѣйшимъ Стефаномъ, Епископомъ Сумскимъ.

— *Присоединеніе къ православной Церкви Христовой штундиста.* 5-го октября н. г. въ Успенской церкви села Малыжно, Богодуховскаго уѣзда, происходило торжество присоединенія къ православной церкви Христовой штундиста Ал. Лазурка. Предъ началомъ Божественной литургіи, въ присутствіи всѣхъ собравшихся на молитву въ храмъ Божій, совершенъ былъ „Чинъ како пріимати приходящихъ ко православнѣй церкви отъ штундизма“. Всѣмъ молвившимся въ храмѣ пришлось видѣть и слышать совершеніе сего „Чина“ первый разъ въ жизни, а посему и впечатлѣніе для православныхъ чадъ церкви получило глубокое, назиданіе высокопоучительное... При совершеніи чинопріема надъ возжелавшимъ войти вновь въ лоно православной церкви Христовой, всѣ бывшіе въ храмѣ православные во-очію убѣдились, сколь великое и душепагубное зло штунда и какъ надо ея оберегаться; всѣ они почувствовали, сколь великій и тяжкій грѣхъ предъ Господомъ Богомъ и Св. Церковію дѣлаетъ тотъ, кто оставляетъ воспитавшую его съ младенчества Св. мать церковь, презираетъ ея богомудрыя руководства и наставленія, „яже къ животу и благочестію“; измѣняетъ православной вѣрѣ и переходитъ въ штунду, общество людей, превращающихъ благовѣствованіе Христово и забывшихъ слова апостола. *Если бы даже мы, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѡема.* (Галат. 1, 6—8). *Если кто церкви не послушаетъ, тотъ да будетъ какъ язычникъ и мытарь.* (Мѡ. 18,—17). Посему то въ виду тяжести грѣха, состоящаго въ измѣнѣ ученію Христову и существуетъ для кающихся въ своихъ заблужденіяхъ штундистовъ особый чинъ пріятія ихъ въ св. православную церковь.

Вотъ присоединяемый на вопросы пастыря церкви, въ слухъ всѣхъ, произносить въ отвѣтахъ отреченія отъ своихъ еретическихъ заблужденій; вотъ онъ исповѣдуетъ предъ всѣми и вѣру свою въ тѣ истины православной вѣры христіанской, которыя въ еретичествѣ дерзалъ отрицать. При торжественномъ пѣніи псалма: „Боже, ущедри ны и благослови ны, просвѣти лице твое на ны

и помилуйны“... присоединяемый вводится во св. храмъ, приходитъ предъ св. алтарь и преклоняетъ колѣни свои и главу... Пѣніе псалма оканчивается... При глубокомъ вниманіи и благоговѣнной настроенности молящихся ко всему совершающемуся, въ храмѣ водворяется тишина... Настаетъ давняя, торжественная минута... „Спаси раба твоего, Боже мой, уповающаго на тя“—молятся священникъ. „Буди ему, Господи, столпъ крѣпости отъ лица вражія... Сопричти его избранному твоему стаду: сотвори его сосудъ честенъ и жилище Святаго Твоего Духа“... Свое отреченіе отъ ереси и свое обѣщаніе хранить „цѣлу и ненарушиму“ вѣру православную и соблюдать „даже до конечнаго издыханія“ всѣ заповѣди ея присоединяемый утверждаетъ лобызаніемъ Св. Евангелія и Креста Господня, здѣсь же лежащихъ на уготованномъ столѣ. Тогда только надъ колѣнопреклоненнымъ присоединяемымъ священникъ произноситъ разрѣшительную молитву и свидѣтельствуєтъ о его присоединеніи къ православной церкви Христовой:.. „И азъ данною мнѣ (отъ Господа) властію, присоединяю тя ко православнѣйшей церкви и привожу ко общенію Божественныхъ таинствъ церковныхъ, и благословляю тя именемъ Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь“... За Божественной литургіей новоприсоединенный отъ шундизма ко православной церкви крестьянинъ Лазурко сподобился принять Св. Тайны Христовы во оставленіе грѣховъ своихъ и въ жизнь вѣчную...

Съ чувствомъ душевной радости отмѣчаемъ сіе событіе, ибо и у Ангеловъ Божіихъ на небесахъ бываетъ радость объ одномъ грѣшникѣ кающемся. (Лк. 15,—10).

Священникъ Ник. Загоровскій.

— *Причины, почему церковное Богослуженіе не только не располагаетъ насъ иногда къ сердечной молитвѣ предъ Богомъ, не приноситъ намъ благодатнаго утѣшенія и умиленія, но нерѣдко вноситъ въ наше сердце какое-то равнодушіе, холодность, скуку, а для тѣла сопровождается сонливостью, безпокойствомъ, усталостью и даже измученіемъ.*

Такія причины бываютъ двухъ родовъ: 1) въ насъ самихъ и 2) въ порядкѣ совершенія Богослуженія и часто въ характерѣ чтенія и пѣнія и возгласовъ за Богослуженіемъ.

I. Причины, заключающіяся въ насъ самихъ слѣдующія:

Первая и главная—неподготовленность къ Богослуженію: а) чрезъ невоспитаніе въ себѣ чувства благоговѣнія къ Богу и всему Бо-

жественному, б) чрезъ отсутствіе сосредоточенности мыслей, чувствъ и вниманія.

За часъ до начала Богослуженія полезно уединиться въ келліи, сосредоточивать свои мысли, чувства и вниманіе на значеніи и великой важности предстоящаго Богослуженія и, ничѣмъ не развлекаясь по дорогѣ, идти къ Богослуженію.

Вторая причина—предпочтеніе устной, внѣшней молитвы съ крестнымъ знаменіемъ и поклонами—молитвѣ сердечной, внутренней, а главное—простому, безыскусственному, неукищренному сокрушенію о своихъ грѣхахъ, возгрѣванію въ себя—*покаянно* чувства предъ Богомъ,—сердца сокрушенна и смиренна.

Третья причина—легкомысленная разсѣянность въ томъ, что не относится къ содержанію совершаемаго Богослуженія, осматриваніе стѣвъ храма, молящихся, входящихъ и выходящихъ, слушаніе случайныхъ разговоровъ и прислушиваніе ко всякому шуму въ церкви.

Четвертая причина—осужденіе овященнослужителей, чтецовъ и пѣвцовъ, стремленіе подмѣчать у нихъ промахи и пропуски.

Пятая причина—увлеченіе красотами церковнаго краснорѣчія въ молитвословіяхъ, красотами церковнаго пѣнія и голосами чтецовъ и пѣвцовъ съ оставленіемъ молитвеннаго настроенія.

Шестая причина—лишеніе себя должнаго отдыха предъ Богослуженіемъ и вслѣдствіе того чувство усталости, изнуренія, сонливости, скуки, нетерпѣнія, малодушія.

Седьмая причина—вялость въ молитвѣ и непринужденіе себя къ молитвѣ духомъ бодрымъ, мужественнымъ съ воодушевленіемъ, съ вѣрой и надеждою получить просимое.

Осьмая причина—незаботливость о должной степени вниманія всего за Богослуженіемъ не только въ самое время совершенія Богослуженія, но и въ прочее время.

Девятая причина—удовлетворенность тѣмъ участіемъ въ Богослуженіи, какое считается обыкновеннымъ у мирянъ, и неисканіе отъ Бога *благодатной* силы, которая заключается въ молитвословіяхъ за богослуженіемъ.

Десятая причина—забывчивость о Богослуженіи вскорѣ послѣ совершенія онаго и незаботливость о поддержаніи въ себѣ молитвеннаго настроенія послѣ выхода изъ храма.

II. Причины, заключающіяся въ порядкѣ совершенія Богослуженія и часто въ характерѣ чтенія и пѣнія и возгласовъ за Богослуженіемъ.

Первая и главная—пропуски противъ церковнаго устава, напримѣръ а) въ каѳизмахъ на вечернѣ, полунощницѣ утрени; б) библейскихъ чтеній при канонахъ утрени; в) въ полчеловичьихъ псалмахъ; г) въ пѣніи 1, 2 и 3-го псалма на утрени и 103 псалма на вечернѣ; д) въ стихахъ псаломскихъ на „Господи воззвахъ“; е) въ ирмосахъ и тропаряхъ каноновъ на утрени и повечеріи; ж) тропаряхъ и стихирахъ на „блаженнѣ“ и аллилуаріевѣ; з) Вогородичнаго канона за повечеріемъ и особенно и) положенныхъ по Типикону назидательныхъ чтеній.

Вторая причина—возгласы, чтеніе и пѣніе неблагоговѣйныя или неправильныя, не въ тонѣ, не по гласу или, торопливыя, невнятные, невыразительныя, или слишкомъ громкія или слишкомъ тихія или съ „агрой голоса“ безъ нужды.

Третья причина—незаботливость самихъ священнослужителей, чтецовъ и пѣвцовъ въ должной степени уразумѣть все за Богослуженіемъ и, проникнувшись этимъ, произносить и пѣть съ теплымъ сердечнымъ молитвеннымъ чувствомъ, съ сокрушеніемъ о грѣхахъ, съ воззваніемъ къ Богу „отъ всея души и всего помышленія“, съ благодарной любовью къ Богу за Его невзреченное милосердіе къ намъ грѣшнымъ.

Четвертая причина—удовлетворенность священнослужителей, чтецовъ и пѣвцовъ тѣмъ совершеніемъ богослуженія, какое считается обыкновеннымъ у мірянъ, и неисканіе отъ Бога *благодатной* силы, которая заключается въ возгласахъ, молитвословіяхъ и священныхъ дѣйствіяхъ за богослуженіемъ.

Пятая причина—виѣшнее отношеніе къ совершенію Богослуженія, какъ-бы только наблюденіе за однимъ *порядкомъ* Богослуженія.

Шестая причина—незаботливость о томъ, чтобы за всякимъ Богослуженіемъ употребить всѣ возможные способы къ постепенному образованію внутренней духовной связи между священнослужителями, чтецами и пѣвцами съ одной стороны и между богомольцами—съ другой, такъ чтобы *расположить воодушевить ободрить, утѣшить, укрѣпить, сосредоточить* вниманіе молящихся самымъ совершеніемъ богослуженія; для достиженія этого особенно необходима проповѣдь и, если возможно, безъ записи ея, живую рѣчь.

Седьмая причина—недостаточная или даже малая подготовленность къ совершенію Богослуженія какъ самихъ священнослужи-

телей, согласно всѣмъ указаніямъ для сего даннымъ въ „Учительномъ Извѣстіи“ при Службникѣ, такъ и чтецовъ и пѣвцовъ — вслѣдствіе несмотрѣнія предварительно до Богослуженія не только порядка совершенія онаго по богослужебнымъ книгамъ, но и содержанія читаемаго и поемаго и вслѣдствіе отсутствія или недостаточности предварительныхъ свѣвокъ.

Осьмая причина — непониманіе того, что важны — не громогласіе, не сочность, красота и игра голоса, а вѣрный тонъ, отчетливость, выразительность и скромность въ возгласахъ, чтеніяхъ и пѣснопѣніяхъ.

Священникъ или архіерей, какъ пастырь своего стада, произносятъ возгласы и молитвословія пѣвнымъ, краткимъ и ласковымъ голосомъ, подобно пастушеской свирѣли.

Діаконъ или протодіаконъ звучнымъ и сильнымъ голосомъ произносятъ прошенія и молитвословія подобно трубѣ.

Чтецы и пѣвцы — умильными, краткими и *плачными* голосами совершаютъ чтеніе и пѣніе, уподобляясь настроеннымъ въ минорные аккорды пѣвнымъ струннымъ инструментамъ.

Девятая причина — увлеченіе священнослужителей, чтецовъ и пѣвцовъ красотами церковнаго краснорѣчія въ молитвословіяхъ, красотами церковнаго пѣнія и голосами съ оставленіемъ молитвеннаго настроенія.

Десятая причина — непониманіе того, что какъ произношеніе возгласовъ, такъ и чтеніе и пѣніе за Богослуженіемъ должны быть въ строгомъ соотвѣтствіи древнимъ лучшимъ для сего образцамъ (нѣкоторые изъ этихъ образцовъ помѣщены въ книжкахъ „Пособіе къ церковному чтенію, положенное для вразумительности чтенія на ноты“ псаломщикомъ Евѣміемъ Богдановымъ, и „Методъ богослужебныхъ возгласовъ, положенныхъ на ноты“ іеромонахомъ Геронтіемъ Кургановскимъ).

Для гласоваго пѣнія лучшіе древніе образцы находятся въ нотныхъ книгахъ Синодальнаго изданія („Обиходъ“ полномъ, сокращенномъ, учебномъ, въ „Октоихъ“, въ „Ирмологіи“, въ „Триоди постной и цвѣтной“ и въ „Праздникахъ“, а особенно въ изданіи общества любителей древней письменности „Кругъ церковнаго древняго знаменнаго пѣнія“ въ шести частяхъ).

Какъ чтеніе, такъ и пѣніе церковное должны быть умительны и, слѣдовательно, должны возбуждать чувства по преимуществу тихой грусти и сокрушенія о грѣхахъ, серьезнаго душевнаго на-

строенія, отрезвляющаго насъ, и имѣть всегда молитвенный характеръ.

„Читая въ церкви, помни всегда, что твоими устами произносится и возносится къ Престолу Божию молитва всѣхъ предстоящихъ и что каждое произносимое тобою слово должно проникать въ слухъ и душу каждаго молящагося въ храмѣ“. Это прекрасный совѣтъ одного опытнаго архиерея священникамъ, діаконамъ и чтецамъ.

Какъ одно изъ лучшихъ средствъ къ уразумѣнію смысла молитвословій за Богослуженіемъ признается чтеніе Священнаго Писанія, твореній святыхъ отцевъ, четій-миней и самыхъ Богослужебныхъ книгъ.

Кромѣ всего вышеизложеннаго должно всегда помнить, что соотвѣтственно содержанію нашихъ молитвъ долженъ слагаться весь строй нашей жизни до самыхъ послѣднихъ мелочей; если-же мы не заботимся о такомъ именно устроеніи нашей жизни, то никакое Богослуженіе не принесетъ намъ никакой пользы для нашего душевнаго спасенія. *Епископъ Антоній*. «Тоб. Еп. Вѣд.».

Нужно-ли новому духовнику исповѣдывать грѣхи, открытые прежнему духовному отцу, имъ разрѣшенные? Означенный вопросъ нерѣдко предлагаютъ приходящіе къ исповѣди своимъ отцамъ духовнымъ: «а что, батюшка, нужно мнѣ исповѣдываться въ тѣхъ грѣхахъ, которые я раньше исповѣдывалъ прежнему своему о. духовному». Этотъ вопросъ ставитъ многихъ о.о. духовниковъ въ затрудненіе: не принять на исповѣдь эти грѣхи—не удовлетворить, значитъ, совѣсти кающагося, а принять на исповѣдь, значитъ, считать прежнюю исповѣдь и прежнее разрѣшеніе неполными и несильными.

Съ этимъ вопросомъ обращались за разъясненіемъ къ покойному о. архимандриту Павлу Прусскому и одному лицу онъ далъ довольно подробное и интересное сужденіе по этому весьма важному вопросу.

«Вы—писаль-онъ,—спрашиваете меня: если у кого умереть отецъ духовный, или по другому какому *необходимому* случаю пойдетъ кто къ другому отцу духовному, то нужно-ли неотмѣнно ему снова всѣ грѣхи свои сказывать новому духовнику, или нѣтъ?

Въ правилахъ св. отецъ о томъ, чтобы вторично для разрѣшенія всѣхъ грѣховъ сказывать новому духовнику, того не обрѣтается, а во св. Евангеліи о семъ писано сице: Господь нашъ Іисусъ Хри-

стость, дунувъ на св. Своихъ учениковъ и апостоловъ по воскресеніи, сказала: *«Пріимите Духъ Святъ. Имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите держатся»* (Іоан., зач. 65) и пакъ: *«же аще разрѣшите на земли, будетъ разрѣшено на небеси»* (Матѣ., зач. 67).

Изъ сихъ словъ Спасителя явственно доказывается, что грѣхи въ таинствѣ исповѣди порученными отъ Христа лицамъ—отпускаются отъ Христа Духомъ Святымъ.

«Пріимите Духъ Святъ»... примите навсегда, а не на время только жизни священника, которому кающийся исповѣдывается: священникъ умирать, а отпущеніе грѣховъ, имъ сдѣланное, уже совершилось на небеси, и грѣхи на разрѣшеннаго пакъ не возвращаются. Если же грѣхи со смертію духовника на кающагося въ нихъ не возвращаются, то для чего же можетъ явиться нужда отъ новаго отца духовнаго испрашивать вторичное разрѣшеніе во грѣхахъ, уже разрѣшенныхъ? Не будетъ-ли это невѣріемъ разрѣшенію перваго духовника?

И если ему не нужно вторичное разрѣшеніе, то вѣтъ необходимости новому духовнику всѣ грѣха, исповѣданные первому духовнику, вторично исповѣдывать.

Можетъ случиться кающемуся идти къ третьему, или четвертому и т. д. отцу духовному, и если онъ въ этихъ духовникахъ понесетъ прежде исповѣданные грѣхи, то значить, онъ будетъ распространять *свое невіріе* въ слѣдъ разрѣшенія и на второго и на третьаго и т. д. духовниковъ, а такое невѣріе будетъ вопреки слову Божию *«же разрѣшите на земли, будетъ разрѣшено на небеси»*. И такъ, мы, основываясь на словахъ св. Евангелія, должны имѣть твердую вѣру въ таинство покаянія: что разрѣшеніе отъ отцовъ духовныхъ, пріемшихъ чрезъ апостоловъ отъ Христа власть, разрѣшенныя имъ намъ согрѣшенія полагать разрѣшенными и на небеси—не упреждается ни смертію духовника, не прекращается и переходомъ къ другому духовнику.

Но тѣ грѣхи, въ которыхъ кающийся не получилъ отъ перваго отца своего духовнаго разрѣшенія, неостигливо новому духовнику исповѣдать. И если получилъ разрѣшеніе, но не чистосердечно исповѣдался, т. е. не положилъ твердаго намѣренія отъ грѣховъ отступитъ, но впрѣ имъ остался и тако Св. Таинъ причащаяся, такому надо и положить твердое намѣреніе впродъ грѣха тако не дѣлать, и вному духовному отцу о томъ исповѣдывать: что

онъ раскаявался не чистосердечно, силы воли или твердаго намѣренія не имѣлъ въ исправленію, ибо истинное покаяніе то и есть, еже имѣти намѣреніе со всею силою воли впредь сохранитися отъ грѣха.

Если новый отецъ духовный искусенъ въ разсужденіи, то не худо ему сказать первые грѣхи, но токмо для *совѣта и наставленія*, какъ отъ нихъ лучше побережся, чтобы въ оныя грѣхи неки не впасть, *но не для разуряженія*. И это не обязательно, а только для пользы и совѣта.

Итакъ, возлюбленнѣйшій, что я могъ, то тебѣ написалъ, а если въ чемъ тебя Богъ вразумилъ согласіе со св. Евангеліемъ, тому и я послѣдовать согласенъ, да будетъ паче всего Вожеіе, а не наше разсужденіе». Свящ. В. О—овъ.

— *Можно ли заочно совершать чинъ погребенія по усопшемъ, погребенномъ безъ священническаго отпѣванія*. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ приводимъ здѣсь слѣдующую справку. По поводу погребенія въ Донской епархіи одной женщины безъ священно-церковно-служителей, послѣдовало (5 авг. 1862 г.) Высочайшее повелѣніе, чтобы погребеніе умершихъ безъ отпѣванія не было допускаемо (ук. Св. Синода на имя донск. преосвящ. отъ 28 авг. 1862 г.). А какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда врякожане сами, по уважительнымъ причинамъ, погребаютъ покойниковъ на приходскомъ кладбищѣ или въ другихъ мѣстахъ и потомъ обращаются къ священнику съ просьбою заочно отпѣть такихъ покойниковъ, — руководствомъ на этотъ разъ можетъ служить распоряженіе самарской духовной консисторіи (послѣдовавшее въ 1878 г.), въ слуху котораго заочное погребеніе можетъ быть допущено только въ крайнихъ случаяхъ, когда, напр., кто-либо изъ православныхъ христіанъ умереть вдали отъ церкви и будетъ похороненъ, за немнѣніемъ священника, безъ христіанскаго погребенія самими родственниками умершаго и другими лицами. Въ семъ случаѣ священникъ можетъ внаслѣдствіи заочно совершать чинъ погребенія по умершемъ и записать его въ метрическія книги; но то и другое можетъ быть допущено только тогда, когда родственники или другія лица предъявятъ священнику удостовѣреніе отъ сельскаго или полицейскаго старосты, или отъ хуторскаго полицейскаго сотника, или отъ другихъ какихъ-либо лицъ волостныхъ в сельскихъ властей о днѣ и причинѣ смерти и преданія умершаго землѣ. Подобное распоряженіе сдѣлано донскимъ приказомъ общественнаго призрѣнія относительно подкидышей: «Если по какимъ-либо причи-

намъ, напр. по разлитію рѣкъ, распутищъ и т. п., невозможно доставить умершаго ребенка въ приходскую церковь для совершенія погребальнаго обряда, то воспитатели и кормилицы, доведя до свѣдѣнія сельскаго начальства, погребаютъ его установленнымъ порядкомъ на кладбищѣ и, взявъ отъ сельскихъ властей записку о днѣ смерти и погребенія дитяти, представляютъ оную въ удобное время приходскому священнику, который, отслуживъ погребеніе по умершемъ ребенкѣ, выдаетъ метрическую выписку о смерти его“ (см. „Права и обязанности пресвитеровъ“ П. Забѣлина. Кіевъ 1899 г., стр. 304—305).

— *Руководственные указанія готовящимся къ посвященію во діаконовъ и священниковъ.* Ставленники во діаконовъ и священниковъ по незнанію тѣхъ дѣйствій, которыя они должны пройти при посвященіи ихъ, приходятъ въ крайнее замѣшательство, путаются и нерѣдко дѣйствуютъ не впопадъ и не такъ, какъ имъ нужно дѣйствовать. Не имѣя возможности, при такихъ условіяхъ, сохранять благоговѣнное настроеніе духа, особенно необходимое имъ въ эти святые для нихъ минуты, когда подается имъ Божественная благодать священства, они въ то же время разсѣиваютъ это чувство у другихъ, чѣмъ вызываютъ справедливое на себя недовольство и нареканія. Во избѣжаніе этого рекомендуется ставленникамъ: 1) твердо запомнить чинъ рукоположенія до самыхъ мельчайшихъ его подробностей, 2) выучивъ чинъ, непременно посмотрѣть примѣненіе его на дѣлѣ при посвященіи другого лица и 3) напрактиковать себя въ исполненіи его дома, въ какомънибудь уединенномъ мѣстѣ. Для сего предлагается подробное изложеніе чина: а) при рукоположеніи во діакона и б) при рукоположеніи во священника. Независимо же отъ сего, и главнымъ образомъ, нельзя не порекомендовать каждому готовящемуся къ рукоположенію во діакона или во священника обязательно предварительно ознакомиться хорошо съ *служебникомъ*, а нѣкоторыя мѣста изъ него, какъ напр., входныя молитвы, молитвы при облаченіи, эктениі (діаконъ) и возгласы (священникъ), слова предъ принятіемъ Св. Тѣла и питіемъ Св. Чаши, должно заучить наизусть до рукоположенія въ тотъ или другой священникъ санъ.

Рукоположеніе во діакона бываетъ на литургіи послѣ освященія Св. Даровъ, именно, послѣ произнесенія архіереемъ словъ: „И да будутъ милости Великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа со всѣми вами“. Рукополагаемый послѣ этихъ словъ ведется вподіаконами отъ середины церкви (солев) къ царскимъ вратамъ. Когда

дїаконъ возглашаетъ „повела“, рукополагаемый дѣлаетъ поясной поклонъ; при возглашеніи другимъ дїакономъ „повелите“ онъ повторяетъ поясной поклонъ; а при возглашеніи протодїакономъ „повели, Преосвященнѣйшій Владыко“, онъ дѣлаетъ земной поклонъ архіерею, сидящему на каедрѣ у лѣвой стороны св. престола. Затѣмъ рукополагаемый обходитъ за протодїакономъ св. престолъ трижды, при чемъ при каждомъ обхожденіи цѣлуетъ указываемыя протодїакономъ св. мѣста престола (край престола), говоря: „Святый Боже, Святый Врѣпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ“. Послѣ перваго обхожденія онъ кланяется архіерею въ землю, встаетъ, крестится и цѣлуетъ конецъ омофора, а потомъ руку архіерея, и опять кланяется архіерею въ землю. Послѣ втораго обхожденія кланяется архіерею также въ землю, встаетъ, крестится и цѣлуетъ палицу и руку архіерея, и опять дѣлаетъ земной поклонъ архіерею. Послѣ третьяго обхожденія становится съ протодїакономъ предъ св. престоломъ. дѣлаетъ два поклона въ поясъ и третій въ землю, и потомъ кланяется въ землю архіерею и отходитъ на правую сторону престола; здѣсь онъ становится на правое колѣно, полагаетъ на престблѣ руки ладонями внизъ крестовидно—правую на лѣвую и прилагаетъ свою голову между рукъ къ св. престолу. По прочтеніи архіереемъ молитвы „Божественная благодати.“ рукополагаемый встаетъ, и, по разрѣшеніи у него препоясанія, крестится и цѣлуетъ сначала подносимые ему протодїакономъ для цѣлованія орарь и поручи, а потомъ руку архіерея; по возложеніи на него ораря и поручей, онъ крестится, цѣлуетъ священное изображеніе въ кругѣ рипиды, принимаетъ рипиду въ свои руки, при чемъ цѣлуетъ руку и плечо архіерея и отходитъ за протодїакономъ на лѣвую сторону св. престола, гдѣ вѣтъ крестообразно рипидою надъ Св. Дарами, держа верхній конецъ рипиды правою рукою, а нижній лѣвою. Во время эктениі, предъ „Отче нашъ“, рукополагаемый отнимаетъ рипиду отъ Св. Даровъ, крестится, цѣлуетъ на ней святое изображеніе, отдаетъ ее дїакону, крестится, цѣлуетъ престолъ, кланяется архіерею и отходитъ на лѣвую сторону алтара. Предъ приобщеніемъ Св. Таянъ рукополагаемый становится съ протодїакономъ и дїаконами за престоломъ, лицомъ къ престолу, дѣлаетъ вмѣстѣ съ ними молитвенное поклоненіе къ св. престолу и поклоны всѣмъ предстоящимъ и цѣлуетъ правое плечо у протодїакона и дїаконовъ, говоря: „Христось посредъ насъ“. Пройдя за протодїакономъ къ престолу съ лѣвой стороны для принятія отъ архіерея Св. Тѣла Христова, онъ крестится, кланяется въ землю, цѣлуетъ, поднявшись, край св. престола съ

произношеніемъ словъ „Се прихожду къ Безсмертному Царю“, складываетъ руки крестообразно—правую на лѣвую и говоритъ: „Преподаждь мнѣ, Пресвященнѣйшій Владыко, діакону (вмѣ рекъ) честное и святое Тѣло Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа“. Принявъ Дары отъ архіерея, цѣлуетъ правую руку и лѣвое плечо у него и отвѣчаетъ на слова архіерея „Христосъ посредѣ насъ“ словами „и есть и будетъ“, а затѣмъ отходитъ той же лѣвою стороною, становится у престола рядомъ съ протодіакономъ и, положивъ руки на св. престолъ и наклонивъ голову, читаетъ тайно предпрічастныя молитвы: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую“, а по прочтеніи приобщается Св. Тѣла Христова. Подходя съ правой стороны престола за протодіакономъ къ принатію животворящей Крови Христовой, говоритъ: „се прихожду“... и „преподаждь мнѣ, Владыко, діакону (вмѣ рекъ) честную и святую Кровь Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа“—и приобщается изъ чаши отъ перваго іерея животворящей Крови, придерживая правую рукою съ платомъ нижній край потира, а лѣвою рукою держа другой конецъ плата около устъ. По причащеніи открываетъ платомъ свои уста, край потира, къ которому прикасался устами, цѣлуетъ потиръ и отходитъ къ жертвеннику для употребленія антидора и теплоты, а потомъ умываетъ водою уста и руки. Во время пѣнія „да исполнятся уста“ рукополагаемый вмѣстѣ протодіакономъ дѣлаетъ поклонъ къ горнему мѣсту, кланяется архіерею, выходитъ сѣвѣрною дверью изъ алтаря, становится предъ царскими вратами и произноситъ эктенію „прости прѣмше“, по окончаніи которой выходитъ сѣвѣрною дверью въ алтарь, проходитъ за престолъ, творитъ молитвенное поклоненіе къ горнему мѣсту, кланяется архіерею и отходитъ на лѣвую сторону алтаря. По окончаніи литургіи, когда архіерей облачается въ мантию, рукоположенный подходитъ съ правой стороны престола къ архіерею, кланяется ему въ поясъ, принимаетъ отъ него благословеніе на пошеніе рясы, выслушиваетъ его святительское наставленіе и опять кланяется ему въ поясъ.

Рукоположеніе во священника совершается послѣ перенесенія честныхъ Даровъ съ жертвенника на престолъ, по „еже исполнитися херувимской пѣсни“,—для того, чтобы и рукоположенный могъ участвовать въ освященіи св. Даровъ. Во время херувимской пѣсни, когда архіерей подойдетъ къ жертвеннику, приближается къ нему и рукополагаемый, наклоняетъ свою голову предъ архіереемъ для возложенія на нее воздуха, который онъ придерживаетъ на головѣ за передніе концы двумя руками,

и нѣмѣ въ то же время въ правой рукѣ по чину діаконскому конецъ орара. Въ великомъ выходѣ онъ идетъ послѣ всѣхъ, сходитъ съ солен и становится саади священниковъ. По окончаніи обычнаго поминовенія, когда всѣ священники войдутъ въ алтарь, а діаконъ снимаетъ съ головы его воздухъ, онъ дѣлаетъ два поклона поясныхъ и третій въ землю, идетъ съ двумя діаконами къ парскимъ вратамъ и при возглашеніи „поведи, повелите, поведи, Пресвященнѣйшій Владыко“, входитъ въ алтарь, кланяется въ землю архіерею, сидящему у св. престола, а затѣмъ обходитъ за первымъ священникомъ твоекратно св. престоль. Во время обхожденій цѣлуетъ указываемыя священникомъ мѣста престола, при словахъ „Святый Боже, Святый Ерѣнкій“..., а послѣ каждаго обхожденія дѣлаетъ тѣ же поклоны и цѣлованія, которые указаны въ чинѣ рукоположенія діакона. При преклоненіи на правой сторонѣ престола колѣнъ, онъ становится не на одно, какъ діаконъ, а на оба колѣна. По прочтеніи молитвы „Божественная благодать“, архіерей подаетъ рукополагаемому священническія одежды: *митрахию*, *поясъ*, *фелонь* и книгу *служебникъ*. Принимая даваемое архіереемъ, онъ цѣлуетъ то, что получаетъ; а затѣмъ руку архіерея, послѣ же всего цѣлуетъ оба плеча его и руку, затѣмъ даетъ братское цѣлованіе въ плечо и руку каждому священнослужителю со словами: „Христось посредѣ насъ“ и становится въ рядъ сослужащихъ священниковъ, — рядомъ съ первымъ и соблюдаетъ порядокъ службы по чину литургіи, положенному для священниковъ. По предложеніи Св. Даровъ, во время гѣнія „Тебѣ поемъ“, рукоположенный приближается къ архіерею, выслушиваетъ святительское наставленіе „Прими залогъ сей“. Приемлетъ дискось съ Св. Агнцемъ обѣими руками, цѣлуетъ руку архіерея, отходитъ къ восточной сторонѣ св. престола, становится у его угла, поставляетъ дискось на св. престоль и, наклонивъ голову къ Св. Агнцу, лежащему на дискосѣ, и придерживая дискось руками, пребываетъ въ умной молитвѣ, читая 50-й псаломъ. По исполненіи молитвы Господней, онъ возвращаетъ дискось съ Св. Агнцемъ архіерею, цѣлуетъ при этомъ принимающую дискось руку архіерея и становится на прежнее мѣсто. Приобщается рукоположенный вельдѣ за архимандритами и протоіереями первымъ священникомъ и по тому же чину, который изложенъ при приобщеніи діаконъ, а именно: подходя съ лѣвой стороны престола къ архіерею для принятія Тѣла Христова, говорятъ „Се прихожду“, творить поклонъ до земли, приложившись къ престолу, произноситъ „Пре-

подаждь мнѣ, Преосвященнѣйшій Владыко... приѣмлетъ Тѣло Господне, цѣлуетъ правую руку архіерея и лѣвое плечо, отвѣтствуя на слова его „Христосъ посреде насъ“ словами „и есть и будетъ“. Подходя къ чашѣ съ правой стороны престола, творитъ крестное знаменіе, говоря „Се прихожду... „Преподаждь мнѣ, Преосвященнѣйшій Владыко“, приобщается, держа одинъ конецъ плата лѣвой рукой около устъ, а въ правой рукѣ имѣя другой конецъ плата и придерживая только нижнюю часть чаши. По приобщеніи отходитъ къ жертвеннику и умывальницѣ. При возглашеніи архіереемъ „Съ миромъ изыдемъ“, рукоположенный крестится, цѣлуетъ св. престолъ, кланяется архіерею, выходитъ царскими вратами за солею и читаетъ по служебнику заамвонную молитву: „Благословляй благословящія Тя, Господи“, по прочтеніи которой идетъ на лѣвую сторону престола, цѣлуетъ св. престолъ, кланяется архіерею и становится послѣднимъ въ порядкѣ служащихъ священниковъ.

Когда архіерей снявъ съ себя одежды, облачится въ мантию, рукоположенный подходитъ къ Владыкѣ съ правой стороны св. престола, дѣлаетъ ему поясной поклонъ, архіерей возлагаетъ на него крестъ, и онъ принимаетъ благословеніе, выслушиваетъ архипастырское наставленіе и еще кланяется ему въ поясъ.

Х. В. Е. В.

— *Добрый пастырь.* Добрые и самоотверженные пастыри не перевелись еще на Руси. Въ тиши совершаютъ они великое дѣло служенія Богу и людямъ. Порой ихъ дѣла, впрочемъ, дѣлаются извѣстными, возбуждая къ нимъ чувство глубокаго сочувствія... Вотъ одинъ изъ такихъ добрыхъ пастырей протоіерей—Александръ Ивановичъ Бунинъ. „Надъ городомъ разразился ливень съ бурей. Стало темно—хоть глазъ выколи. Застыгнутый въ полѣ горожанинъ по грязной и сколькой дорогѣ спѣшилъ домой. Путаея и скользя въ темнотѣ и грязи, среди шума бурно падающаго дождя, я, рассказываеъ этотъ горожанинъ, вдругъ столкнулся съ какимъ-то человѣкомъ, шедшимъ мнѣ на встрѣчу, и едва не свалилъ его съ ногъ. «Стой—кто идетъ?»—почти разомъ вскрикнули мы. Но еще не успѣлъ шедшій на встрѣчу мнѣ что-либо отвѣтить, какъ я по голосу тотъ-часъ узналъ его. „Это Вы, батюшка, о. протоіерей!—съ удивленіемъ воскликнулъ я. Куда это Васъ Богъ несетъ ночью въ такую погоду и пѣшкомъ?“—спросилъ я.—«Нужно, нужно, братъ. Тамъ женщина бѣдная умираетъ,—нужно спѣшить къ ней. Богъ вѣдаетъ, застану ли я ее живую»,—уже на ходу проговорилъ о. протоіерей, и скорыми шагами

поспѣшилъ впередъ (на хуторъ—въ 5 верстахъ отъ города). Почти передъ самымъ городомъ я услышалъ впереди себя мелкую рысь бѣгущей лошади, запряженной въ какой-то экипажъ и громкіе крики: „Батюшка, батюшка да подожди ради Бога. Хіба-жъ можно такъ робить добрымъ людямъ, якъ ты оце робішь?“ Это ѣхалъ старикъ-кучеръ о. протоіерея.. Оказывается, что поздно возвратившійся съ требы протоіерей, узнавъ о тяжелой болѣзни хуторской старушки и ея желаніи причаститься Св. Таинъ и не дожидаясь, пока запрягутъ лошадь, наскоро собрался и, несмотря на темноту и собиравшійся ливень, поспѣшно отправился къ больной. А вотъ другой случай, характеризующій прекрасную личность о. протоіерея. Недовольный поведеніемъ своего псаломщика, одинъ священникъ донесъ о немъ о. Александру Бунину (благочинному). Отвѣта не послѣдовало. Священникъ доноситъ во второй и въ третій разъ. И опять ни слова отъ благочиннаго. Священникъ лично являється къ о. Александру и выражаетъ претензію на невниманіе къ его донесеніямъ. „А я думалъ,—отвѣчалъ о. Бунинъ, что вы человекъ, какъ человекъ, а вы—бумажный человекъ“. „Какъ я бумажный человекъ?“—возразилъ священникъ. „Очень просто“,—отвѣчаетъ протоіерей. „Вы любите напрасно и безъ дѣла марать бумагу; при первомъ знакомствѣ съ Вами, я составилъ о Васъ мнѣніе, какъ о человекѣ добромъ, а оказывается вы не усвоили себѣ этого качества; добрый человекъ всегда ищетъ въ другомъ хорошее, доброе; дурное же качество не замѣчаетъ или не обращаетъ вниманія; если и замѣтитъ непорядки въ причтѣ, а также въ приходѣ, добрый священникъ старается устранить безъ гнѣва и рвенія, однимъ духомъ кротости; священникъ долженъ быть идеаломъ мира и этотъ миръ долженъ поддерживать въ народѣ, а вы вдумали обижаться. Прошу тебя: оставь бумагомараніе и поучись жить въ мирѣ, правдѣ и добрѣ; поставь себя такъ, чтобы и причтъ и приходъ полюбили тебя, уважали и почитали; повѣрь мнѣ, что если ты усвоишь себѣ это правило истины и олицетворишь его въ своихъ дѣйствіяхъ, то причтъ и приходъ не только будутъ слушаться тебя, но и предупреждать твои желанія“.

„Новгород. Еп. Вѣд.“.

— Въ бумагахъ, оставшихся послѣ покойнаго преподавателя Харьковской Семинаріи, К. Н. Сильченкова, найдено неоконченное размышленіе его о смерти. Размышленіе это, отличающееся оригинальностію и провидновенностію мысли, было написано покойнымъ, вѣроятно, когда онъ ясно сознавалъ близость и неизбеж-

ность своей смерти и готовъ былъ встрѣтить ее съ твердою вѣрою и живымъ упованіемъ христіанина. Надѣясь, что всѣ знавшіе К. Н.—ча съ интересомъ прочитаютъ его предсмертныя строки, помѣщаемъ ихъ здѣсь.

С М Е Р Т Ь.

Умерый свободися отъ грѣха. (Рим. VI, 7). Прекрасна ты, ужасная воятельница жизни. Въ тебѣ стремятся мысли мои,—чую вѣяніе твое, близокъ твой приходъ ко мнѣ.

Въ тебѣ чарующая, но роковая, опасная прелесть. Не для легкомысленныхъ, счастливыхъ участниковъ жизненнаго пиршества понятна и доступна она: она открывается умамъ, уже искушеннымъ горькимъ опытомъ жизни, и сердцамъ, въ любви своей познавшимъ глубокую скорбь всего сущаго. Но кому открыта она, тѣ безвозвратно захвачены ею.

То дѣло великой благодати Зиждителя жизни, что ты окружена ужаснымъ образомъ безобразнаго тлѣнія: все устремилось бы къ тебѣ, постепенно познавая скорбь бытія. Умереть... это такъ красиво, поэтично,—если бы не гробъ, не зловоніе разложенія, не искаженный образъ красоты человѣческой...

Такъ, прямая противоположность жизни, ты прекрасную сущность скрываешь подъ мрачнымъ, отвратительнымъ образомъ. Какъ часто наша жизнь подъ прекрасной внѣшностью таитъ отвратительное содержаніе.

Такъ въ жизни смерть и разложеніе, а въ смерти жизнь и красота.

Но этой жизни и этой нетлѣнной, изъ тлѣнія прозябающей красоты воспрещено человѣку достигать самовольно, ибо это великая награда борющимся, страдающимъ, тружущимся и обремененнымъ. А награда не восхищается самовольно. И для утраченія дерзновенныхъ, какъ херувимъ съ огненнымъ мечемъ на дверяхъ утраченнаго прародительскаго Эдема, стоитъ на стражѣ вѣчной жизни призракъ смерти, на стражѣ безсмертной красоты. образъ тлѣнія, ужасъ искажающаго разложенія...

Въ № 19-мъ Церк. отдѣла за настоящій годъ, на 388 стр., 23 строкъ сверху, напечат.: *отпускался*; слѣд. читать *опускался*; на 394 стр., 17 строкъ сверху, напечат.: *они . окопаны*; слѣд. читать *они... окопано*; на 399 стр., 14 строкъ снизу, напечат.: *Филаретъ и Исидоръ, Иннокентій митрополитъ С.-Петербургскій*; слѣд. читать *Филаретъ и Исидоръ, тоже митрополиты—С.-Петербургскій*; на 416 стр., 1 строкъ сверху, напечат.: *з. Наблюдать*; слѣд. читать *з. Наблюдателю*; на той же стр., 12 строкъ снизу, напечат.: *з. Наблюдатель*; слѣд. читать *з. Наблюдатель*; на 420 стр., 4 строкъ сверху, напечат.: *Очастмилоние*; слѣд. читать *Очастмилоние*.

Причтъ и церковный староста Ольшанской Покровской церкви

свободы Ольшаной, Харьковскаго уѣзда, объявляютъ, что къ означенной церкви нуженъ учитель-регентъ на жалованье отъ 300 руб. въ годъ.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Книжнаго Комитета

объявляется, что епархіальная книжная лавка, при Харьковскомъ Соборѣ, снабжена духовно-проповѣдническою литературой, богослужебными книгами и учебниками для церковно-приходскихъ школъ. При оптовой продажѣ учебниковъ и Синодальныхъ изданій для школъ и церквей дѣлается уступка 10⁰/о.

У протоіерей Іоанна Лукича Чижовскаго (Харьковъ, Конторская ул., д. № 64) можно получать его изданія: 1) Церковное хозяйство, или правила и постановленія касательно благоустройства приходовъ, храмовъ и благочинія въ оныхъ, веденіе церковнаго хозяйства и постройки церквей и молитвенныхъ домовъ 4 изд. Харьковъ 1901 г. стр. XV—426. Цѣна экз съ перес. 2 р., до 10 экз. 2) Церковное писмоводство, собраніе правилъ, постановленій и формъ къ правильному веденію онаго 4 изд. 1898 г. Харьковъ стр. IX—283. Цѣна экз. 1 р. 50 к. съ перес. Выпасающіе отъ 10 и болѣе экзempl. пользуются уступкой 20⁰/о. Это изданіе уже извѣстно большинству духовенства. Въ этой книгѣ и формы благочинническихъ и настоятельскихъ годовыхъ отчетовъ. 3) Устройство Православной Россійской Церкви, ея учрежденія и дѣйствующія узаконенія, по ея управленію 1898 г. стр. XVII—442. Ц. съ перес. 1 р. О книгѣ этой журналъ „Миссіонерское Обозрѣніе“ отзывался такъ: „предлагаемая читателямъ нашимъ книга протоіерей Чижовскаго, какъ заключающая въ себѣ болѣе или менѣе подробна свѣдѣнія объ устройствѣ Православной Россійской Церкви знакомитъ если не совсѣмъ, то съ самоуживѣйшими церковно-гражданскими узаконеніями ея“. Въ журналѣ „Русскій Паломникъ“ въ № 45 за 1092 г. профессоръ С.-Петербургской дух. академіи, докторъ богословія А. Бронзовъ сказалъ: „Почтеннымъ авторомъ, составителемъ книги, руководило желанію дать духовенству свѣдѣнія, если не о всѣхъ, то о самоуживѣйшихъ, церковно-гражданскихъ узаконеніяхъ и постановленіяхъ Православной Россійской Церкви“. Мы увѣрены, что настоящее авторское изданіе, какъ и всѣ другія его же изданія, будетъ по достоинству оценено читателями и быстро разоидется, слѣвавшись одною изъ настоящихъ книгъ у представителей духовенства. 4) Способы призрѣнія священно-церковнослужителей, ихъ вдовъ и сиротъ 2 изд. 1896 г. Ц. съ перес. 80 к. Въ этотъ сборникъ вошли уставы: Епарх. Полеч. и опеки. Книга эта необходима для Епарх. Полеч. и опекуновъ. 5) Инструкція церковнымъ старостамъ (Высоч. утвержд. 12 іюня 1890 г.) и послѣдовавшія съ 1808 г. постановленія и распоряженія, относящіяся къ обязанностямъ церк. старостъ, съ приложеніемъ о приходскихъ Попечительствъ и церковныхъ братствахъ 2 изд. 1898 г. Ц. съ перес. 80 к. 6) Златое сочиненіе Самуила Раввина Іудейскаго. Харьковъ. 1903 г. Ц. 40 к. съ перес. Мелочь можно высылать почтовыми марками и книгопродавцамъ обыкновенная уступка.

ПОДПИСКА

на 1904 г.

на иллюстриров. журналъ

МАЛЮТКА

Адресъ: **МОСКВА.**

Ранняя подписка обезпечиваетъ получение первыхъ номеровъ безъ задержки.

Журналъ **МАЛЮТКА** состоитъ изъ

12 книжекъ

12 премій-игрушекъ

Журналъ **МАЛЮТКА** назначается для дѣтей образован. семействъ 4—8 лѣтъ.

Журналъ **МАЛЮТКА** по содержанию не подходитъ для сельскихъ школъ, деревенскихъ библиотекъ, Обществъ Трезвости и т. п.

Журналъ **МАЛЮТКА** первый въ Россіи журналъ для дѣтей такого возраста (4—8 л.).

Журналъ **МАЛЮТКА** издается девятнадцатый годъ

Журналъ **МАЛЮТКА** самый дешевый дѣтскій журналъ

Журналъ **МАЛЮТКА** стоитъ въ годъ безъ доставки въ Москвѣ въ конторѣ Н. Печковской 2 р. Съ пересылкой во всѣ города 2 р. 50 к. Подписка только годовая. Съ наложеннымъ платежомъ не принимается.

СКАЗКА ПРО ЩЕЛКУНА
И
МЫШИНАГО ЦАРЯ

Сочиненіе ГОФМАНА. Переводъ С. В. ФЛЕРОВА. Рисунки (въ краскахъ) Академика В. Е. МАКОВСКАГО. Большой томъ, 18 печатныхъ листовъ, форматомъ мал. in 4°, на слоновой бумагѣ, въ оригинальномъ переплетѣ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ. Цѣна 2 руб.

БЕЗПЛАТНО

Сказку про Щелкуна

И

Мышиного Царя

Сочиненіе ГОФМАНА. Переводъ С. В. ФЛЕРОВА. Рисунки (въ краскахъ) Академика В. Е. МАКОВСКАГО.

Издание третье (безъ переплета) получать тѣ, кто подпишется на 1904 г. на журналъ

МАЛЮТКА

Заранѣе, до 1-го Декабря сего года.

Обращается вниманіе что книга, эта не есть обязательное приложеніе къ журналу, а лишь

ПОДАРОКЪ ЗА РАВНЮЮ ПОДПИСКУ.

Послѣ 1-го Декабря льготъ и отсрочекъ не будетъ.

При этомъ не прилагается объявленіе отъ Товарищества „ПРОВОДНИКЪ“.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Ноября № 21. 1908 года.

Содержаніе. Высочайшія награды.—Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—О пониманіи ст. 20 Положенія о церковныхъ школахъ.—Объ обращеніи Верхо-Харьковскаго Николаевскаго женскаго монастыря въ первоклассный общежительный монастырь.—Объ увольненіи игуменія Верхо-Харьковскаго Николаевскаго женскаго монастыря.—Выписка изъ журнальнаго постановленія Харьковскаго Епархіальнаго Съѣзда о.о. благочинныхъ отъ 7 октября 1908 г.—Уставъ кассы взаимопомощи для выдачи единовременныхъ пособій семьямъ умершихъ священно-церковно-служителей Казавской епархіи.—Инструкція инспектору классовъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Отъ Правленія Харьковской духовной семинаріи.—Вакантныя мѣста.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Отъ Правленія Братства св. великомуч. Варвары.

I.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, 18-го октября, на сопричисленіе, за 50-лѣтнюю службу, къ ордену *св. Анны 3-й степени* заштатнаго діакона соборной Успенской церкви, города Лебедина, *Василія Теодоровскаго*.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, 18-го текущаго октября, на награжденіе, за 50-лѣтнюю службу, *золотыми медалями, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на шеѣ на Аннинской лентѣ*, псаломщиковъ церквей: Варваринской, села Высшей Верхосулки, Лебединскаго уѣзда, *Владимира Матѣева*, Автоніе-Феодосіевской, села Бупьеваза, Богодуховскаго уѣзда, *Павла Капустянскаго*, Рождество-Богородичной, въ слободѣ Гинеевѣ, Зміевскаго уѣзда, *Константина Ковалевскаго*.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода,

Всемилоствѣйше соизволилъ, 21 мнувшаго октября, на сопричисленіе, за 50-лѣтнюю службу, къ ордену *св. Владимира 4-й степени*: протоіерея Дмитріевской церкви въ слободѣ Булавновѣ, Старобѣльскаго уѣзда, Іакова *Иванова* и священника Богородичной домовоі церкви при печенѣжскомъ исправительномъ отдѣленіи, Волчанскаго уѣзда, Василя *Корнильева*.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилоствѣйше соизволилъ, 21-го мнувшаго октября, на награжденіе, за 50-лѣтнюю службу, *золотыми медалями, съ надписю „за усердіе“, для ношенія на шеѣ, на Аннинской лентѣ*, псаломщиковъ церквей: Троицкой села Одринки, Валковскаго уѣзда, Никанора *Литкевича*; Варваринской въ слободѣ Варваровѣ, Болчанскаго уѣзда, Константина *Омина* и Архангело-Михайловской ваштатнаго города Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, Константина *Вербицаго*.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

О пониманія ст. 20 Положенія о церковныхъ школахъ.

Отъ 24 сентября—8 октября 1903 года за № 4552, постановлено: разъяснить епархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ, что требованіе ст. 20 Положенія о церковныхъ школахъ открытія церковно-приходскихъ школъ при церквяхъ и монастыряхъ надлежитъ понимать не въ томъ смыслѣ, что школы сіи могутъ быть устроены лишь по близости церквей или монастырей, а въ томъ, что таковыя школы должны находиться при сихъ учрежденіяхъ и быть подъ живымъ и постояннымъ ихъ воздѣйствіемъ (см. Введеніе къ программамъ учебныхъ предметовъ для церковно-приходскихъ школъ) и что посему, въ тѣхъ случаяхъ, когда явится нужда въ открытіи церковно-приходской школы или въ преобразованіи въ таковую школы грамоты въ мѣстности, отдаленной отъ приходскаго храма, епархіальный училищный совѣтъ, по соображеніи со средствами и по выясненіи вопроса о надлежащей постановкѣ въ школѣ Закона Божія и другихъ предметовъ обученія, можетъ разрѣшить открытіе въ означенныхъ пунктахъ церковно-приходскихъ школъ или преобразовывать въ сіи школы существующія школы грамоты.

Объ обращеніи Верхо-Харьковскаго Николаевскаго женскаго монастыря въ первоклассный общежительный монастырь.

Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 23 октября 1903 г. за № 9695, согласно ходатайству Епархіальнаго Начальства, Верхо-Харьковскій Николаевскій штатный второклассный дѣвичій монастырь, Харьковской епархіи, обращенъ въ первоклассный общежительный монастырь.

Объ увольненіи игуменіи Верхо-Харьковскаго Николаевскаго женскаго монастыря.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 15—22 октября 1903 года за № 4950, настоятельница Верхо-Харьковскаго Николаевскаго женскаго монастыря, Харьковской епархіи, игуменія Евфросинія уволена, вслѣдствіе ея просьбы, по слабости силъ и преклонности лѣтъ, отъ занимаемой ею должности.

Выписка изъ журнальнаго постановленія

Харьковскаго Епархіальнаго Съѣзда о.о. Благочинныхъ отъ 7-го октября 1903 года.

Харьковскій Епархіальный Съѣздъ о.о. благочинныхъ слушали: „уставъ кассы взаимопомощи для выдачи единовременныхъ пособій семьямъ умершихъ священно-церковно-служителей Казанской епархіи“. Находя полезнымъ организовать опредѣленное вспомошествованіе семействамъ умирающихъ священно-церковно служителей и въ епархіи Харьковской, Съѣздъ постановилъ: Уставъ кассы взаимопомощи для выдачи единовременныхъ пособій семьямъ умершихъ священно-церковно-служителей Казанской епархіи передать въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“, къ напечатанію его въ „Листкѣ для Харьковской епархіи“, чтобы духовенство имѣло возможность ознакомиться съ означеннымъ уставомъ и затѣмъ выразить свои желанія по сему предмету на будущемъ Епархіальномъ Съѣздѣ духовенства.

2) Журнальнымъ постановленіемъ того же благочинническаго Съѣзда отъ 9 сего октября постановлено: Уполномочить Совѣтъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища съ начала 1904/5

учебнаго года взимать плату за содержаніе воспитанницъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: за дочерей священническихъ по 85 руб., дьяконскихъ по 75 руб. и псаломщическихъ по 70 р., съ вносепархіальныхъ духовнаго вѣдомства по 175 р. и съ вносословныхъ по 250 руб. Означенное постановленіе утверждено Его Высочайшимъ повелѣніемъ 9 октября сего 1903 года.

У С Т А В Ъ

кассы взаимопомощи для выдачи единовременныхъ пособій семьямъ умершихъ священно-церковно-служителей Казанской епархіи.

1) Касса взаимопомощи священно-церковно-служителей Казанской епархіи учреждается при эмеритальной кассѣ, какъ ея отдѣленіе, и находится подъ покровительствомъ мѣстнаго епархіальнаго Преосвященнаго.

2) Она имѣетъ своею цѣлію оказывать единовременныя пособія семьямъ умершихъ священно-церковно-служителей.

3) Членами кассы состоятъ обязательно всѣ священно-церковно-служители Казанской епархіи, состоящіе на службѣ.

Примѣчаніе. Членами кассы, по желанію, могутъ быть штатныя служащія въ Духовной Консисторіи и преподаватели духовно-учебныхъ заведеній епархіи на слѣдующихъ условіяхъ: 1) при своемъ вступленіи въ участники кассы они должны заявить о томъ, къ какому разряду участниковъ желаютъ принадлежать и соотвѣтственно этому дѣлать взносы; 2) должны внести за прѣжніе годы съ %-тами всѣ взносы избраннаго ими разряда со времени учрежденія кассы, если они поступили ранѣе на службу въ Казанской епархіи, или со дня поступленія на службу въ Казанской епархіи, если они поступили на нее послѣ учрежденія кассы; 3) должны подчиняться всѣмъ правиламъ кассы подъ условіемъ, въ случаѣ невыполненія ихъ, исключенія, по постановленію Правленія кассы, изъ членовъ безъ возврата внесенныхъ денегъ; 4) при переходѣ на службу въ другую епархію оставаться членами кассы не могутъ, при чемъ сдѣланные ими взносы не возвращаются.

4) Средства кассы составляются изъ опредѣленныхъ епархіальнымъ съѣздомъ обязательныхъ взносовъ каждаго члена, вносимыхъ, въ случаѣ смерти кого либо изъ участниковъ кассы; изъ единовременныхъ взносовъ при вступленіи въ члены кассы въ

двойномъ размѣрѣ обязательнаго взноса; пожертвованій отъ частныхъ лицъ, процентовъ съ капитала кассы и изъ остатковъ отъ выдачи пособій.

5) Обязательные взносы идутъ на выдачу установленныхъ пособій семействамъ умершихъ членовъ; единовременные взносы и пожертвованія зачисляются въ запасный капиталъ, проценты же съ капитала и остатки при выдачѣ пособій употребляются на расходы по кассѣ и на вознагражденіе лицъ, завѣдующихъ кассой, размѣръ котораго устанавливается епархіальнымъ съѣздомъ. По удовлетвореніи всѣхъ расходовъ остатки отъ процентовъ и пособій въ концѣ года должны зачисляться въ запасный капиталъ.

6) Запасный капиталъ служитъ фондомъ, изъ котораго правленіе заимствуетъ для немедленной выдачи предварительныхъ пособій по полученіи извѣстія о смерти кого либо изъ участниковъ кассы, при чемъ взятія изъ него суммы пополняются обязательными взносами членовъ. На другія какія либо нужды запасный капиталъ можетъ быть расходовемъ только по рѣшенію епархіальнаго съѣзда.

7) Поступающія въ кассу суммы, неподлежащія безотлагательному расходу, отлаются правленіемъ на храненіе въ Казначейство или Отдѣленіе Государственнаго Банка; при чемъ быть могутъ обращены въ процентныя, государственныя или гарантированныя Правительствомъ бумаги.

8) Участники кассы раздѣляются на три разряда: къ 1-му разряду относятся протоіерей и священники, которые при смерти протоіереевъ и священниковъ взносятъ по 45 коп., при смерти діаконовъ—по 30 коп. и при смерти псаломщиковъ и діаконовъ на псаломщической вакансіи—по 15 коп.; ко 2-му разряду относятся штатные діаконы, которые при смерти протоіереевъ, священниковъ и діаконвъ взносятъ по 30 к. и при смерти псаломщиковъ и діаконвъ на псаломщической вакансіи по 15 коп.; къ 3-му разряду относятся псаломщики и діаконы на вакансіи псаломщика, которые при смерти каждаго члена кассы платятъ по 15 коп.

Примѣчаніе. Діаконы, какъ штатные, такъ и нештатные, а равно и псаломщики, по желанію, могутъ дѣлать взносы и по высшимъ разрядамъ съ правомъ изъ семействамъ пользоваться соотвѣтственно сему и высшими окладами пособій, при чемъ, переходя на высшіе разряды, они должны внести за прежніе годы съ процентами дополнительные взносы по числу бывшихъ со дня

ихъ вступленія въ кассу смертныхъ случаевъ членовъ кассы платящихъ по высшимъ разрядамъ.

9) Вышедшіе за штатъ по тѣмъ или другимъ причинамъ, но бывшіе до сего времени участниками кассы, освобождаются отъ взносовъ съ сохраненіемъ права на полученіе ихъ семьями единовременныхъ пособій.

10) Но семья вышедшихъ изъ духовнаго званія и за штатъ священно-церковно-служителей по ихъ собственному желанію, съ цѣлью, напр., занятія другихъ должностей и предпріятій, лишаются права получать пособіе изъ кассы.

Примѣчаніе. Перешедшіе на службу въ другія епархіи священно-церковно-служители не могутъ оставаться участниками кассы и сдѣланные ими взносы ни въ какомъ случаѣ имъ не возвращаются.

11) Единовременныя пособія семействамъ умершихъ членовъ кассы составляютъ: для семьи протоіерея и священника 450 руб., для семьи діакона 300 руб. и для семьи псаломщика 200 руб.

Примѣчаніе. Семейства всѣхъ тѣхъ діаконовъ и псаломщиковъ, кои изъявятъ желаніе платить взносы по высшимъ разрядамъ, получаютъ соотвѣтственные взносамъ высшіе оклады пособій.

12) Обязательные взносы, по полученіи извѣстій, въ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ о смерти участниковъ кассы, настоятель церкви получаетъ съ членовъ причта въ томъ же мѣсяцѣ при раздѣлѣ братскихъ доходовъ и представляетъ ихъ о. благочинному по полугодіямъ, съ указаніемъ въ пользу кого они вносятся; послѣдній въ свою очередь немедленно представляетъ оныя въ Правленіе кассы съ приложеніемъ вѣдомости, отъ кого и въ пользу кого они представляются.

Примѣчаніе. Если кто не внесетъ почему либо своего взноса, мѣстный благочинный взыскиваетъ таковой изъ кружечныхъ или другихъ доходовъ его, а при упорномъ нежеланіи платить взносы доносить Епархіальному начальству.

13) Оо. благочинные своевременно доносятъ Правленію кассы о смерти съ сообщеніемъ о томъ, осталось ли послѣ умершаго семейство (т. е. жена и дѣти), которому должно быть выдано пособіе изъ кассы, а Правленіе немедленно должно озаботиться извѣщеніемъ о смерти участниковъ кассы причтовъ епархіи пропечатаніемъ въ официальной части Казанскихъ Епархіальныхъ извѣстій.

14) Правленіе, по полученіи необходимаго извѣщенія отъ благочиннаго, немедленно высылаетъ изъ запаснаго капитала семьѣ умершаго $\frac{1}{4}$ положеннаго пособія, а остальные $\frac{3}{4}$ высылаетъ по

полученіи взносовъ отъ о.о. благочинныхъ за этотъ смертный случай, при чемъ расходы на пересылку сихъ денегъ, какъ благочинными, такъ и Правленіемъ кассы должны быть за счетъ получателей пособія.

Примѣчаніе. По выдачѣ денегъ о. благочинный представляетъ въ Правленіе росписки наследниковъ въ полученіи ими высланаго пособія.

15) Пособіе выдается семейству участника кассы, т. е. женѣ и дѣтямъ мужского пола несовершеннолѣтнимъ; женскаго пола не-пристроеннымъ, за неимѣніемъ же таковыхъ, онъ можетъ распорядиться слѣдующимъ на его долю пособіемъ, завѣщавъ таковое, какъ собственность, по своему усмотрѣнію. Если же по смерти участника въ послѣднемъ случаѣ не окажется завѣщанія, то пособіе должно быть выдано тѣмъ изъ его родственниковъ, кои при немъ жили на его содержаніи, но не иначе какъ по удостовѣренію благочинническаго совѣта, что они заслуживаютъ выдачи этого пособія, если же и таковыхъ не окажется, то пособіе зачисляется въ запасный капиталъ кассы.

16) При отсутствіи семейныхъ и близкихъ къ умершему лицъ, всѣ распоряженія объ его похоронахъ принимаютъ на себя мѣстный благочинный или священникъ, совершающій погребеніе, которые за тѣмъ представляютъ отчетъ Правленію о произведенныхъ ими на похоронахъ расходахъ, но при этомъ расходъ этотъ не долженъ превышать 25% причитающагося пособія.

17) Полученію пособія изъ кассы семействамъ умершаго не препятствуетъ ни полученіе ими пособія изъ попечительства, ни пенсія изъ казны, эмеритурѣ и другихъ учрежденій, ни матеріальная обеспеченность ихъ, ни подсудность умершаго.

18) Дѣлами кассы завѣдуетъ Правленіе эмеритальной кассы.

19) Правленіе обязано имѣть прошнурованныя и скрѣпленныя печатью и подписью Епархіальнаго Преосвященнаго книги для записи поступающихъ денежныхъ взносовъ и выданныхъ пособій.

20) На обязанности дѣлопроизводителя Правленія лежитъ веденіе именнаго списка членовъ кассы, съ указаніемъ времени вступленія каждаго изъ нихъ и составленіе годового отчета о дѣятельности кассы. Казначей завѣдуетъ пріемомъ взносовъ и процентовъ на капиталъ кассы, ведетъ приходо-расходныя книги, выдаетъ пособія по постановленію Правленія, а на обязанности предсѣдателя лежитъ руководство и наблюденіе за своевременнымъ поступленіемъ взносовъ, за выдачею пособій, за веденіемъ приходо-расход-

ныхъ книгъ, своевременнымъ внесеніемъ суммъ въ кредитныя учрежденія и вообще заботы о правильномъ дѣйствіи кассы согласно съ настоящимъ уставомъ.

21) По истеченіи года, Правленіе кассы представляетъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ Епархіальному Преосвященному.

22) Ревизія денежныхъ суммъ и вообще дѣятельности Правленія по дѣламъ взаимопомощи производится тѣми же лицами, которыя избираются для ревизіи эмеритальной кассы; о результатахъ ревизіи они доносятъ Епархіальному Преосвященному.

23) Какъ о полученныхъ взносахъ, такъ и о выданныхъ пособияхъ обязательно печатается въ официальной части Епархіальныхъ Извѣстій.

24) Правленіе кассы для печатанія пакетовъ и скрѣпленія разныхъ документовъ употребляетъ печать эмеритальной кассы.

25) Если по какимъ либо обстоятельствамъ признано будетъ необходимымъ приступить къ закрытію кассы, то капиталъ ея получаетъ то назначеніе, какое будетъ указано Епархіальнымъ Съездомъ.

26) Всякія измѣненія или дополненія настоящаго устава дѣлаются только епархіальнымъ съездомъ духовенства и, послѣ одобренія со стороны Епархіальнаго Архіерея, представляются на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Инструкція инспектору классовъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

1. Инспекторъ классовъ избирается училищнымъ Совѣтомъ и утверждается епархіальнымъ Архіереемъ.

(Уст. Епарх. уч. § 47).

2. Онъ долженъ имѣть степень магистра или кандидата.

(Уст. Епарх. уч. § 48).

3. Преподавая Законъ Божій, по утвержденной программѣ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, завѣдуетъ учебною частію въ училищѣ.

(Уст. Епарх. уч. § 49).

4. Онъ обязанъ слѣдить за всѣми распоряженіями Св. Синода относительно учебнаго дѣла въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ для того, чтобы своевременно доводить о нихъ до свѣдѣнія училищнаго Совѣта.

5. Съ разрѣшенія Св. Синода, въ Харьковскомъ Епарх. женск. училищѣ открыта должность помощниковъ законоучителя для младшихъ классовъ. (Ук. Св. Синода 14 мая 1872 г. № 25).

6. Онъ наблюдаетъ за направленіемъ и способомъ преподаванія, а равно и затѣмъ, чтобы наставники не отступали отъ утвержденныхъ программъ и своевременно оканчивали по онимъ курсъ преподаванія.

(Уст. Епарх. уч. § 50).

7. Инспекторъ классовъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы все преподаваемое проникнуто было добрымъ религіозно-нравственнымъ направленіемъ, чтобы преподаватели отнюдь не допускали въ своихъ урокахъ всего того, что можетъ хоть сколько-нибудь возбудить въ душахъ воспитанницъ сомнѣніе въ истинахъ религіозныхъ, чтобы они избѣгали затрогиванія вопросовъ общественно-политическихъ, недоступныхъ пониманію дѣтей, а потому могущихъ ихъ навести на разные незрѣлыя и ложныя толкованія.

8. Онъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы преподаватели относительно плана, объема и метода преподаванія каждаго учебнаго предмета вполне сообразовались съ указаніями, заключающимися въ учебномъ уставѣ и въ позднѣйшихъ распоряженіяхъ Св. Синода.

9. Онъ долженъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы преподаватели не расширяли своего предмета въ началѣ учебнаго года и не суживали, въ ущербъ дѣлу, но чтобы весь учебный матеріалъ распредѣлялся равномерно въ теченіе всего учебнаго года и притомъ такъ, чтобы въ концѣ оставалось еще достаточно времени для повторенія если не всего курса, то, по крайней мѣрѣ, труднѣйшихъ его отдѣловъ.

10. Инспекторъ классовъ обязанъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы каждый преподаватель излагалъ свой предметъ языкомъ яснымъ и понятнымъ, чтобы всякій разъ, по возможности, послѣ объясненія заставлялъ повторять объясненный урокъ воспитанницъ и притомъ, не только лучшихъ, но и менѣе способныхъ, для того, чтобы убѣдиться, что объясненный урокъ поняты учащимися, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ.

11. Онъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы преподаватели, какъ можно чаще, спрашивали воспитанницъ и для этого, при спрашиваніи урока, не занимались слишкомъ долго съ одною воспитанницею, но старались спрашивать каждый урокъ, какъ можно большее число ихъ, заставляя при этомъ всѣхъ слѣдить внимательно за урокомъ в такомъ образомъ во всѣхъ поддерживать постоянную умственную работу.

12. Надзоръ за преподаваніемъ и руководствомъ инспекторъ классовъ производитъ посредствомъ возможно частнаго посѣщенія

классовъ во время уроковъ преподавателей. При этомъ онъ вслѣдствіи долженъ воздерживаться отъ всего того, что могло бы ослабить авторитетъ преподавателей въ глазахъ воспитанницъ, какъ то: отъ всякихъ замѣчаній преподавателю и даже отъ предложенія здѣсь воспитанницамъ вопросовъ, относящихся къ преподаванному уроку. Вообще при посѣщеніи уроковъ онъ долженъ ограничиваться однимъ только наблюденіемъ, не вмѣшиваясь въ занятія преподавателя. Возможность контролированія инспекторомъ классовъ классныхъ занятій преподавателя обуславливается записываніемъ послѣдними какъ балловъ спрошеннымъ ими воспитанницамъ, такъ и содержанія преподаваемаго въ классномъ журналѣ, который инспекторъ классовъ обязанъ, по возможности, ежедневно просматривать.

13. На инспекторѣ классовъ лежитъ обязанность наблюденія за письменными упражненіями воспитанницъ. Число письменныхъ упражненій по каждому предмету въ каждомъ классѣ, равно какъ и сроки для подачи ихъ опредѣляются училищнымъ Совѣтомъ. На инспекторѣ же классовъ должна лежать обязанность: а) слѣдить за тѣмъ, чтобы темы для сочиненій соразмѣрялись со степенью развитія, знаніями и временемъ воспитанницъ; и б) чтобы при назначеніи темъ соблюдалось основное педагогическое правило—переходъ отъ легкаго къ болѣе трудному, вообще же, чтобы въ этомъ случаѣ преподаватели сообразовались съ требованіями журнала Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ 28-го мая 1875 г. № 105 и другими Синодальными распоряженіями. Свои наблюденія и соображенія по этому предмету инспекторъ классовъ обязанъ представлять на разсмотрѣніе училищнаго Совѣта.

14. Инспекторъ классовъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы темы для письменныхъ упражненій предварительно разъяснялись преподавателями въ классѣ, а въ старшихъ классахъ указывались и тѣ пособия, которыми при писаніи этихъ упражненій воспитанницы могутъ пользоваться.

15. Онъ наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы письменныя упражненія подавались воспитанницами въ назначенные сроки, равнымъ образомъ, чтобы преподаватели занимались исправленіемъ этихъ упражненій тотчасъ же послѣ ихъ подачи. Для достиженія послѣдней цѣли онъ требуетъ, чтобы эти упражненія отдавались ему преподавателемъ для просмотра прежде раздачи ихъ воспитанницамъ, не позже срока, назначеннаго училищнымъ Совѣтомъ. При просмотрѣ письменныхъ упражненій воспитанницъ, инспекторъ клас-

совъ слѣдить за тѣмъ, чтобы эти упражненія исправлялись преподавателями надлежащимъ образомъ, т. е., чтобы на нихъ выставлялся баллъ, помѣчены были и исправлены грамматическія ошибки, указаны и исправлены неточности и шероховатости языка и логическія несообразности въ общемъ планѣ сочиненія и его выполненія въ частностяхъ.

16. Инспекторъ классовъ также обязанъ слѣдить, чтобы письменныя упражненія, по крайней мѣрѣ, выдающіяся изъ нихъ по своимъ достоинствамъ или недостаткамъ подробно разбирались преподавателемъ въ классѣ при участіи воспитанницъ.

17. Инспекторъ классовъ обязанъ просматривать и письменные отвѣты воспитанницъ по математикѣ и физикѣ, которые должны служить не только къ основательнѣйшему усвоенію этихъ наукъ, но и къ упражненію воспитанницъ въ письменномъ изложеніи, а потому и должны быть исправляемы такъ же внимательно, какъ и письменныя упражненія по другимъ предметамъ.

18. О замѣченныхъ имъ недостаткахъ въ преподаваніи онъ входитъ въ объясненія съ преподавателями; а въ случаѣ безуспѣшности таковыхъ объясненій, представляетъ о томъ училищному Совѣту.

(Уст. Епарх. уч. § 51).

19. Онъ сообщаетъ Начальницѣ о замѣченныхъ имъ недостаткахъ въ надзорѣ за воспитанницами въ классахъ, или во время приготовленія уроковъ.

(Уст. Епарх. уч. § 17).

20. Онъ вноситъ въ Совѣтъ двухмѣсячныя отмѣтки преподавателей объ успѣхахъ воспитанницъ и годовой отчетъ по учебной части.

(Уст. Епарх. уч. § 53).

21. Слѣдя непосредственно за надлежащею постановкою учебнаго дѣла въ училищѣ, за правильнымъ цѣлесообразнымъ преподаваніемъ и надлежащимъ усвоеніемъ преподаннаго, инспекторъ классовъ заботится и о всемъ томъ, что способствуетъ успѣхамъ учащихся. Поэтому на немъ лежатъ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы воспитанницы были снабжены въ достаточномъ количествѣ учебниками, учебными пособиями и другими принадлежностями классныхъ и внѣклассныхъ запатій, какъ-то: чернилами, перьями, карандашами и проч. Предъ началомъ каждаго учебнаго года онъ вноситъ въ училищный Совѣтъ соображенія о томъ, въ какомъ количествѣ учебники и учебныя пособия должны быть приобрѣте-

ны вновь, отданы въ переплетъ и какіе, по негодности, исключены. Если же въ теченіе учебнаго года или самъ лично замѣтитъ въ чемъ-либо изъ вышесказанныхъ вещей недостатокъ, или сообщено будетъ ему о томъ до свѣдѣнія кѣмъ-либо изъ преподавателей, то онъ доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія училищнаго Совѣта.

22. Равнымъ образомъ инспекторъ классовъ обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы принятые въ училищѣ учебники и учебныя пособія соответствовали своему назначенію. Если же онъ самъ лично убѣдится въ противномъ, или будетъ извѣщенъ объ этомъ кѣмъ-либо изъ преподавателей, то дѣлаетъ представленіе училищному Совѣту, который и замѣняетъ эти учебники и учебныя пособія другими изъ рекомендованныхъ для духовно-учебныхъ заведеній Св. Синодомъ.

23. Инспекторъ классовъ заботится о томъ, чтобы преподаватели, по возможности, избѣгали разныхъ письменныхъ дополненій къ принятымъ учебникамъ, такъ какъ, по многосложности и разнообразію занятій, у воспитанницъ остается весьма мало свободного времени на списываніе этихъ дополненій.

24. Инспекторъ классовъ всячески поощряетъ чтеніе воспитанницами полезныхъ книгъ, какъ развивающихъ умственныя ихъ силы, и главнымъ образомъ онъ руководитъ этимъ дѣломъ. Поэтому онъ заботится о томъ, чтобы фундаментальная и ученическая библіотеки были въ достаточномъ количествѣ снабжены такими книгами, а именно: фундаментальная библіотека—вспомогательными пособіями для преподавателей, а ученическая—избранными книгами для чтенія воспитанницъ, преимущественно—такими, которыя имѣютъ отношеніе къ учебному курсу. Для этого инспекторъ классовъ входитъ въ сужденія съ преподавателями училища на счетъ того, какія книги каждый изъ нихъ находятъ необходимымъ приобрѣсть въ дополненіе къ существующимъ для чтенія воспитанницъ, или для пользованія преподавателя. Забранныя отъ всѣхъ преподавателей свѣдѣнія устныхъ или письменныя инспекторъ классовъ представляетъ, вмѣстѣ съ своими соображеніями, на обсужденіе училищнаго Совѣта. Кроме того, инспекторъ классовъ дѣлаетъ Совѣту представленіе о тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, которыя считаетъ полезнымъ выписать какъ для пользованія слушающихъ въ училищѣ лицъ, такъ и для чтенія воспитанницъ (дѣтскіе журналы).

25. Книги изъ библіотеки выдаются воспитанницамъ по рекомендаціи преподавателей. Обязанность инспектора классовъ въ

этомъ случаѣ должна состоять въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы преподаватели не указывали книгъ, не соответствующихъ возрасту и развитію воспитанницъ, а потому могущихъ принести, вмѣсто пользы, вредъ читающимъ.

26. Для того, чтобы чтеніе книгъ учащимися приносило имъ возможно большую пользу, инспекторъ классовъ или самъ лично, или чрезъ преподавателей, требуетъ отъ воспитанницъ отчета о прочитанномъ, въ особенности наблюдаетъ, чтобы преподаватели дѣлали это въ отношеніи къ тѣмъ книгамъ, которыя ими рекомендуются для лучшаго уясненія извѣстныхъ отдѣловъ преподаваемой науки. Вмѣстѣ съ тѣмъ инспекторъ классовъ располагаетъ воспитанницъ къ тому, чтобы онѣ, по возможности, вратцѣ излагали для себя содержаніе прочитанныхъ книгъ и вообще письменно давали себѣ отчетъ въ прочитанномъ. На инспекторѣ классовъ лежитъ вообще обязанность заботиться о томъ, чтобы бібліотека и физическій кабинетъ содержались въ надлежащей исправности, чтобы въ той и другомъ имѣлись каталоги и чтобы выдача книгъ записывалась въ особенной, скрѣпленной Совѣтомъ училища книгѣ.

27. Инспекторъ классовъ составляетъ правила о порядкѣ хранения и выдачи книгъ и учебныхъ пособій и, по разсмотрѣніи ихъ училищнымъ Совѣтомъ и утвержденіи епархіальнымъ Архіереемъ, слѣдитъ за точнымъ и неуклоннымъ ихъ исполненіемъ.

28. Въ началѣ учебнаго года инспекторъ классовъ вмѣстѣ съ начальницею составляетъ росписаніе уроковъ и занятій воспитанницъ и представляетъ на разсмотрѣніе Совѣта.

29. Къ началу года въ подлежащее время инспекторомъ классовъ должно быть составлено росписаніе экзаменовъ на основаніи правилъ, вырабатываемыхъ каждый разъ предшествующимъ педагогическимъ собраніемъ и общихъ постановленій объ этомъ Св. Синода.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Согласно § 155 Семинарскаго устава, плата за содержаніе своекоштныхъ воспитанниковъ Семинаріи должна быть вносима по третямъ учебнаго года въ теченіе двухъ недѣль послѣ начала трети. Посему Правленіе Семинаріи покорнѣйше проситъ отцовъ таковыхъ воспитанниковъ озаботиться высылкой на имя Правленія въ теченіе времени съ 15 ноября по 1-е декабря взносовъ за вто-

рую треть сего учебнаго года въ размѣрѣ 40 руб. съ воспитанниковъ духовнаго званія,—не получающихъ пособія, 25 руб.—съ воспитанниковъ, получающихъ пособіе, и 60 руб. съ инословныхъ воспитанниковъ. Не внесшіе въ указанный срокъ денегъ за свое содержаніе воспитанники, на основаніи того же устава, подлежатъ удаленію изъ общежитія.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Діаконскія:

Николаевская церковь с. Непокрытаго, Харьковскаго уѣзда.
 Покровская церковь сл. Верхней-Покровки, Староб. у. (вновь открыт.).
 Успенская церковь сл. Стрѣльцовки, Старобѣльскаго уѣзда.
 Всѣхсвятская церковь с. Вировъ, Сумскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

Арх.-Михайловская церковь с. Ольшаной, Лебединскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Груни, Лебединскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Синолицевки, Харьковскаго уѣзда.
 Рождество-Богородичная церковь с. Мартовой, Волчанскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Замостья, Зміевскаго уѣзда.
 Всѣхсвятская церковь с. Старога Мерчика, Валковскаго уѣзда.
 Георгіевская церковь сл. Павловки, Богодуховскаго уѣзда.
 Николаевская церковь с. Казачка, Харьковскаго уѣзда.
 Крестовоздвиженская церковь с. Гончаровки, Купянскаго уѣзда.
 При церкви с. Польнаго, Волчанскаго уѣзда.
 При Харьковской Троицкой церкви.
 Николаевская церковь с. Ново-Бурлуцка, Волчанскаго уѣзда.
 Троицкая церковь с. Стеблянкина, Лебединскаго уѣзда.
 Николаевская церковь сл. Мурафы, Богодуховскаго уѣзда.
 Успенская церковь с. Соколова, Зміевскаго уѣзда.
 Успенская церковь с. Сороковки, Зміевскаго уѣзда.
 Петро Павловская церковь с Печенѣгъ, Волчанскаго уѣзда.
 Космо-Даміановская церковь с. Терновой, Волчанскаго уѣзда.
 Рождество-Богородичная церковь сл. Цареборисовой, Изюмскаго уѣзда.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго попечительства о объдннхъ духовнаго званія.

Согласно § 3 дополнительныхъ правилъ о просфорницахъ, утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ, Епархіальное Попечительство сообщаетъ о слѣдующихъ *вакантныхъ мѣстахъ просфорницъ*: 1) при Троицкой церкви сл. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда, 2) при Иоанно-Богословской церкви сл. Павленкова, Старобѣльскаго уѣзда, 3) при Александро-Невской церкви сл. Песчаной, Купянскаго уѣзда, 4) при Покровской церкви сл. Козѣвки, Богодуховскаго уѣзда.

Отъ Правленія Братства Св. великомучен. Варвары.

Правленіе Братства св. великомученицы Варвары честь имѣетъ извѣстить членовъ Братства, что Общее Собраніе братчиковъ назначается, на основаніи Устава, на 4 декабря с. г., въ 6 часовъ вечера, въ зданіи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

II.

Содержаніе. О характерѣ пастырской дѣятельности. *Иеромонаха Михаила (Водонова)*. Епархіальная хроника.—Архіерейское служеніе въ день храмова праздника въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря.—Архіерейское служеніе и годичный актъ въ духовномъ училищѣ.—Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Архіепископомъ Арсеніемъ, Верхо-Харьковскаго Николаевскаго женскаго монастыря.—Служеніе Его Высокопреосвященства въ Михайловской церкви г. Харькова.—Посѣщеніе Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковской духовной семинаріи.—Совершеніе Божественной литургіи и вечерни Пресвященнымъ Стефаномъ, Епископомъ Сумскимъ.—Освященіе церковно-приходской школы въ слоб. Тимошеевкѣ, Сумскаго уѣзда.—XX-лѣтіе священнослуженія проф.—протоіерея Т. И. Буткевича. *Иноепархіальный отдѣлъ*. Воззваніе.—Приготовленія къ празднованію 200-лѣтія со дня кончины святителя Воронежскаго Митрофана. Разныя извѣстія и замѣтки. О выставкѣ монастырскихъ работъ.—Интересный случай.—Сохраненіе посѣвннхъ сѣмянъ пшеницы.—Таблица билетовъ серій 50/0 съ выигрышами листовъ Дворянс. Земельн. банка, вышедшихъ въ 28 тиражъ погашенія.—Объявленія.

О характерѣ пастырской дѣятельности.

Однажды жители одного самарянскаго селенія не приняли Господа, имѣвшаго намѣреніе пройти черезъ Самарію въ Іерусалимъ. Возмущенные такимъ негостепримствомъ самарянъ, „сыны грома“—Іоаннъ и Іаковъ—сочли этотъ поступокъ ихъ

тяжкимъ оскорбленіемъ Господу, заслуживающимъ строгого наказанія. Ревнуня о славѣ своего Учителя, сыны Заведея просили у Него разрѣшенія наказать негостепріимное селеніе сведеніемъ на него съ неба огня. Іоаннъ и Іаковъ полагали, что только уничтоженіе отвергнувшихъ Иисуса Христа самарянъ будетъ достойнымъ для нихъ наказаніемъ. Въ отвѣтъ на такое предложеніе Своихъ пылкихъ учениковъ Господь изрекъ знаменательныя слова: *не знаете, какою вы духа. Ибо Сынъ Человѣскій пришелъ не погублять души Человѣскія, а спасать.*

Замѣчательно ясно этими словами Господь выразилъ мысль, что средство для вразумленія заблуждающихся, предложенное Іаковомъ и Іоанномъ, совершенно не согласуется съ духомъ Его ученія и дѣятельности. Цѣль, съ которой Онъ явился на землю состояла не въ томъ, чтобы уничтожать, губить грѣшныхъ людей, а напротивъ,—спасать. Этою цѣлію опредѣлялась и къ ней направлялась вся земная жизнь и дѣятельность Господа. А такъ какъ Апостолы были призваны Имъ продолжать послѣ Него Его дѣло, т. е. совершать спасеніе людей, то это спасеніе людей должно быть цѣлію и всей ихъ дѣятельности. Всѣ свои старанія и усилія они должны направлять единственно только къ этой цѣли. И не только Апостолы должны были руководствоваться въ своей дѣятельности указанною цѣлію, но и для дѣятельности всѣхъ ихъ преемниковъ, пастырей церкви, какъ продолжателей и совершителей одного и того же дѣла, поставляется та же цѣль. Въ вышеприведенныхъ словахъ Спасителя выражена, такимъ образомъ, не только сущность Его земной дѣятельности, но опредѣленъ духъ и характеръ дѣятельности *апостоловъ пастырей церкви*. Раскрытіе сущности и свойствъ пастырства, насколько это возможно въ краткомъ очеркѣ, мы и намѣрены предложить въ настоящей разѣ.

Господь Иисусъ Христосъ пришелъ на землю для того, чтобы, какъ Онъ Самъ сказалъ, спасти души Человѣскія. И это дѣло Онъ совершилъ, научивъ людей истинной вѣрѣ и правиламъ благочестивой жизни, заслуживъ для нихъ Своими страданіями и смертію милость Божію, выразившуюся въ ниспо-

сланіи людямъ благодати Св. Духа, помогающей имъ совершать свое спасеніе. Совмѣстно съ помощію благодати Божіей, для спасенія каждаго человѣка необходима и собственная его самодѣятельность, потому что спасеніе не есть нѣчто такое, что можетъ быть дано человѣку внѣшнимъ образомъ. Спасеніе состоитъ въ духовномъ возрожденіи и обновленіи падшаго человѣка и, слѣдовательно, должно совершиться въ душѣ его, въ его совѣсти. *Царствоіе Божіе есть правда, и миръ, и радость о Дусѣ Святѣ* (Рим. XIV 17), стало быть, *оутрѣ насъ есть* (Лук. XVII, 21). Какъ внутренней духовный процессъ, спасеніе не можетъ совершиться безъ добровольнаго согласія на него самого человѣка. Располагать людей къ спасенію, руководить ихъ совѣсть въ этомъ дѣлѣ, освѣщать ихъ благодатию Св. Духа,—вотъ обязанности пастыря, возложенныя на него Самимъ Пастыреначальникомъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мате. XXVIII, 19—20).

Понятіе о пастырствѣ, какъ руководствѣ совѣстію людей въ дѣлѣ ихъ спасенія, опредѣляетъ тѣ качества, которыя необходимо должны быть присущи истинному пастырю церкви. Въ силу того, что дѣятельность пастыря должна простираться на душу ближняго, онъ долженъ быть не механическимъ только совершителемъ таинствъ и прочихъ священнодѣйствій православной церкви и таковымъ же исполнителемъ и другихъ пастырскихъ обязанностей; но каждое свое пастырское дѣйствіе онъ долженъ сопровождать соответствующимъ случаемъ настроеніемъ: съ плачущими плакать, съ радующимися радоваться, съ кающимися каяться, изнемогать съ изнемогающимъ и воспламеняться за соблазняющагося (2 Кор. XI, 29). Пастырь, такимъ образомъ, долженъ отождествлять себя духовно съ своими пасомыми, распространять свою совѣсть на всю паству, вмѣстѣ съ пасомыми внутренне переживать и направлять къ желанному исходу ту борьбу, которая совершается въ вѣранныхъ его духовному попеченію душахъ и ведетъ ихъ въ духовному совершенству. Словомъ, пастырь долженъ проникать своею душою въ душу ближняго, чтобы чрезъ то вести его ко спасенію.

Необходимой для пастыря способности проникать въ совѣсть другихъ нельзя, однако, достигнуть путемъ обыкновеннаго изученія характера ближняго, *кто бо въсть отъ чловѣка, яже въ чловѣцѣ, точію духъ чловѣка, живущій въ немъ* (1 Кор. II, 11). Правда, путемъ личнаго переживанія различныхъ душевныхъ состояній можно до нѣкоторой степени проникать въ душу ближняго. Въ дѣлѣ спасенія каждая душа переживаетъ жестокую борьбу со всевозможными врагами спасенія (Ефес. VI, 11—12). Пастырю необходимо въ своей собственной душѣ пережить эту борьбу, пройти весь путь, ведущій къ спасенію, на собственномъ опытѣ извѣдать всѣ трудности его и блага. При этомъ только условіи онъ окажется опытнымъ, духовно зрѣлымъ руководителемъ душъ чловѣческихъ на пути спасенія и получить возможность воздѣйствовать на нихъ. Такимъ путемъ прошелъ Самъ Пастыреначальникъ, который *искушенъ былъ, чтобы помогать искушаемымъ* (Евр. II, 18). Но этого личнаго благочестія, которое обязательно и для каждаго христіанина, мало для пастыря церкви. „Подвизающійся самъ по себѣ приноситъ пользу одному себѣ, а польза отъ пастырской дѣятельности простирается на весь народъ“ (Златоустъ, „О священствѣ“, II, 4). Пастырь, по самому существу пастырства, долженъ сраспинаться всѣмъ своимъ ближнимъ, во всѣхъ событіяхъ жизни пасомыхъ свидѣтельствовать предъ Богомъ свое отеческое участіе ко всѣмъ разнообразнымъ нравственнымъ состояніямъ вѣрующихъ и сострадать имъ. Но это есть ужъ нѣчто отличное отъ обыкновеннаго благочестія, доступное только развѣ святымъ отъ природы. Но таковыхъ людей нѣтъ; слѣдовательно, указанныя свойства пастыря могутъ быть только результатомъ особеннаго благодатнаго дара, особеннаго внутренняго обновленія. Такое обновленіе, такой благодатный даръ и сообщается пастырю чрезъ таинство священства. „Духовную любовь,—говоритъ Св. Іоаннъ Златоустъ,—не рождаетъ что либо земное: она исходитъ свыше съ неба и дается въ таинствѣ священства“.

Въ этомъ таинствѣ съ чловѣкомъ происходитъ существенное и чудесное измѣненіе, подобное тому, какое произошло съ Апостолами при сошествіи на нихъ Св. Духа. Благодать Божія обновляетъ

всю душу пастыря. Болѣ важныя для пастыря дѣйствія ея проявляются въ области сознанія его и чувства. Въ области сознанія благодать производитъ то, что пастырь, подобно Апостоламъ, получившимъ отъ Духа Святаго способность *разумѣть писанія* (Лук. XXIV, 45) и жизнь, начинаетъ ясно понимать всю окружающую жизнь, какъ борьбу добра со зломъ, управляемую Самимъ Богомъ. Это соверщаніе жизни, какъ борьбы добра со зломъ, исходы которой въ рукахъ Бога, даетъ пастырю ту невозмутимость и незнающее уныніа постоянство, которыя составляютъ отличительную черту всѣхъ великихъ пастырей церкви. Въ то время какъ неудачи повергаютъ обыкновенныхъ людей въ отчаяніе, уничтожаютъ въ нихъ всякую способность борьбы со зломъ,—на истиннаго пастыря онѣ не производятъ такого дѣйствія, не отнимаютъ у его жизни свойства неумоливаемо свидѣтельствовать объ истинѣ и любви христіанской. Благодатное прикосновеніе простирается и на чувство пастыря. Въ этой области его душевной жизни благодать производитъ двоякое дѣйствіе: во-первыхъ, она возбуждаетъ чувство самоотверженія, побѣдоносную борьбу съ себялюбіемъ, съ ветхимъ веловѣкомъ; во-вторыхъ, водворяетъ новое благодатное чувство—сострадающую любовь къ пасомымъ. Первое служитъ приготовленіемъ ко второму. Въ силу самоотреченія пастырь выходитъ изъ самозамкнутости, отрекается отъ личной жизни и тѣмъ пролагаетъ путь къ водворенію любви. Только путемъ страданія, внутренней смерти возможно зарожденіе любви. Пастырская любовь можетъ достигнуть напряженія только чрезъ мучительное отреченіе отъ жизни для цѣлей земныхъ, что подтверждается многими примѣрами. Такъ, для сочетанія съ Богомъ и духовнаго рожденія должны были отречься отъ родства и земныхъ привязанностей Авраамъ (Дѣян. II, 3), Іосифъ (Пс. CIV, 17—24), Давидъ и всѣ Апостолы (Мате. XIX, 27). Моисей и Іеремія, призываемые къ Богу, при духовномъ пастырскомъ рожденіи чувствовали столь сильныя муки отреченія отъ жизни, что усиленно отказывались отъ высокаго призванія. Но самый высокій примѣръ великаго самоотверженія ради спасенія людей мы видимъ въ лицѣ Господа Іисуса Христа, Который умалилъ Себя, принявъ званіе раба и подвергшись крестнымъ мученіямъ

и смерти (Филип. II, 7). Вся Его земная жизнь была однимъ великимъ дѣломъ самоотверженія.

Послѣ того какъ пастырь, при помощи благодати Божіей, уничтожить въ своей душѣ начала себялюбивой жизни, душу его наполняетъ благодатное чувство сострадающей любви къ ближнимъ. Сдѣлавшись совершенно равнодушнымъ къ себѣ, пастырь всецѣло посвящаетъ себя на служеніе Богу. Плодомъ такого посвященія является въ пастырѣ энтузіазмъ религиозной любви, увлекающій восторгъ. Наполненный такими чувствами, онъ забываетъ все, кромѣ богодарованныхъ духовныхъ чадъ, чувствуетъ безконечную нѣжность къ нимъ, опасливо трепещетъ за ихъ души (Лак. IV, 5), сливается съ своей паствой настолько, что становится неспособнымъ и на мигъ отдѣлиться душой отъ нея. Вступивши въ духовный бракъ съ нею, пастырь пріобрѣтаетъ свойства духовнаго отца. Онъ начинаетъ любить свою паству, какъ богодарованную семью. Его любовь простирается на всѣхъ членовъ этой семьи: на достойныхъ и недостойныхъ и особенно на послѣднихъ, какъ на такихъ, которые нуждаются во врачѣ, всѣ становятся для него дѣтьми, которыя даны ему Богомъ для руководства ихъ ко спасенію. Упомянутые нами Моисей и Іеремія, чувствовавшіе всю тяжесть самоотверженія при духовномъ пастырскомъ рожденіи, испытывали въ то же время сильную пастырскую любовь, свойство которой—находить наслажденіе даже въ мукахъ исповѣдническихъ. Такимъ же настроеніемъ проникнуты были и Апостолы, что видно изъ исторіи ихъ жизни и дѣятельности. *Дѣти мои*, говоритъ ап. Павелъ галатамъ, *дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ* (Гал. IV, 19). Но въ особенности и въ высшей степени такую сострадающую любовію къ людямъ проникнуть былъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Онъ возлюбилъ насъ прежде (1 Іоан. IV, 19), когда мы были еще врагами (Рим. V, 8—11); Онъ благовоновалъ нищимъ, исцѣлялъ сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывалъ слѣпымъ прозрѣніе и плѣннымъ отпущеніе, отпускалъ измученныхъ на свободу, проповѣдывалъ лѣто Господне благоприятное (Лук. IV, 18—19); Онъ понесъ на Себѣ наши немощи и взялъ на Себя

наши болѣзни (Мате. VIII, 17); Онъ запечатлѣлъ Свою жизнь высшимъ проявленіемъ любви—страданіями и крестною смертію за людей. Этого то подвига сострадающей любви, этой то способности переживать въ себѣ скорбь борьбы и радость о нравственномъ совершенствѣ пасомыхъ, способности чревоболѣть о нихъ, которою опредѣляется сущность паствы, и требуетъ Господь отъ своихъ служителей—пастырей церкви (Іоан. XXI, 16. 17).

Изъ сказаннаго можно видѣть, что паство есть великій нравственный подвигъ, требующій отъ пастыря тяжелыхъ трудовъ, какъ для водворенія въ себѣ надлежащаго паствы настроенія, такъ и для дѣланія, сообразнаго съ этимъ настроеніемъ. Для выполненія главной задачи паствы—спасенія людей паствы приходится бороться со зломъ, господствующимъ въ мірѣ. Эта борьба должна быть выраженіемъ его самоотверженія и любви къ людямъ. Добрый паство душу свою полагаетъ за овецъ (Іоан. X, 11), и это не въ переносномъ только смыслѣ, а и буквально, потому что заботы, труды и печали паствы сокращаютъ его жизнь. Самъ Господь говорилъ ап. Іакову и Іоанну, что имъ придется испить чашу и креститься крещеніемъ страданій (Мате. XX, 23), ап. Петру Онъ предсказалъ крестную смерть, какъ завершеніе его паствы дѣятельности (Іоан. XXI, 18—21). Ап. Павелъ говорилъ о себѣ, что онъ *каждый день умираетъ* (1 Кор. XV, 31), что онъ—*жертва за служеніе жертвы* (Филип. II, 17). Церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ указываетъ также на связь паствы съ мученичествомъ, говоря о Святителяхъ, что они полагали душу свою „о людехъ своихъ“ (тропарь святителю), что они, „слово истины исправляя“, страдали „даже до крове“ (троп. священномученику). Между тѣмъ мученической характеръ паствы является единственнымъ условіемъ возможности воздѣйствовать на паству. Паство, ежедневно умирающій за паству, чревоболѣющій о ней, несомнѣнно исполненъ любовію къ ней. Любовь же сообщаетъ его дѣятельности силу воздѣйствовать на паству. Извѣстно, что любовь имѣетъ свойство благотворно дѣйствовать и на такихъ людей, которые не поддаются никакимъ другимъ воздѣйствіямъ. Часто одно слово

любящей матери располагаетъ порочнаго человѣка къ повиновенію болѣе, чѣмъ множество самыхъ разумныхъ убѣжденій равнодушныхъ къ нему людей. Разумные доводы получаютъ большую силу убѣдительности только при условіи любви, проникающей ихъ. Пастырь только тогда можетъ повліять на пасомыхъ, когда, самоотверженно отрекшись отъ себялюбія, любовію и состраданіемъ сольется съ волею ихъ. Главнымъ въ дѣлѣ пастырства является пастырское настроеніе, слагающееся изъ самоотверженія и любви. Этимъ настроеніемъ опредѣляется и изъ него вытекаетъ вся внѣшняя дѣятельность пастыря, послѣдняя все свое достоинство получаетъ отъ перваго. Отсюда желающій быть пастыремъ церкви долженъ позаботиться прежде всего о водвореніи въ своей душѣ самоотверженія и любви. Ищущему пастырства „надобно прежде самому очиститься, потомъ уже очищать; умудриться, потомъ уже умудрять; стать свѣтомъ, потомъ просвѣщать, приблизиться къ Богу, потомъ приводить къ Нему другихъ; освятиться, потомъ освящать“ (Св. Григорій Богословъ, 3-е слово). Правда, благодать Божія производитъ въ душѣ пастыря нужныя измѣненія, но она (благодать) такъ благотворно дѣйствуетъ только въ такой душѣ, которая оказывается достойнымъ ея жилищемъ. Поэтому ищущій священства не долженъ ограничиваться однимъ изученіемъ наукъ, дающихъ познаніе истины,—ему необходимо еще упражняться въ благочестіи, чтобы путемъ нравственнаго очищенія приготовить душу свою къ принятію благодати священства. Прекраснымъ примѣромъ истиннаго пастырскаго настроенія и истинной пастырской дѣятельности является св. Апостоль и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, наперстникъ возлюбленнаго имъ Спасителя. Нравственная чистота его была столь высока, что на немъ почивала особенная любовь Господа, и онъ преимущественно предъ другими апостолами называется „другомъ Христовымъ“. Онъ обладалъ столь сильно любящимъ сердцемъ, что и словами проповѣдывалъ, и въ дѣлахъ проявлялъ одну только самоотверженную любовь къ ближнимъ, за что и называется Апостоломъ любви. Высокая чистота сердца сдѣлала доступными для него недостижимыя для обыкновеннаго ума высоты христіанскаго богословія, и онъ

первый изъ послѣдователей Христовыхъ и преимущественно предъ всѣми называется „Богословомъ“... Будемъ же подражать ему и просить его молитвеннаго ходатайства предъ престоломъ Всевышняго, чтобы содѣлаться и намъ пастырями добрыми, души свои полагающими за овцы!...

Гермонахъ Михаилъ (Богданъ).

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейское служеніе въ день храмоваго праздника въ Озерян-ской Церкви Покровскаго монастыря

30 октября, въ день храмоваго праздника въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря, божественную литургію совершалъ Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій, въ сослуженіи съ экономомъ Архіерейскаго дома Архимандритомъ Іосифомъ и старшими священнослужителями монастыря. Въ концѣ литургіи Владыка произнесъ слово по поводу чествуемой иконы. По окончаніи литургіи, передъ Озерянскою иконою Божіей Матери былъ отслуженъ молебенъ; послѣ многолѣтія Высокопреосвященному Арсенію было провозглашено, по желанію Владыки, многолѣтіе Высокопреосвященному Іустину, архіепископу Херсонскомъ и Одесскому, по случаю исполнявшагося 50-лѣтія служенія его въ священномъ санѣ, а затѣмъ провозглашена вѣчная память Высокопреосвященному Амвросію, который установилъ 30 октября чествованіе иконы Озерянской Божіей Матери.

Архіерейское служеніе и годичный актъ въ духовномъ училищѣ.

2 ноября Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній совершилъ божественную литургію въ церкви духовнаго училища, въ сослуженіи о. ректора семинаріи, прот. І. Знаменскаго, свящ. о. І. Филевскаго и помощ. смотр. о. Н. Зефирова. За литургіей вѣли всѣ воспитанники училища. Въ концѣ литургіи Его Высокопреосвященство сказалъ отеческое поученіе ученикамъ, въ которомъ разъяснилъ смыслъ воскреснаго евангельскаго чтенія. По окончаніи литургіи, Владыка прослѣдовалъ въ квартиру смотрителя учили-

ща, гдѣ бесѣдовалъ съ окружающими его лицами, послѣ чего Владыка прослѣдовалъ въ ученической залѣ. Здѣсь былъ прочтенъ краткій отчетъ о состояніи училища за минувшій учебный годъ и были розданы наградныя книги лучшимъ ученикамъ. При прощаніи съ учениками Владыка высказалъ свои благопожеланія заведенію. Послѣ сего Владыка раздѣлялъ трапезу, причемъ смотрителемъ училища былъ сказанъ краткій тостъ, гдѣ онъ отъ лица корпораціи училища и отъ себя благодарилъ Владыку за милостивое вниманіе и благорасположеніе къ духовному училищу. Въ 1 часъ дня Владыка отбылъ изъ училища при пѣніи „исъ полза эти деспота“.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященства, Архіепископомъ Арсеніемъ, Верхо-Харьковскаго Николаевскаго женскаго монастыря.

5—6 ноября Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, посѣтилъ и подробно осмотрѣлъ Верхо-Харьковскій Николаевскій женскій монастырь. Выѣхавъ изъ Харькова 5 числа въ 11^{1/2} ч. дня, Владыка прибылъ въ обитель въ 3 часа дня. Встрѣченный всею монастырскою братією, Высокопреосвященный прослѣдовалъ въ храмъ и, послѣ молебна и обычнаго многолѣтія, обратился къ монашествующимъ съ словомъ назиданія, въ которомъ выразилъ сожалѣніе о частой переменѣ у нихъ игуменій и казначей и внушалъ имъ выбирать игуменію по совѣсти—благочестивую, мудрую, способную къ управленію обителью и назидательную для сестеръ. Въ 6 час. вечера Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній служилъ всенощное бдѣніе и читалъ на ономъ акаенствъ Казанской Божіей Матери. По окончаніи всенощнаго бдѣнія Высокопреосвященный въ отведенныхъ для него покояхъ обители занимался разсмотрѣніемъ различныхъ монастырскихъ документовъ. На другой день, 6 го числа, въ 8 часовъ утра, Владыка прослѣдовалъ въ храмъ и присутствовалъ за литургіей. Въ концѣ литургіи Владыка обратился къ молящимся съ поученіемъ о тѣхъ святыхъ, которымъ посвящены монастырскіе храмы (о Казанской Божіей Матери, Михаилѣ Архангелѣ, Свв. Ап. Петрѣ и Павлѣ, о святителѣ Николаѣ, препод. Емилиі). Послѣ литургіи Владыка совершилъ молебствіе предъ иконою Казанской Божіей Матери. Торжественно совершенное молебствіе произвело сильное впечатлѣніе на молившихся; по окончаніи молебствія всѣ стремились получить святительское благословеніе. Владыка всѣхъ благословилъ

и всѣмъ раздалъ крестики. Затѣмъ, послѣ кратковременнаго отдыха, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній изволилъ осматривать монастырскіе храмы, трапезную и другія помѣщенія. Наконецъ Владыка посѣтилъ монастырскую женскую школу, гдѣ испытывалъ дѣвочекъ въ знаніи ими Закона Божія и церковнаго пѣнія. Школу Владыка нашелъ хорошею, но выразилъ при этомъ желаніе болѣе просторнаго для нея помѣщенія и превращенія ея изъ школы грамоты въ церковно-приходскую. Во время обзора Высокопреосвященнымъ обители, благочинный монастырей архим. Вассіанъ, съ соизволенія Архiepастыря, произвелъ выборъ игуменніи, каковою сестрами была выбрана монахиня Мелитона. Послѣ трапезы, въ 2¹/₂ ч., сестры обители собрались въ храмъ помолиться о благополучномъ путешествіи Архiepастыря и получить отъ него прощальное благословеніе. Въ храмъ Владыка былъ встрѣченъ пѣніемъ пѣсни праведнаго старца Симеона Богопріимца: „Нынѣ оглущеніи“... Во время этого пѣнія Владыка усердно молился, а затѣмъ, по окончаніи пѣнія, обратился къ сестрамъ монастыря съ прощальнымъ словомъ, въ которомъ поучалъ ихъ вести жизнь во всемъ согласно съ ихъ монашескимъ званіемъ и просить Господа о испосланіи мирной христіанской кончины. „Старайтесь, говорилъ, между проч., Владыка, заботиться о возвышеніи и укрѣпленіи въ себѣ доброй жизни и вѣры, и о томъ, чтобы богослуженіе и молитва всегда совершались благоговѣнно и по уставу, чтобы приходящіе къ вамъ поклонники находили въ вашей обители духовную отраду и успокоеніе отъ житейскихъ заботъ. Живите между собою въ мирѣ и согласіи, помогайте другъ другу въ иноческомъ подвижничествѣ и вы составите такимъ образомъ одну родную по духу и жизни семью“... Благословивъ затѣмъ всѣхъ сестеръ, Высокопреосвященный вышелъ изъ храма и съ добрымъ чувствомъ и добрымъ впечатлѣніемъ, напутствуемый благими пожеланіями, отбылъ изъ обители и направился въ Харьковъ, куда и прибылъ въ 7¹/₂ час. вечера.

Служеніе литургіи Его Высокопреосвященствомъ въ Михайловской церкви г. Харькова.

8-го ноября Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній изволилъ совершать божественную литургію въ Михайловской церкви г. Харькова. Владыкѣ сослужили о. благочинный 1 окр. церквей г. Харькова, прот. П. Полтавцевъ, прот. о. Пичета и друг. священнослужители. Пѣлъ архіерейскій хоръ. Въ концѣ литургіи

Владыка обратился къ многочисленнымъ богомольцамъ съ поучительнымъ словомъ. Остановивъ вниманіе ихъ на назидательныхъ и высокихъ чертахъ дѣятельности Ангеловъ, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній подробно объяснилъ въ чемъ состоитъ служеніе ангельское. „Въ каждому изъ насъ, говорилъ между проч. Владыка, приставленъ св. ангелъ и злой духъ. Первый является хранителемъ, стражемъ, вѣрнымъ наставникомъ каждого изъ насъ. А второй, наоборотъ, старается направить нашу дѣятельность на все злое. Если наша душа устремляется къ нечестнымъ мыслямъ, Ангелъ свѣта и добра скорбитъ за насъ, а злой духъ радуется внаоборотъ. Старайтесь же, благочестивые слушатели, своими мыслями и поступками доставлять больше радости св. Ангеламъ—Хранителямъ, нашимъ приставникамъ, старайтесь быть послушными всегда ихъ руководству и Господь да помилуетъ всѣхъ васъ въ день судный“.

Посѣщеніе Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Харьковской Духовной Семинаріи.

11-го ноября Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, изволилъ посѣтить Духовную Семинарію. Прибывъ въ 9 час. утра въ Семинарію, Владыка былъ встрѣченъ о. ректоромъ семинаріи, прот. І. Знаменскимъ, инспекторомъ іеромон. Михаиломъ и преподавателями. Преподавъ всѣмъ свое святительское благословеніе, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній прослѣдовалъ въ 6 классъ, гдѣ изволилъ слушать отвѣты воспитанниковъ по исторіи и обличенію раскола. Затѣмъ, по окончаніи урока, Владыка произвелъ подробный осмотръ семинарскихъ корпусовъ, въ которыхъ въ канвулярное время производился различный ремонтъ, посѣтилъ музыкальную комнату, дортуары воспитанниковъ, ихъ занятныя комнаты и др. помѣщенія. Послѣ этого Его Высокопреосвященство снова изволилъ посѣтить 6 кл., гдѣ происходилъ урокъ по догматическому богословію. Прослушавъ отвѣты воспитанниковъ и объясненіе преподавателя, [Владыка прослѣдовалъ въ 4 кл. на урокъ литургіи. По окончаніи урока Высокопреосвященный посѣтилъ квартиру о. ректора семинаріи. Затѣмъ Владыка присутствовалъ въ 5 кл. на урокѣ по догматическ. богословію, въ 1 парал. кл.—на урокѣ Священ. Пис. и въ 1 нор. кл.—на урокѣ церковнаго пѣнія.

Въ 12 ч. дня Высокопреосвященный, преподавъ всѣмъ свое

святительское благословеніе, изволилъ отбыть изъ Семинаріи, напутствуемый пѣніемъ воспитанниками „изъ поля эти деспота“.

Совершенство Божественной литургіи и вечерни Пресвященнымъ Стефаномъ.

9 ноября, Пресвященнымъ Стефаномъ, епископомъ Сумскимъ совершена была Божественная литургіи въ Успенскомъ соборѣ. Въ тотъ же день Владыка совершилъ вечерню въ Харьковской Николаевской церкви.

Освященіе церковно-приходск. школы въ слободѣ Тимошевкѣ, Сумскаго уѣзда.

12-го октября, въ воскресенье, состоялось торжественное освященіе церковно-приходской школы въ слободѣ Тимошевкѣ, Сумскаго уѣзда. Школа построена на средства г. Кокорекина и представляетъ прекрасное, каменное, двухъэтажное зданіе. Верхній этажъ приспособленъ для бібліотеки и квартиры учащихся, а нижній — для классовъ.

Божественную литургію въ мѣстной приходской церкви и чинъ освященія совершали о. предсѣдатель Харьковскаго училищнаго Совѣта, ректоръ Харьковск. дух. семинаріи, прот. І. П. Знаменскій, въ сослуженіи мѣстнаго священника о. Н. Полтавцева и другихъ прибывшихъ на торжество священнослужителей. Кромѣ мѣстныхъ жителей, на торжествѣ присутствовалъ епархіальный наблюдатель В. Ѳ. Давыденко.

XXV-лѣтіе священнослуженія профес. прот. Т. И. Буткевича.

6-го ноября с. г. исполнилось 25-лѣтіе служенія въ священномъ санѣ доктора богословія, профессора Императорскаго Харьковскаго Университета протоіерея Тимофея Ивановича Буткевича.

Т. И. Буткевичъ, сынъ священника села Большой-Рогозянки, Харьковскаго уѣзда, родился 21 февраля 1884 г., обучался въ харьковскомъ духовномъ училищѣ и въ харьковской духовной семинаріи съ 1863 по 1875 г., а затѣмъ въ московской духовной академіи съ 1875 по 1879 г.; въ 1854 г. за сочиненіе „Жизнь Господа нашего Іисуса Христа“ онъ удостоенъ степени магистра богословія. 6-го ноября 1878 г. Т. И. Буткевичъ рукоположенъ во священника въ Троицкой церкви слободы Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда; въ 1882 г. переведенъ изъ г. Старобѣльска въ Харьковъ; въ 1890 г. награжденъ наперснымъ крестомъ; въ 1891 г. назначенъ ключаремъ харьковскаго кафедральнаго собора; въ 1893 г. награжденъ саномъ протоіерея; въ 1894 г. назначенъ

профессоромъ богословія Императорскаго Харьковскаго Университета; въ 1903 г. совѣтомъ московской духовной академіи удостоенъ ученой степени лектора богословія за сочиненіе „Религія, ея сущность и происхожденіе“ (обзоръ философскихъ гипотезъ).

По поводу юбилея о. профессора, „Южн. Кр.“ дѣлаетъ такую характеристику учено-литературной и общественной дѣятельности достопочтеннаго юбиляра.

„Серьезные и глубоко назидательные труды о. Т. И. Буткевича богословско-философскаго характера создали юбиляру видное ученое имя не только въ Россіи, но и за-границей. Учено-литературная дѣятельность о. Буткевича въ высшей степени разносторонняя. Болѣе пятидесяти сочиненій принадлежатъ перу этого талантливаго проповѣдника и писателя, не считая мелкихъ его статей и замѣтокъ, разбѣянныхъ на страницахъ церковныхъ журналовъ. Но литературная дѣятельность профессора-богослова не заключается исключительно въ рамкахъ спеціальной науки, она очень часто касается общественной жизни и идетъ на встрѣчу современнымъ ея запросамъ.

Обладая богатымъ даромъ слова, юбиляръ является на каедрѣ блестящимъ ораторомъ.

Въ университетѣ, гдѣ опъ читаетъ съ 1894 года, опъ встрѣчаетъ большой интересъ къ своимъ лекціямъ; огромная аудиторія зачастую полна, въ виду интереса и яркости изложенія профессоромъ богословскихъ вопросовъ и критики различныхъ ученій.

Кромѣ того, въ лицѣ о. Тимоѣея мы видимъ неизмѣннаго сотрудника и послѣдователя почившаго архіепископа Аμβросія. Идеи высокопреосвященнаго Аμβросія всегда находили въ о. Буткевичѣ талантливаго истолкователя. Разносторонняя и отзывчивая натура о. Тимоѣея часто влекла его на широкій путь общественной дѣятельности; когда двадцать лѣтъ тому назадъ сектантство бурнымъ потокомъ стало распространяться въ Харьковской епархіи и когда не было еще спеціального миссіонера, опъ однимъ изъ первыхъ выступилъ на трудный путь борьбы съ сектантами. А еще раньше, въ качествѣ члена уѣзднаго училищнаго совѣта, опъ былъ дѣятельнымъ работникомъ на поприщѣ народнаго просвѣщенія, развивая идею церковно-приходской школы. И замѣчательно то, что еще задолго до возникновенія церковныхъ школъ, опъ въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ мѣстномъ епархіальномъ органѣ, говорилъ о соответствіи духу русскаго народа этой школы, которая такъ глубоко и широко пустила свои корни.

На ряду съ этимъ онъ не мало положилъ упорныхъ и тяжелыхъ трудовъ на пользу мѣстнаго епархіальнаго женскаго училища въ должности предсѣдателя совѣта его.

Теперь, въ этотъ торжественный для юбиляра день, можно пожелать ему силъ и здоровья для дальнѣйшей работы на поприщѣ ученой и священнослужительской дѣятельности^а.

Иноепархіальный отдѣлъ.

ВОЗЗВАНІЕ.

Возлюбленные братіе, православные христіане!

Три года назадъ городъ Благовѣщенскъ подвергся страшному бѣдствію. Сосѣдній невѣрный и дикій народъ ктайцы, долгѣ мирно относившійся къ жителямъ г. Благовѣщенска, внезапно, безъ предварительнаго заявленія о своей враждебности, слѣлалъ дикое на городъ нападеніе. Не ожидавшій войны и такого вѣроломнаго нападена, городъ былъ беззащитенъ: онъ не имѣлъ ни достаточно войска, ни боевыхъ снарядовъ, ни боевыхъ укрѣпленій; тогда какъ врагъ все это приготовилъ тайно въ изобиліи. Городу, при такой беззащитности, угрожала полная гибель, а населенію полное истребленіе, со всѣми, возможными при этомъ, ужасами дикаго варварства, насилій, звѣрскаго издѣвательства и истязаній. Вмѣстѣ съ гибелью города, угрожали поколебаться честь и слава нашего дорогаго отечества среди всѣхъ невѣрныхъ народовъ Востока. Моментъ былъ страшный и полный смертельнаго отчаянія. Но Господь, великій въ милости и щедротахъ, явилъ великое чудо милости Своей надъ беззащитнымъ городомъ. Девятнадцать дней непрерывно злобствовавшій врагъ сыпалъ въ городъ смертоносными снарядами—и однако никого, или почти никого, убитыхъ. Девятнадцать дней бросалъ онъ огонь въ снарядахъ въ городъ, при удушашемъ зноѣ и сухости,—и однако городъ, почти весь построенный изъ дерева, остался цѣлъ и невредимъ. Девятнадцать дней Соборъ Богоматери былъ цѣлью выстрѣловъ на близкомъ разстояніи—и однако ни одинъ изъ разрушительныхъ снарядовъ,

даже не коснулся сего святилища Божія. Деятнадцать дней врагъ видѣлъ предъ собою совершенно обмелѣвшую отъ зноя рѣку—и однако, какъ бы удерживаемый какою то неодолимою тайною силою, не дерзнулъ переправиться черезъ нее, чтобы прелать огню и мечу завѣдомо для него беззащитный городъ. Видимо, Матерь Божія, Покровительница сего города, имя величайшаго событія въ жизни Которой онъ носить, стала за него Стѣною Необоримою и закрыла его отъ дивихъ враговъ, внушая имъ непобѣдимый страхъ. Умиляясь сердцемъ отъ сего дивнаго чуда милости Царицы Небесной, всѣ мы жители города положили въ своихъ сердцахъ святое намѣреніе воздать за сіе славу и благодареніе ей, Необоримой нашей Заступницѣ, построеніемъ новаго благолѣпнаго кафедральнаго собора во имя ея Благовѣщенія, взаимѣвъ существующаго деревяннаго бѣднаго, жалкаго и пришедшаго въ крайнюю ветхость. Но одни мы, вслѣдствіе обѣдненія города и края отъ бывшей войны, не въ силахъ совершить сіе великое дѣло. Посему, одушевляемые и вспомоствуемые давнымъ намъ благословіемъ Св. Синода, съ надеждою молимъ васъ, возлюбленніи братіе православныя хрістіане всей необъятной Россіи, придти къ намъ на помощь въ увѣковѣченіи сего чуднаго заступленія Матери Божіей, такъ дивно и всемошно спасшей нашъ городъ, а вмѣстѣ съ нимъ и честь, славу и мощь нашего дорогаго отечества въ глазахъ всѣхъ невѣрныхъ народовъ Востока.

Епископъ Благовѣщенскій *Никодимъ*.

*Приготовленія къ празднованію 200-лѣтія со дня кончины святи-
теля Воронежскаго Митрофана.*

Воронежъ готовится къ торжественному празднованію двухсотлѣтія со дня блаженной кончины перваго епископа и небеснаго покровителя Воронежской епархіи—святителя Митрофана, скончавшагося въ 1703 году 23 ноября.

Духовенствомъ вопросъ объ организованіи этого юбилея обсуждался на лѣтнемъ съѣздѣ его депутатовъ и затѣмъ былъ переданъ на разсмотрѣніе уѣздныхъ благочинническихъ съѣздовъ. Насколько теперь выяснилось, духовенство рѣшило соорудить икону святителя и основать двѣ стипендіи при духовной семинаріи, по 3 тысячѣ рублей каждая. Городскимъ управленіемъ рѣшено въ память этого празднованія учредить въ городѣ пріютъ для незалежимыхъ больныхъ на 20 кроватей.

Дѣятельное участіе въ ознаменованіи торжественнаго событія

принимають мѣстный церковно археологическій комитетъ и архивная коммиссія.

Комитетъ издаетъ особый юбилейный сборникъ съ цѣлымъ рядомъ статей своихъ членовъ,—статей основанныхъ на изученіи архивныхъ данныхъ и всесторонне рисующихъ, какъ личность святаго, такъ и современное ему состояніе воронежскаго края; для сборника изготавливаются художественно исполненные снимки съ портрета св. Митрофана, съ его рукописей и т. д.

Кромѣ того, по предложенію его Высокопреосвященства, Архіепископа Воронежскаго Анастасія, и по порученію комитета, членомъ его о. С. Звѣревымъ составляется популярное житіе святаго, съ иллюстраціями, предназначенное для народныхъ чтеній и безплатной раздачи богомольцамъ.

Архивная коммиссія издаетъ художественный альбомъ снимковъ съ предметовъ, вмѣющихъ отношеніе къ святаго и современной ему эпохѣ.

Среди мѣстнаго купечества возникла мысль для болѣе торжественной обстановки празднованія дня двухсотлѣтней кончины св. Митрофана—основать Общество хоругвеносцевъ. Эта мысль приведена въ исполненіе и уставъ Общества утвержденъ. Такимъ образомъ, хоругвеносцы примутъ въ празднествахъ уже непосредственное участіе.

Соборъ, гдѣ почиваютъ мощи святаго, заново отремонтированъ. Иконостасъ блеститъ яркою позолотой; сооружена новая икона святаго въ цѣаной ризѣ, стоящей до 3,000 р., въ изящномъ мраморномъ киотѣ; по колоннамъ установлены новыя иконы; вся внутренность собора выкрашена бирюзовою краской.

Выработанъ и утвержденъ самый церемоніалъ празднованія.

Согласно ему, празднества начнутся съ 20-го ноября, когда въ соборѣ Митрофанова монастыря будетъ совершено заупокойное богослуженіе, съ поминовеніемъ рода святаго Митрофанія, почившихъ Государей и преемниковъ святаго по Воронежской кафедрѣ.

22-го ноября будетъ совершена торжественная всенощная, на которой будетъ читаться житіе святаго. Во время помазанія св. елеемъ богомольцамъ будутъ раздаваться житія и изображенія святаго.

23 ноября,—въ день кончины святаго,—утромъ, передъ обѣдой, изъ всѣхъ приходскихъ храмовъ двинутся крестные ходы къ Троицкому кафедральному собору. Въ 9 часовъ, какъ только раз-

дастся въ Митрофановомъ монастырѣ звонъ, изъ Троицкаго собора двинется торжественный крестный ходъ въ Митрофановъ монастырь, при участіи всего городского духовенства и иногороднихъ духовныхъ лицъ, прибывшихъ на торжество.

Затѣмъ будетъ совершена торжественная литургія и молебенъ предъ св. мощами святителя Митрофана.

Вечеромъ этого дня состоится народныя чтенія о св. Митрофанѣ въ братскомъ залѣ Митрофанова монастыря, въ Алексѣевскомъ монастырѣ и во всѣхъ народныхъ читальняхъ города.

24 ноября предстоить торжественное засѣданіе въ залѣ дворянскаго собранія, посвященное памяти святителя. Здѣсь отъ церковно-археологическаго комитета прочтеть рѣчь С. П. Введенскій и отъ архивной комиссіи—свящ. С. Е. Звѣревъ. Будутъ участвовать хоры архіерейскій и семинарскій, а также оркестръ воспитанниковъ духовной семинаріи.

Для участія въ церковныхъ торжествахъ будутъ приглашены архимандриты всѣхъ монастырей епархіи и настоятели уѣздныхъ соборовъ.

Такимъ образомъ, двухсотлѣтняя годовщина смерти приснопамятнаго святителя будетъ ознаменована не только религіознымъ торжествомъ, но и добрыми дѣлами. Это исполнѣ достойное чествованіе памяти святителя, всю жизнь свою заботившагося о бѣдныхъ, сиротахъ, больныхъ и узникахъ. („Южн. Кр.“)

О выставкѣ монастырскихъ работъ.

„Церковныя Вѣдомости“ сообщаютъ, что первая всероссійская выставка монастырскихъ работъ отложена открытіемъ на февраль 1904 г.

Интересный случай.

Не часто доводилось мнѣ, говорить свящ. о. Кратировъ, бывать въ домѣ прихожанина моего Ивана Тимоеевича С—ва: заходяшь къ нему на 10—15 минутъ, когда, обыкновенно, ходишь по приходу въ постъ съ молитвою, или въ праздникъ со св. крестомъ.

Но недавно пришлось мнѣ побольше быть у Ивана Тимоеевича

и разговариваться, между прочимъ, о родителяхъ его жены, Агаѳіи Ивановны.

Вотъ что рассказала мнѣ Агаѳья Ивановна.

Родители ея Иванъ Давидовичъ и Елизавета Филипповна Бусъ — римско-католическаго вѣроисповѣданія. Они очень скорбѣли о томъ, что дѣти ихъ не жили, умирали вскорѣ послѣ рожденія. Изъ пяти дѣтей дѣвочекъ ни одна не жила долѣе 2—3 мѣсяцевъ. Долго молились супруги Бусъ Господу Богу, чтобы Онъ даровалъ жизнь хотя одному ихъ дитяти, но дѣти умирали.

Тогда они дали Богу обѣщаніе: если у нихъ еще родится дитя, — окрестить его и воспитать въ *православной вѣрѣ*.

Скоро у нихъ родилась дочь (шестая) Агаѳія. Они очень ей обрадовались и не только крестили ее въ православной церкви, но и дополнили свое обѣщаніе тѣмъ, что если Агаѳія останется жива, то и замужъ они отдадутъ ее непременно за православнаго.

На радость родителямъ Агаѳія пережила роковыя 2—3 мѣсяца и стала расти здоровою и цвѣтущею.

Бусъ въ точности исполнили свое обѣщаніе, воспитали свою дочь въ правилахъ православной вѣры и Церкви, а когда Агаѳія исполнилось 16 лѣтъ, отдали ее замужъ за православнаго, за Ивана Тимоѣевича, съ которымъ Агаѳія Ивановна благополучно живетъ уже 9 лѣтъ.

Родители ея живы и живутъ въ колоніи Семеновкѣ, Камышинскаго уѣзда, Саратовской губерніи.

„Совр. Лѣтоп.“

Сохраненіе постельныхъ стѣмянъ пшеницы.

Извѣстно, что сѣмена пшеницы весной, въ періодъ цвѣтенія растений, подвергаются процессу броженія; если въ это время не перелопачивать сѣмянъ, то является опасность, что они теряютъ способность проростанія; причины этого явленія еще не вполне выяснены и заключаются, по всей вѣроятности, въ высотѣ температуры этого времени при тѣснотѣ соприкосновенія зеренъ между собою.

Для предупрежденія указанной опасности слѣдуетъ смѣшивать сѣмена пшеницы съ мякнвой, вслѣдствіе чего, вокругъ каждаго зерна образуется большой величины воздушный слой, и зерна возлируются лучше, чѣмъ даже тщательно очищенные зерна при перелопачиваніи; помѣщеніе должно быть прохладно, сохраняемая такимъ образомъ пшеница удерживаетъ свою полную всхожесть продолжительное время. („Сѣв.“).

Таблица билетов серий 5% с выигрышами листов дворянского земельного банка, вышедших в 28 тираж погашения, произведенный в правлении государственного банка 1 ноября 1903 года:

Номера серий: 15594, 1828, 8425, 15579, 6558, 9138, 3451, 898, 14459, 6448, 11184, 13698, 6766, 13371, 14198, 15394, 9093, 10153, 6703, 1261, 11819, 7737, 14462, 9811, 12645, 7965, 14088, 358, 6988, 8074, 244, 14179, 12713, 11676, 4849, 4236, 11586, 5740, 8000, 7115, 5233, 15758, 3549, 3083, 10148, 1817, 4326, 2217, 4505, 510, 13041, 15996, 5667, 11405, 6149, 979, 961, 13672, 11333, 10297, 3171, 7066, 2145, 1476, 10348, 13166, 5025, 9310, 15397, 2841, 6814, 8484, 13745, 13761, 12338, 14361, 12905, 1900, 14025, 15052, 15291, 8379, 2261, 3802, 542, 10012, 7946, 9086, 14239, 10816, 13971, 261, 6165, 14466, 13172, 6511, 6784, 12259, 5945, 12980, 9924, 6752, 6128, 7551, 15156, 10642, 8833, 8849, 14727, 7024, 10432, 1180, 7051, 8226, 25, 10426, 3695, 6578, 3437, 10135, 6811, 11802, 15708, 13096, 4031, 6669, 7752, 9337, 473, 7624, 15024, 12717, 5709, 3076, 13093, 13527, 14081, 7370, 3653, 7576, 15493, 1352, 81, 7889, 8458, 6123, 15422, 9285, 15858, 12127, 11279, 4709, 4564, 2885, 900, 12132, 14288, 1616, 10603, 664, 418, 2825, 9291, 8387, 5548, 2576, 11648, 1718, 5337, 718, 13278, 13860, 7658, 15041, 4602, 15712, 303, 10223, 3224, 11785, 453, 15391, 8256, 5964, 1061, 5790, 4652, 250, 15443, 4440, 6423, 13861, 2430, 15876, 5487, 13450, 9501, 13443, 7446, 3001, 242, 2008, 13559, 12780, 4858, 400, 15409, 7164, 6371, 15425, 4837, 4467, 5728, 11364, 4353, 15034, 10770, 10384, 12285, 14107, 12357, 2721, 7887, 7967, 12340, 12181, 8460, 9755, 14414, 11261, 10790, 894, 5856, 7278, 10646, 8919, 10407, 15404, 1193, 11704, 12368, 13575, 1441, 3729.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ

ИКОНОСТАСНАЯ И ЦОВОЛОТНАЯ

МАСТЕРСКАЯ

Алексыя Петровича ПЕТРОВА съ С-ми

— « Существуетъ съ 1869 года. » —

МОСКВА, 1-я Мѣщанская, домъ № 98.

ПРИНИМАЮТСЯ ЗАКАЗЫ

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-РЪЗНЫЯ, ЖИВОПИСНЫЯ и ИКОНОПИСНЫЯ РАБОТЫ,

какъ-то: Церковные **иконостасы** (и военно-походные) въ **разныхъ** строго **выдержанныхъ** стиляхъ, мѣстные и запрестольные **киоты**, **балдахины** надъ **престолами**, **гробницы** подъ **пращаницу**, **запрестольные кресты** и **рамки** съ **гумбами**, **кресты** съ **предстоящими** съ **рѣзной горой**, **аналомъ**, **престолы**, **жертвенники**, **свѣчные ящики** и **зеркала** для **присутственныхъ мѣстъ**,

А ТАКЖЕ ПРОИЗВОДИТСЯ РЕСТАВРАЦІЯ ИКОНОСТАСОВЪ, ИКОНЪ, ВНУТРЕННЕЙ и НАРУЖНОЙ ЖИВОПИСИ въ ХРАМАХЪ и пр. и ЗОЛОЧЕНИЕ ГЛАВЪ и КРЕСТОВЪ.

Рисунки, смѣты и чертежи высылаются по первому требованію.

Причтъ и церковный староста Ольшанской
Покровской церкви

слободы Ольшаной, Харьковскаго уѣзда, объявляютъ, что къ означенной церкви нуженъ учитель-регентъ на жалованье отъ 300 руб. въ годъ.

Отъ Харьковскаго Епархіального Книжнаго
Комитета

объявляется, что епархіальная книжная лавка, при Харьковскомъ Соборѣ, снабжена духовно-проповѣдническою литературой, бого-служебными книгами и учебниками для церковно-приходскихъ школь. При оптовой продажѣ учебниковъ и Синодальныхъ изда-ній для школь и церквей дѣлается уступка 10⁰/о.

Открыта подписка на празднующую въ 1904 г. свой ДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ

ВСЕОБЩУЮ МАЛЕНЬКУЮ ГАЗЕТУ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

2 руб. за годъ, за 3 мѣс. 50 коп.

Газета безцензурная.—Изданія годъ одиннадцатый.

Содержаніе газеты: придворныя, правительственныя, политическія и общественныя новости и руководящія къ нимъ статьи; хроника происшествій и уголовныхъ дѣлъ, новости научныя, историческія, медицинскія, о воспитаніи, о загадочныхъ явленіяхъ и пр.; романы, стихи, замѣтки о спортѣ, театрахъ, новыхъ книгахъ и пр. Въ теченіе 1904 г. будутъ помѣщены: романъ изъ современ. русской жизни „Три товарища“ соч. А. Молчанова и переводъ лучшаго изъ новѣйшихъ германскихъ романовъ подъ заглавіемъ „Насушный хлѣбъ“. Въ теченіе года болѣе сотни портретовъ современныхъ дѣятелей и рисунковъ текущихъ событій.

Подписная цѣна съ } за 2 р. за пол- за 3
дост. и пересылкой } годъ года 1 р. мѣс. 50 к.

Марками на 20 к. дороже. Газета выходитъ три раза въ недѣлю.

Адресъ Типографіи, Редакціи и Конторы: С.-Петербургъ, Невскій, 139.

Редакторъ-Издатель А. Молчановъ.

1 РУБ.
за 2 мѣсяца съ
дост. и перес.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1904 годъ
(изд. XIX годъ)

6 Р.
за годъ съ
дост. и перес.

иллюстрированный журналъ для семьи

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

подъ редакцію А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи Отца
ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

52 №№ журнала до 2000 столб. текста и до 300 иллюстр. рассказы, стихотворенія, статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія, воспоминанія и предан. русск. старины, отсылки на вопросы современной жизни.

12 книгъ до 2400 стран. убоистой печати, заключающихъ въ себѣ историческія повѣсти, повѣсти изъ исторіи русскаго народа и православнои церкви, очерки и рассказы изъ исторіи библейской, общаи церковной.

И кромѣ того **БЕЗПЛАТНО** будетъ выдано:

6 кн. БОЛЬШ. ФОРМ. соч. **Ф. В. ФАРРАРА**
болѣе 250 иллюстр.
Жизнь Іисуса Христа

Полное иллюстр. изданіе съ предис. и пояснит. примѣч. Свящ. П. М. Бывеискаго.

КОПИЯ съ иконы ново-явленнаго чудотворца **СЕРАФИМА САРОВСКАГО**, исп. на металлѣ въ рельеф. золоч. ризѣ. Улативше сполна подпис. сумму получать немедленно при первыхъ №№, а подпавшіе съ разсрочкой—по уплатѣ послѣдняго взноса.

ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ЕНИГАХЪ „РУССК. ПАЛ.“ БУДЕТЪ ДАНО:

1) Черноморскіе богатыри. Картины Севастопольской обороны В. А. Радича	7) Вопросы вѣры и жизни. Сборн. стат. доц. Спб. Дух. А. Геромонаха Миханла.
2) Прельщеніе литовское. Церковно-историческая повѣсть Вл. П. Лебедева.	8) Русскій Савонарола. Историч. пов. Н. О. Лихарева.
3) Задушевные рѣчи. Очерки, бесѣды и странички изъ дневника А. В. Круглова.	9) Боярыня Морозова. Повѣсть изъ исторіи рус. раскола Г. Т. Сиверцева.
4) Вокругъ собора. Повѣсть изъ исторіи Западной церкви XV в. Д. Алькока. Перев. Н. П. Двигубскаго.	10) Братъ на брата. Историч. повѣсть-хроника. Н. Н. Алексѣева-Куянгурцева.
5) Лучъ Божьяго свѣта въ пустынѣ глухой. Повѣсть изъ жизни на Персидской окраинѣ. Ф. Тютчева.	11) Въ добрыхъ сѣмѣнствахъ. Бытовая повѣсть изъ жизни скопцовъ и хлыстовъ. Д. М. Березкина.
6) На стѣтѣ димомъ. Церковно-историч. повѣсть. П. А. Россіева.	12) Свѣтъ. Повѣсть М. Монлора изъ времени земной жизни Іисуса Христа. Переработка Кн. М. В. Волкомской.

Въ №№ журнала печатаются „Бесѣды съ читателями русскаго Паломника“, принадлежащія перу извѣстнаго церковнаго публициста, доц. СПб. духов. Акад. Геромонаха Миханла и „Отклики на вопросы современной жизни“ извѣстнаго писателя мірянина А. В. Круглова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ: безъ доставки въ Спб. **ПЯТЬ** руб., съ доставкой и перес. во всѣ города Россійской имперіи **ШЕСТЬ** р., за границу 18 р. Допускается разсрочка: при подпис. въ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальные.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

ЛИСТОКЪ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Ноября № 22 1903 года.

Содержаніе. Высочайшія награды — Епархіальныя извѣщенія. — Отъ Харьковскаго Епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. — Росписаніе очереднаго проповѣданія Слова Божія протоіереями и священниками г. Харькова и подгородныхъ селеній въ Кафедральномъ Соборѣ въ воскресные и праздничные дни, и въ приходскихъ и домовныхъ церквахъ въ храмовые ихъ правдники въ теченіе 1904 года. — Журналъ Харьковскаго Епархіальнаго Съѣзда о.о. благотворительныхъ 6—7 октября 1903 года. — Журналъ Харьковскаго Окружнаго училищнаго Съѣзда духовенства 1903 года. — Инструкція членамъ Совѣта отъ духовенства и дѣлопроизводителю Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища. — Отъ Харьковской Духовной Консисторіи. — Отъ Правленія Братства св. великомученицы Варвары.

I.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, 4-го ноября текущаго года, на сопричисленіе, за 50-ти-лѣтнее отлично—усердное служеніе церкви Божіей, къ ордену *св. Владиміра 3-й степени* заштатнаго протоіерея соборной Преображенской церкви города Изюма, *Феофила Макушина*.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, 4-го ноября текущаго года, на сопричисленіе, за 50-ти-лѣтнюю службу, къ ордену *св. Анны 3-й степени* діакона Крестовоздвиженской церкви города Харькова *Кирилла Попова*.

Епархіальныя извѣщенія. ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

Сочествіевская церковь с. Хатной, Волчанскаго уѣзда.
Троицкая церковь с. Бошка, Лебединскаго уѣзда.

Діаконскія:

Соборно Преображенская церковь, города Валокъ.
Покровская церковь сл. Верхней-Покровки, Староб. у. (вновь устроен.).
Успенская церковь сл. Блиновки, Сумскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

Арх. Михаиловская церковь с. Ольвиной, Лебединскаго уѣзда.
Николаевская церковь с. Груши, Лебединскаго уѣзда.
Николаевская церковь с. Синолицовки, Харьковскаго уѣзда.
Рождество-Богородичная церковь с. Мартовой, Волчанскаго уѣзда.
Всѣхсвятская церковь с. Старога Мерчика, Валковскаго уѣзда.
Николаевская церковь с. Бозачка, Харьковскаго уѣзда.
При церкви с. Польнаго, Волчанскаго уѣзда.
При Харьковской Троицкой церкви.
Николаевская церковь с. Ново-Бурлуцкое, Волчанскаго уѣзда.
Троицкая церковь с. Стеблякина, Лебединскаго уѣзда.
Успенская церковь с. Сороковки, Зміевского уѣзда.
Успенская церковь с. Саволова, Зміевского уѣзда.
Петро-Павловская церковь с. Пачеягъ, Волчанскаго уѣзда.
Косьмо-Даміановская церковь с. Терновой, Волчанскаго уѣзда.
Покровская церковь с. Бабки, Волчанскаго уѣзда.
Иосифо-Обручницкая церковь сл. Мечебилловой, Изюмскаго уѣзда.
Всѣхсвятская церковь с. Вировъ, Сумскаго уѣзда.
Николаевская церковь с. Верхоможки, Ахтырскаго уѣзда.
Ахтырско-Богородичная церковь с. Ново-Ахтырин, Старобѣльск. уѣзда.

Отъ Харьковскаго Епархіального Попечительства о Объдннхъ духовнаго званія.

Согласно § 3 дополнительныхъ правилъ о просфорницахъ, утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ, Епархіальное Попечительство сообщаетъ о слѣдующихъ *вакантныхъ мѣстахъ просфорницъ*: 1) при Троицкой ц. с. Вѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда, 2) при Иоанно-Богословской ц. с. Павленкова, Старобѣльскаго уѣзда, 3) при Александро-Невской ц. с. Песчаного, Купянскаго уѣзда, 4) при Покровской ц. Богодуховскаго уѣзда, с. Козѣвки, 5) при Воскресенской церкви слоб. Боголюбовки, Купянскаго уѣзда, 6) при Александро-Невской церкви слободы Лимаревскаго Государственнаго конскаго завода, Старобѣльскаго уѣзда, 7) при Архангело-Михайловской церкви слободы Краснянки, Купянскаго уѣзда, 8) при Воскресенской церкви с. Ясеноваго, Лебедянскаго уѣзда.

РОСПИСАНІЕ

очереднаго проповѣданія слова Божія протоіереямъ и священникамъ г. Харькова и подгороднихъ селеній въ Каедральномъ Соборѣ въ воскресные и праздничные дни, и въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ въ храмовые ихъ праздники въ теченіе 1904 года.

Январь.

Въ Каедральномъ соборѣ: 1. Новый годъ—прот. Іоаннъ *Знаменскій*. 4. Недѣля 32 предъ просвѣщ.—прот. Василій *Поповъ*. 6. Богоявленіе—прот. Павелъ *Солнцева*. 11. Недѣля 33 по просвѣщ-ніи—прот. Павелъ *Григоровичъ*. Въ домовой церкви: 16. Поклоненіе веригамъ св. Апостола Петра—свят. Ѳеодоръ *Кіаницынъ*. 17. Преподобнаго Антонія Великаго—прот. Тим. *Буткевичъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 18. Недѣля 34 о Мытарѣ и Фарисеѣ—свят. Гр. *Виноградовъ*. 25. Недѣля 35 о блудномъ Сынѣ—свят. Алек. *Луценко*.

Февраль.

Въ Каедральномъ соборѣ: 1. Недѣля мясопустъ—свят. П. *Скубаевскій*. 2. Срѣтеніе Господне—прот. Ал. *Ѳедоровскій*. 8. Св. Ѳеодора Стратилата. Недѣля—сыропустъ—свят. Ник. *Кратировъ*. Въ домовой

церкви—святц Никандръ *Чернелескій*. Въ Каедральномъ соборѣ: 13. Недѣля 1 Великаго поста, Торжество Православія—святц Алек. *Юшковъ*. 22. Недѣля 2 Великаго поста—прот. Г. *Чеботаревъ*. 29. Недѣля 3 Великаго поста (крестопоклон.)—святц. Вас. *Яновскій*.

М а р т ь.

Въ Каедральномъ соборѣ: 7. Недѣля 4 я—прот. Н. *Федоровъ*. 14. Недѣля 5-я—святц. Конст. *Дьяковъ*. 20. По крестномъ ходѣ съ вербой—святц. Ник. *Зефировъ*. 21. Недѣля 6-я Ваиѣ—святц. Георгій *Введенскій*. 25. Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы—прот. Мих. *Румянцевъ*. Въ приходской церкви—прот. Вас. *Потовъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 26. Великій пятокъ (по перенесеніи плащаницы)—святц. Іоаннъ *Филескій*. 29. 2-й день Св. Пасхи—прот. Панкр. *Ивановъ*. Въ приходской церкви—прот. Ник. *Соколовскій*.

А п р ѣ л ь.

Въ Каедральномъ соборѣ: 4. Недѣля о Ѡмѣ—святц. Іоаннъ *Горамъ*. 11. Недѣля Жень Мироносиць—святц. І. *Петровскій*. Въ приходской церкви—святц. Ник. *Любарскій*. Въ Каедральномъ соборѣ: 18. Недѣля 4-я о разслабленномъ—прот. Петръ *Тимофеевъ*. 21. Преполовеніе—святц. Николай *Шосте*. 22. Перенесеніе Чудотворной Озерянской Иконы—святц. Леон. *Твердохлѣбовъ*. 23. Тезоименство Государыни Императрицы Александры Феодоровны—святц. Павелъ *Грома*. Въ домовой церкви—святц. Іоаннъ *Толмачевъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 25. Недѣля 5-я самарянинѣ—прот. Петръ *Мигулинъ*.

М а ѣ.

Въ Каедральномъ соборѣ: 2. Недѣля о слѣпомъ—святц. Давидъ *Циновъ*. 6. Вознесеніе Господне и Рожденіе Государя Императора—святц. Петръ *Вишняковъ*. Въ приходской церкви—прот. Георг. *Чеботаревъ*. Въ домовой церкви: 8. Св. Ап. Іоан. Богослова—святц. Сер. *Посельскій*. Въ приходской церкви—святц. Алекс. *Лобковскій*. Въ каедральномъ соборѣ: 9. Недѣля Св. Отець 1-го Вселенск. Собора и св. Николая—святц. Вас. *Ветуховъ*. Въ приходской церкви—прот. Панкр. *Ивановъ*. 11. Св. Кирилла и Меводія—святц. Евс. *Веніамитовъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 14. Священное Коронованіе—прот. І. *Пичета*. 16. Пятидесятница—прот. Анд. *Любарскій*. Въ приходской церкви прот. Петръ *Тимофеевъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 17. День св. Духа—святц. Георг.

Рудинскій. Въ приходской церкви—прот. Ник. *Гутниковъ*. Въ домовой церкви: 21. Цар. Константина и Елены—свящ. І. *Крушодольскій* и свящ. Афан. *Толмачевъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 23. Недѣля 1-я Всѣхъ Святыхъ—свящ. Пав. *Тимофьевъ*. Въ приходской церкви—свящ. Алек. *Луценко*. Въ Каедральномъ соборѣ: 25. Рожд. Госуд. Императрицы Александры Ѳеодоровны—прот. І. *Знаменскій*. 30. Недѣля 2-я по Пятидесятницѣ—свящ. І. *Иинюковъ*.

І ю н ъ.

Въ Каедральномъ соборѣ: 6. Недѣля 3-я—свящ. Вас. *Самойловъ*. 13. Недѣля 4-я—свящ. Мих. *Клячный*. 20. Недѣля 5-я—свящ. Никандръ *Чернелевскій*. 24. Рождество Іоанна Предтечи—свящ. І. *Мантулинъ*. Въ приходской церкви—свящ. Георг. *Рудинскій*. Въ Каедральномъ соборѣ: 27. Недѣля 6-я—свящ. Мих. *Слуцкій*. 29. Св. Петра и Павла—прот. Іоаннъ *Левитскій*. Въ приходской церкви—свящ. Андрей *Щелкуновъ*.

І ю л ъ.

Въ Каедральномъ соборѣ: 4. Недѣля 7-я—прот. Н. *Соколовскій*. 8. Явленіе Иконы Базанской Божіей Матери—прот. Н. *Гутниковъ*. 11. Недѣля 8-я—свящ. Ник. *Сокольскій*. 18. Недѣля 9-я—свящ. Ник. *Кратировъ*. 22. Тезоименитство Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны—свящ. Влад. *Шапаловъ*. 25. Недѣля 10-я—свящ. Маркіанъ *Ѳедорозскій*. Въ приходской церкви: 27. Св. вл. Пантелеймона—свящ. Іоаннъ *Приходимъ*.

А в г у с т ъ.

Въ Каедральномъ соборѣ: 1. Недѣля 11-я и Происхожденіе древъ Креста Господня—свящ. П. *Скубачевскій*. 6. Преображеніе Господне—прот. Ник. *Ѳедоровъ*. Въ Приходской церкви—свящ. Петръ *Ѳоминъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 8. Недѣля 12-я—прот. П. *Мишулинъ*. Въ приходской церкви: 15. Недѣля 13-я и Успеніе Пресвятыя Богородицы—прот. Стеф. Любичій. Въ Каедральномъ соборѣ: 22. Недѣля 14-я—свящ. Андр. *Щелкуновъ*. 29. Недѣля 15-я и Усѣкновеніе Главы Іоанна Предтечи—свящ. Влад. *Шапаловъ*. Въ приходской церкви—прот. Іоаннъ *Пичета*. Въ Каедральномъ соборѣ: 30. Св. Благовѣрнаго Вяязи Александра Невского—свящ. І. *Гончаревскій*. Въ приходской церкви—свящ. Н. *Сокольскій* и прот. А. *Балановскій*.

Сентябрь.

Въ Каедральномъ соборѣ: 5. Недѣля 16—свят. *І. Петровскій*. 8. Рождество Пресвятыя Богородицы—свят. *І. Горайнъ*. Въ приходскихъ церквахъ—прот. Вас. *Добровольскій*, свят. Алекс. *Захарьевъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 12. Недѣля 17-я—свят. Пав. *Тимофеевъ*. 14. Воздвиженіе Креста Господня—свят. Ник. *Шосте*. Въ приходской церкви—прот. П. *Григоровичъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 19. Недѣля 18-я—свят. Серг. *Посельскій*. Въ приходской церкви: 25. Преподобнаго Сергія Радонежскаго—свят. Петръ *Вишняковъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 26. Св. Апостола Іоанна Богослова (нед. 19)—свят. Мих. *Клячный*. Въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ:—Инспекторъ Семинаріи, Героменахъ *Михаилъ*, свят. Ник. *Зефировъ* и свят. Авдр. *Дмитріевъ*.

Октябрь.

Въ Каедральномъ соборѣ: 1. Покровъ Пресв. Богородицы—прот. Ник. *Онисевичъ*. Въ домовой церкви—прот. Анд. *Любарскій*. Въ Каедральномъ соборѣ: 3. Недѣля 20-я—свят. Георг. *Введенскій*. 10. Недѣля 21-я—свят. *І. Крушодольскій*. 17. Прор. Осія. Воспоминаніе чудес. спасенія Царской семьи при крушеніи поѣзда близь ст. Борки Б.-Х.-С. ж. д. (недѣля 22-я)—свят. Іоаннъ *Котовъ*. Въ домовой церкви—свят. Алек. *Юшковъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 21. Восшествіе на престолъ Императора Николая II го—свят. Павелъ *Грома*. 22. Казанской иконы Божіей Матери—свят. Леон. *Твердохлѣбовъ*. 24. Празднованіе образа „Всѣхъ Скорбящихъ Радости“ (недѣля 23-я)—свят. *І. Иннокоевъ*. Въ домовой церкви—свят. Ник. *Жебиневъ*. Въ приходскихъ церквахъ: 26. Св. Дмитрія Солунскаго—прот. *І. Чижевскій*. 30. Озерян. иконы Божіей Матери—свят. Василій *Пономаревъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 31. Недѣля 24-я—свят. Ал. *Лобковскій*.

Ноябрь.

Въ Каедральномъ соборѣ: 7. Недѣля 25-я—свят. Вас. *Ветуховъ*. Въ приходской церкви: 8. Соборъ Архистратига Михаила—прот. Петръ *Полтавцевъ*. Въ домовой церкви: 13. Св. Іоанна Златоуста—свят. Алек. *Теряевъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 14. Рожденіе Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны (нед. 26-я) о. Инспекторъ Семинаріи. 21. Введеніе во храмъ Пресв. Богородицы (недѣля 27-я)—свят. Дан. *Поповъ*. 22. Рожденіе и Тезоименство Государя Наслѣдника—прот. Вас. *Добры-*

вольскій. Въ домовыхъ и приходскихъ церквахъ: 23. Александра Невского — прот. Павелъ *Солнцевъ* и свящ. Михайлъ *Слуцкій*. Въ Каедральномъ соборѣ: 28. Недѣля 28 я—свящ. Мих. *Румянцевъ*.

Д е к а б р ь .

Въ домовой церкви: 4. Св. Вм. Варвары—свящ. Іоаннъ *Котовъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 5. Недѣля 29-я—свящ. Ник. *Жебинцевъ*. 6. Тезоименство Государа Императора—свящ. Петръ *Өоминъ*. Въ приходской церкви—прот. Алек. *Өеодоровскій*. Въ Каедральномъ соборѣ: 12. Св. Спиридона (недѣля 30-я)—свящ. Вас. *Самойловъ*. Въ домовой церкви—свящ. Іоаннъ *Мантулинъ*. Въ Каедральномъ соборѣ: 19. Недѣля 31 я предъ Рождествомъ Христовымъ—прот. І. *Левитскій*. 25. Рождество Христово—свящ. Вас. *Яновскій*. 26. Соборъ Пресв. Богородицы (недѣля 32-я по Рождествѣ)—Свящ. І. *Толмачевъ*. Въ домовой церкви—свящ. Конст. *Дьяковъ*.

Ж У Р Н А Л Ъ

Харьковскаго Епархіального Съѣзда о.о. благочинныхъ 6—7 октября 1903 года.

Слушали отношеніе Совѣта Харьковскаго Епархіального женскаго училища, отъ 4 декабря в. г. за № 1368, съ указаніемъ заявленія священника Іоанна Филевскаго о томъ, что, въ интересахъ веденія училищнаго хозяйства, было бы желательно, чтобы Съѣзды Епархіальные собирались въ Харьковѣ ежегодно. Принявъ во вниманіе заявленіе о. Филевскаго и всесторонне обсудивъ значеніе ежегодныхъ съѣздовъ епархіального духовенства не только для Епархіального женскаго училища, но и для другихъ учреждений: свѣчнаго завода, эмеритальной кассы, сиротскаго приюта и духовной Семнаріи, съѣздъ о.о. благочинныхъ пришелъ къ заключенію, что ежегодные епархіальные Съѣзды духовенства несомнѣнно принесли-бы свою пользу, такъ какъ лучше бы уяснили состояніе указанныхъ епархіальныхъ учреждений, содержимыхъ на счетъ духовенства и церквей и своевременно ознакомили съ ихъ нуждами и запросами; помимо сего—способствовали бы живому обмѣну мыслей епархіального духовенства по различнымъ недумѣннымъ вопросамъ церковно-приходской практики, а потому

постановили: а) признать весьма желательнымъ и благотворнымъ ежегодные епархіальные съѣзды духовенства, расходъ же на нихъ, производимый теперь, въ суммѣ до 1000 руб. отъ церквей (путевыхъ для членовъ съѣзда), не считать обременительнымъ для епархи, при той пользѣ, которая ожидается отъ ежегодныхъ съѣздовъ духовенства, б) для удобства въ отношеніи своевременнаго представленія отчетовъ отъ разныхъ епархіальныхъ учреждений и заслушанія оныхъ назначить съѣзды въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца, в) собираться на съѣзды о.о. Благочиннымъ, г) въ виду состоявшагося теперь съѣзда благочинныхъ, назначить слѣдующій епархіальный съѣздъ на 1905 годъ и считать его по порядку очереднымъ XIX в д) отчеты по содержанію Епархіальнаго женскаго училища и спротскаго пріюта, смѣту по содержанію Епархіальнаго Женскаго училища, а также отчеты правленія эмеритальной кассы и свѣчнаго завода установить ежегодные съ представленіемъ ихъ на разсмотрѣніе епархіальнаго съѣзда духовенства. На семь журналь резолюція Его Высокопреосвященства 8-го октября с. г. послѣдовала такая: „Утверждается“.

Болѣе точное опредѣленіе времени епархіальныхъ съѣздовъ каждый разъ будетъ дѣлаться особо Епархіальнымъ Начальствомъ.

ЖУРНАЛЫ

Харьковскаго Окружнаго училищнаго Съѣзда духовенства 1903 года.

О.о. уполномоченные Съѣзда Харьковского училищнаго округа, собравшись 23 сентября сего 1903 года, въ числѣ 12 человекъ, и, по молитвѣ, закрытою баллотировкою, избравъ Предсѣдателемъ Съѣзда священника Успенской церкви, слободы Заводы, Волчанскаго уѣзда, о. Александра Чернявскаго и дѣлопроизводителемъ единогласно священника Нерукотвореннаго образа Господня церкви, села Богодарова, Зміевскаго уѣзда, о. Василя Насѣдкина, въ утреннемъ засѣданіи 24 сентября, съ благословенія Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковского и Ахтырскаго, —

1) Разсматривали смѣту прихода и расхода, составленную Правленіемъ училища по содержанію училища и училищнаго обществѣ на 1904 годъ, изъ которой видно, что на приходъ ожидается

поступленіе 38368 руб. 56 коп., а расходъ исчисленъ въ 38139 р. 45 коп., такъ, что приходъ превышаетъ расходъ на 229 руб. 11 коп. По тщательномъ разсмотрѣніи всѣхъ статей смѣты, постановили: смѣту прихода и расхода на 1904 годъ принять безъ измѣненія и передать въ Правленіе училища для руководства, а вмѣсто получаться остатокъ отъ 1904 года, согласно смѣтѣ прихода и расхода, причислить къ запасному капиталу.

2) Слушали докладъ Правленія Харьковскаго Духовнаго училища по поводу указаній, сдѣланныхъ временно ревизіоннымъ Комитетомъ, относительно устройства осушительнаго канала вокругъ сѣверной и восточной стѣнъ сундучной, прилегающихъ къ землѣ, относительно исправленія старой сосѣдней стѣны близъ больничнаго зданія и относительно покраски фасада обохъ зданій училища. По тщательномъ обсужденіи и осмотрѣ на мѣстѣ, постановили: а) относительно устройства осушительнаго канала вокругъ сѣверной и восточной стѣнъ сундучной поручить Правленію училища вызвать экспертовъ и сдѣлать точную оцѣнку стоимости означенной подѣлки и, если стоимость ея не будетъ превышать 1700 рублей, каковую сумму Съездъ Духовенства въ 1901 году уже опредѣлялъ на сей предметъ, разрѣшить Правленію училища устроить осушительный каналъ, употребивъ для сего не болѣе 1700 рублей изъ взносовъ, представляемыхъ отъ церковей Харьковскаго училищнаго Округа на погашеніе строительнаго долга; если же экспертиза обнаружитъ, что означенныя стѣны нуждаются въ капитальной передѣлкѣ, и стоимость сего будетъ болѣе 1700 руб., то созвать экстренный Съездъ уполномоченныхъ духовенства Округа для обсужденія дѣла. б) Относительно исправленія старой сосѣдней стѣны близъ больничнаго зданія просить Правленіе училища, озаботиться освидѣтельствованіемъ отъ строительнаго отдѣленія безопасности оной стѣны и в) Относительно покраски крыши на главномъ зданіи училища и покраски фасада обохъ зданій училища разрѣшить Правленію училища въ 1904 году произвестъ означенныя работы, въ расходъ на сіе до 700 рублей, оставшіеся неизрасходованными 300 рублей билетами и 29 рубль 11 коп. наличными изъ ассигнованныхъ Съездомъ духовенства 1902 года февраля 20 дня на окончаніе строительныхъ работъ, съ добавленіемъ остальной суммы изъ сбереженій по экономіи училища за текущій 1903 годъ.

3) Слушали докладъ Правленія училища отъ 23-го сентября

1903 года, за № 340, о ежегодномъ отчисленіи взъ прежняго жалованья эконома въ 400 рублей—ста рублей и обращеніи ихъ въ % бумаги въ видѣ обезпеченія, для выдачи полностью діакону Григорію Попову или его семейству по оставленіи имъ службы при училищѣ, въ возмѣщеніе ущерба въ отношеніи пенсін ему, діакону Григорію Попову. Такъ какъ жалованье училищному эконому полагается собственно 300 рублей, а 100 рублей прибавлено было лично прежнему эконому за его долготѣнюю службу при училищѣ для поощренія, а настоящій экономъ, діаконъ Григорій Поповъ, служитъ при училищѣ только съ марта мѣсяца сего 1903 года, то ходатайство Правленія училища относительно эконома, діакона Григорія Попова, оставить безъ удовлетворенія до будущаго времени, а въ устраниеніе ущерба въ отношеніи пенсін, просить Правленіе училища, ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ открытіи штатнаго діаконскаго мѣста при училищной церкви, чтобы, такимъ образомъ, училищный экономъ, діаконъ Григорій Поповъ, былъ штатнымъ діаконномъ и не лишался бы діаконской пенсін. О результатѣ ходатайства къ Его Высокопреосвященству относительно діакона эконома Григорія Попова Правленіе училища имѣетъ доложить будущему очередному Съезду Духовенства. На этомъ журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая: „1903 г. сентября 25. Утверждается“.

Въ вечернемъ засѣданіи уполномоченные Съезда:

1) Слушали докладъ Правленія училища объ ассигнованіи 120 р. на наемъ временныхъ писцовъ, вслѣдствіе прибавленія дѣлъ по экзаменамъ на званіе учителя церковно-приходской школы и особенно, съ начала текущаго года, по ежемѣсячнымъ экзаменамъ на санъ діакона и званіе псаломщика. Такъ какъ означенная нужда касается всей епархіи, а не одного только Харьковскаго училищнаго округа духовенства, то Съездъ постановилъ: просить Правленіе училища по удовлетворенію означенной нужды обратиться съ ходатайствомъ къ Съезду о.о. благочинныхъ, вмѣющему состояться 4-го октября сего 1903 года, а настоящій окружной Съездъ духовенства, по неимѣнію средствъ, въ удовлетвореніи Правленія училища по означенной нуждѣ отказывается.

2) Слушали отношеніе о. предсѣдателя Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища отъ 23-го сентября сего 1903 года за № 146, которымъ о. предсѣдатель увѣдомилъ Правленіе Харьковскаго Духовнаго училища, что отъ 1-го іюля н. г. за

Харьковскимъ Духовнымъ Училищемъ строительнаго долга безъ начисленія процентовъ числится 14796 р. 11 коп. Постановили: вслѣдствіе неопредѣленности и неясности для Съѣзда, сколько погашено капитальнаго долга, и сколько уплочено процентовъ въ Совѣтъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, постановили: просить Правленіе училища Харьковскаго составить подробную и точную вѣдомость о строительномъ долгѣ въ Совѣтъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, съ самаго его (долга) начала и по день будущаго очереднаго Съѣзда Харьковскаго училищнаго округа, каковую вѣдомость и представить сему будущему очередному Съѣзду.

3) Слушали прошеніе учителя пѣнія священника Александра Лобковскаго о разрѣшеніи ему пользоваться квартирою въ училищномъ зданіи больницы и казеннымъ столомъ, для двоихъ, за плату 114 руб. въ годъ, еще одинъ годъ, считая съ октября мѣсяца сего 1903 года; постановили: просьбу священника Лобковскаго удовлетворить.

4) Постановили: просить Правленіе училища объявить о.о. благочиннымъ Харьковскаго училищнаго округа отдѣльными отношеніями о томъ, чтобы они представляли взносы, именуемые на постройку зданій Харьковскаго Духовнаго Училища, въ Правленіе Харьковскаго Духовнаго Училища, а не въ Совѣтъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

5) Избрали посредствомъ закрытой баллотировки членами временно-реввизіоннаго комитета, для повѣрки экономическаго отчета по Харьковскому Духовному Училищу за 1903 годъ и для наблюденія за производствомъ расхода и благоустройствомъ того же училища въ 1904 году слѣдующихъ лицъ: города Харькова священниковъ о. Данила Попова, о. Александра Луценкова и о. Василя Ветухова.

6) Разсматривали вѣнчиковыя вѣдомости за 1902 годъ по церквямъ Харьковскаго училищнаго округа и нашли, что продажа велась правильно, и суммы денежныя за вѣнчики поступили полностью.

7) Постановили назначить будущій очередной Съѣздъ Харьковскаго училищнаго округа на двадцать первое сентября 1904 года.

8) Постановили благодарить о. предсѣдателя Съѣзда священника Успенской церкви пригородней слободы Заводъ Александра Чернявскаго и секретаря Съѣзда священника Василя Насѣдкина за

понесенные ими труды на Създѣ. На этомъ журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая: „1903 г. сентября 25. Утверждается“.

Инструкція членамъ Совѣта отъ духовенства Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

1. Въ составъ Совѣта училища входятъ два члена отъ духовенства, избираемые епархіальными създами духовенства на трехлѣтній срокъ.

(Уст. Епарх. уч. § 17).

2. Члены консисторій не могутъ быть назначаемы въ прохожденію должности членовъ Совѣта училища.

(Опред. Св. Синода 11—26 окт. 1889. № 2192).

3. Въ члены Совѣта училища отъ духовенства должны быть избираемы лица, не только по степени образованія, но и по образу жизни и нравственнымъ качествамъ своимъ, вполне достойныя оказываемаго имъ довѣрія.

(Опред. Св. Синода 31 янв.—18 марта 1868 г.).

4. Черезъ своихъ избранныхъ членовъ Совѣта духовенство имѣеть наблюденіе за благосостояніемъ училища.

(Уст. Епар. уч. § 15).

5. Выборные отъ духовенства, которые засѣдаютъ въ семинарскомъ или училищномъ правленіяхъ, могутъ быть назначены духовенство и въ Совѣтъ епархіальнаго женскаго училища.

(Уст. Епарх. уч. § 15. Прим. 2).

6. Во избѣжаніе смѣшенія правъ и обязанностей, воспрещается выбирать въ званіе членовъ Совѣта отъ духовенства тѣхъ изъ священнослужителей, кои состоятъ на духовно-училищной службѣ.

(Опред. Св. Синода 13—20 дек. 1867 г. и 16 окт.—1 ноября 1868 г.).

7. Кандидатами для выборовъ въ члены Совѣта училища отъ духовенства могутъ быть не одни священнослужители города, въ которомъ находится училище, а и священнослужители окрестныхъ церквей, которые имѣють возможность въ точности исполнять обязанности членовъ училищнаго Совѣта.

(Опред. Св. Синода 17 ноября—19 декабря 1869 г. и 20 апрѣля—15 мая 1873 г.).

8. По окончаніи избранія двое изъ священно-служителей, остающихся, по числу полученныхъ балловъ, старшими послѣ избранія въ члены, назначаются къ нимъ кандидатами, для поступленія въ составъ училищнаго Совѣта, въ случаѣ выбытія кого-либо изъ означенныхъ членовъ до истеченія трехлѣтняго срока или въ случаѣ ихъ продолжительнаго отсутствія.

(Опр. Св. Синода 13—20 декабря 1867 г.).

9. Мѣсто вышедшаго изъ училищнаго Совѣта члена отъ духовенства заступаетъ, по распоряженію Преосвященнаго, одинъ изъ кандидатовъ, избранныхъ съѣздомъ.

(Опред. Св. Синода 11 марта—4 іюля 1868 г.).

10. Не могутъ быть приглашаемы въ засѣданіе Совѣта кандидаты на должность членовъ отъ духовенства въ тѣхъ случаяхъ, когда кому либо изъ этихъ членовъ будетъ невозможно явиться на засѣданіе.

(Опред. Св. Синода 10—29 дек. 1871 г.).

11. Члены Совѣта отъ духовенства, желая что-либо сообщить съѣзду духовенства касательно опущеній и недостатковъ по училищу, предварительно сообщеніи съѣздамъ, должны своевременно заявлять объ оныхъ въ училищномъ Совѣтѣ, каковыя заявленія вносятся въ журналъ.

(Опред. Св. Синода 9—30 окт. 1870 г.).

12. Съ членами училищнаго Совѣта, избираемыми духовенствомъ, всѣ лица епархіальнаго вѣдомства имѣютъ право сноситься во всякое время словесно или письменно и дѣлать имъ заявленія, относящіяся къ благоустройству училища, каковыя заявленія предлагаются всеми членами на обсужденіе училищнаго Совѣта.

(Уст. Епарх. уч. § 16).

13. Высочайше утвержденный уставъ предоставляетъ членамъ Совѣта отъ духовенства дѣятельное участіе во всѣхъ заведеніяхъ Совѣта и непосредственное наблюденіе за всѣми установленными въ училищѣ порядками, на основаніи какового наблюденія они могутъ представлять свои соображенія на обсужденіе и рѣшеніе Совѣта; но это не даетъ имъ права дѣлать какія-либо самоличныя распоряженія по училищу и тѣмъ ослаблять во мѣнѣн воспитанницъ авторитетъ ихъ начальства,—одну изъ главныхъ основъ училищнаго благоустройства.

(Опред. Св. Синода 21 мая—10 іюня 1873 г.).

14. Въ видахъ содѣйствія успѣшному ходу учебнаго и воспита-

тельнаго дѣла, члены Совѣта отъ духовенства должны дѣйствовать съ крайнею осторожностію въ своихъ сношеніяхъ съ воспитанниками относительно всего того, что касается училищнаго начальства и преподавателей.

(Опред. Св. Синода 16 іюня—7 іюля 1871 г.).

15. Члены Совѣта отъ духовенства не имѣютъ права посѣщать уроки преподавателей.

(Опред. Св. Синода 24 марта—17 апрѣля 1887 г.).

16. Въ засѣданіяхъ Совѣта должны неопустительно участвовать всѣ члены онаго; если же кто не можетъ явиться по уважительнымъ причинамъ, обязанъ заблаговременно извѣстить объ этомъ предсѣдателя Совѣта для внесенія въ журналъ засѣданія.

(Опред. Св. Синода 13—20 декабря 1867 г.).

17. Въ видахъ устраненія частныхъ уклоненій отъ засѣданій Совѣта со стороны членовъ онаго отъ духовенства, Св. Синодъ установилъ слѣдующія правила: 1. Членъ Совѣта отъ духовенства, уклоняющійся отъ исполненія своихъ обязанностей безъ уважительныхъ причинъ, подвергается за сіе, по донесенію училищнаго начальства, въ первый и второй разъ замѣчаніямъ, а въ третій разъ выговору епархіальнаго Архіерея. 2. Въ случаѣ недействительности этой мѣры, неисправный удаляется отъ должности и замѣщается имѣющимся къ нему кандидатомъ.

(Опред. Св. Синода 1—13 ноября 1878 г. № 1813).

18. Каждый членъ Совѣта имѣетъ право представлять на разсмотрѣніе училищнаго Совѣта предположенія объ улучшеніи той или другой части училищнаго управленія. Предположенія сіи представляются письменно, за нѣсколько дней до засѣданія, предсѣдателю Совѣта.

(Уст. Епарх. уч. § 21; Уст. Д. Сем. § 101 и Уст. Д. учил. § 35).

19. Такъ какъ на духовенство возложены заботы о матеріальномъ благосостояніи училища и такъ какъ епархіальное духовенство въ цѣлости и наличности училищныхъ суммъ, бібліотеки и имущества можетъ удостовѣряться только чрезъ членовъ Совѣта отъ духовенства, то послѣдніе имѣютъ свою особенную обязанностію внимательно слѣдить за училищнымъ хозяйствомъ, возможно чаще посѣщая училищную кухню, столовую, амбары, погреба и т. п.

(Опр. Св. Синода 15 сентября—8 октября 1872 г.).

20. Согласно вышесказанному на одного изъ членовъ Совѣта

отъ духовенства возлагается совмѣстное съ экономомъ пріобрѣтеніе на базарѣ или въ другихъ мѣстахъ для училища матеріаловъ и свѣстныхъ продуктовъ, не доставляемыхъ подрядчиками по договору, каковы: яйца, капуста, бураки, картофель, морковь, петрушка, лукъ, гусь, сѣно и т. п. Если такіе продукты должны быть пріобрѣтены въ большомъ количествѣ и на значительную сумму (свыше 50 рублей), то членъ отъ духовенства покупаетъ и принимаетъ ихъ не иначе, какъ по цѣнѣ и образцамъ, одобреннымъ Совѣтомъ училища.

21. Другой членъ Совѣта отъ духовенства составляетъ проэктъ экономическаго отчета за истекшій годъ и представляетъ его чрезъ предсѣдателя Совѣта не позже 15-го февраля для обсужденія и утвержденія въ назначенномъ для того особомъ засѣданіи Совѣта. По истеченіи же трехъ лѣтъ смѣтнаго назначенія онъ составляетъ училищную смѣту по указаннымъ въ уставѣ основаніямъ на предстоящее трехлѣтіе, и чрезъ предсѣдателя же вноситъ на разсмотрѣніе Совѣта не позже, какъ за два мѣсяца до засѣданія сѣзда епархіальнаго духовенства.

22. По истеченіи каждаго мѣсяца члены Совѣта отъ духовенства провѣряютъ заборныя книжки училищныхъ подрядчиковъ и поставщиковъ вмѣстѣ съ матеріальною и квитанціонною книгами и свидѣтельствуютъ ихъ своими подписями; равнымъ образомъ они же провѣряютъ, по истеченіи каждаго мѣсяца, и кассовыя училищныя приходо-расходныя книги съ оправдательными документами и росписками получателей и объ оказавшемся при повѣркѣ доносятъ училищному Совѣту въ ближайшемъ засѣданіи его.

(Опред. Св. Синода 15 сентября—8 октября 1872 г.).

23. Ежегодно, по назначенію Совѣта, члены Совѣта отъ духовенства производятъ по описи повѣрку всего училищнаго имущества (за исключеніемъ бібліотеки, больницы и костелянской) и объ оказавшемся доносятъ Совѣту.

(Уст. Епарх. уч. § 24, п. 15).

24. Члены Совѣта отъ духовенства, по назначенію Совѣта, участвуютъ въ экзаменскихъ комиссіяхъ или въ качествѣ предсѣдателей или въ качествѣ ассистентовъ сихъ комиссій.

(Уст. Епарх. уч. § 85; Опред. Св. Синода 6 апрѣля—22 мая 1872 г.).

Инструкція дѣлопроизводителю Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

1. Дѣлопроизводствомъ въ Совѣтѣ завѣдываетъ одинъ изъ поставниковъ училища или кто-либо изъ лицъ духовнаго или свѣтскаго званія, по избранію Совѣта, утвержденному епархіальнымъ Архіереемъ.

(Уст. Епарх. уч. § 19).

2. Дѣлопроизводитель Совѣта хранить въ цѣлости и исправности всѣ училищныя дѣла, какъ находящіяся въ архивѣ, такъ и вновь поступающія. Всѣ дѣла должны быть скрѣплены, перенумерованы и внесены въ опись по ихъ содержанію. При каждомъ дѣлѣ долженъ быть реестръ всѣмъ бумагамъ, содержащимся въ ономъ дѣлѣ.

3. Дѣлопроизводитель своевременно представляетъ въ Совѣтъ всѣ набѣло переписанныя бумаги, какъ-то: двухмѣсячныя вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи воспитанницъ, составленныя инспекторомъ и начальницею училища, послужные списки о штатныхъ преподавателяхъ и воспитательницахъ и годовые отчеты по всѣмъ частямъ управленія, утвержденныя Совѣтомъ училища.

4. По протоколамъ Совѣта дѣлопроизводитель приготовляетъ журналы, доклады, представленія и проч. и въ оныхъ надлежащія справки, онъ же, по порученію Совѣта, предсѣдателя онаго и начальницы, сносятъ письменно, съ кѣмъ будетъ указано, по училищнымъ дѣламъ. Безъ разрѣшенія предсѣдателя Совѣта никакія справки и свѣдѣнія изъ канцеляріи Совѣта выдаваемы быть не могутъ.

5. Дѣлопроизводитель отвѣтствуетъ предъ училищнымъ Совѣтомъ и Высшимъ Начальствомъ за точность и полноту справокъ какъ съ дѣлами Совѣта, такъ и съ дѣйствующими узаконеніями и распоряженіями Начальства, за правильную, четкую и ясную переписку всѣхъ бумагъ, за аккуратность и своевременность отправленія оныхъ по адресамъ, за правильное и аккуратное веденіе реестра бумагъ, входящихъ и исходящихъ по Совѣту и разносной книги для пакетовъ и, наконецъ, за порядокъ въ канцеляріи Совѣта вообще.

6. Для переписки училищныхъ бумагъ при училищной канцеляріи полагается особый письмоводитель. (Постанов. VI Епархіальн. съѣзда духов. Харьк. епархіи).

7. Дѣлопроизводитель руководствуетъ занятіями письмоводителя и отвѣчаетъ за его исправность и поведеніе.

8. Дѣлопроизводитель Совѣта имѣетъ въ своемъ распоряженіи, кромѣ писца, особаго разсмыльнаго служителя, состоящаго при канцеляріи Совѣта.

9. Училищная печать хранится въ залѣ засѣданій Совѣта и находится подъ непосредственнымъ надзоромъ и отвѣтственностію дѣлопроизводителя Совѣта.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

Харьковская Духовная Консисторія объявляетъ, что Епархіальнымъ Наблюдателемъ г. Давыденкомъ составлена и издана книга: „Церковно-приходская школа“, которая признана Его Высокопреосвященствомъ весьма полезною и даже необходимою для справокъ и руководства по церковно-школьнымъ дѣламъ; поэтому резолюціей отъ 29 октября с. г. означенная книга рекомендована духовенству епархіи для выписки въ бібліотеки церковныхъ школъ, въ благочинническія бібліотеки, духовно-учебныя заведенія, въ церковныя бібліотеки соборовъ и иноческихъ обителей. Выписывать чрезъ автора.

Отъ Правленія Братства Св. Великомученицы Варвары.

Правленіе Братства Св. Великомученицы Варвары покорнѣйше проситъ членовъ Братства пожаловать въ Общее Собраніе братчиковъ, имѣющее быть 4 декабря с. г., въ 6 час. вечера, въ зданіи Епархіальнаго Женскаго Училища.

II.

Содержаніе. Сувѣрїе. *Высокопреосвященнаго Арсенія, Архієпископа Харьковскаго и Ахтырскаго.*—Отчетъ о поѣздкѣ въ г. Одессу, по уполномочію г. Харькова духовенства, для принесенія поздравленія и поднесенія адреса Высокопреосвященному Іустину, Архієпископу Херсонскому и Одесскому, въ день (30 октября) Его пятидесятилѣтняго служенія Церкви *Протоіерея І. Чижевскаго.* Епархіальная хромія. Архіерейское служеніе и церковный парадъ 14 ноября.—Архіерейскія служенія 20 и 21 ноября.—Архіерейское служеніе и церковный парадъ 22 ноября.—Архіерейское служеніе и годичный актъ въ первой Харьковской классической гимназїи.—Архіерейское служеніе и церковный парадъ 26 ноября.—Открытие Общества трезвости при Преображенской церкви г. Харькова.—Открытие религиозно-нравственныхъ чтеній для народа въ Харьковскомъ реальномъ училищѣ.—Объ уставѣ Харьковскаго епархіальнаго религиозно-нравственнаго Братства. *Инепархіальный отдѣлъ.*—Заботы Преосвященнаго Иннокентія, Епископа Тамбовскаго и Шатскаго, о надзорѣ за преподаваніемъ Закона Божія въ земскихъ и министерскихъ школахъ.—Распоряженіе о проповѣдываніи истинно христіанской любви ко всѣмъ ближнимъ. Разныя извѣстія и замѣтки. Упорядоченіе милостыни нищимъ.—Открытие въ г. Харьковѣ „Русскаго Собранія“.—Распоряженіе о присутствіи офицеровъ Харьковскаго гарнизона при торжественныхъ богослуженіяхъ въ соборѣ.—Стелянные гробы.—Объявленія.

С У Е В Ъ Р І Е.

Уже давно рассылается по Харькову слѣдующая молитва:

„Господи Іисусъ Христе! Тебѣ молимся, Святыи Боже, помилуй мя и всѣ люди твоя, очисти насъ отъ грѣховъ нашихъ ради пречистыя крови, нынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О Іисусъ Христе!

Тебѣ молимся, Святыи Боже, Святыи крѣпкій, Святыи безсмертныи, помилуй насъ и всѣ люди Твоя и избави насъ отъ вѣчной муки ради пречистой крови Твоя и прости намъ наша согрѣшенія ради пречистой и пресвятой крови нынѣ, и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Молитва сія составлена изъ набора словъ—безграмотно. При краткости ея въ ней три раза неумѣстно говорится о пречистой Крови Спасителя. Кромѣ того, очевидно непониманіе и незнаніе того, что слова, внесенныя въ эту молитву: святыи Боже, святыи крѣпкій, святыи безсмертныи, составляютъ обращеніе не къ Іисусу Христу, а къ Св. Троицѣ.

Вслѣдъ за этою безграмотною и невѣрною молитвою прибавляется слѣдующее:

„Кто эту молитву девять дней будетъ читать и девяти лицамъ пошлетъ каждый день одну и уже послѣ девяти дней желаніе его будетъ исполнено“.

Этими словами распространяется глупое суевѣріе: почему-то придается значеніе числу „девять“.

Далѣе продолжается:

„Во время литургіи во Іерусалимѣ одинъ (кто?) слышалъ голосъ: накажу всѣ народы, а кто эту молитву будетъ читать, будетъ спасенъ отъ всякихъ бѣдствій и напастей“.

Опять нелѣпое суевѣріе, хула на Бога...

Наконецъ, невѣрная молитва сія заканчивается слѣдующею ложною припискою:

„Молитва (эта) была прислана Епископу Воронежскому Анастасію съ предостереженіемъ, чтобы ее разослать девяти лицамъ; а кто не хочетъ воспользоваться этимъ милосердіемъ, несчастіемъ будетъ посѣщенъ“.

Душевредная ложь! Если бы и была прислана эта ложная и суевѣрная молитва какому-либо архіерею, то онъ немедленно уничтожилъ бы ее, какъ испешую отъ какого-либо невѣжественнаго лица.

Долгомъ своимъ почитаю въ предупрежденіе отъ суевѣрія и обмана объяснить вышеизложенное печатно.

Арсеній, Архіепископъ Харьковскій.

О Т Ч Е Т Ъ

О поѣздѣ въ г. Одессу, по уполномочію г. Харькова духовенства, для принесенія поздравленія и поднесенія адреса *) Высокопреосвященному Іустину, Архіепископу Херсонскому и Одесскому, въ день (30 Октября) его пятидесятилѣтняго служенія Церкви.

Уполномоченные Харьковскимъ градскимъ духовенствомъ Протоіереи, Іоаннъ Чижевскій и Петръ Полтавцевъ, на поднесеніе поздравленія Его Высокопреосвященства, Высокопре-

*) Адресъ этотъ напечатанъ въ № 20 журнала «Вѣра и Разумъ».

освященнѣйшаго Іустина, Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, бывшаго нашимъ Харьковскимъ, и поднесеніе Ему адреса въ день (30 Октября) Его пятидесятилѣтняго служенія Церкви, Престолу и Отечеству на поприщѣ духовно-просвѣтительной и Архипастырской дѣятельности, возвратившись въ Харьковъ, долгъ имѣемъ объявить духовенству всей нашей Харьковской епархіи, что мы приняты были Его Высокопреосвященствомъ съ радостію и благодарностію и, въ 30 день Октября, по Его приглашенію, участвовали съ Нимъ и Преосвященными Мемнономъ и Биріономъ въ Кафедральномъ Соборѣ въ служеніи божественной литургіи и благодарственного молебна. Въ тотъ же день мы имѣли честь, въ числѣ представителей Херсонской, Подольской и Курской епархіи и многочисленныхъ другихъ лицъ, съ знаменательнымъ днемъ жизни Его Высокопреосвященства поздравить Его отъ всего духовенства города Харькова и поднести ему адресъ. Его Высокопреосвященство, выслушавъ наше поздравленіе и принявши адресъ, поручилъ намъ объявить духовенству всей нашей епархіи Его искреннюю и сердечную Архипастырскую благодарность съ преподаніемъ заочнаго Его Архипастырскаго благословенія, заявивши, что онъ уже получилъ поздравительныя телеграммы отъ духовенства всѣхъ благочиній нашей Харьковской епархіи. *) На другой день, 31-го Октября, мы, по приглашенію Его Высокопреосвященства, участвовали въ данномъ имъ обѣдѣ, сервированномъ въ Его покояхъ, за которымъ много было произнесено привѣтствій, какъ высокопоставленными лицами, такъ и духовенствомъ, рѣчей—съ благожеланіями Юбиліару-іерарху; въ томъ числѣ и я, Чижевскій, сказалъ слѣдующее: „Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивый Архипастырѣ! Въ числѣ многихъ замѣчательныхъ дней въ моей восьмидесяти двухъ лѣтней жизни, всегда сохраняются въ моей памяти, по своимъ незабвеннымъ воспоминаніямъ и дни: седьмое Іюня, седьмое и одиннадцатое Октября и четвертое Мая. Въ первый изъ этихъ дней, въ 1879 году, я

*) При этомъ сказалъ: „жалъ только, что на телеграммы затрачено не мало денегъ“.

имѣлъ счастье встрѣтить Ваше Высокопреосвященство и со станціи желѣзной дороги „Люботинъ“ сопутствовать Вамъ до города Харькова, при вступленіи Вашемъ въ управленіе нашею Харьковскою епархією; два Октябрьскихъ дня 1882 года памятенъ тѣмъ, что въ первый съ глубочайшею скорбію я имѣлъ честь сказать Вашему Высокопреосвященству свою застольную прощальную рѣчь,—второй, что съ такою же скорбію имѣлъ я честь провести Васъ до той же станціи „Люботинъ“ при слѣдованіи Вашемъ на Подольскую Епископскую кафедру и получить Ваше послѣднее Архипастырское благословеніе съ благопожеланіями; въ день четвертаго Мая 1894 года, ознаменованный днемъ пятидесятилѣтняго служенія моего въ священническомъ санѣ, Ваше Высокопреосвященство почтили меня своею поздравительною телеграммою, съ призываніемъ на меня „Божія благословенія“. Это благословеніе Божіе, призванное на меня Вашимъ Высокопреосвященствомъ, почило на мнѣ. Милосердному Господу Богу благоугодно было даровать мнѣ силы и крѣпость и въ это шестидесятое лѣто моего служенія въ священническомъ санѣ предстоять Его Святому Престолу и дожить и до сего радостнаго дня, принести мое искреннее глубочайшее, сердечное поздравленіе съ днемъ пятидесятилѣтняго служенія Вашего Высокопреосвященства святой церкви, Престолу и Отечеству на поприщѣ духовно-просвѣтительной и Архипастырской дѣятельности и тѣмъ прибавать въ памяти моей и еще одинъ знаменательный день *тридцатое Октября 1903 года*. Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастыр! Все духовенство нашей Харьковской епархіи всегда, особенно въ настоящій знаменательный день Вашей жизни, добромъ и усердною молитвою вспоминаютъ Васъ, бывшаго своего мудраго и милосерднаго Архипастыря; съ нимъ и я, смиреннѣйше лично принося Вашему Высокопреосвященству это мое сердечное поздравленіе, молю Бога, да по ходатайству Пресвятыя и Преблагословенныя Богородицы и по молитвамъ священномучениковъ, въ Херсонѣ епископствовавшихъ, обновитъ Онъ Ваши силы и крѣпость, дабы настоящій день, заключившій въ себѣ пятидесятилѣтнее служеніе Ваше, былъ

началомъ долгаго и долгаго ряда лѣтъ Архипастырской дѣятельности Вашего Высокопреосвященства⁴. Вслѣдъ за этимъ всеми присутствовавшими за столомъ пропѣто нѣсколько разъ „многая, многая лѣта“.

По окончаніи обѣда, получивъ благословеніе Его Высокопреосвященства и простившись съ нимъ, въ шесть съ половиною часовъ въ курьерскомъ поѣздѣ выѣхали въ городъ Кіевъ, куда и прибыли въ 10 часовъ 1-го Ноября, а 2-го имѣли счастье быть приглашенными на обѣдъ Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Флавіаномъ, Митрополитомъ Киевскимъ и Галицкимъ. За обѣдомъ этимъ, за которымъ, кромѣ насъ двоихъ, никого не было, радушный хозяинъ, Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ, усердно угощая насъ, вспоминалъ свое краткое управленіе нашею Харьковскою епархією и свое пребываніе въ Харьковѣ. По окончаніи обѣда показалъ намъ все свое помѣщеніе въ Лаврскомъ домѣ, свой кабинетъ, бібліотеку и свою спальню и подарилъ по экземпляру своего фотографическаго портрета.

Прощаясь съ нами, Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ поручилъ намъ передать его усердный поклонъ Его Высокопреосвященству нашему Архипастырю, Архіепископу Арсенію, а Харьковскому и всему духовенству епархіи его Архипастырское благословеніе, прибавивъ, что онъ въ своихъ молитвахъ никогда не забудетъ духовенства и всей паствы Харьковской.

Протоіерей Іоаннъ Чижевскій.

Архіерейское мѣуженіе и церковный парадъ 14 ноября.

14-го ноября, въ высокаторжественный день рожденія Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, въ Успенскомъ соборѣ Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ -

Ахтырскимъ, въ 9^{1/2} ч. утра, была отслужена божественная литургія, а по окончаніи ея, въ сослуженіи съ городскимъ духовенствомъ—благодарственное Господу молебствіе. На богослуженіи въ соборѣ присутствовали: командиръ 10 армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ В. К. Случевскій, и. д. Харьковскаго губернатора С. Н. Гербель, попечитель учебнаго округа М. М. Алексѣенко, городской голова А. В. Погорѣлко, генералитетъ, начальники отдѣльных частей и масса молящихся. По окончаніи молебствія на площади передъ соборомъ состоялся церковный парадъ Пензенскому и Тамбовскому полкамъ, Лебединскому и Старобѣльскому резервнымъ баталіонамъ и Оренбургскому казачьему полку.

Архіерейскія служенія 20 и 21 ноября.

Въ четвергъ, 20-го ноября, наканунѣ праздника введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, всенощныя бдѣнія, и въ пятницу, въ самый день праздника, божественныя литургіи совершали Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній въ Озеринской церкви Покровскаго монастыря, а Преосвященный Стефанъ, Епископъ Сумскій, въ Каѳедральномъ соборѣ.

Архіерейское служеніе и церковный парадъ 22 ноября.

22-го ноября, въ высокаторжественный день тезоименитства и рожденія Государа Наслѣдника Михаила Александровича, въ Успенскомъ Каѳедральномъ соборѣ Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, въ сослуженіи эконома Архіерейскаго дома Архимандрита Іосифа, Каѳедральнаго протоіерея С. Либлицкаго, благочиннаго 1 окр. церквей г. Харькова прот. П. Полтавцева, инспектора семинаріи, іеромонаха Михаила, члена Консисторіи, прот. Гончаревскаго и свещ. Л. Твердохлѣбова, совершена была божественная литургія, а по окончаніи ея, совмѣстно съ Преосвященнымъ Стефаномъ, Епископомъ Сумскимъ, и съ городскимъ духовенствомъ, отслуженъ благодарственный молебенъ. По окончаніи молебна на Соборной площади состоялся церковный парадъ полкамъ: Пензенскому, Тамбовскому и Оренбургскому казачьему и резервнымъ баталіонамъ: Лебединскому и Старобѣльскому.

Архіерейское служеніе и юдичный актъ въ первой Харьковской классической мужской гимназій.

23-го ноября, въ день памяти св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, въ первой Харьковской мужской гимназій состоялся актъ, передъ которымъ Преосвященнымъ Стефаномъ, епископомъ Сум-

скимъ, были отслужены литургія и молебенъ. Послѣ богослуженія Преосвященный сказалъ слово, въ второмъ объяснилъ что вся жизнь св. князя Александра Невского была воплощеніемъ горячей любви его къ своему отечеству—къ св. Руси. Затѣмъ Владыка связалъ, что эти труды и жизнь служатъ яркимъ примѣромъ того, въ чемъ должна выражаться и наша любовь къ отечеству. „Она, какъ видимъ мы на его великомъ примѣрѣ, говорилъ Преосвященный, состоитъ не въ иномъ чемъ, какъ въ самоотверженномъ несеніи своего долга, ревностномъ исполненіи возложенныхъ на насъ Промысломъ Божиимъ обязанностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ личномъ благочестіи, преданности православной Церкви, въ возложеніи на себя благого ига и легкаго бремени заповѣдей Божіихъ и ревностномъ неуклонномъ ихъ исполненіи“. Свое слово Преосвященный закончилъ обращеніемъ къ юношамъ и призывомъ ихъ беречься отъ *злыхъ дѣлателей* и почаще возносить свои мысли и сердца къ св. князю Александру Невскому и искать въ его примѣрѣ образецъ исполненія своего долга. Слово это въ полномъ видѣ будетъ напечатано въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала.

По окончаніи богослуженія Преосвященный Стефанъ изволилъ присутствовать на актѣ и раздавать награды окончившимъ курсъ воспитанникамъ.

Архіерейское служеніе и церковный парадъ 26 ноября.

Въ среду, 26 ноября, по случаю кавалерственнаго праздника св. великомученика и побѣдоносца Георгія, въ Успенскомъ Кафедральномъ соборѣ совершены были Преосвященнымъ Стефаномъ, Епископомъ Сумскимъ, соборне, божественная литургія и молебеніе. По окончаніи богослуженія на Соборной площади состоялся, при участіи отставныхъ георгіевскихъ кавалеровъ, церковный парадъ войскамъ Харьковскаго гарнизона.

О Т К Р Ы Т І Е

Общества Трезвости при Преображенской церкви г. Харькова.

9-го ноября, въ воскресенье, въ Спасо-Преображенской церкви совершилось открытіе Иоанно-Предтеченскаго Общества Трезвости. Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Арсеній съ самымъ живымъ сочувствіемъ отнесся къ появленію такого Общества въ г. Харьковѣ. Въ своей извѣстной бесѣдѣ съ о.о. благочинными епархіи 5—6 октября сего года Высокопреосвященный Владыка указывалъ въ числѣ мѣръ къ поднятію религіозно-нравственнаго состоянія паствы—учрежденіе Обществъ Трезвости, раз-

исняя практическую и благополезность ихъ, скорбѣлъ объ отсутствіи ихъ въ Харьковской епархіи и убѣждалъ заботиться объ открытіи ихъ. Съ радостію разрѣшая на 9-е ноября открытіе такого общества при Преображенской церкви, Милостивый Архипастырь въ ободреніе учредителей и первыхъ дѣятелей общества, благоволилъ на первомъ листѣ „Бниги трезвости“ написать слѣдующее: *„Отъ всей души радъ открытію Общества Трезвости во имя Св. Іоанна Предтечи при Преображенской церкви г. Харькова. Да благословитъ Господь добрымъ успѣхомъ оное. Я уже имѣлъ духовное утѣшеніе видѣть блаже успѣхи отъ такихъ Обществъ въ Казанской епархіи. Не обинуясь скажу, что тамъ Общества Трезвости подняли трезвенность въ народѣ. Искренно желаю, чтобы и въ Харьковской епархіи, какъ можно больше развивались эти Общества. Вѣрую въ несомнѣнную ихъ пользу“.*

Къ 5 час. вечера Преображенская церковь стала наполняться молящимися и скоро храмъ былъ переполненъ народомъ. Чувствовалось, что въ этой народной массѣ, въ такомъ множествѣ собравшейся, пробудилось сознаніе, что въ приходской жизни совершается что-то весьма важное, что борьба хоть и скромная, но при помощи Церкви начинается съ страшнѣйшимъ зломъ народной жизни—пьянствомъ. Пожелали принять участіе въ молитвенномъ освященіи трезвенниковъ, кромѣ мѣстныхъ іереевъ, протоіерей о. А. Любарскій, священники: о. Николай Жебиневъ, о. П. Вишняковъ и о. М. Олуцкій. Послѣ торжественной вечерни, отслуженной соборно, и съ прекраснымъ пѣніемъ мѣстнаго хора, учредитель Общества и мѣстный благочинный о. П. Ѳоминычъ пригласилъ народъ пропѣть общимъ хоромъ начальныя молитвы. Народъ, уже вполне приученный здѣсь къ этому, величественнымъ хоромъ запѣлъ... При наступившей, затѣмъ, тишинѣ о. П. Ѳоминычъ выступилъ съ своею рѣчью. Объявивши Обществу открытымъ съ благословенія Архіепископа, проповѣдникъ подробно разъяснялъ слушателямъ, гдѣ и какъ въ настоящее время люди борются съ пьянствомъ. Сознавая всю пагубность алкоголя, какъ яда, отравы, борцы трезвости нынѣ ведутъ войну съ пьянствомъ не на животь, а на смерть. За границей и у насъ ученые, врачи, духовенство, писатели съ апостольскою ревностію проповѣдуютъ отрезвленіе народа, учреждаютъ братства, общества, сѣзды, союзы, дома трезвости, бібліотеки, читальни, попечительства, чайныя, лечебницы, ходатайствуютъ о законодательныхъ мѣ-

ропріятіяхъ. Св. Церковь благословляетъ этихъ благородныхъ борцовъ, поощряетъ и открываетъ церковно-приходскія Общества Трезвости. И учреждаемое Общество—это только маленькая часть той великой арміи трезвости, которая съ увеличивающимся успѣхомъ воюетъ съ народнымъ зломъ. Вѣра въ успѣхъ должна окрылять трезвенниковъ, какъ бы мало ихъ ни было при началѣ Общества. Трезвенникъ—подвижникъ въ отношеніи къ самому себѣ, но и борець съ окружающею средою: долгомъ его является какъ самому трезвиться, такъ и всемірно съ самоотверженіемъ распространять трезвенность вокругъ себя. Молитва должна подкрѣплять его всюду и всегда. Съ молитвою же трезвенникъ долженъ вступать въ Общество, сознавая всю важность даваемого имъ священнаго обѣта. Послѣ рѣчи началось пѣніе молебна небесному покровителю Общества Іоанну Предтечѣ съ акаѳистомъ ему: трезвенники собрались въ группу, загорѣлись въ ихъ рукахъ свѣчи и вся церковь усердно молилась о началѣ добраго дѣла. Послѣ сего началась самая торжественная и умиленная минута торжества. Всѣ трезвенники придвинулись къ солеѣ, гдѣ на возвышеніи стояли аналои со св. иконами, книгою для записи, св. елеемъ и обѣтными иконками. Многотысячная толпа съ необычайнымъ вниманіемъ взирала на совершавшееся. О. П. Ѳомиинъ пригласилъ всѣхъ трезвенниковъ зажечь свѣчи, напомнилъ о святости обѣта и отвѣтственности его нарушенія и объ усердной молитвѣ предъ обѣтомъ. Стоя на солеѣ, о. Ѳомиинъ громко и раздѣльно сталъ читать обѣтную молитву: трезвенники повторяли за нимъ съ глубокимъ умленіемъ, вздохами и со слезами. Послѣдовалъ земной поклонъ и трезвенники кланялись другъ другу и просили себѣ взаимныхъ молитвъ. Затѣмъ каждый поклонился предъ св. иконами, лобызалъ ихъ, вписывалъ свое имя в срокъ воздержанія въ „книгу трезвости“ и получалъ въ знаменіе своего обѣта Новый Завѣтъ, св. икону Преп. Серафима Саровскаго и Уставъ Общества, окроплялся св. водою и помазывался св. елеемъ. Сверхъ ожиданія желающихъ вступить въ общество оказалось свыше 100 чел. Всѣ другъ друга поздравляли и братски лобызались. Это было что-то истинно церковное, глубоко-трогательное, знаменательное! Не сомнѣваемся, что это торжество трезвости произвело глубокое впечатлѣніе на молящихся... По окончаніи церковнаго торжества трезвенники собрались въ помѣщеніи мѣстной церковно-приходской школы. Здѣсь послѣ общаго пѣнія молитвъ о. П. Ѳомиинъ

поздравилъ всѣхъ съ такимъ важнымъ событіемъ ихъ жизни и предложилъ для назиданія бесѣду о XII главѣ Посл. Ап. Павла къ Римлянамъ. Бесѣда, затѣмъ, сопровождалась пѣніемъ молитвъ и чтеніемъ правилъ трезвенника изъ Устава Общества. Симвъ общимъ собраніемъ былъ выбранъ составъ Совѣта и постановлено объ открытіи Общества доложить Высокопреосвященному Архіепископу и просить его назначить предсѣдателемъ общества священника Петра Фомина. Это первое собраніе закончилось въ 10 часовъ вечера. Всѣ искренніе друзья народной трезвости, несомнѣнно, съ сочувствіемъ будутъ привѣтствовать рожденіе новаго Общества и не откажутъ ему въ своей моральной и матеріальной поддержкѣ.

Священникъ Петръ Фомиѣ.

Открытие религіозно-нравственныхъ чтеній для народа въ Харьковскомъ реальномъ училищѣ.

Въ воскресенье, 16-го ноября, состоялось въ залѣ реальнаго училища открытіе религіозно-нравственныхъ чтеній для народа. Законоучитель училища о. Алексѣй Юшковъ предлагалъ чтеніе: „Начало христіанской вѣры на землѣ русской и крещеніе Руси при Владимірѣ святомъ; значеніе этого событія“. Чтеніе сопровождалось туманными картинами и пѣніемъ хора любителей церковнаго пѣнія подъ управленіемъ З. И. Вибкова.

Объ уставѣ Харьковскаго епархіальнаго религіозно-нравственнаго Братства.

Уставъ Харьковскаго епархіальнаго религіозно-нравственнаго Братства, представленный Высокопреосвященнымъ Владыкой Арсеніемъ въ Св. Синодъ на утвержденіе, въ настоящее время przeprowadзень, по словамъ „Южн. Бр.“, на отзывъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Заботы Преосвященнаго Иннокентія, Епископа Тамбовскаго и Шатскаго, о надзоръ за преподаваніемъ Закона Божія въ земскихъ и министерскихъ школахъ.

Преосвященный Иннокентій, Епископъ Тамбовскій и Шатскій, обратился къ Тамбовской Духовной Консисторіи, по словамъ „Тамб. Еп. Вѣд.“, съ слѣдующимъ предложеніемъ.

Преподаваніе закона Божіа въ земскихъ и министерскихъ низшихъ школахъ Тамбовской губерніи подлежитъ наблюденію и контролю однихъ Г.г. инспекторовъ народныхъ училищъ. Они въ теченіе учебнаго года провѣряютъ познанія учениковъ по Закону Божію, слѣдятъ за исправностью посѣщенія о.о. законоучителями уроковъ, заботятся о своевременномъ замѣщеніи законоучительскихъ должностей, при перемѣщеніяхъ священниковъ. Епархіальная власть не имѣетъ въ своемъ распоряженіи такого органа, который, будучи облеченъ ея довѣріемъ и правомъ, слѣдилъ бы за состояніемъ обученія Закону Божію въ поименованныхъ школахъ и докладывалъ ей о результатахъ своихъ наблюденій для принятія соотвѣствующихъ мѣръ. Между тѣмъ, по Высочайше утвержденному положенію о земскихъ и министерскихъ школахъ, Епархіальному Архіерею ввѣрено не только главное наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божіа въ этихъ школахъ, но ему же принадлежитъ направленіе этого важнаго дѣла, какъ и оцѣнка всего, въ совокупности своей, пастырскаго воздѣйствія законоучителя на учениковъ. Само собою разумѣется, что для него не безразлично то или другое состояніе успѣшности наученія Закону Божію подрастающихъ поколѣній. Если для Епископа каждой области религіозно-нравственное состояніе его пасомыхъ—главный предметъ его пастырскихъ заботъ и попеченій, то ясно, что эта пастырская попечительность должна простираться не только на взрослыхъ, но и на дѣтей. И на послѣднихъ не меньше, чѣмъ на первыхъ, ибо имъ дано Царствіе Божіе, ибо въ нихъ еще долженъ сложиться внутренній человекъ, по духу Христову, по завѣтамъ Его ученія, подъ руководствомъ церкви.

На основаніи изложеннаго, я признаю необходимымъ имѣть во ввѣренной мнѣ епархіи, независимо отъ Г.г. инспекторовъ, свои органы для наблюденія за дѣломъ преподаванія Закона Божіа въ земскихъ и министерскихъ низшихъ школахъ. Эту обязанность полагаю пристойнымъ возложить на помощниковъ благочинныхъ въ каждомъ благочиніи. Они должны будутъ: а) совмѣстно съ Г.г. инспекторами заботиться о благовременномъ замѣщеніи вакансій законоучителей, для чего прискивать на мѣстахъ достойныхъ кандидатовъ для законоучительства, б) возможно чаще навѣщать школы, провѣряя исправность посѣщенія уроковъ о.о. законоучителями, характеръ и методъ преподаванія, и дѣлать свои указанія тамъ, гдѣ это потребуется, в) о замѣченныхъ ими неисправно-

стяхъ въ преподаваніи доносить Епископу непосредственно, г) присутствовать на экзаменахъ въ земскихъ и министерскихъ школахъ своего благочинія, д) представлять ему, по окончаніи учебнаго года, свои отчеты о ходѣ преподаванія Закона Божія въ этихъ школахъ благочинія.

Консисторія составитъ подробную инструкцію въ руководство указаннымъ наблюдателямъ за преподаваніемъ Закона Божія въ земскихъ и министерскихъ школахъ и представитъ ее мнѣ для просмотра^а.

При современныхъ толкахъ о необходимости контроля за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ настоящее предложеніе Владыки заслуживаетъ сугубаго вниманія! *Распоряженіе о проповѣдываніи истинно христіанской любви ко всемъ ближнимъ.*

Въ „Донскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ“ напечатано распоряженіе епархіальнаго начальства о томъ, чтобы духовенство настойчиво проповѣдывало истинно христіанскую любовь ко всемъ ближнимъ, безъ различія вѣроисповѣданій и племенъ. Враждебное движеніе, говорится въ распоряженіи, противъ евреевъ или другихъ народностей нарушаетъ общественный миръ и порядокъ, разстраиваетъ и ослабляетъ промышленность, торговлю и прочія отправленія общественной и государственной жизни.

Разныя извѣстія и замѣтки.

Упорядоченіе милостыни нищимъ.

Извѣстно, что нищіе, собирая по міру куски хлѣба, продаютъ ихъ, а деньги часто пропиваютъ. Въ одномъ селѣ рѣшили подавать милостыню „трезвыми“ деньгами. Въ этихъ видахъ, по мысли приходскаго священника о. Алексѣя, на простой бумагѣ напечатали марки въ одну копейку, въ $\frac{1}{2}$ копейки въ $\frac{1}{4}$ копейки. Созвали сельскихъ старостъ, основательно потолковали съ ними и раздали имъ марки для раздачи по дворамъ. Въмѣсто „кусочковъ“ нищимъ стали подавать эти марки. Въ чайной за эти деньги нищій могъ получить дешевый обѣдъ. Если этотъ обѣдъ ему не

чравится, онъ могъ заказать себѣ что хочетъ. Въ лавкѣ онъ могъ получить что нужно изъ одежды. Отпускали изъ лавки „заварки чай“ въ три копѣйки и даже табакъ. На дверяхъ у входа въ столовую было вывѣшено объявленіе, что въ нетрезвомъ состояніи сюда не приходятъ. Въ лавкѣ пьянымъ также товара не давали. Реформа сразу же стала радикальной. Трезвые деньги пошли въ ходъ съ декабря прошлаго года.

Какъ же отнеслись къ этому дѣлу крестьяне и особенно сами нищіе?

Нищіе сразу же раздѣлились на двѣ категоріи: на нищихъ гордыхъ и на нищихъ смиренныхъ. По деревнямъ между бабами-хозяйками и нищими начались богословскія пререканія.

— Что ты въ попа Алексѣя вѣруешь—усовѣщевали бабъ нищіе.—О. Алексѣй въ вѣрѣ „заблудился“, во Христа вѣрь. Нищему хлѣбомъ подай, когда онъ просить, а не бумагой.

Смущались сердца простодушныхъ бабъ и съ маркой онѣ подавали кусочки. Но были и упрныя бабы: марка—и никакнѣ. Уходя изъ села Д., нищіе прикалывали марки въ придорожныхъ безрезкамъ. Одинъ нищій, набравъ марокъ, пришелъ къ о. Алексѣю „ругаться“, бросилъ марки на полъ и ушелъ, но на утро одумался и вернулся за марками. Грозилась побить и даже убить о. Алексѣя. Но трезвенники стояли на своемъ. Смиренные нищіе обѣдали и брали въ лавкѣ на марку. Самая цѣнная покупка бывала въ 1 р. 32 к.: прибавивъ къ маркамъ и свои деньги, бѣднякъ купилъ брюки. Покупали варежки, рубахи, чай, табакъ. Приходили похвастать своими обновками къ о. Алексѣю. Результатъ этой мѣры оказался почти неожиданнымъ. Гордые чужіе нищіе стали презрительно обѣгать село, какъ мѣсто ереси и заблужденій. Это первое дѣло прихода, первый опытъ прикрѣпить къ приходу *своихъ* нищихъ и избавиться отъ гастролеровъ. По первому году, не смотря на всю его поучительность, судить о практичности и разумности этой мѣры не слѣдуетъ. Но важно то, что это дѣло, задуманное и поставленное безъ всякаго участія такъ называемой „интеллигенціи“, свидѣтельствуетъ, что деревня беретъ за свой умъ, а не выписываетъ его изъ города.

Что же, совсѣмъ пропадутъ наши поэтическіе нищіе, эти калыки переходіе, эти живые укоры демлющей совѣсти? Едва ли. Они будутъ—и будутъ сыты, но не пьяны.

„Н. Вр.“

Открытие въ г. Харьковѣ „Русскаго Собранія“.

9-го ноября, состоялось открытіе Харьковскаго отдѣла „Русскаго Собранія“. По этому поводу „Харьк. Вѣдом.“, между прочимъ, говорятъ: „Открытіе отдѣленія Р. С.—народженіе русской харьковской семьи, это—отростокъ того великаго дерева, которое своими вѣтвями скоро покроетъ всю землю русскую и приметъ подъ свой кровъ всѣхъ истинно-русскихъ людей. Открытіе отдѣла Русскаго Собранія—это торжество русской мысли, проявленіе русскаго самосознанія, путь къ возрожденію исконныхъ русскихъ началъ, русскихъ идеаловъ“.

Отъ души желаемъ этому симпатичному и полезному отдѣлу „Русскаго Собранія“ благихъ результатовъ!

Распоряженіе о присутствіи офицеровъ Харьковскаго гарнизона при торжественныхъ богослуженіяхъ въ Соборѣ.

При торжественныхъ богослуженіяхъ въ Соборѣ, какъ извѣстно, присутствуютъ офицеры войскъ харьковскаго гарнизона. Недавно состоялось распоряженіе, чтобы офицеры являлись въ Соборъ не въ пальто, а въ мундирѣ, и притомъ къ началу богослуженія, а не къ молебну только.

Стеклянные гробы.

Дѣло идетъ о томъ, чтобы дерево замѣнить стекломъ при изготовленіи гробовъ. Вотъ что сообщаетъ Autorité:

Стекланный гробъ будетъ имѣть свойство изолировать тѣло и предохранить его отъ дѣйствія сырости. По истеченіи пяти, десяти, двадцати лѣтъ оно будетъ невредимо и трупъ будетъ превращенъ въ мумію. Окружающая почва не будетъ пропитана гнилыми миазмами, которые выдѣляются изъ труповъ сквозь плохо сколоченныя доски, сгнившія отъ времени и сырости. Съ помощью стекланныхъ гробовъ можно хоронить во всякой почвѣ, какого бы свойства она ни была. Тамъ, гдѣ деревянный гробъ могъ бы испортиться отъ воды, стекланный остается неизмѣненнымъ.

Въ случаѣ эпидеміи, можно класть тѣло въ гробъ тотчасъ послѣ смерти. Не будетъ причины бояться какой-нибудь заразы въ жилищѣ покойника, что, напротивъ, нерѣдко случается при употребленіи гробовъ деревянныхъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что это нововведеніе, если бы оно было принято, едва ли нашло бы нравственное сочувствіе въ нашемъ народѣ, не говоря уже о его дороговизнѣ и возможныхъ пререканіяхъ.

Причтъ и церковный староста Ольшанской
Покровской церкви

слободы Ольшаной, Харьковскаго уѣзда, объявляютъ, что къ означенной церкви нуженъ учитель-регентъ на жалованье отъ 300 рубъ въ годъ.

Отъ Харьковскаго Епархіального Книжнаго
Комитета

объявляется, что епархіальная книжная лавка, при Харьковскомъ Соборѣ, снабжена духовно-проповѣдническою литературой, богослужебными книгами и учебниками для церковно-приходскихъ школъ. При оптовой продажѣ учебниковъ и Синодальныхъ изданій для школъ и церквей дѣлается уступка 10%.

Открыта подписка на празднующую въ 1904 г. свой ДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ

ВСЕОБЩУЮ МАЛЕНЬКУЮ ГАЗЕТУ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

2 руб. за годъ, за 3 мѣс. 50 коп.

Газета безцензурная.—Изданія годъ одиннадцатый.

Содержаніе газеты: придворныя, правительственныя, политическія и общественныя новости и руководствія къ нимъ статьи; хроника происшествій и уголовныхъ дѣлъ, новости научныя, историческія, медицинскія, о воспитаніи, о загадочныхъ явленіяхъ и пр.; романы, стихи, замѣтки о спортѣ, театрахъ, новыхъ книгахъ и пр. Въ теченіе 1904 г. будутъ помѣщены: романъ изъ современ. русской жизни „Три товарища“ соч. А. Молчанова и переводъ лучшаго изъ новѣйшихъ германскихъ романовъ подъ заглавіемъ „Насущный хлѣбъ“. Въ теченіе года болѣе сотни портретовъ современныхъ дѣятелей и рисунковъ текущихъ событій.

Подписная цѣна съ } за 2 р. за пол- за 3
дост. и пересылкой } годъ года мѣс. 50 к.

Марками на 20 к. дороже. Газета выходитъ три раза въ недѣлю.

Адресъ Типографіи, Редакціи и Конторы: С.-Петербургъ, Невскій, 139.

Редакторъ-Издатель А. Молчановъ.

ПОДПИСКА

на 1904 г.

на иллюстриров. журналъ

МАЛЮТКА

Адресъ: **МОСКВА.**

Ранняя подписка обезпечиваетъ полученіе первыхъ номеровъ безъ задержки.

Журналъ МАЛЮТКА состоитъ изъ

12 книжекъ

12 премій-игрушекъ

Журналъ МАЛЮТКА назначается для дѣтей образован. семействъ 4—8 лѣтъ.

Журналъ МАЛЮТКА по содержанію не подходитъ для сельскихъ школъ, деревенскихъ библиотекъ, Обществъ Трезвости и т. п.

Журналъ МАЛЮТКА первый въ Россіи журналъ для дѣтей такого возраста (4—8 л.).

Журналъ МАЛЮТКА издается девятнадцатый годъ.

Журналъ МАЛЮТКА самый дешевый дѣтскій журналъ

Журналъ МАЛЮТКА стоитъ въ годъ безъ доставки въ Москвѣ въ конторѣ Н. Печковской 2 р. Съ пересылкой во всѣ города 2 р. 50 к. Подписка только годовая. Съ наложеннымъ платежомъ не принимается.

СКАЗКА ПРО ЩЕЛКУНА И МЫШИНАГО ЦАРЯ

Сочиненіе ГОФМАНА. Переводъ С. В. ФЛЕРОВА. Рисунки (въ краскахъ) Академика В. Е. МАКОВСКАГО. Большой томъ, 18 печатныхъ листовъ, форматомъ мал. in 4°, на слоновои бумагѣ, въ оригинальномъ переплетѣ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ Цѣна 2 руб.

БЕЗПЛАТНО

Сказку про Щелкуна

и

Мышинаго Царя.

Сочиненіе ГОФМАНА. Переводъ С. В. ФЛЕРОВА. Рисунки (въ краскахъ) Академика В. Е. МАКОВСКАГО

Изданіе третье (безъ переплета) получить тѣ, кто подпишется на 1904 г. на журналъ

МАЛЮТКА

Заранѣе, до 1-го Декабря сего года.

Обращается вниманіе что книга, эта не есть обязательное приложеніе къ журналу, а лишъ

ПОДАРОКЪ ЗА РАННЮЮ ПОДПИСКУ.

Послѣ 1-го Декабря льготъ и отсрочекъ не будетъ.

Открыта подписка на 1904 г.

на Духовно ежемѣсячный журналъ

СТРАННИКЪ

съ бесплатнымъ приложеніемъ

„Общедоступной Богословской Библіотеки“.

Духовный журналъ „Странникъ“ будетъ издаваться въ 1904 году по прежней широкой программѣ, обнимающей весь кругъ движеній богословско-философской мысли и церковно-общественной жизни, интересамъ которой онъ неослабно служить въ теченіе болѣе сорока лѣтъ. При журналѣ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, издается „Общедоступная Богословская Библіотека“, имѣющая свою цѣлю сдѣлать вполне доступными для читателей лучшія и капитальнѣйшія произведенія русской и иностранной богословской литературы

Въ 1904 году подписчикамъ будутъ даны три капитальныхъ сочиненія:

а) «Православная Богословская Энциклопедія» или Богословскій Энциклопедическій словарь, содержащій въ себѣ необходимыя для всякаго серьезно образованнаго человѣка свѣдѣнія по всѣмъ предметамъ богословскаго и философскаго знанія, т. V, въ который войдутъ слова на Б, Ж, З и И (съ картами и иллюстраціями);

б) Толкованіе Библии или толкованіе на всѣ книги Св. Писанія. Томъ I, въ который входитъ все Пятикнижіе Моисеево. Съ иллюстраціями, поясняющими текстъ.

в) «Библия и Вавилонъ» — апологетическій трактатъ по поводу новѣйшихъ открытій на мѣстѣ древней Вавилоніи, противъ рационалистической критики, въ защиту боговдохновенности Библии.

Цѣна: а) въ Россіи за журналъ „Странникъ“ съ приложеніемъ трехъ томовъ „Общедоступной Богословской Библіотеки“ восемь (8) руб. съ перес.; б) за границей 11 руб. съ перес.

Адресоваться: Въ редакцію журнала „Странникъ“: С.-Петербургъ, Невскій Проспектъ, д. № 182.

Городскіе СПб. подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи — Невскій пр., 182.

Редакторъ-издатель проф. *А. Лопухинъ.*

При семъ не прилагается объявленіе отъ Товарищества „ПРОВОДНИКЪ“ и отъ І. Е. Матѣева о издательской работѣ „ФЕДРА“.

ЛИСТОКЪ

ЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Денабря № 23. 1903 года.

Содержаніе. Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Епархіальныя извѣщенія.—
Резолюція Его Высокопреосвященства.—Журналъ Съѣзда духовенства Сумскаго
училищнаго округа, бывшаго 19-го сентября 1903 года.

I.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

По опредѣленію Епархіальнаго Начальства, отъ 12—19 сего ноября, депутатъ 1 округа Лебединскаго уѣзда священникъ *Павелъ Брайловскій* за медленность и неисполнительность, проявленныя имъ при производствѣ слѣдствій, *уволенъ* отъ должности депутата.

Епархіальныя извѣщенія.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

- При Сошествіевской церкви с. Хатней, Волчанскаго уѣзда.
— Троицкой церкви с. Бобринка, Лебединскаго уѣзда.
— Каз.-Богородичной церкви с. Старовѣровки, Купянскаго уѣзда.

Діаконскія:

- При Покровской церкви сл. Большой-Писаревки, Богодуховскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

- При Троицкой церкви сл. Нижняго-Бурлучка, Волчанскаго уѣзда.
— Арх.-Михаиловской церкви с. Ольшаной, Лебединскаго уѣзда.

- При Николаевской церкви с. Казачка, Харьковскаго уѣзда.
- церкви с. Польнаго, Волчанскаго уѣзда.
 - Николаевской церкви с. Ново-Бурлуцка, Волчанскаго уѣзда.
 - Троицкой церкви с. Стеблинкина, Лебединскаго уѣзда.
 - Успенской церкви с. Сороковки, Змиѣвскаго уѣзда.
 - Успенской церкви с. Соколова, Змиѣвскаго уѣзда.
 - Космо-Даміановской церкви с. Терновой, Волчанскаго уѣзда.
 - Покровской церкви с. Бабки, Волчанскаго уѣзда.
 - Іосифо-Обручницкой церкви с. Мечбиловой, Изюмскаго уѣзда.
 - Николаевской церкви с. Верхопони, Ахтырскаго уѣзда.
 - Ахтырско-Богородичной церкви с. Ново-Ахтырки, Старобѣльск. уѣзда.
 - Николаевской церкви с. Наугольновки, Бупинскаго уѣзда.
 - Петро-Павловской церкви г. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда.
 - Троицкой церкви с. Перекона, Валковскаго уѣзда.
 - Николаевской церкви с. Синолицевки, Харьковскаго уѣзда.
 - Николаевской церкви с. Сычевки, Старобѣльскаго уѣзда.
 - Преображенской церкви сл. Юнаковки, Сумскаго уѣзда.
 - Софійевской церкви сл. Малой-Алексѣвки, Харьковскаго уѣзда.
 - Покровской церкви сл. Огульцовъ, Валковскаго уѣзда.
 - Свято-Духовской церкви сл. Ново-Осиновой, Бупинскаго уѣзда.
 - Преображенской церкви сл. Марковки, Старобѣльскаго уѣзда.

Резолюція Его Высокопреосвященства.

Резолюціею Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, отъ 23 октября с. г., за № 521, завѣдываніе „Листкомъ для Харьковской Епархіи“ поручено, съ 1 Ноябра текущаго г., секретарю Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“, помощнику Инспектора Харьковской Духовной Семинаріи *Леониду Батрецову*.

Ж У Р Н А Л Ы

Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго Округа, бывшаго
19 сентября 1903 года.

Журналъ № 1-й. Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа, въ числѣ девяти (9) человекъ, прибывъ въ собраніе въ 9 часовъ утра, состоявшееся въ зданіи Сумскаго ду-

ховнаго училища, и, по молитвѣ, избравъ, посредствомъ закрытой баллотировки, большинствомъ 8 голосовъ, предсѣдателемъ Съѣзда священника Іоанна Браиловскаго, а дѣлопроизводителемъ, единогласно, священника Аполлоніи Гончаревскаго, предварительно слушали журналы предыдущихъ съѣздовъ за 1902 годъ и за февраль мѣсяцъ сего 1903 года, съ резолюціями на нихъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана и Преосвященнѣйшаго Стефана, и, принявъ ихъ къ свѣдѣнію, приступили къ обсужденію вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Съѣзда духовенства.

1. Разсматривали вѣдомости за 1902 годъ: а) вѣнчикову, б) о движеніи церковныхъ суммъ и в) о заборѣ свѣчей изъ епархіальнаго завода церквами училищнаго округа. *Постановили:* принять къ свѣдѣнію.

2. Разсматривали представленную Правленіемъ училища смѣту прихода и расхода суммъ по содержанію училища на 1904 годъ. *Постановили:* смѣту признать правильной и подлежащей исполненію, за исключеніемъ ст. 6 прихода, относительно которой въ объяснительной къ смѣтѣ запискѣ значится, что взносъ отъ церквей училищнаго округа въ пользу училища съ 1903 года уменьшился на 27 руб. 23 коп. По поводу сего послѣдняго обстоятельства Съѣздъ полагалъ бы необходимымъ просить Правленіе училища выяснить причину уменьшенія поступающихъ въ пользу училища суммъ отъ церквей округа и, въ случаѣ возможности, побудить, чрезъ Епархіальное Начальство, подлежащихъ о.о. благочинныхъ къ пополненію означенной суммы въ текущемъ 1903 году, а на будущее время—возстановить прежній размѣръ поступающей отъ церквей въ пользу училища суммы 13.101 р. 57 к.

3. Посредствомъ закрытой баллотировки приступили къ избранію двухъ членовъ отъ духовенства училищнаго Правленія, при чемъ оказалось, что изъ шести баллотировавшихся лицъ избраны четыре, а именно: священники—Іоаннъ Браиловскій—большинствомъ шести изъ девяти шаровъ, Викторъ Флоринскій—большинствомъ семи, Симеонъ Недѣлка—шести и Николай Мощенко—семи. *Постановили:* избраніе изъ четырехъ вышепоименованныхъ лицъ опредѣленныхъ закономъ двухъ представителей отъ духовенства на должность членовъ Правленія представить на Архипастырское Его Высокопреосвященства благоусмотрѣніе.

Резолюція Его Высокопреосвященства отъ 23 октября 1903 года

послѣдовала такая: „Утверждаются священники Мощенко в Недѣлка“.

4. Посредствомъ такой же баллотировки избрали: а) кандидатами къ членамъ Правленія отъ духовенства: священника Павла Хижняка—единогласно и протоіерея Стефана Провоповича—большинствомъ пяти голосовъ, и б) членами ревизіоннаго комитета, единоголасно, священниковъ: Алексія Артюховскаго, Платона Сорочинскаго, Дмитрія Виноградскаго и в) къ нимъ кандидатами священниковъ: Григорія Сапухина—большинствомъ семи шаровъ, Іоанна Ситенко—восьми и Филарета Григоровича—семи.

На семь журналъ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: „1903. окт. 8. Утверждается“.

Журналъ № 2. Сентября 23 дня. Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа, въ числѣ десяти (10) человекъ, прибывъ въ собраніе въ 5 часовъ вечера, состоявшееся въ зданіи Сумскаго Духовнаго училища, по молитвѣ, слушали: 1) докладъ училищнаго Правленія отъ 23 сентября сего года за № 312 о томъ, что центральное отопленіе училищнаго зданія, состоящее изъ трехъ воздушно-паровыхъ калориферовъ, послѣ 16-тилѣтняго пользованія, въ настоящемъ году потребовало со стороны Правленія особыхъ заботъ. Былъ вызванъ изъ Харькова самъ изобрѣтатель этого отопленія, гражданскій инженеръ Б. С. Покровскій, который послѣ тщательнаго осмотра калориферовъ призналъ настоятельно необходимымъ капитальный ихъ ремонтъ, стоимостью въ 2,000 руб. по меньшей мѣрѣ. По сему случаю былъ составленъ Правленіемъ училища журналъ и Епархіальное Начальство разрѣшило Правленію немедленно приступить къ ремонту центрального отопленія съ отнесеніемъ расходовъ по сему въ разрядъ экстренныхъ и подлежащихъ уплатѣ по усмотрѣнію съѣзда духовенства въ настоящемъ же году. При производствѣ сихъ работъ обнаружилось, что одинъ калориферъ нужно было сдѣлать вновь, а остальные два при тщательномъ ремонтѣ могутъ еще послужить. Все это Правленіемъ училища и было исполнено съ израсходованіемъ на сей предметъ изъ текущихъ доходовъ болѣе 700 р.

По силѣ журнала Правленія, утвержденнаго Епархіальною Властію, этотъ расходъ, какъ сверхмѣтный и экстраординарный, подлежитъ немедленному покрытію по усмотрѣнію настоящаго съѣзда духовенства, но настоящее состояніе кассы Правленія училища позволяетъ надѣяться, что значительная часть этой суммы, если

не вся она, можетъ быть покрыта изъ возможныхъ остатковъ текущаго года. *Постановили:* просить Правленіе училища покрыть означенный расходъ изъ имѣющихся въ его распоряженіи свободныхъ суммъ, къ чему, по мнѣнію Правленія, предвидится возможность; если же таковой возможности не окажется, то заботу о погашеніи означеннаго расхода возложить на будущій Съездъ духовенства.

2. Разсматривали отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе Сумскаго духовнаго училища изъ мѣстныхъ источниковъ за 1902 годъ в слушали журналъ временно-ревизионнаго Комитета, относящійся къ тому же отчету, и, принявъ во вниманіе объясненія членовъ Правленія училища отъ духовенства, *постановили:* отчетъ признать правильнымъ, но просить Правленіе училища—на будущее время въ приходо-расходныхъ училищныхъ книгахъ показывать не только остатки денежныхъ суммъ, но и стоимость матеріаловъ, остающихся къ слѣдующему за отчетнымъ году, съ тѣмъ, чтобы эта послѣдняя цифра была очищаема въ отчетѣ вмѣсто оправдательныхъ документовъ, что по существу дѣла невозможно, простымъ указаніемъ израсходованія оставшихся матеріаловъ, такъ какъ только при такомъ порядкѣ счетоводства возможно сведеніе въ отчетѣ баланса.

3. Имѣли сужденіе о возмѣщеніи путевыхъ расходовъ членамъ училищнаго Правленія отъ духовенства по поѣздкамъ ихъ въ училище по служебной надобности. *Постановили:* считать справедливымъ назначить членамъ Правленія изъ священниковъ г. Сумъ по пятидесяти рублей въ годъ на означенный предметъ расхода, а членамъ изъ иногороднихъ—по сто руб., во вниманіе къ большому количеству дѣлаемыхъ ими на поѣздки въ училище расходовъ.

На семь журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: „1903. окт. 8. Утверждается“.

Журналъ № 3, сентибри 24 дня. Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа, въ числѣ восьми (8) членовъ, прибывъ въ собраніе въ 9 часовъ утра, состоявшееся въ зданіи Сумскаго Духовнаго Училища, по молитвѣ 1) имѣли сужденіе о времени съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа въ будущемъ 1904 году. *Постановили:* назначить слѣдующій съездъ уполномоченныхъ отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа на 21 сентября 1904 года.

2. Имѣли сужденіе о ревностной и весьма полезной для дѣла

дѣятельности членовъ временно-ревизионнаго комитета, священниковъ: Вактора Флоринскаго, Платона Сорочинскаго и Алексія Артюховскаго и *постановили* выразить имъ глубокую благодарность Съѣзда за понесенные ими на пользу училища труды и почтительнѣйше ходатайствовать предъ Епархіальнымъ начальствомъ о разрѣшеніи внести это обстоятельство въ послужные ихъ списки. Кромѣ того, постановили выразить также благодарность за понесенные во время занятій съѣзда труды предсѣдателю съѣзда, священнику Іоанну Бравловскому и дѣлопроизводителю, священнику Аполлонію Гончаревскому, со внесеніемъ, съ соизволенія Епархіальнаго начальства, сего обстоятельства въ послужные ихъ списки.

На семь журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства: „1903. окт. 8. Утверждается“.

II.

Содержаніе О значеніи Библии *Б* — О приготовленіи помощниковъ миссіонеровъ изъ среды народа. *Священника Николая Загоровскаго*. — Какъ понимать слова Спасителя „*моій вмстити да вмститъ*“ (Мѣ. XIX, 12)? *Б. Епархіальная хроника*. — Архіерейское служеніе и годичное собраніе Братства св. Великомученицы Варвары въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ. — Архіерейское служеніе и церковный парадъ 6-го декабря. — Общество трезвости при Харьковской Спасо-Преображенской церкви. — Очередной миссіонерскій Съѣздъ духовенства 1-го округа Харьковскаго уѣзда. — Чествованіе о. профес. прот. Т. И. Буткевича, по случаю исполнявшагося XXV-лѣтія его священнослуженія. — Пятидесятилѣтіе священнослуженія о. прот. Василія Накольскаго. — Протоіерей о. Тимоѣей Павловъ (векрологъ). — Иноепархіальный отдѣлъ Чудесное исцѣленіе въ Саровѣ. — Священники — помощники. — Резолюція Преосвященнаго Николая, Епископа Таврическаго, о непремѣнной обязанности пастырей церкви бесѣдовать съ народомъ о предметахъ вѣры. — Разныя извѣстія и замѣтки. — Резигнозно-нравственныя чтенія сельской матушки. — Какъ исправить прогорѣлое масло. *Объявленія*.

О ЗНАЧЕНІИ БИБЛИИ.

О томъ, насколько сильно еще даетъ о себѣ знать по временамъ „власть тьмы“ можно судить по слѣдующему вопросу, предложенному г. О. редакціи журнала „Хуторянинъ“, издаваемому Полтавскимъ сельско-хозяйственнымъ Обществомъ. „Стражникъ с. Кононовки, зашедши ко мнѣ, говоритъ г. О., сталъ просматривать мои книги, причемъ, обративъ особенное вниманіе на объемистую по своей толщинѣ книгу „Библия“, заявилъ мнѣ, что „Библия“ книга *запрещенная*, въ доказательство чего у

его якобы имѣется какое-то предписаніе или что-то вродѣ этого. Прошу отвѣтить: запрещенная ли книга „Библия“ или нѣтъ? Библия куплена мной въ Кіевѣ въ Лаврѣ, о чемъ имѣется цензурная отмѣтка на русскомъ языкѣ“.

По этому поводу талантливый сотрудникъ „Южнаго Края“ В. И. Ивановъ замѣчаетъ: „Если бы все это не было напечатано чернымъ по бѣлому, право, можно было бы подумать, что такой невѣроятный курьезъ мы встрѣтили не на яву, а во снѣ...

„Библия“—запрещенная книга?!

Редакція „Хуторянина“ даетъ слѣдующій совершенно основательный отвѣтъ на этотъ, единственный въ своемъ родѣ „вопросъ“. „Имѣеть ли какое то предписаніе стражники села Ковоновики относительно книги „Библия“, отвѣчать трудно, но „Библия“ не только никогда не была въ числѣ запрещенныхъ книгъ, но, напротивъ, должна быть настольной книгой въ каждой христіанской семьѣ. Добавленіе о томъ, что цензурная отмѣтка на славянской библии сдѣлана на русскомъ языкѣ, возбуждаетъ недоумѣніе“.

А я думаю, говоритъ г. Ивановъ, что и въ данномъ случаѣ не должно быть никакого „недоумѣнія“, потому что цензурная отмѣтка, на русскомъ языкѣ, хотя бы сдѣланная и на славянской библии, является въ порядкѣ вещей... Если что и можетъ вызвать великое „недоразумѣніе“, такъ это то, что у насъ въ деревняхъ „цензорами“ являются... *стражники*... При такихъ „цензорахъ“ не мудрено, что и „Библия“ попала въ разрядъ „запрещенныхъ“ книгъ!...“

Итакъ, какъ ни прискорбно, но приходится сознаться, что еще и доселѣ находятся лица, „бродящія во тьмѣ“ даже и въ отношеніи такихъ вопросовъ, какъ запрещенная книга Библия или нѣтъ?! Позволимъ себѣ, поэтому, привести прекрасныя слова о значеніи Библии, принадлежащія извѣстному церковному вити Высокопреосвященнѣйшему Владиміру, Митрополиту Московскому и Коломенскому. Дай Богъ, чтобы эти слова коснулись слуха всѣхъ, недоумѣвающихъ относительно этой святой книги!

„Книга эта, говоритъ, между прочимъ, Высокопреосвященнѣйшій

Митрополитъ Владиміръ, стоитъ того, чтобы изучить ее поосновательнѣе. Знаете ли, друзья, какое сокровище для каждаго изъ васъ заключается въ этой книгѣ? Она содержитъ въ себѣ неисчерпаемый источникъ знанія и жизни. Чѣмъ шире вашъ умственный круговорѣтъ, чѣмъ острѣе вашъ разумъ, чѣмъ открытѣе и воспримчивѣе для вѣры ваше сердце, тѣмъ обильнѣе для васъ этотъ источникъ. Какъ бы ни была велика ваша жажда, какъ бы много ни черпали вы изъ этого кладенца Божія, онъ всегда будетъ полонъ воды. Для каждой новой потребности Библія находитъ новое удовлетвореніе. Чтобы сдѣлать нагляднѣе и повятнѣе мысль эту, я приведу вамъ рассказъ о книгѣ Библіи одного глубокаго старца. Вотъ сидитъ этотъ согбенный дѣдушка съ надломленными силами, съ дрожащими руками и трусущею головою, но съ ярко свѣтящимися глазами въ своемъ креслѣ и держитъ такую рѣчь окружающимъ его внучатамъ: „Милыя дѣти! Когда я самъ былъ вотъ такимъ же маленькимъ мальчикомъ какъ вы, я часто видѣлъ на рабочемъ столѣ моей матери одну книгу, которая выдавалась изъ ряда другихъ своимъ внушительнымъ объемомъ и изящнымъ переплетомъ. Это была Библія. Потому ли, что она была болѣе и красивѣе другихъ, или по предчувствію, что это не простая книга, а божественная, не земного, а небснаго происхожденія, только на нее я обращалъ наибольшее вниманіе и питалъ въ ней чувства особеннаго уваженія. Но какъ велика была моя радость, когда мать моя подозвала меня однажды къ себѣ и стала читать, а потомъ и рассказывать кое-что изъ этой книги! Съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ я, когда она передавала мнѣ исторію о раѣ, объ Авраамѣ, Исаакѣ, Іаковѣ, объ Іосифѣ и Самуилѣ, а потомъ исторію о пастухахъ виллемскиххъ, о двѣнадцатилѣтнемъ Іисусѣ, о дочкѣ Іавра, о смерти Іисуса и Его воскресеніи. Я весь тогда превратился въ слухъ, я не могъ досыта наслушаться при этихъ рассказахъ и однажды спросилъ свою мать: „Не правда ли, что Библія вся написана для однихъ только дѣтей“? „Это ты впоследствии узнаешь своимъ собственнымъ опытомъ“, сказала она улыбаясь, и, когда мнѣ было уже 15 лѣтъ, она подарила мнѣ, въ день

моего ангела, Библию, на главномъ листѣ которой было написано: „Испытайте писанія“. Я взялся за это съ большою ревностію. Когда я, раскрывши эту книгу, началъ читать ее, то состояніе моего духа похоже было на состояніе человѣка, который съ благоговѣйнымъ страхомъ вступаетъ въ темныя галереи обширнаго святаго храма. При этомъ чтеніи на меня особенно сильно дѣйствовали тѣ мѣста, гдѣ говорилось о подвигахъ героевъ, коихъ такъ много находится въ Книгахъ Судей, Самуила и въ книгахъ Маккавейскихъ. Вся земля казалась мнѣ тогда сплошнымъ полемъ битвы, а Библия—книгою, повѣствующею о герояхъ на этой битвѣ. И гдѣ изображалась храбрость, неутомимая энергія и самоотверженіе, тамъ всѣмъ существомъ своимъ присутствовалъ и я. Я пламенно сочувствовалъ апостоламъ и соприсутствовалъ имъ въ ихъ борьбѣ. Я страстно желалъ вмѣстѣ съ ними вести борьбу противъ іудеевъ и зычниковъ. Я былъ полонъ мужества, гордости и самоправедности; но это продолжалось, конечно, недолго. Скоро подпалъ я подъ вліяніе дурнаго товарищества, подвергся искушенію и очутился въ позорныхъ узахъ грѣха. Я забылъ теперь свою Библию, а если иногда и вспоминалъ о ней, то слова ея казались сатирою противъ меня. Но когда, послѣ многихъ лѣтъ, я снова взялъ ее въ руки и сталъ читать, о какимъ яркимъ свѣтомъ оварила она теперь меня! Теперь она стала совсѣмъ другою книгою для меня. Я нашелъ въ ней самое сильное и самое вѣрное обличеніе для себя и самое тяжкое обвиненіе во всѣхъ моихъ грѣхахъ. Она явилась для меня словомъ грознаго Судіи. Я смутился духомъ, ужасъ и трепеть овладѣли мною, и вотъ, среди этого смущенія и страха я услышалъ вдругъ столь сладкія слова, столь нѣжныя, доброжелательныя и утѣшительныя рѣчи, что мнѣ казалось, будто ко мнѣ снова говоритъ моя родная, нѣжно любящая меня мать. Я увидѣлъ тогда, что въ ней заключается радостная вѣсть для удрученныхъ, разбитыхъ и изнывающихъ отъ скорби сердець. Это было именно тогда, когда я впервые прочиталъ слова: „Привдите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы“. Я повѣрилъ этому нѣжному призыву, я весь

отдался ему, и съ этого момента Библия сдѣлалась для меня истиннымъ благовѣстіемъ и самою любимую, настольною книгою. И вотъ, когда наступилъ черный день моей жизни, когда начали постигать меня несчастье за несчастьемъ, ударъ за ударомъ раздаваться надъ моею головою, когда смерть начала похищать у меня родныхъ и самыхъ дорогихъ и близкихъ моему сердцу, и разлука съ ними погрузила меня въ глубокою ночь печали, о какомъ обильнымъ источникомъ утѣшенія явилась тогда для меня Библия—эта книга священныхъ, богооткровенныхъ писаній! Какимъ цѣлительнымъ бальзамомъ на раны моего сердца послужило это изреченіе: „Я хочу утѣшать, какъ мать утѣшаетъ дѣтей своихъ“! И въ то время Библия дѣйствительно утѣшала, предостерегала и берегла меня, какъ мать бережетъ дитя свое. На каждой страницѣ ея я находилъ какое-нибудь утѣшительное для себя слово или изреченіе и какъ хотѣлось мнѣ снова, подобно дитяти, спросить: не правда ли, что Библия написана исключительно для тѣхъ, которые нуждаются въ утѣшеніи? А теперь вотъ,—заговорилъ онъ,—когда я одною ногою вступилъ уже въ мрачную долину смерти, о, какъ много свѣтлыхъ лучей надежды сверкаетъ для меня изъ дорогой мнѣ Библии, озаряя небеснымъ свѣтомъ эту сумрачную юдоль земли. Библия есть какъ бы небо: „когда вступить ночь, тогда только она начнетъ, какъ должно, испускать свѣтлые лучи свои“.

Такова Библия по свидѣтельству человѣка, на себѣ самомъ испытывающаго благотѣльное ея вліяніе. Но въ нашъ злополучный вѣкъ она, къ сожалѣнію, далеко не у всѣхъ пользуется надлежащимъ уваженіемъ, какъ книга божественнаго Откровенія. Люди невѣрія, въ прельщеніи ума своего, проповѣдующіе о возможности безконечнаго усовершенствованія челоуѣчества своими только силами, безъ помощи Бога, не только не признаютъ за Библию божественнаго авторитета, но относятся къ ней съ пренебреженіемъ и съ насмѣшками. Она, говорятъ они, не отвѣчаетъ и не можетъ отвѣчать требованіямъ нашего просвѣщеннаго времени. Какъ произведеніе младенческаго ума челоуѣчества, она давно отжила свой вѣкъ и въ

настоящее время можетъ удовлетворять развѣ только простой народъ, дѣтей да дряхлыхъ стариковъ и старухъ. Было бы, продолжаютъ они, очень странно требовать, чтобы люди, стоящіе на почтенной высотѣ образованія и науки, преклонились предъ авторитетомъ какой-нибудь дѣтски наивной и полной легендъ и сказокъ книги. Но не вѣрьте, друзья, этимъ непризваннымъ учителямъ, если они, попирая вѣру отцовъ вашихъ, какъ суетворіе давно минувшихъ вѣковъ, стараются измыслить новую вѣру на началахъ лжеименнаго разума,—если они, дѣлая расчетъ съ божественнымъ Откровеніемъ—Библиєю, указываютъ, какъ на источникъ истиннаго счастья и истинной мудрости, на успѣхи ума человѣческаго, на книги своихъ мудрецовъ. Извлекайте изъ этихъ книгъ и произведеній все высокое, благое и полезное, не чуждайтесь ничего, что есть хорошаго въ дѣлахъ человѣческихъ, но не ждите отъ человека и человѣческой мудрости—того, чего они не имѣютъ сейчасъ, не могутъ достигнуть и въ будущемъ. Человѣкъ никогда не поднимается выше самого себя. Онъ, по слову Спасителя, не можетъ самъ себѣ прибавить возраста ни на одинъ локоть (Лук. XII, 25), и тѣ мечты и помыслы о перерожденіи человѣка здѣсь на землѣ въ существо высшаго разряда (сверхчеловѣка), которымъ предаются нѣкоторые изъ современныхъ философовъ, онѣ навсегда останутся несбыточными мечтами. Все, что составляетъ для насъ истинное счастье и спасеніе,—миръ узвлевой совѣсти, исцѣленіе измученнаго сердца, удовлетвореніе его глубочайшихъ вѣчныхъ потребностей, восстановленіе грѣхомъ нарушеннаго общенія съ Богомъ, избавленіе отъ смерти, ада и суда,—все это никогда не придетъ къ намъ изъ области того, что совершаютъ и могутъ совершить люди на землѣ. Не придетъ это ни изъ научныхъ открытій и изобрѣтеній, ни изъ гениальныхъ произведеній великихъ писателей и мудрецовъ, ни изъ Ясной Поляны (Левъ Толстой), ни изъ растлѣннаго Запада (Ницше), но только съ Голгоѳы, отъ креста Агнца Божія, взявшаго на Себя грѣхи міра, отъ Вѣчнаго Первосвященника, принесшаго Себя въ жертву и примирившаго насъ съ Богомъ, о чемъ повѣствуетъ намъ книга божественнаго Откровенія—Библія.

Всею полнотою пастырской любви своей къ вамъ прошу васъ, не увлекайтесь ложною философіею и не пренебрегайте этою книгою. Она — дорогая, незамѣнимая книга. Она — книга Бога и Богъ книгъ. Она только одна можетъ служить надежнымъ руководствомъ въ вашей жизни и давать ей вѣрное направление во всѣхъ превратностяхъ судьбы вашей...

Въ ней вы найдете для себя такое удовлетвореніе всѣхъ запросовъ вашей души и вашего сердца, такое наслажденіе, съ которымъ ничто въ мірѣ не можетъ сравниться. **БОЛЬ СЛАДКИ ГОРТАНИ МОЕМУ СЛОВЕСА ТВОЯ, ГОСПОДИ,** — въ духовномъ восторгѣ зывалъ пророкъ, — **ПАЧЕ МЕДА УСТОМЪ МОИМЪ** (Псал. СХVІІІ, 103)¹⁾. Б.

О приготовленіи помощниковъ миссіонеровъ изъ среды народа.

30 Октября сего 1903 года состоялся Миссіонерскій съѣздъ духовенства 1 округа, Богодуховскаго уѣзда. Предъ началомъ съѣзда благолѣпнымъ соборомъ священнослужителей совершено было молебное пѣніе Господу Богу въ Богодуховскомъ Успенскомъ соборѣ „объ обращеніи заблудшихъ“. Послѣ молебна, всѣ прибывшіе на съѣздъ священники округа, въ числѣ 27 человекъ, во главѣ съ предсѣдателемъ съѣзда мѣстнымъ о. Благочиннымъ священникомъ А. Станиславскимъ, собрались въ зданіи Соборно-Успенской церк.-приходской школы. На съѣздѣ присутствовалъ и бывший Епархіальный Миссіонеръ Д. И. Боголюбовъ, главнымъ образомъ руководившій занятіями миссіонерскаго съѣзда. Засѣданіе съѣзда открылъ своей рѣчью Благочинный священникъ о. А. Станиславскій о великой пользѣ и значеніи для духовенства миссіонерскихъ съѣздовъ особенно въ настоящее многоятежное для вѣры и Церкви время, когда невѣріе и отчужденіе отъ Церкви православной широкой волной разливаются во всѣхъ слояхъ общества. Когда отъ всѣхъ членовъ съѣзда заслушаны были доклады о рели-

¹⁾ Изъ Рѣчи Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Владимира, Митрополита Московскаго и Коломенскаго, предъ раздачею Библии выпускнымъ воспитанникамъ ИМПЕРАТОРСКАГО Лицея въ память Цесаревича Николая въ Москвѣ, по окончаніи экзамена по Закону Божию.

гіозно-правственномъ состояніи ихъ приходоѡъ и выяснены были нужды и положеніе миссіонерскаго дѣла въ округѣ, Д. И. Боголюбовъ обратился къ членамъ съѡзда съ теплымъ и задушевнымъ словомъ прѡблизительно слѣдующаго содержанія:

„Досточтимые отцы и братія! въ заключеніе нашихъ братскихъ бесѣдъ съ вами, я не могу не сказать вамъ и еще нѣсколько словъ, быть можетъ, при свиданіи съ вами уже въ послѣдній разъ...

Первое и самое главное, что требуется отъ пастыря—миссіонера для успѣха и пользы миссіи,—это—чтобы жизнь его была „по Божѣ“ и всецѣло направлена на духовную пользу своего прихода и спасеніе душъ, вѣрвенныхъ ему пасомыхъ... Краеугольнымъ постановленіемъ, отъ примѣненія котораго зависитъ вся судьба миссіи, повсемѣстно призывается изреченіе Христа Спасителя: *„Отцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю ихъ, и они идутъ за Мною“* (Іоан. 10,27). Поэтому, пастырю церкви необходимо „близко знать“ своихъ духовныхъ овецъ и быть для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ образцомъ правой вѣры и благочестной жизни *„въ словѣ, въ житіи, въ любви, въ духѣ, въ стѣри, въ чистотѣ“* (І Тим. 4,12). Самъ Господь Іисусъ Христосъ уподобляетъ дѣятельность вашу, какъ продолжателей трудовъ Апостольскихъ, свѣту солнечному, а посему усерднѣе прилежите въ исполненіи своихъ обязанностей и *„такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего Небеснаго“* (Матѣ. 5,16).

Второе—не менѣе важное условіе для успѣха и пользы миссіи,—это чтобы вся пастырская дѣятельность была безупречна и слово пастыря никогда не расходилось съ дѣломъ, а съ этою цѣлью каждому пастырю надлежитъ благоговѣнно и неспѣшно совершать церковныя богослуженія, а главное всенепрѣменно сопровождать эти богослуженія живою проповѣдью и заводить вѣобогослужебныя собесѣдованія или воскресныя чтенія съ народомъ... Пастырская проповѣдь—это духовная пища для пасомыхъ... Усерднѣе же и больше питайте своихъ духовныхъ чадъ чистымъ зерномъ пшеницы Христовой,

тогда они устыдятся бѣжать отъ васъ на „днны пажити“!.. Народъ нашъ любитъ слушать слово Божіе и готовъ поучаться въ немъ день и ночь, поэтому, при всѣхъ случаяхъ вашей служебной дѣятельности, проповѣдуйте и объясняйте имъ слово Божіе и разгоняйте потокъ религиозныхъ сомнѣній, текущій со стороны сектантскихъ лжеучителей... Подавайте своимъ пасомымъ и примѣры добродѣтельнаго житія, для чего приглашайте ихъ къ посильнымъ добровольнымъ пожертвованіямъ на бѣдныхъ, калѣкъ и увѣчныхъ и пострадавшихъ отъ разнаго рода несчастій: это меньшая братія наша во Христѣ, за которую Самъ Господь сказалъ: *„истинно говорю вамъ: такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ“* (Мѡ. 25, 40). И будьте увѣрены, что народъ пойметъ ваши многополезные, истинно-апостольскіе труды и по достоинству оцѣнитъ ихъ чистосердечной любовью къ своимъ пастырямъ, полагающимъ души свои за овецъ своихъ, и безграничной преданностію къ святой православной Церкви Христовой!..

Многолѣтняя практика моя въ дѣлѣ миссіонерскомъ приводитъ меня къ тому непоколебимому убѣжденію, что намъ въ настоящее время необходимо всѣ силы свои направить къ тому, *чтобы и словомъ и жизнью возжечь въ самомъ народѣ любовь къ миссіи и создать миссію среди народа*,—тогда только мы смѣемъ ожидать и благихъ результатовъ отъ своей дѣятельности... Вамъ, пастыри Божіи, и вашему попеченію отъ колыбели крещенія вручаются живыя души, изъ коихъ вы, по долгу службы вашей, должны созидать живые и сознательные камни для великаго зданія православной Церкви Христовой на землѣ... Воспитывайте же миссіонеровъ и устраивайте миссію среди народа, начиная это великое дѣло еще со школьной скамьи... А для этого въ старшемъ отдѣленіи школы проходите съ дѣтьми преподаваніе закона Божія „сообразно съ примѣрнымъ распредѣленіемъ апологетическаго матеріала для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ среди сектантскаго населенія“,—тогда наша церковная миссіа въ школахъ найдеть лучшихъ себѣ сотрудниковъ и въ народъ будетъ внесена

тотъ немеркнущій Свѣтъ Христова ученія, который одинъ въ состояніи разогнать тьму сектантскаго вольномыслія!... Самъ я старался всѣми зависящими отъ меня силами прійти вамъ въ семь дѣлѣ на помощь, для чего и составилъ „Православный Противосектантскій Катихизисъ“; проходите его со школьниками, раздавайте въ видѣ подарковъ послѣ своихъ бесѣдъ народу,—онъ принесетъ свою несомнѣнную пользу... Но помимо школы, чтобы создать миссію среди народа, необходимо каждому пастырю всемѣрно изыскивать и готовить для борьбы съ сектантствомъ, наиболѣе преданныхъ, благочестивыхъ и твердыхъ въ православіи людей; съ ними тоже и потому же „катихизису“ надо проходить всѣ вопросы ясно, по пунктамъ: эти люди явятся для васъ ближайшими и ревностными помощниками въ борьбѣ съ сектантствомъ... Правда, трудъ не легкій, —но безъ труда ничто не дается!...

Представьте себѣ теперь, что въ какой нибудь приходѣ явился сектантъ—лжеучитель и началъ своими лжетолками возмущать православныхъ людей... Что съ нимъ дѣлать пастырю Церкви?... Какъ препятствовать появленію и развитію зла?... Не надо сейчасъ же гнать его и притѣснять всячески или доносить полиціи, иначе онъ явится ореоломъ мученика предъ людьми и для миссіи не польза получится, а вредъ большой... Нѣтъ, не давленіемъ, не стражниками, не полиціею, а усерднымъ и постояннымъ проповѣдываніемъ слова Божія, примѣромъ доброй жизни и водвореніемъ въ народѣ добрыхъ мыслей вы сможете разогнать смуту и темноту въ православной массѣ... Не будемъ же, отцы и братія, усыпляться и забываться ввиду открытаго и явнаго врага, а постараемся воспитать миссію среди самого же народа, тогда мы вполне смѣемъ надѣяться, что своими трудами и заботами, при помощи Божіей, поставимъ рѣкѣ несущейся плотину“!...

Итакъ, воспитаніе миссіи среди народа—это, можно сказать, послѣдній завѣтъ Д. И. Боголюбова, какъ бывшаго епархіальнаго миссіонера... Духовенство 1 округа, Богодуховскаго уѣзда, признательное къ многополезной и плодотворной миссіонерской дѣятельности Д. И. Боголюбова, поднесло ему, при

разставаніи съ нимъ, образъ Озерянской Божіей Матери въ сребро-вывощенной ризѣ и адресъ.

Святценникъ Ник. Залоровскій.

Какъ понимать слова Спасителя: „могій вмѣстити, да вмѣститъ“ (Мѡ. XIX, 12)?

Какъ извѣстно, слова Спасителя: „могій вмѣстити, да вмѣститъ“ одни понимаютъ въ томъ смыслѣ, что Спаситель указывалъ на брачное состояніе, между тѣмъ другіе истолковываютъ ихъ въ приложеніи исключительно къ аскетическому состоянію ¹⁾. Какое же изъ этихъ пониманій истинно? Прекрасный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ молодой православный богословъ Д. П. Брянцевъ въ своей статьѣ подъ заглавіемъ: „Въ вопросу о бракѣ и безбрачїи“ ²⁾.

Вотъ что, между прочимъ, говоритъ по этому вопросу уважаемый авторъ названной статьи.

„По нашему мнѣнію, слова Спасителя: „могій вмѣстити, да вмѣститъ“ можно разсматривать только въ связи со всѣмъ ученіемъ Спасителя о бракѣ, изложеннымъ въ XIX главѣ, потому что они представляютъ собой заключеніе ко всей рѣчи Спасителя...

Бесѣда Спасителя о бракѣ, изложенная въ XIX гл. ев. отъ Матѡея, начата была по частному поводу. У евреевъ отпущеніе жены мужемъ пользовалось широкимъ распространеніемъ; мужа пользовались разнообразными поводами, чтобы отпустить своихъ женъ. Вотъ и „приступили къ Нему (Христу) фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: «по всякой-ли причинѣ позволительно человѣку разводиться съ женою своею» (Мѡ. XIX, 3)?

Въ своемъ отвѣтѣ Христосъ не разсматриваетъ различныхъ поводовъ къ отпущенію, которые считались у евреевъ законными, и приговоръ о которыхъ фарисеи, повидному, и хотѣли услышать отъ Него. Вмѣсто того Онъ излагаетъ истинный взглядъ на бракъ; но излагаетъ его такимъ образомъ, что изъ Его словъ само собой вытекалъ отвѣтъ и на предложенный вопросъ: «неужели вы не читали,—сказалъ Онъ,—что Сотворившій вначалѣ мужчину и женщину сотворилъ ихъ» (ст. 4).

Давая такой отвѣтъ, Спаситель прямо указывалъ, что Творецъ міра, при самомъ созданіи, создалъ людей двоими,—мужчину и

¹⁾ См. „Новый Путь“. 1903 г. м. Мартъ.

²⁾ „Вѣра и Церковь“. 1903 г. VIII. Стр. 428 и сл.

женщину, и тѣмъ самымъ предназначилъ людей, съ одной стороны, къ совмѣстной жизни, а съ другой—къ брачному сожителству мужа и жены: вложилъ въ ихъ природу потребность жизни въ такой именно формѣ. Но вложивъ въ природу людей потребность, Богъ вмѣстѣ съ тѣмъ предназначилъ мужчинѣ жить вмѣстѣ только съ одною женой: Онъ создалъ одного мужчину и одну женщину. А коль скоро Богъ предназначилъ мужу жить съ одною женой, то, само собой разумѣется, не можетъ быть и рѣчи объ отпущеніи жены и о соединеніи съ другою при жизни первой.

Указавъ, откуда ведетъ свое начало бракъ, и въ чемъ онъ коренится, Спаситель ниже и подтверждаетъ справедливость Своей мысли ссылкой на всеобщность брака, въ которой и обнаруживается потребность человѣческой природы жить такой именно жизнью. Какъ только достигнетъ человѣкъ извѣстнаго возраста, эта потребность начинаетъ дѣйствовать въ немъ съ особенной силой. И человѣкъ, вѣрный своей природѣ, „оставить, говорить Христось, отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей“ (ст. 5); покинетъ, слѣдовательно, самихъ дорогихъ для себя лицъ для жены своей и соединится съ нею; и ужъ конечно, не съ мыслію потомъ разлучиться съ своею избранницею и вновь сойтись съ другою. При вступленіи въ бракъ, ни у одного человѣка не бываетъ подобныхъ намѣреній; всякій избираетъ себѣ помощницу на всю жизнь. И, дѣйствительно, соединеніе это такъ тѣсно, такъ неразрывно, что изъ двухъ становится одна плоть; „такъ что они уже не двое, но одна плоть“ (ст. 6).

Изъ сказаннаго Спасителемъ ясно вытекало, что бракъ не человѣческое, а Божье установленіе; Самъ Богъ создалъ человѣческую природу такую, что брачная жизнь является для человѣка необходимостью. Мужъ и жена взаимно восполняютъ другъ друга; и, соединяясь вмѣстѣ, они только исполняютъ Божіе повелѣніе, вложенное въ ихъ природу.

Если же бракъ таковъ, по своему происхожденію и по столь тѣсному единенію бракосочетавшихся, то уже, конечно, не въ силахъ человѣка изъ одной плоти вновь слѣмать двѣ, т. е., разъединить сочетавшихся. Спаситель такъ и заключилъ эту часть бесѣды. „Итакъ, что Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ“ (ст. 6).

Давая такой отвѣтъ, Христось принципиально высказался противъ отпущенія мужемъ жены своей.

Но фарисеи, желая оправдаться въ глазахъ прочихъ слушате-

лей, въ защиту обычая, сослался на Моисея: „какъ же, сказали они, Моисей заповѣдалъ давать разводное письмо и разводиться съ нею“ (т. е. женою)? (ст. 7).

Видя, что фарисеи упорно отстаиваютъ установившійся обычай и въ защиту его ссылаются на Моисея, Христосъ прямо указываетъ имъ, почему дозволенъ былъ разводъ: „Моисей по жестокосердію вашему позволялъ вамъ разводиться съ женами вашими; а сначала не было такъ“ (ст. 8). Жестокость—вотъ единственный мотивъ Моисеева дозволенія разводиться съ женами. Однако, указавъ на него, Спаситель опять напоминаетъ слушателямъ, что „сначала не было такъ“. Моисеевъ разводъ есть только уступка жестокости древнихъ евреевъ; самъ же по себѣ бракъ нерасторжимъ.

Какъ уступка жестокости евреевъ, Моисеевъ разводъ могъ имѣть только временное значеніе. Дальнѣйшими своими словами Христосъ и утверждаетъ, что эта временная мѣра теперь прекращается, постановленіе Моисея отменяется, и восстанавливается значеніе древняго установленія. „Я же говорю вамъ: кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣяніе и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ; и женившійся на разведенной прелюбодѣйствуетъ“ (ст. 9). Своими словами Христосъ вновь устанавливалъ древній взглядъ на бракъ, что сочетавшіеся становятся одною плотію, а поэтому, кромѣ прелюбодѣянія, не можетъ быть достаточныхъ поводовъ для отпущенія жены мужемъ.

Но ученикамъ, привыкшимъ къ частымъ разводамъ и видѣвшимъ въ нихъ не только явленіе обычное, но даже и законное, новое требованіе Спасителя показалось весьма тяжелымъ. Они хорошо поняли, что, слѣдуя Его словамъ, нужно совершенно измѣнить свои возрѣнія на брачную жизнь и почти вовсе отказаться отъ жизненной практики отпускать женъ. Въ то же время проводить совмѣстную жизнь съ нелюбимой женой представлялось имъ почти невозможнымъ. И у нихъ невольно вырвалось замѣчаніе: „если такова обязанность къ женѣ, то лучше не жениться“. При новомъ требованіи брачная жизнь представлялась ученикамъ столь тяжелой, что даже безбрачная жизнь кажется болѣе легкой.

На такое заключеніе учениковъ Христосъ и замѣтилъ: „не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано“ (ст. 11). О какомъ словѣ, которое не всѣ могутъ вмѣстить, сказалъ Спаситель? О словѣ ли, которое Онъ сказалъ о бракѣ и объ обязанностяхъ мужа къ женѣ, или же о словѣ учениковъ, что „лучше не жениться“? О брачномъ

или о безбрачномъ состояніи сказать Христось, что его вмѣщаютъ только тѣ, которымъ это дано“?

Указавъ на то, что отвѣту Христа приданъ отгѣнокъ возраженія, пбо у евангелиста сказано: «Онъ же рече имъ», г. Брянцевъ продолжаетъ „теперь обратимъ вниманіе на другую сторону этого отвѣта. «Слово сіе», которое могутъ вмѣщать не всѣ, по гречески выражено τὸν λόγον τοῦτον. Мѣстоименіе же οὗτος употребляется для обозначенія ближайшаго предмета; а такимъ ближайшимъ предметомъ рѣчи въ данномъ случаѣ были слова учениковъ: „лучше не жениться“. Поэтому естественнѣе допустить, что Христось имѣлъ въ виду именно слова Своихъ учениковъ.

Да и могъ-ли Христось сказать о бракѣ, что не всѣ, а только нѣкоторые, именно которымъ дано, вмѣщаютъ „слово сіе“? О бракѣ в брачной жизни Онъ не могъ сказать этого. Въ началѣ этой бесѣды Христось прямо сказалъ, что необходимость брачной жизни вложена въ природу человѣка; и, какъ таковая, она является естественною для каждаго и вполне вмѣстимою для каждаго. Спаситель же сказалъ, что „не всѣ вмѣщаютъ слово сіе“. Слѣдовательно, Онъ имѣлъ въ виду не бракъ, а другое состояніе, которое дѣйствительно могутъ вмѣщать только нѣкоторые.

Но могъ-ли Христось сказать о безбрачномъ состояніи, что не всѣ его вмѣщаютъ? Могъ. Сказавъ, что лучше не жениться, ученики дошли до крайняго вывода, сдѣлали заключеніе, сдѣлать которое никакъ было нельзя, исходя изъ словъ Спасителя. Къ тому же они обратили вниманіе не на сущность брака и безбрачія, а на трудность обязанностей мужа къ женѣ („если такова обязанность къ женѣ“) и отсюда сдѣлали принципиальный выводъ. А поэтому вполне естественно было ожидать, что въ Своемъ отвѣтѣ Христось и обратилъ вниманіе учениковъ на эту именно сторону.

Вновь доказывать естественность брака не было нужды: изъ словъ Спасителя ученики отлично поняли и всю высоту брачнаго союза и всю его естественность. Заблуждались они относительно безбрачнаго состоянія, считая его болѣе легкимъ, а потому и болѣе доступнымъ каждому. На это-то ихъ заблужденіе и нужно было обратить вниманіе, слѣдовало указать кто *на самомъ дѣлѣ* не можетъ вмѣстять обязанностей мужа по отношенію къ женѣ. Указать на это было тѣмъ умѣстнѣе, что изъ словъ Спасителя выходило, что всѣмъ людямъ дано и всѣ могутъ вмѣщать слово о бракѣ.

Итакъ, кому же, вопреки общей природѣ человѣка, дана возможность вмѣщать слово о безбрачной жизни?

По словамъ Спасителя, три рода людей могутъ вмѣщать слово о безбрачной жизни. Есть люди, которые изъ чрева матери, т. е. по исключительнымъ особенностямъ своей природы, оказываются неспособными къ брачной жизни. Это—скопцы по исключительности своей природы; имъ дана самой природой возможность вмѣщать слово о безбрачной жизни. Есть потомъ люди, которыхъ другіе насильно лишили способности къ браку. Это копцы, насильно оскорбленные; имъ тоже дана возможность вмѣщать слово о безбрачной жизни. Но есть третій родъ людей, которые по своей природѣ вполне способны къ браку; но отказываются отъ него ради царства небеснаго. Это и есть копцы, которые сдѣлали сами себя скопцами для царства небеснаго“ (ст. 12). Такіе копцы идутъ противъ своей природы. Но въ виду того, что они идутъ противъ своей природы ради царства небеснаго, и имъ дается возможность вмѣщать слово о безбрачной жизни, и они становятся подобными прочимъ скопцамъ.

Изъ словъ Спасителя ясно становилось, что, какъ только ради одного прелюбодѣнія мужъ можетъ отпускать жену свою, такъ точно только ради царствія небеснаго человѣкъ можетъ отказываться отъ брачной жизни. Такимъ людямъ ради ихъ цѣли дается возможность переносить безбрачную жизнь.

Сказавъ о скопцахъ ради царства небеснаго, Спаситель заключилъ свою рѣчь словами: „могій вмѣстити, да вмѣститъ“. Этими словами Христосъ опять напомнилъ ученикамъ, что не всякій можетъ считать себя способнымъ къ безбрачной жизни; а только тотъ, кому это дано; только такой и будетъ въ состояніи вмѣщать безбрачную жизнь. Дано же можетъ быть только ради стремленія человѣка къ царству небесному. Всякій же, кто подобной цѣли не ставитъ единственнымъ началомъ своей жизни, тотъ и не будетъ въ состояніи вмѣщать слово Спасителя.

Въ заключеніе не можемъ не коснуться вопроса: кого слѣдуетъ разумѣть подъ скопцами ради царствія небеснаго? Мы уже сказали, что подъ ними нельзя разумѣть только монаховъ, потому что Самъ Спаситель ихъ не вмѣлъ въ виду. Да и странно было бы такъ предполагать. Въ такомъ случаѣ выходило бы, что только одни монахи царство небесное ставятъ единственной цѣлью своей жизни, а другой никто и не можетъ ставить такой цѣли,—выходило бы, что, у кого явилась подобная цѣль, тотъ непременно долженъ стать монахомъ. Христосъ сказалъ, что сами себя оскорбляютъ тѣ, которые дѣлаютъ это ради царства небеснаго. Слѣдо-

вательно, царство небесное—вотъ причина добровольнаго оскпленія. И у кого такая цѣль есть, тотъ и скопецъ. Нужно только, чтобы цѣль эта была единственною. А у кого она не является единственною, тому и монашество не поможетъ. Естественное влеченіе къ брачной жизни будетъ брать перевѣсъ, и монашество будето или насильственной уздой, или совѣсьмъ не будетъ сдерживать такого монаха....

Точно также едва-ли возможна рѣчь и о превосходствѣ одного состоянія предъ другимъ, безбрачія предъ бракомъ; такъ какъ Спаситель совѣсьмъ не имѣлъ въ виду унизить одно состояніе и возвысить другое. Онъ хотѣлъ только разъяснить ученикамъ, почему нельзя стремиться къ безбрачной жизни. А поэтому нѣтъ основаній въ словахъ Христа искать того, чего тамъ вовсе нѣтъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, если мы вникнемъ въ слова Спасителя, то привуждены будемъ сдѣлать такой выводъ. Развѣ скопецъ отъ природы или скопецъ, оскпленный другими, можетъ гордиться, что онъ ведетъ безбрачную жизнь? Имъ дана возможность вести безбрачную жизнь, а не сами они избрали ее. Но вѣдь и скопцамъ ради царства небснаго, по словамъ Христа, тоже дана, а не сами они избрали себѣ эту возможность вести безбрачную жизнь. Какимъ образомъ? У нихъ есть свое—только неудержимое стремленіе къ царству небесному. И ради царства небснаго имъ дается возможность вмѣщать безбрачную жизнь. И они, вѣрные своему стремленію, получаютъ новую способность удалиться отъ брака. Какъ свое, скопцы могутъ выставлять только свое стремленіе, а способность безбрачной жизни—это уже Божій даръ, даваемый имъ за ихъ желаніе царства небснаго. Божимъ же даромъ гордиться нельзя“

Б.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейское служеніе и годичное собраніе Братства св. Великомученицы Варвары въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ.

4-го декабря, въ день св. великомученицы Варвары, епархіальное училище праздновало свой храмовой праздникъ. Наванунѣ въ

училищной церкви торжественно совершено было всенощное бдѣніе, а въ самый день праздника—божественная литургія; богослуженіе совершалъ Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, въ сослуженіи Ректора Духовной Семинаріи, прот. о. І. П. Знаменскаго, предсѣдателя совѣта училища, прот. о. Т. И. Буткевича, инспектора классовъ о. Котова и законоучителей училища. Пѣли воспитанницы старшихъ классовъ училища. По окончаніи литургій. Высокопреосвященный Арсеній обратился къ воспитанницамъ съ назидательнымъ пастырскимъ словомъ, въ которомъ, указавъ на высокія качества души, какими отличалась св. великомученица Варвара еще до просвѣщенія ея св. крещеніемъ, высказалъ пожеланія, чтобы и воспитанницы имѣли хотя нѣкоторые изъ этихъ душевныхъ качествъ ихъ высокой покровительницы. Особенно подробно Владыка развивалъ мысль, какъ можно изъ разсматриванія видимой природы: познавать Единого ея Творца и Промыслителя. По окончаніи рѣчи Владыка преподалъ свое Архiepастырское благословеніе всѣмъ воспитанницамъ. Изъ храма Высокопреосвященный Арсеній вмѣстѣ съ почетными гостями и всѣми служащими въ училищѣ приглашенъ былъ въ квартиру начальницы училища, гдѣ всѣмъ гостямъ предложенъ былъ обѣдъ. На обѣдѣ предложены были тосты за Высокопреосвященнаго Арсенія и почетныхъ гостей.

Въ 6 часовъ вечера, въ тотъ же день, состоялось годовичное общее собраніе членовъ Братства св. великомученицы Варвары подѣ почетнымъ предсѣдательствомъ Высокопреосвященнаго Арсенія, въ присутствіи членовъ братства и др. лицъ. Отчетъ прочитанъ былъ секретаремъ Братства ст. сов. Н. В. Гогинымъ. По окончаніи общаго собранія Братства, въ училищномъ залѣ состоялся литературно-вокально-музыкальный вечеръ, состоявшій изъ 14 №№ игры на роялѣ, пѣнія хора воспитанницъ и чтенія отрывковъ ихъ литературныхъ произведеній. Вечеръ закончился пѣніемъ всѣхъ воспитанницъ народнаго гимна: «Боже, Царя храни». Помѣщаемъ извлеченіе изъ Отчета этого Братства за 1903 неполный годъ, каковой отчетъ представленъ былъ Общему Собранію, праздновавшему въ этотъ день первую годовщину существованія Братства.

Открытие Братства:

Мысль объ учрежденіи Братства, имѣющаго цѣлью оказывать матеріальную помощь недостаточнымъ воспитанницамъ

нашего училища, естественно явилась у лицъ, знающихъ и принимающихъ близко къ сердцу нужды учащихся въ этомъ заведеніи. Въ училищѣ увеличилось количество учащихся, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и количество нуждающихся среди нихъ. Число стипендій осталось прежнее, хотя число воспитанницъ почти удвоилось. Поэтому часто, въ началѣ каждаго учебнаго года въ особенности, и просящимъ о пособіяхъ, и отказывающимъ въ просьбѣ „приходится переживать горькія минуты“: бѣдность многихъ просителей несомнѣнна и очевидна, но средства, предназначенныя на удовлетвореніе нуждающихся, такъ ограниченны, что прошенія многихъ изъ нихъ, къ сожалѣнію, остаются безъ удовлетворенія. 9 февраля 1903 г. является днемъ открытія Братства: торжественное засѣданіе Совѣта училища въ этотъ день положило начало дѣятельности нашего Общества. Въ этомъ засѣданіи, на которомъ присутствовали Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій, Преосвященнѣйшій Стефанъ, Епископъ Сумскій, вся училищная корпорація и многіе представители мѣстнаго духовенства. о. Предсѣдателемъ Совѣта Училища, ознакомившимъ присутствовавшихъ съ уставомъ Братства, задачами и цѣлями послѣдняго, было объявлено Братство открытымъ. Послѣ этого братчиками изъ своей среды были избраны три члена въ Правленіе: ректоръ семинаріи, протоіерей І. П. Знаменскій, священникъ І. Н. Гончаревскій и преподаватель училища Н. В. Гогинъ. Хорошая цѣль Братства и насущная потребность въ немъ естественно должны были вызвать къ нему сочувствіе людей, отзывчивыхъ и знакомыхъ съ малообезпеченностью и бѣдностью учащихся въ духовной школѣ. „Съ чувствомъ живѣйшей радости“ увѣдомлялъ сотрудникъ мѣстнаго Епархіальнаго листка, человекъ, несомнѣнно, хорошо освѣдомленный въ жизни духовной школы, своихъ читателей объ утвержденіи Высокопреосвященнѣйшимъ Владыкою выработаннаго Совѣтомъ училища устава Братства. Съ благодарностію Правленіе отмѣчаетъ это сочувствіе мѣстнаго духовнаго органа, который впослѣдствіи никогда не отказывалъ въ удовлетвореніи обращенныхъ къ нему просьбъ Прав-

ленія. Напутствовали своимъ сочувствіемъ открывавшееся Братство и оба мѣстные архипастыря, почетные члены Братства, по силѣ его устава: они внесли въ кассу Братства свои пожертвованія. Кромѣ того, Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ изъявилъ согласіе остаться почетнымъ членомъ Братства навсегда, о чемъ просилъ его отъ лица присутствовавшихъ членовъ о. Предсѣдатель Совѣта Училища. Преемникъ митрополита Флавіана, Высокопреосвященнѣйшій Арсеній, „архипастырская благотворительность и отеческая заботливость котораго о бѣдныхъ учащихся“ съ благодарностью засвидѣтельствованы въ адресѣ отъ духовно-учебныхъ заведеній Казанской епархіи, не обошелъ своимъ сочувственнымъ вниманіемъ и наше посвященное заботамъ о бѣдныхъ учащихся учрежденіе. Владыка, почетный членъ Братства, какъ Архіепископъ Харьковскій, изъявилъ желаніе состоять пожизненнымъ членомъ Братства и внесъ щедрое пожертвованіе на его нужды.

Всѣхъ лицъ, изъявившихъ согласіе быть пожизненными и дѣйствительными членами Братства по день его открытія включительно было 166: 13 пожизненныхъ и 153 дѣйствительныхъ члена. Отъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ пожертвованіями почетныхъ членовъ поступило въ кассу Братства 1389 руб. 50 коп.

Составъ Правленія.

Правленіе состояло изъ восьми членовъ. Его составляли о. Предсѣдатель Совѣта Училища, Начальница Училища, инспекторъ классовъ, два члена Совѣта отъ духовенства и три члена, избранныхъ Общимъ Собраніемъ.

Дѣятельность Правленія. Первое засѣданіе Правленія Братства происходило 26 февраля н. г. Въ этомъ засѣданіи были избраны изъ числа членовъ Правленія, согласно требованію Устава, казначей (свщ. І. Котовъ) и секретарь Правленія (Н. Гогинъ), рассмотрѣны имѣвшія ближайшее отношеніе къ открытію дѣятельности Правленія требованія Устава и заслушаны прошенія о пособіи, переданныя въ Правленіе изъ Совѣта, не имѣвшаго возможности удовлетворить, по недостатку средствъ. Въ теченіе года, по мѣрѣ надобности, Прав-

леніе имѣло нѣсколько засѣданій. Предметами занятій въ этихъ засѣданіяхъ служили: обсужденіе прошеній о вспомошествованіи, обсужденіе и принятіе мѣръ къ увеличенію средствъ Братства и исполненіе другихъ обязанностей, налагаемыхъ на Правленіе Уставомъ Братства. При разсмотрѣніи прошеній Правленіе руководствовалось удостовѣреніями о.о. благочинныхъ о семейномъ и имущественномъ положеніи просителей и наблюденіями и указаніями г-жи Начальницы Училища, какъ лица, близко знающаго воспитанницъ, и свѣдѣніями другихъ членовъ Правленія. Чтобы имѣть возможно полную свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи просителей и относиться потому съ возможною справедливостью къ ихъ просьбамъ, Правленіе постановило сноситься съ начальниками духовно-учебныхъ заведеній для полученія отъ нихъ свѣдѣній о воспитанникахъ, пользующихся казеннымъ содержаніемъ или какимъ нибудь пособіемъ. Въ теченіе отчетнаго года Правленіе выдало пособие 17 воспитанницамъ для уплаты за содержаніе ихъ въ училищномъ общежитіи, 3-мъ оказало пособие для поѣздки на каникулы къ роднымъ, 4-мъ на приобрѣтеніе необходимаго бѣлья и платья при окончаніи курса, 3-мъ на приобрѣтеніе верхняго платья. Далѣе, Правленіе Братства въ виду того, что Совѣтъ Училища, располагая только двумя стипендіями для сиротъ, поступавшихъ въ этомъ году въ училище, поставленъ былъ въ печальную необходимость отказать многимъ изъ нихъ въ пріемъ на бесплатное содержаніе и этимъ закрыть предъ ними дверь Училища, постановило взять на себя обязательство внести плату за содержаніе въ училищномъ общежитіи десяти сиротъ. Такимъ образомъ, благодаря пособію Братства всѣ сироты, успѣшно выдержавшія испытанія въ этомъ году, приняты въ Училище. Правленіе надѣется, что добрые люди помогутъ ему и въ будущемъ году придти на помощь сиротамъ. Особенно Правленіе надѣется на сочувствіе и помощь тѣхъ, которымъ пришлось самимъ близко познакомиться съ нуждою въ годы ученія и которымъ по опыту извѣстно, какъ иногда немного рублей много значатъ въ жизни бѣдняка: они закрываютъ иногда предъ нимъ дверь учебнаго

заведенія и тѣмъ вліяютъ на всю послѣдующую жизнь его. Въ заботахъ объ увеличеніи денежныхъ средствъ Правленіе Братства, по примѣру другихъ благотворительныхъ учрежденій, „обращалось къ мѣрѣ, давно испытанной и всегда приносившей благіе результаты, именно—къ разсылкѣ подписныхъ листовъ“ о. о. благочиннымъ и настоятелямъ соборныхъ церквей епархіи. Правленіе вмѣняетъ себѣ въ пріятный долгъ выразить благодарность лицамъ, потрудившимся по сбору пожертвованій, и отмѣтить предъ собраніемъ, что полученныя пожертвованія даютъ основаніе заключить о сочувствіи Братству со стороны общества. Но и ранѣе разсылки подписныхъ листовъ нѣкоторые представители духовенства великодушно приняли на себя трудъ сдѣлать сборъ пожертвованій среди своихъ знакомыхъ на Братство. Въ свое время Правленіе Братства печатно выразило имъ глубокую благодарность на ихъ теплое и сочувственное отношеніе къ Братству. Нынѣ, предъ Общимъ Собраніемъ, оно вмѣняетъ себѣ въ обязанность засвидѣтельствовать вторично благодарность о. прот. В. Никольскому и о. прот. В. Алексѣевскому. Считаетъ для себя пріятною обязанностью Правленіе также отмѣтить съ благодарностью особенно сочувственное отношеніе къ Братству свящ. о. М. Согина, благочиннаго 2 го округа Старобѣльскаго уѣзда. При исполненіи обязанностей, налагаемыхъ Уставомъ Братства, Правленіе имѣло возможность убѣдиться въ необходимости нѣкоторыхъ дополненій и измѣненій Устава. Въ первомъ же засѣданіи Правленія было постановлено: дозволить о. Предсѣдателю и г. жѣ Начальницѣ, подъ ихъ личною отвѣтственностью, въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства дѣлать затраты изъ своихъ средствъ до 25 руб. на счетъ Братства съ обязательствомъ доложить въ ближайшемъ засѣданіи Правленія о такой затратѣ. Опытъ показалъ, что эта мѣра была полезна и необходима. Въ интересахъ большей устойчивости Братства въ его денежныхъ средствахъ, дабы не ставить его въ полную зависимость отъ поступления членскихъ взносов, было постановлено составлять его запасный капиталъ отчисленіемъ въ него всѣхъ взносов пожизненныхъ членовъ и 20% всѣхъ

остальныхъ поступленій на приходъ въ братскую кассу. Наконецъ, Правленіемъ внесенъ въ Уставъ новый параграфъ, опредѣляющій количество членовъ, необходимое для дѣйствительности Общаго Собранія Братства.

Такія измѣненія Устава, какъ и всѣ постановленія Правленія, представлялись на архипастьрское благоусмотрѣніе и утвержденіе Высокопреосвященнѣйшаго Владыки.

Составъ Братства.

Въ отчетномъ году Братство имѣло въ своемъ составѣ 706 лицъ, изъ коихъ три были почетными членами, 24 пожизненными, 409 дѣйствительными, а остальные соревнователями—членами. По свѣдѣніямъ, дошедшимъ до Правленія, одинъ изъ первыхъ членовъ Братства, священ. П. Гумилевскій скончался. Имя почившаго внесено будетъ въ братскій Синодикъ для поминовенія на заупокойной литургіи, имѣющей совершаться ежегодно 5 декабря въ училищной церкви по лицамъ, потрудившимся на пользу нашего училища.

Денежныя суммы Братства.

Съ 9 февраля по 18 ноября с. г. движеніе суммъ Братства выражается въ слѣдующихъ цифрахъ. На приходъ поступило: взносы членовъ и единовременныя пожертвованія 3571 р. 94 к. деньгами и 100 р. $\%$ бумагами, 48 р. 19 к. $\%$ на капиталъ Братства, находящійся на текущемъ счету, всего: 3720 руб. 13 коп. Израсходовано: на пособіе воспитанницамъ 925 руб., на приобрѣтеніе листовъ государственной 4 $\%$ ренты 1288 р. 77 к., на сумму взносовъ пожизненныхъ членовъ, обращаемую въ запасный капиталъ, отчислено 20 $\%$. Изъ всѣхъ остальныхъ поступленій на приходъ, а именно—445 руб. въ запасный капиталъ для приобрѣтенія государственныхъ процентныхъ бумагъ. Остается къ слѣдующему году: запаснаго капитала въ билетахъ 4 $\%$ ренты 1388 руб. 77 коп. и деньгахъ—445 руб. и расходоваго капитала 961 руб. 36 коп.

Такимъ образомъ, и количество членовъ, и количество пожертвованій свидѣтельствуютъ о сочувствіи къ нашему обществу. Будемъ надѣяться, что наступающій новый годъ его дѣятельности не принесетъ намъ разочарованій, и мы послѣ

него будемъ начинать съ такими же свѣтлыми надеждами слѣдующій годъ, какъ и настоящій. Успокаиваетъ насъ за успѣшную дѣятельность Братства и то, что оно находится подъ покровительствомъ Архипастыря, для котораго, по словамъ представителей духовно-учебныхъ заведеній Казанской Епархіи, нужды духовно-учебныхъ заведеній были его нуждами, ихъ радости его радостями, ихъ горе его горемъ.

Почетныхъ членовъ Братства Св. Великомученицы Варвары, въ настоящее время три: Высокопреосвященный Митрополитъ Кіевскій и Галицкій ФЛАВІАНЪ, Высокопреосвященный Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій АРСЕНІЙ и Преосвященный Епископъ Сумскій, Викарій Харьковскій СТЕФАНЪ: пожизненныхъ членовъ 24; дѣйствительныхъ членовъ братства 411, членовъ соребнователей 270, по Ахтырскому уѣзду 9; по Богодуховскому уѣзду 11; по Валковскому уѣзду 3; по Волчанскому уѣзду 8; по Изюмскому уѣзду 26; по Лебединскому уѣзду 24; по Зміевскому уѣзду 23.

Нельзя при этомъ не выразить глубокой благодарности всѣмъ лицамъ, проявившимъ живое и дѣятельное участіе въ учрежденіи этого прекраснаго Братства, или своими трудами и заботами, или своими денежными пожертвованіями. По истинѣ учрежденіе этого Братства есть достопамятное событіе въ лѣтописяхъ Харьковской Епархіи.

Архіерейское богослуженіе и церковный парадъ 6-го декабря.

6-го декабря, въ высокаторжественный день тезоименитства Государя Императора Николая Александровича, въ Кафедральномъ соборѣ, Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, была совершена литургія, а по окончаніи ея отслуженъ молебенъ. Слово—въ концѣ литургіи—произнесено было о. благочин. 2 окр. церкв. г. Харькова, священ. П. Фоминымъ. На богослуженіи присутствовали: и. д. губернатора С. Н. Гербель, Харьковскій губернский предводитель дворянства Г. А. Фирсовъ, старшій предсѣдатель судебной палаты Е. А. Пушкинъ, прокуроръ судебной палаты С. С. Хрулевъ, представители гражданской и военной администраціи и масса молящихся. Къ молебну прибылъ командиръ 10 армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ К. К. Случевскій, начальники диввизій и генералитетъ, присутствовавшіе на богослуженіи въ церкви Тамбовскаго

полка, по случаю дня его полковаго праздника. По окончаніи богослуженія на соборной площади состоялся церковный парадъ Пензенскому полку, Лебединскому резервному баталіону и Оренбургскому казачьему полку.

Общество трезвости при Харьковской Спасо-Преображенской церкви.

Собранія трезвенниковъ происходятъ регулярно каждый воскресный день послѣ торжественной вечерни. Изъ нихъ организовался прекрасный церковный хоръ для пѣнія общепотребительныхъ молитвъ, и на вечерняхъ многосотенная масса молящихся, руководимая трезвенниками, прекрасно и стройно, съ большимъ одушевленіемъ, поетъ начальныя и заключительныя пѣснопѣнія во время предлагаемыхъ здѣсь бесѣдъ о заповѣдяхъ Закона Божія. Вышеупомянутыя частныя собранія трезвенниковъ, въ помѣщеніи мѣстной церковно-приходской школы, происходятъ подъ непремѣннымъ руководствомъ священниковъ: о. П. Фомина, о. Н. Жебинева и о. М. Слудкаго. Здѣсь трезвенники готовятъ къ пѣнію новыхъ церковныхъ молитвъ, читается и изъясняется Слово Божіе, и самими трезвенниками предлагаются бесѣды по вопросамъ трезвости, обсуждаются недоумѣнные вопросы относительно правилъ устава, читаются лучшія статьи о трезвости, собираются справки о поведеніи членовъ и намѣчаются задачи для будущаго. При этихъ собраніяхъ организована уже воскресная школа для взрослыхъ трезвенниковъ, и занятія ведутся подъ руководствомъ А. А. Чубанова отъ 3 до 5 часовъ вечера. Благодаря пожертвованіямъ добрыхъ людей составлена бібліотека трезвости, изъ коей книги разбираются трезвенниками на перебой; бібліотекой завѣдуетъ И. М. Лусенко.

Въ первыя же собранія трезвенниковъ 9, 16 и 23 ноября были выбраны члены совѣта подъ предсѣдательствомъ о. П. Фомина, а для завѣдыванія денежными средствами Общества—о. Н. Жебинева. Нѣсколько разъ ошастливленное вниманіемъ Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсевія, Общество постановило принести милостивому Архипастырю свою благодарность, и для сей цѣли была назначена депутація. 24 ноября представители Общества, въ лицѣ предсѣдателя о. П. Фомина и членовъ трезвенниковъ о. Н. Жебинева, М. И. Попова, А. Д. Литвиненко, М. Б. Таранцова и К. Т. Бубликова, были милостиво приняты Архіепископомъ, съ участіемъ освѣдомлявшимся о первыхъ шагахъ дѣятельности Общества и ободравшимъ надеждою успѣха по опыту Казанской епархіи. Въ знакъ милостиваго благословенія Общества Высокопреосвя-

ценный Владыка препроводилъ Обществу св. икону Ахтырскія Божіея Матери. Высоко цѣня такое новое выраженіе сочувствія Архіепископа къ дѣлу народной трезвости, Общество нынѣ озабочено сооруженіемъ благолѣпнаго кіота для сего св. образа.

Новоорганизованный совѣтъ Общества имѣлъ первое собраніе 1 декабря въ квартирѣ о. предсѣдателя. Здѣсь были обсуждаемы вопросы объ организаціи въ Обществѣ благотворительнаго дѣла, объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ, о взаимномъ наблюденіи членовъ другъ за другомъ, о приѣмѣ и угощеніи трезвенниками своихъ гостей (въ виду наступающихъ Рождественскихъ праздниковъ), о разнорѣчіи въ семьѣ трезвенника въ отношеніи трезвости между мужемъ и женою, о членскихъ билетахъ и др. вопросахъ.

7-го декабря, какъ и въ началѣ каждаго мѣсяца, согласно уставу Общества, въ Преображенской церкви былъ отслуженъ торжественный молебенъ трезвенниковъ Св. пр. Іоанну Предтечѣ и муч. Воинифатію, при чемъ была предложена бесѣда на V главу посл. къ Ефесянамъ, и въ концѣ молебна происходилъ новый приѣмъ членовъ въ Общество трезвости. Вступило въ члены 28 человекъ. Новые члены были братски привѣтствуемы трезвенниками, и вечеромъ присутствовали на собраніи трезвенниковъ. Богъ видимо благословляетъ доброе дѣло успѣхомъ, новизна и сложность дѣла не смущаютъ руководителей его, вѣрующахъ, что благое намѣреніе, когда идетъ оно отъ искренняго сердца, всегда найдетъ откликъ у всѣхъ ревнителей народнаго блага.

Священникъ *Петръ Томинъ*.

Очередной миссіонерскій съѣздъ духовенства 1-го округа Харьковскаго уѣзда.

27-го октября въ с. Райитномъ, Харьковскаго уѣзда, состоялся очередной миссіонерскій съѣздъ духовенства 1-го округа, Харьковскаго уѣзда. Прибывъ къ 10 часамъ утра, въ количествѣ 15 человекъ, духовенство, послѣ пѣнія молитвъ „Царю небесный“ и „днесь благодать Святаго Духа“, подъ предсѣдательствомъ благочиннаго открыло засѣданіе.

Изъ представленныхъ священниками рапортовъ и лично данныхъ ими отзывовъ о своихъ приходахъ оказалось, что въ приходахъ 1-го округа Харьковскаго уѣзда, рационалистическихъ сектъ нѣтъ; въ двухъ—трехъ приходахъ, въ весьма ограниченномъ количествѣ, есть послѣдователи хлыстовщины и въ одномъ приходѣ раскольники, которые, будучи сторонняго происхожденія, не приносятъ вреда кореннымъ жителямъ своими заблужденіями.

Тѣмъ не менѣе, хотя приходы 1 округа, Харьковскаго уѣзда, благополучны въ отношеніи сектантства, въ религіозно-нравственномъ отношеніи они далеко не безупречны, такъ какъ въ нихъ замѣчаются явленія весьма нежелательныя. Такъ: почти всѣми священниками было заявлено, что ревность въ посѣщеніи прихожанами храма Божія *въ воскресные дни* сильно охладѣваетъ, чему, по мнѣнію духовенства, служатъ причиною устраиваемыя въ эти дни базары въ сл. Мерещѣ, Люботинѣ и др. мѣстностяхъ. Съ раннаго утра въ воскресные дни стремятся на базаръ и старъ и младъ, въ храмахъ же бываетъ самое незначительное количество молящихся.

Не менѣе печальнымъ было заявленіе священниковъ о томъ, что въ царскіе дни, кромѣ сторожа, церковнаго старосты и учениковъ школы съ учителями, рѣшительно никого не бываетъ въ церкви, что духовенство объяснило халатнымъ отношеніемъ волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ, сельской полиціи и даже земскихъ начальниковъ, гдѣ послѣдніе живутъ, которые, сами игнорируютъ посѣщеніемъ церкви въ царскіе дни и другихъ не побуждаютъ къ этому въ своихъ селахъ.

Крайне прискорбнымъ было заявленіе духовенства о томъ, что въ приходяхъ сильно замѣтно нарушеніе постовъ, увеличеніе пьянства и распущенности, чему служатъ причиною окрестныя фабрики и заводы, вносящіе большую деморализацію въ крестьянскую жизнь разнузданностью своихъ рабочихъ.

Чествованіе о. профес.—прот. Т. Ив. Буткевича по случаю исполнившагося XXV-лтія его священнослуженія.

6-го ноября происходило чествованіе профессора Харьковскаго Императорскаго Университета, доктора богословія, протоіерея Т. Ив. Буткевича.

Къ 10 час. утра въ этотъ день прибыли въ университетскую церковь: юбиляръ, попечитель учебнаго округа М. М. Алексѣенко, ректоръ университета Н. О. Куплевасскій, профессора, городской голова А. К. Погорѣлко, городское духовенство, студенты и много другихъ лицъ.

Божественную литургію совершалъ самъ юбиляръ. Затѣмъ, по окончаніи литургіи, о. профессоръ вышелъ изъ алтара въ сопровожденіи болѣе двадцати священниковъ на средину храма и сталъ предъ аналоемъ. Однѣмъ изъ священниковъ прочелъ указъ Духовной Консисторіи, которымъ разрѣшалось мѣстному духовенству

устроить чествованіе уважаемаго юбиляра и поднести ему икону, а также передалъ юбиляру поздравленіе Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Послѣ этого ректоръ университета Н. О. Куплеваскій обратился къ о. Тимоѳею съ рѣчью, въ которой съ благодарностію помянулъ то добро, которое сдѣлано достопочтеннымъ юбиляромъ на пользу Университета и пожелалъ юбиляру продолженія служенія Церкви и Университету въ разумѣ истинной науки и въ духѣ христіанской любви къ ближнему.

По окончаніи этой рѣчи церковный староста Е. Е. Северинъ поднесъ о. профес. адресъ и святой образъ отъ причта университетской церкви. И. М. Туровѣровъ просилъ принять также святой образъ отъ университетскаго хора. Затѣмъ привѣтствовалъ юбиляра рѣчью попечитель учебнаго округа. Вслѣдъ затѣмъ городской голова А. Б. Погорѣлко обратился къ юбиляру съ выраженіемъ благодарности за все то доброе, что юбиляръ сдѣлалъ, какъ пастырь, въ городѣ и, какъ законоучитель, въ женскихъ гимназіяхъ.

Послѣ этого благочинный 2 окр. церковей г. Харькова священникъ о. П. Ѳомиинъ по порученію благочинническаго совѣта и всего харьковскаго духовенства принесъ поздравленіе о. Тимоѳею съ торжественнымъ днемъ двадцатипятилѣтія его служенія въ священномъ санѣ.

Въ отвѣтъ на всѣ привѣтствія и поздравленія о. профессоръ Буткевичъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Я менѣе всего ожидалъ вниманія отъ университета, потому что изъ всей моей двадцатипятилѣтней дѣятельности только третья часть принадлежитъ ему, и потому это вниманіе къ себѣ я объясняю единственно тою гуманностію, тою деликатностію, которыя царятъ въ его стѣнахъ и невольнo заставляютъ работать и любить дорогія отношенія. Передъ университетомъ я считаю себя неоплатнымъ должникомъ и не знаю, буду ли когда-нибудь въ состояніи заплатить этотъ долгъ. Не стану скрывать, что среди нашего общества существуетъ мнѣніе, что въ университетѣ мало обращаютъ вниманія на преподаваніе богословія и сами слушатели мало имъ интересуются. Подъ вліяніемъ этого я вступилъ на кафедру богословія. И на первыхъ же порахъ пришлось, къ великой радости своей, убѣдиться во всей неосновательности и неправильности такого мнѣнія. Я увидѣлъ массу молодыхъ людей, желающихъ всѣми силами ознакомиться и разрѣшить вопросы, касающіеся этой на-

уки. И я явился передъ ними не преподавателемъ, а ученикомъ. Одного только популярнаго изложенія было недостаточно: запросы моихъ слушателей были велики, и мнѣ пришлось много и много работать, чтобы удовлетворить этимъ запросамъ. Въ лицѣ университета и его начальства я встрѣтилъ большую поддержку; я нашелъ въ нихъ все, что мнѣ нужно: прекрасная бібліотека всегда была въ моемъ распоряженіи; если же тамъ чего-нибудь не оказывалось, то никогда не было мнѣ отказа въ пріобрѣтеніи необходимаго.

Вамъ, дорогіе отцы, я приношу свою благодарность за теплое отношеніе ко мнѣ. При этомъ я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о происхожденіи юбилея, который ведетъ свое начало еще съ библейскихъ временъ. Онъ установленъ не для того, чтобы превозносить юбиляра, а для того, чтобы въ этотъ день онъ оглянулся назадъ, на всю свою прошлую жизнь, обдумалъ все то, что онъ въ продолженіе ея сдѣлалъ. Въ древности въ эти дни юбиляры отпускали на волю рабовъ, прощали своимъ должникамъ долги и вообще отиѣчали ихъ какими-нибудь добрыми дѣлами. Поэтому и намъ, служителямъ церкви, нельзя уклоняться отъ этого смысла. Бросивъ взглядъ на эти истекшія двадцать пять лѣтъ моего священническаго служенія, я за все доброе, сдѣланное мною за это время, приношу Господу Богу благодарственную молитву; относительно же того, что было нехорошаго въ моей жизни, буду просить Его дать силы и подкрѣпить меня искупить его.

Въ настоящую минуту все прошлое ярко встало передо мною, и, правду сказать, я мало вижу въ немъ хорошаго, того именно хорошаго, на что вы сейчасъ указали; поэтому я прошу васъ простать меня за тѣ несправедливости и обиды, которыя я когда-нибудь причинялъ кому-либо изъ васъ^а.

Послѣ отслуженнаго затѣмъ, соборне, молебна всѣ присутствовавшіе за богослуженіемъ посѣтили юбиляра въ его домѣ, причемъ всѣмъ было предложено шампанское, а затѣмъ состоялся завтракъ. Во время завтрака были прочтаны многочисленныя (болѣе 100) поздравительныя телеграммы и письма, полученныя юбиляромъ. Почтатели юбиляра собрали сумму для учрежденія стипендіи его имени въ Дергачевскомъ Сиротскомъ Приютѣ.

16-го ноября происходило чествованіе юбиляра Харьковскимъ Епархіальнымъ женскимъ училищемъ, гдѣ о. профессоръ состоятъ предсѣдателемъ Совѣта. Чествованіе происходило послѣ совершен-

ныхъ юбиларомъ латургій и молебствій. Въ числѣ привѣтствій была прознесена преподав. Семинаріи и Епархіальн. Училища, ст. сов. А. Ф. Вертеловскимъ слѣдующая рѣчь:

„Ваше Высокопреподобіе

Глубокоуважаемый Тимоѳей Ивановичъ!

Намъ пріятно было слѣдить за тѣмъ, какъ съ разныхъ сторонъ выражались Вамъ привѣтствія и благожеланія по случаю исполненія 25-лѣтія Вашего служенія въ священномъ санѣ. Васъ привѣтствовали интеллигентные юности и высокопоставленные мужья. Авторитетное слово многихъ увѣнчало Ваши пастырскіе, профессорскіе и научно-богословскіе труды; оно засвидѣтельствовало, насколько эти труды были успѣшны и плодотворны. Но мы теперь только имѣемъ возможность въ общемъ составѣ служащихъ и учащихъ привѣтствовать Васъ съ исполненіемъ 25-лѣтія Вашего священства, а вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ долгомъ выразить признательность за то, что сдѣлано Вами для нашего училища при Вашемъ разностороннемъ служеніи на пользу Церкви и обществу.

Въ теченіе двадцати лѣтъ Вы, глубокоуважаемый Тимоѳей Ивановичъ, занимали важный и отвѣтственный постъ Предсѣдателя Совѣта въ Харьковскомъ Епархіальномъ Училищѣ. Много повесено было Вами трудовъ по этой должности для содѣйствія благоустройству училища въ различныхъ отношеніяхъ. Труды эти были не напрасны. Вы имѣли утѣшеніе видѣть, какъ при Вашихъ энергичныхъ усиліяхъ, постепенно расширилось зданіе училища: сначала оно вмѣщало въ себѣ до 300 учащихся, а теперь это число уже удвоилось. Зданіе, благодаря Вашимъ заботамъ, оказалось вполне благоустроеннымъ, сообразно съ послѣдними условіями техники; при обиліи воздуха и свѣта, оно представляетъ вполне цѣлесообразныя внѣшнія условія для сохраненія здоровья учащихся и для болѣе успѣшныхъ занятій ихъ. Это зданіе завершено обширнымъ и благолѣпнымъ храмомъ. И мы думаемъ, что Вы не разъ испытывали особенно отрадное возвышенное чувство при неоднократномъ совершеніи Богослуженія въ томъ храмѣ, который созидался при Вашемъ особомъ участіи. Съ внѣшнимъ благоустройствомъ постепенно возрастало училище и въ учебно-воспитательномъ отношеніи, благодаря цѣлому ряду рациональныхъ педагогическихъ мѣръ, вызываемыхъ современными требованіями. И съ этой стороны, при скромномъ назначеніи, наше училище уже ста

лю на извѣстную высоту. Оно привлекаетъ большое число учащихся какъ изъ мѣстной Харьковской епархіи, такъ и изъ другихъ епархій, притомъ не только изъ среды духовенства, но и изъ другихъ сословій. Число учащихся, желающихъ поступить въ наше Епархіальное училище для продолженія своего образованія, въ настоящее время такъ велико, что представляется необходимостью отказываться въ приемѣ едва-ли не половинѣ изъ нихъ, по недостатку помѣщенія. Но мы не намѣрены подводить итоги Вашей сложной дѣятельности по должности Предсѣдателя Совѣта въ училищѣ. Время для этого еще не настало. Будемъ надѣяться, что оно настанетъ. Мы теперь желали бы только коснуться тѣхъ сторонъ въ Вашей дѣятельности по обязанностямъ начальствующаго лица въ училищѣ, которыя имѣютъ связь съ Вашимъ пастырскимъ служеніемъ и характеризуютъ Ваши отношенія къ служащимъ и учащимся.

Проявляя въ отношеніи къ служащимъ простоту и близость, Вы ободряли ихъ при особыхъ обстоятельствахъ своими добрыми авторитетными отзывами. Припоминаемъ, что на училищныхъ празднествахъ, совпадающихъ съ окончаніемъ учебнаго года, Вы открыто предъ Преосвященными, преемственно управлявшими Харьковскою епархіею, на основаніи своихъ личныхъ безпристрастныхъ наблюденій, свидѣтельствовали объ ихъ успѣшныхъ педагогическихъ трудахъ и выражали благожеланія о сохраненіи наличнаго педагогическаго персонала въ нашемъ составѣ до возможно болѣе отдаленнаго будущаго. Насколько зависѣло отъ Васъ, Вы періодически содѣйствовали поощренію трудящихся лицъ соответствующими наградами, руководясь положеніемъ: *достоинъ дѣлатель мзды своей* (1 Тим. 5, 18). Болѣе же всего Васъ озабочивало поддержаніе служащихъ въ матеріальномъ отношеніи. При Васъ возмншены были оклады жалованья для значительнаго числа служащихъ. Въ этомъ отношеніи Вы проявили особое попеченіе о возможно лучшемъ обезпеченіи воспитательницъ и ихъ помощницъ исходатайствованіемъ для нихъ лучшаго вознагражденія за ихъ нелегкіе труды. Еще болѣе важною заслугою съ Вашей стороны мы должны признать исходатайствованіе пенсій для служащихъ въ училищѣ. Особенно цѣнны эти пенсіи для тѣхъ преподавателей, учительницъ и воспитательницъ, которыя имѣютъ исключительную службу въ училищѣ и лишены возможности иными средствами обезпечить себя въ будущемъ. Не оставляли Вы безъ особой матеріальной

помощи такихъ воспитательницъ, которыя нуждались въ средствахъ особенно при тяжелой продолжительной болѣзни. Нельзя забыть и того, что при заботахъ о матеріальномъ обезпеченіи служащихъ въ училищѣ Вы оказывали нѣкоторымъ изъ нихъ нравственное содѣйствіе совѣтами въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда представлялась необходимость воспользоваться Вашимъ мудрымъ многолѣтнимъ опытомъ. Намъ опредѣленно извѣстенъ одинъ изъ такихъ случаевъ, когда въ подобномъ родѣ было сдѣлано доброе дѣло одному лицу изъ нашей преподавательской среды, хотя объ этомъ Вы потомъ никогда не вспоминали. Въ связи съ этимъ позволю себѣ напомнить о томъ, что Вы доставляли нѣкоторымъ служащимъ нравственное утѣшеніе своимъ вниманіемъ къ нимъ устройствомъ скромныхъ училищныхъ празднествъ по поводу юбилейныхъ періодовъ ихъ службы. Бывали случаи, что Вы проявляли свою сердечную отзывчивость въ этомъ отношеніи тѣмъ, что, по долгу священнослужителя и личной благосклонности совершали свое богослуженіе въ училищномъ храмѣ и выражали свои пастырскія благожеланія юбилярамъ. По крайней мѣрѣ, я лично теперь нахожу благопріятный поводъ, чтобы выразить Вамъ свою благодарность. Въ отношеніи къ воспитанницамъ Вы въ разныхъ способахъ проявляли свое просвѣщенное начальническое и отеческое попеченіе. Прежде всего и здѣсь озабочивало Васъ оказаніе матеріальной помощи бѣднѣйшимъ воспитанницамъ, число которыхъ въ училищѣ составляетъ едва-ли не большій процентъ, сравнительно съ числомъ дочерей родителей достаточно обезпеченныхъ. Васъ давно тяготела мысль о невозможности удовлетворить многихъ нуждъ воспитанницъ на общія епархіальныя средства. И вотъ, у Васъ явилась благая мысль. Вы задумали составить при училищѣ братство, имѣя надежду на то, что могутъ найтись добрые люди, которые вступятъ въ составъ членовъ его и сдѣлаютъ добровольныя приношенія для удовлетворенія настоятельныхъ нуждъ. Высокое священное предпріятіе увѣчалось успѣхомъ. По Вашей инициативѣ дѣйствительно возникло братство св. великомученицы Варвары; при Вашихъ энергичныхъ усиліяхъ оно возрасло и теперь стало приносить свои плоды. Учебно-воспитательное дѣло въ училищѣ получило подъ Вашимъ руководствомъ болѣе широкое развитіе особенно благодаря различнымъ вспомогательнымъ научнымъ нагляднымъ пособіямъ, которыми въ настоящее время обогатилось училище. Второстепенныя внѣ-

классныя занятія воспитанницъ по такимъ предметамъ, какъ пѣніе, музыка, рисованіе получили въ нашемъ училищѣ подъ Вашимъ руководствомъ болѣе широкую и сложную постановку, въ виду удовлетворенія живеннымъ педагогическимъ и практическимъ запросамъ, особенно по отношенію къ будущимъ учительницамъ школы. Принимая необходимыя мѣры для побужденія воспитанницъ къ успѣшнымъ занятіямъ различными предметами училищнаго курса, Вы также изыскивали разнообразныя средства къ тому, чтобы устраивать для нихъ благородныя развлечения, преслѣдуя при этомъ важное педагогическое условіе цѣлесообразности ихъ—соединеніе пріятнаго съ полезнымъ. И такихъ развлеченій въ училищѣ, устраиваемыхъ въ свободное время, было немало. Не говорю о томъ, что для учащихся, остающихся въ училищѣ на праздникахъ Рождества Христова, устраивалась такъ называемая „Блка“ на частныя средства, Вы работали также о томъ, чтобы періодически, въ началѣ года, въ праздничные дни доставлялись учащимся особаго рода удовольствія, которыя бы освѣжали ихъ, расширяли ихъ умственный кругозоръ и способствовали эстетическому развитію. Съ такою цѣлью устраивались въ праздничные дни, при участіи преподавателей и подъ непосредственнымъ руководствомъ ихъ, чтенія съ туманными картинами, литературныя, вокальныя и музыкальныя вечера, на которыхъ нерѣдко, при особомъ разрѣшеніи епархіальныхъ Преосвященныхъ, присутствовали, кромѣ наличнаго педагогическаго персонала и стороннія высокопоставленныя лица. На такихъ вечерахъ воспитанницы проявляли свои успѣхи въ чтеніи отрывковъ изъ художественныхъ классическихъ произведеній, въ пѣніи и музыкѣ. Нерѣдко слышалось и Ваше воодушевленное живое слово. Случалось, что, съ разрѣшенія Преосвященныхъ, устраивались въ училищѣ особаго рода образцовыя вокально-музыкальные вечера, при участіи лучшихъ хоровъ пѣвчихъ и даже опытныхъ въ музыкѣ артистовъ. Нужно ли говорить о томъ, что продолженіе училищной жизни въ такомъ широкомъ образовательномъ и воспитательномъ направленіи желательнo въ будущемъ? Потому теперь, привѣтствуя Васъ съ исполненіемъ 25-лѣтія Вашего священства, желаемъ Вамъ, какъ главному виновнику такого направленія, стоять во главѣ училища еще многіе годы*.

Чествованіе юбиляра закончилось трапезой въ квартирѣ Начальницы Училища.

Л-тіе священнослуженія о прот. Василія Никольскаго.

24-го ноября въ г. Сумахъ происходило чествованіе настоятеля собора и благочиннаго перваго сумскаго округа, протоіерея о. Василія Никольскаго по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія служенія его въ священномъ санѣ. Послѣ божественной литургіи, которую совершалъ самъ юбиляръ въ сослуженіи духовенства округа, явившагося почти въ полномъ своемъ составѣ— въ числѣ 60-ти человекъ, о. Василій Никольскій, сопровождаемый другими священниками, вышелъ на среднюю церкви. Зрѣлище было величественное и торжественное. По обѣимъ сторонамъ амвона расположились священники въ золотыхъ рясахъ. Самый старшій среди нихъ протоіерей о. Максимовичъ отъ лица духовенства прочиталъ глубокопрочувствованный и сердечный адресъ. „Въ знакъ того, говорилось въ заключеніе адреса, что чувства глубокаго почтенія нашего къ вамъ велики и неизмѣрны, что любовь наша къ вамъ велика и незыблительна, примите, досточтимый о. протоіерей, отъ духовенства вашего округа этотъ святой образъ Христа Спасителя“. О. Василій былъ такъ растроганъ, что не могъ самъ отвѣтить на это привѣтствіе, и, по его просьбѣ, сдѣлалъ это его помощникъ о. Семей Недѣля. Затѣмъ начался торжественный молебенъ. По окончаніи его обратились съ привѣтствіемъ къ юбиляру депутации отъ городской думы, женской и мужской гимназій, реального и духовнаго училищъ, комитета грамотности и церковныхъ школъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на присутствующихъ адресъ отъ думы, прочтанный городскимъ головою г. Золотаревымъ. Изъ храма духовенство и депутации, по приглашенію о. Василія Никольскаго, отправились въ его домъ, гдѣ имъ радушно была предложена хлѣбъ-соль. Въ шесть часовъ вечера въ зданіи мѣстаго приходскаго училища духовенство чествовало юбиляра обѣдомъ, въ которомъ приняло участіе болѣе 150 человекъ. Юбиляромъ было получено много привѣтственныхъ телеграммъ, прочтанныхъ за обѣдомъ.

† *Протоіерей о. Тимошей Павловъ.*

Въ шестомъ часу вечера, 27-го ноября, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, скончался на 83-мъ году своей жизни, старшій и заслуженнѣйшій во всей Харьковской епархіи протоіерей— бывший настоятель Кафедральнаго собора о. *Тимошей Семеновичъ Павловъ*. Почившій о. Тимошей, сынъ священника Харьковской

епархіи, родился въ 1821 году, обучался сначала въ Харьковскомъ коллегіумѣ (нынѣ духовная семинарія), а потомъ съ 1841 по 1845 г.г. въ кievской духовной академіи, въ которой и окончилъ курсъ со степенью кандидата богословія. Съ 1846 года состоялъ преподавателемъ словесности сначала въ Орловской, а потомъ въ Харьковской духовной семинаріи. 1-го октября 1850 г. назначенъ законоучителемъ въ Харьковскую губернскую (нынѣ первую) мужскую гимназію и рукоположенъ въ санъ священника въ гимназическую церковь. Въ теченіе своей свыше полулѣтней службы о. Т. занималъ многочисленныя должности сначала по учебному вѣдомству, а потомъ — съ 1881 года по епархіальному; такъ, онъ состоялъ законоучителемъ въ слѣдующихъ учебныхъ заведеніяхъ: въ первой гимназіи (1850—1861 г.), въ третьей гимназіи (1861—1881 г.), въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ (1861—1878 г.), на педагогическихъ курсахъ при уѣздномъ училищѣ, въ реальномъ училищѣ, членомъ испытательнаго комитета при Харьковскомъ учебномъ округѣ (съ 1868 года). Въмѣствѣ съ должностью законоучителя о. Т. занималъ и другія должности, а именно: состоялъ цензоромъ журнала „Духовный Вѣстникъ“ (1863—1866 г.), цензоромъ журнала „Вѣра и Разумъ“ (1884—1897 г.), членомъ правленія Харьковской духовной семинаріи, благочиннымъ домовыхъ церквей г. Харькова, директоромъ Харьковскаго тюремнаго комитета и др.

Въ 1881 году о. Т. перешелъ на епархіальную службу и былъ определенъ на почетное мѣсто настоятеля Харьковскаго Каѳедрального собора и первенствующаго члена духовной консисторіи; вмѣствѣ съ этимъ ему было поручено наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Харькова. Въ этихъ должностяхъ о. Т. состоялъ по 27-е августа 1897 г., когда вслѣдствіе слабаго зрѣнія, вынужденъ былъ уволиться за штатъ, хотя и чувствовалъ себя бодрымъ. Мѣсяцъ тому назадъ о. Т. простудился, получилъ воспаленіе легкихъ; его ослабѣвшій организмъ не въ силахъ былъ бороться съ постигшимъ недугомъ, и 27 го ноября, наутруствованный св. таинствами, онъ тихо отошелъ въ вѣчность.

Да воздастъ за всѣ его добрыя дѣла Господь великую ему награду въ той вѣчной жизни, въ каковую онъ переселился! Вѣчная ему память!

Иноепархіальный отдѣлъ.

Чудесное исцѣленіе въ Саровѣ

Въ «Ниж. Епарх. Вѣдом.» напечатано слѣдующее письмо нижегородскаго врача С. Н. Зененко, который рассказываетъ о случаѣ исцѣленія больного у источника св. Серафима.

„Какихъ только формъ болѣзней я здѣсь не наблюдалъ! Никакая клиника, никакая больница не могли и въ сотой долѣ дать того „матеріала“, какой привелось мнѣ видѣть въ теченіе 2—3 часовъ моего паломничества.

Въ длинной вереницѣ медленно, по очереди подвигающихся къ купальнѣ больныхъ особенно выдѣлялся одинъ старикъ, лѣтъ 60, высокаго роста, который держалъ на себѣ взрослого, лѣтъ 30 человѣка, лицомъ очень похожаго на себя и съ виду совершенно здороваго, крѣпкаго. Замытригованный этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, я подошелъ къ этой группѣ вплотную и тогда только понялъ загадку: обѣ нижнія конечности молодого, котораго обхватилъ старикъ руками поперекъ туловища, были обнажены до колѣнъ (одѣтъ онъ былъ въ рубаху и порты) и висѣли безпомощно, какъ плети, точно мертвыя. Кожа ихъ была безкровна. Кости ясно обозначались, вслѣдствіе исчезновенія мышцъ, особенно икроножныхъ. Самыя ступни ногъ, въ положеніи разгачанія, рѣзко деформированы.

На мой вопросъ къ старику: не сына-ли онъ несетъ, я получилъ утвердительный отвѣтъ, а изъ дальнѣйшаго разговора узналъ, что ноги больного отнялись 1½ года назадъ, послѣ ушиба деревомъ во время рубки лѣса.

„Думали, что убило на смерть, цѣлый день лежалъ безъ памяти, а какъ очулся,—ноги стали точно не свои: хоть рѣжь ихъ, и владѣнія никакого; съ тѣхъ поръ, вотъ, и маемся! Куда ни возилъ лѣзвить, нигдѣ толковъ не было“.

Поэтому оба они, отецъ и сынъ, дали обѣтъ идти въ Саровъ. „Вся надежда теперь на угодника Божьего нашего, о. Серафима“. Во все время разговора старикъ и не пробовалъ, ради своего от-

дыха, поставить больного на землю, что, впрочемъ, было и безцѣльно, такъ какъ по одному взгляду, безо всякихъ изслѣдованій, можно было прійти къ заключенію о полной непригодности ногъ къ активной дѣятельности. Это былъ, по нашей наукѣ, характерный видъ паралича съ послѣдовательной атрофіей мышцъ вследствие разрушенія части спяного мозга отъ травматической причины: разстройство, безо всякаго сомнѣнія, органическое, а не функциональное и притомъ законченное, безо всякой надежды на улучшеніе въ будущемъ.

Каково-же было мое чувство изумленія, когда, спустя часъ, и вновь встрѣтилъ старика со своею ношей. Онъ не шелъ, а летѣлъ, не чувствуя земли подъ ногами. Лица его, а также и сына, совершенно преобразилась. вмѣсто подавленно-грустнаго выраженія въ нихъ отражались радость и свѣтлая надежда на будущее выздоровленіе.

— Ну, что же, выкупалъ?—спросилъ я.

— Слава Тѣ, Господи, выкупалъ, батюшка, и какъ выкупалъ, сейчасъ же Петруха мой и всталъ на ноги!

— Какъ всталъ?—былъ мой естественно недоумѣвающий вопросъ.

— Да вотъ, такъ,—и старикъ, вмѣсто словесныхъ объясненій, поставилъ больного на землю...

И я воочію убѣдился, какъ взохшія парализованныя ноги устойчиво поддерживали тѣло больного, безо всякой посторонней помощи.

Священники—помощники.

На минувшемъ сѣздѣ депутатовъ духовенства иркутской епархіи возбужденъ былъ вопросъ о введеніи въ епархіи должностей помощниковъ—священниковъ, которые, опредѣляясь на штатныя должности діаконовъ въ центральныхъ мѣстахъ каждаго благочинія, командированы въ приходы, остающіеся безъ священниковъ. Такіе запасные священники, числясь на діакоонскихъ мѣстахъ, отправляютъ службу священническую и, по возможности, несутъ учительскую обязанность. Подобный проектъ, не увеличивая расходовъ по епархіи, обеспечиваетъ ее постоянной вѣличностью запасныхъ священниковъ для командировокъ. Въ силу послѣдняго, замѣчаютъ «Ирк. В.», назначеніе такихъ священниковъ учителями становится невозможнымъ и не обеспечивающимъ правильный ходъ школьнаго дѣла. Впрочемъ, вопросъ этотъ еще не вырѣшенъ окончательно сѣздомъ, и, какъ требующій детальной разработки, переданъ на разсмотрѣніе благочинническихъ сѣздовъ епархіи.

Резолюція Пресвященнаго Николая, Епископа Таврическаго, о непремѣнной обязанности пастырей церкви бесѣдовать съ народомъ о предметахъ вѣры.

На рапортъ Его Пресвященству, Пресвященнѣйшему Николаю, Епископу Таврическому и Симферопольскому, Таврическаго епархіальнаго миссіонера, священника Н. Б.—го, о проведенныхъ имъ въ г. Севастополѣ бесѣдахъ—публичныхъ и частныхъ—послѣдовала, отъ 29 октября с. г. за № 5485, слѣдующая резолюція: „Несомнѣнно, что и мысль и чувство народныя и теперь, какъ и всегда, направлены въ область религіи.—въ *потусторонній міръ*. *Потусторонній міръ* съ его дрязгами, мелочами житейскими и всякаго рода нечистотою его не удовлетворяетъ: душа его жаждетъ чего-то высшаго, лучшаго, благороднѣйшаго. Иначе в бытъ не можетъ: какъ бы ни старался вытравить изъ души человѣка образъ Божій всякаго рода „просвѣтителей“, они все-таки сдѣлать этого не въ состояніи: душа все останется душою и будетъ, подобно *компасу*, оборачиваться туда, гдѣ ея *Первообразъ*. Отсюда сама собою вытекаетъ непремѣнная обязанность пастырей и учителей Церкви идти на встрѣчу этому стремленію души человѣческой и предлагать ей при всякомъ случаѣ не гнилую, а здоровую пищу. Чтеніе слова Божія, бесѣды о „*Ножественномъ*“, уясненіе сознанію народа истинъ вѣры и благочестія—вотъ тѣ предметы, на которыхъ должны сосредоточиваться яботы приходскихъ пастырей и учителей церковно-приходскихъ школъ. Отъ души желаю, чтобы и въ пастыряхъ нашихъ жила такая же горячая потребность бесѣдовать съ народомъ о предметахъ вѣры, какую народъ обнаруживаетъ въ себѣ. Благодарю: о. миссіонера Н. Бортовскаго за его примѣръ и усердіе въ семъ случаѣ: надѣюсь, что онъ не останется безъ подражанія“.

Религіозно нравственныя чтенія сельской матушки.

„Херсонскія Епарх. Вѣдомости“ отмѣчаютъ прекрасный починъ введенія религіозно-нравственныхъ чтеній сельскою матушкою, женою священника, Ольгой Щербяковской, подъ непосредственнымъ

наблюденіемъ ея мужа. Всѣхъ чтеній съ ноября по февраль было десять; крестьяне в крестьянскіи очень охотно ихъ посѣщали. Каждое чтеніе начиналось и оканчивалось молитвою. Высокопреосвященный Іустинъ, Архіепископъ Херсонскій и Одесскій, написалъ слѣдующую резолюцію на донесеніи благочиннаго о введеніи этихъ бесѣдъ: „женѣ священника Ольгѣ Щербаковской передать мою благодарность за ея доброе дѣло; чтенія ея многополезны для слушателей и достойны полнаго одобренія отъ всякаго человѣка. Нраведутъ они на нее Божіе благословеніе, ибо ея трудъ во славу Божию и во спасеніе ближняго“. По словамъ того же донесенія, чтенія производили на слушателей пріятное впечатлѣніе и слушалась съ глубокимъ вниманіемъ. Лектриса пользовалась для своихъ чтеній книгами „приходской бібліотеки“. Фактъ въ высшей степени привлекательный, расующій названную матушку съ лучшей ея стороны не только въ отношеніи къ мужу, которому она облегчала его пастырскій трудъ въ праздничные дни, но также и къ прихожанамъ, съ которыми, естественно, особенно съ женщинами, она должна была входить въ болѣе близкія и непосредственныя отношенія. Пожелаемъ, чтобы прекрасный починъ матушки Щербаковской въ дѣлѣ релігіозно-нравственнаго просвѣщенія народа путемъ народныхъ чтеній, нашель себѣ послѣдователей среди женъ сельскихъ іереевъ.

Какъ исправить прогорклое масло.

Растопить его и опустить въ него большую корку ржаного хлѣба, поджареннаго, но не подгорѣвшаго. Масло съ положенной въ него коркой держать на огнѣ, но не давать кипѣть. Когда оно остынетъ, прогорклый вкусъ исчезнетъ.

О ВЪ ЯВЛЕНІЯ

Причтъ и церковный староста Ольшанской Покровской церкви

слободы Ольшаной, Харьковскаго уѣзда, объявляютъ, что къ означенной церкви нуженъ учитель-регентъ на жалованье отъ 300 руб. въ годъ.

Подписка на 1904-й г. 24-й г. изданія.

„Сельскій Вѣстникъ“

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ НАРОДНАЯ ГАЗЕТА,
надаваемая при „Правительственномъ Вѣстникѣ“

Содержаніе: Статьи духовно-нравственнаго содержанія.

Извѣстія о Государѣ Императорѣ и Членахъ Его Августѣйшаго Семейства.

Законы и распоряженія Высшаго Правительства, какъ относящіяся до крестьянскаго быта, такъ и всѣ тѣ, знаніе коихъ можетъ быть полезно для сельскаго населенія.

Разныя статьи и извѣстія о внутреннихъ дѣлахъ Россійской Имперіи, какъ-то: объ урожаехъ; о торговыхъ цѣнахъ на хлѣбъ и другіе необходимѣйшіе предметы; объ улучшеніяхъ по сельскому хозяйству и народной промышленности; наставленій и указаній по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и промышленности; о сохраненіи здравія; о предосторожностяхъ отъ пожаровъ, скотскихъ падежей и другихъ бѣдствій; объ устройствѣ заведеній полезныхъ въ сельскому быту, и т. п. — *Письма крестьянъ* — Отвѣты редакціи, съ разъясненіями на вопросы подписчиковъ по дѣламъ сельскаго быта.

Статьи историческаго содержанія. Статьи по кустарному дѣлу. Краткія свѣдѣнія объ иностранныхъ государствахъ.

Подписчикамъ на „Сельскій Вѣстникъ“ будущаго 1904 г., выписывающимъ газету за деньги, будетъ высланъ при газетѣ бесплатно „Календарь и справочная книжка сельскаго Вѣстника“ на 1904 годъ, содержащій въ себѣ свѣдѣнія полезныя для Сельскихъ жителей ¹⁾. Кроме того подписчики будутъ получать бесплатно, какъ и въ 1903 году, ежемѣсячный журналъ, состоящій изъ книжекъ для народнаго чтенія въ видѣ **БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ** къ газетѣ „Сельскій Вѣстникъ“, ежемѣсячно (около трехъ печатныхъ листовъ или 48 страницъ въ каждой книжкѣ), подъ названіемъ

„БОГЪ-ПОМОЧЬ“

Въ книжкахъ помѣщаются общепонятныя статьи духовно-нравственныя, историческія, сельско-хозяйственныя, научныя и разныя занимательныя разказы, новости, стихотворенія и смѣсь.

Подписная цѣна на газету „Сельскій Вѣстникъ“ съ приложеніемъ книжекъ „Богъ-Помочь“ слѣдующая:

	на	на	на	на
для городскихъ подписчиковъ: 1 годъ.	1 рубль.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
безъ доставки	1 р. —	60 к.	35 к.	15 к.
съ доставкою	1 р. 20 к.	70 к.	40 к.	20 к.
для иногороднихъ:				
При выпискѣ чрезъ волостныя прав.	1 р. —	60 к.	35 к.	15 к.
„ „ почтовыя мѣста.	1 р. 20 к.	70 к.	40 к.	20 к.

Плата за объявленія въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“ 50 к. за строку петица (мелкой печати). Въ книжкахъ „Богъ-Помочь“ и въ „Календарѣ“: страница 60 р. 50 к., ^{1/2} страницы—30 р. 25 к., ^{1/4} страницы—16 р. и ^{1/8} страницы—8 р.

Адресъ для подписки и писемъ: С. Петербургъ, Фонтанка, у Чернышева моста, въ редакцію „Сельскаго Вѣстника“.

Въ конторѣ редакціи „Правительственнаго Вѣстника“ продается: 1) Книга „Свѣдѣнія о Сибирѣ“ (Сборникъ статей „Сельскаго Вѣстника“ о Сибири и переселеніи), съ картою Европейской и Азіатской Россіи. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкою, а съ наложеннымъ платжекомъ 1 р. 40 к.

¹⁾ Волостнымъ правленіямъ и другимъ мѣстамъ и лицамъ, получающимъ газету бесплатно, „Календарь“ съ прибавленіями будетъ высылаться только за плату 25 коп. (съ пересылкой).

Открыта подписка на 1904 г. на журналъ

ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ

Редакторъ-Издатель В. В. Вятнеръ.

Иллюстр. „толстый“ еженѣдн. литературный, художественный и популярно-научный журналъ съ 36 ил. бесплатн. приложеній для самообразования:

12 книж. „Общедоступнаго Университета“: 1) *Систематическій курсъ природовѣдѣнія*. 2) *Новѣйшіе успѣхи матеріальной культуры въ связи съ ея исторіей*.

12 книж. „Энциклопедической Вибліотеки для самообразованія“, состоящей изъ ряда самостоятельныхъ сочин. по разнымъ отраслямъ знанія

12 книж. „Читальни Вѣстника Знанія“, состоящей изъ ряда сочиненій для легкаго самообразоват. чтенія, имѣющаго въ виду широкое образованіе.

Въ 12 книгахъ самого „Вѣстника Знанія“, являющагося не спеціальнымъ, а *обще-литературнымъ* и при томъ *иллюстрированнымъ* журналомъ, принимаютъ участіе извѣстные литераторы, профессора, популяризаторы и беллетристы, состоящіе сотрудниками уважаемыхъ журналовъ

Подписная цѣна на 1904 годъ (48 кн.) 7 р., съ дост. и перес. 8 р. Разсрочка по 2 руб. за 1/4 года. За границу 11 руб. Первые четыре книжки высылаются за 1 руб. Наложеннымъ платежомъ дороже.

Адресъ редакціи „Вѣстн. Знан.“: С.-Петербургъ, Кузнечный, 2, кв. 1.

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ВЪ 1904 ГОДУ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ПЯТЫЙ.

Изданіе журнала „ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“ въ 1904 году, *сорокъ пятимъ* съ начала его изданія, будетъ продолжаться на прежнихъ основаніяхъ.

Годовая цѣна журнала за 12 книгъ, въ которыхъ до 2600 страницъ, 4 рубля съ пересылкой. За границу — 5 рублей

Адресъ: МОСКВА: Въ редакцію журнала: ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ при церкви Святителя Николая въ Толмачахъ.

Можно подписываться и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Докторъ Богословія, профессоръ Московской Духовной Академіи *Алексій Введенскій*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на духовный богословско-апологетическій журналъ

ВѢРА И ЦЕРКОВЬ

на 1904 годъ—шестой годъ изданія.

Журналъ «Вѣра и Церковь» имѣетъ свою задачу отвѣчать на запросы религіозной мысли и духовной жизни современнаго общества въ противодѣйствіе рационализму и невѣрію.

Въ соотвѣтствіи такой основной задачѣ журнала, въ немъ—въ первомъ—научно-богословскомъ отдѣлѣ, помѣщаются статьи, служащія къ разъясненію въ строго-православномъ духѣ преимущественно такихъ богословскихъ (въ широкомъ смыслѣ слова) вопросовъ, которые въ современной жизни и мнимо-либеральной печати подвергаются толкованіямъ, несогласнымъ съ ученіемъ православной церкви.—Второй отдѣлъ—церковно-общественный, посвящается обзорнѣю выдающихся явленій церковной жизни современнаго общества. Въ немъ отмѣчаются и, по мѣрѣ нужды, обсуждаются, на ряду съ типами и фактами положительнаго характера, и встрѣчающіяся въ жизни отклоненія отъ устоевъ церковности преимущественно засвидѣтельствованныя печатнымъ словомъ.—Обзорнѣе и обсужденіе вновь выходящихъ духовныхъ книгъ, и журнальныхъ статей преимущественно богословско-апологетическаго и учебнаго содержанія, составляетъ третій отдѣлъ—библіографическій.

Въ истекшее пятилѣтіе существованія журналъ эти задачи и характеръ его выяснились конечно вполне опредѣленно и не въ общихъ только чертахъ, для незнакомыхъ же съ журналомъ долгомъ считаемъ сказать, что, не забывая впередъ и не пытаясь отклониться своимъ словомъ на всѣ духовные запросы времени, журналъ останавливается главнымъ образомъ на основныхъ вопросахъ православной вѣры и существенныхъ сторонахъ церковной жизни,—не уклоняясь отъ неизбежной полемики, главною задачею своею имѣетъ положительное раскрытіе истины въ ея строго-церковномъ пониманіи и, заботясь объ общедоступности изложенія предлагаемыхъ статей, въ разной мѣрѣ стремится и къ ихъ научной обоснованности. Поэтому видное мѣсто въ журналѣ всегда занимаютъ „дубличныя богословскія чтенія для свѣтскаго образованнаго общества“ изъ круга ведущихся въ Москвѣ и другихъ городахъ, рефераты, читаемые въ „Отдѣленіи Педагогическаго Общества при Московскомъ Университетѣ по вопросамъ религіозно-нравственнаго образованія“ и такъ называемыя „богословскія чтенія для рабочихъ“ То обстоятельство, что подобнаго рода произведенія въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ перу выдающихся духовныхъ дѣятелей и прежде напечатанія въ журналѣ всегда привлекали вниманію немалочисленныхъ слушателей, достаточное, думаемъ, ручательство за ихъ достоинство и компетентность. Какъ много въ видахъ наиболѣе глубокаго и многосторонняго ознакомленія читателей съ затрогиваемыми въ журналѣ духовными вопросами, мы удѣляемъ вниманія духовной библіографіи, объ этомъ достаточно сказать, что въ истекшемъ напр. году библіографическихъ отчетовъ дано было больше ста.

Журналъ выходитъ десять разъ въ годъ (за исключеніемъ іюня и іюля мѣсяцевъ) книжками не менѣе 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна на годъ—ПЯТЬ рублей, съ доставкой и пересылкой—ШЕСТЬ рублей.

Подписка принимается у редактора-издателя, законоучителя Императорскаго лица въ память Цесаревича Николая, протоіеря Іоанна Ильича Соловьева (Москва, Остоженка, зданіе лица) и въ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга.

Въ редакціи продаются оставшіеся экземпляры журнала за 1900, 1901, 1902 и 1903 годы по пяти рублей за годъ съ пересылкой.

Редакторъ-издатель, прот. І. Соловьевъ.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА

въ 1903—1904 подписномъ году

(съ 1 августа 1903 года по 1 августа 1904 года).

Журналъ „ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА“ въ наступающемъ съ 1-го августа XVII году изданія своего останется неизмѣнно вѣрнымъ утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ программѣ, при чемъ редація позаботится о возмозно полномъ и разностороннемъ исполненіи ея. Журналъ выходитъ въ 2-хъ отдѣлахъ, изъ коихъ первый предназначается для учащихся, а второй преимущественно для учащихся и вообще грамотныхъ крестьянъ; изъ статей этого отдѣла въ концѣ года составится полный и законченный томъ религіозно-нравственныхъ статей и статей по разнымъ отраслямъ знанія.

Программа журнала:

Опредѣленія Святѣйшаго Синода и постановленія Училищнаго при немъ Совѣта а также нѣкотораго распоряженія епархіальныхъ преосвященныхъ и училищныхъ совѣтовъ

Методическія и дидактическія статьи по предметамъ обученія, входящимъ въ учебный курсъ церковно-приходскихъ школъ.

Мысли духовной и свѣтской періодической печати о лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ церковно-приходскихъ и вообще въ народныхъ школахъ.

Свѣдѣнія о церк.-приход. школахъ въ епархіяхъ.

Изъ школьнаго міра (хроника).

Педагогическое обозрѣніе.

Мелкія извѣстія и замѣтки, относящіяся къ школьному народному образованію.

Рецензіи книгъ, посвященныхъ школьному народному образованію.

Корреспонденціи.

Небольшія статьи для чтенія въ школахъ и дома:

а) Размышленія о предметахъ вѣры и нравственности православной.

б) Причты благочестія въ разныхъ обстоятельствахъ жизни человѣческой.

в) Повѣсти и рассказы религіозно-нравственнаго содержанія.

г) Рассказы изъ отечественной и общей исторіи.

д) Притчи.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою ТРИ рубля.

Подписка принимается:

Въ **Москвѣ**: 1) въ редакціи журнала „Церковно-приходская школа“ при Кіевскомъ епархіальномъ училищномъ совѣтѣ;

2) въ редакціи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, при Кіевской духовной семинаріи.

Въ **С.-Петербургѣ**: 1) въ Синодальной книжной лавкѣ;

2) въ книжномъ магазинѣ И. А. Тузова.

Въ **Москвѣ**: въ книжномъ магазинѣ К. И. Сихомирова.

При командѣ № „НИВЫ“, независимо отъ другихъ приложений, подписчики получаютъ по одной книгѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1904 ГОДЪ

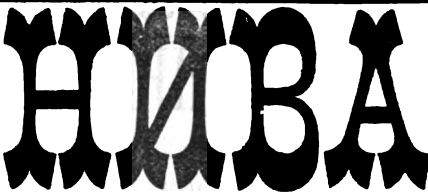
(35-й годъ изданія)

на еженедѣльн. иллюстрирован.

ЖУРНАЛЪ

со многими приложениями

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1904 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себя въ теченіе года до 2000 столбцовъ текста и 1100 гравюръ, рисунковъ и художественныхъ снимковъ.

40 КНИГЪ „Сборника Нивы“ (каждая отъ 10—15 листовъ, а въ общемъ около 9.000 страницъ), отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ, на хорошо глазированной бумагѣ и содержащихъ:

ПОЛНОГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ПЕРВЫЯ

20 КНИГЪ А. К. ШЕЛЛЕРА - МИХАЙЛОВА

(Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ перес. 27 руб.)

Подъ редакціей и съ вступительною статьею А. Ш. Смабичевского.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ СЪ

16 КНИГАХЪ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

(Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ перес. 15 руб.).

Подъ редакціей и съ биографическимъ очеркомъ П. И. Вейнберга.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ

4 КНИГАХЪ И. Ф. ГОРБУНОВА

(Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ перес. 4 р. 50 к.).

Подъ редакціей и съ обширнымъ вступительнымъ очеркомъ А. Ф. Коми.

12 книгъ „Ежемесячныхъ литературныхъ и популярно-научныхъ Приложений“, содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы библиографіи, музыки, смѣси, шахматовъ и шашекъ, спорта и разн. игръ. До 2000 столбц. текста съ иллюстр.

12 №№ „Парижскихъ Модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразныя вопросы подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, вышивальныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1 „Отдѣльной КАЛЕНДАРЬ“ на 1904 годъ, отпечатанный въ 9 краскахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всеми приложениями на годъ:

въ С.-Пете- } безъ доставки — 8 р. 50 к.
тербургѣ } съ доставкой — 7 р. 50 к.
безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ
Н. Печковской — 7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ,
въ книжн. магаз. „Образованіе“ — 7 р. 50 к.

Съ пересылкою
во всѣ мѣста
Россіи **8** р.
За границу — 12 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕНА ВЪ 2, 3 и 4 СРОКА.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, Контора журн. „НИВА“ (А. Ф. Марксу), ул. Гоголя, № 22.

ЛИСТОКЪ

174

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Денабря № 24. 1903 года.

Содержаніе. Высочайшія награды.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Отъ Экзаменаціонной Комиссіи при Харьковскомъ Духовномъ училищѣ.

I.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподаннѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 18-й день ноября текущаго года, на награжденіе, за 50 лѣтнюю службу, *золотою медалью*, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на шеѣ на *Аннинской лентѣ*, псаломщика Владимірска-Богородичной церкви села Кочетка, Зміевскаго уѣзда, *Михаила Семейкина*.

Къ 6-му декабря 1903 года, Всемилостивѣйше пожалованы *медалями* съ надписью „за усердіе“ для ношенія на шеѣ: *золотыми*: на *Владимірской лентѣ*—староста Вознесенской церкви города Харькова 2-й гильдіи купецъ *Антоній Блюшенко*; для ношенія на груди, *золотыми*, на *Станиславской лентѣ*: староста церкви слободы Пархомовка, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ *Акимъ Бутыка*, попечитель Дерновской церковно-приходской школы и Полянскій школы грамоты, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ *Иванъ Дудка*; *серебряными* на *Аннинской лентѣ*: старосты церквей—слободы Ново-Россоши, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянинъ *Иванъ Синчинъ*, слободы Рублевки, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ *Дмитрій Пануня*, слободы Камышевки, Іаюмскаго уѣзда, крестьянинъ *Григорій Крачко*; на *Станиславской лентѣ*: служитель при харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ, отставной

рядовой *Степанъ Журыковъ*, староста церкви с. Можнякова, Старобѣльскаго уѣзда, крестьянинъ *Андрей Тарасенко*.

Епархіальныя извѣщенія. ВАКАНТНЫЯ МѢСТА.

Священническія:

- При Покровской церкви с. Гринцова, Лебединскаго уѣзда.
 — Троицкой церкви с. Поповки, Богодуховскаго уѣзда.
 — Сошествіевской церкви с. Хатней, Волчанскаго уѣзда.
 — Троицкой церкви с. Бобрива, Лебединскаго уѣзда.
 — Баз-Богородичной церкви с. Старовѣровки, Купянскаго уѣзда
 — Николаевской церкви с. Ольшаной, Харьковскаго уѣзда.

Діаконскія:

- При Покровской церкви сл. Большой-Писаревки, Богодуховскаго уѣзда.
 — Покровской церкви сл. Огульцовъ, Валковскаго уѣзда.

Псаломщицкія:

- При Арх. Михайловской церкви с. Ольшаной, Лебединскаго уѣзда.
 — церкви с. Польнаго, Волчанскаго уѣзда.
 — Николаевской церкви с. Ново-Бурлуцка, Волчанскаго уѣзда.
 — Троицкой церкви с. Стеблянкина, Лебединскаго уѣзда.
 — Косью-Даміановской церкви с. Терновой, Волчанскаго уѣзда.
 — Покровской церкви с. Бабки, Волчанскаго уѣзда.
 — Ахтырско-Богородичной церкви с. Ново-Ахтырки, Старобѣльск. уѣзда.
 — Николаевской церкви с. Наугольновки, Купянскаго уѣзда.
 — Петро Павловской церкви г. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда.
 — Троицкой церкви с. Перекопа, Валковскаго уѣзда.
 — Николаевской церкви с. Синолицевки, Харьковскаго уѣзда.
 — Софіевской церкви сл. Малой-Алексѣевки, Харьковскаго уѣзда.
 — Покровской церкви сл. Огульцовъ, Валковскаго уѣзда.
 — Митрофаніевскій церкви с. Валвенина, Изюмскаго уѣзда.
 — Предтечевской церкви с. Станячнаго, Валковскаго уѣзда.
 — Рощ-Богородичной церкви с. Княгинина-Лимана, Изюмскаго уѣзда.
 — Николаевской церкви с. Гіевки, Харьковскаго уѣзда.

Отъ Харьковскаго Епархіального попечительства о бѣд- ныхъ духовнаго званія.

Согласно § 3 дополнительныхъ правилъ о просфорницахъ, утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ, Епархіальное попечительство извѣщаетъ о слѣдующихъ *вакантныхъ мѣстахъ просфорницъ*: при Воскресенской церкви слободы Боголюбевы, Купинскаго уѣзда; при Александро-Невской церкви слободы Лямаревскаго Государственнаго конскаго завода, Старобѣльскаго уѣзда; при Архангело-Михайловской церкви слободы Краснянки, Купянскаго уѣзда; при Воскресенской церкви с. Ясеноваго, Лебединскаго уѣзда; при Троицкой церкви с. Бѣловодска, Старобѣльскаго уѣзда; при Іоанно-Богословской церкви с. Павленкова, Старобѣльскаго уѣзда; при Александро-Невской церкви с. Песчаного, Купянскаго уѣзда; при Покровской церкви с. Козѣвки, Богодуховскаго уѣзда; при Сошествіевской церкви села Малой Волчьей, Волчанскаго уѣзда; при Николаевской церкви с. Верхо-Пожни, Ахтырскаго уѣзда; при Успенской церкви слоб. 2-й Николаевки, Волчанскаго уѣзда; при Варваровской церкви с. Капитольскаго, Изюмскаго уѣзда; при Николаевской церкви с. Стараго, Сумскаго уѣзда; при Петро-Павловской церкви с. Заводовъ, Изюмскаго уѣзда; при Николаевской церкви с. Будокъ, Лебединскаго уѣзда; при Предтеченской церкви с. Ивановскаго (Тихоцкаго) Изюмскаго уѣзда; при Архангело-Михайловской церкви, слоб. Бозинки, Волчанскаго уѣзда.

Отъ Экзаменаціонной Коммисіи при Харьковскомъ Ду- ховномъ училищѣ.

Экзаменаціонная Коммисія при Харьковскомъ Духовномъ училищѣ по производству испытаній на права полученія сана діакона и должности псаломщика объявляетъ, что для испытаній въ 1904 году на права полученія сана діакона и должности псаломщика ею назначаются слѣдующіе дни: 15 января, 17 февраля, 16 марта, 15 апрѣля, 19 мая, 19 августа, 16 сентября, 18 октября, 16 ноября и 15 декабря.

Ц.

Содержаніе. Мысли сельскаго священника о распространеніи Св. Библіи среди прихожанъ. *Священника Николая Чепурина.*—Одно изъ препятствій пастырямъ Церкви при ихъ заботахъ о релігіозныхъ нуждахъ прихода. *Б. Епархіальная хроника* Архіерейское богослуженіе въ церкви Харьковскаго Института благородныхъ дѣвицъ.—Архіерейскія богослуженія 21, 24, 25, 26, 28 декабря.—Освященіе новоустроеннаго зданія церковно-приходской школы въ сл. Малой Писаревкѣ Богодуховскаго уѣзда.—Празднованіе 50-лѣтняго юбилея священнослуженія Протоіерея І. К. Иванова. **Иносепархіальный отдѣлъ** Начало церковныхъ сношеній съ американцами. Разныя извѣстія и замѣтки. Церковно-школьная выставка въ С.-Петербургѣ. **Объявленія.**

Мысли сельскаго священника о распространеніи Св. Библіи среди прихожанъ.

Теоретически вопросъ о распространеніи среди мірянъ Св. Библіи Православною Грекороссійскою Церковью разрѣшается въ положительномъ смыслѣ. Это видно ужъ изъ того, что она осуждаетъ папское запрещеніе мірскимъ людямъ читать Священное Писаніе. Но на практикѣ въ рѣшеніи этого вопроса и у насъ можно замѣчать два противоположныя теченія мыслей. Одно теченіе полагаетъ, что съ Библіею, хотя и слѣдуетъ знакомить мірянъ, только самой-то Библіи, какъ святой книгѣ, неудобно находиться въ ихъ рукахъ, въ ихъ непосредственномъ пользоваіи. Напротивъ того, другое теченіе мыслей сохраняетъ убѣжденіе въ несомнѣнной пользѣ широкаго распространенія и непосредственнаго пользованія мірянами книгъ Св. Писанія. Оба эти теченія мыслей находятъ отраженіе и въ нашей духовной литературѣ. Такъ въ № 45 „Церк. Вѣдом.“, за тек. г., читаемъ: „сѣздъ о. о. предсѣдателей отдѣленій Калужскаго епархіальнаго уч. Совѣта, уѣздныхъ наблюдателей и завѣдующихъ церковными школами... выразилъ желаніе, чтобы объяснительное классное чтеніе (воскресныхъ утреннихъ и литургійныхъ евангелій) въ школахъ велось *не по евангелію*, каковое становилось бы въ такихъ случаяхъ *учебной книгой* и подвергалось бы иногда въ рукахъ школьникова небрежному обращенію, а по книгѣ Ильминскаго или же по книгѣ историческихъ библейскихъ чтеній изданія Святѣйшаго Синода“ (стр. 1753 и 1754). Очевидно, Калужскій Епархіальный училищный Совѣтъ, или по крайней мѣрѣ, нѣкоторые члены его, не хотѣли бы знакомить школьникова съ Св. Библіею. Но въ

томъ же № 45-мъ „Церк. Вѣд.“ можно встрѣтиться и съ противоположнымъ мнѣніемъ членовъ этого Совѣта. „Несомнѣнно, говорятъ они, ничего не могло бы быть полезнѣе, если бы ввести Библію въ самое широкое употребленіе и побудить народъ читать ее, какъ можно чаще. Повтому всякій, кто имѣетъ хотя маленькое желаніе дать доброе воспитаніе и приготовить душу своихъ ближнихъ въ вѣчному блаженству, можетъ, сдѣлавъ небольшую затрату, подарить эту книгу своему семейству и друзьямъ. Это наилучшій подарокъ“ (стр. 1766). Вотъ противоположное убѣжденіе. Оно подтверждается ссылкой на одну итальянскую газету, опирающуюся въ данномъ случаѣ на мнѣнія профессора Валари и извѣстнаго ученаго Франческо де Санктисо, который сталъ вѣровать въ Бога и почитать Его только тогда, когда самолично повнакомился со Священнымъ Писаніемъ. Католическій редакторъ убѣжденъ, что въ Италіи, гдѣ папы издавна запрещали мірянамъ читать Библію, „христіанство является только внѣшней формой, въ которой нѣтъ внутренняго содержанія“ потому, что итальянцы лишены возможности пріобрѣсти священныя книги посредствомъ покупки или получить бесплатно. Они не могутъ мечтать о чтеніи Священнаго Писанія“ (стр. 1766).

Въ виду того, что вопросъ о непосредственномъ пользованіи мірянами Св. Библіей есть жгучій и мучительный вопросъ для религіозной совѣсти многихъ русскихъ священниковъ и вообще людей, близко стоящихъ къ религіозному возростанію народа, а съ другой стороны, въ силу того, что отъ такого или иного практическаго разрѣшенія этого вопроса зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ приходской дѣятельности нашего духовенства, особенно миссіонерствующаго, мы рѣшаемся подѣлиться съ своими собратіями о Христѣ своими мыслями и наблюденіями по этому вопросу.

Обыкновенно боятся, что св. Библія, при непосредственномъ пользованіи ею мірянами, легко можетъ сдѣлаться простой учебной книгой и потому можетъ подвергнуться небрежному и неразумному съ ихъ стороны обращенію: думаютъ, что какъ только св. Библія попадетъ въ руки простыхъ прихожанъ, она дѣлается для нихъ предметомъ обычнымъ и, слѣдовательно, возбуждающимъ къ себѣ меньшее уваженіе и по-

чтеніе. Выводъ такой: не давайте народу въ руки Библию, а лишь читайте ему ее, не допускайте къ ней вѣрующихъ слишкомъ близко, держите ее на почтительномъ отъ нихъ разстояніи, опасайтесь неразумнаго отношенія къ ней нашего простаго народа.

Конечно, признають эти люди, Св. Писаніе полезно народу „для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности (2 Тим. 3, 10) и терпѣннн (Рим. 15, 4; 1 Кор. 10, 11), оно умудряетъ и просвѣщаетъ (Пс. 18, 8; 118, 130), можетъ вызвать въ душѣ человѣка вѣру (Дѣян. 4, 4; Іоан. 20, 31; I Іоан. 5, 13; Рим. 10, 17) и превлечь его къ Богу (Дѣян. 6, 7); но всеже надобно опасаться неразумнаго и неблагоговѣйнаго отношенія къ св. Библии со стороны нашего простаго народа; надобно знакомить его съ священными книгами подъ покровомъ нѣкоторой таинственной отдаленности отъ этихъ св. книгъ, внушающей невольное уваженіе, сродное съ невольнымъ страхомъ; надобно знакомить народъ не непосредственно чрезъ его, такъ сказать, личное обращеніе съ Библией, а чрезъ посредствующую инстанцію: книгу Ильменскаго или чрезъ что-нибудь другое подходящее. Очевидно, люди раздѣляющіе это убѣжденіе, полагають, что слово Божіе, изложенное не въ св. Библии, а отрывочно перепечатанное въ другихъ книгахъ,—уже не *настоящее* слово Божіе и потому можетъ обойтись и безъ благоговѣйнаго и разумнаго отношенія къ нему.

Но есть-ли какія-нибудь болѣе или менѣе достаточныя основанія такъ думать, какъ думаютъ эти люди?.. Проверимъ.

Еще въ Ветхомъ Заветѣ для всѣхъ истинныхъ израильтянъ обязательно было знаніе Торы, т. е. боговдохновенныхъ писаній Моисея. Самъ Богъ говоритъ: „Я возвѣщу имъ слова Мои, изъ которыхъ они научатся бояться Меня во всѣ дни жизни своей“ (Втор. 4, 10). „Сынъ мой! если ты примешь слова мои и сохранишь при себѣ заповѣди мои, то уразумѣешь *страхъ* Господень и найдешь познаніе Бога“ (Притч. 2, 1, 5). Вотъ библейское ученіе. Изъ него каждому очевидно, что всѣ опасенія, будто вѣрующій человѣкъ, непосредственно обращающійся съ книгами Священнаго Писанія, не застрахованъ отъ печальной возможности относиться къ нимъ неблагоговѣнно,—

совершенно напрасны. Читая ихъ, онъ все болѣе и болѣе станетъ проникаться искреннимъ и сознательнымъ къ нимъ почитаніемъ и священнымъ благоговѣніемъ предъ ними.

Если онъ хорошо ознакомится со словомъ Божиимъ (что возможно только тогда, когда онъ и самъ лично будетъ его читать), то отъ одного уже этого научится *бояться* Бога и Его словъ. Если онъ усвоитъ и обстоятельно прочтетъ эти *слова*, то уразумѣетъ *страхъ* Божій и пойметъ, что къ Богу и Божиему можно относиться только со страхомъ и благоговѣніемъ. Простое чтеніе мірянами св. Библии наставитъ ихъ лучше всякихъ школьныхъ приемовъ и педагогическихъ способовъ относиться къ ней съ полнымъ и *сознательнымъ* благоговѣніемъ. Нѣтъ, не должны предстоятели Церкви опасаться, будто уваженіе мірянъ къ Библии утратится и пониманіе ея извратится, какъ только они сами начнутъ читать ее. Больше того, имъ вмѣняется въ прямую обязанность *не* отказывать мірянамъ въ непосредственномъ пользованіи откровеніемъ. Уже въ Ветхомъ Завѣтѣ требовалось, чтобы каждый истинный израильтянинъ „долженъ списать для себя списокъ закона *съ книги, находящейся у священниковъ*, и пусть будетъ *у него* и пусть онъ *читаетъ* во всѣ дни жизни своей, дабы научился *бояться* Господа, Бога своего“ (Втор. 17, 18—19). Пророкъ Исаія заповѣдуетъ народамъ, всей вселенной и всему рождающемуся на земли „*читать*“ (а не слушать только) книгу Господню (Ис. 34, 1, 6)“. Въ Новомъ Завѣтѣ мы находимъ тѣ же повелѣнія. Самъ Іисусъ Христосъ всѣмъ заповѣщаетъ „*изслѣдовать* писаніе“ (Іоан. 5, 39), т. е. основательно изучать всю Библию. Дѣяпатель превозноситъ *блигомьслие* жителей Веріи предъ Фессалоникійцами, ибо Верійцы „*ежедневно разбираютъ* писаніе“ (Дѣян. 17, 11). Святыи апостоль Павелъ похваляетъ Тимооеа: „ты *изъ дѣтства* знаешь священныя писанія, которыя могутъ умудрить тебя во спасеніи (2 Тим. 3, 15)“. Слѣдовательно, нѣтъ основанія даже и дѣтямъ вмѣсто самой Библии предлагать извлеченія изъ ней, въ родѣ извлеченій г. Ильминскаго. Вѣдь, нельзя же допустить, что и въ апостольскія времена были какія-нибудь пособія къ изученію Св. Писанія. Несомнѣнно, что св. Тимооей изучалъ его въ дѣтствѣ по подлинникамъ.

То же было и въ позднѣйшія времена Церкви. Приведемъ одинъ примѣръ. Св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ о чтеніи свящ. Писанія: „я всегда убѣждалъ и не перестану убѣждать васъ, чтобы вы не только здѣсь (въ церкви) со вниманіемъ слушали то, что проповѣдывается, но и *въ домъ непрестанно занимались священнымъ Писаніемъ*. Никто не говори мнѣ оныхъ пустыхъ и достойныхъ всякаго осужденія словъ: „я человекъ мірской, не мое дѣло читать писаніе, а тѣхъ, которые отреклись отъ міра“. Не столько они имѣютъ нужду въ помощи Божественнаго Писанія, сколько тѣ, которые обращаются среди столь многихъ занятій... Не станемъ зарывать въ землю золота, но *приобрѣтемъ себѣ Св. Библию... Одно возрѣніе на Библию само по себѣ удерживаетъ насъ отъ грѣха... И касающій Евангелія тотчасъ перемѣняетъ свои мысли* и удаляется отъ мірскаго, даже при одномъ *взглядѣ на него... очищается* и становится лучше. Не вѣдѣніе закона Божія породило ереси, ввело въ обычай распутную жизнь. Напротивъ, *невозможно, совершенно невозможно, чтобы тотъ, кто постоянно и внимательно упражняется въ чтеніи Писанія, остался безъ плода*“ (Воскрес. Чтеніе 1841—44 г. г. стр. 79). Такъ учили и другіе отцы Церкви. У насъ люди благомыслящіе тоже заботились о распространеніи Библии среди народа. Наша исторія, напримѣръ, говоритъ, что докторъ Францискъ Скороно предпринялъ рядъ изданій библейскихъ книгъ (1517—1519 и 1529 г. г. Вильно и Прага) подъ общимъ заглавіемъ: „Библия руска... Богу до чти и *людемъ* посполитымъ и доброму наученію (проф. Соболевскій. „Журн. М. Н. Просв. 1888 г., № 10)“. Князь К. К. Острожскій издалъ полную Библию, „всегда бо видѣхъ церковь Христову... отовсюду враги противящимся попираемому и нещадными волки... безъ милосердія пожираемому“. Такойъ взглядъ древне русскаго ревнителя чистоты православія на Св. Библию и ея практическое примѣненіе. Библия предназначалась и мірскимъ людямъ для ихъ „добраго наученія“, для народной борьбы съ враги и волки Церкви Христовой“. Здѣсь нѣтъ и намека на опасеніе будто съ нею народъ станетъ обращаться „небрежно“, или „неразумно“. Петръ Великій тоже былъ озабоченъ переводомъ Библии на русскій языкъ, чтобы ее могли понимать „не токмо церковники“. Заботы Петра осуществилъ было пасторъ

Эрв. Глюкъ, по переводъ его сгорѣлъ въ 1713 г. при осадѣ и взятіи Маріенбурга.

Въ 1813 году было открыто Россійское Библейское Общество, по образцу лондонскаго „The British and Foreign Bible Society“, имѣвшее цѣлью „доставить и россиянамъ способъ читать слово Божіе на природномъ своемъ руссійскомъ языкѣ“. Закрытіе этого общества митрополитъ московскій Филаретъ называетъ (въ письмѣ 1827 года) „темнымъ пятномъ для того, кто выдумалъ сію мѣру и своею *необдуманною ревностію* увлекъ другихъ“. Попытки перевести Библию на русскій языкъ для всеобщаго распространенія въ нашемъ народѣ существовали и позже. Такъ Г. П. Павскій занимался неофициальнымъ переводомъ Библии на русскій языкъ и переводъ этотъ былъ дважды отлитографированъ въ 1839 и 1841 г.г., въ количествѣ 450 экземпляровъ. Въ одно время съ Павскимъ трудился надъ переводомъ архимандритъ Макарій Глухаревъ, миссіонеръ на Алтаѣ, приславшій въ 1834 г. митрополиту Филарету записку „о необходимости для руссійской церкви предложенія всей Библии съ оригинальныхъ текстовъ на современный русскій языкъ“. Святѣйшій Синодъ, въ своемъ опредѣленіи о возобновленіи перевода Библии въ 1856 г., постановилъ, что „переводъ на русскій языкъ Библии *необходимъ и полезенъ*, но не для употребленія въ церкви, для которой славянскій языкъ долженъ остаться неприкосновеннымъ“.

Всѣ эти историческія справки ясно показываютъ, что лучшіе люди русской земли, во главѣ съ великимъ святителемъ, московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, всегда держались того мнѣнія, что св. Библия необходимо должна быть полнымъ, всецѣлымъ и непосредственнымъ достояніемъ всѣхъ вѣрующихъ, независимо отъ ихъ пола, возраста, образованія, безъ разграниченія мірянъ отъ клира.

Гдѣ-же первоисточникъ всѣхъ современныхъ страховъ и опасеній, будто св. Библия, отданная на руки мірскимъ дѣтямъ и ихъ родителямъ, легко можетъ стать предметомъ неблагоговѣйнаго и небрежнаго обращенія? Смѣемъ предполагать, что первоисточникъ этотъ, съ одной стороны, заключается въ томъ „темномъ пятнѣ“, которое, по мнѣнію митрополита Филарета, есть продуктъ „*необдуманной ревности*“, съ другой—въ не-

удачной (вслѣдствіе неумѣлости и небрежности) практики или же просто—въ непрактичности. Человѣкъ, имѣющій хотя немногочисленную, но серьезную пастырскую или педагогическую практику, относящійся къ своему дѣлу неформально, а съ любовью, часто задумывающійся надъ своею дѣятельностью,—такой человѣкъ долженъ по совѣсти сознаться, что, если дать школьнику или взрослому прихожанину Св. Библию и не полѣниться при этомъ нѣсколько разъ и вразумительно объяснить ему, какъ нужно обращаться съ книгами Св. Писанія, какъ надобно читать и понимать ихъ, онъ никогда „не останется безъ хорошаго плода“.

Правда, почва для сѣмени слова Божія не всегда можетъ оказаться удобной... Но мы, пастыри и ревнители Церкви Христовой должны быть добрыми пахарями душъ, намъ вѣренныхъ и Богомъ порученныхъ! Если душа нашего прихожанина, подобно невоздѣланной почвѣ, способна заростать сорными травами лжеученій, то ее тщательно надобно воздѣлать и предохранить. Если же она, подобна камню, очерствѣла, то ее надобно разрыхлить и сдѣлать воспримчивою къ слышанію и пониманію слова Божія... А если, наконецъ, душа эта поросла терніемъ „заботъ о богатствѣ и наслажденіяхъ житейскихъ“, то у пастырей всеже есть въ рукахъ много орудій вытравить эти тернія въ самомъ корнѣ... Во всякомъ случаѣ, пастыри должны употребить всѣ усилія, чтобы спасти эту душу, сдѣлать изъ нея „добрую землю“ для добрыхъ всходовъ, а потомъ безбоязненно бросать въ нее сѣмя—слово Божіе (Мѡ. 13, 23; Марк. 4, 20; Лук. 8, 15).

Послѣ подобнаго приготовленія души, слово Господне будетъ читаться благоговѣйно, со страхомъ Божиимъ, ибо само Слово „научаетъ бояться“ Бога и Его словъ (Втор. 4, 10).

Во многихъ православныхъ приходахъ мы замѣчали, что прихожане, имѣющіе свои собственные Библии, читаютъ ихъ обыкновенно стоя или сидя за столомъ подъ иконами, кладутъ ихъ въ самомъ чистомъ и священномъ мѣстѣ своего дома, нерѣдко подстилая подъ нихъ вышитыя цѣнныя полотенца, которыя потомъ уже ни въ какое другое дѣло не употребляются. Въ той комнатѣ, гдѣ хранится св. Писаніе, простолоудинъ никогда не выбранится, а иной и папиросу не закуритъ. Во

вѣренной намъ церковной школѣ всѣ ученики старшаго отдѣленія имѣютъ св. Евангеліе, а нѣкоторые и полныя Библіи, при помощи которыхъ они изучаютъ извѣстный „Православный противосектантскій Катихизисъ“ Д. И. Боголюбова,—и какъ отрадно бываетъ наблюдать, что школьники даже младшихъ отдѣленій воздерживаются отъ шалостей въ классѣ на переѣнкахъ, потому, что „у старшихъ Святое Писаніе лежитъ подъ скамейками“. Въ мѣстахъ, зараженныхъ сектантствомъ, правильная миссіонерская постановка преподаванія Закона Божія въ школѣ и противосектантское воспитаніе всего прихода *положительно* невозможно безъ самаго широкаго распространенія между православными Св. Библіи. Сектантской массѣ, пытающейся обосновать свое лжеученіе на Священномъ Писаніи, необходимо противопоставить не меньшую массу православныхъ, которая не хуже сектантовъ могла бы пользоваться Св. Библией въ дѣлѣ защиты своихъ упованій и въ обличеніи заблужденій еретичествующихъ земляковъ.

Не дастъ православному крестьянину Библию священникъ, получить онъ ее отъ сектанта... Только эта послѣдняя Библия будетъ уже въ сектантскомъ духѣ, подчеркнута сектантскимъ карандашомъ... И будетъ она помѣщаться не подъ иконами, а въ засаленныхъ карманахъ и пазухахъ получившаго, по примѣру сектантовъ. Въ № 11 „Миссіонерскаго Обзорнія“ за 1903 г. можно прочитать небольшой рассказъ извѣстнаго опытнаго нашего миссіонера Д. И. Боголюбова, который не хуже Глѣба Успенскаго знаетъ нашъ простой русскій народъ. Какъ радуется его сердце отъ того, что ему пришлось увидѣть, какъ легко и умѣло нѣкоторые школьники справляются съ Библией, послѣ умѣлой подготовки мѣстнаго о. Законоучителя. „О, если бы достойнѣйшему о. Михаилу, говорить г. Боголюбовъ, нашлось какъ можно больше подражателей среди пастырей на святой Руси! Тогда бы безусловный успѣхъ нашей миссіи въ народѣ былъ обезпеченъ (см. „Миссіонерск. Обзор. 1903 г., № 11, стр. 75). Правильная постановка дѣла распространенія книгъ Св. Писанія въ средѣ народа есть вѣрный, испытанный залогъ „утвержденія православной цаствы въ вѣрѣ и чистой нравственности, ея духовнаго возрастанія въ уразумѣніи истинъ православія, въ любви и

преданности Церкви“ (см. рѣчь Высокопреосвящ. Афанасіа предъ открытіемъ Донского Епархіальнаго Миссіонерскаго Съѣзда, 9 сент. 1902 г.): Сектантство выросло у насъ на почвѣ религіознаго невѣжества народа. Нашъ народъ потому заблуждается, что не знаетъ Св. Писанія.—„Иисусъ сказалъ имъ: заблуждаетесь, не зная Писанія“ (Мѡ. 22, 29). Поэтому думаемъ, что религіозное невѣжество нельзя излѣчить однѣми проповѣдями, бесѣдами, да объясненіями церковныхъ евангельскихъ чтеній. Проповѣдь, даже Златоустовская, ищетъ себѣ поддержки въ чтеніи мірянами Библии на дому. Нашъ народъ необходимо съ дѣтства расположить въ Библии, помочь ему ориентироваться въ ней; побудить его обязательно имѣть свою собственную святую книгу (Пс. 49, 7; Ис. 29, 18) и читать ее такъ, „какъ научилъ батюшка“. Пусть каждый школьникъ уходитъ изъ школы въ жизнь съ подаренной ему *Церковью* Книгой жизни, вѣры и правды (Филип. 2, 15; Рим. 10, 8; Евр. 5, 13). Пусть будетъ онъ знать, что православная Церковь живетъ по слову Божію (Еф. 6, 17) и что для нея это слово не „мертвая книга, въ бархатномъ переплетѣ, лежащая на престолѣ“, а дѣйствительнѣйшій и острѣйшій мечъ, проникающій челоуѣка „до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ“ Евр. 4, 12).

А когда школьникъ будетъ увлеченъ жизнью далеко отъ Святой Церкви, когда душа его стоскуется по Божіемъ словѣ (Пс. 118, 52) .. пусть онъ будетъ не лишенъ возможности усладить себя чтеніемъ той Библии, которую *подарилъ ему батюшка въ церковной школѣ*... Пусть, читая ее, онъ будетъ имѣть возможность вѣчно вспоминать и благословлять родную Церковь и *доброю* пастыря. Не бойтесь же дарить Святыя Книги даже дѣтямъ (Іер. 36, 13)! Кто не знаетъ, какъ благоговѣнно они обращаются съ Св. Евангеліями, которыя имъ только иногда и то далеко не всѣмъ даются въ награду за отличные успѣхи. Надобно пожалѣть и слабыхъ!... Лишь бы только взопла заря, а день самъ собою настанетъ. Свѣтъ же непремѣнно разгонитъ тьму...

Священ. Николай Чепуринъ.

Слоб. Кантакузово.

Одно изъ препятствій пастырямъ Церкви при ихъ заботахъ о религіозныхъ нуждахъ прихода.

Въ числѣ обязанностей пастырей Церкви, какъ нравственныхъ руководителей и воспитателей своихъ пасомыхъ, является, какъ извѣстно, забота о религіозныхъ нуждахъ прихода. Эта забота требуетъ широкаго вниманія пастырей. Они должны сообщать пасомымъ, что такое христіанство, въ чемъ его сущность,—принимать мѣры къ изясненію вѣры и къ укрѣпленію ея въ умахъ народа. Затѣмъ они обязаны опровергать ложныя представленія и заблужденія, если таковыя замѣчаются среди пасомыхъ. Выстъ съ знаніемъ и пониманіемъ вѣры, пастыри Церкви должны, далѣе, требовать отъ пасомыхъ и того, чтобы они принадлежали Церкви не по метрикамъ только, но и своими внутренними расположеніями, участвовали въ жизни Церкви, дышали ея духомъ. Другими словами, пастыри Церкви обязаны заботиться о томъ, чтобы у вѣрннхъ ихъ водителству и попеченію прихожанъ никогда не ослабѣвала связь ихъ съ живымъ тѣломъ Церкви, одушевляемымъ духомъ Божіимъ. Эта связь съ Церковію выражается, у христіанъ, между прочимъ, соблюденіемъ и празднованіемъ всѣхъ освященныхъ и нарочитыхъ дней въ году церковномъ и участіемъ въ богослуженіи и общественной молитвѣ.

Но при исполненіи этого долга пастырямъ приходится нерѣдко наталкиваться на многія препятствія... Однимъ изъ такихъ нежелательныхъ препятствій являются такъ называемые *базары*. Вотъ что говоритъ по этому поводу свещ. М. Дмитріевъ на страницахъ «Кіевск. Епарх. Вѣдом.» въ своей замѣткѣ: „*Забитый вопросъ*“.—„Какъ помнится намъ, лѣтъ десять или пятнадцать тому назадъ, горячо былъ возбужденъ вопросъ о переносѣ базарныхъ дней съ большихъ праздниковъ на будни; но и до сихъ поръ въ нашихъ мѣстечкахъ во всѣ почти двенадцать праздники непрерывно бываетъ базаръ. Святые храмы въ такіе, напримѣръ, великіе праздники, какъ Успеніе Пресвятой Богородицы и Рождество Божіей Матери, пустыютъ: всѣ—старъ и младъ на базарѣ. Вслѣдствіе этого нашъ народъ привыкаетъ неуважительно относиться къ святости праздниковъ. Вставши утромъ въ такой праздникъ, нашъ крестьянинъ собирается на базаръ, складываетъ все назначенное для продажи, въ это-же время чтонибудь сломается или сломано было, и онъ, ничтоже сумняся, начинаетъ рубать, рѣзать, исправлять, чего, конечно, не слѣдуетъ въ день воскресный. Необходимость ѣхать на базаръ заставляетъ его нарушать святость праздника. А какъ онъ проводитъ этотъ день? Въ церкви

приносится безкровная жертва, а на торжищѣ въ это время ругаются, божатся, клянутся. Терминъ „не обманешь, не продашь“, къ великому сожалѣнію, принесенъ уже и въ нашу деревню, и здѣсь все зиждется на обманѣ; продаетъ, положимъ, крестьянинъ лошадь съ порокомъ,—сколько божбы онъ употребить при этомъ, сколько хитрости, обмана и во все это ставить свидѣтелемъ Бога. Конечно, и въ будніе дни ложь и обманъ сверсны сами по себѣ, но въ большой праздникъ они просто омерзительны, когда вдумаясь, какія великія событія въ такой день воспоминаются. Въ молитвѣ Господней мы христіане ежедневно произносимъ слова „да святится Имя Твое“, а въ дѣйствительности такъ ли оно бываетъ? Не хулитъ ли имя Божіе и наша православная вѣра въ глазахъ ино-вѣрцевъ—евреевъ такимъ недостойнымъ препровожденіемъ праздниковъ? Вѣдь сіи послѣдніе свои праздники особенно строго почитаютъ, въ ихъ мѣстечкахъ въ такіе дни совершенно прекращается всякая торговля, всякая жизнь въ смыслѣ купли, приобрѣтенія.

Нашъ крестьянинъ, нужно сознаться, живетъ болѣе обрядностью, нежели глубокимъ пониманіемъ сущности религіи. Слѣдовательно, объясняя ему истины христіанства, нужно стремиться къ поддержанію такъ дорогой ему обрядности: на ней нашъ крестьянинъ выросъ, на ней воспитался. Такое ненормальное явленіе, какъ торгъ въ праздничные дни, возникло во время крѣпостное и вызвано было необходимостью: въ праздникъ только помѣщикъ разрѣшалъ своимъ поданнымъ совершать необходимыя закупки и вообще устраивать свои личныя дѣла. Теперь же народъ нашъ свободный—располагаетъ своимъ временемъ какъ хочетъ, и теперь же было бы благовременнымъ измѣнить и перенести базарные дни съ дней праздничныхъ на будни. Матеріальнаго ущерба отъ этого произойти не можетъ, а напротивъ, даже будетъ сбереженіе времени и денегъ. На базаръ въ будній день поѣдетъ только тотъ, кто имѣетъ крайнюю необходимость, и, продавши, купивши, будетъ спать въ свояси; между тѣмъ въ праздникъ ѣдетъ на базаръ всякій, хотя-бы только для того, чтобы людей посмотреть, себя показать. Не имѣя опредѣленнаго дѣла на базарѣ, все осмотрѣвши, всталъ наговорившись... а теперь куда? задаетъ себѣ вопросъ подобный зѣвака. Отвѣтъ ясенъ: въ монополію, и здѣсь то пропиваются деньги, можетъ быть, заработокъ чуть ли не цѣлаго лѣта, слѣдующій рабочій день потерявъ, нужно опохмѣлиться. Вотъ сильное изображеніе вреда базара въ праздничные дни. Въ наше тревожное время, въ виду проявляющагося то тамъ, то здѣсь антагонизма между крестьянами и евреями, со стороны даже поли-

цейско-гражданской было-бы лучше, если-бы на базарахъ было поменѣ болтающихся безъ цѣли людей. Повторяемъ, въ будній день только тотъ бы поѣхалъ или пошелъ на базаръ, кто имѣетъ существенную нужду продать что-либо или купить. Да и сами крестьяне не всѣ сочувственно относятся къ такимъ базарамъ. Нерѣдко приходилось слышать сѣтованіе: „О це такой великій праздникъ, а треба ихаты на базаръ; а не грихъ це буде?“ задаетъ вопросъ другой. Что можетъ отвѣтить на подобный вопросъ пастырь, который и самъ хозяинъ и имѣетъ тоже нужду въ базарѣ. Что это ненормальное явленіе—это очевидно... Вредъ ихъ въ религіозно-нравственномъ, экономическомъ и даже съ чисто-гражданской стороны несомнѣненъ, и только правительство своимъ могучимъ запрещеніемъ можетъ навсегда положить этому конецъ. Пора и давно пора; даже наша штундисты, въ этомъ случаѣ, зазираютъ православныхъ, такъ какъ они стараются проводить день воскресный въ покой*.

Нельзя, конечно, не присоединиться къ этому благому пожеланію о. Дмитріева! Тѣмъ болѣе, что, не смотря на увѣщанія пастырей, ихъ пасомые далеко не всегда соглашаются сами составлять притворы о перенесеніи базаровъ на будни. Б.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейскія богослуженія 14-го, 21-го и 24-го декабря.

14-го декабря Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, изволилъ совершить божественную литургію въ церкви при Харьковскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Въ концѣ литургіи Владыка обратился къ молящимся съ вышеприведеннымъ словомъ.

21-го декабря Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершилъ литургію въ Покровскомъ монастырѣ. Въ словѣ, сказанномъ въ концѣ литургіи, Владыка останавливалъ вниманіе пасомыхъ на распространенномъ въ Малороссіи обычаѣ устраивать вечеромъ подъ Рождество Христово и Крещеніе Господне трапезы съ *чрезмѣрнымъ* употребленіемъ яствъ и питій, показавъ неумѣстность *такихъ* трапезъ и указавъ, какъ должно православнымъ христіанамъ готовиться и встрѣчать эти великіе праздники.

Въ тотъ же день литургію въ Каѳедральномъ соборѣ совершалъ Преосвященный Стефанъ, Епископъ Сумскій, Викарій Харьковской епархіи.

24-го декабря Высокопреосвященный Арсеній совершалъ всенощную въ Каѳедральномъ соборѣ.

Преосвященный Стефанъ совершалъ въ этотъ день литургію въ Каѳедральномъ соборѣ, а всенощную въ Покровскомъ монастырѣ.
Архіерейское богослуженіе 25-го декабря и примесеніе поздравленій Его Высокопреосвященству.

25-го декабря, въ день праздника Рождества Христова и въ воспоминаніе избавленія Церкви и Державы Россійскія отъ нашествія Галловъ и съ ними двадцати языковъ, божественную литургію и затѣмъ молебствіе совершали въ Каѳедральномъ соборѣ, Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, и Преосвященный Стефанъ, Епископъ Сумскій, въ сослуженіи о. ректора семинаріи, прот. І. П. Знаменскаго, каѳедральнаго прот. С. Любичаго и др. священнослужителей. За богослуженіемъ присутствовали и д. Харьковского губернатора С. Н. Гербель, попечитель учебнаго округа М. М. Алексѣенко, генералитетъ, начальники отдѣльныхъ частей и масса молящихся.

По окончаніи богослуженія, Преосвященный Епископъ Стефанъ, представителя духовенства, губернаторъ и другіи высокопоставленныя лица, а также начальники и начальницы учебныхъ заведеній г. Харькова изволили приносить Его Высокопреосвященству, въ его покояхъ, поздравленіе съ высоторжественнымъ праздникомъ.

Архіерейскія богослуженія 26-го и 28-го декабря.

26-го декабря, въ день праздника Собора Пр. Богородицы, божественную литургію въ Покровскомъ монастырѣ совершалъ Преосвященный Стефанъ, Епископъ Сумскій.

Архіерейское богослуженіе въ Харьковской Свято-Духовской Церквѣ.

28 го декабря, въ Свято-Духовской церкви, по случаю оконченнаго расширенія и полнаго переустройства этого храма, божественную литургію совершалъ Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній въ сослуженіи съ мѣстнымъ и городскимъ духовенствомъ. Прѣ окончаніи литургіи Владыка обратился къ предстоящему народу съ поученіемъ—бесѣдою на тему о значеніи для христіанскаго міра праздника Рождества Христова. Простая и отъ сердца произнесенная рѣчь Архипастыря, видимо, взволновала слушателей и наполнила ихъ души ощущеніемъ тихой и живой радости.

Такъ какъ алтарь церковный съ престоломъ остались безъ измѣненія, то собственно освященія церкви не было, а послѣ литургіи архіерейскимъ служеніемъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. Церковь была переполнена молящимися, которымъ, какъ прихожанамъ окраиннаго прихода, не часто выпадаютъ случаи видѣть благолѣпную архіерейскую службу.

Вновь отстроенный и почти вдвое, противъ прежняго, расширенный храмъ производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Масса простора, воздуха и свѣта; обширныя хоры, съ сѣверной и южной стороая, на которыя помѣщается не менѣе тысячи молящихся. Замѣчательно, что перестроенный въ старомъ храмѣ новый храмъ отличается, при простотѣ замысла, большою пропорціональностью и изяществомъ линий, какъ внутри, такъ и снаружи; прекрасныя окна дополняютъ его красоту и, такъ сказать, легкость конструкціи; бетонныя своды хоровъ, металлическія дѣстницы и рѣшетки и хорошіе бергенгеймовскіе полы придаютъ солидность постройкѣ. Внутри храмъ росписанъ лишь начерно, иконостасъ же, солея и алтари оставлены пока въ прежнемъ видѣ; снаружи же остается докончить куполы, главки и расшивку всего массива храма и добавочныхъ частей его, что, вѣроятно, будетъ исполнено въ будущемъ году. Вся постройка велась весьма снѣжно и обошлась, около 40 тыс. руб. Въ дѣлѣ переустройства Свято-Духовской церкви особенно потрудились строительный комитетъ, состоящій изъ настоятеля церкви протоіерея о. Петра Тимофеева, церковнаго старосты В. Я. Сумцова и Н. А. Чеканова, при архитекторѣ М. И. Лавцовѣ; подрядчикомъ былъ И. К. Кабановъ.

Освященіе новоустроеннаго зданія церк.-приходской школы въ слободѣ Малой Цисаревкѣ, Богодуховскаго уѣзда.

3-го ноября сего 1903 года, въ день памяти св. великомуч. Георгія Побѣдоносца, совершенно освященіе новоустроеннаго зданія церк.-приходской школы въ сл. Малой Цисаревкѣ, Богодуховскаго уѣзда. Божественную литургію въ мѣстномъ храмѣ въ этотъ день и чинъ освященія школьнаго зданія совершалъ уѣздный Наблюдатель церковныхъ школъ, Богодуховскаго уѣзда, Благочинный священникъ А. Станиславскій, въ сослуженіи 4 священниковъ. Скромное школьное торжество, обставленное торжественнымъ богослуженіемъ священно-служителей, привлекло въ храмъ Божій много молящихся, впереди коихъ въ стройныхъ рядахъ стояли дѣти—школьники, числомъ около 200 душъ изъ мѣстныхъ церк.-приходской и земской школъ. По окончаніи Божественной литургіи, при

колокольномъ звонѣ, открылся крестный ходъ къ новоустроенному школьному зданію, впереди коего шли дѣти—школьники, въ преднесеніи образа новоявленного угодника Божія Препод. Серафима, Саровскаго Чулотворца. Новое зданіе школы о двухъ классныхъ комнатахъ и двухъ комнатахъ для учителя, раздѣленныхъ просторнымъ и свѣтлымъ корридормъ. производить весьма пріятное впечатлѣніе своей вмѣстительностію, обиліемъ свѣта и воздуха... Устройство его обошлось болѣе 2000 руб., въ числѣ коихъ, помимо главной субсидіи со стороны Харьковскаго Епар. Училищнаго Совѣта, весьма отраднo отмѣтитъ и субсидію со стороны М. Писаревскаго крестьянскаго общества: 400 руб. деньгами на устройство школьнаго зданія, безвозмездную доставку всего необходимаго строительнаго матеріала и 120 руб. ежегодной субсидіи на содержаніе учителя!

Предъ началомъ совершенія чина освященія, уѣздный о. Наблюдатель произнесъ приличествующее случаю слово назиданія... Отмѣтивъ въ своей проповѣди тѣ блага, какія приносятъ дѣтямъ церк.-приходская школа, это второе послѣ храма Божія училище благочестія, научая ихъ правильной и сознательной вѣрѣ въ Бога, воспитывая изъ нихъ полезныхъ и усердныхъ членовъ для Св. Матери—Церкви, для семьи и общества и преданныхъ сыновъ Царя и отечества, уѣздный о. Наблюдатель приглашалъ слушателей вознести вмѣстѣ съ благодарной молитвой къ Господу Богу, ниспославшему ихъ дѣтямъ такое великое счастье учиться и воспитываться въ прекрасномъ, благоустроенномъ зданіи вмѣсто тѣсной и темной церковной сторожки, и горячее моленіе о здравіи и долгоденствіи нынѣ благополучно царствующаго Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Александровича и всего Царствующаго Дома, много пекущагося о всероссійскихъ школьныхъ нуждахъ по воспитанію дѣтей въ духѣ Св. Православной вѣры и Церкви... „Не забудемъ же, братіе, говорилъ подъ конецъ О. Наблюдатель, помянуть въ усердной молитвѣ къ Господу Богу и блаженную память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Александровича, вызвавшаго къ существованію церковно-приходскія школы, да упокоитъ Господь Силь, Царь Славы, незабвеннаго Царя Миротворца въ селеніяхъ праведныхъ „вдѣже вѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная!“ И трогательно было видѣть, когда послѣ многодѣтія Благочестивѣйшему Государю Императору и всему Царствующему Дому, всѣ—и священнослужители въ свѣтлыхъ облаченіяхъ, и дѣти—школьники, и всѣ молящіеся преклонили долу

колѣни и раздалось торжественно—унылое: „во блаженномъ успеніи вѣчный покой“... Всѣ единодушно слились въ могучемъ ибніи „вѣчная память“ въ Бозѣ усоншему Царю Миротворцу подѣ пріятнымъ благоуханіемъ кадильнаго ладова, густо застилавашаго голубыми клубами всѣхъ молящихся!... Слѣдовали по чину и еще многолѣтія... Торжество освященія школьнаго зданія, по глубокому впечатлѣнію, на всѣхъ произведенному, надолго останется въ памяти и сердцахъ на всѣхъ присутствовавшихъ, въ томъ, числѣ, безъ сомнѣнія, и на бывшихъ на школьномъ праздникѣ старообрядцевъ-безпоповцевъ, дѣти коихъ обучаются въ Мало-Писаревской церк.-приходской школѣ...

Священникъ Ник. Загоревскій.

Празднованіе 50 ти лѣтняго юбилея священнослуженія протоіерея І. В. Иванова.

27-го октября с. г., въ слоб. Булавиновѣ, Старобѣльскаго уѣзда, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, праздновалось рѣдкое торжество, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія священнослуженія протоіерея Іакова Васильевича Иванова. Прослуживъ на одномъ мѣстѣ почти всѣ 50 лѣтъ, пастырь этотъ пріобрѣлъ всеобщую любовь какъ со стороны своихъ прихожанъ, такъ и со стороны своихъ собратій и сослуживцевъ по округу. Эта любовь и братская расположенность къ нему и создали тотъ цѣнный для него вѣнокъ, который будетъ служить отраднымъ утѣшеніемъ на склонѣ дней его жизни. Наканунѣ торжества юбиларомъ, въ служеніи мѣстнаго благочиннаго, окружнаго духовника и сосѣднихъ священниковъ, отслужено было всеобщее бдѣніе, при многочисленномъ стеченіи народа. Это вечернее богослуженіе окончилось около девяти часовъ вечера, но народъ не выходилъ изъ церкви, ожидая, по обыкновенію, слова назиданія отъ своего престарѣлаго пастыря, который никогда не отпускалъ ихъ домой, безъ того, чтобы не сказать имъ своего пастырскаго наставленія, особенно когда молящихся бываетъ значительное количество. И въ данномъ случаѣ онъ своей простой, и безыскусственной, но живой рѣчью выяснилъ имъ, по какому случаю происходитъ это торжественное богослуженіе; вкратцѣ указалъ на то, какъ вообще трудно для пастыря Церкви прослужить 50 лѣтъ и, въ частности, въ краткихъ словахъ воспроизвелъ свои отношенія къ нимъ, какъ пастыря къ пасомымъ, выяснилъ имъ — къ чему онъ стремился, когда поступилъ сюда на приходъ, чего съ помощью Божіею достигъ и чего еще не докончавъ, а потомъ, въ заключеніе, пригласилъ своихъ духовныхъ чадъ и въ самый день торжества собраться въ храмъ и

помолитесь другъ за друга о томъ, чтобы Господь подкрѣпилъ ихъ обоюдныя силы, чтобы совершить недоконченное, чтобы и на будущее время не только не оскудѣвали, но еще болѣе усилились и укрѣпились внутренняя имъ ревность и усердіе къ св. храму и всегдашняя готовность ихъ приходить сюда для молитвы.

На другой день, соборне, отслужена была божественная литургія, которой священникомъ Н. Розовымъ было произнесено слово о трудностяхъ пастырскаго служенія. А по окончаніи литургіи, предъ благодар. молебномъ, когда все духовенство вышло на среднюю церкву, чествуемому юбиляру, остановившемуся на солеѣ, духовникомъ округа была поднесена цѣнная икона св. апостола Іакова; въ концѣ мѣстнымъ благочиннымъ, священникомъ Михаиломъ Согиномъ, при этомъ прочитанъ былъ указъ консисторіи, которымъ разрѣшено празднованіе сего юбилейнаго торжества и непосредственно послѣ этого имъ же сказана была рѣчь. Въ этой рѣчи онъ провелъ ту мысль, что истинные и добрые пастыри за свое ревностное служеніе часто бываютъ взысканы милостію отъ Бога еще и здѣсь—на землѣ, достигая той долголѣтней жизни, которая по нашему понятію можетъ быть названа счастливою, и что чествуемый юбиляръ, какъ пастырь церкви, какъ христіанинъ и вообще какъ человѣкъ и семьянинъ, служить примѣромъ для всѣхъ окружающихъ его и особенно для своихъ младшихъ собратій сопастырей, которые, за его всегда искренія и добрыя къ нимъ отношенія, какъ одного изъ достойнѣйшихъ членовъ своей окружной семьи, будучи проникнуты чувствомъ глубокаго къ нему уваженія и братской признательности, чествуютъ его воднесеніемъ отъ себя иконы св. апостола Іакова. На это привѣтствіе юбиляръ отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что онъ не признаетъ никакихъ за собою заслугъ, а если что и дѣлалъ хорошаго и полезнаго, то исключительно по долгу своему пастырскому и вообще по долгу христіанина; тѣмъ болѣе онъ не признаетъ себя достойно заслужившимъ той великой чести, какую ему оказываютъ его сопастыри; сердечно поблагодаривъ за оказанную ему честь, юбиляръ благоговѣнно приложился къ поднесенному образу и, принявши его, отошелъ вмѣстѣ съ духовенствомъ на средину церкви, гдѣ и начался благодарственный молебенъ. Послѣ цѣнія „Царю Небесный“, вышелъ на церковную кафедру священ. Г. Грековъ и съ чувствомъ произнесъ краткое, но сильное слово о важности пастырскаго служенія, весьма удачно приуроченное къ событію важнаго торжества; а послѣ евангелія духовникъ округа, священникъ Н. Касьяновъ, сказалъ прекрасную рѣчь, въ которой

очень картинно уподобилъ пастырское служеніе юбиляра кораблю, плавающему на морѣ, иногда очень бурномъ, усѣянномъ подводными скалами и мелями; всѣ эти видимыя и невидимыя опасности, благодаря опытности и бдительности кормчаго, остаются въ сторонѣ и корабль, послѣ долгаго плаванія, благополучно пристаеетъ къ берегу. Когда же послѣ пѣнія „Тебѣ Бога хвалимъ“ юбиляръ и все духовенство взошли на солею и уже сдѣланъ былъ отпустъ, предъ юбиляромъ предстали, съ иконою въ рукахъ, ученицы мѣстной женской церковно-приходской школы, съ своею учительницею Щелоковскою, которая привѣтствовала виновника торжества слѣдующею рѣчью: «Честь и счастье выпали на мою долю, глубоко-чтимый о. протоіерей, вмѣстѣ съ питомцами своими привѣтствовать Васъ въ день 50-лѣтія служенія Вашего церкви Христовой и преподвести Вамъ въ даръ образъ Пресв. Богородицы, какъ знакъ выраженія сердечной признательности за Ваши полезные и тяжелые труды въ дѣлѣ народнаго образованія. Любя эти труды, любя дѣтей, для которыхъ Вы трудились и для которыхъ Вашими работами и помощью воздвигнута наша церковно-приходская школа, Вы заставили и учащихся полюбить себя и предметъ, который преподаете. Будемъ же, дѣти, молиться о ниспосланіи силъ и крѣпости нашему дорогому о. Законоучителю, для полезныхъ его трудовъ въ нашей школѣ еще на многія и многія лѣта!»

Одна изъ ученицъ, державшая св. образъ, вручила его юбиляру съ словами: „примите отъ насъ, дорогой Батюшка, этотъ св. образъ въ знакъ нашей къ Вамъ любви и уваженія“. Самый образъ былъ украшенъ прекрасно вышитымъ полотенцемъ, съ кружевами и вышивками, приуроченными къ торжеству 50 лѣтія; вся эта работа была выполнена самими ученицами этой же школы, гдѣ руководбіе достигло желаемыхъ результатовъ.

Вслѣдъ за ученицами приступили, съ иконою въ рукахъ, прихожане о. юбиляра, крестьяне хутора Тишковки; въ своей простой рѣчи они благодарили своего приходскаго священника за тѣ труды, которые онъ понесъ въ теченіе 50 лѣтъ своего служенія на пользу ихъ и приходскаго ихъ храма Божія; послѣдній былъ предметомъ особаго его попеченія и заботливости, почему приведенъ имъ въ весьма благолѣпное состояніе и обогащенъ многими весьма цѣнными приобрѣтеніями. Въ благодарность за всѣ его заботы о нихъ и о приходскомъ ихъ храмѣ Божіемъ, они, отъ лица своихъ односельчанъ, поднесли ему образъ св. Серафима, Саровскаго Чудотворца, чтобы, по молитвамъ этого великаго новоявленнаго угодника Божія, Господь продлилъ его жизнь еще на многія

лѣта. Едва успѣлъ о. юбиляръ принять отъ нихъ этотъ образъ и сказать имъ въ отвѣтъ на ихъ привѣтствіе нѣсколько словъ, какъ выступили представители хутора Проѣзжаго съ иконою Спасителя. Привѣтствуя своего приходскаго священника съ исполнившимся 50-лѣтіемъ его служенія церкви, они, въ знакъ благодарности за всѣ его истинно отеческія попеченія о нихъ, какъ о своихъ дѣтихъ, приносятъ ему въ даръ образъ Спасителя, жизнь и ученіе котораго онъ такъ усердно проповѣдывалъ имъ для ихъ же собственнаго пазидавія.

На всѣ эти рѣчи и поднесенія растроганный юбиляръ отвѣчалъ имъ, что, не сомнѣваясь въ искренности ихъ словъ, онъ въ то же время принимаетъ эту честь, какъ незаслуженную имъ милость; ибо все, что онъ хорошаго сдѣлалъ для нихъ и для храма Божія, то дѣлалъ по долгу своему пастырскому и притомъ не одними своими силами, а съ ихъ же помощью и дѣлалъ это, нисколько не считывая на ту благодарность, которую они теперь выражаютъ ему. А принимая и лобзая св. образъ, онъ каждый разъ заключалъ свою рѣчь такими словами: „пусть сей св. образъ будетъ залогомъ любви и единенія между нами до послѣднихъ дней нашей жизни“.—Послѣ этого было провозглашено обычное многолѣтіе съ присодиненіемъ къ нему многолѣтія и достоитному юбиляру.

Изъ церкви всѣ отправились къ юбиляру въ домъ, при чемъ мѣстный благочинный въ снѣтрахили и съ крестомъ въ рукахъ шель впереди; подлѣ него четыре священника несли четыре поднесенныхъ о. юбиляру образа, а позади шель самъ юбиляръ, окруженный остальнымъ духовенствомъ и народомъ, котораго было тысячъ до трехъ. Впереди же всей этой процессіи шли пѣвчіе и пѣли тронарь храму. Какъ разъ среди площади ожидали юбиляра уполномоченные отъ прихожанъ слоб. Булавиновки съ блюдомъ, на которомъ лежалъ громадныхъ размѣровъ кондитерскій хлѣбъ, украшенный инициалами юбиляра и соль въ серебряной солонкѣ. Эти представители также привѣтствовали своего пастыря съ знаменательнымъ днемъ въ его жизни и благодарили за всѣ его заботы и попеченія о своей паствѣ. Поблагодаривъ ихъ за оказанную честь и принявъ хлѣбъ-соль, юбиляръ и вся процессія двинулись дальше. Недалеко отъ дома, у самыхъ почти воротъ, встрѣтили юбиляра съ такимъ же хлѣбомъ солью на блюдѣ особые его почитатели изъ числа его же прихожанъ; одинъ изъ нихъ прочиталъ слѣдующее привѣтствіе: „Ваше Высокопреподобіе, глубокопочитаемый нашъ духовный пастырь, Отецъ Іаковъ! Сегодня,

въ знаменательный для Васъ день, исполнившася пятидесяти-лѣтія служенія Вашего Господу Богу в православной церкви Христовой, мы, въ лицѣ стоящихъ предъ Вами почитателей Вашихъ, движимые чувствами искренной любви, глубокаго уваженія и преданности, собрались сюда, чтобы выразить Вамъ, духовный Отецъ нашъ, нашу искреннюю радость видѣть и привѣтствовать Васъ съ такимъ рѣдкимъ и торжественнымъ днемъ! Мы не въ силахъ и не вправѣ здѣсь перечислять Ваши заслуги и Ваши добрыя дѣла за полувѣковой періодъ служенія Вашего паствѣ, но мы, какъ современники, на долю которыхъ выпало счастье видѣть Васъ въ настоящій день духовнаго торжества, приносимъ Вамъ искреннюю благодарность за Ваши заботы, труды, за Вашу любовь къ намъ и добрыя отношенія.—Просимъ Васъ принять нашу хлѣбъ-соль и просимъ вѣрить въ искренность нашихъ пожеланій, чтобы Всемогущій Богъ сохранилъ Васъ на многіе годы (*слѣдуютъ подписи*).

Юбиляръ поблагодарялъ своихъ почитателей за ихъ вниманіе и признательность къ нему и, принимая отъ нихъ хлѣбъ-соль, выразилъ желаніе, „чтобы эта взаимная привязанность духовныхъ отношеній между пастыремъ и пасомыми не только не ослабѣвала, а укрѣплялась болѣе и болѣе къ общему ихъ благу“.

Наконецъ, вся процессія вошла во дворъ; здѣсь, у крыльца, стояли дѣти и всѣ родные юбиляра. Одна изъ дочерей его, состоящая въ замужествѣ за священникомъ Н. Жебиневымъ, привѣтствуя своего отца съ знаменательнымъ днемъ въ его жизни, преподнесла ему роскошный тортъ—хлѣбъ, а другая, состоящая въ замужествѣ за художникомъ Данилевскимъ, встрѣтила его съ иконою въ рукахъ—работы своего мужа. Стоящій тутъ же родной внукъ юбиляра, служащій по министерству путей сообщенія, привѣтствовалъ своего дѣдушку глубоко прочувствовавною рѣчью, въ которой выразилъ ему сердечную благодарность за ту любовь, за тѣ его заботы и попеченія, которыя онъ прилагалъ въ теченіе всей своей жизни не только къ дѣтямъ, но и къ внукамъ своимъ. Въ самомъ домѣ встрѣтила юбиляра супруга его, хотя и преклонныхъ лѣтъ, но еще довольно бодрая и почтенная старлица, эта неразлучная спутница его жизни.

Послѣ краткой ектеніи о здравіи юбиляра и супруги его, было провозглашено имъ многолѣтіе, и мѣстный благочинный, привѣтствуя вновь юбиляра съ знаменательнымъ днемъ пятидесятилѣтняго служенія его въ священномъ санѣ, привѣтствовалъ въ то ж время обоихъ супруговъ и съ другимъ рѣдкимъ семейнымъ торжествомъ—это со днемъ такъ называемый „золотой ихъ свадьбы“.

Затѣмъ юбиляромъ предложена была гостямъ хлѣбъ-соль. За столомъ юбиляръ съ большимъ воодушевленіемъ сказалъ слѣдующее: „принюся сердечную благодарность всѣмъ принявшимъ участіе въ нынѣшнемъ торжествѣ, считаю своимъ непремѣннымъ долгомъ выразить свою сыновнюю и искреннюю благодарность нашему Архипастырю, Высокопреосвященнѣйшему Арсенію, милостиво разрѣшившему празднованіе этого торжества. Фактъ этотъ лишній разъ доказываетъ, что любвеобильнѣйшій нашъ Архипастырь весьма сочувственно относится къ быту сельскаго духовенства, цѣнить его труды, входить во всѣ его нужды и, хотя заглазно, всегда готовъ раздѣлить съ нимъ и его радости, и его горе, а потому провозглашаю первый тостъ за драгоценное здоровье нашего Архипастыря и отъ искренняго сердца желаю ему многихъ и многихъ лѣтъ жизни“. Всѣ гости, какъ одинъ человѣкъ, съ воодушевленіемъ пропѣли трижды „многая лѣта“.

Такъ закончилось празднованіе этого рѣдкаго въ нашей сельской жизни юбилейнаго торжества, оставившаго по себѣ на всѣхъ и особенно на простой народъ неизгладимое впечатлѣніе.

Благочинный священникъ Михаилъ Соинъ.

Начало церковныхъ сношеній съ Американцами...

Въ «Церковномъ Вѣстникѣ» подъ заголовкомъ: «Начало церковныхъ сношеній съ Американцами» епископъ Сергій, ректоръ Петербургской духовной академіи, сообщаетъ, что посѣтившій недавно Россію представитель американской епископальной церкви епископъ Графтонъ прибылъ къ намъ не въ качествѣ простаго туриста и не по своему личному почину: онъ явился какъ членъ особаго комитета междуцерковныхъ сношеній, образованнаго въ американской епископальной церкви, и явился съ цѣлью начать дѣло взаимнаго выясненія отношеній нашей церкви къ американской—съ тѣмъ, чтобы потомъ, если Богъ благословитъ, поставить вопросы о сближеніи, а, можетъ быть,—и о церковномъ единеніи. Предварительно до своего пріѣзда епископъ Графтонъ прислалъ на имя митрополита Антонія письмо съ краткимъ очеркомъ осо-

бешностей американской церкви, а также нѣсколько богословскихъ книгъ, подробно выясняющихъ ея современное состояніе и ученіе. И теперь, явившись лично, епископъ Графтонъ представилъ владыкѣ формальную грамоту отъ своего первенствующаго епископа и рекомендательное письмо отъ предсѣдателя комитета церковныхъ сношеній и, сверхъ того, при личной бесѣдѣ, вручилъ владыкѣ свою особую записку, которая подробно раскрываетъ его воззрѣнія на взаимныя отношенія обѣихъ церквей и ставитъ вопросы. На эту записку митрополитъ Антоній положилъ слѣдующую резолюцію: «1908 г., октября 16 дня. Прошу преосвященнаго ректора академіи распорядиться напечатать эту записку въ «Церковномъ Вѣстникѣ», чтобы привлечь черезъ то нашихъ ученыхъ богослововъ къ обследованію и обсужденію поставленныхъ въ ней тезисовъ. Митрополитъ Антоній».

Итакъ, говорить Преосвященный Сергій, въ обсужденію привлекаются всѣ наши богословскія силы, и дѣло получаетъ въ нѣкоторой степени характеръ общецерковный, будя и въ насъ церковное сознаніе. Въ добрый часъ! Конечно, нельзя мечтать о легкости и близости церковнаго возрожденія Америки и ея единенія съ нами. О легкости этого не мечтаетъ и высокопочтенный Графтонъ. Слишкомъ долго мы жили отдѣльно одни отъ другихъ, чтобы могли сразу же понять другъ друга. Но для дружей единенія будетъ большимъ успѣхомъ уже и то одно, если мы общими силами выяснимъ, на какой почвѣ возможно это единеніе. Будетъ время, возрастетъ и окрѣпнетъ вселенскій, католическій духъ въ нѣдрахъ американской церкви, побѣдитъ всѣ другія въ ней теченія, тогда и путь на востокъ будетъ для нея необходимымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не будутъ лишними и тѣ крупяныя, песчинки труда, которыя каждый въ насъ принесетъ отъ себя теперь на приготовленіе этого пути».

Церковно-школьная выставка.

14-го декабря, въ присутствіи Оберъ-Прокурора Св. Синода, д. т. с. К. П. Побѣдоносцева, товарища его, сенатора В. К. Саблера и приглашенныхъ лицъ, состоялось, какъ сообщаетъ „Южн. Кр.“, тор-

жественное открытіе постоянной школьной выставки при статистическомъ отдѣлѣ синодальнаго училищнаго совѣта. Съ 15-го декабря выставка эта была открыта для обозрѣнія посторонней публики. При выставкѣ устроенъ кабинетъ учебныхъ пособій по предметамъ курса церковныхъ школъ, бібліотека съ аудиторіей для педагогическихъ совѣщаній по предметамъ курса начальныхъ и учительскихъ церковныхъ школъ, и для общеобразовательныхъ чтеній для учащихся въ начальныхъ школахъ. Всѣ эти учрежденія помѣщаются въ громадныхъ четырехъ комнатахъ. Въ первой разложены различныя вартограммы и діаграммы, указывающія количество церковныхъ школъ, расходъ на ихъ содержаніе, количество учащихся во всѣхъ и въ каждой изъ нихъ, возрастъ и семейное положеніе учителей и учительницъ. Здѣсь же помѣщены и награды за школьное дѣло, полученныя церковными школами на чикагской и парижской выставкахъ (Grand prix). Въ слѣдующей комнатѣ размѣщены по епархіямъ издѣлія ремесленныхъ классовъ при церковно-приходскихъ школахъ. Здѣсь есть все, начиная съ различныхъ стальныхъ инструментовъ и кончая тонкими работами и шитьемъ гладью по различнымъ тканямъ—бархату, плюшу, сукну и т. п. Нѣкоторыя работы до того изящны, что не вѣрится, чтобы онѣ были исполнены крестьянскими дѣвочками школьнаго возраста. Особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе тканые ковры, скатерти и вышивки по сукну, сдѣланныя изъ птичьихъ перьевъ. Очень интересны образцы каллиграфскаго искусства и рисованія одной изъ школъ московской епархіи и карты Европы, сдѣланныя „отъ руки“. Въ громадной комнатѣ, рядомъ, находится кабинетъ учебныхъ пособій по предметамъ курса церковныхъ школъ. Здѣсь много предметовъ для физическаго кабинета, приготовленныхъ помощникомъ наблюдателя церковно-приходскихъ школъ г. Дубровскимъ. Кромѣ учебныхъ пособій, употребляющихся въ церковныхъ школахъ, здѣсь помѣщено нѣсколько пособій, употребляющихся на урокахъ морали въ началахъ французскихъ школахъ. Бібліотека находится въ комнатѣ, приспособленной въ то же время для педагогическихъ совѣщаній и для общеобразовательныхъ чтеній для учащихся въ начальныхъ школахъ. Въ концѣ комнаты устроена эстрада. Выставка даетъ полное представленіе о постановкѣ образованія въ церковно-приходскихъ школахъ; входъ на выставку—бесплатный.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

подъ заглавіемъ

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА

ПО ЦЕРКОВНО-ШКОЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

въ которую вошло: 1) Положеніе объ управленіи церковными школами и Положеніе о церковныхъ школахъ, 2) распоряженія и разъясненія, изданныя Св. Синодомъ и Училищнымъ при Св. Синодѣ Совѣтомъ въ развитіе сихъ Положеній, 3) тѣ изъ правилъ и распоряженій по Духовному Вѣдомству, которыя Положеніями оставлены въ силѣ, 4) извлеченіе всего относящагося къ церковно-школьному дѣлу изъ всѣхъ уставовъ, законоположеній и циркуляровъ Министерствъ, наконецъ, 5) нѣкоторыя мѣстные постановленія епархіальныхъ начальствъ, а равно постановленія съѣздовъ наблюдателей цер. школъ и относящіяся къ церковно-школьному дѣлу постановленія съѣздовъ миссіонеровъ.

Считаясь съ обширностью матеріала и желая дать дѣйствительно настольную книгу, удобную для справокъ, мы раздѣлили ее на 14 главъ: I. Управленіе церковными школами; II. Епархіальные и уѣздные наблюдатели; III. Попечители церковныхъ школъ; IV. Церковныя школы и ихъ открытіе; V. Учащіе церковныхъ школъ; VI. Учащіеся; VII. Предметы обученія; VIII. Испытанія; IX. Книги и чтенія; X. Средства содержанія; XI. Имущество школъ; XII. Отчетность о школахъ; XIII. Чины и награды и XIV. Образцовыя при духовныхъ семинаріяхъ и епарх. женскихъ училищахъ школы. Въ началѣ книги приложена кромѣ того примѣрная Вѣдомость срочныхъ донесеній и Введеніе.

Сравнительно высокая цѣна книги, вызванная ея объемомъ (XXXVI+574 стр.), можетъ быть уменьшена съ 2 р. 50 коп. до 2 р. съ пересылкой, при условіи выписки ея не менѣе 10 экз. за одинъ разъ и въ однѣ руки.

Съ требованіями благоволятъ обращаться по адресу: Одесса, Бланко-издательство М. Шпенцера.

Причтъ и церковный староста Ольшанской Покровской церкви

слободы Ольшаной, Харьковскаго уѣзда, объявляютъ, что къ означенной церкви нуженъ учитель-регентъ на жалованье отъ 300 руб. въ годъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

При надѣлѣ № „НИВЫ“, независимо отъ другихъ приложений, водворены полу-
чать по одной книгѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

(35-Я ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СО МНОГИМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

НИВА.

Гг. подписчики «НИВЫ» получаютъ въ теченіе 1904 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „Нива“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года до 2000 столбцовъ текста и 1100 гравюръ, рисунковъ и художественныхъ снимковъ.

40 книгъ „Сборника Нивы“ (каждая книга отъ 10—15 листовъ, въ общемъ около 9.000 страницъ), отпечатан. четкими шрифтомъ на хорошо газированной бумагѣ и содержащихъ:

Полное собраніе сочиненій первыя 20 книгъ **А. К. Шеллера-Михайлова**. (Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ перес. 27 руб.). Подъ редакціей и съ вступительною статью А. М. Сабитчевскаго.

Полное собраніе сочиненій въ 16 книгахъ **Генриха Гейне**. (Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ перес. 15 руб.). Подъ редакціей и съ биографическимъ очеркомъ П. И. Вейнберга Переводъ этого изданія удостоенъ въ текущемъ году академіею наукъ пушкинской преміи.

Полное собраніе сочиненій въ 4 книгахъ **И. Ф. Горбунова**. (Цѣна въ отдѣльной продажѣ съ перес. 4 руб. 50 коп.). Подъ редакціей и съ обширными вступительными очеркомъ А. Ф. Кони и некрологомъ Т. И. Филиппова.

12 книгъ „Ежемесячныхъ литературныхъ и популярно-научныхъ приложений“, содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣлы: библіографія, музыки, смѣси, шахматовъ и шашекъ, спорта, забавъ и разныя игры. До 2000 столбцовъ текста съ иллюстраціями. **12 №№** „парижскихъ модъ“, выходящихъ ежемѣсячно. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразныя вопросы подписчиковъ. 12 листовъ рисунковъ (около 300) для рукодѣльных и вышивальныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей вырезовъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно. 1) „Стѣнной календарь“ на 1904 г., отпечатанный въ 9 красокъ Подписная цѣна на годовое изданіе со всѣми приложениями: безъ доставки: 1) въ СПб.—6 р. 50 к. 2) въ Москвѣ, въ конт. Н. Н. Печковской (Петровск. линія)—7 р. 25 к. 3) въ Одессѣ, въ кн. маг. „Образованіе“ (Ришельевск. № 12)—7 р. 50 коп. Съ доставкой въ С.-Петербургъ—7 руб. 50 коп. Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 8 руб. За границу—12 руб. Допускается разорочка платежа въ 2, 3 и 4 срока. Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается бесплатно.

Требованія просить адресовать: въ С.-Петербургъ, въ Главную Бюветуру журнала „Нива“ (А. Ф. Марксу), улица Гоголя (бывш. Малая Морская), домъ № 22.

При этомъ № прилагается объявленіе отъ Перваго Россійскаго Страховаго Общества.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.**

Please return promptly.

